

**Фердинанд
ГРЕГОРОВИУС**

**ИСТОРИЯ ГОРОДА РИМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(от V до XVI столетия)**

**ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ**

Фердинанд ГРЕГОРОВИУС

ИСТОРИЯ ГОРОДА РИМА В СРЕДНИЕ ВЕКА (от V до XVI столетия)

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2008

УДК 84.3
ББК 85.1(Нем)
Г79

Серия основана
в 2007 году

Печатается по:

**Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия) Т.1—5. Спб., 1902—1912**

*Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т. 1. Кн. 1—2. Спб., 1902*

*Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т. 2. Кн. 3—4. Спб., 1903*

*Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т.3. Кн. 5—6. Спб., 1904*

*Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т.4. Кн. 7—8. Спб., 1907*

*Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т.5. Кн. 9—10. Спб., 1912*

**Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т.1—6. Спб., 1886—1888**

*Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века
(от V до XVI столетия). Т.6. Кн. 11—12. Спб., 1886*

Переводы с немецкого
М. Литвинова, В. Линде, В. Савина

Грегоровиус Ф.

Г79 История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия)/Пер. с нем. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. — 1280 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-0191-8

Впервые в одном томе выходит в свет фундаментальный труд знаменитого немецкого историка и культуролога Фердинанда Грегоровиуса (1821—1891) «История города Рима в Средние века». В этом уникальном по своей полноте произведении автор с немецким педантизмом и скрупулезностью последовательно год за годом, столетие за столетием описывает события римской истории (многие из которых малоизвестны современному читателю) и их культурологический контекст. Благодаря широте охвата исторического материала, а также литературному таланту автора это произведение стало классическим образцом исторического исследования, посвященного эпохе Средних веков и Раннего Возрождения. Книга читается не как скучный исторический трактат, а как литературное произведение с захватывающим сюжетом, что делает ее интересной широкому кругу читателей.

Настоящее издание включает в себя полные переводы всех 12 книг произведения.

УДК 84.3
ББК 85.1(Нем)

© Составление серии, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008

ISBN 978-5-9922-0191-8

TOM I

КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

1. План сочинения. — Понятие о городе Риме в древности и в Средние века

Моя работа представляет первую попытку изложения истории города Рима в Средние века в виде совершенно самостоятельного исследования, не представляющего лишь простого дополнения к истории папства и римского государства. Такую задачу, казалось бы, ближе всего было бы взять на себя уроженцам Рима. Многие, однако, мешают этому. Для такого труда, который имел бы национальное значение, римлянами собран лишь некоторый пригодный материал. Но, может быть, покажется уже совсем смелым, если разрешить эту трудную задачу берет на себя не римлянин, а германец? Такого обвинения я не опасуюсь, и не только потому, что наука — такое поле, на котором работать никому не возбраняется; не опасуюсь я этого еще и потому, что, наряду с римлянами и итальянцами, ни один народ не имеет такого близкого и вместе национального соотношения к истории Рима в Средние века, как народ германский. Со времен готв Теодориха, впервые покоривших Рим и владевших им с чувством благоговения, со времен франков Пипина и Карла, освободивших Рим из-под власти лангобардов и византийцев и восстановивших его, Германия целый ряд столетий стояла в исключительном отношении к Риму, образуя германо-римское государство. Рим стал неугасимым светочем славы для немецкого народа, а средневековая история этого города составляет неотъемлемую часть истории самой Германии.

Я обдумывал свою работу, проникнутый созерцанием Рима и национальными воспоминаниями, и у меня составилась такой план работы: на основании всего существующего и доступного мне исторического материала и долготелного изучения памятников и местных условий изложить историю города от первого падения императорского Рима, покоренного в 410 г. западными готами Алариха, до последнего падения папского Рима, в 1527 г., когда он подпал под власть воинственного народа Карла V в начале реформации, которою древняя связь Германии с Римом была порвана.

За этот огромный период времени, обнимающий собою более 11 столетий, Рим является для историка как бы твердыней и сторожевым постом, с которых историк может следить за движением человечества в Средние века, поскольку из Рима исходили импульсы к этому движению и оно стояло с ним в живой связи. Ибо не может быть сомнения, что в существовании Рима были две стороны, муниципальная и космополитическая, и обе эти стороны не могут быть вполне отделены друг от друга. Так было в древности; то же имело место и в Средние века.

Три города сияют в истории человечества блеском всемирного значения: Иерусалим, Афины и Рим. Все три города в процессе мировой жизни являются содействующими и воздействующими друг на друга факторами человеческой культуры. Иерусалим, главный город маленького еврейского народа, совсем не могущественного, был центром того загадочного монотеистического государства, из которого вышло

христианство, и таким образом он является метрополией мировой религии. Долгое время спустя после своего падения он снова получает всемирно-историческое значение, наряду с Римом и в связи с ним. В древности римляне разрушили Иерусалим, еврейский народ был рассеян по лицу земли, значение священного города перешло на христианский Рим; но в XI веке Иерусалим снова вырастает, и в периоде крестовых походов является целью стремлений христианских пилигримов и предметом великой народной борьбы между Европой и Азией. И уже затем история Иерусалима оканчивается вместе с теми идеями, символом которых он был.

Наряду с городом единого Иеговы и его религии, сияют на другой вершине человеческого существования политические Афины, как первое средоточие западного духовного начала, его науки, философии и идеалов прекрасного. Затем восстает великий и суровый Рим, законодатель в политической жизни. Афины и Рим связаны нераздельно. Их соотношение такое же, как между умом и волей, мыслью и действием. Оба они — классические формы мира. Могучая мысль Афин пробуждает в человечестве одухотворенную любовь, великая деяниями власть Рима — чувства изумления и благоговения. Вся творческая работа мысли и фантазии сосредоточилась в главном городе эллинского народа, и эта маленькая республика Афины Паллады произвела на человечество такое могучее духовное воздействие, которое сохраняет свою силу до сих пор во всем развитии народов и сохранит ее навсегда.

Напротив, мировая монархия Рима — явление в истории единственное, для которого не может быть повторения, — покоилась на совершенно иных основаниях. Тот, кто понимает этот удивительный город только внешним образом, скажет, что Рим покорил мир и ограбил или погубил цвет других более благородных наций своей воинской силой, для которой не было равных, и столь же исключительным политическим гением. При такой точке зрения можно видеть в Риме, в противоположность свободным и гениальным Афинам, только рабство и деспотию. Мы убеждаемся тогда в бедности Рима творческими, культурными идеями и поражаемся только его сильным стремлением к политическим приобретениям, его огромными запросами, исходящими из практического понимания, и изумительной, колоссальной работой создания государственности, права и гражданских законов. Все, что входит в высшую область мыслящего духа, не нашло в Риме дальнейшего развития и было усвоено от чужестранцев. И даже то множество произведений благородных искусств, которое украсило Рим, является простой добычей тирании, за победной колесницей которой шествовали и музы, принужденные служить прозаической царице мира.

Справедливости таких заключений нельзя отрицать, но ими объясняется еще не все. Возникновение Рима из начала, окутанного мифом, рост этого города и приобретение им державной власти будут всегда величайшей тайной мировой жизни наряду с происхождением христианства и его распространением. Христианская религия, получившая начало в Иерусалиме, городе обособленной национальности, и тем не менее по своему духу общемировая, перешла в столицу мира — Рим, который как бы предуготовлен был самой историей для этой религии, чтобы здесь, на развалинах политической монархии, создалась исполнинская фигура церкви — монархии нравственной. Мы не находим объяснения той демонической силе, которая дала власть одному городу над столькими народами, несродными с ним ни по языку, ни по нравам, ни по духу. Мы можем проследить эволюцию этой силы в длинной цепи событий, но для нас остается нераскрытым внутренний закон того мирового факта, который мы знаем под именем Рима.

Мир не был взят и не управлялся той образовательной силой духа, которая исходила из афинского Акрополиса, а был осилен среди потоков крови Юпитером Капитолия, пожиравшим народы. Город Ромула на Тибре унаследовал сокровища

и работу трех частей мира, в центре которых, в прекраснейшей части земли, он был выстроен. Этот город не создал своим собственным гением ни религии, ни научного знания; и то и другое он заимствовал; но он был в высокой степени одарен способностью нести цивилизацию всюду, — облечь дух мира в слово и форму.

Политическая сила является вместе с Римом. Он становится тем началом, которое сводит к одному общему порядку все, что было выработано и получило свою форму в Древнем мире, рушит узкие границы национальности и соединяет под равным управлением народы, как членов одной большой государственной семьи. Для человечества этот римский принцип выше индивидуализма прекрасного эллинизма. Словом, идея «империи» или государства возникает в Риме и в нем получает свою мировую форму. Эта идея владеет Западом до наших дней, как начало, ему присущее. По силе и непрерывности ей равна только церковь, но и церковь, с внешней стороны, была и есть не что другое, как только религиозная форма той же самой древней идеи государства.

До римлян мы не встречаемся в истории с империей. Но то начало, что нравственное мировоззрение может составить основу гражданского единства (монархии), мы находим уже в монотеистическом иудействе. В «избранном» народе Израиля было заложено первое сознание общемировой миссии, и в нем должна была родиться космополитическая идея христианства.

У эллинов мы вовсе не находим такого рода религиозной идеи. Государство эллинов имело в основе всестороннее образование свободного, познающего, обнимающего мир духа. Космос духа был создан греками, но политическим его выражением была только беспорядочная система колоний, само же эллинское государство имело индивидуальный характер или представляло конфедерацию. Презираемые варвары оставались вне Эллады, как оставались вне государства Моисея Бога и язычники, также презираемые. Идею эллинского государства мы находим в первый и единственный раз у Александра, но, если бы он и двинулся на запад, в отношении политических условий мира никаких других результатов не было бы, кроме тех, которые дал эллинизированный восток.

Только Рим совершил то, чего не сделала Эллада ко благу свободного развития духа; он соединил в одном общем организме, в «государстве», существовавшую цивилизацию. Государством явился культурный мир того времени; Элладой было создано духовное образование этого мира, Римом — гражданские законы, а иудейством — общая религия. Всемирно-гражданскую, монархическую миссию римлян вполне сознавал Вергилий, об этом свидетельствуют его бессмертные стихи:

Tu regere imperio populos, Romane, memento:
 Haec tibi erunt artes, pacisque imponere morem,
 Parcere subjectis, et debellare superbos¹.

Это величественное изречение, вполне выражающее сущность и задачу Рима, глубоко запечатлелось в сознании человечества; отголосок того же изречения мы находим в словах средневекового императора: «Roma Caput Mundi Regit Orbis Frena Rotundi». Со времен Вергилия твердо установилась вера в то, что римляне — народ, избранный для всемирного владычества (монархии), что римское государство должно быть всемирным, — точно так же, как у иудеев существовала твердая вера в то, что их государство есть государство Божье, что их закон — закон Божий.

Те стены, которыми ограждала себя Эллада от варваров, а Израиль от язычников, пали во всемирно-гражданском государстве римлян; все формы образования

¹ «Римлянин! Ты научись народами править державно — в этом искусство твое!» (лат.) — Вергилий. Энеида, VI, 851. (Пер. С. Ошерова).

нашли доступ в это государство; все религии в нем были свободно исповедуемы, все нации получили в нем гражданские права. Таким образом «римская республика» представляла собою объединенное цивилизованное человечество; ее избранным главою был император, а столицей — «вечный и золотой Рим», чудо обитаемой людьми земли, наследие и памятник всемирной истории.

Этот период существования Рима продолжался от Цезаря до Гонория. Великий город возрос, состарился и пал вместе с римским государством. Падение Рима является столь же замечательным, как и его рост, так как для того, чтобы сокрушить этого колосса с его законами, учреждениями и сооружениями, потребовалось не меньше времени, сколько нужно было, чтобы создать его. Не может быть другого, более трагического и более волнующего нас зрелища, как падение и, наконец, уничтожение великого Рима. За семь лет до вторжения вестготов последний поэт римлян, стоя на Палатине, созерцал еще не побежденный Рим и, восхищенный его видом, воссел невыразимое великолепие старого императорского города, его крытых золотом храмов, триумфальных арок, колонн и статуй, его чудовищных зданий, в которых человеческое искусство слилось с природою в одно целое. Спустя менее чем 200 лет после Клавдиана епископ Григорий, произнося с кафедры Св. Петра свою безотрадную проповедь, уподобил некогда необозримый город разбитому глиняному сосуду, а римский народ, властвовавший раньше над всем миром, — орлу, который потерял свои крылья, одряхлел от старости и умиряет на берегах Тибра. Восемь столетий спустя после Григория стоял на развалинах Капитолия Поджио Браччиолини; ему могли напомнить о Древнем Риме уже только немногие остатки разрушенных храмов, колонн и арок и обломки величественных украшений форума; среди же них пасся скот. Написанная Поджио Браччиолини книга о «Превратностях счастья», которым подкипит все великое на земле, проникнута чувствами изумления и печали.

Те же чувства 300 лет позднее вызвали в Гиббоне желание составить историю гибели Рима, вместо которой он, однако, написал свое бессмертное исследование о падении и уничтожении римского государства. Я, конечно, далек от того, чтоб ставить себя наряду со всеми названными мужами, — потому только, что я также пишу историю; но я хочу сказать, что мне случилось быть в тех же самых условиях. Пораженный зрелищем Рима, я решил описать падение этого города. Но за падением следовало новое приобретение всемирной власти в такой форме, других примеров которой мы не находим в истории. Из всех городов мира только Риму выпало на долю украситься божественным эпитетом «вечного города», и проридание поэта «Imperium sine fine dedi» стало действительностью.

Римское государство, поработанное и лишенное жизни долгой деспотией императоров, пало под натиском народного движения полных силы германцев. Они освободили западный мир от безнравственной римской тирании и, приняв христианство, внесли в этот мир новую жизнь. Когда же пало римское государство и древнему культу наступил конец, величественный город цезарей пал уже сам собою. Существенной причиной падения Рима была христианская религия, но она же и восстановила его. Она разрушила город древних римлян, но из катакомб, как из подземного арсенала, воздвигла новый Рим. И на этот раз возникновение Рима облечено также мифами. Как Ромул и Рем были основателями Древнего Рима, так два святых апостола, Петр и Павел, являются легендарными творцами нового Рима. И этот Рим также возрастал медленно, испытывал тяжелые превращения, пока процесс, которому в истории нет подобного, не стал еще раз главою мира. Так как в тот великий период человеческого существования, который зовется Средними веками, Рим был общей его формой, как раньше он был формой Древнего мира, то мы находим, что стоит употребить все усилия к тому, чтобы доискаться тех начал, которые снова сочетались только

в этом одном городе и снова, после его полного падения, во второй раз дали ему державную власть. Это возрождение Рима не составляет, однако, такой трудной загадки, как происхождение древнего римского владычества, так как возрождение это вполне объясняется идеей государственности, которая стала присущей Западу, была связана с христианством и создала церковь.

Одновременное возникновение христианской религии с государством цезарей относится к числу тех великих исторических фактов, которые обыкновенно зовутся провиденциальными. Христианство победило древнее государство и слилось с ним, так как его всемирно-гражданское начало соответствовало всемирной монархии. Это было признано Константином. Новая церковь получила административную организацию государства, когда она, в соответствии с установленными Константином диоцезами, раскинула сеть обелеченных правительственной властью епископств и епархий. В своей внешней форме эта церковь была латинским созданием и образцом своим имела государство. Мало-помалу она стала духовною властью, но была заключена в государстве и охранялась им, пока оно существовало. Со времени Константина общий император был и главой общей (кафолической) государственной церкви, в которой ни один епископ не имел первенствующего положения; единство же дано было этой церкви вселенскими соборами, действовавшими императорским авторитетом.

Когда затем германцы разрушили Западную империю, римская церковь, будучи по природе своей еще вполне духовным учреждением, недоступным разрушительному воздействию со стороны варваров, выступила из-под своего покрова как общий авторитет для Запада. Она как бы заступила место государственной власти, начало которой она хранила, как закон, в кивоте своего завета. Она спасла латинство и древнюю цивилизацию и сохранила те скудные остатки этой цивилизации, которые взяла на сбережение. Она стояла, как единственный бастион, о который разбивалась бушующая волна движения варваров. Одним из самых крупных фактов в истории вообще является то обстоятельство, что церковь обладала уже несокрушимой организацией, когда древнее государство пало, и этот твердый фундамент церкви стал новым основанием всей жизни Европы.

Возникнув из сочетания христианства и римского государства, церковь заимствовала у государства его систему централизации и сокровища языка и образования древних; но глубоко испорченные древние народы не могли составить для церкви той среды, в которой развивалась бы христианская мысль. Скорее благодаря именно этим народам христианство было довольно рано искажено и только что основанная церковь была заражена древним язычеством. В силу исторических условий церковь соединилась с германством, и это составляет вторую всемирно-историческую эпоху. Первобытные германские племена имели одну религию, которая сводилась к поклонению физическим явлениям природы; эта религия никогда не могла оказать христианской религии того противодействия, которое христианство встретило в паганизме классических наций, имевшем за собою тысячелетнее владычество, литературу, культ и государство. В большинстве германцы уже были христианами, когда они овладели Западной Римской империей. И хотя они фактически разрушили государство, они тем не менее сохранили благоговение как к римской церкви, так и к римскому государственному идеалу, так как традиция последнего стала политической догмой мира. Сама церковь, будучи по своему принципу носителем идей единства человечества, т. е. христианской республики, внушала германцам эту латинскую идею: она старалась обратить их в римлян. Христианство германцев, иерархия, язык богослужения, празднества, апостолы и святые — все было римское или имело связь с Римом как центром. Таким образом, могло произойти то, что германцы, будучи властителями латинских племен, с которыми они были сме-

шаны уже на староклассической почве, восстановили разрушенное ими же государство. Но это восстановление было делом римской церкви. Она по необходимости требовала вернуть ей государство, ее собственный прообраз, как форму, которой осуществляются международные права и обеспечивается мировая религия.

Для этого великого акта, воссоединения древнего мира с новым, латинского с германским, дальнейшее существование города Рима являлось основным условием. После гибели Западной империи в том всеобщем потоке, каким было движение варваров, Рим был для человеческой цивилизации истинным Араратом. Древняя столица мира осталась или стала нравственным центром для вновь возникавшего Запада. Но после того как могущество и блеск политической империи были утрачены Римом, он не мог бы вернуть себе такого положения, если бы епископы, имевшие резиденцию в этом городе, не добились для его церкви первенства над всеми другими епископатами. Римские епископы достигли первосвященства в христианстве. Они сделали Рим Дельфами или Иерусалимом нового союза народов и сочетали древнюю императорскую идею столицы мира с иудейским понятием о граде Господнем. Верховность, которой они добивались с римской последовательностью, не могла быть оправдана учением Христа, не заключавшим в себе ничего политического, и противоречила первоначальному равенству всех апостолов, всех священнодействующих и общин; точно так же она не могла быть обоснована древностью римского епископства, так как церкви Иерусалима, Коринфа и Антиохии были еще древнее. Притязаниям римской церкви на первенство вскоре дало силу получившее санкцию предание о том, что римское епископство было учреждено Петром. Этот апостол считался уже в первом веке главой церкви, непосредственным продолжателем и наместником Христа, и ему сказал Господь: «Ты — камень, и на этом камне я создам свою церковь». Эти слова, встречающиеся только у одного из четырех евангелистов, составляют основное оправдание власти пап. И поныне это изречение можно видеть начертанным исполнинскими буквами на фризе высокого купола храма Св. Петра в Риме. Для церкви римлян эти слова были тем же, чем были для римского государства известные слова Вергилия.

Завистливый Восток не оспаривал того факта, что римская церковь установлена Петром, но он не признавал, что отсюда вытекает верховность этой церкви. Между тем на Западе это положение стало столь же непоколебимым, как член Символа веры, и епископы Рима стали называться преемниками Петра, наместниками Христа и главами католической церкви.

Многим может показаться странной такая сила традиции, покоящейся на вековом убеждении. Но следует принять во внимание, что в каждой религии, еще приобретающей форму, предание и миф становятся основой практического действия. Как скоро они признаны миром, они получают в религии значение факта. Кроме того, для каждого другого города сказанная традиция не имела бы силы. Ни святость Иерусалима, в котором Христос учил и умер; ни установление Петром общины в Антиохии, не подлежащее никакому сомнению, не дали этим городам права притязаний на церковную верховность; но епископы Латерана, признавшие, что при определении положения константинопольского патриарха нельзя руководиться политическим значением Константинополя, тем не менее успешно поддержали древнюю столицу мира, когда она потребовала общего поклонения и подчинения народов. И ореол вечного Рима снова воссиял, но перешел к его церковному главе. Папы оказались наследниками духа, твердости и властолюбивых стремлений древних римлян, и хотя империя уже распалась, ее великий, но лишенный души механизм продолжал еще существовать. В провинциях еще сохранялись глубокие следы

господства и управления Рима, и владычество церковного города стало быстро распространяться по тем путям, которые были проложены языческим Римом.

Возникнув в империализме как иерархическое установление, римская церковь мало-помалу превратила империализм в папство. Организация государства была перенесена на церковную систему, и центром ее стало папство. Древний государственный сенат в лице кардиналов и епископов по-прежнему стоял возле выборного духовного монарха, при избрании которого, как и императора, происхождение и национальность не имели определяющего значения. Но в виде соборов, вселенских и частных, было введено конституционное начало, неизвестное цезарям, и с этой целью провинции посылали в сенат — римский Латеран — своих представителей. Управителями этих церковных провинций были епископы, возведенные в этот сан Римом и подчиненные его надзору. Монастыри всех стран соответствовали древним римским колониям и были как бы крепостями духовного владычества Рима и культуры. И когда язычники и еретики, варвары Британии, Германии, Галлии и Испании, были покорены бескровным оружием Рима и приобщены к цивилизации, Вечный город снова стал повелевать миром и предписывать ему законы. Как бы ни смотреть на эту вновь возникшую и исходившую из Рима централизацию, она была создана на слабости человеческой: верховность римской церкви была необходима для грубого, не знавшего законов времени, так как этой верховностью достигалось единство христианского учения. Вне абсолютной власти церкви, без римского духа епископов, подавлявших с силой Сципиона и Мария каждую попытку провинций отпасть от ортодоксального учения, христианство легко распалось бы на сотни религий, порожденных национальной фантазией. Таким образом, судьба Рима и мира повторилась два раза. И тысячу лет спустя после падения древнего римского государства германцы же снова низвергли всемирную власть второго Рима и великой преобразовательной революцией завоевали свободу вере и знанию.

Благоговейное отношение народов к Риму в Средние века не имело границ. В Риме, как в ковчеге завета и древней христианской культуры, народы видели сосредоточие законов, хартий и символов христианства; они смотрели на город мучеников и апостолов Петра и Павла как на неиссякающую сокровищницу великих сверхъестественных милостей. Здесь был центр божественного управления человеческого рода; в этом городе пребывал первосвященник нового союза, утверждавший, что на земле он заступает Христа. Всякая высшая власть — и духовная, и мирская — получала свое освящение в Риме. Казалось, источники священнической, разрешающей и связывающей власти, императорского или верховно-судебного величия и всей цивилизации берут свое начало на холмах Рима и, как райские реки, изливаются оттуда на все четыре страны света, оплодотворяя их. Все учреждения, которыми надлежало воспитать в народах религиозное чувство, исходили первоначально из этого таинственного города; епископства, монастыри, миссии, школы и библиотеки были колониями Рима. Монахи и священники, как некогда консулы и преторы, шли в провинции и покоряли их Риму. Останки умерших в Риме перевозились с благоговением через моря и земли и, как священные реликвии, помещались под алтарями в самых отдаленных местах Британии и Германии. Языком церкви и школы у варваров был римский язык: богословская и общая литература, музыка, математика, грамматика, архитектура и живопись шли из Рима. Люди, обитавшие на самых крайних границах запада и севера и плохо знавшие названия своих ближайших соседних городов, все знали о Риме и, когда им доводилось слышать это имя, звучавшее для них подобно грому, который в течение многих столетий раскатывался по всему миру, ими овладевали волнение и трепет, как перед какою-нибудь непостижимой тайной, и их порывистая фантазия рисовала им Рим в

виде блистающего красотой Эдема, врата которого могли и открывать, и преграждать путь к небу. На протяжении Средних веков были длинные периоды времени, в течение которых Рим был поистине законодателем, наставником и матерью народов, которых он окружил тройным кольцом единства: духовного в папстве, светского в империи, корону которой немецкие государи получали в храме Св. Петра, и общекультурного в том наследии, которое было завещано миру древними римлянами.

Всего сказанного достаточно, чтобы наметить те вершины, на которых стоял Рим в Средние века, как господствующее начало христианской общины народов. Перед этой всемирно-исторической задачей, решать которую городу приходилось во второй раз, смягчается ужас тех страшных мук, через которые проходило человечество, чтобы силой знания освободить себя из-под ига Рима. Грехи древнего деспота народов были искуплены великой идеей всемирного гражданства, которая была воплощена в Риме и благодаря которой он вырвал Европу из хаоса варварства и сделал для нее доступными общую свободу и культуру.

2. Общий вид Рима в последнее время императоров

Дав понятие о значении Рима в древности и в Средние века, мы должны теперь описать в существенных чертах императорский Рим в том виде, какой он имел незадолго до покорения его вестготами. Дать такое описание во всей его полноте едва ли было бы под силу современнику той эпохи, но, с другой стороны, одни литературные источники и развалины древних памятников при содействии такого ненадежного помощника, как воображение, также не могут дать нам вполне удовлетворительную картину. Рим в своем величии превзошел все, что может создать самая смелая фантазия, и я попытаюсь описать только некоторые его стороны, останавливаясь на самых важных. Среди всех несметных и с трудом поддающихся описанию богатств этого города зритель теряется и, ослепленный их блеском, ничего не различает, кроме самого выдающегося.

За время существования республики, в силу непритязательности ее величия и скромности сильных и простых граждан ее, Рим украсился лишь немногими религиозными и государственными памятниками. И только когда исчезла свобода, вместе с внутренним падением начался внешний блеск. Когда Август стал императором, город представлял беспорядочный хаос теснившихся друг к другу домов и улиц и занимал несколько холмов и долины между ними. Август внес порядок в город, разделив его на 14 округов, и вместе с Агриппой украсил город такими сооружениями, которые давали право Августу сказать, что он получил глиняный город и оставил после себя мраморный. С того времени в течение первых трех веков императорского владычества Рим не переставал расти и наполнился храмами, портиками, купальнями, дворцами, всякого рода общественными увеселительными учреждениями и таким множеством статуй, что казалось, в Риме живет еще другой народ — из мрамора. Ко времени Гонория Рим уже достиг своих теперешних размеров и был окружен почти той же самой линией стен. Тибр протекал через него, делая в нем два изгиба. На левой, Латинской стороне Тибра находились тринадцать частей города, на правой, Тусцийской — четырнадцатая часть, Ватикан, Яникул и Транстеверин. Собственно город был расположен на восьми холмах, которые возвышались к северу, востоку и югу и открывали великолепное зрелище мраморных храмов, замков и дворцов, садов и вилл. Из этих холмов пять: Холм садов, Квиринал, Виминал, Эсквилин и Целий — имели широкое общее основание и спускались к середине города, образуя долины; три остальных холма — Авентин, Палатин и Капи-

толий — представляли отдельные высоты и были издавна обитаемы. Вдоль Тибра тянулась широкая низкая равнина, которую прозывала украшенная триумфальными арками *Via Flaminia* и ее продолжение *Via Lata*. Здесь стояли многие великолепные здания императоров, но народу эта равнина, главная часть которой называлась Марсовым полем, служила больше местом развлечений, чем для жилья. Когда в папском Риме некоторые из древних обитаемых холмов были покинуты, именно в этой равнине сосредоточилось собственно городское население.

Органическое развитие города шло из одного центрального пункта. Уже во времена республики этим центром были форум и поднимавшийся над ним Капитолий. Если мы обведем их линией, она будет заключать в себе Палатин и пройдет через холмы Целий, Эсквилин и Квиринал. В опоясанном этой линией сравнительно небольшом участке, на левом берегу Тибра, и лежало сердце Рима, как во времена республики, так и при императорах. Названные холмы с разных сторон склоняются к форуму. Некогда этот форум был резиденцией свободного народа, местом республиканской государственной жизни, а Капитолий — твердыней города, местопребыванием его богов и средоточием законов. Тут же было и место, посвященное общественным удовольствиям, так как Большой Цирк, в котором происходили самые торжественные игры, находился у подошвы Палатина. Форум, Капитолий и Ипподром были тремя великими, характерными особенностями города во времена республики.

К этим трем памятникам императоры, обратившие Рим в рабство, прибавили четвертый: свою собственную резиденцию — дворец цезарей на Палатине. Хотя Август и его преемники охраняли и украшали древние государственные святыни Капитолия, но собственного, нового создали в нем немного: они украсили сам Капитолий статуями, а его подошву со стороны форума статуями, колоннами и триумфальными арками. Вид форума совершенно изменился при императорах вследствие возведенных ими великолепных зданий. Утратив при империи свое политическое значение, художественно украшенный форум был уже только по традиции официальным государственным местом и наряду с ним были другие такие же места, созданные цезарями. То были форумы императоров: Цезаря, Августа, Нервы, Домициана и Траяна. Форумом последнего венчалось великолепие Рима, так как ничего более совершенного Рим не создавал, и даже базилика Св. Петра, воздвигнутая позднее, едва ли превзошла это чудо искусства. Траян, при котором государство цезарей вообще достигло своего высшего развития, закончил также постройку Большого Цирка, и в соседстве с этим цирком был воздвигнут Веспасианом и Титом исполинский амфитеатр — Колизей, этот глубоко выразительный памятник жестоких развлечений деспотов и их рабского народа. Проходя по *Via Sacra* через арку Тита, мимо Палатина, далее через народный форум мимо Капитолия, через следующие друг за другом форумы императоров вплоть до форума Траяна, можно было видеть главнейшие красоты императорского Рима во всей их полноте, почти подавляющей своим величием. Когда позднее Адриан воздвиг еще величайший храм города — храм Венеры и Рима, по соседству с *Via Sacra*, в сердце Древнего Рима почти не оставалось более места для построек. Оно представляло тесную массу храмов, базилик, портиков, триумфальных арок и памятников, и над этим лабиринтом зданий возвышались: здесь амфитеатр Флавия, там дворец императоров, дальше Капитолий, а еще дальше — второй Капитолий — храм Квирина на Квиринале.

Из этой главной части разрастался императорский Рим к северо-востоку и на юг по широкому холмам, а к северо-западу — по равнине Тибра и в ватиканскую и транстеверинскую часть на другой стороне реки. Холмы, отчасти, как Авентин, значительно застроенные уже во время республики, представляли большой простор

строительному воодушевлению, которое овладело императорами, начиная с Августа. На Эсквилине, Виминале и Квиринале проложены были улицы, воздвигнуто множество дворцов, разбиты были редкостные сады, устроены рынки и термы. Постройка всех этих сооружений продолжалась вплоть до времен Константина. По тем же холмам были проведены высокие акведуки с их смелыми арками, разноразмерные по всему городу и воду, и свежесть. Внизу, в равнине, начиная от Капитолия и вдоль реки, также появились новые бесчисленные сооружения; между ними были: театр Марцелла, цирк Фламиния, великолепный театр Помпея со множеством примыкавших к нему зданий, представлявший сам по себе целый мир удовольствий; пантеон Агриппы с термами, великолепные постройки Антонинов с колонной Марка Аврелия, большой Stadium Домициана и, наконец, высокая, как гора, осененная деревьями могила, место упокоения умерших императоров, — мавзоль Августа. Этому памятнику соответствовал на другом берегу Тибра второй надгробный памятник цезарей, художественное создание Адриана; он составлял переход к ватиканской части города с ее садами и наконец, к менее уже красивой части, Транстеверину, над которым возвышался старый замок Яникула.

Это великое художественное создание из камня и металла, представляющее как бы рельеф всемирной истории, было опоясано стеной, которая вполне соответствовала величию города. Она была построена Аврелианом. Этот император положил предел росту домов тогда, когда они давно уже выдвинулись за стену Сервия; вместе с тем стена Аврелиана служила и к защите Рима от все более и более надвигавшихся варваров. Только часть Транстеверина и ватиканская часть не были включены Аврелианом в стены; за исключением этих частей весь город был окружен стенами, и они с их то круглыми, то четырехугольными башнями придавали городу еще больше, по свидетельству Клавдиана, торжественной и воинственной красоты. Подвергавшиеся на протяжении веков столько раз разрушению, затем возобновлявшиеся и в конце концов все-таки сохранившие все свои очертания, потемневшие серые массы стен наполняют зрителя благоговением и изумлением и, подобно тем мраморным колоссам, на которых читаются имена консулов, императоров и пап и средневековые рыцарские девизы, несут на себе тысячи воспоминаний, начертанных на них веками. Опасаясь готов, Аркадий и Гонорий в 402 г. восстановили стены Аврелиана; об этом говорит древняя надпись на воротах Сан-Лоренцо. Семь лет спустя один геометр вычислил, что стены тянулись на протяжении 21 римской мили.

В стенах было 16 главных ворот, выходивших в пол. Двадцать восемь широких, вымощенных базальтом военных дорог (кроме меньших соединительных путей) вели из Рима в провинции и как сеть, раскинутая из центра империи, начинались у *Milliarium aureum*, того позолоченного верстового камня, который был поставлен Августом у подножия Капитолия. Эти дороги были проложены через Римскую Кампанию, и по их сторонам возвышалось бесчисленное количество разнообразных надгробных памятников в виде храмов, круглых башен, пирамид, высоких саркофагов и урн. Окружавшая город Кампания представляла собой то зеленеющую, то спаленную солнцем величественную равнину; разбросанные же на ней во множестве храмы, часовни и виллы императоров и пап смягчали грустное впечатление, которое производили ее могилы. Через эту равнину были проведены 14 акведуков — тот чудный памятник искусства, развалины которого и теперь поражают нас своей красотой. По акведукам на протяжении многих миль вода текла к городу прямыми линиями, напомилавшими собой длинные ряды возвращающихся на родину победоносных легионов. Собранный таким образом со всех сторон вода приводилась к городу по гигантским аркам и проникала в него по отлогому склону. Достигнув всех многочисленных великолепных бронзовых и мраморных фонтанов, выстроенных

Агриппой и императорами, она разносила повсюду свежесть и, снабдив сады, виллы, пруды и навмахию города, изливалась по бесчисленным термам — источнику наслаждения и здоровья всего населения Рима.

Таким образом, в начале IV века город был на вершине своего внешнего блеска. Когда затем была достигнута граница, на которой город остановился в своем развитии и начал стареть, его громадность была причиной тому, что переход к падению продолжался почти два столетия и был едва уловим. Падение началось с Константина и фактически с создания новой столицы, Византии. Украшая и заселяя последнюю, Константин ограбил Древний Рим и лишил его как множества произведений искусства, так и многих патрицианских фамилий. Христианство, признанное официальной религией, точно так же повело к падению языческого величия Рима. Как история памятников города завершается триумфальной аркой Константина, так история разрушения города начинается постройкой базилики Св. Петра, материалом для которой послужили остатки разрушенного цирка Калигулы и, вероятно, других памятников. Покинутый императорами и отчасти уже расшатанный христианством, Рим тем не менее был так величествен еще во времена императора Грациана в 384 г., что оратор Темистий восклицал: «Чудный и славный Рим необъятен; он — море красоты, недоступное слову!» С большим воодушевлением славят красоту Рима и изобилие его памятников еще Аммиан Марцеллин, Клавдиан, Рутилий и Олимпиодор.

Так как история Рима в Средние века начинается с императорского города, то читателю необходимо знать, какие памятники и места этого города были главными и в каких именно округах они находились. Рим оставался в течение столетий разделенным по системе Августа на 14 городских округов (*regiones*) с их кварталами или *vici*, магистратами этих кварталов и сторожевыми когортами. Эти округа были следующие: I. *Porta Capena*, II. *Coelimontium*, III. *Isis et Serapis*, IV. *Templum Pacis*, V. *Esquiliae*, VI. *Alta Semita*, VII. *Via Lata*, VIII. *Forum Romanum*, IX. *Circus Flaminius*, X. *Palatium*, XI. *Circus Maximus*, XII. *Piscina Publica*, XIII. *Aventinus*, XIV. *Transiberium*. Все эти имена не имели, по-видимому, официального происхождения, а соответствовали тем обозначениям, которые были приняты в народе. До нас они дошли благодаря так называемым *Curiosum Urbis* и *Notitia*, двум топографическим описаниям, относящимся ко времени Константина и затем к позднему времени Гонория или Феодосия Младшего. В этих описаниях перечисляются все 14 округов, причем протяжение каждого определяется по тем зданиям, которые стоят на границах. Затем к описаниям приложены: краткий обзор библиотек, обелисков, мостов, холмов, садов, форумов, базилик, терм, водопроводов и дорог Рима и краткая статистика вообще. Указания этих описаний, хотя местами и неясные и сомнительные, представляют огромную важность, как единственные подлинные источники, которые дают нам возможность восстановить вид Рима в IV и V веках. Мы вкратце познакомим с ними читателя, дабы он мог иметь представление о местах и памятниках в каждую эпоху Средних веков.

3. Четырнадцать округов города

Первый округ, *Porta Capena*, простирался за древние Сервиевы ворота и доходил до стены Аврелиана или дальше ее, до *Porta Appia*, ныне С.-Себастиано. В сторону города он достигал Целия и был прорезан Аппиевой и Латинской дорогами. В этом округе находилась знаменитая долина Эгерии, с ее рощей и святыщем Камен, и прославленный храм Марса, а по соседству с последним был источник Альмо, о котором в особенности упоминается в описаниях. С этим источником

были связаны воспоминания о служениях в честь Кибелы. По эту сторону стен, над Аппиевой дорогой, возвышались три триумфальных арки, посвященные Друзу, Веру и Траяну. В настоящее время перед воротами С.-Себастиано еще стоит полуразрушенная арка; через нее был проведен водопровод, и она ошибочно принимается за арку Друза. За городскими стенами округ простирался до цирка Максентия и гробницы Цецилии Метеллы. Оба последних здания во времена Гонория сохранялись еще в целости; в цирке, последней великолепной постройке этого рода, вероятно, уже не происходило представлений. Гробница сохраняла все свои плиты и украшавший ее фриз, так как было еще далеко то время, когда она была обращена в замок. Эта часть города была также общим местом погребения умерших язычников и христиан Рима, так как здесь, между могил и Via Appia, находился вход в кладбище св. Каликста, где, разместившись в подземных помещениях, имевших от 3 до 5 ярусов, христиане совершали долгое время свою разрушительную для языческого Рима работу, пока создавшаяся втайне церковная форма не была выведена эдиктами Константина из мученических могил на свет дневной. Уже в VI в. одно место на Via Appia носило название: ad Catacumbas.

Многочисленное еврейское население Рима точно так же имело одно из своих подземных кладбищ на этой же самой дороге, в непосредственном соседстве с христианскими катакомбами. Наконец, Notitia относит к этому же округу города еще термы Севера и Коммода и таинственное Mutatorium Цезаря.

Ц е л и м о н т и й составлял второй округ Рима и занимал весь холм Целий. Notitia перечисляет в этой области храм Клавдия, Macellum Magnum — большой торговый рынок, помещение пятой сторожевой когорты, castra peregrina — лагерь для чужестранных солдат позднейшего времени, Caput Africae — улицу, о которой много раз упоминается также и в позднейший период Средних веков.

В третьем округе — И з д ы и С е р а п и с а — отмечен амфитеатр Тита, в то время еще не носивший названия Колизея. В этом именно амфитеатре, незадолго до того восстановленном Александром Севером, Филипп отпраздновал тысячелетие существования Рима блестящими юбилейными играми. Это изумительное сооружение еще продолжало служить для зрелищ во времена Гонория и оставалось тогда нетронутым, со всеми украшавшими его колоннами, статуями и местами для зрелищ; таких мест указанные описания насчитывают 87 000. По имени одного из самых замечательных храмов, находившегося в третьем округе, последний еще сохранял свое название округа Изиды и Сераписа. Однако от самого храма оставалось так же мало следов, как и от находившихся в этом же округе: Moneta, императорского монетного двора, Ludus Magnus и Dacicus — гимназий гладиаторов, от лагеря морских солдат из Мизены (Castris Misenatium) и портика Ливии. Только термы Тита и Траяна, которые также отмечены в описаниях, можно распознать по их развалинам. Остается неизвестным, посещались ли еще во времена Гонория эти великолепные купальни, построенные Титом над частью золотого дворца Нерона и затем еще увеличенные Траяном, так как обыкновенно посещались больше термы Диоклетiana, Константина и Каракаллы. Как бы то ни было, римлянин имел еще возможность совершать прогулки в роскошных помещениях терм Тита и Траяна, наслаждаться зрелищем группы Лаокоона на том месте, где она стояла первоначально, и любоваться произведениями живописи, которые своим привлекательным поэтическим содержанием смягчали несколько суровое величие коридоров и зал с их высокими сводами.

С амфитеатром граничил ч е т в е р т ы й округ, который простирался к римскому форуму, позади него к форумам императоров и через Subura к Каринам. Сначала этот округ назывался по имени Via Sacra и уже затем по имени храма

Мира. В описаниях, однако, не упоминается больше об этом знаменитом сооружении Веспасиана, так как уже в 240 г. он сгорел от молнии и представлял только развалины. Перед амфитеатром, неподалеку от него, возвышался фонтан Домициана, *Meta sudans*, печальные остатки которого, представляющие фигуру конуса, существуют поныне; затем здесь стоял еще знаменитый колосс Зенодора, который раньше был посвящен Нерону, а позднее был поставлен Адрианом ниже выстроенного им большого храма Рима и Венеры. Сам храм, этот великолепнейший памятник Адриана, с своими огромными коринфскими колоннами и позлащенной крышей, был все еще одним из самых лучших украшений Рима. Вообще четвертый округ отличался редким великолепием зданий, расположенных у арки Тита и вдоль *Via Sacra*. Среди всех этих зданий выделялась своим свежим блеском *Basilica Nova*, построенная Максимианом, но освященная только Константином; развалины этой базилики, до сих пор еще огромные, долгое время ошибочно принимались за остатки храма Мира. В описаниях этого округа упоминаются далее храм *Jupiter Stator*, храм Фаустины, базилика Св. Павла и *Forum Transitorium*, прекрасные развалины здания, находившегося на этом форуме и посвященного Минерве, существуют до сих пор. Затем в описаниях отмечены еще храм *Tellus*, Субурра и даже *Tigillum Sororium*, памятник Горацию и убитой им сестре его; этот памятник находился на *Vicus Scurius*, и римляне еще в те времена оберегали его с таким же чувством благоговения, как и священный дом Ромула на Палатине и легендарный корабль Энея на авентинском берегу реки.

Пятый округ приводил нас на холм Эсквилин и отчасти на Виминал. Здесь отмечены: *Lacus Orphei* — водовместилище, которое было украшено статуей Орфея; *Macellum Livianum* — устроенный Августом большой народный рынок съестных припасов; *Nymphaeum* Александра — великолепный фасад большого здания, сооруженного Александром Севером; далее помещение второй сторожевой когорты; сады Палланта, известного вольноотпущенника Клавдия; храм Суллы в честь Геркулеса; *Amphitheatrum Castrense*; *Campus Viminalis*; храм *Minerva Medica* и святилище *Isis Patricia*. Последнее должно было находиться на лучшей улице квартала, на *Vicus Patricius*, где находились также термы Новата, упоминаемые в истории первых веков христианского Рима. Во время упадка города вся местность Эсквилина, Виминала и отчасти Квиринала была заселена по преимуществу более бедными классами народа. Заботясь об этих классах, императоры и в позднейшие столетия устраивали термы. В описаниях не упоминается о купальнях Олимпиады на Виминале над Субуррой; в жизнеописании св. Лаврентия, однако, утверждает, что он умер в этих термах. По преданию, на месте их была воздвигнута церковь С.-Лоренцо-ин-Панисперна.

Последние термы Рима мы встречаем в шестом округе, *Alta Semita*. Этот округ назывался по имени улицы, которая, как полагают, шла от Квиринала к Номентанским воротам. *Notitia* упоминает здесь древний и красивый храм *Salus*, стоявший на Квиринале, храм Флоры и рядом с ним *Capitolium antiquum*. Этот первый, приписываемый Нуме, Капитолий Рима занимал вершину вместе с знаменитым храмом, в трех отделениях которого находились статуи Юпитера, Юноны и Минервы. Таким образом, этот древний прообраз позднейшего Тарпейского Капитолия сохранялся еще в V столетии. Этими весьма ценными сведениями мы обязаны именно *Notitia*. Последняя упоминает также, как о существующем, о храме Квирина — одной из самых красивых святынь города, блестяще реставрированной Августом. Нет сомнения, что служения должны были еще происходить в той зале с колоннами Квирина, которая воспевается в эпиграмме Марциала. Неподалеку от храма оставалась целой, по-видимому, также и свинцовая статуя работы римского

кузнеца и художника Мамуры Ветурия, которым, как известно, был сделан священный Марсов щит. В описании эта статуя упомянута между храмом Квирина и термами Константина. Что касается этих огромных купален, то они были последними, которые были сооружены в языческом Риме. Вообще это была последняя большая постройка в древнем стиле, и ею закончился длинный ряд императорских сооружений, служивших на пользу народа. Во времена Гонория и еще долго после того, перед термами стояли два знаменитых колосса укротителей лошадей, но сами термы должны были быть тогда уже в плохом состоянии. Возможно, что они были повреждены огнем или как-нибудь иначе в 307 г., во время восстания против префекта Лампадия, дворец которого находился рядом с ними, и затем восстановлены Перпенной в 443 г.

Еще величественнее были находившиеся в этом округе термы Диоклетиана на Виминале, самые обширные в Риме и так же, как термы Каракаллы, самые любимые. Во времена Гонория они сохраняли все свое великолепие и уже тогда вызывали в христианах Рима благоговейный трепет, так как работавшие на постройке этих терм христиане-рабы гибли тысячами. Эти термы, сравнительно со всеми другими, вызывали по преимуществу изумление своими богатыми мраморными украшениями, картинами, красивыми залами с колоннами и отделанными мозаикой комнатами. Если верить Олимпиодору, в этих термах насчитывалось до 2400 мест.

Славились известностью также большие сады Саллюстия, тянувшиеся от Квиринала до горы Пинчио и Porta Salaria, — любимое местопребывание императоров Нервы и Аврелиана, где в поражающей красоте чередовались сады, купальни, храмы, цирк и украшенные высокими колоннами аллеи. В Notitia все это еще перечисляется; это были первые постройки Рима, которые, пять лет спустя после победы Гонория, были разрушены. В этих садах, по-видимому, находились Malum Punicum и так называемая Gens Flavia. Malum Punicum было кварталом города, который носил название «Гранатового Яблока», по имени, вероятно, какого-нибудь изображения или дерева; здесь Домициан воздвиг из своего дворца храм и мавзолей для себя и для рода Флавиев.

К горе Пинчио, к Porta Pinciana, границу шестого округа составляли сады Саллюстия; к Porta Salaria и Nomentana он оканчивался у Castra Praetoria. Об этом Тиберийском лагере преторианцев Curiosum не упоминает, так как он был разрушен уже Константином.

Спускаясь с трех холмов, обращенных к северо-востоку, мы вступаем в с е д ь м о й округ, низкую равнину, расположенную у подножия Квиринала и Капитолия и направляющуюся к Марсову полю. Этот округ назывался V i a L a t a, по имени улицы, которая соответствует нижней части нынешнего Корсо. Notitia отмечает в этом округе триумфальную арку — Arcus Novus, которая, по-видимому, стояла в том месте, где Via Lata переходила в Фламиниеву дорогу, и была воздвигнута Диоклетианом. Лучшим украшением этого округа был построенный Аврелианом у склона Квиринала храм Солнца, исполинское здание, отличавшееся восточной роскошью; в то время оно еще стояло целым, но уже в VI веке было разрушено. Книзу от него лежала, вероятно, Campus Agrippae — площадь, украшенная портиками и садами, служившими народу местом развлечений. Находившиеся здесь же Portici Cypsiани и Constantini и многие другие, Forum Suarium (громadный свиной рынок) и обширные сады (Horti Lagiani) свидетельствуют, что эта часть города, низко расположенная и помещавшаяся между Марсовым полем, Forum Romanum, императорскими форумами и Капитолием, была самым оживленным центром народной жизни.

В о с ь м о м, самом знаменитом округе, который носил название *F o r u m R o m a n u m* или *Magnum* и мог считаться центром развития всей истории Рима, отражалось все величие Римской империи. Именно здесь были собраны бесчисленные и великолепные памятники самого разнообразного вида; здесь эти памятники — храмы, колонны, триумфальные арки, ростры и базилики — воскрешали воспоминания о Великом прошлом. Нельзя не уделить нашего внимания обзору этих сооружений. Само искусство, создавшее это собрание гигантских памятников, какого будущие века не увидят и самая пылкая фантазия не сможет представить, было уже погребено, но памятники все еще сохраняли и свою поразительную красоту, и свое величие.

На Капитолии, о зданиях которого *Notitia* не упоминает, давая им общее обозначение *Capitolium*, бросался в глаза прежде всего храм Юпитера. От него Капитолий стал называться золотым и, по всей вероятности, такого же происхождения прозвание Рима — *aurea urbus*, встречающееся еще в Средние века. Крыша храма была покрыта позолоченными бронзовыми черепицами; колонны храма у основания и на капителях были также позолочены; кроме того, храм был украшен многими вызолоченными рельефными изображениями и статуями. Двери храма были также из позолоченной бронзы. Что храм еще вполне сохранялся во времена Гонория, об этом, по-видимому, говорит Клавдиан и то же вполне определенно, как увидим, утверждает Прокопий. Но в общем Капитолий, эта убеленная сединами древности голова Рима, должен был выглядеть покинутым и запущенным с той поры, как присущий ему культ был изгнан из его храмов христианской религией.

Спускаясь вниз к форуму по *Civus Capitolinus*, дороге триумфаторов, находились (мы говорим о времени Гонория) сохранившимися во всем их блеске следующие храмы, от которых в настоящее время существуют только кучи развалин: храм Согласия, храм Сатурна, храм Веспасиана и Тита. Все они поименованы в *Notitia*, которая отмечает еще «золотой Гений римского народа», т. е. капеллу, в которой он помещался, и конную статую Константина, которая еще долго сохранялась при арке Севера. Далее в описаниях упоминается *Milliarium aureum* — позолоченный камень, воздвигнутый Августом возле арки Севера и показывавший счет миль; *Umbilicus Romae* — был другой камень. Затем отмечены три ростры, и это указание создает немало затруднений. Дело в том, что самая древняя ораторская ростра, украшенная носами кораблей Анциатов, стояла перед Курией, но Юлием Цезарем была перенесена, по-видимому, к подножию Капитолия; однако место, где она была поставлена, не может быть определено в точности. Позднее Август воздвиг ростру Юлию перед храмом Цезаря. Об арке Севера, которая сохраняется еще до сих пор, *Notitia* не упоминает, точно так же, как и об арке Тиберия; между тем эта арка должна была стоять еще в V веке, книзу от храма Сатурна.

Из других зданий, находившихся на форуме, *Notitia* отмечает только самые важные. Прежде всего обозначен сенат. По-видимому, это было вновь построенное Домицианом здание, стоявшее на месте нынешней церкви Св. Мартина и, следовательно, также неподалеку от арки Севера; вообще эта сторона форума оставалась долго нетронутой. Вероятно, тогда же еще была цела и прежняя *Curia Julia* у склона Палатина. Она не отмечена в *Notitia*; но последняя упоминает о *Curia Vetus* в десятом округе, палатинском; поэтому есть основание предполагать, что под этой *Curia Vetus* в *Notitia* подразумевалась *Curia* Юлия Цезаря, которая и отличалась как древняя от новой, т. е. сената. Найденная в церкви св. Мартина надпись говорит о *Secretarium* сената, построенном Флавианом и восстановленном префектом Епифанием. Таким образом, во времена Гонория действующим учреждением было, по-видимому, это здание сената, а не древняя курия.

В этом же округе стоял известный храм Janus Gemius. Notitia не называет его, но Прокопий говорит о нем подробно, и мы услышим о нем как о роковом храме еще в Средние века. Notitia отмечает в этом округе еще Basilica Argentaria, находящуюся у Clivus Argentarius (ныне Salita di Marforio), но Basilica Aemilius Paulus не упоминается, так как она обозначена в прилегающем четвертом округе. Роскошное, украшенное колоннами из фригийского мрамора, здание базилики Эмилиев находилось на месте нынешней церкви Св. Адриана, и ему соответствовала по другую сторону форума Basilica Julia, место которой удостоверяется только раскопками. На этой, южной, стороне форума описание перечисляет Vicus Jugarius, Graeco-stadium, Basilica Julia, храм Кастора и Поллукса и, наконец, святилище Весты. Таким образом, мы видим, что во времена Гонория древнее великолепие форума еще существовало, но жалкие остатки политической жизни уже переместились к арке Севера.

Дальше следовали площади императоров. По указаниям Notitia, этих форумов было четыре: форумы Цезаря, Августа, Нервы и Траяна; они лежали один подле другого, сохраняя всю свою красоту. На первом форуме стоял храм Венеры, а перед ним конная статуя Цезаря; на втором — большой храм Марса Ультора, от которого доныне сохранились три великолепные коринфские колонны; на третьем — храм Паллады; на четвертом — колонна Траяна, этот священный памятник величия Рима, пощаженный даже варварскими Средними веками и победоносно противостоявший всем временам. Там же могли тогда вызывать удивление еще обе библиотеки и конная статуя великого императора; его триумфальная арка также была цела. Так как памяти Траяна было посвящено несколько триумфальных арок, то весьма сомнительно, чтобы для украшения арки Константина скульптурные изображения были сняты именно с той арки Траяна, которая стояла на форуме его имени. О поразительной красоте этого форума говорит еще Аммиан, но его описание является уже последним свидетельством величественной красоты стареющего города. То было за 48 лет до вступления Гонория в Рим, когда император Констанций в сопровождении персидского князя Гормиздаса посетил Рим. «Глядя, — говорит Аммиан, — на город, раскинувшийся между вершинами 7 холмов, по их склонам и в долинах и на его окрестности, император решил, что зрелище, которое предстало перед ним впервые, превосходит все, что раньше он видел: храмы Тарпейского Юпитера, которые, казалось, возносились так же высоко, как божественное над земным; термы, подобные целым провинциям; сложенная из табуртинского камня (Травертин) громада амфитеатра, вершины которого едва достигал человеческий глаз; Пантеон, также круглое здание, с его воздушным, высоким и красивым, как небесный свод, куполом; отлого подымавшаяся лестница и поставленные на ней колонны с изображениями прежних императоров; храм города; форум Мира; театр Помпея, Odeum и Stadium и еще другие красоты вечного Рима. Но когда император достиг площади Траяна, этого, как мы полагаем, единственного в своем роде сооружения на земле, перед которым даже боги не могли бы не прийти в изумление, — он остановился, как пораженный громом, в созерцании этих величественных сооружений; они не могут быть описаны словом и ничего подобного им смертный не может больше создать. Отказавшись от всякой надежды создать что-либо похожее, император сказал, что он хочет и надеется воспроизвести только лошадь Траяна, на которой этот государь сидел посреди атриума. Стоявший рядом с императором князь Гормиздас тонко заметил: «Прикажи, о государь, раньше построить для лошади подходящее стойло; конь, которого ты думаешь воздвигнуть, должен быть в таком же роскошном месте, как здесь». На вопрос, что думает он о Риме, князь отвечал, что ему не нравится только одно, что и здесь люди смертны. Приведенный в изумление многим, им виденным, император сказал, что у молвы, все пре-

увеличивающей, нет слов для величественной красоты Рима, и затем решил украсить еще Рим, воздвигнув обелиск в Большом цирке». На площади Траяна еще находились статуи великих философов, поэтов и ораторов, и к ним даже прибавлялись новые статуи. Клавдиан и позднее Сидоний Аполлинарий были почтены здесь статуями; а в залах Траяновой библиотеки даже в начале VII века еще декламировались творения Вергилия и жалкие стихотворные произведения современных поэтов.

Regio circus Flaminius, д е в я т ы й округ, представляет ту область Рима, в которой сосредоточивается в настоящее время большая часть города. Он занимает равнину, которая тянется от Капитолия вдоль реки до теперешней Piazza del Popolo и Адрианового моста; в этом округе находилось Марсово поле, о величии которого писал Страбон. Он находил это поле настолько красивым, что весь остальной Рим ему казался простым придатком. После пожара при Нероне и благодаря последующим императорам, превосходившим один другого в своей страсти к сооружениям, этот округ получил иной вид. Он вырос в новый императорский город, величие которого заставило забыть величие прежнего. Notitia не называет цирка Фламиния, который еще сохранялся в позднейшие годы Средних веков, а отмечает только примыкавшие к цирку конюшни четырех партий цирка. Умалчивая об амфитеатре Statilius Taurus, Notitia далее называет три театра: театр Бальба с 11 510 местами для зрителей, театр Марцелла, гигантский каменный остов которого до сих пор дает понятие об его красоте, с 17 580 местами и театр Помпея с 22 888 местами. Notitia не упоминает также о Гекатостилоне, портике Помпея, но нет сомнения, что это красивое здание еще сохранялось в то время. Из других портиков Notitia называет портик Филиппа, отчима Августа, но не упоминает о примыкавшем к этому портику портику Октавии, построенном Августом. Величественные развалины его стоят еще поныне на Гетто, у S.-Angelo in Pescaria.

Неподалеку находится двойной портик Минуция (Minucia vetus efrumentaria), где еще в позднейшие годы императорами раздавались гражданам хлебные марки. Тут же отмечена Сгурта Ваби, по всей вероятности, крытый портик у задней стороны театра того же имени. Если к названным портикам мы добавим еще колоннаду Кнея Октавия, которая шла от Фламиниева цирка до театра Помпея, то мы будем иметь пространство, которое было занято самыми роскошными зданиями и соответствует нынешнему месту между дворцом Маттеи и дворцом Фарнезе. Дальше, к реке, Феодосием, Грацианом и Валентинианом были воздвигнуты еще портики (porticus taximae) и триумфальная арка перед мостом Адриана; последняя сохранялась еще в самые поздние годы Средних веков.

Вправо от описанных мест находился портик Европы. Notitia не упоминает о нем, так же как о портике Октавии; она отмечает только портик Аргонавтов и Мелеагра.

Далее следовало Марсово поле. Это была меньшая часть равнины, не включенная в поля Фламиниево и Тиберинское. Так как древнее Марсово поле простиралось от алтаря Марса (ныне здесь дворец Дориа) за мавзолей Августа, то границу поля составляла стена Аврелиана с Фламиниевыми воротами. Вдоль же реки, до моста Janiculus (P. Sisto), тянулась городская стена с башнями. Внутри этого Марсова поля, находившегося между стеной с одной стороны и Via Lata и Via Flaminia — с другой, и следует искать здания, перечисляемые в Notitia; область же мавзолея Августа не входит в описание, имеющееся в Notitia.

Здесь именно находилось большое Stadium Домициана с 33 088 местами для зрителей — достойное удивления здание, на месте которого существует прекрасная Piazza Navona; далее, тут же помещались Тригариум, малый цирк и Одеум для музыкальных состязаний; последнее упоминается в числе зданий, возбудивших изум-

ление Констанция, и, следовательно, должно было быть поражающей красоты. Нет надобности особенно останавливаться на Пантеоне Агриппы, так как этот великолепный памятник великого благодетеля Рима до сих пор составляет одно из главных украшений города, между тем как термы, которые прилежали к Пантеону, так же как и термы Нерона, которые находились в сторону Навоны и были расширены Александром Севером, давно исчезли. И те и другие термы обозначены в Описании.

С другой стороны Пантеона возвышался храм Минервы; на месте его теперь стоит *S.-Maria sopra Minerva*; рядом с ним помещался храм Изиды и Сераписа. В стороне к *Via Lata* красовались здания, возведенные Антонинами, подражавшими Траяну и Адриану. Там находились базилики или храмы Марцианы и Матидии, храм в честь Адриана, колонна в честь Антонина и воздвигнутые сенатом в честь императора Марка Аврелия храм и высокая колонна; последняя, так же как и колонна Траяна, пережила падение Рима. О двух знаменитых памятниках Августа, из которых по крайней мере один, наверное, существовал в V веке и еще долго после того сохранялся, *Notitia* не упоминает: то были Гномон или солнечные часы, обелиск которых стоит до сих пор на *Monte Citorio*, и прекрасный мавзолей, который названный император воздвиг себе и своей семье. Вообще *Notitia* не касается этой, самой внешней, части Марсова поля у стены Аврелиана, где находилось много гробниц знаменитых людей, и в числе их, между прочим, мавзолей Агриппы на теперешней *Pizza del Popolo* и мавзолей рода Домициев, где некогда был погребен Нерон. Последний находился под садами Лукулла и Домициана, покрывавшими Пинчио. Стоявший на этом холме среди садов дворец Пинчи был обитаем еще во времена Веллария.

Д е с я т ы й округ включал в себе Палатин и назывался *Palatium* по имени императорских дворцов. Эта обширная резиденция цезарей была еще обитаема во времена Гонория и даже в период византийских эззархов, хотя во многих местах уже опустела и была лишена своей красоты. Здесь возводились здания многими императорами до Александра Севера включительно; главные сооружения этого округа, *Domus Augustiana* и *Tiberiana*, были построены Августом и Тиберием и отмечены в *Notitia*. Дальнейшие постройки возводил Домициан, а Септимий Север воздвиг Септициониум, большой и красивый портик близ Целия и *Circus Maximus*. Он долго сохранился, а развалины его существовали еще при Сиксте V. В истории средневекового города этот портик много раз упоминается; в *Notitia* он назван *Sep-tizonium Divi Severi*. Из других знаменитых построек Палатинума *Notitia* отмечает еще храм Юпитера Победоносца и храм Августа в честь Аполлона, к которому примыкала палатинская библиотека. Далее, *Notitia* называет еще дом Ромула и легендарный Луперкалий. Эти древние святыни города Ромула, находившиеся у склона Палатина, где теперь стоят церкви Св. Анастасии, Св. Феодора и Св. Георгия в Велабре, еще сохранялись в самые поздние годы существования империи и именно здесь-то, где еще в конце V века происходило празднество Луперкалий в честь Пана, христианство должно было выдержать самую упорную борьбу с языческими воспоминаниями.

Circus Maximus, находившийся между Палатином и Авентином, и окружающая местность у основания последнего холма до *Velabrum* и до *Janus Quadrifrons*, составляли о д н н а д ц а т ы й округ. В величайшем цирке Рима, имевшем 385 000 мест, происходили еще ристалища и игры, и он сохранял все свое величие до времени падения государства готов; проходившую посреди и вдоль цирка стену (*spina*) Констанций украсил вторым обелиском. Рядом с цирком также существовали еще древние святыни Солнца и Луны, Великой Матери, Цереры и Дис-

патера, а Clivus Publicus вел отсюда на Авентин. Затем этот округ простирался книзу от Палатина до Forum Boarium.

Оба следующих округа, которыми город заканчивался по эту сторону Тибра, представляют в настоящее время самые пустынные части Рима; они обезлюдели в Средние века и раньше, чем другие части города. Д в е н а д ц а т ы й округ назывался Piscina Publica, по имени древнего общественного купального пруда, от которого не осталось никаких следов. Термы Антонина и купальни Каракаллы составляют здесь единственные знаменитые сооружения древности. Их развалины, могила многих превосходных статуй, как Флора Неаполя, Фарнесский Геркулес и Фарнесский бык, свидетельствуют больше, чем другие развалины в этом роде, о восточной роскоши, богатстве и исполинских размерах императорских построек.

Т р и н а д ц а т ы й округ занимал Авентин и прилегающую к реке равнину. Здесь сохранились еще: древний храм Дианы, воздвигнутый некогда Сервием, как святыня латинского союза, храм Минервы и не обозначенный в Notitia храм Juno Regina и Dea Bona. Далее, тут находились купальни Sura и Decius, а у реки — Emporium, место выгрузки кораблей, Ногтеа или амбары на теперешней Marmorata и другие постройки, присущие этому месту, как гавани, и поныне оживленному.

Ч е т ы р ь н а д ц а т ы й, и последний, округ занимал всю другую сторону реки, Janiculus, включенный в стены Рима Аврелианом, и ватиканский холм, обведенный стеной только в IX веке. В этот Транстевринский округ вели следующие мосты:

1) Pons Sublicius, древнейший мост Рима, из дерева. Неизвестно, когда он обрушился. Мост, который был разрушен при Сиксте IV в 1484 г. и остатки которого до сих пор выдаются из воды у церкви Св. Михаила, конечно, неверно принимается за Pons Sublicius.

2) Pons Aemilius, ныне Ponte Rotto; последнее название мост получил с 1598 г. Он назывался также Лепиди (может быть, по имени М. Эмилия Лепиды, которым этот мост, вероятно, был возобновлен) и Lapideus на народном наречии, затем также Палатин; в XIII веке он назывался Ponte di S.-Maria и также Senatorius или Senatorum.

3) Pons Fabricius и 4) Pons Cestius соединяют с материком остров и существуют по настоящее время; первый, носящий ныне название Ponte de Quattro Capì по имени гермы с четырьмя головами, ведет в город; второй, называвшийся также мостом Грациана, по имени одного из восстановителей этого моста (Валентиниан, Валент и Грациан), соединяет остров с Транстеврином. В настоящее время этот мост носит название S.-Bartolomeo.

5) Pons Janiculensis (после возобновления при Сиксте IV в 1475 г. назван Ponte Sisto). В Notitia он называется P. Aurelius, а в мартирологах — P. Antoninus, вероятно потому, что этот мост был выстроен Каракаллой или М. Аврелием Антонином. В Средние века, до Сикста IV, он назывался Ponte Rotto.

6) Pons Vaticanus; его построил Калигула, чтобы иметь сообщение с садами Домициев. Этот мост (называвшийся также Neronianus и позднее Triumphalis) был, однако, разрушен еще до 403 г., и потому в Notitia об нем не упоминается. Он становился лишним, когда был построен мост Адриана. Развалины Ватиканского моста видны до сих пор у S.-Spirito.

7) Мост Феодосия и Валентиниана, прозванный Ripa Romaea, также Мраморным, неподалеку от Marmorata. В 1484 г. он был окончательно разрушен Сикстом IV

8) Pons Aelius, величественное сооружение Адриана, заменил Ватиканский мост. Уже в VIII веке этот мост стал называться мостом Св. Петра, так как шедшие к ватиканской базилике направлялись через него.

Императоры украсили Транстеврин значительными постройками. Такие сады, как сад Агриппины и позднее Нерона, и сады Домициев, делали местность Janiculum и Ватикана для императоров настолько привлекательной, что они часто оставались в своих тамошних виллах. В Notitia упоминаются Horti Domitii; но в ее указаниях мало определенно. Обозначая ватиканский округ вообще Ватиканом, Notitia, по-видимому, подразумевает под цирком Кайя (Гайяnum) известный цирк Калигулы, где стоял высокий обелиск, украшающий ныне площадь Св. Петра. Это был единственный из всех обелисков Рима, который никогда не обрушивался; он подымался выше гребня (spina) цирка; но на месте последнего во времена Гонория уже стояла базилика апостола Петра. Цирк Нерона назывался в последнее время Platium Neronis. Notitia отмечает в этом округе навмахии, но не упоминает о мавзолее Адриана, сохранявшемся еще в начале V века и разграбленном уже вестготами Алариха и греками Велитария.

Notitia называет Janiculum, но для нас остается неизвестным, в каком состоянии был этот древний замок на вершине холма. В самом Транстеврине, на склонах Яникула, обитало значительное население, и оно во все времена крепко держалось этой области. Notitia поименовывает здесь мельницы, купальни, улицы, поля и храмы; здесь же должны были находиться сады Геты, разбитые, по всей вероятности, Септимием Севером и достигавшие, может быть, до Porta Septimiano. Эти ворота или прилегающая к ним местность обозначены именно в Notitia. Первоначально ворота Септимия составляли часть укреплений Аврелиана, которые в виде двух длинных стен спускались от Яникула к реке и потому получили свое название, по-видимому, от зданий, возведенных Септимием.

Остров Тибра также причислялся к XIV округу. Notitia не упоминает ни об острове вообще, ни о храме Эскулапа, ни о храме Юпитера и Фавна. Во времена Гонория там находился, по-видимому, дворец могущественного рода Анициев. Сам остров, неизвестно почему, назывался в Средние века Ликаонией.

Наконец, в статистических таблицах последнего периода императорского города сохранились некоторые указания о числе домов, общественных зданий и даже статуй Рима. В этих таблицах насчитывается: 2 капитолия, 2 больших ристалища (кроме малых), 2 больших рынка съестных припасов (macella), 3 театра, 2 амфитеатра, 4 роскошных гимназии для гладиаторов (Ludi), 5 навмахий для морских сражений, 15 нимфей или дворцов, украшавших источники, 856 общественных купален, 11 больших терм, 1352 водохранилища и источника. Из общественных сооружений другого рода таблицы насчитывают: 2 больших колонны, 36 триумфальных арок, 6 обелисков, 423 храма, 28 библиотек, 11 форумов, 10 главных базилик, 423 военных постоя, 1797 дворцов, или Domus, и 46 602 больших наемных дома, или Insulae.

ГЛАВА II

1. Состояние памятников в V веке. — Чрезмерная ревность отцов церкви в сокрушении статуй. — Рим в описании Клавдиана. — Охранительные эдикты императоров. — Попытки Юлиана восстановить древний культ и последствия их

Notitia, давая нам возможность восстановить вид Рима в начале V века, не говорит собственно ничего о состоянии, в каком были тогда те великолепные здания, которые так долго служили языческому культу. Были ли храмы Рима только забыты и покинуты, и боги их стояли одинокими за закрытыми дверями, как заключен-

ные в тюрьму, или ненависть к язычеству так долго преследуемых христиан взяла верх, боги были разбиты и храмы обезображены и разгромлены? Или, наконец, новая религия, следуя указаниям практической мудрости и необходимости, признала своими те или другие храмы, очистила их святой водой и молитвой и водворила в них крест?

Если мы будем совсем буквально понимать некоторые места в писаниях отцов церкви, которые заимствовали у иудеев ненависть к Риму, по их примеру называли его Вавилоном и Содомом, когда говорили о язычниках в нем, и, наоборот, уподобляли Рим Иерусалиму, когда имели в виду множество в нем монахов, — мы должны будем прийти к заключению, что храмы и изображения богов были разрушены и повергнуты на землю еще до вступления Алариха. После падения Рима св. Августин писал, что все боги города были уничтожены еще раньше. Говоря проповедь на текст из евангелия Луки, св. Августин отвергал упреки язычников, утверждавших, что Рим был разрушен не врагом-варваром, а Христом, уничтожившим древних и почитаемых богов. «Неправда, — восклицал св. Августин, — что Рим был завоеван и подвергся бедствиям, как только погибли боги; еще раньше идола были низвергнуты и, однако, готы Радагеса были побеждены. Припомните, братья, это было не так давно; прошло немного лет: когда в Риме все статуи были опрокинуты, пришел король готов Радагес с войском, гораздо более могущественным, чем то, которое вел Аларих, и, хотя жертва Зевесу была принесена Радагесом, он все-таки был разбит и уничтожен».

Около того же времени Иероним с таким ликованием обращается к Риму: «Могущественный город, властитель земли, город, прославленный голосом апостола, твое имя грек заменил словом «могущество», а еврей — словом «величие». Теперь ты зовешься рабом, и потому тебя может возвысить только добродетель, и ты не должен погрязнуть в наслаждениях. От проклятия, которым в Апокалипсисе угрожает тебе Искупитель, ты можешь спастись только покаянием, помня пример Ниневии! Бойся прозвания Зевсова; оно идет от идола. Капитолий стал прахом, храм Зевса пал, и торжества в честь его прекратились». В другом послании в 403 г. тот же отец церкви говорит: «Золотой Капитолий лежит в прахе. Все храмы Рима покрылись копотью и паутиной. Город покидает излюбленные когда-то места, и народ, минуя полуразрушенные храмы, спешит к могилам мучеников. Кого не двигает к вере разум, тот подчиняется из стыда». Иероним с гордостью вспоминает при этом, как Грах — двоюродный брат той благочестивой Леты, к которой Иероним пишет, — будучи префектом города, разрушил пещеру Мифры, разбил все идола, которые были посвящены звездам, Согах, Nymphe, Miles, Leo, Perses, Helios, Dropto и Pater. Затем, преисполненный радости, Иероним восклицает: «Город отрекся от язычества, и те, кто некогда были богами народов, остались только с летучими мышами да совами на фронтонах разоренных храмов. Знаменем воинам служит Крест, а пурпур и блистающий благородными камнями венец царей украшены изображением распятия».

Достаточно, однако, привести одно свидетельство из Клавдиана, чтобы убедиться в том, что такие картины опустошения Рима были просто преувеличением. Это именно то место, в котором поэт рассказывает, как он в 503 г., стоя на Палатине, указывал вступившему в город Гонорию те самые храмы, богов и пенатов, которые ему, Клавдиану, когда он был еще мальчиком, в первый раз были указаны Феодосием, отцом Гонория.

«Высоко возносит под Рострой Регия свою вершину и взирает на окружающие ее во множестве храмы; и, как стражи, стоят вокруг нее многочисленные боги. Красотою блещут высоко парящие над Гарпейской скалой великаны под кровлей Гро-

мовержца, художественной резьбы врата и как бы несущиеся в облаках статуи множества храмов, надвигающихся друг на друга и сжимающих сам воздух. Бронзовые изображения возвышаются на ростральных колоннах, и здания покоятся на исполлинском фундаменте, в котором как бы сливаются природа и искусство; бесчисленные арки сверкают военной добычей, и блеск бронзы и повсюду разливающиеся лучи сияющего золота ослепляют глаза».

Борьба с язычеством, которую к тому времени христианство уже давно стало вести в открытой форме, должна была, конечно, немало изменить языческий вид Рима. Со времени эдиктов Константина этой борьбе насчитывалось уже 80 лет; в восточных провинциях были уничтожены многие храмы, и в самом Риме некоторые из них были разорены во время народных возмущений. Точно так же должны были погибнуть сотни статуй от ненависти христиан. Но полному уничтожению сокровищ Рима препятствовали законы императоров, почтение к величю города и его прошлому и значительная власть языческой аристократии, которая в сенате все еще была многочисленной. Римляне так ревностно и с такой любовью охраняли свои памятники, что заслужили похвалу историка Прокопия, писавшего 150 лет спустя после Гонория: «Хотя римляне долго находились под варварской властью, тем не менее они сохранили здания города и большую часть его украшений, поскольку это было возможно и поскольку сами сооружения, по своей величине и солидности, могли противостоять времени и недостатку призора». Во всяком случае римляне-христиане не могли разделить той страсти к разрушению, которая владела такими чужеземцами, как Августин и Иероним; к чести их патриотических чувств надо признать, что только очень немногие из римлян-христиан в своем отвращении к культу идолов доходили до того, что решались отнять у Рима те чудеса, которые были воздвигнуты их знаменитыми отцами и освящены временем.

Кроме того, на обязанности городского префекта лежало наблюдение за публичными зданиями, статуями и триумфальными арками и вообще за тем, что служило к публичному украшению Рима. В распоряжении префекта были определенные доходы, из которых должен был производиться необходимый ремонт зданий, и еще в 331 или 332 г. римский сенат приказал реставрировать храм Согласия в Капитолии. Ни Константин, ни его сыновья не были страстными врагами древних богов, от которых они отреклись отчасти из государственной мудрости, и ряд эдиктов всех последующих императоров доказывает, что последние заботились безразлично о всем, что составляло красоту Рима, относилось ли то к языческому культу или к городским надобностям населения. Законы запрещали префектам и другим должностным лицам возводить новые здания в Риме и предлагали иметь заботу о сохранении старых зданий. Теми же законами воспрещалось брать камни у старых памятников, разорять их фундаменты, снимать с них мраморную обкладку и пользоваться всем таким материалом для новых построек. Что же касается, в частности, храмов, то на разрушении их императоры менее всего могли настаивать. Такие попытки встретили бы сопротивление в обычаях, глубоко укоренившихся в народной жизни. И, предписывая оберегать храмы, императоры ограничились тем, что приказали запретить храмы и издали законы, по которым каждый, посещавший храм для моления, так же как и приносивший языческие жертвы, подвергался наказанию. Когда же христиане стали расхищать храмы и гробницы, на что они могли отважиться за стенами города и в Кампанье, то в предупреждение таких случаев были изданы эдикты. «Хотя, — говорит Констанций в 343 г., — всякое суеверие должно быть совсем уничтожено, мы хотим, однако, чтобы здания храмов, находящихся вне стен, оставались нетронутыми и неповрежденными. Так как некоторые хра-

мы положили начало цирковым зрелищам и упражнениям, то не причисляет разрушать то, что составляет основу торжества древних игр римского народа».

Юлиан, запоздалый греческий герой и философ, молодой и пылкий, воодушевленный великими образами древности, проникнутый отвращением к фанатикам-священникам, которые оттолкнули его от христианства своим педантизмом и навязчивостью, и движимый возвышенным стремлением к древнегреческому миру, пытался вернуть к жизни даже древних богов. Преследуемыми и угнетенными теперь были приверженцы старинной веры, и за их права восстал Юлиан. В том перевороте, который произвело новое учение во всей жизни, вместе с богами Эллады, как полагал Юлиан, должны были погибнуть наука, искусство и литература, — высшие сокровища человечества. От языческих философов Афин и Азии он заимствовал аристократические учения древней мудрости, но эти учения остались мертвым знанием, не имевшим животворной силы. Ни герои Гомера, ни философы Афин не могли более восстать на страстный призыв этого императора. По его приказанию старые храмы были снова открыты или восстановлены, и поседевшие жрецы, которым он вернул их привилегии и льготы, снова стали приносить жертвы Мифре, Палладе и Юпитеру; но эта реакция могла породить лишь кратковременный фанатизм, но не вызвать истинного воодушевления. Юлиан отвернулся от взошедшего уже Нового Солнца человечества и с своенравным упорством молился погибавшему Гелиосу греков. И оба они, и Юлиан, и Юлиос, погибли вместе; Юлиан умер, как говорят, воскликнув: «Ты победил, о Галилеянин!» Упорная борьба Юлиана с великой христианской революцией была в действительности трагическим умиранием древней жизни. Предпринятая Юлианом реставрация окончилась вместе с ним, как необоснованная и неразумная, и тем большую силу приобрела религия Христа. Полные мщения, поднялись тогда христиане всего мира. Толпами, как бы проповедуя крестовые походы против храмов и статуй, предводимые фанатиками-монахами, выступили они в провинциях на войну с памятниками. И в течение немногих десятилетий роскошные святыни были разрушены в Дамаске и Ефесе, в Карфагене и Александрии; в последней в 391 г. было сожжено блистательное чудо востока, Serapeum, со всеми его сокровищами искусства, причем мир, в противность ожиданиям египтян, не обратился в хаос. Язычники были в отчаянии. Начальствующие лица, которые отчасти сами еще держались старой веры, вначале прибегли к исключительной мере: они поставили к храмам, которым угрожала опасность быть разрушенными, как стражу, христианских солдат. Но эту меру, как несправедливую в отношении к христианской религии, Валентиниан отменил эдиктом, изданным в Милане в 365 г. на имя Симмаха, префекта города. При этом Валентинианом руководила, конечно, не столько враждебность к язычеству, сколько любезность по отношению к епископам, так как он, как и Валент, оставался верен римским началам религиозной веротерпимости.

2. Отношение императора Грациана к язычеству. — Борьба из-за алтаря Победы. — Усердие императора Феодосия в преследовании языческого культа. — Город еще сохраняет языческий характер. — Падение древней религии во времена Гонория. — Храмы и статуи. — Сведения о числе их

Сын Валентиниана, Грациан, первый из римских императоров лишил верховно-го жреца его традиционного почета и знаков его достоинства и выступил решительным противником язычества. Древнюю религию предков римский народ, поскольку

он состоял из бедных и средних классов, охотно заменил новым высоким учением, являвшимся утешением для всех угнетенных и несчастных. Но сильное меньшинство римской аристократии упорно держалось культа отцов. В числе этих приверженцев язычества были и такие люди, которые отличались высокой честностью, были проникнуты к величию Рима горячей любовью, были богаты, имели за собой большие заслуги, оказанные ими государству, и принадлежали к самым знатным фамилиям.

Гордость некоторых сенаторов возмущалась также при мысли, что они должны иметь одного, общего с плебеями бога, демократические же и коммунистические основы христианства — идеи равенства и братства, которыми уничтожалась разница между господином и рабом, — противоречили законным аристократическим установлениям. Аристократия справедливо видела в христианстве социальную революцию, которая должна была привести к гибели само древнее государство. Воспитанные на античной литературе и философии и проникнутые благоговением к духу древности, многие ораторы и писатели твердо держались язычества. Таковы были: на Востоке Либаний и Зосим, в Риме Симмах, Аммиан, Евтропий, Авзоний, Клавдиан, Макробий и другие.

В 382 г. Грациан издал приказ удалить из дома сената алтарь Победы, и вот у этого религиозного и политического символа величия Рима произошла замечательная борьба, представляющая одну из самых трогательных сцен трагедии умиравшего язычества. Победу изображала медная статуя крылатой девы высокой красоты; в руке у девы был лавровый венок, и она стояла на шаре, изображавшем мир. Это образцовое произведение Тарента Цезарь некогда поставил в своей курии Юлии над алтарем; Август украсил его добычей, взятой в Египте, и с той поры каждое заседание сената было открываемо принесением жертвы народной святыне, «девственной защитнице государства». Однако впоследствии алтарь Победы был удален Констанцием из сената, но Юлиан вернул его на прежнее его место. Когда теперь Грациан снова велел убрать алтарь, сенаторами-язычниками овладело патриотическое горе, и они несколько раз посылали ко двору в Милан префекта и жреца Квинта Аврелия Симмаха, благородного мужа знаменитого рода и главу языческой партии, просить о восстановлении охранительницы римского государства. Полная чувства речь, которая была составлена Симмахом во второе посольство в 384 г., но не была им произнесена, является последним официальным протестом погибавшего язычества. «Мне представляется, — говорил этот знаменитый римлянин императорам Грациану и Валентиниану II, — что Рим стоит перед вами и говорит вам: цвет государей, отцы отечества, сохраните благоговение к моему алтарю, к которому меня привела святая религия. Пусть будет позволено мне следовать вере отцов; вы не раскаетесь в том. Я свободен, и дайте мне жить сообразно моему пониманию. Этот культ покорил моим законам мир, эти мистерии охранили стены от Аннибала и Капитолий от семнонов. Должен ли был я уцелеть для того, чтоб меня в глубокой старости учили? Это было бы слишком позорным уроком для старости».

Полное отчаяния красноречие великого жреца Юпитера, уже утратившего свою силу, было побеждено новым духом времени и ораторским искусством святого Амвросия, великого епископа миланского. Имея в виду этот спор, Пруденций написал послание, в котором Рим, как бы обращаясь к императорам Аркадию и Гонорию, пророчески предсказывает, что христианская религия даст ему новую жизнь и второе бессмертие. Третья попытка древнеримской партии при императоре Феодосии была также безуспешна. После семи неудачных посольств за время четырех императоров сенату, однако, совершенно неожиданно довелось увидеть алтарь Победы торжественно восстановленный, когда Валентиниан II был убит в 392 г. франком

Арбогастом. Оратор Евгений, возведенный на престол названным могущественным министром и генералом, поспешил обеспечить себе поддержку в приверженцах язычества. Сам Евгений был христианином, но главой возвысившей его партии был пользовавшийся общим почетом сенатор Никомах Флавиан, ревностный язычник. Он немедленно же принял за восстановление старую религию. Древний культ был разрешен; низвергнутые статуи Зевса были снова воздвигнуты, и алтарь Победы по-прежнему поставлен в курии. Рим снова увидел древнее торжественное чествование богов, так как Флавиан, бывший консулом в 394 г., совершал празднества в честь Изиды, Magnae Matris, и публично приносил очистительные жертвы, а Евгений нисколько этому не препятствовал. Правда, он не решился вернуть отобранное Грацианом в 383 г. имущество храмов, необходимое для языческого служения, но все-таки подарил это имущество Флавиану и другим сенаторам, исповедовавшим старую веру. То был последний взрыв языческой религии, и борьба евгенианцев с Феодосием была смертельной битвой этой религии. Феодосий, сначала язычник, затем христианин-фанатик, с 378 г. соправитель Грациана на востоке, являлся теперь человеком будущего. За смерть убитого Валентиниана он мог желать мстить, как за смерть своего собственного зятя, и торжество его наступило скоро и было полным. Святые помогли Феодосию одержать победу и над богами, и над аристократами, и над узурпаторами. Когда внуч из Египта сообщил ему, что анахорет Иоанн Ликопольский предсказывает ему кровавую победу, он со своим войском проник в Италию с востока. Напрасно Флавиан в виду приближающегося врага поставил в Альпах, в проходах Юлия, золотую статую Зевса: бог уже не метал больше молний и грома. Происшедшая поблизости Аквилей в 394 г. битва решила судьбу язычества. Евгений был взят в плен и обезглавлен, Арбогаст покончил собой, а Флавиан, которому Феодосий хотел сохранить жизнь, погиб в сражении.

Со вступлением в Рим фанатика-победителя насильственно восстановленное язычество было немедленно и окончательно подавлено. Служители древнего культа были изгнаны, и открытые храмы вновь закрыты навсегда. Статуи Флавиана были низвергнуты, и только в 431 г. Феодосием II и Валентинианом III был издан указ, которым разрешалось почитать память знаменитого сенатора восстановлением его изображений на форуме Траяна. Торжество христиан не имело пределов. Дерзость их, как жалуется Зосим, дошла до того, что Серена, супруга Стилихона, ворвавшись в храм Реи, сняла с шеи богини ценное украшение и надела на себя. Со слезами отчаяния смотрела на это оскорбление весталка и именем богини прокляла Серену и весь ее род; проклятие сбылось. Священный огонь Весты погас навсегда; голос сивилл и дельфийский оракул смолкли; ни один оратор уже более не отваживался публично защищать осужденный культ. Мог ли такой усердный ревнитель благочестия, как Феодосий, оставить нетронутым в курии алтарь Победы? Нельзя отрицать возможности, что этот, ставший уже безвредным, символ национальных воспоминаний был оставлен Феодосием без всякого внимания, так как позднее поэт Клавдиан говорит о Победе, как о богине, присутствовавшей при торжестве Стилихона и Гонория. Статуя Победы и ее алтарь были низвергнуты, но изображение ее императоры продолжали чеканить на своих монетах.

Мы имеем достаточно сведений, чтобы утверждать, что в дни того же самого Феодосия, который насильственно сделал христианство государственной религией, несмотря на все эдикты, несмотря на то, что храмы были заперты, Рим все-таки сохранял еще свой языческий характер. В то самое время, когда монахи, ученики египетского анахорета Антония, начавшие посещать Рим уже с 341 г., шли мимо величественных храмов, чтобы поклониться едва только основанной базилике Св. Петра или могилам других мучеников, язычники еще продолжали совершать

воспрещенные жертвоприношения и соблюдали древние празднества. Поэтому редкостным противоречием государственным эдиктам, воспрещавшим языческие жертвы, является то, что еще в V веке были назначаемы древние жертвенные жрецы (*sacerdotes*), в обязанности которых входило устройство для народа игр в цирке и амфитеатре. В кварталах также стояли еще капеллы лар (*Lares compitales*), и христианский поэт Пруденций печалился, что Рим признает не одного гения, а многие тысячи их, и изображения и символы их стоят всюду и в каждом углу: на дверях, в домах и в термах. Иероним также негодовал еще на лукавство римлян, которые ставили свечи и фонари перед древними богами-покровителями, утверждая, что это делается только ради охранения домов. Таким образом, энергические законы Феодосия не могли ни уничтожить языческой партии в Риме, представителями которой были Симмах и его благородный друг Претекстат, боготворимый народом, ни прекратить вполне почитания древних богов. И то, что эдикты, которыми приказывалось закрывать храмы и удалять алтари и статуи, повторялись, вполне доказывает, что даже в провинциях совершение службы в храмах упорно продолжалось. Гонорий и Аркадий, сыновья Феодосия, также продолжали издавать такие приказы в интересах охранения публичных памятников, и только с началом V века языческая религия спала с плеч Древнего Рима, как одеяние, которое было раньше блестящим, но теперь обветшало и поблекло. Говоря современным языком, изданный Гонорием в 408 г. закон является секуляризационным, и им были отобраны от языческих храмов все их имущества, а получаемые с податей, даней и налогов на недвижимые имущества доходы (*аннопае*), которыми исстари покрывались расходы по совершению языческого культа и по устройству общественных празднеств, пошли в фиск. И тот же самый эдикт, которым у старой религии отнимались все средства существования и приказывалось уничтожать алтари и идолы, объявлял сами храмы собственностью государства и таким образом оберегал их от разрушения, как общественные здания. Еще через семнадцать лет последовал изданный в Константинополе эдикт императоров Феодосия и Валентиниана III, в котором объявлялось: «Все часовни, храмы и святыни, если они еще сохранились до настоящего времени, должны быть уничтожены и очищены водружением знамени святой христианской религии»; однако выражение «уничтожены» (*destrui*) не должно было пониматься буквально, и это доказывается тотчас же последовавшим и составившим эпоху дополнительным эдиктом, которым приказывалось обращать храмы в христианские святыни. И поскольку это было возможно, древние надписи и даже языческие изображения оставались нетронутыми на фризах храмов.

Тогда-то Пруденций мог петь:

Торжествуйте, народы, все вместе,
Иудеи, римляне и греки,
Египтяне, фракийцы, скифы, —
Один царь царствует над всеми.

Язычество утратило свой официальный характер; немногие сплотившиеся почитатели Юпитера и Аполлона совершали запрещенную службу только на тайных собраниях, среди пустынной и дикой Кампаньи, в отдаленных ущельях гор. Но храмы в Риме стояли по-прежнему; это можно утверждать обо всех тех из них, которые по своему размеру и великолепию были под охраной национальной гордости и любви к искусству; и если из менее значительных святынь немалое число было разрушено, то большая часть их еще сохранялась в V веке, в чем мы можем убедиться даже в настоящее время. Бродя по развалинам Рима, смотришь с удивлением на хорошо сохранившийся небольшой круглый храм Весты и стоящий возле него храм *Fortunae*

Virilis и досадуешь на несправедливость времени, которое по какому-то злому капризу сберегло эти небольшие часовни Древнего Рима, тогда как Капитолий, храм Рима и Венеры и все другие чудеса римского величия оно или уничтожило до основания, или сохранило их только в скудных остатках, как загадочные остовы prošлого, на которьх, как мох на камнях, наросли сказания, невежество и наука. Но все храмы были закрыты; в скором времени, в противоположность термам и театрам, они совсем перестали открываться и, предоставленные разрушительным влияниям естественных сил и времени, пришли в упадок. Таким образом фантазия одного из отцов церкви, жившего в Иерусалиме, могла создать картину, как в запустевшем Риме храмы покрылись копотью и паук закутал своими роковыми нитями луществые головы покинутых богов, — образцовые произведения искусства.

Гораздо легче, чем храмы, могли быть разрушены хрупкие произведения греческих и римских ваятелей. Статуи в несметном числе украшали площади, дворцы и купальни, улицы и мосты, так как в этом огромном городе мало-помалу создался целый особый народ богов и людей из металла и камня. Разнообразие этих произведений искусства не поддается описанию; то была работа гения в течение веков, воплощение красоты и затем порождение фантазии. Константин, грабивший города Европы и Азии с той целью, чтобы обогатить новый Рим, Византию, всякого рода предметами поклонения и произведениями искусств, первый стал увозить из Рима статуи. На одном лишь гипподроме своего нового города Константин поставил 60 римских статуй, без сомнения, самых лучших, и в числе их статую Августа. Известно, что Константин приказал также перевезти на корабле из Рима в Византию монолитную колонну из египетского порфира, имевшую в высоту 100 футов. На эту перевозку потребовалось целых три года; этот громадный колосс был поставлен с громадными трудностями на форуме в Византии, а в основании его был заделан Палладиум, также взятый Константином из Рима; последнее, однако, мало вероятно. Но произведения искусства было такое неистощимое множество в Риме, что грабеж не был бы замечен даже в том случае, если бы Константин похищал их за раз сотнями. При его преемниках немало прекрасных статуй богов пало жертвой ревностного благочестия христиан. Однако императоры вообще охраняли также и общественные статуи. Поэт Пруденций заставляет ревнителя церкви Феодосия произнести такую речь перед языческим сенатом:

О отцы, омойте отвратительно загрязненные мраморные статуи:
Пусть стоят они чистыми, — произведения великих мастеров;
Пусть будут они самыми драгоценными украшениями нашего города
Да не запятнает памятников искусства
Никакое позорное, безбожное деяние.

Таким образом даже фанатический победитель языческой партии Евгения предписывал охранять, как общественное украшение города, статуи древних богов после того, как они перестали быть предметом поклонения. Мы имеем доказательство тому, что даже еще в конце V века попорченные статуи богов исправлялись по приказанию городского префекта. Писатели IV и V веков говорят, что площади, купальни и колоннады Рима были полны статуй. Общественные украшения Рима сохраняли языческий характер так же, как в Константинополе. В этой христианской столице Востока в V и VI веках тоже еще были свои императорский дворец, гипподром, купальни Зевксиппа, дворец Лавса, дворец сената и форумы с древними изображениями богов и героев. Оба города после того, как древняя религия была оставлена, представляли собой музеи искусств. Кроме того, дома знатных римлян славились собраниями произведений ваяния и живописи. Дворцы знатных

родов Бассов, Пробов, Олибриев, Гракхов и Паулиниев, перешедших в христианство, еще долго могли радовать своих гостей видом обнаженных божеств древней мифологии. Но приближалось время, когда многие римляне из страха перед Христом или из боязни Алариха могли скрывать некоторые наиболее любимые, металлические или мраморные, изображения богов, закапывая эти сокровища в землю, откуда они были извлечены уже по прошествии многих веков. С той поры, как старые боги Греции стояли покинутые в запертых храмах, мастерские в Риме также опустели; небольшое число христианских мастеров занималось лишь украшением саркофагов библейскими сценами, а языческие — перестали воспроизводить Венеру и Аполлона и не создавали больше ни художественных фризов для храмов, ни колонн прекрасного стиля. Падение искусства было последствием падения древней религии; множество мраморных глыб из государственных каменоломен Греции, Азии и Африки оставались в древней *Magmata* без всякого употребления. Еще и в настоящее время то здесь, то там находят при раскопках эти глыбы, и кажется, как будто какая-то ужасная катастрофа постигла те мастерские, для которых некогда назначался весь этот драгоценный материал.

Что касается числа статуй, то краткий перечень в конце *Notitia* указывает только, сколько было в Риме во времена Гонория наиболее замечательных статуй. В этом перечне значится, что в городе обращали на себя внимание 2 колосса, 22 большие конные статуи, 80 позолоченных статуй богов и 74 из слоновой кости. Как велико было число статуй, украшавших 36 триумфальных арок, источники, театры, дворцы и купальни, на это нет указаний в перечне; но в более позднем описании времени Юстиниана мы узнаем, что если не в то время, к которому относится это описание, то все-таки в V веке в городе насчитывалось 3785 медных статуй императоров и великих римлян. Многие художественные создания, которыми Август, Агриппа, Клавдий, Домициан, Траян, Адриан и Александр Север в таком изобилии некогда украсили Рим, представляли уже обломки своего прежнего великолепия; тем не менее мы будем иметь случай убедиться, что даже после разграбления города готами и вандалами, вплоть до времени Григория Великого, Рим представлял такое богатство общественных произведений искусства, какого мы и в настоящее время не найдем во всех столицах Европы, вместе взятых.

3. Изменение Рима под влиянием христианства. — Семь церковных округов. — Древнейшие церкви Константина. — Архитектура церквей

Христианство, пуская корни в императорском Риме все глубже и глубже, окружая его все более своими мистериями и таким образом ведя его к тому превращению, которое составляет одно из исключительных явлений мировой истории, проявило в отношении внешнего вида города тройное действие: разрушительное, созидательное и преобразовательное. Вообще все эти три вида воздействия могут обнаруживаться наряду один с другим. Но когда в старую систему вводится, как зародыш, новое начало, закон жизни требует, чтобы это начало прежде всего создало свои собственные формы, и только тогда старая форма уничтожится или изменится. Важным и замечательным обстоятельством является то, что христианская церковь уже в первом периоде своего существования подчинила своему ведению город Рим, разделив его, независимо от существовавших 14 гражданских округов, на 7 церковных округов, составивших самостоятельную систему управления церкви. Этим округам соответствовали семь нотариусов, которыми велась история мучеников, и семь дьяконов, наблюдавших за исполнением церковного учения и за церков-

ным порядком. Такое распределение Рима приписывается уже Клименту, четвертому епископу Рима при Домициане; подчинение же областей дьяконам, как следует полагать, было установлено при Траяне шестым епископом, Еваристом, которым также были распределены между пресвитерами приходские церкви (*tituli*).

Число этих округов ставилось в зависимость то от гражданских округов, причем предполагалось, что каждый церковный округ обнимал два гражданских, то от соответственного же числа сторожевых когорт; точно так же тщетно пытались восстановить их границы. По новейшим исследованиям оказывается следующее: I церковный округ обнимал XII и XIII гражданские (*Piscina Publica* и *Aventinus*); II — приблизительно II и VIII гражданские (*Coelimontium* и *Forum Romanum*); III — III и V гражданские (*Isis et Serapis* и *Esquilia*); IV — VI и, может быть, IV гражданские (*Alta Semita* и *Templum Pacis*); V соответствовал VII гражданскому (*Via Lata*) и части IX (*Circus Flaminius*); VI — IX округу до Ватикана; наконец, VII включал в себе XIV гражданский (Транстеврин).

Столь же мало известно нам о тех древнейших церквях, к которым были приурочены установленные епископом Климентом округа. Во время Гонория, в начале VI века, в Риме было уже много значительных церквей. Одни из них были выстроены еще до Константина, другие были основаны при этом императоре; немалое число церквей было построено при преемниках Константина епископами, имевшими полную свободу выбора места для постройки. Самые древние христианские храмы строились первоначально и даже еще при Константине только на окраинах Рима, так как все они, почти без исключения, возводились на могилах или в катакомбах; только мало-помалу новый культ проник в глубь города; тогда стали возникать церкви рядом с храмами древних богов, а затем и сами храмы превращались в церкви.

Предание называет первой и самой древней церковью Рима базилику Пуденцианы. По словам легенды, апостол Петр жил на Эсквiline, в *Vicus Patricius*, в доме сенатора Пудента и его жены Присциллы, и будто бы даже воздвиг тут молитвенный дом. Новат и Тимофей, сыновья Пудента, которых св. Павел в своих письмах называет по именам, владели там же купальнями, и здесь, как предполагают, епископ Пий I (в 143 г.), по просьбе девицы Пракседы, основал церковь. До Константина и во время преследований христиане не имели никаких официально признанных церквей, а располагали для собраний только помещениями, которые их единоверцы предоставляли им в своих домах. Со времени эдикта Константина эти древние молитвенные дома превращались в церкви, сохраняя имя того благочестивого собственника, которым они были учреждены; некоторые же из церквей и по настоящее время носят название такого происхождения. Церковь Св. Пуденцианы и есть первая из церквей Рима, которые отмечает *Liber Pontificalis*.

На трибуне этой церкви еще сохранилась древняя мозаика, изображающая Христа между 12 апостолами и обеими дочерьми Пудента, Пракседой и Пуденцианой. Эта мозаика, без сомнения, самая лучшая в Риме, прекрасного и строгого стиля, была начата при папе Сириции (384—398) и окончена Иннокентием I (402—407); но она несколько раз подвергалась исправлениям и потому значительно утратила свой первоначальный вид. К этой церкви присоединилась церковь Св. Пастора, брата Пия I.

Епископу Каликсту I (217—222), по имени которого называются знаменитые катакомбы, приписывается, но неосновательно, возведение базилики *S.-Maria* в Транстеврине, а его преемнику — постройка церкви Св. Цецилии. Самые древние авентинские церкви Св. Алексея и Св. Приски должны были быть выстроены в

начале IV века. Но все эти базилики, как основанные до Константина, являются сомнительными.

Только с той поры, когда Константин дал полную свободу христианам, появились значительные и отчасти роскошные базилики. Их архитектурная форма, разработанная так же, как и церковный культ, в катакомбах, была уже готова и осталась в основе без изменений в последующие столетия. Римлянин, приносивший жертвы богам в храмах, блиставших роскошью и украшенных колоннадами, не мог не чувствовать насмешливого презрения к храмам христианского Бога, которые заимствовали свою форму у судебных помещений, скрывали свои колонны внутри зданий, как какую-то похищенную добычу, и сам фасад которых находился позади двора, окруженного стеной и имевшего посредине *capitulus*, или источник. Строительное искусство древних покинуло в то время человечество. Об отсутствии этого искусства свидетельствует в Риме еще донныне уцелевшее сооружение, являющееся границей двух культурных эпох, — триумфальная арка Константина, которая по приказанию униженного сената была украшена скульптурными произведениями, снятыми с арки Траяна. И когда этих скульптур не хватило, современные художники, которым было поручено сделать некоторые рельефы, должны были признаться, что идеалы предков исчезли и наступил век варваров. Арка Константина — это надгробный памятник искусству Греции и Рима.

Живопись разделяла вообще судьбу со скульптурой, но в одном отношении была счастливее. Исчерпав свои мотивы, которые были уже пережиты, живопись, по-видимому, последовала за Константином в Византию и здесь покорно признала христианство. В Риме с V века живопись также покинула радостный идеал древних, который, однако, сохранялся в катакомбах, как прекрасная орнаментика, и, довольствуясь одной техникой, приобретенной со времен императоров, перешла в мозаику. Мозаика по существу есть искусство упадка, сверкающий золотом цветок варварства; ее характер стоит в гармонии с временем иерархической деспотии, когда с утратой свободных учреждений чиновничество, одетое в золотую парчу, проникло всюду в государстве и в церкви. Тем не менее мозаика с поразительной силой выражает глубокую и мистическую суровость, ужасающую исключительность религиозных страстей и их фанатическую энергию в те века, когда свет знания погас.

Таким же образом отжила свое время и архитектура древних. В этом искусстве величие римлян некогда проявлялось всего оригинальнее, пока с падением политической жизни не пало и архитектурное творчество. Последними крупными созданиями архитектуры в Риме были храм Солнца и стены Аврелиана, купальни Диоклетиана, цирк Максентия, *Basilica Nova* и термы Константина. Со времени этих построек ничего не было больше создано в римском духе. Вместе с внутренними идеальными стремлениями, которыми вносились в архитектурные сооружения размах и сила, утратилась и древняя чистота техники. Строительное искусство, достигнув предела античной культуры и будучи вынуждено покинуть ее идеалы и создавать вместо храмов церкви, оказалось в большом затруднении. Все языческое должно было внушать отвращение; древние совершенные формы должны были быть отвергнуты, и строительное искусство, руководясь правильным инстинктом, заимствовало форму церквей от вполне гражданских судебных помещений или базилик, которые отвечали составу и литургическим надобностям христианской общины; вместе с тем на церкви была перенесена и архитектоника надмогильных капелл в катакомбах. Таким образом, создавались постройки, для которых материал и в сыром, и в разработанном виде похищался с языческих памятников; существенные основные черты были заимствованы у древности, как, например, здание, украшенное колоннами, но новая вера внесла в эти черты свой

первобытный дух. Прелесть этой архитектурной формы в первые века христианства заключалась в беспритязательной, но торжественной простоте гармонического целого, смягченной только мозаическими украшениями и античными колоннами. В церквях, однако, производились постоянные дополнения и изменения, что не допускалось в древних храмах строгостью их стили и математической законченностью. Церкви расширялись вместе с культом, и вследствие неправильной пристройки часовен и ораторий, с возрастанием числа алтарей и даже могил вид церквей настолько изменялся, что они как будто снова превращались в катакомбы. В дальнейшем изложении мы увидим, что в Риме нет ни одной базилики, которая несколько раз не изменила бы своего вида.

4. Константиновские церкви. — Латеранская базилика. — Древнейшая церковь Св. Петра

По преданию, император Константин основал в Риме следующие базилики: Св. Иоанна в Латеране, Св. Петра в Ватикане, Св. Павла за стенами, Св. Креста в Иерусалиме, Св. Агнесы за Номентанскими воротами, Св. Лаврентия за стенами и Св. Марцеллина и Петра за Porta Maggiore. Однако исторически ничего не известно о построении этих церквей и, вероятно, только базилика Св. Иоанна в действительности обязана своим возникновением Константину.

Жена Константина Фауста владела домами семейства Латерана, который происходил из древнего римского рода и обессмертил себя не какими-нибудь деяниями, а тем, что обладал огромным дворцом. Неизвестно, с какого времени здания Латерана стали собственностью императоров. Ту часть дома, которая называлась *Domus Faustae*, император отдал римскому епископу, и преемники папы Сильвестра жили в ней в течение почти тысячи лет. Посреди этих латеранских дворцов стояла древняя базилика, построенная Константином; уже поэтому она не могла быть большим зданием и включала в себе скорее три, чем пять кораблей, колонны которых были взяты из языческих храмов. Но о константиновской постройке мы не имеем теперь уже никакого представления, и до нас дошло сколько-нибудь ясное описание только нового здания, воздвигнутого при Сергии III в начале X века. Базилика была посвящена Христу и называлась базиликой Спасителя, и только после VI века она стала называться базиликой Св. Иоанна Крестителя. Ее называли также Константиновская базилика, по имени ее основателя, и *Basilica aurea* вследствие богатых ее украшений. В книге пап перечисляются многочисленные приношения, сделанные Константином этой церкви: золотые и серебряные изделия большого веса, чаши, вазы, канделябры и другая утварь, украшенная праземами и гиацинтами; но очевидно, что биограф Сильвестра включил в описание и все то, что накопилось ценного в церкви в последующие столетия. Как мать христианских церквей, *Optimum Urbis et Orbis Ecclesiarum Mater et Caput*, базилика Константина ставила себя на первое место перед всеми другими церквями и даже заявляла притязания, что святость иерусалимского храма перешла на нее, так как кивот завета евреев сохраняется под ее алтарем. Тем не менее эта епископская церковь Рима, торжественным вступлением во владение которою каждый папа начинал свое правление, была отодвинута на второй план собором апостола Петра.

Совершенно неизвестно, при каком папе и при каком императоре была основана церковь Св. Петра; и только согласие всех преданий и все сведения, имеющиеся в церковных актах и даже у самых древних писателей, заставляют прийти к заключению, что эта церковь возникла при Константине. Книга пап говорит, что этот император воздвиг ее в храме Аполлона по просьбе епископа Сильвестра и положил

тело апостола в неподвижный гроб из кипрской бронзы. Ватиканский храм Аполлона известен только по преданию; но раскопки показали, что церковь Св. Петра была основана рядом с святыней, у которой совершались служения в честь Кибеллы; этот культ долее всего сохранился в Риме и продолжался в священном Ватикане еще тогда, когда Феодосий уже молился у могилы апостола. По преданию, Константин сам взял лопату в руки, начал копать землю под фундамент и, полный мирения, вынес 12 корзин земли в честь 12 апостолов. Нам неизвестно, был ли цирк Калигулы тогда уже разрушен или он разрушился только во время постройки базилики. Последняя была воздвигнута рядом с цирком и из его материала. Такое место было избрано для церкви апостола потому, что, по преданию, он был распят в этом цирке; так же оно было освящено для христиан мучениями, которым подвергал здесь верующих Нерон.

Базилика долго сохраняла свой первоначальный вид. В течение Средних веков она была расширена пристройками, но коренному переустройству не подвергалась; это было сделано уже Юлием II в начале XVI века. Древняя церковь имела в длину 500 палм и в высоту 170 палм; у нее было пять кораблей и один поперечный корабль, и оканчивалась она полукруглой трибуной, или абсидой. Перед входом в церковь находился атриум, или Парадиз, который имел 255 палм в длину и около 250 в ширину и был окружен внутри колоннадой. В атриум вела широкая мраморная лестница. На площадке этой лестницы преемники св. Петра встречали преемников Константина, когда последние приходили молиться у гроба апостола или получать из рук папы императорскую корону.

Великая церковь строилась постепенно. Техническая сторона постройки была грубая и варварская; неотделанный фасад, абсида, наружные стены были построены из материала, взятого из других зданий; архитравы, лежавшие на колоннах, были составлены из старых обломков; сами колонны, числом 96, были античные колонны из мрамора и гранита, но имели неодинаковые капители и базы. Для порогов были взяты мраморные плиты из цирка, и на них можно было еще видеть остатки прежних надписей или языческих скульптур. Достоинство удивления, что уже в самой древней базилике Св. Петра обнаруживается характер, свойственный поныне столь многим церквям Рима: язычество проступает в них заплатами из награбленного античного мрамора. Внутреннее пространство, в которое вели пять дверей пяти кораблей, было велико и производило внушительное впечатление. Из небольших полукруглых окон свет проникал в высокий, украшенный колоннами главный корабль и освещал необделанные стропила крыши; внизу он падал на пол, сложенный из кусков античного мрамора, и на голые и высокие стены, которые вначале не были украшены мозаикой. Главный корабль заканчивался величественной аркой, которая своей мозаикой, вероятно, напоминала, что надлежит проходить не аркой императоров, а аркой святых, перенесших кровавые битвы за веру. Далее полный благоговения взгляд благочестивого христианина встречал алтарь, где над телом св. Петра возвышался небольшой храм из шести небольших порфирных колонн. Само тело находилось в золотом склепе, освещенном вечными лампадами, в том вызолоченном бронзовом гробе, в который оно было положено Константином. Биограф Сильвестра дает весьма важное по отношению к вопросу о постройке храма указание, что над гробом возвышался массивный золотой крест такой же величины, как гроб, и с следующими словами, сделанными в нем *in niello*:

Constantinus Augustus et Helena Augusta.
Hanc domum regalis simili fulgure coruscans aula circumdat.

Перспектива главного корабля заканчивалась абсидой, или полукруглой трибуной, составлявшей подражание тем трибунам гражданских базилик Рима, в которых находились кресло претора и места судей. Трибуна древней церкви Св. Петра была украшена символической мозаикой, представлявшей Константина, подносящего Христу и св. Петру изображение церкви. Здесь были начертаны древние стихи, которые можно было прочесть еще в конце Средних веков:

Quod duce te mundus surrexit in astra triumphans
Hanc Constantinus Victor tibi condidit aulam.

Епископ Дамаз в 366 г. прибавил к базилике Св. Петра купель крещения, или баптистериум, мозаичную, но уже грубую, роскошь которой воспел Пруденций в нескольких стихах. Наряду с кратким описанием св. Павлиния, это единственные сведения, которые мы имеем о состоянии базилики при Гонории. Знаменитый епископ Нолы, такой же талантливый поэт, как Пруденций, принес в жертву языческую страсть к искусству, в которой он был воспитан, искреннему христианскому воодушевлению. Присутствуя при угощении бедных, которое, согласно шумному обычаю того времени, устроил в парадизе базилики богатый сенатор Алетий по случаю гробления своей жены Руфины, епископ в таких словах изобразил впечатление произведенное на него церковью при этом случае: «Какую радость должен был почувствовать сам апостол, глядя на свою базилику, когда ты наполнил ее всюду несметной толпой бедных: и под высокою кровлей широкого и длинного среднего корабля; и вдали, где стоит апостольский престол, ослепляющий входящего в храм и вносящий в его душу радость; и там, где под той же кровлей, по обеим сторонам, простираются, как руки, двойные портики; и там, где атриум переходит в притвор, где стоит купель, под сенью купола из массивной меди на четырех колоннах, которые мистически окружают источник воды, служащей для орошения рук и уст верующих. Такое украшение приличествует входу в церковь, так как уже перед дверьми должно быть явное указание на то, что происходит в церкви в священной тайне».

Около своего баптистерия епископ Дамаз поставил кафедру, которая, по преданию, уже со II века получила значение истинного престола Петра. Этот замечательный престол, древнейший трон, на котором восседали сначала скромные епископы, а затем могущественные папы, властвовавшие над землями и народами, существует поныне. В XVII веке Александр VII приказал вделать его в бронзовое кресло, которое было поставлено в трибуне собора на четырех медных фигурах отцов церкви. Во время юбилея апостола в июне 1867 г. престол этот был в первый раз по истечении двухсот лет вынут из своей оболочки и публично выставлен в боковом пределе. Это — древнее переносное кресло (*sella gastatoria*), сделанное из дуба, теперь уже сгнившего; в кресле заметны позднейшие поправки из акациевого дерева. Передняя сторона кресла украшена брусками из слоновой кости, на которых, в виде арабесок, представлены маленькие фигуры борющихся животных, кентавров и людей, и дощечками также из слоновой кости, на которых выгравированы изображения подвигов Геркулеса как символ геркулесовской работы древнего папства мировой истории. Первоначально этих дощечек не было на кресле; они явились, очевидно, уже позднее как украшение; некоторые из них укреплены даже кверху ногами. Нет сомнения, что эта знаменитая кафедра принадлежит если не апостольскому времени, то очень отдаленной древности. Мнение, что кресло это было *Sella curulis* сенатора Пудента, есть плод досуговой фантазии.

В течение Средних веков вокруг собора Св. Петра постепенно создавался как бы венец из часовен, церквей, монастырей и домов клира и пилигримов, и Ватикан стал

священным городом христианства; но при Гонории к базилике примыкали немногие здания. Древнейшим из них был пристроенный к трибуне *Templum Probi* — надгробная часовня знаменитого сенаторского рода Анициев, раньше других в Риме принявших христианство.

Этот род был знаменит со времени Константина и, сравнительно с другими сенаторскими фамилиями, пользовался именно в последние времена римской империи такой славой, что даже еще в позднейшую эпоху Средних веков имя Анициев было окружено легендарным культом. Этот род в особенности содействовал христианской метаморфозе Рима. Владея самыми обширными латифундиями в Италии и во многих других провинциях империи, Аниции занимали высшие должности в государстве в продолжение более чем двух столетий. Они распались на несколько фамилий, как то: Алении, Авхении, Пинчии, Петронии. Максимы, Фаусты, Боэзии, Пробы, Бассы и Олибрии были все из рода Анициев. В IV в. главой этого рода был Секст Аниций Петроний Проб, владевший несметными богатствами и достигший всех общественных почестей; в 371 г. он был консулом одновременно с императором Грацианом и 4 раза префектом; это был последний великий римский меценат. И он, и его жена Фальтония Проба, отличавшаяся большим умом, объявили себя христианами; само крещение Проб, бывший другом епископа Амвросия, принял незадолго до своей смерти.

Тело великого сенатора было положено его семьей в часовне, *Templum Probi*, еще раньше выстроенной им самим, в саркофаге, который сохранился донныне, так же как и более древний и более красивый саркофаг Юния Басса 358 г. Императорская фамилия также воздвигла себе мавзолей рядом с собором Св. Петра. Вероятно, этот мавзолей был выстроен самим Гонорием, который велел похоронить в нем обеих своих жен, Марию и Термантию, дочерей Стиликона. Мавзолей не существует более, но в позднейшее время были найдены саркофаг и останки императрицы Марии.

В общем древняя базилика Св. Петра представляла при Гонории большое, вытянутое в длину здание со стенами, сложенными из кирпича, и с крестом на фронте; последний возвышался над двором, окруженным колоннами и походившим на монастырский двор. Видя эту некрасивую постройку, язычник-римлянин не мог не улыбаться тому, что она служит местом поклонения хранимому в золотом ящике телу еврейского рыбака, и не мог не сделать сравнения между ней и стоявшим вблизи мавзолеем императора Адриана, великолепной ротондой из двух ярусом колонн над кубической глыбой мрамора, украшенной статуями и, казалось, презрительно смотревшей на чуждую надгробную церковь. Находившийся поблизости цирк был разрушен; его развалины имели печальный вид каменоломен; рядом с христианской церковью, на разрушенном гребне цирка, возвышался еще высокий обелиск Калигулы. Таким образом, апостольский собор должен был производить на зрителя довольно странное впечатление, но для христианина этот собор был символом победы христианской религии, водворившейся на развалинах язычества. И уже при Феодосии старшем к Св. Петру направлялись толпы пилигримов, по преимуществу в июне, когда праздновалась память св. Петра и св. Павла. Как и ныне, путь пилигримов шел через мост Адриана, мост, по которому народы двигались больше, чем по какому-либо другому в мире. Но едва прошло еще столетие, и роскошные сооружения языческого Рима были забыты, а внуки тех римлян, которые со злобой смотрели ни возникавшую базилику, подымались на коленях по ее ступеням, чтобы повергнуться ниц у сверкающей золотом гробницы того галилейского рыбака, который в новом капитолии Рима, в Ватикане, стал более могущественным властителем мира, чем древний Зевс.

5. Древняя базилика Св. Павла. — Почитание святых в ту эпоху. — Св. Лаврентий *extra muros* и *in Lucina*. — Св. Агнеса. — 8. Сгих в Иерусалиме. — Св. Петр и Св. Мария *Maggiore*. — Св. Мария в Транстеврине. — Св. Климент. — Вид Рима в V веке. — Контрасты в городе

По просьбе Сильвестра Константин воздвиг также базилику апостолу Павлу на расстоянии одной римской мили за стенами, на остийской дороге, где, по преданию, святой принял смерть, а по другому преданию, был погребен благочестивой матроной Люциной. Первоначально церковь Св. Павла была, по всей вероятности, простой надгробной часовней, которой император Константин не возводил. В 383 г. императорами Валентинианом II, Феодосием и Аркадием был издан приказ городскому префекту Саллюстию о сооружении более значительной и более блестящей базилики на месте старой. Феодосий начал сооружение новой базилики, а Гонорий закончил ее. Так как во время вторжения готов Алариха базилика Св. Павла уже была прекрасным храмом и была поощрена ими, то надо думать, что Гонорий окончил постройку базилики уже в 404 г.

Эта знаменитая церковь, превосходившая своей красотой базилику Св. Петра, была сходна с ней по плану. Она была еще больше и имела 477 футов в длину и 258 футов в ширину. В помещение церкви вело несколько дверей, и взгляд терялся в обширном пространстве ее величественных кораблей, которых было пять, отделенных друг от друга четырьмя рядами колонн. Последние, по 20 в каждом ряду, были взяты из древних зданий. Колонны не все были одинаковы (некоторые колоссальные капители были из штукатурки и варварской формы), но этот недостаток сглаживался числом колонн, их величиной и ценностью камня. В одном среднем корабле было 24 монолита из благороднейшего фригийского мрамора (павонацетто) и вышиной в 40 пальм. Строитель связал колонны арками, переходившими в высокие стены. Последние в местах над колоннами были украшены мозаикой, но поясных изображений преемников св. Петра еще не было; эти изображения принадлежат более позднему времени. Потолки кораблей блестяще позолоченной бронзой, а пол и стены были из мраморных плит. Как в храме Св. Петра, средний корабль замыкался большой триумфальной аркой, покоившейся на двух могучих ионических колоннах. Сестра Гонория, Галла Пластидия, при папе Льве I украсила эту арку мозаикой. В середине ее помещалось гигантское поясное изображение Христа с посохом в руке, вззирающего вниз на верующих с ужасающей суровостью, как бы требуя, чтобы христиане пали перед ним ниц во прах, и кажется, что только такое рабское приближение к себе может допустить этот лик Христа, напоминающий голову Медузы. По сторонам Христа видны апокалиптические символы четырех евангелистов; внизу от него — 24 старейших праотцев церкви, а по концам арки — св. Петр и св. Павел. Эта мозаика представляет первый образец в Риме того стиля, который зовется византийским. Но ошибочно считать, что искусство это ведет свое начало из Византии; оно было традиционным римским искусством, имело для воспроизведения более значительных фигур прообразы в термах и дворцах и, наконец, в отношении христианских идеалов искусства, свидетельствовало только об отсутствии грации и свободы в условиях существования Рима. Триумфальная арка Св. Павла возвышалась над главным алтарем и над местом (*confessione*), в котором покоилось тело апостола в бронзовом гробу; за аркой видна была украшенная мозаикой трибуна; ее отделяло от арки обширное пространство поперечного корабля.

Убранство в храме Св. Павла было так же богато, как и в храме Св. Петра. Золото, серебро и драгоценные камни своим изобилием и сказочной роскошью воз-

буждали воображение христиан, а позднее не в меру пленяли фантазию восточных варваров. Поэт Пруденций видел базилику при Гонории в ее первом девственном блеске и так описывает ее:

«Там, в другой области, на левом берегу реки, где расстилается покрытая дерном равнина, остийский путь ведет к храму Павла. Королевским величием дышит это место; щедрый князь воздвиг храм и оделил его великой роскошью. Листами золота он покрыл стропила, и внутренность храма сияет от блеска золота, как будто восходит солнце. Он поставил четыре ряда колонн из паросского мрамора. И вот свод подымается в высоту, сверкая так же ярко и цветисто, как сверкает долина весенними цветами».

Таковы были три главных базилики Рима, которыми исторически начался ряд всех других. Важно отметить, кому были посвящены эти три церкви. Христос, св. Петр и св. Павел в середине IV века были главами римского культа, а оба апостола — патронами римской церкви; апостол Петр как основатель ее и первый епископ; апостол Павел как проповедник между язычниками. Первый представлял иерархическое начало христианской церкви в Риме, второй — ее догматическое начало. Поклонение Деве Марии в IV веке официально еще не было признано; святым также еще не было воздвигнуто церквей. Последние продолжали называться обыкновенно по имени учредителей их или строителей. Но все более распространявшееся почитание могил мучеников скоро привело к тому, что поклонение им было перенесено из катакомб в самостоятельные церкви в городе. Почившие проникли из полей внутрь стен и потребовали своих алтарей в городе; точно так же оказывалось необходимым противопоставить живым и многочисленным воспоминаниям язычества и языческим храмам не меньшее число церквей во всех местах обширного Рима. И таким образом древняя мифология скоро была вытеснена новой.

Св. Лаврентий был одним из первых мучеников, которые были почитены сооружением им базилик. Архидиакон, испанец по рождению, этот мученик принял смерть, согласно преданию, при Деции в термах Олимпии, на раскаленной решетке. Его могилу показывали в катакомбах Ager Veronus на Тибуртинской дороге; пилигримы из Тусции и Кампании посещали эту могилу, и она воспета испанским поэтом Пруденцием. Когда преследования против христиан прекратились, Лаврентию была воздвигнута в названных катакомбах базилика, — третья за воротами Рима, так как храм Св. Петра также находился вне города. В жизнеописании Сильвестра построение этой базилики также приписывается императору Константину; вначале она, конечно, была простой надгробной часовней, и уж позднее Сикст III и Лев I украсили ее за счет Calla Placidia.

Большое почитание, которым пользовался св. Лаврентий, доказывается двумя церквями, которые уже в ранние времена были посвящены ему на Марсовом поле. Епископ Дамаз, будучи португальцем и потому близким к своему по своему происхождению, основал между 366 и 384 гг., неподалеку от театра Помпея, базилику S. Laurentius in Damaso. Вероятно, она находилась подле курии или атриума, в котором был убит Цезарь. С постройкой базилики могло начаться разрушение этого памятника. Древняя церковь, построенная Дамазом, была снесена только в конце XV века и заменена новым зданием внутри дворца вице-канцлера.

Еще до Гонория была построена базилика S. Laurentis in Lucina. Так как такого рода добавления — in Lucina, in Damaso и т. п. — обыкновенно обозначают имя основателя, то предполагают, что церковь эта была построена римской матроной. Другие полагают, что церковь названа так по имени храма Juno Lucina. Но такой

храм на Марсовом поле неизвестен. Базилика находилась поблизости тех солнечных часов, которые были поставлены Августом вместе с обелиском, служившим указателем для них.

Находящаяся в катакомбах церковь Св. Агнесы, за Porta Nomentana, также существовала уже при Гонории и находилась над могилой этой мученицы, рядом с более древним кладбищем. Подле нее стоял круглый мавзолей, который долгое время принимался за храм Вакха, так как мозаика этого храма изображала сбор винограда; в действительности же этот мавзолей был надгробной часовней дочерей Константина, Елены и Константины. Первая была замужем за Юлианом, вторая — за Аннибалионом и затем за Цезарем Галлом. Аммиан Марцеллин называет ее злобой и преступной. В деяниях св. Агнесы, бессмысленном произведении, которое даже Бароний признал подделкой, эта Константина изображена святой девственницей. С XIII века она чувствуется как св. Констанца. Большой порфировый саркофаг, найденный в вышеупомянутом мавзолее, стоит в настоящее время в Ватикане, рядом с таким же саркофагом матери Константина, Елены. Эта знаменитая императрица была погребена в трех милях за Пренестинскими воротами (Porta Maggiore), на Via Labicana, точно так же в великолепной круглой капелле. Ее развалины можно еще видеть в «башне глиняных горшков» (Torre Pignatarra).

Предание приписывает благочестивой Елене первое основание базилики Santa Croce in Gerusalem. Здесь императрица должна была поместить часть найденного ею подлинного креста. Время построения этой очень древней и замечательной церкви неизвестно. Она была выстроена в пустынном и красивом месте Рима, в северо-восточном углу стен, возле Кастренского амфитеатра и неподалеку от бань Елены. Книга пап помещает ее в баснословный дворец Sessorium, по имени которого находившиеся недалеко от него Porta Maggiore назывались Sessoriana. Так названа была и сама церковь; но действительное название ее было Basilica Heleniana и Hierusalem. Так как она упоминается под этим именем в 433 г. при Сиксте III, то она уже должна была существовать при Гонории.

Последняя из перечисленных в книге пап церквей Константина была церковь двух святых, Петра Ехорциста и Марцеллина. Она стояла на Via Labicana, у камня, отмечавшего третью милю, на месте «ad duas Lauros», где находилась императорская вилла, неподалеку от так называемого мавзолея Елены. Она была в катакомбах; предание приписывает постройку ее Константину в виду близости ее к названному памятнику Елены.

Все эти древние базилики, большей частью церкви катакомб, помещались за воротами или на окраинах Рима. Но постепенно христианство все более и более приближалось к центру города, и уже в последнем году царствования Константина оно водворилось у Капитолия, если верны указания, что епископ Марк основал базилику в честь евангелиста того же имени. На соборе Симмаха в 499 г. она значится как титул (titulus).

Не подлежит сомнению раннее возникновение одной из самых красивых базилик Рима — базилики S.-Maria Maggiore на Эсквiline, которая была построена епископом Либерием между 352 и 366 гг. возле съестного рынка Ливии. По преданию, основанию этой церкви предшествовало видение. Богатый патриций Иоанн видел во сне, в ночь на 4 августа, Деву Марию, которая велела ему воздвигнуть ей базилику в том месте, где он утром увидит только что выпавший снег. Иоанн поспешил пойти к Либерию и рассказал ему о своем видении; последний сообщил ему, что и он видел точно такой же сон. И чудо свершилось. Либерий приказал начертить на свежем августовском снеге план базилики, на построение которой патриций дал средства. История поясняет это сказание. Базилика была памятником Никей-

ского Символа веры и ортодоксального учения Анастасия, из-за которых Либерий сам был в изгнании в течение двух лет. Поклонение же Богородице в IV веке еще не было общепризнанным и оно получило такое значение только после 432 г., когда Сикст III вновь построил *Basilica Liberiana*, украсил ее мозаикой и уже прямо посвятил ее Богоматери.

Прекрасная базилика *S. Maria in Trastevere*, названная по имени епископа Каликста I, была выстроена или вообще основана Юлием I между 337 и 354 гг. Когда она была посвящена Марии, не известно; свой современный вид она получила только при Иннокентии II.

Еще замечательнее церковь Св. Климента, древняя базилика между Латераном и Колизеем, о которой говорит уже Иероним в конце IV века. Она была посвящена тому знаменитому епископу, который был вторым или третьим преемником апостола Петра на римском престоле. Что она возникла первоначально из помещения, в котором консул Климент имел обыкновение собирать верующих, не может быть доказано. Ни одна из церквей Рима по местоположению своему не заслуживает внимания в такой степени, как эта церковь, так как на том месте, на котором она была построена, имеются памятники различных эпох. Глубоко под церковью лежат огромные глыбы туфа какого-то древнего здания, принадлежащего времени если не царей, то республики. Над этими глыбами поднимаются постройки императорской эпохи. Раскопками, кроме того, выяснено, что первоначальная, самая древняя, церковь Св. Климента была воздвигнута на древнем святилище Митры. После того как древняя базилика, которую знал Иероним, с течением времени погибла, над нею в Средние века была выстроена другая; ее устройство, хотя в ней неоднократно производились изменения, еще и в настоящее время дает самое наглядное представление о древних базиликах.

В V веке возникли еще другие церкви и, если мы до сих пор не упоминали о таких церквях, которые были основаны на развалинах древних храмов, то во вторую половину V века мы будем иметь возможность указать на существование многих из них. Язычество тогда уже пало в Риме; город был проникнут культом новой религии и находился под властью выработанной системы церковного управления, во главе которого стоял высокочтимый епископ. Однако Рим выглядел еще совсем языческим городом; его архитектурная роскошь еще сохранялась; его бесчисленные памятники стояли твердо; невзрачные же христианские базилики были едва заметны среди множества древних зданий: более значительные базилики находились за стенами города или на окраинах его, а менее значительные были разбросаны по разным местам.

Но тем, кто посещал Рим в начале V века, не могло не овладевать тяжелое чувство. Казалось, оцепенение смерти охватило весь город; он пустел, как бы под страшным проклятием. Все сооруженные римлянами и поднимавшиеся ввысь здания были уже только мертвым величием мертвого камня; они были покинуты, замкнуты и уже не возбуждали ничего внимания и ничего поклонения. Христианство, овладев великим городом, не могло вовлечь в свою новую жизнь это наследство, полученное от предков. Оно оставило не тронутыми, в развалинах, великие памятники древней культуры, красоты и полноты древнего искусства, работы и радости веков и воспользовалось лишь кое-где тем или другим храмом, некоторыми колоннами да мраморными обломками. История не знает другого примера такого отчуждения человечества от культуры, вполне еще сохранившейся. Рим наполовину был уже призраком; этот чудесный мир был беспощадно осужден на медленное умирание. Четыреста храмов, вид которых внушал христианам ужас и ненависть, были покинуты и стояли пустыми; вследствие распада гражданской жизни вскоре на-

ступило и безграничное запустение великолепных дворцов и терм, театров и ристалищ. Рим в одних частях своего тела разлагался и в то же время воскресал в других частях; древний город не отделялся от нового, и оба оставались перемешанными друг с другом. Этот яркий контраст смерти и жизни, язычества и христианства, которые вели между собой борьбу, вступали в сочетание и создавали удивительное двойственное существование, началось со времени Константина; и он еще не исчез и в наши дни. Развалины имеют здесь свою историю так же, как церковь и папство, которое на обломках цезаризма овладело политическим духом римского мирового могущества, и мы еще увидим тень Древнего Рима среди его граждан даже в позднейшую эпоху Средних веков. Язычество с его государственным устройством, религией и космополитической культурой было слишком могучим общественным строем, чтобы он мог миновать, совершенно не оставив по себе никаких следов. Продолжали существовать не только развалины памятников, но и остатки нравственного строя. Римский народ сохранял свою античную природу во все века. Мы можем сказать, что римляне после того, как победа христианства была давно уже решена, помогли созданию мирового могущества папства, видя в этом могуществе величие древнего Рима.

Гений древности продолжал жить в церкви и ее величественном культе. В каждую эпоху, даже во времена самого глубокого упадка, в истории Рима мы чувствуем дыхание этого гения, сказавшегося хотя бы только смутным стремлением злополучного потомства к древнему могуществу, никогда не умирившим благоговением к величию предков и вновь пробудившейся мечтой о возможности восстановления римской империи. С концом же Средних веков этот языческий гений в блестящей форме Возрождения неожиданно вновь явился победителем над христианством.

Описав вид города при императоре Гонории, я начну V веком историю долгого и отчасти темного существования Рима в Средние века.

ГЛАВА III

1. Въезд императора Гонория в Рим в конце 403 г. — Резиденция императора. — Дворец цезарей. — Последние игры гладиаторов в Амфитеатре. — Отъезд Гонория в Равенну. — Нападение варваров Радагеса и поражение их. — Падение Стилихона

Читателю известны условия, в которых находилось римское государство в начале IV века. С той поры, как оно разделилось на западную и восточную половину и неукротимый поток переселявшихся народов стал прорываться через границы, которые защищались только слабыми легионами, это великое государство все более и более падало. Сам Рим уже не был больше местом пребывания западных императоров, избравших своей резиденцией Милан. Римляне, страшившиеся вторжений сарматов и германцев и лишенные отсутствием императорского двора обильных источников своего благосостояния, не переставали умолять своих немощных государей о возвращении в город, которому грозило полное запустение; так точно почти тысячу лет спустя потомки этих римлян осаждали пап просьбами покинуть Авиньон и снова перенести престол в умирающий город.

Юный Гонорий уступил призыву народа и в конце 403 г. совершил свой торжественный въезд в город. К этому времени Верхняя Италия была освобождена от готов, проникших в нее из Иллирии в первый раз зимой 400 г. под предводительством страшного Алариха. Стилихон, министр, генерал и тесть императора, кровавы-

ми битвами при Вероне и Полленции в 402 г. устранил грозившую Риму опасность быть завоеванным готами, и Гонорий, таким образом, мог покинуть Равенну и отпраздновать десятилетие своего правления, свое шестилетнее консульство и победы, которыми был обязан своему великому полководцу. По происхождению своему Стилихон был варваром, достиг власти при дворе Феодосия и был женат на Серене, племяннице этого императора. Это был первый германец, своими выдающимися способностями достигший высокого положения.

Со времени триумфального шествия Диоклетиана и Максимиана в 303 г. город не видел ничего подобного. Тогда, на высоте своего всемирного могущества, город праздновал победы над далекими народами Персии, Африки, Британии и Германии; в настоящее время празднество не столько льстило гордости, сколько отвечало радости освобождения от нашествия врага. Это было последнее зрелищем императорского триумфа, которое видел Рим. Поэт Клавдиан оставил красноречивое описание путешествия императора, его въезда в город и празднеств, которые были даны в честь императора. Переживший страх Рим, казалось, был украшен, как невеста, которая спешит навстречу долгожданному освободителю, но эта невеста была уже стара и супруг бессилен.

Гонорий проследовал через Мильвийский мост, имея возле себя, на своей победной колеснице, Стилихона, и медленно продвигался вперед через воздвигнутые ему триумфальные арки; всюду раздавались в честь то юного Августа, то великого героя торжественные клики народа, который занял все дома улицы Капитолия и Палатина и поместился даже на крышах домов. С детским изумлением взирал народ на необычное зрелище, которое представляли толпы воинов, большей частью варваров, их развевающиеся знамена с драконами, стальные панцири, яркие и украшенные павлиньими хвостами шлемы. Императора встречало все население города; но милостивый император не позволил, чтобы впереди его колесницы, как то было в старину, рабски шел пешком сенат. Нетрудно представить себе, с какой горечью те сенаторы, которые еще оставались язычниками, вспоминали прошлое, когда императоры по триумфальной дороге направлялись к Капитолию Зевса, и с каким негодованием эти сенаторы мысленно посылали проклятия христианским священникам, которые с епископом Иннокентием во главе, с хоругвями и крестами шли навстречу Гонорию. Римский епископ уже тогда по своему положению внушал к себе почтение; но все-таки он был не больше как священником, назначался императором и был его смиренным подданным. Точно так же не было еще известно различие между церковью и государством, духовной и светскою властью. Значительная часть римского народа была еще язычниками; даже среди приближенных императора и занимавших высокие государственные посты были люди и старой, и новой веры, и язычники, и христиане. Кроме того, в Риме были ариане. Состоявшие на императорской службе германцы почти все без исключения держались арианской веры. Было бы ошибочно предполагать, что Рим с той поры, как он был покинут императорским двором и стал местом распространения христианской религии, представлял зрелище полного запустения. Если храмы и были пусты, то не были пусты театры и ристалища, и еще того менее — огромные и великолепные дворцы, в которых продолжали жить утопавшие в роскоши патриции.

Гонорий поселился во дворце цезарей, и пестрые толпы императорского придворного штата снова наполнили мраморные залы Палатина. Уже целое столетие Палатин оставался покинутым; за это долгое время он только два раза служил временным помещением для императоров, когда они, приезжая из своих далеких резиденций, посещали Рим. Лишенный Константином некоторых своих лучших украшений, отправленных в Византию, этот огромный дворец уже походил на дом, в ко-

тором все жильцы умерли и который поэтому стал приходить в упадок. «Но ныне (это льстивое изображение придворного поэта Клавдиана, еще язычника) древний дворец цезарей снова получил свой прежний вид, и Палатин в радости, что Бог снова поселился в нем, внял мольбам народов и дал им оракулов, более могущественных, чем дельфийские, — и снова вокруг статуи зацвели лавры!»

Гонорий оставался в Риме целый год. В Большом Цирке были устроены для народа игры, ристалища на колесницах, охоты на животных, пиррические танцы с оружием. Но язычники Рима обманулись в своих ожиданиях прежних игр в их древней форме и роптали, что даже бой гладиаторов был запрещен, к чему христианский поэт Пруденций настоятельно приглашал императора незадолго до его триумфа. Эти ужасные кровавые зрелища осудил уже Константин эдиктом 325 г., но мог только временно приостановить их; при преемниках же его они все-таки устраивались. По свидетельству древнего историка церквы, конец этим жестоким забавам был положен благодаря самопожертвованию одного смелого монаха. Этот монах, Телемах, бросился однажды на арену в толпу разгоряченных гладиаторов, к их полному изумлению, и, воодушевленный благородным порывом, стал удерживать их от убийственной борьбы; возмущенные зрители побили благочестивого ревнителя камнями. Однако Гонорий приказал включить убитого в число мучеников и запретил навсегда бой гладиаторов. Эта легенда прекрасна, и можно только желать, чтобы она была правдива, ибо из всех древних игр, которым был положен конец христианством, нет ни одной, прекращение которой послужило бы к чести человечества больше, чем прекращение боя гладиаторов. Но мы не имеем, однако, никаких точных сведений о времени, когда окончательно оставлена была эта языческая забава. С той поры уже не слышно было ничего более о бое гладиаторов в амфитеатре Тита. И только игры борцов да охота на диких зверей сохранялись еще более чем столетие.

Сам Гонорий не чувствовал себя в Риме как дома; каменное великолепие города могло удручать его и наводить на него скуку. По всей вероятности, уже в конце 404 г. его погнала из Рима весть о новых надвигающихся толпах варваров. И он поспешил обратно в укрепленную Равенну, которая была окружена болотами. Здесь он устроил свою резиденцию и оставался в ней в безопасности в то время, когда 200 000 кельтов и германцев под предводительством Радагеса перешли Альпы и стали опустошать Верхнюю Италию. Стилихон напал на эти орды при Флоренции, которой они уже достигли, производя всюду страшные опустошения. В короткое время он уничтожил их и еще раз спас Рим от угрожавшей ему гибели.

Благодарные римляне поставили герою статую из меди и серебра у роствр и воздвигли триумфальную арку императорам Аркадию, Гонорию и Феодосию. То был последний почет, оказанный Стилихону; уже в августе 408 г. он пал жертвой дворцовых интриг и своих сношений с королем вестготов Аларихом, о характере которой история сохранила, однако, лишь сомнительные сведения. Аларих, смелый предводитель готов, происходивший из уважаемого рода, еще будучи юношей, познакомился с нравами римлян и их воинским искусством, и за свои отважные подвиги получил почетный титул *Valtes* (смелый), который остался за его родом, наряду с родом Амалов, самым знаменитым в готском народе.

В последние годы царствования императора Феодосия мятежный готский народ провозгласил Алариха своим королем. Одну за другой опустошал Аларих провинции, лежавшие к югу от Дуная, проник в Пелопоннес и обратил несчастную греческую страну в пустыню. Многие города и знаменитые храмы были обращены в груды развалин, и только Афины, как гласит прекрасная легенда, были спасены тенью Паллады и Ахиллеса. Стесненный Стилихоном в узких проходах

Аркадии и близкий к гибели, этот страшный воин сумел счастливо выйти из своего отчаянного положения, и вскоре затем, благодаря интригам врагов Стилихона при византийском дворе, был назначен генералом Иллирии и признан союзником Восточной империи. После того он повел свой народ в Италию, откуда после битвы при Полленции и Вероне в 402 и 403 гг. должен был снова уйти назад в придуманнейшей страны. Тайные переговоры и обещания Стилихона побудили Алариха отказаться от союза с Восточной римской империей и поступить на службу Риму. Согласно договору, Аларих остался в провинции Иллирии, которую Стилихон надеялся отнять у Восточной империи, но затем неожиданно вновь двинулся к границам Италии и потребовал у Гонория вознаграждения за свои походы и за то, что он не пойдет дальше Эпира. Император находился тогда опять в Риме, и Стилихон явился из Равенны, чтобы вести переговоры. Сенат, которому честолюбивый полководец вернул некоторое значение, чтобы создать себе опору, был созван во дворце цезарей. После того как Стилихон изложил требования Алариха и настаивал на принятии их, решено было уплатить королю готов сумму в 4000 фунтов золота. Тогда Лампадий, самый уважаемый человек в сенате, возмущенный таким позорным согласием на уплату дани и воскликнул: «Это договор не о мире, а о рабстве!» Испуганный своею смелостью, благородный сенатор бежал искать спасения в ближайшей христианской церкви. Случай этот получил известность и дал перевес врагам Стилихона. Национально-римская партия, которая ставила себе задачей удалить от римского двора вторгавшихся в него варваров, добилась наконец падения великого мужа. Императору было внушено, что Стилихон вместе с Аларихом, своим союзником, поклялся свергнуть императора с трона, чтобы возложить корону на свою собственную голову или на голову своего сына, и судьба Стилихона была решена. Спасаясь от преследователей, этот последний римский герой искал защиты у алтаря одной из церквей в Равенне и, когда его изменчески выманили из церкви, мужественно склонил свою голову под меч палача. Это было в 408 году.

Римляне не без удовольствия узнали о гибели великого полководца, которому были обязаны своим спасением от варваров. Язычники ненавидели в Стилихоне христианина, который сжег книги сивилл; христиане же ставили ему и его сыну Евхерию в вину их тайное расположение к служителям языческих богов. Статуи Стилихона были низвергнуты, но в то время, когда внухи показывали римлянам окровавленную голову молодого Евхерия, последние уже предчувствовали, что ожидает их самих.

2. Аларих идет на Рим в 408 г. — Демон Алариха. — Предчувствия падения Рима. — Первая осада. — Посольство римлян. — Тусцийское язычество в Риме. — Выкуп за снятие осады. — Гонорий отвергает мир. — Аларих во второй раз перед Римом в 409 г. — Контр-император Аггал. — Поход Алариха в Равенну. — Он в третий раз становится лагерем перед Римом

Для короля готов Алариха едва ли было основание горевать о позорной смерти своего давнего врага, хотя бы у Алариха и была даже надежда поделить с ним восток и запад. Теперь уже не существовало единственного противника, который превосходил Алариха своими силами, прогнал его из Италии и обрек на бездеятельность, продолжавшуюся пять лет. Смерть Стилихона сделала Алариха повелителем судеб Рима. Решив еще раз попытать свое счастье, Аларих проник из Иллирии в Верхнюю Италию, куда его звали и друзья Стилихона, желавшие ото-

мстить за его смерть, и ариане; отказ же в уплате договорной дани был достаточным для самого Алариха предложением, чтобы нарушить договор. Какой-то демон, как говорит предание, не давая покоя Алариху, гнал его идти войной на Рим. Один благочестивый монах поспешил навстречу ополчившемуся королю варваров и заклинал его пощадить город и отказаться от чудовищного дела, им предпринятого. Гот ответил монаху: «Я поступаю не по своей воле; какое-то существо не дает мне покоя, мучает, гонит меня и зывает: иди и разрушь Рим!» Иероним и Августин полагают, что демон Алариха был указанием Бога, который хотел наказать развращенный Рим за его грехи. И кто мог бы не признать исторической силы в неудержимом влечении, которое толкало Алариха совершить неслыханное дело? Мысль о том, чтобы покорить вечный Рим, который еще никогда не был побеждаем врагом, должна была казаться человеческому уму чем-то ужасным, и в то же время она должна была производить чарующее действие на честолюбивого варвара. С военным походом Алариха началось завоевание обесцененной германскими народами Италии; тогда-то впервые германцы вышли из беспорядочного существования, движимого бессознательными естественными силами, и вступили в круг закономерно развивающейся культуры; но это же событие было вместе с тем и концом Римской империи. Аларих прежде всего мог надеяться, что с покорением Рима политические условия Италии будут глубже потрясены; но он, конечно, не мог рассчитывать стать властителем на сколько-нибудь продолжительное время, так как у него самого не было опоры ни в каком государстве, ни в каком городе, и не было тех вспомогательных средств и связей, какие некогда были в распоряжении Пирра и Аннибала.

Город все еще был средоточием всякой цивилизации, палладиумом человечества. И даже тогда, когда Рим перестал быть местопребыванием императора и высших государственных властей, он все-таки оставался идеальным центром империи. Уж одним своим именем, глубоко чтимым всеми людьми, Рим представлял определенную силу. Слова «Рим» и «римское» служили выражением мирового распорядка. Несмотря на то что Рим постепенно, жестокими войнами, подвел под свое иго так много народов, он не возбуждал в них ненависти; все покоренные Римом народы и даже варвары с гордостью называли себя гражданами Рима. Только фанатики-христиане могли чувствовать ужас к этому городу как месту служения языческим богам; апокалипсис предсказывал падение этого огромного Вавилона, напоившего все народы вином наслаждения. Книги Сивилл, возникшие в Александрии при Антонинах, предвещали, что город падет после того, как придет антихрист, и обещали, что он появится скоро; антихрист должен был явиться в образе возвращающегося перед концом мира истребителя христиан и матереубийцы, чудовища Нерона. Палладиум Рима утратит тогда свою силу; но с течением времени могущество Рима и славных латинян восстановится силой Христа. В противность Вергилию, церковные отцы Тертуллиан и Киприан утверждали, что римское государство, так же, как и предшествовавшие ему царства персидское, мидийское, египетское и македонское, ограничено во времени и идет к концу. Предание гласило, что Константин основал новый Рим у Босфора по настоянию оракула, так как Древний Рим не мог быть спасен от гибели, на которую был осужден.

Движение сарматских и германских народов к границам империи в IV веке придало правдоподобие всем этим предсказаниям, и ожидание гибели помогло распространению панического страха, что город должен подпасть власти варваров, о которых в особенности христиане полагали, что они сожгут Рим так же, как были сожжены Ниневия и Иерусалим. Нет ничего удивительного в том, что уже при Константине услышан был голос, возвестивший гибель мира, которая должна на-

ступить, когда падет Рим. «Когда эта глава земного шара, — говорил оратор Лактанций, — падет и будет объята пламенем, как предсказывают Сивиллы, кто усомнится тогда, что наступит конец и всему человеческому бытию и миру? Ибо этим городом держится еще мир, и мы должны усердно молить Небесного Бога, если воля Его не может быть иной, чтобы не раньше, чем мы думаем, явился тот достойный проклятия тиран, который совершит это злодейское дело и погасит свет, с исчезновением которого погибнет и сам мир».

С вступлением готов в Италию все эти страхи приняли определенную форму. Повествование Клавдиана о готской войне носит на себе некоторые черты глубокой скорби, с которой было связано предчувствие неизбежной гибели. «Восстань, — так зовет поэт, — достойная мать, освободись от унижительного страха старости, о город, равный по возрасту полюсу! Только тогда неумолимая Лахезис предьявит тебе свои права, когда Дон будет омывать Египет и Нил — Меотийское болото!» Но эти смелые восклицания были только вздохами отчаяния. Как только Аларих двинулся, панический ужас овладел Римом, и сам Клавдиан превосходно изобразил это. Едва в 402 г. король готов приблизился к По, как римлянам представилось, что они уже слышат ржание коней варваров. Начались приготовления к бегству на Корсику, в Сардинию и на греческие острова, с суеверным страхом стали рассматривать затмившийся месяц и рассказывать о страшных кометах, о сновидениях и различных ужасных знамениях, и казалось, что наступило время сбегться древнему предзнаменованию, по которому 12 коршунов Ромула означали 12 веков существования города. Когда-то Стилихон спас Рим, но его уже не было, и генералы Гонория, Туртелио, Варанес и Вигилантий не были способны заменить гений Стилихона. Исходя из гордого чувства величества, но не из сознания силы империи, равенский двор отверг мирные предложения Алариха и его скромные требования денежного вознаграждения. Двор чувствовал себя в безопасности среди адриатических болот и предоставил Рим его собственной участи. Теперь Рим не был больше средоточием государственной власти, и эту власть не могли поразить покорение и падение Рима, «ибо Рим был там, где был император».

Король готов уже перешел По у Кремоны; всюду опустошая страну, он прошел через Болонью к Римини и, не встречая сопротивления, спустился по Фламиниевой дороге. Затем он обложил стены Рима густыми толпами скифских всадников и массаи своего пешего готского воинства, жаждавшего крови и добычи.

Аларих не предпринимал никакого штурма города и только окружил его. Перед каждым из главных ворот Аларих поставил отряды войск, отрезал всякое сообщение города со стороны как земли, так и Тибра, и выжидал неизбежных последствий принятых им мер. Римляне укрылись за вновь укрепленными стенами Аврелиана и надеялись устроить врага видом окровавленной головы знатной женщины. Серена, несчастная вдова Стилихона, племянница императора Феодосия, так как она была дочерью его брата Гонория, жила в смертельном страхе в своем дворце в Риме; при ней находилась ее дочь Термантия, которая была возвращена в Рим ввунунами, когда Гонорий отказался от нее. Термантия была взята Гонорием замуж после того, как ее старшая сестра Мария умерла и когда сама она едва вышла из детского возраста. Сенат подозревал, что Серена призвала готов к Риму из мести и действовала в согласии с ними. Он приговорил ее к смерти от руки палача. Принцесса Плацидия, сестра Гонория и по Феодосию тетка Серены, имевшая тогда 21 год, дала свое согласие на это позорное убийство. Плацидия жила во дворце цезарей; в Риме жили тогда еще и другие женщины императорского рода, ставшие вдовами, а именно: Лэта, бывшая супруга императора Грациана, и ее старая мать Пизамена. Однако сенат обманулся в своей безумной надежде, что готы после смерти

Серены откажутся от намерения войти в город и снимут осаду. В Риме начали господствовать голод и чума. Благородные Лэга и Пизамена продавали свои драгоценности, чтобы удовлетворить нужды народа.

Охваченный отчаянием сенат послал наконец в лагерь готов для переговоров о мире испанца Базилия и трибуна императорских нотариусов Иоанна. Посланные, свидевшись с королем, объяснили ему, что, в случае если король предъявит чрезвычайные требования, великий римский народ, привыкший к войне, готов выдержать отчаянную битву. «Траву, — ответил на это Аларих презрительно и насмешливо, — тем легче косить, чем она гуще». Он потребовал выдачи всего золота, всех ценных вещей и всех рабов варварского происхождения. Тогда один из посланных спросил короля: «Что же думает он оставить римлянам?» «Их жизнь», — был ответ.

В этом безнадежном положении древнеримская партия прибегла к помощи мистерий в честь низверженных богов. Старцы из Тусции, опытные в предсказаниях, искусстве их родины, и призванные, вероятно, префектом города, предложили освободить Рим от врага заклинаниями. Благодаря этим заклинаниям, как говорили авгуры, враг будет поражен молнией; но для успеха заклинаний сенат должен по древнему обычаю принести торжественные жертвы в Капитолии и в других храмах. Рассказывающий об этом языческий историк Зосим утверждает даже, что сам епископ Иннокентий допустил обратиться к этим авгурам, хотя и не одобрил этого. Тот же историк беспристрастно свидетельствует, что язычество оказалось уже умершим в Риме, так как никто не отважился присутствовать при жертвоприношениях; кудесников отослали домой и перешли к более действительным мерам.

Второму посольству Аларих объявил, что он удовольствуется уплатой ему 5000 фунтов золота и 30 000 фунтов серебра; кроме того, он требовал 3000 штук окрашенного пурпуром сукна, 4000 шелковых одежий и 3000 фунтов перца — все это отвечало потребностям варваров. Для уплаты большой суммы наличных денег оказалось недостаточно принудительного налога; поэтому обратились к драгоценностям, хранившимся в закрытых храмах, и стали плавить золотые и серебряные статуи, что доказывает, что в Риме было еще достаточно ценных статуй. Из числа этих попавших в плавильную печь ценностей Зосим сокрушается более всего о национальном изображении Доблести, вместе с которым погибли у римлян последние остатки храбрости и добродетели.

Как только Аларих получил потребованную им денежную сумму, он позволил голодным римлянам выходить через некоторые ворота, устроить трехдневный рынок и доставлять продукты через гавань. Сам он отошел и разбил лагерь в Тусции. Он увел с собой не менее 40 000 варваров-рабов, мало-помалу перебежавших к нему из города и его роскошных дворцов. Аларих ждал ответа двора из Равенны, куда отправились посланные сената, чтобы представить императору условия мира и союза. Гонорий или его министр Олимпий отказались от этих условий, хотя требования Алариха не были чрезмерно велики. Он обещал удовольствоваться ежегодной данью золотом и хлебным зерном, властью над Норикой, Далмацией и обеими Венециями и званием генерала императорских войск.

В числе лиц, посланных Римом к императору, находился также епископ Иннокентий; но ни его требования, ни просьбы и доводы других послов, изображавших мрачными красками бедственное положение Рима, не произвели никакого впечатления, и Аларих вскоре после того узнал в Римини, куда пригласил его новый министр Иовий, что Гонорий с презрением отказывается дать ему, Алариху, звание генерала империи. Тогда Аларих пошел во второй раз на Рим; но еще ра-

ныше он послал итальянских епископов к Гонорию сказать ему, что чтимый город, уже более тысячи лет являющийся главой мира, будет предан огню и разграблению варваров, если Гонорий настаивает на войне, и что он, Аларих, уменьшает свои требования и готов удовольствоваться Норикой, данью хлебом и дружеским союзом, который даст ему возможность обращать свое оружие против врагов императора. Однако министры ответили, что они клялись головой Гонория никогда не заключать мира с варварами и что скорее можно нарушить клятву Богу, чем императору.

Умеренность короля готов не может быть вполне объяснена тем преклонением перед авторитетом империи, которое было присуще всем варварам, даже самым отважным. Завоевателя сдерживает не благоговение, а страх, и Аларих мог думать, что для него, опиравшегося на разрозненные, плохо дисциплинированные толпы воинов, было бы лучше предпочесть кратковременной власти над городом более скромное, но обеспеченное официальным государственным договором, обладание какой-нибудь провинцией в государстве. Явившись снова у Рима, Аларих понял, что для его неопытных в осаде воинов будет невыполнимой задачей пробить стены Аврелиана или взобраться на них. Поэтому он решил окружить город и заставить его сдаться голодом. С этой целью он овладел важным портом Рима на правом берегу устья Тибра и, таким образом, взял в свои руки все источники запасов города.

Ближайшая задача задуманного Аларихом политического переворота заключалась не столько в том, чтобы действительно лишить Гонория трона, сколько в том, чтобы облечь удовлетворение предъявленных им самим требований в законную форму; а для этого ему необходимо было лицо, которое изобразило бы собой императора. Измученный народ был готов согласиться на условия готских послов, предлагавших низложить Гонория и признать Алариха протектором Рима. Народное восстание принудило сенат вступить в переговоры с королем готов. По предложению последнего, император Гонорий был объявлен низложенным, и префект города Аттал, одетый в пурпур и диадему, был возведен на трон во дворце цезарей. Таким образом, мысль занять самому римский престол была очень далека от короля готов; он ограничился тем, что низложил законную династию и на ее место поставил императором, по решению сената и народа, римлянина, которому затем сам присягнул. В то же время Аларих, уже без всякого затруднения, получил от Аттала звание генералиссимуса империи, а гот Атаульф, муж сестры Алариха, был назначен префектом конницы.

Римский плебс встретил Аттала пожеланиями благополучия, рукоплескал назначению Тертулла консулом и ждал цирковых игр и щедрых милостей. Только фамилия Анициев оставалась безучастной к этому бурному перевороту; народ заметил это равнодушие и отнесся к нему враждебно. Аниции, могущественный род, стоявший во главе христианской аристократии Рима, справедливо опасались реакции со стороны язычников. Аттал сам был язычник; правда, в угоду готам, признававшим арианское христианство, он позволил окрестить себя одному из их епископов, но в то же время он не только разрешил открыть древние храмы, но удалил с монет лабарум с монограммой Христа и вместо изображения креста стал снова чеканить копьё и изображение римской Виктории.

Затем готское войско, соединившись с войском Аттала, направилось осаждать Равенну. Аттала Аларих взял с собою. Едва готы показались перед стенами Равенны, как императора Гонория покинула всякая бодрость. Он вступил в переговоры с готами и выразил даже готовность признать Аттала своим соправителем. Предложение это, однако, было отвергнуто. Конкурент Гонория мог бы достигнуть боль-

ших результатов, если бы он следовал намерениям Алариха с должной проникательностью и энергией; но этот бывший префект Рима не находил нужным следовать указаниям того, кому был обязан своим возвышением: он презирал варваров и ничего не сделал, чтобы отнять у императора Африку, для чего король готов предлагал ему свои войска. Это был человек неспособный стать ни государственным мужем, ни воителем. Между тем измена министра Иовия укрепила Гонория в мысли бежать в Константинополь; но в это время неожиданно в гавани Равенны появились шесть когорт, и это вернуло Гонорию бодрость. Этот почти неприступный город делал тщетными усилия Алариха, который, впрочем, не переставал вести переговоры с императором. К своей кreature, Атталу, Аларих относился как к пугалу. В Римини он снял с Аттала пурпур и диадему, отослал их в Равенну, а экс-императора с его сыном Амелием удержал, как пленников, в своем лагере. Однако в Равенне старались оттянуть переговоры о мире.

Появление Сара, смелого готского начальника и смертельного врага Алариха; неожиданное нападение этого Сара на Атаульфа, войска которого были разбиты, и, наконец, допущение Сара в стены Равенны убедили короля готов, что его намеренно обманывают. Тогда он снял свой лагерь и в третий раз пошел на Рим. Если раньше, по многим соображениям, он щадил столицу государства, то теперь он решил силой овладеть ею и поступить с ней, как со своей добычей. Ничтожный Гонорий поступался Римом, довольный, что враг ушел от Равенны.

Теперь готы и гуны стояли в лихорадочном нетерпении на высотах перед Римом, который король обещал отдать им на разграбление. В стороне Ватикана эти дикие воины могли видеть базилику Св. Петра и дальше за ней, на берегу Тибра, базилику Св. Павла. Начальники говорили воинам, что они не должны направлять своих жадных взглядов на эти, полные золота и серебра, святыни; но все, что есть дорогого за высокими стенами Аврелиана, принадлежит им, воинам, если они смогут проникнуть за эти стены. И воины, одолеваемые хищными желаниями, видели перед собой неисчерпаемую добычу; они смотрели на это чудо архитектуры, на этот переживший столетия мир домов и улиц с высокими обелисками и колоннами и с позолоченными статуями на некоторых из них; они видели стройно расположенные величественные храмы, театры и цирки, стоявшие как громадные круги, термы с их тенистыми помещениями и обширными куполами, сверкавшими на солнце, и, наконец, обширные дворцы патрициев, казавшиеся городами внутри города, городами, в которых, как знали воины, имеются в изобилии драгоценности и скрывается роскошный и беззащитный цвет римских женщин. Варварская фантазия воинов была вскормлена рассказами о сокровищах города, слышанными от кочевых предков на Истере и у Меотийского болота; но животной жадности воинов ничего не говорила недоступная им мысль о том, что город этот был городом Сципионов, Катона, Цезаря и Траяна, давших миру законы цивилизации. Варвары-воины знали только, что Рим силой оружия покорил мир, что богатства мира собраны в Риме, и эти сокровища, которых еще ни один враг не грабил, должны достаться им как военная добыча. И этих сокровищ было так много, что воины надеялись мерять жемчуг и благородные камни, как зерно, а золотыми сосудами и роскошными вышитыми одеяниями нагрузить телеги. Лохматые сарматы войска Алариха, одетые в звериные шкуры и вооруженные луком и колчаном, и сильные готы, облаченные в медные панцири, — и те и другие, грубые сыны природы и воинственных скитаний, не могли иметь никакого представления о высоте, на которой стояли в Риме искусства, и только смутно чувствовали, что Рим для них — море сладострастной неги, в которое они погружаются; и они знали также, что все римляне — или презренные гуляки, или монахи-аскеты.

3. Высший класс и народ в Риме того времени, по сведениям Аммиана Марцеллина и Иеронима. — Языческое и христианское общества. — Число населения в городе

Чтобы изобразить город и народ, которым грозила теперь опасность разорения готами, мы не имеем никаких других красок, кроме тех, которыми историк Аммиан Марцеллин нарисовал картину римских нравов своего времени. Правда, картина эта относится к эпохе Константина и Грациана, но она одинаково подходит и к 410 году, так как промежуток в 50 или 30 лет мог не ослабить, а только усилить краски. Аммиан описывает и римскую аристократию, и римский плебс; но ярким светом он освещает только первую, низшие же классы оставляет в тени. Многое в характеристике Аммиана напоминает древних сатириков и представляет нам аристократию Рима такой же, какой она была при Нероне и Домициане, но только в восточной, византийской оправе. Аммиан описывает патриция и дома, и в бане, и едущим по городу или в имения в Кампанье. Дома патриций изображен в своих комнатах, украшенных роскошными мраморными статуями и мозаикой, за обедом среди льстецов и игроков в кости, которые составляют общество патриция, прославляют колоннады его зал и совершенства его статуй и дивятся весу его фазанов, рыб и сурков, в то время как нотариусы с важной миной заносят в акты этот вес. Аммиан, как Парини по отношению к своему благородному миланцу, дает патрицию в руки книгу, но никакой другой как только или сатиры Ювенала, в которых патриций, возлежа на шелковых подушках, наслаждается роскошью и невоздержностью своих предков, или Мария Максима, так как библиотеки, как могилы, закрыты навеки, философ заменен шутом и оратор — учителем непристойных искусств. Когда благородный господин, называющий себя странными именами Ребурра и Таррасия, утомится, его усыпляет музыка флейт или пение кастратов, а водяной орган и шарманка, величиной с двухколесную колесницу, снова поднимают его ослабевший дух. В театре, где 3000 певцов и столько же балетных танцовщиц с чувственной грацией разыгрывали мифы, ум патриция не испытывает обременения. Направляясь туда или в термы, патриций едет, как паша, на носилках или в дорогой колеснице, в предшествии толпы рабов, которых ведет их начальник. Впереди идет гардеробная прислуга, затем кухонная прислуга, а дальше смешанная толпа рабов и плебеев-тунеядцев квартала; все шествие замыкается еще толпой евнухов всех возрастов и мертвенного, отталкивающего вида, свидетельствующего об искажении природы. Так с громом шествует по обширному городу Риму какой-нибудь Фабуний или Ребурр, сотрясая мостовую, и направляется в термы Каракаллы не потому, что общественные бани лучше частной бани в его собственном дворце, а потому, что знатный господин может показать там весь свой блеск и заставить льстецов целовать себе колени и руки. Случись ему принять даже там чужестранца, он старается доставить ему верх благополучия и расспрашивает этого чужестранца, какие ванны или какой целебный источник имеет он обыкновенно употреблять и в каком дворце он остановился.

Когда таким знатым господам, говорит Аммиан, случается совершить поездку в их отдаленные имения, отправиться на охоту, где они кичатся добычей, взятой чужими руками, или в солнечный зной перебраться на раскрашенных галерах через Авернское озеро в Путолы и Гаэту, они полагают, что совершили такой же поход, как Александр Великий. И если какая-нибудь муха сядет на шелковый край их огромных позолоченных опахал или малейший луч солнца проникнет через щелку в огромном зонтике, они уже жалуется на судьбу, по воле которой родились не среди киммерийцев.

Было бы слишком долго приводить отдельные черты из жизни этой утопавшей в роскоши аристократии, — все той же, была ли она христианской или языческой, — и мы воспользуемся только некоторыми указаниями Олимпиодора, свидетельствующими, что римская знать все еще обладала неизмеримыми богатствами. Чтобы дать понятие о роскоши и обширности римских дворцов, этот историк и очевидец того времени говорит, что каждый такой дворец, как город, заключал в себе все: гипподром, площадь, храм, фонтаны и термы, почему и можно было сказать: *Рим, один дом и город, заключает в себе несчетное число городов.*

По словам Олимпиодора, многие римские фамилии получали со своих имений ренту в 4000 фунтов золота, не считая дохода естественными продуктами, которые, будучи обращены в деньги, составляли еще треть означенной суммы. Он говорит, что Проб, сын Алипия, на одно празднование своего назначения претором израсходовал 1200 фунтов золота; оратор Симмах, принадлежавший к числу сенаторов только с средним достатком, истратил перед падением города, празднуя преторство своего сына, 2000 фунтов, а Максим израсходовал невероятную сумму в 4000 фунтов, причем игры продолжались только семь дней.

Таковыми играми в театре и цирке и банями плебс вознаграждался за доставшуюся на его долю бедность, и в то же время его не переставали кормить, оделяя хлебом, салом, маслом и вином. Отмечая имена некоторых самых известных плебеев своего времени, как то: Цимессоров, Статариев, Семикупэ, Серапини, Портака, — Аммиан говорит, что плебеи помышляли только о вине, игре в кости, публичных домах и зрелищах и что для них Большой Цирк был и храмом, и домом, и курией, и дворцом всех надежд. Они стояли толпами на площадях и перекрестках, занятые горячими спорами, среди которых убежденные седины старцы клялись, что государство непременно погибнет, если на предстоящих ристалищах не одержит победы та или другая лошадь, та или другая партия. Когда же наступал давно ожидаемый день, они еще до восхода солнца в лихорадочном нетерпении теснились у ворот цирка. Такое же безумие овладевало ими при всяком другом зрелище, была ли то драма, охота, состязания колесниц или мимические представления. Эта врожденная и усиленная праздностью страсть к зрелищам составляла, по-видимому, существенную сторону внутренней природы римлян, и св. Августин ломает руки в отчаянии, рассказывая, что даже беглецы, прибывшие в Карфаген после разграбления Рима, доведенные до нищеты и испытавшие столько горя, тем не менее ежедневно посещали театр и приходили там в неистовство.

Среди всей этой языческой роскоши Рима действовало и христианство, со своей стороны ослабляя умиравший народ. Христианская религия провозгласила началами нового общества свободу и равенство, и люди должны были образовать из себя общину любви. Идеи эти вступили в борьбу с римским государством как с языческим и аристократическим институтом. Однако политическое начало прокралось в христианское общество в форме иерархической церкви, и рядом с церковью продолжало существовать языческое государство, с его основой — рабством. Деспотизм, распадение и неспособность к возрождению этого государства, его безнадёжное, дряхлое, старческое состояние, еще резче выступавшее по сравнению с церковью и ее юным ростом, — все это склоняло людей к тому, что они бежали от гражданской жизни и ее обязанностей. Римляне, которые некогда стояли на такой высоте государственности и гражданственности, какой только может вообще достигнуть народ, вступили теперь в эпоху глубокого равнодушия ко всему, что составляло государство, и это было гибелью Рима. Если философия стоиков, некогда охранявшая дух лучших людей от бед императорского владычества, побуждала граждан к деятельному исполнению обязанностей в государстве, то христианская философия вела к

отрицанию всего государственного. Чтобы убедиться в этой разнице, достаточно сравнить только практические указания Эпиктета и Марка Аврелия, с одной стороны, и Иеронима и Павлина из Нолы — с другой. Идеалом жизни теперь ставилось мистическое самосозерцание в монастырской келье. Уйдя от мира, ставшего ненавистным, христианин отверг государство, погрузился в глубину личного существования и создал внутренний мир нравственной свободы, до которого не было дела римскому язычеству. Но вместе с тем монашество вело и к гибели последних остатков гражданских и политических добродетелей: монашеская ряса отняла у Рима его последнюю доблесть. Благородные сенаторы шли в монастыри; сыновья и внуки консулов не стыдились показываться в монашеском капюшоне среди своих знакомых того класса, к которому они сами раньше принадлежали. «В наше время в Риме происходит то, чего еще не видел до сих пор мир. Когда-то между мудрыми, могущественными и благородными было мало христиан; ныне много монахов среди могущественных, мудрых и благородных людей». Так ликовал Иероним.

В общем, к тому времени христианские начала вполне проникли в Рим. Не следует, однако, думать, что они вполне сохраняли свою чистоту; наоборот, христианство здесь быстро извратилось, так как почва, на которую пало это новое учение, была пригодна для него менее, чем какая-либо другая в мире.

Многочисленные письма Иеронима дают возможность составить понятие о христианских нравах Рима, и описания эти напоминают сатиру. Как дополнение к картине, которую дает Аммиан, их следует принять во внимание; но и этот языческий историк, невраждебный к христианам, горько порицает роскошь и честолюбие римских епископов. В описании кровавой борьбы между Дамазом и Урсицином из-за епископского престола в Риме мы находим следующие замечательные слова: «Когда я смотрю на блеск того, что делается в городе, я убеждаюсь, что те люди должны были бороться со всей партийной страстью, чтоб добиться исполнения своих желаний, ибо, раз они достигали своей цели, они могли быть уверены, что они разбогатеют от подарков матрон, будут торжественно ездить в колесницах, роскошно одеваться и задавать такие богатые обеды, которые превзойдут императорские. Но они могли бы заслужить имя праведных, если бы презрели городской блеск, которым они прикрывают пороки, и подражали бы образу жизни некоторых сельских духовных. Свойственные последним умеренность в пище и питье, невзрачная одежда и полный смирения взгляд свидетельствуют о них истинно верующим как о настоящих и достойных почитания мужах».

Иероним, раньше бывший домашним секретарем епископа Дамаза, на основании собственных наблюдений описывает христиан, как светских, так и духовных, мужчин и женщин, в особенности последних, от которых всегда зависят нравы. Он изображает высокомерных ханжей-женщин, попов — пронырливых искателей наследств, надутых монахов и галантных дьяконов, которые вместе с римской аристократией щеголяли христианством.

Он вводит нас в дом благородной дамы: внучка Дециев или Максимов в печали — она овдовела. Она возлежит на богатом ложе и держит в руках Евангелие, переплетенное в пурпур и золото. Ее приемная комната полна льстецов, которые сумеют утешить даму рассказами о скандалах в духовных или светских сферах, а она сама горда тем, что слывет покровительницей духовных лиц. Последние, посещая благородную даму, целуют ее в голову и получают благосклонную милостыню. Если они принимают ее, может быть, с некоторой конфузливостью, то тем наглее в этом отношении те босоногие, одетые в черные и грязные рясы монахи, которые не пускаются прислугой дальше порога; но разряженные евнухи широко раскрывают двери дьякону, когда он приезжает сделать визит в модной колеснице, в которую

впряжены горячие и красивые лошади, так что можно подумать, что это явился родной брат короля Фракии. Его шелковое одеяние издает аромат благовонных вод, его волосы завиты самым искусным парикмахером. Кокетливо придерживая платье рукой, украшенной золотыми кольцами, он легко ступает ногами, щегольски обутыми в мягкий сафьян. «При виде такого мужчины, — говорит Иероним, — каждый скорее примет его за жениха, чем за духовное лицо», — и мы скажем еще, что тот, кто видел бы такого господина теперь, счел бы его за одного из наряженных в шелк донжуанов современного Рима. Во всем городе он известен под смешливым прозвищем «городской кучер», уличные же мальчишки кричат ему вслед: «*ripizzo*» и «*geranopera*».

Он везде и нигде; обо всем он узнает первый; нет городской сплетни, которой бы он ни сочинил или ни преувеличил. Его карьера вкратце такова: он сделался священником, чтобы иметь более свободный доступ к женщинам. А образ жизни его следующий: он подымается с постели рано и соображает, кого он должен посетить сегодня; затем он пускается в свои странствования. Если в каком-нибудь доме он находит то, что ему нравится, будет ли это тонкое сукно или подушка, или какой-нибудь сосуд, он начинает любоваться этой вещью и любит ее до тех пор, пока ему подарят ее, так как язык у «городского кучера» остер и дамы опасаются этого языка.

Когда матрона должна исполнить какой-нибудь публичный христианский обряд, то она совершает его очень шумно. Подобно своему родственнику Фабуннио или Ребурру (мы видим, что это все та же римская аристократия, только переодетая в христианское платье), матрона отправляется в базилику Св. Петра в носилках, которым предшествует толпа евнухов. Там, чтоб казаться более благочестивой, матрона сама одевает нищих милостыней и справляет так называемую братскую трапезу, или «агапы», о чем глашатай также должен прокричать.

Двумя этими типичными фигурами могут быть вполне охарактеризованы классы, к которым они принадлежат. О других темных сторонах церкви мы можем узнать из тысячи мест писаний отцов церкви. С установлением духовных рангов в них проникло аристократическое высокомерие. Испорченная натура римлян осталась той же, какой она была раньше, так как крещение не изменяло ничего; христианское общество сохраняло языческое образование, языческие наклонности и потребности. Масса общества ничего не понимала в учении Христа, и если некоторые римляне, как Паммахий, Марцелла и Павла, искали спасения в подвигах монашеского отречения, то тысячи римлян меняли Мифру на Христа только ради выгоды, из моды или простого любопытства. И в многочисленной среде честолюбивых духовных пороки продолжали развиваться; откровенный же разврат обоих полов лишал всякого значения монашеский обет безбрачия.

Иероним рассказывает об одном случае брака в Риме, которому с трудом верится, но этот случай лучше всяких книг дает понятие о состоянии нравов в Риме в те времена. «Несколько лет тому назад, — пишет Иероним, — когда я был секретарем римского епископа Дамаза, мне случилось видеть брачную чету вполне похоронивших друг к другу мужчины и женщины из народа: мужчина уже успел похоронить своих двадцать жен, а женщина уже имела двадцать два мужа; оба они полагали, что соединяются теперь последним браком. Публика нетерпеливо ждала, кто из них обоих похоронит один другого. Победа оказалась на стороне мужчины, и весь Рим сбегался смотреть на него, когда он, с венком на голове и пальмовой ветвью в руке, гордо предшествовал носилкам с телом его многомужней жены; время от времени народ кричал этому мужу, что он заслужил почетную награду». Это публичное поругание брака ужасно, но оно не было настолько опасно для нрав-

ственности, как духовное родство так называемых *agarēti* и *synsacti*, под покровом которых христианские женщины предавались разврату с их названными сыновьями и братьями.

Мы позаимствовали лишь некоторые наброски знаменитого отца церкви и хотим успокоить встревоженного, быть может, читателя, что наряду с такими темными картинами Рима те же отцы церкви рисуют также и некоторые светлые картины.

Было бы важно знать также, как велико было население Рима, когда Аларих вторгся в него; но никаких сведений о том у нас нет. Согласно *Notitia*, в 14 округах Рима значилось 46 602 «острова», или жилища, вообще и 1797 дворцов. Но со времени Константина, вследствие выселения и все возрастающего обеднения города и провинций, население Рима должно было значительно уменьшиться и едва ли превосходило число в 300 000 жителей; вернее, что и это число было слишком велико для Рима того времени.

ГЛАВА IV

1. Аларих овладевает Римом 24 августа 410 г. — Город подвергается разграблению. — Торжественная сцена из истории христианской религии. — Снисходительность и пощада со стороны готов. — Аларих покидает Рим через три дня

Готы обложили город у всех ворот так же, как они это делали прежде, и Аларих сосредоточил свое внимание на *Porta Salara*, у горы Пинчио, перед которой он разбил свою главную квартиру, вероятно, потому, что стены здесь не были так крепки. Лагерь был раскинут на месте древних Антеми, находившихся на холме, кверху от Саларского моста, и представлявших во время этой осады города готами, вероятно, лишь одни развалины. Мы не имеем, впрочем, точных сведений ни о жалких средствах защиты у римлян, ни о том, сколько времени продолжалась осада. По-видимому, Аларих не предпринимал никакого штурма, а спокойно выжидал, когда голод в городе и соглашение с арианами и язычниками города принесут свои плоды. Задача Алариха должна была быть значительно облегчена тем, что на его сторону перебежало большое число рабов. Нет сомнения, что Рим пал вследствие измены. Но с годами воспоминание о том, как Аларих взял город, настолько сгладилось из памяти людей, что греческий историк Прокопий рассказывает об этом событии самые невероятные сказки. Так он повествует, будто Аларих, притворившись, что снимает осаду и уходит, отослал сенаторам 300 благородных готских юношей как пажей с просьбой принять их как дар, свидетельствующий о его уважении к сенаторам и к их верности императору, и в то же время тайно приказал этим юношам в обеденное время назначенного дня перебить стражу у *Porta Salara* и отворить ворота, что будто бы и произошло. Однако сам же Прокопий говорит, что была распространена еще другая легенда о взятии Рима, будто готов впустила в Рим благородная Фальтония Проба (она была вдовой знаменитого Секста Аниция Проба), приведенная в отчаяние невыносимыми бедствиями народа, которому грозило под гнетом голода обратиться в каннибалов. Такая легенда могла, конечно, сложиться в зависимости от переговоров, которые вела богатая и могущественная женщина с Аларихом, желавшая склонить короля к тому, чтоб он пощадил жизнь римлян и церкви.

Даже год взятия Рима не указывается с беспорной точностью: показания историков колеблются между 409 и 410 годами. С течением времени эта дата утрати-

лась; но позднейшие хроники определенно отмечают 24 августа 410 г. как день падения города, который и следует окончательно признать.

Готы были впущены в Саларские ворота ночью. Как только первые толпы готов проникли в город, они зажгли ближайшие дома; пожар распространился дальше по узким улицам и охватил дома Саллюстия. Прекрасные дворцы историка войн Югурты и заговора Катилины, в которых некогда умер император Нерва, служили первым сигнальным факелом разграбления Рима. Героическое падение Карфагена, Иерусалима и Сиракуз было достойным концом этих городов; но позорное падение Рима под мечом Алариха наводит ужас зрелищем глубокого упадка некогда величайшего по героизму народа, какой только был на земле. Нигде не было оказано сопротивления; повсюду бегство, убийства, грабеж и ужасное смятение, которых не решился описать ни один очевидец.

Варвары с быстротой потока устремились во все кварталы Рима, гнались за беглецами и рубили их. С животной яростью готы принялись за разграбление Рима. В первом и жадном порыве найти золото они бросились искать его всюду: во дворцах, в термах, церквях и храмах, и опустошили Рим с поспешностью грабителей. Опьяненный победой гунн не останавливался перед произведениями александрийских мастеров, служившими для римских женщин предметами утонченной роскоши, да он и не понимал значения и смысла многих неоценимых вещей, принадлежавших, может быть, еще греческим временам, и всех тех драгоценностей, которые с таким же разбойничьим неистовством были награблены в далекой Пальмире, Ассирии и Персии предками, теперь в свою очередь подвергшихся разграблению. Грабители хватали все эти сокровища, убив сначала дрожавших от страха гуляк Фабуниев и Ребурров и принеся в жертву своим животным страстям хозяек дома. Многие римляне во время осады позаботились скрыть свои богатства, и оттого-то с той поры могли возникнуть различные легенды о сокровищах, закопанных в Риме; но большая часть богатства была оставлена на произвол судьбы их обладателями, подвергнутыми истязаниям их безжавшими рабами, которые из мести выдавали имущество своих тиранов. Едва ли в каком-нибудь другом городе могла достаться врагу более богатая добыча; и она действительно была неистощима и невероятно велика, как говорит современник Олимпиодор. Четыре года спустя после этого грабежа принцесса Пластидия как невеста Атаульфа должна была краснеть, когда пятьдесят готских юношей, одетых в шелковые одежды, с улыбкой подносили ей как подарок от жениха чаши, наполненные частью кусками золота, частью благородными камнями, — сокровища, которые представляли добычу, похищенную при разграблении Рима, ее родного города.

Аларих дал своим воинам полную свободу грабить, но приказал им щадить жизнь жителей города и не касаться церквей, в особенности базилик Св. Петра и Св. Павла. Готы повиновались этому приказанию, поскольку это было для них возможно в их слепом, неистовом искании добычи. Разыскивая золото, они врывались в дома и, находя там перепуганных жителей в бедном платье, полагали, что последние таким образом хотят только обмануть их. Иероним сокрушается, что его благочестивая приятельница Марцелла, находившаяся в своем доме на Авентине, когда туда проникли дикие толпы врагов, была подвергнута ударам плети. Первая монахиня Рима из благородного рода, она показывала на свое скромное платье и, подвергаясь бешеным ударам мучителей, обнимала их колени и умоляла только пощадить целомудрие ее воспитанницы Принципии. Сердца варваров смягчились, и они отвели благочестивых женщин в убежище Св. Павла. Но другие, ревностные ариане или еще остававшиеся язычниками, не смущались такими случаями, врывались в женские монастыри и насильственно освобождали несчастных монахинь от данного

ими обета девственности. Один историк вполне определенно говорит, что грабители останавливались только перед святынями Св. Петра, все же остальное они похищали без различия. Епископ Иннокентий, бежавший тогда в Равенну, предоставил самим апостолам охранять свои базилики и, будучи вдалеке и в безопасности, мог славить как явное чудо, совершенное святыми мучениками, то, что зависело от великодушия Алариха и его почтения к религии Христа.

На фоне всех этих ужасов выделяется светлая картина истинной человечности, и на описании этой картины, ради ли контраста, или по чувству христианского благочестия, историки останавливаются дольше, чем на изображении состояния разграбленного Рима. Один гот проник в дом, где одна из благочестивых дев, будучи одинокой и беззащитной, тем не менее бесстрашно охраняла собранные вместе священные сосуды. Гот был уже готов броситься на эту добычу, но почувствовал страх, когда услышал спокойные слова благочестивой девы, что он может делать с сокровищем все, что хочет, но оно принадлежит апостолу Петру, и святой сумеет наказать ограбившего храм. Варвар смело бы схватил своей рукой горящие угли, но он не тронул сокровищ, сообщил об этом Алариху и получил от него приказ отнести под верной охраной в базилику Св. Петра приношения, посвященные апостолу, и туда же проводить благочестивую защитницу сокровищ. Когда двинулась эта редкостная толпа грабителей, которые бережно несли чаши, диски, лампы и кресты, сверкавшие смарагдами и гиацинтами, она быстро превратилась в целую процессию. Спасавшиеся бегством христиане, женщины с дикими от испуга лицами и с детьми на руках, беззащитные старцы, трепещущие мужчины, объятые паническим ужасом язычники, варвары с их оружием и платьем, смоченным кровью, и с мрачными лицами, на которых животные страсти еще боролись с неожиданно овладевшим ими благоговением к вере, — все это перемешалось вместе, и, по мере того как толпа подвигалась к Св. Петру, торжественные звуки гимна прерывали дикие крики грабежа. Эту картину, полную контрастов, благочестивые отцы церкви не без основания прославляли как триумфальное шествие христианской религии.

Это было, однако, не единственным случаем сдержанности варваров. Готы знали, что римляне чувствуют к ним презрение как к арианским еретикам и врагам, много раз ими разбитым. Теперь готы являлись мстителями за свою народность и дали, конечно, излиться своей ярости против города, бессильное население которого они презирали. Под мечами готов и в особенности язычников гуннов, скифов и аланов и освободившихся рабов погибли в Риме и вне его тысячи римлян, так что, как жалуется св. Августин, не хватало рук хоронить тела. И все-таки Рим, как Иерусалим или Ниневия, ждавший уже окончательной гибели, так низко пал, что имел основание прославлять сдержанность врага. Даже некоторые из тех историков, которые приходят в ужас от пролитой крови, с радостью перечисляют только немногих убитых сенаторов и вспоминают о гораздо большем еще бедствии, которое потерпел некогда город от ничего не щадивших галлов Брена.

Поразительно короткий срок, который дан был Аларихом воинам для грабежа, также должен был смягчить его ужасы, так как грабители должны были спешить воспользоваться разрешенным сроком исключительно на то, чтоб набрать побольше добычи. Возможно, что король так спешил покончить с разграблением Рима по чувству благоговения к величию и святости города, который некогда произвел потрясающее впечатление на перса Гормиздаса и тем более должен был вызывать то же чувство в Аларихе, как героя. При виде столицы мира, которая лежала опозоренной у его ног и с колонн которой на него смотрели строгие лица героев, которых имена и деяния он отчасти знал, Аларих должен был испытывать

душевное потрясение и вспомнить о Стиликоне, при жизни которого Алариху никогда бы не удалось вступить в Рим. Но помимо таких чувств и опасения заклеить свою славу варварским обхождением с Римом, еще и политические соображения заставили Алариха уже через три дня вывести готов из разграбленного Рима в Кампанью, и он ушел, ведя за собой длинный ряд повозок с нагруженной на них огромной добычей и множество пленных, в числе которых была Плацидия, сестра Гонория.

2. Памятники города не были разрушены готами. — Взгляды историков по этому вопросу

После того как готы, не преследуемые никаким неприятельским войском, удалились, римляне получили возможность оценить весь масштаб обрушившихся на них бедствий. За этим ужасным событием, неслыханным до того в истории великих городов по стечению сопровождавших его обстоятельств, не последовало ни военной оккупации, ни каких-либо изменений в политических условиях. И когда город, сохраняя все страшные следы нашествия врага, уже не видел больше в своих стенах, то ему могло казаться, что он не был опустошен людской войной, а подвергся действию каких-нибудь разрушительных сил природы. Можно, конечно, представить себе, какое зрелище представлял Рим в тот день, когда он был покинут готами, но ни один историк не нашел в себе достаточно мужества описать это, и ни один из них не проследил разрушений, произведенных в городе. Между тем вопрос, в чем заключались эти разрушения, весьма важен, так как история развалин Рима, которая отчасти должна быть изложена нами, начинается, по-видимому, именно с этого разграбления Рима, как события, составляющего эпоху, хотя собственно разорение Рима началось уже с Константина.

Итальянцы, движимые национальной ненавистью и желая отомстить готам за город, который между тем был оставлен на произвол судьбы самим Гонорием и римлянами, старались заклеить их вечным позором разрушения самых лучших памятников древности. Но исследования даже самих итальянцев сделали эти старания напрасными, и если такие попытки еще делаются иногда, то они свидетельствуют только о грубом невежестве. В настоящее время историку уже нет надобности доказывать, что нелепо и смешно представлять себе, что готы или вандалы, или германцы, от природы одержимые каким-то особым озлоблением против храмов и колонн, во время их короткого, соединенного с грабежом пребывания в Риме, ничего другого не делали, как только ходили всюду с молотом в руке, разбивали статуи, взбирались при помощи подъемных машин на театры и бесполезно мучили себя тем, чтобы сдвинуть с места огромные глыбы камней.

Готы нанесли Риму весь тот вред, который неразлучно связан с разграблением; они портили здания города, поскольку эта порча вызывается грабежом, цель которого завладеть движимым, а не разрушать недвижимое. Врываясь в храмы, термы и дворцы, готы хватали все, что ценно, и под их грубыми руками среди разгрома погибли многие прекрасные мраморные статуи на улицах и площадях. Не менее опустошения должен был произвести пожар, и мы уже говорили, что дворцы Саллюстия погибли в пламени. Их почерневшие от дыма развалины (очень незначительную часть сводов и комнат этих дворцов можно видеть поныне), как свидетельство опустошения, произведенного вестготами, были отмечены историком Прокопием сто сорок лет спустя. Но это единственное известное здание Рима, о котором мы знаем, что оно погибло, когда Рим был взят вестготами; сообщения

же таких писателей, которые в риторическом преувеличении говорят о разрушении города огнем, теряют свою силу в виду других сведений. Византиец Сократ говорит, что самая большая часть замечательных сооружений Рима была сожжена готами; Филосторий сообщает, что Аларих ушел в Кампанию, предав великий и знаменитый город мечу и варварскому пленению, и оставил город в развалинах; Иероним патетически восклицает: «Увы, мир гибнет, и мы пребываем в наших грехах; императорский город и главу Римской империи пожрал огонь!» В таком же тоне во многих местах своих произведений говорит о пожаре и Августин. Таким образом, необходимо допустить, что в некоторых местах Рим был разрушен пожаром, хотя историк Иордан говорит: «По приказанию Алариха готы ограничились грабежом и не поджигали города, что обыкновенно делают варвары». Современник Орозий пишет, что опустошение в Риме было произведено больше Богом, чем людьми, так как было свыше человеческих сил воспламенить железные балки и ниспровергнуть огромную тяжесть каменных зданий, но что молния ударила в форум с изображением мнимых богов, и посланный с неба огонь сокрушил все эти ужасы суеверия, которых не мог уничтожить пожар, сделанный врагами. Рассказ этот для нас важен не тем, что он, казалось бы, подтверждает действительное опустошение Рима пожаром, а тем, что в этом рассказе сказались легенды христиан, ожидавших, согласно предсказаниям сивиллы, гибели Рима от огня. И когда стало известно, что Рим взят, христиане решили, что пророчество сбылось, и Рим, как Содом, был поглощен пламенем. Но даже сам Орозий, откровенно хваля готов за то, что они щадили, что могли, признает, что они через три дня после вторжения в Рим добровольно покинули его и что огонь, конечно, повредил некоторые дома, но отнюдь не в такой мере, как то было в 700 году по основании Рима. Орозий даже утверждает, будто римляне говорили, что они легко помирились бы с разграблением Рима, если б только они снова получили возможность наслаждаться играми в своих цирках.

Все эти указания современников дают основание признать позднейшие сообщения об опустошении Рима, произведенном вестготами, преувеличенными; опустошение это бесспорно было произведено, но оно было относительно незначительным ввиду только трехдневного пребывания вестготов в Риме, с одной стороны, и с другой — огромных размеров Рима и множества зданий в нем. Занимавшийся грабежом враг в течение трех дней бушевал среди великолепных памятников, но не трогал их; варвары мимоходом смотрели в изумлении на обелиски и триумфальные арки, но не имели времени задаваться странной мыслью о разрушении тех и других. Напротив, встречая статуи из благородного металла, они уносили их с собой; но ни гигантские конские статуи, хотя и позолоченные, ни мраморные статуи не могли составить предмет вожделений готов, которые предоставили бесчисленному похищению общественных бронзовых произведений искусства византийскому императору VII века, когда Рим был уже совершенно разорен и единственное богатство города заключалось только в том, что составляло украшение церкви. Впрочем, лишь через два года после завоевания Рима Аларихом этот разграбленный город видели историк и поэт, и город так мало походил на развалины или так мало пострадал от пожара (чтобы ни говорил св. Иероним), что и историк, и поэт оба в изумлении прославляют несравнимые красоту и великолепие Рима. Олимпиодор рисует ту картину еще неразрушенных терм и дворцов Рима, которую мы знаем; префект же Рутилий из Нумаца в своем прощальном стихотворении к Риму ни словом не упоминает об опустошенном виде города, а, смотря еще раз на Рим с Тибра, приходит в восторг при виде «красивейшей царицы мира, храмы которой возносятся к небесам».

3. Жалобы о падении Рима. — Иероним. — Августин. — Последствия завоевания Рима

Когда стоустая молва разнесла в цивилизованном мире весть о падении столицы земли, раздались вопли ужаса и отчаяния. Провинции Империи, привыкшие в течение веков относиться к Риму как к священному акрополису культуры и историческому залогом незыблемости всех гражданских законов и даже самого мира, увидели теперь эту святыню оскверненной и низвергнутой, и так как падением Рима колебалась вера в прочность человеческого правопорядка, то казалось, что наступил уже конец мира, как то было предсказано пророками и сивиллами. Падение Рима пробудило даже Иеронима из его размышлений о пророчествах Исайи и Иезекииля, в которые он был погружен, находясь в уединении в далеком Вифлееме, и, охваченный болью, Иероним пишет Евстохия: «Я только что окончил восемнадцать книг объяснений к Исайе и предполагал перейти к Иезекиилю, что я много раз обещал тебе и твоей покойной матери Пауле, о сестра во Христе Евстохия, намереваясь завершить свое исследование о пророках, и вот я неожиданно узнал о смерти Паммахия и Марцеллы, о взятии города Рима и гибели стольких братьев и сестер. Я потерял рассудок и способность говорить; днем и ночью меня преследовала одна мысль, как помочь всему этому, и я думал, что я также в плену вместе с святыми. Яркий светоч земного круга погас; голова римского государства отделена от его тела, а вернее сказать — с этим городом погиб и весь мир, и я онемел и впал в отчаяние; у меня не стало слов для доброго; моя печаль вернулась ко мне; мое сердце горело во мне, и мою мысль жег огонь!»

Дальше он говорит: «Кто мог бы поверить тому, что Рим, созданный из добычи со всей земли, должен пасть, что город этот должен быть и колыбелью, и могилкой для своего народа, что все приморские поселения Азии, Египта и Африки наполнятся рабынями и девушками Рима, некогда властителя мира, что в священном Вифлееме ежедневно будут искать приюта, как нищие, мужи и женщины, некогда блиставшие благородством своего происхождения и своими чрезмерными богатствами?»

Такое глубоко прочувствованное горе делает честь самому Иерониму и его полный смятения возглас: «Голос мой прерывается, и рыдания не дают мне написать: покорен тот город, который покорил всю землю!» — этот возглас и в настоящее время наводит читателя на мрачные мысли о ничтожестве всякого земного величия. Но сами римляне хранят молчание, и тем поразительнее слышать стенания о падении Рима из уст вифлеемского отшельника, который обращается с своими жалобами к слабой благочестивой девушке-монахине и связывает судьбу великого города с ветхозаветным образом Моавии, Содомы и Ниневии. Здесь уместно вспомнить предчувствие того великого римлянина, который на развалинах Карфагена оплакивал будущее падение Рима; пророчество Сципиона теперь жестоко оправдалось. Но вместо образа погруженного в печаль героя Рима сказание дает нам жалкое зрелище окруженного евреями императора, который скрывается в болотах Равенны и смешивает утрату Рима со смертью любимой курицы, которой он дал имя мирового города.

Искренностью своих чувств Иероним превосходит своего современника Августина. В стенаниях Иеронима чувствуется дух римлянина и проникновение древним политическим величием Рима. Сердце африканца Августина ничем этим не трогалось. Великий теолог римской церкви воодушевлен был только победой христианства, и мы, конечно, не имеем никакого основания порицать Августина за то, что он равнодушно смотрел на падение Рима. Августин считал государство римлян со всем

его всемирным могуществом, с его законами, литературой и философией только достойным проклятия делом дьявола, видел в Риме Вавилон, с падением которого рушится твердыня преступного язычества, и сокрушался при этом падении только о церкви, задетой лишь внешним образом, да о бегстве и смерти своих христианских братьев и сестер. Августин написал им утешительное письмо, в котором восклицает: «Почему Бог не пощадил города? Разве не было пятидесяти праведников среди такого множества верных, монастырских братьев, постников, среди стольких служителей и дев Божиих?» Проводя параллель с Содомом, Августин выражает радость, что Бог, уничтоживший совсем Содом, только наказал Рим, ибо из Содома никто не спасся, из Рима же спаслись многие, чтобы затем вернуться, другие же остались и нашли убежище в церквях. Да, он утешает подавленных горем римлян, жалких внуков Сципионов, напоминая им о гораздо больших страданиях Иова и указывая, что всякое страдание лишь временно, старается облегчить несчастье римлян картинами мучений осужденных в геенне. Августин написал свой трактат «О падении города» и свое знаменитое сочинение о «Божьем граде» в защиту христианства против неоднократных упреков язычников; последние несправедливо ставили в вину христианской религии катастрофу, которая была неизбежна. Пылкие речи епископов, однако, давали язычникам слишком часто случай убедиться, что грозившее Риму разрушение возбуждало в епископах одни злорадные чувства. Эти священники настолько мало скрывали свою ненависть к «Содому и Вавилону», что Орозий искренне сожалеет о том, что Рим не был взят варварами Радагеса. С низвержением древних богов, с той поры, как Victoria и Virtus пали, так говорили язычники, римская доблесть утратилась, и крест Христа вступил в заговор с мечом варваров на гибель города и империи. В опровержение таких обвинений Августин написал свои сочинения, в которых, говоря о падении Рима, приводит подходящие тексты, делает строгие внушения и говорит о божественной власти над человеческим родом. Он указывает язычникам, что они, нагло и бесстыдно обвинявшие исповедующих Христа, не избежали бы смерти, если бы не переоделись христианами, что пощада, сколько ее выпало на долю Рима, шла вся от Христа, а то, что обычно бывает при разграблении, — разорение, убийство, грабеж, пожар и всякие мучения, — все это обыкновенные вещи во время войн.

Римлянам постигла тяжелая и горестная судьба. Политический ореол Вечного города погас. После первого своего падения город, по закону вещей, должен был все больше и больше падать, и философ того времени мог предвидеть ужасный мрак грядущих столетий, когда Рим, обратившись в развалины, станет пристанищем мертвых, в котором среди поверженных статуй императоров стоит не императорский трон, а престол епископа. Аристократия, сроднившаяся с древними учреждениями общественной жизни и составлявшая всегдашнюю опору города и государства, была с корнем вырвана из Рима и рассеяна по провинциям. Лишенные своих богатств и обратившись в нищих, отпрыски древних и благородных домов внушали ужас в самых отдаленных землях государства своей судьбой, полной лишений и испытаний, но отчасти ими все-таки заслуженной, человеческой беспомощностью и непостоянством всякого земного счастья.

«Нет места, — пишет Иероним, — где ни скрывались бы римские беглецы». В своих скитаниях многие искали пристанища за морем, на далеком Востоке; другие переправились в Африку, где еще обладали имуществом, и тамошний наместник граф Гераклиан, палач Стилихона, принимал благородных дочерей римских сенаторов, а затем продавал их сирийским купцам в рабство. Более счастливой была судьба тех беглецов, которые искали спасения на островах Тосканского моря, в Корсике и Сардинии, и даже на маленьком Игилии (теперь Джилли), к которому, проезжая

мимо, Рутилий из Нумаца обращается с приветом и благодарностью за то, что бежавшие на этот остров римляне могли скрываться «так близко от Рима и вместе с тем так далеко от готов».

ГЛАВА V

1. Смерть Алариха в 410 г. — Атаульф становится королем вестготов. — Он уходит из Италии. — Затея графа Гераклиана. — Гонорий вступает в Рим в 417 г. — Восстановление города. — Отъезд Рутилия из Рима

Пока вестготы оставались в Италии, опустошенный город должен был опасаться их возвращения и нового разграбления, поэтому он не мог ни оправиться, ни вернуть себе население. Аларих умер уже осенью 410 г., покрыв себя неуязвимой славой героя, который покорил Рим и вместе с тем пощадил его. Отважные соратники Алариха похоронили его в реке Бузенто и выбрали своим королем шурина Алариха, Атаульфа. Если Аларих по своему характеру не мог быть ничем иным, как только кочующим варварским князем, то расчетливый и не менее отважный Атаульф казался более пригодным к тому, чтобы основать готское государство в Италии. И Атаульф замыслил это; однако он не привел своих планов в исполнение: должно было пройти почти столетие бурных событий, пока германцы, мало-помалу доспешие до политических взглядов, перестали быть разбойническими вспомогательными войсками на службе у Римской империи и стали действительными господами Италии.

В точности неизвестно, как долго вестготы оставались в Нижней Италии. Более счастливые, чем воины Пирра и Аннибала, никем не тревожимые, они роскошествовали в Елисейских полях Кампаньи и звук вражеской трубы не вызывал их из их лагерей на всем протяжении от богатых берегов Лирис до Реджио, где оставила Алариха от перехода его в Сицилию не знаменитая, стоявшая там волшебная статуя, но буря.

Наконец Атаульф призвал вестготов к оружию; после долгих переговоров король готов согласился покинуть Италию и, перейдя через Альпы, уйти в Галлию, где, получая жалованье от императора, Атаульф должен был усмирять узурпатора Иовина. Залогом мира были красавица Плацидия, самая дорогая добыча, полученная при разграблении Рима, некогда пленница Алариха, а теперь царственная невеста храброго короля варваров. Это бракосочетание являлось как бы историческим символом того слияния германства с латинизмом, из которого в течение веков содалась итальянская нация.

Гордость Гонория уже пала настолько, что позволяла ему отдать свою собственную сестру в жены варвару и грабителю Рима, но Атаульф теперь поступал на службу к императору и отказывался от своих смелых замыслов стать самому цезарем. Историк того времени вкладывает в уста сознającego свои силы короля слова, которыми превосходно определяется отношение политика еще не созревших готов к империи. «Сначала я страстно желал уничтожить имя римлян и сделать империю римлян империей готов, — так, чтобы то, что было до сих пор Романией, стало Готией, и Атаульф стал тем, чем был до сего цезарь Август. Но опыт научил меня, что ни готы, при их необузданном варварстве, не могут следовать законам, ни государство не может существовать без законов, и я предпочел восстановить Римскую империю силой готов, чтобы потомство могло славить меня как реставратора государства, которого я не мог заменить другим. Вот почему я избегаю войны и стрем-

люсь к миру». В этих замечательных словах умного короля варваров впервые обозначается идея о германской империи на развалинах римского мира, что должно было случиться в более позднее время. Когда Атаульф (в 411 или 412 г.) увел свой народ из Италии, готы могли снова навести ужас на Рим, но теперь в силу союза с Гонорием они его пощадили.

Еще одно бедствие миновало тогда Рим: пользуясь общей смутой и бессилием империи, граф Гераклиан возмутился в Африке в 413 г., куда он был назначен консулом. Он задержал флотилию с хлебом, который должен был быть отправлен в голодавший Рим, и затем сам отправился в Рим со множеством кораблей, чтобы овладеть беззащитным, как он полагал, городом. Но Марин, начальник императорских войск (они были снова набраны), нанес Гераклиану на морском берегу, при устье Тибра, полное поражение; узурпатор вернулся в Африку уже беглецом и здесь погиб. Удаление готов облегчило заботы равеннского двора об умиротворении Италии. Несчастные беглецы возвращались из всех провинций. Олимпиодор говорит, что в один день в Рим вернулось 14 000 беглецов и что Альбин, префект города в 414 г., уведомил императора, что население возросло настолько значительно, что установленный размер раздачи хлеба оказывается недостаточным. Чувство ужаса, вызванное повсюду падением Рима, понемногу притупилось. Помимо того, вера в вечное существование государства римлян оставалась в основе непоколебленной. К предсказанию Виргилия: «Imperium sine fine dedi» прибавились еще слова Даниила, сказанные им при объяснении сна Навуходоносора: «И во дни тех царств Бог небесный воздвигнет царство, которое во веки не разрушится, и царство это не будет передано другому народу; оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно». Эта вера в вечность римского государства глубоко держалась еще в Средние века; когда же церковные историки говорили о конце империи, то они имели в виду конец мира.

Гонорий вернулся в Рим только в 417 г. Никогда вступление императора в Рим не было так печально и постыдно. Колеснице Гонория предшествовал, конечно, Аттал в цепях, покрытый позором, который падал на самого императора. Сами римляне, удрученные чувством собственного унижения, встретили своего властителя рабскими возгласами и немymi упреками. Гонорий уже не мог теперь позаимствоваться ни отблеском лавров Стилихона, ни хвалами музыки Клавдиана в честь триумфатора. Гонорий увещевал римлян снова восстановить город из развалин, и, если можно верить сообщениям авторов, Рим в короткое время настолько оправился от последствий разграбления его готами, что стал «величественнее, чем прежде». Продажные голоса льстецов дали императору прозвание восстановителя. Но Рим уже немного лет спустя после разграбления его готами все еще оставался величественным, и об этом говорит нам Олимпиодор; точно так же Рутилий, возвращавшийся в Галлию в 417 г., имел возможность утешать город в его падении и своими вдохновенными стихами призывал его поднять снова свою достойную голову, украсить ее лаврами и короной из стен с башнями и снова взять сверкающий щит. Пусть примирение заставит забыть ужасы разграбления, и пусть боль утихнет при взгляде на небо, так как и небесные светила опускаются, чтобы снова подняться. Аллия не спасла победоносного Бренна от возмездия за его заносчивость, и самниты заплатились рабством; точно так же победы Пирра и Аннибала были отомщены их бегством и гибелью. Итак, Рим снова восстанет, как законодатель вечных времен, только один не страшась, что парка обрежет его нить; снова страны будут платить ему дань, и добыча, взятая у варваров, наполнит его гавани; Рейн вечно будет возделывать ему землю, Нил разливаясь, Аф-

рика давать ему свои богатые жатвы, и сам Тибр, как триумфатор, увенчанный тростником, понесет на своих волнах римский флот.

Таковы благие пожелания городу еще языческого поэта, посылающего ему свое «прости» со слезами в голосе. Но пожелания эти не были пророческими. От страшного удара город не мог уже оправиться. К счастью западных народов, Рим никогда больше не поднимал из праха упавшего лаврового венка. И только из непаля древности, после долгих и ужасных мук нового рождения, в новом образе, восстал Рим, чтобы в течение веков знаменем креста господствовать над нравственным миром, покорив половину земного шара мечом.

2. Рост римской церкви. — Распри при выборе епископа. — Бонифаций, папа. — Смерть императора Гонория в 423 г. — Валентиниан III, император, под опекой Платидии. — Вандалы завоевывают Африку. — Сикст III, папа, 432 г. — Построение им новой базилики S. Maria Maggiore. — Ее мозаики. — Богатые приношения. — Роскошь церковной утвари

В то время как политический Рим слабел и падал, древние гражданские институты утрачивались, а империя, вследствие все более сильного натиска германцев, теряла одну провинцию за другою и, казалось, в конце концов сама должна исчезнуть, — в это же время в Риме существовало учреждение, которое не испытывало никаких потрясений, и сделало самих варваров, правда уже в более позднее время, своими защитниками и даже помощниками в приобретении власти над городом и многими провинциями. Этим учреждением была церковь, папство. Наряду со сменой императоров и падением императорской власти, в течение почти четырех веков на епископском престоле Рима восседала иерархия выборных священников, почти столь же древняя, как сама императорская власть, и со времени Петра, легендарного основателя римского епископства, насчитывалось уже 45 епископов, следовавших один за другим, когда готы завладели городом. Эти римские священники, деятельность которых вплоть до IV века покрыта полным мраком, жили и действовали скрыто и невидимо, затененные римским государством, а до V века, до Льва I, на престоле Петра не было ни одного выдающегося епископа, который имел бы историческое значение. Бок о бок с судьбами Рима и империи тихо и твердо шло развитие римской церкви; вначале это был мистический братский союз любви, затем — геройское мученичество, далее — ожесточенная борьба с язычеством и торжество над древней религией и наконец — продолжительное преследование еретических сект на Востоке. В рабские времена императоров церковь сосредоточила в себе нравственную доблесть и в сфере нравственной жизни стояла за свободу, которой не было в политическом мире. Энергический протест церкви против развращенного деспотизма цезарей был благословенным и славным; но этот духовный институт, восприняв те же самые римские начала, стал мирским, как в силу необходимости сохранения связи с миром реальным, так и в силу присущего всему человеческому стремления к стяжанию и власти. Если такая материализация христианской идеи прискорбна, то не следует забывать, что каждое принципиальное начало должно найти свою внешнюю форму, и эта форма может быть заимствована только из того материала, который имеется в данное время. Религия Иисуса, ставшая церковью, искала своего материального образа и нуждалась в нем, как институт, чтобы устоять против вторгавшегося потока варваров. Большие богатства всякого рода, как свободные дары, главным образом земли и поместья, получившие название патримоний, притекали в римскую церковь. Ей же большею частью были предоставлены

секуляризированные имущества языческих храмов, прежде всего положившие начало материальной власти церкви. Благочестие богатых римлян, в особенности женщин, содействовало увеличению имущества, которым владела церковь; оно приобреталось также и покупкой. Государственная власть уже со времени Константина сама признала многочисленный класс духовных привилегированной касты и освободила его от податей; она перенесла порядок государственной иерархии на священников, и последние взяли в свои руки церковное управление епархиями и провинциями. Преемники Петра, однако, с римской настойчивостью старались добиться для епископского престола, на котором они восседали в Латеране, выдающегося положения апостольского престола, а для римской церкви первенствующего значения над всеми другими христианскими церквями. Для епископов Рима было весьма кстати, что на Западе их церковь была единственной апостольской церковью, и потому ее первенствующее значение было признано уже очень рано. Епископ Рима, крупнейший землевладелец в государстве, но еще ограниченный одним церковным управлением и не имевший никакого политического положения, начал проявлять уже в V веке большое влияние на городские дела, и это влияние было не только духовного и нравственного свойства, но и чисто практического в силу множества соотношений церкви к гражданской жизни. Удаление императора из Рима усилило освященное верой благоговение к особе римского верховного священника, все же возрастающая нищета населения привела к тому, что на епископа Рима стали смотреть как на единственного защитника и отца города. Рим, управляемый в гражданском отношении префектом и сенатом, в церковном — руководимый епископом, почти оторванный от государственной жизни, средоточием которой он перестал быть, все более и более переходил к обособленному, лишь муниципальному существованию и скоро начал сознавать свое особое преимущество в лице своего епископа. После завоевания Рима готами политические условия постепенно перестали возбуждать к себе участие народа и уступили место церковным интересам.

После 417 г. город был поглощен спором с пелагианами, мужественными защитниками свободы воли против деспотического догмата августиновского предопределения и признания за церковь исключительной власти искупления; к этому присоединилась сильная избирательная борьба из-за обладания епископским престолом. Грек Зосим, преемник Иннокентия, умер в декабре 418 г. Между тем как большинство духовенства и народа избрало епископом римлянина Бонифация в церкви Св. Марцелла, противная партия в Латеране выдвинула кандидатом архидиакона Евлалия. Народ стоял за Бонифация, но префект Аврелий Аниций Симмах, остававшийся язычником, поддерживал своего друга Евлалия. Симмах послал Гонорию письмо, в котором высказывался против Бонифация, и император, назначавший епископов, приказал объявить епископом кандидата префекта. В народе начался раскол (третий этого рода в римской церкви); честолюбие враждовавших священников грозило городу теми ужасами, которые были пережиты им во времена Дамаза и Урсилина. Евлалий завладел Латераном, а Бонифаций удалился в базилику Св. Павла. Когда префект послал за Бонифацией трибуна, народ взбунтовался и избил посланного. Тогда Симмах велел оповестить народ о приказе императора и закрыть ворота города, чтобы лишить Бонифация возможности вернуться в Рим. Однако партия изгнанного из Рима Бонифация поспешила довести до сведения императора, что Евлалий избран без соблюдения канонических правил, Бонифаций же провозглашен епископом по всей форме и значительным большинством; после того император объявил, что он согласен уладить дело собором. По приказанию императора обе спорящие партии должны были явиться в Равенну и затем в Сполето перед собором; до тех же пор, пока дело не

было решено, обоим кандидатам было запрещено являться в Рим. Бонифаций помещен на кладбище Felicitas у Via Salara; Евлалий, выбрав себе местом пребывания анциум церкви Св. Гермеса, проник, однако, в город, чтобы во время Пасхи совершить крещение и отслужить обедню в Латеране. Бонифаций также исполнил это служение, но не в Риме, а за его стенами, в церкви Св. Агнесы, и тем удовлетворялся. Это обстоятельство имело в результате то, что император устранил Евлалия: он был изгнан из города в Компанию, и Бонифаций как законный епископ занял престол Петра в 419 г. С той поры как политическая жизнь римлян прекратилась, избрание епископа, как единственный акт их самостоятельной воли, стало для них событием в высшей степени важным.

Вскоре после того выступил на сцену вопрос гораздо более важный — вопрос о некогда принадлежавшем сенату и народу праве замещения императорского трона. 15 августа 423 г. умер в Равенне император Гонорий, 39 лет от роду, после долгого и позорного царствования, ознаменованного не чем иным, как только разрушением империи. Тело императора было доставлено в Рим и погребено в мавзолее у базилики Св. Петра. Гонорий оставил Западную империю без наследника. Мужская линия великого Феодосия прекратилась на Западе. Вдова Атаульфа Пластидия, вследствие придворных интриг, должна была, незадолго до смерти своего брата, удалиться в Византию, вместе со своим сыном Валентинианом, который родился у нее от второго ее мужа Констанция. Император Феодосий II сначала был в нерешительности, следует ли ему соединить Запад и Восток в одно государство, или же возложить корону Запада на главу несовершеннолетнего Валентиниана. Уступив затем просьбам своей тетки Пластидии, Феодосий объявил ее правительницей и опекуницей над сыном, его же самого признал императором и помолвил со своей малолетней дочерью Евдоксией. После того мать с сыном в сопровождении военного флота направились в Равенну, где появился узурпатор, примикерий нотариусов Иоанн, уже успевший облечься в императорский пурпур. Этот смелый человек без труда овладел Италией и был признан императором даже Римом; но уже в 425 г. он потерпел поражение от генералов Ардабурия и Аспара, которых сопровождала Пластидия с своим сыном. Генералы эти взяли Равенну и казнили узурпатора.

Вместе с матерью мальчик был отправлен в Рим; здесь из рук Гелиона, византийского уполномоченного, он получил императорское одеяние, и под опекой Пластидии как Валентиниан III был возведен в сан Августа, имея только семь лет от роду. Юный император был водворен в неприступной Равенне. Мать мало заботилась о его воспитании и оставалась жертвой придворных интриг, будучи сама слишком слаба, чтобы управлять расшатанным государством. Эта принцесса, полная приключений жизнь которой представляет романический интерес, вовсе не обладала талантами правительницы. Ее заботы по управлению государством могли бы разделить два великих полководца, Аэций и Бонифаций, но ее легкомыслие и подчинение интригам исключали эту возможность. Результатом лукавства Аэция и слабости Пластидии была утрата богатой провинции Африки. Движимый неблагоприятным соревнованием с своим соперником, Бонифаций изменил Риму и в пылу раздражения призвал вандалов из Испании. В 429 г., после того как последовало вторжение их, Бонифаций понял свою ошибку, но геройское раскаяние было слишком поздно. Король Гензерих захватил Африку и в течение десяти лет держал ее под своей властью; с обладанием же этой богатой провинцией, житницей Рима, был обеспечен и доступ в Италию. Городу предстояло скоро испытать вследствие этих событий; но судьбы империи теперь уже не решались в опустелом дворце цезарей или в Капитолии, приходившем в разрушение, а только молча переживались Римом.

В собственную историю Рима за это время вносится оживление только деятельностью епископа Сикста III, римлянина, занявшего престол Петра 24 июля 432 г. Его предшественник Целестин I (422—432) в 431 г. на соборе в Ефесе добился осуждения византийского патриарха Нестория, который отказывался называть мать Основателя христианской религии Богородицей, и Сикст отпраздновал эту догматическую победу над несторианцами постройкой новой роскошной базилики Либерия, посвященной Деве Марии как Богоматери. Он украсил этот, несомненно первый в Риме, храм в честь Марии внутри мозаикой, которая довольно хорошо сохранилась до настоящего времени. Эта мозаика, замечательная по своей древности и изображениям, которые на ней представлены, принадлежит, наряду с мозаикой Св. Пуденцианы и довольно грубыми вакхическими орнаментами Св. Констанцы, к самым древним мозаикам римских церквей. Современными им могут считаться также остатки мозаики Св. Сабины на Авентине, прекрасная базилика которой была выстроена епископом Петром при Сиксте III.

Сталь мозаики Св. Марии сохраняет еще традиции древнего искусства и не обнаруживает никаких признаков так называемого византийского характера, который уже обозначается немного позднее, когда Пластидия приказала разукрасить триумфальную арку Св. Павла. Эта мозаика — единственная в Риме, на которой представлено развитие христианства в цикле библейских историй. Повествование разделено таким образом, что на стенах среднего корабля изображены ветхозаветные события и от них имеется переход к событиям истории Христа, изображенным на триумфальной арке. Мозаика украшает обе стены поверх всей длины архитрава, в виде 36 четырехугольных картин, расположенных по две, одна над другой. Начиная с благословения Авраама Мельхиседеком, картины представляют все главные моменты жизни и деяний патриархов, Моисея, Иисуса Навина и вступления в обетованную землю. Первые, имеющие идиллически-патриархальный характер, — самые красивые; в них еще много древней грации, и они являются как бы предвестниками знаменитых небольших картин Рафаэля в ложах. Наоборот, в сценах войн из истории Иисуса Навина художник следовал, как образцу, уже лишенному прелести, стилю скульптур на колонне Траяна.

История Христа украшает великолепную триумфальную арку, которую Сикст воздвиг над главным алтарем в прославление победы ортодоксальной церкви. Середину занимает изображение престола, перед которым лежит таинственная книга с семью печатями. По сторонам престола стоят Петр и Павел и четыре символа евангелистов. Затем следует Благовещение с изображениями ангела и полной грации Марии. Здесь всюду Мария изображена еще без сияния. Дальше видно Сретение: Мария несет Младенца, окруженного сиянием. в втором ряду поклонение волхвов, — картина редкая по выполнению: на престоле сидит один Младенец; перед ним на коленях стоят с приношениями два царя, стройные юноши в увенчанных коронами фригийских шапках, похожих на яйцевидные шлемы Диоскуров или на береты дакийских военнопленных на триумфальной арке Траяна; позади престола видны четыре ангела и небесная звезда. На другой стороне представлен Христос, поучающий в храме, и за ним два ангела. Третий ряд представляет справа от зрителя какое-то происходящее в присутствии Ирода событие, которое трудно понять, а слева — избивание младенцев. Эту ужасную сцену позднейшая живопись воспроизвела со всей грубой откровенностью, на древней же мозаике, о которой мы говорим, изображена только группа обьятых страхом женщин, с детьми на руках, и три воина, устремляющихся к женщинам. По концам арки мозаику заканчивают общепринятые изображения Иерусалима и Вифлеема и взвизывающих на них ягнят, — эмбле-

мы верующих. Такова замечательная мозаика S.-Maria Maggiore, прекрасный памятник последнего расцвета римской живописи в V веке.

Книга пап перечисляет богатую утварь, которую Сикст дал своей церкви, и, судя по этому каталогу, надо думать, что со времен разграбления Рима готами золото стало редкостью. Из чистого золота отмечена только одна чаша (schyphus), весом в 50 фунтов. Другие, принесенные в дар, вещи были из серебра; в числе их были алтарь, обложенный листами серебра в 300 фунтов весом, и олень весом в 30 фунтов; изо рта этого оленя шла вода в купель, в которой производилось крещение. И тем не менее остатки сокровищ в Риме были так велики, что Валентиниан III по просьбе епископа мог поставить над гробом св. Петра золотой, украшенный благородными камнями рельеф Искупителя и 12 апостолов, а в базилике Латерана — серебряную дарохранительницу (fastigium) взамен той, которая была все-таки похищена готами, как ни щадили они церкви. Эта драгоценная вещь одна весила 511 фунтов; поэтому можно себе представить, как богата была добыча, которую готы могли взять из церквей. Гонорий, Плацидия и Валентиниан, как и епископы их времени, ревностно стремились восстановить утраченное. Ограбленные церкви снова наполнялись драгоценностями из чистого золота и серебра, и нет ни одного епископа тех времен, о которых книга пап не упоминала бы, прославляя его за то, что его стараниями жертвовались в церкви сосуды, светильники, престолы и скульптурные произведения. И тщетно св. Иероним вставал против такой роскоши. «Мраморные стены блестят, — писал он, — потолки горят золотом и престолы сверкают благородными камнями, но истинным служителям Христа не приличествует блеск. Пусть мне никто не возражает тем, что храм в Иудее был богат и что престол, светильники, кадилницы, чаши, бокалы, блюда и вся другая утварь в этом храме были из золота. Господь благословил бедность, и мы должны возлагать свои упования на крест, к богатству же относиться как к скверности». Так думал Иероним, но не так думали тщеславные священники римских церквей; они стремились к тому, чтобы в каждой церкви воспроизвести Соломонов храм, и заимствовали оттуда восточную роскошь священной утвари и священнических одеяний; таким образом в промежуток лишь сорока лет в Риме снова была накоплена богатая добыча для тех варваров, которых должны были привести сюда удача и смелость.

3. Лев I, папа, 440 г. — Африканские беглецы в Риме. — Ереси. — Смерть Плацидии, 450 г. — Ее жизнь. — Дочь Плацидии, Гонория. — Она призывает Аттилу. — Каталаунская битва. — Аттила вторгается в Верхнюю Италию. — Валентиниан в Риме. — Посольство римлян к королю гуннов. — Епископ Лев перед Аттилой. — Знаменитая легенда. — Удаление и смерть Аттилы. — Статуи капитолийского Зевса и ватиканского Петра

По смерти Сикста III, в августе 440 г., его преемником единогласно был избран дьякон Лев, сын Квинтиана, римлянин по происхождению. Городу не пришлось раскаиваться в избрании этого замечательного мужа, так как ему более всего город обязан был своим спасением. Во время выборов Лев находился в Галлии, куда он был послан Валентинианом ради примирения великого генерала Аэция с его противником Альбином. Вернувшись в Рим и приняв 29 сентября посвящение у св. Петра, Лев привел римлян в восторг своей проповедью, обнаружившей его блестящий ораторский талант, и этим даром ни один папа не пользовался с таким искусством, как Лев. Время было тяжелое; империя, во главе которой стоял юный и жал-

кий правитель, клонилась к упадку; провинции одна за другой становились добычей германских народов. В таких непреодолимых бедственных условиях император мог входить в соглашения с варварами, не испытывая угрызений совести; но римский епископ, видевший, как государство с каждым днем все более распадается, тем ревностнее должен был стремиться к тому, чтобы оградить церковь от вторжения восточной ереси, дать в церкви силу римской догме и добиться первенства для римского престола. Защиты в Риме искали также толпы африканских беглецов из Карфагена, завоеванного вандалами, и опустошенной Нумидии. Среди этих беглецов было много последователей пантеистической секты манихеев. Папа разрешил им остаться в Риме под условием отречения от ереси и приказал публично сжечь их писания.

Для Льва предстояло, конечно, много труда, чтобы сохранить чистоту ортодоксального учения. Досужий ум людей, отчужденный от всех государственных интересов, со страстью вырабатывал теологические системы; манихеи, присциллиане, пелагиане подняли головы в провинциях, вновь же возникающая ересь монофизитов еще более усложнила задачу римского епископа, породив упорную борьбу с Востоком, из которой Льву также удалось выйти победителем. Лев I положил основание первенству апостольского престола в Риме и в своих властных стремлениях находил себе послушных помощников в Плацидии, набожной женщине, и ее сыне Валентиниане, слабоумном императоре. Оба они несколько раз были в Риме, посещали гробницы апостолов и делали щедрые вклады в церкви. Мозаики Св. Павла были сделаны также по приказанию Галлы Плацидии при Льве. Сама Плацидия умерла в Риме 27 ноября 450 г., вскоре после смерти младшего Феодосия, императора Византии. Тело Плацидии было отвезено в Равенну; при погребении Плацидия была посажена на троне из кипарисового дерева и, напоминая Прозерпину, сохранялась несколько веков в своей замечательной могиле.

Исключительная жизнь Плацидии совпала с падением императорского Рима, как жизнь Клеопатры совпала с падением римской республики. Заслуживает внимания то замечательное явление в истории, что в эпохи упадка выступают на сцену женщины, которые имеют большее влияние на свое время и судьба которых вместе с тем рисует нам картину нравов. Период падения Рима на Западе так же, как и на Востоке, отмечен Плацидией, Пульхерией, Евдокией, Евдоксией и Гонорией, дочерью Плацидии, — женщинами, которые освещают и смягчают человеческим чувством дикий мрак той эпохи. И среди биографий знаменитых женщин найдутся немногие с еще большим историческим значением, но, может быть, ни одной, которая была бы изумительнее, чем биография Плацидии, по множеству пережитых ею самых разнородных и необыкновенных событий и перемен в ее судьбе. Дочь великого Феодосия, сестра Гонория, Плацидия была взята Аларихом в плен и уведена в Калабрию, будучи еще девушкой 21 года; затем она была повенчана с королем готв Атаульфом в Нарбонне, похоронила в Барселоне своего сына Феодосия, рожденного в этом браке, потеряла предательски убитого мужа в 415 г., потом была позорно изгнана из дворца убийцей Зингерихом, заключена им в цепи и должна была пройти 12 миль пешком перед его лошастью. Отосланная новым королем Валлиа назад к брату, в Равенну, вдова Атаульфа увидела, что она против своего желания должна выйти замуж за генерала Констанция. Отважный Констанций, римлянин из Илирии, прославившийся своими воинскими подвигами еще со времен Феодосия, освободивший Галлию от тирании узурпатора Геронция, величайший римский полководец того времени, внушал к себе общее уважение и расположение. Еще до того как Плацидия сменила легкие цепи пленения ее готами на еще более легкие цепи брачного союза с Атаульфом, Констанций, хотя и тщетно, добивался любви

прекрасной сестры императора. Голос народа намечал в Констанции римлянина, как более всех достойного занять трон, и неизбежного преемника Гонория, при дворе которого Констанций вскоре стал всемогущим. Наконец, 1 января 417 г. Платидия вышла замуж за Констанция и родила в этом браке двух детей, Валентиниана и Гонориею. 21 сентября 421 г. Констанций, которого Гонорий объявил Августом и соправителем, внезапно умер, без сомнения, к несчастью империи. Император, которому злостная молва приписывала преступную страсть к сестре, удалил несчастную вместе с детьми ее в Византию. Мы уже знаем, что спустя короткое время Платидия вернулась назад в Италию с войском, испытав на пути во время переправы через море много опасностей, возвела на западный трон своего сына от Констанция и в течение 25 лет была регентшей римского государства.

Вскоре после смерти Платидии ее дочь Гонория редким образом замешалась в судьбу государства. Вначале эта девушка воспитывалась при равенском дворе. Мучимая чувственными влечениями среди одиночества почти монастырской жизни семнадцатилетняя принцесса отдалась своему собственному гофмейстеру Евгению. Узнав, что Гонории предстоит сделаться матерью, Платидия отослала свою дочь, не устоявшую против искушений жизни, ко двору в Константинополь, где строгая дева Пульхерия подвергла Гонорию заключению во дворце и тяжелому бесчеловечному испытанию. В таком заключении дочь Платидии томила с 434 г. Будучи в одиночестве и предоставленная своей фантазии, Гонория напала на странную мысль призвать из Паннонии, как своего избавителя, человека, в то время наводившего на всех ужас, короля гуннов Аттилу, и в награду за свое освобождение дать ему свою руку, а в приданое — право на обладание частью империи. Воспоминания о необыкновенных случаях в жизни супруги Феодосия Евдокии, прекрасной гречанки, язычницы Афинаиды, и о полной скитаний судьбе собственной матери, которая не сочла для себя позорным разделить брачное ложе с королем варваров, разграбившим Рим, уничтожили в Гонории сомнения, если они еще были в ней. И она нашла случай послать Аттиле с внухом письмо и свое обручальное кольцо. Это было еще до смерти Феодосия, но лишь только Пульхерия объявила сенатора Марциана своим мужем и императором Востока, как Аттила, пользуясь, как предлогом, помолвкой с Гонорией, потребовал от Марциана уплаты дани и от Валентиниана выдачи своей невесты.

Константинопольский двор поспешил отослать назад в Равенну пылкую принцессу, чтобы отделаться от предмета исканий Аттилы. В Италии ради того, чтоб иметь возможность на законном основании устранить притязания гуннов, Гонорию немедленно выдали замуж за одного из придворных и по совершении брака заключили в тюрьму.

Между тем у короля гуннов было много оснований направить свои народы не на Константинополь, а на Запад и в Галлию. Мы не будем следить за этими страшными опустошениями; но с удовольствием отметим только, что те же самые вестготы, которые некогда разграбили Рим, на этот раз соединяются с войском Аэция в защиту римской образованности, и как римляне, так и германцы, в сознании прошедшего уже между ними слияния, вместе и победоносно сражаются с сарматскими ордами на Каталаунских полях. Эта битва, одна из самых великих народных битв, которые только знает история Европы, была последним геройским делом римского государства. Окружая ореолом славы гибель империи, эта битва делает честь готам и примиряет с ними тех, кто еще чувствует к ним ненависть за разграбление Рима.

Потерпев поражение, король гуннов поспешно собрал остатки своих народов и вернулся в нижнюю Паннонию, чтобы за зиму собрать новые боевые силы. Весной 452 г. он перешел через Юлийские Альпы и спустился в Италию в намерении добиться руки своей обрученной, ее наследства и желаемого сана. Двигаясь от Фриу-

ля, Аттила сокрушил до основания несчастные города Венеции, Инсубрии и Эмили и остановился в том месте, где Минчио впадает в По. Здесь между Аттилой и Римом уже не было ни крепости, ни войска; римский генерал Аэций находился в Галлии, где он лишь с трудом мог собрать войско, а окруженные стенами города, которые могли бы еще задержать движение Аттилы к Риму, не давали надежды, что они, подобно злополучному, но героическому городу Аквиле, выдержат трехмесячную осаду. Малодушный Валентиниан даже не пытался укрепиться в Равенне, как некогда Гонорий, а оставался беззащитный в Риме. Не подготовившийся к нападению город уже видел себя в руках бесчеловечного врага, и охваченные отчаянием римляне, совершенно неспособные к тому, чтобы твердо взяться за оружие и защищать стены города, в ужасе говорили друг другу, что им нечего надеяться на то, что Аттила, руки которого смочены кровью Аквиле, даст им пощаду, которую даровал им великодушный Аларих.

В этих трудных обстоятельствах сенат решил отправить к королю гуннов торжественное посольство с просьбой о мире и об отступлении. Чтобы выполнить это рискованное поручение, были избраны самые знатные мужи Рима: бывший консул, Геннадий Авиен, глава сената, Тригедий, некогда приторинский префект Италии, и епископ Лев. Последний был включен в посольство, как лицо духовного сана, для придания посольству большей важности и в виду чарующего действия ораторского искусства Льва. Без сомнения, точно так же горячо желал иметь послом Льва и народ. В этом случае римский епископ явился впервые соучастником политического акта, и отсюда следует, конечно, заключить, что в Риме, как и во всех других городах Запада, епископ пользовался уже большим и официально признанным влиянием на городскую курию.

Редко священник был облечен более благодарным полномочием. Быть может, не столько действительные заслуги Льва, связанные с появлением его перед этим ужасным демоном мировой истории, повелителем народов, грозившим столице цивилизации разрушением, нискали Льву признательность мира и бессмертия, сколько тому способствовала лестная для Льва церковная легенда. Аттила едва ли мог испытывать больше страха перед епископом, чем перед сенатором; но Лев был в ту эпоху истинным представителем человеческой культуры, спасение которой было уже под силу духовной власти церкви.

Посланые явились к королю гуннов, «бичу Божьему», к его лагерю, на р. Минчио. Когда они были допущены в палатку Аттилы, они заметили, что им овладели сомнение и нерешительность, и он более доступен увещаниям, чем они предполагали. Мысль о внезапной смерти, постигшей Алариха вскоре после взятия им Рима, производила, по-видимому, известное впечатление на суеверного гунна. Утверждают, что друзья Аттилы удерживали его от похода на Рим, приводя в пример этого великого гота. Только позднейшая легенда повествует, что Аттила видел рядом со Львом, увещевавшим его, образ почтенного старца в священническом одеянии, который, держа в руках обнаженный меч, грозил Аттиле смертью и призывал повиноваться словам св. епископа. Эта знаменитая легенда — остроумный вымысел; она делает честь христианскому гению и возбуждает в нас участие к несчастному Риму, защитниками которого должны были быть не герои и граждане, а висящий в воздухе небесный призрак. Ни Рафаэль в одной из своих станц в Ватикане, ни Альгарди в одной из капелл Св. Петра не воспроизвели этой легенды во всей ее простой красоте. Они представили Аттилу, который видит в воздухе апостолов Петра и Павла, в гнев заносящих над ним мечи.

Между тем уступчивость короля гуннов является в такой же мере загадкой, как и внезапное удаление Алариха из Рима. Хотя историки ничего не сообщают о плохом состоянии голодавших войск Аттилы, что с вероятностью можно предполагать, и дают

лишь неопределенные сведения о движениях Аэция в тылу Аттилы, все-таки мы не можем приписать удаление гуннов тому чарующему действию, которое все еще оказывало на людей имя Рима. Аларих уже ослабил и, может быть, разрушил эти чары Рима. Народы гуннов двигались по странам, как всеокрушающий поток, и с животной яростью уничтожали поля и города, лишая тем сами себя источников существования. В то же время гунны страдали от голода, чумы и летней итальянской лихорадки; затем до них дошла весть, что император Марциан отправил в Паннонию войско, которое должно было угрожать их тылу. Таким образом Аттила счел более благоразумным удовольствоваться на этот раз одним унижением Рима, которому пришлось молить о мире и дать обещание уплачивать ежегодную дань. 6 июля 452 г. Аттила объявил послам о своем отступлении. Но если бы Аттила завладел Римом, нет сомнения, что бешенство его монгольских орд обратило бы город в дымящуюся гряду пепла. Мир был спасен от зрелища этого ужасного разрушения, и Рим остался как священное наследие веков, как средоточие цивилизации и политических и религиозных идей.

Аттила удалился в Паннонию, угрожая уничтожить Италию и Рим, если ему, Аттиле, не будет выдана Гонория с соответственным приданым. К счастью, исполнить свою угрозу Аттиле не довелось, так как в следующем же, 453 г. он умер, лежа на брачной ложе с одной красивой женщиной.

Спасение Рима послужило основанием еще одной позднейшей легенды. Рассказывали, что Лев, вернувшись из своей славной миссии и преисполненный радостных чувств вследствие успешного ее выполнения и оказанного апостолом заступничества, приказал перелить статую капитолийского Зевса в ту бронзовую фигуру апостола, которая и в настоящее время находится в соборе Св. Петра. Такой легендой заканчивается история капитолийского Юпитера. Это исчезновение знаменитой статуи, разделившей общую участь незаметно погибавших языческих богов и появляющейся последний раз в легенде, составляет как бы символ наступившей метаморфозы Рима. Капитолийский Юпитер был богом-властителем западного мира; в восточном греческом мире главой богов древней религии в течение веков был тот изумительный Зевс — колосс, который некогда был поставлен в Олимпии великим Фидием. Этого колосса также уже не было. Покинутый, он оставался в своем храме в печальном одиночестве до конца IV века, затем был перевезен в Константинополь и в правление Зенона Исаврянина погиб во время пожара.

Свое спасение от Аттилы город Рим праздновал некоторое время ежегодным царственным торжеством. Но в одно из этих ежегодных празднеств великий епископ в своей проповеди выразил римлянам порицание за то, что они не возносят благодарственных молитв на гробнице апостола, а стремятся в цирк наслаждаться играми. «Религиозный праздник, — говорил епископ, — в память дня нашего испытания и освобождения, в который весь верующий народ стекался благодарить Бога, — этот праздник скоро был забыт всеми; немного людей присутствует на нем; это наполняет мое сердце и болью, и ужасом. Мне стыдно говорить об этом, но я не могу молчать: преданность к демонам сильнее, чем к апостолам, и постыдные зрелища привлекают народ больше, чем места, где пострадали мученики. Кто спас этот город? Кто освободил его от плена? Кто избавил его от убийств? Игры в цирках или попечения святых?»

Упорно сохранявшаяся неистовая страсть римлян к цирку и пантомимам справедливо вызывает изумление. Эта страсть была получена римлянами в наследие, и в то время, как они становились все равнодушнее к судьбе погибавшего государства, состязания зеленых и голубых все еще разжигали их чувства до бешенства. Галльский епископ того времени приходит в ужас от этой сумасшедшей страсти к зрелищам, как от симптома смерти, и выражается в таких сильных словах: «Кто в виду

плена может думать о цирке? Кто, идучи на казнь, смеется? Объятые страхом рабства, мы отдаемся играм и смеемся в предсмертной тоске. Можно подумать, что весь римский народ объелся сардонической травой: он умирает и хохочет!»

ГЛАВА VI

1. Падение Аэция. — Женский роман. — Убийство Валентиниана III в 455 г. — Максим, император. — Евдокия призывает Гензериха, короля вандалов

Западная империя уже была очень близка к гибели, но ей предшествовала еще смерть двух императоров и второе разграбление Рима, которое так же, как и первое, произошло непосредственно вслед за роковым падением героя.

Падение Аэция, прославившегося воинскими подвигами, окутано, как и падение Стилихона, темными придворными интригами, в которые были замешаны две красивые и несчастные женщины. Победитель гуннов, чествуемый римским народом как избавитель, ненавидимый завистниками, безмерно богатый, достигнув вершины своего могущества, напал на весьма понятную мысль упрочить свое положение кровной связью с императорским домом. У Аэция было два сына, Карпилион и Гауденций; у Валентиниана две дочери, Евдокия и Пластидия. Император клятвенно обещал своему генералу сочетать браком с одним из его сыновей одну из своих дочерей. Придворные и в их числе евнух Гераклий, по-видимому, не сочувствовали такому браку; они старались, помня, может быть, вероломное отношение Аэция к Бонифацию, представить Аэция как честолюбивого изменника и нашептывали о том, что он будто бы вошел в тайное соглашение с гуннами, своими друзьями со времени тирана Иоанна, и с их помощью намерен захватить власть.

В 454 г. Валентиниан был в Риме, в котором он имел свою резиденцию. Находясь однажды во дворце, Аэций настойчиво приступил к Валентиниану и, ссылаясь на свои доблести и заслуги, стал требовать у него исполнения данного им клятвенного обещания. По-видимому, такая сцена была подготовлена коварными врагами генерала с целью довести дело до катастрофы. Аэций не допускал возможности, чтобы Валентиниан с его трусливой душой мог решиться на что-нибудь смелое, а потому не обратил внимания, когда император схватил меч, и погиб, пронзенный ударом. Потом на Аэция, повергнутого и лежавшего на мраморном полу, набросилась с кинжалами и мечами толпа евнухов и придворных. Ликуя, они наносили раны уже трупу последнего великого римского полководца, а «безумный получеловек» Валентиниан, потрясенный собственным своим поступком, лежал в обмороке на руках кастрата.

Вместе с Аэцием пали многие его друзья, и в том числе преторианский префект Боэтий из рода Анициев, дед прославившегося позднее философа. Все приверженцы генерала были умерщвлены.

Таким образом, вероятнее всего, совершилось падение Аэция. По крайней мере, будет более согласным с естественным ходом вещей допустить, что могущественный, прославленный и честолюбивый муж пал жертвой зависти и недоверия, а не женского романа, хотя последний играл большую роль во дворце и глубоко отражался на судьбе города.

Валентиниан, женатый на Евдокии, дочери Феодосия младшего и гречанки Афинаиды, или Евдокии, не чувствовал себя вполне удовлетворенным красотой своей жены. Среди разгула, которому он отдавался в Риме, внимание Валентиниана было привлечено женой знатного сенатора Петрония Максима, бывшего в то время

главой рода Анициев; но эта женщина с красотой соединяла добродетель, и на ее долю выпала судьба последней Лукреции Рима. Так как прямые искания Валентиниана не приводили к цели, то царедворцы посоветовали ему воспользоваться игрой на деньги, чтобы получить желаемое. Максим, играя с императором, проиграл большую сумму золота и дал ему в залог свое кольцо. С этим залогом внучу поспешил в дом Максима и, показав кольцо жене его, объявил ей, что он послан, чтобы доставить ее в носилках к императрице. Ничего не подозревавшая жена Максима отправилась во дворец и там была отведена в одну из дальних комнат к Валентиниану.

Когда Максим вернулся домой, он нашел свою жену в слезах и в отчаянии от перенесенного ею позора; она стала проклинать мужа, обвиняя его в том, что он продал ее честь. Поняв, в чем дело, Максим тотчас же составил план мщения. Он решил смыть свой позор кровью негодяя. Об этом-то моменте Прокопий, излагающий это событие (он путает время), говорит, что Максим, чтоб вполне обеспечить себе успех, решил сначала интригами устранить с дороги Аэция, которого он считал главным препятствием своей мести. Между тем сам Максим принадлежал к числу наиболее богатых и знатных людей в Риме, был два раза консулом, четыре раза префектом города, преторианским префектом Италии и был почтен постановкой ему статуи на площади Траяна.

Поразительным свидетельством тупости нравственных чувств деспота служит то обстоятельство, что после убийства Аэция Валентиниан принял к себе на службу многих из тех, которые служили у Аэция. Чувство достоинства этих людей было оскорблено тем, что Валентиниан не признавал в них такого чувства и не допускал мысли, что эти варвары были способны к справедливому возмущению. И Валентиниан доставил им случай к кровавому отмщению. Возможно, что и сам Максим провел на службу к Валентиниану приверженцев Аэция, чтобы пустить в ход их оружие для своих целей. 16 марта 455 г. император присутствовал на военных упражнениях у *Villa ad duas Lauros*, на третьей миле *Viae Labicanae*, и здесь был убит; в числе убийц были два гота, Оптила и Траустила. Никто из окружающих даже не вынул своего меча из ножен в защиту императора.

С Валентинианом III прекратилось потомство Феодосия Великого, и это было большим несчастьем для Рима.

Уже 17 марта Максим был провозглашен императором. Похоронив труп Валентиниана у Св. Петра, Максим, несчастная жена которого умерла от горя, решил своими собственными объятиями заставить вдову императора позабыть о смерти своего недостойного мужа. Этим браком Максим рассчитывал примирить с собой сторонников императорского дома и упрочить свое положение. Гордая дочь Феодосия младшего уступила угрозам и силе; она еще не знала, что Максим был тайным убийцей ее мужа. Новый император принудил вдову оскорбителя своей жены, уже немного дней спустя после его убийства, разделить свое ложе и при этом был настолько жесток, что рассказывал ей, что он сделал. Оскорбленная до глубины души женщина тотчас же решила отомстить узурпатору, овладевшему тронem ее мужа и опозорившему ее честь.

После многих размышлений и убедившись, что на Константинополь нет никакой надежды, так как мать Евдоксии, Евдокия, жила в изгнании в Иерусалиме, отец же Феодосий и тетка Пульхерия уже умерли, Евдокия, так рассказывают византийские историки, ослепленная ненавистью, решила призвать из Африки как своего мстителя короля вандалов Гензериха. Она послала к нему послов и убедила его внезапно напасть на Рим. Есть, однако, серьезные основания, заставляющие сомневаться в верности такого изложения; возможно, что фантазия греков облекла в эту легенду второе падение города. Так как она лежит вне доказательств, то историку приходится последовать примеру одного из летописцев, который, рассказав о

гибели Валентиниана и узурпаторстве Максима, затем только упоминает о том, что похитителю трона пришлось довольно скоро искупить излишества своих страстей, так как уже на втором месяце его владычества флот Гензериха из Африки вошел в устье Тибра.

2. Вандалы вступают в Порто. — Убийство Максима. — Лев перед Гензерихом. — Вступление вандалов в Рим в июне 455 г. — Разграбление Рима в течение 14 дней. — Разграбление дворца и храма Юпитера. — Древние сполни Иерусалимского храма. — Их судьба. — Сказания Средних веков

Едва показалась перед г. Порто флотилия чужеземного короля, которая везла вандалов и язычников-берберийцев, как в Риме началось возмущение народа, пришедшего в отчаяние и чувствовавшего себя беззащитным. Максим женил своего сына Палладия на дочери Евдоксии и объявил его цезарем; но, по-видимому, это было единственным распоряжением Максима как правителя. Он не принял никаких мер к защите, совершенно потерял голову, отпустил своих окружающих, дозволив им идти, куда они пожелают, и сам вышел из дворца, ища спасения в бегстве, в которое в полном смятении обратился весь народ. На улице дворцовые служащие убили Максима камнями, и истерзанное тело его было брошено в волны Тибра. Так пал Максим 12 июня 455 г. после господства, длившегося только 77 дней.

Привлеченный вестью о дворцовой революции в Риме, Гензерих тем временем высадился на берегу Тибра и двинулся к городу с своим страшным войском по Via Portuensis. Никто не отважился стать ему на пути, за исключением того же епископа Льва, который уже ходил навстречу еще более страшному Аггиле. Окруженный духовенством, Лев бесстрашно встретил вандалов и в красноречивой речи сказал Гензериху все то, что некогда говорил королю гуннов. Властитель вандалов не увидел образа апостола с занесенным мечом и тем не менее обещал достойному епископу охранить Рим от огня и меча и ограничиться одним грабежом.

На третий день после убийства Максима Гензерих вступил через портовые ворота в никем не защищаемый город. И злополучные римляне смотрели, как в сердце их города, который уже сорок пять лет тому назад был разграблен народами Паннонии, вторгаются теперь алчные сыны африканских степей, бедуины из страны Югурты и вместе с германскими вандалами раздирают это сердце так же, как дикое животное рвет внутренности своей жертвы. Никем не тревожимые враги грабили с неопишуемой жестокостью. В противоположность готам, стесненным трехдневным сроком и смущенным неслыханной до того судьбой, постигшей Рим, вандалы могли предаться грабежу с бесстыдным спокойствием, так как Гензерих дал им долгий срок в 14 дней. Это зрелище ужасно, и едва ли в истории человечества найдется другое, более оскорбительное зрелище, чем вид Рима, беззащитного, утратившего все свое мужество и достоинство и разграбляемого вандалами. Ни один из историков того времени не нашел в себе сил описать мрачные и дикие сцены этого разграбления; ни один римлянин не оповестил нас о них своими жалобами.

Все то, что было пощажено готами или было с той поры возобновлено римлянами, нашло теперь своих грабителей. Опустошение Рима могло производиться уже в известной системе. Грабеж происходил одновременно по всем улицам, и сотни нагруженных добычей повозок выезжали через портовые ворота к кораблям, которыми был покрыт Тибр. Прежде всего вандалы набросились на дворец, жилище им-

ператоров, в покоях которого Евдоксия, взятая Гензерихом в плен, в отчаянии оплакивала свою предательскую ненависть, и здесь грабили с такой жадностью, что не оставили на месте ничего даже из медной посуды. На Капитолии они разграбили храм Юпитера, оставшийся до того времени нетронутым. Гензерих похитил из этого храма не только статуи, которыми он надеялся украсить свою африканскую резиденцию, но приказал еще снять наполовину крышу храма и нагрузил корабли дощечками позолоченной бронзы, из которых сделана была крыша.

Еще более сожалений вызывает в нас похищение другой добычи. То были сполни Иерусалима. Путешествуя по Риму, мы можем видеть еще теперь не вполне совершенные изображения утвари храма Соломона в остатках скульптурных украшений на арке Тита, и мы смотрим с изумлением на лихнух, или светильник, о семи ветвях, на священный жертвенный стол с двумя кадильницами, на две длинные трубы и ящик. Эти изображения представляют ту добычу, которую Тит привез в Рим из разрушенного Иерусалима и которую подробно описал Иосиф Флавий. Бывшие среди этих сполни завесы храма и иудейские книги законов Веспасиан отдал во дворец цезарей, а золотой светильник и драгоценные сосуды — в свой храм Мира. Сам храм сгорел при Коммодe, иудейские же сокровища были спасены, и их сохраняли в другом месте, которое осталось для нас неизвестным; здесь они оставались в продолжение веков. В числе сокровищ, накопленных Аларихом в Каркасоне, также находились украшенные драгоценными камнями сосуды из храма Соломона, взятые Аларихом в Риме. Но другие иудейские драгоценные предметы оставались еще в Риме, так как Гензерих приказал отвезти на корабле в Карфаген вместе с утварью, награбленной в римских церквях, и еврейские сосуды, входившие в состав упомянутой добычи Тита.

Замечательное странствование святынь иудейского храма, однако, не закончилось этим. Восемьдесят лет спустя они были найдены в Карфагене Велизарием, и во время торжественного шествия по Константинополю их несли вместе с добычей, взятой у вандалов. Вид этих священных сосудов глубоко взволновал византийских иудеев, и они послали к императору депутацию просить о возврате им их святыни. По крайней мере, по словам Прокопия, один воодушевленный верою еврей, служивший у Юстиниана, уговаривал его не оставлять этих таинственных сосудов в своем дворце в Византии, так как они нигде не найдут себе покоя, кроме того места, где первоначально определил им быть Соломон, и похищение этих сосудов из древнего храма было причиной тому, что Гензерих завладел дворцом цезарей в Риме, а затем римское войско завладело дворцом вандалов, где под конец находились священные сосуды. Напуганный всем этим Юстиниан, так говорит дальше Прокопий, приказал отослать иудейские сосуды в одну из христианских церквей Иерусалима. Вполне ли справедлив или только отчасти этот рассказ современника Велизария, но он доказывает, что спустя почти пять веков после триумфа Тита воспоминание о священных сосудах все еще сохранялось в памяти людей. И за все это долгое время дети Израиля из поколения в поколение следили за своей святыней. С той поры нигде не упоминается о сосудах из храма Соломона; возможно, что они достались в добычу арабам; быть может, они были отосланы в Иерусалим и, подобно священному Граалю, затерялись на Востоке. Современник Юстиниана, армянский епископ Захарий, составивший описание общественных предметов в Риме, утверждает, однако, что в городе сохранялось двадцать пять бронзовых статуй, изображавших Авраама, Сару и царей колена Давида и перенесенных в Рим Веспасианом вместе с воротами и другими памятниками Иерусалима; а средневековая римская легенда прославляла латеранскую базилику тем,

что в ней хранятся кивот Завета с скрижалями, золотой светильник, скиния Завета и даже священнические одеяния Аарона.

Возможно, что на тех же кораблях, которые увозили добычу вандалов, находились и лихнух из храма Соломона, и статуя капитолийского Зевса — символы древнейших религий Востока и Запада. Прокопий вполне точно говорит, что один корабль был нагружен статуями и из всех кораблей он один потонул; остальные же благополучно дошли до карфагенской гавани.

**3. Удаление вандалов. — Судьба императрицы Евдоксии и ее дочерей. —
Базилика Св. Петра. — Легенда о цепях св. Петра. —
Вандалы не разрушили памятников города. —
Последствия разрушения города вандалами**

Бедственная участь Рима вполне напоминает участь Иерусалима. Гензерих повел за собой в Ливию тысячи пленных римлян всякого сословия и возраста, и в том числе Евдоксию и сына Аэция, Гауденция. Дочь византийского императора и жена двух римских императоров должна была теперь искупить свою преступную измену Риму, если эта измена была действительно ею совершена, не только зрелищем разграбленного города и неслыханных страданий народа, но и своим собственным рабством и рабством обеих своих дочерей. Из ее дочерей Евдоксия должна была вступить в брак с сыном Гензериха, Гуннерихом. Прожив в этом насильственном браке 16 лет в Карфагене, Евдоксия бежала и после многих приключений достигла Иерусалима, где вскоре умерла и была погребена рядом со своей знаменитой бабушкой, носившей одинаковое с ней имя. Другая дочь Евдоксии, Платидия, была освобождена после смерти императора Марциана и встретилась со своим искавшим спасения в бегстве мужем Олибрием в Константинополе, куда она должна была проводить свою мать. Такова была судьба этих двух женщин, последних наследниц рода и государства Феодосия Великого.

Что касается несчастной императрицы Евдоксии, имя которой связано с разграблением Рима вандалами, то о ней по настоящее время служит напоминанием церковь, которую Евдоксия незадолго до вторжения в Рим Гензериха построила в честь св. Петра. Эта базилика неподалеку от терм Тита на Каринахе сначала называлась по имени Евдоксии — *Titulus Eudoxiae*, позднее же была названа *S. - Pietro ad Vincula* или *in Vincoli*. Об основании ее предание говорит следующее: Евдоксия, мать императрицы Евдоксии, взяла с собой из Иерусалима цепи св. Петра и одну половину цепей принесла в дар Константинополю, а другую отдала своей дочери для Рима. Здесь уже раньше хранились цепи, которые носил перед своею смертью апостол. И когда папа Лев приложил иерусалимские цепи к римским, они сомкнулись и образовали одну цепь в тридцать восемь колец. Это чудо побудило жену Валентиниана выстроить церковь; в ней и хранятся легендарные цепи и почитаются поныне, а языческий праздник Августа (1 августа) с той поры стал праздником цепей св. Петра.

Когда флот вандалов удалился, несчастные римляне могли никем не тревожимые оплакивать свою ужасную участь. Как после Алариха, так и после Гензериха в стенах города не оставалось больше врага; не последовало также никаких политических перемен. Только разграбленный город своим опустошением и трупами свидетельствовал о крушении, которое он перенес. Разграбление было так велико, что почти все, что имело цену, попало в руки африканцев. Трудно верить, чтобы вандалы и мавры из страха перед апостолами могли пощадить три главных церкви и ограбили только титулованные или приходские церкви. Но есть все-таки указания, что

некоторые ценные вещи, в особенности принадлежавшие базилике Св. Петра, ускользнули от глаз варваров или были пощажены ими. Однако если бы мы даже не имели никаких точных сведений о характере разграбления, которому подвергли Рим вандалы (позднейшие историки очень мало сообщают о нем), ставшее поговоркой выражение «вандализм» уже убеждает нас в том, что разграбление это было громадно. И хотя вестготы не оставили по себе добрых воспоминаний среди римлян, тем не менее на их имени нет того клейма, которое голос народа наложил на вандалов, что доказывает, насколько неизгладимо запечатлелась в памяти города эта вторая катастрофа. Но беспристрастное исследование не подтверждает той пошлой басни, что вандалы разрушали здания в Риме. Никто из историков, которые только писали об этом событии, не называет ни одного здания, которое было бы уничтожено вандалами. Прокопий, от внимания которого не ускользнули развалины преданных огню готами дворцов Саллюстия, сообщает только, что вандалы разграбили Капитолий и дворец цезарей; и только позднейшие византийцы, списывавшие друг у друга, говорят общими словами о поджогах в городе и гибели от огня многих замечательных его сооружений. А между тем мы увидим, что еще Кассиодор описывает эти великолепные памятники и восхваляет заботы гота Теодориха о сохранении их. И мы закончим наше исследование по этому вопросу словами римлянина: «Насколько мне известно, не установлено, что Гензерих разрушал здания и статуи города».

Но в других отношениях Рим опустошен был выше всякой меры. Вандалы, захватив богатую провинцию Африку, уже владели латифундиями римских патрициев и патримониями церкви; семьи большей части сенаторов были доведены до нищеты; население Рима также уменьшилось, так как народ частью был обращен в рабство, частью спасался бегством. Можно утверждать, что за сорок пять лет, протекших со времени вторжения Алариха в Рим, население последнего убавилось на 150 000 человек, если не больше. Многие древние роды исчезли совершенно, другие владели бедственным существованием и гибли, как гибли храмы, покинутые и разрушающиеся. Большие дворцы стояли пустыми, и все в них было мертво, римляне двигались, как привидения, по городу, который был слишком велик для их замиравшей жизни. Если раньше, во время расцвета империи, обширные пространства Рима, занятые храмами, базиликами, аркадами и всякого рода увеселительными сооружениями, вызывали в зрителе изумление, то теперь, с середины V века, Рим должен был представлять картину торжественного умирания города, в величественных пространствах которого уже не катилась волна народного движения и всюду наступала могильная тишина.

ГЛАВА VII

1. Авит, император, 455 г. — Панегирик Апполинария Сидония и статуя в честь его. — Авит свергнут Рицимером. — Майориан, император, 457 г. — Его эдикт о памятниках Рима. — Начало проявления вандализма в римлянах. — Падение Майориана в 461 г.

Взятие Рима Гензерихом не оставило по себе никаких определенных политических следов. Оно было простым африканским набегом, удачно окончившимся смелым походом морских разбойников на Рим, что в позднейшие столетия не раз старались повторить сарацины с тех же самых берегов Африки.

Западный трон, свободный от притязаний наследственного императорского рода, стал снова добычей честолюбивых генералов. Вскоре после смерти Максима

трон был занят человеком благородного рода из Галлии. Эта еще могущественная провинция и своекорыстная дружба короля вестготов Теодориха дали возможность генералу Авиту подняться в Тулузе на высшую ступень власти. В Арле 10 июля 455 г. Авит перед войском и народом с согласия их возложил на себя пурпур. Хотя римский сенат еще ревниво оберегал свое право выбора, но был вынужден в этот раз признать совершившийся факт и пригласил Авита прибыть в Рим. Получивший изысканное образование галл был утвержден в Риме в сане императора. Зять Авита, Апполинарий Сидоний, согласно древнему обычаю, прочел 1 января 456 г. перед собранием отцов Рима панегирик новому императору, и за это самому Сидонию была воздвигнута бронзовая статуя на площади Траяна. Осчастливленный поэт сам рассказывает, что одетые в пурпур квириты, т. е. сенат, единогласным решением признали за ним право на такое отличие, и тешит себя мыслью о том, что Траян может видеть, что ему, поэту, воздвигнута статуя и поставлена в обществе авторов греческой и латинской библиотек. Таким образом, даже тогда, когда Рим только что испытал на себе самое ужасное разграбление, римляне все еще упорно держались прославленных обычаев своих предков. Вместе с тем Сидоний дает нам прямое доказательство тому, что вандалы не трогали ни Ульпиевой библиотеки, ни украшавших ее статуи.

Римский сенат, однако, не мог примириться с тем, что он должен был признать императором человека, который занял трон благодаря провинциям и варварам, и чтоб низвергнуть этого императора, вошел в тайное соглашение с графом Рицимером, чужестранцем, достигшим большой власти. Рицимер происходил из испано-свевского владетельного дома, так как отцом его матери был король Валия. Служа под начальством Аэция, Рицимер ознакомился с военным делом и успел отличиться при всех трех следовавших друг за другом императорах: Валентиниане, Максиме и Авите. Смелость, лукавство и честолюбие Рицимера делали его способным, как некогда Стилихона, создать себе необычную карьеру в это время гибели Римской империи, когда германские воины захватили власть над Италией, а затем завладели и ее тронem. Рицимер был генералом империи, и у всех еще в памяти была создававшая ему громкую славу его победа над вандалами в Корсиканском море. Условившись с сенатом, Рицимер восстал против Авита. Беззащитный старый император, когда сенаторы объявили его низложенным, бежал из Рима в Пладенцию, надеясь, что здесь ему удастся заменить пурпур епископским одеянием, но, оставленный сенатом в полном презрении, бежал отсюда в свою родину Овернь, где был убит на улице в сентябре 456 г.

Прекращение рода императора Феодосия и общая смута временно подняли энергию сената, высшего законного учреждения империи. Со времени Валентиниана III императоры снова стали делать своей резиденцией Рим, и последний снова стал сознавать себя главой империи. Не подлежало сомнению, что вся власть была теперь в руках чужестранца Рицимера. С этим смелым выскочкой началось в Италию господство наемников, которое за двадцать лет смуты привело Римскую империю к окончательной гибели. Со времени Гонория национальная римская партия тщетно старалась отнять у варваров их влияние и подавить возраставший германизм. Распадение римского государственного строя и наемничество, без которого нельзя было обойтись, делали бесплодными все подобные усилия сената. Гордые варвары, занимая на службе при императорах, представлявших одну тень императорской власти, должности генералов-военачальников, составляли теперь чужеземную военную аристократию, которая стояла наряду с римской родовой аристократией; между тем последняя уже глубоко пала, и достаточно было только подходящего момента, чтобы наиболее смелый из этих варваров стал государем Италии. Но

Рицимер еще не был человеком того будущего, которое ожидало германскую национальность; он только прокладывает дорогу к этому будущему и сам удовольствовался ролью тирана над теми куклами, которые изображали императоров и были им или поставлены, или терпимы.

В течение 6 месяцев трон цезарей оставался не занятым, и Рицимер был единственным властителем. 28 февраля 457 г. он потребовал, чтобы сенат объявил его патрищем, своего же бывшего товарища по оружию в войске Аэция, Юлия Валерия Майориана, назначил *magister militum*. Затем, сохраняя к Майориану свое расположение, Рицимер позволил ему занять трон, и 1 апреля 457 г. в лагере у Равенны Майориан был провозглашен императором. Таким выбором были одинаково удовлетворены желания и народа, и войска, и сената, и даже восточного императора Льва I. Редкие доблести украшали нового императора. Латиняне приветствовали его с восторгом, и Майориан вскоре же пробудил воспоминания о лучших римских императорах, во времена которых он был бы вполне достоин править государством; потомство с сожалением видит в Майориане уже последний образ благородного римского императора. В послании к сенату, написанном Майорианом, слышится голос Траяна. Рим с радостью принял программу, начертанную императором, который решил управлять государством по его законам и традициям, и все последующие эдикты Майориана вызывали в народе изумление его мудростью и человечностью.

Между этими новыми законами мы отметим один, относящийся к городу Риму. Стремясь восстановить потрясенное государство, поправить его финансовое управление и вдохнуть новую жизнь в порабощенные курии городов, великодушный император взял город Рим под свое особое покровительство. Разоренный вид Рима, быстрое разрушение памятников, за которыми не было уже никакого присмотра и ухода, и наконец хищническое разрушение древних зданий самими римлянами возмутили благородный римский дух Майориана, и он издал следующий эдикт:

«Мы, правители города, решили положить конец бесчинству, которым обезображивается вид почитаемого города и которое давно уже вызывает в нас отвращение. Нам известно, что общественные здания, которые составляют всю красоту города, подвергаются разрушению благодаря преступной снисходительности властей. Под тем предлогом, что камень нужен для возведения общественных зданий, древние величественные сооружения разоряются, и таким образом уничтожается великое, чтобы устроить где-то и что-то ничтожное. А затем является уже и такое злоупотребление, что при постройке частного дома благодаря ослаблению городских судей необходимый материал берется из общественных зданий; между тем то, что составляет блеск города, должно было бы оберегаться любовью граждан. Поэтому мы устанавливаем как общий закон, что все те здания, которые были воздвигнуты в древности для общей пользы и украшения города, будут ли то храмы или иные памятники, не должны быть никем разоряемы, и к ним никто не должен прикасаться. Судья, потворствующий нарушению этого закона, штрафуется пятьюдесятью фунтами золота; повинующиеся противозаконному приказу судьи и не оказывающие ему сопротивления в этом служитель судьи и нумерарий подвергаются наказанию плетью и, кроме того, им отрубаются руки, так как вместо того, чтобы оберегать памятники, такие люди оскверняют их. Все, что присвоено было до сих пор обманными просками, не может быть ни в каком случае отчуждено от государства, и мы приказываем вернуть ему все; мы учреждаем восстановление отчужденного и на последующее время прекращаем *licentiam competendi*. Если же потребовалось бы какое-нибудь древнее здание уничтожить, в виду ли постройки нового общественного учреждения или невозможности ремонта, то об этом надлежит ведать просвещенному и досточтимому сенату, который, найдя по зрелом обсуждении необходи-

мым такое уничтожение, должен представить свое заключение нашему заботливому рассмотрению. И то, что ни в каком случае уже не может быть восстановлено, должно пойти на украшение какого-нибудь другого общественного здания».

Из этого эдикта нетрудно узнать, кто были варвары, которые уже со времен Константина налагали свои руки на памятники Рима. Разоренные потомки Траяна привыкли относиться к памятникам былого величия Рима все с большим равнодушием; те, кто был доступен возвышенным чувствам, стремились охранять наследие древности, но нужда была сильнее их; чиновники же, среди которых многие имели предками людей, принадлежавших берегам Истера и Рейна, относились к этому вопросу безучастно, а к деньгам были податливы. Вид величественных аркад, базилик и храмов, того или другого театра, цирка рождал в людях желание обзавестись ценным материалом, и им казалось, что мраморные плиты, на которых только ящерицы грелись на солнце, гораздо разумнее употребить в дело, чем предоставить времени разрушить их. Без сомнения, население не дерзало прикасаться к более выдающимся сооружениям, но поступало так по отношению к другим, менее значительным и стоящим не на виду, и случалось, что иной храм вместе с местом, на котором стоял, оказывался уже частной собственностью. Постройка христианских церквей при Константине послужила первым заманчивым примером разорения древних памятников; священники (к ним в значительной мере мог быть отнесен эдикт) похищали мрамор и всякий материал для постройки церквей или для их украшения. Наступило темное время, когда Рим, сам себя разрушая, разрабатывался, как какая-нибудь громадная известковая яма или каменоломня, и это продолжалось более тысячи лет.

Какие бы мудрые законы ни издавал Майориан, он не мог остановить ни разрушения города, ни падения империи; тяжелое бремя сокрушило самого Майориана, последнюю опору Рима. Заветной мечтой Майориана было наказать Гензериха и вернуть Риму Африку. Усмирив восстание в Галлии, Майориан заключил с королем вестготов Теодорихом новый союз, снарядил флот, собрал большое войско и в мае 460 г. направился из Галлии в Сарагоссу, чтоб начать войну с вандалами. Однако потеря части флота в гавани Карфагена, где, может быть, даже благодаря изменническому соглашению Рицимера с врагом было совершено нападение на флот, принудила императора вернуться в Галлию, а вскоре затем он и сам погиб. Рицимеру было неприятно убедиться, что Майориан правил римлянами самостоятельно, и он без труда низверг с трона беззащитного императора. 2 августа 461 г. Рицимер приказал схватить Майориана, находившегося в Тортоне и намеревавшегося вернуться в Рим. Великодушный император подчинился требованию тирана и сложил с себя пурпур, после чего вскоре же (7 августа) был обезглавлен. Это был муж, который, по словам греческого историка, был справедлив к подданным, страшен врагам и превосходил своими добродетелями всех, кто до него властвовал над римлянами. Со смертью этого благородного императора были окончательно погребены и все надежды римлян.

2. Смерть Льва I в 461 г. — Его учреждения в Риме. — Первый монастырь Св. Петра. — Базилика Св. Стефана на via Latina. — Открытие ее в 1857 г. — Папа Гиларий, император Север, император Анфимий. — Вступление его в Рим. — Приношения Гилария

В том же году, 10 ноября, умер и папа Лев I. Его управление, во время которого Рим пережил такие ужасные события, продолжалось 21 год. Это был великий пастырь, память которого по справедливости священна для римлян; он спас город от

Аттилы и смягчил бедствия, которыми грозило нашествие на Рим Гензериха. Отважный, умный и энергичный, красноречивый и ученый, это был истинный епископ и первый великий папа, которого знает история римской церкви. Действуя с беспощадной строгостью, он одержал верх над манихеями, присциллианами и пелагианами, а на соборе в Халкидоне (в 451 г.), где в первый раз председательствовал римский легат, одолел ересь Евтихия, настоятеля из Византии. Он подчинил непокорных епископов Иллирии и Галлии приматству св. Петра, которое им именно было обосновано как доктрина и утверждено императорским эдиктом. В его сочинениях (большое собрание проповедей и посланий) еще видны следы времен Иеронима, Августина и Павлина, чего уже нельзя заметить в работах преемников Льва. Он был первым папой, который был погребен в предсении базилики Св. Петра, и признательная церковь дала основателю учения о первенстве апостольского престола в Риме прозвание Великого.

В Риме едва ли сохранился какой-нибудь памятник Льву. После нашествия вандалов он старался возместить потери церквей, украсил трибуны в Латеране, в базиликах Св. Петра и Св. Павла и учредил в Ватикане первый монастырь Св. Иоанна и Св. Павла. Но если этот ревностный епископ содействовал распространению монашества, то в то же время он боролся с безбрачием в городе, население которого уже слишком уменьшилось, и издал повеление, которым запрещалось девушкам ранее 40-летнего возраста надевать монашеское одеяние. На кладбище Каликста на Via Appia Лев построил базилику в честь епископа Корнелия; другая церковь, в честь св. Стефана, была выстроена Львом в прекрасном имении, подаренном ему его благочестивой подругой Деметриадой из рода Анидиев; она была выстроена на Via Latina, в 3 милях за стенами. В позднейших книгах пилигримов эта церковь упоминается, но в Средние века она оставалась неизвестной, и только в конце 1857 г. при раскопках на Via Latina были найдены следы базилики; мраморная доска с надписью удостоверяет, что эта базилика была построена именно Львом.

В 461 г. на престол Св. Петра вступил Гиларий, родом из Сардинии, а на трон цезарей Ливий Север из Лукании, креатура Рицимера. Бесцветное управление Севера продолжалось с 19 ноября 461 г. до осени 465 г., когда он окончательно надел своим всемогущему министру. Опираясь на войско, состоявшее из германских наемников, обладая огромными богатствами и окруженный людьми, в угоду ему готовыми на все, Рицимер правил государством почти два года один, возбуждая к себе только ненависть и страх. Но он не смел, однако, каким-нибудь насильственным переворотом положить конец Римской империи и сменить дарованное ему императором звание патриция на сан короля. В этой предсмертной борьбе империи сенат проявлял еще признаки патриотического мужества. Отцы Рима оказывали некоторую поддержку погибавшему государству, и среди них попадались еще люди высоких достоинств, которые, как Геннадий Авиен и Цецина Василий, «могли разделить власть с одетым в пурпур повелителем». Так говорит Сидоний, но прибавляет: «Если не принимать во внимание преимуществ, которые давало войско». Несомненно, что Рицимер встретил в сенате живое противодействие и тем не менее мог преодолеть его, что сенаторы нашли могущественного защитника в лице императора Льва I. Спасти Западную империю от падения не представлялось возможности: провинции, находившиеся вне Италии, не выходили из-под власти германских народов, бургундцев, франков, вестготов и вандалов; Рим был дважды опозорен и стал пустым звуком; при таких условиях Византия должна была получить значение истинной главы государства. Восточные императоры стали понимать, что на них лежит долг охранять единство и нераздельность государства и, взяв падав-

ший Рим под свою защиту, как провинцию империи, они не позволяли германцам стать господами в Риме. Римская национальная партия призвала греческого императора для охраны законной власти в государстве.

После смерти Севера римский трон оставался незанятым более года. Рицимеру пришлось, однако, не только согласиться на то, чтоб сенат вступил в переговоры со Львом о выборе нового императора, но и признать этот выбор, когда он пал на грека. Рицимер помирился на том, что он получит в жены дочь вновь избранного Августа. Последним был избран Анфимий, один из первых сенаторов на Востоке, женатый на Евфимии, дочери императора Марциана. С большой пышностью в сопровождении свиты, походившей на войско, отправил Лев своего любимца в Рим. Здесь, в неизвестном месте Бронтолас, в трех милях от стен города, Анфимий был встречен сенатом, народом и войском и здесь же 12 апреля 467 г. принял императорский сан. Затем Анфимий вступил в город, который встречал греческого принца с любопытством и уже мечтал об ожидающих его зрелищах. Вскоре после того Рицимер сам праздновал свое бракосочетание с императорской принцессой, свидетелем которого был поэт Сидоний как оратор галльских провинций. Город купался в море блаженства, как сказал бы придворный поэт наших дней: в театрах, на рынках, в преториях, на площадях, в храмах и гимназиях повсюду декламировались веселые свадебные стихи (*fescennini*); все серьезные дела были забыты в общем разгуле. Даже теперь Рим произвел на галла Сидония впечатление мирового города; Сидоний называет Рим обителью законов, гимназией наук, курией сановных должностей, вершиной мира, отечеством свободы, единственным городом, в котором только варвары и рабы чувствуют себя чужими. В этом описании галльского поэта Рим в последний раз является облеченным в древнее торжественное и величественное одеяние; по крайней мере, мы видим, что ни одно из древних учреждений, служивших общественному благу и общественному веселью, не было еще уничтожено, хотя масштаб народной жизни становился все меньше. Свой панегирик Сидоний поднес Анфимию 1 января. Напыщенные стихи льстеца, игравшего роль Клавдиана, но более, чем он, счастливого, были награждены назначением Сидония префектом Рима. Три года спустя Сидоний предпочел стать епископом в Клермоне.

Между празднествами, которыми сопровождалось восшествие на престол Анфимия, историками отмечен изумительный факт чествования языческого праздника луперкалий; они были действительно отпразднованы римлянами-христианами по древнему обычаю в феврале на глазах императора и папы. Мы встретимся с этим замечательным остатком язычества в Риме еще позднее и увидим его переход в христианскую форму. Между тем римские священники имели случай усомниться в ортодоксии нового императора; они усмотрели у грека Анфимия еретические взгляды, а в его свите разыскали еретика Филофея. Между духовенством и императором грозило вспыхнуть догматическое несогласие; папа стал требовать, чтобы в Риме преследовались византийские вероучения.

В то время как Анфимий истощал государственную казну на приготовления к войне с вандалами, Гиларий тратил огромные деньги на украшение церквей. Если в книге пап опись тех приношений церквям, которые были сделаны Гиларием, заслуживает доверия, то надо думать, что церкви, постоянно одаряемые императорами и частными лицами, обладали несметными богатствами. И это вполне понятно; варвары грабили церкви, но поместья не трогались, а так как их было множество, то недостатка в доходах не было. Римская церковь уже обладала такими обширными землями, о каких и не думали ни константинопольский патриарх, ни

александрийский. Она была самая богатая христианская церковь. В Латеране, в базиликах Св. Петра, Св. Павла и Св. Лоренцо Гиалрий завел самую ценную утварь. Читая названия и описания произведений искусства, составлявших эту утварь, мы невольно переносимся к состоянию искусства в Риме за время его упадка. С падением богов и исчезновением скульпторов искусство в V веке перешло, по-видимому, в мастерские ювелиров, литейщиков и мозаистов. Из литого металла делались массивные сосуды разнообразной формы, лампы и светильники, золотые голуби и кресты, и все это в чрезмерном изобилии украшалось драгоценными камнями; алтари покрывались серебром и золотом; купели украшались серебряными оленями; в исповедальнях воздвигались золотые арки, которые поддерживались колоннами из оникса и осеняли золотого агнца. В то время как Рим впадал в нищету и все больше клонился к упадку, в церквях скапливались богатства, и народ, не будучи в силах собрать войско и соорудить флот для войны с вандалами, видел, что базилики со сказочной роскошью разукрашены золотом и драгоценными камнями.

3. Процесс Арванда. — Бесплодные походы в Африку. — Высокомерие Рицимера и разрыв его с Анфимием. — Рицимер осаждает Рим. — Третье разграбление Рима в 472 г. — Император Олибрий. — Смерть Рицимера. — Памятник его в Риме. — Св. Агата в Субурре. — Гликерий и Юлий Непот, императоры. — Возмущение германских наемников. — Орест возводит в императоры своего сына Ромула-Августа. — Одоакр овладевает Италией в 476 г. — Конец Западной Империи

Правление Анфимия не было ни счастливым, ни сильным; оно отмечено только одним замечательным случаем: процессом префекта Галлии Арванда. Этот высокомерный чиновник притеснял провинцию и возбудил против себя недовольство высшего класса, вследствие чего ему было объявлено, что он должен явиться перед сенатом. Курия составила высшую судебную инстанцию, и обвиняемому было предписано оставаться в пределах Капитолия. Последний государственный процесс в Риме, веденный согласно установлениям республики, должен вызывать в нас живейший интерес к себе; процесс описан Сидонием, личным и преданным другом обвиняемого. Арванд, отбывавший свой арест в доме хранителя казны Флавия Азелла, пользовался всем вниманием, подобающим его сану, и свободно ходил всюду по Капитолию. В белой одежде кандидата он пожимал руки многочисленным знатым гостям, навещавшим его, говорил презрительно о непорядках в государстве, не щадил при этом ни сената, ни императора, гуляя же по площади, заходил в лавки и внимательно рассматривал выставленные на продажу шелковые материи и драгоценности. Когда наступил день процесса, четыре галльских обвинителя явились в скромных одеждах просителей: спокойно и с достоинством возвысили они свой голос против гордого аристократа, который, чувствуя одно презрение к своим обвинителям и упорно отвергая свою вину, признал, однако, себя автором письма, уличившего его в изменнических замыслах поделить провинцию Галлию между вестготами и бургундцами. Этот необычайный случай перенес сенат во времена Верра и Катилины и вернул ему сознание его судебного достоинства; сенат единогласно признал Арванда виновным. Префект Галлии был лишен своего звания, переведен в плебей и осужден на смерть от руки палача. За время тридцати дней, которые по закону должны были пройти до исполнения приговора и которые Арванд проводил в

тюрьме на острове Эскулапа на Тибре, Сидонию и другим влиятельным лицам удалось выхлопотать для Арванда замену смертной казни изгнанием. Этот процесс был лучшим деянием, которым сенат почтил и скрасил свои последние дни, но для Галлии в этом случае не было действительного удовлетворения: правители этой страны продолжали высасывать из нее все, что было возможно, и предавать ее даже вестготам, а ближайшего преемника Арванда, Сероната, нового Катилину, сенат должен был казнить смертью.

Приготовления к войне с вандалами, которыми сообща были заняты Восток и Запад, — одно из величайших усилий, сделанных империей, существованию которой грозили непрерывные грабительские походы африканцев, занимавших берега Средиземного моря, — довели и Византию, и Рим до истощения, а между тем поход в Африку под начальством Василиска и Марцеллина в 468 г. окончился неудачей. Положение Анфимия вследствие этого пошатнулось, так как Рим надеялся, что связи Анфимия с Византией помогут вернуть Риму Африку. И в той мере как слабела власть императора, росла власть Рицимера. Восточный император сумел счастливо отделаться от Аспара, такого же опасного человека, занимавшего в империи такое же положение, как Рицимер; но Анфимию было не под силу освободиться из-под ига свбего всемогущего министра и зятя. Открыто начав ссору, Рицимер ушел в Милан, водворился в нем и, распустив слух, что он вступил в союз с варварами по ту сторону Альпов, навел ужас на Рим. Согласие, которого, казалось, удалось достигнуть между Рицимером и императором при посредстве епископа из Тигина или Павии, Епифания, было только мнимым примирением. Рицимер выступил из Милана с своим варварским войском, подошел к Риму и обложил город, разбив лагерь у Аниенского моста перед Саларскими воротами. Это было в 472 г.

В то время как Рицимер вел свою осаду, к нему явился из Константинополя Аниций Олибрий, с которым Рицимер много раньше до того заключил договор. Во время взятия Рима Гензерихом этот сенатор знатного рода спасся, бежав в Константинополь, и здесь женился на Плацидии, дочери Евдоксии. Через свою жену он являлся единственным наследником прав потомства Феодосия Великого и таким образом, казалось, был самым подходящим человеком для того, чтоб заступить на место грека Анфимия. Император вел защиту мужественно, но боевые силы его были малы и в городе было много приверженцев Рицимера и ариан. В Риме, где, кроме того, появилась чума и свирепствовал голод, уже думали о сдаче, когда подошел спешивший к нему на защиту гот Билимер, военачальник Галлии. Однако транстеверинская часть города была уже тогда в руках Рицимера, и последний, опираясь на Ватикан и памятник Адриана, еще не представлявший, впрочем, укрепленного места, пытался проникнуть в город через мост и Аврелианские ворота. Произошла кровавая битва, Билимер в ней пал, и Рицимер овладел воротами. Проникнув в город, свирепые наемники, представлявшие пеструю смесь германских племен арианского вероисповедания, убивали и грабили все на своем пути. Это было 11 июля 472 г.

По отношению к этому ужасному разграблению Рима мы также не имеем никаких определенных указаний на то, какая участь постигла памятники; историки не сообщают ни о каких разрушениях, произведенных огнем, и не называют ни одного сооружения, которое было бы уничтожено. Только в одной надписи говорится, что городской префект Аниций Ацилий Агинаций Фауст приказал вновь поставить статую Минервы, храм которой был разрушен огнем.

По одному древнему отчету, были пощажены только те два округа города, которые раньше были заняты Рицимером, а именно ватиканский, уже тогда перепол-

ненный монастырями, церквями и госпиталями, и Яникул или Транстеверин. Отсюда следует заключить, что базилика Св. Петра не подвергалась разграблению; но город был весь отдан в добычу германским наемникам.

В опустошенный голодом, чумой и грабежом город вступил Флавий Аниций Олибрий и овладел диадемой изрубленного на куски императора Анфимия. Олибрий уже давно помышлял о ней. Провозглашенный императором с согласия Льва еще до взятия Рима, Олибрий занял дворец цезарей и принудил сенат признать за ним этот сан. В это время Рицимера, грабителя Рима, убийцу и деспота стольких императоров, поразила чума.

Рицимер умер 18 августа 472 г. Воспоминанием об этом предводителе германцев и властители Рима служил церковь, которую Рицимер выстроил или возобновил на склоне Квиринала. Это церковь Св. Агаты in Subura; первоначально она была уступлена готам-арианам, так как это вероисповедание, к которому принадлежали господствовавшие в государстве германцы, терпелось в Риме. Рицимер украсил трибуну этой церкви мозаиками, но от них сохранился только рисунок. Он изображает Христа среди апостолов, сидящего на шаре; у Христа борода и длинные локоны; правой руке дан кроткий жест, в левой — книга; рядом с Христом стоит св. Петр. Замечательно, что последний держит только один ключ. Без сомнения, Рицимер был погребен в этой церкви.

После его смерти звание генералиссимуса было возложено Олибрием на бургундского принца и племянника Рицимера, Гундебальда; сам Олибрий, однако, вскоре же умер от чумы (23 октября), и трон стал игрушкой в руках варваров. Со смертью Анфимия и Олибрия, последних представителей законности, власть варваров над Римом не подлежала сомнению, и дело шло только о том, чтобы отыскался подходящий человек, который мог бы дать политическую форму этому анархическому войску наемников.

В безграничной смуте последних годов существования империи злополучные образы некоторых императоров являются, как мимолетные тени. 5 марта 473 г. Гундебальд провозгласил в Равенне императором Гликерия, человека с неизвестным прошлым. Вскоре после того Гундебальд покинул Италию, чтоб занять у себя на родине трон своего отца, Гундиоха, и тогда войском варваров стали командовать римские начальники.

Императора Гликерия уже в 474 г. низверг Юлий Непот, сын Непотиана, далматец по рождению, которого послала с войском из Византии в Равенну вдова императрица Верина. Юлий Непот направился к Риму, настиг Гликерия в гавани Тибра и принудил его отречься от престола, принять духовный сан и занять место епископа в Салоне. Такой не раз случавшийся переход лишеного трона императора в епископы говорит о том, что звание епископа пользовалось большим почетом, но вместе с тем служит доказательством тому, что никаких особых качеств не требовалось для того, чтобы быть духовным лицом. Позднее те же Авит и Гликерий удовлетворялись бы просто монашеской рясой. Непот был провозглашен императором в Риме 24 июня, после чего он вернулся в Равенну. В то время как он, находясь здесь, вел переговоры с королем вестготов Еврихом, дружбу которого Непот хотел купить уступкой провинции Овернь, против него возмутился Орест, возведенный в патриции и в генералы войска варваров в Галлии самим Непотом. Испуганный Непот бежал (28 августа 475 г.) из Равенны морем в ту же Салону, в которую так недавно был изгнан им самим Гликерий.

Орест, римлянин из Паннонии, был некогда секретарем Аттилы, а после смерти короля гуннов служил у императоров, как предводитель варварских войск. Он был тогда начальником войска наемников, с которым пришел в Рим Рицимер.

Дикая распущенность овладела этим войском. Набранная из сарматов и германцев, не имевших отечества, эта толпа отказалась идти в Галлию, куда старался удалить ее Непот, и предложила своему генералу корону Италии. Орест счел, однако, лучшим одеть в пурпур своего юного сына, и 31 октября 475 г. Ромул Август был провозглашен западным императором. Этот последний древнеримский император, по случайной иронии, соединил в своем лице имена основателя Рима и первого его императора.

Но недолго довелось ему носить на себе пурпур. Те же самые мятежные наемные войска, которым был обязан своим саном юный император, низвергли его. Со времен Алариха и Аттилы империя стала принимать в свои войска скиров, аланов, готов и других чужеземцев как союзников; теперь такие толпы чужеземцев с их начальниками приобрели власть над империей и управляли ею. Тяготясь служебной ролью, они естественно стали господами в стране, которая утратила свою воинскую силу. Главой этих орд был в то время Одоакр, сын скира Эдекона, служившего у Аттилы, — человек большой отваги, которому, когда он еще был неизвестным юношей, было предсказано, что он станет королем Италии. «Иди в Италию, — говорил ему некогда святой монах в Норике, — иди теперь, когда ты одет в бедные шкуры, ты скоро получишь возможность оделять многих богатыми дарами». Ведя жизнь, полную смелых приключений, участвуя во множестве следовавших друг за другом сражений (Одоакр отличился также и в войне Рицимера с Анфимием), Одоакр стал самым популярным начальником для разношерстной толпы наемников. И ему удалось дать почувствовать этим, не имевшим отечества воинам, ругийцам, герулам, скирам и турцилингам, что для них лучше, сесть на место, стать господами прекрасной Италии, чем получать жалованье от жалких императоров и бродить с места на место. Поддерживаемый своими воинами, Одоакр потребовал тогда у Ореста третьей части всех земель Италии. Получив отказ от Ореста, оставшегося верным Риму, варвары восстали. Они стали стекаться под знамя Одоакра, решившего восстановить то влияние, которым пользовался Рицимер, и в конце концов достигшего еще большего. Провозглашенный варварами королем, Одоакр немедленно двинулся на Тичин или Павию, куда с своим сыном бежал Орест. Укрепленный город был взят после яростного штурма; Орест вскоре же был обезглавлен в Плаценции, а последний римский император Ромул Августул оказался в руках первого действительного короля Италии из германского племени.

Таким образом Одоакр стал королем, не прибегая ни к пурпуру, ни к диадеме. Это было на третьем году царствования императора Зенона Исаврянина, в девятый год управления папы Симплиция, во второе консульство Василиска и в первое Армата, 23 августа 476 г. после Рождества Христова. Счастливый король из наемников не думал, однако, объявлять себя западным императором или отделять от империи Италию как самостоятельное германское королевство. Варвары все еще продолжали признавать как политический принцип единство и нераздельность империи, средоточием которого была теперь Византия. Одоакр хотел только быть законным государем Италии, последней провинции, которая еще оставалась у государства на Западе, и, учреждая здесь не национальное, а варварское королевство наемников, не дал ему никаких основ и ничем его не упрочил. Своим воинам он уступил третью часть полей Италии. Чтобы устранить всякий повод к обвинению в узурпации, Одоакр принудил Августула формально отказаться от сана императора перед сенатом, сенат же — признать, что западной империи больше не существует. Последний акт римской курии вызывает прискорбные чувства. Сенат отправил в Византию к Зенону посланных, которые от имени сената и народа должны были

объявить: для Рима не нужно больше самостоятельного императора; достаточно одного императора и для Востока, и для Запада; защитником Италии избран испытанный в делах мира и войны Одоакр, и пусть Зенон даст ему звание патриция и поручит управление Италией. Позор такого заявления смягчается невыносимым положением Рима; императорское правление стало окончательно невозможным, и измученный народ понял, что следует предпочесть бесконечной смене призрачных императоров господство германского патриция, подчиненное верховной и прочной государственной власти.

В то же время к Зенону, грубому варвару из Исаврии, явился просителем Непот, мечтавший о том, что он, как законный император запада, снова будет возведен на трон, и Зенон ответил сенаторам, что они из двух императоров, которых он дал Риму, одного прогнали, другого убили. Первый еще жив, следовательно, они должны принять его обратно, и дело уже Непота дать Одоакру звание патриция. Зенон, однако, не мог не понимать, что для Непота уже не может быть никакой надежды снова занять трон и что совершившиеся факты приходится признать. Поэтому ему ничего не оставалось, как взять диадему и другие регалии западной империи к себе и хранить их в своем дворце, а с узурпатором примириться, не чувствуя в себе достаточно сил для того, чтобы устранить его. Таким образом, Зенон должен был отказать Непоту в его просьбе; он дал Одоакру титул «патриция римлян» и предоставил ему управление Римом и Италией под своей верховной императорской властью. Таким образом Италия снова вошла в общее государство как провинция; разделение империи на западную и восточную половины было уничтожено, и образовалась опять одна империя под властью одного императора, местопребыванием которого была Византия. Древнее единство империи, каким оно было при Константине, было восстановлено, но Рим опустился до уровня провинциального города, и Запад был отдан на произвол германцев. Древнему латинскому государству в Европе наступил конец.

Когда западное государство, у которого германцы отнимали одну провинцию за другой, прекратило свое существование, то этим только выразилось внутреннее распадение латинских племен и древнего римского строя. Даже христианская религия, повсюду заступавшая на место древнего культа богов, не могла вернуть к жизни эти племена. Гальский епископ Сальвиан описывает нравственное состояние этих состарившихся народов, ставших теперь христианами, и находит, что все они погибали в пороке и бездействии; и только в готах, вандалах и франках, поселившихся в завоеванных римских провинциях, епископ видит чистоту нравов, жизненную силу и юношескую свежесть. «Те, — так говорил епископ, — растут изо дня в день, мы становимся все меньше; они идут вперед, мы погибаем; они расцветают, мы засыхаем... Что же нам удивляться тому, что Бог отдает все наши земли варварам, чтобы целомудрием их очистить эти земли от римских пороков?» Великое имя «римлянин» и некогда бывшее самым почетным титулом звание «римского гражданина» теперь вызывали одно презрение. Разрушенная деспотизмом империя погибла наконец в великой всемирно-исторической борьбе народов, и на ее развалинах основалось германство; оно внесло в латинские племена молодую кровь и преобразовало западный мир началом личной свободы. Падение Римской империи в действительности было одним из величайших благодеяний, пережитых человечеством. С этим падением Европа вернулась к жизни и путем, правда, долгой и тяжелой поступательной борьбы вышла из своего варварского состояния и стала сложным организмом самостоятельных народов. Для самого Рима падение в нем империи имело большие последствия: Рим фактически опустился до уровня провинциального города; его памятники все более разрушались; в

нем замерли последние остатки политической и гражданской жизни, но папство, которому теперь уже не приходилось считаться с западным императором, возросло, и на обломках империи создалась могущественная римская церковь. Она и заступила место Римской империи. Когда последняя пала, церковь уже была крепким и сильным учреждением, на котором ничем не могла отразиться судьба Древнего мира. Церковь тотчас же наполнила пустоту, явившуюся с исчезновением древнего мира, и послужила мостом, связующим этот мир с новым. Она привила римско-церковную гражданственность германцам, разрушившим римское государство, и старалась создать из них новые жизненные элементы, среди которых она могла бы занять место властелина, пока наконец долгим и замечательным процессом ей не удалось восстановить государство на Западе в виде германо-римской империи. Эта метаморфоза, совершавшаяся с жестокой борьбой в течение веков, которые кажутся нам лишенными всякого света, является величайшей драмой в истории и блестящим торжеством человеческого духа, который растет и ищет основ общественного устройства.

КНИГА ВТОРАЯ

ОТ НАЧАЛА ВЛАДЫЧЕСТВА КОРОЛЯ ОДОАКРА
ДО УЧРЕЖДЕНИЯ ЭКЗАРХАТА В РАВЕННЕ В 568 Г.

ГЛАВА I

Правление Одоакра. — Папа Симплиций (468—483). — Постройка новых церквей в Риме. — S.-Stephano rotondo. — S.-Bibina. — Одоакр приказывает избрать Феликса III. — Теодорих идет с остготами на Италию. — Падение владычества Одоакра. — Теодорих становится королем Италии, 491 г.

Одоакр, представляя собой германскую силу, правил, однако, Италией в традиционных римских формах и жил в Равенне. Создать новый политический строй этот грубый воин не был способен, и с ним на развалинах Римской империи только водворилась каста воинов. Ни в чем другом условия существования римлян не изменились; императора не было, но призрак Римской империи все еще жил. Рим по-прежнему управлялся префектом, и, возможно, что с 480 г. Одоакр сам нашел нужным назначать обычных консулов для запада, которые, как и раньше, вступая в должность, одаряли народ деньгами и увеселяли его играми в цирке. Курия наследственных сенаторов, как и прежде, все еще пользовалась традиционным уважением и была государственным советом и представительницей Рима, как союз древних фамилий, к которым принадлежали консулы Василий, Симмах, Бозтий, Фауст, Венантий, Северин, Пробин и другие. Нам неизвестна только численность этой корпорации и то, как она пополнялась.

Существование самого Рима было безмятежно и прошло бесследно для истории за 13 лет благополучного правления Одоакра. Относительно этого времени мы знаем только о постройках церквей и о возрастании почитания святых. Мифология язычников продолжала развиваться на почве христианства созданием нового политеизма, который имел свое основание в прочно укоренившихся воззрениях людей. Исторические народы римского государства, латиняне и греки, не могли вполне отделаться от этих воззрений. Крещенные во имя Христа, потомки язычников не утратили своей привычки к тысяче храмов и к тысяче местных богов и требовали взамен всего этого столько же церквей и святых. Таким образом исповедание свободной от кумиров, чисто духовной веры снова стало в провинциях и городах служением местным святым и национальным патронам.

Симплиций (468—483) посвятил первомученику Стефану базилику на Целии (ныне Stefano Rotondo), которую считают за прежний древний храм в честь Фавна или причисленного к богам Клавдия. Если предположение это верно, то это была первая церковь, преобразованная из языческого храма. В пользу такого мнения говорит прекрасная круглая форма великолепного здания; такая форма, какую имеет церковь Св. Стефана, существует только в немногих церквях, и все они языческого происхождения. Постройка в форме круга производилась редко в то время, когда стремились возводить здания в форме длинного корабля.

Тому же первомученику Симплиций посвятил еще церковь у S.-Lorenzo за стенами, а на Эсквiline, рядом S.-Maria (Maggiore) — церковь Св. Андрею, которой в IX веке было дано удивительное название Santa Barbara Patricia. Эта

базилика была построена на земле, завещанной церкви Флавием Валилой, го- том и генералом императорского войска. Здесь находилось древнее здание (aula), выстроенное в 317 г. консулом Юнием Бассом для других целей. Здание это представляло красивую четырехугольную залу, которая была разукрашена разноцветной мозаикой из мрамора, изображавшей мифологические сцены, охоту Дианы и т. д. Это-то здание Симплиций и обратил в христианскую базилику, присоединив к ней одну лишь абсиду, отделанную мозаикой, причем языческие украшения залы были оставлены нетронутыми; в этом сказалась характерная черта духа V века. Названные изображения еще долго сохранялись в так называемой церкви ап. Андрея, и только в XVII веке эта замечательная базилика была разрушена.

Тем же Симплицием была устроена церковь S.-Vibina в Лицинианском дворце. Vicus, в котором находилась эта церковь, стоявшая неподалеку от ворот S.-Lopenzo, на Эсквилинском поле, назывался Ursus Pileatus; но какого происхождения был дворец, неизвестно.

Смерть папы Симплиция в 483 г. дала впервые повод к возникновению спорного вопроса, которому в позднейшее время суждено было получить величайшую важность. Епископы Рима назначались по выбору всей общины или церкви города, т. е. по выбору всего народа, всеми его классами. По окончании выборов избирательный протокол представлялся императору, который сначала поручал проверить этот протокол государственным чинам и уже затем только утверждал епископа, своего подчиненного. Этим правом утверждения решил воспользоваться Одоакр. Он был патрицием и королем и заступал на место западного римского императора; но он не принадлежал к католической церкви, так как он, как все германские племена того времени, был арианского вероисповедания — учения, которое более подходило к германскому строю в начальном периоде его существования. Одоакр послал в Рим своим уполномоченным Василия, своего первого чиновника, преторианского префекта, который должен был защищать права короля перед народом и сенатом и наблюдать за новым избранием. Василий собрал духовенство и мирян в мавзолее императора Гонория, у церкви Св. Петра, и предъявил им декрет, который будто бы был признан умершим Симплицием; по этому декрету избрание папы впредь должно было производиться не иначе, как с участием королевских послов. Духовенство подчинилось воле короля, права которого были признаваемы без различия и арианами, и католиками; притом ариане еще беспрепятственно пользовались своими собственными церквями и в Риме, и в других городах. На собрании оказался избранным в папы Феликс III, римлянин из знатного рода Анициев.

Охранение церкви и государственных учреждений латинян неизбежно входило в интересы самого завоевателя. Его соплеменники и воины представляли собою не нацию, а пеструю толпу искателей приключений. Между их грубым варварством и римской цивилизацией лежала непреодолимая пропасть. Поэтому владычество Одоакра было не чем иным, как только властью военного лагеря, и как высоко, по-видимому, ни стоял Одоакр в государстве, он оставался в Равенне чужестранцем, которого боялись и ненавидели. Сохранить корону Италии своему потомству он не имел силы; византийский император видел в Одоакре узурпатора и только ждал первого случая развязаться с ним. Такой случай дан был другим, более великим германским воинствующим королем и целым народом, который решил покинуть занятые им и опустошенные области у подошвы Гемуса, чтобы поселиться в Италии. Это были воинственные остготы с их королем Теодорихом. Византия страшилась постоянно повторявшихся нападений остготов на восточное государст-

во, которому со стороны короля готов грозила такая же судьба, на какую обрел Италию Одоакр. Поэтому император Зенон сделал Теодориха своим союзником и дал ему звание консула и патриция; для того же, чтоб удалить остготов с Востока и охранить последний от их хищнических набегов, Зенон направил их на Запад, предложив Теодориху освободить итальянскую землю от «тирана» Одоакра. В силу формального договора эта провинция империи переходила к королю готов. В 488 г. Теодорих перешел со своим народом Альпы и летом 489 г. появился на берегах Изонцо. Цивилизация Востока и Запада коснулась готов Теодориха, и они уже не были такими варварами, какими были народы Алариха; тем не менее по отношению к латинской образованности они не могли быть не чем иным, как только варварами. Но этот народ по сравнению с расслабленными и изнеженными итальянцами представлял необычное зрелище германской мужественности. Мир был завоеван благодаря существовавшему в германце сознанию своего достоинства, его духу свободного человека.

Борьба двух германских героев за обладание прекрасной страной была долгой и жестокой. Разбитый при р. Изонцо и вскоре у Вероны храбрый Одоакр отступил в Равенну, к своей последней опоре. Весьма сомнительным является сообщение одного летописца, который рассказывает, что Одоакр, потеряв Верону, двинулся к Риму и, раздраженный тем, что римляне не впустили его в город, опустошил Кампанию. Римский сенат, которому византийский император, без сомнения, посылал письма, вел переговоры с Теодорихом сначала тайно, а потом, когда Одоакр оказался осажденным в Равенне, открыто стал на сторону Теодориха, и уже в 498 г. король готов послал к Зенону главу сената, патриция Феста, с просьбой о присылке королевского одеяния.

Целых три года Одоакр геройски защищался в Равенне; наконец 5 марта 493 г., теснимый нуждой, он отворил Теодориху ворота города. Несколько дней спустя победитель вероломно, с византийским лукавством нарушил заключенный договор: по приказанию Теодориха Одоакр, его войска и приверженцы были убиты. Теодорих уже возвел себя в сан короля Италии и не заботился о своем утверждении в этом сане Анастасием, занявшим императорский трон по смерти Зенона (9 апреля 491 г.). Только позднее, в 498 г., было получено это утверждение: император возвратил Теодориху все те регалии римского дворца, которые были отосланы в Константинополь Одоакром. Теодорих был королем готов по праву своего народа, королем Италии — в силу завоевания, по выбору своего народа и с невольного согласия побежденных. Передача же Теодориху государственных знаков давала ему право считать себя королем Италии уже с утверждения императора и в будущем управлять Италией так, как управляли западные императоры. Византия, однако, послала Теодориха в Италию только для того, чтобы освободить ее из-под власти узурпатора, и потому в основе не могла не считать и самого Теодориха узурпатором. Новый завоеватель, со своей стороны, признавал законный авторитет империи; он питал чувства благоговения к императору, священному монарху мира, признавая себя подданным этого императора. И тем не менее Теодорих поставил себя как повелителя страны, третья часть которой он отдал в собственность своим воинам. Он поселился в Равенне и решил управлять отсюда, по римскому образцу, Римом, Италией и, может быть, всем Западом. Лишь одно обстоятельство грозило в будущем опасностью: это то, что Теодорих принадлежал к арианскому вероисповеданию. Теодорих привел в Италию еретический народ, и в священном Риме ему, Теодориху, приходилось стать лицом к лицу с могущественным уже епископом, признанным главой западной церкви.

2. Спор в Риме о языческом празднестве луперкалий и прекращение этого празднества. — Раскол из-за избрания Симмаха и Лаврентия. — Собор Симмаха в 499 г.

Готы окончательно поселились в Италии, которая на этот раз испытывала первое действительное вторжение целого германского народа, и с этого времени германское начало проникло в латинскую национальность. Местное население подверглось полному разгрому. В Тусции и Эм依ии все было опустошено. Уцелевшие латиняне стекались в разоренные города, где еще продолжали действовать римские законы, муниципальные учреждения и древняя цивилизация, и латинские епископы благодаря только церковной организации охраняли национальное единство. Рим также страдал от голода, чумы и нищеты, но избег на этот раз бедствий войны. Безучастный к великой борьбе, которой решилась судьба Италии, отныне отданной во власть германцев, римский народ сосредоточил свое внимание на делах церкви и привык находить в них замену исчезнувшей политической жизни. Именно в это время Рим был взволнован совершенно особенным спором, предметом которого было празднество луперкалий — последний остаток языческого культа, который еще терпелся официально.

Святыней Луперкалия или Пана, охраняющего от волков, была темная пещера у подошвы Палатина. По преданию, аркадец Евандро посвятил ее богу полей, и в этой же пещере мифическая волчица вскормила Ромула и Рема. Здесь стояла древняя бронзовая группа волчицы-кормилицы; может быть, эта группа — та самая, которая помещается теперь в Palazzo dei Conservatori. Празднество луперкалий происходило главным образом у этой пещеры и совершалось ежегодно 15 февраля, после чего 18-го следовала фебруация, или очищение, города от воздействий злых демонов. В этот день луперки — те юноши, которые входили в состав коллегии, организовывавшей празднество, без всякого смущения являлись перед народом раздетыми; прикрытые только фартуками из шкур жертвенных животных, они расходились по улицам города, держа в руках кожаные ремни, и наносили женщинам этими ремнями удары в правую руку, дабы передать им благодать плодородия. В таком шествии некогда принимал участие в Риме даже знаменитый Марк-Антоний. Все другие древние празднества (их пошлость была отчасти безгранична) были вытеснены христианством; только луперкалии еще сохранялись, и мы уже говорили, что они праздновались, когда Анфимий занял трон. Приверженность к луперкалиям, к этому древнейшему национальному обычаю, была так велика у римлян, что они не могли расстаться с ними даже тогда, когда были уже христианами. Публичное совершение луперкалий каждый год приводило епископа в ужас, хотя высшие классы из чувства приличия уже не принимали деятельного участия в этом, походившем на карнавал, празднике и исполнителями в нем были только рабы и простой народ.

Тем епископам, которые стремились уничтожить праздник луперкалий, такие христиане-римляне говорили, что именно потому, что богу Фебру не желают больше приносить жертв, в Риме явились чума и бесплодие, и от того же самого был разграблен варварами Рим и пало римское государство. Такие взгляды находили поддержку в сенате, и это заставило папу Геласия, родом римлянина, заступившего место Феликса III в марте 492 г., написать рассуждение против луперкалий. В этом замечательном послании папа обращается к Андромаху, главе сената и защитнику празднества луперкалий. Прошло уже почти пять веков с той поры, как ап. Павел проповедовал Евангелие в Риме; между тем поклонение идолам все еще не могло исчезнуть в городе, и отголоски древних социальных и политических взглядов не переставали бороться с шедшим им на смену тем новым порядком, которым начались Средние века. Традиции предков хранились в римской аристократии так упор-

но, язычество коренилось в сенате так глубоко, что даже консулы того времени, следуя дорогим воспоминаниям о древних обычаях, держали священных кур, изучали авгурии и соблюдали другие предписания, которые некогда религия великих предков связывала с должностью консула. Воспламененный гневом Геласий объяснял римлянам, что нельзя одновременно насыщаться и за трапезой Бога, и за столом демонов, нельзя утолять жажду и чашей Господней, и сосудом дьявола, что луперкалии не имеют никакого отношения к гибели Рима, а виной тому пороки народа. Языческому колдовству и сохранению безбожных обычаев надо приписать падение империи и почти полное забвение имени римлян. Возможно, что папе удалось убедить сенат отменить луперкалии. Церкви, следовавшей опасной политике приспособления к преданиям язычества, удалось, наконец, обратить празднество луперкалий в праздник Сретения Господня. Устраивавшаяся при этом процессия с зажженными восковыми свечами (candelora) не могла не напоминать о языческих обычаях. Этот новый праздник установлен на 2 февраля, и в этот день он празднуется поныне. Из сказанного можно составить себе, между прочим, понятие, в каком состоянии было христианство в Риме в конце V века.

Несколько лет спустя произошло гораздо более опасное столкновение. Геласий и его преемник Анастасий II, римлянин, умерли: первый в 496 г., второй в 498 г. Большинство духовенства 22 ноября 498 г. избрало папой сарда Симмаха. К тому времени только что вернулся из Константинополя сенатор Фест, ведший с императором переговоры о признании Теодориха королем и о принятии Генотикона, эдикта, которым еще Зенон в 482 г. хотел положить конец спорам о воплощении и естестве Христа. Восток принял этот эдикт, но ортодоксальные епископы Рима отказывались признавать его, Фест был одного мнения с императором и, подкупив привезенным из Византии золотом часть римского духовенства, добился избрания в епископы дьякона Лаврентия, который в благодарность за возведение его на апостольский престол обещал утвердить эдикт своей подписью. В один и тот же день Симмах и Лаврентий оба были посвящены в папы, первый — в базилике Св. Петра более значительной частью духовенства, второй — в базилике Св. Марии меньшей частью духовенства, и тотчас после этого духовенство, народ и сенат разделились на два враждебных лагеря. Во главе партии Лаврентия стояли консулы Фест и Пробин, председательствовавшие в сенате, во главе же противной партии был сенатор Фауст.

Раскол получил форму самой яростной гражданской войны; борьба велась с ожесточением в церквях и на улицах. Наконец Теодорих призвал руководителей обеих партий в Равенну. Здесь арианский король своей властью и с полной справедливостью решил, что папой должен быть признан тот, кто был избран раньше и большинством. Таким образом, Симмах (498—514) занял апостольский престол. На некоторое время спокойствие было восстановлено, и 1 марта 499 г. Симмах мог созвать свой первый римский собор в базилике Св. Петра. Этот собор занимался, главным образом, выработкой такого порядка выбора пап, которым устранялось бы влияние на их избрание партийных интриг. Для Рима как города собор Симмаха особенно важен потому, что подписи на соборных актах дают возможность определить существовавшие тогда базилики-титулы.

3. Базилики — титулы города Рима в 499 г.

Таковыми базиликарами были следующие церкви:

1) Titulus Praxidae.

Базилика на Clivus Suburanus Эсквилина, посвященная сестре Пуденцианы.

2) *Titulus Vestinae*.

Ныне церковь Св. Виталия в долине Квиринала. Она была воздвигнута уже Иннокентием I (между 401 и 417 гг.), согласно завещанию римлянки Вестины, и посвящена св. Виталию и его сыновьям, Гервасию и Протасию.

3) *Titulus S.-Caeciliae*.

Прекрасная церковь в Транстеврине, устроенная, по-видимому, в III веке епископом Урбаном в доме, в котором жила св. Цецилия.

4) *Titulus Pamphili*.

Базилика Св. Иоанна и Св. Павла на *Clivus Scauri*, позади Колизея, была построена над древним зверинцем. На соборе Симмаха эта церковь в первый раз обозначается именем Паммахия, римского сенатора и мужа Павлы, к которому обращается в своем письме Иероним, утешая его в смерти жены. Паммахий роздал свое богатое имущество бедным, сделался монахом и устроил эту церковь. Только во времена Григория Великого она была названа церковью Иоанна и Павла, римских братьев и мучеников времен Юлиана Отступника.

5) *Titulus S.-Clementis*.

Древняя церковь между Колизеем и Латераном.

6) *Titulus Juli*.

Ныне *S.-Maria* в Транстеврине; называлась также *Titulus Calisti*; более вероятно, что она учреждена епископом Юлием I (337—354). Согласно позднейшему преданию, рождение Спасителя было возведено появлением масляного источника в том месте, где находилась *Taberna Meritoria*, и это-то послужило основанием к устройству церкви.

7) *Titulus Chrysogoni*.

Эта базилика также находится в Транстеврине и посвящена римскому мученику времен Диоклетиана. Строитель ее неизвестен; на соборе Симмаха она упоминается впервые.

8) *Titulus Pudentis*.

Vasilia Pudentiana на Эсквiline — самая древняя церковь-титул, известная также под именем *S.-Pastor*. Ее первоначальное название — *Titulus Pudentis* или *Ecclesia Pudentiana* — происходило от имени сенатора Пудента, устроившего эту церковь в своем доме.

9) *Titulus S.-Sabinae*.

Самая красивая и самая большая церковь на Авентине; была построена в первой половине V века при Целестине I или Сиксте III и посвящена римлянке Сабине, погибшей мученической смертью при Адриане. Создателем церкви был пресвитер Петр из Иллирии, как о том свидетельствует мозаичная надпись над главными дверями. Великолепные колонны этой церкви, без сомнения, были взяты в одном из авентинских храмов и, может быть, принадлежали раньше именно храму Дианы.

10) *Titulus Equitii*.

Эта замечательная церковь *S.-Martini in Montibus* находится на Каринахе, близ терм Траяна, и была, по-видимому, устроена в доме пресвитера Эквития папой Сильвестром. Поэтому она называлась также *Titulus Silvestri* и к этому названию прибавлялось еще *ad Orphea*, — может быть, по имени стоявшей там же древней статуи. Симмах перестроил эту церковь заново и посвятил папе Сильвестру и св. Мартину Турскому, но это было уже в 500 г.; на соборе же 499 г. церковь значится как *Titulus Equitii*. Остатки древней церкви еще видны под существующей ныне церковью.

11) *Titulus Damasi*.

Базилика Св. Лаврентия у театра Помпея.

12) Titulus Matthaei.

Церковь, находившаяся между S.-Maria Maggiore и Латераном и называвшаяся по имени древнего дворца in Merulana. Она погибла.

13) Titulus Aemilianaе.

Так называлась эта церковь при Льве III. В настоящее время неизвестно, где она находилась.

14) Titulus Eusebii.

Церковь S.-Eusebio стоит подле так называемых трофеев Мария на Эсквiline. Она посвящена римскому священнику, погибшему мученической смертью при Констанции за исповедание афанасьевского Символа веры.

15) Titulus Tigridae или Tigridis.

Ныне церковь Св. Сикста на Via Appia, внутри города, где мог быть храм Марса. Происхождение названия неизвестно. Церковь была посвящена епископу Сиксту II, обезглавленному на Via Appia при Деции или Валериане; архидиаконом этого епископа был св. Лаврентий.

16) Titulus Crescentianaе.

Эта базилика уже не может быть разыскана, так же как и происхождение ее титула не может быть установлено. В книге пап, в описании жизни Анастасия I (399—401), названа, однако, базилика Crescentiana во втором округе на Via Marturini; соответствует ли этой церкви современная Salita di Marforio, остается нерешенным.

17) Titulus Nicomedis.

О церкви S.-Nicomedis известно, что она находилась на Via Nomentana; но из церквей, которые мы перечисляем здесь, ни одна не была за стенами Рима; поэтому титул этот должен был относиться к какой-нибудь другой церкви. Он был давно уже утрачен и Григорием Великим перенесен на базилику S.-Crucis in Hierusalem.

18) Titulus Syriaci.

Это теперь несуществующая церковь S.-Syriaci in Thermis Diocletiani, титул которой Сикст IV перенес на церковь Святых Квирика и Иулитты у нынешнего Arco de' Rappani. Древняя базилика убитого при Диоклетиане римлянина должна была находиться в районе терм. Последними в 466 г., при Сидонии Аполлинарии, еще пользовались, и они были настолько обширны, что церковь, конечно, могла быть устроена в каком-нибудь небольшом отделе их. Там же был выстроен женский монастырь.

19) Titulus S.-Susannaе.

Название этой церкви имеет приставку ad duas domos, под чем разумеют дома отца святой, Габина, и ее дяди епископа Кайя. Эта церковь находилась на Квиринале между термами Диоклетиана и садами Саллюстия, где она стоит и поныне, но в измененном виде. О ней упоминает уже Амвросий в 370 г. Сусанна была национальной римской святой и, по преданию, из рода Диоклетиана. Движимый животными инстинктами, Максимиан добивался того, чтобы юная и прекрасная принцесса вышла за него замуж, но она своим чарующим обликом обращала в христианство всех являвшихся к ней посланными. От всех посягательств на целомудрие Сусанны, которые совершались по приказанию императора, ее оберегал ангел, и Сусанна одним движением своих уст сокрушила золотую статую Зевса, перед которой она должна была совершить жертву. Диоклетиан велел обезглавить ее; но его же собственная жена Серена, бывшая втайне христианкой, похоронила умершую в серебряном гробе в катакомбах Каликста.

20) Titulus Romani.

Эта церковь исчезла бесследно. Базилика имени того же римского мученика упоминается за Саларскими воротами, в Ager Veranus, близ S.-Lorenzo.

21) *Titulus Vitantii* или *Byzantis*.

Этот титул также совершенно неизвестен.

22) *Titulus Anastasiae*.

Древняя базилика Св. Анастасии называется *Sub Palatio*, так как находится у подошвы Палатина. Неизвестно, кем основана эта церковь. Анастасия также национальная святая. По преданию, она была дочерью Хризогона, за которым последовала в Аквилею. При Диоклетиане Анастасия сначала была сослана на остров Пальмарию, а затем сожжена в Риме.

23) *Titulus Sanctorum Apostolorum*.

Так как нынешняя церковь апостолов у терм Константина, в округе *Via Lata*, построена папой Пелагием I в 560 г., то остается неизвестным, к какому именно месту мог относиться этот титул во времена Симмаха. Совершенно неосновательно утверждение, будто бы уже Константин построил в Риме церковь во имя апостолов.

24) *Titulus Fasciole*.

Древняя базилика на *Via Appia* против *S.-Sisto*. В настоящее время базилика посвящена святым внукам Иерею и Ахиллею, по-видимому, ученикам св. Петра. Этими именами церковь напоминает исчезнувшую древнюю мифологию. Титул *Fasciola* в настоящее время не может быть объяснен в точности.

25) *Titulus S.-Priscae*.

Эта древняя церковь на Авентине ошибочно принималась за дом Аквилы и его жены Присциллы, где, по старинному преданию, будто бы жил Петр и крестил из источника Фавна. Оба святые, имена которых св. Павел много раз называет в своих посланиях, были самыми древними, известными нам членами римской общины; они были изгнаны из Рима при Клавдии эдиктом, преследовавшим иудеев, и умерли, по-видимому, в Азии. Когда именно на Авентине была устроена церковь — неизвестно, но, по всей вероятности, она принадлежит к самым древним церквям Рима и одного времени с *Pudentiana*.

26) *Titulus S.-Marcelli*.

По преданию, базилика была учреждена епископом Марцеллом в доме римлянки Луцины на *Via Lata*. Сам он погиб, по-видимому, там же мученической смертью от диких зверей. Этому именно епископу приписывается учреждение 25 титулов.

27) *Titulus Lucinae*.

Известная церковь Св. Лаврентия *in Lucina*, у солнечных часов Августа.

28) *Titulus Marci*.

Церковь Евангелиста Марка, на *Via Lata*, у подошвы Капитолия, близ цирка Фламиния, построена, по-видимому, папой Марком уже в 336 г. Место это называлось *ad Pallacinas* по имени древних бань.

4. Частное значение римских святых в базиликах-титулах. — Их местное распределение. — Титулы при Григории Великом в 594 г. —

Понятие о титулах. — Кардиналы. — Семь церквей Рима

Для истории римской церкви важно знать, каким святым были посвящены эти древние приходские церкви Рима. Оказывается, что в этом отношении местное происхождение святого было по-прежнему руководящим началом. За исключением апостолов, все святые мужи и жены, которым были посвящены церкви, были римлянами по рождению или принадлежали по службе к римской церкви, и за ними была заслуга мученической смерти за эту церковь. До этого времени в Риме не

вовавших во множестве молитвенных домов (oratoria, oracula), одни только эти церкви имели право совершать таинства. Вначале каждая такая церковь имела одного пресвитера; позднее число пресвитеров возросло, и в каждой церкви было два, три и больше священников; тогда первый, старейший, священник получил название Cardinalis или пресвитер-кардинал.

По мнению историков церкви, число 28 кардиналов, установленное при Юлии I в 336 г., долгое время не было превышаемо. Число это должно было соответствовать четырем патриархальным церквям: Св. Петра, Св. Павла, Св. Лоренцо за стенами и Св. Марии (Maggiore), а в каждой из этих главных церквей было по 7 кардиналов-епископов, из которых каждый должен был служить обедню один день в неделю. Позднее к епископской церкви Рима, церкви Св. Иоанна в Латеране, были причислены в качестве кардиналов-епископов семь епископов из местностей, близких к городу (suburbicarij), а именно из следующих: Остия, Порто, Сильва Кандида и Санкта Руфина, Сабина, Пренеста, Тускулум (Фраскати) и Альбанум. Уже при Гонории II, с 1125 г., титулы не были достаточно внимательно выделяемы, а затем была возведена в титулы еще 21 церковь. Тем не менее нельзя отрицать и того мнения, что в древности наряду со старшими титулами существовали младшие для могил мучеников, и этим объясняется путаница в сведениях о числе кардинальских титулов.

Особо от этих приходских церквей стояли пять базилик, которым как начальным оказывалось глубочайшее почитание; то были церкви Св. Иоанна в Латеране, Св. Петра, Св. Павла, Св. Лаврентия за воротами и Св. Марии (Maggiore). У каждой из них не было своего особого кардинала, они не имели своей определенной паствы, их настоятелем был папа, как римский епископ, а общиной — все верующие вместе. В группу этих церквей вошла уже в IV веке, как пользовавшаяся также общим почитанием, базилика Св. Себастьяна на Via Appia, стоявшая над самыми знаменитыми катакомбами Рима, и позднее еще базилика Св. Креста в Иерусалиме. Это были те «семь церквей Рима», к которым в течение всех Средних веков шли на поклонение западные пилигримы.

ГЛАВА II

1. Отношение Теодориха к римлянам. — Прибытие его в Рим в 500 г. —

Его речь к народу. — Аббат Фульгентий. — Рескрипты, составленные Кассиодором. — Состояние памятников. — Заботы Теодориха о сохранении их. — Клоаки. — Водопроводы. — Театр Помпея. — Дворец Пинчиев. — Дворец цезарей. — Форум Траяна. — Капитолий

Теодориху, такому же чужестранцу и варвару, как и Одоакр, удалось, однако, пробудить к себе в римлянах если не любовь, то уважение. Справедливость и мужество Теодориха и еще более его внимание к римским формам государственного быта расположили в его пользу народ; к тому же господство германцев в Италии стало к этому времени уже обычным делом.

Король готов не коснулся ни одного из существовавших установлений римской республики и скорее льстил народу открытым признанием этих установлений. И ничто в действительности не подверглось изменению ни в политической, ни в гражданской жизни Рима; все формы как общественной, так и частной жизни оставались при Теодорихе в такой же мере римскими, в какой они были римскими при Феодосии и Гонории. Даже самому себе Теодорих дал патрицианское

имя Флавиев. С сенатом он обходился с особенным вниманием, хотя светлейшие отцы не принимали уже никакого участия в управлении государством. Сенат представлял собой только средоточие всех высших государственных назначений: каждый, получавший такое назначение, вместе с этим получал и место в сенате. Петронии, Пробы, Фаусты и Павлины из рода Анициев все еще существовали и занимали высшие государственные должности. На сенаторов еще возлагались по-прежнему ко двору в Константинополь; в самом городе на них отчасти еще лежала судебная деятельность по уголовным делам; в ведении сенаторов были и все дела, относившиеся к общественному благоустройству; наконец, сенаторы имели влиятельный голос в выборе папы и в делах, касающихся церкви. Среди собранных Кассиодором эдиктов есть 17 посланий Теодориха *ad patres conscripti*, написанных в официальном стиле императоров, и в этих посланиях король выражает свое высокое уважение к достоинству сената и говорит о своем намерении охранить и возвысить значение сената. Совет отцов Рима является, таким образом, как бы самой почтенной руиной в городе, которую благочестивый король варваров старается охранять с такой же заботливостью, с какой он относится к театру Помпея или к *Circus Maximus*. Назначая кого-либо в виду его заслуг патрицием, консулом или на какую-либо другую доходную должность, король в вежливой форме обращался к сенату и просил его принять в свою среду как товарища, избранного им, королем, кандидата. Названия должностных лиц Теодориха: *magister officiorum* (директор канцелярии), граф дворцовых войск, префект города, квестор, граф патримония (доменов), *magister scrinii* (директор государственной канцелярии), *comes sacragum largitionum* (министр казначейства и торговли), равно как и приводимые Кассиодором формуляры назначений на должности, — все это показывает нам, что Теодорих сохранил все должности, бывшие при Константине и его преемниках, и старался вернуть этим должностям их значение. Ничего не переменял Теодорих и в римском законодательстве. В интересах обеспечения своего положения в Италии Теодорих как чужеземец должен был облечь военное могущество готов, вторгнувшихся в Италию, покровом титулов республики и сохранить римлянам их римские законы. Но обособленное существование германской нации между латинянами и среди римских установлений привело ее самое к неизбежной гибели. Нерешительность в деле воссоздания государства и безжизненность политических форм, которые только искусственно поддерживались и сохранялись, как развалины, сделали невозможной гражданскую реорганизацию Италии и лишь послужили на пользу образовавшейся церкви, которая с распадом государства усиливала свое влияние.

Теодорих вступил в Рим в 500 г. Чужестранный король, теперь повелевавший Италией, явился перед лицом римского народа в его столице, как для того, чтобы подчинить и его своей власти, так и для того, чтобы потушить все еще пылавший огонь партийной борьбы из-за выбора папы. Теодорих вступил в Рим, как император, и римские льстецы приветствовали его как нового Траяна. Еще за городом, у Апианского моста или у подошвы горы Мария, его встретили сенат, народ и духовенство с папой во главе. Руководимый разумной предусмотрительностью, король-арианин проследовал прежде всего в базилику Св. Петра, вознес там «с великим благоговением и как католик» свою молитву на могиле апостола, и уже затем со всем пышным торжеством направился в Рим через Адрианов мост. Те германские преемники Теодориха, которые впоследствии носили титул императора, точно так же, вступая в Рим, в течение всех Средних веков шли сначала к св. Петру, и таким образом этот ритуал императорского въезда в Рим ко времени Карла Великого имел уже давность 300 лет.

Король готов поместился в давно уже опустевшем императорском дворце на Палатине и привел римлян в восторг, дав им случай насладиться также давно неданным зрелищем вступления их властителя в курию, где благородный Бөөдий сказал Теодориху хвалебное слово.

В сенате, в том здании, которое Домициан построил у арки Севера, вблизи Janus Sempius, Теодорих обратился к народу со своим приветствием. Это место называется также ad Palmum или Palma aurea, и должно было быть помостом у «сената». Теодорих был закаленным в боях героем, но без всякого литературного образования, и в писании ничего не смыслил. Речь, сказанная на северном латинском языке, которому Теодорих обучился больше во время своих воинственных странствований и в лагере, чем у риторов, эта речь была краткой. Возможно, что она была сказана через секретаря. Теодорих объявил римлянам, что он будет охранять все прежние установления императоров и в удостоверение этого велит выгравировать свое обещание на медной доске.

Среди уже глубоко павших римлян, которые, разместившись у подножия опустошенного и разграбленного Капитолия, между изуродованными статуями своих предков и у роств, внимали речи готского героя и встречали ее кликами радости. В этой толпе, в которой рядом с тогами видны были рясы множества монахов и священников, находился африканский аббат Фульгентий, несчастный беглец, бежавший от преследований вандалов. Он прибыл в Рим из Сицилии. Его древний биограф рассказывает, что сенат и народ, видя перед собой короля, испытывали большой восторг. Даже сам благочестивый, чуждый всему мирскому Фульгентий был охвачен этим чувством. Видя (так пишет биограф) римскую курию, окруженную ореолом присущего ей величия, слыша клики одобрения свободного народа, Фульгентий был увлечен блеском мирской суеты. Но, устранный такими чувствами, бедный беглец обратил свои взоры к небу и привел в недоумение толпу окружавших его римлян своим неожиданным восклицанием: «Как же должен быть хорош небесный Иерусалим, если уже этот земной Рим так сверкает своим великолепием!» Это наивное выражение восторга чужестранного аббата еще раз показывает, какое поразительное впечатление производил Рим даже в это время на умы людей.

Но неоценимое собрание рескриптов Теодориха, написанных Кассиодором, дает нам больше возможности составить себе понятие о тогдашнем состоянии Рима; вместе с тем это собрание в такой же мере свидетельствует о направленных к охранению города заботах короля готов, который был более достоин владеть Римом, чем многие императоры до него. В этих эдиктах, написанных с педантическим многословием, напыщенным канцелярским слогом, мы видим также и явное доказательство тому, что время варварства уже наступило. В этом убеждают нас и то почтительное отношение к памятникам, о котором говорится в эдиктах, и стремление просвещенным изложением сведений о возникновении, цели и условиях постройки того или другого здания замаскировать варварское происхождение самого властителя, и наконец частое употребление слова «antiquitas». Восторженная любовь Кассиодора свидетельствует о душевной боли римлянина, который сознавал, что величие его родного города уже не может быть спасено, и прощался с ним. Этот римлянин видел, что время варваров приближается и ничто больше не может его отвлечь. Своим талантом он задержал на немногие годы наступление этого времени и руководил Теодорихом. Оба эти мужа, римлянин и германец, последний сенатор и первый готский король Италии, представитель древней культуры и жадно желавший просвещения варвар с великой душой, представляют в своем сочетании в высокой степени привлекательное зрелище, которое является как бы пророчеством, возвес-

тившим наступившее несколько столетий спустя единение Италии и Германии и возникновение всей вообще германо-римской культуры.

После того как мы беспристрастно проследили историю разграбления Рима германцами, мы уже не должны больше удивляться тому, что еще в 500 г. были целы все те знаменитые сооружения древнего города, созерцанием которых мог наслаждаться Гонорий в 403 г.; только огромное количество мраморных и медных статуй, которыми еще в то время были украшены общественные места, приводит нас в изумление. Кассиодор прямо говорит об очень многочисленном количестве статуй и чрезмерном множестве коней, т. е. конных статуй. Ни отвращение христиан к изображениям языческих богов, ни хищения Константина, ни разграбление Рима вестготами, вандалами и наемниками Рицимера не могли опустошить неистощимые сокровища римского искусства. И хотя число статуй уже не было настолько велико, чтоб равняться числу жителей, тем не менее сохранившихся статуй было так много, что они едва ли могли быть сосчитаны. Особый начальник, имевший особый титул *Comitiva Romana* или римского графа и подчиненный префекту города, должен был наблюдать за целостью статуй. Теодорих и его министр должны были, к сожалению, признать, что в это время общего упадка охраной красоты Рима служит не чувство любви к прекрасному, а уличная стража. Эта стража должна была ночью ходить по улицам города и ловить похитителей, которых привлекала уже не художественная ценность статуй, а металл, из которого они были сделаны. Тот, кто был озабочен целостью статуй, успокаивал себя еще тем, что медные статуи выдадут воров своим звоном, когда лом вора коснется их. «Статуи не совсем немые; звоном, подобным колоколу, они предупредят сторожей об ударах, наносимых ворами».

Теодорих взял под свою особую охрану беззащитный народ из меди и мрамора и распространил эту охрану на все провинции. Последнее доказывается эдиктом Теодориха, изданным им по случаю кражи одной бронзовой статуи в Комо; в этом эдикте Теодорих назначает награду в сто золотых монет тому, кто найдет статую и укажет вора. Но варварство римлян было уже настолько велико, что эдикты короля готов не могли больше обуздать население. Теодорих не переставал сокрушаться о том оскорблении, которое наносили римляне памяти своих предков, обезображивая прекрасные творения. Обнищавшее и деморализованное население города, когда не имело возможности утащить целую статую, не задумывалось отбивать у нее отдельные части и вытаскивало из мраморных и травертинных плит в театрах и термах металлических скрепы. Позднейшие потомки этих грабителей в конце Средних веков с изумлением смотрели на явившиеся таким образом провалы в стенах развалин и в своем наглом невежестве приписывали эти разрушения тем самым готам, которые с такой любовью охраняли красоты их города.

В рескриптах короля готов есть сотни мест, которыми доказывается его глубокое благоговение к Риму, этому городу, «всем родному, матери красноречия, общирному храму всех добродетелей, включающему в себе все чудеса мира, так что по справедливости можно сказать, что весь Рим — чудо». Охранять величие древних римлян и пополнить его достойными сооружениями Теодорих счел своим долгом, но он никогда не задавался мыслью сделать Рим своей резиденцией. Он назначил особого городского архитектора, подчиненного префекту города, и возложил на этого архитектора заботу о сохранении памятников; что же касается новых сооружений, то Теодорих вменил архитектору в обязанность тщательно изучать стиль древних и не делать варварских отступлений от него. По примеру прежних императоров Теодорих ежегодно отчислял часть доходов на реставрацию зданий; на возобновление городских стен он приказал каждый год отпускать из государственно-го кирпичного завода по 25 000 кирпичей и расходовать доходы с пошлин в Лук-

ринских гаванях. С большой строгостью Теодорих следил за тем, чтобы деньги расходовались согласно своему назначению. Нужную для построек известку должен был доставлять приставленный к тому особый чиновник, а разрушение памятников и статуй с целью получения из них извести было запрещено под страхом наказания; таким образом, можно было пользоваться только такими глыбами мрамора, которые валялись в разных местах, как ненужные остатки.

Столько же заботливости было уделено клоакам Рима, этим изумительным отводным каналам города, которые «были заключены как бы в горах со сводами и выходили в громадные пруды». «По этим одним каналам, — восклицает министр Теодориха, — можно было сказать: «О единый Рим, до чего достигало твое величие; ибо какой город мог дерзнуть достигнуть твоих вершин, если не было ни одного равного тебе по твоим подземным глубинам?»

Не меньше внимания было обращено на исполинские акведуки. С течением времени и вследствие недостатка надзора эти заключенные в стены потоки светлой воды заросли кустарниками; но древние водопроводы все-таки еще вели воду, оживлявшую своим шумным движением пустынную Кампанию, и снабжали водой термы и фонтаны города. Кассиодор описывает водопроводы следующими возвышенными словами:

«В водопроводах Рима, — так говорит он, — столь же изумительно их устройство, как и велико благодетельное значение воды. Потоки воды проведены по горам, как бы созданным для этого, и каменные каналы можно было бы принять за естественные русла, так как эти каналы могли в течение многих веков выдерживать огромную тяжесть протекавшей воды. Горы с вырытыми в них пещерами обыкновенно обрушиваются, речные каналы разрушаются; но это сооружение древних продолжает существовать, если на помощь к нему приходит заботливое внимание. Посмотрим, сколько прелести дает городу Риму изобилие в нем воды; да и к чему сводилась бы красота терм, если б не было в них благодетельной воды? *Aqua Virgo* несет с собой чистоту и блаженство, и она, как незапятнанная, заслуживает этого имени. В других акведуках вода при сильном дожде загрязняется землей; *Aqua Virgo* со своей шумно бегущей волной отражает всегда веселое небо. Кто может объяснить, каким образом была проведена Клавдия через огромный акведук к челу Авентина, что, падая с высоты, она орошает вершину так же, как орошала бы глубокую долину». И Кассиодор приходит к заключению, что сам египетский Нил превзойден римской Клавдией. При Теодорихе водопроводы так же, как и прежде, все еще находились под присмотром особого чиновника — *Comes Iornatum urbis* или графа акведуков города, и в распоряжении этого чиновника была целая толпа надсмотрщиков и сторожей.

К тому времени многие здания уже ослабели в своих связях и в силу своей огромной тяжести начали расползаться; это случилось с театром Помпея, тем великолепным зданием, которое в виду его величины давно называлось просто театром или римским театром. При Гонории этот театр был восстановлен и внутри, и снаружи. Теодорих нашел его снова пострадавшим и поручил восстановить его одному из самых знаменитых сенаторов, патрицию Симмаку, немалые заслуги которого, по мнению короля, заключались в том, что он возвел несколько новых блестящих зданий на окраинах города. По поводу именно этого театра Кассиодор восклицает: «Чего не сокрушишь ты, о всеразрушающее время!» «Казалось, — так говорит он со скорбью, — скорее горы распадутся, чем этот колосс, весь созданный из камня и казавшийся естественной скалой». Далее Кассиодор восторгается сводчатыми галереями, которые, будучи соединены невидимыми ходами, кажутся пещерами в горе. Говоря от имени Теодориха, Кассиодор, как какой-нибудь современный археолог,

излагает происхождение театра вообще и разного рода драматических представлений и затем, сказав в своем воодушевлении археологическими исследованиями, что Помпей заслужил себе имя великого скорее постройкой этого театра, чем своими политическими деяниями, поручает благородному Симмаху произвести все необходимые поправки для того, чтобы пострадавшее здание этого театра было восстановлено, все же нужные к тому средства черпать в королевском *cubiculum*.

С меньшими подробностями Кассиодор отмечает состояние других зданий Древнего Рима, и только некоторые из них обозначены в рескриптах поименно, например дворец Пинчиев, который уже успел значительно пострадать, так как сам Теодорих, в противность своим эдиктам, приказал мраморные глыбы или колонны этого дворца отправить в Равенну, где строился собственный дворец Теодориха. Тем не менее мы увидим, что еще Велизарий жил во дворце Пинчиев. Разграбленный вандалами дворец цезарей служил резиденцией самому Теодориху, когда он приезжал в Рим. Это гигантское жилище, откуда некогда императоры управляли миром, было, однако, давно уже запущено и начало разрушаться под собственной тяжестью. На реставрацию дворца цезарей и стен Теодорих назначил ежегодную сумму в 200 фунтов золота из налога на вино. Из всех памятников сохранял еще свое великолепие форум Траяна; в то время как другие сооружения Рима мало-помалу разрушались, форум Траяна не утрачивал своего блеска, и даже в Средние века он все еще был замечательным памятником по своей красоте. «Форум Траяна, — так восторженно восклицает Кассиодор, — остается чудом, сколько бы на него ни смотреть, и кто подыметесь на Капитолий, увидит создание, превышающее человеческий гений!»

Эти замечательные слова служат доказательством тому, что, несмотря на разграбление Рима Гензерихом, и форум Траяна, и даже Капитолий все еще сохраняли свое великолепие, ибо, если бы на месте того и другого были одни развалины, как мог бы Кассиодор говорить о них такими словами? Но вместе с тем Кассиодор не упоминает ни словом о запущении, в котором находился храм капитолийского Зевса, а между тем крыша храма была испорчена вандалами, и через раскрытые балки лучи солнца проникали в мрачные пустынные пространства храма.

2. Амфитеатр Тита. — Зрелища и страсть к ним римлян. — Охота на зверей. — Цирк, игры в нем и цирковые партии

Кассиодор останавливается дольше на амфитеатре Тита и на *Circus Maximus*, так как во время владычества готов эти великолепные здания, бывшие известными всему миру, все еще служили местом игр, которые были так любимы римлянами. Народ стекался в эти здания смотреть на состязания борцов, на звериную охоту и на бег колесниц. Драматические представления у римлян даже во время расцвета их политической жизни не могли подняться на благородную ступень греческого театра; в эпоху же упадка стали непристойным, пошлым скomorошеством. Гистрионы, или актеры, потворствовали грубым инстинктам толпы, и к актерам причислялись даже возницы. В Одеуме Домициана, имевшем более 10 000 мест для зрителей, и, может быть, также в театрах Бальба, Марцелла и Помпея певцы, шарманщики и танцовщицы будили чувственность римлян. Интерес разыгрываемой комедии сводился к самым безнравственным разговорам, а пантомима, сопровождаемая хоровым пением, со всей разнузданностью воспроизводила всевозможные непристойности. И жалобы Сальвиана на глубокое падение таких зрелищ во всех городах нисколько не преувеличены. «В театрах, — говорит этот епископ, — изображаются такие по-

зорные вещи, что стыдно даже упоминать о них, а не только рассказывать: душа помрачается похотливыми желаниями, глаз развращается зрелищем и ухо позорится произносимыми речами; нет слов для всей этой непристойности, для этих поштых телодвижений и жестикюляции». Достаточно вспомнить о сценах получившей такую дурную славу пьесе *Maјuta*. После долгой борьбы ревностным епископам удалось положить в Риме конец нелепому празднеству луперкалий; но влияние епископов на общественные нравы все-таки не было настолько велико, чтоб изгнать позорные зрелища, против которых, как дьявольского дела, отцы церкви говорили проповеди уже в течение трех веков. Оставались бесплодными также и законы византийских императоров; так, в 494 г. непристойные комедии были запрещены Анастасием I. И самому Теодориху ничего не оставалось, как только сокрушаться о том, что мимика свелась к одной пошлости, что на место тонкой грации, которой наслаждались древние, выродившееся потомство поставило распущенность и заменило благопристойное развлечение раздражением похоти. Римский народ не мог уже обходиться без всего этого; его преобладающей страстью было чувственное наслаждение; он хотел умереть среди потехи. В числе должностей, называемых *Cassiodorus*, есть также должность *tribunus voluptatum*, начальника общественных развлечений в Риме, и этот начальник был судьей над всеми гистрионами и применял к ним полицию нравов.

Сокрушаясь о непристойной грубости развлечений римлян, король, однако, нашел, что с ней приходится мириться, так он видел, что римляне охотнее откажутся даже от последних остатков своей национальной самостоятельности, чем от своих зрелищ. Поэтому при каждом торжественном случае, преимущественно же при вступлении в должность консула или кого-нибудь другого высшего государственного чина, все еще устраивались общественные увеселительные зрелища. Немногие историки той эпохи все отмечают как важное обстоятельство, что Теодорих, пребывая в Риме, устраивал для народа зрелища в амфитеатре и цирке. При этом называются только эти два увеселительных здания, о цирках же Фламиния и Максендия уже ничего не упоминается.

Амфитеатр Тита в то время еще был цел, хотя в 422 г. он, вероятно, пострадал от сильного землетрясения, которым были повреждены многие памятники Рима, так как при Валентиниане III этот амфитеатр пришлось реставрировать, о чем свидетельствует надпись. Исправления производились еще также между 467 и 472 гг. Затем Колизей был, по-видимому, поврежден вторым землетрясением в начале VI века и был исправлен префектом города Децием Марием Венантием Василием в 508 г., в правление Теодориха.

Но, с одной стороны, истощение государственной кассы и обеднение сената, с другой — мораль времени, получившая христианское содержание, уже исключали возможность тех внушительных и жестоких зрелищ, которые давались в Древнем Риме. Бои гладиаторов исчезли с арены при Гонории; если б они еще существовали, Кассиодор должен был бы непременно сказать о них в том замечательном эдикте, в котором он подробно говорит о представлениях в амфитеатре. Точно так же, хотя позднее, чем в Риме, эти бои были отменены навсегда в Византии в 494 г. эдиктом императора Анастасия I. Тем не менее римляне, привыкшие наслаждаться видом крови, не вполне были лишены приятного зрелища людей, которые за скудную плату готовы были быть растерзанными на глазах у публики. То были *venatores*, или звериные охотники, чередовавшиеся на арене с борцами. Иногда эти звериные игры по тем огромным расходам, которых они стоили, напоминали прежние времена; так было в 519 г., когда зять Теодориха, Евтарих, после торжественного въезда в Рим праздновал свое вступление в консульство раздачей богатых денежных по-

дарков и играми в амфитеатре. С этой целью так же, как в древности, из Африки были доставлены звери, и их незнакомый вид, говорит Кассиодор, повергал в изумление толпу. Кассиодор описывает искусство звериной охоты, как оно издревле практиковалось; он рассказывает об аренарие, как с помощью деревянного шеста этот охотник перепрыгивал через нападавшего на него медведя или льва, полз на коленях и на животе навстречу диким животным, спускался на них по блоку и, как еж, укрывался от зверей в футляре из тонкого и гибкого тростника. Глубокими, проникнутыми гуманным чувством сожаления об участи этих людей сопровождается Кассиодор, как христианин, все свои описания. Такие сожаления казались бы смешными и были неслышанны в устах министра во времена Адриана и Антонинов. Если, говорит Кассиодор, натертые мазью борцы, шарманщики и певцы могут рассчитывать на щедрость консулов, то тем больше имеет право на то venator, который отдает свою жизнь на потеху зрителя. Своею кровью venator поддерживает веселье толпы и своим роковым искусством он забавляет народ, который вовсе не хочет, чтоб venator думал о своем спасении. Борьба с дикими животными, одолеть которых силой venator не может и помыслить, — зрелище, внушающее отвращение, борьба прискорбная! И в заключение Кассиодор восклицает: «Горе миру, впадающему в такое жалкое ослепление! Если б существовало хоть какое-нибудь понятие о правде, те самые богатства, которые теперь в таком количестве растрачиваются на то, чтоб убивать людей, — эти богатства были бы употреблены на спасение жизни людей». Восклицание, преисполненное благородной скорби, которое должен повторять себе вслед за Кассиодором каждый министр современных воинствующих государств, сколько-нибудь проникнутый желанием блага человечеству.

С меньшим возмущением относился гуманный Теодорих к унаследованным от древности цирковым играм, которые давали повод к кровавым столкновениям только вследствие безумной, страстной борьбы существовавших в народе партий. Римский цирк создавался в течение веков; после пожара при Нероне постройка цирка была закончена Траяном, а Константин поставил в цирке последнее украшение — огромный египетский обелиск, превосходивший на 40 палм обелиск, воздвигнутый в цирке Августом. Оба обелиска существуют до сих пор; но тогда они оба стояли вместе на стене (spina), шедшей вдоль цирка, теперь они отдалены судьбой друг от друга: первый обелиск стоит перед Латераном, второй — на площади del Popolo. Живейший интерес возбуждает то последнее восхваление римского величия, которому отдается Кассиодор, описывая этот цирк со всем его нетронутым великолепием. Уменьшившееся население Рима уже давно не могло наполнить собой всех расположенных эллипсом ярусов цирка; 150 000—200 000 мест в цирке для зрителей было слишком много для римских граждан того времени. Когда Траян устраивал свои игры и для потребностей города даже не хватало цирка, никто из римлян тогда не поверил бы, что наступит такое время, когда цирк будет слишком велик для Рима, когда для всего его населения будет вполне достаточно одной четвертой части мест для зрителей. Правда, в 500 г. многие сидения из мрамора уже были разрушены, многие части портика были повреждены, а наружные лавки и кладовые были покинута, точно так же многие статуи, воздвигнутые в цирке Септимием Севером, были, вероятно, похищены вандалами, а другие стояли в нишах изуродованными. Цирк был древний и должен был пострадать от времени; все это гигантское здание, служившее народу целые века, должно было носить на себе печать глубокой старины наравне с соседними дворцами цезарей, отделенными от цирка одной только улицей. Но тем не менее этим зданием пользовались вполне еще и тогда. Ворот а двенадцатью проходами, стена с обоими обелисками (spina), проходившая вдоль цирка, семь остроколенных колонн, или metae, eurius, или канал, который шел во-

круг арены, даже тарра, или салфетка, которой давали знак к состязанию, *desultores* или *equi desultatori*, наездники, спешившие к началу состязаний, — словом, многое, что входило в обиход цирка и игр в нем, — все это упоминается Кассиодором. Конечно, уже не было больше той торжественной процессии, которая прежде в сопровождении богов и жертвенных животных двигалась от Капитолия к цирку, и народ довольствовался гораздо более скромной церемонией. Но консулы при своем вступлении продолжали руководить играми, и нам известны стихи одного консула, в которых он прославляет их.

По-видимому, выдающиеся возницы константинопольского гипподрома являлись иногда в римский цирк или для гастролей, или по приглашению какой-нибудь цирковой партии, враждовавшей с другой. В эдикте Кассиодора, относящемся к цирковым играм, упоминается о вознице Фоме, которому было назначено месячное жалованье, так как он, — и министр говорит об этом с некоторым почтением, — был впереди всех в своем искусстве, отказался от своего отечества и избрал своим местом жительства столицу западной империи. В Риме точно так же, как и в Византии, цирковые партии, — *grasina*, или партия зеленых, и *veneta*, или партия серо-голубых, — яростно враждовали между собой. Так обозначались партии в цирке. Первоначально, впрочем, различали четыре цвета в цирке, и Кассиодор объясняет названия их соответствием с временами года: *grasina* — соответствовала зеленой весне, *veneta* — облачной зиме, розово-красный цвет — знойному лету, белый цвет — осени, когда все покрывалось инеем. С той поры, как римский император, следуя своим низменным инстинктам, опустился до того, что сам стал брать на себя роль возницы и принимал сторону то зеленых, то голубых, раздор в цирке упрочился и остался навсегда. Отдаваясь этой партийной борьбе в цирке, народ заменял ею утраченное им участие в государственной жизни, и народные политические мнения проявлялись до некоторой степени в этой шумной форме. В римском цирке не происходило таких кровавых столкновений, как в Византии, где в 501 г. во время одной драки голубых и зеленых было убито более 3000 человек, тем не менее и в Риме не было недостатка во враждебных столкновениях. Надо удивляться, говорит Кассиодор, до какой степени именно при этих играх умами овладевает бессмысленная ярость. Побеждает зеленый, — и одна часть народа погружается в скорбь, оказывается в беге впереди голубой, и еще большая часть народа скорбит о том. Ничего не выигрывая и не теряя ни в том ни в другом случае, народ тем с большей силой наносит оскорбление противной стороне и тем глубже чувствует себя оскорбленным, волнуясь так, как бы дело шло о спасении отечества от опасности.

В 509 г. в цирке произошла битва: два сенатора, Импортун и Теодорих, приверженцы голубых, напали на партию зеленых, и в свалке был убит один человек. Народ «празины» (таково выражение эдикта) в пылкой Византии в одно мгновение поджог бы в этом случае город и облил бы его кровью, но в смиренном Риме этот народ рассудительно обратился к защите начальства, и Теодорих приказал предать обоих сенаторов обыкновенному суду. Затем король издал строгий закон, каравший всякое насилие сенатора над свободным человеком, а равно и оскорбление сенатора кем-нибудь из лиц низшего класса, и старался защитить возниц более слабой партии. В то же время тех сенаторов, которые в своем аристократическом высокомерии не умели отнестись с добродушием к оскорбительным и презрительным возгласам народа, король увещевал не забывать о том, в каком месте они находятся, так как «в цирке не приходится искать Катонов». В общем, король признается, что он в глубине души презирает зрелище, которое совсем помрачает здравый смысл, ведет к нелепой вражде и утрачивает всякую благопристойность, — зрелище, которое некогда у древних было достойным обычаем, у враждующих же между

собой потомков утратило свое благообразие, и далее, — что он сохраняет цирковые игры только потому, что не находит в себе сил бороться с детскими наклонностями народа и думает, что мудрость велит делать иногда уступку глупости.

Таково было отношение великодушного гота к памятникам Рима и к обычаям народа, таков был дух царствования Теодориха. Оно достигло нравственной высоты самых гуманных столетий, опередило свое время и составляет одинаково славу и короля, и его министра, — короля, который внес в царствование свой великий дух, и министра, который своей просвещенностью и талантливостью дал этому духу направление и нашел ему выражение.

3. Заботы Теодориха о продовольствии Рима. — *Roma felix.* — Терпимость к католической церкви. — Иудеи в Риме. — Их самая древняя синагога. — Восстание народа против иудеев

С меньшей заботливостью относился Теодорих к благополучию самих римлян, насколько к тому давали возможность его ограниченные средства. Мы остережемся, конечно, присоединиться к слишком громким восхвалениям золотого века в царствование Теодориха. Время этого царствования было золотым только по сравнению с бедствиями недавнего прошлого. Обнищание было велико и ран было много. Обычная раздача масла и мяса была восстановлена, и ежегодно чиновники отмеривали голодавшему народу 120 000 модиев зернового хлеба из амбаров, в которых хранился жатвенный сбор Калабрии и Апулии; этого количества хлеба было, конечно, недостаточно для народа. Бедные в госпиталях Св. Петра ежегодно получали особо 3000 медимнов зерна (на это указывает также Прокопий). Префектура аппонае или общественных нужд стала, по-видимому, снова почетной должностью; по крайней мере, министр Теодориха льстит чиновнику, занимающему эту должность, упоминанием о его великом предшественнике Помпее и указанием на отличие, которое связано с этой должностью: являться народу в экипаже городского префекта и занимать рядом с ним место в цирке. Но не следует слишком полагаться на расписания должностей; Бозтий говорит: «Прежде тот пользовался высоким уважением, кто брал на себя заботу о продовольствии народа; но в настоящее время что может быть презреннее префектуры аппонае?» Немного раньше он замечает: «Префектура города некогда была великой силой, ныне она пустой звук, тяжелое бремя сенаторского звания». Приложены были заботы к тому, чтобы запасные кладовые на Авентине и свиные рынки (*forum suarium*) в округе *Via Lata*, которыми издавна заведывал особый трибун, были всегда снабжены продуктами. Хлеб был хорош и полного веса; цены были так низки, что при Теодорихе за один солид можно было купить 60 модиев пшеницы и за такую же сумму 30 амфор вина. Наряду с частными богатствами, говорит Эннодий в своем панегирике благородному королю, росли и общественные богатства, и так как корысть не владела двором, то источники благосостояния разливались повсюду. Хотя, конечно, такие восхваления являются слишком смелыми, поскольку ни римские придворные чиновники не могли вдруг стать святыми, ни готы расстаться вполне с своей алчностью, тем не менее после предшествовавших страшных опустошений Рим мог снова оправиться и возратить себе в известной степени благополучие. Как во времена Августа и Тита, сенаторы могли вернуться в свои разоренные виллы у залива Байи, в Сабинских горах и в Лукании у Адриатического моря, а убавившемуся населению Рима уже не приходилось жить под страхом новых варварских разграблений. Этому населению давали пищу и его развлекали играми; оно находилось под охраной римских законов

и римского правосудия и в известной мере пользовалось национальной самостоятельностью; таким образом, народ не мог видеть иронию в том, что старому несчастному Риму был дан тогда в последний раз титул *Felix*.

И когда это состояние мирного благополучия в городе нарушилось (нет ни одного древнего писателя, ни латинского, ни греческого, ни дружественного, ни враждебного, который не прославлял бы Теодориха за это благополучие), то произошло это не по вине просвещенного управления, а было обусловлено единственно церковным фанатизмом. Римская церковь так же, как *Circus Maximus*, распадалась на партии. Теодорих, арианин по вере, тем не менее относился к церкви до конца своего царствования с полным уважением и не мог быть обвинен в том, что понудил хотя бы одного католика оставить свою веру и преследовал хотя бы одного епископа. Вступив в Рим, Теодорих молился, «как католик», у гроба апостола, и в числе приношений, которые делались св. Петру властителями того времени, значатся два серебряных канделябра весом в 70 фунтов, пожертвованных Теодорихом. В церкви Св. Мартины на Форуме и на крышах прилегающих зданий к церкви Св. Петра было найдено несколько черепиц с клеймом «*Regnante Theodorico Domino Nostro, Felix Roma*»; это обстоятельство привело к предположению, что король позаботился о том, чтобы крыши названных церквей были исправлены. Такое предположение, однако, ошибочно, и мы скорее склонны думать, что черепицы эти или были взяты где-нибудь в другом месте и в более позднее время, или были изготовлены вообще на государственном черепичном заводе, так как церковь Св. Мартины в то время еще не была выстроена. Терпимость Теодориха опередила его время, а его советник Кассиодор носит на себе черты позднейшего периода философского гуманизма. И тот и другой сдерживали то презрение в отношении даже к иудеям, которое было всегда присуще римлянам, были ли они язычниками или христианами, и о религии Моисея в эдиктах короля говорится только с некоторым предубеждением и сострадательным снисхождением.

Иудеи, проникшие в Италию при Помпее, как военнопленные, имели свои синагоги в Генуе, Неаполе, Милане, Равенне и прежде всего в Риме. Здесь число евреев превысило при Тиберии даже 50 000 человек. Благодаря способностям и неутомимому трудолюбию некоторые из евреев стали богатыми, но в общей массе дарила нищета. Уже со времени Августа мы находим у поэтов и прозаиков указания на ненависть римлян к этому удивительному народу, жизненная сила которого перживала гибель всякого государства на земле. Замкнутость евреев, враждебных всем другим религиям, была непонятна космополитам-римлянам, и Тацит называл поэтому иудеев человеческим племенем, ненавистным богам. Тем не менее глубоко религиозный характер евреев внушал уважение римлянам, и многие из них вступали на путь еврейского вероучения. Последнее приобретало прозелитов даже среди римской аристократии, в особенности среди женщин. Преступная Помпея, жена Нерона, присоединилась к синагоге и пожелала быть погребенной, как еврейка. Когда же распространилось христианство, его приверженцы презирались язычниками, как еврейская секта. Эта ненависть латинян к еврейству сказана еще в прощальном послании Рутилия, который скорбит о том, что Помпей покорил иудеев и Тит разрушил Иерусалим, так как с той поры чума иудейства распространилась и поработенный народ победил своего покорителя. Таким образом, еврейство уже в то время является важным социальным вопросом.

Римская синагога, самая древняя, находилась в густо населенном со времени Августа еврейском квартале в Транстеверине; уже при Марниале и Стации евреи сновали здесь, как разносчики, с серными нитями и выкрикивали по улицам о своем продажном хламе, как теперь *stracci fegaci*. В течение всех Средних веков евреи

продолжали жить в этом месте, и еще ныне автору этой истории трансверинцы указывали в *Vicolo delle palme* место, где должна была находиться первая синагога. Возможно, что при императорах евреи жили также в Ватикане; еще в XIII веке мост Адриана, *Pons Aelius*, назван в книге *Mirabilia Pons Judaeorum*. Такое название мост мог получить потому, что на нем были устроены лавки и в них евреи выставляли на продажу свои товары.

Своим происхождением древняя синагога была обязана, вероятно, вольноотпущенникам, т. е. тем евреям-рабам, которые были отпущены на свободу после Помпея; кроме нее существовали еще другие молитвенные дома. В этой синагоге евреи воспроизвели подобие того храма Соломона, который был разрушен Титом, и в дни шабаша и празднеств собирались в ней при свете меноры о семи свечах, сделанной по образцу подлинного лихнуха; последний, так же как и подлинная утварь иерусалимского храма, хранился еще в храме Мира и оплакивался иудеями, как их поруганная святыня. Молитвенный дом иудеев в Риме был на 300 лет древнее храма Св. Петра или Латерана, и уже язычники-римляне времен Горация и его друга Фуска Арстия и времен Ювенала присутствовали в качестве любознательных гостей на тех самых мистериях Моисея, на которые взирают с презрительной усмешкой современные римляне во время праздника Пасхи. Без всякого сомнения, древний иудейский молитвенный дом был великолепнее теперешней синагоги в Гетто и представлял храм, покоившийся на колоннах и изукрашенный внутри дорогими коврами и изделиями из золота и драгоценных камней. Но население Рима не раз опустошало синагогу; при Феодосии она была наконец сожжена, а готы и вандалы ограбили все ее украшения. В краткое царствование Теодориха евреи снова оправались, но в 521 г. опять стали жертвой время от времени разгоравшегося фанатизма христиан. В один из таких взрывов фанатизма народ сжег синагогу. Судя по жалобе, с которой иудеи обратились к Алигерну, присланному Теодорихом в Рим, дело происходило так: находившиеся на службе у богатых иудеев христиане убили своих хозяев; когда виновные были подвергнуты наказанию, народ, желая отомстить за них, сжег синагогу. Король обратился по этому случаю к сенату с рескриптом, в котором предлагал подвергнуть самому строгому наказанию виновных в насилии.

4. Новый раскол в Церкви. — Synodus palmaris. — Борьба партий в Риме. — Симмах украшает церковь Св. Петра. — Он же строит круглую капеллу Св. Андрея, базилику Св. Мартина, церковь Св. Панкратия. — Папа Гормиздас, 514 г. — Папа Иоанн I. — Разрыв Теодориха с католической церковью

Однако смута была внесена в Рим сценами гораздо более позорными, чем такие отдельные вспышки народного буйства или пререкания зеленых и голубых. Мы уже говорили о первом расколе, возникшем по случаю выбора папы Симмаха; после того как Теодорих утвердил своего папу и своим пребыванием в городе в течение шести месяцев успокоил враждовавшие партии, дикий спор снова возгорелся и в еще более ожесточенной форме. Симмах удалил своего противника Лаврентия в епископство *Нусета*; но руководившие противной партией священники и сенаторы, и между ними Фест и Пробин, доставили изгнанника обратно в Рим и предъявили королю подробное изложение своих обвинений против папы, вследствие чего Теодорих послал в Рим епископа Петра из Альтинума расследовать дело. Сам Теодорих не мог осложнять своего положения вмешательством в дела церкви; он приказал созвать собор в Риме и поручил собравшимся духовным восстановить мир.

Этот собор, состоявший из 115 епископов и прозванный *Synodus Palmaris* по имени портика Св. Петра, в котором он был созван в январе 514 г., происходил затем в базилике Юлия, т. е. в *S. Maria in Trastevere*. Однако вследствие возникших внезапно шумных беспорядков на соборе решено было перенести его в Сессорианскую церковь Св. Креста в Иерусалиме. На пути туда партия Лаврентия с оружием в руках напала на духовных; многие приверженцы папы были убиты, и самому папе грозила опасность быть побитым камнями. Тогда собор снова собрался у Св. Петра и признал правым Симмаха; Лаврентий был торжественно осужден, а Симмах, при громе оружия, восстановлен на престоле Петра. 6 ноября 502 г. Симмах снова созвал собор у Св. Петра; на этом соборе епископы и римское духовенство кассировали тот декрет Одоакра, которым предписывалось производить избрание папы не иначе, как в присутствии королевских уполномоченных. Отныне это избрание должно было происходить независимо от влияния светской власти.

Тем не менее спокойствие не было восстановлено в Риме; в течение еще трех или четырех лет город не переставал днем и ночью обогащаться кровью убиваемых. Враждовавшие сенаторы с ожесточением дрались на улицах, и надо думать, что историки лишь забыли упомянуть о том, что в этот раздор были вовлечены также зеленые и голубые цирки. Друзья Симмаха были умерщвлены, многие священники были побиты насмерть палками у самых церквей; даже монахини в монастырях подвергались насилиям; и все эти ужасы сопровождались еще грабежами. Город успокоился только в 514 г. в консульство Аврелия Кассиодора. Знаменитый министр сам пишет в своей хронике: «Когда я был консулом, духовенство и народ были собраны и, к славе вашего (т. е. Теодориха) времени, римской церкви был возвращен желанный мир».

В промежутках этой ожесточенной борьбы и несмотря на свой разрыв с императором Анастасием, которого мы по праву можем считать сторонником побежденной партии Лаврентия, Симмах находил досуг украсить Рим некоторыми сооружениями. Счастливо перенесенные опасности усилили ревность этого, быть может, не вполне невиновного пастыря, и он поспешил возблагодарить святых, украшая церкви и учреждая новые храмы.

Прежде всего Симмах уделил заботы базилике Св. Петра. Он выстлал атриум мраморными плитами и украсил источник (*cantharus*) и стены квадрипортика мозаичными изображениями. Для нужд народа Симмах устроил источник перед базиликой; этот источник был первым скромным предшественником тех двух великолепных фонтанов, которые в настоящее время так чудесно оживляют шумом падающей воды и игрой в ней радуги лучшее место в мире. Далее Симмах расширил лестницу на переднем дворе, прибавив к ней ходы с боков. Ему же принадлежит первый план расположения ватиканского дворца, так как Симмах справа и слева вышесказанных лестниц выстроил епископии, т. е. жилые помещения для епископа. Наконец, в храме Св. Петра Симмах построил еще несколько капелл. Рядом с храмом Петра Симмах выстроил базилику Св. Андрея. Когда в Риме при папе Симплиции был построен храм в честь брата ап. Петра, прозванного греками Протоклетом, т. е. Первозванным, имя которого уже пользовалось общепризнанным поклонением, Симмах воздвиг ему вторую церковь круглой формы, с передним двором, лестницей и кантаром (*cantharus*). Это здание так же, как храм Св. Петра, было самым большим сооружением, пока в VIII веке императорский мавзолей Гонория не был превращен Стефаном II и Павлом I в круглую капеллу имени Петрониллы. Капелла Андрея стояла вблизи обелиска, и ее круглая форма была причиною ошибочного предположения, будто бы часовня эта первоначально была постройкой Нерона, а именно его вестиа́рием, т. е. зданием, в котором хранились драгоценности и одея-

ния. Позднее эта капелла получила название S.-Maria Febrifuga по имени одного образа Марии; в XVI же веке она служила ризницей Св. Петра.

Таким образом, ватиканская базилика в начале VI века была уже окружена многими прилежавшими к ней зданиями, капеллами, мавзолеями и одним или двумя монастырями, так как к тому времени с достоверностью можно отнести только монастырь Св. Иоанна и Павла, который был учрежден Львом I. Госпитали были устроены Симмахом как при храме Св. Петра, так и при храмах Св. Павла и Св. Лоренцо за стенами; кроме того, в Порто Симмахом был устроен ксенодохиум, из чего можно заключить, что уже в то время наплыв пилигримов с моря был довольно велик.

Мы обойдем молчаньем все, что было реставрировано этим папой в церкви Св. Павла, и скажем только, что Симмах построил еще две новые церкви: одну в городе, в честь епископа Мартина Турского, близ терм Траяна (древняя базилика — титул Equiti), и другую на Яникуле, у Via Aurelia, в честь Св. Панкратия. Последняя в изменном виде стоит поныне над катакомбами римского мученика Каллеподия.

Симмах умер 19 июля 514 г., и на престол Петра взошел Гормиздас из Фрузино, в Кампанье; этот папа занимал престол довольно спокойно в течение девяти лет.

Но при его преемнике, Иоанне I из Тусции, добрые отношения Теодориха к католической церкви были нарушены. В 523 г. император Юстин издал эдикт, которым предписывалось преследовать ариан во всем государстве, а в церквях их установить католическое богослужение. По-видимому, этим эдиктом он хотел разжечь несогласие в вероучении и тем поколебать в Италии могущественного Теодориха. Возможно также, что племянник императора, Юстиниан, уже державший в своих руках власть и объявленный наследником Юстина, замышлял изгнать готов и вернуть Запад под власть греков. Подстрекаемый греками и римским католическим духовенством, латинский народ стал чувствовать вражду к чужеземным арианам, которые, став господами в Италии, не сочли нужным отказаться от своей ереси. В сенате и среди духовенства существовала партия, настроенная в византийском смысле, и Теодорих заподозрил в неблагодарности и измене город, которому им было оказано столько благодеяний. Теодорих тем более должен был быть недоволен эдиктом Юстина, что сам он оказывал полную терпимость к католическому вероучению. Полный гнева, он объявил, что на несправедливое преследование ариан на Востоке он ответит прекращением католического богослужения в Италии. В виде ли предостережения или заслуженного наказания за фанатическую выходку римлян, оставшуюся нам неизвестной, Теодорих приказал сровнять с землей один молитвенный дом в Вероне и запретил всем итальянцам носить оружие.

Несчастный король мог убедиться теперь, что и самый мудрый и гуманный государь не привлечет к себе народной любви, когда его отделяют от народа иное происхождение, другие нравы и другая религия. После почти тридцатитрехлетнего царствования, во время которого близкая к гибели Италия извела все блага мира, Теодорих увидал себя по-прежнему чужим среди чужих и врагов и вынужденным ради самосохранения прибегнуть к деспотическим мероприятиям.

5. Процесс и казнь сенаторов Боэтия и Симмаха. — Папа Иоанн принимает на себя посольство в Византию и умирает в Равенне. — Теодорих приказывает избрать папой Феликса IV. — Смерть короля в 526 г. — Легенды о ней

Вскоре последовало трагическое падение двух знаменитых сенаторов Боэтия и Симмаха, и тень их помрачает славу короля готов. Можно доказывать необходимость казни этих сенаторов соображениями государственных интересов; но та-

кой муж, как Бозтий с его знаменитой книгой «Утешения философии» является слишком серьезным обвинителем, и тот способ, которым он был умерщвлен, окажется безусловно варварским для всех времен, даже самых мрачных. Оба римлянина (Бозтий был казнен в 524 г., Симмах в следующем году) пали жертвами того недоверия, которое Теодорих имел основание питать к сенату. Оба сенатора перед судом своего государя не были невиновными, но то, что является преступлением перед судом королей, часто признается за добродетель народным приговором. Слава сенатора Бозтия, а тем более философа Бозтия, не возросла бы, если бы было доказано, что он из любви к отечеству замыслил государственную измену. Аниций Манлий Торкват Северин Бозтий соединял в себе имена знаменитейших родов Рима и в эту эпоху уже наступившего мрака обладал столькими талантами, что их было достаточно, чтобы еще озарить Рим отблеском философии, хотя эта небесная богиня (она явилась римлянину в последний раз в достойном полугреческом образе), подавленная спорами теологов о равенстве и подобии естеств Бога-Отца и Бога-Сына и о соединении в Сыне двух естеств, уже сказала земле свое прости. Бозтий, правда, не прошел школы в Афинах, этом последнем в ту эпоху пристанище философии неоплатоников в Греции, но изучение творений Платона и Аристотеля связало дух Бозтия, так же как происхождение — его имя, с древностью, которая исчезала и не могла быть спасена. Почести, которые выпали на долю Бозтия в государстве (в 510 г. он был назначен консулом, а в 522 г. консульство было возложено на обоих его юных сыновей, Симмаха и Бозтия), легко могли поселить в мечтательном уме Бозтия недовольство настоящим и пленить этот ум живыми образами величия Древнего Рима. Утешительница Бозтия держит перед ним зеркало, и Бозтий видит в нем отражение изведанных им консульских почестей: он видит торжественное шествие сенаторов и народа, сопровождающих его сыновей из аницийского дворца к курии, где они садятся в курульные кресла, между тем как он сам говорит обычное похвальное слово королю, прерываемое только одобрением, и, наконец, он с торжеством вспоминает о своем лучшем дне, когда он, будучи в цирке и имея возле себя обоих консулов, своих сыновей, раздает народу победные дары. Поскольку гордость римлянина и сенатора жила в Бозтии, он мог верить в возможность возврата былых времен; но сам Бозтий был человеком мысли, а не дела. Мечтать через пять или восемь веков после падения Римской империи о восстановлении ее на той гряде мусора, которую представлял Рим, могло казаться безумием; но в 524 г., 50 лет спустя после падения империи, такая мечта являлась вполне понятной. Нельзя не удивляться тому, что эта мечта, которая, как рок, тяготеет над городом за все время Средних веков, явилась уже во время Бозтия. Нет сомнения, что римлянин, получивший классическое образование и происходивший от благороднейшего рода, не мог не презирать чужеземцев всей глубиной своего сердца, хотя и отдавал дань уважения могуществу и мудрости короля. Бозтий сам употребляет имя «варвар» в презрительном смысле, когда он в своей книге, обращаясь к философии, перечисляет то, что им сделано на службе отечеству, и называет по именам тех римлян, которых ему удалось вырвать у «придворных собак» и оберечь от безнаказанной алчности «варваров». В конце концов независимое идеалистическое направление мысли Бозтия одержало верх над его признательностью к Теодориху, который чтит в лице ученого Бозтия лучшее украшение Рима, и презрение к бесчестным обвинениям толкнуло Бозтия на неблагоприятный шаг.

Когда благородный король заподозрил, что тот самый сенат, который был им осыпан почестями и титулами, находится в изменническом соглашении с Византией, он, по-видимому, проникся желанием найти основания своим подозрениям и

таким образом получить право на возмездие. И нашлись такие презренные клеветники, как Опилио, Гауденций и Василий, люди, уже глубоко павшие. С мучительной для самого себя радостью король прислушивался к нашептываниям о том, что существует заговор сената, и склонялся обвинить всю курию в той измене, в которой был обвинен консул Альбин, будто бы посылавший письма императору Юстиниону. Боэтий, глава сената, бесстрашно поспешил к Верону и, защищая здесь перед королем Альбина и ругаясь за невинность сената, был сам обвинен в том, что писал письма, в которых выражал «надежду» на освобождение Рима. «Обвинитель Киприан жлет, — так говорил Боэтий, — если Альбин совершил то, в чем он обвиняется, то сделал это и я, и со мною согласен весь сенат». Эта смелая речь возмутила раздраженного короля. Обвиненный в государственной измене и ненавистный королю-арианину еще как приверженец ортодоксального вероучения, Боэтий был заключен в тюрьму в Павии. Здесь, в тюрьме, Боэтий, горевавший единственно только о своей римской библиотеке, помещение которой было отделано слоновой костью и разноцветными стеклами, написал свою апологию, которая утрачена, и книгу «Утешения философии». Процесс осуждения Боэтия был возмутителен, так как не были вовсе соблюдены установленные законом формы: обвиненный не был допущен к своей защите; король и дрожавший от страха сенат прямо осудили его на смерть. В этих деспотических действиях Теодорих не может быть оправдан. Судьбу своего зятя вскоре затем разделил благороднейший из сенаторов, престарелый консулар К. Аврелий Симмах; он глубоко скорбел о гибели Боэтия и сам был убит палачом во дворце в Равенне. Все древние писатели вполне согласны в том, что обвинения, возбужденные против Боэтия, были несправедливы и показания свидетелей ложны, что Теодорих совершил беззаконие и насилие. Актов, относящихся к процессу, не существует; по этому делу нет ни одного рескрипта у Кассиодора, несчастного министра, который не мог или не дерзал спасти своих сограждан и который должен был отвергнуть замыслы национальной партии, так как окончательное падение политической власти и доблести Рима для него было вполне очевидно. Книга Боэтия ясно обнаруживает враждебное Теодориху настроение сената. По существу же дела, нельзя оспаривать предположения, что уже тогда были в ходу тайные переговоры с византийским двором.

Вместе с этими двумя мужами, воскресившими образы Цицерона и Сенеки, навсегда покинула христианский Рим и философия. Ее последним актом у римлян было появление благородного сенатора, который не был унижен тем, что судьба обрекла его на смерть за призрак сената: смерть Боэтия окружила сенат в последний раз ореолом римской доблести.

Не миновал гнев короля и римского епископа. Вызванный из Рима в Равенну Иоанн должен был по приказанию короля отправиться в Византию в сопровождении нескольких духовных и четырех сенаторов: Феодора, Импортуната и двух Агипитов, и там добиться возвращения прав гонимым на Востоке арианам. С большой неохотой принял на себя западный епископ это трудное посольство; но население и император Юстин встретили Иоанна, в лице которого папа впервые являлся в греческой столице, еще перед стенами Византии и не как посла короля готов, а как главу ортодоксального христианства, со всем демонстративным почетом; папа был торжественно отведен в церковь Софии и здесь совершил богослужение праздника Пасхи 535 г. Некоторые мнимые уступки, отвечавшие цели посольства, Иоанн получил от Юстина, но важнейшие задачи посольства были оставлены нерешенными; иначе был бы не понятен гнев короля на Иоанна. Когда послы вернулись в Равенну, Теодорих был настолько раздражен, что приказал всех, и сенаторов, и папу, за-

ключить в тюрьму, где Иоанн I и скончался 18 мая 526 г. Признательная церковь причислила его к лику священномучеников.

После этого Теодорих решил уже не оказывать больше католической церкви того снисхождения, с каким он относился к ней раньше, и подчинить своей королевской воле замещение престола Петра. Как на кандидата он указал сенату, духовенству и римскому народу на Фимбрия, сына Кастория из Беневента, и трепетавшие от страха римляне избрали Фимбрия папой под именем Феликса IV. Этот акт королевского могущества, который книга пап намеренно обходит молчанием, имел важные последствия: с той поры преемники Теодориха стали признавать за собой право утверждения каждого папы.

30 августа 526 г. после непродолжительной болезни Теодорих умер в Равенне. Книга пап утверждает, что эта смерть была ниспосланным Богом наказанием за те мучения, которым был предан папа Иоанн; другой же историк говорит, что Теодорих умер в тот самый день, когда должен был быть приведен в исполнение декрет, который был составлен «иудеем» Симмахом, юристом короля, и которым предписывалось передать католические церкви арианам. Прокопий приводит известное наивное сказание о том, как король однажды во время обеда был испуган видом раскрытой пасти большой рыбеи головы; он вообразил, что это смотрит на него голова казненного Симмаха и, внезапно охваченный лихорадкой, несколько дней спустя умер, снедаемый угрызениями совести. Без сомнения, смерть великого короля должна была быть омрачена тяжелыми мыслями: гот Иордан только умалчивает о них, когда рисует картину спокойной и прекрасной смерти мудрого Теодориха. Когда король достиг преклонного возраста, говорит Иордан, и почувствовал, что скоро должен будет покинуть этот мир, он призвал к себе готских графов и начальников своего народа, объявил королем едва достигшего десяти лет Аталариха, сына своей дочери Амалазунты и уже тогда умершего Евтариха, и заставлял их охранять своего короля, любить сенат и римский народ и относиться к греческому императору с миролюбием и добрым расположением. Вот что говорят историки, но монахи сообщают, что душу Теодориха, закованную в цепи, повлекли по воздуху гневные души папы Иоанна и патриция Симмаха и с острова Липари ввергли ее в кратер вулкана. Все это видел собственными глазами один анахорет, живший на том острове, и папа Григорий, не краснея, включил эту злостную басню в свой диалог.

Геройский образ Теодориха является первой попыткой германцев основать на развалинах империи новый мировой порядок, который мало-помалу создавался из сочетания римской культуры и римской национальности с северными варварскими началами. Теодорих был предтечей Карла Великого; он первый остановил еще приливавшие волны народных переселений. Его могущественное владычество простиралось от Италии до Истра и от Иллирии до Галлии, и его смелый план заключался в том, чтоб соединить под своею властью как императора все немецкие народности. План еще не созрел: для такого объединения Запада необходимо было содействие церкви, которая еще не могла приобщить ни к себе, ни к римской культуре арианские германские начала; точно так же объединению Запада должно было предшествовать освобождение его от Византии. Память о короле готов, благороднейшем чужеземце, который когда-либо властвовал над Римом и Италией, живет поныне во многих городах, которые были возобновлены и украшены Теодорихом. В Равенне до сих пор существует его огромный, круглый надгробный памятник с монолитом необычайной величины в виде купола, над которым некогда, как говорили позднее, возвышалась порфиновая урна. В Павии и Вероне еще показывают замки Теодориха, и даже в Южной Террачине развалины одного замка носят его имя, и оно

восхваляется в одной древней надписи, гласящей, что Теодорих восстановил *Via Arria* и осушил Понтийские болота. Таким образом, готский властитель во времена упадка сделал то, чего не мог достигнуть Цезарь. В самом Риме Теодориху было воздвигнуто много статуй, но не осталось ни одного памятника; только памятник Адриана, по образцу которого Теодорих, вероятно, приказал выстроить в Равенне свой собственный мавзолей, назывался в течение нескольких веков «домом или темницей Теодориха»; это название, быть может, явилось потому, что именно этот король пользовался памятником Адриана как государственной тюрьмой. Память о Теодорихе неразрывно связана с историей города, и те римляне, которые забывают, как много провинились их предки в отношении памятников Рима за время диких гражданских войн Средних веков, должны были бы при имени готов вспоминать, что Теодорих за все свое тридцатисемилетнее благодетельное царствование всегда охранял эти памятники. Даже итальянские историки беспристрастно воздали хвалу доблестям этого великого короля готов.

ГЛАВА III

1. Регентство Амалазунты. — Ее гений, ее заботы о науках в Риме. — Ее миролюбивое царствование. — Возрастающее значение римского епископа. — Феликс IV строит церковь Св. Космы и Дамиана. — Мозаики этой церкви. — Мотивы почитания этих святых

Благополучие римлян продолжалось еще несколько лет после смерти Теодориха, а именно все то время, пока его дочь Амалазунта, вдова умершего уже в 522 г. Евтариха, оставалась опекушкой своего юного сына Аталариха, но для готов регентство этой женщины было безграничным несчастьем и одной из самых главных причин их гибели. Со смертью Теодориха обнаружилось тотчас, что владычество готов в Италии покоилось только на личной силе его создателя — короля. Прокопий так же, как и Кассиодор, воздает Амалазунте похвалы за ее необыкновенную силу характера, государственную мудрость и даже высокое литературное образование. Если римляне смеялись над Теодорихом, который, не умея писать, мог только при помощи нарочно сделанной для него металлической дощечки нацарапать первые четыре буквы своего имени, то талантливость Амалазунты могла привести их в изумление: с греками она говорила по-гречески, с латинянами по-латыни, а с учеными вела оживленные беседы о философах и поэтах древности. И римляне должны были признать, что слава готов заключалась в том, что они охраняли цивилизацию.

Эдикты Кассиодора свидетельствуют, что Амалазунта во всех отношениях содействовала благу римлян, и в ее регентство еще больше, чем при Теодорихе, было приложено забот к процветанию наук в Риме. Профессора свободных искусств, грамматики, — этой «наставницы языка, который облекает красотой человеческий род», — красноречия и права, поощрялись жалованьем. Рим имел значение высокой школы наук и ораторского искусства, так что Кассиодор мог сказать: «Другие страны дают вино, бальзам и пахучие травы, а Рим дает дар речи, слушать которую бесконечная сладость». По крайней мере, остатки некогда учрежденного в Риме Антонианами университета еще существовали при готах, и юноши посещали его ради изучения наук. С намерением предоставлялось римлянам наслаждаться мирными искусствами, и в одних готах поддерживалось гордое чувство воинского мужества; римляне не несли воинской службы; в городах стояли только готские войска и ору-

жие носили только готы. Но уже многие между последними стали следовать римским нравам и охотно отдавались счастью мирного занятия науками; со своей стороны римляне, из угодливого ли по отношению к чужеземным властителям, или, гоняясь за модой, подражали внешности готов и даже пытались лепетать на суровом геройском языке Улфила.

Первым правительственным актом Амалаунты было примирение с римским сенатом и народом, тяжело оскорбленным ее отцом. Письма, принадлежащие перу Кассиодора, который продолжал служить как министр и внуку Теодориха, показали, что в правительстве произошла желательная перемена, и юный король через своего посла дал клятву сенату и народу блюсти законы Рима. Чтобы доказать сенату на деле этот дух примирения, Амалаунта немедленно вернула детям Бозтия и Симмаха права на отцовское наследие. Опечаленная жестокими действиями отца за последнее время его жизни, Амалаунта стремилась изгладить воспоминания о них из памяти людей и за все время своего управления не лишила ни одного римлянина ни жизни, ни имущества. Как при Теодорихе, сенаторы осыпались почестями; правда, число сенаторов возрастало, потому что в это звание возводились готские герои, но жалкие потомки Циципионов не чувствовали себя, по-видимому, оскорбленными, когда им говорили: «Вполне пристойно дать в товарищи роду Ромула сынов Марса». Такими товарищами имелось в виду усилить готскую партию в сенате.

Те почести, которые воздавались римской курии, относились только к ее внешнему блеску; но не таковы были права, которые мало-помалу готское правительство начинало признавать за римским папой. Могущество этого епископа (он уже был признан и Востоком как глава христианской церкви) росло все более и более. Положение папы выигрывало от того, что готские властители имели свою резиденцию в Равенне, и еще более от того, что эти властители, как ариане, оставались вне римской церкви. Будучи главой католического христианства, папа чувствовал себя выше еретических королей Италии; последние, опасаясь войны с восточным императором, остерегались вызывать недовольство папы и относились к нему с традиционным почтением, как к своему верховному главе. Стоя между королями Италии и ортодоксальным императором Востока, папа приобретал важное значение; к тому же папа уже получил значительное влияние и на внутренние дела города. Между эдиктами Кассиодора есть один эдикт Аталариха, которым римский епископ объявляется третейским судьей в спорных делах между мирянами и духовенством. Каждый, имевший судебный процесс с кем-либо из римского духовенства, должен был сначала обратиться к папе с просьбой о рассмотрении такого дела, и только в том случае, если папа отклонял эту просьбу, дело могло быть рассмотрено светским судом; не подчинявшийся приговору папы подвергался штрафу в 10 фунтов золота. Такого порядка, столь благоприятного для влияния епископа, достиг, по-видимому, Феликс IV. Третьейшая власть епископов в спорах между мирянами и духовными была во всяком случае древним обычаем, но вышеуказанную привилегию можно рассматривать как изъятие духовных из светского суда, и это послужило основанием политического могущества духовенства. Отсюда можно заключить, что королевская власть после смерти Теодориха чувствовала себя непрочной и спешила примириться с римской церковью и привлечь ее на свою сторону.

Упомянув в хронике города о недолгом правлении папы Феликса IV (526—530), нельзя не остановиться на одной замечательной церкви, — первой, которая была выстроена у границ римского Форума на Via Sacra. Это — церковь Св. Космы и Дамиана, арабских врачей и близнецов, погибших мученической смертью при Диоклетiane. Феликс IV воздвиг эту церковь на Via Sacra, неподалеку от Forum Pacis, рядом с храмом города Рима. Притвором этой церкви слу-

жит ротонда, имеющая, несомненно, древнее происхождение; точно так же принадлежит древнему времени и то здание, в которое ведет эта ротонда и которое представляет базилику с одним кораблем. Ввиду этого предполагалось, что именно здесь находился храм города Рима, или Ромула, или близнецов Ромула и Рема, и в подтверждение этого предположения приводилось даже одно указание из Пруденция, которое, однако, относится к двойному храму Адриана в честь Венеры и Рима. Новейшие исследования приводят к предположению, что эта ротонда была *Templum Romuli*, воздвигнутый цезарю Ромулу его отцом, Максентием, неподалеку от его большой базилики. Церковь, построенная Феликсом IV, состояла из трех древних зданий; из них одно, именно последнее, нынешняя ризница, называлась *Templum Urbis Romae*, так как на стене этого здания была укреплена мраморная доска с планом города, относящаяся ко времени Септимия Севера. По-видимому, здесь находился архив городской префектуры, в котором хранились цензовая запись и планы города. Как бы то ни было, базилика Феликса IV представляет первую церковь в Риме, которая была устроена в древнем уцелевшем здании. Она стоит на *Via Sacra*, в одном из самых замечательных мест города, — там, где находился знаменитый храм мира Веспасиана, — и окружена величественными развалинами древнего форума. Стоящие у входа порфиновые колонны, затем колонны древнего портика и древние же бронзовые двери точно воспроизводят чарующий образ минувших времен.

Созданная Феликсом IV церковь замечательна потому, что она отступает от общего характера базилик. Строитель расположил церковь совершенно несимметрично, оставив языческие здания в том виде, какой они имели раньше; ротонда была обращена в притвор и перед ней был сооружен портик с колоннадой; из ротонды был сделан ход в древнее здание, представляющее залу (*Templum Urbis Romae*), выстланную мрамором; здесь устроена абсида; дальше следует проход к третьему зданию, вернее, к задней части залы (*aula*). Триумфальная арка и ниши украшены мозаиками, одними из самых замечательных в Риме, как по своему характеру, так и по времени, к которому они относятся. Триумфальная арка украшена изображениями, еще античного стиля, видений из Апокалипсиса. От этих изображений живопись часто заимствовала свои мотивы: Христос в виде агнца покоится на пышном троне, и перед ним лежит книга с семью печатями; по сторонам стоят семь светильников в виде стройных канделябров не вполне, однако, выдержанного стиля; два крылатых ангела поразительно грациозного вида и два евангелиста с присущими им атрибутами замыкают дугу с каждой стороны. Книзу от этой мозаики по приказанию Феликса были изображены 24 старейших праотцев, подносящих Христу венцы.

Большая картина, украшающая трибуну, особенно замечательна. На золотом фоне изображены превышающие рост человека фигуры в прекрасном облачении; стиль суровый. Колоссальная центральная фигура Христа — одно из превосходнейших изображений Его в Риме: Христос с бородой, в длинных локонах, окруженный сиянием, имеет царственный вид и полон силы; золотисто-желтое одеяние, перекинутое через руку, ниспадает величественными складками; в левой руке Христос держит рукописный свиток, правой благословляет. Первоначально было еще изображение руки, державшей венец над головой Христа и обозначающей творящую силу Бога, который в то время обыкновенно изображался только таким символом, а не в образе старца. Справа и слева от Христа стоят Косьма и Дамиан, которых ведут к Искупителю Петр и Павел; последние изображены значительно больше первых. Лики обоих святителей, в особенности того, который стоит справа, энергичны, серьезны, таинственны, с большими выразительными глазами, полны

благоговейного трепета, вызванного в святителях приближением ко Христу, и проникнуты таким религиозным пылом, что по этим ликам можно судить о той власти, которую церковь имела некогда над миром. В фигурах святителей очень живо выражено их неудержимое стремление ко Христу, смешанное с душевным трепетом; в общем получается впечатление непобедимых борцов во имя Христа. В сильных фигурах святителей видны энергические черты варварства, и кажется, что это эпические мужи кровавых геройских времен Одоакра, Дитриха из Берна и византийца Велизария. Никакой другой мозаики, которая принадлежала бы также к этому мощному, историческому стилю, не существует в Риме. В этой мозаике уже не видно грации античного искусства; точно так же в ней нет византийской прелести, которую можно видеть в знаменитых мозаиках Равенны времен Юстиниана. Как бы то ни было, описанная картина имеет самостоятельное римское происхождение; это — оригинальное создание VI века. С той поры мозаичное искусство в Риме было в упадке в течение многих веков.

На описанной выше картине видны, кроме того, еще изображения Феликса IV (это изображение вполне возобновлено) и св. воина Феодора. Феликс одет в верхнее золотисто-желтое облачение, нижнее голубое и епитрахиль; он подносит Христу изображение построенной им церкви — здания с притвором, но без колокольни. Ни одна из всех фигур, кроме фигуры Христа, не окружена сиянием; отсюда следует заключить, что в начале VI века не было еще в обычаях на изображениях святителей окружать их головы сиянием в виде круга.

Стоящие по обеим сторонам две таинственные пальмы склоняют свои стройные ветви на головы изображенных на картине фигур; на одной ветви, справа от Христа, сидит сказочная птица феникс, и на ее голове сверкает звезда: прекрасное изображение бессмертия и один из лучших символов в искусстве; христиане заимствовали его у язычников, так как феникс со звездой изображался на монетах уже со времени Адриана. Затем, внизу, изображена река Иордан и еще ниже 12 апостолов, направляющихся из Иерусалима и Вифлеема к Христу, который здесь представлен опять в виде агнца, но уже стоящего на пышно убранном престоле; у агнца вокруг головы сияние. Сделанная большими буквами надпись и вызолоченные мозаичные арабески красиво окаймляют все это живописное украшение трибуны.

И вот эта-то церковь на Via Sacra создана была для прославления двух арабов с дальнего Востока, удостоенных таким образом той почести, которая до сих пор оказывалась исключительно только римским мученикам. Как мы видели, почитание первоначально распространялось только на местных святителей; но затем к римским святителям стали причисляться и те, которые принадлежали провинциям империи. Начало универсальности, на которую притязала римская церковь, сказалось и в этом причислении восточных святителей к тем, которым поклонялся город. Только возникшие позднее враждебные отношения между Римом и Византией и, наконец, отделение первого от последней положили пределы почитанию греческих святителей в Риме. Мотивы, которые могли побудить Феликса IV отличить двух восточных святителей, заслуживают некоторого внимания и обсуждения. Думал ли папа достигнуть этим путем сближения с Византией, видя в ней оплот против готов? Или это было дипломатическим актом, свидетельствовавшим о преданности тому ортодоксальному императору, с которым в то время римская церковь жила в дружеском единении? Братья-близнецы, одна молитва которых была действеннее лекарств и которые некогда спасли императора Карина от смертельной болезни, славились тогда как чудотворцы. Возможно также, что римляне находились в то время под страхом приближавшей чумы; мозаичная надпись вполне ясно называет обоих мучеников «целите-

лями, ниспосылающими народу спасение». Для церкви их имени было выбрано это место на форуме потому, что здесь уже в древности имели обыкновение собираться врачи. Знаменитый Гален жил, как предполагают, также здесь. При Юстиниане оба врача-чудотворца, как новые эскулапы, почитались в Кире на Евфрате и погребены там; им были воздвигнуты церкви также в Памфилии и Византии. Восток, родина чумы, дал много святых исцелителей. Это — Кир, Иоанн, Пантелеймон, Ермолай, Сампсон, Диомед, Фотий и другие, исцелявшие и воскрешавшие животных и людей, были взяты на небо, как Эмпедокл, живыми.

2. Бонифаций II, папа, 530 г. — Раскол между ним и Диоскором. — Иоанн II. — Осуждение сенатом симонии. — Воспитание и смерть Аталариха. — Теодат делается соправителем. — Судьба королевы Амалазунты. — Планы и замыслы Юстиниана. — Прекращение западного консульства в 535 г.

Желая еще при жизни обеспечить себе преемника, Феликс IV заручился согласием части духовенства и назначил таковым архидиакона Бонифация, но римский сенат восстал против подобного, еще неслыханного избрания папы и издал декрет, в силу которого каждый, пытавшийся избрать преемника папе при жизни последнего, наказывался изгнанием. Когда в сентябре 530 г. Феликс умер, возник раскол: приверженцы умершего избрали 22 сентября и посвятили в папы в латеранской базилике Бонифация, многочисленные же противники Феликса в это же самое время, в латеранской ауле, называвшейся basilica Julii, избрали папой грека Диоскора, весьма уважаемого человека. Первый избранник принадлежал к готской партии, второй — к византийской. По счастью для римской церкви, Диоскор умер 14 октября 530 г., и таким образом был положен конец расколу. Пресвитеры, принадлежавшие к противной партии, признали теперь над собой власть Бонифация и вместе с тем осудили Диоскора.

Честолюбивый Бонифаций II был первым папой германского происхождения. Его отец назывался Зигибольдом, и это имя не было новым в Риме, так как уже в 437 г. вместе с Аэцием был консулом некий Зигибольд. Новый папа принадлежал к древнему роду могущественных германцев, служивших Риму во время его упадка. Бонифаций с самых юных лет воспитывался церковью, был затем произведен в архидиаконы и стал доверенным лицом Феликса IV. Возможно, что готский двор покровительствовал ему; в сенате же он, вероятно, не находил поддержки. Однако, по-видимому, он не оправдал ожиданий правительства Амалазунты. Пререкания при выборе папы и желание устранить всякое влияние арианских королей на этот выбор побудили Бонифация повторить то, что сделал его предшественник: на первом своем соборе он сам назначил себе преемника, диакона Вигилия. Акт, удостоверяющий это избрание, был легкомысленно подписан членами собора и положен у гробницы св. Петра, но ни Амалазунта, ни сенат не могли согласиться на такое самовластие, которым, раз оно стало бы законом, в существе изменялась вся церковная иерархия, и на втором соборе Бонифаций принужден был торжественно отменить свой декрет.

Бонифаций умер в 532 г., и затем папой был избран римлянин Иоанн II Меркурий, сын Проекта, с холма Целия.

Уже издавна установился обычай, что претенденты на римское епископство получали сан папы симонией, т. е. приобретали его за деньги. Претенденты эти покупали денежными подарками самых влиятельных сенаторов и придворных чиновников, для покрытия же таких расходов не стеснялись продавать даже принадле-

жавшие церквям имения и утварь. В виду такого рода злоупотреблений сенат еще при Феликсе IV издал закон, которым запрещалось давать деньги за получение папского сана. Это постановление римского сената — последнее, известное нам, — было подтверждено королем Аталарихом после избрания Иоанна II. Аталарих приказал префекту города Сальвантию высечь этот запретительный декрет на мраморной доске и доску эту повесить перед притвором церкви Св. Петра. Уже один этот достопамятный декрет показывает, каким большим влиянием обычно пользовался сенат при выборе папы, а также и то, что в то время сенат имел даже возможность издавать законы, которым церковь должна была следовать в своих дисциплинарных делах. Таким образом сенат все еще сохранял очень большую власть; короли готов считались с ней, римские же епископы старались быть в добрых отношениях с сенатом, так как он руководил выборами пап, и даже решения соборов подлежали его суждению. Как представитель мирян или римского народа, эта высшая светская власть предъявляла свои права на решающий голос в делах церкви наряду с духовенством. В таких-то актах проявлялась еще мнимая жизнь великих римских установлений, когда-то господствовавших над миром, пока, наконец, и эта жизнь не угасла совсем.

Сам римский народ уже не обнаруживал признаков жизни. Он был далек от глаз правителя; по-прежнему провинции кормили Рим, но уже более скудно. Только иногда, с вздоржанием жизни, народ в страхе пробуждался от своей летаргии; тогда он мог нашуметь и дать повод заподозрить его в склонности к возмущению. Такой случай был, по-видимому, однажды в правлении Аталариха, так как папа Иоанн жалуется, что римлян подолгу держат в тюрьме из-за одного только подозрения.

В недолгом времени городу, однако, предстояло перейти из этого спокойного, но бесславного благополучия под владычеством готов к тяжким испытаниям войны. Одна из самых тяжелых по своим последствиям катастроф должна была постигнуть город, и затем его история была надолго окутана мраком. Но прежде чем изложить все это, мы должны вкратце проследить судьбу дома Теодориха, с которой была связана и судьба Рима.

Дом великого короля пал жертвой столкновения готского национального чувства с римской цивилизацией; Амалазунта тщетно пыталась быть посредницей постепенного слияния того и другого начала. Воспитывая своего юного сына Аталариха, она включила в его образование знакомство с свободными римскими искусствами, и это возбудило против нее подозрение готских воинов, по мнению которых, отчасти справедливому, римская культура исключала всякую мужественность и была враждебна господству их племени. Едва ли когда-либо могли иметь столько значения задачи воспитания, как по отношению к германскому отроку Аталариху. Готские герои вырвали юношу из рук педагогов, которые, как говорили готы, держат его в позорном стеснении, и предоставили его всему простору природы. Они хотели иметь королем не человека, знающего грамматику, а одного из тех героев, какими были предки Аталариха из рода Амалов. С душевной болью мать должна была уступить; это была экзальтированная женщина, которая жила мечтой обо всем римском и была уже глубоко чужда своему собственному народу; среди же последнего все больше приобретала силы партия, которая относилась враждебно к абсолютизму правления Теодориха и к его стремлению привить готам римскую культуру. Готская аристократия чувствовала презрение к правлению женщины, не составлявшему в римской и византийской истории необыкновенного явления, но противоречащему германским нравам и установлениям, и стремилась свергнуть Амалазунту. Последняя ввиду такой угрозы втайне решила искать спасения при византийском

дворе. Но когда по приказанию Амалазунты были коварно убиты трое из самых опасных для нее готов, к ней вернулась бодрость: Амалазунта отказалась от предательского плана бежать на Восток, осталась в Равенне и продолжала править государством. Тем не менее она понимала неизбежную гибель царства готов в Италии, в которой северный и к тому же некаталический народ мог бы пустить корни только с величайшим трудом. Собственный сын Амалазунты под влиянием излишеств, которым он был предоставлен, стал немощен. Все это заставило Амалазунту снова вступить в переговоры с императором Юстинианом, и, как сообщает Прокопий, она имела в виду уступить ему Италию, против чего должно было возмутиться сероде каждого гота. В 534 г. Аталарих умер в Равенне на 18-м году своей жизни, и трон Теодориха остался без наследника; государство готов шло к неудержимому распаду. Благородный Кассиодор скоро понял, что вместе с готами падет и римский мир, которому он хотел создать опору в лице сынов рода Амалов. Ученый римлянин был для Амалазунты и Аталариха по-прежнему верным министром и не нашел недостойным для себя делом написать историю готов, чтоб оправдать род Амалов и возвысить его в глазах латинян.

Когда со смертью сына положение Амалазунты стало очень трудным, она избрала соправителем своего двоюродного брата. Она предоставила ему титул короля, самое же власть удержала за собой. Сын сестры Теодориха Амалафриды, Теодат, был непримиримым врагом Амалазунты; тем не менее она надеялась, что отныне он станет ее другом и она таким образом обеспечит себе трон и жизнь и успокоит готов.

На Теодате с поразительной очевидностью сказалось влияние Италии, которому уже должны были подпадать готы. В Теодате не было никакой воинственности. Это был человек нерешительный и корыстный; он основательно знал древнюю литературу и чувствовал себя как дома в философии Платона. Жизнь при дворе Теодата сменил на жизнь на вилле в своих обширных поместьях в Тусции, и люди могли бы только завидовать его существованию под тенью олив, если б им не владела страсть к захвату все большего количества земель. Вся Этрурия проклонила алчность Теодата, и Амалазунте приходилось заставлять своего двоюродного брата возвращать захваченную чужую собственность, чего Теодат никогда не мог простить Амалазунте. Прибыв в Равенну, Теодат принял корону, которую ему предоставлено было носить на позорных условиях.

Но как только он вступил в обладание ею, он совершил свою месть над принцессой, которой был обязан этой короной. Поддерживаемый врагами Амалазунты, он заставил ее удалиться на остров на озере Больсена и потребовал, чтобы она написала своему другу, императору Юстиниану, письмо, в котором сообщила бы, что совершенно довольна своим положением. В то же время Теодат сам отправил в Византию двух римских сенаторов, Либерия и Опилія, которые должны были успокоить императора. Однако прежде чем эти послы вернулись назад, дочь Теодориха была уже убита. Горевшие желанием кровавой мести родственники трех убитых по приказанию Амалазунты готов проникли к ней, не без ведома Теодата, и задушили ее. Большинство готов молча одобрило такую незаслуженную участь несчастной женщины, замышлявшей предать Византии свой собственный народ и государство своего знаменитого отца. Смерть Амалазунты последовала в 535 г., как раз тогда, когда Велизарий уже разрушил трон вандалов в Африке и таким образом был свободен, чтоб приступить к давно задуманному завоеванию Италии. Византийская империя вновь вернула себе силы, и Юстиниан решил снова соединить восточные и западные земли империи. Для этого надо было уничтожить германских пришельцев, сокрушить власть вандалов и готов и передать управление западных провинций греческим наместникам, подчиненным ему самому. Для выполнения этого плана су-

дба даровала Юстиниану одного из самых великих полководцев. Легкость, с которой Велизарий разбил африканских вандалов, обещала такую же успешную победу над готами в Италии, где латинский народ и католическая церковь относились к грекам как к своим избавителям от ига варваров.

Получив известие, что Амалазунта убита, Юстиниан притворился негодующим, но втайне был рад такому благоприятному стечению обстоятельств, так как это открывало ему путь в Италию. Еще ведя переговоры с Теодатом через своего посла Петра, который должен был добиться уступки грекам некогда принадлежавшего вандалам Лилибеума на о. Сицилии и еще некоторых других выгод, Юстиниан возложил главное начальство над войском в Далматии на генерала Манда и велел ему здесь напасть на готов, а Велизария приказал идти с флотом, чтобы завладеть Сицилией. Этот остров попал под власть греков уже в конце 535 г., когда Велизарий был единственным консулом. Год этот замечателен также и для Рима. С той именно поры вплоть до совершенного прекращения консульства частных лиц (541 г.) в фастах уже не отмечено ни одного западного консула. Последним консулом Рима, в 534 г., был Деций Феодор Павлин младший, сын Венантия, из рода Дециев, который только тем и известен, что им закончился длинный ряд римских консулов. Со времени Константина было в обычае назначать ежегодно одного консула для старого Рима и другого для нового Рима. Пока готские короли владели Римом, они сами назначали западного консула, который затем, по-видимому, утверждался императором. С 534 г. был уже один только консул на Востоке, а в 541 г., после консульства Флавия Василия младшего, император Юстиниан совсем упразднил консульство, так как, по сообщению Прокопия, он не пожелал больше производить обычную раздачу денег. При вступлении консула в должность раздавалось бедным и на зрелища более 2000 фунтов золота, и большую часть этой суммы оплачивал император. Таким образом, навсегда покончило свое существование это знаменитое установление, столько столетий бывшее властью для мира и мерой для времени. После этого, когда в 566 г. титул консула был принят императором Юстинианом, обозначение консульства уже совпадало со вступлением на трон императоров.

**3. Переговоры Теодата с Византией. — Письмо сената к Юстиниану. —
 Волнения в Риме. — Римляне отказываются впустить готские войска. —
 Папа Агапит принимает на себя посольство в Византию. —
 Смерть Агапита. — Мирные переговоры прекращаются**

Когда Теодат узнал о падении Сицилии, он утратил всякую бодрость и согласился на все те позорные условия, которые были поставлены ему Петром от имени императора: уступить Сицилию, уплачивать ежегодно дань в 300 фунтов золота и высылать каждый раз, когда явится в том надобность, вспомогательное войско готов в 3000 человек. Отныне король Италии не мог назначать ни сенаторов, ни патрициев без разрешения императора; точно так же король лишался права наказывать лишением жизни или имущества священников и сенаторов; при играх в цирке народ должен был приветствовать кликами сначала Юстиниана и уже затем Теодата; если последнему воздвигалась статуя, то справа от нее должна была быть поставлена и почетная статуя императору. Заключив этот договор, Петр поспешил в Византию; в Альбануме он, однако, был достигнут изнемогавшими от усталости гонцами короля, которые вернули его назад. «Если император, — спросил в страхе король, — отвергнет мир, что ж будет тогда?» «Тогда, достойный муж, — ответил

хитрый посол, — тебе придется вести войну, но, — продолжал он с улыбкой, — ученику Платона не подобает проливать кровь народа; императору же надлежит охранять свои права над Италией». На этот раз Теодат заключил еще гораздо более позорный договор, по которому он обязывался уступить Юстиниану королевство готов и римлян за ежегодную пенсию в 1200 фунтов золота. Объятый страхом, Теодат уже ничего не мог соображать и взял с Петра клятву в том, что он скажет императору о втором договоре только в том случае, если император отвергнет первый договор.

Вместе с Петром в Византию отправился в качестве посла пресвитер Рустик; сенат также обратился к Юстиниану с посланием, в котором просил о мире. В этом послании, написанном Кассиодором и в высокой степени ценном, как одно из последних проявлений жизни сената, отцы города обращаются к императору от лица Вечного Рима: «Если наша собственная просьба недостаточна, то внемли нашему родному городу, который умоляет тебя такими словами: если я когда-либо был дорог тебе, полюби, о благочестивейший из государей, моих заступников. Те, кто владеет мной, должны жить в согласии с тобой, чтобы со мной не произошло того, что не соответствует твоим желаниям. Ты не можешь быть виновником моей жестокой гибели, так как ты всегда давал мне жизнь и радость. Взгляни: под защитой дарованного тобой мира я удвоил число своих детей; блеск моих граждан озаряет меня; если ты допустишь, чтоб меня постигло страдание, будешь ли ты тогда заслуживать имени благочестивого? Что другое можешь ты сделать для меня, когда моя (католическая) религия так процветает, а она есть и твоя религия? Мой сенат непрестанно обогащается и почестями, и именьями, и ты не должен раздором разрушать то, что тебе самому надлежит охранять оружием. У меня было много королей, но не было ни одного, который был бы столько просвещен в науках; было много мудрых, но ни одного, кто был бы учение и благочестивее. Я люблю Амала, которого я вскормил своей грудью; он храбр, просвещен моим воспитанием, дорог римлянам своим умом, уважаем варварами за доблесть. Соединись с ним в своих желаниях и решениях, чтобы с ростом моего благополучия возросла и твоя слава. Нет, не ищи меня теми путями, которыми ты не можешь найти меня. Я принадлежу тебе своей любовью и не допускаю, чтобы кто-нибудь мог разрывать меня на части. Если ты нашел Ливию достойной того, чтоб вернуть ей свободу, то было бы жестоко, если бы я утратил эту свободу, которой я всегда обладал. Славный победитель, повелевай влечениями твоего гнева; общий голос моления сильнее чувства огорчения, вызванного в твоем сердце чьей-нибудь неблагодарностью. Так говорит и молит Рим устами своих сенаторов. И если всего этого мало, то внемли святой молитве праведных апостолов Петра и Павла. Ты не можешь не признать их заслуг: они так часто оказывались заступниками Рима перед врагами».

В некоторых местах этого письма, написанного по приказанию Теодата, проглядывают угрозы последнего по отношению к сенату, хотя король, по примеру Аталариха, присягал сенату в верности. Один из историков того времени не без основания сообщает, что король грозил сенаторам лишить жизни их, их жен и детей, если сенат своим влиянием не заставит императора отказаться от завоевания Италии. Письма Кассиодора ясно показывают, что с началом правления Теодата глубокое волнение овладело сенатом и народом. Чтение этих писем убеждает в том, что готов и римлян разделяла друг от друга целая бездна. О тайных переговорах Юстиниана с римлянами нам неизвестно; но сам Рим был охвачен тревожным предчувствием катастрофы. Предполагали, что король хочет истребить сенаторов, так как он потребовал, чтоб сенат явился в Равенну. На улицах народ собирался

толпами, в которых шли разговоры о том, что король хочет разрушить город и перебить граждан и что готское войско уже идет на Рим.

Как бы то ни было, король приказал занять город отрядом войск, чтобы в случае возмущения не потерять власть и оберечь город от внезапного вторжения греков с моря. Из рескриптов Теодата к сенату и народу видно, что такое распоряжение короля вызвало живой протест среди римлян, который и был заявлен королю через избранных для этой цели епископов. Отсюда следует заключить, что уже со времени Теодориха по праву, установленному законом, Рим не мог быть занят чужестранными или готскими войсками. За это право город упорно стоял и позднее, в Средние века, когда германские императоры располагали свои войска вне города, лагерем на поле Нерона. Узнав, что римский народ воспротивился его распоряжению и отказался впустить в город готский гарнизон, Теодат стал успокаивать римлян: он написал им письма, в которых старался «отогнать всякую тень страха и устранить нелепое возмущение». «Вы должны, — так писал король, — оказывать сопротивление вашим врагам, а не вашим защитникам, и призывать к себе вспомогательное войско, а не гнать его. Разве лица готов вам не знакомы, что в ужасе отворачиваетесь от них? Отчего боитесь вы тех, кого до сих пор считали себе близкими? Они покинули свои семьи, чтоб поспешить к вам, и думали только о вашей безопасности. И что случилось бы с добрым именем властителя, если бы мы допустили (да не случится этого), чтобы вы догнали? Так не придумывайте себе того, чего мы и в мыслях не имеем».

Одновременно Теодат отправил и к сенату успокоительное послание. Раньше он уже до некоторой степени успокоил сенат тем, что приказал явиться в Равенну только некоторым сенаторам, которые должны были послужить ему, конечно, не столько советниками, сколько заложниками. В своем послании к сенату король говорит, что у готов нет никаких других целей, как только защищать Рим — город, которому нет равного в мире, — что с этой защитой не связано никакое обременение, так как войско, назначенное для занятия Рима, будет продовольствоваться само себя; и вместе с тем король делал уступку, объявляя, что войска расположатся лагерем вне города, в Кампанье.

Несогласия между готами и римлянами возникли уже тогда, когда король еще вел переговоры с Юстинианом, а Велизарий уже шел на парусах из Сицилии. Занятие Рима войсками могло произойти позднее и, как мы увидим, по приказанию Витигеса.

Посредником для заключения мира вынужден был отправиться в Византию папа. То был римлянин Агапит I, наследовавший Иоанну и занявший престол Петра в июне 535 г. по воле Теодата. С большой неохотой подчинился Агапит приказанию короля отправиться в Византию. Объяснив, что у него нет денег, чтоб покрыть расходы по путешествию, Агапит заложил ценные сосуды св. Петра чиновникам королевского казначейства. По прибытии в Византию Агапит, как очень наивно повествует о том книга пап, вступил прежде всего в споры с Юстинианом о религиозных вопросах, возложенное же на него королем поручение исполнил, по-видимому, в неблагоприятном для готев смысле. Постигшая в Византии 22 апреля 536 г. смерть спасла Агапита от участи Иоанна I.

Между тем Юстиниан принял послов Петра и Рустика. Статьи первого договора были отвергнуты, принят же был второй договор, лишавший недостойного гота Италии и короны. Известить Теодата о своем согласии на этот договор Юстиниан послал Петра и Афанасия. Когда послы прибыли к королю в Равенну, они были изумлены презрением, с каким король принял их. Весть о небольшом успехе готского оружия в Далматии быстро изменила направление мыслей бесхарактерного короля; он заключил послов в тюрьму и решил вести войну.

4. Велизарий вступает в Италию. — Падение Неаполя. — Готы избирают королем Витигеса. — Смерть Теодата. — Готы уходят в Равенну. — Велизарий вступает в Рим 9 декабря 536 г.

Летом 536 г. Велизарий вступил в Италию. Предательство Эбримута, зятя самого Теодата, неожиданно отдало в руки Велизария важный пункт — город Регимум, и победитель вандалов, к своему полному удовольствию, мог убедиться, что народы и города Нижней Италии приветствуют его депутациями и спешат облегчить его задачу. Сухопутное войско Велизария направилось вверх вдоль морского берега в сопровождении флота. Это движение было, однако, вскоре же задержано героическим сопротивлением Неаполя. Древний любимый город Виргилия был в то время невелик, но сильно укреплен, так же, как и соседний г. Кумы, и вел оживленную торговлю благодаря жившим в нем грекам и множеству евреев. Последние питали вражду к императору Юстиниану, преследовавшему их единоверцев, и относились дружелюбно к веротерпимым готам. Поэтому евреи сражались на стенах города с наименьшей отвагой, чем готы. Только на двадцатый день осады Велизарии удалось проникнуть в город через водопровод, после чего город был разграблен, а жители подверглись беспощадной резне. Овладев этим сильным приморским городом и вскоре затем крепостью в Кумах и оставив и здесь, и там гарнизоны, чтобы иметь на юге Италии базу для войны, Велизарий направился через Кампанию в Лациум, чтобы отнять у готов Рим.

Здесь или очень недалеко отсюда находился Теодат; готские войска стояли лагерем не в городе, а в его окрестностях, вероятно в гавани Тибра, у обоих мостов Аниена и на Аппиевой дороге. Число этих войск было невелико, так как большая часть готских войск вследствие войны с франками находилась далеко в Галии или в Венетии. Убедившись в неспособности своего короля и его готовности не сегодня так завтра предложить Велизарии позорный для них мир, готы возмутились и удалились из лагеря вдоль *Via Appia*. Уже более девяти веков служила общению народов эта «царица великих путей», и тем не менее ее прочная, сложенная из многоугольных базальтовых плит мостовая не пострадала от происходившего по ней непрерывного движения; она еще приводит в изумление историка Прокопия, который измерил и описал ее. Начинаясь у Капенских ворот Рима, эта дорога подымалась по прямой линии на Альбанские горы, шла затем между Вольскими горами и морем по понтинским и децемновийским болотам в виде высокой дамбы и, достигнув за Террачино благодатной Кампанию, кончалась в Капуе. По обеим сторонам дороги еще стояли, хотя, конечно, уже полуразрушенные, многочисленные древние памятники — печальные провожатые всех тех, кто шел по *Via Appia*; на памятниках, на мраморных досках были высечены имена всех римлян, которые на протяжении многих столетий чем-либо прославили себя в истории.

Подвигаясь этой дорогой, готы расположились лагерем в Регете, одном местечке в понтинских болотах, между *Fogium Appii* и Террачиной, где были луга для лошадей, так как эта местность орошалась Децемновием. Так называет Прокопий проток (по его длине в 19 миль), изливавшийся в море у Террачины. В действительности это был канал, который шел с правой стороны *Via Appia*; во времена императоров у *Fogium Appii* путешественники обыкновенно садились в лодки и ехали по каналу несколько миль. Поступали так потому, что местность здесь была болотистая и дорога оставалась непроездной; только уже при Теодорихе были осушены децемновийские болота. Здесь готы объявили Теодата низложенным. Среди пустынных и диких понтинских болот, в виду мыса Цирцен, который, как остров, подымается из моря, готские воины, снова лишенные отчизны, подняли на щите свое-

го предводителя Витигеса и по древнему народному обычаю громкими кликами провозгласили его королем готов и римлян. Готы чтили в этом человеке воина, который отличился своими способностями еще при Теодорихе в войне с гепидами, и никогда не менял меча героя на указку педанта.

Новый король поспешил со своим войском обратно, в Рим; Теодат же, ища спасения в бегстве, направился по Фламиниевой дороге в Равенну. Один гот, по имени Оптарис, личный враг Теодата, настиг его во время этого бегства и задушил.

По возвращении в Рим Витигес обратился ко всему народу готскому с воззванием, в котором объявлял о своем избрании королем и говорил, что этому избранию приветом были не клики придворных, а звуки военных труб. Избрание Витигеса было революционным делом войска; им уничтожались наследственные права Амалов. Последние короли готов, как в древние времена в Паннонии, снова стали свободно избираться войском; отныне утрачивалась навсегда всякая связь с римской культурой, перед которой так преклонялись Амалы. Витигес собрал готских воинов и объявил им, что положение дел требует оставить Рим и идти в Равенну. Витигес предполагал сначала кончить войну с франками и затем уже, собрав разбросанные войска, быстро вернуться к Риму, чтобы дать сражение греку Велизарии. Готов, так говорил Витигес, не должна возмущать мысль о том, что Рим за это время может достаться византийцам, так как сами римляне с помощью отряда готов могут оказать мужественное сопротивление; если же римляне сдадутся, то они только станут из скрытых врагов явными, что гораздо лучше. Затем Витигес собрал сенат и высшее духовенство, напомнил как им, так и папе о всех тех благодеяниях, которые были оказаны Риму Теодорихом, убеждал не изменять готскому отряду и принял от них присягу в верности. Оставив 4000 готов под начальством Левдериса и взяв с собой в качестве заложников многих сенаторов, Витигес ушел в Равенну.

Там жила в королевском дворце глубоко опечаленная гибелью своего знаменитого рода дочь Амалазунты, Матазунта. Витигес принудил эту юную принцессу выйти за него замуж. Вступая в брак с наследницей рода Амалов, Витигес надеялся, что в силу этого его избрание королем будет признано всеми готами, императора же он думал тем самым скорее склонить к мирным предложениям, с которыми и не замедлил к нему обратиться. Одновременно Витигес привел в порядок свои отношения к королям франков: он уступил им прекрасные провинции в Южной Галлии, взамен которых ему были обещаны мир и помощь. Таким образом явилась возможность призвать готские войска из Прованса.

В то время как Витигес готовился в Равенне к войне, Велизарий приближался к Риму по Латинской дороге. Узнав о походе Велизария, римляне решили выслать ему навстречу послов с просьбой о мире и с ключами от города. За переход на сторону греческого полководца в особенности стояла фамилия Анициев, род которых так жестоко преследовал Теодорих. К тому же решению склонял римлян и папа, надеявшийся с помощью греков восстановить ортодоксальную веру. Папой был тогда Сильверий, сын папы Гормисдаса, занявший престол Петра по смерти Агапита и избранный римлянами по понуждению Теодата. Греческий полководец принял посла Фиделия и других представителей сената и духовенства с большой радостью и быстро двинулся к Риму через долину Трера или Сакко. С приближением Велизария Левдерис понял, что нет возможности защищать большой и враждебно настроенный город с помощью только 4000 человек; поэтому он отправил свой отряд в Равенну, не сделав римлянам никакого вреда, а сам из чувства долга остался на месте. Готы выступили из Рима через Фламиниевы ворота, а греки вступили в него через Porta Asinaria.

Римляне встретили греков с ликованием, как своих освободителей. Одни ликовали при мысли, что вмешательство византийцев приведет к искоренению арианской ереси; другие мечтали о восстановлении Римской империи; все желали перемен правления; никто, однако, не подозревал, что в очень недалеком будущем готовится страшное бедствие — на смену умеренной свободы и кроткого правления под готским скипетром быстро наступит унижительное рабство под игом Византии.

Велизарий вступил в Рим 9 декабря 536 г. по прошествии всего шестидесяти лет с той поры, как германцы низвергли римское государство.

ГЛАВА IV

1. Велизарий готовится к обороне Рима. — Витигес с готскими войсками подходит к городу. — Первый приступ. — Приготовления к осаде города. — Готы устраивают шанцы. — Оборона города Велизарием. — Витигес разрушает водопроводы. — Плавающие мельницы на Тибре. — Отчаяние римлян. — Готы требуют сдачи города. — Приготовления к штурму города

В удостоверение победы Велизарий отправил в Византию ключи Рима и пленного Левдериса. Тем не менее Велизарий понимал, насколько трудно его положение в этом обширном городе, и предвидел, что городу предстоит в скором времени выдержать осаду. Стены Аврелиана, несмотря на поправки, сделанные Теодорихом, были во многих местах повреждены и разрушились. Велизарий приступил немедленно к исправлению стен, защитил их рвами и снабдил их крепкими зубцами, выступавшими в углах. Римляне дивились этим искусным сооружениям и вместе с тем трепетали от ужаса при мысли об осаде, к которой так заботливо готовился Велизарий. Последний, не обманываясь в своих ожиданиях, позаботился также, чтобы общественные амбары были наполнены зерном из Сицилии и Кампаньи.

Собрав в течение зимы в Равенне все отряды готских войск и вполне снабдив их оружием и лошадьми, Витигес выступил в поход на Рим; падение почти всех городов Тусции и Самниума заставляло Витигеса спешить с походом. На пути нетерпение начать войну разжигалось в Витигесе римлянами, уверявшими, что их уже тяготило пребывание греков в Риме. Не желая терять время на покорение Перуджи, Сполето и Нарни, Витигес спустился через Сабину по Via Casperia и Salara. Это было в начале марта 537 г. Витигес подошел к Риму с такими многочисленными толпами готов, что их трудно было окинуть одним взглядом (Прокопий несколько преувеличенно определяет численность готов в 150 000 человек); здесь была вся мужская сила готской нации; войско состояло из пеших и конных, причем лошади последних были покрыты железными панцирями. У Саларской дороги Тибр слегка огибает вулканический, каменистый холм и принимает в себя с левой стороны Аниен.

Завидя Рим, готы устремились к Аниену, который отделял их от города. Эта быстрая река в весеннее время многоводна, и перейти ее тогда трудно; кроме того, на мосту, ведущем через эту реку, стояла хорошо укрепленная башня, но с наступлением темноты малодушный отряд, охранявший мост, бежал, и готы проникли в ворота на мосту и перешли Аниен. На пути к Porta Salara готы, однако, встретили самого Велизария, который с тысячей всадников выехал навстречу неприятелю, чтобы следить за его движениями или помешать переходу через реку. Описывая с большой ясностью эту первую и ужасную стычку перед стенами Рима, Прокопий заимствует свои краски из Илиады. Он рассказывает, как Велизарий, сидя на

своим конем с белым лбом, подобно гомеровскому герою, ринулся на врага в числе первых и был осыпан градом стрел и копий, так как неприятель целился именно в него и его издали заметного коня. Но собственный боевой меч Велизария и щиты его телохранителей спасли его, и вокруг полководца образовалась высокая стена из тел павших в бою готов и греков.

После жестокой битвы греки должны были уступить превосходившим их числом готам и отступили на холм, который перед Porta Pinciana отделяется глубоким ровом от Monte Pincio. Здесь готских всадников с изумительным геройством сдерживал Валентин, шталмейстер Фотия, сына жены Велизария, пока, наконец, отступавшие греки не достигли городских стен. Одержав победу, готы продолжали преследовать греков до «ворот Велизария», или до Porta Pinciana. Стоявшая на стенах стража, опасаясь, что вместе с греками в город может проникнуть и враг, и полагая, что полководец уже погиб, не отворяла ворот, и пришедшие в отчаяние беглецы должны были тесниться между ровом и стеной. Тогда Велизарий призвал своих воинов к последнему усилию, и готы были отброшены назад в их лагерь у реки, а византийский герой и его утомленное войско спаслись в городе. С великим изумлением смотрели римляне на эту борьбу, достойную их предков, но сами они, потомки героев, оставались пассивными зрителями и только трепетали от страха. На следующее утро они с ужасом увидели со стен, сколько тысяч врагов и друзей было убито. Храбрость одного гота была почтена даже его врагами — то был могучий Визанд, знаменосец. Он был одним из тех передовых воинов, которые хотели захватить Велизария, и пал, когда получил тринадцать ран; на третий день после битвы он был найден готами еще живым и был отнесен в лагерь; народ видел в нем своего героя.

Обманувшись в своей надежде взять город первым же стремительным натиском, Витигес решил приступить к систематической осаде города. Эта осада принадлежит к числу самых замечательных в истории и напоминает героический эпос. Богатырская первобытная сила благородного германского племени вступила здесь в состязание с гигантами Рима, стенами Аврелиана, и с гениальным греком, защищавшим эти стены. Готы привыкли вести битву в открытом поле и не умели с должным упорством вести осаду городов; король готов упустил это из виду и у стен Рима поставил на карту готское государство; такой ставкой был погублен геройский воинственный народ. Обширная окружность города не давала возможности обложить его плотным кольцом, и Витигес ограничился тем, что расположил свои войска у менее защищенной части Рима — от Porta Flaminia до Porta Praenestina. Поэтому-то является весьма сомнительным показание Прокопия, что войско готов состояло из 150 000 человек. На протяжении между названными воротами историк насчитывает пять главных ворот, но не называет их всех по именам. В действительности ворота эти были следующие: Flaminia, Pinciana, Salara, Nomentana, Tiburtina, Clausa и Praenestina; следовательно, предпоследние ворота и, вероятно, Porta Pinciana не были включены историком в счет. Перед этими воротами готы расположились шестью окопанными лагерями, которые все находились по эту сторону реки; седьмой лагерь был разбит по другую сторону реки на Нероновом поле или на равнине, которая тянулась от Ватикана до Мильвийского моста у подошвы горы Мария. Надо было одновременно защитить этот мост и угрожать Адрианову мосту и входу через него и через внутренние Аврелиевы ворота в город. Эти ворота, уже тогда называвшиеся по имени св. Петра, находились перед Адриановым мостом в той части стены, которая подымалась вверх от Фламиниевых ворот, шла по внутренней стороне реки и огибала Марсово поле. Кроме того, готы направили свои

силы еще на Транстеверинские ворота, под которыми следует разуметь *P. Janiculis S. Pancratii*.

В городе Веллизарий работал неутомимо; он поставил себе задачей сделать возможной защиту *Porta Flaminia*, к которым очень близко примыкал один из неприятельских лагерей; они были завалены камнями и поручены надзору испытанного Константина; *Porta Praenestina* охранялись Вессасом; сам Веллизарий расположился между *P. Pinciana* и *P. Salara*; эти ворота, находившиеся в наименее надежной части стен, служили в то же время местом вылазки. Все другие ворота были также поручены надзору военачальников, и им было приказано ни в каком случае не покидать своего поста, так как постоянно могло быть сделано нападение. Подходившие к воротам готы всегда находили стражу бодрствующей, но она сохраняла молчание даже тогда, когда готы кричали ей, что римляне изменники и глупцы, так как предпочли владычеству готов иго византийцев, которые, — так говорили готы, — ничего не дали итальянцам, кроме комедиантов, шутов и пиратов.

Когда осаждавшие оцепили Рим, они пересекли все четырнадцать водопроводов. Вследствие этого Веллизарий (он помнил о Неаполе, в который он проник ночью через водопровод) приказал заделать в городе отверстия их камнями. Таким образом великолепные водопроводы Рима, это изумительное сооружение стольких веков, были все повреждены; в первый раз с незапамятных времен город перестал получать из них воду. С той поры прекратилось также пользование последними терминами Рима, и они начали приходить в разрушение; водопроводами же мало-помалу римляне стали пользоваться как строительным материалом.

Остановка мельниц также наносила римлянам очень чувствительный ущерб. Эти мельницы находились так же, как и теперь, в Транстеверине, на склоне Яникула к мосту, который ныне зовется *Ponte Sisto*; сюда направлялась вода из Траянова водопровода, приводившая мельницы в движение с такой же силой, как река. Остановка мельниц дала случай гению Веллизария напасть на изобретение, которое и для современных римлян не утратило своего значения. Он приказал поставить у выше-названного моста и укрепить канатами две барки и поместить на них мельницы; таким образом мельничные колеса могли приводиться в движение рекой. Готы пытались разрушить эти мельницы, бросая в реку стволы деревьев и трупы убитых, но с помощью цепи все это задерживалось и вылавливалось из реки.

В то же время осаждавшие продолжали опустошать Кампанию и препятствовали подвозу в город продуктов. Народ в Риме приходил в ужас, видя, что наступает время нужды; плебс громко жаловался на неравенство боевых сил и обвинял Веллизария в безумии за то, что он хочет вести защиту слабо укрепленного города против такого многочисленного врага только с 5000 человек. Втайне роптал и сенат. Известный перебежчиком о таком настроении города, Витигес решил воспользоваться этим обстоятельством. Он отправил в Рим посла, который в присутствии сенаторов и самого Веллизария убеждал римлян, о благополучии и свободе которых так много заботился Теодорих, не подвергать себя бедствиям безнадежной защиты города и обещал грекам свободный пропуск, а римлянам амнистию. Какие злодеяния, говорил посол, испытали римляне от готов, что изменили самим себе и готам, своим властителям, которые являются теперь перед стенами города снова как спасители римлян? Римляне хранили молчание; Веллизарий же отослал посла обратно, объявив ему, что он, Веллизарий, будет защищать Рим до последнего человека.

Узнав, что Веллизарий не согласен капитулировать, Витигес стал готовиться к окончательному штурму города. Были выстроены и поставлены на тяжелые колеса деревянные башни, превышавшие высотой стены города; на башнях были повешены на цепях железные тараны; такой таран должны были раскачивать и ударять им

в стену 50 человек; были сделаны также длинные штурмовые лестницы, которые предполагалось приставить к стенным зубцам. Таким осадным мерам (они могут вызвать только улыбку с точки зрения современного осадного искусства) Велизарий противопоставил свои меры. Он поставил на стенах метательные луки или баллисты и большие пращи, которые назывались дикими ослами (*opagri*); эти луки бросали стрелу с такой силой, что она могла пригвоздить к дереву человека, одетого в панцирь. Сами ворота были защищены так называемыми волками или подъемными мостами, которые были сделаны из тяжелых балок, усажены железными зубцами и должны были опускаться на осаждающих, совершенно раздавливая их своей тяжестью.

2. Общий штурм. — Нападение на porta Praenestina. — Murus ruptus. — Штурм мавзолея Адриана. — Греки разрушают в нем статуи. — Повсеместная неудача штурма

На девятнадцатый день осады утром Витигес начал штурм. Общим натиском готы-герои надеялись одолеть стены Рима и одним разом положить конец всей войне. Густыми толпами двинулись они из всех семи лагерей, полные уверенности в победе. Сильные кампанские быки медленно подвигали к стенам гигантские башни, и вид их навел ужас на римлян; но Велизария только смешно было смотреть на них. Собственной рукой пустил он стрелу с Саларских ворот и убил предводителя штурмовой колонны; вторым выстрелом Велизарий поверг на землю другого предводителя и затем приказал защищавшим стены направлять свои выстрелы в быков, тащивших башни. И вскоре готы убедились, что их надежды сокрушить крепкие стены таранами были тщетны; машины были брошены в поле, сами же готы, воспламененные гневом, кинулись на стены.

И в то время как готы напали на все осажденные ими ворота, самая сильная борьба произошла в двух местах: у Пренестинских ворот и у мавзолея Адриана. Стены были здесь плохи в том именно месте, в котором к ним примыкал древний вивариум для диких зверей. Этот вивариум помещался у ворот S.-Lorenzo, которые, по-видимому, соответствуют Пренестинским воротам того времени, и только маскировал такое состояние стен, нисколько не содействуя их крепости. Витигес руководил здесь приступом сам, и извещенный об этом Велизарий поспешил сюда от Саларских ворот. Готы уже проникли в вивариум, но затем они были сначала оттеснены в очень узкое место, а после того обращены в беспорядочное бегство и прогнаны в их отдаленный лагерь; машины готов погибли в пламени.

Точно так же смелой вылазкой был отбит приступ и у Саларских ворот. Фламиниевы ворота не были осаждаемы вследствие самого положения их, а *Murus ruptus* между этими воротами и *Porta Pinciana* был под защитой самого апостола Петра, поражавшего готов слепотой. Прокопий с изумлением рассказывает об этой странной легенде из того времени, когда Петр уже стал признанным патроном Рима, а его тело заступило место древнего Палладима. *Murus ruptus* называлась та часть стены, которая идет у *Monte Pincio*; она представляла крепкое сооружение с контрфорсами; но в ней от середины сверху шла трещина, существовавшая с давних времен, и вся стена в этом месте имела наклонное положение, как бы угрожая рухнуть. Еще в древности, говорит Прокопий, римляне называли эту часть стены *Murus ruptus*, и поныне она зовется *Muro Torto*. Когда Велизарий перед началом осады хотел исправить это опасное место, римляне отсоветовали ему это делать, уверив его, что это излишне, так как апостол дал им обещание лично охранять стену

в этом месте. И в день приступа так же, как и позднее, готы пощадили *Murus tur-*
tus. Прокопий изумляется, почему враг, все время — днем силой, а ночью хитро-
стью — старавшийся взобраться на стены, не воспользовался тем местом стены,
которое было для этой цели особенно благоприятно.

На транстеверинской стороне, у ворот Яникула или св. Панкратия, усилия го-
тов были также безуспешны. С большей силой и упорством готы напали на мавзо-
лей Адриана. Прокопий рассказывает об этом выдающемся эпизоде готской осады
и при этом дает первое и самое древнее описание знаменитого мавзолея; можно то-
лько пожалеть, что оно не заключает в себе еще больших подробностей. Предшест-
вовавшие историки мало обращали внимания на этот памятник, и даже из описания
самого Прокопия не вполне возможно восстановить ни форму, ни состояние памят-
ника в то время. «Мавзолей римского императора Адриана, — говорит Проко-
пий, — находится за Аврелиевыми воротами, на таком расстоянии от стен, на кото-
рое падает брошенный камень; это замечательное и великолепное сооружение. Он
построен из глыб паросского мрамора, положенных друг на друга и ничем не скреп-
ленных между собой. Все его четыре стороны равных размеров; ширина каждой
стороны равна полету брошенного камня, а высота превосходит высоту городских
стен. На верху памятника поставлены изумительные статуи людей и лошадей из
того же мрамора». Вот все, что сумел сказать Прокопий; по его словам, памятник
был высоким четырехугольным зданием, украшенным мраморными статуями; но
делился ли он на ярусы, были ли ярусы окружены колоннадами и венчалось ли все
здание острым конусом с бронзовой кедровой шишкой — обо всем этом Прокопий
не говорит ни слова.

Прочность и большие размеры этого мавзолея, его непосредственная близость к
городу, мост Адриана, который вел к памятнику от стен города, — все это еще за-
долго до Велизария навело римлян на мысль воспользоваться мавзолеем как цита-
делью города у моста и включить этот мавзолей в укрепления города. «Древние, —
замечает греческий писатель, — позаботились, чтобы эта могила (по-видимому,
представляющая передовое укрепленное место города) служила к защите города,
так как к ней были проведены две стены от городской стены». Под древними Про-
копий не мог подразумевать Теодориха, хотя король готов отчасти реставрировал
памятник и уже пользовался им, как крепостью и государственной тюрьмой, вслед-
ствие чего до десятого века народ называл памятник «тюрьмой Теодориха», и толь-
ко уже затем заменил это название именем «башни Кресцентия». Скорее то мог
быть Гонорий, если уже не Аврелиан, при которых памятник как укрепленное мес-
то был связан со стенами города. Чтобы уяснить себе соединение памятника со сте-
нами, надо представить себе, что Аврелианова стена от Фламиниевых ворот поды-
малась вдоль берега по сю сторону Тибра, прерывалась перед мостом Адриана Ав-
релиевыми воротами, шла затем до *Porta Janiculensis* и до моста, ведшего на остров,
и оканчивалась в том месте, где с противоположной стороны доходила до реки Ав-
релианова стена, соответствовавшая Яникулу. Отделенная от памятника Тибром
городская стена могла быть связана с ним только мостом, а протянутые от памятни-
ка к мосту две стены и соединяли в одно целое памятник, мост, городскую стену,
лежащую по сю сторону Тибра, и Аврелиевы ворота. Таким образом важный вход
в город защищался цитаделью моста, и гарнизон последней находился в непрерыв-
ном сообщении с гарнизоном ворот. Но так как стены, проведенные от памятника к
мосту, преграждали путь к Св. Петру, то в них должны были быть сделаны ворота;
последние и были вторые *porta Amelia*, которые в VIII и IX веках получили назва-
ние *Porta Sancti Petri in Hadrianeo*.

Защиту мавзолея Адриана Велизарий возложил на Константина, одного из лучших своих военачальников, и приказал ему охранять также и прилегающую часть городской стены, так как там, может быть, влево от Аврелиевых ворот, стояли лишь незначительные сторожевые посты, потому что река сама по себе составляла прикрытие. Когда готы пытались переправиться на лодках через реку, Константин был вынужден, чтоб отразить их, сам направиться сюда; но большая часть войска была все-таки оставлена им у Аврелиевых ворот и у памятника. Тем временем готы придвигались к мавзолею; овладев им, они могли надеяться овладеть также мостом и воротами по другую сторону. На этот раз готы взяли с собой только лестницы и прикрывались своими широкими щитами. Защитой для готов служил также портик или крытая колоннада, которая стояла поблизости памятника и вела к ватиканской базилике; этот портик охранял готов от греческих балистр, поставленных на крепости. Узкими улицами, которые были на месте разрушенного цирка Адриана, готы подошли к мавзолею и оказались на таком близком расстоянии к крепости, что метательные снаряды уже не могли быть употреблены в дело. Пустив тучу стрел в башни памятника, готы приставили свои лестницы и уже готовы были взобраться по ним, когда отчаяние, овладевшее греками, толкнуло их на мысль воспользоваться для своей защиты статуями, украшавшими памятник. И греки начали ломать статуи огромной величины, как выражается Прокопий, и сбрасывали их вниз на готов. Так мавзолей Адриана лишился навсегда своих ценных украшений. Тяжелые обломки мраморных произведений — статуй императоров, богов и героев — градом полетели вниз; осаждавшие готы погибали под тяжестью прекрасных статуй, которые могли быть и созданиями Поликлета и Праксителя, некогда украшавшими храмы Афин, и произведениями самого Рима, созданными 400 лет тому назад. Боги Греции и императоры Рима, превращенные в обломки, обратили в бегство храбрых варваров, и штурм был отбит. Этой дикой сценой у могилы императора, в которой как бы воскресает мифическая борьба гигантов, закончилась вообще битва у Аврелиевых ворот. Когда Константин, стоявший у городской стены и мешавший врагу переправиться через реку, вернулся к памятнику, он увидел, что готы уже отступают, а у подножия памятника лежат в крови раздавленные тела и разбитые статуи.

Приступ, окончившийся неудачей у всех ворот, стоил Витигесу цвета его войска, — быть может, не менее 30 000 хребцев. Такое число убитых Прокопий определяет по счету самих готских военачальников; еще больше, говорит он, было число раненых, так как выстрелы метательных снарядов направлялись в густую толпу врага; при вылазках же в случае их удачи готы обращались в беспорядочное бегство и подвергались страшной резне.

Когда наступила ночь, в Риме раздались радостные победные гимны и хвалебные песни в честь Велизария, а в лагере готов слышны были другие, дикие песни, в которых готы оплакивали своих павших героев.

3. Продолжение осады. — Предсказания об исходе войны. — Языческие воспоминания. — Храм Януса. — *Tria Fata*. — Две латинские песни этой эпохи. — Заботы Велизария об учреждении караулов в Риме

С неудачей приступа положение вещей стало иным: эта неудача парализовала силы готов, дала римлянам бодрость и внушила Велизарию уверенность в том, что победа будет на его стороне. Готы стали опасаться выходить из своих лагерей, не отвязываясь приближаться к стенам, страшась вылазок, и не дела-

ли больше с той же беззаботностью, как прежде, своих набегов на Кампанию, так как легкие нумидийские всадники тревожили готов и днем и ночью. Римская Кампанья представляет лучшую в мире степь для верховой езды; обширные равнины, по которым можно носиться на лошади, бросив поводья, тянутся всюду; местами эта степь прорезана ручьями и прерывается вулканического происхождения холмами, покрытыми цветами; но лошадь легко и весело переносит всадника через ручьи и также легко, не замедляя бега, взлетает на холмы и спускается с них. Стрелявшие из луков нумидийцы носились по этой классической степи, как в своих родных полках у подножия Атласа; гунны с Истера и сарматы с Танаиса нашли здесь также свои покрытые травой степи, и едва ли когда-либо в другое время происходили вокруг Рима более смелые стычки всадников, чем в эту вечно памятную осаду его.

Так как готы не имели возможности окружить весь город, то сообщения его с материком со стороны Неаполя и с моря оставались свободными. Витигес был настолько не предусмотрителен, что не овладел с самого начала ни Альбано, ни Порто. Теперь римляне уже не обвиняли Велизария в безумной смелости, чувствовали безграничное доверие к его гению и несли сторожевую службу со всем усердием и пониманием ее ответственности. Предсказания поддерживали надежды римлян, которые, уверовав в апостолов и мучеников, все еще не могли расстаться с верой в языческие предзнаменования. Прокопий сохранил нам несколько анекдотов об этом. В Кампанье два мальчика, пастухи, играя, боролись; один из мальчиков изображал Велизария, другой — Витигеса. Велизарий-мальчик одолел Витигеса-мальчика, и последний был приговорен партией первого к наказанию — повешению на дереве; в то время как наказание было приведено в исполнение, появился волк, и дети в страхе разбежались, а покинутый товарищами несчастный Витигес найден был затем уже мертвым. Пастухи истолковали трагический исход игры как предзнаменование победы Велизария и не нашли нужным наказывать детей. Это происходило в горах Самниума, а в Неаполе было еще более очевидное предзнаменование. Там на форуме была мозаика, изображавшая Теодориха; еще при жизни короля готов голова изображения искрошилась, и вскоре после того Теодорих умер. Восемь лет спустя развалилась средняя часть изображения, и умер Аталарих; затем разрушились бедра, и умерла Амалазунта; наконец, во время осады Рима вывалилась и оставшаяся часть ног; отсюда римляне заключили, что Велизарий выйдет из борьбы победителем. Нечто подобное уже было предсказано королю Теодату одним остроумным иудеем. Он запер в сарай и оставил в нем голодать тридцать свиней, разделив их на три группы, по 10 в каждой; одна группа должна была изображать готов, другая — греков, третья — римлян; оказалось, что свиньи-готы околели все, из свиней-греков околели только две, а из свиней-римлян одна половина околела, а другая потеряла свою щетину.

В то же время и между патрициями в Риме шли толки об одном древнем предсказании сивилловых книг, которое гласило так: в месяце квинктилии, т. е. в июле, Риму уже нечего будет опасаться готов. Осада Рима вновь пробудила к жизни языческие воспоминания: как-то ночью неизвестно кем была сделана попытка растворить двери храма Януса; попытка эта была неудачна; тем не менее она свидетельствовала, что между римлянами еще есть приверженцы язычества, и это обстоятельство привело папу в ужас. Как известно, двери храма Януса в Древнем Риме растворялись при начале войны; с введением христианства этот обычай был оставлен римлянами, которые, как замечает Прокопий, стали самыми ревностными христианами; с той поры храм Януса уже не открывался больше во время войн. Древний храм, однако, все еще стоял у подножия Капитолия, перед сенатом, на границе Фо-

rum Romanum. Это был, по словам Прокопия, небольшой храм из бронзы, четырехугольной формы и такой вышины, что в нем могла поместиться только статуя Януса. Последняя была сделана также из бронзы, имела в высоту пять локтей и представляла человеческую фигуру; но у этой фигуры было, однако, два лица: одно лицо было обращено к восходу солнца, другое — к заходу; соответственно двум лицам в храме были и две двери, также из бронзы.

Это упоминание Прокопия о храме Януса и его изображении, несомненно, доказывает, что к святыне этой не прикасались ни готы, ни вандалы. Из этого же замечательного описания мы узнаем, что уже в начале VI века одно место на форуме, вблизи древней курии, обозначалось именем *Tria Fata*. Прокопий говорит: «Храм Януса находится на форуме перед зданием сената, на несколько шагов дальше *Tria Fata*; так у римлян называются парки». Название *Tria Fata* должно было происходить от трех очень древних статуй сивилл, которые стояли тогда неподалеку от *rostra*; парки назывались этим именем еще в V веке. Мы увидим, что в VIII веке так обозначалась одна часть древнего форума, а храм Януса существовал еще в XII веке.

Последние взрывы язычества в Риме возбуждает особый интерес, и потому мы позволяем себе включить в наше изложение одну старинную латинскую песню, принадлежащую к числу последних проявлений языческого культа в Риме. Вот строфы этой, не поддающейся переводу, песни:

O admirabile Veneris idolum,
Cujus materiae nihil est frivolum;
Archos te protegat, qui stellas et polu m
Fecit, et maria condidit et solum;
Furis ingenio non sentias dolum.
Clotho te diligit, quae bajulat colum.

Saluto puerum, non per hypotesim,
Sed serio pectore deprecor Lachesim.
Soronim Atropos ne curet haeresim (?)
Neptunum comitem habeas (perpetim?).
Cum vectus fueris per fluvium Athesim.
Quo fugis, amabo, cum te dilexerim!
Miser, quid faciam, cum te non viderim?

Dura materies ex matris ossibus
Creavit homines jactis lapidibus:
Ex quibus unus est iste puerulus,
Qui lacrimabiles non curat gemitus.
Cum tristis fuero, gaudebit aemulus.
Ut cervae fugio, cum fugit hinnulus.

Этой загадочной песне, в которой образы Венеры и Амура являются в обществе трех парок или *Tria Fata*, могла бы служить ответом следующая песня в честь Петра и Павла, тоже не поддающаяся переводу:

O Roma nobilis, orbis et domina,
Cunctorum urbium excellentissima,
Roseo martyrum sanguine rubea,
Albis et virginum liliis Candida:
Salutem dicimus tibi per omnia.

Te benedicimus, salve per saecula.
 Petre, tu praepotens caelorum claviger,
 Vota praecantium exaudi jugiter!
 Cum bis sex tribuum sederis arbiter,
 Factus placabilis judica leniter,
 Teque precantibus nunc temporaliter
 Ferto suffragia misericorditer!

O Paule, suspice nostra peccamina!
 Cujus philosophos vicit industria.
 Factus oeconomus in domo regia
 Divini muneris appone fercula;
 Ut, quae repleverit te sapientia,
 Ipsa nos repleat tua per dogmata.

Велизарий, однако, нуждался в более существенной помощи, чем та, которую могли ему оказать предзнаменования. Он послал императору Юстиниану письма, в которых, извещая его о счастье отбитом приступе, вместе с тем сообщал о своем опасном положении и настоятельно требовал присылки свежих войск. За вычетом гарнизонов, оставленных в Кампанье и Сицилии, все войско Велизария сводилось к 5000 человек, и из них за время осады часть погибла. О римской городской милиции, однако, в них не упоминается; по-видимому, Рим, некогда завоевавший мир, уже не мог дать граждан, способных владеть оружием. Прокопий сообщает только, что Велизарий включил в войска лишенных в это время работы ремесленников и поденщиков и возложил на них сторожевую службу, за что и платил им жалованье.

Разделенные на отряды, вероятно в 60 человек (симмории), они по очереди исполняли ночную сторожевую службу. Опасаясь измены, Велизарий должен был быть в высшей степени осторожен; поэтому два раза в месяц он менял сторожевые пункты на стенах и в те же сроки приказывал перековывать ключи от ворот. Военачальники должны были ночью делать обходы, окликать стражу по именам и об отсутствующих докладывать утром главнокомандующему. Для придания бодрости тем, кого одолевал сон, ночью должна была играть музыка; на постах же перед воротами, у рвов, ставились мавританские солдаты с их лохматыми собаками, помогавшими своим тонким чутьем острому слуху солдат.

4. Изгнание папы Сильверия. — Голод в Риме. — Человечность готов. — Витигес занимает римскую гавань. — Portus и Ostia. — Прибытие подкреплений в Рим. — Готы отбивают вылазку. — Нужда в Риме возрастает. — Окопы готов и гуннов

Велизарий имел основание заподозрить верность некоторых сенаторов, и потому никто не мог обвинить его в жестокости, когда он удалил из города и отправил в изгнание нескольких патрициев. Но отношение Велизария к Сильверию трудно объяснить существованием изменнических переговоров с готами, так как именно этот папа уговаривал римлян впустить Велизария в город. Прокопий касается этого печального события очень коротко и сдержанно: «Так как существовало подозрение, что Сильверий, верховный пастырь города, находится в заговоре с готами, то он немедленно был выслан в Элладу, и на его место был назначен другой епископ, по имени Вигилий». Но, согласно хронике пап, падение Сильверия было следствием интриг императрицы Феодоры, которая надеялась, что новый папа отменит постановления халкедонского собора и вернет сан осужденному константинопольско-

му патриарху Анфимию, на что Сильверий упорно не давал своего согласия. Достигнуть всего этого Феодора рассчитывала, пользуясь бедственным положением Рима; она вступила в переговоры с дьяконом Вигилием, честолюбивым римлянином, принадлежавшим к одному из благороднейших родов и занимавшим в Константинополе место апокризиаруса, или наместника церкви, и послала к Велизарю письма, в которых требовала, чтобы Сильверий, под приличным предлогом, был удален, а на престол Петра был возведен Вигилий.

Испытывая глубокий стыд, великий Велизарий повиновался велениям двух распутных женщин, всемогущей Феодоры и хитрой Антонины, своей собственной жены. Женщины эти, хотя и боялись и ненавидели друг друга, но были между собой в союзе, так как обе они были низкого происхождения и обе были одинаково необузданны. Подвергнувшись гневу этих женщин у Велизария не хватило мужества, и он, вопреки своему желанию, исполнил их волю. Антонина и Вигилий нашли ложных свидетелей, которые поклялись в том, что будто бы Сильверий писал Витигесу: приди к Азинарским воротам, и я отдам в твои руки город и патриция. Хотя полководец не давал никакой веры этим обвинениям, тем не менее они возбудили в нем тревогу, как об этом, по наивности или из благоразумия, сообщает книга пап, и Велизарий приказал доставить к себе в дворец Пинчиев, где он жил во время осады, папу, который уже скрывался в церкви Св. Сабины на Авентине. Сопровождавшее папу духовенство было остановлено у первой и второй завесы, а Сильверий с Вигилием были введены во внутренний покой, где Велизарий сидел у ног Антонины, которая покоилась на ложе. Увидя Сильверия, Антонина, как искусная актриса, воскликнула: «Скажи, господин папа Сильверий, что сделали мы тебе и римлянам, что ты хочешь предать нас в руки готов?» И пока она осыпала папу упреками, к нему подошел Иоанн, субдьякон первого округа, снял палиум с дрожавшего от страха папы и отвел его в спальню. Здесь с папы сняли его епископское облачение и надели на него монашескую одежду, после чего стоявшему в ожидании перед дворцом духовенству коротко было возвещено, что папа лишен своего сана и стал монахом. Перепуганное духовенство разбежалось. Затем, повинувшись велению греков, сенат и духовенство избрали папой Вигилия, Сильверий же еще ранее этого был сослан в Патару, в Ликии. Сильверий был насильственно удален Велизарием в марте 537 г., а Вигилий назначен папой, вероятно, 29 числа того же месяца. Это деспотическое вмешательство императорского генерала в дела церкви ясно показало римлянам, что владычество готов было легко, иго же византийцев тяжело и будет давить все тяжелее. Вигилий был римлянин благородного происхождения, сын консулара Иоанна и тот самый диакон-кардинал, которого назначил своим преемником папа Бонифаций II. Этот противоканонический акт был затем, конечно, отменен, но с того времени Вигилий не переставал домогаться папского сана. Будучи нунцием в Византии, Вигилий заручился там поддержкой могущественных друзей и теперь таким насильственным образом занял папский престол.

Страшный голод господствовал во всей Италии и уже начал чувствоваться в Риме. Ввиду этого Велизарий изгнал из города всех тех, кем нельзя было воспользоваться для защиты стен. И все эти несчастные уходили из Рима, чтобы разбрестись по Кампанье, или садились на корабли в тибрской гавани и оттуда направлялись искать гостеприимства в Неаполе. Готы не трогали этих странников. За все время осады человечность готов внушала уважение к ним даже врагу, который ставит в особую заслугу готам то, что они ни разу не прикоснулись ни к базилике Св. Петра, ни к базилике Св. Павла, хотя обе эти церкви были в их руках. Но все другие святые в пределах города потерпели бедствия, связанные с войной. Папа Вигилий обвинял готский народ в том, что им были повреждены катакомбы и многие

кладбища и разбиты мраморные надписи у Дамаза; сам же Вигилий во время осады был, по-видимому, благодетелем для народа.

Лишь один акт кровавой мести позволил себе Витигес: он послал в Равенну посла с приказанием умертвить тех сенаторов, которые находились там в качестве заложников. Наконец, чтобы теснее окружить Рим и совершенно прекратить доставку в него провианта, Витигес занял Порто. Тибр изливается здесь в море двумя рукавами, образующими священный остров. Гавань Остия на левом берегу была занесена песком и обмелела еще в древности; поэтому император Клавдий устроил на правом берегу гавань, канал и устроил мол по направлению к морю. Это и было началом знаменитого *Portus Romanius*, или *Urbis Romae*. Это искусное сооружение расширил Траян, устроивший внутреннюю гавань шестиугольной формы и окруживший эту гавань великолепными зданиями. Кроме того, Траян выкопал еще новый канал, *Fossa Trajana*, который можно видеть еще и в настоящее время в правом рукаве Тибра, *Fiumicino*. Таким образом создан Порто как огромный портовый город, и уже в первые века христианства в нем было учреждено епископство. В последнее время язычества и даже еще в середине V века римляне имели обыкновение толпами, с городским префектом или консулом во главе, отправляться на остров между Порто и Остией, приносить здесь жертву Кастору и Поллуксу и затем отдаваться веселью на вечно зеленой траве. Ни солнечный зной, ни суровая зима не губили цветов на этом острове; весной же на нем цвели розы и другие пахучие кусты, и римляне называли этот остров садом Венеры.

К сохранению гавани в целости прилагал заботы позднее еще Теодорих, возложивший заведывание гаванью на особого начальника. Даже во время Прокопия Порто все еще был большим городом, обнесенным стенами, тогда как древняя Остия на левом берегу реки была уже покинута и не имела стен, и хотя судоходны были тогда оба рукава реки, но корабли шли, направляясь в Порто. Из Рима, через *Porta portuensis*, параллельно реке, вела в гавань превосходная дорога, и по ней ходили быки, тащившие на канатах вверх по реке суда с хлебом из Сицилии и с восточными товарами.

Не встретив никакого сопротивления, Витигес занял Порто и разместил в нем 1000 воинов; таким образом, сообщение с морем было отрезано для римлян, и в их распоряжении для подвоза провианта оставался только трудный и ненадежный путь от Анциума.

Нравственное впечатление утраты сообщения с морем было, однако, ослаблено, когда двадцать дней спустя прибыло подкрепление из 1600 гунских и славонских всадников, давшее возможность тревожить неприятеля небольшими стычками, в которых сарматские стрелки превосходили своей ловкостью готских наездников, вооруженных только копьями. Эти небольшие успехи подняли дух осажденных: они потребовали общей вылазки против окопов врага, и Велизарий уступил их бурным настояниям. Большая часть войска должна была сделать вылазку из Пинчиевых и Саларских ворот; меньшая часть войска должна была выступить из Аврелиевых ворот в поле Нерона, чтоб удерживать готов со стороны Мильвийского моста; вылазка третьей части должна была совершиться через ворота Св. Панкратия.

Однако готы, извещенные о вылазке перебежчиками, встретили греков в сокращенном боевом порядке, имея в середине пехоту и на обоих флангах конницу. После битвы, длившейся много часов, мужество готов одержало полную победу: грекам не удалось ни овладеть Мильвийским мостом, что дало бы им возможность отрезать лагерь готов, лежавший по ту сторону реки, ни захватить окопы, которые были по эту сторону. Греки были отбиты отовсюду и спаслись только благодаря успешному действию метательных снарядов на башнях.

После этой неудачной вылазки римляне стали ограничиваться уже только небольшими стычками; готы же старались усилить господствовавший в городе голод, все теснее окружая город. В 50 стадиях от города, между Латинской и Аппиевой дорогами, готы заняли одно место, в котором благодаря двум перекрещивавшимся водопроводам возможно было устроить крепость. Арки водопроводов были заложены камнями и здесь поместилось укрепленным лагерем 7000 воинов, которые задерживали все, что могло быть доставлено со стороны Неаполя. После этого нужда в Риме достигла крайней степени; травы, росшей на валах, не хватало для корма лошадей, и хлеб, сжатый ночью всадниками (уже наступило время летнего солнечного поворота), мог удовлетворить голод только богатых, да и то на очень короткое время. В пищу стали употреблять всякого рода животные; отвратительную колбасу, которую солдаты готовили из мяса павших мулов, сенаторы покупали на вес золота. Затем к голоду присоединилась еще лихорадка, зависевшая от времени года, и на улицах Рима, раскаленных от зноя, стали валяться и заражать воздух непогребенные трупы людей.

Не имея сил переносить такие муки, народ стал требовать у Велизария, чтобы он дал последнее отчаянное сражение. Полководец, однако, смирил крикунов своим невозмутимым спокойствием и уверениями, что осада будет скоро снята и что суда с провиантом уже плывут к Риму. Велизарий послал в Неаполь Прокопия и Антонину и поручил им, нагрузив там хлебом возможно больше кораблей, отправить их в Рим. Наконец в Нижней Италии высадились и византийские войска. Евталлий, везший деньги для уплаты жалованья, прибыл в Террачину и затем под охраной ста всадников счастливо пробрался в город. Тогда, чтобы обеспечить доставку хлеба, Велизарий занял Альбанум и Тибурскую крепость, на которые осаждавшие непонятным образом не обратили никакого внимания. Кроме того, чтоб тревожить неприятеля в его окопах на Аппиевой дороге, Велизарий выдвинул вперед гуннских всадников и приказал им расположиться лагерем у базилики Св. Павла. К этой базилике вел от остийских ворот вдоль Тибра портик, уже представлявший крепкую опору. И вот отсюда, из Тибура и из Альбанума, лагерь готов у Аппиевой дороги был постоянно тревожим набегами, а легкие всадники Велизария затрудняли готам фуражировку в Кампанье. Так как, однако, в низких местах свирепствовала лихорадка, то ни готы, ни греки не могли оставаться в лагерях. Гунны покинули свои окопы, а готы — свои сооружения у водопроводов.

5. Бедствия готов. — Посольство их к Велизарю. — Вступление войск и прибытие провианта в Рим. — Перемирие. — Нарушение его. — Отчаяние готов. — Отступление их от Рима в марте 538 г.

Господствующая в пустынной Кампанье малярия летом принимает смертельную форму, и готы, размещавшиеся в Кампанье, стали гибнуть от лихорадки. Не менее того редели толпы готов и от голода в этой спаленной солнечным зноем пустыне, казавшейся бесконечной могилой. Приближение византийских войск лишило готов бодрости и внушило им мысль о полной безнадежности их положения. 3000 исаврян под начальством Павла и Конона были уже в Неаполе; 1800 фракийских всадников с их жестоким генералом Иоанном высадились в Гидрунтуме, а третий отряд всадников под начальством Зенона приближался по латинской дороге. Молва шла, что вместе с Иоанном едет вдоль моря огромный транспорт провианта, велекомый калабрийскими быками, и что этот транспорт уже подходит к Остии, а флот с исаврянами стоит в виду устья Тибра. Теперь готы потеряли надежду на успех

этой убийственной осады и стали думать о том, как бы снять ее. Один римлянин и два военачальника были посланы Витигесом к Велизарии просить его о заключении мира. Эти замечательные переговоры подробно описаны Прокопием, который отмечает, что они велись с соблюдением парламентских форм. Согласно рассказу Прокопия, речь готов, в которой они доказывали свое исторически сложившееся право владеть Италией, была такова: «Вы, римляне, поступили с нами несправедливо: вы подняли оружие против своих друзей и союзников, а этого не должно бы быть. Мы будем говорить вам только о том, истину чего каждый из вас должен признать. Готы не отымали Италии у римлян силой; государством овладел некогда Одоакр; он отверг власть императора и стал тираном. Зенон, бывший тогда императором, хотел отомстить тирану за своего соправителя и освободить страну; но, не чувствуя в себе силы победить Одоакра, Зенон вступил в переговоры с Теодорихом, нашим королем, который готовился идти войной на Византию. И Зенон уговорил Теодориха оставить свою вражду к Византии, помнить о принятых им почетных званиях римского патриция и консула, идти воздать наказание Одоакру за несправедливость, совершенную им над Августулом, и затем вместе с готами вступить в законное обладание страной. Когда мы таким образом взяли под свою власть империю Италии, мы не меньше, чем все прежние властители, соблюдали законы и форму правления, и ни Теодорих, ни кто-либо из его преемников за время владычества готов не издавали своего закона, ни писаного, ни неписаного. Что же касается до служения Богу и исповедания веры, то мы настолько обеспечили свободу их римлянам, что ни один итальянец не переменял своей религии ни волей, ни неволей, и ни один гот никогда не подвергался наказанию, когда случалось, что он менял свою веру. К святыням римлян мы также относились с величайшим благоговением, и к тому, кто прибегал под их защиту, никогда никто не прикасался. Первые высшие должности всегда были в руках римлян и никогда не занимались готами. Пусть встанет и изобличит нас тот, кто думает, что мы сказали неправду. Но, кроме всего, готы еще согласились, чтоб почетное звание консула ежегодно давалось самим восточным императором. Над вашей Италией Одоакр злодействовал не короткое время, а целых десять лет, и вы все-таки не могли освободить ее. А теперь вы несправедливо враждуете с ее законными властителями. Итак, оставьте наши владения и возьмите себе с миром то, что стало вашим достоянием или добычей».

Велизарий ответил так, как можно было предвидеть: император Зенон поручил Теодориху вести войну с Одоакром, а не уступал империи Италии. Отнятая собственность принадлежит древнему властителю, и готы должны были бы вернуть ее. После того готы предложили уступить императору Сицилию, на что Велизарий ответил насмешкой, что он также может сделать готам еще больший подарок, уступив им Британию. Об уступке готам Кампании или Неаполя Велизарий не хотел ничего слушать; он не соглашался также и на какую-нибудь ежегодную дань от готов; он требовал от них безусловного удаления из Италии. Соглашение, наконец, состоялось на том, что будет заключено перемирие на столько времени, сколько нужно, чтоб послы могли вступить в переговоры с самим императором.

Во время заключения этого договора о перемирии Рим был взволнован радостным известием, что генерал Иоанн прибыл с транспортом в Остию, а исаврийский флот достиг Порто. И действительно, вслед затем и войска вступили в город, и провиант был доставлен в него, причем провиант этот был перегружен в лодки и провезен с большими трудностями вверх против течения по Тибру на глазах у готов. Во время переговоров готы не предвидели возможности всего этого и теперь уже не могли воспрепятствовать ни тому ни другому, так как иначе становились бы невозможными всякие переговоры о мире. Перемирие было заключено на три месяца.

ца и скреплено взаимной выдачей заложников, после чего были отправлены в Византию в сопровождении греческой свиты готские послы. Это произошло, когда наступил зимний солнечный поворот.

Изнуренные и отрезанные отовсюду и даже от моря, где теперь стоял флот, готы уже нигде не могли иметь твердой опоры вокруг Рима. Едва успели оставить они Порто, как исаряне из Остии вступили в него; точно так же Велизарий немедленно занял покинутую ими важную гавань Центумцеллы (ныне Чивита Веккиа). То же самое произошло с Альбано. Велизария не смущали жалобы на то, что, занимая все эти места войсками, он нарушал перемирие; напротив того, он приказал Иоанну идти в Пиценум к Альбе и, проходя страну, брать в плен женщин и детей готов и грабить их имущество, как скоро окажется, что неприятель уже не в силах противодействовать намерению греков нарушить перемирие. Кроме того, такие действия греков еще должны были угрожать линии отступления готов и принудить их удалиться от Рима.

Доведенный до отчаяния Витигес горячо желал возобновления враждебных действий и мог считаться правым, нарушив договор. Одно знаменательное событие в городе могло, кроме того, поднять дух готов: лучшего из своих военачальников, Константина, Велизарий приказал казнить во дворце. Такому наказанию Константин был приговорен за то, что, считая себя оскорбленным строгим решением полководца в одном своем личном деле, бросился на Велизария с поднятым кинжалом. Казнь храброго Константина возбудила недовольство в воинах, служивших со славой под его начальством, и сделала для них Велизария ненавистным. Слух о таком недовольстве достиг лагеря готов в преувеличенном виде и дал им надежду на возможность изменнической помощи. Отряд смелых воинов пытался проникнуть в город через Aqua Vigio, который вел к подошве Пинчио и оканчивался под дворцом Велизария. Мерцавший через щели водопровода свет лампад, которыми воины освещали себе дорогу, по-видимому, не выдал их своевременно страже, но после долгого подземного путешествия они нашли отверстия водопровода заделанными камнями и должны были вернуться. После того Витигес перешел уже к открытым враждебным действиям и однажды утром пошел приступом на Porta Pinciana. Бряцание оружия разбудило город; защитники поспешили к своим постам, и спустя короткое время готы были отбиты. План проникнуть через Аврелиевы ворота с помощью подкупа был также раскрыт и остался невыполненным.

Наконец, дух короля был сломлен приходившими к нему вестями, все более и более мрачными. Генерал Иоанн, «кровавая собака», как называют его историки, скоро привел в исполнение возложенное на него поручение проникнуть в Пиценум, разбил войско дяди Витигеса, Улитя, убил его самого, овладел Римини и уже приблизился к стенам Равенны; а здесь мстительная Матазунта, не могшая простить Витигесу своего вынужденного с ним брака, давала надежду грекам, что Равенна будет предана ею в их руки. Получив эти вести, король готов уступил желаниям своего роптавшего войска, которое оказывалось теперь само осажденным и которому грозили гибелью голод, болезни и вражеский меч. Солнце шло уже к весне; трехмесячное перемирие подходило к концу, а о послах в Византию ничего не было слышно. Поднявшееся в равнине Рима большое движение говорило римлянам, что готовится что-то важное, и как-то ночью они увидели лагери готов объятами пламенем, а на следующее утро готы уже уходили по Фламиниевой дороге. Половина готского войска уже успела перейти через Мильвийский мост, когда отворились Пинчиниевы ворота и из них показались пешие и конные воины. После отчаянной борьбы и страшных потерь отставшие бросились к мосту и достигли противополож-

ного берега. Здесь готы восстановили порядок в своих рядах и продолжали свой путь, лишенные бодрости, предчувствуя гибель своего геройского народа, цвет воинской силы которого уже погиб у стен Рима. Так расплатились готы за неспособность Теодата, допустившего Велизария приблизиться к Риму вместо того, чтобы вести войну в неаполитанской области, и за непредусмотрительность Витигеса, который все свое огромное войско сосредоточил в нездоровой Кампанье, не вел временно военных операций на юге и на севере и не построил флота. Отсутствие же военного флота и должно было главным образом решить судьбу готского государства в Италии.

Целый год и девять дней продолжалась эта ставшая бессмертной осада Рима, за время которой готы имели 69 сражений. Готы ушли от Рима в начале марта 538 г.

ГЛАВА V

- 1. Велизарий в Равенне. — Нечестный поступок его с готами. — Тотила провозглашается королем в 541 г. — Его быстрые успехи. — Поход его на юг. — Он овладевает Неаполем. — Письмо к римлянам. — Он идет на Рим. — Он овладевает Тибуром. — Вторая осада Рима готами летом 545 г. — Велизарий возвращается в Италию. — Гавань Порто. — Лагерь готов**

В нашем изложении, охватывающем историю города, мы не можем, конечно, ни следовать за готами, отступавшими по Фламиниевой дороге, ни останавливаться на той упорной борьбе в Тоскане, Эмилии и Венетии, которую пришлось вести Велизария, с одной стороны, с врагом, доведенным до отчаяния, с другой — с императорскими генералами, интриговавшими против него. Только через двадцать два месяца великий полководец добился возможности вступить в неприступную Равенну — это было в конце 539 г.

Согласившись на словах принять корону Италии, которую побежденные предложили ему, Велизарий с византийским лукавством обманул готов и предоставил корону в распоряжение императора. Уезжая морем в Константинополь, Велизарий взял с собой сокровища дворца Теодориха, а также и попавшего в плен смелому Иоанну короля готов. Рассказ о том, что Витигес из Равенны бежал в Рим, проник в базилику Юлия, в Транстеврине, обнял там алтарь и сдался врагам только после того, как ему было дано клятвенное обещание, что его жизнь будет сохранена, — этот рассказ, по-видимому, — вымысел.

Но государство великого Теодориха, однако, еще не было уничтожено. Если быстрая гибель вандалов в Африке поражает нас, то тем больше должен казаться нам изумительным блестящий подъем готов после такого глубокого падения. В своем смятении этот геройский народ сложил оружие к ногам своего победителя-героя, чистосердечно надеясь, что отныне победитель как король будет властвовать и им, и Италией. И обманутый в своих ожиданиях народ этот, в котором из 200 000 способных к войне мужей оставалось разве только 2000, поднялся и победоносно восстановил и свою национальную честь, и свое государство. Погибнув окончательно в этой почти беспримерной борьбе, готы покрыли себя неувядаемой славой.

Не успел еще Велизарий отплыть в Византию, как стоявшие в Павии готы предложили корону племяннику Витигеса, Ураю, а он возложил ее на голову храброго Ильдибада, призванного им из Вероны. Новый король готов отправил послов в Равенну сказать Велизария, что он, Ильдибад, явится сам и сложит к ногам Ве-

лизария пурпур, если Велизарий исполнит данное им обещание объявить себя королем Италии. Менее дальновидный или более честолюбивый полководец едва ли устоял бы против искушения стать королем Италии. Геройство и гений Велизария могли бы сиять со славой на троне Равенны в течение нескольких лет, но не упрочили бы этого трона. Если уже королям готов не удалось вдохнуть жизнь в свое королевство, обосновав его силой своей народности или силой многочисленной военной касты, как могло это удасться Велизарии, которому приходилось бы бороться в одно и то же время с враждебностью и готов, и итальянцев, а византийцев? Не желая восставать против императора, увенчанный славой герой спокойно направился в Византию, чтобы принять на себя верховное начальство в персидской войне, а заботы об Италии возложил на генералов Вессаса и Иоанна. Но едва Велизарий вышел в море, как оба этих генерала стали действовать в ущерб грекам, а еще немного времени спустя император Юстиниан и сам Велизарий были приведены в ужас появлением нового героя — гота, напоминавшего страшного Аннибала.

Юный племянник Ильдибада, Тотила, начальствовал готским отрядом в Тревизо, когда узнал о смерти своего дяди, убитого из мести одним гепидом. Потрясенный этим событием юноша счел все потерянным и решил уступить город Тревизо начальствовавшему в Равенне Константину. Для переговоров об этой сдаче уже были приняты Тотилой греческие послы, как вдруг явились вестники из лагеря готов в Павии и предложили Тотиле занять трон. Смущенный юноша согласился принять корону, и готы одновременно узнали и о смерти узурпатора Эрариха, и об избрании королем Тотилы — это было в конце 541 г. Воинственный народ снова был охвачен энтузиазмом, и все изменилось как бы волшебством.

Одного года было достаточно для Тотилы, чтоб покорить многие города как по эту, так и по ту сторону По и распространить всюду ужас, и уже весной 542 г. (Прокопий, считающий по веснам, начинает ею восьмой год готской войны) Тотила мог спуститься в Тусцию. Он перешел через Тибр, но отложил до другого времени месть за смерть тех своих соплеменников, которые погибли у стен Рима, и с мудрой предусмотрительностью поспешил в Самниум и Кампанию, чтобы упрочить свое положение покорением более важных городов. Ему уже предшествовала молва, наполнявшая всех страхом. В этот именно свой поход юный герой посетил святого монаха Бенедикта в монастыре на Monte Cassino и выслушал и его укоры, и его проищания: «Ты делаешь и сделал много зла; перестань быть несправедливым. Ты перейдешь моря, вступишь в Рим, будешь властвовать девять лет, а на десятом ты умрешь».

Беневент был взят первым же приступом, и стены его были разрушены. Спеша дальше, Тотила достиг Неаполя и разбил здесь свой лагерь. Осаждая Неаполь, Тотила в то же время посылал летучие отряды всадников в Луканию, Апулию и Калабрию. Все эти прекрасные провинции сдались готам и с большой охотой отдали в их распоряжение подати, собиравшиеся с провинций по приказанию императора, так как юный король готов щадил земледельцев, греческие же чиновники высасывали из городов и земель, начиная от Равенны и до Гидрунтума, все, что могли, со всей алчностью. Итальянцы уже успели убедиться, как легкомысленны были они, сменив справедливое владычество готов на ненасытный деспотизм византийцев. Финансами Италии заведывал тогда в Равенне Александрос, вампир, лишенный совести; остроумные греки за его находчивость, так как он надумал обрезать золотые монеты, называли его псалидион, т. е. ножницы; а другие лица, начальствовавшие в главных городах (корыстный Вессас был начальником в Риме), не уступали ему в алчности. Прокопий совершенно ясно указывает, что установленная Теодорихом раздача хлеба гражданам Рима была совсем прекращена Александром

ром, и Юстиниан одобрил это распоряжение. Так как византийских наемных солдат также обманывали и не платили им жалованья, то и они стали толпами переходить к готам, у которых они получали и обильную пищу, и жалованье.

Доведенный до крайности голодом Неаполь весной 543 г. отворил свои ворота, и это было событием, при котором Тотила еще больше изумляет нас своей доблестью, чем военными подвигами. С такой же заботливостью, как отец или врач, отнесясь он к неаполитанцам: умиравшим от голода он приказывал давать пищу с осторожностью, чтобы неумеренное употребление ее не убило больного вместо того, чтоб вернуть ему силы. И имущество неаполитанцев, и честь их женщин Тотила взял под свою охрану; греку же Конону и его войскам, которые, согласно капитуляции, должны были отправиться на кораблях, но были задержаны противным ветром, Тотила дал повозки, лошадей и провиант и отправил их в Рим под охраной готов. Затем так же, как и во всех других городах, которые были покорены им, Тотила разрушил стены Неаполя. По-видимому, Тотила дал клятву разрушать укрепления в городах, помня о Риме, у стен которого готский народ нашел себе смерть. Разрушая стены городов, Тотила говорил готам, что он делает это для того, чтобы города никогда больше не служили оплотом врагу, а гражданам городов объяснял, что он хочет навсегда избавить их от мук осады.

Из Неаполя Тотила отправил послание римскому сенату; сенат был уже обязан Тотиле признательностью, так как взятых в плен в Кумах патрицианских жен он бережно отослал в Рим.

«Тот, кто обижает своего ближнего по неведению или по забывчивости, — писал король готам, — имеет право на снисхождение со стороны обиженного, потому что в этом неведении или забывчивости такой проступок находит себе оправдание; но заведомый оскорбитель ничем не может быть оправдан, так как он по справедливости должен ответить не только за свое преступное деяние, но и за свою преступную волю. Посмотрите же, можете ли вы найти извинение тому, что вы сделали готам? Что из духа говорит в вашу пользу: то ли, что вы ничего не знали о благодеяниях Теодориха и Амалазунты, или то, что с течением времени вы забыли об этих благодеяниях? Ни того, ни другого вы не можете сказать о себе. Не в малых вещах и не в давно минувшие времена, а величайшими милостями и совсем недавно Теодорих и Амалазунта доказали свое к вам расположение. Как обходятся с своими подданными греки, вы могли знать или по слухам, или видя сами; но вы на себе испытывали, как поступают с итальянцами готы. И тем не менее вы, по-видимому, с особою радостью, как своих желанных гостей, встретили греков. Каких гостей вы нашли в греках, вы, конечно, знаете, так как вам известно, как искусно умеет считать Александрос. Я не хочу говорить ни о войсках, ни о военачальниках; их доброжелательство и великодушие дали вам то, чем вы обладаете; но это же привело к печальному положению их самих. Пусть никто из вас не думает, что я, как честолюбивый юноша, хочу их таким образом унижить или говорю так из одного хвастовства, как король варваров. Ведь я не говорю, что одержать верх над этими людьми было делом только нашей храбрости; я утверждаю, что их постигло наказание за то зло, которое они совершили над вами. И не есть ли это полное безумие, что в то время, как Бог карает их ради вас, вы сами упорствуете в своих дурных делах и не хотите отрешиться от них? Загладьте вашу вину в том зле, которое вы сделали готам, и дайте нам возможность простить вам. Не дожидаясь того, чтобы война дошла до крайности, и не утешая себя жалкими надеждами, изберите лучшую долю и перестаньте быть к нам несправедливыми».

Это письмо Тотила приказал пленным римлянам доставить сенаторам. Генерал Иоанн, однако, запретил им отвечать на это письмо; тогда король послал в Рим еще

несколько писем миролюбивого характера. С большим волнением читал народ эти воззвания, развешанные в самых многолюдных частях города. Греческие правители заподозрили арианских священников Рима в тайном соглашении с готами и изгнали из города всех этих священников; немного позднее был изгнан в Центумцеллы и патриций Цетег, имевший звание главы сената — звание, значение которого тогда уже было сомнительно.

Покорив всю Кампанию, Тотила в конце зимы между 543 и 544 г. пошел на Рим. Весть о том, что император Юстиниан призвал с персидской войны самого Велизария и снова поручил ему верховное начальство в Италии, не пугала Тотилу, так как он достаточно упрочил свое положение и на севере, и на юге Италии, и, кроме того, он знал, что боевые силы великого полководца были ничтожны.

Велизарий прибыл в Италию, но, пока он терял время на берегах Адриатического моря, набирая себе войска, готский король уже подходил к Риму. Укрепленным и важным городом Тибуром Тотила овладел благодаря измене. Стоявший здесь исаврийский гарнизон был во вражде с горожанами, и последние ночью впустили неприятеля в город. Готы поступили с Тибуром беспощадно. Граждане были перебиты; даже епископ и другие духовные лица были умерщвлены, и Прокопий сокрушается о смерти некоего Кателла из Тиволи, который пользовался большим уважением среди итальянцев. В числе жителей Тиволи были также и готы. Из самых ранних сведений, которые существуют об епископстве в Тиволи и принадлежат вообще к древнейшим, известно, что готский граф Валила 17 апреля 471 г. сделал приношение устроенной им церкви S.-Maria in Cornuta в Тиволи. Оставив свой гарнизон в Тибуре, Тотила овладел верховьем Тибра и отрезал тем сообщение римлянам с Тусцией.

Так приступал Тотила к осаде Рима; но и в этот раз он отсрочил ее, решив сначала овладеть несколькими городами Этрурии, Пиценума и Эмилии, на что и были употреблены им 544 г. и часть следующего года. И только уже летом 545 г. Тотила разбил свой лагерь перед Римом.

Рим занимал Вессас с 3000 солдат. В подкрепление ему Велизарий прислал двух искусных начальников, перса Артасира и фракийца Барбатюна, причем строго наказал им ни в каком случае не делать вылазок из города. Между тем едва готы показались перед стенами Рима, как эти два военачальника напали на них. Оба они были разбиты и успели спастись в городе лишь с немногими из своих солдат. После того уже не было ни одной вылазки.

Вторая осада Рима готами замечательным образом отличается от первой, напоминая собой осаду Рима при Аларихе. Тогда как Витигес разместил все свое войско в семи укрепленных лагерях и безостановочно водил его на приступы к стенам, которые защищал один из величайших полководцев всех времен, Тотила вел осаду Рима с таким спокойствием и осмотрительностью, что находил даже возможность, оставаясь в своем лагере, вести одновременно еще и другие военные операции в Эмилии. На первое время он удовольствовался тем, что затруднил доставку провианта в Рим; верховье реки было уже во власти Тотилы, а возможность сообщения Рима с морем становилась сомнительной благодаря флоту готов, который был построен Тотилой в водах Неаполя. Правители Рима не могли представить для Тотилы ничего опасного; их неспособность и беспечность, как оказалось впоследствии, были так велики, что Тотила мог бы взять город штурмом, если бы захотел рисковать для этого своими силами. Но воспоминание об участии, постигшей Витигеса, внушало готам ужас к стенам города; при небольшом же числе готов каждая потеря в людях должна была быть для них гораздо более чувствительной.

Между тем Велизарий, оставаясь в Равенне, ничего не предпринимал. Он настойчиво требовал у императора присылки вспомогательных войск; но пока эти войска медленно набирались, герой должен был проклинать свой жребий и быть невольным свидетелем тому, как меркнет его слава именно там, где она была приобретена. Велизарий обвинял себя в ошибке, которую он сделал, оставшись в Равенне, вместо того, чтобы с небольшим числом войск, которые были в его распоряжении, двинуться прямо к Риму, и Прокопий, разделяющий, по-видимому, эту точку зрения, смягчает эту ошибку Велизария тем философским рассуждением о судьбе, что они, преследуя свои, неизвестные нам цели, приводят людей, воодушевленных саними лучшими намерениями, к совершенно противоположным результатам. Затем Велизарий поспешил в Эпидамн, чтобы взять там под свое начальство войска Иоанна и Исаака, и после того послал Валентина и Фоку к устью Тибра, чтобы усилить гарнизон Порто. Римская гавань была еще во власти греков, и Тотила пока еще не мог сделать попытку отнять у них эту важную крепость, что и затягивало осаду Рима. Когда названные военачальники прибыли в Порто (начальствовал в нем генерал Иннокентий), они нашли, что река и в нижнем ее течении находится во власти готов, так как Тотила разбил свой лагерь между городом и гаванью в восьми милях от Рима, на *Campos Meruli* или на Дроздовом поле. Выбор этого места для лагеря был сделан предусмотрительно, так как здесь могли быть задержаны все транспорты, приходившие с моря; греки же могли рассчитывать на освобождение Рима только с моря, потому что дороги Аппиева, Латинская и Фламиниева были в руках готов.

Валентин и Фока, известив генерала Вессаса о своем прибытии, потребовали, чтобы он сделал вылазку на лагерь готов в то время, как они сами нападут на лагерь из Порто с тыла. Вессас, однако, не пожелал ничего предпринимать; тогда Валентин и Фока напали на готов одни, и это нападение кончилось полным поражением и бегством греков.

2. Папа Вигилий отзывается в Византию. — Готы захватывают сицилийский флот с хлебом. — Нужда в Риме. — Дьякон Пелагий идет послом в лагерь готов. — Римляне в нужде и отчаянии обращаются к Вессасу. — Ужасное состояние города. — Велизарий вступает в Порто. — Неудачная попытка освободить Рим. — Тотила вступает в Рим 17 декабря 546 г. — Вид опустевшего города. — Разграбление. — Рустициана. — Милосердие Тотилы

В это время папа Вигилий не находился в городе. Когда предшественник Вигилия, Сильверий, смещению и изгнанию которого Вигилий так много содействовал, был в 538 или 540 г. уморен голодом или задушен на острове Пальмарии, церковь признала папой Вигилия. Вскоре между ним и императрицей Феодорой возникло несогласие, так как Вигилий отказался отменить решение папы Агапита относительно Анфима и секты акефалов. Кроме того, осуждение, высказанное Юстинианом некоторым положениям в учении Оригена, уже дало повод к спору о Трех Главах. В 545 или 546 г. Вигилий был силой взят в церкви Св. Цецилии, посажен на корабль и, сопровождаемый проклятиями римлян, отправлен в Константинополь, куда ему было предписано явиться императором.

Вигилий долго оставался в Сицилии и находился еще там, когда Тотила обложил Рим. На этом острове римская церковь владела обширными имениями (*patrimonia*); Вигилий собрал в них хлеб и отправил его в гавань Тибра. Готы узнали об этом и у устья реки устроили засаду. Греки с крепости следили за готами и, уви-

дав, что флот с провиантом направлялся к Порто, стали махать матросам плащам, давая им знать, что корабли должны повернуть обратно; между тем матросы поняли это махание как призыв подходить, и корабли приблизились; таким образом, весь сицилийский флот попал в руки готов. Попали в плен также и многие римляне, и в их числе Валентин, которого папа назначил в Сицилии епископом Сильвы Кандиды и отправил в Рим как своего викария. На допросе у Тотилы Валентин был обвинен готами во лжи, и в наказание за это несчастному отрубили обе руки. По счислению Прокопия, флот был захвачен в конце одиннадцатого года войны, т. е. весной 546 г.

К этому времени голод в Риме стал уже невыносим. Доведенные до полного отчаяния римляне обратились за помощью к дьякону Пелагию, человеку, пользовавшемуся большим уважением. Пелагий незадолго до этого вернулся из Византии, где был нунцием римской церкви, и роздал народу свое огромное состояние. В отсутствие папы он заступил его место и охотно согласился идти послом в лагерь Тотилы, чтобы просить у него отсрочки осады, обещая, что город сдастся, если до истечения отсрочки он не будет освобожден. Пелагий мог вспомнить о папе Льве, который некогда шел по той же самой дороге в Порто молить о милосердии короля вандалов Гензериха. Король готов принял достойного посла с почтением, но сделал излишними длинные объяснения, объявив ему вперед, что он на все согласен, за исключением трех условий: он не согласен внимать ничему, что будет говориться в защиту сицилийцев, в защиту стен Рима и о возврате перебежавших к готам рабов. Сицилия первая изменнически впустила к себе греков; стены Рима лишали возможности вступить в открытый бой в поле и заставляют готов тратить свои силы, а римлян терпеть лишения, вызываемые осадой, наконец, обещание, данное рабам, бежавшим из города, не должно быть нарушено. Тяжело вздохнув, Пелагий вернулся в Рим.

С волями собрались тогда римляне и избрали депутатов, которые должны были пойти во дворец правителей. Речь этих депутатов дышит ужасом голодной смерти: «Римляне умоляют вас поступить с ними не как с друзьями, которые равны вам по своему происхождению, не как с согражданами, которые живут под теми же, как и вы, законами, а как с побежденным врагом и с пленными, обращенными в рабство. Дайте же вашим пленным кусок хлеба! Мы не просим вас, чтобы вы хорошо кормили нас; нет, мы просим только куска хлеба, чтобы мы могли поддержать нашу жизнь, работая на вас, как подобает рабам. Если вам наша просьба кажется чрезмерной, дайте нам возможность свободно уйти и избавьте себя от труда зарывать в землю ваших рабов; наконец, если и это наше желание вам покажется неумеренным, жальтесь над нами и предайте нас всех смерти!» Вессас отвечал: пищи для них у него нет; отпустить их опасно, а убить — безбожно; Велизарий должен скоро освободить Рим, — и отпустил несчастных, бессильных депутатов, которых с нетерпением в тупом отчаянии ждал изнуренный голодом народ.

Ни одна рука не поднялась, чтобы убить этого негодяя! Вессас и Конон, одолеваемые низкой корыстью, затаивали осаду и пользовались голодом народа, чтоб накопить побольше золота. Они бесстыдно торговали хлебом, который хранился в амбарах, и даже греческие солдаты лишали себя части своей порции, чтобы обратить ее в золото. Богатые римляне платили за мидимн хлебного зерна семь золотых монет; тот же, кому это было не по средствам, считал себя счастливым, если ему удавалось купить за $1\frac{3}{4}$ золотых монеты ту же меру муки из отрубей. За быка, если только случалось его раздобыть, охотно платили 50 золотых динариев. В городе были только ростовщики, которые покупали хлеб, и голодные, покупавшие и пожиравшие его. Когда все золотые монеты были израсходованы, благородные рим-

ляне понесли на рынок свою ценную посуду и меняли ее на хлеб; бедные же бродили у стен и на развалинах портиков, — там, где некогда императоры устраивали пышные угощения их предкам, — рвали траву и ею наполняли свои желудки. Наконец, весь хлеб был съеден и остался лишь небольшой запас его, который Вессас хранил для самого себя; тогда и богатые, и бедные одинаково набросились на траву и крапиву, варили их и глотали. Не редкость было видеть тогда римлян, блуждающих, как привидения, по пустынному городу, с глубоко ввалившимися глазами, с крапивой во рту и вдруг падающих мертвыми. Но, наконец, стало не хватать и травы; тогда многие освобождали себя от мук добровольной смертью. В числе ужасных событий тех дней Прокопий упоминает об одном случае, который не менее потрясает читателя, чем сцена умирающего в башне от голода Уголино; этот случай относится к одному отцу, у которого было пятеро детей. Приведенный в отчаяние плачем детей, хватавшихся за его платье и просивших хлеба, несчастный отец, ничем не обнаруживая своего отчаяния, спокойно велел им следовать за собой. Придя с ними к Тибру и взойдя на мост, этот отец, как истинный римлянин, закрыл себе лицо одеждой и бросился в реку на глазах у окаменевших от ужаса детей и отупевших от мук римлян.

Наконец, правители стали разрешать населению уходить из города, но и на этот раз лишь при условии уплаты некоторой суммы денег, и Рим начал пустеть. Несчастные беглецы, уходившие искать хлеба вне города, погибали, однако, от лишений в дороге, а по сообщению греков, также и от меча неприятеля; но мы имеем основания считать готов невиновными в такой жестокости. Вот к чему привела судьба сенат и римский народ! — с волнением восклицает Прокопий.

С прибытием Велизария в гавань Тибра обстоятельства, казалось, неожиданно изменились в другую сторону. Отплывая из Гидрунтума, Велизарий взял с собой только войско Исаака и приказал генералу Иоанну пройти через Калабрию и овладеть Аппиевой дорогой; сам же он решил выждать Иоанна в Порто и посмотреть, нет ли возможности освободить Рим с небольшим числом войска. Прибыв в гавань Тибра, Велизарий убедился, что готы преградили сообщение с Римом и что эту преграду, хотя и трудно, но необходимо сокрушить. В девяносто стадиях ниже города Тотила они перегородили реку мостом из громадных древесных стволов и по обоим концам этого моста поставили две деревянные башни. Никакой корабль не мог разбить такого бастиона, да, кроме того, чтобы приблизиться к нему, необходимо было еще прорвать железную цепь.

Чтобы ввести в город войска и доставить в него провиант, Велизарию необходимо было сначала разрушить этот мост. Еще некоторое время Велизарий ждал Иоанна; но готы преградили этому смелому генералу путь к Капуе. Тогда Велизарий потребовал, чтобы Вессас сделал одновременно с ним вылазку и напал на лагерь готов; правитель, однако, не трогался с места, и гарнизон стоял у стен неподвижно и праздно. После того Велизарий решил довериться одному своему гению. Во что бы то ни стало он хотел попытаться провести в город корабли с провиантом и составил настолько же смелый, насколько искусный план. Двести дромонов, или ластовых судов, были нагружены провиантом; каждое такое судно представляло собой в то же время плавучую крепость; борта судна были обшиты щитами с прорезанными в них бойницами. Судна были поставлены на реке рядами, но им должна была предшествовать плавучая исполинская зажигательная машина. Последняя представляла деревянную башню, поставленную на двух связанных между собою плотях; эта башня была выше башен, стоявших на мосту, и на ней помещена была подвижная барка с горючими веществами.

В день выполнения своего плана Велизарий поручил охранять Порто Исааку и на его же попечение оставил свою жену, причем приказал ему ни в каком случае не покидать гавани, хотя до него дошел слух, что Велизарию совсем плохо или что он даже убит. Кроме того, у обоих устьев реки были размещены в окопах войска, по берегу же со стороны Порто за судами должна была следовать пехота.

Сам Велизарий поместился на первом дромоне и дал знак к движению. С большим напряжением работали гребцы двадцати судов, и машина медленно подвигалась вперед. Готская стража у железной цепи была убита, а сама цепь прорвана; это удвоило силы гребцов, и суда приблизились к мосту. Зажигательная машина направилась к одной из башен, именно к той, которая стояла со стороны Порто, выбросила на нее сверху лодку с горючими материалами и воспламенила башню; вместе с нею погибли двести готов и их начальник Осдас. Тогда завязалась отчаянная борьба у моста; с реки надвигались на мост дромоны; с берега старалась взять его приступом пехота, но готы все прибывали из лагеря на защиту моста. Участь Рима могла быть решена в немногие минуты и, может быть, была бы решена, если бы Вессас сделал вылазку из города.

В то время как борьба у моста склонялась то на ту, то на другую сторону, один вестник принес в Порто известие, что цепь прорвана и мост занят греками. Также горя желанием позвать лавры победы, Исаак забыл наказ Велизария, переправился в Остию и с толпой всадников бросился на лагерь неприятеля на другой стороне реки. В первый момент он опрокинул неприятеля, овладел его окопами и занялся грабежом. Но готы, вернувшись, вытеснили греков и взяли в плен действовавшего с безумной смелостью генерала. К несчастью, слух о том, что Исаак взят в плен, скоро достиг до Велизария и притом тогда, когда исход борьбы у моста еще не был решен. Смущенный такой вестью, Велизарий не мог дать себе отчета в действительном положении дела и решил, что готы овладели Порто, кассой, его женой и всеми средствами к дальнейшей войне. Он тотчас же приказал трубнуть отбой, чтобы идти с войсками и судами назад к Порто и снова овладеть им. Придя туда, Велизарий был поражен: врага он не встретил, а на башнях замка стояла его бдительная стража. Эта ошибка до такой степени огорчила Велизария, что он тяжело заболел, так что одно время была потеряна надежда на его выздоровление.

Так не удалась попытка освободить Рим, и Велизарию не довелось во второй раз прославить себя защитой Рима. Наступило глубокое затишье; Велизарий лежал больной в Порто; в лагере готов все было спокойно, а беззащитный город выглядел могилой. Казалось, только одни стены стоят на страже в этом городе, обратившемся в огромную пустыню, так как население бежало из него. Сторожевые посты большей частью оставались незанятыми: дозор производился беспорядочно; каждый спал, когда и сколько хотел, и это не заботило военачальников. На улицах лишь изредка встречались одни голодные; во дворце Вессас продолжал копить свое золото, а Тотила оставался в окопах и не решался идти на приступ, который должен был внушать ему ужас, воздвигая перед ним кровавую тень погибших во время приступа готов.

Наконец сторожевой пост исаврян у Азинарских ворот изменил Риму. Несколько раз спускались исавряне ночью со стен по веревкам, приходили в лагерь готов и убеждали короля занять ворота. Разведки, сделанные собственными воинами, победили недоверие Тотилы. Четыре сильных гота влезли ночью на башню, спустились в город и взломали Азинарские ворота; когда они были раскрыты, готское войско в полном спокойствии вступило через них в Рим. Это было 17 декабря 546 г.

Из предосторожности, так как было еще темно, Тотила расположил свое войско на Латеранском поле. Но в городе уже поднялся шум, и великодушный король приказал всю ночь трубить в трубы, чтобы римляне имели возможность бежать из города через ворота или искать спасения в церквах. Греческий гарнизон вместе со своими начальниками Вессасом и Кононом бежал при первом же звуке труб; за ними последовали и те сенаторы, у которых еще оставались лошади; в числе их был Деций и, может быть, также Василий, последний консул империи, тогда как Максим, Олибрий, Орест и другие патриции искали защиты у Св. Петра. Все, кто только имел силы дотащиться до церквей, спасались там. Когда с наступлением утра готы двинулись по улицам, их встретила могильная тишина совершенно опустевшего города. Прокопий вполне определенно говорит, что во всем городе оставалось только 500 человек, все же остальное население или бежало из города еще раньше, или погибло от голода. Цифра эта маловероятна; скорее ее следует увеличить в 10 раз; но показание названного современника, хотя бы даже оно было преувеличено, все-таки свидетельствует, какая страшная убыль произошла в населении Рима.

Готы, проникнув наконец в город, вокруг которого их народ лежал еще в свежих могилах, имели основания отдаться беспощадной мести; но совершенно опустелый Рим уже не мог дать пищи для их ненависти, а бедствия его были так велики, что он должен был вызвать сострадание к себе даже в бесчеловечных варварах. И желание мести у готов было удовлетворено тем, что они изрубили 26 греческих солдат и 60 римлян из народа, а Тотила, скорее подавленный тяжелым зрелищем, чем счастливый, поспешил принести свою первую благодарственную молитву у гроба апостола. На ступенях базилики победителя встретил дякон Пелагий, с Евангелием в руках, и сказал: «Государь, пощади нас, твоих людей!» Тотила заметил пастырю: «Так ты обращаешься ко мне с мольбою, Пелагий?» Пелагий ответил: «Бог сделал меня твоим слугой, и ты, государь, пощади твоих слуг». Юный герой утешил павшего духом Пелагия, поручившись ему, что готы не будут убивать римлян; но несчастный город был отдан в добычу воинам, которые этого требовали.

Разграбление Рима было произведено без кровопролития: дома были покинуты, и никто не мешал грабить их. Город уже не был теперь так богат, как во времена Алариха, Гензериха или даже Рицимера; старинные дворцы древних родов большей частью стояли уже давно пустые, и только в немногих из них сохранились еще произведения искусства и ценные библиотеки. В домах патрициев, однако, можно было найти кое-какую добычу, а во дворце цезарей в руки короля готов достались все те кучи золота, которые копил там Вессас. Те патриции, которые были найдены во дворцах, были все пощажены; они возбуждали к себе глубокое сострадание: одетые в изодранные платья рабов, они бродили от дома к дому и молили своего врага именем Бога дать им кусок хлеба. В таком же жалком виде готы нашли женщину, которая принадлежала к высокому роду и более, чем кто-нибудь, заслуживала сожаления; то была Рустициана, дочь Симмаха и вдова Боэтия. Во время осады она раздала свое имущество, чтобы сколько-нибудь смягчить общую нужду, и теперь, на склоне своей жизни, полной лишений, благородной матроне не приходилось краснеть, когда она, как нищая, должна была просить о куске хлеба и вызывала слезы участия к себе. Готы указывали друг другу на эту женщину, с горечью вспоминая, что она из мести за смерть отца и мужа приказала свергнуть статуи Теодориха и требовали, чтоб она была предана смерти. Но Тотила отнесся с глубоким почтением к дочери и жене граждан, прославивших себя доблестью, и охранил от оскорблений и ее, и всех других римля-

нок. Его милосердие ко всем без различия было так велико, что он возбудил к себе изумление и любовь даже у врагов, и о нем говорили, что он поступал с римлянами, как отец со своими детьми.

3. Речь Тотилы к готам. — Он собирает сенат. — Он грозит разрушить Рим. — Письмо Велизария к Тотиле. — Нелепость рассказов, что Тотила разрушил Рим. — Проричание Бенедикта. — Тотила уходит из Рима. — Город покинут всеми

На следующий день король собрал своих готов и обратился к ним с речью; он сравнил их теперешнее число с тем, сколько их было прежде, и убеждал их не терять бодрости. Он указывал им, что их великолепное войско в 200 000 человек, предводительствуемое Витигесом, было побеждено только 7000 греков и от этого войска осталась одна беспорядочная толпа безоружных и беспомощных воинов, и тем не менее теперь готам удалось уничтожить у врага 2000 человек и вернуть себе утраченное государство. Он говорил им, что есть таинственная сила, которая карает вероломство королей и народов, и убеждал готов быть справедливыми к тем, кто им подвластен, чтобы спасти себя от кары этой силы.

Затем Тотила произнес свою гневную речь оставшимся в Риме сенаторам. Это собрание сенаторов, происходившее в здании сената или во дворце цезарей, было, скорее всего может, уже последним. Подавленные судьбой патриции возлагали свои надежды на заступничество дьякона Пелагия и, молча, в трепете, слушали грозную речь готского героя, обвинявшего их в неблагодарности к Теодориху и Амалаунте за их благодеяния, в клятвopеступлении, в измене и, наконец, в глупости и обещавшего римлянам отныне поступать с ними как с рабами. Ни одним словом не отвечали сенаторы Тотиле, и только Пелагий молил Тотилу за «несчастливых грешников», пока король не согласился сменить справедливость на милосердие.

К римлянам Тотила не питал ненависти, и вся его ярость обрушилась на стены Рима, у которых погибли готы. Случилось, что именно в это время готы потерпели небольшой урон в Лукании. Известие об этом привело короля в сильнейший гнев, и он поклялся сровнять Рим с землей. Он хотел, оставив большую часть своего войска, поспешить в Луканию и разделаться с «дикой кровавой собакой» Иоанном. Немедленно Тотила приказал разрушать стены; это было сделано в нескольких местах, так что третья часть этого исполинского сооружения была действительно уничтожена. Разгневанный король клялся предать огню самые лучшие памятники города. Я обращаю, восклицал король, весь Рим в пастбище для скота!

Так говорил во всеуслышанье Тотила в гневе; но мог ли этот великодушный человек действительно запятнать свое геройское имя таким беспримерным позором?

Когда распространились слухи о том, что готы готовятся разрушить Рим, Велизарий послал королю готов письмо, в котором убеждал Тотилу пощадить Рим. Вынужденный оставаться в Порто в бездействии, больной Велизарий легко мог представить себе, что враг делает в Риме все, что хочет, и предает все грабежу и огню в городе, с которым была связана слава Велизария. Послание Велизария носит на себе печать величия души, и римлянам следовало бы вырезать это послание на меди и выставить его в своем городе, чтобы оно служило уликой не варварам, а тем средневековым баронам и папам, которые так бесстыдно уничтожили множество памятников. Вот что писал Велизарий своему благородному врагу:

«Долг людей разумных и понимающих, что такое гражданская жизнь, состоит в том, чтобы украшать прекрасными сооружениями города, когда в них нет этих сооружений; поступки же неразумных сводятся к тому, что они лишают города их украшений, оставляя потомству в наследие только такое свидетельство их дикой природы. Из всех городов, которые только освещаются солнцем, Рим самый великий и самый знаменитый город. Он построен могуществом не одного какого-нибудь человека, и не в короткое время этот город достиг своего величия и красоты. Чтобы создать и собрать все, что есть в Риме, нужны были заботы многих императоров, общие усилия выдающихся людей и художников всей земли, целые столетия и неисчислимые богатства. Только мало-помалу, как ты видишь, создавали люди этот город, и оставили его потомству, как памятник доблестей мира; а потому разрушение такого памятника величия мира будет поистине неслыханным оскорблением человечества всех времен. У предков будет отнят памятник их доблестей; потомство будет лишено возможности созерцать то, что создано доблестями предков. Если все это справедливо, то знай, что тебя в будущем ждет одно из двух. В этой войне или император победит тебя, или, если это возможно, ты одержишь верх над ним. Если окажешься победителем ты, достойный муж, то, разрушив Рим, ты лишишь себя только своего собственного города; сохранив же Рим и обладая им во всем его великолепии, как легко ты обогащаешь себя! Но, если в будущем ждет тебя худший жребий, то сохранением Рима ты можешь возбудить в победителе милость к себе, тогда как разрушение Рима лишит тебя всякого права на пощаду и не принесет тебе никакой выгоды. Приговора мира ты не можешь миновать, и этот приговор будет произнесен, сообразно тому, как ты поступишь. Королям создают имя только их деяния».

Тотила послал своему великому противнику ответ, который, к сожалению, история не сохранила нам.

Дивные сооружения Рима были пощажены, и только некоторые дома стали жертвой пламени во время разграбления; эта участь постигла именно трансверинский округ, где, по счастью, было мало прекрасных зданий. Возможно, что сам Тотила велел зажечь здесь некоторые дома, как бы желая действительно привести свою угрозу в исполнение, и этот пожар, отблеск которого на горизонте был виден в Порто, мог сделать для Велизария правдоподобными слухи о злодейских замыслах Тотилы.

Письмо Велизария к королю готов и некоторые непонятные или намеренно извращенные места у Прокопия и Иордана дали повод к утверждению, будто бы Тотила действительно разрушил Рим. Историки Средних веков и даже Новейших времен торжественно и серьезно доказывают это и утверждают, что виновником превращения Рима в развалины был именно Тотила; Аларих же, Гензерих и Ричи-мер не виновны в этом чудовищном преступлении. Леонард Аретинский сочинил даже, в стиле Вергилия, полное всяких ужасов описание пожара, которому будто бы предан был Рим по приказанию Тотилы. Прежде всего, говорит автор, Тотила срыл стены; затем он поджог Капитолий; на Форуме, Субурре и Via Sacre все было предано пламени; Квиринальский холм был в дыму; Авентин извергал пламя; всюду слышались треск и шум рушившихся зданий. Другие итальянские писатели, следуя примеру Леонарда Аретинского, с таким же успехом следовали полету своей фантазии. Им было известно не только то, что готы, как «рой разъяренных ос», набросились на Колизей и обезобразили его, наделав в нем бреши сверху донизу, но еще и то, что готы особенно занялись разрушением обелисков. У готов в их отечестве будто бы также были поставлены каменные столбы, но высотой только в 20 и 30 футов; поэтому прекрасные обелиски Рима не могли не возбудить в готах зависти, и

вот они принялись разрушать обелиски огнем и валить их на землю с помощью лопов и канатов; оставлен же был нетронутым только один обелиск, стоявший у Св. Петра. Такие нелепые басни писались еще в XVIII веке.

Между тем сбылось то предсказание св. Бенедикта, о котором только 47 лет спустя сообщил в своих диалогах великий папа Григорий. Когда Тотила вступил в Рим, по-видимому, всеми овладела боязнь, что готы из мести за гибель своих братьев разрушат до основания великий город, и эти опасения доказывают, что Рим не переставал быть для людей предметом благоговения. Епископ Канузиума в Апулии пришел раз в Монте-Касино к Бенедикту и стал говорить ему о своих опасениях относительно участи Рима. Но божий человек успокоил епископа следующим заверением: «Рим не будет уничтожен варварами; он истлеет сам после того, как на него обрушатся бури и молнии, вихри и землетрясения».

Разрушив третью часть стен в Риме, Тотила покинул город и направился в Луканию. Совершенно непонятно, почему он поступил так. Он не оставил в городе никакого гарнизона и только переместил свой лагерь, отстоявший от Рима в 120 стадиях, к Алгиду, чтоб отрезать Велизария выход из Порто.

Тотила мог по справедливости думать, что Рим не имеет ни стратегического, ни политического значения, но удивительным является то, что Тотила не направил все свои силы на Порто, чтоб совершенно покончить здесь с войной. Как заложников он взял с собой всех сенаторов и затем, движимый непостижимым, каким-то демоническим гневом, приказал всему населению, без исключения, покинуть Рим и уходить в Кампанию.

С представлением такого факта, совершенно нам чуждого и не повторявшегося в истории, наше воображение не мирится; мы не можем ни на одно мгновение представить себе каким-то проклятым местом, в котором нет ни одной человеческой души, какой-то зияющей немой могилой, эту огромную столицу мира, которую мы привыкли всегда представлять себе населенной народами. Но слова Прокопия вполне определены и ясны, и они подтверждаются другим историком, который говорит: Тотила увел римлян пленными в Кампанию, и после того в течение более чем 40 дней в Риме можно было встретить только одних животных, человеческой же души в нем не было ни одной.

ГЛАВА VI

1. Велизарий вступает в Рим. — Он восстанавливает городские стены. — Вторая защита Рима, 547 г. — Тотила идет к Тибуру. — Иоанн захватывает римских сенаторов в Капуе. — Быстрый поход Тотилы в Южную Италию. — Велизарий покидает Рим. — Его памятники в городе

Как только Тотила удалился в Апулию, Велизарий не замедлил сделать попытку проникнуть в не занятый никем город. Взяв с собой только тысячу воинов, Велизарий вышел из Порто; но поспешившие из Альзиума готские всадники встретили Велизария, и после жаркого боя он принужден был вернуться назад. Тогда Велизарий, выждав более благоприятного времени, оставил в замке лишь небольшое число солдат, ловко обманул этим готов и, выступив со всеми остальными своими войсками, проник в город через Остийские ворота. Это было весной 547 г. Едва великий полководец вступил на место, в котором он стяжал себе славу, как гений и счастье вернулись к нему с удвоенной силой.

Первой заботой Велизария было восстановить стены. Так как у него не было ни достаточного числа рабочих, ни материала, ни времени, чтоб вполне основательно исправить произведенные разрушения, то он помог горю как мог. Стены были восстановлены в виде груд наваленных друг на друга камней, причем работавшие не стеснялись пользоваться ни благородным мрамором, ни травертином стоявших поблизости памятников. Никакого цемента при этом не употреблялось, и только снаружи камни удерживались сваями; проведенный еще раньше ров был вычищен и углублен, так как он представлял более надежную защиту. Через двадцать пять дней спешной работы стены были готовы, и, обходя их, Велизарий мог убедиться, что они могут послужить хотя бы как театральные декорации. Бежавшие в Кампанию римляне стали возвращаться в город, и он снова принял вид населенного места.

Услыхав, что неприятель вступил в Рим, Тотила немедленно, с такой же стремительностью, как Аннибал, повернул из Апулии назад и поспешил к Риму. Это движение, окончившееся неудачей, может казаться необдуманным, и его, по-видимому, следует поставить в вину королю готов, который сам покинул Рим, не выгеснив сначала Велизария из Порто. Конечно, Тотила мог думать, что Велизарий не будет в силах удержать город, если займет его, так как большая часть стен была разрушена. Подойдя к Риму, Тотила увидел, что греки еще работают у ворот, которые были раскрыты, так как по приказанию самого Тотилы ворота также были унесены или разрушены, плотники же Велизария еще не успели сделать новые. Вход заграждали на этот раз уже сами воины с их щитами и копьями. Ночь готы простояли в своем лагере у Тибра, а наутро они с яростью бросились на стены, которые теперь не выдержали бы и самого легкого удара таранов Витигеса. Однако после сражения, продолжавшегося целый день, к ночи готы были отброшены в свой лагерь у Тибра и должны были, к стыду своему, признать, что они потерпели поражение перед открытым Римом. Когда на следующий день они пошли снова на приступ, они увидели, что стены находятся под крепкой защитой, а перед воротами поставлено множество деревянных машин; эти машины состояли из четырех соединенных под прямым углом кольев и могли вращаться, не меняя своей формы. Геней Велизария, казалось, был создан для защиты Рима и оставался здесь neodолжимым; и готы, малоопытные в искусстве брать города осадой и точно гонимые судьбой, снова понесли урон в своих силах перед стенами Рима. Конец второму приступу положила ночь. Столько же неудачен был и третий приступ, который был предпринят Тотилой несколько дней спустя, причем его королевское знамя лишь с большими усилиями было спасено от рук врага.

В лагере на голову короля посыпались упреки. Все те, кто до сих пор находил мудрым правилом Тотилы разрушать укрепления взятых городов, теперь упрекали его за то, что он не удержал за собой Рима или же, если это казалось ненужным, не сровнял Рим с землей. Даже в отдаленных местах всех поражала глубочайшим изумлением неудача, испытанная готами у Рима, наполовину открытого, и успешное сопротивление, оказанное готам Велизарием. Несколько времени позднее Тотиле пришлось выслушать колкий ответ короля франков: Тотила просил у короля франков руки его дочери, и Теодоберт ответил, что не может верить, чтобы королем Италии мог быть не только теперь, но и когда-нибудь со временем человек, который не сумел удержать за собой покоренного им Рима, а вынужден был снова уступить полуразрушенный город врагу.

Таким образом у роковых стен Рима военная слава Тотилы отчасти померкла, а счастье почти совсем изменило ему. Сняв мосты через Анниен, он ушел со всем своим войском в Тибур и укрепился в нем. Вследствие этого Велизарий получил

возможность не спеша навесить в Риме ворота, окованные медью, и во второй раз, но еще с большей славой отослал в Константинополь, как трофеи, ключи от города. Этим заканчивает Прокопий зиму и двенадцатый год готской войны. Следовательно, Тотила должен был снять осаду Рима весной 548 г.; по-видимому, летописец слишком быстро двинул вперед время. Осада продолжалась, вероятно, только один месяц.

В это же время король готов понес еще другую чувствительную потерю, которая усилила нравственное значение постигшего его у стен Рима несчастья. Генерал Иоанн неумоимо вел партизанскую войну в Нижней Италии и, между прочим, совершил смелый кавалерийский набег в Кампанию. Там, может быть в Капуе, содержались в плену у готов римские сенаторы с их женами и детьми, и с помощью вынужденных сил у пленных сенаторов писем Тотила держал в повиновении население провинций. Иоанн напал на Капую, изрубил готскую стражу, освободил сенаторов и благополучно увел их в Калабрию. Конечно, лишь небольшое число патрициев могло попасть в руки Иоанну, так как большинство их уже бежало, когда Тотила овладел Римом; но пленных жен сенаторов было много, и все они были отправлены в Сицилию, где могли служить императору заложницами.

Узнав об этом, Тотила поспешил от Перуджии, которую он осаждал, в Южную Италию. Он перешел через горы Лукании, напал на лагерь генерала Иоанна и рассеял греков по лесам и горам. Затем он двинулся к Брундизиуму и здесь уничтожил только что высадившиеся греческие войска. Перенеся таким образом театр войны в Нижнюю Италию, Тотила принудил Велизария снова покинуть Рим и лично идти в Калабрию. Сам император повелел Велизарию принять на себя верховное начальство в Нижней Италии. Велизарий, взяв с собой на корабли только 700 всадников и 200 человек пехоты, передал защиту города генералу Конону и навсегда покинул Рим. С той поры он уже бесславно, не имея никакого успеха, только блуждал по берегам Южной Италии.

Стены Рима являются памятником Велизария; они обессмертили имя Велизария не потому, что он восстановил их, а потому, что он дважды защищал их с такой изумительной гениальностью. Полагают, что Велизарий восстановил также и водопроводы в Риме и дал возможность римлянам снова пользоваться термами; но, по-видимому, один только водопровод Траяна был реставрирован, так как он был необходим для приведения в действие мельниц. Для восстановления всех других водопроводов требовались огромные средства, которых уже не было больше; таким образом, за исключением водопровода Траяна и некоторых других неважных исправлений, сделанных позднее, Рим уже не снабжался водой через водопроводы с той поры, как они в 537 г. были разрушены готами, и город, когда-то самый богатый в мире водой, должен был в течение веков довольствоваться цистернами и немногими источниками точно так же, как и во времена своего младенчества.

Хроника пап отмечает, что Велизарий учредил на Via Lata дом для бедных и принес в дар апостолу Петру, кроме двух больших канделябров, еще золотой, украшенный благородными камнями крест в 100 фунтов весом с надписями об одержанных им победах. По всей вероятности, это произведение искусства было украшено выгравированными изображениями, и потому нельзя не жалеть, что оно утрачено. Так как в книге пап сказано, что Велизарий вручил этот дар папе Вигилию, то следует заключить, что эти приношения были сделаны вслед за победой, одержанной над Витигесом. Богатства, добытые Велизарием войной с вандалами и готами, должны были быть громадны и, может быть, Велиза-

рий сделал бы много доброго для Рима и украсил бы его новыми памятниками, если бы этому не помешали кратковременное пребывание Велизария в Риме и связанная с военным временем смута.

2. Велизарий блуждает в Южной Италии и наконец возвращается в Константинополь. — Тотила в третий раз подходит к Риму в 549 г. — Состояние города. — Вступление готов. — Греки в мавзолее Адриана. — Рим снова заселяется. — Последние игры в цирке. — Тотила покидает город. — Готы на море. — Нарзес-главнокомандующий. — Преднаменование в Риме. — Указания того времени на некоторые памятники. — Площадь мира. — Корова Мирона. — Статуя Домициана. — Корабль Энея. — Нарзес у подошвы Апеннин. — Гибель Тотилы при Тагине в 552 г.

Покинув гавань Тибра, Велизарий направился к древнему Таренту, но был отброшен бурей к Кротону. Здесь, в городе, не защищенном стенами, Велизарий остался со своей пехотой, конница же направилась к знаменитому берегу роскошного залива; находившиеся здесь греческие колонии уже были в упадке. У древней якорной стоянки Туриер, у Русции (ныне Россано), Тотила напал на конницу и уничтожил ее. Это заставило Велизария снова пуститься в море и уйти в Мессину. По словам Прокопия, это было в конце тринадцатого года готской войны, т. е. весной 548 г.

Весь следующий год прошел в сражениях в Нижней Италии, которые всегда оканчивались поражением греков. Несчастному Велизарии приходилось быть только пассивным свидетелем всех этих прискорбных для него событий. Войска высылались из Византии в ничтожном числе и не приносили никакой пользы делу; наконец, Велизарий получил весть о том, что он отзывается обратно на Восток. Появление Велизария в Византии не сопровождалось никакими триумфами; в Италии он провел пять тяжелых лет, и все-таки страна осталась под властью победоносного врага; это было самым тяжким горем в жизни Велизария. Совершив деяния, которые приравнивали его к древним героям, великий полководец умер в немилости и в таком забвении, что предание сделало его личность символом непостоянства человеческого счастья. Удаление Велизария облегчило задачу Тотиле; этот неутомимый воин, поистине второй Аннибал, покорил многие города Калабрии и, когда Перуджия, которую готы не переставали осаждать, наконец пала, пошел в третий раз к Риму в один из первых месяцев 549 г.

В Риме уже не был больше правителем Конон; возмущенные его алчностью солдаты убили его, и когда их послы, римские священники, явились к Юстиниану, последний должен был снисходительно отнестись к убийству, совершенному солдатами над их начальником, так как иначе они выдали бы Рим готам. Теперь правителем Рима был Диоген, имевший в своем распоряжении 3000 солдат; это был храбрый и опытный правитель, и можно было надеяться, что он поведет удачно защиту Рима. Диоген позаботился, чтоб амбары были наполнены хлебом, и даже приказал засеять хлебом обширные и пустые пространства внутри стен. Для римлян было тяжелым испытанием видеть, как на развалинах их величия, может быть, в самом цирке, начинал расти хлеб, как на каком-нибудь поле. Уже Тотила стоял у Рима и много раз ходил готы приступом на стены из своего лагеря (по всей вероятности, это был прежний лагерь, по реке книзу от Св. Павла), но нападения их были постоянно мужественно отражаемы; даже взятие важного Порто несколько не подвинуло осады вперед. И в этот раз только измена открыла Тотиле ворота города. Воро-

та Св. Павла были заняты исаврянами; раздраженные задержкой их жалованья и соблазняемые примером своих соотечественников, которые некогда впустили в Рим короля готов, исавряне предложили Тотиле свои услуги. Одной ночью Тотила поставил свое войско недалеко от названных ворот; затем, посадив в две лодки музыкантов, он велел им подняться по Тибру и, отъехав подальше, начать громко играть. В то время как встревоженное неожиданном военным призывом войско Рима устремилось к месту, которому, казалось, грозила опасность, ворота Св. Павла отворились, и готы проникли в город. Все, что попадалось им навстречу, было убиваемо, греки бежали по Аврелиевой дороге в Центумцеллы, но и там попали в устроенную раньше засаду. Могли спастись только немногие и в их числе раненый генерал Диоген.

Во второй раз Рим оказывался во власти Тотилы, однако на этот раз мавзолей Адриана не был взят готами. В этом замке, ища спасения, заперся один храбрый военачальник, киликиец Павел, с четырьмястами всадников. На утро готы напали на мавзолей, но были отбиты с большим уроном. Тогда они предпочли заставить Павла сдаться голодом. В течение двух дней осажденные мужественно выдерживали осаду, считая для себя позорным воспользоваться мясом своих лошадей как пищей, и затем решили умереть геройской смертью. Обняв друг друга в последний раз, они взялись за оружие, чтоб продать свою жизнь дорогой ценой. Однако Тотила, узнав о таком решении, из боязни или из уважения к отчаянной решимости этих людей умереть, объявил им, что они могут уйти свободно. Признательные всадники предпочли стать с оружием в руках под знамя великодушного победителя и не возвращаться в Византию, где их ждали нищета и насмешки, и перешли все на сторону готов, за исключением обоих военачальников.

Овладев Римом, Тотила теперь уже не думал покидать его, а тем более разрушать. При этом именно случае Прокопий и рассказывает, что на такое решение Тотилу натолкнули насмешки короля франков, о которых было упомянуто выше. Тотила нашел Рим в диком запустении с ничтожным и бедствовавшим населением. Рим был беден, как самый жалкий провинциальный город. Чтоб населить опять Рим, Тотила призвал готов и римлян, и даже сенаторов из Кампании, позаботился о доставке провианта и приказал восстановить все, что было разрушено при первом взятии Рима. Затем Тотила призвал народ в Circus Maximus. Последние состязания в беге, виденные римлянами, были устроены королем готов на прощанье. И когда граждане с немногими сенаторами расположились редкими рядами на ступенях древнего цирка, это собрание теней и, быть может, сами игры, как жалкий призрак былого, должны были наполнить римлян ужасом.

Война не позволила Тотиле долго оставаться в Риме. Напрасно король готов надеялся, что падение столицы и постоянно одерживаемые в провинциях победы произведут на Юстиниана должное впечатление. Римский посол, который должен был от имени Тотилы предложить императору мирное устройство Италии, ни разу не был допущен в Византию. Напротив, папа Вигилий, находившийся в Константинополе, и патриций Цетег (а оба они, один как епископ, другой как глава сената, и были представителями римской национальности) убеждали императора не останавливаться перед новыми затратами, чтобы покоить Италию.

Неутомимый и неистощимый в гениальных замыслах Тотила покинул Рим еще в 549 г., но в то же время послал отряд своего войска обложить недалеко отстоявшие от Рима Центумцеллы. Имея в своем распоряжении 400 судов, добытых отчасти войной, Тотила вдруг оказался властителем на море. От берегов Лациума он направился на юг, к ненавистной Сицилии, чтоб наказать ее и истребить в водах

южного моря прибывших врагов. В таком новом и страшном облике явился этот удивительный человек! Но мы лишены возможности следить за блестящими подвигами Тотилы, мы удалились бы слишком далеко от города Рима, если бы стали говорить о покорении Сицилии, Корсики и Сардинии и о смелом плавании готов. В этих плаваньях они доходили даже до греческой земли и, оказавшись моряками, явились вместе с тем предшественниками норманнов.

На семнадцатом году войны, к концу 551 г. или в начале 552 г., на театре войны является Нарзес, и все дело сразу принимает иной оборот. Борьба героя с внуком представляет редкое зрелище; счастье, однако, изменило Тотиле, и он пал, а внук оказался победителем. Впрочем, высокие качества Нарзеса заслуживали победы.

Последняя была давно предсказана одним предзнаменованием в Риме. Какой-то сенатор рассказал историку Прокопию следующее: когда королем был еще Аталарих, однажды гнали через площадь Мира стадо волов, и вдруг одно из этих животных поднялось и накрыло бронзовое изображение быка, стоявшее у фонтана на этой площади. Увидя это, один случайно проходивший мимо крестьянин из Этрурии объяснил, что это есть предзнаменование и что оно обозначает, что некогда внук победит властителя Рима. Мы не упоминали бы об этом предзнаменовании, как не заслуживающем само по себе внимания, но оно дает нам случай остановиться на беглых указаниях историка на те памятники искусства, которые еще существовали тогда в Риме.

Прокопий видел еще площадь Мира и храм, в который ударила молния и который оставался невосстановленным; с той поры все следы храма совершенно исчезли. Историк видел также фонтаны и бронзового быка, которого считает за работу Фидия или Лизиппа, и замечает при этом, что в то время в Риме существовало много статуй работы обоих мастеров. Не называя этих произведений по именам, он отмечает, однако, одну статую работы Фидия, на которой была надпись его имени. Там же, говорит дальше Прокопий, стояла корова Мирона. Возможно, что это знаменитое произведение искусства было перенесено в Рим Августом; но возможно также, что византийский историк смешал корову Мирона, которую некогда Цицерон видел в Афинах, с одной из тех бронзовых фигур, которые изображали быков и которых было много в Риме. Римляне любили изображения животных, и самым дорогим произведением в Риме было бронзовое изображение собаки, вылизывавшей свои раны; оно стояло в Капитолийском храме. *Forum Voarium* носило свое название потому, что на нем стояло изображение быка, а некогда Август украсил преддверие храма Аполлона Палатинского четырьмя фигурами быков, сделанными Мироном. Изображения животных стояли на *Forum Romanum* и окружали его; так, *Elephantus Herbarius* стоял у Капитолия против Тибра, а бронзовые слоны на *Via Sacra*. Прокопий их также еще видел, так как они незадолго до того были снова поставлены по приказанию Теодата. Далее Прокопий упоминает еще о бронзовой статуе Домициана, которую, по словам Прокопия, можно было видеть у склона Капитолия, идя с площади вправо. Так как Прокопий замечает, что это была единственная статуя Домициана, то очевидно, что под ней нельзя разуметь той знаменитой конной фигуры названного императора, которую с такой точностью описал Стаций в первом стихе своих «Лесов». Это великое, выдающееся произведение искусства стояло, по описанию Стация, на самом форуме; следовательно, во времена Прокопия конная статуя уже не существовала. Упоминаемая же Прокопием бронзовая статуя была та, которая стояла перед сенатом, построенным Домицианом.

Историк готской войны мог бы оказать нам великую услугу, если б он описал некоторые редкостные произведения искусств в Риме того времени. Римляне уже стали тогда превращаться в варваров и без разбора называли многие статуи именами великих греческих мастеров. Возможно, что и pedestалы обоих колоссов перед термами Константина также уже носили имена Фидия и Праксителя. Одно будто бы древнее произведение в Риме Прокопий описал с большой подробностью, причем он изумляется тому, как сильно римляне любят свои памятники и как ревниво охраняли их все время, несмотря на столь долгое владычество варваров. Прокопий поразили именно вид легендарного корабля Энея, еще хранившегося в арсенале на берегу Тибра. По описанию Прокопия, это было гребное судно в 120 футов длины и 25 футов ширины; его щитки были искусно соединены между собой без скобок; киль был сделан из огромного, слегка изогнутого древесного ствола; ребра были также из цельного дерева, нераздельны и, изгибаясь, переходили с одного бока корабля на другой. Легковерный грек описывает в весьма живых выражениях свое изумление перед этим «произведением, превосходящим всякое понятие», и при этом счел нужным в особенности удостовериться, что легендарный корабль выглядел так, как будто он только что был сделан и в нем не было заметно никакого следа гниения.

После этого беглого обзора состояния, в котором находились произведения искусства в Риме во время его упадка, мы вернемся к Тотиле и Нарзесу. Новый греческий полководец, получивший от императора широкие полномочия, щедрый, ловкий и красноречивый, собрал в Далматии огромное войско, пестрая смесь которого представляла зрелище какого-то крестового похода. Тут были гунны, лангобарды, герулы, греки, гепиды и даже персы; все они различались своим видом, языком, оружием и нравами, но все одинаково горело желанием завладеть сокровищами готы или Италии. Сделав всему этому войску смотр в Салоне, Нарзес искусно повел его болотистыми берегами Адриатического моря к Равенне. Весть о том, что Нарзес уже достиг Апеннин, явилась для Тотилы неожиданной и встревожила его.

Король готы был в Риме. Сюда он вернулся вскоре после того, как покинул Сицилию, и выжидал здесь прибытия Нарзеса. Будучи в Риме, Тотила вновь призвал некоторых сенаторов и поручил им озаботиться восстановлением города, других же сенаторов оставил под надзором в Кампанье. Явившиеся в Рим патриции не обладали, однако, никакими средствами, чтоб помочь общественным нуждам, да и сами недоверчивые готы относились к патрициям как к своим военнопленным рабам. По-видимому, Тотила более или менее долго оставался в Риме и, вероятно, именно отсюда раньше пускался в плаванье к греческим берегам. По крайней мере, когда Нарзес двинулся из Равенны, Тотила был в Риме и ждал здесь тех готы, которые под начальством храброго Тейаса стояли у Вероны, чтобы воспрепятствовать врагу перейти через По. Когда они, за исключением 2000 всадников, прибыли, Тотила выступил из Рима, прошел Тоскану и разбил лагерь у Апеннин на месте, которое называлось Тагины. Вскоре после того прибыл сюда и Нарзес, который также стал здесь лагерем на расстоянии лишь ста стадиев от лагеря готы на могилах галлов (Busta Gallorum), где, по преданию, этот народ некогда был побежден Камиллом. Это была равнина Cualdo Tadino.

Здесь геройский образ Тотилы является в последний раз. В описании Прокопия мы видим Тотилу между двумя рядами войск, стоявших в боевом порядке друг против друга, и нам кажется, что перед нами явился образ средневекового рыцаря. С оружием, сверкавшим золотом, в шлеме и с копьем с развевающимися конскими хвостами, в королевском пурпуре, Тотила сидел на своем

великолепном боевом коне и показывал обоим войскам свое воинское искусство. Он скакал на своем коне по полю, описывая круги, и с юношеской ловкостью то проделывал всевозможные движения, то бросал в воздух копье и ловил его на всем скаку. На следующую ночь Тотила уже был мертв. Его войско было разбито и обращено в бегство; сам он, раненный стрелой, бежал; какой-то герпид поразил его копьем в спину. Спутники Тотилы лишь с большим трудом могли довести его до Орте Капрас, где он умер, и спешно, на ходу, зарыли его в землю. Это было летом 552 г.

Описывая эту жестокую участь, постигшую столь славного врага, греческий историк предается скорби и тем делает себе самому честь; Муратори полон изумления к личности Тотилы и причисляет его к героям древности. Если величие героя измеряется множеством препятствий, которые герою приходится преодолеть, или неблагоприятностью судьбы, с которой он должен бороться, то Тотила еще более заслуживает бессмертия, чем Теодорих. Тотила, будучи еще юношей, своей энергией и гением не только восстановил разрушенное государство, но и отстаивал это государство в течение одиннадцати лет, ведя борьбу с Велизарием и войсками Юстиниана. Наконец, если достоинство человека определяется доблестями, облагораживающими душу, то между героями и древности, и последующих времен найдется немного таких, которые были бы равны этому готу великодушием, справедливостью и самообладанием.

3. Тейас — последний король готов. — Нарзес берет Рим приступом. — Мавзолей Адриана капитулирует. — Гибель римского сената. — Укрепления готов в стране взяты. — Нарзес идет в Кампанию. — Геройская смерть Тейаса весной 553 г. — Капитуляция готов на поле битвы у Везувия. — Удаление тысячи готов под начальством Индульфа. — Взгляд на владычество готов в Италии. — Незнакомство римлян с готами и с историей развалин Рима

Шесть тысяч готов остались на поле Тагины, а остальные были разогнаны. Большинство беглецов направилось к По, и в Павии был избран королем самый храбрый из воинов Тейас. Богато одарив и отпустив необузданных, диких лангобардов, Нарзес тем временем с поля битвы направился в Тоскану, взял штурмом Перуджию, Сполето и Нарни и подошел к Риму.

Оставшийся здесь небольшой готский гарнизон решился оказать отчаянное сопротивление. С самого начала он решил не защищать стен на всем их протяжении, а ограничиться защитой мавзолея Адриана. Этот замок Тотила сделал ядром нового укрепления: он обнес прилежавшую к замку местность небольшой стеной и соединил ее с городской стеной Адриановым мостом. Сюда готы снесли все свои ценные вещи. Нарзес, точно так же понимая невозможность оцепить весь Рим, поставил свой войска в разных местах и приказывал ходить приступом на стены там, где это ему казалось более удобным; готы, собираясь в том месте, где, по их мнению, грозила опасность, принуждены были оставлять другие места без защиты. После нескольких отбитых штурмов, которыми руководили Иоанн, Нарзес и герул Филемут, греки под начальством Дагистея взобрались, наконец, на стены в одном незащищенном месте и спустились в город. Удержать проникшего в город врага было уже поздно, и готы бежали; одни поспешили укрыться в Порто, другие — в мавзолее Адриана. Но и здесь недолго позволил им оставаться Нарзес, и они сдались под условием сохранения им жизни и свободы.

Так попал Рим под власть византийцев в 552 г. и в двадцать шестой год царствования Юстиниана, при котором, как замечает с изумлением Прокопий, Рим завоевывался не менее пяти раз. Победитель отослал ключи от Рима императору в Византию, который принял их с такой же радостью, с какой незадолго до этого получил окровавленную одежду и шлем Тотилы.

Описывая эти события, историк отмечает капризы судьбы, которая приводит к тяжким бедствиям через обстоятельства, казалось бы, самые счастливые; но о гибели знаменитейшего и древнейшего учреждения Рима Прокопий говорит холодно; великое прошлое этого учреждения не будит в историке горячих воспоминаний и не вызывает участливого отношения к себе. «Римскому народу так же, как и сенату, — повествует Прокопий, — эта победа должна была принести еще большие бедствия. Потерпев поражение и потеряв всякую надежду на дальнейшее обладание Италией, готы отдались чувствам ненависти и мести; они стали убивать каждого римлянина, который только попадался им на дороге, а их примеру следовали и варвары, служившие под знаменами Нарзеса. Движимые страстной любовью к Риму, многие римляне спешили вернуться в город, когда узнали, что он освобожден. Большая часть сенаторов, которых некогда Тотила изгнал в Кампанию, еще оставались в ней, так как генерал Иоанн отослал в Сицилию лишь немногих. Эти оставшиеся в Кампанье сенаторы теперь также стремились в Рим; раньше, однако, чем такое стремление могло осуществиться, все те сенаторы, которые содержались в плену в замках Кампаньи, были убиты готами. В числе убитых Прокопий называет по имени только одного Максима; в это же самое время были еще убиты триста благородных итальянских юношей. Прежде чем пойти навстречу Нарзесу, Тотила взял заложниками из различных городов триста юношей, принадлежавших к наиболее уважаемым патрицианским семьям, и отправил их на ту сторону По. Этих-то юношей Тейас и приказал предать смерти.

Таким образом, семь сенаторов, за немногими исключениями, были истреблены все; уцелели только те семьи, которым удалось бежать в Константинополь или Сицилию, и те, которые находились в Риме. Некоторые из беглецов могли с окончанием войны вернуться в город, и эти жалкие остатки римских патрициев продолжали еще некоторое время изображать собой тень сената; но в начале VII века и эта тень исчезла окончательно, и славное некогда звание сенатора и консула стало просто титулом богатых и знатных людей.

Порто был точно так же отнят у готов Нарзесом; когда же пали Непи и Петра Пертуза, у готов уже более не оставалось замков в тусцдийской Кампанье, за исключением Центумцелл, которые Нарзес приказал обложить. Сам Нарзес некоторое время оставался еще в Риме, чтобы установить порядок в городских делах. Затем часть греческого войска была отправлена на кораблях в Кумы, в Кампанье, где мужественный Алигерн, брат Тейаса, охранял готские сокровища; другую же часть войска Нарзес послал под начальством Иоанна в Этрурию, чтобы преградить путь Тейасу. Обманутый в своей надежде найти помощь у франков, последний король готов направился в Кампанию к Куме, чтобы удержаться за собой этот важный пункт. Смело спустившись по трудным и дальним дорогам у Адриатического моря, Тейас неожиданно явился в Кампанье. Получив об этом известие, Нарзес собрал все свои войска и пошел из Рима к Неаполю по Аппиевой или Латинской дороге.

В течение двух месяцев стояли друг против друга в роскошных полях у подошвы Везувия греки и готы, разделенные рекой Драконом, или Сарном, там, где она впадает в море у Ноцеры, и только когда весь флот изменнически передался на сторону врага, Тейас был принужден снять свой лагерь. Теснимые врагом, готы поднялись на склон Лактарской горы, но голод заставил их снова спустить-

ся, и тогда они решили погибнуть, как герои. Знаменитой битвой, которая происходила в красивейшей местности в мире, у подошвы Везувия, на могиле погибших городов и в виду Неаполитанского залива, — битвой, в которой бились последние готы, окончилась их история. Геройский народ нашел здесь свою смерть; еще и теперь нам кажется ужасной эта гибель готов, и только истинно трагическое величие ее примиряет нас с нею. Готы бились с беспремерным мужеством; сам Прокопий восклицает, что ни один герой древности не превосходит Тейаса в храбрости. Будучи в небольшом числе, готы бились с утра до ночи сомкнутыми рядами, имея во главе своего короля, которого окружали лучшие воины. Тейас, Гектор готов, стоял, теснимый отовсюду, укрывался своим широким щитом от града сыпавшихся на него стрел и копий и жестоко разил врагов. Когда его щит оказывался полон вонзившихся в него стрел, Тейас брал у своего оруженосца другой щит и продолжал неумоимо биться. Так бился он до вечера; к этому времени его щит стал настолько тяжем от двенадцати торчавших в нем копий, что держать его было уже не под силу Тейасу. Ни на шаг не отступая, не переставая биться, Тейас громким голосом позвал оруженосца и в ту минуту, когда менял свой щит, пал, сраженный неприятельским копьем.

С торжеством понесли греки на копье окровавленную голову последнего короля готов среди рядов войск, а храбрые готы в ужасе смотрели на голову своего короля; но не смутились они и продолжали биться, пока наступившая ночь не скрыла и их, и врагов в темноте. Восстановив несколько свои силы за ночь, полную скорби, готы поднялись с рассветом дня, вступили снова в бой и бились опять все с тем же мужеством, пока не наступила вторая ночь. Подложив под себя щиты и отдыхая на них, готы сосчитали свои поредевшие ряды и стали совещаться о том, что следует им предпринять дальше. Ночью несколько готских военачальников явились к Нарзесу и сказали ему: готские мужи признают, что бесполезно противиться воле Бога, считают недостойным себя искать спасения в бегстве, требуют свободного пропуска и обещают покинуть Италию, так как не желают быть рабами императора, а хотят остаться свободными людьми и поселиться где-нибудь в чужой земле; им должно быть также дозволено взять с собой свое имущество, оставленное ими в различных городах. Нарзес не знал, на что следует решиться, но генерал Иоанн, которому хорошо было известно, насколько готы мужественны вообще и что они действительно готовы биться теперь на смерть, убедил Нарзеса принять предложение готов. В то время как заключался этот договор, тысяча готов, признавших всякий договор с врагом бесчестным для себя, покинули лагерь, и греки, движимые сочувствием к отчаянной решимости этих людей, дали им дорогу. Эту тысячу людей повел храбрый Индульф, и они благополучно достигли Лавии. Остальные готы дали торжественное обещание, что они исполнят договор и покинут Италию. Это было в марте 553 г., в конце восемнадцатого года ужасной готской войны.

Нам неизвестно, куда направились с поля битвы у Везувия последние готы, и их удаление из этой прекрасной страны, которую завоевали их отцы, в которой множество мест полно воспоминаний о славных их подвигах, покрыто полной неизвестностью.

Шестьдесят лет существовало государство Теодориха; в эпоху окончательного распада римского мира на пороге возникавшего из него новороманского мира готы, как герои, превосходили доблестями выродившихся латинян и выполнили великую задачу: они спасли и оберегли древнюю культуру римлян от варваров. Готы относились с благоговением к политическим традициям империи, и за время владычества готов другого государственного порядка не было, кроме того, который вытекал из римских установлений. Сами готы находились в непримиримом противоре-

чии с отжившими формами государственного устройства, с национальностью и религией итальянцев; внести новые, живые силы в древние формы готы не могли и потому должны были погибнуть. Но вместе с ними исчезло на все последующее время также и единство Италии, так как объединение ее под скипетром готов было последним. Из всех чужестранцев, владевших Италией (этот рай Европы долго нес на себе иго чужеземного владычества, частью вследствие природных условий, частью исторических), готы были самые великодушные и наиболее достойные похвалы. Включая в себе все естественные природные свойства, обычные у первобытных племен, готы по своему виду, нравам и языку были тем народом Цамолксиса или Уфилы, о котором, по словам Иорнанда, некогда Дио в своей утраченной истории гетов сказал, что он мудрее всех варваров и гением своим подобен грекам. С очень большими способностями к культуре, которые не могли развиться только потому, что готы были в Италии недолго, они соединяли мягкость германского характера, и стоит только сравнить вообще готский период в Италии со временем позднейших чужеземных владычеств, как всякие доказательства превосходства владычества готов становятся излишними.

Но будет все-таки кстати привести суждение величайшего исследователя истории итальянцев, чтоб не могла явиться мысль, что все итальянцы ослеплены невежеством. «В Италии имя готов, — говорит Муратори, — внушает в настоящее время ужас людям из народа и даже лицам, получившим некоторое образование, как будто это имя принадлежит бесчеловечным варварам, которые были лишены знания законов и понимания красоты. Например, называют готической архитектурой древние плохие сооружения и готическим письмом неуклюжие буквы многих печатных произведений конца XV века или начала XVI. Все эти рассуждения свидетельствуют только о невежестве. Теодорих и Тотила, оба короля готов, были, конечно, не свободны от многих недостатков; но в то же время любовь к справедливости, скромность, мудрость в выборе своих помощников, верность договорам и другие доблести были так велики в этих королях, что они и поныне могли бы служить образцами хороших народных правителей. Достаточно прочесть письма Кассиодора и даже историю Прокопия, который был, однако, врагом готов. Названные властители также ни в чем не изменяли установленные должности, законы и обычаи римлян, и то, что иными рассказывается о непонимании готами истинной красоты, есть просто детская болтовня. Императору Юстиниану почастливилось больше, чем готским королям, но если справедлива хоть половина того, что сообщает нам в своих писаниях Прокопий, надо признать, что эти готы далеко превосходили императора в доблестях». «Римляне, — говорит далее Муратори, — добивались смены своего властителя; они действительно достигли этого; но они заплатили за исполнение своего желания теми неизмеримыми потерями, которые принесла с собой эта продолжительная война, и, что было еще хуже, эта перемена властителя ввергла Италию в бездну бедствий и немного лет спустя привела страну к полной гибели».

В течение всех Средних веков и до Новейших времен, когда наука уже давно была вновь призвана к жизни, в Риме держалось бессмысленное поверье, что готы разрушили город. Какие изумительные басни ходили об этом, свидетельствуют рисунки римского скульптора Фламиния Вакка, относящиеся еще к 1594 г.; в истории города должны быть отмечены некоторые из них как удостоверение незнания римлянами судьбы их памятников. Взирая на развалины древнего города и не зная того, что памятники древности разрушены не столько временем, сколько дикими баронами Средних веков и некоторыми папами, римляне помнили, по преданию, только одно, что готы долго владычествовали над Римом, много раз ходили на него

приступом, брали его и грабили. Видя в большей части древних сооружений, в триумфальных арках и в особенности в громадных стенах Колизея бесчисленное множество дыр и не имея возможности объяснить их происхождение, римляне полагают, что эти дыры были сделаны готами, когда они выламывали камни или, что казалось римлянам еще правдоподобнее, когда готы вытаскивали бронзовые скобы. Во времена Вакка в Риме даже показывали так называемые готские топоры, которыми будто бы готы разбивали статуи; наивный художник рассказывает, что однажды в местности, где находится храм Кайя и Люция, прозванный народом Галлуци, были найдены два топора: «На одном конце у них было утолщение, на другом — лезвие алебарды; я думаю, что это было оружие готов; лезвие служило готам в сражении, чтобы рубить щиты у врага, а утолщенным концом они разрушали древние памятники».

Фантазии римлян в то же самое время удалось открыть даже могильные урны тех готов, которые пали при осаде Рима Витигесом. Когда однажды было найдено у ворот S.-Lorenzo множество саркофагов из гранита и мрамора, их признали за готские, так как они были плохой работы. «Я думаю, — говорит тот же художник, — что они относятся к тому времени, когда несчастная Италия была под властью готов, и мне помнится, я читал, что готы у этих ворот потерпели большое поражение. Возможно, что найденные саркофаги принадлежали военачальникам, которые пали при штурме и были погребены, согласно их желания, на том месте, где они погибли».

Так же наивна была державшаяся до позднего времени между римлянами уверенность в том, что готы не только схоронили многие сокровища в городе, но отметили даже места, где скрыты были эти богатства; и будто бы потомки готов знали обо всем этом. Невежество было так велико, что еще в конце XVI века верили тому, что готы все еще где-то живут, тайно приходят в Рим и усердно роются в земле, чтобы достать сокровища, спрятанные их предками, как это в действительности делали некоторые кардиналы. С редкой наивностью рассказывает об этом Фламинио Вакка:

«Несколько лет назад я отправился осматривать древности. Мне случилось быть у ворот Сан-Бастиано у Capo di Bove (памятник Цецилии Метеллы). Так как шел дождь, то я вошел в небольшую остерию; сидя там, я вступил в беседу с хозяином, и он рассказал мне, что несколько месяцев назад к нему зашел какой-то мужчина; вечером этот мужчина и с ним еще трое пришли ужинать и затем ушли; трое сопровождавших первого не говорили ни слова; так являлись они три вечера подряд. У хозяина возникло подозрение, что эти люди замышляют что-то недоброе, и он решился проследить за ними. После ужина незнакомцев он пошел за ними и благодаря тому, что светила луна, мог проследить их до известных гротов в цирке Каракаллы (Максентия), куда они вошли. На следующее утро хозяин сообщил обо всем суду, который тотчас приступил к розыскам. Оказалось, что в названных гротах вскопано очень много земли и выкопана большая яма, в которой лежали черепки глиняных ваз, только что разбитых; в выкопанной же земле были найдены спрятанными железные инструменты, которыми производилась раскопки. Мне захотелось убедиться в справедливости рассказа, так как место, о котором шла речь, было недалеко. Я отправился туда и увидел вскопанную землю и черепки ваз в виде трубок. Полагают, что люди эти были готы и что они нашли сокровища с помощью известных им древних знаков».

Другой рассказ такой:

«Я помню, что при Пие IV в Рим явился один гот с очень старинной книгой, в которой говорилось о сокровище. Место, где оно было скрыто, было обозначено

барельефом, изображавшим змею и какую-то фигуру; с одной стороны фигура держала рог изобилия, а с другой указывала на землю. Гот производил свои розыски до тех пор, пока не нашел изображения на одной арке; тогда он отправился к папе и просил у него позволения откопать сокровище, которое, по словам гота, принадлежало римлянам. Получив разрешение и от народа, гот стал работать долотом, проник внутрь и сделал как бы дверь; когда же он хотел продолжать работу дальше, римляне стали опасаться, что он разрушит арку, и заподозрили, что он намерен это сделать из злости, свойственной готу. Они верили, что в готах еще живет страстное желание разрушать римские памятники; поэтому римляне прогнали этого гота, и он должен был благодарить Бога, что остался цел. Таким образом затея не привела ни к чему».

Эта и другие подобные небылицы — вот все, что сохранили римляне в своих воспоминаниях о славном владычестве готов и их заботливом отношении к древностям Рима; но мы увидим, что варварское невежество города дошло в Средние века до того, что туман вымысла окутал даже образы Цезаря, Августа и Виргилия.

ГЛАВА VII

1. Вторжение полчищ Буцелина и Левтара в Италию, истребление их. — Триумф Нарзеса в Риме. — Капитуляция готов в Компсе. — Состояние Рима и Италии после войны. — Прагматическая санкция Юстиниана. — Большое значение римского епископа. — Сенат. — Общественные учреждения. — Смерть папы Вигилия. — Папа Пелагий, 555 г. — Его очистительная клятва

Победа Нарзеса не была окончательной. Огромные толпы варваров внезапно устремились в несчастную Италию и грозили похоронить Рим в развалинах. Уже Тейас, прельщая франков добычей и сокровищами Тотилы, старался убедить их вторгнуться в Италию; еще настойчивее призывали их готы верхней Италии. Истерзанная долгой войной и всякими бедствиями, Италия казалась завоевателям добычей, оставленной без всякой защиты. 70 000 алеманнов и франков под предводительством двух братьев, Левтара и Буцелина, спустились через Альпы и прошли по верхним провинциям, производя всюду страшные опустошения. Слабые греческие отряды могли оказать им лишь незначительное сопротивление. Нарзес поспешил из Равенны в Рим и провел здесь зиму 553—554 г.; только благодаря этому варвары не решились идти на Рим. Избегая области, занятые Нарзесом, они вторглись в Самниум и разделились тут на два отряда. Левтар направился вдоль Адриатического моря до Отранто; Буцелин опустошал Кампанию, Луканию и Бруттию до Сицилийского пролива.

Эти толпы жадных разбойников быстро проходили по Южной Италии и предавали все разрушению с неистовством, которое ничем не сдерживалось. Зрелище таких разбоев приводит историка в ужас, так как ими понижается наше представление о человечестве; нам кажется, как будто перед нами одно из страшных явлений природы. Этот поход варваров, окончившийся бесследным их уничтожением, сходен с переселением саранчи или крыс в жаркие страны. К концу лета 554 г. Левтар со своими толпами, нагруженными добычей, уже вернулся к По, но здесь и он, и все его войско погибли от чумы; Буцелин, повернув у Реджио, приблизился к Каппуе и у Таннета, при реке Казилине или Вультурне, встретил Нарзеса, шедшего из Рима. Произошло такое же убийственное сражение, каким было сражение Мария с

кимврами и тевтонами, и густые толпы полуголых варваров не устояли перед воинским искусством греческих ветеранов. Греки убивали варваров, как скот, так что едва пять человек из них могли спастись бегством.

Таким образом Нарзес явился действительным освободителем Италии; истребление полчищ варваров дало ему право на признательность современников в большей мере, чем это могло быть достигнуто войной с готами. Переселение народов, приостановленное Теодорихом, началось вновь, как только пало благоустроенное государство, управлявшееся по римским установлениям. Нагруженное роеной добычей убитых, награбленным добром Италии, греческое войско, ликуя, направилось в спасенный Рим, и улицы пустынного города засверкали блеском последнего триумфа, виденного римлянами. Торжественное шествие увенчанного лаврами Нарзеса свидетельствовало о победе в Италии над германскими народами, от власти которых эта страна оказывалась теперь снова свободной. Под скипетром императора Византии снова восстанавливалось единство Римской империи, так же как восстанавливалось и единство католической церкви, победившей арианство. Подобно древним римским триумфаторам, Нарзес имел право в своем триумфальном шествии проследовать к Капитолию; но некогда чтимый Капитолий представлял уже только разрушение, утратил свой внутренний смысл и был местом таких воспоминаний, которые вызывали в христианах один лишь ужас. Такое же впечатление производил сенат, состоявший из небольшого числа одетых в тогу патрициев, которые, как бледная тень прошлого, приветствовали Нарзеса у ворот города. Благочестивый внучек направился через пустынный Рим к базилике Св. Петра и на ступенях ее был встречен духовенством с пением гимнов, с распятием и фимиамом. Здесь Нарзес с молитвой преклонился перед ракой с мощами апостола; воины же Нарзеса, щедро награжденные и располагавшие богатой добычей, не замедлили отдаться распутным наслаждениям, «сменив железный шлем и щит на кубок и лиру». Однако полный смирения вождь, привыкший все свои победы приписывать молитве, — так, по крайней мере, свидетельствуют о нем, воздавая ему похвалу, священники, — созвал свои войска, убеждал их блюсти умеренность и благочестие и потребовал, чтобы они обуздали свое влечение к распутству непрерывными военными упражнениями. Еще одна последняя битва ждала греков: 7000 готам, союзникам разбитых алеманнов, удалось спастись от общей гибели, и они укрепились в замке Компса, или Кампса, где под предводительством гунна Рагнариса оказывали упорное сопротивление, пока, наконец, тоже не сдались Нарзесу в 555 г.

Изложив историю этой долгой и ужасной войны из-за обладания Италией, посмотрим, какими последствиями отразилась она на тогдашнем состоянии города Рима. В короткий промежуток времени город был пять раз опустошен и пять раз покорен; его население целыми толпами погибало от голода, войны и чумы. Нечкогда изгнанное готами из города, оно позднее вернулось в него, но уже не в прежнем числе и для того, чтобы снова подвергнуться случайностям войны. Мы не можем сказать определенно, как велико было число жителей в Риме по окончании войны; но если мы допустим, что это число доходило до 30 000—40 000, мы скорее преувеличим его, так как Рим ни в какое другое время и даже в эпоху так называемого пленения пап в Авиньоне не доходил до такого упадка и не был в таких бедственных обстоятельствах, как по окончании готской войны. Все гражданские условия владения собственностью, семейных отношений и общественной жизни были нарушены и стали неузнаваемы. Все те драгоценные предметы древности, которые, ускользнув от внимания вандалов и готов, оставались еще в частных руках, исчезли окончательно, когда город стал

жертвой бедствий осады и лихонимства греков. Оставшиеся в живых римляне могли унаследовать от своих предков едва ли что-нибудь больше опустошенных жилищ с голыми стенами или права собственности на отдаленные имения и на поля близкой Кампаньи, которая уже с третьего века приняла вид безлюдной дикой пустыни.

В таком же состоянии, как Рим, находилась вообще вся Италия. Мы не будем описывать этого состояния и только скажем вместе с историком той эпохи, что ум человеческий не находит в себе сил представить себе даже мысленно всю эту изменчивость счастья, весь этот ряд разрушений городов и истреблений народов. Италия была покрыта трупами людей и развалинами зданий от Альп до Тарента; голод и чума, следовавшие за войной, обращали страну в пустыню. Прокопий думал было сосчитать число погибших в греческие войны, но пришел в отчаяние, найдя, что это значило бы считать песчинки на дне морском. Он определяет для Африки число погибших в пять миллионов, а так как Италия была в три раза больше этой провинции, бывшей раньше вандальской, то Прокопий полагает, что и потеря людей в Италии была гораздо значительнее. Хотя этот расчет следует считать преувеличенным, потому что в Италии того времени едва ли было более пяти миллионов населения, но отсюда, очевидно, следует, что погибла по крайней мере третья часть населения.

Ужасной готской войной были навсегда погублены древние формы жизни как в Риме, так и во всей Италии. В сожженных, опустошенных и разрушенных городах свидетелями древнего величия оставались только одни развалины. Таким образом, приращение сивилл сбылось. Глубокая ночь варварства одела своим мраком разрушенный латинский мир, и в этом мраке не было видно другого света, кроме мерцающего огня свечей в церквах да одинокого света рабочей лампы погруженного в свои думы монаха в монастыре.

Для установления порядка во внутреннем устройстве Италии Юстиниан по просьбе папы Вигилия издал 13 августа 554 г. прагматическую санкцию, знаменитый эдикт, состоявший из 27 глав. Воссоединяя Италию с восточной империей, Юстиниан подтверждал все эдикты, которые были изданы Аталарихом, его матерью Амалазунтой и даже Теодатом; таким образом, династия Амалов оказалась признанной; но все акты Тотилы Юстиниан объявлял недействительными. Все затруднения, возникавшие в отношении пользования имущественными правами, должны были быть устранены; собственность беглецов должна была охраняться от притязаний похитителей чужого имущества; договоры, заключенные во время осады города, предлагалось твердо соблюдать. 19-й главой санкции папе и сенату предоставлялось установить меру и вес для всех провинций Италии. Отсюда можно заключить, с одной стороны, что власть папы была велика и распространялась на гражданские дела, а с другой — что сенат в Риме еще существовал. С этого времени папа уже стал принимать влиятельное участие в управлении и юрисдикции Рима, что вообще допускалось законодательством Юстиниана для епископов в городах. Отныне епископы уже не ведали один только суд над духовными, но имели также надзор и над всеми императорскими чиновниками и даже над самим верховным судьей провинции (*judex provinciae*); точно так же епископы вмешивались в управление городами, так как выбор дефензоров и *patres civitatis* зависел больше от епископов, чем от высших лиц в городах. Юстиниан облек епископов во всех городах Италии авторитетом законной власти, и обусловленное этим влияние епископов на все стороны гражданского управления привело мало-помалу к владычеству пап в Риме.

Что касается сената, то мы ничего не знаем о нем; менее всего может служить доказательством восстановления сената то обстоятельство, что император старался восполнить потери в рядах сенаторов выборами новых членов сената из плебейских фамилий, на что указывают те историки, которые стараются доказать, что римский сенат продолжал существовать во все последующие века. В Риме еще сохранялись кое-какие следы государственного управления; с утратой всякого политического значения это управление продолжало некоторое время ведать дела и юрисдикцию города под руководством префекта города, но затем оно уступило место императорским магистратам. Юстиниан предоставил сенаторам полную свободу оставаться всюду, где они пожелают, и не препятствовал им ни уходить в их опустошенные имения в провинциях Италии, ни перекочевывать ко двору в Константинополь, что естественным образом предпочли сделать многие из сенаторов.

В той же прагматической санкции есть установления, имеющие в виду обеспечить Риму благополучие; но эти установления в действительности были, вероятно, только одними благопожеланиями. Глава XII предписывает на будущее время восстановить общественную раздачу съестных припасов народу (аннона), производившаяся Теодорихом (Юстиниан сам восхваляет себя за нее, хотя Прокопий обвиняет его в противном), и впредь даже уплачивать обычное жалованье грамматикам и ораторам, врачам и юристам, «дабы обучение юношества свободным искусствам процветало в римском государстве».

Это установление Юстиниана восстанавливало таким образом тот эдикт Аталариха, которым предписывалось уплачивать по-прежнему профессорам грамматики, красноречия и права их гонорары из государственной казны. Установленная императором Адрианом уплата этого жалованья прекратилась, когда империя пала. Мы, однако, имеем достаточные основания усомниться в том, что добрые намерения Юстиниана были когда-либо приведены в исполнение. При глубоком упадке как общественной, так и частной жизни, — школы, еще процветавшие во времена Теодориха, должны были точно так же погибнуть, и едва ли кому случалось тогда слышать голос какого-нибудь оратора или грамматика в древнем Атенеи или в аудиториях Капитолия. Латинская наука умерла. Римская аристократия, которая при последних императорах и даже еще при первых готских королях усердно отдавалась изучению наук, хотя и без большой для них пользы, — эта аристократия была истреблена. Хранители классического образования, последние меценаты римской науки и римского искусства, умерли или исчезли бесследно. Скорбное чувство овладевает нами, когда мы видим перед собой образы последних римлян древних и знатных фамилий, погибавших насильственной смертью или кончавших свою жизнь в неизвестности. С их исчезновением прервалась преемственность латинской культуры; этими последними римлянами были Фауст, Авиев, Фест, Проб, Цетег, Агапит, Турций Руфий, Симмах, Боэтий и Кассиодор. Своим удалением в монастырь великий муж Кассиодор как бы свидетельствовал о том безотрадном факте, что отныне только церковь представляет убежище, где могут быть спасены остатки языческой литературы. Как вместе с готским государством исчезли учителя, школы и науки, так с ним же погибли и роскошные библиотеки. Среди тех страшных катастроф, которым подвергался Рим, не могли ни в каком случае сохраниться ни те многочисленные собрания книг, которые перечисляются еще в Notitia urbis Палатина и Ульпия, ни частные библиотеки во дворцах патрициев, какие были, например, у Боэтия и Симмаха. И точно так же, как в Риме, истребительной войной готов и византийцев были уничтожены во всей Италии сокровища древней литературы, и уцелело только то немногое, что удалось собрать и спасти монастырям ордена бенедиктинов, по счастью, вскоре возникшим.

Общественным сооружениям Рима был также уделен Юстинианом один параграф санкции. Мы повелеваем, так гласит этот параграф, по-прежнему исполнять обычные повинности в отношении города Рима и соблюдать его привилегии и, будет ли то восстановление общественных зданий, или исправление русла Тибра, или благоустройство рынка, гавани или водопроводов, производить все это только за счет назначавшихся на то средств.

Юстиниан имел в виду дать прочный порядок также и церковным делам в Риме. В отношениях Востока к Западу или Византии к Риму эти дела являлись самыми важными. С падением готского государства римский епископ много выиграл в своем положении: арианская ересь была побеждена; самостоятельное королевство в Италии уничтожено; значение самого епископа в городе было усилено установлениями Юстиниана; и, наконец, гибель древнеримского патрицианства также открывала поле действий римскому епископу и духовенству. Утрата всякой политической доблести и мужества, а также полная остановка научного движения были условиями, благоприятствовавшими могуществу духовенства, которое всегда приобретает власть над миром только в такую эпоху, когда человеческая мысль поражается смертью и литература находится в полном упадке. Среди обломков древнего государства римская церковь стояла одна незыблемо, и одна она была одарена жизненной силой; все же окружающее представляло только пустыню. О той независимости, которой пользовалась церковь при кротком и бережливом владычестве ариан-чужеземцев, она могла скорбеть лишь как о кратковременной утрате. При готах церковь была свободна. Но уже во время войны она поняла, какое положение в отношении к ней решил занять император, и когда оружие было положено и Рим, как провинциальный город, оказался под военным игом Византии, церковь шла навстречу неизвестному будущему, готовая к борьбе. Эта борьба была вызвана частью вопросами теологического свойства. Неспokoйный и софистический дух Востока, где еще не вполне смолкла греческая философия, не переставал оспаривать господствовавшие догмы и создавать новые философемы. Другим обстоятельством, приведшим к борьбе, было отношение церкви к государственной власти. Византийские императоры брались за теологические вопросы не столько из страсти к ним, сколько потому, что это вмешательство давало возможность держать церковь в подчинении императорской власти. В лице Юстиниана, единственное великое значение которого заключается в том, что он при посредстве своих юристов завершил римское законодательство, императорская деспотия снова достигла ужасающей степени, и последующие затем века представляют замечательное зрелище борьбы свободной церкви Запада, которую олицетворял Рим, с идеей языческого абсолютного государства, воплотившейся в Византии.

Призвав Вигилия в Византию, Юстиниан отправил его и сопровождавших его пресвитеров или кардиналов в ссылку на один из островов Пропонтиды; теперь настроенный примирительно Юстиниан уступил просьбам римского духовенства, которое через Нарзеса ходатайствовало об освобождении своего епископа и позволил изгнанникам вернуться в Рим, когда Вигилий признал правильными решения пятого собора в Константинополе. На возвратном пути Вигилий, однако, умер в Сиракузах в июне 555 г.

Время правления этого папы, достигшего Св. престола вероломством и преступлениями, останется памятным навсегда, так как при Вигилии пал Древний Рим. О самом Вигилии в городе напоминает единственно только одна надпись, в которой стихами оплакиваются опустошения, произведенные готами в церквях и на кладбищах.

Через несколько месяцев после того на престол Петра взошел диакон Пелагий, римлянин по рождению и самый выдающийся по своим способностям муж среди римского духовенства. Избран был Пелагий по приказанию Юстиниана; римляне должны были беспрекословно подчиниться этому приказанию. Однако значительная часть духовенства и знати (книга пап уже не упоминает больше о сенате) отказалась иметь какие-либо сношения с Пелагием, так как подозревала, что он был соучастником в смерти Вигилия. Чтобы очистить себя от такого подозрения, вновь избранный папа устроил торжественную процессию. Имея возле себя патриция Нарзеса и сопровождаемый пением гимнов, Пелагий прошел из церкви Св. Панкратия в церковь Св. Петра; здесь он поднялся на кафедру и, держа в руке Евангелие, а крест положив на голову, произнес перед всем народом клятву, которой удостоверяя свою невинность. В ужасное время принял на себя Пелагий папство и заботу о несчастном, почти вымершем городе! Нищета в Риме достигла таких размеров, что Пелагий принужден был обратиться к епископу Арля, Сапауду, с просьбой о присылке денег и платья: «Нищета в городе так велика, что на людей, которых мы некогда знавали людьми благородного происхождения и состоятельными, теперь нельзя смотреть без сердечной боли и душевного сокрушения».

2. Пелагий и Иоанн III строят церковь апостолов в округе Via Lata. — Упадок Рима. — Две надписи, как памятники Нарзеса

Пелагий начал строить прекрасную церковь апостолов Филиппа и Иакова, но умер в 560 г., не закончив постройки, и церковь была достроена уже при его преемнике, римлянине Иоанне III Кателине. Это та самая церковь, которая называется по имени 12 апостолов или, вернее, та, место которой занимает новая церковь, возведенная Климентом XI в 1702 г., так как от первоначальной церкви уцелели только шесть древних колонн. Церковь эта имела значительную величину и была украшена мозаикой и живописью. Так как она была построена на Via Lata книзу от терм Константина, то возникло ошибочное мнение, будто первоначально она была устроена этим императором, Пелагием же была только возобновлена. Весьма вероятно, что на постройку церкви пошел материал из названных терм, которые должны были представлять в то время развалины, и для Нарзеса тем менее было оснований опасаться дать разрешение на пользование материалом из терм, что последние вообще не могли уже служить после того, как водопроводы были разрушены.

В ту пору невозможно было построить базилику, не пользуясь камнями и колоннами древних зданий, и только таким образом может быть объяснено сооружение церкви в эту эпоху полного обнищания. Но совершенной басней позднейшего происхождения является утверждение, будто бы Нарзес позволил взять для этой церкви колонны с форума Траяна и даже отдал новой базилике в вечный дар саму колонну Траяна. Непосредственная близость форума Траяна могла послужить основанием к такой басне; но принесение в дар церквям выдающихся древностей еще не было тогда в обычае. Обе великие императорские колонны с течением времени, как и многие другие великолепные памятники, стали, конечно, собственностью городских церквей. В 955 г. Агапит II утвердил колонну Марка Аврелия за монастырем S.-Silvestro in Capite, а колонна Траяна, несомненно, принадлежала еще раньше 1162 г. церкви S.-Nicolai ad Colunnam Trajanam, которая была построена возле этой колонны в то время, когда великолепный форум уже представлял из себя развалины. Но эта капелла была одной из восьми церквей, подчиненных базиликам, построенным Пелагием.

Базилику апостолов, воздвигнутую по воле Нарзеса, следует признать памятником освобождения Италии от готов и от их арианской ереси. Возможно, что Иоанн III возвысил эту базилику на степень кардинальского титула. Иоанну же приписывают и буллу, которую определялась область, соответствующая этой церкви; булла эта была подтверждена Гонорием II в 1127 г. Однако этот документ носит все следы XII или XIII века.

Неустанная ревность в постройке церквей скоро стала единственной формой общественной деятельности в Риме. Частные дома и здания, служившие целям гражданской жизни, приходили в упадок, число же украшенных золотом храмов все росло. Но как сами храмы возникали только за счет хищения и разорения всего, что составляло древнее величие Рима, так точно и постройка жилищ гражданами, всякая необходимая поправка общественных и частных зданий могли производиться только из того материала, который имелся в древних памятниках, оставленных без заботливого надзора.

И Древний Рим начал все быстрее и быстрее приходить в разрушение. Охраной римского государства и самого города еще были озабочены готы; когда же они погбли, пали с ними вместе и государство, и город. В народе, одолеваемом бедствиями и утратившем почти всех своих славных патрициев, исчезли последние следы сознания римского величия и древнего благоговения к Риму. Этого благоговения Византия не чувствовала к Риму, епископ которой вскоре возбудил к себе в восточной церкви зависть и ненависть. Напрасно мы будем искать указаний на то, что обещания, данные городу Юстинианом в прагматической санкции, были действительно выполнены. Чтобы облегчить реставрацию города, Юстиниан дал разрешение даже каждому частному лицу производить нужные поправки в городе на свои собственные средства. Но кому же под силу было охранять храмы, термы и театры? И где же были начальствующие лица, которые, как при Майориане и Теодорихе, строго наблюдали бы за тем, чтобы сооружения древних не служили просто источником строительного материала.

История города с окончанием готской войны и за все время наместничества Нарзеса остается скрытой в глубоком мраке. Не отмечено ни одного здания, восстановлением которого город был бы обязан Нарзесу. Сохранились только две надписи как памятники так называемого освобождения Рима Нарзесом. Они находились на Саларском мосте через р. Аниен, который был сброшен Тотилой в реку и восстановлен Нарзесом в 565 г. Напыщенный, хвастливый тон надписей наряду с незначительностью работы, которую предстояло сделать — перекинуть маленький мост через небольшую реку является характерной чертой той эпохи:

«В царствование государя нашего, благочестивейшего и всегда победоносного Юстиниана, отца отечества и августа, на 39-м году его правления, Нарзес, знаменитый муж, экс-препозит священного дворца, экс-консул и патриций, после победы над готами, когда короли их с изумительной быстротой, в открытом бою были одолены и низвергнуты и свобода была вновь возвращена городу и всей Италии, очистил русло реки и возобновил разрушенный презренным тираном Тотилой мост саларской дороги, причем привел его в лучший, чем прежде, вид».

На том же мосту взывали к проходящим стихи — плод вдохновения какого-нибудь поэта того времени: «Взгляните, как прекрасна линия изогнутого сводом моста, воссоединяющего прерванный путь. Станем над быстрыми волнами бегущего внизу потока и прислушаемся к веселому шуму бушующей воды. Идите же, квиристы, спокойно навстречу радостям, и пусть повсюду раздается хвала, поющая Нарзеса. Кто мог покорить непреклонный дух готов, тот сумел заставить и водный поток идти под каменным игом».

3. Нарзес попадает в немилость. — Он удаляется в Неаполь, но по просьбе папы Иоанна возвращается обратно в Рим. — Смерть Нарзеса, 567 г. — Объяснения похода лангобардов в Италию. — Альбоин основывает государство лангобардов в 568 г. — Возникновение экзархата. — Греческие провинции Италии. — Управление Рима

Свои последние годы Нарзес провел в Риме, живя во дворце цезарей. Однако летопись его деятельности в Италии как патриция и наместника императора очень темна и ограничивается отрывочными отчетами о войнах с франками и остатками готов; между тем чума опустошала запад уже с июня 542 г. С глубоким мраком, окутавшим историю десятилетий, следовавших за падением готов, вполне гармонируют ужасы переворотов, которые происходили в это время в природе. В Риме и во всей Италии господствовали моровые болезни, землетрясения, бури и наводнения. И даже конец жизни увенчанного славою победителя готов освещен колеблющимся, сомнительным светом и, так же как смерть Велизария, известен только из легенды.

Завоевателем Рима и Италии, когда он наслаждался миром, по-видимому, овладела старческая страсть накопления богатств. Про него говорили, что он накопил горы золота, и рассказывали, будто бы в одном итальянском городе он скрыл в колодезе такую кучу сокровищ, что после его смерти пришлось вынимать их из колодеза в течение нескольких дней. Богатства Нарзеса, как повествует предание, возбуждали зависть в развращенных римлянах; однако более вероятно будет предположить, что имели значение в этом отношении не столько богатства Нарзеса, сколько византийский военный деспотизм, тягость налогов, алчность греческих кровопийц, вмешательства в дела церкви и оскорбления, наносимые латинской национальности. Все это римляне должны были находить невыносимым и временами горько сожалеть, что не готы господствуют над ними. Не имея возможности поколебать положение Нарзеса при жизни Юстиниана, римляне пытались свергнуть его, когда в 565 г. императором стал Юстин Младший. Падение Нарзеса вполне объясняется господством фаворитов при византийском дворе. В Византии опасались также могущества, которого достиг Нарзес в Италии, и желали завладеть его богатствами. Римляне предъявили Юстину и его жене Софии обвинения против Нарзеса; при этом они смело и правдиво писали: «Нам было лучше служить готам, чем грекам, когда управляет нами евнух Нарзес и давит нас рабством. Благочестивейший государь наш ничего не знает об этом; освободи нас от него, или мы предадим город Рим варварам». После шестнадцати лет наместничества в Италии в 567 г. Нарзес был отозван из Италии императором Юстином.

Рассказывали, что Нарзес удалился из Рима в Кампанию, когда услышал, что на его место в Италию послан Лонгин. Вернуться в Константинополь Нарзес не отважился и решил не подчиняться приказу, так как ему была известна угроза императрицы Софии, обещавшей одеть его в женское платье и заставить вместе с женщинами пряхть шерсть. Предание рассказывает, будто бы Нарзес ответил императрице, что он спрядет ей такую нитку, которую они не распутают во всю свою жизнь, а затем будто бы отправил к лангобардам в Паннонию посольство звать их в Италию, причем в доказательство богатства страны послал, кроме разных ценных вещей, лучшие плоды.

Удаление разгневанного наместника в Неаполь испугало римлян. Они стали опасаться его мести, но папа Иоанн поспешил к Нарзесу, чтобы вернуть его в Рим. «Святой отец, что дурного сделал я римлянам? — с такими словами обратился Нарзес к папе. — Я паду к ногам того, кто послал меня, и пусть вся Италия узнает, как я

старался для нее изо всех сил». Папе удалось успокоить и вернуть в Рим престарелого наместника. Сам папа поселился на церковном дворе Св. Тибуртия и Валеряна, где он посвящал в епископы, а Нарзес занял дворец цезарей, но очень скоро после этого умер здесь, подавленный горем. Его тело было положено в свинцовый гроб и отвезено вместе с сокровищами, которые принадлежали умершему, в Константинополь. Так повествует обо всем этом древняя книга пап, а также черпающий в ней сведения Павел Диакон. Но Агнелль говорит следующее: патриций Нарзес умер в Риме, во дворце Италии, на 95-м году своей жизни, после того, как одержал многие победы в Италии и совершенно ограбил римлян. В этом свидетельстве возраст Нарзеса несомненно преувеличен, так как маловероятно, чтобы старец почти 80 лет мог завоевать Италию при таких трудных условиях. Смерть его следует отнести к 567 г. Книга пап, правда, допускает, что Нарзес умер в одно время с папой Иоанном, т. е. в 573 г., и, по-видимому, с этим согласен также Агнелль; но нет правдоподобия как в том, что отставленный наместник мог спокойно прожить в Риме еще шесть лет, так и в том, что римляне, уже теснимые лангобардами, противились приказам императора и нового экзарха, удерживая у себя Нарзеса и его богатства.

Есть некоторые основания усомниться в справедливости утверждений латинских летописцев, будто бы Нарзес призывал лангобардов в Италию. Конечно, уже сама по себе страна должна была казаться герцогу Альбоину в высшей степени заманчивой: ее климат и плодородие были давно известны всем варварам; под начальством Нарзеса служили и сражались с готами толпы лангобардов, и они хорошо знали, что Италия и греческое государство слабы. Призыв лангобардов греческим полководцем был бы великой изменой, но не был бы исключительным фактом. Мы видим то же в истории Бонифация, который в подобных условиях призвал вандалов в Африку; Нарзес легко мог поддаться чувству мести, так как к концу своей жизни увидел, что римляне его ненавидят, а в Константинополе не чувствуют к нему благодарности. С лангобардами Нарзес был в дружеских отношениях, и мечта об отмщении, которого он достиг бы, призвав лангобардов, могла и не найти большого противовеса в патриотических чувствах византийца. Скорее Нарзес должен был отказаться от мысли о таком отмщении потому, что гордился тем, что завоевал Италию, и, наконец, потому, что был очень религиозен, что ставится ему в великое достоинство всеми историками. Очевидно, эта религиозность была причиной того, что Нарзес уступил просьбам папы Иоанна и вернулся в Рим. Но, как бы ни было в действительности дело, Нарзес умирал в трагическом разладе с самим собой и со своей прошлой деятельностью в Риме, видя, что лангобарды уже поднялись из своей Паннонии, следуя тому влечению, которое направляло варварские народы к Средиземному морю и к центру культурной жизни. Если население Италии было малочисленно уже тогда, когда в нее вступали готы, то эта страна после долгих войн готов с Византией окончательно представляла совершенную пустыню, и лангобарды могли заселять ее так же беспрепятственно, как с конца VI века греческая земля была свободно заселена славянами.

Король-варвар Альбоин явился завоевателем в Северной Италии уже 1 апреля 568 г. Предводительствуя своим многочисленным народом, лангобардами и толпами жадных на добычу гепидов, саксов, свевов и болгаров, Альбоин вторгся в равнину По и разбил здесь войска греческого императора. В продолжение трех лет пришлось Альбоину осаждать Павию, после чего он вступил в нее как в столицу своего лангобардского государства. В то же время крепкая Равенна, служившая резиденцией первым германским королям как преемникам римских императоров, оставалась столицей греческой Италии и местом пребывания ее правителя, экзарха. Таким образом, непосредственно вслед за падением готов основалось в Северной

Италии второе германское королевство, существование которого длилось несколько веков. Страна же по р. По доныне зовется страной Лангобардов (Ломбардия).

Прежде чем перейти к дальнейшей истории города, мы закончим эту книгу, сказав о том положении, в котором оказывался Рим с возникновением нового учреждения — экзархата.

Преемник Нарзеса Лонгин, прибывший в Равенну раньше, чем вторглись в Италию лангобарды, принял управление Италией с титулом экзарха, по примеру провинции Африки, которая также управлялась экзархом. Лонгину приписывают полную перемену управления Италией и утверждают, будто бы он вообще дал новую форму этому управлению, упразднив установленные со времени Константина должности консуларов, корректоров и президентов провинций. Но наши сведения об этом новом устройстве Италии очень темны. Со времен Константина Великого Италия делилась на семнадцать провинций, которые поименованы в *Notitia* так: Венетия, Эмплия, Лигурия, Фламиния и Пиценум Аннонариум, Тусция и Умбрия, Пиценум Субурбикариум, Кампанья, Сицилия, Апулия и Калабрия, Лукания и Бруттиум, Коттийские Альпы, Ретия первая, Ретия вторая, Самниум, Валериум, Сардиния, Корсика.

Все эти провинции управлялись консуларами, корректорами и президентами, причем семь северных провинций были подсудны викарию Италии, а десять южных — викарию города Рима, и все вместе провинции были подчинены преторианскому префекту Италии. Готские короли не изменяли этого порядка устройства провинций, и Лонгин никаким образом не мог упразднить его. С появлением Лонгина в Италии вышеназванные титулы могли исчезнуть, но провинции оставались по-прежнему. С вторжением лангобардов административные реформы Лонгина получили уже особое местное значение. Новые пришельцы не переставали раздвигать границы своих завоеваний то в одном, то в другом месте, разрывали взаимную связь между провинциями и уничтожали единство Италии; таким образом владения императора приняли вид отдельных герцогств (*ducatus*), как Венеция, экзархат в более тесном смысле, Рим и Неаполь.

Заступив на место префекта Италии, экзарх сосредоточил в себе высшую власть во всех военных и политических делах. Прежде всего экзархатом сохранялось то, что было введено уже Константином и удержано готами: отделение гражданской власти от военной. В провинциях были учреждены, с одной стороны, провинциальные судьи, *judices*, надзор за деятельностью которых был возложен на епископов, а с другой — военные начальники, которые в больших городах назывались *duces* или *magistri militum*, а во второстепенных городах — *tribuni*. Ничем, однако, не доказано, что Лонгин уничтожил централизацию в провинциях и поделил их на настоящие герцогства, т. е. на более или менее значительные города с прилегающими областями, и что эти герцогства стали так называться по имени их военных начальников (*duces*). С уверенностью можно утверждать только одно: с ослаблением центральной власти вообще и с отделением провинций друг от друга вследствие завоевания их лангобардами города начали обособляться в своей политической жизни, значение же их епископов все более и более возрастало.

Что касается собственно города Рима, условия существования которого и составляют только предмет нашего изложения, то достоверно известно, что Лонгин ни в чем не изменил высшего гражданского управления Рима: по-прежнему в городе оставался префект. Утверждение, будто Лонгин совершенно упразднил сенат и консулов, имена которых будто бы сохранились до него, совершенно голословно. Древние консулы государства уже не существовали; звание экс-консула сохранялось в течение всего VI века как в Риме, так и в Равенне, и даже продавалось, а

бессодержательное имя сената встречается еще в 579 г., когда упоминается о посольстве сенаторов Древнего Рима, явившемся к императору Тиверию с просьбой о помощи против лангобардов. Общераспространенное мнение, далее, такое: в политическом отношении Рим управлялся герцогом (*dux*), который назначался экзархом, и от имени герцога произошло название *Ducatus Romanus*. Нельзя сомневаться в том, что обыкновенно экзарх, а иногда и сам император назначали в Рим высшего правителя, на которого ближе всего возлагалась воинская власть. Но пределы власти этого чиновника неизвестны, и мы заключаем, что этот чиновник назывался также и в Риме *dux* только потому, что титул этот был общеупотребителен в городах и местечках.

Но о герцоге (*dux*) Рима в течение всего VII века не говорится нигде, между тем как герцоги Сардинии, Неаполя, Римини, Нарни, Неппи и др. называются часто; о герцоге Рима не упоминается ни одним словом даже там, где всего более можно было бы надеяться найти его имя, а именно в *Liber Diurnus*, знаменитой формулярной книге римских пап конца VII века, и только после 708 г. книга пап называет герцога Рима и римское герцогство. Но эта книга уже раньше упоминает о *judices*, или чиновниках, которых экзарх Равенны имел обыкновение назначать «для управления городом». Именно в жизни папы Конона (686—687) рассказывается, что архидиакон этого папы надеялся занять папский престол благодаря влиянию *judices*, которых новый экзарх Иоанн назначил в Рим. Отсюда следует заключить, что экзарх назначал в Рим — и вероятно, ежегодно — нескольких чиновников, и на этих императорских *judices*, в числе которых мог быть также и *dux* или *magister militum*, возлагалось прежде всего управление военными и фискальными делами. Но когда явилось понятие «*Ducatus Romanus*», — совершенно неизвестно.

TOM II

КНИГА ТРЕТЬЯ

ОТ НАЧАЛА ПРАВЛЕНИЯ ЭКЗАРХОВ ДО НАЧАЛА VIII ВЕКА

ГЛАВА I

1. Упадок Рима. — На развалинах империи создается римская церковь. — Св. Бенедикт. — Субиако и Монте-Касино. — Кассиодор делается монахом. — Начало и распространение монашества в Риме

С того времени как государство готов пало, античный строй Италии и Рима начал приходить в полное разрушение. Законы, памятники и даже исторические воспоминания — все было предано забвению. Храмы обращались в развалины. В Капитолии, возвышавшемся на опустелом холме, еще сохранялось изумительное собрание памятников государства, самого великого из всех, о которых знает история человечества. В общей своей массе также еще не тронутый императорский дворец, гигантский лабиринт залов и дворов, храмов и тысяч покоев художественной красоты, сверкающих самым редким мрамором и кое-где еще убранных затканными золотом коврами, — дворец этот стал разрушаться и принял вид полного глубокой таинственности всеми покинутого здания. Только небольшую часть этого дворца еще занимал византийский герцог (dux), какой-нибудь евнух двора греческого императора или полуазиатский военачальник с секретарями, слугами и стражей. Величественные форумы цезарей и римского народа были в запущении и отходили в область предания. Театры и огромный Circus Maximus, в котором уже не происходило состязаний в беге на колесницах, — этого наиболее любимого и последнего развлечения римлян, — заваливались мусором и зарастали травой. Амфитеатр Тита был еще цел, но в нем уже не было его украшений; необъятные термы императорских времен, не снабжаемые водой и уже не служившие больше своему назначению, походили на разоренные и покинутые города, повсюду обраставшие плющом. Драгоценная мраморная облицовка стен в термах частью отваливалась сама, частью расхищалась, и точно так же разрушались мозаичные полы терм. В прекрасно разрисованных залах еще стояли купальные кресла из светлого и темного камня и великолепные ванны из порфира или восточного алебастра; но римские священники уносили и те, и другие и обращали их в церковные кресла епископов, в раки мощей святых и в купели крещален. Много, однако, оставалось не тронутым людьми, пока какой-нибудь падавшей стеной и оно не было разрушено и погребено навеки в кучах мусора.

Мы действительно не можем перенестись в душу римлянина времен Нарзеса и пережить те чувства, которые испытывал этот римлянин, когда он блуждал по умиравшему Риму и видел, как разрушаются или уже лежат в развалинах прославившиеся на весь мир памятники древности, бесчисленные храмы, арки, театры, колонны и статуи. Сколько бы мы ни пытались создать картину того опустошения, которому подвергся Рим вслед за постигшей его при Тотиле и составившей целую эпоху катастрофой и затем в первое время господства византийцев, когда римский народ, ничтожный числом, погибающий от голода и чумы, теснимый лонгобардами, как бы

затерялся на громадном пространстве города цезарей, — мы не в силах воспроизвести эту картину во всем ее ужасающем мраке. Как насекомое превращается в куколку, так Рим удивительным образом обратился в монастырь. Метрополия всего мира стала городом духовных лиц; священники и монахи начали без усталы строить в этом городе церкви и монастыри и подчинили все его существование своей власти. Гражданское же население города, лишенное всякого политического значения, глубоко павшее, совершенно утратившее всякую нравственную силу, как бы погрузилось в вековой сон, который длился до тех пор, пока наконец в VIII веке голос папы не призвал римский народ к новой деятельности. За все это время папы неутомимо работали над созданием римской иерархии. Возникновение этой духовной силы из праха античного государства и постепенный ее рост при самых неблагоприятных к тому условиях никогда не перестанет быть одной из самых великих и изумительных метаморфоз в истории человечества. Проследить это превращение составляет, однако, задачу историка церкви, а не летописца города Рима; нам приходится поэтому ограничиться только общим указанием хода относящихся сюда событий.

С падением готов, которые еще охраняли некоторое время римские государственные установления, политическая жизнь Рима прекратилась. Излагая дальнейшую историю города, мы вступаем в средневековой папский период этой истории. Вся жизненная энергия, которая еще оставалась у римлян, была направлена исключительно на службу церкви, все же гражданские интересы постепенно умирали. С той поры, как Рим стал утрачивать свое величие, одна только церковь сохраняла свою жизненную силу; когда же Римская империя пала, церковь явилась для Италии единственным связующим нравственным началом, и это сделало церковь такой же могущественной, какой была империя. Духовная власть водрузила свое священное знамя на развалинах Древнего мира и укрепилась за стенами Аврелиана, всемирное значение которых нами уже было указано. За этими стенами церковь были спасены латинский монархический принцип, римское гражданское право и наследие древней культуры. Отсюда же церковь вела свою великую борьбу с варварами, сокрушившими империю, цивилизуя их христианским учением и подчиняя их канону церковных законов. Эта культурно-историческая задача церкви стала бы невозможной, если бы господствовавшие в Италии германцы подчинили себе и город Рим. Они вели осаду против него много раз, но неприкосновенность города явилась как некоторый исторический закон. Даже завоевания лангобардов в Италии, грозившие гибелью римской церкви, в конце концов содействовали ее победе. Эти завоевания ослабили силу византийцев, в течение двух веков противодействовавших в Равенне лангобардам, принудили римских епископов со всей доступной для них энергией вести свою собственную политику, мало-помалу создавшую папам могущественное положение в Италии, и, наконец, воскресили национальный дух римлян, заставив их выйти из глубочайшей апатии и с оружием в руках бороться за свою самобытность. Вскоре римская церковь была уже в состоянии обратить лангобардов в правоверных католиков и, имея твердую опору в самой себе и поддержку в Италии, вступить в догматическую борьбу с Византией, оказавшуюся политической революцией, которая привела церковь к широкой светской власти и к обладанию Вечным городом. Результатом долгой борьбы пап с лангобардами и с греческой государственной властью было то, что власть эта была изгнана из Западной Европы, а церкви была обеспечена свобода, и западная империя организовалась как феодальное христианское государство соединенных латинян и германцев.

Еще в последнее время владычества готов на развалинах империи и Рима встает строгий образ латинского святого, явившегося выразителем этой переходной эпохи и своей жизнью и деяниями раскрывающего картину мрачных веков, которые нам

предстоит теперь описать. Этим замечательным человеком, ставшим патриархом западного монашества, был Бенедикт, сын Евпроба, родившийся в 480 г. в умбрийской Нурсии. Мальчиком 14 лет пришел он в Рим учиться наукам, и в Транстеврине еще до сих пор указывают на небольшую церковь San Benedetto in Piscinula как на место, где, по-видимому, стоял дом богатого отца Бенедикта. Падение Рима поразило своим ужасом воображение юноши и вселило в него непреодолимое желание бежать от мира и в уединении посвятить себя созерцанию вечного Бога. Удалившись в Sublaqueum, где Аниен орошает одну из прекраснейших долин Италии, Бенедикт поселился в одной из пещер; пищу приносил ему сюда анахорет Роман. Затем стала расходиться весть о святости Бенедикта, к нему стали присоединяться одинаково с ним настроенные такие же беглецы мира, и вскоре Бенедикт уже мог устроить в горах названной местности 12 небольших монастырей. Здесь, поддерживаемый своей сестрой Схоластикой, Бенедикт прожил многие годы, занимаясь составлением устава своего ордена. Многие уважаемые патриции отдавали своих детей на воспитание Бенедикту; так, сенатор Эквиций привел к нему своего сына Мавра, Тертулл — своего сына Плацида, и оба эти юноши, воспитанники Бенедикта, стали впоследствии апостолами в Галлии и в Сицилии. Слава основателя ордена породила, однако, зависть в священниках в Varia или Visovago, и они поклялись прогнать святого из его убежища. Предание говорит, что однажды эти священники привели в монастырь семь прекрасных гетер, и некоторые из учеников Бенедикта оказались не в силах устоять против такого искушения. Тогда святой решил покинуть оскверненное Subiaco; сопровождаемый тремя воронами и следуя за ангелами, которые указывали ему дорогу, он направился на гору Castrium Casinum в Компаньи. Оказалось, что здесь еще были язычники; мы знаем, что даже Теодориху пришлось издать эдикт против идолопоклонства: так слабы оказывались законы последних императоров, направленные против поклонения древним богам. Придя в Casinum, Бенедикт немедленно уничтожил алтари идолов, приказал разрушить храм Аполлона, — последний, о котором упоминается в истории, — и из его развалин устроил монастырь, не смущаясь дьяволом, который, сидя на опрокинутой колонне разрушенного храма, мешал возведению здания. Монастырь этот, известный позднее под именем аббатства Монте-Касино, стал с течением времени метрополией всех бенедиктинских монастырей запада; это был единственный маяк, изливавший во мраке Средних веков свой благословенный свет просвещения. Музы разрушенного храма Аполлона, казалось, нашли приют в этой академии монахов, посвятивших себя молитве и вместе изучению наук. Учреждение Бенедиктом этого монастыря удивительным образом совпадает с тем самым 529 г., в котором император Юстиниан изгнал последних философов из платоновской школы в Афинах.

В Монте-Касино посетил святого герой Тотила. Он явился к нему переодетым; тем не менее Бенедикт узнал его и предсказал ему его судьбу. Здесь же возвестил Бенедикт свое предсказание о разрушении Рима стихиями — предсказание, которое позднейшие историки приводят в доказательство, что готы не разрушали Рима. Святой патриарх умер в Монте-Касино в 544 г. вскоре после смерти своей набожной сестры. Предание внесло в жизнь отца западного монашества много поэтических сказаний, составивших содержание бесчисленных фресок, написанных средневековыми художниками; эти фрески находятся в верхней церкви Субиако, построенной в скале. Все они отличаются своей грацией и наивной прелестью. Не находя в них ни ужасов, которые присущи вообще повествованиям, ни нелепостей, которые встречаются в позднейших легендах, мы можем назвать их истинным священным эпосом монашества. Уже папа Григорий, более молодой современник Бенедикта, посвятил легендарной истории святого вторую книгу своих диалогов, а более чем

двумя столетиями позднее лангобард Варнефрид, или Павел Диакон, будучи монахом в Монте-Касино, в искупление вины своего народа, разрушившего этот монастырь, прославил чудеса Бенедикта искусными стихами.

Этот необыкновенный человек явился и стал законодателем согласной с христианскими чувствами жизни в эпоху, когда политический строй Римской империи был разрушен, гражданское общество распалось и многими людьми овладело какое-то инстинктивное влечение к уединению. Нет сомнения, что еще до Бенедикта были на западе монахи. Они жили по уставу грека Василия или Эквиция из Валерии, Гонората из Фунди, Гегезиппа из Castell Lucullanum в Неаполе и по другим уставам; но все эти монахи не имели оседлости и ничем не были связаны между собою. Бенедикт же был римским реформатором жизни в монастырях и дал им определенный и прочный облик. Благодаря ему латинская церковь приобрела для своих монастырей первую самостоятельную организацию, освободившую ее от влияния востока. Таким образом, Бенедикт имел по отношению к Риму и западу безусловно национальное значение.

Если мы будем судить о монашеском институте с точки зрения основ современного общества, мы не будем в состоянии правильно оценить деятельность Бенедикта; принимая же во внимание то, что составляло настоятельную потребность его времени, мы найдем, что Бенедикт был одним из самых крупных явлений Средних веков и имел для них такое же значение, какое для своего времени имел Пифагор. Перед тем и другим законодателем носился общественный идеал. Великий грек мечтал осуществить его в братском союзе свободных людей-философов, готовых исполнять все обязанности, налагаемые жизнью в семье и государстве. Монашеская республика Бенедикта была, напротив, заключена в самые тесные общественные рамки и могла осуществиться только за счет гражданского общества. Восприняв как закон христианскую идею, отрицающую государство, и отвергнув брак, Бенедикт создал лишь братский союз анахоретов. Число таких союзов было не велико, и сначала они ютились в горах, в полном уединении, а затем, сохраняя все ту же замкнутость, стали появляться в городах. Независимость от мира проявлялась только в тяжелой форме рабства, ибо тот, кто следовал ей, был избранным рабом Божиим. Монашеская община должна была ответить на вопрос, может ли осуществиться Царствие Божие на земле; но земные интересы с течением времени превратили этот демократический институт святых в карикатуру. Когда человеческое существование замыкается в тесные границы мистической свободы, где не имеют места ни борьба со страстями мира, ни наслаждение им во всем его богатстве, мы можем сказать, что такое существование не согласно с природой вещей, но тем не менее оно не превосходит нашего понимания. Чем меньше общество проникнуто любовью к человеку, чем меньше в нем свободы, чем больше оно бедствует, тем больше в нем встречается людей, которые или по необходимости, или по своей доброй воле отрываются от мира с его безобразием и отдаются идеалу, отвечающему их внутренним стремлениям. Бенедикт, муж великой души, в своей республике святых сосредоточил религиозные влечения того уясного времени и в этой республике явился ее законодателем; его стремления были направлены к тому, чтобы осуществить в практической школе христианские начала повиновения нравственному закону — начала смирения, любви, самоотречения, духовной свободы и, наконец, общности имущества. Устав Бенедикта был велик уже тем, что в нем сказанные начала являлись не как недостижимые идеалы, а как основы, проведенные в жизнь. Истинная заслуга монашества, имевшего некогда столь важное значение для культуры, заключалась в том, что оно в варварское время сумело противопоставить грубым вожделям эгоизма общину деятельных и самоотверженных людей. Бенедикт не позволял своим монахам проводить время в ленивом, бездейственном само-

углублении; следуя началу общественного разделения труда, они должны были работать и руками, и головой. Бенедиктинцы стали таким образом учителями земледелия, ремесел, искусств и наук во многих землях Европы, и это составляет выдающую славу ордена, самого гуманного из всех, которым положило начало христианство. Уже со времени своего возникновения он служил прибежищем для общества: сыновья из богатых и уважаемых семейств вступали в него. Благодаря этому и затем образованности и ученым занятиям, которые в нем поддерживались, он получил свой благородный характер, и бенедиктинцы действительно были аристократией монашества. Монастыри их быстро распространились по западу; в Испании, Галлии, Италии, Англии, а с VIII века и в Германии появилось большое число бенедиктинских монастырей. Римская церковь вскоре же воспользовалась ими для своих целей; для нее эти монастыри стали тем же, чем были для Древнего Рима военные колонии, и, когда империя пала, римские монахи, босые и опоясанные веревкой, бесстрашно устремились к далекому Фуле и в те дикие страны запада, которые некогда, но не вполне были завоеваны древними консулами, стоявшими во главе своих легионов.

В это время в Италии повсюду возникали новые монастыри. Один из них, как бывший последним убежищем Кассиодора, пробуждает в нас чувство истинного благоговения. Государственный муж, в течение 30 лет бывший правителем Италии при Теодорихе, Амалазунте, Аталарихе и Витигесе и за все это долгое время охранявший итальянцев от всего, что грозило им со стороны варваров, почувствовал себя утомленным жизнью и, отчаявшись в мире, оставил погибавший Рим. Поступая в монастырь, Кассиодор уносил с собой в монастырскую келью и науку, и государственную мудрость древних времен. В 538 г. он основал *Monasterium Vivariense* в Калабрии, в своем родном городе Сквиллаче, живописное положение которого он сам описал (он сравнивает его с виноградником, висящем на скале). Написав несколько сочинений, представляющих попытку внести в теологию классический стиль, Кассиодор в 545 г. умер, имея более ста лет от роду. Его современниками были Боэций и Бенедикт, и стоит только сопоставить эти имена, чтоб понять, какие контрасты представляли люди того времени. Образ Кассиодора, последнего римлянина, умирающего в монашеской рясе, глубоко трагичен: в нем как бы сказалась судьба самого Рима.

В это время в Риме существовало уже несколько монастырей; с той поры, как Афанасий Александрийский, ученик египтянина Антония, в середине IV века ввел в Риме монашество, оно стало быстро распространяться в Италии. Еще при Рутилии на всех небольших островах Тирренского моря, как, например, на Игилии, Капраре, Горгоне, Пальмаре и Монте-Кристо, селились «спасавшиеся от мира» анахореты. О монастырях в Риме говорит также Августин, а Иероним с умилением насчитывает в Риме немалое число монахов и монахинь. В письме к благочестивой римлянке Принципии Иероним дает интересные пояснения, в особенности относительно возникновения в Риме женских монастырей. Приемная дочь знаменитой Марцеллы просила Иеронима составить очерк жизни этой матроны; Иероним нашел, что он лучше всего почит святуу, поставив в заслугу ей то, что она была в Риме первой монахиней из благородного рода. Марцелла, происходившая из семьи, среди предков которой были члены поколения консулов и префектов, потеряла мужа на седьмом месяце своей брачной жизни; отклонив затем домогательства консула Цереалиса, она решила посвятить себя монашеской жизни. Такое неслыханное решение должно было навлечь на Марцеллу позор в глазах знатных женщин; но Марцелла обладала смелой душой и не остановилась перед этим позором. Незадолго до того в Рим явились преследуемые арианами Афанасий и затем Петр Александрийский. Проповедь этих людей и изумительные рассказы их о жизни Пахомия и Антония, о монахах и монахинях ска-

листных пустынь Фиваиды воспламенили мечтательную фантазию Марцеллы, и набожная вдова, охваченная воодушевлением, готова была собрать в монастыре всех женщин города. Прошли, правда, годы, пока ее проповедь оказала действие; но затем Марцелла уже могла с гордостью указать как на своих последовательниц на знатных римлянках Софронию, Павлу и Евстохию. Далее Марцелла познакомилась в Риме с самим Иеронимом, и с той поры не переставала вести с ним оживленную переписку. Достоверно неизвестно, был ли первый женский монастырь в Риме учрежден Марцеллой в ее дворце на Авентине, так как вначале она жила не в городе, а в одном имении, где она устроила монастырь для себя и своей ученицы Евстохии. «Вы жили там долго, — пишет Иероним, — многие обращены вашим примером, и Рим, к нашей радости, обратился в Иерусалим: монастырей для дев теперь в Риме много, и нет числа в нем также монахам».

Стали устраивать монастыри также и при церквях, существовавших в городе; так Львом I был устроен монастырь при базилике Св. Петра и посвящен свв. Иоанну и Павлу. С появлением Бенедикта это направление того времени получило новую силу. Богатые патриции стали учреждать монастыри: Григорий из знатного рода Анициев употребил свое состояние на устройство во дворце Анициев на Clivus Sacralis монастыря, который посвятил апостолу Андрею. Монастырь этот существует поныне на Целии возле церкви Св. Григория. Когда затем этот знаменитый человек стал папой, число монахов и монахинь, живших частью в действительных монастырях, частью в отдельных кельях, было уже так велико, что по счету одного только Григория оказывалось 3000 монахинь, получавших ежегодное содержание из средств церковных имений.

2. Успехи лангобардов в Италии. — Они доходят до самого Рима. — Бенедикт I, папа, 574 г. — Пелагий II, папа, 578 г. — Лангобарды осаждают Рим. — Разрушение Монте-Касино, 580 г. — Учреждение первого бенедиктинского монастыря в Риме. — Пелагий II просит помощи у Византии. — Григорий, нунций при дворе императора. — Наводнение и чума, 590 г. — Смерть Пелагия II. — Постройка им церкви Св. Лаврентия (S.-Lorenzo)

Бенедикт стал учреждать монастыри в последнее время правления готов, следовательно, еще до вторжения Альбоина. В монастырях церковь приобретала одно из самых сильных орудий, которыми она могла одержать победу над столь страшными в первое время лангобардами. Этот грубый народ, исповедовавший так же, как готы, арианскую веру, но включавший в себе и языческие племена Германии и Сарматии, был не способен вне воздействия церкви воспринять античную культуру, еще существовавшую в Италии. И лангобарды были укрощены только латинской церковью, которая сумела постепенно внести в их среду остатки классической культуры, укрывавшиеся в монастырских кельях. Прошло, однако, более полутора столетия, прежде чем в лангобардах окончательно произошел этот переворот, и эти годы составили одну из самых ужасных эпох в истории Италии. Во время вторжения лангобардов в Италию, города в ней были уже разорены и опустели после походов Аттилы и готских войн, но сохраняли свой вид времен Римской империи и были полны разрушавшихся великолепных памятников древности. Теперь города, один за другим, стали переходить в руки варваров, и это повело к исчезновению последних следов древнелатинских гражданских установлений. В народе Альбоина жил иной дух, чем тот, которым был вдохновляем народ великого Теодориха; готы охраняли латинскую культуру, лангобарды боролись с ней. Заслуга лангобардов заклю-

чалась, однако, в том, что они заселили Италию, направившись в такие местности, которые были опустошены чумой и войнами. В этих местностях лангобарды вновь создали колонии, возродили земледелие и положили начало новому населению, которое затем мало-помалу латинизировалось. Из этого-то населения вышли те многочисленные поколения, именами которых полны в течение ряда столетий анналы дерквы и государства, простиравшихся от По до самого крайнего юга.

Уже осенью 569 г. могущественный Альбоин занял Милан и затем после трехлетней осады в 572 г. вступил во дворец Теодориха в Павии. Таким образом покорение всего полуострова началось с Верхней Италии. Только в Равенне, в Риме и в приморских городах еще развевалось знамя империи и императора. Сохранение независимости Римом, почти не защищенным, казалось чудом самим римлянам. Альбоин же мечтал об этой столице, желая иметь здесь, во дворце цезарей, свою резиденцию и затем, подобно Теодориху, овладеть всей Италией. Его воинственные отряды, производившие всюду страшные опустошения, уже проникли из Сполето до самых стен Аврелиана. Это случилось при папе Иоанне III, умершем в июле 573 г.

Смута в Риме была в это время так велика, что престол Петра оставался не запертым более года; лангобарды расположились частью перед воротами города, частью неподалеку от него и препятствовали римлянам сноситься с Константинополем, откуда должно было быть получено утверждение вновь избранного папы. Этим папой был римлянин Бенедикт I. Книга пап говорит, что при Бенедикте Италия вся была занята лангобардами и что народ погибал от чумы и голода. От этих же бедствий страдал и Рим; император Юстин и Тиверий, человек знатного рода, старались помочь городу, посылая ему в Порто хлеб из Египта.

В 575 г. Клеф, которому досталась корона убитого Альбоина, умер и беспорядочное государство лангобардов было поделено между 36 герцогами. В то время, когда один из них, Фароальд, первый герцог Сполето, осаждал Рим, Бенедикт умер 30 июля 578 г. Его преемником был Пелагий II, сын Винигильда, римлянин готского происхождения; вследствие осады города он был посвящен в папы 27 ноября, помимо утверждения императора. Трудное положение Рима требовало скорейшего избрания духовного главы еще и потому, что в городе не было ни герцога (dux), ни magister militum. Нам вообще неизвестно, какими средствами защищался в то время Рим и принимала ли участие в защите города городская милиция наряду с небольшим числом наемных греческих солдат. Мы думаем, однако, что осада Рима положила начало воинской организации граждан. Таким образом в эту эпоху римляне силою своего оружия некогда покорившие мир, вернулись к своим первоначальным традициям; пережив долгий и беспримерный упадок духовной энергии и как бы не имея за собой никакой военной истории, они приступили к созданию небольшой гражданской милиции.

Осажденный Рим или, вернее, его епископ, силою обстоятельств поставленный в положение заступника города, а вскоре затем и его главы, обратился с мольбами о помощи к византийскому императору. Торжественное посольство, состоявшее из сенаторов и священников, с патрицием Памфронием во главе, явилось к императору и положило к подножию его трона просьбу Рима и 3000 фунтов золота. Но персидская война поглощала в то время все силы империи на востоке; поэтому император ограничился тем, что отправил небольшие отряды в Равенну, которая была для него важнее Рима, отклонил денежный подарок и посоветовал употребить его на умиротворение лангобардских королей-военачальников. Уплатив выкуп врагу, римляне заключили с ним договор, и Это, герцог Беневента, через Лирис увел свое войско домой.

Прекрасная Кампанья была совершенно опустошена беспощадным врагом, Аквино был сожжен, а монастырь Монте-Касино разрушен. Это напал на монастырь

ночью; несчастным монахам удалось, однако, бежать в Рим и унести с собою автограф устава своего святого. Пелагий дал им приют рядом с Латеранской базиликой, и здесь они учредили первый в Риме бенедиктинский монастырь. Он был посвящен Евангелисту и Крестителю Иоанну, а так как позднее литургию в церкви стали совершать бенедиктинцы, то базилика Константина получила от монастыря свое название церкви Иоанна Крестителя. Первым аббатом монастыря был Валентиниан. В течение 140 лет Монте-Касино представлял одни развалины, вновь же учрежденный в Риме бенедиктинский монастырь достиг за это время расцвета, но затем пришел в упадок и был восстановлен уже в VIII веке Григорием II.

Еще до того времени, когда бежавшие от лангобардов бенедиктинцы нашли приют в Риме, был учрежден, как мы уже говорили, Григорием, одним из самых уважаемых патрициев, монастырь на Целии. Пелагий понял, что человек этот должен иметь в будущем значение; вызвав Григория из монастыря, он отправил его нунцием к византийскому двору, с которым надлежало восстановить доброе согласие, так как Пелагий был посвящен в папы без утверждения императора. В лице апокризариария или постоянного посла римская церковь имела своего представителя как в Равенне при экзархе, так и в Византии при императоре (таково начало института нунциев), и мы видели, что этот выдающийся пост мог считаться последней ступенью к престолу Петра. Вероятно, Григорий уже довелось быть в Константинополе в составе того посольства, которое в 579 г. искало помощи против лангобардов. Здесь, как при самом дворе, так и между наиболее влиятельными знатными людьми, Григорий приобрел могущественных друзей; таковы были дочь Тиверия императрица Константина, Феоктиста, сестра Маврикия, и сам Маврикий, ставший в августе 582 г. императором.

Одно замечательное письмо папы Пелагия к Григорию показывает, что последний находился в Константинополе еще в 584 г. Уступая настоятельным просьбам нунция помочь Риму, в который за это время не было послано ни одного императорского военачальника, Маврикий отправил наконец в Рим герцога Григория и в качестве *magister militum* Кастория, вследствие чего наступательные действия врагов были приостановлены на три года. Договор об этом был заключен в 584 г. Смарагдом, преемником Лонгина в экзархате, и королем Автарисом, которым только что было восстановлено государство лангобардов. Мир, однако, был вскоре нарушен, и Пелагий писал Григорию, убеждая его совместно с епископом Себастианом, которому было поручено доставить просьбу в Константинополь, просить императора о самой скорой помощи. «Итак, вступите в переговоры, — писал Пелагий, — и постарайтесь оба прийти нам на помощь в нашей опасности как можно скорее. Республика в таком безвыходном положении, что мы обречены на гибель, если Бог не смягчит сердца благочестивейшего императора, чтоб он мог пожалеть своих верных слуг и выслать сюда *magister militum* и герцога. В особенности римская земля нуждается в каком-нибудь гарнизоне. Между тем экзарх писал, что он не может оказать нам помощи, и клянется, что у него нет достаточных средств даже для защиты своей области: Да внушит ему Бог оказать нам скорую помощь, прежде чем войско безбожного народа будет в состоянии занять те города, которыми еще владеет республика».

В таком совершенно беспомощном положении была в то время древняя столица римской империи. Греческие императоры, занятые борьбой со все еще передвигавшимися славянскими народами на Дунае и могущественными персами на Востоке и затем ослабляемые внутренними революциями, предоставили Италию ее собственной судьбе. Поэтому римский епископ уже с того времени стал обращать свои взоры на запад, где Хлодвиг в 486 г. создал в Галлии на развалинах империи могущественное королевство франков. Этот народ со времени обращения своего в хрис-

тианство исповедовал ортодоксальную католическую веру. Папы видели в нем будущую опору церкви и уже называли Хлодвига христианнейшим королем и вторым Константином. В замечательном письме Пелагия II к Авнахару, епископу Оксерра, совершенно определенно высказывается мысль, что правоверные франки призваны Провидением спасти Рим из рук лангобардов. В это же время и император Маврикий вел деятельные переговоры с королем франков Хильдебертом, склоняя его к войне с лангобардами. В 584 г. Хильдеберт уже вступил с войском в Италию, но затем заключил с Автарисом мир и вернулся обратно.

Вскоре, в 584 г., Григорий был отозван со своего поста в Византии и заменен архидиаконом Лаврентием. Вернувшись в Рим, Григорий снова поселился в келье своего монастыря на Целии и покинул ее уже только тогда, когда ему пришлось занять престол Св. Петра.

События последующих лет нам неизвестны, так как хроники того времени, одно-сложные и такие же смутные, как оно само, упоминают только о тех бедствиях, причиной которых были стихийные силы природы и чума. В конце 589 г. Тибр затопил часть города и разрушил много древних храмов и памятников, находившихся, как полагают, на Марсовом поле. Епископ Григорий Турский посылал тогда какого-то диакона в Рим получить мощи. Рассказ этого диакона о том, чему он был очевидцем, равно как и его собственные удивительные добавления, епископ включил в свою историю франков. «Тибр покрыл город таким огромным количеством воды, — пишет епископ, — что древние здания обрушились и церковные житницы были уничтожены».

Еще ужаснее были опустошения, которые произвела чума, но она обнаружилась уже позднее, в начале 590 г., во всех тех местах, которые, подобно Риму, подверглись наводнению. Эта ужасная болезнь, названная латинскими писателями *lues inguinata*, не переставала опустошать европейские страны с 542 г. Возникнув в Египте, в Пелузийских болотах, чума неожиданно появилась в Константинополе и затем, как это, по-видимому, обыкновенно бывает в эпохи великих народных переворотов, стала распространяться по тем местностям, где происходили войны. Едва ли в какое-нибудь иное время «черная смерть» наводила на людей такой ужас, как тогда. Прокопий и затем Павел Диакон подробно описали это бедствие. Свирепствуя во всякое время года, чума убивала одинаково и людей, и животных, не представляя вместе с тем опасности заражения через прикосновение. Потерявшим всякое самообладание людям казалось, что в воздухе слышны звуки труб, что на домах появляется ангел смерти, а по улицам носится демон чумы с привидениями и мгновенно поражает смертью каждого встречного. Но смерть не всегда наступала мгновенно; нередко болезнь длилась три дня. Больные умирали, погруженные в глубокую спячку или пылая от внутреннего жара. При вскрытии трупов оказывалось, что внутренности покрыты нарывами, а в самих опухолях содержалось вещество черное, как уголь.

Со времени готской войны чума уже не один раз появлялась и в Италии, и в Риме. Вспыхнув снова в январе 590 г., она достигла таких ужасных размеров, что, казалось, грозила уничтожить все население Рима. В своих сочинениях Григорий удостоверяет, что каждый собственными глазами мог видеть, как с неба неслись стрелы и поражали людей. Потрясенное страхом воображение доводило людей до галлюцинаций, и один случай таких видений, являющийся как бы прообразом ада Данте, приводит сам Григорий. Душа какого-то солдата, пораженного чумой, была взята из его тела и перенесена в подземный мир. Здесь она увидела мост, перекинутый через черный поток; по другую его сторону расстилались очаровательные, покрытые цветами луга, на которых были собраны люди, одетые в белые платья. Праведные могли перейти через мост, грешники же низвергались с него в болото. Видевший все это заметил еще, как знакомый ему священник Петр лежал на земле

под тяжестью железного груза, как другой незнакомый священник прошел через мост благополучно, а римлянин Стефан упал с моста, причем ангелы старались подержать упавшего, а дьяволы тащили его вниз.

8 февраля 590 г. Пелагий II умер от чумы. Памятником этому епископу, который правил церковью в такое ужасное время, служит построенная им вновь знаменитая базилика Св. Лаврентия за воротами. Могила этого святого на Ager Veranus была известна уже в IV веке и затем Сикстом III на ней была построена часовня. С течением времени почитание святого все возрастало; ко дню его празднования паломники стекались в катакомбы Гермеса и Ипполита, и здесь уже были выстроены и странноприимные дома, и небольшие базилики. Наряду с Лаврентием особым почитанием пользовался как первомученик Стефан, архидиакон иерусалимской церкви. По словам легенды, останки тела Стефана были привезены из Константинополя в Рим Пелагием и положены в гроб Лаврентия. Оба святых были в римской церкви представителями звания левитов и диаконского сана, тогда как другие святые принадлежали или к сословию знатных воинов, или происходили из народа. Пелагий возобновил и расширил уже существовавшую над могилою св. Лаврентия церковь, а на триумфальной арке базилики приказал написать, что храм этот возведен под мечами врагов (лангобардов). Надпись эта существует до сих пор и служит памятником одной из самых мрачных эпох в существовании Рима.

В настоящее время арка Пелагия делит замечательную церковь на две части, на переднюю церковь, несомненно более позднего происхождения, и на часовню, построенную раньше. Последняя первоначально была построена в катакомбах, в которых еще поныне можно видеть могильные ниши и следы древней живописи. В этой части имеются две колоннады, поставленные одна над другой. Нижние колонны, по пяти с каждой стороны и две у хора, прекрасны и производят впечатление античных колонн; их капители не одинакового стиля, частью коринфского, частью фантастического, но все красивы; две колонны украшены победными трофеями. Архитрав грубо сложен из остатков древних сооружений, и нет сомнения, что эти остатки были похищены из великолепных храмов времен расцвета империи. Эта колоннада существовала, вероятно, еще до Пелагия, и он только велел на ее архитраве поставить верхний ряд меньших колонн, так как в самое первое время могила мучеников представляла подобие храма, будучи обнесенной, по-видимому, лишь одним рядом колонн, и уже позднее была пристроена задняя церковь, в которую теперь ведут 11 ступеней. Из расположения здания видно, что первоначальный план могилы мученика не был рассчитан на устройство базилики; чтобы устроить ее, Пелагий, вероятно, выстроил переднюю церковь, перекинул над исповедальней триумфальную арку и затем в древней зале с колоннами воздвиг вверх хоры; таким образом получился пресбитерий. Помещенный под древними мозаиками и повествующий о храме дистих указывает, по-видимому, на такое двойное сооружение.

Триумфальную арку Пелагий украсил мозаикой, которая в настоящее время вследствие реставрации, в значительной степени утратила свой древний характер. Христос в черном одеянии сидит на земном шаре, в левой руке он держит посох с крестом, а правой, поднятой, благословляет. По сторонам Христа апостолы Петр и Павел; возле Павла свв. Стефан и Ипполит, а возле Петра св. Лаврентий с раскрытой книгой в руках и Пелагий, которого мученик как бы представляет Христу. Папа в белом одеянии, с непокрытой головой и без сияния вокруг нее, держит в руках изображение своего сооружения. Наконец, по обеим сторонам в старинном стиле изображены еще сверкающие золотом города Иерусалим и Вифлеем. Св. Лаврентий представлен здесь не в том юношеском, привлекательном образе, который ему так же, как и св. Стефану, был придан позднее церковным искусством.

3. Избрание папой Григория I. — Его прошлое. — Чумная процессия. — Легенда о появлении архангела Михаила над памятником Адриана

По смерти Пелагия выбор духовенства и народа единогласно пал на Григория, создавшего себе бессмертное имя среди величайших пап. Он происходил из древнего рода Анициев, своим блеском затмившего в последнее время существования империи все другие роды в Риме. Папа Феликс был дедом Григория; его отца звали Гордианом, а мать — Сильвией; ей принадлежал дворец на Авентине, стоявший возле S.-Sabo. Две тетки Григория по отцу, Тарсилла и Эмилиана, возложили на себя обет монашества, третья же, Гордиана, предпочла остаться в мире. Григорий вырос в самое ужасное время, когда Италия подпала под иго лангобардов, когда они проникли к самому Риму и в диком порыве разрушительных стремлений уничтожали последние следы латинской культуры. В юности Григория предполагалось, что он посвятит себя гражданской карьере, и он приобрел все риторические и диалектические познания, преподававшиеся в Риме, хотя те школы, которым некогда покровительствовал Теодорих, уже едва ли могли служить местом образования Григория. Затем он занял должность префекта города, которая все еще существовала. Но какая же государственная деятельность могла предстать в то время знатному римлянину, на какую высокую ступень в республике он мог подняться? Высшей целью, манившей к себе потомка Анициев, мог быть только престол римского епископа. Чуждаясь политических тревог Рима, Григорий последовал примеру Кассиодора и надел на себя монашескую рясу; муж, «привыкший показываться в городе одетым в роскошное платье, сверкающее драгоценными камнями, теперь служил Богу, одетый в скромную рясу монаха». Мы уже упоминали, что Григорий употребил свое состояние на учреждение монастырей; шесть из них он построил в Сицилии, и это обстоятельство свидетельствует, что род Анициев владел там богатыми имениями. Пелагий возвел Григория в сан диакона и назначил его нунцием в Константинополь, а затем весь Рим единогласно избрал Григория папой. Никто, казалось, не был более способен вести дела церкви в это трудное время, как человек, который пользовался наибольшим уважением своих сограждан, был великим благодетелем города и некогда занимал в нем должность префекта. Избранник, однако, старался отклонить от себя высокий сан и в своем письме просил дружественного ему императора Маврикия не утверждать его избрания. Эти письма были перехвачены префектом города Германом и заменены другими с настоятельными просьбами признать выборы правильными. Обыкновенно, пока престол св. Петра оставался вакантным, управление церковью возлагалось на архипресвитера, архидиакона и примицерия нотариусов; Григорий же был, по-видимому, один заместителем папы, так как еще раньше, чем он был посвящен, он приказал в течение трех дней совершать искупительные процессии, дабы испросить у Бога избавление от чумы. Последняя все еще свирепствовала; в своей покаянной проповеди, сказанной 29 августа в церкви Св. Сабины, Григорий сам говорит, что римляне умирали во множестве и в домах не оставалось никого. Процессия была устроена в таком порядке: все население города было разделено по возрасту и званию на семь групп, из которых каждая должна была собраться у определенной церкви, и затем все эти группы должны были направиться к одному месту — к базилике S.-Maria (Maggiore). Духовенство, во главе которого стали священники 6-го округа, шло от церкви Свв. Космы и Дамиана; аббаты, сопровождаемые монахами, шли со священниками 4-го округа от церкви Свв. Гервасия и Протасия (S.-Vitale); от церкви Свв. Марцеллина и Петра шли аббатиссы и все монахини с священниками первого округа; все бывшие в

Риме дети направлялись от церкви Свв. Иоанна и Павла на Целии с священниками второго округа; все миряне — от церкви Св. Стефана на Целии с священниками седьмого округа; вдовы — от церкви Св. Евфимии с священниками пятого округа; наконец, все замужние женщины — от церкви Св. Климения с священниками третьего округа. Когда эта печальная процессия, в которой принимал участие весь римский народ, запела гимны и двинулась по опустелому городу, среди его развалин должно было казаться, что происходит погребение самого Древнего Рима и авгуры объявляют свое предсказание о том безотрадном времени, которому предстояло наступить. И действительно, процессию 590 г. можно было признать событием, с которого начинается средневековое существование Рима.

Вместе с участниками процессии двигалась и чума, поражавшая смертью то одного, то другого из них; воссылавшие мольбы страдальцы нашли, однако, утешение в сверхъестественном видении. Григорий решил направиться с процессией к базилике Св. Петра и был уже на мосту, когда перед глазами народа предстал небесный образ: над памятником Адриана появился архангел Михаил; свой пылающий меч он вкладывал в ножны, давая тем понять, что чума отныне прекратится. В связи с этой прекрасной легендой мавзолей Адриана получил в X веке название замка Ангела, а на вершине мавзолея — неизвестно когда именно, но не позднее VIII века — была построена капелла Св. Миханла. Бронзовая фигура архангела с распростертыми крыльями, вкладывающего свой меч в ножны, высится и поныне над одним из самых замечательных памятников в мире.

Другие легенды приписывают прекращение чумы образу Девы Марии, который папа приказал нести во время процессии. Из семи изображений мадонн, написанных в красках ни более ни менее, как самим апостолом Лукою, в Риме имеются четыре, и самым древним изображением считается то, которое находится в Агасоелі. Там же некогда можно было видеть изображение чумы на серебряных дверях, за которыми помещалась эта икона. Произведение это принадлежало XV веку. Находящаяся также в Агасоелі и написанная на аспидном камне картина относится к более позднему времени: на ней представлена процессия, среди которой несут на носилках образ; процессия направляется через мост, а позади него виднеется замок.

ГЛАВА II

1. Посвящение Григория в папы. — Его первая проповедь. — Враждебные действия лангобардов против Рима и его бедственное положение. — Надробное слово Григория Риму. — Григорий платит лангобардам выкуп, и они отступают от Рима

Утверждение избрания Григория папой было получено из Константинополя, но Григорий устранился предстоявшей ему задачи. Он сам признается, что решил уклониться от нее. В IX веке в народе ходило сказание, в котором говорилось, что Григорий тайно бежал из Рима с купцами и скрылся в овраге, покрытом лесом. Тогда римляне стали искать его, им помог в этом, по одной версии, издававший свет голубь, по другой — столб света, указавший римлянам то место, где скрывался Григорий. Отысканный беглец-избранник был торжественно отведен к св. Петру и 3 сентября 590 г. посвящен в папы. По собственным словам Григория, он принял на свое попечение церковь, когда она походила на ветхое судно, в которое отовсюду проникала вода и которое своей пострадавшей обшивкой предвещало близкое крушение. Бедственное положение Рима послужило Григорию темой для его первой

проповеди. Когда римский епископ, в полном смысле слова пастырь и отец своего народа, всходил в то время на кафедру и говорил свою проповедь, его слова получали значение исторической правды. Григорий созвал скудные остатки римского народа к Св. Петру, и несчастные потомки Цицерона, скучившись в сумрачном здании базилики, слушали проповедь с таким же лихорадочным нетерпением, с каким некогда их предки внимали своим ораторам в храме Согласия.

«Господь наш, — говорил глубоко опечаленный епископ, — хочет просветить нас и являет нам устаревший мир в бедствиях, дабы отвратить нас от нашей любви к земному. Вы были свидетелями тех многих бурь, которые явились вестниками близкой гибели мира; если мы не будем взирать на Бога в смирении, мы обречены познать Его суд в страхе и среди ужасных мучений. Слову Евангелия, которое вы только что слышали, Господь предпослал следующее: восстанет народ на народ и царство на царство; будут большие землетрясения по местам, и глады и моры, и ужасные явления и великие знамения с неба. Это пророчество, как мы видим, частью уже сбылось; и мы страшимся, что скоро оно сбудется и во всем остальном. Народы восстали против народов, и страны объаты страхом, и все это происходит в большей мере, чем говорится об этом в Писании. Вы не раз слышали, что землетрясением разрушено множество городов в других частях света, а мы без конца страдаем от мора. Правда, мы еще не видели знамений на солнце, луне и звездах; но перемены в воздухе говорят нам, что и эти знамения не далеки от нас. Перед тем как Италия подпала под иго лангобардов, мы видели огненные мечи на небе, обогранные человеческой кровью, и она вслед за тем действительно была пролита. Смотрите же за собою прилежно; кто любит Бога, тот должен радоваться кончине мира; тот же, кто сокрушается о ней, — таит в своем сердце любовь к земному, не жаждет будущей жизни и даже не помышляет о ней. Каждый день приносит миру новые бедствия, и вы сами видите, как мало осталось людей нашего, некогда бесчисленного народа; и все-таки каждый день новые страдания посылаются нам и непредвиденные удары поражают нас. Мир покрыт сединою старости и через море бедствий придвигается к кончине, теперь уже близкой».

Первая проповедь Григория дышит настроением того времени, когда Рим пал, и в мире, который заключал в себе так много зародышей новой жизни, люди не видели ничего, кроме нагроможденных обломков римской империи. Окруженные этими обломками, римляне, жалкие остатки престарелого народа, были как бы готовы к смерти. Но тот же епископ, который увещевал людей свыкнуться с мыслью о гибели мира и о смерти, позаботился и о спасении этих людей. Забота о благе города оказывалась первым долгом епископа, и вместе с тем время было таково, что епископ являлся истинным правителем города. В ужасных условиях той эпохи единственным прибежищем была церковь, и единственным помощником и избавителем — папа. В опустелом городе свирепствовал голод; Григорий писал Юстину, претору Сицилии, прося его скорее прислать хлеб, так как Рим все еще снабжался хлебом из Сицилии. Император мог дать только небольшую часть необходимого для Рима хлеба; но большую часть его доставляла сама церковь из своих богатых патримониев. Прийти на помощь этой нужде было таким образом легче, чем бороться с лангобардами: король Автарис и герцог Сполето Ариульф, заступивший место Фароальда, не переставали нападать на Рим, увиваясь около него, как коршуны над трупом. Гарнизон города был ничтожен и, не получая аккуратно платы, плохо повиновался. «Когда придет хартуларий Маврентий, — писал Григорий схоластику Павлу, — прошу вас помогите ему в заботах о городе; извне нас поражает изо дня в день и без конца меч врага, а внутри нам грозит еще большая опасность от возмущения солдат».

Уступая настояниям императора Маврикия, Хильдеберт франкский еще раз, в 590 г., предпринял поход против Автариса, но голод и чума уничтожили войско франков в Ломбардии, и этот поход, который предполагалось вести совместно с экзархом, не привел к цели; Рим выиграл лишь постольку, поскольку неприятель должен был держаться вдали от города. Сам Автарис умер в сентябре 590 г.; его вдова, баварская принцесса Теоделинда, отдала свою руку и корону лангобардов мужественному Агилульфу, герцогу туринскому. Новый государь, к благополучию церкви, был отчасти доступен влиянию своей жены-католички, и Рим, так нуждавшийся в прочном мире, мог бы получить его, хотя на время, если бы стремлениям папы отвечали политика и энергия экзарха. В 593 году Рим был доведен Ариульфом, герцогом Сполето, и самим королем Агилульфом до крайне бедственного положения. В письме к архиепископу равеннскому Григорий горько жалуется на коварство экзарха Романа, который, по мнению Григория, препятствовал заключению мира, и вместе с тем высказывает гордое убеждение, что он, Григорий, далеко превосходит и своим положением, и саном этого императорского чиновника. Далее Григорий настоятельно просит архиепископа склонить экзарха к миру с Ариульфом и жалуется, что императорские войска выведены из Рима, а единственный оставшийся в городе полк Феодосия, не получая своего жалованья, с трудом соглашается исполнять даже сторожевую службу на стенах.

Роман был в Риме раньше, и, насколько нам известно, это был первый посетивший Рим экзарх. При въезде его, ему навстречу вышли народ, все духовенство с хоругвями и войско, и затем, в торжественном шествии, проводили его в Латеран, где его ждал папа, а оттуда в его поместье, которым все еще служил дворец цезарей. Греческому патрицию, как представителю императора, были оказаны соответственные почести, но для народа не было устроено никаких празднеств, так как экзарх явился в Рим с пустыми руками. Забрав, без сомнения, золото из церковной сокровищницы, Роман затем покинул Рим и, за исключением отряда Феодосия, увел с собою все наемные войска, чтоб разместить их в других городах, положение которых он находил опасным, например Нарни и Перуджа. Но Агилульф и начал войну именно потому, что экзарх, противно договору, занял города Тусции, Горту, Полимарциум и Бледу, уже ставшие лангобардскими; другим поводом к войне была измена только что взятой лангобардами Перуджи, — измена, на которую польстился в 592 г. сам герцог Перуджи Маврикий. Так как первый же натиск Агилульфа был направлен на Перуджу, отстоявшую недалеко от Рима, то последнему грозила крайняя опасность, и действительно, как только Перуджа в 593 г. оказалась во власти короля, он немедленно, со всем своим войском, направился на Рим.

Приближение лангобардов помешало Григорию продолжать публичное изложение своих объяснений к Иезекиилю. Григорий сам сообщает, что он должен был прервать эти занятия, когда увидел людей, возвращавшихся с отрубленными руками, и узнал, что еще много других людей взято в плен или убито. Навеянные событиями времени проповеди Григория, хотя и полны риторических прикрас, тем не менее воспроизводят исторически состояние Рима в ту эпоху, а восемнадцатая гомилия является незаменимой картиной тех дней.

Есть ли еще что-нибудь, так говорил Григорий, что могло бы нас радовать в этом мире? Повсюду мы видим печаль, повсюду слышим стенания; города разрушены, замки срыты, поля опустошены, и вся страна обращена в пустыню. На полях не видно ни одного колона, в городах едва ли найдутся жители, и тем не менее жалкие остатки человеческого рода каждый день не перестает поражать какое-нибудь бедствие. Небесный суд всегда будет постигать людей, и даже такие кары не могут искупить наших грехов. Мы видим, что одни взяты в плен, другие изуродованы, третьи

убиты. А до какого положения дошел теперь Рим, который некогда был властителем мира, — мы все хорошо знаем: в нем царит безмерная печаль, граждане его погибли, враги не перестают теснить его и сам он представляет груды развалин, так что на нем, по-видимому, сбылось то, что некогда пророк Иезекииль предсказывал Самарии: «Поставь котел, налей его водою и сложи в него все куски». И дальше: «И пусть все кипит и варится, чтобы и кости переварились». И еще: «Собери кости и разожги их; пусть выварится мясо, все сгустится и перегорят кости. Тогда поставь пустой котел на уголья, чтоб он раскалился и медь его расплавилась». Да, наш котел был поставлен, когда Рим был основан, и точно так же в этот котел была налита вода и в нем были сложены куски, когда в Рим стали отовсюду стекаться народы. Участвуя в мировых событиях, эти народы уподобились кипящей воде и кускам мяса, подвергнутым действию жара, и об этом превосходно сказано: «Вода кипела и хлопотала, и кости разварились». И в Риме сначала кипела со всей силой любовь к славе этого мира; но затем слава эта миновала вместе с теми, кто искал ее. Кости означают сильных этого мира, а мясо — народ, ибо, как мясо держится на костях, так слабые народы держатся сильными мира. Но вот уже нет никого из сильных этого мира — кости разварились; распались, подобно мясу, и народы. И так справедливо было сказано: «Собери кости и разожги их; пусть выварится мясо, все сгустится и перегорят кости». И действительно, где сенат и где народ? Кости распались, мясо исчезло, и с ними погас весь блеск земного величия. Они исчезли без следа, но нас немногих, еще уцелевших, меч и бесчисленные муки все-таки не перестают поражать ежедневно, и поэтому можно было сказать: «Поставь пустой котел на уголья», ибо, если сената нет и народ погиб, а между нами, немногими живущими, все еще умножаются и скорби, и стенания, то это означает, что объят огнем опустевший Рим. Но к чему говорить нам о людях, когда мы видим, что одно за другим разрушаются и самые здания! И мы вполне можем сказать о разоренном уже городе: «Пусть он раскалится и пусть его медь расплавится». Развалился тот самый котел, в котором истреблялись кости и мясо: погибли люди, и стали рушиться стены. Где же те, которые восторгались славою города? Где его пышность, его гордость? Куда девалось его частое и непомерное ликование? На нем сбылось то, что также было предсказано Ниневию: «Где логовище львов и пастбище львят?» Разве полководцы и государи Рима не были львами, которые носились по всем странам мира и, объятые кровожадностью, похищали свою добычу? И здесь же молодые львы находили свое пастбище, ибо отроки и юноши, дети людей, преданных земному, стекались из всех мест сюда, когда желали достигнуть земного благополучия. Но вот, город теперь опустел и разрушен, и в нем раздаются одни стенания. Теперь уже никто более не стремится в него, чтоб найти в нем свое земное счастье. Теперь нет такого сильного и властного, который мог бы, совершая насилие, взять добычу. И мы говорим: «Где логовище львов и где пастбище львят?» С городом опять случилось то, что предсказано было пророком Иудее: «Ты облиянешь, подобно орлу». У человека плешивеет только голова, орел же, когда окончательно состарится, теряет все свои перья и весь свой пух. И подобно орлу, утратившему перья, лишился город своего народа. Утратил город точно так же и свои крылья, на которых он некогда уносился для грабежа, ибо уже умерли все герои города, когда-то похищавшие для него чужую собственность.

Римляне — между ними еще были старцы, родившиеся в более спокойные времена Теодориха, — слушали этот дифирамб страданию среди торжественной тишины базилики Св. Петра, со стен которой на них смотрели мрачные лики святых, и знаменательные слова проповедника должны были тяжело отзываться в сердцах слушателей. Безнадежная судьба Рима стояла перед ними воочию, как совершившееся пророчество. Нет более потрясающей ужасом картины состояния Рима конца VI века, как это со-

брание римлян и обращенная к ним проповедь папы. Сближая историю столицы римской империи с ветхозаветными пророчествами, эта проповедь носит на себе печать истинного художества и полна глубокого трагизма. Она была надгробным словом, сказанным у могилы Рима епископом. Вместе с тем этот епископ был благороднейшим патриотом, последним потомком знаменитого, древнего римского рода; поэтому и слово его проникнуто национальным чувством во всей его силе.

Агилульф осадил Рим, не встретив никакого деятельного отпора со стороны города. «С малочисленным народом и без помощи войска», как говорит сам Григорий, Рим не мог оказать действительного сопротивления и возлагал надежды на Бога и апостола Петра. Поднявшись на зубцы ветхих стен Аврелиана и Веллизария, папа мог собственными глазами видеть, как римляне, подобно собакам, взятым на свору, шли за лангобардами, чтобы быть затем проданными в Галлии в рабство, и натиск врага на ворота должен был порою переполнять папу ужасом, так как единственные императорские сановники в Риме, префект Григорий и *magister militum* Касторий, были сомнительными защитниками города. И не их заботливости и также не стойкости граждан, а кошелек церкви был обязан Рим удалением врага. В одном позднейшем письме к императрице Констанции Григорий иронически называет себя казначеем лангобардов, так как под их мечом римлянам сохраняется жизнь лишь постольку, поскольку за эту жизнь церковь каждый день платит.

Освобождение Рима не вызвало в императоре чувства признательности к папе; напротив, экзарх старался даже набросить в Византии тень подозрения на епископа, считая его лично для себя опасным и будучи также, по-видимому, недоволен тем, что епископ вел с неприятелем самостоятельные переговоры. Маврикий написал Григорию резкое письмо, в котором упрекает его, что Рим во время осады не был достаточно снабжен хлебом, и затем прямо называет Григория глупцом за то, что он позволил Ариульфу обмануть себя обещанием прийти лично в Рим для заключения мира. На это письмо Григорий отвечал со всею сдержанностью, с которой он как подданный должен был отнестись к императору, но в то же время и с полным достоинством и с большой дипломатической тонкостью. Он перечисляет все опасности и бедствия, которым подвергался Рим, благодаря поведению экзарха, и затем, выражая готовность принять сделанный ему выговор, как знак внимания к нему, старается оберечь императорских чиновников от немилости и восхваляет их деятельную бдительность при защите Рима.

2. Светское управление в Риме. — Императорские чиновники. — Полное молчание о римском сенате

Упомянув о префекте и о *magister militum*, мы должны уделить немного внимания светскому управлению Рима в ту эпоху и таким образом коснуться одной из самых темных сторон истории города. Мы уже говорили, что в это время не упоминается ни о каком герцоге (*dux*) Рима и нигде нет речи о римском герцогстве. В некоторых городах вместо того имеются *comites* и *tribuni*, а в Риме и его области мы находим *magister militum* как главного военачальника, облеченного всей властью герцога. Однако и этот чиновник лишь временно появляется в Риме, как, например Касторий, на которого была возложена защита Рима против Агилульфа. В руках этого начальствующего лица были сосредоточены военные и соответственные судебные дела, а жалованье войскам, называвшееся *гога*, *praesarium* или *donativum*, высылалось из Равенны или Константинополя и затем, если только вообще доходило до Рима, выплачивалось через *erogator*'a.

Гораздо чаще упоминает Григорий о префектах, причем, однако, только в одном месте к этому имени сделано вполне ясное добавление: *urbis*. О префектах вообще, без дальнейшего обозначения, папа говорит довольно часто; поэтому было бы ошибочно думать, что в этих случаях всегда идет речь о префектах Рима. Существовал еще префект Италии, так же как префекты Африки и Иллирии, т. е. префекты тех трех диоцез, которые были некогда подчинены преторианскому префекту Италии. В своих письмах Григорий называет их; положение префекта, который всегда был различаем от экзарха, для нас все-таки яснее, чем положение проконсула Италии. Префект непосредственно ведал всеми гражданскими делами — все то, что касалось финансов, судебных дел и управления городов. Мнение папы в вопросе о замещении этой должности, как в Италии, так и в Риме, имело некоторое значение. Так, в 602 г. бывший префект Квертин просил Григория ходатайствовать у императора о том, чтоб был назначен префектом Бонит, причем, конечно, речь шла о должности префекта Италии. Папа ответил, что должность эта очень беспокойная и затем что для человека, преданного наукам, будет неподходящим делом заниматься счетоводством, которое ничего не дает; противодействовать такому назначению он, папа, не будет, но все-таки не может не пожалеть Бонита, который, видя пример своих предшественников, сам может хорошо понять, сколько предстоит ему хлопот и возни. И действительно, в письмах Григория приводится несколько поразительных доказательств справедливости такого взгляда.

Оставляя свою должность, префект должен был давать отчет своему преемнику или другим уполномоченным, причем высокий сан префекта (Григорий дает префектам титул *Magnificus, Gloriosus et Illustrissimus*) не всегда спасал его от наказания, совершенно варварского. Экс-префект Либертин был вызван на верховный суд экс-консула Леонтия в Сицилии и затем позорно наказан розгами. По поводу этой экзекуции Григорий написал Леонтию письмо, полное благородного негодования; письмо это лучшее из всего собрания писем Григория и делает ему великую честь. Григорий рассуждает здесь как римлянин, которого еще возмущает мысль, что свободный человек может быть высечен. Между королями варваров и римскими императорами, так говорит Григорий, вспоминая о древних временах, та разница, что первые — государи рабов, а вторые — государи свободных людей. Во всех ваших действиях вы должны прежде всего помнить о справедливости, и затем более всего о свободе. Далее Григорий грозит Леонтию властью, которую ему, Григорию, дает его сан римского епископа. «Если б я, — продолжает Григорий, — нашел обвиненных правыми, мне надлежало бы сообщить об этом сначала вам; когда же мой голос не был бы услышан, я должен был бы обратиться к императору». Из этого ясно видно, какую власть признавал за собою сам Григорий по отношению к высшим сановникам, действия которых подлежали его контролю.

Те чиновники, положению которых что-либо угрожало, искали покровительства у Григория. Начальствующие лица, оставлявшие должность, обыкновенно искали убежища в церквях и оставались там до тех пор, пока не получали от императорского нотариуса удостоверения, что жизнь их будет сохранена. Так поступил экс-префект Григорий, и мы имеем целый ряд писем папы, в которых он обращается к самым влиятельным лицам и горячо просит их защитить Григория от произвола судей. Такой лишенный достоинства, трусливый образ действий чиновников дает понятие о том, как глубоко была унижена византийскими деспотами даже высшая бюрократия.

Во времена Грациана и Валентиниана префект города представлял высшую власть, был *princeps senatus* и по рангу стоял выше всех патрициев и консуларов. Со времени Августа юрисдикции префекта подлежал округ, простиравшийся на 100 миль; для пригородных же провинций префект был апелляционной инстанцией.

Его ведению в самом городе подлежали все общественные дела, аннона, рынки, ценз, река, гавань, стены, водопроводы, зрелища и украшение города. С падением последнего эта должность постепенно теряла свое значение; но в VI веке она была еще настолько важна, что все гражданское управление города сосредоточивалось в руках префекта, тогда как представителем военной и политической власти был *magister militum*. Только таким образом может быть объяснен тот факт, что в деле защиты города и попечении о нем, кроме военного правителя, столь же важным лицом являлся и префект Григорий. В VII веке, когда военная власть получила полное преобладание, обширные полномочия городского префекта уже не существовали; по мере же того, как его юрисдикция все ограничивалась, он все более был подчиняем герцогу Рима, главному правителю. Уже после 6000 года, когда префектом был Иоанн, мы не встречаем упоминаний о префектах, и они отсутствуют до 774 г., когда снова появляется префект. Эта знаменитая городская должность была единственной, которая, хотя и в измененной форме, сохранилась с древних времен, а в позднейшие годы Средних веков даже приобрела немалое значение.

Кроме префекта города и *magister militum* или герцога, в Риме имелись еще другие императорские чиновники, но значение их остается для нас неясным; затем время от времени появлялись в городе послы, своим произволом внушавшие немалый ужас. Что представлял собою сенат, — мы не знаем. Те писатели, которые утверждают, что он все еще существовал, приводят в пользу своего мнения только следующие основания: известные нам места из прагматической санкции Юстиниана, далее — донесение Менандра о посылке нескольких сенаторов в 579 г. в Константинополь и, наконец, существование должности префекта, считая, что последний, как и в древности, продолжал быть и в это время главой сената. Но все эти основания не выдерживают критики и падают уже в виду того, что историки совершенно умалчивают о сенате. Если бы при Григории сенат все еще существовал, как советательный правительственный орган или как такой орган, который представлял бы собою политические права римской республики, как мог бы папа совершенно обходить его в делах первой государственной важности? Мы увидим, что Григорий, ведя в 599 г. с Агилульфом переговоры о мире, пользовался, как посредником, аббатом Пробом; между тем о сенаторах при этом не было никакой речи, и нет указаний хотя бы даже на отдаленное политическое участие сената в этом деле. Агилульф, отправив своего посла в Рим, требовал подписи под мирным договором только папы, о сенате же не упоминает ни одним словом. Таким образом, самое большее, что мы могли бы допустить, это то, что сенат существовал еще, как корпорация декурионов, причем нам пришлось бы проводить весьма сомнительную аналогию с итальянскими городами, которые еще не были завоеваны лангобардами и сохраняли последние остатки римской куриальной организации. Но ничто не указывает нам на какую-нибудь курию и в этом смысле; поэтому те знаменитые слова восемнадцатой гомилии Григория, в которых говорится, что сенат не существует, мы должны признать действительным доказательством нашего мнения. Конечно, нельзя допустить, чтобы в городе могла совершенно отсутствовать всякая муниципальная организация; ее выражением должен был быть *ordo* того времени, и им отчасти было то, что позднее стали называть *consilium* — совет, подчиненный префекту города, состоявший из правительственных чиновников и облеченный ограниченной юрисдикцией по отношению к городу.

Но, как ни скудны наши сведения об управлении Рима в ту эпоху, не подлежит сомнению следующее: военное, гражданское и политическое управление города лежало на представителе императора, а папе по закону принадлежал в известной мере контроль над этим управлением и право апелляции к императору. Во всех других

отношениях компетенция папы была ограничена церковными делами и церковной юрисдикцией, и тем не менее способности Григория в такой степени соответствовали потребностям времени, что он исключительным образом и молча был признан главой Рима и с полным правом может считаться основателем светской власти пап.

3. Положение Григория в Риме. — Заботы Григория о народе. — Управление церковными имениями

Влияние Григория оказалось сильнее власти императорских чиновников; римляне чтли в нем своего государя и хранителя, который соединял в своем лице сан епископа и славу одной из самых знаменитых патрицианских фамилий. С той поры, как пало готское государство и общественная жизнь в Риме умолкла, город стал совершенно иным. Ни консулы, ни сенат, ни игры уже не напоминали больше о всемирной империи; знатных фамилий почти уже не существовало. В письмах Григория не говорится ни об одной богатой семье древнего рода, кроме тех, которые переехали в Константинополь, между тем древние имена встречаются во владениях, которые уже принадлежали церкви. Религиозные интересы отодвинули гражданские на задний план, и мы уже видели, что римский народ замкнулся в церковную форму. Никаких других общественных празднеств, кроме церковных, более не происходило; все, что сколько-нибудь волновало досужий народ, имело отношение к церкви. Она сама стала являться великим прибежищем общества; под влиянием неслыханных бедствий в природе и войн вера в скорый конец мира стала общей, и стремление к монашеству и духовному званию достигло крайних размеров. Немудрый находил здесь пищу и кров, честолюбивый же обеспечивал себе сан и положение в такое время, когда титулы диакона, пресвитера и епископа стали для римлян тем же, чем некогда были для них саны трибуна, претора и консула. Даже воины покидали свои знамена и принимали tonsуру; желавших получить церковные должности было так много из всех сословий, что Григорий старался положить предел этому наплыву, и поэтому в 592 г. император Маврикий издал эдикт, которым воспрещалось солдатам поступать в монастыри, а гражданским чинам переходить на церковные должности. Постигнутый нищетой Рим не напрасно возлагал надежды на богатства церкви. Те времена, когда консул раздавал народу деньги, а префект заботился об обеспечении населения хлебом, маслом, мясом и салом, уже миновали; народ, требовавший когда-то *panem et circenses*, теперь просил только хлеба, и папа в изобилии снабжал им население. Еще будучи монахом, Григорий каждый день раздавал пищу бедным в своем монастыре на *Clivus Scauri*; ставши папой, он по-прежнему продолжал кормить народ. В начале каждого месяца нуждающиеся получали от Григория хлеб, платья и деньги, а в каждый большой праздник папой делались подарки церквям и богоугодным заведениям. Подобно Титу, Григорий считал тот день потерянным, в который ему не случалось накормить голодного и прикрыть чью-либо наготу. Услыхав однажды, что на одной из улиц Рима умер какой-то нищий, Григорий почувствовал глубокие утрызения совести и в течение нескольких дней не решался предстать, как пастырь, перед алтарем.

Некогда римляне получали свое продовольствие в портиках, театрах и общественных житницах государства; теперь им приходилось тесниться в двориках базилик и монастырей, чтоб получить одежду и пищу от духовенства. Толпы пилигримов, прибывавших с моря, находили приют уже в Порто, в древнем странноприимном доме, основанном сенатором Паммахием, другом Иеронима, а все те, кто входил в ворота Рима, будь то паломники или спасавшиеся от лангобардов, были обеспечены

пристанищем и пищей в госпитальных или в приютах. Дающая рука, движимая христианской любовью, встречала здесь просящую руку действительно нуждающегося.

Теми именными, которые, будучи раньше частной собственностью, мало-помалу приносились в дар церкви, Григорий управлял вполне добросовестно. Этим именем было много, и они были велики, так что папа, хотя и не был владетельным герцогом, тем не менее был самым богатым землевладельцем в Италии. Он был собственником наследственной церковной земли и в пределах ее пользовался также некоторой ограниченной юрисдикцией. Все это делало положение его сходным с положением крупного государя. Владения римской церкви, принесенные в дар апостолу Петру, были разбросаны по многим странам: церковь имела свои патримонии, или домены, в Сицилии, в Кампаньи, по всей южной Италии, в Далмации, Иллирии, Галлии, Сардинии, Корсике, Лигурии и в Коттийских Альпах. Подобно королю, назначающему в провинции своих уполномоченных, папа посылал в эти патримонии диаконов и иподиаконов (*Rectores Patrimonii*), и они обязаны были следить, как за духовными, так и за светскими делами. Отчеты этих лиц Григорий подвергал строгой проверке, не желая, чтоб «кошелек церкви был осквернен посяплением в него средств, позорно приобретенных».

Из тех многих писем, которые писал Григорий ректорам патримоний, можно составить представление об условиях, в которых находился в то время римский крестьянин и которые в течение столетий оставались неизменными. Имена церкви обрабатывались колонами; прикрепленный к своему клочку земли, колон платил дань деньгами или натурой. Дань эта называлась *pensio*, и ее собирали *conductores*, сборщики податей. Последние нередко притесняли колонов, произвольно изменяя меру хлеба; так иногда они заставляли крестьян считать модий не в 16 сектариев или в 24 римских фунта, как было установлено законом, а в 25 сектариев, и из каждых 20 шефелей отдавать один. Григорий не допускал таких притеснений: он установил модий в 18 сектариев и приказал брать один шефель из каждых 35. Эти распоряжения были распространены и на Сицилию, которая по-прежнему оставалась житницей Рима; обыкновенно хлеб привозился из нее в Порто-морею два раза в году, весной и осенью, и затем ссыпался в городские амбары. Если суда с хлебом терпели крушение, то убыток падал всей тягостью, конечно, на бедных колонов, которые обязаны были возместить потерю; ввиду этого Григорий предостерегал ректоров, советуя им не пропускать времени, благоприятного для отправки хлеба, и обещая в противном случае отнести потерю за счет их самих.

Хозяйство велось в образцовом порядке; для каждого колона велся регистр исполненных им работ, так называемый *libellus securitatis*, на который колон мог сослаться в необходимых случаях в свое оправдание; когда же вследствие неурожая или какого-нибудь другого несчастья колона постигала нужда, он мог рассчитывать, что справедливый папа выручит его в этой беде и снабдит его новым инвентарем, коровами, овцами и свиньями. Имена Св. Петра в Сицилии процветали; в них было сделано много полезных улучшений; великий папа мог бы считать себя также выдающимся хозяином и, едучи верхом в процессии, похвалиться, что конские заводы, принадлежащие церкви, поставляют ему иноходцев из той самой древней Тинакрии, победоносных коней которой некогда воспел Пиндар. Конечно, сомнительно, чтобы Пиндар нашел апостольских лошадей стоящими оды. «Ты прислал мне, — пишет Григорий иподиакону Петру, — дрянную лошадь и пять хороших ослов; на лошади я не могу ездить, так как она не годится для езды, а на хороших ослов я не могу сесть, потому что они ослы».

Имена имени апостола Петра, находившиеся в пригородной области Рима по обеим сторонам Тибра, составляли четыре группы: *patrimonium Arpiae*, обнимав-

шее все земли между *Via Appia* и морем, вплоть до *Via Latina*; *patrimonium Labicanense* — между *Via Labicana* и Ашеном; *patrimonium Tiburtinum* — между *Via Tiburtina* и Тибром и, наконец, *patrimonium Tusciae*, самый обширный из всех, включавший в себе обширные пространства земли по правому берегу Тибра. Кроме того, существовал еще *patrimonium urbanum*, который составляли владения церкви в самом городе, занятые зданиями, садами и виноградниками. Группы больших патримональных округов распадалась, каждая на хозяйства, которые назывались *fundus* и *massa*. Словом *fundus* обозначался земельный участок с размещенными на нем жилищами (*casae* или *casales*) колоннов. Несколько *fundi* составляли *massa*, или, как говорят современные римляне, *tenuta*, а несколько *massa* — *patrimonium*.

Церкви принадлежала значительная часть *Ager Romanus*. Уже в течение 200 лет поля города разорялись толпами готов, греков и лангобардов, и повсюду вокруг Рима виднелись развалины как следы пребывания врага. Базилики и аббатства, а также и знатные землевладельцы кое-как поддерживали земледелие, и культура олив отчасти еще сохранялась. В Кампании можно было также еще встретить покрытые развалинами и разоренные участки земли, как, например, *vicus Alexandri* и *Subaugusta*. Монастыри с некоторыми пристройками и множество церквей с катакомбами, теперь уже исчезнувших, виднелись между опустошенными вилами римской знати. Колонны и мрамор этих дач расхищались и употреблялись на украшение сельских церквей подобно тому, как памятники города шли на постройку базилик в городе. В общем, римская Кампания, эта прекраснейшая равнина в мире, полная спокойствия и величия, уже в VI веке представляла совершенно невозделанную пустыню.

Таким образом римская церковь владела обширными землями в Лациуме, в Сабине, в Тусции и в отдаленных провинциях Италии. Поэтому церковь эта уже давно обладала светской властью, и эта власть принадлежала ей раньше, чем возникло политическое церковное государство, действительную основу которого и составили вышеупомянутые патримонии. Богатства римской церкви были неистощимы, между тем как частное владение постепенно все исчезало. На эти средства папа мог удовлетворять запросы, казавшиеся почти невыполнимыми: поддерживать церкви, продовольствовать Рим, выкупать пленных и, наконец, купить у лангобардов мир. Богатству епископа Рим был обязан как своим спасением от этих врагов, так и своим почти независимым по временам положением по отношению к Равенне, и вместе с тем перед императором церковь надевала на себя личину бедности и с покорной признательностью принимала те крохи золота, которые время от времени, в знак своего сострадания, приносил император на пепелище Рима.

Подавленный войной, голодом и чумой, имея связь с Константинополем только в лице некоторых чиновников, отрезанный от Равенны лангобардами, предоставленный экзархом всем случайностям и почти лишенный всякой военной защиты, Рим, таким образом, нашел в Григории своего национального и им самим избранного верховного главу.

4. Григорий заключает мир с Агилульфом. — Фока вступает на трон в Византии. — Григорий шлет ему свое приветствие. — Колонна Фоки на римском форуме

В действительности Григорий пользовался почти всей властью государя, так как нити политического управления сами собою сосредоточились в его руках. В этом положении Григорий оказался по отношению не только к Риму, но точно так же и к другим местностям; так, в одном случае он посылает в тусцийский замок

Непе герцога (dux) Леонтия и увещевает духовенство, администрацию и народ повинаться этому герцогу; даже в Неаполь, для защиты этого теснимого лангобардами города, Григорий назначает трибуна и приказывает находящимся там войскам подчиняться его распоряжениям. Еще раньше Григорий поручает епископу города Кальяри, в Сардинии, Януарию, держать повсюду наготове стражу. Заботы о Риме были, без сомнения, еще более близки сердцу Григория, и неудивительно поэтому, что он, как светский глава, поглощен здесь военными распоряжениями, ведет переписку с военачальниками, находит неправильным посылку к ним войска из Рима и дает им указания, как действовать против врага.

Беспомощное положение Италии и опасность, угрожавшая самому Риму, сделали Григория посредником мира, причем достижением его Григорий был обязан только своим собственным силам. Григорий настолько сознавал свое могущество, что приказал своему нунцию объявить императору следующее: если бы он, слуга императора, добивался гибели лангобардов, то у них уже не было бы больше ни короля, ни герцога, ни графа; но он, папа, предвидя их исправление и опасаясь, что они проявят свою месть на католических церквях и имениях, которых много в занятых ими областях, решил войти с лангобардами в доброе соглашение и много лет старался достигнуть его, между тем как экзарх своими интригами препятствовал установлению такого согласия. В 599 г. этот мир, при посредстве посла папы, аббата Проба, был наконец заключен. На заключение мира Григорий, по-видимому, был уполномочен императором Маврикием. Договаривавшимися сторонами были: Агилульф и его герцоги, между которыми самым опасным для Рима был Ариульф, герцог Сполето, и склонявшийся к миру преемник Романа, экзарх Каллиник. Авторитет Григория был так велик, что король лангобардов отнесся к нему как к независимому государю и отправил своего посла в Рим, требуя, чтобы мирный договор был подписан папой. Но Григорий уклонился от исполнения этого требования, не желая своей подписью налагать на себя ответственность, и, кроме того, папа того времени сам считал себя только духовным пастырем, которому, по слову Евангелия, светские и политические дела должны быть чужды. Представление о королевской власти, связанной со священством, было еще неизвестно, и теория о двояком мече еще не была создана. Военные действия были приостановлены до марта 601 г., но затем мир, вероятно, был еще продолжен, так как существуют письма более позднего времени, из которых видно, что Григорий просит *magister militum* Маврентия и герцога Беневентского Арихиса приказать доставить ему к морю заготовленные в Бруттии балки для базилик Свв. Петра и Павла.

Среди этого ненадежного мира Рим вдруг был взволнован вестью о кровавом перевороте в Константинополе. Мужественный император Маврикий, с таким успехом защищавший империю против Аваров, пал жертвою военного возмущения, и трон стал достоянием одного из самых ужасных чудовищ, которое когда-либо знала византийская история. Мятежник Фока, простой центурион, запятанный в крови императора и его пяти сыновей, которых он с невероятным варварством приказал резать на глазах отца, стал властителем во дворце Юстиниана с 23 ноября 602 г. Новый император не замедлил послать в Рим изображения, свое собственное и своей жены Леонтии, и 25 апреля 603 г. они были получены в Риме. Таков был ставший уже старым обычаем, что каждый император, вступая на трон, посылал провинциальным властям в сопровождении солдат и музыкантов изображения свое и своей жены, которые назывались «*laugata*», вероятно, потому, что головы на изображениях украшались лавровыми венками. Эти изображения как бы заступали место императоров, а потому встречались в городах народом торжественно и благоговейно, с зажженными свечами, как какие-нибудь живые и божеские существа, и за-

тем относились в какое-нибудь священное место. Когда изображения Фоки и его жены были доставлены в Рим, духовенство и знать собрались в базилике Юлия в Латеране и с кликами: «Услыши, Господи! Многие лета Фоке Августу и Леонтии Августе!» — провозгласили тирана императором. Затем папа приказал поставить полученные изображения в епископском дворце, в часовне мученика Цезария. Под вышесказанной базиликой Юлия следует разуметь не действительную церковь, а какую-нибудь часть латеранского дворца. Избранный для торжественного принесения присяги местом оказался таким образом не древний дворец цезарей, а зала Латеранского дворца. Присутствовал ли при этом торжестве императорский чиновник, мы не имеем сведений; о сенате в этом случае опять тоже не упоминается, несмотря на всю важность такого акта, как признание нового главы империи. Напротив того, мы видим, что папа дает приказание поставить императорские изображения в часовне мученика, и они были отнесены именно в Латеран.

В глубине своей души Григорий должен был чувствовать отвращение к императору, который достиг власти, запятнав себя кровью; но политические соображения заставили Григория приветствовать Фоку и Леонтию верноподданническим посланием. В своих письмах Григорий говорит о ликовании неба и земли, как будто действительно со смертью справедливого и лично к Григорию расположенного Маврикия (хотя последний старался все возраставшему значению римского епископа противопоставить константинопольского патриарха) с Рима снималось невыносимое иго, а с новым правлением наступала вновь эра свободы и благополучия. Невозможно читать эти письма без возмущения; они являются единственным темным пятном в жизни великого человека и также позорят его, как позорит Рим воздвигнутая Фоке на форуме колонна.

Григорий не принимал никакого участия в сооружении этой колонны, так как она была поставлена уже четыре года спустя после его смерти. Злополучных римлян, которые с гордостью могли указать на величественные колонны Траяна и Антонинов и на сохранившиеся на этих колоннах статуи увенчанных славою императоров, экзарх принудил обратиться к Фоке с покорной просьбой оказать городу честь — позволить ему поставить у себя колонну императора, и эта колонна была воздвигнута Смарагдом на форуме, сбоку и против триумфальной арки Септимия Севера. Чтобы создать совершенно новую колонну, Рим уже не имел средств, точно так же, как и для самого искусства такая задача была тогда непосильна; поэтому колонна была взята из какого-то древнего здания; она античного коринфского стиля, имеет в высоту 76 палм и была поставлена на огромный постамент пирамидальной формы; на каждой стороне постамента были высечены ступени. Над высокой капителью было помещено позолоченное бронзовое изображение императора. По-видимому, художник не умел льстить, и римляне могли по этой статуе лучше оценить все безобразие византийского властителя, чем глядя на изображение в часовне Св. Цезария. Мы, однако, сомневаемся до некоторой степени, чтобы статуя эта была действительно изображением императора Фоки и произведением жившего в то время художника, и считаем более вероятным, что это была древняя статуя какого-нибудь римского императора и только окрещена была именем Фоки; это могло случиться тем легче, во-первых, потому, что такое разрешение вопроса о постановке статуи вполне соответствовало римским традициям, и, во-вторых, потому, что никто из римлян не видел собственными глазами этого византийского тирана. Таким образом, последним общественным украшением, таким же, какие создавались в древности, но воздвигнутым уже среди развалин, была в Риме статуя Фоки — памятник порабощения Рима Византией.

Случайно эта колонна сохранилась, тогда как другие статуи и колонны, находившиеся тут же, на форуме, погибли бесследно; окруженная развалинами, она в течение веков продолжала стоять, возбуждая любознательность исследователей, пока, наконец, в марте 1813 года не был отрыт ее пьедестал, на котором оказалась надпись. Имя императора и все подкорманные лестью к нему его прозвища были забыты римлянами, справедливо питавшими к нему ненависть. Колонна стоит доньше на том же месте. Возвышаясь среди неизвестных постаментов, с которых уже давно исчезли помещавшиеся на них статуи, окруженная хаосом опрокинутых мраморных глыб, лишенная сама своей верхней части со статуей и одинокая, эта колонна ярче всякого сказания Тацита воспроизводит образ деспота.

ГЛАВА III

1. Отличительные особенности VI века. — Магомет и Григорий. — Религиозное настроение. — Почитание мощей. — Вера в чудеса. — Григорий освящает готскую церковь Св. Агаты на Субуре

Настоящая глава является как бы обратной стороной предыдущей. Там мы видели перед собой величественный и светлый образ Григория с его пронизательным умом и исключительно многосторонней деятельностью; здесь мы познакомимся с мраком, который был присущ VI веку и со всех сторон охватывал Григория. Дух этого великого человека был отчасти доступен суеверию своего времени, и Григорий сам некоторыми своими сочинениями способствовал распространению этого суеверия в человечестве. В одних отношениях гений может стать выше своего времени, в других — нет; каждый человек несетя потоком своего времени, охваченный запросами, интересами и взглядами этого времени, так же непосредственно близки человеку, как воздух, которым он дышит.

Шестой век является вообще одним из самых замечательных в истории. Человечество переживало в этот век полное крушение древней великой культуры и потому верило, что приближался конец мира. Варварство, как густое облако пыли, поднимаемое разрушающимся зданием, нависло над Римской империей, по которой носились, в образе чумы и других бедствий, ангелы смерти. Мир вступал в критический период нового развития. На тех развалинах древней империи, на которых готы погибли, как преждевременные пионеры Германии, теперь уже создавались юные формы национальной жизни. В Италию обновление было внесено лангобардами, в Галлию — франками, в Испанию — вестготами, в Британию — саксами. Жизненным началом этих крепнувших народных групп явилась католическая церковь; победив арианство, она мало-помалу привела эти группы к единству, которое раньше или позже, в виде новой западной «империи», должно было облечься политической формой. И в это же самое время на востоке совершался подобный же процесс развития: созданная Магометом новая религия покорила и объединила народы на восточных обломках Римской империи, византийское же государство эта религия сначала принудила предоставить Италию самой себе, а затем превратила его в бастион, который в течение веков с геройским мужеством охранял и Запад, и эллинскую культуру. Григорий и Магомет оба были духовными пастырями, первый — Запада, второй — Востока, создавшими на развалинах древности те две иерархии, враждебным столкновением которых были определены дальнейшие судьбы Европы и Азии. Базилика Св. Петра в Риме и Кааба в Мекке были символическими храмами завета, один — европейского мира, другой — азиатского, тогда как

церковь, сооруженная Юстинианом в честь св. Софии, — это изумительное создание византийской империи, — оставалось центром все еще сохранявшего свою жизнь греческого начала.

Неудивительно поэтому, что в то время столкновения народов и перехода к новым общественным формам люди со всей силой своего воображения отдавались религиозному чувству. Когда переживаемый в болезни кризис парализует все положительные душевные силы, ничем не сдерживаемые фантазия и бред уносят человека в царство сновидений. Так же, как при Константине, обществом овладел мистический экстаз; уже в Бенедикте мы видели основателя нового, вышедшего из Рима монашества. Пораженные тяжкими страданиями, люди погрузились в мрачную мечтательность. Весьма знаменательным по отношению к религиозной жизни римлян того времени является то обстоятельство, что процессии, устроенные по случаю чумы и описанные нами выше, были направлены к церкви Девы Марии. Не Христос, а Его Мать призывалась спасти людей. Таким образом, почитание Девы Марии, преобладающее в Италии и Греции доныне, было господствующим уже в то время. До Константина такая же процессия была бы связана с именем Христа, во времена вандалов и готов — с именем апостола Петра; теперь воображению людей, искавших покровительства, Богоматерь казалась ближе, чем Ее Сын, суровое величие которого на мозаичных изображениях говорило людям, что они найдут в Нем только Страшного Судью всего мира. Возможно ли утверждать, что эта сделанная на мозаиках замена некогда призывалась своей идеальностью напоминавшего Аполлона, образа Христа образом сурового и мрачного старца содействовала тому, что люди, проникшись благоговейным трепетом к Христу, отделились от почитания Его? Чистое служение Богу вообще уже давно извратилось в новую мифологию. С той поры, как эпоха отцов церкви и догматической борьбы из-за основ христианского учения миновала, почитание святых, церковные празднества и обряды и пышная церковная служба стали распространяться повсюду. Нисходя от Христа к апостолам, как стоящим на верхней ступени иерархической лестницы, верующие делали затем объектом своего поклонения множество мучеников, т. е. борцов за Христа. Повсюду в городах появлялись церкви, посвященные памяти этих мучеников, а в церквях сооружались алтари мученикам и хранились их мощи. Чувственный латинский народ никогда не был склонен к монотеизму; едва успев сделаться христианами, римляне немедленно стали делать достоянием своего города, который издревле был пантеоном богов, всех появлявшихся в провинциях новых святых, строили церкви в честь этих святых и собирали их мощи. Школы светских наук не существовало, голоса критического суждения не было слышно, и это давало полный простор развитию мистической мечтательности и грубо материального культа. В представлении людей, ставших варварами, одна только живопись, значение которой как искусства для той эпохи не может быть достаточно оценено, еще сохраняла отчасти свое идеальное содержание.

Во времена Григория поклонение мощам уже достигло той степени развития, на которой оно стоит в настоящее время. Римляне утверждали, что в их обладании имеются самые священные останки — мощи апостолов Петра и Павла, и были готовы скорее расстаться с городом, уступив его лангобардам, чем утратить хотя бы частицу этой святыни. Императрица Константина чистосердечно требовала у папы уступить ей для исповедальни церкви, построенной ею в Византии, во дворце, голову апостола Павла или какую-нибудь другую часть его мощей; Григорий ответил императрице письмом, в котором с трудом сдерживает свое негодование. Он пишет, что коснуться святых мощей и даже взглянуть на них есть такое преступление, за которое надо заплатить смертью; что он сам думал сделать некоторые незначительные исправления у гроба св. Павла, но может удостоверить, что один из тех, кому была поручена эта ра-

бота, дерзнул прикоснуться к мощам, вовсе не принадлежавшим апостолу, и тем не менее был тотчас же поражен смертью; далее, что Пелагий, сооружая часовню св. Лаврентию, приказал открыть его гроб, и не прошло 10 дней, как все монахи и смотрители церкви, взиравшие на мощи, умерли; что для получения чудодейственной силы совершенно достаточно иметь положенный в ларец лоскут покрывала с гроба апостола; что он, Григорий, готов послать императрице такие освященные лоскуты (они назывались *brandea*) или какую-нибудь часть от цепей апостола Петра, если только, конечно, удастся отпилить что-нибудь, так как, лукаво прибавляет Григорий, священник, на которого возложено это дело, не всегда может удовлетворить такой просьбе: часто, сколько он ни пилит, ему не удается получить ни единой стружки.

Римляне имели достаточно оснований опасаться за целостность святых мощей, которыми они обладали, так как у многих было сильное желание приобрести эти мощи. Во время было множество людей, которые по собственной корысти или по заказу сторонних епископов разыскивали клады и, может быть, еще более — кости; эти люди повсюду рыскали, пробирались незаметно к могилам мучеников, шарили в гробах и похищали все то, что в них было драгоценного. Однажды римляне заметили греческих людей, выкапывающих кости по соседству с базиликой Св. Павла; это понудило римлян охранять принадлежащие городу мощи больше, чем стены города. Гордые обладанием такой святости, какой не было ни в какой другой церкви всего мира, римляне видели в этих мощах палладиум Рима и также тот магнит, который привлекал к себе пилигримов из всех стран. Раздававшиеся папой опилки от цепей апостола Петра, которым уже в VI веке приписывалось спасение Рима, считались таким же великим даром, каким впоследствии стала освященная золотая роза. Тогда существовал обычай вделывать такие опилки в золотой ключ, который как амулет носился на шее. Иногда сюда же прибавлялись еще кусочки железа от легендарной решетки св. Лаврентия; далее рассылались золотые кресты, в которые были вделаны кусочки дерева «подлинного креста». Такие кресты и золотые ключи считались средствами, предохраняющими от болезней и всяких других несчастий. Григорий сам удостоверяет святость таких вещей и рассказывает, например, как одному лангобардскому солдату вошел в шею клинок, когда этот солдат вздумал переделывать такой полученный в добычу крест св. Петра. Эти амулеты Григорий посылал только лицам высокого ранга: экс-консулам, патрициям, префектам и королям, как, например, Хильдеберту Франкскому, Реккареду испанскому и Теоделинде. Дальние церкви одарялись маслом из лампад, которые теплились у могил мучеников. Кусочек растительной ткани опускали в такое масло, затем клали в сосуд, надписывали на последнем имя святого и отсылали куда следовало. Одного прикосновения к такой святине было достаточно, удостоверяет Григорий, чтоб совершилось чудо. Точно так же был обычай одаривать Рим маслом от св. креста в Иерусалиме.

Отказав византийцам, просившим уступить им голову св. Павла, Григорий тем не менее сам благополучно добыл на востоке руки апостолов Луки и Андрея и обогатил этими мощами город, который не переставал заботиться о том, чтобы в нем как можно более было сосредоточено реликвий, пользовавшихся самой широкой славой. Рассказывают, будто Григорию удалось разыскать чудотворный хитон евангелиста Иоанна и что этот хитон был положен в Латеранской базилике. Тремя столетиями позднее Иоанн Диякон удостоверял, что туника эта и в его время все еще творила великие чудеса: что стоило во время засухи встряхнуть туникой перед дверями Латерана, как появлялся вдруг дождь, и она же во время ливней делала небо ясным; таким образом в этой тунике римлянам повеселилось найти *laris manalis*, тот дождевой камень, который в языческое время, в продолжение веков, носили по *Via Appia* и который творил такие же чудеса.

В тесной связи с этим культом реликвий стоят всякого рода другие суеверия того времени: людям появлялись то Дева Мария, то св. Петр; умершие вдруг пробуждались; мертвые тела начинали издавать благоухание; то здесь, то там появлялся сияющий ореол; появлялись и демоны. Такого рода суеверия существовали уже давно и можно удивляться только тому, что их разделял и человек такого высокого ума, как Григорий, который брал под свою защиту даже евреев, фанатически преследуемых епископами. Своими письмами и диалогами Григорий свидетельствует, что он разделял убеждения своего времени, и мы охотно признали бы такие взгляды давно пережитыми заблуждениями человеческой фантазии, если бы только наше время действительно давало на это право. Григорий посвятил церковь в Субуре, — ту самую, которую учредил Рицимер, — св. Агате из Катаньи, где эта святая и до настоящего времени чувствуется как защитница от пламени Этны. Деятельные сношения Григория с Сицилией были, конечно, причиной тому, что он включил святую этого острова в число тех, которые почитались городом. Кроме того, Григорию желательно было уничтожить в Риме последние воспоминания об арианстве, и он сделал снова католической эту церковь, остававшуюся до тех пор закрытой. Со всей серьезностью Григорий рассказывает, что по окончании освящения церкви дьявол в виде свиньи невидимой, но осязаемой стал шмыгать между ногами присутствовавших и наконец выскочил в двери. Затем три ночи подряд была слышна страшная возня под стропилами, и после того на алтарь спустилось благоухающее облако. Мы останавливаемся на всех этих фактах не в виду их анекдотического интереса, а потому, что они имеют историческое значение: терпимость к арианскому вероисповеданию с падением готов прекратилась; последними следами их владычества в Риме были некоторые церкви, оставшиеся запечатанными, и многие из них должны были принадлежать арианам, так как Григорий говорит, что он решил также освятить арианскую церковь в третьем округе у дворца *Megalana* и посвятить ее св. Северину, мощи которого, по приказанию Григория, были доставлены из Кампаньи. Излишне прибавлять, что вероучение об аде было уже давно разработано, догма же о чистилище (*purgatorius ignis*) исходит от самого Григория. Мы отметим только одно поверье того времени: хотя местом пребывания осужденных душ считалась долина геенны, тем не менее в подземном мире различались еще другие места. Так, душа короля Теодориха была низвергнута в кратер вулкана Липари. Больному епископу Герману из Капуи врачи предписали ванны в Ангули, ныне *S.-Angelo* в Абрुццах; почтенный прелат не успел начать свои ванны, как пришел в немалый ужас: в паре этих ванн епископ увидел томившуюся душу диакона Пасхазия, и затем этот призрак объяснил епископу, что такое наказание он несет за то, что поступил как еретик, дав согласие на избрание папой Лаврентия.

2. Диалоги Григория. — Легенда об императоре Траяне. —

Город Тражанум. — Состояние наук. — Обвинения против Григория. — Город все более разрушается. — Усилия Григория восстановить водопроводы

Того, что нами сказано выше, достаточно, чтоб составить определенное представление о Григории и о римлянах его времени, а между тем мы коснулись только некоторых верований и заблуждений человечества той эпохи. Тому, кто хотел бы ближе ознакомиться с мировоззрением того времени, следует прочесть диалоги Григория — четыре книги чудесных историй, которые Григорий рассказывает своему верному диакону Петру, время от времени вставляющему свое слово, чем и

достигается разговорная форма изложения. Эти диалоги написаны Григорием на четвертом году его бытности папой. Немногие книги читались так усердно, как диалоги Григория; они расходились на Востоке и на Западе в списках и в переводах, между которыми в VIII веке появился даже арабский перевод; еще позднее король Англии, Альфред, перевел диалог на саксонский язык. Члены конгрегации Св. Мавра, издавшие творения Григория, полагают, что лангобарды присоединились к католицизму, благодаря этим диалогам, и историк итальянской литературы утверждает, что диалоги по своему содержанию вполне могли оказать такое действие на детские души нетронутых культурой народов. Но тот, кто познакомится с рассказами, составляющими содержание диалогов, не может не пожелать, чтоб было доказано, что Григорий не был их автором, так как одно только имя знаменитого папы должно было служить поддержкой всему тому суеверию, которым полны диалоги. Значение их в деле обращения в христианство не могло не быть сомнительным и мимолетным, принесенный же ими вред долго давал себя чувствовать. Нельзя, однако, не признать за диалогами значения национального произведения, итальянского и римского. В своих чудесных сказаниях Григорий приводит только такие легенды, которыми воздается слава итальянским святым его времени и которые, доказывая, что римская церковь обладала чудотворной силой, могли, следовательно, служить орудием борьбы с арианством лангобардов. Вся вторая книга посвящена деяниям Бенедикта. Таким образом диалоги Григория явились в провинциях как бы мирными миссионерами римской церкви.

Великому папе, поведавшему такое множество чудесных историй, естественно было стать самому действующим лицом одной из легенд. Однажды, гласит сложившаяся в VIII веке легенда, Григорий шел через форум Траяна. С восторгом взирал папа на это изумительное создание римского величия, и одна статуя привлекла внимание папы. Она изображала отправлявшегося на войну Траяна в тот момент, когда он решил сойти с лошади, чтоб выслушать обратившуюся к нему с просьбой вдову. Женщина эта оплакивала своего убитого сына и требовала у императора правосудия. Траян обещал разобрать дело, когда вернется с войны. «Но если ты не вернешься, — возразила бедная женщина, — кто рассудит мое дело?» — и, не довольствуясь обещанием, что дело будет разобрано в таком случае наследником Траяна, она так горячо умоляла его, что он сошел с лошади и исполнил ее просьбу. Вся эту сцену Григорий видел перед собой, и глубокая печаль овладела им при мысли, что такой справедливый государь осужден на вечное мучение. С рыданиями направился Григорий к св. Петру, упал здесь в судорогах и услышал тогда голос с неба, который говорил, что молитва Григория о Траяне услышана, душа языческого императора получила разрешение от грехов, но Григорий уже никогда больше не должен молиться о язычнике. Позднейшее прибавление к легенде гласит, будто бы Григорий действительно вызвал из могилы прах императора, чтоб окрестить его душу, и что прах этот затем рассыпался, а душа была принята на небо.

Смелое предположение о том, будто языческий император, эдиктом на имя Плиния предавший христианство как религию нездоровую (*religio illicita*) гонению со стороны государства, был принят в лоно праведных одним из самых почитаемых церковью пап, — такое предположение противоречило догматам церкви. Поэтому кардинал Бароний со всей серьезностью подвергает самой строгой критике эту прекрасную легенду, сложившуюся в Риме в период его падения, и прилагает все старания к тому, чтоб совершенно смыть с священной памяти Григория невинное поэтическое сказание о нем и доказать, что Григорий никогда не мог ни чувствовать сострадания к Траяну, ни молиться о каком бы то ни было язычнике. Конечно, Бароний прежде всего мог бы усомниться в существовании на римском форуме

во времена Григория каких-либо статуй, но в пылу своего усердия он так увлекается, что нагромождает на душу Траяна целые горы преступлений, желая снова водворить ее в ад. Мы не будем больше останавливаться ни на соображениях Барония, ни на доказательствах кардинала Беллармина, опровергающего уже без фанатизма приведенную легенду; мы изложили ее как одно из самых замечательных римских преданий времени упадка. Оно воспроизводит нам римлян VIII века, когда они, все более и более утрачивая воспоминания о колонне Траяна, взирали на нее с изумлением и передавали друг другу удивительные истории о делах этого благородного императора. Как какое-нибудь растение, вьющееся по стенам разрушенного здания, выросла и эта легенда на развалинах форума Траяна.

Нам неизвестно, в каком состоянии был тогда этот форум. Во времена Павла Дякона, который рассказывает приведенную легенду, т. е. в VIII веке, форум был, по-видимому, еще не вполне разрушен. Когда миновала эпоха готов, римляне все еще продолжали собираться на нем, чтоб послушать чтение Гомера или Вергилия и других поэтов; об этом свидетельствуют две заметки епископа Пуатье, Венанция Фортуната, современника Григория. Епископ этот пишет: «Конечно, едва ли великий Рим слышал чтение пышных поэм высокого стиля на форуме Траяна. И, если б ты прочел перед сенатом подобное произведение, к твоим ногам был бы положен золотой ковер».

Исследователь истории римского сената в Средние века мог бы, пожалуй, привести эти стихи в доказательство того, что сенат все еще существовал; но они с одинаковым правом могут быть отнесены как ко времени Венанция Фортуната, так и к более раннему времени. Современный же исследователь итальянской средневековой литературы, основываясь на приведенных стихах, утверждает следующее: «В конце VI века на форуме Траяна происходили торжественные чтения Вергилия. Поэты того времени там же декламировали свои произведения, и победителю в таких литературных состязаниях сенат давал в награду ковер из золотой парчи». Не думая, чтоб цветы красноречия были награждаемы коврами, мы полагаем, однако, что при Григории стихотворческие произведения еще декламировались на форуме Траяна, и это обстоятельство заставляет нас коснуться вопроса, в каком состоянии были тогда науки.

Мы видели, что при Теодорихе и Амалазунте школы и получавшие жалованье от государства учителя еще были предметом должного попечения; готский период также еще украшают последние выдающиеся имена латинской литературы: Боэция и Кассиодора, и епископов Эннодия, Венанция Фортуната и Иордана. Из произведений этих писателей видно, что поэзия, история, философия и красноречие изучались по-прежнему в их общей связи. Стихосложение, классическое искусство древних, не было еще изгнано даже из церкви; в то самое время, когда на форуме Траяна читался Вергилий, можно было слышать, как в базилике Св. Петра ad Vincula иподиакон и ехсомес Аратор читал не раз перед рукоплещущей публикой свою поэму (544 г.), в которой еще далеко не варварским гекзаметром излагалось житие апостола. В своем обращении к папе Вигилию, которому была поднесена эта поэма, Аратор приводит в свое оправдание ту мысль, что метрика не может быть чуждой Священному Писанию, причем, как на доказательство он ссылается на псалмы и затем высказывает свое убеждение в том, что Песнь Песней, Книга Иеремии и Книга Иова написаны в оригинале будто бы также гекзаметром. Муза Вергилия, вдохновившая иподиакона VI века, увлекла автора в область не вполне одобряющих воспоминаний и порою в нем слышится отголосок язычества; Олимп заступает у поэта место христианского рая и Бог попросту именуется громовержцем. Эти языческие образы тревожили Вигилия в 544 г. так же мало, как и Льва X в XVI веке, когда формы и идеи Древнего мира были снова внесены искусством в христианство. Такое возродившееся язычество, древнюю метрику и проникнутую радост-

ным чувством знание древней поэзии мы находим у современника Григория знаменитого ирландского монаха Колумбана, бывшего основателем монастыря Боббио и умершего в 615 г. Автор самым наивным образом изображает Христа действующим наряду с Пигмалионом и Данаей, Гектором и Ахиллесом.

Но византийские войны и падение государства готов должны были похоронить вместе с общественными установлениями и гуманистические науки. О школах риторики, диалектики и юриспруденции мы уже ничего больше не слышим; могло процветать только одно врачебное искусство, которому Теодорих усердно покровительствовал. По-видимому, римские врачи даже превзошли славою врачей равеннских, так как Мариан, архиепископ Равенны, страдавший грудью, был приглашен Григорием для лечения в Рим.

Средства для образования юношества были самые скудные, и это образование было больше домашнее, чем общественное; совсем прекратиться оно не могло, ибо преподававшие гуманистические науки и учившиеся им всегда были. Если верить напыщенным словам Иоанна Дякона, то Рим в правление Григория был «храмом мудрости, опорой которого, как колонны в здании, было семь искусств», и среди окружавших папу лиц не было ни одного человека, которого язык или обхождение напоминали бы варвара; наоборот — каждое из этих лиц было хорошо знакомо с латинской литературой. Началось вновь процветание всех свободных искусств; ученым не было надобности уделять свое время повседневным заботам, и даже папа окружал себя больше образованными людьми, чем высокоставленными лицами. Словом, живя в варварском IX веке, Иоанн Дякон нарисовал такую картину двора Григория, как будто имел перед собой гораздо более поздний двор Николая V. Но одну слабую сторону ученый монах, к его сожалению, должен был все-таки отметить; при дворе Григория не умели говорить по-гречески. Папа сам признается, что он не понимает по-гречески, и это тем более странно, что он так много лет провел в Константинополе, будучи нунцием, где он имел случай говорить по-гречески ежедневно, хотя, конечно, придворным и официальным языком тогда все еще был латинский язык. С другой стороны, в Византии не было никого, кто умел бы хорошо читать полатыни. Таким образом отчуждение между обоими городами становилось все больше и больше, и вместе с тем классическая литература греков делалась также все более чуждой Риму. Иоанн Дякон приписывает, конечно, своему герою вполне основательное знакомство со всеми свободными науками и утверждает, что Григорий уже с детства настолько хорошо был ознакомлен с грамматикой, риторикой и диалектикой, что не уступал в городе никому по своим познаниям, хотя в то время (как говорит Иоанн) литература процветала в нем. Но эта блестящая картина процветания наук в Риме тускнеет ввиду собственных слов Иоанна Дякона, который вполне определенно говорит, что Григорий запретил духовенству читать языческих авторов, и затем сам приводит получившее известность место из одного письма Григория, которое делает вполне очевидным враждебное отношение папы к гуманистическим наукам. Григорий писал галльскому епископу Дезидерию именно о том, что ему, папе, стыдно было узнать, что епископ обучает некоторых лиц грамматике; объявив далее, что древняя литература не более, как дурачество, и что прославлять ее — значит забыть Бога, папа говорит: хвала Христу и хвала Зевсу не могут исходить из одних и тех же уст. В другом месте Григорий признается, что он не боится варваризмов в своей речи и не гонится за грамматической правильностью ее и синтаксисом, так как считает недостойным подчинять слово Божие правилам Доната.

Утверждать, что Григорий был враждебно настроен по отношению к гуманистическим наукам, имеется полное основание, главным образом, ввиду первой приведенной нами цитаты; но нет никаких данных, которые давали бы право заклю-

читать, что самому Григорию было присуще варварство или что сам он был невежествен. Его ученость была теологического свойства. Если он обладал познаниями в диалектике древних, чего не видно в его сочинениях, никогда не соприкасавшихся с философией, то он отрекся от этих познаний. Произведения Григория соответствуют, конечно, своему времени, но в изложении их Григорий порой проявляет риторический подъем, и латынь его не варварская. По своему личному положению он не мог не сосредоточивать всего своего внимания на существовании людей исключительно как католиков; его духовная энергия не знала усталости; поглощенный заботами своего сана, он, тем не менее и несмотря на то что постоянно болел, находил досуг еще писать обширные теологические трактаты. Поэтому было бы совершенно бесцельно требовать от Григория, в условиях его времени, внимания также и к светской литературе или хотя бы только признания ее необходимости в процессе развития человечества. Человек, присоединивший к христианству Англию, видел, что Италия также все еще не вполне отрешилась от сладкой отравы язычества; поэтому благоволить к поэтам древности он не мог. Вообще епископа Григория нельзя не рассматривать с другой точки зрения, чем классически образованного государственного деятеля Кассиодора, который уговаривал монахов своего монастыря изучать грамматику и диалектику. Григорий сам был законодателем и установителем торжественного римского богослужения. Биограф Григория ставит ему в заслугу, что он учредил школу певчих у Св. Петра и в Латеране. Школа грегорианской музыки была родоначальницей музыки на Западе: самая древняя папская капелла восприняла от язычества музыкальные традиции, и если с древними поэтами Григорий вел войну, то их ритм он признал в литургии.

В позднейшее время и даже в новейшее на Григория было взведено много тяжелых обвинений; они, однако, оказываются необоснованными. Так, Григория упрекали в том, что он положил преграду изучению математических наук; однако этот упрек основан на неправильно понятом замечании одного английского писателя конца XII века. Серьезнее другое обвинение того же автора, будто Григорий сжег палатинскую библиотеку; заслуживает внимания также легенда, распространившаяся в Средние века, будто Григорий, как ревностный католик, уничтожил древнюю библиотеку Аполлона. В действительности же участь знаменитого собрания книг, некогда помещенного Августом в портике храма Аполлона, совершенно неизвестна; возможно, что это собрание было перенесено в Византию по приказанию греческих императоров; точно так же оно могло погибнуть во время упадка Рима и, наконец, могло существовать еще и при Григории, но в виде хлама, изъеденного червями. Библиотеки Августа и ульпийская погибли тогда же, когда наступил упадок науки, и место этих сокровищ греческой и латинской мудрости, утрата которых должна сокрушать человечество больше, чем утрата всяких великолепных каменных сооружений Рима и Афин, мало-помалу заступили деяния мучеников, писания отцов церкви, декреты и письма пап, составившие их собственные библиотеки. Первое устройство их в Латеране приписывается папе Гиларию; Григорий также говорит о библиотеках в Риме в смысле архива римской церкви, прообраза современного тайного архива в Ватикане.

Нам нет надобности пытаться обелить память Григория от обвинения в таком неслыханном варварстве; оно падает само собою уже потому, что общественные произведения были достоянием не папы, а императора, который никогда бы не дал разрешения на торжественное сожжение величайшей библиотеки в Риме. Пусть будет даже доля правды в той басне, что Григорий будто бы относился с особой злобой к произведениям Цицерона и Ливия и уничтожал списки с этих произведений повсюду, где только находил их; мы находим достаточное утешение в том, что

счастливый случай помог кардиналу Май извлечь книги Цицерона о республике из могильной тьмы средневекового периода Рима.

Защитники великого папы были еще более встревожены, когда к вышеуказанному обвинению присоединилось еще одно, едва ли менее гнусное обвинение в том, что Григорий, движимый рвением католика, приказал разрушать древние памятники Рима, отчасти с той целью, чтобы уничтожить последние остатки язычества, отчасти ради того, чтобы взоры паломников не отвлекались от церквей и могил святых к прекрасным созданиям древности. Это утверждают два невежественных летописца XIV века: один — доминиканский монах, другой — августинский, оба они с полным удовольствием воспроизводят образ Григория, приказывающего сбивать головы древним идолам и ломать их. Далее, один автор истории пап, писавший в конце XV века, рассказывает, что Сабиниан, преемник Григория, восстановил народ против памяти своего великого предшественника, объяснив народу, что постигший его голод был вызван тем, что Григорий повелел повсюду в городе уничтожить древние статуи и, как утверждали даже, бросал их целыми кучами в Тибр. Но и это обвинение, нашедшее себе веру не только у протестантов, но даже у многих католиков, не может быть доказано. Григорий, без сомнения, был равнодушен к прекрасному творческому искусству древних; но мы охотно разделяем мнение тех, кто в своих заключениях принимает во внимание, что Григорий любил Рим, что право собственности по отношению к общественному достоянию принадлежало императору и что, наконец, после Григория в городе оставалось множество древних памятников. В тех мнениях, которые высказывались в Средние века, мы находим в общем все-таки некоторую справедливость суждения: упрек в вандализме вместе с варварами должны разделить и некоторые папы, и гибель иных прекрасных статуй нельзя, конечно, не поставить в вину благочестивому рвению того или другого епископа.

Самый город с каждым днем приходил все в большее разрушение. Григорий, относившийся равнодушно к храмам Рима, смотрел с сокрушением на испорченные водопроводы, которым грозило окончательное и скорое уничтожение в том случае, если государство не возьмет на себя заботу о восстановлении их. Много раз пишет Григорий своему нунцию в Равенне, иподиакону Иоанну, предлагая ему настоятельно просить префекта Италии о том, чтобы он признал необходимым восстановление водопроводов и возложил это дело на *viccomes* Августа. По-видимому, этот чиновник действительно был облечен в Равенне древним саном графа водопроводов. Но затем ничего другого более не последовало; водопроводы по-прежнему были предоставлены разрушению и, кроме не имевших значения попыток к исправлению их, ни один из водопроводов не был восстановлен. Вообще имена, принадлежавшие Древнему Риму, упоминаются при Григории только тогда, и то вскользь, когда заходит речь о церквях и монастырях; памятники же древности все более и более окутывал мрак ночи.

3. Церковная деятельность Григория. — Он стремится установить союз с Римом германского Запада. — Он присоединяет к христианству Англию. — Смерть Григория, 604 г. — Памятники Григорию в Риме

Наша задача — проследить значение великого епископа для Рима; значение же Григория для церкви составляет предмет истории уже самой церкви. Когда Григорий стал папой, века долгой борьбы, в которые было сооружено здание церковного учения, были уже в прошлом, и основные догматы католической веры о Троице и естест-

ве Христа были установлены навсегда. Период отцов церкви был закончен; наступило иное время, когда Восток отделился от Запада и стала создаваться абсолютная власть римского папы. Эта эпоха началась со вступлением на папский престол Григория; основы папского владычества были положены им подобно тому, как его предшественником, Львом I, было достигнуто признание первенства апостольского престола. Восточные диоцезы, Антиохия и Александрия, а в особенности Константинополь, не переставали оспаривать это первенство. Константинопольский патриарх Иоанн присвоил себе титул вселенского епископа; но Григорий твердо воспротивился такому самовозвышению и в то же время с большим тактом стал первым между папами смиренно называть себя «слугою слуг Господних».

Натянутые отношения, существовавшие между папами и Востоком, с течением времени привели к полному разрыву; это обстоятельство помогло Западу получить самостоятельное значение, достигнутое главным образом союзом римской церкви с германцами; греческая же церковь постепенно утрачивала свое могущество, так как ее патриархаты, древнейшие христианские установления, были почти уничтожены исламом.

Точно так же Григорию же обзаян римский престол и расширением сферы своего влияния на Западе, далеко за пределы собственно римского патриархата. В границах римской диоцезы, установленной Константином, римскому епископу, как митрополиту этой диоцезы, принадлежала духовная юрисдикция в десяти ближайших к Риму провинциях Италии, подчиненных *vicarius' u Romae*; но митрополиты Равенны, Милана и Аквилеи не признавали апостольской власти римского епископа в своих областях: первый — в Эмилии и Фламинии, второй — в Лигурии, Коттийских Альпах и в обеих Рециях, и третий — в Венеции и Италии. Тем не менее Григорий, несмотря на эти протесты, утверждал приоритет преемника св. Петра и в действительности стал патриархом Запада. Затем более тесная связь с римским престолом германских церквей в Галлии и Испании, где король вестготов Реккаред вместе со своим народом присоединился к католичеству, была также достигнута Григорием; объединению же веры в самой Италии содействовало постепенное присоединение к католичеству лангобардов — ариан, происходившее под влиянием ревностной католички королевы Теоделинды.

Как «консул Бога», Григорий покорил Риму и далекий британский остров. Рассказывают, что однажды Григорий, когда еще не был папой, увидел на форуме, где находился тогда невольничий рынок, выставленными на продажу трех красивых мальчиков-чужеземцев, и, узнав, кто они, воскликнул: «Англы — они похожи на ангелов!» Выкупив из неволи этих безродных отроков и охваченный «апостольским духом», Григорий хотел сам идти миссионером в эту дальнюю страну, но римляне решительно восстали против этого, и уже только в 596 г. Григорию удалось послать из своего монастыря несколько монахов с Августином во главе их на этот далекий остров, принадлежавший некогда римлянам. Успех этой миссии был огромный. Два столетия тому назад Британия отложилась от римской империи и затем была завоевана мужественным народом англосаксов. Теперь эта страна силой одиноко стоявшего у Колизея монастыря была подчинена ортодоксальной римской церкви как новая, воспламененная ревностью к вере провинция. Григорий решил тогда воскресить древние воспоминания и назвал короля Адельберта и его жену Адельбергу новым Константином и новой Еленой.

Так могущественный дух этого величайшего человека своего времени покорял страны и народы и всеял в них благоговение и страх к Риму. С полным достоинством держал он себя по отношению к императору и к королям, увещевая их быть справедливыми и милостивыми к своим подданным. И отдельные лица, и целые провин-

ции находили в нем заступника перед произволом императорских чиновников; его чуткое ухо улавливало народные стенания даже в дикой Корсике и в далекой Африке. Никто из пап не ставил так высоко значение своего сана, и ни одному из них не посчастливилось удержаться на высоте такого понимания; заботы и корреспонденция Григория обнимали собой все страны, где только существовало христианство. Ни один папа не оставлял после себя столько писаний, сколько принадлежит Григорию, которого называют последним отцом церкви. Более возвышенного и более благородного человека на престоле Петра никогда не было. Положив в течение своего поистине славного правления начало верховной власти римского епископа над западной церковью, длившейся целую тысячу лет, Григорий I умер в Риме 12 марта 604 г.

В настоящее время в Риме существует очень немного памятников, напоминающих Григория. С одной стороны бедственное время, вероятно, лишало Григория возможности украсить родной город новыми постройками, с другой — мысль Григория, сосредоточенная единственно на спасении души человека, была, быть может, чужда, по словам монаха Беды, тому внешнему великолепию сверкающих золотом и серебром церквей, к которому стремились другие епископы. Книга пап, столь изобилующая перечислениями сооружений предшественников Григория и сделанных ими священных приношений, упоминает в поразительно кратком жизнеописании Григория только о том, что он воздвиг апостолу Петру из серебра ciborium о четырех колоннах, т. е. балдахин над главным алтарем, называвшийся также *fastigium*. Мы уже знаем из писем Григория, что он выписывал из Калабрии балки, назвавшиеся для базилик Св. Петра и Павла, но остается вопросом, были ли действительно сделаны исправления. О постройке Григорием собственного монастыря на *clivus Scauri* мы уже говорили. Было бы большим приобретением для истории живописи, если бы сохранились до настоящего времени картины, которые Григорий приказал написать в атриуме своего монастыря; Иоанн Диакон еще видел эти картины и подробно описал их. Это были фрески, из чего можно заключить, что в то время в школах изучалась также и живопись. Св. Петр был изображен сидящим на троне, а отец Григория, Гордиан, стоящим перед Петром и держащим его за правую руку. На Гордиане было надето диаконское облачение, темно-коричневая планета поверх далматика, и на ногах невысокие сапоги. Лицо у него было продолговатое и преисполненное важности; его окаймляла небольшая борода; волосы густые; глаза оживленные. Другая картина, которая должна была изображать благочестивую мать Григория, Сильвию, была портретом одной знатной римской матроны того времени. На Сильвии был изображен белый плащ, перекинутый, по древнему римскому обычаю, складками от правого плеча к левому; белая туника, доходившая до самой шеи, ниспадала к ногам и, наподобие далматика, была украшена двумя нашитыми на нее полосами. На голове Сильвии была надета белая митра или какой-то другой убор; пальцы правой руки были сложены, по-видимому, для крестного знамения, левая же рука держала молитвенник, на котором можно было прочесть: «*Vivit anima mea, et laudabit te, et indicia tua adjuvabunt me*» («Да будет живою душа моя, да хвалит Тебя, и да послужат мне во спасение знамения Твоя»). Вид этого изображения вызывал в Иоанне Диаконе чувство благоговения, и он находил, что лицо сохраняло всю свою первоначальную красоту, несмотря на то, что принадлежало женщине уже преклонного возраста. Круглое бледное лицо было изображено морщинами, но большие голубые глаза с тонкими бровями над ними, прекрасно очерченные губы и радостное выражение лица говорили зрителю о счастье, которым было полно сердце этой женщины, давшей миру такого сына.

Сам Григорий был изображен в медальоне на стене небольшой абсиды: это был привлекательный образ с добрым лицом и темной бородой. Высокий и широкий лоб

был обрамлен редкими черными волосами; лицо выражало кротость; руки и округленные пальцы были прекрасны, и биограф, глядя на них, заключил, что обладатель их должен был быть искусен в писании. Темно-коричневая планета была надета поверх дайматика, а с плеч свешивался на грудь и по сторонам паллиум с изображением креста. Вокруг головы не было сияния, а была сделана четырехугольная кайма, удостоверявшая, что Григорий еще жил, когда это изображение писалось, так как только усопшим, в знак их святости, рисовалось сияние вокруг головы.

Монастыря Св. Андрея в настоящее время не существует. Покинутый монахами, он был снова восстановлен, сто лет спустя после Григория I, Григорием II и затем — неизвестно, когда именно, — окончательно разрушился. Утверждают, что на месте этого монастыря стоит церковь Св. Григория, время постройки которой неизвестно. Как в этой церкви, так и в прилегающих к ней капеллах, история достойнейшего из всех пап увековечена памятниками. Так, в капелле *Salviati* можно видеть художественный *sigonium*, сооруженный одним аббатом в 1469 г.; на этом *sigonium* имеется рельефное изображение процессии и парящего над мавзолеем Адриана ангела. В капелле Григория, на передней стороне алтаря, существует также рельефное изображение очень тонкой работы, принадлежащее, вероятно, тому же времени; здесь папа изображен молящимся о спасении душ, отверженных в чистилище; но легенды, относящейся к Траяну, художник не изобразил.

Бароний, бывший раньше командором комальдского монастыря Св. Григория, построил возле этой церкви три капеллы, одну — в честь св. Андрея, другую — св. Сильвии и третью — св. Варвары. Первая воздвигнута будто бы на том месте, где была построена церковь апостолу Андрею самим Григорием. Стены этой капеллы украшены картинами Доменикино и Гвидо Рени. Публекшая слава этих фресок, в которых не нашла места ни одна сцена из жизни Григория, меньше привлекает, однако, внимание посетителя, чем посредственная картина какого-то неизвестного художника в капелле Св. Варвары, изображающая присоединение Англии к католической церкви.

ГЛАВА IV

1. Правление и смерть Сабиниана и Бонифация III. — Бонифаций IV. — Пантеон посвящается Деве Марии

По смерти Григория престол св. Петра в продолжение полугода оставался незаполненным, пока наконец было получено известие об утверждении преемником Григория Сабиниана из Волатерры, бывшего раньше диаконом и нунцием римской церкви в Константинополе. Время, в которое занял престол новый папа, было бедственное, так как в Риме и по всей Италии был ужасный голод. Сабиниан прибег к помощи церковных житниц, но запасов было недостаточно, и народ стал проклинать даже память Григория, обвиняя его в расточении церковных сокровищ. Существует грубое предание, будто разгневанный дух Григория явился к Сабиниану, стал осыпать его упреками и даже нанес ему удар в голову, от которого папа умер. Таким образом Сабиниан, по-видимому, считался многими римлянами врагом и завистником своего предшественника; он умер в феврале 606 г., вероятно, во время народного мятежа. Голодный народ был так раздражен против умершего, что даже его тело пришлось переносить из Латерана к Св. Петру обходной дорогой, вокруг стен. Не существует, однако, указаний, что Сабиниан погиб насильственной смертью.

Затем апостольский престол оставался незанятым целый год, и только по истечении его Фока утвердил папой римлянина Бонифация III, сына Иоанна Катааудюцеса; это имя говорит о греческом происхождении Бонифация III. Краткое правление этого папы также не ознаменовалось никакими событиями; хроники отмечают только, что Бонифацию III удалось получить от императора Фоки декрет, которым был положен благополучный конец спору римского епископа с константинопольским патриархом из-за первенства. Император объявил, что Рим должно считать апостольской главой христианства. Бонифаций III умер, как полагают историки церкви, 10 ноября 607 г., а 15 сентября следующего года был признан папой Бонифацией IV, родом из Валерии.

Более чем шестилетнее правление этого папы было полно бедствий от голода, чумы и неприятельских нашествий. Нетрудно представить себе, как быстро приближался к полному упадку Рим, уже не составлявший предмета ничьих забот.

И тем не менее при Бонифации IV одно из великолепнейших сооружений города восстает из глубокого мрака забвения, которым оно было окутано целые века. Обширное Марсово поле было покрыто всякого рода величественными зданиями, но все они, как то: портики, купальни, храмы, стади, театры и увеселительные парки — служили только народным развлечениям, и население здесь не могло быть многочисленным. Появившиеся в этой местности церкви сосредоточили вокруг себя новую жизнь и так же, как другие церкви в покинутых местах Кампани, явились в опустелых округах Рима центрами новой группировки населения. Из многих церквей, возникавших в городе, на Марсовом поле, как мы видели, были построены только две церкви и обе на его окраинах: S.-Laurentius in Lucina и in Damaso. В центре Марсова поля существовали только небольшие капеллы. Здесь же, окруженный зданиями, построенными из мрамора и пострадавшими от наводнения 590 г., стоял Пантеон. Окружавшие его здания были: термы Агриппы, термы Нерона или Александра, храм Минервы Халкидской, Iseum, Odeum и Stadium Домициана; затем с одной стороны расстились обширные сады Антонинов, с другой — стоял театр Помпея и примыкавшие к нему портики. Все эти великолепные сооружения были заброшены, ветхи и полуразрушены, но едва ли уже обратились в совершенные развалины.

Пантеон, прекраснейший памятник Агриппы, уже более 600 лет боролся с разрушительным действием стихий; ни наводнения Тибра, почти ежегодно до настоящего времени подступающие к Ротонде и бурным потоком вливающиеся в нее, ни зимние ливни, низвергающиеся на опустившийся мраморный пол через отверстие в куполе и отводимые подземными каналами, не могли нанести ущерба этому прочному зданию. Его великолепный портик, к которому вели пять ступеней, стоял неповрежденным со всеми своими шестнадцатью колоннами из гранита и их коринфскими капителями из белого мрамора. Возможно, что в обеих нишах еще стояли поставленные здесь Агриппой статуи Августа и его самого. Стропил крыши, сделанных из позолоченных медных балок, не могло разрушить никакое время, и точно так же еще не была расхищена бронзовая позолоченная черепица, которой были покрыты и портик, и купол. Нам неизвестно, существовало ли еще тогда на фронтоне украшение; описание его не дошло до нас. Первоначально Пантеон не мог служить храмом, так как примыкал к термам Агриппы, но портик, пристроенный позднее по приказанию самого Агриппы в его третьем консульстве, указывает, что Пантеон назначался для этой цели. Уже Плиний дает этому зданию имя «Пантеон», а Дион Кассий видел в нем, кроме статуй Марса и Венеры, также статую причисленного к богам Цезаря, поставить рядом с которым свою статую Август считал себя недостойным. Эти статуи указывают, что храм служил местом возвеличения цезарей, хотя он и носил общее название храма Матери богов Кибелы и в част-

ности храма Юпитера Ультора в воспоминание великой победы Августа при Акциуме. Эдиктами христианских императоров было предписано закрыть все языческие храмы и потому, вероятно, внутрь Пантеона уже в течение двух веков не проникал никто из римлян; окованные медью створы дверей (едва ли двери, существующие в настоящее время, те же самые) были, конечно, взломаны вестготами и вандалами. Но никаких сокровищ внутри Пантеона не было, а сверкающая мраморная облицовка и украшенные металлическими розами кассеты свода едва ли могли предрешить отдавшихся грабежу хищников. В шести внутренних нишах и в эдикулах (*aediculae*), устроенных между нишами, находились заброшенные статуи богов; более ценные из них могли быть похищены вестготами и вандалами, некоторые же оставались на месте и были найдены Бонифацием IV

С большими надеждами взирал папа на это изумительное создание искусства, вполне подходившее для устройства в нем церкви. Отступавшая от обычной формы храмов округленная форма здания, стоявшего на открытом месте, пленила папу, и ему казалось, что подымающийся к небу прекрасный купол с его отверстием, через которое видны были мерцающие звезды, будет для Царицы Небесной Марии вполне соответствующим кровом. В эдиктах последних императоров ясно выражен тот принцип, что языческих храмов не следует разрушать, а должно посвящать их христианскому культу; сам Григорий, по крайней мере по отношению к Британии, подтверждает это своим распоряжением на имя епископа Мелита. В Риме этому началу стали следовать только в позднейшее время; между тем оно уже было применено в древних Афинах, где Партеон, храм девственной Афины, был превращен в церковь Девы Марии. Несомненное доказательство тому, что папам не принадлежало никакого права собственности на древние сооружения Рима, мы находим в совершенно определенных указаниях летописцев, что Бонифаций просил императора Фоку уступить ему Пантеон и получил его в дар. Судя по этому отношению римской церкви к Византии были дружественного характера, и тому же императору римляне тогда же, именно в 608 г., воздвигли почетную колонну на форуме.

На торжество освящения Бонифаций собрал все римское духовенство: осененные крестом двери Пантеона были раскрыты, и в величественную ротонду в первый раз вошли процессии поющих священников; все следы язычества были удалены и папа окропил мраморные стены святой водой. Под сводами громко зазвучало пение *Gloria in excelsis*, и римляне могли видеть, как перепуганные этим пением бесы спасались через отверстие в куполе. Бесов было столько же, сколько было языческих богов, и до Бонифация на Пантеон не переставали смотреть в Риме как на настоящее бесовское местопребывание. В позднейшие годы Средних веков было известно, что Пантеон был посвящен Агриппой Кибеле и всем богам, и полагали, что позолоченная медная статуя этой богини была поставлена Агриппой над куполом. То, что рассказывалось в XII веке, могло быть народным поверьем еще 600 лет назад; во всяком случае, Пантеон считался храмом Кибелы. Сделать такое заключение мы можем уже по тем названиям, которые дал Бонифаций IV Ротонде: он посвятил ее именно Деве Марии и всем мученикам. Христианская церковь была склонна посвящать языческие храмы, приспосабливаемые для богослужения таким святым, которые до некоторой степени соответствовали упраздненным богам. Так, предполагаемый храм братьев-близнецов Ромула и Рема был посвящен близнецам Косьме и Дамиану; св. Сабина заступила на Авентине место богини Дианы; двое военных трибунов — свв. Себастьян и Георгий — были преемниками бога войны Марса. Бонифаций таким образом следовал установившейся традиции: место великой матери Кибелы заступила новая *Magna Mater* и храм «всех богов» превратился в храм «всех мучеников». Условие, которому стремился удовлетворить установившийся в

Риме культ, а именно — собрать в городе святых всех стран, было таким образом вполне осуществлено в этом христианском пантеоне. Мы не сомневаемся, что Бонифаций ограбил катакомбы Рима и похоронил в исповедальне нового святилища целые возы костей предполагаемых мучеников.

По свидетельству Martirologium Romanum, освящение нового храма в здании Пантеона происходило 13 мая, относительно же года показания расходятся: помечены 604, 606, 609 и 610 года. Празднование освящения происходит в Риме и в настоящее время в указанный выше день; праздник Всех Святых справляется 1 ноября, праздник всех почивших в вере — 2 ноября, что могло быть установлено или уже Бонифацием, или позднее Григорием IV, так как это первоначально собственно римское празднество перешло к народам по другую сторону Альп только уже в IX веке. Таким образом общехристианский обычай поминовения умерших получил начало в Ротонде Агриппы; из Пантеона всех богов на христианский мир излился дух кроткой скорби и священных воспоминаний — дух, в котором музыкальный гений Италии и Германии позднейших веков еще черпал свое вдохновение, создавая некоторые из своих лучших произведений. Так Пантеон стал храмом молитвы об умерших, и до сих пор люди, переступая его порог, проникаются чувством благоговения. Таким образом одно из самых замечательных сооружений Рима своим спасением от разрушения было обязано церкви, обратившей это здание в место своих богослужений. Не случись этого, нет сомнения, что великолепный памятник древности был бы превращен в Средние века в укрепленный замок какого-нибудь знатного лица, испытал бы бесконечные осады, подвергся бы разрушению и, подобно мавзолею Адриана, уцелел бы разве только в виде развалин. Эта заслуга Бонифация была по справедливости достаточно великой, чтоб быть начертанной на его могиле и сделать его имя бессмертным. По своей древности, красоте и святости, новая церковь получила для римлян значение святыни города и стала собственностью пап, которую они ревниво оберегали. Еще в XIII веке каждый римский сенатор, давал папе клятву, наряду с базиликой Св. Петра, замком Ангела и другими папскими владениями, защищать и охранять S.-Maria Rotunda.

2. Деодат, папа, 615 г. — Восстания в Равенне и в Неаполе. — Землетрясение и проказа в Риме. — Возмущение Элевферия в Равенне. — Бонифаций V, папа. — Гонорий I, 625 г. — Право экзарха Равенны утверждать избрание папы. — Постройки Гонория. — Св. Петр. — Разграбление крыши храма Венеры и Ромы. — Капелла S.-Apollinaris. — S.-Adriano на форуме

Бонифаций IV умер в мае 615 г., и через пять месяцев был избран папой римлянин Деодат, сын иподиакона Стефана; это было на шестом году царствования великого императора Гераклия, который сверг с престола тирана Фоку, лишил его жизни и проник с своим оружием в самое сердце Персии, — и на первом году царствования Адельвальда, наследовавшего своему отцу Агилульфу в государстве лангобардов. Последние соблюдали мир, но восточная война оказывала вредное влияние на экзархат, где отношения между латинянами и греками становились все более и более обостренными. В Равенне вспыхнуло восстание — первое, о котором упоминается в истории; экзарх Иоанн Лемигий был убит, и только его преемник Элевферий справился с возмущившимися.

Было ли связано с этим восстанием и возмущение в Неаполе, или оно было вызвано также смутными обстоятельствами времени, неизвестно. Иоанн, уважаемый

гражданин города Компсы, о котором мы упоминали, говоря о конце готской войны, возмутился против власти византийцев и овладел Неаполем. Это возмущение принудило Элевферия двинуть в него войска из Равенны. На пути Элевферий был в Рим и здесь был принят папой Деодатом со всеми почестями. Затем Элевферий усмирил Неаполь, предал смерти мятежника и победоносно вернулся в Равенну. Все это могло произойти в 616 или в 617 году.

Книга пап — теперь уже единственный скудный источник всех наших сведений — замечает, что вслед за тем по всей Италии восстановился мир. Между тем с VII века Италия представляла уже иные условия. Латинский народ окреп, благодаря воздействию на него церкви, и начинал все с более сознательной враждебностью относиться к владычеству греков, время от времени не переставая восставать против него; с другой стороны и сами византийские наместники стали стремиться к самостоятельности. Римская церковь явилась выразительницей этих национальных движений и, в свою очередь, сама, исходя из несогласий в догматах, вступила в великую борьбу с греческим государственным началом — борьбу, имевшую огромные последствия для всего Запада.

Деодат умер 8 ноября 618 г., по всей вероятности, от чумы. Прежде чем был посвящен в папы его преемник, неаполитанец Бонифаций V, в Равенне вспыхнуло второе восстание. На этот раз во главе его был сам экзарх Элевферий. Византийский император был занят войнами с персами и аварами, и это навело честолюбивого внука на мысль воспользоваться таким благоприятным моментом, чтобы стать независимым; он провозгласил себя императором Италии и двинулся к Риму, решив овладеть городом и затем узаконить здесь свое узурпаторство. Но собственные же войска Элевферия убили его в Кастель-Лучеоли и отослали его голову в Константинополь. Это было в 619 г., а в декабре того же года совершена была ординация вновь избранного папы. О Бонифации V мы также не имеем никаких сведений; известно только число лет его правления. По-видимому, он умер в октябре 625 г.

История Рима в первую половину VII века, самого ужасного и самого бедственного времени для города, покрыта глубоким мраком. В то время, как Ираклий своими блестящими походами расшатывал персидское государство Хозроя и пролагал таким образом путь к завоеванию его арабами, — когда в Аравии среди великой борьбы создавалась и распространялась религия Магомета, — в это время Рим представлял собой как бы никуда не годный шлак истории. Нам ничего не известно о внутреннем положении города; о герцоге, о *magister militum*, о префекте не упоминается нигде, и мы напрасно будем искать каких-либо следов гражданской жизни и городского общинного устройства.

Гонорий I из Кампаньи, сын знатного латинянина Петрония, имевшего сан консула, вступил на престол Петра уже несколько дней спустя после смерти Бонифация V, и летописцы церкви заключают отсюда, что экзарх Исаак был в это время в Риме и потому так скоро утвердил нового папу. Допуская, что с этого времени право утверждения пап было вообще перенесено с императоров на экзархов, летописцы эти не без основания ссылаются на дневник ритуала римских епископов, или *Liber Diurnus*, который велся между 685 и 752 гг. Здесь действительно имеется и форма прошения об утверждении на имя императора, но она имеет второстепенное значение сравнительно с формой прошения на имя экзарха, в которой просьба об утверждении выражена сильнее и более покорно. Обыкновенно о смерти папы извещали экзарха архипресвитер, архидиакон и примicerий нотариусов; затем, подписанные экзархом духовенством и светскими людьми избирательные акты относились в архив Латерана, а копия с них посылалась императору. Но важнее было оповещение, представлявшееся экзарху, причём посылалась униженная просьба об утверждении выборов

не только к нему, но еще писались письма к архиепископу и судьям (*judices*) Равенны с убедительной просьбой быть ходатаями перед всемогущим наместником. Все сильная власть экзарха, несомненно, доказывается вышеозначенными формулами, и мы можем признать, что в эту эпоху экзарх утверждал избранных пап непосредственно как заместитель императора; остается только вопросом, получил ли это право экзарх со времени Гонория и было ли оно дано навсегда. Для римского духовенства и римского народа благорасположение экзарха имело гораздо более значения, чем благоволение императора, так как экзарх был непосредственно связан с Римом и он же определял, какое будет решение византийского двора. Нет сомнения, что сами римляне, для которых всякое промедление в утверждении пап могло быть только вредным, просили императора принять меры к устранению таких затруднений и ради этого возложить на экзарха утверждение избираемых пап.

Избранием единоплеменника знатного рода римляне должны были быть довольны, так как Гонорий, образованный и набожный человек, старался следовать примеру великого Григория. Мы не имеем возможности уделить здесь место изложению усилий, которыми Гонорию удалось возвести снова на престол короля Адельвальда, низвергнутого с трона в 625 г. Ариальдом, далее — забот Гонория о воссоединении с католической церковью ост-саксов и вест-саксов Британии и, наконец, его преступной, по мнению католиков, уступчивости по отношению к еретикам — монофелитам. Гонорию создали славу его церковные постройки, которыми он наряду с Дамасом и Симмахом обессмертил свое имя. Таким образом, после более или менее долгого промежутка, снова появляется папа, который много содействует изменению вида Древнего Рима. Мир с лангобардами развязывал папе руки, а предшествовавшие войны не истощили церковных богатств, уже достигших больших размеров, и сын консулара Петрония не щадил доходов с патримониев, когда дело шло о том, чтоб придать городским базиликам новый блеск.

В базилике Св. Петра Гонорий сделал всю новую, очень драгоценную утварь и обложил исповедальню чистым серебром, весившим 187 фунтов. Все современное великолепие гробницы апостола не более как скромное украшение по сравнению с той действительной роскошью, которая была здесь в то время и затем в последующие века. Листами серебра, весившими 975 фунтов, Гонорий покрыл даже двери среднего входа в базилику. Эти двери назывались *Janua regia major* или *mediana*, а с той поры, как были отделаны серебром, стали называться также *Argentea*. На дверях существовала надпись в стихах. Так как в ней упоминалось, что Гонорий искоренил истрийскую схизму, то надо думать, что эта отделка дверей происходила после 630 г. В надписи папа назван просто и ясно герцогом народа, *Dux plebis*. Серебряная отделка дверей была, вероятно, украшена чеканной работой, так как гладкое серебро не могло бы выглядеть красиво. Кроме главного входа, в древней базилике Св. Петра существовали еще четыре других двери, которые, вероятно, уже тогда назывались именами, под которыми они были известны в Средние века. Вторая дверь справа называлась *Romana*, так как она служила для приходящих из Рима; третья — *Guidonea* была назначена для пилигримов; четвертая, слева от главного входа, называлась *Ravignana* или *Ravennata*, так как через нее входили в базилику обитатели Транстеврина (он назывался в Средние века городом равеннатов); пятая дверь называлась *Janua iudicii*, так как через нее вносились усопшие.

Гонорий поставил также у гробницы апостола два больших светильника весом в 272 фунта, но и эта роскошь бледнела перед великолепием новой крыши базилики. Медные позолоченные черепицы храма Румы и Венеры, прекраснейшего создания Адриана, пощаженные вандалами, уже давно привлекали к себе жадные взоры пап. Наконец, Гонорию удалось получить в дар эту крышу от императора Ираклия. Та-

ким образом величайший храм старого Рима был обречен на разрушение, и его крыша перенесена на базилику Св. Петра. В то время едва ли бы нашелся хотя один римлянин, который не порадовался бы такому перемещению крыши и пожалел бы о разрушении древнего памятника.

Гонорий украсил серебряными листами также исповедальню в капелле Св. Андрея, построенной при церкви апостола Симмахом, и выстроил другую часовню св. Аполлинарию в Porticus Palmaria базилики. Так сказано в книге пап; между тем эта небольшая церковь не была устроена в портике, а примыкала непосредственно к нему. Аполлинарий, греческий святой из Антиохии, был для Равенны тем же, чем был для Рима Петр, а именно — легендарным основателем равеннского епископства. Постройкой капеллы имени этого святого Гонорий имел, конечно, намерение почтить патриарха Равенны и могущественного экзарха, но при этом не упустил из виду, что сам Аполлинарий, как глосса легенда, был поставлен Петром в епископы столицы экзархата.

Любителю строительства Гонорию Рим обязан еще другими базиликами, с которыми и связана память об этом папе. Из них самая замечательная — базилика S.-Adriano, постройка которой была вызвана перевезением мощей этого никомедийского мученика из Константинополя в Рим. Папа построил ее на одном из самых знаменательных мест в Древнем Риме — на том именно, которое тогда еще носило название Tria Fata и имело для города важное значение. Тут находилась убеженная сединою древности курия или дворец сената империи, а неподалеку от нее стояли другие знаменитые памятники — comitium, арка Януса и базилика Эмилиа Павла.

Пожар при Карине уничтожил курию, и Диоклетиан снова построил ее. Она включала в себе также Secretarium senatus, который был восстановлен в 412 г. префектом города Епифанием. Все эти памятники еще сохранялись в целости в 630 г., и каждый римлянин не мог не знать об их прежнем назначении. Древняя ратуша Рима еще называлась на языке народа именем курии или сената. Здесь происходила последняя борьба язычества с христианством из-за алтаря Победы; здесь же, во времена Теодориха и готских королей, происходили последние собрания немногих, еще существовавших представителей почетнейшего общественного института. Но при Гонории все залы курии оставались пустыми и покинутыми уже более полу столетия, а непрекращавшийся грабеж лишил их всего, что было ценно и что украшало их. Гонорий решил устроить базилику где-нибудь в этом пустом помещении. В этом случае он следовал примеру Феликса IV, который 100 лет тому назад превратил в церковь ротонду Ромула и храм города. Таким образом мученику Адриану, носившему имя знаменитого императора, была посвящена древняя курия. Такова была судьба известного всему миру дворца римского сената: уцелевшие остатки его здания сохранились в виде церкви; новейшие исследования сделали бесспорным предположение, что базилика S.-Adriano устроена в одной из зал курии.

Выстроенная недалеко отсюда, в VII же веке, церковь св. Мартины занимает место Secretarium senatus, и в этой церкви найдена та надпись, в которой говорится о восстановлении secretarium'a префектом города Епифанием.

Мало-помалу церкви появлялись на всем обширном протяжении от подошвы Капитолия, через форум и вдоль via Sacra, вплоть до Палатина. Против S.-Adriano, в Мамертинской тюрьме, существовала капелла, которая, вероятно, уже в VI веке была посвящена апостолу Петру. В храме Антонина и Фаустины была устроена в неизвестное время церковь Св. Лаврентия (in Miranda). Templum sacrae urbis был превращен в базилику Свв. Космы и Дамиана, о которой мы уже много раз упоминали, а вблизи храма Весты и помещения весталок была воздвигнута базилика S.-Maria tie Inferno. Даже в базилике Юлия Цезаря, по-видимому, существовала христианская часовня.

Таким образом, благодаря сооружению церковей многие древние памятники, окружавшие римский форум, были сохранены, хотя и в совершенно чуждом для них виде, и то место, которое уже было погребено под развалинами, а прежде сосредоточивало в себе народную жизнь, приобрело снова все значение, которое могло быть дано ему религиозным культом. В последние годы императоров и затем при гогах форум был местом политических собраний и государственных актов; в VII веке началось запустение форума; тем не менее он еще не перестал быть центром Рима. Жизнь римлян тогда еще не была перенесена с форума и соседних с ним холмов в глубь Марсова поля; во время чумы, при Григории Великом, самая главная процессия — процессия пресвитеров — начала свое шествие с форума, и в 767 г., когда избрание папы оказалось сопряженным с большими затруднениями, народное собрание происходило также на форуме. Еще далеко впереди было то время, когда римский форум превратился в одну общую каменоломню и место свалки мусора, в общем же, в эпоху папы Гонория этот форум, хотя с каждым днем и разрушался, но все-таки сохранял еще свой античный характер.

3. Церковь Св. Феодора на Палатине. — Воспоминания древних времен. — Церкви *Ss. Quatuor coronatorum* на Целии, *S.-Lucia in Selce*, св. Агнесы за *porta Nomentana*, *S. Vincenzo* и *Anastasio ad Aquas Salvias* и Св. Панкратия

В связи с вышеупомянутыми базиликами мы отметим еще две древних церкви, Св. Анастасии и Св. Феодора, находящиеся неподалеку от форума, у подошвы Палатина. Время постройки их неизвестно. Первая упоминается как титул на соборе Симмаха (499 г.), о второй мы узнаем впервые в правление Григория Великого как о диаконии.

Феодор, храбрый воин, так же, как Себастиан и Георгий, в благочестивом рвении сжег храм Кибелы и затем во время гонения на христиан при Максимиане умер мучеником на костре в Амазее, в Понте. Римляне посвятили Феодору круглую церковь на Палатине, в местности, принадлежащей к числу тех, о которых сложилось такое множество легенд, так как здесь именно находились смоковница Ромула и Рема и древний луперкалий. Возможно, что какой-нибудь благочестивый епископ решил воздвигнуть тут церковь, чтобы образом христианского воина окончательно вытеснить упорные воспоминания о луперкалиях, о Марсе и о Ромуле. Был ли этот епископ Феликс IV, неизвестно, так же, как неизвестно точно, какому времени принадлежат мозаики абсиды церкви Св. Феодора. Своим художественным размещением они напоминают мозаики свв. Косьмы и Дамиана. Христос восседает на шаре, покрытом звездами, и правой рукой благословляет, а в левой держит жезл с крестом. Справа стоит св. Павел с книгой, слева — св. Петр с ключом и рядом с ним Феодор в златотканом одеянии и с мученической короной в руках; рядом с св. Павлом еще одна фигура, тоже держащая корону. Юношески прекрасное лицо Феодора должно принадлежать времени гораздо более поздней реставрации, может быть, времени Николая V, приказавшего восстановить ротонду, но не трогать древней трибуны.

Римские археологи ошиблись в своем предположении, будто бы бронзовая группа волчицы была найдена в церкви Св. Феодора. Так как подобная группа была поставлена в древности в одном небольшом храме, стоявшем на Палатине, то археологи заключили отсюда, что церковь Св. Феодора, где будто бы оказалась такая группа, была раньше храмом Ромула. Между тем бронзовое изображение волчицы уже в X веке находилось в Латеране и отсюда в 1471 г. было перенесено в

Капитолий. Одно языческое предание слилось все-таки — и по-видимому навсегда — с именем св. Феодора: как в Древнем Риме, матери приносили своих больных детей в храм близнецов Ромула и Рема, так теперь стали приносить к святому своих детей христианские женщины. Римские кормилицы даже в позднейшие годы Средних веков справляли свой праздник также в этом же месте, где некогда кормилица Ромула и Рема нашла свою легендарную могилу.

На Целии Гонорий реставрировал базилику *Sanctorum Quatuor Coronatorum*, которая уже при Григории Великом существовала как церковь-титул. Она находилась в квартале *Carut Africae* и была построена на развалинах какого-то древнего здания; прекрасные до сих пор колонны портика и вделанная в стену часть архитравы храма не оставляют сомнения в том, что на постройку этой церкви были употреблены древние памятники. Четыре венценосца погибли мученически во времена Диоклетиана и были *comiscalari* или офицерами низшего ранга. Имена их были Север, Северин, Карпофор и Викторин. Целий был избран местом церкви имени этих святых, вероятно, потому, что здесь были расположены *castra peregrina*. То, что было построено собственно Гонорием, уже исчезло при последующих неоднократных реставрациях; высокие средневековые стены этой прекрасной церкви производят теперь впечатление замка и вместе с развалинами *aqua Claudia* и великолепной ротондой Св. Стефана придают Целию величественный вид.

Гонорием же построена также церковь *S.-Lucia* на Каринах, прозванная *in Silice* от улицы, высланной базальтовыми многоугольными плитками. Церковь эта называлась также *in Orpheus*, вероятно, по имени древнего фонтана *lacus Orpheus*, который, по указанию Марциала, находился здесь. По-видимому, она была построена Гонорием совсем заново. Вне Рима Гонорий также проявлял деятельность: он построил церковь Св. Кириака на *via Cstiensis*, у седьмого верстового камня, и церковь Северина близ Тиволи и реставрировал до основания знаменитую базилику Св. Агнесы за *porta Nomentana*.

Эта святая была римлянка патрицианского рода и окончила свою жизнь мученической смертью, имея только 13 лет от роду. Ее безнадежно полюбил и смертельно тосковал о ней сын префекта города Симфрония; отец стал убеждать молодую девушку спасти его измученного любовью сына. И Агнеса тогда призналась, что она христианка. Затем, когда она отказалась принести жертву Весте, префект приказал отвести ее под одну из арок цирка *Agonalis*, где, как и при всех других местах для зрелищ, имели обыкновение собираться гетеры. Но незримые ангелы прикрыли невинную девушку своими длинными волосами; небесный свет изгнал из помещения ворвавшихся в него спутников влюбленного, и сам он пал бездыханным на пороге. Возвращенный затем девушкой по просьбе отца к жизни, сын префекта стал прославлять христианского Бога. Тогда жрецы присудили Агнесу к смерти как волшебницу; пламя костра, однако, не коснулось ее, и палач отрубил ей голову. Предание говорит, что это происходило 21 января 303 г.

Юная святая была погребена в имении своих родных, за Номентанскими воротами, и еще поныне там можно видеть будто бы принадлежащий ей мраморный саркофаг с изображениями Океана, Геи, Эроса и Психеи. Затем имя св. Агнесы настолько прославилось, что в честь ее была построена церковь, и именно на этом месте катакомбы тянутся на большом протяжении. В одной древней надписи значилось, что первоначальная надгробная церковь была построена римлянкой Константиной; позднее ее возобновил епископ Симмах. Спустя менее чем 100 лет Гонорий нашел церковь настолько разрушенной, что пришлось строить ее заново. Хотя позднее эта церковь подвергалась еще многим переделкам, тем не менее она является действительно созданием Гонория и служит одним из лучших памятников этого папы. Подобно

древней надгробной церкви S.-Lorenzo, церковь Св. Агнесы помещается в глубине, на краю долины, которая тянется от Номентанской дороги к Саларской; вследствие этого в церковь приходится спускаться по лестнице, имеющей 47 ступеней. Своими размерами церковь не велика, но они так прекрасно согласованы между собою, что здание это делает честь строительному искусству своего времени. В церкви два ряда поставленных друг над другом романских колонн, и верхний ряд образует хоры. Прекрасная работа и фригийский мрамор колонн свидетельствуют, что они взяты из какого-нибудь древнего памятника. Воздвигнутой Гонорием над исповедальней большой скинии из позолоченной бронзы уже не существует, но мозаика абсиды, сделанная по золотому фону, все еще остается памятником своего времени и уже падавшего тогда искусства. Мозаика изображает три фигуры; все они шаблонны и безжизненны, но производят приятное впечатление своей наивной простотой. Посреди стоит Агнеса; ее художавая фигура, окутанная в разукрашенные по восточному одежды, уже приближается к византийскому стилю; голову окружает сияние; лицо лишено света и теней. Над головой святой простерта рука Бога, держащая венец; у ног лежит меч палача, а по обеим сторонам подымается пламя. Справа представлен Гонорий, подносящий изображение церкви; слева стоит другой епископ, может быть, Симмах или Сильвестр; оба одеты в темно-коричневые *plauetae* и паллии; их обритые головы не покрыты папскими тиарами и не окружены сиянием. Внизу под мозаикой можно еще прочесть древние стихи, одни из лучших того времени; они, без сомнения, художественнее, чем то изображение, которое прославляется ими:

«Золотое изваяние из резного металла возвышается и улавливает в себе сияние дня. Ты мог бы подумать, что это Аврора поднялась из белых волн и ветерок несет кудрявое облако, орошающее нивы. Так возгорается на небе блестящая Ирида, так сверкает яркими красками пурпуровый павлин. Повелевший ночи окончиться и дню настать изгнал мрак от этой мученической могилы. Устреми взгляд твой наверх; то, что все приходящие здесь могут узреть, — этот обещанный дар принесен Гонорием. Его образ ты можешь узнать по его облачению и тому, что им сделано; его светлая душа пробуждает радость в сердце зрителя».

Согласно преданию, не внушающему, однако, доверия, этот же папа первый построил церковь S.-Vincenzo и Anastasio ad Aquas Silvias, за porta Paolo, на Via Ardeatina. Из трех уединенно стоящих здесь и возникавших одна за другою базилик, церковь, посвященная названному святым, самая замечательная. Никакая другая римская церковь не производит такого впечатления старины, как церковь S.-Vincenzo и Anastasio, хотя современный ее вид позднейшего происхождения, чем тот, который был придан ей Гонорием, конечно, если только последний действительно был строителем этой церкви. Великий испанский святой, диакон Викентий был предан при Диоклетиане мученической смерти в Сарагоссе, подобно своему соотечественнику Лаврентию, на раскаленной железной решетке. Благодаря этим двум святым Испания заняла почетное место в культе, установившемся в Риме. Анастасий был персидским магом в войске царя Хозроя, но покинул войско, принял христианство в Иерусалиме и вернулся в Персию уже проповедником новой веры. Предание говорит, что победоносный Ираклий отправил голову мученика в Рим. Таким образом алтарь имени этого святого являлся памятником персидских походов великого императора. В те времена монархи добивались от Рима признания некоторых излюбленных ими святых; поэтому епископы, желавшие заслужить расположение монархов, устраивали в Риме алтари таким святым; позднее государи стали уже требовать для своих любимцев кардинальского пурпура. Войны Ираклия были кресто-

выми походами той эпохи: увенчанный славой император потребовал у персов выдачи того самого креста, на котором, как полагали, был действительно распят Христос и который в 614 г. был взят из Иерусалима Хозроем; крест этот был возвращен персами и затем доставлен в Иерусалим самим Ираклием в торжественной процессии.

Страстный строитель, Гонорий реставрировал также базилику Св. Панкратия. Этот святой был современником римлянки Агнесы и так же, как она, был предан смерти, когда ему было еще только 14 лет. Явившись в Рим из Фригии вместе со своим дядей Дионисием, он принял крещение на Целии и вскоре же затем был обезглавлен на Via Appelia как последователь христианского учения. Благочестивая Октавила похоронила тело юноши тут же, в пущуоланских пещерах, и в скором времени этот юноша стал одним из самых почитаемых героев христианского Рима. Еще раньше, чем была выстроена Симмахом в 500 г. в катакомбах церковь этому святому, к его могиле уже стекались бесчисленные толпы пилигримов, а его именем даже были названы древние городские ворота, называвшиеся прежде porta Aurelia или Janiculensis. В своей истории готских войн Прокопий уже называет эти ворота porta Sancti Pancratii. К могиле этого святого обыкновенно приходили римляне в тех случаях, когда нужно было дать самую торжественную клятву, так как существовало поверье, что нарушителя клятвы, данной на этой могиле, непременно постигнет небесная кара. Именно этим поверьем, без сомнения, была обусловлена процессия папы Пелагия I, в которой он в сопровождении Нарзеса проследовал от Св. Панкратия к Св. Петру, желая очистить себя от обвинения в том, что он содействовал смерти Вигилия; очевидно, папа должен был в этом случае прежде всего явиться на могилу охранителя святости клятвы.

Рядом с церковью Симмаха Григорий в 594 г. воздвиг монастырь. Гонорий нашел старую базилику разрушенной и возобновил ее в 638 г. Надпись, сделанная внизу мозаики, говорит об этой постройке Гонория, но самого изображения уже не существует, и позднейшие переделки церкви лишают возможности судить о первоначальном ее расположении.

В одном искаженном месте книги пап, где говорится об этом сооружении Гонория, упоминается также, будто бы он устроил мельницы возле городской стены и водопровода Траяна, приводившего воду из Сабатинского озера. Так как мельницы на Яникуле ни в каком случае не могли действовать без воды, которую доставлял именно этот водопровод (он проходил через ворота Панкратия), то это указание может служить подтверждением тому предположению, что водопровод Траяна был восстановлен Велитарием.

ГЛАВА V

1. Смерть Гонория I, 638 г. — Хартуларий Маврикий и экзарх Исаак расхищают церковное достояние. — Северин, папа. — Иоанн IV, папа. — Латеранский баптистерий. — Феодор, папа, 642 г. — Возмущение Маврикия в Риме. — Смерть экзарха Исаака. — Дворцовая революция в Византии. — Констант II, император. — Патриарх Пирр в Риме. — Церкви Св. Валентина и Св. Евла

Преемником Гонория I, умершего и погребенного 12 октября 638 г. в базилике Св. Петра, был римлянин Северин, сын Лабиина. Этот папа не утверждался более года, вероятно, потому, что он долго не решался скрепить своей подписью эктесис патриарха Сергия, составленный в благоприятном смысле для монофелизма.

Прежде чем Северин был утвержден, императорские чиновники уже успели расхитить сокровищницу римской церкви. В ризнице епископского дворца хранилось не только бесчисленное множество драгоценных предметов, принесенных в дар церкви императорами, консулами и частными лицами, но также и деньги, которые, между прочим, шли на выкуп военнопленных и на подачу милостыни бедным. Полагали, что Гонорий собрал здесь несметные богатства, и видимым подтверждением такому мнению были те роскошные постройки, которые возводил Гонорий. Экзарх Исаак находился в большом затруднении относительно денег, а между тем императорские войска требовали выдачи им их жалованья; тогда он решил силой овладеть сокровищницей церкви. В Риме тогда находился хартуларий Маврикий, занимавший, вероятно, пост *magister militum* и начальника войска в Риме. Это «римское войско» получало свое жалованье от Византии, но представляло собою, без сомнения, уже городскую милицию. Вступив сначала в соглашение с знатными римлянами, Маврикий созвал этих солдат-наемников и объявил им, что у Гонория в патриаршем дворце накоплено много богатств, а солдаты все-таки ничего не получают оттуда, между тем как там же скрыто и их жалованье, которое время от времени посылает им император. После таких разъяснений весь народ в городе восстал и, горя желанием получить добычу, бросился в Латеран. Перед нами встает сцена, которая обычно разыгрывалась в Средние века по смерти каждого папы. Дворцовые служажие оказали, однако, мужественное сопротивление; Маврикий же побоялся довести дело до кровавого столкновения. Он продержал Латеран в осаде целых три дня, но затем созвал *jurlices*, т. е. всех высших чиновников и знатных лиц Рима, и после того, как это собрание обсудило дело, наложил императорские печати на помещение, в котором хранились церковные сокровища. Далее, он предложил экзарху прибыть в Рим лично и самому взять то, что ему захочется. Исаак не заставил себя ждать. Прибыв в Рим, он прогнал из города пресвитеров или кардиналов и затем в течение восьми дней, в которые он оставался в Риме, совершенно разграбил Латеран. Часть награбленного была отдана войскам, другую часть экзарх оставил себе, а третью он отослал императору Ираклию, который, по-видимому, не считал нужным подвергнуть наказанию виновных в этом грабеже.

Экзарх прибыл в Рим под предлогом утверждения избрания Северина, которое, по-видимому, и было оплачено разграблением Латерана, так как немедленно вслед за тем избранный был посвящен, а Исаак вернулся в Равенну. Северин вступил на престол Петра 28 мая 640 г., но занимал его недолго — всего два месяца и 6 дней.

Его преемник Иоанн IV, далматинец, сын схоластика Венантия, был посвящен 25 декабря 640 г. и пробыл папой только один год и 9 месяцев. Памятником ему служит построенная им капелла рядом с латеранской крещальней, о которой мы должны здесь сказать.

Баптистерий *S.-Johannis in Fonte* возле Латерана первоначально был той единственной капеллой в Риме, где епископы имели обыкновение совершать крещение в Великую Субботу. Она была прообразом всех тех древних крещален, которые устраивались отдельно от церквей, рядом с ними. Согласно преданию, баптистерий Иоанна был перестроен из одной залы дворца, где Константин принял крещение от Сильвестра.

Несомненно же одно, что восемь роскошных порфировых колонн воздвигнуты в этой крещальне Сикстом III, и вообще можно думать, что ее современная восьмиугольная форма была придана ей этим же папой (впоследствии крещальня была только надстроена). Позднее Гиларий устроил в ней две часовни, одну в честь Иоанна Крестителя, другую — Евангелиста Иоанна, существующие доньше. Из их мозаик сохранилась небольшая часть на потолке часовни Евангелиста Иоанна: на ней

изображены вазы, фрукты, птицы и орнамент — все это языческого стиля, которого мы более уже нигде не встретим. В капелле Крестителя сохранились бронзовые двери. Затем тот же Гиларий построил еще часовню Св. Креста и с другой стороны — часовню Св. Стефана.

В таком виде был латеранский баптистерий, когда Иоанн IV решил пристроить к нему еще часовню Св. Венангия. Этот святой, имя которого носил отец папы, был далматинским епископом. Устраивая в честь его часовню, папа мог иметь в виду состоявшееся присоединение истрийской схизмы: между Римом, почтившим национального святого Далмации, и этой последней устанавливалась таким образом более тесная связь. Вместе с св. Венангием и епископом Домнием были признаны Римом и заняли место в этой часовне также восемь святых славянских воинов. Сохранившаяся здесь мозаика времен Иоанна IV свидетельствует своим грубым стилем о глубоком упадке живописи. В V и VI веках христианское искусство еще носило на себе следы античного чувства красоты; в VII веке понимание рисунка и формы было уже утрачено, и достаточно одного взгляда на мозаики этой и последующей эпох, чтоб убедиться, что Рим и Запад охватывало все более глубокое варварство. Над триумфальной аркой названной часовни мы видим апокалиптические изображения, в квадратных рамках, четырех евангелистов; с каждой стороны арки — по четыре святых; в абсиде — между двумя ангелами грубое поясное изображение Христа в облаках, с поднятой правой рукой; внизу — ряд из девяти фигур; средину занимает Дева Мария, в темно-голубом одеянии, со сложными для молитвы руками так, как это изображалось на образах в катакомбах. По сторонам Богоматери стоят апостолы Петр и Павел; у последнего в руках не меч, а книга; у первого — ключи и, кроме того, посох пилигрима с крестом, так же, как у стоящего рядом с ним и изображенного старцем Иоанна Крестителя. Дальше следуют с одной стороны епископ Венангий, с другой — епископ Домний; слева ряд заканчивается строителем часовни, держащим ее изображение; справа, вероятно, папой Феодором, окончившим постройку. Внизу мозаики имеются стихи, расположенные в одну строку.

В это время лангобарды долго не беспокоили Рим; война между экзархом и королем Ротарисом давала себя чувствовать только северным провинциям, и даже великая битва при Скультенне, где погибло восемь тысяч греков, не отразилась ничем на Риме. Все грозившие Риму бедствия исходили из Византии; теологические пререкания с восточной церковью все усиливали ненависть латинян к греческой императорской власти.

Решением экзарха на престол Петра по смерти Иоанна IV был возведен 24 ноября 642 г. грек Феодор, сын иерусалимского епископа; он не оправдал, однако, ожиданий Византии; точно так же позднее, сколько ни было греков папами, все они подчиняли всегда свои национальные соображения основоположениям Рима.

В первое время правления Феодора произошло событие, которое могло бы иметь очень серьезные последствия. Хартуларий Маврикий, которого мы уже видели выше в роли грабителя церковной сокровищницы, поднял сам знамя восстания в Риме. Опираясь на недовольство народа, знати и войска греческим владычеством, Маврикий говорил с римлянами и убедил гарнизоны всех замков в пределах территории города отказаться от повиновения экзарху Исааку, после чего восстание получило открытый характер.

Не только войска, но даже сами indices приняли сторону Маврикия, и возмущение получило таким образом вид национального движения; осторожное духовенство держалось, однако, вдалеке от него. Восстание было вскоре же подавлено. Посланный Исааком *magister militum* Дон беспрепятственно вступил с войском в Рим, и Маврикий должен был искать спасения у алтаря в базилике S.-Maria Maggiore.

Здесь он был взят и уведен вместе с другими более важными сообщниками; по приказанию экзарха он был обезглавлен уже в пути, и голова его в поучение другим была выставлена в Равенне, в цирке. Остальных пленников спасла и освободила из тюрьмы смерть самого Исаака.

Жена Исаака, Сусанна, приказала похоронить его тело в церкви Св. Виталия в Равенне, и здесь на саркофаге до сих пор сохраняется греческая надпись, относящаяся к этому экзарху, армянину по рождению. В этой надписи Исаак прославляется как соратник императоров и стратег Востока и Запада, в течение 18 лет охранявший целостность последнего и Рима. Преемником Исаака в экзархате был Феодор Каллиопа.

В это время папа снова был вовлечен в столкновение с греческой церковью, стоявшее в связи с дворцовой революцией в Константинополе. Ираклий Константин, вступивший на престол по смерти своего великого отца Ираклия в 641 г., четыре месяца спустя после того был отравлен своей мачехой Мартиной и, как полагают, монофелитским патриархом Пирром. На престол тогда вступил сын Мартины Ираклеон; но в народе произошло возмущение и оба виновника должны были искупить свою вину: они были жестоко изувечены и изгнаны. После того был провозглашен императором сын Ираклия Константина, Констант II; Пирр бежал в Африку, а его место занял Павел, еще более ревностный последователь учения об одной воле. Многочисленная секта монофелитов вышла из школы аббата Евтихия, учившего, что Христос представляет единое естество, происшедшее из воссоединения божественного и человеческого естеств. После того, как доктрина монофелитов была осуждена, греческая софистка снова вернулась к тому же вопросу, придав ему иную форму. Разделение двух естеств не оспаривалось, но принималось, что оба они нераздельно слиты в одной воле — *μονον thelema*. Константинопольский патриарх Сергей, александрийский Кир и сам Ираклий высказались за такое теологическое понимание; но начавшиеся затем волнения принудили императора издать в 638 г. свой эдикт-ектезис, который, однако, был все-таки отвергнут папой Иоанном IV. Последователи христианства разделились на два лагеря, которые вели между собой страстную борьбу: Восток держался эктезиса, а Африка и весь Запад остались верны ортодоксальному учению Рима. Что касается Пирра, то он, притворившись побежденным на африканском соборе красноречием аббата Максима, не только отрекся от монофелизма, но еще и сам отправился в Рим, чтоб удостоверить у гроба апостола свое возвращение к ортодоксальной вере.

Появление кающегося константинопольского патриарха у гроба св. Петра было немалой победой римского епископа. Пирр добровольно покинул свое место и канонически не был низложен. В своих письмах к епископам, которые возвели Павла в сан патриарха, папа ставил это обстоятельство им в вину. Пирру была оказана торжественная встреча в ватиканской базилике, в присутствии духовенства и народа, и было поставлено для него возле главного алтаря епископское кресло. Для римлян, национальная гордость которых могла находить удовлетворение уже только в сознании первенства их папы и их церкви, это зрелище было победным торжеством. Без сомнения, Пирр надеялся сближением с Римом вернуть себе свое место патриарха и лицемерил все время, пока не убедился, что достигнет своей цели скорее тогда, когда примирится с императором. Приняв приглашение экзарха приехать к нему, Пирр покинул Рим и затем нанес оскорбление римской церкви, совершенно неожиданно отрекшись от своего раскаяния и вернувшись к учению монофелитов. Узнав об этом, Феодор созвал собор в базилике Св. Петра и осудил еретика-отступника. Произнесение этого приговора было обставлено совершенно особыми внушительными церемониями. Стоя у гроба апостола, папа взял в руки чашу, влил одну каплю «крови Христа» в чернила и ими подписал анафему.

Возможно, что проклятие римского епископа было не вполне безразлично для Пирра и нарушало его покой, когда он, по смерти Павла, снова занял свое место в Константинополе. Патриарха Павла Феодор также предал анафеме; защищая с таким мужеством римское вероучение, этот папа умер 13 мая 649 г.

Феодор оставил городу немного построек; им, вероятно, была только окончена латеранская часовня, начатая его предшественником, да еще построена в Латеране часовня Св. Себастиана. Затем им были построены или реставрированы две церкви вне города — церковь Св. Валентина на кладбище у Фламиниевой дороги, недалеко от Мильвийского моста, и церковь Св. Евпла за Остийскими воротами, вблизи пирамиды Кайя Цестия. Обе эти церкви погибли; первая была разрушена, вторая, вероятно, превращена в церковь S.-Salvator in Via Ostiensi.

2. Мартин I, папа, 649 г. — Римские соборы против монофелитов. — Покушение экзарха Олимпия на жизнь Мартина. — Феодор Каллиопа силой увозит папу, 653 г. — Смерть Мартина в изгнании. — Евгений, папа, 654 г.

Борьба с монофелитами была в полном разгаре, когда умер Феодор, и его преемнику довелось стать жертвой ненависти византийского патриарха.

Мартин I, происходивший из умбрийского города Гудертума, ныне Тоди, и бывший раньше нунцием в Константинополе, вступил на престол Петра уже в июне или июле 649 года. Римское духовенство совершило над ним посвящение раньше, чем было получено императорское утверждение и новый папа выступил решительным противником греческой церкви. 5 октября он созвал в Латеране собор, на который съехалось из городов и с островов Италии 150 князей церкви. Предстояло обсудить «*turpis*», или эдикт, который был издан Константином II в 648 г. и которым всякие споры о единой и двух волях воспрепятствовались всем христианам. Император потребовал у Мартина подчинения этому эдикту, озабочивавшему императора гораздо более чем возвращение отнятых у него арабами провинций. В Италию был послан новый экзарх Олимпий, и ему было предписано принять меры, чтобы эдикт был признан епископами, владетельными князьями, народом и даже чужестранцами. Экзарх должен был захватить в свои руки папу и заставить епископов принять эдикт, но раньше надлежало узнать, каково в этом отношении настроение войска в Риме, и, если бы это настроение оказалось враждебным, оставить все по-старому, пока войска как в Риме, так и в Равенне не окажутся на стороне экзарха.

Все это бросает некоторый свет на отношения Рима к экзарху: этот императорский чиновник больше уже не смел распоряжаться городом по своему усмотрению, и в этом случае мы в первый раз встречаем ясное и вполне определенное указание на существование войска, организованного в виде милиции из знатных граждан и владетельных лиц. Это войско, хотя и получало — правда, не всегда — свое жалование из Константинополя, но по своему характеру было национально-римским. Без его согласия замысел экзарха не мог быть выполнен.

Прибыв в Рим, Олимпий нашел Латеранский собор в полном разгаре его деятельности, и уже были осуждены, и экзезис, и тип (*turpis*), и Кир Александрийский, и все три патриарха — Сергий, Пирр и Павел. Имея в виду приказ императора, экзарх с помощью части своих собственных наемников, части тех, кого ему удалось подкупить в римском войске, и затем разными другими интригами старался посеять раскол на соборе. Городом овладело большое волнение; экзарху пришлось долго пробывать в Риме, и нет сомнения, что он занимал тогда древний дворец цезарей. Все

старания экзарха оказались, однако, тщетными, точно так же как оказалось неудачным и покушение на жизнь папы, которое по крайней мере приписывается экзарху книгой пап. Притворившись примирившимся с Мартином, экзарх явился в церковь S.-Maria Maggiore и подошел к алтарю, чтобы принять причастие из рук папы; в эту минуту, как было условлено, телохранитель экзарха должен был кинжалом нанести папе удар, но Господь, всегда охраняющий своих слуг, говорит летописец, поразил спатара слепотой, и он перестал видеть папу. Затем, продолжает летописец, Олимпий действительно примирился с Мартином, покаялся ему и удалился в Сицилию, где сарацины уже успели укрепиться; здесь он потерпел поражение и после того, среди разных мятежных замыслов, умер от какой-то болезни.

Его место в Равенне заступил в 652 или 653 г. Феодор Каллиопа; он являлся уже во второй раз и имел от императора приказ во что бы то ни стало сломить упорство Мартина. 15 июня 653 г., в сопровождении камерария Пелария, экзарх вступил с войском в Рим. Во исполнение лежавшей на нем обязанности, Мартин приказал выйти навстречу экзарху духовенству, сам же, сославшись на приступ подагры, остался в Латеранском дворце. Экзарх проследовал во дворец цезарей и там принял послов; он уверил их, что сожалеет о болезни папы, и объявил им, что в воскресенье утром он сам явится к папе, чтоб засвидетельствовать ему свое глубокое почтение. Затем, опасаясь, что папский дворец полон вооруженных людей, экзарх приказал сначала сделать в нем обыск и после того окружил его своими войсками, чему римляне не оказали никакого сопротивления.

Окруженный священниками, папа покоился на своем ложе перед главным алтарем латеранской базилики. Экзарх явился в сопровождении вооруженных людей и сообщил духовенству императорский декрет, которым предписывалось низложить Мартина как узурпатора, занимавшего святой престол без утверждения императора. Духовенство ответило на это анафемой; затем поднялся страшный шум; византийцы мечами сшибли с алтарей светильники, стащили с ложа беззащитного Мартина и повлекли его во дворец цезарей. В ночь на 18 июня папу посадили на корабль, который уже стоял на Тибре готовый к отплытию, и повезли к Порто. Все духовенство готово было сопровождать папу в заточение, но экзарх разрешил папе взять с собой только шесть пажей или слуг и приказал затворить ворота, опасаясь, что римляне бросятся освобождать своего епископа. Несчастный папа после долгого путешествия морем был сначала высажен на остров Наксос, а затем в сентябре перевезен в Константинополь, где как оскорбитель величества был заключен в тюрьму. В числе предьявленных ему обвинений было, между прочим, и то, что он вместе с Олимпом участвовал в заговорах и призвал сарацинов в Сицилию.

Мы не можем войти здесь в изложение ни тяжелых мучений, которым был подвергаем в Константинополе Мартин, ни его долго тянувшегося процесса и мужественной самозащиты, и только упомянем о том, как закончилась история этого епископа-героя, так высоко поднявшего уважение к папскому сану. Низложенный императорским эдиктом, он был сослан в древний Херсонес в Крыму и здесь, покинутый друзьями и врагами и удручаемый бедствиями, умер 16 сентября 655 г. как мученик за первенство Рима. Тело Мартина было погребено сначала в церкви Влахернской Божьей Матери в Константинополе и позднее перенесено в Рим. Об этом перенесении, однако, не упоминают ни книга пап, ни составленные Бедой и Адо жизнеописания мучеников. По римскому преданию, тело Мартина было погребено в Риме в церкви Свв. Сильвестра и Мартина Турского; между тем эта древняя церковь — титул Equitius — была посвящена обоим папам только в 844 г. Сергием II. Память папы Мартина, святость которого была признана и греческой церковью, празднуется до настоящего времени 12 ноября.

После низложения Мартина и удаления его в ссылку император потребовал избрания ему преемника. Этому насилью, нарушавшему канонические правила, избранник принужден был молча подчиниться, и 10 августа 654 г. в папы был посвящен Евгений, сын Руффиана, римлянин из первого авентинского округа. Вскоре же стало очевидным, в какой сильной степени римский народ уже охвачен интересами церкви: Петр, снова ставший византийским патриархом, не замедлил выслать римскому епископу свое изложение веры, или синодик, так как по существовавшему обычаю константинопольские патриархи и папы вслед за избранием их обменивались такими синодиками. Присланное Петром изложение веры было составлено в таких неопределенных выражениях, что встретило со стороны римлян протест и было отвергнуто и народом, и духовенством. Это принудило Евгения предать осуждению синодик Петра. Таким образом римляне дали почувствовать, что они относятся к насилью, которое было совершено над папой Мартином, как к национальному оскорблению.

3. Виталиан, папа, 657 г. — Император Константин II посещает Италию. — Прием его и пребывание в Риме, 663 г. — Плач о Риме. — Состояние города и его памятников. — Колизей. — Константин грабит Рим. — Смерть Константа в Сиракузах

Евгений умер в июне 657 г., а 30 июля в папы был посвящен Виталиан, латинянин из Сигнии, в Вольских горах. Император, уже решивший, вероятно, посетить Запад, старался стать в дружественные отношения к римской церкви; новый папа шел в этом навстречу императору и поспешил выразить ему свою готовность примириться. Оказав милостивый прием римским нунциям, доставившим синодик папы, император подтвердил привилегии римского епископства и послал Виталиану список Библии, украшенный золотом и алмазами. Шесть лет спустя император действительно прибыл в Рим; но что происходило с городом за этот промежуток времени, совершенно неизвестно.

Констант покинул столицу Востока в 662 г., имея намерение покорением завоеванной лангобардами южной Италии вернуть империи ее прежний блеск и затем подчинить также Рим и римское епископство своим предписаниям. Уезжавшего императора сопровождали тень убитого им брата Феодосия и ненависть подданных. Императорская флотилия направилась к афинскому Пирею. Возможно, что имя Афин в то время еще пробуждало к себе благоговение в людях, но все более и более бледневшие воспоминания об этом городе могли быть доступны в середине VII века только тем немногим людям, которые еще были знакомы с писаниями древних мудрецов. Со времени Юстиниана смолкли и в Афинах последние голоса философов, и грустные развалины величайшего расцвета человечества окружали Акрополь так же, как был окружен развалинами всемирного владычества римлян Капитолий Юпитера. Но из праха греческой страны историческая жизнь более уже не возрождалась подобно тому, как она возродилась на мировых развалинах Рима.

Весной 663 г. Константин отплыл из Афин в Италию. Так следовал императорский поезд из Византии в Афины, в Тарент, в Рим и Сиракузы, посещая одни за другими развалины знаменитейших городов древности.

Высадившись в Таренте, император решил идти походом против лангобардов и освободить от них южные провинции Италии. Эти завоеватели действительно успели проникнуть сюда; тем не менее является ни на чем не основанной басней предание о том, будто бы уже Автарис достиг сицилийского пролива, заставил

своего коня войти в море у Региума и, коснувшись копьем воздвигнутой там колонны, воскликнул: здесь должна быть граница лангобардов! Лангобарды не были знакомы с мореплаванием и ограничивались завоеваниями внутри страны; вследствие этого им были недоступны такие приморские города, как Неаполь, Амальфи, Сорренто, Гаэта и отчасти Тарент, в которых властителями по-прежнему оставались греческие герцоги, наместники императора. Напротив, Беневент был уже Альбионом возведен в герцогство и передан Зото как его первому герцогу. Это знаменитое герцогство (оно включало в себя древний Самниум, Апулию и отчасти Кампанию и Луканию) служило лангобардам исходным пунктом их хищнических набегов на юге. Могуущественный и воинственный Зото умер в 591 г. При его преемнике Арихисе II, правление которого продолжалось 50 лет, в герцогство вошла большая часть Нижней Италии и оно простиралось к северу за Сипонт до горы Гарган.

За два года до прибытия императора в Италию Гримоальд Беневентский завладел лангобардским тронном в Павии и оставил в этом городе, в качестве герцога, своего сына Ромуальда. Собрав войска из Сицилии, Неаполя и других, еще принадлежавших грекам мест, Констант двинулся к Беневенту. Но юному Ромуальду удалось отразить нападение императора на крепкие стены города; эта мужественная защита составляет один из лучших эпизодов в истории Павла Варнефрида. Услышав затем о приближении короля Гримоальда с войском, император прекратил осаду, повернул к Неаполю и, оставив в Формиях, нынешнем Mola di Gaeta, для прикрытия своего тыла отряд войск в 20 000 человек, направился по Via Appia к Риму.

Можно представить себе, какое волнение овладело давно покинутым городом, когда в нем появился сам император-повелитель. Прибытие в Рим византийского монарха, который все еще по праву именовал себя императором римлян, было для них великим событием. Оно будило в памяти людей последние времена империи и воскрешало перед ними всю эпоху тех 200 лет, в течение которых совершались такие великие события, как падение западной Империи, образование и уничтожение германского королевства, гибель народов и городов, разрушение Древнего Рима и возникновение нового. Со времени Одоакра Рим не видел ни одного императора; развалин города не покидал один только епископ или папа, являвшийся бесспорным представителем латинской нации во всей Италии. Констант уже не вел явной борьбы с римской церковью, испытывавшей от него так много оскорблений и несправедливостей, но стоял к ней все-таки в натянутых отношениях, и ей приходилось опасаться его. Если бы императору удалось овладеть Беневентом и вступить в Рим победителем, это имело бы тяжелые последствия для церкви, но, хотя император не был побежден, он и сам не одержал победы, и в этом было счастье римской церкви.

Книга пап приводит церемониал встречи этого императора, в высокой степени замечательный уже по одному тому, что он совпадает с обычаями, которые соблюдались во все Средние века при приеме германских императоров. Папа, духовенство и представители Рима, с крестами, хоругвями и свечами, встретили Константа за городом, у шестого верстового камня. Виталиану не предстояло встретить императора с тем высоким мужеством, которое некогда проявил епископ Амвросий, удаливший со ступеней церкви Милана великого Феодосия, который запялнул себя кровью жестоко наказанных мятежников. И тем не менее при виде ненавистного Константа Виталиан не мог не вспомнить убитого императором Феодосия, погибшего голодной смертью папы Мартина и замученного католического аббата Максима. Торжественное вступление императора в Рим происходило в среду 5 июля 663 г. Так как нам известно, что император шел по Via Appia, то он должен был пройти через porta Sebastianiana и затем так же, как сделал это Теодорих при своем вступлении в Рим, немедленно направиться к базилике Св. Петра и здесь, у гроба апосто-

ла, совершить свою молитву и принести свой дар. Не может быть сомнения в том, что помещением для императора послужил древний дворец цезарей, разрушение и запустение которого должны были привести в ужас византийских придворных. Но как бы ни был запущен этот дворец, в VII веке он отчасти еще был обитаем, так как герцог Рима имел в нем свое помещение. В ближайшую субботу император проследовал к S.-Maria Maggiore и здесь также сделал приношение; в воскресенье он отправился в торжественной процессии, сопровождаемый войсками, в базилику Св. Петра, был встречен на пути духовенством и затем папой, который ввел его в базилику. Здесь Констант принял св. Тайны и возложил на главный алтарь золотой паллий. В следовавшую затем субботу Констант посетил Латеран; тут он совершил омовение и после того принял пищу в базилике Юлия, которая уже нам известна как триклиний в древнем дворце.

Жалкое положение Виталиана и его смирение перед Константином невольно вызывают чувства снисхождения и сожаления; нужно было пройти целому ряду столетий, чтоб это зрелище папского унижения сменилось сценой в Каноссе. Вид властителя-императора, который своим посещением города выражал только снисхождение к его обитателям, и вид греческих царедворцев, которые смотрели на римлян с полным презрением, должны были вызывать горькие воспоминания и в самих римлянах, видевших повсюду вокруг себя только нищету и разрушение, и мы считаем весьма правдоподобным, что именно в это время раздался трогательный голос, оплакивавший унижение Рима:

«О Рим, некогда ты был основан свободными людьми; теперь рабы — твои властители. Увы, ты погибашь! Твои цари давно покинули тебя. Твое имя и слава померкли перед греками. Из твоих великих правителей не осталось ни одного; свободные граждане твои обрабатывают поля пелазгов. Тобой владеют рабы рабов — народ, собранный с самых отдаленных концов земли. Константинополь процветает и зовется новым Римом, а твои, Древний Рим, укрепления и стены превращаются в развалины. Древний поэт предсказал тебе все это в своей песне: Амур нежданно покинет тебя, Рим! Если бы милость Петра и Павла не охраняла тебя, ты давно бы погиб в несчастьях. Жестокие и отвратительные евнухи надели на тебя ярмо, а некогда ты так ярко сверкал славой благородных людей».

Заглянуть в императорский дворец того времени и воссоздать картину тех празднеств, которые давались византийскому монарху среди печальных развалин прошлого, и того зрелища, которое представляли собой одетая в восточную золотую парчу знать, магистрат и утративший свое величие римский народ, — все это было бы полно глубокого интереса. Но то время смолкло для нас навсегда. Мы не знаем, устраивались ли игры, раздавались ли народу деньги и хлеб, было ли предписано императором приступить к реставрации каких-либо зданий. Точно так же по вине только летописцев мы не знаем, какой суммой из средств церкви вознаграждал себя император за честь, которую он оказал городу, посетив его. Констант вступал в Рим, будучи чуждым тому чувству благоговения, которым некогда еще был проникнут сын Константина, посетивший Рим в 357 г. Будет нелишним вспомнить те слова, которыми описывает Аммиан изумление, вызванное в этом императоре и множеством народа в городе, и величием его сооружений. Констанция поразили в особенности Капитолий, купальни, амфитеатр Тита, Пантеон, храм Венеры и Ромы, императорские колонны, форум Мира, театр Помпея, odeum и stadium Домициана и более всего форум Траяна. Протекли 306 исторических и частью бедст-

венных лет, и перед теми же памятниками снова стоял римский император; но на этот раз невежественный, как варвар, он едва ли знал даже по имени некоторые из этих памятников, уже ставшие легендарными, и возле него не было ученого Кассиодора, который мог бы просветить его в этом отношении. В течение трех веков Рим испытал полное превращение. Храм Юпитера лежал в развалинах; купальни были разрушены; в фонтанах не было воды; амфитеатр порос густой травой, и изуродованные стены его разваливались. Императорский дворец был отчасти еще обитаем, но также разрушался; форум Мира и все другие форумы представляли развалины и были запущены; одна только колонна Траяна так же, как колонна Марка Аврелия, стояла в своем спокойном величии среди покосившихся храмов и опустошенных библиотек, в которых почерневшая статуя какого-нибудь греческого или римского гения кое-где еще боролась с забвением прошлого. Цирк и театр, уступая действительно времени, медленно разваливались; великий храм Венеры и Ромы был без крыши и наполовину разрушен. И всюду между седыми памятниками древности были видны воздвигнутые из их материала церкви; к другим памятникам были пристроены монастыри, а некоторые языческие храмы были сами обращены в церкви. Рим в полном смысле испытал превращение и переселение своих памятников: одни из них были прямо перестроены в базилики, из других брались и уносились для постройки близких и дальних церквей плитняки, колонны и архитравы.

Таким образом перед Константином стояли, как и теперь, два Рима, древний и новый. И точно так же, как в настоящее время, центром античного Рима был и тогда амфитеатр Тита. Этот исполинский памятник могущества цезарей уже в то время народ называл Колизеем, но не по имени Колосса Нерона или *Statua Solis*, давно развалившегося, а вследствие собственных громадных размеров этого сооружения. Варварское название Колизея впервые появляется в конце VII века у англосаксонского монаха Беда, в знаменитом предсказании о судьбе Рима:

«Пока стоит Колизей, будет стоять и Рим;
Когда падет Колизей, падет и Рим;
Когда же падет Рим, погибнет мир».

Беда, вероятно, никогда не был в Риме, а предсказание и название Колизея достигли до севера, конечно, через пилигримов. В новом Риме возникли два церковных центра: Латеранский дворец, мало-помалу заступивший место императорского дворца, и Ватикан, христианский Капитолий. Древний Рим не переставал, однако, существовать во всем его громадном величии и сохранял даже свои улицы и дома; христианский же город был как бы разбросан по Древнему Риму и давал о себе знать только множеством церквей, которые отчасти были ценными сооружениями; история некоторых из этих церквей (так быстро старятся создания людей) точно так же успела уже приобрести легендарный характер.

Греческий император, конечно, едва ли предавался меланхолическим размышлениям о судьбе столицы мира и, окидывая жадным взором развалины Рима как свою собственность, скорее должен был заметить с удовольствием, что есть еще вещи, которые могут удовлетворить его корысть. На улицах и площадях еще сохранились некоторые бронзовые статуи, виденные Прокопием, а всюду сновавшие византийцы старательно разыскивали их в закрытых языческих храмах. Папа показал своему гостю Пантеон, принесенный церкви в дар императором; Константин заметил, что на Пантеоне крыша из золоченой бронзы, и, не смущаясь возможностью возмездия ни Девы Марии, ни всех мучеников, отдал приказание перенести драгоценную черепицу к себе на корабль. С большой неохотой Константин отказался от наме-

рения поступить таким же образом с крышей на базилике Св. Петра, и только святость базилики и, может быть, также боязнь вызвать восстание римлян удержали его от этого намерения. Констант оставался в Риме только 12 дней; но этого времени было достаточно, чтоб лишить город всех его последних античных бронзовых украшений. Величественная конная статуя Марка Аврелия из позолоченной бронзы была спасена каким-то чудом от грабительства византийца. Она стояла на Латеранском поле (campus Lateranensis), в восточной стороне от базилики; здесь она и была воздвигнута первоначально, так как Марк Аврелий родился и был воспитан именно здесь, во дворце своего деда Вера. С этого места, позднее превращенного в виноградник, знаменитая статуя была удалена только в 1538 г., когда Павел III перенес ее на Капитолий. Конная статуя Константина у арки Септимия Севера, если только эта статуя еще существовала в 663 г., была, без сомнения, взята Константином и перенесена на корабль. Таким образом возносившим мольбы римлянам была оставлена из милости только бронзовая статуя Марка Аврелия, и с того времени невежественный народ и в особенности духовенство перенесли имя великого Константина на статую Марка Аврелия в Латеране, которая и называлась этим именем в течение всех Средних веков.

В день отъезда император еще раз присутствовал на обедне у гроба апостола, затем простился с папой и отплыл со своей добычей к Неаполю. Но ни самому императору, ни Константинополю не довелось воспользоваться награбленным в Риме добром. Достигнув древних Сиракуз, Констант поместился на острове Ортигии и здесь стал собирать и копить подати с Сицилии, Калабрии, Африки и Сардинии, причем не стеснялся брать даже священную утварь из церквей; четыре года спустя он был убит во время купания. Какой-то сильный раб разбил ему голову медным сосудом. Сложенные в городе художественные произведения Рима вскоре затем достались сарацинам, когда они овладели Сиракузами. Знаменитый город Гелона и Гиерона разделил участь Афин и Рима; Ахрадина, Тихэ, Неаполь и Эпиполы представляли собой одни только безлюдные развалины древнего величия.

ГЛАВА VI

1. Деодат, папа, 672 г. — Возобновление монастыря Св. Эразма. — Домн, папа, 676 г. — Агафон, папа, 678 г. — Архиепископ Равенны подчиняется признанию за Римом первенства. — Шестой вселенский собор. — Чума 680 г. — Св. Себастиан. — Св. Георгий. — Базилика in Velo aureo

Виталиан умер в конце января 672 г., и папой был провозглашен 11 апреля римлянин Деодат, сын Иовиниана. Его четырехлетнее правление ничем не ознаменовалось в истории Рима. Этот папа раньше был монахом реставрированного им знаменитого монастыря Св. Эразма на Целии, возникшего, по-видимому, в VI веке в доме Валериев. Позднее этот монастырь был присоединен к аббатству Субиако, но впоследствии, неизвестно когда, разрушился; его развалины у S.-Stefano, с остатками древней живописи, еще существовали в конце XVI века.

Деодату наследовал 2 ноября 676 г. Дон, или Домн, сын римлянина Маврикия; он правил немного более года. Книга пап сообщает, что этот папа вымостил атриум Св. Петра большими белыми мраморными плитами; это ценное украшение едва ли могло быть добыто в каменоломнях, а было взято, вероятно, из того или другого разграбленного древнего памятника. В Средние века утверждали, что мрамор для

этой цели брали из так называемого памятника Сципиона (или, как он назывался позднее, Ромула), древней надгробной пирамиды неподалеку от замка Ангела.

История Рима того времени так темна и так бедна событиями, что хроника его не содержит почти ничего другого, кроме перечисления пап, продолжительности их правления и оставленных ими сооружений. Домн умер в апреле 678 г., и его преемником был сицилианец Агафон из Палермо. Этому папе выпала счастливая доля добиться и на Западе, и на востоке признания как первенства Рима, так и его ортодоксального вероучения. Пользуясь натянутыми отношениями между Римом и Константинополем, архиепископ Равенны Мавр еще при Виталиане отказывался подчиниться римскому папе и снова подвергал сомнению право Рима на первенство. Таким образом возник раскол; находившийся тогда в Сиракузах Константин старался поддержать этот раскол и даровал епископу Равенны привилегию полной независимости от римского епископа; поэтому Мавр и затем его преемник Репарат не придавали никакого значения отлучению от церкви, к которому они были приговорены папой. Но уже при Домне архиепископ Равенны вынужден был покориться, так как новый император, Константин Погонат, относился благосклонно к римскому католицизму. Преемник Репарата, Феодор, отказался от автокефалии, или независимости, на которую заявляла притязание равеннская церковь, и был посвящен в епископы Агафоном. Эта победа над самой могущественной после Рима метрополией Италии имела большое значение для положения папы вообще. Его возраставший авторитет помог вместе с тем и поражению монофелитского учения. Чтоб положить конец долговому спору об этом учении, Константин Погонат предписал созвать в Константинополе вселенский собор; ввиду этого Агафон 27 марта 680 г. созвал итальянский собор, на котором были избраны делегатами епископы Порто, Региума и Патерно; к ним Агафон присоединил еще трех своих легатов, кардиналов. Отправляя всех этих послов, Агафон вручил им письмо, в котором просил императора извинить его, что он посылает к нему послов, которые не обладают даром слова и совсем неученые, что послы его простые люди, которые жили в тяжелых условиях среди варваров и должны были зарабатывать свой хлеб трудами своих рук. Это высказанное с достоинством признание дает нам некоторое понятие о степени образованности Рима в то время. Как бы то ни было, неученые пресвитеры оказались на высоте своей задачи, и ортодоксальное учение одержало верх в Константинополе.

Знаменитый Шестой Вселенский собор был открыт 7 ноября 680 г. в Трулле — зале с куполом, в византийском дворце; заключения Рима были признаны каноническими, а монофелиты частью сдались сами, частью были объявлены побежденными после целого ряда заседаний (эта теологическая драма разыгрывалась до 16 сентября 681 г. и, по официальному выражению, заключала в себе 18 актов — actiones). Константинопольский патриарх Георг раскаялся и признал свое заблуждение, но упорный Макарий Антиохийский не сдавался и был низложен и удален в ссылку; умершие последователи учения о единой воле в Едином Христе, Кир Александрийский, Сергий и Пирр Византийские, были торжественно осуждены и их мозаичные изображения в церквях были уничтожены. Даже папе Гонорию пришлось после смерти искупать свою преступную уступчивость по отношению к монофелитам, и он был также осужден. После того в знамение, что ересь была искоренена, на народ спустилась масса черной паутины. Таким образом христианство нашло примирение в учении о двух волях, и Рим был признан догматическим главой христианского мира.

Летом 680 г. Рим был почти опустошен чумой; она свирепствовала по всей Италии, и Павел Диакон говорит, что население Павии почти все вымерло от чумы. Он рассказывает, что люди видели, как по улицам Павии ходили два ангела, добрый и злой; там, где первый давал знак, второй ударял копьём в дверь дома, и,

сколько делалось таких ударов, столько умирало людей в доме. Затем было открытие, что чума прекратится, когда в церкви Св. Петра ad Vincula будет воздвигнут алтарь св. Себастиану. Мощи этого мученика были привезены тогда из Рима, и чума прекратилась. Павел Диакон, очевидно, говорит о церкви Св. Петра ad Vincula в Павии, но римляне в позднейшее время перенесли эту легенду на свою собственную церковь того же имени, где это предание изображено на картине XV века.

В левом боковом приделе этой церкви еще можно видеть старинную грубую мозаику византийского стиля, сделанную по заказу, вероятно, Агафона. На этой мозаике св. Себастиан изображен в одежде и старцем. Уже гораздо позднее стали изображать этого святого в виде нагого юноши, привязанного к дереву и пронзенного стрелами.

Св. Себастиану, давно почитаемому в Риме, была посвящена церковь над катакомбами Каликста; она существовала уже при Григории Великом и позднее стала одной из семи главных церквей Рима. Св. Себастиан происходил из Нарбонны и был молодым военным трибуном; когда оказалось, что он последователь христианской веры, он был выставлен как мишень для стрельбы из лука у колонн, подпиравших арки императорского дворца. Тело мученика предала погребению в названных катакомбах благочестивая матрона Люцина.

Наряду с св. Себастианом, в Риме пользовался большим почитанием другой военный трибун, а именно каппадокиец Георгий, погибший мученической смертью при Диоклетиане. По преданию, Георгий был начальником конницы; он смело и открыто убеждал Диоклетиана прекратить преследование христиан, и за это потерпел жестокие мучения, которые перенес как герой. Сначала всю ночь его давил своей тяжестью огромный камень, который был положен ему на грудь, а затем его тело стали разрывать на куски медленно вращавшимся колесом с железными зубцами. В то время как Георгий мужественно переносил все эти мучения, с неба упала молния, послышался голос: «Георгий, не бойся, Я с тобою», — и у колеса появилось видение; оно было в белых одеждах и бережно заключило в свои объятия страдальца. Это чудо так поразило императрицу Александру, что она перешла в христианство. Три дня после того Георгий мучился в яме с горячей известкой; но ни одно из этих мучений и затем раскаленные башмаки и волшебный ядовитый напиток не могли отнять у Георгия жизнь, а между тем он сам на глазах у императора воскресил мертвого и одним своим словом поверг на землю в храме Аполлона все мраморные статуи. Только роковой меч, которым палач отрубил голову Георгию, мог положить конец жизни мученика.

Себастиан и Георгий стали излюбленными святыми рыцарства и вместе с тем заняли в католической церкви место воинственных Диоскуров. Георгий напоминает собой также Персея и изображался сидящим на коне, с копьем и щитом в руках, поражающим дракона и освобождающим прекрасную деву, которая молит о спасении. Церковь имени Георгия в Риме построена, по-видимому, Львом II в 682 г. в Velabrum. Но уже при Григории I к названию базилики Св. Георгия прибавлялось: ad Sedem.

Обозначение Velum auri вошло в употребление вместо древнего Velabrum. Так называлась долина между Капитолием и Палатином; в древности она представляла болото, но затем была осушена. Здесь именно находился *forum Voarium*, как свидетельствует надпись на арке ювелиров. Эта отдаленная и уединенная местность представляет вообще одно из самых замечательных мест в Риме, так как здесь доныне существуют некоторые, хорошо сохранившиеся памятники древности, а именно: величественный *Janus Quadrifrons* и стоящая против него триумфальная арка, воздвигнутая римскими ювелирами в честь императора Септимия Севера, его безбожных сыновей Каракаллы и Геты и несчастнейшей из матерей Юлии Пии; тут

же поблизости пролегает cloaca maxima и бьют струи древнего источника Ютурны, теперь уже носящего христианское название — источника Св. Георгия.

Если надпись над входными дверями древней церкви Св. Георгия заслуживает доверия, то надо полагать, что эта церковь первоначально была построена на том месте, где стояла базилика Тиберия Семпрония. Но это уже археологическая выдумка позднейшего времени. Триумфальная арка императора Септимия Севера была включена в базилику, или, вернее, колокольня церкви была пристроена к этой арке.

Основной план сооружения Льва II остается сохранным до сих пор (притвор позднейшего происхождения) и представляет небольшую базилику с трех кораблях, с 16 античными колоннами частью из гранита, частью из мрамора. Едва ли какая-нибудь другая церковь в Риме в такой степени, как эта, проникнута духом древнего христианства. Ее форма первобытных базилик, совершенная беспритязательность, принадлежащие самым ранним векам скульптурные изображения и надписи, среди которых встречаются также греческие, и затем ничем не нарушаемая таинственная тишина долины между Капитолием и Палатином, полной воспоминаний о древнем Риме, — все это действует чарующим образом на посетителя этой церкви. В ряду римских базилик церковь Св. Георгия in Velabro занимает такое же место, какое занимали среди языческих храмов небольшие древние храмы Весты и Fortunaе Virilis. Абсиду церкви украшала, вероятно, мозаика, позднее замененная живописью; Христос изображен восседающим на земном шаре между Петром и Павлом; дальше с левой стороны — Себастиан, а с правой — Георгий со знаменем в руке; возле Георгия изображен конь.

Греческий святой, заступивший место Марса, не пользовался, однако, большой популярностью в Риме, утратившем и свою воинственность, и рыцарские чувства. Положившие начало почитанию св. Георгия и поддерживавшие это почитание папы были не римляне, а греки. Церкви, построенные в Риме в честь св. Георгия, погибли все, за исключением единственной церкви в Велабро. Напротив, в Генуе и Венеции, в Испании, в Англии и в рыцарской стране франков св. Георгий получил значение патрона рыцарства.

2. Лев II, папа, 682 г. — Бенедикт II. — Условия, в которых происходило избрание папы. — Иоанн V, папа. — Раздоры при выборах папы после смерти Иоанна. — Конон. — Духовенство, войско, народ. — Сергий I, папа. — Приезд экзарха Платины в Рим, 687 г.

Через год и семь месяцев по смерти Агафона папой был объявлен 17 августа 682 г. Лев II. Книга пап отмечает, что посвящение его было совершено епископами Остии, Порто и Велитр, причем епископ последнего города заступал место альбанского епископа. Отсюда следует заключить, что канонический обычай, в силу которого посвящение в папы совершалось тремя пригородными епископами, уже тогда был установлен. Лев II был грек из Сицилии. Греческий язык и греческая литература в ту эпоху были так основательно забыты в Риме, что знакомство с ними казалось чем-то необычайным, а папа, говоривший по-гречески и по-латыни, считался чудом учености. Лев II умер уже летом 683 г.

Римлянин Бенедикт II был посвящен в папы только год спустя после смерти своего предшественника, и надо думать поэтому, что в Риме или в Равенне происходили в это время какие-нибудь беспорядки. Каждый избранный папа должен был, согласно уставу, быть утвержден или экзархом, или непосредственно императором. Это утверждение получалось не скоро и требовало больших расходов; кроме

того, оно ставило римскую церковь в зависимость от византийского двора; ввиду всего этого папы старались освободить себя от необходимости получать такое утверждение. Достигнуть этого им, однако, не удалось, несмотря на то что Бенедикт II получил императорский рескрипт, которым разрешалось немедленно совершить посвящение папы, как только он будет избран тремя избирательными корпорациями: духовенством, народом и войском Рима. Но это важное разрешение могло быть только временной уступкой склонного к ортодоксии императора Константина Погоната, и так смотрели его преемники на это разрешение. Возможно, что в этом вопросе имели значение личные отношения Константина к Бенедикту, о которых мы теперь не знаем. Константин согласился на то, чтоб Бенедикт усыновил его сыновей, Юстиниана и Ираклия, и переслал ему, согласно странному обычаю того времени как символ этого усыновления локоны принцев; эти локоны были затем торжественно положены в одной из капелл Латерана.

Частая смена пап в ту эпоху представляет собою крайне странное и непонятное явление. Такие правления, которые, как правления Григория Великого, Гонория I и Виталиана, длились 13 и более лет, составляли исключение; большинство пап VI и VII веков оставалось на престоле св. Петра не более 1, 2 и 3 лет. Зависела ли эта кратковременность правления каждого папы от того, что в папы избирались лица преклонного возраста, или она обуславливалась обстоятельствами иного, жестокого характера? Мы ничего не знаем об этом. Бенедикт II умер 7 мая 685 г.; его место занял сириец из Антиохии, Иоанн V, бывший раньше нунцием в Константинополе; он умер также скоро — 1 августа 686 г. С этим папой начался целый ряд сирийцев и греков, занимавших папский престол, и это обстоятельство не могло быть случайностью, а скорее доказывало, что избрание папы было вполне подчинено усмотрению экзархов и императоров.

При выборе преемника Иоанну V Рим разделился на две партии. Кандидатом духовства был архипресвитер Петр, кандидатом так называемого войска (exercitus) — пресвитер Феодор. Войско разместилося у Св. Стефана на Целии и в то же время заняло Латеран, чтоб воспрепятствовать духовенству возвести своего избранника на епископский престол. После долгих переговоров между обеими партиями, духовенство отказалось от своего первого кандидата и избрало Конона, фракийца по происхождению. На это избрание судьи (judices) и знатные лица войска изъявили согласие, а вскоре присоединилось к ним и остальное войско; затем акт избрания был подписан всеми тремя избирательными корпорациями и отослан к экзарху Феодору.

Основываясь на этом обстоятельном отчете книги пап, мы можем сделать следующие заключения: все население города Рима распадалось в те времена на три больших класса — духовенство, войско и народ; указания на те же классы как на корпорации, принимающие участие в избрании папы, мы находим и в рескрипте Константина к Бенедикту II. Духовенство титуловалось словом *venerabilis*, войско — *felicissimus*; оба класса были вообще могущественными в Риме. И тот и другой класс были порождены христианской церковью; последняя создала огромную касту духовных, которая вскоре же приобрела великую власть; вследствие этого все население как бы само собою распалось на мирян и духовных. Когда папе были присланы локоны греческих принцев, то наряду с духовенством было упомянуто только войско. Последнее все еще получало свое жалованье от императора, как мы это видели, когда речь шла о восстании Маврикия, и состояло из знатных людей, служивших в коннице, и состоятельных граждан, служивших в пехоте. Войско являлось представителем имущественных классов, и под понятием войска (*exercitus*) подразумевались вообще все полноправные римские граждане. Позднее мы узнаем,

на какие группы, в частности, делилась в VIII веке *schola militiae* или *florentissimus atque fecicissimus Romaus exercitus*. Пока же мы видим, что вся военная корпорация имела свой собственный избирательный голос, отдельный от голоса приматов войска, которые составляли его рыцарскую аристократию. Когда духовенство избрало Конона, эта аристократия признала его избрание, а затем, но несколько дней спустя, и войско дало свое согласие на избрание Конона. Наряду с приматами войска мы видим действующими при выборах также *judices* или гражданских судей вообще, составлявших как бы одно общее с приматами, которые, в свою очередь, заявляли притязания на гражданские и военные должности и порою носили титул консулов. Таким образом судьи и приматы войска составляли аристократию Рима (*optimates* или *axiomati*), его гражданскую и военную чиновную иерархию. Ко всему остальному войску они стояли в таком же точно отношении, какое существовало между высшими чинами церкви с одной стороны и клиром вообще — с другой.

Далее делалось различие между *judices de militia* (светская знать) и *judices de clero* (сословием духовных сановников), облеченных юрисдикцией не только духовных, но и других дел. В эту эпоху в Риме возникала новая знать. Со времени падения империи ни одного древнеримского рода уже не существовало, и мы нигде более не встречаем имен тех патрициев, которые во времена готов еще упоминались. Имена Проба, Феста, Петрония, Максима, Венантия и Импортунуса исчезают с той поры навсегда, и их место заступают имена византийского происхождения, как то: Пасхалиса, Сергия, Иоанна, Константина, Павла, Стефана и Феодора. Эти имена сохраняются затем в Риме до IX века, и это вполне объясняется преобладающим влиянием византийцев. Но если некоторые из этих имен давались в самом Риме при крещении, то другие имена указывают, что греки действительно переселялись в Рим и натурализовывались в нем. С течением времени имущественные условия, дарованный церковью или императором тот или другой сан и, наконец, самый папский непотизм положили начало новым фамилиям. Затем в Риме существовали также еще латинизировавшиеся потомки знатных готов. Из знати же происходили *judices*, эти первые сановники церкви и государства.

Акты избрания Конона были отосланы «согласно обычая» на рассмотрение и утверждение экзарха; это доказывает, что упомянутая выше уступка императора Константина Погоната не имела значения права, дарованного папам. И действительно, преемник Константина, Юстиниан II, взял назад эту уступку. Насколько же вообще было велико влияние экзарха на избрание папы, показывает следующий факт: Конону случилось заболеть настолько тяжело, что ожидали его смерти; желавший быть избранным в папы, честолюбивый архидиакон Пасхалис решил тогда заблаговременно заручиться согласием на это экзарха и поднес ему ценный подарок. Иоанн Платина принял подарок и приказал судьям, «которые были им назначены в Рим, чтобы управлять городом», избрать папой по смерти Конона Пасхалиса.

Когда 21 сентября 687 г. благородный и образованный Конон умер, римский народ снова разделался на две партии: одна избрала архипрезвитера Феодора, другая — архидиакона Пасхалиса. Оба соперника и их партии поместились в латеранском дворце. Нам неизвестно в точности, к каким классам принадлежали спорившие стороны. Но и в этот раз состоялось соглашение между судьями и знатными людьми войска, с одной стороны, и высшим духовенством — с другой, т. е. между светской и духовной знатью. Избранным оказался пресвитер Сергий, который и был силой водворен в Латеране. Этому избранию добровольно подчинился только Феодор, а Пасхалис решил призвать на помощь экзарха и тайно послал вестников к нему в Равенну.

Иоанн Платина немедленно направился в Рим и совершенно неожиданно явился сюда. Здесь он убедился, что избрание Сергия было произведено согласно канониче-

ским правилам и имело за себя огромное большинство избирателей; тем не менее он потребовал, чтобы избранник уплатил ему 100 фунтов золота, которые были обещаны ему из церковной сокровищницы Пасхалисом. Как ни противился Сергей, он должен был заплатить эти деньги; после того он был утвержден и 15 декабря 687 г. посвящен в папы. Его соперник Пасхалис был низложен и заключен в монастырь.

3. Сергей отвергает постановления Трулланского собора. — Спатар Захарий посылается в Рим, чтобы захватить папу. — Равеннаты появляются в Риме. — Отношение Равенны к Риму и к Византии. — Иоанникий из Равенны

Сергий по происхождению был также сирийцем, но родился в Палермо, куда переселился из Антиохии его отец Тиберий. В Рим Сергей попал еще юношей при папе Деодате; здесь он успел обратить на себя внимание своими познаниями и, переходя от одной должности к другой, высшей, достиг сана пресвитера. С такой же решимостью, как и его предшественники, выступил он противником византийских доктрин, так как во всех папах жил один и тот же дух неизменного стремления к владычеству, унаследованный церковью от древних римлян. Своей софистикой, неистощимой в порождении новых теологических учений, ничего, правда, не прибавлявших к славе человечества и не обогащавших его умственно, но все-таки поддерживавших в людях некоторый научный интерес, греки тщетно старались поколебать престол св. Петра. Все эти софистические ухищрения разбивались о здравый практический смысл Рима и только еще более содействовали папам в их стремлении объединить Запад.

Сам город уже привык видеть своего защитника только в папе. И в ком другом мог искать несчастный римский народ защиты для себя, как не в святом епископе, который в силу своего положения являлся могущественным главой Италии? Время вскоре же должно было показать, мог ли папа рассчитывать на поддержку римлян. Несколько лет спустя после избрания Сергия папой, в Константинополе происходил Трулланский собор. Византийские теологи выяснили, что ни пятым, ни шестым собором не было установлено дисциплинарного канона; поэтому и был созван собор для установления такого канона. Было проектировано и затем принято сто два закона; они были одобрены также и папскими нунциями, но зоркий глаз Сергия, которому все постановления были посланы в Рим на утверждение, усмотрел, что некоторые из них представляют опасность, как, например, отмена безбрачия духовенства, запрещение поста в субботу и упразднение других предписаний, считавшихся тогда важными. Поэтому Сергей отказался подписать постановления собора и запретил обнародование их. Тогда император послал в Рим одного из своих высших чиновников и приказал ему доставить в Константинополь двух прелатов из числа наиболее уважаемых.

Так как римляне не оказали этому распоряжению никакого сопротивления, то Юстиниан решил, что он может отважиться на нечто большее: он отправил в Рим своего протоспатара Захария с приказом взять пленником самого папу. Но времена Мартина миновали безвозвратно, и византийское правительство потерпело нравственное поражение не только в Риме, но и в Италии; тогда стало очевидно, что правительство это уже недолго может продержаться здесь. Когда императорский посол проследовал в Рим, чтобы исполнить приказание своего государя, туда же для спасения папы направилось не только все войско Равенны, но и войска герцогства Пентаполиса и всех тех местностей, которые лежали на пути между Равенной и Римом. В этом случае в первый раз отмечается особо войско (exercitus) Равенны, и мы видим в нем уже не греческих наемников, а гражданскую милицию, воодушевлен-

ную национальным чувством; точно так же в первый раз называется здесь по имени Пентаполис, т. е. местность пяти приморских городов: Анконы, Синигалии, Фано, Пезаро и Римини.

И так милиция всех названных местностей двинулась к Риму; протоспатар уже находился здесь. Он отдал смешное приказание затворить городские ворота, а сам бросился искать спасения в опочивальне папы. Вступив в Рим, равеннаты окружили Латеран и с криками стали требовать возвращения им папы, так как прошел слух, что он ночью был схвачен и посажен на корабль. Дворец был заперт, и папа находился в нем; тут же был и византиец, спрятавшийся под кроватью папы. При виде такого унижения Сергей мог вспомнить своего предшественника Мартина I и найти, что он достаточно отомщен. Уверив спатара, что его никто не тронет, Сергей вышел к народу, встретившему его ликованием, благословил своих освободителей и успокоил их раздражение, после чего императорский посол, сопровождаемый насмешками народа, покинул город.

День, в который происходило это событие, был одним из самых знаменательных во всей предшествовавшей истории пап. Этот день сразу показал, что власть пап стала велика и получила национальное значение. Эта власть была незримо нараставшим результатом тех усилий, которые были положены папами на то, чтобы дать провинциям Италии церковное объединение и подчинить их папскому престолу в Риме, точно так же как эта власть была и последствием долгой догматической борьбы Запада с Востоком и вмешательств византийских императоров в дела римской церкви. Поход равеннатов в Рим все-таки едва ли мог бы быть вполне объяснен, если бы для него не существовало особых условий; наиболее важным из этих условий было достигнутое Львом II подчинение архиепископа Равенны воле папы. Во время описанных событий (692 или 694 г.) епископом в Равенне был миролюбивый Дамиан. Кроме того, народ Равенны был недоволен владычеством византийцев и замышлял об отпадении.

По-видимому, главой заговорщиков был в то время один знатный равеннат, по имени Иоанникий. Своими способностями и знаниями, в особенности знакомством с греческим языком, он некогда обратил на себя внимание экзарха Феодора, сделался его секретарем и затем был послан к византийскому двору. Ко времени описываемых событий Иоанникий уже снова был в Равенне, и мы увидим дальше, что под предводительством его сына Георга произошло восстание в Равенне. Этому восстанию предшествовало возмущение в Константинополе; в 695 г. жестокий Юстиниан был свергнут с престола Леонтием. Юстиниана выволокли на ипподром и здесь с свойственным византийцам варварством отрезали ему нос и уши. Граждане Равенны воспользовались этим возмущением солдат, но впоследствии Юстиниан вспомнил эту измену Равенны и жестоко отплатил за нее.

ГЛАВА VII

1. Св. Петр. — Паломничество в Рим. — Король Кадвалла принимает крещение в 689 г. — Короли Конрад и Оффа принимают монашество. — Приношения, сделанные Сергием, ради украшения церквей. — Гробница Льва I в базилике Св. Петра

Благоговение к Риму как к главе церкви и почитание апостола Петра так же, как и его преемников на римском престоле, все более и более росли на Западе. Легендарная гробница простого рыбака из Галилеи в сверкающей золотом базилике

мало-помалу стала для Запада святыней. Во времена Пруденция еще никто из варваров не предпринимал путешествия через Альпы и моря, чтобы поклониться в Риме могилам, но с середины VII века город уже посещали тысячи паломников из Галлии, Испании и Британии. Таким образом, Рим снова сосредоточил на себе помыслы народов; но эти помыслы уже не имели ничего общего с той демонической притягательной силой, которую оказывал на человечество вечный город в древности и которую так художественно воспроизвел Сенека. Останки почивших в вере и признанных святыми были теперь тем магнитом, который привлекал бесчисленное множество чужеземцев, приходивших в Рим из самых отдаленных стран и подвергавшихся на пути самым тягостным лишениям; единственной целью, к которой стремились эти паломники, была могила апостола, их наградой — молитва у этой могилы, какие-нибудь мощи и надежда на спасение в будущей жизни. Увидев Рим, паломники бросались перед ним на колени, как перед каким-нибудь открывшимся им раем, затем с пением гимнов вступали в город и разыскивали странноприимные дома; здесь они находили и кров, и своих соотечественников, которые могли служить им проводниками в их странствованиях по церквям и катакомбам. Вернувшись к себе на родину, многие из паломников становились миссионерами Рима; они рассказывали чудеса о красоте святого города и возбуждали в людях страстное желание видеть этот город. Таким образом благодаря паломникам между городом с одной стороны, и Западом и Севером — с другой, устанавливалась живая связь, и эта связь народов с «матерью человечества» была более действенной, чем та, которая могла быть достигнута какими-нибудь политическими условиями.

Ревность в вере влекла в Рим прежде всего англов, которые только что были присоединены к церкви. В 689 г. Рим был изумлен появлением в нем Кадваллы, короля западных саксов. После кровавых битв с шотландцами этот юный герой вложил свой меч в ножны и отплыл на корабле в далекий Рим, чтобы принять крещение от собственной руки папы. Некогда для римлян было привычным зрелищем видеть королей далеких стран, и они появлялись тогда в Риме или как пленники, шествовавшие в торжественной процессии, или как покорные вассалы, призванные трибуналом; теперь римляне впервые снова увидели в своем городе короля варваров, но король этот следовал за папой и направлялся к латеранской крещальне. Здесь Кадвалла, одетый в белую одежду, с длинными распущенными волосами, с зажженной свечой в руке, принял в Великую Субботу крещение из легендарной порфировой купели Константина и получил имя Петра. Произвело ли на саксонского героя слишком сильное впечатление все это необычное торжество, или климат Италии оказался для него губительным, но уже 20 апреля, в Воскресение in Albis, он умер. Римляне похоронили его в атриуме Св. Петра и поставили над его гробницей пышную надпись, которая сохранилась до наших дней. В этой надписи говорится, что Кадвалла пришел в город Ромула из дальних краев Британии; что он шел через моря и земли разных народов и явился в почитаемый храм Петра, чтобы принести апостолу таинственный дар; что из любви к Богу он покинул свои богатства и трон, свое могущественное королевство, своих детей, свою воинскую добычу, своих предков, свои города, замки и своих богов, покинул все это, чтобы узреть престол Петра и, наконец, чтобы получить царство небесное, отдал все земное.

Появление Кадваллы в Риме доказало то, что несло с собой будущее, а именно — подчинение германского Запада духовной власти папы. Благочестие Кадваллы нашло себе подражателей; всего двадцать лет спустя в Рим явились два других англосаксонских короля, Конрад из Мерсии и Оффа из Эссекса. Пренебрегши почестями и богатствами мира, подобно первым последователям Христа, эти юные государи пришли в Рим не для того, чтобы креститься, так как они уже были хрис-

тианами, а для того, чтоб сменить свой королевский титул на монашескую рясу. Риму доводилось еще в первый раз видеть королей, которые у ног св. Петра молили о даровании им рясы. Их развевающиеся волосы были обрезаны и посвящены апостолу, и царственная юность была погребена под белым монашеским одеянием. Государи геройского острова Артура были счастливы тем, что могли замешаться в толпу неизвестных монахов какого-нибудь из монастырей Св. Петра, а по смерти быть погребенными в атриуме базилики и обрести на небесах место среди праведных. Так воспринимала в себя церковь порывы юных чувств Севера; это отречение королей она ставила как пример другим государям, и мало-помалу в Риме, поблизости Ватикана, создалась колония саксов.

Такие кающиеся короли приходили в Рим не с пустыми руками и, кроме своей покоявшейся души, приносили в дар св. Петру немало золота; приношения пилгримов Запада становились в Риме вообще с каждым годом все обильнее и служили для пап источником, из которого они черпали средства, чтоб придать римским церквям все большее великолепие. Сергей прилагал много забот и стараний, чтоб поддержать блеск церквей. В большей части из них он завел драгоценную утварь. Искусство, по крайней мере в лице мозаистов и литейщиков, продолжало развиваться, и соревнование в усердии и тяжелом труде между этими римскими художниками и константинопольскими не прекращалось. Даже золотые кадильницы (*thymiateria*) украшались колонками, а дароносицам и скиниям над алтарями, где ставилась чаша, придавалась форма храма, сделанного из порфира и увенчанного куполом, который покрывался золотом и украшался драгоценными камнями.

Сергий был кардиналом церкви Св. Сусанны на Квиринале и потому одарил эту церковь многими пожертвованиями. Об этом свидетельствует его дарственный диплом на имя Иоанна, кардинала-пресвитера этой церкви, начертанный на мраморе. Затем Сергей воздвиг Льву I гробницу, надпись на которой сохранилась, и это была первая гробница, устроенная внутри базилики Св. Петра. До этого времени пап хоронили или на кладбищах за воротами города, или в атриуме ватиканской базилики. Но с тех пор как Сергей в 688 г. предал погребению тело Льва Великого в крестовом корабле названной базилики и воздвиг над этой могилой его алтарь, наиболее почитаемых пап стали хоронить и поклоняться им в самой базилике Св. Петра; таким образом древний христианский принцип, допускавший в церквях только один алтарь, был нарушен.

2. Иоанн VI, папа, 701 г. — Приезд в Рим экзарха Феофилакта. — Итальянские милиции идут к Риму. — Восстановление монастыря Фарфы. — Гизульф II из Беневента вторгается в Кампанию. — Иоанн VII, папа, 705 г. — Юстиниан II снова вступает на Византийский престол. — Часовня Иоанна VII в базилике Св. Петра. — Пелена Вероники. — Восстановление Субиако

Сергий умер 7 сентября 701 г., а 30 октября того же года на престол св. Петра уже вступил грек Иоанн VI. В то время императором был Тиберий Алсимар, четыре года тому назад свергнувший с трона узурпатора Леонтия. От чего зависело враждебное отношение к Риму этого императора, мы не знаем; нам известно только, что он приказал экзарху Феофилакту идти из Сицилии в Рим, куда тотчас же на защиту города двинули свою милицию и итальянские провинции. Национальное сознание латинян было уже пробуждено, а владычество византийцев было близко к падению. Милиция расположилась перед стенами города, но и здесь в самом населении происходили большие волнения; папа, однако, спас экзарха, приказав затво-

рить ворота, итальянскую же милицию он через своих посланных уговорил отступить. Такое сдержанное поведение папы говорит, что он был умным и осторожным человеком. Папы того времени еще совсем не имели в своих руках светской власти, хотя в делах Италии они уже пользовались гораздо большим влиянием, чем экзархи. Все время папы не переставали признавать себя подданными императора, являлись при каждом восстании мудрыми посредниками и твердо стояли за законный авторитет империи. Преждевременный разрыв Италии с Константинополем, в котором была сосредоточена тогда римская имперская власть, был бы выгоден только лангобардам, в то время снова начинавшим угрожать Риму.

Мало-помалу дикость этого народа была побеждена мягкостью природы Италии и ее культурой. Покинув арианство и став ортодоксальными католиками, лангобардские государи и епископы сделались самыми ревностными поборниками римского культа. Они строили церкви и монастыри, где лангобардские монахи отдавались изучению наук. В конце VII века было восстановлено аббатство Фарфа, некогда разделившее участь Монте-Касино. Герцог Фароальд из Сполето был самым деятельным участником в восстановлении этого аббатства, которое, хотя и находилось в римской Сабине, но принадлежало лангобардскому герцогству Сполето. Герцоги Сполето были вообще менее опасны для Рима, чем герцоги Беневента.

Нам неизвестно, что побудило могущественного Гизульфа II, во втором или третьем году правления Иоанна VI, вторгнуться в римскую область. Этот герцог занял Сору, Арпинум и Аркс, опустошил огнем и мечом земли по р. Лире и расположился лагерем при Горрее. Богатым выкупом Иоанну удалось, однако, склонить Гизульфа к отступлению. Названные города были спорными пограничными владениями, и позднее их также, по-видимому, не причисляли к герцогству Беневентскому. В то время когда ими овладел Гизульф, они, вероятно, находились под управлением или римского наместника, или, как Террачина и Гаэта, патриция Сицилии. Павел Диакон вполне определенно называет Сору городом римлян, под последними же он так же, как и Прокопий, всегда подразумевает греков. Древний Лацциум по левому берегу Тибра простирался до р. Лира, а за нею до вышеуказанных пограничных городов и к морю до Террачины.

В этом случае мы опять не встречаем решительно никаких указаний ни на герцога Рима, ни на сенаторов; все тот же папа, а не греческий наместник, руководит делами, ведет через подведомственных ему духовных лиц переговоры о мире и заключает его за счет средств церкви. Иоанн VI умер в январе 705 г., и престол Петра занял Иоанн VII, сын грека Платона.

При этом папе мирные отношения с лангобардами снова были восстановлены. Король Ариберт даже возвратил римской церкви захваченные его предшественниками имения в Коттийских Альпах и удостоверил этот дар хартией. Написанная золотыми буквами эта дарственная хартия, одна из самых древних грамот этого рода, была отослана в Рим. Напротив, отношения к Константинополю не обещали ничего хорошего, так как осенью 705 г. Юстиниану II удалось снова занять трон. Бежав из Херсонеса, где он находился в изгнании, Юстиниан обратился к болгарскому королю и с его помощью овладел Константинополем. Тут Юстиниан стал целыми потоками лить кровь своих врагов, приказывая тысячами сажать их на кол, обезглавливать и ослеплять. Жестокий Ринотмет — так прозвали греки Юстиниана после того, как ему был отрезан нос, — едва успел вернуть себе власть, как вспомнил о решениях Трулланского собора и приказал двум митрополитам отвезти их папе, который должен был подписать их. Иоанн отказал в своей подписи, но тем не менее с ортодоксальной точки зрения заслужил порицание, так как не имел мужест-

ва предать проклятию решения Трулланского собора, противоречившие каноническим установлениям. Биограф Иоанна усмотрел даже, что это прегрешение было причиной смерти Иоанна, последовавшей в октябре 707 г.

Иоанну VII приписываются некоторые постройки в Риме, которые отчасти стоят в связи с замечательными местными преданиями. Им воздвигнута капелла в базилике Св. Петра, украшенная мозаикой. Эта мозаика возбуждала к себе тогда большой интерес, считалась лучшим украшением храма и действительно была высшим проявлением искусства того времени. Середину занимало изображение Девы Марии. Справа от Богоматери стоял папа с четырехугольным ореолом вокруг головы и с изображением часовни в руках. Остатки этой фигуры и древнюю надпись еще можно видеть в настоящее время в гrotтах Ватикана. Стены капеллы были также покрыты мозаикой, изображавшей ап. Петра, проповедующего в Иерусалиме, Антиохии и Риме, поражение волхва Симона, кончину ап. Петра и Павла, и затем земную жизнь Христа, начиная от Рождества и до сошествия Его в ад. Техническая сторона этих мозаик уже свидетельствовала об очень глубоком упадке искусства, но идея украсить всю капеллу мозаикой и воспроизвести последовательно всю драму христианства была столь смелой для того варварского времени, что уже сама по себе заслуживает полного внимания. Когда в 1639 г. капелла Иоанна VII, просуществовавшая 900 лет, была уничтожена, часть ее мозаики была перенесена в церковь S.-Maria in Cosmedin, и здесь этот замечательный памятник древности, которому насчитывается более одиннадцати столетий, был вделан в стену ризницы. Как ни груба эта мозаика, она носит на себе черты той, едва ли уже понятной для нас, эпохи благочестия, наивности и детской веры.

В этой же капелле, по преданию, Иоанн VII положил пелену Вероники, так почитавшуюся в X веке, но пользовавшуюся поклонением, конечно, уже с давних пор. В настоящее время в гrotтах Ватикана можно также увидеть надпись, принадлежащую Иоанну VII и относящуюся к Веронике. Так как в Средние века пелена Вероники имела значение святыни города, то мы приведем здесь легенду об этой пелене.

Страдая неизлечимой болезнью, Тиберий объявил сенаторам, что он решил искать милости у Бога, так как люди уже не могут ему помочь. Он слышал, что в Иерусалиме живет божественный чудотворец по имени Иисус, и он, император, желает, чтобы этот чудотворец был привезен в Рим. Патрицию Волузиану было приказано отправиться в Иерусалим и убедительно просить великого врачевателя Иисуса прибыть ко двору императора. На пути бури задержали посланного, и он прибыл в Иерусалим только через год, когда Христос уже был распят иудеями, о чем Пилат и объявил Волузиану, выражая сожаление, что не знал раньше намерений императора. Не имея возможности таким образом исполнить приказание императора, Волузиан был рад получить по крайней мере хотя изображение Иисуса. Когда Искупитель шел на Голгофу, неся свой крест и изнемогая под его тяжестью, одна благочестивая матрона Вероника подошла к Христу и обтерла Ему лик своей пеленой; в благодарность за это Христос оставил на пелене свое изображение. Волузиан повез в Рим Веронику и принадлежавшее ей изображение; с собой же он взял и Пилата, закованного в цепи. По прибытии их в Рим император приказал правителя Иудеи сослать в вечное изгнание в город Америю; пелену же с изображением император велел доставить ему, и едва он взглянул на лик Христа, как залился слезами и с молитвой опустился перед Ним на колени; тотчас вслед затем прекратилась и болезнь императора. Вероника получила богатые награды, а пелена с изображением Христа, по приказанию императора, была вделана в золото, украшена драгоценными камнями и помещена во дворце. Те девять месяцев, которые после того еще прожил Тиберий, он провел постоянно воссылая молитвы ко Христу и поклоняясь Его святому образу.

Эта легенда принадлежит к числу тех, которыми устанавливается связь между языческими императорами Рима и христианством. Об Августе, при котором Христос родился, сложилась одна из прекраснейших римских легенд, и дальше мы приведем ее; таким же образом создавалась легенда об ужасном преемнике Августа, Тиберии, при котором Христос был распят. Эта легенда сложилась раньше легенды об Августе и была известна в главных ее чертах уже при Евсевии и Тертуллиане. Неизвестно, когда возникло предание о том, что Тиберий, пораженный чудесным исцелением, приказал включить Христа в число богов. Сенат — так говорит это предание — отказался повиноваться императору и повелел изгнать всех христиан из города; такое неповиновение привело Тиберия в ярость, и он приказал придать смерти многих сенаторов. Эта легенда могла бы относиться к XII веку; но уже в начале V века епископ Орозий, которому ничего не было известно о пелене Вероники, писал, что сопротивление сената, не желавшего объявить Христа Богом, превратило Тиберия из кроткого государя в жестокого тирана.

Римская легенда продолжает дальше историю платка. По смерти Тиберия Вероника снова стала обладательницей своего сокровища, а когда она умерла, имея сто лет от роду, это сокровище наследовал епископ Климент; затем оно хранилось преемниками Климента как святыня, и Бонифацием IV было помещено в Пантеоне. Наконец, Иоанн VII положил этот платок в своей часовне, в мраморном ковчеге. Неоспоримые заслуги Иоанна VII перед церковью заключаются во всяком случае в том, что он восстановил в Кампаньи монастырь, известный всему миру. Бенедиктинское аббатство Субиако, самое древнее учреждение Бенедикта, разделило участь своей колонии Монте-Касино. В 601 г. оно было разрушено лангобардами, а монахи бежали в монастырь Св. Эразма на Целии. Сто лет аббатство оставалось разоренным, пока наконец не было восстановлено Иоанном VII.

3. Сисинний, папа, 707 г. — Константин, папа, 708 г. — Равенна подвергается наказанию. — Папа едет на Восток. — Казни в Риме. — Возмущение в Равенне под предводительством Георга. — Первый союз итальянских городов. — Филиппик Вардан, император, 711 г. — Римляне не признают его. — Герцогство и герцог Рима. — Гражданская война в Риме. — Дворец цезарей. — Анастасий II, император, 713 г. — Смерть Константина, 715 г.

После Иоанна папой был сириец Сисинний, пробывший на престоле св. Петра всего лишь 20 дней. Смерть помешала этому папе выполнить дело большой важности, а именно восстановить городские стены, которые были в совершенном запущении.

Преемник Сисинния, Константин, также сириец по происхождению, умный и энергичный человек, был посвящен в папы 25 марта 708 г. Семь лет его правления были ознаменованы важными событиями. Прежде всего в 709 г. Равенну постигла жестокая участь. Император, поклявшийся наказать этот город, привел теперь в исполнение свой план отмщения. В гавани Равенны появилась из Сицилии флотилия патриция Феодора; знать Равенны и высшее духовенство были немедленно заманены на корабли и там закованы в цепи; после того греки высадились и стали грабить и жечь город; значительная часть граждан была при этом вырезана. Наиболее знатные из граждан были отвезены Феодором в Константинополь, и Юстиниан приказал казнить их. В числе этих жертв мстительного императора был Иоанникий. Его ожидала ужасная смерть: быть заживо погребенным. Палач водил знаменитого равеннату по улицам Константинополя и выкрикивал, к какой жестокой каз-

ни был приговорен осужденный. Соучастник Иоанникия, архиепископ Феликс, был ослеплен и отправлен в изгнание в Понт.

Это ужасное событие произвело потрясающее впечатление на итальянские провинции и усилило в них ненависть к византийцам. Уже в то время города Италии могли бы освободиться из-под греческой власти, если бы только между ними было согласие и их энергия не была парализована страхом, внушаемым лангобардами. Даже Рим был опечален несчастьем своей соперницы; но папе удалось воспользоваться этим ужасным событием в своих интересах, так как император чувствовал необходимость искать в папе поддержку. Юстиниан потребовал, чтоб папа лично явился в Константинополь для окончательного разрешения все еще не прекращавшихся пререканий по поводу постановлений Трулланского собора, и глава римской церкви, хорошо зная весь ужас суда над Равенной, подчинился императорскому приказу. 5 октября 710 г. Константин сел в Порто на корабль; папу сопровождали епископ Сильвы-Кандиды Никита, епископ Порто Георг, многие кардиналы и чины папского двора. Интересно проследить это путешествие Константина и узнать, по какому пути следовали в то время, проезжая из Рима в Константинополь. Путь лежал через Неаполь в Сицилию, затем в Региум, Кортону и Галиполис. В Гидрунте зимовали и весной продолжали путь вдоль берегов греческой земли. Сделав остановку на острове Кеа, направлялись затем прямо в Константинополь. Начальствующим лицам всех этих мест было предписано встречать римского епископа, оказывая ему должные почести. Перед столицей навстречу папе вышли сын императора Тиберий во главе сената и патриарх Кир, в сопровождении духовенства. В самый город Константин вступил, имея на голове митру и сидя верхом на коне, а для помещения ему был назначен дворец Пластидии. Это был последний папа, видевший Константинополь.

Император в это время находился в Никее в Вифинии; поэтому Константину пришлось покинуть столицу и направиться в Никомедию, где он и встретился с императором. Запятнанное кровью своих жертв чудовище Ринотмет в глазах толпы очистил себя от всех своих преступлений, когда он покаялся папе и получил от него причастие; однако остается неизвестным, что происходило между Юстинианом и Константином при этом свидании их. По-видимому, они оба поняли друг друга, так как Константин осенью 711 г. покинул Восток, достигнув подтверждения всех привилегий римской церкви. Прибыв в Гаэту, Константин нашел здесь многих духовных и знатных лиц из Рима, поспешивших выехать ему навстречу. Они с ликованием проводили его в Рим, куда папа вступил 24 октября, год спустя после своего отъезда.

Здесь ему сообщили об ужасных событиях, которые происходили в его отсутствие. Вскоре же после его отъезда в Рим явился экзарх Иоанн Ризокоп, захватил некоторых лиц из высших чинов духовенства и приказал без суда казнить их. Неизвестно, чем была вызвана эта кара; по-видимому, она стояла в связи с возмущением в Равенне, так как экзарх немедленно затем покинул Рим и вернулся в Равенну, где и умер.

Несчастливая Равенна восстала против ига византийцев, будучи доведена ими до полного отчаяния. Она была главным городом богатой провинции Романьи и служила местопребыванием могущественного митрополита. В ее стенах были погребены и римская империя, и готское королевство. В ней же была и резиденция вице-короля Италии. После Рима это был самый большой город Италии того времени, а своим богатством он далеко превосходил Рим, так как вел торговые сношения с Востоком. Романья не была покорена лангобардами и в ней продолжали еще действовать римские законы; вследствие этого национальное самосознание латинян скорее могло пробудиться именно в Равенне и других городах экзархата. Пылкие романьолы всегда отличались необузданностью своих чувств, а жители Равенны в

особенности были народом страстных порывов и фанатического темперамента. Достаточным доказательством этому служит то, что говорит о Равенне летописец Агнелль. Каждое воскресенье знать и народ, мужчины и женщины имели обыкновенные выходы за ворота и вступать друг с другом в борьбу. Все население города разделялось на две партии: партию *porta Tigriniensis* и партию *porta Posterula* или *Summus vicus*; мужчины состязались в искусстве метания пращей, дети — в бросании диска. Эти народные состязания в играх повели к смертельной вражде между партиями. В одно из воскресений постеруленцы были разбиты, и поле покрылось телами убитых и раненых членов их партий; тогда побежденные решили жестоко отомстить своим победителям. Желая как будто бы торжественно заключить мир с своими врагами, постеруленцы пригласили тигуриенцев в базилику *Ursiana* и оттуда в свои дома; здесь каждый неожиданно закалывал своего гостя и тайно зарывал его в землю. Никто не мог понять, куда могло деваться такое множество мужчин; купальни, зрелища, лавки — все было закрыто, и на улицах раздавались стенания вдов и сирот. Так прошла неделя, по истечении которой епископ Дамиан приказал всему народу одеться в рубище и идти покаяться. Историк Равенны говорит, что после этого земля раскрылась и участники процессии могли видеть убитых. Тогда убийцы были, в свою очередь, убиты; кровавая месть не пощадила даже их жен и детей; четвертая часть Постерулы была разрушена, и с той поры эта часть города получила позорное прозвище квартала разбойников.

Эти события происходили в конце VII века, и мы остановились на них только для того, чтобы отметить, что характерная для Италии средних веков борьба партий в городах уже велась в то время.

Восстание в Равенне произошло в 710 г. или 711 г. Возмущившийся город провозгласил своим вождем, или *capitano del popolo*, — как можно было бы сказать, употребив выражение, свойственное Средним векам, — Георга, смелого сына казненного Иоанника. Новый вождь разделил город на 12 частей по числу отрядов городской милиции и присвоил каждой части особое знамя; эти части и их знамена назывались так: Равенна, *Bandus I*, *Baudus II*, Новое знамя, Непобедимое, Константинопольское, Непокоримое, Бодрое, Миланское, Веронское, знамя Классиса и отряд епископа с клиром и церковной прислугой. Такая организация милиции продолжала существовать в Равенне еще в IX веке, и нет сомнения, что с ней было сходно устройство милиции в Риме, где она должна была соответствовать округам города. В то же самое время Георг организовал конфедерацию городов — первую, о которой мы знаем; в союз вступила почти вся область экзархата, а именно следующие города: Саркена (Сарсина), Цервиа, Цезена, Форум Помиплия (Форлимиополи), Форум Ливия (Форли), Фавенция (Фаэнца), Форум Корнелия (Имола) и Бонония (Болонья). Этот замечательный союз латинских городов, возникший задолго до того, как Милан и Флоренция приобрели известность и стали могущественными, был началом средневековой эпохи Италии. Это был первый шаг к коммунальной самостоятельности республик. К сожалению, литературные источники того времени не дают нам в этом отношении никаких указаний; в искаженной истории Агнелля ничего не говорится об этом союзе городов Романии и войне его с греками. Даже год возмущения, которым заканчивается целый период, точно неизвестен; возможно, что Равенна восстала только после получения вести о смерти императора, а эта весть была получена, как говорит книга пап, через три месяца после возвращения папы в Рим. В конце 711 г. византийским тронem завладел Филиппик Вардан и в утешение римлянам послал на Запад отрубленную голову тирана Юстиниана. Римский народ ринулся смотреть на это зрелище, вероятно, все с тем же безотчетным любопытством, с каким он раньше встречал увенчанное лаврами изображение того же самого императора.

Так в те ужасные времена окровавленная голова императора странствовала по провинциям, которые раньше этот император угнетал, и в то же самое время для головы его убийцы и преемника, быть может, уже точился топор.

Исход революции в Равенне совершенно неизвестен; мы знаем только, что Равенна, вероятно, при Филиппике, была побеждена византийцами, и города экзархата снова покорились императору. Вардан, монофелит и еретик, как только надел на себя пурпур, объявил постановления шестого собора недействительными и приказал удалить со стены императорского дворца картину, изображавшую этот собор. В тот век догматическая теология имела настолько важное значение, что ею определялись все отношения, и поэтому даже императоры по вступлении на престол имели обыкновенные рассылать главнейшим епископам в империи свое изложение веры, или *сага*; так же поступил и Вардан, но папа и духовенство признали присланную им формулу еретической и отвергли ее. В это же время в базилике Св. Петра была написана большая стенная картина, изображавшая все шесть Вселенских соборов. В такой выразительной форме политическая демонстрация была повторена в Риме в позднейшие годы Средних веков, но при других условиях. В данном случае весь народ был возмущен поведением императора, дерзавшего отрицать две воли или два естества в Христе, и так же единодушно, как некогда *porulus Romanus*, решил восстать против императора, не принимать ни его изображения, ни рескриптов, исключить из употребления даже монеты (*silidi*) с его изображением и при богослужении не упоминать его имени. Вызванное всем этим волнение придало Риму новый облик. До сих пор народ принимал участие только в выборах пап; теперь он представлял собой граждан, которые решали политические вопросы. Знать, войско и цехи граждан единогласно высказались за сопротивление верховному главе государства. Даже в книге пап в первый раз в этом случае проскальзывает выражение: «герцогство римского города». Таким образом этим выражением объединяется как нечто целое вся территория города по обе стороны Тибра, со включением римской Тусции и Кампаньи. Наряду с герцогством в первый раз упоминается также и управлявший им герцог.

То был Христофор, назначенный герцогом еще при прежнем правительстве; императором или экзархом он был отставлен от своей должности и замещен прибывшим из Равенны в Рим Петром. Здесь большинство народа объявило, что оно не желает иметь герцога, назначенного императором-еретиком, и город разделился на две партии. Партия большинства, называвшаяся «христианской», держала сторону Христофора; другая партия, под предводительством Агафона, стояла за Петра. С великим интересом мы даже имеем полное основание заключить во мраке тех времен, борьбу (книга пап дает ей громкое, древнее название гражданской войны — *bellum civile*), как такое событие, которое возвещало собой наступление новой эпохи и вместе с тем воскрешало воспоминания о давно забытой старине. Боровшиеся партии сразились на *Via Sacra*, перед дворцом цезарей, и древняя мостовая обогрилась кровью убитых. Таким образом, не может быть сомнения, что *Via Sacra* и дворец цезарей еще существовали в начале VIII века, а судя по месту, где произошло столкновение, мы даже имеем полное основание заключить, что дворец цезарей служил помещением для герцога. Без сомнения, партия Петра осадила дворец, занятый герцогом Христофором, желая прогнать его оттуда. Помимо того, известно, что незадолго до этого времени дворец цезарей был реставрирован, а к концу VII века еще существовала так называемая *Cura Palatii Urbis Romae*, т. е. были такие чиновники, которые обязаны были заботиться о целостности этого дворца. Эту должность, восхваляемую Кассиодором, занимал отец Иоанна VII, Платон, так как именно к нему и его жене Благе должны быть отнесены две надписи 686—688 гг., помещенные в церкви Св. Анастасии, в честь своих родителей,

Иоанном, бывшим в то время управителем патримониума Арриа. Первая надпись гласит, что Платон, будучи начальником древнего дворца в Риме, восстановил в этом дворце большую лестницу и затем сам переселился в небесный дворец вечного Царя. Но вскоре же затем эта резиденция столь многих императоров, — в которой были сосредоточены судьбы всего мира и из которой в течение целого ряда столетий исходили и мудрое правление, и жестокий гнет, полный презрения в людям, — была совершенно забыта, и уже при Карле Великом в покинутых покоях Августа, Тиберия и Домициана ютились одни только совы, а на развалинах здания какой-нибудь монах разводил, как в наше время, оливковые деревья.

Вступившие в битву противники были разняты процессией священников, появившихся с Евангелиями и распятиями в руках. В своей политике дальновидные папы неизменно держались принципа невмешательства в борьбу партий, и мир был восстановлен на этот раз также папой. Хотя «христианская» партия могла без труда одолеть своих противников, тем не менее папа настоял на том, чтобы она отступила; так молча было заключено перемирие, а несколько дней спустя из Сицилии пришла весть о том, что Вардан свергнут с престола и ослеплен.

Это восстание в Константинополе было совершено с успехом 4 июня 713 г. Анастасием II, тайным секретарем во дворце, провозгласившим себя затем императором. Отсюда следует заключить, что раздоры в Риме продолжались почти полтора года. Теперь им был положен конец: спустя некоторое время новым императором был прислан в Италию экзархом патриций Схоластик; вместе с ним император прислал римскому епископу свою формулу веры, вполне отвечающую ортодоксальным требованиям. Затем, когда Петр поручился римлянам за полную амнистию, они признали его герцогом.

Этими событиями заканчивается в книге пап описание жизни Константина. Он умер 8 апреля 715 г. Это был достойный предшественник тех великих пап, при которых Рим действительно сбросил с себя иго византийцев.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

ОТ ПОСВЯЩЕНИЯ В ПАПЫ ГРИГОРИЯ II В 715 Г.
ДО КОРОНОВАНИЯ КАРЛА В ИМПЕРАТОРЫ В 800 Г.

ГЛАВА I

1. Вступление на папский престол Григория II, 715 г. — Его деятельность. — Бонифаций обращает германцев в христианство. — Лев Исаврянин. — Почитание икон. — Бронзовое изображение св. Петра в Ватикане

После семи пап греческого и сирийского происхождения на святой престол вступил снова римлянин — Григорий II; его предшественником был Константин I. Древнее имя Марцелла, отца Григория, дает нам основание предположить, что последний принадлежал к знатному и уважаемому роду. Нет сомнения, что римский народ избрал папой человека своей национальности исходя из враждебных чувств к Византии, и это избрание было крупным событием, повлекшим за собой немало осложнений. При дворе императора Григорию случилось быть, когда он был еще диаконом и сопровождал в Византию своего предшественника; здесь, участвуя в переговорах о постановлениях Трулланского собора, Григорий создал себе репутацию человека красноречивого и убежденного. Папой он был провозглашен 19 мая 715 г., в третий год царствования императора Анастасия.

В то время лангобардами правил сын Анспранда, Лиутпранд; государь этот был полон широких замыслов. Он отказался утвердить дар Ариберта II, и Григорий II поспешил принять меры к тому, чтобы между Лиутпрандом и Римом не произошло разрыва. Сохранить это согласие папским нунциям удалось, но вместе с тем папа счел необходимым приступить к исправлению пострадавших стен Аврелиана, так как они представляли собой оплот национальной независимости Рима. Исправление стен было уже начато у ворот San Lorenzo, как вдруг неожиданная преграда остановила работы. Разлившийся Тибр наводнил город и произвел много повреждений на Марсовом поле.

Таковы события первых лет правления Григория II, относящиеся к самому Риму и известные нам. Великая деятельность этого папы благодаря скудным вообще хроникам того времени остается для нас отчасти неизвестной. Властное влияние Григория II простиралось и на Южную Италию, где в 717 г. лангобарды Беневента подчинили себе сильную греческую крепость Кумы. Указания, как отнестись к этому случаю, были даны неаполитанскому герцогу Иоанну Григорием II, и когда эта крепость благодаря герцогу была отнята у лангобардов и снова перешла в руки греков, папа наградил герцога 70 фунтами золота, взятыми из средств церкви. Подобно Григорию I, но только еще с большим успехом, Григорий II покорял церкви далекие провинции. Англосаксы, некогда присоединенные к церкви Григорием I, стали к этому времени миссионерами в Германии; знаменитого Винфрида, или Бонифация, Григорий II возвел в сан германского епископа и отправил его в качестве апостольского легата в германские земли, тогда еще лишенные всякой культуры и покрытые дремучими лесами. Там этот преданнейший слуга пап-

ства и положил начало власти римской церкви. Так, спустя многие столетия темного существования своих воинственных племен, Германия вновь вступала в живую связь с Римом, которому предстояло сыграть великую роль в судьбах и церкви, и всего Запада.

В то время новые течения сказались со всей силой. В VII веке Древний мир пал окончательно, и на его развалинах стал создаваться новый мир; римская церковь уже успела включить в свою организацию этот новый мир. Объединив общим церковным уставом германские народы Англии, Галлии, Испании и Италии между собой и с народом латинским, церковь создала на Западе международную область; с течением времени эта область могла явиться снова в образе римской империи. Но этому нарождавшемуся государству объединенных германцев и латинян уже тогда грозила с Востока великая опасность. В расцвете своих юношеских сил арабский Восток восстал на борьбу с Западом. Константинополь уже был осажден магометанами, на Средиземном же море господствовали сарадины; они грозили Италии и Риму, и из покоренной ими Испании уже спустились в провинции Южной Галлии, чтобы уничтожить королевство франков, составлявшее оплот римской церкви на Западе. Именно в это бурное время последовало событие, благодаря которому существование и города Рима, и всей Италии облеклось в новые формы.

После двух военных революций, которыми были свергнуты с престола императоры Анастасий и Феодосий, 25 марта 717 г. на византийский трон вступил исаврянин Лев III. Этот человек, преисполненный энергии, прогнал от стен Константинополя арабов и пробудил византийскую империю к новой жизни. Слава его воинских подвигов миновала вместе с его временем, но страстная борьба по вопросу: должны или не должны быть допущены иконы в церквях, — борьба, вызванная эдиктом Льва, — сделала его имя бессмертным. Та страсть, с которой византийцы всегда относились к теологическим вопросам, овладела и несложной душой императора-солдата, которому было внушено, что почитание икон в церквях является единственным препятствием для обращения иудеев и магометан в христиан. Лев III положил начало той замечательной попытке реформировать греческую церковь, которую затем в течение более чем одного столетия продолжали его преемники. Он возвысился до смелого замысла очистить христианский культ от всякого идолопоклонства; но эта геркулесова работа, к сожалению, не могла быть выполнена декретами и соборами. Ликующие и полные презрения крики магометан, совершавших в покоренных ими городах Сирии надругательства над беспомощными иконами, и злорадные речи иудеев при дворе самого Льва должны были будить в душе последнего чувства стыда. Христиане, так говорили неверные, утверждают о себе, что они молятся истинному Богу, но они создали богов больше, чем сколько их было уничтожено некогда в языческих храмах самими христианами после Константина; последователи евангельского учения, нисколько не смущаясь, молятся и фигурам, сделанным из металла, камня или дерева, и лицам, нарисованным на тканях, и отвратительным изображениям бесчисленного множества чудотворцев. Римляне стали снова такими же язычниками, какими они были прежде, и христианство превратилось в поклонение идолам, тогда как украшением наших мечетей и синагог служат только дух истинного Бога и закон пророка.

Были также и греческие епископы, именно в Малой Азии, которых возмущало искаженное поклонение иконам и которые противопоставляли ему почитание Бога христианами в первые века, когда не существовало никаких священных изображений. Тогда язычники укоряли христиан в том, что их религия и бедная, и плебейская, что у них нет ни храмов, ни алтарей, ни прекрасных статуй, и на это христиане отвечали так: «Думаете ли вы, что, не строя ни храмов, ни алтарей, мы держим в

тайне Того, кого мы чтим? Но к чему нам выдумывать изображения Бога, когда сам человек поистине есть образ Бога? Зачем нам строить храмы, когда и весь мир, созданный самим Богом, не может вместить Его в себе? Мы, люди, можем селиться всюду на земле, а Всемогущего Бога мы должны заключить в крошечную келью? И не будет ли лучше, когда мы сами проникнемся Богом и будем носить Его в глубине нашего сердца?» Но времена Минуция Феликса миновали; насмешки и изобличения исходили теперь уже не от христиан, а от язычников. В начале IV века Илиберрийский собор нашел опасным допущение икон в церкви и воспретил его; но в VI веке такое постановление уже не могло бы состояться.

Изаише говорить о том, что в начале VIII века изображения и статуи Христа, Девы Марии и святых уже имелись во всех христианских землях. До V века исповедание христианского учения не было связано с почитанием каких-либо изображений, и даже символ креста получил общее признание только много времени спустя после Константина; но с той поры фантазия Востока, отдавшаяся образному воспроизведению святых, вышла из всяких границ. Чудотворные иконы, лики Христа Спасителя и Девы Марии как нерукотворные, таинственные отпечатки, полученные самим оригиналом или воспроизведенные, одни — ангелами, другие — апостолом Лукой, появлялись то в том, то в другом городе Азии или Европы, и пилигримы толпами шли в те церкви, о которых было известно, что они обладают подобными прибылыми для церквей изображениями.

Запад последовал этому примеру востока, и в церквях уже в VI веке имелись иконы и статуи святых. Но от этих специальных изображений, собственно икон, следует отличать те изображения Христа и святых, которые давно воспроизводились в катакомбах, на триумфальных арках и в абсидах базилик. Вообще в римские церкви не допускались только такие изображения, содержание которых составляли мучения святых; среди вышеупомянутых, известных нам до сих пор, более ранних произведений мы не найдем ни одного изображения, воспроизводящего мучения того или другого святого; такого рода изображения появились гораздо позднее, когда чувство было, по-видимому, притуплено и могло быть возбуждено только более грубыми образами. Живопись катакомб и скульптура древнехристианских саркофагов также нигде не воспроизводят страстей Христа; и та и другая изображают Спасителя или поучающим своих учеников, или творящим чудо. Рим обладал святыми мощами, и они составляли предмет его гордости; это обстоятельство должно было в самом Риме надолго отдалить или ограничить почитание чудотворных икон; но когда Эдесса, Панаас, Иерусалим и другие города Азии прославились тем, что в них имеются подлинные изображения Христа, Рим уже не мог оставаться позади этих городов, и возможно, что платок Вероники был выставлен публично уже в VII веке. При Григории I Рим был уверен в том, что обладает подлинными изображениями Христа, Девы Марии и апостолов Петра и Павла, и этот папа отправил копии с названных изображений епископу Секундину; однако, посылая их, он счел нужным оговориться, что таким изображениям молиться не следует и они должны служить только известным напоминанием. Просвещенные епископы Галии относились неодобрительно к совершавшемуся на их глазах уклонению в идолопоклонство и справедливо опасались, что суеверная толпа вернет христианство снова к языческому культу. Серен в Марсели однажды решил уничтожить в своей церкви иконы некоторых святых, и Григорий писал этому епископу: «Сердие, с которым ты стараешься помешать людям молиться творениям рук человеческих, заслуживает похвалы, но я нахожу тебя неправым в том, что ты уничтожаешь изображения. Живопись допущена в церкви ради того, чтобы всякий неграмотный мог узреть в стеновых картинах то, чего он не может понять в писании». Так понимал назначение икон

Григорий, и на его авторитет могли ссылаться папы, стоявшие за употребление их. Но большинству был чужд этот трезвый взгляд, и почитание икон приняло характер слепого поклонения тому, что изображалось на них. Несметное число мастеров, главным образом монахов в монастырях, изготовляло массами изображения святых, и церкви, в распоряжении которых были наиболее чудотворные иконы, продажей копий с них получали значительные доходы. Произведения живописи значительно преобладали над произведениями скульптуры, и это обуславливалось тем, что скульптура в своем развитии значительно отстала от живописи, частью вследствие отращения первых христиан к статуям, частью вследствие других причин. Но хотя в Риме в начале VIII века в процессиях еще не носили фигур, сделанных из дерева, тем не менее в церквях было достаточно золотых, серебряных и бронзовых статуй Христа, Девы Марии и апостолов; знаменитая же бронзовая статуя св. Петра находилась в атриуме базилики этого апостола с V века, и уже в то время верующие прикладывались к ноге этой статуи, подобно тому, как некогда лобзали известную бронзовую статую Геркулеса в храме в Агригенте, у которой, по словам Цицерона, подбородок был отшлифован пламенными поцелуями набожных людей.

Мы уже говорили о знаменитой статуе апостола в истории Льва I и возвращаемся к ней здесь потому, что она в особенности возбудила к себе негодование императора-иконоборца, тогда как папа Григорий II дорожил ею, как предметом, который глубоко чтится Римом. Эта статуя была поставлена в то время в монастыре Св. Мартина возле базилики Св. Петра и почиталась римлянами-христианами как палладиум города в той же мере, в какой их предки-язычники почитали некогда статую Победы. Статуя изображает апостола в сидячем положении; правая рука поднята для благословения, левая держит ключи. Происхождение этой статуи неизвестно, но она все-таки древняя, преисполнена энергии и красиво драпирована. Хотя нельзя предположить, что она перелита из статуи капитолийского Юпитера, и более чем сомнительно, что она представляет только видоизмененную статую какого-нибудь императора или консула, но стиль ее во всяком случае не византийский, а скорее античный и такой же прекрасный, какой мы встречаем в скульптурах лучших христианских саркофагов или в той мраморной статуе Ипполита, которая находится в настоящее время в христианском музее Латерана.

Подобное изображение апостола Петра с короткими, вьющимися волосами и короткой, круглой бородой, в противоположность апостолу Павлу, который изображался с гладкими волосами и длинной бородой, не было воспроизведено впервые этой статуей, но было окончательно установлено ею.

2. Эдикт Льва против иконопочитания. — Спротивление Рима и Италии. — Заговор на жизнь Григория. — Римляне и лангобарды берутся за оружие. — Восстание против Византии. — Письма Григория к императору

Знаменитый эдикт, которым предписывалось удалить все иконы из церквей империи, был издан в 725 г. Это распоряжение вызвало бурю негодования и на Востоке, и на Западе. Толпой овладело фанатическое возбуждение, и многочисленные духовные пастыри ее поняли, что власть их над ней опирается, главным образом, на внешние средства их богослужебной деятельности. На Востоке и в некоторых провинциях было уничтожено множество статуй, и это стремительное разрушение могло породить в иудеях и магометанах чувство злорадного удовлетворения. Но в защите мифологической стороны христианского культа папа проявил больше энергии, чем Симмах, некогда защищавший древних идолов и алтарь Победы. В Рим Лев также послал свой эдикт, но Григорий ответил на него буллой, в которой

объявлял, что императору не приличествует издавать предписания, относящиеся к делам веры, и отменять постановления церкви. Лев повторил свой приказ, угрожая папе низложением в случае, если он окажет неповиновение. Тогда Григорий обратился к епископам и городам Италии с воззванием, призывавшим к восстанию против еретических замыслов императора, и, как гласит книга пап, вооружился сам против императора, как против врага. Пастырские послания папы имели успех повсюду. Весь Пентаполис и Венеция немедленно вооружились и объявили, что они готовы защищать папу. Григорий мог видеть, что итальянское национальное чувство уже пробудилось и что ему, папе, достаточно было бы дать только сигнал, чтобы вспыхнула революция; но очень серьезные соображения принудили Григория помешать открытому отпадению от империи, и, по-видимому, он оказал сопротивление только введению установленного Византией нового налога.

Возмущением были охвачены Рим и провинция вплоть до Калабрии, и центром этого движения был папа, их защитник и представитель перед императором. Получив известие о возмущении, Лев снарядил флотилию; но раньше, чем она прибыла к устьям Тибра, решено было покончить с Григорием византийским способом. Герцог Василий, хартуларий Иордан и иподиакон Лурион вместе с Марином, которого император только что прислал в Рим для замещения должности герцога, задумали убить папу; однако этот чиновник неожиданно был удален, и замысел расстроился. Иордан и Иоанн были убиты народом, а Василий спасся бегством в монастырь. Затем в Равенну прибыл новый экзарх Павел, которому было предписано подавить восстание римлян во что бы то ни стало. Экзарх выслал против Рима войско, но лангобарды Сполето и Тусции, — без сомнения, призванные папой на помощь и вполне готовые содействовать ослаблению власти императора в Италии, — поспешили занять границы римского герцогства и вместе с римлянами преградили надвигавшемуся врагу переход через Саларский мост. Греки принуждены были вернуться, а экзарх, которого папа отлучил от церкви, увидел, что опасность грозит уже его собственному положению в Равенне. Пентаполис открыто заявил о своем отложении: все города Средней Италии изгнали византийских чиновников, выбрали своих собственных герцогов и грозили возвести на греческий трон нового императора. Этот замечательный план восстания доказывает, что возмущившиеся итальянцы вовсе не замыслили ни о восстановлении римской имперской власти на западе, ни о разделении империи. На этот раз даже сам Григорий выступил против итальянцев — не столько потому, что он надеялся на возможность раскаяния императора, сколько из опасения, что низвержение власти Византии приведет Италию и Рим к подчинению лангобардскому королю. Уже тогда папы понимали, как выгодно для них не допускать возникновения монархии в Италии и держать вдали от себя центр государственной власти. Император в Константинополе представлял для пап менее опасности, чем какой-нибудь король, который, объединив под своим скипетром Италию, неизбежно заявил бы притязания на Рим как на столицу. Помимо того, папа обязан был избегать всего, что могло бы придать ему вид бунтовщика против законной имперской власти. Следуя таким благоразумным соображениям, папа сдерживал итальянцев и убеждал их не восставать против императорской власти. На том же основании он не препятствовал императорскому герцогу Петру оставаться по-прежнему в Риме, хотя и не помешал римлянам схватить во дворце цезарей герцога и изгнать или убить его. После того в Риме так же, как и в других итальянских городах, был, вероятно, избран собственный герцог. Но не существует доказательств того, что римляне в это время формально объявили город и его область республикой, а ее главою — папу; это противоречило бы также политике Григория. В то же время неаполитанский герцог Эксгиларатус двинулся с отрядом войск в Кампанию, но был разбит римской милицией и сам убит. Таким об-

разом византийское правительство вскоре увидело, что власть его ограничивается одним Неаполем, для которого как торгового города, населенного греками, иудеями и другими восточными народами, было бы тяжело порвать отношения с Востоком. Евтихий, находившийся тогда в Неаполе и раньше бывший экзархом, пытался вызвать в Риме контрреволюцию, но безуспешно. Агент Евтихия был схвачен, и только заступничество папы, поступившего и в этом случае со всей государственною мудростью, спасло ему жизнь. Разгневанный император конфисковал тогда все доходы церкви в Южной Италии. Это было единственным средством отпущения папе, которое, однако, не привело к цели. В самом Риме влияние императора было совершенно утрачено; здесь уже едва ли существовала какая-нибудь византийская партия, и Григорий II вполне мог считать себя действительным властителем города, хотя был не больше, как только его епископом. Революция против императорских чиновников породила новый порядок вещей в Риме и повела к образованию городской милиции, во главе которой стали *judices de militia*. В это время Рим впервые является снова городом, независимым от византийской власти и имеющим республиканско-аристократическое устройство; последнее остается, однако, для нас неясным. По всей вероятности, город управлялся магистратом в лице консулов и герцогов, причем власть папы молчаливо признавалась всеми как высший авторитет. Римляне, не пожелавшие больше оставаться под властью греческих сатрапов, тем не менее продолжали признавать императорскую власть; но в то же время они находили, что их истинная защита в их могущественном епископе, и они стояли за него с полным единодушием против императора. Этот епископ был естественным главой римской национальности; таким образом, во время иконоборства было положено в скрытой форме начало той светской власти пап в Риме и в римском герцогстве, которая позднее получила историческое значение.

Страстная борьба велась в то же время и пером, на догматической почве. Мы имеем два письма, написанные Григорием императору Льву в разгар происходившего в Риме возмущения. Язык этих писем варварский; они написаны в грубом и страстном тоне; ничего подобного никогда бы не написал утонченно-образованный Григорий I. Но в этих, полных протеста, письмах римского епископа к главе империи высказывались впервые иерархические основания верховной власти папы как главы христианских народов, и эта власть утверждалась с такой сознательностью и решительностью, что письма Григория II вполне могли служить образцом последующим папам. Основана она позднее папства — эпохи Григория VII и Иннокентия III — здесь явились уже вполне намеченными.

«Мы можем писать тебе, — пишет Григорий в своем первом письме, — только простым, грубым языком, так как ты сам неучен и невежествен», — и затем указывает императору-иконоборцу на скрижали Моисея, на херувимов ковчега завета и на подлинное изображение Христа, посланное им самим вместе с собственноручным письмом королю Эдесы Абгару. Подобных изображений, пишет далее Григорий, существует много, и к ним стекаются толпами благочестивые пилигримы. Эти изображения, продолжает Григорий, не боги, да и святые служат предметом поклонения не сами по себе; к ним обращаются с молитвой, прося лишь их предстательства перед Христом. «Очисти, — советует Григорий императору, — свою душу от соблазнов мира, которые одолевают тебя; даже малые дети смеются над тобой. Поди в школу, где учат азбуке, и скажи: я разрушаю иконы и преследую за поклонение им, — и в ту же минуту школьники швырнут тебе в голову свои доски. Мы, получившие нашу власть и силу от святого Петра, хотели подвергнуть тебя наказанию, но ты уже сам осудил себя на проклятие, и этого довольно для тебя и твоих советников». В более позднее время папа не задумался бы отлучить императора

от церкви, но в ту эпоху папа не решался прибегнуть к этому средству, ставшему с течением времени таким страшным орудием. Эпоха, когда могущественные короли и даже императоры подвергались отлучению от церкви, была еще далеко впереди. Но о возмущении провинций Григорий говорит с чувством собственного достоинства; он указывает императору, что народы Италии попирают ногами его собственные изображения, что его чиновники изгнаны и на их место поставлены другие лица, что предполагалось поступить таким же образом и в Риме, который удержать за собой византийское правительство не имеет сил. «А ты, — пишет Григорий, — думаешь испугать нас, говоря: я прикажу разбить в Риме статую Петра, самого же папу везу заковать в цепи и доставить ко мне, как некогда Констант увел из Рима пленным папу Мартина. Ты должен знать, что мы не найдем надобности снисходить до борьбы с тобой, когда ты будешь следовать по пути дерзкого высокомерия и угроз, ибо стоит папе удалиться в римскую Кампанию хотя бы только на 24 стадия, и тебе придется искать ветра в поле».

Возвращаясь к знаменитой статуе апостола, которую император считал главным идолом Запада, Григорий приходит в такое раздражение, что даже впадает в противоречие с самим собой. «Все народы Запада питают чувства глубокого благоговения к тому, чье изображение ты похваляешься уничтожить у нас, — к святому Петру, горю я, почитаемому во всех западных королевствах за Бога на земле. Отступись от своего замысла; твоя сила и твоя ярость не могут простираться на Рим — ни на сам город, ни на принадлежащие ему морские берега и суда. Весь Запад поклоняется святому апостолу; ты пошлешь людей разрушать его изображения, а мы объявим, что мы неповинны за кровь, которая тогда прольется, и эта кровь падет на твою собственную голову. Некий Септет с далекой окраины Запада просит у нас как милости Господней посетить его лично, прибыть туда и совершить над ним святое крещение, и мы, не желая быть нерадивыми, решили препоясать наши чресла».

Нам неизвестно, о каком германском короле-варваре говорит здесь папа; очевидно, этим сообщением он хотел дать понять императору, что влияние римской церкви простирается на самые отдаленные западные окраины и что народы Запада все готовы защищать церковь. По-видимому, папа придавал особенное значение упомянутому крещению, так как он говорит о нем и во втором своем письме. Но франков, которых его преемник немного лет спустя призвал на защиту Рима, в этом случае Григорий не имел в виду.

Во втором письме Григорий с большей логической последовательностью выясняет различие между духовной и светской властью — между, как он выражается, дворцом и церковью. Здесь проводится граница между полномочиями верховного судьи с одной стороны, решающего мирские дела мечом, наказующего тело заключением и смертью, и с другой, полномочиями верховного епископа, который, будучи «сам лишен всякого оружия и беззащитен», карает греховную душу отлучением от церкви, причем не осуждает ее беспощадно на гибель, а ведет к вечному спасению.

В истории христианских веков этими замечательными определениями Григория II в первый раз был отмечен момент, когда светская и духовная власть, церковь и государство совершенно отделились друг от друга и как два начала власти противостояли одно другому. Этот всемирно-исторический разлад, наполнивший собой все существование Средних веков и продолжающийся до наших дней, был неизвестен Древнему миру. Лишенная единства уже в силу своего политеизма, языческая церковь Древнего мира могла быть только таким культом, который определялся интересами государства и был подвластен ему. Константину и его преемникам вышесказанный разлад был также неизвестен, так как с провозглашением христианства государственным религией император, облеченный папской властью, считал себя

главой государственной церкви. Это положение казалось таким простым государственным основачалом, что Лев Исаврянин уже не в силу своего деспотического высокомерия, а в спокойном сознании святости своей власти писал папе: «Я император и я же пастырь». Это были именно те слова, которые побудили Григория дать свои знаменательные объяснения и в то же время разделили человечество на два мира — мир духовный и мир политический, церковь и государство. Таким образом, внезапно стало очевидным, что римская церковь каким-то едва уловимым процессом, длившимся всего 150 лет, приобрела значение независимой власти, в которой и сказался дух Запада.

3. Политика Лиутпранда. — Он завоевывает Равенну. — Он приносит папе в дар Сутри. — Коалиция папы, венецианцев и греков против Лиутпранда. — Поход его на Рим и отступление. — Узурпатор в Тусции. — Смерть Григория II, 731 г. — Григорий III, папа, 731 г. — Римский собор против иконоборцев. — Искусство на Западе. — Постройки Григория III. — Восстановление городских стен

Страстная борьба, которую вели между собой два противника, могла бы принести неисчислимые выгоды третьему лицу, если бы оно обладало подходящей для того энергией и способностями. Этим третьим лицом был король лангобардов Лиутпранд. Высокая цель, которую ставили себе государи лангобардского народа, уже начавшего воспринимать римскую культуру, заключалась в объединении Италии под их скипетром, и эта цель могла быть достигнута только покорением Равенны и Рима. Лиутпранд не помышлял, конечно, об императорской короне, но он мог надеяться, что ему удастся восстановить королевство Теодориха. Италия явно отпадала от греческого Востока, и императоры уже не имели сил удержать ее под своей властью. В окрепшем латинском народе чувствовалась возможность нового возникновения того национально-римского государства, которое существовало до дней Одоакра. Лиутпранд был достаточно дальновиден, чтоб отклонить те заманчивые предложения, с которыми к нему обращалась Византия, желавшая заключить с ним союз. С радостным чувством смотрел он на возмущение греческих провинций и, без сомнения, имел среди возмущившихся свою партию. Во время восстания в Равенне экзарх Павел был убит. Лиутпранд немедленно же воспользовался этим обстоятельством; сделав неожиданное нападение, он овладел гаванью Классис, разграбил и разрушил ее; потом ему удалось проникнуть и в самую Равенну. Со всем своим войском он подступил к этой столице греков в Италии и овладел ею. В котором году произошло это замечательное событие — неизвестно.

Затем Лиутпранд овладел городами Эмилия и Пентаполис. Он вел поход также и против самого папы, вторгся в римское герцогство и дошел до Нарни. К сожалению, когда был совершен этот поход, также неизвестно. Смелое движение к Риму грозило последнему как резиденции пап чрезвычайной опасностью, но подарками, просительными письмами и искусными дипломатическими приемами Григорию удалось склонить короля к отступлению. Проникнутый благочестием государь-католик не был на высоте великой задачи, выполнению которой, по-видимому, так благоприятствовало то время. Он не только покинул герцогство, но еще отдал завоеванный им город Сутри в распоряжение папы, который именем апостола Петра предьявлял на этот город, составлявший законную собственность греческого императора, ничем не объяснимые притязания. Это был первый случай дарственной передачи города церкви.

Заключив договор с королем лангобардов и склонив его на свою сторону, умный Григорий в то же время замыслил возможно скорее отнять у короля Романо. Таким

образом папа ставил себе задачей добиться того, чего достигнуть не чувствовал себя в силах могущественный государь. На экзархат папа решил смотреть как на наследие церкви. Достижение власти над Италией, о котором Григорий Великий едва ли думал, но которое он мог смутно предчувствовать, теперь являлось для римских епископов вполне определенной целью. В понимании политических условий своего времени папы стояли выше королей, и победа осталась на стороне первых. В то время венецианская республика процветала, и Григорий II обратился к ней с настоятельной просьбой об освобождении Равенны. В городе лагун послы папы встретили послов греческого императора, явившихся сюда с той же просьбой. Таким образом страх, который внушало папе могущество Лиутпранда, снова сблизил папу с императором. Если приписываемое Григорию письмо к дожу достоверно, то приходится допустить, что Григорий не постеснялся заклеймить именем «подлого народа» тех самых лангобардов, которые были его собственными союзниками и вместе с тем ревностными католиками, стоявшими за иконопочитание, между тем как своих врагов, императора и его сына Константина Копронима, папа называет «своими государями и сынами». Не лишено вероятности также и то утверждение, что Григорий II тайно восстанавливал против Лиутпранда герцогов Сполето и Беневента. Так положено было Григорием II начало дипломатическому искусству пап и, наследуя друг другу в традициях этого искусства, папы превзошли в нем всех государей. Перед Равенной появился венецианский флот; племянник короля, Гильдебранд, тщетно старался отбить нападение: сам он был взят в плен, а герцог Виченцы, Передео, убит. Затем венецианцы изгнали лангобардский гарнизон и вернули экзарху Евтихию его власть. После этого Лиутпранд вынужден был отказаться от приморских городов и Романьи, и он не только заключил мир с императором, но еще вступил в союз с экзархом для того, чтобы покорить герцогов Сполето и Беневента, и затем напасть на папу в самом Риме.

Оба названных герцогства по закону стояли в вассальных отношениях к королю лангобардов, но в действительности уже с давнего времени достигли почти независимого положения. Эта независимость герцогств поддерживалась папами, так как в их интересах было ослабить королевство лангобардов путем его раздробления. Только могущественному Лиутпранду удалось вернуть Сполето и Беневент снова к вассальным отношениям. Оба герцога, Тразамунд II и Ромуальд II, сдались Лиутпранду в Сполето и присягнули ему как вассалы. Это было в 729 г. После этого король в сопровождении экзарха двинулся к Риму и расположился лагерем на Нероновом поле. Если бы Лиутпранду удалось тогда овладеть городом, надо думать, что судьба Рима, Италии и пап была бы иная. Каждый государь, желавший объединения Италии, должен был стремиться к обладанию Римом. Эта великая цель, если только ей предстояло когда-либо осуществиться, могла быть достигнута в 729 г., так как папа, покинутый греками и никем не поддерживаемый, был совершенно беззащитен. Но какая-то таинственная сила, казалось, охраняла Рим и препятствовала германским завоевателям овладеть этим городом и отнять у него его космополитическое значение. Когда безоружный Григорий мужественно вступил в лагерь Лиутпранда и обратился к нему с речью, воскресившей образ Льва Великого, король забыл о своих обидах и пал на колени перед папой. Тогда чародей-пастырь поспешил привести обезоруженного врага ко гробу апостола, и благочестивый король сложил у ног почившего святого свою пурпурную мантию, свой меч, свою корону и все свои смелые замыслы. После того был заключен мир и состоялось полное примирение; по просьбе короля папа снял также с экзарха отлучение от церкви. Этот момент решил вопрос о всемирной власти пап. В истории последней он знаменательнее легендарного появления Льва перед Атилой; еще за 300 лет до знаменитой сцены в Каноссе человечество уже могло убедиться, что папе присуща какая-то загадочная сила. Грубые и невежественные люди

преклонились перед папством церкви, почитая в ней единственную божественную власть на земле, и признанный ими верховный глава казался им святым существом сверхъестественного происхождения.

Не вступая в Рим, Лиутпранд снял свой лагерь и направился по Фламиниевой дороге. Так навсегда ускользнула из рук этого государя, не обладавшего необходимой для того решимостью, корона Италии, уже носившаяся, казалось, над его головой, и, может быть, это было также несчастьем Италии, расторгнутые части которой могли бы быть в то время соединены. За коленопреклоненного Лиутпранда его преемникам и народу пришлось вскоре же заплатить своей трагической гибелью.

Вслед за тем один узурпатор превзошел Лиутпранда своей решимостью. Охватившая то время смута была так велика, что каждый смелый человек мог питать надежду на то, что ему удастся захватить в свои руки власть. Тиберий Петазий, герцог одного из городов римской Тусции, собрал вокруг себя приверженцев и в 730 г. вдруг объявил себя императором. Папа немедленно же отдал римское войско в распоряжение находившегося в Риме экзарха, и голова мятежника была отослана в Константинополь. Таким образом Григорий все еще признавал верховную власть императора и, примирившись с экзархом, желал также восстановления мирных отношений с византийским правительством. Держаться такой политики папу заставляли, помимо страха, внушаемого все возрастающим могуществом сарацинов в Испании, еще опасения борьбы с римским народом, в которую папа рано или поздно должен был вступить, как скоро законная власть императора была бы упразднена. Церковь всегда понимала, что сохранение государственной власти составляет неперемennое условие ее собственного существования.

10 февраля 731 г. после пятнадцатилетнего управления, полного знаменательных событий, Григорий II умер. Это был вполне государственный человек, сильно продвинувший папство на его пути к достижению светской власти.

Единодушный выбор духовенства и народа пал затем на человека, происходившего из Сирии и занявшего Святой престол 18 марта 731 г. под именем Григория III. Возможно, что он был избран прежде всего потому, что был основательно знаком с греческим языком, знать который в то время было весьма важно для папы; но Григорий III обладал также и другими качествами, которые его делали достойным его предшественника. Тяжелым наследием, которое получил Григорий III, было иконоборство, в действительности являвшееся только символом борьбы между церковью и абсолютизмом государства. Первый фасис этой замечательной борьбы, преисполненный страстных и яростных порывов, уже миновал, и обе борющиеся стороны, не уступив ни в чем друг другу, приостановили свои воинственные действия и как бы заключили перемирие. Император Лев признал нового папу и изъявил ему в письме свое благоволение, надеясь, что он будет сговорчивее своего предшественника. Григорий III в письме к императору не постеснялся, однако, повторить все основные положения Григория II и изложил их в такой резкой форме, что нунций, которому предстояло передать письмо императору, не посмел этого сделать, вернулся в Рим и пал к ногам папы, умоляя избавить его от возложенного на него поручения. Низложение, на которое был осужден этот кардинал, проявивший так мало готовности пострадать за иконопочитание, было заменено по просьбе собора и римской знати церковным покаянием, и затем вестник должен был вновь отправиться с письмами в Византию. На его счастье, императорский патриций схватил его в Сицилии и продержал там под стражей в течение года.

1 ноября 731 г. Григорий III созвал собор. В храме ап. Петра собрались 93 епископа Италии, римское духовенство и представители народа и знати, или «консулы», как называет их книга пап. Этот собор приговорил иконоборцев к отлучению

от церкви; такое решение было уже само по себе отпадением Италии от византийской империи. Постановления собора должен был доставить в Константинополь дефензор Константин, но и он также был задержан в Сицилии. Просьбы городов римского герцогства о сохранении икон постигала та же участь; лица, которым поручалось доставить эти просьбы в Константинополь, были заключаемы в тюрьмы и после восьмимесячного заточения с позором отсылались обратно. Император решил не принимать больше ни послов, ни писем. Конечно, такие натянутые отношения существовали только на догматической почве, так как революционное движение в Италии прекратилось само собою, и авторитет императора формально признавался по-прежнему; отношения же папы с экзархом Евтихием были настолько хороши, что последний принес в дар папе шесть драгоценных колонн из оникса, взятых, без сомнения, скорее из какого-нибудь древнего сооружения в Риме, а не в Равенне. Григорий украсил ими исповедальню у ап. Петра. На эти колонны были положены окованные серебром балки, а на них были укреплены чеканной работы изображения Христа, апостолов и других святых; очевидно, что это было сделано ради демонстрации против иконоборцев. Папа намеренно наделял церкви иконами и реликвиями, так как Константин Копроним, сын Льва Исаврянина, уже не довольствовался преследованием икон, но, будучи вполне последователен, объявил войну почитанию реликвии и святых вообще.

Если мы теперь, не колеблясь, становимся на сторону византийских иконоборцев, старавшихся очистить христианскую религию от всего языческого, проникшего в нее, то при таком решении мы должны, однако, принимать во внимание и эстетические потребности человечества. Начало искусству и у древних, и у христианских народов было положено религией и службой в храмах. Как бы ни было мало привлекательно для нас содержание искусства варварских веков христианства и как бы ни была несовершенна форма этого искусства, оно тем не менее для культуры своего времени имело огромное значение. Это искусство подымало человека из его грубых чувственных верований в область идеального и раскрывало ему мир прекрасного, где не было места для мрака, где все преображалось в символы, и у человечества в момент его духовного оскудения это было единственное достояние, которое могло своим светом и образами разогнать окутавшую людей темноту суеверия. Борьба пап с византийскими императорами спасла искусство на Западе. Италия, борющаяся за почитание икон, утверждала многобожие, но она нашла себе оправдание — конечно, уже позднее — в гении Джотто, Леонардо и Рафаэля. В эпоху иконоборства многие восточные мастера переселились в Италию и Рим, будучи уверены, что здесь они будут встречены вполне гостеприимно. Возможно, что эти мастера содействовали распространению в Италии догматического византийского стиля и установлением традиционных форм помешали более свободному развитию искусства на Западе. Но историки умалчивают об этих явившихся с Востока школах живописи.

Немало спасено было икон таким же образом, т. е. отсылкой их на Запад. Возможно, что во время гонения против них многие из потемневших образов древнего и грубого письма, которые изображают Христа или Деву Марию и встречаются еще в настоящее время в римских церквях, были тайно взяты из какого-нибудь византийского города и перенесены в Рим. Нет ничего невероятного и в том, что в числе уцелевших таким образом икон был также и тот «нерукотворный» лик Христа, который хранится в капелле Sancta Sanctorum. Какой-нибудь бежавший с Востока грек мог принести с собой эту икону; во всяком случае, такое предположение правдоподобнее того предания, по которому этот образ был переброшен по воздуху из Константинополя в Рим несчастным епископом Германом и появился в Риме так

же, как и многие другие образа апостола Луки, начертанные им с помощью незримой кисти ангелов.

Григорием III были воздвигнуты некоторые церкви и капеллы. В базилике Св. Петра он построил капеллу реликвий и украсил ее живописью. В Транстеверине им был основан монастырь Св. Хризогона, а на Марсовом поле заново отстроенная диакония S. Maria in Aquiro. Затем Григорием III была восстановлена на церковные средства значительная часть городских стен, к поправке которых его предшественник едва успел приступить. Наконец, Григорий III обнес стеной также Центумцеллы, предвидя возможность нападения сарацинов, уже занявших Сардинию, и высадку византийцев. Таким образом мы видим, что Григорий III действовал так, как бы он был государем в римском герцогстве.

4. Лев Исаврянин посылает армию против Италии. — Он конфискует римские церковные имения. — Папа приобретает Галлезе. — Он заключает союз с Сполето и Беневентом. — Лиутпранд вступает в герцогство. — Григорий ищет помощи у Карла Мартелла. — Смерть Григория III, Карла Мартелла и Льва Исаврянина в 741 г.

Император Лев вовсе не думал отказываться от своего намерения наказать Рим и другие возмущившиеся провинции. В 733 г. он отправил флот под начальством адмирала Манеса, но этот флот постигла жалкая участь: он погиб в Адриатическом море. Тогда Лев конфисковал все имения, принадлежавшие римской церкви в Калабрии и Сицилии и приносившие ежегодный доход в 35 000 золотых. В Сицилии церковь обладала обширными имениями; однако много имений принадлежало церкви и в неаполитанском герцогстве возле Сорренто, Мизенума, Капуи, Неаполя и даже на острове Капри. Утрата этих имений была чувствительна для церкви, и последняя старалась так или иначе возместить эти потери. Именно в это время церковь приобрела замок Галлезе в римской Тусции, захваченный лангобардским герцогом Сполето и купленный Григорием у Тразамунда. Книга пап упоминает об этом акте в особых, исключительных выражениях: папа, как значится в этой книге, присоединил Галлезе к священной республике и к римскому войску. Возвращая этот замок римскому герцогству, которое, во всяком случае, составляло часть империи (*respublica*), папа тем не менее смотрел на замок как на собственность исключительно Рима, лежащую в пределах его ближайшей территории. Под неопределенным выражением *sancta respublica* можно было одинаково подразумевать и римское герцогство, на которое папа уже заявлял притязание, как на патримониум Св. Петра, и точно так же *Sacrum Romanum Imperium*. Папы оставляли неприкосновенными установления Римской империи, проявляя в этом отношении великую мудрость; свою же нарастающую власть в Риме папы маскировали искусными дипломатическими приемами. Этой властью папы были обязаны хаотическому состоянию Италии, бессилию византийских императоров и своей собственной смелости и энергии. Благодаря папам Италия освободилась из-под ига греков и в своем существовании вновь получила всемирно-историческое значение. Папы воскресили погибавшую латинскую национальность и спасли Рим, средоточие церкви, от грозившей ему участи стать столицей лангобардского королевства. Начало светской власти пап связано с первым национальным подъемом Италии. История всех последующих столетий убеждает нас в том, что наибольшего могущества папы достигали в Италии тогда, когда на знамени их было начертано служение нации, а слабее всего они оказывались тогда, когда выпускали из рук это знамя.

Передача замка Галлезе состоялась вследствие тайного договора между Григорием и герцогом Сполето. Тразамунд и Годшалк Беневентский, пользуясь царившей в Италии смутой, старались добиться независимости от короля лангобардов, и Григорий поддерживал их в этих стремлениях. Когда Лиутпранд направился на Сполето, Тразамунд (в 739 г.) бежал в Рим искать защиты у папы и нашел ее здесь. Заняв Сполето, король потребовал выдачи мятежника, но папа и римское войско, во главе которого в сане римского герцога стоял экс-патриций Стефан, отказались выдать королю Тразамунда. Это упоминание о герцоге наряду с папой и римским войском свидетельствует, что даже в то время в Риме все еще находился византийский чиновник в качестве правителя герцогства, и оно же указывает, что Григорий действовал в согласии с экзархом Равенны. На отказ Лиутпранд ответил походом в римское герцогство; он занял Амелию, Горту, Полимарциум и Бледу, оставил в них свои войска и затем, не подвергая Рим осаде и не предавая базилики Св. Петра разграблению, как утверждали некоторые, вернулся в августе 739 г. в Павию. После этого папа отдал в распоряжение Тразамунда римское войско, чтобы тот мог вернуть себе свои земли, и уже в декабре герцог вступил в Сполето.

Но, вернувшись в Сполето, герцог не пожелал более служить замыслам папы и отказался помочь возвратить Риму четыре вышеназванных города. В тоже время Лиутпранд готовился к походу против Сполето и Рима; таким образом папе грозила большая опасность. Он понимал, что итальянцы и византийцы не спасут его от справедливой мести короля лангобардов, и обратился к могущественному в то время на Западе Карлу Мартеллу. Знаменитый сын Пипина Геристальского, герой Пуатье, на полях которого он кровавой битвой навсегда освободил землю франков от сарацин, занимал пост министра; но король был только тенью короля, действительным же государем франкского королевства был Карл Мартелл. Когда в 737 г. меровинг Теодерих умер, престол остался незанятым, и Карл продолжал один управлять королевством.

Возлагать на него надежды папы начали уже давно: еще предшественник Григория III, по-видимому, искал помощи у Карла Мартелла. В 739 г. сам Григорий III отправил к нему послов. Сохранились два письма Григория III к этому франкскому государю. В одном письме папа жалуется, что Карл не оказывает ему помощи, что он верит ложным наветам Лиутпранда и его племянника Гильдепранда и терпит враждебные действия лангобардов, которые, смеясь, говорят: «Пусть Карл, у которого вы просили защиты, приходит с франкской ратью и спасает вас, если может, из наших рук». Таким образом здесь имеется ссылка на какую-то прежнюю просьбу папы и на послание Лиутпранда. Это первое, утраченное письмо Григория, вероятно, было написано тогда, когда король выступил в поход ввиду союза папы с мятежниками Сполето и Беневента. Оба сохранившихся письма относятся к 739—740 гг. — ко времени, которое предшествовало покорению Лиутпрандом четырех вышеназванных городов, так как в письмах не упоминается об этом захвате. Не может быть сомнения, что папа горько жаловался бы на утрату городов, если бы она уже произошла; но папа в своих письмах сокрушается только об опустошениях, которым подвергались церковные имения в равеннском герцогстве, и о грабежах, производившихся в римском герцогстве.

«Эти обиды, — пишет папа в своем первом письме, — преисполняют нас неутоленной скорбью, так как сыны не находят в себе достаточно отваги, чтоб выступить на защиту своей духовной матери, святой церкви, и подвластного ей населения. Конечно, апостол, о дорогой сын, дарованной ему от Господа силой, может сам охранить свой дом и свой народ, но он посылает испытанные верующим в него. Не давай веры наветам этих королей; все, что они тебе пишут, лживо. Их утверж-

дение, будто герцоги Сполето и Беневента мятежники, ложь; они преследуют этих герцогов только потому, что последние в прошлом году не нападали на нас и не пожелали опустошать имения свв. апостолов и грабить их народ. Герцоги сказали так: мы не ведем войны против Господней церкви и подвластного ей населения; мы заключили с ней договор и получили от церкви клятвенное обещание. Герцоги готовы, как и раньше, повиноваться королям; но последние преследуют герцогов, желая изгнать их и поставить на их место жестоких правителей (duces), чтобы они с каждым днем все больше притесняли церковь, грабили имущество апостола и порабождали его народ».

Так писал папа, желая оправдать свой союз с мятежниками, в заключении которого он не мог не признаться. Он уже называл Рим и герцогство народом, «подвластным» св. Петру, и таким образом смело вводил новое юридическое понятие. Он убеждал Карла Мартелла отправить посла в Италию, который мог бы лично удостовериться в бедственном положении церкви, и умолял его не приносить в жертву дружбе с королем лангобардов свою верность апостолу, а взять на себя защиту Рима. В то же время папа послал через Анхарда вместе с письмом знак отличия католических государей, который уже давно был в ходу, но теперь приобретал особенное значение; то были золотые ключи от гроба апостола, и этим символом папа как бы дела Карла охранителем священного гроба. Однако Карл Мартелл воздержался от рискованного вмешательства в дела Италии; в этом случае он последовал, конечно, чувству долга по отношению к королю лангобардов, с которым был в личной дружбе, так как Лиутпранд не только усыновил в Павии юного Пипина, но в 739 г. еще помог изгнать сарацинов из Южной Галлии.

Папа послал Карлу Мартеллу второе письмо, но и оно не имело результата. Ничего более не содержат в себе эти письма Григория III, единственные подлинные акты, свидетельствующие о том решении папы, которое со временем повлекло за собой непредвиденные последствия. В этих письмах франкский государь просто приглашается взять на себя защиту церкви от Лиутпранда; ни одним словом в них не упоминается о каких-либо чрезвычайных правах на Рим, которые будто бы предоставлял этому государю папа. Между тем существовало мнение, что Григорий III, возведя Карла Мартелла в сан патриция или консула римлян, предоставил ему действительную власть над Римом; основанием такому утверждению послужило сообщение одного летописца, рассказывающего, будто Григорий в 741 г. отправил к Карлу второе посольство, послал ему ключи от гроба св. Петра, его цепи и другие ценные дары и предложил ему сан римского консула, т. е. возложить на себя всю законную власть над Римом, решив таким образом не признавать больше власти императора. Однако такое важное решение, передававшее франку, который хотя и обладал могуществом и пользовался общим почетом, тем не менее был только первым министром в своей стране, вместе с правом охранять Рим и светскую власть над ним, едва ли может быть согласовано как с политикой Григория, так и с правовыми понятиями того времени. Нам неизвестно также, что ответил папе Карл Мартелл. Предложение папы было так необычно, что должно было составить предмет обсуждения в каком-нибудь общем собрании франков; последние же позднее доказали, что они не желали ничего слышать о войне с лангобардами из-за папы. Ответ, который был доставлен в Рим послами Карла, мог быть, конечно, только вполне отрицательным, и поэтому книга пап умалчивает о нем.

Между тем король лангобардов продолжал свой поход на Сполето и Рим, а в 741 г. 27 ноября Григорий III умер. Незадолго до его смерти, 11 октября, умер Карл Мартелл и 18 июня — Лев Исаврянин. Таким образом, смерть быстро похитила одного за другим этих трех великих людей своего времени.

ГЛАВА II

1. Захария, папа, 741 г. — Его переговоры с Лиутпрандом и поездка к нему. — Новое пожертвование короля лангобардов в пользу церкви. — Второе путешествие папы к Лиутпранду. — Смерть короля. — Ратхис наследует ему на троне в Павии

Престол Петра оставался незанятым всего лишь 4 дня; 3 декабря 741 г. в папы уже был посвящен Захария, сын Полихромия; это был вообще последний грек, на которого была возложена тиара. Он был родом из Сиберены, ныне С.-Северино в Калабрии, где родился также папа Иоанн VII из Россано. Юный Захария был призван в Рим, по-видимому, этим папой. В Риме Захария стал бенедиктинским монахом в Латеране и затем при Григории III кардиналом-диаконом. Нет сомнения, что экзарх был извещен об избрании Захарии папой, но ждать от экзарха утверждения этого избрания уже не считалось нужным. Книга пап воздает Захарии большие похвалы; правда, в этой книге восхваления по адресу преемников св. Петра всегда предшествуют их жизнеописанию; тем не менее эти похвалы Захария с точки зрения интересов церкви вполне заслужил. Миром и благополучием за все десять лет своего правления этот папа обязан главным образом своей находчивости, уму и красноречию. По-видимому, Захария был весьма образованным человеком своего времени; ему принадлежит также перевод на греческий язык диалогов Григория.

Покорить Сполето и наказать Рим — таковы были намерения Лиутпранда; поэтому новому папе предстояло прежде всего устранить эту опасность. Смерть Карла Мартелла и смута, овладевшая франкским государством, у которого правителями оказались три враждующих между собою сына Карла, Карломан, Пипин и Грифон, лишали папу всякой надежды на поддержку со стороны франков, и точно так же нельзя было думать о какой бы то ни было помощи из Константинополя. Вследствие этого Захария решил стать в дружественные отношения к Лиутпранду, и между ними состоялось такое соглашение: король возвращал церкви четыре города, а папа должен был отказаться от договора с Тразамундом и для низвержения его присоединить римское войско к лангобардам. Таков был конец договора церкви с Тразамундом: тот самый герцог, которого Григорий так ревностно защищал против обвинения в государственной измене, преемником Григория был объявлен мятежником, без малейших колебаний принесен в жертву интересам церкви и низвергнут с помощью римского же оружия.

Узнав, что участь его решена, герцог бросился к королю и пал к его ногам, умоляя о пощаде; король помиловал его, но наградил тонзурой и монашеской рясой. Немедленно вслед за тем был покорен Лиутпрандом и Беневент. После того победитель возвратился в Тусцию, но вернуть церкви четыре обещанных города не проявлял готовности. Тогда весной 742 г. Захария покинул Рим, решив лично напомнить королю о выполнении договора. Получив известие о выезде папы, Лиутпранд приказал своему послу проводить папу в Нарни и оттуда в сопровождении блестящей свиты герцогов, с воинскими почестями проследовать в сполетское герцогство, в Питерамну (Терни), где перед базиликой Св. Валентина он уже сам встретил папу. Здесь увлекательное красноречие папы быстро покорило благочестивого короля, и он возвратил города Гарту, Америю, Полимарциум и Бледу, но не греческому императору, их законному государю, а папе и св. Петру. Этот дар был скреплен хартией, которая была положена в базилику Св. Петра. Это было третье лангобардское приношение папе, сделанное по праву завоевания. Но Захария сумел

получить от старого короля еще более, а именно, патримониум Сабинны, который находился во власти лангобардов уже в течение тридцати лет, и принадлежавшие церкви, но завоеванные Лиутпрандом патримонии Нарни Озимо, Анконы, Нуманы и Валле Магна при Сутрии. Затем король завершил свое великодушие заключением с римским герцогством двадцатилетнего мира и по просьбе папы даровал свободу всем римским или греческим пленным. Так беспредельна была уступчивость короля и так велик был гений первосвященников Рима! Каждый кусок, съеденный Лиутпрандом за папской трапезой, стоил ему целой области, но старый король, вставая из-за стола, сказал только с любезной улыбкой, что он не помнит, чтоб ему когда-либо приходилось так роскошно пообедать. В понедельник в сопровождении Агипранда, герцога Киузского, и нескольких гастальдов, на которых возложено было передать папе четыре города, последний направился в обратный путь. В Рим Захария вступил как победитель, и здесь восторженные клики народа показали папе, что Рим составляет его собственность. Собранным в базилике Св. Петра римлянам Захария произнес слово, а на следующий день была устроена процессия, проследовавшая из Пантеона через Марсово поле в базилику Св. Петра, и там было совершено благодарственное моление.

В том же 742 г. Захария повторил свою поездку к королю, будучи вынужден к этому настоятельной необходимостью. Мир, заключенный королем с римским герцогством, был лишь сепаратным договором (это доказывает, между прочим, что римское герцогство считалось самостоятельной областью), и потому Лиутпранд предпринял затем поход против Равенны, Эмилии и Пентаполиса. Экзарх Евтихий обратился к Захарии с просьбой о посредничестве, и затем с той же просьбой обратились к папе архиепископ Иоанн, Равенна и другие города, которым угрожало нападение Лиутпранда. Сначала Захария пытался умиротворить короля через послов и подарками, но когда это оказалось бесполезным, отправился к королю сам, передав управление городом патрицию и герцогу Стефану. Король пытался уклониться от приема неотвязчивого гостя, которого экзарх, напротив, встретил со всеми почестями, но ничто на земле не могло быть преградой для святого, которому в дороге облако служило защитой от палящего солнца, а путь указывало огненное небесное воинство. И Захария смело вступил в лангобардскую столицу Павию, достигнув ее 28 июня. После долгого сопротивления король уступил, наконец, священнику, очарованный его красноречием, и возвратил греческой империи все, что завоевал у нее; даже от Цезены и ее области, о которой собственно шли переговоры, король удержал только третью часть как залог, имея в виду и ее вернуть «республике», когда возвратятся из Константинополя вестники мира.

Вскоре после этой столь удачной поездки Захария был окончательно освобожден от своего врага его смертью. Великодушный государь лангобардов умер после 32 лет царствования, а со смертью короля навсегда закатилась и звезда его народа.

Самый выдающийся из всех лангобардских королей, Лиутпранд сумел дать политическое единство королевству лангобардов и сделать его грозным и для императора, и для папы. Радость, вызванная в Риме смертью Лиутпранда, возросла еще более, когда несколько месяцев спустя племянник Лиутпранда и его преемник Гильдебранд был низвергнут с трона и последний был занят Ратхисом, герцогом Фриульским. Захария знал, что новый король предан католической церкви, и послал ему приветствие; отвечая на него, Ратхис подтвердил заключенный Лиутпрандом 20-летний мир и распространил его на всю Италию. Нет сомнения, что папская политика содействовала и падению Гильдебранда, и возвышению Ратхиса.

2. Верховная власть императора признается по-прежнему. —

Мирные отношения к Византии. — Карломан и Ратхис принимают монашество. — Айстульф, король лангобардов, 749 г. — Папа дает санкцию узурпаторству Пипина. — Смерть Захарии, 752 г. — Его постройки в Латеранском дворце. — *Domus Cultae*

Судьба Италии была теперь в руках самого счастливого из пап. Мир был восстановлен, и отношения к императору были дружественнее, чем прежде. Пользуясь фактически независимостью, римский епископ тем не менее признавал законную императорскую власть, представителями которой были в Равенне экзарх и в Риме герцог. И в действительности сохранением своего авторитета в итальянских провинциях император был обязан исключительно папам. Имена императоров-иконоборцев все еще отмечались в буллах и соборных актах, и даже в позднейшее время, когда франки окончательно приняли на себя охрану церкви, папы не переставали признавать верховную власть императора. Те замыслы, которыми имелось в виду достижение светской власти, папы скрывали со всей осторожностью; получение ими тех или других прав и приобретение в собственности имуществ все еще санкционировались авторитетом государственной власти. Сам Захария получил от империи дар в законном порядке. Могущественный император Константин V Копроним низверг с престола узурпатора Артабазда, имя которого римский папа, не смущаясь нарушением порядка законного престолонаследия, включил в акты собора в 743 г. Константин V был еще более ревностный иконоборец, чем его отец; но он видел, что сохранить дружественные отношения с папой необходимо, и по просьбе последнего принес ему в дар территорию двух городов в Лациуме — Нимфы и Нормы.

Захарии посчастливилось одержать, кроме того, еще две победы, которые содействовали подъему авторитета церкви. Предшественники Захарии имели случай показать римлянам на ступенях базилики Св. Петра королей Британии, облаченных в иноческое одеяние, и точно так же Захария проявил перед римлянами таинственную силу церкви на двух еще более могущественных государях, решивших надеть на себя монашескую рясу.

Карломан, старший сын Карла Мартелла, решил в 747 г. отказаться от своих прав государя и принять монашеский сан. Двигателем в этой исполненной благочестия драме, которая сделала Пипина единственным наследником своего отца и обогатила римскую церковь ценными приобретениями, был германский апостол Бонифаций. Карломан прибыл в Рим и, пав к ногам папы, стал умолять его позволить ему подвергнуться пострижению, облечься в монашескую рясу и удалиться в ожидании смерти в какую-нибудь римскую обитель отшельников. На эту просьбу Захария охотно ответил согласием; жаждавший покаяния принц прожил несколько лет в Риме и затем удалился в дикую горную местность в Этрурии. В 28 милях от Рима, над Фламиниевой дорогой, неподалеку от Тибра возвышается Монте Соракте. Классические воспоминания гирпинских пастухов об этой горе, посвященной богу солнца, давно были утрачены, и едва ли кто-либо из римлян при взгляде на эту гору помнил о тех стихах, в которых воспели ее Гораций и Вергилий. Скорее каждый вспоминал при этом легенду, которая гласила, что в пещерах Соракте скрылся епископ Сильвестр, искавший спасения бегством в то время, когда Константин еще не принял христианства. Эта уединенная гора среди прекрасной природы, казалось, была создана для поселения на ней отшельников, и здесь поэтому уже рано возник один из самых древних монастырей Кампаньи.

Эти дикие скалы Карломан и избрал местом своей могилы. Там он построил или расширил уже существовавший монастырь Св. Сильвестра, который сохранил-

ся доньне. По-видимому, им же были учреждены там еще три других монастыря. Близость горы к консульской дороге подвергала, однако, царственного монаха неприятностям частых посещений знатных франков-паломников, и Карломан спустя несколько лет переселился к бенедиктинцам в Монте-Касино.

В то время повсюду строились монастыри и приносились в дар церкви имения и души (*pro salute или mercede animae*). Охваченные страхом, вполне невежественные люди того времени видели в церкви сверхъестественную, всемогущую силу.

Но как ни поразителен был поступок франкского принца, этот поступок затмил отречение от мира другого государя. Сам Ратхис, благочестивый король лангобардов, сложил с себя порфиру и сменил ее на рясу св. Бенедикта. В 749 г. Ратхис нарушил мир, объявил войну Пентаполису и осадил Перуджу. Тогда Захария поехал к Ратхису так же, как некогда он ездил к Лиутпранду, и достаточно было этому неотразимому путешественнику пробыть несколько дней в лагере Ратхиса, как последний объявил, что он не только прекращает свои враждебные действия против Перуджи, но и слагает с себя корону.

Король, его супруга римлянка Тазия и их дочь Ротруда сняли с себя у гроба св. Петра свои княжеские одежды и были облачены папой в монашеское одеяние. Они также направились в Монте-Касино; здесь, возделывая землю в монастырских виноградниках, король лангобардов мог находить для себя утешение, встречаясь с франком Карломаном и видя, как он с полным смирением несет службу раба; обоим женщинам послужил приютом ближайший женский монастырь. Сожаление об этом поступке, испытанное впоследствии Ратхисом, доказывает, однако, ясно, что он действовал не вполне свободно; решение в этом случае принадлежало, по-видимому, скорее лангобардской нации, которая находила Ратхиса неспособным быть королем и была возмущена его преклонением перед римлянами, как некогда был возмущен таким же преклонением Амалиев готский народ. Лозунгом национальной лангобардской партии были разрыв с Римом и основание итальянского королевства под лангобардским скипетром. В результате лангобарды были довольны, что место слабого короля занял смелый воин, готовый выполнить намеченную ими задачу.

Пылкий Айстульф, брат Ратхиса, вступил на престол Павии с твердым намерением добиться той цели, перед которой отступали его боязливые предшественники, опасавшиеся папы. Эти враждебные замыслы Айстульфа вскоре же принудили папу возобновить сношения с франками. Со времени смерти Карла Мартелла сношений этих не существовало и даже сама мысль о возможности вмешательства франков была оставлена. Между тем одно важное событие совершенно изменило положение вещей и отразилось на Риме и Италии весьма серьезными последствиями.

Пипин, сосредоточив в своих руках всю власть, получившую в его роде уже историческую давность, и сделавшись с удалением своих братьев единственным наследником своего великого отца, увидел, что наступило время, когда он может овладеть королевской короной. Древний род Меровингов вымирал, и последний, вступивший на престол в 743 г., король Хильдерих III был уже не действительным королем, а только его жалкой тенью. Официальная передача короны, уже давно подготовлявшаяся Пипином и ревностно поддерживаемая апостолом германцев Бонифацием, должна была произойти теперь, но эту узурпацию надлежало узаконить решением папы, которое являлось как бы словом Божиим. Свободному народу вполне подобало взять корону у неспособного и возложить ее на голову мужественного сына героя, ничуть не смущаясь тем, что корона в длинном ряду поколений передавалась по наследству. Но совесть народа одолевала сомнения, может ли быть нарушена клятва, и Пипину предстояло успокоить эту совесть. Весь этот вопрос был подвергнут франками обсуждению в собрании, вслед за которым в 751 г. были

посланы в Рим вюрцбургский епископ Бурхард и аббат С. Дени Фульрад. Посланные должны были узнать у папы, могут ли франки быть освобождены от их присяги в верности Хильдериху, так как они, ввиду его неспособности, намерены лишить его трона и объявить королем знаменитого герцога. Захария быстро понял всю важность такого вопроса и ответил утвердительно; он признал, что источник всякой, в том числе и королевской, власти лежит в самом народе, но что это право народа подлежит утверждению папы. К такому ответу привели Захарию не столько те опасения, которые внушал ему Айстульф, сколько желание воспользоваться подвернувшимся случаем, чтобы присвоить себе значение верховной инстанции, решающей дела между королями и народами. Таким образом запрос, вызванный интересами узурпатора, привел к тому, что положение римского епископа было поднято на огромную высоту. В истории пап этот момент является одним из самых знаменательных; с его наступлением папы получили возможность утверждать, что милостью Бога им дарована власть раздавать короны и отымать их.

Нам неизвестно, дожил ли Захария до коронования узурпатора. Захария умер 14 марта 752 г., и в этом же году Пипин, помазанный на царствование легатом папы, епископом Бонифацием, возложил на себя в имперском собрании в Суассоне корону Хильдериха, а этого последнего потомка великого Хлодовига заключил в монастырь.

Несмотря на 10 лет своего мирного правления, Захария оставил после себя немного памятников в Риме. Наибольшие заботы он уделил патриаршему дому в Латеране. С той поры, как могущество пап достигло значительной высоты, их резиденция требовала более пышной отделки. Латеранские дворцы, примыкавшие непосредственно к базилике Константина, составляли центр папского управления, и духовного, и светского, тогда как Ватикан был средоточием религиозного культа или резиденцией апостола. Патриарший дом был архивом церкви и ее казнохранилищем и вместе с тем служил помещением для папы и его придворного штата. Мало-помалу расширяемый, этот дом включал в себя, кроме большой базилики, еще несколько малых церквей, много часовен, триклинии, или трапезные, несколько капелл и между ними знаменитую папскую домовую капеллу S.-Lorenzo, позднее получившую название Sancta Sanctorum. В ближайшем соседстве находились баптистерий и монастыри Иоанна Крестителя и Иоанна Евангелиста, Св. Андрея и Св. Варфоломея, затем, вероятно, еще монастырь Св. Стефана и четвертый монастырь Свв. Сергия и Вакха. Все эти здания представляли собой, подобно современному Ватикану, небольшой город, походивший на лабиринт.

Захария расширил патриарший дом и придал ему большее величие. Перед фасадом дворца он построил портик с башней. Это сооружение позднее получило название дворца папы Захарии или, на народном наречии, Casa maggiore. Портик был украшен живописью; из портика лестница вела в башню; в ней был устроен триклиний, на стенах которого красками были изображены страны света. Таким образом, еще и в то время за Римом сохранялось значение великого города, обнимающего собою весь мир, — значение, выражением которого были и Orbis pictus Агриппы, и карты мира, и планы города императорского времени.

Новых церквей Захария не строил. Мы можем вообще отметить, что архитектура уже давно не создавала в Риме ничего великого. Вплоть до VII века город застраивался церквями, и уже одна поддержка существовавших церквей требовала немалых трудов. Захария украсил многие церкви шелковыми тканями, которые расстилались на престолах или вешались между колонн, деливших церкви на корабли. Этими восточными тканями церквям придавался очень роскошный вид. На тканях изображались библейские сцены, и книга пап особо отмечает, что на покрове, который был заказан Захарией для базилики Св. Петра, было выткано золотом изображение Рождества Христа.

Весьма замечательны старания Захарии заселить опустошенную Кампанью. С тех пор как Рим был лишен подвоза хлеба из Африки и точно так же своих житниц в Калабрии и Сицилии, папы были очень озабочены разысканием новых источников снабжения города провиантом. Разбросанные церковные имения в Этрурии и Лациуме поставляли запасы провианта, но нужда в нем все возрастала, так как и население Рима росло, и многие поселяне, спасаясь от лангобардов, уходили в город. Возможно, что Кампанья в то время не была той пустыней, какую она представляет в настоящее время, тем не менее ее запустение росло с поражающей быстротой, так как в ней не было вольных собственников. Церковь, правда, приобретала все большее пространство земли частью покупкой, частью благодаря пожертвованиям в ее пользу, но все-таки нужда в продовольствии оставалась неудовлетворенной, так как церковь не могла вести колонизацию в широких размерах. Как бы то ни было, старания пап того времени заселить Кампанью заслуживают полного внимания.

В высшей степени замечательны воздвигнутые Захарией пять *domus cultae*, или ферм, в которых были поселены колонны. Первое поселение, *Lauretum*, вместе с *Massa Fontejana*, прозывавшееся также *Raonagia*, было, по-видимому, обширным имением у *Via Aurelia*. Второе поселение называлось *S.-Cecilia*, по имени капеллы этой святой, и находилось на Тибуртинской дороге, у камня, показывавшего пятую милю. На четырнадцатой миле от Рима, в Тусцийском патримонии, Захария устроил третий *domus culta*, оставшийся без названия. Затем тот же папа приобрел имения *Antius* и *Formia*, несомненно находившиеся в стране вольсков у древнего Анциума.

Колонизация римских сельских земель, которую производила церковь, вообще была не устройством совершенно новых мест поселения, а всегда только заселением покинутых древних vill и сел. По мере того как разоренные города древних, такие, как Габии, Цере, Лавики, Фикулеа, и даже такое поселение, как *Subsugusta*, где некогда находилась вилла Елены Августы, превращались в епископские диоцезы, из прежних поместий римлян и из разрушенных поселений, развалины которых могли быть снова сделаны жильными, возникали земледельческие колонии.

Доход с земель, на которых церковь вела хозяйство, не мог, конечно, быть велик. В 715 г. для поддержания огня в светильниках базилики Св. Петра Григорий II назначил доход с 48 имений, простиравшихся до Ананьи и занимавшихся сбором плодов с оливковых деревьев. Именения отдавались в аренду знатым римлянам, но, по всей вероятности, за очень небольшую плату. Так Захария предоставил в аренду графу (*comes*) Филикарию *massa Pelagiana* в Лабиканском патримонии и римлянину Христофору *massa Gallogum* и *Arriana*. К этой последней принадлежал также и древний город Габии, спустившийся на степень *fundus*, хотя по его имени все еще назывался епископ.

3. Стефан II. — Айстульф овладевает Равенной, 751 г. — Стефан просит помощи у императора и затем у Пипина. — Он отправляется в землю франков. — Помазание Пипина и его сто сыновей на царство, 754 г. — Оборонительный договор с Пипином в Киерси. — Возведение Пипина в сан патриция римлян

В преемники Захарии был избран священник Стефан, но он умер три дня спустя после своего избрания, и на святой престол 25 марта 752 г. вступил римлянин Стефан II.

В правление этого замечательного человека для Рима наступила новая эпоха. Незадолго перед этим королю Айстульфу удалось достигнуть того, к чему тщетно стремились его предшественники. Местопребывание византийского правительства

в Италии оказалось в его руках, и уже 4 июля 751 г. он мог издать свой королевский декрет, находясь во дворце завоеванной им Равенны. Последнему из экзархов, Евтихию, были выделены Феррара и другие области, подчиненные лангобардам; таким образом правлению греческих сатрапов, просуществовавшему два столетия, был положен конец навсегда. Это упразднение повлекло за собой важные последствия, так как теперь надлежало решить вопрос, будет или нет король лангобардов государем Италии. Немедленно после покорения Равенны Айстульф направился на юг, чтобы овладеть Римом, римским герцогством и всеми другими византийскими провинциями, на которые он теперь предъявлял притязания как преемник экзарха и императора. Стефану удалось, однако, через посольство удержать Айстульфа от этого похода (752 г.). Король уступил и даже заключил с римским герцогством мир на 20 лет; но четыре месяца спустя король переменял свое решение; он потребовал ежегодной дани в один золотой солид с каждого римлянина и затем объявил, что намерен присоединить Рим к своему королевству.

В ответ на эту угрозу папа отправил к Айстульфу аббатов самых знаменитых в то время бенедиктинских монастырей Италии Монте-Касино и S.-Vincenzo при р. Вультурне. Послы не были приняты; им было велено вернуться назад и не показываться папе. Тем временем император добивался возвращения отнятого у него экзархата, но не с оружием в руках, а письмами, которые его полномочный посол доставил папе и королю лангобардов. Стефан направил этого посла в сопровождении своего собственного брата Павла к Айстульфу, но, как можно было предвидеть, и это посольство оказалось безуспешным. Опасность становилась серьезной, и папа обратился тогда с призывом к бессильному императору, своему верховному государю, прося его спасти Рим и Италию от врага оружием, так как Айстульф требовал безусловного подчинения и угрожал уничтожить всех римлян до одного в том случае, если он будет вынужден взять город приступом.

В это трудное время Стефан так же, как некогда Григорий Великий, говорил народу проповеди, стараясь поднять религиозное чувство народа и пробудить в нем патриотизм. Была устроена процессия к S.-Maria Maggiore, и папа сам шел во главе ее, неся на своих плечах «нерукотворный» образ Спасителя. К кресту, который несли в процессии, был прикреплен текст мирного договора с Айстульфом, свидетельствовавший перед Богом и людьми о том, что король совершил клятвopеcтупление. Стефан, однако, не удовлетворялся одними процессиями; еще раньше, чем Константин дал какой-либо ответ его послам, он убедился, что греческий император лишен возможности силой оружия вернуть себе то, что было приобретено Юстинианом. Течение исторических событий в Европе с неудержимой силой направилось в сторону Запада, к полным жизненным сил германским народам; византийцы были поглощены своими догматическими пререканиями и нескончаемыми войнами с славянами и магометанами, и Рим из рук греков перешел в руки франков.

Стефан знал, каковы были отношения его предшественников к франкскому государству, корону которого Пипин только что возложил на себя с согласия папы. Тот шаг, который сделал Стефан, был вынужден обстоятельствами; значение последствий этого шага, столь важных для истории человечества, Стефан не мог понимать. Он тайно, через пилигрима, отправил к Пипину письма, в которых призывал его на помощь и выражал желание повидаться с ним лично; к сожалению, эти первые письма, относящиеся к 753 г., не сохранились. Новый король с полной готовностью отозвался на приглашение, которое давало ему случай стать к Риму в очень серьезные отношения и могло иметь огромное значение в смысле подъема могущества его собственного государства. Для переговоров с папой Пипин послал сначала аббата Дроктеганга из Гёрца и вскоре затем герцога Аутхара и мецского

епископа Хродеганга, которые должны были проводить папу в страну франков. Похититель престола Хильдериха нашел необходимым положить конец ропоту народа торжественным помазанием от руки самого папы. Таким образом нужда друг в друге — с одной стороны папы, изменившего своему законному государю, и с другой — Пипина, похитившего корону у своего короля, — привела к тому, что история народов совершенно видоизменилась. Но за этими внешними отношениями беззащитного Рима и юной династии Каролингов нарождалась Германо-римская империя, которая вскоре и возникла как результат этих отношений. Постепенное возникновение всей этой церковно-политической организации из таких ничтожных начал и интересов исключительно данной минуты является одной из самых поучительных глав всемирной истории.

Рим охватило большое волнение. Речь шла о том, чтобы возвести короля франков в сан патриция и возложить на него охрану города: таким образом чужестранный монарх надолго получил бы власть над городом. Такое решение было настолько важно, что папа не мог взять на себя всю ответственность. Без сомнения, папа передал этот вопрос на обсуждение собрания римского народа и уже от него получил полномочие заключить договор с Пипином после того, как последний был избран римлянами в патриции. Поездка папы в страну франков была неслыханным событием, так как еще ни разу римский епископ не переходил через Альпы, чтобы посетить германский народ, живший на западе. Осенью 753 г., когда Стефан готовился предпринять свое путешествие, из Константинополя вместе с послами папы прибыл сененциарий Иоанн; вместо войска он доставил папе императорский приказ, которым предписывалось папе явиться лично к Айстульфу и уговорить его вернуть императору экзархат. Неизвестно, сообщил ли Стефан греческим послам о своих переговорах с Пипином, послы которого должны были сопровождать папу в его путешествии. С этими послами и с императорским чиновником, затем со многими сановными лицами из духовенства и знатными людьми римской милиции, снабженный пропуском свидельством от лангобардского короля, папа покинул Рим 14 октября 753 г. Предшественник Стефана, отправляясь к Лиутпранду, возложил управление городом на герцога, Стефан же отдал «весь Господний народ попечению Спасителя и апостола Петра». Конечно, духовные дела были переданы какому-нибудь викарию, а светские — уже избранному римлянами представителю власти — герцогу или консулу.

Прежде чем Стефан, пробираясь между лангобардскими отрядами, занимавшими римское герцогство, достиг Павии, он получил от короля приказ, которым папе запрещалось вступать в переговоры с королем о возвращении императору экзархата и других городов, принадлежащих империи; папа ответил, что совершенно бесполезно стараться напугать его. Затем Айстульф решил не допустить папу ехать в страну франков, на чем твердо настаивали послы Пипина. Айстульф догадывался о последствиях этого путешествия, но, опасаясь могущественного короля франков, не мог помешать папе уехать. 15 ноября 753 г. в сопровождении епископов и кардиналов и, без сомнения, также знатных римлян, уполномоченных знати и народа Стефан покинул Павию. Он скоро достиг альпийских проходоов; в монастыре Св. Маврикия должна была произойти встреча папы с Пипином, но прибыли сюда только послы Пипина, Фульрад, с.-деннисский аббат, и герцог Ротард; они пригласили папу следовать дальше во Францию, объяснив, что он найдет короля в замке Понтион (Pons Hugonis). Здесь 6 января 754 г. с почестями встретила папу королевская семья. Пипин, как только увидел папу, сошел с лошади, поклонился ему в землю и затем некоторое расстояние шел пешком рядом с остававшимся на лошади папой. В Понтионе, в свою очередь, папа преклонился перед могущественным покровителем, на коленях умоляя его защитить дело св. Петра и римскую респуб-

лику, и на моления папы Пипин ответил клятвенным обещанием. Вскоре затем Стефан проследовал в Париж и поместился там в монастыре С.-Дени. В книге пап в первый раз упоминается Париж. Более чем через тысячу лет это путешествие Стефана имело свое отдаленное повторение: почти с теми же самыми целями совершил свою поездку к узурпатору Наполеону папа Пий VII.

28 июля 754 г. в церкви С.-Дени Стефан помазал на царство Пипина, его супругу Бертраду и сыновей Карла и Карломана и заповедал франкскому народу под угрозой отлучения от церкви избирать своих королей исключительно из рода Каролингов, за которым церковь теперь признала законные права на престол.

Свою благодарность Пипин проявил не на одних только словах. Еще раньше в Понтионе или Киерси (Carisiacus) он согласился на вознаграждение, которого требовал папа. Из писем Стефана видно, что Пипин дал ему тайное обещание не только освободить его от лангобардов, но и вернуть римской церкви отнятые у нее лангобардами патримонии и уступить ей же некоторые области Италии, как скоро он сам, король франков, овладеет ими. Эти области были Экзархат и Пентаполис; они по закону принадлежали императору и были захвачены Айстульфом. Что речь шла об этих областях, доказывается бесспорно последовавшей затем передачей их папе. Обещания, данные Пипином в 754 г., послужили той основой, на которой римский епископ создал свою светскую власть. Невероятно, однако, чтобы соглашение касалось еще каких-либо других областей; вообще же акт договора, которым был создан «римский вопрос», неизвестен. Некоторые полагают, что те дары Каролингов и их преемников, которые были придуманы впоследствии, вытекали прямо из этого договора с Пипином, и далее утверждают, что между королем и папой состоялось формальное соглашение о разделении Италии; но мнение это лишено всякого основания и совершенно противоречит и правовым понятиям, и практике международных отношений того времени.

Таким образом, между Пипином и церковью и ее верховным главой были установлены закономерные отношения. Пипин за себя и за своих преемников принес клятву в том, что он будет защищать церковь и наделять ее землями, а папа обязался всегда поддерживать новую династию. Таков был заключенный сторонами оборонительный и наступательный союз. Об императорской власти умалчивалось, и она в принципе признавалась по-прежнему, но короля франков Стефан объявил защитником церкви и ее светского имущества. Возведя короля и его сыновей в сан патрициев, принадлежавший до сих пор экзарху, Стефан смело присвоил себе права императора. Но провозглашение Пипина патрицием, в особенности патрицием «римлян», не могло быть делом одного папы, а должно было явиться результатом решения римского народа. Сопровождаемый во Францию римскими магнатами, Стефан привез с собой это решение, и Пипин принял без колебаний предложенный ему сан. Как патриция римляне и папа объявили его гражданином города и главой римской знати и привязывали его навсегда к интересам города. С той поры сан патриция получил исторически важное значение. Первоначально этот сан не означал никакой должностной власти; со времени Константина он стал почетным пожизненным званием, которое раздавалось также и королям варваров. С учреждением экзархата в сан патриция возводились, по-видимому, преимущественно экзархи; вследствие этого и создавалось представление, что с званием патриция связаны надзор за избранием папы и защита церкви.

Таким образом, для выражения отношения властителя франков к Риму, герцогству и экзархату был употреблен термин, обозначавший римский сан, но поразительно то, что этот сан в письмах пап ни разу не сопоставляется с понятием защитника (defensor). В них нигде нет указаний на то, что долг защищать Рим ле-

жит на короле как на патриции римлян; предусмотрительность пап придавала этой обязанности смысл божественного призвания, символом которого было миропомазание, или пыталась обосновать ее вообще договором, заключенным Стефаном. По-видимому, они намеренно умалчивали о сане патриция, так как смотрели на этот сан как на такой, с которым было связано не какое-нибудь политическое право, а почетное положение, — в том самом смысле, в каком это императорское отличие было некогда пожаловано Хлодовику, Одоакру и Бургундскому государю Сигизмунду. Сам Пипин никогда не пользовался этим титулом, и только Карл Великий с 774 г. стал именоваться в актах *Patricius Romanorum, Defensor Ecclesiae*. В позднейшей формуле оба понятия вполне определенно сближены между собой. То же самое мы находим в «Graphia золотого города Рима», рукописи второй половины X века, в которой, между прочим, излагается церемониал возведения в сан патриция. Тот, кто провозглашался патрицием, должен был сначала поцеловать у императора ноги, колени и уста, а затем перецеловать всех римлян; последние говорили при этом: «Приветствуем тебя!» Далее император произносил такую речь: «Мы нашли тяжким нести в одиночестве возложенные на нас Богом обязанности. Поэтому мы делаем тебя нашим помощником и оказываем тебе эту честь, дабы и ты воздавал все должное Божиим церквям и бедным людям, в чем ты и должен будешь дать ответ Высшему Судье». После этого император надевал плащ на избравшегося в патриции, а на правый указательный палец его — кольцо, и из собственных рук передавал пергамент, на котором было написано: «Будь милосердным и справедливым патрицием». Наконец, на голову избранного возлагался золотой обруч, и он отпускался. Нельзя думать, что Пипин был возведен в патриции с соблюдением такого церемониала; но та же самая мысль создать заступника церкви могла быть в душе Стефана, хотя в то же время он не желал, давая сан патриция франку, облечь его той непосредственной властью над Римом, которой обладали экзархи. Но мог ли Пипин удовольствоваться одним только саном, который должен был стоить ему так дорого, и отказаться от притязаний на власть, с которой в византийское время этот сан был связан? Власть эта сводилась к юрисдикции в экзархате и Риме, действовавшей именем императора и империи, и в то же время этой власти принадлежало право утверждения избрания папы. Но признание Пипина законным государем на похищенном троне Меровингов было, конечно, большим вознаграждением за те войны, которые Пипин обещал вести в Италии в пользу папы. Возложив на себя обязанности, Пипин удовольствовался почетом; но вскоре затем обязанности привели к действительным правам, и франкские государи в качестве римских патрициев перешли от вооруженной защиты церкви к обладанию верховной юрисдикцией. С большой неохотой и не скоро признали папы эту юрисдикцию.

4. Безуспешные переговоры с Айстульфом. — Возвращение Стефана. — Пипин направляется в Италию. — Айстульф соглашается на мир. — Первый дарственный акт Пипина, 754 г. — Король лангобардов снова вступает в римское герцогство. — Осада Рима, 756 г. — Опустошение Кампании. — Разграбление римских катакомб. — Послания Стефана к франкам. — Св. Петр пишет франкским королям

Король Айстульф с неудовольствием следил за действиями папы и римлян, решивших не вести никаких переговоров с ним самим и искать покровительства у могущественного короля франков. Прежде чем последний и совсем неохотно следо-

вавшая за ним франкская знать успели вступить в Италию, Айстульф сделал попытку расстроить при франкском дворе планы папы. С этой целью король заставил монаха Карломана покинуть Монте-Касино и в качестве лангобардского посла отправиться к брату, чтобы отговорить его от соглашения с папой. Несчастный Карломан попалился за это взятое им на себя опасное поручение заточением в Вьеннском монастыре, где вскоре и умер.

Затем, получив на народном собрании в Брене согласие своих вельмож на поход, Пипин в августе 754 г. двинулся в сопровождении папы в Италию. Папа горячо желал достигнуть своих целей без кровопролития. И он, и король, еще будучи в походе, предлагали Айстульфу через послов отказаться от всего, что было им захвачено, убеждая его вернуть «собственникам их собственность» и обещая, в случае его согласия на это, уплатить выкуп; но, к выгоде для светских замыслов римских епископов, Айстульф отклонил эти предложения. Таким образом состоялся оставшийся навсегда памятным поход Пипина; это было первое вторжение короля франков в Италию, имевшее всемирно-историческое значение.

Покровитель папы перешел через Альпы, разбил врага при Сузе и осадил его столицу Павию. Тогда перепуганный Айстульф стал сам просить мира, который и был немедленно заключен. Айстульф торжественно поклялся, что он возвратит Равенну и другие города. Это было осенью 754 г. В такой короткий срок были достигнуты столь крупные результаты, свидетельствующие, между прочим, что внушавшее страх могущество лангобардов уже было на исходе. Пипин послепил после того во Францию, а папа в сопровождении послов Пипина, его сводного брата Иеронима и аббата Фульрада направился в Рим, где был встречен ликующим народом как спаситель и избавитель.

Биограф Стефана лишь в общих чертах отмечает, что Айстульф обязался вернуть Равенну и другие города, и ничего не упоминает о каком-либо даре, полученном папой в то время. Между тем из двух писем Стефана конца 754 г. видно, что Пипин по заключении мира осенью действительно выдал Стефану дарственную грамоту. Этот письменный акт явился основой пипино-каролингского церковного государства; содержание этого акта, однако, не вполне ясно, так как остается неизвестным, идет ли речь о возврате церковных имений или греческих провинций. Ни одним словом в нем не упоминается о Равенне и экзархате.

Теперь надлежало привести эту грамоту в исполнение: папе должны были быть возвращены захваченные лангобардами города. Соответственное официальное выражение гласило так: «возвращение римской республике»; под этим уже нельзя было понимать отвлеченного государства, а только римское герцогство, главой которого был папа. Скорее можно было также подразумевать самую римскую церковь, которая, как еще нарождавшаяся светская власть, с дипломатическим тактом скрывалась за этим общим обозначением *Respublica*, заимствованным от древнего, еще сохранявшегося понятия о государстве.

Но едва Пипин успел удалиться от Павии, как король Айстульф решил нарушить договор. Он не возвратил папе ни одного города и в конце 755 г. двинулся на римское герцогство, желая наказать лисицу, которая осмелилась утащить добычу из пасти льва. Стефан увидел, что ему грозит большая опасность и что он совершенно беззащитен. Боясь быть обманутым франками, он писал им слезные послания. Латынь этих писем варварская; стиль напыщенный, как во всех других письмах каролингского собрания рукописей; приторные эпитеты вроде «ваша медоточивая милость»; сладостные, как мед, взгляд и лик» свидетельствуют, в какой степени непривлекателен был придворный язык того времени, представлявший смесь высокопарных выражений византийской придворной канцелярии и библейских изрече-

ний. К меду своих посланий Стефан примешивал еще горечь упреков, обращенных к Пипину за его легковерие. Папа напоминал королю, что он, папа, совершил путешествие, полное опасностей, и помазал Пипина на царство, что св. Петр избрал Пипина преимущественно перед всеми земными государями заступником церкви и что Пипин дал клятву в том, что будет охранять права апостола. Письма эти были отосланы в франкское государство; между тем Айстульф скоро появился перед стенами Рима.

Два столетия протекло с той поры, как Рим перенес последнюю долгую осаду Тотилы; все последующие осады лангобардов не имели серьезного значения, или городу удавалось скоро освобождаться от них выкупом. В последний раз король появился со всеми бывшими в его распоряжении воинскими силами своего народа, решившись на последнюю отчаянную попытку овладеть городом и вместе с ним короной Италии. 1 января 756 г. римляне увидели приближавшегося врага, который шел тремя отрядами: лангобарды Тусции — по Триумфальной дороге, главное войско — по Саларской и беневентцы — по Латинской. Чтобы запереть город, Айстульф расположился у Саларских ворот, тосканцы — у Porta Portuensis и беневентцы — от Латерана до базилики Св. Павла.

Стоя у стен, лангобарды со смехом кричали осажденным: «Ну, зовите франков, пусть они освободят вас от наших мечей!» Римляне отвечали мужественной обороной; городская милиция, уже испытанная в нескольких битвах, достойно показала, что в ней жила любовь к отчизне. Тем не менее история не сохранила нам имени ни герцога или трибуна, ни какого-нибудь римского военачальника, которые отличились бы в этой обороне города; в своем письме к Пипину папа в льстивых выражениях прославляет только мужество франкского аббата Вернера, еще находившегося в городе в качестве посла. Этот аббат прибыл в Рим, конечно, в сопровождении отряда воинов, составлявшего его свиту; они-то и оказали большие услуги при защите города.

Древние стены, восстановленные Григорием III, выдерживали действия осадных машин, но в самом городе с каждым днем все сильнее чувствовалась нужда. Кампанья была предана мстительным врагом беспощадному опустошению, и от скудной колонизации, которая насаждалась церковью, не осталось и следа. Айстульф запретил трогать базилики Св. Петра и Св. Павла, находившиеся в занятой им местности, но все другие церкви вне города были разграблены, а монахи и монахини подверглись грубому насилию. По-видимому, лангобарды как бы вернулись к арианству своих предков, так как открыто глумились над тем, что считалось священным; иконоборцы, может быть, бывшие в войске греческие наемники, ломали иконы и жгли их на кострах. В то же время — и это противоречие более всего характеризуют тот век — те же самые лангобарды частью по набожности, частью из корысти разрывали кладбища мучеников, чтобы заставить священными останками. Страсть к подобным реликвиям (столетием позднее эта страсть стала болезнью времени) была уже издавна присуща лангобардам: в 722 г. Лиутпранд купил у сарацинов за дорогую цену останки Августина и при кликах народа сложил их в базилике Св. Петра in Coelo auge в Павии; Айстульф воспользовался осадой Рима, чтобы разграбить катакомбы. Разоренные еще в готскую войну, катакомбы были теперь окончательно опустошены.

Осада продолжалась уже 55 дней, и наступило 23 февраля, когда Стефан, чтобы получить скорее помощь от франков, отправил к Пипину аббата Вернера и других послов. Письма папы чрезвычайно живо воспроизводят до крайности бедственное положение Рима. Первое письмо ко всему народу франков написано от имени папы, духовенства, всех герцогов (duces) хартулариев, графов (comites), трибунов, народа и войска римлян; второе письмо Стефан писал от своего собственного имени. Но затем

свои увещания он подкрепил еще третьим письмом, написанным от имени самого апостола. Ни ереси Ария и Нестория, ни другие лжеучения, угрожавшие католической религии по существу, не были для святого Петра достаточным основанием, чтобы писать письма; даже тогда, когда неистовый император Лев грозил разбить его изображение, апостол ничем не проявил своего гнева, а между тем он восстал, когда его город и патримония оказались в опасности, и обратился с пламенным посланием к королям франков, своим «приемным сынам». Эта замечательная выдумка является одним из самых бесспорных доказательств дикости не только мысли и чувства того времени, но и самой церкви, которая в своих материальных интересах пользовалась, не колеблясь, самыми священными предметами. «Наша владычица, — писал апостол, по словам папы, — Богородица, присно Дева Мария, присоединяет свои мольбы к нашим, возмущается, увещевает и приказывает, а вместе с ней и престолы, и силы, и весь сонм небесного воинства; не менее того и мученики, и исповедники Христа, и угодники Божии, — все они увещевают, заклинают и молят вас вместе с нами, чтобы вы, — поскольку дороги вам этот город Рим, который доверен нам Богом, это стадо, населяющее город, и святая церковь, возложенная на меня Богом, — поспешили освободить и вырвать их из рук преследующих их лангобардов, чтобы они не могли осквернить (да не случится этого) мое тело, пострадавшее за Господа Иисуса Христа, и мою могилу, где оно покоится по велению Бога, — чтобы мой народ не был растерзан и уничтожен этими лангобардами, постыдно нарушившими клятву и преступившими заветы Бога». Изложив эти моления, апостол в заключение воспламеняется гневом и грозит отлучением: «Если же вы, чего мы не думаем, промедлите или станете уклоняться и не последуете немедленно нашим указаниям — не освободите мой город Рим, обитающий в нем народ, переданную мне Богом апостольскую церковь и ее верховного пастыря, — тогда знайте, что именем Святой Троицы, благодатью апостольского сана, дарованной мне Господом Христом, вы будете за неповиновение нашим требованиям лишены Царства Божия и вечной жизни».

5. Пипин вступает в Италию. — Айстульф снимает осаду Рима. — Прибытие византийских послов и их разочарование. — Айстульф покоряется. — Дарственная грамота Пипина. — Учреждение церковного государства. — Смерть Айстульфа, 756 г. — Признание Дезидерия королем лангобардов. — Смерть Стефана, 757 г.

Расчет на действие письма апостола оказался правильным; этим письмом Пипин мог принудить громко роптавших франков идти во второй поход в Италию. Оригинальная выдумка папы вызвала у короля даже того невежественного времени, вероятно, только улыбку, но на виду всего народа Пипин не мог предоставить св. Петра самому себе, хотя бы и не боялся «отдать свое тело и душу на мучения дьяволу с его демонами и вечному огню». Договор с папой возлагал на Пипина как на патриция римлян и на заступника церкви обязанность выступить на защиту ее с оружием в руках. Он приготовился к походу, и весть о его выступлении принудила Айстульфа прекратить осаду Рима и поспешить к северу, чтобы преградить франкам доступ к границам Италии. В то время как Пипин приближался к проходам через Альпы, в Рим прибыли три посла императора Константина V, которому не было известно содержание договора между Пипином и папой и который полагал, что экзархат снова может быть приобретен Римской империей. Поэтому послам было поручено внушить папе, что он должен поддерживать требования императора перед королем франков.

Гордый император надеялся даже привлечь самих франков к себе на службу и направить их против лангобардов, как некогда Зенон двинул остготов против Одоакра. Известно, что император рассчитывал склонить Пипина к походу против Айстульфа. Но, еще находясь в Риме, послы были поражены известием, что Пипин уже во второй раз идет с войском в Италию; в сопровождении посла Стефана дипломаты поспешили сесть на корабль, но в Массилии они узнали, что король уже перешел через Альпы. Поняв теперь, в чем заключалось дело, и убедившись, что папа сам призвал Пипина, послы испытали большое смущение и решили опередить папского нунция. Один из послов, Григорий, поспешил выехать на лошадях вперед, настиг войско франков на походе в Павию и стал умолять короля, чтобы он, одержав победу над лангобардами, вернул экзархат и прочие города их законному государю. Но Пипин на этот раз открыто объявил, что он предпринял оба своих похода не ради какого-нибудь человека, а из любви к святому Петру и для спасения своей собственной души, что он ни за какие сокровища на свете не нарушит своего слова, данного им апостолу, и прежде всего передаст все эти города св. Петру, римской церкви и папе. С изумлением выслушал византиец изложение этих совершенно новых для него начал государственного права и направился в Рим к папе, где совершенно бесполезно заявил протест против неслыханного нарушения прав империи.

Между тем Айстульф, второй раз запертый в Павии, сложил оружие летом 756 г. Он должен был согласиться платить дань королю франков, выполнить по совести заключенный раньше договор и, кроме того, уступить папе еще Комаккио (Comiaculum, Comacchio). Биограф Стефана при этом впервые говорит, что Пипин выдал дарственную грамоту (754 года), которой предоставлялось церкви и всем папам владеть городами, и что этот акт еще в его время (IX век) хранился в архиве римской церкви. Эта знаменитая грамота исчезла бесследно; никому в точности не известно, какие именно города были уступлены папе, и еще менее того может быть установлено, было ли папе предоставлено в переданных ему местностях только *dominium utile* или действительно право верховной власти. Об отношении между Римом и герцогством не упоминается, и оно остается не выясненным; Пипин не завоевывал этой провинции, и она также мало могла быть включена в дар, как принадлежавшие грекам Неаполь и Гаэта. Но нельзя отрицать того, что Пипин выдал дарственную грамоту и включил в нее города экзархата и Пентаполиса как завоеванные им, хотя церковь не имела на них прав. Эти греческие провинции Пипин отнял у императора, который не имел сил отнять их у лангобардов и удержать за собой. Затем эти провинции были отданы римскому епископу не как духовному государю и не как суверену, стоящему вне государственной власти, а как фактически признанному главе города Рима и римского герцогства. Так как папа занимал это положение в силу того, что был верховным главой церкви, то уступленные ему земли он принял в свое владение во имя церкви и ее невидимого главы св. Петра. Свою узурпацию папа сам прикрывал именем апостола. Такой претендент мог быть вполне противопоставлен византийским притязаниям; но осторожная политика требовала, чтобы верховная государственная власть императора признавалась по-прежнему, и папа в уступленных ему землях мог сначала являться как лицо, заступающее государственную власть, или как преемник экзарха и патриция Равенны. Однако императорской власти в действительности не существовало; греческие провинции в Италии не желали больше повиноваться ни греческому вице-королю, ни королю лангобардов и признавали высшей властью на месте папу, видя в нем самого могущественного и уже боготворимого мужа в Италии и главу латинской нации.

Пипин, конечно, был далек от сознательного намерения создать церковное государство в том смысле, в каком понимают его защитники папской государственной

власти; тем не менее он предоставил папе государственные права над некоторыми из прекраснейших провинций Италии и таким образом положил основание тому позднейшему церковному государству, которое на многие века сделало объединение Италии невозможным. Здесь мы имеем в виду еще другого рода соображения, которыми наше изложение ставится в связь с историей церкви. Этот священный институт, — видимая, но все же духовная община верующих, — опираясь на основы римского цезаризма и существуя в недрах имперского организма, превратился в самостоятельное государство, во главе которого стоял римский епископ, достигший в духовной сфере авторитета цезарей. Политика и империализм проникли в церковь и ее иерархию. Власть папы в догматических вопросах была признана; первенство апостольского престола папы было установлено со времен Льва I и Григория Великого; затем в эпоху иконоборства была достигнута независимость папы от востока, и политическим выражением этой независимости явилось освобождение Италии от Византии. Запад отделился от Востока; покинув греческого императора, церковь вступила в союз с великой католической монархией франков, новую династию которой она сама помазала на царство; в этой монархии церковь надеялась увидеть возрождение римской имперской власти. Возникновение франкского государства было благодетельным событием для Европы, так как им была исключена возможность образования калифата на западе. Папы того времени еще не могли задаваться очень смелыми замыслами, но все же со времен Григория II и Григория III они поставили себе целью обосновать материально свой высший духовный авторитет и сделаться властителями части Италии. Падение Западной империи, сделавшее из Рима в существе церковный город, отдаленность и слабость византийцев и, наконец, раздробленность Италии — все это очистило епископам поле действий, и упорной работой выдающихся пап была достигнута цель, заключавшаяся в том, чтобы придать церкви политическую организацию и создать для себя на все времена церковное государство. С основанием его эпоха собственно епископская, пастырская — самая прекрасная и наиболее достойная эпоха римской церкви — была окончена. Церковь стала светским институтом; сочетав пастырство с королевской властью в противность евангельским основам и учению Христа, папы уже не могли блюсти чистоту апостольского сана. Заключавшая в себе самой противоречие, их двойственная природа увлекала их все больше и больше в честолюбивую политику; ради того, чтобы сохранить за собой свои светские права, папы по необходимости должны были вмешиваться в деморализующие распри, в междоусобные гражданские войны с городом Римом и бесконечную борьбу с той или другой политической властью. Возникновение одного церковного государства не замедлило пробудить алчность всех других церквей, и с течением времени каждое аббатство и каждое епископство было охвачено желанием стать независимым священническим государством. Пример Рима вызвал настойчивые подражания, и дарственные записи стали вырастать как грибы.

Выполнение договора король франков возложил на аббата Фульрада; он отправился в города Пентаполиса, Эмилии и экзархата, получил заложников и взял городские ключи; последние вместе с грамотой, дарованной Пипином, были положены перед исповедальней Св. Петра. Таковы были события, неожиданно давшие положению папства новую, материальную, основу и оказавшие огромное влияние на судьбу Италии и в особенности самого города. С 756 годом для Италии и Рима началась эпоха новых отношений, и внутренних, и внешних; о них мы будем еще говорить дальше, здесь же отметим только следующее: в конце 756 г. папа стал также и фактическим властителем города Рима, хотя и на этот раз об освобождении города из-под власти греческого императора ничего не было сказано ни одной из договаривавшихся сторон.

По своему характеру папское управление ничуть не было монархическим. Уже при первом возникновении *dominium temporale* пап город пользовался своими муниципальными правами. Город признавал папу своим господином (*dominus*), но сохранял за собой права сената и народа; эти права более всего обеспечивались избранием главы, так как папа избирался всем народом. Сам факт возложения римлянами светской власти на их епископа нам остается неизвестным. Мы не находим нигде указаний на какой-нибудь соответственный договор между городом и папой. Никто не обмолвился ни одним словом о самом замечательном собрании римского народа, которое могло происходить на древнем форуме, *in tribus fatis*, и имело своим последствием знаменательное решение, возлагавшее на римского епископа власть дожа республики. Мы не знаем также, получил ли папа вообще эту власть путем подобного договора во времена Пипина. Полное таинственности возникновение папской власти представляет одно из самых замечательных явлений в истории, а происходившее без шума на глазах у бессильных преемников Константина подчинение Рима мнимыми преемниками Петра является верхом долгой искусной тактики пап. Это ценное приобретение было достойно величия пап, но преемники Стефана II скоро убедились, что приобретение это — дар Пандоры. Коренившиеся в Риме три права с основанием церковного государства вступили друг с другом в нескончаемую борьбу; то были: древнее муниципальное право народа, древнее право императорской монархии и позднейшее, ставшее фактом, право пап. Таким образом история города Рима в течение многих веков является только развитием борьбы этих трех начал между собой.

Королю Айстульфу довелось прожить недолго после его унижения. Уже в начале 757 г. Стефан мог известить короля франков, что злостного врага нет больше на свете. И Стефан сообщил об этом в несдержанных выражениях, полных ненависти и ликования. «Этот тиран, — восклицает папа, — приятель дьявола, Айстульф, пивший кровь христиан и разорявший церкви Господни, пронзен мечом Бога и низвергнут в пучину ада в те самые дни, когда он, год тому назад, собирался погубить Рим». Злополучный государь погиб в конце 756 г. вследствие падения во время охоты. Папа преследовал Айстульфа грубыми выражениями своего негодования и после его смерти, так как Айстульф не выдал папе некоторых городов, так что Фульрад не мог получить от них ключей и сложить их все в исповедальне апостола.

В марте 757 г. лангобардское войско провозгласило королем герцога Тусции, Дезидерия, и возвело его на трон Павии, на который не было претендентов по праву наследования. Узнав об этом, забытый всеми Ратхис немедленно нарушил свой обет, которым он обрек себя на вечное заточение в Монте-Касино, сбросил с себя свою монашескую одежду, созвал приверженцев своего дома и стал во главе собранного им войска. Дезидерий решил тогда, что самым надежным его союзником в этих обстоятельствах будет папа и предложил последнему такие условия: папа признает Дезидерия королем лангобардов, Дезидерий же с своей стороны уплатит достаточно большую сумму денег папе и уступит удержанные Айстульфом и оставшиеся во власти лангобардов города Болонью, Имолу, Анкону, Озимо, Фаэнцу и Феррару. Этот договор был охотно принят папой и подписан в Тусции его послами, братом папы Павлом, Фульрадом и Христофором. Ратхис, напуганный грозившим ему отлучением, вскоре снова вернулся к монашеской рясе. Его партия была, по-видимому, слабее партии Дезидерия, которая в крайнем случае могла быть усилена римским войском и отрядом франков, состоявшим при Фульраде. Этот советник Пипина, оставшийся в Риме в качестве посла (*missus*) короля, имел таким образом в своей свите франкских воинов и под этим отрядом нельзя понимать бывшую

постоянно в Риме «школу франков». Дезидерий вступил на трон благодаря поддержке со стороны церкви, и папа поспешил принять под свою власть обещанные города, Фаэнду с замком Tiberianum, Gabellum и все герцогство Феррары, «расширив таким образом пределы республики». Вскоре затем, 24 апреля 757 г., в зените своей славы Стефан умер. Случайно или сознательно, церковь не увенчала этого умного пастыря, как его предшественника Захария, ореолом святости, что было бы вполне справедливо; но он сам мог украсить свою митру не фантастической, а действительной — золотой короной земного государя.

ГЛАВА III

1. Павел I, папа, 757 г. — Послания римлян к Пипину. — Дружественные отношения папы к этому королю. — Дезидерий усмиряет возмущившихся герцогов Сполето и Беневента. — Дезидерий вступает в Рим. — Политика Павла I. — Отношения папы и Рима к Византии. — Мир с Дезидерием

Стефан еще лежал на смертном одре в Латеране, когда нетерпеливые римляне приступили к выбору его преемника. Одна партия склонялась в пользу архидиакона Теофилакта, другая — в пользу диакона Павла, брата папы. Первая партия, как мы думаем, была византийской, вторая — франкской; первая желала восстановления прежних отношений к законной императорской власти, вторая — продолжения франкской политики Стефана II; ко второй партии принадлежало большинство римской знати, из которой, без сомнения, происходили оба брата. Человек нового времени одержал победу над представителями древнеконсервативного начала: после недолгого сопротивления противной партии Павел был избран. Он вступил на престол 29 мая 757 г. Оба брата следовали непосредственно друг за другом в управлении; это представляло некоторую опасность для демократического характера папской власти, но опасность эта была временная, хотя она повторилась в тот период, когда власть над Римом была в руках баронов Кампаньи.

Павел был первым римским епископом, занявшим священнический римский престол в качестве местного государя. Но, получив уже основанное церковное государство, Павел вместе с тем встретил и протест римлян. Как бы пробужденные от сна, римляне поняли, что их епископ стал их господином, и они почувствовали к нему ненависть и вскоре же начали вести с ним борьбу. Еще до своего посвящения Павел I возвестил о своем избрании благодетелю и заступнику церкви, «новому Моисею и Давиду», в тех же самых почтительных верноподданических выражениях, в каких его предшественники имели обыкновение это делать по отношению к экзарху. Таким образом впервые было признано, что в делах Рима король франков теперь то же, чем был прежде экзарх. Искать сближения с могущественным патрицием римлян заставляло вновь избранного папу его собственное положение; но было бы неосновательно заключать отсюда, что за королем франков было признано право прямого утверждения избрания папы. В своем письме к Пипину Павел робко и предусмотрительно пишет, что хотя он избран всем народом, тем не менее он счел за лучшее удержать в городе франкского посла Иммо, пока не состоится само посвящение, чтобы посол имел возможность удостовериться в безупречном поведении и приверженности к франкам и его самого, и всех других, и далее уверяет короля, что и он, и его народ и телом и душой до самой смерти останутся верными королю. Пипин ответил пожеланием благополучия и вскоре затем приглашением Павла быть воспреемником его дочери Гизелы. Формы придворного этикета того времени

были грубы и оригинальны: отрезывание локона означало усыновление, а отсылка пеленок окрещенного была почетным удостоверением признания крестным отцом. Папа принял с благоговением этот символ королевской милости и сложил его в исповедальную святой Петрониллы.

Из переписки с королем франков, следовавшей непосредственно за избранием Павла, одно письмо имеет большое значение. Пипин отправил знати и римскому народу письмо, в котором убеждал их оставаться верными св. Петру, церкви и папе; таким образом римский народ впервые оказывался состоящим в подданстве у своего епископа. Это требование Пипина нельзя понимать как простую формальность; оно дает нам основание предполагать, что среди римлян существовало недовольство, в связи с которым, вероятно, были также и раздоры, происходившие при выборе преемника Стефана. Помимо того, и в городе, и в окрестностях среди знатных уже существовали могущественные партии, а затем и лангобарды, и византийцы имели также своих приверженцев в Риме.

Римляне отвечали королю посланием, церковный характер которого выдает его происхождение. Невежественные герцоги или графы того времени, когда почти все дипломатические сношения ведались духовенством, поручили, конечно, папскому нотариусу заняться изложением их официальных чувств и отвечали или были вынуждены отвечать так: «Поистине, государь и король, Дух Господень создал свою обитель в Вашем источающем мед сердце, когда Вы прилагаете старания своими благими советами направить к добру наши мысли и чувства. Пресветлейший из королей, мы всеконечно пребываем верными рабами святой церкви и Вашего трижды благословенного духовного отца, нашего господина Павла, первосвященника и вселенского папы, так как он есть наш отец и Ваш наилучший пастырь, который, подобно блаженной памяти его брату, непрестанно предстательствует о нашем благе, печется о нас и во спасение нам управляет нами как своим духовным стадом, доверенным ему Богом». В этом письме наряду с заявлениями преданности не слышно голоса протеста против власти папы; очевидно, римляне признали папу своим государем, а короля его покровителем. Но еще нечто другое делает это послание заслуживающим внимания; надпись на письме гласит следующее: «Светлейшему и великому государю, посланному Богом великому победителю, Пипину, королю франков и патрицию римлян, весь сенат и весь народ хранимого Богом римского города». Здесь имя сената упоминается в первый раз после долгого молчания о нем; но мы знаем, что под сенатом понималась уже не древняя государственная курия, а знать города.

Отношения Павла к Пипину были дружественны; и тот и другой не переставали отправлять друг к другу послов и в разных формах выражали внимание один другому. Можно отметить даже назначение в кардиналы, впервые состоявшееся по ходатайству иностранного государя. Пипин просил о назначении пресвитера Марина кардиналом церкви Св. Хризогона, и Павел удовлетворил это желание.

Между тем король лангобардов не шел дальше одних обещаний и не думал серьезно об уступке папе Болоньи, Имолы, Озимо и Анконы. Впрочем, король имел полное основание быть недовольным папой; еще Стефан склонил герцогов Сполето и Беневента отпасть от их законного государя и стать под покровительство короля франков.

Выступив в 758 г. в поход против возмущившихся герцогов, Дезидерий направился через Пентаполис и разграбил в нем города и поля; папа горько жаловался на это Пипину. Альбоин, герцог Сполето, был побежден и кончил жизнь в заточении; затем Дезидерий двинулся к Беневенту, но герцог Беневентский, Лиутп-

ранд, бежал в самый отдаленный свой город на берегу Ионического моря, в Гидрунт. Назначив герцогом Беневента своего вассала Арихиса, Дезидерий вызвал из Неаполя императорского посла Георгия и предложил ему заключить такой союз: император вышлет в Италию войско, с которым соединится для покорения Равенны все лангобардское воинство; в то же время флот из Сицилии должен вести осаду Гидрунта.

Несмотря на эти переговоры, Дезидерий вскоре же направился в Рим, куда, без сомнения, пригласил его сам Павел, имевший в виду ослабить раздражение Дезидерия против герцогств и затем склонить его на уступку четырех вышеназванных городов. Дезидерий дал уклончивый ответ и потребовал прежде всего выдачи заложников, которых Айстульф вынужден был отослать во Францию. Папа притворился согласным на это требование и вручил своим послан письмо, в котором, называя Дезидерия, «своего светлейшего сына», самыми лживыми именами, убедительно просил Пипина об отпуске заложников. Но одновременно с этим открыто посланным письмом папа отправил тайно другое, которое поясняло действительный смысл первого письма и в котором папа жаловался на опустошения Пентаполиса, сообщал о переговорах с греками и заклинал Пипина не выдавать заложников. Такое поведение Павла, предполагавшее, что для папы в известных случаях допустима ложь, способно было смутить истинного христианина; высокая мораль апостолов могла отвечать только отрицательно на такой вопрос. Вообще же становилось очевидным, в какое опасное противоречие с его духовным саном ставило римского епископа занятое им светское положение.

Дезидерий продолжал удерживать за собой города и захватил даже патримонии церкви, а Павел не переставал посылать жалобы Пипину, пока наконец в марте 760 г. не состоялся договор, заключенный при посредстве франкских послов Ремигия и Аутхара. Король лангобардов дал обещание уступить римской республике все патримонии и города и действительно возвратил некоторые, но удержал за собой Имолу. Таким образом причина к раздору все-таки осталась, но отношения к лангобардам стали более сносными. Иного и совершенно исключительного характера были отношения папы к императорам Константину и Льву. Павел отправлял послов и к тому, и к другому императору, желая склонить их к восстановлению иконопочитания, но в своих посланиях не упоминал ни одним словом о разногласиях из-за экзархата и Рима. Даже в одном своем письме к Пипину папа пишет: «Греки преследуют нас только потому, что мы остаемся верны ортодоксальной вере и держимся благочестивых преданий отцов, греки же горят желанием уничтожить и то, и другое». Такое умолчание дает нам основание усомниться в том, что император действительно был лишен власти над Римом; если бы вся эта власть была сосредоточена исключительно в руках папы, было бы странно, что папа не указывал на отторжение римского герцогства и экзархата как на причину гнева императора. В актах папы не переставали признавать верховную власть императора, но римская провинция уже не платила дани императору и в Риме не было никакого византийского чиновника как представителя императорской власти. Рим так же, как и Равенна, был отнят у императора, которому приходилось подумать о том, как бы при случае вернуть их себе. Рим был далек и против нападения со стороны Неаполя был защищен дружественным Беневентом, тогда как до Равенны, более важной по своему положению, можно было добраться скорее и овладеть ею было легче. В 761 г. прошел слух о враждебных намерениях греков. Поэтому папа обратился к Пипину, прося его склонить Дезидерия к тому, чтобы он оказал в случае необходимости помощь и повелел герцогам Сполето и Беневента как соседям также принять участие в обороне; отсюда следует заключить, что Павел опасался за Рим, что с Дезидери-

ем был заключен мир и что названные герцоги признавали суверенитет короля лангобардов. Император безуспешно старался склонить на свою сторону архиепископа Равенны Сергия; этот архиепископ, которого папа Стефан держал некогда в заточении, а Павел восстановил в сане, отсылал немедленно в Рим все письма, которые получал от императора. Грекам пришлось приостановить свои приготовления к войне; нельзя было придумать более неудачного похода в Италию, как поход во время мира Рима с лангобардами.

С той поры Павлу I уже не приходилось опасаться угроз византийцев. Вообще о греках он упоминает всего только один раз, сообщая в письме к Пипину, что он слышал, будто бы шесть патрициев с тремястами кораблей и с сицилийским военным флотом находятся на пути из Константинополя в Рим, но что он не знает, какая цель этой экспедиции, и ему сообщено только, что патриции эти получили приказ проехать сначала в Рим, а затем во Францию. Беззаботность, с которой папа сообщает об экспедиции, непонятна даже в том случае, если бы между Римом и Константинополем существовали самые дружественные отношения. Очевидно, папа отнесся к такому слуху как к небылице, и действительно, шесть патрициев и огромное число кораблей совершенно баснословны. Греки не делали никаких попыток вновь завоевать Италию силой оружия, и папа мог бы чувствовать себя совершенно спокойно в Латеранском дворце, если бы только время от времени Дезидерий не нарушал мира. К Пипину поступали все новые жалобы, о между уполномоченными трех государств шли долгие переговоры о патримониях, о взаимных притязаниях, вознаграждениях и об установлении границ, пока наконец в 764 или 765 г. с уступкой церкви города Имолы не был обеспечен мир.

**2. Постройки Стефана II и Павла I. — Ватикан и базилика Св. Петра. —
Первая колокольня в Риме. — Капелла Св. Петрониллы. —
Перенесение мощей святых из катакомб в город. — Основание монастыря
S.-Silvestro in Capite**

Мы проследили политическую деятельность Павла, а теперь перейдем к постройкам, которые были возведены в Риме им и его братом.

Стефан II восстановил базилику Св. Лаврентия и построил немалое число странноприимных домов. Больше всего сооружений им было возведено в Ватикане, который к тому времени уже представлял собой отдельный городской квартал. Базилику апостола со всех сторон окружали капеллы, небольшие церкви, дома епископов, странноприимные дома, мавзолеи, монастыри и затем здания, служившие помещением всем тем людям, которые имели здесь занятия и находили себе пропитание. При Григории III в Ватикане уже были три монастыря: Св. Иоанна и Св. Павла, Св. Мартина и Св. первомученика Стефана, называвшегося *Sata Gal-la Patritia*. К этим монастырям Стефан II добавил четвертый, вероятно, Св. Феклы, или Иерусалим. Стефан же выстроил при атриуме базилики колокольню и покрыл ее золотом и серебром; это была первая колокольня в Риме. Башни при базиликах стали строиться, по-видимому, только в VIII веке; эти башни имели четырехугольную, все ту же старинную форму, и в них были проделаны полукруглые окна с маленькими колонками по сторонам; подобного рода сооружения позднейшего времени сохранились в Риме во множестве. С постройкой башен базилика утратила свой древний характер, и архитектура быстро перешла к романтическому стилю феодальной эпохи, которой по преимуществу свойственно

возведение подобных башен. Последние строились при монастырях и церквях отчасти уже в интересах обороны.

Далее Стефан построил при базилике Св. Петра капеллу Св. Петрониллы, которая будто бы была дочерью апостола Петра. Ее тело было погребено у ардейской дороги, на кладбище Домитиллы, жены Флавия Климента, где были погребены также Нерей и Ахиллей, крестники апостола; эти катакомбы, первоначальная гробница христианской ветви рода Флавиев, также назывались по имени Петрониллы. В конце IV века епископ Сирийский построил здесь посвященную этой святой базилику, которая позднее была открыта при раскопках. Но только при Стефане II была воздвигнута св. Петронилле возле ватиканской базилики великолепная капелла, в которой Стефан хотел поставить гроб св. Петрониллы; св. Андрею, брату св. Петра, было уже посвящена капелла в Ватикане, и было желательно соединить в одном месте святых членов семьи. Капелла была устроена в круглом здании, в котором некогда Гонорий воздвиг мавзолей для себя и своих жен, Марии и Терманции. Это запущенное здание Стефан превратил в капеллу, а Павел закончил ее внутреннее убранство. Саркофаги Гонория, Валентиниана III и других членов дома Феодосия были заделаны в стены при этой перестройке, и только спустя столетия и случайно они снова были открыты, причем на них не было обращено внимания, и они не были исследованы научным образом. Святилище дочери св. Петра было устроено во внимание к Пипину, приемному сыну церкви или св. Петра, и еще в позднейшие времена короли Франции считались патронами этой капеллы. Предполагаемые останки св. Петрониллы были погребены в капелле тогда именно, когда Павел приказал перенести в город все, что еще оставалось в катакомбах после опустошения их лангобардами. Павел рассчитывал таким образом вернее сохранить останки умерших святых, а затем распределить эти реликвии между церквями и монастырями. Этим распоряжением и непрекращавшимися и после того расхищениями объясняется, почему это древнехристианское кладбище при новых раскопках оказалось почти пустым. Перенесение останков умерших римлян до крайности возбудило общее внимание, так как подобные реликвии считались в то время неоценимым сокровищем. Как в начале XIX века каждый сколько-нибудь значительный музей в Европе старался приобрести египетские мумии, так в те времена каждый христианский город и каждая церковь горели желанием получить мощи мучеников из катакомб. Англы, франки и германцы отправляли послов вымаливать эти сокровища. И останки римлян всякого сословия, возраста и состояния переносились в отдаленные дикие места Германии и там, среди лесов, где тлели кости воинов Вара и Друза, с благоговением погребались под алтарями монастырей.

В 761 г. Павел I учредил существующий еще донныне монастырь S.-Silvestro in Capite в IV округе Рима. Эта часть города в древности входила в VIII округ — Via Lata и отчасти была занята садами Лукулла. Через нее проходил водопровод Aqua Virgo. Здесь находился отцовский дом Павла; еще брат последнего основал в этом доме монастырь имени франкского святого Дионисия. Побуждением к этому была, конечно, признательность Стефана к Пипину, так как сам он, будучи в Париже, имел поместье в монастыре имени того же святого. Павел I закончил сооружение своего брата и посвятил монастырь папам Стефану и Сильвестру и, по-видимому, также св. Дионисию. В этом монастыре Павел I поместил греческих монахов.

Монастырь этот стал называться in Capite только с XIII века, когда в него была перенесена и окончательно оставлена в нем голова Иоанна Крестителя, долго странствовавшая по разным странам Земли и повсюду утрачивавшая те или другие свои части.

3. Смерть Павла I, 767 г. — Узурпация герцога Тото. — Лжепапа Константин. — Контрреволюция в Риме. — Христофор и Сергей с помощью лангобардов овладевают Римом. — Лангобарды подвергают Филиппа заточению в Латеране. — Стефан III, папа. — Террор в Риме. — Суд над узурпаторами. — Смерть Пипина, 768 г. — Латеранский собор, 769 г.

Биограф Павла I говорит о нем как о человеке кротком и добром. Но бурные события, происходившие в последние часы жизни Павла и вслед за его смертью, доказывают, что он как властитель Рима не пользовался общим расположением. Эти события были прямым следствием изменившегося положения пап по отношению к Риму. Как бы скованные до того долгим сном, муниципальные инстинкты тотчас же пробудились, как скоро папская власть получила светский характер и политическая связь с греческой империей была порвана. Защищаясь оружием против лангобардов и греков, римляне пришли к сознанию своей силы и таким образом почувствовали необходимость автономии для города. С этого времени начинается история аристократии в республике Рима; в городе возникло внутреннее междоусобие, борьба папства с знатью, и папы скоро поняли, что для сопротивляющегося Рима, одержать верх над которым им самим было не под силу, необходим новый император. В глазах римской знати папский сан получил более высокую цену с той минуты, как с ним была связана государственная власть. Поэтому знатные люди, имевшие решающее влияние в избрании папы, добивались того, чтоб папой был член их собственной семьи.

Папа умирал в монастыре Св. Павла за стенами города, и едва распространилась об этом весть, как город пришел в дикое возбуждение. Одна могущественная партия знатных приступила к действиям, чтоб осуществить свои честолюбивые замыслы. Главой этой партии был Тото, по-видимому, герцог Непи; ему принадлежало много имений и колонов в Тусции и дворец в Риме. Многие римские дворцы были еще древнего происхождения и являлись памятниками прошлых времен; воспоминания о прежних владельцах этих дворцов — о Цетегах, Дециях, Пробах, Симмахах и Максимах — стали преданием, которое было связано частью с этими зданиями, частью с древними мраморными статуями; но сами дворцы подверглись уже той метаморфозе, которая была пережита Римом, и многие из них были обращены или в монастыри и странноприимные дома, или в жилые помещения, которые своим видом походили на укрепленные замки. Обитатели таких помещений были одичавшие потомки какого-нибудь рода сомнительного происхождения.

Герцог Тото в сопровождении вооруженной толпы и своих братьев Константина, Пассива и Пасхалиса выступил из Непи еще раньше, чем умер Павел, вступил в Рим через ворота Св. Панкратия и поместился в своем доме. 28 июня 767 г. папа скончался, позорно покинутый всеми, кто его окружал, и только один префект или кардинал Стефан остался верен ему до конца. На следующий день Тото приказал избрать папой своего брата Константина и в сопровождении своих приверженцев, бряцавших оружием, направился с братом в Латеран. Такое беспорядочное избрание могло быть делом только партии, которую этим знатым людям удалось создать также среди римского духовенства. Имена ее членов частью латинские, частью византийские. Узурпация была еще более дерзкой потому, что Константин не принадлежал к духовенству; но Тото заставил Георгия, епископа Пренесты, посвятить Константина сначала в иподиаконы и затем в диаконы. Такого быстрого превращения еще никогда не происходило: избранный папа принудил римлян, под страхом оружия своего брата, принести присягу в верности и в воскресенье 5 июля проследовал в базилику Св. Петра, где тот же епископ Георгий в сослужении епископов Евстратия из Альбано и Цитоната из Порто совершил над ним посвящение в папы.

Таким образом на престол св. Петра вступил простой землевладелец, получивший тонзуру; он удержался на престоле в течение целого года. Никто не отважился восстать против такого насилия; нет указаний также на какой-либо протест со стороны франкского посольства. Находившийся в то время в Риме франкский посол, получив первое послание Константина, спокойно удалился во Францию. В виду этого обстоятельства и еще того, что франкские послы появлялись в Риме лишь временами и часто по приглашению самого папы, скорее можно думать, что король франков и патриций римлян еще не имел никакой прямой верховной власти над городом. За все время узурпации мы не имеем указаний на какое-нибудь вмешательство Пипина или на отправку какого-либо полномочного посла; действующими за это время лицами являются только члены римских партий и главным образом сановники папского дворца.

Заняв папский престол, Константин, однако, немедленно понял, что необходимо заручиться благосклонностью Пипина. Следуя примеру своего предшественника, Константин сообщил Пипину как патрицию римлян о своем избрании, просил его по-прежнему быть покровителем Рима и, с своей стороны, удостоверил, что он сохранит верность и преданность к заступнику церкви. Сообщив о том, что по смерти Павла народ Рима и окружающих городов избрал его, Константин, однако, умолчал об обстоятельствах, сопровождавших его избрание. Пипин не отвечал ничего, и Константин отправил к нему второе послание. Этот жалкий человек, бывший игрушкой в руках своего брата, который заставил его принять тонзуру только для того, чтоб самому властвовать над Римом, мог испускать одни робкие стоны. И в его словах сказались наполовину правда и предчувствие предстоявшей ему гибели, когда он писал, что «на страшную высоту папского сана он был вознесен, как вихрем, неодолимой силой единодушного избрания множества народа». Свое письмо Константин заканчивает повторением почтительного приветия и просьбами не давать веры словам клеветников. Неизвестно, последовал ли ответ от Пипина и на это послание.

Начало протеста против жалкого насильственного порядка вещей было положено первым сановником из среды церковнослужаших. Примицерием нотариусов и консилиаром, т. е. первым канцлером или государственным секретарем, по современному обозначению иерархических ступеней, был при Павле Христофор; его противодействие узурпации оказалось тщетным, и он с своими сыновьями принужден был искать спасения у главного алтаря в базилике Св. Петра, где Константин поклялся, что пощадит его жизнь и дозволит ему оставаться до Пасхи в собственном его доме. Христофор занимал высший пост в Риме, и на нем лежало управление церковью в то время, когда папский престол оставался вакантным, а Сергей, сын Христофора, занимал важную должность сакеллария, или ризничего. Они оба вместе с другими римлянами составили заговор с целью низвержения узурпатора. Они притворились, что намерены принять монашество; Константин, желавший освободиться от них, поверил их уверениям: он позволил им покинуть Рим, чтобы вступить в монастырь S.-Salvator в Риети, но заговорщики направились к Теодицию, герцогу Сполето, и оттуда вместе с герцогом в Павию.

Дезидерий с радостью пошел навстречу желаниям изгнанников и объявил им, что он готов помогать им оружием, чтобы овладеть Римом, но за эту помощь потребовал в свою пользу известных обязательств, которые и были приняты. Он назначил им в спутники пресвитера Вальдиперта, рассчитывая, что последний будет действовать в его интересах. Сопровождаемые лангобардским отрядом, Сергей и Вальдиперт направились к Риму. 28 июля 768 г. они заняли Саларский мост, на следующее утро перешли через Мильвийский мост и подошли к воротам Св. Панкратия. Стража, подкупленная участниками заговора, пропустила лангобардский от-

ряд, но спуститься с Яникула лангобарды все-таки не отважились. Узнав, что в город проникли враги, Тото и Пассив вместе с секундидерием Димитрием и хартуларием Грациозом, участвовавшими в заговоре, поспешили к воротам Св. Панкратия. Воин-великан Рахимперт напал на Тото, но был убит герцогом; лангобарды, видя это, обратились было уже в бегство, но в это время оба заговорщика, Димитрий и Грациоз, убили Тото своими копыями. Поняв, что дело проиграно, Пассив поспешил в Латеранский дворец, чтобы спасти брата, и оба они и с ними епископ Феодор, вице-правитель Константина, бежали в Латеранскую базилику; там они заперлись в капелле Св. Цезария и, держась у алтаря, просидели несколько часов, пока их разыскивала толпа, оглашавшая дворец криком и бряцанием оружия. Затем их схватили и заключили в тюрьму.

Пользуясь этой сумятицей, Вальдиперт без ведома Сергия организовал среди римлян лангобардскую партию. Она была подкуплена Дезидерием, и при ее содействии Вальдиперт надеялся избрать папу, преданного Дезидерию. Отправившись в монастырь Св. Вита на Эсквiline, Вальдиперт разыскал там пресвитера Филиппа, и римляне, к своему изумлению, увидели, что в Латеран везут нового папу в сопровождении лангобардов, восклицавших: «Филипп — папа: св. Петр избрал его!» Нашелся и епископ, который совершил посвящение над Филиппом. Заняв папский престол, новый избранник дал народу благословение и, согласно обычаю, приступил к праздничной трапезе, за которой присутствовали также сановники церкви и знать милиции. На несчастье, однако, Филиппа в Рим прибыл примидерий Христофор, запоздавший по каким-то причинам с приездом в город. С появлением Христофора римская партия взялась за оружие, и ее предводитель, хартуларий Грациоз, принудил узурпатора Филиппа вернуться обратно в монастырь.

На следующий день, 1 августа, Христофор как заместитель папы созвал духовенство и народ в собрание, происходившее все на том же месте in tribus fatis древнего форума, где и в последние годы империи происходило несколько народных собраний. Здесь Христофор выставил кандидатом пресвитера Стефана. Этот кардинал, сын сицилийца Олива, был тем самым горячо преданным Павлу I человеком, который оставался при нем, когда он умирал. Из церкви Св. Цецилии в Гранстеврине, в которой Стефан был епископом, он был отведен в Латеран и провозглашен папой под именем Стефана III.

Все присущее Риму того времени варварство сказалось в разыгравшихся затем сценах самого дикого, фанатического мщения. У заточенных в тюрьму епископов и кардиналов вырывали глаза и языки; узурпатора Константин ввели для посмешища по улицам города и затем заключили в монастырь Cellanova на Авентине. 6 августа собор низложил его и после того состоялось посвящение Стефана III.

Убийца Тото, Грациоз, позднее произведенный в награду в военачальники или герцоги какого-то города, совершал со своим отрядом всякие насилия над приверженцами низвергнутой партии. Один из них, трибун Грацилис в Алатри (в провинциальных городах еще существовали военные трибуны), держался в этом защищенном древними циклопическими стенами городе до тех пор, пока последний не был взят штурмом. Тогда жители этой горной латинской страны бросились в Рим, вытащили трибуна из тюрьмы и ослепили его. Вскоре затем Грациоз ворвался в монастырь Cellanova и здесь с такой же византийской жестокостью истязал Константина.

После этого римляне направили свою месть на лангобарда Вальдиперта, который хотя и помог свергнуть Константина, но провозгласил папой Филиппа. Ходил слух, будто Вальдиперт хотел предать Рим в руки герцога Сполето. Напрасно Вальдиперт обнимал святую икону в Пантеоне, куда он бежал, спасаясь, и клялся в своей невинности; он был заключен в темницу и предан мучительной смерти.

В такую ужасную минуту начал Стефан III свое кратковременное правление. Он стал папой наперекор желаниям Дезидерия, будучи в полном разрыве с ним. Поэтому немедленно после своего избрания Стефан обратился к франкским князьям и просил их прислать своих епископов в Рим, в котором Стефан решил созвать собор. Папское послание повез к франкам сам Сергей, теперь ставший секундицием, но Пипина он уже не застал в живых. Знаменитый король франков умер 24 сентября 768 г., и его государство поделили между собой его два сына. Карл и Карломанг, оба патриции римлян, приняли послов Стефана и затем отправили в Рим двенадцать епископов, в числе которых был и римский епископ Тургин.

12 апреля 769 г. Стефан открыл Латеранский собор, которому надлежало осудить Константина, проверить произведенные им рукоположения и, наконец, установить порядок избрания пап. Слепленный Константин был введен в первое заседание. На вопрос, как смел он, будучи мирянином, вступить на престол св. Петра, несчастный Константин отвечал, что римский народ возвел его в сан папы силой, желая отомстить за те притеснения, которые пришлось перенести народу от папы Павла I. Затем Константин простер свои руки, пал ниц и стал умолять о пощаде. На этот раз приговор не был произнесен и Константин был отпущен. На следующий день расследование продолжалось; обвиняемый сослался в свою защиту на пример некоторых епископов, как то: Сергия Равеннского и Стефана Неаполитанского, которые точно так же получили епископский сан, будучи мирянами. Это указание на то, что было действительно, привело судей в ярость; они бросились на Константина, сшибли его с ног и выбросили за церковные двери. Как окончил свое существование Константин, осталось неизвестным.

Затем собор предал сожжению акты лжепапы и принял решение, по которому впредь не мог быть провозглашен папой тот, кто не прошел от низших степеней церковной иерархии до сана диакона или пресвитера-кардинала. Участие мирян в избрании папы решено было упразднить и ограничить только правом аккламации. Относительно епископов, возведенных в этот сан Константином, было постановлено, что все те, которые раньше были пресвитерами или диаконами, должны снова стать ими, но если назначенные Константином епископы стали дороги своим приходом, то они могут после нового избрания в Риме принять посвящение. Заседания собора закончились изданием декрета о соблюдении иконопочитания. Когда соборные акты были подписаны, члены собора проследовали процессией в базилику Св. Петра, и здесь были прочитаны все постановления. Этим путем Стефан III изгнал церковь от узурпации, но не упрочил своей папской власти в Риме.

ГЛАВА IV

1. Христофор и Сергей захватывают в свои руки власть в Риме. — Стефан III вступает в договор с Дезидерием. — Король лангобардов подступает к городу. — Падение Христофора и Сергия; вина папы в их трагической смерти. — Проект двойного брачного союза между лангобардской и франкской династиями. — Направленные против такого союза интриги папы. — Враждебное отношение Равенны к Риму. — Политика франкского двора получает направление, благоприятное для папы. — Смерть Стефана III, 772 г.

После падения партий Тото и лангобардской Христофор и Сергей оказались самыми могущественными людьми в Риме. Ими была произведена контрреволюция, и ими же был провозглашен новый папа, и так как они сами принадлежали к знатному роду, то имели очень много приверженцев и в городе, и в провинции.

Оба они являлись помехой одинаково и для папы Стефана, и для короля Дезидерия. Папу, который был избран при условии некоторых уступок с его стороны, они желали подчинить себе; король лангобардов был недоволен ими потому, что они отделились от него, разбили лангобардскую партию, усилили франкскую и заключили тесный союз с Карломаном. Далее они требовали от короля возврата имений и доходов с них, но сами отказывались выполнить те обязательства, которые взяли на себя в вознаграждение за помощь в низвержении Тото и Константина. Сам Стефан видел, что опора, которую представляли для него франки, была поколеблена со смертью Пипина. Сыновья последнего были в раздоре между собой, и нельзя было не опасаться неприятных последствий для Рима этого разделения франкского государства. Таким образом положение папы было очень трудное; он не имел действительной власти ни в Риме, где властвовали Христофор и Сергий, ни в экзархате, где вся власть была в руках архиепископа Равенны; все это заставило папу снова искать сближения с королем лангобардов. Естественные враги заключили между собою союз, ближайшей целью которого были свержение Христофора и Сергия и подавление франкской партии.

Посредником между королем и папой был казначей Павел Афиарта, вождь лангобардской партии. Согласно договору, Дезидерий отправился в Рим под видом паломника, но в сопровождении войска. Узнав о походе короля в Рим, Христофор и Сергий стянули в город милицию из Тусции, Кампаньи и Перуджи, затворили все ворота и стали ждать нападения; все это доказывает, что власть была в их руках, а не папы. На их стороне был посол Карломана, граф Додо с франками, присутствие которого в Риме не было случайным, а вызывалось интересами франков, так как Христофор и Сергий, которых Додо поддерживал, стояли за соблюдение вошедшего в закон союза Святого престола с франкской монархией.

Прибыв к базилике Св. Петра (летом 769 г.), Дезидерий потребовал к себе папу, и Христофор с Сергием не препятствовали этому свиданию. Стефан условился с королем о том, как избавиться от обоих аристократов, а Дезидерий обещал исполнить все требования по вопросу о возврате удержанных церковных имений. С возвращением папы в город Афиарта должен был возбудить народ к восстанию и убийству Христофора и Сергия; таким образом уже тогда было известно искусство пускать в дело народные восстания. Но те, кому грозила опасность, предупредили заговорщиков: под предводительством Додо они напали на Латеран, и папа принужден был искать спасения у алтаря в базилике Св. Феодора. Однако, когда враги с обнаженными мечами ворвались в эту капеллу, папе удалось умиловить своих противников. Хитрый сицилиец вообще так мастерски играл свою роль, что его замыслы оставались нераскрытыми. На другой день папе снова было дозволено отправиться к Дезидерию. На этот раз папа вместе со своими спутниками был для вида арестован в базилике Св. Петра, так как требование о выдаче обоих временщиков, которым папа был обязан своим возвышением, должно было исходить как бы исключительно от одного Дезидерия, в народе же должен был быть распространен слух, что папа насильственно удержан лангобардами и не будет выпущен до тех пор, пока римляне не сложат оружия и не выдадут врагов папы. Чтобы достигнуть всего этого, Стефан отправил двух епископов к воротам Св. Петра у моста, где Христофор и Сергий с толпой вооруженных людей расположились лагерем. Явившись сюда, епископы потребовали от Христофора и Сергия, чтобы они или добровольно удалились в монастырь, или явились к папе в Ватикан. Малодушный народ в испуге покинул своих вождей и разбежался; таким образом положение вещей сразу изменилось, и дело Христофора и Сергия оказалось совершенно проигранным. Они были покинуты даже Грациозом, их родственником, бежавшим к папе в бази-

лику Св. Петра. Тогда, решив молить о пощаде у ног папы, покинул свой пост на городской стене также и Сергий; он и его отец были схвачены лангобардской стражей и затем по распоряжению короля оба были выданы папе.

Очень трудно не признать Стефана виновным в том, что в жертву мести лангобардов или Павла Афиарты были преданы те люди, которые избавили Рим от тирании Тото и которым сам папа был обязан своей короной. Если он действительно хотел их спасти, как утверждают и его биограф, и он сам в одном письме, почему же он не увел их немедленно под своей охраной в город, когда возвращался туда сам из базилики Св. Петра? По его словам, он оставил их в базилике, чтобы безопасно провести их в город под покровом ночи; но уже вечером в церковь был впущен лангобардской стражей по приказанию короля Афиарта, и затем несчастные претерпели около моста Адриана ту же участь, которая раньше постигла их собственную жертву, Вальдиперта; Христофор умер в монастыре на третий день после ослепления; Сергий выздоровел, но томился в одном из подвалов Латерана до самой смерти Стефана. Таким вероломством папа достиг падения своих врагов.

В своем послании к Карлу и его матери Берте Стефан утверждает, что жестокая участь постигла Христофора и Сергия без его ведома. В то время когда Стефан писал это письмо, он пользовался полной свободой и лангобардов, вероятно, уже не было в Риме. Стефан в этом письме дает событиям неправильное освещение, называет Христофора и Сергия пособниками дьявола, много винит Додо и говорит, что все они хотели убить его и что спасением своим он обязан одному только Дезидерию, который именно в это время прибыл в Рим затем, чтобы выполнить свой долг перед св. Петром. Весь этот рассказ вполне согласуется с изложением биографа Стефана, но не с другими его письмами. Насколько согласие между Стефаном и Дезидерием было полное, достаточно ясно свидетельствуют слова преемника Стефана, папы Адриана. «Мой предшественник, — говорил последний лангобардским послан, — однажды рассказывал мне, что король приказал передать ему такой ответ, когда послы папы, Анастасий, первый дефензор, и иподиакон Геммул явились к королю с просьбой исполнить то, что им самим было обещано св. Петру: довольно с папы Стефана и того, что я убрал с его дороги Христофора и Сергия, у которых он был во власти, и пусть он не касается вопроса о своих правах. Он должен знать, что, если я не буду поддерживать его, он погибнет. Король франков Карломан — друг Хрифора и Сергия и готов идти походом на Рим, чтоб отомстить за их смерть и взять в плен самого святого отца». Между тем Дезидерий не возвращал церковных имений, на которые заявлял притязания Стефан, и последний стал прилагать старания к тому, чтоб восстановить слагавшееся естественным путем согласие с жестоко оскорбленными франкскими королями. Поздравляя их с окончанием их взаимных раздоров, он отправил им изложение своих жалоб. Берте удалось примирить своих детей; в 770 г. она сама была в Италии и даже явилась в Рим паломницей. Ее приезд вселил надежду в папу, но затем он узнал, что королева направилась к Дезидерию и желает связать обе династии брачными союзами. Королева и Дезидерий пришли к соглашению, что принц Адельхис женится на Гизеле, король Карл на Дезидерате (Эрменгарде) и его брат Карломан на другой дочери лангобардского короля. Этот проект привел папу в ужас. Для него стало очевидно, что сыновья Пипина не разделяют взглядов своего отца и к светским интересам церкви относятся скорее даже холодно. Поэтому в своем письме он старается отклонить королей от такого брака и вызвать раздор между обеими сторонами. «До меня дошла весть, — пишет Стефан, — преисполнившая мое сердце великой печалью, что король лангобардов Дезидерий старается склонить ваши светлости к тому, чтоб один из вас, братьев, женился на его дочери; такое дело, если бы оно действительно слу-

чилось, было бы поистине дьявольским наущением и было бы не брачным союзом, а конкубинатом. Священное Писание свидетельствует нам, что некоторые государи, вступив в незаконный союз с чуждым народом, отступали от заповедей Божиих и впадали в великие грехи. Каким было бы безумием, если бы ваш прославленный франкский народ, затмевающий все другие, и блестящий отпрыск вашего королевского могущества запятали себя союзом с презренным народом лангобардов, которые никогда не считались даже за народ и от которых происходят прокаженные. А между тем по Божьему произволению и воле вашего отца вы уже состоите в законном браке, так как вы, как и приличествует светлейшим королям, избрали себе в вашей собственной отчизне, из благороднейшего франкского народа, прекраснейших супруг и должны остаться им верны в вашей любви к ним». Папа полагал, что оба короля уже были женаты, тогда как известно, что только Карломан был женат на Гильберге, а о том, состоял ли в законном браке Карл, нигде не упоминается. Стефан увлекается даже саркастическими замечаниями относительно природы женщины вообще, вспоминает о грехе Евы, через который люди были лишены рая, и напоминает королям, что некогда, будучи юными, они дали обещание апостолу быть друзьями друзей пап и врагами их врагов. Чтобы придать своему письму чарующую силу, Стефан положил его на гроб апостола и принял святое причастие. Письмо заканчивается следующей угрозой: «Если кто-нибудь отважится поступать противно смыслу этого заклинания нашего, то он должен знать, что властью моего повелителя, святого апостола Петра, он будет предан анафеме, изгнан из Царства Божия и осужден вместе с дьяволом со всем его адским воинством и другими безбожниками на вечный огонь». Такое письмо могло быть написано верховным христианским пастырем, конечно, только в варварское время; в ту эпоху религия Христа была в действительности каким-то служением колдовству.

Карломан, вероятно, не решился удалить от себя Гильбергу и не женился на дочери Дезидерия, но Карл, не смущаясь анафемой папы, женился на Дезидерате.

Положение Стефана в то же время было затруднительно еще в другом отношении. Со времени получения дара Пипина папы посылали в провинции, некогда бывшие греческими, своих собственных чиновников: герцогов (*duces*), военачальников (*magistri militum*) и трибунов; тем не менее в этих провинциях папы еще не имели действительной власти. Равеннцы хорошо помнили, какое значение имел их город, в течение долгого времени имевший под своей властью Рим; архиепископ Равенны скоро приобрел влияние над всем экзархатом, в котором метрополии принадлежало много имений и колонов. Сергий, восстановленный в своем сане Павлом I, распоряжался здесь как хотел; по смерти Сергия (770 г.) место его занял узурпатор, в течение года не обращавший никакого внимания на отлучение, к которому был приречен папой. Большая часть духовенства в Равенне провозгласила архиепископом архидиакона Льва, но с согласия короля Дезидерия и при содействии герцога (*dux*) Маврикия в Римини, бывшего самым большим городом в Пентаполисе и в то время не желавшего повиноваться папе, архиепископом сделался Михаил, церковный библиотекарь в Равенне. Лев был заключен в темницу в Римини, а Михаил, Маврикий и судьи (*judices*) Равенны отправили к папе послов, чтобы богатыми подарками склонить его на сторону узурпатора. Стефан ответил приказанием Михаилу сложить с себя епископский сан; но узурпатор продолжал все-таки расходовать церковные сокровища, чтобы добиться своего утверждения, и только в конце 771 г. был свергнут. Франкские и римские послы соединились вместе, чтобы восстановить порядок; народ выдал Михаила папским послам, которые должны были отвезти его в Рим, и туда же для посвящения направился тогда и Лев.

Но затем на долю папы выпало великое счастье: Карл разошелся с Дезидератой, а Карломан умер 4 декабря 771 г. По-видимому, побудительной причиной для Карла удалить от себя свою жену было не столько его возможное непостоянство, сколько расчет. Нет сомнения, что Карл расторг свой законный брак с согласия папы и женился на швабской принцессе Хильдегарде. Тем не менее франки не переставали сокрушаться о Дезидерате как о законной жене Карла, и точно так же оплакивала постигшее ее оскорбление королева Берта.

Таким образом, благодаря искусной политике папы союз между франками и лангобардами был порван, римская церковь была снова поставлена в самую тесную связь с Карлом, а Дезидерий обречен был на гибель. Но до всего этого уже не дожил Стефан III: не знавший совести, искусившийся во всех тонкостях и коварствах светской политики, этот сицилиец умер 24 января 772 г.

2. Адриан I, папа 772 г. — Падение лангобардской партии в Риме. — Враждебные действия Дезидерия. — Падение Павла Афиарты. — Префект города. — Дезидерий опустошает Римское герцогство. — Адриан готовится к обороне. — Удаление лангобардов

9 февраля 772 г. папский престол занял Адриан I; он оказался выдающимся правителем и оставался папой почти 24 года. Адриан был римлянин и происходил из знатного рода, дворец которого стоял на Via Lata, у S.-Marco. Дядя Адриана, Теодат, имел сан консула и герцога и был, кроме того, примициером нотариев. Еще мальчиком Адриан потерял отца, и мать отдала сироту на воспитание причту церкви Св. Марка, к приходу которой принадлежал ее дом. Отличавшийся своим происхождением, красотой и умом, Адриан при папе Павле прошел первые ступени церковной иерархии, затем при Стефане был посвящен в диаконы и после его смерти единогласно провозглашен папой. Свое вступление в этот сан папа озаменовал тем, что призвал обратно партию Христофора или всех тех судей (judices), которые незадолго до смерти Стефана были изгнаны Павлом Афиарттой. Этой мерой папа дал понять, что он намерен подавить лангобардскую партию, которую поддерживал в Риме Павел Афиарта, и примкнуть к франкам. Таким образом папская политика получила определенное направление.

Первой заботой Адриана было добиться получения от Дезидерия того, что он обещал вернуть св. Петру. Послы короля явились к новому папе приветствовать его и предложить ему союз; но Адриан встретил их жалобами на неисполнение договора, заключенного с его предшественником, и едва послы, откланявшись, успели отправиться обратно в Павию, как между папой и Дезидерием произошел полный разрыв. Многие содействовало этому разрыву. Вернувшиеся послы сообщили королю, что партия Христофора и Сергия снова получила силу и что между папой и франками заключен тесный союз; в это же время, весной 773 г., ко двору в Павии явилась просить о защите Гильберга вдова Карломана с детьми и с герцогом Аутхаром, так как Карл захватил земли своих племянников и объявил себя единственным королем франков. Глубоко оскорбленный Дезидерий был рад приезду племянников, так как надеялся, что они послужат ему достаточным предлогом для того, чтобы возбудить междоусобную войну в стране франков. Он потребовал у Адриана, чтобы тот совершил над детьми Карломана помазание на царство и таким образом признал их права. Получив в этом отказ, Дезидерий решил добиться своей цели силой. В конце марта он занял Фавенцию и герцогство Феррару и стал угрожать даже Равенне. Равеннцы обратились за помощью к папе, и Адриан отправил к ко-

ролю для переговоров сакеллария Стефана и Павла Афиарту. Дезидерий настаивал на личном свидании с папой, имея в виду заставить его короновать детей Карломана, но Адриан ответил решительным отказом.

С этими событиями было связано падение Афиарты, имевшее некоторое значение для истории города. После свержения Христофора и Сергия Павел Афиарта пользовался самым большим влиянием, был главой лангобардской партии и состоял на жалованье у короля; вследствие этого необходимо было сделать Афиарту безвредным. Это было достигнуто с большим дипломатическим искусством. Ничего не подозревавший камерарий спокойно покинул Рим и отправился послом к своему другу Дезидерию; но в то время как Афиарта, будучи при дворе, хвалился, что доставит королю папу, хотя бы закованным в цепи, на его собственную шею незаметно была накинута петля. В его отсутствие в Риме набралась смелости и стали говорить о том, что за восемь дней до смерти Стефана Павел Афиарта запятнал себя новым убийством. Несчастный слепой Сергей все еще жил в подземелье Латерана; это обстоятельство не давало покоя мстительному Павлу, и он решил окончательно убрать Сергия с своей дороги, пока Стефан был болен. В исполнении этого замысла приняли участие высшие сановники церкви и брат Стефана, герцог (dux) Иоанн; само же убийство было возложено на двух жителей Ананьи. Ночью эти люди выволокли Сергия на Меруланскую дорогу, которая и в настоящее время идет от Латерана к S.-Maria Maggiore, убили несчастного и зарыли его в землю.

Убийцы признались в своем злодеянии и указали, где оно было совершено. Сановники церкви, военные судьи (judices de militia) и весь народ потребовали тогда наказания виновных, и папа передал их в распоряжение обыкновенного суда. Этот случай снова выводит на сцену префекта города. Должность эта существовала, следовательно, и после Григория, и уголовное судопроизводство подлежало ведению префекта. Виновные в убийстве были осуждены на изгнание в Константинополь. Таким образом в ту эпоху, так же, как во времена Сципиона и Сенеки, изгнание имело значение осуждения на смерть, и приговоренные в Риме к изгнанию отсылались в Константинополь, подобно тому, как совершившие преступление в Константинополе в течение долгого времени и, может быть, даже в VIII веке выслались в Рим; отсюда следует, что папа все еще признавал верховную власть императора.

В заключение процесса останки Христофора и Сергия были преданы почетному погребению в базилике Св. Петра, и честь имени обоих была восстановлена. Но еще раньше, чем начато было в Риме расследование, Адриан поручил архиепископу Равенны Льву схватить Афиарту, как только он, возвращаясь из Павии, появится в каком-либо из городов экзархата. Когда Афиарта вскоре же был арестован, Адриан отослал Льву все акты судебного процесса, и Лев предал обвиняемого уголовному суду в Равенне. Таким образом римский гражданин, чиновник папского дворца, оказывался, против всякого права, ответственным перед муниципальным судом чужой страны. Такое распоряжение едва ли могло исходить от самого архиепископа, и более вероятно то, что таково было желание папы, имевшего основание вести процесс вдали от Рима. Желая сохранить жизнь убийце Сергия, папа обратился с просьбой к императорам Константину и Льву о дозволении преступнику искупить свою вину изгнанием куда-либо в пределах Греции. Но на предложение препроводить Афиарту в Византию через Венецию архиепископ ответил, что это невозможно, так как венецианцы задержат Афиарту и потребуют обмена его на сына дожа Маврикия, находившегося в плену у Дезидерия. Поэтому приходилось направить Павла в Рим; однако прежде чем прибыл в Равенну для этой цели папский посол, осужденный уже был мертв. Адриану ничего не оставалось, как только сделать выговор архиепископу за такую вполне желательную поспешность. Так устранен был

глава лангобардской партии, и с его исчезновением папа освободился от могущественного аристократа, а Дезидерий утратил все свое влияние в Риме.

В ответ на все эти действия папы король занял Сеногалию, Монтефельтро, Урбинум и Игувиум (Gubbio) и двинулся в Этрурию. Здесь в июле лангобарды овладели городом Бледой, убили многих знатных граждан и затем направились в Утрикулум. Тогда Адриан отправил к Дезидерию фарфского аббата в сопровождении двадцати монахов. С плачем бросилась монастырская братия к ногам короля, умоляя его не делать ущерба св. Петру. Король лангобардов, не слушая монахов, отослал их назад и потребовал, чтобы папа сам явился для переговоров с ним. Адриан отвечал, что он явится, как только Дезидерий возвратит отнятые города, и отправил нескольких духовных лиц, которые могли бы принять эти города. Но король не пожелал и слышать об этом и пригрозил походом на Рим.

Тогда папа обратился за помощью к Карлу, заклиная его памятью его отца Пипина спасти Рим от короля лангобардов, которому сам он упорно отказывал в помазании на царство детей Карломана. Пока послы с письмами Адриана находились еще в пути, Дезидерий выступил из Павии в поход. Короля сопровождали Адельхис, франкский герцог Аутхар, Гильберга и ее дети, короновать которых в базилике Св. Петра король хотел заставить папу. Адриан стал готовиться к обороне. Он стянул в Рим военные отряды из Тусции, Лациума и герцогства Перуджи, вооруженную милицию из Пентаполиса и войска, предоставленные в его распоряжение дружественным герцогом неаполитанским Стефаном; он приказал затворить в городе ворота, а некоторые заделать. Церковная утварь из базилик Св. Петра и Св. Павла была перенесена в город, а сами церкви заперты изнутри так, что король мог проникнуть в них только как грабитель. Затем Адриан отправил к Дезидерию послами епископов Альбано, Пренесты и Тибура, которые должны были воспретить королю под страхом отлучения от церкви переступать границы римского герцогства. Епископы встретили короля в Витербо; боязнь папского проклятия и еще более страх перед Карлом возымели на Дезидерия свое действие: он приостановил поход и затем повернул в обратный путь. Таким образом все, что ни предпринималось лангобардскими королями, оказывалось лишенным действительного смысла и смелости, и вообще нет ничего утомительнее этой истории лангобардских войн, длившихся в течение двух веков.

Вскоре после отступления Дезидерия в Рим явились послы Карла, епископ Георгий, аббат Гульфард и советник короля Альбин; они должны были удостовериться, действительно ли Святому престолу возвращены города, как сообщал о том Дезидерий. Адриан познакомил послов с истинным положением вещей, и послы поспешили в Павию; король отнесся к ним с пренебрежением, и они объявили Карлу, что без оружия ничего нельзя добиться.

3. Поход Карла в Италию. — Осада Павии. — Карл празднует Пасху в Риме. — Подтверждение дара Пипина. — Падение Павии и Лангобардского королевства в 774 г.

Безуспешно попытавшись склонить Дезидерия к миру и уговорить его согласиться на выкуп, Карл в сентябре 773 г. выступил со своим войском в Италию. Он направился через Женеvu, чтобы сделать перевал через Монсенис, но оказалось, что путь через альпийские проходы прегражден лангобардами. Трудность проникновения в эти проходы и затем недовольство франков побудили Карла еще раз обратиться к Дезидерию через послов, и Карл объявил, что он удовлетворен

тремя знатными заложниками как порукой в том, что обещание вернуть города будет исполнено. Деидерий отклонил это предложение. Когда же сын Деидерия Адельхис, объятый паническим страхом, неожиданно обратился в бегство и проходил через Альпы благодаря измене оказались в руках франков, то такой неожиданный оборот дел принудил Деидерия покинуть лагерь и запереться в Павии. Совершенно растерявшиеся Адельхис и Аутхар со вдовой и детьми Карломана бросились в укрепленную Верону. После недолгого сопротивления, сила которого была ослаблена внутренними раздорами и в особенности интригами духовенства, народ Альбоина пал. Но не этой победой над лангобардами стяжал себе Карл имя Великого; напротив, история не знает завоевания, которое было бы достигнуто так легко и в то же время повело бы к таким великим последствиям, сохранявшим свою силу в течение веков.

Король Карл осадил город Павию; предвидя, что осада будет продолжительной, он вызвал к себе в лагерь свою жену Хильдегарду и детей. На Верону двинулся другой отряд франков, и вскоре Аутхар и вдова Карломана с маленькими принцами оказались в руках победителя. Прошло уже шесть месяцев, как Павия мужественно защищалась; приближалась Пасха, и Карл решил провести ее в Риме. Паломничество на Пасху к могилам мучеников казалось верующим того времени самым верным средством попасть в рай; уже в течение двух столетий пилигримы стекались в Рим на Пасху, и мы еще увидим, что в продолжение всех Средних веков императоры и короли часто являлись в Рим справлять Пасху. Поездка короля франков в Рим была вообще началом паломничества в Рим германских королей, продолжавшегося во все время Средних веков.

Карл отправился в Рим из лагеря под Павией с частью своих войск и с блестящей свитой епископов, герцогов и графов. Он быстро прошел через Тусцию, чтобы попасть в Рим еще в Страстную субботу (2 апреля 774 г.). Встреча, оказанная могущественному заступнику церкви, впервые вступавшему в город и притом в таких особенных обстоятельствах, была блестящей и носила характер встречи императора. По распоряжению папы короля встретили в 24 милях от города, ниже озера Браччиано, у станции Novas, все судьи и отряды милиции; выразив королю приветствие, они проводили его до города. У подошвы Монте-Марио короля приветствовали все отряды милиции с их патронами, учащиеся в школах дети, державшие в руках пальмовые и оливковые ветви, и множество народа, встречавшего Карла торжественными кликами: «Да здравствует король франков, заступник церкви!» Все эти почести воздавались королю не как чужестранному государю, а как римскому патрицию, и летописец отмечает, что навстречу Карлу были вынесены из римских базилик кресты и хоругви, что обыкновенно делалось при встрече экзарха. Как только увидел их Карл, он сошел с коня и, окруженный своей свитой, смиренно последовал пешком в базилику Св. Петра. Это происходило рано утром в Страстную субботу; папа ожидал гостя, стоя среди духовенства на ступенях портика, а вся площадь перед базиликой была усеяна народом. На самой нижней ступени лестницы Карл опустился на колени и затем, оставаясь на коленях и благоговейно целуя каждую ступень, поднялся к папе. Такова была форма, которой потом следовали самые могущественные государи, приближаясь к римскому святилищу, и не должно ли было действительно наступать время, когда короли вообще спустятся до положения вассалов и рабов папы и когда последний смело поставит ногу на их преклоненные перед ним головы? После этого Карл и Адриан заключили друг друга в объятия и направились в базилику, причем король шел с правой стороны папы, держа его за правую руку. Навстречу им раздавалось пение священников: *benedictus qui venit in nomine Domini*, и Карл и его франки пали ниц перед гробом апостола. По оконча-

нии молитвы король почтительно просил разрешения вступить в Рим и посетить также другие главнейшие церкви. Сначала все спустились в гробницу апостола, а затем король и папа, римские и франкские судьи дали друг другу клятву оставаться верными друг другу.

Карл расположил свои войска, конечно лагерем, на Нерономом поле, а сам через мост Адриана вступил в город, который еще не знал, что, приветствуя в своих стенах первого короля франков, он приветствует вместе с тем и своего первого императора германского происхождения. Будущий преемник Августа взирал на классические развалины, мимо которых он следовал, с безотчетным изумлением, так как хотя он и любил слушать повествования о древних, но был лучше знаком с деяниями римских святых, чем с подвигами государственных людей и героев Рима. Город в то время еще носил на себе печать древности, хотя на нем и сказались уже три века запущения. То был все еще город древних — целый мир величественных развалин, перед которыми исчезало все христианское.

Король был отведен в Латеран; сами римляне смотрели с изумлением на испанскую фигуру героя — протектора церкви и на его закованных в медь палатинов-варваров. В баптистерии король присутствовал при таинстве крещения, которое совершал папа; затем король вернулся в базилику Св. Петра, с тем же смирением идучи пешком. Свое помещение король избрал не в городе; о дворце цезарей уже не было речи; его последняя часть, которая была еще обитаема, также погибла с тех пор, как из Рима исчез греческий герцог. Нет сомнения, что Карл остановился в одном из епископских помещений при базилике Св. Петра. В Пасхальное воскресенье король в сопровождении знати и корпораций (*scholae*) милиции проследовал в церковь *S.-Maria Maggiore*, где папа служил обедню, и затем присутствовал за трапезой папы в Латеране. В понедельник он слушал обедню в базилике Св. Петра, а во вторник — в базилике Св. Павла, и этим были закончены пасхальные празднества. В древности эти празднества были менее пышны и имели более церковный характер, чем в настоящее время, но, как видно из книг древнего ритуала, все-таки не отличались простотой.

В среду, 6 апреля, Карл был приглашен на совещание в базилику Св. Петра, где находился папа со всеми духовными (*judices de clero*) и военными судьями (*judices de militia*). Перед этим собранием папа обратился с речью к королю франков, и для того чтобы получить от него какой-либо дар, конечно, не могло быть более подходящего места, чем находившаяся в близком соседстве гробница апостола и еще благоухавшая финиамом пасхального празднества базилика. Предвидя скорое падение лангобардского королевства, папа выступил одним из его главных наследников; он напомнил Карлу о прежних договорах и обетах принести в дар св. Петру некоторые города и провинции Италии и затем приказал прочесть грамоту Пипина. Биограф Адриана удостоверяет, что Карл и его судьи не только подтвердили содержание этой грамоты, но что Карл приказал своему нотариусу Этерио написать ее вновь. Этот документ был положен в гробницу св. Петра и скреплен торжественной клятвой.

Эта так называемая дарственная грамота Карла Великого, представляющая собой, по словам биографа Адриана, подтверждение дарственной грамоты Пипина, выданной в Киерси, также исчезла из архива Латерана; равным образом ни в Германии, ни во Франции не отыскалось никакого списка с грамоты, который король должен был взять с собой. Этой грамотой великодушный монарх предоставлял папе владеть почти всей Италией и, кроме того, даже такими провинциями, которых он сам никогда не завоевывал, как то: Корсикой, Венецией, Истрией и герцогством Беневентом. Однако неподкупным приговором критики уже давно установлено,

что такая грамота относится к области сказок; биограф Адриана мог видеть только уже подделанную раньше грамоту (если только он видел вообще что-либо подобное), или же он сам извратил ее содержание. Карл, очевидно, подтвердил дарственную грамоту Пипина, оригинал которой остается неизвестным, и которой экзархат несомненно был отдан во власть папы; но верховную власть над экзархатом Карл оставил за собой и затем с течением времени увеличивал эту область новыми патримониями и доходами. Вместе с тем был заключен также договор, которым точно устанавливалось положение Карла по отношению к Риму. Король получил все права патриция, и почетный титул защитника (Defensor) приобрел с 774 г. более широкое значение: этим титулом было признано за патрицием римлян право на высшую юрисдикцию в Риме, в римском герцогстве и в провинциях, составлявших экзархат. Папа, представлявший собой в этих странах не что иное, как только административную власть, становился таким образом подданным короля франков.

Определив свои отношения к Риму, Карл уехал, а папа приказал во всех церквях служить молебны о скорейшем и благополучном окончании осады Павии. По возвращении в лагерь король франков повел эту осаду с чрезвычайной энергией. Господствовавшая в городе чума и затем предатели также помогли сломить сопротивление Павии, и в июне 774 г. она сдалась. Последний король лангобардов заплатил за свое безрассудство гибелью и своей династии, и своего королевства. Не предвзяв никаких условий, он покорно отдался в плен. По преданию, Дезидерий окончил свою жизнь в монастыре Корби, где, пребывая в благочестии, приобрел дар совершать чудеса. Железной короной завладел Карл и стал называться с 774 г. королем франков и лангобардов, патрицием римлян, а сын Дезидерия, Адельхис, бежавший к византийскому двору, оказался в печальном положении претендента.

4. Дар Константина. — Географические границы дара Каролингов. — Сполето; Тусция; Сабина; Равенна. — Притязания Карла на право утверждения архиепископа Равенны в его сане. — Патрициат св. Петра. — Доказательство признания папой верховной власти Карла. — Торговля рабами у венецианцев и греков

К огорчению папы, Карл медлил с возвращением церкви тех патримониев, которые были отняты у нее лангобардами. Он не исполнял своего обещания, вероятно, потому, что как государственный человек он понимал, что Пипин обещал слишком много. Адриан льстиво величал Карла новым Константином, говоря, что теперь как бы воскрес этот император, «через которого Господь положил даровать все святой церкви апостола Петра»; но Карл, по-видимому, не придавал никакого значения этому лестному титулу. Только что приведенные нами слова Адриана заслуживают внимания; в них именно мы находим первое указание на одно из самых чудовищных установлений, которое впоследствии в течение веков служило папам как бесспорное основание их притязаний на всемирную власть и столь же долгое время не возбуждало никакого сомнения в своей достоверности ни в массе, неспособной к критическому отношению, ни даже среди людей, сведущих в науке права. Прославленный дар Константина не только наделял римского епископа почестями, подобающими императорскому сану, а римское духовенство — прерогативами сената, но, кроме того, еще передавал папе в собственность Рим и Италию. Приняв крещение от епископа Сильвестра и получив вследствие этого излечение от проказы, Константин проникся глубоким благоговением к апостолу и покинул Рим с тем, чтобы провести свои дни в смирении где-нибудь на берегах Босфора; столицу же

мира и Италии император уступил наместнику Петра. Эта басня, на которую папа сослался в первый раз в 777 г., была, конечно, измышлением какого-нибудь римского священника и ведет свое начало с того времени, когда власть греков в Италии была опрокинута, королевство лангобардов рушилось и папа возымел смелый план стать властителем большей части Италии. Это измышление, быть может, более чем какое-нибудь другое порождение религиозной фантазии, является доказательством варварского состояния человечества в Средние века.

Свидетельствуя о безграничной жажде власти у римских первосвященников, дар Константина вместе с тем является историческим выражением тех взглядов на отношения между церковью и государством, которые сложились в эпоху, предшествовавшую восстановлению Западной империи. Церковь понималась именно как духовная империя с цезарем-папой во главе, которому подчинены все митрополиты и епископы и Востока, и Запада. Ее церковная организация, возникшая на основах древней государственной иерархии, представлялась как бы созданной самим императором, верховным вершителем всех гражданских отношений; империя и императорский двор были вообще прообразом для этой организации. Сан папы приравнивался к сану императора, звание римского духовенства — к рангу сенаторов; причем эти преимущества так же, как и отпадение Рима и Италии, проистекали, однако, из императорской привилегии, которая должна была явиться на все времена правовым основанием светской власти пап. Имперская власть по-прежнему обнимала собой всякую светскую власть, и только из этого источника церковь заимствовала свою гражданскую форму и гражданскую власть; но в то же время церковь признавалась императором как совершенно самобытное духовное государство, в котором монархом являлся основатель церкви Христос, а Его наместником — папа. Таким образом дар Константина устанавливал разделение обеих властей, светской и духовной, и намечал в основных чертах тот дуализм, который является в Средние века столь характерной чертой взаимных отношений церкви и империи, папы и императора.

Своими настойчивыми напоминаниями об обещаниях, данных в 774 г., и горькими жалобами на неисполнение их папа долго преследовал Карла. Поэтому необходимо разобратся в отдельных областях, дарованных грамотой Каролингов, тем более, что история города Рима не вполне может быть отделена от этих областей. Если сведения, сообщаемые биографом Адриана, достоверны, то сполетцы перед вступлением франков в Италию отложились от лангобардского королевства, как это они уже не раз пытались сделать раньше. Знатные граждане Сполето и Реате явились в Рим, принесли папе присягу, подверглись символическому обряду пострижения волос и бороды и были объявлены римскими гражданами. Когда же Дезидерий бежал в Павию, из герцогства Сполето к Адриану прибыли послы, принесли ему присягу в верности и получили от него утверждение Гильдебранда, избранного раньше ими самими в герцоги. Примеру Сполето последовали жители Фермо, Озимо, Анконы и Castellum Felicitatis. Все эти указания, однако, недостоверны; одно только не подлежит сомнению, что Карл категорически отказался уступить папе Сполето, и оно всегда считалось принадлежащим франкскому королевству.

Притязания на римскую Тусцию, предъявленные от имени ап. Петра, не подлежали сомнению. Но апостол пожелал иметь под своей властью земли и в лангобардской Тусции. Утверждают, что Карл уже в 774 г. уступил папе Соану, Тускану, Витербо, Balneum Regis (Vagnorea) и другие непоименованные области. Об этом Адриан совершенно определенно говорит в одном письме, из чего следует заключить, что они действительно были переданы папе. Затем позднее церкви были обе-

щаны два города — Розелле и Популония в *Tuscia Ducalis*; но король медлил отдачей их. Во всех тусцийских областях церковь владела древними имениями, которые были захвачены лангобардами, и великодушный король присоединил к этим имениям еще новые патримонии, сохраняя, впрочем, за собой права преемника лангобардских королей.

То же самое происходило по отношению к Сабине. Здесь также находились земли, принадлежавшие церкви; Карл, по-видимому, увеличил размеры их и в 781 году снова признал их принадлежащими ап. Петру. Существовало мнение, что Карл заключил тогда новый договор с папой и что последний за известное вознаграждение отказался от герцогств Тусции и Сполето, но удержал за собой часть лангобардской Тусции и Сабину. Для такого утверждения, однако, нет оснований. Имения Сабини были известны под именем *Territorium* и *Patrimonium Savinense*, но они не составляли всей этой провинции, большая часть которой принадлежала герцогству Сполето. Нам неизвестно, как велики были в Сабине церковные домены, на доходы от которых поддерживался огонь в светильниках базилики ап. Петра и содержались бедные. Для передачи церкви этих доменов были посланы в Сабину представители Карла и папы, но при этом между церковью и Риеги возник спор о границах, окончившийся не в пользу св. Петра, хотя столетние старцы и свидетельствовали, что спорные имения с древних времен принадлежали церкви. Поэтому надо думать, что последняя в конце VIII века обладала лишь малой частью Сабини; документами же может быть доказано, что только с 939 г. Сабина была отделена от герцогства Сполето и преобразована в отдельную область, которая находилась под верховной властью церкви, посылавшей в эту область своих правителей, которые назывались *marchio* или *comes*.

Своему стремлению добиться власти папа встретил в экзархате еще гораздо больше препятствий, чем в названных местах. Святому Аполлинарию в Равенне, так же как ап. Петру в Риме, принадлежало множество доменов, и в архиве Равенны хранилась масса дарственных актов. Церковь Равенны в VII веке получала огромные доходы даже из Сицилии; правители находившихся там имений ежегодно отправляли суда, нагруженные 25 000 шеффелей хлебного зерна, плодов и овощей, окрашенными в пурпур кожами, голубыми шелковыми одежаниями и шерстяными тканями и затем еще драгоценной утварью и не менее 31 000 золотых солидов, из которых 15 000 шли в государственную казну в Константинополь, а 16 000 в казну епископа. Архиепископы Равенны стремились, подобно папе, к получению светской власти в своей прекрасной стране; но со времени дарственной грамоты Пипина экзархат должен был признать притязания пап, и Стефан II назначил в города экзархата своих графов (*comites*) и герцогов (*duces*). Что касается самой Равенны, то в нее Стефан назначил двух судей, пресвитера Филиппа для духовных дел и герцога (*dux*) Евстафия для светских. После отъезда Карла в 774 г. архиепископ Лев завладел, однако, несколькими городами Эмилии, герцогством Феррарой, Имолой и Болоньей и изгнал папских чиновников. Он утверждал, что все эти места принесены в дар ему, а не папе, и склонял к отпадению также Пентаполис. Чтобы предупредить жалобы Адриана, Лев лично отправился ко двору Карла, вернулся оттуда еще более смелым и запретил жителям Равенны и Эмилии обращаться в Рим по делам управления. Адриан отправил своих послов в эти провинции принять от них присягу и получить заложников, но Лев изгнал послов военной силой. В это же время Регинальд, герцог (*dux*) Киузский, бывший раньше лангобардским гастальдом в *Castellum Felicitatis*, захватил некоторые из тех церковных имений, которые были возвращены церкви Карлом, и даже напал на упомянутый замок в лангобардской Тусции, принадлежавший теперь церкви. Папа возобновил тогда свои жалобы

Карлу; нельзя читать эти письма, как и большую часть писем в Codex Carolinus, без самого тягостного впечатления: стремление к обладанию земными благами и боязнь утраты их выступают здесь по всей их неприглядной откровенности. В своих письмах папа открыто называет расширение своей светской власти возвеличением церкви; в награду за принесение в дар земель и людей обещает духовное спасение и ставит получение царства небесного в зависимость от земных пожертвований. Так мирские вожелания таились за гробом святого, покрытым дарственными грамотами, письмами, отлучениями и клятвенными обещаниями, прикрываясь именем апостола, который при жизни своей не обладал никаким имуществом, а со смертью уже не ведал ничего о мирских делах и был чужд всяким земным желаниям.

Только в 783 г. папе удалось восстановить свои права по отношению к Равенне; но, когда с помощью Карла сопротивление архиепископа было сломлено, папу привели в ужас те притязания на верховную власть в стране, которые предъявил сам король франков. Папе вовсе не было предоставлено суверенитета, и если это может быть доказано относительно Равенны, то тем более это очевидно по отношению к Риму, в котором Карл был патрицием и где за ним, как мы скоро увидим, была признана высшая юрисдикция. Равеннцы апеллировали к королю на решения римского суда, и папа не препятствовал им искать правосудия во Франции, но жаловался, что их выслушивают, несмотря на то что они являются, не будучи снабжены папским письмом. В 783 г. двое влиятельных равеннцев, Елевферий и Григорий, оказались виновными в тяжких преступлениях и даже в убийстве; уклонившись от папского суда, обвиняемые бежали ко двору Карла; папа просил короля не производить суда над беглецами, а отослать их в Рим, где их дело будет рассмотрено при участии франкских послов. Этот случай ясно показывает, насколько папа опасался утратить предоставленную ему по договору юрисдикцию в названных местностях, как скоро Карл стал бы вмешиваться в дела. Еще раньше папа имел случай убедиться, что его царственный друг вовсе не склонен предоставить ему неограниченную свободу действий, а именно: Карл приказал арестовать при своем дворе папского нунция Анастасия, когда последний позволил себе несколько неосторожные выражения. Распорядившись так с послом, Карл нарушил международное право и поступил не менее деспотично, чем некогда Лев Исаврянин. Папа ответил так, как будто считал арест нунция никогда неслыханным делом, и потребовал от короля выдачи посла для предания его римскому суду. В это же время папа упрекал короля, что он держит при своем дворе двух бежавших из Рима мятежников, Пасхалиса и Сарацина, и заклинал короля выдать этих преступников римскому суду.

Вскоре, однако, папа был встревожен еще большими притязаниями короля. В 788 или 789 г. Карл потребовал, чтобы за ним было признано право утверждать выборы в архиепископы Равенны, так как по смерти Сергия при избрании его преемника Льва присутствовали будто бы франкские послы. Нет сомнения, что в своем послании Карл ссылался и по отношению к Равенне на свои права патриция. С течением времени этот сан получил уже иное значение; для Пипина он был простым отличием, завоевателю же Италии сан патриция давал права. Вполне естественно, что Карл, заняв место экзарха, имел в виду также его власть и писал папе, что сан патриция был бы лишен всякого значения, если бы архиепископы Равенны избирались помимо согласия его как патриция. Едва, однако, Карл дал понять, что он хорошо знает свои права патриция, как папа отвечал ему с дипломатическим искусством, что св. Петра также украшали пурпуровые полосы и он не менее патриций, чем Карл. Мы уже могли заметить, что в своей политике папы всегда прикрывали свои личные притязания именем апостола. Стремясь приобрести земли, папы действовали так потому, что эти земли переходили будто бы в собственность апос-

тола, а не их. Мы видели, что они даже писали угрожающие письма королям именем самого ап. Петра. Выступая против государей, папы выставляли против них всегда апостола, и каждый, покушавшийся на его права, являлся грабителем церкви. В искусной механике светской политики пап легендарный образ св. Петра был сильнейшим рычагом, и суверенный страх перед памятью почившего апостола, которого, как полагали, был погребен в исповедальне собора его имени, был собственно той основой, на которой создавалась светская власть пап. Адриан со всей серьезностью говорит о св. Петре как о патриции и относит признание этого сана за апостолом ко времени дарственной грамоты Пипина. «Ваш сан патриция, — писал Адриан, — нами соблюдается без всякого нарушения, и мы воздаем ему еще особенные почести, но точно так же ненарушимо мы должны охранять сан патриция св. Петра, вашего покровителя, за которым этот сан во всей его полноте был письменно признан великим королем Пипином, вашим родителем, и подтвержден затем вами». Не пришлось ли бы королю отказаться от своего сана, если бы св. Петр вздумал оспаривать у короля этот сан? Спорный вопрос король оставил нерешенным; но если бы он вдумался в глубокий смысл вопроса, он понял бы, что духовный монарх разделяет с ним, светским монархом, свою власть над Римом и Западом, как со вторым императором или вторым консулом.

Сторонники существования в ту эпоху папского суверенитета доказывают минимую справедливость своего мнения тем, что город Равенна с находившимися в нем общественными зданиями принадлежал папе. В 784 г. Карл просил именно у Адриана разрешения перевезти из Равенны в Ахен некоторые произведения искусства, и это разрешение было дано ему. Дворец великого Теодориха, служивший экзархам резиденцией, представлял уже развалины, но еще привлекал к себе внимание своими прекрасными колоннами, мозаичными полами и мраморной облицовкой стен. Все эти драгоценные части здания были взяты, отвезены в Германию и так же, как прекрасный мрамор некоторых римских памятников, употреблены на постройку нового собора в Ахене. Но хотя папа и был местным государем Равенны, отсюда не следует, что он в других отношениях не признавал над собой верховной власти короля. В 785 г. Карл повелел изгнать из Равенны и Пентаполиса всех венецианских купцов, и папа немедленно исполнил это приказание, несмотря на то или скорее именно потому, что герцог Гараман, франкский полномочный посол, тогда же конфисковал несколько равеннских имений, утверждая, что они не принадлежат церкви.

Насильственное удаление венецианских купцов стояло, по-видимому, в связи с торговлей рабами и евнухами, которую вели эти купцы. Еще при папе Захарии было отмечено, что венецианцы скупают в Риме рабов. В этой выгодной торговле венецианцы конкурировали с греками. Карл старался положить конец этой торговле людьми; он писал, между прочим, папе, что римлян, как он слышал, обвиняют в продаже сарацинских невольников. Адриан отвечал, уверяя, что подобных рынков не существует в Риме, а что это безбожные греки скупают рабов на лангобардских побережьях. Он рассказывает далее, что лангобарды, доведенные голодом до отчаяния, сами уходят на корабли греческих купцов, чтобы ценой рабства спасти себя от смерти. Греки так же, как венецианцы, разъезжали вдоль берегов Адриатического и Тусцийского морей; Венеция, Равенна, Неаполь, Амальфи, Центумцеллы и Пиза были гаванями, где эти купцы останавливались, сбывали свои товары и скупали рабов. Адриан потребовал от Алло, герцога Лукки, чтоб он преследовал греков в Тусцийском море, но Алло не подчинился этому требованию, и папа сокрушался о том, что у него самого нет кораблей. В Порто уже не было того оживления, которое когда-то вносил в него римский флот, и едва ли мореплаватели даже заходили в этот город, так как торговые сношения происходили через Центумцеллы,

нынешнюю Чивита-Веккиа. Эту гавань Траяна называет обширной и крепкой еще Рутилий, а сам город или крепость упоминается в войнах готов. При Григории Великом город управлялся графом (comes); Григорий III восстановил стены города, так как он имел важное значение по своему местоположению, но был доступен нападению морских разбойников. Адриан, действуя как государь страны и не смущаясь гневом греческого императора, приказал в этой гавани сжечь греческие корабли, а экипажи заключить в тюрьму.

5. Беневент. — Арихис провозглашает свою независимость. —

Война папы из-за Террачины. — Второе пребывание Карла в Риме. —

Карл в третий раз посещает Рим. — Поход против Беневента и заключение мира. — Новый дар Карла. — Арихис вступает в переговоры с Византией. —

Положение дел в Византии. — Прекращение иконоборства. —

Гримоальд, герцог Беневента

Из всех лангобардских герцогств только один Беневент не был завоеван франками; его герцогом был Арихис, женатый на дочери несчастного Дезидерия, Адельберге; этому блестящему государю принадлежали все те провинции, которые позднее вошли в состав Неаполитанского королевства, за исключением городов, принадлежавших грекам: Неаполя, Гаэты, Амальфи, Сорренто и некоторых других в Калабрии. Отдаленность, большое протяжение и связь с греками и их флотом служили защитой этой цветущей стране с ее столицей Беневентом, лучшим и наиболее могущественным городом во всей Южной Италии. Когда в Северной и Средней Италии лангобардское королевство прекратило свое существование, герцог Беневента стал естественным врагом пап, которые ревностно содействовали падению этого королевства.

Немедленно вслед за падением Павии Арихис провозгласил себя независимым государем и присвоил себе титул «*prinsepis*»; епископам герцогства он приказал помазать его на царство, облекся в порфиру и с той поры стал издавать свои эдикты в своем «священном дворце». Таким образом он был намерен, по-видимому, основать в Южной Италии лангобардское королевство. Двор Арихиса сделался центром всех начинаний бежавшего Адельхиса, старавшегося восстановить свое королевство, изгнать франков и смирить папу. Между Адельхисом, Арихисом, герцогом фриульским Родгаузом, Гильдебрандом Сполетским и Регинбальдом, герцогом Киузским был заключен союз, в который был посвящен также Лев, архиепископ Равенны. Решено было сделать в марте 776 г. нападение одновременно со всех сторон. Узнав об этом, папа написал Карлу, призывая его устранить угрожающую опасность. Король ограничился тем, что разбил Родгауза, совершив быстрый поход на Тревизо и Фриуль, и окончательно устранил всякую опасность с этой стороны; но вслед затем попытки к восстановлению лангобардского королевства еще более сосредоточились в Беневенте. Это герцогство со стороны суши примыкало к Латинской Кампаньи; пограничными городами здесь были Сора, Арпинум, Аркс и Аквин; в сторону моря герцогство простиралось до Гаэты, которая так же, как Террачина, принадлежала грекам и находилась под управлением патриция Сицилии. С этой стороны Адриану постоянно грозила опасность: беневентцы заключили договор с Гаэтой и Террачиной, в которой имел свое пребывание патриций, и соединенными силами производили вторжения в Кампанью. Когда мирные предложения папы были отвергнуты, последний, соединив войска, которыми располагала церковь, с отрядами франкских графов, стал сам защищать страну и имел успех. Ведя

эту войну, папа действовал в первый раз как светский государь, а война оказалась даже завоевательной, так как папа вооруженной силой отнял у греков Террачину. Этот город, о котором еще во времена Теодориха упоминалось как о выдающемся городе, должен был находиться уже в большом упадке; Адриан говорит о городе с некоторым пренебрежением, но этому трудно вполне верить. Затем Адриан предложил неаполитанцам взять Террачину взамен церковного патримониума в Кампани, конфискованного Львом Исаврянином, но неаполитанцы предпочли овладеть городом, захватив его врасплох, и это им вполне удалось.

Адриан убеждал короля созвать военные отряды Тусции и Сполето и даже «беспокойных» беневентцев, направить их не позднее августа под начальством Вульфрина в Рим и приступить затем не только к завоеванию вновь Террачины, но и к покорению Гаэты и Неаполя. Папа горько жаловался на коварство герцога Арихиса, который будто бы помешал успеху мирного соглашения с неаполитанцами, ежедневно принимал у себя послов патриция и, чтобы начать нападение, только ждал высадки Адельхиса, который должен был прибыть с византийскими кораблями. Опасения Адриана были вполне основательны: сын Дезидерия неутомимо хлопотал в Константинополе о походе в Италию, который должен был встретить поддержку в Сицилии и в герцогстве Беневентском.

Все эти обстоятельства заставили Карла в третий раз идти в Италию. В сопровождении жены своей Хильдегарды и сыновей Карломана и Людовика Карл прибыл в Павию на Рождество 780 г., а на Пасху следующего года (15 апреля 781 г.) — снова в Рим. В часовне Петрониилы папа окрестил Карломана именем Пипина, его деда, и с той поры стал называться кумом Карла. В Пасху было совершено помазание над Людовиком как королем Аквитании и над Пипином как королем Италии. Этим Карл дал понять, что он решил из всей страны снова создать одну империю. Такое решение разрушало надежды пап, и дар Константина оказывался напрасно придуманным. Вообще во время этого пребывания Карла был, по-видимому, заключен с папой новый договор, которым содержание дарственной грамоты Пипина было ограничено.

Король не предпринял похода в Беневент и вернулся во Францию через Павию; в последней как в своей резиденции остался Пипин. Арихис, признавший суверенитет франков, снова начал тревожить папу своими сношениями с греками; прошло пять лет, в течение которых отношения Рима к Беневенту остаются для нас невыясненными, и затем осенью 786 г. Карл в четвертый раз вступил в Италию. Отпраздновав Рождество во Флоренции, Карл прибыл в Рим весной 787 г. На этот раз просьбы Адриана и интересы собственного его положения как властителя Италии принудили короля двинуться против Беневента. Арихис, занятый в это время войной с Неаполем, попытался отклонить короля от похода и послал в Рим своего сына Ромуальда с богатыми подарками. Король удержал при себе принца. Когда франки проникли в Капую, Арихис отступил к Салерно, но затем, видя невозможность долго бороться против Карла, заключил при содействии своих епископов мир, причем обязался ежегодно выплачивать дань в 7000 золотых солидов и выдать в качестве заложника своего сына Гримоальда. После того франки отступили от Капуи и направились в обратный путь.

Карл уже в третий раз праздновал Пасху в Риме, и этот случай был вполне подходящим для того, чтобы сделать новый дар апостолу, так страстно стремившемуся к земельным приобретениям. Данте считал Константина основателем церковного государства, хотя сам и не верил ни законности дара, ни подлинности его; между тем поэт скорее должен был бы порицать Карла, так как именно этот монарх наделил церковь огромным пространством земли. Из писем самого Адриана видно,

что в этот раз ему были уступлены многие города герцогства Беневентского. Так, он упоминает вполне определенно о древнем, знаменитом городе Капуе; затем, несомненно, были уступлены Теано, Сора, Аркс, Аквин и Арпинум. Но остается недоказанным, что папа действительно вступил когда-либо в обладание этими городами. По словам его самого, послы Карла передали ему только монастыри, епископские постройки и принадлежавшие государству колонии (*curtes publicae*); затем они вручили папе также ключи от вышеназванных городов, но при этом предупредили его, что он не должен считать жителей этих городов своими подданными.

Этот дар оказался, однако, фиктивным, когда Арихис с удалением Карла нарушил свою клятву вассала, снова вступил в союз с Адельхисом и опять стал искать поддержки у императора Константина. Юный Константин VI был сыном Льва IV; последний не был фанатическим иконоборцем. В 780 г. он возложил опеку над принцем на его мать Ирину; эта гречанка была родом из Афин, на троне сохранила свою склонность к иконопочитанию и нашла возможным снова ввести его на востоке, пока сын был несовершеннолетним. На втором церковном соборе в Никее осенью 787 г. иконопочитание было торжественно восстановлено, и тот же папа, который вместе с Италией отделился от византийской империи и примкнул к франкам, получил почтительное приглашение прибыть в Константинополь. В течение полувека греческие императоры боролись против поклонения иконам святых; эта замечательная борьба во имя разума, происходившая в эпоху, охватившую самым ужасным суеверием, мало-помалу все замирала, пока, наконец, лицемерной и властолюбивой женщине не удалось одержать победу. Ирина была причислена к лику святых, но перед судом Бога она могла явиться только как убийца своего сына.

Страстный спор, в течение которого Рим был утрачен греками, был таким образом улажен, но Италия уже осталась во власти короля франков; поэтому Ирина решила вступить в родственную связь с могущественным государем Запада и этой связью укрепить свой трон. В 781 г. через посредство византийских послов между Константином VI и дочерью Карла Ротрудой состоялось в Риме обручение; его пришлось, однако, расторгнуть, когда Арихис стал домогаться союза с императором Константином. Об этом сообщал королю франков папа и уверял его, что Арихис предлагает старания к тому, чтоб получить от Византии сан патриция и герцогство Неаполитанское, что он обещает со своей стороны признать верховную власть императора и намерен перенять у греков их одежду и прическу, далее, что император будто бы уже отправил в Сицилию двух спатаров, которые должны объявить Арихиса патрицием и с этой целью везут с собой вышитые золотом одеяния, меч, грень и ножницы.

Внезапная смерть герцога помешала, однако, осуществлению этого плана. Беневентцы обратились тогда с просьбой к Карлу вернуть им как их государя оставшегося у франков заложником принца Гримоальда, и, несмотря на мольбы и предостережения Адриана, Карл согласился исполнить их просьбу. Вынужденный обстоятельствами, Гримоальд подчинился сначала требованиям Карла и присоединился даже к войскам Пипина, выступившего против Адельхиса, который в 788 г. действительно высадился в Калабрии, чтобы, согласно раннее заключенному договору, вернуть себе корону Италии. Потеряв всякую надежду, несчастный сын Дезидерия вернулся в Византию, где печально прожил до смерти, достигнув старости и имея сан патриция. Таким образом, усилия восстановить древнее лангобардское королевство оказались безуспешными, и оно продолжало свое существование только в лице герцогов Беневента, где Гримоальд стал править в духе своего отца. Этот герцог женился на греческой принцессе и вступил в тесный союз с византийским двором. Но войны, которые вел с Пипином Гримоальд II и его преемник Гримоальд III, уже не относятся к предмету нашего изложения.

ГЛАВА V

1. Положение в Риме. — Разлив Тибра в 791 г. — Адриан исправляет городские стены. — Он восстанавливает Aqua Траяна, Claudia, Jobia и Aqua Virgo. — Заботы Адриана о колонизации Кампаньи. — Положение колонов. — Domuscultae Адриана. — Caracorum

Заботы Адриана о благосостоянии римского народа заслуживают более похвалы, чем его неутомимые старания о расширении пределов юного церковного государства. Адриан восстановил и обновил Рим; возможность к этому была дана и увеличившимися средствами церковной казны, и миром, которым пользовалась страна.

Город был стар и разрушался; церкви, стены, водопроводы и берега реки требовали коренных поправок. В декабре 791 г. в Риме повторилось наводнение, которыми были разрушены многие сооружения. Разлившийся Тибр сорвал Фламиниевы ворота и отнес обломки их к той арке на Via Lata, которая называлась Tres Falcilas. Река разрушила также древний портик Pallacinae у Св. Марка и угрожала целости моста Антонина, ныне ponte Sisto. Для предупреждения наводнений ничего, конечно, не было сделано ни императорами в древности, ни папами, и Тибр своими разливами не переставал время от времени производить в городе разрушения; русло реки оставалось нерасчищенным, и на берегах не возводилось плотин.

Стены и башни в Риме были поправлены Адрианом, вероятно, еще до 791 г. Хотя эти исправления были начаты уже Григорием III, но или они не были достаточно основательны, или городские стены сильно пострадали при последней осаде Рима Айстульфом. Адриан решил вполне возобновить их. Для работ был призван народ из всех патримониев церкви и из городских общин Тусции и Лациума; сами римляне должны были также принять участие в работах, производившихся по участкам, на которые были поделены стены между всеми работающими; такой массы народа, занятого работой, Вечный город не видел в своих стенах со времен древних императоров. Таким образом Рим был снова укреплен, хотя и не так сильно и искусно, как во времена Аврелиана. Это и были те стены Адриана с их 387 башнями, которые видел и пересчитал какой-то схоласт начала IX века — раньше, чем Лев IV возвел стену вокруг местности, занятой Ватиканом. Нетрудно, однако, представить себе, как много должны были пострадать от этих перестроек древние памятники города. Императорские эдикты уже не служили им охраной; каменные плиты из этих памятников можно было брать беспрепятственно, и, чтобы добыть гипс, в ямы спокойно бросали взятые из храмов и театров мраморные глыбы и груды обломков редкостных барельефов и статуй.

Не меньшая заслуга Адриана заключается в восстановлении некоторых водопроводов. В течение двух столетий Рим страдал от недостатка воды, и Адриан, как Моисей, утолил жажду своего народа. Мы видели, что со времен готов была восстановлена только одна Траяна. Этот водопровод, приводивший воду к Яникулу на протяжении 30 миль из источников у Сабатинского озера (Lago di Bracciano), уже назывался при Адриане Sabatina и по-прежнему представлял собой развалины. Поэтому, чтобы наполнить водой источник у св. Петра и бассейн, служивший для омовения паломникам, являвшимся в Рим на Пасху, приходилось с большим трудом доставлять сюда воду в сосудах. Траяна была снова восстановлена Адрианом; так как мы предполагаем, что она была разрушена воинственным народом Айстульфа и в биографии Адриана говорится, что Траяна до исправления ее оставалась без употребления в течение 20 лет, то мы думаем, что восстановление этого водопровода относится к 775 г.

Как Траяна была призвана к жизни св. Петром, так *Claudia* стал работать, призванный к жизни св. Иоанном Крестителем. Желание обладать термами было бы в Риме в VIII веке неслыханным проявлением языческой изнеженности, и столица христианства в течение долгого времени терпеливо переносила даже самый крайний недостаток воды; но когда церковным купелям стала грозить опасность остаться без воды, город огласили крики, требовавшие воды. Поэтому для служения Богу некоторые императорские водопроводы были восстановлены, и из церквей вода в виде пасхального источника стала струиться на головы новообращенных и на ноги усталых пилигримов.

Клавдия, самый знаменитый водопровод Рима, был проведен на расстоянии 38 миль от города из гор Субиако; он была закончен 1 августа 52 г., в день рождения императора Клавдия. Его арки своей высотой настолько превосходили все другие, что вода, по словам Кассиодора, могла падать сверху на холмы Рима. Сделав несколько изгибов, водопровод подходил к городу у Пренестинских ворот (*Porta Maggiore*) и оканчивался башней в садах вольноотпущенника Палласа; отсюда шли водопроводы Нерона, по которым вода проходила до храма Клавдия на Целии. С Целии были проведены ветви на Авентин и Палатин; таким образом Клавдия снабжал водой главную часть Рима. Со времени Константина крещальня Латерана получала воду из Клавдии, пока готы не лишили святых и народ этой воды. Кто-нибудь из предшественников Адриана, по-видимому, уже сделал некоторые исправления в Клавдии, так как в биографии этого папы сказано, что этот водопровод давал городу совсем ничтожную струю воды, пока Адриан не восстановил его настолько, что он стал так же богат водой, как в древности.

Третий водопровод, возобновленный Адрианом, назывался *Jobia*: под этим же самым именем он отмечен на *Via Appia*. Четвертый водопровод — это известная *Aqua Virgo*. Он начинался на *Via Collatina*, в 8 милях от Рима, подходил к городу у Пинчио, у *Murus Ruptus* и, пройдя под этим холмом, разветвлялся каналами на арках по всему Марсову полю. Основателем этого водопровода был Агриппа; свое название *Aqua Virgo* получил, по преданию, от того, что какая-то юная дева указала этот источник воинам, искавшим воды; название это сохранялось до XV века, когда водопровод стал называться *Trevi*. Адриан настолько основательно исправил *Aqua Virgo*, что она одна могла снабжать водой почти весь город; Марсово поле, для которого был необходим этот водопровод, по-видимому, было уже довольно густо заселено.

Так же заботливо отнесся папа и к римской Кампаньи. Существованию земледелия с исчезновением лангобардского королевства уже больше не грозили постоянные опустошения, и оно могло бы возродиться, если бы этому не препятствовал недостаток класса свободных крестьян. Большие участки земли в пределах городской территории были постепенно захвачены церквями, монастырями и странноприимными домами. На этой же территории семьи городской знати также все еще владели большими имениями, и здесь же являлись собственниками даже римские цехи. Поля, принадлежавшие церкви, обрабатывались ее собственными средствами, но в большинстве случаев отдавались в аренду частным лицам. Случайно сохранилось сделанное в XI веке одним кардиналом извлечение из реестра арендных договоров Григория II. Этот неоценимый документ знакомит нас с размером папских патримониев и затем также с некоторыми местными условиями. Земельные участки возделывались колонами — людьми полусвободными, которые могли быть проданы только вместе с землей и являлись таким образом *servi terrae*. Они считались свободными в противоположность рабам, хотя часто включались вместе с последними в одну группу под общим именем «*familia*». В зависимости от порядка, в кото-

ром эти крестьяне передавались по наследству, они носили разные названия: *origiparii* — те, которые родились на земле владельца имения; *conditionales* — те, которые платили повинности по договору; *tributales*, *adscriptitii* и *censibus adscripti* — те, на которых лежало обязательство личных налогов; *mansuarii* — те, которые жили в *massa* или *mansus*. В актах VIII века барщинные работы часто называются *ooera*, *xenia* и *angaria*, и последнее название удержалось в языке для обозначения вообще тяготы и бедствия. Так называлась рабочая повинность или число барщинных дней за неделю, которые должен был отработать рабочий, спустившийся до положения поденщика, или один, или с собственной запряжкой волов. Жилища земледельцев назывались *casales*, *casae*, *casae colonicae* или вообще *colonia*; *curtis*, или ферма, — обычное выражение того времени.

Из писем Григория мы уже познакомились вообще с положением колонов, а многие акты аббатства Фарфы, касающиеся пожертвованных или обменных имений, говорят нам, что условия, в которых находились земледельцы, были установлены еще в древности. Когда сборщики податей (*conductores*), управители (*actores*) и главные смотрители над патримониями (*rectores*) были людьми честными, на долю колонов, возделывавших почву, производительные силы которой были неистощимы, выпадало не слишком тяжелое бремя, хотя они сами вместе с их женами и детьми были в положении инвентаря имений. Сведений о порядке судопроизводства и об уложении о наказаниях мы, конечно, не имеем, и в то варварское время закон не давал крестьянам достаточной защиты. Еще хуже было положение рабов (*servi*), крепостных, не имевших никаких прав личности. И часто случалось, что эти крепостные убегали из имений и скрывались в горах и лесах, как раньше они находили спасение в монастырях, пока им еще не было воспрещено принимать монашество. Но не редки были также случаи отпущения на волю; понятие о *libertas* еще было живо в VIII веке, и вместе со свободой рабы торжественно получали права римских граждан. Когда частные лица, «спасая свою душу», приносили в дар монастырям свои имения, они нередко из милосердия отпускали рабов на свободу, и это было самым достойным актом благочестия.

Мы уже упоминали об учрежденных папой Захарией *domuscultae*; эти хозяйственные учреждения должны были содействовать заселению Кампаньи: из них с течением времени должны были возникнуть селения. Некоторые *domuscultae* действительно имели такое успешное развитие, но лишь временно, так как этому мешали и господствовавшая в местности малярия, и разбойнические набеги. Адриан предписал вообще заново переделить имения городского и пригородного патримония церкви. Он учредил шесть *domuscultae* — два по имени *Galeria*, затем — *Calvisianum*, *S.-Edistius*, *Leucius* и *Capracorum*. Первая *Galeria* лежала по *Via Aurelia*, у *Silva Candida*; ее не следует смешивать с местом того же имени в Этрурии, по *Via Claudia*. Вторая *domusculta* этого имени находилась на 12 миле по *Via Aurelia* — там, где теперь находится имение (*tenuta*) по имени *Ponte a Galera*. В нее входили также и земли на острове Тибра вместе с монастырем Св. Лаврентия. *Insula sacra*, как называл остров еще Прокопий, или *portus Romani* в Книге пап иногда упоминается под необъяснимым именем *Arsis*. Церковные постройки на острове были в полном запустении, и даже базилика Св. Ипполита, некогда так усердно посещавшаяся пилигримами, представляла собой развалины; древние же гавани Тибра, Порто и Остия во времена Адриана были затянута болотом.

По *Via Ardeatina*, в 15 милях от Рима, находилась *Calvisianum*, бывшая в древности, вероятно, виллой рода этого имени. Область, которую в древности занимали латинцы и рутулы и которая некогда оживлялась такими крупными поселениями, как Лавиний и Ардея, теперь была пустыней, и тем более у Адриана должно было быть желание

основать здесь колонию. Место, где она была учреждена, не может быть указано с точностью; неизвестно также, где именно находилась *domusculta Edistius*. Сельская церковь этого имени стояла на 16 миле по *Via Ardeatina*, и Адриан разместил свою колонию вокруг этой церкви как центра. Мы уже говорили, что Кампанья в то время была богаче сельскими церквями, чем теперь; церковь *S.-Leucius* на 5 миле по *Via Flaminia* также послужила центром колонии этого имени, основанной Адрианом.

Самым знаменитым из этих учреждений было *Caracorum*. Местность города Вейи, самая богатая в римской Тусции, еще обращала на себя внимание развалинами этой древней соперницы Рима, но была настолько запущена, что вейское поле с течением времени стало называться по имени прилегавшего к нему поля Непи. Здесь родители Адриана владели имением *Caracorum*, и папа решил преобразовать его в культурно-хозяйственное учреждение, в центре которого должна была находиться церковь. Эту церковь Адриан построил и посвятил св. Петру. Освящение колонии было произведено самим папой в присутствии духовенства и знати. Эта колония была вполне созданием Адриана и должна была служить благороднейшим целям. Она должна была явиться источником не для кормления монахов какого-нибудь монастыря и не для поддержания огня в лампадах у гроба почившего, а для поддержания существования бедных. Хозяйство давало зерно, овощи и вино, и все эти продукты складывались в житницах Латерана. Дубовые леса давали корм огромному числу свиней, и последние ежегодно убивались сотнями и отвозились также в Латеран. Каждый день толпы бедных жителей города направлялись ко двору римского епископа и получали здесь из доходов, собранных в Капракоруме с земли древней Вейи, милостыню от заботливого папы; каждому бедному выдавалось по фунту хлеба, по бутылке вина и по чашке супа с мясом. Эта трапеза бедных происходила в портике дворца, и они с удовольствием могли смотреть на живопись, которая украшала стены портика и изображала ту же раздачу пищи бедным.

Колония Адриана росла так быстро, что вскоре превратилась в населенное и укрепленное место. Пятьдесят лет спустя после ее основания Лев IV, возводя стены вокруг Ватиканского предместья (Борго), уже имел возможность возложить на колонию известную часть барщинных работ. Именно колонами Капракорума была построена часть стены между двумя башнями, как гласит о том еще в настоящее время древняя надпись. В этой надписи колоны названы милицией; между тем наименование это по отношению к колонии странно, так как только свободные граждане могли быть *milites*. Но нападения сарацинов были причиной того, что вокруг Капракорума были возведены стены, а поселяне были снабжены оружием, и многие из них получали свободу. Затем в новое укрепленное место стали приходить свободные люди из окрестностей и делались его гражданами; таким-то образом из сельскохозяйственного учреждения возникла крепость с собственной милицией. В конце XIII века эта крепость Капракорум, или башня, или ферма — *curtis* (с XI века колония упоминается попеременно под всеми этими именами) исчезла бесследно.

2. Церковные постройки Адриана. — Ватиканский портик. — Св. Петр. — Латеран. — Св. Павел. — Искусство в Риме. — *S.-Giovanni ante portam latinam*. — *S.-Maria in Cosmedin*. — *Schola graeca*. — *Monte Testaccio*

То, что было сделано Адрианом для церквей в Риме, превзошло труды почти всех предшественников; страсть к строительству, владевшая этим папой и его ближайшими преемниками, наложила вообще печать величия на первый период свет-

ского владычества пап. Одни церкви были перестроены Адрианом до основания, другие были восстановлены. В длинном перечне, помещенном в его биографии, эти церкви перечислены все.

Базилика Св. Петра обязана Адриану ценными украшениями. Нам известно, что в эту базилику вел portик, который начинался неподалеку от мавзолея Адриана; вероятно, здесь через ворота (Porta S.-Petri in Hadriano) можно было прямо пройти в portик. Последний на некотором протяжении шел вдоль реки и представлял собой обыкновенный, несколько тесный проход, по которому народ шел в базилику Св. Петра. Адриан возвел под portиком новый фундамент, на который пошло более 12 000 плит, и затем исправил самую колоннаду. Подобные же portики существовали в базиликах св. Павла и S.-Lorenzo за стенами; они точно так же были восстановлены Адрианом.

В атриуме св. Петра Адриан возобновил главную лестницу и portик (Quadriforticus) по обеим ее сторонам. Колокольню Стефана II он украсил большими бронзовыми дверями, которые, по его приказанию, были привезены из Перуджи и взяты из какого-нибудь храма. Для постройки и укрепления крыши Карл дал балки и несколько тысяч фунтов свинца. Мозаика в абсиде была уже испорчена, и Адриан восстановил ее «по древнему образцу». Пол перед исповедальней на всем пространстве от бронзовых перил до гроба апостола был выстлан листами чистого серебра, которые весили 150 фунтов; сама исповедальня была отделана внутри листами золота, на которых были изображены события из священной истории, а алтарь над исповедальней был покрыт золотом чеканной работы. Судя по надписи, которая была поставлена здесь Адрианом, надо думать, что и он, и Карл Великий были изображены на барельефе. В этой надписи говорится о Христе следующее:

«Он происходит из рода и священников, и царей; поэтому Он предоставляет управлять миром и тем, и другим одновременно. Овец Он дал пасти Петру, верному пастырю, и затем доверил их Адриану. В верном городе Он вручает римское знамя также слугам, которых избирает Сам, по Своему усмотрению. Карл, великий король, получает это знамя из благословляющей его со славой руки св. Петра. На благо его и для торжества власти папа принес этот дар, сделав посвящение по принятому обычаю».

У гроба апостола стояли серебряные изображения святых; папа заменил эти изображения другими из литого золота, представлявшими Спасителя, Деву Марию, св. Петра, св. Павла и св. Андрея. Все убранство базилики было также сделано заново и отличалось ослепительной роскошью. По праздникам между колоннами кораблей развешивались ковры, окрашенные пурпуром и отделанные золотом. В Рождество, на Пасху, в праздник с обоих апостолов и в годовщину посвящения папы зажигался колоссальных размеров светильник; он имел форму креста, был прикреплен к обитой серебром поперечной балке триумфальной арки и спускался над исповедальней; когда зажигались все 1370 огней этого светильника, он действительно мог быть назван великим Фаросом или маяком. Этот светильник был устроен Адрианом.

Базилика Св. Иоанна в Латеране была также пышно украшена Адрианом. Он возобновил у находившегося здесь дворца portик и построил возле него башню, которую украсил живописью и мрамором. Нет сомнения, что это была башня Захарии, которая уже могла потребовать ремонта. Быстрое разрушение римских церквей мало говорит в пользу прочности построек того времени; к тому же множество этих построек не всегда соответствовали средствам. Атриум базилики Св. Павла во

времена Адриана был настолько запущен, что в нем пасся скот. Поэтому уже в то время вход в базилику был, по-видимому, не со стороны Тибра, а сбоку. Адриан приказал замостить этот атриум мрамором.

Все без исключения церкви — титулы или диаконии — были также разукрашены Адрианом; в каждую из них он пожертвовал по 20 тирских ковров для развешивания их между колоннами. Сотни мастеров, занятые исполнением заказов папы, работали на золоте и серебре, готовили изделия из эмали и лазури, делали мозаичные изображения, грубо, но все-таки не без некоторого вдохновения, расписывали стены и уже менее удачно высекали скульптурные вещи из мрамора. Мы уже высказывали наше сомнение в том, что в Риме были исключительно греческие мастера мозаичных работ, как это было, вероятно, в Равенне. Техника мозаичных работ поддерживалась во всей Италии, и потому можно предполагать, что в Италии существовали свои собственные традиции и школы этого искусства; от времен Адриана сохранилось даже наставление, в котором излагается, как следует окрашивать мозаику, как золотить железо, как писать золотом, как изготовлять эмаль, медную лазурь и кадмий и как можно пользоваться в изделиях некоторыми минералами. Это замечательное руководство написано варварской латынью VIII века и говорит до некоторой степени за самобытность искусств в Италии того времени, хотя бы то руководство даже и было только переводом с греческого.

Но употреблявшиеся во множестве роскошные ковры с вытканными на них изображениями разных событий были чужестранного происхождения. Искусство выделки таких ковров шло с Востока и процветало в Византии и Александрии. Греческие приморские города в Италии служили посредниками в торговле дорогими шелковыми материями, в которых так нуждалась римская церковь. Судя по названиям вышитых одеяний и покровов, надо полагать, что и материи, и техника производства были весьма разнообразны, и родиной всего этого была византийская империя. Многочисленные названия, которыми обозначались ковры — *vela*, все греческие и часто давались по имени родины этих изделий: Александрии, Тира, Византии и Родоса. То же самое следует сказать о белых, пурпурово-красных и голубых облачениях, украшенных драгоценными камнями и затканых изображениями тех или других событий, или святых, или животных, как то: орлов, львов, грифов, павлинов и единорогов. Названия священных сосудов, которые римляне называли греческим словом *сумелиа*, точно так же доказывают восточное происхождение этих вещей. Вообще образцы всех таких ковров, облачений и утвари следует искать в храме Соломона, этой великой сокровищнице роскошных принадлежностей культа на Востоке. Папы и епископы старались воспроизвести в своем облачении фантастическое одеяние иудейских первосвященников, а в церквях — блеск и множество священных приношений, которыми был переполнен этот храм. Золотые кресты ослепляли своими драгоценными камнями и сверкали серебром и эмалью; вазы, чаши, кадильницы, кубки и кивории пленяли своей резной и чеканной работой, а длинный перечень всех этих вещей своими загадочными названиями и будит, и смущает фантазию.

Две древних и замечательных церкви обязаны Адриану своей громкой славой.

На *Via Latina* внутри городских стен стоит покинутая в настоящее время базилика, средневековая башня которой возвышается над массой густо разросшихся садов. Это — церковь евангелиста Иоанна. Предание говорит, что любимый апостол Христа, разрушивший в Ефесе храм Дианы, был доставлен при Домициане в Рим. Здесь апостол был посажен в котел, наполненный кипящим маслом; однако он вышел из этого котла невредимым, и пораженные чудом судьбы не решились больше подвергать апостола новым мучениям. После того Иоанн был отправлен в изгнание на остров Патмос, и здесь апостолу, жившему в уединении, Дух Господень рас-

крыл тайны мира. По греческим сборникам легенд, Иоанн был подвергнут выше-сказанному мучению в Ефесе, но латиняне настаивают, что это происходило в Риме, и уже в IV веке указывалось за Латинскими воротами (которых, конечно, при Домициане не существовало) место, где апостол претерпел свои мучения. В неизвестное время там была воздвигнута часовня; в настоящее время тут стоит капелла S.-Giovanni in Oleo, постройка которой относится к 1509 г. Время основания самой базилики неизвестно; в теперешнем своем виде она возникла уже в XI или XII веке. Но при Адриане церковь S.-Iohannis juxta portam Latinam уже существовала, и он восстановил ее.

В VIII округе, в том месте, где Forum Voarium выходил к Тибру, во времена Адриана еще стояло несколько языческих храмов. Два из них, у реки и у Палатинского моста, существуют до сих пор: это храм Весты и храм Fortunaе virilis. Под Авентином, рядом с Circus Maximus, находились храм Pudicitia Patricia и несколько святилищ Геркулеса, культу которого была посвящена в древности эта местность. Там же стояла знаменитая Ara Maxima этого полубога. Со стороны Палатина у Forum Voarium христианская религия уже давно нашла приют в церквях Феодора, Георгия и Анастасии, но со стороны Авентина христианские церкви почти совсем не строились у этого форума. Находившиеся здесь языческие храмы стояли запертыми, и благодаря близости Circus Maximus эта местность, хотя и была в полном запущении, сохраняла все-таки свой величественный древний вид. На развалинах лишь одного роскошного древнего здания была устроена небольшая церковь; при этом часть колонн перистилия была оставлена свободной, как это можно видеть также у S.-Lorenzo in Miranda внутри храма Фаустины. В настоящее время в пристройке к этой церкви у Авентина еще видны остатки древней Cella и восемь желобчатых колонн фасада, заделанных в стену.

Время постройки этой базилики нам неизвестно; в конце VI века она уже была диаконией и называлась S.-Maria in Schola Graeca. Это название церковь получила от какой-то греческой общины, поместившейся здесь с незапамятных времен. Этой общине принадлежала не только эта диакония; вся окружающая местность составляла schola graecorum, и еще в X веке находящаяся здесь часть берега реки называлась Ripa graeca.

Возможно, что это название было дано базилике в отличие от S.-Maria antiqua (или pova со времени Льва IV) возле арки Тита. В VIII веке базилика называлась только in Schola Graeca, но со времени перестройки ее Адрианом она стала называться также in Cosmedin. Биограф папы объясняет это название тем, что церковь после того, как она была роскошно реставрирована, по праву могла называться in Cosmedin, т. е. разукрашенной. Но так как это название было присвоено также церкви Девы Марии в Равенне и еще одной церкви в Неаполе, то надо думать, что оно происходило, вероятно, от какого-нибудь места в Константинополе. Переселявшиеся в Италию греки переносили туда же из чувства благоговения к родине и некоторые отечественные имена. В Равенне существовала церковь S.-Maria in Blachernis, называвшаяся так в память церкви того же имени императрицы Пульхерии в Византии, и даже в Риме одно место на Авентине называлось ad Balcanas или Blanchernas.

Адриан нашел церковь у Авентина в виде разрушившейся часовни, над которой возвышались развалины древнего храма. Папа приказал удалить громадные плиты травертина, из которых был сложен храм, и построил здесь базилику с тремя кораблями и притвором. В середине IX века она снова была перестроена Николаем I, а еще позднее Каликстом II и другими папами. Одна только прекрасная колокольня принадлежит, вероятно, VIII веку. Эта колокольня имеет четырехугольную форму и, как все древние римские башни, оставлена нереставрированной; высота ее равна

162 пальмам, и в ней 7 рядов окон; по сторонам каждых трех окон поставлены небольшие колонны. В притворе церкви замечательны некоторые надписи, принадлежащие VIII веку: это дарственные грамоты герцога Евстахия и какого-то Григория; язык этих надписей — варварский. Названными лицами были принесены в дар церкви многие именья и, между прочим, виноградники на Monte Testaccio. Только имея в виду этот знаменитый холм, мы упоминаем здесь о сказанных надписях, так как в них именно впервые приводится название Testaccio. Подобно символу погибшего величия Древнего Рима, возвышается этот холм между Авентином, городскими стенами и Тибром; он имеет в высоту 35 метров и представляет собой как бы искусственную пирамиду, сложенную из разбитых амфор. С какого времени начали сваливать здесь черепки простых больших глиняных сосудов, служивших для перевозки морем съестных припасов и как долго продолжалась эта свалка, пока наконец выросла эта искусственная гора, — неизвестно. По-видимому, возникновение ее не может быть отнесено к более раннему времени, чем II век после Р. Х. Образованию ее положил начало emporium у Тибра, когда имевшиеся во множестве в магазинах этого рынка амфоры были перебиты. Римляне называли этот постепенно выросший холм Mons Testaceus — гора черепков, и богатая фантазия Средних веков создала легенду, будто этот холм образовался из разбитых ваз, в которых обязанные данью народы имели обыкновение привозить в Рим золото и серебро.

3. Науки при Адриане. — Невежество римлян. — Культура лангобардов. — Адальберга. — Павел Диакон. — Школы в Риме. — Духовная музыка. — Исчезновение поэзии. — Стихотворные эпиграммы. — Утрата латинского языка. — Первые зачатки новоримского языка

Свои творческие силы Рим той эпохи вложил, по-видимому, исключительно в строительство церквей, и этих сил уже не осталось для работ научного значения. По крайней мере, школы словесности того времени окутаны глубоким мраком. В отношении образования римское духовенство, конечно, уже давно стояло гораздо ниже духовенства других стран; в том самом Риме, из которого получили свое начало монастыри Ирландии и Англии, монахи этих стран уже могли быть учителями. После Григория Великого не было человека, который дерзнул бы вступить в ученую беседу с такими людьми, как Беда или Алкуин, Альдгельм и Теодульф из Орлеана, Исидор и Павел Диакон. Подобно Григорию или Льву, создать себе славу богословскими трудами не стремился уже ни один папа, и перевод на греческий язык диалогов Григория, сделанный Захарией, являлся для того времени подвигом.

Монахи римских монастырей не находили нужным соперничать в образованности со своими братьями по ордену в аббатстве Боббио или в Монте-Касино, и лангобарды, на которых папы смотрели, как на отброс человеческого рода, чувствовали себя отомщенными, видя свое превосходство в деле знакомства с свободными науками. До падения лангобардского королевства Павия славилась учеными работами, которые производились в ней. Грамматик Феликс передал свою образованность знаменитому Флавиану, а последний был учителем лангобарда Павла Диакона, получившего громкую славу поэта и историка своего времени. Гибель лангобардов не столько описана наивным пером Варнефрида, сколько скрашена его возвышенным духом; точно так же падение злополучного Дезидерия умеряется светлым образом его дочери Адальберги, жены Арихиса, герцога Беневентского. Эта женщина отличалась обширным умом и искренней любовью к наукам и была второй из тех итальянских женщин

Средних веков, которые обессмертили себя своим влиянием на культуру. И заслуга этой женщины тем больше, что другие, одаренные столь же богато, как и она, явились уже в значительно позднейшие эпохи. Первые четыре века после падения Римской империи отмечены только двумя выдающимися германскими принцессами: дочерью Теодориха Амалаунты и Адальбергой. Это редкое явление замечательных женщин уже само по себе говорит вообще о варварстве той эпохи.

Павел Диякон, бывший секретарь короля Дезидерия, нашел дружеский приют у Арихиса в Беневенте и в Монте-Касино. По настоянию Адальберги, Павел Диякон написал *Historia Miscella*, составляющую дополнение и продолжение Евтропия. При богатом дворе Беневента и Салерно риторика и историография процветали, несмотря на бурные перевороты, которые переживала тогда Италия, лангобардская же принцесса владела одинаково и «золотыми изречениями философов, и перлами поэтов» и была знакома с историей народов столько же, сколько и с историей святых.

В Беневенте, Милане и Павии изучались грамматика, диалектика и юриспруденция; в Риме также, по-видимому, еще существовали ученые институты. В 787 г. Карл Великий взял с собой из Рима во Францию грамматиков и арифметиков. Рим все еще считался матерью семи гуманистических наук, хотя ни одна из них уже не имела в нем своего выразителя. Только духовная музыка развивалась в школе Латерана, основанной Григорием; каролинги получали своих учителей пения и органной игры из этой школы или посылали франкских монахов в Латеран, чтобы обучаться этим искусствам. Адриан уступил королю Карлу двух знаменитых певцов Федора и Бенедикта; одного из них Карл назначил учителем римского церковного пения в Мец, другого — в Суассон. Но оба учителя жаловались, что им совсем не удалось научить франков с их хриплой гортанью делать трель.

Таким образом, под покровительством св. Цецилии музыка процветала в Риме, но муза поэзии молчала. Знакомство с языческими поэтами и ораторами, начавшее возобновляться только уже в XI веке, было утрачено со времени падения готского королевства. Правда, и после V века встречаются еще мифографы, пояснявшие и вкратце излагавшие сказания древних, но сомнительно, чтобы эти писатели принадлежали самому Риму. После Аратора в Риме не появлялось ни одного выдающегося поэта; Гомер, Виргилий и Гораций были более известны при дворе франков, чем в Риме, и в то время как «Гомер Карла», Ангильберт, и Акуин слагали стихи, в которых они не всегда безуспешно старались воспроизвести блестящий и ясный стих Виргилия, в Риме мы находим единственные следы стихосложения и метрики древних только в надгробных надписях. В этом городе мертвых музы еще жила, но только подземной жизнью, и их замиравшие стоны относились только к могилам. Обычай постановки христианских надгробных надписей привел вскоре к созданию особого рода поэзии; но эта поэзия успела достигнуть своего расцвета уже к середине IV века, когда даровитый папа, португалец Дамас, украсил катакомбы Рима своими изящными, написанными гекзаметром стихами, которые мы еще в настоящее время находим кое-где и с интересом прочитываем. Этот род поэзии, самый печальный, был в то же время единственным, который никогда не умирал в Риме; монастыри, церкви и городские кладбища располагают огромным собранием поэтических произведений музы почивших всех эпох, вплоть до конца XV века; но начиная с VI века язык и размер стиха этих произведений становятся уже в достаточной мере варварскими. Авторами этих стихотворений были римские монахи и священники, но не всегда. Когда умер король англов Кадвалла, было высказано намерение посвятить ему блестящую эпитафию; но, по-видимому, в Риме не нашлось поэта, талант которого соответствовал бы поставленной задаче. Выполнение ее было возложено на находившегося тогда в Риме миланского епископа Бенедикта Криспа, и

последний написал напыщенную, уже известную нам надгробную надпись. Даже надпись, посвященная папе Адриану, одна из лучших эпитафий того времени, написана не римлянином; автором этих стихов, более изящных по форме и более согретых чувством, был Карл Великий, а редактором их — Алкуин.

Карл, изучавший науки под руководством Алкуина, за исключением грамматики, к которой относились также метрика и поэзия и которой Карл обучался у Петра Пизанского, любил сам писать иногда в стихах письма к своим друзьям; такие письма он посылал, между прочим, Адриану, и последний как благосклонный критик не забывал воздавать хвалу стихам Карла. «Я получил, — пишет Адриан, — превосходные, блестящие красой сладостные стихи вашего королевского, пресветлого и Богом благословенного гения, перечел каждый стих в отдельности и, объятый восторгом, проникаю их мощью и выразительностью. Будучи по образованию и таланту самым выдающимся человеком в Риме, Адриан, в свою очередь, также отвечал иногда стихами, из которых несколько дошло до нас. Они написаны акростихами и по своей выразительности и метрике не ниже своего времени.

В общем, в VIII веке заметна глубокая порча языка. Письма пап к каролингам, на которые мы так часто ссылаемся как на первоисточник, служат этому достаточным доказательством. Эти письма шли из канцелярии Латерана, редактировались чиновниками *scrinium*'a или архива и должны были быть лучшей латынью, которую только знал в ту эпоху Рим. А между тем глубокая пропашть разделяет блестящее красноречие эдиктов Кассиодора от стиля этих папских писем, в которых не видно ни грамматики, ни логики; в особенности письма Стефана III отличаются набором слов. Неспособность изложить ясно мысль так же велика в этих письмах, как и варварство языка. Но если справедливо считать лучшей латынью римлян того времени ту, которую мы находим в *Liber Pontificals* и в *Liber Diurnus*, то можно представить себе, каков был язык, на котором говорили тогда в обыкновенной жизни. Мы можем судить о нем до некоторой степени по документам той эпохи, — все равно, будут ли это дарственные грамоты, судебные акты, надгробные или иные надписи, — и мы повсюду видим, как из обветшалых форм древней латыни начинают проглядывать слабые зародыши новоримского языка. От народного языка того времени не осталось, однако, никаких образцов. Знаменитая клятва Людовика и Карла Лысого представляет собою неоценимый документ *linguae romanae* и немецкого языка 842 г.; для *lingua volgare* в Риме того же и даже позднейшего времени мы не имеем никаких письменных следов. А между тем есть полное основание утверждать, что такой язык существовал и был не похож на официальную латынь нотариусов. Это утверждение справедливо, однако, лишь до известного предела: *lingua latina* должен был сохраниться в Риме дольше, чем где-нибудь, так как Рим был родиной этого языка; кроме того, Рим не подвергался враждебным вторжениям, которые сопровождались бы поселением в нем германцев массами. Не существует также никаких указаний на то, чтобы в то время для римлян переводились с латинского на общепринятый язык проповеди священников и акты нотариусов, как это практиковалось в Галлии. Достаточно испорченная латынь нотариуса должна была, конечно, подвергаться еще большей порче в устах народа. Римлянин времен Тацита также мало понял бы язык своего народа в описываемую эпоху, как мало понял бы Карл Великий немецкий язык нашего времени или мы язык наших предков времени Карла или даже Гогенштауфенов. Язык римлян претерпевал изменения по естественным законам в зависимости от времени. Причин, действовавших в этом смысле с первого века эпохи императоров, было много: вымирание сельского и городского населения, смешение его с рабами, которые массами отпускались на волю, и

затем с иноземцами самых различных наций, наконец, упадок литературы и школ. Поэтому было бы ошибкой относить порчу древней латыни исключительно на счет готов и лангобардов вместо того, чтобы смотреть на эту порчу как на естественное последствие всего процесса жизни. Разрушительный процесс, которому подвергся величественный строй латинского языка, совершался точно так же сам собой, как и падение Рима и других городов с их храмами, театрами и дворцами, и, читая первоисточники VIII века, мы можем проследить, как на остатках умиравшего языка Цицерона и Вергилия зарождались христианско-романские идиомы. Официальный и литературный язык VIII века, который только и известен нам, является полным отражением состояния самого Рима — тех противоречий, которые существовали и в его архитектуре, и в его формах жизни вообще, так как величественный призрак старины повсюду выступал еще из-за новых наслоений. Это противоречие между мертвым и живым обусловило то, что язык утратил свой строй; логические законы языка древних римлян были отвергнуты, и с падением языческой религии и древнего государственного устройства общества древняя латынь, язык героев и государственных мужей, мало-помалу перестала струиться живительным потоком. Но, застыв в своих разрозненных формах, этот язык в то же время подвергся некоторым превращениям и создал затем свои новые законы — одно из самых изумительных явлений в истории человеческой культуры. Переход в новое народное наречие был постепенно достигнут искажением окончаний, отбрасыванием конечных согласных, казавшихся тяжелыми и в речи, и для слуха, смещением гласных, заменой одних согласных другими и таким образом, окончание слов по падежам и роду оказываются утраченными в языке, и это порождает уже в VIII веке в самом литературном языке такие формы, которые звучат по-итальянски, позднее же, в X и XI веках, получают полное господство.

ГЛАВА VI

1. Внутренние условия жизни Рима и быта римлян. — Три класса народа. — Воинская организация. — *Exercitus Romanus*. — Организация цехов (*scholae*). — Всеобщность цехового устройства. — Корпорации (*scholae*) чужестранцев: иудеев, греков, саксов, франков, лангобардов и фризов

В этой главе мы постараемся выяснить, в каких гражданских условиях находил город Рим в VIII веке.

Мы уже давно отметили деление римского народа на три класса: духовных, военных и класс граждан низшего сословия, или клир, знать и народ вообще. Духовенство и знать иногда сливаются в понятия о судьях (*judices*) и оптиматах; вооруженные же граждане образуют милицию, главой которой являются богатые, отмеченные знатным происхождением римляне. Изложить взаимные соотношения этих трех больших классов, которыми избирался папа, является трудной и едва ли разрешимой задачей для историка города, и эта трудность возрастает до крайности еще оттого, что духовное и светское начала постоянно переходят друг в друга.

Во времена готов римская церковь, как и всякое другое епископство, ведала только своими собственными делами, строго разграниченными от городских дел; город же, сохраняя свое муниципальное устройство и самоуправление, по-прежнему управлялся сенатом, издревле установленными должностными лицами и префектом. Затем, когда владычество готов пало и наступило бедственное для

Италии время, римские установления распались сами собою, без всякой насильственной их ломки. В городах Италии, завоеванных лангобардами, древнее муниципальное устройство или совершенно исчезало, или видоизменялось под влиянием германских начал; но в экзархате и в римском герцогстве, где лангобарды не были властителями, законы Юстиниана как остатки древних муниципальных форм продолжали действовать. Однако общий упадок всех гражданских установлений так же, как и необходимость воинской организации, являвшейся теперь главным делом, имели последствием то, что древнее самоуправление городов и их курии исчезли. Во время византийского владычества во главе всех гражданских дел стояли императорские, назначавшиеся экзархом, герцоги (*duces*) и судьи (*judices*); но и по отношению к этому периоду мы уже имели случай сетовать на отсутствие сведений о городском устройстве, и все, что мы могли констатировать с несомненностью, это — постепенное угасание тех установлений, которые во времена Касиодора еще оставались неприкосновенными.

Между тем одно обстоятельство повлекло за собой большие перемены: наступательные движения лангобардов вызвали к жизни воинскую оборонительную организацию, которой знать и граждане были соединены в городскую милицию. В течение почти двух веков Рим сохранял характер города, который резко распадался на две организации, церковную и воинскую. По крайней мере все светские учреждения того времени вполне носили на себе признаки военной организации; присматриваясь к римским титулам должностных лиц той эпохи, мы большей частью видим, что это были *duces*, *magistri militum*, трибуны и иногда *comites* и *chartularii*. Слабость византийского управления ни в чем не сказалась так ясно, как в полном пренебрежении к организации воинских сил. Если бы экзархи могли располагать преданными императорскими войсками и в Риме, и в других городах, греческий император положил бы предел нарастанию могущества пап, и возможность отделения Рима была бы навсегда устранена. Но византийцы удовлетворялись собиранием податей, во всем же остальном провинции были предоставлены своей собственной участи.

К сожалению, римские граждане увидели, что они должны снова взяться за оружие, которое они в течение такого долгого времени оставляли в руках наемников. Состоя на службе у республики, т. е. империи, римляне получали, однако, свое жалованье от императора и были подчинены герцогу и начальникам, назначаемым экзархом. На этот *exercitus Romanus* в первой половине VII века папа еще не имел никакого влияния; доказательством этому служат возмущения византийца хартулария Маврикия, когда он конфисковал церковную казну, и затем, когда он, поддерживаемый вначале римским войском, возмутился против экзарха. Только уже при Мартине I мы впервые замечаем в милиции пробуждение национального чувства, с которым экзархи начинают считаться. С той поры чисто муниципальный характер милиции стал упрочиваться, и она явилась выразительницей политических прав Рима. Из скупости и по слабости византийское правительство предоставило церкви платить войску жалованье, а непрекращавшаяся борьба пап с ересью императоров все укрепляла национальный дух этого войска. Мы видели, как в первые моменты иконоборства именно этот *exercitus* явился опорой папы и помог ему положить начало своей светской власти. Римская милиция обнимала собой только имущественные классы, рабочее же сословие и плебеи не входили в состав милиции. Начальниками ее (с середины VIII века греческий герцог уже не стоял во главе войска) были знатные римляне; они по-прежнему носили титулы герцогов и трибунов, и эти титулы вскоре затем стали передаваться по наследству. Как замещались места таких начальников, нам неизвестно, но есть основание предполагать, что со времени Адриана назначение на высшие посты

принадлежало папе, высшие же начальники по древнеримскому обычаю могли сами выбирать себе помощников. Распределенная по округам и разделенная на полки (*punteri*), милиция, кроме собственно воинской организации, обладала также чисто гражданской организацией, которая мало-помалу легла в основу гражданского устройства самого города. Эта организация исходила из цехов (*scholae*) — древнеримского института, который сохранился в эпоху политического упадка Рима и затем подвергся дальнейшим преобразованиям.

Понятие о цехах (*scholae*) находим вполне определенным уже со времен Диоклетиана, когда служащие императорского дворца и телохранители (3500 человек в 7 цехах), разделялись на такие цехи. Первоначально цех означал такой дом, в котором собирались люди одинакового рода занятий для обсуждения своих общих интересов; затем, по названию места таких собраний, участники их стали также называться *scholae*. Последние составляли союз, который обладал правами гражданского товарищества; во главе союза стояли должностные лица, и на обязанности их лежало ведение собственных дел союза согласно его уставу. Первый из должностных лиц назывался *primicerius* или *prior*; следовавшие за ним назывались *secundus*, *tertius* и *quartus scholae*. Все цехи имели, кроме того, своих покровителей, которые назывались *patrones*; такими покровителями были влиятельные лица, и они являлись защитниками интересов цехов перед властью. Цехи, составлявшие городскую милицию, имели каждый в общем владении имущество и могли брать в аренду имения. В актах для обозначения цехов милиции употребляется выражение: *publicus numerus militum seu bando (bandus)*; между тем *numerus* или *bandus* само по себе обозначало разделение города по полкам. *Miles* назывался каждый гражданин, служивший в милиции, и это звание уже в VIII веке употребляется как почетное отличие сословия. В ту эпоху в городах, не завоеванных лангобардами, *punteri* составлялись по преимуществу из городской милиции, образованной из полноправных, способных носить оружие граждан, и эта милиция в то же время воплощала в себе политические права граждан; таким образом в Риме *Exercitus Eomanus* скоро получил значение, тождественное со значением *Senatus Populusque Romanus*, и поэтому мог играть такую большую роль при выборе папы.

Такое же цеховое устройство существовало во всех классах римских граждан. В первоисточниках описываемой эпохи упоминаются особо только цехи милиции, чужеземцев, нотариусов и папских певцов, но нет сомнения, что существовали и другие цехи. Так, были цехи или *tabelliones* нотариусов (*schola forensium* в Равенне), врачей, ремесленников, купцов и всякого рода мастеровых. Подобного рода товарищества, называвшиеся также по избранному ими занятию *artes*, имели свои уставы, или *раста*; при вступлении в товарищество члены вносили установленную сумму денег и давали клятву следовать правилам цеха. Приор или примицерий руководил цехом, следил за соблюдением его устава и был представителем цеха перед государством, которому цех должен был платить за свои привилегии некоторую дань. На средства кассы цеха выдавались пособия, поддерживались больные и бедные, погребались умершие и устраивались, как в древности, празднества. Вообще цехи VIII века, по-видимому, были очень сходны с союзами, существовавшими в древности. Каждый цех имел свою церковь, свое кладбище и своих патронов из числа святых, как некогда у каждой коллегии древних римлян были свои особые божества.

Среди этих цехов, образованных из граждан, стояли обособленно цехи чужестранцев (*scholae peregrinorum*), имевшие важное значение в жизни города, так как благодаря именно этим цехам город имел в то варварское время свой космополитический характер. Самой древней из всех существовавших в Риме колоний чужест-

ранцев была община иудеев, положение которой в течение многих веков остается невыясненным. Со времени Теодориха, упрочившего положение этой общины, о ней долгое время не упоминается ни одним словом; тем не менее она продолжала существовать в Транстеврине. *Schola Graecorum*, напротив, упоминается много раз. Кроме нее, в Риме существовали также греческие монастыри.

Далее, в Риме имелись четыре чужестранных колонии германской национальности: саксы, франки, лангобарды и фризы имели свои пристанища в Ватикане. Самой древней была колония англосаксов, учрежденная королем Иной, пришедшим в Рим в 727 г. Задачей основанного в Риме королем учреждения было католическое обучение английских принцев и английского духовенства; этот же король построил в Риме для пилигримов своей страны церковь, которая в то же время должна была служить для них и кладбищем, если им случалось умереть в Риме. Местность Ватикана была избираема для этих учреждений именно ввиду такого рода соображений. Наплыв в Рим германских паломников с каждым годом становился все больше; эти люди Севера шли через моря, реки и горы, по диким вражеским землям, подвергаясь самым тяжким испытаниям, — шли до тех пор, пока не достигали, наконец, гроба св. Петра. Трудности и лишения пути, новый климат и непривычный образ жизни оказывались губительными для многих таких пилигримов, и в священной земле Ватикана они находили для себя могилу. Чтобы обеспечить существование своей школы, Ина установил римскую дань, т. е. уплату в пользу св. Петра одного динария с каждого дома своего государства Уестсекса. Впоследствии Оффа Мерсийский, явившийся в Рим в 794 г., чтобы искупить свое преступление, расширил эту колонию и на поддержание ее также установил сбор динария в пользу св. Петра. Такие добровольные приношения отягченных грехом и верующих королей с течением времени превратились в тягостный налог, которым папы в продолжение веков облагали каждый христианский дом, в особенности в северных странах. Оффа учредил также ксенодохиум, из которого в 1204 г. возник госпиталь *Schola Graecorum*; это имя перешло и на церковь Ины. Весь тот квартал, в котором находилось это учреждение, назывался в Средние века *Vicus* или *Burgus Saxorum Saxonia*, а на языке народа — *Sassia*.

В этой местности находилась церковь фризов, которая и в настоящее время называется *S.-Michele in Sassia*. Появившись в Риме, пилигримы этого племени, обращенного в христианство Виллибродом и Бонифацием, соединились с окрещенными саксами и учредили здесь странноприимный дом. Сама церковь была построена уже в IX веке при папе Льве IV на холме, который назывался в Средние века *mons Palatilis*.

К этой же эпохе относится, по-видимому, учреждение колонии франков. Эта колония должна была быть, однако, очень большой, так как постоянные сношения франкских королей с Римом привлекали в Рим много пилигримов и переселенцев. Церковь франков находилась в той же стороне Ватиканского квартала и называлась *S.-Salvator in Macello*, а позднее по имени большой круглой башни, стоявшей поблизости нынешних *porta de Cavallegieri*, — *del Torrione*. Эта церковь также служила местом погребения пилигримов.

Лангобарды также имели свое пристанище в Ватиканском квартале; оно могло возникнуть с давних пор или уже после падения Дезидерия, так как в первый раз о школе лангобардов упоминается в жизнеописании Льва III, а об их странноприимном доме — при Льве IV, когда пожар истребил квартал саксов. Церковь лангобардов была, по-видимому, *S.-Maria in Campo Santo* или *S.-Salvator de Ossibus*; главной задачей и этого пристанища в пределах Ватикана было служить местом погребения.

2. Гражданское управление города Рима. — Сената уже не существует. —
 Консулы. — Должностные лица города. — Знать. —
 Судебное устройство. — Префект города. — Папский двор. —
 Семь министров двора и другие придворные лица

Наши сведения об общем положении римского народа в ту эпоху ограничиваются, как мы видели, знакомством с воинской и гражданской организациями в той мере, в какой та и другая организация имели в своей основе цехи. Но еще более шатки наши сведения обо всем том, что касается муниципального устройства и гражданского управления города. От эпохи, следовавшей за временем Григория Великого, сохранилось мало первоисточников, и все, что можно извлечь из них и из замечаний летописцев, имеет больше отрицательное значение, чем положительное.

Древнего римского сената больше не существовало. С 579 г. о нем не упоминает уже ни один ни греческий, ни римский писатель, и это полное молчание убеждает нас в том, что сената не существовало, как говорит Агнелль Равеннский. Только в 757 г. древнее имя сената снова появляется на сцене несколько раз. Мы отметили его в первый раз в послании римского народа к Пипину, написанном вслед за избранием Павла I. Здесь сами римляне подписываются именем сената; мы имеем дело в этом случае, очевидно, с древней формулой *Senatus Populusque Romanus*, только уже иначе понимаемой. Это выражение, однако, не может быть действительным оправданием для тех, кто придерживается взгляда, будто сенат продолжал существовать и в те века. Во всяком случае, то время вполне благоприятствовало оживлению в памяти древних установлений римлян, так как тогда город освободился из-под власти византийцев и снова являлся главой некоторых провинций. И сенат снова воскрес, но уже только как имя и как воспоминание. Могущественные знатные роды, занимавшие первые должности в церкви, в войске и в городском управлении и облеченные титулами герцога (*dux*), графа (*comes*), трибуна и консула, являлись теперь вполне определившейся аристократией Рима, которая становилась опасной для пап. Эти-то оптиматы, или *judices de militia*, и предьявляли притязания на величественное имя сената.

Если бы сенат существовал в то время как коллегия, нет сомнения, что титул сенатора был бы в употреблении; мы, однако, не встречаем этого титула ни в одном из письменных памятников того времени; в своих письмах папы говорят об оптиматах, но никогда — о сенаторах. Если бы, далее, сенат имел значение представительного органа всей аристократии или совещательной по политическим делам корпорации при папе, мы, без всякого сомнения, нашли бы, что сенаторы являлись действующими лицами повсюду, где дело шло о важнейших интересах Рима, как, например, при избрании папы и в деловых сношениях с дворами Павии, Франции и Константинополя. Но как во времена Григория, так точно и в VIII веке нигде нет речи о сенаторах. Среди послов пап при дворах и папских уполномоченных по приему городов и установлению границ мы видим аббатов, епископов, придворных должностных лиц первого ранга, как, например, примицерия нотариусов, саккеллария и номенклатора, и иногда — герцога; а в свите, сопровождавшей этих лиц в наиболее важных путешествиях, значатся, кроме клира, одни только оптиматы милиции; точно так же никогда не упоминается сенат и в тех случаях, когда посольство отправлялось с просьбой о помощи от имени всех классов Рима.

Таким образом следует признать, что римский сенат в его древней форме уже совсем не существовал, и мнение тех, которые полагают, что в VIII веке сенат еще сохранялся как городская курия или собрание декурионов, не может быть доказано. Упоминание о консулах, часто встречающееся в римских первоисточниках уже

VIII века и еще более — последующих столетий, послужило основанием для выдающихся исследователей видеть в этих консулах декурионов или старейшин сената и таким образом придумать некоторую городскую коллегия, которая была названа этими исследователями *Consulare*. Но сан консула в описываемую эпоху вовсе не включал в себя такого рода деятельности; он был жалуем как милость или за деньги императорами еще в VI и VII веках, а позднее середины VIII века, вероятно, также папами, и не только в Риме, но и в Равенне, в Неаполе, в Венеции и даже в Истрии. В той же мере, в какой сан патриция встречался все реже, сан консула, наоборот, становился все более распространенным и постепенно утратил, наконец, свое значение. О сани патриция мы упоминали в последний раз, говоря о герцоге (*dux*) Стефане, которому в 743 г. Захария, уезжая к Лиутпранду, поручил начальство над городским войском. Затем этим саном были облечены уже исключительно Пипин и Карл как государи, которым была вверена защита церкви и принадлежала верховная судебная власть. Напротив, консульский сан римляне сохраняли по традиции от предков; знатные люди украшали себя этим титулом, обычно прибавляя к нему еще *Eminentissimus*; дети наследовали его, вероятно, так же, как сан герцога, а в одном случае этот титул оказывается распространенным даже на всю римскую знать вообще. Сан консула нередко встречался как в Риме, так и в Неаполе в сочетании с титулом герцога (*dux*), причем этот последний титул, а не первый, ставил лицо в высший ранг. Далее, сан консула стал настолько распространен, что в IX веке оказался присвоенным каждому должностному лицу, особенно судебного ведомства. Таким образом титул консула обратился просто в чиновнический титул, и мы встречаем таких консулов, как, например, *consul et tabellius*, *consul et magister censi*, *consul ex meniorialis*, а в IX веке даже *consul et negotiator*.

В византийскую эпоху высшие судебные и административные посты замещались распоряжением экзарха: он назначал герцога, который являлся начальником войска и правителем Рима и герцогства, и затем судей (*judices*), на которых возлагалось «управление городом»; под судьями следует понимать и собственно судей, и финансовых должностных лиц. И те и другие были подчинены герцогу, а в последней инстанции — префекту Италии. Но когда впоследствии папы стали властителями экзархата и Рима, назначение сказанных должностных лиц перешло к папам, последние стали посылать в Равенну и Пентаполис своих *astores*, т. е. административных лиц, которым под различными титулами была присвоена также и судебная власть. Точно так же и в Риме папы своей властью назначали высших лиц магистрата, судей, префекта города и военачальников, и это не подлежит никакому сомнению. С того времени, как должность герцога Рима, существовавшая еще в 743 г., оказалась упраздненной, папы стали считать самих себя правителями города. Поэтому мы находим в Риме уже не одного герцога, а многих, и эти должностные лица (несколько раз упоминаемые в VIII веке) являются часто, хотя и не всегда, также в роли администраторов города. Вообще со времени Пипина гражданское управление Рима выполнялось судьями и должностными лицами, которые стояли к папе в том же подчинении, в каком они находились раньше по отношению к экзарху, заступавшему на место императора. Но мы еще раз заметим, что Рим, находясь под властью папы как местного государя, хотя и не имел политической самостоятельности, тем не менее продолжал существовать как самоуправляющаяся община. Начала городского устройства, погибшего с падением империи, явились многообещающими зародышами будущего в милиции, школах и цехах — этих важнейших установлениях того времени, бывшего переходом к средневековому муниципальному устройству.

Знатные люди, выдававшиеся своим положением, происхождением и богатством, управляли в качестве патронов, судей и военачальников и войском, и народом. В руках этих лиц было сосредоточено все влиятельное значение, и история города яснее, чем все другое, доказывает господство аристократов, совпадавшее и с устройством милиции, и с иерархией должностных лиц. Класс оптиматов вовсе не является корпорацией наследственных патрицианских фамилий; хотя иной римлянин и мог с гордостью ссылаться на существование в его роде и консулов, и герцогов, тем не менее мы не находим ни следа тех групп знатных фамилий, которые мы видим в позднейшие годы Средних веков. Древние роды сенаторов и консуларов вымерли, новые же только что еще создавались; те оптиматы, которых мы встречаем в описываемую эпоху, были таковыми в силу занимаемого ими положения в церкви и в республике, а не вследствие их принадлежности к тому или другому роду. Власть этих оптиматов, как *judices de militia*, конечно, возростала, когда они, как герцог Тотто, были еще, кроме того, владельцами обширных земель и большого числа колоннов. Занимая все важные посты при дворе папы — его министров, в милиции — патронов, герцогов и трибунов, в юстиции — судей, эти оптиматы, без сомнения, ведали городским управлением под председательством, вероятно, префекта города. Хотя сената уже не существовало, тем не менее нельзя представить себе, чтобы город мог существовать без магистрата, ведавшего общественными делами и распоряжавшегося городскими средствами, которые получались с имений и налогов; точно так же нельзя допустить, чтобы Рим существовал без общинного совета, пополнявшегося выборами. Но так как уже с VII века Рим сохранял свою самостоятельность благодаря именно городской милиции, и только организация этой последней порождала в гражданах города чувство силы и сознание своего общественно-политического существования и своих прав, то начальники этой милиции оказались вместе с тем представителями граждан вообще и образовали городской совет. Таким образом можно признать, что муниципальный строй Рима в описываемую эпоху был военно-олигархическим.

Однако, как было организовано городское управление, нам неизвестно; порядок ведения ценза и управления общественными имуществами остается также невыясненным, как и деятельность эдилов, а все это, без сомнения, входило в круг ведения городской префектуры. Мы уже не слышим в Риме таких имен, как *defensor, sigator, principalis, pater civitatis*, а в первоисточниках встречаются только некоторые обозначения для городских нотариусов и канцлеров. Эти древнеримские титулы следующее: *chartularius et magister*, также *consul et magister censi urbis, exmemorialis urbis Romae, scriniarius et tabellio, consul et tabellio urbis Romae*. Хартуларии в посланиях Стефана к Пипину, по-видимому, упоминаются с почетом вслед за герцогами и ранее графов и трибунов; они были должностными лицами городского управления и иногда на службе у папы исполняли также обязанности судей. При Стефане III одним из самых влиятельных людей в Риме был Грациоз, «в то время хартуларий и затем герцог»; отсюда следует заключить, что он перешел с низшей городской должности на высшую. Что касается распределения общих судов в ту эпоху, то оно нам также мало известно; административная и судебная власти не были разграничены, и в качестве шеффенов, принимающих участие в судебных разбирательствах, папой произвольно могли быть назначены всякие чиновники. Таким образом, судебное устройство является совершенно запутанным; мы знаем только одно, что префекту города, так же как консулару в Равенне, принадлежала в Риме высшая уголовная власть и что обвиняемые в самых тяжких преступлениях предавались суду префекта даже самим папой. Но рядом с этим мы видим также, что по назначению папы время от времени в суде принимают участие консулы, герцоги,

хартуларии и дворцовые судьи; все остальное совершенно неясно для нас, так как позднейшие судебные установления, а именно те, которые носили на себе характер двойственной — императорской и папской, власти, не могут быть отнесены к VIII веку. Не подлежащим сомнению можно признать следующее: прежнее судоустройство исчезло вместе с древним муниципальным устройством города; судебные должности, совмещавшиеся нередко с административными, замещались папой; но обладание судебной властью вытекало иногда из сана и положения лица, так что, например, герцог, граф или трибун являлся в то же время судьей в сфере своего владения.

Гораздо более ясное представление мы можем составить себе об управлении папского двора, которое так сильно влияло на ход городских дел. С течением времени Латеранский дворец стал центром Рима и сосредоточил в себе всю церковную администрацию. Он был отражением тех контрастов, которыми было полно папство: управление церковными делами всех христианских провинций, кормление нищих, судопроизводство и прием податей — все это происходило здесь, в одной и той же местности, загроможденной зданиями. В представлении людей Латеран как бы наследовал императорскому дворцу, и у византийского двора были заимствованы вся табель о рангах служащих и весь церемониал, причем и то и другое подверглось, конечно, некоторому видоизменению в соответствии с духовным саном главы двора. В VIII веке при папе было формальное министерство. Зачатки последнего мы можем проследить еще в VI веке, но оно выступило во всем его значении только тогда, когда возникло церковное государство. Нотариусы и диаконы издревле делились по семи церковным округам, и здесь мы также находим семь должностных лиц, а именно: *primicerius et securidicerius* нотариусов, *arcarius*, *saccellarius*, *protoscriniarius*, *primus defensor* и *nomenclator*. Будучи клириками, эти должностные лица, однако, в силу занимаемого ими светского положения не могли подниматься по иерархической лестнице, подобно духовным, и оставались в ранге иподиаконов. Тем не менее они имели значение неизмеримо большее, чем все епископы и кардиналы, так как были высшими министрами папы, имели в своих руках всю исполнительную власть и более чем кто-либо влияли на избрание папы. Приходя в соприкосновение со всеми слоями народа, эти лица приобрели могущественную власть.

По примеру византийского двора все чины которого были подразделены на цехи, министры папы стояли также во главе цехов нотариусов. Первое место между нотариусами занимал их *primicerius*, и эта должность упоминается уже в середине IV века. Первоначально он был главой семи окружных нотариусов, на обязанности которых в эпоху, следовавшую за временем Константина, лежало наблюдение за канцелярией — *scritum*. По существу примицерий был первым министром или государственным секретарем папы и не только заступал место последнего наряду с архипресвитером и архидиаконом, когда папский престол оказывался вакантным, но в этом случае и стоял собственно во главе управления. Затем следовал *secundicerius*, или помощник государственного секретаря; оба эти министра были самыми влиятельными сановниками в Риме. Во всех торжественных случаях, как, например, во время процессий, они вели папу за руку и шли впереди епископов. По-видимому, эти сановники, — говорится в одном позднейшем отрывке о дворцовых судьях, — управляют не менее самого императора, так как он помимо их не предпринимает ничего важного. Таким образом понятно, что самые знатные оптиматы, и в том числе племянники пап, жадно добивались этих блестящих должностей, и мы видим, что консулы и герцоги возводятся в примицерии, как в сан, более высший.

Argarius, казначей, был как бы министр финансов вообще; Saccellarius, также казначей, производил из общественной кассы уплату жалования войскам, раздавал нищим милостыню и распределял между клиром приношения (*presbyteria*). Эти финансовые чиновники время от времени вмешивались, конечно, в управление городским имуществом, так как сбором всех податей, таможенных пошлин, взимавшихся у ворот и мостов, и промысловых налогов заведовал аркарий, и все это поступало в казну.

Протоскриниарий назывался так по имени *Scrinium*, или Латеранского архива; при последнем имелись *scriniaii*, т. е. секретари папской канцелярии, или *tabelliones*; на обязанности их лежало писание папских посланий и декретов, а на соборах они должны были прочитывать вслух состоявшиеся постановления. Главой цеха скриниариев был протоскриниарий, и все декреты направлялись предварительно к нему и уже затем утверждались примицерием.

Далее по рангу следовал *primus defensor* или *primicerius defensorum*; он был вместе и их главой. Со времени Григория Великого эти клирики также составляли окружную коллегию. Будучи первоначально ходатаями бедных, они затем стали защитниками интересов церкви, и мы видим, как они уже со времен Григория наряду с нотариусами и иподиаконами принимают, как *gestores*, участие в управлении церковными именьями. Таким образом в руках главы дефензоров была сосредоточена администрация патримониев; мы можем, следовательно, смотреть на примицерия дефензоров как на министра земледелия; этим, однако, круг его ведомства не исчерпывался, так как, стоя во главе дефензоров, он являлся охранителем прав церкви перед государством, епископами и частными лицами и затем ведал всем, что касалось колонов.

Последним в этом ряду придворным чином был *nomenculator* или *admiculator*; его ведению подлежали все дела о сиротах, вдовах, обиженных и заключенных, и он был как бы министром благотворительности. К нему направлялись все лица, имевшие какую-либо просьбу к папе.

Все эти семь высших чинов церковного государства были известны в VIII веке под общим именем *judices de clero*, и оно отличало их от *judices de militia*: *duces*, *consules*, *chartularii*, *magistri militum*, *comites* и *tribuni*. Но когда с восстановлением империи папский дворец стал также и императорским, папские чиновники явились вместе с тем и императорскими, и им был присвоен титул *judices palatini*, дворцовые судьи, и *judices ordinarii*, так как их юрисдикция была приурочена к кругу их ведомства; уголовный суд, однако, оставался по-прежнему изъятым из их ведения как клириков. В VIII веке этим чиновникам не только была присвоена судебная власть в соответственной для каждого из них сфере, но они привлекались папой также к участию в разрешении различных правовых вопросов. В таких случаях эти чиновники являлись главным образом в качестве дипломатов и послов, и мы видели, что такое назначение получали именно примицерии и секундицерии нотариусов, далее — *primus defensor*, *nomenculator* и *saccellarius*; но *arcanus* и *protoscriniarius*, насколько нам известно, никогда не назначались на эти посты.

Кроме этих семи министров, при дворе папы существовали еще другие высокие должности, занимавшие их лица составляли собственно придворный штат папы и имели множество подчиненных, которые также подразделялись на цехи; так были *vicedominus* или гофмейстер, *cubicularius* или камерарий, *vestiarius* — ризничий и библиотечарь. Ризничий пользовался не меньшим влиянием, чем министры, и потому оптиматы, имевшие сан консула и герцога, также усердно добивались получения и этой придворной должности. Будучи главой очень многочисленного цеха, *vestiarius* имел под своим надзором не только дорогие облачения, но и все те сокровища,

которые хранились в ризнице — *vestiarium*. Затем он был несомненно также судьей, и это доказывается буллой Адриана от 772 г., которую приору ризницы была передана навсегда юрисдикция в спорных делах между монастырем Фарфой и населением «римской республики», разумея под ним жителей Рима и других городов, свободных и рабов, духовных и военных. Далее мы встречаем еще сан *superista* дворца, который при Адриане соединен был с должностью камерария, а при Льве IV — даже с должностью *magister militum*; таким образом, этот сан был, по-видимому, вполне светским, соответствовал значению древнего сана *curpalata* или ризничего, совмещался с другими должностями и включал в себе верховный надзор над дворцовыми служащими.

Все эти придворные чины вместе с семью вышеназванными министрами не только являлись в роли судей, но имели значение *primates* и *proceres cleri* (прелаты настоящего времени), к которым мы относим также дефензоров, иподиаконов и окружающих нотариусов. Возвращаясь в Рим из дальних патримониев, Сардинии, Корсики, Коттийских Альп и в прежние времена — из Калабрии и Сицилии, эти лица встречали здесь не меньший почет, чем те *praetores* и *praesides*, которые посылались Римом в древности для управления провинциями. Вслед за тем они уже по праву причислялись к *primates* церкви и жили в ожидании своей награды, которой являлось назначение на должность того или другого придворного министра. Но, впрочем, кардиналы и епископы не принадлежали к *judices de clero*, и этот сан относился только к сказанным придворным чинам. Таким образом, клерикальная знать имела двойственный характер: она принадлежала одинаково и к духовному сословию, и к сословию светских оптиматов. При этом мы видим, что ее влияние так же, как и влияние чисто светской знати, определялось тем положением, которое она занимала в бюрократической иерархии.

3. Внутренний строй других городов. — *Duces*. — *Tribuni*. — *Comites*. — Герцогство Римское (*Ducatus Romanus*) и его границы. — Римская Туция. — Кампанья. — Сабина. — Умбрия

В заключение этой главы мы познакомимся вкратце с учреждениями других городов, находившихся под властью папы, и определим ту территорию, которую занимало тогда римское герцогство. Как в малых, так и в больших населенных центрах зачатки гражданственности оказываются воплотившимися в милицию.

Древнее куриальное устройство уже не существовало; высшие судебные, административные и военные должности замещались или прямым распоряжением папы, или с его утверждения. В силу преобладания военной организации правители городов и укрепленных замков носили по преимуществу те титулы, которые первоначально служили для обозначения воинских чинов, как то: *duces*, *tribuni* и иногда *comites*. Эти наименования не были, однако, устойчивыми; для папских правительственных чинов мы находим еще одно общее название *actores*, и им обозначаются даже франкские графы. К числу этих лиц причислялись также собственно судьи: в своем послании к Карлу Адриан вполне определенно говорит, что его предшественник назначил пресвитера Филиппа и герцога Евстахия в Равенну судьями, «дабы давать удовлетворение всем, кто терпит от насилия». Это разделение власти между духовным лицом и мирянином говорит за то, что последний ведал только военными делами; но герцоги бывали облечены также и судейской властью. Полагают, что в более значительных городах высшей властью были герцоги, а в менее значительных — трибуны и графы; этого, однако, нельзя утверждать с достоверностью во всех слу-

чаях. Во время господства греков и лангобардов правителями больших городов были герцоги, и мы встречаем их еще в VIII веке в Венеции, Неаполе, Фермо, Озимо, Анконе и Ферраре, не говоря уже о Сполето и Беневенте. Эти герцоги в то же время были *rectores* всей городской территории и в качестве таковых, как *maiores*, различались от *minores*, которым не была присвоена такая обширная власть. Между тем сан герцога встречается так же часто, как сан консула, в особенности после VIII века, и уже поэтому невозможно, чтобы все лица, имевшие этот титул, были правителями городов.

В общем, можно, конечно, утверждать, что только в более значительных городах были герцоги, так как в пределах римского герцогства в VIII веке мы не знаем ни одного города, который имел бы герцога. Тото мог быть герцогом Неппи, но это остается недоказанным; он убил герцога Григория, который оказал ему сопротивление как узурпатору, и мы знаем только, что этот Григорий жил в Лациуме. Не может быть сомнения, что последний, имея сан герцога, управлял от имени церкви всей территорией Кампаньи, так как по исчезновении византийского герцогства провинции, ставшие папскими, должны были получить новую организацию, и папа посылал герцогов в Кампанью точно так же, как позднее он посылал их в Сабину. О герцогах в самом Риме упоминается много раз, но ни об одном из них не говорится, что он правитель того или другого города или что он был раньше таковым, за исключением одного герцога Евстахия. Они могли быть одинаково и военачальниками, и придворными служащими, и судьями и были назначаемы для выполнения различных политических миссий. Свой сан, с прибавкой еще титула *gloriosus*, они могли приобретать от папы за деньги, получать его как отличие и даже просто присваивать, и возможно, что он, как и сан консула, в VIII веке уже передавался по наследству. Между титулами, которые льстили и льстят доньне тщеславию римлян, титул герцога был самым заманчивым; казалось лестным иметь тот самый сан, который был присвоен могущественным государям Сполето и Беневента и правителям Венеции и Неаполя.

Титул трибуна с добавлением *magnificus*, упоминается несколько раз в провинциальных городах. Так, мы встречаем трибунов в Алатри и в Ананьи; но и по отношению к этому сану не всегда возможно установить, были ли лица, облеченные этим саном, правителями города или начальниками милиции, или они имели какие-нибудь иные полномочия. В делах более важных папа никогда не назначал трибунов послами и комиссарами. В самом Риме трибуны всегда сохраняли свое значение военачальников, но в VII веке они посылались иногда в Равенну в качестве представителей войска для того, чтобы наряду с представителями духовенства вручить экзарху акты избрания папы.

Наконец, вопрос о том, какое положение занимали графы, остается также невыясненным. Только об одном графе нам достоверно известно, что он был правителем города; это был Доминик, которого Адриан назначил в 775 г. графом в небольшое местечко *Gabellum*. Можно поэтому думать, что на графов возлагалось управление и других укрепленных замков, причем этому сану присваивалась гражданская и военная власть. Иногда графы упоминаются как владельцы поместий или арендаторы патримониев; и в таких случаях они, конечно, были офицерами римской милиции.

Наше изложение мы закончим географическим обзором принадлежавшей Риму территории, т. е. той области, которая в ту эпоху еще называлась *Ducatus Romanus*. Мы не касались до сих пор этого вопроса потому, что нет возможности определить с точностью время возникновения римского герцогства; границы его менялись, и только уже с середины VIII века мы можем довольно определенно установить соот-

ветствующую этому герцогству территорию. Последняя еще позднее в дарственной грамоте Людовика Благочестивого названа герцогством; но мы видели, что папы уже с середины VIII века присваивают герцогству название *Respublica Romana* или *Romanorum*; таким образом, устанавливается истина, в силу которой римское герцогство признается основой Западной империи.

Римская область поныне делится Тибром на две большие половины — на Тусцию по правой его стороне и на Кампанию по левой. Обе половины простирались до моря, начиная от устья реки Марты, через устье реки Астуры, и до мыса Цирцеи. На северо-востоке лежала третья часть области, включавшая в себе отчасти Умбрию и Сабину. Таким образом, общими границами были море, остальная Тусция (*ducalis* и *regalis*) и герцогства Бенейента и Сполето.

Римская Тусция занимала область, которая простиралась от моря, от правого рукава Тибра, где стоял Порто, до устья Марты; дальше пограничная линия шла через Тольфу, Бледу и Витербо к Полимарциуму (Бомарцо), достигала здесь Тибра и затем, совпадая с направлением последнего, возвращалась к морю. В направлении к северу Тусцию прорезывали *Via Flaminia*, *Cassia* и *Claudia*, а с Яникула вдоль моря тянулась *Aurelia*. Эти названия древних римских дорог встречаются в то время еще совершенно неизменившимися, и только *Claudia* уже зовется иногда *Clo-dia*. *Claudia* шла через *Cereiae* (*Galeria*), *Foro Clodio* и соединялась с *Aurelia-Emilia*. *Flaminia* уже в то время, по-видимому, называлась *Via Campana*. Заселенные места Тусции были следующие: Порто, Центумцеллы, Цере (ныне *Cervetri*), Неопирги, Корниэтум, Тарквиний, Мартуранум, Бледа, Ветралла, Орхианум, Полимарциум, Ориолум (*vetus Forum Claudii*), Браценум, Непет, Сутрий; на правом берегу Тибра были: Горта, *Castellum Galesii* (Фесценция), Фалерия, Аквавива, Вергентум (в развалинах), Сильва Кандида. Витербо был пограничным городом лангобардской Тусции, а Перузия составляла особое герцогство. В VIII веке Центумцеллы были гаванью, а Непе — провинциальным городом. Почти все названные места были епископиями.

Именем Кампаны, которую отделял от Тусции Тибр, в древности называлась вообще вся местность, простиравшаяся от Рима до реки Силара в Лукании, где главным городом была Капуа. В более тесном значении римской Кампаньей называлась область, кончавшаяся у реки Лириса, и предгорья Цирцеи. Земля эта была Лациум, но со времени Константина Великого она стала называться Кампаньей, и это название часто встречается в книге пап. Вольские и Альбанские горы делят Кампанию на две части; северную часть прорезывала *Via Labicana*; по имени этой дороги, с которой соединялась у сорокового верстового камня, при *Coritimi*, *Via Patina*, был назван находившийся здесь патримониум. Другая великая дорога *Appia* шла по южной части, граничившей с морем; по имени этой дороги также был назван патримониум. Менее значительные римские дороги, как *Via Ostiensis* и *Via Ardeatina*, также еще существовали. Из древних городов южной части Кампаны (ныне — *Maritima*) многие в VIII веке уже не существовали или были разорены, как то: Остия, Лаврентум (ныне *Torre Paterno*), Лавиниум (*Pratica*), Ардеа, Афродиниум и Анций; епископ последнего упоминается еще в римских соборах 499, 501 и 502 г., но затем до VIII века об этом местечке уже нигде не говорится. Точно так же мы не встречаем указаний в эту эпоху на Астуру, а между тем она продолжала существовать. Далее, из всех епископов названных поселений упоминается один только епископ Остии.

Граница герцогства не заходила за Террачину, так как этот город Кампаны так же, как и Гаета, всегда принадлежал патрициату Сицилии. Прохождение римских границ с этой стороны остается, однако, совершенно неопределенным;

следуя общепринятому мнению, которого держался уже Прокопий, полагавший, что собственно римская Кампанья простиралась до Террачины, мы предполагаем только, что здесь же была и граница герцогства. Остается странным то, что позднее ни в грамоте Людовика Благочестивого, ни в грамоте Оттона не упоминается ни об одном заселенном месте в современной Maritima, о Кампаньи же говорится только в смысле ее северной части, заключенной между Вольскими горами и Апенниннами; остаются неупомянутыми также епископский город Альбано, Веллетри, Кора и Трестаберны. Но, часто встречая со времени Григория названия этих городов в истории епископий, мы нигде не видим, чтобы они упоминались в связи с политическими событиями. Такое умолчание понятно по отношению к большей части заселенных мест, а по отношению к другим оно может быть случайным. Возможно ли допустить, чтобы герцог Беневента, или Сполето, или патриций Сицилии раздвинули пределы своей власти до Альбано, причем между этими лицами и Римом в смутную эпоху иконоборства не возникло бы столкновения? Но мы уже знаем, что подобные столкновения происходили при Террачине и на севере при Соре, Арксе и других пограничных городах. Отсутствие исторических данных, относящихся к состоянию нынешней Maritima в те века, объясняется тем, что заселенные места были в ней незначительны или разорены; морской берег и понтийские болота от Веллетри до Террачины представляли также полное запустение, а Via Arria уже не имела своего прежнего значения военной дороги. Наоборот, латинская область во все времена выделялась и своими значительными городами, и своим дружественным горным населением; она-то, по преимуществу, и называлась Кампаньей. Эта область простиралась до р. Лириса и включала в себе следующие епископские города, которые еще до сих пор остаются значительными: Пренест, Ананья, Алатрий, Верола, Сигния, Патрикум, Ферентинум и Фрузино. За рекой Лирисой герцогство доходило до какого-то неизвестного места, называвшегося Ноггеа. Уже говоря о VII веке, мы упоминали о пограничных городах Арпине, Арксе, Соре и Аквине; эти города были захвачены лангобардским герцогом Беневента, и Адриан предъявлял свои притязания на них. Таким образом, точная граница герцогства с этой стороны также не может быть установлена. Северной границей римской Кампаньи был Аниен, а за ним и Тибром лежали Сабина и Умбрия. Границы Сабинны были: на западе Тибр, на юге — Аниен, на севере — реки Нар и Велин, и на востоке — *Abrutium ulterioris*. Таким образом, Сабина граничила с римской Тусцией, от которой ее отделял Тибр, с Лациумом или Кампаньей, от которой она отделялась Аниеном, и с Умбрией; между последней и Сабинной границей была река Нар. Большая часть Сабинны принадлежала герцогу Сполето; его владения простирались от речки Аллии, у четырнадцатого верстового камня за Саларскими воротами, через *Monte Rotondo* (Эрет), Фарфу и древние Куры до Реате. Римскому герцогству принадлежали следующие значительные сабинские города: Фидены, Номент, Габии, Асперия, Окрикул и Нарния. Некоторые из заселенных мест в Сабине и даже те, которые были расположены совсем неподалеку от Рима, были уничтожены постоянными походами лангобардов или представляли одни только развалины. Эрет, Крустумерия, Фидены, Габии, Фикулея и Антемны исчезли мало-помалу. Даже Куры, родина Нумы и Анка Марция, давших некогда римлянам имя квиритов, исчезли при лангобардах и сохранились только в имени маленького поселения «*Correse*». Один Номент просуществовал, как епископия, до X века. У Нарни река Нар составляла границу; по другую ее сторону лежала Умбрия с городами Америкей и Тудер (Toddi), которые, как мы видели, в политическом отношении причислялись к римской Тусции. Как и прежде, через Сабину шли три главных дороги, сохраняя свои

древние названия; эти дороги были: *Via Tiburtina*, называвшаяся от двадцатого верстового камня *Valeria* и достигавшая вдоль Аниена до Альбы, *Via Nomentana* и *Via Salara*, в которую переходила *Via Nomentana* за Номентом.

ГЛАВА VII

1. Смерть Адриана, 795 г. — Лев III, папа. — Его посольство к Карлу и договор Карла с Церковью. — Символическое значение ключей от гроба Петра и римского знамени. — Верховная судебная власть Карла в Риме, как патриция. — Картина, изображающая согласие между духовной и светской властями. — Мозаики церкви Св. Сусанны. — Мозаика в трапезной (Triclinium) Льва III

Пробыв 23 года папой, Адриан I, покрытый славой, умер на Рождество 795 года. Эта смерть произвела на Карла потрясающее впечатление. И тот и другой были самыми выдающимися людьми своего времени; судьба возложила на них обоим великую задачу, и это обстоятельство, равно как долгое общение их между собой, сделало из них друзей. Отношениями Адриана к Карлу впервые фактически сказало созданное политикой Запада единение церкви и государства, которые при греческих императорах стояли раздельно и во враждебных друг к другу отношениях. Освободившись из-под ига византийского империализма, церковь как самостоятельная власть уже могла вступить в союз с государством, которое создавалось на Западе и главой которого был король франков. Желая почтить память своего друга, Карл велел во всех провинциях своей монархии отслужить заупокойные обедни и раздать милостыню и затем заказал надпись, которая была высечена золотыми буквами по черному мрамору. Эта надпись была поставлена в базилике Св. Петра, над гробницей Адриана, и сохранилась до настоящего времени. Она вделана в верхнюю часть стены, налево от главного входа, в атриуме базилики.

Выбор римлян пал единогласно на кардинала-пресвитера церкви Св. Сусанны, и 27 декабря он уже был посвящен в папы под именем Льва III. Такая быстрота доказывает, что избрание папы состоялось свободно, без стороннего влияния. Новый папа, сын Азуппия, был римлянином по происхождению, воспитывался с детства в Латеране и достиг в церковной иерархии высших ступеней. В это знаменательное время совершенно заурядный человек не мог быть преемником Адриана.

Заняв престол Петра, Лев III немедленно сообщил патрицию римлян о смерти своего предшественника и о своем собственном избрании в папы. Это послание утрачено; будь оно в наших руках, вопрос об отношении патриция к избранию папы, может быть, получил бы некоторое освещение. Выборы производились свободно; но королю посылались избирательные акты, и в этой форме официального извещения все-таки уже признавалось его право как патриция выразить свое согласие. К своему посланию Лев приложил почетный дар — ключи от гроба Петра и затем как совершенно особый символ знамя города Рима. В то же время Лев предложил Карлу прислать в Рим кого-нибудь из франкских вельмож, который привел бы римский народ к присяге на верность королю. Таким образом мы имеем неопровержимое доказательство тому, что Лев признавал короля франков верховным главой Рима.

Карл послал к папе рихарского аббата Ангильберта, вручил ему богатые приношения для св. Петра и приказал еще более упрочить уже установившиеся согласно договору отношения к церкви и к Риму. В своем письме ко Льву Карл писал: «Мы уполномочили Ангильберта на все, что казалось для нас желательным и для вас

нужным, дабы вы, с обоюдного согласия, выяснили, что вами считается необходимым для возвеличения святой Господней Церкви, для возвышения вашего собственного сана и для укрепления нашего патрициата. Заключив священный договор с вашим предшественником, я желаю также и с вами вступить в ненарушимый союз верности и любви; да сподобюсь я апостольского благословения вашего святейшества и да послужит с помощью Божией наше благочестие на защиту престола римской Церкви. Во имя божественной любви мы должны защищать святую Церковь Христа от ее внешних врагов, язычников и неверных, оружием, а от внутренних — соблюдением католической веры. Вам, о святейший отец, надлежит, как Моисею, воздеть руки к небу и поддержать наших рыцарей, дабы христианство через ваше заступничество и под руководством Бога повсюду и всегда одерживало победу над врагами Его святого имени и это имя прославлялось во всем мире».

Из этого письма нельзя сделать заключения, будто Карл, как некоторые совершенно неудачно утверждали, просил папу об утверждении за ним сана патриция. Через своего посла Карл поздравлял папу и выражал желание вновь оформить старый договор; договор же этот по-прежнему сохранял свою силу, и его законным выражением был патрициат. В приведенном нами письме излагается вообще положение папы и патриция по отношению к лежащим на них обязанностям, но пределы их прав в нем не указаны, и все то, что касалось применения этих прав по отношению к городу Риму и принесенным в дар св. Петру провинциям, король пояснил в инструкции, которую он дал своему послу. Существует мнение, будто с ключами от гроба апостола и знаменем Рима, полученными Карлом, к нему перешла и власть (*dominium*); необходимо поэтому выяснить значение этих символов. Летописцы сообщают нам, что в 800 г., т. е. раньше, чем на Достоке стало известно о короновании Карла, ему были поднесены подобные же символы монахами из Иерусалима. Патриарх этого священного города отправил к Карлу двух монахов с Масличной горы и из монастыря св. Саввы; эти монахи сопровождали пресвитера Захарию, посла Карла к Гарун-аль-Рашиду, когда Захария уже возвращался обратно в Рим. Явившись к королю, монахи поднесли «в знак ниспосланного ему благословения ключи от гроба Господня и с Голгофы и знамя». Патриарху города, принадлежавшего калифу, едва ли могла прийти в голову мысль передавать власть над этим городом королю франков; но Гарун сам предоставил знаменитому герою Запада верховную защиту священнейших христианских мест. Согласно этому договору, патриарх столько же в знак своего благословения, сколько и в смысле признания в лице Карла верховного защитника, послал ему знамя иерусалимской церкви и ключи от тех мест, которые ставились под защиту Карла. Идеи иерусалимского патрициата не существовало, и Карл принял предоставленные ему знаки только как защитник святого города.

Тем не менее мы находим в иерусалимских символах объяснение для ключей от гроба апостола и для римского знамени. И то и другое обозначало область вооруженного вмешательства защитника христианской религии. Если, однако, по отношению к иерусалимской церкви этот защитник мог действовать только *in partibus iniidelium*, то в Риме его положение было совершенно иное. Золотые ключи в руках Карла уже не были только почетными знаками, обладавшими чудотворной силой, а свидетельствовали о его обязанностях и правах по отношению к римской церкви и всему ее достоянию. Как св. Петр и папа хранили ключи к догматической стороне вопроса, так король Карл должен был держать в своих руках ключи к политическому положению и был на страже палладиума римской церкви, гроба апостола и всего того, чему служила выражением исповедальня Св. Петра (где хранились также многие дарственные грамоты). С той поры Карла стали изображать знаменосцем римской церкви.

Упомянутая выше надпись на одной из плит в алтаре базилики Св. Петра дает нам основание предполагать, что знамя было послано патрицию Карлу уже Адрианом. Этот символический знак не был, однако, исключительным, так как нам известно также иерусалимское знамя. Монастыри, по-видимому, еще ранее имели обыкновение посылать своим покровителям знамя как знак возложения на них вооруженной защиты, а в X веке этот обычай стал общераспространенным. Римское знамя Карл получил как патриций или герцог римлян и этот воинский знак в его руке означал, что ему вверена *militia* Рима. Поэтому летописцы дают этому знамени вполне подходящее название знамени римского города, как бы понимая, что в этом чисто воинском знаке чувствовалась воля римского войска (*exercitus*) и римского народа, возлагавших на короля этим знаком сан военачальника. Тем не менее мы не знаем, принимали ли какое-нибудь официальное участие в посылке Карлу таких знаков войско и оптиматы; точно так же нам ничего не известно о сенате. В своем послании, отправленном с Ангильбертом, король обращается только к папе. Город Рим ему повиновался, милиция города служила апостолу, и собственное знамя города было вручено воину и защитнику церкви папой, а на изображениях это знамя вручал королю св. Петр. В ту эпоху вопросы светские и церковные не были строго разграничены; соответственно двоякому смыслу имени *respublica*, знамя города Рима смешивалось с хоругвью церкви и христианства и даже со знаменем империи вообще, подобно лабаруму Константина. Таким образом Карл стал военачальником Церкви (позднее этому сану было присвоено название *Confalonarius Ecclesiae*) и вместе с тем верховным судьей в Риме.

Патрициат, об упрочении которого, в соответствии с договором, должны были теперь согласиться между собой Ангильберт и Лев, имел важное значение, и только он один давал положительные юридические права. В силу именно носимого Карлом сана патриция папа предложил ему прислать в Рим кого-либо из знати и принять от римского народа присягу на верность. Папа спешил укрепить за покровителем высшую воинскую и судебную власть, так как без этого верховного права суда и кары папство само являлось беззащитным. Узурпация Тотто убедила пап, что им не удастся сохранить за собой власть ни над городом, ни над патримониями, если светские дела не будут подчинены императорской власти, признаваемой римлянами. Эти обстоятельства усилили значение патриция, и наряду с обязанностью защищать церковь он приобрел право верховного суда как в землях, подаренных церкви, так и в самом герцогстве, безмолвно признавшем власть церкви. Со времени падения лангобардского королевства, корона которого была присоединена к франкской короне, Карл впервые отнесся к сану патриция с сознанием всех прав, связанных с этим саном. Не упоминая о нем ни разу в своих актах до 774 г., Карл позднее начал пользоваться этим саном. При первом посещении Рима Карла уже встречали с теми почестями, которые некогда должны были оказываться эскзарху. Уступая просьбам Адриана, Карл показался народу в одежде римского патриция; он, однако, неохотно менял франкскую одежду на римскую. Он надевал ее, по точному показанию его биографа, всего два раза: в первый раз — по просьбе Адриана, во второй — по просьбе Льва; римская одежда, надетая на Карла, состояла из длинной туники и плаща (*chlamis*), а на ногах были башмаки, принадлежащие, по Кассиодору, костному патрицию. В таком одеянии, стоящим между обоими своими канцлерами изображен Карл на одной древней картине. Власть, которая принадлежала Карлу как патрицию была установлена договором между ним и Адрианом уже в 774 г., и Льву III предстояло только возобновить отношения, вытекавшие из этого договора, и упрочить их взаимным обетом. Патрициат не подтверждался вновь, так как он был пожизненным, и своему послу король поручал лишь выяснить пределы своей

власти как патриция. Верховная юрисдикция Карла в Риме, герцогстве и экзархате была признана новым папой; от лица Карла Ангильберт привел римлян к присяге, и Лев признал, что и Рим, и он сам должны повиноваться Карлу как светскому верховному главе. С своей стороны, папа являлся в провинциях, подчиненных его управлению, высшим представителем местной власти; но основу последней составлял только иммунитет епископа, независимость его от юрисдикции герцога. С течением времени это же самое положение создалось в большинстве городов и епископств Италии. Поэтому римское церковное государство можно вообще рассматривать как величайшую епископию, обладавшую иммунитетом.

Властное положение, занятое Карлом в Риме и на Западе, интересы церкви и идеи времени привели наконец к тому, что императорская власть была снова восстановлена на Западе. Долгим эволюционным процессом, начавшимся после падения древнеримской империи, были созданы две власти, которым отныне предстояло править европейским миром: в Риме, на началах латинской народности, как духовная сила, папская власть, и ею была объединена великая церковная организация всех провинций Запада; по другую сторону Альп германским народом была создана франкская монархия; власть этой монархии простиралась до самого Рима, и ее могущественный глава был уже близок к объединению большей части Запада в одно государство. Представителей той и другой власти, церковной и политической, связывали одни и те же интересы: необходимость взаимной поддержки и стремление дать вновь возникшему мировому порядку прочные формы. Независимость духовной власти церкви была провозглашена уже Григорием Великим; его преемники в эпоху иконоборства с полным сознанием показали отличие этой власти от светской власти императора. Когда затем независимость Церкви от византийских императоров была завоевана, явилось желание изобразить этот новый союз, в который Церковь вступила с вновь возникшей политической силой германского Запада. Мысль о таком изображении крайне интересовала Льва III. Некоторые мозаики, сделанные по его приказанию в римских церквях начиная с 796 г., явились выражением этих взглядов Льва и потребностей того времени. Уже в базилике Св. Сусанны Лев приказал изобразить себя и Карла. Оба изображения были помещены по концам ряда, состоявшего из девяти фигур, и как бы на горных вершинах: почтенная фигура папы без бороды и с обстриженными по-монашески волосами держала в руке изображение здания церкви; Карл как патриций был одет в римскую тунику и поверх нее в длинный плащ, богато отделанный по краям; из-под плаща виднелись ножны меча. Голову Карла украшали берет и свех него корона; ноги по римскому обычаю были обуты в башмаки с завязками (tibialia), доходившими до колен.

Таким образом изображению короля здесь в первый раз было дано место в римской церкви наряду со святыми и апостолами. Правда, в VI веке равеннаты поместили изображение Юстиниана и его жены в абсиде церкви Св. Виталия; но в Риме такой почести не было оказано ни Юстиниану, ни кому-либо из его предшественников и преемников. На другой знаменитой мозаике гармония мирового управления в образе обоих его представителей выражена вполне ясно.

Между 796 и 799 г. Лев III прибавил к триклиниям Латеранского дворца еще одну великолепную трапезную, которую он назвал *Triclinium majus*. Эта трапезная была облицована мрамором и украшена рельефами; колонны из порфира и белого мрамора поддерживали ее потолок; в ней были устроены три трибуны, и каждую из них украшала мозаика. В настоящее время в Латеране сохраняется позднейший снимок с мозаик главной трибуны. В центре помещен Христос, стоящий на вершинах горы, с которой бегут четыре потока; в левой руке Спасителя раскрыта книга с начертанными на ней словами: *Rex vobis*. Подняв правую руку, Он проповедует

ученикам, которые стоят по обе его стороны и внимают его словам; свою одежду ученики держат перекинутой через руку в знак того, что они готовы, выслушав слова Христа, идти в мир проповедовать его учение; о том же говорит надпись: «И так идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа; и се, Я с вами во все дни до скончания века». Другая надпись на арке гласит: «Слава в Вышних Богу, и на земле мир, в человецех благоволение».

Справа и слева от этой картины изображены две сцены, воспроизводящие союз духовной и светской властей и их божественное происхождение: с одной стороны изображены папа Сильвестр и Константин Великий, с другой — Лев III и Карл Великий. В ту эпоху о Константине сохранились живые воспоминания как о лице, которым была основана государственная церковь и которому приписывалось принесение папе в дар Рима и Италии. Новые отношения, которые были созданы сближением преемника Сильвестра с королем франков, сами собою наводили мысль на подобные параллели. Могущественный властитель Запада, король Италии и патриций римлян, победитель стольких языческих народов, уже получил от духовенства имя нового Константина и превзошел древнего императора размером действительных, а не воображаемых только приношений, сделанных им Церкви. Изобразить с такой ясностью исторические условия своей эпохи было подвигом искусства того времени, и эти мозаики, хотя и грубые по выполнению, по отношению к идейному содержанию являются на протяжении целого ряда столетий величайшим художественным произведением.

На картине, занимающей правую сторону, изображен Христос, сидящий на престоле; по правую его руку стоит, опустившись на колени, Сильвестр, по левую — Константин, оба — современники и, как гласит легенда, люди, связанные дружбой. Спаситель вручает папе ключи, а императору — лабарум, который тот берет правой рукой. Рядом с фигурой императора начертано R. CONSTANTINUS.

Этому изображению вполне соответствует другая картина с левой стороны, с той только разницей, что место Христа здесь занимает св. Петр. На коленях у апостола лежат три ключа. Правой рукой апостол дает папе Льву столу (stola) как знак его папского сана, а левой — Карлу знамя, как знак его верховной судебной власти. Король изображен здесь, в общем, так же, как на мозаике церкви Св. Сусанны, и на голове у него также надета берет и поверх него корона. Вокруг квадрата папы начертано: SCSSIMVS. D. N. LEO. P.P.; вокруг квадрата короля: D.N. CARLO. REGI. Под картиной надпись:

BEATE. PETRE DONA.
VITA. LEONI. P. P. ET. VICTO.
RIA. CARLO. REGI. DONA.

В более ранние века папа именовался на мозаиках только «епископом и слугой Христа», но уже с конца VIII века папам, подобно императорам, был присвоен титул Dominus, которого они еще, однако, не чеканили на своих монетах. Римляне привыкли в торжественных случаях приветствовать папу кликами: «Да здравствует наш государь папа!» — так же, как в византийскую эпоху их кликом было: «Да здравствует наш государь император и да будет он победителем!» Папа был признан в Риме повелителем, но титул «наш государь» был признан также и за Карлом. Еще раньше, чем Карл был провозглашен императором, летописцы и поэты прославляли его за то, что он соединил город Ромула с государством своих предков.

Описанные мозаики триклиния папа приказал сделать после того, как им через Ангильберта был окончательно заключен договор с Карлом. Они являются,

таким образом, памятником этого договора; из слов биографа папы надо также заключить, что построенная Львом трапезная была в 799 г. уже в действии. Если постройка ее была начата в 796 г., то мозаичные работы могли быть окончены еще до Рождества 800 г., т. е. раньше, чем Карл был коронован в императоры. Титул *Rex*, или король, нельзя, конечно, считать несовместимым с императорским саном; но мы склонны думать, что если бы эти мозаичные картины были сделаны уже после коронации, то для Карла был бы найден более подходящим не титул *Rex*, а те титулы, которыми, по точному свидетельству современников, он был тогда приветствуем: *Carolo piissimo Augusto, a Deo coronato magno, pacifico Imperatori, Vita et Victoria!* Позднее византийцы также не желали признать за западными императорами, как за узурпаторами, титула императора (*imperator*) и называли их только *гига* или *гех*. Таким образом, в вышеописанных мозаиках мы не имеем памятника восстановления империи, состоявшегося в конце 800 г. Грядущее великое событие, однако, уже предчувствовалось в то время, и мозаики Латерана, может быть, только за год вперед возвестили о неизбежности провозглашения Карла императором Запада.

2. Заговор против Льва III родственников Адриана и других знатных лиц. — Покушение на жизнь Льва III. — Его бегство в Сполето. — Отъезд Льва в Германию и свидание его с Карлом. — Рим во власти оптиматов. — Совет Алкуина Карлу, как поступить с Римом. — Возвращение Льва в Рим, 799 г. — Суд уполномоченных Карла над обвиняемыми

Одно неожиданное событие должно было послужить ближайшим поводом к восстановлению Римской империи. Тесное сближение Льва III с Карлом, признание за королем юрисдикции в городе и та настойчивость, с которой папа приглашал Карла взять на себя эту юрисдикцию, дают нам основание предположить, что Лев опасался враждебных действий со стороны римлян. В течение VIII века в Риме создалось клерикально-аристократическое правление, так как наибольшим влиянием пользовались *proceres* или *judices de clero*. Семь придворных министров ведали всеми делами в течение почти целого столетия. Самым влиятельным человеком в Риме наряду с папой был примицерий нотариусов. Его власть дала себя почувствовать в действиях Христофора и Сергия, создавших опасный пример; власть эта с падением их, однако, не уменьшилась, а при Адриане она, вероятно, возросла. Система nepotизма впервые проявилась при этом папе. Род Адриана, один из самых выдающихся среди знати, стал благодаря ему еще более могущественным; ближайшие родственники Адриана принимали участие во всех наиболее важных государственных делах и занимали высшие должности. Дядя Адриана, Теодат, именовался консулом и герцогом и был примицерием церкви; племянники Федор и Пасхалий имели огромное влияние в Риме. Пасхалий был возведен Адрианом в сан примицерия и сохранил за собой эту должность по смерти Адриана, так как со сменой папы не назначался другой примицерий. Племянник папы, управлявшего Римом со славой 23 года и наделявшего свою родню всеми высокими почестями, не мог не относиться враждебно к тому обстоятельству, что власть находится в руках постороннего лица. Эти неприязненные чувства Пасхалия имели отголосок во всей его родне и клиентах, креатурах Адриана, и во многих оптиматах как духовного, так и военного звания. К личной вражде nepотов, лишенных папой всего того влияния, которым они до него пользовались, присоединялось еще нежелание римлян признать верховную власть папы. Этот протест среди римлян начался с самого момента воз-

никновения светской власти пап и был причиной целого ряда революционных движений, продолжавшихся до нашего времени. Во всей истории человечества мы действительно не встречаем такой упорной борьбы во имя одного и того же неизменного начала, как эта борьба римлян и итальянцев, направленная против *Dominiū temporālis* пап, царство которых должно быть не от мира сего.

Пасхалий в сообществе с сакелларием Камнулом (по-видимому, это был его родной брат) составил заговор с целью лишить папу власти и захватить ее в свои руки. Решено было действовать во время процессии. Выполнение заговора сопровождалось большой смутой. На 25 апреля, в праздник Св. Марка, была назначена большая процессия, происходившая каждый год в этот день. Она направлялась от Латерана к *S. -Lorenzo in Lucina*; здесь встречал процессию народ и произносились *collecta*, или общая молитва. Папа, по обыкновению, следовал верхом на лошади в сопровождении своего двора. Когда Лев выступил из Латерана, Пасхалий присоединился к папе и занял в процессии свое место. Он ехал впереди папы, а Камнул позади него. Остальные заговорщики ожидали процессию у монастыря Св. Сильвестра *in carite* и здесь, обнажив мечи, напали на нее. Процессия была разогнана; разъяренные оптиматы сбросили папу с лошади на землю и стали грозить ему своими кинжалами; с него сорвали папское облачение, пытались вырвать, как делалось это в Византии, язык и глаза и оставили у дверей церкви. Затем Пасхалий и Камнул втащили папу в монастырь и здесь бросили его к подножию алтаря. После этого они приказали греческим монахам поместить папу в келью и держать его под стражей. Ночью папа был заточен в монастырь Св. Эразма на Целии. Священники рассказывают, что Господь по молитвам апостола Петра вернул папе язык и глаза, и это чудо убеждает нас в том, что подвергнутый истязаниям Лев, к счастью своему, вовсе не терял ни языка, ни глаз. Римом овладела паника; казалось, вновь должны повториться кровавые сцены времени узурпатора Константина. Заговорщиков было много, и все они принадлежали к высшей знати; кроме того, их, по-видимому, поддерживал своими вооруженными тузидьями Мавр, барон г. Непи, родины Тотто, и, может быть, одной с ним фамилии. Но, совершив насилие, заговорщики, вероятно, потеряли головы или не нашли у народа поддержки своему плохо обдуманному замыслу. Они не выставили своего кандидата в папы, и это обстоятельство доказывает, что заговор был направлен не против епископа, а против государя (*dominus*) Рима. Теперь весь город был в их власти.

Тем временем Лев оправился от полученных им ран, и затем до Пасхалия неожиданно дошла ужасная для него весть, что Лев бежал. Мужественный камерарий Альбин и другие лица, оставшиеся верными папе, освободили его из заключения. Они спустили папу с монастырской стены по веревке и затем отвели его в базилику Св. Петра. Вокруг беглеца сгруппировалась часть духовенства и народа, и заговорщики не посмели схватить папу у самого гроба апостола; они разграбили дома Альбина и Льва, но уже не могли помешать дальнейшему бегству папы. Винихис, герцог сполетский, узнав о событиях в Риме, поспешил туда с отрядом солдат в сопровождении франкского посла Вирунда, настоятеля аббатства Стабло, нашел Льва в базилике Св. Петра и увел его невредимым в Сполето.

Весть об участии папы быстро разнеслась повсюду, и послы Винихиса сообщили Карлу, что Лев желает явиться к нему лично. Известие о скором прибытии папы было получено Карлом в то время, когда он уже готов был выступить в поход против саксов. Карл, переправившись через Рейн у Липпегама, расположился лагерем у Падерборна и стал ожидать искавшего защиты гостя, выслав ему навстречу архиепископа Кельнского Гильдibalда, графа Анзариха и короля Пипина. Сопровождаемый этой почетной свитой, Лев III прибыл в Падерборн вместе с несколькими

лицами из римского духовенства. Сорок лет тому назад предшественник Льва, Стефан, ехал к Пипину, будучи только епископом, у которого не было ни земель, ни светской власти; но папа, спасавшийся бегством к сыну Пипина в 799 г., был государем Рима и многих других городов и провинций. Этот папа шел к Карлу поруганный и изгнанный «подвластными» ему римлянами, и Карл мог теперь понять, к каким последствиям должно привести соединение духовной священнической власти с властью светской.

Встреча этих двух людей в Падерборне была событием, которое имело всемирно-историческое значение. Поэт, изобразивший сцену встречи как очевидец, заимствовал свои краски из школьного Вергилия того времени, но начертанное им изображение является драгоценным материалом. По всей вероятности, этим поэтом был тот самый Ангильберт, на которого в 796 г. было возложено посольство ко Льву. Изобразив в своей поэме о Карле Великом Ахен, как «второй Рим» и воздав хвалу двору короля, поэт затем вдохновляется видением и в описании его подымается до высоты древнего стиля. Королю, погруженному в сон, является чей-то образ; вид этого образа внушает королю и глубокое сострадание, и ужас; это папа Лев с вырванными у него языком и глазами; тогда король посылает в Рим трех послов узнать о судьбе папы. В нескольких строках описывает затем поэт происходившие в Риме события, бегство папы и приезд его в Падерборн. Лев появляется в сопровождении короля Пипина, вышедшего ему навстречу с десятью тысячами воинов, а Карл ожидает папу среди своего лагеря. Вступив в лагерь, папа произносит благословение, войско три раза совершает коленопреклонение, и глубоко растроганный великий монарх заключает пострадавшего беглеца в свои объятия. Обоих высших представителей христианства приветствуют потрясающими воздох кликами толпы воинов и палadini, победители сарацинов Испании, аваров Истра и саксов Германии. Бряцание оружия смешивается с гимнами священников. Затем Карл ведет папу в собор, и после торжественной обедни начинается пир, на котором, по словам подражающего Вергилию поэта, в кубках древнего Бахуса пенилось сладостное фалерское вино.

Пока Лев, окруженный высокими почестями, был у Карла и обсуждал с ним наиболее важные дела, Рим оставался во власти партии, изгнавшей папу. Нам, однако, очень мало известно о положении города в то время. Биограф Льва касается этого вопроса лишь мимоходом и говорит, что узурпаторы грабили и опустошали владения св. Петра. Приверженцы Пасхалия, а именно призванное им сельское население, позволяло себе порой совершать насилия и, конечно, возмущалось тем, что церковь владеет огромным имуществом. Мятежники составили жалобу, и нельзя не пожалеть, что она утрачена, так как в ней были изложены причины, заставившие приверженцев Пасхалия восстать против Льва III; в числе этих причин были указаны также прелюбодеяние и клятвопреступление папы. Свое оправдание заговорщики отправили патрицию Рима. Поведение их в этом отношении весьма замечательно; надругавшись над папой и изгнав его, они тем не менее спокойно ждали суда Карла. Они не готовились к вооруженной обороне, не противились возвращению Льва и не пытались бегством спастись от грозившей им гибели. Из письма Алкуина к Карлу видно, какое большое значение придавалось этому возмущению. Король, только что решивший начать войну с саксами, писал Алкуину о событиях, происходивших в Риме, и просил совета. Алкуин отвечал так: до сих пор в мире было три высших лица — заместитель св. Петра, ныне так безбожно поруганный, затем император и властитель второго Рима, в настоящее время свергнутый с престола не менее жестоко, и, наконец, король, который по своему сану, дарованному ему Христом, является правителем христианских народов. Указав, что христианство может быть спасено только королем, так как он стоит выше папы и императора по своему могуществу и (в этом сказала не-

зависимость суждений автора письма) также по своей мудрости, Алкуин пишет дальше: «Спасением головы (Рим) нельзя пренебречь ни в каком случае. Пусть лучше болят ноги (саксы), чем будет страдать голова. С богопротивными людьми надо заключить мир, если это возможно. Угрозы следует отложить пока в сторону, дабы упорствующие не ускользнули; их надо, напротив, ублажить, пока благим советом они вновь не будут возвращены к миру. То, что мы имеем (Рим), надо охранять; иначе, гоняясь за малым, мы теряем большое. Своя паства должна быть оберегаема, чтоб хищный волк не растерзал ее. Радеть о чужом надлежит настолько, насколько не наносится ущерб собственному».

Король Карл решил применить свою верховную власть со всем строгим беспристрастием: он не отправил бежавшего из Рима папу назад в Латеран, дав в распоряжение папы отряд войска, на что, вероятно, надеялся сам папа, а призвал и папу, и его противников к своему верховному трибуналу. Обвинения, предъявленные Льву оптиматами, имели, по-видимому, важное значение; личные проступки папы едва ли могли быть единственным основанием этих обвинений; последние были направлены вообще против светской власти папы и его управления в Риме. Если бы обвинения не имели такого характера и племянники Адриана и их партия рассматривались как преступники, совершившие простое покушение на убийство, они не были бы преданы суду патриция. Необходимо поэтому допустить, что мятежники действовали во имя своих прав, основывая их на верховной власти и свободе, которая издревле принадлежала римскому народу.

Надо думать, что Карл объявил римлянам, что он пришлет полномочных послов, которые объявят свое решение, обсудив все дело правильным порядком. Осенью Лев III покинул Германию и спокойно вернулся в Рим в сопровождении многочисленной свиты. Вместе с папой прибыли в Рим десять послов Карла, на которых был возложен разбор дела; это были архиепископы кельнский Гильдебальд и зальцбургский Арно, епископы Куниберт, Бернгард, Гаттон, Флакх и Иессе и графы Гельмгот, Ротгар и Гермар. На обратном пути повсюду в провинциях и городах папе была устроена торжественная встреча, а прием, оказанный ему перед самым Римом, мог убедить папу, что под охраной сопровождавшей его свиты ему уже нечего было здесь опасаться. Приблизившись к городу 29 ноября, папа увидел, что для встречи его собрался весь народ за Мильвийским мостом. Тут были духовенство, знать, милиция, цехи горожан и корпорации чужеземцев с их знаменами. Встреченный таким образом, папа среди пения молитв проследовал в базилику Св. Петра и здесь отслужил обедню и совершил причащение.

Ночь папа провел в одном из епископских дворцов при базилике Св. Петра и только уже на следующий день перешел в Латеран. Вскоре после того в трапезной Льва состоялось собрание послов Карла, и перед франкскими судьями предстали Пасхалий, Камилл и их сообщники. Этот судебный процесс — самый знаменательный из всех, которые когда-либо велись в Риме — продолжался в течение нескольких недель. Акты суда не сохранились; а между тем даже такие отрывочные сведения, какие мы имеем о процессе узурпатора Константина, могли бы представлять большой исторический интерес, и нет сомнения, что утверждение биографа Льва III, будто привлеченные к суду оптиматы не могли ни в чем обвинить папу, оказалось бы в таком случае совершенно неосновательным. Если племянники Адриана не могли доказать виновность папы как священника, то по отношению к его положению в Риме как светского властителя их обвинения имели серьезное значение. Эта юная местная государственная власть пап уже при Павле I вызвала живой протест в римской знати и дала повод к возникновению узурпации Константина. Что касается состава суда, для нас остается невыясненным, участвовали ли в суде

наряду с франкскими послами и римские оптиматы в качестве шеффенов; мы должны, однако, предположить это, так как дело шло о папе и римлянах. Преданные суду признаны были, по-видимому, виновными, но определение наказания было предоставлено усмотрению Карла.

3. Приезд в Рим Карла Великого. — Собрание в базилике Св. Петра. — Суд Карла над римлянами и папой. — Очистительная клятва Льва. — Римляне провозглашают Карла императором. — Восстановление Западной империи. — Папа коронует Карла Великого императором в 800 г. — Юридические основы и значение новой имперской власти

Король дал папе обещание приехать в Рим и отпраздновать там Рождество 800 г. Прибыв в августе в Майнц, король объяснил франкским вельможам, какие обязанности призывают его в Италию и в Рим, и затем двинулся в путь. Еще будучи во Франции, Карл звал с собой Алкуина; достойного мужа удерживали на месте отчасти болезненное состояние, отчасти привязанность к монастырю Св. Мартина в Туре, и Карл, шутя, упрекал Алкуина за то, что он предпочитает закоптевшие от дыма хижины этого города сверкающим золотом дворцам Рима. Аббат монастыря Св. Мартина дал королю в спутницы музу, которая в пророческом предвидении возвестила королю следующее: Рим, глава мира, вершина всех почестей, сокровищница святых, ждет прибытия короля как верховного правителя государства и своего заступника; король призывается учредить свой трибунал в Риме, водворить там мир, восстановить своим приговором папу в его правах и, наконец, по воле Бога вступить в обладание всей землей.

Карл направился с своим войском в Равенну, провел здесь семь дней, затем передвинулся в Анкону и, отправив отсюда короля Пипина с отрядом войска против герцога беневентского Гримоальда, не желавшего покориться, продолжал свой путь дальше. Приближение самого могущественного человека того времени, охранявшего своим щитом и Рим, и церковь, вызвало в городе большое волнение; одни видели в нем сурового судью-карателя, другие надеялись найти в нем избавителя, но все одинаково были в ожидании необычайных событий.

У четырнадцатого верстового камня по Номентанской дороге в то время еще существовал древний город Номент; уже с IV века здесь жил епископ. Для торжественной встречи короля Лев с духовенством, милицией и народом прибыл в этот город. Встреча происходила 23 ноября. В Номенте Карл остановился отдохнуть и разделал с папой трапезу; затем Лев, выяснив предварительными переговорами все то, что должно было затем произойти в Риме, вернулся назад в город, чтобы на следующий день встретить своего судью. Король провел ночь в Номенте и вступил в Рим 24 ноября. Въезд в город состоялся не через Номентанские ворота: король проследовал вдоль стен, перешел через Мильвийский мост и таким образом добрался до базилики Св. Петра, где папа, стоя на ступенях лестницы, встретил его и ввел в церковь.

Затем Карлом были созданы духовенство, знать и горожане — как римляне, так и франки. Это судебное собрание происходило 1 декабря в базилике Св. Петра. Король, одетый в тогу и плащ патриция, сидел рядом с папой; по обе их стороны заняли места архиепископы, епископы и аббаты; низшее духовенство и вся знать, как римская, так и франкская, присутствовали стоя. Карл объявил собранию, что он прибыл затем, чтоб восстановить попорченный порядок Церкви, покарать тех, кто совершил насилие над главой Церкви, и произвести суд между римлянами как обви-

нителями, с одной стороны, и папой как обвиняемым — с другой. Жалобы на папу возмущившихся римлян должны быть снова заслушаны перед трибуналом патриция, и этот суд должен постановить приговор, виновен папа или нет. Судебные полномочия Карла не оспаривались; все франкские епископы видели в нем вообще главу Церкви; папа, уже признавший за уполномоченными короля право расследования дела, был, как и всякий другой римлянин, подданным Карла и как таковой явился на его суд. Не подлежит сомнению, что Лев III подчинился этому трибуналу. Франкские летописцы утверждают это совершенно определенно, и только книга пап старается придать иное значение процессу. В ней говорится, будто все епископы поднялись и заявили следующее: мы никогда не дерзнем судить апостольский престол, главу всех церквей Господних. Мы сами подлежим суду этого престола и его заместителя, над которым нет судьи, и таков обычай, установленный издревле. Согласно каноническим установлениям, мы следуем тому, что признает за благо верховный пастырь. Вслед за тем папа будто бы объявил: «По примеру моих предшественников, я готов очистить себя от ложных обвинений, взведенных на меня нечестивыми людьми».

Между прочим, уже существовал пример Пелагия, на которого мог сослаться Лев III. Обвиненный некоторыми римлянами в том, что был соучастником в смерти своего предшественника Вигилия, Пелагий очистил себя клятвой, торжественно принесенной в базилике Св. Петра в присутствии Нарзеса, заступавшего тогда в качестве патриция место императора. Точно так же поступил и Лев, но уже после того, как формальная сторона суда была соблюдена, т. е. когда показания обвинителей папы были заслушаны Карлом. Таким образом, обвинения были предъявлены, хотя, может быть, и не были доказаны, и только тогда Карл согласился с мнением епископов, которые, отвергая возможность судебного приговора, признали за папой право принести очистительную клятву. Это принесение присяги состоялось вскоре после первого собрания и также в базилике Св. Петра в присутствии всех епископов и оптиматов, городских и франкских; римский народ плотной толпой наполнял корабли церкви. Папа взошел на ту же кафедру, на которой некогда стоял Пелагий, давая свою клятву, и, взяв в руки Евангелие, произнес следующую формулу очистительной клятвы:

«Возлюбленные братья, вам известно, что против меня восстали злодеи; они взвели на меня тяжкие обвинения и тем оскорбили меня. Чтобы произнести по этому делу решение, всемиловейший и пресветлейший король прибыл сюда с пастырями и своими вельможами. Ввиду этого я, Лев, первосвященник святой римской церкви, никем не осужденный, никем не принуждаемый, а по своей воле, в вашем присутствии и перед Богом, которому раскрыта совесть, перед Его ангелами и перед святым апостолом Петром, перед лицом которого мы стоим, утверждаю, что я не совершал преступлений, которые мне ставят в вину, и никому не приказывал совершать их; я призываю в свидетели тому Бога, пред судом которого мы должны предстать и перед лицом которого мы стоим здесь. Все это я делаю не понуждаемый к тому каким-либо законом и не ради того, чтоб вменить это, как обычай или обязанность, установленные святой церковью, моим преемникам и собратьям-епископам, а только для того, чтобы вернее изгнать из вас несправедливые подозрения».

Когда затем Лев подтвердил свои слова клятвой, духовенство пропело *Te Deum*; очистившийся от обвинений папа снова занял престол св. Петра, а обвинители, т. е. оптиматы Пасхалий, Камиул и их сообщники, осужденные заранее на смерть, были переданы в руки палача. Однако папа предпочел простить своих противников, вполне основательно опасаясь, что казнь родственников Адриана, людей знатных, только еще больше усилит недовольство римлян. По ходатайству Льва

Карл осудил виновных на изгнание во Францию; этим изгнанием было заменено применявшееся прежде изгнание в Византию.

Изложенные события завершились актом, имевшим весьма важные последствия: корона римских императоров была возложена на короля франков. Триста двадцать четыре года протекло с того времени, когда послы римского сената явились к императору Зенону, вручили ему регалии и объявили, что Риму и Западу более не нужен отдельный император. Затем наступил долго длившийся и полный превратностей период упадка, когда византийские императоры правили Италией как провинцией. Благоговейное отношение к идее Римской империи сохранялось в людях упорно; освобожденная Италия и Запад даже в конце VIII века все еще преклонялись перед саном византийских императоров, этим слабым отражением Римской империи. Древних установлений, составлявших основу трона цезарей, уже не существовало; тем не менее идея империи не переставала жить. Это была священная форма, которая в течение столетий выражала собой единство человеческой республики и вместе с тем видимой Церкви. Германцы разрушили Западную империю, но они же и восстановили ее, когда римская цивилизация была ими усвоена и сами они были приняты в лоно Церкви. Эта Церковь, законам которой Запад уже был подчинен, возродила Римскую империю из себя самой как политическую форму заложенного в ней мирового гражданского начала и того духовного единства, в котором папа соединял такое множество народов. Помимо этого, верховная власть папы над всеми церквями Запада могла быть окончательно признана только императором и империей. Затем, восстановление империи оказывалось необходимым также ввиду страшного могущества ислама, который угрожал не только Византии, но и самому Риму из Сицилии и Испании. Греческие императоры, будучи правителями Востока, могли держать Запад под своей властью лишь до тех пор, пока римская церковь была еще беспомощна, Италия была истощена, а германский Запад был во власти варваров, еще не знавших закона. Но эта власть уже не могла быть удержана, когда церковь приобрела самостоятельность, в Италии возродилось национальное самосознание и Европа объединилась в могущественное франкское государство, во главе которого стоял великий монарх. Таким образом возникла идея о провозглашении Карла императором и был осуществлен тот замысел, которым некогда с началом иконоборства возмущившиеся итальянцы грозили Льву Исаврянину. Теперь Запад уже предъявлял свои притязания на права империи. Право Византии на положение империи стало законным с давних времен; но Византия была только детищем Рима, и императорская власть получила свое начало в Риме: трон цезарей был в этом городе. Рим, следовательно, только возвратил себе свои права, когда, как некогда в древности, он предоставил императорскую корону могущественному повелителю Запада. Летописцы того времени, обсуждая положение дел, находили, что императорская власть тогда никому не принадлежала, — власть, которая у греков со времени Константина сначала была разделена между двумя городами, а затем сосредоточена в одном. За два года до того, как Лев подвергся поруганию, сану императора в лице Константина VI было также нанесено оскорбление. Римская республика была терроризирована Ирриной, бесстыдной женщиной, которая приказала ослепить своего собственного сына; ввиду этого трон империи оказывался вообще не занятым. Таким образом франкскому монарху, уже обладавшему Римом, столицей империи, и многими другими резиденциями древней императорской власти, была передана корона Константина, никому, собственно, не принадлежавшая. Это важное событие, ставшее необходимым в силу направления мысли того времени и потребностей Запада, но бывшее революционным по отношению к правам Византии, едва ли могло быть делом случая, а скорее явилось результатом историче-

ски сложившихся обстоятельств и созданных ими решений. Можно ли сомневаться в том, что императорская корона была той целью, к которой уже давно стремился Карл Великий, и что таков же был идеал его друзей, живших римским мировоззрением? Сам Карл прибыл в Рим, очевидно, для того, чтобы осуществить свою цель или, по крайней мере, прийти к какому-нибудь окончательному решению, и папа во время своего пребывания во Франции уже заявил о своей готовности содействовать этому великому перевороту. Сам процесс освобождения пап из-под власти Византии — законной имперской власти — совершался нерешительно, и папы признавали ее еще и тогда, когда франкские государи уже приобрели власть над Италией. Обстоятельства вынудили, однако, пап отдаться под покровительство франкских королей и предоставить им сан патриция в Риме; сами они взамен получили церковное государственство, обладание которым могло быть обеспечено за ними только постоянной готовностью франков поддерживать их. Изгнание папы из Рима, где Карл уже был государем, послужило началом решительных действий. При таких условиях Лев III неизбежно должен был содействовать переходу власти к западной династии, к строго католическому королевскому дому Пипина, помазанному на царство предшественником Льва, Стефаном. Защитой для церкви являлось ревностное благочестие этого дома, а его могущество должно было спасти христианство от варваров и язычников. Что касается Византии, то от нее уже нельзя было ждать ничего другого, кроме повторения иustinianовского деспотизма и догматических ересей. Все это было уже давно и зрело обдуманно и взвешенно.

Можно предположить, что принадлежавшие к духовенству друзья Карла более всего содействовали осуществлению изложенного плана, к которому папа, может быть, не относился с большим увлечением. Алкуин был заранее посвящен в этот план; это доказывают его письма; но франкские послы провели в Риме целый год, и нет сомнения, что они вступили в соглашение с римлянами, так как в данном случае их избирательный голос имел главное значение. Исходя из избирательного права, принадлежавшего в древности сенату и народу, римляне провозгласили Карла патрицием, и теперь по тому же праву им предстояло объявить Карла императором. Карл становился императором государства вообще только потому, что он делался императором римлян и Рима. Решение римской знати и народа, без сомнения, предшествовало коронованию, и Карл был возведен в сан римского императора теми же тремя избирательными корпорациями, которые принимали участие в избрании пап.

Великий переворот, уничтожавший вековые права Византии, не должен был совершиться по личному усмотрению короля или папы; этому перевороту надлежало явиться актом самого божественного промысла и затем законным действием христианского мира, представителями которого были римский народ и все собравшиеся в Риме духовные лица, оптиматы и граждане, как германские, так и латинские. Сами франкские летописцы говорят, что Карл стал императором по избранию римского народа, или ссылаются на общее собрание обеих соединенных наций, причем перечисляют участников собрания в таком порядке: папа, все собрание духовных лиц, епископов и аббатов, сенат франков, все знатные римские люди и прочий христианский народ.

Решение римлян и франков было возведено Карлу в виде прошения. Не следует ли предположить, что он, как некогда Август, притворился, что не примет высокого сана, пока не будет вынужден к тому самим совершившимся фактом? Карл объявил, что предложение императорской короны для него совершенно неожиданно и что он никогда бы не переступил порога церкви Св. Петра, если бы знал, что таковы намерения Льва. Этот ответ человека, в котором было столько благочестия и геройства, не должен ли быть отнесен к лицемерию? Разве сын Карла, Пипин, не

был призван в Рим с войны против Беневента именно для того, чтоб присутствовать при короновании? Все эти противоречия пытались устранить, утверждая вместе с Эгингардом, что Карла смущала мысль о Византии, что он еще не объявил своего решения и что он пытался переговорами с греками сначала добиться от них признания за ним сана императора; поэтому для Карла будто бы и явилось такой неожиданностью коронование, которое было предложено ему так несвоевременно. Само по себе это объяснение до некоторой степени правдоподобно; но оно имеет в виду исключительно время коронования. Между тем на принятие сана императора Карл давно выразил свое согласие, и оно было окончательно утверждено во время пребывания Карла в Риме. Друзья Карла были вполне уверены, что он будет провозглашен императором.

Само коронование было совершено без особых приготовлений и не сопровождалось торжественными церемониями; это было сделано с той целью, чтоб положить конец всяким дальнейшим колебаниям. Действовать так решительно входило в расчеты папы уже потому, что на его долю в этом случае выпадала главная действующая роль, коронованием же и миропомазанием за церковь устанавливалось высшее право. В этот момент папа, глава церкви, действительно возводил в сан императора лицо, избранное римлянами и франками. Ничего не могло быть проще и скромнее этого акта, имевшего значение всемирно-исторического события. В день Рождества Карл лежал распростертым и молился перед исповедальней Св. Петра; когда затем Карл поднялся, Лев, как бы движимый самим Богом, возложил на голову короля золотую корону, и народ, уже подготовленный и понимавший то, что происходит перед ним, приветствовал Карла кликами, которыми приветствовали римляне цезарей: «Карлу, благочестивейшему Августу, венчанному Богом, великому, миролюбивому императору римлян, жизнь и победа!» Это приветствие было повторено дважды. Высоко знаменательный момент, который когда-либо переживали римляне, вызвал в народе целую бурю воодушевления, когда папа, как второй Самуил, помазал на царство нового западного цезаря и его сына Пипина. После того Лев одел Карла в императорскую мантию и, опустившись на колена, преклонился перед главой Римской империи, которого Бог его рукой венчал на царство. За торжеством коронования следовала обедня, и по окончании ее Карл и Пипин сделали церквям приготовленные раньше приношения: базилике Св. Петра серебряный стол с драгоценной золотой утварью, базилике Св. Павла — подобное же приношение, латеранской базилике — золотой крест, украшенный драгоценными камнями, и церкви S.-Maria Maggiore — не менее дорогие приношения.

Так сложил с себя Карл сан патриция и стал с той поры называться императором и августом. Новый титул не мог увеличить могущества государя, который уже давно был властителем Запада; но этим титулом было формально признано за Карлом его единодержавие и возведено всему миру, что Карлу присвоено «дарованный ему Богом» сан цезаря; в этот сан Карл был возведен в величайшем из всех церковных святых и в Риме, древнем средоточии всемирной монархии. Позднее, когда германская империя вступила в борьбу с папством, канонисты стали утверждать, будто император получил корону только по милости папы, и такое утверждение обосновывали на том, что Карл был коронован Львом III. В свою очередь, короли ссылались на форму приветствия, провозглашенного народом: «Венчанному Богом императору римлян жизнь и победа», и утверждали, что свою корону, неотъемлемое наследие цезарей, они носят только по произволению Бога. Наконец, римляне стали доказывать, что Карл получил эту корону лишь по верховной воле сената и народа. Спор о правовом происхождении имперской власти не прекращался за все время Средних веков. Ни в чем не изменив фактической стороны всемирной исто-

рии, этот спор, однако, доказал, что в человечестве живет потребность сводить мир фактов к принципиальному началу, которым узаконивается власть. Папа Лев III так же мало имел права передавать кому-либо корону империи, ему не принадлежавшей, как и Карл присваивать себе эту корону. Но папа считал себя представителем империи и римского начала, и он имел силу совершить этот не осуществимый без содействия церкви переворот не столько как верховный глава христианской республики, сколько как человек, в котором воплотилась латинская национальность. Мир видел в лице папы святого посредника между собой и божественным промыслом, и только совершенные этим посредником коронование и миропомазание облекли императорскую власть Карла божественной санкцией. С другой стороны, избирательное право римлян, в какой бы форме оно ни выразилось, было бесспорно и ни при каком позднейшем избрании императора не могло иметь такого решающего юридического значения. Если бы римляне, от которых приобрел свой сан новый август, высказались в 800 г. против провозглашения Карла императором, король франков никогда не был бы императором или его императорская власть как узурпация утратила бы всякую видимость законности. Таким образом, как помимо решения папы, так и помимо желания римлян Карл не мог стать императором. Но наряду с папой и римлянами в избрании принимали участие также франки и другие германцы, представителями которых являлись существовавшие в Риме корпорации (*scholae*) чужестранцев. Избирательное право, первоначально принадлежавшее исключительно сенату и народу и как таковое никогда, впрочем, не признававшееся Карлом, утратило свое значение, так как основу имперской власти теперь составляла уже германская нация, но ею избирались только франкские и немецкие короли.

Точно так же с течением времени возник и другой спорный вопрос: не была ли имперская власть, принадлежавшая грекам, передана в 800 г. папой франкам? Так именно ставился и решался в положительном смысле этот вопрос людьми, признававшими за папой право инвеституры. Но если не подлежит сомнению, что Лев III как папа не обладал такой исключительной властью, которая давала бы ему возможность предоставить королю франков корону империи и не имел также на это никакого права, то этим самым решается также отрицательно вопрос и о том, мог ли папа отнять имперскую власть у греков и передать ее франкам. Само выражение «перемещение империи» не вполне верно. Дело в том, что в то время, когда возник великий проект провозглашения Карла императором, представление о единстве империи было все еще настолько могущественной догмой, что даже мысль об отделении Запада от Востока являлась невозможной. Казалось более вероятным, что Карлу предстоит занять трон всемирной империи, так как он считался свободным после того, как Константин VI был свергнут с него; при этом Карл явился бы не антиимператором, а императором единодержавным, преемником Константина и Юстиниана. Карл сам предполагал, как гласила молва, вступить в брак с Ириной. Империи надлежало перейти под власть новой династии, франкской, а не франкского народа, и весьма вероятно, что и Карл, и Лев верили в возможность сохранить единство как империи, так и церкви. Но эти надежды были только несбыточной мечтой. Новая императорская власть осталась в пределах Запада и не распространилась на Восток, на который во времена Гонория и его преемников простиралась древняя императорская власть. Оскорбленные греки отнеслись к этой новой власти как к узурпации и печалились о том, что великий франкский меч разрубил связь, существовавшую между Римом и Византией, что прекрасная дочь отторгнута навсегда от своей убоженной седины древности матери. Отныне глубокая пропасть легла между Востоком и Западом. Церковь, государственные установления, наука, искусство, нравы, уклад жизни и даже воспоминания — все это оказалось совер-

шенно иным на Востоке и на Западе. Греческая империя превратилась в Восточную и, оставаясь неизменной, просуществовала со славой еще шесть мучительных для нее столетий; Римская империя своим существованием внесла в жизнь западных народов непредвиденно богатое содержание.

Таким образом римская имперская власть была фактически восстановлена. В представлении человечества она казалась сохранившей свою древнюю форму; но это было так только по внешности — по своему содержанию эта власть была новой. В возникшем вновь государстве живыми носителями политических начал уже были германцы и, кроме того, само государство смелым решением было выдвинуто за пределы исключительно государственных основначал: оно было обосновано божественным произволением и вскоре же получило значение ленного владения, дарованного этим произволением. Новая власть имела теократический характер. Церковь, Царство Божие на земле, составляла внутреннее жизненное начало новой империи, которая, с своей стороны, являлась гражданской формой церкви, ее католическим телом. Без Церкви существование государства становилось невозможным. Уже не римские законы, а установления церкви являлись твердой основой и связью, соединившей западные народы и создавшей из них христианскую общину, главами которой были единый император и единый папа. Унаследованная от древности образованность, содержание религии, культ, нравственные законы, священство, римский язык, праздники, календарь — словом, все то, что составляло общее достоинство народов, исходило теперь из Церкви. Римская идея всемирной республики, которой могло быть объединено все человечество, только в Церкви получила свое видимое выражение. Император являлся верховным главой Церкви и ее охранителем; ему, светскому наместнику Христа, надлежало приумножать Церковь и блюсти в ней порядок. К народам и государствам, которые были объединены империей и признавали — добровольно или в силу принуждения — гражданскую власть императора, последний стоял отныне в тех же самых отношениях, в каких стоял папа к местным епископам и митрополитам, пока централизация Церкви еще не была окончательно достигнута. В ближайшее время после Карла Великого западный цезарь еще не обладал ни действительно обширными территориями, ни государственной властью; императорская власть была основана скорее на общей всем народам догме и имела значение интернационального авторитета. Он представлял собой идеальную силу, не имевшую реальных оснований.

Возникновение на Западе из древнеримской государственной идеи теократического начала привело к тому, что сама Церковь, руководимая своим папой, духовным наместником Христа, с течением времени развилась в единую господствующую власть. Мистическому пониманию реального мира в Средние века, на которое мы теперь смотрим как на софистическую игру символами, весь мир, так же как и человек, представлялся сочетанием души и тела. Отвоєванный долгой борьбой догмат о двух естествах Христа, земном и божественном, был положен в основу также и политического понимания человечества, и это могло послужить папе только на пользу. Церковь являлась душой, государство — только телом христианства.

Папа оказывался наместником Христа во всех вопросах божественного и вечного значения; император был таким же заместителем только в делах преходящих и земных. Первый являлся солнцем, разливающим повсюду жизнь, второй — луной, освещающей землю, когда она окутана ночью. Этот дуализм, созданный разделением власти между императором и папой, положил начало принципиальной борьбе. Таким образом, с 800 г. в западном мире начали действовать те два противоположных начала, латинское и германское, около которых вращалась и продолжает вращаться доныне вся история Европы. В эпоху Карла Великого эти начала, однако,

могли быть подмечены разве только в виде зачатков. Перед императорским величием Карла, так же как перед величием древних императоров, блеск римского епископа, преклонившегося перед Карлом, должен был померкнуть; этот епископ, как всякий другой, был в государстве Карла его подданным. Завершив собой долгую и бурную эпоху переселения народов, коронование Карла императором явилось как бы печатью, скрепившей примирение германцев с Римом, — союз древнего латинского мира с новым, германским. Германия и Италия становились отныне носительницами всемирной культуры. В течение длинного ряда столетий они обе не переставали оказывать друг на друга воздействие, а наряду с ними путем смешения обеих рас, возникали и расцветали новые нации, в которых преобладало то латинское, то германское начало. С той поры жизнь народов сосредоточилась в великой концентрической системе церкви и государства, и на лоне этой системы была создана вся западная культура вообще. Чарующее действие этой двойной системы на человечество длилось так долго и было так прочно, что с ним уже не мог быть сравняемым ни по силе, ни по продолжительности политический порядок, существовавший в древности.

Всемирно-исторические моменты получают свое значение только с течением времени. Так было и с коронованием Карла Великого. В летописях человечества едва ли найдется другой момент, который имел бы подобное же первенствующее значение. Это был творческий момент в истории, когда из хаоса Древнего мира и стихийной воли переселяющихся народных масс создался материк, на котором историческая судьба Европы стала развиваться, следуя уже не столько законам механических сил, сколько началу чисто духовному.

TOM III

КНИГА ПЯТАЯ

ОТ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ КАРЛА ВЕЛИКОГО
ИМПЕРАТОРОМ ДО КОНЦА 900 Г.

ГЛАВА I

1. Рим занимает новое положение в мире. — Отношения императора и папы к Риму. — Лев снова едет к Карлу. — Ардульф Нортумберландский в Риме

Свое имя империя Карла получила от Рима; но, по существу, эта античная форма обнимала собой германское начало. Давая вновь возникшей таким образом империи название германо-римской, имеют в виду сочетание двух противоположных начал, на основе которых возникла современная Европа. Благодаря одной национальности история человечества шла без перерыва, и эта национальность принесла в дар потомству и древнюю культуру, и идеи христианства; другая национальность восприняла и умножила это наследие. Рим привлек к себе германский мир, а римская церковь обуздала варварство, установила между народами единение и связала их одним общим церковно-политическим началом, центром которого был Вечный город. Подобную же задачу по отношению к славянскому миру, казалось, предстояло разрешить Византии. Но задача эта осталась невыполненной как потому, что Византийская империя не включала в себя никакого творческого начала общности, которое соответствовало бы такому началу в римской церкви, так и потому, что славянские племена, не одаренные высшими идеями государственности и культуры, оказались неспособными стать наследниками эллинского образования. Идея славяно-греческой империи живет еще доньше в России, но не столько как национальная задача еще не законченного исторического развития, сколько как сознание утраты, которую потерпело это развитие и которая уже не может быть наверстана.

С устранением Византии из истории Запада Рим вторично приобрел могущественное влияние на мир. После того как Римом цезарей были уничтожены политические автономии различных национальностей, переселение народов создало новые государственные группы и церковь провозгласила нравственное равенство народов — право их на всемирное гражданство как христиан. Идеал единого, нераздельного человечества — христианская республика, таковы были идеи нового времени. Древняя столица возрожденной империи как апостольское сосредоточие церкви стала именоваться матерью христианских народов и, как *Civitas Dei*, представляла нравственный *Orbis terrarum*. Первая, несовершенная, форма союза народов, связанных одной нравственной идеей, была установлена; но этой Священной империи еще предстояло быть созданной. И за все Средние века и даже в наше время все еще происходит безостановочная борьба обнимающей собою весь мир величайшей христианской идеи свободы и любви за свое воплощение в жизни.

В более тесном кругу своей собственной истории город Рим приобрел точно так же новое значение. Спасение Рима от нашествия варваров и затем освобождение его из-под власти лангобардов и греков были важными историческими событиями. Пипин и Карл, положившие конец последней борьбе германцев из-за Рима, создали во-

круг него известную область и сделали ее властителем папу. Король франков, новый император, как верховный владыка дал обет защищать это церковное государство от его и внутренних, и внешних врагов; Рим как общее достояние всего человечества не должен был принадлежать исключительно ни какому-нибудь одному государю, ни какому-нибудь отдельному народу. Метрополия христианства представляла мировой принцип в более высоком смысле, чем Древний Рим, поэтому она должна была оставаться свободной и быть доступной одинаково для всех народов; ее первосвященник не мог быть подданным никакого короля, кроме верховного главы империи и церкви, т. е. императора. Это понятие нейтралитета Рима как церковного центра народов, которого не должны были коснуться волны, беспрестанно воздвигаемые в человечестве политическими и социальными бурями, сохраняло папе до наших дней его небольшое церковное государство, тогда как великая монархия Карла и сотня других окружающих ее государств обратились в прах. Кто станет отрицать, что идея священного мирового города как места вечного мира среди борющегося человечества, как общего убежища образованности, справедливости и милосердия, — что такая идея полна величия и достойна преклонения перед ней? Если бы институт папства, не увлекаемый властолюбием и всякой другой корыстью, не скованный неподвижностью догматизма, развивался вместе с жизнью, которая все разрасталась, шел бы рука об руку с возникавшими в мире социальными задачами, с творческой работой в нем и культурой, то едва ли можно было бы представить себе более высокую мировую форму, пребывавшую в которой человечество сознавало бы свое единство и гармонию. Но с окончанием своей первой блестящей эпохи папство в драме истории стало в сущности началом задерживающим: величайшая идея, составлявшая основу церкви, не была осуществлена; достаточно, однако, уже того, что эта идея когда-то жила в папстве, чтобы мы считали это учреждение наиболее достойным почтения из всех, которые знает история; к городу же Риму как классическому носителю этой идеи, любовь человечества обеспечена навсегда.

Рим во второй раз становился для империи источником права. Великие традиции Римской империи как формы политического устройства мира хранились в Риме; поэтому Карл и именовался императором римлян, так как не было никакой другой империи, кроме той, которая по своему происхождению и идее была бы связана с Римом; в силу этого же и византийские властители продолжали также называться римскими императорами. Нет сомнения, что в политическом смысле Рим представлял отжившую развалину; но обладание им было равносильно для Карла обладанию как бы подлинным, освященным веками документом, утверждавшим все его права. В то же время притязание города быть все еще тем корнем, которым питается и держится империя, было бы не больше, как историческим воспоминанием, если бы церковь не вносила в него понятия универсальности. Благодаря Церкви Рим владел древними провинциями цезарей еще раньше, чем Карл получил императорскую корону; этой же короной провинции были вновь политически воссоединены в империю. В древней империи основу ее единства составляло римское право; в новой империи единство достигалось церковными законами. Иерархические соображения занимали теперь место политических прав, которыми город уже более не обладал; папы приложили старания к тому, чтоб возможно скорее устранить тот призрак суверенитета римского народа, который проявился в избрании Карла императором, и установить, что германский цезарь есть вассал церкви, возводимый в сан императора волею Бога, выражением которой служит совершаемое папой помазание. Римляне того времени не могли не видеть великой власти, которую имел их город над самыми отдаленными странами благодаря церковной системе, повсеместному применению римского канонического права, употреблению латинского языка

повсюду: в школах, в церквях, на соборах и в государственных сношениях, благодаря, наконец, сохранившимся памятникам науки и искусства, — и должны были признать, что хотя эта власть иного рода, но едва ли меньше той, которая принадлежала Риму времен Траяна.

Рим был только духовной главою империи; к счастью народов, исторические условия исключали возможность для города стать снова политическим центром. В противном случае императорская власть и папская власть слились бы воедино и оказались бы непомерной силой; Европа была бы тогда раздавлена гнетом иерархической деспотии, еще более ужасной, чем древний цезаризм. Карл отказался от мысли сделать Рим столицей своей монархии, и это решение имело в высшей степени важное историческое значение: им была обеспечена возможность, с одной стороны, самостоятельного развития западных народов, с другой — такого же самостоятельного развития церкви. Вымыслом о даре, якобы сделанном Константином, предвиделся последствия, которые должны были возникнуть для папства, как скоро глава империи избрал бы снова Рим своей столицей. Самая великая опасность грозила римскому епископству в момент восстановления империи, но, ко благу папства, эта опасность была устранена от него. Противоположностью германских и римских начал власть императора была навсегда отделена от власти папы; расколом между этими двумя силами, которые одна другую сдерживали и ограничивали, была спасена свобода Европы. Новый император возник на почве завоевательных стремлений германского народа; папа был создан Римом и латинянами; каждая из этих двух национальностей должна была развивать в себе соответственную ей мировую силу: Север должен был создать политические учреждения, Юг — духовные; Германии надлежало завершить развитие империи, Риму — развитие церкви. По мысли Карла, в западном мире должно было быть два центра, около которых должна вращаться великая система христианской республики: папский город и императорский город, Рим и Ахен, и вместе с тем сам он, император, должен оставаться единственным верховным главой и всемирной империи, и церкви.

Однако противоречия, обусловленные внутренними причинами, и инстинкты, свойственные германской индивидуальности, противопоставившей римскому началу авторитета и системы личную свободу и личную непреклонность, довольно скоро разрушили создание Карла, и точно так же быстро спустилось папство с той высоты, на которую его вознес благочестивый монарх. Германцы боролись против обращения их в римлян — против латинизма; в самом городе Рима разгорелась сильнейшая борьба гражданских начал с духовными привилегиями. История двух замечательных столетий, составляющая содержание этого тома, познакомит нас с поразительными контрастами в жизни Рима; заключительным актом этого периода является то время, когда саксы снова поднимают папство из его до крайности жалкого положения и восстанавливают до некоторой степени разрушенную систему Карла, в которой, однако, теократические идеи все более и более уступают место императорским началам Древнего Рима.

После коронация Карл остался на зиму в Риме. Помещением для Карла служил не древний palatium, который был предоставлен его естественному разрушению, а одно из епископских зданий при церкви Св. Петра, которое было приспособлено для этой цели. Это же помещение занимали и все Каролинги, когда они приезжали в Рим, и здесь же жил императорский посол (missus). Отдаленность Германии и нежелание сделать Рим своей столицей удерживали Карла от постройки собственного императорского дворца, и не может быть сомнения в том, что если бы такой дворец действительно был построен, то летописцы говорили бы о нем и описали бы его так же, как описаны дворцы в Ахене и Ингельхейме.

Император привел в порядок дела Италии и Рима; последний с подчинением его императорской власти чувствовал себя умиротворенным. Принудив римлян признать папу своим местным властителем, Карл вместе с тем заставил их как императорских вассалов (*homines imperiales*) принести и ему присягу в верности и повиновении. Правда, императорская власть в Риме имела только принципиальное значение. В то суровое, но еще очень далекое от порядков абсолютной монархии время и более всего ввиду особенной двойственной природы политически-церковного строя восстановленная императорская власть не заставляла чувствовать себя ни налогами, ни тяготой наемной солдатчины; помимо немногих прерогатив, эта власть сказывалась только тем, что ей принадлежало наблюдение за правосудием, как высшим началом гражданской жизни. Папа назначал своих *judices*, но высшей правовой инстанцией был император. Представителем его был посол или легат, который каждый раз, как посылался в Рим, получал содержание из сумм папской камеры, жил при церкви Св. Петра и здесь или в латеранской зале «Волчицы» творил суд (*placita*). Посол охранял папу от посягательств на его власть знатных людей, но вместе с тем был и блюстителем в Риме прав императора. Председательство в судах, сбор штрафных денег в фиск, надзор за папскими судьями как в городе, так и в герцогстве, принятие от судей апелляций и сообщение о них императору — таковы были обязанности посла. В важных случаях император посылал в Рим чрезвычайного посла; такой посол, обыкновенно герцог сполетский, судил виновных в государственной измене знатных римских людей и епископов; признанные виновными приговаривались иногда к изгнанию за Альпы подобно тому, как раньше, в эпоху византийского правления, виновные ссылались куда-нибудь в Грецию. Посол императора был точно так же его уполномоченным при посвящении папы, которое должно было происходить в присутствии посла; хотя избрание это оставалось свободным, но, по-видимому, декрет об избрании отсылался императору и испрашивалось согласие последнего.

О верховной власти императора над Римом и над церковным государством свидетельствуют также и монеты. После коронация императора между Карлом и Львом III состоялось, по-видимому, соглашение относительно римского типа монет в его основных чертах. Император признал за папой право чеканить монету или даровал римскому епископу это право вместе с правом иммунитета. Поэтому Лев III в утверждении своей власти над страной чеканил на одной стороне римского динария свое собственное имя, на другой же — имя верховного властителя, императора. Мы находим здесь почти то же отношение, какое существовало между византийской имперской властью и готскими королями Италии, при которых на лицевой стороне монет чеканилась голова императора, а на обратной — имя короля. Эти существенные права императора, его верховная юридическая власть и утверждение им папского избрания охранялись все время, пока империя Каролингов была в силе.

Но тогда как политический авторитет нового императора для нас вполне ясен, отношение папы к городу как его местного властителя остается до некоторой степени темным. Мы ничего не знаем ни о городском устройстве того времени, ни о воленостях знатных людей, которые, вероятно, были установлены договорами, ни о правах этих лиц на участие в светском управлении; не знаем также об устройстве суда, который должен был быть в руках, главным образом, знати, так как прелаты еще не подчинили себе всех светских дел. Восстановление империи должно было, конечно, повести к гражданскому устройству города и, в частности, к новому разделению его на милиционные участки и округа. Но обо всем этом и летописцы, и документы хранят молчание.

Благодаря своему осмотрительному уму Карл не увлекся завоеваниями на юге. Победоносное войско Карла легко могло бы расширить пределы Западной империи

вплоть до Ионического моря, и флот византийцев едва ли бы мог спасти Грецию от завоевания ее Карлом, если бы последнему было присуще то романическое стремление на восток, которое приписывалось ему позднее. Мысли Карла были направлены на запад и север, и он здесь стремился создать центр империи; поэтому он передал королевство Италии своему сыну Пипину, поручил ему вести войну с Беневентом и после Пасхи 25 апреля 801 г. покинул Рим, чтобы вернуться в Германию. Землетрясение его привело в ужас землетрясение, бывшее в последнюю ночь апреля. Землетрясение было заметно даже в прирейнских странах; в Италии были разрушены некоторые города, а в Риме погибло несколько древних памятников. Летописцы того времени, однако, не уделяют ни малейшего внимания памятникам древности, но почти все, как немецкие, так и итальянские, отмечают как важное событие, что крыша базилики Св. Павла в Риме была разрушена.

Император направился в Равенну, затем в Павию, столицу итальянского королевства, и здесь дополнил кодекс лангобардских законов несколькими капитулляциями. В этих эдиктах он титурует себя: «Карл, волею Божией властитель империи римлян, пресветлейший Август» и даже помечает эдикты временем консульства. Константинопольский двор преисполнился тогда ненавистью к франкам и римлянам. Он видел, что его законные права уничтожены смелым королем варваров, который присвоил себе титул, приличествующий только наследникам Константина. Но могущество франков было велико и грозно, а византийцы были совсем слабы, и шаткий трон Византийской империи был все еще занят женщиной. Окруженная заговорщиками Ирина искала дружбы Карла, так как находилась в таком же положении, которое некогда заставило Амалазунту искать помощи у врага своего народа. В случае брака Карла с Ириной Восточная и Западная империи были бы соединены под властью одной династии франков; но совершенно невероятный проект такого брака не мог, конечно, осуществиться. Тем не менее Карл прилагал все старания к тому, чтобы посредством договора разрешить притязания той и другой стороны по отношению к Италии и установить ее границы; поэтому он принял послов Ирины и, в свою очередь, сам отправил послов в Константинополь. Но когда последние явились к византийскому двору, они могли только удостовериться собственными глазами, что императрица уже свергнута с престола. Никифор, бывший раньше дворцовым казначеем, овладел без кровопролития престолом 31 октября 802 г. и сослал Ирину на остров Лесбос. Но и узурпатор не менее, чем свергнутая императрица, был озабочен приобретением дружбы ненавистных франков; со всею готовностью он выслушал послов и отправил с ними к Карлу своих министров. После того как составлен был договор, министры вернулись в Константинополь через Рим. Для папы было точно так же желательно урегулировать все эти взаимные отношения и тем обезопасить себя от войны; посылкой своих легатов в Константинополь папа мог надеяться не только содействовать сохранению мира, но и оправдать себя в короновании Карла. Однако в чем заключались эти трудные переговоры между Византией и Римом, нам неизвестно.

В 804 г. Лев III предпринял новое путешествие к Карлу, имея вполне основательные причины. Ему были хорошо известны неоднократные покушения короля Италии на собственность церкви и повелительное обхождение императорских послов с папскими герцогами в Пентаполисе; кроме того, его озаботило и отношение к нему римлян. Узнав в середине ноября, что папа выехал из Рима, Карл приказал своему сыну встретить папу в Сант Морисе и сам встретил его в Реймсе.

Рождество было отпраздновано в Кьерси, и затем император и папа прибыли в Ахен. Здесь Карл оделил папу богатыми дарами и, отпуская его, приказал нескольким своим вельможам проводить его через Баварию до Равенны. В январе Лев вер-

нулся в Рим. Не все желания папы были достигнуты; пререкания из-за границ владений и столкновения между верховной императорской властью, с одной стороны, и местной папской властью — с другой, все еще продолжали возникать и вызывали неудовольствие, а юный Пипин относился враждебно к чрезмерным притязаниям наместника св. Петра, так как последние противоречили намерениям самого Пипина создать могущественное итальянское королевство. Таким образом, если Пипин, конечно, не мог еще усмотреть те семена вечного раздора в Италии, которые были заложены в даре его предка, тем не менее он уже должен был в глубине души сокрушаться об этом даре.

В 806 г. Пипин был снова утвержден в своем сане короля Италии. С приближением старости Карл увидел, что в будущем нет возможности сохранить единство великой империи под одним скипетром и, опасаясь возникновения раздоров между своими наследниками, решил, к злополучию монархии, поделить ее между своими тремя сыновьями. Желая почтить папу и получить его санкцию, Карл известил его об этом через Эгинхарда. В силу этого же акта Пипин объявил, что он прибудет в Рим; однако привести в исполнение это намерение не довелось Пипину. Вместо него в Рим явился другой король. В 808 г. могущественная партия свергла с престола и изгнала из страны Ардульфа Нортумберландского. Изгнанник явился сначала ко двору Карла в Нимвегене и затем, с согласия императора, поспешно направился в Рим просить поддержки папы. Для сопровождения Ардульфа на родину Лев назначил своего диакона и нунция, сакса Адольфа, и когда изгнанник вернулся в свою страну, он был восстановлен на престоле двумя императорскими легатами. До этого времени Рим уже видел королей, в особенности с британского острова, но являлись они в Рим, чтобы облачиться в монашеское одеяние, тогда как Ардульф был первым государем, молившим в Латеране о возврате похищенной у него королевской короны. Этот случай показывает, как Запад начинал смотреть на папскую власть. Так как со времени Пипина короли ради своих земных выгод сами прилагали старания к тому, чтобы возможно более возвеличить идею римского епископства в верованиях народов и государей, то нет ничего странного в том, что вскоре и сами римские епископы, отступив от своего назначения как духовных посредников признали за собой божественную власть раздавать короны и отбирать их.

2. Смерть Пипина в 810 г. — Бернгард, король Италии. — Людовик I возводится в Ахене в сан императора римлян. — Смерть Карла Великого. — Его всемирно-историческое значение. — Отсутствие местных римских сказаний о Карле

Род Карла, судьба которого так глубоко сказалась на истории города Рима, едва ли был менее несчастлив, чем род Августа. Родоначальнику новой императорской династии суждено было пережить своих любимых детей: Пипин, имевший только 32 года от роду, был похищен смертью в Милане 8 июля 810 г. Таким образом мечты Пипина объединить Италию завоеванием Беневента и Венеции остались недостижимыми, и со смертного одра король мог только с печалью взирать на своего единственного незаконного сына, который еще не вышел из нежного юношеского возраста. Королем Италии Карл назначил юного Бернгарда; формальное вступление его на престол последовало только в 813 г., хотя он был отправлен в Павию годом раньше в сопровождении Вальи, внука Карла Мортелла, и его брата Адельгарда, аббата Корвийского, как советников юного государя.

Император был снова глубоко потрясен смертью другого своего сына, Карла. Видя себя одиноким и чувствуя приближение смерти, император решил провозгласить соправителем единственного наследника своей монархии Людовика Аквитанского и с согласия знатных людей империи возвел его в императорский сан в Ахене в сентября 813 г. По словам франкских летописцев, Карл сам передал Людовику корону или возложил ее на него, по словам других — приказал Людовику взять ее с престола собственными руками и возложить себе на голову. На бывшем при этом имперском сейме присутствовали франкские знатные люди и высшие духовные лица, прибывшие со всех концов империи. Таким образом, Людовик был возведен в императоры также общим избирательным актом, но порядок избрания был все-таки не тот, каким был избран отец Людовика. Избрание Карла происходило в Риме, и хотя «сенат франков» участвовал в избрании, тем не менее главная роль в этом случае принадлежала римлянам и папе, совершившему коронование; провозглашение Карла императором римлян совершилось, в сущности, по воле римлян и было освящено папой, и впоследствии на него так именно и смотрели. Наоборот, избрание цезаря в Ахене происходило с согласия собрания представителей вновь основанной монархии, и ни папа, ни какой-либо другой заступавший его место епископ не совершал над избранныком ни помазания, ни коронования: сын Карла собственными руками возложил на себя отцовскую корону. Римляне нигде не упоминаются как участники этого торжества; правда, на нем присутствовали послы папы, герцоги и епископы римских земель, но присутствовали они на общем имперском сейме так же, как и графы и прелаты королевства Италии, и ничем не выделялись из всех других. Карл смотрел на город Рим, источник зарождения самой империи, как на такую же часть своей империи, как Плавия, Милан и Аквилея. В этом случае Карл не пошел навстречу притязаниям папы, и торжественное событие должно было служить некоторым указанием для преемников Карла, и, если бы слабые наследники могли понять все значение этого события, история папства так же, как и империи, быть может, была бы иной; но мы увидим, что германский избирательный акт погиб бесследно в потоке догматических воззрений того времени. Тот же самый имперский сейм утвердил Бернгарда, сына Пипина, королем Италии.

Через несколько месяцев после этого, 28 января 814 г., Карл умер в Ахене на 71-м году своей геройской и мудрой жизни. Восстановитель Римской империи был погребен в построенной им самим церкви Марии, по-видимому, в древнеримском саркофаге, который был украшен изображением похищения Прозерпины. В существовании Рима могут быть отмечены три эпохи, которые выделяются из всего остального времени с той же ясностью, с какой выступают в горном хребте его вершины; то были: эпоха Цезаря и Августа, когда была основана римская всемирная монархия; эпоха Константина, в которой христианство получило господство, и, наконец, эпоха Карла, когда на развалинах древней империи обосновалась германо-римская культура. Сравнивая все эти три эпохи между собой, мы должны признать, что последняя эпоха по своему важному значению несколько не уступает двум первым. Она была богата возникновением новых установлений и поистине может быть названа созидательной эпохой; ею был положен конец переселению народов, и она примирила германцев с Римом. Благодаря ей же древность, эта заброшенная сокровищница знания и искусства, была не только не утрачена для обнищавшего духом человечества, но без предубеждения была вновь призвана к жизни и вошла в процесс духовного развития как истинная и бессмертная сила. Великая традиция *Orbis terrarum*, или всемирного единства, которая некогда составляла политическую задачу Римской империи цезарей, возникшей одновременно с христианством, была воспринята эпохой Карла Великого, превратившей древнюю империю в западную монархию, глубочайшую связу-

ющую основу которой должна была составить христианская религия. Карл был Моисеем Средних веков, который счастливо провел человечество через пустыню варварства и дал народам новый кодекс политических, церковных и гражданских установлений. Теократическая империя Карла была первой попыткой создать новый союз народов как христианскую республику.

Часть своих сокровищ император завещал 21 епархиальной церкви. Из их числа пять находились в Италии: в Риме, Равенне, Милане, Аквилее и Градо. Среди редкостей дворца Карла были два серебряных стола — один четырехугольный, украшенный рельефным изображением Константинополя, и другой круглый с изображением Рима. Первый был отослан Карлом св. Петру, второй — в Равенну. Оба эти памятника, принадлежащие ранним годам Средних веков, погибли. В жизнеописании Льва III ничего не говорится о столе, пожертвованном Риму, между тем как о другом даре Карла, большом золотом кресте, в книге пап упоминается несколько раз; но стол с изображением Рима видел летописец Равенны: согласно завещанию, император Людовик отправил стол архиепископу Мартину, и редкое произведение искусства прибыло в Равенну, когда Агнель был еще мальчиком.

Рим получил еще богатое наследство, заключавшееся в ценной утвари. Таким образом Карл, который даровал церкви много привилегий, наделил ее обширными владениями и пожертвовал ей массу золота и серебра, оказался более щедрым, чем какой-либо другой государь и до него, и после него. Ничуть не подозревая, что позднее власть пап станет безграничной, Карл в действительности положил основание этой власти и создал церковное государство. Но сам он, хотя и был вполне благочестивым сыном церкви, на которую смотрел как на крепчайшее связующее начало своей империи и божественный источник человеческого просвещения, никогда не думал быть слепым слугой церкви. Он охранял иммунитет римского епископа, им созданный, но никогда не забывал, что властитель всей монархии он, император. Подвластные ему народы видели в нем точно так же и верховного правителя всех церковных дел; он учредил епископства и монастыри, установил начало церковного права, завел народные школы и утвердил своей высшей властью церковный устав, включив его как закон в свой кодекс; и деятельность епископов, и занятия соборов были подчинены решающему влиянию императора.

Позднее признательная церковь причислила Карла к лику святых. Борьба церкви с гогенштауфенами и затем крестовые походы воскресили в людях память о Карле как о благочестивом основателе церковного государства и христианском герое. Подобно Октавиану и Цезарю, он стал легендарным лицом; в 1122 г. папа из Южной Франции, Каликст II, объявил подлинной знаменитую историю Турпина о жизни Карла и Роланда, — историю, которая, быть может, написана была не кем другим, как самим папой. Но с какой быстротой образ Карла в самом Риме стал приобретать мифический характер, лучше всего можно судить по словам летописца, писавшего свою варварскую хронику перед концом X века в монастыре на горе Соракте. Уже этот летописец повествует о приходе Карла ко Гробу Господню. Так как едва ли можно допустить, что эту басню сочинил сам летописец, то надо думать, что таково было предание, возникшее, следовательно, еще полстолетия тому назад. Но как историческая личность Карл не представляет никаких национально-римских черт, так и в его легендарной личности не оказывается ничего национально-римского. Карл, правда, был римским императором, но таким же чужеземцем, как Теодорих Великий, и должен был исчезнуть из памяти римлян уже потому, что с воспоминаниями о нем не были связаны ни одно место в городе, ни один памятник. Замечательно, что в *Mirabilia* Рима о Карле Великом не упоминается ни одним словом.

3. Возмущения в Риме. — Для расследования их посылается Бернгард. — Смерть Льва III в январе 816 г. — Постройки Льва в Риме. — Характер архитектуры и искусства того времени. — Церкви-титулы и знаменитые монастыри Рима

С получением вести о смерти императора папе должно было показаться, что он очутился на краю бездонной пропасти. Едва римляне узнали, что великий властитель их мертв, как они снова дали волю чувству ненависти к гражданской власти своего епископа. Можно прийти в совершенное изумление от множества тех революций, которые пришлось пережить церковному государству с момента его возникновения за более чем тысячелетнее существование. Даже половины этих переворотов было бы достаточно, чтоб стереть бесследно с лица земли величайшие государства. Между тем церковное государство продержалось до наших дней, хотя возмущение против светской власти епископа началось с того же часа, как эта власть была установлена. Это доказывает, что сочетание священнической и королевской власти представляло невыносимое противоречие, но что существование церковного государства включало в себя начало, противостоявшее революциям.

Приверженцы Кампула и Пасхалия (римляне эти томились в изгнании уже 14 лет) составили заговор против папы; заговор этот, однако, был открыт. Недолго думая, Лев приказал казнить виновных в «государственной измене»; таким образом, святой епископ оказался вынужденным отныне как местный государь обогащать свои руки кровью римлян, собственных своих подданных. Весть об этих казнях, совершенных Львом, вызвала негодование даже в благочестивом наследнике Карла. Император Людовик нашел заслуживающим порицания то, что папа действовал так поспешно и так строго, и прежде всего недовольство императора было вызвано тем, что суд папы над римскими знатными людьми нарушал права императора, так как в этом суде не принимали участия императорские послы. Вместе с тем на императоре лежала обязанность перед римлянами защищать их права, как скоро последние кем-нибудь нарушались. Вследствие этого в Рим был послан для расследования король Италии. Здесь Бернгард заболел, но граф Герольд сообщил императору то, что дало расследование. Тогда и папа поспешил представить верховному главе Рима свои объяснения. Легаты папы старались оправдать его в тех обвинениях, которые были предъявлены против него Людовику самим, быть может, Бернгардом и, конечно, римлянами. Раздражение в Риме было очень велико, и в том же 815 г. враги Льва снова восстали против него, когда он, глубоко потрясенный этими событиями, лежал тяжело больным. Папские фермы, как прежде, так и вновь выстроенные Львом, были сожжены. Волнения разыгрывались вообще вне Рима; римская знать вооружила колонистов и рабов, привлекла к восстанию провинциальные города и грозила вторгнуться в Рим, чтобы принудить папу вернуть имущество, которое было конфисковано им у знати и казенных ее друзей и объявлено собственностью папской казны. В этом восстании дала себя почувствовать нарастающая сила римской знати, сделавшаяся позднее столь страшной. Чтобы подавить возмущение, Бернгард послал в Рим герцога Виннигиса из Сполето. Виннигис привел свое войско в Рим, но уже 11 июня 816 г. папа умер, удрученный глубоким горем.

Более 20 лет Лев III занимал престол Петра в эпоху, богатую великими событиями. Им как священнослужителем человечества было дано благословение этой новой эпохе. Ненавидимый римлянами за присвоение светской власти над городом, жестоко поруганный, вынужденный искать спасения в бегстве и по возвращении постоянно мучимый страхом вследствие все повторявшихся возмущений, Лев III не пал под ударами своих врагов. Он обладал сильным, прозорливым и смелым умом, и с того мо-

мента, когда Лев III короновал у Св. Петра нового западного императора, имя этого папы неразрывно связано со всемирной историей и стало бессмертным.

Своими постройками Лев III сделал для города еще больше, чем Адриан. При Каролингах, в этот второй период замечательных сооружений — если первым периодом считать время Константина — церковный Рим совершенно обновился. Папы этого времени, возводившие так много построек, без сомнения, должны были быть вместе с тем и самыми ревностными разрушителями древнего города. Строительное искусство не переставало быть в ходу. Скванное традициями церкви, величайшие создания которой уже были осуществлены в IV, V и VI веках, это искусство не могло идти дальше и только следовало, в более скромных размерах, существующим образцам. По-прежнему строители продолжали пользоваться колоннами и орнаментами древних римских зданий, и новое соиздалось только из древнего. Поэтому-то эпоха Каролингов, в которую очень много церквей было великолепно реставрировано, не оставила после себя ни одного самостоятельного, великого сооружения в Риме. Древние базилики как образцовые создания еще удерживали строительное искусство на известной высоте; но церквей и монастырей вообще было такое множество, что сколько-нибудь широкие планы оказывались невыполнимыми. Вследствие этого архитектура Рима времени Каролингов сосредоточилась на мелочах. И многое свидетельствует о таком более мелком масштабе архитектуры в зданиях того времени: фризы под крышами украшены каймами из черепицы; башни, большей частью невысокие, разделены на этажи сводчатыми окнами (*саптагеа*), между которыми поставлены колонны; башенные фасады украшены пестрыми дисками из разноцветного мрамора; портики тесны, с маленькими колоннами и с мозаичными фризами, на которых кое-где имеются мозаичные медальоны.

Желая возобновить базилику Св. Аполинария в Равенне, Лев III послал туда римских строителей. Побудить его так действовать могли национальная гордость и желание дать римлянам работу, и нельзя из этого случая заключать, что римские мастера пользовались какой-либо особой славой, подобной той, которую некогда имели мастера из Комо.

С другой стороны, и постоянно производившиеся постройки в Риме должны были пробуждать таланты в его населении больше, чем в населении какого-либо другого города Италии. Биограф Льва III добросовестно перечисляет все церковные постройки, которыми Рим обязан этому папе. Мы уже знаем его главный памятник в Латеране — триклиний; папский дворец был расширен и украшен также Львом III, и он же построил там часовню архангела. У Св. Петра Лев III возобновил и расширил знаменитый баптистерий Дамаза, сохранив или придав ему его круглую форму. Часовню Санта Кроче, здание, возведенное Симмахом, Лев III выстроил заново и украсил его мозаикой. Особенно роскошны были украшения, сделанные Львом в исповедальне. В ней были поставлены золотые и серебряные статуи апостолов и серебряные колонны, увенчанные херувимами, а пол был выстлан листовым золотом еще на большем пространстве. Замечательно, что по обе стороны гроба апостола как у Св. Петра, так и у Св. Павла были укреплены два серебряных щита, на которых по-латыни и по-гречески был начертан Символ веры. Таким образом, греческий Символ веры в то время еще не казался соблазном. Лев возводил также постройки рядом с храмом Св. Петра, у епископских помещений, и здесь именно воздвиг превосходный триклиний, пол которого был выложен разноцветным мрамором. Была исправлена и башня у Св. Петра, а для пилигримов был выстроен великолепный круглый купальный дом рядом с обелиском, памятником глубокой древности, который здесь неожиданно упоминается как *columna major*, или великая колонна. И еще другое древнее название встречается здесь: Лев осно-

вал госпиталь на месте, называемом *paumachia*. Этот госпиталь находился у Ватикана и был посвящен св. Пилигрину, римскому священнику, погибшему мученической смертью во II веке в Галлии. Имя этого мученика дало повод сделать его патроном пилигримов (*peregrini*), которых особенно много было из древней Галлии. Современная небольшая церковь *S.-Pellegriño*, у *Porta Angelica*, на том же самом месте, является памятником основанного некогда Львом госпиталя, а так как этой местности и дается название «навмахии», то следует заключить, что здесь именно находилась *Nanmachia Domitiani*.

Далее Лев возобновил примыкающий к Св. Петру монастырь первомученика Стефана и находящийся неподалеку отсюда же монастырь Св. Мартина.

Одна из самых древних городских церквей-титулов Св. Нерей и Св. Ахиллея (*Fasciola*) на *via Arria* была обращена наводнением в развалины; Лев вновь построил церковь на более высоком месте. С некоторыми изменениями она сохранила свою древнюю форму базилики небольших, но вполне гармонирующих размеров с тремя кораблями; но от мозаики уцелели только обломки. Едва ли найдется хоть одна церковь, которая не была бы упомянута в перечне построек Льва как реставрированная им; а множество дарованных церквям сосудов и завес свидетельствуют, что касса в Латеране была богата. Любовь древних римлян к великолепию воскресла в папах. За исключением нескольких изображений на стекле и миниатур в рукописях, мозаика была, по-видимому, главным образом в ходу, и можно с уверенностью сказать, что под часто встречающимся выражением «*ricituga*» следует понимать именно это искусство. Литье из бронзы, серебра и золота усердно практиковалось, и этим способом изготавливалось бесчисленное множество статуй. Умели также серебрить и накладывать чернь. До нас не дошла ни одна из статуй того времени, но едва ли возможно сомневаться, что в церквях уже употреблялись фигуры святых, сделанные из дерева, раскрашенные красками и одетые в платье.

Нелишне будет по перечню учреждений, установленных Львом, познакомиться с названиями церквей-титулов, диаконий и монастырей, которые значились в Риме того времени; в последние века мы уже не будем иметь случая встретить их во всей полноте. Пресвитерских церквей-титулов отмечено 24: Эмилиана, Анастасия, Аквила, Приска, Бальбина, *Calisto* или *S.-Maria* в Транстеврине, Цецилия, Хризогон, Климент, Кириак, Евсевий, *Lorenzo in Lucina*, *Lorenzo in Damaso*, Маркелл, Марк, Нерей и Ахиллей, Паммахий, Праксед, Пудент, *Quatuor Coronatorum*, Сабина, Сильвестр и Мартин, Сикст, Сусанна, Виталий.

Диаконии поименованы следующие: Адриана, Агаты, Архангела; Бонифация на Авентине; Косьмы и Дамиана; Евстахия; Георгия; *Lucia in septem viis*, т. е. in *septizonio* или *ad septem solia*; *Lucia juxta Orphea*; *Santa Maria Antiqua* (ныне *Francesca Romana*); далее церкви Марии in *Adrianio*, in *Cosmedin*, in *Суто* или *Aquiro*, in *Domnica*, in *via Lata*, за воротами Св. Петра; Сергия и Вакха; Сильвестра и Мартина у Св. Петра; Феодора; Вита in *Mascello*.

Монастырей приводится уже более 40, но в действительности их было гораздо больше.

Возле Св. Петра помещалось 5 монастырей: Стефана Старшего или Первомученика, также *Catagalla Patritia*; Стефана Младшего; Иоанна и Павла; Мартина и монастырь Иерусалим.

Возле Латерана названы: Панкратий, Андрей и Варфоломей с прозванием Нопог; Стефан и женский монастырь Сергия и Вакха.

Рядом с *Santa Maria Maggiore* стояли монастыри: Андрея, называемый также Катабарбара Патриция; он же, вероятно, есть и Андрей in *massa Iuliana*; Косьмы и Дамиана; Адриана, также Св. Лаврентия. К именам всех их прибавлялось *ad Prae-*

сере. Возле Св. Павла за воротами находился монастырь Цезаря и Стефана, с прозвищем *ad quatuor angulos*; у С. Лоренцо — Стефана и Кассьяна.

Остальные римские монастыри были: Агата *super Suburrum*; Агнесы за *Porta Nomentana*; Агапита у церкви — титула Евдокии; Анастасии *ad Aquas Salvias*; Андрея за *Clivus Seauri*; Андрея у *Santi Apostoli*; Бибiana; Хризогона в Транстеврине; монастырь на *Caput Africae*; монастырь *de Corsas* или Цезария на *via Arperia*; монастырь *de Sardas*, — вероятно, у *s. Vito*; Доната у *Sancta Prisca* на Авентине; Эразма на Целии; Евгения за Латинскими воротами; Евфимия и Архангела у *Sancta Pudentiana*; монастырь *duo Furna*, вероятно, *in Agone*, на *Navona*; Исидора, может быть, на Пинчио; Иоанна на Авентине; монастырь *de Lutara*; *Laurentius Pallacini*, у *San Mario*; *Lucio Renati in Renatis* или *de Serenatis*; *Maria Ambrosii*, — вероятно, то же, что *Ambrosii de Maximo* у *Forum Piscarium*; Мария Юлия на острове Тибра. Женский монастырь Марии *in Campo Marzo* и монастырь Марии *in Capitolio* не упоминается в перечне учреждений Льва III, но они, без сомнения, уже были учреждены; Св. Михаила, — неизвестен; монастырь *Tempoli*; Сильвестра (*de Capite*); *S.-Saba* или *Cella Nova*; Семитрия, — неизвестен; Виктора у Св. Панкратия на *via Aurelia*.

В ту эпоху, следовательно, еще не были учреждены 20 аббатств, которые позднее возникли из огромного множества монастырей. Число последних не переставало расти, и к концу X века в Риме насчитывалось монастырей: женских — 20, мужских — 40 и принадлежащих каноникам или духовным, живущим по монастырскому уставу, — 60.

4. Стефан IV, папа. — Его путешествие к Людовику. — Неожиданная смерть папы. — Избрание и посвящение Пасхалия I. — Грамота Людовика

По истечении всего 10 дней после смерти Льва папой был избран, помимо императора, знатный римлянин, диакон Стефан, сын Марина. Вновь избранный поспешил, однако, засвидетельствовать свою преданность верховному властителю Рима: он привел римлян к присяге императору и отправил к нему послов с извинением, что посвящение произошло так поспешно. Уже этот первый случай избрания нового папы со времени восстановления империи возбудил некоторые вопросы об отношениях папы к императору. Ввиду этого Стефан IV решил отправиться сам в страну франков. Предшествовавшие смуты в Риме, недовольство знати, необходимость для папы снова обеспечить себя договором, которым подтверждались бы его права, и затем, можно думать, желание воспользоваться своим правом совершить помазание над Людвигом, хотя уже и коронованным, — правом, которым отныне всегда надлежало папе пользоваться, — таковы были мотивы, которые заставили Стефана двинуться в путь. Отношения этого папы к Людовику были иные, чем те, которые существовали между Львом III и Карлом. В представлении людей Лев III стоял на одной высоте с Карлом; последний, правда, был его благодетелем, но Лев III заплатил за все оказанные ему благодеяния, возложив на императора римскую корону. Людовик ничем не был обязан новому папе, и Стефан понимал, что ему предстоит иметь дело с могущественным наследственным императором. Это должно было заботить Стефана. Однако ему нечего было опасаться благочестивого Людовика.

Сопровождаемый Бернгардом, Стефан в сентябре 816 г. вступил в Реймс и был встречен с глубочайшим почетом. Здесь, успокоенный в своих тревожных опасениях, папа помазал и короновал императора и его супругу Ирменгарду в кафедраль-

ном соборе и затем, богато одаренный, отправился в обратный путь. Важнее всего было то, что владения, привилегии и иммунитет римской церкви сохранялись по-прежнему и были утверждены вновь. Недовольных римлян папа надеялся примирить с собой тем, что по его просьбе императором была возвращена свобода всем, кто ссылкой в страну франков искупал свою вину в возмущении против Льва III. Этим изгнанников Стефан взял с собой; в числе их должны были быть Пасхалий и Кампул, если только они были еще живы. Через три месяца по возвращении в Рим, 24 января 817 г., Стефан умер.

Немедленно и единогласно римляне избрали папой сына Боноза Пасхалия, который и был посвящен уже 25 января. Умный и энергичный Пасхалий был раньше аббатом монастыря Св. Стефана у Св. Петра; таким образом он в отличие от своих предшественников, которые до возведения в сан папы были или диаконами, или пресвитерами, занял святой престол прямо из монастырской кельи. Необычайно быстрое посвящение этого папы ясно показало, что римское духовенство стремилось обойти все более и более грозившие им притязания императора на право утверждения избранного папы; вместе с тем это обстоятельство дает и право, по крайней мере, сомневаться в том, что будто бы уже существовал декрет, которым воспрещалось посвящение папы раньше получения согласия императора, — декрет, приписываемый Стефану IV. Но и Пасхалий так же, как его предшественник, счел необходимым, извещая императора о своем поспешном избрании, объяснить в свое оправдание и ради успокоения императора, что избрание это было каноническое. Легат папы, Феодор, вернувшись, привез императорскую грамоту, которой подтверждались привилегии Св. Петра.

С того времени при каждом новом императоре и при каждом новом избрании папы древние привилегии снова подтверждались. Епископства и аббатства следовали примеру Рима и не пропускали случаев, когда представлялась возможность закрепить старые иммунитеты грамотами или дополнить эти права еще новыми льготами. Архивы церкви тщательно сохраняли императорские хартии, мало-помалу все накапливавшиеся. В архиве Латерана уже имелись великие грамоты Пипина, Карла и Людовика, дарственные записи, подтверждения старых и новых иммунитетов и другие договоры между императорами и римской церковью. Все эти документы имели бы огромное историческое значение, если бы они еще существовали и были доступны историку. К их числу в 817 г. была присоединена еще грамота Людовика Благочестивого, несомненно представлявшая собой повторение той, которая годом раньше была написана канцлером императора для папы Стефана. Важное значение эта грамота получила, однако, в гораздо более позднее время. Подвергнутая подделкам, она была поставлена на одну ступень с дарственным актом Пипина и рассматривалась как такой акт, который утверждал за папским престолом обширнейшие владения и наделял его и другими важными правами.

Этой грамотой Людовик Благочестивый признавал будто бы (мы ограничиваемся только самым главным), что папской власти подчинены не только Рим и дукат и все то, что было даровано и подтверждено Пипином и Карлом, но еще и патримонии Калабрии и Неаполя, что в полном обладании папы находятся также острова Корсика, Сардиния и Сицилия и, наконец, что римлянам принадлежит право полной свободы в выборе папы и его посвящения и предварительного согласия на то императора не требуется. Таким измышлением, однако, противоречит история, которой фактически доказывается суверенитет императоров над Римом. Она же свидетельствует, что в ту эпоху Калабрия, Неаполь, Сицилия и Сардиния были во власти греков, а византийские правители были в мире с западным императором, так как провинции были разграничены между обеими сторонами по договору. Этот мир

едва ли мог быть нарушен императором ради того только, чтобы принести в дар Св. Петру те земли, которые не принадлежали императору ни по праву, ни фактически.

Точно так же и право свободного избрания и посвящения папы опровергается знаменитым актом времени Евгения II.

О грамоте Людовика книга пап не упоминает ни одним словом. Нет указаний на эту грамоту и в актах Оттона I и Генриха I; между тем эти акты наравне с грамотой Людовика считаются церковью в числе самых важных, и в них имеются ссылки на акты Пипина и Карла. Указание на грамоту Людовика встречается вообще уже только во времена Григория VII и наследия графини Матильды, когда договор Людовика был извращен добавлениями с целью дать притязаниям пап вполне достаточное основание.

ГЛАВА II

1. Лотарь становится императором. — Возмущение и падение короля Бернгарда. — Лотарь, король Италии. — Коронавание его в Риме. — Он учреждает здесь императорский трибунал. — Процесс с Фарфой. — Казнь знатных римлян без суда. — Пасхалий отказывается подчиниться императорской юрисдикции. — Смерть Пасхалия

По примеру отца Людовик Благочестивый решил возвести своего старшего сына, хотя еще и очень юного, в сан императора. Этот обычай, существовавший в древнеримской империи, был перенесен и в новую уже потому, что им обеспечивались единство империи и порядок наследования. Но едва Лотарь был провозглашен императором на имперском сейме в Ахене, как в других принцах заговорила зависть. Братья Пипин и Людовик вернулись недовольными в свои резиденции в Аквитании и Баварии, а рожденный вне брака честолюбивый Бернгард открыто восстал. Как некогда Пипин, Карл назначил Бернгарда лишь наместником королевства Италии; но понятное стремление к независимости должно было скоро возникнуть в итальянских королях. Первая громко потребовала национальной независимости Верхняя Италия; в лангобардах, населявших ее, несмотря на то что они давно уже были латинизированы, все еще жили и родовое право, и семейные и народные традиции, а некогда господствовавшую здесь Павию уже начинал затмевать Милан. Падение королевства лангобардов не повлекло за собой исчезновения этого способного к культуре и трудолюбивого народа, и он расселился от Альп до самой Апулии. За исключением города Рима, в котором однако же лангобардские роды также жили, а некоторые лангобарды занимали даже престол Петра, судьба Италии долго оставалась в руках этого германского племени. В самые мрачные века главным образом лангобарды давали Италии героев, государей, епископов, историков и поэтов, и им же Италия обязана своими вольными республиками. Поэтому и историческое существование Италии определялось более всего в зависимости от тех свойств, которыми обладали лангобарды, и это является неопровержимым фактом, который некоторые итальянцы напрасно стараются отрицать, трактуя об итальянской нации в те века, когда ее вовсе не было, и упуская из виду, что эта нация возникла из слияния именно готско-лангобардской и латинской рас. И если мы тем не менее говорим по отношению к той эпохе об итальянской нации, то только в тесном историческом смысле. Знатные лангобарды не мечтали более о восстановлении погибшей династии Десидерия, но страстно желали освободиться от ненавистного ига франков. Епископы, располагавшие благодаря привилегиям, полученным от Карла и Людовика, государственную

властью и уже привыкшие как местные государи решать все политические дела, деятельно поддерживали юного Бернгарда. В числе их были Теодульф, епископ орлеанский, но лангобард по рождению, далее Вольфольд Кремонский и наиболее ревностный из всех Ансельм, миланский епископ. Недальновидный король скоро, однако, увидел себя обманутым в своих ожиданиях. Братя Пипин и Людовик не присоединились к восстанию; когда же императорское войско быстро двинулось к границам Италии, собственное войско Бернгарда покинуло его. Беспомощный юноша поспешил в Кавильон, чтобы вымолить себе прощение у ног дяди. Такое решение он мог принять или просто с отчаяния, или потому, что поверил сделанным ему обещаниям; последнее более вероятно, так как Бернгарда сопровождали и другие соучастники возмущения. Император приказал всех их заключить в тюрьму; в Ахене Бернгард был приговорен к смерти. Помилванный Людовиком, несчастный был тем не менее подвергнут ослеплению. Предание гласит, что этот византийский приговор был исполнен по приказанию мстительной императрицы Ирменгарды с таким варварством, что Бернгард умер уже через три дня после ослепления, в 818 г., после Пасхи. Той же участи подвергся друг Бернгарда Регинар, сын графа Мегинара, некогда имперский пфальцграф; попавшие в плен епископы были по приговору франкского духовенства лишены своего сана и заключены в монастыри. По слабости император уступил настояниям своей жены и своих советников; но, когда ему сообщили о смерти его племянника, он горько оплакивал его смерть и обвинял себя в том, что согласился на такой жестокий приговор.

Четыре года спустя император, все еще удручаемый воспоминаниями, принес публичное покаяние в этом и в других проступках. Такого рода действия должны были, конечно, ослаблять престиж императора и, наоборот, подымать нравственный авторитет епископов. Утешая императора, епископы приводили ему в пример покаявшегося Феодосия, себя же мысленно приравнивали к епископу Амвросию в его карающей роли. Сведения о том, что Пасхалий, желая смягчить участь Бернгарда, обращался к Людовику, не существует. Мы, однако, склонны предположить это, так как по характеру того времени и в таком исключительном случае императору надлежало выслушать мнение папы как отца. По смерти Бернгарда трон оставался незанятым два года, что вовсе не огорчило римскую церковь, которой итальянское королевство уже начинало мешать.

Состояние Рима за это время окутано таким мраком, что история города может быть прослежена только отрывочно, по тем событиям, которые связывают Рим с империей. Лотарь, старший сын Людовика, уже провозглашенный императором, был объявлен и королем Италии; таким образом, после Карла Великого оба эти сана в первый раз оказались соединенными в одном лице. Корона Италии была возложена на Лотаря уже в 820 г., но только спустя еще два года Лотарь был отпущен своим отцом в Павию. Еще до отъезда Лотаря Людовик женил его на Ирменгарде, дочери могущественного графа Гуго, и по этому случаю помиловал находившихся в заточении епископов; после того он созвал в Аттины имперское собрание, на котором и объявил свое приказание Лотарю ехать в Италию. В советники Лотарю были даны монах Вала, уже бывший министром Бернгарда, и придворный сановник Герунг. Тем не менее Людовик не имел в виду дозволить королю Италии иметь постоянную резиденцию в Павии; скорее Лотарь посылался туда для восстановления в стране порядка и правосудия. Едва покончив с делами, Лотарь уже намеревался вернуться во Францию, из чего можно заключить, что подозрительный отец не желал, чтобы сын оставался в Италии. Услышав об отъезде Лотаря (это было незадолго до Пасхи 823 г.), Пасхалий по вполне понятным соображениям стал настойчиво приглашать Лотаря приехать в Рим, где сам Пасхалий мог бы короновать и помазать нового императора и короля.

С согласия отца Лотарь последовал этому приглашению. Встреченный с императорскими почестями, он был коронован папой в день Пасхи в церкви Св. Петра, а римский народ провозгласил его Августом. Со времени Карла это был первый император, принявший корону в Риме, так как отец Лотаря был коронован папой в Реймсе. Таким образом, римская курия твердо держалась того принципа, что Рим есть источник имперской власти и что папское помазание безусловно необходимо императору, хотя бы он и был уже избран имперским сеймом и коронован. Теперь, совершив помазание юного Лотаря, Пасхалий признавал, что императорская власть над римским народом принадлежит этому императору в такой же мере, как его предшественникам; Лотарь воспользовался ею немедленно и за короткое время пребывания своего в Риме уделил внимание правосудию.

Замечателен процесс, который был возбужден в то время папой против аббатства Фарфы и проигран им. Этот богатый бенедиктинский монастырь находился раньше под защитой лангобардских королей; позднее те же привилегии сохранились за ним Каролингами. Как на доказательство своего иммунитета монастырь мог сослаться на грамоту Карла Великого от 803 г. В 815 г. монастырь получил подобную же грамоту от Людовика, и ею объявлялось, что монастырь находится под «privilegium mundiburdium и покровительством императора, дабы монахи могли в мире молиться об императоре и о долготии империи». Ни один епископ не решался обложить Фарфу данью и налогами; монахи были совершенно освобождены от всяких платежей и избирали аббата из своей среды; у папы же было только одно право посвящения избранного монахами аббата. Кроме грамот королей и императоров, монастырь имел также и подтвердительные буллы пап. Еще Стефан IV за несколько дней до своей смерти признал за Фарфой все ее привилегии и имения, обязав монастырь уплачивать ежегодно лишь 10 золотых солидов. Но, по-видимому, и от этого обязательства монастырь был освобожден благодаря посредничеству императора, так как в подтвердительной булле Пасхалия I, данной в том же году, об этом платеже больше не упоминается. Время от времени папы, однако, пытались ограничить досадные вольности аббатства. Уже Адриану и Льву III удалось завладеть несколькими именьями монастыря, а в бытность Лотаря в Риме адвокат папы утверждал на императорском суде, что Фарфа подлежит «юрисдикции римской церкви и подчинена ее власти». Но аббат Ингоальд привез с собой драгоценные грамоты монастырского архива; иммунитет аббатства был подтвержден документами, и императорский суд объявил приговор, благодаря которому папская камера принуждалась вернуть монастырю земли, незаконно отнятые от него.

Решительный образ действий Лотаря посадил в духовенстве Рима неудовольствие, в врагах же светской власти папы вызвал горячее сочувствие к юному императору. С этого времени город разделился на папскую и императорскую партии. Это разделение существовало целые века и обнаружилось вскоре же после отъезда Лотаря. Юный император уехал в Ломбардию и затем уже в июне вернулся к отцу. В это время в Риме произошло возмущение, вызванное, без сомнения, теми же обстоятельствами, которыми было вызвано раньше возмущение против Льва III. Вестники сообщили императору, что в Риме два министра папского двора, примицерий Феодор и его зять, номенклатор Лев, подвергнуты в Латеране ослеплению и затем обезглавлены и что убийство это совершено если не по приказу, то по совету самого папы Пасхалия. Эти римляне (Феодор еще в 821 г. был нунцием во Франции), принадлежавшие к высшей знати, были решительными приверженцами императора и, занимая влиятельное положение, которое и раньше представляло условие, благоприятные революционным планам, стремились, конечно, свергнуть папскую власть. Они были схвачены и казнены в Латеране папской прислугой. Выслушав жалобу римлян, импе-

ратор Людовик решил немедленно отправить своих послов в Рим для расследования. Но еще раньше явились к императору послы папы, чтобы оправдать его и просить о расследовании дела. В июле или августе 823 г. императорские послы отправились в Рим. Каково же было их изумление, когда оказалось, что Пасхалий уклоняется от их суда. Опасался ли папа последствий суда или нет, но он не явился перед императорскими послами как судьями и прибег к приему, уже испытанному. Прием этот заключался в том, что в присутствии императорских легатов и римского народа в латеранском дворце папа принес очистительную клятву. В то же время он сказал речь в защиту убийц, предал проклятию убитых как государственных изменников и объявил их смерть актом справедливости. В сопровождении папских легатов императорские послы вернулись в страну франков сообщить императору о таком неожиданном обороте дела. Император пришел в негодование; он чувствовал, что должен защищать своих римских подданных и быть для них справедливым судьей; собственные его права требовали того, чтобы было произведено строжайшее расследование; но так как всему этому поведение папы стало преградой, то императору ничего не оставалось, как предоставить события их собственному течению. Что приказал он сказать в ответ римлянам и папе, нам неизвестно.

Вскоре затем Пасхалий умер при обстоятельствах, сходных с теми, при которых умирал Лев III. Так же, как и этот папа, Пасхалий пал жертвой несовместимости объединения в руках епископа светской и духовной власти. Он умер в следующем же году, потрясенный описанными событиями и ненавидимый большей частью римлян. Последние не позволили похоронить его тело в базилике Св. Петра; преемник Пасхалия должен был положить его тело в другой базилике, построенной самим Пасхалием; то была, вероятно, базилика Св. Пракседы.

2. Пасхалий строит церкви Св. Цецилии в Транстеверине, Св. Пракседы на Эсквiline, Св. Марии in Domnica на Целии

В Риме сохранились еще донныне некоторые выдающиеся памятники времени Пасхалия. Существует даже собственный портрет Пасхалия (исключительная редкость по отношению к папам столь давнего времени). Портрет этот дан в трех мозаиках; на всех трех изображение одно и то же: папа представлен с тонзурой; лицо у него продолговатое. Искусство того времени могло достигнуть сходства портрета с оригиналом, конечно, только контуром. Мозаичные изображения Пасхалия находятся в трех возобновленных им церквях: Цецилии в Транстеверине, Пракседы на Эсквiline и Марии in Domnica на Целии.

В сонме римских святых Цецилия является музой музыки; позднейшая легенда приписала Цецилии изобретение органа, а одна из самых лучших картин гениального Рафаэля воспроизводит ее в образе, напоминающем музу. Едва ли создан христианским искусством другой, более грациозный образ. Такая же национальная святая, как Агнеса, Цецилия была особенно чтима всеми благородными римскими матронами, видевшими в ней в то же время знатную внучку рода Метеллов. В эпоху глубочайшего варварства образы этих двух девушек, Цецилии и Агнесы, сияли в мрачном Риме как светлые идеалы. Согласно легенде, Цецилия отдана была замуж за юного Валерьяна. В свадебную ночь она объявила мужу, что ее девственность священна и охраняется небесным ангелом; смущенный юноша пожелал видеть херувима, явившегося для него преградой, и это желание сбылось, когда Валерьян, тронутый святостью своей невесты, принял крещение от епископа Урбана. Цецилия погибла мученической смертью 22 ноября 232 г.; при казни ей были нанесены три

удара мечом. Умирая, Цецилия просила епископа поставить в ее доме в Транстеврине церковь. Тело мученицы было погребено Урбаном; оно было одето в затканые золотом одежды и положено в гроб из кипарисового дерева, который затем был помещен в каменный саркофаг; в таком виде святая была погребена в катакомбах Каликста на Via Arria. Церковь Цецилии, одна из самых древних в Риме, была уже в V веке кардинальским титулом; Пасхалий нашел ее развалившейся и выстроил заново. Ему хотелось перенести в церковь и тело святой, но отыскать его в катакомбах не удалось, и Пасхалий решил, что оно было унесено лангобардами при Айстульфе. Тогда Пасхалию явилось на помощь видение; в одно из воскресений на утренней заре, находясь перед исповедальней Св. Петра, Пасхалий заснул и увидел перед собой образ девушки, похожей на ангела. Девушка назвала себя Цецилией, сообщила Пасхалию, что останки ее не были найдены лангобардами, просила продолжать розыски ее тела и затем исчезла. Пасхалий после того нашел тело на кладбище Претекстата: оно покоилось в золотых одеждах и рядом с ним лежало тело юноши Валерьяна, разделившего со святой смерть.

Восстановление храма Цецилии стало верхом искусства того времени. Эта большая базилика, по образцу базилики Св. Агнесы, имела внутри хоры с двойным рядом колонн. Позднее она была переделана, но старинный план ее был оставлен без существенных изменений. Перед церковью расположен просторный атриум; раньше он был окружен портиком. В церковь ведут еще сохранившиеся сени. Крыша их поддерживается четырьмя античными ионическими колоннами и двумя столбами с коринфскими капителями с каждой стороны. Фриз украшен грубой мозаикой в виде медальонов, расположенных над каждой колонной и каждым столбом и изображающих тех святых, останки которых погребены были Пасхалием в исповедальне. На стенах притвора в XIII в. могли находиться изображения, в которых излагалась история Цецилии; часть этих изображений сохранилась, и в настоящее время они вделаны в стену внутри церкви. На них представлены погребение девы Урбаном и явление ее Пасхалию; папа изображен погруженным в дремоту, а перед ним стоит фигура девушки. Картина эта замечательна; ее наивный рисунок и тона красок свидетельствуют о глубокой древности. Ко времени Пасхалия она не может относиться, а принадлежит, вероятно, эпохе Гонория III. По самому содержанию картина так же привлекательна и грациозна, как какая-нибудь лирическая поэма.

Сама церковь (в настоящее время она очень изменена) состояла из трех кораблей. Двенадцать колонн с каждой стороны посреди церкви поддерживали хоры, а четыре колонны при входе — клирос; в подземной церкви покоилось тело святой. Мозаика абсиды сохранилась: посредине стоит Христос в золотисто-желтом одеянии, со свитком в левой руке; по сторонам Христа — св. Петр и св. Павел; изображения их сделаны до крайности грубо. С правой стороны от зрителя, рядом со св. Петром, помещены Цецилия и Валерьян с их мученическими венцами, с левой, около св. Павла, какая-то святая, — может быть Агата, — и Пасхалий с длинным лицом и большими глазами; голову папы окружает голубой квадрат; в руках папа держит изображение базилики. Изображение заканчивается пальмами, и на одной из ветвей виден огненно-красный феникс. Под картиной Христос и его ученики изображены, как всегда, в виде агнцев и еще ниже помещены стихи, в которых прославляется все сооружение. Стиль этих мозаик (спускающихся по аркам абсиды книзу) византийский; даже Христос изображен благословляющим по-гречески: к большому пальцу пригнуты три пальца. Исполнены мозаики очень грубо: нет рисунка в длинных, тощих фигурах; нет света и теней; складки обозначены грубыми полосами. Работа эта могла быть сделана греческими мастерами, и это тем вероятнее, что Пасхалий призывал греков в Рим и покровительствовал им.

Второй новой постройкой Пасхалия была базилика Св. Пракседы на Эсквиллине, кардиналом которой был он сам. Эта древняя базилика, просуществовав столетия, была уже близка к полному разрушению; Пасхалий приказал снести ее прочь и построил совершенно новую. Базилика существует поныне; с течением времени она подвергалась внутренним переделкам, но не таким коренным, как церковь Св. Цецилии. Расположение обеих церквей сходно. От Субурры к атриуму ведет лестница в 25 ступеней; в настоящее время ею не пользуются, так как вход сделан сбоку. Стройные античные колонны из гранита с коринфскими капителями делают церковь на три корабля, но без хор. Приподнятый пресбитерий оканчивается абсидой, на которой так же, как и на триумфальной арке, сохранилась украшающая их древняя мозаика. Верхнюю стену арки занимает картина, на которой изображено множество лиц: святые в их венцах; Христос, возносящийся среди ангелов над Иерусалимом и держащий земной шар; люди, стремящиеся в этот охраняемый ангелами город. На боковых стенах изображены толпы верующих, как на триумфальной арке Св. Павла. В самой абсиде стоит Христос в золотом одеянии, со свитком в руке. Изобразившему Христа художнику, по-видимому, служило моделью мозаичное изображение Христа у Космы и Дамиана. С левой стороны Христа стоит Павел, положивший руку на св. Пракседу, которая в своих руках держит венец; еще дальше изображен Пасхалий с голубым квадратом позади головы; папа держит изображение церкви. Справа — св. Петр и св. Пуденциана в той же позе и св. Зенон с книгой. Точно так же изображены пальмы и феникс; внизу, под всеми фигурами, изображена р. Иордан; еще ниже — Христос с учениками в виде агнцев и оба золотых города и, наконец, обычная надпись стихами. По внутреннему краю арки абсиды, как и в церкви Св. Цецилии, расположены монограмма Пасхалия и над нею, лежащий на троне агнец, семь светильников, два ангела с каждой стороны, апокалипсические символы евангелистов и патриархи, несущие венцы. Поскольку художник и здесь придерживался как образца мозаики Космы и Дамиана, ему удалось достигнуть удовлетворительных результатов; так, движения ангелов не лишены грации.

В этой же церкви Пасхалий выстроил римскому мученику времен Диоклетиана, Зенону, небольшую капеллу, представляющую замечательный памятник искусства той эпохи и вполне сохранившуюся до сих пор. Она вся покрыта мозаикой и некогда считалась настолько красивой, что получила прозвание «райского сада». Тем не менее мозаика этой капеллы еще грубее мозаики абсиды, в которой, по крайней мере, сохранены еще некоторые хорошие традиционные приемы, как, например, в женских фигурах.

Но в общем мозаичные изображения в церкви Св. Пракседы являются самым лучшим памятником того времени, когда мозаичное искусство, уже проникнутое византийским влиянием, вспыхнуло и затем совершенно угасло. Возможно, что и здесь также работали греческие мастера, так как Пасхалий рядом с церковью построил монастырь для монахов ордена Василия. Иконоборство, снова возникшее в ту пору на Востоке, где Лев Армянин явился последователем Льва Исаврянина, заставило многих монахов и живописцев направиться в Рим, и таким образом между последним и Византией завязались новые отношения.

Древняя диакония S.-Maria in Domnica (по-гречески кириака) стоит на Целии; ныне она называется della navicella, так как в ней поставлена современная модель древнего корабля, принесенного в дар по обету. Этой церкви Пасхалий также дал ее теперешнюю форму базилики с тремя кораблями; главный корабль отделен с каждой стороны девятью античными колоннами из гранита. К сожалению, мозаика абсиды пострадала во время реставрации церкви. Изображены здесь Дева с Младенцем, сидящая на престоле, по сторонам ее ангелы, и коленопреклоненный Пас-

халий, который обеими руками своими прикасается к правой ноге Богоматери. На земле растут яркие цветы.

Мы не будем останавливаться на множестве капелл, построенных тем же папой в других церквях, и скажем только об одном событии, заслуживающем внимания; биограф папы рассказывает следующее: пожар обратил в груды пепла саксонский квартал ватиканского округа (в то время он уже назывался по-германски *burgus*) и уничтожил весь портик Св. Петра; папа поспешил прийти на этот пожар, молитвой остановил огонь и затем вновь отстроил весь квартал и восстановил портик.

3. Евгений II, папа. — Лотарь приезжает в Рим. — Конституция Лотаря, 824 г. — Смерть Евгения в августе 827 г.

На место Пасхалия заступил Евгений, пресвитер церкви Св. Сабины, сын римлянина Боэмунда; это имя отца дает основание предположить, что новый папа по происхождению был северянин. О своем избрании папа известил императора Людовика, и последний отправил в Рим Лотаря с поручением выработать императорский статут, которым определялись бы все политические и гражданские отношения к новому папе и римскому народу. Такого статута требовали постоянно возобновлявшиеся смуты в Риме, явный раздор между папой и городом и основательные жалобы на произвол папских судей.

В сентябре 824 г. Лотарь прибыл в Рим и был встречен Евгением с большим торжеством. Юного цезаря, явившегося в Рим для того, чтобы восстановить право, удручало то положение, которое заняло папство по отношению к императору и к Риму: преданные империи люди или были казнены, или подвергались преследованиям; папскими судьями руководила корысть; духовная власть оказывалась неспособной установить порядок; злоупотребления оставались нераскрытыми или к ним относились снисходительно. Громко раздававшиеся жалобы римлян требовали строгого расследования насилий, совершенных при предшественнике Евгения. Само церковное государство, представлявшее в сущности только обширный церковный иммунитет, охраняемый императором, оказывалось уже расшатанным и нуждалось в прочном правопорядке. Пасхалию удалось уклониться от императорского трибунала; по смерти этого папы Лотарь мог уже беспрепятственно приступить к суду, и то, что было упущено, теперь наверстывалось. Императорская власть взялась за дело со всей энергией и заслужила действительную признательность народа. Папская камера была присуждена к возврату римлянам всех конфискованных у них имений, а пристрастные папские судьи были наказаны ссылкой в страну франков, куда, не колеблясь, приказал отправить их Лотарь.

То было время такого торжества императорской власти в Риме, которое едва ли когда-либо еще повторилось. Народ был предан защищавшему его права германскому цезарю, и, когда был обнародован статут Лотаря, радостное чувство овладело народом. Эта знаменитая ноябрьская конституция 824 г., заключающаяся в 9 параграфах, ясно определяла все то, что соприкасалось с правосудием и с порядком взаимных отношений города, папы и императора. Основное положение заключалось в том, что светское управление в Риме и в церковном государстве признавалось принадлежащим и той, и другой власти, причем за папой как местным властителем признавались права и инициатива местной власти, императору же принадлежала верховная власть, права высшей судебной инстанции и надзор за светскими распоряжениями папы. Именем той и другой власти должны были назначаться послы, на которых возлагалась обязанность ежегодно представлять императору отчет

о том, как творят правосудие папские герцоги и судьи и следуют ли они конституции императора. О всех столкновениях предписывалось доводить сначала до сведения папы, который должен был или разрешать их сам, или ходатайствовать о посылке чрезвычайных императорских послов. Чтобы придать этим распоряжениям возможно больше действительной силы, Лотарь приказал всем папским судьям явиться лично к нему и, узнав их имена и число, объяснил каждому из них в отдельности, как должны они действовать в будущем.

С этим общим определением правовых отношений было тесно связано также и избрание каждым того или другого порядка судопроизводства в частности. Лотарь потребовал, чтобы знатные люди так же, как и простой народ, объявили, на основании какого права каждый из них лично желает быть судим. Все свободные люди города Рима и герцогства должны были заявить, по каким законам они желают судиться. Если бы мы имели все эти заявления, которые были зарегистрированы в Риме по округам, а в герцогстве по каждому населенному месту, мы располагали бы важными статистическими таблицами о числе жителей и соотношении их по племенам и могли бы убедиться, как глубоко германская национальность проникла даже в сам Рим. Принцип римского территориального права отменялся императорским распоряжением именно потому, что в Риме и его области лангобардское и салическое личное право точно так же и уже давно применялись; этим распоряжением констатировалось всевозраставшее сопротивление германских поселенцев, которые в ту эпоху, когда Рим находился под владычеством франков, не желали признать себя подчиненными римскому праву, чего, естественно, добивались папские судьи. Но германский порядок суда был не только вообще допущен в Риме; как суд шеффенов, он мало-помалу начал оказывать также и преобразующее влияние на римское судопроизводство.

Выделение личных прав было отличительной чертой Средних веков; когда общественный строй покоился на различении частных вольностей, за которыми, как за окопами, спасались от произвола и отдельные лица, и цехи. Свидетельствуя, с одной стороны, в какой сильной степени такое обособленное существование должно было содействовать росту независимого духа индивидуальности, которым поражают нас Средние века, это выделение личных прав, с другой стороны, ясно показывает, как непрочно и первобытны были общественные условия того времени. Постоянное столкновение отдельных прав должно было вносить смуту в судопроизводство и затруднять его. В Риме по-прежнему продолжал господствовать кодекс Юстиниана, упраздненный лангобардами во всех завоеванных ими городах; он сохранялся как звено, связующее настоящее с далеким прошлым, как зародыш гражданской жизни римлян, как глубочайший источник их национальности. Предоставление свободного выбора в вопросе подчинения тому или другому праву, казалось, должно было оскорбить римлян, так как этим как бы допускалась возможность, что римлянин может предпочесть франкское и лангобардское право. Эдикт Лотаря, однако, вовсе не подвергал сомнению ни бесконечного превосходства римского права, ни национального чувства римлян, которое все-таки и тогда давало себя чувствовать, хотя далеко не в такой мере, в какой оно выступило столетием позднее. Тогда как в других городах Италии и провинциях число германцев, правда, уже усвоивших и романский язык, и романскую образованность, было велико и они удерживали за собой высшие места в государстве и в церкви, Рим вполне сохранял свою латинскую национальность. Понятие о римском гражданине все еще продолжало существовать в государстве даже за пределами Италии, и это понятие отождествлялось с понятием о свободе. Конечно, и кровь римлян смешалась с кровью готов, лангобардов, франков и византийцев, и уже трудно было указать настоящих потомков древних родов; тем не менее латинские черты ничуть не были утрачены римским народом. Имена римлян по-прежнему все

еще оставались преимущественно римскими или греческими; в остальной же Италии все исторические акты полны германских имен, оканчивающихся на -ольд, -бальд, -перт, -рих, -мунд, -бранд и т. п. Со времени именно конституции Лотаря начался новый подъем римского национального чувства, так как точным разграничением прав вносилось единство в гражданство и устанавливалось его значение. Папой и римлянами так и было понято это свободное избрание того или другого права, между тем как сам император имел в виду упрочить и усилить германское начало в Риме. Корпорации (scholae) чужеземцев отныне стали ссылаться на свое национальное право. Исходя из этого императорский монастырь Фарфа одержал полную победу; даже некоторые германцы в отдельности решались заявлять перед римскими трибунами о своем личном праве. Благодаря смешению национальностей являлись, однако, прозелиты права. Жены принимали законы, признаваемые их мужьями; вдовы возвращались к праву своих родителей. В качестве клиентов отдельные лица из числа франков и лангобардов заявляли о своем желании следовать Юстинианову кодексу, и тогда они были торжественно провозглашаемы римскими гражданами. В X и, может быть, даже в IX веке была установлена формула, которой определялось, каким образом должно было производиться присоединение желающего к числу римских граждан.

Таким образом эдиктом Лотаря было официально признано личное право и установлена сфера действия салического и лангобардского законов; римское право было и оставалось более или менее общим правом, и уже позднее, эдиктом Конрада II, оно было признано как местное право.

Статутом признавалась также светская власть папы; вполне определенно предписывалось римлянам повиноваться папе. В предупреждение беспорядков при выборе папы было установлено: никто, как из свободных людей, так и из рабов, не должен осмеливаться чем-либо мешать избранию папы; в избрании же его должны участвовать только те римляне, которым принадлежит это право издревле. За нарушение этого постановления статут грозил ссылкой.

Таким образом в избрание папы, — акт высокой важности для Рима, — был, конечно, внесен порядок; но не трудно заметить, что конституция оставляла невыясненным отношение императора к этому избранию. Императоры предъявляли требования на право утверждения выборов. Одоакр, короли готов и византийцы пользовались этим правом; не могли поступить им и Каролинги. Много раз возникало сомнение в том, что окончательное установление этого права договором между императором и папой принадлежит Лотарю; прямое указание на это мы находим только у одного летописца. Тем не менее все обстоятельства говорят в пользу того, что таков был договор. Согласно сказанному летописцу, духовенство и народ римский приносили следующую присягу императору:

«Клянусь всемогущим Богом, этими четырьмя евангелиями, этим крестом Господа нашего Иисуса Христа и телом апостола Петра, что я отныне пребуду верным нашим властителям и императорам Людовику и Лотарю, по силе моей и разумению, без обмана и лукавства, и не нарушая верности, обещанной мною апостольскому папе; что я не допущу, по силе же моей и разумению, чтобы в этом римском престольном граде избрание папы происходило несогласно с канонами и правом и чтобы избранный с моего согласия не был посвящаем в папы прежде, чем он принесет такую же клятву в присутствии императорского посла и народа, подобно тому, как государь и папа Евгений, по доброй воле, ко благу всех, дал эту клятву письменно».

Если были твердо установлены все общественные и личные соотношения, должен был быть внесен соответственный порядок, без сомнения, и в городское управление. К сожалению, мы совершенно лишены сведений по этому важному вопросу о первоначальном отношении папы к Риму со времени учреждения светской власти папы.

Были ли учреждены, сообразно договору, в городском управлении магистраты, как назывались они, были ли снова назначены префект и консулы, — все эти вопросы остаются нерешенными. Мы не сомневаемся только в том, что нечто, подобное всему этому, было сделано, что конституция Лотаря шла навстречу всевозраставшим запросам народа и наделила его правами, имея в виду примирить его с папством. В пользу такого предположения говорит, по крайней мере, то обстоятельство, что со времени конституции Лотаря очень долго среди римлян не было возмущений.

Такова была составившая эпоху деятельность Лотаря в его второе пребывание в Риме. Конституция Лотаря отныне являлась основой светского положения папы и его отношений к императору, получившему, согласно этой конституции, значение верховной судебной инстанции в церковном государстве. И когда римляне так же, как и папа, принесли присягу конституции, Лотарь спокойно покинул город и вернулся к отцу, довольному успешной миссией своего сына.

Евгений II умер в августе 827 г. Его недолгое управление было благотворно; тем миром, который в ту пору царил вообще на Западе, Рим был обязан, между прочим, кроткому духу папы Евгения II и более всего каролингскому эдикту, которым римскому народу была впервые дарована некоторая автономия по отношению к папству.

4. Валентин I, папа. — Григорий IV, папа. — Сарацины проникают в Средиземное море. — Они основывают свое государство в Сицилии. — Григорий IV строит Новую Остию. — Распадение монархии Карла. — Смерть Людовика Благочестивого. — Лотарь — единый император. — Верденский раздел в 843 г.

Преемник Евгения, Валентин I, сын римлянина Петра с *via Lata*, умер уже через 40 дней после своего избрания. Тогда был избран папой сын знатного римлянина Иоанна, бывший раньше кардиналом Св. Марка. Это был папа Григорий IV; посвящение его состоялось лишь после того, как избрание было утверждено императором.

Наступило время, грозившее большими невзгодами. На севере юная монархия Карла вследствие раздоров между членами его быстро погибавшей династии становилась непрочной; на юге сарацины и мавры из Африки, Кандии и Испании все более надвигались на Средиземное море, горя желанием овладеть Италией так же, как Испанией, которая уже была завоевана их единоверцами. Уже с давних пор сарацинские пираты носились по Тирренскому морю, предавая грабежу острова и берега континента, и потому еще при Льве III на римских берегах была поставлена стража и были построены сторожевые башни. В 813 г. сарацины напали на Центумцеллы (Чивита-Веккия), разграбили Ламиадузу и Искию, высадились на Корсике и Сардинии и стали совершать свои вылазки в водах Сицилии.

Находившийся в Сицилии патриций заключил в 813 г. десятилетний мир с сарацинами, уплатив им дань; судьба прекрасного острова была, однако, решена военной революцией в начале 827 г. Поднял восстание византийский генерал Евфимий; он был, однако, прогнан в Африку войсками армянина Палаты, оставшегося верным греческому императору. Тогда изменник посоветовал овладеть Сицилией востителю Кайравана Зиадат-Аллаху и предложил для этого свою помощь с условием, что он будет провозглашен императором. Арабы, берберы и беглые испанские магометане, цвет африканского населения, направились на парусном флоте к берегам Сицилии и 17 июня 827 г. высадились у Мазары. Палата был разбит; победители двинулись к Сиракузам, но, не будучи в силах овладеть этим укрепленным городом, бросились на Палермо и завладели им 11 сентября 831 г.

С покорением Сицилии пал оплот, который еще ограждал Италию от сарацинов. С той поры южные провинции Италии стали ареной кровавой борьбы между императорами Востока и Запада и африканскими султанами. Весть о том, что остров пал и недалек от Рима Палермо сделан врагами христианства столицей арабского государства, должна была возбудить в папе опасения и за сам Рим. Со стороны моря город был доступен врагу; развалившиеся стены Порто и Остии не могли быть преградой для врага, если бы он вздумал подняться по р. Тибру. В развалинах крепостей помещался еще римский гарнизон, но число жителей быстро убывало вследствие их бегства. В то время Остия была оживленнее Порто, так как корабли, которым еще случалось заходить в Рим, шли по левому рукаву Тибра, остававшемуся судоходным. В Остии, среди развалин древних храмов, терм и театров, стояла церковь Св. Аврии и здесь же жил епископ, наиболее уважаемый из всех пригородных епископов, так как ему по преимуществу принадлежало право посвящения в папы. Григорий сначала предполагал только укрепить Остию, но, видя полное разрушение древнего города, решил, что лучше выстроить город заново. Новый город был построен из материалов старого, и потому все древние памятники были уничтожены до основания; крепкие стены окружили новый город, и на их башнях были поставлены метательные машины. Сам папа назвал город Григориополисом; однако это громоздкое имя не удержалось. Год основания Новой Остии неизвестен; но нет сомнения, что она была основана вскоре после завоевания Палермо мусульманами.

В то время, когда христианский мир был таким образом озабочен возможностью нападения мусульман, пагубные раздоры потомков Карла друг с другом возбуждали сомнение, может ли империя явиться в этом случае надежной охраной для христианства. Казалось, новая Римская империя была уже готова распасться; корона ее великого основателя была обесчещена собственным его сыном и внуками. После Карла снова наступили времена Меровингов; властолюбие, корысть и чувственность — свойства, присущие прежней франкской династии, — были причиной гибели и нового рода государей; дети поднялись против отца, и это противоестественное восстание, как пожар, охватило всю империю. Появление Великого Карла казалось похожим на молнию, которая среди ночи на мгновение освещает землю и оставляет ее затем в еще более глубоком мраке.

В 819 г. Людовик Благочестивый во второй раз сочетался браком с Юдифью, дочерью герцога Вельфа Баварского, первого князя того имени, которое имело такое роковое значение для истории Италии. Вторая жена Людовика родила ему в 823 г. сына Карла, и это возбудило неудовольствие принцев Лотаря, Пипина Аквитанского и Людовика Баварского. Первоначальный раздел империи был отменен, и юный принц получил часть империи. В отношении между слабым, вполне подчиненным духовенству отцом и непокорными сыновьями вмешался смелый министр Бернгард, герцог Септимании, воспитатель юного Карла и, как говорила молва, любовник императрицы. Все это привело к восстанию сыновей против отца. В 830 г. Лотарь поднял оружие в Италии, а Пипин напал на императора во Франции. Когда же Людовик был взят в плен, оба сына потребовали от отца, чтобы он отказался от престола и ушел в монастырь; но народ вернул Людовику престол, а между братьями возник раздор. В 833 г. между ними состоялось соглашение, и война снова была начата. Противники расположились лагерем друг против друга в Эльзасе, и Лотарь призвал или привел с собой сюда также папу как лицо, при посредстве которого мог бы быть заключен мир. Но Григорий IV явился для франков только нарушителем мира, державшим сторону мятежных сыновей. Полный недоверия, старый император принял папу без ответственных почестей; а епископы, принадлежавшие к партии императора (они все еще боролись против признания

римского престола главенствующим), объявили даже, что папа должен быть сам отлучен, если он явился с целью отлучить императора. Таким образом вмешательство Григория не привело к цели, и он вернулся в Рим «без всякого почета».

Главе церкви пришлось быть только свидетелем, как отец, покинутый подкупленной свитой, был взят в плен сыновьями и как их неосновательные политические притязания, лишенные всякого действительного значения, поддерживались епископами. Затем папа услышал, что собор в Компьене отлучил от церкви свергнутого с престола императора. И все, что сделал в таких обстоятельствах папа, сводилось лишь к весьма сомнительному посредничеству, в результате которого было умаление престижа папы. Призванный к исполнению великого дела священства положить конец мировой борьбе любовью, водворить согласие между государями и народами, Григорий IV оказался человеком, которому было доступно только себялюбивое понимание личных выгод.

Когда братья поделили между собой империю и между ними снова возник раздор, причем император с помощью Людовика германского снова вернул себе престол, Лотарь направился в Италию. Не решаясь публично одобрить действия забывшего Бога Лотаря, папа принужден был обратиться к нему с увещиванием; тогда Лотарь напал на церковные имения, а его служащие стали даже убивать папских людей. Император имел намерение сам отправиться в Рим и там, у апостольского гроба, найти облегчение своей душе, удрученной грехами и несчастьями; но, не будучи в силах выполнить это намерение, он отправил послов к сыну и к папе. Григорий также послал нунциев во Францию, но Лотарь прогнал их, и письма папы могли быть переправлены через Альпы только тайно. Таковы были события 836 г. Историк приходится останавливаться на них, чтоб сколько-нибудь рассеять густой мрак, окутывающий историю города Рима в ту эпоху.

Несчастный Людовик умер 20 июля 840 г., и Лотарь, которому отец передал корону, скипетр и государственный меч, остался единым императором. Раздор возобновился, однако, с новой силой; началась дикая междоусобная война, которую Григорий тщетно старался прекратить. Лишь после того, как Лотарь, поднявший меч против своих братьев во имя единства монархии, был разбит в кровавой битве при Оксерре (25 июня 841 г.), враждующие партии пришли наконец к соглашению: в Вердене, в 843 г., состоялся раздел, составивший эпоху. В силу этого раздела монархия Карла распалась на отдельные народности, и положено было начало обособлению Германии, Италии и Франции. Император Лотарь получил все итальянские государства с «римским городом» и вслед за тем провозгласил королем Италии своего сына Людовика II. Таково было положение, в котором оказалась империя Карла Великого, — теократическое государство, основанное на началах христианства, — уже через одно поколение после коронации великого императора.

5. Страстное влечение к обладанию реликвиями. — Святые мощи. — Перенесение их. — Особенности пилигримства того времени. — Григорий IV строит заново базилику Св. Марка. — Он восстанавливает *Aqua Sabbatina*. — Он строит папскую виллу *Draco*. — Смерть Григория IV в 844 г.

Историк Рима за этот период приходится довольствоваться анналами франкских летописцев, дающими лишь весьма скудные сведения, да жизнеописаниями пап, также содержащими в себе почти одни только указания на то, какие были возведены постройки и какие были сделаны пожертвования. Поэтому для историка нет надеж-

ды дать картину гражданской жизни Рима того времени, и мы скажем лишь несколько слов о религиозных интересах, которыми главным образом наполнялась эта жизнь.

Как во времена Айстульфа и Дезидерия, Рим продолжал распространять реликвии на Западе, и христианский мир охватила новая, исключительная страсть обладания мощами святых. В ту эпоху все более сгущавшегося мрака эта страсть, поддерживаемая корыстью священников и их жаждой власти, росла все более и более и достигла наконец степени полного неистовства. Мы с ужасом вглядываемся в то время, когда на алтаре воздвигался скелет человека и перед этим скелетом человечество изливало свою скорбь, мольбы и восторг. С практической сметливостью римляне сумели обратить в источник своего дохода запросы Запада и стали в то время вести формальную торговлю мощами, реликвиями и образами; к этому, да еще к продаже древних рукописей сводилась вся римская индустрия того времени. Бесчисленные пилигримы, покидая священный город, всегда уносили с собой какой-нибудь священный предмет как напоминание о Риме. Они покупали реликвии в катакомбах, как покупают современные посетители драгоценные камни, картины и скульптурные произведения. Но раздобыть целые мощи было по средствам только государям и епископам. Кладбищенским сторожам приходилось проводить целые ночи в постоянной тревоге, как бы в ожидании нападения геенн, так как кругом отовсюду прокрадывались воры, прибегавшие ко всяческим хитростям, чтобы достигнуть своей цели. Но и сами воры часто оказывались обманутыми: смеясь в душе, священники подделывали мертвецов и снабжали их какими угодно надписями.

В 827 г. были похищены франками и увезены в Суассон останки свв. Марцелина и Петра; в 840 г. один священник из Реймса, похитив тело неизвестной женщины, стал выдавать его за останки матери Константина. Обладание подобными священными останками казалось такой великой заслугой, что воровство, к которому прибегали ради этого обладания, уже переставало быть позорным. Затем обыкновенно прилагались старания к тому, чтобы похищенные останки являли чудеса на пути в новое место. Таким образом, священные останки как бы сами оправдывали свое насильственное переселение и приобретали еще большую цену. Казалось, в этой новой форме возродился обычай древних римлян увозить из чужих городов изображения богов и ставить их в своих храмах. Папы часто давали свое согласие на перенесение останков римских святых в другие страны, так как города, церкви и государи не переставали обращаться в Рим с пламенной мольбой о даровании им такой милости. Когда такие останки, положенные на разукрашенную колесницу, вывозились из города, их торжественно сопровождала на некоторое расстояние толпа римских священников и мирян с факелами в руках и с пением молитв. И повсюду, где показывалась колесница с останками, навстречу ей стремился народ, моливший о чуде, т. е. об исцелениях. Прибытие останков на место, в какой-нибудь город Германии, Франции или Англии, было торжеством, которое праздновалось несколько дней. Такие потрясающие процессии, направлявшиеся из Рима в западные провинции, происходили часто, возбуждали в населении страсти и порождали суеверие и невежество, которые нам теперь трудно даже представить себе.

Перенесение останков двух почитаемых апостолов привлекло к себе именно в это время общее внимание и подняло до крайнего напряжения стремление к обладанию реликвиями. В 828 г. венецианским купцам после целого ряда приключений удалось похитить из Александрии тело апостола Марка и привезти его в свой город, патроном которого с той поры стал этот апостол. В 840 г. были перевезены мощи другого апостола; то было тело Варфоломея, доставленное в Беневент с острова Липари, на который оно приплыло много раньше в мраморном саркофаге из Индии. В этом году сарацины разграбили Липари и выбросили из могилы останки святого. Какой-то от-

шельник собрал и принес их в Беневент, и здесь по приказанию герцога Сикарда они были погребены в соборе; погребение сопровождалось ликованием, не поддающимся описанию. Южные итальянцы, уже тогда известные своим крайне грубым суеверием, пользовались останками святых также и для политических демонстраций. В 871 г. капуанцы направились в лагерь Людовика II, неся на своих плечах тело своего святого Германа, надеясь этим путем получить от Людовика пощаду. Погоня за святыми мощами едва ли где-нибудь была в такой степени фанатической, как при дворе последних лангобардских властителей Италии. Подобно тому как в XV и XVI веках папы и государи со всей страстью собирали древности и рукописи, так Сикард рассылал своих агентов по всем островам и берегам разыскивать и собирать для него кости, черепа, целые скелеты и другие останки. Все эти находки складывались в церкви Беневента, так что она превратилась в музей священных ископаемых. Можно себе представить, с каким усердием исполнялись эти приказания Сикарда. Свои войны он вел с той же целью, т. е. чтобы раздобыть святые тела, и брал их так же, как некогда победоносные короли брали дань с побежденных народов; он принудил амальфитян уступить ему мощи Трифомены; таким же образом уже его отец Сико заставил неаполитанцев отдать ему тело св. Януария и, получив это тело, торжественно, с народным ликованием отвез его в Беневент.

В тесной связи с этим культом мертвых было большое движение пилигримов, уже странствовавших в то время по Западу так же, как и в последующие века. В природе человека совершать передвижения; войны, труд, торговля и путешествие истари вносят в общество оживление; но в ту эпоху мирное передвижение людей сводилось вообще к пилигримству, достигшему позднее своей наибольшей высоты в крестовых походах, этом величайшем паломничестве, которое когда-либо видела история. Люди того и другого пола, всех возрастов и всех классов принимали участие в этих странствованиях как пилигримы; император, князь и епископ совершали путь как нищие; ребенок, юноша, знатная матрона, ветхий старец шли босыми, с посохом в руке. Такие условия внесли в человечество романтический дух и породили в нем стремление к незнакомому и сверхъестественному. На Западе движения пилигримов были вызваны прежде всего Римом, привлекавшим их в свои стены. Это странствование в Рим не прекратилось и тогда, когда провинции империи были уже вполне обеспечены достаточным числом гробниц святых и ближайшая потребность в них могла быть удовлетворена. Суеверное убеждение в том, что совершивший паломничество в Рим несомненно получал ключи к раю, создавалось почти два века. Побуждая к паломничеству, епископы поддерживали это суеверие. Наивная вера тех времен, когда человечество полагало, что душевный мир достигается не внутренней работой самосознания, а внешними приемами — путешествием к отдаленному, материальному символу спасения, — эта вера могла давать блаженство благочестивому страннику, который, прежде чем достигнуть своей цели — источника великой милости, должен был как бы пройти через чистилище, подвергаясь всем опасностям пути: и действию враждебных стихий, и опасности незнакомых дорог, и всем добровольно принятым на себя лишениям долгого, изнурительного паломничества. Какая бы скорбь ни наполняла сердце человека, была ли она им заслужена, или он был в ней неповинен, зависела ли она хотя бы даже от преступления, совершенного этим человеком, он мог обратиться в Рим, твердо надеясь, что там, у святых мест или у ног папы, он получит прощение. Великое значение, которое было вложено верою человечества в этот единственный город, никогда уже больше не повторялось и никогда не может больше повториться. И существование в ту эпоху самого дикого варварства такой святости как источника мира и милости должно было быть, конечно, истинным благом для человечества того времени. Не-

сметные толпы пилигримов, движимые нравственным чувством, переходили через Альпы или плыли на кораблях, направляясь все к Риму. Но в этих странствованиях полный раскаяния и робкий, набожный пилигрим был обречен на слишком частое и близкое соприкосновение с наглым пороком и обманом, и потому, идя по пути к спасению, нередко находил не спасение, а свою гибель. Развращающее сообщество людей, совершенно оторванных от семейных связей, всякого рода приключения и искушения пути, соблазны роскошных городов юга — все это вело к тому, что женщины утрачивали свою непорочность, и множество девушек, вдов и монахинь, покинувших родную страну ради того, чтобы укрепить свой обет целомудрия у гроба св. Петра, возвращались домой падшими или оставались в Италии и здесь отдавались распутной жизни.

Каждый день в ворота Рима входили новые пилигримы. Одни из них производили на зрителя впечатление истинно благочестивых людей, другие же поражали своим нищенским и диким видом. Многие из них были заклеены самыми гнусными преступлениями. Современные общественные условия требуют удаления преступника из общественной среды и охраняют честных людей от соприкосновения с ним; в целях наказания и исправления преступник обрекается на уединение. В Средние века происходило противоположное: совершивший преступление отсылался в мир. Епископ выдавал преступнику свидетельство, которым открыто удостоверялось его преступление, убийство или кровосмешение и предпринималось отправление в путь, причем точно устанавливались свойства и продолжительность путешествия; это же свидетельство служило преступнику легитимацией, дававшей ему некоторые права. С таким удостоверением от епископа о преступлении преступник путешествовал как с настоящим паспортом, выданным начальством, и на пути предъявлял это удостоверение аббатам и епископам всех тех мест, по которым ему доводилось проходить. Благодаря такому письму епископа, вместе и отлучающему и рекомендательному, преступник повсюду пользовался гостеприимством и мог без всяких забот следовать от одного этапа до другого, вплоть до назначенной ему конечной цели путешествия. Уголовный кодекс Средних веков представляет поразительное смешение самого грубого варварства и ангельской кротости. Великие начала христианства, которыми требовалось щадить падших и со всей любовью давать им возможность примирения с собою и обществом, пришли в столкновение с гражданским строем общества. В ту же самую эпоху, в которую по решению священных соборов государственному преступнику полагалось подвергнуться ослеплению или проехать по городу на осле, пораженном паршой, убийце отца или матери вручался паспорт пилигрима, и фурии мести уже не должны были следовать за ним, как за Орестом. В Рим, как в великий *refugium* *reccatorum*, стекались виновники всевозможных преступлений. История паломничества могла бы быть вместе и историей уголовных деяний того времени. Часто можно было видеть ужасающие сцены: одни богомольцы, как кающиеся индусы, имели на себе цепи; у других, полуобнаженных, на шее или на плече был надет закованный железный обруч. То были убийцы своих родителей, братьев или детей, совершившие путешествие в Рим в таком виде по приказанию того или другого епископа. С воплем бросались они на землю у подножия гробниц, бичевали себя, выкрикивали молитвы и приходили в экстаз; некоторым из них удавалось при этом разбивать свои оковы о мрамор гробницы мученика. Так как свидетельство, выдававшееся преступнику, обеспечивало ему существование, то нередко под маской самого ужасного преступника скрывался простой мошенник, искавший веселых приключений и наживы. С фальшивыми свидетельствами такие люди переходили из страны в страну, возбуждая к себе в доверчивых людях сострадание, и кормились в аббатствах и пристанищах для пилигримов. Другие

изображали из себя бесноватых, бегали по городам, проделывая всякие чудовищные телодвижения и повергались на землю перед образами святых в монастырях; когда же от взгляда на эти образа или прикосновения к ним такие мнимые больные выздоравливали, обрадованные монахи щедро одаряли их; получив подарки, мнимый больной уходил и повторял свою игру где-нибудь в другом месте.

Григорию IV приписывается установление для всего Запада праздника Всех Святых; празднование это было связано с Пантеоном и было назначено на 1 ноября. Перенесение мощей апостола Марка в Венецию могло послужить для Григория поводом к устройству новой базилики имени этого апостола под Капитолием, тем более что сам он был кардиналом этой церкви. Первоначально эта древняя базилика была посвящена папе Марку, а не евангелисту Марку. В настоящее время вид церкви иной; сохранились только мозаики абсиды: благословляющий Христос; слева от него папа Марк, св. Агапит и св. Агнеса; справа — св. Фелициссим, евангелист Марк и Григорий IV, приносящий церковь. Стиль мозаики тот же, что и в мозаике Пасхалия, но с некоторыми отступлениями. Пальм нет; фигуры бессмысленно поставлены на пьедесталы с надписями; птица феникс помещена под пьедесталом изображения Христа.

Великая заслуга Григория IV перед Римом заключается в том, что он восстановил Траяна, или саббатинский водопровод, который уже был однажды восстановлен Адрианом I, но затем опять разрушился.

Уделил внимание Григорий IV также и обработке земли в Кампани. Восстания, происходившие при Льве III, обратили многие домены в развалины, в том числе и Галерию, основанную Адрианом по дороге, ведущей в Порто. Григорий восстановил эту колонию. Основателя Новой Остии должно было волновать заселение этой местности, и потому он устроил здесь колонию Драго с прекрасной дачей для себя, украшенной портиком. Между прочим, упоминание о папской вилле здесь приводится впервые.

Григорий IV умер, по свидетельству церковного историка, 15 января 844 г.

ГЛАВА III

- 1. Сергей II, папа. — Король Людовик приезжает в Рим. — Его коронование; его раздоры с папой и с римлянами. — Сиконольф в Риме. — Вторжение сарацин; они грабят базилики Св. Петра и Св. Павла. — Смерть Сергея II в 847 г.**

Вскоре затем Рим охватило волнение, вызванное несогласием, которым сопровождалась выборы папы. Духовенство и знать (первые из квиристов, как начинает выражаться, согласно римским приличиям, книга пап) избрали Сергия, кардинала церкви свв. Мартина и Сильвестра; народ же стал на сторону честолюбивого диакона Иоанна и с оружием в руках привел его в Латеран. Восстание народа было подавлено знатью, и Сергей II был посвящен в папы. Сам он принадлежал к знатному римскому роду, а потому и оптиматы были на его стороне. Посвящение папы происходило без согласия императора, вероятно потому, что ввиду восстания народа приходилось спешить с посвящением. Разгневанный таким нарушением своих императорских прав Лотарь приказал королю Италии идти на Рим с войском. В сопровождении мецского епископа Дрогона, сына Карла Великого, и многих других прелатов и графов Людовик направился к Риму. Насилия, которые совершались в церковной области на пути в Рим, дали почувствовать римлянам гнев короля еще задолго до его прибытия. Когда король был уже

близок, папа выслал ему навстречу торжественную почетную свиту. На 9-й миле короля встретили все судьи, а за милю перед Римом — все корпорации (*scholae*) милиции и духовенство. Встреча происходила в воскресный день после Троицы. На ступенях Св. Петра короля приветствовал сам папа и обнял его, после чего король, следуя по правую руку папы, прошел через атриум к серебряным дверям базилики. Но эти двери, как и все другие, оказались запертыми. На вопрос удивленного этим короля умный папа ответил следующее: «Если ты пришел с добрыми чувствами и чистыми намерениями, ко благу республики, всего города и этой церкви, двери будут открыты тебе; если же нет, то никто из нас не откроет тебе их». Король ответил, что им руководят добрые намерения; тогда двери раскрылись, и входившие были встречены гимном: *Benedictus qui venit in nomine Domini*. Затем у гроба апостола было совершено моление; к этому гробу прежде всего направлялись государи, и бронзовый саркофаг св. Петра нередко играл роль громовода по отношению к гневному настроению государей.

Войско франков расположилось за стенами города, по всей вероятности, на Нероновом поле; на требование войска отворить ему городские ворота Сергей ответил отказом и не впустил войска в город. Нужно было поскорее избавиться от Людовика и его войска. Прежде всего на соборе было проверено избрание папы; франкская партия сначала оспаривала правильность этого избрания, но затем успокоилась и признала Сергия папой. 15 июня Сергей помазал и короновал сына Лотаря королем Италии. Немедленно после этого Людовик предъявил притязания, далеко превосходившие его полномочия. Он пожелал, чтобы за ним была признана такая же власть над Римом, какая принадлежала императору, и потребовал, чтобы римская знать принесла присягу в верности также и ему. Такое требование было, однако, встречено твердым отказом со стороны знати. «Я согласен, — так отвечал Сергей, — чтобы римляне принесли присягу своему государю и великому императору Лотарю, но ни я, ни римские знатные люди не согласимся на такую присягу сыну императора». Рим не имел желаний снизить до степени королевского города: императору Лотарю у Св. Петра была снова принесена торжественная присяга, попытка же итальянского короля подчинить себе город и папство не имела успеха. Одну уступку Сергию пришлось все-таки сделать: он согласился признать епископа Дрогона апостольским викарием в Галлии и Германии. Верховная власть франков была торжественно признана в Риме. Ее влияние было восстановлено также и в Южной Италии, так как в это же самое время в Рим явился со свитой, напоминавшей войско, Сиконольф, государь Беневента и Салерно. Теснимый сарацинами, он поспешил в Рим, чтобы заключить договор с Людовиком, и здесь признал себя вассалом короля Италии, обязавшись уплачивать ему дань в 10 000 золотых солидов. Вскоре после того Людовик, к великому удовольствию римлян, удалился в Павию. Это был один из тех редких моментов в истории города, когда папа, знать и народ проявляли одну согласную волю, и такое дружное противодействие замыслам короля подняло римское национальное чувство.

Тогда же покинул Рим и Сиконольф. Этот государь сначала был заточен в тюрьму в Таренте, но получил свободу, когда в 840 г. был убит его брат Сикард. После безуспешной осады Беневента, трон которого овладел Радельхис, Сиконольф ограничился обладанием одного Салерно. С той поры прекрасное государство Арихиса распалось на три части: Беневент, Салерно и Капую, и этот распад открыл сарацинам дорогу к сердцу Италии. Ради своей собственной защиты Радельхис сам призвал их разбойничью орду из Бари, где сарацины укрепились прежде всего; захватив затем Тарент, они стали опустошать всю Апулию.

В то время как эта часть арабов водворялась на южном материке, флоты Кайравана или Палермо, снуя всюду по морю, угрожали островам и частью овладевали ими: так, в 845 г. на виду у Неаполя был захвачен древний Мизенум. Помыслы этих смелых пиратов были направлены, однако, на Рим; здесь, мечтали они, на базилике Св. Петра водрузится знамя пророка и станут их достойными те огромные сокровища, которыми переполнены церкви Рима.

В августе 846 г. сарацинский флот вошел в устье Тибра; папская стража в Новой Остии была частью разогнана, частью оставлена без всякого внимания. Одна толпа сарацин подходила со стороны Чивита-Веккии, другая двигалась вверх по реке; в то же самое время сарацины шли еще по дороге из Остии и Порто. Нам совершенно неизвестно, производилась ли осада Рима, так как ни один летописец не говорит об этом; по всей вероятности, римляне вполне защитили стены города, но Ватикан и базилика Св. Павла были предоставлены их собственной участи. Правда, жившие у ватиканского Борго саксы, лангобарды, фризы и франки оказали сопротивление врагу, но должны были уступить ему как превосходившему их силой; после того сарацины уже беспрепятственно предали базилику Св. Петра разграблению. Пятивековое существование, связанное с величайшими событиями мировой истории, сделало этот храм святыней всего христианства. Казалось, в этой базилике, донныне еще никем не оскверненной, были запечатлены протекшие века, вся земная жизнь человечества, его паломничество и смерть. За долгий ряд годов сколько императоров и королей пребывало здесь; имена многих из них оказывались совершенно позабытыми, а царства уже давно перестали существовать; как много пап покоилось в недрах этой базилики! Запад не знал другого священного места, к которому бы он питал большее благоговение, и эта святыня христианского культа, к которой не прикасались ни готы, ни вандалы, ни греки, ни лангобарды, стала теперь добычей разбойнической толпы африканцев.

Нет возможности составить себе представление о том богатстве, которое было накоплено в базилике Св. Петра. Начиная с Константина, императоры, государи Запада, Каролинги и папы не переставали делать этой церкви редкие по своему богатству и великолепию приношения, так что собор Св. Петра мог считаться величайшим музеем произведений искусства за все пять веков. Некоторые из этих произведений имели выдающееся значение или сами по себе, или в историческом отношении, как, например, древний золотой крест на гробе апостола, большой светильник Адриана, серебряный стол Карла с изображением Византии. Все эти сокровища были увезены сарацинами. Они сорвали даже серебряные плиты с дверей и золотые с пола исповедальни, а также похитили и главный алтарь. Гробница апостола была опустошена; не имея возможности унести с собой огромный бронзовый саркофаг, сарацины разбили его и выбросили и уничтожили все, что в нем содержалось. Весь мир веровал в то, что эта таинственная могила заключала в себе тело апостола, преемники которого назывались епископами Рима, и к этому телу стекались и повергались перед ним на землю все народы и государи; только помня все это, можно составить себе понятие, как глубоко было оскорблено христианское чувство и как велика была скорбь христианского мира.

Подверглась разграблению и базилика Св. Павла, и точно так же была опустошена и его гробница. Римляне и сельское население, хотя и оказали здесь некоторое сопротивление, но оно было безуспешно. По словам летописца Бенедикта, сарацины пытались окончательно поселиться в ватиканском квартале, в котором все церкви были разграблены ими; но показания этого летописца, относящиеся ко времени, которое уже было далеко от него, — спутаны и неточны. Он утверждает даже, будто император Людовик, спустившись с Monte Mario, вступил в сражение с са-

рацинами и потерпел позорное поражение на Нероновом поле. Тот же летописец восхваляет Гвидо, маркграфа сполетского, который, будучи призван папой, привел своих воинственных лангобардов и вместе с римлянами в жестокой битве разбил язычников и преследовал их до Чивита-Веккии. Помощь Гвидо, прогнавшего сарацин, и отчаянная битва в Борго и у моста Св. Петра, где магометане пытались проникнуть в город, не подлежат сомнению. Опустошив Кампанью, сровняв с землей *domuscultus* и епископство Сильва-Кандида, разбойники удалились. Одна часть их, преследуемая Гвидо, направилась с добычей и пленными в Чивита-Веккию, другая спустилась по Аппиевой дороге к Фунди, производя на пути страшные опустошения. Многие корабли сарацин были разбиты бурей, и в карманах одежд выброшенных на берег волнами тел сарацин находили похищенные ими драгоценности. За удалявшимися по сухому пути сарацинами следовало войско лангобардов; у стен Гаэты произошло сражение, в котором маркграф спасся от гибели только благодаря появлению храброго Цезаря, сына *magister militum* в Неаполе Сергия. Несчастный папа Сергий II умер 27 января 847 г. и был погребен в том самом соборе апостола, разграбление которого должно было глубоко поразить его сердце.

2. Лев IV, папа. — Пожар в Борго. — Лига Рима, Неаполя, Амальфи и Гаэты против сарацин. — Морская победа при Остии в 849 г. — Лев IV строит *Civitas Leonina*. — Ее стены и ворота. — Стихи на главных воротах

Новым папой был избран Лев, кардинал церкви *Quattro Coronati*, римлянин лангобардского происхождения, сын Радоальда. Город еще не освободился от чувства ужаса, который навели на него сарацины; поэтому народ настойчиво требовал скорейшего посвящения избранного папы, и Лев IV был посвящен до получения согласия императора. В этом случае римлян могли вполне оправдать трудные обстоятельства, в которых они находились, тем более что в то же самое время они письменно удостоверяли свою готовность вполне повиноваться императору.

Волнения возросли еще больше, когда произошло землетрясение и сделался пожар, который обратил саксонский квартал в груды пепла и разрушил портик Св. Петра. Огонь нашел обильную пищу в домах чужеземцев; по обычаю ли своей северной отчизны или потому, что они были вынуждены к тому местными условиями, так как город в эпоху упадка возвращался к своему первобытному состоянию, чужеземцы крыли дома деревом. Верующие люди приписали спасение базилики от огня молитвам Льва и полагали, что он остановил пожар знаменем креста. Воспоминания об этом пожаре в Борго долго сохранялись в городе, и Рафаэль увековечил их в одной из своих фресок в зале Ватикана, носящей название *sala dell'incendio*.

Тем временем африканские пираты, которых Рим как богатая добыча не мог не привлекать, предприняли второй поход на него. Укрепляя стены и окружая шанцами квартал Св. Петра, римляне узнали, что в Сардинии готовится к выступлению большой сарацинский флот. Это было в 849 г. По счастью, в это же время образовалась лига южных приморских городов; эта лига была первой в Средние века. Амальфи, Гаэта, Неаполь, бывшие уже в ту эпоху цветущими торговыми городами, почти независимыми от Византии, соединили, по настоятельному приглашению папы, свои галеры и заключили с ним союз. Они расположили свои суда перед Порто, решив ожидать здесь появления сарацинского флота, и сообщили в Рим о приближении сарацин. Адмирала Цезария и других капитанов папа пригласил в город, и заключенный союз был подтвержден присягой, принесенной союзниками в

латеранском дворце. После этого папа направился в Остию во главе римской милиции, чтобы дать благословение флоту и войску; и, как во времена Велизария и Тотилы, гавань наполнилась множеством мужественных воинов. Дело шло о спасении Рима от самого ужасного из всех врагов христианства. Причастив воинов в базилике Santa Aurea, папа опустился на колени и так молился: «Ты, Боже, который не дал потонуть Петру, когда он шел по волнам; который спас из пучины морской Павла, когда он в третий раз потерпел крушение, внемли милостиво нашим молитвам и, ради заслуг этих святых, даруй силу людям, которые веруют в Тебя и готовы вступить в бой с врагом Твоей церкви, дабы одержанная ими победа послужила во славу Твоего святого имени у всех народов».

После того Лев вернулся в город, а на следующий день перед Остией уже показался сарацинский флот. Неаполитанцы поплыли ему навстречу и храбро вступили в бой. Но внезапно поднявшаяся буря прекратила разгоревшуюся было битву; неприятельские суда были частью рассеяны по морю, частью потоплены. Множество мавров потерпело кораблекрушение у тирренских островов и было здесь убито; многие были взяты в плен римскими военачальниками. Некоторые пленники были казнены в Остии, другие — отведены в цепях в Рим. Как некогда греки Сицилии после великой победы при Гимере заставляли пленных карфагенян строить храмы в Агригенте и Селинунте, так теперь римляне принуждали пленных сарацин работать на постройках в ватиканском городе. Таким образом спустя четыре века на доло Рима выпал снова военный триумф, и город опять имел военнопленных — рабов. Очевидец этих событий умалчивает, конечно, о воинских подвигах римлян в славной морской битве, героем которой был юный Цезарий. Если украшенная корабельными носами колонна Дулия, возобновленная Тиберием, еще существовала среди развалин древнего форума, то в ту эпоху уже никто из римлян, конечно, не понимал ни значения этой колонны, ни надписи на ней, и победа, которая была одержана при Остии и в которой, без сомнения, принимали участие и папские галеры, торжественно праздновалась в римских церквях возношением благодарственных молений как чудо, содеянное апостолом. Спустя почти семь веков Рафаэль изобразил эту морскую победу в той же ватиканской sala dell'incendio, а еще через полвека славу, но не значение битвы при Остии воскресили подвиги римского адмирала в сражении при Лепанто и так же, как при Льве IV, магометанские военнопленные, взятые в этом сражении, исполняли работы на полуразвалившихся городских стенах.

Еще за год до морской битвы при Остии начато было восстановление стен Рима. Грозившая опасность творила чудеса; папа заботливо осматривал возводившиеся укрепления и прилагал все старания к тому, чтобы возможно скорее довести их до конца. Все ворота были укреплены и к ним были приделаны засовы; пятнадцать развалившихся башен были снова построены, а у Портуензских ворот были поставлены две башни, по одной на каждом берегу, так что между ними могла быть протянута цепь. Но самым замечательным сооружением Льва было укрепление ватиканского квартала, в результате чего возникла Civitas Leonina, новая часть города и новая крепость, имевшая огромную важность в последующие века.

Когда император Аврелиан строил стены вокруг Рима, включать в них Ватикан не было надобности; таким образом эта местность осталась совершенно открытой и лежащей вне города. Точно так же и после того, как здесь возник собор Св. Петра со всеми примыкавшими к нему монастырями, госпиталями и различного рода пристанищами и с левой стороны собора были основаны колонии чужеземцев, ни одному папе не приходило голову защищать этот квартал стенами, так как врагами Рима до той поры были только христиане. Только Лев III впервые понял это, и, если бы это было осуществлено, базилика не была бы разграблена сарацинами. Начатые

Львом III работы прекратились вследствие внутренних междоусобий, и все, что было сделано тогда, было разрушено римлянами, похищавшими строительный материал. Теперь, после разграбления базилики, Лев IV вернулся к мысли Льва III и со всей энергией приступил к ее выполнению. О своем плане Лев IV сообщил императору Лотарию, без согласия которого такое большое дело не могло быть начато; император охотно согласился и оказал денежную помощь. После того выполнения дорогого стоившего сооружения было распределено по частям между всеми отдельными поселениями церковного государства, между доменами как церкви, так и городских общин и монастырями.

Постройка *Civitas Leonina* была начата в 848 г. и окончена в 852 г. Ватиканская область, или портик Св. Петра, была таким образом обведена стеной, которая, примыкая к мавзолею Адриана, направлялась от него к ватиканскому холму, подымалась по склону его и затем, опоясав базилику Св. Петра, спускалась снова к реке Стенд, сложенная из туфа и кирпичей, имела в высоту почти 40 футов и была соответственной толщины. На стене были устроены сорок четыре оборонительные башни. О способе постройки этих башен можно еще ныне судить по широкой угловой башне, стоящей на самом высоком месте Ватикана. Трое ворот вели в новый город, двое из них находились в той части стены, которая примыкала к мавзолею Адриана; меньшие ворота были у самого замка и назывались *Posterula S.-Angeli*, позднее — *Porta Castelli*; большие ворота находились близ церкви Св. Перегрини и потому назывались *Porta S.-Peregrini*, позднее *Viridaria*, *Palatii* и *S.-Petri*. Эти ворота были главными, и через них императоры совершали свой въезд. Третьи ворота соединяли новый город с Транстеверином. Они назывались *Posterula Saxonum*, по имени саксонского квартала, с которым они граничили, находились они на месте нынешних *Porta di S.-Spirito*. Имевшая почти подковообразную форму стена Льва IV в некоторых местах сохранилась еще до сих пор; так, ее можно найти в Борго у прохода Александра VI, возле монетного двора или папского сада, вплоть до широкой угловой башни, на одной линии с *Porta Pertusa*, и также там, где стена от другой угловой башни направляется к *Porta Fabrica*. Позднее, с возведением сооружений нового Борго, бастионов замка св. Ангела и бастионов *S.-Spirito*, целостность стены Льва была нарушена и местами стена была совсем уничтожена. Когда же при Пие IV Ватикан был опоясан новой огромной лентой стен, со стеной Льва IV произошло приблизительно то же, что произошло с стенами Сервия, когда были воздвигнуты стены Аврелиана.

Когда Лев окончил свое сооружение, он назвал новый город *Civitas Leonina*. 27 июня 852 г. совершенно было освящение стены, и в городе Рима, на который теперь папы как бы наложили печать своей власти, за целые века не было более торжественного праздника, чем это освящение. Все духовенство с босыми ногами, с головой, посыпанной пеплом, с пением обошло стены. На пути семь кардиналов-епископов кропили стены святой водой; у каждых ворот шествие останавливалось, и папа совершал моление о ниспослании благодати на новый город. Когда обход был окончен, папа приказал раздать дворянству, народу и чужеземным колониям золото, серебро и шелковые палии.

Новое сооружение было отмечено надписями. Этот обычай папы заимствовали от древних римлян, отличавшихся своей особенной любовью к надписям; а в ту пору еще можно было прочесть надписи на воротах Григория. Но уже со времени Нарзеса краткость, присущая надписям Древнего Рима, исчезла. На каждых из трех ворот, подобно тому, как это делалось в церквях, были помещены стихи, написанные вполне варварской латынью. Из этих стихов сохранились в позднейших списках два.

Над главными воротами Св. Перегрини были следующие стихи:

*«Вступая в город и покидая его, взгляни, странник, на это великолепное сооружение, воздвигнутое благодетельной мыслью Льва IV Красиво сверкают высеченные из мрамора и выступающие наверху зубы; человеческим рукам удалось дать им привлекательный вид. Это памятник времени Лотаря, непобедимого цезаря, и памятник папы, воздвигшего это величие. Жестокие войны людей злого умысла, я верую, не повредят этому сооружению, и оно уже не даст возможности врагу торжествовать. Рим, глава мира, свет, надежда, золотой Рим, ты — святыня; в этом сооружении папа явил тебя. По имени основателя этому городу было дано название *Leonina*».*

На *Porta Castelli* были такие стихи:

*«Римлянин и франк, вы, лангобардские пилигримы, и все, кто взирает на это сооружение, воспойте его достойной песнью. Его торжественно принес в дар своему народу и городу, на вечное благо, великодушный папа Лев Четвертый. В радостном единении с великим государем Лотарем воздвиг он это сооружение, и далеко несется слава его. Да приведет Всемогущий Бог в небесный град тех, кого связала любовью глубокая преданность. Его имя *Civitas Leonina*».*

В новом городе, который был посвящен Христу и поставлен под покровительство ап. Петра и Павла (вместе с их изображениями папа приказал изобразить и себя на алтарных покрывах), по-прежнему продолжали селиться пилигримы; движимые выгодой, точно так же поселялись там, конечно, и римляне или транстеверинцы. Возведение этого города составило эпоху как в истории построек средневекового Рима, так и в летописях папской власти, впервые раздвинувшей пределы городского *romerium*'а.

3. Лев IV обносит стенами Порто и передает гавань корсиканской колонии. — Он строит Леополь близ Центумцелл. — Чивита-Веккия. — Восстановление Горты и Америи. — Церковные постройки Льва в Риме. — Приношения Льва. — Богатство церковных сокровищниц. — Фраскати

Григорий IV возобновил Остию, а Лев IV восстановил Порто. Эта знаменитая гавань Рима в то время почти уже не существовала; но так как она была также древним епископством, то имя ее сохранилось, и в ней были еще целы две церкви: одна Св. Ипполита — на священном острове и другая, Св. Нимфы — на берегу. Когда сарацинами были окончательно прогнаны и последние оставшиеся в Порто жители, Лев IV с грустью увидел, что гавань пришла в совершенный упадок. Он решил тогда окружить Порто стенами и возвести новые здания; в это же время, как бы ниспосланные с неба, явились корсиканцы, которых арабы прогнали с их острова. С корсиканцами был заключен формальный договор, и Рим, таким образом, снова учредил колонию. По указу папы, утвержденному императорами Лотарем и Людовиком, корсиканцы получили Порто со всеми его угодьями, скотом и лошадьми, и в 852 г. заняли его как свободные собственники и слуги церкви или св. Петра. Тем не менее город не вернул себе жизни. Юная колония погибла частью от лихорадки, частью от меча сарацин. Ее история окутана непроницаемым мраком.

В это время гавань Траяна превратилась уже в озеро или болото, и корабли больше не показывались в ней. Торговые суда, которым случалось приходить в Лациум, входили в Тибр со стороны Остии. Но другая гавань Траяна, Центумцеллы, во времена

Пипина и Карла еще сохраняла до некоторой степени жизнь. Уже в 813 г. сарацины напали на этот древний тусцийский город и позднее, вероятно в 829 г., разрушили его. Было основание опасаться, что этот город постигнет такая же участь, какая постигла Луни, который в 849 г. был уничтожен магометанами. Гавань в Центумцеллах была заброшена и обмелела; стены развалились, а случайные обитатели уже в течение 40 лет гнездились по ущельям ближайших гор. Льву IV казалось, что Центумцеллы обречены на неминуемую гибель, и потому, предоставив город разрушению, он избрал для поселения жителей другое место, отстоявшее от первого на 12 миль в глубь страны. С неослабным усердием отдался Лев IV задуманному им делу, и благодаря энергии этого папы появились церкви, дома, стены и ворота. Так же торжественно, как Leonin'у, на 8-м году своего понтификата папа освятил новый город и назвал его Леополем. Но ни имя города, ни сам город не просуществовали долго; обитатели его не переставали думать о возвращении на родину, покинутую ими. Предание говорит, что один достопротенный старец Леандр на общем собрании уговорил народ вернуться в старый город, и когда народ исполнил это, Центумцеллы стали называться Civitas vetus (Civita vecchia). В это же время была разрушена сарацинами так же, как и другие этрусские города, Тарквиния, и на ее месте мало-помалу возник Корнето.

Лев IV возобновил еще два других тусцийских города, Горту и Америю, или, по крайней мере, возвел вокруг них стены и башни. Возведение укреплений являлось тогда единственным средством удержать жителей на месте. Сарацины совершали грабежи по всем берегам Этрурии и Лациума, и естественно, что население покидало незащищенные места, особенно на равнинах, и убегало в горы. Таким образом в начале IX века, когда мусульмане стали совершать свои разбойнические набеги, в римской Кампании было выстроено большое число замков и башен, которые позднее стали замками феодалов.

Блеск основанных Львом IV городов затмил возведенные им в Риме церковные постройки, а между тем и в этом отношении он проявил большую энергию. Пожар в Борго уничтожил многое; при этом, вероятно, сгорела также древняя саксонская базилика Св. Марии, так как папа построил вновь эту базилику. Теперь на ее месте стоит церковь S.-Spirito. Лев возобновил также церковь фризов Св. Михаила in Sassia, позади которой проходила новая стена; по крайней мере, предание гласит, что эта церковь была выстроена Львом в память саксов, погибших от меча неверных. Точно так же Лев IV восстановил пострадавший портик церкви Св. Петра и атриум.

Далее необходимо было возместить церквям драгоценности, похищенные сарацинами. Затраты, произведенные при этом Львом, показали, каким несметным богатством обладала церковная казна. Главный алтарь по-прежнему был выложен золотыми досками с укрепленными в них драгоценными камнями и эмалевыми изображениями, в числе которых были изображения самого Льва и Лотаря. Одна из золотых досок на алтаре весила 216 фунтов; серебряное, вызолоченное распятие, украшенное гиацинтами и бриллиантами, весило 70 фунтов; серебряный с колоннами и вызолоченными лилиями диборий над алтарем весил не менее 1606 фунтов; в кресте из литого золота, осыпанном жемчугом, смарагдами и опалами, было 1000 фунтов веса. Затем снова были сделаны всякие вазы, кадильницы, лампады на серебряных цепях с привешенными к ним золотыми шарами; украшенные драгоценными камнями чаши, чеканной работы серебряные налои; на многие двери были сделаны новые «оклады из ярко сверкающего серебра, и на этих окладах были изображены события священной истории». Далее следует прибавить еще ковры и завесы у колонн и дверей и шелковые одеяния священников; все это были изделия большого искусства и дорогой цены, так как они были вышиты золотом, украшены арабскими и изображениями человеческих фигур, растений и животных и усыпаны

дорогими камнями. Это обилие восточных шелковых материй, пурпурного бархата, жемчуга и драгоценных камней доказывает, что между Италией и Востоком происходили самые оживленные торговые сношения. Посредниками торговли, шедшей с юга, являлись при участии самих сарацин жители Неаполя, Гаэты и Амальфи. Те самые сарацины, которыми были разграблены базилики Св. Петра и Павла, выламывали из похищенных сосудов драгоценные камни и через посредство иудейских торговцев снова продавали их папе; таким же образом попадали в римскую церковь металлы и жемчуг из Азии и Африки; а на севере посредниками торговли Рима с Востоком через Византию были венецианцы.

Но ценные приношения были сделаны не в одну только базилику Св. Петра; ограбленная базилика Св. Павла и многие другие церкви, даже провинциальные, были также обогащены соответственными украшениями, и уже по этой одной ассирийской расточительности Рим по праву мог называться «золотым». Средства, затраченные Львом IV на постройку Леонины и городов Порто, Леополя, Горты и Америи, показывают, что церковь в эту пору была богаче, чем при Льве X; в эпоху Льва IV церковь не располагала сколько-нибудь значительными доходами с чужеземных стран, хотя ей и постоянно завещались имущества и делались приношения из этих стран. Израсходовать столько миллионов денег Лев IV мог, главным образом, только из собственных доходов самого государства. Папы еще не копили тогда богатств лично для себя, и связанное с nepotизмом расточительство тогда еще не было известно; точно так же и образ жизни папской курии в то время был в полной гармонии с суровым духом монашества; таким образом церковная касса оказывалась всегда полной и ее средства могли быть употреблены на достижение великих и благодетельных целей.

Будучи кардиналом церкви Quattro Coronati, Лев IV построил заново и эту базилику. Пожаром в Риме при Роберте Гвискарде, в конце XI в., она была уничтожена, и в церкви, восстановленной позднее, сохранились только немногие следы постройки Льва IV. На Via Sacra он заново выстроил церковь Св. Марии, которая называлась antiqua, но теперь получила название pova. Это та самая церковь, которая стоит среди развалин храма Венеры и Рима, неподалеку от арки Тита, и в XVII в. получила название S.-Francesca Romana. Постройку ее закончил Николай I, украсивший абсиду мозаикой; но та мозаика, которая существует в настоящее время в этой церкви, едва ли принадлежит IX веку.

Заботы Льва простирались также на церкви и монастыри других городов. Некоторые из этих церквей и монастырей заслуживают упоминания; так, например, монастыри Бенедикта и Св. Схоластики в Субиако (в ту пору еще Sub Laco), монастырь Сильвестра на Соракте, церкви в Фунди, Террачине и Ананьи. В первый раз в биографии этого папы встречается имя Фраскати или Фраската. Оно обозначало место, которое уже было заселено, так как в нем было несколько церквей; таким образом, то место Албанских гор, где в настоящее время находится Фраскати, было уже в IX веке застроено и названо этим именем.

4. Коронование императора Людовика II. — Низложение кардинала Анастасия. — Этельвольф и Альфред в Риме. — Процесс против *magister militum* Даниила перед судом Людовика II в Риме. — Смерть Льва IV в 855 г. — Легенда о папессе Иоанне

Война с сарацинами и нововведения Льва настолько заслоняют собой все другие события в Риме того времени, что упомянуть мы можем только о немногих из них. В 850 г. в базилике Св. Петра папа возложил императорскую корону на Лю-

довика II, который раньше, согласно обычаю, был возведен Лотарем в сан императора в имперском сейме. Неизвестно, в какой день происходило коронавание. Новый император, по-видимому, вступил в борьбу с сарацинами в Южной Италии, так как в 852 г. им был обложен Бари. Но затем Людовик вернулся в Верхнюю Италию, и римляне жаловались Лотарю, что Людовик ничего не сделал для их защиты. В 853 г. внимание римлян было занято некоторое время собором, созванным для обсуждения церковных дел. На этом именно соборе Анастасий, кардинал церкви Св. Марцелла, был осужден и лишен священнического сана. Пять лет тому назад этот кардинал покинул свою церковь и не являлся по приглашению папы; отлученный от церкви еще весной, Анастасий бежал в Аквилею, где его тщетно разыскивал император, от которого папа требовал выдачи Анастасия. Случай этот ясно показал, до каких размеров дошла независимость тех пресвитеров, которые носили звание кардинала и из среды которых уже издавна избирались папы. Мало-помалу влияние кардиналов ослабляло значение министров папского двора, пока наконец вся власть не перешла к священной коллегии, или церковному сенату.

Вскоре после того папа был обрадован появлением в Риме двух британских государей: в Рим прибыли Этельвольф, пожелавший быть помазанным и коронованным Львом, и с ним его юный сын Альфред, который, сделавшись позднее государем, обессмертил себя славой героя и мудреца. Пребывание этих государей в Риме в течение года послужило к благоустройству англосаксонской колонии, так много пострадавшей от пожара; щедрый король дал своим соотечественникам средства для постройки домов. В то же время он утвердил за римской церковью получение лепты Петра, и с той поры она стала правильной податью, которую платил Риму английский народ.

Конец жизни Льва IV омрачен был борьбой, показавшей, в какой большой зависимости от императора находился Рим. *Magister militum* Даниил, желая погубить своего врага Грациана, подал на него Людовику жалобу; Грациан был точно так же *magister militum*, но в то же время был папским *consiliarius* и *superista*. Даниил обвинял его в изменнических сношениях с греками. С той поры как сарацинами были разграблены великие римские святыни, римляне, не стесняясь, говорили много горького по адресу императора, высмеивали бессильную франкскую империю, которая была создана ими на защиту Рима и церкви, и высказывали предположение, что для них было бы лучше снова вернуться к Византии. В ответ на такое осуждение императоры, конечно, могли бы указать на развалины многих франкских городов и даже дворца в Ахене, который не мог быть защищен франками от норманнов. Враждебное настроение Рима было уже известно Людовику; сам папа был обвинен в замыслах, нарушавших имперскую конституцию. Папа прислал письменное оправдание и объявил, что он вперед подчиняется судебному приговору, как скоро окажется, что он нарушил имперские законы. Только ввиду всех этих обстоятельств жалоба отдельного лица могла привести Людовика в крайнее раздражение.

«Воспламененный до чрезмерности гневом» Людовик поспешил в Рим, не предупредив о своем приезде. Лев встретил императора со всеми почестями и стал спокойно ждать исхода процесса. Императорский суд происходил во дворце Льва III, у базилики Св. Петра, в присутствии императора, папы и франкской и римской знати. Когда были приведены жалобщик, обвиняемый и свидетели, Даниил был уличен в самой бесстыдной лжи и отдан во власть оклеветанного Грациана. Но император пожелал, чтобы Даниил был помилован, и достиг этого.

Несколько дней спустя, 17 июля 855 г., Лев IV скончался. В истории города этот замечательный муж, восстановивший и увеличивший городские стены, приоб-

рел славу второго Аврелиана и по праву мог бы быть назван *Restaurator Urbis*. Рим хранит о нем память как об основателе Леонины.

Одна из необычайных легенд, созданных фантазией Средних веков, гласит, что преемником энергичного Льва IV была одна авантюристка, и в течение целых веков историки и епископы, даже сами папы и весь мир не переставали верить тому, что в продолжение двух лет престол Петра был занят папессой Иоанной. Легенда выходит из области исторически достоверных фактов, но вполне согласуется с историей средневековых верований, и потому мы вкратце скажем о ней. Одна прекрасная девушка, дочь англосакса, но родившаяся в Ингельгейме, изучала науки в школах Майнца; она отличалась удивительными, гениальными способностями. Эту девушку любил юный схоласт, бенедиктинский монах в Фульде; здесь же одела на себя монашескую рясу и скрыла под ней свой пол и девушка. Молодые люди старались совместно постигнуть все, что только доступно человеческому знанию, и совершили путешествие в Англию и в Афины, где переодетая красавица посещала высшую школу философов, которые, как рисовала летописцам их пылкая фантазия, должны были еще жить в этом городе. В Афинах друг девушки умер, и Иоанна, или Иоанн Английский, как называла себя девушка, направилась в Рим. Здесь благодаря своим познаниям Иоанна получила профессию в школе греков; легендой в эту школу превращена та диакония, которая нам известна под именем *S.-Maria Scholae Graecorum*. Римские философы и кардиналы, не подозревавшие, к какому полу в действительности принадлежит Иоанна, были совершенно очарованы ею, и вскоре она стала считаться чудом Рима. Но честолюбивая Иоанна мечтала о папской тиаре, и, когда Лев IV умер, выбор кардиналов пал на Иоанну, так как, по общему мнению, никто не мог быть более достойным представителем христианства, как Иоанн Английский, достигший, казалось, полного совершенства в богословских познаниях. Папесса поселилась в Латеране и вместе с тем не постеснялась завязать любовные отношения с одним из своих приближенных.

Последствия этой связи скрывало широкое папское одеяние, пока наконец сама природа не изобличила грешницу. Во время одной процессии в Латеран, на месте между Колизеем и церковью Св. Климента, Иоанна почувствовала родовые боли, родила мальчика и умерла. Приведенные в ужас таким событием римляне похоронили тут же тело Иоанна и в память этого неслыханного случая воздвигли статую, которая изображала красивую женщину с папской короной на голове и с ребенком на руках. С той поры папы, вступая на престол, избегали этого места, когда следовали по священной дороге в Латеран, и подвергались формальному освидетельствованию на *sella stercoraria*, мраморном кресле, стоявшем в портике Латерана и имевшем отверстие.

Эта нелепая сказка создана была частью невежеством, частью жадной романтических приключений и, может быть, также ненавистью римлян к светской власти пап. В этой легенде нельзя не узнать времени Мирабилей, хотя в них ее, конечно, нет. Она создавалась в середине XIII века и впервые появилась как вставка в некоторых рукописях Мартина Полона и Мариана Скота. Оттуда она перешла во все хроники и пользовалась таким общим доверием, что изображение папессы Иоанны попало даже в число папских портретов, которыми были украшены в 1400 г. стены сиенского собора. Невероятная наивность тех времен, когда разрушительное начало критики еще не касалось ни одной легенды, ни одного предания, служила охраной этому изображению, и в течение двухсот лет оно спокойно висело, имея надпись: «Иоанн VIII, женщина из Англии». И только уже по настоянию кардинала Барония Климент VIII удалил это изображение, после чего оно было переделано в портрет папы Захария.

ГЛАВА IV

- 1. Бенедикт III избирается папой. — Смуты в Риме, вызванные избранием папы. — Вторжение кардинала Анастасия. — Стойкость римлян по отношению к императорским легатам. — Посвящение Бенедикта III 29 сентября 855 г. — Людовик II — единый император. — Дружественные отношения Рима к Византии**

Когда по смерти Льва IV приступили к избранию нового папы, в Риме возникли крупные волнения. Большинство римлян избрало папой кардинала церкви Св. Каликта, Бенедикта, и он в торжественной процессии был отведен в Латеран. Духовенство и знать подписали избирательный декрет, чтобы затем, «согласно древнему обычаю», представить его на утверждение императорам. Епископ Николай из Ананьи и *magister militum* Меркурий должны были доставить декрет императорам. Но на пути к ним Арсений Игувинский внушил послам иное направление мыслей. Он был приятелем того кардинала Анастасия, который был низложен Львом IV, но сохранял еще свое могущественное влияние, добивался сам папской короны и имел в Риме своих сторонников. На его же сторону переманил Арсений послов, и они, прибыв к императору Людовику, стали ходатайствовать перед ним за Анастасия. Вернувшись в Рим и сообщив римлянам о скором прибытии императорских послов, папские легаты вступили в заговор с Анастасием, который уже успел тем временем появиться в Риме, и с партией этого кардинала. Главами партии были *magister militum* Григорий и Христофор и епископы Радоальд из Норто и Агафон из Тоди. Затем прибыли в город Горту императорские послы — граф Бернгард и граф Адельберт; Анастасий поспешил к ним, а за ним последовали Николай, Меркурий, Радоальд и Агафон. В Рим они отправились все вместе. На пятой миле от Рима, у базилики Св. Левкия, они были встречены послами избранного папы Бенедикта. Эти послы были немедленно закованы в цепи; тогда Бенедикт выслал еще других послов — герцога и секундицера.

Послы императора (важно заметить их поведение в отношении к Риму) объявили духовенству, знати и народу, что все они должны на следующий день собраться у базилики Св. Левкия и выслушать там повеления императора. Когда римляне стали собираться в указанное место, им вышли навстречу оба графа, бывшие императорскими послами, Анастасий и его приверженцы, ведя с собой пленниками секундицера Адриана, супериста Грациана и скриниария Феодора. Потрясаемая оружием, вся процессия прошла через Нероново поле и вступила в Леонину через ворота Св. Перегрини. Большое волнение овладело Римом. В то время как Бенедикт оставался в Латеране и ожидал, чем закончится это волнение, Анастасий проник в базилику Св. Петра и здесь дал волю и своим мстительным чувствам, и иконоборческим влечениям. Следуя древнему обычаю, Лев IV приказал изобразить над дверями сакристии собор, на котором был низложен непокорный кардинал. Анастасий не только разрушил эту картину, но еще сжег образа святых и изрубил топором изображения Христа и Св. Девы. После этого он поспешил со своими друзьями в Латеран, приказал разломать двери во дворце, которые были заперты, ворвался в него и сел на папский престол, между тем как Бенедикт, окруженный преданным ему духовенством, сидел на другом троне в самой базилике. Тогда по приказанию Анастасия епископ Роман Баньорейский и толпа вооруженных людей проникли в церковь, стащили Бенедикта с папского престола, сорвали с него его папское одеяние и подвергли его поруганию, после чего он был отдан под надзор нескольких кардиналов, которые раньше также были низложены Львом IV. Все это происходило 21 сентября 855 г. Как только весть о проис-

шедшем разнеслась, многие граждане и духовные бросились бежать в капеллу Sancta Sanctorum и здесь с воплями пали ниц. Но на другой день сторонники Бенедикта, ободренные настроением народа, собрались в базилике Aemiliana и здесь, несмотря на угрозы имперских графов, с оружием в руках ворвавшихся в пресбитерий церкви, твердо заявили, что они не согласны признать папой соперника Бенедикта. Во вторник состоялось новое собрание в Латеране, и народ единогласно высказался за канонически избранного Бенедикта. Тогда послы уступили; Анастасий был с позором изгнан из Латерана, а Бенедикт, освобожденный из-под стражи, был посажен на лошадь Льва IV и в торжественной процессии отведен в Santa Maria Maggiore. Затем ради покаяния был установлен трехдневный пост; приверженцы Анастасия, моля о пощаде, бросились к ногам Бенедикта, и 29 сентября в базилике Св. Петра в присутствии императорских послов Бенедикт был посвящен в папы. Такими событиями возвестило о себе наступление одной из самых ужасных эпох папства. Раздоры внутри самого города принимали все более угрожающие размеры; народ и знать разбивались на партии; честолюбие кардиналов все росло, и они стали принимать участие в возмущениях; отношения церкви и государства становились все более натянутыми. Поразительное поведение императорских послов, желавших силой посадить на апостольский престол кардинала, который был уже осужден торжественным соборным решением, показало, что император все еще находится под неприятным впечатлением, произведенным на него процессом между Даниилом и Грацианом, и вовсе не желает видеть власть в руках такого сильного папы, каким был Лев IV, а мечтает заместить папский престол какою-нибудь подчиненной ему, императору, креатурой. Но все эти замыслы были разбиты стойкостью римлян, и императорский престиж в конце концов только пострадал.

Лишь за день до посвящения нового папы Людовик стал единодержавным императором. Лотарь поделил свою империю между сыновьями, а сам, усталый и больной, измученный угрызениями совести (его преследовала тень его отца), поступил в Приюмский бенедиктинский монастырь, около Тира, и там 28 сентября умер. Смерть эта не опечалила Рим. За короткое время правления Бенедикта III история города бедна событиями. Папская хроника отмечает происходившие не раз, вследствие разливов Тибра, наводнения; но описание жизни папы наполнено одним только перечислением священных приношений и реставраций церквей. В последнем отношении заслуживает внимания восстановление разрушенной сарацинами гробницы св. Павла.

С Византией Бенедикт поддерживал дружеские сношения. Император Михаил прислал к нему однажды монаха-живописца Лазаря, который поднес папе Евангелие, великолепно переплетенное и украшенное миниатюрами; без сомнения, это Евангелие было работой самого монаха.

2. Николай I избирается в папы. — Он подчиняет своей власти равеннского архиепископа. — Греческая схизма и Фотий. — Отношение Рима к болгарам. — Послы короля Бориса в Риме. — Формоз отправляется миссионером в Болгарию. — Попытка Рима обратить эту страну в римскую церковную провинцию. — Болгарская конституция Николая I

Бенедикт III умер 8 апреля 858 г., когда Людовик только что покинул Рим. Неизвестно, что было в этот раз причиной приезда императора в Рим. Узнав о смерти папы, Людовик немедленно вернулся в город, желая своим личным присутствием

предупредить возможные злоупотребления при выборе папы, а также и воспользоваться при этом своими правами. Он убедил римлян подать голоса за диакона Николая, человека выдающихся способностей, принадлежавшего к знатному роду, сына регюнара Феодора, и 24 апреля вновь избранный папа принял посвящение в базилике Св. Петра в присутствии императора. По окончании торжеств, которыми сопровождалось посвящение папы, Людовик покинул город. Внимание, которое оказал император Николаю, имевшему много врагов среди духовенства, и затем признательность, которую этот папа не замедлил проявить к императору, заставляют думать, что между ними существовали личные отношения. Покинув Рим, император для отдыха сделал остановку у церкви Св. Левкия, где ныне находятся развалины *Torre del Quinto*. Сюда же в сопровождении высшего духовенства и знати явился Николай с целью посетить императора. Последний поспешил выйти папе навстречу, взял его лошадь под узды, провел ее до своей палатки, принял папу у себя, устроил его, одарил богатыми приношениями и, когда папа уезжал, опять взял его лошадь за повод и вел некоторое расстояние. Таким глубоким самоунижением императора и гордым обхождением с ним папы началась первосвященническая деятельность Николая I.

А между тем для деятельности этой возникали чрезвычайно серьезные затруднения; именно в это время национальные церкви восстали против уже начавшего слагаться папского самодержавия. Николай сумел, однако, устранить притязания и королей, и епископов своим твердым и решительным образом действий. Константинополь он отлучил от церкви; варварским народам, как некогда Григорий Великий, он дал мудрую конституцию; баронам же и кардиналам Рима его власть казалась настолько непререкаемой, что они не дерзали восставать против нее.

В первый же год по избрании Николая папой проявила непокорность Равенна. Архиепископ этого города Иоанн стремился добиться полной самостоятельности в своей области; он обходился и с мирянами, и с духовными как местный государь, конфисковывал имения, отлучал от церкви епископов и запрещал как им, так и папским чиновникам поездки в Рим. Нунциям папы он объявил, что архиепископ Равенны не обязан являться на собор в Риме. Николай три раза приглашал Иоанна явиться и затем отлучил его от церкви. Тогда Иоанн отправился в Павию к Людовику и оттуда в сопровождении императорских послов явился в Рим; но Николай твердо отклонил всякое посредничество императора, и Иоанн должен был уехать из Рима. В это же время к папе явились послы Эмилии и равеннской знати с просьбой приехать к ним и защитить их от произвола архиепископа и его брата Георга. Иоанн не стал ожидать приезда папы и снова отправился к императору; Николай же тем временем успокоил жителей Равенны, вернув им их имения. Тогда архиепископ заявил о своей готовности покориться; Николай помиловал его, но поставил условие, чтобы он раз в год являлся в Рим и не посвящал епископов Эмилии без разрешения пап и предварительного избрания епископов папским герцогом, духовенством и народом. Кроме того, папа запретил Иоанну требовать от епископов какую-либо дань и препятствовать их поездкам в Рим, во всех же спорных делах предписал подчиняться приговору суда в Равенне, в котором должны были присутствовать папский посол и вестарарий Равенны. Иоанн уехал из Рима лишь после того, как подписал все эти соборные постановления. Таким образом Николай одержал не менее полную победу и как светский властитель Эмилии и Пентаполиса. Более трудной оказалась борьба с Константинополем, которая началась в это же время. Борьба эта привела к непримиримому раздору и окончилась полным отделением Рима от греческой империи. Однако мы можем лишь бегло коснуться этих событий, связанных с именами Фотия и Игнатия, так как события эти выходят за пределы истории города. В декабре 857 г. православный патриарх Игнатий благодаря интригам министра Варгы был лишен своего сана импера-

тором Михаилом; на место же патриарха был возведен прямо из мирян протоспафарий Фотий — человек, по своей учености далеко превосходивший свое время. И вот между приверженцами Игнатия, с одной стороны, и друзьями Фотия, с другой возгорелась на Востоке борьба. Обе партии апеллировали к Риму; папские легаты, епископ портский Радоальд (некогда сторонник восставшего кардинала Анастасия) и Захарий, епископ г. Ананьи, склонились на подкуп и признали назначение Фотия правильным. Тогда папа отлучил от церкви нарушителей его воли, а на римском соборе в апреле 863 г. осудил Фотия и отрешил его от патриаршего сана. Между Римом и Константинополем стали непрерывно странствовать легаты, и в городе появилось такое же множество греков, какое было во времена иконоборства. В этот раз императорские спафарии приносили с собой, конечно, не драгоценные Евангелия, а письма, дышавшие ненавистью и презрением. Спор принял догматическое направление, когда Фотий формулировал свои положения, которыми римская церковь изобличалась в ереси: пост в субботний день; безбрачие духовенства; более же всего filioque — допущение происхождения Духа Святого и от Сына. Все это такие разногласия, которые, по счастью, уже не волнуют разум нашего времени; но в те века, когда человечество было бедно истинными философскими проблемами, таких разногласий было достаточно, чтобы воспламенить умы и создать ту великую рознь, которая навсегда разделила обе церкви. Фотий, со своей стороны, предал папу анафеме, но сам в 867 г. был лишен патриаршего сана Василием, занявшим престол Михаила, когда последний был умерщвлен. Эта ожесточенная борьба длилась все время, пока Николай был папой.

Успешные сношения Рима с варварским народом, жившим на границах Византии, также немало содействовали поддержанию распрей между Римом и Востоком. Когда Григорий Великий простер свою отеческую руку к Британии, чтобы дать англосаксам римский церковный закон, это не имело для греков никакого значения; но когда Николай стал стремиться к тому, чтобы включить в лоно римской церкви болгар, это должно было возбудить в греках большую ревность. Уже несколько веков болгары занимали южный берег Дуная, расположившись в роскошной местности Мизии. Уже много раз доводилось этому страшному славянскому племени вступать в битвы с франкскими графами в Паннонии и договариваться с ними о границах; случалось ему также доходить до стен Константинополя и проникать в глубь провинции по ту сторону Балкан, и много греческого войска погибло от его стрел. С 811 г. дикий болгарский король садился один за стол и брал вместо чаши череп византийского императора, а внушавшие ужас болгарские воины размещались вокруг короля на почтительном расстоянии и поедали свою грубую пищу, одни — сидя на седлах, другие — лежа на земле. Череп этот был оправлен в золото и принадлежал тому императору Никифору, которым была свергнута с престола императрица Ирина. В это дикое племя христианство проникло из Византии благодаря двум славянским апостолам, братьям Константину и Мефодию из Фессалоник. В 861 г. король Борис, будучи в мире с императором Людовиком, крестился по греческому обряду и принял имя Михаила; затем с помощью ли небесных святых или как храбрый воин, мечом и мужеством одолев языческую партию среди болгарской знати, он отправил послов в Рим. В болгарской стране действовали одновременно и латинские, и греческие миссионеры. Возможно, что ввиду возникавших между ними пререканий в душе короля, жившего раньше в блаженном неведении язычника, возникли сомнения о том, по какому именно обряду надлежит совершить крещение болгарского народа. Патриарший престол в это время оспаривался в яростной борьбе двумя претендентами, и Борис, желавший охранить свою страну от влияния Византии, обратился к папе, прося дать нужные указания и пастырей для болгарского народа.

С сыном самого короля во главе болгарские послы вступили в Рим в августе 866 г. В числе привезенных ими богатых подарков было также победоносное оружие короля, которое он имел в своих руках во время борьбы с восставшими язычниками; это оружие было назначено в дар св. Петру. Весть об этом посольстве и приношениях возбудила, однако, гнев императора Людовика, который уже раньше был раздражен против папы и находился в это время в Беневенте. Людовик потребовал, чтобы папа выдал ему и оружие, и все другие приношения, считая, вероятно, что они не приличествуют св. Петру и желая иметь их сам как воинские трофеи новой провинции Болгарии, которую он надеялся присоединить к империи. Николай уступил одну часть приношений, но другую, извиняясь, удержал у себя. Между тем болгарские люди были приняты в Риме с распростертыми объятиями. Папа назначил для болгарской паствы двух епископов: Павла из г. Популонии и того Формоза из г. Порто, который впоследствии был избран папой. Вместе с этими епископами было отправлено посольство в Константинополь, куда оно должно было прибыть через болгарское государство. Путешественники благополучно прибыли в Болгарию, за исключением послов, которые были назначены к византийскому двору, но не были пропущены через границу и должны были вернуться назад. Тем не менее Формоз и Павел приступили к выполнению своей задачи. Они неутомимо крестили болгар, являвшихся толпами, устранили греческих миссионеров и убедили короля признавать одно латинское духовенство и только римский порядок богослужения. Эта энергичская деятельность привела к тому, что было отправлено в Рим посольство просить папу сделать мудрого Формоза архиепископом Болгарии, однако, Николай, не желая лишать Порто его паствы, отклонил эту просьбу и послал в далекую страну еще нескольких пресвитеров, из числа которых и приказал избрать архиепископа.

Еще раньше Николай разрешил сомнения болгар. Ответы папы, собранные под именем *Responsa*, являются вместе с тем кодексом гражданских установлений для первобытного народа. Едва ли найдется хоть одна такая сторона гражданского существования, по отношению к которой не требовали бы указаний наивные болгары. Они спрашивали, в каких формах должно совершаться бракосочетание; когда они должны исполнять супружеские обязанности; в какое время дня надо принимать пищу; как одеваться; должны ли они судить преступников? Всем этим болгары напоминают тех дикарей Парагвая, которым были даны иезуитами соответственные установления. Далее болгары сообщали, что до сей поры они привыкли нести в сражениях как знамя конский хвост, и спрашивали, чем они должны теперь заменить этот символ всадника. Папа заменил конский хвост крестом. Болгары указывали далее, что перед битвой они имеют обыкновение совершать всякого рода колдовство, дабы получить соизволение богов на победу; папа отвечал болгарам, что они должны оставить это колдовство, молиться в церквях, отворить тюрьмы, освободить рабов и военнопленных. Король спрашивал, поступает ли он по-христиански, когда пирует один, отдаляя от себя королеву и воинов; в своем ответе папа увещевает короля быть смиренным и указывает, что древние знаменитые государи делили трапезу со своими друзьями и рабами. По поводу вопроса более политического, чем практического характера, именно — каких епископов надо почитать как истинных патриархов, Николай воспользовался этим подходящим случаем, чтобы дать ответ обстоятельный и вместе с тем вполне ясный и для Константинополя. Первый из всех патриархов, отвечал Николай, папа в Риме: его церковь основана апостолами; второе место занимает Александрия как установление св. Марка; третье — Антиохия, так как Петр правил этой церковью прежде, чем пришел в Рим. Единственно эти три церкви составляют апостольские патриархаты. Византия и Иерусалим не должны иметь притязаний на такой авторитет; церковь в Константинополе не уста-

новлена кем-нибудь из апостолов, и патриарх этого города, называемого Новым Римом, именуется первосвященником только с благоволения императоров, а не в силу действительного права.

Такова была болгарская конституция Николая I, один из самых замечательных памятников практической деятельности и мудрости римской церкви, сумевшей, не прибегая к оружию и трибуналам, разом внести римские законы в страны, которые едва ли были уже посещаемы латинянами со времени Валента и Валентиниана, и стремившейся приобрести на Дальнем Востоке новую провинцию. Сношения между Николаем и королем Борисом, хотя и совершенно иного рода, были для Рима поистине столь же славны, как и те победы, которые в тех же придунайских странах одержал некогда Траян над королем Децебалом. Тем не менее провинция Болгария недолго оставалась под духовной властью Рима: уже в 870 г. она воссоединилась с греческой церковью.

3. Раздоры из-за Вальдрады. — Николай осуждает Мецский собор и лишает сана Гюнтера, епископа Кельнского, и Теутгауда, епископа Трирского. — Людовик II приезжает в Рим. — Его войска творят бесчинства в городе. — Противодействие немецких архиепископов; твердость и победа папы

Ведя борьбу с греческой схизмой и будучи крайне озабочен успехами магометан в Сицилии и Южной Италии, Николай в то же самое время был вовлечен в такую жестокую распрю с императорским домом и с франкской церковью, что, казалось, эта распря должна также привести к разрыву. Поводом к раздорам послужили похождения некоторых знатных женщин, явившиеся грубым, хотя и не исключительным нарушением общественной нравственности (если только можно говорить о ней по отношению к тому веку). Юдифь, дочь Карла Лысого и вдова Этельвольфа, вышла замуж за своего пасынка — Этельвальда; этот брак не был сочтен безнравственным. Когда же по смерти мужа Юдифь, вернувшись во Францию, увлекла графа Балдуина и он похитил ее, король Карл приказал собору отлучить графа от церкви. Влюбленные обратились к посредничеству папы, и он примирил с ними отца. В это же время другая женщина сосредоточивала на себе внимание своей необузданной жизнью. Ингильтруда, дочь графа Мактифрида и жена графа Бозо, покинула своего мужа и, переходя из объятий одного любовника в объятия другого, мало печалилась о проклятии, которому предал ее папа. Приключения обеих этих женщин, однако, были отодвинуты на второй план горькой судьбой королевы и бесстыдным торжеством королевской любовницы.

Брат императора, Лотарь Лотарингский, ради своей возлюбленной Вальдрады прогнал от себя свою супругу Теутбергу. Это печальное событие глубоко взволновало страны и народы, государство и церковь и дало возможность папе подняться на такую высоту, где он мог приобрести более действительную славу, чем на почве богословских догм. Поведение Николая I по отношению к этому постыдному событию в королевском доме было преисполнено твердости и достоинства; священническая власть папы явилась нравственной силой, охраняющей добродетель и карающей порок в такое время, когда еще не существовало общественного мнения, с которыми приходится считаться также и государям. Изгнанная и оклеветанная королева, корону которой Лотарь уже возложил на голову своей любовницы, прибегла к заступничеству папы. Последний поручил произнести приговор собору в Меце и объявил Лотарю, что он будет отлучен от церкви, если не явится на суд этого собора. Папские легаты, и в числе их Радоальд, епископ Портский, которого од-

нажды византийцы уже сумели подкупить, были податливы на золото, всегда имевшее для римлян неодолимую притягательную силу. Легаты не предьявили писем папы и признали, что развод Лотаря совершен по закону и что Вальдрада — законная жена Лотаря. Лишь для соблюдения формы были посланы в Рим кельнский архиепископ Гюнтер и трирский епископ Теутгауд, чтобы доставить на подтверждение папы постановления собора. Среди многих епископов, которые, добиваясь королевских иммунитетов и льгот и забыв всякую совесть, поддерживали Лотаря в его вождениях, Гюнтер и Теутгауд были самыми усердными его сторонниками. Держа сторону королевской власти, они надеялись также, что епископская власть станет таким образом более независимой от папы. Прибыв в Рим и передав папе акты Франкского собора, оба посла были уверены, что им удастся сговориться с ним; но Николай сначала в продолжение трех недель не допускал их до себя, а затем приказал им явиться на собор в Латеране, на котором франкским епископам было прямо объявлено, что они лишаются сана и отлучаются от церкви; на этом же соборе были кассированы и постановления местного собора в Меце. Это было осенью 863 г.

Тогда архиепископы поспешили отправиться в Беневент, где находился император. В своих жалобах они указывали, что над ними совершено насилие, что в их лице оскорблены и сам император, и его брат, что неограниченная власть папы представляет серьезную угрозу могуществу и императорской власти. Все это привело Людовика в ярость. Собрав войско, он двинулся на Рим в сопровождении своей жены Унгельберги и обоих архиепископов, которым он решил вернуть сан и принудить к тому папу силой. В феврале 864 г. Людовик вступил в Рим. По слухам, император шел, полный враждебных замыслов против Рима, и потому папа предпринял общий пост, устроил молитвенные процессии и наложил на весь город траур. Прибыв в Рим, Людовик остановился во дворце при базилике Св. Петра и не был встречен папой, который был в Латеране и неустанно молился об избавлении от «государей, творящих зло». Напрасно бароны Людовика ставили Николаю на вид, что таким поведением своим он только еще больше усиливает гнев императора, процессии не переставали двигаться по городу. Одна из таких процессий, приблизившись к базилике Св. Петра, начала было подниматься по ступеням атриума, как вдруг вассалы и солдаты Людовика, раздраженные сопротивлением папы, набросились на духовенство, стали наносить ему побои, сорвали хоругви и поломали крест св. Елены, в котором, по верованию того времени, был вделан кусок древа подлинного креста. Участники процессии искали спасения в бегстве. Со времени основания империи Каролингов такого рода сцен еще не происходило в Риме. Казалось, что единение, царившее между папой и императором, было уничтожено, и в первый раз город стал свидетелем национальной ненависти между германцами и римлянами.

Как рассказывала молва, папа тайно переплыл на челне через Тибр, бежал в базилику Св. Петра и здесь провел два дня и две ночи без пищи и питья; тот франк, который изломал крест св. Елены, был поражен смертью, а сам император заболел лихорадкой. Тогда императрица взяла на себя посредничество между мужем и Николаем.

Получив обещание, что он останется неприкосновенным, папа явился к императору, и между ними произошел долгий разговор. После этого папа снова вернулся в Латеран, но с архиепископов не было снято отлучение, и Людовик приказал им вернуться в Германию. Прежде, однако, чем покинуть Рим, эти немецкие прелаты написали памфлет, в котором протестовали против своего низложения таким смелым языком, каким епископы никогда не говорили ни с одним папой. В этом памфлете ярко сказались стремление местных церквей к независимости. Уже во вступлении к нему, обращаясь к лотарингским епископам, оба прелата без малейшего стес-

нения выражаются так: «Николай, именуемый папой, причисляющий себя к апостолам и выдающий себя императором всего мира, предал нас проклятию; но Христос дал нам силу оказать должное сопротивление, и Николаю пришлось немало каяться в том, что он наделал». Памфлет, обращенный к папе, состоял из семи глав. Отвергнув приговор над собой как несогласный с каноническими правилами, авторы предавали затем анафеме самого папу. Гюнтер, епископ кельнский как человек решительный поручил своему брату Гильдуину, также принадлежавшему к духовенству, вручить памфлет папе лично; если же последний откажется принять его, то положить его в исповедальню Св. Петра. Как предвидел Гюнтер, Николай отказался прочесть памфлет, и Гильдуин, окруженный вооруженными людьми, направился к базилике Св. Петра, чтобы исполнить поручение брата. Люди, охранявшие исповедальню (они составляли отдельную корпорацию под именем *Mansionarii scholae confessionis S.-Petri*), окружили гробницу апостола, но ворвавшиеся в базилику напали на стражников, убили одного из них, бросили памфлет в исповедальню и затем ушли из базилики, прокладывая себе дорогу мечами.

Событие это показало, что дружеские отношения между императором и папой далеко еще не были восстановлены. Людовик спокойно смотрел, как его солдаты совершали самые грубые насилия, как будто бы находились во вражеской стране: дома и даже церкви подвергались разграблению; совершались убийства; над монахинями и знатными женщинами производились насилия. Сам Людовик не считал нужным провести Пасху в Риме; чтобы отпраздновать ее, он намеренно покинул город и отправился в Равенну к архиепископу Иоанну. Не будучи в силах забыть перенесенное в Риме унижение и по-прежнему чувствуя раздражение против папы, Иоанн был рад случаю воспользоваться в своих интересах распрей между немецкими епископами и папой, поспешил наладить с ним в дружественные отношения и прилагал все старания к тому, чтобы еще более усилить гнев Людовика. Вся эта борьба не сломила, однако, сил Николая. Его дух оставался таким же твердым и непреклонным, как некогда дух древнего римлянина. Николай продолжал грозить отлучениями, и они внушали такой же страх, как небесная молния. Лотарингские епископы прислали папе свои объяснения и в них приносили покаяние, а папский легат Арсений, снабженный письмами, которые были написаны папой королям, епископам и графам и дышали пламенной угрозой, явился в Лотарингию и держал себя так же высокомерно, как проконсул Древнего Рима. Прибыв к королю, перепуганному возможностью отлучения от церкви, Арсений сам привел к нему его отвергнутую супругу и увел его возлюбленную. Слабая и разрозненная королевская власть, вступив в борьбу с Римом за неправо дело, дала папству случай одержать блестящую победу. Правда, описанная драма еще не закончилась этим актом; сам Николай вслед затем умер, и только при его преемнике наступил конец скандальному процессу.

4. Заботы Николая I о городе Риме. — Он восстанавливает водопроводы Тосия и Траяна. — Он снова укрепляет Остию. — Незначительное число сооружений и приношений Николая. — Состояние наук. — Школьный эдикт Лотаря, 825 г. — Декреты Евгения II и Льва IV о приходских школах. — Греческие монахи в Риме. — Библиотеки. — Рукописи. — Монеты

За время, в которое Николай был папой, в Риме не возникало никаких внутренних смут; напротив, повсюду раздавались хвалы полному благополучию и обильным урожаям. Бедные получали пищу в изобилии; как прежде римский император,

папа приказал выдавать всем нуждающимся подписанные его именем марки, дававшие право на получение съестных припасов.

Николаем были восстановлены два водопровода: так называемые *Toscia* и *Traiana* или *Sabatina*; последний снабжал водой Леонину и назывался там в ту пору водопроводом Св. Петра. Так как последний водопровод был восстановлен уже Григорием IV, то надо предполагать, что или с тех пор этот водопровод был испорчен сарацинами, или Николай улучшил в нем направление и распределение воды. Строительное искусство в те времена было в упадке, и возводившиеся сооружения быстро разрушались. Николаю пришлось снова строить даже стены Остии, которые совсем недавно заново были возведены Григорием IV, и снабдить их более прочными башнями, в которые был помещен гарнизон. Правда, из опасения морских пиратов Остия была уже покинута, но в Порто все еще существовала корсиканская колония.

Поразительно малое число как церковных пожертвований, сделанных Николаем I, так и церквей, им построенных, не может быть поставлено в вину этому папе. По отчету его биографа, он построил портик Св. Марии in Cosmedim. Нет сомнения, что Николай был диаконом именно этой церкви, так как ей он уделил особенное внимание перед всеми другими церквями; кроме упомянутого выше помещения для пап, Николай выстроил при этой церкви еще прекрасный триклиний. Живопись и мозаика в диаконии S.-*María nova* Льва IV принадлежит Николаю; в латеранском дворце он возвел новое жилое здание, а при базилике Св. Себастиана — монастырь.

Биограф Николая I, по-видимому, немного понимал в науках и потому не сообщает, насколько последний содействовал процветанию их в Риме. Биограф этот ставит только в заслугу отцу Николаю, что тот был другом свободных искусств и дал сыну возможность ознакомиться с ними; далее следует сообщение, что Николай был сведущ во всех священных науках; таким образом, надо полагать, что биограф имел в виду здесь только теологические познания. Тем не менее содействие развитию наук в целях смягчения варварских нравов составляет особенность, присущую эпохе Каролингов, ее красоту и славу. Гений Карла и его друзей, которым была известна классическая римская литература, явился могучим толчком, сразу поднявшим стремление к научному знанию, и в этом же направлении действовали и преемники Карла. Блестящим доказательством всему этому служит эдикт Лотаря I в 825 г. Сокрушаясь о том, что в Италии вследствие отсутствия должной заботливости со стороны начальствующих лиц почти повсюду прекратилось обучение наукам, император приказывает учредить 9 центральных школ в следующих отдельных округах: в Павии, где впоследствии эта школа стала знаменитым университетом, — учреждение которого, конечно, неосновательно, приписывается Карлу Великому, — в Иврее, Турине, Кремоне, Флоренции, Фермо (для герцогства сполетского), Вероне, Виченце и Форуме Юлия (Чивидаль Фриульский). Такое вполне определенное указание на повсеместное исчезновение школ доказывает, что обучение в Италии находилось в самом плачевном состоянии. О высших учебных учреждениях не было и помину, а то, что обозначалось именем «доктрины», включало только религиозные вопросы и, может быть, еще начатки кое-каких светских познаний, а именно грамматики.

Эдикт Лотаря относился к королевству Италии, но не касался Рима и церковных провинций. А здесь царило такое же, если еще не большее, невежество, как это доказывают некоторые постановления римских соборов. В 826 г. Евгений II предписал иметь во всех епископствах и приходах ученых, которые должны были обучать наукам и священным догматам. Эта классификация знаний указывает, что обращалось

внимание также и на светские науки (*artes liberales*) и что между ними и теологией (*sancta dogmata*) делалось должное различие; но едва ли возможно было найти преподавателей светских наук. Науки эти были в полном упадке, и когда Лев IV в 853 г. подтвердил декрет Евгения, он должен был добавить следующее: «Хотя обыкновенно учителя свободных наук в приходах встречаются редко, но в преподавателях Священного Писания и наставниках церковной службы недостатка не может быть».

На то же самое приходилось жаловаться Риму. В нем не было ни одного ученого, ни одной школы, которые бы пользовались некоторой известностью. Правда, с того времени, как бенедиктинцы поселились в городе, в Риме существовали монастырские школы и, между прочим, древняя латеранская, которая была учреждена теми же бенедиктинцами и дала образование многим папам. Но эти школы нельзя было и сравнивать со школами, существовавшими в Германии и Франции, как, например со школой в Фульде, С. Галлене, Туре, Корвее, или в Ломбардии, в Павии. Рим не блистал именами таких выдающихся людей, как Иоанн Скотт, Рабан Мавр, Агобард Лионский, шотландец Дунгал в Павии и Луп Феррьерский.

Из всех светских наук разве только юриспруденции еще могло уделяться в Риме некоторое внимание: по статуту Лотаря в Риме должны были быть преподаватели права; им были известны законы Юстиниана, и они излагали свой предмет по компендиуму; адвокаты же и нотариусы по необходимости должны были знать салические и лангобардские законы.

Многие папы селили в новых монастырях греческих монахов; последние обучали римское духовенство своему языку, и хотя эллинская литература ничего от этого не приобретала, тем не менее знакомство со всем греческим поддерживалось таким образом в Риме, а папы имели возможность в подобных семинариях готовить людей, которые затем могли быть посылаемы в качестве нунциев в Константинополь и служить секретарями и толмачами.

Некоторые церкви и монастыри были снабжены библиотеками. Латеранская библиотека существовала по-прежнему, и почтенный титул «библиотекаря» удержался в эпоху даже самого глубокого невежества. В папском архиве сохранялось бесчисленное множество церковных актов и регесты, или папские письма; то были драгоценные первоисточники и по истории, и по языку того времени — произведения подлинной римской литературы первой половины Средних веков; утрата всех этих сокровищ, погибших бесследно в XII и XIII веках, привела к тому, что в наших сведениях о том времени появился крупный и неизгладимый пробел.

Не может быть сомнения в том, что в церковных и монастырских библиотеках Рима находились также произведения латинской и греческой литератур. Такого рода списки (*codices*) должны были сохраняться то в том, то в другом месте еще с эпохи готов; с течением же времени к ним, конечно, присоединялись еще новые рукописи. Заграничные монастыри в IX в. обладали многими литературными сокровищами; аббатство Центула или С. Рикьера в Галлии, где некогда был аббатом Ангильберт, славилось в 831 г. тем, что обладало 256 списками, и чрезвычайно интересно знать, какие именно книги называет летописец в числе светских; то были: *Aethicus de mundi descriptione*, история Гомера, включая Диктиса и Дареса фригийских, весь Иосиф Плиний Младший, Филон, басни Авиена, *Виргилий*, а из «грамматиков», на которых в ту эпоху было больше всего спроса, Цицерон, Донат, Прициан, Лонгин и Проспер. Но если такого рода книги встречались во Франции, то тем более они должны были быть и в Риме. В 855 г. аббат Луи Феррьерский обратился к Бенедикту III с просьбой прислать ему сочинение Цицерона *de Oratore*, *Institutiones* Квинтилиана, комментарий Доната к Теренцию, обещая, что все это будет возвращено в целости, как только будут сняты копии со всех этих произведений.

Но в римских отчетах ничего не говорится о светских списках, и если в жизнеописаниях пап и встречаются упоминания о книгах, то только о Евангелиях, антифонариях и миссалах, так как существовало обыкновение обзаводиться ими в церквях. Таким книгам по справедливости придавалось значение богатого приношения, и о пожертвовании их даже упоминалось на надгробных надписях. Пергаментный список стоил больших денег; для того чтобы написать и разрисовать его, требовалось много утомительного труда и искусства, гораздо больше, чем для того, чтобы отлить подсвечник или вазу и вызолотить их.

Искусные монахи проводили всю свою уединенную жизнь в том, что работали над составлением таких списков Священного Писания и произведений отцов церкви. Эти списки скорее рисовались, чем писались, то кисточкой, то пером, частью римским полууставом, маюскулом или минускулом, частью мудреными лангобардскими буквами и затем местами еще украшались миниатюрами, причём первая миниатюра обыкновенно изображала писца или аббата-заказчика, а то и обоих вместе, держащих в руке список и приносящих его в дар какому-нибудь святому. Сложное очертание букв уже само по себе затрудняло писание и заставляло прибегать к вырисовыванию; кроме того, чрезвычайно искусные заглавные буквы списка разукрашивались еще золотом и красками. О той любви, прилежании и тщательном искусстве, с которыми все это проделывалось, свидетельствует поныне знаменитый Каролингский список Библии, который относится к IX веку и хранится в монастыре Св. Павла как величайшая драгоценность этого монастыря.

Такие рукописи выясняют вместе с тем и характер той эпохи. Искусству пришлось тогда бороться с глубоким варварством, и влияние последнего сказалось на произведениях искусства их неуклюжими и грубыми формами. Как у древних дорийцев, египтян и этрусков, дух IX и последующих веков преисполнен таинственности, загадочности и символизма, и об этом ясно свидетельствуют характер картин и письма, употребление монограмм на документах и монетах и любовь к арабескам. В особенности на монетах отразился облик общественной жизни эпохи; надписи и изображения на папских монетах этого времени имеют ужасный вид.

5. Невежество Рима. — Liber Pontificalis Анастасия. — Происхождение и характер этой книги. — Переводы Анастасия с греческого. — Житие Григория Великого, написанное Иоанном диаконом

Если б Аноним Салернский посетил Рим при Николае I, ему, конечно, никогда не удалось бы найти здесь многочисленную группу 32 философов, которых он насчитал в 870 г. в цветущем Беневенте. Эрхемперт, продолжатель истории лангобардов Павла Дякона, монах монастыря Монте-Касино (этот монастырь славился ученостью своих монахов; в то время аббатом был знаменитый Бертарий), пришел бы в ужас от невежества римских монахов и кардиналов, если б ему случилось быть в Риме, а отлученный от церкви Николаем I греческий патриарх Фотий по своим знаниям показался бы в Риме совершенным чудом, так как едва ли в городе нашелся бы хоть один схоласт, который мог бы назвать по имени еще стоявшие на развалившемся форуме Траяна почерневшие и изуродованные статуи мудрецов и поэтов.

Но город Цицерона был посрамлен научным образованием не только одних византийцев; те же арабы, которые разграбили сокровища Св. Петра и Св. Павла, могли с гордостью указать на свои университеты, на своих философов, теологов, грамматиков, астрономов и математиков, прославивших города Каирван, Севилью,

Александрию, Бассору и Багдад — магометанские Афины Востока. В Константинополе, великом мировом городе теологов и софистов, грамматиков и ученых-педагогов, нашелся свой могущественный меценат, тот самый кесарь — Варда, который низверг патриарха Игнатия. Константинопольские государи Лев Философ и позднее его сын, Константин Порфирородный, были великими ревнителями наук, а Фотий оказался новым Плинием и Аристотелем варварского времени и имел в своей знаменитой «библиотеке» извлечения из 280 авторов, составлявшие лишь малую часть всего им прочитанного.

Относительно сохранившаяся чистота греческого языка сделала возможным продолжение научной деятельности еще на много веков; византийцы, сознавая эту чистоту своего языка, относились с презрением к римлянам. Император Михаил в одном из своих писем к папе Николаю I издевается над латинью римлян и называет ее языком «варваров и скифов»; и действительно, латынь, на которой говорил тогда народ, которую знали нотариусы и даже на которой писали летописцы, давала ученым-грекам достаточно оснований для насмешек. Но папа — сам или через свою канцелярию, пока еще владевшую хорошим стилем, — отвечал вполне правильной латинью, и это был наилучший способ защиты от насмешек. Далее папа справедливо указывал Михаилу, что не может не быть смешным его притязание на титул императора римлян, на языке которых он не умеет говорить и только потому называет этот язык варварским. Тем не менее основания, на которых папа построил свою защиту языка Цезаря, Цицерона и Вергилия, были заимствованы исключительно только из христианской религии и выводились из того, что на кресте литеры I. N. R. I. были будто бы латинскими.

Между тем в знании латинского языка и наук совершенствовались даже те самые народы Германии и Галлии, которых римляне не переставали обзывать варварами. Какой-нибудь Гинкмар из Реймса казался римским кардиналам чудом. Поэзия, как духовная, так и светская, окончательно смолкла в Риме; у римлян не оказывалось таланта даже на то, чтобы сложить, хотя бы варварскими стихами, какую-нибудь надпись для мозаик в церквях, на городские ворота и на надгробные памятники, и в это же самое время франкские летописцы, как Эрмольд Нигеллус, писали свои истории латинскими стихами, а немецкие поэты, отцы которых еще были язычниками, создавали на могучем первобытном языке германского народа свои евангельские гармонии, оригинальность которых и поныне приводит нас в изумление. Рим уже не давал более никаких теологических трудов. Чтобы написать историю города и увековечить его замечательную судьбу со времен Пипина и Карла, не нашлось ни одного летописца. Германия, Франция и даже Южная Италия, где исторические записи велись в Монте-Касино, дали нам в наследие большое число хроник; но римские монахи были настолько безучастны к истории своего города, что события, происходившие в нем в ту эпоху, остались для нас окутанными полнейшим мраком.

Но именно в эту же самую эпоху папство ревностно продолжало вести свою древнюю хронику. Со времени образования церковного государства — с той поры, как возросло могущество не только пап, но и епископов, владения которых превратились в богатые иммунитеты, — еще более стала чувствоваться необходимость передать потомству историю церквей в порядке смены их пастырей и в виде жизнеописаний последних. Такая необходимость чувствовалась, очевидно, повсюду, так как в эту эпоху создано множество подобного рода сборников и в основу всех их были положены перечни епископов, их письма или регесты и другие акты. Помимо Рима, Агнеллем была составлена, правда, варварская, но тем не менее ценная, история архиепископов Равенны, диаконом Иоанном — жизнеописание епископов

Неаполя. Таким образом, сложилось мнение, что в эту самую эпоху был собран и отредактирован *Liber Pontificalis*, и именно Анастасием, с именем которого неразрывно, хотя и неосновательно, связывается вообще книга пап.

Этот Анастасий, носивший звание «библиотекаря», жил при Николае I и Иоанне VIII. Достоверно неизвестно, принадлежат ли Анастасию биографии даже тех пап, которые были его современниками. Жизнеописания пап в форме календарных отметок и перечисления годов правления и деяний их велись уже со II и III веков. Со времени Григория Великого в этих описаниях стали пользоваться еще письмами и актами пап. Из такого же материала, все более разраставшегося, возникли официальные жизнеописания пап; самые полные из них принадлежат эпохе Каролингов. Описания эти совершенно не имеют характера летописей, и это затрудняет пользование ими; они представляют собой нескладную смесь очень точных заметок о постройках, о жертвованиях и о действительных исторических событиях. Дурной стиль жизнеописаний не имеет ничего общего с языком римской канцелярии, который в регестах Николая I и Иоанна VIII, по счастью, дошедших до нашего времени, так пленяет нас своим изяществом, ясностью и силой. Тем не менее значение жизнеописаний, как почерпнутых из самых надежных источников, неопределимо и не умаляется даже теми искажениями, которые в интересах папства намеренно сделаны в изложении фактов. Если бы не существовало жизнеописаний, для нас остались бы совершенно неизвестными многие века существования и папства, и города Рима. С биографией Николая I традиционное ведение книги пап прерывается, и нам в нашем дальнейшем изложении истории города не раз придется пожалеть об отсутствии этого источника.

Библиотекарь Анастасий был знаком также с греческим языком и перевел хронографию Никифора, Георгия Синкелла и Феофана и другие произведения греческой церковной литературы. Согражданин Анастасия, диакон Иоанн, также понимал по-гречески, и им написана жизнь Григория Великого, причем он воспользовался актами латеранского архива. Нельзя не отметить, что подобная монография явилась именно в эпоху Каролингов и после того, как автор пережил правление Николая — папы, своею деятельностью и величием напоминавшего Григория Великого. Произведение это представляет самостоятельный труд и поразительно отличается от совершенно сухого изложения во всех жизнеописаниях пап. В нем виден автор, сведущий в риторике и обладающий живой фантазией; он стремится, правда не вполне успешно, достигнуть в своем изложении изящества и полноты и обнаруживает некоторое знакомство с древней литературой.

ГЛАВА V

- 1. Папство начинает получать значение верховной власти. — Церковное государство. — Лжеисидоровские декреталии. — Смерть Николая I в 867 г. — Адриан II. — Ламберт Сполетский нападает на Рим. — Враги Адриана в Риме. — Бесчинства Елевтерия и Анастасия; они подвергаются наказанию**

Личная слабость преемников Карла, их жалкие страсти и раздоры из-за монархии, которую окончательно погубила ленная система, значительно подняли в ту эпоху авторитет папы. В лице Николая I священный папский сан явился в сочетании с такой смелостью характера, какой обладали только немногие папы. С внутренними достоинствами Николая I гармонировали его знатное происхождение, благородный внешний облик и образование, поскольку, конечно, оно было возможно

тогда; что же касается того счастья, которое дается, властью, то его выпало на долю Николая I столько, сколько не выпадало ни одному папе со времени Григория Великого. Николаю удалось сломить и силу короля, и силу епископов, а ослабленная имперская власть стала пустым призраком после того, как бездетный Людовик отдал всего себя хотя и мужественным, но ничтожным и бесконечным войнам в Нижней Италии. Между тем в папстве уже явилась мысль о всемирной духовной монархии — мысль, которой позднее проникся Григорий VII и которую осуществил Иннокентий III. Понятие о Риме как нравственном средоточии мира сохранялось в виде предания, которое ничем не могло быть уничтожено. И чем более утрачивала единство и могущество имперская власть, чем меньше оказывалось в ней сил для того, чтобы быть политическим центром христианских народов, тем больше приближалось к осуществлению притязание папства стать душой и творческим началом христианской республики, в которой на долю светских властителей оставалось быть только орудиями, подлежащими смене.

Как бы следуя великому историческому призванию, папство, вынужденное обстоятельствами, вдохнуло в римскую имперскую власть новую жизнь; но едва только эта власть была создана, как духовная организация немедленно вступила в тайную борьбу с политической организацией. Если бы римский император как христианский монарх мог править так же, как правили Константин и Феодосий, когда в провинциях всякая автономия была совершенно подавлена, тогда и папа мог бы разделить власть с императором, предоставив последнему тяготы мирского управления и оставив за собой всю сферу духовного управления. Но с ростом человечества в монархии Карла возникло множество отдельных сил, и все они стали во враждебные отношения и к папству, и к имперской власти; этими силами оказались различные национальности, местные церкви, герцоги, епископы и короли различных народов, права и вольности, привилегии и иммунитеты; все эти начала естественного обособления и германской индивидуальности не замедлили объявить войну как политическому, так и духовному строю. Что касается имперской власти, то она была ослаблена этими силами, так как ее единство пока было только еще внешним и ее основу составляли одни только материальные и преходящие условия. Но нераздельное нравственное начало папства, несмотря на поражения, которые постигали его порой, могло овладеть названными силами. Неизменно сохраняясь во все времена и оставаясь неприкосновенным в своем внутреннем содержании, несмотря ни на какие политические перевороты, это начало не переставало одерживать победы над враждебными ему началами власти королевской, епископской и имперской. И такая победа была неминуема, так как в людях утверждалось самой верой, этой единственной неодолимой силой на земле, что начало папской власти есть неземной источник всякой другой власти и что она — та недвижимая ось, вокруг которой вращается духовный мир.

Представление о римской монархии нашло в Николае свое олицетворение. Можно утверждать, что обладание церковным государством и городом, скрепленное имперской властью, не должно было иметь существенного значения для папства как верховного духовного института; но нельзя не признать, что это обладание было в высокой степени благоприятно задачам папства, так как дало ему драгоценную независимость в местности, имевшей неизмеримо важное значение. Обладание даже большим королевством в какой-нибудь другой стране никогда бы не дало папству той опоры, которую оно приобрело, получив в свое распоряжение эту небольшую страну с городом Римом. При Николае I патримоний св. Петра составлял еще никем не тронутую собственность церкви, и ценность их была неизмеримо велика. Предшественники Николая I основывали города, снаряжали войска и кораб-

ли, создали итальянскую лигу, защищали и спасали Рим, и сам Николай I как король правил прекраснейшей страной в мире, простиравшейся от Равенны до Террачины. Утверждают, что он первый из пап короновался тиарой; но последняя была увенчана тройной короной уже при его преемниках, высокомерие которых не знало никаких пределов. Для властной природы такого человека корона не была, конечно, чем-то чуждым, но он видел в ней нечто большее, чем символ того светского государства, которым обладала церковь и которое вскоре же было утрачено ею. Мнимый дар Константина сослужил хорошую службу притязаниям пап, и размеры, которых достигли их притязания, основанные на этом дерзком подлоге, показали, как далеко простирались идеи папства вообще. Более важное, однако, значение имели лжеисидоровские декреталии, которые явились выражением этого дарования земель. Эта замечательная выдумка заключалась в том, что было сочинено множество писем и декретов, будто бы писанных древними папами. Все эти письма и декреты были помещены в собрании соборных актов, и автором собрания был объявлен знаменитый Исидор Севильский. Собрание это появилось в середине IX века, и Николай I был первым папой, который воспользовался этими вымышленными письмами и декретами как кодексом папских прав. Благодаря подобному вымыслу церковь наделялась такими привилегиями, которые делали ее вполне независимой от государства. Ставя королевскую власть гораздо ниже папской и по достоинству ниже даже епископской, эти вымышленные акты в то же время возносили папу на такую высоту над епископами, что на него уже не могли распространяться постановления местных соборов. Верховным судьей над всеми митрополитами и епископами признавался папа; его велениям должны были подчиняться эти духовные чины; из-под власти же короля они совершенно освобождались. Словом, за папой декреталиями признавалась диктатура в церковном мире. Николай I нашел в них самое подходящее орудие для борьбы с королями и местными соборами и одержал победу и над теми, и над другими; а император, который хорошо видел опасность, угрожающую политическому началу, не мог сделать ничего другого, как только оставаться пассивным зрителем этой победы папы.

13 ноября 867 г. великий папа умер, и смерть его произвела глубокое впечатление. Мир дал доказательства этому папе, что питал к нему чувства глубочайшего уважения и изумления, и только приговоренные к отлучению и находившиеся под угрозой такой кары радостно подняли головы, надеясь получить свободу и добиться уничтожения папских декретов.

Выбор римлян остановился на Адриане, престарелом кардинале Св. Марка, сыне Талара, из рода Стефана IV и Сергия II. Находившиеся в городе императорские послы не были приглашены на избирательное собрание и заявили недовольство; его удалось, однако, устранить указанием на то, что таким порядком действий права короны не умаляются, так как конституция предоставляет императору право утверждать избранного, но не требует, чтобы выборы происходили на глазах у послов. Послы удовлетворялись этим объяснением, выборы были утверждены императором, и 14 декабря Адриан II был посвящен в папы.

Свое вступление на престол Адриан II ознаменовал дарованием амнистии. Уже к первому совершенному им богослужению были допущены некоторые лица из отлученных его предшественником, и в числе их были, между прочим, кардинал Анастасий, создавший себе такую дурную славу, и Теутгауд Трирский; этому раскаявшемуся грешнику папа назначил для жилья келью в монастыре Св. Андрея на Clivus Scauri. Некоторые прелаты, обвиненные в государственной измене, томилась в изгнании; так император отправил в ссылку епископов Непи и Веллетри; отсюда можно заключить, как велика была императорская власть. Адриан убедил импера-

тора помиловать этих епископов. Другие римляне из мирян, обвиненные в государственной измене, были заточены на галеры; папа добился и их освобождения. По-видимому, за то время, пока престол св. Петра оставался вакантным, императорским послам были принесены жалобы, — может быть ложные, а иногда и справедливые, — и многим довелось стать жертвами этих жалоб. Уже в то время междуцарствие каждый раз порождало анархию и давало простор тирании сильных. Яркой иллюстрацией такому порядку вещей может служить следующее поразительное событие. Незадолго до посвящения Адриана в город вступил Ламберт, герцог сполетский. Войдя в соглашение с недовольными в Риме, где жило немало могущественных лангобардов и франков, из которых некоторые имели даже герцогский титул, и, может быть, еще не зная, что выбор папы уже утверждён императором, Ламберт отважился на такой шаг, который далеко превосходил его полномочия. Императорская конституция предоставляла герцогу сполетскому право иметь наблюдение за выборами нового папы, и, по-видимому, в эту эпоху герцогу сполетскому вообще придавалось значение вице-короля в римских делах. Но Ламберт, вступив в беззащитный город, вел себя в нем как завоеватель. Он конфисковал у знати имения и продавал или дарил их франкам, грабил церкви и монастыри и дозволил своим воинам уводить из города и его окрестностей римских девушек. Прodelав все это, Ламберт покинул город. Тогда папа отправил германскому императору письмо с изложением своих жалоб и отлучил от церкви всех тех лангобардов и франков, которые призваны были Ламбертом и принимали участие в грабеже города. Это нападение Ламберта на Рим возвестило о близком распаде империи Каролингов и наступлении той эпохи, когда Италия была охвачена ужасными смутами, герцоги вели между собой войны из-за обладания Римом и в самом городе свирепствовала борьба партий — той эпохи, к изложению которой нам предстоит вскоре перейти.

В то время Людовик находился в Южной Италии. Еще раньше он обратился ко всем итальянским вассалам с воззванием, в котором призывал их напасть на сарацин в Бари и намеревался именно теперь начать свой поход из Лукании. Там и получены были Людовиком жалобы римлян; но, по недостатку ли времени или просто по нежеланию, он не наказал Ламберта изложением с престола, сделав это только в 871 г. и уже по другим мотивам.

Тяжкие испытания постигли Адриана II в первое время его правления. Его враги, приверженцы умершего папы, завидовали избранию Адриана в папы и распространяли слухи, будто он по трусости имеет намерение отменить декреты своего предшественника, благодаря которым папская власть приобрела такое огромное значение. Адриан поспешил опровергнуть эти слухи; чтобы успокоить римских патриотов, он объявил им, что никогда не покинет пути, которым шел Николай I, и затем окончательно привлек их на свою сторону, когда совершил публичное моление о Николае I и торжественно признал все его декреты; кроме того, Адриан II приказал также довести до конца постройку базилики, начатой Николаем I. Но, умиротворив таким образом друзей своего предшественника, Адриан II возбудил против себя его врагов, давших Адриану двусмысленную кличку Николаита.

Особенно деятельными членами противной Адриану партии, опиравшейся на франков, были кардинал Анастасий и его брат Элевтерий, люди знатного происхождения, сыновья богатого епископа Арсения, который не мог примириться с тем, что его сыну, отлученному от церкви еще Львом IV, Николай I помешал стать папой. Будучи до перехода в духовное звание женатым, Адриан имел дочь и, ставши папой, сосватал ее за одного знатного римлянина. Но Элевтерий, движимый ли

¹ От термина «местоблюститель» (прим. ред.).

чувством любви к девушке или охваченный чувством мести к ее отцу, похитил невесту и вступил в брак с нею. Оскорбленный папа, не имея возможности сам наказать могущественного вельможу, скрывавшегося в своем неприступном дворце, обратился к императору, умоляя его прислать своих послов для суда над преступником. В то же время поспешил в Беневент и отец Элевтерия, чтобы склонить подарками на свою сторону корыстолюбивую королеву, но был неожиданно настигнут там смертью. Наконец прибыли в Рим императорские послы; это привело Элевтерия в такую ярость, что он заколол и дочь папы, и ее мать Стефанию, добровольно или по принуждению последовавшую за дочерью. После того убийца был схвачен императорскими людьми и обезглавлен.

Удрученный всем этим, несчастный Адриан II созвал собор. Анастасий, которого не без основания считали участником в преступлении брата, снова был отлучен от церкви, и ему было объявлено, что он будет предан анафеме, если не удалится от города более чем на 40 миль или позволит себе исполнение каких-нибудь церковных обязанностей. Кардинал получил этот декрет 12 октября 868 г. в базилике Св. Пракседы и дал клятву подчиниться произнесенному над ним приговору. Описанные события показали, до какой степени дух своеволия овладел римской знатью. Еще сдерживаемая в то время авторитетом императора, эта знать неизбежно должна была захватить в свои руки папский престол, когда императорская власть перестала существовать в Риме.

2. Возобновление борьбы из-за Вальдрады. — Клятвопреступление Лотаря. — Унизительный прием его в Риме и скорая его смерть. — Император Людовик в Южной Италии. — Понятие об империи в ту эпоху. — Письмо императора к византийскому императору. — Посрамление Людовика нападением на Беневент. — Людовик приезжает в Рим. — Вторичное коронование его. — Римляне объявляют Адальгиса Беневентского врагом республики

Адриан II продолжал действовать в том же самом духе, в каком действовал Николай I. Церковная история прославляет твердость, с которой Адриан II вел борьбу против епископов, не желавших покориться авторитету папы; мы лишены, однако, возможности хотя бы даже мимоходом остановиться на знаменитом восьмом вселенском соборе, который происходил в 869 г. в Византии под председательством папского легата и на котором декреты Николая I о низложении Фотия были снова подтверждены.

С другой стороны, государи своей внутренней слабостью не переставали содействовать возрастанию могущества пап. Орудие борьбы, которым располагали последние — отлучение от церкви, — оказывалось все более и более могучим. Своей роковой страстью к Вальдраде Лотарь пробил глубокую брешь в том престиже, которым была окружена королевская власть; Николай смело проник в эту брешь, и с такой же твердостью шел по ней Адриан. Восстановленная в своих правах жены и королевы несчастная Теутберга была вскоре же после того снова прогнана мужем и бежала к королю Карлу Лысому. Она объявила папе Николаю, что решила отказаться от брака с государем, который поступает как тиран и намерена искать спокойствия своей душе в монастыре; но эта жертва догмы была обречена, по-видимому, на нескончаемые муки. Папа отказал дать ей развод, говоря, что он мог бы сделать это только при условии, если бы и нарушитель брака, Лотарь, также отказался навсегда от права вступить в новый брак. Николай отлучил Вальдраду от церкви, а Лотарю написал гневное письмо, в котором грозил ему той же карой.

Сильный только в своей слабости к женщине король безропотно покорился этому унижению и просил папу дозволить ему для оправдания явиться лично в Рим; но Николай отказал королю и в этом. По смерти Николая Лотарь обратился с той же просьбой к его преемнику, надеясь склонить его на свою сторону, и, по-видимому, Адриан изъявлял согласие на поездку короля в Рим. В то же время Лотарь обратился к посредничеству императора. Извещая его о своем приезде, Лотарь просил императора помочь ему добиться от папы развода с Теутбергой и права на вступление в брак с Вальдрадой. В июне 869 г. Лотарь прибыл в Равенну. Послы Людовика, который в это время был занят осадой Бари, старались объяснить Лотарю, что он не должен ехать дальше, так как таким образом он только еще более затруднит положение императора; но ослепленный страстью король думал об одном — о том счастье, которое ждало его в объятиях Вальдрады и за которое он готов был отдать все сокровища своего королевства. Он спешно продолжал свой путь и, прибыв к брату, мольбами и подарками добился того, что его сторону приняла императрица Энгельберга. Тогда император потребовал, чтобы Адриан прибыл в Монте-Касино; туда же отправилась вместе с Лотарем и Энгельберга. Здесь Лотарь осыпал папу подарками, но мог добиться от него очень немногого: 1 июля 869 г. папа только допустил Лотаря к причастию после того, как вероломный король торжественно поклялся, что с той поры как Вальдрада была отлучена от церкви, он не знал этой женщины. Затем Энгельберга вернулась к своему мужу, папа отправился в Рим, а Лотарь, утративший всякий стыд, следовал за папой по пятам. Вступление короля в город было так же позорно: ни один священник не вышел навстречу королю. Прокравшись тайком со своей свитой в базилику Св. Петра и никем не приветствованный, король разместился затем в ближайшем дворце, в котором не было ни одной прибранной комнаты. Затем папа отказал королю в служении для него обедни и пригласил его только к своему столу в Латеран; на богатые же королевские подарки иронически ответил тем, что, в свою очередь, подарил королю одеяние, называвшееся аепа, пальму и ферулу. Малодушный король не был, однако, огорчен всем этим и, покинув Рим, продолжал свой путь через Лукку; здесь он и его приближенные заболели летней лихорадкой, и по приезде в Пьяченцу 10 августа он умер. В этой смерти народ усмотрел небесное возмездие, которое было ниспослано на короля за его ложную клятву и распутство.

По смерти Лотаря его земли были захвачены Карлом Лысым и Людовиком немедким; это дало папе случай выступить против них как против разбойников, тем более что император, обделенный при таком захвате земель, сам просил папу о посредничестве в этом деле. В ту пору Людовик был совершенно поглощен войной с сарацинами в Нижней Италии. В 871 г. ему наконец удалось занять Бари и взять в плен султана. Участие греков в таком важном предприятии было ничтожно, и победа Людовика разожгла в них зависть; Василий прислал Людовику презрительное письмо, в котором, между прочим, отказывал ему в титуле базилиуса и насмешливо называл его «*papa*». Ответ Людовика на это письмо в высшей степени замечателен. Мы приведем его, чтобы установить представление той эпохи о Римской империи и показать, что святость императорского сана, по собственному признанию самого императора, уже ставилась тогда в прямую зависимость от помазания императора рукой папы.

«Наши дяди, — так писал Людовик, — знаменитые короли, признают в нас императора, хотя они и старше нас годами и не чувствуют к нам никакой зависти, так как они чтут помазание и посвящение, которыми через возложение на нас рук папы и его молитвы, по воле Божией, нам дарована власть над Римской империей. Царство Отца, Сына и Св. Духа едино, и церковь составляет на земле часть этого царства, управление же ею Бог возложил ни на тебя, ни на меня в отдельности, а на нас обоих вместе, и мы должны сохранить ее единой». Далее идет речь о том, как перешла к ко-

ролям франков императорская власть: «Мы получили ее от нашего деда, но не узурпацией, как ты полагаешь, а волею Бога, решением церкви и первосвященника, через возложение его рук над нами и помазание. Ты говоришь, будто мы должны называться императорами франков, а не римлян, но ты должен знать, что если бы мы не были римскими императорами, мы не могли бы быть и императорами франков. И это имя, и этот сан мы получили от римлян, среди которых впервые засияло это величие, а с ним к нам перешли и божественное управление народом и городом, защита и возвеличение матери всех церквей, давшей роду наших предков сначала королевскую власть, а затем императорскую. Государи франков назывались сначала королями и уже после императорами, именно те из них, над которыми папой было совершено миропомазание. Так наш прадед Карл Великий первый из нашего племени и рода был помазан папой и, в силу дарованной ему тем благодати, был провозглашен императором и помазанныком Божиим, между тем как другие недостигали императорского сана помимо божественного воздействия и посредничества папы, будучи избраны только сенатом и народом. Были и такие, которые даже не избирались, а возводились на императорский престол солдатами или овладевали императорским скипетром Рима другими способами. Но если ты осуждаешь действия римского папы, то порицай уж и Самуила, который, отвергнув Саула, им самим раньше помазанного, нашел нужным помазать на царство Давида».

Проведя эту искусную параллель между отвергнутым Саулом, или греческим императором, с одной стороны, и Давидом, или франкским королем, — с другой (надо вспомнить, что Карл Великий любил, чтоб его называли Давидом), Людовик в заключение писал византийцу: «Мы приобрели Римскую империю благодаря нашему православию, греки же утратили ее в силу своего неправославия; они покинули не только город и столицу империи, но и римский народ, забыли даже его язык и ушли на чужбину».

Талантливо составленное одним духовным лицом письмо это представляет со времени Карла Великого самый ценный документ по вопросу о значении Римской империи. Опираясь на прошедшее, это письмо целым рядом исторических соображений приводит к ясному заключению. Нарушение законного порядка престолонаследия — со стороны Давида по отношению к Саулу — искупалось милосердием Божиим, действовавшим через посредство верховного представителя религии. Мир, которое изливалось на голову императора, исходило из того же источника, из которого получил благословение и мажордом франков, когда он похитил корону у Меровингов; права, обновленные легитимностью, исключали возможность существования всяких других прав, политических и фактических. Поэтому эти другие права и были устранены волею Божией. Правда, Людовик еще называет римлян вообще источником императорской власти, но не придает этому в действительности такого значения и, уже не думая вовсе о выборах, производимых народом или сенатом, постоянно возвращается как к решающему моменту к суждению церкви и к помазанию папой. Такая точка зрения вытекала, однако, отчасти и из политики самих императоров, которые охотнее ставили свой сан в зависимость от посвящения их папой, т. е. от Бога, чем от избрания их вассалами, которые становились все непокорнее, страстно желали подчинить себе императорскую власть и старались ослабить и раздробить империю Карла, чтобы на ее развалинах создать свое собственное могущество. И с той поры императорская власть стала неразрывной с помазанием, совершаемым папами, а последние могли смело объявить, что власть эта, как лен, может быть дарована одной только их первосвященнической властью.

Неслыханное насилие, совершенное в том же 871 г., показало, впрочем, насколько уже успела утратить в своем величии императорская власть. Победитель Бари,

спасший Южную Италию от сарацин, направился со всей своей богатой добычей в Беневент, а разрозненное войско занялось покорением возмущившихся городов. В Беневенте своим надменным обхождением и грабежами Энгельберга, зная, сопровождавшая Людовика, и его воины привели жителей в раздражение. Тогда Адальгис, прельстившись дорогой добычей, доставшейся Людовику от сарацин, задумал смелый план; имея основание опасаться гнева Людовика, которого он уже не раз оскорблял своим неповиновением, и, как все государи Южной Италии, признавая очень неохотно власть императора, Адальгис решил овладеть им. Нападение было сделано в августе во дворце Адальгиса. Три дня продолжалась дикая борьба, кончившаяся тем, что император, его жена и все франки были взяты в плен. Адальгис отнял у пленных все их сокровища, продержал их в заточении больше месяца и затем взял с Людовика клятвенное обещание в том, что он никогда не вступит с войском в герцогство беневентское и никогда не станет мстить за совершенное над ним насилие. Уже после всего этого и напуганный высадкой сарацин у Салерно Адальгис возвратил пленникам свободу. Императорская власть была таким образом унижена и оскорблена собственными вассалами империи. Весть об этом позорном событии произвела страшный переполох; она разнеслась повсюду, и стихотворцы распевали по улицам песню о плене императора; полагали даже, что император уже умер.

Горя желанием отомстить за нанесенную обиду, но в то же время связанный клятвой и довольный, что удалось избежать еще худшей участи, император собрал свои войска, вступил в Сполето, где лишил Ламберта его сана и направился затем в Равенну. На следующий, 872 г., в Духов день Людовик прибыл в Рим. Встреченный со всеми почестями папой в Латеране, император заявил ему о своем желании быть освобожденным от клятвы, которая была вынуждена у него в Беневенте, и это желание было исполнено перед собранием духовенства и знатных лиц. Воспламененные речью Людовика те из присутствовавших, которые еще оставались верны Людовику или императорской власти, были увлечены воспоминаниями былых времен. Римский сенат, заседавший, конечно, не на развалинах Капитолия, а в базилике Латерана или Св. Петра, объявил Адальгиса врагом республики и приговорил его к изгнанию. Но, в общем, все втайне торжествовали, видя ослабление императорской власти. Римляне и итальянцы, герцоги, епископы и графы, папа, сарацины и норманны — все усердно стремились к тому, чтобы низвергнуть императорскую власть, и, когда наконец это свершилось благодаря также быстрому упадку династии Карла, для Рима и папства наступило самое ужасное время: папы внезапно утратили все свое могущество и подверглись глубочайшему унижению.

3. Иоанн VIII, папа, 872 г. — Смерть императора Людовика II. — Сыновья Людовика Немецкого и Карл Лысый ведут борьбу из-за обладания Италией. — Карл Лысый, император, 875 г. — Упадок императорской власти в Риме. — Карл Лысый, король Италии. — Германская партия в Риме. — Распущенность знати. — Формоз, епископ Порто

В ту эпоху церковь была, однако, счастлива тем, что один за другим сменяли друг друга папы, все такие же мужественные, как и те, благодаря которым Рим был освобожден от византийского ига. Тогда как трон Каролингов замещался все более и более слабыми правителями, на престол Петра восходили люди, бесконечно превосходившие этих правителей своими дипломатическими способностями, твердостью и энергией.

Адриан II умер, и в папы был посвящен 14 декабря 872 г. еще более выдающийся муж Иоанн VIII, сын Гундо, римлянин, но происхождения, может быть, лангобардского. Немного лет спустя скончался и император Людовик II, последний из Каролингов, которому еще был присущ деятельный ум и который был способен еще задаваться планами, достойными империи. Отдав многие годы своей жизни упорной и достойной борьбе, имевшей целью спасти Южную Италию от сарацин и объединить королевство, но, будучи не в силах бороться с внутренним разложением, к которому неизбежно должны были привести феодальное начало и иммунитет епископов, Людовик II умер 12 августа 875 г. около Брешии и был погребен в церкви Св. Амвросии в Милане. Это был первый император Средних веков, который вступил в роковой лабиринт Италии и погиб в нем, сам став почти итальянцем. Его смертью был закончен известный период в истории империи; с этого момента империя утратила свою силу и значение и стала игрушкой в руках папы и итальянской знати, а Италия впала в то противоречие, которое длится до наших дней и вследствие ее географического положения делает ее яблоком раздора между Германией и Францией.

Кроме дочери Эрменгарды, Людовик не имел наследников. Его дяди, Карл Лысый французский и Людовик немецкий, стремились каждый к обладанию Италией и императорской короной. Имперский сейм, созванный в сентябре в Павии двоякой императора, склонявшейся в пользу немецкой партии, не привел ни к какому результату. Предстояло решать вопрос оружием. Сыновей Людовика, Карла Толстого и Карломана, поддерживал могущественный маркграф Беренгар Фриульский, который по матери своей Гизеле приходился родным внуком Людовику Благочестивому. Чтобы бороться с дядей, оба сына Людовика один за другим перешли через Альпы, но частью золотом, частью обманом Карлу удалось убедить своих племянников отказаться от их замысла. Императорская корона была уже обещана папой этому ничтожному государю. Еще при жизни Людовика II, силы которого Рим боялся и успел почувствовать ее на себе, церковь возлагала надежды на Францию, и Адриан тайно обещал Карлу Лысому возложить корону на него по смерти императора, а не на какого-либо другого государя. Мысль о передаче короны королю германского происхождения была еще далека или, может быть, казалась опасной ввиду слишком близкой связи Италии с Германией; поэтому Иоанн VIII не задумался стать на сторону французской партии как более сильной и дававшей ему надежду на деятельную помощь в борьбе с знатью Рима и страшными сарацинами. Через Формоза, епископа г. Порто, Гадерика, епископа г. Веллетри, и Иоанна, епископа г. Ареццо, он пригласил Карла приехать в Рим для коронования, и Карл поспешил последовать этому приглашению. 17 декабря 875 г. состоялась торжественная встреча в базилике Св. Петра, а в Рождество Карл был коронован. Папе и римлянам, подавшим за него голос, Карл заплатил такие огромные денежные суммы, что его германские враги сравнивали его с Югуртой, подкупившим продажный римский сенат.

В противоположность своим предместникам, не наследуя отцу на престоле и не будучи избран имперским сеймом, Карл должен был унизиться до заискивания у римских знатных людей и просить их признать его кандидатом на императорскую корону, а папа имел смелость публично назвать римского императора своим собственным созданием, притом в таких выражениях, каких еще никто никогда не слышивал. Нам не вполне известен договор, заключенный Карлом Лысым с церковью. Сделанные им уступки должны были быть великими, так как корона была получена им из рук папы и только по его милости. Но если бы эти уступки ничтожного государя имели такое же действительное значение, как привилегии, дарованные полно-

властным императором Людовиком Благочестивым, они, без сомнения, были бы выдающимися актами в истории папства.

С Карлом Лысым величие империи глубоко пало, папская же власть высоко возросла. Конституции Карла Великого и Лотаря потеряли свое значение для Рима; права императорской власти были утрачены и обратились в пустой звук; сан императора стал игрушкой в руках пап и могущественных феодалов, и скоро наступило время, когда итальянские графы могли щеголять в короне Карла, будучи вассалами его же империи.

Новый император оставался в Риме только до 5 января 876 г. Затем в сопровождении папы Карл поспешил в Павию и здесь в собрании епископов и знатных людей королевства Италии был не только утвержден в сан императора, но еще избран королем Италии и коронован Анспертом, архиепископом миланским, между тем как предшественники Карла делались королями Италии по решению императора и общеимперского сейма. Таким образом, избрание Карла Лысого явилось вообще поворотным пунктом в истории Италии; в этом избрании сказалось, с одной стороны, могущество папы, епископов и итальянских вельмож, достигшее чрезвычайных размеров, с другой — национальное чувство, уже сложившееся в Северной Италии. Король возложил управление итальянскими делами на герцога Бозона, на сестре которого, Рихильде, он женился, а сам направился во Францию, где он также должен был быть провозглашен императором. Имперский сейм происходил в Понтионе в июле. Карл явился на сейм в роскошном византийском одеянии и как вассал получил от легатов папы золотой скипетр.

Подчинив себе императорскую власть, Иоанн VIII вернулся из Павии в Рим, где его присутствие оказывалось необходимым отчасти ввиду сарацин, угрожавших нападением, отчасти ввиду враждебного настроения городской знати. Вслед за победой над империей наступила полная анархия; той императорской власти, которая оберегала папство, уже не существовало больше; таким образом победа над империей довольно скоро стала вместе и тяжким поражением для папства. В истории редко встречаются примеры такой злой иронии судьбы над честолюбивыми замыслами людей, какая выпала на долю римских пап того времени. В городе существовала сильная германская партия, имевшая сношения с вдовой императора, с Беренгаром Фриульским, Адальбертом Тусцийским и маркграфами сполетским и камеринским. Избрание Карла императором не совпадало с интересами этой партии, стремившейся вообще к независимости и являвшейся для папы источником постоянной тревоги. Нравы этих знатных людей вполне соответствовали грубому характеру той эпохи; но если мы примем во внимание, что их же единомышленником был и епископ Формоз, который всеми своими современниками прославляется как святой человек, то мы должны будем усомниться в справедливости того, в чем обвинялась эта знать.

Формоз, епископ Порто, обративший на себя внимание своей миссией в стране болгар и выдававшийся среди духовенства своими способностями и познаниями, возбудил к себе ненависть в подозрительном папе и во многих кардиналах. Будучи раньше отправлен послом к Карлу с приглашением прибыть в Рим для коронации, Формоз принял на себя это посольство, вероятно, или по принуждению, или из осторожности, не желая обнаруживать своих симпатий к германской партии. Возможно, что его опасались как претендента на папскую корону, так как он был влиятельным членом сильной партии. По неизвестным причинам Формоз покинул свое епископство в Порто, и на этом основании его обвинили в том, что он был в заговоре с римлянами против императора и папы.

Знатные люди Рима составляли могущественную семью родственных между собою лиц. В числе их были генералы милиции, министры двора, номенклатор

Григорий, его зять Георгий и дочь Константина, секундицерий Стефан и *magister militum* Сергей. Чтобы жениться на Константине, Георгий убил свою жену, племянницу Бенедикта III, и благодаря влиянию своего тестя и подкупу судей остался свободен от всякого наказания. Сергей, племянник великого папы Николая I, следуя примеру короля Лотаря, также прогнал от себя свою жену и вступил в открытую связь со своей франконской любовницей Вальвизиндулой. После выборов императора и с возвращением в Рим папы все эти преступные люди принуждены были покинуть город в то самое время, когда в окрестностях Рима, вплоть до его ворот, разбойничали сарацины. Покидая город, Георгий и Григорий сначала ограбили Латеран и другие церкви, а затем открыли ночью ворота Св. Панкратия и бежали искать убежища в герцогстве сполетском. Это дало папе основание обвинить беглецов в том, будто они имели намерение впустить магометан в Рим. 19 апреля 876 г. был созван собор в Пантеоне, и папа по прочтении обвинений объявил, что он отлучает от церкви бежавших римлян, и в том числе епископа Формоза, если они не вернуться к назначенному времени. Так как никто из бежавших не явился назад, то приговор был приведен в исполнение, а Формоз, кроме того, был лишен и своего епископства, и духовного сана. Едва ли может подлежать сомнению, что Формоз и бежавшие из города римляне имели сношение с маркграфами сполетским и камеринским и с Адальбертом Тусцийским, под защитой которых они позднее появляются; но их изменнический договор с сарацинами не представляет ничего правдоподобного; по крайней мере Формоза следует считать непричастным к такому договору.

4. Сарацины опустошают Кампанью. — Жалобы в письмах Иоанна VIII. — Лига сарацин с южноитальянскими приморскими городами. — Блестящая деятельность Иоанна VIII: он сооружает флот, ведет переговоры с южноитальянскими государями, побеждает сарацинов при мысе Цирцеи. — Состояние Южной Италии. — Иоанн VIII строит Иоаннополис возле базилики Св. Павла

В 876 г. магометане проникли в римскую область; они разграбили Сабину, опустошили Лациум и Тусцию и несколько раз появлялись у ворот Рима. Монастыри, имения и *domuscultae*, на устройство которых была потрачена такая масса труда, все были разорены до основания; колоны предавались смерти или уводились в рабство, и римская Кампанья обратилась в пустыню, в которой царил лихорадка. В письмах Иоанна, которые он писал в 876 и 877 гг. к Бозону, к Карлу Лысому, к императрице Рихильде, к епископам империи, слышатся те же стенания о бедствиях Рима, которые раздавались во времена лангобардов при Григории; но воины Магомета были более лютыми врагами, чем воины Агилульфа. Город мог только с большим трудом укрыть и прокормить стекавшие в него толпы сельских жителей, монахов и духовенства церквей, обращенных в развалины. «Города, крепости и села уничтожены вместе с их жителями; епископы разогнаны; в стенах Рима ищут приюта остатки совершенно беззащитного народа; за стенами города все разорено и обращено в пустыню, и — да спасет нас от этого Бог — остается погибнуть только городу. Вся Кампанья лишена своего населения; и мы, и монастыри, и другие благочестивые учреждения, и римский сенат оставлены без средств к существованию; окрестности города опустошены до такой степени, что в них нельзя уже найти ни одной живой души, ни взрослого человека, ни ребенка». Так писал Иоанн Карлу Лысому, в котором теперь, при крайней нужде, он желал найти могущественного императора, и молил его о помощи, «повергаясь на землю перед его величием». Тем

не менее Карл, давший при короновании клятву защищать город своей императорской рукой, предоставил его мечу сарацин.

Теперь вся Италия почувствовала, как много потеряла она со смертью воинственного Людовика II, так как политические условия юга благоприятствовали завоеваниям арабов. Религия не была преградой для сношений и даже союза между арабами и южноитальянскими государями. Уже при Людовике II эти государи ради своих интересов пользовались услугами неверующих, и император громко жаловался, что Неаполь стал вторым Палермо и второю Африкой. Вступать в соглашение с сарацинами побуждали итальянских государей одинаково и торговые интересы, и желание найти союзника в борьбе между собой и с императорами Востока и Запада. Кроме того, этим государям были известны замыслы римской церкви, которая мечтала о приобретении патримоний в Неаполе и Калабрии, заявляла притязания на Беневент и Капую и, пользуясь смутой, господствовавшей в Италии, приобретала в ней земли. Владея после падения Бари одним Тарентом, сарацины двинули на Италию новые флоты; когда же со смертью императора-победителя исчез главный оплот, сдерживавший сарацин, они принудили Неаполь, Гаэту, Амальфи и Салерно не только заключить мир, но и соединиться с ними в набегах на побережья церковного государства и Рима. Единственным энергичным противником сарацин теперь был папа Иоанн. Его деятельность должна была пристыдить королей и покрыла его самого воинской славой. Такой человек, по справедливости, достоин был править Римом. Имея против себя ужасную лигу, располагавшую, как говорили, ста кораблями, Иоанн не пал духом и посылал Карлу Лысому письма, в которых настоятельно просил о помощи. Карл отправил к папе Ламберта Сполетского, которому в 876 г. было возвращено герцогство, и его брата Гвидона с тем, чтобы они сопровождали папу в Неаполь и Капую и помогли ему расстроить лигу. Однако государи эти были сомнительными помощниками. В начале 877 г. Иоанн сам поспешил в Неаполь, и здесь просьбами и угрозами ему удалось достигнуть того, что Гвайферий Салернский отказался от союза с сарацинами. Далее папа вел переговоры с Амальфи, который в то время уже был цветущим торговым городом и управлялся выборным герцогом или префектурием; тогда эту должность занимал Пульхариий. Наконец, папа искал помощи еще у греческих адмиралов — Григория и Феофилакта, прося их прислать корабли в гавань Тибра.

Даже Григорий I, когда он был тесним лангобардами, не обнаружил большей энергии; но Иоанн вдобавок располагал гораздо более значительными средствами. Он сам вооружил римские суда, и свет впервые увидел, правда, небольшой, но все-таки собственный папский флот. Эти военные корабли, как и при Велизарии, еще назывались дромонами; они имели обыкновенно в длину 170 футов, были снабжены каждый двумя башнями, одной возле носа, другой у кормы, и военными машинами для метания, зажигания и абордажа и приводились в движение ста веслами, которыми гребли галерные рабы, тогда как морские солдаты помещались в середине корабля и в башнях. Обладание этим маленьким флотом, стоявшим в Порто, преисполнило папу гордостью, и он с торжеством писал императрице Энгельберге, что теперь он уже не нуждается в гаетанцах и может сам защитить себя. Но в Неаполе старания Иоанна не имели успеха, так как Сергия II не удалось склонить к отказу от выгодного для него союза с арабами. Тогда папа отлучил от церкви Сергия и его город, двинул на него Гвайферия с войском и без всякого колебания приказал отрубить головы 22 пленным неаполитанцам. После того он вернулся в Рим. Но, узнав, что берега Фонди и Террачины опустошены сарацинами, папа пробыл в городе только пять дней, а затем вышел с флотом из Порто в море; у мыса Цирцеи он настиг магометан, отбил у них 18 кораблей, освободил 600 христиан,

обращенных в рабство, и уничтожил большое число неприятеля. Это был первый случай, когда папа выступал в борьбу как адмирал. Одержав победу над неверными, Иоанн направил свои помыслы на раздираемые смутой земли южноитальянских государей в надежде подчинить папскому престолу и эти земли.

Имея в виду образовать лигу государей, Иоанн поспешил отправиться в Траэто, принадлежавший церкви, и в это же время греческий флот нанес сарацинам в неаполитанском море еще большее поражение. Между тем в Неаполе папа старался поддержать революцию. Здесь захватил Сергия его брат, епископ Афанасий, вырвал у него глаза и в таком виде отправил в Рим, где по приказанию папы Сергий был заточен в тюрьму, в которой он и умер. К этому братоубийству, совершенному епископом, папа отнесся как к счастливому случаю, а убийца получил обещанные ему деньги и хвалебное послание. Так политические интересы государства столкнули папу-правителя с той, нравственно не совмещающейся со светской властью стези апостольских добродетелей, по которой папе как пастырю надлежало идти.

Но вскоре, весной 878 г., наступили события, которые принудили Иоанна бежать во Францию и расстроили его планы относительно Нижней Италии. Прежде чем покинуть Рим, Иоанн должен был откупиться от сарацин: он обязался платить им как ежегодную дань 25 000 манкузов серебра. А незадолго до этого Иоанн заключил с амальфийцами договор, по которому они обязывались за ежегодное вознаграждение в 10 000 тапсусі охранять своими судами берега на протяжении от Траэто до Чивита-Веккии. Однако пока Иоанн оставался в Риме, республика не думала приступать к исполнению договора, и Иоанн был недоволен этим. По возвращении из Франции, в 879 г., папа увидел, что он был обманут. Безбожный Афанасий, оставаясь епископом, стал также и герцогом неаполитанским и таким образом в малом виде представлял собой того же папу. Следуя примеру своего брата Сергия, Афанасий не постеснялся вступить в союз с неверными, чтобы иметь защиту от византийского императора, с которым папа тогда был в мире. Напрасно Иоанн ездил снова в Гаэту и Неаполь и раздавал там золото: предателя не устрашило даже отлучение от церкви. Точно так же обманут был папа и амальфийцами: эти хитрые купцы, получив 10 000 золотом, объявили, что им следует по договору 12 000, и по-прежнему не посылали своих судов для защиты берегов, с сарацинами же обходились как с союзниками. Иоанн отлучил от церкви и амальфийцев. Едва ли каким-либо другим папой было объявлено столько отлучений от церкви, уже ставших обычным оружием в латеранском арсенале.

С той поры положение Нижней Италии, как лангобардской, так и греческой, стало ухудшаться с каждым годом; сарацины и греки грабили эту богатую страну и нередко вели борьбу с Салерно под одним знаменем с неаполитанцами. Пандульф Капуанский, принужденный признать верховную власть папы, призвал в свою истерзанную страну магометан. Таким образом боязнь, которую внушали католическим государям политические замыслы папы, была одной из самых существенных причин, давших возможность сарацинам укрепиться в Нижней Италии. Изучая историю этой страны в ту эпоху, нельзя не прийти в совершенное смущение от царивших тогда ужасных интриг, изощренности в обмане и животной дикости людей.

Призванные Афанасием как союзники против Рима и греков арабы подошли к Неаполю и разместились у Везувия. В 881 г. они уже окончательно водворились здесь и заняли Агрополис близ Пестума; точно так же призванные герцогом Доцибилем Гаэтанским, искавшим у них помощи против папы, они расположились сначала лагерем около Итри, а затем основались на правом берегу Лириса или Гариль-

яно, неподалеку от развалин тех самых Минтурн, в болотах которых некогда скрывался бежавший Марий. Построив здесь большую крепость, арабы держались в этом ужасном разбойничьем гнезде в течение целых 40 лет и отсюда совершали свои набеги на прекрасную Кампанию, убивая и грабя население. Таким образом были сожжены и на долгие годы обращены в развалины знаменитые монастыри Монте-Касино и Св. Винченца при Вультурне, некогда бывшие цветущими культурными центрами.

Что касается Рима, то памятником, свидетельствующим о тяжелом гнете над ним сарацин, остались только письма Иоанна. Другой великий памятник, созданный этим папой ввиду той же опасности, которую представляли сарацины, погиб. А именно Иоанн VIII возвел вокруг базилики Св. Павла такую же стену, какую Лев IV оградил базилику Св. Петра. Ближайший скалистый холм представлял превосходное место для возведения укрепления; возможно, что папа построил здесь крепость, а весь пригород окружил стеной, воспользовавшись, вероятно, портиком, который вел в церковь от ворот. Огражденному этой стеной пригороду папа дал название «Ioannipolis». От этого замечательного сооружения не осталось ни малейшего следа. Ни один летописец не упоминает о постройке города Иоанна, и сведениям о нем мы обязаны только копии с надписи, которая была начертана на одних воротах этого нового сооружения:

Эта стена служит к спасению и ворота ее неприступны; они закрыты для нечестивых и открыты верующим, Войдите, знатные люди, и вы, старцы и юноши простого звания, войди весь христианский народ, ищущий св. храма. Его с благоговением соорудил служитель Господа Иоанн, который отличался возвышенным духом и великими достоинствами. Прозванный по имени папы Иоанна VIII, досточтимый город зовется Иоаннополисом. Да сохранят навсегда св. Ангел Господень и апостол Павел ворота от злого врага. Красуясь, возвышаются они среди далеко раскинувшейся стены, и радостно строил их папа апостольского престола Иоанн, дабы по смерти его самого Христос умилосердился над ним и отверз ему врата Небесного Царства.

ГЛАВА VI

1. Трудное положение Иоанна VIII по отношению к Ламберту и к императору. — Папа еще раз утверждает Карла Лысого в сане императора. — Соборы 877 г. в Риме и в Равенне. — Декреты Иоанна о патримониях. — Папское камеральное имущество. — Бесплодные попытки поставить предел феодальному устройству. — Смерть Карла Лысого. — Торжество германской партии. — Угрозы Ламберта и изгнанников. — Ламберт нападает на Рим и берет в плен папу. — Бегство Иоанна VIII во Францию

Сарацины и смуты Нижней Италии отвлекли нас несколько от изложения отношений города к империи. Затруднения, которые переживал тогда Рим, возросли, однако, и с этой стороны. Ламберт, получивший снова свое герцогство сполетское, делал все, что только могло увеличить смуту в Италии, так как эта смута была благоприятна его надеждам достигнуть независимости и еще большей власти. Однажды Рим уже почувствовал на себе руку Ламберта; знатные люди, отлученные от церкви Иоанном, нашли убежище у Ламберта и осаждали его своими просьбами дать им возможность вернуться назад. Прилагались все старания возбудить в императоре недоверие к папе; этому содействовали и замыслы сыновей Людовика не-

мецкого, которые также мечтали получить власть над Италией. Даже дружественные отношения Рима к греческому императору, генералы которого снова стали появляться в Нижней Италии и часто одерживали победы, внушали недоверие Карлу Лысому, подозрительность которого зависела еще от сознания своей собственной слабости. Он дал римлянам достаточно оснований сокрушаться о выборе такого, как он, императора и желать другого. В нашем распоряжении нет писем Карла к Иоанну, но одно послание папы вполне выясняет дело. Именем императора Ламберт требовал от римлян заложников; Иоанн отказал дать их. Никогда, писал Иоанн, он не поверит, чтобы такова была воля императора, и римские знатные люди предпочтут скорее умереть, чем согласиться на такое неслыханное требование; пусть Ламберт не беспокоится о Риме и будет уверен, что и без всякого вмешательства с его стороны так же легко, как паутина, исчезнет недовольство римлян императором.

Папа оправдался от таких сомнений в его преданности императору на замечательном соборе, происходившем в Риме в феврале 877 г. На этом соборе избрание Карла императором было утверждено вновь; таким постановлением предполагалось устранить притязания сыновей Людовика немецкого, умершего 28 августа 876 г., и предупредить возможность разделения империи. Опасаясь сарацин, изгнанников, Ламберта и немецких государей и надеясь найти помощь у императора, папа произнес перед собравшимися на соборе епископами речь, преисполненную позорной лести. Карл Лысый мог иметь некоторое право на признательность за покровительство, которое он оказывал наукам; римская церковь имела основание славить его, так как она была обязана ему некоторыми льготами; но восхваления, которые воздавал Иоанн Карлу, могли возбуждать по отношению к такому жалкому императору только смех. Иоанн назвал Карла Лысого светилом, которое возшло, чтобы дать спасение человечеству; он объявил далее, что Бог предопределил избрание Карла императором еще до сотворения мира и, наконец, наделил монарха таким множеством исключительных доблестей, обладание которыми было бы в тягость даже такому государю, как Карл Великий. В заключение Иоанн сказал, что Карл Лысый был избран в императоры им, папой, в согласии с епископами, светлейшим сенатом, всеми римлянами и простым народом именно за эти доблести и что теперь Карл вновь утверждается в императорском сане; после этого епископы также подтвердили избрание Карла. Так много утратила в своем действительном значении имперская власть со времени Карла Великого.

Карл Лысый прибыл в Италию с войском и в сопровождении своей жены. При Орбе он получил копию с постановлений римского собора и известие, что папа намерен встретить его у Павии. Иоанн находился тогда в Равенне, где им был созван в августе 877 г. собор. Некоторые постановления последнего относились к церковным патримониям; при этом был издан декрет, которым воспрещалось отчуждение патримониев на основании феодального права. Слово «феод» тогда еще не вошло в употребление, и понятие о феодальном начале выражалось вообще словом «бенефиция». Поместья раздавались как бенефиции; некоторые из них давались по письменному прошению (*precaſium*) в виде так называемых *praestaria* для пожизненного пользования доходами с них, и такие имения по документу, с которым связано было пожалование их и который назывался *libellum*, назывались также *libellaria*. Имущественные отношения становились, однако, все более запутанными; одолеваемые корыстью и хищничеством, люди прибегали к насилию и ко всякого рода обманам, чтобы овладеть имениями, и придумывали с этой целью всевозможные предлоги; отчуждение собственности стало легким делом, и бенефиции превращались в наследственные имения того, кто их получал. Римская знать, к которой принадлежали

папы, жадно протягивала руки к патримониям, и сами папы вскоре были вынуждены раздавать в виде аренды имения св. Петра людям своей партии, чтобы таким образом расплатиться за свое избрание или обеспечить себе приверженцев. Против этого раздробления церковного имущества и восстал Иоанн на равеннском соборе в августе 877 г. При Каролингах вошло в обычай раздавать монастыри и церкви в виде ленов епископам, графам и даже знатым женщинам как высоким покровителям. Иоанн запретил раздачу монастырей и имений в форме бенефициев в Равенне, Пентаполисе, Эмилии, римской и лангобардской Тусции и исключил из этого запрещения только те, которые, служа особым надобностям римской церкви, были или переданы лицам, поселенным в римском герцогстве, или значились за папской камерой. Как имущество, прямо принадлежащее папской казне, были поименованы: патримонии *Arpiaе*, *Labicopense* или *Campaninum*, *Tiburtinum*, *Theatinum*, оба поместья Сабинские, патримоний Тусции, портик св. Петра (город Льва), римский монетный двор, все общественные подати, береговые пошлины, гавань (Порто) и Оestia. Было вполне точно установлено, что означенные патримонии не должны быть раздаваемы в виде ленов. Римская церковь стремилась сохранить за собой по-прежнему право арендной раздачи своих владений; она, однако, тщетно боролась с надвигавшимся на нее германским феодальным началом. С течением времени это начало должно было привести к полному отчуждению имуществ, отданных во временное пользование, и создать множество опасных наследственных тиранов.

По окончании собора в Равенне Иоанн VIII поспешил навстречу королю и настиг его у Верчелли, откуда они оба отправились в Павию; по приезде сюда было получено известие, что из Германии идет с сильным войском Карломан. Это так напугало малодушного Карла, что он быстро покинул Павию и после того, как папа короновал его жену в Дортоне, бежал во Францию. Таким образом обещанный поход против сарацин не состоялся, и огорченный этим Иоанн вернулся в Рим. Здесь он вскоре же услышал, что Карл умер 13 октября на пути во Францию. Молва гласила, что смерть Карла произошла от порошка, который приготовил ему от лихоградки его лейб-медик еврей. Умирая, Карл пожелал быть погребенным в С.-Дениском аббатстве, но желание его не сбылось: тело римского императора было положено в засмоленную и обитую кожей бочку и зарыто в землю в каком-то ските около Лиона.

Со смертью Карла Лысого политические условия мгновенно изменились: французская партия чувствовала себя теперь побежденной, а германская торжествовала. Стоявший с войском в Верхней Италии Карломан склонил епископов и графов подать голоса за избрание его итальянским королем и требовал у папы императорской короны; Иоанну VIII не оставалось ничего другого, как только постараться переговорами замаскировать свои действительные намерения. Преобладание германской партии пугало Иоанна; его враги в Риме и собравшиеся в Сполето изгнанники ликовали; Ламберт же занял по отношению к папе угрожающее положение. Объятый страхом папа писал теперь Ламберту льстивые письма, в которых называл его единственным защитником церкви и самым верным ее слугой. Далее, писал папа, он слышал, будто Ламберт намерен вернуться в Рим его врагов, которые уже три раза были отлучены от церкви; это намерение удивляет папу, так как он живет в мире с Ламбертом. Приезд последнего в Рим Иоанн старался отклонить, так же как и приезд маркграфа Адальберта Тусцийского, которого папа называл своим явным врагом. Ламберт отвечал Иоанну с полным пренебрежением; он не находил даже нужным соблюдать обязательную по отношению к папе форму почтительного обращения и титуловал Иоанна как светского человека; это вызывало неудовольствие со стороны Иоанна. Ламберт затем требовал, чтобы Иоанн, посылая к нему своих легатов, каждый раз сначала ис-

прашивал у него на это разрешение. Иоанн наконец объявил, что он намерен удалиться во Францию и будет оттуда просить Карломана о помощи. Как на основании этой поездки Иоанн указывал еще на то, что уже в течение двух лет его теснят сарацины и дальнейшее его пребывание в Риме становится невозможным вследствие непрерывных действий внутренних врагов папского престола. Угрожая Ламберту отлучением, Иоанн увещевал его ввиду своего отъезда охранять владения св. Петра и не действовать во вред «священному и императорскому городу».

Это неосторожное сообщение о поездке во Францию, куда Иоанн мог ехать только для того, чтобы призвать против Карломана Людовика, сына Карла Лысого, и, может быть, также предложить ему императорскую корону, и затем переговоры папы с Францией, которые были обнаружены, заставили Карломана принять быстрое решение. Сам он не имел возможности идти на Рим, так как заболел чумой, которая господствовала в его войске; поэтому он оставался в бездействии в Баварии; но герцог сполетский и римские изгнанники ждали только знака Карломана, чтобы захватить папу. В феврале или марте 878 г. Ламберт неожиданно появился перед стенами Рима. Вместе с Ламбертом прибыл Адальберт, маркграф тусцийский, сын графа Бонифация и муж Ротгильды, сестры Ламберта; в их свите находились и римские изгнанники. Не обнаруживая какого-либо враждебного замысла, Ламберт заявил, что он желает вступить от имени Карломана в переговоры с папой, и Иоанн был вынужден принять Ламберта во дворце близ базилики Св. Петра. Тем временем сполетинцы заняли город Льва и поставили у ворот Св. Петра стражу, чтобы преградить римлянам доступ в эту часть города. Таким образом папа оказался в плену. Желая напугать папу, Ламберт приказал своим солдатам совершать насилия и затем потребовал от папы, чтобы он согласился признать Карломана императором. В то же время Ламберт заставил и римских знатных людей дать ему клятвенное обещание в том, что они будут поддерживать Карломана. Но Иоанн не подчинился насилию и не согласился ни признать Карломана императором, ни вернуть отлученных в лоно церкви. 30 дней провел папа в заключении. Этот арест, по словам папы, был настолько строг, что только после настоятельных просьб были допущены к папе некоторые лица из римской знати, епископов и его прислуга; даже в пище папе пришлось терпеть нужду. Угрожая снова вернуться, Ламберт наконец покинул город и достиг лишь только того, что возбудил в папе жажду мести и ускорил его отъезд во Францию. По уходе сполетинцев папа отправился в базилику Св. Петра, перенес оттуда все церковные сокровища в Латеран, закрыл главный алтарь волосяным покровом, запер базилику и воспретил вход в нее пилигримам. Все это вызвало смятение. Затем, написав негодующие письма королям Франции и Германии, архиепископу миланскому, Беренгару и Энгельберге и провозгласив в базилике Св. Павла анафему Ламберту в случае, если бы он вздумал напасть на Рим во второй раз, Иоанн в апреле покинул город, сел на корабль и бежал во Францию.

2. Иоанн на соборе в Труа. — Герцог Бозон становится фаворитом папы и сопровождает его в Ломбардию. — Папа терпит неудачу в своих планах. — Карл Толстый провозглашается королем Италии и в 881 г. в Риме возводится также в императорский сан. — Смерть Иоанна VIII. — Его смелые замыслы. — Его характер

В Духов день Иоанн VIII прибыл в Арль; здесь его встретил и проводил отсюда дальше герцог Бозон. В начале сентября в Труа состоялась встреча папы с королем Людовиком. На происходившем в Труа соборе папа 14 сентября отлучил от

церкви Ламберта, Адальберта, находившихся в изгнании римлян и епископа Формоза, который должен был явиться на собор. Скитаясь по разным местам, Формоза нашел в это время прибежище у с.-жерменского аббата Гуго. Затем Иоанн короновал Людовика Косноязычного и вступил с ним в переговоры о положении дел в Италии. Полная бездарность Людовика разбила все надежды папы, но энергичному выскочке удалось их снова воскресить. Бозон, обладавший герцогским титулом Ломбардии, бывший раньше шурином Карла Лысого и теперь мужем Ирменгарды, единственной наследницы императора Людовика II, на которой он женился из политических соображений, отравив свою первую жену, пользовался большим влиянием и казался папе именно тем человеком, которого можно противопоставить Карломану в Италии. Дальновидный Иоанн для достижения своих целей рассчитывал воспользоваться герцогом Бозоном и заключил с ним договор. Иоанн обещал герцогу помочь ему сделаться провансальским королем, открыл ему перспективу императорской короны и объявил его своим приемным сыном, а герцог обещал папе оказать деятельную поддержку в делах Италии. Это показывает, в какой лабиринт политических интриг были вовлечены папы своей светской властью. Необузданный и мстительный Иоанн, ослепленный своей страстностью, стал поступать опрометчиво. Его замыслы постигла неудача, и сам он, как только вступил во Францию, пал навсегда с той высоты, которую занимал раньше.

Почти год Иоанн VIII пробыв во Францию и затем в сопровождении Бозона вернулся в Италию. В Павии папа пытался восстановить ломбардов против Карломана и ради этой цели мог воспользоваться влиянием Энгельберги, которая теперь была уже тещей Бозона. Но графы и епископы Верхней Италии, руководимые Беренгаром Фриульским и Анспертом Миланским, не обнаружили склонности заменить Карломана авантюристом. Кроме того, ломбардские епископы, и главным образом гордый митрополит миланский, далеко еще не признавали верховной власти папы; с большой подозрительностью следили они за действиями папы в их стране и ставили ему всякие преграды. Таким образом, ничего не добившись, Иоанн VIII и Бозон покинули Павию; Бозон уехал в Прованс, а папа, обманутый в своих расчетах, вернулся в Рим. Читая письма этого папы, нельзя не удивляться его дипломатическому искусству. Умением создавать политические комбинации, которое можно найти только у немногих пап, он вполне обладал. В самых трудных обстоятельствах, какими не могли не быть раздробление империи и множество претендентов, этот папа не упускал из виду ни одной возможной комбинации. Он заключал и расторгал союзы немало не колеблясь. Опасаясь сарацин, надеясь вернуть утраченную Болгарию и рассчитывая вступить в договор с Византией, Иоанн VIII не постеснялся снова признать патриархом отлученного от церкви Фотия и превозносить его похвалами. Приговор ортодоксальных современников и потомства, которое осыпало Иоанна VIII проклятиями, не заботил его: мирские выгоды он ставил выше догматических тонкостей по поводу *filioque*. Весьма вероятно, что он последовал бы примеру некоторых нижнеитальянских городов и снова поставил бы Рим под номинальную власть Византии, если бы только это было еще возможно. Блестящая македонская династия, занявшая в 867 г. в лице Василия I греческий престол, была, конечно, прямой противоположностью жалким Каролингам. И если когда-либо было время, благоприятное тому, чтобы Италия снова подпала под византийское влияние, это было именно время правления Василия I. Но бедственное состояние, в котором нашел империю этот государь, а также болгары и сарацины исключали возможность выполнения такой задачи, а потому Василий I удовлетворялся тем, что высмеивал римских императоров в своих письмах, завладел Бари и пытался захватить в свои руки также Капую и Беневент. Падению же прославивших себя ге-

ройской защитой Сиракуз, взятых арабами 21 мая 878 г., Василий I не помешал, а сын его, так называемый Лев Философ, мог только в изнеженном стиле Анакреона оплакивать падение знаменитого города.

Вернувшись в Рим, в котором тогда все было спокойно, так как Ламберт, опасаясь Бозона, не появлялся в городе, Иоанн VIII решил добиться окончательной развязки дела. Он то готов был отказаться от своего приемного сына, то, не видя другого исхода, старался прельстить императорской короной Людовика немецкого, брата больного Карломана. Но, во всяком случае, Иоанн VIII исходил из той мысли, что император непременно должен быть его креатурой, и даже королевской короной Италии папа хотел распорядиться по своему выбору. Так действовал Николай I, и его систему Иоанн VIII смело проводил дальше. Иоанн решил созвать в мае в Риме собор и пригласил на этот собор архиепископа миланского. «Так как Карломан вследствие своей тяжелой болезни, — писал папа архиепископу, — не может оставаться королем, вам безусловно необходимо прибыть к назначенному времени, чтобы мы все сообща могли обсудить вопрос о новом короле. Без нашего согласия вам не следует никого признавать королем, так как сначала должен быть призван и избран нами тот, кого мы облечем императорской властью». Миланец, однако, пренебрег этим приглашением: он не приехал на собор и был отлучен папой от церкви.

Все эти бесконечные ходы папской дипломатии разрешились таким образом: между тремя братьями — Карломаном, Карлом и Людовиком — состоялось соглашение; Италия была уступлена среднему брату, и уже в 879 г. Карл Толстый вступил с войском в Ломбардию и принял в Павии корону Италии. Таким образом Иоанну ничего не оставалось, как только признать, хотя бы даже против своего желания, немецкого государя императором. Иоанн так и поступил, предпослав этому признанию длинные переговоры с Карлом и личное с ним свидание в Равенне; своего же приемного сына Бозона, объявившего себя в Арле королем Прованса, папа признал тираном. Карл имел основания рассчитывать на осуществление своих надежд. Голоса Италии и Рима были за него; опасная для него императрица Энгельберга была удалена им из монастыря в Брешии и отослана в Германию в начале 881 г.

Карл прибыл в Рим и здесь без борьбы и хлопот получил из рук папы императорскую корону. Но надежда Иоанна, что теперь состоится наконец поход против сарацин, все-таки не сбылась; император чувствовал ненависть к политическому непостоянству папы и не протянул ему руку помощи; сознавая свое бессилие, он предоставил Рим его собственной участи и даже не послал в город своих легатов, поступившись таким образом своими императорскими правами.

В последние годы свой жизни неутомимый Иоанн продолжал по-прежнему обращаться к императору все с новыми жалобами; он жаловался не только на сарацин, но и на своих врагов в Риме и Сполето, не перестававших теснить церковь. Правда, Ламберта, с которого папа, переменяв свою политику, снял отлучение, уже не было в живых; но Гвидо, преемник Ламберта в герцогстве, совершал не меньше насилий. Он завладел церковными имениями, и пленные папские поселенцы тщетно простирали к папе свои изуродованные руки, моля его о спасении. Иоанн заклинал императора прислать ему своих послов и водворить мир в Риме и герцогстве, но император оставался глух к этим просьбам. Таким образом неудачи преследовали папу повсюду, и на севере, и на юге, где смелые планы его оказывались также безуспешными. Неаполь, Амальфи и сарацины не переставали тревожить Иоанна каждую минуту, и только смерть положила конец его бедственному управлению. Он умер 15 декабря 882 г. Если заслуживает доверия единственное свидетельство одного летописца, Иоанну

сначала был дан яд одним из его родственников; когда же оказалось, что яд действует слишком медленно, Иоанну разбили голову молотом.

В ряду своих предшественников Иоанн VIII был последним выдающимся папой, так как с его смертью погас тот блеск, которого достигло папство как светское государство со времени основания его при Каролингах. Понимая так же высоко, как Николай I, значение папской власти, Иоанн VIII тем не менее отдавался всецело интересам светской власти и, увлекшись политической борьбой итальянских партий, унизил значение папства. Сначала он добивался подчинения папскому авторитету императорской власти; но, достигнув этого, Иоанн тотчас же почувствовал все невыгодные последствия ослабления этой власти. Затем, едва только императорская власть была принижена, как Иоанн стал уже помышлять о том, чтобы подчинить себе и королевскую власть в Италии. Намерения Иоанна VIII заключались вообще в том, чтобы на развалинах империи воздвигнуть престол Петра, а затем епископов и государей Италии обратить в вассалов единой римской теократии. Этим смелым замыслом, однако, не было суждено осуществиться: одолеть итальянский хаос было не под силу ни Иоанну VIII с его дипломатическим гением, ни какому-либо другому папе. Епископы Ломбардии, ленные герцоги, значение которых возросло с падением империи, государи Южной Италии, сарацины, германские короли и мятежная римская знать — таковы были те враги, с которыми папство должно было вести борьбу в одно и то же время; одержать верх над всеми этими враждебными началами было бы разрешением такой задачи, которая превращала духовные силы отдельного лица. Какой бы строгий приговор ни произносился Иоанну VIII как человеку, который поступал лукаво, пускался в интриги, искал оправдания в софизмах и не считал нужным считаться со своей совестью, нельзя также упускать из виду того, что Иоанн VIII был сын своего времени и действовал в эпоху самого безотрадного положения Италии. Своим же редким умом и своей неистощимой энергией Иоанн VIII настолько выделялся, что в истории светской власти пап его имя наряду с именами Николая I и Григория VII сияет царственным ореолом. В тот век, когда пастырские добродетели исчезли и все дело сводилось только к тому, чтобы с помощью искусных интриг среди тысячи враждующих между собой сил устоять на месте и сохранить власть, образ Иоанна VIII как светского правителя стоит высоко еще потому, что его преемники на папском престоле оказывались все более и более неспособными.

После Иоанна VIII папой был Марин I, заклятый враг Фотия, по делу которого Марин в качестве папского нунция ездил в Константинополь три раза. Обстоятельства избрания этого папы так же, как и его непродолжительное правление, мало известны. Из актов Марина видно, что он принадлежал к германской партии, враждебной Иоанну VIII; он не только поспешил снова осудить Фотия, но снял также с Формоза данную им клятву никогда более не появляться в Риме и вернул Формозу его епископство. С императором Марин имел дружеское свидание в Нонантуле, причем ему удалось одержать победу над самым злым врагом церкви, Гвидо Сполетским, который был обвинен в том, что, замышляя государственную измену, заключил союз с греческим императором. Карл Толстый низложил Гвидо и приказал графу Беренгару вступить в герцогство сполетское. Изгнанный оттуда Гвидо бежал в Южную Италию и обратился за помощью к сарацинам, а друзья его стали готовить восстание. Эти печальные события свидетельствуют, какая глубокая смута все более и более охватывала Италию.

В начале 884 г., когда Марин умер, на папский престол вступил Адриан III, римлянин с *via Lata* и сторонник национальной независимости Италии. Об избрании этого папы и о состоянии Рима в то время мы также ничего не знаем; отрывоч-

ные заметки летописцев дают лишь основания предполагать, что в городе тогда происходили возмущения знати. Приписываемые Адриану два декрета сомнительны, хотя появление их может быть до некоторой степени объяснено ослаблением в то время императорской власти, и сами декреты являются только дальнейшим развитием основоположений Николая I и лжеисидоровых декреталий. Утверждают именно, будто бы Адриан III установил, что при посвящении избранного папы императорские послы не должны присутствовать, и далее, что после Карла Толстого, не имевшего наследника, императорскую корону должен получить итальянский государь. Пассивность Карла, упадок династии Каролингов и смута, охватившая предоставленную самой себе Италию, без сомнения, были обстоятельствами, благоприятствовавшими надеждам итальянских герцогов, в особенности Беренгара и Гвидо, из которых последний уже в конце 884 г. был помилован императором в Павии и снова получил свое герцогство. В начале следующего года Карл Толстый вернулся в Германию, имея в виду созвать в Вормсе имперский сейм и установить порядок престолонаследия. Туда же был приглашен императором и папа. Поручив город заботам епископа Иоанна из Павии как императорского посла, Адриан покинул Рим, но на дороге, в вилле *Vilczasaga* или *S.-Cesario*, близ Модены, умер летом 855 г. и был погребен в знаменитом монастыре Нонантула.

Тогда римляне немедленно же приступили к избранию и посвящению преемника умершему. Это полное игнорирование права императора утверждать выборы, по-видимому, говорит в пользу того мнения, что соответственный декрет был действительно издан Адрианом III. Император, однако, был разгневан таким нарушением его прав; очевидно, следовательно, что он вовсе не отказывался от этих прав. Как только весть о посвящении Стефана достигла императора, он отправил в Рим канцлера Лиутварда и нескольких епископов, приказав им отрешить Стефана. Вскоре прибывшие папские легаты успокоили, однако, императора и документально доказали ему, что выборы нового папы произведены правильно. После этого император утвердил Стефана; таким образом римлянам все-таки удалось провести выборы совершенно независимо.

Стефан V, ранее кардинал *Quattro Coronati*, происходил из благородного римского рода; отец Стефана, Адриан, жил в *via Lata* — квартале, по-видимому, бывшем тогда по преимуществу аристократической частью города. Стефан был избран единогласно и затем отведен в Латеран в сопровождении того императорского посла, попечением которого предшественник Стефана поручил город, покидая его. Дворцовые казнохранилища Стефан нашел опустошенными. Уже с давнего времени существовал такой обычай, что по смерти папы слуги и народ врываются в покои папы и производили грабеж не только в этих покоях, но и в самом дворце, похищая все, что там было: золото, серебро, дорогие ткани и драгоценные камни. Это бесчинство порождалось той странной анархией, которая водворялась в Риме каждый раз, как умирал папа. Смерть верховного главы непременно вызывала в народе буйное ликование. Корабль Петра как бы терпел крушение, а имущество корабля оказывалось без хозяина и могло быть беспрепятственно расхищено. То же самое происходило повсюду, когда умирали епископы: в их дворцах производился грабеж. Княжеская роскошь, которой окружали себя епископы, противоречила, конечно, основам христианства. Епископы жили в роскошных покоях, блестяще украшенных золотом, пурпуром и бархатом, ели, подобно государям, с золотой посуды и угощались вином из богатых кубков и выделанных для этой цели рогов. Базилики стояли покрытые повсюду копотью, а пузатые обвае, сосуды для вина, сверкали своей разрисовкой. Как на пиру Тримолькиона, епископы тешили себя зрелищем красивых танцовщиц и услаждали свой слух музыкальными «симфониями». Покоясь вместе

со своими наложницами на шелковых подушках в кроватях, искусно отделанных золотом, они предоставляли заботиться о своем дворе вассалам, колонам и рабам и затем играли в кости, охотились и стреляли из лука. Служили они обедню со шпорами на ногах и с кинжалом у пояса, но охотно покидали и алтарь, и свою кафедру, чтобы сесть на коня с богато убранной золотом уздечкой, с саксонским седлом и ехать на соколиную охоту. Свои путешествия епископы совершали в сопровождении целой толпы прихвостней, сидя в повозках, запряженных лошадьми, и повозки эти были так роскошны, что сесть в них не постыдился бы сам король.

Вместе с епископами и римскими магнатами, его свидетелями, шел Стефан по опустошенным покоям вестария и был обрадован, когда вдруг нашел уцелевшим один знаменитый древний вклад. То был золотой крест, некогда принесенный в дар св. Петру великому Велизарием в память победы над готами. Казнохранилище, однако, было пусто. Согласно обычаю, папа должен был немедленно после своего посвящения наградить духовенство, монастыри и корпорации денежными подарками (*presbyteria*), а бедным раздать хлеб и мясо; между тем латеранские склады точно так же оказались разграбленными. Поэтому, чтобы оправдать общие ожидания, Стефану ничего не оставалось, как только обратиться к собственным средствам. Таким образом, со смертью папы в Риме наступало двойное ликование: и грабился дворец умершего папы, и получались подарки от нового папы.

Тем временем сарацины из своего лагеря у Гариально продолжали совершать набеги далеко в глубь Лациума и Этрурии. Стефан, подобно Иоанну VIII, молил императоров Востока и Запада о помощи, но нашел ее у Гвидо Сполетского. Окончательное прекращение дома Каролингов было близко; падение презираемого всеми провинциями императора было подготовлено, и Гвидо, ближайший к Риму государь, оказывался самым могущественным человеком для данного времени. Папа мог подать Гвидо надежду на императорскую корону и тем убедить его выступить против сарацин. Одержанная Гвидо победа при Лирисе дала Риму на некоторое время спокойствие. Затем, в ноябре 887 г., на императорском сейме в Трибуре Карл Толстый был низложен германскими народами, избравшими своим королем Арнульфа, мужественного сына Карломана. Когда же в январе 888 г. несчастный Карл умер, итальянцы оказались и без императора, и без короля, и честолюбивые герцоги вступили между собой в борьбу из-за короны Карла Великого.

Пресечение каролингской династии в Германии (во Франции этот несчастный род продолжался еще в лице Карла Простого, сына Людовика Косноязычного) привело к тому, что повсюду явились претенденты. С прекращением наследственной передачи королевской власти народы вновь вернули себе право избрания королей, или, вернее, троном стали овладевать могущественные епископы и бароны старой империи. Одон, граф парижский, объявил себя королем Франции; Прованс, или Арелат, стал королевством Бозона и его сына Людовика; граф Рудольф возложил на себя корону Бургундии; в Германии в королевскую мантию облачился незаконнорожденный Арнульф; наконец, в Италии только оружие могло решить, кому достанется корона лангобардов и империи, Беренгару или Гвидо II.

Этой истерзанной стране, в которой целыми роями нарождались тираны, теперь надлежало освободиться навсегда от чужеземного влияния, избавить себя от империи и образовать самой единое королевство. Такова была задача того времени; но необходимого для выполнения этой задачи сильного человека не было и не могло найтись. Если бы Николай I или Иоанн VIII еще жили, нет сомнения, они попытались бы создать итальянскую теократию, сделав ее центром Рим; но Стефан был немощен, а сила ставших независимыми бесчисленных вассалов была так подавляюща, что одержала бы вверх даже над энергией и смелостью Николая и Иоанна. В

ные заметки летописцев дают лишь основания предполагать, что в городе тогда происходили возмущения знати. Приписываемые Адриану два декрета сомнительны, хотя появление их может быть до некоторой степени объяснено ослаблением в то время императорской власти, и сами декреты являются только дальнейшим развитием основоположений Николая I и лжеисидоровых декреталий. Утверждают именно, будто бы Адриан III установил, что при посвящении избранного папы императорские послы не должны присутствовать, и далее, что после Карла Толстого, не имевшего наследника, императорскую корону должен получить итальянский государь. Пассивность Карла, упадок династии Каролингов и смута, охватившая предоставленную самой себе Италию, без сомнения, были обстоятельствами, благоприятствовавшими надеждам итальянских герцогов, в особенности Беренгара и Гвидо, из которых последний уже в конце 884 г. был помилован императором в Павии и снова получил свое герцогство. В начале следующего года Карл Толстый вернулся в Германию, имея в виду созвать в Вормсе имперский сейм и установить порядок престолонаследия. Туда же был приглашен императором и папа. Поручив город заботам епископа Иоанна из Павии как императорского посла, Адриан покинул Рим, но на дороге, в вилле *Vilczasaga* или *S.-Cesario*, близ Модены, умер летом 855 г. и был погребен в знаменитом монастыре Нонантула.

Тогда римляне немедленно же приступили к избранию и посвящению преемника умершему. Это полное игнорирование права императора утверждать выборы, по-видимому, говорит в пользу того мнения, что соответственный декрет был действительно издан Адрианом III. Император, однако, был разгневан таким нарушением его прав; очевидно, следовательно, что он вовсе не отказывался от этих прав. Как только весть о посвящении Стефана достигла императора, он отправил в Рим канцлера Лиутварда и нескольких епископов, приказав им отрешить Стефана. Вскоре прибывшие папские легаты успокоили, однако, императора и документально доказали ему, что выборы нового папы произведены правильно. После этого император утвердил Стефана; таким образом римлянам все-таки удалось провести выборы совершенно независимо.

Стефан V, ранее кардинал *Quattro Coronati*, происходил из благородного римского рода; отец Стефана, Адриан, жил в *via Lata* — квартале, по-видимому, бывшем тогда по преимуществу аристократической частью города. Стефан был избран единогласно и затем отведен в Латеран в сопровождении того императорского посла, попечением которого предшественник Стефана поручил город, покидая его. Дворцовые казнохранилища Стефан нашел опустошенными. Уже с давнего времени существовал такой обычай, что по смерти папы слуги и народ врываются в покои папы и производили грабеж не только в этих покоях, но и в самом дворце, похищая все, что там было: золото, серебро, дорогие ткани и драгоценные камни. Это бесчинство порождалось той странной анархией, которая водворялась в Риме каждый раз, как умирал папа. Смерть верховного главы непременно вызывала в народе буйное ликование. Корабль Петра как бы терпел крушение, а имущество корабля оказывалось без хозяина и могло быть беспрепятственно расхищено. То же самое происходило повсюду, когда умирали епископы: в их дворцах производился грабеж. Княжеская роскошь, которой окружали себя епископы, противоречила, конечно, основам христианства. Епископы жили в роскошных покоях, блестяще украшенных золотом, пурпуром и бархатом, ели, подобно государям, с золотой посуды и угощались вином из богатых кубков и выделанных для этой цели рогов. Базилики стояли покрытые повсюду копотью, а пузатые обвае, сосуды для вина, сверкали своей разрисовкой. Как на пиру Триполькиона, епископы тешили себя зрелищем красивых танцовщиц и услаждали свой слух музыкальными «симфониями». Покоясь вместе

со своими наложницами на шелковых подушках в кроватях, искусно отделанных золотом, они предоставляли заботиться о своем дворе вассалам, колонам и рабам и затем играли в кости, охотились и стреляли из лука. Служили они обедню со шпорами на ногах и с кинжалом у пояса, но охотно покидали и алтарь, и свою кафедру, чтобы сесть на коня с богато убранной золотом уздечкой, с саксонским седлом и ехать на соколиную охоту. Свои путешествия епископы совершали в сопровождении целой толпы прихвостней, сидя в повозках, запряженных лошадьми, и повозки эти были так роскошны, что сесть в них не постыдился бы сам король.

Вместе с епископами и римскими магнатами, его свидетелями, шел Стефан по опустошенным покоям вестария и был обрадован, когда вдруг нашел уцелевшим один знаменитый древний вклад. То был золотой крест, некогда принесенный в дар св. Петру великому Велizarием в память победы над готами. Казнохранилище, однако, было пусто. Согласно обычаю, папа должен был немедленно после своего посвящения наградить духовенство, монастыри и корпорации денежными подарками (*presbiteria*), а бедным раздать хлеб и мясо; между тем латеранские склады точно так же оказались разграбленными. Поэтому, чтобы оправдать общие ожидания, Стефану ничего не оставалось, как только обратиться к собственным средствам. Таким образом, со смертью папы в Риме наступало двойное ликование: и грабился дворец умершего папы, и получались подарки от нового папы.

Тем временем сарацины из своего лагеря у Гариально продолжали совершать набеги далеко в глубь Лациума и Этрурии. Стефан, подобно Иоанну VIII, молил императоров Востока и Запада о помощи, но нашел ее у Гвидо Сполетского. Окончательное прекращение дома Каролингов было близко; падение презираемого всеми провинциями императора было подготовлено, и Гвидо, ближайший к Риму государь, оказывался самым могущественным человеком для данного времени. Папа мог подать Гвидо надежду на императорскую корону и тем убедить его выступить против сарацин. Одержанная Гвидо победа при Лирисе дала Риму на некоторое время спокойствие. Затем, в ноябре 887 г., на императорском сейме в Трибуре Карл Толстый был низложен германскими народами, избравшими своим королем Арнульфа, мужественного сына Карломана. Когда же в январе 888 г. несчастный Карл умер, итальянцы оказались и без императора, и без короля, и честолюбивые герцоги вступили между собой в борьбу из-за короны Карла Великого.

Пресечение каролингской династии в Германии (во Франции этот несчастный род продолжался еще в лице Карла Простого, сына Людовика Косноязычного) привело к тому, что повсюду явились претенденты. С прекращением наследственной передачи королевской власти народы вновь вернули себе право избрания королей, или, вернее, троном стали овладевать могущественные епископы и бароны старой империи. Одон, граф парижский, объявил себя королем Франции; Прованс, или Арелат, стал королевством Бозона и его сына Людовика; граф Рудольф возложил на себя корону Бургундии; в Германии в королевскую мантию облачился незаконнорожденный Арнульф; наконец, в Италии только оружие могло решить, кому достанется корона лангобардов и империи, Беренгару или Гвидо II.

Этой истерзанной стране, в которой целыми роями нарождались тираны, теперь надлежало освободиться навсегда от чужеземного влияния, избавить себя от империи и образовать самой единое королевство. Такова была задача того времени; но необходимого для выполнения этой задачи сильного человека не было и не могло найтись. Если бы Николай I или Иоанн VIII еще жили, нет сомнения, они попытались бы создать итальянскую теократию, сделав ее центром Рим; но Стефан был немощен, а сила ставших независимыми бесчисленных вассалов была так подавляющею, что одержала бы вверх даже над энергией и смелостью Николая и Иоанна. В

действительности государей латинского происхождения, которые были бы воодушевлены национальным чувством и на которых можно было бы возлагать надежды, не существовало; могущественные герцоги того времени были германского происхождения. Таким образом, весь вопрос сводился собственно к тому, кто из двух самых значительных властителей Италии окажется настолько силен и счастлив, что обратит своих соперников и врагов в своих вассалов.

Фриульского маркграфа Беренгара выделяло его высокое происхождение, так как он был сын Гизелы, дочери Людовика Благочестивого, вышедшей замуж за графа Эбергарда. Но Гвидо владел сполетским и камеринским герцогствами; он воспользовался ужасным состоянием Южной Италии и приобрел здесь земли и вассалов; кроме того, Гвидо давали преимущество близость к Риму и вынужденная дружба с папой. Успехам Гвидо в Италии были помехой только его расчеты на Францию, где его, франка по происхождению, провозгласила королем партия, предводительствуемая могущественным родственником Гвидо, архиепископом Реймса Фульконом. Погнавшись за пустым призраком, Гвидо поспешил во Францию, а тем временем в начале 888 г. Беренгар спокойно короновался в Павии как король ломбардов. Вернувшись с именем короля Франции, которое не имело никакого действительного значения, Гвидо не замедлил вступить в ожесточенную борьбу с Беренгаром. После двух кровопролитных битв победа оказалась на стороне Гвидо, и в январе 889 г. он также получил в Павии королевскую корону Италии.

Тем не менее франкская империя сохранялась как традиция прошлого; Гвидо восстановил империю в старом смысле, оставаясь совершенно чуждым каким-либо национальным стремлениям. Национальное сознание было весьма слабо в ту эпоху в Италии. Были партии ломбардская, сполетская и тусцийская, и до некоторой степени эти партии могут быть названы национальными; но итальянской нации в политическом и социальном смысле не существовало, так как не было всего того, что создает нацию: общих интересов, языка, литературы и политического единства. Величайшая сила Италии, папская власть в Риме, как мировое начало была выше национальных интересов, а на севере и на юге полуострова епископами, герцогами и графами были франки и лангобарды, а кое-где даже греки. Короновался Гвидо у Св. Петра только 21 февраля 891 г. Таким образом, вассал каролингов смело назвался Августом, великим и дарующим мир императором, и стал помечать свои декреты по принятой форме временем *postconsulatus*. Через длинный ряд веков имперская власть была снова перенесена в Италию и оказалась в руках знатного лица, хотя и не латинского происхождения, но все-таки принадлежавшего этой стране. Удержится ли власть эта в Италии, удастся ли Гвидо положить начало новой императорской династии, — эти вопросы могли считаться самыми важными для того времени.

Возложив корону на голову своего приемного сына, Стефан мог сказать себе, что политика многих его предшественников была приведена им к благополучному концу. Императорская власть, ставшая стеснительной и для пап, и для римлян, и для итальянцев, превратилась в пустой призрак. Высокий сан, созданный могуществом и величием основанной Карлом империи, теперь украшал незначительную особу герцога, который владел только несколькими землями в Италии и получил от папы титул цезаря.

Стефан V умер в сентябре 891 г. В Риме не осталось никаких относящихся к этому папе памятников; выстроенная им заново церковь Апостолов не сохранила своего древнего вида. Эту церковь Стефан отличил потому, что пастырями в ней были члены его знатного рода; в непосредственном соседстве с этой церковью стоял и дворец отца Стефана.

ГЛАВА VII

1. **Формоз, папа, 891 г.** — **Партия Арнульфа и партия Гвидо.** — **Кандидат другой партии — Сергей.** — **Формоз призывает Арнульфа в Рим.** — **Арнульф в Италии.** — **Смерть Гвидо.** — **Ламберт, император.** — **Арнульф идет на Рим и берет его штурмом.** — **Коронавание Арнульфа в апреле 896 г.** — **Римляне присягают ему.** — **На обратном пути Арнульфа постигает несчастье.** — **Смерть Формоза в мае 896 г.**

Формоз, кардинал и епископ Порто, занял престол Петра в сентябре 891 г. По-видимому, он был родом римлянин. Нам уже известно прошлое этого честолюбивого человека. Отлученный от церкви Иоанном VI, он дал клятву никогда более не возвращаться ни в Рим, ни в свое епископство; затем Марин снял с него эту клятву и снова поставил его епископом Порто. Спокойно пережив здесь двух пап, Формоз был призван занять папский престол, будучи так же, как Марин, только епископом; такое перемещение из епископов в папы считалось в то время противным каноническим правилам. Нет сомнения, что Формоз добивался тиары, и, чтобы получить ее, он, по-видимому, дал некоторые обещания римской национальной итальянской партии и таким образом приобрел ее голоса.

Партия Формоза, однако, вскоре же сплотилась вокруг знамени Арнульфа германского и его любимца Беренгара; противная партия держалась сполетского знамени Гвидо, его сына Ламберта и Адальберта Тусцийского; такую именно группировку представляли тогда существовавшие раньше в Риме партии, германская и французская. Главой сполетской партии был диакон Сергей, выдающийся римлянин, соперник Формоза и его самый решительный противник.

Возлагая свои надежды почти с первых шагов на Арнульфа, Формоз тем не менее был вынужден положением дел признать императором Гвидо, который, вероятно, с согласия же Формоза и желая удержать сан императора за своим родом, объявил в 892 г. соимператором своего юного сына Ламберта. Его короновал в Равенне сам Формоз. Поступил он так, конечно, против своей воли, так как ни один папа не мог в действительности желать установления в Италии местной императорской династии. Счастье благоприятствовало Гвидо в сражениях, и разбитый им Беренгар просил помощи у Арнульфа; но просьбы эти, однако, оставались без внимания, хотя о том же просили Арнульфа и послы Формоза, положение которого сполетская партия в Риме и сам Гвидо вскоре сделали невыносимым. Гвидо не переставал нарушать границы церковного государства и захватывал патримонии св. Петра.

Борьба обеих партий в Риме грозила перейти в открытое столкновение; поэтому уже в 893 г. Формоз потребовал от Арнульфа, чтобы он перешел Альпы, и в начале следующего года король вступил в Италию. Преисполненные страха, Милан и Павия открыли Арнульфу ворота, и даже маркграфы тусцийские, Адальберт и его брат Бонифаций, признали себя вассалами германского короля. Но затем уже к Пасхе Арнульф вернулся в Германию, не продолжив своего победоносного похода через земли Гвидо до Рима, куда призывал Арнульфа папа.

В положении Рима не произошло существенных перемен и после внезапной смерти Гвидо. Этот император, или, как называют его германские летописцы, тиран Италии, умер от кровотечения близ реки Таро в Южной Италии в конце 894 г., и тогда-то, вероятно, Ламберт поспешил в Рим, чтобы быть утвержденным в своем императорском сане Формозом и торжественно короноваться. Ламберт был еще очень молод, имел привлекательную наружность и обладал рыцарским характером;

все надежды национальной итальянской партии сосредоточивались на этом юноше. Не поддерживаемый Германией, папа подчинился обстоятельствам и заявил о своей готовности оказывать юному императору отеческую поддержку, но в то же время снова отправил послов к Арнульфу и настойчиво приглашал его в Рим. Такое поведение Формоза, отдававшее сполетскую партию во власть Германии, не могло не возбудить к нему в этой партии самой глубокой ненависти. Осенью 895 г. Арнульф выступил из Баварии, решив устранить одинаково как Беренгара, так и Ламберта, затем окончательно завладеть королевством Италии и объявить себя императором. Этот поход Арнульфа был первым роковым походом на Рим германского короля. Перейдя По, Арнульф разделил свое войско на две части; швабов он направил через Болонью на Флоренцию, а франков повел сам на запад к Лукке. Услышав о враждебных замыслах Беренгара и Адалберта тусцийского, Арнульф ускорил свой марш и, отразив Рождество Христово в Лукке, направился к Риму. Юный Ламберт не пытался преградить путь Арнульфу и думал только о защите Сполето. Но отличавшаяся решительным характером мать Ламберта, Агильдруда, дочь Адельхиса Беневентского, прославившего себя взятием в плен императора Людовика, надеялась, что ей удастся не впустить врага в Рим. Между тем здесь уже произошло открытое возмущение; сполетская, или национальная, партия, предводительствуемая Сергием и магнатами, Константином и Стефаном, захватила папу; в город были впущены сполетинцы и тусцийцы, и ворота были заперты. В городе Льва, также запертом, были собраны вооруженные люди. Душой всех этих воинственных приготовлений была женщина.

Таким образом, Риму предстояло теперь в первый раз быть осажденным войском германского короля, «варварами» из Германии, точно так же, как и этим варварам приходилось в первый раз брать город и императорскую корону с помощью оружия.

В феврале Арнульф стал лагерем у ворот Св. Панкратия и потребовал, чтобы город сдался, но получил в ответ одни оскорбительные насмешки. Вначале германцы были в нерешительности, готовя силы к жаркому бою, но затем громкими криками стали требовать штурма города. Лестницы и положенные друг на друга седла дали возможность германцам взобраться на стены; некоторые ворота были изрублены топорами, а ворота Св. Панкратия пробиты тараном; вечером того же самого дня, в который начата была осада, германцы уже вступили в город Льва и освободили здесь папу из замка Св. Ангела, куда он был заключен своими врагами.

Свой штурм Арнульф не завершил, однако, немедленным вступлением в Рим с войском. Он решил последовать обычаю, которого держались императоры: совершить въезд в город с Неронова поля и быть торжественно принятым у Св. Петра. Духовенство, знать и цехи Рима (в числе которых германский летописец особенно отмечает греческий) вышли навстречу Арнульфу к Ponte Molle и отсюда проводили его в город Льва, где Арнульфа ожидал папа, стоя, по принятому исстари порядку, на ступенях базилики Св. Петра; затем Арнульф был отведен в базилику и провозглашен императором, а Ламберт был объявлен низвергнутым с престола. Коронавание это состоялось во второй половине февраля 896 г., но, в какой именно день, неизвестно. Таким образом императором стал германец, рожденный вне брака, и это оскорбление национальных чувств не могло быть прощено Формозу. Установив порядок во многом, что касалось города и императорской власти, Арнульф затем принял в базилике Св. Павла от римского народа присягу в верности. Эта присяга была такова: «Клянусь всеми божественными тайнами, что я, не преступая моего долга, закона и моей верности государю и папе Формо-

зу, пробуду всю мою жизнь верным императору Арнульф и никогда не вступлю ни с кем в союз, чтобы нарушить эту верность; что я никогда и ничем не буду помогать Ламберту, сыну Агильдруды, и ей самой достигнуть императорской власти, никакими средствами не буду предавать этого города Рима ни самому Ламберту, ни его матери Агильдруде, ни их людям».

Сполетская партия не оказала победителю никакого серьезного сопротивления; о мавзолее Адриана, обращенном вскоре после того в важное укрепление, не говорится ни слова, хотя не может быть сомнения, что Агильдрудой был помещен здесь гарнизон. Вдова императора Гвидо, как только Рим был взят, немедленно покинула город вместе со своими войсками и удалилась в свои владения, а римляне, действовавшие в союзе с Агильдрудой, поспешили сложить оружие. Таким образом гнев Арнульфа мог быть смягчен тем обстоятельством, что взятие Рима, на который Арнульф не имел никаких прав, стоило ему очень немногих усилий. Нам также ничего не известно ни о каких казнях, и только знатные римляне Константин и Стефан как государственные преступники были отправлены в изгнание в Баварию. Арнульф оставался в Риме всего лишь пятнадцать дней и, назначив наместником города своего вассала Фарольда, направился к Сполето, где готовилась к защите амазонка Агильдруда. Но на пути туда Арнульф был разбит параличом. Болезнь эта была, конечно, последствием не столько того яда, который будто бы послала королю его неприятельница, сколько отравы, которой он, не переставая отдаваться крайним излишествам, упивался в обществе своих веселых попутчиков. За блестящей победой последовало похожее на бегство отступление, и первый поход на Рим германского короля не оставил по себе никакого действительно результата.

В то же самое время смерть самого Формоза — от болезни или от яда — избавила его от тех опасностей, которыми грозили ему удаление его германского покровителя и внезапная перемена отношений между Ламбертом и Беренгаром, заключившими между собой договор. Формоз умер 4 апреля 896 г., прожив папой 4 года, 6 месяцев и 2 дня. Никакие памятники не напоминают нам этого замечательного папы, но город был обязан ему полной реставрацией базилики Св. Петра и ее мозаик, а также отделкой многих других церквей.

- 2. Беспорядки в Риме. — Бонифаций VI, папа. — Стефан VI, папа. — Собор с участием покойника; посмертный суд над Формозом. — Базилика Латерана обрушивается. — Обстоятельства, вызвавшие возмутительные надругательства над телом Формоза. — Pamфлет Ауксилия. — Инвектива на Рим. — Ужасная кончина папы Стефана VI**

Смерть Формоза была как бы сигналом к долгим смутам в Риме. Тусцийская и сполетская партии захватили в свои руки всю власть, и престол св. Петра стал какой-то добычей для знатных людей; не успевал взойти на престол один папа, как насильственная смерть уже похищала его, и за ним следовал другой, деля ту же участь. Папство, проникнутое при Николае и Адриане и затем еще при Иоанне VIII великими замыслами, теперь глубоко пало среди общей политической разнузданности. Церковным государством завладели тысячи грабителей, и даже духовная власть папы вскоре обратилась в один пустой звук. Рим окутался глубоким мраком, и среди него едва пробивается слабый свет летописей, освещающих ту эпоху. Перед нами бурным вихрем пронесаются ужасающие сцены, действующими лицами которых являются бароны, совершающие насилия и называющие себя консулами и сена-

торами; то грубые, то несчастные папы, принадлежащие к той же среде баронов; красивые, необузданные и развратные женщины и призрачные императоры, вступающие в борьбу и затем бесследно исчезающие.

Бонифаций VI был возведен римлянами на престол Петра насильственно и через 15 дней умер. Тогда сполетская, или национальная, партия объявила папой Стефана VI, сына римского пресвитера Иоанна. Этот новый папа сначала из страха признал императором Арнульфа, но немедленно изменил ему, когда Арнульф покинул Италию и Ламберт снова вступил в Павию. Разжигаемый врагами Формоза, к которым он сам принадлежал и находясь во власти приверженцев Ламберта, державших в своих руках Рим, Стефан, ослепленный партийной ненавистью, принявшей характер полного безумия, опозорил историю папства таким глубоко варварским поступком, какого еще никто никогда не видывал.

Решено было подвергнуть Формоза торжественному суду: умерший должен был явиться на суд собора лично. Это происходило в феврале или марте 897 г. Сам император Ламберт, во власти которого теперь был Рим, и мать Ламберта тогда только что прибыли в Рим. В собрание явились кардиналы, епископы и многие другие сановные лица из духовенства. Труп Формоза, вынутый из могилы, в которой он пролежал уже несколько месяцев, был облачен в папское одеяние и посажен на трон в зале собрания. Тогда поднялся адвокат папы Стефана и, обратившись к мертвецу, возле которого в качестве его защитника стоял дрожащий от страха диакон, прочел обвинение. Затем живой папа, охваченный безумной яростью, стал допрашивать мертвого: «Как смел ты поддаться своему честолюбию и завладеть апостольским престолом, тогда как раньше ты был только епископом Порто?» После этого защитник Формоза сказал свою речь, насколько, конечно, позволял ему говорить смертельный страх. В заключение покойный был изобличен и осужден; собор подписал декрет о низложении Формоза, объявил его отлученным от церкви и постановил, что посвящение должно быть снова совершено над всеми теми лицами, которые были посвящены Формозом.

Затем присутствовавшие сорвали папское одеяние с трупа, отрубили у него три пальца правой руки, которыми латиняне совершают благословение, выгнали труп из залы, поволокли его по улицам и при ликующем вопле сбежавшейся черни бросили тело в Тибр. Небесная молния, которая так часто совершала чудеса на благо папам, не поразила этого «ужасного собора», *Synodus horrenda*, и святые мученики не восстали в гнев из своих гробов; но случай, который иногда заступает на место провидения, сделал то, что именно в это время обрушилась ставшая уже ветхой базилика Латерана. И были люди, которые видели в этом разрушении церкви-матери предзнаменование падения самого папства.

Можно, конечно, успокаивать свое чувство, возмущенное дикой сценой этого собора с присутствующим на ней покойником, повторяя слова кардинала Барония, что церковь то же, что солнце, которое иногда также помрачается облаком, но затем светит еще ярче, но для историка, который не довольствуется сравнениями, этот собор является свидетельством нравственного состояния той эпохи. Он говорит нам, что папы, духовенство, знать и народ в Риме пребывали в таком варварстве, ужаснее которого ничего нельзя себе представить. Дикая ненависть отлученных Формозом от церкви римлян, а именно Сергия, Бенедикта и Марина (они были кардиналами-пресвитерами), Льва, Пасхалия и Иоанна (кардиналы-диаконы; они перечисляются на позднейшем соборе Иоанна IX), жажда мести, овладевшая национальной партией, когда изменивший этой партии папа короновал Арнульфа, первого германского императора, политическое положение Стефана, опасавшегося Ламберта и старавшегося задобрить его, — таковы были причины, которые приве-

ли к этому неслыханному надруганию. Участники гнусного процесса опирались на некоторые основания канонического права: они указывали на то, что Формоз был осужден уже раньше, что он нарушил клятву, хотя Марин I освободил его от нее, и, наконец, что Формоз был возведен в сан папы, будучи епископом. Постановлениями прежних соборов было воспрещено епископам переходить из одного города в другой; но другими декретами такой переход в случаях необходимости признавался дозволенным. Такое именно решение состоялось по отношению к Формозу на соборе Иоанна IX в 898 г., но вместе с тем было добавлено, что примеру этому как несогласному с каноническими правилами не должно следовать.

Формоз, однако, нашел себе защитников среди некоторых мужественных людей того времени. Прежде всего стали на его сторону рукоположенные им священники, протестовавшие против признания их сана недействительным. Затем Ауксий написал сочинение, в котором воздавал хвалу злополучному папе. Далее, какое-то другое лицо духовного звания, оставшееся неизвестным, написало пламенную инвективу, в которой возлагает ответственность за преступные деяния священников на весь город и напоминает, что последнему и в старину случалось предавать смерти своих благодетелей. Ромул и Рем, основатели Рима, пишет неизвестный автор, погибли один от руки брата, другой от меча на Квиринале во время возмущения; Петр был распят, Павел обезглавлен (автор, по всей справедливости, мог бы назвать их вторыми основателями Рима, и, возможно, что, упоминая о них, он имел это в виду), и таким же образом город излил свою ярость на Формоза, человека святого, праведного католика.

Злой рок постиг, однако, Стефана уже осенью того же 897 г. Поругание, совершенное над телом Формоза, возмутило друзей последнего и всех благомыслящих римлян; германская партия воспрянула духом и подняла народ. Преступный Стефан был схвачен, заключен в тюрьму и там удушен. Немного лет спустя апостольский престол занял Сергей, друг Стефана и злейший враг Формоза: он воздвиг Стефану памятник в базилике Св. Петра; надпись на памятнике, гласящая о низвержении и смерти Стефана, свидетельствует о том, что ненависть к Формозу и тогда все еще жила.

3. Роман, папа. — Феодор I, папа. — По смерти его Сергей пытается стать папой, но его изгоняют. — Иоанн XI, папа, 898. — Его декрет о посвящении пап. — Старания его усилить императорскую власть Ламберта. — Смерть Ламберта. — Беренгар, король Италии. — Венгры в Италии. — Людовик Прованский, претендент. — Смерть Иоанна IX в июле 900 г.

В сентябре или в октябре 897 г. место Стефана заступил Роман, человек неизвестного происхождения; спустя четыре месяца он умер. О преемнике Романа, Феодоре I, сообщается, что он был сын Фотия и в то же время римлянин; правление этого папы продолжалось всего двадцать дней. К числу его немногих деяний, которые могут быть поставлены ему в заслугу, относится торжественное погребение тела Формоза. Тело это было найдено рыбаками в Тибре; останки человека, не находившего покоя ни при жизни, ни по смерти, были отнесены в базилику Св. Петра, и набожные люди рассказывали, что лики святых в капелле, когда тело было внесено в нее, благоговейно склонились. Соборным решением Феодор также вернул сан тем духовным, которые были рукоположены Формозом. Таким образом, при Феодоре власть снова перешла к партии, против которой шел Стефан; правда, аристократы, принадлежавшие к другой партии, пыта-

лись после вскоре последовавшей смерти Феодора вернуть себе власть, но безуспешно. При содействии маркграфа Адальберта Тусцийского они уже тогда провозгласили папой могущественного кардинала Сергия; тем не менее партия Формоза взяла веру, и Сергий, изгнанный из города так же, как и его приверженцы, должен был опять бежать в Тусцию.

При обстоятельствах, оставшихся для нас неизвестными, весной или летом 897 г. был посвящен в папы Иоанн IX, бенедиктинец и кардинал-диакон. Он происходил из германского рода и был сыном Рампоальда из Тибура. Два года управления этого папы свидетельствуют о его сдержанности и уме. Глубокое молчание истории города за это время нарушается двумя соборами Иоанна, акты которых сохранились. Недолгое управление Романа и Феодора помешало им вернуть церкви чистоту, утраченную ею со времени ужасного собора Стефана.

Иоанн IX, рукоположенный Формозом, созвал собор в базилике Св. Петра. Епископы и пресвитеры, подписавшие постановления собора Стефана, были также приглашены; они стали утверждать, что подписывались только по принуждению, пали в ноги папе и молили о пощаде. Тогда им было объявлено прощение, но надругавшиеся над могилой сергианцы (они оставались в Тусции, готовые к бою, и выжидали только удобного случая напасть на Рим) были снова отлучены от церкви. Акты собора Стефана были преданы проклятию, и даже (читаем мы с изумлением) признано было необходимым на будущее время воспретить всякий суд над мертвым. Собор блестяще восстановил добрую память о Формозе, признал его избрание в папы законным и утвердил совершенные им рукоположения.

Десятым постановлением того же собора было определено, что посвящение вновь избранного папы отныне должно происходить всегда в присутствии императорских легатов. Кровавые распри, сопровождавшие избрание Иоанна и его предшественников, привели к необходимости признать это условие даже тогда, когда императорская власть стала одним призраком. С другой стороны, причиной такого решения были отчасти также дружественные отношения между Иоанном IX и Ламбертом. Положение Рима заставляло Иоанна искать поддержки в императорской власти, и он желал восстановления ее, предвидя, что без поддержки со стороны этой власти папство погибнет. И положение это должно было быть действительно ужасно, если Иоанн был вынужден издать подобный декрет. С удалением Арнульфа власть Ламберта в Италии никем не оспаривалась; не видя опасности в своем сопернике Беренгаре, Ламберт надеялся, что ему удастся спокойно достигнуть императорской власти. Иоанн прилагал все старания поддержать эти надежды; на том же соборе он признал Ламберта императором и предупредительно пояснил Ламберту и итальянцам, что помазание, совершенное Формозом над «варваром» Арнульфом, должно быть признано недействительным, так как оно было вынужденным. Взоры Иоанна уже не были обращены больше ни на Германию, где Арнульф боролся со смертью, ни на Францию, которая раздиралась смутой; в блестящем Ламберте Иоанн видел единственный залог мира и безопасности.

Иоанн и Ламберт имели свидание в том же 898 г. в Равенне, где Иоанн созвал собор из 74 епископов. Этот собор был важен, так как на нем было принято несколько постановлений, относившихся к императорской власти. В силу этих постановлений каждый римлянин получал право апеллировать к императору и искать у него правосудия; всякий, кто препятствовал римлянину пользоваться этим правом и тем наносил ущерб его имуществу, объявлялся подлежащим императорскому суду. Таким образом предстояло учредить императорский суд в защиту слабых от посягательств на них сильных, и есть основание предполагать, что император снова назна-

чил в Рим своего уполномоченного. Далее, был возобновлен договор с церковью, заключающий еще Гвидо. Было подтверждено, что церковные владения и Рим составляют государство и папе принадлежит в нем верховная власть. Ламберт обещал вернуть церкви незаконно отнятые у нее патримонии и защищать также папу против римлян, осужденных на изгнание. На том же самом соборе папа указывал, что провинции, которые ему пришлось на пути в Равенну видеть собственными глазами, совершенно разорены; он жаловался также, что мятежники не позволяют его людям рубить лес, необходимый для постройки обрушившейся латеранской базилики, и что доходы церкви истощены так, что нередко случается, что нечем уплатить жалование духовенству и служащим при дворе папы и не из чего подать милостыню бедным. Так низко и так быстро пало римское государство, тогда как всего только 40 лет тому назад папы еще расходовали миллионы из своих средств на возведение новых городов, называя их, как Помпей и Адриан, своим именем.

Мужественный Ламберт с полной искренностью заключил мир с Римом и восстановил в нем императорскую власть достойным образом. Столь же чистосердечно, хотя и по необходимости, старался и папа поддержать Ламберта в его императорском сане. Живое участие вызывают в нас усилия этих двух людей внести порядок в хаос, царивший в Италии, освободить ее от всякого иноземного вмешательства и впервые в границах ее создать независимую империю. Этот период покоя, которым наслаждалась тогда несчастная страна, казалось, нес в себе залог лучшего будущего, и юный император был преисполнен смелых надежд. Но несчастный случай нарушил этот прекрасный сон.

Из Равенны Ламберт направился к верховьям По в поля Маренго, или Маринка, покрытые в те времена лесами. Охотясь здесь, император упал с лошади и разбился, а с ним погибли и надежды Италии. Несчастный юноша с душой рыцаря и героя умер на полях, которые 900 лет спустя были прославлены великой битвой. Некоторыми лицами высказывалось тогда предположение, что Ламберт погиб от руки Гуго, мстившего за смерть своего отца, графа Магинфреда Миланского, которого Ламберт приказал казнить, но такое предположение было основано только на одних слухах.

Неожиданная смерть Ламберта изменила положение Италии. Беренгар тотчас же отправился из Вероны в Павию, чтобы овладеть ломбардским королевством. На некоторое время счастье улыбнулось Беренгару: часть знати признала его королем, а по смерти императора Арнульфа в ноябре 899 г. он уже мог не опасаться вооруженного вмешательства германцев. Тем не менее Беренгару, хотя он и обеспечил себя дружбой с Адальбертом Тусцийским и заключил договор с удрученной горем матерью Ламберта, не удалось достигнуть желанной цели. Гвидо и Ламберт очень скоро получили императорскую корону, но, похищенные смертью, также скоро утратили ее; между тем Беренгар, несмотря на долгие годы своих стараний, не мог добиться того, чтобы получить императорский сан. Для Беренгара в этом отношении оказались бесполезными даже такие благоприятные условия, как устранение Ламберта и Арнульфа и получение им самим королевства Италии. Это непонятное обстоятельство объясняется тем, что уже в 899 г. произошло первое вторжение венгров в Верхнюю Италию, и в том же самом году Людовик Прованский выступил претендентом на императорский престол.

Поднявшись со своих становищ в Паннонии, страшные орды мадяров воскресили в памяти людей время Аттилы; в августе 899 г. они проникли в Верхнюю Италию, производя повсюду опустошения, и 24 сентября под Брентой разбило войско храброго, но несчастного Беренгара. Последствия этого поражения тяжело отозвались на Италии. С той поры вероломная итальянская политика не прекраща-

лась: в страну, остававшуюся необъединенной, призывались то французы, то германцы, но всегда чужеземцы и завоеватели; таким образом Ломбардия стала тем великим историческим полем битвы, на котором до наших дней романские и германские народы боролись из-за обладания прекрасной Еленой новых времен. Стоявшие преградой для Беренгара на его пути к императорской короне друзья Ламберта, которых было немало также и в самом Риме, и враги Беренгара, среди которых выделялся Адальберт Тусцийский, возложили свои надежды на юного короля Прованса, сына Бозона и дочери Людовика II Ирменгарды. Внук знаменитого императора каролингской династии мог опереться на свои, по-видимому, законные права и рассчитывать на действительную поддержку графов и епископов, чувствовавших к каждому королю туземного происхождения только зависть. Людовик вступил в Италию в 900 г., когда путь к ней уже был открыт благодаря жестокому поражению, которое было нанесено Беренгару.

Был ли Людовик призван также Иоанном IX, остается неизвестным; дружественный прием, оказанный в Риме Людовику преемниками Иоанна IX, говорит все-таки за то, что Людовику легко удалось привлечь на свою сторону римлян, которые еще должны были помнить, что отец Людовика, Бозон, некогда дал приют Иоанну VIII и был этим папой выставлен как кандидат на королевский престол против Беренгара и Арнульфа. Пережить эти события Иоанну IX уже не пришлось; опечаленный разрушением своих надежд, он умер в июле 900 г., когда заканчивался век Карла Великого и наступал десятый век, в который среди тяжелых бедствий Рима создать Римскую империю предстояло германской национальности. Никаких памятников, которые были бы связаны с именем Иоанна IX, в городе не существует.

КНИГА ШЕСТАЯ

ИСТОРИЯ РИМА В ДЕСЯТОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

- 1. Бенедикт IV возлагает на Людовика Прованского императорскую корону в 901 г. — Знатнейшие римские оптиматы того времени. — Лев V и Христофор. — Сергей III становится папой. — Его буллы. — Он возобновляет Латеранскую базилику. — Афанасий III и Ландо**

В IX в. история самого города отодвигается на задний план историй пап и императоров; в X в. римляне выступают перед нами более отчетливо в своем собственном облике. С падением империи Каролингов и папской власти история средневекового сената или городской знати начинает приобретать уже самостоятельное значение.

В то время как на севере из-за обладания Италией вели борьбу два государя, Рим был охвачен смутой партийных раздоров. Императорская рука уже более не сдерживала этих раздоров; папы вступали на престол Петра среди бури волнений и очень быстро низвергались с престола. Бенедикт IV, римлянин, сын Маммола, достиг тиары в мае или июне 900 г. Его короткое правление ознаменовалось единственно только коронованием призванного итальянцами Людовика Прованского. Сын Бозона был коронован в Риме в начале 901 г.

Некоторые изданные Людовиком дипломы показывают, что он действительно пользовался своими императорскими правами. Сохранился именно римский *placitum* от 4 февраля 901 г., в котором поименованы знатнейшие лица в качестве императорских судей. Имена их были следующие: Стефан, Феофилакт, Григорий, Грациан, Адриан, Феодор, Лев, Кресцентий, Бенедикт, Иоанн и Анастасий. Они отмечены как городские судьи и, без сомнения, все носили титул консула и герцога. С этими лицами или их потомством мы еще встретимся; важно заметить, что среди этих имен нет ни одного германского.

Бенедикт IV, отличавшийся, по словам Флодоарда, кротостью и благочестием, умер летом 903 г.; на его место заступил Лев V из Ардеи. Через месяц Лев уже был низвергнут кардиналом Христофором, которого постигла, однако, такая же участь, так как спустя немного месяцев он был заключен Сергием в монастырь и здесь бесследно погиб. Таким образом, в течение восьми лет было избрано и низвергнуто восемь пап, и это ясно свидетельствует, до каких ужасных размеров достигла в Риме партийная борьба. Мало-помалу из этого хаоса стали выдвигаться то тот, то другой знатный римский род, и наконец одному из них удалось захватить власть в свои руки.

К этому роду несомненно принадлежал Сергей, сын Бенедикта. Появление Сергия отделило приближение той эпохи тирании знати, в которую Рим окончательно вступил в начале X в. Мы уже встречались с этим честолюбивым кардиналом как противником Иоанна IX. Находясь в изгнании с 899 г., Сергей в течение всех семи лет не переставал помышлять о папском троне, пока не получил возможность

занять его. Летопись гласит, что Сергей был призван на престол Петра по просьбе народа; тем не менее это могло произойти только после того, как противники Сергея были подавлены и враждебные ему кардиналы были прогнаны и перебиты. Возможно, что Сергей вернулся в Рим благодаря войскам могущественного Адальберта Тусцийского, но об этом нет достоверных сведений; влияние тусцийской партии с этого времени более уже не замечается, и так как Сергей оставался папой в течение семи лет, надо думать, что той партии, к которой он принадлежал и которая захватила в свои руки власть, удалось уничтожить все противные партии.

Сам Сергей укрепил свое положение тем, что передал более или менее управление городом своей партии. Главою этой, получившей господство, римской аристократической партии был тогда Феофилакт, всесильная жена которого, Феодора, была другом и покровительницей Сергея III.

Сан папы Сергей получил в январе 904 г. Немедленно он снова осудил Формоза и объявил все совершенные им рукоположения недействительными, а своим предшественникам, Льву и Христофору, предоставил погибать в заточении и, может быть, приказал даже убить их.

Семь лет изгнания, семь лет папства, поругание над телом Формоза и окровавленные тени свергнутых пап — все это на фоне совершенно таинственных для нас общественных условий Рима того времени, вот что мы знаем об этом человеке насилья, и нельзя не пожалеть, что та эпоха и поныне остается для нас неизвестной. Церковные историографы, и во главе их Бароний, предают проклятию память о Сергии III как о чудовище; его участие в процессе, возбужденном против Формоза, насильственное занятие им папского трона и его любовные отношения к римлянке Марозии, дочери Феодоры, о которых сообщает Лиутпранд, дали основание к такому приговору. Будь условия того времени нам известны, этот приговор, быть может, мы нашли бы слишком строгим, ввиду же того, что Сергей оставался папой целых семь лет в самые бурные времена, мы не можем не признать за ним, по крайней мере, хотя бы некоторой силы. Апостольских добродетелей мы, конечно, не будем искать в нем. Некоторые из грамот Сергея не лишены интереса; буллой 906 г. Сергей подарил много имений тусцийского патримония епископству *Silva Candida*, где почти все жители были перебиты сарацинами. Другой буллой передавались большие имения Евфимии, аббатисе монастыря *Coastus*, так как владения этого аббатства были также разорены неверными. Такой человек, как Сергей III, должен был, конечно, чувствовать необходимость в представительстве монахинь; поэтому во спасение своей души он заказал монахиням петь ежедневно по 100 раз «Господи помилуй!».

Если бы сохранились регесты того времени, мы узнали бы из них, что Сергей восстановил много римских церквей. Существуют документы, которые удостоверяют, что латеранская базилика была вновь отстроена Сергием. Происходившие в Риме раздоры не дали возможности Иоанну IX восстановить эту почитаемую базилику Константина. За все семь лет этого ужасного времени она лежала грудой развалин, и римляне не переставали рыться в них, разыскивая и похищая имевшиеся в ней ценные пожертвования. В это-то время и исчезли те произведения древнехристианского искусства, которые были принесены в дар базилике Константином и составляли, главным образом, славу Латерана. Точно так же был, по-видимому, украден и золотой крест Велизария. Между тем римский народ требовал восстановления своего самого священного храма. Если базилика Св. Петра со времени коронования Карла стала центральным местом сношений Рима по вопросам политическим и догматическим, так как соборы большей частью созывались также в этой церкви, то латеранская базилика была сокровищницей реликвий, вторым Иерусалимом, главой и матерью христианских церквей. Спокойствие, которым по-

льзовался город под тираническим управлением партии Сергия III, дало возможность последнему построить базилику. Таким образом этот великий «преступник» приобрел славу строителя, соорудившего здание, которое мало-помалу наполнилось историческими памятниками и простояло почти 400 лет, пока опять не было уничтожено, на этот раз — пожаром.

Сергий выстроил базилику совсем заново и одарил ее новыми пожертвованиями. По-видимому, фундамент древней церкви был сохранен и размеры ее были оставлены прежние; но был выстроен вновь еще портик из 10 колонн, и церковь была разделена на пять кораблей. Колонны, высеченные частью из гранита, частью из verde antico, были древнего происхождения. Абсида была украшена мозаикой и длинной надписью, в которой прославлялось сооружение папы; подобного же содержания стихи были начертаны и над главными дверями. Хотя базилика сохранила свое прежнее название «Salvator», но «патроном» ее надпись Сергия объявляла св. Иоанна (Крестителя), что было решено еще Константином. Таким образом, и эта главная церковь постепенно также утратила свое название по имени Спасителя, что для Рима составляет знаменательное явление. Теперь Латеран был снова восстановлен: воздвигнутый на месте, где не оставалось ничего, кроме одних развалин, этот храм должен был вызвать подъем благоговейного к нему отношения верующих, и после Сергия III в течение двух веков почти все папы завещали хоронить себя уже не в базилике Св. Петра, а в Латеране.

Постройка этой церкви является единственным историческим памятником того времени; все другие события остаются невыясненными. Несчастный Людовик назывался императором, но в действительности был им только по имени или одной тенью его, и уже в 905 г. мы более не встречаемся с ним в истории Италии. Беренгар напал на него в Вероне и, ослепив его, отправил на родину. Самому Беренгару препятствовали получить утраченную свое значение императорскую корону не столько законные права на нее ослепленного им Людовика, сколько царившая в стране смута, все продолжавшаяся борьба с венграми и римские аристократы, которые больше не желали иметь никакого императора. В 911 г. Сергий III умер. За ним следовал папа Анастасий II, римлянин. Управление этого папы, продолжавшееся более двух лет, так же как и управление в течение немного более 6 месяцев преемника Анастасия, Ландо, окутаны непроницаемым мраком. Ландо, сын лангобардского графа Раино, имевшего богатые поместья в Сабине, умер весной 914 г., и на престол Петра вступил замечательный человек, который сумел с редким искусством продержаться на этом престоле 14 лет.

2. Иоанн X. — Его прошлое. — Достижением тиары он обязан римлянке Феодоре. — Муж Феодоры, Феофилакт. — Римский консул и сенатор. — Авантюрист Альберик. — Его отношения к Марозии. — Феодора и Марозия

Сведения о прошлом Иоанна X не отличаются полной достоверностью; источником их служат рассказы ломбардца Лиутпранда; но этот писатель еще только родился в папство Иоанна и своим общим легкомысленным отношением мало внушает к себе доверия. По словам Лиутпранда, архиепископ равеннский часто посылал своего пресвитера Иоанна в Рим по делам церкви; здесь Иоанн стал любовником знатной римлянки Феодоры. Сделавшись вскоре затем епископом Болоньи, он будто бы по смерти архиепископа Равенны занял его место, а отсюда был призван Феодором в Рим и благодаря ей возведен в сан папы. По преданию, Иоанн родился в Castell Tossignano у Имолы, и нет сомнения, что он начал свою карьеру в Болоньи, где был возведен в диаконы епископом Петром. Затем благо-

даря насилию, как гласила молва, Иоанну удалось получить место самого епископа; когда же умер архиепископ Каило в Равенне, Иоанн как человек честолюбивый и ловкий сумел занять его место и пробыл здесь раньше, чем стать папой, не без славы для себя, девять лет. Вступление Иоанна как епископа на престол Петра противоречило постановлению собора Иоанна IX. Но не будучи согласно с каноническими правилами, оно ничуть не позорило самого Иоанна; что же касается того, будто бы он был любовником красивой женщины, что не доказано окончательно, то в этом отношении он не представлял исключения в ряду как своих предшественников, так и преемников. Партия господствовавших в Риме аристократов, к которой принадлежала Феодора, призвала Иоанна и, победив сопротивление духовенства и противной партии, возложила на Иоанна корону папы. Таким образом, мы знаем только то, что саном папы Иоанн был обязан могущественной женщине, но ближайшие обстоятельства, которыми сопровождалось его избрание, остаются для нас неизвестными.

Из какого рода происходила красивая и смелая римлянка Феодора, мы не знаем. Таинственный образ этой женщины, управлявшей городом, как свидетельствует Лиутпранд, единовластно и с энергией мужчины, встает перед нами из мрака того времени совершенно неожиданно, и это обстоятельство заставляет нас постараться выяснить, какие условия могли дать женщине возможность подняться из неизвестности на такую высоту. Мужем Феодоры был Теофилакт, папский вестарий, *magister militum*, консула и герцога; он принадлежал к высшей римской знати. В 901 г. мы с ним встретились в первый раз как с одним из римских судей при Людовике III.

Имя Теофилакта так же, как имя его жены Феодоры, часто встречалось повсюду в Италии, где греки еще сохраняли свою власть или раньше господствовали; поэтому, имея в виду одно это имя, мы еще не можем заключить, что предки Теофилакта были действительно греческого происхождения. Византийские имена стали обычным явлением в Риме уже столетия тому назад; в X веке мы находим эти имена во многих дипломах, и имена Доротей, Стефании, Анастасии, Феодоры встречаются так же часто, как имена Феодора, Анастасия, Димитрия, Сергия, Стефана и Константина. Но в X веке это явление в Риме было уже не только отголоском византийской эпохи, а, может быть, некоторым возрождением легитимных начал или модой, господствовавшей среди аристократии. Такими именами знать проявляла свой протест против германской имперской власти. Эти же имена служат вместе с тем и свидетельством тому, что национальное сознание римлян было тогда еще слабо; там, где встречаются латинские имена, мы находим имена не Сципиона, Цезаря и Мария, а имена святых, например, Бенедикта, Льва и Григория. Но когда власть над городом перешла в руки государя, происходившего из знати, он немедленно назвал своего собственного наследника именем первого римского императора — Октавианом.

В начале X в. Теофилакт приобретает большую власть. В 901 г. о нем упоминается еще вместе с другими знатными людьми и он ставится вторым в ряду их; в последнее же время правления Сергия III и при его слабых преемниках Теофилакт в отличие от других имеет уже титул «консула и сенатора римлян». Могущественным влиянием на папство и на город пользовалась наряду с Теофилактом и его жена Феодора. В 915 г. сын Теофилакта называется сыном не консула известного имени, а просто консула и, подобно брату папы, выделяется из числа всех других римлян.

Мы не можем привести фактических доказательств того, что римляне в ту эпоху ежегодно избирали консулов и ставили их во главе своего муниципалитета; но нель-

зя сомневаться в том, что со времени падения империи Каролингов в городе произошел внутренний переворот. Городское управление перешло в руки светских людей (*judices de militia*), а прелаты (*judices de clero*) были отодвинуты на второй план. Освободившись из-под ига императорской власти и принимая участие как соправительница во всех политических делах, аристократия принудила папу признать за ней более значительные вольности. Казалось, древний сенат теперь возрождался в лице городской знати; патрициат, это важное традиционное начало в существовании светского Рима, был снова возвращен так называемым консулам, которые стали могущественными и стремились к тому, чтобы получить этот сан и сделать его наследственным. «Консул римлян» избирался из среды знати как самый старший, утверждался папой и в качестве патриция ставился во главе судебных установлений и городского управления. Будучи *Consul Romanorum*, этот глава аристократов уже тогда назывался, кроме того, еще и *Senator Romanorum*. В таких именно условиях мы находим в то время Феофилакта, и уже одно это положение его объясняет могущество Феодоры, называвшей себя «*Senatrix*». Но вместе с тем она была также и душой той большой группы, которую составляла родственная между собою знать, а дочери ее, Марозия и Феодора, унаследовали от нее ее обольстительную прелесть и ее могущественное влияние. Еще о Сергии III шла молва, что Марозия дарила его своей любовью и родила ему ребенка, который впоследствии стал папой Иоанном XI; и эта же самая римлянка ввела в семью Феофилакта человека случайного происхождения и родила от него ребенка, ставшего первым светским государем Рима.

Этим новым человеком в городе был Альберик; раньше с таким чисто германским именем никто в Риме еще не выдвигался вперед. О предках Альберика, которые были несомненно лангобардского происхождения, нам ничего неизвестно; возможно, что они жили в герцогстве Сполетском или в Тусции, может быть, даже в Гортэ. Сам Альберик появляется в 889 г. в качестве вассала под знаменами Гвидо, затем покидает его и ищет счастья у Беренгара. Своей карьерой Альберик напоминает тех авантюристов позднейшей Италии, к которым принадлежал родоначальник семейства Сфорца в Милане: он делается маркграфом — вероятно, Камерино — и уже в 897 г. носит титул маркиза. Удалось ли ему завладеть также герцогством сполетским после того, как умер последний представитель царствовавшего здесь дома, неизвестно. Ни в какую другую эпоху смелый человек не мог с такой уверенностью надеяться на то, что ему удастся выдвинуться далеко вперед, как в это время, когда было положено начало итальянским партиям, вражда которых, подобно чуме, надолго охватила всю страну. Совершенно неожиданно Альберик стал одним из самых могущественных соседей Рима и вскоре же выступил в нем действующим лицом. Среди кровавых смут, которыми сопровождалось вступление Сергия III на престол Петра, имя Альберика еще не упоминается, но в интересы партии Феофилакта опасный авантюрист уже был вовлечен. Он вступил в любовную связь с Марозией и женился на ней. Надо думать, что все это происходило еще до 915 г., и, по-видимому, этот брачный союз был устроен или Сергием III, или Иоанном X, имевшими в виду обратиться таким путем опасного соседа в союзника.

С Феофилактом и затем Альбериком для Рима наступила новая эпоха; значение имели, впрочем, не столько они сами, сколько их жены, в сетях которых Рим оставался долгое время. С историей пап, в которую, как в монастырь или храм, должны были бы иметь доступ только святые жены, не вяжутся, конечно, образы коварных и распущенных женщин. И этому темному периоду в существовании Рима дана была грубая клычка, которую некоторые писатели, движимые мелким злорадомством, особенно подчеркивают; но и возмущенным католикам римская церковь того времени представлялась не больше, как «непотребным домом». Тот факт, что жен-

щины в течение некоторого времени распоряжались папской короной и имели власть над Римом, не может быть отрицаем, и он, конечно, позорит римлян того времени; но будет уместнее отнестись к этому факту с исторической точки зрения, чем рассматривать его через увеличительное стекло морального критерия. В течение целых пяти веков история города не дала нам ни одной выдающейся женщины; со времен Платидии и Евдоксии мы могли отметить светлые образы только Амалазунты, но и она не принадлежала Риму, да нескольких святых монахинь, подруг Иеронима, и сестру Бенедикта, влиявших на людей своим духовным содержанием. За все время VII, VIII и IX веков мы не встречаем ни одной римской женщины, личность которой могла бы внушить к себе хотя бы некоторый интерес, и это не должно казаться странным, так как Рим тогда был исключительно церковным городом. Когда же в начале X века на сцену неожиданно выступили некоторые знатные женщины, отличавшиеся своей красотой, властным влиянием и необычной судьбой, то это уже свидетельствовало, что общественные условия подверглись некоторым изменениям. Эти перемены заключались именно в том, что церковные начала являлись уже утратившими свою силу, а преобладающее значение оказывалось на стороне светского общества. Возвращаться к тому положению, которое занимали женщины при лицемерном дворе Каролингов, нет надобности: история похождения Вальдрады еще стоит перед нашими глазами. Этот век обнаружил глубокое нравственное падение общества. Вслед за блестящей победой, которую Николай I одержал во имя нравственного христианского принципа над животной страстью короля, государи и епископы отдались еще большему разврату. Ту же самую разнузданность мы находим в Риме и в патримониях, среди повсюду народившихся богатых магнатов духовного и светского звания. При условиях такого общественного разложения и появились те женщины, о которых идет речь, вовсе не будучи исключением; так как мы в это же время видим и других красивых и властных женщин во главе итальянских партий. Облагораживающий блеск классического образования, которое мы находим у Лукреции Борджиа, дочери одного из позднейших пап, не был чужд Феодоре и Марозии X века, которые, вероятно, не умели ни читать, ни писать; только принимая это во внимание, мы можем решить, чем были в действительности эти женщины, принадлежавшие времени глубоко варварских нравов. И мы едва ли найдем здесь больше безнравственности, чем в эпоху Екатерины в России и маркизы Помпадур во Франции, отличавшихся утонченным образованием. В Феодоре и Марозии, действовавших в тесном кругу римского общества, мы напрасно будем искать новых Мессалин; это были честолюбивые женщины с сильным умом и большой энергией, добивавшиеся власти и искавшие наслаждения. Представляя собой странное явление в истории папства, эти женщины лишь время от времени нарушают ее монастырскую монотонность.

3. Сарацины производят страшные опустошения. — Разрушение Фарфы. — Субиако. — Сарацинские разбойничьи земли в Кампании. — Иоанн X предлагает Беренгару императорскую корону. — Беренгар вступает в Рим и коронуется в начале декабря 915 г.

Иоанн X вступил на престол Петра весной 914 г. Получив сан папы по милости Феодоры и консула Феофилакта, Иоанн X тем не менее не оказался просто услужливым царедворцем, а проявил независимый и сильный характер, благодаря которому превзошел своей славой Иоанна VIII и стал первым государственным человеком своего времени.

Именно в это время гарильянские сарадины стали снова наводить на Рим трепет. Безуспешно боролись с ними Атенольф Беневентский, Ландульф Капуанский и Гваммар Салернский; страшные разбойники не переставали разорять и опустошать Кампанию, Сабину и Тусцию. На этот раз для бедствий этих провинций уже не нашлось красноречивого свидетеля, каким было раньше Иоанн VIII; тем не менее указания и жалобы на разорение римских земель мы встречаем и в грамотах Сергия III. Благодаря стенам, предусмотрительно восстановленным заботливостью прежних пап, сам Рим был в безопасности; но все то, что окружало город, представляло собою одно только пожарище, и в дипломах того времени нередко упоминаются покинутые церкви (*in desertis posita* или *destructa*), даже в непосредственном соседстве с Римом. Богатые аббатства Сабинны подвергались грабежу по нескольку раз. После ломбардской Нонантулы императорский монастырь Фарфа был в то время самым красивым в Италии. Великолепную главную церковь Пресвятой Девы Марии окружали еще пять других базилик; императорский дворец и множество жилых помещений окружали монастырь. Повсюду возвышались колоннады (*arcus deambulatorii*), служившие монахам для прогулок, а само аббатство, как укрепленный город, было обнесено стеной с башнями. Читая в драгоценном пергаментном списке регест Фарфы, хранящийся в ватиканской библиотеке, перечень имений, замков, церквей и вилл, которыми владел этот монастырь в Сабине, в мархии Фермо и в римской области, — перечень, занимающий шесть страниц, каждая в лист убористого письма, — можно подумать, что дело идет о владениях какого-нибудь могущественного государства. Чтобы справиться со всеми этими доменами, нужно было бы иметь целую армию служащих; но необходимость в этом устранялась тем, что имения сдавались в аренду вассалам, крупным и мелким баронам Средней Италии. Совершать свои набеги на Фарфу арабские орды начали с половины IX века, а в 890 г. напали на аббатство с особенно большими силами. В течение целых семи лет аббат Петр мужественно защищал монастырь, но затем должен был признать, что для аббатства нет спасения. Сокровища монастыря были отправлены в Рим, Фермо и Риети; драгоценный киворий главного алтаря был разрушен, а колонны из оникса зарыты в землю; исполнив все это, Петр покинул аббатство. Плененные красотой зданий аббатства сарадины решили пощадить их и обратили Фарфу в свое пристанище; но хозяйничавшие тут же христианские разбойники подожгли аббатство, и с той поры в течение 30 лет оно представляло одну груду развалин.

Еще раньше погибло Субиано, на которое было совершено нападение арабами уже в 840 г. Вскоре затем восстановленное аббатом Петром I, оно снова было взято арабами. В этот раз была опустошена вся горная местность Аниена на протяжении его от ущелья Иенне и Треви до Тиволи, где река переходит в римскую Кампанию. Следы, напоминающие сарадин, еще поныне сохраняются в этой местности, заселенной некогда легендарным народом до римской эпохи. Позади Тиволи, на одной из горных скал, возвышается замок Сарадинеско, обитатели которого до сих пор отличаются и своим древним одеянием, и своими особыми нравами. Свое название замок получил от арабов IX века, сделавших из этого замка укрепленное место. По другую сторону тех же гор, среди величественной и дикой природы Сабинны, стоит Цицилиано; этот замок во времена Иоанна X был также укрепленным местом сарадин. И вот, когда направлявшиеся в Рим с севера путешественники спускались с Альп, им преграждали дальнейший путь испанские мавры, с 891 г. прочно основавшиеся в *Ferius* или *Fraxinetum*; когда же этим путешественникам удавалось откупиться здесь, они, следуя по дорогам из Нарни, Риети и Непи, попадали в руки сарадин. Таким образом уже ни один пилигрим не мог более попасть в Рим, сохранив свои приношения, и такое положение дел продолжалось в течение 30 лет. Центральная власть более уже

не действовала в этих провинциях, и каждый город в них, каждый замок, каждое аббатство были предоставлены своим собственным силам.

В этом ужасном положении страна нашла наконец своего защитника в лице Иоанна X, явившегося освободителем Италии. У неверных не было другого, более серьезного врага, чем папа, для которого спасти Рим значило спасти самую церковь. Иоанн помнил, что некогда была императорская власть и как победоносно сражались с сарацинами итальянцы, объединенные Людовиком II. Видя глубокий упадок политического строя, Иоанн понимал, что с окончательным падением этого строя Рим также погибнет или станет добычей какого-нибудь счастливого и смелого государя. И так же, как Иоанн IX, Иоанн X решил восстановить императорскую власть. Пребывавший в Провансе слепой Людовик еще носил имя императора, но это имя уже не имело никакого значения для Италии. Верхняя Италия была покорна кроткому скипетру Беренгара, и на нем, как некогда на Ламберте, были сосредоточены надежды национальной партии. Папа объявил себя сторонником этой партии; обеспечив таким образом успех своего замысла, папа решил возложить корону на Беренгара и при его помощи создать независимое итальянское государство.

Получив приглашение папы через послов, Беренгар направился в Рим в ноябре. Торжественная встреча, оказанная Беренгару, свидетельствует, что папе удалось склонить римлян в пользу своего избранника и что преобладающее влияние принадлежало итальянской партии. Неизвестный придворный поэт описал как очевидец торжественный въезд и коронавание государя; это стихотворение, написанное звучным гекзаметром и стыдливо украшенное цветами поэзии Вергилия и Стация, является одиноким произведением поникшей итальянской музыки того времени и напоминает нам о въезде в Рим Гонория, некогда воспетом Клавдианом. По примеру своих предшественников Беренгар, проезжая мимо Monte Mario, проследовал через Нероново поле; римская знать или сенат и городские нищие приветствовали Беренгара обычными кличками; упомянутый выше поэт отмечает, что копия, которыми была вооружена милиция, были украшены изображениями диких животных, как то: орлов, львов, волков и голов драконов. Присутствовали при встрече также корпорации (*scholae*); из чувства почтения к классической древности поэт отличает греков, вкладывая им в уста «хвалебный Дедалов гимн», все же другие цехи у поэта приветствуют Беренгара каждая на своем родном языке. Отмечены также явившиеся заявить свою преданность двое знатных молодых людей, одетых в белые одежды; то были Петр, брат папы, и сын консула Феофилакта. Здесь поставлены рядом папа и римский консул; первый выслаал навстречу королю своего брата, второй — своего сына; таким образом папа и консул представляли как бы две власти, и наряду с папством стояла аристократия как городская власть.

Короля, ехавшего на папском иноходце, Иоанн ожидал на лестнице Св. Петра, сидя здесь на клиофедре — складном стуле. Собравшаяся толпа была так велика, что Беренгар мог лишь с трудом приблизиться к папе. После того как король пригнул быть защитником церкви и всех ее прав, двери базилики были открыты, в исповедальне было совершено обычное моление и затем король был отведен в латеранский дворец. Коронавание с должным торжеством состоялось в первых числах декабря 915 г. Папский чтец прочел манифест нового императора, подтверждавший владения римской церкви. В заключение торжества императором были сделаны подарки базилике Св. Петра, духовенству, знати и народу.

Таким образом, с нарушением прав слепого Людовика III императорская корона была в третий раз возложена на государя, хотя и германского происхождения, но принадлежавшего Италии. В стране опять появилась надежда на независимость, единство и внутренний порядок, и папа ждал от нового императора деятельной энергии.

4. Поход против сарацин. — Борьба в Сабине и Кампаньи. —

Договор Иоанна X с южноитальянскими государями. — Уничтожение сарацин при Гарильяно в августе 916 г. — Возвращение папы и Альберика в Рим. — Положение Альберика. — Падение Беренгара. — Последствия этого в Риме. — Неизвестная кончина Альберика

Последствием коронования Беренгара был блестящий поход, немедленно принятый против сарацин. Пробужденное национальное чувство настолько воодушевило и объединило итальянцев, что они стали стекаться массами под знамя этого знаменитого крестового похода. Правда, сам император не стал во главе войска; неотложные дела потребовали присутствия Беренгара в Верхней Италии, и он направился туда после того, как между ним, южноитальянскими государями и византийцами состоялось соглашение действовать сообща против сарацин. Но в распоряжение папы были предоставлены войска из Тосканы, находившейся под властью маркграфа Адальберта, и отряды из Сполето и из Камерино, оба, предводительствуемые Альбериком. Таким образом, великая лига организовалась успешно; между государями Южной Италии царил единодушие, и даже византийский император, подавив свой гнев, протянул руку помощи императору римлян. Юный Константин построил флот и отдал его под командование полководца Николая Пицингли. Большая часть Калабрии и Апулии снова принадлежала грекам, называвшим эти провинции Ломбардией, и византийскому правительству было желательно вступить в Нижнюю Италию с оружием в руках. Весной 916 г. Пицингли привез герцогами Гаэты и Неаполя все еще оставшееся лестным звание патриция, убедил этих бывших друзей сарацин вступить в лигу и расположил свой флот при устье Гарильяно; южноитальянское сухопутное войско заняло позицию со стороны моря, у подножия укрепления сарацин. С материка придвигались войска, которые вел сам Иоанн X. С неутомимой энергией собрал он милицию в Риме, в Лациуме, в римской Тусции, в Сабине и во всех областях, принадлежавших церкви, и соединил ее с теми войсками, которые были присланы ему из Тосканы и Сполето. Начальниками этого соединенного войска были сенатор Теофилакт и Альберик. Ими сарацины были вытеснены из Сабиньи, и здесь, как и в латинской Кампаньи, произошла первая битва. Лангобарды из Риети под начальством Агипранда напали на врага у Треви, а милиция из Сутри и Неппи вступила с ним в бой при Баккано; побежденные магометане принуждены были отступить к Гарильяно, куда, вероятно, их уже призывали их теснимые братья. По-видимому, Иоанн одержал победу при Тиволи и Риковаро, так как существует предание о такой победе. В Террачине Иоанн соединился с государями Нижней Италии; с ними был заключен формальный договор, так как они требовали вознаграждения за присоединение свое к лиге. Папа должен был отказаться от некоторых прав церкви на Южную Кампанью; герцог Гаэты, Иоанн, получил, кроме патримоний в Траэтто, еще герцогство Фунди. Обе эти местности с давних времен принадлежали римской церкви и управлялись ею через посредство чиновников светского звания, называвшихся графами или консулами и герцогами. Но уже Иоанн VIII ввиду тех же соображений, какими руководился теперь Иоанн X, уступил эти земли в 872 г. Доцибилису и герцогу Гаэты Иоанну, и теперь папа Иоанн X должен был утвердить этот дар. Акт соглашения был совершен при Гарильяно в лагере союзников. Римские знатные люди, занимавшие в войске пост папских военачальников, подписали со своей стороны соответствующий диплом, и в нем перечислены их имена; первым назван Теофилакт, сенатор римский, затем следуют: герцоги Грациан, Григорий и Аустоальд (германец), примицерий Сергей, секундицерий Стефан, Сергей из Евфемии, Адриан — «отец государя — папы Стефана (VI)», примицерий дефензоров Стефан, аркарий Стефан,

сакелларий Феофилакт. По приглашению папы договор был засвидетельствован подписью еще 17 других знатных людей, но они не названы по имени; точно так же подписан был договор государями и полководцами, составлявшими лигу: Николаем (Пицингли), полководцем греческой Лангобардии, Григорием, консулом Неаполя, Ландульфом, императорским патрицием и герцогом Капуи, Атенольфом Беневентским, Гваямаром, государем салернским, и Иоанном и Доцибилисом, «знаменитыи» герцогами и консулами Гаэты.

В июне 916 г. началась осада. В течение двух месяцев защищались сарацины; затем, потеряв надежду на освобождение из Сицилии, они ночью подожгли свой лагерь и бросились прокладывать себе дорогу в горы, но были или убиты, или взяты в плен; такая же участь постигла и тех, которым удалось пробраться в горы. Так исчезло это разбойничье гнездо при Гарильяно, более 30 лет наводившее ужас на Италию. Разорение его является таким же национальным подвигом итальянцев в X веке, каким была в IX веке победа при Остии.

Как триумфатор после Пунической войны вернулся Иоанн X в Рим. Летописцы умалчивают о благодарственных празднествах города и о въезде в Рим победителя, перед которым в его триумфальном шествии, вероятно, шли пленные сарацины; но мы можем представить себе, как Иоанн X, имея возле себя маркграфа Альберика и во главе герцогов и римских консулов, вступал при кликах народа в город через одни из южных ворот. Альберик, приветствованный городом с особым отличием, должен был получить награду. По всей вероятности, папа наградил его не только именами, но и саном римского консула. Еще ранее Марозия, дочь сенатора Феофилакта, была выдана замуж за Альберика; после же победы при Гарильяно он должен был занять влиятельное положение в Риме. Тем не менее мы ничего не знаем о действиях Альберика, и за целый ряд лет ничто не напоминает о его существовании. Исчезает со сцены также и сенатор Феофилакт. Известно, что сын Альберика родился в фамильном дворце на Авентине; здесь и мог иметь свое пребывание маркграф и консул. Пока власть Беренгара держалась крепко и Рим под твердым управлением дружественного Беренгару папы пользовался спокойствием, Альберик не мог иметь случая пустить в ход какие-нибудь свои честолюбивые планы, скорее в течение нескольких лет он был опорой для папы.

Но затем неожиданная революция изменила состояние Италии. Беспокойные магнаты Тусции и Ломбардии, и во главе их маркграф иврейский, хотя и женатый на Гизеле, дочери Беренгара, подняли оружие против императора. Эти мелкие тираны не видели надобности считаться с национальным единством Италии, а вернее — не имели о нем никакого представления и знали только свои личные интересы. Тираны эти были как бы под гнетом какого-то давнего проклятия, которое заставляло их добиваться свержения одного властителя при помощи другого, и теперь они опять призвали в свою страну чужестранца. Таким образом государи и епископы Италии сами, без всякой необходимости, снова разрушали надежды на национальную независимость и продавали свою родину чужеземной власти. Такой губительной политики, какой была итальянская политика в течение целого ряда столетий, мы не найдем в истории ни у одного народа. Нельзя не признать, что разъединению Италии содействовали папы; но в этом разъединении были виноваты не всегда они, и не только они одни. Относясь беспристрастно к вопросу, мы скорее должны признать, что в течение долгого времени папство было в Италии единственной политической властью и что без него страна испытала бы еще более глубокие бедствия.

Таким образом ни в чем неповинный Иоанн X увидел, что созданный им порядок рухнет. Призванный в Италию король цизальпинской Бургундии Рудольф спустился с Альп, чтобы принять предложенную ему корону. Мы не будем излагать борьбу Бе-

ренгара с ним и с итальянскими мятежниками; упомянем только, что несчастный император вынужден был также изменить своей стране и, приведенный в отчаяние, призвал на помощь себе страшных венгров. В этот раз и была сожжена венграми Павия, древняя столица ломбардского государства, красота которой, по словам Лиутпранда, была так велика, что превосходила даже всемирно известную красоту Рима. Император Беренгар, твердость и доброта которого восхваляются летописцами, но о делах которого история говорит мало, пал в том же 924 г. в Вероне от руки убийцы. Это был третий и последний национальный император в Италии, так как от смерти Карла Толстого до Беренгара были два императора: Гвидо и Ламберт. С той поры имперская власть была навсегда утрачена итальянским народом — по его собственному бессилию и собственной вине. Правда, состояние и других стран в это время было ужасно. Епископ Геривей Реймский на соборе в Троле (Trosie) в 909 г. находил людей того времени похожими на морских рыб, которые глотают одна другую; но вследствие разрозненности Италии ее бедствия были так велики, что превосходили бедствия всякого другого народа. Терзаемая партиями и тиранами, большими и малыми, духовными и светскими, Италия не могла завоевать себе независимость. В это же время перестал существовать и сан римского императора, и только по прошествии 37 лет он был восстановлен, но императорская корона была возложена снова на чуждого Италии саксонского героя, предавшего ее в наследие королям германской национальности. В Италии наступил хаос полной анархии. Города повсюду пылали в огне, и на их пепелищах бесчеловечные венгры совершали свои вакханалии; жители спасались бегством в пустыни; короли, вассалы и епископы вели борьбу из-за окровавленного и обращенного в лоскутья знамени власти; а во главе всего этого хаоса стояли, напоминая собою фурий, красивые веселящиеся женщины. Хроники того времени и ближайшего последующего, — настолько беспорядочные, что они представляют для исследователя совершенный лабиринт, — умалчивают об Альберике. Если природа вещей такова, что человек, стремящийся занять более высокое общественное положение, пользуется каждым подходящим для этого случаем, то мы можем предполагать, что побуждаемый своей честолюбивой женой, Марозией, Альберик добивался патрициата в Риме, как бы ставшего вакантным со смертью императора. Судя по сообщениям позднейших летописцев, надо думать, что Альберик разошелся с папой, подчинил себе войско и деспотически распоряжался в городе, пока, наконец, умному папе не удалось с помощью римлян изгнать не-римлянина. Тогда Альберик удалился в Горту, которая, вероятно, была центром его владений и, укрепившись здесь, искал помощи у венгров; но возмущенной всем этим римской милиции удалось овладеть Альбериком в его собственном замке, где он и был убит. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что толпы венгров предавали тогда опустошенную римскую Кампанию и что они с той поры не раз появлялись перед воротами Рима.

Конец карьеры Альберика окутан таинственным туманом; но имя, честолюбие, храбрость и ум Альберика унаследовал его более счастливый сын, у которого Рим уже немного лет спустя был в полном подчинении.

5. Изгнание Рудольфа Бургундского. — Интриги женщин в пользу возвышения Гуго. — Иоанн X заключает с ним договор. — Марозия выходит замуж за Гвидо Тусцийского. — Трудное положение Иоанна X. — Изгнание его брата Петра. — Революция в Риме. — Убийство Петра. — Падение и смерть Иоанна X

Рудольф Бургундский мог удержать за собой корону в течение только трех лет. Могущественная противная партия свергла его; главой этой партии была Ирменгарда, вторая жена и затем вдова Адальберта Иврейского. Чтобы разобраться в

этих запутанных обстоятельствах, имевших также влияние на судьбу Рима, мы должны упомянуть о целом ряде лиц и их родственных между собой отношениях. Пленительная красота знаменитой Вальдрады перешла на ее потомство, и пламя демонической страсти, горевшее еще сильнее в детях и внуках этой женщины, охватило Италию. Незаконная дочь Вальдрады, Берта, была выдана замуж за графа прованского Теобальда; от этого брака родился Гуго. Будучи вдовой, Берта пленила Адальберта II, богатого маркграфа тусцийского, и, выйдя за него замуж, имела от него трех детей: Гвидо, Ламберта и Ирменгарду. Располагая в Тоскане могущественной властью и передав ее в наследство своим тусцийским детям, Берта в то же время прилагала старания к тому, чтобы добиться короны Италии для своего любимого сына от первого брака, графа прованского, Гуго. В 925 г. смерть положила конец этим стараниям Берты, но Гвидо, Ламберт и Ирменгарда продолжали добиваться осуществления замысла матери. Ирменгарда, только что овдовевшая со смертью маркграфа иврейского, своей красотой и интригами умела привлечь к себе ломбардскую знать. Если хроники того времени, отчасти романтические, правдивы, то надо думать, что Ирменгарда своей чарующей красотой не уступала ни греческой Елене, ни египетской Клеопатре; епископы, графы и короли покорно склонялись к ее ногам. Успев завлечь в свои сети самого Рудольфа Бургундского, новая Цирцея сняла с его головы ломбардскую корону, чтобы возложить ее на своего сводного брата Гуго. Это возбудило презрение к Рудольфу в ломбардской знати; наиболее уважаемый в Верхней Италии миланский архиепископ, которому Рудольф изменил, не оказал ему поддержки; ломбардские сановные люди со своей стороны призвали в Италию Гуго.

Со всеми этими планами совпадали и интересы папы. Он был очень стеснен в Риме партией Марозии, унаследовавшей богатство, приверженцев и могущество своих уже умерших родителей. Решив еще раз чьей-нибудь сильной рукой смирить партии и думая снова восстановить императорскую власть, Иоанн X вместе с ломбардцами сосредоточил свои надежды на Гуго Прованском. Отправленные папой послы нашли Гуго уже в Пизе. В 926 г. в Павии Гуго был провозглашен королем Италии, отсюда он направился в Мантую, где встретился с папой и заключил с ним договор. Условием получения императорской короны было, вероятно, освобождение папы от его врагов в Риме. Но Иоанн обманулся в результатах своей поездки и своих переговоров: власть Марозии была в это время более сильна, чем когда-либо. Как только вдова Альберика узнала, что Гуго предстоит сделаться королем Италии, она решила искать опоры в его могущественном сводном брате, маркграфе тусцийском Гвидо, и предложила ему свою руку. Гвидо не пренебрег богатой римской *senatrix*, вместе с которой в его руки могла перейти и власть над городом. Таким образом партия Феофилакта, теперь уже Марозии, действовавшая при Беренгаре в национальных интересах, перешла на сторону тосканцев, более всего содействовавших возвышению государей Прованса.

По возвращении в Рим несчастный папа мог стать только жертвой своих врагов. Тем не менее он сумел продержаться еще два бурных года под мечом противников, и это служит наилучшим доказательством ума и энергии этого папы. Его опорой, вооруженной рукой был его брат Петр, о котором, как мы видели, особо упоминается при коронации Беренгара. По-видимому, Иоанн поставил Петра во главе городского управления и возвел его в консулы по смерти Альберика. Вероятно, под предводительством Петра римляне восстали против Альберика, победили его и овладели Гортой. Летописец сорацкский называет Петра даже маркграфом, и, если только тут нет смешения с Альбериком, возможно, что Петру удалось получить сан Альберика и овладеть его землями. В скудных хрониках

говорится ясно, что Петр был преградой для партии, которая стремилась низвергнуть Иоанна, возвести на престол св. Петра свою креатуру и таким образом взять в свои руки власть над Римом. Гвидо и Марозия, стремившиеся к патрициату, далеко еще не были властителями Рима. Лишь после того, как были скрытно собраны войска в городе, было произведено нападение на Латеран. Если верить летописцу, Петр сначала был изгнан в Горту. Призвав венгров, он вернулся с ними в Рим и опять появился у брата в Латеране. Тогда на глазах у папы народ изрубил Петра, а наемники Гвидо схватили самого Иоанна и по приказанию Марозии заключили его в замок Св. Ангела. Римский народ, приведенный в отчаяние опустошениями, которым подвергли страну венгры, призванные сначала Альбериком и затем также Петром, чего, быть может, в действительности он не сделал, был рад каждой перемене правления, каждому падению папы и поддержал революцию. Этот переворот, — к сожалению, остающийся не выясненным, — произошел в июне или июле 928 г., а в следующем году Иоанн X, находившийся в темнице, умер или от голода, или был задушен.

Так неза заслуженно окончилась судьба человека, стремившегося к благополучию Рима; нельзя также не чувствовать удивления к этой судьбе, так как начало и конец деятельности Иоанна X как папы связаны с вмешательством в нее двух женщин, матери и дочери: Феодоры, через которую Иоанн получил папскую корону, и Марозии, которая его лишила и этой короны, и жизни. Условия, которым обязан был своим возвышением Иоанн, и близкое участие, которое принимали в его карьере названные женщины, составившие себе дурную славу, послужили многим историкам церкви и более других Баронию основанием предать проклятию память этого папы; а между тем личность Иоанна X, — греховность которого утверждается только молвой, а выдающиеся способности имели действительное историческое значение, — выступает из мрака того времени как один из таких образов между папами, которые наиболее заслуживают сохранения о них памяти.

Церковно-исторические акты воздают честь деятельности Иоанна X и его отношению ко всем христианским странам и прославляют его как одного из реформаторов монашества, так как строгий устав Клонийского ордена был утвержден Иоанном. Его попытка внести через Беренгара в Италию порядок заслуживала похвалы, а слава, которой покрыл себя этот папа, освободив великой лигой свою отчину от сарацин, останется за его именем навсегда.

В Риме не существует ни одного памятника Иоанну. Имеются указания, что он окончил сооружение латеранской базилики и украсил дворец картинами. Можно предполагать, что в недолгие годы спокойствия, следовавшие за победой при Гариально, Иоанн употребил взятые в добычу у сарацин сокровища на завершение того, что было сделано Сергием в латеранской базилике.

ГЛАВА II

1. Лев VI и Стефан VII. — Сын Марозии под именем Иоанна XI вступает на папский престол. — Король Гуго. — Марозия предлагает ему свою руку и власть над Римом. — Бракосочетание Марозии с Гуго. — Замок Св. Ангела. — Революция в Риме. — Юный Альберик становится властителем Рима

За Иоанном X следовали два незначительных папы; нет сомнения, что оба они были креатурами Марозии, которая стала теперь всемогущей, но еще не решалась возвести на папский престол своего собственного сына ввиду его слыш-

ком юного возраста. Лев VI, сын примицерия Христофора, оставался папой лишь несколько месяцев, когда насильственно удаленный предшественник его еще томился в темнице. Льва VI сменил на папском престоле Стефан VII, также римлянин. Несмотря на то что он оставался папой в течение более чем двух лет, до февраля или марта 931 г., остается совершенно неизвестным, чем ознаменовалось его пребывание в сане папы. И вообще понтификат этих двух пап оказался в таком полном забвении, что более молодой современник их Лиутпранд совершенно не упоминает о них и от Иоанна X переходит прямо к Иоанну XI. Со вступлением же на престол Петра этого папы власть Марозии стала уже неограниченной.

Иоанн XI был сыном этой так обесславившей себя римлянки, которая приказывала титуловать ее именем *senatrix* и даже *patricia*, так как она действительной была и светской властительницей города, и сама назначала пап. Отцом Иоанна XI считался Сергей III, но это не вполне достоверно. Наступило время, когда и церковь, и Рим были тиранизированы женщиной. В ту пору второй муж Марозии, Гвидо Тусцийский, возведенный, конечно, римлянами в сан патриция, уже умер, а его маркграфство перешло к его брату Ламберту. Едва овдовев, Марозия решила вступить в третий брак и свои все более и более смелые помыслы остановила на Гуго, короле Италии. Как человек молодой, могущественный и честолюбивый Ламберт был опасным соперником для Гуго, и потому последний поспешил устранить его с своей дороги и принял предложенную ему руку патриции Рима.

Вероломный, корыстный и чувственный интриган, отважный и не знающий совести, готовый ради того, чтобы расширить свое итальянское королевство, прибегнуть к самым бесчестным средствам, Гуго был истинным представителем своего времени. Во Франции, как и в Италии, и государство, и церковь были в глубочайшем упадке, но Германии эта романская язва коснулась лишь слегка. Как хранившая в себе этическое и правовое начала, эта страна была призвана восстановить церковь и вместе с ней империю Карла. Но для такого восстановления время тогда еще не пришло, и Италии еще предстояло дойти до полного распада. Если бы мы имели возможность выйти из пределов истории Рима, мы указали бы, как Гуго распродал епископства и аббатства Италии, водворяя всюду своих бесчестных любимцев, как он давал волю всякому вожделению и всюду душил чувство справедливости. Епископ Лиутпранд, пленивший Гуго благозвучием своего голоса, был пажем при дворе этого короля в Павии и здесь приобрел склонность относиться к вещам легко и поверхностно, что отчасти и чувствуется в его произведениях. Как позднее Маккиавелли превознес Цезаря Борджиа, так и Лиутпранд воздал хвалу тирану Гуго. Признательность, политические соображения и воспоминания о молодых годах, проведенных при дворе Гуго, повлияли на суждения Лиутпранда; он восхваляет Гуго как человека умного, смелого и щедрого, преданного духовенству и наукам и не задумываясь называет его даже философом. Нет сомнения, что государь этот обладал выдающимися способностями; его распущенность была облечена в рыцарские формы. Вступая часто в общение со святыми людьми, как, например, с Одоном Клунийским, Гуго в то же время был самым бесстыдным сластолюбцем своего времени. И эту чувственную распущенность не мог не порицать даже сам Лиутпранд, который видел в женщинах только наложниц и восторгался остроумием народа, прозавшего любовниц Гуго именами языческих богинь: Пезолу — Венерой, Розу — Юноной и красавицу римлянку Стефанию — Семелой. В епископе, не знавшем голоса совести, преступления Гуго не искоренили окончательно

но любви к правдивости, и он сообщает, что Гуго, решив вступить в брак с Марозией, не остановился перед тем, чтобы предать бесчестию свою собственную мать. Каноническими законами брак между свойственниками воспрещался как кровосмешение; Марозия же была женой Гвидо, сводного брата Гуго. Сначала Гуго публично объявил, что трое детей его матери Берты были не ее детьми, а подкидышами; но Ламберт по обычаю своего времени вступил в поединок и, выйдя из него победителем, тем доказал свое законное происхождение. Тогда Гуго заманил своего сводного брата к себе, велел ослепить его и заключил в тюрьму, а маркграфство тосканское передал брату своему Бозону (от того же отца). Затем, получив свободу со смертью своей жены Альды, Гуго направился в Рим для совершения брака с Марозией.

Честолюбивая Марозия не задумывалась ни над какими религиозными соображениями, так как ей не грозило отлучение от церкви со стороны папы, которым был ее собственный сын. Вскоре после смерти Гвидо она отправила к Гуго послов, предлагая ему свою руку и обладание Римом, в котором светская власть уже не принадлежала папе. Сама Марозия должна была видеть, что власть ее в городе не обеспечена. При поддержке мужчин, своих вассалов или поклонников, она как женщина могла временно иметь значение, но в то же время должна была опасаться, что римляне рано или поздно сбросят с себя это постыдное иго. Ее безмерному честолюбию льстила мысль сменить титул *senatrix* и *patricia* на сан королевы, и в своих мечтах она шла дальше, видя себя в блеске императорского пурпура: ее сын, Иоанн XI, не посмел бы отказать в императорской короне королю Италии, который вскоре должен был стать его отчимом. Наступившие теперь события внесли в историю Рима новый характер: они впервые привели к той тирании, которая существовала в древности в греческих городах и в позднейшее время Средних веков в городах Италии.

Вступая в Рим в марте 932 г., Гуго последовал примеру своих предшественников или, может быть, подчинился законам города: войска были размещены лагерем вне города, за стенами. Сам Гуго въехал в Рим в сопровождении лишь свиты рыцарей, окруженный духовенством и знатью, встречавшими его с королевскими почестями. Торжество бракосочетания происходило в древнем мавзолее; в нем были устроены свадебный зал и брачная спальня. Это был мавзолей императора Адриана, представлявший тогда укрепленный замок города; порфиновый саркофаг с телом императора в то время еще стоял в склепе. Нет в мире здания, история которого была бы полна таких превратностей и так трагична, как история замка Св. Ангела, и эта история продолжается еще на протяжении целого ряда столетий, правда, уже не столь мрачной эпохи. В нашем изложении истории города со времен Гонория мы часто говорили о мавзолее Адриана и в последний раз упомянули о нем, говоря о видении Григория I, которому представился архангел, стоявший над этим мавзолеем. Еще в VIII веке в воспоминание этого видения на вершине замка была сооружена церковь архистратигу Михаилу, названная по ее положению *S.-Angeli usque ad coelos*. Почитание архистратига в то время было уже сильно распространено, и церковь его имени в начале названного столетия существовала также в Авранше. В эпоху Марозии первоначальное назначение замка Св. Ангела было почти забыто; затем в течение столетий замок служил крепостью и был самым укрепленным местом в городе. И замечательно, что Лиутпранд, видевший лично мавзолей Адриана, называет замок просто крепостью, не упоминая имени Адриана. Точно так же не называет Лиутпранд замок домом Теодориха — именем, под которым мавзолей упоминается у современного Лиутпранда Франкского летописца. Казалось бы, Лиутпранду следовало при изложении

событий того времени описать замок, как это сделал Прокопий, говоря о штурме готов; но старина была уже забыта людьми и только вот что мог сказать Лиутпранд: «При входе в город стоит укрепление изумительной красоты и крепости; перед воротами его через Тибр перекинут великолепный мост, по которому проходят, с дозволения крепостной стражи, направляющиеся в Рим и выходящие из него. Сама крепость, умалчивая обо всем другом (об этом умолчании и нельзя не пожалеть!), настолько высока, что построенная наверху ее церковь в честь архистратига Михаила называется церковью Св. Ангела в небесах». Таким образом, мавзолей должен был выглядеть еще великолепным сооружением и сохранять в большей части свою мраморную облицовку. Нет сомнения, что в нем еще существовали надписи, посвященные погребенным в нем императорам, — надписи, которые были скопированы эйнзидельским монахом; но едва ли время сколько-нибудь пощадило украшавшие мавзолей статуи и колоннады, так же как и те статуи, которые некогда стояли на мосту Адриана.

Гуго был введен в замок Св. Ангела, и здесь состоялось бракосочетание, которое совершал, вероятно, родной сын Марозии, папа Иоанн XI. Летописцы умалчивают о празднествах, которыми сопровождалась эта удивительная свадьба, и точно так же не упоминают ни единым словом о приготовлениях к возведению Гуго в сан императора. Не может быть сомнения, что для этого уже все было готово, но неожиданный переворот в Риме сделал невозможным коронование Гуго в императоры. Имея в своих руках замок и будучи уверен в своем близком и полном торжестве, Гуго вошел в роль надменного властителя: он стал обходиться презрительно с знатными римскими людьми и смертельно оскорбил своего юного пасынка Альберика, относившегося враждебно к браку своей матери, который являлся преградой на его собственном пути. Коварный Гуго уже решил при удобном случае отделаться от юного Альберика, и последний опасался этого. Принужденный матерью исполнять службу пажа при отчине, юноша однажды с упрямой неловкостью стал лить воду на руки короля, пожелавшего их вымыть, и получил от него удар в лицо. Тогда, пылая мщением, Альберик выбежал из замка, созвал римлян и воодушевил их речью, в которой объяснил им, какому невероятному позору подвергают они себя, повинувшись женщине и позволяя властвовать над собой бургундцам, грубым варварам, бывшим некогда римскими рабами. В своей речи он взывал к памяти о древнем величии Рима, и эти воспоминания, здесь столь же бессмертные, как и памятники прошлого, воспламенили римлян, подобно тому, как позднее их воспламеняли те же воспоминания при Кресцентии, Арнальдо, Кола ди Риенцо, Стефано Поркари и при республиканцах 1798 и 1848 гг. Давно готовые к возмущению, римляне пришли в неистовство. Повсюду раздался набатный звон; народ схватился за оружие и, закрыв городские ворота, чтобы преградить доступ в город войскам Гуго, бросился брать приступом замок Св. Ангела, где находились Гуго и Марозия. Не надеясь выдержать осаду, король решился бежать. Ночью, как беглый галерный раб, он спустился по веревке через стену города Льва, затем счастливым, что избежал смерти, поспешил в лагерь своих войск и отступил с ними, покрытый позором, в Ломбардию, потеряв таким образом честь, свою жену и императорскую корону.

Так неожиданно закончилось пышное торжество Марозии в Риме. Город был теперь свободен и ликовал. Одним приемом римлянам удалось освободиться и от короля, и от императора, и от светской власти папы и добиться для города независимости. Альберик был провозглашен римским государем, и первым его делом было заключить свою мать в тюрьму, а брата, папу Иоанна XI, отдать под стражу в Латеране.

2. Характер переворота в Риме. — Альберик. — *Principes* и *Senator omnium romanorum*. — Значение этого титула. — Сенат. — *Senatrices*. — Основания власти Альберика. — Аристократия. — Римские горожане. — Городская милиция. — Юстиция при Альберике

Совершившийся в Риме переворот был вполне чужд тем древнеримским идеям, с развитием которых мы позднее встретимся в истории города. Основы этого переворота были аристократические, и Рим стал республикой знатных. С той поры как папы присвоили себе светскую власть, римская родовая знать не переставала вести с ними борьбу и вела ее все с большим и большим успехом. Сильная рука первых Каролингов держала римскую аристократию в подчинении, но с падением императорской власти поле борьбы было открыто для этой аристократии. С конца IX века знатные римляне становятся господами городского управления: власть делается их достоянием при Феодоре и окончательно переходит к ним при Марозии. Революция 932 г. устранила незаконную власть женщины, опиравшейся на могущество рода, из которого она происходила, и на своих мужей, которые не были римлянами; но вместе с тем наследника этой же именно женщины революция сделала главой города, узаконила власть этого главы выборами и дала ему титул государя. Светская власть была отнята у папы, принадлежавшего к той же фамилии, как и его брат-государь, и передана последнему; таким образом, эта революция была столько же семейная, сколько и государственная. Изгнанием Гуго римляне как бы объявляли, что отныне они не признают своим властителем чужестранца — ни короля, ни императора — и что правящая над ними власть должна быть национальной. Это была замечательная попытка Рима достигнуть политической независимости; столица мира сразу вступала в ряд небольших итальянских герцогств, какими были Венеция, Неаполь и Беневент; в пределах дарованных церкви владений, составлявших церковное государство, Рим становился свободным светским государством, а папе представлялась одна духовная власть, как это и было раньше.

Новому главе не было присвоено звание римского консула или патриция, как, впрочем, его называли по привычке его современники. Сан патриция в эту эпоху обозначал всю светскую и судебную власть в Риме, но был связан с представлением о наместничестве, соответствуя тому, чем некогда был сан экзарха, и таким образом удостоверял собой существование стоявшей над ним верховной власти. Теперь было нежелательно признавать такую верховную власть, и потому Альберику был дан титул: *Principes atque omnium Romanorum senator*, а подпись Альберика на актах, соответственно стилю того времени, гласила так: «Мы, Альберик, милостию Божией смиренный государь и сенатор всех римлян». Из этих двух санов — *principes* и *senator* — для Рима был новым только первый. Он имел политическое значение и служил удостоверением заявленной независимости города и самостоятельности образованного им государства. Этот же титул — *principes* — присвоил себе Арихис Беневентский, когда после падения Павии объявил себя независимым государем. Так как королевство было различаемо от папства, то под понятием «*principes*» подразумевалась светская власть в противоположность духовной, которая сохранялась за папой, и этот титул ставился гораздо выше титула *senator*, что видно из дипломов и хроник, в которых никогда не упоминается второй титул; его также нет на римских монетах Альберика. Муниципальный сан «сенатора римлян» был введен уже Феофилактом, но только теперь, вероятно, прибавкой слова «всех» значение его было повышено, и Альберик был таким образом признан главой знати и народа.

В VIII веке мы не могли найти никаких следов деятельности римского сената; при Каролингах его существование точно так же ничем не обнаруживалось; тем не менее у историков IX и X веков и в документах этих столетий название сената вообще встречается очень часто. С той поры, как была восстановлена Римская империя, когда явились снова титулы императора и августа и опять стало отмечаться даже постконсульство императоров, воспоминания о старине вновь приобрели всю живость, и если уже знатым франкам льстило называть себя сенатором, то тем с большим нетерпением желала вернуть себе титул сенатора римская знать. Слово «сенат» было настолько употребительно, что мы встречаем его даже в актах одного собора, на котором было постановлено, что папа избирается всем духовенством по предложению сената и народа. Но мнения тех историков, которые на основании такого употребления древнего наименования полагают, что сенат продолжал существовать и в X веке, не выдерживают критики. Сенат не мог существовать без сенаторов, т. е. отдельных сочленов, которым было бы присвоено такое отличительное наименование; мы, однако, находим в бесчисленных актах той эпохи, так же как и в актах предшествовавшего времени, подписи римлян как консулов и герцогов (*dux*), но не находим ни одной такой, в которой римлянин был бы назван «сенатором». Представление о сенате неизменно остается только собирательным, и говорится о сенате вообще и о благородных сенаторах, т. е. о знатных людях города. Феофилакт был первым римлянином со времени исчезновения древнего сената, называвшим себя сенатором римляни, а прибавка к этому слова «всех» свидетельствует, что ни о каком организованном сенате не могло быть и речи. Точно так же мы не можем допустить, что титул сенатора, принятый Альбериком, был равнозначен титулу «*senior*» или «синьор»; мы думаем, что титул сенатора в этом случае определял гражданскую власть Альберика. Возложив на него пожизненное консульство, римляне отметили более широкие полномочия Альберика в пределах новой римской республики саном «сенатора всех римлян». Не следует также упускать из виду того обстоятельства, что и в позднейшее время в Риме нередко был только один сенатор. Кроме того, этот титул оказывается наследственным только в семье Альберика, но ни в какой другой, так как и женщинам его семьи — его тетке, младшей сестре Марозии, Феодоре и ее дочерям, Марозии и Стефании, — также был присвоен полный титул: *senatrices omnium romanorum*. Весьма замечательно таким образом, что женщины в Риме назывались *senatrices*, тогда как в то же самое время ни один римлянин не имел сана сенатора, за исключением Альберика и затем его потомка Григория Тускуланского.

Власть Альберика опиралась прежде всего на аристократию, но обеспечена была более всего могуществом его собственной семьи. Заслуги отца Альберика не были забыты; но человек этот впоследствии стал врагом Рима, по своему же происхождению был ему чужд. Поэтому и юный государь никогда не называется сыном Альберика Старшего, а отмечен везде как сын Марозии, которая в течение известного времени была главой рода, впоследствии прозванного тускуланским, и свою власть Альберик наследовал в действительности от матери. Семья Марозии (историческая роль самой Марозии была закончена, и дальнейшая ее судьба остается неизвестной) состояла в родстве со многими другими семьями в городе и в принадлежавшей ему области. Альберик, сильный своими богатыми владениями, вассалами и обладанием замка Св. Ангела, привлек на свою сторону знатных людей Рима одинаковым для них, как и для него, преимуществом независимости. Знати были предоставлены высшие административные посты, и, вероятно, она была одарена также церковными именьями. Возможно, что был точно определен круг лиц, которые принадлежали к знати и имели право принимать участие в общественных делах.

Однако мы не располагаем точными сведениями об установлениях Альберика. Ничто нам не говорит ни о сенате на Капитолии, ни о новых магистратах; не упоминаются также имена патриция и префекта, так как Альберик совмещал в себе их власть. О городском устройстве в позднейшее время также нельзя думать. Знати не противопоставались городские классы, муниципальное же устройство возможно только при этом условии. В городе, не имевшем ни торговли, ни промышленности, переполненным и управляемом духовенством, едва ли мог существовать класс собственного горожан. В этом городе были только духовенство, знать и народ; образованного и деятельного среднего общественного класса, составляющего основу свободы и силы государства, не существовало в Риме. Мы тщательно искали в документах того времени каких-либо следов жизни римских граждан и лишь кое-где нашли указания на существование занятий и ремесел в таких обозначениях, как *lapiста*, *орифех*, *sandicator*, *sutor*, *negotiator*. У шерстобитов, золотых дел мастеров и кузнецов, ремесленников и купцов еще не пробуждалась мысль, что и они также имеют право на участие в управлении городом. Только при избрании папы подавали они свой голос аккламацией да собирались по общественным делам на заседания цехов или *artes*, происходившие под председательством старшин. Все эти люди находились в зависимости от знати так же, как колонны или арендаторы, в качестве клиентов существовали под ее покровительством и несли по отношению к ней те или другие обязательства. Новый властитель мог, однако, даровать цехам некоторые привилегии. Наконец, низший класс народа, существовавший главным образом за счет церкви и ее щедротами, охотно сменил властителя и добровольно подчинился римскому государю — человеку, который был полон сил, юн, щедр и обладал видной и привлекательной наружностью. Его железная рука умела подавить смуту и охранить городского жителя от произвола сильных, а без этого власть нового правителя никогда не могла бы продолжаться столь продолжительное время.

Чтобы укрепить свое положение, Альберику необходимо было сосредоточить свое внимание в особенности на организации военных сил. Римская милиция существовала по-прежнему — в виде цехов; на это указывает все еще включавшееся в договоры условие, по которому арендатору воспрещалось уступать землю религиозным и воинским учреждениям — *numerus seu bandus railitum*. Городскую милицию Альберик привлек на свою сторону тем, что взял на себя и верховное начальство над нею, и уплату ей жалованья. Вместе с тем она была усилена и реорганизована; возможно, именно при Альберике город был разделен на новые 12 округов, и в каждом из них был учрежден полк милиции со своим начальником. Мы увидим, что после Альберика городская милиция приобретает более важное значение. В поддержке же милиции Альберик нуждался ввиду интриг враждебного духовенства и честолюбивых замыслов знати, а также и ради борьбы с Гуго. Знать, духовенство и народ Рима присягнули Альберику в верности, и с той поры этот смелый человек стал монархом города и всей принадлежащей городу области.

Дипломы Альберика так же, как это делалось и раньше, помечены годом соответственного понтификата; но на папской монете при Альберике уже чеканится его имя, как прежде чеканилось имя императора. О полноте власти Альберика не менее свидетельствуют также судебные акты. Судебные разбирательства обыкновенно происходили в Латеране или в Ватикане в присутствии папы, императора или их уполномоченных; но с той поры как светская власть была отнята у пап Альбериком, высшая судебная инстанция была передана государю Рима. Как и раньше, суд и теперь происходил в различных местах, но важной характерной чертой для нового порядка было то, что Альберик сделал местом судебного разбирательства также и свой собственный дворец. Этот дворец был на Авентине, и

в нем родился Альберик, но жил он в *via Lata*, у церкви Апостолов, вероятно, на том месте, где ныне стоит дворец Колонна, которые ведут свой род от Альберика. Эту часть города мы уже отметили как самую замечательную; это был аристократический и самый оживленный квартал города, окруженный величественными развалинами терм Константина и форума Траяна; он включал в себя *via Lata*, верхнюю часть нынешнего Корсо.

В одном из дошедших до нас актов мы находим указания на случай судебного разбирательства во дворце Альберика. 17 августа 942 г. явился к нему на суд по спорному делу своего монастыря аббат Лев из Субиако; судьями курии Альберика были следующие лица: Марин, епископ Полимарциума и библиотекарь, примицерий Николай, секундицерий Георгий, аркарий Андрей, сакелларий, протоскриптариус апостольского престола, и затем наиболее знатные люди того времени: Бенедикт, прозванный Кампанино (что означает граф Кампаны) и несомненно родственник Альберика, Калолое, герцог Григорий де Каннапара, вестарарий Феофилакт, супериста Иоанн, Димитрий, сын Мелиоза, Балдуин, Франко, Григорий Авентинский, Бенедикт из Флумине, Бенедикт де Леоне де Ата, герцог Адриан, Бенедикт, сын Сергия, и другие. Таким образом, существовали два класса судей; к первому принадлежали судьи прежнего состава: министры папского двора, прелаты, которые вскоре после Альберика стали называться *judices ordinarii*. Римский государь оставил, следовательно, неизменным состав суда с этой стороны. Второй класс, так же как и прежде, составляли знатные люди Рима, но теперь они уже входили в состав суда как лица, принадлежащие ко двору государя. Они являлись на суде в роли шеффенов; это нередко было для них тягостной повинностью, так как постоянных шеффенов, в смысле франкских скабинов или позднейших *judices dativi*, тогда еще не существовало. Таким образом «*optimiti*» или являлись действительными судьями, или присутствовали в качестве *boni homines*.

3. Умеренность Альберика. — Гуго ведет осаду Рима. — Брак Альберика с дочерью Гуго, Альдой. — Отношения Альберика к Византии. — Лев VII, папа, 936 г. — Бенедиктинское монашество и его значение в прошлом. — Упадок этого ордена. — Кляунийская реформа. — Деятельность Альберика в этом направлении. — Одон Кляунийский в Риме. — Продолжение истории Фарфы. — Провинция Сабина

Летописцы того времени не отмечают у Альберика ни одного из тех пороков, в которых они обвиняют его мать, Марозию, и короля Гуго, и если они недовольны Альбериком, то лишь постольку, поскольку он лишил папу светской власти, держал его как пленника и по отношению к церкви казался тираном. Люди, принадлежавшие к партии германской имперской власти, считали Альберика узурпатором; но в отношении к императорской власти владычество Альберика ни в каком случае не могло считаться узурпацией, так как этой власти уже не существовало, а король Италии не имел никаких прав на Рим. Если при Григории II, когда правил законный император, римляне, сохраняя традиции республики и исходя из права избрания императора, переменили форму правления и возложили верховную власть на папу, то тем более они могли считать это право принадлежащим им тогда, когда не было никакого императора. Рим не был принесен ни Пипином, ни Карлом в дар папам, а подчинился им добровольно. Каролингская имперская конституция, которой признавалась верховная власть папы над страной, утратила свою силу с падением империи, и римляне вернули себе свое исконное право, не заботясь о том, что права

папы на город узаконивались временем и еще более тысячами славных деяний пап, так как новый Рим был созданием церкви. Так же, как раньше римляне избирали папу, они избрали теперь государя и перенесли на него светскую власть, признанную некогда за папой.

Вынужденный обстоятельствами быть осторожным, Альберик удовольствовался господством над городом и принадлежавшей последнему областью, поскольку она была действительно в его власти. Не ослепляя себя никакими заносчивыми честолюбивыми помыслами, Альберик ограничился скромным, но прекрасным титулом «государя и сенатора всех римлян». Чтобы достигнуть сана римского императора, Альберику надлежало бы раньше завладеть короной лангобардского государства, но, вместо того чтобы вступать из-за нее в рискованную борьбу с Гуго, Альберик мудро удовольствовался своим господством в Риме, и город в долгое правление этого государя пользовался полной безопасностью и внутренним спокойствием, едва ли когда-либо в другой раз выпадавшими на долю Рима.

Можно было предвидеть, что Гуго пожелает отомстить за свое поражение. В 933 г. он с войском подошел к Риму, горя нетерпением наказать город, вернуть себе права, которые, по его мнению, давал ему брак с Марозией, и добиться императорской короны. Но осада города, несмотря на то что попытки взять приступом стены производились ежедневно, оказалась неудачной, и Гуго вынужден был отступить и довольствоваться опустошением окрестностей города. В 936 г. Гуго вновь явился перед городом, но и в этот раз также неудачно. В его войске появилась чума, и он, наконец, был вынужден заключить при посредстве Одона Клунийского мир с Альбериком. Имея в виду усыпить осторожность своего непобедимого пасынка, Гуго решил выдать за него замуж свою дочь Альду, но обманулся сам, так как Альберик принял свою невесту и дал в Риме убежище возмущившимся вассалам Гуго, но его самого не допустил в город. Брак с Альдой состоялся потому, что надежды Альберика получить руку греческой принцессы не сбылись. По словам сорактского летописца, Альберик отправил послом в Константинополь Бенедикта из Кампании и приготовил свой дворец к приему невесты, но, говорит далее летописец, этот брак не состоялся. Без сомнения, Альберик искал сближения с греческим двором, желая получить признание своего сана со стороны этого двора и имея в виду придать себе внешний блеск таким высоким родством. С падением Западной империи византийский император снова стал внушать опасения. Успехи греков все более приближали их к Риму, и восточные императоры никогда не переставали считать себя законными римскими императорами. Союз с ними мог бы служить поддержкой Альберику в его борьбе с Гуго; но византийцы намерены были заключить этот союз только при условии, чтобы повелитель Рима был подчинен им как патриций. Время этих переговоров с Византией нам неизвестно точно так же, как мало известно, в чем они заключались. Мы знаем только, что Альберик добивался благосклонности императора Романа и принудил папу признать за византийским патриархом Феофилактом, сыном императора, право ношения паллия и распространения этого права на всех преемников патриарха независимо от особого на каждый раз разрешения папы. Этот образ действий, несогласный с каноническими законами, дает нам понять, какова была политика Альберика, но не доказывает, что последний ставил себе задачей снова подчинить Рим игу греков. Причиной неудачи переговоров скорее были интриги Гуго и нежелание самого Альберика изменить Риму.

Ограниченный в своем правлении одними церковными делами, папа Иоанн XI умер в январе 936 г. после 5 лет бесцветного существования под бдительным надзором своего брата. Тогда папская тиара была возложена властителем Рима на бе-

недиктинского монаха. Уступчивый Лев VII был вполне подходящим для Альберика папой, и с отказом последнего от светской власти между тем и другим не могло быть недоразумений. С затаенным вздохом Лев называет своего покровителя и тирана милосердным Альбериком, своим духовным сыном и достославным государем римлян. Летописец Флодоард посвятил этому папе несколько стихов в знак своей признательности за то, что был им дружественно принят. В этих стихах автор прославляет папу как человека благочестивого, стремящегося к божественному и презирающего земное, но ни одним словом не упоминает об Альберике. Таким образом то, что делалось по необходимости, возводилось в добродетель.

Умный государь римлян возвел на престол Петра благочестивого монаха и предоставил ему блистать апостольскими добродетелями. Затем рука об руку с папой Альберик приложил старания к тому, чтоб восстановить дисциплину в монастырях. Мы таким образом должны сказать несколько слов о монашестве.

За четыре века установление Бенедикта выполняло свое культурно-историческое назначение, но затем пришло в упадок. Назначение это заключалось в создании нового христианского общества. Окруженные варварскими народами, бенедиктинские монахи представляли своими союзами организованное общество, хотя, может быть, и преследовавшее односторонние задачи; это общество имело форму семьи; его глава был облечен авторитетом отца, а связующим обществом звеном была любовь. Законы гражданской жизни были утрачены, но бенедиктинцы создали вновь кодекс гражданских законов; устав Бенедикта был самым древним законодательным актом Средних веков. Таким образом в среде варварства были посеяны семена общественности, основанной на христианской любви к ближнему. В то время как весь мир представлял собой дымящееся пожарище, бенедиктинские братства вели жизнь мирную, трудолюбивую и благочестивую и являлись для варварских народов свободным от гнета нужды царством нравственного идеала, где процветали повиновение и смирение. С апостольской энергией эти братства обращали язычников в христиан, Евангелием помогли мечу Карла завоевывать провинции и расширяли сферу действия церкви. Будучи убежищем для людей, постигнутых несчастьем, и для людей, впавших в преступление, бенедиктинские монастыри были, с другой стороны, рассадником науки, единственной школой духовно обедневшего человечества, приютом последних остатков классической культуры. Теряясь мыслями и мечтами в беспредельной дали небес, бенедиктинцы в то же время сеяли хлеб, собирали жатву и складывали плоды земные в просторных житницах. Обладая сами поместьями и занимаясь земледелием, что предписывалось уставом Бенедикта, монахи явились основателями городов и колоний, и бесчисленное множество местностей обязано этим людям своим заселением и процветанием. Великая культурно-историческая задача бенедиктинского монашества заключалась в том, чтобы победить варварство принципом общественности, основанной на христианской любви, школами, земледелием, основанием городов, постоянным мирным посредничеством в борьбе грубых сил и согласованием светского начала с церковью; выполнение этой великой задачи обеспечило институту Бенедикта выдающееся значение в истории человечества. Каким реформам ни подвергалось позднее монашество, сколько новых и отчасти знаменитых монашеских орденов ни было впоследствии учреждено, ни один из них не достиг ни христианской доблести, ни общественного значения бенедиктинцев той эпохи, ибо все позднейшие ордена преследовали особые цели, состояли на службе у церкви и следовали известному направлению своего времени.

Быстрый упадок бенедиктинского ордена стоял, однако, в самой тесной связи с падением империи и папства. И там, и здесь причины были одни и те же. Но прин-

ципиально монашество больше, чем империя и папство, заключало в себе зародыши разложения. Как только с новым государственным строем, созданным Карлом, светские элементы были выдвинуты вперед, со всей силой сказалось противоречие между интересами божественными, с одной стороны, и земными — с другой, — противоречие, остававшееся до того скрытым. Человеческий дух, отрешившийся от всего земного и долгое время следовавший этому отречению, теперь снова устремился к обладанию земными благами, так презиравшимися монашеством. Предъявившая свои права действительность встала в полное противоречие с религиозной добродетелью и породила ужасающие несообразности. В X веке так же, как и в XV, совершался процесс сильнейшего общественного брожения. Проследить ход волновавших общество идей не составляет, однако, задачи историка. Он мог бы скорее указать, как упадок монашества начался с обогащением монастырей и с получением монахами высоких должностей в государстве и церкви; эти должности развивали честолюбие монахов, приобретавших огромное влияние при королевских дворах и иногда вступающих на престол Петра. Одаренные огромными владениями, монастыри превращались во владетельные княжества, аббаты — в графов. Уже Карл Великий дал пагубный пример раздачи аббатств светским баронам. Щедро раздаваемые племянникам, друзьям и вассалам аббатов, эти имения вскоре оказались во власти тысячи хищных разбойников. Распущенность обуславливалась, однако, не столько эгоизмом, всевозраставшей жаждой наслаждений и невероятными партийными раздорами, сколько неопределенностью государственного строя. Наконец, смертельный удар монастырям нанесло и постоянно повторявшееся разорение их венграми и сарацинами. Многие аббатства были разрушены и их монахи разогнаны; там же, где монастыри еще существовали, устав более не соблюдался и монастырский строй исчез так же, как исчез канонический строй белого духовенства, некогда составлявший предмет забот Людовика Благочестивого.

Но когда упадок монашеских учреждений достиг крайнего предела, возникла замечательная религиозная реакция, и заглохшие христианские чувства были внезапно пробуждены несколькими святыми людьми, которые, казалось, восстали из праха св. Бенедикта. Среди людей, объятых страхом скорой кончины мира, снова пробудилось стремление к аскетизму, среди хаоса необузданных страстей опять выступила неодолимая потребность покаяния; повсюду появились учредители орденов, пустынники и кающисся, такие же фанатичные, как в древней Фиваиде. Миссионеры и мученики направлялись в страны диких славян; государи и тираны стали опять со стенаниями одеваться в монашескую рясу, и только благочестие некоторых людей озаряло своим кротким светом одну из самых мрачных эпох церкви, как непроглядную ночь озаряют мерцающие звезды.

Начало реформ бенедиктинцев было положено во Франции, где в 910 г. Бернон учредил в Клуни свой знаменитый монастырь после того, как герцог Вильгельм Аквитанский подарил ему для этой цели клюнийскую виллу. Созданный им монастырский орден, в основу которого был положен устав Бенедикта, быстро распространился по Европе. Самого Бернона вскоре превзошел его ученик Одон; это был аббат, отдавший себя проповеди монастырской реформы в разных странах. С той поры клюнийская конгрегация получила над миром преобладающую духовную власть; совершенно справедливо сравнивали эту конгрегацию с позднейшим орденом иезуитов, имевших такое большое влияние при королевских дворах. Система клюнийской конгрегации сводилась тоже к тому, чтобы подчинить весь нравственный мир человечества власти папы. Таким образом, в самые безнадежные времена церкви в ней все-таки не было недостатка в силах, которые могли вдохнуть в нее

новую жизнь. Ключнийский орден — это первое звено в длинном ряде духовных воинствующих корпораций, сохранившихся до самого последнего времени.

Пользовавшийся высоким уважением как короля Гуго, так и Альберика Одон много раз бывал в Риме и принимал деятельное участие в заботах Альберика и Льва VII, старавшихся восстановить в монастырях дисциплину. В самом Риме Одону было уступлено в 936 г. аббатство Св. Павла, здания которого представляли развалины, а монахи были в бегах и вели развратную жизнь. Одон привел сюда других братьев, назначил настоятелем над ними Балдуина из Монте-Касино, который уже был реформирован. В 939 г. Альберик передал Одону суппонтинский монастырь Св. Или в римской Тусции и затем подарил еще для учреждения монастыря свой собственный дворец у церкви Свв. Алексея и Бонифация. Таким образом возник монастырь Св. Марии, являющийся памятником этого знаменитого римлянина и поныне существующий на Авентине как мальтийский приорат. Вообще Альберик сделал Одона архимандритом всех монастырей римской области. Сообщающая об этом хроника Фарфы не упоминает ни одним словом о папе, который был отодвинут государем на задний план. Монастыри Св. Лоренцо и Св. Агнесы введением в них ключнийской реформы были обязаны также Альберiku. Римский государь зорко следил за состоянием всех аббатов и епископств, находившихся под его властью. К их упадку он не мог относиться безразлично, так как этот упадок имел для него еще более важное значение, чем разорение сельского населения и гибель земледелия, связанные с этим упадком. Сохраняя могущество монастырей и замещая их своими приверженцами, Альберик имел в виду затем с их помощью обуздать высокомерие знати. В 937 г. он оказал милость также монастырю Субиако, подтвердив привилегии, которые были дарованы монастырю Иоанном X; благодаря им монастырь уже обладал *castrum sublacense*, и судебная власть здесь принадлежала аббату в лице его наместника. За этим же монастырем Альберик утвердил монастырь Св. Эразма в Риме, на Целии, с этой поры навсегда слившийся с Субиако.

Неподалеку находилось еще аббатство Свв. Андрея и Григория; мы упоминаем о нем потому, что к нему относится самая замечательная грамота Альберика. 14 января 945 г. Альберик подарил аббату Бенедикту замок Маццано со всеми угодьями и жившими здесь колонами. Это место, составлявшее семейную собственность Альберика, принадлежала диоцезе Непи, где епископом был брат государя Сергей. По счастливой случайности сохранился список драгоценного пергамента, удостоверяющего этот дар; список подписан всеми членами семьи сенатора римлян. Таким образом, тиран Рима явился ревностным сторонником монашества в его обыкновенной форме, и предание приписывает даже его сестрам учреждение монастыря Св. Стефана и Св. Кириака у *S. Maria in via Lata*. Но нигде реформа не была так необходима, как в Фарфе. Это знаменитое аббатство, которое тщетно пытались подчинить своей власти папы, уже не пользовалось больше покровительством императора, так как последнего не существовало; но Альберик признал принадлежащим себе как государю Рима право верховной власти над аббатством.

Мы говорили о разрушении аббатства и теперь продолжим его историю. Фарфа была выстроена вновь аббатом Роффредом; в 936 г. он был убит двумя своими монахами, Камио и Гильдебрандом. Камио, знатный сабинянин, поступил в монастырь, еще будучи юным, и обучался у аббата грамматике и медицине. Свое основательное знакомство с последним искусством ученик вполне доказал, приготовив для своего благодетеля напиток, отравивший его. Получив затем от короля Гуго благодаря подаркам сан аббата, Камио вместе с Гильдебрандом стал вести распут-

ную жизнь и через год поссорился с ним и прогнал его. Тогда Гильдебранд объявил себя аббатом в монастырских имениях марки Фермо, и в Фарфе на несколько лет водарился раскол. И Камио, и Гильдебранд имели жен. У Камио, жившего с Лиуводой, было семь дочерей и три сына, и всех их он обеспечил по-княжески. С меньшей бесцеремонностью, под видом арендных и меновых договоров, раздавал Камио монастырские имения своим приверженцам и воинам и вел себя в Сабине как государь. Таким же точно образом хозяйничал и Гильдебранд в Фермо. Как-то раз он устроил пиршество в своей резиденции S.-Victoria и пригласил на него своих жен, сыновей, дочерей и рыцарей; когда все пировавшие были пьяны, в замке произошел пожар и истребил те бесчисленные сокровища, которые Гильдебранд похитил из Фарфы. Примеру аббатов следовали и монахи; каждый из них имел наложницу и был с нею повенчан в церкви. Монахи уже не жили более в монастырях, а размещались в виллах и являлись в Фарфу разве только по воскресеньям, чтобы с лукавой улыбкой приветствовать друг друга. Все, что было ценного в Фарфе, они расхищали; даже золотые печати на императорских дипломах исчезали и заменялись свинцовыми; священные парчовые одеяния переделывались на платья для любовниц, а церковная утварь на браслеты и серьги. И такой порядок вещей продолжался целых полстолетия. Альберик решил положить этому конец в Сабине, как только заключил мир с Гуто. Эту богатую провинцию, в которой Одону предстояло много работы, Альберик хотел подчинить Риму. Сначала Альберик послал к Фарфу монахов, чтобы они ввели там клюнийский устав; но Камио отказался принять монахов, а ночью их хотели задушить, так что они должны были бежать назад в Рим. Тогда Альберик в сопровождении войска направился сам в аббатство, прогнал Камио, поместил в монастыре клюнийцев и поручил его попечению монаха Дагобера из Кум, приказав прежним монахам вернуть все, что было ими расхищено. Это было в 947 г. Но уже через пять лет новый аббат был отравлен, и бесчинство с некоторыми перерывами стало снова царить в монастыре. Мы вернемся к нему, говоря об эпохе Оттонов.

Альберику, реформировавшему также монастырь Св. Андрея на Соракте, удалось таким образом распространить свою власть на Сабину. До сих пор эта провинция принадлежала Сполето; по-видимому, она в это время была отделена от него. Именно с 903 г. начинают упоминаться собственные управители Сабини, называвшиеся то герцогом, то графом, то маркизом. Первым управителем отмечен лангобард Ингебальд, муж Теодоранды, дочери римского консула Грациана.

4. Стефан VIII, папа, 939 г. — Альберик подавляет восстание. — Марин II, папа, 942 г. — Новая осада Рима Гуто. — Низвержение Гуто Беренгаром Иврийским. — Лотарь, король Италии. — Мир между Гуто и Альбериком. — Агапит II, папа, 946 г. — Смерть Лотаря. — Беренгар, король Италии, 950 г. — Итальянцы призывают Оттона Великого. — Альберик отказывает Оттону в посещении Рима. — Беренгар становится вассалом Оттона. — Смерть Альберика в 954 г.

В июле 939 г. Лев VII умер и на его место заступил римлянин Стефан VII; о его управлении история почти ничего не говорит, так как при Альберике папы только подписывали свое имя на буллах. По одному источнику, стоящему особняком, Стефан был изуродован в каком-то восстании и, желая скрыть это оскорбление, не показывался народу. Если это сообщение не более как сказка, оно все-таки дает нам понятие о том, в каком положении были тогда папы.

Стефан VIII был обязан своим саном Альберику; если этот папа, как предполагали впоследствии, был подвергнут жестоким истязаниям приверженцами государя и, может быть, даже по его приказанию, то надо думать, что Стефан был замешан в заговоре против Альберика. Между тем даже в том источнике, в котором говорится о восстании, Стефан не упоминается, и точно так же мы не находим его имени в числе лиц, подвергнутых Альбериком наказанию. Очевидно, что в попытках свергнуть Альберика не было недостатка в Риме. Духовенство, потерявшее свою власть, и честолюбивая знать поддавались внушениям агентов Гуго и склонялись на подкупы. Летописец Соракский неожиданно подымает завесу, скрывающую от нас все эти события, но говорит лишь очень неопределенно о заговоре, во главе которого стояли епископы Бенедикт и Марий. В этот заговор были посвящены будто бы даже сестры Альберика, так как одна из них, по словам летописца, донесла о заговоре, после чего виновные были наказаны смертью, тюрьмой и бичеванием. Альберик властной рукой усмирил восставших духовных и вельмож; таким образом, пока он жил, ни один папа не решался добиваться светской власти, и заместники Христа бесшумно сменяли один другого на престоле Петра.

По смерти Стефана VIII в 943 г. Альберик назначил папой Марина II. Этот бледный призрак папы просуществовал три года, все время тревожно прислушиваясь к велениям своего государя, без которого он, «кроткий и миролюбивый человек, не решался сделать ни одного шагу». Столь же успешно Альберик боролся с Гуго, который не переставал добиваться императорской короны. Уже в 931 г. Гуго объявил своего юного сына Лотаря соправителем и королем Италии; в 938 г. в расчете укрепить свое положение он женился на Берте, вдове Рудольфа II Бургундского, а на дочери его Адельгейде, ставшей впоследствии знаменитой, женил сына. С византийцами Гуго также старался установить более тесную связь. Но положение его на троне Италии, несмотря на то что все более важные места епископов и графов были заняты бургундцами, было все-таки непрочно. Коварная, тираническая натура Гуго внушала ненависть к себе; ломбардская знать тяготилась им и уже не преклонялась перед его авторитетом, поколебленным неудачными походами на Рим. В 941 г. Гуго снова явился перед Римом и устроил свою главную квартиру у церкви Св. Агнесы. Возможно, что он простоял в этот раз у стен в течение всей зимы. Одон Клунийский по-прежнему был посредником в мирных переговорах. Ни угрозами, ни силой, ни подкупающими обещаниями Гуго не удалось добиться того, чтобы ворота города были открыты ему. Римляне оставались верны Альберику, хотя и видели, что города и земли их области подвергаются опустошению. Эта безуспешность хищнических набегов Гуго и его подкупов кажется историку Лиутпранду настолько поразительной, что он не находит возможным объяснить сопротивление продажного Рима ничем другим, как только скрытым Божиим предопределением.

Но наконец судьба избавила Рим от Гуго: в Ломбардии вспыхнуло восстание, с которым Гуго уже не мог справиться. Несмотря на все свои старания, он не мог принизить окончательно всю враждебную ему знать. Желая вполне подчинить себе сына Адальберта, Беренгара Иврийского, Гуго женил его на своей племяннице Вилле, дочери Бозона. Беренгару, однако, удалось избежать грозившей ему опасности: он бежал сначала к герцогу Швабскому, а затем к германскому королю Оттону. Удостоверившись впоследствии, что положение Гуго в Италии достаточно поколеблено, Беренгар в 945 г. вернулся назад. Немедленно многие епископы встали на его сторону, Милан открыл ему ворота, и ломбардцы в надежде получить от нового властителя епископства и графства изменили знамени Гуго. Последний послал, однако, в Милан своего сына, общего любимца, и умоляя знатных людей со-

хранить корону хотя бы за этим сыном. Политика итальянцев была такова, что они решили на всякий случай иметь в лице сына Гуго противника Беренгару. Так как Гуго имел намерение увезти в Прованс богатые сокровища королевства, то сам Беренгар от имени собравшихся в Милане ломбардцев довел до сведения Гуго, что они готовы и теперь, как раньше, признавать его королем Италии. Тем не менее Гуго вскоре ушел в Прованс, оставив на несколько злополучных лет своему сыну Лотарю призрачное итальянское королевство.

Последствием этого переворота для Рима был мир. В 946 г. Гуго отказался от всех своих притязаний и предоставил Альберiku власть в Риме с его территорией. С той поры государь римлян правил спокойно, а папа так же, как и раньше, покорно повиновался его велениям. В марте 946 г. Марин II умер; ему наследовал Агапит II, римлянин по рождению и человек рассудительный, оставившийся папой почти десять лет. С Агапита папство даже начало возрастать в своей силе, так как между ним и чужеземными землями с этой поры стали снова устанавливаться отношения, чего, по-видимому, не было при предшественниках Агапита. Кроме того, уже готовились события, с наступлением которых в Риме должно было все измениться. Доведенная до крайней степени истощения Италия столкнулась с силой немецких королей, которая на многие столетия связала судьбу Италии с германской империей.

22 ноября 950 г. юный король Лотарь внезапно умер в Турине; была ли причиной его смерти горячка, или он был отравлен Беренгаром, — неизвестно. Со смертью Лотаря бургундская партия пала, а национально-итальянская возвысилась и стала вести политику, которая при Гвидо, Ламберте и Беренгаре I имела такой неудачный исход. 15 декабря Беренгар Иврийский возложил на себя ломбардскую корону, причем велел короновать также и своего сына Адальберта. Таким образом в Италии снова оказались два национальных короля, имевшие в далекой перспективе императорскую корону. Беренгар, конечно, мог желать повенчать своего сына со вдовой Лотаря, чтобы тем привлечь на свою сторону бургундскую партию; но неизвестно, делал ли он ей такого рода предложение. Так как красивая жена предшественника на троне Италии внушала Беренгару опасения, то он 20 апреля 951 г. заключил ее в тюрьму, сначала в Комо, а затем в башне на Гардском озере. Но смелая женщина бежала в Реджио под защиту епископа Адальгарда. Что последний отослал ее в Каноссу, под охрану Аццо и Адальберта, это, вероятно, не больше, как только легенда. Неожиданно затем произошел полный переворот. Адельгейда, ее приверженцы из партии Лотаря, враги Беренгара, более всего миланцы и наконец папа Агапит, который был недоволен и своим зависимым положением в Риме, и тем, что Экзархат и Пентаполис находились во власти Беренгара, — все эти лица вдруг возложили свои упования на Германию и, вместо того чтобы стремиться к установлению в своей стране национального правления, снова призвали в Италию чужеземца.

Уже блиставший своими воинскими подвигами и являвшийся как бы вторым Карлом Великим по своему королевскому величию и мудрости Оттон двинулся с войском из Германии. При одном его приближении ломбардское войско Беренгара рассеялось. Тогда Оттон предложил свою руку Адельгейде. Брак состоялся в конце 951 г. в Павии, и юная королева Ломбардии, отдавшаяся в сильные руки Оттона, явилась символом покорившейся ему Италии.

Отец Оттона, Генрих I, саксонский герцог, ведя жестокую борьбу со славянами, венграми и датчанами, равно как и с государями немецких племен, сумел восстановить восточную франкскую империю и создать могущественное национальное государство. Идея империи, однако, продолжала сохранять свою силу даже и тог-

да, когда государственная система Карла рушилась. Оттон I, вступивший на германский престол в 936 г., обладал геройскими доблестями и был способен осуществить эту идею. Италия в ту эпоху была раздроблена и беспомощна; но если бы страна эта, далеко превосходившая своими нравами и образованностью полуварваров-немцев, могла в середине X века провозгласить своим королем национального великого государя, каким был Альберик, нет сомнения, что похода Оттона из Германии не последовало бы.

Нам неизвестно, послал ли Агапит свое приглашение Оттону с ведома Альберика; мы склонны думать, что последнему было известно о приглашении, так как Альберик должен был желать падения Беренгара, ибо он не мог не предвидеть, что король Италии возобновит притязания Гуго на Рим. Но последствий похода Оттона не мог предвидеть ни Альберик, ни кто-либо другой. Германский король спускался с Альп, делая вид, что он предпринимает паломничество в Рим, и решив способствовать свои планы с положением вещей на месте. Уже в 952 г. он желал лично посетить Рим и отправил к папе послами епископов майнцского и хурского, которые должны были условиться с папой о посещении Рима Оттоном и переговорить о многих других, более важных вещах. Это были послы к папе, а не к тирану; но решительный отказ принять Оттона в Риме исходил от Альберика, а такой отказ делает немало чести его энергии. Великому королю было отказано в приеме сенатором всех римлян, и король со своей женой Адельгейдой мирно вернулся в свое государство.

Тогда неожиданно обманутый во всех своих надеждах Беренгар поспешил сдать герцогу Конраду Лотарингскому, наместнику Оттона в Италии. Он явился вместе со своим сыном на имперский сейм в Аугсбурге и уже как германский вассал получил ломбардскую корону, причем области Вероны и Аквилеи были отделены от союза итальянских земель и по воле короля переданы герцогу Генриху Баварскому, брату Оттона. Удрученным вернулся Беренгар в свое королевство, чувствуя, что отныне над ним висит меч Оттона. Однако происходившие в Германии внутренние раздоры дали Беренгару возможность быть независимым еще в течение нескольких лет. По-видимому, Беренгар избрал Равенну своим главным местопребыванием. Этот знаменитый, но почти забытый город, который уже давно затмили Павия и Милан, снова стал значимым и привлек к себе внимание императоров. До далеких провинций древнего экзархата не достигала рука ни папы, которому Равенна принадлежала по договору, ни Альберика, и итальянские короли мало-помалу отнимали у церкви эти провинции.

В таком положении были дела в Верхней Италии, когда государь и сенатор всех римлян покинул арену истории. Альберик умер в Риме в 954 г. в расцвете своих сил. День и месяц его смерти неизвестны. Судьба была к нему милостива, не дав ему возможности быть личным свидетелем того, как его отчизна снова подпала под императорское иго. Почувствовав приближение своей кончины, Альберик поспешил к Св. Петру (так сообщает летописец сорактский) и здесь, перед исповедальней апостола, взял клятву с знатных римских людей, что они по смерти Агапита II изберут папой Октавиана, сына и наследника Альберика. Во всем этом мы не сомневаемся: Альберик своим ясным умом не мог не понимать, что отделение светской власти от папства не может долго продолжаться в Риме. Между тем в папстве при Агапите уже зародилась надежда укрепиться с помощью Германии, и раньше или позже Оттон I должен был стать повелителем Рима. Все это понимал Альберик. Но на что был способен он сам, того продолжать не мог его сын, еще сохранявший в себе много детского и наделенный посредственными способностями. Принудив римлян возложить на сына папскую тиару, Альберик мог надеяться, что, по крайней мере, таким образом сохранит власть над Римом в своей семье.

Если мы примем во внимание, что правление Альберика продолжалось 22 года, в течение которых сменились 4 папы, что оно способно было противостоять серьезным притязаниям церкви, внутренним раздорам, создаваемым привычными к началу знатью и народом, постоянным нападением могущественных внешних врагов, что, наконец, государственная власть Альберика по смерти его перешла к его юному сыну, мы должны будем отнести этому «сенатору» одно из самых почетных мест среди всех римских граждан Средних веков. С именем Альберика неразрывно связана слава Италии той эпохи; он был истинным мужем, достоин был быть римлянином и вполне заслужил у своего времени титул Великого, который, по-видимому, был дан ему его потомками, гордившимися своим происхождением от такого предка. Род Альберика не угас с ним и его сыном Октавианом, но размножился многими ветвями и в XI веке во второй раз приобрел власть над Римом в лице графов Тускуланских.

ГЛАВА III

1. Октавиан наследует Альберiku и в 955 г. становится папой под именем Иоанна XII. — Его излишества. — Он изменяет политике своего отца. — Ломбарды и Иоанн XII призывают Оттона I. — Договор Оттона с папой и клятва. — Коронование в Риме Оттона в императоры 2 февраля 962 г. — Особенности новой Римской империи немецкой национальности

По смерти Альберика его юный сын от Альды Октавиан беспрекословно был признан государем и сенатором всех римлян. Таким образом Октавиан унаследовал светскую власть в той форме, в какой она была установлена его отцом. До нас не дошли римские монеты времени Октавиана, но, несомненно, что он также чеканил ее со своим именем и титулом. Октавиану едва ли было 16 лет, когда он стал властителем Рима. Движимый гордостью и честолюбием, Альберик дал своему сыну имя Октавиана, тая, может быть, смелую надежду, что в его род с этим именем перейдет и императорский сан. Но Альберик заблуждался в этом отношении: папские притязания уже при Агапите стали получать больше поддержки, а извне грозила германская сила. Альберик назначил сам своему сыну папскую тиару, желая вернуть ей светскую власть, и таким образом направил историю Рима по старому руслу.

Осенью в 955 г. Агапит II умер, и юный государь римлян стал папой. Кроме летописца сорацского, ни один из историков не упоминает о том, что Октавиан получил какое-нибудь духовное образование, и мы также не знаем, был ли он облечен каким-либо духовным саном до того, как занял престол Петра. Ставши папой, Октавиан сменил свое императорское имя на имя Иоанна XII. С той поры перемена прежнего имени при возведении в сан папы стала правилом. С соединением в лице наследника Альберика и светской, и духовной власти вся революция 932 г. сводилась лишь к тому, что на престоле Петра оказался член господствовавшей знатной фамилии, которая надеялась сделать этот престол своим наследственным достоянием. Но склонность Иоанна быть светским властителем значительно превышала готовность его нести духовные обязанности, и две природы в нем, одна Октавиана, другая Иоанна XII, вели неравную борьбу. Заняв место еще несозревшим юношей, — место, которое давало ему право на всемирный почет, — Иоанн XII утратил всякую рассудительность и отдался самой распушенной чувственности. Его латеранский дворец обратился в место веселья и гарем; знатное римское юношество стало его излюбленным обществом. Некогда Калигула возвел в сан сенатора свою

лошадь; папа Иоанн XII совершил посвящение в диаконы в конюшне, вернувшись, вероятно, пьяным с пиршества, на котором с языческим юмором воздавал хвалу древним богам.

Состояние Рима в первые годы понтификата Иоанна XII известно нам лишь в неясных чертах. Неразумный юноша не следовал осторожной политике своего отца и, будучи государем и вместе папой, решил пуститься в большие затеи и распространить свою власть далеко на юг. Собрал под своим знаменем римлян, тосканцев и сполетинцев, Иоанн двинулся походом против Пандульфа Беневентского и Ландульфа II Капуанского, но, напуганный движением на помощь им Гизульфа Салернского, принужден был вернуться обратно и заключил с последним мир в Террачине. Папское величие дразнило воображение Иоанна; но, унаследовав от своего отца некоторую смелость, он не имел его мудрости. Ему хотелось и как папе казалось должным приложить старания к тому, чтобы восстановить церковное государство во всем его объеме. Ради возвращения экзархата Иоанн неосторожно выступил во главе германской партии против Беренгара; между тем его собственной власти в Риме грозила опасность, так как римляне уже не чувствовали над собой сильной руки Альберика. Политику отца, в которой прочность власти достигалась ограничением ее известными пределами, Иоанн как папа продолжать не мог; таким образом строй, созданный Альбериком, рушился, и Иоанн XII увидел себя наконец вынужденным ради сохранения своих светских владений призвать короля Оттона. Как Октавиан, сын Альберика, еще мог бы быть силен в Риме, но как Иоанн XII он внушал к себе ненависть и был слаб. Мы видим здесь, какое особенное влияние имело на положение пап сочетание в них сана короля и сана священника.

В это время Беренгар и Адальберт, воспользовавшись тем, что король Оттон был занят в далекой Германии борьбой со своими восставшими детьми и с венграми, решили подчинить своей власти непокорных графов и епископов Ломбардии. Враги этих государей, принадлежавшие к германской партии, и в особенности злостный Лиутпранд, которому Беренгар нанес какое-то оскорбление, изображают их в самых мрачных красках. Жену Беренгара Виллу ненавидели за ее корыстность; однако все, что делали оба короля с целью упрочить свою власть, ничем не отличалось от того, что позволяли себе делать их предшественники и позднее сами немецкие короли. После внезапной смерти Лиудольфа, которого его отец Оттон отправил в Италию, чтобы обуздать Беренгара, последнему, казалось, уже нечего было опасаться, и он стал угрожать Эмили и Романьи. Чтобы защищать эти патримонии, Иоанн XII был слишком слаб. И вот сын того самого Альберика, который некогда отказал Оттону в доступе в Рим, в 960 г. призвал германского короля в Рим. К послам Иоанна присоединились послы многих графов и епископов Италии; в их числе был Вальберт, архиепископ Милана, отправившийся лично к Оттону. То же самое сделал Отберт, родоначальник фамилии Эсте.

Германский король последовал приглашению Италии, сулившей ему желанную императорскую корону, и повторил подвиг, совершенный раньше смелым Арнульфом. Обеспечив сначала в Вормсе своему юному сыну как наследнику германский престол, Оттон с огромным войском спустился с Альп через Триент, отпраздновал в Павии Рождество 961 г., предоставив пока итальянским королям, покинутым ломбардцами, сидеть в своих замках, и затем, выслав вперед Гаттона Фульдского, направился к Вечному городу. 31 января 962 г. король дошел до Рима и расположился лагерем на Нероновом поле. Появление Оттона было обусловлено договором с папой: король принимал на себя обязательство охранять церковь и восстановить ее, сам же приобретал с некоторым ограничением права имперской власти Ка-

ролингов. «Если Богу будет угодно, чтоб я пришел в Рим (так гласила клятва Оттона), я по мере моих сил буду содействовать возвышению церкви и твоему, ее верховный глава; с моего согласия и ведома тебе не будет наносим ни в чем ущерб, ни тебе самому, ни твоему сану; в Риме, во всем, что касается тебя или римлян, я не буду творить суд и принимать какое-либо решение без твоего согласия. Все то, что принадлежит Св. Петру и окажется в моей власти, я возвращу тебе. И тот, кому придется мне передать королевство Италии, должен принести клятву, что он по мере своих сил будет тебе помощником в защите церковного государства».

Таким образом Оттон действовал с крайней осмотрительностью; не следует забывать, что он имел дело с римлянами, которые за время Альберика свыклись с национальным управлением. Вышеприведенная клятва, в которой Оттон как император отказывался от неограниченного права судебной инициативы, была выражением договора, не имевшего значения имперской конституции, которую еще надлежало установить.

2 февраля Оттон, встреченный с императорскими почестями, торжественно вступил в Леонину. Только знать, еще помнившая Альберика, смотрела мрачно и сохраняла гробовое молчание. На лицах этих римлян, терявших теперь свою свободу и свою власть, Оттон мог видеть и гнев, и смертельную угрозу, и потому, прежде чем приступить к обряду коронования, он обратился с такими словами к своему оруженосцу Ансфриду фон Левену: «Когда я преклоню сегодня колена у гроба апостола, охраняй меня мечом; я хорошо помню, как часто мои предки были жертвой вероломства римлян. Мудрый предупреждает беду осмотрительностью; помолиться же ты можешь, сколько хочешь, тогда, когда мы вернемся к *Mons Gaugii*». Оттон и Адельгейда были коронованы у Св. Петра с торжеством, никогда еще не виданным. Так императорская власть была восстановлена через 37 лет, отнята у итальянского народа и передана чужеземному роду саксонских королей. Один из величайших преемников Карла был коронован римлянином, который по странной случайности носил имя Октавиана; но этот акт, серьезный по своим последствиям, лишен был значения истинно достойного и священного акта. Карл Великий получил корону империи из рук почтенного старца, а над Оттоном Великим помазание совершил разнузданный юноша. Как бы то ни было, этим коронованием история Германии и Италии была направлена по новым путям.

Создание империи Карла находило свое высокое оправдание у людей; великая Франкская монархия, в которой национальности были еще слабо обособлены друг от друга, понималась как новая христианская республика. Желание освободить Рим из-под власти византийцев, необходимость противопоставить наводившему ужас исламу сильную христианскую власть и затем интересы папства — все это послужило основами императорской власти Каролингов. Но эта теократическая империя распалась под натиском своего внутреннего роста. Брожение, совершавшееся в обществе, в котором были перемешаны древние и новые, римские и германские начала, привело к падению вторую империю; ленная система создала из должностных лиц местных наследственных государей; светская власть была совмещена с духовной; в организме монархии совершалась непрерывная борьба обладания и права; последовавший распад империи был еще ускорен наследственными дележами. Одновременно стали сильно обособляться национальности; в Средней Европе обозначились две враждующие между собой группы, и империя, просуществовавшая 150 лет, распалась; затем наступило время, напомилавшее условия, существовавшие до возникновения империи: нашествие новых варваров, норманнов, венгров, славян и сарацин; разорение провинций; гибель наук и искусств; варварские нравы; возвращение церкви к тому более низкому положению, которое она занимала до Карла; упа-

док авторитета пап, утративших и свою духовную власть, и созданное Пипином и Карлом церковное государство; а в Риме — дикая борьба партий среди знати, еще более опасная, чем при Льеви III. Правда, итальянцы пытались сделать Римскую империю национальной; но эта попытка окончилась неудачей, и само папство стало искать своего спасения в императорской власти, восстановленной чужеземным королевским домом, далеким и Италии, и Риму.

В этот раз Римская империя была восстановлена немецким народом; но людям уже невозможно было вернуться в круг идей времени Карла. Традиция империи была еще сильна, в Германии слышались голоса, сокрушавшиеся о падении империи и горячо желавшие восстановления ее как великого благодеяния для мира; тем не менее благоговение людей к этому институту было поколеблено злополучным ходом исторических событий за полтора века. Связующего единства монархии Карла уже не существовало больше; Франция, Германия и Италия представляли отдельные страны, и из них каждая стремилась создать самостоятельные политические формы. Когда Оттон I восстанавливал империю, было ясно, что справиться с такой задачей может только великий человек; слабой личности не могла быть под силу борьба с ленной системой, с папством и с национальными интересами. С восстановлением Римской империи была воссоздана, конечно, великая политическая форма, но, в общем, эта форма была все-таки искусственной и возможной только в идее. Победитель венгров, славян и датчан, покровитель Франции и Бургундии, властитель Италии, герой — миссионер христианства, завоевавший ему новые области, человек этот вполне мог быть новым Карлом. Его собственная страна все еще называлась империей франков, и его немецкий язык — франкским. Со времени Оттона римская императорская власть надолго перешла к немецкому народу, и на долю этого сильного народа выпала славная, но неблагоприятная задача быть атласом мировой истории. Влияние Германии вскоре же сказалось в реформе церкви и в возрождении наук, а в самой Италии германское начало породило городские республики. Таким образом, Германия и Италия — страны, в которых начала германское и античное нашли свое наиболее яркое выражение, в которых человеческая мысль достигла наибольшего могущества, — были приведены исторической необходимостью к союзу, сохранявшему свою силу в течение долгого времени. Потомству, однако, нет оснований сетовать, что Римская империя явилась тяжелым роком для Германии и принудила последнюю в течение столетий проливать кровь по ту сторону Альп: всем этим были созданы основы общеевропейской культуры, и современное человечество обязано ими по преимуществу соединению Германии с Италией.

2. Грамота Оттона. — Иоанн и римляне присягают ему. — Иоанн устраивает заговор против императора и призывает в Рим Адальберта. — Оттон снова вступает в Рим, и папа бежит из города. — Император лишает римлян права свободного избрания папы. — Ноябрьский собор. — Низложение Иоанна XII. — Лев VIII. — Неудачное восстание римлян. — Отгон покидает Рим

13 февраля император Оттон даровал папе хартию, которой за ним и его преемниками утверждались все права и владения, предоставленные святому престолу прежними договорами с Каролингами. Восстановление империи, переход императорской власти к саксонскому королевскому дому и, наконец, те запутанные отношения, в которых находились Италия и церковное государство, — все это делало необходимым дарование такой хартии. Оригинал этой грамоты не существует, но в

ватиканском архиве сохраняется ее копия, подлинность которой признается новейшими исследованиями. Некоторые сомнения в подлинности хартии остаются все-таки неустранимыми, так как и форма, и содержание ее отчасти возбуждают сомнение, но не подлежит спору то, что Оттон вновь утвердил церковное государство во всем объеме, какой оно имело при Каролингах, и вместе с тем сохранил за собою императорские права, поскольку они были определены именно конституцией Лотаря: право утверждения выборов папы и отправление правосудия в Риме через императорских послов.

Сам папа принес присягу в верности императору, обещая никогда не изменять ему и не переходить на сторону Беренгара; принесли присягу в повиновении Оттону также и римляне, и, таким образом, между королем, папой и городом были восстановлены отношения, существовавшие при Каролингах. Положением Иоанна было, однако, по-прежнему полно противоречий. От своего отца он наследовал в Риме власть государя, которую затем соединил с папской властью. За революцией последовала, таким образом, реставрация, в свою очередь завершившаяся установлением императорской власти. Римская аристократия оказывалась теперь возвращенной под власть императора и папы. Та самостоятельность, которой знать так долго пользовалась при Альберике, уже не существовала, и прежняя рознь между папой и римлянами должна была обнаружиться еще с большей силой.

Со стороны казалось, что с восстановлением империи Оттон даровал Риму свободу, вернув церкви все ее права и избавив город от тиранни распутных женщин и надменной знати. Но новый император не мог не чувствовать стыда при виде папы, которым был отдавшийся разврату юноша, и должен был предвидеть, чего следует ему ожидать от сына Альберика. 14 февраля 962 г. Оттон покинул Рим и направился в Верхнюю Италию, где оставался Беренгар, укрепившийся в замке S.-Leone при Monte Feltro. Этот последний представитель итальянской национальности должен был быть свергнут, чтобы Оттон мог вполне чувствовать себя императором.

Но едва Оттон покинул Рим, как Иоанн XII уже почувствовал тяжкое иго императорской власти. Последствия похода Оттона в Рим превзошли расчеты Иоанна; освободитель церковного государства оказался повелителем папы, решившим быть действительным императором. Такой монарх, как Оттон, не мог, конечно, удовлетвориться смиренным положением Карла Лысого. И вот Иоанн нашел, что лучше считать все происшедшее несбывшимся и, подстрекаемый знатью, вступил в переговоры с Беренгаром и Адальбертом. Императорская партия в Риме следовала, однако, за каждым шагом Иоанна и дала знать о его измене Оттону, когда он весной 963 г. был в Павии. Посланные этой партии рассказали Оттону, какую развратную жизнь ведет Иоанн, говорили, что он обратил Латеран в дом терпимости и расточает достояние церкви, раздавая города и имения своим наложницам; что ни одна порядочная женщина уже не решается отправиться в Рим на богомолье, опасаясь стать жертвой развратного папы; что город разорен, церкви разрушены и через их развалившиеся крыши на алтари льет дождь. Ответ, которым Оттон извинил поведение Иоанна, является убийственной характеристикой положения папства того времени. «Папа, — сказал Оттон, — еще мальчик, и примеры достойных людей его исправят». Чтоб удостовериться в положении дел в Риме, Оттон отправил туда своих послов, а сам направился осаждать замок S.-Leone, где находились Беренгар и Вилла. Летом 963 г., во время нахождения здесь Оттона, к нему явились папские нунции, Димитрий, сын Мелиоза, и протоскриптарий Лев; они должны были выразить неудовольствие, что Оттон завладел церковными именами и намерен присвоить себе также замок S.-Leone, собственность Св. Петра. Оттон, действительно не спешивший с возвращением некоторых патримониев, ответил, что он

передаст имения церкви только тогда, когда они окончательно будут отняты у узурпаторов. Имея в своих руках доказательства вероломства Иоанна, Оттон, кроме того, мог показать нунциям перехваченные письма Иоанна к греческому императору и к венграм, которых папа в этих письмах призывал напасть на Германию. Отправленные затем в Рим императорские послы обывали папе, что их государь готов и присягой, и Божьим судом на поединке очистить себя от подозрения в нарушении данной им раньше клятвы. Но послы эти не нашли благосклонного приема, и едва только они удалились в сопровождении папских нунциев, как в Риме появился Адальберт. Этот юный претендент играл по отношению к Оттону ту же печальную роль, на которую некогда был обречен судьбою Адельхис. В то время как отец Адальберта защищал замок S.-Леопе, он сам неутомимо носился всюду, разыскивая союзников. Он призывал на помощь византийцев, устремился в Фраксинету к сарацинам, затем, как некогда Секст Помией, направился на Корсику и отсюда вел переговоры с папой; наконец он высадился в Чивита-Веккии, и ворота Рима дружественно раскрылись перед ним.

Получив об этом известие, Оттон осенью 963 г. оставил замок S.-Леопе и пошел в Рим. В городе уже начались те раздоры между императорской и духовной партиями, которые затем продолжались в течение многих веков. Императорская партия, призывавшая Оттона, как только Адальберт появился в Риме, заняла Иоаннополис и укрепилась в нем; папская партия, или националисты, предводимые Адальбертом и самим папой, одетым в шлем и броню, расположились в Леонине. Иоанн решил защищать Рим и двинулся к Тибру навстречу Оттону; но мужество скоро покинуло папу. Противная партия увеличивалась с каждым днем; народ, который некогда с такой решимостью отражал приступы Гуго, теперь трепетал при мысли об ужасах штурма. Боясь измены, папа, собрав церковные сокровища, бежал вместе с Адальбертом в Кампанью и здесь скрылся, вероятно, в Тиволи. Тогда приверженцы Иоанна сложили оружие и представили заложников, и 3 ноября 963 г. император во второй раз вступил в Рим.

Собрав духовенство, знать и вождей народа, Оттон заставил их всех принести клятву в том, что отныне они не будут ни посвящать, ни даже избирать папы без согласия его самого и его сына. Таким образом, Оттон лишил римлян того права, которое они сами всегда считали своим самым драгоценным правом и видели в нем единственное выражение независимости своего города, — права, посягать на которое не отваживались даже Каролинги. Право избрания верховного главы церкви принадлежало собственно всей христианской общине, а не небольшому числу римских избирателей. Привлечь к участию в выборах всех христиан, однако, не представлялось практической возможности. Поэтому избрание с незапамятных времен молчаливым соглашением было предоставлено Риму, или, вернее, каждый епископ Рима уже в силу того, что он был этим епископом, являлся и главой всей церкви. Такова была огромная привилегия, принадлежавшая духовенству, знати и народу Рима, и единственным ее ограничением раньше было только право императора как главы всего государства утверждать произведенные выборы.

6 ноября Оттон созвал собор в базилике Св. Петра. Как и при патриции Карле, предстояло под председательством светской власти произвести суд над обвиняемым папой; но Иоанн XII, в противность Льву III, не дал своего согласия на этот суд и не присутствовал на нем; точно также и епископы не отвергали своей компетентности судить лицо, занимающее апостольский престол. Времена оказались теперь иными; император в силу своей власти явился устройтелем нарушенного церковного правления; беспощадно, перед лицом всего света выставил он позор папы, помазавшего его самого на царство, и призвал народ судить папу. Повинуясь велению им-

ператора, собор впервые судил и низложил папу, не выслушав его, и затем объявил его преемником кандидата, указанного императором.

Лиутпранд, бывший в то время епископом кремонским, излагает акты этого собора как очевидец; им отмечены все присутствовавшие на соборе епископы римской области, и мы узнаем отсюда, что очень древние епископства все еще продолжали существовать, несмотря на грабежи сарацин, по крайней мере, по имени. Из пригородных присутствовали епископы следующих мест: Albano, Ostia, Portus, Praenestae, Silva Candida и Sabina; далее — Gabium, Velletri, Forum Claudii (Oriolum), Bleda и Nepi, Cere, Tibur, Alatri и Anagni, Trevi, Ferentino, Norma и Veruli, Sutri, Narni, Galliese и Falerii, Orta и Terracina. Лиутпрандом отмечены только 13 кардиналов следующих церквей-титолов: Balbina, Anastasia, Lorenzo in Damaso, Chrysogonus, Equitius, Susanna, Pammachius, Galixtus, Caecilia, Lorenzo in Lucina, Sixtus, IV Coronatorum и Santa Sabina. Многие кардиналы последовали за бежавшим Иоанном, а некоторые церковные титулы могли быть уже упраздненными. Историк называет в числе присутствовавших всех министров папского двора, диаконов и регионариев, нотариусов и даже примицерия цеха певчих. Еще более обращает на себя внимание упоминание о некоторых римских магнатах, среди которых мы встречаем имена, уже известные нам. Стефан, сын суперисты Иоанна, Димитрий, сын Мелиоза, Кресцентий Мраморная Лошадь (здесь впервые так названный), Иоанн Мизина (правильнее де Мизина), Стефан де Имиза, Феодор де Руфина, Иоанн де Примидеро, Лев де Казуноли, Рихард, Петр де Канапара, Бенедикт и его сын Булгамин были в то время самыми знатными римлянами, принадлежавшими к императорской партии; другие знатные лица сопровождали папу в его бегстве или оставались в своих замках в Кампани. Представителями римского плебса являлись начальники милиции, главой которой был Петр, прозывавшийся *Imperiola*. Его присутствие, отмеченное особо, доказывает, что народ уже представлял организацию, обеспечивавшую ему некоторую самостоятельность; начало этой организации было положено Альбериком. Если бы последний даровал римлянам какую-либо конституцию, восстановил сенат и народных трибунов и учредил должности двух ежегодно назначаемых консулов, то все эти городские сановные должности не ускользнули бы от внимания такого наблюдателя, как Лиутпранд; но он ни одним звуком не упоминает ни о сенате и сенаторах, ни о других лицах магистрата, а говорит только о городских вельможах, о милиции и ее начальнике как представителе «плебса» и затем перечисляет всех известных нам придворных сановников.

Присутствие на соборе всех избирательных классов сделало его сходным с собором при Льве III и так же, как и тогда, этот собор представлял собой вместе и имперский сейм, и суд. Участие в соборе могущественного императора в качестве председателя и множества епископов, герцогов и графов как Германии, так и Италии придавало собору огромное значение; с другой стороны, привлечение к участию в этом соборе римлян всех сословий предупреждало возможность обвинения в совершении незаконного насилия. Но в конце концов судебный процесс превратил собор в акт императорской диктатуры. Иоанн нарнийский и кардинал-диакон Иоанн выступили как самые главные обвинители отсутствующего папы; кардинал Бенедикт прочел обвинительный акт. Оттон не говорил по-латыни и потому приказал своему секретарю Лиутпранду отвечать римлянам.

В пригласительном послании к папе излагалось то, в чем обвинялся святейший отец: «Верховному первосвященнику и вселенскому папе, государю Иоанну, Оттон, милостию Божией император, август, с архиепископами и епископами Лигурии, Тусции, Саксонии и земли франков, шлет привет в Господе. Прибыв в нашем служении Богу в Рим, мы спросили римских епископов, кардиналов и диаконов, а

также и весь народ, почему вы отсутствуете и не желаете видеть нас, вашего и вашей церкви защитника. В ответ мы слышали о вас такие позорные вещи, что нас бросило бы в краску от стыда даже тогда, когда бы все это говорилось о каком-нибудь комедианте. Мы напомним вашему святейшеству только кое-что, так как для перечисления всего не хватило бы и целого дня. Знайте, что не отдельные лица, а все, и миряне, и духовные, обвинили вас в убийстве, клятвопреступлении, кощунстве, кровосмешении с вашими собственными родственницами и вашими двумя сестрами. Они рассказывают о вас еще такое, от чего волосы становятся дыбом, — что вы пили за здоровье дьявола и, играя в кости, клялись именами Зевса, Венеры и других злых демонов. Поэтому мы убедительно просим вашу отеческую милость прибыть в Рим и очистить себя от всех этих обвинений. Если вы опасаетесь несдержанности со стороны народа, мы свято обещаем вам, что ни в чем не будет поступлено в противность каноническому закону. Дано 6 ноября».

Обвиняемый отвечал из своего убежища коротко и как папа: «Иоанн, епископ, раб рабов Господних, всем епископам. Мы слышали, что вы намерены провозгласить другого папу; если вы это сделаете, я отлучаю вас властью Всемогущего Бога от церкви, и вы не должны ни совершать посвящения, ни служить обедни». Это папское послание своим слогом возбудило среди епископов смех, так как оно обнаружило, что Иоанн может выражаться только простонародным языком. Согласно каноническим законам, обвиняемого епископа надлежало вызвать три раза; император удовольствовался двукратным приглашением. Затем он вступил в роль обвинителя и вместе судьи; когда же собор высказался за лишение сана, Иоанн XII, не имевший защитника, был объявлен как преступник и государственный изменник низложенным. Не вполне согласный с каноническими правилами образ действий собора мог быть поставлен ему в вину, но человечество видит в отступлении от канонических форм меньше несправедливости, чем в принижении своего собственного достоинства.

На место Иоанна император назначил кандидатом одного знатного римлянина, и 4 декабря он был избран, а 6-го посвящен. Лев VIII вступил на престол св. Петра против церковного закона, так как принадлежал к числу мирян и был посвящен кардиналом-епископом Сико Остийским последовательно, но в один прием, в остии, лекторы, аколиты, иподиаконы, диаконы, пресвитеры и, наконец, в сан папы. По своему положению он был протоскриниарием церкви; его имя мы находим в актах того времени. Он жил на Clivus Argentarii, ныне Salita di Marforio, и эта улица с той поры стала называться ascensus Leonis Prothi (Protoscriniarius). Находившаяся здесь церковь S.-Lorenzo еще в XIII веке называлась de ascensa Prothi. Примерная жизнь Льва выдвинула его в глазах императора, который на место развратника мог поставить, конечно, только достойного человека. Желая облегчить римлянам бремя постоя своих войск, Оттон отправил часть их в S.-Leone, а сам решил отпраздновать Рождество в Риме, не подозревая, что здесь замышляется против него заговор. Низложенный Иоанн XII стал вызывать к себе сочувствие, которое было тем сильнее, что Иоанн был сыном великого Альберика и таким папой, которого римский народ избрал свободно. 3 января 964 г. колокола неожиданно стали бить набат, и римляне бросились в Ватикан, где помещался Оттон; их замысел, однако, не удался. Императорские воины отбросили нападавших, разрушили баррикады, возведенные на мосту Св. Ангела, и преследовали обратившихся в бегство римлян до тех пор, пока сам Оттон не положил конец резне. Это было первое восстание римского народа против германского императора. На следующий день римляне явились к нему просить у него пощады и давали клятву у гроба апостола оставаться верными и императору, и папе Льву. Оттон, зная цену этой клятве, взял у римлян сто залож-

ников и отпустил смирившихся в город. После этого он оставался в Риме еще целую неделю; по просьбе Льва он освободил даже заложников, надеясь таким образом облегчить папе его трудное положение. В середине января 964 г. Оттон двинулся к Сполето, чтобы настигнуть там Адальберта. По отъезде Оттона в городе чувствовалось беспокойство, а положение папы было положением ягненка среди волков. Кровь, пролитая 3 января, уже более не высыхала, служа пищей для ненависти против чужеземцев; усмирённые силой римляне едва увидели, что их заложники снова свободны, а император покинул город, как тотчас же дали простор овладевшей ими жажде мести.

3. Возвращение Иоанна XII. — Бегство Льва VIII. — Низложение его на соборе. — Мсть Иоанна своим противникам. — Смерть Иоанна в мае 964 г. — Римляне избирают Бенедикта V. — Отгон возвращает Льва в Рим. — Низложение и изгнание Бенедикта V. — Подчинение папской власти германскому императору. — Грамота Льва VIII

Когда Иоанн, немедленно призванный назад в город, вернулся в него в сопровождении друзей и вассалов, Лев VIII тотчас же увидел себя покинутым всеми и бежал с небольшой свитой к императору в Камерино. Оттон уже успел отправить в Бамберг сдавшихся ему в S.-Leone Беренгара и Виллу, а противодействие Адальберта не могло представлять ничего опасного. Тем не менее император не считал возможным двинуться теперь же в Рим, вероятно, потому, что много войска было отпущено и предстояло собрать новое. Тем временем Иоанн XII подверг жестокой мстительной каре своих противников. 26 февраля он созвал собор в базилике Св. Петра. Из 16 присутствовавших на этом соборе епископов было 11 подписавших приговор о низложении Иоанна; справедливо или нет, они так же, как и кардиналы, могли оправдывать свое участие в соборе Оттона тем, что оно было вынуждено. Ничтожное число духовных на соборе Иоанна и участие этих лиц на двух взаимно исключаящих друг друга соборах ясно свидетельствовало о том, как беспомощна была римская церковь и какая смута царил в ней. Иоанн объявил, что он насильем со стороны императора был обречен на двухмесячное изгнание, что теперь он вернулся на свой престол и предаёт проклятию осудивший его, Иоанна, собор. Епископы гг. Альбано и Порто признали себя виновными в том, что совершили посвящение над Львом против канонических правил, и оба были лишены своего сана. Сико Остийский, проводивший Льва через все стадии церковного посвящения, был лишен священнического сана.

Предав осуждению Льва, Иоанн XII стал мстить многим из своих знатных противников; кардиналу Иоанну он приказал отрезать нос, язык и два пальца, протоскриниарию Аццо — отрубить руку. И тот и другой были его послами, когда он приглашал Оттона в Рим. Епископа шпейерского Отгера Иоанн подверг бичеванию, но дальше этого не пошел и отослал Отгера к императору, опасаясь чрезмерно раздражить последнего. Между тем Оттон оставался в Камерино и здесь в сообществе своего папы провел праздник Пасхи; после того он направился в Рим, но прежде, чем он успел дойти до города, его известили о смерти Иоанна XII. Если достоверны некоторые сообщения, этот папа нашел, по-видимому, смерть, вполне достойную его жизни: как-то ночью среди своих любовных походов вне Рима он попал в руки дьявола, явившегося к нему в образе оскорбленного мужа; он нанес Иоанну удар в голову, и через 8 дней после того, 14 мая 964 г., Иоанн умер. Другие летописцы говорят, что смерть Иоанна последовала от апоплексического удара,

что весьма вероятно при крайне нервном возбуждении, в котором находился Иоанн. Так окончил свое существование сын знаменитого Альберика, явившись жертвой собственной разнузданности и своего противоречивого положения как государя и папы. Юность Иоанна, его происхождение от великого римлянина и трагизм положения дают ему некоторое право на менее суровый приговор.

По смерти Иоанна римляне нарушили присягу, данную ими по принуждению, и, не признавая больше папой Льва VIII, низложенного 26 февраля, решили еще раз оказать сопротивление императору. После больших раздоров среди партий был избран в папы и провозглашен милицией кардинал-диакон Бенедикт. Это был достойный человек, приобретший в варварскую эпоху Рима редкий титул грамматика, которым он и обозначается. Как обвинитель Иоанна, он подписал приговор о низложении его, но вместе с тем он принимал также участие в февральском соборе, осудившем папу Льва. Римляне считали Бенедикта таким человеком, который найдет в себе мужество отстоять независимость церкви от императорской власти. В противность запрещению императора избранный папа был посвящен и под именем Бенедикта V занял апостольский престол.

Затем послы римского народа поспешили к Оттону в Риети сообщить об избрании нового папы и просить об утверждении его. Оттон ответил послам, что он вернет Риму его законного папу Льва и накажет город, если последний не будет повиноваться. Вслед затем Оттон двинулся в Рим. По пути войска императора грабили и опустошали римскую область; затем сам город был обложен. Стоя перед городом и требуя, чтоб он сдался и выдал Бенедикта, Оттон не мог не поступать как император, который требует повиновения от подвластного ему города. Со своей стороны, римляне могли видеть в нем только деспота, который явился, чтобы отнять у них последние остатки их независимости — принадлежавшее им истари право избрания папы. Позора, связанного с личностью Иоанна XII, уже не существовало; преемником Иоанна был избран человек благочестивый, и наконец императору было представлено ходатайство об утверждении избрания. Но мог ли Оттон устранить Льва VIII, избранного на соборе и притом по личной воле императора? В свою очередь, могли ли и римляне отказаться от попытки отстоять перед новым императором свое древнее право избрания, не показав тем самым, что они вполне заслужили участь рабов? Избранный ими папа поднялся на городские стены и призывал их защитников к сопротивлению. Однако в городе стал свирепствовать голод, и после нескольких штурмов мужество осажденных окончательно пало. 23 июня они открыли ворота, выдали Бенедикта V и снова поклонились в верности у гроба св. Петра; они ждали жестокой кары, но император обьявил им амнистию.

По вступлении Оттона в Рим Лев VIII, согласно велению императора, созвал собор в Латеране. Несчастный Бенедикт, избранный римлянами, был введен в зал заседаний в папском облачении, и архидиакон предложил ему отвечать на вопросы: каким образом он, Бенедикт, осмелился возложить на себя знаки святейшего сана, зная, что еще жив его государь и папа Лев, в избрании которого он сам участвовал после низложения Иоанна, и как он мог нарушить клятву, данную своему, здесь присутствующему, императору в том, что без его согласия папа никогда не будет избираться? «Если я погрешил, я прошу милосердия», — воскликнул Бенедикт, простирая руки с мольбой. При виде такого смирения Оттон прослезился: теперь у его ног лежала римская церковь, некогда бывшая, при Николае I, таким страшным трибуналом для королей. И Оттон обратился к собору с просьбой о помиловании Бенедикта, обнимавшего колени императора. Лев VIII разрезал паллий у антипапы, взял из его рук жезл, сломал его, приказал папе сесть на пол, снял с него папское

одевание и затем исключил его из духовного звания. По желанию императора Бенедикту осужденному на вечное изгнание был, однако, возвращен сан диакона.

Папский престол уже давно был в руках римских партий; даже женщины назначали пап, и в лице внука Марозии унижение этого сана достигло своих крайних пределов. Император оказал церкви неоспоримую услугу, отняв у грубых магнатов избрание папы. Царившая в Риме смута сделала Оттона диктатором, и он взял в свои руки избрание как право, принадлежащее императору, тем более что он привык в Германии назначать епископов своей волей. Еще никогда ни один император не одерживал такой победы. Личной энергией Оттона и некоторых его преемников, которым он послужил примером, папство было подчинено императорской власти, и римская церковь вошла в вассальные отношения к Германии. Императорская власть была вознесена на огромную высоту, но затем папство, умаленное величием могущественных властителей, отомстило за себя: оно не только вернуло себе утраченную свободу, но и превзошло пределы императорской власти, проявив исполинскую энергию (таковы законы, которым следует в своих изменениях вещественный мир). Борьба церкви с германской империей была центральным событием в Средние века — великой исторической драмой, потрясавшей мир в эти века.

Достойная попытка римлян сохранить за собой избирательное право была принесена в жертву высшей необходимости; германское королевство должно было надолго подчинить себе Рим и церковь для того, чтобы последняя могла быть реорганизована. Покорившийся город признал императора своим повелителем, и папа Лев был снова водворен на апостольском престоле. Весьма вероятно, что на этот раз Оттон, уже не довольствуясь присягой римлян, издал декрет, которым римляне были окончательно лишены избирательных прав, и Лев VIII, креатура императора, изъявил полную готовность подчиниться этому декрету. Подобная грамота сохранилась в неточной редакции XI века; подлинность этой грамоты возбуждает, однако, сильные сомнения: явные подделки в интересах императорских прав делают истинное содержание грамоты неузнаваемым.

4. Отъезд Оттона. — Смерть Льва VIII весной 965 г. — Иоанн XIII, папа. — Его род. — Изгнание Иоанна. — Оттон идет в Рим. — Возвращение папы. — Варварское наказание возмутившихся. — «Caballus Constantini». — Плач об упадке Рима при саксах

Проведя праздник Петра в Риме, Оттон покинул город 1 июля 964 г. и увел с собой Бенедикта V, которого впоследствии отправил в изгнание в Гамбург. Условия, в которых приходилось Льву VIII оставаться в городе, были по-прежнему тягостны, но весной 965 г. смерть освободила Льва из его затруднительного положения. Собраться для избрания Льву преемника римляне уже не решались и, представляя императору назначить папу, отправили к нему в Германию Аццо и суртрийского епископа Марина. Сами римляне желали видеть своим папой Бенедикта V, человека ими избранного, и надеялись, что император остановит свой выбор на нем. Но Бенедикт V умер 4 июля 965 г. в Гамбурге, где он, находясь под надзором епископа Адальдага, жил, как святой. Смерть Бенедикта избавила Оттона от неприятной необходимости отказать римлянам в их просьбе, и он отпустил их послов с почетом, отправив с ними епископа шпейерского Отгера и епископа кремонского Лиутпранда.

Выбор пал на епископа нарнийского, занявшего престол Петра 1 октября 965 г. Иоанн XIII, сын епископа Иоанна, также нарнийского, воспитывался в

Латеране, прошел здесь по всем ступеням церковной иерархии и приобрел себе почтенную репутацию ученого человека. Явившись обвинителем Иоанна XII на ноябрьском соборе и подписав акт о низложении Льва VIII, Иоанн XIII мог затем опять содействовать возвышению Льва VIII, только будучи вынужден к тому необходимостью. Иоанн XIII принадлежал к знатному роду и был ближайшим родственником *senatrici* Стефании, которой он впоследствии дал в ленное владение Палестрину. Сына, рожденного от брака этой Стефании с графом Бенедиктом, Иоанн XIII повенчал с Теодорандой, дочерью Кресцентия, прозванного а *Saballo magno*, и после того сделал его правителем (*rector*) Сабинь; имя этого сына было также Бенедикт. Род Кресцентиев вступил на свое блестящее поприще именно в это время, вслед за падением дома Альберика. Иоанн XII сам содействовал возвышению этого рода, желая найти в нем поддержку против знати, с которой у Иоанна немедленно установились враждебные отношения. Примкнув к императору, Иоанн надеялся освободиться от влияния магнатов; однако последствием такого образа действий Иоанна был заговор против него. Во главе заговорщиков стал префект города Петр, и это неожиданное упоминание о должности префекта показывает, что она была восстановлена императором. На стороне Петра, бывшего в то время, по-видимому, весьма могущественным человеком в Риме, были Рофред, граф Кампаньи, вестигарий Стефан, многие другие знатные лица и много людей из народа. Предводители милиции схватили папу 16 декабря, заключили его в замок Св. Ангела, а затем отправили в Кампанью, где он был, вероятно, помещен в замок Роффреда. Восстание имело демократический характер, так как главную роль играли в нем наряду с префектом города предводители низшего класса (*Vulgus Populi*). Дело шло опять об освобождении Рима от папского управления как от чужеземного ига. Утрата Римом избирательных прав необходимо должна была привести к постоянным революционным движениям; но и это вызванное отчаянием восстание окончилось также трагически.

Осенью 966 г. Оттон прибыл в Италию и наказал сначала Ломбардию, где злополучный Адальберт сделал попытку еще раз вступить в борьбу, но снова бежал на Корсику и стал вести жизнь скитальца. Когда затем император двинулся к Риму, в городе произошла контрреволюция. Иоанн, сын Кресцентия, восстал с приверженцами изгнанного папы; Рофред и Стефан были убиты, префект принужден был спасаться бегством, и папа был снова призван. В это время Иоанн XIII находился под защитой графа капуанского Пандульфа, к которому он, вероятно, бежал или был отпущен. Сопровождаемый капуанской свитой, папа прибыл в Сабину, графом которой был его племянник Бенедикт, зять Кресцентия а *Saballo magno*, и отсюда проследовал в Рим, в который вступил 12 ноября, пробыв в изгнании 10 месяцев и 28 дней.

Вскоре затем появился в Риме Отгон. Хотя город не оказал никакого сопротивления, тем не менее на этот раз римлянам не было оказано пощады; мы не сомневаемся, что город был подвергнут императорскими войсками разграблению и обгорел кровью убитых ими граждан. Разгневанный император решил строго наказать руководителей восстания. Самые знатные лица из числа восставших, имевшие титул консулов, были сосланы в Германию. Двенадцать народных предводителей, называемых в древних рукописях испорченным словом *decarcones* и бывшие, несомненно, начальниками римских округов, заплатили за свою любовь к независимости смертью на виселице; многие другие были казнены или ослеплены. Жестоким и диким, как то время, было наказание, которому был подвергнут префект города, Петр, заточенный как пленник в подземелья Латерана. Император отдал префекта в распоряжение папы, и последний приказал повесить префекта за волосы на Лате-

ранской площади, на конной статуе Марка Аврелия — «Caballus Constantini». При этом необыкновенном случае неожиданно выступает на свет из мрака прошлых времен знаменитый памятник древности.

Это замечательное произведение искусства сохраняется до сих пор и служит лучшим украшением Капитолия. Нельзя не проникнуться благоговением, взирая на эту статую и вспоминая, что она существует уже почти 17 столетий; и, быть может, этот бронзовый император с торжественно простертой рукой, величественно восседающий на коне, будет существовать и тогда, когда новые развалины будут свидетельствовать о том, что достоянием прошлого стал опять такой же долгий исторический период. Поставленная в эпоху наибольшего могущества цезарей, эта конная статуя была свидетельницей падения империи и возникновения папства. Готы, вандалы, герулы, византийцы и германцы проходили перед изображением императора, предаваясь убийству и грабежу, и не прикасались к статуе. Хищник Константин II засматривался на нее, но не решился увезти. Вокруг нее рушились храмы и базилики, портики и статуи; сама же она оставалась невредимой, как одинокий гений великого прошлого Рима. Только имя статуи было забыто, ибо после того, как конная статуя Константина у арки Севера погибла, на статую Марка Аврелия было перенесено имя императора, которому так много была обязана церковь. С этим произведением искусства народная фантазия связала следующую грубую легенду о происхождении статуи. В то время, когда город управлялся консулами, рассказывали паломники, он был однажды осажден у Латеранских ворот чужеземным королем. В этих трудных обстоятельствах какой-то оруженосец-великан или крестьянин предложил городу избавить его от беды, но в награду требовал себе 30 000 сестерциев и памятника о своем подвиге в виде позолоченной конной статуи. Сенат согласился на такое предложение. Крестьянин сел на несоседланную лошадь и взял в руку серп. Зная, что ночью король совершает свои потребности под одним деревом, — а знал крестьянин об этом через сову, которая в такие моменты начинала кричать, — он захватил короля; в то же время римляне напали на вражеский лагерь и завладели богатой добычей. Сенат выдал освободителю обещанную награду и приказал сделать из позолоченной бронзы лошадь без седла; на ней был посажен всадник с протянутой правой рукой, которой был схвачен король. На голове лошади было укреплено изображение совы, а сам король был изображен со связанными руками, лежащим под ногой наступающего на него коня.

Таким образом, конная статуя Марка Аврелия стояла в X веке еще вполне сохранившейся на латеранском поле, Campus Lateranensis. Находившаяся здесь базилика была построена Константином, а епископское подворье было раньше дворцом великого императора; естественно было думать, что и конная статуя была его изображением. Существовала вообще склонность направлять некоторые вещи и памятники, свидетельствовавшие о Древнем Риме, в Латеран; так, уже в X веке бронзовая группа волчицы, кормящей детей, была поставлена в той зале латеранского дворца, где происходил суд под председательством императорского посла, почему и зал стал называться ad Liram.

Но вернемся к префекту, повешенному за волосы. Он был затем снят, раздет донага и посажен верхом на осла, лицом к хвосту, к которому был привязан колокольчик и который префект должен был держать как повод. На голову префекту был надет мешок, утыканный перьями; такие же мешки прикрывали ноги. В этом виде префект был проведен по всему Риму и в заключение был отправлен за Альпы в изгнание. Ослепленные местью победители не пощадили даже мертвых; трупы графа Роффреда и вестиярия Стефана по приказанию императора были вырыты из могил и выброшены за город. Все эти жестокие меры навели на Рим ужас и возбудили в

населении негодование, а вне Рима вызвали внимание и сочувствие к римлянам; во врагах же императорской власти усилили к ней ненависть. Один только Иоанн XIII имел основание чувствовать признательность к Оттону и называл его освободителем и восстановителем погибавшей церкви, пресветлым, великим и трижды благословенным императором. Но римляне никогда не могли преклониться перед властью чужеземных королей, которые, спустившись с Альп со своими полчищами, являлись, чтобы получить от Св. Петра корону и титул императора и в силу этого властвовать над городом. Безмолвно затаив в себе ненависть, подчинились римляне власти саксонского дома. Среди них не нашлось поэта, который, по примеру предков, поведал бы о судьбе великого города. Только сорацкий монах, заканчивающий свою хронику описанием прибытия разгневанного Оттона и его «несметных галльских полчищ», бросает в отчаянии перо и дает волю своему чувству, выраженному варварским и нескладным языком, но вполне понятным для нас:

«Горе тебе, Рим! Сколько народов угнетает и топчет тебя. Король саксов также покорил тебя; меч поразил твой народ, и твоя сила уничтожена. Их мешки наполнены твоим золотом и твоим серебром. Прежде ты был матерью, теперь ты стал дочерью. То, чем ты владел, утрачено; ты лишен своей первой юности; при папе Льве ты был попран первым Юлием. На вершине своего могущества ты торжествовал над народами, поверг мир в прах и раздавил земных царей. В своих руках ты держал скипетр и великую власть. Теперь тебя совершенно ограбил и разорил король саксов. То же, что говорится о некоторых мудрецах, будет написано и о тебе: некогда ты покорил чужеземные народы и овладел всем миром от севера и до юга. Теперь ты под властью народа галлов; ты был слишком прекрасен. Все твои стены с башнями и зубцами останутся такими, какими они были: у тебя было 381 башня, 46 замков, 6800 зубцов и 15 ворот. Горе тебе, город Льва, уже давно ты взят, но теперь король саксов осудил тебя на забвение».

Так плакал о падении Рима под властью саксов невежественный монах, обитавший на уединенной горе Соракте, с вершины которой, глядя на расстилавшуюся перед ним долину, он мог видеть, как из года в год проходят мимо вооруженные толпы народов, чтобы напасть на Вечный город и вселить в него ужас. Этот плач монаха при изменившихся условиях в Риме уже не может трогать нас так, как трогают нас элегии более раннего времени; но произведение это представляет последующее звено в ряду таких элегий, начиная с плача Иеронима о падении Рима при готах, писем Григория о лангобардах, теснивших Рим, и кончая трогательной песнью о Риме, подпавшем под иго византийцев. Сравнивая плач сорацкого монаха с названными элегиями, мы убеждаемся, как низко пали в X веке язык и наука у римлян.

ГЛАВА IV

1. Коронование Оттона II. — Посольство Лиутпранда в Византию. — Пренесте или Палестрина. — Передача этого города в ленное владение Стефании *senatix* в 970 г.

Целых шесть лет вынужден был Оттон пробыть в Италии — в стране, где после него еще бесчисленное множество германцев достигло славы, но вместе с тем возбудило в ней дикую ненависть к себе и обрело свои могилы. Будучи еще в Риме, Оттон отдал капуанскому Пандульфу Железная Голова в ленное владение Сполето и Камерино. Таким образом, верному вассалу были переданы лучшие земли Сред-

ней и Южной Италии и на него было возложено ведение все еще продолжавшейся войны с византийцами. Пасху 967 г. Оттон вместе с папой Иоанном праздновал в Равенне и затем на соборе возвратил церкви этот город и его область вместе с другими патримониями. После того Оттон приказал своему сыну прибыть в Италию, чтобы обеспечить ему наследование и сделать итальянское королевство, подобно империи, наследственным.

Оттон со своим отцом вступил в Рим 24 декабря и получил императорскую корону из рук Иоанна XIII в день Рождества. Идеи отца пленили воображение 14-летнего юноши, вдруг увидевшего себя цезарем, окруженным всемирно-историческими памятниками. Целью политики Оттона было восстановление Западной Римской империи; к этой цели должны были привести Оттона подчинение Рима и папства, изгнание из Италии греков и арабов и затем объединение этой раздробленной страны. С Константинополем был заключен союз, к которому некогда так стремился Карл Великий. Вступлением в родство с греческим двором Оттон I надеялся придать блеск своей юной династии. Но византийский император смотрел с недоброжелательством на восстановление Западной империи и на возрастающее в Италии могущество германского короля, вассалами которого уже были государи Беневента и Капуи. Искавшие спасения в бегстве сыновья Беренгара нашли приют у византийского императора и легко могли начать войну из Калабрии, как некогда пытался это сделать претендент Адельхис. Оттон отправил посольство к Никифору Фоке, чтобы заключить с ним мир и просить у него для своего сына руки дочери Романа II. Посольская миссия была возложена на одного из самых умных людей Италии того времени; то был Лиутпранд, искусный царедворец, последовательно служивший при дворах Гуго, Беренгара и Оттона, а с 962 г. получивший сан епископа кремонского. Редкое для того времени знакомство с греческим языком, ум, находчивость и придворная ловкость делали Лиутпранда вполне пригодным для выполнения этой задачи, являвшейся тогда одной из самых трудных. Лиутпранд представил Оттону подробный отчет о своей поездке, который читается и в настоящее время с живейшим интересом. В этом отчете мы находим картину византийского двора, написанную, правда, нередко злобно, но живыми образами и в высшей степени ценную. Мы будем ссылаться на этот отчет, поскольку он относится к Риму и римлянам.

Лиутпранд прибыл в столицу Востока 4 июня 968 г., но не скоро был принят в аудиенции Никифором Фокой, увенчанным славой покорителя Крита. Суровый, мужественный герой удостоил тщеславного царедворца лишь несколькими словами, и оскорбленный таким презрительным обхождением Лиутпранд отомстил Никифору Фоке, изобразив его чудовищем. «Мы желали, — сказал император, — оказать тебе прием пышный и великодушный; но твой государь — безбожник, и потому мы не можем этого сделать; он вторгся в Рим, как враг, лишил жизни Беренгара и Адальберта противно праву и долгу, убивал, ослеплял и изгонял римлян и завладел городами нашей империи, предавая их огню и мечу». Нисколько не смущенный этими обвинениями епископ отвечал, что Рим освобожден от господства распутных женщин и надменных аристократов и что наказанию были преданы по законам Юстиниана бунтовщики, нарушившие присягу. В дальнейших переговорах Лиутпранд объяснил, что Оттон возвратил римской церкви все ее владения и передал папе все церковные имения, причем сослался на дар Константина, считавшийся тогда подлинным. Высокомерное поведение греческого императора, торжественная манера держать себя, претензия считать себя законным властителем Рима и Италии, презрение к варварам, нескладный и бьющий на театральный эффект придворный церемониал, — все это описано у Лиутпранда очень увлекательно; тем не менее нельзя не усомниться, что Лиутпранд мог сохранить всю ту независимость и прямоту, которые он приписывает

себе в своем отчете. Как некогда Василий отказал Людовику II в титуле императора, так поступал теперь и Никифор, не желавший признавать за Оттоном никакого другого титула, кроме пига. Никифор считал себя одного императором, и Лиутпранд пришел в немалый ужас, когда в Константинополе было получено от Иоанна XIII письмо с надписью, отчасти дерзкой, отчасти неопределенной: «Императору греков». Допустив посла Оттона к своему столу, Никифор, однако, не скрывал своего презрения к этому послу и заметил ему, что называющие себя в Италии римлянами не больше, как только варвары и лангобарды. «Настоящие римляне, — отвечал на это лангобард, — происходят от братоубийцы Ромула и разбойников, а мы — лангобарды, саксы, франки, лотарингцы, баварцы, швабы и бургундцы — презираем римлян настолько, что ругаем их именем наших врагов, так как с именем «римлянина» мы связываем все, что есть на свете неблагородного, корыстного, чувственного и лживого». Слыша это, греки, ненавидевшие Рим с той поры, как он пал, улыбались и уверяли посла, что Константин увел с собой в Византию сенат и римских всадников, а в Риме остались только подонки народа.

На предложение Лиутпранда сочетать браком падчерицу императора Феофану с сыном Оттона был дан такой ответ: «Если вы возвратите то, что принадлежит нам, вы получите то, чего вы желаете; отдайте нам Равенну, Рим и все земли, примыкающие к ним и простирающиеся до наших провинций; если же твой государь хочет заключить союз, не вступая в родство, пусть он вернет Риму свободу». Когда Лиутпранд указал, что Оттон дал церкви больше богатств, чем она имела раньше, между тем как византийское правительство не думало возвращать церкви захваченные патримонии, императорский министр отвечал: император это сделает, когда снова будет по своей воле управлять Римом и римским епископством. Лиутпранду не удалось достигнуть поставленной ему цели. Лукавые греки осыпали самолюбивого епископа насмешками и относились к нему оскорбительно. Только в конце 968 г. Лиутпранд мог наконец к своему удовольствию покинуть Константинополь, пройдя через бесконечный ряд испытаний, описанных им, впрочем, больше с юмором, чем с горечью.

Мы не будем следить за движениями Оттона в Италии, когда он вел войну с греками в Калабрии, появлялся в Равенне и Павии, а Рождество 970 г. провел в Риме. Город теперь покорно переносил императорское иго. В продолжение нескольких лет после ужасного кровавого суда история Рима не отмечена никаким выдающимся событием. Заслуживает внимания только один диплом Иоанна XIII, относящийся к знаменитому городу Лациума. Древний Пренесте, стоявший на склоне горы и находившийся в 24 милях от Рима, откуда его можно было видеть невооруженным глазом, все еще назывался своим прежним именем и сохранял следы прежнего величия. Саги поэтов и исторические события составляли красу этого древнего города сикулов. Здесь Марий бросился на свой меч; Сулла, истребив жителей города, разрушил его и затем воздвиг в нем величественный храм Фортуны; Фульвия отвечала отсюда Октавиану отказом и с ней была Ливия, сначала противница, а затем супруга Августа. Бальзамический воздух Пренесте некогда излечил развратного Тибериуса; императоры и поэты, поклонники Фортуны — Овидий, Гораций и Вергилий — любили этот украшенный лаврами город богини счастья. Во времена варваров он пал; его храмы, базилики и театры погибли или представляли одни развалины, и великолепные создания трех различных эпох древности исчезли в кучах мусора.

Пренесте сделался одним из семи древних римских викарных епископств и был поставлен под покровительство св. Агапита, юноши, погибшего здесь мученической смертью 28 августа 274 г. Этому святому, считающемуся до сих пор патроном города, посвящен собор, построенный на развалинах храма Фортуны. В

ноябре 970 г. Иоанн предоставил Пренесте в наследственное ленное владение Стефании *senatū*; за ежегодную плату в 10 золотых солидов Стефания, ее дети и внуки получили право владеть городом, но затем он должен был быть возвращен церкви. В этом документе мы имеем пример наделения в римской области феодальным владением.

Мы еще встретимся с потомством Стефании как владельцами Палестрины и, касаясь в истории XI века междоусобных войн знати, не раз будем возвращаться к этому городу.

2. Бракосочетание Феофано с Оттоном II в Риме. — Бенедикт VI, папа, 973 г. — Смерть Оттона Великого. — Волнения в Риме. — Род Кресцентиев. — *Sabali matrogei*. — Римские прозвания того времени. — *Crescentius de Theodora*. — Падение Бенедикта VI. — Возведение в папы Ферруция под именем Бонифация VII. — Его внезапное бегство. — Неизвестная кончина Кресцентия

Исполнить то, в чем отказал императору Оттону Никифор, изъявил согласие его преемник. Ровно год спустя после своего отъезда из Константинополя оскорбленный Лиутпранд мог с удовольствием узнать, что могущественный властитель Восточной империи пал под мечами убийц. На греческий престол в Рождество 999 г. вступил Иоанн Цимисхий, которым убийцы были введены во дворец. Иоанн дружески принял послов Оттона, явившихся с пожеланиями благополучного царствования, и дочь младшего Романа была помолвлена с Оттоном II. В свои юные годы эта принцесса пережила в родительском доме ужасные трагедии; она видела, как умирал ее отец, отравленный ее же матерью, императрицей Феофано, как затем мать ее стала женой Никифора и далее перешла в объятия его убийцы Цимисхия, который, возложив на себя окровавленную корону, заточил эту пленительную по своей красоте женщину в армянский монастырь. Выросшая под небом Востока, свыкшаяся и с греческим языком, и с греческим искусством, юная Феофано последовала на Запад, волнуемая тревожными сомнениями: ей предстояло там жить среди суровых воинственных саксов в городах, на которых климатом и отсутствием культуры была положена печать варварства.

Императорская невеста следовала в сопровождении Геро, архиепископа кельнского, двух епископов и многих графов и герцогов; она высадилась в Апулии и вступила в Рим 14 апреля 972 г., где была встречена своим женихом. Юному цезарю было 17 лет; имея привлекательную наружность, он выглядел совсем еще юношей, но был высокообразован, смел и обладал большими способностями; в его небольшом теле жила душа героя. Юная невеста, которой было едва ли больше 16 лет, отличалась и умом, и красотой. В руки этих двух людей отдал состарившийся Оттон будущее империи. Иоанн XIII короновал Феофано 14 апреля и одновременно повенчал ее в присутствии знатных лиц Германии, Италии и Рима, после чего последовали блестящие празднества. Казалось, что Восток примирился с Западом, когда совершался этот происходивший в первый раз брак императора Запада с византийской принцессой. Тем не менее в действительности этот блестящий брачный союз не дал никаких положительных результатов; плодом его был замечательный ребенок, который был преисполнен почти болезненной по своей страстности любви ко всему греческому и римскому и презирал свою собственную родину. После свадебных празднеств императорская фамилия удалилась в Германию, и вскоре, 6 сентября 972 г., умер Иоанн XIII.

Его преемником был Бенедикт VI, сын Гильдебранда, римлянина германского происхождения, бывший раньше диаконом VIII округа; последний уже не назывался больше *Forum Romanum*, а *Sub Capitolio*. За дальностью расстояния императорское утверждение было получено нескоро, и Бенедикт VI был посвящен только 19 января 973 г. С провозглашением Бенедикта папой возникли снова внутренние раздоры, так как римляне, несмотря на утрату ими избирательных прав, все-таки продолжали выставлять кандидатов. Императорская партия предложила Бенедикта, но национальная партия стояла за Франко, сына Ферруцция. Пока старый император был жив, его властная рука держала римлян в страхе, и Бенедикт был провозглашен папой; но великий монарх, сделавший германцев господствующим народом в Европе, умер 7 мая 973 г., и римляне немедленно восстали против Бенедикта и заменили его своим кандидатом. Юность Оттона II, необходимость для него остаться в Германии, чтобы обеспечить там свою власть, и затем обещания помощи со стороны византийских правителей Южной Италии — все это давало надежду римлянам на то, что действия их останутся безнаказанными. И казалось, что теперь наступил момент, когда древние права, а может быть, и вообще независимость от чужеземной власти снова могут быть достигнуты.

Во главе национальной партии в то время стоял могущественный род Кресцентиев. Предки этого рода так же, как и родоначальники Альберика, неизвестны; но род этот был древний, так как имена Кресцентий и Кресцент были известны уже при императорах, хотя и не раньше III века. В первый раз имя Кресцентия упоминается в *placitum* Людовика III в 901 г.; затем мы встретили вельможу этого имени при Альберике; далее, мы упоминали о Кресцентии а *Caballo Martoreo*, присутствовавшем на ноябрьском соборе Оттона I, и, наконец, в книгах Фарфы, как мы видели, отмечено, что дочь этого Кресцентия, Теодоранда, была повенчана с Бенедиктом, племянником Иоанна XIII. Затем сын того же Кресцентия, Иоанн, в 966 г. руководил контрреволюцией.

Прозвание а *Caballo Martoreo* — одно из самых замечательных римских прозваний. Под *caballo martoreo* подразумевались два колоссальных изображения коней с их укротителями. Эти знаменитые произведения древнего искусства так же, как и три статуи Константина и его двух сыновей, находящиеся в настоящее время на площади Капитолия, стояли тогда на Квиринале перед термами Константина и о них-то, вероятно, создавалась та замечательная легенда, которая приведена в *Mirabilia*. Невестественные пилигримы с изумлением смотрели на голых великанов и, прочтя на пьедесталах имена величайших афинских ваятелей, решали, что эти имена относятся к самим укротителям лошадей. Придя к такому заключению, пилигримы рассказывали дальше так: «Некогда двое молодых философов, Пракситель и Фидий, пришли к императору Тиберию. Заметив, что они голые, император удивился и спросил их об этом. Они отвечали: мы голы потому, что перед нами все обнажено и открыто и мир для нас ничто; мы можем до слова повторить тебе даже то, о чем ты размышляешь в своей опочивальне в ночной тиши. Тогда Тиберий сказал им: если вы это можете, я награжу вас так, как вы пожелаете. Они отвечали: деньги нам не нужны; мы хотим, чтобы нам был воздвигнут памятник. Когда на следующий день философы действительно изложили императору его самые сокровенные мысли, он приказал поставить им памятник, т. е. диких, попирающих землю коней — символ могущественных влостей мира. Но придет время, когда явится более могущественный царь, который укротит коней, т. е. обуздает власть государей мира. Возле лошадей стоят полуобнаженные люди с поднятыми руками и сжатými кулаками; эти люди предсказывают будущее, и так как они сами обнажены, то и их знанию открыто все. Сидящая тут же женщина, обвитая змеями и держащая перед собой чашу, означает Церковь с ее мно-

жеством писаний. Но постигнуть их может только тот, кто окупнется в эту чашу». Таково предание о *Caballi Marmorei*. По-видимому, рядом с изображениями укротительной коней стояла в то время еще статуя Гигиен со змеей, пьющей из чаши; и эта статуя в представлении народа являлась символом церкви.

Таким образом, Кресцентий прозывался а *Caballo Marmoreo* по месту своего жительства, и это прозвание сохранялось у римлян еще в позднейшее время. Нет сомнения, что члены семьи, принадлежавшей к роду Кресцентиев, построили себе замок на развалинах терм Константина, — может быть, на том самом месте, где стоит ныне дворец *Rospigliosi*. Многие римляне носили прозвище по месту своего жительства, и так как местность часто называлась по имени находившегося в ней памятника, то мы встречаем в X веке римлян с прозваниями, звучащими очень странно. Эти прозвища приковывают к себе наше внимание, воскрешая в нашем представлении древние памятники, все сведения о которых иногда исчерпываются такого рода прозвищами. Так, нам известны Роман и Григорий а *Campo Martio*, Иоанн de *Campo Rotundo*, Серий de *Palatio*, Бенедикт а *Macello sub Templo Marcelli* (с рынка у театра Марцелла), Дурант а *Via Lata*, Ильдебрандо а *Septem Viis*, Грациан а *Balneo Miccino*, Иоанн а *S.-Angelo*, Франко а *S.-Eustachio*, Риккардо а *Sancto Petro in Vincula*, Петр de *Cannapara*, *Bonizo de Colossus*, Андрей de *Petro*, получивший свое название от переулка у Колизея. Из таких прозвищ создавались иногда родовые имена у знати, как, например из *S.-Eustachio* — *Santo Statio*. Но народ уже давал прозвища некоторым лицам так же по их особенностям, и из таких прозвищ действительно произошли собственные имена; так, например: Кресцентий Пятизубый, Адриан Короткошея, Бенедикт Баранье Рыло, Иоанн Сто Свиной, Лев Короткие Штаны. Тем не менее сохранялось также и обычное обозначение сына по имени отца или матери: Стефан de *Imiza*, Leo de *Calo Johannes*, Azone de *Orlando*, Бенедикт de *Abbatissa*, Иоанн de *Presbytero*, Кресцентий de *Theodora*.

Имя Кресцентия встречалось в X веке так же часто, как и женские имена: Стефания, Феодора, Марозия. Как один из Кресцентиев прозывался а *Caballo Marmoreo*, так другие назывались: de *Bonizo*, de *Roizo*, de *Duranti*, *Raynerii*, Кресцентий *Cannulus*, Кресцентий *Stelluto*, *Sub Janiculo*, de *Polio* или *Musca Pullo*, de *Flumine*, de *Imperio*, а *Puteo de Proba* (от источника de *Proba*) и *Squassa Casata* (от разрушенного дома). Очень невероятно, чтобы Кресцентий а *Caballo Marmoreo* и Кресцентий de *Theodora*, глава римских заговорщиков, были одно и то же лицо. Хроника Фарфы различает лиц этих двух прозвищ; в одном месте говорится только о Кресцентии а *Caballo Marmoreo*; в другом месте говорится о главе возмущавшихся против Бенедикта римлян, и этот глава называется только именем Кресцентия de *Theodora*; в то время очень точно различали такие прозвища. Точно также нет основания видеть в Феодоре знаменитую *senatrix* и считать отцом ее сына, Кресцентия, Иоанна X. Ни один документ не дает таких указаний. Кресцентий de *Theodora* принадлежал, однако, к знаменитому роду патрициев и происходил, несомненно, от того Кресцентия, который был упомянут нами, когда мы говорили о Людовике III. Этому роду принадлежали в Сабине богатые имения, и уже в 967 г. Кресцентий упоминается как граф и ректор сабинской земли.

Когда Кресцентий поднял восстание, римляне схватили Бенедикта VI, заключили его в замок Св. Ангела и здесь в июле 974 г. задушили; на престол Петра был возведен под именем Бонифация VII сын Ферруция, диакон. О возведенном в сан папы такими насильственными мерами Бонифация сообщается, что он был римлянин; но неизвестно, из какого он был рода. У Бонифация было еще прозвание Франко; поэтому полагали, что он мог принадлежать к франкскому роду этого имени, часто упоминаемому в актах X века. Бонифаций вступил на папский престол,

когда Бенедикт был еще жив или только умирал. Современники изображают его чудовищем, «monstrum», и говорят о нем, что он был запятнан в крови своего предшественника. К сожалению, мы располагаем только самыми скудными сведениями о событиях в Риме. За сообщением о провозглашении Бонифация папой следует немедленно сообщение о его низвержении. Через месяц и 12 дней новый папа поспешно забрал церковные сокровища и бежал в Константинополь, где, как и все другие претенденты, он нашел для себя поддержку. Это обстоятельство позволяет думать, что провозглашение Бонифация папой находилось в связи с политикой греческого императора, который именно тогда прилагал старания к тому, чтобы ослабить германское влияние и в Салерно. Изгнание антипапы могло быть делом только снова одержавшей победу германской партии в Риме, главой которой на юге все еще оставался храбрый Пандульф Железная Голова.

Затем Кресцентий уже не играет больше никакой исторической роли. Он не провозглашал себя патрицием и после победы, одержанной противной партией, даже продолжал спокойно оставаться в Риме. Так, в одной грамоте 977 г. упоминается Кресцентий Illustrissimus, по прозванию de Theodoga, как мирный вассальный властитель замка у Беллетри. Другой документ, помеченный 15 октября 989 г., говорит о Кресцентии как уже умершем, называет его бывшим некогда консулом и герцогом, супругом светлейшей Сергии и отцом Иоанна и Кресцентия. Наконец, мы видим его испугающим свои грехи монахом монастыря Св. Алексея, где он умер 7 июля 984 г. Завершение жизни поступлением в монастырь было в нравах того времени. «Здесь покоится, — гласит надгробная надпись, имеющаяся в названном монастыре, — знаменитый Кресцентий, знатный римский гражданин и великий герцог; от славных родителей происходит славное потомство; его отец Иоанн и его мать Теодора озарили его блеском. Христос, милостивый Спаситель душ, снизошел к нему, и он, отрекшись от мира, пал ниц у порога св. мученика Бонифация, облекся в монашеское одеяние и посвятил себя на служение Богу. Он одарил этот храм богатыми дарами и многими землями. Читаящий это, молись за него, дабы простились ему его грехи. Он умер 7 июля в 984 г. по Рождестве Господнем».

3. Бенедикт VII, папа, 974 г. Он содействует Ключинской реформе. — Он восстанавливает церкви и монастыри. — Монастырь Свв. Бонифация и Алексея на Авентине. — Легенда о св. Алексее. — Итальянский поход Оттона II. — Его пребывание в Риме в Пасху 981 г. — Его неудачный поход в Калабрию. — Иоанн XIV, папа. — Смерть Оттона II в Риме 7 декабря 983 г. — Его гробница в церкви Св. Петра

После бегства Бонифация избрать папу оказалось трудным. Святой муж Майол Ключинский, которому Оттон II предложил тиару, отказался от нее, и только в октябре 974 г. папой был провозглашен Бенедикт VII, бывший до того епископом в Сутри. Что он был племянником или внуком Альберика, это не может быть доказано. Созвав собор, Бенедикт осудил Бонифация и затем стал править властно. Ему удалось продержаться в течение девяти лет, несмотря на то что Оттон не появлялся в Италии целых пять лет. Таким образом, немецкой партии удалось держать противную партию в своей власти; но как все это происходило, нам неизвестно.

Бенедикт VII усердно содействовал ключинской реформе и позаботился о реставрации церквей и монастырей. Во дворе аббатства Св. Схоластики в Субиако еще сохраняется камень с грубыми рельефами и надписью, в которой сказано, что

этот папа 4 декабря 981 г. освятил новую монастырскую церковь. Он возобновил также монастырь Свв. Бонифация и Алексея на Авентине, пользовавшийся в то время наибольшей славой в Риме. Хотя римские монастыри существовали уже несколько веков и город был переполнен ими, они тем не менее не имели того значения, которое признавалось за итальянскими, германскими и франкскими аббатствами. Монастырь, учрежденный Григорием на Целии, некогда славился как школа английских миссионеров. Это почтенное аббатство Св. Андрея и Св. Григория все еще существовало, но многие другие были в упадке, и мы уже упоминали о заботах, которые прилагал Альберик к восстановлению этих монастырей. В конце X века монастырь Св. Бонифация на Авентине начал процветать и вскоре стал школой, которая готовила миссионеров в славянские земли.

Церковь Св. Бонифация была очень древней; по преданию, еще при императоре Гонории Евфимиан уступил свои дворцы для устройства этой церкви. Сын этого сенатора, Алексей, является героем одной из самых прекрасных легенд, повествующих о христианском смирении. Знатный юноша бежал из своего свадебного зала, сверкавшего огнями и наполненного гостями. Вместо того чтобы обнять свою невесту, молодой человек обратился к ней со словами о суетности всякого земного счастья, затем переделся в простую одежду и ушел в далекие пустыни. По прошествии четырех лет он, как Одиссей, вернулся домой под видом нищего и лег под лестницей дворца своего отца, по которой, осыпая нищего насмешками, подымались и спускались толпы отцовских слуг. Семнадцать лет прожил здесь Алексей, перенося всякие обиды от людей, которые обходились с ним, как с собакой, и затем умер безропотно, как герой. Описание своей жизни, которое он составил сам и держал в своей руке, открыло, однако, его действительное происхождение, и ангельские голоса, свидетельствуя о его величии, подтвердили это. Почивший сын сенатора был взят из-под лестницы и в присутствии толпы римлян был погребен папой и императором в базилике Св. Петра. Впоследствии его имя было соединено с именем Бонифация; оба имени упоминаются только к концу X века; однако в надписях времени Бенедикта VII мы находим имя только одного Бонифация. Вероятно, кроме древней церкви — диаконии, уже существовал и монастырь. И церковь, и монастырь были в упадке, пока Бенедикт VII в 977 г. не передал их греческому митрополиту Сергию. Гонимый арабами, этот митрополит бежал из своего епископства Дамаска в Рим, основал здесь монастырь Св. Бонифация и был его первым аббатом. В монастыре действовал бенедиктинский устав; тем не менее здесь наряду с латинянином жили и базилиане. Сергий остановился в своем выборе на этой церкви потому именно, что она была греческой колонией. Местность, где находилась церковь, называлась Влахерны; сам Бонифаций погиб мученической смертью в Тарсе; наконец, Евфимиан, его жена Аглая и сын их Алексей, судя по их именам, были греками. Сергий прожил здесь до 981 г.; после него аббатом был Лев, и вскоре затем монастырь сделался сборным местом для некоторых выдающихся людей, о которых мы еще будем говорить.

Однако Бенедикт VII не имел возможности отдаться всецело мирным заботам о церковной реформе. Если бы мы располагали более полными сведениями о том времени, мы, без сомнения, увидели бы его занятым борьбой с противной партией и, быть может, даже готовым искать спасения от нее в бегстве. Ко всему тому, что побуждало Оттона II двинуться на Рим, присоединилась еще настоятельная просьба папы избавить его от его притеснителей. Со времени падения Беренгара и его сыновей и назначения в наиболее влиятельные епископства и графства Верхней Италии приверженцев саксонского дома только Нижняя Италия могла послужить ареной для военных подвигов юного императора. Сарацины все еще внушали страх Риму и Италии; правда, замок сарадин в Фраксинете был уже разрушен в 972 г.

Вильгельмом Прованским; тем не менее их единоверцы продолжали производить свои разбойнические набеги из Сицилии в Калабрию. Помимо того, было важно разбить греков, старавшихся вернуть утраченные Капую и Беневент, покорить германскому скипетру Апулию и наконец завладеть Сицилией. С пламенным желанием совершить все эти подвиги прибыл Оттон II в Италию осенью 980 г. Отпраздновав Рождество в Равенне и, вероятно, встретившись здесь с папой, император вступил в Рим только в Пасху 981 г. Оттона сопровождали его мать Адельгейда, жена Феофано, сестра аббатисса Матильда Кведлинбургская, франкский герцог Гуго Капет, король Конрад Бургундский и многие другие государи и властители.

Ни у одного из летописцев того времени мы не находим указаний, что Оттон II подверг наказанию участников восстания 974 г., и только в сообщениях позднейшего происхождения рассказываются басни, будто Оттон, подобно Каракалле, устроил римлянам на ступнях базилики Св. Петра предательский пир, на котором приказал одним участникам пира отрубить головы, а другим остаться на месте и продолжать пир. Это предание лишено всякого смысла, но и до сих пор повторяется некоторыми итальянскими историками. Юный император, от гнева которого Кресцентий, без сомнения, спасся тем, что принял монашеский сан, покинул Рим в июне или в июле и направился в Южную Италию, где готовились к войне с ним греки (в то время в Византии царствовали братья Феофано, Василий II и Константин IX) и сарацины под предводительством Абуль-Касима Палермского. Битвы Оттона в Южной Италии, где уже издавна шла борьба интересов Западной и Восточной империи и ислама, были неудачны. 13 июля 982 г. при Стило произошла битва, которую Оттон сначала выиграл, а потом проиграл; в этой битве под саблями сарацин погиб цвет германской и итальянской знати. Греческое судно доставило бежавшего Оттона в Россано; спасаясь оттуда, отважный беглец вернулся в Капую. Таким образом, планы Оттона были разрушены; византийцы ликовали, и сумей они воспользоваться великой победой, одержанной сарацинами, греческий император, быть может, снова стал бы назначать своих экзархов в Равенне и своих пап в Риме. Смущенные поражением, стояли вокруг Оттона магнаты империи в Вероне в июне 983 г., когда происходило избрание сына Оттона, Оттона III, королем Германии и Италии. После этого император поспешил обратно в Южную Италию, чтобы предпринять новый поход. Но раньше Оттон пошел в Рим, где его присутствие было необходимо, так как Бенедикт VII умер в сентябре или октябре 983 г.

Преемником Бенедикта VII Оттон назначил государственного канцлера Петра из Павии, Иоанна XIV, но, едва успев это сделать, сам смертельно заболел. Большое напряжение сил, которого потребовали последние годы, сломило силы юного императора, который не обладал таким железным организмом, как его отец. Собрав вокруг своего смертного одра друзей и соратников, Оттон завещал свои сокровища церквям и бедным, своей матери Адельгейде, своей единственной сестре Матильде и наконец своим воинам, покинувшим из любви к нему отчизну. Затем в присутствии епископов и кардиналов он исповедался, получил прощение грехов и умер в императорском дворце при базилике Св. Петра 7 декабря 983 г. на 28-м году от роду.

Гробница единственного германского императора, умершего и погребенного в Риме, находится на восточной стороне атриума, слева от входа. Тело императора было положено в древний саркофаг, украшенный изображением какого-то консула и его жены. Древние римские гробницы перемещались в Риме точно так же, как и колонны древних храмов, и подобно тому, как при жизни император германской нации носил титул и сан, заимствованные из древних времен, так и по смерти его тело было заключено в саркофаг, составлявший наследие древности. Над гробницей Оттона была вделана в стену мозаика, изображающая Христа с поднятой для благо-

словения рукой и свв. Петра и Павла, стоящих по сторонам Христа. Эта замечательная мозаика, в настоящее время вделанная в стену в ватиканских подземельях, является памятником искусства того времени. Техническое выполнение слабо, но лучше, чем в мозаиках времени Иоанна VII. Выражение лица Христа с длинными черными волосами полно достоинства; рисунок слаб и света мало; особенно недостаточно освещены оба апостола, из которых Петр держит связку трех ключей. Нет сомнения, что эта мозаика была сделана и помещена над языческой гробницей Оттона по приказанию Феофано. Германские пилигримы имели возможность взирать с благоговением на гробницу императора в течение семи столетий, пока наконец при Павле V во время перестройки базилики эта гробница не была уничтожена. Останки императора были вынуты из саркофага в присутствии нотариуса, подтвердившего свидетельство о том, что Оттон II был маленького роста. На этот раз нашли, что античный саркофаг будет слишком хорош для хранения останков императора, и он кощунственно был отдан в распоряжение поваров Квиринала как простая посуда, в которой можно держать воду. Прах императора был положен в другой мраморный саркофаг и над ним был сделан оштукатуренный свод. В таком виде гробница Оттона II сохраняется до настоящего времени в подземельях Ватикана, недалеко от гробницы Григория V, родственника Оттона II, среди трагического собрания останков пап, покоящихся в своих саркофагах в виде мумий. И посетитель этих замечательных подземелий, погружаясь в их полумрак, не может не проникнуться теми страданиями, которые были даны в удел человечеству его историей.

4. Ферруций возвращается в Рим. — Ужасная смерть Иоанна XIV. — Террористическое правление Бонифация VII. — Его падение. — Иоанн XV, папа, 985 г. — Кресцентий присваивает себе власть патриция. — Феофано вступает в Рим как регентша империи. — Она водворяет мир среди римлян. — Св. Адальберт в Риме

Уже стоя у гроба Оттона II, Иоанн XIV мог предвидеть свою гибель. Римляне знали теперь, что над ними больше не стоит император, которого надо опасаться. Коронованному наследнику императора было всего три года, а опека над ребенком была в руках женщины. Затем этому наследнику угрожал честолюбивый родственник, Генрих Баварский, провозгласивший себя в Германии королем. Это обстоятельство заставило Феофано покинуть Рим весной 984 г. Тогда римляне стали громко заявлять о необходимости иметь своего собственного папу, и еще остававшийся в живых претендент появился в Риме в надлежащий момент.

Более девяти лет провел сын Ферруция в Византии, находясь в изгнании, и мысль о престоле св. Петра не покидала его все это время. Приложив со своей стороны старания к тому, чтоб между греками и сарацинами осуществилась лига, Бонифаций затем имел удовольствие узнать о поражении императора и еще большее — услышать о его смерти. Тогда Бонифаций направился в Рим. Здесь он нашел престол Петра занятым епископом Павии. Но у Бонифация были приверженцы в Риме, а собственное или греческое золото позволило приобрести ему новых друзей. В Константинополе напутствовали Бонифация наилучшими пожеланиями, и греки сопровождали его. Возможно, что между Бонифацием и византийским двором был заключен известный договор; мы не имеем, однако, никаких документальных сведений в этом отношении, и история Рима в эту эпоху является еще более неясной, чем в какую-нибудь другую.

Иоанн XIV был скоро свергнут, и кончина его была ужасна. Получив в свои руки Иоанна, Бонифаций заточил его в подземную темницу замка Св. Ангела. Здесь Иоанн томился четыре месяца и затем умер от голода или от яда. Революция происходила на Пасху 984 г., и, следовательно, Иоанн умер летом этого года. Бонифаций, без сомнения низложивший Иоанна на соборе как самозванца, смотрел на себя как на законного папу и по возвращении в Рим приказал считать началом своего правления 974 г. По-видимому, он оставался на престоле еще 11 месяцев; но нам ничего не известно об этом времени. Беглая заметка о том, что он велел вырвать глаза у кардинала Иоанна, дает основание предполагать, что Бонифаций дал волю своему мщению, вскормленному долгим изгнанием. Но сам он был чужд римлянам, и его внезапная кончина свидетельствует, что он был помехой для своих собственных приверженцев. Последние составляли партию не византийскую, а национально-римскую, руководителем которой раньше был Кресцентий, а теперь стал его сын. Эта последняя свергла папу-тирана, так как решила воспользоваться благоприятным моментом, чтобы самой взять в свои руки управление городом. Бонифаций VII погиб, конечно, насильственной смертью. Его труп был подвергнут разъяренной толпой самым грубым насилиям; его волокли по улицам и затем бросили у конной статуи Марка Аврелия. Таким образом, памятник одного из самых благородных римских императоров получил значение как бы революционного эшафота. На утро труп был взят дворцовой прислугой и погребен по христианскому обряду. Так окончил свою жизнь летом 985 г. Бонифаций VII, которым на протяжении 11 лет были низложены и загублены в замке Св. Ангела два папы.

На престол Петра вступил затем, при обстоятельствах неизвестных нам, Иоанн XV, происходивший из квартала *Galina Alba*, который, как указано в *Notitia*, находился в VI округе *Alta Semita*. Отец Иоанна, пресвитер Лев, принадлежал к неизвестному роду, относившемуся к семье Кресцентиев, по-видимому, враждебно, к германской же партии или к императорскому дому сочувственно. Избрание Иоанна XV силами германской партии могло последовать только против желаний национальной партии. Иоанн XV слыл ученым человеком и, по-видимому, был даже автором некоторых сочинений. Это обстоятельство делало его особенно ненавистным для невежественного римского духовенства, которое было раздражено против Иоанна XV еще и потому, что он старался предоставить наиболее влиятельные места лицам своей партии и своим родственникам. Со времени возвращения Бонифация или его смерти светская власть была, однако, уже в руках Иоанна Кресцентия, сына того первого Кресцентия, о котором было говорено выше. Этот знаменитый римлянин, которого позднейшие летописцы называют *Numentanus*, так как ему, по-видимому, принадлежал *Numentum* в Сабине, ныне *Mentana*, стремился восстановить власть Альберика. В течение нескольких лет Иоанну Кресцентию действительно удалось быть властителем в Риме. Мы видим его во главе национальной партии, но он не имел сана *princeps* и сенатора всех римлян. Ни в одном из документов он не называется этими именами, а в 983 г. он принимает сан патриция, на что он мог решиться, так как в то время не было императора. Всем этим Кресцентий как бы заявил, что считает себя представителем римского сената и народа и светским властителем Рима, но не независимым государем. Италия больше уже не пыталась вернуть себе независимость и не провозглашала своими королями ни туземных, ни чужестранных государей. Достигнув значительного могущества благодаря Гвидо и Ламберту, и еще более в силу привилегий, дарованных обоими Оттонами, епископы явили собой противовес графам, так что области, находившиеся в распоряжении епископов, оказались как бы государствами в государстве. Но епископы были склонны поддерживать императора; среди же магнатов не оказывалось

никого, кто носил бы в себе дух смелой инициативы. По смерти Оттона II Италия, признав права ребенка саксонского происхождения, снова осудила себя на подчинение чужеземному владычеству и по-прежнему продолжала возлагать свои надежды на германскую нацию, которая в силу своего политического могущества неизбежно должна была господствовать над этой разъединенной страной.

Поведение римлян внушало опасения регентше Феофано и побудило ее ускорить свое возвращение в Рим, куда ее призывал также и теснимый своими противниками папа. Феофано вступила в Рим в 989 г., и обычно столь несговорчивая Италия выказала ей, гречанке, полное повиновение. По странной случайности, в это же время государями Восточной империи были родные братья Феофано. Патриций Рима не закрыл ворота перед регентшей, и она не встретила никакого сопротивления; наоборот, ей, как матери государя, за которым было признано право на императорскую корону, оказано было полное повиновение. Такая покорность Рима, однако, ничуть не объясняется общепринятым предположением, что немецкая партия в Риме была очень могущественна. Эта покорность могла явиться только последствием договора, который еще раньше был заключен Феофано с Кресцентием. Феофано не считала имперскую власть прекратившейся со смертью своего мужа и смотрела на власть над Римом как на наследие своего сына. На Западе еще не было такого случая, чтобы императорская власть была в руках женщины; но Феофано как греческая принцесса могла иметь в виду пример Ирины и Феодоры. Власть, которой пользовалась Феофано в Равенне и в Риме, была вполне властью императрицы и даже «императора». Она лично вела *placita* и повелела ее именем решать судебные дела. Нам приходится допустить, что она обязала римлян присягой признать за ее сыном все принадлежащие ему права, и только при этом условии утвердила Кресцентия в сане патриция.

Рождество 989 г. Феофано провела еще в Риме и покинула город весной 990 г. В бытность свою в Риме она почтила память своего мужа раздачей милостыни и заупокойными обеднями. Здесь же она нашла утешение своей скорби в словах одного беседовавшего с ней святого человека. В это именно время в Риме находился Адальберт, пражский епископ; это был благочестивый человек, преисполненный энтузиазма и позднее имевший такое огромное влияние на сына Феофано. Неустойчивая славянская натура сочеталась в Адальберте с пылом римского святого прошлых времен. Христианство только что проникло к славянам, и Адальберт был вторым пражским епископом. Вынужденный жить среди чехов, он пришел в ужас от их дикости и вместо того, чтобы приложить свои силы к распространению в этом народе цивилизации, покинул против закона свое епископство, чтобы отправиться паломником сначала в Рим, а затем в Иерусалим. Феофано снабдила Адальберта деньгами на путешествие. Он взял деньги, но раздал их бедным, ушел в Монте-Кассино и стал разыскивать самого знаменитого в то время святого, подвизавшегося в Калабрии. Этот святой был греческий отшельник с мистическим именем Нила. Он жил в Южной Италии среди своих учеников как странствующий патриарх и, переходя из провинции в провинцию, творил чудеса и проповедовал мир. Государи и народы поклонялись отшельнику и чтили его. Он отговорил Адальберта от паломничества в Иерусалим и посоветовал идти к аббату Льву в монастырь Св. Бонифация в Риме. На Пасхе 998 г. славянский епископ принял в этом монастыре монашеский сан и прожил несколько лет. Лев Простодушный (*Simplex*) был аббатом этого монастыря; наряду с аббатом пользовались известностью или по своему ораторскому таланту, или по подвижническому молчанию также и другие монахи, как, например, Иоанн Мудрый, Феодосий Молчальник, Иоанн Блаженный, и в числе этих известных монахов были даже базилиане. В то время как город страдал от бедствий

партийной борьбы, эти святые люди, сидя на развалинах Авентина и взирая на пирамиду Цестия и Monte Testaccio, вдохновлялись мыслью обратить в христианство далекие страны и претерпению мученичества на служении Христу. Кресцентий мечтал о славе древнего римского героя, Адальберт — о славе римского мученика. Бывший епископ должен был, однако, покинуть монастырь: архиепископ Майнцский требовал, чтобы беглец вернулся, и римский собор приказал ему снова занять место епископа в Праге. Вернувшись в Прагу и убедившись, что он не может быть здесь полезен, Адальберт немедленно покинул Прагу во второй раз и в 995 г. снова явился в монастырь Св. Бонифация.

ГЛАВА V

1. Глубокий упадок папства. — Инвектива галльских епископов против Рима. — Враждебное отношение поместных соборов. — Кресцентий присваивает себе светскую власть. — Бегство Иоанна XV. — Римляне вторично признают его. — Смерть его в 996 г. — Григорий V, первый папа германского происхождения. — Подчинение папства германской императорской власти. — Оттон III, император, 21 мая 996 г.

В то время, к которому относятся описанные нами события, папство пришло в совершенный упадок; преступные лица, занимавшие престол св. Петра, уничтожили благоговейные чувства к этому престолу не только в Риме, но и в других местах. Замечательным свидетельством такой перемены в отношениях к папам является знаменитый Реймский собор 991 г. — Арнульф, архиепископ этой первой франкской метрополии, поступил как предатель и отдал метрополию во власть своего дяди Карла, герцога лотарингского. Узурпатор Гуго Капет, занявший престол Каролингов, привлек Арнульфа к суду епископов. На требование одного из членов суда передать дело в высшую церковную инстанцию — на решение папы — Арнульф, епископ орлеанский, встал и сказал: «О жалкий Рим, нашим предкам ты светил кротким светом отцов церкви; теперь ты окутал нас черной ночью, которая останется надолго памятной. Когда-то были у нас могучий папа Лев и великий Григорий! Что мог бы прибавить я также к славе Геласия и Иннокентия, свою мудростью и ораторским талантом превосходивших всех философов мира? А в нынешние времена чего только не довелось нам пережить? Мы видели, как Иоанн, прозванный Октавианом, утопал в грязи разврата и даже вступил в заговор против Оттона, которого он сам короновал. Он был прогнан из Рима, и папой был провозглашен неопит Лев. Когда Оттон покинул Рим, Октавиан вернулся, прогнал Льва, отрезал диакону Иоанну нос, пальцы правой руки и язык и со сладострастной яростью предавал смерти многих знатных горожан; затем вскорее он сам умер. На его место римляне избрали грамматика Бенедикта; но и против него восстал поддерживаемый императором неопит Лев. Бенедикт был схвачен, низложен и отослан в Германию в вечное изгнание. Императору Оттону I наследовал император Оттон II, воинским искусством, мудростью и образованием превзошедший в наше время всех государей. Между тем в Риме престол Петра был занят ужасным чудовищем Бонифацием, обгаренным кровью своего предшественника. Бонифаций в своих злодеяниях пошел дальше всех других преступных людей. Изгнанный из Рима и низложенный собором, Бонифаций по смерти Оттона вернулся в Рим и, в противность клятвенному обещанию, достиг того, что достойный муж, бывший епископ Павии папа Петр был свергнут с высоты своего

положения в городе: Бонифаций низложил Петра, заключил его в тюрьму, подверг ужасным мучениям и затем умертвил его. Где же начертан такой закон, который повелевал бы всему сонму просвещенных и достойных служителей Бога на земном шаре повиноваться подобным чудовищам, позорящим мир и чуждым всем божеским и человеческим законам?» Смелый оратор спросил затем епископов, присутствовавших на собрании и внимавших этим неслыханным до той поры словам отчасти со страхом, отчасти с чувством удовлетворения, — как же следует назвать папу, одетого в пурпур и золото и сидящего на престоле св. Петра? Если, говорил епископ орлеанский, в папе нет любви и он только кичится блеском своих знаний, то он антихрист, воцарившийся в храме Господнем и выдающий себя за Бога. Если же в нем, как оказывается, нет ни христианской любви, ни знаний, то он представляет собой только идола в храме Господнем, и ждать от такого идола мудрого суждения можно с таким же основанием, как и от безмолвной мраморной глыбы. Далее епископ Арнульф удостоверял, что в Бельгии и Германии есть немало достойных епископов, на обсуждение которых могут быть переданы реймские дела, и нет надобности взывать к духовному суду того города, где все продажно и приговоры соразмеряются с количеством уплаченного золота.

Это была катилиновская речь против папства X века. И тем не менее великий институт папства настолько близко отвечал потребностям человечества, что его не могли разрушить даже такие условия внутреннего разложения, при которых всякое государство по необходимости прекратило бы свое существование. К внутренним врагам папства, к упадку церковной дисциплины, к непокорной римской знати, к предъявляющей свои притязания императорской власти присоединились еще поместные соборы. Со времени Каролингов епископы в силу иммунитета стали почти независимыми государями в своих землях. Государство было во власти епископов, так как они, будучи высшими лицами империи, руководили политическими делами, а своим образованием и дипломатическим искусством превосходили всех светских баронов. В эту эпоху епископы боролись с папством страшным оружием: папству угрожала возможность победы со стороны поместных соборов и даже отпадение галльской церкви. А между тем мы скоро услышим, как отвечал Рим на обвинения Реймса и как это глубоко опозоренное папство снова увидело у своих ног епископов, принцев и королей.

Последнее время правления Иоанна XV протекло бурно. Непотизм этого папы и его корыстолюбие по-прежнему возбуждали в римлянах ненависть к нему, и можно думать, что если не с удалением Феофано из Рима, то после смерти ее, последовавшей уже 15 июня 991 г., Кресцентий взял окончательно в свои руки управление городом. На втором реймском соборе французские епископы жаловались, что их послам так же, как и послам короля Гуго, Иоанн XV не оказал должного почета при приеме, потому что эти послы явились к Кресцентию без всяких приношений. Далее епископы утверждали, что в Риме ни одна жалоба не может быть услышана, за исключением тех случаев, когда «тиран», подкупленный золотом, снисходит объявить оправдательный или обвинительный приговор. В 995 г. Иоанн вынужден был даже бежать в Туцию к маркграфу Гуго, державшему сторону Германии; отсюда он призывал юного Оттона идти походом на Рим. Весть об этом походе принудила возмущившихся римлян призвать папу обратно; они снова приняли его с почестями и примирились с ним. Ему, однако, не привелось дожить до той поры, когда выступивший на защиту папы Оттон прибыл в Рим: в марте или апреле 996 г. Иоанн XV умер.

Сопровождаемый большим войском и многочисленной свитой епископов и владетельных князей, среди которых Вилагис Майнцский был истинным руководителем римского похода, Оттон III двинулся весной 996 г. из Регенсбурга и перешел Альпы

через Бреннер. В Павии он отпраздновал Пасху и здесь же впервые узнал о смерти Иоанна. В Равенне римские послы представили Оттону письма, в которых римская знать удостоверяла, что римляне рады прибытию Оттона, что смерть папы поставила их в затруднение и что они готовы услышать волю короля в деле выбора нового папы. Проявить такую покорность принудил римлян страх перед императором, а сам Кресцентий не обладал ни могуществом, ни способностями Альберика. В короткое время своего управления родным городом, которое сопровождалось, правда, менее благоприятными условиями, Кресцентий был только главой партии, а не государем. Таким образом, патриций принужден был признать за внуком Оттона I узурпированные этим последним права по отношению к избранию папы. Внук, еще не вышедший из отроческого возраста, приобрел право жаловать тиару по своей воле с того момента, как его дед получил императорскую корону из рук папы-юноши.

Оттон III назначил папой Бруно, собственного капеллана и своего двоюродного брата. Бруно был сын маркграфа Оттона Веронского, герцога Каринтии, и через свою бабушку Лиутгарду приходился внуком Оттону I. Новому папе было всего только 23 или 24 года; он получил хорошее светское образование и имел выдающиеся способности, но отличался страстностью и несдержанностью. С согласия находившихся в Равенне германских и итальянских магнатов Оттон отправил назначенного им папу в Рим в сопровождении Виллигиса Майнцского и Гильдебальда Вормского, и Бруно был принят в Риме с почестями. Последовавшее затем как бы свободное избрание придало делу причастующий облик, и на престол св. Петра 3 мая 966 г. вступил под именем Григория V в первый раз человек чисто германского происхождения. Ужасное положение, в котором находился тогда Рим, показывало явно, что среди римлян уже нет более человека, достойного стать папой. Поэтому все благомыслящие люди в Италии, Франции и Германии отнеслись к этому назначению Бруно как к совершенно неожиданному благополучию. Ключинский орден приветствовал своего друга ликованиями, и повсюду явилась надежда, что новый папа, принадлежавший к императорскому роду, внесет в разлагавшуюся церковь необходимую реформу. Одни только римляне роптали, так как видели, что и сам престол апостольский занят саксонской династией. И это было такой победой императорской власти, которая далеко оставила за собой все то, что было достигнуто самим Оттоном Великим.

Сделавшись папой, Бруно как германец нарушил обычай, который подлежал упразднению; этот обычай молча признавался за закон и заключался в том, что на престол св. Петра возводились только римляне. Со времени сирийца Захарии в продолжение 250 лет из 47 пап только двое происходили не из Рима и не из церковной области; то были Бонифаций VI, тусциец, и Иоанн XIV, уроженец Павии. Таким образом, национальное чувство римлян должно было быть глубоко оскорблено; они предпочли бы иметь на папском престоле даже чудовище, но только римлянина, а не саксонца, хотя бы и святого. Между тем со времени Григория V папство раздвинуло свои границы. Оно вышло из сферы собственно Рима и римской аристократии и снова приобрело общую связь со всем миром. Тот великий принцип, в силу которого национальность папы не имела значения, возник из идеи христианства, поставившего на место нации все человечество. Этот принцип вполне отвечал космополитическому понятию о верховном главе вселенской церкви, и ему же отчасти было обязано папство своей всемирной властью. Конечно, с назначением Бруно и в ближайшее затем время этот принцип вовсе еще не был установлен как закон; тем не менее начало это после некоторого отступления постепенно установилось само собой, так как великие мировые факторы оказались более могущественными, нежели голоса римлян, неизменно настаивавших на том, что папой должен

быть уроженец Рима. Во все продолжение Средних веков на апостольский престол вступали римляне, итальянцы, германцы, греки, французы, англичане и испанцы, пока с прекращением всемирной власти пап вышесказанный принцип не утратил своего значения, и тогда снова установился точно так же молчаливо возведенный на степень закона обычай — не провозглашать папой не-итальянца. Восстановление этого обычая ясно показало, что сфера действий папства была опять заключена в более тесные границы.

После провозглашения Бруно папой Оттон III направился в Рим, чтобы принять императорскую корону из рук того, кто был им самим возведен на святой престол. Встреченный с торжественными почестями, Оттон III короновался в базилике Св. Петра 21 мая, и это положило конец власти Кресцентия как патриция. После 13 лет, в течение которых никто не был облечен саном императора, Рим опять увидел в своих стенах нового августа и с ним вместе нового папу. Новый август стремился восстановить империю, если не Траяна, то Карла; новый папа, как новый Григорий, мечтал наделить папство всемирной властью; оба стремления, однако, совершенно исключали одно другое. И папа, и император были еще молоды; одному было 24 года, другому — только 15 лет; оба были родственниками между собой и оба — германского происхождения. Стоя на высочайшей вершине могущества, которой только может достигнуть смертный, они оба являли собой удивительное зрелище в Древнем Риме. Нет сомнения, что римляне смотрели недружелюбно на этих белокурых сагсов, пришедших владеть их городом, а с ним и христианским миром, и юные чужеземцы не могли внушить римлянам благоговейного почтения к себе. Оставаясь в покоях Латерана одни, без свидетелей, император и папа могли давать друг другу клятвы в вечной дружбе и создавать фантастические планы совместного владычества над миром или благополучия всего человеческого рода. Но править миром — задача, превышающая силы пылких юношей. Менее чем через четыре месяца этот чарующий сон, навеянный Римом, уже рассеялся; а затем через три года не стало юного папы и через шесть лет — юного императора.

2. Осуждение римских мятежников. — Кресцентий получает помилование. — Адальберт принужден покинуть Рим. — Мученическая смерть Адальберта. — Отъезд Оттона III из Рима. — Восстание римлян. — Борьба города с папской и императорской властью. — Кресцентий изгоняет Григория V. — Революция в Риме. — Кресцентий возводит на папский престол Иоанна XVI

25 мая 996 г. Оттон и Григорий созвали в базилике Св. Петра собор из лиц, принадлежавших как к итальянской, так и к германской национальности. Этот собор, подобно прежним, также имел значение судебного заседания. После назначения папы, происходившего из императорского рода, необходимо было усмирить город соединенной силой папской и императорской власти, дабы он не мог оказать никакой помехи великому плану восстановления всемирной христианской империи. К суду были призваны мятежные римляне, изгнавшие Иоанна XV; но они примирились с этим папой, призвав его обратно в город, и теперь вновь подчинились воле Оттона, покорно признав назначенного им папу; поэтому приговор судей был смягчен. Величие юных идеалистов не позволило им прибегнуть к мерам, внушаемым страхом: никто из римлян не был осужден на смерть, и только некоторые из народных руководителей, и в числе их Кресцентий, были приговорены к изгнанию. Непривычный к власти и полный сагородных чувств, Григорий V пришел в ужас

даже и от такого приговора и, желая покорить Рим своей добротой, упросил юного императора, настроенного столь же миролюбиво, отменить совсем эти наказания. Кресцентий принес верноподданническую присягу и остался жить в Риме частным человеком. Такая неполитическая снисходительность делала, однако, честь только сердцу Григория и Оттона, но не их уму.

Мятежники избежали участи подвергнуться изгнанию в страну варваров, которое даже в X веке все еще считалось римлянами равносильным смертной казни; а между тем эта ужасная участь постигла святого. Адальберт по-прежнему оставался в монастыре Св. Бонифация; но когда герцог богемский и архиепископ майнцский снова потребовали, чтобы он вернулся к своей осиротелой пастве, ему пришлось подчиниться этому требованию. Юный император, питавший к Адальберту восторженное благоговение, не оградил его от необходимости подчинения такому тяжкому решению. Сопровождаемый своим верным братом Гауденцием и горько оплакиваемый, Адальберт отправился к северным варварам. Среди них он чувствовал себя чуждым в такой же мере, как и его друг Оттон. Идеалистическая природа последнего как бы повторялась в Адальберте и только носила монашеское облачение. Оба они — и сакс, и богемец — питали к Риму глубокую демоническую страсть. Пражское епископство по-прежнему было ненавистно исполненному душевной тревоги Адальберту, и, пробыв некоторое время в Майнце, а затем в Туре, он решил, наконец, искать мученической смерти среди диких пруссов; 23 апреля 997 г. он нашел эту смерть. Его тело было куплено на вес золота польским герцогом Болеславом и погребено в соборе в Гнезно. Здесь и было положено начало почитанию Адальберта как «апостола польского народа»; память о нем как о польском миссионере чтится до сих пор в Риме. В монастыре Св. Бонифация Адальберт также не был забыт: несколько смелых монахов, увлеченные его примером, покинули авентинское аббатство, ставшее, таким образом, как бы рассадником мучеников, и направились в страны, занятые дикими славянами. Среди этих апостолов были: Гауденций, первый епископ церкви в Гнезно, посвященной его брату; затем Анастасий, некогда сопровождавший Адальберта в Богемию и после того бывший другом и советником первого венгерского короля Стефана и первым мадьярским архиепископом в Калоче, и, наконец, Бонифаций, родственник Оттона III, принявший монашество в Риме и впоследствии проповедовавший христианскую веру пруссам и русским.

Учредив в Вечном городе свой трибунал и успокоив римлян амнистией, Оттон III в начале июня вернулся в Германию императором. Чарующее действие, произведенное на него Римом, еще не было настолько сильно, чтобы сделать сердце Оттона совершенно чуждым его отчизне, и он все еще чувствовал себя германским королем. Летописцы не упоминают о том, каким образом он оградил папу Григория от неприязни римлян. Постоянные гарнизоны, которыми короли держали города и провинции в подчинении, в то время еще не были известны; на их место могли заступать только верные вассалы, которым вместе с тем предоставлялись высшие посты и, главным образом, судебная власть. Но если Оттон и тогда уже назначил из числа преданных ему людей патриция и префекта, а из числа сомнительных приверженцев — судей, то эти мероприятия все-таки ничему не помогли. Удаление Оттона вскоре же послужило римлянам сигналом к восстанию: национальная партия снова сделала отчаянную попытку свергнуть иго германцев, и это усилие партии разорвать роковую цепь, которой папство и императорская власть сковали город, вполне заслуживает нашего сочувствия.

Индивидуализм никогда не прекращает борьбы с системой; хотя право единичного лица имеет в истории более ограниченное значение, тем не менее природа этого права заложена глубже. В древнем республиканском Риме продолжительная борьба

ба плебеев со знатью является изумительным зрелищем; эта революционная борьба была для государственного тела оздоравливающим его началом и ею было создано величие Рима; затем противоречия были устранены, и демократия уступила место императорской власти. При цезарях в Риме уже не было больше борьбы, так как существовавшее раньше столкновение интересов горожан было окончательно уничтожено, и революция сосредоточилась во дворце и среди преторианцев. Спустя многие века мы снова видим в папском и императорском городе партии, и их борьба порождает в городе волнения; аристократы, граждане и милиция не перестают бороться с папством и императорской властью; они призывают себе на помощь из мороты древности, ставших уже легендарными, тени консулов, трибунов и сенаторов, и эти тени как бы действительно витают в Вечном городе в течение всех Средних веков. Императорская власть, с которой боролись римляне, не была, однако, ужасной деспотией древних цезарей: это было правление, внешнее по отношению к Риму, но исходившее из идеальных, теократических начал. Местная власть папы, которую оспаривали римляне, точно так же была правлением очень далеким от всякого абсолютизма и сама по себе не располагала никакой внешней силой, никакими внешними средствами; эта власть была сильна своим нравственным принципом, имевшим мировое значение. Но римляне видели, что они обречены принести в жертву на вечные времена свою гражданскую свободу величю и независимости их первосвященника. Присущее человеку стремление искать возможно большего приложения своих сил в государстве и в обществе, заманчивая, хотя и суетная, надежда удовлетворить свое честолюбие и достигнуть славы, свойственная сильным людям и побуждающая их добиваться влияния, — все это совершенно не находило себе места в государстве, в котором люди светского положения отодвигались на задний план и только духовенство получало отличия. Римские магнаты имели перед своими глазами блестящих графов и принцев других городов Италии, как то: Венеции, Милана и Беневента; позднее граждане Рима могли видеть, что такие же, как они, граждане северных и южных демократических государств имеют в своих руках и свободу, и власть. Исходя из такого сравнения, римляне неизбежно должны были негодовать на небеса и их заместителя на земле, осуждавших римлян на вечную гражданскую смерть. И это недовольство становилось еще сильнее, когда они вспоминали, чем были их предки, древние римляне. В этой вековой борьбе Рима за свою индивидуальность против великих систем всемирного устройства возникали поразительные контрасты: римские императоры германского происхождения считали своими васалами народы и королей, улаживали возникавшие между ними раздоры, принимали от них присягу в верности и раздавали короны, и в то же время они были вынуждены на улицах Рима бороться с римскими аристократами и часто подвергались нападению и оскорблению со стороны римского народа. Папы предписывали законы миру и одним своим словом приводили в трепет королей далеких стран; а между тем римляне бесчисленное число раз изгоняли пап из города и подвергали их заключению в тюрьмах. И все-таки злополучным римлянам пришлось к концу концов преклониться перед могуществом порядка, всемирно-историческое значение которого нередко придавало их трагической борьбе и стремлениям характер фантастичности и безумия. Мы не согласны с теми авторами, — хотя и не будем опровергать их, — которые клеймят именами тиранов и преступников таких римлян, как Альберик, Кресцентий и их последователи, за то, что они не подчинялись рабски императорам и папам. Любовь к отечеству — великая доблесть; она нераздельно связана с самым высоким нравственным началом, присущим понятию о человеке, — с его свободой. Национальная ненависть римлян к чужеземцам и их отвращение к правлению пап были всегда понятны, так как коренились в самой природе вещей. Но мы

не будем также приравнивать римлянина X века к греческим народным вождям, рядить его в тогу Брута или в фантастический плащ Коло ди-Риенцо. Кресцентий был просто смелым человеком, чуждым каких-либо далеких мечтаний, любил свой родной город и жил в то время, когда в городе царило глубокое варварство. Внешность Кресcentия была привлекательна, а по рождению своему он принадлежал к знатному роду. Подобно Альберику, Кресcentий добивался светской власти, которая, как утверждают римляне, еще и в настоящее время представляет на апостольских ногах папы только пудовые гири, низводящие его с неба, из его неоспоримой сферы, в область, ему чуждую.

С целью свергнуть германского папу и его приверженцев Кресcentий составил заговор. Народ имел основание быть недовольным: чужеземцы, незнакомые с римскими законами, ввели суд и назначили судей, которые, не получая содержания от государства, были продажны и пристрастны. Если этот упрек справедлив по отношению к графам в не-римских городах, то и в Риме могли быть недовольны пристрастием *judices dativi*, уголовных судей, приговаривавших многих римлян к тюрьме, лишению имущества и к изгнанию. Ряд предшествовавших революций заставлял власть поступать строго; много знатных римлян было удалено от занимаемых ими мест, а высшие правительственные и судебные должности были предоставлены людям, бывшим решительными сторонниками императора; затем сам Григорий V не свободен от обвинения в том, что он раздавал должности за деньги. Наконец, когда германский папа, окружив себя германцами и своими креатурами, решил водворить в утратившем нравственную чуткость Риме ключийскую дисциплину и осуществить реформу церкви, римляне нашли, что этот новый порядок вещей является только ненавистным насилием над ними.

Произошло восстание, и 29 сентября 996 г. папа бежал. Непонятно, почему Григорий не позаботился о том, чтобы замок Св. Ангела оставался в его руках, а если и принял к этому меры, почему его приверженцы не оказали сопротивления. Эта единственная городская крепость должна была быть отнята у знати с той минуты, как Оттон прибыл в Рим для коронования. Замок Св. Ангела не являлся частной собственности, хотя много раз бывал в руках римских магнатов. Как один из самых замечательных памятников Рима, замок скорее принадлежал государству. Позднее папы стали считать замок своею частной собственностью так же, как Леонину, их собственное сооружение; такого же взгляда держались и римляне. Но в то время папы не имели резиденции в Ватикане и замок Св. Ангела не мог служить им убежищем в случае бегства. Живя в лишенном укреплений Латеране, папы были беззащитны против всякого неожиданного нападения. Кресcentий снова овладел замком и поместил в нем вооруженных людей.

Бежавший Григорий направился в Северную Италию и созвал в Павии собор. Здесь в начале 997 г. были постановлены различные решения, относившиеся к церковным делам Германии и Франции. Григорий объявил принцам и епископам, что отныне они должны признать верховную власть римской церкви и что Святой престол, в противность постановлениям схизматических поместных соборов, со всей настойчивостью подтверждает основные положения декреталий Исидора. К своему изгнанию Григорий отнесся с полным самообладанием и в сдержанных выражениях потребовал, чтобы германские епископы подтвердили отлучение от церкви разбойников и грабителей, что и было исполнено. Исключенный из ложа церкви, смелый мятежник спешил тем временем утвердить свою власть в Риме, пока еще не вернулся Оттон, которого, без сомнения, настойчиво призывал Григорий.

С бегством папы в управлении Рима совершилась полная революция; лица, занимавшие места судей, были изгнаны и заменены людьми, принадлежавшими к на-

циональной партии. Кресцентий снова объявил себя патрицием и консулом римлян. Сознавая, что его собственные силы недостаточны, Кресцентий искал союзника в Константинополе, и нижеследующие обстоятельства дают основание думать, что византийский двор не был чужд совершившемуся перевороту. Прежде чем возложив на себя императорскую корону, Оттон III по примеру своего отца отправил в Константинополь послов просить руки греческой принцессы. Во главе посольства стоял епископ Пиаченцы Иоанн, калабрийский грек из Россано, носивший раньше имя Филагата. Своим возвышением Иоанн, происходивший из низших классов, был обязан милостям Феофано, ко двору которой он явился, будучи в крайней бедности. Здесь Иоанн быстро приобрел влияние: он получил сначала богатейшее аббатство в Италии, Нонантулу, а затем, во время регентства императрицы, епископство Пиаченцу, которое ради его интересов было признано Иоанном XV архиепископством и отделено от Равенны как метрополии. Отправленный в 995 г. послом в Константинополь, Иоанн долго вел переговоры со двором и затем увидел, что его честолюбивые замыслы оказались тщетными с избранием в папы Григория V Весной 997 г. Иоанн вернулся на Запад и прибыл в Рим; возможно, что его влекло сюда совершенно изменившееся положение вещей, а может быть, его призывал в Рим и сам Кресцентий. Решившись вести борьбу за власть до последних сил, Кресцентий готов был скорее признать верховную власть византийцев, чем нести на себе ненавистное иго саксов. Он дружелюбно принял грека Филагата и предложил ему большую сумму денег с тем, чтобы Филагат возложил на себя папскую корону. Это предложение соблазнило Филагата. Забыв, что оба Оттона одарили его именами, что с императором, так же, как с папой, он был связан духовными узами, так как был их крестным отцом, Филагат поступил как предатель по отношению к людям, делавшим ему благодеяния. В мае 997 г. он принял из рук Кресцентия тиару и назвался Иоанном XVI. С римлянами, провозгласившими его антипапой, был заключен договор; предоставив Кресцентию и знати светскую власть, Филагат, вероятно, потребовал признания верховной власти греческого императора, без поддержки которого сам он не мог иметь никакой опоры.

3. Владычество Кресцентия в Риме. — Оттон идет на Рим. — Ужасная судьба антипапы. — Кресцентий. — Оборона Кресцентия в замке Св. Ангела. — Различные версии в сведениях о смерти Кресцентия. — *Mons Malus* или *Monte Mario*. — Надгробная надпись Кресцентия

Если бы византийский престол занимал в то время смелый человек, он попытался бы вступить в борьбу за обладание Римом. Но Василий и Константин бесславно несли в течение необычно долгого времени бремя своей власти, и Италия избегла опасностей повторного вторжения в нее византийцев. Войско не двинулось в Рим из Калабрии, флот не показывался в устьях Тибра, и Филагат скоро пожалел, что не последовал предостережению, которое ему было дано его соотечественником, святым Нилом. Григорий V отнесся с презрением к похитителю его престола, и все епископы Италии, Германии и Франции подвергли лукавого грека отлучению от церкви. Но римляне признали Филагата папой, так как императорская партия была подавлена террором узурпаторов. Им подчинилась даже Кампания; в Сабинских горах хозяевами положения были родственники Кресцентия, грек Бенедикт, муж Теодоранды, и его сыновья Иоанн и Кресцентий. Воспользовавшись тем, что их двоюродный брат захватил власть в Риме, они присвоили себе имя императорского монастыря Фарфы, где аббатом был Гуто. Отличившись впоследствии выда-

ющимися заслугами, этот Гуго не постеснялся приобрести от папы Григория свой сан за деньги.

Узурпаторам приходилось, однако, сознаться, что их средства к защите недостаточны. Задержанный в Германии войной с славянами, Оттон III мог перейти Альпы только в конце 997 г. Изгнанник папа Григорий встретил императора в Павии. Отпраздновав здесь Рождество, они направились в Кремону, в Равенну и, наконец, в Рим. Знаменитый монах Бенедикт, если только он еще жил в то время, мог видеть из Соракте проходящие мимо толпы воинов Оттона и вновь пожалеть о судьбе, ожидавшей злополучный Рим.

Когда в конце февраля 998 г. Оттон подошел к Риму, он увидел, что ворота города открыты и стены никем не охраняются; только замок Св. Ангела был занят Кресцентием и людьми его партии, решившимися оказать здесь сопротивление до последней капли крови. На этот раз римский народ показал, что он заслуживал свою участь. Не было надобности вспоминать защиту Рима при Велизарии; достаточно было припомнить время Альберика, чтобы понять, что и теперь возможна была бы подобная же победа. Но римлян разъединяла партийная борьба, а большая часть духовенства и знати была настроена в пользу императора. Перепутанный Филагат бежал в Кампанию и скрылся там в какой-то башне, чтобы затем сушей или морем бежать к грекам. Императорские всадники разыскали его. С варварской жестокостью они отрезали ему нос, язык и уши, вырвали глаза, приволокли в Рим и заключили в монастырскую келью. Вступив беспрепятственно в город, Оттон потребовал, чтобы Кресцентий сложил оружие. Получив на это дерзкий ответ, Оттон отсрочил штурм замка и спокойно занялся производством суда в Латеране и раздачей грамот монастырям и церквям, между тем как папа дал время Филагату оправиться от своих ран. В марте папа созвал собор в Латеране, и перед епископами предстал изуверченный антипапа. Его страдальческий вид был так ужасен, что мог бы смягчить сердца даже сарацин. Филагат был лишен всех своих санов; папское одеяние, в котором он должен был явиться, было грубо сорвано с него; затем его посадили на пораженного паршой осла, лицом к хвосту, и повезли по городу в сопровождении шумной толпы; шедший впереди герольд громко провозглашал, что за ним следует Иоанн, дерзнувший вообразить себя папой. Заключенный после того в темницу, Филагат исчезает бесследно. Ничто не характеризует так полно людей, как те способы, которыми они в своей среде награждают доблести и карают преступные деяния. По только что приведенным ярким примерам возмездия за преступления мы легко можем судить, каково было состояние общества в X веке. Предание гласит, что аббат Нил старался спасти своего несчастного соотечественника; такой поступок, если он действительно имел место, делает честь памяти святого. В жизнеописании св. Нила сообщается следующее: имея уже почти 90 лет от роду, святой старец пришел в Рим и просил помиловать Филагата, но просьба святого не была услышана, и Филагат был предан жестокому наказанию; тогда св. Нил покинул Рим, предсказав императору и папе, что Господь накажет их за их недоступные состраданию сердца.

Но настоящий виновник революции все еще продолжал свое сопротивление в замке Св. Ангела. Не имея никакой надежды на спасение, Кресцентий, по-видимому, пренебрегал даже бегством. Он был покинут римлянами; народ тотчас же отрекся от него, готовый присутствовать при зрелище одной из самых кровавых трагедий, а партия, стоявшая на стороне императора, примкнула к германцам. Местные бароны также не поддерживали Кресцентия, а его сабинские братья держались выжидательно, оставаясь в своих замках. Таким образом, Кресцентий видел спасение только в мече своих верных друзей, которые оставались вместе с ним в замке Св. Ангела и

были готовы умереть. И хотя конец предвидеть было нетрудно, тем не менее никто из этих друзей Кресцентия не изменил ему. Его гибель после непродолжительной, но мужественной защиты послужила к славе его имени, которое народ на долгое время связал с замком Св. Ангела. Эта знаменитая императорская гробница, представлявшая как башня уже сама по себе твердыню, с течением времени превратилась в крепость, и уже в эпоху Карла Великого на ее стенах, доходивших до реки, насчитывалось 6 башен и 164 зубца. Эти укрепления были еще усилены Кресцентием. Гробница считалась неприступной. Воспоминания о защите ее греками должны были еще сохраняться; бегство из нее короля Гуго было у всех на памяти так же, как и то, что она многие годы служила крепостью непобедимому Альберику. Со времени готы эта гробница вообще ни разу не была взята приступом. Кресцентий победоносно отбил несколько штурмов, и Оттон был принужден вести осаду по всем правилам искусства. Он возложил ведение этой осады на маркграфа мейсенского Экардта, и последний приступил к ней после воскресенья *in Albies*. Некоторое время Кресцентий еще держался мужественно; но высокие деревянные башни и машины, построенные германцами, причинили повреждения замку и поколебали уверенность в его неприступности. О кончине Кресцентия сложилось много фантастических сказаний. Рассказывают даже, будто он, уверившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, переоделся в монашеское платье, тайно проник во дворец Оттона и бросился к его ногам, умоляя о пощаде. «К чему, — сказал на это юный император своим приближенным, — впустили вы в дом саксов государя римлян, который возводит на престолы императоров и пап и издает законы? Отведите его обратно на трон его величия; мы приготовим ему встречу, достойную его сана». Вернувшись в замок, Кресцентий будто бы продолжал мужественно вести оборону, пока наконец не был побежден, и тогда император приказал сбросить пленника со стены на глазах у всех, дабы римляне не могли сказать, что он, Оттон, тайно похитил у них их государя. По другому преданию, Кресцентий был схвачен, когда искал спасения в бегстве, посажен на осла лицом к хвосту, провезен по улицам Рима, затем совершенно изувечен и повешен за городом. Не было недостатка и в таких версиях, которыми падение Кресцентия приписывалось позорному вероломству со стороны Оттона. Рассказывали, что император через своего рыцаря Тамма обещал Кресцентию помилование; когда же последний отдался в его власть, он приказал казнить Кресцентия как государственного изменника. В пользу правдоподобия такого вероломства со стороны Оттона приводят то обстоятельство, что Тамм принял затем монашество, а Оттон совершил покаяние; тем не менее этот вероломный поступок остается недоказанным. Сопротивление Кресцентия было безнадежно, и императору не было никакой надобности покупать падение замка Св. Ангела подобным предательством, противоречащим его рыцарским чувствам. Но возможно, что консул римлян был принужден капитулировать; покрытый ранами, он мог сдаться и без всяких условий, и на условии помилования, обещанного военачальниками, но затем отвергнутого императором. Кресцентий, некогда уже помилованный Оттоном, нарушил присягу, прогнал папу, провозгласил антипапу и вел переговоры с византийцами; зная все это, он должен был хорошо понимать, что дни его сочтены.

29 апреля 998 г. замок был взят штурмом. Кресцентий был обезглавлен на стене замка, сброшен вниз и затем повешен у подошвы Monte Mario. Итальянские летописцы рассказывают, что сначала Кресцентию вырвали глаза, переломали члены и волочили его на коровьей шкуре по улицам Рима. Мы не будем даже пытаться опровергать достоверность этих сообщений, потому что такая грубость нравов могла быть свойственна и Оттону III, и Григорию V, раз они отнеслись спокойно к жестоким истязаниям, которым был подвергнут антипапа. Что касается римлян, они

могли взирать только с ненавистью на виселицу, поставленную у горы *Monte Mario*, по которой спускались направлявшиеся в Рим северные пилигримы и которая возвышается над *Ponte Molle* как исторический памятник Священной Римской империи, созданной германским народом. У подошвы этой горы с проходившей по ней в *Triumphalis* лежало Нероново поле (*campus Neronis*); здесь были разбиты палатки императорского войска и здесь же висели Кресцентий и двенадцать казненных вместе с ним капитанов римских округов — ужасные *spolia*, свидетельствовавшие о ненавистном чужеземном владычестве. По мнению одного из летописцев, гора получила свое название *Mons Gaudii* — Гора радости — именно от этого радостного для германцев события; но римляне дали ей название *Mons Malus*. По словам другого летописца, несчастная жена Кресцентия была будто бы отдана как добыча в жертву животным инстинктам наемных солдат. Но это повествование — чистой выдумка, подказанная римлянам национальной ненавистью, и существует другая, совсем иного рода легенда, по которой Стефания является в сказочном образе возлюбленной победителя Кресцентия. Всего вероятнее предположить, что несчастная матрона вымолила у императора Оттона тело казненного мужа и в сопровождении опечаленных друзей похоронила его по христианскому обряду. Если римляне имели действительно основание приписывать смерть своего героя вероломству, они не случайно избрали для погребения тела Кресцентия церковь Св. Панкратия на Яникуле, издревле пользовавшегося славой охранителя святости клятвы и мстителя нарушителям ее.

Римляне долго оплакивали несчастного Кресцентия; в городских актах до XI века включительно имя Кресцентия встречается поразительно часто, и этому были причины; его имя давалось сыновьям во многих семьях, очевидно, в воспоминание о смелом борце за свободу Рима. На могиле Кресцентия была сделана надпись, сохранившаяся до сих пор; это одна из самых лучших и самых замечательных средневековых римских эпитафий; от нее веет той печалью о бренности всего земного, которой проникнут мир развалин Вечного города:

«О тленный червь — человек, ты стремишься к раззолоченным палатам; ты покоишься здесь, но в тесном гробу. Он был счастливым и блестящим властителем всего Рима; теперь он довольствуется этим скудным и ничтожным уголком. Как прекрасен был властитель и герцог Кресцентий, отпрыск на стволе благородного рода. В его время страна Тибра была могущественна и право царило в ней, давая мир и тишину правлению папы. Но игра Фортуны повернула колесо его жизни и обрела его на ужасный конец. Ты, спешащий насладиться жизнью, удели ему свое сожаление: ты разделяешь его участь».

ГЛАВА VI

1. Последствия падения Кресцентия. — Его родственники в Сабине. — Аббат Гуго Фарфский. — Положение этого имперского монастыря. — Замечательный процесс Гуго с пресвитерами церкви Св. Евстахия в Риме

Жестокий суд Оттона III, — еще более ужасный, чем суд его деда, — навел на римлян панику; юный император с чувством удовлетворения пометил днем казни Кресцентия одну из своих грамот и был уверен, что навсегда обуздал Рим. Последствия катастрофы отразились также и на родственниках мятежника. Желая расширить свою власть в Сабине, они держались за Кресцентия, пока он был в силе; когда же он пал, они постарались остаться в стороне. В населении римской области ни-

когда не существовало национального сознания; вне Рима не было ни одного римлянина; ничто не объединяло классы, из которых состояло население области и которые различались своим происхождением и правами. Свободное гражданство едва только начинало возникать в городах области, давно утративших римское курияльное устройство, и над массой колонов и крепостных полновластными господами были одни только бароны, епископы и аббаты. Эти властители все стремились к обладанию провинциальными городами и замками, и папы уступали то те, то другие местности в распоряжение членов знатных семейств, епископств и монастырей. Феодализм все более распространялся в римской области; иные властители получали в свое обладание целые округа. С середины X века владычество баронов, как светских, так и духовных, вполне упрочилось в римской области и в наши дни является проклятием для земледельца.

Главным средоточием феодальной власти являются с XI века, как мы увидим, Тускул и Пренесте; но в конце X века господство в Сабине принадлежало семье графа Бенедикта, состоявшей в родстве с Кресцентием. Этот могущественный граф, живший в замке Агси, завладел многими участками, принадлежавшими аббатству Фарфы. По примеру графа поступали и его сыновья, Иоанн и Кресцентий. Бенедикту удалось присвоить себе даже епископский город Цере, древний этрусский город *Agylla*, в то время еще не называвшийся *Caere vetus* (*Cervetri*). Падение Кресцентия заставило этих властителей быть более осторожными; граф Иоанн немедленно же возвратил аббатству Фарфы половину захваченного им у аббатства участка, а на другую половину, вместе с спорным замком *Tibicum*, аббат Фарфы выдал Иоанну ленную грамоту «третьего разряда». Так как другие имения, принадлежавшие частью монастырю Фарфы, частью самой римской церкви, оставались все-таки во власти Бенедикта, то аббат Гуго направился в Рим искать восстановления прав аббатства. Юный легкомысленный Кресцентий, брат Иоанна, также отправился в Рим. Город все еще был обят ужасом, вызванным казнью Кресцентия. Возможно, что своим безбоязненным появлением в Риме Кресцентий хотел показать, что он не имел ничего общего со своим родственником; возможно также, что он рассчитывал склонить судей в свою пользу подкупом. Как бы то ни было, Кресцентий по приказанию императора и папы был схвачен. Тогда явился в Рим отец Кресцентия Бенедикт и, исполнив судебные формальности, вернул папе Цере, но затем внезапно бежал в свой замок и укрепился там. Нетрудно составить себе понятие о том, на каких шатких основах покоилась императорская и папская власть в Риме, если провинциальный барон тотчас же вслед за казнью своего родственника осмелился восстать против императора и папы. Эта власть была и оставалась только кратковременной, и императоры, величавшие себя именем преемников августа, тем не менее вынуждены были вести в римской области осаду против незначительных замков знати. Таким образом, чтобы изгнать Бенедикта из Цере, властитель Рима был вынужден двинуться со своими войсками и выступил из Рима в сопровождении папы, аббата Гуго и пленного Кресцентия. Бенедикт ответил сначала смехом на угрозу повесить его сына, но затем, увидя со стен замка, что сына действительно ведут на виселицу, сдался. Он отказался от Цере в пользу папы и сам получил обратно сына. После того император, папа и аббат вернулись в Рим. Непокорный барон дал торжественную клятву отказаться от своих незаконных прав, и тем не менее его сыновья нарушили эту клятву и стали еще более притеснять монастырь Фарфу.

Желая обуздать заносчивость маленьких сабинских тиранов, император и папа прилагали старания к тому, чтобы сохранить владения Фарфы. По смерти Камио в 966 г. это аббатство в качестве комменды было предоставлено аббату

Льву, настоятелю монастыря Св. Андрея на Соракте; но эта мера привела к еще большему упадку аббатства. После Льва аббатом был Иоанн, человек развратный и необузданный. Оттон II сменил его и назначил ему преемником Адама. Это обстоятельство явилось источником раздора в аббатстве: по смерти Оттона II Иоанн снова захватил власть в сабинских, тусцийских и сполетских имениях, а Адам продолжал быть владельцем мархии Фермо. Только с прибытием Оттона III в Фарфу, в 966 г., монастырские владения были вновь объединены под властью Иоанна, которому Оттон выдал грамоту на владение аббатством на всем его пространстве. По смерти Иоанна в 997 г. Гуго против канонических правил купил себе у Григория V сан аббата. Поступив 16-ти лет от роду в монастырь Monte Ainiata, Гуго стал настоятелем Фарфы уже на 24-м году своей жизни; он правил этим аббатством долго и со славой и оставил после себя книги, являющиеся драгоценным памятником того времени. Оттон III удалил Гуго из аббатства как человека, незаконно занявшего место настоятеля, и назначил аббатом другое лицо; однако просьбы монахов и выдающиеся способности Гуго повлияли на Оттона, и он 22 февраля 998 г. снова назначил Гуго аббатом Фарфы. При этом было восстановлено древнее право Фарфы, в силу которого свободно избранный монахами настоятель сначала утверждался императором как патроном монастыря и уже затем получал посвящение от пап.

Возвращение Гуго было благотворно для аббатства: он ревностно проводил клонийскую реформу и неутомимо заботился о том, чтобы аббатство снова получило все свои имения. С дарованными монастырю грамотами в руках он постоянно являлся в Рим на императорский суд и каждый раз выходил из суда победителем. Акты этих судебных процессов сохраняют свой интерес до настоящего времени, так как дают нам возможность непосредственно составить представление о правосудии того времени. Таким образом, историограф имеет полное основание воспользоваться одним из этих процессов как картиной, ярко воспроизводящей условия того времени. Эпоха, которую мы описываем, отличалась грубостью и была полна насилия; но в нее вносилась человечность тем уважением, которое внушило к себе право. В настоящее время папы и короли сочли бы себя униженными, если бы им довелось лично явиться в гражданский суд и улаживать пререкания по вопросам гражданского права. Представление о королевском авторитете уже давно отделилось от представления о непосредственном влиянии самой личности короля; но в те полупатриархальные времена судебная власть считалась высшей и священнейшей функцией правительственной власти. Со времени Карла Великого императоры часто являлись в Риме судьями. Правда, с течением времени такие суды применялись все реже, и при Оттонах мы находим лишь несколько римских *placita*, исходивших в частности от императорской власти.

8 апреля 998 г. аббат Фарфы был привлечен к суду пресвитерами церкви Св. Евстахия в Риме: пресвитеры требовали, чтобы им были отданы принадлежавшие аббатству церкви Св. Марии и Св. Бенедикта в термах Александра, утверждая, что монастырь Фарфа издавна платил им дань за эти церкви. Обычный римский суд, состоявший из императорских и папских судей, был создан у дверей церкви Св. Петра, неподалеку от *S.-Maria in turri*. Император назначил своим заместителем и председателем архидиакона императорского дворца, а шеффеном — префекта города, пфальдграфа Иоанна; остальными шеффенами были двое дворцовых судей, первый дефензор и аркарий, а со стороны папы трое *judices dativi*. Аббат Гуго отказался, однако, следовать началам римского права и принять защиту римского адвоката, утверждая, что аббатство всегда было под покровительством лангобардского закона. Он ссылаясь далее на свое германское происхождение и

указывал, что права германцев признаются в Риме со времени конституции Лотаря. Это привело председателя в раздражение; он схватил Гуго за рясу, не отпускал его и принудил занять место рядом с собой. Благодаря, однако, расположению императора Гуго получил возможность съездить в Фарфу, чтобы привезти оттуда своего собственного лангобардского адвоката. Через три дня Гуго явился назад с монастырским стряпчим Губертом и предъявил грамоту Лотаря и удостоверение папы Пасхалия. Согласно этим документам, Фарфа так же, как и другие монастыри франкского государства, подлежала действию только лангобардского права. При этом Гуго объявил, что он готов доказать подлинность предъявленных документов и присягой, и поединком, и свидетелями. Противная партия отклонила эти доказательства и пыталась воспрепятствовать применению лангобардского закона; но председатель принудил ее подчиниться этому закону. Пресвитерам-истцам был дан адвокат Бенедикт, сын Стефана с рынка, помещавшегося у театра Марцелла, и адвокат немедленно сформулировал жалобу на аббата. За полным отсутствием лангобардских судей председатель, недолго думая, прибег к такому приему: он назначил судьей самого монастырского адвоката Губерта, заставив его дать клятву в том, что он будет судить по правде. Лишенный таким образом своего адвоката, аббат Гуго запротестовал против такого назначения, но председатель дал ему в защитники одного сабинянина. Последний был совершенно незнаком с судопроизводством и не знал, что следует ему говорить на суде; поэтому Губерту, ставшему уже судьей или шефеном, было разрешено сначала обучить новичка предстоящему делу. Лангобардский судья, согласно лангобардскому праву, настаивал на том, чтобы обвиняемая сторона принесла присягу в том, что Фарфа уже в течение 40 лет владеет спорными церквями. Но пресвитеры возражали против такой присяги, желая по римскому праву доказать с помощью свидетелей, что Фарфа уплачивала дань церкви Св. Евстафия в течение 40 лет. Спрошенные поодиночке свидетели дали противоречивые показания и потому были признаны ложными; когда же пресвитеры отклонили и принесение присяги, их жалоба была отвергнута и сами они признаны неправыми, а спорные церкви были оставлены за монастырем. По судебному обычаю того времени при этом поступали так: судья брал из рук обвиненной стороны ее прошение, в котором излагалась жалоба, или, если дело шло о подлоге, подделанную грамоту, делал ножом крест на этом документе и передавал его выигравшей стороне; последняя же должна была хранить его как оправдательный акт, который в случае надобности мог быть всегда предъявлен. В то же время было воспрещено также возобновлять возбужденную пресвитерами жалобу под страхом уплаты штрафа в 10 фунтов золота, из которых одна половина должна была поступать в пользу императорского дворца, а другая — в пользу монастыря. При крайней неустойчивости гражданских основ одни и те же процессы обыкновенно повторялись бесконечное число раз и иногда тянулись с невероятным упорством целое столетие, возобновляясь, как только какая-нибудь из спорящих сторон находилась в более благоприятных условиях, в силу ли возможности подкупить судей или вследствие смены правящей власти, и таким образом получала надежду добиться осуществления своих притязаний.

Акты описанного процесса были занесены в протокол, подписаны судьями и стряпчими и вручены аббату; именно этот протокол мы находим в регестах Фарфы, и он свидетельствует нам, как наивно и быстро совершалось в ту эпоху судопроизводство и как оно в то же время было осложнено и запутано правовыми порядками различных национальностей. Шаткость правосудия не имела границ; обману и подкату были широко раскрыты двери; поэтому мы можем судить, насколько закон служил гражданину и колону действительной защитой.

2. Судопроизводство в Риме. — *Judices palatini* или *ordinari*. — *Judices dativi*. — Формула назначения римского судьи. — Формула пожалования права римского гражданства. — Уголовные судьи. — Консулы и графы провинциальных городов, облеченные судебной властью

Римское *placitum* дает нам случай сказать несколько слов о судопроизводстве в Риме при Оттоне III. Излагая процесс Фарфы, мы видели, что существовало два класса судей: *Palatini* и *Dativi*. С первыми мы уже знакомы, это были семь папских министров, существовавшие начиная с VIII века. После восстановления империи эти судьи по-прежнему составляли обычный папский суд по гражданским делам. Но по мере того как Латеран получал значение императорского дворца, *Judices Palatini* становились вместе и императорскими судьями и назначались в качестве шеф-фенов столько же императорами, сколько и папами. Особые условия, в которых находился Рим и которые заключались в том, что город имел своим верховным властителем императора, а местным государем папу, создали это исключительное смещение обеих властей, имевших в судопроизводстве одних и тех же общих представителей. Примицерий и секундицерий, аркарий и саккелларий, протоскриптариий, первый дефензор и админикulator считались вместе с тем и императорскими сановниками. Времена, когда эти папские министры были римскими тиранами, миновали; древняя чиновная иерархия была нарушена и Каролингами, и папами; но *Judices Palatini* сохранились и под председательством примицерия составляли высшую коллегия римских сановников. Руководя выборами папы, они также устанавливали церемониал коронования императора; подобно тому, как семь латеранских епископов совершали посвящение в папы, так семь дворцовых судей окружали императора и принимали непосредственное участие в его короновании. Примицерий и секундицерий считались государственными канцлерами; как в процессиях они вели папу, так точно при торжественных церемониях они шли по обеим сторонам императора. Образую постоянную высшую судебную коллегия императорского и папского дворца, семь *Palatini* назывались также и *Judices Ordinarii*. Происходившие в Риме перевороты не касались судебных полномочий этих лиц, и мы видели, что Альберик обращался к их содействию точно так же, как император и папа. Напротив, прежние *duces* утратили свою судебную власть. Еще в конституции Лотаря 824 г. *duces* упоминаются наряду с *judices*, но при Оттонах им уже не принадлежала судебная власть. Римское судопроизводство подверглось некоторым изменениям еще при Карле Великом; судебная власть военных и гражданских чинов, установленная законами византийских времен, уже не существовала при франках, уступив место более свободным германским учреждениям, поскольку они сказались в институте шеффенов. Таким образом с середины X века мы и в Риме находим *Judices Dativi*, и о них с 961 г. очень часто упоминается в грамотах; а в Равенне эти *Judices Dativi* известны уже с 838 г.

В чем заключалась сущность этой категории судей, все еще недостаточно выяснено; соответственно своему имени (*Dativi*), их «давала» в качестве шеффенов высшая власть — император, папа, патриций, а в провинциальных городах — графы. Этим судей справедливо считали институтом германского происхождения и приравнивали их к скабинам — постоянным франкским шеффенам, которые избирались под надзором графа из свободных поселян местности или судебного округа в качестве людей, сведущих в законах. Такие шеффены должны были принимать участие в суде и постановлять судебное решение. Из документов мы узнаем, что в Верхней Италии *Dativus* назывался по имени того города, в котором он был судьей, и что этот сан считался присвоенным навсегда лицу, имевшему его, и признавался за

этим лицом даже после его смерти. Относительно Рима остается недоказанным, что в избрании *Judices Dativi* участвовал также и народ; по-видимому, их «давал» всегда только император или папа; поэтому они не были, как в Верхней Италии, городскими общинными шеффенами, а иногда могли даже называться дворцовыми судьями. В качестве *Judices Dativi* являются и высшие светские сановники; так Феодилакт именуется «консул и *Dativus Judex*»; Иоанн — «префект, пфальцграф и *Dativus Judex*». Но встречаются также и не имеющие какого-либо другого сана *Judicis Dativi*; адвокат монастыря Фарфы, Губерет, назывался также *Dativus* с того момента, как он был сделан судьей.

Таким образом, в состав римского суда входили *Judices Ordinarii* и *Dativi*. Число тех и других было обыкновенно семь, причем один из них был председательствующим. Затем на суде присутствовали в неопределенном числе оптиматы (*nobiles viri*). Как действительные римские судьи и *Ordinari* и *Dativi* назывались *judices Romani* или *Romanorum*; каждый из них именовался так: «Божией милостью судья Священной Римской империи (*Dei Gratia sacri Romani Imperii Judex*)». При Оттонах пожалование сана *Dativus* сопровождалось, по-видимому, торжественной церемонией. «Назначаемого судью примицерий должен был отвести к императору. Император говорил: обрати внимание, примицерий, не раб ли он чей и не бедный ли человек? В таком случае он доступен подкупу и погубит мою душу». Обращаясь к судье, император говорил: «Остерегись когда-либо нарушить закон, установленный нашим благочестивейшим предшественником Юстинианом», на что судья отвечал: «Да постигнет меня вечное проклятие, если я это сделаю!» После того император брал с судьи присягу в том, что он никогда не преступит закона; надевал на него мантию и, повернув пряжку направо, застегивал мантию на левую сторону в знак того, что судья внимает только закону и глух к ложному свидетелю. После того император давал судье в руки книгу законов и говорил: «По этой книге суди Рим, Леонину и весь мир» — и затем, поцеловав судью, отпускал его.

Выспренние и смешные слова о том, что суду римского судьи подлежит не только Леонина, но и весь мир, соответствовали возродившемуся представлению о Риме как о мировой столице; это представление уже сказалось при Оттоне III в известном леонинском стихе: *Roma caput mundi regit orbis frena rotundi*. В то время римское гражданство также было восстановлено во всем его блеске, и римлянам легко было видеть, что франки и лангобарды добиваются, как отличия, распространения на них прав этого гражданства. Такое присоединение к римским гражданам совершалось с большим торжеством. «Когда кто-либо желает стать римским гражданином, он должен, — так гласит формула, — послать к императору своих доверенных и смиренно просить, чтобы император разрешил ему стать под охрану римских законов и быть внесенным в список римских граждан. Если император выражал на это свое согласие, то дальнейший порядок был такой: император открывал заседание в присутствии своих благородных судей и правителей; двое судей, склонив голову, подходили к императору и спрашивали: «Государь наш, что прикажет твое Величество?» Император отвечал: «Я приказываю, чтобы число римских граждан было увеличено и чтобы тот, о ком вы мне сегодня докладывали, был поставлен под защиту римских законов».

Производство уголовных дел в Риме лежало на префекте и других постоянных судьях; последние назывались консулами, а их помощники — *pedanei*. Судебные округа, конечно, соответствовавшие округам города, были подчинены префекту города, так как невероятно, чтобы названные консулы были судьями только вне Рима, а их *judicatus* представляли собой только провинциальные суды.

Как ни мало, однако, выяснено судоустройство в Риме, мы можем утверждать, что оно было тем же самым, как и в провинциальных городах. Последние еще и в то время управлялись герцогами (*duces*), графами, виконтами, даже гастальдами и апостолическими послами, и все эти лица назначали своих судей. Герцоги встречаются в эту эпоху очень редко; по-видимому, они были вытеснены франкскими графами, появившимися повсюду, так что прежние *ducatus* превратились в графства. Существовавшие некогда трибуны точно также перестали быть правителями (*rectores*) менее значительных городов, и сам сан трибуна нередко сохранял только одно почетное значение; иногда же он был связан с властью местного муниципального сановника и судьи.

3. Императорский дворец в Риме. — Императорская гвардия. — Пфальцграф. — Императорский фиск. — Папский дворец и папская казна. — Уменьшение доходов Латерана. — Растрата церковного имущества. — Иммунитет епископов. — Признание в 1000 г. римской церковью ленных договоров

Мы уделили много места римским дворцовым судьям, но условия существования в Риме императорского двора того времени остаются все-таки еще неясными. Первоначально, как бы сливаясь в одно с папским двором, императорский двор не мог не отделяться от него по самому существу своему: он имел и свой собственный штат, и свои собственные доходы. Со времени Карла императоры, посещая Рим, останавливались при базилике Св. Петра, а иногда в Латеране, так как в городе они не имели никакого помещения. Оттон построил себе дворец близ Равенны, но не думал строить дворец в Риме. Только Оттон III, по-видимому, предполагал выстроить в Риме императорский замок и с этой целью воспользоваться древним дворцом цезарей. Масса развалин помешала, однако, исполнению этого намерения, и Оттон III устроил себе резиденцию на Авентине, рядом с *S.-Bonifazio*, вероятно, в каком-нибудь древнем дворце. Здесь император обставил себя византийским церемониалом. Были учреждены придворные должности, названия которых звучали не по-римски. Во главе лиц, занимавших эти должности, стоял *magister palatii imperialis*. Особу императора охраняла императорская гвардия, в которую могли поступать и римляне, и германцы, но только из знатного класса людей. В *Graphia* приведена формула приема в эту рыцарскую гвардию: трибун вручает вступающему в гвардию (*miles*) шпоры, диктатор — панцирь, капитан (*capiductor*) — копье и щит, *magister militiae* — железные набедренники, цезарь — украшенный султаном шлем, император — пояс со знаками отличия, меч, кольцо, ожерелье и браслеты. Мы видим здесь явное смешение византийских и римских обычаев. Императорская милиция состояла из двух когорт, каждая 555 человек; начальствовал когортой граф, но главой милиции был императорский пфальцграф; он считался по своему положению «выше всех графов на свете и ему была доверена охрана дворца». При Оттоне III в первый раз отмечен *Comes Sacrosancti Palatii Lateranensis*; в 1001 г. этот пост занимал римлянин Петр, а в 998 г., по-видимому, префект Иоанн, так как в его подписи на вышеупомянутом *placitum*, объявленном монастырю Фарфе, значится *comes palatii*; впрочем, в то время было уже несколько дворцовых графов. Эта должность также входила в штат папского двора, откуда и была перенесена в штат императорского двора; в последующие века императоры и папы одинаково жаловали этот титул, пока наконец он не утратил всякое значение. По отношению к тем временам нельзя представить себе этой должно-

сти без соответственной юрисдикции, и, вероятно, лицо, занимавшее такую должность, вело дела, касавшиеся императорской казны.

Существование в Риме императорского фиска не подлежит сомнению, так как императору здесь были присвоены разнообразные регалии. Вполне естественно, что в казну своего покровителя платили дань такие монастыри, как Фарфа и монастырь Св. Андрея на Соракте; но мы находим указания на существование доменов еще другого рода. Когда император Людовик в 874 г. наделял дарами вновь учрежденный им монастырь *Casa aurea*, он предоставил ему все свои доходы в Риме, Кампаньи, Романьи, Сполето, Камерино и Тусции. Если под этими доходами следует разуметь только фискальные права, то это обстоятельство доказывает, во всяком случае, что императорские имения в Риме и в римской области были незначительны. Вообще неизвестно, какие доходы получал с города император. При Каролингах во дворец в Павии ежегодно отсылалось в виде подарка 10 фунтов золота, 10 фунтов серебра и 10 дорогих паллиев, а императорский посол содержался на средства апостольской казны. Но нигде нет речи о дани, которую должен был бы платить Рим; только половина штрафных денег, уплачивалась императорскому дворцу. При большом числе процессов это поступление могло иметь некоторое значение, но оно было все-таки случайным; такой же временный характер имели другие источники дохода, как то: *foderum parata*, *mansionaticum* — повинность населения содержать лошадей и солдат, исправлять дороги и мосты и отводить войскам помещение. Каждый раз, как императоры посещали Рим, войско и придворный штат должны были быть содержимы за счет города; мы знаем об этом потому, что некогда Оттон I удалил свои войска из Рима, не желая чрезмерно истощать средства города. Обязанность поставлять фураж (*foderuim*) распространялась на все итальянские города, по которым проходил император, и эта повинность немало тяготила страну.

Совершенно иного рода была апостольская казна. Папское казнохранилище, первоначально называвшееся *vestiarium*, в то время было известно столько же под именем дворца — *palatium*; сюда поступали доходы с церковных имений, носившие названия: *dationes* (по-итальянски — *dazio*), *tributa*, *servitia*, *functiones* и *pensiones*. Отдельных наименований такого рода поступлений существовало бесчисленное множество; был длинный реестр разного рода названий пошлин за пользование мостами, дорогами, воротами, лугами, лесами, рынками, реками, берегами, гаванями и т. д., все это является весьма характерным для государственного хозяйства того времени. Из всех церковных владений деньги собирались акционерами, а в Риме папской казне принадлежали пошлины, взимавшиеся на берегу Тибра, у городских ворот и на мостах. Но нам ничего не известно о прямых налогах в Риме, и мы положительно сомневаемся, чтобы свободные римляне платили налог с души или с земли. В интересах папской политики было также не обременять города налогами. С другой стороны, не было недостатка в вымогательстве, существовавшем в разных формах: в виде получения принуждений, сборов, десятин и того или другого установленного обычая. Как бы ни казалась нам дикой та эпоха, она была далека от систематического высасывания народных средств, присущего позднейшим монархиям. Представление о верховной власти исчерпывалось, главным образом, ее верховными судебными функциями; все прочие повинности подданных вытекали как бы из договора (*paatum*), в силу которого подданные платили постольку, поскольку они пользовались тем, что принадлежало государству. Главным источником доходов церкви являлись, таким образом, патримонии; что же касается пошлин, то в папскую казну поступали только те, на которые церковь имела неоспоримое право. Затем достоянием папского фиска были штрафные деньги, суммы, поступившие по

мировым сделкам (*compositiones*), а также выморочные имущества. Далее, право чеканить монету все еще было неотъемлемой регалией папского двора.

Но доходы Латерана все-таки значительно уменьшились. С восстановлением при Оттоне I церковного государства не были устранены последствия глубоких революционных переворотов, происходивших в папских владениях в течение более чем 70 лет. Патримонии, находившиеся в цветущем состоянии при Адриане I и Льве III, со времени упадка церковного государства подвергались постоянному опустошению. Неурядица в управлении ими была полная; самый Латеран много раз был ограблен и архив его разорен; управители (*rectores*) патримониев были представлены собственному усмотрению. Совершенно забытые колонны не могли платить никаких податей; сановные арендаторы не вносили арендной платы и отрицали лежащие на них обязательства. Сами папы отчасти почувствовали необходимость передачи в другие руки именов и сбора с них податей. Таким образом германское ленное устройство, против которого так долго боролся Рим, стало проникать повсюду. Бесчисленное множество доменов, отчужденных хитростью или силой, обратилось в наследственное достояние; папы раздавали домены своим племянникам и членам тех партий, которым были обязаны тиарой. Нуждаясь в деньгах для какой-нибудь немедленной уплаты, папы ради получения их уступали то или другое прекрасное имение и затем, чтобы сохранить за папской казной право собственности на такое уступленное имение, взымали за него до смешного ничтожную арендную плату. Еще больший ущерб нанесен был владениям Св. Петра венграми и сарацинами. Большинство доменов было разорено, и папы были вынуждены передать целые области во власть епископов и баронов.

Права иммунитета стали распространяться также и на римскую область. Существовавшие издревле регалии все чаще и чаще передавались епископам и аббатам, которые так же, как и знать, вступали в обладание городами. Мы уже видели, что это было сделано по отношению к Субиако и Порто; но еще поразительнее то, что Григорием V были уступлены архиепископу равеннскому на вечные времена графства Комахио и Цезена и даже Равенна и ее область, с правом взымать все установленные пошрины и чеканить монету, а Оттон III присоединил к этому еще права подесты, т. е. юрисдикцию. Так папы отказывались от достояния, которое они долгое время оберегали. В свою очередь, аббаты и епископы передавали свои имения могущественным владетельным лицам, становившимся их вассалами, или *milites*; таким образом предупреждалась опасность в случае нападения на уступленные имения сарацин или каких-нибудь других врагов. Города раздавались с той целью, чтобы они были укреплены, а разоренные области — для заселения их колоннами; так возникло в римской Кампаньи в X веке много крепостей и башен. Хотя все подобные договоры по природе своей все еще были сдачей на откуп, но проникавшая всюду феодальная система скоро изменила их характер, и уже в 977 г. мы находим договор феодального свойства. Иоанн, аббат монастыря Св. Андрея в Сельци, около Веллетри, уступил знаменитому Кресцентию *de Theodora Castrum vetus* с тем условием, чтобы он «объявлял войну и заключал мир по приказу папы и аббатов монастыря». Этот договор замечателен также в своих подробностях. Монастырь сохранял за собою права занимать один из входов в замок своим гарнизоном, посылать в уступленную местность своих консулов (судей) и виконтов (правителей) для охранения монастырских прав, взыскивать подати и решать судебные дела по гражданским вопросам; Кресцентию были переданы уголовный суд и начальство над войском. Подать уплачивалась натурой; между прочим, монастырь получал четвертую часть виноградного сбора и в день Св. Андрея два факела и половину секстария оливкового масла. Хотя этот дого-

вор был все-таки еще сдачей в аренду третьего разряда, тем не менее обязательство нести воинскую повинность, включенное в договор, придавало последнему феодальный характер. Этот акт — первый из известных нам римских документов такого рода; подобный же акт, относящийся к 1000 году, свидетельствует, что система бенефиций была уже признана римской церковью.

В названном году Сильвестр II уступил город и графство Террачину лангобарду Дауферию и его потомству с условием нести воинскую службу, что и составляло именно существенную черту ленно-вассальных отношений. Во всем этом сказалось влияние партийных раздоров и хищнических набегов сарацин. Первоначальное управление доменами через иподиаконов сменилось системой частных аренд, а эта система сама собой перешла в ленное обладание, и с середины X века обширный патримоний Св. Петра был повсюду занят вассалами (*milites*), ревностно старавшимися превратить в наследственную собственность то, что ими было получено только во временное обладание.

4. Паломничество Оттона III в Кампанию. — Смерть Григория V в феврале 999 г. — Св. Ромуальд в Равенне. — Герберт — папа Сильвестр II. — Фантастические идеи Оттона III о восстановлении Римской империи. — Установление византийского церемониала. — Церемониальная книга двора Оттона III. — Патриций

Теперь мы вернемся к изложению событий. Еще до наступления лета Оттон покинул Рим и направился в Верхнюю Италию. В ноябре он оказывается уже снова в Риме, присутствует здесь на соборе и затем идет в Южную Италию. Мученическая смерть Адальберта поразила пылкое воображение Оттона, а беседы с равенскими монахами и увещания св. Нила встревожили его совесть. Терзаемый воспоминаниями о жестокой казни, которой были подвергнуты римские мятежники, Оттон решил идти паломником к святыням Южной Италии. Отправляясь в это путешествие, Оттон вышел из Рима, по словам некоторых летописцев, босым. Если это обстоятельство верно, оно могло послужить основанием к утверждению, что императора преследовала мысль о том, что он нарушил клятву, данную им Кресцентию. Правда, в то суверенное время зрелище такого унижения было обычным; тем не менее оно по необходимости должно было поколебать общее уважение к императору, который подверг себя этому унижению.

Но Оттона призывали на юг еще и иные серьезные обстоятельства. Здесь он восстановил вассальные отношения к себе князей лангобардских: Капуя, Беневент, Салерно и даже Неаполь принесли ему присягу. Пребывание его в Кампании, где он, полный благоговения, посетил Монте-Касино, было неожиданно сокращено важным событием: было получено известие, что в Риме умер Григорий V. По-видимому, смерть постигла этого первого германского папу в начале февраля, и подозрение в том, что он умер от яда, было весьма правдоподобно.

Оттон решил вернуться в Рим. На пути он посетил Гарган, дикий мыс Апулийского моря, где стояла древняя церковь Архангела Михаила. Почитание этого духа — хранителя семитов перешло к христианам от иудеев и проникло на Запад из Византии. По преданию, архангел Михаил явился на Гаргане в 493 г., и здесь в честь его была устроена в пещере церковь, которая стала главным местом почитания архангела на всем Западе. Слава о святости места, его отдаленность, величественность и уединенность были причиной того, что оно стало одной из тех местностей, которые наиболее посещались в то время пилигримами, и гора Гарган явилась для Запада тем же, чем был Афон или Гагионорос для христианского Востока. Сам

Оттон должен был испытывать особые чувства к этой чудотворной церкви, так как замок Св. Ангела в Риме, который он брал штурмом, был посвящен также архангелу Михаилу. На священную гору Оттон взшел босым. Стоя здесь, в пещере, среди поющих монахов, в одежде кающегося грешника, он приносил свои молитвы и, поднимаясь на вершину скалы, мог окинуть жадным взглядом Элладу и Восток. Подвигаясь далее, Оттон посетил св. Нила, который в то время вместе с другими людьми, бежавшими от мира, жил возле Гаэты в жалких шалашах. Император пал к ногам святого, с чувством благоговения последовал за ним в монастырскую часовню и вместе с ним молился там. Напрасно просил он св. Нила отправиться с ним вместе в Рим, обещая ему всякие милости. Святого старца заботило только спасение души юного монарха, и Оттон, расставаясь со святым, вложил в его руки свою золотую корону, желая этим показать, что величие мира — ничто и что истинный царь мира — святой, которому ничего не нужно.

В Рим Оттон прибыл в конце марта. Город был спокоен, так как римляне не пытались сами избирать папу и терпеливо ждали, когда император назначит преемника Григорию. Это был Герберт, следовавший в свите Оттона, — его учитель, выделявшийся в то время своим выдающимся умом. Этот замечательный человек не был германцем; он был француз, родился в Бургундии и происходил из низшего класса. Будучи монахом в Орильяке, он отдался изучению математики, в развитии которой первенствовали арабы. Философией он занимался в Реймсе с таким успехом, что позднее его торжественно приветствовали здесь как учителя. Оттон I познакомился с ним, будучи в Италии, и, прельщенный его способностями, оказывал ему всякую милость. Оттон I также относился к нему с глубоким уважением и отдал ему богатое аббатство Боббио. Но Герберт, подвергаясь здесь постоянному преследованию, вскоре покинул аббатство, вернулся в Реймс и затем отправился к германскому двору, где ему удалось снискать себе расположение императорской фамилии. Прожив некоторое время снова в Реймсе, Герберт в 991 г. благодаря покровительству нового короля, Гуго Капета, при сыне которого, Роберте, он был учителем, получил место архиепископа французской метрополии. На соборе, низложившем его предшественника Арнульфа, Герберт включил в протоколы собора смелые речи французских епископов-схизматиков. Наконец вынужденный на соборе в Музоне (Mouzon) в 995 г. папским легатом Львом из монастыря Св. Бонифация отказаться от сана реймского архиепископа, Герберт отправился по делам папы в Рим, где в это время короновался Оттон. Возвращаясь на родину, юный император пригласил Герберта к своему двору в Магдебурге и стал у него учиться греческому языку и математике. Затем в 998 г. Герберт был возведен в сан равеннского архиепископа.

Этот знаменитый город получил в то время благодаря святой жизни одного человека такую же известность, какой пользовался Клуни. Южная Италия славила св. Нила, а в Северной Италии все повторяли имя Ромуальда. Потомок герцогов Траверсары, Ромуальд, проведя часть своей жизни очень бурно, в 925 г. сделался отшельником, реформировал монастырь Св. Аполлинария в Классисе, затем снова поселился в уединении и в 971 г. учредил на острове Перее, близ Равенны, монастырь, который сделался знаменитым рассадником анахоретов. Ромуальд учреждал не монастыри, как Одон, а скиты, которые очень быстро распространились по Италии. В то время человечество вновь охватил мистический экстаз; существовавшая раньше жажда мученической смерти возродилась опять; богатые люди жертвовали свои имения церквям; государи шли паломниками и замаливали свои грехи; дож Петр Урсеоль и знатные венецианцы Градениго и Мавроцен, подобно своему учителю Ромуальду, стали отшельниками. И все эти люди,

мечтавшие спасти душу отречением от мира, селились в уединении в горах, в пещерах, на море и в лесах.

Ромуальд и Герберт, оба жившие в Равенне, представляли редкий контраст. Одаренный тонким изворотливым умом, честолюбивый Герберт, замечательный ученый и гениальный математик, мог чувствовать только сожаление к отшельнику, который лишь с трудом читал Псалтырь и верил, что высшее назначение человека заключается в приближении к мистическому первобытному состоянию. А между тем у ног Ромуальда сидели блестящие князья, смиренно внимая его словам, и сам Оттон III, — преклонявшийся перед гением своего учителя и делавший на своих письмах к нему надпись: «Мудрейшему Герберту, увенчанному в трех родах философии», — пал ниц перед невежественным пустынноиком, благоговейно целовал его рясу и ложился на его грубую постель из тростника, подвергая себя испытанию как кающийся грешник. Герберт оставался архиепископом в Равенне только год; затем редкое счастье предоставило ему святой престол, и ученик доказал, что он не напрасно учился у своего великого учителя. Это назначение делало честь Оттону, но явилось унижением для римского духовенства. Новый папа, подвергавший жестокой критике грубое невежество своих предшественников, осветил еще ярче мрак варварства, в который был погружен Рим. Посвящение Герберта состоялось в апреле 999 г. Герберт смело избрал себе имя папы, особенно почитаемого и уже почти ставшего легендарной личностью: Сильвестр II хотел видеть в Оттоне Константине II, и выбор этого имени не был лишен основания, так как учитель и ученик были связаны между собой дружбой и благодарностью. Тот идеальный союз между папством и империей, которого Оттон III надеялся достигнуть через своего двоюродного брата Григория V, теперь, при новом Сильвестре, должен был быть осуществлен. Тот, кто верил существованию дара Константина, мог бы, конечно, сказать императору, что имя Сильвестра равносильно восстановлению церковного государства и получению новых даров; но римляне могли бы с иронией еще добавить к этому, что Константин, сделав свой дар и уступив папе Рим на вечные времена, сам удалился на окраину Европы к берегам Босфора. Оттон, наоборот, хотел сделать Рим столицей империи и быть творцом новой всемирной монархии. Перед ним носился идеальный образ Карла. Но незрелый юноша оказался неспособным создать такую политическую систему, которая была бы пригодна для германо-римского Запада. Греческое образование, которое получил Оттон, сделало его чуждым Северу. Вместо того чтобы, подобно Карлу, считать Рим, навсегда утративший свое политическое значение, только источником своего императорского величия и подвластным ему средоточием церкви, основу же своего государства видеть в Германии, Оттон хотел превратить Рим снова в императорскую резиденцию, забыв, что в таком случае римская церковь бесконечной борьбой должна быть сведена сначала на степень патриархата, как это произошло с византийской церковью. Граница между церковью и государством исчезала в представлении Оттона и к его воспоминаниям об учреждениях римской республики были примешаны деспотические начала правления Юстиниана. Силами Германии папство было восстановлено, и Рим был снова побежден. Оттону казалось, что он смирил знать, которая, следуя примеру Альберика и не увлекаясь, как Оттон, сама стремилась ограничить размеры его власти. Повесив людей, боровшихся за эту ничтожную долю величия Рима, Оттон почувствовал себя августом после победы при Акциуме и в пылкой фантазии императора Рим, стоявший в развалинах, превратился снова в весь мир. Оттона пленила мечта о том, что он как цезарь станет властелином чужеземных народов и возродит Римскую империю. На одной из свинцовых булл Оттона III Рим изображен в виде женщины, закутанной в плащ и держащей щит и копье; вокруг нее надпись: *Repo-*

vatio Imperii Romani. Преследуя свои тщеславные помыслы, Оттон старался оживить воспоминания о древней республике и говорил об увеличении власти римского народа и о сенате. Предпочитая именоваться императором римлян, он в то же время давал себе титул консула римского сената и народа. Возможно, что он восстановил бы сенат, если бы прожил долее. Ни в одном из актов мы не находим указаний на то, что это было сделано, но для нас нет сомнения в том, что Оттоном было дано городу нечто вроде муниципальной конституции. Знать уже успела приобрести чрезмерно большое влияние, и императору необходимо было считаться с ней. В то время когда вполне определенно слагались корпоративные права и власть государя вовсе не была абсолютной, Рим не мог оставаться без собственного муниципального строя. Высших лиц муниципалитета назначал император или папа, но права городских общин были установлены договором.

В это же время Оттон восстановил греческий придворный церемониал во всем его педантизме. Он не считал нужным считаться с пропастью, которая, по счастью, отделяла Рим от деспотизма византийцев, и стал одеваться с пышностью восточных владык; это было поставлено ему в вину его более серьезными соотечественниками. Император, пишет один германский летописец, стремился воскресить давно забытые обычаи римлян и ради этого делал многое, что вызывало много толков. Он имел обыкновение садиться один за стол, имевший форму полукруга, и на кресло, которое возвышалось над креслами других. Развитию в Оттоне пристрастия ко всему греческому помог также Герберт. Когда жаждавший знаний государь пригласил Герберта, еще не бывшего в то время папой, давать ему уроки классической литературы, царедворец ответил, что он видит необъяснимую тайну божественного промысла в том, что Оттон, грек по рождению и верховный владетель римлян, унаследовал сокровища греческой и римской мудрости. Таким образом, десть извратила богато одаренного юношу. Придворные, желая угодить императору, перенимали все греческое; даже закаленные в боях германские рыцари и витязи учились лепетать по-гречески. Так при всех немецких дворах старались в XVIII веке и стремятся еще в настоящее время говорить по-французски; эта жалкая страсть немцев рядиться в чужую мишуру имеет, следовательно, свои корни в глубокой древности. В судебных актах мы находим подписи Зигфрида и Вальтера, германских судей Оттона, написанные греческими буквами; такая же именно мода царяла в Риме и в Равенне при византийцах, когда даже латинский текст писался греческими буквами.

Оттон внимательно ознакомился с церемониалом византийского двора, с которым он, сын гречанки, намерен был породниться, и, без сомнения, для него именно была составлена на латинском языке книга формул, частью заимствованная из «Origines» Исидора, частью согласовавшаяся с церемониальной книгой Константина Порфирородного. В этой книге объяснено происхождение византийских придворных чинов и указано применение их в Риме; далее перечислены и описаны фантастическое одеяние императора и десять различных корон. По свидетельству неизвестного автора, эти короны были следующие: из плюща, оливковой листвы, тополевых листьев, дубовых листьев, лавровых листьев, митра Януса, троянская фригийская шапка Париса, железная корона, как символ того, что Помпеей, Юлий, Октавиан и Траян покорили мир мечом, корона из павлиньих перьев и, наконец, украшенная драгоценными камнями золотая корона, заимствованная Диоклетианом у персидского царя, с надписью:

*Roma caput mundi regis orbis frena rotundi*¹.

¹ Рим — столица мира...

Далее описаны лошади, оружие, музыкальные инструменты и даже евнухи, а затем — различные виды триумфа. «Никто из сановников и правителей, ни одна живая душа в римском мире, ни даже сам великий властитель, не должен подыматься к Капитолию Сатурна, главе мира, иначе, как в белом одеянии. Чтобы приблизиться к золотому Капитолию, единодержавный властитель должен взять в mutatorium Юлия Цезаря белое царское одеяние и идти туда в сопровождении всякого рода музыкантов, при славословиях, провозглашаемых по-еврейски, по-гречески и по-латыни. Там все должны были трижды поклониться в землю и возносить молитвы Господу о благоденствии властителя, которого Ему угодно было поставить над римским миром». Оттону приходилось, однако, довольствоваться только чтением книги, излагавшей все это великолепие древних времен. Своими фантастическими измышлениями он много содействовал тому, что римляне отдались тщеславной мечте о Риме как о вечном всемирном городе. Люди, далекие от понимания действительного положения вещей, могли утешать себя мыслью о том, что хотя Рим утратил свою свободу, но Венгрия, Польша, Северная Италия и даже Германия составляют римские провинции и что сами они при случае могут быть проконсулами в этих провинциях. Юношеские выходки императора не вызывали улыбки у невежественных аристократов, так как льстили их национальной гордости. Они жадной толпой стремились к тем должностям при дворе и в милиции, которыми наделял их Оттон. И если он не имел в своем распоряжении должностей народных трибунов, консулов, диктаторов и сенаторов, то при его дворе существовали иные громкие чины, как то: протовестиарии, протоскрипнирии, логофеты, архилогофеты, протоспатарии, — все те же, какие были и в Константинополе. Новым саном префекта флота был облечен Григорий Тускуланский. С упадком церковного государства папская гавань Остия перестала существовать. Оттон III решил, что необходимо создать римский флот и поспешил назначить адмирала еще не существовавшего флота.

Более важное значение имел сан патриция, восстановленный, по-видимому, из угоды римлянам, так как для них этот сан был знаменателен. Оба первые Оттоны, по примеру греческих императоров, время от времени возводили римских оптиматов в сан патриция, вероятно, имея в виду оказать им таким образом отличие. Но Оттон III присвоил этому сану новое значение, исключительно придворное; торжественный церемониал возведения в сан патриция отмечен в *Graphia*. Протоспатарий и префект приводили будущего патриция к императору, у которого он должен был поцеловать ноги, колени и уста; затем кандидат целовал также всех римлян, присутствовавших на церемонии и встречавших его приветствием; после того император провозглашал патриция своим помощником, судьей и защитником церкви и бедных и надевал на него плащ, на правый указательный палец кольцо и на голову золотой обруч. Первый упоминаемый патриций при Оттоне был Зиазо. В одном документе начала XI века назван как патриций города Рима Иоанн, который утверждал судебные решения в своем собственном дворце; наряду с ним, но будучи уже по рангу ниже, стоял как судья префект города Кресцентий. Сан патриция таил в себе, однако, предпосылки к восстанию; те римские магнаты, которые боролись против папской и императорской власти, всегда именовались патрициями. Поэтому позднее этот сан был вытеснен саном префекта. Эту последнюю должность Оттон, по-видимому, также возвысил. При Каролингах о префекте совершенно не упоминается; в 955 и 965 гг. он снова выступает на сцену и вскоре приобретает серьезное значение: он является действительным заместителем императора, облачается знаками орла и меча и творит уголовное правосудие в городе и его территории. В то же время на нем лежала защита интересов церкви и судебная власть в церковных делах.

5. Начало понтификата Сильвестра II. — Дар Оттона III. —

Предвестники крестовых походов. — Венгрия становится римской церковной провинцией. — Оттон III на Авентине. — Мистицизм Оттона III. — Отъезд его в Германию. — Возвращение в Италию, 1000 г. — Трудное положение Сильвестра II. — Базилика Св. Адальберта на острове Тибра

Тем временем Сильвестр II показал, в каком направлении он намерен действовать как папа. Он принудил французского короля Роберта отказаться от брака, которым нарушалось каноническое право, а возмущившегося ломбардца Ардуина отлучил от церкви. Епископам было сообщено, что новый папа решил беспощадно преследовать симонию и разврат, дабы сан епископа, ничем не запятанный, снова был поставлен выше власти королей, которые перед епископами меркнут так же, как меркнет простой свинец перед блеском золота. В лице Оттона Сильвестр встретил полную готовность провести церковную реформу, которую стремился осуществить Григорий V; такая поддержка была необходима столько же для достижения этой благородной цели, сколько и для того, чтобы упрочить положение в Риме самого Сильвестра. Решив снова положить основание всемирному могуществу пап, Сильвестр II видел, что рядом с ним стоит юный император, который жаждет славы, грезит идеалом древнего величия и мечтает начать собой новую эру империи. Отношения умудренного опытом учителя и его преисполненного романтизмом ученика замечательны в высшей степени, потому что их идеи в своих основах исключали друг друга. Оттон III, конечно, сознавал себя императором; двое пап были обязаны ему своим саном, и он понимал, что ему надлежит идти дорогой, проложенной его дедом. Эти основные положения были высказаны Оттоном III, когда он милостиво пожаловал папе восемь графств Романьи, на которые заявляла свои притязания церковь. Он говорил, что Рим — глава мира, что римская церковь — мать христианства, но папы омрачили свою славу, растратив церковные имущества. Далее он объявлял, что при отсутствии правового порядка папы, исходя из мнимого дара Константина, присвоили себе некоторые части империи; что дар Карла Лысого точно так же мнимый; что он, Оттон, относится с презрением к этим вымыслам, но дарит своему учителю, которого он возвел в сан папы, графства Пезаро, Фано, Синигалья, Анкону, Фоссомброне, Кальи, Иези и Озимо. Это заявление, составленное для Оттона, без сомнения, сановными людьми, его секретарями, должно было дать почувствовать Сильвестру, что он имеет дело с действительной императорской властью, и возбудить в нем серьезные опасения.

Разрушить излюбленную мечту благородного юноши Сильвестр остерегался. Возводя своего учителя в сан папы, Оттон надеялся найти в нем ревнителя своих идей, и только смерть спасла Оттона от горького разочарования. В свою очередь, Сильвестр предполагал, что ему удастся повлиять на направление мыслей мечтательного юноши и что через него он восстановит вполне церковное государство. Он поддерживал императора в его предположении сделать Рим своей постоянной резиденцией, так как при этом условии восстание в Риме не представляло бы опасности для Сильвестра. Он льстил Оттону при всяком случае, называл его всемирным монархом, которому подвластны Италия и Германия, Франция и славянские земли, и говорил, что Оттон, будучи греком по происхождению, мудрее самих греков. Таким образом, воображение юноши, мечтавшего в одно и то же время и о Древнем мире, и о монашестве, было воспламенено до крайности.

Стоя по своему образованию выше своего времени, но будучи все-таки сыном этого времени, Сильвестр не был чужд некоторых его особенностей. В высокой степени замечательно, что первое воззвание к христианскому миру об освобождении

Иерусалима из рук неверных исходило от Сильвестра. Церковь и империя праздновали в то время новые победы: утрата Болгарии была возмещена обращением в христианство сарматов; Польша стала римской; дикие венгры, еще так недавно производившие страшные опустошения в Италии, были усмирены силой германского оружия и подчинились римской церкви и германским государственным учреждениям. Анастасий, или Астарик, посол мудрого государя венгров Стефана, явился к Сильвестру, чтобы получить от него для обращенной в христианство Венгрии как награду королевское достоинство. Папа с радостным чувством вручил посылу корону. Это происходило по воле Оттона, который, давая королевство, приобретал вассала империи; но акт этот получил санкцию в Риме через папу; поэтому казалось, что королевское достоинство было даровано властью церкви. Папа, уже обладавший правом короновать императора, наделял в первый раз чужеземного государя днадемой как даром Св. Петра. С той поры мирные мадьяры поселились в Риме; Стефан устроил для них при базилике Св. Петра странноприимный дом и учредил также семинарию для венгерских священников, которая в настоящее время соединена с Collegium Germanicum. Еще доньше чтится память первого короля венгров в его церкви S.-Stefano degli Ugarì близ собора Св. Петра, где некогда находился странноприимный дом; но собственно венгерская церковь есть S.-Stefano in Pisciuola в округе Regione и здесь должна была помещаться древняя семинария, посвященная первоученику Стефану.

Обращение Венгрии в христианство было последствием миссионерской деятельности Адальберта. Оттон все более и более чтит его память, любил монастырь на Авентине, где жил Адальберт, пожертвовал этому монастырю еще другие имения и принес ему в дар как покров на алтарь даже свой коронационный плащ, украшенный апокалипсическими фигурами. В здании, находившемся возле монастыря, Оттон устроил свой императорский замок, и некоторые документы Оттона помечены именно этим дворцом: «Palatio Monasterio». Авентин, ныне совершенно покинутый, был в то время самым оживленным местом; кроме монастырей Sancta Maria, S.-Bonifazio и дворцового замка, постоянно посещавшихся паломниками и сановными гостями, на Авентине было немало прекрасных дворцов, и воздух его считался особенно здоровым.

Нося титулы, созданные по образцу титулов древнеримских триумфаторов, как то: Italicus, Saxonicus, Eomanus, Оттон в то же время именовал себя рабом Иисуса Христа и апостолов и видел свою высшую задачу в том, чтобы привести к расцвету церковь Господню совместно с империей и республикой римского народа. Поглощенный такими идеями, Оттон впадал временами в мистическое настроение. Греция и Рим уносили воображение Оттона в царство идеалов, но затем перед глазами Оттона снова вставали монахи и увлекали его монастырским образом жизни; так переходил юноша-император от мечты о величии цезаря к мечте кающегося грешника об отречении от мира. Целых 14 дней провел Оттон вместе с Франко, молодым ворским епископом, в отшельнической келье близ церкви Св. Климента в Риме; летом отправился в Беневент и затем в Субиако, в монастыре Св. Бенедикта, снова подверг себя умерщвлению плоти. После этого в сопровождении папы, римских магнатов и своего любимца Гуго Тусцийского он двинулся к Фарфе. Имея намерение вернуться в Германию, Оттон, по-видимому, сделал распоряжение относительно управления Италией в его отсутствие и назначил Гуго своим вице-королем. Опечаленный смертью своей тетки Матильды, твердо и мудро правившей Германией за время отсутствия Оттона, и смертью Франко в Риме, не переставая скорбеть также об Адальберте и Григории V, больной Оттон покинул Вечный город в декабре 999 г. Вскоре затем ему предстояло услышать еще печальную весть о

смерти его бабки, императрицы Адельгейды. Дела Германии призывали Оттона; приближался внушавший опасения 1000 год, и Оттон дал обет совершить паломничество к гробу Адальберта. Уезжая в Германию, Оттон взял с собою многих римлян, в том числе патриция Зиазо и некоторых кардиналов. Сильвестр остался в Риме, преисполненный опасений за свою участь. Он писал Оттону, убеждая его вернуться назад. «Я глубоко уважаю и люблю тебя, — отвечал Оттон, — но обстоятельства сильнее, и воздух Италии вреден моему здоровью. Я покидаю тебя только телом; дух мой остается всегда с тобой; для охраны я оставляю тебе государей Италии».

Народы по ту сторону Альп, приветствуя победителя Кресцентия и восстановителя папства и Римской империи, встречали его с восторгом. Покончив с празднествами в Регенсбурге, Оттон поспешил в Гнезно, учредил здесь польское архиепископство и затем проследовал в Ахен. Здесь в соборе был погребен Карл, основатель римско-германской империи, уподобиться которому так страстно хотелось юному мечтателю. Взирая на останки великого мужа, Оттон не сознавал, что сам он сошел с пути, завещанного Карлом германским государям.

Уже в июне Оттон вернулся в Италию. Тысячный год христианской эры наступил, и мир не погиб, чего так страшилось суеверное человечество. Одиннадцатый век принес народам скорее благополучие, чем гибель. Лето Оттон проводил в Ломбардии, и в это время в Риме снова пробудился мятежнический дух. Сабина не желала покориться папе; в Горте, куда он отправился, чтобы охранить права церкви, вспыхнуло восстание; оно принудило Сильвестра бежать в Рим. Тогда Сильвестр стал настойчиво звать в Рим юного императора. Извещенный Григорием Тускуланским об опасном положении дел в Риме, Оттон в октябре направился в город, ведя с собою войско. Императора сопровождали также германские епископы, герцог Баварии Генрих, герцог Нижней Лотарингии Оттон и герцог Тусции Гуго. Оттон разместился в Риме в своем замке на Авентине и решил устроить здесь свою постоянную резиденцию. В это время по желанию Оттона епископ Порто, к епархии которого принадлежал остров Тибр, совершил освящение базилики, которая была построена Оттоном на этом острове в честь Адальберта. Оттон был готов воздвигать церкви этому особо чтимому им мученику, по-видимому, во всех странах, точно так же, как некогда император Адриан воздвигал храмы своему любимцу Антиною. Церкви имени Св. Адальберта были построены Оттоном в Равенне, Ахене и затем в Риме. Возможно, что близость острова Тибра к Авентину послужила Оттону основанием избрать местом постройки церкви имени любимого святого этот остров. Адальберт жил в авентинском монастыре, и с авентинского замка юный император мог видеть базилику. В то время на острове, посвященном в древности Эскулапу, еще существовали, конечно, остатки храма этого бога и из них была выстроена церковь. Таким образом, преемником сына богов Эскулапа явился варвар Войтех или св. Адальберт. Спустившись через небольшой монастырский сад к окаймленному камышом берегу реки, можно видеть следы травертинских стен, которые некогда придавали острову форму корабля, а также сделанный из камня кадуцей, напоминающий о том, что остров Тибра назывался по имени священного змия из Эпидавра *insula serpentis Epidauri*.

Для церкви своего любимого святого Оттон старался разыскать мощи. Он потребовал у Беневента останков апостола Варфоломея, но граждане обманули императора, говорят предание, и послали ему останки Павлина Нольского, которые и были погребены как мощи Варфоломея. Узнав об этом обмане позднее, Оттон решил наказать Беневент, но не привел своего решения в исполнение. Построенная

Оттоном церковь получила и сохраняла некоторое время название Св. Адальберта и Св. Павлина; но Адальберт как чех был по происхождению варвар, и это обстоятельство исключало возможность действительного признания его в Риме; только диктаторская воля императора могла включить св. Адальберта в число почитаемых городом святых. Римляне вскоре уже ничего не хотели слышать о св. Адальберте и стали даже утверждать, что в его базилике погребен именно апостол Варфоломей, по имени которого и называли базилику. Когда в 1113 г. Пасхалий II восстановил церковь, в надписи, существующей до настоящего времени и помещенной над входом, о св. Адальберте не было упомянуто.

Названная базилика — единственный памятник Оттона III в Риме. Она подвергалась многим переделкам, и только колокольня и 14 античных колонн из гранита принадлежат времени Оттона.

6. Тибур или Тиволи. — Возмущение в этом городе. — Оттон III осаждает город и овладевает им. — Посредничество папы спасает город. — Восстание в Риме. — Безнадежное положение Оттона. — Его речь к римлянам. — Его бегство из Рима. — Последний год жизни Оттона. — Его смерть 23 января 1002 г.

4 января 1001 г. Оттон приветствовал в Риме своего учителя Бернварда, епископа гильдесгеймского, и назначил ему помещение рядом со своим дворцом. Вскоре затем Оттону пришлось взяться за оружие, чтобы усмирить восстание в Тибуре. Из римских провинциальных городов наиболее значительными в то время были Пренесте, Тускул и Тибур; первый был ленным владением сыновей Стефании *Septatix*; второй принадлежал потомкам Альберика, и только Тибур пользовался до некоторой степени муниципальной независимостью. Уже в то время город называли Тибори, или Тивори, откуда произошло Тиволи. Предание, история и живописная местность создали славу этому городу. Альба Лонга была матерью Рима, и из пеперина ее гор были построены храмы и стены республиканского города; тиволийцы же могли похвалиться тем, что из желтого травертина их гор были сооружены огромные здания императорского и папского Рима.

С развалинами вилл Тибура связаны блестящие имена времени Августа; здесь мы находим остатки вилл Мецената, Горация, Цицерона, Вара, Кассия, Брута, Пизонов, Саллюстия и Марциала. Прекрасные гроты, по которым шумно бежит Аниен, приводят на память легенды о сиренах и Нептуне; развалины храмов воскрешают образы Геркулеса, Весты и той альбунской сивиллы, которая в видении открыла Октавиану рождение Христа. Осененные оливковыми рощами и расположенные у подошвы Тиволийских гор развалины виллы Адриана, этого величайшего увеселительного замка на Западе, возбуждают в зрителе полное изумление. В то время они занимали такое большое протяжение, что их считали городом и называли древним Тиволи. Множество статуй, мозаик и драгоценных камней уже было взято оттуда, и тем не менее всего этого еще очень много должно было оставаться в Тиволи при Оттоне III. Среди обломков великолепных портиков лежали тогда покрытые пылью и забытые людьми знаменитые статуи Антиноя, Флоры, фавнов, центавров, Цереры, Изиды, Гарпократа, мозаика Созоса, «чаша с голубями» и многие другие произведения искусства, в настоящее время наполняющие музеи Рима и других городов. Готы, лангобарды и сарацины много раз опустошали Тибур; но развалины стен и храмов, остатки Клавдиева водопровода, амфитеатр, фонтаны, то здесь, то там статуи все еще сохранялись, улицы назывались своими древними именами и на развалинах храмов создавались церкви и монастыри. В документах Тиволи, отно-

сящихся к X веку, мы еще встречаем такие названия как *forum, vicus Patricii, Porta maior* и *oscura, posterula de Vesta, porta Adriana, castrum vetus* и *pons Lucanus*. Находившийся у этого моста надгробный памятник Плавтиев, подобно мавзолею Адриана в Риме, был превращен в замок.

Хотя в Тиволи так же, как и в Порто и в Ариции, права римской церкви охранялись папскими управителями, тем не менее граждане оставались, по-видимому, независимыми. Их епископ пользовался иммунитетом и не подлежал графскому суду. Каких-либо влиятельных знатных фамилий здесь вовсе не было, и таким образом Тиволи, находясь под покровительством епископа, мог обладать сравнительно с другими римскими городами более широкой муниципальной независимостью. С распространением иммунитета города, начавшие обособляться, все менее чувствовали себя кому-либо подвластными, и вскоре Рим оказался в том же положении, в каком он был в свои ранние годы, когда ему приходилось вести борьбу из-за существования с другими городами Кампаньи.

Защищая свою независимость, тиволийцы убили герцога Маццолина, которого Оттон послал правителем в Тиволи. Тогда Оттон обложил город; последний оказал сначала сопротивление, но затем мужество покинуло жителей, и Сильвестру и Бернварду удалось уговорить город покориться императору. Самые знатные граждане, одетые в рубище, каждый с мечом и пучком розов в руках, вышли на встречу Оттону и просили у него пощады. Оттон помиловал город, велел разрушить только часть стен и взял заложников. Таким образом император считал себя полным властителем римской области, а папа, местный государь Тиволи, явился лишь посредником, благодаря которому город был пощажен. Это обстоятельство привело римлян в раздражение. Можно было бы усомниться в их отчаянной ненависти к Тиволи, но история подтверждает существование такой ненависти, и еще в 1142 г. такая же пощада, оказанная этому небольшому городу, привела к крупной революции. Своими мечтательными порывами Оттон сам содействовал возникновению в римлянах ошибочного сознания своего могущества; они уже помышляли о восстановлении прав сената и предъявляли притязания на управление соседними городами. С той поры три претендента на верховную власть — папа, император и город — вступили в непрерывную борьбу.

В последние годы царствования Оттона III римские магнаты склонны были поддерживать его власть. Когда Оттон решил перенести свою резиденцию в Рим, римляне также возмечтали о новом величии римского народа и стали надеяться, что им удастся на место папской власти поставить свою собственную власть. Возможно, что император обещал уступить им имения Тиволи; но папа предупредил разорение города, имея в виду сохранить для себя его достояние. Когда римляне увидели себя таким образом обманутыми, их ненависть к игу саксов снова пробудилась, и они последовали примеру Тиволи: ворота были заперты, несколько лиц из числа императорских людей были изрублены и дворец на Авентине осажден. Запертый здесь в течение трех дней, Оттон решил пробиться к своим войскам. Епископ Бернвард причастил всех тех, кто еще оставался верным императору, и затем, держа в руке священное копые, стал во главе осажденных, готовившихся сделать вылазку. Тем временем герцоги Генрих и Гуго вели у ворот города переговоры с римлянами; после долгих усилий герцогам и Бернварду удалось успокоить восставших. Римляне отступили от Авентина и впустили в город Генриха и Гуго, а на следующий день, по призыву Оттона, собрались перед дворцом, готовые заключить мир. Стоя на башне, Оттон обратился к римлянам с речью. Горькое разочарование сделало несчастного юношу пламенным оратором: «Не называл ли я вас своими римлянами? Не для вас ли я отказался от своей отчизны и своих близких? Из любви к вам я жерт-

вовал саксами, всеми германцами и даже собою; я водил вас в те далекие земли нашей империи, в которые никогда не приходили ваши отцы, когда весь мир принадлежал им. Ваше имя и вашу славу я хотел распространить до последних пределов земли; вы были моими излюбленными детьми; отдавая себя вам, я поселил во всех других ненависть к себе и зависть. И теперь, в благодарности, вы отпадаете от вашего отца; вы предали жестокой смерти лиц, обремененных моим доверием, а меня самого исключаете из вашей среды; но сделать это не в ваших силах: те, к кому я питаю отеческую любовь, не могут быть вырваны из моего сердца. Я знаю виновников восстания, и доволен одного моего взгляда, чтобы уличить этих людей, нагло смотрящих всем в лицо; а те, кто остался мне верен, чья невинность наполняет меня радостным ликованием, — те осуждены затеряться среди преступных людей; такое положение поистине позорно». Речь императора произвела потрясающее впечатление; все стояли в глубоком молчании; затем раздался общий крик; виновники восстания, Бенило и другие, были схвачены, втащены по лестнице на башню и по-лумертвые брошены к ногам императора.

Мечты Оттона были, однако, уже разбиты, и он впал в глубокую меланхолию. Как некогда Теодорих, Оттон увидел, что он в горячо любимом им Риме чужой среди чужих. Римляне сложили оружие, но город все-таки оставался беспокойным. Неблагодарный Григорий Тускуланский смущал народ; говорили о том, чтобы напасть на императора, так как небольшое войско его помещалось отчасти вне города. Генрих, Гуго и Бернвард убедили Оттона подумать о своем спасении, и несчастный император в сопровождении их и папы покинул Рим 16 февраля 1001 г. Отъезд Оттона походил на бегство; в Риме осталось много германцев, удержанных римлянами в качестве заложников. Рим был теперь опять свободен; главой освободившегося народа явился Григорий Тускуланский, внук знаменитого Альберика, род которого был вновь возвышен Оттоном; в руки этого Григория и перешло правление городом.

Оттон направился к северу. Отослав Бернварда и Генриха в Германию, откуда должны были быть приведены свежие войска, сам Оттон остался праздновать Пасху в монастыре Классиса близ Равенны. Уже на свое бегство из Рима Оттон мог бы смотреть как на самое тяжелое паломничество, посланное ему судьбой; тем не менее он снова облекся в рубище кающегося грешника. Этой разбитой душе Ромульд дал у себя приют, увлекаясь надеждой одержать одну из самых великих своих побед; он уже похитил у мира дожа и теперь страстно желал превратить императора в монаха. Мечтательная натура Оттона, могла отдаться мистицизму монашеского существования на недели, но не навсегда, и император опять сбросил одежду отшельника. Когда Оттон украдкой посетил Венецию, Пир Орсеоло II — сын дожа, принявшего монашество, — показал ему юную царицу моря во всем ее блеске и пленил императора своими государственными способностями и своим мудрым правлением.

Собрав войска, Оттон двинулся на Рим, горя желанием отмщения. Нам неизвестно, был ли взят город штурмом; мы знаем только, что 4 июня Оттон был в базилике Св. Павла, 19 июля — в Албанских горах, 30 июля — в Патерно. Если бы ворота Рима оставались открытыми, было бы невероятно, чтобы Оттон не вступил в город. Войско у Оттона было невелико, так как он все еще ждал прихода боевых сил архиепископа кельнского Гериберта; а римляне, из робости отпустив германских заложников, должны были по необходимости предпочесть самую тяжкую осаду сдаче города, так как с ней их постигла бы участь Кресцентия. Император то появлялся перед городом, то опустошал римскую область, где в каждом замке тайлись его враги. Главной квартирой ему служило Патерно у Соракте близ Civita Castella-

па. Затем Оттона заставили поспешно двинуться на юг возмущившиеся здесь против него государи. Он пошел в Салерно, обложил Беневент и взял его приступом. После этого осенью Оттон появляется уже снова в Павии и уходит в Равенну. «Если ты опять пойдешь на Рим, — предостерегал императора св. Ромуальд, — ты не увидишь больше Равенны». И это предсказание оправдалось. В Тоди Оттон в последний раз в своей жизни отпраздновал Рождество и затем вместе с папой участвовал на соборе, обсуждавшем вопросы, касавшиеся германских дел.

Наступил 1002 г. Император получил поразившую его весть о том, что в Германии недовольство росло все больше и что народ уже грозил на место своего короля, пропавшего без вести в Италии, избрать другого государя. Не менее тревожило Оттона также неприбытие вспомогательных войск. Изнуряемый лихорадкой, он удалился в январе в замок Патерно, владельцем которого был граф Тамм, брат Бернварда, и сюда же прибыл из Павии со своими воинами патриций Эназо. Оттону казалось, что вся Италия объята пламенем восстания. Император, мечтавший о восстановлении всемирной Римской империи, теперь умирал, запертый в небольшом замке, страдая от голода и преследуемый высокомерием римских вассалов. Оттону, однако, довелось увидеть Гериберта с его войском; затем папа Сильвестр причастил императора, и он умер на руках своих друзей 23 января 1002 г., имея всего 22 года от роду.

Смерть Оттона, как и его жизнь, очень скоро стала легендарной. Рассказывали, что новая Медея в лице вдовы Кресцентия опутала Оттона своими чарами; желая будто бы вылечить императора, она, по одним сказаниям, завернула его в отравленную оленью шкуру, по другим — подмешала к его питью яд, по третьим — надела ему на палец отравленное кольцо и таким образом отомстила за смерть своего мужа. Умирая, император выразил желание быть погребенным в Ахене; оставаясь всю свою жизнь равнодушным к Германии, Оттон по смерти вернулся в страну своих предков. Кончина Оттона и corteж с его телом, поспешно покидающий Италию, представляются нам глубокой трагедией, в которой тщетность высоких стремлений смертного сказалась так же образно, как и в древней поэтической легенде об Икаре. Унося с собою гроб, в котором лежало тело императора, германцы быстро проследовали через Тусцию. Епископы люттихский, кельнский, аугсбургский и констанцский, герцог Нижней Лотарингии Оттон и другие знатные лица, остававшиеся верными императору, скрывали его смерть до тех пор, пока не были собраны войска, и только тогда уже объявили о ней. Окружив процессию и сомкнувшись в ряды, храбрые германцы прокладывали путь своими мечами. Среди воинственных кликов, теснимый толпами римлян, следовал гроб с телом императора по полям, по которым некогда этот император, горячо любивший Рим, шел во главе своих войск, вдохновленный смелыми планами.

Оттон III является, быть может, самой крупной исторической жертвой восторженного отношения германцев к Италии, прекрасной стране юга, куда их неизменно увлекали идеалистические стремления. Другие народы древнего и нового времени шли на чужбину, движимые политическими соображениями; германским приобретением была исключительно одна Италия, страна истории, красоты и поэзии, страна, которая сама неоднократно призывала их. Глубокое религиозное чувство сделало германцев защитниками римской церкви и силой необходимости приковало их к Риму. Стремление к знанию привело германцев к сокровищницам древности и сделало Италию и Рим навсегда дорогими для них. Политическими условиями была создана идея империи, и носительницей этой идеи явилась Германия. Ради церкви и империи, этих всеобщих форм, которыми должны были быть установлены и охраняемы мирные отношения между народами, германцы поступи-

лись собственной национальностью. Предводительствуемые своими королями, в продолжении нескольких веков ходили они в Рим, переправляясь через Альпы, чтобы отдать свою жизнь за религиозно-политический идеал, и это сделало германцев избранным народом. Стремясь всегда к достижению высших целей человеческого существования, Германия стала в Европе центром освободительной духовной работы. В лице своих Оттонов, подвизавшихся в Риме, эта страна воссоздала непрерывность исторического хода событий, сняла печати с могил древности, связала друг с другом культуры древнего и христианского миров, сочетала романское начало с германским, положив этим основание новейшей образованности, подняла церковь, глубоко павшую, и вложила в нее дух реформы. Рим привлекал к себе Германию, как какой-нибудь духовный магнит; но потомки тех самых саксонских королей, которыми центр отечественной истории был перенесен в Рим, снова оторвали Германию от Рима, когда оказалось, что этого разрыва требует свобода духа.

Оттон III, хотя и старался быть то греком, то римлянином, в действительности был германцем от головы до пят. Самый разлад, который носил в своей душе Оттон, увлекаемый то классической древностью, то христианством, был присущ германцу. Те силы, которые двигали в то время мир, — Германия, Рим и Восток, — оказывали свое воздействие на Оттона в одно и то же время. Десятый век, завершенный Оттоном, в его лице и в лице его друга Сильвестра, свидетельствовал о том, что в культуру Европы внесены живительные начала древности и Востока. Но государственной мудрости Карла Великого и героического духа Оттона I нельзя было ждать от государя, который закончил свой жизненный путь в таком возрасте, когда короли еще не способны править государством и даже обыкновенный гражданин еще не может считаться освоившимся с самыми простыми своими обязанностями. Образ этого юноши, душа которого отзывалась на все великое, составляет достояние скорее поэзии, чем истории, в которой существование Оттона не оставило никаких крупных следов. Соотечественники Оттона похоронили его тело в соборе Карла Великого, а предание увековечило память об Оттоне как об одном из чудес мира.

ГЛАВА VII

1. Варварство X века. — Невежество римского духовенства. —

Инвектива галльских епископов. — Замечательное возражение. — Упадок монастырей и школ в Риме. — Грамматика. — Театральные представления. — Народный язык. — Полное отсутствие в Риме литературных талантов

Последнюю главу этой книги я посвящаю изложению умственной культуры в X веке и закончу главу обзором внешнего вида Рима. Едва ли в какую-нибудь другую эпоху варварство в Риме достигало таких размеров; это не должно, однако, удивлять нас, так как причины варварского состояния Рима ясны. В век Борджиа и Медичи нравственная порча скрывалась за покровом внешнего классического образования; порочность церкви была прикрыта коврами Рафаэля; но в X веке не существовало никакой прекрасной видимости.

Образ Иоанна XII, по сравнению с образом его позднейшего преемника, Александра VI, представляет такие же основные различия, какие существовали между X и XV веками. В эпоху Карла Запад стремился воссоздать образование, существовавшее в древности, и освещался некоторым отблеском науки и искусства; в то

время слагали стихи, писали картины, возводили здания, изучали произведения древней литературы и старательно переписывали их. Но когда империя Каролингов пала, когда в Италию вторглись сарацины, норманны и венгры и когда все значение пап сводилось единственно к тому, что они были владетельными римскими баронами, тогда западный мир вернулся к варварству.

Невежество духовенства, замечавшееся повсюду в Италии, должно было казаться особенно поразительным в Риме. Галльские епископы, будучи в Реймсе, говорили так: «Теперь в Риме нет почти никого, кто был бы просвещен в науках, а между тем, по уставу никто не может стать даже привратником, не будучи знаком с науками. По сравнению с римским епископом можно допустить некоторое невежество в других пастырях; но в римском епископе оно не может быть терпимо, так как он призван решать вопросы веры, образа жизни и благочестия духовенства и все вообще дела католической церкви». В защиту папства апостольский легат Лев, аббат монастыря Св. Бонифация, приводил буквально следующее: «Наместники и ученики Петра не желают иметь своими наставниками ни Платона, ни Virгилия, ни Теренция и никого другого из всей скотской породы философов, которые то, как птицы в воздухе, поднимаются в горном полете мысли, то, как рыбы в море, погружаются в глубь вещей, то движутся шаг за шагом, как овцы, опустошающие пастбища. И потому, говорите вы, тот, кто не напичкан подобными фантазиями, не может занять место привратника? А я вам говорю, что ваше утверждение — ложь. Петр ничего этого не знал и все-таки был поставлен при вратах, ведущих в небо, так как сам Господь сказал ему: Я дам тебе ключи от Царства Небесного. Наместники и ученики Петра знают апостольское и евангельское учение, и красота их слова не в напыщенности речи, а в смысле и разуме того, что говорят они. В Священном Писании сказано: чтобы поразить сильного, Бог избирает слабого. И от начала мира Бог делает своими провозвестниками не философов и ораторов, а людей неученых и простых». Этот ответ был смелым признанием римской курии X века; римская церковь открыто сознавалась в своем незнании с гуманистическими науками и даже заявляла о своем презрении к философии. Игнорируя св. Павла, всемирного ученого, церковь опиралась на то, что ключи к небу держит в своих руках неученый рыбак Петр. В конце концов образованные епископы Галлии и Германии принуждены были сложить оружие перед камнем Петра.

Вместе с монастырями, в которых раньше бенедиктинцы продолжали некоторое время заниматься науками, пришли в упадок и школы. В этом отношении не составила исключения даже и та все еще существовавшая школа певчих в Латеране, которая со времени Григория Великого имела значение духовного университета. Рукописи в библиотеках подвергались тлению; монахи разбежались и уже более не работали; если же между ними и попадались ученые, то недостаток бумаги являлся препятствием в занятиях перепиской. С той поры, как Египет, древняя отчина папируса, подпал под власть арабов, недостаток в писчем материале стал чувствоваться по всей Италии. Умственное невежество, царившее в X веке, Муратори приписывает отчасти этому обстоятельству. Восстановление списков обходилось непомерно дорого; поэтому повсюду в Италии пользовались пергаментными рукописями и с этой целью стирали с них первоначальный текст. Возникновение таких палимисестов было причиной того, что произведения древних авторов во многих случаях оказались окончательно утраченными для нас. Невежественный монах сводил текст книг Ливия, Цицерона или Аристотеля и на чистые листы этих книг, погубленных им свидетелей мудрости древних, заносил антифонарию или жизнеописание святых. Таким образом, древние рукописи подверглись тому же превра-

щению, как и древние храмы; когда в роскошном здании, украшенном портиками, прекратился языческий культ, богиня, занимавшая это здание, покинула его, чтобы дать место христианскому мученику, и точно так же явилась необходимость стирать божественные идеи Платона с пергамента, чтобы написать на нем церковный канон. По отношению к Риму того времени мы, однако, ничего не знаем ни о библиотеках, ни о переписчиках; а между тем в это же время в Германии и во Франции прилагались невероятные усилия к тому, чтобы создать коллекции книг.

Духовенство, если только оно способно было вообще читать и давать объяснения, ограничивало все свои знания пониманием Символа веры, Евангелия и Посланий Апостолов. О математике, астрономии и физике не было и помину. Все классическое образование сводилось к жалкому знанию одной «грамматики». Эта наука, без сомнения, должна была иметь большое значение в эпоху, когда литературные произведения непрестанно грешили против грамматических правил и когда народный язык создавался разложением всех законов латинской речи. Грамматика изучалась в Риме даже в это время, так как порой мы встречаем прозвище «грамматика» (*grammaticus*), которое носил, например, Лев VIII. Шаткие общественные условия, партийные раздоры и перевороты исключали возможность процветания каких-либо просветительных учреждений, если только приходило кому-либо на ум подумать о них. Нельзя, однако, сомневаться в том, что школа римского права продолжала существовать именно в этот период времени, когда *lex Romana* снова получила свой блеск, когда римскому судье с торжественной церемонией вручалась книга законов Юстиниана и предписывалось судить по этим законам Рим, Трансверин и весь мир. Эта и другие церемонии при дворе Оттона точно описаны в *Graphia*; но, перечисляя разного рода придворные чины, она не упоминает ни о докторях права, ни о схоластах, ни о грамматиках. Как о роскоши, составлявшей непрременную принадлежность двора, *Graphia* говорит о театре.

Страсть к театральным развлечениям, некогда господствовавшая в Риме, в эпоху Каролингов под влиянием христианских празднеств стала снова воскресать. Сценические представления, осужденные церковью как дьявольское порождение тем не менее сохранились во всех странах. Теренция знали всюду, где только охранялась классическая древность, и Росвита Гандерсгеймская писала свои латинские драмы или моралитэ нарочно с той целью, чтобы изгнать из среды монахинь чтение Теренция. В *Vatiana* поныне сохраняется список Теренция, принадлежащий IX веку; иллюстрирующие его миниатюры представляют подражание классическому стилю и изображают сцены из комедий поэта; но судя по тому, что автор этой рукописи Гродгарий, можно думать, что она была написана во Франции. Известно со всей достоверностью, что в X веке театральные представления происходили в Верхней Италии. В то время греческие обозначения были в ходу и актеры поэтому назывались *thumelici*; таким образом, последние получили свое название от *thumel* театра Софокла тогда, когда греческие трагедии уже никому не были известны. Огорченный тем, что духовные лица присутствовали на театральных представлениях, Атто Верчельский увещевал этих лиц немедленно уходить с пиршества, как только появлялись актеры. Из слов этого летописца мы узнаем, что для развлечения гостей на пирах так же, как в древности, ставились мимические сцены, на свадьбах давались театральные представления, и последние вообще существовали и исполнялись даже в неделю Пасхи. Сцены, изображавшие страсти Христовы и другие библейские события, ставились во всех странах на Святой неделе уже с IX века; но, помимо того, во время праздников давались и светские представления. Раз существование их доказано по отношению к Верхней Италии, надо полагать, что они происходили и в Риме. Мы не думаем, конечно, что ставились здесь комедии Те-

ренция и Плавта; близость святинь, вероятно, явилась бы преградой для такой роскоши, как исполнение этих произведений даже при дворе Оттона III. Указаний на существование игр в амфитеатре или звериной травли мы совсем не встречаем; о гладиаторах и сенаторах знали только как о достойных старины; тем не менее изображали мимических сцен, певцы, танцовщики и актеры должны были существовать. Возможно, что все эти исполнители выступали не только в церквях и во дворцах, но иногда также в Колизее или среди развалин какого-нибудь театра, как это происходит в настоящее время на арене в Вероне и в Риме в мавзолее Августа. Графия посвящает театральным представлениям два параграфа, являющихся со времени Кассиодора единственными замечками о театре. В этих параграфах говорится о поэтах, комедиях, трагедиях, о сцене, оркестре, о гистрионах, сальтаторах и гладиаторах; здесь мы встречаем обозначение *thymelici*, и так как оно было употребительно в это время, то есть основание полагать, что указания Графия относятся не только к тому, что было в древности, но отчасти и к тому, что происходило тогда. И с нашей стороны не будет слишком смелым утверждением, если мы скажем, что при дворах Гуго, Марозии и Альберика изображались сцены, заимствованные из мифологии; когда Иоанн XII, будучи в игривом настроении, пил за здоровье Венеры и Аполлона, его фантазия могла быть подогрета актерами, изображавшими эти мифологические образы на каком-нибудь пиршестве, происходившем в Латеране.

По отношению к классической литературе римляне имели то преимущество, что эта литература составляла их древнее достояние и понимание ее облегчалось для римлян тем языком, на котором они говорили. Если во Франции и особенно в Германии знакомство с древними было доступно только немногим образованным людям, достигавшим этого образования упорной работой, и было совершенно чуждо народу, то для римлян X века еще не требовалось особенно больших усилий, чтобы понять язык предков, хотя понять смысл произведения могло уже стать трудным. Письменная литература и документы того времени свидетельствуют, что народная речь сделала большой шаг вперед в деле создания итальянского языка, и мы в первый раз встречаемся здесь с упоминанием о *lingua volgare* как о живом языке наряду с латинским языком. Эпитафия, посвященная Григорию V, прославляет его за то, что он умел поучать народы на трех языках: на германском, на латинском и на народном. Образованные люди также говорили народным языком, и Иоанн XII как римский оптимат владел хорошо, по-видимому, только итальянским языком. Латинский язык выходил из употребления и сохранялся только в богослужении, литературе и судопроизводстве. Те немногие писатели, которые принадлежат тому времени, отдавали немало сил на борьбу с народным языком, который, будучи очень близок к латинскому, был причиной невольных ошибок с их стороны против правил латинского языка. Эта близость и облегчала итальянцам понимание древних авторов. Гораций, Вергилий и Стаций уже не читались на форуме Траяна, но грамматика все еще давали пояснения к ним в своих жалких школах.

Со времени Каролингов, когда интерес к наукам был снова возбужден, знакомство с древними поэтами стало неперменной принадлежностью литературного образования, и это знакомство поддерживалось в школах, учрежденных Каролингами также и в Италии. В конце X века один случай, имевший место в Равенне, обратил на себя общее внимание; этот случай свидетельствует, как усердно некоторыми лицами изучались древние поэты. Некий схоласт Вильгард так сильно полюбил произведения Вергилия, Горация и Ювенала, что эти авторы явились ему во сне и обещали ему бессмертие; потрясенный таким сновидением, схоласт заявил публично, что учения названных поэтов имеют такое же значение, как Символ веры, и был за это привлечен к духовному суду по обвинению в язычест-

ве. В Германии многие увлекались изучением древних поэтов. Оттон I едва говорил по-латыни, но его сын и внук были хорошо знакомы с древней литературой. Брат Оттона I, архиепископ Бруно, саксонский меценат, даже восстановил дворцовую школу Карла и собирал вокруг себя греческих грамматиков. Среди римлян мы знаем только одну образованную матрону, Имизу, к которой написаны некоторые из писем Герберта; самые знатные женщины были *literae pnescae* — не умели писать; между тем в Германии Гедвига Швабская читала с монахом Экгардом *Виргилия* и *Горация*. Юных девушек знатного сословия мучили в монастырских школах Гандерсгейма и Кведлинбурга непонятными им классиками, и эти девушки, незнакомые с историей и географией своей собственной родины, хорошо знали по *Виргилию* фантастические страны Италии. Немецкая монахиня Росвита писала на латинском языке эпические и драматические сочинения. Адельгейда и Феофано были так же классически образованны, как лангобардская королева Адельберга. Таким образом, римлянам не послужило на пользу то обстоятельство, что они говорили на языке, родственном классическому языку, и римское общество в своей образованности осталось позади немецкого и французского. В то самое время, когда Оттон III жил мечтой о восстановлении империи философа Марка Аврелия, римляне были уверены, что конная статуя этого императора изображает какого-то крестьянина, который некогда застиг одного короля врасплох и взял его в плен. Существование легенд — обычная принадлежность невежественных народных масс; действительное же доказательство некультурности Рима дает нам история литературы, свидетельствующая, что между римлянами в продолжение всего X века не было ни одного литературного таланта.

Между тем в это же время в Ломбардии были чужестранцы, выдававшие своими способностями и образованием; например, скитавшийся по свету Ратерий Веронский, уроженец Люттиха, обаянный своим образованием монастырской школе в Лаубе, далее Атто Верчелльский, затем панегирист Беренгара и Лиутпранд Кременский. Все они отличались педантически усвоенной школьной ученостью; их проза и поэзия украшены цитатами из классиков, и эти заимствования выделяются на общем фоне произведений названных писателей так же резко, как и остатки античных фриз и колонн в церквях и дворцах, возведенных в Средние века. Такие отличительные особенности мы встречаем уже у Иоанна Диякона, биографа Григория, и затем также у некоторых римских писателей X века. То же самое, по существу, явление мы видим в Оттоне III, который со всею страстью вводил уцелевшие остатки Римской империи — чины, одежды и идеи времен этой империи — в свое средневековое государство, где все это выглядело как заплата. Одежда, которую носили в то время, делалась из грубой материи, но украшалась каймой и рисунками, заимствованными из древности. Стремление облагородить варварскую эпоху подобными воспоминаниями было общераспространенным. Обыкновение цитировать *Виргилия* или *Стация* обратилось со времени Карла в страсть, а искусство слагать стихи стало во времена панегириста Беренгара настолько обычным, что этот автор во вступлении к своей поэме извиняется в том, что написал ее, так как стихов теперь уже никто не спрашивает, и их слагают даже в деревнях с таким же успехом, как в городах. Но в Риме стихи можно было найти теперь так же, как и прежде, только в надписях на надгробных памятниках, на церковных дверях и в абсидах; эти стихи написаны совершенно варварским языком, и только некоторые из них, как, например, эпитафия, посвященная Кресцентиям, выдерживают критику. Повсюду мы видим погоню за цветистостью фразы, а мысль так тяжеловесна и темна, как само то время. Творцами подобных стихотворений, вероятно, были в ту пору скорее светские люди или грамматика, чем духовные лица.

2. Медленное возрождение интереса к наукам. — Григорий V. — Гений Сильвестра II, чужеземца в Риме. — Бозтий. — Итальянская историография в X веке. — Венедикт Сораكتский. — Pamфлет на императорскую власть в Риме. — Каталоги пап. — Житие св. Адальберта

Погасить свет человеческой образованности невозможно. Ни падение Римской империи, ни опустошения, которые производились кочующими варварами, ни фанатическое благочестие христианства первых времен не могли потушить огонь, зажженный в греческой земле. По-видимому, наука движется иногда по неведомым путям, скрытая за внешностью исторических событий, и затем где-нибудь внезапно обнаруживается и воспламеняет умы людей. Когда культурная деятельность Карла сменилась снова варварством, наука неожиданно стала развиваться в Германии и Англии, а во Франции была произведена реформа монастырей.

Сам Одон Клунийский был не только святым, как Ромуальд, но и образованным человеком, изучившим в Реймсе философию, грамматику, музыку и поэзию. Вводя реформу в римские монастыри, он должен был позаботиться и о восстановлении науки, которой ведала церковь; ученые исследования и ведение школ лежали на обязанности монастырей и по уставу ордена должны были быть возобновлены. Правда, мы не знаем за то время никаких папских декретов, которые относились бы к монастырским и приходским школам и соответствовали бы декретам, изданным Ратерием и Агтоном в Ломбардии; но мы предполагаем, что такие декреты были изданы лучшими папами времени Альберика. Мало-помалу научное движение восстанавливалось в римских монастырях, и, как мы видели, один из них, существовавший на Авентине, стал даже центром, около которого собрались благочестивые монахи. Эти мечтатели с прозвищами «простяков» и «молчальников» по степени своего образования не стояли, конечно, в противоречии с аббатом Львом Простым (Leo Simplex), дерзко защищавшим священные права Рима на невежество; тем не менее эти люди постоянно возбуждали в монахах интерес к серьезной умственной работе.

Ужасающий мрак, окутывавший Рим, стал исчезать уже в последней трети X века. Ряд пап был, наконец, завершен немцем и французом, освободившими Латеран от варварства. Если бы правление получившего образование Григория V было более продолжительным и более спокойным, его реформаторская деятельность охватила бы и все то, что могло способствовать росту науки; еще в большей мере следует сказать это о Сильвестре II — Герберт был в Риме как бы одиноким факелом в темную ночь. Века величайшего невежества довольно неожиданно закончился появлением выдающегося человека, и тот же самый Сильвестр ознаменовал собой начало XI века, предсказав, как пророк, крестовые походы. На долю Рима выпадает, конечно, только та честь, что он в течение нескольких тревожных лет служил Сильвестру местом, где он мог вести свои ученые занятия; но эти занятия не находили в Риме никакого отзвука. Видя, как Сильвестр, поднявшись в свою обсерваторию, рассматривал звезды, как он в своих покоях, окруженный пергаментами, чертил геометрические фигуры, как собственными руками мастерил солнечные часы или изучал астрономический глобус, сделанный из лошадиной кожи, римляне, может быть, уже тогда приходили к мысли, что их седой папа заключил союз с дьяволом. Тиару, казалось, носил второй Птолемей, и личностью Сильвестра II уже отмечается наступление нового периода средних веков — схоластического.

Знакомству с греческой философией Сильвестр был обязан Бозтию, одному из последних древних римлян, и это обстоятельство может быть поставлено в заслугу Риму. Переводы произведений Аристотеля и Платона, сделанные Бозтием,

и его комментарии к ним так же, как и принадлежащие ему изложения математиков Архимеда, Евклида и Никомаха, твердо оберегали славу этого сенатора. В X веке он сверкал, как звезда первой величины, и его читали с таким же усердием, как Теренция и Вергилия. Нетрудно убедиться, что философское утешение Боэтия служило образцом даже Лиутпранду, который точно так же охотно вводил в свою прозу стихотворный размер. Эту же книгу перевел на англосаксонский язык Альфред Великий, а еще позднее ее комментировал Фома Аквинский. Сам Герберт, подобно Боэтию, соединял в себе разнообразные таланты и познания. Своему учителю он написал в стихах хвалебное слово, и замечательно, что это было сделано по настоянию Оттона III. Тот самый император, который увез из Беневента мощи св. Варфоломея и положил в своей базилике останки св. Адальберта, нашел также необходимым воздвигнуть в Павии мраморный памятник философу Боэтию, и на этот именно случай были, вероятно, написаны Гербертом вышеупомянутые прекрасные стихи.

Итальянская историография обязана тому времени некоторыми произведениями. В Северной Италии писал Лиутпранд, и его труды не лишены живого интереса и мысли. В Венеции была написана ее самая древняя летопись — драгоценный труд диакона Иоанна, министра Петра Орсеоло II. В Кампании явилось продолжение истории Павла Диакона, известное под именем Летописи Анонима Салернского. Точно так же и в Риме, и по соседству с ним были написаны исторические труды. Настоящую хронику написал при Оттонах Бенедикт, монах монастыря Св. Андрея in Fiumine на Соракте. Невежественному монаху хотелось написать всемирную летопись; первая часть ее заимствована из различных книг, как то: Анастасия, Беды, Павла Диакона, Эгингарда и некоторых летописцев Германии и Италии. По отношению к ближайшему времени Бенедикт пользовался продолжением Liber Pontificalis и затем заносил в свою хронику все то, что слышал, так как сам он был очевидцем только немногих событий; но и в тех случаях, когда он пишет как современник, его указания имеют сомнительную цену и часто оказываются почерпнутыми из недостоверных источников. Как произведение крайне невежественное летопись Бенедикта свидетельствует, как низко мог пасть язык Цицерона. Если бы Бенедикт написал свою книгу тем итальянским языком, которым он говорил, его труд явился бы важным памятником *linguae vulgare* того времени; но Бенедикт пожелал писать по-латыни, и в результате не вышло ничего. Таким образом, для истории образования итальянского языка эта летопись имеет меньше значения, нежели другие письменные памятники, как, например, документы того времени. Латинский язык в летописи Андрея Бергамского напоминает те грубые скульптурные украшения в церквях, которые принадлежат X и XI векам и в которых каждый листок и каждая фигура утратили свои естественные контуры.

Бенедикт воспользовался, между прочим, трактатом «Об императорской власти в Риме», написанным его современником. В этом замечательном произведении прославляется императорская власть Каролингов, излагается ее значение и оплакивается упадок ее со времени коронования Карла Лысого. Автор делает множество ошибок, говоря о состоянии Рима до Карла Великого; точно так же и некоторые другие его указания возбуждают сомнения. Отрывочное изложение беспорядочно, но язык легкий. Трудно предположить, чтобы автор был римлянин, более вероятно, что он был лангобард и писал или в имперском монастыре Фарфе, или в Сорактском монастыре, когда императорская власть еще не была восстановлена Оттоном I. Если оно было написано в Фарфе, то оно было бы, конечно, единственным литературным произведением этого монастыря, подвергнувшегося в X веке таким жестоким опустошениям, и уже только в XI веке, когда

общий порядок был восстановлен, мы будем иметь случай отметить заслуживающие полного внимания литературные труды аббата Гуго и выдающуюся деятельность Григория Катинского.

В самом Риме в X веке было возобновлено продолжение неоценимой книги пап, прерванной на жизнеописании Стефана V, — именно в форме кратких таблиц, называемых каталогами. Так как теперь уже не приходилось сообщать ни о постройках, ни о приношениях, то в каталогах обозначены лишь имена пап, их происхождение, время правления и затем приложено коротенькое изложение отдельных событий. Ничто не свидетельствует так ясно о варварстве Рима в X веке, как продолжение знаменитой *Liber Pontificalis* в ее первоначальной, крайне несовершенной форме.

Вскоре после смерти св. Адальберта была написана по желанию Оттона его история; автором этой небольшой книги считают Иоанна Каннапария, аббата монастыря Св. Бонифация, римлянина по происхождению. Таким образом, самым крупным литературным произведением в Риме в X веке является описание жизни славянского апостола. Этот труд знакомит нас отчасти с тем временем, так как автору были известны главные действующие лица той эпохи. Автор увлечен идеями Оттона III о величии Рима и в своем изложении порою воодушевляется так же, как Иоанн Диякон в жизнеописании Григория. Автор, конечно, не располагает разносторонними сведениями Иоанна Диякона, но пишет он хорошим языком, лишь местами вдается в библейскую напыщенность и стоит неизмеримо выше св. Бруно Кверфуртского, который в 1004 г. написал более подробную биографию св. Адальберта, в которой находим лишь набор трескучих фраз.

3. Описание города. — Аноним Эйнзидельский. — Римские легенды. — Звучащие статуи на Капитолии. — Сказание о постройке Пантеона. — *Graphia* золотого города Рима. — *Memoria* Юлия Цезаря

Больше, чем все упомянутые выше сочинения, представляют интерес те литературные произведения, которые, возникнув первоначально в Риме, имели вполне местное значение и позднее сохранили его, хотя в создании этих произведений приняли участие также и иноземцы. Мы имеем в виду книги, которые составились из заметок о памятниках Рима, о его священных местах и о всем том, что носило на себе следы великого прошлого города. Когда пилигримы приходили в Вечный Рим, им в этом загадочном мире чудес, где даже некоторые создания христианства уже успели стать достоянием древности, служили проводниками соотечественники из чужеземных корпораций Рима. Значение кратких путеводителей имели, однако, также и памятные книги. Некоторые из франкских и германских пилигримов, среди которых интерес к изучению римских древностей был пробужден со времени Алкуина, стали смотреть на Рим глазами археологов и историков. Эти пилигримы составляли описания достопримечательностей города и уносили свои заметки на родину. Такие описания были предтечами современных путеводителей по Риму, и, как теперь, держа в руках эти толстые путеводители, чужестранцы всевозможных национальностей ходят по Риму, так в Средние века бродили по городу пилигримы, ища указаний в скудных заметках, начертанных на нескольких пергаментных листах.

Двойственный характер Рима наложил особую печать на произведения этого рода, так как в них надлежало сказать и о древнем, и о христианском Риме. По отношению к первому источниками служили *Notitia* и *Curiosum*; о втором имелись

сведения в тех перечнях странноприимных домов, кладбищ и базилик, которые составлялись для руководства пилигримов. К этим перечням добавлялись сказания о святых и церквях, устанавливавшие связь языческого Рима с христианским, и затем даже заметки о папских и императорских дворцах. Так мало-помалу создавались *Graphia* и *Mirabilia* г. Рима.

Топографическая литература города, разросшаяся в настоящее время до размеров целой библиотеки, началась, как мы видели, с официальных окружных списков, и мы воспользовались ими при изложении событий, относящихся к пятому веку. Затем на протяжении целых четырех столетий мы не встретили ничего подобного этим спискам, и только уже при Карле Великом вместе с оживлением Рима и классической науки снова появляются такого рода описания. Стали составляться списки римских кладбищ и церквей; появилось также и собрание надписей, составитель которого известен под именем Анонима Эйнзидельнского. Оно было найдено в Эйнзидельнском монастыре Мабильоном и впервые издано им. Составление этого известного сборника относится к концу VIII или началу IX в., когда Леонина еще не была воздвигнута. На двух листах двумя столбцами автор записал, не вдаваясь в описание, названия памятников в том порядке, в каком они встречались ему справа и слева, когда он проходил по Риму до городских ворот. Очевидно, что при этой работе автору служил пособием план города. К перечню названий приложены и надписи, списанные с памятников и церквей. Таким образом было положено начало эпиграфике, и это первое небольшое собрание древних надписей, труд образованного северного странника, оставалось до начала XV века единственным известным нам произведением такого рода. Древние окружные списки знакомят нас только с языческим Римом; но Аноним Эйнзидельнский отмечает и древние, и христианские здания и таким образом дает топографическое описание Рима времен Карла Великого. Как человек образованный автор заимствует названия памятников из *Notitia*; он избегает даже употреблять название Колизей, заменяя его амфитеатром, но в то же время называет некоторые развалины национальным словом «*palatium*», хотя они вовсе не были развалинами дворцов. Приводя надписи, он дает также арке Тита название «*VII. Lucernaum*» — то, под которым она была известна в народе, называвшем ее так по изображенному на ней светильнику о 7 ветвях. Далее автором отмечена большая часть терм, от которых многое еще оставалось в то время. *Forum Roaaniui* и *forum Trajani* названы их именами, но о других форумах не упомянуто. Цирк Фламиния, *Circus Maximus* и театр Помпея отмечены. Приведена также надпись конной статуи Константина на Капитолии и упомянута даже *Umbilicus Romae*. Автору довелось проходить также через портики на *via Lata* и видеть водопроводы *Virgo* и *Claudius*, *Nymphaeum* Александра и *Septizonium*, название которого все еще сохранялось. Ворота и дороги названы у автора их древними именами; сведения о числе всех башен, зубцов, выходных ворот и бойниц на возобновленных стенах Аврелиана заимствованы из древнего официального описания. Во всем изложении мы не находим ни малейших следов вымысла, и этот сухой перечень говорит нам скорее о том, что автор был ученым схоластом, хорошо изучившим *Notitia*. Помимо нее, источниками должны были служить автору также официальные сведения, составленные, может быть, по приказанию папы Адриана или папы Льва III. Возможно, что в то время уже чертились планы города или топографические карты, на которые наносились главные улицы и более значительные здания. По крайней мере, было бы трудно понять, каким образом, помимо таких карт, могли быть изготовлены драгоценные столы с изображениями Рима и Константинополя, полученные Карлом Великим в подарок, вероятно, от папы и от императри-

цы Ирины. Без таких официальных документов не было бы вообще возможности ни ознакомиться вполне с Римом, ни описать его.

Как только памятники подвергаются забвению, о них слагаются сказания. Чудеса Рима уже давно были окутаны покровом предания, внесенного в народ много легенд и имен, и чем дальше уходила эпоха древности, тем больше являлось сказаний о языческих памятниках. То же самое происходило по отношению к христианским церквям. Эти обе музы народного предания — родные сестры, и в силу двойственного характера города в их созданиях часто сказывалось изумительное смешение языческого с христианским. Уже в 1000 г. должно было существовать много местных римских легенд, вполне сложившихся, и потому мы, не колеблясь, относим именно к этому времени сказание о мраморных лошадях и о конной статуе Марка Аврелия. Другая легенда наводит нас на мысль, что в X веке и даже еще раньше могли сложиться также и такие сказания, которые мы находим уже в позднейших *Mirabilia*. Аноним Салернский, писавший в 980 г., рассказывает, что древние римляне воздвигли на Капитолии в честь всех народов 70 бронзовых статуй. На груди каждой статуи было написано имя народа, который она изображала, а на шее висел колокольчик; день и ночь при этих статуях сторожили по очереди жрецы. Когда в какой-нибудь провинции империи происходило возмущение, соответствующая статуя приходила в движение, колокольчик звонил, и жрецы изведали об этом императора. Летописец добавляет к этому, однако, еще следующее: в незапамятные времена статуи были перенесены в Константинополь, и Александр, сын императора Василия и брат Льва Мудрого, желая почтить их, надел на них шелковые одежды; тогда к Александру ночью явился разгневанный св. Петр и сказал ему: «Я царь римлян». И на следующее утро император оказался мертвым.

Замечательно сочетание этой местной римской легенды с византийской летописью. Это сказание, но только уже без всякого упоминания о Византии, встречается в одном из описаний г. Рима и объясняет возникновение Пантеона. Оно гласит следующее: когда Агриппа, префект Римской империи, после покорения швабов, саксов и других народов Запада вернулся в Рим, статуя Персии, помещавшаяся в храме Юпитера и Монеты на Капитолии, зазвонила своим колокольчиком. Сенаторы поручили тогда Агриппе ведение войны против персов. Агриппа испросил себе три дня на размышление. В последнюю ночь, во время сна Агриппы, к нему явилась женщина и сказала: «Агриппа, что с тобой? Тебя удручают большие заботы!» Он ответил: «Да, госпожа». Тогда она продолжала: «Не тревожься! Обещай мне построить такой храм, какой я тебе покажу, и я возведу тебе, победишь ли ты». И женщина показала ему в видении храм. Тогда Агриппа спросил женщину: «Госпожа, кто ты?» И она отвечала: «Я Кибела, мать богов; принеси жертву Нептуну, богу морей, и он поможет тебе. Воздвигни этот храм ему и мне; мы будем с тобой, и ты победишь». Оповестив сенат об этом сновидении, Агриппа выступил в поход с большим флотом и пятью легионами, победил персов и снова вернул их под власть римлян. Возвратившись после того в Рим, Агриппа построил храм, посвятил его матери богов Кибеле, Нептуну и всем другим богам и назвал этот храм Пантеоном. На вершине храма, над отверстием в крыше, Агриппа поставил в честь Кибелы вызолоченную статую и покрыл всю крышу листами позолоченной бронзы. Из этого же металла были сделаны и два тельца, стоявшие на крыше храма.

Таково содержание легенды, изложенной в замечательной книге, которая носит название «*Graphia aureae urbis Romae*» и после Эйндзидельских заметок является вторым по порядку произведением топографической литературы Рима. Новое описание города, посвященное соответственно секуляризации Рима, одним только языческим памятникам, могло появиться при Оттонах и, может быть, даже еще при

Альберике, так как для удовлетворения нужд пилигримов имелись памятные книги, в которых перечислялись странноприимные дома и кладбища. Какой-нибудь схоласт, знакомый с событиями древности, мог составить перечень городских памятников и к этому перечню приложить сказания, сложившиеся в народе. Этот схоласт уже не придерживается деления Рима на округа, которое приведено в *Notitia*, и в противоположность Эйнзидельскому Анониму нередко заменяет древние названия памятников теми, которые им дал народ. Слова «*palatium, templum, theatrum, circus*» оказываются здесь уже утратившими свое вполне определенное значение, так как в то время народ давал название «*palatium*» всем большим развалинам храмов и форумов, а словом «*theatrum*» обыкновенно называл термы и цирки. Подобное описание города, заменившее или дополнившее древние *Notitia* и *Curiosum*, могло явиться уже раньше X века. Не подлежит сомнению, что Бенедикту Сорактскому было известно такое описание города, так как приводимый этим автором перечень башен и замков Рима заимствован из описания, которое должно было представлять собою *Graphia* в ее первоначальном виде. Описание, носившее это название, получило, однако, большую известность только в XIII веке и, как на «действительно подлинное», на это описание ссылается миланец *Galvaneus Flamma*. Будучи давно известным как рукопись библиотеки *Laurentiana*, принадлежащая XIII или XIV веку, это произведение тем не менее оставалось неиспользованным и было напечатано лишь в 1850 г. Но прежде чем получить окончательно форму флорентийской рукописи, *Graphia* много раз подвергалась переработкам. Период времени, в течение которого она изменялась и дополнялась, начинается с Оттонов и кончается серединой XII века. Так, *Graphia* упоминает о надгробном памятнике папы Анастасия IV, который умер в 1154 г. С другой стороны, на время Оттона II или III указывают те отделы *Graphia*, в которых говорится о придворном церемониале, о возведении в сан патриция, судьи и римского гражданина. Затем самое название книги соответствует надписи «*Aurea Roma*», которая существовала на императорских печатях уже при Оттоне III.

Описательные произведения уже по самой своей природе вызывают дополнения, и то же самое мы видим в *Graphia*: ее различные отделы не принадлежат одному и тому же времени. Книга эта начинается изложением следующего предания: неподалеку от Рима Ной основал город и назвал его своим именем; сыновья Ноя, Янус, Иафет и Камез, построили на Палатине город Яникул, а в Транстеверине — дворец Яникул. Янус жил на Палатине и позднее, вместе с Нимвродом или Сатурном, которого осконил его сын Юпитер, воздвиг еще город Сатурнию на Капитолии. После этого король Итал с сиракузцами построил город того же имени при р. Альбуле или Тибре, а короли Гемилес, Тибр, Эвандер, Кориба, Главк, Эней и Авентин построили другие города. Спустя 433 г. после падения Трои 17 апреля Ромул окружил все эти города стеной и назвал их Римом, и в него пришли жить не только все итальянцы, но и все знатные люди почти всего мира с их женами и детьми. Сочетание имени ветхозаветного Ноя с основанием Рима говорит нам о том, какие разнообразные комбинации способно создавать предание, но мы, конечно, напрасно старались бы установить то время, когда могла возникнуть подобная легенда. Позднее, в XIII и XIV веках, сказания о возникновении Рима составили содержание многих книг; таковы *Liber Imperialis*, *Romuleon*, *Fiorita d'Italia*, *Historia Trojana et Romana*. Особенное распространение получили эти легенды тогда, когда в Италии возникла коммунальная независимость, и каждый город стремился к тому, чтобы отнестись свое происхождение к возможно более глубокой древности.

Среди легенд, сообщаемых в *Graphia*, самую ранней надо признать, конечно, ту, которая относится к погребению Юлия Цезаря. В народе существовало поверье,

что прах Юлия Цезаря был положен в золотой шар, укрепленный на вершукше ватиканского обелиска. Этот шар, по словам легенды, не тронутый ни одним из грабителей Рима, был усеян драгоценными камнями и имел следующую прекрасную надпись:

Цезарь, некогда ты был велик, как мир,
Ныне же ты заключен в крохотной могиле.

Далее, народное поверье утверждало, что останки Юлия Цезаря были помещены так высоко для того, чтобы и после его смерти мир оставался подвластным ему. Самый обелиск назывался поэтому *Memoria* или *Sepulcrum Caesaris*, подобно тому, как мавзолей Адриана назывался также *Memoria*, — названием, весьма характерным для Рима, где все является памятником и будит воспоминания. Под таким именем этот обелиск упоминается в булле 1503 г., изданной Львом IX, и здесь же ему дается также название *agulia*, что на итальянском языке до настоящего времени означает обелиск. Возможно, что это слово *agulia* вскоре же превратилось в народном наречии в *Julia*, которое и послужило, может быть, основанием к возникновению вышеприведенной легенды о великом Цезаре. Такое предположение тем более вероятно, что на постаменте обелиска существовала надпись: *Divo Caesari*.

Между местными легендами, которые приведены в *Graphia* и *Mirabilia*, не найдется ни одной — не исключая легенды о Сивилле и Октавиане, — которая не могла бы сложиться раньше 1000 г. Тем не менее мы предпочитаем сказать о них в других, более подходящих местах нашего изложения.

4. Городские округа в X веке. — Улицы. — Строительное искусство того времени. — Описание одного дворца. — Изобилие больших развалин. — Разграбление Рима римлянами

Основываясь не на упомянутых выше легендарных книгах, а на документальных данных, мы попытаемся теперь дать описание Рима X века. В этом описании, так же, как и в *Mirabilia*, система, конечно, будет отсутствовать, так как в нашем блуждании по лабиринту города мы не будем иметь никакого руководителя. Мы предполагали сначала сделать описание города по округам, но в документах они не обозначены с достаточной ясностью. Замечательно, что деление Рима на гражданские округа все еще сохранялось и оставалось ясным, тогда как семь церковных округов ускользают от нашего глаза. Гражданское деление города уже более не совпадало с делением, существовавшим при Августе, и, по-видимому, в различные эпохи подвергалось изменениям. Уже в X и XI веках собственно в городе насчитывалось 12 округов, причем Транстеврин составлял, вероятно, тринадцатый округ. Округа обозначались числами, но имели также и свои названия. Каждый округ находился в ведении капитана или начальника. При изложении событий 966 г. мы уже говорили об этих 12 или 13 начальниках отрядов римской милиции, которые носили странное название *decarcones* и были влиятельными вождями римского народа.

Из 12 округов, существовавших в ту эпоху, не представляется возможности установить границы X и XI.

Первый округ соответствовал Авентину и, простираясь через *Marmorata* и *Ripa Graeca*, доходил до реки; вследствие находившихся здесь хлебных хранилищ этот округ и в то время назывался *Horrea*.

Второй округ занимал Целий и часть Палатина до Авентина. Здесь отмечены IV *Coropati*, *Forma Claudia*, *Circus Maximus*, *Septizonium* и *Porta Metrovia* или *Metrobi*, перед которыми лежали болотистые пространства, *prata Decii* или *Decenniae*.

К третьему округу отнесены: *porta Maggiore*, *Santa Croce*, *Claudia*, проходившая по двум округам, *Merulana*, монастырь *S.-Vito* и *S.-Lucia Renati*, *S.-Pastor* и *Arcus Pietatis*. Таким образом в третий округ входили местности 5-й *Esquiliae* Августа.

Относительно четвертого округа имеется одно указание, что здесь находился *campus S.-Agathae*. Возможно, что этот округ граничил с *S.-Agatha in Suburra* в седьмом округе и охватывал Квиринал и Виминал.

В пятом округе находились часть Марсова поля с мавзолеем Августа, *Colonna Antonina*, *via Lata*, *S.-Silvestro in Capite*, *Posterula S.-Agathae* у Тибра и, вероятно, также *Pincio* и ворота Св. Валентина (*del Popolo*). Этот округ некогда принадлежал частью девятому округу — *circus Flaminius*, частью седьмому — *via Lata*.

К шестому округу отнесена церковь *S.-Maria in Sinikeo*, находящаяся ныне в квартале Треви.

В седьмом округе находились *S.-Agatha super Suburram*, колонна Траяна и примыкавшее к ней *Campus Kaloleonis*.

Восьмой округ назывался в X веке *Sub Capitolio* — именем, под которым он много раз упоминается в каталогах пап; таким образом округ, в котором находился древний *Forum Romanum*, остался с счету тем же.

Девятым округом была местность, где находились *S.-Eustachio*, *Navona*, Пантеон, термы Александра и *S.-Lorenzo in Lucina*. Этот округ соответствовал Марсову полю, т. е. древнему девятому округу — *Circus Flaminius*, из которого возникли два округа. По случайному стечению обстоятельств сохранилась большая часть документов, относящихся именно к этому округу; в них часто упоминается местность *ad Scotticlaris*, или *in Scorticlam*, по имени которой и называется вся эта область. Это название означает квартал кожевников, помещающийся в настоящее время в *Regola*, но в то время находившийся возле терм Александра у Тибра.

Десятый и одиннадцатый округа ни разу не упоминаются в документах того времени; двенадцатый округ назван в одном документе древним именем *Piscina publica*; следовательно, он оставался таким, как и прежде.

Древний тринадцатый (*Aventinus*) округ в Средние века вошел, по-видимому, в состав первого округа, соответствовавшего Авентину. Транстеверин отмечен в XI веке так же, как и в древности, четырнадцатым округом.

Так как названия *via Lata*, *Caput Africae* и *Suburra* все еще сохранялись, то надо думать, что названия и других древних улиц Рима также оставались еще известными. Тем не менее большая часть улиц называлась уже по имени церквей, а некоторые по имени обращавших на себя внимание памятников, как то: Колизея, театра Марцелла и мраморных колоссов. По отношению к улицам, по которым происходило более ими менее значительное движение, в документах встречается выражение: *via publica* или *communis*, и уже в X веке существовала *via Pontificalis*, которая шла через Марсово поле к базилике Св. Петра. Эти беспорядочные улицы, из которых одни сохраняли направление, существовавшее в древности, а другие были проложены вновь среди развалин и куч щебня, должны были придать городу мрачный и странный вид. Случайно направленные и узкие, с опустелыми жилищами, они произвели бы на нас отталкивающее впечатление, но в то же время мы были бы поражены живописной архитектурой зданий. Как и в настоящее время, каждый дом нередко имел наружную каменную лестницу; двери и окна имели сверху римскую арку; карнизы были окаймлены черепицей; дома покрывались обыкновенно гонтом;

стены возводились из обожженного кирпича, но, конечно, не штукатурились; в каждом доме обыкновенно существовал также балкон, почему мы и встречаем так часто выражение: *casa solorata*. Портики из простых столбов или древних колонн, называвшиеся повсюду в Италии немецким словом *laubia*, были очень распространены и долго сохранялись в Риме. Последние остатки этой средневековой римской архитектуры можно видеть в настоящее время в Транстеврине и в кварталах Пинья и Парионе. Мы не имеем подлинного описания какого-нибудь богатого римского дома того времени и можем составить себе некоторое представление об этих домах только по описанию, относящемуся к дворцу герцогов сполетских. В этом дворце имелось 12 отделений: *proaulium* и *salutatorium*; *consistorium* — здесь общество собиралось, направляясь к столу, и мыло руки; *trichogus* — столовая; *zetas hyemalis* — отапливаемая зимняя комната; *zetas estivalis* — прохладная летняя комната; *epikastorium* (вероятно, *epidcasterium*) — зала для занятий; затем триклинии, каждый с тремя рядами диванов; термы; *gymnasium* — место для игр; кухня; *columbum*, из которого шла вода в кухню; гипподром и *arcus deambulatorii* — портики, к которым примыкало казнохранилище.

Некоторые из древних дворцов, принадлежавших знатным родам Цетега, Максима, Гракха и Аниция, могли еще сохраниться в X веке, но вследствие запустения и переделок должны были измениться до неузнаваемости. Эти дворцы были построены из каменных плит и потому так же легко могли противостоять разрушающему действию времени, как какой-нибудь храм или триумфальная арка. Другие дворцы, походившие по своей архитектуре на замки, возникли вновь и, вероятно, были построены на фундаментах древних зданий.

Если бы нам была дана возможность взглянуть на дворцы Марозии на Авентине и Альберика у церкви *S.-Apostoli*, на дома Барунчиев, Ченчиев и Кресцентиев близ Пантеона или на замок императора Оттона III, мы увидели бы перед собой здания, сложенные из кирпича, разукрашенные древними консолями и фризами, прорезанные окнами с арками и с двумя небольшими колонками по сторонам. Такую архитектуру мы еще находим в так называемой *Casa di Crescenzo*, самом древнем частном здании, известном в настоящее время в Риме и построенном в Средние века. Наилучшим украшением церквей и дворцов тогда были древние памятники. В старых кварталах города нас и теперь еще поражает множество колонн ионического и коринфского стиля, вделанных в стены самых жалких домишек; как же велико должно было быть в X веке количество этих остатков древности, украшавших почти все сколько-нибудь значительные дома города! Мозаичные полы и античная утварь еще могли быть во дворце Альберика, но статуи едва ли украшали дворцовые покои. Без сомнения, в них имелись *lectuli* — те украшенные золотыми изделиями и покрытые восточной парчой диваны, которые находил Ратерий в епископских домах. Об убранстве комнат тяжеловесной мебелью с золотою резьбой, креслами, еще напоминавшими древние времена, бронзовыми канделябрами, шкапами, в которых не было книг, но стояли драгоценные золотые кубки (*scyhi*), серебряные кратеры и раковины (*conchae*), служившие для питья, — обо всем этом можно составить себе представление по мозаикам и миниатюрам того времени, в котором законодательницей моды и распространительницей роскоши являлась главным образом Византия, вносящая во все изделия фантастическую форму, пестрые арабески и мозаичную отделку.

Число древних сооружений в то время было еще очень велико. Большая часть триумфальных арок, портиков, театров, терм и храмов стояла в виде роскошных развалин и на каждом шагу говорила современному поколению о величии прошлого и ничтожестве настоящего. И только этим античным характером города, преоблада-

давшим в нем в течение всех Средних веков, могут быть объяснены многие исторические события. Со времени Титилы враги Рима уже больше не подвергали его опустошениям; но вместе с тем его памятники также и не охранялись больше ни императорами, ни папами. Уже Карл Великий перевез из Рима в Ахен колонны и скульптурные произведения, а папы, сначала смотревшие на великие памятники как на государственную собственность, вскоре затем или перестали понимать это, или не имели ни времени, ни средств прилагать свои заботы к делу охранения памятников. И город был отдан римлянам на разграбление. Папы похищали колонны и мрамор на постройку церквей; знать и духовенство возводили замки на древних роскошных памятниках; горожане устраивали в термах и цирках свои кузницы, ткацкие и прядильные мастерские. Какой-нибудь рыбак, торговавший на одном из мостов Тибра, или мясник у театра Марцелла, или пекарь — все они размещали свои товары на мраморных плитах, на которых, может быть, некогда в театре или цирке восседали властелины мира: Цезарь, Марк Антоний, Август и множество консулов и сенаторов. Саркофаги героев употреблялись вместо кадок для воды, корыт для стирки или для корма свиней, что мы видим и в настоящее время; столон сапожника и портного точно так же легко могли быть *сиррус* какого-нибудь знатного римлянина или алебастровая плита, на которой прежде благородная матрона раскладывала свои украшения. Если бронзовых статуй в X веке было в Риме уже мало, то число мраморных статуй должно было быть еще очень велико. На площадях и на улицах должны были повсюду попадаться на глаза опрокинутые или разбитые статуи; кроме того, портики, театры и термы не были превращены окончательно в кучи мусора и стоявшие в них статуи могли уцелеть. Статуи императоров и великих римлян стояли или лежали на земле, не будучи еще засыпаны землей, и на многих стенах еще можно было видеть древнюю живопись. Но понимание всех этих произведений искусства было уже настолько утрачено, что ни один из писателей той эпохи не обмолвился о них ни словом. Сами римляне видели в этих произведениях только полезный строительный материал. В продолжение столетий Рим представлял собой как бы огромную известковую яму, в которую бросались прекраснейшие изделия из мрамора, чтобы получить из них известь, и не без причины в грамотах X и XI веков встречаются часто такие названия, как *calcaarius* — обжигатель известки; причем такое название давалось не по роду занятий лица, а потому, что оно владело известковыми ямами или жило по соседству с ними. Так римляне в течение нескольких веков разрушали, ломали, жгли и уродовали древний Рим и все-таки не могли окончательно уничтожить его.

5. Рим времен Оттона III. — Палатин. — Септизониум. — Форум. — Свв. Сергий и Вахх. — *Infernus*. — Марфорио. — Капитолий. — *S.-Maria in Capitolio*. — *Campus Caloleonis*. — Колонна Траяна. — Колонна Марка Аврелия. — *Campo Marzo*. — *Mons Augustus*. — Навона. — Церкви Фарфы. — Св. Евстахий в *Plantina*. — Легенда о св. Евстахии. — *S.-Maria in Minervum*. — *Camigliano*. — *Arcus manus carnaeae*. — *Parione*. — Мосты на Тибре. — Храмы *Fortunae virilis* и Весты. —
Заключительный обзор

Теперь мы приглашаем читателя следовать за нами в нашем кратком обзоре Рима времен Оттона III или, вернее, только некоторых мест города, получивших наибольшую известность. Начнем с Палатина. Императорские дворцы существовали в виде колоссальных развалин и были полны забытых произведений искусства

всякого рода. В некоторых комнатах этого обширного лабиринта сохранялась даже драгоценная отделка стен; еще при Иннокентии X здесь был найден зал, обитый золотыми тканями, и другие покои, стены которых были покрыты листами серебра и свинца. Палатин не мог быть густо заселен, так как церковь было построено на нем мало и они были не велики; церкви эти следующие: S.-Maria in Pallara (Palatio) или S.-Sebastianus in Palladio, на месте древнего palladium, где, по преданию, в храме Гелиогабала был умерщвлен этот святой, и S.-Lucia in Septa solis или Septem viis, стоявшая возле Septizonium уже при Льве III. Это великолепное здание Севера было известно в Средние века под такими именами: Septemzodium, Septodium, Septisolum, Septemsolia и даже Sedem Solis, — местопребывание солнца; оно помещалось у южного склона Палатина, почти напротив церкви Св. Григория. У Анонима Эйнзидельского оно названо Septizonium, и в 975 г. упоминается о нем в одном документе. В то время его называли Templum Septem solia maior в отличие от неизвестного памятника Septem solia minor, который находился неподалеку и был подарен Стефаном, сыном консула и герцога Гильдебрадта, аббату монастыря Св. Григория Иоанну с тем, чтобы он воспользовался этим памятником как пожелает, и даже с правом сломать его, если это понадобится для защиты монастыря. В то время партийных войн башни и замки строились не только магнатами, но и монастырями. Многие древние здания, став достоянием частных лиц, были приспособлены именно для таких целей. Большой Септизионум составлял собственность названного монастыря и уже был превращен в крепость. Монастырю Св. Григория принадлежала, кроме того, еще триумфальная арка Константина, которая, конечно, также была обращена в башню. Таким образом, окружавшие этот монастырь древние памятники служили ему как крепости. В одном документе упоминаются Arcus triumphalis и Circus (Maximus), и мы тут же узнаем, что знатный римлянин Стефан, о котором мы упоминали, владел частью императорских дворцов; в этом своем владении он особенно отмечает портик с 38 подземельями или камерами со сводами. В каком состоянии были Circus Maximus и Колизей, еще не превращенный в крепость, мы не знаем. Оба обелиска цирка лежали разбитыми, но две триумфальные арки, стоявшие по концам его, отмечены в Graphia; во всяком случае, можно думать, что стены, которые окружали эти пострадавшие от времени сооружения, так же, как и ряды скамей, все еще сохранялись.

Сильно пострадавший храм Венеры и Рому уже назывался Templum Concordiae et Pietatis и под этим же именем он упомянут в Graphia. Его исполнинские колонны-монолиты из голубого гранита стояли нетронутыми и представляли величественное зрелище. Идя вдоль via Sacra по древней мостовой, путешественник вступал через арку «Семи Святильников» на Форум, где небольшой холм Velia делал значительный уклон, так как тогда Форум еще не был скрыт под таким большим количеством мусора, как в настоящее время. Величественные развалины храмов, портиков и базилик окружали Форум со всех сторон. Попадая в этот национальный музей и проходя среди бесчисленного множества обломков колонн, архитрав и мраморных изваяний, римлянин должен был испытывать невыразимое впечатление от всего этого благого величия, полного преданий. В те времена Форум еще не был настолько запущен, чтобы на нем мог пастись скот; но на постаментах, стоявших против Капитолия и перед базиликой Julia, статуи уже едва ли стояли.

Сопровождаемый в странствовании по Риму каким-нибудь римским археологом, невежественным потомком Варрона, Оттон III нашел бы в объяснениях своего проводника изумительную смесь верных и ошибочных названий древних памятников. Такой археолог указал бы императору Templum Fatale, арку Януса близ церкви S.-Martina и Templum Refugii близ церкви S.-Adriano среди развалин древней

курии; ошибочно объяснил бы, что *arcus Fabianus* близ церкви *S.-Lorenzo in Miranda* есть *templum Latone* и правильно назвал бы *templum Concordiae* близ церкви *S.-Sergius*. Это знаменитое здание, в котором некогда Цицерон говорил свои блестящие речи, может быть, было отчасти разрушено вследствие постройки небольшой церкви; уже Аноним Эйнзидельский говорит о церкви, помещающейся между храмом Согласия и аркой Севера, которая служила этой церкви, вероятно, колокольной. По-видимому, церковь эта стояла вблизи *rostra*, и, должно быть, благодаря ей, сохранились все те статуи, которые уцелели с VI в. Она была посвящена не той св. Сергию, но и св. Вакху; имя этого святого звучит странно в этой древнеязыческой местности, но все-таки оно не составляло исключения в Риме, так как среди римских святых мы снова находим имена других древних богов и героев, как то: св. Ахиллеса, св. Квирина, св. Дионисия, св. Ипполита и св. Гермеса.

Археолог X века показал бы нам в развалинах базилики *Julia* или одного из святыниц Весты, может быть, помещения древних весталок — храм страшного Катилины и тут же церковь *S.-Maria Liberatrice*. Он сказал бы нам далее, что это проклятое место, прозванное *Infernus*, есть *Lacus Curtius*, в которое некогда бросился великий римлянин, желая спасти свое отечество, и затем наш археолог, может быть, еще пояснил бы, что тут же, в пещере, бывшей в Палатине и закрытой бронзовыми дверями, скрывался дракон, который был убит св. Сильвестром. *Privata Mamertini* Средних веков, нам была бы показана статуя речного бога, известного под именем Марфорно, оставшаяся нетронутой в течение веков, и при этом было бы объяснено, что она изображает Марса. Вымощенная широкими, тяжелыми камнями *via Sacra* и ее продолжение *Clivus Capitolinus*, или дорога триумфаторов, вели далее среди бесчисленного множества развалин, мимо храмов Сатурна и Веспасиана к Капитолию. Кто мог бы передать нам, какое глубоко трагическое зрелище представлял тогда Капитолий! В последний раз он был назван величайшим созданием Рима Кассиодором, и мы видели, что еще в VIII в. Капитолий отмечен как первое чудо всего мира. Затем в течение долгого времени мы не встречаем имени Капитолия; оно исчезает со страниц истории; правда, в *Graphia* сказано, что стены Капитолия были выложены стеклом и золотом, но описания храма не приведено. Уже в 882 г. упоминается о монастыре *S.-Maria in Capitolio*, но ничего не говорится о примыкавшей к нему церкви в *Aga Coeli*, хотя она, вероятно, уже была построена.

Об императорских форумах, некогда полных величия, хранится глубокое молчание, за исключением форума Траяна; форум Августа был настолько загроможден развалинами и настолько зарос деревьями, что народ называл его волшебным садом, *hortus mirabilis*. Разрушение на форуме Траяна также было настолько велико, что в документах, упоминающих об этом форуме, говорится о находившихся на нем камнях, *petrae*. Улица, ведшая от Квиринала к форуму Траяна, называлась уже в то время *Magnanapoli*. По другую сторону находилось *campus Caloleonis*, нынешнее *Carleone*, получившее свое название от дворца одного римского магната времен Альберика. Над величественными развалинами ульпийской библиотеки и базилик еще возвышалась неповрежденная роскошная колонна Траяна. Рядом с ней стояла церковь *S.-Nicolai sub columnam Trajanam*; необходимый для постройки ее материал брали тут же, на Форуме, и это, конечно, содействовало его разрушению. Церковь эта входила в приход базилики *S.-Apostoli*, которой принадлежала также, вероятно, и сама колонна Траяна.

Сохранялась также и величественная колонна Марка Аврелия, стоявшая на том же самом месте, где она находится и в настоящее время. В 955 г. Агапит II принес ее в дар монастырю Св. Сильвестра в *Capite*, и семь лет спустя грамота о принадлежности этой колонны монастырю была возобновлена Иоанном XII. «Мы утвер-

ждаем (за монастырем), — говорится в грамоте, — большую мраморную колонну *in integrum*, называемую *Antonino*, с ее изваяниями, с церковью Св. Андрея, стоящей возле нее, и с участком земли, который занят ими и окружен улицами города Рима». Отсюда можно заключить, что местность, окружавшая колонну, оставалась еще незанятой и что рядом с колонной также была выстроена небольшая церковь. Явившись как бы сторожевыми постами, в которых караульная служба исполнялась монахами, эти церкви дали возможность уцелеть двум замечательным памятникам искусства, в настоящее время одиноко возвышающимся среди исторических развалин. Поставленные на этих памятниках изображения апостолов Петра и Павла являются для нас символами второго всемирного господства Рима, и, конечно, было бы трудно найти для них место, более подходящее, чем колонны двух императоров, исповедовавших философское учение, по которым был проложен путь к христианству. Поднимаясь по внутренней витой лестнице, пилигримы так же, как это делается и поныне, взбирались на колонны, чтобы насладиться видом на Рим. При этом монахам, вероятно, уплачивалась некоторая дань; по крайней мере, в одной надписи, относящейся к 1119 г. и сохраняемой в портике церкви Св. Сильвестра, говорится, что пилигримы, посещавшие церковь Св. Андрея, делали приношения у колонны Марка Аврелия; поэтому колонна, приносившая значительный доход, обыкновенно сдавалась монастырем на откуп. Весьма замечательно, что нечто подобное происходило уже древности. Вскоре после того, как колонна была воздвигнута, Адраст, вольноотпущенник императора Септима Севера, построил вблизи нее в 193 г. дом с целью охранять колонну и брать деньги с тех, кто взбирался на нее. При раскопках в 1777 г. в этой местности были найдены две надписи, сделанные на мраморе; они оказались надписями, которые по приказанию Адраста были поставлены в его сторожевом доме; в них-то и говорится обо всем этом. Менее высокая колонна, воздвигнутая Марком Аврелием и Л. Вером в память их отца, стояла также в местности, прилегающей к нынешнему *Monte Citorio*. Эта колонна имела в высоту только 50 футов и была сделана из красного гранита; о ней не упоминают ни Аноним Эйнзидельский, ни *Graphia*, ни *Mirabilia*; надо полагать потому, что в XI веке ее уже не существовало.

Марсово поле, называвшееся *Campus Marzо*, уже в то время представляло величественное зрелище развалин мраморного города. Из сооружений Антонинов базилики или храмы еще сохранялись в значительной степени, если судить по существующему доньше украшенному колоннами фасаду *Dogana*. На пространстве от Пантеона до мавзолея Августа лежали развалины примыкавших одно к другому зданий терм Агриппы и Александра, *Stadium* Домициана и *Odeum*. Чтобы представить себе этот полуразрушенный мир изумительных зданий, необходимо вспомнить все бесчисленное множество портиков, тянувшихся по Марсову Полю от *Via Lata*, *porta Flammia* до моста Адриана. Здесь, под мрачными сводами развалившихся зданий, ютился бедный люд, подобно троглодитам в их пещерах; другие размещались на развалинах со своими лачугами, как ласточки с гнездами. На гудах мусора, покрывавшего древнее Марсово Поле, разводились капуста и виноград. Понемногу прокладывались улицы, направлявшиеся к церквям, которые строились на развалинах древних зданий из их же обломков. Свое название эти улицы получали от церквей. То здесь, то там из развалин вырастала мрачная башня какого-нибудь римлянина, именовавшего себя консулом или судьей.

Мавзолей Августа в то время еще не был обращен в крепость. Он был покрыт землей, зарос деревьями и имел вид холма; поэтому его принимали за гору; в X веке он назывался *Mons Augustus*, и отсюда произошло народное название *Austa* или *L'aibta*. Предание гласит, что император Октавиан приказал положить на свою мо-

гилу по полной корзине земли из каждой провинции империи, желая покоиться в земле всего мира, которым он владел. По примеру мавзолея Адриана на мавзолее Августа была также построена церковь Архангела Михаила. Рядом с мавзолеем в то время стояла церковь S.-Maria или Martina in Augusta, превращенная позднее в госпиталь S.-Giacomo degli Incurabili. Вокруг лежали поля и виноградники этого монастыря. Обвалившаяся, с разрушенными башнями, городская стена еще тянулась от porta Flaminia к реке и к мосту Адриана; в нескольких местах ее прерывали Posterulae или речные ворота.

Современные porta del Popolo все еще носили, как в Graphia, название р. Flaminia, но назывались также и по имени церкви Св. Валентина за воротами. Неподалеку от этих ворот находился древний памятник, называвшийся Tullus; это был, вероятно, надгробный памятник, поставленный, по народному поверью, на могиле Нерона. За воротами, по обеим сторонам via Flaminia, можно было также видеть еще ряд обрушившихся древних надгробных памятников и в числе их памятник знаменитого возницы Gutta Calpurnianus. На месте нынешней piazza del Popolo были поля и сады так же, как и на «Mons Pinzi» той эпохи, на котором находилась церковь Св. Феликса. У подошвы Mons Pinzi, на площади, приблизительно там, где теперь стоит церковь S.-Maria dei Miracoli, помещался другой древний памятник, имевший форму пирамиды и называвшийся Meta. На всем Марсовом Поле были устроены виноградники и огороды. Stadium Домициана лежал в развалинах. Аноним Эйнзидельнский ошибочно называет его «Circus Flaminias, где покоится св. Агнеса», производя это название от древнего округа, который носил это название и к которому принадлежал Stadium. Но в X веке он был известен в народе под названием Agonis, от Agon или Circus Agonalis. Первоначально местность называли «in Agona», а затем — 'n Agona, и отсюда получилась Navona — название самой большой и самой красивой в настоящее время площади в Риме.

Здание цирка еще раньше служило материалом для постройки некоторых церквей: по одну сторону его была построена диакония Св. Агнесы in Agone, так как именно с этим местом связана легенда, сложившаяся об этой святой, по другую — приходская церковь Св. Аполлинария, воздвигнутая, вероятно, на развалинах храма Аполлона, который таким образом был вытеснен святым того же имени, первым равенским епископом. Подобно другим монастырям и базиликам, мало-помалу захватывавшим территорию города с его памятниками, церковь Св. Евстахия также владела в этом округе землей, и даже отдаленное аббатство Фарфа имело здесь свои поля, дома, сады и подземелья в разрушенном Stadium и в находившихся поблизости термах Александра Севера. Кроме этих терм, аббатству еще принадлежали три небольшие церкви: S.-Maria, S.-Benedictus и S.-Salvator, из-за которых аббатство вело долгую тяжбу с пресвитерами церкви Св. Евстахия. Из трех церквей аббатства Фарфы церковь S.-Maria есть, по-видимому, та, которая известна в настоящее время под именем S.-Luigi de'Francesi; церковь Св. Бенедикта погибла, а церковь S.-Salvator сохранила свое название с добавлением in Thermis. Здесь, на протяжении от церкви Св. Евстахия до церкви Св. Аполлинария рядом с Stadium Домициана, должны были находиться термы Нерона, расширенные Александром Севером. На развалинах этих терм возник новейший квартал, в котором находятся церковь Св. Евстахия, дворцы Madama и Giustiniani и церковь S.-Luigi; в позднейшее время в этой местности все еще попадались великолепные остатки портиков, арок, колонн и украшений всякого рода. Там, где теперь находится источник Scrofa, стояла древняя церковь св. Трифона in Posterula, а возле нее находились развалины древнего здания, в котором сжигались тела умерших императоров. В 956 г. церковь

Св. Трифона была построена заново и роскошно отделана, и префект города Кресцентий наделил ее многими привилегиями.

Церковь Св. Евстахия, прозванная in Platana, вероятно потому, что возле нее рос платан, была построена, по преданию, в одном из дворцов терм Александра. Она, должно быть, была основана в очень давнее время, так как уже при Льве III в 975 г. она была диаконией. В Средние века она составляла центр квартала, и по ее имени назывались и округ, и один знаменитый род знатных римлян. Предание, сложившееся о святом Евстахии, замечательно. Языческое имя Евстахия было Плацид; он был военачальником при Траяне, покорил даков и иудеев и вернулся в Рим с триумфом. Будучи однажды на охоте между Тибуром и Пренестом, Плацид преследовал оленя. Животное бежало на гору Вультурелл (близ Гвадальоло); Плацид не отставал от оленя, но вдруг увидел между рогами его сияющий лик Христа, повелевшего Плациду вернуться в Рим и принять святое крещение. Сделавшись христианином, Плацид принял имя Евстахия, назвав свою жену Трояну, также крестившуюся, Феопистой, а сыновей — Агапитом и Феопистом. Затем промыслом Божиим Плацид, как Иов, был лишен своего имущества. Он удалился в Египет в пустыню, но здесь корабельщики увезли у Плацида жену, а лев и волк похитили его сыновей; тогда он сам поступил слугой к одному египтянину. Тем временем Траян, вовлеченный в войну с персами, приказал повсюду искать героя Плацида, который наконец и был найден двумя старыми центурионами, узнавшими Плацида по рубцу, полученному им некогда на войне. Несмотря на сопротивление Плацида, они одели его в великолепное платье и повезли в Рим, где, однако, Плацид нашел на троне уже не своего друга Траяна, а Адриана. Приняв начальство над войском, отправленным против персов, Плацид по счастливому случаю нашел и свою жену и детей и, совершив поход, вернулся в Рим, увенчанный лаврами. Сенат постановил воздвигнуть Плациду триумфальную арку; но тайный христианин отказался принести Юпитеру победную жертву, объявил о своей вере и был приговорен вместе с семьей к смерти. Львы на арене цирка смиренно легли перед осужденными, и тогда их ввергли в раскаленного бронзового быка. Когда последний остыл и палач открыл его, оказалось, что Евстахий, его жена и дети были мертвы, но тела их оставались неповрежденными. Христиане похоронили мучеников в доме почившего, многие римляне приняли святое крещение, а Адриан, терзаемый раскаянием, принял в Кумах яд.

Евстахий имеет по отношению к Риму еще иное значение: его родословная в высшей степени странная. С XII века и, вероятно, еще раньше римляне стали склоняться к мысли, что их знатные роды ведут свое происхождение от глубокой древности: родословные деревья римской знати совершенно неожиданно оказались то отпрысками знаменитого лавра Августа на Палатине, то деревьями, взрожденными в садах Менената, Помпея, Сципионов и Максимов. Род графов Тускуланских был превращен в род conti di S.-Eustachi и затем смелым полетом фантазии связан с именем того Октавия Мамилия Тускуланского, который пал в сражении при Регильском озере. От этого родоначальника произошли Октавии, а от императора Октавиана — сенатор Агапит Октавий, отец Плацида, или Евстахия. К тому же роду принадлежал Тертулл, отец св. Плацида, ученика св. Бенедикта. Со времен Мамилия фамилия эта всегда владела Тускулом, который был принесен в дар монастырю Субиако Тертуллом. Последний был будто бы двоюродным братом императора Юстиниана. Из рода же Октавиев будто бы происходили и великий папа Григорий, и род Анициев. Таким образом выходило, что от легендарного Октавия Мамилия вели свое происхождение не только графы Тускулан-

ские, но и Пьерлеоне, графы Сеньи, Поли, Вальмонтоне и Франджипани, произошедшие начало австрийскому дому.

По другую сторону Пантеона уже Аноним Эйнзидельский отмечает монастырь *S.-Maria in Minervium*, т. е. на развалинах древнего храма Минервы, а в *Graphia* говорится: «Рядом с Пантеоном находится храм Минервы Халкидской». Неподалеку отсюда стояла триумфальная арка, считавшаяся аркой Камилла, почтену и местность эта называлась также *Gamigliano*. Одна очень древняя улица, находившаяся здесь, была прозвана *ad duos amantes*, и это прозвание перешло также и на монастырь *S.-Salvator*. Возле находилось *Iseum*, и среди его развалин еще стояли прекрасные группы Нила и Тибра, находящиеся в настоящее время в Ватикане. К счастью, они сохранились так же, как и статуя Марфорнио.

Мы отметим еще одну триумфальную арку возле церкви Св. Марка, часто упоминаемую в Средние века. Она называлась аркой «окаменелой руки — *arcus manus captae*» и стояла при входе в улицу *Macell de'Corvi* (воронов рынок), существующую в настоящее время. Основательно или нет, некоторые считают самое название улицы искажением слов «*manus captae*». Вероятно, здесь стояло изображение руки как знак находившейся тут когорты; предание же говорит, что это была рука палача, который при Диоклетиане подверг мучениям благочестивую Люцину и за то был превращен в камень.

О состоянии театра Помпея нам ничего не известно, но он отмечен как театр или храм. Его развалины, как и других древние здания в этой местности, были настолько значительны, что окружающий квартал уже в X веке назывался *Parione* — именем, которым еще в настоящее время называется VI округ Рима. Эту же местность называли также по имени большой древней урны, обращавшей на себя внимание народа. О цирке Фламиния еще упоминается вскользь, и позднее он снова отмечается под именем «золотой крепости». Театру Марцелла дается в документах его древнее название, хотя народ уже называл его *Antonini*. По берегу реки мы находим известный нам *Ripa Graeca* впереди церкви *S.-Maria in Cosmedin* и древнюю *Marmorata*.

В одном замечательном документе 1018 г., относящемся к епископству Порто, юрисдикции которого подлежали тогда остров Тибра и Транстеверин, приведены существовавшие в то время названия некоторых мостов через Тибр. В этом документе описаны границы епархии Порто, причем исходным пунктом взят «разрушенный мост, где течет вода»; затем граница ведется «вдоль стены Транстеверинского города, к Септимианским воротам и к воротам Св. Панкратия»; далее, в Кампании через реку Арроне, к маяку у моря, и назад в Рим по середине реки к разрушенному мосту близ *Marmorata*, к мосту *S.-Maria*, к мосту евреев, по середине реки и прямо к вышеназванному разрушенному мосту, самому близкому к католическим церквям в Транстеверине, *S.-Maria*, *S.-Chrysogonus* и *S.-Caecilia*, монастырю Св. Панкратия и монастырю Свв. Космы и Дамиана. Из этого описания можно заключить следующее: разрушенный мост, с которого начато описание границы, продолженной затем через Септимианские ворота вдоль Транстеверинской стены, есть современный *ponte Sisto*; второй разрушенный мост, который существовал близ *Marmorata*, можно видеть в настоящее время у Авентина; в Средние века этот мост назывался *ponte Probi*, или *Theodosii in Riparnea* (*ripa marmorea*); современный *ponte Rotto*, цепной мост, назывался в то время *p. S.-Mariae*, по имени близ стоявшей церкви; наконец, нынешний мост *quattro Capì* (некогда *Fabricii*) назывался мостом иудеев, так как возле него жили евреи.

У Палатинского моста возвышаются, недалеко друг от друга, три замечательных здания: храм *Fortunae Virilis*, круглый храм Весты и полуразрушенная башня,

которую называли домом Пилата, Крестентия и даже Коло ди Риенцо. Храм *Fortunae Virilis*, псевдопериптер ионического стиля, хорошо сохранившийся, величественного и прекрасного вида, был воздвигнут, вероятно, еще во времена республики. По преданию, это святилище Сервия Туллия было превращено в церковь уже при Иоанне VIII; позднее она была посвящена Марии Египетской, прекрасной грешнице, искупившей свои заблуждения в пустыне, и теперь храм называется *S.-Maria Egiziaca*. Стоящий против него храм Весты, называвшийся в позднейшие годы Средних веков *templum Sibyllae*, обращен в неизвестное для нас время также в церковь, которая называется *S.-Stefano delle Carozze* или, по имени одной иконы, *S.-Maria del Sole*. О так называемом доме Пилата мы будем говорить дальше. Все эти три здания вместе с мостом и церковью *S.-Maria in Cosmedin* делают эту часть Рима одной из самых привлекательных.

Такова наша *Graphia* Рима X века. Мы видим, что Марсово Поле в то время было уже значительно застроено, холмы Квиринал, Виминал и Эсквилин были заселены по-прежнему, а у городских стен тянулись, как и теперь, поля и виноградники. Целий, на котором в течение веков сохранялась древняя дорога *Caput Atricae*, и Авентин, по-видимому, были особенно густо застроены и имели много улиц; местность вокруг Форума была также обитаема; Субурра все еще сохранялась. Самым блестящим кварталом была, однако, *via Lata*. Транстеверин был, вероятно, также хорошо заселен. Наконец, постройкой Леонины, так называемого «Портика святого Петра», воздвигнутой Львом IV в ватиканском Борго, было положено основание новой городской колонии.

TOM IV

КНИГА СЕДЬМАЯ

ИСТОРИЯ РИМА В ОДИННАДЦАТОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

1. Всемирно-историческое положение города Рима в XI веке. — Влияние на папство муниципальных условий в Риме. — Ломбардцы провозглашают Ардуина королем; римляне возводят Иоанна Кресценция в сан патриция. — Смерть Сильвестра II, 1003 г. — Иоанн XVII и Иоанн XVIII. — Тускул и Тускуланские графы. — Сергей IV. — Смерть Иоанна Кресценция, 1012 г.

В истории папства одиннадцатый век был одним из самых замечательных. Такого поразительного контраста между глубоким упадком власти и затем неожиданным ее подъемом мы нигде не встречаем. С прекращением династии Оттонов Рим оказался в условиях, сходных с теми, в которых он был, когда прекратилось существование империи Каролингов. Папская власть постепенно утрачивала свое нравственное и политическое значение, а город в то же время не переставал прилагать усилия к тому, чтобы освободиться от этой власти навсегда. Усилия города оказались, однако, тщетными, и папская власть сохранилась в нем. Эта власть, как начало несокрушимое, враждебное муниципальному развитию, могла быть подавлена только временно, но не окончательно, и с помощью сторонних сил она постоянно восстанавливалась. В Риме не существовало такого гражданского элемента, который мог бы явиться основоначалом светского правопорядка. И в самом Риме, и в областях, примыкавших к городу, по-прежнему были только могущественные представители знатных фамилий, ленные вассалы церкви; они похищали у пап их власть и затем оспаривали ее друг у друга. В качестве патрициев они господствовали над Римом в первую половину XI века, назначали пап из своей среды и сделали Святой престол родовым достоянием. Папство пало так низко, что, казалось, наступили снова времена самых развратных древних императоров. Но затем последовала замечательная реакция, и римская церковь с изумительной быстротой достигла всемирного могущества.

Наступлению такого переворота существенным образом содействовали те условия, в которых находился Рим, так как из него именно исходили ближайшие стимулы, вызывавшие более или менее широкое общественное движение. Постоянная связь Рима с императорами и папами, даже те события, которые происходили в ограниченных пределах городских стен, борьба города против светской власти церкви, притеснения, которым подвергала пап римская знать, беспомощность пап и необходимость для них постоянной и бдительной обороны, — все это было причиной более или менее отдаленных последствий и широких политических комбинаций. Можно даже утверждать, что история папства не шла бы по тому пути, которым она развивалась до Григория VII и после него, если бы город Рим не вел постоянной борьбой против духовного управления.

С XI века римский патрициат получил всемирно-историческое значение. Отняв у римской знати этот патрициат и присоединив его к своей короне, германские короли приобрели вместе с властью над городом так же и право на замещение Святого престола. Для церкви, стремившейся к освобождению, это обстоятельство и составило именно ближайшую задачу борьбы ее с государственной властью. Едва вступив на путь внутреннего преобразования, церковь приложила все свои силы к тому, чтобы свергнуть с себя иго патрициев. Папы не должны были назначаться ни магнатами, ни королями; избрание пап должно было происходить свободно, при участии только одного духовенства. Таким образом, патрициат города послужил поводом к изданию известного избирательного закона Николая II и к учреждению коллегии кардиналов, а позднее борьба пап с патрициатом уже перешла в общую борьбу за право инвеституры вообще.

Этот великий спор из-за инвеституры определяет собой так же ход истории города Рима во вторую половину XI века. Источником и ареной борьбы неизменно оставался Рим. Достойная удивления деятельность гениального Гильдебранда проявилась здесь, в Риме, и ее задачей было не только положить основание новому церковному государству с вассальными землями, но и поднять папство, освобожденное от патрициата, на степень всемирной верховной власти. Долгие междоусобные войны и ужасные бедствия злополучного города были последствием великой борьбы церкви с государством, и мы увидим, что эта борьба продолжалась еще в XII веке, когда наконец в эпоху расцвета в Италии городских республик Рим после пережитых им великих испытаний так же принял новый облик республики.

Со смертью Оттона III Италия освободилась от своего короля, а Рим — от своего императора. Не было никого, кто в качестве наследника мог бы заявить притязание на титулы Оттона I. Это был благоприятный момент для итальянцев объявить власть германских королей и императоров прекратившейся и затем стремиться к достижению независимости своей страны. Как во времена Беренгара, Северная Италия немедленно возложила ломбардскую корону на туземного князя, и уже 15 февраля 1002 г. в Павии был провозглашен королем могущественный вельможа, маркграф иврейский Ардуин, которого Оттон III осудил на изгнание. В качестве короля Ардуин торжественно объехал страну и даже возымел надежды на императорскую корону. Ему оказали большое сопротивление ломбардские епископы, так как многие из них оставались верными германскому королевству; в числе этих противников самым грозным был Лев, епископ Верчелли, любимец Оттона III.

Римляне возложили диадему патриция на сына знаменитого Кресцентия, и с той поры Иоанн в течение десяти лет правил городом как государь. Род, из которого происходил Иоанн, был враждебен германскому королевству, а римлянам он был дорог, так как он пожертвовал собой, отстаивая независимость города. Это обстоятельство и было причиной того, что народ предпочел графам Тускуланским Кресцентиев. Родственники нового патриция, Иоанн и Кресцентий, сыновья Бенедикта и Теодоранды, были владетельными графами Сабинны. Иоанн назывался даже герцогом и маркграфом, вероятно потому, что он управлял так же Сполето и Камерино. Другого Кресцентия патриций назначил префектом города. Свою сестру Рога-ту, римскую *senatrix*, патриций выдал замуж за Октавиана, сына лангобардского герцога Иосифа, владевшего землями в Сабине.

Тем временем покинутый всеми оплакивал в Латеране свое одиночество престарелый Сильвестр, и единственным утешением для него могли быть только его любимые пергаменты. Он умер через год, 12 мая 1003 г., и смерть его была, вероятно, насильственной. Его третий преемник воздвиг ему в базилике Св. Иоанна памятник

ник. Посвященное знаменитому папе похвальное слово сохранилось и будит в нас до настоящего времени множество легенд, которыми в Средние века была разукрашена жизнь этого «мага», занимавшего престол св. Петра.

Автор эпитафии сокрушается, что со смертью Сильвестра мир исчез с земли и церковь овладела смуты. Правление двух пап, следовавших за Сильвестром, остается для нас совершенно неизвестным. Иоанн XVII Сико умер спустя 7 месяцев, и его место занял 25 декабря 1003 г. Иоанн XVIII. Оба были римлянами и родственниками или креатурами возведшего их на престол патриция.

В продолжение своего более чем пятилетнего правления Иоанна XVIII едва ли мог возлагать хотя бы робкие надежды на далеких германских королей. Баварский герцог, вступивший на престол Германии под именем Генриха II, горячо желал восстановить империю в немецком народе. Но между Генрихом II и императорской короной пока еще стоял Ардуин, который, во всяком случае, был королем в своих Альпийских горах. Над этим соперником Генрих II одержал победу, хотя и не окончательно, и 14 мая 1004 г. в возмущившейся Павии возложил на себя корону Италии; но затем он все-таки вернулся в Германию. Тем не менее поражение Ардуина, коронавание Генриха и ожидание его похода в Рим возродили силы немецкой партии в Риме. Предводителями этой партии в то время были тускуланские графы, которые, питая ненависть к Кресцентиям, лицемерно заявляли о своих симпатиях к германскому королевству.

На расстоянии 15 миль от Рима до сих пор еще возвышаются над Фраскати мрачные развалины древнего и средневекового Тускула. Этот город был древнее Рима; еще в мифах об Одиссее говорится о происхождении Тускула; предание приписывает основание его Телегону, сыну Одиссея и Цирцеи. Будучи местом поселения латинян, Тускул долго вел борьбу с Римом. Правитель Тускула, Мамилий Октавий, дал у себя приют своему тестю, последнему Тарквинию, и затем сам пал в битве при озере Регильском. Тускул был местом происхождения многих знатных родов, как то: Mamili, Fulvii, Fonteji, Juventii и в особенности Роггii, так как мрачный тускуланский замок был колыбелью Катонов. Бродя по развалинам Тускула, путешественник встречает много памятников, принадлежащих эпохе процветания римской науки, и, между прочим, находит место, где некогда стояла академия Цицерона и его вилла, в которой он написал свои *Tusculanae Disputationes*. Брут, Гортензий, Лукулл, Красс, Метелл, Цезарь и позднейшие императоры имели в Тускуле свои виллы; этими роскошными дачами во времена господства римлян был усыпан цветущий склон горы. В наше время во Фраскати, излюбленном загородном поселении, возникшем в Средние века задолго до того, как погиб Тускул, римская знать точно так же владеет многими прекрасными дачами. В X веке *municipalium Tusculanum* было почти неприступным городом, со множеством развалин, которые напоминали о древнем величии Тускула. Тот, кто владел тускуланским замком, имел в своих руках Латинскую область и часть Кампании; благодаря таким условиям Тускул имел более важное значение, чем какой-либо другой замок на римской территории.

Род Тускуланских графов (*de Tusculana*) произошел от Марозии и Теодоры. Часто встречающееся в этом роду имя Феофилакта служит доказательством, что «сенатор римлян», носивший это имя, был предком Тускуланских графов. Сын Марозии Альберик мог владеть Тускулом как наследственным достоянием, полученным от матери; в документах, однако, не упоминается об этом. Мы, колеблясь, можем признать, что Тускуланские графы происходят от Феофилакта; но нам нет никакой надобности забавлять себя рисованием родословного древа, которое восходило бы в прошлом до Мамилия Октавия. Прозвание *de Tusculana* встречается

ся в истории в первый раз при Оттоне III; оно принадлежало именно сенатору римлян Григорию, любимцу императора Оттона III и, без сомнения, Tusculanскому графу. В жизнеописании св. Нила Григорий изображен богатым, хитрым и наглым деспотом; здесь же сообщается, что, будучи в 1002 г. в Риме, Григорий принес в дар св. Нилу землю, на которой впоследствии был построен базилианский монастырь *Grotta Ferrata*.

Сын или внук Альберика, Григорий, был женат на Марии и имел трех сыновей: Альберика, Романа и Феофилакта. Глазами хищных птиц смотрели с крутых скал Tuscula эти дикие бароны на Рим, которым теперь правил в качестве патриция Иоанн Кресцентий и в котором 50 лет назад государем был Альберик. Цель их стремлений заключалась в том, чтобы овладеть Римом, как своим наследственным достоянием, и подходящий для этого случай не заставил себя ждать. Когда в июне 1009 г. Иоанн XVIII умер, Tusculanским графом, по-видимому, удалось повлиять на избрание папы в благоприятном для них смысле. Преемником Иоанна XVIII был Сергей IV, епископ альбанский, который, может быть, и сам был родом из Tuscula; в правление этого папы положение Кресцентиев становилось все более шатким. Тем не менее Иоанн Кресцентий оставался по-прежнему правителем, и акты того времени свидетельствуют, что еще в 1011 г. этот период официально помечался именем Иоанна как сенатора римлян и патриция. Из этих актов видно далее, что Иоанн, как некогда Альберик, в качестве верховного судьи Рима и территории города вел под своим председательством у себя во дворце *placita* и что в таких случаях в деле принимали участие судьи, назначавшиеся Иоанном и называвшиеся сенаторами, а так же и префект города Кресцентий.

Воспоминания о несчастном отце не переставали, однако, тревожить Иоанна. Он так же опасался похода в Рим Генриха II. Поскольку для папы этот поход был желателен, постольку старался отдалить его Иоанн. Послы его вели переговоры с Ардуином и даже с Болеславом Польским и убеждали последнего удерживать короля войною по ту сторону Альп. Господствуя в Риме, грабя имущество св. Петра и присваивая себе церковные имения, Иоанн в то же время старался задобрить Генриха, называл его в письмах своим государем и посылал ему подарки. Поступая так, Иоанн тем не менее всячески старался помешать коронованию Генриха. Правление Иоанна было возможно лишь потому, что императора не существовало, и оно продолжалось только до ближайшего императорского коронования. Сам Иоанн умер, однако, весной 1012 г., раньше, чем Генрих появился в Риме. Смерть Иоанна вернула до некоторой степени папству его независимость; но в то же время она так же облегчила германскому королю путь в Рим. Скучные хроники того времени лишают нас возможности сообщить еще что-нибудь о патриции, который правил Римом в течение 10 лет, лишил пап светской власти и вернул римлянам их гражданскую свободу на такое продолжительное время. Сын знаменитого Кресцентия должен был быть человеком сильного характера; мы, однако, ничего не знаем, какие установления были внесены Иоанном в существование Рима. Со смертью Иоанна (папа Сергей умер вскоре после него) Кресцентии утратили свою власть. Этот род, блиставший в варварские века как одичавшее поколение Гракхов и Брутов и давший людей, смело боровшихся с папами и императорами, еще долго существовал в Сабине, но в Риме уже больше не имел сколько-нибудь серьезного значения, хотя имя Кресцентиев и встречается здесь еще в течение целого столетия. С этого времени арена была занята Tusculanскими графами, которые немедленно выдвинулись вперед, чтобы надолго подчинить Рим своей тиранической власти и сделать престол Петра своим наследственным достоянием.

2. Григорий, избранный папой, изгоняется Феофилактом, или Бенедиктом VIII. — Генрих принимает сторону папы, избранного тускуланской партией. — Приезд в Рим Генриха II и коронование его (1014 г.). — Положение Рима и его территории с возникновением на ней наследственных графств. — Римская знать образует сенат. — Роман, сенатор всех римлян. — Императорский трибунал. — Подавление восстания римлян. — Возвращение Генриха II. — Смерть национального короля Ардуина

Партия Кресцентиев избрала папой римлянина Григория, но кандидат тускуланской партии низверг Григория с папского престола. Феофилакт, сын Григория Тускуланского, проник в Рим вместе со своими братьями, и обе партии вступили в бой из-за обладания тиарой и за власть над городом. Прогнав своего соперника и заняв Латеран силою, Феофилакт, не будучи вовсе духовным лицом, принял сан папы под именем Бенедикта VIII. Это происходило в мае 1012 г.

С той поры как императора более не существовало, римская знать вернула себе право избрания папы. Изгнанный Григорий, чтобы восстановить свои права, поспешил, однако, обратиться за помощью к германскому королю. Генрих принял на себя защиту прав изгнанного папы и обещал по приезду в Рим обсудить спорный вопрос согласно каноническим постановлениям.

В то же время прибыли к германскому двору и послы Бенедикта VIII, который, желая обеспечить за собой престол Петра, так же позаботился привлечь на свою сторону короля, внушавшего ему опасение.

Предоставив Григория его собственной участи, хотя он, может быть, и был избран согласно каноническим правилам, Генрих дозволил Тускуланскому графу остаться папой. Таким образом, Бенедикт VIII, опираясь на свою могущественную родню, упрочил за собою папский престол. Кресцентии были изгнаны; с ними вместе был удален и принадлежавший к их семье префект города; на эту должность был назначен другой римлянин, по имени Иоанн; самые влиятельные посты перешли так же в руки тускуланской партии, однако никто не решился присвоить себе сан патриция, так как право на этот сан было признано за германским королем. Тем не менее в главе управления и сюда папа поставил своих братьев. «Светлейший консул и герцог» Альберик, бывший при Оттоне III магистром императорского двора, поселился во дворце своего предка возле базилики Santi Apostoli и творил суд тем же порядком, как раньше это делал патриций Иоанн.

Тем временем Генрих II вел через своего посла переговоры с Бенедиктом VIII. Было условлено, что Генрих признает Бенедикта папой, а Бенедикт возложит на короля императорскую корону. Когда состоялось это соглашение, Генрих направился в Рим, отпраздновал Р. X. 1013 г. в Павии и затем заставил Ардуина отступить в принадлежавшую ему маркшу Иврею. Со смертью патриция национальная партия в Риме утратила свою силу, но мужественный пьемонтец все еще считался королем Италии. Этот великий сан имел свое истинное значение только однажды — тогда именно, когда Италия была действительно объединена под скипетром готов. Все короли, которые с того времени украшали себя этим саном, приписывали себе титул властителя государства, которым они вовсе не обладали. Ардуин владел лишь несколькими горными участками и немногими городами; тем не менее за ним может быть признано право на славу последнего национального короля Италии до той поры, когда им стал Виктор Эммануил. Ардуин попытался оградить Италию от чужеземцев, но он увидел, что германский король идет в Рим, и не имел сил остановить это движение.

В Равенне Генрих был встречен папой и отсюда проследовал в Рим, куда папа прибыл раньше него. В Риме партия Кресцентиев была еще многочисленна; во

главе ее стояли племянники патриция, Иоанн и Кресцентий. В союзе с этой партией приверженцы Ардуина старались вызвать в народе сопротивление восстановлению императорской власти, которая всего лишь 15 лет тому назад была упразднена в Риме. Но при виде закованных в латы многочисленных войск Генриха усилия национальной партии оказались тщетны, и германский король при вступлении его в город был приветствуем, по древнему обычаю, пением гимнов. У ворот Леонины Генрих и его жена Кунигунда были встречены корпорациями (scholae) и затем окружены 12 сенаторами, у шести из которых бороды были сбриты, а у других шести — отпущены; у всех сенаторов были в руках посохи. Сохраняя такой «символический» вид, эти 12 сенаторов следовали в процессии за королем. Возможно, что это были начальники городских округов, за исключением Транстеверина и Леонины, которые были подчинены управлению папы. Коронование состоялось 14 февраля 1014 г. в базилике Св. Петра, согласно установленному ритуалу. Свою королевскую корону новый император принес в дар апостолу Петру, а символ императорской власти, который был поднесен императору папой, именно — золотую державу, увенчанную крестом, Клунийскому монастырю. По толкованию того времени, шар означал весь мир; четыре различных драгоценных камня, вставленных в шар, — четыре главных добродетели; крест — долг служения императора Христу и папе, который, как наместник Христа, облечен властью возводить королей в сан императора. Торжественная церемония была закончена пиршеством в Латеране. Обе стороны могли быть довольны: Генрих вернул своему народу империю, а Бенедикт получал надежду, что церковное государство будет опять восстановлено.

В тревожное время Оттона II земли св. Петра, которыми церковь еще владела, подверглись снова грабежу; в правление же патриция Иоанна папы были окончательно лишены политической власти. По обеим сторонам Тибра возникли наследственные графства. В Латинской области господствовали Тускуланские графы; в Кампаньи — владельцы Сессапо или Segni, предпочтительно перед другими называвшиеся графами Кампаньи; в Сабине — Кресцентии; Тусция была под властью графов Галерийских; а владения происходивших из франкского рода Трасмунда, Берарда и Одеризия уже простирались от Марсийской области до Субиако. С возникновением феодального строя древнее церковное государство пало; епископы пользовались правами графов, а во власти пап оставались из всего, что было дано им Каролингями, почти только одни пожелтые дарственные грамоты, хранившиеся в папском архиве. Бенедикт увеличил число этих грамот еще одной, известной под именем диплома Генриха. Этот документ вполне сходен с грамотой Оттона, за исключением того, что в дипломе Генриха сделаны некоторые дополнения, относящиеся к Фульде и Бамбергу. Оригинал этого диплома не существует; возбуждающая сомнения копия не помечена датой, и есть много оснований полагать, что диплом Генриха не относится к 1014 г.

Более важно было бы для нас знать, каков был порядок управления Римом, над которым Бенедикт VIII снова получил светскую власть. Но условия внутреннего существования Рима за этот период времени остаются так же совершенно неизвестными. Упоминание в документах, — правда, только в общем значении собирательного названия, — о 12 сенаторах, торжественно приветствовавших Генриха, говорит за то, что со времени Оттона III воспоминание о древнем сенате становилось все живее перед тем, как он был действительно восстановлен. Знать, не переставшая носить тот или другой титул, составляла, однако, в то время уже обособленная сословие сенаторов и в ее руках была сосредоточена судебная и административная власть над городом.

Знать предъявляла свои права на избрание императора точно так же, как и на избрание папы, и нет сомнения, что коронование Генриха состоялось по соглашению со знатью. Мы не имеем никаких сведений о *comitia* или политическом строе этих грубых нобилей, носивших в начале XI века названия сенаторов и обитавших среди развалин Рима. Имена этих нобилей попадаются то в том, то в другом документе; они принадлежат известным фамилиям времен Оттонов. Мы не находим, однако, среди них отдельных лиц, которые подписывались бы именем сенатора. Это зависело от того, что особый сан сенатора всех римлян все еще существовал и, следовательно, городское устройство оставалось таким же, каким оно было в X веке. Организация светской власти в Риме была все еще аристократическая, — независимо от того, представлял ли Рим *dominium* пап или нет, — и во главе этой власти стояло лицо, которое, смотря по обстоятельствам, или избиралось самими римлянами, или назначалось папой.

Главой этой республики, сенатором всех римлян, Бенедикт VIII сделал своего брата Романа. Возможно так же, что этот сан был предоставлен Роману императором, желавшим расположить к себе Тускуланского графа, причем император сохранил за собой сан патриция, которым он, однако, не назывался. Сенатор всех римлян был главою всей знати; он созывал ее в собрания и руководил ею при выборе папы. По всей вероятности, сенатор всех римлян был так же начальником всей милиции и в особенности главой гражданского суда. Мы знаем, что в 1013 г. консул и герцог Альберик руководил судебными заседаниями в качестве президента гражданского трибунала. Два года спустя городская магистратура оказывается уже в руках его брата как сенатора всех римлян, а Альберик является просто консулом и только позднее снова пфальцграфом. Древние титулы консула и герцога сохранялись еще некоторое время в Риме и в римской территории.

Впрочем, император так же, как и его предшественники, учредил в Риме свой собственный трибунал. Гуго Фарфский принес жалобу на графа Кресцентия, который и теперь, как при Оттоне III, не переставал грабить это аббатство. В правление патриция этот граф снова отнял у монастыря несколько замков, а брат графа, Иоанн, относился к папе с полным пренебрежением, оставаясь в своем замке Палестрине, который тщетно старалась взять приступом милиция Бенедикта VIII. Объявив на своем суде приговор в пользу аббата, принесшего жалобу, и вручив ему посох в знак его прав на монастырские замки, Генрих потребовал у папы, чтобы римская милиция присоединилась к императорским войскам и вместе с ними шла в Сабину. Вспыхнувшее в Риме восстание заставило, однако, обе партии поспешно покинуть суд. Войдя в соглашение с Ардуином и маркграфом Эсте, римляне проявили свою ненависть к чужеземной власти открытым восстанием на восьмой день после коронования; они надеялись, что внезапным нападением им удастся одолеть германцев. На мосту Адриана произошла страшная резня, имевшая обычный для того времени исход. Начиная с Оттона I, подобные восстания повторялись почти при каждом короновании и таким образом могли считаться как бы заключительным актом этой торжественной церемонии. При вступлении императоров в Рим их приветствовали официальными гимнами; но когда те же императоры выходили из базилики Св. Петра или, окончив трапезу в Латеранском дворце, удалялись из него, приведенный в ярость римский народ восставал против чужеземцев, и римским императорам, только что надевшим порфиру, нередко приходилось, омочив ее в потоках крови, почти бежать из Рима.

Генрих приказал заковать зачинщиков восстания в цепи и увел их с собой за Альпы. Он возвращался в Германию, сопровождаемый проклятиями и нагруженный сокровищами итальянских городов и конфискованным имуществом своих вра-

гов. Много графов Средней и Северной Италии были взяты заложниками; некоторых из них Генрих оставил в Риме, куда они раньше были приглашены присутствовать на коронации. Но как только Генрих удалился, тюрьмы были открыты, и получившие свободу вассалы взялись снова за оружие, чтобы бороться вместе с Ардуином против императора-чужеземца. Однако усилила итальянскую партию, которая стремилась свергнуть германскую имперскую власть, оказались тщетными, так как Северная Италия, раздробленная на большие и малые маркграфства, графства и епископства, пользовавшиеся иммунитетом, уже не обладала больше той силой, какую она представляла во времена короля Беренгара. Владения последнего национального итальянского короля ограничивались одной небольшой пьемонтской областью, а графы и епископы германской партии относились к нему враждебно. Когда же этот король увидел, что вассалы покинули его, а император не придает ему никакого значения, не считая его опасным, он сложил оружие и, приняв монашеский сан, окончил свою жизнь в бенедиктинском монастыре Fructuari (1015 г.).

3. Твердое правление Бенедикта VIII. — Его поход против сарацин. — Первый расцвет Пизы и Генуи. — Южная Италия. — Восстание Мела против Византии. — Первое появление норманнских ватаг (1017 г.). — Несчастливая участь Мела. — Бенедикт VIII убеждает императора начать войну. — Поход Генриха II в Апулию (1022 г.)

Свое положение в Риме Бенедикт VIII упрочил благодаря поддержке собственной партии, которая стала теперь господствующей. Разделив власть над городом с членами своей семьи, Бенедикт вместе с тем сумел подчинить себе так же римских магнатов и вассалов городской территории. Долго остававшийся во главе городского управления, Роман помог брату удержаться на папском престоле. Кресцентии, владевшие Сабинией, покорились папе, который, лично предводительствуя милицией, выступил против них.

В своих действиях Бенедикт VIII вообще проявил полную рассудительность и всю необходимую твердость; в нем жил воинственный дух его дома. Затем Бенедикту VIII, как Иоанну VIII и Иоанну X, было присуще так же и политическое понимание, благодаря которому папство, замкнутое предшественниками Бенедикта в пределах узкой деятельности, было снова поднято на степень политической силы Италии.

К тому времени сарацины стали опять внушать опасения. В Южной Италии они теснили Салерно. Высадившись в Тоскане, они сожгли Пизу и затем овладели Люни. В 1016 г. Бенедикт VIII старался снарядить союзный флот и сам повел войско против неверных. Была одержана большая победа, и взятая добыча оказалась богатой. Так как предводителю мусульман (у арабских историков он известен под именем Абу Госейна Могегид, у христианских — Музетта) удалось все-таки бежать с поля битвы при Люни в Сардинию, то папа заключил союз с приморскими городами Пизой и Генуей: Могегид был изгнан из Сардинии, и сам остров вскоре затем стал пизанской колонией.

В прежние времена, предвидя опасность со стороны сарацин, папы заключали союз с южными республиками Амальфи, Неаполем и Гаэтой. В XI веке неожиданно выступают цветущими городами Пиза и Генуя, долго остававшиеся в сумраке младенческого состояния. Будучи тогда еще не вполне свободными, эти города тем не менее положили в XI веке начало блестящей эпохе городских республик Северной Италии.

В это же время на юге подготавливались события, которые не могли не оказать на папство и на Рим глубокого влияния. Древнему владычеству греческого импера-

тора в Южной Италии, унаследованному от Велизария и Юстиниана, должен был наступить конец. Точно так же предстояло покончить с остатками лангобардского герцогства, с Беневентом, Капуей и Салерно, поставив на их место государство, начало которому было положено разбойниками-авантюристами. Этим государством названные провинции были впервые соединены в одно политическое целое. После того как Оттон II со своими войсками потерпел поражение, греки успели снова овладеть Калабрией и Апулией и уже готовились вступить в Кампанию. Византийский наместник, Катапан, имевший резиденцию в Бари, был вампиром всех этих стран, стонавших под тяжестью постоянных хищнических набегов сарацин и нескончаемых войн, которые вели друг с другом сарацины, греки, лангобарды и приморские города.

Южноитальянские лангобарды, однако, сделали неожиданную попытку сбросить с себя греческое иго. Человек выдающихся способностей, принадлежавший к знати г. Бари, по имени Мел вместе со своим зятем Даттом уже в 1010 г. поднял восстание. Нуждаясь в союзниках и встретив у горы Гаргано норманнских пилигримов, Мел рассказал им о положении страны и предложил им и их соотечественникам стать за плату под его мятежническое знамя. Этому же примеру последовал и герцог Фалернский, столица которого была освобождена от осаждавших ее сарацин сорока норманнскими героями. В 1017 г. Мелу удалось выставить против греков отряд, набранный из норманнов. Предводительствуемые рыцарем Гизельбертом, который вынужден был бежать из своей родины, так как совершил убийство, эти искатели приключений явились в Рим. Бенедикт VIII встретил их с почетом и одобрил их намерение поступить на службу к Мелу ради войны с греками. Таким образом, сближение Рима с норманнами, имевшее позднее столь большие последствия, началось в силу случайного стечения обстоятельств уже при Бенедикте VIII.

Сам Мел не мог и подозревать, что, призывая отважных норманнских наемников, он привлекал в свою страну завоевателей. Несмотря, однако, на всю их геройскую храбрость и сочувственную поддержку папы, восстание окончилось неудачей. Разбитый наголову в начале октября 1019 г. при древних Каннах Катапаном Бугианом, Мел покинул Италию и поспешил за помощью к императору в Бамберг; но здесь в апреле 1020 г. этого «итальянского герцога» постигла смерть.

Успехи греков, на сторону которых перешел Пандульф IV Капуанский, встревожили папу. Он опасался усиления власти византийцев, так как оно грозило независимости папства и его планам по отношению к Южной Италии. В это же время возросло и влияние Кресцентиев в Риме. Поэтому в Пасху 1020 г. Бенедикт так же отправился в Бамберг и стал убеждать Генриха, чтобы он удалил греков от границ Рима и восстановил имперскую власть в Южной Лангобардии. После блестящих празднеств, которыми сопровождалось освящение излюбленной Генрихом соборной церкви и совместного пребывания в Фульде, Генрих расстался с папой, обещав ему в скором времени быть в Риме. В это же свидание папа получил от Генриха грамоту, которой вновь утверждались за церковью все ее владения.

С той поры Бенедикт VIII стал приывать императора все настойчивее. Катапан уже грозил вступить в римскую область и наказать папу, который так усердно содействовал восстанию Мела. Поддерживаемый монте-касинским аббатом Атенульфом, братом Пандульфа Капуанского, Катапан в июне 1021 г. неожиданно напал на замок при Гарильяно, в котором папа поместил остатки отряда норманнов, поручив начальство над ними Датту. Взятый в плен Датт был отвезен в Бари и затем брошен в море. Казалось, владычество греков в Апулии было обеспечено, так как лангобардские государи признали себя вассалами византийского императора. Неподдалеку от Беневента греки построили укрепленный город и назвали его бес-

смертным именем Трои. Таким образом, опасность быть взятым греками грозила даже Беневенту, в котором царствовал тогда Пандульф V. Достигнуть до Рима греки могли теперь одним смелым переходом, но греческий генерал промедлил своим пребыванием в Гарильяно, а в декабре Генрих, выступив из Аугсбурга, уже был в Вероне.

Быстрый поход Генриха на юг в начале следующего 1022 г. увенчался победой. Сам Генрих с главным войском направился через мархии Сполето и Каме-рино, а остальные войска, предводительствуемые Пилигримом, архиепископом кельнским, и Попоном, архиепископом аквилейским, двигались в Кампанию через Рим и Марсийскую область. Греческие и лангобардские крепости и в числе их Троя, которую осаждал сам император, сдались. Пандульф Капуанский был послан в Германию и заменен Пандульфом Теанским. Атенульфа, искавшего спасения в бегстве, постигла смерть, и аббатство Монте-Касино было отдано Теобальду, державшему сторону германцев. Уцелевшие из отряда норманны с их предводителем Торстайном точно так же были награждены именами в Кампанию, а племянник герцога Мела был возведен в графское достоинство и причислен к имперским вассалам. Восстановив императорскую власть в части Апулии и совершив паломничество на гору Гарган, Генрих направился в Рим, вступил в него в июле и, пробыв здесь лишь несколько дней, двинулся обратно в Верхнюю Италию. В Павии он вместе с папой присутствовал на соборе и затем летом того же года вернулся в Германию, уводя с собою остатки войска, почти уничтоженного лихорадкой и чумой.

4. Бенедикт VIII положил начало реформе. — Смерть Бенедикта VIII, 1024 г. — Его брат Роман. — Папа Иоанн XIX. — Смерть Генриха II, 1024 г. — Состояние Италии. — Иоанн XIX призывает в Рим из Германии Конрада II. — Условия походов в Рим в те времена. — Коронование императора, 1027 г. — Бурное восстание римлян. — Король Канут в Риме

По своей энергии Бенедикт оказался как папа человеком выше обычного уровня. Чтобы упрочить за собой обладание Римом и одержать верх над враждебными началами в Италии, Бенедикт, в противность традициям своего дома, восстановил тесную связь папской власти с имперской властью. Таким образом, папство снова приводилось в соприкосновение с миром и снова ставило себе задачей приобретение утраченного влияния на провинциальные церкви. Мы можем даже признать, что Бенедикт VIII был одним из первых реформаторов в вопросах церковной дисциплины, так как уже им были изданы соборные декреты, которыми воспрещались браки духовных лиц и покупка духовных должностей. Но оживляющая сила, которую Бенедикт VIII вносил в церковь, была присуща только лично ему, и с его смертью как церковь, так и папство снова спустились на низкую ступень варварства.

Когда в июне 1024 г. Бенедикт VIII умер, папский престол остался в руках сеньоры. Брат Бенедикта VIII, Роман, бывший до того сенатором всех римлян, смело завладел этим престолом, добившись избрания частью подкупом, частью силой. Весной 1024 г. он был посвящен под именем Иоанна XIX. Сделавшись папой, Роман, по-видимому, сохранил за собой сан сенатора. Этот сан должен был бы перейти к брату Романа Альберику; но в документах того времени мы не находим никаких указаний на это, и Альберик по-прежнему именовался только пфальцграфом и консулом.

По-видимому, новый папа склонялся на сторону Византии; так, он был готов признать за греческим патриархом право на титул вселенского, когда император Василий II, наиболее выдающийся представитель Македонской династии, прислал Иоанну богатые подарки. Против такого намерения папы, однако, со всей силой восстали итальянские епископы и клонийская конгрегация; возможно, что только этот протест дал понять папе все значение такого титула. В своем блаженном невежестве сенатор всех римлян едва ли знал даже по имени о лжеисидоровых декретах и, конечно, имел очень мало случаев изучать историю церкви.

Император Генрих II умер 13 июля 1024 г. Было неизвестно, кому достанется германская корона, и это обстоятельство на мгновение вновь возродило в Италии надежды на независимость. Магнаты, однако, не чувствовали в себе достаточно мужества, чтобы избрать из своей среды национального короля; они предлагали корону, но безуспешно, Гуго, сыну Роберта, короля франкского, и затем даже Вильгельму, герцогу Аквитанскому, все права которого на престол заключались единственно лишь в том, что он был женат на Агнесе, внучке Адальберта, бывшего некогда итальянским королем. В Италии было такое множество правителей и партий, что о служении общенациональным интересам не могло быть и речи. В Ломбардии германская партия была сильна, и здесь ее поддерживали епископы, креатуры и фавориты императоров. С другой стороны, магнаты, ослабленные властью епископов, находивших поддержку в императорах, были так же несогласны между собой, как и города, вступавшие в то время в эпоху расцвета.

Таким образом, салийцу Конраду II, провозглашенному в Германии королем 8 сентября, была вскоре же принесена присяга в верности ломбардскими епископами, и прежде всех других могущественным Герибертом Миланским. Конрад исходил из того положения, что каждый германский король есть вместе с тем государь Италии и император римлян. Этот взгляд был поддержан епископами. Иоанн XIX так же не замедлил обратиться к Конраду и отправил к нему послами епископа г. Порто и Беризо, римлянина из Маптогата. Послы вручили Конраду знамя св. Петра, которое должно было сопутствовать Конраду в его войне с венграми, и письма, в которых папа удостоверил, что императорская корона обеспечена за Конрадом.

Весной 1026 г. Конрад II принял в Милане из рук Гериберта железную корону и возложил ее на себя. Мужественные жители Павии, разрушившие дворец Генриха II и не отворившие ворот самому Конраду, были наказаны опустошением и разорением принадлежавшей городу области. Затем Конрад направился в Равенну. Движимые ненавистью к чужеземцам, равеннцы восстали, но после кровавой резни восстание было подавлено. В настоящее время походы в Рим наших предков не могут вызывать в нас никаких радостных чувств, и нельзя не пожалеть Италии, которая, хотя и была сама причиной этих походов, тем не менее несла их тяготу в течение более чем 300 лет. Когда немецкие короли, сопровождаемые своими войсками и блестящей свитой, переходили Альпы, города Италии должны были по необходимости продовольствовать всю эту массу людей, давать им помещения и содержать императорский двор. С появлением верховного судьи прекращался даже обычный порядок судопроизводства. В пустых сундуках императоров исчезали сокровища городов, принесенные в дар или полученные вымогательством, — исчезало то, что добывалось тяжким трудом колона, угнетаемого вассалами как светского, так и духовного звания, — исчезали и те имущества, которые конфисковывались у множества лиц, восставших против императорской власти. Набранные в северных странах и даже в славянских землях грубые императорские солдаты наводили ужас на сдержанных, ода-

ренных от природы тонким чувством такта итальянцев, превосходивших изысканностью своего обхождения все народы во все эпохи. Естественно, что при виде грубой распущенности императорских солдат, считавших Италию только порабощенной провинцией их короля, итальянцы не могли не приходиться в негодование, не могли не возмущаться тем, что страна их как будто обречена навеки нести на себе иго чужеземной власти и, преисполненные ненависти к чужеземцам, они постоянно подымали восстания в тех городах, которые лежали на пути императора. Но пылающие города, истоптанные поля, усеянные трупами людей дороги и переполненные государственными преступниками тюрьмы едва ли могли тронуть суровое сердце императора Средних веков. Совершая свой поход в Рим, этот император не видел ничего необычайного в тех случаях, когда к нему являлись знатнейшие граждане, трепещущие, с босыми ногами, с мечом, повешенным на шее, и бледные, освещенные заревом еще горевших городов, преклонялись до земли.

Наконец храброму Конраду удалось победить сопротивление враждебных городов, и в том числе Павии. Подчинив своей власти так же маркграфов Эсте, Сузы и Тосканы, Конрад затем беспрепятственно вступил в Рим. Коронация Конрада и его жены Гизелы была совершена с большим торжеством Иоанном ХХХ 26 марта 1027 г. в базилике Св. Петра в присутствии Рудольфа III, короля бургундского, и Канута, короля Англии и Дании. Спокойный ход торжественной церемонии был, однако, нарушен ребяческим соперничеством архиепископов миланского и равеннского, оспаривавших друг у друга старшинство. В пререканиях надменных прелатов не замедлила принять участие их свита, и между равеннцами и миланцами произошла на улицах Рима жестокая схватка. За этой схваткой вскоре последовала и обычная заключительная сцена коронационных торжеств: чтобы привести толпу в совершенную ярость, достаточно было случайной ссоры между римлянином и германцем из-за какой-то жалкой бычьей шкуры. После кровавой резни, в которой погибло «бесчисленное множество» римлян, перед императорским тронном в ватиканском дворце снова стояли охваченные смертельным страхом знатнейшие граждане с босыми ногами, с обнаженным мечом на шее и молили о пощаде.

Все эти жестокие сцены должны были вызвать чувство ужаса в глубоко верующем короле Кануте, не потому, что он по образованию своему стоял выше того времени, а потому, что такими сценами совершенно разрушалась прекрасная мечта, влелеянная королем. Следуя глубококому влечению своей души и благочестивому обету, король прибыл в священный город паломником, с котомкой и посохом, и здесь вместо приюта, любви и мира, которым, по понятиям короля, должен был бы быть Рим, нашел в нем только шумную арену, на которой происходила яростная борьба всяких партий. Надо признать, что в Средние века Рим мог быть только карикатурным воплощением какой-либо возвышенной идеи. Бесхитростным памятником пребывания в Риме Канута является его послание к английскому народу. Канут извещает своих подданных, что он был на поклонении у всех святых Рима и чувствует себя тем более счастливым, что св. Петр, как поведали о том королю мудрые люди (т. е. священники), получил от Господа власть вязать и разрешать, почему и важно иметь в лице хранителя ключей Царствия Небесного заступника перед Господом. С детской радостью описывает далее Канут почет, который был оказан ему блестящим собранием государей, толпившихся вокруг папы и императора и прибывших из земель, которые тянутся от горы Гаргана и до Тусцийского моря, и затем сообщает, что англичане и датчане, как паломники, так и купцы, посещая Рим, отныне уже не будут платить пошлин. Мудрый государь

освободил так же архиепископов своих стран от той тяжелой таксы, которую им приходилось платить за паллий, но в то же время он обещал, что лепта св. Петра будет неуклонно присылаться в Рим. Даже те кровавые сцены, очевидцем которых был король варваров, не могли ослабить в нем благоговейных чувств к священной земле. Охваченный великодушным порывом, Канут объявляет далее своим подданным, что, будучи в Риме, он обещал Богу справедливо управлять своими народами и ошибки своей молодости искупить разумными действиями зрелых лет. Это превосходное письмо служит вместе с тем замечательным памятником огромного нравственного значения, которое имела распространенная в то время вера в святость Рима.

5. Рескрипт Конрада II о подчинении папской области действию римского папы. — Блестящий поход Конрада в Южную Италию и возвращение из похода. — Бенедикт IX, юноша из тускуланского дома, возводится в сан папы. — Полная распухлость этого человека. — Ужасные условия того времени. — Treuga Dei. — Бегство Бенедикта IX к императору. — Социальная революция в Ломбардии. — Гериберт Миланский. — Конрад восстанавливает Бенедикта IX на папском престоле. — Поход Конрада в Южную Италию; смерть его, 1039 г.

За время своего недолгого пребывания в Риме Конрад не ограничился дарованием монастырям, известным нам из документов, обычных привилегий. По-видимому, к этому же времени относится так же императорский указ, изданный ввиду не прекращавшихся пререканий между лангобардскими и римскими судьями. Конрад предписывает этим указом во всех тех случаях, в которых раньше применялось лангобардское право, на будущее время, как в самом Риме, так и в пределах всей его территории следовать кодексу Юстиниана. Таким образом, конституция Лотаря 827 г. была окончательно упразднена, а римское право получило на всем протяжении римской территории значение исключительно действующего закона. И в этом акте сказалась полная победа римской национальности над германскими началами. Внесенные в Италию насильственно, эти начала уже подверглись в ней в ту эпоху общему разложению, между тем как древнеримские муниципальные формы, во главе которых стояли ежегодно избиравшиеся консулы, все более крепили и вытесняли чужеземные учреждения.

В начале апреля Конрад пошел в Южную Италию и восстановил здесь престиж империи. На обратном пути он проследовал через марши Сполето и Камерино и уже 24 мая был в Вероне. Искусный в ратном деле, властный, строгий и вместе справедливый, Конрад своим быстрым походом, напоминавшим триумф Цезаря, сумел внушить Италии страх и почтение к себе. Что касается германцев, то они встретили Конрада с гордым чувством уверенности в том, что беспокойная Италия отныне обращена в покорную провинцию империи.

С той поры правление Иоанна XIX не сопровождалось никакими возмущениями в Риме. Папство так же, как и город, оставалось во власти родни Иоанна XIX, и когда он умер, эта родня имела полную возможность возвести на Святой Престол кого-либо из членов своей семьи. Но христианскому миру еще предстояло быть свидетелем поразительного зрелища. Заместителем Христа на апостольский престол сел мальчик, которого собственный отец одел в папское облачение, а кардиналы-епископы торжественно возвели в сан папы. Оставивший по себе такую позорную славу Иоанн XII стал папой в 18-летнем возрасте; между тем Феофилакт или Бенедикту, происходившему из той же самой фамилии, едва ли было полных 12 лет.

Каковы же должны были быть условия общественного существования в ту эпоху, если народы мирились с тем, что церковью управлял ребенок, короли признавали в этом ребенке папу, а епископы не считали для себя позорным принимать от такого папы посвящение, знак своего сана и буллы! По-видимому, папство утратило тогда присущее ему значение церковного учреждения, и папский престол превратился как бы в семейное достояние какого-нибудь графа. По крайней мере, ничто более уже не отличало этого престола от всякого епископства того времени в других странах, где государи и знатные люди назначали епископами членов своей семьи или своих креатур, причем эти лица иногда оказывались еще совсем детьми. Так глубоко было нравственное падение Церкви! И если в более ранние времена Христа забывали в Его храме, то теперь, казалось, сам Христос забыл о своей поруганной святыне и отдал ее во власть бесстыдного Симона Волхва.

Юный Феофилакт был племянником обоих своих предшественников на папском престоле и сыном пфальцграфа и консула Альберика. По смерти Иоанна XIX в январе 1033 г. Альберик не замедлил принять меры к тому, чтобы обеспечить за своим домом как светскую, так и духовную высшую власть; частью силой, частью деньгами ему удалось легко достигнуть этого, так как в Риме все было продажно, а духовенство, по словам позднейшего папы Виктора III, пребывало в глубоком варварстве. В начале 1033 г. юный Феофилакт под именем Бенедикта IX вступил беспреступственно в обладание Латераном. У Феофилакта было три брата: Григорий, Петр и Октавиан. Григорий был, по-видимому, старше Феофилакта, так как немедленно захватил власть патриция. Невольно является вопрос, почему не он был возведен в сан папы? Быть может, римляне допускали, что ребенок скорее может быть папой, чем светским властителем. Такая наглость со стороны графов Тускуланских имела последствием падение их дома, который не мог быть поддержан папой-мальчиком. Таким образом, во главе городского управления стал брат Феофилакта Григорий. Но, опасаясь императора, Григорий присвоил себе сан не патриция, а только консула и, вероятно, так же сенатора всех римлян.

Как только юный папа почувствовал в себе наступление физической зрелости, он начал вести совершенно распутную жизнь. Один из его преемников на папском престоле, Виктор III, сообщает, что Бенедикт IX совершал в Риме грабежи и убийства, и затем прибавляет, что содрогается от ужаса при одной мысли о том, как безнравственна и порочна была жизнь этого папы. Другой современник, клюнийский монах Рудольф Глабер, воспроизводит отвратительную фигуру этого чудовища, сопоставляя его с общими условиями того времени, когда чума и голод опустошали всю Европу. Мир был охвачен эпидемическими болезнями и болезнями нравственного и физического порядка, и, чтобы иметь некоторое представление об этих бедствиях, необходимо познакомиться в подлиннике с летописцами той эпохи. Но эти же ужасные условия создали и гуманный закон Божьего перемирия, *treuga Dei*; впервые он был провозглашен епископами Южной Франции. Этот благотворительный закон, другого равного которому мы не знаем за то время, делает великую честь церкви, так как свидетельствует, что даже и в те ужасающие времена священный пламень любви к человечеству не угасал на алтаре церкви. Но, когда затем случайно наступил обильный урожай, народы быстро позабыли о перенесенных ими бедствиях, и благочестивый монах сокрушается о слабости людей, которые, только что пережив Божескую кару, уже отделились снова пороку, следуя примеру, который был подан прежде всех знатными людьми и папой.

При Бенедикте IX нравственный упадок папства достиг самых крайних пределов. Условия того времени в Риме были, вероятно, так ужасны, что по сравнению с ними, если бы только была возможность провести такую параллель со всей точно-

стью, должны были бы оказаться менее жестокими и распущенными даже эпоха Иоанна XII и более поздняя эпоха Борджии. Но время, когда заместителем Христа был папа, превосходивший своей ребяческой причудливостью Калигулу и престоупностью Гелиогбала, освещено для нас в самых неопределенных чертах. Мы лишь смутно знаем о заговоре римских капитанов, давших клятву задушить юного преступника у алтаря в день праздника апостолов. Далее нам известно, что в этот день произошло солнечное затмение; возможно, что оно надело на заговорщиков страх и помешало им привести их намерение в исполнение, благодаря чему Бенедикт IX имел время спастись бегством. Наиболее деятельное участие в этом мятеже могла принимать партия Кресцентиев. Но восстание окончилось неудачей, и Бенедикт IX еще надолго сохранил свою жизнь, бедственную для Рима и позорную для церкви. Позднее (в 1037 г.), ища защиты императора, Бенедикт IX явился к нему в Кремону; но где находился Бенедикт и что с ним было до свидания с императором, остается неизвестным.

Зимой 1036 г. Конрад совершил в Италию поход, к которому он был вынужден весьма замечательным событием в Ломбардии. В феодальном строе произошла внутренняя революция. Мелкие вассалы, или *valvassores*, восстали против тирании своих феодалов — герцогов, графов, епископов и аббатов, требуя установления более прочного порядка землевладения. К восставшим вассалам присоединились те владельцы имений, которые оставались вне феодальных отношений и которым со стороны епископов постоянно грозила утрата независимости. Повод к восстанию, давно подготавливавшегося, был дан ломбардцем Герибертом, миланским архиепископом с 1018 г., человеком надменным и властным, одним из самых могущественных государей Северной Италии, под феодальной властью которого находились многие города и вассалы. Восстание быстро распространилось на все классы населения и вовлекло в борьбу германскую империю. Свободные люди и вассальные рыцари, восставшие против миланского архиепископа, заключили между собой ломбардский союз; тогда Гериберт призвал на помощь себе императора. Конрад уже давно искал случая смирить епископа-магната, власть которого в Ломбардии могла оказаться для империи более опасной, чем власть Ардуина, бывшего некогда национальным королем. Суду императора в Павии Гериберт отказался подчиниться и был вместе с тремя другими епископами заключен в тюрьму без суда. Этот неожиданный арест, которому был подвергнут один из самых знатных прелатов Италии, вызвал среди итальянцев необычайное волнение и возбудил в них сильнейшее негодование против императора как тирана и деспота. Гериберт бежал из заключения в Милан и здесь, поддерживаемый так же и другими городами, немедленно стал защитником национальной независимости итальянцев в их борьбе с германской имперской властью. Так началась первая победоносная национальная война Милана и других союзных городов с германскими королями.

Во время этих именно событий в Северной Италии и после того, как Конрад издал закон, которым за вассалами по отношению к их имениям были признаны права наследственности, явился к императору в Кремону Бенедикт IX. Встретить преступного юношу с почетом было унижительно для могущественного монарха Запа-да; тем не менее Конраду пришлось испытать это унижение, так как юноша был папой и без него император не мог обойтись. Бенедикт и его советники настаивали, чтобы Конрад шел в Рим и там восстановил Бенедикта на Святом престоле. В свою очередь Бенедикт, исполняя требование Конрада, отлучил от церкви находившегося в изгнании миланского архиепископа. Помимо событий в самом Риме, император призывали на юг так же смуты в Апулии, где Пандульф V Капуанский, снова

возведенный на трон, захватил многие города, грабил имперский монастырь Монте-Касино и грозил вторжением в римскую область.

Таким образом, зимой 1037 г. Конрад направился в Южную Италию. Превратив примкнувшую к восстанию Парму в груды дымящегося пепла, он пошел затем на Перуджу и отпраздновал Пасху 1038 г. вместе с папой в Спелло. Неизвестно, направился ли Бенедикт IX после своего свидания с императором в Кремено, а затем в Рим и затем, изгнанный оттуда, опять последовал за императором, или, будучи уже в положении изгнанника, выжидал возвращения императора. Мы знаем только то, что Конрад так или иначе вернул папу в Рим. Император, конечно, не протянул бы руку помощи этому преступному юноше, если бы только был доступен жалобам восставших против Бенедикта римлян. Но Конрад был далек от мысли освободить церковь из ее безнадёжного положения и преследовал одни только политические цели. Для него в особенности было важно сохранить в силе партию графов Тускуланских, поддерживавших германцев, и заставить этого папу-куклу служить интересам империи. В благодарность Бенедикт IX предал анафеме гордого Гериберта; но архиепископу, чувствовавшему себя в полной безопасности под защитой 300 башен Милана, эта детская выходка могла показаться только смешной. Затем Конрад, оставив, вероятно, в Риме гарнизон для защиты папы, направился в Монте-Касино. 13 мая он вступил в Капую, из которой Пандульф бежал, отдал это герцогство салернскому герцогу Ваймару, а город Аверсу передал в ленное владение норманну Райнульфу. Основанный в 1030 г. этим предводителем норманнского отряда, состоявшего на службе у неаполитанского герцога Сергия, г. Аверса явился началом норманнского государства в Южной Италии. Между тем в войске Конрада появилась чума, и он был принужден уже летом двинуться обратно. Унося с собой заразу, Конрад вернулся в Германию и умер здесь 4 июня 1039 г.

ГЛАВА II

1. Римляне изгоняют Бенедикта IX и объявляют папой Сильвестра III. — Бенедикт прогоняет его и продает Святой престол Григорию VI. — Три папы в Риме. — Римский собор постановляет призвать для освобождения Рима Генриха III

Прошло несколько лет, прежде чем в Италию вступил новый германский король. То был Генрих III, юный, мужественный и богобоязненный преемник своего отца. Этот выдающийся по своим достоинствам государь так же, как Карл и Оттон Великий, был призван к тому, чтобы вернуть Риму его значение, освободить город от тиранов и внести в церковь, близкую к гибели, необходимую реформу. Бенедикт IX теперь, как и раньше, являлся позором для церкви. Казалось, на престоле св. Петра, надев на себя личину священника, сидел сам дьявол и профанировал святой религии.

Вернувшись на папский престол в 1038 г. и имея поддержку своего брата Григория, который в качестве сенатора римлян управлял городом, Бенедикт жил в латеранском дворце, как турецкий султан, и вместе со своей родней совершал повсюду в городе грабежи и убийства; всякий правовой порядок был совершенно упразднен. Наконец в исходе 1044 или в начале следующего года в народе вспыхнуло восстание, и папа бежал; его вассалам удалось, однако, отстоять Леонину от римлян, старавшихся взять эту часть города приступом. Гранстевринцы держали сторуку папы, созвавшего своих друзей и приверженцев. Сопровождаемый большим

числом всадников, граф Галерийский Герард подошел к Саксонским воротам и заставил римлян отступить. Случившееся в это же время землетрясение еще более усилило ужасную смуту, царившую в городе, охваченном восстанием. В древней хронике, повествующей об этих событиях, не упоминается, был ли взят приступом Транстеверин после трех дней битвы, а сообщается лишь о том, что римляне единогласно отреклись от Бенедикта и провозгласили папой сабинского епископа Иоанна, получившего имя Сильвестра III.

Своим возвышением новый папа, однако, был так же обязан золоту, которым он подкупил восставших и их главу Джирардо де Саксо. Этот хитрый, могущественный римлянин сначала обещал Бенедикту IX выдать за него замуж свою дочь, но затем отказался исполнить свое обещание. Чтобы получить руку дочери Джирардо, своей родственницы, Бенедикт готов был на все, и, когда Джирардо объявил ему, что он будет обладать этой римлянкой в том только случае, если откажется от тирары, он согласился на это требование и во время восстания римлян сложил с себя сан папы. Какая-то сверхъестественная чувственность владела Бенедиктом; в суеверном народе о нем ходили рассказы, будто он уходил в леса и там вступал в сговор с чертями; что женщин он привлекал к себе чарами и что в Латеранском дворце были будто бы найдены магические книги, при помощи которых Бенедикт производил заклинания над демонами. Когда затем Бенедикт был изгнан, его гордая родня почувствовала себя оскорбленной, и в нем самом явилось желание отомстить ненавистному Джирардо за его коварный образ действий. Многочисленная партия Бенедикта держала замок св. Ангела в своих руках, а при помощи золота Бенедикту удалось приобрести еще новых друзей. Спустя всего 49 дней Сильвестр III уже был прогнан, и в марте 1045 г. Бенедикт снова занял апостольский престол.

После того Бенедикт IX оставался еще некоторое время в Риме, между тем как Сильвестр III пребывал в одном из сабинских замков, а, может быть, даже и в Риме, в каком-нибудь укрепленном древнем здании, и продолжал именоваться папой. По счастью, этот год ужасной смуты окутан мраком. Видя в римлянах одну ненависть к себе, находя свое положение непрочным и постоянно ожидая нового восстания, Бенедикт понял наконец, что он должен отказаться от папского престола. К такому шагу склонял Бенедикта и аббат Гроттаферраты Варфоломей. Но, отказываясь от папского сана, Бенедикт, нимало не смущаясь, продал его, как какой-нибудь товар. Формальным договором, за легту Петра, поступавшую из Англии и представлявшую богатый доход, папский сан 1 мая 1015 г. был уступлен Иоанну Грациану, благочестивому и богатому протопресвитеру церкви Св. Иоанна у Латинских ворот. Казалось, нельзя было больше унижить сан, самый священный в христианской церкви, и тем не менее продажа духовных должностей в те времена была повсюду настолько обычным явлением, что люди не видели ничего особенно странного даже и в том, что престол св. Петра был продан папой.

Иоанн Грациан, или Григорий VI, занял папский престол вопреки каноническим правилам и в этом отношении проявил смелость, которая была понятна, вероятно, очень немногим из его современников. Он приобрел папство за деньги, чтобы вырвать его из рук преступника. Прослав в свое ужасное время за идиота, этот замечательный папа в действительности был, вероятно, человеком серьезно и благородного ума. Едва ли, однако, было известно об этой купле-продаже папского престола Петру Дамиани, когда он после избрания Иоанна Грациана папой написал ему письмо, в котором говорит о своей великой радости по поводу того, что голубь с веткой масличного дерева вернулся наконец в ковчег. Вероятно, этот святой человек знал лично Григория VI и был вполне уверен в его прекрасных душевных качествах. Даже летописцы того времени, изображающие Григо-

рия VI — без сомнения, неосновательно — настолько невежественным и глупым, что он вынужден был взять в помощь себе заместителя, не могли уличить его ни в каком пороке. Клунийцы во Франции и конгрегации в Италии приветствовали все в лице Григория VI наступление лучших времен, и рядом с этим папой, купившим престол, неожиданно появляется юный смелый монах. Своими героическими усилиями, длившимися на протяжении целого поколения, этот монах поставил глубоко павшее папство на такую высоту, о которой никто никогда и не думал. Гильдебранд выступает в истории впервые вместе с Григорием VI. Гильдебранд был капелланом Григория VI, и уже одно это обстоятельство доказывает, что последний вовсе не был идиотом. Нам неизвестно, насколько уже в то время была велика сфера влияния Гильдебранда и принимал ли он какое-либо участие в незаконном возведении на папский престол Григория VI; но в «заместителе», о котором говорят летописцы, нельзя, конечно, не узнать того гениального юного монаха, который был советником Григория VI и позднее, храня о нем благодарные воспоминания, принял имя Григория VII.

Григорий VI пробыл папой почти два года. В это время Бенедикт IX находился в Тускуле и, может быть, в Риме и продолжал вести свою ужасную жизнь. Намерения Григория VI заключались в том, чтоб спасти церковь, которая нуждалась в коренной реформе и вскоре затем получила ее. Церковная область, сделавшись наследственным ленным владением графов Тускуланских, подверглась полному уничтожению. *Dominiū temporale*, этого таинственного дара Каролингов, оказавшегося в руках пап ящиком Пандоры для Рима и всего мира, уже более не существовало; даже ближайšie замки, находившиеся на городской территории, едва ли еще оставались во власти церкви. Сотни синьоров, капитанов или вассалов папы были всегда готовы напасть на Рим; разбойники занимали все дороги и грабили пилигримов; в самом Риме церкви были предоставлены разрушению, а духовенство проводило время в вакханалиях. Ходить по улицам было опасно, так как убийства из-за угла повторялись изо дня в день. Случалось даже, что знатные римляне с оружием в руках врывались в базилику Св. Петра и отнимали приношения у тех, кто еще решался делать эти приношения. Летописец, сообщающий об этих ужасных условиях, ставит Григорию в заслугу то, что он положил им конец. Когда папские вассалы обложили Рим, Григорий мужественно собрал милицию, добился некоторого порядка и даже овладел многими провинциальными замками. Возможно, что Сильвестр пытался вступить в борьбу с Римом, но затем принужден был покориться энергичному Григорию. Короткое, смутное время правления этого папы было ужасно, и вскоре за свое строгое отношение к разбойникам Григорий стал ненавистен знати и даже кардиналам, которые занимались грабежом столько же, сколько и сами разбойники.

Но все старания, которые Григорий, действуя под влиянием французских и итальянских монахов, прилагал к тому, чтобы вырвать церковь из ее варварского одиночества, были недостаточны, и для этого так же, как и во времена Оттона Великого, оказалась необходимой германская диктатура. Усилия Григория вскоре утратили всякий успех; все доступные ему средства были исчерпаны, и мало-помалу его враги стали брать над ним верх. Анархия в Риме дошла, по рассказам, до того, что в городе в одно и то же время имели резиденцию три папы: один в базилике Св. Петра, другой — в Латеране и третий — в церкви S.-Maria Maggiore. Наконец, лучшие римляне решили возложить свои надежды на короля Германии; минуя содействие Григория, архидиакон Петр созвал собор, на котором было постановлено просить Генриха прибыть в Рим, возложить на себя императорскую корону и спасти церковь от разрушения.

2. Генрих III идет в Италию. — Собор в Сутри (1046 г.). — Отказ Григория VI от папского сана. — Генрих III назначает папой Климента II, который коронует его императором. — Сцена императорского коронования. — Передача патрициата Генриху и его преемникам

В сентябре 1046 г., сопровождаемый большим войском, Генрих III проследовал из Аугсбурга по Бреннерской дороге в Верону, твердо решив дать римской церкви необходимую реформу. На своем пути он не встретил ни одного врага; епископы и герцоги, и в числе их могущественный маркграф Тосканский Бонифаций, не колеблясь, присягнули Генриху. На большом соборе в Павии вопрос о положении Рима был подвергнут предварительному обсуждению. Тогда Григорий VI поспешил на встречу королю в Пьяченцу, надеясь склонить его на свою сторону. Генрих объявил, однако, папе, что участь его, так же как и двух антипап, будет решена на соборе по каноническим законам.

Собор епископов и римского духовенства был созван Генрихом в Сутри незадолго до Рождества 1046 г. На собор были приглашены все три папы, но явились только двое: Григорий и Сильвестр III. Последний был низложен и осужден на заключение в монастырь; что же касается Григория, то он возбудил вопрос о компетентности суда собора над ним. Как человек прямой и, вероятно, сознававший, что им руководили добрые намерения, Григорий рассказал публично, как достиг он папского престола, и, признав себя таким образом виновным в симонии и недостойным папского сана, сам сложил с себя знаки этого сана. Этот поступок Григория был полон достоинства. После того Генрих с епископами и маркграфом Бонифацием направился в Рим, который не затворил перед ним своих ворот, так как Бенедикт IX скрывался в Тускуле, а братья Бенедикта не решались оказать какое-либо сопротивление. Измученные ужасами правления Тускуланских графов римляне приветствовали германского короля ликованиями, видя в нем своего освободителя. С той поры ни один германский король не был приветствуем римским народом так радостно, точно так же, как ни одному из них не довелось сделать так много и стать виновником такого крупного переворота. Римским походом Генриха III было положено начало новой эпохи в истории Рима и церкви вообще. Казалось, всемирный потоп снова повторился, и из ковчега, остановившегося на камне св. Петра, вышли люди, которые положили начало новым поколениям и возвести миру новые законы. И едва ли какому-нибудь другому времени в такой мере, как последовавшей затем эпохе, дано было познать значение закона в человеческом существовании — закона как сурового властного начала, которое карает, сдерживает и объединяет.

Созванный 23 декабря в базилике Св. Петра собор еще раз объявил низложенными всех трех пап. Затем предстояло избрать папу с соблюдением канонических правил. У Генриха, так же, как и у Оттона III до его коронования, уже имелся человек, которому предстояло возложить на себя тиару и короновать самого Генриха. Когда Адальберт, епископ гамбургский и бременский, отказался принять сан папы, Генрих призвал Суидгара, епископа бамбергского. Достаточно было бы одного приказанья короля, чтобы возвести Суидгара на Святой престол, тем не менее Генрих не пожелал нарушить в чем-либо канонические установления. Как германский король, он не обладал никакими правами ни по отношению к Риму, ни в деле избрания папы; нужно было сначала получить эти права, и это было достигнуто договором, заключенным с римлянами уже в Сутри. «Римские сеньоры, — так говорил Генрих на втором заседании собора 24 декабря, — как ни безумно поступали вы до сих пор, я все-таки, согласно древнему обычаю, сохраняю за вами свободу в выборе папы; провозгласите на этом собрании папой того, кого вы хотите». Римляне отве-

чали: «Когда, вы, ваше королевское величество, присутствуете здесь, нам не подobaет заниматься выборами; когда вы отсутствуете, ваше место заступает патриций; в делах республики представитель императора он, а не папы. Мы признаем, что были безумны, избирая папами идиотов. Отныне под сенью вашей имперской власти римская республика понает благодетельное действие законов и украсится добрыми нравами, а церковь найдет своего защитника».

Уступая смиренно германскому королю свое самое драгоценное право, сенаторы 1046 г. должны были постараться забыть об Альберике и трех Кресцентиях, так как эта уступка была изменой их памяти. Но в те времена римляне были готовы на все жертвы, чтобы только избавиться от тирании Тускуланских графов. Уступка без всякой борьбы того права, отнять которое у города стоило некогда Оттону Великому таких больших усилий, служит лучшим доказательством, до какой степени изнеможения доведены были римляне и как мучительно было их положение. Римлянам пришлось позорно сознаться в том, что среди них нет лица, которое было бы достойно папского сана: городское духовенство было невежественно и симония царил в нем. Помимо того, все прочие условия требовали избрания папы не из римлян и даже не из итальянцев. Римляне просили Генриха дать им достойного папу. Король предложил изъявившему покорность собранию избрать папой епископа Бамбергского и, несмотря на сопротивление последнего, возвел его на Апостольский престол. Посвященный в папы на Рождество 1046 г. Климент II немедленно короновал Генриха и его жену. В живых оставалось еще немало римлян, которые некогда были свидетелями также непосредственно следовавших одно за другим избрания Григория V папой и коронация Оттона III, и эти римляне, когда на престол св. Петра во второй раз вступил человек германского происхождения, не могли, между прочим, не вспомнить и о том, что первый германский папа прожил в Риме лишь недолгие и печальные годы и что кончина его была бедственной.

Коронация Генриха происходила при особенно важных условиях и при полном общем спокойствии; поэтому мы считаем наиболее уместным сказать именно здесь несколько слов о той торжественности, которой сопровождалось императорское коронавание вообще. Со времени Карла Великого эта повторявшаяся время от времени церемония, наряду с более частым папским коронаванием или торжественным латеранским шествием, о котором мы скажем дальше, представляла самое блестящее зрелище в Риме.

Подходя к Риму в сопровождении своей жены и свиты, император-избранник останавливался у небольшого моста на Нерономом поле и здесь прежде всего давал римлянам клятву в том, что права и обычаи города будут всегда им соблюдаться. Затем в день коронавания император вступал в Рим через *porta Castelli* замка св. Ангела и здесь снова произносил свою клятву. Духовенство и римские корпорации встречали императора у церкви *S.-Maria Traspontina*, в том легендарном месте, которое называлось *Terebinthus Neronis*. Далее торжественная процессия двигалась, направляясь к паперти, ведшей в собор. Сенаторы шли по сторонам короля, впереди префект города нес обнаженный меч, а камерарию короля раздавали народу деньги. У паперти король сходил с лошади и, сопровождаемый свитой, поднимался на площадку, где его ожидал папа, окруженный высшим духовенством. Здесь король целовал у папы ногу и давал клятву быть верным защитником церкви, после чего папа целовал короля и объявлял его сыном церкви. Затем оба при торжественном пении входили в церковь *S.-Maria in Turri* возле базилики Св. Петра, и тут король формально провозглашался соборным главой базилики. После этого, предшествуемый латеранским пфальцграфом и примидерием судьей, король шел к серебряным дверям собора и молился перед ними, а епископ альбанский читал первую молитву.

В самой базилике Св. Петра король должен был участвовать в бесчисленном множестве различных мистических обрядов. Неподалеку от входа стоял *gota porphyretica*, вделанный в пол круглый порфиновый камень; около него король и папа становились на колени. Будущий император произносил Символ веры, и вслед за тем кардинал-епископ Порто становился на середину камня и говорил вторую молитву. После этого короля одевали в новые одежды; в ризнице папа провозглашал его клериком; его облачали в тунику, далматику, священническую ризу, митру и сандалии и наконец вели к алтарю св. Маврикия; сюда же направлялась и королева после таких же, но менее утомительных церемоний. Здесь епископ остийский совершал помазание правой руки и затылка короля и произносил третью молитву.

Торжественность всех этих церемоний, их мистический характер и тяжеловесная пышность, величественное монотонное пение молитв в стенах древнего собора, полного самых священных воспоминаний, — все это должно было производить глубоко потрясающее впечатление на того, кто короновался и вместе был проникнут величием своего призвания. Перед жадным взором этого человека покоилась и сверкала на алтаре апостола корона Карла Великого, венец всех самых честолюбивых человеческих помыслов. Но папа сначала надевал помазанику на палец золотое кольцо в знак того, что католическое правление императора должно быть проникнуто верой, твердостью и могуществом; таким же символом служил меч, которыми папа при соответственных возгласах опоясывал затем короля; только уже после всего этого папа возлагал на голову короля корону. «Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, прими, — говорил папа, — этот знак славы, диадему королевства, корону империи; отрекись от дьявола и всех его грехов; будь справедлив, милосерд и богобоязнен, и со временем на лоне праведных ты получишь вечный венец от Господа нашего Иисуса Христа». Затем церковь оглашалась звуками «Gloria», кликами: «Да здравствует император, победа ему и римскому и германскому войску!» и нескончаемым ликованиям диких воинов, приветствовавших в своем короле властителя германских, славянских и романских племен.

После этого император снимал с себя имперские знаки и как иподиакон служил вместе с папой обедню; по окончании ее пфальцграф снимал с ног императора сандалии и надевал ему красные императорские сапоги со шпорами св. Маврикия. Затем вся процессия вместе с папой выходила из церкви и при звоне колоколов, среди разукрашенных городских зданий, направлялась по так называемой триумфальной дороге к Латерану. В некоторых местах проходившую процессию встречали приветствиями духовенство, распевавшее гимны, и корпорации (*scholae*). Впереди и позади процессии камерарии раздавали народу деньги; корпорации и все придворные чины точно так же получали *presbiterium* или обычные денежные подарки. Торжество завершалось пышной трапезой во дворце папы. При благоприятных обстоятельствах император на второй день шел процессией к обедне в Латеран, на третий день — в базилику Св. Павла, на четвертый — в церковь *Santa Croce in Gerusalemme*.

Мы привели лишь в самых общих чертах сведения о церемонии коронования в ту эпоху. Пышная торжественность этой церемонии, заимствованная из Византии, установилась прочно со времен Карла Великого и, по существу, оставалась все той же, хотя время от времени и подвергалась некоторым изменениям и дополнениям. С этим пышным зрелищем не может сравниться ни одна из торжественных церемоний нашего времени. Множество герцогов и графов, епископов и аббатов, рыцарей и сенюров с их свитой, их богатый наряд, чуждые лица и наречия иностранцев, ряды мужественных воинов, папа, его двор и все монашеские ордена в их живописных облачениях, полные мистического величия, светские власти Рима, судьи и се-

наторы, консулы и герцоги (duces), отряды милиции с их знаменами, в причудливых, пестрых, фантастических одеждах, — все это на фоне величественного, сурового Рима с его бесчисленными развалинами представляло поразительную всемирно-историческую картину, от которой мог прийти в изумление даже тот, кто жил при Траяне и был привычен к торжественным зрелищам. Во время коронационных процессий Рим снова приобретал значение всемирного города. Римляне того времени могли думать, что избранные ими императоры еще сохраняют власть над всей землей. Стекавшиеся в Рим чужеземцы оставляли в городе золото в изобилии, и благодаря коронации голодный народ мог кормиться в течение нескольких недель. Но, когда затем патриоты национальной партии, созданной Альбериком, вспоминали, что императоры, вступавшие в Рим так торжественно, были германцами, не понимали их языка, давали им пап по своему выбору и обращали своими походами в Рим города Италии в груды пепла, эти патриоты загорались гневом и тотчас же хватались за мечи; обезумевшая от ярости толпа неслась в Ватикан, чтобы убить только что коронованного императора, и одна из самых прекрасных всемирно-исторических картин превращалась в дикую сцену уличной борьбы, оканчивавшуюся потоками крови.

Генриху III, однако, нечего было опасаться взрыва национальной ненависти; напротив, римляне непосредственно вслед за коронацией провозгласили Генриха патрицием, и эта власть должна была перейти даже к его наследнику. Декрет, которым устанавливалось подчинение города и Апостольского престола германской короне, был принят знатью, горожанами и духовенством с шумным восторгом. В этом случае для римлян утешением могло служить лишь то пустое соображение, что великие права императора предоставлены ему полномочной волей самого римского народа. В сан патриция Генрих был коронован в базилике Св. Петра; зеленая хламида, перстень и золотая диадема были знаками власти, предоставленной Генриху над городом. Могущественный император снизошел до того, чтобы возложить на себя знаки магистратуры, которые раньше возлагались на лиц из римской знати, и даже заслужил порицание за то, что спустился до ранга графов Тускуланских. Но Генрих справедливо мог сослаться на Августа, который нашел возможным принять звание трибуна и другие виды власти; кроме того, Генриху, вероятно, было известно, что в глазах римлян патриций является представителем верховных прав сената и народа. Таким образом, сан патриция получил тогда значение более высокое, чем во времена Оттона III. Вообще достойно внимания, что в Средние века этот древнеримский сан оказался имеющим такую большую силу и с течением времени стал одной из главных причин долгих войн между светской и духовной властями. Тот же летописец, который так неодобрительно относится к патрициату Генриха, замечает, что об этом ничтожном сане не упоминается ни в языческих, ни в христианских хрониках Рима, что он установлен со времени византийца Нарзеса и римским капитанам служил средством присваивать себе право избрания пап. В X веке право назначения пап связалось более тесно с представлением о сане патриция; но этому праву вместе с патрициатом предоставил так же право избрания и инвеституры пап и епископов. Поэтому лица, достигавшие светской власти в Риме революционными переворотами, немедленно провозглашали себя патрициями и в качестве таковых назначали так же пап. Генрих не пренебрег присоединить к сану императора патрициат и так же, как некогда Карл Великий, именовался в документах патрицием.

Таким образом, римский народ поступился своим единственным правом в пользу германского короля. Понудило ли народ сделать эту уступку так же и духовенство? Такое предположение вполне возможно: услуга, оказанная Генрихом

церкви уничтожением тирании знати и прекращением схизмы, была настолько велика, что купить ее даже ценой уступки свободного избрания пап не казалось слишком дорогим. Некоторые достойные люди из среды духовенства открыто заявляли, что германский король за свои заслуги был награжден этой властью точно так же, как Давид за свою победу над Голиафом получил в награду руку царской дочери.

По-видимому, церковь только радовалась наступившему для данного момента освобождению и ничуть не подозревала новой тирании, которой она сама себя подчинила. Императорская власть была восстановлена в Риме в той же неограниченности, в какой она существовала при Оттоне I; избрание и инвеститура пап были навсегда уступлены германской короне. Последствием этой уступки были крупные революции и борьба, охватившая весь мир. Мог ли ожидать всего этого юный Гильдебранд, скромный капеллан низложенного Григория VI, видя Генриха III увенчанным короной патриция? Предвидеть, однако, того, что спустя 31 год сын этого могущественного императора, сложив с себя корону, будет лежать распростертым во прахе перед ним самим, Григорием VII, последний, конечно, не мог.

3. Начало церковной реформы. — Генрих III идет в Южную Италию и затем через Рим возвращается в Германию. — Смерть Климента II (1047 г.). — Бенедикт IX овладевает Святым престолом. — Бонифаций Тосканский. — Генрих назначает папой Дамаса II. — Смерть Бенедикта IX. — Смерть Дамаса. — Назначение папой Бруно Тульского

Как только германский епископ вступил снова на Святой престол, дух реформы охватил церковь. Великий переворот, который в эту эпоху был совершен Григорием VII, исходил от германских пап. Путь к реформе церкви проложил со всей ревностью все тот же Генрих III, которым были возведены на апостольский престол один за другим четыре германских папы. Прежде всего предстояло искоренить в Германии и Италии постыдную покупку и продажу духовных должностей.

Поддерживаемый императором, Климент II уже в январе 1047 г. созвал первый собор, направленный против симонии; затем, в конце того же месяца, папа отправился сопровождать Генриха в Южную Италию. На пути через Лациум император смирил нескольких капитанов, но не подчинил своей власти графов Тускуланских. Мы не последуем за Генрихом в его походах в Монте-Касино, Беневент и Капую, где для восстановления имперской власти достаточно было одного лишь появления этого великого монарха. В Германию Генрих вернулся через Римини и Равенну еще ранней весной, захватив с собой в качестве государственного заложника Григория VI; низложенного папу, осужденного на изгнание в Кельн, сопровождал Гильдебранд. Изгнание Григория VI имело свои основания, так как пребывание его в Риме могло послужить причиной новых беспорядков. Климент вернулся в Рим; еще не изгладившееся впечатление могущества императора обеспечивало папе спокойное положение здесь разве только на короткое время; правда, римляне покорились имперской власти, но они по-прежнему относились к ней как к ненавистному игу, и даже самому могущественному властителю никогда не удавалось поработить этот город, не живя в нем и оставляя его без гарнизона.

Тем временем Бенедикт IX, оставаясь в Тускуле, следил за переворотом в Риме, где у него были свои агенты, и выжидал случая, когда явится возможность снова овладеть папским престолом. 9 октября 1047 г. германский папа внезапно

умер в монастыре св. Фомы близ Пезаро. Немедленно вслед затем Бенедикт IX проник в Рим и, нимало не смущаясь, в ноябре снова занял апостольский престол.

Возвращению в Рим Бенедикта IX тайно содействовал Бонифаций Тосканский. Самый могущественный из всех итальянских государей того времени, Бонифаций происходил из лангобардского рода, был внуком Аццо, владельца замка Каноссы, и имел в своих руках настолько обширную область, что это делало из него врага германских интересов. Отец Бонифация, маркграф Тедалльд, во время борьбы с национальным королем Ардуином был до конца верным вассалом Генриха II и благодаря расположению последнего получил в свое владение Мантую, Феррару, Брешию, Реджио и Модену. Своему сыну Тедалльд имел возможность оставить богатое наследство, и в первое время Бонифаций был таким же горячим сторонником Германии, как и его отец. Поставленный императором Конрадом на место непокорного тосканского маркграфа Райнера, Бонифаций с той поры владел так же и этой мархией. Потеряв жену Рихильду, от которой у него не было детей, Бонифаций женился на Беатрисе, дочери Фридриха, герцога Верхней Лотарингии, и отпраздновал свою свадьбу в Италии более пышно, чем какой-нибудь король.

У Беатрисы родились Фридрих и Беатриче, а в 1046 г. Матильда, позднее ставшая наследницей Бонифация и прославившаяся как графиня Тосканская.

Могущество маркграфа Бонифация внушало Генриху недоверие; оно грозило большей опасностью, чем могущество миланцев, которые со смертью Гериберта покорились и согласились принять к себе королевского архиепископа Гвидо. Возвращаясь в Германию, император пытался было захватить маркграфа, но тот спасся бегством. Бонифаций ненавидел германское королевство, стремился достигнуть прочного влияния в Риме, желал стать патрищем и негодовал, когда и эта власть досталась так же Генриху. Будучи в Риме при Генрихе, Бонифаций, однако, оказывал императору все подобающие ему почести, рассчитывая поэтому найти поддержку своему кандидату на папский престол в лице Бонифация, Генрих, по-видимому, действительно назначил тогда Бонифация своим наместником в римских делах. Раньше полномочными представителями Каролингов в Риме были герцоги Сполетские; эту власть после своего коронования Генрих должен был передать маркграфу Бонифацию.

Желая таким образом подорвать германское влияние, Бонифаций содействовал перевороту в Риме и не помешал Бенедикту IX в третий раз занять папский престол. Но уполномоченные той партии в Риме, которая держала сторону германцев, уже были поспешно отправлены к императору, чтобы испросить его согласие на избрание нового папы. Они предложили Генриху назначить папой лионского архиепископа Галинарда, который пользовался любовью в Риме и, что редко встречалось, владел итальянским языком. Генрих приказал, однако, избрать папой в Пельте 25 декабря 1047 г. Поппона, епископа Бриксенского. Вновь назначенного папу Генрих отправил к Бонифацию с приказанием, чтобы он как наместник императора проводил папу в Рим. Бонифаций ответил отказом, и Поппон принужден был вернуться к императору; только решительная угроза Генриха смирила старого Бонифация. Его послы изгнали Бенедикта IX из Рима, и сам он проводил германского папу в Латеран. Новый папа вступил на Св. престол 17 июля 1048 г. под именем Дамаса II.

Покинутый маркграфом, Бенедикт IX удалился в свой замок Тускул, пробыв последний раз в сане папы 8 месяцев и 9 дней. Остается неизвестным, как окончил он свое существование. Судя по характеру того времени, возможно допустить, что он, как гласит предание, пресытившись жизнью, удалился в монастырь Grotta Fergata и здесь из грешника превратился в святого. С удалением Бенедикта IX тирании

графов Тускуланских был положен конец; тем не менее этому дому, который дал Риму пять пап: Иоанна XI, Иоанна XII, Бенедикта VIII, Иоанна XIX и Бенедикта IX, а, может быть, еще других пап, удалось благодаря своему могуществу сохранить влияние в Риме до двенадцатого века включительно.

Новый германский папа покинул город, едва успев показаться римлянам. Бедный Дамас чувствовал себя более счастливым в сане епископа небольшого местечка в Тироле, чем в сане папы в Риме. Страдая от палящего зноя и, может быть, опасаясь за свою жизнь, Дамас бежал из Рима и поселился в Палестрине, древнем Пренесте. Будучи церковным леном, этот город еще оставался под властью потомков Бенедикта и Стефаниа *senatrix*; маркграфа Иоанна не было в живых, владела же леном его сестра Эмилия. Распри с римской курией были улажены, а владельцами Палестрины были Кресцентии, враги графов Тускуланских, таким образом в Палестрине Дамас мог чувствовать себя в безопасности. Тем не менее 9 августа 1048 г., всего лишь 23 дня спустя после посвящения Дамаса в папы, его постигла неожиданная смерть. Была ли причиной ее малярия, или же Дамас был отравлен по приказанию чудовищного Бенедикта IX, осталось неизвестным. Когда затем римские послы явились в Саксонию просить римского патриция о назначении третьего папы, они были встречены германцами с ужасом: фатальная тиара уже никого не привлекала к себе. Из этого трудного положения после долгих переговоров Генриху удалось наконец выйти при помощи епископа Тульского. Движимый не столько честолюбием, сколько благочестивой ревностью посвятить свою жизнь реформе церкви, этот выдающийся человек согласился принять предложенный ему сан; не желая, однако, быть в Риме в положении лица, которое само навязало себя, он объявил, что дает свое согласие только при том условии, если он будет избран в Риме духовенством и народом.

Бруно, сын эгисхеймского графа Гуго в Эльзасе, близкий родственник императора Конрада, живя в своем епископстве, прославился как человек высоких христианских добродетелей и редкого образования. Вступив на Святой престол, этот четвертый германский папа стал его красой и положил начало новому периоду в существовании Рима. Благодаря реформам, которыми было достигнуто полное преобразование и церкви, и ее отношений к светской власти, и которые совпали с великими политическими и социальными переворотами в Италии, папство было наконец поднято на степень верховной духовной власти, имевшей всемирное значение.

4. Лев IX, папа (1049 г.). — Его реформаторская деятельность. — Упадок церкви. — Симония. — Гильдебранд. — Отсутствие денежных средств у папы. — Макбет в Риме. — Завоевание Беневента Львом IX. — Его войны с норманнами. — Поражение Льва при Чивита и его смерть (1054 г.)

В феврале 1049 г. новый папа вступил в Рим в сопровождении лишь небольшой свиты и шел по городу босой, смиренно читая молитвы. Такое необычное зрелище не могло не привести римлян в полное изумление. Казалось, в город, в котором снова утвердилось варварство, пришел апостол. Толпы вооруженных германцев и тосканцев и могущественная знать не сопровождали этого епископа, который как простой паломник стучал в ворота города и спрашивал римлян, хотят ли они во имя Христа принять его, епископа, как папу. Но среди лиц, составивших небольшую свиту нового папы, был человек, духовная мощь которого, еще неизвестная миру и таившаяся под скромной одеждой клюнийского монаха, была ценнее королевской

власти государей. Это был Гильдебранд, капеллан изгнанного папы Григория VI. Еще будучи во Франции, Бруно приблизил к себе Гильдебранда. По настоянию именно его, как рассказывали, Бруно надел на себя одежду паломника и объявил, что он займет Святой престол только тогда, когда будет избран по каноническим правилам. Вступив в Рим без шума и незаметно вместе с избранным папой, Гильдебранд явился в Вечном городе творческой силой, которая внесла в папство совершенно новую организацию.

Римляне встретили паломника-чужестранца процессией у ворот города Льва. В многочисленном собрании, созванном в базилике Св. Петра, Бруно объявил римлянам, что император назначил его папой, но что сам он решил вернуться в свое епископство, если папский сан не будет возложен на него духовенством и народом. После этого Бруно был избран единогласно. Это избрание могло быть, конечно, только одной формальностью; но принцип, провозглашенный Бруно, привлек к нему народ и обеспечил ему спокойное существование в Риме. Поставив императору условием своего назначения в папы согласие римлян и будучи затем ими действительно избран, Бруно как бы предавал осуждению несогласную с каноническими правилами императорскую диктатуру, и с того момента свобода папского избрания стала целью постоянных стремлений церкви.

Лев IX вступил на престол св. Петра 12 февраля, и церковь немедленно же почувствовала, что с севера на нее повеяло новой, суровой струей строгих реформ. Церковно-исторические анналы отмечают ту почти лихорадочную деятельность, которую проявил Лев, желая вернуть церкви ее чистоту: он созывал соборы, чтобы бороться с симонией и внебрачным сожитием духовенства, старался внести в администрацию целесообразный порядок и заботился о том, чтобы епископский сан был снова поднят на подобающую ему высоту. Описатель нравов, если бы он только пожелал спуститься в клоаку, которую представлял собой быт римского духовенства того времени, не нашел бы недостатка в доказательствах всей порочности этого духовенства; для этого достаточно заглянуть в книгу *S o m o g h i a n i s* Петра Дамиани. С чувством вполне справедливого негодования, но вместе с тем и со всей отталкивающей откровенностью этот святой человек перечисляет в своей книге преступные деяния духовенства. Все без исключения писатели того времени изображают испорченность духовенства самыми мрачными красками; но даже в Милане, в котором царил роскошь, духовенство не было так развращено, как в Риме. И, однако, Ваал Содомы и Гоморры едва ли представлял для церкви большую опасности, чем Симон Волхв, так как последний подчинял духовенство светской власти, от которой оно получало за деньги свой сан.

Во времена патрициев или сенаторов всех римлян церковные должности, от чина псаломщика до сана кардинала-епископа, предоставлялись тому, кто давал за них больше денег, пока наконец даже и папский сан не сделался так же источником ежегодной ренты. Созвав свой первый собор в апреле 1049 г., Лев IX пришел к тому ужасному заключению, что римские церкви должны остаться совсем без пастырей, если только он будет действовать со всей строгостью. Сами священники горячо восставали против постановлений собора, и это принудило папу быть более снисходительным; тем не менее многие епископы и клирики были все-таки низложены. За Львом стоял Гильдебранд, его иподиакон и аббат монастыря Св. Павла, занимавший с той поры при шести папах пост всемогущего министра или, если мы употребим более позднее выражение, государственного секретаря.

Борьба за реформу церкви и постоянные разъезды между Италией и Германией сначала лишала Льва IX возможности уделить внимание политическому положению церковного государства. Вступив на папский престол, Лев IX нашел кассу пу-

стой; в казначейство, может быть, и были внесены или арендная плата за патримонию, или какие-нибудь другие доходы, но все это до последней копейки было трачено Бенедиктом IX. Финансовая нужда была настолько велика, что Лев IX, не имея средств содержать свой скромный двор, решил было продать свои облачения; только неожиданное денежное приношение из Беневента удержало свиту папы от бегства в Германию. Рим был в самом бедственном положении; народ жил, не имея никакого заработка; массы бедных привыкли получать подаяние от церкви и выпрашивать милостыню у богатых паломников-чужестранцев. Летописцы отмечают, что в 1050 г. в Рим пришел паломником король шотландский Макбет и роздал много подаваний. Таким образом, и в те времена короли, совесть которых была обременена преступлениями, все еще продолжали совершать паломничество в Рим и там облегчали и свою беспокойную совесть, и свои мешки, наполненные золотом. Этих чужестранных гостей Рим принимал с почетом и с распростертыми руками. Из паломничеств, совершенных тиранами, посещение Рима Макбетом представляет тем не менее некоторый интерес.

Лев IX не вводил никаких изменений в формы городского управления, и потому в Риме царило спокойствие. Полное согласие между папой и императором заставляло римлян быть осторожными, а истинное благочестие Льва внушало им уважение к нему. Бенедикт IX сделал из Латерана распутный дом; Лев IX превратил его в монастырь и странноприимный дом. Тем не менее Лев охотно покидал не внушавший ему доверия город и оставался в нем только на короткое время. Он неутомимо разъезжал по Италии, Галлии и Германии и повсюду созывал соборы, неуклонно преследуя одну великую цель: поднять нравственно церковь и упрочить могущество римского престола. Но даже и такой религиозный человек, как Лев IX, не мог пренебречь светскими интересами папства. Совершив паломничество к Гаргану, Лев стал смотреть на Южную Италию с точки зрения государственных интересов. Наступление такого времени, когда Льву IX, подобно Иоанну VIII, пришлось стать во главе войска и тем прогнать небеса, было неизбежно. К этим удивительным противоречиям смешение властей, духовной и светской, приводило даже самых набожных пап. Но было бы неразумно ставить им в вину эту непоследовательность или требовать от них отречения от церковного государства в такое время, когда каждое епископство представляло собой государство, и только политическая организация церкви могла спасти ее.

Римская курия стремилась к обладанию Кампаньей и Апулией со времени Карла Великого. Свои притязания на древние домены, утраченные в эпоху иконоборства, римский епископ переносил на самые провинции, основываясь на правах, будто бы предоставленных ему даром Константина и другими дипломами. К обладанию Южной Италией стремились одинаково и папы, и императоры как Востока, так и Запада; но тогда как последние боролись из-за нее мечом, первые должны были прибегать к хитрым уловкам. Затем лангобардские князья продолжали по-прежнему быть здесь местными государями; приморские же города пользовались почти полной свободой; в свою очередь норманны, служа всем партиям, обманывали их одну за другой. Во времена Льва IX в Салерно государем был блистательный Веймар IV, в Капуе — Пандульф, IV и V, отец и сын, и в Беневенте — Пандульф III и его сын Ландульф. С 1043 г. после геройских битв с греками под предводительством сына Танкреда Готвильского, Вильгельма Железная Рука норманны учредили в Апулии с ее столицей Мельфи свою солдатскую республику; еще раньше под предводительством Рейнара они укрепились в Аверсе. Первоначально обе эти шайки считали себя вассалами салернского государя. Генрих III отдал норманнам так же часть герцогства беневентского, желая наказать беневентцев, некогда вос-

ставших против него. Между тем папы издавна стремились овладеть именно Беневентом. Лев IX посетил этот город уже в 1050 г., вел переговоры с гражданами и мог собственными глазами видеть те опустошения, которым подвергали эту область норманны. Недовольные лангобардскими государями беневентцы опасались так же попасть под власть вышеупомянутых норманских шаек, которые, конечно, не пощадили бы муниципального устройства города. Как верховный государь, папа, резиденция которого была удалена от Беневента, казался наименее опасным. Поэтому, изгнав лангобардских князей, которые не замедлили затем обратиться за помощью к норманнам, беневентцы 5 июля 1051 г. провозгласили своим государем папу.

В следующем году император утвердил Льва регентом Беневента, уступив папе этот город взамен епископства бамбергского, которое было принесено в дар римской церкви Генрихом II. Таким искусным путем папам удалось получить в свое обладание древнюю знаменитую резиденцию лангобардских государей и удержать ее в своих руках до нашего времени.

В 1051 г. Лев IX сделал попытку оградить это драгоценное приобретение от хищничества норманнов; с этой целью он возложил защиту Беневента на салернского государя Ваймара и даже на самого Дрого, преемника Вильгельма в графстве Апулии, надеясь привлечь последнего к себе на службу. Но Дрого и Веймар вскоре погибли от руки убийцы, а хищные норманны по-прежнему осаждали Беневент и опустошали его окрестности. Тогда епископы и города стали неотступно просить папу освободить их от чужестранных разбойников, превратившихся из наемников в настоящих деспотов Южной Италии. Лев полагал, что ему удастся обуздать норманнов, и с этой именно целью он поехал к императору летом 1052 г.

В феврале 1053 г. Льву удалось привести с собой из-за Альп германских наемников и толпу искателей приключений; при этом папу сопровождали Готфрид Лотарингский и его брат Фридрих, церковный канцлер. Собрав еще военные отряды в некоторых итальянских провинциях, Лев в апреле достиг Рима и затем выступил в Кампанью, где несколько лангобардских государей и апулийских графов отдали в его распоряжение своих вассалов. Итальянцами папского войска предводительствовали сыновья графа Бурелла марсийские графы Трасмунд и Аццо, но начальство над всем этим немалым войском принадлежало двум немецким рыцарям, швабу Вернеру и Рудольфу, будущему правителю Беневента. Таким образом, набожному Льву IX пришлось стать во главе войска; по своему происхождению он принадлежал к воинственному графскому роду и еще в своей юности, будучи диаконом, водил в Италию по приказанию Конрада II вассалов епископа туйского. Соединяя в себе, подобно епископам того времени, два исключаящих друг друга сана, пастыря и государя, Лев IX так же не мог избежать противоречивой двойственности в своих действиях, как скоро дело шло о сохранении и расширении светской власти папы.

Лев вступил в договор так же с греками, у которых катапаном был в то время сын Мело Аргирос, состоявший на службе у византийцев и носивший громкий титул герцога Италии, Калабрии, Сицилии и Пафлагонии. Лев надеялся, что ему удастся склонить обоих императоров так же, как итальянцев и лангобардов, заключить между собою союз и таким образом положить конец существованию страшных норманнов. Эта надежда Льва, однако, не оправдалась; Аргирос и не думал посылать в его распоряжение свои войска. Тем не менее норманны были встревожены серьезным походом, предпринятым против них. Их смущало личное участие в походе против них папы, которым они могли быть отлучены от церкви. Послы их заявили, что права норманнов на землю, уже уступленную им императором, должны быть признаны за ними, и обещали, что взамен того норманны присягнут церкви в верности

и будут платить ей дань. Смелые завоеватели могли предъявить к городам, которые были добыты ими с помощью меча, права, более серьезные, чем права пап, ссылавшихся на дарственные грамоты и права германских императоров, исходивших из абстрактного понятия о суверенитете имперской власти. Но ослепленный своими замыслами папа положился на численность своих войск и внял воинственным кликам мужественных швабов, которые смеялись над малорослыми норманнами и хвалились стереть с лица земли всех этих разбойников. Отвергнутые послы удалились, и норманны решили вступить в борьбу с святым отцом, видя в нем уже начальника неприятельского войска.

Битва при Чивита в Капитанате 18 июня 1053 г. является, быть может, самой замечательной в истории пап как светских государей. Еще в наше время, 807 лет спустя, в человечестве жила память об этой битве: ее сравнивали с поражением при Кастель Фидардо 18 сентября 1860 г., когда отлученные от церкви пьемонтцы (огранившие патримонии св. Петра так же смело, как и преданные анафеме норманны времен Льва IX) уничтожили во имя единства Италии слабые, набранные из чужестранцев легионы Пия IX, предводительствуемые Ламорисьером. Церковное государство сохранилось донныне; государи продолжают вести с ним борьбу; папы по-прежнему защищают его с помощью наемных чужеземных солдат и булл, обрекающих на отлучение от церкви; таким образом, в современной истории папства мы видим повторение все тех же Средних веков.

Предводителями норманнов были три храбрых героя: сын Асклиттина Ричард Аверсский и сыновья Танкреда Готвилльского граф Гумфрид Апулийский и Роберт Гюискар. Боевая сила норманнов сводилась вся к 3000 конницы и небольшому числу пехоты; но по быстроте натиска и отступления маленькие норманнские всадники производили впечатление настоящих чертей. Стоя на стенах Чивиты и давая благословение войску, папа не сомневался в своей победе. Со щитом в левой руке и с мечом в правой, германцы мужественно отразили натиск норманнов, которые под предводительством Гумфрида стремительно напали на них и осыпали их стрелами и копьями; но итальянцы при первом же нападении Ричарда обратились в беспорядочное бегство, и тогда Гюискар двинулся с фланга так же на германцев. Храбрые швабы построились в каре и, продолжая сражаться, пали до последнего человека. После того победители пошли на приступ Чивиты, в которой, дрожа от страха, скрывались папа и кардиналы. Предместье пылало огнем; осада города велась норманнами с большой энергией, а в самом городе граждане грабили папскую поклажу, грозили папе выдать его и наконец действительно прогнали и его, и кардиналов. Очувшись в таком затруднительном положении, Лев вступил в переговоры с норманнами. Они явились к папе, преисполненные благоговейных чувств, и предложили святому пленнику отдать себя под их защиту. Эту драгоценную военную добычу норманны по праву могли бы заключить в один из своих укрепленных замков, но претерпевший унижение папа стоял под покровом св. Петра. От роли плохого генерала Лев перешел к роли доброго пастыря, и охваченные религиозным рвением воины-варвары преклонили колена пред своим пленником и целовали его апостольские ноги. После этого они, как рыцари, приняли его в свою среду и дали обещание проводить его в Беневент.

Два дня провел опечаленный папа в молитвах об умерших и затем велел предать тела их торжественному погребению. Биограф Льва, правда, удостоверяет, что папа был утешен, когда увидел трупы своих воинов нетронутыми, между тем как у убитых норманнов глаза были выклеваны воронами; тем не менее вид поля битвы должен был научить Льва тому, что папа не призван проливать кровь христиан ради политических целей и менять пальмовую ветвь святого на меч воина. Лукавое

суеверие тех времен создало легенду, будто Лев IX, умирая, видел своих солдат, павших в сражении при Чивита, одетыми в золотые одежды и малящими его пальмовыми ветвями; в действительности воспоминание об этих «мучениках», среди которых, между прочим, было немало убийц и разбойников, могло лежать только бременем на его апостольской совести. Не можем же мы думать, что у лиц, совмещавших в себе сан папы и сан государя, было так же и две совести.

Весть о сражении облетела с быстротой вихря все страны. Святой и чтимый папа, говорили люди, поднял меч не против сарацин, а против христиан и был взят в плен своим врагом. Нет сомнения, что те же люди расточали бы похвалы папе как освободителю Италии от разбойнических банд, если бы ему удалось разбить норманнов в сражении при Чивита; но победа оказалась не на стороне папы, и на него постиглась суровые порицания. Раздавались голоса, утверждавшие, что папу постигла кара Господня, «пастырю подобает вести борьбу только духовным оружием, а вооружаться железным мечом ради мирских интересов ему не приличествует; Христос заповедал своим ученикам не вести войну с народами, подобно светским государям, а бороться с греховностью людей проповедью христианского учения». Если бы защитники Льва IX, желая оправдать его от этих справедливых обвинений, сослались на то обстоятельство, что норманны грабили церковные владения, то и этим защитникам пришлось бы умолкнуть, услышав в ответ от людей богобоязненных следующие слова св. Иеронима: «Голубь, видя, что другая птица уносит из его гнезда корм, остается тем не менее недвижим, не пускает в ход ни крыльев, ни клюва, ни когтей и не издает ни одного звука. Так и церковь Господня, истинный голубь, не требует возвращения того, что у нее похищено; подобно овце, подставляющей свое руно ножницам, церковь не должна отымать у разбойника того, что принадлежит ей, а смиренно уступать ему. Ибо, чем больше утратит она земных благ, тем больше она приобретет небесных благ».

Подлежит сомнению, рассуждал ли бы так этот великий отец церкви, если бы в его время существовало церковное государство. Такое чрезмерно благочестивое понимание для обыкновенных людей слишком возвышенно и потому является непрактичным до смешного. Но во времена Льва IX отношение церкви к *dominium temporale* понималось еще далеко не с той точки зрения, с какой этот важный вопрос рассматривается в наше время. Святой Дамиани осуждал действия папы, своего друга, открыто и беспощадно. Так же, как Августин раньше и Данте впоследствии, он проводил разграничительную черту между государством и церковью, между паптырским посохом и мечом. «Если в делах веры, — писал Дамиани, — которой живет вселенская церковь, никто не должен прибегать к мечу, каким же образом защита интересов светской и преходящей власти церкви может быть возложена на необузданное войско, закованное в латы? Возможно ли, чтобы христианин убивал христианина из-за утраты бранных благ? Разве мы читали где-нибудь о том, что Григорий делал или заповедал нам что-либо подобное, Григорий, который так много претерпел от разбойнического насилия диких лангобардов? Разве святые папы брались когда-нибудь за оружие? Уладить церковные беспорядки можно решением суда и эдиктами соборов, но то, что подлежит ведению судебного трибунала и папскому решению, не может быть решаемо к позору церкви силой оружия». Как видно, Дамиани в то время еще не имел никакого представления ни о церковном государстве, ни о светской державной власти папы и считал всякое земное временное обладание жалким достоянием по сравнению с тем вечным, которое делало папу действительным папой.

Своей победой норманны приобрели законное право на то, что ими было завоевано, и Лев снял с них отлучение. Поражение папы послужило первым основанием

к установлению впоследствии вассальных отношений, которые привели к тому, что папы (так изумительно было их счастье) стали феодальными властителями неаполитанского королевства.

С рыцарской любезностью и практической предусмотрительностью победители препроводили своих пленных в Беневент. Большой и удрученный горем папа вступил в город пять дней спустя после сражения. Блестящий прием, оказанный Беневентом папе, уже не мог утешить его. Всю зиму провел он здесь, находясь в плену у норманнов, настаивавших на выполнении условий договора, который остался для нас неизвестным. Мысль о прочном договоре с норманнами была очень далека от Льва IX, и он скорее думал о новом союзе против них. Будучи именно в Беневенте, Лев IX отправил в Константинополь кардиналов Фридриха Лотарингского и Гумберта с письмом, в котором, умалчивая о многом и извращая факты, сообщал греческому императору Константину Мономаху о своем бедственном положении, убеждал этого императора заключить союз с Генрихом и вместе с ним вступить в борьбу с норманнами и далее просил вернуть римской церкви ее древние домены в Южной Италии или, по крайней мере, признать права церкви на все то, что некогда было принесено ей в дар Константином и его преемниками. Таким образом и этот папа ссылался на легендарный дар, которым Рим, Италия и Запад будто бы были отданы в собственность Святого престола.

12 марта 1054 г. граф Гумфрид проводил папу в Капую, и оттуда 3 апреля Лев вернулся в Рим, не с триумфом, как некогда Иоанн X после битвы при Гарильяно, а как человек, существование которого было разбито и для которого уже не оставалось ничего радостного на свете. Сильно заболев, Лев почувствовал приближение смерти и 13 апреля приказал перенести себя из Латерана в базилику Св. Петра. Как только весть об этом дошла до римлян, они тотчас же бросились грабить Латеран. Но заслуги Льва, пишет набожный летописец, были так велики, что эти люди, движимые нечестивыми помыслами, не посмели войти во дворец. Лев IX умер 19 апреля, еще не имея 50 лет от роду. Причиной его ранней смерти так же, как и многих других пап, были тревожные волнения, связанные с *dominium temporale* церкви. Несчастье, постигшее Льва IX при Чивита, омрачает его светлый образ, служивший красой Святому престолу; оно, однако, не умаляет ореола святости, которым признательная церковь почтила этого благочестивого реформатора за его заслуги, и только придает им, как и всем человеческим доблестям, характер в значительной мере земной.

ГЛАВА III

1. Программа Гильдебранда. — Император назначает папой Гебгарда Эйхштедтского. — Бракосочетание Готфрида Лотарингского с Беатрисой Тосканской. — Прибытие Генриха III в Италию. — Виктор II, папа. — Смерть императора (1056 г.). — Регентство императрицы Агнесы. — Виктор II как наместник императора в Италии. — Могущество Готфрида. — Кардинал Фридрих. — Смерть Виктора II. — Стефан IX, папа

Движение, так глубоко охватившее церковь, отчасти отодвинуло на задний план, отчасти определило собой историческую судьбу города Рима в ту эпоху. Являясь в течение долгого времени ареной и средоточием борьбы церкви и государства, Рим мог лишь с трудом приобрести и развить свою собственную муниципаль-

ную независимость: он по необходимости служил то папе, то императору и, соответственно этому делился на две партии: папскую и императорскую.

С прекращением династии Оттонов римская знать подчинила себе папство и в течение некоторого времени насильственно удерживала патрициат в своих руках; но эта власть знати над городом не была облечена в прочные формы и распадалась каждый раз, как только император или папа проявляли свою силу. Генрих III, положивший конец тирании Тускуланских графов, приобрел для Германии вместе с патрициатом право замещения папского престола. Назначавшиеся Генрихом германские папы сумели вдохнуть в церковь новые живительные силы. Едва, однако, церковь успела таким образом, с помощью Германии, снова окрепнуть, как она потребовала у своей избавительницы возвращения ей избирательных прав, а затем и признания за нею полной независимости. Гильдебранд был не только первым человеком в Риме в свое время, но и одним из самых великих политиков всех народов и всех времен. Будучи руководителем преобразовательного движения, он успел сделать всех своим орудием: святых и монахов, разжигая их фанатическое усердие; пап, давая направление их политике; ломбардскую патарию, посылая членов ее как сторонников народа бороться с аристократами и непокорными епископами; восторженных маркграфинь, приобретая их дружбу; норманнских грабителей, делая из них вассалов и защитников римской церкви. Сначала этот смелый представитель церкви объявил войну только внебрачному сожительству и симонии, которыми нарушались и канонические правила церкви; и то, и другое были действительно язвы того времени; но впоследствии под этим знаменем с изумительной ловкостью была пробита брешь, благодаря которой папство проникло в дела государства, отняло у германской короны права на патрициат и подчинило весь мир своему духовному владычеству.

В то время свободное избрание папы, ограниченное издревле имперской властью, еще не занимало первого места в программе Гильдебранда. Опасения, внушаемые могущественным императором, и слабая надежда на Рим, где знать могла снова захватить выборы в свои руки, были причиной тому, что церковная партия смиренно признавала права императора. Точно так же все были далеки от мысли о возможности разрыва с Германией.

Умирая, Лев IX возложил заботы о благополучии церкви, вероятно, на Гильдебранда; надежды всех ревнителей церкви уже были направлены на этого монаха, и раздавались голоса, громко требовавшие избрания его в папы. Но Гильдебранд отправился ко двору Генриха, решив добыть в Германии такого папу, который мог бы вполне рассчитывать на поддержку императора, горячо желавшего реформ. Германские магнаты встретили с изумлением монаха, явившегося одним из послов римского духовенства с целью вмешаться в избрание папы. Когда же ко двору патриция прибыли затем так же и послы римской знати, державшей сторону Германии, Генрих уступил настоятельным просьбам Гильдебранда и римлян и назначил папой епископа эйхштедтского. Гебгард происходил из рода графов Кальвских, с которыми Генрих состоял в родстве, обладал большим умом, был полон сил и сравнительно не стар; как человек опытный в государственных делах, он пользовался доверием Генриха и был его советником. Отпустить от себя Гебгарда для Генриха было немалой жертвой; но он надеялся, что его рассудительный и верный друг будет полезен ему в Италии, где именно в это время достиг значительного могущества мятежник, восставший против империи.

Бонифаций Тосканский погиб от руки убийцы 6 мая 1052 г. Два года спустя вдова Бонифация Беатриса вышла замуж за Готфрида Лотарингского. Готфрид был врагом империи и бежал в Италию. Получив вопреки воле императора в свои

руки обширные земли Бонифация, Готфрид стал управлять ими от имени трех детей Бонифация, которые были еще несовершеннолетними. Таким образом, Готфрид оказался самым могущественным государем во всей Италии. Как и прежде, страна эта все еще служила ареной, на которой подвизались чужеземные искатели счастья. Чужеземцами были папы и многие выдающиеся епископы, и теми же чужеземцами оказывались норманны, достигшие грабительством владычества в Южной Италии именно в этот период времени. Не существовало ли возможности для такого смелого и умного человека, каким был Готфрид, вступив в союз с норманнами и объединив под своим скипетром всю Среднюю Италию, овладеть затем коронами Италии и Рима и назначать пап по своему усмотрению?

Стать папой Гебгард согласился с условием, что император примет на себя обязательство восстановить Святой престол во всех его владениях; вместе с тем Генрих разрешил так же произвести выборы и в Риме. Покинув Регенсбург в марте, Гебгард поспешил в Рим и здесь 13 апреля 1055 г. под именем Виктора II вступил на апостольский престол, остававшийся вакантным в течение года. Сам император так же отправился в Италию в марте, но в Рим не пошел. Оставшись в Верхней Италии, чтобы восстановить в ней имперскую власть, Генрих действовал тут с обычной для него энергией, и магнаты скоро покорились ему. Беатриса так же явилась к императору, желая оправдать свой брак с мятежником, нарушившим принцип неприкосновенности государственной власти; но Генрих остался непреклонен и приказал взять под стражу Беатрису и ее дочь Матильду. Муж Беатрисы, искавший спасения в бегстве, оставался, однако, недоступным возмездию разгневанного императора и даже принудил его поспешить с отъездом, так как Готфриду удалось снова поднять восстание в Лотарингии. Повидавшись с папой еще в июне на флорентинском соборе, Генрих вернулся в Германию. Облеченный полномочиями императорского наместника в Италии, Виктор II должен был держать герцога Готфрида в узде. Брат последнего, Фридрих, желая сделать карьеру, принял в правление Льва IX духовное звание и сначала был возведен Львом в сан кардинала-диакона и канцлера, а затем послан в качестве папского легата в Византию, где составил себе репутацию человека больших дипломатических способностей и сильного характера. Когда Фридрих возвращался из Византии, увозя с собою много сокровищ, Генрих приказал папе захватить его; но, предупрежденный об ожидавшей его опасности, Фридрих бежал, принял монашество в Монте-Касино или на острове Тремити и здесь, спасаясь от гнева императора, скрылся.

Работая над реформой церкви, Виктор II оставался в Риме в течение всего года. Но, подобно своим предшественникам, этот папа так же чувствовал себя в Риме несчастным и не переставал стремиться назад в Германию. В 1056 г. он отправился туда, призываемый делами церкви и отчины, и здесь в скором же времени ему пришлось оплакивать своего друга императора, похищенного смертью в расцвете сил, в ореоле славы, могущества и счастья. Великий Генрих III умер 5 октября 1056 г., имея всего 39 лет от роду; им закончен был ряд мощных императоров франкского рода, выдвинувших Германию на вершину ее всемирного могущества. Неожиданная смерть этого государя нарушила весь ход дел в Европе и для самой Германии была величайшим бедствием. Умирая, Генрих оставлял после себя только жену-правительницу и короля-ребенка; это обрекало Германию и Италию на полную смуту, но для церкви, стремившейся к власти, смерть Генриха была освобождением от императорской диктатуры. И когда Виктор II, стоя у смертного одра своего друга, оплакивал его, подобно тому, как некогда Сильвестр II оплакивал Оттона III, монах Гильдебранд уже мог предвидеть, что ему предстоит в будущем торжество над беззащитным наследником императорской власти.

Императрица Агнеса, дочь того самого Вильгельма, герцога Аквитанского, которому некогда ломбардцы предлагали корону, заступила в качестве правительницы на место своего сына, Генриха IV, едва достигшего тогда шестилетнего возраста. Положение ее было более сложно, чем то, в котором раньше находилась Феофано; помимо того, Агнеса оказалась и менее талантливой, чем Феофано. Ближайшим советником Агнесы предстояло быть папе, так как император, умирая, оставил на его попечение империю и своего наследника. Устроив германские дела со всей заботливостью и обеспечив ребенку наследование, Виктор должен был затем вскоре же вернуться в Рим как имперский наместник Италии. Именем императора папа правил (это был редкий случай!) здесь всеми землями короны и, как герцог, всю свою жизнь управлял так же Сполето и Камерино. Только для могущественного Готфрида не существовало теперь никакой ограничивающей верховной власти. Привлечь его возможно скорее на свою сторону было необходимо для Виктора, и уже в декабре 1056 г. на сейме в Кельне ему удалось установить мир между императрицей и Готфридом.

Достигнув от имперской власти признания своих прав на обладание землями маркграфа Бонифация, Готфрид мог вернуть в Италию свою жену и падчерицу. Его могущественное положение, мало отличавшееся от положения короля, давало ему возможность оказывать на дела церкви еще большее влияние, чем то, какое некогда имели герцоги Сполетские. Готфрид считал себя патрицием Рима и полагал поэтому, что право руководить избранием папы и утверждать папу принадлежит ему; нет сомнения, что императрица Агнеса возвела его в Кельне если не в сан именно патриция, то, во всяком случае, в сан несменного и полномочного представителя своего в Риме и охранителя интересов папства. Такое же положение раньше занимал герцог Бонифаций.

Весной 1057 г. Виктор II опять был во Флоренции и постарался упрочить свою связь с этим лотарингским родом. Еще до того брат Готфрида Фридрих был утвержден Виктором в сане аббата Монте-Касино; в этот раз во Флоренции 14 июня Виктор возвел Фридриха в сан кардинала-священника церкви Св. Хризогона в Транстеверине. Гильдебранд решил, что этот лотарингец должен быть папой, ставя между Римом и Германией могущественную фамилию, которая только с виду примирилась с германской империей. Гильдебранд надеялся, что таким образом ему удастся достигнуть независимости церкви.

С великой пышностью вступил новый кардинал в Рим, где его встретили со всеми почестями как брата самого могущественного государя Италии. Приняв под свою власть церковь Св. Хризогона, Фридрих поместился на Палатине среди его древних развалин, в монастыре Santa Maria in Pallara, где в то время уже основались бенедиктинцы Монте-Касино. Но не успел Фридрих покончить со всем этим, как пришло известие, что Виктор II умер. Таким образом рушилась единственная опора имперской власти в Италии, и лотарингский дом придвинулся сразу к вершине своего могущества. Со смертью последнего папы из числа ставленников императора, в регентство слабой женщины, можно было отважиться на попытку провести избрание папы независимо от имперской власти. И естественно, что на эту попытку мог решиться только лотарингский кардинал, так как он один был достаточно могуществен, чтобы оказать сопротивление германской короне.

Римляне немедленно пожелали иметь папой Фридриха — человека княжеского происхождения, выдающегося ума, твердого характера и полного сил, хотя Гильдебранда, которого сам Фридрих для видимости выставил кандидатом, еще не было в Риме. Строя от нетерпения, знать, духовенство и народ устремились 2 августа на Палатин; могущественный кардинал был отведен в церковь S.-Pietro ad Vincula и здесь поспешно избран и провозглашен папой под именем Стефана IX.

Затем избранник торжественно вступил во владение Латераном и 3 августа в базилике Св. Петра был уже посвящен в сан папы. Очень многие римляне охотно подали свой голос за человека, который принадлежал к княжескому роду, был преследуем германским императором и доставлял им после долгого промежутка времени первый случай избрать папу так же свободно, как и прежде.

Избрание Фридриха папой сделало влияние лотарингцев неограниченным. Маркграф тосканский присоединил к своим владениям так же Сполето и Камерино и таким образом сосредоточил в своих руках все земли от Мантуи и Феррары до римской области. Не было ли проще всего предположить тогда, что новый папа возложит на своего брата императорскую корону и что ради именно этой цели он и получил свой сан от Готфрида?

Весть о смерти Виктора повергла германский двор в печаль; весть же о свободном избрании Стефана вызвала в нем негодование. Но двор был слишком слаб, чтобы с должной энергией потребовать восстановления нарушенных прав патрициата, которые были предоставлены римлянами не только Генриху III, но и его преемникам. Несколько времени спустя Стефан IX отправил Гильдебранда в качестве своего нунция в Германию, где этот искусный дипломат должен был представить двору извинения и дать успокоительные обещания. Еще раньше Стефан возвел Гильдебранда в сан архидиакона, первый по рангу при папском дворе. Тем не менее, предвидя возникновение раздора между германским двором и Святым престолом, Стефан постарался собрать вокруг себя наиболее отважных борцов. Действительным политическим главой партии реформы был Гильдебранд, ее же ревностным пророком — Петр Дамиани, которого Стефан пригласил в Рим как кардинала-епископа Остии. Появление этого монаха, его стремление и деятельность заслуживают некоторого внимания, так как они представляют крупный фактор в ходе событий, с которыми неразрывно связана история города Рима того времени.

2. Отшельники и Петр Дамиани. — «Дисциплина» бичевания. — Стефан IX собирает вокруг себя выдающихся кардиналов

Мы видели, что в те времена, когда нравственность среди духовенства падала, появлялись святые люди, спасавшие церковь от окончательного падения. Такими людьми были Одон Клонийский, Ромуальд и св. Нил; в XI веке мы так же встречаем подобных людей. Бенедикт IX нашел свою антитезу в лице святого, который принадлежал тому же времени. Забывшие Бога епископы предавались языческим оргиям, а в кельях, устроенных в непроходимых горах, монахи-анахореты лежали распростертыми в благоговейном экстазе, отрекшись от мира, они искупали грехи человечества добровольно наложенными на себя епитимьями. В этих кельях, пещерах благочестия, обитали младшие пророки, никому неизвестные; свидетелями подвижничества их могли быть только горный житель да поселянин. Эти тысячи отшельников, однако, были только нижними ступенями пирамиды; более одаренные натуры подымались выше, приобретали влияние в широких общественных кругах и вели людей к тому, что они отдавали римской церкви и свою душу, и свое состояние. Одному и тому же веку принадлежат Доминик ди Сора, Бруно, епископ Сени, Гуальберт Валломбросский, Гвидо, аббат Помпозы, и Петр Дамиани. Последний отличался выдающимися способностями; не будучи творцом и практическим деятелем первых времен монашества, он представлял собою силу, которую дает мистический энтузиазм. Искусно пользуясь этой силой, Гильдебранд разжигал в людях религиозный фанатизм и в то же время сам, с холодным и тонким расчетом, сооружал свою систему иерархии.

По своему духовному складу Петр Дамиани, казалось, был продолжателем Ромуальда и так же, как он, родился в Равенне, в 1007 г. Детство его было несчастно; он принужден был пасти свиней, пока не был взят на воспитание своими родными. Посвятив себя изучению грамматики, он стал ученым человеком и был даже учителем в Равенне; следуя, однако, своему меланхолическому темпераменту, он не переставал стремиться к уединению. Решив сделатья отшельником, он поселился в Фонте Авеллана, в ските, основанном Ромуальдом возле Губбио. В былые времена возрождению общества содействовал орден Бенедикта, представлявший как бы социальную монашескую республику; позднее начала, положенные в основу этого ордена, были забыты, и со времени Ромуальда возникли скиты. В середине XI века отшельников можно было встретить по всей Италии, причем они соединялись в конгрегации; так была конгрегация отшельников в Камальдэли, основанная Ромуальдом, и конгрегация Гуальберта в Валломбросе с уставом, еще более строгим. Движимые в борьбе с испорченностью церкви одним и тем же мистическим началом покаяния, все эти анахореты составляли армию, которая хотя и была разбросана, но действовала сообща, сражаясь не только за реформу общества, но еще более за реформу церкви и за суверенитет Рима. Влияние отшельников на все условия общественной жизни в то время, не исключая даже политических, является загадочным по своим размерам и, может быть, уступает только влиянию ветхозаветных пророков.

Подобно Ромуальду, Петр Дамиани учредил скит, собрал учеников и затем стал рассылать их в провинции как проповедников отшельнической жизни. Таким образом, слава настоятеля Фонте Авеллана распространилась по всей Италии. Вскоре он принял самое деятельное участие в борьбе с пороками, от которых страдала церковь его времени: с распутством духовенства и с симонией. Чтобы дать представление о состоянии церкви, сатирик нашел бы в те времена больше материала, чем тот, который имел в своем распоряжении Иероним. Сам Петр Дамиани, подобно предшественнику своему Ратерию, воспроизвел в некоторых посланиях роскошь, которой, как сатрапы, окружали себя кардиналы и епископы. Ближайшей своей задачей Петр Дамиани поставил поднятие нравственности монахов; но его реформа не исходила из либеральных и практических начал, завещанных Бенедиктом. Существо реформы Петра Дамиани сводилось к покаянию; она возводила таким образом умерщвление плоти в систему, которая теперь может казаться только детской и производит отталкивающее впечатление.

Набожный монах, подвергая себя мучительному бичеванию, мог утешаться мыслью, что ангелы небесные смотрят с радостью на такое истязание тела; но это бичевание не вносило в общество того благополучия, которое могло бы быть дано ему разумной работой того же монаха. Человеческая мысль снова глубоко затмилась, и люди стали полагать, что приближение к Богу заключается в совершении над собой бессмысленных истязаний. Сам Дамиани воспроизводит образ такого кающегося. У нас живет в келье, говорит он, безумный идиот; он с трудом лепечет, но знает 50 псалмов и повторяет их каждый день по семи раз. Вот уже 15 лет как он не выходил из своей кельи; волосы на голове у него отросли до щиколоток, и борода страшно всклокочена. Три дня в неделю он не ест ничего; в остальные три дня съедает немного хлеба и пьет воду. По воскресеньям он готовит себе кушанье, какое-то печенье; но для нас было бы великим наказанием даже попробовать или только понюхать это печенье. Его келья вся пропитана смрадом; вода, которую он пьет, совершенно загнившая; своего платья он никогда не меняет. Товарищами, не покидающими его ни днем, ни ночью, ему служат две змеи, которые, когда он поет свои псалмы, обвивают, ласкаясь, его голову. В настоящее время образ несчастного иди-

ота Мартина Сторакса вызывает в нас то мучительное чувство сострадания, которое мы испытываем при виде душевнобольного. Дамиани так же не находил похвальным самобичевание в такой форме: его спасли от нее его образованность и жившее в нем поэтическое чувство; но они не помешали ему все-таки учить тому, что самобичевание есть истинное средство достижения святости. И таким образом он сделался учителем и отцом флагеллантов.

Покаяние, налагаемое на грешника, было истари одним из самых могущественных орудий, которым располагала церковь для воздействия на человечество. Не облагороженные воспитанием люди не считали для себя постыдным, когда возмездие за их проступки назначалось им в той же форме, как детям в виде телесного наказания. Даже такой император, как Генрих III, нередко подвергал себя бичеванию; люди всех состояний, без различия пола, даже женщины знатного происхождения, подставляли в продолжение веков свои обнаженные спины розге, которой фанатически или с улыбкой сек их какой-нибудь монах или диакон. В XI веке был установлен точный расчет числу и силе ударов плетью, и для каждого проступка был определен соответственный период покаяния. Но человеку свойственно совершать проступков больше, чем тот срок покаяния, которым он располагает: иной грешник имел в своем списке такое множество грехов, что должен был бы прожить целые века, чтоб иметь время искупить, согласно уставу покаяния, все свои грехи. Чтобы выручить человечество из такого затруднения, церковь разрешала богатым людям заменять годы покаяния денежными пожертвованиями на дела благочестия, а бедным — соответственным числом ударов плетью, постом и пением псалмов. Желая спасти свою душу (*pro redemptione animae*), люди жертвовали деньги, имущество и так же земли, и таким образом в продолжение веков в кассу церкви притекали несметные богатства, пока наконец это погашение нравственного долга звонкой монетой, противное христианским началам, не привело к перевороту, произведенному Лютером. В Средние века человеческая душа была в рабстве у духовенства и закрепощена за церковь (*ecclesiae adscriptae*), которая и обосновала свою почти невероятную силу на такой связи вины и покаяния.

По уставу год покаяния равнялся 21 солиду или 30 талерам для богатых и 3 солидам — для бедных. Двадцать ударов по руке или 50 псалмов соответствовали одному дню покаяния, а год покаяния равнялся 3000 ударов розгой, точно отсчитывавшихся и сопровождавшихся пением псалмов. Таким образом, грешник при некотором навыке мог отбыть века покаяния в короткое время. Сам Дамиани, как учитель, был посрамлен искусством Доминика, который умел наносить себе удары с такой бешеной быстротой, что число их равнялось целым столетиям покаяния. Ради подавления в себе нечистых чувственных вожделений этот Доминик постоянно носил на голом теле железную кольчугу и снимал ее только тогда, когда ему нужно было подвергнуть себя бичеванию; взяв в каждую руку по розге и распевая псалмы, он наносил себе такое количество ударов, которое заменяло покаяние в течение ста и более лет. Дамиани успевал отбыть вековой срок покаяния только в течение года, между тем как Доминик, по его словам, оканчивал этот срок в шесть дней. Три тысячи ударов составляли год покаяния; за тот промежуток времени, который требуется, чтоб пропеть псалмы, рассчитывал далее Доминик, вполне можно дать 1000 ударов; псалтирь с его 150 псалмами соответствует, следовательно, пяти годам покаяния; взятые 20 раз эти пять лет составляют 100; таким образом, пропеть 20 раз псалтирь, сопровождая пение бичеванием, и будет равносильно покаянию в течение 100 лет. Усердие своего друга Дамиани ставил в пример и горячо защищал бичевание против нападок другого монаха Петра, который оказался достаточно разумным и мужественным, чтобы осудить это ужасное установление.

Если мы будем судить об этих жертвах своих заблуждений, которые производят на нас такое отталкивающее впечатление, независимо от их мрачной эпохи, мы не найдем в них ничего, кроме какой-то жалкой карикатуры; но в связи с этой эпохой они так же полны трагизма, как и все другие жертвы, которые в каждую эпоху, но в разных видах, человечество должно было приносить ради своего нравственного освобождения.

Если бы Дамиани не имел никаких других заслуг, кроме ревностной защиты системы бичевания, она, конечно, не обеспечила бы ему известности. Но Дамиани был не только аскетом. Тогда как Ромуальд был человеком невежественным, Дамиани был образован, вел переписку со всеми выдающимися людьми своего времени и влиял своими посланиями на людей, как высокопоставленных, так и низкого положения. Если Гильдебранд был головой церкви своего времени, одаренной государственным умом, то Дамиани был сердцем этой церкви, в котором жило деятельное чувство. Дамиани не обладал сильным умом; как монах, он отличался большой простотой, и воображение его было загромождено мистическими образами. Но все это и давало ему власть над народными массами. Человеку с такими талантами, глубоко проникнутому религиозным энтузиазмом, нельзя было оставаться затворником, и Стефан IX принудил его переселиться в Рим. Отшельник не мирился с жизнью среди кардиналов и знати. Как ни невежественно было тогда в общем так же и высшее духовенство, со времени Льва IX в Риме все-таки можно было указать между кардиналами несколько человек, выдававшихся и своим образованием, и умом. Сношения со всем миром и великая задача, которую преследовала церковь, придавали тогда этим кардиналам почти такое же значение, какое имели государи. Когда я нахожусь среди этих епископов, жалуется Дамиани, они донимают меня шутками и остротами, приправленными аттической солью, всякого рода тонкостями городского обхождения и тысячью вопросов; все это делает из нас, пастырей, каких-то краснобаев и гаеров. Если в таких случаях я делаю вид, что не понимаю или возмущаюсь, меня называют нелюбезным, фанатиком, гирканским тигром, каменной статуей. Строгий монах имел достаточно оснований жаловаться на кардиналов, которые с соколом на руке охотились в Кампаньи, увлекались, как солдаты, игрой в кости и высмеивали сурового отшельника, когда он запрещал им даже невинную игру в шахматы. Последовав приглашению перейти в Остию и в Рим, Дамиани стал служить церкви в качестве нунция, миротворца, посредника между партиями, апостола безбрачия и народного оратора.

Кроме Дамиани, были еще другие люди, с умом сильным и с направлением более практическим, которых Стефан IX призвал к себе или уже нашел в Риме. Кардинал-епископ Сильвы Кандиды, бургундец Гумберт; кардинал церкви Св. Хризогона, клюнийский монах Стефан; епископ луккский Ансельм ди Бададжио; аббат Монте-Касино, кардинал церкви Св. Цецилии, Дезидерий и наконец Гильдебранд — таковы были люди того времени, давшие церкви более или менее сильный толчок к движению. Уже с давних времен Рим не сосредоточивал в себе такого значительного числа выдающихся кардиналов; эта коллегия советников папы шла навстречу новой, блестящей эпохе. Светский Рим остался тем же, чем он был и раньше; но церковный Рим изменился до неузнаваемости. И папа, и окружавшие его лица были замечательными людьми; все они были чужеземцами и принадлежали раньше к орденам клюнийскому и св. Бенедикта. Могла ли римская церковь погибнуть так же, как какое-нибудь древнее светское государство, когда она, не будучи связана с истощенной почвой Рима, всегда стремилась к обновлению и ради этого привлекала к себе свежие силы всех стран?

3. Планы Стефана IX и его смерть. — Бенедикт X. — Николай II. — Гильдебранд получает помощь от норманнов. — Новый избирательный декрет. — Успехи норманнов. — Они присягают папе как вассалы. — Падение Бенедикта X

Отдавая свои силы реформе церкви, Стефан IX в то же время имел в виду осуществить смелые светские планы. Упразднить в Италии германскую королевскую власть, учредить под управлением Готфрида независимое итальянское государство и расширить границы церковных владений — таков был замысел Стефана. Его государственнй ум сказан явнo в надписи «Felix Roma», приведенной на одной из его булл; через долгий период времени папа снова украсил древний Рим эпитетом, который был дан городу в последний раз готом Теодорихом. Стефан питал к норманнам ненависть, так как ему пришлось вместе со Львом IX испытать несчастье, постигшее этого папу при Чивита; рассчитывая на помощь своего брата, Стефан надеялся отомстить норманнам и затем подчинить Южную Италию церкви, заявлявшей притязание на это обладание. Собственных средств у Стефана, однако, было; поэтому он потребовал, чтобы аббатство Монте-Касино вернуло ему подарки, которые он, получив некогда от императора Константина, привез с собой из Византии и оставил в этом аббатстве; помимо этого он настаивал так же на том, чтобы аббатство Монте-Касино отдало в его распоряжение и свои сокровища. Огорченные монахи привезли в Рим серебро и золото, но папа тогда снова возвратил аббатству его сокровища. Большое напряжение сил пресекло жизнь этого папы, увлеченного широкими планами; он решил ехать во Флоренцию к своему брату, но прежде чем уехать, он взял слово с римлян на случай своей смерти, что они не приступят к выборам раньше, чем вернется из Германии Гильдебранд. Едва успев прибыть во Флоренцию, Стефан IX умер 29 марта 1058 г. Если бы этот человек, обладавший сильным характером, пробыл на папском престоле более продолжительное время, судьба Италии благодаря ему и его брату оказалась бы, вероятно, несколько иной. Со смертью Стефана IX закончился начатый Климентом II ряд пяти пап германского происхождения, занимавших престол св. Петра.

Смерть Стефана IX немедленно же дала возможность знати, как городской, так и территориальной, снова выдвинуть вперед свои интересы. Тускуланская партия решила воспользоваться удобным случаем и захватить в свои руки патрициат и избрание папы; к ней присоединились даже Кресцентии, а затем и все те, кто был недоволен строгостью реформ, вводимых чужеземными папами, т. е. все женатое и повинное в симонии духовенство, враждебное Гильдебранду. Главой тускуланской партии в то время еще был Григорий, сын Альберика и брат Бенедикта IX; к нему примкнули сын Райнера Герард, граф галерийский, сыновья Кресцентия, графа Монтичелли Тиволийского, и много других знатных римлян. Они ворвались в Рим ночью и 5 апреля самовольно возвели на папский престол под именем Бенедикта X Иоанна Минция, кардинала епископа Веллетри. Утратив всякое влияние и предав восставших анафеме, кардиналы с Петром Дамиани во главе искали спасения в бегстве; Рим огласился бряцанием оружия нападавших, и затем народ, для подкупа которого не были пощажены даже сокровища базилики Св. Петра, признал папу, избранного снова тускуланской знатью.

Таким образом, трудная работа многих соборов была неожиданно разрушена: патрицианская власть перешла снова в руки вассалов — владельцев Кампани, и в течение 1058 г. Бенедикт X оставался папой и занимал Латеран. Против такого порядка Готфрид ничем не заявил своего протеста; но императрица Агнеса в апреле отправила во Флоренцию Гильдебранда как своего уполномоченного, и между ним, Готфридом и Беатрисой на соборе в Сиене состоялось соглашение, в силу которого

папой был избран 18 декабря флорентинский епископ Гергард. Стечение обстоятельств принудило партию духовенства временно стать на сторону германского регентства, и даже римская знать — именно та, которая была враждебна тускуланской партии, — отправила в Германию посольство с заявлением, что римляне всегда будут верны присяге, данной ими некогда Генриху III. Тогда императрица поручила Готфриду проводить избранного папу в Рим; маркграф собрал войско, но, как и при Генрихе III, сначала был созван собор в Сутри.

Сопровождаемый канцлером Вибертом, имперским наместником в Италии со времени смерти Виктора II, герцог проследовал в Сутри; здесь в конце года Бенедикт был объявлен низложенным, а Гергард с соблюдением всех формальностей избран папой. После того герцог направился в Рим, где властители Кампании решили защищать своего папу оружием. Гильдебранду удалось, однако, часть римлян и даже некоторых из самых восставших привлечь на свою сторону подкупом; таким образом раньше, чем войско Готфрида подошло к Риму, в нем уже началась яростная битва враждебных партий. Предводительствуемые Львом де Бенедикто-Кристиано, человеком иудейского происхождения, транстевринцы отворили ворота, и Готфрид занял своими войсками Леонину и остров. Затем, пока солдаты Готфрида брали приступом Латеран, Гильдебранд собственной властью устранил от должности Петра, занимавшего место префекта города, и передал эту должность знатному транстевринцу Иоанну Тиниозу. Тогда Бенедикт X бежал в замок Пассарано, занятый Регетеллом, сыном префекта Кресцентия, и оттуда спустя некоторое время к графу галерийскому.

После этого 24 января 1059 г. бургундец Гергард, епископ флорентинский, был беспрепятственно под именем Николая II возведен на папский престол. Тогда Гильдебранд поспешил в Кампанию, заключил предварительный договор с норманнами и привел с собою в Рим 300 норманнских рыцарей. Соединившись с папскими солдатами, эти норманны осадили антипапу в Галерии, но вскоре должны были снять осаду и возобновили ее уже позднее с более значительными силами.

Внезапное поражение, нанесенное городской знатью системе, которую проводила партия реформы, удвоило энергию этой партии, руководимой Гильдебрандом, отныне получившим значение всемогущего министра в Риме. В настоящее время предстояло сделать избрание папы независимым от влияния римской знати и, если возможно, так же от влияния германской короны. С этой целью Николай II созвал (в апреле 1059 г.) свой первый собор из епископов, почти одних итальянцев; на этом соборе был низложен ставленник знати Бенедикт X, снова были осуждены браки духовенства и симонии и наконец был издан новый закон о порядке избрания папы.

Этим знаменитым декретом, автором которого был Гильдебранд, коллегия римских кардиналов возводилась на степень церковного сената, из среды которого с течением времени только и могли быть избираемы папы. Декретом устанавливалось, что папа избирается собственно римскими кардиналами соответственно тому положению, которое они занимают, как епископы городской территории, как пресвитеры и диаконы римских церквей-титулов, а духовенство и народ только присоединяются к этому избранию.

Таким образом, в то время как городская знать предъявляла претензию представлять собою по-прежнему римский сенат, папа противопоставил консулам и сенаторам коллегия кардиналов, и уже Дамиани со времени этого избирательного декрета приравнивал семь кардиналов-епископов Латерана к древнеримскому сенату. Охваченная монархическим духом церковь все более и более принимала форму политического организованного установления. Новый избирательный декрет, правда, еще не исключал окончательно трех древних избирательных классов (*clerus, ordo, populus*), но последующее за выборами согласие этих классов стало с той поры

уже только одной традиционной формальностью. Народ был устранен от выборов, древнее демократическое начало в общине было упразднено, и назначение верховного епископа обратилось в привилегию небольшого числа аристократов-священников, живших в Риме. Затем, чтобы оградить избрание папы от революционных движений в Риме, было установлено, что это избрание не должно происходить непременно в Риме, что папа может избираться, с соблюдением канонических правил, даже меньшим числом кардиналов во всяком другом месте. Далее, избираемый мог так же не принадлежать к римской церкви.

Патрицианские права германской короны на ущемление, которых канцлер не мог дать своего согласия, тогда еще не могли быть окончательно упразднены; тем не менее они были очень искусно ограничены и сведены к оказанию почета личного свойства. В неясных выражениях было сказано, что избрание папы производится кардиналами «без нарушения» должного и благоговейного почтения к нашему возлюбленному сыну Генриху, нынешнему королю и — да будет на то воля Господня — будущему императору, равно как и ко всем тем его преемникам, за которыми это право будет признано папским престолом.

С течением времени круг избирателей шаг за шагом стал все более суживаться, и избрание верховного христианского епископа перешло наконец в руки немногих придворных епископов и священников; в то время они еще не носили пурпура, но постепенно, как равные папе, стали делить с ним его светскую власть и еще более гордые, чем древние сенаторы, предьявляли притязания на положение государей по рождению. Из всех превращений, которым подвергалась церковь, ни одно, может быть, не удаляло ее так далеко от евангельского определения, как строй этой коллегии. Естественный порядок говорит в пользу общего избирательного права; но практическое применение оно находит только или в первобытном состоянии, или тогда, когда образование получило общее распространение; в действительности выбирает и властвует всегда только небольшое число сильных или мудрых. Достойный патриций или император вроде Генриха III мог избирать и хороших пап; этой возможности не была лишена так же и мудрая избирательная коллегия, составленная из аристократов; словом, избирательный закон Николая II не ограждал церковь от дурных пап; но по отношению к независимости папства он имел огромное значение. Самый важный акт в муниципальной истории Рима этим законом был навсегда изъят из ведения римского народа и очень скоро затем из императорской власти. При жизни Генриха III ни один папа не решился бы сделать этот шаг; но кардиналы с большим искусством, чем патриции и сенаторы всех римлян, обращали в свою пользу каждое ослабление германской империи, и изумительная система иерархии вскоре уподобилась гигантской крепости, обнесенной множеством концентрических, окружавших друг друга стен.

Николай и Гильдебранд, вероятно, действовали бы с большей осторожностью, если бы не были уже обеспечены помощью своих союзников. В то время положение римской церкви, предвидевшей, что ей предстоит борьба с германским королевством на жизнь и на смерть, было такое же, в каком она находилась в эпоху иконоборства по отношению к Византии. Ища некогда защиты от лангобардов и экзархов, церковь признала королями Пипина и Карла, людей случайного происхождения и узурпаторов, призвала их в Италию и провозгласила защитниками Св. престола. Теперь в виду опасностей, которыми грозили церкви германские патриции и римская знать, папы возложили свои надежды на тех самых норманнов, с которых еще не было снято отлучение от церкви. Дальновидный Гильдебранд понял, что эта энергичная раса положит в Италии начало новой династии, которая, будучи условно признана, может принести двоякую пользу: как вассальное государство церкви и как ее защита от города Рима и германской империи.

Со времени своей победы над Львом IX норманны успели сделать много приобретений; под их властью находились почти вся Апулия и Калабрия. Со смертью Стефана IX его план изгнания норманнов из Италии был оставлен, а смута, царившая в папстве, благоприятствовала замыслам смелого Роберта Гюискара. Начав свою деятельность придорожным разбойником, Роберт Гюискар с 1056 г. стал управлять норманнской солдатской республикой в Апулии в звании графа как преемник своего брата Гумфреда, сыновей которого он вероломно прогнал. Бессилие византийского императора, слабость Германии во время регентства, нужды папства и самих норманнов — таковы были обстоятельства, которыми было вызвано основание нового государства. В 1058 г. Ричард Аверсский отнял знаменитую Капуя у Ландульфа V, последнего лангобардского государя этого города. Вскоре затем Роберт Гюискар покорил крепкую Троию. Николай II заявил, однако, на нее свои притязания и отлучил Роберта от церкви как грабителя церковного имущества. Имея возможность защищать свои владения оружием только в редких случаях, папы уже с IX века успешно пользовались неистощимым латеранским арсеналом папских отлучений и, ничуть не смущаясь, превращали духовное возмездие, которым должны были быть караемы только нравственные проступки, в орудие своей земной политики. Если отлучение от церкви охраняло патримонии от нападений не всегда так же успешно, как появление херувима с огненным мечом, тем не менее это отлучение смущало нападавших на церковные владения, производя на умы людей того времени почти такое же потрясающее впечатление, как и солнечное затмение. Властолюбивый завоеватель опасался, может быть, не столько за спасение своей души, сколько за спокойствие покоренных им и недовольных его игом провинций, в которых папа легко мог посеять смуту, лишив именем Господним этого завоевателя, как разбойника, покровительства законов. Помимо того, завоевания Роберта были настолько обширны, что составляли целое государство; по верованиям же того времени, государство, как таковое, должно было быть признано папой, ибо только тогда оно приобретало значение вполне законного и священного установления. И обе стороны, искавшие друг у друга поддержки, сблизились. В 1059 г. Николай созвал собор в Мельфи, и здесь перед папой предстали победители в сражении при Чивита Ричард Аверсский и Роберт Гюискар, и тот, и другой смелые, не знавшие совести, обогранные кровью предводители банд, великие грабители, которых не смущали церковные отлучения, герои, никем еще не побежденные. Таким образом, все завоевания, сделанные норманнами, были признаны, за исключением Беневента, состоящими в их владении, как лены Святого престола. Права ограбленных государей были так же мало приняты во внимание, как и верховная власть германской империи. На глазах у людей одна легитимная власть устранилась и на смену ей ставилась другая, основанная на грабеже. Такая власть во все времена по необходимости должна была быть подчиняема личным интересам и служить им; точно так же и церковное государство возникло лишь вследствие того, что Пипины нарушили права Меровингов, а папы — права византийцев. Нам может казаться изумительной только уверенность, с которой папа отдавал чужеземцам, как свою собственность, не принадлежавшие ему провинции и даже вперед утверждал за этими чужеземцами те земли, которые еще надо было покорить. Ричард был признан государем Капуи, Гюискар — графом и герцогом Апулии и Калабрии; ему же была обещана и Сицилия на случай, если он отнимет ее у арабов и греков. Как вассалы норманны принесли присягу папе и обязались ежегодно уплачивать дань; они поклялись, что будут охранять владения церкви и поддерживать pontификат тех пап, которые будут избраны по каноническим установлениям лучшими кардиналами. Таким образом, из-

бирательный декрет Николая II был поставлен под вооруженную защиту норманнов и признан прежде всего их новыми государями.

В силу договора в Мельфи Николай и Гильдебранд привели с собой в Рим отряд норманнов. Графы тускуланские, пренестские и сабинские были немедленно усмирены, а антипапа был во второй раз подвергнут осаде в Галерии. Этот замок, находившийся в 15 милях от Рима, возле *via Clodia*, у реки Арроне, в диоцезе Сильва Кандида, был раньше *domus culta* папы Захарии и находился во власти графов с XI века как их наследственное достояние. Граф Герард, защищавший в этом замке Бенедикта X, был одним из самых могущественных маленьких тиранов в римской Тусции, стоял во главе партии, враждебной Гильдебранду, и был отлучен от церкви несколькими папами, в том числе так же и Николаем. Гергард сначала мужественно защищался в своем замке, но затем, после нескольких штурмов, принужден был выдать антипапу. Стоя на стене, Бенедикт X вступил в переговоры; тридцать римских вельмож поручились ему за его личную безопасность, и тогда он направился в Рим, где поселился в доме своей матери возле *S. - Maria Maggiore*. Собор, на котором Гильдебранд, чтобы свергнуть Бенедикта, пустил в ход свое искусство действовать интригами, снова низложил Бенедикта, лишил его священнического сана и осудил на пожизненное заключение в монастыре Св. Агнесы возле Рима.

4. Негодование, вызванное в римлянах избирательным декретом. — Смерть Николая II, 1061 г. — Римляне и ломбардцы просят короля Генриха избрать папу. — Милан. — Патария. — Котта и Ариальд. — Приверженцы Гильдебранда избирают папой Ансельма Луккского. — Германский двор назначает папой Кадала Пармского

Таким образом, расколу был положен конец, и сопротивление знати было сломлено. Отныне Риму грозил норманнский меч, находившийся невдалеке от него. Как только такое положение вещей было понято римской знатью, она, не колеблясь, перешла на сторону германского двора, раздраженного и избирательным декретом, и самовольной отдачей норманнам земель в ленное владение. Казалось, права германской короны и права города Рима были одинаково нарушены. Интересы обеих сторон слились в общей борьбе с новым папством, и с той поры Рим на целые века разделился на партию императорскую и партию папскую. Гильдебранд собрал под своим знаменем всех приверженцев реформы, но партия противников ее была многочисленнее. К этой партии принадлежали графы Тускула и Галерии, графы Сеньи и Чеккано, потомки Кресцентиев, прежних врагов Тускуланских графов, почти все капитаны Тусции и Лациума, городская знать, предводительствуемая буйным Ченцием, сыном префекта Стефана, и наконец отчасти само духовенство, во главе которого стал кардинал церкви Св. Климента Гуго Кандид, эльзасец по рождению. Сближение с Германией и возникший вскоре после того великий раскол в церкви дали возможность римской знати иметь временно перевес; многие из римских вельмож были германского происхождения и потому держали сторону императора; другие, хотя и были латинского происхождения, но боролись с господством папы над городом Римом не менее горячо. Затем папы в их борьбе с магнатами имели сравнительно мало шансов на успех еще потому, что сами они, по своему происхождению, уже давно не принадлежали к знатным римским фамилиям, не могли, следовательно, найти в них никакой опоры и были таким образом вынуждены для подчинения города своей власти прибегнуть к содействию ненавистных чужеземцев-норманнов.

27 июля 1061 г. Николай II умер во Флоренции, и катастрофа стала неизбежной. Враги реформы, тесно сплотившись, решили отомстить норманнам за их поход, во время которого было разрушено несколько замков, принадлежащих знати, далее отменить избирательный декрет и восстановить патрициат. Графы Кампаны и городские магнаты, Ченчий со своими братьями, сыновья Барунция, Ченчий и Роман, Беридо и другие, кардинал Гуго и несколько епископов собрались в Риме на совещание и постановили предоставить юному королю Генриху патрициат и обычные права по отношению к избранию папы. Таким образом, политика противников нового папства была консервативной и антинациональной. Они отправили к королю знаки патрициата: зеленую хламиду, митру, перстень и диадему и, ссылаясь в то же время на избирательный декрет Николая II, ставивший необходимым условием избрания папы соучастие Генриха, приглашали его дать Риму папу. Поощряемые канцлером Вибертом, многие ломбардские епископы и послы Милана так же присоединились к римлянам и уговаривали императрицу не поступаться коронными правами своего сына. Заветное желание этих епископов заключалось в том, чтобы папа происходил из Ломбардии, этого, по их словам, рая Италии, и был решительным противником безбрачия духовенства.

Волнения, вызванные реформой, нигде не достигали таких размеров, как в Милане. Этот богатый торговый город своим пышным блеском превосходил тогда все другие города, а в политическом отношении затмил на некоторое время даже Рим. Настоящей социальной борьбы в Риме еще не было, между тем как в Милане уже создались и сильный класс горожан, и республиканский строй. Миланские архиепископы упорно боролись с единовластием папства уже в предыдущие века и, претендуя на право короновать королей Италии, тем самым ставили себя в положение как бы соперников пап, которые возлагали на этих королей императорскую корону. Миланское духовенство было чудовищно богато и его было так же «много, как песку на берегу морском». Декреты, вводявшие реформу, вызвали особенно большое негодование именно в Милане, где церковные места покупались знатью и большинство священников имело жен. Но, с другой стороны, распушенность высшего духовенства была причиной того, что демократический класс народа, наоборот, горячо стоял за реформу; эти раздоры по вопросам церкви получили тем более острый характер, что вопросы церкви были в то же время вопросы политические и социальные.

Преемник Гериберта, Гвидон Велатский, занявший место архиепископа в 1045 г., ненавистный для партии реформистов как императорская креатура, сосредоточил вокруг себя всех приверженцев старых порядков. Партия реформы, которой было дано название *pataria*, удалось, напротив, найти своих руководителей в лице некоторых магнатов. Во главе народа стали, один за другим, братья Ландульф и Эрлембальд, происходившие из знатной фамилии Котта; наряду с ними как проповедник выступил так же фанатик диакон Ариальд. Эти люди завязали с Гильдебрандом самые тесные отношения; таким образом, Милан так же, как Рим, распался на две партии, из которых одна держала сторону императора и мирилась с беззаконием, царившим в церкви, другая — была на стороне папы и настойчиво требовала самой строгой реформы. Правда, вначале, когда Николай II в 1059 г. послал в Милан легатом Дамиани и епископа Луккского Ансельма *di Badagio*, миланца по рождению, архиепископ Гвидон принужден был покориться соборным постановлениям, но примирение это оказалось непрочным; между партиями снова произошел раздор, и со смертью Николая II как в Риме, так и в Милане наступила смута. Таким образом, к римлянам, желавшим избрать папой человека, враждебного Гильдебранду, примкнула императорская партия в Ломбардии. Со своей стороны римские приверженцы реформы послали к германскому

двору кардинала Стефана; он, однако, не был принят при дворе и вернулся в Рим, не достигнув никаких результатов. Тогда Гильдебранд смело решил порвать все связи с германским двором и 1 октября 1061 г. созвал кардиналов, которыми, согласно новому избирательному закону, был избран в папы Ансельм, епископ Луккский. Этот энергичный прелат, хотя и был одним из учредителей папации, тем не менее сохранял с германским двором свои старые хорошие отношения; поэтому Гильдебранд мог надеяться, что ему удастся при посредстве луккского епископа прийти к какому-нибудь благоприятному соглашению с двором. Избрание Ансельма не противоречило бы декрету Николая, если бы затем было получено от короля согласие на это избрание; но такого согласия не было дано, и потому действия Гильдебранда получили значение открытого возмущения против королевской власти. Продолжительный раскол церкви и кровавые гражданские войны неизбежно должны были последовать за этим смелым шагом.

Ансельм луккский был возведен на папский престол под именем Александра II при помощи войска Ричарда Капуанского. Аббат Дезидерий убедил этого государя проводить нового папу в Рим, где Гильдебранда поддерживали некоторые магнаты, как то: Лев де Бенедикто, Ченчий Франджипане и Иоанн Бразут. Проникнуть в Латеран Ансельму, однако, удалось только ночью, окольным путем и после серьезной битвы с сторонниками императора.

В то время как Ричард находился в Риме, хозяйничая в нем как настоящий норманн, и снимал головы то одному, то другому графу или консулу из враждебной партии, в городе было получено известие об избрании в Германии папы. Германские епископы и некоторые из лангобардов, руководимые Вибертом, собрались в Базеле, и здесь римские послы, во главе которых стояли Герард Галерийский и Ченчий, объявили десятилетнего короля Генриха патрицием. Затем, признав декрет Николая II и избрание Александра II незаконными и отменив их, собор совместно с римскими делегатами 28 октября избрал папой веронца Кадала, епископа пармского. Избрание этого прелата было ошибкой; человек выдающегося ума, сильного характера и строго нравственный, легко мог бы стать преградой планам Гильдебранда; но слабый Кадал не удовлетворял этим требованиям.

Таким образом, снова было двое враждебных друг другу пап, один в Риме, другой по ту сторону Альп, готовый перейти их и с помощью оружия изгнать своего противника из Латерана. И редко доводилось миру ждать с такой тревогой зрелища, подобного предстоявшей борьбе, в которой противными сторонами были уже не партии, поддерживавшие того и другого папу, а две мировые силы: римская церковь и германская империя.

ГЛАВА IV

1. Александр II. — Кадал вступает в Италию. — Бенцо приезжает в Рим послом регентши. — Совещания в цирке и на Капитолии. — Кадал овладевает Леониной. — Он отступает к Тускулу. — Готфрид Тосканский объявляет перемирие. — Переворот в Германии. — Александр II провозглашается законным папой (1062 г.). — Вступление его в Рим

Еще раньше, чем Кадал предпринял путешествие в Рим, Гильдебранд прилагал все старания к тому, чтобы найти себе приверженцев, и с этой целью вступил в переговоры с Готфридом Тосканским, ломбардскими магнатами и норманнами. Сла-

бый характером и лишенный собственной инициативы, Александр II вполне пологился на своего архидиакона и немедленно возвел его в сан канцлера. Направляемый Гильдебрандом, Дамиани так же деятельно боролся за дело Рима своими посланиями. Кадал, однако, не обратил внимания на пламенную филиппику отшельника, который заклинал его отказаться от достигнутого им узурпацией сана папы и предсказывал ему — как оказалось, ошибочно — смерть до истечения года. Одаренный некоторым умом царедворец и бывший имперский канцлер Генриха III, епископ пармский не видел причин признать обвинения Дамиани справедливыми и, наоборот, находил достаточно оснований считать узурпатором своего противника. Своими личными достоинствами Кадал не выделялся настолько, чтобы внушать какие-либо опасения Гильдебранду, но он был не менее богат, чем иной владетельный князь, и надеялся с помощью золотого ключа проложить себе дорогу к престолу св. Петра так же легко, как и отворить ворота продажного Рима. Собрав войска, Кадал весной 1062 г. вступил в Италию. Императорская партия встретила его с почетом и сопровождала от города до города; Беатриса Тосканская тщетно старалась задержать это движение. Достигнув Пармы, Кадал остался здесь на некоторое время, чтобы прежде чем идти на Рим, усилить приведенное из Германии войско своими вассалами и присоединить к нему так же римлян, восставших против Гильдебранда.

Кадала сопровождал в качестве посла императрицы к римлянам Бенцо, епископ Альбы в Пьемонте. Яростный враг Гильдебранда и возведенных им на престол пап, Бенцо не без успеха орудием борьбы со своими противниками сатиру и в этой борьбе не останавливался ни перед клеветой, ни перед ложью; его личные нападки, смелые, остроумные и талантливые, могли тем более производить впечатление на итальянцев, что он сулил золотые горы тому, кто примет сторону Кадала. Создав ему партию сначала в Тоскане, Бенцо направился затем к римлянам, чтобы убедить их отречься от папы, незаконно занимающего Святой престол. Стронники германского двора встретили энергичного посла у ворот Св. Панкратия и с ликованием проводили его на Капитолий, где он разместился во дворце Октавиана. Тщеславный епископ чувствовал себя здесь послом как бы древнего императора; Бенцо казалось, что невежественные римские консулы и дворцовые чиновники в их высоких белых митрах были *patres conscripti*, а сам он ни более ни менее как Цицерон, который держит речь к римлянам на развалинах Капитолия. Совещание с магнатами происходило в каком-то разрушенном цирке или гипподроме. *Circus Maximus* (упоминания о нем мы несколько раз встречаем в документах) оставался заброшенным уже в течение пяти столетий, с той поры, как король готов в последний раз устроил в нем ристалища. Оба обелиска были опрокинуты и лежали на земле; триумфальные арки стояли в развалинах; на арене, как в наши дни, росла сорная трава. Но ряды скамей Цирка все еще могли служить местом для собраний. И этот древний театр, в котором устраивались самые пышные римские игры, снова ожил в 1062 г.: в том самом помещении, где некогда между партиями зеленых и синих происходили распри из-за возниц, собралась вооруженная толпа их невежественных потомков, готовая с меньшим фанатизмом вступить в борьбу из-за своих пап. То обстоятельство, что для совещания было избрано место, не представлявшее ничего священного, является знаменательным для Рима того времени и свидетельствует, что городские элементы тогда выступили вперед, будучи вообще вызваны к более сильной оппозиции возникновением в среде духовенства сената и монархических планов папства. Бенцо искусно придал совещанию характер римского народного собрания, так что папа Александр был вынужден явиться на собрание лично; уже одно это было победой светской партии. Когда окруженный кардиналами и своими

вооруженными сторонниками, Александр появился на гипподроме, толпа встретила его с шумным негодованием, и затем ликующий Бенцо обратился к нему с громовой речью. Назвав Александра вероломным изменником германскому двору, которому он между тем был обязан епископством лукским, и далее самозванцем, ворвавшимся в Рим с помощью норманнского оружия, Бенцо именем короля потребовал от Александра, чтобы он оставил престол св. Петра и пал к ногам Генриха с мольбою о прощении. Речь Бенцо вызвала бурные одобрения толпы; когда же Александр ответил, что он подчинился избранию, сохраняя верность королю, и что отправит к нему посольство, раздалась дикое негодующие вопли. После того Александр и его партия покинули собрание, а Бенцо, сопровождаемый своими сторонниками, вернулся во дворец Октавиана.

На следующий день Бенцо снова созвал имперскую партию; он описывает это «заседание сената» как пышное собрание и приводит речи некоторых из присутствовавших на заседании *patres*. Они занимали места соответственно своему рангу. Первое принадлежало Николаю, магистру двора, знатному и богатому римлянину, потомку древних Требадиев, по крайней мере, так думал он сам; затем следовал председатель судей Саксо де Гельпица; далее Иоанн, сын Берарда; Петр де Виа, Булчамин и его брат, Бернард де-Чиза, Геннарий, Ченчий Франколини, Бонифилий и другие магнаты-сенаторы. Магистр Николай изложил, каким способом Гильдебранд возвел Ансельма в сан папы; затем от Капитолия было отправлено к Кадалу посольство, которое должно было предложить ему немедленно же занять папский престол. Сам Бенцо остался в Риме, чтобы не утратить влияния на римлян, которые, по его словам, были более изменчивы, чем «Протей».

Тогда Кадал, или Гонорий II, сопровождаемый своим соотечественником, канцлером Вибертом, которым, как главой имперской партии, он и был собственно возведен в сан папы, выступил из Пармы и через Болонью 25 марта прибыл в Сутри; здесь его встретили Бенцо, многие римские нобили и графы галерийские. Отсюда они направились к Риму и, достигнув его, расположились лагерем на *monte Mario*. Когда переговоры, которые вел уполномоченный Александра, Лев де-Бенедикто, не привели ни к каким результатам, приверженцы Гильдебранда напали на своих противников; битва была жестокой и кровавой; Кадалу удалось одержать победу, и 14 апреля он проник в Леонину. На Нероновом поле лежали сотни убитых; много римлян потонуло в реке; в городе раздавались стенания, а победители ликовали, поздравляя себя с победой, какой Рим не видел со времен Эвандера. Дамини, вскоре затем отправивший к Кадалу негодующее послание, так же вспоминает о гражданских войнах эпохи Цезаря и Помпея и, далее, ставит в пример милосердие Тотилы, который дал пощаду гражданам, когда овладел Римом; таким образом, имя короля было почтено, когда о забытых деяниях этого короля можно было прочесть только в книге пап.

Не имея сил проникнуть в Рим ни через мост Адриана, ни через Транстеверин и не решаясь так же остаться в Леонине, Кадал вернулся затем в свой лагерь на Нероновом поле. Через пять дней после того было получено известие, что Готфрид выступил в поход. Встревоженный этой вестью Кадал покинул тогда Нероново поле, переправился через Тибр у замка *Flajanium*, усилил свое войско отрядом в 1000 человек, предводительствуемых сыновьями графа Бурелла из Кампании, соединился так же с графами Тускуланскими и стал лагерем у Тускула. Владельцем последнего в то время был один из сыновей или племянников Альберика, имена которых были: Григорий, Октавиан или Петр и Птолемей. Эти нобили полагали, что законные права на Рим все еще сохраняются за ними, и потому не переставали считать себя консулами и сенаторами римлян.

Здесь надежды Гонория II были поддержаны еще послами греческого императора, который признал его папой и горячо желал воспользоваться римским расколом для того, чтобы с помощью противников Александра прогнать из Апулии его союзников норманнов. Еще раньше Константин Дукас через Панталео, префекта Амальфи, вел переговоры с римлянами и Бенцо, убеждая их и германское регентство выступить общими силами в поход против норманнов. Теперь Константин возобновил свое предложение; оно, однако, не имело успеха, так как появление Готфрида внезапно изменило все положение дел.

Если бы муж Беатрисы был гениальным человеком, он, пользуясь обстоятельствами того времени, овладел бы патрициатом и положил бы начало итальянскому королевству; но Готфрид ограничился ролью могущественного посредника, объявив, что вводит пап в Рим приличествует именно ему. Он подошел к Мильвийскому мосту и потребовал, чтобы противники заключили перемирие. После этого близ Тускула он продиктовал договор, в силу которого оба папы должны были вернуться в свои епископства, а Готфрид — отправиться к германскому двору, которому, по договору, предстояло решить спор. Кадал с радостью отдал большие деньги за это посредничество и за возможность вернуться в Парму; точно так же покорно направился в Лукку и Александр.

Уезжая, Готфрид оставил в Риме гарнизон; но партия Кадала удержала за собой крепость близ церкви Св. Павла и Леонину; замок св. Ангела был в руках Ченция, сына Стефана. Обе партии старались найти для себя поддержку в германском дворе; туда поехал Готфрид, туда же отправил свое оправдательное послание кардинал Дамиани. Утомленный жизнью в Риме, этот святой человек сложил с себя сан остийского епископа и удалился в Фонте-Авеллану. В делах церкви он, однако, не переставал принимать участие и после удаления своего из Рима еще несколько раз был легатом. Когда Готфрид вступил в переговоры с отлученным от церкви Кадалом, Дамиани послал Готфриду гневное письмо; в защиту же интересов римской церкви написал послание, имевшее форму диалога.

Тем временем благодаря неожиданным событиям в Германии, возникшим без участия Гильдебранда, положение Александра II стало более благоприятным. Кельнский архиепископ Ганно, войдя в соглашение с Готфридом, заставил императрицу отказаться от регентства, силой захватил в свои руки юного Генриха и провозгласил себя регентом. Этот корыстный и лживый прелат родился на несчастье Германии и империи; ничуть не заботясь о правах короля, он немедленно признал действительным избирательный декрет Николая II и затем без особого труда достиг того, что на соборе в Аугсбурге 28 октября 1062 г. избрание Кадала было отвергнуто, а Александр II был признан законным папой. Таким образом благодаря Ганно партия Гильдебранда одержала полную победу; даже Виберт, наиболее умный сторонник имперской партии и душа ее, был устранен от должности имперского наместника в Италии и заменен Григорием, епископом Верчелли. В это же время герцогу Готфриду был дан сан имперского посла в Риме и было поручено сопровождать Александра II из Лукки обратно в Рим. В январе 1063 г. партия Гильдебранда с ликованием встречала в Риме своего папу; соединенные войска Готфрида и норманнов заняли и держали в своей власти Рим, Сабину и Кампанию; графские замки были частью осаждены, частью разрушены ими; тем не менее эти войска не были достаточно сильны для того, чтобы изгнать из Иоаннополиса и Леонины римлян — сторонников имперской власти. Таким образом, Александру II приходилось довольствоваться обладанием Рима без его пригородов и, оставаясь в Латеране, чувствовать себя в постоянной опасности.

2. Свержение Ганно в Германии. — Кадал возвращается в Рим. — Вторая гражданская война из-за папства. — Падение Кадала. — Окончательное признание папой Александра II

Германцы отказались от Кадала; но римляне по-прежнему стояли за него и настойчиво просили императрицу вернуть им их папу Гонория. Этот злополучный претендент, которому изменил сам германский двор, тратил, не жалея, свои сокровища в Парме, чтобы только набрать войско для нового похода в Рим. Кадал поддерживали многие ломбардские епископы, а реакция, которая наступала тем временем при германском дворе, сулила ему даже скорую победу. Вероломный Ганно, впавший в немилость юного короля, был устранен от власти блестящим и честолюбивым Альбертом, епископом бременским; таким образом, правление опять перешло к партии императрицы. Действуя в Риме против Ганно, Альберт объявил римлянам, что им следует спокойно выждать благоприятного времени, и затем посоветовал Кадалу овладеть папским престолом, а Бенцо — снова вести Кадала в Рим.

Таким образом, раскол возник во второй раз. С чувством негодования смотрел христианский мир на эту нескончаемую борьбу двух пап из-за тиары, борьбу, которая обгаряла Рим потоками крови и тем не менее велась настолько ничтожными силами, что в настоящее время может скорее удивлять нас, чем вызывать какое-либо сочувствие. Ричард Капуанский и Роберт Гюискар, всецело занятые южноитальянскими делами, были лишены возможности послать в Рим значительное войско; к тому же этим коварным государям подобное желание было вообще чуждо, так как не прекращавшаяся смута могла быть для них только выгодна, и они уже начинали смотреть хищными глазами на римскую Кампанию. Готфрид Тосканский следовал той же политике; точно так же невозможен был поход в Рим для охваченной раздорами Германии с ее еще юным королем. Таким образом, Кадалу приходилось полагаться только на своих вассалов и на наемников, которых он присоединил к своим римским сторонникам.

В 1063 г. Кадал подошел к Риму, и гражданская война снова разгорелась. Овладев ночью базиликой Св. Петра, Кадал разместился в замке св. Ангела под защитой Ченчия. Затем войска Кадала стали пролагать себе дорогу в Латеран. Произошла ожесточенная схватка. Александр II, «норманнский избранник», мог быть спасен только мечом норманнов, мужество которых поддерживал Гильдебранд; тем не менее после жаркой уличной битвы они были оттеснены к Целию. Кадал уже надеялся, что ему действительно удастся овладеть Латераном; но утомленные войска требовали отдыха, и только через месяц графы Кампании решились повторить нападение на папский дворец. Это нападение не имело успеха, несмотря на то, что норманны понесли большие потери вследствие засады, устроенной против них близ *Opus Praxitelis*, в термах Константина, где стояли эти оба мраморных колосса. Желая выразить свою признательность, антипапа одарил графов дорогими шубами и шелковыми одедами и щедро наградил милицию; римляне ликовали и воздавали почести Кадалу — золотому тельцу. Затем было условлено, что соседние города будут по очереди посылать в Рим гарнизоны. Со своей стороны партия Гильдебранда призвала на помощь новый отряд норманнов и даже тосканцев. Казалось, жестокой распри не будет конца. Ни в одном городе гражданские войны не велись с таким успехом, как в Риме, где каждый древний памятник являлся естественным укрепленным местом или легко мог быть обращен в настоящую крепость. Прошло уже более столетия с той поры, как магнаты и аббаты стали строить башни и превращать в них римские памятники, и, если бы нам была дана возможность

взглянуть на Рим того времени, мы увидели бы множество мрачных, укрепленных дворцов и целый лес башен, возвышающихся у всех мостов, на многих площадях и во многих улицах.

Более года продолжалась эта ужасная гражданская война, и в то же время оба папы, из-за которых она велась, — один в Латеране, другой в замке св. Ангела, — служили обедни, издавали буллы и декреты и предавали друг друга анафеме. Германские графы Кампаньи, и в их числе Rapizo di Todi, обещали Кадалу по очереди, каждый в течение месяца, исполнять обязанности капитана в Риме. Но Кадал сильно опасался, что непостоянные римляне изменят ему, и потому продолжал по-прежнему раздавать свои деньги; это дало Дамиани основание сказать о нем, что он, как Юпитер к Данае, спустился на Рим золотым дождем. Кадал, «разоритель церкви, нарушитель апостольского благочестия, враг человечества, корень греха, вестник дьявола, апостол антихриста, стрела, пущенная с лука сатаны, жезл Ассура, губитель всякой непорочности, отброс своего века, пища ада», словом, «гнусный пресмыкающийся червь» сидел в мавзолее Адриана и ради своей выгоды сеял в людях смуту; а Александр, или Азинандер, как называл его Бенцо, принимал у себя в Латеране патаров, издавал декреты против брачной жизни духовенства и разводил повсюду «крапиву и змей». Такими грубыми памфлетами обменивались друг с другом обе противные стороны.

Между тем вновь прибывший отряд норманнов осадил porta Arriana и базилику Св. Павла. Тогда Бенцо написал от имени римлян Генриху и Альберту жалостливые письма, в которых, между прочим, напоминал им о славных римских походах Оттонов, Конрада и Генриха. Апостолы Петр и Павел, писал этот оригинальный епископ, первый — крестом, второй — мечом, отняли у язычников Рим, эту твердыню Римской империи, и отдали его грекам, галлам, затем лангобардам и наконец на вечные времена германцам. Но вы, советники германской империи, не желаете сохранения за ней этого епископства и изменяете ему; вместо того, чтобы, подобно отцам вашим, держать в своей власти Италию, вы уступили ее норманнам, и у вас, германцев, сложилась такая странная молитва:

От всего хорошего, Господи, избавь нас.
 От твердыни империи избавь нас.
 От Апулии и Калабрии избавь нас.
 От Беневента и Капуи избавь нас.
 От Салерно и Амальфи избавь нас.
 От Неаполя и Герентии избавь нас.
 От прекрасной Сицилии избавь нас.
 От Корсики и Сардинии избавь нас.

Вестник, доставивший это письмо, привез в ответ одно пустое обещание, что поход в Рим будет предпринят. Затем последовали нескончаемые переговоры и посольства. Константин Дукас так же обещал прислать флот и войско. Когда же в замок св. Ангела явился Панталео Амальфийский и с ним уполномоченные от греков и лангобардов из Бари, Кадал встретил их, как посланников неба, и немедленно отправил Бенцо, который владел немецким языком, в Кведлинбург настоятельно просить юного короля поспешить походом в Рим. Бенцо съездил, но привез опять одни обещания; тем не менее он собрал римлян в базилику Св. Петра и обратился к ним с хвастливой речью. Какое значение, однако, могли иметь для римлян его льстивые уверения, что они вполне достойны своих предков, — что Сципион и Катон, Фабий и Цицерон снова живут среди них, — что король возведет их milites в сан сенаторов, а сенаторов — в сан государей? Положение Гонория II оказывалось безна-

дежным. В Германии партия Гильдебранда так же получила преобладание: Ганно удалось устранить Альберта от власти, и римляне, напрасно ожидавшие приезда Генриха, охладели наконец к папе, который наскучил им. Протомившись больше года в мавзолее Адриана и в заключение еще ограбленный своим защитником Ченцием, Кадал позорно бежал оттуда.

Одержав над своим противником полную победу и заявив еще раньше на соборе, созванном в Германии, о необходимости прекращения раскола, Ганно потребовал затем, чтобы Александр II и Гонорий II явились на собор в Мантую. Гонорий не поехал на собор, а вместо того напал на Мантую, окончившееся неудачей. Тогда (31 мая 1064 г.) он был низложен, а Александр II объявлен законным папой. После того Гонорий прожил еще несколько лет, оставаясь епископом пармским. Таким образом расколу был положен конец; сопровождаемый Готфридом, Александр II вступил в Рим, и противная партия покорилась правлению Гильдебранда.

3. Влияние Гильдебранда возрастает. — Попытки провести реформу. — Норманны. — Отпадение Ричарда и поход его на Рим. — Готфрид и папа ведут против него войско. — Новый договор. — Императрица Агнеса пристригается в Риме в монахини. — Борьба в Милане. — Эрлембальд Котта, miles sv. Петра. — Смерть Арнальда

Таким образом, цель Гильдебранда была достигнута; с признанием Александра II папой слабые попытки германского регентства удержать за собой патрициат окончились неудачей; отныне борьба с притязаниями короны на право избрания папы могла вестись уже с большим успехом. Современники сравнивают замечательного монаха с Марием, Сципионом и Цезарем и изумляются могучему духу, проявленному человеком низкого происхождения и маленького роста. Бедный Петр Дамиани, у которого идеал церкви был иной, чем у Гильдебранда, чувствовал к своему «святому сатане», Гильдебранду, какой-то благоговейный ужас. Дамиани говорит о себе, что повиновался этому человеку больше, чем Богу и апостолу Петру, и далее называет его повелителем, богом самого папы, обязанного ему своей тирарой. И церковь, в которую этот загадочный человек вдохнул новую жизнь, окончательно подпала под его власть.

Воспреещение духовенству брачного сожительства явилось для христианского мира социальным переворотом. Многочисленное духовенство с упразднением его общественно-гражданской связи отрывалось от общечеловеческой почвы и преобразовывалось в воинство, состоявшее из монахов, обязанных служить папству. Папа провозглашал анафему епископам и священникам, оказывавшим сопротивление, и мало-помалу они сдавались. Вернулся в лоно церкви из эгоистических расчетов и корыстолюбивый кардинал Гуго Кандид, не отличавшийся постоянством. Такой кипучей жизни в Латеране еще никогда не было; в папский дворец являлись послы от всего христианского мира: епископы и государи, люди, пользовавшиеся большой известностью и занимавшие высокое положение, спешили сюда, чтобы принять участие в соборах. Рим, который в эпоху Кресцентиев и Тускуланских графов перестал быть центром христианского мира, энергией Гильдебранда был снова поднят на степень всемирного города.

Римская знать теперь уже не дерзала добиваться власти; Кресцентии и графы Тускуланские были усмирены; норманны и Готфрид внушали достаточно страха, чтобы подавить всякую попытку к восстанию. Готфрид и его жена охраняли Рим

с севера; норманнские вассалы служили оплотом с юга. Последние уже успели оказать Церкви большие услуги; первое независимое избрание папы было осуществлено благодаря их вмешательству, и без их мечей Александр II не мог бы вести борьбу с Кадалом. Поэтому папы должны были бы относиться к норманнам с большой признательностью, чем та, которую они чувствовали. Возможно, что вознаграждение, полученное Ричардом Капуанским, не соответствовало тем обещаниям, которые были сделаны ему; возможно так же, что расширению его владений были поставлены преграды. Смутным временем раскола Ричард уже сумел воспользоваться, и удачи сделали его смелым. В 1066 г. он неожиданно нарушил данную им вассальную клятву и из защитника церкви превратился в ее открытого врага. Графы Кампаньи и римляне, для которых со времени падения Гонория II уже не было надежды на германское вмешательство, вступили, вероятно, в тайные переговоры с Ричардом и призвали его. Переправившись неожиданно через р. Лирис, Ричард овладел Чепрано, прошел через Лациум, опустошил его и затем, расположившись лагерем возле Рима, потребовал для себя сана патриция; нет сомнения, что этот сан был обещан ему противниками Гильдебранда. Так далеко вперед успели подвинуться норманны со времени битвы при Чивита, в течение всего лишь 13 лет!

Между тем завоевания Ричарда в Кампаньи, где он еще в 1063 г. напал врасплох на Гаэту, уже раньше встревожили германский двор, который до того тщетно предостерегали Кадал и Бенцо. Юный Генрих предпринял свой поход в Италию прежде, чем узнал о походе Ричарда на Рим. Но, достигнув Аугсбурга и не найдя здесь Готфрида, как было условлено, Генрих вернулся назад. Тем временем маркграф тосканский, считавший себя римским патрицием, был призван на помощь Гильдебрандом и поспешно направился в Рим. Вместе с Готфридом следовала его падчерица, юная графиня Матильда, и это, вероятно, был первый ее приезд в Рим и первая услуга, оказанная ею Церкви. Узнав о приближении Готфрида, норманны отступили; Ричард поспешно двинулся в Капую, а сын его, Иордан, стал лагерем в равнине близ Аквино, чтобы преградить здесь путь врагу. Когда Готфрид, сопровождаемый папой и кардиналами, в мае 1067 г. выступил с большим войском к Аквино, гибель норманнов казалась неизбежной. Тем не менее Иордан мужественно встретил неприятеля и в течение 18 дней оказывал ему сопротивление у вышесказанного города. Войско Готфрида страдало от голода и лихорадки, а затем золото помогло умным норманнам выйти из их трудного положения. Корыстный маркграф охотно изменил надеждам, которые возлагала на него римская курия; он вступил в переговоры с Иорданом у моста S.-Angelo di Todici близ Аквино и затем, к великому огорчению папы, двинулся со своим войском в обратный путь. Без сомнения, права Церкви на Кампанью были при этом восстановлены, и норманны, как вассалы, были принуждены снова заключить договор; но Рим остался все-таки необеспеченным от повторения разбойнических набегов этих плохих соседей.

Затем, когда эта гроза прошла, Гильдебранд мог снова без помехи следовать своим планам. В том же 1067 г. его честолюбие было удовлетворено появлением в Риме императрицы Агнесы в виде кающейся паломницы. Беседы с клонийскими монахами нарушили душевный покой матери Генриха, виновницы раскола в христианском мире. Борьба партий из-за регентства и утрата влияния на разнузданного сына сделали жизнь для Агнесы невыносимой, и она решила сменить свою корону на монашеский убор. Одетая в холщовое платье, с молитвенником в руках императрица вступила в Рим, сидя на дрянной лошади, и пала ниц у гроба апостола, обливаясь слезами. Некогда царица Савская, говорил ликуя Дамиани, перед которым Аг-

неса кааясь в своих грехах, посетила Иерусалим, желая научиться премудрости Соломона; ныне императрица Агнеса явилась в Рим познать величие душевной простоты рыбака. Благочестивый кардинал, ободря государыню утешениями, соправленными в духе Иеронима, написал ей несколько посланий, сохранившихся до настоящего времени. В этих посланиях Дамиани воспроизводит перед Агнесой трагические образы римских императоров, которые своей преходящей властью и ужасной кончиной как бы свидетельствуют о непостоянстве всякого земного величия, и затем напоминает ей ее собственного мужа, который сошел в могилу, будучи еще в цвете лет. Пребывание императрицы Агнесы в Риме было, однако, торжеством не только для благочестивых людей; для Гильдебранда бывшая регентша могла служить так же политическим орудием воздействия на Генриха и Германию.

В это же время в Милане снова и сильно разгорелась борьба из-за реформы. Два смелых человека поддерживали здесь партию Гильдебранда; диакон Ариальд стоял, правда, только за проведение реформы, но брат Ландульф преследовал так же и политические цели. Мужественный Эрлембальд Котта, по силе характера один из самых выдающихся людей своего времени, чувствовал непримиримую ненависть к изнеженным священникам, опозорившим его брачное ложе. Совершив паломничество в Иерусалим, Эрлембальд сначала хотел принять монашеский сан, но затем по настоятельной просьбе Ариальда решил, подобно Иуде Маккавею, послужить Церкви с оружием в руках. По смерти своего брата Ландульфа Эрлембальд заступил на его место; когда же нобили свергли Ландо де-Курте, миланский народ, которым, по-видимому, в то время был установлен демократический строй, провозгласил Эрлембальда капитаном. Тогда он объявил себя синьором города и, удерживая его под своей властью несколько лет, продолжал вести героическую борьбу с архиепископом Гвидо, со знатью и духовенством.

Будучи в дружеских отношениях с Александром II, который был так же миланцем, Эрлембальд и Ариальд постоянно ездили в Рим для того, чтобы условиться об общем плане действий. Папа поддерживал тираническое правление честолюбивого капитана, который, несмотря на свою склонность к монашеству, любил появляться в народе окруженный пышным блеском, как какой-нибудь могущественный герцог. Если бы Эрлембальд так же удачно, как норманны, провозгласил себя государем Северной Италии, папа, вероятно, примирился бы с этим фактом, поставив только условием, чтоб Эрлембальд, как вассал церкви, подчинил папству духовенство и знать Ломбардии. В 1066 г. Александр II принял Эрлембальда и Ариальда в заседании всей консистории в Риме и, провозгласив Эрлембальда рыцарем церкви, вручил ему белое знамя с красным крестом.

В наше время, когда все реже и реже встречаются врожденный душевный пыл и яркая индивидуальность великих людей, трудно даже понять эти дикие, демонические натуры, в которых любовь и ненависть горели жарким пламенем. Между тем подобные натуры составляют одну из привлекательных особенностей Средних веков; с началом великой борьбы церкви с империей перед нашими глазами проходит несколько удивительных людей такого рода. Во главе их стоят Эрлембальд и Ариальд, герой-монах и диакон-фанатик. Им удалось настоять на том, чтобы папа отлучил от церкви архиепископа Гвидо; когда они вернулись в Милан, в городе произошла жестокая схватка, в которой Ариальд был убит. Противники захватили его в то время, когда он искал спасения в бегстве; они подвергли его мучениям и затем варварски убили. Тем не менее Эрлембальду удалось вскоре снова одержать победу, и он не только изгнал Гвидо, но даже назначил ему преемника. Таково было положение дел в Милане; мы изложили их потому, что без знакомства с ними многое из того, что происходило в Риме, осталось бы непонятным для читателя.

4. Бессилие папы в Риме. — Распад церковного государства. — Римская префектура. — Ченчий, глава недовольных. — Цинтий, префект города. — Смерть Готфрида Тосканского. — Смерть Петра Дамиани. — Монте-Касино. — Торжество освящения базилики, вновь построенной Дезидерием (1071 г.)

Борьба за реформу, происходившая в правление Александра II, сопровождалась крайней тревогой; со времени иконоборства папство не переживало другой такой бурной эпохи. Папа был в постоянных разъездах; в особенности часто он посещал Тоскану и затем свое епископство Лукку, от которого ради доходов с него он не отказался и тогда, когда вступил на папский престол. Хотя партия нобилей была усмирена, тем не менее спокойствие Рима не было обеспечено, и Александр охотно уезжал из города каждый раз, как только была к тому возможность. Светская власть папы была ограничена до крайности; по отношению к графам Кампанны папство было совершенно бессильно. При Каролингах папы имели своих ректоров, консулов и герцогов, и назначали их в качестве судей, военачальников и фискальных чиновников в самые отдаленные города и даже в Пентаполис и Романью. Между тем в ту эпоху, которую мы описываем, папы не имели никакой власти и в местностях, граничивших с Римом. Церковное государство после Каролингов распалось; графы, бывшие некогда чиновниками церкви и ее арендаторами, теперь считали города своею наследственною собственностью и назначали в них своих виконтов; в епископствах и аббатствах, наделенных иммунитетом, прелаты присвоили себе даже юрисдикцию графов и так же назначали своих правителей и судей. То, что в те времена еще сохранялось от церковного государства, как то: Лациум, Мадитима, часть Сабиньи и римская Тусция, было *dominium* церкви только по имени, в действительности же все эти провинции распались на множество отдельных небольших баронств.

В самом Риме знатные фамилии так же не признавали светской власти папы. Муниципальная и судебная власть, в их обычных формах, были в ведении знати или сената. Теперь, как и раньше, председателем гражданского суда был, конечно, все еще папа или его заместитель. Но в эту эпоху префект города не только принимал большое участие в гражданском судопроизводстве, но, как председатель уголовного суда, имел так же право в пределах Рима и его территории присуждать к наказанию. Должность префекта получила такое важное значение, какого прежде она никогда не имела; нобили горячо оспаривали ее друг у друга и замещение ее обыкновенно сопровождалось большими беспорядками в Риме. Будучи устранены со времени Николая II от участия в выборах папы, римляне упорно сохраняли за собой право избрания на одну из самых важных должностей городского магистрата; префект города избирался собранием горожан, но в тех случаях, когда император имел возможность воспользоваться своими правами патриция, этот избранный утверждался или императором, или его наместником — папой. Само собой разумеется, что папы прилагали все старания к тому, чтоб должность префекта города замещалась распоряжением не императора, а папы, и в то время, о котором мы говорим, папам действительно нередко удавалось назначать префектов, не считаясь с согласием императора.

В последние годы правления Александра II избрание префекта было причиной больших раздоров. Римлянин Ченчий продолжал вести борьбу с папой и после изложения Кадала. По-видимому, этот Ченчий происходил из фамилии Кресцентиев, которым принадлежал замок Св. Ангела (башня Кресцентиев). В то время замок этот, однако, уже не был во власти Ченчия, так как был отнят у него вслед за падением Кадала. Ченчий стремился захватить городскую власть в свои

руки; но для этого у него не было ни сил, ни того счастья, которое временами выпадало на долю его предков. Отец Ченция, Стефан, был префектом Рима и партия Гильдебранда не смещала его с этой должности. По смерти отца Ченций пожелал быть его преемником; но партия реформы избрала префектом человека, отличившегося благочестием; это был Ценций, или Цинтий, сын Иоанна Тиниоза, которого в 1058 г. Гильдебранд назначил префектом. Хроники того времени изображают Ченция, сына Стефана, безбожным грабителем и прелюбодеем, вторым Катилиной; возможно, что эта нелестная характеристика главы партии Кадала не была преувеличенной. Не добившись префектуры, Ченций построил у моста Адриана, со стороны города, башню и, преградив ею доступ в город, приставил к ней сторожей, которые взимали со всех проходивших пошлину. Судя по тому, что римский магнат имел возможность совершать разбой у самого входа в базилику Св. Петра, надо полагать, что власть пап в Риме была ничтожной. Без сомнения, папы очистили бы Рим от магнатов-разбойников, если бы городская милиция была в их распоряжении; но она не всегда повиновалась папам; эти военные отряды граждан нередко действовали совершенно самостоятельно, служа партиям и их представителям. Общеизвестного целостного правления папы не существовало; наоборот, Рим точно так же, как Милан, делился на два больших лагеря и затем на несколько групп по числу знатных фамилий с их вассалами. У пап не было других приверженцев, кроме тех, кого им удавалось привлечь на свою сторону уговором или золотом, и далее вассалов, которым уступались в ленное владение церковные имения; но патримонии св. Петра в то время были почти все утрачены, и потому воинская сила, которою располагали тогда папы, должна была быть очень незначительной.

Гильдебранд, вероятно, употребил все усилия к тому, чтобы передать префектуру города в руки сторонника реформы. Сыну Иоанна, Цинтию, предстояло взять на себя ту же роль крестоносца, которую в Милане исполнил Эрлембальд. Противник Цинтия, Ченций был, по словам его современников, подобием дьявола; напротив, к Цинтию сторонники его относились как к человеку святому. Самая тесная дружба связывала его с Гильдебрандом и обоими миланскими защитниками реформы; будучи преисполнен такого же, как они, пламенного благочестия, Цинтий тем не менее не был мрачным фанатиком, так как Рим не представлял благоприятных условий для мученических подвигов. Римляне с изумлением взирали на своего префекта, когда он публично произносил в базилике Св. Петра свои проповеди, призывая людей к покаянию; даже Дамиани выражал удивление тому, что сановник республики говорит проповеди и следует завету первых христиан, полагавших, что каждый христианин есть так же и священник, — завету, с которым плохо мирилась система Гильдебранда. Этого оригинального проповедника Дамиани называет двойным работником на ниве Господней, Моисеем и вместе Аароном; народ, однако, желал иметь префекта, который судил бы его, а не наставлял, и Дамиани пришлось объяснить своему другу, что ради спасения человечества в будущей жизни он не должен забывать земного благополучия народа, ибо творить суд, говорил Дамиани, и значит молиться. Ничто другое не воспроизводит перед нами так ярко состояния Рима того времени, как этот полный контраст, который представляли между собой оба названных римлянина: Ченций, который, владея своей башней у моста Адриана, совершал грабежи и убийства, и Цинтий, который говорил проповеди в базилике Св. Петра и забывал о своих судейских обязанностях.

Последние годы правления Александра II отмечены еще некоторыми другими важными событиями. Раньше чем умер сам Александр, смерть похитила двух

знаменитых людей: Готфрида Тосканского и Петра Дамиани. Маркграф умер в 1069 г. в Лотарингии; ее наследовал его сын от первого брака, Готфрид Горбатый, который затем женился на Матильде, единственной оставшейся в живых дочери Беатрисы; таким образом, Лотарингия и итальянские владения остались в руках все той же фамилии. По слабости германский король не мог предъявлять свои права на обладание тосканским маркграфством, и наследование по женской линии было признано без всякого протеста; имперские лены первого мужа Беатрисы были сохранены за ней, когда она овдовела, и затем по наследству перешли от нее к ее дочери. Со своей стороны предусмотрительная римская церковь хорошо понимала, что маркграф Тосканы, Сполето и Камерино представлял бы огромную опасность для нее, если бы был сторонником имперской власти; между тем в лице этих двух знатных женщин, Беатрисы и Матильды, римская церковь по-прежнему имела своих защитниц.

В это же время, когда людей так глубоко волновали религиозные страсти, в Италии выдвинулись некоторые замечательные женщины. Мы уже отметили появление в более ранние века Феодоры и Марозии, Берты и Ирменгарды, которые, стоя во главе партий, участвовали в решении судеб Италии и Рима. В середине XI века снова появляются женщины, имевшие огромное влияние на ход событий своего времени; значение этих женщин, однако, существенно отличается от значения их предшественниц. Наряду с Беатрисой и Матильдой уже давно обратила на себя общее внимание своим умом, богатством и могуществом Адельгейда, маркграфиня Сузы в Пьемонте. Так же, как Беатриса, она была два раза замужем: в первый раз — за Германом, герцогом швабским, и во второй — за маркграфом Одоном. В 1065 г. она выдала свою дочь Берту замуж за Генриха. Пресытившись Бертой, Генрих хотел развестись с ней, но римская церковь воспротивилась разводу; в 1069 г. Петр Дамиани был отправлен по этому случаю легатом в Вормс, и король тогда впервые преклонился перед папским велением.

Это было последним посольством из Италии, которое принял на себя Дамиани, служа интересам Рима. В 1072 г. 22 февраля Дамиани умер в Фаэнце, имея 66 лет от роду и оставив по себе добрую славу, как служитель церкви, который отличался в свое время самым примерным благочестием и, движимый бескорыстными мотивами, ревностно боролся за церковную реформу. Незадолго до своей смерти Дамиани присутствовал на блестящем церковном празднестве, которое до того едва ли происходило когда-либо в Италии. Таким праздником, состоявшимся 1 октября 1071 г., было освящение базилики, которую выстроил в Монте-Касино аббат Дезидерий.

Аббатство это в те времена было одним из самых замечательных. В нем насчитывалось до 200 монахов, и многие из них усердно изучали как светские, так и духовные науки. Из стен аббатства Монте-Касино вышло несколько знаменитых людей. В 1057 г. аббатом здесь был Стефан IX; его преемник, Дезидерий, прославился еще более и своими литературными талантами, и ученостью тех людей, которых ему удалось собрать в своей монашеской академии. Когда лангобардские государства пришли в упадок, последние представители духовного достоинства этой германской нации нашли себе приют в стенах Монте-Касино. Сам Дезидерий, или Дауферий, происходил из беневентского лангобардского рода. Большинство итальянских монастырей в то время уже терпело нужду, но Монте-Касино было по-прежнему все так же богато. Эта монашеская республика, приютившаяся на бесплодных меловых горах, была в цветущем состоянии, когда вокруг нее государства норманнов еще только что нарождались, а государства лангобардов уже умирали. Правда, и те, и другие время от времени овладевали доменами аббатств-

ва, но затем поневоле снова возвращали их, опасаясь, быть может, не столько анафемы папы, сколько отлучения от церкви, которым, как Юпитер молнией, грозил им аббат с высоты своей, окутанной облаками, горы Касино, или Каиро, и карой которая порой действительно обрушивалась на их непокорные головы. Для южных лангобардов и для диких норманнов Монте-Касино было Меккой и, хотя они грабили аббатство, но тем не менее горячо почитали св. Бенедикта и к его гробнице постоянно совершали паломничества, распевая на пути к ней псалмы. Здесь, заменяя накопившиеся столетия покаянного самобичевания соответственным количеством золота и серебра, эти люди спешили очистить себя от всех своих нравственных и политических проступков. Таким образом, отпуская людям их грехи, монастырь благоразумно собирал доходы и, присоединяя их к приношениям, сделанным греческим императором, копил их под сводами своего казнохранилища. И папа, и кардиналы не могли не чувствовать зависти, видя, что сундуки Монте-Касино полны золотых византий, драгоценных камней и дамасских тканей. Это сказочное богатство, давшее возможность Дезидерию построить в течение пяти лет новую базилику, которая стала затем предметом общего изумления в Италии того времени, невольно напоминало папе и кардиналам нищету Латерана и наполняло их сердца скорбными чувствами.

К празднеству были приглашены знатные гости с разных концов света. Папу сопровождали Гильдебранд, Дамиани и многие другие кардиналы; из Южной Италии прибыли главенствующие архиепископы и 44 епископа. Норманские графы и последние лангобардские государи так же присутствовали на празднике; то были: Ричард Капуанский с сыном Иорданом и с братом Райнульфом, незадолго перед тем — врагами Рима, а теперь — примиренными вассалами; далее, Гизульф Салернский; Ландульф, тогда еще владевший Беневентом; Сергей, герцог неаполитанский; Сергей Соррентский; графы марсийские; затем на праздник прибыли так же множество рыцарей и других знатных людей. Отсутствовали только Рожер и Роберт Гюискар, так как в это именно время они осаждали Палермо. Блестящий съезд был как бы великим собранием представителей Рима и Южной Италии; такому множеству знаменитых людей редко случалось быть вместе. Каждый мог достаточно насмотреться здесь на героев борьбы, которую вела церковь и которая тогда была еще в полном разгаре; нетрудно было так же угадать, что Александра II, уже терявшего силы, скоро сменит великий Гильдебранд; никто, однако, не мог предвидеть, что и аббату Дезидерию придется так же возложить на себя тиару.

Праздник продолжался целых восемь дней; ничего подобного этому торжеству Италия не видела раньше. Базилика Дезидерия теперь уже не существует, и тем не менее каждый образованный человек нашего времени испытывает благоговейный трепет, когда, будучи в Монте-Касино, берет в свои руки этот большой пергамент, на котором в день освящения базилики Александр II, Петр Дамиани, Гильдебранд, Дезидерий, Ричард Капуанский, Иордан, Райнульф, Ландульф Беневентский и Гизульф Салернский — и некоторые из них собственной рукой — вписали свои имена.

Это торжественное освящение базилики в Монте-Касино было в то же время и празднованием политического союза, заключенного между Римом и норманнами, не только церковным, но вместе с тем и национально-итальянским праздником, все значение которого сводилось к великой демонстрации, направленной против германской империи. Праздник этот был как бы символическим выражением того, что стремления Гильдебранда восторжествовали и что в истории римской церкви занялась заря новой эпохи.

ГЛАВА V

1. Смерть Александра II. — Гильдебранд вступает на папский престол. — Деятельность Гильдебранда; цель, которую он преследовал. — Посвящение Гильдебранда в сан папы, 29 июня 1073 г.

Александр II умер 21 апреля 1073 г.; его преемником был Гильдебранд. В этом гениальном правителе снова воплотился непреклонный, величественный дух древних римлян. Деятельность Гильдебранда протекала на рубеже двух различных социальных эпох; одна из них уже кончалась, другая — еще только начиналась. По своей природе Гильдебранд был деятель политический, а не церковный, и священнический облик едва ли шел к нему. Отношения, в которых стояла церковь к миру и к светской власти, Гильдебранд подверг полному преобразованию, и это был один из самых великих насильственных переворотов, известных в истории. В папском Риме Гильдебранд был цезарем, и политическая задача этого цезаря заключалась в достижении единодержавия папства.

По своему происхождению Гильдебранд не был, однако, ни римлянин, ни латинянин. По преданию, отцом Гильдебранда был простой столяр в тусцийской Соане по имени Боницо; таким образом, самый великий папа принадлежал к лангобардской расе, которая в большом числе населяла Тоскану. Еще ребенком Гильдебранд был взят в Рим своим дядей, аббатом монастыря Св. Марии на Авентине. Возможно, что, приняв монашество, Гильдебранд вступил сначала в орден бенедиктинцев и только позднее перешел в клонийский орден, который своим иерархическим строем так поразил воображение Гильдебранда. Страстная натура этого человека не могла быть всецело поглощена аскетической мистикой того времени и он вышел из нее, правда, с душой фанатика, но тем не менее здоровым.

Скромный идеал святого отшельника был чужд Гильдебранду, одаренному способностью оказывать на людей огромное влияние. Зрелище глубоко испорченного общества обрекало чувствительного Дамиани на отшельничество; Гильдебранд испытывал еще большие страдания, видя падение иерархической власти римской церкви. Мы должны вспомнить, что в годы юности Гильдебранда, когда будущее для него было полно надежд, престол св. Петра был занят нравственным уродом, а римская церковь была сведена на степень обыкновенного провинциального епископства, которое семья диких графов считала достоянием своих младших членов. Вдумчивому человеку, сознававшему мировое значение папства, не трудно было понять, чем было обусловлено это падение папства и какими средствами могло быть достигнуто его возрождение. Причины упадка папства заключались в подчинении духовенства, превратившегося в феодалов, светской власти и затем в ослаблении церковной дисциплины; средствами возрождения папства являлись реформы этой дисциплины, объединение всей церкви под верховной властью Рима и освобождение папства и духовенства, первого из-под власти римской знати и королевского патрициата, второго — от светской инвентитуры.

В трудные времена раскола и междоусобной борьбы городских партий папы имели обыкновение обращаться за помощью к германским королям, призывали их в Рим и возлагали на них императорскую корону; эти временные услуги оплачивались каждый раз восстановлением вассальных отношений к имперской власти. На соборе в Сутри Гильдебранд присутствовал, будучи юношей. На этом соборе папство было низведено Генрихом III в положение простого епископства; это дало возможность Генриху III наделять папством своих любимцев так же легко, как каким-нибудь германским епископством. Сопровождая в Кельн Григория VI, присужденно-

го к изгнанию, Гильдебранд имел достаточно досуга для того, чтобы подумать о рабстве, на которое обрекал папство его освободитель-император. Надлежало перенести борьбу за пределы городской территории — сделать ареной этой борьбы всю империю. Папство должно было освободиться из-под ига имперской верховной власти, а это могло быть достигнуто только при условии, если бы церковь была поставлена вне законов государства. Эти оба учреждения под влиянием феодализма за многие века его существования сплелись друг с другом самым тесным образом; за лишение светской власти права инвеституры должно было теперь освободить церковь от имперских феодальных оков, точно так же, как с установлением безбрачия все духовенство выделялось из общества, освобождалось от его обязанностей и становилось чуждым его интересам. Нести ответственность духовенство должно было только перед одним папой; при этом условии он, как глава всех архиепископов и провинциальных церквей, мог надеяться на то, что удастся подчинить себе так же и королевскую власть.

Эти великие планы слагались мало-помалу в уме Гильдебранда. Мы уже говорили о том, как неутомимо работал Гильдебранд со времени избрания Льва IX папой и как, будучи канцлером, он после издания избирательного декрета шаг за шагом завоевал папству и все большую независимость, и все большее значение. Насильственные перевороты способствуют выработке сильных характеров, и Гильдебранд, прежде чем стать папой, проходил школу борьбы за реформу в продолжение правления шести своих предшественников. Учене длилось долго и было нелегким; но никогда ни один монарх не вступал на престол с таким глубоким знанием положения дел, людей и своих сил и с таким ясным пониманием поставленной себе цели, какими обладал Гильдебранд.

Перед избранием папы партией реформы был намечен план действий, в составлении которого, по всей вероятности, принимала участие и Беатриса Тосканская. Архидиакона Гильдебранда надлежало провозгласить папой среди бурных кликов народа, как бы вдохновенного самим Богом. 22 апреля, когда тело умершего Александра еще не было погребено и оставалось в Латеране, раздались громкие крики, требовавшие избрания Гильдебранда папой, и затем торжествующие кардиналы, сопровождаемые ликующим народом, отвели Гильдебранда в церковь Св. Петра in Vincoli, где он и был провозглашен папой. Кардиналы объявили составленный заранее избирательный декрет, и народ, стоявший густыми толпами, мог по совести присоединиться к восхвалениям, которые воздавались достоинствам избранного папы.

Когда папой был избран Григорий I, он бежал, желая уклониться от обязанностей, которые на него возлагались. Григорию VII, министру пяти пап, опытному в государственных делах, такое смирение было бы совершенно не свойственно. Гильдебранд не прилагал стараний к тому, чтобы быть избранным, так как был уверен в своем избрании. Возгласы народа, доходя до слуха Гильдебранда, не вызывали в нем никакой тревоги, и он внимал им как полководец, которого после множества одержанных им побед легионы провозглашают императором. И тем не менее этот человек, которого ждала такая великая судьба, на мгновение почувствовал в себе нерешительность перед тем, как вступить на ту вершину могущества, на которую люди слабого характера нередко восходят не задумываясь и с легким сердцем только потому, что не способны понять роковое величие этой вершины.

Противники Гильдебранда, для которых было весьма важно подорвать доверие к правильности его избрания, стали уверять, что Гильдебранд был избран только благодаря обману и подкупу. Но эти уверения были несправедливы. Огромное большинство римлян стояло на стороне Гильдебранда как человека, который вполне

отвечал тому времени. Своей безупречной жизнью Гильдебранд внушал к себе уважение, и перед умом его преклонялись все. Избрание, если бы оно было произведено с нарушением канонических установлений, отдало бы Гильдебранда безоружным в руки его многочисленных врагов; при таких условиях осторожный Гильдебранд не возложил бы на себя тиару.

Новый избирательный декрет несомненно сохранял за Генрихом право утверждения выборов, и Григорий VII не мог не считаться с этим правом; поэтому он известил короля о своем избрании.хлопотать о том, чтобы согласие короля было получено, Григорий не счел нужным; тем не менее он благоразумно отсрочил свое посвящение до того времени, когда мог быть уверенным, что это утверждение последует или в нем не будет надобности. Непреклонная строгость, которую должен был проявить в деле реформы такой человек, как Григорий VII, пугала епископов Галлии и Германии, и они советовали Генриху не утверждать выборов. Если бы на германском престоле вместо юного государя, увлекаемого страстями, сидел человек сильного характера, он, конечно, не примирился бы с избранием Григория и устранил бы со своей дороги будущего врага раньше, чем он стал силен. Но Григорию так же, как многим великим правителям, посчастливилось достигнуть власти тогда, когда сильные люди лежали в могиле, а в живых оставались только слабые его противники. Великие победы, одержанные Григорием и составляющие поныне предмет изумления, были возможны только потому, что германская империя была охвачена смутой и престол Германии был занят юношей, лишенным самоладания.

Восстание саксов парализовало королевскую власть государя, не достигшего зрелости, и Генрих не решился осложнить свое шаткое положение борьбой с самым страшным из своих врагов. Во имя прав короны в Рим был послан граф Эбергард, который должен был удостоверить правильность выборов. Но это было не более, как приличный выход из трудного положения. 29 июня, в день апостола Петра, Григорий VII был посвящен в сан папы в присутствии имперского канцлера Италии, маркграфини Беатрисы и императрицы Агнесы.

2. Государь Беневента и Капуи присягают Григорию VII как вассалы. — Роберт Гюискар отказывается присягать. — Намерение Григория превратить государей Южной Италии в вассалов римской церкви. — Его воззвание к общему крестовому походу. — Матильда и Григорий VII. — Его первый собор в Риме; декрет о реформе

Борьба Григория VII за единодержавие папства составляет предмет собственно истории церкви; поэтому наше изложение должно быть по необходимости заключено в более тесные границы. Мы, конечно, не можем не коснуться общего направления и условий, в которых развивались события того времени; тем не менее нам приходится сосредоточить наше внимание только на политической стороне этих событий; мы должны именно выяснить, как отразилась на судьбе Рима борьба между короной и тиарой, охватившая весь мир, какое участие принимал в ней город. В этой борьбе Рим так же играл большую роль; в силу своей постоянной связи с императорами и папами этот город не мог не иметь во всемирной истории значения одного из деятельных факторов.

Прежде чем созвать первый собор, Григорий направился в Апулию, чтобы заставить норманнов возобновить свои обязательства по отношению к папскому престолу; как разумный полководец, Григорий прежде всего решил обеспечить себе прочную базу для действий. Не имея возможности изгнать из пределов Италии

проникших в нее норманнов, папы направили свои усилия к тому, чтобы помешать этим опасным соседям стать вассалами империи, заставить их служить церкви и, следуя политике Древнего Рима, ослабить их взаимными раздорами и соперничеством. В августе 1073 г. Григорию присягнул как вассал лангобард Ландульф VII Беневентский, а в сентябре такую же присягу принес государь капуанский. Ричард обязался платить дань, не вступать, помимо согласия папы, в вассальные отношения к императору, защищать церковное государство и наконец считать действительным избирательный закон. Гюискар не захотел последовать примеру своего соперника; покоритель Сицилии нашел излишним обращать завоеванные им земли в лен, полученный от папы. Хорошо понимая, в чем заключались намерения папы, Гюискар решил поставить себя в лучшие условия и еще дальше раздвинуть пределы своих завоеваний. Поэтому он отказался принести присягу. Тогда Григорий весьма искусно возбудил вражду между ним и Ричардом. Старания Григория обратить Южную Италию в ленное владение римской церкви не могут казаться странными, но удивительны поспешность и откровенность, которые Григорий проявил по отношению к другим, более важным притязаниям Св. престола.

Если бы в настоящее время папа объявил иностранных государей своими вассалами, он был бы сочтен за сумасшедшего. А между тем было такое время, когда папы совершенно серьезно утверждали, что им принадлежит верховная политическая власть над половиной всего мира, когда народы доверчиво внимали этим притязаниям, а короли трепетали от страха перед ними или покорно признавали их. Почвой, которая впервые породила эти смелые идеи, был дар Константина; лены норманнских завоевателей способствовали дальнейшему росту требований, основанных на этих идеях. Едва вступив на папский престол, Григорий уже смутил королей своим замыслом создать второе всемирное господство Рима. Земли Запада должны были быть превращены в ленные владения римской церкви, а их государи стать вассалами св. Петра. Тогда как предшественники Григория истокали свои силы, стараясь вернуть церкви утраченные патримони, этот сильный человек, имевший в своих руках только жалкие клочки церковного государства, надеялся достигнуть господства над всем миром. Нельзя не удивляться, читая письма Григория, из которых часть написана вскоре после того, как он был провозглашен папой. В этих письмах Григорий, ничуть не смущаясь, объявляет иностранным государям, что их земли принадлежат Св. престолу.

Такое высокомерное отношение вытекало из мысли, что Христос есть владыка мира и что эта привилегия переходит на папу как на наместника Христа. Но у пап не хватило бы смелости проводить эту мысль, если бы их не побуждали к тому отчасти мистические представления о сущности папства, отчасти полная неурядица государственных соотношений. Завоеватели, желая придать захваченной ими добыче законную форму обладания, присягали наместнику Христа как вассалам и получали отпущение своего греха. Претенденты на корону, озабоченные тем, чтобы обеспечить ее за собой, объявляли свои государства ленным владением папы. Нравственной поддержки церкви государи искали столько же из расчета, сколько из благочестия. Короли, — как грешники, так и праведники, — одинаково уделяли римской церкви ежегодную лепту с имущества своих народов, не спрашивая на то их согласия, и этот благочестивый дар Латеран превращал в обязательную дань. Собственник, теснимый обстоятельствами, обыкновенно уступал церкви свою никому другому неподвластную землю, чтобы получить ее затем обратно в виде церковного лена, и церковь настолько привыкла к такому правовому порядку, что решила распространить его с доменов на королевства и признать их так же обязанными платить ей дань. Римская церковь присвоила себе множество прав, и некоторые

из них были курьезны; так, Григорий VII считал себя ленным государем Богемии на том основании, что Александр II разрешил герцогу Вратиславу носить митру; далее — государем России потому, что беглый князь новгородский посетил гробницу св. Петра и объявил свою страну ленным владением апостола; затем — государем Венгрии, так как Генрих III принес в дар базилике Св. Петра государственное копье и корону этой страны, когда покорил ее. Вступив на папский престол, Григорий немедленно же послал кардинала Гуго в Испанию, чтобы добиться в ней признания суверенитета римской церкви, так как государство это будто бы издавна принадлежало св. Петру. Такие же требования Григорий предъявил Корсике, Сардинии, Далмации, Кроации, Польше, Скандинавии и Англии, совершенно серьезно считая все эти страны собственностью св. Петра.

Эти притязания, чисто римские по своей смелости, казались бы нам совершенно невероятными, если бы они не вытекали из известного религиозного мировоззрения, которое вполне соответствовало общему духу Средних веков. Спокойствие и уверенность, с которыми Григорий VII заявлял об этих притязаниях, придает даже некоторое величие его мистической идее о том, что все земное изменчиво и преходяще по сравнению с вечным основоначалом религии. Григорий VII смотрел на мир лишь как на форму, в которую облечена христианская идея; политический строй мира, по мысли Григория, подлежит изменениям и не представляет существенной важности, а церковь вечна; она — истинный мировой порядок, царство Божие, включающее в себя, как свои служебные орудия, все другие установления.

Но реально существовавшее государство не отвечало идеалу Григория. Он решил осуществить этот идеал прежде всего в Южной Италии и серьезно обдумывал план войны с норманнами. Григория пугало возраставшее могущество Роберта Гюискара, который умно и смело шел к прекрасной цели создать из Южной Италии единое королевство. Завоевателя с такими способностями и с враждебными замыслами Григорий VII не мог игнорировать и должен был или устранить его совсем, или привлечь на свою сторону как вассала. Сначала, надеясь иметь больше успеха, чем Лев IX, Григорий остановился на мысли создать союз западных государств; но затем воспламененное обладанием тиары воображение Григория скоро унесло его далеко за пределы этой задачи. Ближайшая цель, которую Григорий ставил себе, всегда составляла часть общего, величественного плана. Решив созвать европейское войско, Григорий предполагал сначала изгнать из Италии норманнов, греков и сарацин, затем, освободив Византию от мусульман, подчинить ее римской церкви и наконец водрузить в Иерусалиме крест. Имея такие намерения, Григорий писал государям Италии, Вилггельму Бургундскому и еще в декабре 1074 г. Генриху; последнему он высказывал, что готов сам вести войско в крестовый поход и в таком случае возложит защиту римской церкви на Генриха. Изумительна фантастичность этого плана, и не менее странно то, что он явился в такое время! Григорий начал свой понтификат тем смелым замыслом, который мог быть в действительности заключительным актом его правления; он как бы хотел избежать той жестокой борьбы в Италии, которую предчувствовал, и с этой целью старался увлечь за собой народы на Восток. Надеялся ли Григорий на то, что его иерархические идеи будут проведены в Европе с меньшей борьбой, когда ему удастся охваченный энтузиазмом христианский мир увлечь в этот поход? Или, может быть, этот план крестового похода служил только маской единственного намерения Григория подчинить себе Южную Италию? Он должен был, во всяком случае понимать, что до тех пор, пока независимость Западной церкви не достигнута, он сам не может принять личного участия в религиозной войне на Востоке. Участвуя же в ней, он, вероятно, стал бы во главе крестового похода и, может быть, лишил бы Готфрида Бульонского, в то

время еще юного, его бессмертной славы. Таким образом на страницах всемирной летописи не был начертан поход величайшего папы, который с посохом в руке и с тирарой на голове готов был, подобно восторженному Александру и Траяну, вести за собой массы фанатизированных людей.

Между тем грандиозный замысел ничем не окончился. Правда, было собрано войско в 50 000 человек, частью в Италии, частью по ту сторону Альп, и папа вместе с Гизульфом Салернским (Роберт был отлучен папой от церкви на мартовском соборе в 1074 г.) прибыл к этому войску, стоявшему у Монте-Чимино, близ Витербо; но уже вскоре ревностными помощниками папы остались только графини тосканские. Роберту Гюискару, вероятно, удалось расстроить союз, заключенный против него папой между Ричардом Капуанским и Гизульфом, и таким образом поход против норманнов так же не состоялся. Но если Григорию не удалось окончательно поставить Южную Италию в вассальные отношения к церкви, то в Тоскане он нашел беспредельную преданность. В этой стране он мог видеть оплот, ограждавший его с севера от нападения германцев, и, руководимый уже более практическими соображениями, Григорий сосредоточил на ней свое внимание. Мечта о всемирном господстве рассеялась, как облако; но, расставшись со своею мечтой, Григорий из наследия Матильды создал папству церковное государство. Воспитанная своей набожной и смелой матерью, графиня Матильда была другом Григория и гением-хранителем папской иерархии. Эта знаменитая государыня происходила из того же народа, как и Григорий, так как ее родители были лангобардами. В то время ей было 28 лет. Брачной жизнью Матильда не жила; ее муж постоянно отсутствовал. Храбрый и умный Готфрид Горбатый не разделял ни религиозного восторга, ни римской политики своей жены и стоял на стороне Генриха. Этой холодностью между мужем и женой воспользовался Григорий, чтобы вовлечь Матильду окончательно в свои планы. Он назначил ей духовным отцом клюнийца Ансельма, епископа луккского; не часто доводилось духовникам выслушивать обеты такой богобоязненной и вместе с тем решительной женщины, какой была Матильда. Личная дружба между Григорием и Матильдой, имевшая исторически важное значение, представляет исключительное явление; это был единственный случай, когда между папой и молодой, энергичной женщиной существовали отношения такого серьезного характера и важного значения. Люди, склонные к недоброжелательству и злословию, тщетно старались набросить тень подозрения на эти отношения; здравое суждение никогда не помирится с предположением, что такой человек, как Григорий VII, из высокой сферы своих обширных замыслов мог снизойти до простой любовной интриги и искать в ней удовольствий; возможно, однако, что в чувстве дружбы, вызванном восхищением, участвовало так же и сердце женщины. Одаренная сильным характером и высоким умом, Матильда стояла по образованию впереди своего времени и была полна истинного величия, но гений Григория одержал над ней победу, и его замыслам она отдала и свой мужской ум, и свое женское сердце, искренне веря в эти замыслы, как в идеал. Детей у Матильды не было, и это обстоятельство объясняет многое. Если бы она была обыкновенной монахиней-мечтательницей вроде Марцеллы или Схоластики того века, она прославилась бы, может быть, разве только своей дружбой с таким человеком, как Григорий; но эта воинственная Дебора папства была прирожденной правительницей и во всякую эпоху заняла бы место наравне с теми немногими великими государынями, которые известны в истории.

Свое служение идеям Григория Матильда торжественно начала с участия в первом соборе этого папы, созванном в 1074 г. в Великий пост. На этом соборе, на который съехалось множество епископов и государей, Григорий подтвердил декре-

ты своих предшественников, относившиеся к реформе, и затем без всякой пощады объявил низложенными всех тех духовных пастырей, которые еще продолжали вести брачную жизнь или были виновны в симонии. В своих посланиях к епископам Запада Григорий потребовал от них безусловного подчинения постановлениям собора. Такое диктаторское вмешательство римского первосвященника в дела епископств уже не представляло тогда ничего необыкновенного. Как Лев Исаврянин думал эдиктом очистить церковь от идолопоклонства, так Григорий решил окончательно изгнать из нее тех пастырей, образ жизни которых противоречил каноническим правилам, и это решение вызвало в христианском мире такое же глубокое волнение, каким он был охвачен во времена Льва Исаврянина. В VIII веке во имя разума византийский деспот объявил войну христианским святыням, и на защиту их встал папа Григорий; в XI веке во имя нравственных начал и канонических правил борьбу провозгласил папа, и защитником присущих человечеству чувств явился германский император; к несчастью, злоупотребления и порок сумели так же укрыться за щитом этого императора. В борьбе церкви с государством каждый раз были замешаны самые существенные задачи светской политики; но в XI веке почувствовавшая свою силу церковь уже боролась не с жалкими остатками римского абсолютизма, не из-за права догматического самоопределения и не за светскую власть; в этот раз борьба шла между двумя великими, освященными временем системами. Поскольку при этом дело заключалось в достижении суверенитета, борьба велась в ложном направлении; поскольку же вопрос шел о естественном разграничении обеих систем, она была разумна. Феодализм почти окончательно спутал границы светской и духовной власти, и такое положение стало невыносимым. Церковь с ее установлениями стремилась насильственным процессом стать по отношению к политической власти в независимое положение; но эта власть и не могла, и не хотела освободить церковь от вассальной зависимости. Последствием такого революционного движения была борьба, длившаяся целых 50 лет и еще более ужасная, чем 30-летняя война. Злополучный Рим, местопребывание пап, оставаясь неизменно источником борьбы и тем святилищем, в котором хранились оба ее символа, императорская корона и тиара, много раз являлся театром войны, в которой победа попеременно склонялась то на ту, то на другую сторону.

3. Состояние Рима. — Противники Григория. — Виберт Равеннский. — Генрих IV. — Борьба Германии против декретов Григория. — Лишение светской власти права инвеституры. — Заговор римлянина Ченция против Григория

В самом Риме Григорий встретил большое сопротивление. В противность соборным постановлениям множество римских духовных лиц продолжало по-прежнему жить во внебрачном сожительстве; никому не казалось странным, что их дети, nepoty, богатели за счет церковного достояния и наследовали бенефиции своих отцов-дядей. Один из летописцев, описавший сцены, происходившие в стенах базилики Св. Петра, дает нам понятие о том, что представляли собой в то время римские церкви. В сказанной базилике имелось 60 охранителей храма — *mansionarii*; это были все женатые, светские люди; одетые кардиналами, охранители днем служили обедню и, вводя таким образом жертвователей в обман, принимали от них приношения; когда же наступала ночь, охранители устраивали в базилике оргии и оскверняли алтари стенами вожделения, грабежа и убийства. Изгнать эту бесчинствовавшую толпу Григорию стоило немало труда.

Низложенные священники, их родственники и клиенты глубоко возненавидели Григория и примкнули к городской знати, враждовавшей с папой. К ним тайно присоединился так же и Виберт, который в то время был архиепископом равенским. Некогда канцлер и наместник в Италии, самый деятельный сторонник Кадала и заклятый враг Гильдебранда, Виберт был человек еще молодой и выдавался своим честолюбием, умом и энергией. К концу правления Александра II Виберту с большой ловкостью удалось занять место архиепископа в Равенне. На соборе 1074 г. Виберт присутствовал лично и, как человек, по-видимому, вполне покорный, занял подобающее ему место по правую руку папы, которого он в действительности ненавидел. Он, однако, отказался послать своих вассалов против норманнов, с которыми было предположено начать войну, и точно так же не созвал вассалов, когда нужно было наказать восставшего графа Баньорейского. Виберт вел тайные переговоры с Ченчием и, вероятно, ему же было поручено германским двором разузнать, на какую партию в Риме можно положиться и как велика эта партия.

Нетрудно было предвидеть, что между папой и королем последует разрыв. Поставленный обстоятельствами в необходимость сделать уступку возмущившимся саксам, юный Генрих, правда, обещал Григорию подчиниться декретам, которыми вводилась реформа; но это смиренное обещание было вынужденным. Ничуть не стесняясь, Генрих по-прежнему продавал церковные места. В Германии симония была распространена так же, как во всех других странах, и большинство священников в ней имело жен. Мысль заставить прелатов, которые жили, как князья, и несколько тысяч духовных лиц в империи подчиниться постановлениям собора, — эта мысль должна была казаться действительно дерзкой, и когда после первого собора легаты Григория в сопровождении императрицы-матери явились в Германию, всю страну охватило невообразимое волнение. Общественное мнение должно было осудить покупку церковных должностей, и епископы со своей стороны ничем не могли оправдать симонию; но было достаточно оснований к тому, чтобы бороться с монашеским воспрещением брачной жизни, противным христианскому учению. В этой трагической борьбе из-за брачного института, определившей ход всемирно-исторических событий, побежденной оказалась естественная сторона человеческого существования, а победителем — суровый монашеский аскетизм. Победе последнего содействовал господствовавший в то время мистицизм; затем сам декрет о безбрачии был искусно связан с благотворным воспрещением симонии.

Папские послы (следует заметить, что со времени Гильдебранда посылка легатов получила совершенно новый характер: при нем они стали посылаться в провинции вселенской церкви, как некогда проконсулы Древнего Рима) потребовали у Генриха удаления советников, отлученных от церкви еще при Александре II и являвшихся главными виновниками продажи церковных должностей, и затем подчинения Германии постановлениям собора. Но мужественный архиепископ бременский Лиemar спас достоинство германской церкви: вместе с другими епископами он отказался признать действительность собора, который должен был быть созван в Германии в присутствии римских легатов.

Германия, Франция и Италия распались на партии, страстно враждовавшие между собой; одни стояли за папу, другие были против него. Колоссальная борьба, навстречу которой шел папа, в нем самом вызывала тревогу. Враги в Риме, ломбардские епископы и норманны внушали ему опасения, и он повсюду искал союзников. Теряя надежду найти их, он обратился к Дании, призывал короля Сveno прийти на защиту церкви и в награду обещал уступить ему одну из южноитальянских провинций. Как некогда византийские императоры, ведя войны с Италией, принимали к себе на службу северных варягов, сарматов и гуннов, так и Григорий решил вести

витязей Ютландии и Зеландии против одноплеменных с ними норманнов и теми берегами, которые уже были в руках последних, готов был наделить пришельцев, забывшая об участи своей собственной отчизны.

На втором своем соборе, в конце февраля 1075 г., Григорий объявил светскую власть лишенной права инвеституры в отношении духовенства; отныне никто из епископов и аббатов не должен был принимать от королей, императоров, герцогов и графов кольцо и посох; этим постановлением собора был сделан вызов всей светской власти. Запрещая светским властителям продавать церковные места, папы, стоявшие за реформу, преследовали в сущности злоупотребления, которые вполне заслуживали порицания; но Григорий покушался на право королей, которое принадлежало им издревле: кольцо и посох вручались епископам до посвящения их как символы тех земель, которые они получали от государства в ленное владение. Феодальная связь между светскими и духовными лицами, ставшая государственно-правовой, должна была таким образом порваться сразу; духовенству предстояло быть совершенно исключенным из феодальной системы. Это и был знаменитый декрет, положивший начало 50-летней борьбе, которая явилась как бы отмщением христианскому миру за слабость благочестивых людей, жертвовавших церкви земли и города, и за безумие королей, облакавших священников княжеской властью. Обладание землями короны было, конечно, источником страшного зла для церкви; церковные места продавались и были жалемы светской властью, помимо всякого соображения с заслугами, и даже — до получения ими духовного сана — самым презренным придворным любимцам. Нередко король, передавая кому-либо посох, решал по своему капризу, кому быть епископом или аббатом; такие избранники короля становились вассалами короны и были обязаны, как военачальники, служить лично во время войны. Священническое одеяние их почти не отличалось от одежд герцога и графа; государственные права и обязанности, потребности и всевозможные пороки были одни и те же у тех и у других. Очистить священнический сан от всех этих светских элементов, несопоставимых с апостольским званием, значило удовлетворить религиозным и гуманным началам. Но Григорий VII, решив сделать церковь совершенно независимой от государства, хотел в то же время сохранить за ней ее обширные владения; он никогда не понял бы идеалиста-мечтателя, который стал бы утверждать, что самый прямой путь, которым может быть достигнута независимость духовенства от политической власти — это сделать духовенство неимущим и сохранить за ним одно нравственное значение, т. е. вернуть духовенство к тому положению, которое занимали апостолы. Своим смелым планом Григорий хотел обеспечить церкви светскую власть над обширными землями во всех странах, совершенно освободить ее от вассальной зависимости по отношению к короне, подчинить церковь одному только папе и таким образом из половины Европы создать римское церковное государство.

Момент, избранный для лишения короля права инвеституры, был, по-видимому, благоприятен, так как Генриха жестоко теснили саксы. Но победа, одержанная в июне 1075 г. при Унсгруте, развязала Генриху руки, и он почувствовал себя королем. Милан, Равенна, Рим и норманны оказывались как бы естественными союзниками короля; под руководством людей, более искусных, чем Ченчий, Виберт и кардинал Гуго, снова отпавший от церкви, против Григория мог бы быть создан грозный союз. В Милане королевская власть была восстановлена. Несколько лет длилась в этом городе междоусобная война патаров; но наконец зная и народ восстали против невыносимой тирании Эрлембальда. Знаменитый капитан был убит в уличной схватке и пал со знаменем св. Петра в руке. По просьбе миланцев Генрих назначил архиепископом миланским Тедалда. Григорий, при дворе которого оста-

вался изгнанный из Милана архиепископ Атто, не мог помешать этому назначению. Тедалд был объявлен низложенным, но влияние Григория на Милан было уже утрачено со смертью Эрлембалда.

Самым деятельным противником Григория был Ченчий, глава всех недовольных в Риме. У префекта города нашлось достаточно мужества, чтобы возбудить судебный процесс против этого разбойника; но не нашлось такого человека, который решился бы привести в исполнение смертный приговор, произнесенный над Ченчием; даже Матильда оказалась его заступницей. Ченчий представил заложников, его башня была разрушена, и некоторое время после того он ничем не заявлял о себе. Но этим временем он готовил отмщение. Увидев, что разрыв папы с Генрихом неизбежен, Ченчий замыслил низвергнуть Григория с папского престола. От имени римлян Ченчий предложил Генриху овладеть Римом и обещал выдать Григория пленным. Многие надеялись на то, что покушение на жизнь или на свободу папы так же, как во времена первого иконоборства, положит конец всякой борьбе. Неизвестно, принимал ли Генрих участие в этом замысле; но фактически заговор не был поддержан ни ломбардами, ни норманнами, ни королем и оказался не более как простым разбоем бандита; тем не менее место и время, избранные для этого разбоя, делали его особенно гнусным.

Сцена, разыгравшаяся в Рождество 1075 г., является одним из самых ужасных эпизодов в истории Рима Средних веков. В сочельник папа служил обычную обедню в подземной церкви S.-Maria Maggiore; в это время раздаются крики и шум оружия, и затем в церковь врывается Ченчий с мечом в руке, в сопровождении магнатов, участников заговора. Схватив избитого и израненного папу за волосы, Ченчий вытаскивает его из церкви, взваливает на лошадь и среди ночной тишины мчится с ним по улицам Рима в свой дворец-башню в округе Regione. В городе немедленно подымается тревога; колокола бьют в набат; народ хватается за оружие; священники в ужасе запирают алтари; милиция спешит занять городские ворота; толпы людей с зажженными факелами бегут по всем улицам города, но папы нигде не находят. По утру народ собрался на совещание у древнего Капитолия; казалось, снова наступили времена Катилины с его заговором. Наконец пришла весть, что папа заключен в башню Ченчия. Одиноким, израненным и обреченным на поругание, Григорий действительно находился здесь, так как Ченчий не имел возможности увести его из города. Разбойник потребовал, чтобы ему были отданы в ленное владение лучшие имения церкви; его вассалы подвергали папу оскорблениям, а необузданные сестры Ченчия осыпали папу ругательствами, среди которых, вероятно, не раз было упомянуто имя Матильды; несмотря на все это, Григорий не потерял своего достоинства. Партия Ченчия, рассчитывавшая призвать Рим к свободе, не нашла никакой поддержки; попытка этой партии вызвать восстание была скоро подавлена, и рассвирепевший народ бросился брать приступом башню Ченчия, чтобы освободить Григория. Видя себя погибшим, Ченчий просил о пощаде, а, быть может, и потребовал ее, оказав вооруженное сопротивление. Папа пощадил врага и обещал ему полное отпущение грехов, если он совершит паломничество в Иерусалим и вернется оттуда покаявшимся. Величие духа и благородство характера Григория, может быть, никогда не проявлялись так ярко, как в эту ночь под Рождество и в следовавшие затем дни. Он сдержал свое слово даже по отношению к Ченчию, который покушался на его жизнь и которого он спас от ярости разгневанного народа. Освободив Григория, народ торжественно проводил его обратно в церковь S.-Maria Maggiore, и прерванная обедня была окончена этим замечательным человеком, более счастливым, чем Лев III. Затем дома Ченчия и его сторонников были разрушены народом, а сам он и его родня бежали. Не думая вовсе о паломничестве

в Иерусалим, Ченчий разместился в одном из своих замков в Кампании, собрал вассалов и тех магнатов, которые были недовольны Григорием, и принялся безнаказанно опустошать церковные домены.

Такую полную противоречий судьбу пришлось испытать величайшему из всех пап. Весь мир трепетал перед ним, и короли преклонялись к его ногам, а возмущившиеся римляне волочили его за волосы. Он внушал страх своим коронованным противникам, но был бессилен перед самыми презренными из своих врагов; в глубине своей души он не мог не вспомнить изречений Соломона о суете всякого земного величия.

Ночь покушения на жизнь Григория создала ему славу человека несокрушимой воли и окружила его ореолом мученика. В то же время в римском народе сказались ясно его преданность к Григорию и преклонение перед его гением. Эта поддержка со стороны народа была важна для Григория и подняла его дух. Затем друзья Григория могли уверить его в том, что покушение на него было произведено не без участия Генриха; таким образом, единственным результатом этой безумной выходки была утрата последней надежды на возможность соглашения. Разгневанный Григорий отбросил в сторону всякое колебание, если только оно еще было в нем, и решил пойти навстречу самому могущественному из своих противников. Вопрос сводился теперь к тому, чтобы заставить светскую власть преклониться перед декретами церкви. Борьба между Генрихом IV и Григорием VII, представителем государства и представителем церкви, является, может быть, самой замечательной драмой, которую когда-либо создавала политическая история.

4. Разрыв между Григорием и Генрихом. — Король созывает собор в Вормсе, на котором папа объявляется низложенным. — Письмо Генриха к Григорию. — Григорий объявляет Генриха отлученным от церкви и лишенным престола. — Общая тревога, вызванная этим решением папы. — Отношения обоих противников друг к другу. — 27 тезисов Григория

Преисполненный самодовольства после победы над саксами, юный Генрих не считал нужным вспоминать о данных им раньше обещаниях. Он продолжал, как и прежде, продавать церковные места и приблизил к своему двору отлученных от церкви советников. Эти обстоятельства и послужили Григорию поводом к тому, чтобы сделать решительное нападение на Генриха. Последнее письмо Григория к королю было, по существу, вызовом хитрого и умного противника, который в тиши готовился к битве. Григорий потребовал от короля полного покаяния в грехах; но, не ограничиваясь этим, он еще настаивал на том, чтобы король представил ему свидетельство, в котором подписью какого-нибудь епископа было бы удостоверено, что король действительно покался. Открыто и смело Григорий давал понять Генриху, что его может постигнуть участь Саула. Римские легаты еще раньше были отправлены в Гослар; они объявили королю, что он должен покаяться в своих грехах и что в случае, если он не исполнит этого требования, он будет отлучен от церкви.

Сын Генриха III, самый могущественный государь того времени, не мог не отнестись с справедливым негодованием к такому требованию; но вместо того, чтобы ответить на него иронически и с полным самообладанием, юноша дал волю своему раздражению и в бешенстве, не помня себя, напал на своего противника. Приказав прогнать легатов с позором, Генрих созвал собор в Вормсе. Явившиеся на собор германские епископы 24 января объявили папу низложенным. С точки зрения ис-

тинных государственных интересов, юный король не мог иметь никакого оправдания; своим необдуманном шагом он показал, что не понимал политических условий. Он полагал, что папа, восстановив против себя своими декретами все светские и духовные власти в империи, уже не найдет ни в ком поддержки. Вместе с тем в оценке своих собственных сил Генрих так же ошибался, будучи введен в заблуждение врагами Григория, кардинал Гуго явился самым яростным обвинителем Григория на соборе в Вормсе и при этом постарался дать понять, что он участвует на соборе как посол римлян. К длинному и ребяческому перечню преступлений, которые были поставлены в вину Григорию, даже самые злейшие враги его относились с недоверием. Но движимая чувством независимости национальная германская церковь не мирилась с властолюбивым папой, который отымал у епископов последнюю самостоятельность, объявляя их низложенными помимо соборных постановлений и даже требовал, чтобы общины отказывались признавать духовную власть таких епископов. Казалось, что этот папа видел во всех людях, кроме себя, не более как только подданных. Таким образом, Генрихом на борьбу с папой была призвана прежде всего национальная церковь, которой грозила утрата независимости.

В наше время папство представляет только тень того, чем оно было; теократическая власть, которую оно когда-то имело над королями, представляется нам уже странной и сказочной. И тем не менее, прочитывая документы, относящиеся к тому времени, мы, спокойные созерцатели минувшего, не можем не почувствовать до некоторой степени того страстного возбуждения, которым дышат эти документы. Король писал папе:

«Генрих, король не захватом, а Божией милостью, Гильдебранду, не папе, а вероломному монаху».

«Это приветствие ты заслужил, сеятель раздора, рассылающий не благословения, а проклятия служителям церкви. Я буду краток: архиепископов, епископов и священников ты попираешь ногами, как рабов, у которых нет своей воли. Ты считаешь всех их невежественными и себя одного знающим. Из благоговения к апостольскому престолу мы терпели все это; ты принял благоговение за трусость; ты восстал даже против королевской власти, которая дарована нам Богом, и грозишь отнять ее у нас, как будто власть и государство не в Господних руках, а в твоих. Христос призвал нас на царство; тебя на папство — не призывал. Ты достиг его хитростью и обманом; позоря свою монашескую рясу, ты деньгами приобретаешь расположение людей, расположением их — оружие и оружием — престол мира; но, заняв этот престол, ты нарушаешь мир, так как вооружаешь подданных против правительства и проповедуешь измену епископам; они призваны Богом, а ты даешь власть даже мирянам низлагать и осуждать их. Меня, неповинного короля, которого судит только Бог, ты хочешь низложить, тогда как даже Юлиана Богоотступника епископы предоставили судить единому Богу! Не сказал ли Петр, истинный папа: бойтесь Бога, почитайте царя? Но ты Бога не боишься, а потому и меня, Его ставленника, не почитаешь. Апостол Павел провозглашает тебе анафему; решением всех наших епископов тебе произнесен приговор, и он гласит: оставь апостольский престол, которым ты завладел противозаконно, и пусть другой займет его, — тот, кто не будет совершать насилия над религией и преподаст истинное учение Петра. Я, Генрих, Божией милостью король, вместе со всеми нашими епископами взываю к тебе: удалась, удалась!»

Таково содержание письма Генриха к Григорию, которое по своему значению является ценным документом того времени. Низложение папы, будучи незаконным, так как в соборе принимали участие только германские епископы, явилось

актом, неслыханным в летописях церкви, и взволновало весь Запад. Королевские послы поспешно переправились через Альпы и были встречены с восторгом ломбардскими магнатами и епископами. Собравшись в Пиаченце, ломбардцы присоединились к постановлениям собора в Вормсе и со своей стороны так же низложили папу.

Доставить в Рим постановления соборов в Вормсе и Пиаченце было поручено Роланду, одному из пармских священников. В то же время и Генрих обратился к римлянам с воззванием, в котором, как патриций их, предлагал им удалить Григория и избрать нового папу. Следует заметить, что сан римского патриция как бы давал Генриху, который не был императором, некоторое право действовать так по отношению к папе. Объявив Григория низложенным, Генрих ссылался именно на власть, принадлежавшую ему как патрицию. 22 февраля в латеранской базилике происходил собор, и за день перед тем явился посол. Как только заседание было открыто обычным церковным пением, Роланд выступил вперед и, обратившись к папе, мужественно объявил: «Король, мой государь, и все епископы по ту сторону гор повелевают тебе немедленно сойти с престола, которым ты противозаконно овладел; а без согласия их и императора никто не должен занимать этот престол. Вас же, братья (и говоривший обратился к присутствовавшему духовенству), я приглашаю явиться в Троицын день к королю; он назначит вам папу, потому что тот, который сидит здесь, не папа, а хищный волк». Крики негодования были ответом на эти слова; все присутствовавшие на собрании поднялись со своих мест; кардинал гор. Порто объявил, что преступник должен быть взят, и префект Рима уже бросился на Роланда с мечом. Возможно, что смелый замысел Григория был бы окончательно разрушен этим фанатическим порывом; но Григорий быстро овладел им и не допустил собрание совершить убийство посла.

Когда спокойствие было восстановлено, собранием были приняты решительные меры. Ломбардские и германские епископы, подписавшие декреты в Вормсе и Пиаченце, были отлучены от церкви; некоторые из них, к полному торжеству папы, явились к нему из-за Альп молить у его ног о прощении уже в первые дни собора. Затем по требованию собрания король был приговорен к наивысшей мере наказания — к отлучению от церкви. Между тем в базилике как участница собора присутствовала императрица Агнеса, и каждое слово, раздававшееся на собрании, казалось, было направлено в ее сердце. Вдова могущественного Генриха отвернулась от своего сына и была на стороне римского духовенства; тем не менее фимиами, которыми воскурили ей в Риме, не мог совсем заглушить в ней чувства матери.

Церковное отлучение, на которое Григорий осудил могущественного христианского монарха, прогремело по всему миру, как оглушительный удар грома. Еще никогда отлучение от церкви не производило такого потрясающего впечатления. Все другие папские отлучения бледнеют по сравнению с всемирно-историческим значением отлучения от церкви, которое было провозглашено Григорием и явилось причиной раздоров, охвативших весь Запад. В мрачной истории Средних веков в этот момент разыгрывалась ужасная и вместе величественная трагедия, которая становится все более и более изумительной по мере того, как человечество, двигаясь вперед, отдаляется от нее.

Все человечество верило в то, что власть благословлять и проклинать принадлежала главе церкви, и никто из светских правителей не оспаривал у папы его права присуждать к церковному покаянию. Церковной каре подлежали одинаково и короли, и все другие миряне; вполне уверенный в себе, Григорий мог бы сказать: «Когда Христос говорил Петру: паси овцы моя, — разве Он исключал из их числа королей?» Отлучение от церкви было общепризнанным орудием пап; возможно ли

было для такого папы, как Григорий, отказаться от этой меры по отношению к королю, который унижал церковь, допуская в ней всякие злоупотребления, и затем объявил папу низложенным? Тем не менее отлучение короля от церкви было актом неслыханной смелости и произвело на весь мир глубоко потрясающее действие. Власть папы в те времена еще не казалась людям настолько безграничной, чтобы такое решение, как отлучение короля от церкви, могло быть принято ими спокойно. Еще более изумительным являлся тот беспримерный факт, что римский епископ присваивал себе право объявлять главу государства лишенным короны, освобождать подданных от данной ими присяги и таким образом сеять повсюду ненависть и возмущение. Поверят ли люди позднейших веков тому, что было время, когда папа считал свою, как бы божескую, власть полученной преемственно от смиренного и миролюбивого апостола? Уже для нас, стоящих до некоторой степени еще близко к Средним векам, является непонятным стремление сосредоточить все божественное величие в лице одного жалкого смертного, — кажется странным такое желание человека присвоить себе право благословлять и проклинать на вечные времена, тогда как достаточно одного неуловимого мгновения, чтобы этот человек исчез бесследно. Средневековому папству, которое так смело стремилось выйти за пределы конечно-го, было присуще какое-то роковое величие.

Весть об отлучении германского короля от церкви произвела на Западе невероятно сильное впечатление. По словам летописца того времени, этой вестью Римская империя была потрясена вся до основания. Неслыханное решение папы совершенно спутало понятия людей; между тем духовенство ради оправдания Григория старалось найти в анналах папства соответственные примеры и ссылками на разные случаи применения епископской власти, не имевшие ничего общего с поступком Григория, успокоить вызванное им негодование.

Генрих и Григорий, ставшие теперь врагами не на жизнь, а на смерть, в своем нападении друг на друга исходили из одинаковых оснований; они оба объявили друг друга низложенными; оба сошли с почвы права и оба присвоили себе полномочия, которыми не обладали. Но оружие было у них неодинаково. В те времена король даже тогда, когда он держал в своей руке меч героя, был бессилен перед папой, в распоряжении которого было отлучение от церкви. Борьба короля с папой была тогда как бы борьбой простого человека с волшебником. Генрих ринулся в борьбу слепо, не помня себя; но Григорий повел ее с искусным расчетом. Дальнейший ход событий показал, что у папы, стоявшего, по-видимому, совсем одиноко, союзники были более сильные, чем у его противника.

И тот, и другой были деспотические натуры; но деспотизм короля умерялся закономерностью государственного строя, тогда как для иерархической власти папы епископы и соборы не служили ограничением. Неустойчивость характера порочного государя ослабляет сочувствие к нему в постигшей его участи; он поддерживал злоупотребления, существовавшие в церкви, и в этом отношении победа над ним папы была желательна; но заносчивая программа непогрешимости и всевластия папства, которая была провозглашена Григорием, страшит мысль и умаляет значение произведенной им благотельной реформы, хотя бы мы и признавали, что церковь должна быть независима от политической власти. Подлинность 27 тезисов, включенных в регесты Григория, сомнительна, но мы отметим те из них, которые выражены наиболее резко, так как они воспроизводят собой все то, к чему стремился Григорий VII и что он сам открыто высказывал в своих письмах.

«Римская церковь установлена самим Богом. Одному папе принадлежит право издавать новые законы, учреждать новые общины и низлагать епископов помимо

соборных постановлений. Он один имеет право распоряжаться знаками императорского достоинства. У него одного государи лобызают ногу. Только его имя провозглашается во всех церквях. Это имя едино во всем мире. Он обладает правом низлагать императоров. Он может освобождать подданных от присяги, данной ими верховной власти, если эта власть нарушает справедливость. Помимо его одобрения, ни одна глава, ни одна книга не считается каноническими. Его решение непрекрасимо. Он не подлежит ничему суду. Римская церковь была всегда непогрешима и останется непогрешимой во веки веков, как свидетельствует Св. писание. Когда совершается посвящение римского папы, согласно с каноническими правилами, он приобретает святость через заслуги св. Петра. Только тот истинный католик, кто во всем согласуется с римской церковью».

5. Отпадение от Генриха IV имперских сословий. — Он слагает с себя королевскую власть. — Он добивается снятия с него церковного отлучения. — Каносса (1077 г.). — Нравственное величие Григория VII. — Охлаждение ломбардцев к королю. — Он снова сближается с ними. — Смерть Ченчя. — Смерть Цинтия. — Смерть императрицы Агнесы в Риме

На отлучение от церкви Генрих ответил низложением папы, но вскоре затем убедился, что его противник обладает могущественной силой. В собственной стране Генриха спокойствие было совершенно нарушено. Среди наиболее могущественных князей была возбуждена надежда на обладание престолом; в народе были разожжены фанатизм и суеверие, представляющие такую страшную опору церковной власти; духовенству, знати и народу дано было понять, что они могут освободиться от деспота, отлученного от церкви, и избрать другого короля, который получит апостольское благословление, если папа найдет его достойным. Если бы Генрих был истинным монархом, он нашел бы в себе силы перенести церковное отлучение; но имперская власть Генриха покоилась на шатком фундаменте феодального строя, и папы, стремившиеся к расширению своей власти, были обязаны своими успехами единственно только этому строю.

В истории германской империи мы встречаем случаи, когда от короля, которого боялись или ненавидели, отпадали князья-вассалы, епископы и значительная часть народа (но не весь народ). Здесь мы отметим только тот факт, что позорному унижению короля в Каноссе, богато одаренного от природы и мужественного воителя, но не умевшего владеть своими страстными порывами, содействовала сама германская партия, враждебная королю. Две трети Германии в силу политических условий были против короля и держали сторону Рима. Могущественные враги Генриха и во главе их Вельф Баварский, Рудольф Швабский и Бертольд Каринтийский не приняли его приглашения прибыть в Вормс и в октябре съехались на сейм в Трибуре, где присутствовали и папские легаты. Опасаясь монархических замыслов Генриха и руководствуясь злополучными соображениями яростной партийной вражды, эти князья превратились в союзников Рима. Тщетно просил король не позорить в его лице достоинства отчизны и империи. Сейм в Трибуре изменил отечеству и объявил, что папа имел право объявить такой смелый приговор; этим решением сейма за папой была признана верховная судебная власть над империей. Далее сейм объявил Генриха низложенным, если с него не будет снято отлучение до 2 февраля 1077 г. В этот день в Аугсбурге под председательством папы должен был быть созван собор, которому и предстояло произнести окончательный приговор. До того времени Генрих должен был оставаться в Шпейере как частное лицо. Малодушный король по-

корялся этому позорному решению, с которым едва ли примирился бы даже Карл Лысый, и, отменив свои декреты, направленные против папы, удалился в Шпейер.

Получив от германцев приглашение прибыть в Аугсбург, Григорий известил их о своем приезде. Но в то время как он проезжал через земли своего друга Матильды, желавший получить прощение Генрих в сопровождении небольшой свиты уже пробрался в жестокую зимнюю стужу тропой изгнанников по ледяным равнинам М. Сениса. Этот бесхарактерный государь бросался из одной крайности в другую; чувствуя себя покинутым, он сложил свое оружие, забыл о своем королевском величии и, подвергая себя глубочайшему унижению, пал к ногам своего изумленного врага. Услышав, что Григорий едет в Германию, Генрих понял, что этому приезду необходимо помешать. Решительный и мужественный человек собрал бы войско и не медля преградил бы путь папе в Германию. Но Генрих был только хитер; широты и смелости мысли в нем не было. И первый итальянский поход сына того Генриха, войска которого, закованные в железо, приводили Италию в трепет, был только жалким паломничеством беглеца, осужденного и кающегося в своих грехах. Будучи торжеством суеверия над разумом и человеческим достоинством, это паломничество свидетельствовало, однако, в то же время о великой победе, одержанной нравственной силой, которую представляла церковь. Единственно прекрасной стороной паломничества Генриха была трогательная любовь его жены: отвергнутая мужем раньше, она явилась к нему и разделила с ним все опасности пути.

Когда Генрих прибыл в Италию, ломбардцы встретили его шумными ликованиями. До сих пор северные итальянцы знали только таких германских королей, которые, перейдя Альпы, нападали на Рим, возводили на престол пап или низлагали их и брали в свои руки имперскую власть. Ломбардцы полагали, что и Генрих так же пришел в Италию затем, чтобы удалить Григория, «врага человечества», с папского престола. Поэтому к Генриху явились целые толпы вассалов из многих городов, лежащих частью к северу от р. По, частью к югу от нее. Григорий, остановившийся на время в Мантуе, бежал тогда в Каноссу, укрепленный замок Матильды, и заперся в нем. Графы и епископы уговаривали Генриха идти на Рим; но в душе короля боролись гордость и боязнь, и он оставался в нерешительности. Затем, совершенно потерянный, этот юноша оттолкнул от себя ломбардцев и колеблющимися шагами пошел навстречу духовной смерти. Приближавшийся день собора в Аугсбурге казался Генриху ужасным и в то время, как предстоявший позор приковывал его к месту, страх гнал его в Каноссу. Наконец роковой замок показался перед глазами Генриха. Здесь за тройным рядом стен под охраной владелицы замка находился монах, предавший короля анафеме. Сюда же, чтобы вымолить прощение, каждый день прибывали мучимые раскаянием германские епископы. Генрих вступил в переговоры, и посредницами в них явились, как вестницы милосердия, две женщины: графиня Матильда и графиня Адельгейда, жена Генриха.

В истории папства останутся памятными навсегда две замечательные личности, в которых ярко сказалось духовное величие пап: Лев, перед которым признал себя побежденным страшный Аттила, и Григорий, перед которым преклонил колена Генрих IV, одетый во власяницу кающегося. Но впечатление, которое производят на нас эти два исторических события, неодинаково; в первом случае мы чувствуем всю силу чисто нравственного воздействия, во втором — нас поражает какая-то почти сверхчеловеческая сила характера. Но эта бескровная победа монаха имеет больше прав на всеобщее изумление, чем все победы Александра, Цезаря и Наполеона. Сражения, в которых бились в Средние века папы, они выигрывали не железом и свинцом, а нравственной силой, и это применение или воздействие высших духовных начал, как деятельного фактора, является причиной тому, что Средние

века порой стоят выше нашего времени. Какой-нибудь Наполеон по сравнению с Григорием представляет собой не более как варвара.

В течение трех дней стоял несчастный король в одежде кающегося перед внутренними воротами замка, умоляя отворить их ему. Григорий колебался довериться обещаниям легкомысленного государя, и это было естественно; но смирение короля возбуждало общее сочувствие к нему, и строгость Григория должна была показаться жестокой даже Матильде. Сняв с униженного короля церковное отлучение (28 января), Григорий в то же время лишил его королевской власти; Генрих должен был передать корону папе и оставаться частным человеком до тех пор, пока над ним не состоится суд на соборе; затем, в случае нового избрания Генриха, он должен был дать присягу в том, что будет всегда повиноваться воле папы. Григорий понимал, что благодаря ему папство в этот момент проявляло свое всемирно-историческое значение. Некогда Оттон I плакал при виде несчастного папы, простиравшего к нему руки и молившего о помощи. Григорий так же был растроган, когда увидел, что к его ногам пал с рыданиями германский король, верховный властитель Запада. Но смягчить железную волю этого римского монаха возможно было только ненадолго. Величественное спокойствие, с которым Григорий произнес свой приговор над Генрихом, придает этому папе какой-то роковой и в то же время возвышенный облик.

«Если я, — говорил Григорий, принимая св. дары, — повинен в том, в чем меня обвиняют, пусть немедленно постигнет меня смерть, как только я приму эту облатку». И, приняв при восторженных кликах фанатизированной толпы одну половину облатки, Григорий с невозмутимым спокойствием передал другую половину королю, призывая его на равный суд Божий. Но чуждый в эту минуту чувства собственного достоинства, Генрих малодушно отступил перед ужасным испытанием, которое было ему предложено. Правда, он не сделался в этот момент клятвопреступником, как Лотарь; возможно так же, что унижение и отчаяние, которые были пережиты им тогда, снова воскресили в душе его мужество и возродили его нравственно.

Дела людей имеют свои определенные границы роста и упадка; поднятое на известную высоту дело рук человеческих начинает опускаться, и наоборот. В то время как Григорий стоял в зените своего счастья, Генрих изведal всю глубину своего унижения; затем Григорий стал медленно спускаться к обычному уровню человеческого существования, а звезда Генриха начала так же медленно снова подниматься. Покинув замок, где были принесены в жертву и достоинство империи, и величие предков, и чувствуя себя человеком, как бы пробужденным от ужасного сна, Генрих направился в Ломбардию. Он был встречен здесь гробовым молчанием. Храбрые ломбардцы, еще не распустившие своих войск, отнеслись к королю с презрением; графы и епископы избегали встречи с ним или обходились холодно; города, в которых республиканский дух был уже силен, отказывали королю в приюте или с большой неохотой разрешали ему останавливаться только за стенами. Северную Италию охватило недовожество: ломбардцы находили, что Генрих нанес короне неизгладимый позор. Сами они были готовы идти вместе с королем бороться против общего врага; но король изменнически заключил с этим врагом позорный мир; необходимо было теперь заменить трусливого отца малолетним сыном его, Конрадом, идти в Рим с ним, короновать его императором, прогнать Григория и избрать другого папу.

Не успел Генрих покинуть Каноссу, как в его душу закрались новые сомнения. Если, как объяснил он ломбардцам, он добивался снятия с него церковного отлучения действительно только для того, чтоб получить свободу и отомстить за себя

папе, то каждый мог назвать короля лжецом и строгость папы являлась тогда вполне справедливой. Такой человек, как Григорий, глубоко понимавший людей, мог сказать себе наперед, что в его власти подвергнуть крайнему унижению короля, действующего по внушению страстей, но нет возможности принудить этого короля всегда оставаться в таком унижительном положении. Отмщение Григорию являлось естественным последствием чрезмерности его победы. Его отказ Генриху, желавшему возложить на себя в Монце итальянскую корону, был основателен. Некоторое время Генрих еще сторонился ломбардцев, но затем стал хлопотать о примирении с ними. Своих сторонников, мужественно отказавшихся от прощения, предложенного им из Каноссы папой, Генрих принял в Пиаченце. Виберт равеннский, а так же и Ченчий вступили с ним в переговоры. Ченчию не мог не казаться странным король, дошедший до такого позорного унижения перед папой, которого сам Ченчий незадолго перед тем вытащил за волосы из церкви. Желая снова испытать свое счастье в борьбе с Григорием, Ченчий явился в Павию; но Генрих, по-видимому, не решился принять его. С целью подстеречь Григория этот мстительный римлянин держался поблизости Каноссы и не переставал замышлять один заговор за другим, пока неожиданная смерть не постигла его в Павии. Сторонники Григория радовались тому, что Катилина был взят наконец в преисподнюю; но те, кто был отлучен папой от церкви, и во главе их архиепископ Виберт проводили тело своего друга в могилу с шумным торжеством.

Если безбожного Ченчия поглотил ад, то благочестивый Цинтий был взят, конечно, на небо. Префект, которому Григорий на время своего отсутствия доверил Рим, был убит в конце лета 1077 г. в засаде, устроенной в Кампании братом Ченчия Стефаном. Римские сторонники Цинтия, опечаленные его смертью, отомстили за нее убийце: они взяли приступом укрепленный замок Стефана, убили его самого и выставили его голову перед базиликой Св. Петра; соучастники Стефана точно так же были наказаны: одни — убиты, другие — изгнаны. Таким образом, Цинтий разделил участь своих друзей Ариальда и Эрлембальда. К его могиле так же стекались богомольцы; останки префекта, поучавшего своих сограждан при жизни проповедями, оказались чудотворными; заключенные в мраморный саркофаг, они были поставлены в парадизе базилики Св. Петра и еще долго были предметом общего поклонения.

За Цинтием 14 декабря последовала в могилу несчастная мать Генриха. Она умерла в Латеране, глубоко опечаленная тяжким унижением, которому подвергся ее сын. Тело императрицы было погребено в капелле Св. Петрониллы при базилике Св. Петра. Из всех коронованных лиц германского происхождения только Оттон II и Агнеса похоронены в Риме.

6. В Генрихе возрождается мужество. — Рудольф Швабский, король. — Генрих возвращается в Германию, Григорий — в Рим. — Падение последних лангобардских династий в Южной Италии. — Значение лангобардского народа. — Роберт присягает Григорию как вассал. — Вильгельм Завоеватель и Григорий. — Папа признает королем Рудольфа и снова отлучает от церкви Генриха. — Виберт Равеннский, антипапа. — Счастье Григория изменяет ему

Мужественная решимость Генриха вернуть себе королевское достоинство окрепла в его душе; он понял предстоящую ему задачу и смело взялся за разрешение ее. Во вторую половину своей жизни Генрих боролся с папской властью, как ге-

рой, и эту борьбу продолжали затем Гогенштауфены, которых Генрих пожаловал в сан герцогов Швабии.

Германские мятежники пригласили папу приехать в марте в Форхгейм, где должен был состояться суд над королем, и, согласно договору в Каноссе, Григорий потребовал, чтобы Генрих дал ему пропуск и явился сам в Форхгейм. Но Генрих уклонился от исполнения этого требования, и папа послал в Германию своих легатов. Григорий едва ли мог иметь намерение устранить от престола смирившегося короля и, вероятно, желал только подчинить его как вассала Св. Престолу, а затем так же заставить его отказаться от права инвеституры и признать все другие папские декреты. Но неожиданной помехой всем этим планам папы явилось избрание нового короля: 13 марта 1077 г. в присутствии папских легатов Рудольф Швабский был избран германским королем, а Генрих объявлен низложенным. Это избрание, в котором Григорий не принимал никакого участия, что и было подтверждено им позднее торжественной клятвой, совершенно изменило весь ход дел. Оно нарушало договор, заключенный в Каноссе, и превращало германских противников Генриха в бунтовщиков, восставших против короля, который между тем был уже прощен папой. Благоразумие, конечно, требовало, чтобы папа воздержался на первое время от всякого вмешательства и сохранил за собой выгодное положение судьи двух враждующих королей, из которых ни один еще не был им признан. Таким образом, это неожиданное перемещение власти поставило германскую империю в то же положение, в котором папство находилось при Генрихе III.

Генриху пришлось спешить в Германию, чтобы начать борьбу за корону. Он назначил своими наместниками в Италии Тедальда, архиепископа Миланского, и Дионисия Пьяченцкого и в апреле перешел через Альпы. Покинув свою отчизну малодушным трусом, он возвращался в нее теперь как настоящий король. Его прекрасная, мужественная фигура, царственная манера держать себя, энергия и смелость, все это впервые сказалось в нем во всей своей силе и поставило его наряду с самыми знаменитыми монархами германской империи.

Между тем Григорию, остававшемуся в замке Матильды, стали угрожать непокорные ломбардцы, с которыми Генрих успел примириться. Благодаря привилегиям, которые были дарованы Генрихом городам, независимость последних значительно возросла; великий папа, охваченный властолюбием, казался для Италии более опасным, чем обессиленный король с его суверенитетом. Все ломбардские города и вся Романья примкнули к знамени Генриха; они преградили папе проход через Альпы, взяли в плен папских легатов и затем решили, созвав в мае в Ронкалье сейм, вновь подтвердить постановления пьяченцкого собрания и объявить папу низложенным. Только войска Матильды спасли папу от вооруженного нападения на него.

Еще несколько месяцев Григорий оставался в Верхней Италии, но затем увидел, что проникнуть в Германию для него не представляется возможным. Вернувшись в Рим, он понял, что положение, в котором он очутился, было почти безвыходное, что борьба с германским королевством, которую он надеялся в короткое время привести к концу, только начиналась. Правда, Рим был спокоен; но успехи норманнов внушали Григорию опасения. Генрих приложил старания к тому, чтобы выставить против папы этих серьезных врагов, а хитрый Роберт Гюискар весьма искусно избегал принять чью-либо сторону. Не встречая для осуществления своих планов помехи вроде римского похода или какой-нибудь папской затей, Роберт приступил к завоеванию Кампаньи. Случай к тому был дан гор. Амальфи, и Гюискар направил свое оружие против своего собственного зятя, Гизульфа Салернского, страшного деспота и самого преданного друга Григория. Усилия папы предупредить

это нападение оказались тщетными; Роберт заключил союз со своим прежним соперником, Ричардом Капуанским, в мае 1077 г. обложил Салерно, овладел им и принудил самого Гизульфа, затворившегося в цитадели, сдаться. Последнему лангобардскому государю, сыну некогда столь блестящего Воймара, были дарованы жизнь и свобода, а папа приютил его в Риме у себя на службе и затем сделал правителем (гестог) римской Кампаньи.

Так прекратилось существование в Южной Италии лангобардских государств. Замечательна та стойкость, которую проявило лангобардское племя, создавшее эти государства; правда, древний язык его был вытеснен романским наречием, но сам народ еще сохранялся и знатные фамилии по-прежнему гордились своим происхождением от завоевателей, участников походов Альбоина. Еще далеко за половину XII века мы встречаем в документах древнелангобардские имена Махенульфа, Ландульфа, Пандульфа, Аденульфа, Гизульфа, далее Маральда, Кастельмана, Ромуальда, Авдоальда, Мусанда, Адемара, Лидта, Арехиса, Радельгрима, Адельберта, Адельфара, Радельхиса, Визельгара, Родерика. Добрая слава этого германского племени заключается в том, что, слившись с итальянским народом, оно явилось его существенной и благородной частью. В течение 500 лет оно сохраняло свою индивидуальность, неся в себе определенный правовой порядок; он был дарован этому племени ее мудрыми королями в то время, когда среди итальянцев царило варварство. Только с середины XII века этот порядок перестал существовать. Раньше мы уже много раз отмечали, что лангобарды на протяжении целых столетий стояли во главе духовной и политической жизни Италии; в позднейшую эпоху в лице графини Матильды, Григория VII и Виктора III мы все еще видим цвет лангобардского племени.

В то время как Ричард осаждал Неаполь, Роберт решил присоединить к своим владениям так же и Беневент. Предлогом к этому походу Роберту послужило то обстоятельство, что Гизульфу был дан приют в Риме, удобный же случай осуществить этот план представился, когда умер бездетный Ландульф VI, последний государь Беневента и вассал папы. В конце 1077 г. Роберт осадил Беневент и стал делать опустошительные набеги на римскую территорию и на мархии анконскую и молетскую. Беневент оказал, однако, мужественное сопротивление. Роберта не пугало церковное отлучение, на которое он был осужден; но по отношению к капуанским государям папская политика оказалась более действительной. В 1078 г. Ричард умер под стенами Неаполя, примирившись с церковью. Его сыну Иордану папа сумел внушить, что успехи Гоберта могут со временем погубить самого Иордана. Тогда последний снял осаду с Неаполя, принес как вассал присягу в Риме, вступил в союз с беневентцами, разбил войска Роберта и призвал к восстанию баронов Апулии и Калабрии. Таким образом, Роберт был принужден вступить в соглашение с папой. Григорий оказался уступчивым, так как нуждался в защите норманнов против Генриха, с которым он во второй раз открыто порвал сношения и который уже готовился к походу в Италию. Нельзя, конечно, не считать басней легенду о том, что папа, желая привлечь на свою сторону опасного норманнского государя, будто бы соблазнял его надеждой на получение императорской короны; тем не менее он предоставил ему достаточно преимуществ. Роберт Гюискар, принесший ленную присягу папе при личном свидании с ним 29 июня 1080 г. в Чепрано при Лирисе, снял осаду с Беневента, и с той поры этим городом владели всегда папы. Но затем Григорий уже не считал нужным восстанавливать Гизульфа в его правах и оставил Салерно, Амальфи и даже некоторые части мархии Фермо, владения св. Петра, временно во власти завоевателя, которого позднее наделил еще Апулией,

Калабрийей и Сицилией. Взамен всех этих уступок герцог обязался платить ежегодную дань и быть защитником церкви, что уже было обещано им еще Николаю II.

Гордый норманн послушался голоса благоразумия и направил свои помыслы на завоевание Греции; он признал законность папской инвеституры, дарованной «Милостью Господа Бога и св. Петра», и с той поры в течение более чем 600 лет короли обеих Сицилий считались вассалами Св. престола. Ленной присяги Григорий потребовал так же от короля Англии, Вильгельма Завоевателя, который в то самое время, когда его соплеменники завоевывали Италию, овладел Британией. Папы надеялись, что ту же роль, которую они так удачно исполнили в Италии, им удастся сыграть и в Англии, где норманнским пиратам предстояло так же завоевать земли, чтобы затем получить их в ленное владение от Рима. Вильгельм вторгся в Англию с папского разрешения, с хоругвью св. Петра в руке, и на этом-то обстоятельстве римская курия основывала свои верховные права на Англию. Но король отнесся к притязаниям Григория только с усмешкой и в своем лаконическом письме ответил на них отказом.

Между тем папе приходилось принять какое-нибудь решение относительно Генриха, который в ноябре 1077 г. в Германии уже был снова отлучен от церкви кардиналом-легатом Бернгардом. Потерявшим терпение саксам удалось упротить папу признать наконец Рудольфа королем, а Генриха — низложенным с престола. В марте 1080 г. в Риме был созван собор. На этом соборе Григорий объявил Генриха лишенным германской и итальянской корон и проклял как заклинатель его оружие. Затем Григорий торжественно признал Рудольфа королем и в заключение призвал апостолов Петра и Павла явить миру доказательство того, что им дана власть не только *вязать и разрешать* на небе, но что они точно так же и на земле обладают властью раздавать и отнимать государства, княжества, графства и всякие другие владения. В этот момент страстная борьба, достигшая крайнего напряжения, помутила великий ум Григория.

Отлучение от церкви, объявленное во второй раз, не имело того действия, которое оно произвело в первый раз; Генрих как государь, опытный в ратном деле, теперь был готов к бою, имея за собой всю Северную Италию. 31 мая в Майнце был созван собор из 19 епископов, сторонников Генриха, и они снова объявили папу низложенным. Таким образом, обе враждовавшие стороны еще раз повторили то, что ими уже было проделано однажды; но затем Генрих сделал еще дальнейший шаг. 25 июня 1080 г. в Бриксене состоялся собор многих итальянских епископов, и здесь, согласно желанию Генриха, папой был избран Виберт Равеннский. Благодаря этому избранию борьба Генриха против Григория получила церковный характер. Как папа боролся с королем, выставляя против него в Германии другого короля, так и Генрих, в свою очередь, выдвинул против Григория антипапу. Большое значение имело в особенности то обстоятельство, что в папы был избран архиепископ равеннский. Будучи с давних времен врагами пап, патриархи Равенны начиная с X века стали так же могущественны, как владетельные князья. Затем с течением времени Экзархат, самая древняя провинция каролингского церковного государства, совершенно отделился от Рима и сделался достоянием равеннских архиепископов. Передавая отдельные города графам как своим собственным вассалам, которые вскоре же стали наследственными, равеннские епископы вместе с тем считали древнее папское достояние леном, полученным ими во владение не от пап, а от императоров.

Давний противник Григория, вполне понимавший политические условия того времени, Виберт, неизбежно должен был принять как антипапа самое деятельное участие в борьбе. Это был противник опасный, каким Кадал не мог быть. Человек знатного происхождения, образованный, одаренный государственным умом, честолюбивый Виберт давно мечтал о тиаре, надеясь отнять ее у Григория. Теперь Ви-

берт достиг своего избрания, но посвящение и власть могли быть получены им только в базилике Св. Петра. Покинув Бриксен, Виберт немедленно направился в Ломбардию, а Генрих, назначивший свой поход в Италию на следующий год, пошел против саксов. В октябре на Эльстере Генрих был побежден в кровавой битве, но в то же время избавился от своего врага, так как Рудольф был убит. Прошла зима, и весной 1081 г. Генрих с войском спустился с Альп, чтобы наказать своего римского противника.

Этот момент является поворотным пунктом в истории Генриха и Григория. Прилив, вознесший Григория на высоту, сменился отливом, и для Григория наступили времена, когда несчастье стало преследовать его в Риме; затем последовали падение Григория и смерть его в изгнании. Но изумительный гений Григория сказался во всей своей яркости и на закате дней этого человека, когда одинокая звезда его величественно опустилась за горизонт истории, скрывшись в безбрежном море прошлого.

ГЛАВА VI

1. Генрих IV идет в поход на Рим (1081 г.). — Первая осада Рима. — Вторая осада весной 1082 г. — Отступление к Фарфе. — Поход в Тиволи. — Климент III делает его своей резиденцией. — Опустошение земель маркграфини

Борьба между обоими ожесточенными противниками, императором и папой, длившаяся многие годы, происходила в самом Риме и составила в его существовании особую эпоху, которая сопровождалась полным разорением города. Эта замечательная война из-за Рима в противоположность тем, которые происходили раньше, не была ознаменована никакими героическими событиями, так как она велась очень небольшими силами. Тем не менее важное значение самой борьбы, удивительная судьба короля, осаждавшего Рим, и нравственное величие папы, защищавшего осажденный город, придают этой борьбе исключительный интерес. Генрих IV, Григорий VII, Роберт Гюискар и великая маркграфиня были действующими лицами этой трагедии.

С лета 1080 г. Виберт оставался в Равенне и собирал здесь войска, между тем как Григорий прилагал все свои старания к тому, чтобы возбудить против него крестовый поход. Норманны, однако, изменили папе. Гюискар, правда, уклонился от союза с Генрихом, но увещаниями папы так же не последовал, так как готовился к походу в Грецию, чтобы восстановить на византийском троне самозванца Михаила Дука. Этот замысел лишил папу необходимой для него в то время помощи норманнов; но, вынужденный обстоятельствами, Григорий не мог не одобрить его. Что касается Иордана Капуанского, то он принял сторону Генриха. Таким образом, единственным союзником Григория оставалась Матильда.

Тем не менее приближение врага не лишило Григория его мужества; по примеру Велизария он решил защищаться от нападения, оставаясь за стенами Рима. Когда Рудольф пал, Григорию настойчиво советовали примириться с Генрихом, указывая, что на поддержку Германии нет никакой надежды, что сопротивление графини Матильды, по мнению ее вассалов, есть не больше как одно безумие. Но Григорий не поддавался на эти советы и потребовал от германцев, чтобы они выбрали нового короля и при этом напомнил им, что король, который будет избран ими, должен быть покорным вассалом церкви.

Генрих вступил в Италию весной 1081 г. В Германии все еще продолжалась междоусобная война; но приверженцы Генриха были достаточно сильны для того,

чтобы одолеть римскую партию. Три года ужасной борьбы, которую Генрих вел как воин и политик, сделали этого человека, богато одаренного от природы, вполне мужественным. На этот раз он явился в Италию, чтоб отомстить за свой позор в Каноссе, добиться императорской короны и заставить папство снова служить имперской власти. В страстной борьбе Генрих провел еще целых три года; но из тех целей, к которым он стремился, были достигнуты только две первые: папство, освобожденное гением Григория из-под ига имперской власти, сохранило навсегда свою независимость от этой власти.

В Равенне Генрих надеялся усилить свое войско и привлечь на свою сторону Гюискара; эта надежда, однако, не оправдалась. Хитрый герцог, не внимая одинаково и просьбам Григория, уже в Пасху 1081 г. отплыл в Дураццо. Тогда Генрих возложил на себя итальянскую корону и созвал в Павии собор, на котором Виберт был провозглашен папой под именем Климента III. Затем, не встречая на пути никаких преград со стороны маркграфини Матильды, Генрих двинулся на Рим.

22 мая Генрих расположился лагерем на Нероновом поле, и Григорий имел случай убедиться при этом, как были предусмотрительны его предшественники, воздвигшие укрепленный город Леонину. Норманны, тосканцы и городская милиция охраняли стены Леонины; зато в самом Риме королевская партия была слаба и не имела предводителя. Со времени Тотилы Рим ни разу не подвергался такой продолжительной осаде, к которой Генрих намерен был теперь приступить. Но силы его были недостаточны, и первый поход не дал никаких результатов. Генрих призвал в свой лагерь римлян, принадлежавших некогда к партии Кадала и Бенцо; некоторые ландграфы, и в частности Тускуланские, перешли на сторону Генриха. Он учредил свой сенат или курию и назначил придворных должностных лиц, новых судей и нового префекта. Все это было целесообразно, так как усиливало партию короля. Но Рим остался верен папе и на предложения Генриха ответил отказом. На Пасхе в лагере была устроена процессия, и Генрих принял в ней участие, надев на себя корону. При виде этой процессии сторонники папы могли торжествовать: императорская корона и папская тиара, которыми король и его ставленник-папа так страстно желали овладеть, хранились в базилике Св. Петра, оставшейся недоступной для осаждавших город. Спустя 40 дней Генрих снял свой лагерь и направился в Тоскану. Бессильный враг на этот раз должен был ограничиться лишь одной угрозой своему противнику.

Города Пиза, Лукка и Сиена, бывшие тогда в цветущем состоянии, воспользовались случаем освободиться из-под власти маркграфини и получили императорские декреты, благодаря которым их гражданская независимость возросла еще более. Только одна Флоренция оказала Генриху сопротивление и выдержала осаду. В Равенне, в которой король проводил зиму, к нему явился посол императора Алексея. Теснимый Гюискаром, император просил Генриха о помощи и в надежде получить ее возможно скорее послал королю большую сумму денег. Между Генрихом и императором был заключен договор. Получение византийских денег оказалось вполне своевременным, так как победить Рим, по-видимому, было легче золотом, чем мечом. Весной 1083 г. судьба оказалась, однако, все так же неблагоприятной для короля. Сторонники папы по-прежнему мужественно защищали Леонину; пролом в стене не послужил на пользу осаждающим; пожар в базилике Св. Петра, изминутно подожженной, был так же вскоре прекращен. Генриху пришлось снова отступить в Кампанию; он миновал Соракте, с большим трудом переправился через Тибр и 17 марта остановился в Фарфе.

Подчиненное непосредственно имперской власти, это аббатство явилось для Генриха превосходной точкой опоры в Сабине. Фарфские монахи вели постоянную

борьбу с Кресцентиями из рода Октавиана (Кресцентий, сын Октавиана и Рогаты, был отцом Иоанна, Гвидо, Ченчия и Рустика) и к папам относились враждебно, так как последние стремились отнять у аббатства его независимость, которая была истари дарована ему императорскими декретами. Аббат Бернард остался верен Генриху; почтив приезд своего верховного властителя подобающими празднествами, аббат затем помог ему провиантом и деньгами.

Свой поход в Сабину Генрих совершил с той целью, чтобы оградить себя здесь от нападений маркграфини и быть ближе к Лациуму, в котором *via Latina* охранялась Тускуланскими графами. Затем он занял Тиволи и сделал его резиденцией нового папы, который должен был продолжать осаду Рима и в то же время поддерживать возмущение на соседней норманнской территории. В отсутствие Роберта его врагам удалось поднять восстание в итальянских провинциях, принадлежавших этому герцогу. Подпав под иго норманских пиратов, лангобарды испытывали те же бедствия, как и англосаксы под тиранической властью Вильгельма Завоевателя. Свои надежды лангобарды возложили на Генриха. Взяв греческие деньги, он, однако, не пошел дальше Тиволи. Византийскому императору было крайне желательно, чтобы Генрих совершил поход в Апулию и тем избавил императора от Роберта. Для короля, напротив, было более выгодно, чтобы Роберт оставался в греческой земле, вдали от Италии; оба союзника думали воспользоваться один другим как громоотводом. Таким образом, Генрих не оказал никакого содействия императору. Между тем восстание в Апулии, особенно усердно поддерживаемое Иорданом Капуанским, приняло настолько обширные размеры, что Роберт вынужден был вернуться в Италию. Передав начальство над войском в Греции своему сыну Боэмунду, Гюискар поспешил в Апулию, где после долгой и упорной борьбы ему удалось наконец подавить восстание.

После Пасхи Генрих перешел в Ломбардию. Судьба, казалось, обрекла его в вечную борьбу со священником и амазонкой. В Верхней Италии, в Аппенинах и по берегам По, где у Матильды было много укрепленных мест, Генриху пришлось вести трудную партизанскую войну. Но и здесь он так же не имел решительного успеха. Города подвергались опустошению; церкви сжигались; борьба велась с фанатической яростью, присущей религиозным войнам. Летописец того времени называет дворец великой маркграфини гаванью, в которой искал спасения католический мир; здесь укрывались гонимые королем священники, аббаты и всякие другие лица, и средства Матильды, владетельные права которой простирались на половину Италии, были вполне достаточны для того, чтобы помогать еще и Григорию VII в его трудных обстоятельствах.

2. Генрих IV в третий раз осаждает Рим (1082—1083). — Взятие Леонины. — Григорий VII в замке Св. Ангела. — Генрих ведет переговоры с римлянами. — Непреклонность папы. — Иордан Капуанский присягает королю. — Дезидерий является посредником при заключении мира. — Договор Генриха с римлянами. — Отъезд его в Тоскану. — Неудавшийся ноябрьский собор Григория. — Римляне нарушают присягу, данную королю

Следить за всеми походами Генриха было бы слишком утомительно. В конце 1082 г. он в третий раз подступил к Риму; на этот раз нападение Генриха было так же упорно, как сопротивление противника.

Вернувшись, чтобы продолжать осаду Рима, Генрих нашел дела все в том же положении. В течение лета папа Климент III как военачальник короля несколько раз

выступал на борьбу с Римом и делал опустошительные набеги на Кампанию; тем не менее ему не удалось достигнуть никаких результатов. Генрих расположился лагерем по-прежнему на Нероновом поле. Целых семь месяцев терпение короля подвергалось тяжелому испытанию. Могущественная власть Григория над людьми, может быть, сказала ярче всего именно в той преданности, которую римляне за три года осады проявили по отношению к нему, несмотря на то что он был их и папой, и государем.

Нетерпеливый враг старался взять приступом Ватикан и укрепления, находившиеся возле базилики Св. Павла; но эти усилия не имели успеха. Между тем бедственное положение осажденного города становилось настолько невыносимым, что римляне начинали уже думать о сдаче; удержать их от этого Григорию удалось только с помощью золота, которое взамен воинской помощи посылал ему Гюискар. Наконец совершенное изнурение стражи отдало Леонину во власть короля. Миланские вассалы Теобальда и саксонцы, предводительствуемые Вигбертом Тюрингским, взобрались на стены, убили стражу и овладели одной из башен. Ликующие войска Генриха проникли в Леонину через пролом в стене: по преданию, первым вступил в город Готфрид Бульонский (2 июня 1803 г.). Затем произошла яростная битва у базилики Св. Петра; сторонники Григория искали спасения в ней; преследуя их, германцы так же проникли в базилику, и священный храм превратился в арену кровавого побоища. Римлянам удалось еще укрепиться в портике; но на следующий день победители взяли его штурмом. Охваченные мстостью приверженцы Генриха повсюду разыскивали Григория; только захватив его, они могли признать свою победу достигнутой вполне и войну законченной. Но папа, охраняемый Пьерлеоне, успел скрыться в замке св. Ангела.

Таким образом, Генриху удалось наконец после долгих усилий овладеть базиликой Св. Петра. Страшный враг короля находился совсем близко; скрытый в замке, этот враг, может быть, смотрел через бойницы замка на бывшего паломника Каноссы, когда он вместе с антипапой, окруженной рыцарями, епископами и римской знатью, торжественно следовал в собор среди дымившихся развалин города. Пение *Te Deum* должно было ласкать ухо Генриха; его жажда мести была удовлетворена; тем не менее еще не все было им достигнуто. Антипапа (кукла, с которой он мог расстаться каждую минуту) не был посвящен, и на него самого еще не была возложена императорская корона. Он мог бы взять ее в базилике Св. Петра, но из благоразумия воздержался от этого. Надо было сначала получить согласие Рима, который еще не был покорен, и король вступил в переговоры с ним. Затем Генрих надеялся так же, что Григорий будет готов сам совершить коронование и, вынужденный необходимостью, согласится на самый выгодный для короля мир.

Овладев Леониной, Генрих уже имел в своих руках ключ к Риму, на который эта победа произвела большое впечатление. Длившаяся без конца осада, начинавшаяся в городе голод и опасения гнева Генриха породили в народе панику; все входы в Рим были заняты; никто не смел ни войти в город, ни выйти из него. Римлянам казалось, что можно согласиться на условия, которые предлагал им Генрих. Рассчитывая поколебать в римлянах их преданность к Григорию, Генрих объявил им, что он желает получить корону из рук Григория, с которым он решил примириться и что римляне должны помочь ему в этом; что же касается несогласия, которое существует между ним и Григорием, то пусть оно будет передано на обсуждение и решение собора. Ничто, однако, не могло поколебать Григория; на самые настоящие просьбы римлян он ответил решительным отказом и остался глух к мольбам даже своих, самых преданных сторонников из духовенства, которые, стоя на коленях, заклинали его вступить в переговоры с королем и спасти отчизну из ее безнадеежного положения. Действуя таким образом, Григорий оставался совершенно

чужд всякому страху и не возлагал надежд ни на какую случайную удачу. Как некогда в башне Ченция, так и теперь, находясь в мавзолее Адриана, этот замечательный человек смело шел наперекор обстоятельствам. Решив не признавать Генриха ни королем, ни императором и не уступать населению, он объявил, что Генрих, как было условлено в Каноссе, должен покориться его повелениям и что вселенский собор будет созван им в ноябре.

Таким образом, римляне в городе, Генрих в Леонине и Григорий в замке св. Ангела составили три отдельных лагеря; борьба была приостановлена, и деятельно велись переговоры. В это же время явились послы императора Алексея просить Генриха начать обещанный поход в Апулию. Казалось, время было благоприятно для этого похода. Иордан Капуанский мужественно и удачно боролся с Гюискарком, вернувшимся в Италию, и надеялся, что ему удастся теперь победить своего соперника и занять герцогский престол в Апулии. Так как не подлежало, по-видимому, сомнению, что Рим падет, то Иордан послепил к королю, чтобы принести ему присягу. Уезжая, он настойчиво уговаривал аббата Монте-Касино отправиться вместе с ним и принять на себя посредничество в заключении мира между королем и папой. Желания самого Генриха сводились к тому же. Получив от короля несколько раз приглашение, Дезидерий решился наконец последовать ему и, отправившись в путь вместе с капуанским государем, прибыл к отлученному королю в Альбано. Здесь Иордан принес королю присягу, уплатил ему огромную дань и получил в обладание Капую как императорский лен. Мужественный аббат заявил протест против этой инвестиции, утверждая, что Иордан может получить Капую как лен только с того момента, когда Генрих будет возведен в сан императора, но король уступил просьбам Иордана и затем золотой буллой милостию подтвердил права Дезидерия на богатое аббатство Монте-Касино. Чувство признательности, однако, не сделало Дезидерия более уступчивым. Но как ни старался он избавиться от общества еретиков, он все-таки вынужден был проводить с ними целые дни и даже вступать в диспут по жгучим вопросам того времени с «антихристом» Вибертом. Своего друга, виновного в таком отступничестве, Григорию надлежало бы, конечно, так же отлучить от церкви; но поставленный в необходимость подчиниться обстоятельствам, папа оставил в этом случае закон не примененным.

Переговоры между послами римлян, папы и Генриха происходили в церкви S.-Maria in Pallara на Палатине. Был заключен клятвенный договор, которым было постановлено передать дело короля на решение собора; папа обязался созвать собор в ноябре, а Генрих дал клятву в том, что он не будет препятствовать епископам явиться на этот собор. Тайной статьей договора римляне обязались, однако, на случай бегства или смерти Григория предоставить королю в определенный срок императорскую корону. Папа, который в этом случае был бы ими избран, должен был короновать Генриха, и сами римляне должны были присягнуть ему в верности.

Опутав римлян такими договорами и взяв их заложников, Генрих, вполне довольный, направился в Тоскану. Часть стен Леонины он приказал разрушить и затем в укреплении, воздвигнутом в Леонине, на холме Palatiolus, оставил под начальством Ульриха Годесхеймского только 400 всадников. В Тоскане маркграфиня Матильда была по-прежнему готова вести войну за дело Григория. Когда падение папы казалось неизбежным, Матильда, поддавшись просьбам своих епископов, уговорам графини Адельгенды и мольбам разоренных городов, почти решила сложить оружие. Но это сомнение могло овладеть ею только ненадолго, и она вскоре же отказалась от всякого компромисса. Мужественная маркграфиня сохранила верность делу своего великого друга, который оставался в замке св. Ангела и, окруженный врагами и изменниками, бесстрашно ждал грядущих событий. Чтобы освободить Григория, у Матильды не было достаточных сил, и это глубоко печалило ее;

с большим трудом она могла только отражать нападения Генриха и потому была обрadowана, когда с приближением вселенского собора король, опустошавший ее владения, направился снова в римскую Кампанию.

Созывая собор, Григорий приглашал на него всех епископов, которые не были отлучены от церкви. Он писал в своей энциклике, что намерен обличить истинных виновников губительной распри, опровергнуть возведенные на него обвинения и, как он надеялся, восстановить мир с императорской властью. Далее он призывал в свидетели Бога, что Рудольф был избран королем против его желания и что вина всех бедствий лежит на Генрихе, который не исполнил договора, заключенного в Каноссе. Никаких других епископов, кроме неотлученных от церкви, папа не мог призвать на собор. Со своей стороны король не мог отдать себя на суд этих епископов, не обрекая вперед своего дела на полную неудачу. Поняв намерения папы, Генрих нарушил договор и принял меры к тому, чтобы епископы — и в их числе самые ревностные сторонники папы: Гуго Лионский, Ансельм Луккский и Регинальд Комский, — не могли явиться в Рим на собор. Точно так же были взяты Генрихом под стражу послы его германского соперника и кардинал Оттон Остийский, посла Григория к этому королю-сопернику.

Таким образом, ноябрьский собор оказался малочисленным, и цель его созыва осталась недостигнутой. Негодование Григория было так велико, что он едва удержался, чтоб не отлучить Генриха от церкви еще раз; тем не менее анафема была провозглашена всем тем, кто препятствовал епископам явиться на собор.

На Рождество 1083 г. Генрих вернулся в Рим и нашел, что положение дел изменилось для него к худшему. Гарнизон, оставленный на Palatium, погиб от лихорадки, и самое укрепление было скрыто римлянами. Между тем время, назначенное последними для коронации, уже было близко. Так как римские заложники находились в руках Генриха, то римлянам ничего не оставалось, как только открыть папе свой тайный договор с Генрихом. Оправдываясь перед папой, они старались уверить его, что вовсе не обещали Генриху, будто он будет торжественно коронован Григорием, а только говорили, что папа даст ему корону. Но в подобной комедии такой серьезный человек, как Григорий, не мог, конечно, принять участие. Не желая одинаково ни играть роли смиренного слуги папы, ни брать корону, надетую на трость и спущенную со стен замка св. Ангела, Генрих так же отверг предложения римлян. Таким образом, договор был окончательно нарушен, и король объявил римлянам, что если война не прекращается, то виноват в том не он, король, который готов был заключить мир, а упрямый папа и знать, поступившая изменнически.

3. Генрих уходит в Кампанию. — Римляне изменяют Григорию и сдают город (1084 г.). — Григорий запирается в замке Св. Ангела. — Собрание римлян объявляет Григория низложенным и провозглашает папой Климентом III. — Антипапа коронует Генриха IV. — Император берет штурмом Septizonium и Капитолий. — Римляне осаждают замок Св. Ангела. — Бедственное положение Григория. — Норманнский герцог идет на помощь ему. — Отступление Генриха. — Роберт Гюнскар овладевает Римом. — Страшное разорение города

Если бы в распоряжении Генриха было побольше денег, он, вероятно, скоро овладел бы Римом, так как для того, чтобы привлечь на сторону короля народ, нужны были только деньги. Опустошив весной 1084 г. Кампанию, Генрих решил затем идти в Апулию. Но не успел он выступить в поход, как явились римские по-

слы и объявили королю, что Рим отдается под его власть, отказывается от Григория, убедительно просит короля короноваться и готов признать папой Климента III. Эта внезапная перемена исходила не столько от знати, сколько от народа, который страстно желал положить конец своим бедствиям и по отношению к капитанам начал уже проявлять некоторую самостоятельность. Римляне мужественно и долго боролись за папу; но затем наступило время, когда у них не стало больше сил жертвовать собой замыслам Григория, которые не обещали им никаких выгод. Измена римлян была тяжким ударом для Григория, так как за ней неизбежно должно было последовать его падение; тем не менее выдающаяся энергия этого папы не была сломлена и в этот раз. Умалчивая о страшном разорении, которому Рим вскоре был подвергнут Гюискарсом, один норманнский монах того времени осыпает, не смущаясь, целым градом упреков непостоянных и жадных до золота римлян, между тем как они были только жертвами папы и императора. Этот монах, однако, так же мало был клеветником, как и Югурта древнего времени. «Ты погибашь, Рим, — восклицает Гауфрид, — от своего презренного вероломства; никому не внушаешь ты уважения; ты готов каждому подставить свою спину под удары. Твое оружие притупилось; твои законы нарушены. Ты полон лжи; тебе присущи расточительность и скупость. Ты не знаешь, что такое верность и благопристойность; язва симонии съедает тебя. Все в тебе продажно. Одного папы для тебя мало, и ты хочешь иметь двух; который-нибудь из них щедро одаряет тебя, и ты прогоняешь другого; если первый перестает быть щедрым, ты призываешь второго. Ты делаешь из одного папы угрозу другому и таким способом набиваешь свою мошну. Некогда ты был источником всех доблестей; теперь ты скопище грязи. В тебе нет больше никакого благородства; с клеймом бесстыдства на челе ты преследуешь одни только подлые корыстные цели».

Ускоренным маршем Генрих вернулся в Рим 21 марта 1084 г., вступил в город, как некогда Тотила, через ворота св. Иоанна и разместился вместе с антипапой в Латеране. Короля сопровождала его жена и несколько германских и итальянских епископов и нобилей. Насколько неожиданным был такой исход борьбы для Генриха, видно из того письма, которое он написал после своего коронования епископу вердунскому Дитриху: «В день св. Бенедикта мы вступили в Рим; мне до сих пор кажется, что я вижу это во сне; я готов сказать, что Господь, послав нам этих десять человек, сделал для нас то, чего не могли бы достигнуть наши предки и с 10 000 человек. Потеряв всякую надежду овладеть Римом, я уже хотел вернуться в Германию; но тут явились римские послы; они призвали меня в город, и мы были приняты им с ликованием».

Григорий, готовый скорее умереть, чем унижить себя перед королем, оставался в замке св. Ангела, охраняемый только горсткой решительных людей. Еще не все, однако, было потеряно для него. Значительная часть знати оставалась пока на его стороне; наиболее неприступные места в Риме были так же в руках папы. Его племянник Рустик занимал Целий и Палатин; Капитолий был во власти фамилии Корси; Пьерлеони владели островом Тибра. Тогда Генрих решил сразить своего врага политическим актом, совершенным в самом Риме, и с этой целью созвал своих римских сторонников, нобилей и епископов в собрание. Григорию было предложено явиться на это собрание; когда же он не счел нужным последовать такому приглашению, собрание объявило его низложенным и затем, исполнив все установленные формальности, провозгласило Виберта папой. В Вербное воскресенье Климент III был отведен в Латеран и посвящен ломбардскими епископами в сан папы, а 31 марта, в первый день Пасхи, в базилике Св. Петра после слабого сопротивления сторонников Григория Климент уже возложил на Генриха и его жену императорские

короны. В это же время римлянами была предоставлена новому императору и патринианская власть. После этого император и папа немедленно установили порядок церковного и светского управления: были назначены латеранские министры, судьи и префект. Климент III учредил свой сенат из кардиналов и на места семи латеранских епископов назначил новые лица. В пределах Рима и городской территории распоряжения Климента почти нигде не встретили сопротивления, и с той поры судебные акты стали помечаться понтификатом этого папы.

Затем Генрих быстро повел осаду римских укреплений; они должны были пасть, и та же участь ждала замок св. Ангела, в котором сберегалась самая дорогая добыча; ведь некогда эта крепость уже была однажды завоевана Оттоном III. В Septizonium, на Палатине, племянник Григория оказал отчаянное сопротивление. Монахи монастыря Св. Григория на Clivus Scauri сделали этот замок почти неприступным. Постройки древних римлян возводились в таких колоссальных размерах, что даже те здания, которые служили городу украшением, кажутся великанами по сравнению с крепостями нашего времени. Поэтому Генриху пришлось осаждать Septizonium как настоящую крепость. С помощью осадных машин ряды роскошных колонн, поставленных друг на друга, были опрокинуты, и когда Рустик наконец сдался, один из самых прекрасных памятников Рима уже был наполовину разрушен. Точно так же был взят приступом Капитолий с его башнями, который защищали сторонники Григория Корси, происходившие, вероятно, из корсиканской колонии Льва IV. Принадлежавшие им дворцы были разрушены и сожжены, и Генрих, торжествуя, мог объявить древний Капитолий своей временной резиденцией.

Оставался еще замок св. Ангела, где укрывался папа. Римляне сами обложили замок; окружив его плотным кольцом, они рассчитывали, что голод заставит осажденных сдаться. Тем временем послы папы без усталости ездили по Кампаньи, разыскивая Роберта Гюискара, чтобы броситься к его ногам и умолять его прийти возможно скорее на помощь папе. Девяносто лет тому назад римлянин Кресцентий, осажденный в замке св. Ангела, боролся с императором, отстаивая независимость города; теперь в этом же замке был осажден императором папа, защищавший независимость церкви от светской власти. Трагическая история мавзолея Адриана, времена Велизария и Тотилы, Альберика, Марозии и Кресцентия, образы задушенных в мавзолее пап — все это невольно должно было вставать в памяти Григория в те тревожные дни, когда он находился под сводами замка и слышал раздававшиеся снаружи неистовые крики римлян и германцев. Какая участь постигла бы Григория, если бы он отдался в руки Генриха? Снедаемый желанием отомстить за свой позор в Каноссе, Генрих, вероятно, поступил бы точно так же, как некогда поступил его отец по отношению к Григорию VI. Величайший из всех пап был бы уведен императором за Альпы и затем закончил бы свою жизнь как пленник где-нибудь в Шварцвальде или на Рейне. Поднявшись на стены мавзолея, Григорий мог видеть разорение, которому подверглись Леонина и Рим. Но тщетно всматривался папа в Тусцанскую равнину, надеясь увидеть войска своего друга маркграфини; они не показывались, и, мучимый ожиданием, Григорий обращал свои взоры в сторону латинской Кампаньи, откуда должны были явиться конные отряды норманнского герцога. Наконец их сверкающие копья показались к югу от Палестрины. Узнав о бедственном положении папы, Гюискар решил поспешить к нему на помощь, так как с падением Григория Генрих мог бы обратить свое оружие против него самого, образовав грозный союз всех его врагов. Гюискар выступил в поход в начале мая, имея 6000 всадников и 30 000 человек пехоты; в этом войске было немало жадных к добыче калабрийцев и еще более диких сарацин из Сицилии. Дезидерий уведомил

папу о походе Гюискара и в то же время сообщил об этом так же императору. Такое двусмысленное поведение подверглось строгому осуждению; Дезидерия упрекали в том, что из осторожности он служил двум господам, которые были во вражде между собой. Счастье только посмеялось над Генрихом; этому Танталу Средних веков не довелось ни разу добиться настоящего успеха. Вступить в борьбу с самыми грозными воинами того времени Генрих не мог, так как войско его было невелико; остаться в Риме он так же не мог: непостоянные римляне не внушали ему доверия; к тому же некоторые укрепления все еще оставались в руках сторонников Григория. Вынужденный таким образом покинуть город, чтобы не быть самому осажденным, Генрих приказал разрушить на Капитолии башни, а в Леонине стены и, как некогда Витигес перед приближением Велизария, созвал римлян в собрание. Объявив, что государственные дела призывают его в Ломбардию, он уговаривал смущенных его удалением римлян не сдавать города и обещал им скоро вернуться. Затем, предоставив римлян их собственной участи, Генрих вместе с Климентом III 21 мая направился по Фламиниевой дороге Civita Castellana, чтобы оттуда проследовать дальше на север.

В то время как Генрих отступал от Рима, всадники Гюискара показались у Латеранских ворот. Двигаясь ускоренным маршем, Гюискар шел долиной Сакко, по Латинской дороге, и достиг Рима 24 мая — через три дня после ухода Генриха. Предполагая, что Генрих удалился из Рима с той целью, чтобы сделать неожиданное нападение с тыла, Гюискар сначала расположился лагерем у Aqua Marcia и простоял здесь три дня. Римляне не пустили его в город. Мужественное сопротивление, которое они оказали Гюискару, является блестящей страницей, начертанной в их средневековой истории. Бедственное положение римлян в то время заслуживало полного сочувствия; император, во власть которого был отдан ими город, покинул их, и жестокая осада, длившаяся целых три года, завершилась тем, что злополучный Рим был предоставлен на разграбление алчным норманнам и сарацинам, призванным папой. Гюискар вступил в переговоры с изменниками и приверженцами Григория, во главе которых стоял консул Ченчий Франджипане. 29 мая, когда уже начинало темнеть, рыцари Роберта взобрались на ворота S. Lorenzo. Проникнув в город, они поспешили к Фламиниевым воротам и, взломав их, пустили стоявшее здесь наготове войско. Римляне бросились было навстречу норманнам, но герцогу удалось через Марсово поле, объятые пламенем, пробиться к мосту через Тибр, освободить папу из замка св. Ангела и проводить его в Латеран.

Таким образом, воинственному герцогу удалось увенчать себя славой покорителя Рима, составляющей удел лишь немногих героев. Счастье служило этому герцогу вернее, чем Помпею и Цезарю. Войска восточного императора были разбиты Гюискаром в Альбано; западный император был обращен им в бегство; им же был восстановлен на Святом престоле и величайший из пап. В истории редко встречается такое поразительное зрелище, как стоящие один возле другого образы Григория VII и его избавителя Гюискара. Заключая в свои объятия героя Палермо и Дураццо, признательный папа должен был вспомнить Льва IX; в свою очередь и Гюискар не мог не почувствовать изумления при виде совершенно изменившихся обстоятельств: некогда, на поле битвы при Чивита, он стоял коленопреклоненный перед папой, который был взят им в плен; теперь он приветствовал этого папу, которого спас от его лютых врагов.

Между тем в злополучном Риме, который Гюискар отдал своим солдатам на разграбление, разыгрались сцены насилия, еще более ужасного, чем при нашествии вандалов. На третий день римляне восстали и с бешеной яростью напали на своих

победителей — варваров. Имперская партия, успевшая вновь сплотиться, надеялась, что ей удастся отчаянным нападением одержать победу. Но на помощь Гюйскару, положение которого оказалось опасным, поспешил из лагеря юный сын Гюйскара Рожер с 1000 всадников. Римляне боролись мужественно, но вынуждены были все-таки сдаться. Восстание было подавлено среди потоков крови и пламени пожара, так как Роберт ради своего спасения приказал поджечь город. Когда пожар прекратился и битва стихла, перед глазами Григория открылась картина Рима, превращенного в дымящееся пепелище; сожженные церкви, разрушенные улицы, тела убитых римлян — все это явилось безмолвным обвинителем папы, и он не мог не отводить своих взоров, когда перед ним проходили сарацины, гнавшие в свой лагерь толпы связанных римлян. Знатные женщины, мужчины, именовавшиеся сенаторами, дети и юноши, обреченные на рабство, выставлены на продажу так же открыто, как скот. Некоторые римляне, и в их числе префект города, назначенный императором, были уведены как военнопленные в Калабрию.

Но готы и вандалы были счастливее норманнов, так как овладели Римом в то время, когда его сокровища еще были неисчерпаемы; добыча мусульман, служивших в войске герцога, не могла сравниться даже с той, которая 230 лет назад досталась их предкам, разграбившим базилику Св. Петра. В XI веке нищета в Риме была полная и даже в церквях не было украшений. Изувеченные статуи попадались лишь кое-где в разоренных улицах или валялись в кучах мусора среди развалин терм и храмов. И только уродливые изображения святых, которые еще можно было найти в базиликах, точно так же уже успевших прийти в ветхость, могли послужить грабителям некоторой добычей, так как к этим изображениям привешивалось золото, которое жертвователи приносили в дар.

Охваченные животной страстью, победители целыми днями предавались насилиям, грабежу и убийству. Наконец римляне, с обнаженным мечом и веревкой на шее, явились к герцогу и пали к его ногам, умоляя о пощаде. Грозный герцог почувствовал сострадание, но уже не имел возможности возместить римлянам их потерю. В истории Григория разорение Рима является более темным пятном, чем в истории Гюйскара. Не желая, может быть, этого разорения и чувствуя весь ужас при виде Рима, охваченного пламенем, Григорий, тем не менее точно движимый Немезидой, остался пассивным зрителем бедствий, постигших Рим. Не сказала ли в Григории VII, когда на его глазах и по его вине горел Рим, такая же ужасная роковая сила, как и в Наполеоне, когда он с невозмутимым спокойствием объезжал поля битв, обогранные кровью? Полной и прекрасной противоположностью образу Григория VII является образ Льва Великого, спасающего священный город от Аттилы и смягчающего участь этого города, когда он был взят грозным Гензерихом. Ни у кого из современников Григория мы не находим указаний на то, что он сделал какую-либо попытку спасти Рим от разграбления или выразил свое соболезнование бедственному положению города. Но что могло значить для человека непреклонной воли разрушение Рима по сравнению с идеей, в жертву которой этот человек принес спокойствие всего мира?

4. Плач Гильдебурта о падении Рима. — Разорение Рима во время Григория VII

Падение Рима оплакивал много лет спустя чужеземный епископ, Гильдебурт Турский, посетивший город в 1106 г. Мы приводим эту трогательную элгию:

«Ничто не может сравниться с тобою, Рим, даже теперь, когда ты превращен в развалины; по этим останкам можно судить, чем был ты в дни твоего величия. Вре-

мя разрушило твое пышное великолепие; императорские дворцы и храмы богов стоят, утопая в болотах. Твоя мощь миновала и трепетавший перед нею грозный партиян оплакивает ее. Цари своим мечом, сенат мудрыми установлениями и сами небожители сделали тебя некогда главою мира. Цезарь злодейски решил владеть тобою безраздельно, не думая быть тебе отцом и другом. Ты следовал трем мудрым путем: побеждал врагов силой, боролся с преступлением законом, приобретал друзей поддержкой. Заботливые вожди неусыпно сторожили тебя в твоей колыбели; притекавшие к тебе волной чужеземные гости лелеяли тебя и помогали твоему росту. Триумфы консулов происходили в твоих недрах; судьба дарила тебя своей благодосклонностью; художники отдавали тебе перлы своего творчества; весь мир осыпал тебя сокровищами. О горе! Охваченный воспоминаниями, я смотрю на твои развалины, город, и в глубоком волнении восклицаю: ты был, Рим! Но ни время, ни пламя пожара, ни меч воина не могли лишить тебя всей твоей прежней красоты. И то, что остается, и то, что исчезло, велико; одно не может быть уничтожено, другое — восстановлено. Пусть будут и золото, и мрамор; пусть строят искусные мастера и помогают им сами боги, ничего подобного ни тебе, ни твоим развалинам уже не может быть создано. Творческая сила людей вложила некогда в Рим столько мощи, что он мог устоять даже против гнева богов. И их изображения здесь так изумительно прекрасны, что сами боги желают походить на них. Но природа никогда не могла создать тех чарующих изображений богов, какие создал человек. И вот изображение это живет и в нем поклоняются уже не самому божеству, а искусству создавшего его мастера. Счастливый город! О, если б ты не был во власти твоих тиранов, если б властители твои не были презренными обманщиками!»

Гильдеберт видел Рим с его развалинами, древними и более позднего происхождения, в начале XII века; он имел так же возможность видеть тогда и следы недавнего опустошения, произведенного в городе норманнами Гюискара. Талантливый поэт испугало чарующее впечатление, произведенное на него языческим Римом, и, желая ослабить это впечатление, он написал другую элегию, в которой, говоря от лица Рима, высказывает ему утешение в его печалях. «Когда я находила радость в идолах, — говорит у автора несчастная сивилла, — мою гордость составляли войско, народ и великолепие мраморов. Идолы и дворцы разрушены; народ и воины поработены, и едва ли Рим еще помнит о Риме; но теперь мои орлы заменены крестом, Цезарь — Петром и земля — небесами».

Этими высокими размышлениями римляне, конечно, не могли утешаться, видя свой город совершенно опустошенным и самих себя превращенными в нищих. Война, бегство, смерть и плен уменьшили население Рима на многие тысячи людей. Уже несколько веков Рим не переживал такого страшного опустошения; партийные войны, длившиеся 20 лет, смута, царившая как в самом городе, так и вне его, и затем пожар окончательно превратили Рим в развалины. Со времени Готилы, разрушившего стены Рима, это было первое действительное разорение города внешними врагами. Мы имеем возможность назвать ряд памятников, которые были уничтожены в то время.

При осаде базилики Св. Павла Генрихом был, вероятно, разрушен древний портик, который шел к базилике от ворот; ватиканский портик был обращен в развалины при взятии Борго. Леонина была уничтожена пожаром; при этом должна была пострадать и самая базилика Св. Петра. В городе были опустошены Палатин и Капитолий; та же участь, которую потерпел Septizonium, самая красивая часть императорских дворцов, должна была постигнуть и другие укрепленные здания города. Но опустошения, которым подвергся город при Кадале и Генрихе, были незначительны по сравнению с теми, которые потерпел город от пожара, произведен-

ного норманнами. Гюискар два раза поджигал город: первый раз, когда проник в ворота Фламиния, и во второй раз, когда римляне перешли в нападение. Пожар опустошил Марсово поле, вероятно, вплоть до моста Адриана; в этой местности погибли остатки портиков и многие другие памятники; уцелели только мавзолей Августы и колонна Марка Аврелия, первый — благодаря особенностям его постройки, вторая — вследствие изолированного положения ее на открытом месте. Квартал города от Латерана до Колизея, густо заселенный, был уничтожен огнем, и с той поры Латеранские ворота стали называться «обгорелыми». Древняя церковь S.-Quattro Coronati превратилась в груды золы; Латеран и многие церкви должны были пострадать, вероятно, в значительной степени; Колизей, триумфальные арки и развалины Circus Maximus так же едва ли могли остаться нетронутыми. Все летописцы, упоминающие об этой ужасной катастрофе, согласны в том, что пожаром была уничтожена значительная часть города. Писатель конца XV века справедливо утверждает, что именно норманны были виновниками плачевного состояния, в котором Рим оказался к тому времени. Некогда густонаселенный Целий (округ Колизея) не потерял еще тогда окончательно своих обитателей, но начал все более и более пустеть, и та же судьба постигла Авентин, который еще при Оттоне III выделялся своим цветущим видом. В настоящее время на этих холмах царит глубокое безмолвие и лишь кое-где стоят одни древнейшие церкви да некоторые развалины, и, видя это запустение, мы знаем, что начало ему было положено норманнами. Мало-помалу население стало покидать эти местности и сосредоточилось на Марсовом поле в новом Риме.

Разорению города в ту эпоху, впрочем, много содействовали и внутренние причины. Как в более ранние времена древние здания переделывались в церкви, так теперь эти здания превращались в замки и башни. Затем каменные глыбы и колонны увозились из Рима, как из каменоломни, даже в другие города. Прекрасный пизанский собор, построенный в XI веке, и знаменитый собор в Лукке, освященный Александром II, были украшены, без всякого сомнения, колоннами, или принесенными в дар Римом, или купленными у города. Для постройки своей базилики Дезидерий приобрел колонны и мраморные глыбы в Риме и отправил их на судах через Порто. Если Гюискар не воспользовался как добычей языческими статуями, то ценные украшения и колонны он легко мог взять и употребить на постройку собора Св. Матфея в Салерно. Но скорее можно предполагать, что Гюискар, как некогда Гензерихом, были увезены из Рима и настоящие художественные произведения; первая элегия Гильдеберта дает именно некоторые указания на то, что после разорения, которому Рим был подвергнут норманнами, в нем все еще оставались мраморные и бронзовые статуи.

5. Удаление Григория VII в изгнание. — Падение Григория. — Смерть его в Салерно. — Всемирно-историческое значение личности Григория

Норманны освободили Григория VII, но те ужасные насилия, которые были совершены ими, обрекли его на вечное изгнание. С общечеловеческой точки зрения это изгнание было справедливой карой, постигшей Григория. Его политическая жизнь была окончена, когда Рим оказался превращенным в развалины. Правда, римляне обещали Григорию полное подчинение; но он не мог не понимать, что станет жертвой их мести, как скоро норманны уйдут из Рима. Роберт взял заложников, оставил в замке св. Ангела гарнизон и в июне вместе с папой выступил в Кампанию; овладеть Тиволи ему не удалось, но другие замки были разрушены им. За-

тем наступила минута, когда Григорий с мучительным чувством в душе должен был взглянуть в последний раз на Рим и проститься навсегда с Вечным городом, который послужил ему ареной борьбы и который он оставлял обращенным в развалины. Григорий мог сказать себе, что он уходит непобежденным, но он не был так же и победителем. Взволнованному воображению Григория должен был рисоваться образ Генриха на берегах По; мысленно следя за своим врагом, Григорий, вероятно, представлял себе, как этот враг возвращается на родину, торжествуя, что ему удалось завладеть Римом, возложить на себя императорскую корону, возвести на Святого престола антипапу и наконец принудить даже самого Григория бежать в изгнание под тягостью проклятий римлян. И в то время как один из этих противников направлялся к северу, другой, обязанный признательностью к вассалу, вынужден был следовать за ним на юг, в чужую сторону, вместе с римлянами, взятыми в плен. Великий папа, некогда проповедовавший крестовый поход против единоверцев сарацин, уходил теперь из опустошенного Рима, охраняемый толпами норманнов и тех же самых сарацин, — уходил затем, чтобы печально проследовать изгнанником в Монте-Касино и Салерно и приютиться у своего друга Дезидерия. Таков был глубоко трагический конец драмы жизни Григория VII, и этот конец явился столь же ярким торжеством вечной справедливости, каким была одинокая смерть Наполеона на острове Св. Елены.

Занятый проектом возвращения в Рим во главе войска, Григорий умер 25 мая 1085 года в Салерно. «Я умираю в изгнании потому, что любил справедливость и ненавидел неправду», — печально говорил Григорий на своем смертном одре, и в этих словах вполне сказалась коренная черта сильного и мужественного характера Григория. Но этот человек могучего ума и почти исключительной силы воли не принадлежит к числу тех мудрых провозвестников новых начал, великие заслуги которых перед человечеством признаны всеми народами без различия. Григорию должно быть отведено место в ряду земных правителей, могучее воздействие которых на мир вместе и насильственно, и благотворно. Религиозная основа, из которой исходил Григорий, ставит его, однако, гораздо выше светских властителей. Рядом с ним Наполеон по идейному содержанию является поразительно бедным. Цели, которые преследовал Григорий VII, были, конечно, унаследованы им от его предшественников. Но исключительные способности правителя и государственного мужа составляли собственное достоинство Григория точно так же, как и присутствующая ему революционная смелость, до которой не доходил никто ни в Древнем Риме, ни в новейшее время. Опрокинуть существовавший тогда в Европе общественный строй для того, чтобы на развалинах его воздвигнуть папский престол, — такая мысль нисколько не страшила этого монаха. Истинное величие его, однако, было уже позади, когда он достиг престола. Как папа Григорий взял на себя слишком большую задачу: то, что могло быть создано целыми веками, он хотел осуществить в короткое время своего могущества. Тот, кто хочет достичь невозможного, переходит в область несбыточного, и попытка Григория сосредоточить в своих руках политическую власть над всем миром была именно такой несбыточной мечтой.

Нельзя не поражаться энергии, которую проявил Григорий в борьбе за независимость церкви и в установлении иерархической власти. Государство священников, единственным оружием которых были крест, Евангелие, благословение и анафема, заслуживает удивления больше, чем все государства римских и азиатских завоевателей. Такое воплощение духовной власти в государственной форме будет всегда составлять совершенно особенное проявление нравственной силы, не сходное ни с каким другим. Григорий VII был героем именно этого государства. Он понимал че-

ловечество как единую церковь, но эту последнюю он представлял себе только в образе папского единодержавия. Идея о том, что смертное существо может обладать непогрешимостью и свойствами, уподобляющими его Богу, что оно может держать в своих руках ключи от рая и ада и что этому апостолу смирения, но вместе и единому властителю, так как он является наместником Бога, должен быть подчинен весь мир, — идея эта всегда будет казаться чудовищной. Она была порождена веком рабства, невежества и нищеты, когда измученное человечество стремилось воплотить начало добра в какой-нибудь личности, которая, будучи источником утешения, всегда оставалась бы зримой и достижимой. Предоставление власти «вязать и разрешать» в вопросах нравственности одному человеку является, может быть, самым поразительным фактом из всего, что знает всемирная история; оно объясняется, однако, тем, что в Средние века церковь была выразительницей и всеобщих нужд, и наиболее сильных страстей, и самых возвышенных идей, присущих человечеству. Светская среда была в то время еще груба и невежественна, и духовные ее силы были вызваны к жизни уже только после борьбы, начало которой было положено Григорием VII.

Таким образом, нет ничего удивительного в том, что величие церкви приняло, благодаря Григорию, такой воинственный характер. Чуждый христианству идеал Григория, однако, не был оправдан историей, так как оказался ниже истинного идеала человечества. Апостольское учение по-прежнему сохраняет свою силу; между тем как иерархические основоположения Григория уже давно утратили свое значение и в настоящее время, когда образование стало общим достоянием, являются не более как запоздалым бредом сторонников невежества и фанатиков. Нельзя не поставить Григорию в вину того, что он расколол церковь на две половины: одну светскую, состоящую из мирян, лишенных избирательного права, и другую — касту священников, самих себя избирающих. Представление о христианской республике было в действительности извращено основоположениями Григория, так как на место церкви была поставлена иерархия. Григорий внес в церковь дух цезаризма. Если эта, как казалось, совершенная система должна была воссоединить в себе все другие политические формы — демократическую, аристократическую и монархическую, то зависимость ее действия от воли отдельного лица и затем сосредоточение всей догматической власти в руках людей одной касты не могли не породить всего того зла, к которому приводят произвол и деспотизм, и потому вполне понятно, что за системой, созданной Григорием VII, должна была последовать немецкая реформация.

Из всего того, что было сделано Григорием, наиболее важное значение имело непредвиденное Григорием всемирное пробуждение духа в человечестве. Это пробуждение было вызвано борьбой, впервые затронувшей все нравственные основы существования людей. Великое движение, которое охватило и церковь, и государство, получило свое начало именно от Григория. Исполинская борьба двух общественных форм, составляющих всю совокупность социального строя, — церкви и государства, — их вначале варварское сочетание в феодальных учреждениях, затем все большее разделение и постоянный антагонизм — таково историческое содержание Средних веков. Но обеспечить церкви и государству их полную взаимную независимость, освободить их окончательно от иерархической неподвижности, внести в них начала свободы, справедливости и общности и таким образом создать единое царство культуры и мира — все это остается недостижимым до настоящего времени. В век кулачного права и варварства великие христианские идеи не были доступны пониманию людей. Разве церковь Григория VII и Средних веков была действительно воплощением христианства? Можем ли мы так же сказать, что

наше время уже осуществило эти возвышенные идеи, являющиеся выражением переходящих начал человеческой личности и общества? Падение феодального государства франков и ослабление могущества григорианской церкви скорее были указанием на наступление новой эпохи в существовании человеческого рода. Сохранившиеся до сих пор колоссальные обломки Средних веков уносятся один за другим на наших глазах великим потоком жизненной гармонии; путем нескончаемой борьбы грубый и неподатливый мир достигает все-таки этой гармонии и приближается к счастью, одно предвидение которого уже составляет источник великой радости для благородных умов.

ГЛАВА VII

1. Дезидерий против его желания возводится в Риме под именем Виктора III в сан папы. — Бегство Дезидерия в Монте-Касино. — Он снова принимает сан папы (1087 г.). — Посвящение Дезидерия в Риме. — Состояние города. — Вторичное бегство в Монте-Касино и смерть Виктора III (1087 г.). — Избрание и посвящение в папы Оттона Остийского под именем Урбана II, 1087 г.

После падения Григория Рим представлял собой как бы сцену, покинутую актерами; лишь мало-помалу эта сцена стала снова наполняться действующими лицами, на этот раз более мелкими. Дела великого человека так же, как и само падение, отражаются во времени наподобие волны, расходящейся из центра; ее бесчисленные круги становятся все слабее и слабее и окончательно исчезают на далеком пространстве. Как некогда, окружая тело Александра Великого, стояли его генералы, так теперь у гроба Григория стояли люди, составлявшие созданную им иерархию, кто должен был наследовать церковную власть. Мелкие чувства зависти и властолюбия не грозили ли положить конец ее существованию? В светском государстве это могло бы иметь место; но в государстве духовных лиц, где возможность установления родовой династии была совершенно исключена, порядок наследования определялся каждый раз иерархическими началами, которые отныне уже не могли быть нарушены.

Умирая, Григорий наметил четырех кандидатов в папы: Дезидерия, аббата Монте-Касино и кардинала церкви S.-Cecilia in Trastevere, Ансельма Луккского, Оттона Остийского и Гугона Лионского. Кардиналы остановили свой выбор на Дезидерии, человеке талантливым, одаренном дипломатической ловкостью и в то же время не отличавшемся силою характера. Это избрание являлось желательным в виду богатых средств, которыми располагало аббатство Монте-Касино, далее — уважения, которым он пользовался у государей того времени, тесных связей его с норманнами и наконец отношений его к Генриху. Смерть Гюискара лишила папство могущественной поддержки; этот необыкновенный человек, так же как Григорий поднявшийся из ничтожества и так же, как он, покрывший себя славой героя в истории Италии, умер в Кефалонии 17 июля, немного времени спустя после Григория. По общему мнению, только один Дезидерий мог предотвратить опасность, грозившую в том случае, если бы между наследниками Гюискара возник раздор, и они оказались вероломными по отношению к папству. Дезидерию, однако, надо было обладать непомерным честолюбием, чтобы при существовавших тогда обстоятельствах почувствовать желание возложить на себя тиару. В Монте-Касино он вел счастливое существование; в служении мирным музам он то перелистывал украшенные роскошными миниатюрами рукопи-

си, то вел беседы с учеными людьми; здесь все сулило ему спокойный конец. Казалось, было бы безумием со стороны Дезидерия променять тихую жизнь в прекрасном монастыре на бурное существование среди мятежных римлян, ринуться в бесконечную борьбу со всем миром, стать жертвой интриг честолюбивых и завистливых кардиналов и в заключение обречь себя на роковую кончину. Два ближайших года после смерти Григория ушли на борьбу из-за папской короны, причем каждый участник борьбы прилагал свои условия не к тому, чтоб овладеть тиарой, а к тому, чтоб устранить ее от себя. Мы можем сказать, что эта удивительная борьба является самой лучшей надгробной речью, посвященной величию Григория VII. Умерший папа, казалось, все еще оставлял за собою тиару и, чувствуя перед ней, как перед чем-то роковым, неодолимый душевный трепет, Дезидерий — человек, пользовавшийся известностью, происходивший из знатного лангобардского рода Беневенто, — упорно отклонял ее от себя, несмотря на все уговоры кардиналов и государей. Этот отказ заслуживал полного сочувствия, хотя бы уже как открытое признание своей слабости; но человеческая природа везде одна и та же: прелат, сжигаемый втайне завистливым желанием возложить на себя тиару, сказался и в Дезидерии.

1085 год прошел, но соглашение еще не было достигнуто. Настаивая на своем отказе, Дезидерий объявил Иордану Капуанскому, графине Матильде и кардиналам, что на избирательном собрании будет содействовать возведению в папский сан человека достойного. Тем не менее в Рим Дезидерий явился вместе с принцем Гизульфом лишь на Пасху следующего года. Разоренный город по-прежнему делился на два враждебных лагеря: сплотившихся между собой сторонников императора и григорианцев, еще не остановившихся ни на каком решении и предводительствуемых консулом Ченцием Франджипане, главой республики. Дезидерий надеялся, что своим отказом он достигнет общего успокоения; но кардиналы и нобили, собравшиеся в церкви S.-Lorenzo близ Septizonium, бросились перед Дезидерием на колени и стали умолять его принять папский сан. Тогда Дезидерий вступил в переговоры с Ченцием, предлагал избрать папой епископа остийского и обещал давать на содержание папы, кто бы он ни был, средства до тех пор, пока не будет восстановлен в церкви мир. Неистовыми криками народ требовал, однако, избрания Дезидерия, и потерявшие терпение кардиналы провозгласили его папой (24 мая 1086 г.). Приведенный в совершенное отчаяние новый папа Виктор III позволил облачить себя в пурпурное одеяние, но решительно воспротивился тому, чтобы на него было одето белое одеяние (alba).

Избранием Виктора III не было, однако, достигнуто общее успокоение; волнения в городе дали понять Дезидерию, что ожидало его в будущем как папу. Партия Генриха, все еще владевшая некоторыми укреплениями в Риме, нашла себе предводителя в лице префекта, назначенного императором. Этот пленник Гюискара был освобожден из плена Рожером, наследовавшим отцу после его смерти. Коллегия кардиналов отказалась утвердить назначение архиепископа салернского, сделанное Рожером, и последний, раздраженный этим отказом, немедленно нарушил свои вассальные отношения к Св. престолу, как только нашел их для себя невыгодными. Освобожденный из плена ставленник императора собрал у Капитолия военный отряд и затем воспротивился посвящению Виктора III в Ватикане. Прошло еще четыре дня, и только что избранный папа уже увидел себя вынужденным покинуть Рим, чтобы избавиться и от друзей, и от врагов. Так как графы Кампани были сторонниками императора, то Виктору пришлось следовать вдоль моря, через Ардею. Прибыв в Террачину, он сложил с себя знаки папского сана и поспешил вернуться в свой любимый монастырь.

Весь год оставался здесь Виктор III, не внимая мольбам епископов и государей, убеждавших его взять на себя, по завету апостола Петра, в то бурное время управление церковным кораблем, оставшимся без кормчего. В 1087 г. в Великий пост кардиналы, римские нобили с Ченчиом во главе и епископы Южной Италии снова собрались для того, чтобы избрать папу. Собрание происходило в Капуе у принца Иордана, провозглашенного защитником церкви. На собрании присутствовали так же Рожер Апулийский и лишенный своего трона Гизульф. Крайняя григорианская партия Гугона Лионского и Оттона Остийского, настроенная враждебно по отношению к Дезидерию, поведение и убеждения которого казались ей сомнительными, старалась воспрепятствовать его вторичному избранию. Но это обстоятельство и было именно причиной тому, что Дезидерий согласился снова принять сан папы (26 марта). Почувствовав свое самолюбие задетым, Дезидерий уже не мог примириться с мыслью, что тиарой будет обладать один из его противников — Гугон Лионский.

На Пасхе Виктор III, сопровождаемый Иорданом и Гизульфом, двинулся в Рим. Их небольшой отряд шел со стороны моря, переправился через Тибр у Остии и стал лагерем перед Леониной. Базилика Св. Петра, в которой должно было состояться посвящение папы, была в руках врагов. Когда Виктор III бежал из Рима, префект императора овладел городом и поспешил призвать Климента III. Смута, продолжавшаяся по-прежнему, мало могла послужить на пользу замыслам префекта; утомление было всеобщее; Генриха по близости не было; в разоренном и опустошенном городе царил полный беспорядок. Затем так же, как и прежде, приходилось считаться с войсками Матильды. Что представлял собою Рим в то время, мы не знаем, и в этом отношении возможны только одни догадки. Явившись в Рим, Климент III собрал вокруг себя своих приверженцев и разместился в Ватикане. Замечательно, что в борьбе партий базилика Св. Петра с той поры получила значение укрепленного места; наиболее чтимый христианский храм осаждался и защищался в XI и XII веках точно так же, как Septizonium и замок Св. Ангела; в портиках базилики солдаты дрались с той же яростью и ожесточением, как и на стенах какой-нибудь настоящей крепости. Норманны взяли базилику штурмом; Климент III, вынужденный покинуть Ватикан, бежал в Рим и заперся в другой церкви, так же защищенной от нападения, в древнем Пантеоне. После этого 9 мая в базилике Св. Петра кардинал-епископ остийский посвятил Виктора III в сан папы. Можно ли было поставить Дезидерию в вину то, что он чувствовал такой ужас к папскому сану?

Уступая неодолимому желанию вернуться в свой монастырь, Дезидерий уже через 8 дней покинул Рим. Но едва успел он добраться до Монте-Касино, как явились послы от графини Матильды, которая прибыла в Рим, чтобы поддержать пап. С грустью последовал Дезидерий призыву Матильды. Ее войскам удалось занять некоторую часть Рима, и благодаря этому папа и Матильда могли разместиться на острове Тибра. Во власти папы находились, однако, только Трастеврин, замок св. Ангела, базилика Св. Петра, Остия и Порто. Большинство римлян оставалось на стороне Климента, чувствуя непримиримую ненависть к григорианцам, которые, будучи вынуждены искать поддержки у норманнов, не переставали призывать этих грабителей в несчастный город. Затем прибыл императорский посол, и это придало вибертистам еще больше мужества. Ожесточенные битвы следовали одна за другой, и базилика Св. Петра переходила то в одни руки, то в другие. В июле, будучи уже больным, Виктор покинул Рим в третий раз. В августе был созван в Беневенте собор, на котором Виктор III подтвердил декреты Григория VII и снова отлучил от церкви Климента III. Затем, чувствуя приближение

смерти, Виктор приказал отвезти себя в Монте-Касино. Здесь он назначил аббатом Одеризия, так как, будучи папой, он продолжал все-таки управлять монастырем и указал как на своего преемника на Святом престоле на Оттона, кардинала-епископа остийского. 16 сентября Виктор III скончался, обреченный ходом событий стать трагической жертвой папства, которое он тщетно пытался устранить от себя. Аббат Дезидерий был великим человеком, стяжавшим себе бессмертие; папа Виктор III был только бесславной, бледной тенью. Монахи похоронили Дезидерия, которому были обязаны восстановлением своего аббатства, в абсиде залы капитула, где Дезидерий желал быть погребенным, и на его надгробном камне поместили прекрасную, трогательную надпись.

Из всех более известных борцов за реформу, которые некогда собрались под знаменем Григория, Дезидерий сошел со сцены жизни последним. Еще за год до него умер Ансельм Луккский. В жизнь вступало теперь новое поколение с иными задачами. Люди великого прошлого, еще оставшиеся в живых — Матильда, Генрих и Климент, — были уже чужды этим задачам и чувствовали свое одиночество.

Оттон Остийский сначала был соперником Виктора III, но затем искренне примирился с ним. Избранный Виктором перед его смертью в преемники ему, Оттон был к тому же из числа тех четырех кандидатов на папский престол, которые были указаны Григорием VII. Гугон Лионский, принадлежавший так же к числу этих кандидатов, уже не мог явиться соискателем папского сана, потому что был отлучен Виктором III от церкви. Тем не менее избрание Оттона замедлилось, так как Рим был во власти антипапы, а кардиналы частью пререкались между собой, частью были рассеяны по разным местам. Германцы, составлявшие григорианскую партию, и графиня Матильда через своих послов настойчиво приглашали кардиналов спасти церковь от безначалия и даровать ей главу. Наконец некоторые из кардиналов, примкнув к Одеризию, решили созвать избирательное собрание.

8 марта 1088 г. в Террачине состоялся собор, в котором приняли участие сорок епископов, кардиналов и аббатов; Иоанн, епископ Порто, был представителем духовенства; папский префект Бенедикт — представителем римского народа. Послы германские и послы графини Матильды так же присутствовали на собрании. 12 марта кардинал Оттон под именем Урбана III был избран и посвящен в папы. Это был первый папа, посвящение которого было совершено, согласно декрету Николая II, вне Рима, — в одном из провинциальных городов.

2. Урбан II. — Рим во власти Климента III. — Урбан II обращается за помощью к норманнам, и они водворяют его в Риме. — Безнадежное положение Урбана в Риме. — Бракосочетание Матильды с Вельфом V. — Генрих IV возвращается в Италию (1090 г.). — Римляне снова призывают Климента III. — Восстание юного Конрада. — Урбан II овладевает Римом

По своему происхождению Урбан II был француз и принадлежал к знатному роду в Шатильоне, близ Реймса; вначале он был монахом и настоятелем Клуэни. Как ревностный сторонник реформы и человек с теологическим образованием, Урбан был возведен в 1078 г. в сан кардинала-епископа остийского. Некоторое время он находился в плену у Генриха IV и, по-видимому, не был одним из крайних противников императора. Когда Григорий VII был освобожден в Риме, Урбан в качестве легата находился в Германии и основательно ознакомился с положением цер-

ковных и политических дел того времени. По своему уму Урбан стоял выше Дезидерия и был известен как оратор и дипломат. Католическая партия видела в нем человека, который пойдет вперед по пути, проложенному Григорием VII, и со всею предусмотрительностью найдет новые средства для борьбы. Сам Урбан немедленно повзвистил христианскому миру, что он решил быть папой в духе Григория VII. Тем не менее положение Урбана было трудное. В Германии, где со времени возвращения Генриха безостановочно шла междоусобная война, только что умер (1088 г.) покорившийся императору второй претендент на германский престол, Германн; саксонцы и почти все папские епископы в Германии все более склонялись на сторону императора. С 1087 г. в Ломбардии находился юный Конрад, сын Генриха. Наконец, со стороны самого императора так же грозила опасность, что он снова совершит поход в Италию, разобьет войска Матильды и надолго упрочит в Риме положение Климента III.

Рим был тогда во власти Климента; в это время правления антипап и антипрефектов в городе царило самое ужасное безначалие. Ежедневная уличная борьба, тирания грубых нобилей, бедственное положение обнищавшего народа — вот все, что представляла тогда Рим, уподобившийся развалинам.

Казалось, Григорий VII обрек на изгнание целый ряд своих преемников; мы видим, что, начиная именно с Григория, многие папы почти все время своего правления проводят в изгнании и отлучены от церкви; это поразительное явление еще не наблюдалось в истории папства. Урбан II вынужден был провести почти весь 1088 г. в Южной Италии, где братья Рожер и Боэмунд вели друг с другом жестокую борьбу из-за наследства, пока наконец дяде враждовавших братьев, Рожеру Сицилийскому, и папе не удалось примирить их. Существование папства зависело от сомнительной поддержки норманнских государей, и в ноябре 1088 г. Урбан получил возможность вступить в Рим с помощью все того же норманнского войска. Таким образом, Рим снова стал ареной борьбы двух пап; отвоевывая город друг у друга отдельными улицами, каждый из них по очереди изгонял своего противника и предавал его анафеме.

Разместившись на о-ве Тибра под защитой Пьерлеоне, Урбан оказался в таком беспомощном положении, что вынужден был прибегнуть к милосердию римских матрон. Несмотря на то со свойственным ему искусством он незамедлил раскинуть сеть интриг, в которую решил поймать своих врагов. Напротив, Клименту, имевшему в своих руках большую часть города, приходилось сокрушаться о своей злополучной судьбе, которой он был обречен на нечеловеческие усилия, чтобы отстоять свой сан, и возможно, что он уже искренне желал вернуться в свое епископство и там, в тишине и спокойствии, окончить свои дни. Урбан II, Генрих IV, Матильда и с ними все народы требовали мира; но сила слепого рока, во власть которого отдались все партии, осудив тем целое поколение на полную смуту, оказалась для этих людей неодолимой; они продолжали по-прежнему плести интриги и совершать одно преступление за другим. Сам Генрих уже был склонен примириться с церковью, и только отлученные от церкви епископы, судьба которых зависела от положения Климента, удерживали императора от этого примирения; тем не менее одно важное событие заставило Генриха еще раз вернуться в Италию и снова начать борьбу.

Узнав, что ослабевшая партия Матильды склоняется к примирению с Генрихом, и опасаясь, что благодаря этому император восторжествует в Италии, Урбан II поспешил уговорить графиню Матильду вступить во второй брак. Этим искусным маневром Урбан достиг того, что в лице мужа Матильды дал церкви нового борца, в котором эгоистические инстинкты были сильно развиты. Вельф IV, сын маркграфа Аццо II д'Эсте и Кунигунды, сестры последнего швабского герцога из дома Вель-

фов, в 1055 г. сделался наследником этого дома и сменил Италию, свою отчизну, на Германию; представителем фамилии д'Эсте в Италии остался его брат, Фулько. Женившись на дочери баварского герцога Оттона, Вельф IV в 1077 г. получил от Генриха в ленное владение герцогство своего тещя, возмущившегося против императора. После того Вельф сам изменил Генриху и стал одним из ярых его противников и ревностным сторонником Григория. Оставаясь до последнего времени душой и руководителем римской партии в Германии, Вельф в августе 1086 г. разбил Генриха на голову при Блейхфельде, неподалеку от Вюрцбурга. Утомленный, однако, борьбой, этот мужественный воин уже готов был так же заключить с Генрихом договор. Но когда неожиданно явилась возможность возвеличения дома Вельфов в Италии, глава этого дома нашел своему честолюбию новую пищу, и юный Вельф V, сын Вельфа IV, был принесен в жертву политике своего корыстного отца и хитрого папы, решивших женить его на графине Матильде. Притягательная сила заключалась не в самой графине, которой уже было 42 года, а в ее владениях. Претендентом на руку Матильды был даже Роберт, наследник Вильгельма Английского. Но Матильда оказала предпочтение юному Вельфу. Бракосочетание это состоялось в 1089 г. Таким образом, католическая партия в Италии приобрела в лице Вельфа новую силу, и это-то обстоятельство вынудило Генриха опять двинуться в Италию. Весной 1090 г. этот испытанный в боях муж, сопровождаемый обоими Гогенштауфенами, Фридрихом и Конрадом, спустился с Альп и нашел своего противника в лице все той же графини Матильды, с которой он уже так долго вел борьбу. Великая государыня, знамя которой было теперь в руках ее мужа, 18-летнего юноши, была так же, как и Генрих, обречена вести войну без отдыха. Мы не можем не чувствовать уважения к неутомимой энергии монарха, защищающего свое государство; но то фанатическое упорство, с которым боролась женщина, не имевшая собственных детей, поражает нас, как что-то загадочное. Мы не будем останавливаться ни на мужественной борьбе Генриха в Ломбардии, ни на упорном сопротивлении, оказанном ему Матильдой, отвергнувшей с чисто женским упорством всякую мысль о заключении мира, на котором настаивали ее недовольные вассалы. Мы должны вернуться к Риму, хотя в его положении все оставалось без перемен. Несмотря на то что непостоянные римляне изгнали Климента, Урбан все-таки не мог подчинить город своей власти и был вынужден проводить большую часть времени, скитаясь по Южной Италии, где он старался заручиться дружбой норманнов. Господствовавшей повсюду смутой воспользовался даже Иордан Капуанский для того, чтобы захватить в свои руки римские земли; ему удалось овладеть уже почти всей Кампаньей, когда (30 ноября 1090 г.) смерть настигла его в Пиперно, древнем городе вольсков. Между тем в то время как Урбан присутствовал на соборах, созданных им в Мельфи, Трое и Беневенте, римляне снова отпали от него. Успехи Генриха и неудавшаяся попытка старого Вельфа заключить мир повлияли на римлян настолько сильно, что они снова стали искать сближения с Генрихом. В 1091 г. они взяли приступом замок св. Ангела, прогнали папский гарнизон и лишь с трудом удержались от своего намерения срыть замок св. Ангела до основания. Затем они снова призвали Климента III из лагеря Генриха в город.

Появляясь в Риме, Климент получал возможность созывать на соборы отлученных кардиналов и назначенных им пригородных епископов; но соборы эти не приводили ни к каким результатам. Римская область разрывалась на части епископами той и другой партии; что же касается графов Кампаньи, то они почти все по-прежнему признавали Климента III и пользовались расколом церкви, чтоб грабить ее. Во время этого раскола духовное и светское управление Рима находилось большей частью в руках Виберта. У Урбана были, конечно, свои министры, судьи и

префект; но в действительности они не имели никакой власти, и судебные акты как в черте самого города, так и за пределами его помечались понтификатом Климента III. Таким образом, Урбану ничего не оставалось, как только отлучить своего противника от церкви, и это отлучение было провозглашено на соборе в Беневенте в марте 1091 г. Проникнуть в Рим Урбан не имел возможности ни в этом году, ни в следующем и принужден был праздновать Рождество у стен города, тогда как Климент отпраздновал его в базилике Св. Петра.

Падение Мантуи (апрель 1091 г.) и других городов, уныние, овладевшее партией Матильды, и измена римлян до крайности смутили католиков; встревоженные всем этим, они решили тогда противопоставить императору нового врага, более страшного. Хитрый папа, графиня Матильда, ненависть которой доросла до фанатизма, и корыстный старый Вельф общими силами выработали коварный план действий. Юный Конрад, старший сын Генриха, уже в течение нескольких лет был наместником в Италии. Несходный с отцом по природе, не обладавший его страстной энергией, Конрад унаследовал от отца лишь один неустойчивый темперамент. Все современники Конрада говорят о нем как о человеке привлекательном, кротком и склонном отдаваться мирным искусствам. Служители церкви уже давно опутали своими сетями сердце юноши; длившаяся без конца борьба казалась ему ужасной; грубые люди, окружавшие его отца, производили на него отталкивающее впечатление, а отлучение от церкви представлялось ему тяжким бедствием. Взглядов отца Конрад, вероятно, не разделял; в нем не могло быть так же и должной сыновней почтительности к человеку, который давал волю своей чувственности. Поддавшись увещаниям, Конрад решил восстать против отца. Генрих угадал замысел сына и заключил его в тюрьму; тогда Конрад бежал к графине Матильде и был с восторгом принят ею. Уговорив сына восстать против отца, графиня Матильда лишила себя блестящего ореола, которым она была окружена до сих пор, и с того времени ее покинуло все вдохновение ее молодости. Образ Матильды в Каноссе, стоящей возле своего друга Григория и умоляющей его о милосердии к униженному королю Генриху, трогателен и привлекателен; но образ той же Матильды 16 лет спустя, когда она, имея возле себя мужа-мальчика, принимала под свое «широкое крыло» восставшего против своего отца сына того же короля, — этот образ производит отталкивающее впечатление. Матильда направила Конрада к папе, который немедленно дал ему отпущение греха, совершенного против собственного отца. В это же время Вельф прилагал старания к тому, чтобы образовать в Ломбардии лигу против Генриха. Примеру восставшего Конрада последовали многие города: Милан, служивший имперской партии центром Лоди, Пьяченца и Кремона объявили себя сторонниками Конрада и заключили с юным герцогом Вельфом и графиней Матильдой союз на 20 лет. Затем в Милане в 1093 г. Конрад был провозглашен королем Италии.

Получив тяжкую весть о бегстве, измене и короновании своего сына, несчастный император в отчаянии удалился в свой одинокий замок и уже готов был погибнуть от собственного меча. Как бы ни были позорны проступки Генриха (его ярые противники обвиняли его в небывалых прегрешениях и, без сомнения, много преувеличивали те, которые были действительно совершены им), сколько бы ни был виноват в измене сына сам Генрих, участь, постигшая его, была несомненно жестокая. Его вторая жена, Пракседа, или Аделаида, по происхождению русская, так же бежала от него из Вероны к Матильде; побуждаемая священниками, эта несчастная женщина, принадлежавшая к варварскому народу, с полным бесстыдством поведала всему миру на двух церковных соборах преступные тайны своей брачной жизни, в которых отчасти была сама виновата.

Изменившийся ход событий дал возможность Урбану II в конце ноября 1093 г. прибыть в Рим. В то время в городе не было Климента; он находился в лагере Генриха; тем не менее вибертисты держали в своих руках Латеран, замок св. Ангела и другие укрепленные места в городе. Таким образом, Урбану пришлось искать приюта у Франджипана. Неизменно оставаясь сторонниками законных пап, члены этой фамилии укрывались в укреплении, воздвигнутом возле церкви S. Maria Nova на развалинах храма Венеры и Ромы, и затем имели в своем распоряжении еще неприступную башню у подошвы Палатина, называвшуюся *Turris Cartularia* и принадлежавшую раньше папам. Арка Тита была включена в эту феодальную крепость и замыкала ход в последнюю со стороны *via Sacra*. Здесь именно и поместился Урбан под защитой консула Иоанна, сына Ченция и внука Льва Франджипана, ставшего в 1000 г. родоначальником этого знаменитого рода. Обремененный долгами папа чувствовал себя в беспомощном положении. В это же время в городе находился по делам своего монастыря аббат Готфрид Вандомский. Тронутый жалким положением папы, Готфрид продал все, чем обладал, выручил папу из его затруднений и дал ему так же денег, чтобы подкупить Ферруция, начальника гарнизона, оставленного в Латеране Климентом III. Таким образом, Урбану удалось на Пасхе 1094 г. вступить во дворец пап и в первый раз занять латеранский престол, на котором, по словам аббата Готфрида, уже давно не восседали католические папы.

Удручающую картину полного упадка представляло в то время папство в лице Урбана II. Подавленный годами и преследуемый обстоятельствами, он вынужден был купить папскую резиденцию на деньги чужеземного аббата и затем, вступив в Латеран, нашел его совершенно разоренным. Окружавшие здесь Урбана сторонники его были грубы и невежественны; не меньшей дикостью отличались сами епископы. В городе царил мертвая тишина, и на месте церквей и домов виднелись одни развалины, являвшиеся как бы памятниками Григория VII. Несчастное население, совершенно обнищавшее, жило грабежами и убийствами. Не менее печальное зрелище, редко встречающееся в истории, представлял тогда так же император Генрих IV. Сраженный изменой сына и готовый на самоубийство, он скрылся в свой ломбардский замок, расположенный среди провинций, опустошенных огнем и мечом не меньше, чем во времена войн готов. Таковы были последствия борьбы за инвеституру и оставленные Григорием VII памятники.

3. Возникновение крестовых походов. — Усиление папства в зависимости от этого всемирного движения. — Урбан II проповедует в Пьяченце и в Клермоне (1095 г.) крестовый поход. — Отношение города Рима к крестовым походам и к рыцарству. — Участие итальянских норманнов в крестовом походе. — Французские крестоносцы в Риме. — Изгнание из Рима Климента III. — Возвращение Урбана II в Рим

Нескончаемая война между короной и тиарой привела всю империю к такому бедственному положению, которое не поддается описанию; поглощенное яростной враждой партий, общество прониклось какой-то неестественной ненавистью и жило одними раздорами и преступлениями. Измена Конрада была только ярким символом того состояния, в котором пребывало тогда человечество. Отец восставал на сына, брат на брата, государь на государя, епископ на епископа, папа на папу. Этот разлад, глубоко проникший в жизнь и до того еще неизвестный в истории, казался, грозил нарушить целостность христианского мира и лишить его святых и могущественного значения, которое за ним благоговейно признавалось. Проклятие, об-

рекавшее мир на смерть, лежало на нем беспросветной тьмой; благословляющий и милующий Христос был совершенно забыт людьми; вернувшись на землю, Он намялся от своего чистого первоисточника, что стала совершенно неизвестной. И точно так же св. Петр в смущении увидел бы, что его преемники в апостольском сане, именуя себя, подобно римским императорам, первосвященниками, все свои усилия прилагают к тому, чтоб на развалинах Рима, над гробом апостола, воздвигнуть себе трон цезарей.

К концу XI века европейские страны походили на поле битвы; темная ночь спустилась на это поле и окутала его непроницаемым мраком; войска обессилены, но дышат ненавистью; тоскуя в душе о мире, они чувствуют, что обречены неискупленной виной на братоубийственную войну и ждут наступления утра, чтобы снова все так же яростно напасть друг на друга. Но в проблеме приближающегося дня они видят в небе херувима, который, указывая на Восток, велит им заключить во имя Бога мир и с оружием в руках идти в священный Иерусалим, чтобы там, у Гроба Господня, искупить грехи свои и всего мира.

Такое изумительное событие, как крестовые походы, находит, следовательно, объяснение со самих условиях того времени. Это великое движение было вызвано борьбой за инвестиру, хотя, конечно, в том же направлении одновременно действовали и многие другие обстоятельства. Все последствия, к которым приводит нас история, достигаются скрытой работой влечений и потребностей; преступность, безумие и заблуждение являются в истории движущими началами в такой же мере, как добродетель, разум и вдохновение. Глубокий упадок человечества в XV веке, обрешкий Гусса, Иеронима и Саванаролу на мученичество, сменился в людях жадной искупления, и реформация снова обрела Христа в Священном Писании. В XI веке человечество было наивнее и невежественнее на целых четыре столетия своего существования и искало Христа у самого гроба Его. Таким образом, крестовые походы, которыми народы были двинуты к колыбели христианской религии на Востоке, свидетельствовали о том, что человечество возвращается к источнику спасения.

Не был ли Христос в действительности почти забыт миром? Поклонение ему не было ли вытеснено культом Пресвятой Девы, апостолов и целого сонма святых? Рим выдвинул образ апостола, которому был присвоен светский патрициат и которого, как утверждал один из пап уже в VIII веке, весь Запад почитал своим Богом на земле. Апостол Петр являлся символом римской иерархии и единства Вселенской церкви; но он не был символом того Спасения, которого искал каждый христианин. Вместо того чтобы обращаться к апостолу, поставленному у врат в Царствие Небесное, не лучше ли было прибегнуть к Самому Сыну Божиему?

Люди привыкли верить тому, что наиболее верный путь в рай шел через ворота Рима; а между тем через эти ворота разносились проклятия Григория VII, обрекавшие мир на бедствия. Порочность духовенства и многих пап и затем ужасы нескончаемых раздоров между партиями давно ослабили благоговейное отношение к Риму, и во времена Генриха IV паломники уже почти не посещали Рима и базилики Св. Петра, которая казалась оскверненной и в действительности была обращена вибертистами в крепость. И по мере того как число паломников ко Гробу Господню росло, иудейский город в далекой Азии приобретал, по сравнению с Римом, все больше и больше значение святыни.

Расчетливые римляне имели основание негодовать на крестовые походы. Благодаря последним толпы благочестивых паломников отвлекались от Рима, а с отсутствием паломников должен был прекратиться и приток денег, что не могло не

отразиться тяжело на положении города. Но римская церковь почерпнула новые силы в энтузиазме, который охватил тогда людей. В то время когда борьба с Генрихом IV еще продолжалась и исход ее оставался неизвестным, папы, колеблясь, стали во главе широко разлившегося движения. Уловив дух времени, они вышли из узкой сферы мелких раздоров и частных интересов, до которой низвели на была борьба за реформу, и, поднявшись на высоту общехристианской идеи, сосредоточив мысль на великом объекте религиозного порыва, направили в сторону Сирии своих врагов, и близких, и дальних, а с ними и все то, что имело отношение к ереси и схизме. Присоединив церковь к великому чувству, воспламенившему Европу, они достигли того, что и сами получили новое всемирно-историческое значение.

Людям нашего поколения не может не казаться странным то время, когда одетый в рубище пустынный, развезжавший верхом на осле, встречался повсюду как посланник Бога; когда народы, внимая рассказу о гонениях христиан в далеком Иерусалиме, чуть не поголовно приходили в состояние религиозного экстаза и, обрекая себя на явную гибель, покидали отчизну и шли в Азию. Положение христиан в Сирии не представляло тогда ничего чрезмерно ужасного; летописцы того времени не сообщают ни одного факта, который можно было бы приравнять к избиению 25 000 человек, имевшему место уже в эпоху культурную, в 1860 г., в Дамаске. Опираясь на такой факт, Петр Амьенский, вероятно, увлек бы за собой в Азию почти всю Европу. В наше время он был бы сочтен за безумца, заслуживающего только сожаления. Человечество, по счастью, уже более не способно вести кровавые войны из-за религиозных мотивов; но вместе с тем оно утратило, может быть, и вообще способность относиться с пламенной, юношеской восторженностью к тому, что обнимается сферой возвышенного. Спустя восемь столетий после крестовых походов нелепо утверждать, что они были проявлением религиозного сумасшествия. Будучи в полном соответствии с духом времени, крестовые походы являются отражением всего характера Средних веков и составляют великую эпоху в существовании человечества. Могучим порывом были объединены самые разнообразные народы, которых с той поры уже никогда больше не связывала общая цель, и по сравнению с этим величественным зрелищем разрозненная и эгоистическая политика наших дней кажется постыдно жалкой.

Первый крестовый поход, проповедником которого выступил сам Урбан II, был украшением понтификата этого папы. Прибыв по приглашению Матильды в Тоскану, Урбан созвал в Пьяченце собор. Ликования, которыми Урбан был встречен в Ломбардии, и затем приезд сюда множества духовных и светских лиц (в начале марта 1095 г.) со всей очевидностью показали Урбану, что дело Генриха IV проиграно, а его собственное — выиграно. Число участников собора было так велико, что они не могли поместиться ни в одной церкви; поэтому заседания собора проходили на открытом воздухе. Глубокое волнение охватило мир, потрясенный до основания Григорием VII; человечество прониклось новыми веяниями. От византийского императора на собор явилось первое посольство, просившее о помощи; ему была обещана поддержка. Решено было, однако, созвать еще второй собор в ноябре в Клермоне, где на защиту Восточной церкви папа, сам француз, должен был призвать франков, отличавшихся рыцарским характером. Перед поездкой в Клермон папа свиделся в Кремоне с юным Конрадом и принял от него присягу, причем обещал ему императорскую корону, под условием отказа от прав на инвеституру. Прельщенный этим обещанием мятежник поспешил в Пизу, чтобы вступить там в брак со своей богатой невестой, дочерью Рожера Сицилийского, а папа затем направился на собор во Францию.

На клермонском поле Урбана встретили приветствием 13 архиепископов, 205 епископов, множество нобилей, съехавшихся из разных мест Франции, и толпа в несколько тысяч человек пришлого народа, расположившаяся лагерем вокруг города; оглашая воздух нетерпеливыми криками, эта толпа ждала одного лишь призывного слова, чтобы разразиться грозой, подобно туче, насыщенной электричеством. Ораторы Греции и Рима, все без исключения, могли бы позавидовать Урбану, и не только потому, что он занимал такое величественное положение, но еще и потому, что слушатели его, составлявшие это всемирно-историческое собрание, относились к оратору с безусловным сочувствием. Едва ли еще когда-нибудь слово имело такую увлекательную силу. Звучный, величественный язык Цицерона даже в такое отдаленное время дал возможность Урбану воспламенить народные массы, среди которых латынь уже давно подверглась порче. Желая вдохновить своих слушателей великой идеей, ораторы обыкновенно звали к самым благородным их чувствам, отчасти льстя слушателям, отчасти действительно предполагая в них эти чувства. Урбан знал, что многотысячная толпа, стоявшая перед ним, почти вся состояла из грабителей и убийц, и тем не менее это обстоятельство не только не ослабило его энтузиазма, но еще более содействовало подъему его мысли и чувства. Контраст, который мы встречаем здесь, поражает нас своей исключительностью. К общественному чувству делается воззвание во имя самой высокой идеи, и разбойники и убийцы призываются на служение этой идее именно потому, что они разбойники и убийцы. Урбан говорил не речь, а проповедь; для массы людей, слушавших Урбана, самым сильным двигателем было страстное желание искупить свою вину, и сам крестовый поход был как бы актом покаяния, которым достигалось отпущение грехов. Папа вкратце изобразил порабощенное положение священного города, в котором царь царей жил, страдал и умер, и, чтобы усилить впечатление своих слов, сопровождал их плачем, рыданиями и изречениями пророков; затем, взывая к единодушию христиан, он приглашал их опоясаться мечом и идти на освобождение Христа. «Восстаньте, направьте свое оружие, обогреть кровью ваших братьев, против врагов христианской веры. Вы, угнетатели сирот и вдов, убийцы, осквернители храмов, грабители чужого достояния, вы, которых нанимают для того, чтобы проливать христианскую кровь, которых так же, как коршунов, влечет к себе запах поля битвы, — спешите, если только вам дорого спасение души вашей, стать под начало Христа на защиту Иерусалима. Повинные в преступлениях, лишаящих вас Царствия Небесного, искупите их этой ценой, потому что такова воля Господня.»

Как часто самое пламенное красноречие оказывалось бессильным и не подымало людей на то, что было связано с ближайшей, непосредственной пользой для них; а между тем Урбан призывал своих клермонских слушателей на защиту единоверцев и города, которые были отделены от Европы целыми странами, морями и протекавшим тысячелетием! Тесно сплотившиеся слушатели (среди них можно было насчитать, конечно, немного людей с чистой совестью) неоднократно прерывали слова папы фанатическим возгласом: «Deus lo volt. Deus lo volt». Дрожащими от волнения руками князья, рыцари, епископы и кнехты спешили пришить к своему платью красный крест; честолюбию, искательству приключений и всякому преступлению была дана возможность прикрыться этим символом; рабы, крепостные, должники и все, кто был осужден на изгнание, стекались под знамя крестового похода, вполне уверенные, что они при жизни получают отпущение грехов, по смерти же будут приняты в рай, но прежде всего обретут в Сирии золотые горы. Успех проповеди превзошел ожидания Урбана; он отклонил, однако, настойчивую просьбу неко-

торых епископов стать лично во главе похода и назначил своим заместителем Адмара, епископа в Пюю.

Но историку Рима не приходится заносить в свою летопись *Gesta Dei per Romanos*: в войске, выступившем в поход под знаменем Искупителя, римлян не было. Сенату и римскому народу Урбан казался, вероятно, только смешным, когда он увещевал их отдаться священному энтузиазму, покинуть развалины Рима и идти на освобождение Иерусалима, некогда разрушенного римскими императорами, того Иерусалима, о падении которого все еще свидетельствовала арка Тита, — кивот завета которого хранился теперь в Латеране, составляя его гордость, — население которого в лице отдаленного потомства ютилось со времени Помпея у мостов через Тибр, составляло особый цех (*Schola*) чужеземцев и возбуждало по отношению к себе одно только презрение. Увлечение великими идеями было мало доступно римлянам, и рыцарский романтизм остался для них чуждым. Рыцарство с его героизмом, с его изменчивыми влечениями, выразившимися то в наслаждении жизнью, то в пренебрежительном отношении к ней, с его страстным исканием подвигов, увлекавшим людей в далекие земли и моря, достигло своего полного развития повсюду, где жизнь складывалась под влиянием германского и норманнского начала; ничего подобного, однако, мы не наблюдаем в ту эпоху в большей части Италии. Для городов, могущество которых в то время возрастало, а именно для морских республик Пизы, Генуи и Венеции, которые своими флотами содействовали завоеванию Сирии, крестовые походы явились источником обогащения, так как повели к установлению торговли с Левантом и учреждению колоний. Но по отношению к Риму влияние крестовых походов сказалось еще большим упадком его. В пределах самого города рыцарство возникнуть не могло; преградой тому служила церковь, исключавшая процветание всего, что имело светский характер (этому много содействовали так же и женщины в Риме); сами римляне, следуя древним традициям, могли сделаться сенаторами и консулами, но не рыцарями. Церкви и монастыри так же, как и развалины древнего Рима, явились бы совершенно неподходящей декорацией для турниров на поросшей травой арене древнего цирка; толпа же зрителей на этих турнирах состояла бы почти наполовину из священников и монахинь. Феодализм проник, правда, так же и в римскую область; но сложная система вассальных отношений, лежавшая в основе рыцарства, могла развиваться во всей полноте только при светском дворе. Римские нобили того времени, превратившие древние памятники в свои жилища, были грубы и невежественны; они делились на партии, враждовавшие одна с другой, с папами и с императорами, и были все корыстны и вместе с тем бедны. Затем, графы, населявшие Кампанью, были так же не больше как разбойники, одни — крупные, другие — мелкие; их замки, как гнезда хищных птиц, построенные на неприступных скалах, остались до сих пор не тронутыми культурой и своим видом производят все то же гнетущее впечатление; таковы замки Сеньи, Чеккано, Монте Ротондо, Палестрина, Чивита Кастеллана и Галерия. Странствующий трубадур не заходил в эти замки; так же как и в Риме, в них не съезжались красавицы, чтобы увенчать цветами рыцаря, одержавшего победу на турнире. Увлекательная поэзия Средних веков никогда не свивала своего гнезда на мрачных развалинах Рима; казалось, строгие тени древних сенаторов витали среди этих развалин и оплакивали падение родного города.

В совершенно иных условиях находились дворы норманнских государей Южной Италии. Будучи рыцарями по рождению, эти странствующие искатели приключений владели своими прекрасными землями по праву завоевателей; они принудили мусульман бежать из Сицилии и навели ужас на греческого императора. Таким образом, неудивительно, что эти люди, предвидя возможность совершить

новые подвиги и овладеть новыми землями, ответили на призыв священных труб ликованием и затем в лице бессмертных героев Танкреда и Бозмунда покрыли славою Первый Крестовый поход. Танкред, цвет рыцарства, стал под знамя своего родственника Бозмунда, когда последний снял осаду с Амальфи, чтобы идти на Иерусалим (1096 г.). Гюискару наследовал его младший сын Рожер, а не старший Брэмунд. Под предводительством Танкреда и Бозмунда соединились толпы итальянских крестоносцев; возможно, что среди них были так же римляне; но летописец, явившийся в своем поэтическом описании итальянского войска предшественником Тассо, не упоминает о римлянах.

Повод к участию итальянских норманнов в походе был дан направлением, по которому следовала армия крестоносцев из Западной Франции. Предводительствуемые Гуго Вермандуаским, братом французского короля, Робертом Фландрским, Робертом Нормандским, сыном Вильгельма Завоевателя, и Стефаном Шартрским и Блуаским, французские и английские норманны шли через Тоскану, Рим и Апулию в Бари, где они должны были сесть на корабли. В Лукке 6 октября крестоносцы настигли возвращавшегося в Рим папу; он дал им свое благословение и вручил принцу Гуго хоругвь св. Петра. Чтобы подчинить себе Рим и изгнать вибертистов из базилики Св. Петра, Урбан мог прибегнуть к содействию крестоносцев. Под свежим еще впечатлением разграбления, которому подвергнут город при Гюискаре, римляне не могли, конечно, не чувствовать сильного трепета, ожидая появления французских и английских норманнов; но вид армии, которая двигалась в стройном порядке, предводительствуемая самыми знаменитыми государями Западной Европы, должен был подействовать на римлян успокоительно. Если бы летописцы уделили пребыванию крестоносцев в Риме больше внимания, мы, может быть, имели бы сведения о том, были ли подвергнуты осаде какие-либо из древних сооружений, занятых вибертистами. Рыцарей Франции и Англии не могло не поразить то обстоятельство, что им довелось на пути в Иерусалим в стенах священного Рима направить свои мечи против неистовствующих врагов папы и обаргить эти мечи кровью схизматиков, победить которых они не имели возможности. Ужас охватил их, когда они увидели турок в самих римлянах, что им, паломникам, получившим благословение и возносящим молитвы в базилике апостола, грозит у самого гроба его опасность со стороны христиан, помышляющих об убийстве. «Когда мы вошли в базилику, — пишет очевидец, — мы нашли в ней приверженцев безумного папы Виберта с обнаженными мечами в руках; возложенные нами на алтарь приношения эти люди захватили себе; когда мы, стоя на коленях, молились, они, взобравшись на балки, бросали на нас камни и готовы были убить каждого, кто только казался им сторонником Урбана». Фульхер рассказывает, что крестоносцы были приведены в ужас полной неурядицей, царившей в христианской столице, но тем не менее решили, что возмездие должно исходить от самого Бога, и одни по малодушию своему вернулись домой уже из Рима, а другие продолжали поход, следуя через Монте-Касино в Бари.

Таково было отношение г. Рима к крестовым походам; к яркой картине, наброшенной Фульхером, историку не приходится добавлять ничего больше. Для Урбана появление крестоносцев в Риме было, однако, не бесполезно; они принудили Виберта удалиться из города. Возможно, что при этом некоторые башни и крепости были подвергнуты осаде; папа, вступивший в Рим вслед за крестоносцами, мог, во всяком случае, провести Рождество в мире и тишине. Таким образом, Урбан оказался обладателем почти всего города; в руках вибертистов оставался только замок Св. Ангела, так как крестоносцы не пожелали остаться в Риме для осады замка.

- 4. Отношение Генриха IV к Первому Крестовому походу. — Папа становится во главе общемирового движения. — Вельф V разводится с Матильдой. — Вельфы переходят в лагерь Генриха. — Генрих IV возвращается в Германию (1097 г.). — Конец его трагической борьбы. — Смерть Урбана II (1099 г.). — Смерть короля Конрада (1101 г.). — Смерть Генриха IV (1106 г.)**

Первый Крестовый поход обнаружил всю слабость имперской власти, оказавшейся не на высоте своей задачи. Не следовало ли императору как светскому верховному властителю христианского мира стать во главе великого движения и, развернув знамя христианской церкви, вести государей и народы на священную борьбу? В силу неблагоприятных условий и по вине Генриха IV этот многозначительный момент был упущен имперской властью и с той поры уже не повторялся больше. На всем протяжении Средних веков мы не встречаем другой такой эпохи, как первые годы крестовых походов, когда духовный подъем в человечестве сказался с поразительной яркостью; религиозные влечения выступили тогда во всей своей силе, а папы имели наибольший успех и по преимуществу проявили свой гений. Взяв на себя разрешение задачи, лежавшей на имперской власти, папство низвело эту власть с всемирно-исторической высоты, которая ею была достигнута. Григорий VII ясно сознавал все значение борьбы Европы с Азией и потому стремился стать во главе движения; эту идею он передал своим преемникам, и Урбан как человек, одаренный пронзительным умом, воспользовался ею. Дело не заключалось в том, чтобы именно папы взяли на себя предводительство в походах; мир управляется идеей, а идея исходила от пап. Поскольку инициатива крестовых походов принадлежала церкви, люди не могли сомневаться в том, что именно церковь объединяет народы. Соборами в Пьяченце и в Клермоне было положено начало новой всемирно-исторической эпохи. А между тем Генрих IV, поглощенный своими мрачными помыслами, скрылся в одном из замков Северной Италии и оставался безучастным зрителем этих соборов. Мы думаем, что в этом случае Генрих IV нравственно пал еще ниже, чем тогда, когда он явился в Каноссу кающемся паломником. Провозглашенная папой анафема была вместе с тем и как бы смертным приговором историческому существованию этого императора.

Мы уже говорили выше о поражении, которое потерпел Генрих вследствие восстания своего сына в Италии. Казалось, дело Генриха было окончательно проиграно; меньшая опасность грозила так же положению его в Германии. Но судьба, игрушкой капризов которой он не переставал быть, неожиданно улыбнулась ему. Семейный раздор, — по-видимому, забытый среди широкого движения, вышедшего крестовые походы, — является любопытным эпизодом в великой борьбе церкви с государством. Идеи направляют мир к достижению отдаленных целей; но ближайшие шаги, которые делает человечество, определяются непосредственными интересами; «священная жажда золота», действующая в людях с силой, более могучей, чем та, которой обладает самое идеальное религиозное стремление, должна всегда напоминать нам, что история наполовину складывается в зависимости от материальных условий. Брак Матильды и Вельфа по их собственному, вероятно, решению и в зависимости от политики Рима был чисто платоническим; графиня не искала ни мужа для себя, ни наследника своим владениям; ей нужен был человек, который держал бы в своих руках знамя борьбы с Генрихом и стремился бы к достижению поставленных ею целей. Но возмужав и имея за собой некоторые заслуги, юный Вельф не пожелал находиться в подчинении у своей жены и решил сам вступить в обладание ее землями. К такому требованию своего мужа Матильда отнеслась как к самонадеянной выходке юноши. Возникновение этого раздора, может быть, обнаружило обстоятельство, которое раньше было не-

известно обоим Вельфам, а именно то, что наследие маркграфини уже было принесено в дар церкви, что Матильда с этой целью выдала своему другу Григорию соответственный диплом. Хотя ближайшие причины несогласия между супругами остаются неизвестными, тем не менее можно предполагать, что этот дарственный акт был одной из таких причин. После собора в Пяянце юный Вельф уже открыто развелся с Матильдой, и развод состоялся, вероятно, но без участия Урбана. Умный папа расторг фиктивный брак, когда он оказался более ненужным, и таким образом устранил претендента на владения Матильды. Еще не так давно перед всем светом королева изобличала своего мужа в самом возмутительном преступлении по отношению к ней; теперь владетельный князь, желая добиться развода и скрывая действительные причины этого желания, во всеуслышание доказывал, что его жена, знаменитая маркграфиня, не жалеет исполнять супружеского долга, что брак его с ней не больше как платонический союз.

Старый Вельф поспешил в Италию; убедившись, что сын его обречен на жалкую роль фиктивного мужа и что надежды на получение наследства Матильды обмануты, он пришел в совершенное негодование и вместе с сыном перешел на сторону Генриха. Корыстолюбие Вельфов неожиданно оказалось более могучим двигателем, чем какое-либо религиозное и политическое соображение, и враг, отлученный от церкви, был немедленно признан за самого близкого друга. Тогда Генрих покинул свой замок и снова начал борьбу с Матильдой, а Вельфы поспешили в Германию и здесь, к общему изумлению, стали прилагать все старания к усилению имперской власти.

Вернуть под свою власть Италию Генриху, однако, не удалось. Оказывая в течение 12 лет неодолимое сопротивление войскам императора и действительно охраняя папство своим щитом, великая маркграфиня увенчала себя неувядаемой славой. Вынужденный уступить поле битвы, император в 1097 г. вернулся в Германию и затем более уже не покидал ее. Его ставленник, папа Климент III, еще оказывал в своих замках слабое сопротивление, но не имел никакого влияния даже в своем равненском архиепископстве. Между тем Рим был в руках Урбана. 24 августа 1098 г. покровителю Урбана, Пьерлеоне, удалось благодаря измене завладеть замком св. Ангела, и папа мог наконец назвать себя властителем Рима. По сравнению с Григорием VII Урбан отличался хитростью и был счастливее своего предшественника; если Григория VII можно уподобить Цезарю, то Урбана надо признать Августом. Урбану довелось, однако, недолго наслаждаться миром и торжеством победы, достигнутыми после стольких бурных событий, после целого ряда лет, проведенных в кипучей деятельности, в изгнании или в скитаниях. В Южной Италии он упрочил союз с норманнами, с которыми был в тесной дружбе, а Рожера, графа сицилийского, и его наследников даже возвел (в Салерно, 5 июля 1098 г.) в сан апостолического легата этой области. В 1099 г. Урбаном был созван в Риме большой собор, на котором были подтверждены все декреты предшественников Урбана и его собственные.

Историку, изложившему ход трагической борьбы Генриха IV с папами, остается еще отметить смерть главных участников этой борьбы. Урбан умер 29 июля 1099 г. Перед своей смертью он мог получить нравственное удовлетворение, если только до него успела дойти весть о взятии Иерусалима 15 июля крестоносцами. Умер Урбан не в Латеране. Папский дворец представлял из себя в то время развалины, и в городе все еще было много еретиков-фанатиков и врагов папы, замышлявших убийства. Папа, которому выпала счастливая доля положить начало крестовым походам, был вынужден жить в мрачном дворце одного из своих покровителей и умер в укрепленном замке Пьерлеоне, стоявшем рядом с церковью Св. Николая in Carcere. Даже тело умершего папы могло быть перенесено в базилику Св. Петра только окольным путем, через Транстеверин.

Вскоре затем умер Климент III и позднее Генрих IV. Великая маркграфиня пережила всех своих знаменитых современников. Юный Конрад, забытый и покинутый, умер во Флоренции уже в 1101 г. Проследить участь, постигшую несчастного Генриха в Германии, и его дальнейшую борьбу здесь мы не имеем возможности; точно так же мы умолчим о гнусном восстании второго сына Генриха и о трагической кончине последнего. Генрих умер в Люттихе 7 августа 1106 г., по-прежнему отлученный от церкви, низложенный германскими князьями, жестоко преследуемый своим бесчеловечным сыном и окруженный лишь немногими друзьями, которые остались ему верны до конца. Тело Генриха первоначально было погребено в Люттихской церкви; но затем священники-фанатики вынули тело из гробницы и отвезли его на один из пустынных островов Мааса. Какой-то монах-паломник, вернувшись из Иерусалима, приходил к этой печальной могиле и, плача, распевал надгробные псалмы. Будучи величайшим грешником, Генрих IV был вместе с тем и храбрым воителем. Судя беспристрастно и имея в виду в особенности первую половину жизни Генриха, каждый обвинит его в распушенности и в деспотизме. Но проступки Генриха отчасти объясняются теми неблагоприятными условиями, в которых протекала его юность, когда он, рано потеряв отца, явился предметом раздоров партий и их низких, корыстных расчетов. Борьба Генриха с одним из самых могущественных пап полна тех противоречий, на которые способен человек с неустойчивым характером; что же касается униженного паломничества в Каноссу, то оно в значительной мере объясняется особенностями той суеверной эпохи церковных проклятий, когда внешние формы покаяния были весьма распространены и достоинство мужчины смирялось перед бичом священника. Отсутствие выдержки в Генрихе наряду со спокойной энергией Григория свидетельствует со всею очевидностью, что человек уподобляется ладье, носимой ветрами, как скоро он не несет в самом себе понимания своих прав и своего долга и когда ясно сознанный цель не руководит всеми действиями этого человека. Существование такой определенной цели, полученной преемственно, составляло огромное преимущество Григория VII, помимо других, которые он имел благодаря особенностям своего характера, ума и затем положения, которое он занимал в церкви. Королю Генриху его цель стала вполне ясной только впоследствии; но и тогда она затемнялась обстоятельствами, при которых народное религиозное чувство было настроено враждебно по отношению к королю. Как бы то ни было, неутомимая борьба Генриха, направленная против римского единодержавия, была действительно замечательна и дала право этому королю на вечную признательность со стороны его отечества; без этой героической борьбы Германия подпала бы под иго церковной тирании Рима. Генрих IV была предтечей Гогенштауфенов, и память о нем, как о великом борце, судьба которого была полна трагизма, сохранится навсегда в истории германского народа.

5. Культура Рима в XI веке. — Гвидо Аретинский изобретает ноты. — Состояние библиотек. — Помпоза. — Монте-Касино. — Фарфа. — Григорий Катинский. — Субиако. — Первое собрание римских регестов. — Деодат. — Очень неполное продолжение «Истории пап». — Регесты Григория VII. — Петр Дамиани. — Боницо. — Ансельм Луккский. — Полемические произведения по вопросу об инвеституре

Мы закончим изложение истории гор. Рима в XI веке обзором умственной культуры того времени, хотя о ней можно сказать лишь немногое.

В X веке мы не видели в Риме ни одного литературного таланта; то же самое повторяется и в XI веке. Такое продолжительное отсутствие всякого умственного

движения не может не казаться ужасным даже и в том случае, если принять во внимание, что этот период времени сопровождался кровавыми событиями. Между тем в остальной Италии начало новой культуры было положено уже с середины XI века. Начавшимся освобождением городов была пробуждена мысль горожан; первые попытки выйти из-под ига церкви были сделаны светской школой: юриспруденция изучалась; торговля так же содействовала росту знаний и их распространению, а великие события уже сами по себе были таковы, что не могли остаться без описания. Только на Риме эти обстоятельства не отразились ничем; здесь все силы были поглощены великой борьбой за реформу; те папы, которые получили образование в Германии или в Галлии и стояли во главе этой борьбы, прилагали свои старания к тому, чтобы искоренить испорченные нравы среди духовенства, но совершенно не имели времени для того, чтобы внести в него просвещение. Ряд пап, занимавших Св. престол включительно до собора в Сутри (среди них были люди, стоявшие на такой низкой ступени умственного и нравственного развития, что даже сами римляне называли их идиотами), знаменует период глубокого варварства, и точно так же, как это было во времена Сильвестра II и Григория V, жизнь пробудилась в Риме снова только под влиянием германской и галльской образованности. Папы, стоявшие за реформу, и те наиболее выдающиеся кардиналы, которые призывали к ним, были все чужеземцами.

Состояние римских школ нам совершенно неизвестно. Из документов мы знаем о существовании докторов права, схоластиков и магистров, но только в других странах, а не в Риме. Випон убеждал Генриха III следовать обычаю итальянцев посылать сыновей знати в школы; но едва ли в Риме мог он познакомиться с этим похвальным обычаем. Знать и горожане римские стояли по своему образованию ниже, чем в Болонье, Пизе, Павии и Милане, хотя в Риме все еще должны были существовать грамматические школы, в которых изучались древние авторы. Изучение грамматики было весьма распространено в Италии в то время, и искусный стиль, разукрашенный риторическими оборотами, очень ценился.

В изящной и научной литературе Рим занимал в XI веке, по сравнению со всею остальной Италией, тоже последнее место, как и в X веке. Пример каносского монаха Доницо, описавшего в стихах, — конечно варварских, — жизнь великой маркграфини Матильды, и затем Вильгельма Апулийского, автора так же стихотворной летописи геройских подвигов Роберта Гюискара (автора, оказавшегося если не Виргилием, то, во всяком случае, писателем, понимающим дело) — пример этих людей не вызвал подражаний среди римских монахов; лирические произведения Дамнани и Альфана Салернского прошли точно так же бесследно. Даже из надписей только немногие принадлежат этому времени. Между тем церковное пение уже должно было двинуться вперед с того момента, как Гвидо Аретинский, монах бенедиктинского монастыря Помпозы близ Равенны, изобретением нот положил начало гениальным открытиям, которыми человечество было освобождено от цепей варварства. Подвергнутый завистливыми собратиями-монахами гонению, этот первый в истории христианской культуры изобретатель должен был бежать из монастыря. Явившись таким образом вместе и первым мучеником в этой истории, Гвидо сам сравнивает себя с тем мастером, которого Тиберий приказал предать смерти за то, что он изобрел небьющееся стекло. Гвидо нашел приют сначала у Тебальда, епископа аретинского, а вскоре затем был призван в Рим невежественным Иоанном XIX. Ознакомившись в изложении Гвидо с его антифонаром и легко усвоив пение одного из стихов, Иоанн приказал применить замечательный метод Гвидо в латинской певческой школе. Сохранилось письмо, в котором Гвидо рассказывает

о своем торжестве. Осчастливленный монах покинул Рим, дав обещание вернуться, чтобы вести преподавание по своему методу. Возможно, что римляне не приложили достаточно стараний к тому, чтобы удержать у себя этого замечательного человека; но возможно так же, что Гвидо сам бежал, так как, по его словам, Рим представлял пустыню, зараженную болотной миазмой. В числе причин невежества римского духовенства один из кардиналов времен Григория VII отмечает, кроме нищеты, лишившей духовенство возможности посещать школы других стран, так же и нездоровые условия Рима, пугавшие иноземных учителей. Во многих местах города образовались болота, так что Рим представлял собой настоящую могилу. Затем город не располагал никакими денежными средствами и нес на себе все бедственные последствия борьбы партий, а папский двор того времени не оказывал никакого покровительства наукам. В Рим не призывались ни Ланфранк Павийский, учитель Александра II, ни еще более знаменитый Ансельм Аостский, ученик Ланфранка и отец схоластической теологии. Разливая, как звезды первой величины, свет просвещения во Францию и по всему Западу, оба ломбардца остались в монастыре Бек в Нормандии и умерли, сменив один другого, в сане епископа Кентерберийского.

Декретов, покровительствующих школам, не было издано даже теми папами, которые боролись за реформу, и только Григорий VII в 1078 г. издал декрет, который предписывалось учреждать при церквях школы для духовенства.

Римские библиотеки того времени нам неизвестны; тем не менее возможно, что к охранению их принимались меры, так как поименный список библиотекарей за XI век не представляет перерыва, между тем как в XII веке упомянуты только три библиотекаря, а в XIII веке — уже ни одного. Упадок научной деятельности парализовал стремление к постоянному пополнению латеранской библиотеки, и в римских монастырях едва ли даже и были такие монахи, которые умели бы писать кодексы. Дамиани жалуется на недостаток переписчиков и говорит, что встречал лишь немногих, которые умели разобратся в рукописях. Между тем среди монахов итальянских монастырей науки находили все-таки своих адептов. До нас дошел каталог библиотеки монастыря Помпозы, относящийся к тому времени. Автор этого каталога отмечает с гордостью, что библиотека Помпозы полнее римской; это замечание, между прочим, доказывает, что римские библиотеки еще и тогда считались обширными. Знаменитый Герберт в конце X века (раньше, чем стал папой) обратился в Рим, желая приобрести книги для своей библиотеки. Аббаты монастыря Помпозы Гвидо и Иероним собирали книги отовсюду, не жалея денег, и число приобретенных ими книг было для того времени весьма значительным. Произведений светских авторов было, конечно, немного среди этих книг; в массе теологических сочинений отмечены: Евтропий, *Historia Miscella*, Плиний, Солин, Юстин, Сенека, Донат и Ливий, уже искаженный.

В деле собирания и переписки рукописей еще большая слава принадлежит монахам Монте-Касино. Время Дезидерия было золотым веком этого монастыря. Дезидерием было собрано множество кодексов, и среди них произведений светской литературы было больше, чем в каких-либо других собраниях книг. На прекрасные пергаментные кодексы, написанные лангобардским шрифтом, нельзя смотреть без чувства некоторого благоговения. В истории литературы XI и XII веков Монте-Касино занимает блестящее положение; утрата поэтических произведений Альберика, Альфана, Дезидерия и Одеризия не составила бы для нас большого лишения; но замечательные произведения Амата (1080 г.), написавшего историю норманнов, и Льва Марсикануса (впоследствии, при Пасхалии II, кардинала-епископа остийского), написавшего хронику Монте-Касино, не могут быть заменены ничем.

В Монте-Касино изучалась даже медицина, процветавшая в Салерно под влиянием арабов. В 1060 г. в этом монастыре прославился как врач и ученый Константин Африканский, уроженец Карфагена и переводчик на латинский язык арабских и греческих произведений. Этот изумительный знаток халдейской мудрости, усвоенной им на Востоке, был первым в Европе ученым, о котором достоверно известно, что он знал арабский язык.

Ничего подобного не видим в бенедиктинских монастырях Фарфа и Субиако, находившихся поблизости от Рима. Монте-Касино был ревностным сторонником Рима; двое пап из числа тех, которые стояли за реформу, происходили из Монте-Касино; монастырь Фарфа, напротив, упорно отстаивал права имперской власти. Литературная деятельность монахов Фарфы имела исключительно монастырский характер. При Оттоне III усердно занимался литературой аббат Гуго, автор нескольких произведений, посвященных описанию упадка аббатства. Задачей преемников Гуго была всегда защита независимости аббатства. Та же цель имелась в виду при составлении знаменитого реестра документов Фарфы. В промежуток времени с 1092 г. до 1099 г. по настоянию аббата Берарда II монах Григорий Катинский, знатный сабинянин, собрал все акты, относившиеся к Фарфе. Эту трудную работу, но с меньшим успехом, продолжал ученик Григория Тодин и довел ее до 1125 г., на котором заканчиваются документы; после этого аббатство перешло под власть пап. Это замечательное собрание регестов служит с прошлого столетия одним из главных источников по истории Средних веков; им пользовался так же и автор этой истории гор. Рима. Дипломы, дарованные князьями, императорами и папами, реестры владений, наследственные аренды (*emphithensis*) и судебные акты, написанные на пергаменте и относящиеся к периоду времени, обнимающему более трех столетий, собраны монахами с изумительной тщательностью. Тот же архивариус Григорий составил особый кодекс арендных договоров и, кроме того, собрал еще дипломы, акты и исторические даты, составляющие в общем беспорядочную и чудовищную «Хронику Фарфы». Но все эти работы относятся к области не столько истории, сколько археологии и юридических наук, так как Григорий не задавался целью написать историческое исследование, а скорее имел в виду лишь доказать права Фарфы документами; поэтому вполне основательно ему было приписано так же одно из полемических сочинений эпохи борьбы за реформу — «Защита имперских прав», написанное по вопросу об инвеституре.

Подобный же реестр, не переработанный в хронике, был составлен в XI веке в монастыре Субиако. Этот древний монастырь не приобрел никакого серьезного значения, хотя был богат и мало-помалу подчинил себе окрестную местность. При Льве IX аббат Гумберт, француз по происхождению, украсил монастырь постройками, воздвиг монастырский дворик и начал строить замечательную пещерную церковь (*Santo Speco*). Не прекращавшиеся раздоры отражались, однако, на монастыре губительно; в одно и то же время он должен был вести жестокую борьбу с епископом тиволийским, с марсийскими графами, с Кресцентиями в Сабине и с другими малыми тиранами, находившимися по соседству.

Епископство в Тиволи обладало так же не менее драгоценными документами. Сводка их была, однако, сделана лишь во второй половине XII века. Кодекс этих документов, замечательный не по количеству их, а по времени, к которому они относятся, хранится в ватиканском архиве. Такую же работу, по-видимому, еще скорее надлежало бы сделать римской церкви. Архивы римских монастырей были полны документов, но нигде не было составлено ни одного кодекса. В смутное время X и XI веков часть литературного архива, без сомнения, погибла; но и то,

что оставалось, вполне вознаградило бы труды каждого, кто пожелал бы собрать документы. В конце XI века было положено начало такой работе с той именно целью, чтобы доказать независимость римской церкви от имперской власти. В своем сборнике канонов, посвященном Виктору II, григорианский кардинал Деодат собрал дипломы, дарованные императорами, дарственные акты, патримониальные и фискальные реестры, ленные договоры, затем даже древние арендные договоры, относящиеся ко времени Григория I, и каталоги пап. Такие перечни с конца XII века были повторно занесены в фискальные реестры каноника Бенедикта, Альбина и Ченция.

Подъем папского авторитета, казалось, должен был бы сопровождаться более обстоятельным изложением истории самого папства; тем не менее и в этом веке она сводится в римских источниках лишь к крайне скудным каталогам и к отрывочным хронологическим заметкам. Самая тяжкая вина римского духовенства XI века заключается в том, что оно оказалось неспособным оставить в наследие потомству какое-либо изложение великих событий своего времени. Биографии величайших пап, стоявших за реформу, написаны не в Риме, а в других странах; жизнь Льва IX описана архидиаконом Тульским и затем, по желанию Григория VII, святым Бруно Сеньинским, труд которого оказался, впрочем, слабым произведением. Автором биографии самого Григория VII, так же весьма не совершенной, был германский каноник из Регенсбурга Павел Бернридский.

В тот век, когда итальянская историография обогатилась трудами Арнульфа и Ландульфа Миланских, Амата, Гауфрида Малатерры, Вильгельма Апулийского и Льва Марсикануса, одна из самых важных эпох в истории папства является для нас освещенной только благодаря сохранившимся по счастливой случайности многочисленным письмам Григория VII. Это знаменитое собрание, аналогичное сборнику писем Григория I, считается по справедливости вполне оригинальным произведением римской литературы XI века. По письмам Григория VII историк литературы может судить, какова была латынь римской церкви того времени; для историографа они представляют незаменимый материал, а биограф находит в них верное отражение великого, непреклонного холодного ума властителя, душу которого не смягчали дары ни одной из муз.

Полную противоположность Григорию представляет Петр Дамиани; но этот непревосходный талант принадлежал Риму лишь отчасти. Мы уже говорили о деятельности Дамиани и неоднократно цитировали его произведения, в которых мистическое чувство сочеталось с благородным христианским духом. Культура XI века имела в лице Дамиани одного из своих представителей; его сочинения — гомилии, теологические и экзегетические трактаты, жития святых, похвальные слова монашеству, письма к современникам и поэтические произведения — свидетельствуют, что это был человек с основательным грамматическим и теологическим образованием, с жизнерадостным сердцем и мечтательным, но не философским умом.

Чтобы исчерпать скудную римскую литературу того времени, нам остается еще упомянуть только о Боницо, епископе Сутрийском (1075 г.). Постигшая Боницо судьба достоверно неизвестна; как один из самых ревностных приверженцев Григория, он был преследуем Генрихом и затем, по-видимому, убит его сторонниками. Заслуга Боницо заключается в том, что он написал историю папства своего времени. В своем главном труде «О преследовании церкви» Боницо дает неудовлетворительный очерк истории церкви до Генриха II и затем подробно излагает события включительно до смерти Григория VII. Изложение у Боницо ясно и чуждо фанатизма; но фактические данные нередко ошибочны и искажены; однако произведения Боницо, не свободные так же от тенденции, являются первой попыткой изло-

жить историю папства. Сообщаемые Боницо сведения были затем воспроизводимы во многих других сборниках жизнеописаний пап и в хрониках.

Ансельм, ученый епископ луккский и духовник Матильды, точно так же не принадлежал Риму, интересы которого он отстаивал со всей ревностью. Вообще великая борьба за реформу внесла в германскую и итальянскую литературу сильное, долго длившееся оживление. В наши дни, когда папство, просуществовав почти восемь столетий, было вовлечено переворотом 1859 г. в смертельную борьбу с самим итальянским народом, мы наблюдаем возникновение подобной же литературы, напоминающей нам во многих отношениях эпоху борьбы за инвенституру. Но и теперь в этом потоке литературных произведений, полемизирующих по вопросам о единстве Италии и о светской власти папы (*dominium temporale*), город Рим принимает все так же мало участия, как и прежде.

КНИГА ВОСЬМАЯ

ИСТОРИЯ РИМА В ДВЕНАДЦАТОМ ВЕКЕ

ГЛАВА I

1. Пасхалий II. — Смерть Виберта. — Новые антипапы. — Возмущения нобилей. — Возникновение рода Колонна. — Восстание представителей фамилии Корсо. — Магинольф, антипапа. — Вернер, граф анконский, идет на Рим. — Переговоры Пасхалия II с Генрихом V. — Собор в Гвасталле. — Папа уезжает во Францию. — Новое восстание церковной области

Урбану II на папском престоле наследовал клюнийский монах Райнер; он был родом из Бледы, в Тусции, и Григорием VII был возведен в сан кардинала церкви Св. Климента. В этой же церкви состоялось избрание Райнера; 14 августа 1099 г. он был посвящен в папы под именем Пасхалия II. Исключительные события, казалось, грозили осложнить неспокойное правление этого папы. Схизма существовала по-прежнему; Климент III, переживший трех знаменитых пап, готов был вести все ту же борьбу и с четвертым папой. Поселившись в Альбано, он отдал себя под защиту графов Кампаньи. Но с помощью норманнских войск Пасхалию удалось прогнать его отсюда. Виберт бежал тогда в Чивита Кастеллана и здесь вскоре, а именно осенью 1100 г., умер. Перед замечательной твердостью, которую Виберт обнаружил в несчастии, не могли не преклониться даже его враги; что же касается его друзей, то они оплакивали смерть его как святого, а могила его стала для них такой же чудотворной святыней, какой были для истинных католиков могилы Григория VII и Льва IX.

По смерти Виберта императорская партия по-прежнему продолжала назначать антипап и провозглашала их даже в самом Риме, где в ее руках оставалась базилика Св. Петра. Но все эти однодневные идолы — Феодор, епископ церкви Св. Руфины, и Альберт, епископ сабинский, — были скоро свергнуты с престола, не принадлежавшего им. Таким быстрым успехом Пасхалий был обязан норманнским мечам и всепобеждающему золоту; тем не менее постоянная мелкая борьба с ничтожными бунтовщиками лишала Пасхалия возможности сосредоточить свои силы. Папам того времени, как и всем другим епископам, приходилось отстаивать свою светскую власть от тысячи алчных врагов, и, размышляя о том жалком положении, которое приходилось главе церкви занимать в этой борьбе, смиренный монах Пасхалий не мог не вздохнуть об апостольских временах, когда епископы имели в своем распоряжении одни небесные дела.

Мы не будем перечислять ни замков, ни баронов, с которыми папе приходилось вести войну; но с появлением Петра Колонны на историческую сцену в 1101 г. выступает в первый раз самый знаменитый в Средние века дворянский род. Это имя происходит не от знаменитой колонны Траяна, украшающей герб Колоннов, а от замка, возвышающегося еще и доньяне над *via Labicana* на Латинской горе. Небольшой замок Колоннов находился на расстоянии всего лишь пяти миль от Тускула и принадлежал к древним временам графам Тускуланским; от этого замка и получила свое прозвание *de Colurna* или *de Colonna*, ветвь рода графов Тускуланских. Петр Колонна был, вероятно, сыном Григория Тускуланского, брата Бенедикта IX. Латинский ба-

рон и предок Мартина V Петр прославился только тем, что располагался лагерем при дорогах и грабил пап и епископов. Родоначальники средневековых патрицианских домов не создали себе славного имени ни в битвах, ни на судебном поприще; как хищные птицы, они жили убийством и грабежом и лишь порой, богато одарив монахов, молились вместе с ними в надежде не потерять таким образом возможности попасть по смерти в рай. Имея в своих руках Monte Porcio и Zagarolo, Петр Колонна не упускал случая, чтобы широко раздвинуть пределы своих владений в этой прекрасной местности Лациума. Родство с последними владельцами Палестрины из рода *senatrix* Стефании давало Петру некоторое основание заявить притязания на этот город; но права папы были древнее, и с помощью оружия он сумел отстоять их.

Многие годы провел Пасхалий, отдавая свои силы на усмирении необузданных нобилей. В Риме его противниками были представители рода Корсо; некогда они были сторонниками церкви, но теперь враждовали с ней. Развалины на Капитолии, с воздвигнутыми на них башнями, по-прежнему служили им убежищем. Когда по приказанию Пасхалия эти башни были разрушены, Стефан Корсо овладел укреплениями при базилике Св. Павла и отсюда, как сарацин, стал совершать хищнические набеги на Рим. Прогнанный наконец и отсюда, он направился в верхнюю Матину, укрепился в ней и овладел здесь папскими городами. Людей, готовых играть роль Катилины, было много в Средние века и, если бы Саллюстий жил в то время, он встречал бы таких людей на каждом шагу: Рим представлял собой мрачную катакомбу развалин, где знать и народ не переставали устраивать заговоры против государства; самый отважный военный трибун древних времен вряд ли согласился бы быть властителем в этом государстве.

Возмущение фамилии Корсо находилось в связи с провозглашением третьего антипапы, который был избран вибергистами, по-прежнему не желавшими покориться. Фамилия Норманни, родоначальником которой был другой Стефан, затем Барунчи, Романи, S. Eustachio и Беризони di S.-Maria in Aquilo привлекли на свою сторону маркграфа Вернера, владевшего в то время Сполето и Анконой. Вернер, швабский граф, бывший некогда военачальником у Льва IX при Чивита, оказался благодаря своим похождениям обладателем богатой области у Адриатического моря; он даже мог передать Пентаполис, получивший от него название маркграфства вернерского, в наследие своему потомству. Успеху Вернера содействовал Генрих IV; подобно своим предкам, положившим начало могуществу Тедальда, Генрих возвысил фамилию Вернера, имея в виду воспользоваться его услугами в борьбе с Матильдой, и наделил сына первого анконского маркграфа имперскими ленами Сполето и Камерино, некогда принадлежавшими дому великой маркграфини.

По призыву заговорщиков, провозгласивших в Пантеоне папой архиепископа Магинольфа, вследствие чего Пасхалий бежал на остров Тибра, Вернер в сопровождении германских войск прибыл в ноябре 1105 г. в Рим. Перепуганный Сильвестр IV, изображавший собой не более как куклу, был силой водворен в Латеран: сторонники папы, предводительствуемые префектом Петром, нападали на Латеран; имперцы с помощью Вернера и под начальством капитана милиции Берто отставали Латеран. Битвы происходили на Целии, у Сеггизониума и даже в Большом Цирке. Но, не имея в своем распоряжении денег, Магинольф уже через несколько дней оказался покинутым и бежал в Тиволи, в лагерь Вернера, который, потерпев неудачу, направился затем в обратный путь и взял с собой Магинольфа в Озимо.

Хотя антипапы причинили Пасхалию много тревог, но им не удалось его вытеснить; поэтому Пасхалий уже в конце ноября 1105 г. мог вернуться в Латеран. Часть знати перешла на сторону Пасхалия; тем не менее его положение по-прежнему было безвыходным. Если когда-либо трон являлся роковым для лиц, вступавших на него,

то именно таким оказался для пап мраморный престол апостола Петра. Держа в руках крест, который никогда не предназначался для скипетра, папы восседали на этом престоле среди развалин глубокой старины и древних церквей и пыгались править своевольным народом; а между тем народ этот сделался еще неукротимее, чем во времена Суллы и Мария. Вот почему история светской власти пап, начиная с Григория VII, представляет смутную картину целого ряда событий, полных противоречия и глубоко трагического характера; следуя друг за другом, в этой картине постоянно чередуются и повторяются яростные народные восстания, бегство и изгнание пап, их победоносное возвращение, их новое, столь же трагическое, падение и затем опять возвращение. Остаться в городе, грозившем такими опасностями, Пасхалий не мог и направился к графине Матильде, чтобы под ее защитой созвать собор. События, совершившиеся тем временем в Германии, давали основания надеяться, что схизме может быть положен конец. С восстанием своего второго сына император лишился трона; что же касается самого Генриха V, то он делал вид, что по вопросу об инвеституре он готов подчиниться папскому решению. Поэтому римские делегаты поддерживали восстание Генриха V и папа даже освободил короля от клятвы, которую он дал некогда в Ахене в удостоверение того, что навсегда останется верным подданным своего отца и никогда не будет, подобно Конраду, пытаться отнять у отца корону. Сейм, собравшийся в Майнце в январе 1106 г., послал Пасхалию приглашение приехать в Германию, чтобы прекратить раскол церкви; смерть несчастного Генриха IV, казалось, так же должна была содействовать наступлению такого примирения. Но уже на соборе в Гвасталле (в октябре 1106 г.) по независимому образу действий германских послов Пасхалий мог убедиться, что новый король ни в каком случае не поступится правом на инвеституру. Упрочив свое положение на троне, Генрих V, не колеблясь, предъявил свои коронные права, и папа, отказывавшийся снять с императора отлучение от церкви, вполне заслуженно сам очень скоро испытал на себе такую же участь, на которую обрек Генриха IV его преступный сын.

Постановлениями Гвасталльского собора воспрещение инвеституры было вновь подтверждено; но в то же время епископам-вибертистам, избранным против канонических правил, была сделана уступка: было признано, что они сохраняют свой сан, если искренне примирятся с церковью; этой уступчивости последовательные грегорианцы не могли простить Пасхалию. Затем по желанию Генриха V вопрос об инвеституре, остававшийся все еще не разрешенным, должен был быть окончательно решен на рождественском соборе в Аугсбурге. Считая свое присутствие на соборе необходимым, папа опасался, однако, измены и направился во Францию, чтобы искать посредничества у короля Филиппа и его сына Людовика. Переговоры с посланцами Генриха, посетившими папу в следующем году в Шалоне, оказались безуспешными; король по-прежнему не желал отказываться от права на инвеституру, и папа, созвав в мае собор в Труа (Troyes), снова объявил инвеституру воспрещенной для светских лиц. Затем недовольный результатами своей поездки папа решил вернуться в Италию и уже в сентябре 1107 г. был в Фьезоле, близ Флоренции.

За время отсутствия папы префекту Петру Пьерлеони, Франджипани и собственному племяннику Пасхалия Вальфреду стоило больших трудов, чтобы поддерживать в Риме хоть некоторое подобие авторитета власти. Все помыслы римской знати были сосредоточены единственно только на том, чтобы расширить пределы своей власти за счет церкви; таким образом, каждому папе по возвращении в Рим всегда предстояла одна и та же злополучная задача: созывать вассалов и наемников и с их помощью вести борьбу с похитителями церковного имущества. Едва успев вернуться в Италию, Пасхалий уже должен был начать борьбу в тусцуйской Маттиа с Стефаном Корсо, укрепившимся в Монтальто. Неудачи преследовали, одна-

ко, папу повсюду и, как признается его биограф, Рим все продолжал быть гнездом возмущений, происходивших каждый день.

Было бы совершенно бесполезно передавать о дальнейших бедствиях, которые, не прекращаясь, обрушивались на Пасхалия во время восстаний. В 1108 г., удаляясь в Беневент, он возложил управление городом на консулов Пьерлеоне и Льва Франджипани, начальствование над войском — на Вальфреда, а надзор за Кампаньей — на Птолея Тускуланского. Таким образом, силой вещей политическая власть перешла в распоряжение римской знати и превратила ее в правящую олигархию. Пользуясь тем, что папа находился в далекой Апулии, знать восстала: Сабина и Лациум отпали, а вероломный Птолемей, поддерживаемый аббатом Фарфы Беральдом и Петром Колонной, поднял знамя восстания даже в самом Тускуле. Тогда Пасхалий, получив от герцога Газеты Ричарда Аквилского отряд норманнов, направился к Риму и овладел замками бунтовщиков; даже Тиволи, исконное владение вибергистов, был подвергнут упорной осаде и так же сдался; что же касается римлян, то они сложили оружие частью из страха, частью благодаря подкупу. Отправившись лично в Капитолий, где знать имела обыкновение собираться, Пасхалий созвал ее и потребовал, чтобы она осудила Стефана Корсо на изгнание; после того римской милиции удалось наконец разрушить Монтальто и принудить представителей семьи Корсо покориться. В августе 1109 г. Пасхалий осадил Понтию и Аффилу, древние римские колонии в диоцезе Субиако, и, покорив их, отдал в ленное владение названного аббатства. Вероятно, около этого же времени папа взял приступом Нимфу, близ Веллетри. Вассальная зависимость таких покоренных мест от церкви состояла в том, что на них лежали обязательства по отношению к ней, заранее установленные договором; при этом особо отмечалось обязательство доставлять вооруженных людей каждый раз, как того потребует папа. Подобно всем другим епископам, папы получали свои военные отряды только из тех мест, на которые воинская повинность возлагалась договором.

2. Приезд Генриха V в Рим. — Беспомощное положение Пасхалия II. — Затруднения в разрешении спора об инвеституре. — Папа решает принудить епископов возвратить короне полученные от нее владения. — Переговоры и соглашения. — Вступление Генриха V в Леонину; смелый государственный переворот, произведенный им

Завоеванный Пасхалием мир продолжался только до приезда германского короля. Этому приезду предшествовало появление кометы; суеверные люди увидели в ней грозного вестника войны, чумы и общей гибели. Имперская власть, глубоко униженная, теперь снова возрождалась в лице сына Генриха IV, готовая отомстить за свое унижение и подчинить себе папство в лице преемников Григория. В 1109 г., после долгих переговоров, Генриху V удалось достигнуть того, что папа, чувствующий себя беспомощным, изъявил согласие возложить на него императорскую корону; при этом Генриху не было поставлено никаких других условий, кроме признания им за церковью ее духовной власти. Пасхалий не имел возможности отклонить путешествие короля в Рим, предпринятое по решению германского сейма, но, созвав в Латеране собор 7 марта 1110 г., он возобновил запретительный декрет об инвеституре. Только на этой основе должно было состояться заключение мира. Затем Пасхалий поспешил в Монте-Касино и заручился клятвенным обещанием норманнских государей оказать ему в случае надобности помощь против Генриха. Вернувшись в Рим, Пасхалий созвал римских нobileй и так же обязал их торжественной клятвой не покидать его в опасности.

Поход Генриха V в Рим был пышным торжеством, показавшим могущество, которого достигла Германия, несмотря на долго длившиеся в ней гражданские войны, но для Италии и для папы этот поход принес самое тягостное унижение. В грозном войске Генриха насчитывалось до 30 000 блестящих рыцарей; это были вассалы из разных провинций и разных национальностей — германцы, славяне и романцы; во главе их были епископы и государи, которые не все одинаково относились к походу короля: некоторые с величайшей охотой присоединились к нему, но были и такие, которые роптали. В числе лиц, сопровождавших короля, были даже юристы и историографы; первые должны были выяснить права короля, вторые — занести на страницы летописей его деяния. Города Верхней Италии, успешные за то время, пока происходила борьба из-за инвеституры, ввести у себя республиканский строй, встречали с ненавистью толпы чужеземцев, переходивших через Альпы осенью 1110 г., тем более что они должны были снабжать этих пришельцев провиантом, отводить им помещение и одарять их приношениями. Новара оказала сопротивление и была превращена в груды пепла; так же беспощадно были уничтожены и другие замки. Перепуганные ломбардцы отправили тогда своих консулов к Генриху и уплатили дань; один только Милан отказался и от посылок послов, и от уплаты дани. Имея во главе этот цветущий город, другие более слабые города могли бы вести борьбу за свое общее освобождение, но, ослепленные партийной ненавистью, города относились друг к другу враждебно. Итальянские имперские вассалы все без исключения признали над собой власть Генриха после того, как он, расположившись лагерем на Ронкальском поле, провел здесь три недели, в течение которых он созывал, как ни в чем не бывало, свой обычный имперский сейм и, как некогда Ксеркс, в знак полного презрения к итальянским городам делал смотры своему блестящему войску, выставляя его на показ. Даже графиня Матильда преклонилась перед могуществом Генриха; многие государи из лагеря Генриха посетили эту знаменитую женщину, прославившую свое время, и, расставаясь с ней, ушли все преисполненные почтительного изумления перед нею. К сыну своего противника графиня Матильда, однако, лично не явилась и только вступила в переговоры с его послами в одном из своих замков близ Каноссы. Она согласилась дать присягу на верность, поскольку дело будет идти о врагах империи, но за исключением папы, и король не дерзнул потребовать от защитницы пап, чтобы она своим вассалам приказала идти вместе с его войском против Рима.

Чего же мог ждать папа от юного государя, который в коварстве превзошел своего отца и, будучи одарен гораздо большей энергией, решил по-прежнему бороться за права короны, так как ясно понимал, имея перед своими глазами участь, постигшую Генриха IV, что только такой борьбой может быть обеспечено дальнейшее существование империи? Генрих шел, как угрожающе возвестили его послы уже в Шалоне, с той целью, чтобы добыть себе мечом право на инвеституру и сокрушить здание, смело воздвигнутое Гильдебрандом. Пасхалию II приходилось действовать в условиях более трудных, чем те, в которых находился Григорий VII. Норманны, сознавая себя слабыми и поддавшись страху, оставались в нерешительности; графиня Матильда была уже стара и сохраняла нейтралитет; религиозные страсти, являвшиеся некогда столь могучими факторами в вопросах иерархии, успели остыть, и христианский мир требовал прекращения раздоров, почти не заботясь о том, какой ценой будет достигнуто это примирение.

Из Арrezzo Генрих написал римлянам, что, будучи до сего времени лишен возможности почтить столицу своего государства посещением ее, он решил посетить ее теперь и предлагает им выслать навстречу ему послов. Переговоры о короновании велись между послами Генриха и уполномоченным папы, Пьерлеоне, в самом Риме, в

церкви S.-Maria in Turin, близ базилики Св. Петра. Коронованием должен был быть завершен договор; но выработка такого соглашения, первого из всех конкордатов, являлась трудной задачей. Генрих неизбежно должен был отстаивать свое право на инвеституру, которым пользовались все его предшественники; папа, со своей стороны, не мог не ссылаться на декреты своих предшественников, воспрещавшие инвеституру светским лицам, и торжественно подтвержденные им самим. Мог ли король предоставить назначение епископов всецело одному папе, раз епископы получали от имперской власти в ленное владение княжества? И если бы эти могущественные епископы и аббаты, совершенно выделенные из государства, превратились в вассалов исключительно римской церкви, не получила ли бы она в таком случае беспредельную власть и не поглотила ли бы собой государство, как того желал Григорий VII? В свою очередь, королевская инвеститура являлась губительной для церкви, так как делала ее вассалом короны. Этих бедственных для церкви последствий можно было избежать только путем отказа епископов от светской власти и от всяких политических прав.

Вопрос об инвеституре был в то время таким же трудноразрешимым вопросом, каким в настоящее время является для единой Италии вопрос о сохранении папами светской власти, — этого последнего пережитка средневековой организации церкви. И в том и в другом вопросе нравственное и политическое начало тесно связаны между собой; поэтому оба эти вопроса скорее могли быть разрушены, как гордиев узел, мечом. Нельзя забыть того факта, что в XII веке являлся папа, смело провозгласивший принцип, проведение которого облекло бы церковь высшей нравственной силой, но вместе с тем и лишило бы ее некоторой силы противодействия, которая для той эпохи кулачного права обуславливала ее жизнеспособность. Пасхалий II признавал право короны бесспорным и соглашался, что государство не могло существовать без права на инвеституру после того, как им были предоставлены в распоряжение церквей неисчислимые доходы. Юный вероломный сын Генриха IV, надвигающийся на Рим в сопровождении грозного войска и оставивший позади себя города, превращенные в развалины, должен был казаться перепуганному папе каким-то хищным зверем, укротить которого можно было только добычей. И чтобы спасти самое существование церкви и ее независимость, папа, вынужденный крайностью, решил уступить королю церковные имения. Предложение Пасхалия заключалось в следующем: епископы должны были отказаться в пользу государства от всех своих владений, дарованных короной, и впредь существовать десятинным сбором; король, со своей стороны, должен был навсегда отказаться от права на инвеституру и таким образом признать церковь — что было дороже всего — независимой от государства. Если бы этой простой идее, вполне согласной с апостольским учением, Пасхалий II остался верен до конца, он превзошел бы величием Григория VII и был бы истинным реформатором между папами. Такое решение, если бы оно было сознательно принято благочестивым и чуждым светских интересов монахом, занимающим папский престол, показало бы, что испорченность духовенства и рабская подчиненность церкви зависели именно от того, что церковь, в противность апостольскому учению, получила характер светского учреждения. Но Пасхалий не проявил настолько величия духа, чтобы можно было думать, что составленный им план вытекал из признания им необходимости великой реформы: этот план подсказан Пасхалию скорее всего его безвыходным положением. В XII веке человечество еще не доросло до идеи такого освобождения церкви; священный институт церкви, которому надлежало бы быть не чем иным, как только нематериальным царством света, любви и добра, подобно солнцу, затуманенному поднявшимися с земли испарениями, был все так же, как и прежде, погружен в исключительно земные интересы, и возможно, что в эпоху, когда люди еще не вышли из полуварварского состоя-

ния, чистый свет истиной церкви самой яркостью своих лучей оказался бы бесполезным и даже губительным. Совмещение светской и духовной власти, составлявшее принадлежность феодального строя, лежало гнетом над обществом в течение еще нескольких веков, и только в XVI веке человечество вполне сознательно и решительно вернулось к идее, высказанной Пасхалием и свидетельствовавшей, может быть, только о его наивности.

Высшим духовным лицам, имевшим в своих руках власть и занимавшим блестящее положение, предложение Пасхалия не могло не показаться требованием, которое обрекало их на крайние лишения; прелатам предстояло отказаться от владения необозримыми доменами и городами, от права взимать пошрины, вести торговлю, чеканить монету, производить суд и быть владельческими князьями. Конечно, с утратой всего этого прелаты еще не стали бы такими же неимущими, какими были апостолы, потому что за каждым епископством сохранялось принадлежавшее ему частное достояние; помимо того, десятинный сбор и добровольные приношения могли продолжать служить богатыми источниками благосостояния духовенства. Но с потерей прав владельческих князей епископы оказались бы беззащитными по отношению к политической власти и лишились бы своего прежнего авторитета в глазах мира, преклоняющегося только перед такой властью, которая может наделять людей земными благами и снова брать их назад и которая, будучи окружена всей надлежащей помпой, внушает страх к себе. Ни один епископ не согласился бы поменять свое блестящее положение высшего имперского сановника на положение, хотя бы и независимого и добродетельного, но незаметного служителя Господа, и все они могли бы упрекнуть Пасхалия в том, что, следуя бескорыстию, он действует за счет других, так как сам он, как папа, вовсе не намерен отказаться от державной власти в своем церковном государстве и, напротив, ставит Генриху непременным условием восстановление этого государства во всей его полноте, соответствующей всем раньше дарованным и пожалованным ему владениям. Если епископам не подобало пользоваться светской властью, могла ли она быть сколько-нибудь приличествующей папе? Если для аббата было непристойно в панцире и на боевом коне мчаться впереди своих вассалов, то не было ли еще большего противоречия с христианскими началами в том, когда св. отец присутствовал в военном лагере как государь? Обладание коронными ленами обрекало епископов на вечные столкновения с миром; но к чему сводилась в течение целых веков история самого римского церковного государства? И тем не менее существование этого государства, даже в таком жалком виде, являлось в то время условием, которое действительно обеспечивало духовную независимость папы. В силу рокового внутреннего противоречия светская власть папы была для него и щитом, и вместе с тем его ахиллесовой пятой, а сам папа являлся одновременно и королем и мучеником — властителем, изгнанным из своих владений. Для главы христианского мира обладание маленькой, вечно бесплодной римской областью было тяжелой гирей, которая мешала ему подняться на ту степень духовной высоты, на которой он, почти обоготворенный, опередил бы свое время, или, как повелитель духовного мира, оказался бы недосягаемым для светских притязаний. Пасхалий едва ли задавался вопросом, насколько благотворно соединение в его лице священника и государя. Если бы кто-нибудь из епископов, его противников, стал отрицать принцип, положенный в основу церковного государства, Пасхалий с еще большим правом мог бы ответить ему точно так же, как ответил позднее Пий IX современному узурпатору светской власти; кроме того, он мог сослаться и на то, что владения св. Петра не были имперскими ленами. В 1862 г. совершилась одна из самых замечательных революций, которая уничтожила это древнее, обветшавшее церковное государство, и не лишено интереса убедиться при

этом, что осуществление того отречения, которого так наивно требовал тогда Пасхалий от епископов, тоже повлекло бы за собой упразднение папства как государства. И по справедливости нельзя не изумляться все той же неизменной страстности, с которой вся Европа спустя 700 лет после Пасхалия снова отнеслась к этим старым вопросам.

Приняв предложение папы, Генрих V тем самым удвоил бы достоиние короны; ненасытный монарх, конечно, не задумался бы пойти навстречу такому предложению, но человек осмотрительный не сразу бы решился на такой шаг. Отказ от инвеституры был связан с утратой вообще влияния короля на церковь, которая в те времена составляла величайшую силу. Возвращенные короне имения пришлось бы снова отдавать в ленное владение, и это повело бы только к усилению могущества наследственных магнатов; города, связь которых с епископствами была непрочной, стали бы совершенно независимыми. Но прежде всего, мог ли Генрих предполагать, что епископы и владетельные князья согласятся на предложение папы, мог ли он быть уверенным в том, что отчуждение множества имений, розданных церквю в ленное владение тысяче вассалов, было дело вообще возможное и что оно не должно было повлечь за собой такого переворота в условиях землевладения, все последствия которого нельзя было и предусмотреть?

Генрих искренне стремился к примирению с церквю; он заключил договор, но не верил в возможность выполнения его.

Были приготовлены два договора: один — об отказе короля от инвеституры; другой — в виде папского декрета об отказе духовенства от имений, пожалованных королем. После обмена этими договорами должно было состояться коронование Генриха. Боязливая предосторожность, с которой составлялись эти договоры, свидетельствует, что и король и папа вели себя в этом случае как враги, считающие своего противника способным на предательство и убийство. И по справедливости нельзя не назвать такое время варварским, когда светский глава Запада, заключая договор, вынужден был дать клятву в том, что он не будет прибегать к хитрым уловкам, чтобы захватить папу в свои руки, не будет ни подвергать его истязаниям, ни покушаться на его жизнь. Послы поспешили в Сутри, куда король уже вступил. Генрих одобрил представленные ему акты, но только с тем условием, что к акту отречения должны примкнуть все без исключения епископы и имперские владетельные князья; в возможность этого никто, однако, не верил, как замечает летописец. 9 февраля Генрих и его магнаты, герцоги и графы баварский, саксонский и каринтийский, канцлер Альберт, его племянник Фридрих Швабский, епископ шпейерский подтвердили договор клятвой с тем, чтобы папа, в свою очередь, дал такую же клятву в ближайшее затем воскресенье. После этого войско направилось к Риму и 11 февраля, в субботу вечером, расположилось лагерем у Monte Mario.

Генрих V стоял перед Леониной у замка св. Ангела. 27 лет тому назад в этом замке отец Генриха держал в осаде виновника непрекращавшейся ужасной распри; скорбный образ отца должен был преследовать сына, призывая его к отпущению. Тело императора оставалось все еще не погребенным; прошло уже 5 лет, как оно было положено в неосвященной капелле шпейерского собора; на просьбу совершить погребение по христианскому обряду Пасхалий со строгостью, свойственной римлянам, ответил отказом. Нетрудно представить себе, какие чувства вызывал Рим в надменных германских рыцарях, что испытывали римляне при виде нависшей над ними грозной тучи, какие мысли заботили папу, который чувствовал себя во власти своего врага, преступившего некогда данную им клятву. Папские послы и теперь, как раньше послы Григория VII, носились по всей Кампаньи в надежде найти изба-

вителя в виде нового Гюискара. Наступавший день мог одинаково принести и великий мир, и жестокое поражение.

Явившись в лагерь Генриха, римские послы потребовали от него, чтобы он присягой подтвердил права Рима; римский король исполнил требование послов, но, желая дать им почувствовать свое презрение, произнес присягу на немецком языке; оскорбленные этой выходкой, многие нобили вернулись в город. Затем явились папские легаты; был произведен обмен заложников, и Генрих еще раз поклялся в том, что он будет охранять неприкосновенность папы и целостность церковного государства.

На следующий день, 12 февраля, должно было состояться коронавание. Римские корпорации, судебные коллегии, цехи папского двора, отряды милиции с их знаками, прикрепленными к древкам копий, — драконами, волками, львами и орлами, — толпы народа с цветями и пальмовыми ветвями встретили короля у Monte Mario. Верхом на коне, сопровождаемый блестящей свитой, сын Генриха IV проследовал в Леонину; свое искреннее или притворное ликование многотысячная толпа выражала возгласами: «Король Генрих избран святым Петром!» По установившемуся обычаю король принес присягу Риму сначала у небольшого моста, а затем у ворот города. С презрительной улыбкой слушал Генрих евреев, встретивших его гимнами, и милостиво отнесся к приветствиям цеха греков. В Леонине пышная процессия, медленно подвигавшаяся к ступеням базилики Св. Петра, была встречена хорами монахов и монахинь, державших в руках зажженные свечи, и духовенством, повторявшим все тот же возглас: *Henricum Regem Sanctus Petrus elegit*. Еще ни один император, на которого падал выбор Рима, не был принят с такой тревогой и опасениями, как сын Генриха IV; несмотря на торжественную церемонию встречи короля, принесения присяги и признания его папой, чувствовалось все-таки глубокое взаимное недоверие, и осторожный Генрих вступил в базилику Св. Петра лишь после того, как в ней разместились его войска.

В соборе, убранном по-праздничному, король и папа заняли места на порфировой *rota*. Здесь, на этом месте, предстояло свершиться великому делу мира; надлежало скрепить договоры клятвой и обменяться ими. И тот, и другой договор были прочтены; чтение папского декрета вызвало, однако, недовольство и ропот среди епископов и владетельных князей. Декретом папы объявлялось, что политическое положение, которое заняло духовенство, противоречит каноническим установлениям, что священник не должен служить в войске, так как эта служба сопряжена с убийством и разбоем, что служители алтаря не могут быть одновременно служителями двора; получая же от короны земли в ленное владение, они тем самым превращаются в царедворцев. Таким образом, создается тот порядок, что лица, уже избранные в епископы, посвящаются лишь после того, как король жалует их этим леном; между тем королю инвеститура воспрещена постановлениями многих соборов. И он, Пасхалий, повелевает епископам, под страхом отлучения от церкви, возвратить императору Генриху все коронные лены, поступившие во владение церковей со времени Карла Великого.

В собрании поднялась целая буря негодования. Неужели епископы должны подчиниться декрету, исходящему от одного папы, и признать его самодержавным повелителем церкви? Провозглашенное декретом евангельское начало глубоко возмутило светское честолюбие св. отцов, позабывших свою миссию вестников мира и обратившихся во властных баронов, и нет сомнения, что их негодующие крики заглушили бы даже голос самого Христа, когда бы Он явился в этом собрании подержать своего заместителя и снова изрек: «Воздайте кесарево кесарю!» Можно ли думать, что Пасхалий действительно ожидал, что владетельные князья и епископы

подчинятся его декрету.³ Допустить такое предположение невозможно. Пасхалий мог надеяться не более, как только на временное примирение с королем; дальше должны были следовать новые переговоры и обсуждения вопроса на соборах. Король и папа, сидевшие на порфировой *gola*, каждый с своим договором в руке, в возможность исполнения которых они оба одинаково не верили, являются для нас как бы действующими лицами великой драмы, в которой один из актеров играл свою роль, затаив в душе замыслы коварства и насилия, а другой, предаваясь ей с чувством полного отчаяния и безнадежности. На стороне Пасхалия была опередившая свое время реформа; что же касается Генриха, то его намерение совершить государственный переворот, который он вслед затем и произвел, не может подлежать сомнению, и в истории этот переворот останется навсегда одним из самых решительных и смелых.

Предположенная уступка со стороны духовенства была так велика, что Генрих видел в ней не более как ловушку, с помощью которой папа надеялся принудить короля отказаться от инвеституры; бороться затем с сопротивлением владельцев князей и епископов папа предоставил бы самому королю. Желая возложить всю ответственность на одного папу, Генрих объявил на собрании в базилике Св. Петра еще раз, что проект отнять у церкви их земли исходит не от него и что он уже в Сутри предупреждал о том, что договор может быть принят только с согласия всех имперских князей. Когда затем папа продолжал настаивать на отречении короля от инвеституры, Генрих удалился для совещания с епископами. Негодование германских магнатов достигло крайнего предела: они неистово кричали, что папа измыслил ересь, хочет ограбить церкви, и решительно отказывались признать договор. Наступал вечер. Пасхалий требовал прекратить долгое совещание; епископы кричали, что договор нельзя принять; король настаивал на короновании; папа отказывался совершить его. Один из рыцарей в пылу негодования воскликнул: «К чему так много слов! Государь требует, чтобы его немедленно короновали, как Людовика и Карла!» Перепуганные кардиналы предложили приступить к коронованию тотчас же, а заключение договора отложить до следующего дня. Прелаты не желали ничего больше слышать о договорах. Некоторые епископы, в особенности Бургард Мюнстерский и канцлер Альберт, постарались раздуть гнев, возгоравшийся в юном короле, и уговорили его, несмотря на данную им клятву, арестовать папу. Несколько вооруженных людей окружили папу и главный престол. Как только папа окончил обедню, его принудили занять место в абсиде, и рыцари, обнажив мечи, стали стражей вокруг него. Произошло полное смятение; Норберт, капеллан Генриха, рыдая, пал ниц перед папой; Конрад Зальцбургский в негодовании кричал королю, что он совершает преступление против Бога; но на смелого епископа были направлены мечи. Тем временем в соборе стало темно, и дикая сцена общей смуты и анархии разыгралась во всем своем безобразии: между духовенством и магнатами не прекращались пререкания, сопровождаемые криками; повсюду раздавался звон оружия и слышны были крики о помощи; священники подвергались насилиям и в ужасе искали спасения бегством; трепеща от страха, стояли папа и кардиналы, сбитые в кучу наемными алебардчиками; в базилику стал массами сбегаться дышавший мстью народ, и наконец общая тревога передалась всему городу по другую сторону Тибра.

Когда наступила ночь, Пасхалий и его придворный персонал были отведены в здание, примыкавшее к базилике Св. Петра, и отданы под надзор Удальриха, аквилейского патриарха. С арестом папы порядок окончательно нарушился: на ограбление и убийство были обречены одинаково и духовные, и светские лица; золотые соуды и церковные украшения были похищены. Все, кто только мог бежать, с воплями устремились в город.

3. Римляне восстают, чтобы освободить Пасхалия из плена. — Битва в Леонине. — Генрих V оставляет Рим. — Он уводит с собой пленных и становится лагерем под Тиволи. — Он заставляет папу признать за ним право на инвеституру. — Коронование Генриха V. — Он покидает Рим. — Пасхалий снова в Латеране; бедственное положение папы

Два кардинала-епископа, Иоанн Тускуланский и Лев Остийский (историограф Монте-Касино), переодевшись, успели пробраться в город через мост св. Ангела. Они созвали народ. Со всех башен ударили в набат, и Рим охватило сильнейшее волнение. Германцы, пришедшие в город и не подозревавшие об опасности, были все перебиты. Таким образом, заключительная сцена празднества коронования императора в Риме снова повторилась. С той поры как византийский наместник отправил папу Мартина в изгнание, папство еще не подвергалось такому великому насилию со стороны высшей государственной власти. Позабыв о своей вражде с папами, римляне объединились в одном общем чувстве ненависти к чужеземной императорской власти и с наступлением дня ворвались в Леонину, чтобы освободить папу. Высокомерное и презрительное отношение Генриха к римлянам сделало его беспечным; поэтому нападение их едва не стоило ему жизни и империи. Еще не одетый, с босыми ногами, он вскочил на коня в атриуме базилики, прыгнул вниз по мраморным ступеням и ринулся в самую середину свалки; пять римлян пали, пораженные его копьем, но затем он был сам ранен и упал с коня. Жертвывая собственной жизнью, Оттон, виконт миланский, уступил Генриху свою лошадь; римляне схватили великодушного избавителя, поволокли его в город и там разорвали на части. Неистовство римлян достигло крайнего предела, и нападение их перешло уже в настоящую битву; казалось, войска Генриха, вытесненные из портика, уже были на краю гибели. Освобождение из-под ига императорской власти было бы вполне заслуженной наградой римлянам, на этот раз блестяще доказавших свою храбрость, но страсть к грабительству лишила их победы и дала возможность германцам собрать свои силы. После страшной резни римляне были наконец частью оттеснены назад через мост, частью опрокинуты в реку, и только вылазки их из замка св. Ангела прикрывали бегство отступавших.

Потери императорских войск были велики; восставший город оказался противником, опасным даже для дисциплинированной армии; ввиду этого Генрих ночью покинул Леонину. Два дня он провел в лагере, стоя под оружием; тем временем римляне, обессиленные, но все еще не утолившие своей жажды отмщения, готовились к новому нападению. Кардинал тускуланский, ставший теперь викарием папы, заклинал их еще раз взяться за оружие: «Римляне, ваша независимость, ваша жизнь, ваша слава, защита церкви в ваших руках. Св. отец, кардиналы, ваши братья и сыновья томятся в цепях вероломного врага; тысячи благородных граждан лежат в портике, пораженные насмерть; базилика апостола, чтимый собор всего христианского мира, осквернена телами убитых и кровью; поруганная церковь лежит в слезах у ваших ног и молит своего единственного избавителя, римский народ, сжаться над нею и защитить ее!» И весь Рим дал клятву бороться не на живот, а на смерть. Но в ночь с 15 на 16 февраля Генрих приказал снять палатки и, как бы после поражения, отступил в Сабинскую область. Папу и 16 кардиналов он увел с собой в качестве пленных. Сами сидя на лошадях, солдаты вели римских консулов и священников на веревках и, подгоняя пленников древками своих копий, заставляли их быстрее двигаться по грязным дорогам. Такое зрелище могло напомнить о временах вандалов. У Фиано войско переправилось через Тибр и затем расположилось лагерем у Луканского моста, возле Тиволи. Генрих имел в виду привлечь на свою сторону Тускуланских графов и прегра-

дять путь норманнам, которых настойчиво призывал кардинал Иоанн. Папу с некоторыми кардиналами Генрих заключил в крепость Trebicum, а прочих пленных, под самым строгим надзором, в Corcodilum.

Так жестоко поругана была сыном Генриха IV та самая церковь, которая некогда оказала ему поддержку, когда он, забыв Бога, восстал против своего отца, а между тем этот отец ни в чем подобном никогда не был виновен перед церковью. Как бы ни смотрели мы на смелый государственный переворот, совершенный Генрихом V, вмешательство Немезиды в этом случае было справедливо. Насилие, совершенное в Каноссе, повторилось в Риме, но уже с противной стороны. Такие действия, как взятие в плен наместника Христа и самой церкви римской, по характеру своему напоминаящие скорее поступки какого-нибудь Салманассара, должны были навлечь на виновника их, короля, самую страшную анафему; между тем Пасхалий, испытывая страдания, хранил молчание. Как отозвался арест папы на политическом мире того времени — мы не знаем; но имеем сведения о том, какое впечатление это событие произвело на церковный мир. Это впечатление было так же слабо и так же мало подвинуло представителей церкви на освобождение папы, как и 700 лет спустя, когда Наполеон последовал примеру Генриха V. Графиня Матильда должна была отнестись к этому событию, как к собственному тяжкому поражению, но она не шевельнулась в пользу папы. Одни послы за другими спешили в Апулию, но Гюйскара в ней уже не было. Только Роберт Капуанский отправил в римскую область 300 всадников, которые, однако, уже в Ферентино повернули назад, так как Лацциум оказался на стороне императорской власти, и дорога в Рим была преграждена войском Генриха. Неожиданная смерть Рожера и его брата Боэмунда внесли смуту в норманнские государства; можно было опасаться восстания лангобардов и вторжения Генриха. Поэтому норманнские государи поспешили через своих послов принести королю присягу.

Уже в течение 61 дня держал Генрих папу и кардиналов в самом строгом заключении, сначала в крепостях, названных выше, а затем у себя в лагере. В то же время он не переставал угрожать городу, надеясь, что голодом, опустошением полей и жестоким обхождением с пленными ему удастся подчинить всех своей воле. Однако римляне на этот раз устояли даже против золота и соглашались открыть ворота города только в том случае, если пленным будет дана свобода. Генрих готов был принять эти условия, но, в свою очередь, требовал от папы, чтобы он совершил над ним коронование и открыто признал за короной право на инвеституру. На эти требования папа отвечал отказом, и Генрих объявил, что в таком случае все пленные будут преданы смерти. Тогда придворные магнаты, пленники, римляне, пришедшие из города, и измученные кардиналы бросились к ногам папы и стали умолять его ввиду всеобщего несчастья и бедственного положения города и во имя обездоленной церкви уступить настояниям короля и предотвратить возможность схизмы. Интересно представить себе в таком положении Григория VII вместо Пасхалия II: остался ли бы и здесь этот человек с героической душой все так же непреклонен, как и тогда, когда он, будучи в замке св. Ангела, на неотступные мольбы всех окружавших его отвечал спокойно и решительно: «Нет!» «Хорошо, — воскликнул, горько вздыхая, несчастный Пасхалий, — меня заставляют ради освобождения церкви сделать то, на что я иначе никогда бы не согласился, хотя бы мое упорство стоило мне жизни!» Были написаны новые договоры. Граф Альберт Бландратский не хотел, однако, слышать ни о каких письменных условиях в подкрепление клятвы, приносимой папой, и тогда последний, обращаясь к королю и горько улыбаясь, сказал ему с кротким упреком: «Я приношу эту клятву только для того, чтобы вы сдержали свою». Германский лагерь находился по ту сторону Анио на «Поле семи братьев», римляне же стояли по эту сторону моста Mammolo. Здесь от имени папы 16 кардиналов по-

клялись, что они передают забвению все происшедшее, не будут никогда отлучать короля от церкви, совершат над ним обряд коронации, будут признавать в нем императора и патриция и наконец не будут оспаривать его права на инвеституру. Представителями Генриха были 14 магнатов из его свиты, которые принесли за него клятву в том, что папа, все пленники и заложники будут в определенный срок освобождены и доставлены в Транстеверин, что сторонники папы не будут подвергнуты преследованиям, что город Рим, Транстеверин и остров Тибра останутся неприкосновенными и что церкви будут возвращены ее земли.

Генрих настаивал на том, чтобы акт о признании за ним права на инвеституру составлен был еще до вступления в город, и акт этот был поспешно написан нотариумом, привезенным из Рима. На следующий день войско покинуло свою стоянку и, переправившись через Тибр недалеко от устья Анио, так как Мильвийский мост был разрушен, расположилось лагерем у Фламиниевой дороги. Здесь вышеуказанный замечательный документ и был окончательно составлен и затем с чувством горькой обиды и печали подписан злополучным папой.

«По Божьему произволению, суждено было Твоей империи вступить с церковью в совершенно исключительный союз, и мужество, и мудрость твоих предшественников доставили им обе короны, и римскую и имперскую. Господь в своем величии через нас, Его служителей, возвысил тебя, возлюбленный сын Генрих, в этот королевский и имперский сан. По сему, в лице твоём, мы подтверждаем, через посредство данной привилегии, все права, которые наши предшественники признавали за имперской властью твоих предшественников, как католических императоров, а именно: мы признаем за тобой право возложения инвеституры, через вручение кольца и посоха, на всех епископов и аббатов твоей империи, которые будут избраны свободно и без подкупа. После канонического их утверждения они должны получить посвящение через надлежащего епископа. Но никто из тех, кто будет избран духовенством и народом помимо твоего согласия, не может быть посвящен прежде, чем ты пожалуешь его саном. Епископам и архиепископам дозволяется посвящать по каноническим правилам тех епископов и аббатов, которые получили от тебя инвеституру. Твои предшественники, дарованием множества бенефиций, настолько увеличили коронные права церковью империи, что необходимо, чтобы в свою очередь епископы и аббаты своей поддержкой способствовали укреплению империи и чтобы борьба, сопровождающая народные выборы, сдерживалась королевской властью. Таким образом, будучи мудрым и могущественным, ты должен пещись о том, чтобы величие римской церкви и благосостояние всех церквей империи поддерживались с Божьей помощью королевскими ленами и милостями. И если бы кто-нибудь из духовных или светских лиц осмелился пренебрегать данной привилегией и отвергать ее, то должен он быть предан анафеме и лишен всех своих почестей. Да хранит Господь в своем милосердии тех, кто будет блюсти эту, данную нами, привилегию и да дарует он счастье империи Твоего Величества».

С появлением этой буллы все запретительные декреты по инвеституре, изданные Григорием VII и его преемниками, уже теряли свою силу; поэтому победа, одержанная Генрихом, должна была показаться ему совершенно невероятной, даже в тот момент, когда папа вручил ему эту буллу. Приняв благословение от папы, Генрих немедленно освободил его. Отмечая это обстоятельство, остроумный немецкий летописец сравнил могущественного императора с библейским патриархом Иаковом, отсутствующим ангела, с которым он боролся, лишь после того, как этим ангелом ему было дано благословение. 13 апреля состоялся вторичный въезд Генриха в Леонину; коронация, однако, совершилось поспешно и не сопровождалось никакими изъявлениями радости. Все ворота Рима оставались закрытыми и народ совсем не принимал участия в торжестве. Тем не менее депута-

ты от города присутствовали и Генрих V, подобно своему деду, имел на себе знаки патрициата. Чтобы доказать, что уступка была сделана папой не по принуждению, а свободно, император заставил папу взять у него из рук выданный ему акт и затем публично при всех снова вернуть ему этот документ. Такое поведение Генриха глубоко оскорбило духовенство. Папа, однако, искренне желал сохранить мир. Приняв Св. Дары и предложив их Генриху, он сказал ему тоном, в котором звучала полнейшая искренность: «Да не внидет в Царство Божие тот, кто будет пытаться нарушить этот договор».

Генрих V был первым из всех римских императоров, который короновался, не вступая в самый город. Горя желанием отмщения, римляне из-за стен города следили за коронационным торжеством и провожали его проклятиями. Генрих должен был казаться им разбойником, который силой ворвался в базилику Св. Петра, занес меч над папой и, под угрозой смерти вырвав у него корону, бежал. Как только коронавание состоялось, Генрих, преисполненный по-прежнему недоверия, взял заложников, приказал снять палатки и поспешно двинулся в Тусцию по той самой дороге, по которой некогда уходили из Рима его отец и дед, унося с собой свою разбойничью добычу — папский пергамент, утверждавший право императора на инвеституру, и оставляя позади себя усмиренный, но не покоренный город и оскорбленное и перепуганное духовенство. Смелый государственный переворот, совершенный Генрихом V, выступает ярко на темном фоне истории царствования отца Генриха; но это не могло снять пятна клятвопреступничества, лежавшего на сыне. Повторилось то, что некогда совершилось при Генрихе IV и Григории VII, но только роли переменялись: сын того самого монарха, который малодушно лежал распростертым во прахе перед служителем церкви, наложил свою вооруженную руку на папу, принудил его преклониться перед королевской властью и достиг в одно мгновение того, чего Генрих IV не мог добиться 60 сражениями. Как бы не казался случайным этот насильственный акт, он был логическим последствием в ходе исторических событий; но успех, достигнутый таким крутым способом, не мог быть прочным, и унижение, которому был подвергнут Пасхалий, не было тем нравственным унижением, которое потерпел Генрих IV.

Когда папа, глубоко потрясенный пережитым бедствием, вернулся в город, народ встретил его с неистовым ликованием, видя в нем своего национального мученика. Точно так же встретили римляне 700 лет спустя своего папу, вернувшегося из плена у чужеземного завоевателя. По всем улицам народ теснился такой густой толпой, что Пасхалий мог добраться до Латерана только к вечеру. Римляне, казалось, примирились с папским управлением, и это могло послужить некоторым утешением несчастному папе; но когда он оправился от перенесенного потрясения и всмотрелся в растерянные и мрачные лица окружающих его людей, он понял, что его еще ждет жестокая борьба, на этот раз уже со стороны самой Церкви.

4. Возмущение епископов против Пасхалия II. — Собор в Латеране отменяет привилегию, данную Генриху V. — Легаты отлучают императора от церкви. — Алексей Комнен и римляне. — Пожалование ленных владений Вильгельму, герцогу Норманнскому. — Смерть графини Матильды. — Дар Матильды

Буря негодования поднялась в григорианской партии; она находила, что папа своей слабостью погубил великое дело Григория VII, созданное такой упорной борьбой. Те из кардиналов, которым удалось избежать плена, поносили Пасхалия за то, что он не предпочел скорее погибнуть мученической смертью, чем подчиниться

велениям короля, и, обзывая действия папы прямо еретическими, несмотря на то что эти действия касались исключительно вопросов из области церковного благочиния, требовали уничтожения договора. Положение папы оказывалось трагическим; фанатики указывали на него пальцами, как на богоотступника, и несчастный папа, приведенный в совершенное отчаяние, скрывался в одиночестве в Террачине и затем на острове Понда.

Церковь очутилась по отношению к Пасхалию в таком же положении, в каком стало бы современное государство к монарху, нарушившему конституцию; но редко случалось, чтобы народ в защиту своих нарушенных прав воспользовался всеми предоставленными ему конституцией средствами с такой энергией, как это сделала в то время церковь с ее соборами. Иоанн Тускуланский и Лев Остийский созвали в Риме собор, на котором были немедленно восстановлены декреты Урбана и Григория и отменена привилегия, данная Генриху V С полной горячностью присоединился к этим решениям Бруно, епископ Сеньи, бывший в то время так же аббатом Монте-Касинским. Пасхалию было предъявлено требование отменить привилегию и отлучить императора от церкви. Чужеземные епископы так же заявили свой негодующий протест. Иоанн Лионский созвал собор галликанской церкви; папские легаты устроили местные соборы; общее негодование было так велико, что был возбужден даже вопрос о низложении папы. Уже грозила возникнуть схизма, так как Пасхалий так же имел своих защитников: то были не только его единомышленники среди кардиналов, но они имелись и среди сторонников императора, и затем еще те епископы, которые, оставаясь ортодоксальными, не переходили в фанатизм; во главе последних стоял знаменитый Ив Шартрский. Слабый и робкий Пасхалий не знал, на что ему решиться; он обращался к протестующим епископам с письменными увещаниями, порицал фанатические выходки кардиналов против главы церкви и сообщал, что, глубоко сожалея о происшедшем, он ищет средств поправить дело.

В марте 1112 г. Пасхалий созвал в Латеране собор. Объяснив, какие страдания пришлось ему вынести и почему он был вынужден согласиться на договор, Пасхалий объявил, что считает привилегию, полученную Генрихом, делом несправедливым и предоставляет собору найти способ, которым могло бы быть исправлено дело, так как сам он никогда не отлучит Генриха от церкви и не будет противодействовать ему в пользовании правом инвеституры. В последнем заседании торжественным исповеданием веры и признанием декретов своих предшественников Пасхалию удалось оправдаться даже по обвинению в ереси, после чего собор, за исключением папы, единогласно признал, что привилегия, как несогласная с каноническими установлениями, подлежит отмене.

История Генриха V и Пасхалия II является одним из самых поразительных доказательств той легкости, с которой в политической жизни заключаются и затем расторгаются договоры, хотя бы даже они были скреплены всеми церковными печатями. Только превосходство силы у одной какой-либо стороны может обеспечить целостность договора, невыгодного для противной стороны, и единственным цементом, действительно связующим в договоре обе стороны, может быть лишь их взаимная выгода. Обсуждая поведение папы со всей строгостью, мы можем поставить вопрос, когда папа заслуживал большего порицания: в первый ли раз, когда он, движимый страхом или состраданием, по принуждению заключил договор, противный каноническим установлениям, или же во второй раз, когда под влиянием так же страха и чувствуя угрызения совести, нарушил этот договор. Если бы прежде, чем отказаться от договора, Пасхалий сложил с себя свой сан, он, как папа, в истории имел бы мало значения, но зато выиграл бы, как человек. Так как он предпочел остаться папой, то и решил идти по наиболее прстойному, но вместе с тем и наиболее

лее опасному пути: он предоставил решить все дело собору и тем самым подчинил его авторитету папство. Мы лишены возможности заглянуть глубже в душу Пасхалия и понять, как сочетались в ней волновавшие его чувства христианского смирения, стыда, раскаяния с присущей всем людям слабостью и гневным раздражением. Как бы то ни было, он долго боролся с фанатическим задором людей, не признававших святости клятвы. Его отношение к Генриху, не исполнившему данного слова, свободное от всякой ненависти, как во время плена, так и позднее, дает ему право считаться одним из тех пастырей, которые так редко встречаются, и мы решаемся утверждать, что это отношение было подсказано Пасхалию не одним только страхом, но и христианскими чувствами. Постановления собора вместе с требованием отказать от права инвеституры были препровождены императору. Генрих V отклонил это требование, и Пасхалий тем не менее еще долго продолжал вести дружескую переписку с ним.

То, что отказался выполнить сам папа, сделали его нунции. Легаты a latere, которых папы рассылали во все провинции церкви, как свое alter ego, достигли со времени Николая II и Григория VII неслыханного могущества. Они внушали страх всем, как государям, так и епископам и общинам, и, по откровенному замечанию св. Бернарда, являлись бичом провинций, из которых они, подобно проконсулам Древнего Рима, выжимали деньги, но вместе с тем они помогли удержать в подчинении папам дворы королей и поместные соборы. Должность легата была школой высшего дипломатического искусства, а сами легаты были именно государственными людьми того времени. Конон Пренестский, как только узнал, находясь в Иерусалиме, о событиях в Риме, не колеблясь, отлучил, как папский легат, императора от церкви. Архиепископ вьеннский Гвидо, вассал Генриха, созвал в октябре 1112 г. собор, объявил признание за светским лицом права на инвеституру ересью, предал императора, как второго Иуду, анафеме и потребовал от Пасхалия утверждения всех этих постановлений, грозя ему в противном случае неповиновением. Ненависть, которую чувствовало к Генриху духовенство и которую разделяли так же многие римляне, побудила греческого императора сделать попытку возобновить старые византийские притязания. Император Алексей Комнен был умен и умел пользоваться счастливыми совпадениями обстоятельств; он понимал, насколько выгодны были для его империи крестовые походы, которыми были созданы иерусалимское королевство и другие сирийские государства, явившиеся для Византийской империи оплотом против турок. Отправив послов в Рим, Комнен поручил им выразить папе сочувствие в постигшем его несчастье, пожелать римлянам успеха в их борьбе с хищным узурпатором и заявить о его собственном желании на основании древнего права получить римскую корону. Римляне воспользовались этим случаем, чтобы заявить свой протест против Генриха и действительно отправили в Константинополь пышное посольство для переговоров о короновании; но папа не принимал участия в этой комедии, и только знать, теперь еще свободнее распоряжавшаяся в Риме, постаралась в этом случае возможно более на шуметь о себе.

Пасхалию удалось, впрочем, провести несколько спокойных лет в Риме, и только временами он выезжал в Апулию, чтобы оградить там права церкви. 15 октября 1114 г. он созвал собор в Чепрано и по примеру Григория VII, некогда наделившего леном Роберта Гюискара, отдал Апулию, Калабрию и Сицилию в ленное владение герцогу Вильгельму, преемнику Рожера. Римская церковь, положение которой становилось все более и более затруднительным, старалась таким образом найти защиту у норманнской Италии, сохраняя над ней верховную власть, и в это же время, со смертью великой графини Матильды, явилась для римской церкви возможность получить в обладание другие земли, уже завещанные ей.

Матильда скончалась 70 лет от роду 24 июля 1115 г. в своем замке *Bondeno de' Ronconi* близ Каноссы, оставляя папу наследником своих земель. Знаменитое наследство, оставленное Матильдой, — одно из самых роковых приношений, известных в истории, — явилось в свое время брошенным женщиной яблоком раздора между папами и императорами. Со времени дара Пипина никакое другое приношение не имело подобного значения, и оба они оказываются в одинаковой мере окруженными тайной. Действительные географические или юридические границы наследства, завещанного Матильдой, никогда не были установлены ясно, и по справедливости нельзя не удивляться тому, что в завещании Матильды совсем нет указаний на определенные местности, между тем как в других дарственных актах того же времени земли перечисляются с самой мелочной точностью. Свой первый дарственный акт Матильда передала Григорию VII; во втором документе значит, что первый был утрачен и что поэтому Матильда 17 ноября 1102 г. в Каноссе вручила кардиналу-легату Бернарду новый документ, в котором она, во спасение души своей и своих родных, завещала римской церкви все свои земли по обе стороны гор. Здравой критикой уже давно отвергнуто предположение, будто бы Матильда не считалась вовсе с правовыми нормами своего времени и завещала папе все обширные имперские лены, которыми владели ее предки, а именно: маркграфство Тусцию, Сполето и Камерино, затем еще Мантую, Модену, Реджио, Брешию и Парму. Но если даже завещание Матильды относилось к ее аллодиальным землям, простиравшимся с перерывами от реки По до реки Лириса, то и в таком случае в то время не было возможности установить границы между аллодиальными землями и имперскими ленами, и церковь могла воспользоваться этой неясностью, чтобы раздвинуть пределы полуленного наследства. Григорий VII в своей предусмотрительности наметил земли Матильды как будущее наследство пап; распавшаяся церковная область благодаря этому достоянию могла не только возродиться к новой жизни, но и найти в нем еще более широкое основание для владычества Церкви над всей Италией. Если бы папы, обратившие Южную Италию в лен св. Петра, получили в свое владение так же земли Матильды, не исключая ее имперских ленов, им удалось бы тогда поставить почти всю Италию в вассальную зависимость от себя, и баснословный дар Константина был бы близок к полному своему осуществлению. Каково бы ни было, впрочем, приношение Матильды, в нем мы всегда будем иметь тончайший образец политического искусства пап. Прошли, однако, многие годы, прежде чем явилась возможность для пап получить в свое владение самую малую часть этого наследства. Три претендента оспаривали наследие Матильды, в числе их были прежде всего города, успевшие добиться политической автономии. Таковы были тусцийские города: Пиза, Лукка, Сиенна, Флоренция и Арrezzo, в которых республиканские учреждения существовали еще при Матильде и которые позднее стали вполне независимыми, так что никто из пап не заявлял никогда притязаний на них. Не предьявляла церковь своих прав так же на Модену, Мантую и Парму, между тем как Феррара обратилась в настоящий церковный лен благодаря тому, что была отдана во владение еще Тедалду, деду Матильды. Кроме городов, претендентами были еще Вельф V Баварский, муж Матильды, и Генрих V как император и в силу своего родства с Лотарингским домом. Узнав о смерти Матильды, Генрих немедленно стал готовиться к походу в Италию, чтобы захватить в свои руки земли графини; что касается Пасхалия, то ему не удалось овладеть ни одной пядью этих земель. Между преемниками Пасхалия и императорами наследие знаменитой графини явилось надолго предметом раздора, постоянно поддерживавшим великую борьбу двух властей, духовной и светской.

ГЛАВА II

1. Пасхалий отменяет привилегию. — Возмущение римлян по случаю избрания префекта города. — ПьерЛеоне. — Его замок у театра Марцелла. — Диакония Св. Николая in Carcere. — Отпадение Кампаньи. — Появление Генриха V в Риме. — Бегство Пасхалия. — Бурдин Брагский. — Птолемей Тускуланский. — Возвращение и смерть Пасхалия II. — Здания, воздвигнутые им в Риме

Мир был нарушен в Риме уже в 1116 г., когда Генрих направился в Ломбардию. Побуждаемый епископами, образовавшими сплоченную оппозицию, Пасхалий созвал в марте собор в Латеране и торжественно предал анафеме привилегию на инвеституру как акт, исторгнутый силой. Соглашение, которого пытался достигнуть император через аббата клюнийского, Понтия, не состоялось. Правда, папа отказался подвергнуть Генриха на соборе отлучению от церкви; тем не менее он не протестовал против отлучения, объявленного Генриху легатами. Миланский архиепископ Иордан предал Генриха анафеме в миланском соборе; папа так же не возражал против этого и только пояснил, что собор может снять отлучение, наложенное епископами.

Ведя переговоры с папой, послы Генриха в то же время заключили тайное соглашение с той партией в Риме, для которой появление Генриха в городе было желательным. Негодование римлян против имперской власти было только временным, ненависть же их к папской власти оставалась неизменной. Смерть префекта города явилась для них вполне подходящим случаем перейти к открытому восстанию. Римские нобили того времени с такой же настойчивостью желали завладеть префектурой, с какой некогда добивались их предки консульского звания, так как уголовный судья в Риме был очень влиятельным лицом. Глаза всего народа всегда бывали устремлены на городского префекта, когда он, окруженный своими товарищами-судьями, выступал в торжественных процессиях рядом с папой, одетый в фантастический костюм: в далматик из красного шелка с широкими рукавами, роскошную мантию, отделанную золотом, в митру из пурпурового бархата и в разноцветные штаны в обтяжку, на одной ноге золотистого цвета, на другой — красного. Избрание префекта вызывало такую же яростную борьбу партий, как и выбор папы. Вслед за избранием новый префект показывался народу с какой-нибудь кафедры и присягал на верность Риму, после чего его торжественно отводили к папе, который утверждал избрание; затем уполномоченный императора жаловал префекта императорским орлом и обнаженным мечом, так как император считал префекта своим наместником в Риме, несмотря на то, что папы так же имели право утверждать избрание префекта. Лишить императора права замещать самую важную гражданскую должность для пап было весьма желательно и, пользуясь благоприятными обстоятельствами, они не упускали случая назначать префекта собственною властью.

В конце марта 1116 г. префект Петр умер, и Пасхалий назначил ему преемником сына ПьераЛеоне; но императорская партия и народ, ненавидевший этого богатого магната, выставили кандидатуру сына умершего префекта Петра, племянника Птолемей Тускуланского. Тогда папа взял себе знаки сана префекта, решив провести своего кандидата. В четверг на Страстной, когда папа был в Латеране, народная партия ворвалась в церковь, подвела к папе своего юного кандидата Петра и с криками стала требовать, чтобы он был утвержден префектом. Насильственно прерванное богослужение сменилось сценой буйства, в которой центральной фигурой был одетый в траур юноша, дерзко требовавший, чтобы папа признал его префектом Рима. Папа отложил свой ответ до другого дня, и буйная толпа, не переставая угрожать, покинула Ла-

теран. Рим разделился на две партии, и в их борьбе приняли участие даже графы Кампани. Во время пасхальных праздников возмущение усилилось. В понедельник на Святой, когда папа направлялся в базилику Св. Петра, ему навстречу на мосту Св. Ангела вышла буйная толпа римлян, имея во главе сына покойного префекта, снова предъявляла свои требования и яростно напала на лиц, сопровождавших папу. При возвращении папской процессии в Латеран народ преследовал ее, бросая камни с Капитолия. Затем юный кандидат возложил на себя знаки сана префекта, и на улицах началась резня; башни и дома подверглись разрушению, в церквях производились грабеж, и повсюду совершались всякого рода насилия.

Замок ПьерЛеоне был подвергнут осаде; он был, однако, одним из самых неприступных в городе. Огромный театр Марцелла, к которому примыкали башни замка ПьерЛеоне мог служить превосходной крепостью; затем Тибр и развалины больших портиков, а именно портика Октавии, делали эту местность, заключенную между рекой и Капитолием, еще более неприступной. Замечательно, что ПьерЛеоне, вновь возникший род еврейского происхождения, удержали за собой или избрали для жительства местность у древнего транстеверинского Гетто и моста на острове; этот мост, у которого уже в то время жили евреи, последние называли Pons Judaeorum. Центральную часть замка составлял вышеназванный театр; дома же, походившие на башни, были расположены вдоль реки и доходили до церкви Св. Николая in Carcere, древней диаконии, устроенной на развалинах прекрасного древнего храма. Церковь существует доньше, но дворцы ПьерЛеоне исчезли; башни бывших дворцов обращены были в высокие жилые дома, и в остатках их помещаются теперь мясные лавки и склады старых вещей, принадлежащие евреям соседнего гетто. В силу удивительной иронии судьбы местность, где возвышался замок гордых римских сенаторов и консулов, получила в конце концов свой первоначальный скромный вид: там, где под охраной еврейских магнатов-выскочек умер знаменитый папа, проповедовавший крестовый поход, где жил и другой папа из той же семьи ПьерЛеоне, — там евреи снова громоздят свой хлам, как это делали в свое время предки ПьерЛеоне и Анаклета II.

ПьерЛеоне настойчиво призывал к себе на помощь папу, который после того, как его сторонники потерпели чувствительное поражение, бежал в Альбано. Поставленный в затруднительное положение, Пасхалий искал помощи у баронов и, чтобы получить ее, раздавал им церковные земли; наиболее щедро был наделен Птолемей, которому папа отдал в ленное владение Арицию. Проникнув в Рим, папская милиция разбила противную партию, взяла в плен юного префекта и уже заключила его в замок Фумоне; но в это время вероломный Птолемей неожиданно напал у Альгида на сторонников папы, взял их самих в плен и освободил своего племянника. Измена Птолемея послужила сигналом к восстанию Кампани; римляне напали на замок ПьераЛеоне, и злополучный папа бросился искать спасения в укрепленных замках Сецца в Вольских горах. Тогда восставшие нобили обратились к Генриху с приглашением прийти в Рим. Генрих послал им письма и подарки в надежде, что все эти трудные действительности сделают папу по отношению к нему более уступчивым. Восстание действительно было настолько серьезно, что нельзя не удивляться, почему римляне тогда же не провозгласили своей независимости; с наступлением лета, однако, борьба между партиями прекратилась. Пасхалий привел с собой войска из Беневента и с помощью их мог занять, по крайней мере, Транстеверин. Неизвестно, состоялось ли между папой и римлянами какое-либо соглашение и признал ли папа Петра префектом; как бы то ни было, город или, вернее, господствовавшая в нем знать достигла в то время фактически полной независимости от папской власти.

Затем прибыл сам император, и папа, как зверь, которого преследуют без устали, принужден был снова бежать. Разгневанный безуспешными переговорами своих послов, Генрих решил еще раз подчинить Пасхалия своей воле, но последний настаивал, чтобы император покорился постановлению собора; сын Генриха IV, однако, хорошо понимал, к чему сводится такое предложение. Он прибыл перед Пасхой 1117 г., делая вид, что является не для вражды с церковью, а в полном смирении и для того, чтобы мирно разрешить спор об инвеституре. Тем не менее папа немедленно бежал в Монте-Касино и в Беневент. Беральд, аббат фарфский, Иоанн Франджипане и Птолемей тотчас объявили себя сторонниками императора. Затем, когда Генрих завоевал несколько папских городов, римляне открывали ворота города своему бывшему врагу. Встреча, приготовленная Генриху его сторонниками, оказалась полным триумфальным шествием; император, сопровождаемый супругой, ехал верхом на коне; город был разукрашен цветами; повсюду народ громко выражал свое ликование; процессии схизматиков встречали императора и следовали за ним; но из кардиналов и епископов никто не явился приветствовать его.

Генрих приложил старания к тому, чтобы привлечь на свою сторону духовенство; некоторые кардиналы и Бурдин, архиепископ брагский и папский легат, вступили в переговоры с ним; но всякое соглашение оказывалось невозможным ввиду нежелания Генриха отказаться от инвеституры. На Пасхе он отправился в базилику Св. Петра, но не по мосту Адриана, так как замок св. Ангела был в руках папских сторонников, а через реку на лодке. Он собрал совет, на который явились так же некоторые кардиналы; Генрих выразил при этом свое сожаление о том, что папа отсутствует на совете, и объявил себя сторонником мира между церковью и империей. В напыщенной речи он указывал на благие последствия того, когда оба главы христианства находятся в согласии между собой. Слава одного, говорил он, делается достоянием другого; их соединенная сила страшна для всех. Сенат, консулы, знать, все добрые граждане Рима и всего мира взирали бы на их согласие с чувством полного удовлетворения. Готы, галлы, испанцы, африканцы, греки и латиняне, парфяне, индейцы и арабы тогда бы нас или боялись, или любили. Но, увы, мы действуем не так и пожинаем другие плоды!

Кардиналы отвечали с твердостью и достоинством. Они указали на действительное положение дел и напомнили императору о совершенных им насилиях. Затем они отказались короновать его во время приближавшегося праздника, сославшись на то, что императоров, присутствовавших в Риме в высокочестивенные дни, всегда короновал папа, после чего императоры совершали свое шествие по городу. Честолюбивый Бурдин, как папский легат, исполнил, однако, этот обряд, и Генрих отпраздновал Пасху с большой пышностью. С помощью золота ему удалось привлечь на свою сторону почти весь Рим. Юного префекта Генрих утвердил в должности, а с фамилией самого могущественного из капитанов даже породнился. Птолемей почувствовал себя крайне польщенным, когда император соватал ему свою дочь Берту. Этот граф, сын Птолемея I Тускуланского и внук консула Григория, чрезвычайно гордился своим родом, за которым насчитывал уже два столетия и который, по удостоверению племянника графа, диакона Петра, жившего в Монте-Касино, происходил по прямой линии от Юлиев и Октавиев. Высочайшим актом Генрих утвердил графа в правах владения всеми землями, полученными им от своего деда, и вместе с тем подчинил его непосредственно имперской власти; таким образом, в лице Тускуланского графа явился снова старинный грозный враг пап. Могущество Птолемея по отношению к церковной области было очень велико; владения графа простирались от Сабини до моря, вследствие

чего «тускуланский диктатор», герцог и консул всех римлян, был как бы настоящим государем Лациума. Тускуланские графы вели за свой собственный счет войну с гаэтанцами и заключили с ними договор как независимые государи; согласно этому договору, гаэтанской республике было предоставлено право свободной торговли в тускуланских землях.

Тем временем Пасхалий созвал собор в Беневенте и отлучил Бурдина от церкви. По просьбе папы капуанский государь послал отряд войска в римскую область; император отбыл в Тоскану еще около Троицына дня; тем не менее, чтобы прогнать норманнских солдат, оказалось достаточно одних тускуланских вассалов и нескольких германцев. Только осенью Пасхалию удалось выступить из Беневента с более значительным войском и подвинуться до Ананьи. К тому времени папа был уже в преклонных летах и чувствовал себя больным. Рождество он отпраздновал в Палестрине под защитой Петра Колонны, во владение которого безвыходность положения, быть может, заставила папу отдать этот город. Между тем партия папы усилилась, и дружественные бароны помогли ему вернуться в Рим, где между партиями шла яростная борьба. Появление папы в Транстеверине в сопровождении свежих войск напугало фарфского аббата и Птолемея, и римляне снова приняли сторону Пасхалия; но в то самое время, когда осадные машины уже были придвинуты к базилике Св. Петра, где префект с несколькими консулами заняли укрепленную позицию, папа почувствовал, что собственные его силы окончательно изменяют ему.

Перед смертью Пасхалий убеждал кардиналов хранить между собой согласие, следовать благоразумию и бороться против «дерзких притязаний германцев»; он умер в ночь на 21 января 1118 г., восемь дней спустя после возвращения своего в Рим, в здании, находившемся неподалеку от бронзовых ворот замка св. Ангела. Так как базилика Св. Петра была занята противниками, то тело умершего папы было погребено в Латеране. Правление Пасхалия II отличалось большими бедствиями и постоянными тревогами и в этом отношении походило на правление лишь очень немногих его предшественников. Пасхалию приходилось вести борьбу не только с императором, но и с постоянными мятежами, причем против него восстала даже вся церковь.

Никакого надгробного памятника не осталось после этого злополучного папы: он сошел в могилу, измученный преследованиями сына того самого короля, которого некогда проклял и погубил Григорий VII. В Риме памятниками о нем служат только некоторые восстановленные им церкви: Св. Варфоломея на острове Тибра и Св. Адриана на Форуме (все еще называвшаяся тогда *in tribus Fatis*); затем в Монтичелли — церковь S.-Maria и, может быть, так же церковь Св. Климента, кардиналом которой он был первоначально. Эта древняя базилика, пострадавшая от пожара при Гюискаре, не была возобновлена в начале XII века кардиналом Анастасием Младшим, и часть ее осталась в глубине земли в виде крипты. При постройке нового здания оно было воздвигнуто над старым на уровне новой Латеранской улицы. Самым замечательным памятником Пасхалия была возобновленная им церковь S.-Quattro Coronati на Целии, пострадавшая от того же пожара при норманнах. Пасхалий освятил ее 20 января, незадолго до того, как бежал из Рима, спасаясь от Генриха V. В настоящее время церковь, однако, имеет вид более позднего происхождения.

Таким образом, Пасхалий, несмотря на все трудности, которые ему приходилось преодолевать, первый начал после очень долгого перерыва снова возводить в Риме постройки, и притом в такую эпоху, когда вследствие борьбы партий древние памятники и церкви были обречены на разрушение.

2. Избрание Геласия II. — Нападение Франджипани на конклав. — Папа в плену; его освобождение. — Генрих V вступает в Рим. — Бегство Геласия. — Император возводит в сан папы Бурдина под именем Григория VIII. — Возвращение Генриха на север. — Геласий II появляется в Риме и молит о защите. — Франджипани снова нападают на него. — Бегство Геласия во Францию. — Смерть этого несчастного старика в Клуни

В Рим был спешно призван из Монте-Касино, чтобы быть возведенным в папский сан, Иоанн, кардинал церкви S. Maria in Cosmedin. Он был родом из Гаэты, принадлежал к знатной фамилии и был монахом в Монте-Касино при аббате Одеризии. Знания, приобретенные Иоанном в этой бенедиктинской школе, были настолько обширны, что Урбан II взял его с собой в Рим в качестве своего секретаря. При Пасхалии Иоанн получил сан архидиакона. Он отличался умеренностью во взглядах, и это послужило для Пасхалии лучшей защитой против фанатиков; кроме того, Иоанн, может быть, предупредил своим влиянием схизму и полный разрыв с императором; но в то же время на такого человека, весь характер которого воспитался на твердых началах великой эпохи Григория VII и Урбана, католическая партия могла рассчитывать как на поборника принципа свободы выбора в вопросе об инвеституре. Конклав должен был происходить в церкви s. Maria in Pallara (Palladium) на Палатине; этот монастырь, находившийся по соседству с замком Франджипани, принадлежал курии и был отдан ею Монте-Касино в ленное владение; перед своим избранием в папы Иоанн Гаэтанский жил здесь, как до него Фридрих Лотарингский. Избрание происходило в тайне; было решено следовать декрету Николая II: кардиналы должны были произвести выборы, не считаясь с правами императора.

24 января 1118 г. Иоанн был единогласно провозглашен папой под именем Геласия II. Будучи уже хилым стариком, Иоанн тщетно старался отклонить от себя тиару, которая в то время, когда почти каждого папу постигала трагическая судьба, не казалась привлекательной. Кроме того, он не мог быть немедленно посвящен в папы, так как, будучи архидиаконом, должен был быть возведен в сан священника, чего нельзя было сделать до мартовского поста. Но не успел еще избранный предаться печальным мыслям об ожидавших его испытаниях, как в двери церкви, где заседал конклав, волилась толпа освирепелых римлян с оружием в руках; второй Ченчий схватил старика-папу за горло, бросил его на землю, стал топтать его ногами, обутыми в сапоги со шпорами, и, осыпая проклятиями, потащил его вон из церкви; в то же время вассалы этого Ченчия стаскивали с мулов кардиналов, искавших спасения в бегстве, и вязали их веревками. Таким образом, оказалось, что конклав происходил в самом логовище хищного зверя. Избиратели, может быть, поступили бы благоразумнее, если бы отдались под защиту ПьерЛеоне; но они не доверяли этому могущественному консулу, так как он, вероятно, уже в то время желал тиары для своего сына. Ни одна из знатных фамилий не оставалась подолгу верной какому-нибудь одному знамени; яростные враги папы очень быстро превращались в его самых ревностных вассалов и затем так же скоро забывали об этом, становясь снова его врагами. Возможно, что кардиналы обещали Франджипани, которые были сторонниками императора, избрать кандидата из их партии; в таком случае, совершая свое дикое насилие как бы в подражание государственному перевороту, произведенному Генрихом V, фамилия римских консулов мстила за то, что была обманута. Геласий был закован в цепи и заключен в одной из башен замка Ченчия Франджипане. Но тогда в народе произошло возмущение; милиция 12 городских округов соединилась с жителями ГрантEVERИНА и Тибрского острова и взялась за оружие. Префект Петр, успевший примириться с ПьерЛеоне, сам ПьерЛеоне с его многочисленной родней, Стефан Норманнский и

другие нобили с их приверженцами, державшие сторону папы, собрались в Капитолии и потребовали освобождения папы. Разбойник поспешил снять оковы со своего пленника, бросился к его ногам и получил прощение. Таким образом, дикая сцена из жизни Григория VII повторилась от начала до конца, и трагедия так же быстро сменилась ликованием. Рим украсилась цветами; освобожденный папа был посажен на белого мула и отведен среди радостных кликов в Латеран, где он, растроганный до слез, мог внимать верноподданническим заявлениям римлян. Существуют ли в истории другие случаи такого же сочетания бессилия и всемогущества, какое мы видим в папах Средних веков?

После этого ужасного начала своего понтификата Геласий II пользовался в Риме спокойствием не более месяца. Франджипани не замедлили обратиться к императору с просьбой прибыть в Рим, указывая на то, что избрание папы состоялось помимо его, императора, согласия. Генриху надо было во что бы то ни стало воспользоваться этим моментом, чтобы утвердить свои коронные права и назначить папу, который признал бы привилегию Пасхалия. Поэтому, взяв с собой небольшой отряд войск, Генрих поспешил покинул свой лагерь у реки По. В ночь на 2 марта Геласия разбудили и сообщили ему ужасную весть, что император уже вступил в Ватиканский портик. При этой вести панический страх овладел всей курией; Геласию, который раньше вместе с Пасхалием уже находился в плену у императора, теперь снова грозила та же участь. Папу немедленно посадили на лошадь, увезли из Латерана и поместили в замке римлянина Булгамини, который находился близ церкви S.-Maria в округе св. Ангела. Послы Генриха разыскивали папу, но он отнесся недоверчиво к их приглашениям и решил бежать в Гаэту, свою отчизну. Вместе с ним бежали его двор, кардиналы и епископы. Все они разместились на двух судах, стоявших поблизости на Тибре. Но даже стихии, казалось, восстали против папы: поднявшаяся буря не давала возможности кораблям выйти около Порто в открытое море. Все время раздавались удары грома и сверкала молния; между тем с берега преследовавшие беглецов германцы не переставали пускать в них стрелы, угрожая сжечь галеры, если папа не будет выдан. Темнота ночи и буря, однако, помешали Генриху снова захватить папу в плен. Беглецам удалось высадиться незамеченными; так как порывы ветра были все так же сильны и лил дождь, то алатрийский кардинал Гуго, только что вернувшийся с мыса Цирцеи, где он занимал должность кастеляна Пасхалия, поднял, подобно новому Энею, слабого и старого Геласия на свои могучие плечи и отнес его в замок св. Павла близ Ардеи. Наутро германцы настигли суда, но папы не нашли и вернулись в Рим, а беглецы ночью снова сели на галеры и направились, минуя Террачину, в Гаэту, где папа мог наконец вздохнуть свободно. Здесь картина сразу переменилась: как только 10 марта состоялось посвящение Геласия в папы, к нему немедленно явились засвидетельствовать свои верноподданнические чувства епископы и нобили Южной Италии, Вильгельм Апулийский, Роберт Капуанский, Ричард Гаэтанский и многие рыцари и графы, которые все присягнули Геласию как вассалы.

Бегство папы расстроило планы Генриха и лишило его возможности идти по пути соглашения; поэтому он решил назначить своего папу. На приглашение Генриха вступить с ним в переговоры и вернуться в Рим для посвящения в сан папы в базилике Св. Петра в присутствии его, императора, Геласий ответил уклончиво, сообщив, что для решения спорного вопроса он созывает собор в сентябре в Милане или Кремоне; но оба эти города относились к императору враждебно. Тогда Генрих объявил избрание Геласия незаконным и предписал произвести выборы нового папы. Поступая так, Генрих действовал на основании права, которое в то время

принадлежало императорской власти. Римляне были собраны в базилике Св. Петра; когда Генрих сообщил им ответ беглеца, поднялся шум и искреннее или притворное негодование овладело присутствовавшими. Обвиняя Геласия в том, что он хочет перенести папский престол в Милан, собрание потребовало новых выборов. Юристы, сопровождавшие Генриха, и в их числе знаменитый Ирнерий Болонский, познакомили собрание с порядком избрания пап, после чего был провозглашен папой и отведен торжественно в Латеран Мавриций Бурдин, архиепископ португальского города Брага. На следующий день, 10 марта, в базилике Св. Петра он был посвящен под именем Григория VIII епископами-схизматиками.

Таким образом, антипапа-чужеземец был признан римлянами по требованию Генриха V, и это произошло там, где ими же велась ожесточеннейшая борьба с этим императором. История города Рима в Средние века приводит нас в ужас постоянно повторявшимися сценами дикого насилия; но не менее ужасно и то беспримерное непостоянство, которое одновременно проявляется в римлянах. И в этом бурном, вечно менявшемся водовороте партий папство представляет собою единственное в своем роде явление, никогда более уже не повторявшееся в истории; в нем сказался камень Петра, *immobile saxum*, вовеки незыблемый и неизменный. Было бы, однако, несправедливо порицать римлян за отсутствие в них твердых начал, не дав этому обстоятельству никакого объяснения. Твердость характера и достоинство приобретаются народом только тогда, когда свобода и законность делают его достойным его самосознания; между тем фантастическое представление о римской республике, не имея опоры в римской жизни, было обречено на постоянное искание этой поддержки то у папской, то у императорской власти. Рим оставался верным только одному: чувству ненависти к светской власти папы.

Бурдин был человек, хотя и честолюбивый, но умный, и репутация его была безупречна. Католическая партия утверждала, что он был только креатурой императора, тогда как Геласий был избранныком кардиналов; антипапа тем не менее опирался на право императора, и вскоре многие провинции Италии, Германии и даже Англии признали его папой. Геласий утешал себя тем, что в числе сторонников Бурдина едва ли насчитывалось три католических священника; но в то же время он видел так же, что Рим изобилует вибертистами и что положение церкви такое же бедственное, каким оно было при Клименте III. Политические причины этого ужасного раздора были все те же; оставались неизменными точно так же и средства борьбы. Скрепив семь лет тому назад своей подписью привилегию, данную Пасхалием Генриху, Геласий решил теперь отлучить императора от церкви и предал его анафеме в Капуе в Вербное воскресенье. Затем ему удалось так же уговорить норманнских государей дать возможность ему самому вернуться в Рим и прогнать «варвара», который имел в своем распоряжении лишь незначительный отряд войска. В это время Генрих приближался уже к Чепрано: он узнал о наступлении норманнов, когда осаждал замок Тоттисе близ Фрозиноне. Сняв осаду, Генрих оставил в Риме Бурдина и сам отправился в Ломбардию. Но норманнские государи, проводив папу в Монте-Касино, покинули его здесь, вероятно потому, что он отказался удовлетворить все их требования. Поставленный тогда в необходимость заплатить ландграфам за свой проезд через Кампанию, Геласий в начале июля прошел по своей собственной земле в виде бедного пилигрима и, придя в Рим, искал защиты и приюта в домах дружелюбно относившихся к нему консулов. Он поместился при церкви *S.-Maria in Secundicerio* под защитой замков Стефана Норманнского, его брата Пандульфа и Петра Латро из рода Корси. Таким образом, городо снова готовилось зрелище двух враждующих и проклиняющих один другого пап, которые

обзывали друг друга (на грубом языке того времени) статуей, вылепленной кровавыми руками, глиняным истуканом, апокалиптическим зверем.

Бурдин имел в своих руках большую часть города; более половины римлян признавали его папой; он беспрепятственно распоряжался церковью Св. Петра, которая служила крепостью схизматикам-папам. В свою очередь, Геласий мог располагать церковью Св. Павла, где находились его вооруженные сторонники. Но злой рок, казалось, готовил этому папе удар за ударом. 21 июля, в день св. Прасседы, кардинал церкви этой святой пригласил Геласия на праздник. Церковь находилась в близком соседстве с замком Франджипани, но папа принял все-таки приглашение и, сопровождаемый вооруженной стражей, отправился в церковь вместе со Стефаном Норманнским и своим собственным племянником Кресцентием Гаэтанским, которые были известны как смелые люди. Прежде, однако, чем кончилась обедня, в церковь уже вломались свирепые Франджипани и стали осыпать присутствующих градом камней и стрел; в одну минуту завязалась битва; но в то время как сторонники папы и императора с яростью набросились друг на друга, сам папа успел скрыться незамеченным. Наконец Стефан воскликнул: «Что вы делаете, Франджипани? За кем гонитесь вы? Вы ищете папу, а он скрылся. Неужели вы хотите и нас убить? Разве мы не такие же римляне, как вы, и не кровные ваши родственники? Довольно! Остановитесь! Мы все измучены; разойдемся по домам!» Оба Франджипани, бешеный Ченчий и Лев, сыновья донны Боны, сестры Стефана, послушались призыва дяди; мечи было вложены в ножны, и обе партии, негодуя, разошлись. Затем начались поиски папы по всему Риму и за воротами города. Некоторые матроны видели, как папа, наполовину одетый в свое папское облачение и сопровождаемый только крестоносцем, спешил уехать, сидя верхом на лошади. К вечеру папу нашли: он сидел в поле около базилики Св. Павла, окруженный плачущими женщинами, и эта сцена одна из самых трогательных во всей истории папства.

«Братья и сыны мои, — говорил на следующий день Геласий, — мы должны покинуть Рим; в нем нам нельзя больше оставаться. Бежим из Содомы и Египта, из Вавилона, из города крови. Я молю Бога: да будет один государь, а не несколько; один дурной государь истребит других дурных, а затем и его покарает Царь всех царей». Покидая Рим, Геласий назначил своим викарием Петра, епископа Порто, а кардинала Гуто — легатом в Беневенте, утвердил Петра префектом, Стефана Норманнского возвел в сан носителя знамени римской церкви. С собой Геласий взял шестерых кардиналов, и в их числе вскоре прославившегося сына Пьер-Леоне, затем некоторых консулов и между ними Петра Латро и брата префекта, Иоанна Белло. 2 сентября папа сел на корабль и покинул Италию, направляясь во Францию, где ладья св. Петра при Пасхалии и Урбане уже находила пристанище. Богатый торговый город Пиза принял папу с большим торжеством. Геласий объявил Пизу метрополией и подчинил ей епископов Корсики; затем он освятил великолепный Пизанский собор и произнес в нем проповедь с красноречием, «отличавшим Оригена». Материалом для этой проповеди, конечно, лучше всего могли служить им же самим пережитые превратности судьбы. В октябре Геласий поплыл в Геную и затем высидился неподалеку от устья Роны, у монастыря Св. Эгидия в Окситании.

Епископы и князья Франции, а так же и послы короля Людовика встретили почетного беглеца с торжественными заявлениями своей верности в Магелоне, Монпелье, Авиньоне и других городах. Население Южной Франции, в котором еще не остыло воодушевление, вызванное крестовыми походами, стремилось отовсюду навстречу папе, желая видеть наместника Христа. Этот наместник покинул гроб св. Петра, преследуемый не сарацинами, а римлянами, а к нему, лишенному всяких средств, стали притекать со всех сторон добровольные приношения и лепта св. Пет-

ра. Папы того времени, только покидая Рим и находясь среди чужеземного народа, имели возможность убеждаться, что их действительно еще считали наместниками Христа. Изгнанные короли, где бы они ни искали для себя убежища, с потерей короны всегда утрачивают и тот почет, который связан с нею; но ореол, которым был окружен образ папы, обладал такими необыкновенными свойствами, что бегство и нищета папы придавали этому ореолу как бы еще больше величия и благородства. Пережитые во Франции волнения в связи с тяжкими испытаниями, перенесенными в Риме, сократили, однако, дни Геласия, бывшего уже в преклонном возрасте. Он умер 29 января 1119 г. в Клунийском монастыре, окруженный монахами, кардиналами и епископами, распростертый на голом полу и одетый в простую монашескую ряску. Правление Геласия II продолжалось всего лишь 1 год и 4 дня, и в этот короткий промежуток времени папой было пережито столько страданий, что ими можно было бы наполнить целую жизнь. Скорбный образ этой последней жертвы борьбы за инвеституру не может не трогать сердце человека, у которого есть отзывчивая душа.

3. Каликст II. — Переговоры с Генрихом V. — Собор в Реймсе. — Каликст появляется в Италии. — Вступление его в Рим. — Падение антипапы в Сутри. — Вормский конкордат. — Благоприятное влияние борьбы за инвеституру в смысле его всемирного значения. — Мирное правление Каликста II в Риме. — Сооружения в Латеране, увековечившие память об окончании великой борьбы. — Смерть Каликста II

Геласий назначил своим преемником кардинала палестринского, но Конон предложил избрать папой архиепископа виенского. В такое трудное время нельзя было найти кандидата более подходящего, чем этот прелат. Гвидо, сын графа Вильгельма Тестардита, происходил из Бургундского дома и состоял в родстве с французским королем и с самим императором. Это был наиболее блестящий из французских епископов, человек большого ума и твердого характера, создавший себе известность своими смелыми действиями в борьбе за инвеституру. Было вполне естественно, что во Франции, где бежавший папа нашел для себя приют, выбор пал на француза, и точно так же не подлежало сомнению, что этот избранник найдет поддержку у Людовика VI. Стечение обстоятельств при выборе нового папы было совершенно необычайное: шесть кардиналов, сопровождавших Геласия во Францию вместе с несколькими другими римлянами, выбрали папу в чужой стране и избрали иноземца. Этот выбор состоялся в Клунийском монастыре 2 февраля; но Гвидо отказался признать себя папой, пока выборы не будут утверждены кардиналами в Риме. Получив из Франции извещение об избрании Гвидо, наместник папы кардинал Петр, епископ Порто, созвал римлян сначала в церкви Св. Иоанна на острове Тибра, а затем в Капитолии. И кардиналы, и нобили католической партии, а именно Пьер-Леоне, сын которого уже участвовал в избрании архиепископа Гвидо во Франции, затем префект, духовенство и народ единогласно признали Гвидо избранным в папы. Гордость римлян была задета этим избором, но они мирились с ним, так как возлагали на Гвидо большие надежды; в своем ответном послании они все-таки указали, что выборы должны были быть произведены в Риме или на его территории и из числа римских кардиналов.

9 февраля 1119 г. Гвидо, избрание которого было почти повсюду признано, был посвящен в Виенне в папский сан под именем Каликста II. Новый папа немедленно, еще во Франции, проявил большую энергию в своих действиях. Его задачей было положить конец схизме и бесконечной борьбе из-за инвеституры. С нерешительны-

ми и ненаходчивыми папами Генрих V мог легко вести игру; но в лице Каликста II, того гордого легата, который первый отлучил императора от церкви в Виенне и угрожал папе Пасхалию неповиновением, Генрих нашел противника, равного по силе. В Германии царил беспорядок; возмущение князей и духовенства (во главе недовольных стояли архиепископ майнцский, неблагодарный Альберт, Фридрих Кельн-ский и Конрад Зальцбургский), казалось, приняло те же размеры, как и при Генрихе IV Вставал грозный призрак нового Трибурского сейма; состоявшийся здесь сейм имперских князей признал Каликста папой. Люди, более искусные, взяли в свои руки решение спора, прекращения которого так горячо желал весь мир, и Генрих выразил готовность прийти к возможному соглашению. Но он все еще медлил и не принял участия в многолюдном соборе, который происходил в октябре в Реймсе и на котором предложено было окончательно решить спорный вопрос. Хитрый враг, оставаясь в засаде, может быть, замышляя о новом способе захватить в свои руки папу. Таким образом, и в этот раз соглашение с Генрихом не могло состояться. Тогда Каликст II 29 октября в Реймсе в присутствии 424 епископов подтвердил декреты, которыми воспрещалась инвеститура, а на следующий день Генрих V и назначенный им папа были снова отлучены от церкви, причем все 424 епископа, — одни с гневом, другие неохотно, третьи с усмешкой, — бросили на землю свечи, которые держали зажженными в руках. Это была последняя вспышка известного всему миру спора, вскоре затем затихшего.

На следующую весну Каликст мог совершить свое путешествие в Рим. На всем пути в Провансе, в Ломбардии, после перехода через Альпы и в Тусции папу встречали с одинаковым ликованием, а в Риме католическая партия устроила ему полный триумф. Григорию VIII тем временем в Риме было нелегко бороться с знаменосцем церкви; единственным защитником антипапы был Бруно Трирский, которого император оставил в Риме вместе с отрядом германцев. В союзе с Франджипано архиепископу Бруно пришлось мужественно защищать Рим от норманнов Роберта Капуанского. Но золото сыпалось в протянутые руки римлян в скудном количестве, и императорская партия после нескольких штурмов вынуждена была отступить в Транстеверин, вследствие чего в руках Григория VIII осталась только эта часть города. С приближением Каликста антипапа окончательно потерял власть над изменническим Римом и удалился в укрепленный город Сутри. Он умолял своих сторонников не сдавать замка св. Ангела и базилику Св. Петра, но ПьерЛеоне нашел к ним доступ с помощью золотого ключа.

9 июня 1120 г. состоялся торжественный въезд в Рим Каликста II; несчастного, беспомощного Геласия непосредственно сменял во всем своем величии настоящий король, одетый в папское облачение. Такие контрасты могли создаваться только в одной римской церкви. Милиция встретила папу на расстоянии трех дней пути от Рима; за городом папу приветствовали дети с цветами, а у ворот города — знать, народ и духовенство. Сидя на белом иноходце, с тиарой на голове папа проследовал в Латеран по улицам, украшенным шелковыми покрывалами, венками и разными драгоценными вещами. Этот необычайный прием вполне приличествовал счастливому приемнику двух скромных и смиренных пап; его княжеское происхождение и богатство придавали еще более блеска его высокому духовному сану. Каликст мог быть доволен: партия Бурдина была без труда подкуплена, и знать спешила заявить новому папе свои верноподданнические чувства.

Немного времени спустя папа отправился на юг. Уже издавна существовало обыкновение, что вновь избранные папы посещали Апулию, чтобы обеспечить за собой обладание важным для них Беневентом, привести снова к присяге норманнов и, возвращаясь домой, иметь в случае нужды в своем распоряжении войско. Два

месяца папа оставался в Монте-Касино; 8 августа ему присягнул Беневент, и вскоре после того так же князья Апулии. Затем, собрав войско, папа в декабре 1120 г. вернулся в Рим и в следующем году отпраздновал Пасху с особенным торжеством. Для осады Сутри он послал кардинала Иоанна, епископа Кремаского, и вслед за ним отправился сам. Бурдин, чувствовавший себя в безнадежном положении, вел партизанскую войну и нападал на проезжающих по дорогам; когда началась осада, он мог продержаться только 8 дней. Этот императорский ставленник был покинут всеми еще скорее, чем некогда Кадал. Жители Сутри выдали Бурдина 22 августа 1121 г. после первых же штурмов. Наемники Иоанна Кремаского обошлись с пленником по-зверски, и сам папа так же злоупотребил одержанной им бесславной победой, принудив архиепископа брагского при въезде в Рим ехать впереди в шуттовском наряде. Одетый в косматую козлиную шкуру, Григорий VIII был посажен лицом к хвосту на верблюда, на котором обыкновенно возили папскую кухню. В таком виде архиепископа провозили по улицам, нанося ему удары плетью и бросая в него камни, и затем заключили в Septizonium. Осужденный на вечное изгнание, антипапа содержался после того в разных замках Кампаньи, в Пассерано, в Янула, близ С. Джермано, и в монастыре Ла Кава, пока наконец здесь или в Фумоне он не умер. Так праздновались победы в средневековом Риме и таким диким насилием сопровождался его триумфальные шествия.

Падение антипапы дало возможность усмирить многих капитанов. Графы Чеккано и Сеньи (они были германского происхождения), Лано, Готфрид и Рейнальд заявили о своей покорности; когда же по приказанию Каликста замок Ченция Франджипане был разрушен, папская власть оказалась после долгого промежутка времени восстановленной в Риме, и папа получил возможность оставаться в нем, никем не тревожимый. Благоприятные результаты, столь быстро достигнутые, произвели так же и в Германии сильное впечатление; победа, одержанная над императорским ставленником, была вместе с тем и поражением самого императора и заявленных им притязаний на назначение и утверждение пап. Перед людьми того времени страшному падению Григория VIII было придано такое же значение, какое некогда имело падение Симона Волхва, и это событие ускорило прекращение спора об инвеституре.

Чтобы умиротворить возмущенную империю, Генрих, помня судьбу отца, решил наконец уступить; в свою очередь Каликст, человек с более широкими взглядами, чем его предшественники, которые не шли дальше монашеской точки зрения, был так же склонен к примирению. Основания, на которых мог быть заключен мир между империей и церковью, были выяснены на немецких сеймах, созванных для совещаний между князьями и кардиналами-легатами Ламбертом Остийским, Григорием и Сассо. Так же, как и раньше при Пасхалии, были составлены два договора: король должен был отказаться от права на инвеституру кольцом и посохом, признать за церковью свободу выборов и посвящения епископов и восстановить все владения римской церкви. Со своей стороны папа соглашался на то, чтобы избрание епископов в Германской империи происходило в присутствии императорских послов, и признал за императором в пределах Германии право на инвеституру скипетром, как знаком пожалования леном; за пределами Германии сначала должно было происходить посвящение избранного лица, и только после этого в течение 6 месяцев это лицо могло быть пожаловано скипетром. Победа, одержанная церковью, была, по существу, гораздо значительнее выгод, приобретенных государством: последнему пришлось признать за церковью важнейшее для нее право на свободу выборов; между тем церковь отказывалась только от вмешательства в вассальные отношения епископов к светской власти. Церковь сохраняла за собой право возведения епископов в их духовный сан, а императору предоставлялось право наделять

тех же лиц, стоящих к нему в вассальных отношениях, властью владетельных князей или феодалов.

Когда оба эти документа, проникнутые беспристрастием, были прочитаны 23 сентября 1122 г. в Вормсе среди бесчисленного множества народа и затем кардинал Ламберт торжественно присоединил к церкви сына несчастного Генриха IV, чувство великой радости охватило всех присутствующих: нанесенные смертоносной борьбой раны теперь исцелялись, и на всей земле, обреченной этой борьбой на разорение, водворился мир. Спор из-за инвеституры продолжался в течение полу столетия; он сопровождался для Германии (а так же и для Италии) такими же бедствиями, как и 30-летняя война, и цвет поколения того времени был погублен им. Эти два скрепленные печатью пергамента, как результат долгой убийственной борьбы, не дают ли право сатирику, остановив на них внимание всего мира, отнестись с презрением к человечеству? Какое-то безумное ослепление заставляло людей целых полвека блуждать и впадать в самые ужасные ошибки, и уже только после всех тягостных испытаний вернуться к тому, с чего надо было начать и что, по-видимому, так легко приводило к разрешению мучительных вопросов. Неужели нужно было пролить столько крови, чтобы заменить кольцо и посох скипетром и открыть ту истину, что государство и церковь должны ведать каждое свои дела? Не подлежит сомнению печальная действительность того, что человечество отвоевывает себе свое медленное движение вперед, переживая потрясения и ужасы войны, и что приобретения целых веков достаются ему лишь в виде малых долей человеческого космоса. Но результаты борьбы из-за инвеституры заключались не в одних только вормских пергаментах. В каждой великой мировой борьбе ее первоначальный объект постепенно ускользает из глаз и уступает место иной задаче, стоящей на более высокой ступени духовного существования. Как борьба двух начал, служащих проявлением духа в истории человечества, этот великий средневековый спор заставил Европу пережить такое потрясение, какое она редко переживала, достигая подобных же благотворных последствий. Силой тех противоречий, которые были им выдвинуты, и благодаря той страстности, с которой отнеслись к нему все классы населения, этот спор освободил людей от односторонности и ограниченности варварского века, положил конец этому веку и вместе с крестовыми походами явился началом эпохи новой культуры. Во время этой именно борьбы произошло пробуждение философской и еретически протестующей мысли, возродился интерес к изучению римского права и любовь к классической древности, наступил расцвет республиканской свободы в городских общинах, и гражданское общество перешло к более независимым и более мягким человеческим формам общежития. Поэтому образы Генриха IV и Григория VII, трагических героев этой не всегда достопамятной борьбы двух начал, так же, как и образы Генриха V и Каликста II, которым удалось завершить ее миром, занимают в анналах истории такое выдающееся положение.

Заключенный мир Каликст решил утвердить на первом же Вселенском соборе, происходившем в Латеране в марте 1123 г. Такого многолюдного собрания не было в Риме уже несколько столетий. Собор удостоверял победу церкви и завершил проведение григорианской реформы. Достигнув независимости от императорской власти, как своего права, папство на твердой основе этой независимости, признанной Европой, получало отныне возможность развить свою духовную власть до степени всемирного могущества. Но мир, заключенный в Вормсе между государством и церковью, впервые признавшими друг в друге свое мировое значение, как двух основных сил, действующих в истории, был в действительности только перемирием, о чем в то время едва ли кто-нибудь догадывался.

Занимая престол св. Петра, папы уже несколько веков не пользовались таким спокойствием, как Каликст. Он достиг этого благодаря столько же своему уму, сколько и

своей энергии. Ландрафы и город покорились тому, кто сумел всех примирить; вражда партий прекратилась, и пока Каликст был жив, на разоренных улицах Рима не было слышно криков вступающих в борьбу противников. В это счастливое время папа мог даже позаботиться о благосостоянии города; после долгого периода полного бездействия в этом отношении мы снова встречаем указания на то, что водопроводы и городские стены исправлялись, что церкви строились и украшались. Ко времени окончания борьбы за инвестицию состояние Рима было довольно жалкое; половина города была в развалинах; поруганные храмы мира с превращением их в укрепленные замки подвергались осаде и разрушению. На соборе Каликст вынужден был объявить, что он строго запрещает обращать церкви в укрепления; он запретил так же светским лицам похищать с алтарей дарственные приношения и объявил, что виновные в причинении обид римским паломникам будут отлучаемы от церкви. В базилике Св. Петра, как надо полагать, было отслужено Каликстом торжественное богослужение, чтобы очистить ее от недавнего осквернения; затем он сделал пожертвования на украшения базилики, покрыв в ней пол плитой, восстановил главный алтарь и одарил базилику землей.

Латеран со времени Гюискара представлял такие же развалины. После Льва IV едва ли кто-нибудь из пап возводил в этом дворце постройки, и возобновление его началось только с Каликста II. Он построил здесь часовню, посвященную св. Николаю Мирликийскому, и в абсиде ее приказал написать красками изображения своих знаменитых предшественников — борцов, начиная с Александра II. Эта часовня могла служить памятником всех тех пап, которые вели великую борьбу с имперской властью. Помимо того, торжество церкви было увековечено еще в новом аудиенц-зале Латерана, где по приказанию Каликста были написаны изображения его самого, Геласия, Пасхалия, Урбана, Виктора III, Григория VII и Александра II, а под ними, служа как бы скамьей для их ног, — изображения антипап. Каждое изображение было пояснено стихами, довольно посредственными; на стене было написано так же содержание Вормского конкордата.

Такой великой темой, как 50-летняя борьба и ее прекращение, искусство не имело в своем распоряжении в продолжение многих веков; но подобная задача была в то время еще совершенно не под силу живописи, которая до Джотто едва ли пукала даже свои первые ростки. Поэтому вышеназванная хвастливая картина могла свидетельствовать только о варварстве той эпохи, когда грубое воспроизведение величайших дел церкви могло доставлять папам наслаждение. К сожалению, эти исторические памятники папства и искусства погибли в XVII и XVIII веках.

Не менее благосклонной к Каликсту была судьба и тогда, когда послала ему смерть вслед за одержанной им победой; он умер в Латеране 13 декабря 1124 г. от римской лихорадки. Тело Каликста II, виновника мира, погребено, как и подобало, рядом с телом Пасхалия II, жертвы борьбы. Через пять месяцев после того умер Генрих V и так же был погребен рядом со своим злополучным отцом.

4. Избирательная борьба. — Фамилия Франджипани. — Гонорий II, папа. — Смерть Генриха V. — Папа признает Лотаря германским королем. — Восстание Гогенштауфенов. — Рожер Сицилийский овладевает Апулией. — Он принуждает Гонория признать за ним права ленного владения. — Смерть Гонория II

Предстоявшие выборы грозили снова вызвать в Риме раздоры, так как Франджипани добивались теперь избрания в папы кардинала из числа сторонников императора. После Вормского конкордата такой выбор не представлял ничего невероятного

и был бы даже вполне естественным. Но поведение Франджипани дает нам вместе с тем возможность судить так же о положении дел в Риме: мы видим, что значение, которым пользовались в городе эти непокорные нобили, нисколько не было ослаблено ни их прежними насилиями, ни тем усмирением, которому они были подвергнуты Каликстом. Не имея власти изгонять подобных нобилей, папы время от времени вели с ними войну, разрушали их замки и затем снова заключали с ними мирные договоры. Вражда, которую чувствовал какой-нибудь папа к своим противникам, совершившим над ним насилие, для преемников этого папы не имела никакого значения в избирательной борьбе. Такое положение вещей вполне объясняется быстрой сменой пап, из которых каждый следовал своей собственной политике, и затем необходимостью для них привлекать на свою сторону городскую родовую знать.

Могущественную фамилию Франджипани мы встречаем впервые в лице Льва, ее родоначальника; о нем упоминается в одном из документов 1014 г. Странное имя этой фамилии — «ломающий хлеб» — произошло по преданию от того, что в старину, во время большого голода один из членов этой фамилии раздавал бедным хлеб. Герб Франджипани представляет изображение двух львов на красном поле; они стоят друг против друга, поднявшись на задние лапы и держа в передних хлеб. Сын Льва, Ченчий, был при Григории VII консулом и пользовался большим влиянием, а сын Ченчия, Иоанн, был женат на сестре Стефана Норманнского, дона Вопа. Иоанн был отцом того Ченчия, который совершил нападение на папу Геласия; выше нами были упомянуты так же и братья этого Ченчия, Лев и Роберт. Мы уже знаем так же, что их замки и дворцы находились у арки Тита, близ Палатина и Колизея.

Таким образом, фамилии Франджипани и Пьерлеоне оспаривали друг у друга патрициат и, стоя каждая во главе своей партии, первая — императорской, вторая — папской, старались подчинить своему влиянию коллегию кардиналов. С общего согласия было решено, не определяя заранее кандидатов, приступить к выборам через три дня после смерти Каликста. Но Франджипани наметили все-таки своим кандидатом Ламберта Остийского, между тем как народ желал видеть папой кардинала Сассо, епископа г. Ананьи. Оба эти кандидата принимали участие в составлении Вормского конкордата. С помощью хитрых уловок Льву Франджипане удалось привлечь к выборам всех кардиналов. Тем не менее во время выборов кто-то провозгласил папой, под именем Целестина, Теобальда Боккадипекора, и часть собрания, державшаяся нейтрально, примкнула к этому голосу. Тогда Роберт Франджипани стал настойчиво выкрикивать имя Ламберта, после чего партия Франджипани немедленно объявила Ламберта папой и водворила его в Латеране. Протесты всех остальных участников собрания оказались напрасными: из страха или великодушия Теобальд отказался от папского сана, и избрание Ламберта было признано состоявшимся. Понимая, что такое избрание не было согласно с каноническими правилами, Ламберт сложил с себя папский сан, но поступил так лишь с той целью, чтобы быть затем единогласно утвержденным в этом сани, так как кардиналы противной партии сочли благоразумным уступить. Таким образом, декретами Николая II и его преемников влияние городской знати на выборы папы не было устранено; римские короли отказались от своего древнего права, но римские консулы хитростью или силою продолжали все так же, как и прежде, вмешиваться в избрание папы.

Ламберт, возведенный в сан кардинала при Пасхалии, сопровождавший Геласия в изгнании, оказавшийся самым искусным министром Каликста II, заключил мир в Вормсе; эта великая заслуга давала ему право быть папой, и 21 декабря 1124 г. он был посвящен под именем Гонория II. Тот, кто ставил Каликста в засаду его княжеский род, находил в Гонории один только недостаток — его низкое происхождение из незначительного местечка Фаньяно близ Имолы. «Мне неизвест-

но, — сказал аббат Монте-Касино послам нового папы, — чей сын Его Святейшества, но я знаю, что он от головы до ног преисполнен учености».

Умный Гонорий сумел, однако, скоро внушить уважение к себе. За время его пятилетнего понтификата в Риме совсем не было восстаний, и этим Гонорий был обязан своему тесному союзу с Франджипани. Положение папства упрочено было так же тем обстоятельством, что Генрих V умер бездетным: с прекращением могущественного Салического дома Гогенштауфены, наследники Генриха, не были возведены на трон, и благодаря влиянию Рима избран был королем и 13 сентября коронован саксонец Лотарь. Сыновья сестры Генриха Агнесы, Конрад и Фридрих, подняли восстание; но усилia их не имели успеха. Сам Гонорий поспешил признать Лотаря римским королем. Таким образом, во взглядах на этот вопрос с течением времени успела произойти полная перемена: раньше избрание папы могло происходить не иначе, как с согласия короля; теперь, наоборот, папа считал себя вправе утверждать избрание римского и германского короля. Мы должны вообще заметить, что со времени Григория VII значение папства, как высшего нравственного авторитета, стало признаваться и в области политики.

Гонорий II отлучил Гогенштауфенов от церкви, предвидя, что они могут явиться наследниками Генриха так же и в борьбе за инвеституру. В 1128 г., когда Конрад явился в Милан как претендент на корону, отлучение от церкви было повторено. Многие ломбардские города признали Конрада королем, и 29 июня он был даже коронован в Монце архиепископом Ансельмом. Но это царствование оказалось непродолжительным и только на короткое время внесло смуту в Северную Италию. Римляне, у которых Конрад искал поддержки, отказались признать его королем и, по примеру Гонория, предложили Лотарю прибыть в Рим для коронования.

Важнее были события в Южной Италии, где произошли большие перемены. В июле 1127 г. умер в Салерно оплакиваемый всем народом сын Рожера, Вильгельм, герцог апулийский, так же, как и Генрих V, бездетный. Родственник Вильгельма, граф Рожер Сицилийский, мог считать себя его прямым наследником, и он действительно утверждал, что Вильгельм признал в нем своего преемника. Смелый юный государь, наследовавший еще ребенком в 1101 г. своему отцу Рожеру I, решил воспользоваться случаем, чтобы объединить под своей властью всю Южную Италию, так как из всех бывших здесь государств оставались самостоятельными только Капуа под властью Иордана II, и Неаполь, где правил герцог Сергий. Но когда Рожер вступил в Апулию, овладел Салерно и Амальфи и привел к присяге несколько городов, папа решил помешать основанию южноитальянской монархии. В ответ на притязания Рожера он объявил, что суверенитет над Апулией принадлежит папской власти и что земли Вильгельма должны быть возвращены Св. Престолу. Затем Гонорий поспешил в Беневент. Рожер, отлученный папой от церкви и разгневанный отказом признать за ним как за вассалом церкви права на Апулию, подверг территорию Беневента опустошению. В декабре 1127 г. Гонорий созвал епископов и баронов на собрание в Капуе и, передав ее в ленное владение Роберту II, сыну только что умершего Иордана, потребовал затем от участников собрания, чтобы они объявили войну узурпатору.

Но этот крестовый поход, объявленный Гонорием, мог показаться только смешным предприимчивому сицилийскому графу, имевшему возможность спокойно ждать, когда войско баронов рассеется само собой. История Льва IX снова повторилась: покинутый всеми и преследуемый по пятам Рожером, папа бежал в Беневент и предложил мир. Граф принудил св. отца выйти к нему из города и затем на мосту через реку Калоре (в августе 1128 г.) заключить договор, по которому Рожер получил в ленное владение Апулию и Калабрию.

Таким образом, церковь не могла помешать возникновению неаполитанской монархии. Как мы увидим дальше, это важное событие изменило политику Италии и пап; но, заключая мир с Рожером, Гонорий в данный момент удерживал за собой суверенитет над Южной Италией.

Таковы были дела, которые составляли предмет забот Гонория и вынуждали его постоянно ездить то в Рим, то в Апулию; погруженный в сношения политического характера, этот папа должен считаться не столько пастырем церкви, сколько государственным человеком. Спокойствие в Риме было обеспечено Гонорию его союзом с Франджипани, которые дали ему средства обуздать так же капитанов Кампани и именно графов Сеньи и Чеккано. Насколько светская власть была тяжелым бременем для папства, Гонорий II имел возможность убедиться не менее, чем Пасхалий. Мы не будем, однако, останавливаться на воспроизведении отталкивающих картин мелкой войны, которую Гонорий должен был неоднократно вести с владельцами замков в Лациуме. Когда наступил час смерти Гонория, он был перенесен в укрепленный монастырь Св. Григория на Clivis Scauri: в те времена папам приходилось умирать в укрепленных замках, под охраной мечей своих сторонников. Помещенный у окна Гонорий, умирая, мог видеть, как бушевал народ, считая его уже мертвым, как между партиями шла распря из-за папской тиары, которая еще держалась на его голове. Он умер в ночь с 13 на 14 февраля 1130 г. По смерти папы к избранию нового полагалось приступить лишь после погребения умершего, но волнения, которыми сопровождалось избрание папы, нередко заставляли отступать от этого правила. Чтобы дать возможность собравшейся в монастыре партии избрать своего кандидата, тело умершего Гонория, еще не остывшее, было здесь же в монастыре временно опущено в могилу и затем, когда состоялись выборы, с той же торопливой небрежностью перенесено в базилику Св. Иоанна, и таким образом как умерший, так и вновь избранный папа были водворены в Латеране в одно и то же время.

ГЛАВА III

1. Пьерлеоне. — Их еврейское происхождение. — Еврейская община в Риме в XII веке. — Петр Лев и его сын, кардинал Петр. — Схизма между Иннокентием II и Анаклетом II. — Бегство Иннокентия во Францию. — Письмо римлян к Лотарю. — Анаклет II возводит Рожера I в сан сицилийского короля

Возникновение схизмы, вызванной исключительно положением дел в самом Риме, показало, что германские императоры не всегда были виновниками церковного раскола. Богатство Пьерлеоне, их могущество и в особенности большие услуги, оказанные ими церкви, давали им полное основание надеяться, что на папский престол им удастся возвести кого-нибудь из членов своего дома. Фамилия Пьерлеоне была еврейского происхождения, и это исключительное обстоятельство заставляло нас сказать несколько слов о еврейской общине в Риме.

Эта община, еще со времен Помпея разместившаяся в Транстеверине и у обоих мостов, соединяющих остров с берегом, продолжала существовать в Риме, несмотря на все пережитые им перевороты. Эта небольшая кучка людей была терпима здесь как символический образ, свидетельствующий о ветхозаветном корне христианства. В Средние века наиболее гуманное отношение к себе евреи встречали именно в Риме. Их поколения следовали одно за другим, не смешиваясь ни с римлянами, ни с варварами. Древнеримская республика, Рим цезарей,

необозримый мраморный город, вторая франкская империя, — все это пало на глазах евреев; но они, превзойдя своей несокрушимостью бронзовые статуи, устоявшие под ударами страшной Немезиды тысячелетий и доныне, как прежде, на тех же самых улицах возле Тибра, молятся Иегове, Богу Авраама и Моисея. Число евреев, достигшее в Риме со времени испанских гонений Филиппа II и до наших дней 5000 человек, в XII веке не превышало там нескольких сотен. Раввин Веньямин Тудельский, посетивший Рим при Александре III, насчитал здесь всего лишь 200 евреев мужского пола; но он удостоверяет, что среди его единоверцев некоторые пользовались большим влиянием, занимали должности даже при папском дворе и, будучи раввинами, выдавались своим умом; таковы были Даниил, Иегизаль, Иоав, Натан, Менахем и другие евреи в Транстеврине. Выше мы видели, что еврейский цех, обычно остававшийся совсем в тени, в дни коронационных празднеств так же принимал участие в торжестве, распевал гимны, и только в одном случае мы находим указания на преследование, которому были подвергнуты евреи. Порабощенная раса боролась со своими угнетателями хитростью, талантами и силой золота, накопленного втихомолку. Лучшими врачами и самыми богатыми менялами были евреи; ютясь в жалких домах, они отдавали деньги в рост и являлись кредиторами знатных римских консулов и самих пап, когда они были в стесненных обстоятельствах.

Из этого презируемого цеха произошла фамилия сенаторов, обязанная своими успехами и могуществом ростовществу. Дед Петра Льва, игравшего такую выдающуюся роль в борьбе за инвестиру, был еще простым евреем из Транстеврина; он имел, однако, с папским двором денежные дела и выручал его из его финансовых затруднений; только позднее этот еврей принял крещение и получил имя Бенедикта Христиана. Его честолюбивому сыну, нареченному при крещении Львом в честь папы Льва IX, богатство и прирожденные способности скоро проложили блестящую дорогу. Через своих детей Льву удалось породниться с римскими нобилями, которые охотно брали богатых дочерей Израиля в жены своим сыновьям и отдавали собственных дочерей за крещеных еврейских сыновей. С фанатизмом, свойственным ренегатам, и из тонкого расчета Лев примкнул к Гильдебранду и к папам — сторонникам реформы. Затем сыну Льва, Petrus Leonis или Пьерлеоне, удалось приобрести огромное политическое влияние и стать в Риме необходимым человеком. Кроме замка у театра Марцелла (этот замок, без сомнения, был построен отцом Петра Львом), Пьерлеоне имел в своих руках находившийся по соседству остров Тибра и затем еще замок св. Ангела, отданный в его распоряжение Урбаном II. Как мы знаем, этот папа умер во дворце своего кредитора и защитника. Преемники Урбана точно так же искали покровительства могущественного Пьерлеоне. Но он не пользовался расположением ни народа, ни нобилей: народ ненавидел его, как ростовщика, нобили — как выскочку, и мы видели, что этому могущественному другу Пасхалия II не удалось добиться префектуры для своего сына. Дружеские отношения к папам, блестящие семейные связи, деньги и большая власть, которыми располагали Пьерлеоне, заставили, однако, скоро позабыть о еврейском происхождении этих случайных людей, и их фамилия через очень короткое время стала славиться как одна из самых знатных, владетельных фамилий в Риме. Уже со времени Льва Пьерлеоне члены ее носили титул «консула римлян» с такой же гордостью и тем же успехом, как и самые древние патриции. Между Пьерлеоне и Франджипани происходила борьба; последние из эгоизма и ненависти к первым были гибеллины и сторонниками императора, тогда как Пьерлеоне стояли во главе папской партии. Обе враждовавшие друг с другом фамилии имели каждая родоначальника по имени Льва и достигли могущества в одно и то же время. Позднее создалась ле-

генда, гласившая, что и Франджипани и Пьерлеоне одинаково происходили от Анидиев, а в XV веке рассказывали, будто два брата некоего Пьерлеоне Максима, так называемые графы авентинские, переселились в Германию и здесь положили основание дому Габсбургов. Даже австрийские императоры чувствовали себя польщенными, вступая в родство с Пьерлеоне, пока не выяснилось, что в таком случае им надлежит искать своих предков среди обитателей римского гетто.

Осыпанный почестями, Пьерлеоне умер 2 июня 1128 г. Надгробные памятники пап того времени погибли, а мавзолей этого еврейского Красса случайно сохранился так же хорошо, как саркофаг Цецилии Метеллы. Во дворе монастыря Св. Павла стоит большой мраморный гроб худших времен Рима, украшенный изображениями Аполлона, Марсия и муз; это и есть надгробный памятник Пьерлеоне. В надписи чисто еврейского характера, посвященной умершему, он восхваляется как человек, «равных которому не было, который обладал несметными средствами и имел много детей». Он оставил после себя многочисленное потомство, которое было так баснословно счастливо, что один из его членов занял папский престол, другой стал патрицием римлян, а одна из представительниц женской линии вышла, как утверждают, замуж за Рожера Сицилийского.

Своего сына Петра Пьерлеоне решил посвятить духовному званию. Можно ли было отказать такому кандидату в фиолетовом кардинальском одеянии? Могла ли казаться богатому сыну Пьерлеоне слишком смелой мечтой красная папская мантия? Юный Петр был послан в Париж, где он, без сомнения, слушал Абеляра и по окончании занятий посвящен в Клуни в монашеский сан, что в то время все еще являлось наилучшей рекомендацией при избрании на папский престол. Затем Пасхалий, исполняя желание отца Петра, вызвал его в Рим и назначил кардиналом — диаконом церкви Св. Космы и Дамиана. Далее, вместе с своим братом Петр сопровождал Геласия во Францию, вернулся оттуда с Каликстом и в декабре 1120 г. был назначен кардиналом церкви S. Maria в том самом Транстеверине, из которого вел свое начало его род. После того Петр был легатом во Франции, где им были созываемы соборы, и в Англии, в которой его торжественно приветствовал король Генрих; свое появление в Англии Петр обставил княжеской пышностью. Сын могущественного Пьерлеоне обладал в достаточной мере и чувством собственного достоинства, и образованием, и умом; если же, будучи нунцием, он нахвата, по словам его противников, множество сокровищ, то в этом он только следовал примеру почти всех других кардиналов-легатов. Позднее яростные противники Петра осыпали его всевозможной бранью; но, несмотря на честолюбие, корыстность и чувственность, в которых, может быть, справедливо упрекали его, ему были в действительности чужды те отвратительные черты, которые ему приписывались. Во всяком случае, не подлежит сомнению то, что кардинал Пьерлеоне был самым замечательным человеком в Риме не только по своему богатству и родственным связям, но точно так же и в силу своих выдающихся способностей.

Стронники Петра рассчитывали видеть его в папской короне; голоса его многочисленных клиентов были обеспечены его деньгами. Но в то время, как кардинал Порто Петр вел свою партию в священную коллегию, противники, руководимые канцлером Гемерихом и Иоанном, епископом гор. Кремы, и охраняемые Франджипани, внесли в избирательный лист Григория, кардинала церкви Святого Ангела. Первоначально было решено предоставить избрание восьми кардиналам, среди которых был так же и Петр. Но, как только Гонорий умер, пять кардиналов из числа выборщиков собрались тайно в церкви Св. Григория на Clivus Scapigli и, чувствуя себя здесь в безопасности в виду близости замков Франджипани, провозгласили папой 14 февраля кардинала Григория под именем Иннокентия II,

в чем и были поддержаны своей партией, состоявшей всего лишь из 16 младших кардиналов, нескольких граждан, Франджипани и Корси. Такой образ действий был совершенно незаконным: избрание Григория являлось вовсе несогласным с каноническими правилами. Поэтому противная партия несколько часов спустя поспешила в церковь Св. Марка, находившуюся по соседству с укрепленным кварталом Пьерлеони, и здесь в лице большинства кардиналов, большей части граждан и почти всех нобилей: Тебальди, Стефани, Беризо, Сант-Евстахий и дворцовых судей, — под председательством декана кардиналов и с соблюдением всех канонических правил избрала сына Пьерлеоне и провозгласила его папой под именем Анаклета II.

Претенденты, избранные в один и тот же день, оказались в положении Иакова и Исава, оспаривающих друг у друга право первородства. Кардиналу Григорию благодаря коварству его партии удалось первому получить благословение; но Анаклету присягнул почти весь Рим с его территорией. Зрелище двух пап, спешивших по очереди занимать Св. престол, как скоро он оказывался покинутым которым-нибудь из них, не представляло ничего нового. Вскоре затем начали происходить вооруженные столкновения. Водворенный в Латеране немедленно после избрания, Иннокентий II бежал в тот же день в Палладиум, замок, принадлежавший Франджипани и находившийся на Палатине. Анаклет II, поддерживаемый своими братьями, Львом, Джордано, Роджеро и Угиччионе, и многочисленными клиентами, направился к базилике Св. Петра, вломился в нее, приказал Петру, кардиналу Порто, совершить над ним посвящение, далее взял приступом Латеран, сел в находившиеся здесь папские кресла, затем проследовал в церковь S.-Maria Maggiore и овладел ее сокровищами. В городе разыгралась междоусобная война, и в то же время тысячи рук жадно тянулись к золоту, которое сыпал на своем пути блестящий метеор Анаклет. В шумных процессиях, которыми он чествовал свое вступление на престол, мы опять встречаем у легендарного дворца Кромация членов еврейской общины и во главе их раввина с огромным свитком пятикнижия. Надо думать, что сыны Израиля никогда не приветствовали пап гимнами с таким злорадным чувством, как в этот раз.

Таким образом, Анаклету удалось овладеть Римом; вместе с тем поддержка значительного числа влиятельных кардиналов и нобилей давала Анаклету так же полное право считать себя папой. Взять, однако, Палладиум приступом он не мог; но Иннокентий скоро убедился, что золото его врага проникает и за стены этого замка. Поэтому в апреле или мае Иннокентий бежал в Транстеверин и скрылся там в замке своей фамилии. Тем временем Анаклет спокойно отпраздновал Пасху в базилике Св. Петра, отлучил от церкви своего противника, низложил враждебных кардиналов и назначил на их место новых. Затем Франджипани, которые не могли устоять против золота Пьерлеони, окончательно покинули Иннокентия, после чего его положение оказалось настолько беспомощным, что ему не оставалось ничего другого, кроме бегства. Он тайно переправился через Тибр и, подобно Геласию, бежал через Пизу и Геную во Францию.

Теперь являлся вопрос, которого из претендентов признает папой христианский мир. Иннокентий так же, как и его противник, был родом из Транстеверина, но происходил из древнего дома Папарески, был кардиналом-легатом уже при Урбане II и принимал участие в заключении Вормского мира; в пользу этого претендента говорили его ученость и истинное благочестие. Перед Анаклетом он имел то преимущество, что был избран, хотя и без соблюдения канонических правил, но все-таки первым; затем его бегство в приют католических пап было причиной тому, что в нем увидели изгнанника, а в Анаклете — узурпатора; поэтому Германия, Англия и

Франция, большая часть Италии и все монашеские ордена очень скоро признали папой Иннокентия II. Помня происхождение Пьерлеоне и забывая услуги, которые были оказаны ими римской церкви, люди вдруг почувствовали к ним презрение. Между тем еврейское происхождение папы не должно было бы считаться для него позором, если бы те же люди помнили, что Петр и Павел и сам Христос были еще более евреями, чем Анаклет. Тем не менее даже благосклонное настроение Рима, которому Анаклет, без сомнения, даровал большие привилегии, могло послужить ему скорее во вред, чем в пользу. Настойчивые и отчасти лишенные достоинства письма Анаклета, которые он рассылал повсюду, чтобы добиться признания за ним папского сана, сохранились до сих пор. Уже 1 мая он написал Лотарю; король не отвечал. Не теряя, однако, надежды привлечь его на свою сторону, Анаклет отлучил от церкви его соперника Конрада; король по-прежнему не отвечал. Точно так же оставлены были королям без ответа тревожные письма кардиналов и римлян.

Римляне почтительно просили утвердить их папу; но вместе с тем они так же упрекали короля, что он не отвечает Анаклету, и объявляли, что они откажут ему в императорской короне, если он не поспешит признать Анаклета папой. «Если ты, — писали римляне, — хочешь получить в свое распоряжение знаменитые fasces римских императоров, ты должен следовать законам Рима и не нарушать мира твоих граждан; ты не вызываешь в нас настолько сочувствия, чтобы мы придавали твоему коронованию большое значение; лишь узнав о расположении, которое чувствует к тебе папа, мы обращаемся к тебе и хотим достойно почтить тебя». По отношению к германскому королю, который не имел наследственных прав Салического дома и у которого к тому же еще был соперник, римляне чувствовали себя свободными; правда, они признавали за германскими императорами их традиционное право на императорскую корону, так как предоставляли последним титул «короля римлян», но ставили это право в прямую зависимость от решения римского народа. Независимая речь римлян уже была проникнута республиканским духом, который получил могущественное развитие в ломбардских городах и начинал пробуждаться в Риме.

Встречая общее молчание на свои призывы и видя себя отвергнутым, Анаклет решил искать союзника в ближайшем соседстве. Со времени Вормского Konkordата в партиях, существовавших раньше, произошла удивительная перемена: король Германии и все его постоянные сторонники в Италии держали теперь в своих руках католико-французское знамя, между тем как норманны, некогда бывшие носителями этого знамени, покинули его, являясь естественными врагами имперской власти. Но, вступая в союз с герцогом апулийским, Анаклет оставался верен прежней политике пап. Монархии Рожера недоставало только установленного титула королевства, так как местными сеймами существование этого королевства уже было признано. Анаклет предложил Рожеру санкционировать его королевскую власть, поставив условием, чтобы тот, в свою очередь, признал его папой; по понятиям того времени, эта санкция признавалась необходимой, и потому Рожер воспользовался сделанным ему предложением. В сентябре Анаклетом был заключен с ним в Беневенте и Авеллино оборонительный и наступательный союз, а затем кардинал-легат поспешил в Палермо и на Рождество 1130 г. совершил помазание Рожера I как короля сицилийского, причем Роберт II Капуанский подал Рожеру корону. Таким образом, при содействии схизматического папы было создано королевство сицилийское. Это прекрасное государство просуществовало в течение 750 лет, пережив самые удивительные перемены в своей судьбе и окончив свое существование уже в наши дни так же необыкновенно, как оно было создано норманнскими героями.

2. Св. Бернард содействует признанию во Франции права Иннокентия II на папский престол. — Лотарь обещает Иннокентию проводить его в Рим. — Приезд в Рим папы и Лотаря. — Смелое поведение Анаклета II. — Коронование Лотаря. — Отъезд его. — Вторичное изгнание папы Иннокентия. — Собор в Пизе. — Рожер I овладевает Апулией. — Второй поход Лотаря в Италию. — Пререкания между папой и императором. — Отъезд и смерть Лотаря

Между тем Иннокентий II оставался во Франции, где его почти все признали папой. Покровителем Иннокентия явился здесь святой, приобретший всемирную славу; то был аббат клервоский Бернард. Церковь по праву могла гордиться богатством своих сил, которые она выставляла одну за другой, чтобы довершить возведение сложного иерархического здания, и Бернард, гениальный представитель церкви того времени, принадлежит к самым выдающимся ее деятелям. После того как закончился клунийский период, монашество, ставшее с возникновением рыцарских орденов Палестины политической властью, нашло в Бернарде нового реформатора. Бернард родился в 1091 г. в Фонтене, близ Дижона, и принял монашеский сан в 1113 г. в бенедиктинском монастыре Сито или Цистерциум, основанном в 1098 г. Аскетическая суровость цистерцианцев подходила к характеру этого юноши; при его содействии был учрежден затем монастырь Клерво близ Шалона на Марне, и в 1115 г. Бернард сделался его аббатом; с той поры он прославился как чудотворец, прорицатель и проповедник самой строгой монашеской жизни. Постепенно он учредил 160 монастырей своего ордена во всех европейских странах; но, обладая живым умом, он не мог обречь себя на одинокое существование в пустыне и принял самое деятельное и влиятельное участие во всех политических и церковных делах своего времени.

Расположить в пользу Иннокентия французского короля Людовика удалось именно Бернарду; германский король, которого Иннокентий посетил в Льеже в марте 1131 г., после небольшого колебания так же склонился на его сторону. Честолюбивый и одаренный талантами государь, вероятно, не так скоро согласился бы признать Иннокентия папой, так как явившись, напротив, третьей стороной между двумя папами, он мог бы создать Св. престолу такое же положение, какое некогда было создано для монархии Григорием VII. Далее, искусный государственный муж, может быть, воспользовался бы этим случаем, чтобы вернуть себе права на инвеституру, которая при Лотаре германскими епископами была урезана еще больше, чем Вормским конкордатом. Но германский король не последовал традициям враждебного ему франконского дома и, напротив того, не желая вовсе вступать в борьбу по вопросам иерархии, обещал Иннокентию идти с ним в Рим, причем папа, в свою очередь, обещал королю титул императора. На октябрьском соборе в Реймсе Англия и Испания признали Иннокентия папой, и здесь же Анаклет был торжественно отлучен от церкви. Так как Иннокентий лично не имел никаких средств, чтобы вернуться в Рим, то французская церковь, хотя и не без ропота, наделила папу деньгами, и весной 1142 г. он уехал в Ломбардию. Здесь 10 апреля на соборе в Пьяченце почти все епископы и государь признали Иннокентия папой, и только Милан отказал ему в этом признании. Но с приближением Лотаря, выступившего из Аугсбурга и в сентябре 1132 г. спустившегося к озеру Гардо, соперник Лотаря, Конрад, принужден был покинуть Ломбардию, где, как он мог убедиться, ему очень скоро изменили. Войско Лотаря, которого сопровождали саксонские епископы и князь, было невелико. Дождавшись короля в Пьяченце, Иннокентий вместе с ним в ноябре

направился по *via Aemilia* к Болонье. Затем папа проследовал в Пизу, примирил ее с Генуей и убедил обе республики дать ему свой флот для покорения Рима. На следующую весну Лотарь и Иннокентий, выступив из Витербо, направились через Горту и Фарфу к Риму, а пизанцы и генуэзцы овладели Чивита-Веккией и заняли все *Maritima*.

Уже в Витербо послы Анаклета предъявили королю требование, чтобы он предоставил решение вопроса о правильности избрания того или другого папы беспристрастному собору. Германские князья понимали, конечно, справедливость этого требования и так же те выгоды, которые обещало королю его положение как третейского судьи. Сам Лотарь должен был знать, что его предшественники из салического дома сначала призывали пап, оспаривавших друг у друга власть на собор в Сутри и уже затем отводили в Рим того из них, кого признавал папой этот собор. Но Норберт, архиепископ магдебургский, и кардиналы разрешили сомнения короля, сославшись на постановления соборов в Реймсе и Пьяченце. Мягкий по характеру Лотарь уступил их доводам и таким образом уступил случай приобрести огромную власть по отношению к церкви. Анаклету грозила немалая опасность: его единственный союзник не мог оказать ему в то время никакой помощи, так как сам находился в трудном положении вследствие удачи восстания в Апулии, где Роберт Капуанский, Райнульф Алифский и многие другие бароны взялись за оружие и примкнули к партии Иннокентия. При таких обстоятельствах гибель Анаклета, казалось, была неизбежна; его спасло, однако, отчасти то, что в Риме в его руках были почти все укрепления и, кроме того, небольшая численность королевского войска; Лотарь явился в Италию с боевой силой, настолько незначительной, что города отнеслись к нему с усмешкой, и в Рим последовало за королем всего лишь 2000 рыцарей.

В конце апреля Лотарь стал лагерем у церкви Св. Агнесы за Номентанскими воротами. Несколько римских нобилей немедленно явились к Лотарию с изъявлением своих верноподданнических чувств; то были старые приверженцы Иннокентия и некоторые сторонники Анаклета, изменившие ему; между ними были Франджипани, префект города Теобальд и Петр Латро из дома Корси. 30 апреля 1133 г. Лотарь беспрепятственно вступил в Рим; Иннокентий был водворен в Латеране, а сам король местился на Авентине, где со времени Оттона III никто из императоров уже больше не останавливался. Своему войску Лотарь приказал разбить палатки у церкви Св. Павла; в то же время пизанский флот поднялся вверх по Тибру. Но Иннокентий обманулся в своей надежде быстро разделаться со схизмой. Анаклет, видя себя устраненным без суда, отказался сдать замки; тогда курия Лотаря объявила его врагом империи. За Тибром, в замке св. Ангела, Анаклет мог совершенно пренебречь действиями своих врагов, не грозившими ему серьезной опасностью, и посмеяться под тем, что германский король против установившегося обычая вынужден был принять императорскую корону в Латеранском соборе. На этот раз торжественная процессия могла проследовать только от Авентина до Латерана; торжественный прием мог быть сделан лишь у лестницы Латеранской церкви, и обычная присяга должна была быть принесена у дверей этой базилики. Иннокентий короновал Лотаря и его жену Рихензу 4 июня 1133 г.; торжество было скромное, но состоялось в присутствии многих епископов и нобилей Италии. Новый император сделал несколько слабых попыток вернуть себе право на инвеституру; мирное соглашение его с церковью было, однако, скреплено договором об аллодиальных землях Матильды; Иннокентий отдал эти земли в пожизненное ленное владение Лотарию и его зятю Генриху Баварскому из дома Вельфов.

Таковы были скудные результаты похода в Рим. Роберт и Райнульф, явившись к Лотарю, тщетно просили его о помощи против Рожера, которого им только что удалось отбросить в Сицилию. Недостаток сил принудил императора вернуться на север, и по уходе германцев Иннокентий и Анаклет могли убедиться, что их положение в сущности осталось тем же самым, каким оно было раньше.

Затем Рожер переправился в Апулию и стал одерживать победы; тогда Анаклет получил перевес. Иннокентий бежал из Рима уже в августе и был принят в Пизе по-прежнему гостеприимно, так как этот торговый город с неудовольствием смотрел на возраставшее могущество Сицилии и так же, как Генуя, относился враждебно к норманнскому королевству.

Время шло, но положение дел оставалось по-прежнему неопределенным; Рим, управляемый знатью совершенно независимо, был в большинстве на стороне Анаклета; но собор, состоявшийся в Пизе в мае 1135 г., утвердил папой Иннокентия, а затем от Анаклета отрекся даже Милан. Это мирное приобретение было делом Бернарда, его блестящим торжеством. Прием, оказанный Бернарду в Милане, является одним из самых замечательных зрелищ того времени и свидетельствует, какое огромное влияние имели тогда на людей религиозные идеи. Святой Бернард, явившийся с дипломатической миссией, был встречен населением Милана за несколько миль от города; толпа целовала Бернарду ноги, рвала его рясу и теснила его своими приветствиями. Таким образом, Иннокентию II присягнула вся Италия до Тибра, и только Рим, Кампанья и Южная Италия держали сторону Анаклета. Надеяться на победу над антипапой, который успешно боролся в Риме с Франджипани, можно было только в том случае, если бы удалось сломить могущество Рожера. Основатель сицилийского королевства подавил восстание в Апулии с энергией варвара. Роберт Капуанский принужден был бежать в Пизу и убедил республику снарядить против Рожера флот. Недолго длившаяся война не имела решающих результатов. Правда, уже в 1130 г. пизанцам удалось овладеть Амальфи, своим давним конкурентом, и окончательно разрушить этот знаменитый торговый город; тем не менее Роберту с флотом, нагруженным добычей, пришлось опять вернуться к Иннокентию. Тогда Анаклет провозгласил короля Рожера защитником церкви, патрищем римлян и, вынужденный обстоятельствами, предоставил ему вместе с тем права, угрожавшие независимости папской власти.

Что касается Иннокентия II, то он свое спасение видел только во втором походе императора в Рим, а Лотарь был настолько уступчив, что готов был служить чужим интересам. Поэтому папские легаты и с ними вместе последний герцог капуанский поспешили в Германию призвать Лотаря против общего врага, который в это время вел энергичную осаду Неаполя. Просьба папы и апулийского государя была поддержана Бернардом; он убедил Лотаря, что его долг — освободить Южную Италию от узурпатора и вернуть ее империи.

Таким образом, притязания империи на Апулию и Калабрию то признавались церковью, когда ей это было выгодно, то отрицались ею, когда нужно было отрицать их. Было решено начать войну с целью уничтожения сицилийского королевства; бороться с этой страшной лигой, состоявшей из императора, папы, пизанцев, генуэзцев и апулийской династии Рожер еще не имел силы. Примирившись с Гогенштауфенами, Лотарь в сентябре перешел Альпы с большим войском. На этот раз некоторые ломбардские города почувствовали на себе силу его меча; другие, уstraшенные, присягнули императору. Весной 1137 г. он прошел через Мархию вдоль моря в Апулию, между тем как его зять Генрих проследовал через Флоренцию в Витербо. Обе эти армии, осаждавшие и разрушавшие города, пролагавшие себе путь огнем и мечом, походили, как все вообще походы в Рим, на

потоки лавы, которая, шумно разлившись по Италии, быстро затем остывала. Генрих Гордый, возведенный тогда в сан герцога тосканского, провел папу через Сутри в Лациум, неизменно опустошая те области, которые были на стороне Анаклета. К удивлению последнего, грозные армии, однако, миновали Рим; соперник Анаклета, возвращавшийся после 4-летнего изгнания, не мог рисковать трудностями, сопряженными с осадой Рима, и ограничился посылкой в город Бернарда в надежде на успех его проповеди; сам же он вместе с герцогом проследовал через Альбано и Лациум, изъявивший покорность, в С. Джермано и Беневент, которого достиг 23 мая. После недолгого сопротивления этот город покорился; точно так же изъявила покорность своему законному государю и Капуя; таким образом, Генрих, Иннокентий и Лотарь могли радостно протянуть друг другу руки в Бари, залитом кровью.

Тщетно Рожер предлагал мир; он был отвергнут, и Рожер уже не мог предугадать отпадения почти всех городов Апулии, так как пизанские и генуэзские суда оказывали поддержку сухопутному войску. Рожер бежал в Сицилию, и победа Лотаря в первый раз действительно подчинила имперской власти всю Южную Италию. Роберт был восстановлен в Капуе; Райнульф провозглашен герцогом апулийским; Сергей мог так же снова свободно вздохнуть в Неаполе. Тем не менее самые решительные победы германских императоров не могли давать сколько-нибудь прочных результатов, так как императоры вскоре же возвращались домой и не оставляли гарнизонов в покоренных областях; плоды таких побед обыкновенно пожинали благоразумные папы, орудием которых являлись в этих случаях императоры. Храброе германское войско неотступно требовало возвращения на родину, громко и открыто проклиная папу, виновника этой губительной войны: Лотарь оказал Иннокентию достаточно услуг и уже в Апулии и Салерно (относительно их папа заявил притязания на предоставление ему полного суверенитета) имел случай убедиться, что ему никогда не удастся заслужить здесь признательность, что папа намерен пользоваться им только как военачальником, готовым предоставить себя в его распоряжение. Окончательному разрыву между ними помешали только опасения, которые внушал Рожер; император, однако, уже в сентябре проследовал через Монте-Касино, Чепрано, Палестрину и Тиволи в Фарфу. В Рим он не вступал; но имперская партия поднесла ему знаки патрициата еще в С. Джермано, и затем ему и папе присягнул самый могущественный государь в Лациуме, Птолемей Гускуланский, после чего он как имперский князь был утвержден в своих владениях. Затем, предоставив папу его собственной судьбе, император продолжал свой путь далее на север.

Как только Лотарь удалился, Рожер, горя мщением, снова появился в Апулии и Калабрии со своими сарацинскими войсками, производившими страшные опустошения. Капуя, Беневент, Салерно, Неаполь и многие крепости сдались, охваченные паническим ужасом. Роберт Капуанский бежал, а Сергей Неаполитанский признал себя вассалом. Мужественное и геройское сопротивление в течение некоторого времени оказал один только Райнульф; но и он, несмотря на блестящую победу, одержанную им 30 октября у Раньяно, мог удержать за собой только некоторые укрепленные города. Таким образом, славный поход императора уподобился быстро миновающему урагану; купленные дорогой ценой победы не привели ни к чему, и свежие лавры, которыми благородный Лотарь был увенчан на склоне своих лет, оказались бесплодными. Почитаемый как друзьями, так и врагами за кротость, мудрость и мужество, этот император, покидая Италию, подобно многим другим своим германским предшественникам, уже нес в себе зародыш своей смерти: он умер 3 декабря 1137 г. в Тироле в альпийской хижине.

3. Возвращение Иннокентия II в Рим. — Смерть Анаклета II. — Виктор IV, антипапа. — Рим признает Иннокентия II папой. — Цистерцианский монастырь ad aquas Salvias. — Латеранский собор 1139 г. — Война Иннокентия II с Рожером I. — Иннокентий, взятый в плен, признает сицилийское королевство. — Мирная деятельность папы в Риме. — Война римлян с Тиволи. — Иннокентий берет Тиволи под свою защиту. — Восстание римлян; учреждение сената на Капитолии; смерть Иннокентия II

Иннокентий убедился, что Бернарду действительно удалось расположить Рим в его пользу, и хотя Анаклет по-прежнему держал базилику Св. Петра и замок св. Ангела в своих руках, но его партия распалась. Только один Рожер не хотел признавать Иннокентия II. Этот умный государь занял то положение, которое отклонил от себя Лотарь: чтобы извлечь возможную выгоду из схизмы, Рожер продолжал поддерживать ее и объявил себя судьей между папами. Он терпеливо выслушивал в Салерно увещания Бернарда и, предоставив кардиналам обеих партий целыми днями вести между собою горячие диспуты, сам не спешил со своим решением. Тем временем смерть Анаклета вывела Иннокентия из затруднения. Сын Пьерлеоне умер 25 января 1138 г. после того, как в течение 8 лет мужественно занимал престол Петра и выдержал два похода на Рим, из которых последний оказался одним из самых блестящих триумфов германских императоров. Смерть Анаклета вызвала ликования среди сторонников Бернарда; но беспристрастными свидетелями не удостоверено, чтобы этот неканонический папа, первоначально имевший право на Св. престол, за время своего правления, преисполненного тревог и бедствий, был действительно виновен в прегрешениях, которыми опозорили себя многие законные папы.

Партия Анаклета поспешила тогда уговорить Рожера согласиться на избрание нового папы и, получив это согласие, провозгласила в марте папой под именем Виктора IV кардинала Григория. Действительного основания для схизмы в то время, однако, уже не существовало, и римляне воспользовались ею только как средством добиться более благоприятных условий мира; кардинала же Григория, как раскаявшегося грешника, св. Бернард вскоре привел к ногам покровительствуемого им папы. Получив крупную денежную сумму, братья Анаклета вместе с прочими римлянами уже в Троицын день присягнули Иннокентию как папе и своему государю.

С домом Пьерлеони был заключен прочный мир: они сохранили свою власть при папском дворе, и Иннокентий даже отличил их почестями и пожалованием должностей. Теперь Бернард мог спокойно покинуть Рим; прекращение схизмы, получившей по имени Пьерлеоне прозвание *rabies leonina*, восстановление единства церкви было достигнуто прежде всего стараниями этого святого, и его почитатели называли его, как Цидерона, отцом отечества. Памятником Бернарда в Риме может считаться знаменитый в древности и некогда очень богатый монастырь ad Aquas Salvias, расположенный позади базилики Св. Павла. Долгое время этот монастырь оставался разрушенным, но Иннокентий II возобновил его и в 1140 г. пригласил в него цистерцианцев из Клерво, поставив во главе их аббата Бернарда Пизанского, ученика великого мистика. Немного позднее цистерцианцы поселились так же в латинской Кампании и заняли здесь монастырь Казамари.

О прекращении схизмы было торжественно возведено на Латеранском соборе в Великий пост 1139 г.; декреты Анаклета были отменены, Рожер снова отлучен от церкви, и затем осуждено учение Арнольда Брешианского, которому предстояло вскоре выступить в самом Риме. Но церковный мир, не будучи еще утвержден могущественным королем Сицилии, не мог считаться установленным окончательно.

Никакой другой противник не внушал Иннокентию столько опасений, как этот хитрый государь, упорство которого делало бесполезными все переговоры. Добиваясь от папы признания своих королевских прав над Сицилией, Рожер не переставал грозить Риму; вместе с тем не было так же никакой надежды и на то, что возникшее восстание приведет к уничтожению этого нового королевства, так как герцог Райнульф, один из самых выдающихся людей того времени и единственный соперник короля, равный ему по рождению, неожиданно умер в Трое 30 апреля 1139 г. Поэтому, когда Рожер вскоре затем напал на города, принадлежавшие Райнульфу, и все они, не исключая Трои и Бари, сдались Рожеру, Иннокентий решил выступить против него войной. Собрал войско, в состав которого вошли так же многие знатные римляне, и сопровождаемый Робертом Капуанским, Иннокентий направился к С. Джермано, чтобы начать еще менее обдуманно, чем Лев IX и Гонорий II, неравную борьбу. Повторение одного и того же исхода в таких обстоятельствах является замечательной чертой в истории пап, получавших справедливое возмездие за свои предприятия светского характера. Находясь в С. Джермано, папа вступил в переговоры с Рожером, который отказывался восстановить капуанского государя на его престоле. Между тем король, как некогда Генрих V, решил одним разом покончить со всеми долгими переговорами. В то время как папские войска осаждали Галуццо, он приказал своему сыну Рожеру взять 1000 всадников, устроить засаду и захватить Иннокентия; этот план был выполнен скоро и успешно. Сначала разыгралась дикая сцена грабежа, бегство противника и взятие его в плен, а затем в палатку Рожера были приведены папа, его канцлер Геймерих, много римских нобилей и кардиналы; удалось избежать плена одному только Роберту Капуанскому, которого спас быстрый бег его коня. Исполненные притворного норманнского смирения, король и его сыновья пали к ногам своего пленника и, смеясь в душе, умоляли его о милосердии и мире. После недолгого колебания между чувствами стыда и возмущения, с одной стороны, и сознанием явной опасности — с другой папа снял с Рожера отлучение от церкви и затем 25 июля 1139 г. в Миньяно признал «светлейшего и знаменитого короля» с его наследниками государем королевства Сицилии и всех завоеванных им земель за исключением Беневента. Таким образом, все старания Лотаря, стремившегося уничтожить это королевство, были признаны самим папой бессмысленными. Учреждение сицилийского королевства было единственным актом Анаклета, получившим утверждение Иннокентия. Тщетно протестовал последний законный герцог капуанский; его прекрасное государство досталось сыну Рожера Анфузу. Апулия была отдана наследнику престола Рожеру; когда же затем сдалось так же и древневизантийское государство, герцогство неаполитанское, то под властью смелого государя, которого не смущало никакое преступление, впервые со времени готов оказались соединенными воедино лучшие провинции Италии. Возникновение этого королевства возбудило общее внимание; искусство и могущество, которые сказались в уничтожении государств, бывших некогда самостоятельными, давали основание заподозрить узурпатора в дальнейших замыслах. Иностранные государи, приветствуя победоносного разбойника, выражали пожелание, чтобы счастливая участь быть присоединенной к сицилийскому королевству постигла так же и «злополучную Тоскану». Но вся остальная Италия вовсе не разделяла таких надежд. Если существование римского церковного государства могло быть когда-либо благотворным для Италии и ее свободных городов, то это было именно в то время, так как государство это являлось оплотом, преграждавшим дальнейшее распространение завоевательных стремлений норманнских королей. Италия представляла, однако, своеобразное зрелище полного политического противоречия: в то время как юг с исчезновением древних приморских республик Амальфи, Гав-

ты, Неаполя, Салерно и Сорренто подпал навсегда под тираническую власть феодального монарха, городские республики севера, после того как союз их с империей, к счастью, прекратился, находились в полном расцвете; этими республиками была создана новая культура, снова покрывшая Италию бессмертной славой.

29 сентября Иннокентий прибыл из Беневента в Рим и здесь, как некогда Лев IX, был встречен с почестями, но вместе с тем и с порицанием. Было заявлено даже требование признать недействительным договор, вынужденный у папы Рожером. Находчивый папа, однако, утешил себя мыслью, что такова была воля Господня, чтобы он, папа, добыл церкви мир ценой собственного унижения. С другой стороны, это смирение сопровождалось некоторым выигрышем, так как отныне Сицилия считалась леном, принадлежащим уже не императору, а папе, который в своем мирном договоре с узурпатором считал излишним считаться с имперскими правами.

Имея теперь поддержку в Рожере, Иннокентий уже мог уделить внимание городским делам. Он позаботился упорядочить в городе имущественные права, обеспечить правильное судопроизводство, блюсти мир и спокойствие — словом, явился благожелательным правителем в Риме, где за время схизмы отвыкли признавать светскую власть папы. Но появлявшиеся кое-где восхваления благополучия Рима за то время были в действительности только льстивыми фразами и скоро сменились событиями совершенно иного характера, положившими с поразительной неожиданностью начало новой эпохе в истории Рима. Поводом к этим событиям послужила междоусобная война.

Маленький Тиволи раздражал римлян проявлениями своей независимости; епископу тиволийскому давно удалось освободиться от юрисдикции графов, и так же, как в Беневенте, в бывшем графстве на обязанности ректора лежало только охранение суверенных прав папы. Тиволийцы имели довольно независимое муниципальное устройство и даже вели войну с своими соседями, а именно с аббатом Субиако, причем вряд ли всегда подчинялись в этом отношении авторитету своего епископа. Во время борьбы за инвеституру Тиволи, как мы видели, был на стороне антипап; Пасхалию II стоило большого труда покорить этот город, а Иннокентий II отнял его у Анаклета, вероятно, благодаря помощи Лотаря; однако город вскоре снова освободился. В 1140 г., когда сыновья Рожера вступили в Абрुццу и овладели пограничными городами на р. Лирисе, тиволийцы, опасаясь нападений, укрепили свой город. Между тем сыновья Рожера не перешли пограничной реки и Иннокентий оставался спокоен. Тем не менее уже в 1139 г. Тиволи был в ссоре с папой и вскоре затем окончательно восстал против него и начал войну с Римом. Причины раздора остаются неизвестными; возможно, что папа желал поместить в Тиволи римский гарнизон; но помимо того не подлежит сомнению, что папа вообще стремился к подавлению гражданской свободы как в Риме, так и в других городах церковной области.

По примеру городов Ломбардии и Тосканы население римской территории так же вело междоусобные войны; но возвращение к той борьбе с незначительными латинскими поселениями, которую мировой город вел в период своего младенчества, во времена Кориолана и Дециев, не делало большей чести этому городу; тем более было для него позорно потерпеть поражение от тиволийцев. Положение Тиволи у реки Анио в том месте, где она низвергается в равнину, благоприятствовало осажденным, и смелой вылазкой на римский лагерь они обратили в бегство знатных консулов, посылавших императору такие гордые письма. Римская милиция была преследуема гражданами Тиволи до самых стен Рима. Горя желанием отомстить за свое поражение, римляне на следующий год под предводительством префекта Теобальда снова осадили Тиволи, причем сам Иннокентий старался разжечь их вражду к мятежному городу. Совершенно отрезанные от сообщений тиволийцы сдались на-

конец после приступа, но не римлянам, а папе, как некогда сдались они Сильвестру II. Затем повторилось в общих чертах почти все то же, что произошло при Оттоне III. Акт мирного договора, заключенного гражданами Тиволи с папой, сохранился до настоящего времени. В этом договоре они клянутся хранить верность св. Петру и выбранным по каноническим правилам папам; всегда оберегать жизнь, неприкосновенность и независимость папы; извещать о злых замыслах против него; сохранять в тайне сообщения его послов; содействовать укреплению за ним папской власти в Риме, в г. Тиволи и его доменах: крепости у *rons Lucanus*, замков *Vicovato*, *S.-Paolo*, *Boveranum*, *Cantalupus*, *Burdellum* и *Cicilianum*, а равно и всех других *regalium* св. Петра и наконец признать папскую власть над графством Тиволи.

Когда римляне узнали об этом договоре, они пришли в совершенное негодование: город был завоеван ими, и они надеялись управлять им сами; между тем оказалось, что папа отнял у них город и присвоил себе графскую власть. Желая отомстить за свои обманутые надежды, римляне решили разрушить Тиволи и потребовали у Иннокентия, чтобы он согласился на их решение; но папа отказал им в этом. Подобное же требование было предъявлено римлянами за 143 года перед тем Сильвестру II; он ответил так же отказом, и тогда произошло восстание, лишившее императора и папу их власти. Отказ Иннокентия II вызвал еще более бурное восстание, которое привело к утрате папами их светской власти. Нигде на протяжении истории Рима не приходится так сожалеть о полном отсутствии необходимых сведений, как по отношению именно к этому времени, когда произошел такой замечательный переворот. Ни один из римских летописцев не освещает его; некоторые историки лишь бегло отмечают, что разгневанные римляне поспешно направились на Капитолий, восстановили давно переставший существовать сенат и затем вновь начали войну против Тиволи. Далее эти же историки сообщают, что папа, приведенный в ужас возможностью лишиться светской власти навсегда, угрозами, мольбами и золотом старался прекратить это возмущение, но в разгаре его был постигнут смертью.

Половину своего понтификата Иннокентий II провел частью в изгнании, частью как военачальник в военных экспедициях; умирая, он видел, что земной власти св. Петра более не существует, и скипетр Рима выпал из его охладевшей руки. Подавленный волнениями и горем, он умер 24 сентября 1143 г., когда древний Капитолий оглашался ликующими возгласами республиканцев. Со смертью Иннокентия закончился григорианский период в истории Рима и начался новый замечательный период, значение которого изложено нами в следующей главе.

ГЛАВА IV

1. Внутреннее состояние Рима. — Класс горожан. — Корпорация милиционеров. — Городская знать. — Патрицианская знать. — Провинциальная знать. — Ослабление могущества римских ландграфов. — Олигархия *consules Romanorum*. — Усиление класса горожан. — Учреждение городской общины. — Высшая феодальная знать остается верной папе

Возникновение сената явилось последствием отчасти независимости ломбардских городов, тогда уже вполне ими достигнутой, отчасти особых условий, которые существовали в Риме. Ломбардские города стали добиваться автономии с XI века под покровом церкви, которая первоначально держала их в опеке. Уже Оттоны и после них еще более императоры Салического дома мало-помалу облакали епископов графскою властью и в то же время жаловали городам привилегии; позднее горо-

да лишили епископов их юрисдикции и превратились в общины с собственным магистратом. Граждане городов, обнесенных крепкими стенами, воспользовались борьбой церкви с государством, ослабившей как епископства, так и имперскую власть и наряду с этими двумя пошатнувшимися силами выступили третьей юной силой. С началом XII века большинство общин в Ломбардии, Тусции, Романьи и Мархии управлялось консулами, которые избирались ежегодно и были облечены юрисдикцией прежних графов; в их же распоряжении находилась большая часть общественных доходов.

Свободные республики возбуждали зависть римлян своим существованием. В то время как многие другие города уже освободились из-под верховной власти епископов, Рим все еще оставался подчиненным ей. Следовало и ему точно так же освободиться от нее. Но епископ, которому принадлежала власть в Риме, был папой. Его верховная власть над страной, в отличие от власти епископов, была основана не на привилегиях иммунитета, пожалованного в недалеком прошлом, а по меньшей мере на франкских установлениях. Междоусобные войны, схизма, продолжительное изгнание ослабили папскую власть так же, как императорскую; тем не менее, несмотря на наступавшее временами бессилие римского епископа как светского правителя, он всегда мог выдвинуть в защиту своего *dominium temporale* могущественные средства: священный папский сан, римские походы императоров, норманнов и денежные сборы с христиан. Таким образом, той автономии, которая существовала в ломбардских городах, Рим не имел, хотя он и начал борьбу за независимость раньше этих городов, еще при Альберике и Кресцентиях.

Нами были так же отмечены те внутренние условия, которые препятствовали достижению в Риме автономии. Милан, Пиза, Флоренция и Генуя достигли независимости и богатства благодаря патриотизму знати и энергии многочисленного класса горожан, которым удалось внушить знати, что принимать участие в городском совете наравне с гражданами есть дело ее чести. В Риме вне духовенства существовало только два класса людей: знать и народ; первая, пользуясь почетом и властью, делила их с духовенством; второй, за отсутствием в Риме всяких производительных сил, был лишен возможности принимать какое-либо участие в политической жизни. В противоположность другим городам в Риме XII века между свободными гражданами не существовало никаких союзов взаимопомощи. Из документов того времени мы видим, что знать заключала фрахтовые и торговые договоры, но римское купечество еще ничем заметным не проявило себя; во всех актах упоминаются только лавочники и менялы, причем они величаются обычным титулом «*magister*». Цехи (*scholae*) продолжали, конечно, существовать в их древней форме, но находились в зависимости от своих знатных покровителей.

Единственным политическим союзом взаимопомощи между римскими гражданами была милиция с ее корпорациями, устроенными наподобие цехов, и их начальниками. Все способные носить оружие горожане, владевшие собственностью и пользовавшиеся всеми правами римских граждан, были разделены по числу округов; из них 12 приходилось на город, Транстеврин же по-прежнему назывался 14-м округом. Мы можем лишь предполагать, что только эти корпорации имели право голоса в общественных делах, что они принимали участие в выборе префекта, подтверждали своими возгласами избрание папы и время от времени в качестве римского народа приглашались знатью и даже папой на Капитолий, чтобы присоединиться к принятым решениям. В небогатом городе гражданин мог приобрести значение не своим имуществом, а только оружием, и в то воинственное время римская милиция так же представляла собою силу. Опираясь на такие корпорации (*bandus*), класс горожан добился политических прав и получил возможность оказывать противодействие феодала-

льному строю знати. Из этого класса, кроме того, уже выделились фамилии, которые могли поспорить со знатью и древностью своего рода, и своим богатством. Члены этих фамилий образовали высший класс горожан, мало-помалу перешли в аристократию и явились родоначальниками новых поколений сенаторов. Римская знать в противоположность тому, что было в Венеции, никогда не была строго замкнутым сословием; поэтому провести границу между фамилиями знатных горожан и патрициев не всегда возможно. Древние фамилии исчезали, и на смену им являлись новые, члены которых, подобно Пьерлеоне, быстро занимали места в ряду капитанов и владетельных князей. То же самое происходит в Риме в наше время: владение леном, как прежде, так и теперь, дает возможность владельцу его стать герцогом и бароном.

Таким образом, в Риме существовало много фамилий, из которых одни принадлежали к древней аристократии, другие — к позднейшей; каждая аристократическая фамилия с ее клиентами представляла нечто вроде клана. Эти патриции уже не показывали посещавшему их гостю восковые маски своих знатных предков, собранные в одной из комнат, но заявляли все-таки притязания на происхождение свое от Анициев и Максимов, от Юлия Цезаря и Октавиана. Некоторые из них действительно могли быть жалким потомством старинных римских фамилий, подобно тем мраморным обломкам разрушенных древних дворцов, из которых были сложены башни консулов-варваров того времени. Наиболее известными в XII веке патрицианскими фамилиями в Риме были следующие: Тускулани, Колонна, Кресцентии, Франджипани, Пьерлеоне, Норманни, Сасси, Латрони, Корси, Максими, Сант-Евстахии и их ветви, Франки и Сарацени; Астальди, Сенебальди, Дуранти, Скотти, Урсини; затем дома, уже давно выделившиеся из класса горожан: Буккапекора, Куртабрака, Бульгамини, Бобони, Берарди, Бонфилиоли, Бонески, Бериджони; в Трансверине: Папа, Папацурри, Мути, Барунци, Романи, Тебальди, Стефани, Тиниози, Франкулини, Браццутти и другие. Уже по приведенным именам можно заключить, что многие из этих фамилий вели свое происхождение от лангобардов, франков и саксов, пришедших в Рим с императорами. Время и обычное право постепенно сгладили различия в их происхождении; но первоначально римская имперская партия опиралась на ту знать, происхождение которой было германское, тогда как национальная, впоследствии республиканская партия, некогда предводительствуемая Кресцентиями, состояла из лиц, считавших себя кровными римлянами. Прежний титул герцога (*dux*) уже более не употреблялся; но знать все так же называла себя «консулами», и в XII веке этому древнему титулу было присвоено даже особое значение. С именем консула тогда было связано, главным образом, представление о лице, облеченном судебной властью и принадлежащем к составу городского управления; в этом случае, однако, не было ни малейшего подражания ломбардским консулам, так как титул *consul* с добавлением *Romanorum* употреблялся в Риме во все времена и существовал раньше, чем он был введен в итальянских городах. Знать называла консулами своих наиболее могущественных сочленов, стоявших во главе аристократической республики. Титул «*capitaneus*», обычный в Северной Италии, существовал так же и в Риме, и здесь его получали те лица из знати, которым папа жаловал земли в ленное владение. Этими капитанами были наиболее могущественные провинциальные магнаты, графы и виконты Кампаньи, которые, присягая папе, как вассалы, принимали на себя обязательство служить ему на войне. Но затем городские знатные люди стали так же причисляться к капитанам, когда папа жаловал им укрепленные замки. Далее папам удалось устроить от городских дел некогда столь влиятельную провинциальную знать; графы Непи и Галерия, Кресцентии в Сабине, графы Кампаньи из рода *Amatus* и даже тускуланские патриции к тому времени уже утратили свое могущество или были то-

лько изгнанниками в своих провинциальных городах; напротив, позднейшие фамилии консулов, как Франджипани и Пьерлеоне, возникшие во время междоусобной войны, пользовались тогда большой властью.

Наряду с капитанами существовали наконец еще мелкие феодалы (*milites*), которые были вассалами крупных феодалов или церквей. В Риме и особенно в Кампании, где большая часть поместий находилась во владении церквей, эти *milites* составляли класс знатных рыцарей, аналогичных вальвассорам в Ломбардии и Романье.

Итак, знатные люди, образовав, подобно древнеримским патрициям, родовую аристократию, держали в Риме бразды правления в своих руках уже в XI веке и в особенности со времени борьбы за инвеституру. Корнелии и Клавдии не могли бы не прийти в изумление при виде этих людей, которые обратили триумфальные арки и портки в укрепления, служившие им помещением, называли себя консулами римлян и под видом сената собирались на развалинах Капитолия. Такие собрания знати происходили здесь раньше, чем был учрежден народом новый сенат, когда избранные из среды знати *consules Romanorum* являлись главарями олигархии, которая правила городом шумно и беспорядочно, не опираясь ни на какой положительный закон. Эта единодержавная власть знати была наконец свергнута народом, и в этом заключается смысл революции 1143 г. Между тем как в Ломбардии институт консулов возник в связи с общиной и в зависимости от нее, в Риме эта община, тогда только что возникшая, низвергла консульское правление знати и поставила на его место общинный совет, дав ему римское название сената (*Sacer Senatus*).

Переворот исходил, впрочем, от самой знати, когда она отвернулась от папы из-за Тиволи; городской класс только присоединился к восстанию. Как бы ни казалось это восстание неожиданным, оно тем не менее готовилось давно. Отряды милиционеров, возникшие за время борьбы в XI веке, уже представляли собой политические корпорации, добивались участия в управлении и стремились к установлению демократической республики. Тирания партий сделала господство феодалов, поддерживавших папство, невыносимым для народа. Среди знати существовала партия, которая признавала папу местным сюзереном и даже тем истинным главой Рима, которому принадлежало право пожалования имперской властью. Эту партию составляли папские вассалы-аристократы; они были опорой политического положения пап в Риме и придавали светский блеск папскому двору. Наделяя этих вассалов землями и правом взимать пошлыны, назначая их фохтами, придворными, судьями и консулами в Риме и в провинции, папы тем не менее не поступали своими интересами и поддерживали в вассалах рознь, возбуждая в них взаимную зависть. Опасаясь пробудить в классе горожан общинный дух, папы не искали в них поддержки и охотно мирились с неверностью «консулов», так как, конечно, с пробуждением этого духа пап ждала та же участь, какая постигла всех других епископов, от которых гражданская власть перешла к общинам.

С течением времени уже достаточно было одной искры, чтобы вызвать взрыв этой гражданской революции, связанной, может быть, тайными, но неизвестными нам нитями с положением дел в Северной Италии. В 1143 г. в Риме была сделана попытка объединения некоторых классов, которое в Милане, Пизе, Генуе и других городах тогда уже было достигнуто. Менее знатные люди, движимые завистью к «консулам», соединились с классом горожан, и новая община, овладев Капитолием, провозгласила себя настоящим сенатом, объявила войну наиболее могущественным лицам из знати и изгнала тех из них, которые не пожелали примкнуть к этой общине. Тогда капитаны и в их числе так же те, которые принадлежали к имперской партии, немедленно встали под знамя папы, и таким образом Рим разделился на два враждебных лагеря: одна сторона боролась за старый государственный порядок, за

власть аристократии в лице консулов, другая — за новый порядок, за власть народной общины в лице сената на Капитолии.

Возникновение класса независимых граждан было настолько важным событием, что оно может быть отмечено как начало новой эпохи в существовании Рима, и историку, спокойно созерцающему ход событий, то, что происходило тогда на развалинах Капитолия, уже ставшего к тому времени легендарным, не могло не казаться изумительным. Бурно водворившись на этих развалинах, дикий и невежественный народ провозгласил своих вождей сенаторами. Эти новые люди не знали ничего о речах Цицерона, Гортензия, Катона и Юлия Цезаря; но так же, как плебеи древних времен, люди эти вступили в борьбу с семьями надменных патрициев, происхождение которых было частью вполне варварское, частью смешанное, лишили римского первосвященника его светской короны, потребовали у германского императора, чтоб он признал свои полномочия полученными от римского народа, и продолжали утверждать, что Золотой Рим, в котором от древних храмов оставались одни только развалины, все так же, как и прежде, есть властитель всего земного мира.

2. Капитолий в смутное время Средних веков. — Его постепенное политическое возрождение. — Его развалины. — Где находился храм Юпитера? — S.-Maria in Aracoeli. — Легенда о видении Октавиана. — Palatium Octaviani. — Первый дворец сената на Капитолии в Средние века

Мы находим, что будет вполне интересно уделить внимание трагическим развалинам Капитолия и дать беглый обзор всего того, что случилось в смутное время Средних веков с этим достойным почитания средоточием древней Римской империи. В течение, однако, более чем 500 лет непроницаемый мрак ночи окутывает эту местность, наиболее величественную из всех известных в истории. Со времени Кассиодора никто из писателей не говорит о Капитолии. Беглое упоминание о нем встречается только у Анонима Эйнзидельнского; в преданиях и легендах мы так же находим только спутанные указания. Затем мы узнаем, что в X веке среди развалин неизвестных храмов уже был монастырь Девы Марии in Capitolio. Из всего множества зданий, которые существовали на Капитолии, ни одно не было обращено в городское укрепление; древняя крепость (агх) на Тарпейской скале никогда не упоминается наряду с Septizonium и замком Св. Ангела как укрепленное место в городе. Просторных дорог с большим движением по ним в Капитолии уже более не существовало, ибо этот округ и в особенности древний Форум были совершенно покинуты; население размещалось все книзу, ближе к Марсову полю и по соседству с Тибром, важным так же в стратегическом отношении. Лишь благодаря сохранившемуся преданию о том, чем некогда был Капитолий, он снова приобрел историческое значение и еще раз сосредоточил в себе политическую деятельность города, когда пробудился дух гражданской независимости. В XI веке Капитолий уже был центром всех чисто городских дел. Во времена Оттона III и знатных патрициев святыня Римской империи воскресла в воспоминаниях римлян; оживленные собрания знати и народа происходили на развалинах Капитолия, заступивших таким образом место *Triā Fata*. Затем во времена Бенцо, Григория VII и Геласия II римляне призывались все в тот же Капитолий, когда предстояли бурные выборы префектов, когда необходимо было получить согласие народа на избрание Каликста II или требовалось призвать римлян к оружию. Возможно, что свое помещение префект города имел так же на Капитолии, так как префект, назначенный Генрихом IV и уда-

авший Виктора III из Рима, жил именно здесь. Далее, судебное разбирательство производилось тоже во дворце, находившемся на Капитолии, почему и судебные акты помечались такой формулой: *actum civitate Romana apud Capitolium*.

Самое живое воображение не в силах воспроизвести все мрачное величие развалин Капитолия. Сидя на опрокинутых колоннах храма Юпитера или под сводами государственного архива, среди разбитых статуй и досок с надписями, капитолийский монах, хищный консул, невежественный сенатор могли при виде этих развалин чувствовать изумление и погружаться в размышления об изменчивости судьбы. Картина видимого повсюду разрушения должна была напомнить зрителю стих Виргилия о Капитолии:

Теперь золотой, а некогда покрытый дикой колючей зарослью.

Но этот стих уже следовало заменить другим, противоположным, так как Капитолий снова принял свой первоначальный вид:

Некогда золотой, а теперь покрытый развалинами и дикой зарослью.

Большинство римлян того времени, однако, знали о Виргилии только то, что он обладал волшебным даром, бежал из Рима в Неаполь и оставил обоим городам произведения своего магического искусства. Сенаторы, приходившие на развалины Капитолия в высоких митрах и парчовых мантиях, имели разве только смутное представление о том, что некогда именно здесь объявлялись государственными людьми законы, произносились ораторами речи, торжественно праздновались победы над народами и решались судьбы мира. Нет насмешки ужаснее той, которую пережил Рим, когда его Капитолий был отдан в собственность монахов, которые, поселившись на нем, принялись разводить капусту и с пением молитв и псалмов стали бичевать себя розгами. Капитолийский холм был пожалован Анаклетом II аббату S.-Maria in Aracoeli; булла папы освещает до некоторой степени этот лабиринт пещер, келий, дворов и садов, домов и лачуг, разрушенных стен, каменных глыб и колонн.

Древний *Clivus* по-прежнему служил дорогой вверх на Капитолий; но и со стороны Марсова поля были так же дороги к церкви S.-Maria in Aracoeli и на площадь Капитолия. Пострадав еще более во время осад при Генрихе IV, Гюискаре и Пасхалии II, развалины Капитолия оставались в полном запустении. Так же, как на Палатине, местность все более зарастала здесь садами, и среди мраморных глыб паслись стада коз; поэтому часть Капитолия получила тривиальное название «Козлиной горы» (*monte Caprino*), подобно тому, как форум стал называться «выгоном» (*campo Vaccino*). На площади были, однако, поставлены балаганы для товаров, и римляне уже давно устраивали здесь свои базары. Кроме монахов церкви S.-Marii Aracoeli, священников церкви Св. Сергия и Св. Вакха и затем обитателей замка Корси, здесь жило очень немного народа; тем не менее древние дороги, опоясывавшие холм, еще сохранились, а именно: *clivus Argentarius* (*Salita di Marforio*), *vicus Jugarius*, далее *Salparraga* и *forum Olitorium*, нынешняя *piazza Montanara*; затем всю гору мраморных обломков окружали церкви и часовни, воздвигнутые на развалинах.

В настоящее время не существует никаких следов тех храмов и портиков, которые находились на вершине Капитолия; на *Clivus* уцелело только несколько развалин храмов Сатурна и Веспасиана, фундамент *Concordiae*, своды архива, вполне сохранившиеся, комнаты *Schola Xantha*, остатки ораторской трибуны и верстового столба и наконец арка Септимия Севера, устоявшая против разрушительного действия времени. В XII веке все эти и другие памятники еще производили впечатление покинутого

акрополя, на развалинах которого, величественно возвышаясь над Римом, стоял лес полуразрушенных колонн. В описании Капитолия, которое дают *Mirabilia*, мы видим его как бы при свете угасающей зари; других же сведений, принадлежащих тому времени, мы не имеем. Мы приводим это интересное описание:

О КАПИТОЛИИ В РИМЕ

Капитолий называется так потому, что был главой (*caput*) всего мира и в нем жили консулы и сенаторы, которые управляли городом и миром. С лицевой стороны укрепления были высокие и крепкие стены, покрытые стеклом, золотом и искусной мозаикой. Внутри укрепления был дворец, отделанный золотом и разукрашенный драгоценными камнями; он один стоил третьей части всего мира; тут стояли статуи, число которых соответствовало числу провинций; у каждой статуй на шею висел колокольчик. Устройство этих статуй было особенное: как только в какой-либо провинции Римской империи происходило возмущение, соответствующая этой провинции статуя поворачивалась в ее сторону и звонила своим колокольчиком; следившие за статуями прорицатели сообщали об этом сенату. Здесь было много так же храмов; на вершине укрепления находился храм Юпитера и Монеты, возвышавшийся над *porticus Stiponium*; со стороны форума был храм Весты и Цезаря; здесь стояло кресло языческого жреца, на которое в шестой день марта сенаторы возвели Юлия Цезаря. На другой стороне Капитолия, над Саппарага, возле форума Геркулеса находился храм Юноны. В *Tarpeum* был храм Убежища, где Юлий Цезарь был убит сенаторами. Там, где теперь стоит церковь *S.-Maria*, были два храма; они соединялись с дворцом и были посвящены, один — Фебу, другой — Карменте; здесь было видение на небе императору Октавиану. Возле *Camelaria* стоял храм Януса, хранителя Капитолия. Капитолий назывался золотым потому, что превосходил все царства мира мудростью и красотой».

Что касается буллы Анаклета, то она, как документ, ни с чем не связанный, не столько удовлетворяет наши запросы, сколько дразнит наше воображение. Самый спорный из всех вопросов, относящихся к топографии Рима, вопрос о том, где находился храм Юпитера Капитолийского, до сих пор остается нерешенным археологическими изысканиями. С той поры, как вандалы разрушили эту святыню и увезли крышу храма, он был обречен на полное забвение. Об этом храме *Mirabilia* упоминают впервые тогда, когда о Капитолии уже успела сложиться поэтическая легенда, проникнутая глубокой мыслью. Тот факт, что главный храм в Риме, средоточие культа языческих богов, не был превращен в христианскую базилику с самого же начала и раньше, чем Пантеон, будет всегда казаться странным, хотя бы в объяснение этого факта и приводилось отвращение христиан к этому центру языческого поклонения, а так же и то, что храм составлял собственность византийских императоров.

Мы, однако, имеем возможность, — правда, лишь весьма недавно, — установить место погибшего храма. В *Graphia* сказано: «на вершине скалы, над *porticus Stiponium*, находился храм Юпитера и Монеты; здесь, на золотом троне, помещалась золотая статуя Юпитера». Таким образом, и в настоящее время возможно определить место вышеназванного портика как прилегавшего к древнему *forum Olistonium*. И другие средневековые наименования местностей служили уже раньше некоторым указанием на то, что храм Юпитера должен был стоять на западной вершине (*Caffarelli*); такое положение Тарпейской скалы и храма считалось вероятным уже в XV веке благодаря существованию двух церквей. Подобно тому, как с именем церкви *Sv. Екатерины sub Tarpeio* было связано воспоминание о *Saxum Tarpeium*, так над церковью *S.-Salvatore in Maximis* искали храм *Jupiter Maximus*. На-

конец раскопки, начатые в саду Caffarelli с 1865 г., удостоверили, что храм Юпитера действительно стоял на предполагавшемся месте.

Таким образом мнение, будто церковь S.-Maria in Ara Coeli занимает место храма Юпитера, оказывается ошибочным. Между тем это единственная церковь, которую римляне воздвигли на Капитолийском холме и которая здесь, на месте существовавшего в древности укрепления, занимает господствующее положение. В подробном каталоге церквей и монастырей, составленном во времена Льва III (около 850 г.), эта церковь не упомянута. Поэтому надо полагать, что в правление названного папы ее совсем не было или она представляла собою незначительную часовню.

До XIV века эта церковь не имела еще своего прозвания: «на небесном престоле», которое, несмотря на это, все-таки находится в связи с древней легендой греческого происхождения, включенной в римские *Mirabilia*. Восхищенные невиданной красотой Октавиана и полным благополучием его правления, сенаторы заявили императору, что они хотят возносить ему молитвы, так как видят в нем божество. Глубоко взволнованный этим заявлением, Октавиан просил дать ему время для ответа, призвал к себе тибурскую сивиллу и сообщил ей о решении сената. Сивилла объявила, что она ответит через три дня, и по истечении этого срока, в продолжение которого она соблюдала пост, возвестила: «Знамение суда; земля скоро напитается потом; с небес грядет царь времен». Внимая словам сивиллы, Октавиан вдруг увидел, что небеса раскрылись, показался яркий ослепительный свет и в небесах, над престолом, явилась лучезарная Дева с Младенцем Христом на руках. Затем с небес послышался голос, возвещавший: «Вот Дева; Она родит Спасителя мира!» Другой же голос возвестил: «Вот престол Сына Божьего!» Тогда Октавиан пал ниц на землю и стал молиться. О своем видении он сообщил сенаторам, и на следующий день, когда народ уже хотел называть его «Господом», он решительно воспротивился этому. Император не пожелал, чтоб его дети когда-либо называли его этим именем, так как, говорил он, «я смертный, и имя Господне никогда не может приличествовать мне».

В поэтической легенде сообщается далее, что Октавиан приказал будто бы воздвигнуть «Первородному Сыну Божьему» алтарь на Капитолии. Поэтому в XII веке церковь S.-Maria уже называлась с добавлением слов: «ubi est ara filii Dei». Но замечательно, что древняя легенда не устанавливает никакой связи этого алтаря с храмом Юпитера и только сообщает, что алтарь был воздвигнут Октавианом на Капитолии, т. е. на одной из его вершин. Если эта церковь in Ara Coeli действительно была на месте древнего храма, то какие-нибудь указания на это все-таки сохранились бы в легенде или в предании.

Итак, могильная тишина, окружавшая Капитолий в Средние века, нарушается только звоном монастырского колокола да откликом дошедшей до нас легенды. Над покинутой ареной, бывшей некогда свидетельницей деяний и триумфов Сципионов и Гракхов, Мария и Суллы, Помпея и Цезаря, теперь мелькали образы Девы Марии с Младенцем Иисусом, молящегося Октавиана и той самой престарелой сивиллы, таинственные книги которой когда-то хранились здесь же.

Нашему заключению, что приведенная легенда уже в XI веке связывалась с выше названным местом, мы находим неоспоримое доказательство в том, что о «дворце Октавиана» упоминается именно как о местопребывании Бенцо; между тем дворец этот мог находиться только на Капитолии. Было бы весьма важно определить с точностью положение и назначение этого дворца, находившегося, по-видимому, вблизи монастыря Agasoli. В кратком перечне дворцов, который приведен в *Mirabilia*, не значится ни одного дворца на Капитолии, но в дальнейшем изложении туманно говорится о каком-то капитолийском дворце, который находился внутри укрепления и был

разукрашен золотом и драгоценными камнями; в нем же стояли статуи, изображавшие провинции и звонившие своими колокольчиками. Что касается дворца, где «Октавиану было видение на небе», то этот дворец, по совершенно ясным указаниям Mirabilia, имел тесную связь с церковью S.-Maria и составлял, вероятно, часть самого монастырского здания. Наконец, в Summarium римских храмов особо упоминается еще «дворец сенаторов на Капитолии или на Тарпейской скале», причем автор говорит о дворце как о существующем в его время. Под всеми этими тремя дворцами едва ли можно было подразумевать одно и то же здание, так как на Капитолии было множество развалин, и самые различные между ними одинаково назывались в Средние века «palatium». Если развалины храма Юпитера еще существовали в XII веке, то им так же могло быть дано название «palatium»; но было ли так в действительности, мы не можем этого сказать. Таким образом, из трех дворцов, упоминаемых в Mirabilia, капитолийский дворец исчез для нас бесследно и является мифическим; затем дворец Октавиана, местопребывание Бенцо, составляет часть монастырского здания Агасоли, возведенного на древних развалинах, и наконец дворец сенаторов — единственный, назначение которого может быть нами установлено, а именно, как того здания, в котором помешался в средние века сенат. Среди остатков древних памятников на Капитолии более всего должны были поражать воображение своим величием, изумительные и в наше время, развалины древнего государственного архива, или так называемого Tabularium республиканских времен, с его исполинскими стенами из пиперина, величественными залами и камерами со сводами. Поэтому автор, описывая Рим в XII веке и упоминая в беглом перечне холмов лишь об одном дворце сенаторов, мог, конечно, иметь в виду исключительно только это величественное сооружение. Воображению народа представлялось, что в древности консулы и сенаторы жили именно здесь. За исключением самой церкви in Aracoli, знать XII века не могла найти для своих собраний никакого другого более подходящего места, кроме вышеназванного здания, и на нем же остановил свой выбор народ, когда был восстановлен сенат. И мы полагаем, что Tabularium, которое впоследствии окончательно стало помещением сената, уже тогда было до некоторой степени приспособлено к этому назначению. Так, в 1143 г. здесь, на развалинах, снова восстала тень римской республики; являясь теперь уже легендой, видением старины, эта республика тем не менее вселяла восторг в немощное потомство.

3. Арнольд Брешианский. — Его первое появление; его отношение к Абеяру. — Учение Арнольда о секуляризации церковных имуществ. — Осуждение Арнольда папой. — Бегство и исчезновение Арнольда. — Целестин II. — Луций II. — Борьба папы и консулов против сената. — Патриций Иордан Пьерлеоне. — Эра сенаторов. — Луций II и Конрад III. — Несчастная кончина Луция II

Восстановление сената вовсе не было одной только иллюзией; оно действительно имело место и прославило средневековых римлян в такой же мере, в какой прославили их предки удалением на священную гору. Знаменитый реформатор того времени, Арнольд Брешианский неправильно считается главным виновником переворота, который неизбежно вызывался ходом событий и особыми условиями, в которых находился тогда Рим. Отнять у знати ее власть, у духовенства — его земли, у папы — власть светского государя и передать его верховные права народной общине — таковы были определенные исторические задачи, для обоснования которых не нужно было никакой доктрины. Со времени борьбы за инвеституру третье сословие не переставало бороться с феодальной системой, как светской, так и ду-

ховной; огонь свободы, зажженный итальянскими республиками, разрушил феодализм древнефранкской империи, и дыхание еретической критики уже коснулось мертвечей монашеской науки. Но было бы совсем бессмысленно утверждать, что уничтожение феодализма являлось целью, которая преследовалась в XII веке сознательно, как точно так же было бы неосновательно предпологать, что какой-нибудь демагог того времени мог мечтать о европейской федеративной республике.

Вследствие недостаточного знакомства со Средними веками такие идеи были ошибочно приписаны Арнольду Брешианскому, который имел действительно огромное влияние на некоторые стороны гражданской жизни. Арнольд, Абеляр и св. Бернард были замечательными людьми той эпохи и героями великой драмы в истории культуры. Когда юная демократия, первоначально еще полная сомнений и неуверенная в себе, заслоняемая церковью и империей, затем несколько окрепла, такой человек, как Арнольд, неизбежно должен был явиться именно в Ломбардии. Страстно желавший осуществления гражданской свободы, одаренный возвышенным умом, этот народный трибун в одежде священника представлял идеал церкви, свободной от превратной суеты мира, идеал возрожденного первобытного христианства. Абеляр и Арнольд, оба еретики, один — как философ, другой — как политик, стояли одинаково на почве гражданского освобождения. После мрачных героев догматического единодержавия, после такого папы, как Григорий VII, и такого императора, как Генрих IV, отрадно видеть появление мучеников свободы, которые несут знамя человеческого достоинства и вооружены бескровным, но страшным оружием борьбы: аналитической мыслью и свободной волей.

История жизни Арнольда совершенно не выяснена; он родился в начале XII века в Брешии, странствовал по Франции, изучал у Абеяра диалектику и теологию и, вероятно, был его сотрудником в течение нескольких лет. Вернувшись в Брешию и получив сан каноника, Арнольд не замедлил ринуться в борьбу, которую вели граждане со своим епископом Манфредом. Предводителями их в этой борьбе были консулы Ребальд и Персикус; Арнольд же воспламенял народ своими речами, бичуя в них священников за их склонность к мирским интересам, противную заветам апостолов. Основные положения, которые развивал Арнольд, заключались в следующем: право духовенства на какую бы то ни было собственность противоречит христианскому учению; всякая гражданская власть должна принадлежать только государям и республиканским правительствам; духовенство должно довольствоваться десятинным сбором. В Брешии так же, как в других городах, существовала партия патариев; поэтому здесь стали разыгрываться те же сцены, которые раньше имели место в Милане, и энергичский народный оратор мог напомнить собою Арнальда, хотя и не преследовал его целей. Духовенство в то время было испорченным в такой же мере, как и прежде, и казалось, что жизнь Григория VII прошла, не оставив по себе никаких следов. Долгая борьба за инвеституру, схизма и партийные отношения, в силу которых епископы, враждующие между собой, принимали сторону то Рима, то Германии, довели прелатов до такой деморализации, которая не поддавалась никакому описанию. Читая обвинения, авторами которых были святые того времени, сатирик может улыбнуться и спросить, в чем же заключались реформы целого столетия, если св. Бернарду и св. Ансельму в 1140 г. приходилось изображать пороки духовенства все теми же мрачными красками, в каких изображал их Дамиани. «Если бы я мог, — так сетовал аббат клервосский, — прежде чем я умру, увидеть церковь Господню такой, какой она была в древние дни, когда апостолы закидывали свои сети, желая уловить не золото и серебро, а души!»

Люди с ясным пониманием давно знали, в чем заключается корень этого зла; соборы и монашеские ордена не могли устранить его; таким целительным средством

было лишение епископов их светской власти. Признание справедливости этого великого начала было одним из последствий, к которым привела борьба за инвеституру, и с этим началом согласился даже один из пап, когда положение его оказалось безвыходным. Арнольд вернулся к идее Пасхалия II и стал смело развивать ее на улицах независимых городов, идя навстречу и духу времени, и сознанию народа. Таков был практический результат этой древней борьбы, перешедшей из сферы королевского дворца в городские курии и на базарные площади.

Успехи общества, которыми завершилась борьба государства с иерархией григорианской церкви, были очень велики. Политическое и социальное движение народов, оживление промышленности, торговли и наук, вновь пробудившаяся любовь к классической древности, — все это сразу явилось полной притивоположенностью тому, что представляла собою римская церковь, и римляне, ведя борьбу в XII веке со светской властью папы, понимали этот вопрос так же ясно, как их потомки в настоящее время.

Учение Арнольда встретило в Ломбардии и в Риме полное сочувствие, так как секуляризация церковных имуществ, которую проповедовал Арнольд, отвечала потребностям того времени. Но населению Брешии не всегда удавалось одерживать победу в борьбе с соединенными силами духовенства и капитанов. По жалобе Манфреда учение Арнольда было в 1130 г. подвергнуто обсуждению на Латеранском соборе. Иннокентий II хорошо понял, какими последствиями грозило это учение Риму, где республиканская партия ждала только случая, чтобы перейти к открытому восстанию. Поэтому он объявил Арнольда еретиком, запретил ему проповедовать свое учение и осудил на изгнание из Италии. Вынужденный покинуть Брешию, Арнольд направился к Абеляру, который надеялся весной 1140 г. на схоластическом турнире в Сане одержать победу над мистиком Бернардом. Своего учителя Арнольд защищал публично и оказался вовлеченным в его процесс. После приговора, произнесенного римским собором, имя Арнольда стало известным; когда же связь Арнольда с Абеляром сделала это имя еще более ненавистным духовенству, Бернард выступил против Арнольда с дисциплинарными мерами. Тем не менее с некоторыми взглядами своего противника, внушавшего ему ужас, Бернард был согласен. С меньшей силой, чем брешианский демагог, Бернард так же бичевал епископов за их светские пороки и в скором времени после того, обращаясь к своей книге «De consideratione» к самому папе, своему ученику, решительно высказался против политических прав духовенства. Свои требования, согласные с евангельским учением, Бернард основал на словах апостола: тот, кто служит Господу, не должен отдаваться светским делам. Бернард напоминал папе, что он облечен саном духовным, а не саном «властелина», что его руки держат лопату земледельца, а не скипетр короля, что светская власть папы, хотя, может быть, и основана на земном праве, но ни в каком случае не может считаться апостольским законом, так как апостолам воспрещено было иметь такую власть. Преисполненный древнехристианского смирения, Бернард сокрушался, что епископы и папы, движимые суетным тщеславием, всюду выступают разодетыми в шелк, пурпур и золото, чего никогда не делал св. Петр, и затем, взывая к папе, указывал ему, что он, имея такой светский облик, является преемником не св. Петра, а Константина. Ничуть не осуждая взгляда Арнольда на светскую власть духовенства и, напротив, находя необходимым согласиться с этим взглядом, Бернард, однако, преследовал Арнольда, совершенно безупречного в нравственном отношении; происходило это потому, что Арнольд боролся не только со светской властью духовенства, но так же с авторитетом римского престола и с григорианской иерархией и затем как бунтовщик внушал Бернарду ужас. Великий аббат сетовал, что церковь, как нежная лилия среди терний, отовсюду окружена вероотступниками, что она, только что ободившись из когтей льва (Пьерлеоне), стала снова добычей дракона (Абеляр). И

он писал папе, называя Арнольда оруженосцем Абельяра-Голиафа и обвиняя обоих в ереси. Папа приказал заключить их в монастырь. Измученный жизнью, друг Элоизы нашел себе пристанище, примирился с церковью и через два года спокойно умер в Кьяони. Но смелый и деятельный Арнольд продолжал на горе св. Женевьевы в Париже по-прежнему проповедовать свое учение и изобличать испорченность духовенства, пока наконец Бернарду не удалось настоять на изгнании его из Франции. Не имея более возможности жить здесь, Арнольд пустился странствовать. Маленький город Цюрих дал ему приют и тем самым, еще за 400 лет до Цвингли, заслужил право на признательность людей свободной мысли. Арнольд нашел здесь сочувствовавших ему лиц даже среди высшего класса. Аббат клервосский потребовал, однако, у констанцского епископа заключения еретика в тюрьму. В своем письме, исполненном благочестия, Бернард в одно и то же время признает личную нравственную безупречность Арнольда и называет его человеком, который, если и воздерживается от пищи и питья, то постится в сообществе с дьяволом и жаждет гибели душ.

Преследуемый Арнольд нашел тогда более могущественного защитника в лице кардинала Гвидо, бывшего в то время легатом в Богемии. Этот кардинал получил хорошее образование и был сотоварищем Арнольда в Париже. Приютив Арнольда у себя где-то в Германии, Гвидо оберегал его до тех пор, пока так же не получил грозного послания от Бернарда, который, стоя на страже неизблемости церкви Св. Петра, не переставал зорко следить за еретиком. «Арнольд Брешианский, — писал Бернард, — слово которого мед, а учение отравя, у которого голова голубя и жало скорпиона, которого Брешия извергла из себя, который стал ненавистен Риму, которого Франция изгнала, Германия проклинает, Италия отказывается принять к себе, — пребывает, как говорят, у тебя; остерегись, чтобы он не нанес ущерба почтению, с которым должны относиться к твоему сану; быть милостивым к нему значит идти против велений папы и воли самого Бога». Какие последствия возымело это требование, пришлось ли Арнольду перебраться куда-нибудь в другие места, — может быть, в мирные альпийские долины, где ютились мистические секты катаров, — или же он продолжал по-прежнему пользоваться покровительством кардинала Гвидо, это остается неизвестным. Как бы то ни было, Арнольд с этого момента исчезает со сцены на несколько лет и затем внезапно снова появляется среди республиканцев Рима.

Тем временем папой был провозглашен кардинал Гвидо, тосканец из Кастелло. Нет сомнения, что он так же был учеником Абельяра и выделялся по своему образованию, о чем уже свидетельствует почетный титул магистра, полученный им во Франции. Гвидо вступил на Св. престол под именем Целестина II 26 сентября 1143 г., всего лишь через два дня после смерти своего предшественника. Такому скорому избранию помогла происшедшая в Риме революция. Правление Целестина продолжалось только пять месяцев; судя по тому, что он умер близ Palladium, надо полагать, что он так же не мог прийти ни к какому соглашению с римлянами и, ведя жестокую борьбу с ними, должен был искать покровительства у Франджипани.

Целестин умер 8 марта 1144 г. Его преемником с 12 марта был Люций II, Герард Каччианемичи из Болоньи, бывший при Иннокентии канцлером и затем легатом в Германии во время избрания короля Лотаря. Недолгое правление Люция было несчастливо, и он сам пал жертвой революции. В то время как новая община кровавой борьбой старалась упрочить свое положение на Капитолии, растерявшийся папа примкнул к своим наиболее крупным вассалам; он искал поддержки так же у короля Сицилии, с которым и раньше находился в дружественных отношениях. Рожер надеялся, что ему удастся договориться с Люцием о правах на инвеституру дарованных ему Иннокентием II и оспариваемых Целестином II. С этой целью король и папа съехались в Чепрано; но соглашения между ними не состоялось. Тогда

Рожер приказал своему сыну вступить в Лациум, и папа, поставленный в безвыходное положение, заключил договор, согласно которому Рожер со своей стороны обязался поддерживать папу против римлян. С помощью короля и знати Люций рассчитывал уничтожить общину: с прекращением государственной власти церкви ее лены должны были бы перейти так же к общине; поэтому почти все консулы были на стороне папы. Родовая знать отныне образовала партию гвельфов, враждебную народу. К партии папы примкнули даже Франджипани, издавна являвшиеся во главе германской партии. Люций разрешил им занять *Circus Maximus*, который они присоединили к своей палатинской крепости; с той поры в их руках вместе с цирком были Колизей, *Septizonium*, арки Тита и Константина, уже обращенный в укрепления *Janus Quadrifrons* и другие укрепленные места в городе.

Преследуемая община собирала между тем свои силы; во главе республики она поставила патриция. Эту власть получил Иордан Пьерлеоне, брат антипапы Анаклета, единственный член этой фамилии, который в силу ли честолюбия или по другим мотивам перешел на сторону народа. Таким образом, римская община не следовала примеру других городов: она вовсе не назначала консулов, ибо этот титул был в Риме в сущности аристократическим и его по-прежнему удерживала за собой знать, враждебная народу. Так как в то время императора не было, то патриций мог считаться его наместником, и народная партия, движимая политическим расчетом, признала верховную власть римского короля. Первая гражданская конституция была составлена при Иордане Пьерлеоне в 1144 г., и с этого времени начинается сенаторский период. Община решила отнять у папы его светскую власть, потребовав, чтобы он все свои суверенные права передал патрицию и удовольствовался десятинным сбором или государственной пенсией. Итак, Рим снова пытался низложить папу с престола, как некогда при Альберике; эта попытка с той поры повторялась много раз и повторяется донныне. Судьбы Рима оставались неизменно все те же, давая ему тем право на его название Вечного города.

Чувствуя себя в затруднении, Люций II обратился с мольбой о помощи к римскому королю Конраду III, в лице которого 7 марта 1138 г. на германский престол вступила династия Гогенштауфенов. Но к королю точно так же обратились с просьбой о признании их республики и римляне. Король не отвечал им, может быть, потому, что все еще негодовал на итальянские города, которые так оскорбительно предпочли ему его соперника, короля Лотаря. Послов папы, просивших о поддержке и признании церковной области, Конрад принял благосклонно; тем не менее он предоставил Италию и Рим их собственной судьбе, так как ослабление папской власти было выгодно для короля, и римляне, стремившиеся ограничить эту власть, признавали суверенитет короля.

В Риме царил полная смута. 20 января 1145 г. папа в письме к Петру, аббату клюнийскому, сообщает, что он лишен возможности прибыть в Сан Саба (на Авентине) для посвящения аббата. По словам биографа, Люцию будто бы удалось убедить сенаторов покинуть Капитолий и отречься от сената; но это утверждение неверно. Люций сделал последнюю отчаянную попытку вырвать власть из рук римлян. Как некогда Бренн и Вителлий, он осадил Капитолий, чтобы взять его приступом; но Пьерлеоне и сенаторы, разгоряченному воображению которых рисовались, может быть, среди тарпейских развалин образы давно минувших времен, отразили это нападение с таким же мужеством, какое было свойственно им предкам. Полагают, что наместник Христа был при этом ранен попавшим в него камнем и, подобно Манлию и Гракху, пал на *clivus Capitolinus*, истекая кровью.

Несколько дней спустя, 15 февраля 1145 г., Люций умер в монастыре Св. Григория на Целии, куда его отнесли, оставив на попечение Франджипани.

4. Евгений III. — Его первое бегство из Рима. — Упразднение префектуры. — Арнольд Брешианский в Риме. — Учреждение сословия всадников. — Влияние собраний в Риме на провинциальные города. — Евгений III признает республику. — Особенности римского муниципального устройства. — Второе бегство Евгения. — Борьба народа со знатью. — Восстание низшего духовенства против высших духовных лиц. — Послание св. Бернарда к римлянам. — Отношение Конрада III к Риму. — Евгений III в Тускуле

Кардиналы немедленно собрались в церкви S.-Cesario, на via Appia, и единогласно избрали Бернарда, аббата церкви S.-Anastasius ad aquas Salvias. Вновь избранный папа был учеником клервоского святого; таким образом, последний получил возможность давать направление папской политике. Бернад Пизанский не отличался большими способностями; даже его собственный учитель был смущен тем, что на Святой престол в такое трудное время был избран самый обыкновенный монах. Но избиратели, по-видимому, усмотрели в нем достаточно и ума, и силы воли. Неистощимое милосердие Божие, говорили друзья нового папы, просветит недалекого по своему уму человека и одарит его привлекательностью и красноречием. Впоследствии св. Бернад своему робкому ученику, у которого он, исполненный смирения, лобызал ноги, посвятил свою золотую книгу De Consideratione, которая еще донныне сохранила значение руководства для пап, научая их нести обязанности своего сана со смирением и благоразумием.

Новый папа мог беспрепятственно занять Латеран; но путь в базилику Св. Петра, где должно было произойти посвящение, был прегражден сенаторами, которые требовали, чтобы папа отказался от гражданской власти и признал республику. Весь Рим взялся за оружие, и на третий день после избрания, 17 февраля, папа бежал в сабинский замок Монтичелли, куда последовали за ним перепуганные кардиналы; затем все они направились в Фарфу, и здесь 18 февраля 1145 г. Евгений III был посвящен в папы.

К Пасхе он переехал в Витербо и оставался там в течение 8 месяцев. За время борьбы Генриха IV с папами этот город успел добиться гражданской независимости и в конце XI века имел муниципальное устройство, во главе которого стояли консулы. Тем не менее Витербо сохранял свои вассальные отношения к папам, которые за его крепкими стенами часто находили для себя прибежище. Тем временем в Риме происходила самая яростная борьба. Дворцы и укрепления знати и кардиналов, державших сторону папы, были разграблены и разрушены; чернь предавалась неистовым излишествам; нападениям подвергались даже пилигримы, и базилика Св. Петра была снова укреплена защитными машинами. В это же время народное управление упразднило городскую префектуру. Так как лицо, облеченное саном префекта, являлось представителем императорской власти в Риме, то из упразднения префектуры можно заключить, что римляне, раздраженные невниманием к ним Конрада, грозили отложиться от него. Отныне суверенитет должен был принадлежать исключительно патрицию как представителю римского сената и народа; все знатные лица, отказавшиеся признать это, были изгнаны.

Между тем Евгений III созвал в Витербо вассалов церкви; ничем не связанное с Римом большинство графов Кампании относилось к нему враждебно. Некоторые из провинциальных городов, как и в древние времена, еще управлялись графами (comes); другие города управлялись папскими уполномоченными, носившими римские титулы: praesides и rectores. Риму желательно было подчинить своей власти графов и провинциальные города, точно так же как подчинили себе своих соседей Милан и

другие республики. В свою очередь, папские города хотели быть независимыми, хотя между ними лишь очень немногие были настолько могущественны, чтобы, следуя примеру Рима, провозгласить свою независимость, как, например, Корнето, древняя Тарквиния, где уже в 1144 г. существовала гражданская община с консулом во главе. Провинциальная поместная знать так же добивалась независимости; между тем римский сенат требовал, чтобы эта знать получала свои лены не в Латеране, а на Капитолии, чтобы она, живя в городе, подчинялась законам республики и, во всяком случае, признавала ее власть. Вскоре Евгений получил, однако, возможность увеличить число вассалов церкви, присягнувших ему в Нарни, тиволийцами, заклятыми врагами Рима, и затем двинуть всех их против Рима, где папская партия продолжала вести борьбу с сенатом. Ввиду этой опасности и, может быть, так же отлучения от церкви, к которому был присужден патриций Иоанн, народ, утомленный борьбой, стал тогда настаивать на возвращении папы, выражая готовность признать его верховную власть. В свою очередь, папа благоразумно согласился заключить договор, рассудив, вероятно, что если существование республики неизбежно, то пусть лучше она будет подчинена церкви, а не империи. Таким образом, римляне низложили патриция, восстановили сан префекта и присягнули папе, который, со своей стороны, признал за гражданской общиной право на существование при условии суверенитета папы. По заключении этого договора с римским народом Евгений III получил возможность выехать из Сутри и вступить в Латеран уже перед Рождеством 1145 г.; торжественная встреча, оказанная папе, походила на триумф.

Итак, гражданская община достигла того, что была признана папой, причем последнему удалось сохранить за собой суверенные права, так как сенат получал от него свои полномочия. В этом удивительном призраке древних времен древнеримским было, впрочем, только название; что же касается характера учреждения, то оно уже было совсем новым. В самом раннем документе из числа дошедших до нас акта *Senatus* Средних веков мы находим среди 25 сенаторов имена почти исключительно таких граждан, которые до того оставались неизвестными, в частности, например, одного живописца по профессии. Первоначально горожане преобладали в сенате, и это придавало ему плебейский характер, хотя в то время многие знатные лица уже были членами общины. Ежегодно в сентябре или ноябре весь состав сената обновлялся, причем выборы производились, вероятно, в присутствии папского уполномоченного. Как велико было вначале число сенаторов, неизвестно; позднее оно менялось: вскоре после 1144 г. за норму было принято 56 сенаторов, и это зависело, по-видимому, от того, что в то время так же, как в древности, Рим был разделен на 14 округов, из которых на каждый полагалось избирать по 4 сенатора, так что сенат мог возникнуть из 14 городских корпораций. Сенат в полном его составе составлял большой Совет, или *Consistorium*; во главе его стоял комитет, члены которого назывались *consiliatores* или *procurators* республики. Такие *consiliatores* в Генуе и Пизе состояли при консулах в качестве совещательных членов; но в Риме эти *consiliatores* как высший правительствующий совет являлись органом исполнительной власти; сенату же принадлежала законодательная власть. *Consiliatores* избирались из состава сената и менялись по несколько раз в год. Таким образом, существовало два совета: малый, состоявший из *consiliatores*, и большой, *Consistorium*, состоявший из сената; все же полноправные граждане и избиратели сената составляли народное собрание, которое созывалось на Капитолии; решения, принятые сенатом, и отчеты магистрата, выходявшего в отставку, представлялись на одобрение этого собрания. Трудно сказать, какие доходные статьи были в распоряжении сената, что составляло его регалии. Монетное дело было, вероятно, уже в то время изъято сенатом из ведения папы, и после перерыва, длившегося в течение нескольких столетий

тий, у римлян снова получили обращение серебряные монеты с древней надписью: *Senatus Populusque Romanus*; только на этих монетах было еще изображение апостола с надписью вокруг: «Царь римлян».

Гражданская юстиция перешла так же в ведение сената; но судебная палата (*Curia Senatus*), помещавшаяся на Капитолии и состоявшая из сенаторов и юристов, нередко пополнялась дворцовыми судьями и *judices dativi* в качестве шеффов, так что некоторые судебные акты являются совместными решениями и сенаторского, и папского суда. Сенат стремился подчинить своей юрисдикции, *forum sectorium*, даже такие гражданские дела, в которых обе стороны, как истец, так и ответчик, принадлежали к духовному званию. Но папы оспаривали эти притязания, и папская курия продолжала действовать наряду с курией сената; в спорных делах церковью мы постоянно находим решения, постановленные судом папы независимо от суда сената, и часто случалось, что стороны апеллировали то к папе на сенат, то наоборот. Таковы были основные черты устройства, принятого римлянами и делающего честь их гражданской энергии. Суверенитет папы был, правда, в принципе признан ими; но, наряду с этим признанием, они провозглашали так же свою политическую автономию, и с той поры Рим по праву стал самоуправляющейся республикой, которая объявляла войну и заключала мир независимо от папы.

Договор с Евгением III Рим не прекратил, однако, сильных волнений, которыми были охвачены и Рим, и провинция. Знать и духовенство чувствовали раздражение против сената, стремившегося подчинить своей власти всю Кампанию. Тиволи дал повод к новым беспорядкам: римляне потребовали уничтожения этого города. Не имея возможности воспротивиться такому требованию, папа дозволил срыть стены в Тиволи; но это не успокоило римлян. В конце января 1146 г. Евгений III принужден был бежать от своих мучителей в Трансверин, может быть, в замок Св. Ангела, который все еще находился во власти Пьерлеоне. Изнемогая, подобно Геласию, под бременем жизни, Евгений оплакивал свою судьбу и, вздыхая, повторял слова св. Бернарда, что римскому пастырю приходится пасти не овец св. Петра, а волков, драконов и скорпионов. В марте Евгений уже перебрался в Сутри и в мае в Витербо, где оставался до конца года. После того он направился в Пизу, а в марте 1147 г. через Ломбардию во Францию, где король Людовик готовился ко Второму Крестовому походу.

Хотя Евгений бежал, но он все-таки не был изгнан силой оружия, и римляне за время двухлетнего отсутствия папы считали заключенный с ним договор все так же действительным, видя в сенате учреждение, получившее свои полномочия от папы. Чувствуя себя теперь, однако, совершенно независимыми, они немедленно напали на Тиволи и казнили смертью многих граждан. Казалось, Рим вернулся к давно прошедшим временам: так же, как в древности, Рим теперь имел сенат и вел войну с латинскими и тусцийскими городами, которые, в свою очередь, снова соединились вместе, чтобы вести борьбу с Римом. В это же время высшие представители знати, преследуя свои личные интересы, совершали набеги на церковные патримонии. Каждый грабил все, что только мог. Церковная область распалась на несколько враждебно и к папе, и к сенату, ослабляли автономию Рима. Тирания этих знатных лиц чувствовалась особенно сильно в Лациуме, бедной провинции, где не было, как в Тусции и Умбрии, богатых общин, которые могли служить противовесом знати. Так разбрасывались силы римского народа в борьбе с городами и капитанами, между тем как в самом Риме, где Йордан Пьерлеоне в качестве начальника милиции сосредоточил в своих руках власть, шла жестокая междоусобная война и разыгрывалась одна из самых ужасных революций.

В этот именно период времени появляется в Риме и выступает демагогом Арнольд Брешианский, находившийся до того в неизвестном изгнании. Знаменитый еретик вернулся в Италию по смерти Иннокентия II и в Витербо был даже снова присоединен к церкви Евгением III, когда дал обет смириться и молчать. Наложенную на него епитимию ему предстояло выполнить, конечно, у святых мест в Риме. Таким образом, Арнольд, вероятно, прибыл в Рим в одно время с Евгением, возвращавшимся из Витербо. Сначала Арнольд здесь ничем не заявлял о себе, но когда папа бежал во Францию, Арнольд выступил перед народом и, уже не думая более о клятве, данной папской курии, стал снова излагать римлянам свое прежнее учение.

Переворот, происходивший в Риме, властно захватил Арнольда; его римские друзья, и прежние, и новые, убеждали его отдать свои силы делу народа, и, полный надежд, Арнольд стал развивать свой политический идеал, восставая против *dominium temporale* папы. Учреждение римской общины являлось для Арнольда обстоятельством, в высшей степени благоприятным; как скоро гражданская власть была бы отнята здесь у папы, все другие церковные государства тем самым были бы точно так же уничтожены, и христианская община снова приблизилась бы к демократическому строю древней церкви, чуждой всякой политики. Таким образом, главная задача, предстоявшая Арнольду, сводилась к тому, чтобы оказать содействие установлению в Риме республики на началах гражданской независимости.

Религиозная секта, основанная Арнольдом в Брешии, возродилась теперь в Риме. Учение о бедности и чистоте нравов, как отличительных особенностях апостолов, приобрело Арнольду много сторонников; этим учением он приводил в восторженное состояние в особенности женщин. Последователей Арнольда называли «*lombardi*» или арнольдистами. Римский сенат, не колеблясь, примкнул к политической доктрине, которую развивал пламенный народный оратор. Изнуренный постами вдохновенный монах, стоя на развалинах Капитолия, произносил свои речи перед *patres conscripti* в том самом месте, где некогда говорили сенаторы — распутные владельцы тысяч рабов. Свои страстные речи, для которых темой служили и отцы церкви, и Виргилий, и законы Юстиниана, и Евангелие, Арнольд произносил на испорченном латинском языке, *lingua rustica*, языке мужицком, который привел бы в ужас Варрона и Цицерона; но этот же язык сто лет спустя стал языком Данте и создал новую литературу.

Арнольд часто говорил в официальных собраниях. В своих речах он указывал на высокомерие, корыстолюбие, ханжество и порочность кардиналов; их коллегию он называл меняльной лавкой и разбойничьим вертепом. Во всеуслышание перед народом он объявлял, что папа не есть преемник апостолов и пастырь душ, а поджигатель и убийца, церковный палач и губитель невинности, который только откармливает свое тело и наполняет свой денежный сундук чужим добром. Оказывать ему повиновение и почтение никто не обязан. «Помимо того, нельзя терпеть таких людей, которые хотят обречь на рабство Рим, средоточие империи, источник независимости, властителя мира».

Можно себе представить, как эти речи реформатора, отличавшегося своей безупречной жизнью, должны были действовать на римлян, питавших ненависть к церковному правлению. Арнольд был великим человеком того момента, и капитолийская республика формально призвала его к себе на службу. Он был советником в делах городского устройства и в этом отношении не составлял какого-либо исключения, так как в Италии во все времена церковные реформаторы переходили в сферу политики и превращались в демагогов. Возможно, что практический смысл ломбардца был отчасти ослаблен впечатлениями, произведенными на него римскими развалинами и что Арнольд излишне отдавался древним традициям. Начавшееся изучение кодекса Юс-

тинана в связи с воздействием памятников и преданий старины держало римлян в заколдованном круге. Между тем как в других местах демократические учреждения развивались естественным порядком, римляне стремились воскресить развалины своего прошлого и терялись в несбыточных мечтах о подобающей им власти над миром. Сам Арнольд советовал застроить вновь Капитолий, восстановить древнее собрание сенаторов и даже учредить в обновленной форме сословие всадников. Восстановление этого сословия нельзя ни в каком случае считать одной только фантазией: в других городах оно тоже существовало. Арнольд имел в виду объединить мелкую знать, которая относилась к народу дружелюбно, и противопоставить ее, как вооруженную силу, аристократии консулов и капитанов.

Следя примеру представителей мелкой знати, примкнувших к общине, низшее духовенство так же прониклось идеей равенства лиц священнического сана. Отовсюду стали раздаваться нападки на григорианскую иерархию, причем ей противопоставляли давно исчезнувший строй древнехристианской церкви. Духовенство второстепенных церквей восстало против касты кардиналов, которые так же, как и высшая знать, к которой они принадлежали, владели укрепленными замками в Риме и имели обыкновение жить по-княжески.

Между тем в июне 1148 г. Евгений вернулся из Франции в Италию. В июле, на соборе в Кремоне, он отлучил Арнольда от церкви. Встревоженный движением, возникшим в Риме среди духовенства, Евгений отправил из Брешии римскому духовенству послание, в котором грозил карой каждому, кто будет внимать еретику.

В то время как Арнольд зажигал в народе пламя демократических стремлений, старый противник Арнольда, Бернад, прилагал все старания к тому, чтоб потушить этот пожар. Святой муж оставлял без ответа вопрос о том, как на деле осуществить его собственное, согласное с христианским учением утверждение, что политическая власть не должна быть в руках епископов. Не придавая, вероятно, никакого значения форме правления, он сам, однако, едва ли мог представить себе Рим иначе, как под властью папы. После второго бегства Евгения во Францию Бернад обратился к римлянам с посланием; он просил у «великого и знаменитого» народа снисхождения в том, что, будучи незначительным человеком, он все-таки отваживается обратиться к этому народу со своей речью, и в свое оправдание ссылался (эту ссылку в наше время повторяют все епископы) на то, что насилие, причиняемое папе, касается всего католического мира. «Ваши отцы покорили городу всю землю, а вы хотите сделать его помешанным всего мира. Вы изгнали папу из Рима; посмотрите же, что от этого стало с Римом: теперь он туловище, лишенное головы, лицо без глаз. Заблудившиеся овцы, вернитесь к вашему пастырю! Великий город героев, примиришь с твоими истинными государями Петром и Павлом!» В этом послании чувствуется негодование святого, соединенное, однако, со всей дипломатической почтительностью, которую внушало имя Рима. В глубине души Бернад ненавидел римлян. В другом случае, характеризуя их, он называет этот «великий» народ надменным, корыстным, тщеславным, мятежным, бесчеловечным и лживым. «В своих речах они велики, на деле — ничтожны. Они обещают все и не выполняют ничего. Они готовы льстить так же сладко, как сладок мед, и в то же время способны распространять ядовитую клевету — словом, это — презренные предатели».

Своему ученику Евгению святой, однако, не был в силах оказать те услуги, какие некогда были оказаны им Иннокентию II. Точно так же и Конрад не был для Евгения Лотарем. С призывом прибыть в Рим к королю обращались обе борющиеся стороны; и та, и другая приводили один и тот же аргумент, что кесарь должен взять то, что принадлежит ему; но каждая из них понимала эти слова иначе и имела в виду свою цель. Неудачный крестовый поход, который король предпринял, под-

давшись увещаниям и предсказаниям святого аббата, отдалил Конрада от Италии. Возвращаясь из похода в начале 1149 г. через Аквилею, король решил проследовать в Рим. Поездка эта являлась действительно необходимой в виду союза Рожера с мятежным баварским герцогом Вельфом. Помня о победах Лотаря, Рожер прилагал все свои усилия к тому, чтобы удерживать короля в отдалении. Конрад заключил союз с греческим императором Эммануилом, и, как в предыдущий раз, пизанцы так же должны были помочь ему своим флотом. Наоборот, папа нуждался в помощи сицилианцев против римлян и опасался, что Конрад заключит с последними договор, который они неоднократно предлагали ему.

В конце 1148 г. Евгений перебрался в Витербо, с которым римляне уже вели войну. В начале 1149 г. папа решился поселиться поблизости Рима. Граф Птолемей приютил Евгения в Тускуле, и здесь состоялась встреча его с Людовиком Французским, возвращавшимся из крестового похода. Король был изумлен при виде беспомощного положения папы, нашедшего приют в мрачном замке; желая, однако, поклониться святым местам, король в качестве паломника посетил все-таки Рим и был принят римскими республиканцами со всем подобающим его сану почетом. Добыв во Франции достаточные денежные средства, Евгений собрал в Тускуле вассалов церкви и отряды наемников и поручил начальство над ними кардиналу Гвидо Пуэлла. Крайняя нужда заставила Евгения даже заключить союз с Рожером, и последний так же прислал свои войска. Таким образом, положение Рима оказалось чрезвычайно тягостным; тем не менее республиканцам удалось мужественно отразить нападения своих врагов.

5. Послание сената к Конраду III. — Политические взгляды римлян. — Возвращение Евгения III. — Он снова удаляется из Рима. — Римляне вторично обращаются к Конраду. — Приготовления Конрада к походу в Рим. — Смерть Конрада. — Вступление на германский престол Фридриха I. — Письмо к нему одного римлянина. — Рим, римское право и империя. — Констанцкий договор. — Возмущение демократической партии в Риме. — Возвращение Евгения в Рим. — Смерть Евгения

В эту пору сенат неоднократно обращался к королю Конраду с просьбой прийти в Рим и взять в свои руки верховную власть над империей и городом. Известная об изгнании Франджипани и Пьерлеоне, граждане Сикст Николай и Гвидо, бывшие в то время членами совета республики (*consiliatores*), настоятельно просили короля взять римскую общину под свое покровительство. Не получая никакого ответа и испытывая все большие затруднения, сенат опять отправил королю новое послание в 1149 г. Замечательное по своему содержанию, это послание свидетельствует, что в XII веке отрицательное отношение к светской власти папы было у римлян так же сильно и высказывалось ими так же определенно, как в наши дни, когда отдаленные потомки этих римлян, безоружные, собирались по-прежнему среди древних развалин Форума и Капитолия, все так же протестовали против светской власти папы и ночью расклеивали на улицах прокламации, заканчивающиеся кликом: «Да здравствует папа не-король».

Прошло 673 года с тех пор, как сенаторы, утратившие чувство своего достоинства, явились в Византию к Зенону и объявили ему, что Рим не нуждается больше в западном императоре и удовлетворится, если Италией будет править в качестве византийского патриция Одоакр. Минувало 614 лет с того времени, как сенат в своем последнем письме к Юстиниану умолял его быть покровителем

Рима и Теодата, короля готов. Теперь перед тронем германского короля стояли римляне, которые явились с забытых развалин Капитолия и называли себя сенаторами; они возвестили, что древний римский сенат ими восстановлен, и настаивали на том, чтобы король Германии принял в свои руки наследие Константина и Юстиниана.

«Пресветлому властителю города и всего мира, Конраду, Божией милостью королю римлян, Августу, сенат и римский народ шлет привет и пожелание благополучного и славного царствования! Мы уже уведомляли ваше королевское величество о событиях, которые произошли у нас, и о том, что мы остаемся верны вам и что блеск вашей короны составляет предмет наших ежедневных забот. Мы, однако, удивлены, что вы совсем не удостоили нас ответом. Мы единодушно желаем, чтобы Римская империя, которую Господь вверил вашему руководительству, была снова поставлена на ту степень могущества, на которой она стояла при Константине и Юстиниане, которые управляли миром, опираясь на полномочия, полученные от римского сената и народа. Поэтому мы с Божией помощью восстановили сенат и низвергли многих врагов вашей императорской власти, дабы стало вашим то, что принадлежит Цезарю. Мы заложили доброе основание. Мы обеспечиваем правом и миром всех тех, кто этого желает. Овладев замками городской знати, которая в союзе с Сицилией и папой Евгением думала угрожать вам, мы частью заняли эти замки, частью разрушили. Поэтому папа, Франджипани, сыновья Пьерлеоне (кроме Иордана, начальника нашей милиции), Птолемей и многие другие теснят нас со всех сторон. Они хотят помешать нам короновать вас императором; но из любви к вам мы терпим многие беды, так как для любящего ничто не тяжело, и вы вознаградите нас, как отец, предав врагов империи заслуженной ими каре. Не слушайте тех, кто клеветает на сенат; они рады посеять между вами и нами раздор, чтобы погубить и вас, и нас. Не забывайте, сколько зла причинили вашим предшественникам папский двор и эти бывшие наши сограждане, которые с помощью сицилианцев в настоящее время еще больше стараются повредить городу. Но по милости Христа мы мужественно стоим за вас и уже изгнали из города многих из самых злых врагов империи. Спешите оказать нам помощь вашей императорской властью; город отдает себя на вашу волю; вы можете пребывать в Риме, столице мира, проявляя все свое могущество, и теперь, после того, как устранены преграды, которые воздвигались священниками, управлять всей Италией и германским государством более неограниченно, чем почти все ваши предшественники. Мы просим вас — не медлите; снизойдите успокоить ваших покорных слуг письменно и через послов. Мы прилагаем теперь все старания к тому, чтоб восстановить Мильвийский мост, который был разрушен во вред императорам, и надеемся скоро закончить каменную кладку. Ваше войско будет иметь возможность переправиться через него и миновать замок Св. Ангела, где Пьерлеоне, сговорившись с Сицилией и с папой, замышляют гибель для вас.

Да здравствует король! Да исполнится его воля; да победит он врагов и охранит империю; да пребудет он в Риме и правит землей. Да будет он повелителем мира, как некогда Юстиниан. Пусть Кесарь владеет тем, что принадлежит Кесарю и папа — тем, что составляет неотъемлемое достояние папы. Так заповедал Христос, и Петр уплатил дань.

В заключение мы просим оказать благосклонный прием нашим послам и отнестись к ним с доверием, так как мы лишены возможности изложить все в письме. Наши послы — знатные люди: сенатор Гвидо, сын прокуратора Сикста Иаков и их сотоварищ Николай».

Замечательна та чарующая сила, которой обладало в Средние века предание о древнеримской империи. Великие воспоминания оказывались единственным исход-

ным основанием политической власти; римские императоры на троне Германии, римские папы на престоле св. Петра, римские сенаторы на развалинах Капитолия одинаково лелеяли мечту о том, что имеют законные права на верховную власть над миром. Неизвестно, как были приняты и с чем были отпущены послы Рима. Конрад III, видя перед собою двух претендентов, которые оспаривали друг у друга право жаловать императорской короной, предпочел получить эту корону из рук римского папы, а не римского сенатора. Папа несомненно был в союзе с Рожером, врагом Конрада, и римляне уже поэтому могли надеяться, что король склонится на их сторону. Затем Конрад должен был понимать, что со времени Генриха III не было более благоприятного случая восстановить императорскую власть в Риме и, уничтожив папское *dominium temporale*, лишить папство всех плодов победы Григория VII. В своих письмах римляне указывали Конраду, что благоразумие требует того, чтобы он явился посредником между папой и Римом и взял новую республику под защиту имперской власти, так как этим актом он навсегда поставит избрание папы в зависимость от себя.

Будучи вынужден оставаться в Германии, где ему приходилось вести борьбу с партией гвельфов и не имея ясного представления о положении дел в Риме, Конрад не обратил внимания на приглашения сената, несмотря на то, что ослабление папской власти было для него самого так же желательно. Влияние на короля сторонников независимости Рима было парализовано при дворе лицами, принадлежавшими к духовенству, и в особенности Вибальдом, аббатом Стабло и Корве; этот могущественный человек был настроен в пользу Евгения и склонил короля принять его сторону. Таким образом, римляне, жестоко теснимые, были вынуждены в конце 1149 г. снова призвать папу. Между ним и сенатом был заключен новый договор, который в этот раз сохранился так же недолго, как и предыдущий. Уже в июне 1150 г. Евгений удалился в Лациум и оставался там, живя то в Сеньи, то в Ферентино. В течение трех лет папский двор странствовал по Кампании, находясь в близком соседстве с Римом и в то же время в изгнании. Евгений опасался теперь, что Конрад признает римскую общину и, заключив союз с ней, с Пизой и с греческим императором, положит конец существованию его светского трона. Но Вибальд успокаивал папу, уверяя его, что ему нечего опасаться.

Поставленные в необходимость признать исторически сложившееся право германских королей, римляне тогда снова обратились к Конраду со своими предложениями, приглашая его принять императорскую корону. Король, у которого после поражения Вельфа в 1150 г. руки уже были развязаны, на этот раз изъясил свою готовность идти в Рим и установить там порядок. Отъезд был решен на двух имперских сеймах, происходивших в сентябре 1151 г., и Конрад нашел теперь возможным дать ответ римлянам. В своем послании он умолчал о сенате, но, обращаясь к префекту города, к консулам, капитанам и к римскому народу, предупредительно давал понять, что он идет в Рим по их приглашению и явится для того, чтобы успокоить города Италии, воздать должное сохранившим верность и наказать мятежников. Послы короля были отправлены как к римлянам, так и к папе. Полный надежд, папа принял послов в Сеньи в январе 1152 г. Соглашение с папой состоялось немедленно. Евгений III прервал сношения с Рожером и затем даже обратился к германским князьям с призывом принять всеми силами участие в римском походе короля.

Случайное обстоятельство избавило, однако, первого Гогенштауфена от предстоявшей ему бесславной роли врага римской республики и папского прислужника. Готовясь к походу в Рим, мужественный Конрад умер 15 февраля 1152 г. Со времени Отгона I это был единственный король, который не увенчал себя императорской короной; обстоятельство это нисколько, однако, не умаляло его могущества. Тыся-

чи людей, которые были приносимы Германией в жертву каждому коронованию в Риме, на этот раз нашли свою смерть в пустынях Сирии. Таким образом, итальянским патриотам надлежало бы превозносить короля Конрада за то, что он, несмотря на настойчивые приглашения Италии (об этих приглашениях патриоты обыкновенно не помнят), не переходил Альпы, чтобы затем, подобно Аттиле, принести с собою всюду опустошение. Они могли бы поздравить свою родину с тем, что в течение 15 лет не было совершено ни одного похода в Рим и что она могла наслаждаться завидным положением, хотя вместе с тем они должны были бы так же признать, что Италия никогда не была настолько разьединенной, что в ней никогда не было таких жестоких гражданских войн, как в эти 15 лет, когда она была представлена самой себе.

По смерти Конрада на германский престол вступил 5 марта племянник Конрада, Фридрих, бессмертный Барбаросса, которому предстояло составить славу Германии и явиться грозой Италии. И Евгений, и римляне не замедлили приложить старания к тому, чтобы обеспечить себе благосклонность нового монарха; но римлянам вскоре же пришлось позавидовать папе, так как послы были отправлены королем лишь к одному папе. Свидетельством недовольства римлян и вместе изложением их взглядов на правовые отношения императора к Риму может служить одно письмо того времени. «Я рад, — так писал Фридриху арнольдист, — что народ ваш избрал вас королем; но меня печалит то, что вы следуете советам священников, учением которых божественное спугано с человеческого, и не приняли во внимание при вашем избрании, как то следовало бы, мнения священного города, властителя мира, творца всех императоров». Автор письма сетует, что Фридрих, подобно его предшественникам, намерен принять императорскую корону из рук вероломных монахов-еретиков, которых называет юлианистами. Ссылаясь на св. Петра и св. Иеронима, он доказывает, что духовенство не может обладать никакими светскими правами, и затем оспаривает возмужность дара Константина, называя историю этого дара приевшей басней, которой теперь не верят даже старые бабы. Далее автор объясняет, что имперская и всякая другая высшая власть имеет своим источником суверенитет римского народа; поэтому право провозглашать кого-либо императором принадлежит только этому народу. В заключение автор настаивает на том, чтобы в Рим были присланы послы и сведущие в законе люди; опираясь на закон Юстиниана, эти лица облекут имперскую власть в законную форму и тем предупредят революцию. По счастью, на пути прогресса человеческий разум уже успел достигнуть великих успехов!

Современные римляне, ведя борьбу со светской властью папы, исходят из суверенитета итальянского народа, считая Рим его столицей и утверждая, что право пап, обоснованное лишь исторически, должно быть подчинено естественному праву народа. Подобно своим предкам, они подкрепляют справедливость своих утверждений, указывая на то, что папство есть не более как только духовный сан, и затем ссылаются на Библию и Отцов церкви. Но римлянам времен Арнольда начало единства нации не было известно, и они стояли на почве того, что было заимствовано из древности. Для них источником всякой власти был суверенитет римского народа; представление о Римской империи являлось как начало неизбежное, и император был той верховной властью в республике, которая избиралась и устанавливалась народом. Считая выдумкой утверждение, будто императорская власть перешла к папам от Константина, и далее — мистическими бреднями объяснения, что папы получили право на инвеституру от Христа и св. Петра, они исходили из того разумного основания, что никакой королевской власти, даруемой милостью Божией, не существует, что источник власти короны заключен единственно в правах народа. Римляне XII века перенесли вопрос об имперской власти на почву рим-

ского права, которую они считали законной. Они шли навстречу желаниям властолюбивого монарха, когда говорили ему, что по римскому праву император представляет высшую законодательную власть в мире; но в то же время они настаивали на том, что эта власть является полномочием, дарованным римским сенатом и народом. Таким образом, юстиниановский деспотизм Цезаря и демократические начала смешивались в понятиях римлян.

Фридриху I предстояло сделать выбор между папой и общинным советом Рима как источником имперской власти. Король согласился со всеми возражениями римлян против верховного права на инвеституру, которое присваивал себе папа, посмеялся над притязаниями сената, которые он нашел нелепыми, и по примеру всех своих предшественников решил получить корону от папы «милостью Божией». Первые шаги Фридриха были осторожны и сдержанны. Не считаясь с возникновением римской республики, он продолжал переговоры, начатые Конрадом, и уже весной 1153 г. при посредстве кардиналов-легатов Григория и Бернара заключил в Констанце договор с папой, весьма выгодный для последнего. Фридрих обязался не заключать мира без согласия папы ни с Римом, ни с Сицилией и приложить старания к тому, чтобы вновь подчинить Рим Святому престолу, как это было сто лет тому назад. Затем король обещал сохранить *dominium temporale* папы и помочь ему вновь получить в свое владение все то, что было у него отнято. Со своей стороны Евгений дал обещание короновать короля императорской короной и оказывать поддержку его трону. Переговоры Фридриха с папой вызвали в Риме сильное волнение. Демократы и арнольдисты потребовали уничтожения договора, заключенного городом с Евгением, и настаивали на назначении 100 сенаторов с двумя консулами, избираемыми ежегодно. Об этих волнениях Евгений уведомил Фридриха, причем изобразил их как бунт черни, которая хочет сама избрать императора. Не подлежит сомнению, что римляне грозили отказать германскому королю к признанию за ним суверенных прав и готовы были провозгласить своего национального императора; в письме Евгения, однако, упоминается лишь бегло об этих замечательных событиях.

Несмотря на все эти осложнения, осенью 1152 г. папа уже имел возможность покинуть Сенью и в конце этого года вступить в Рим, где после поражения, понесенного демократами, все умеренные были склонны вступить в какое-либо соглашение с папой. Сенат и народ встретили его с почетом, причем, как надо полагать, община была признана папой. Изгнанным представителям знати, вероятно, так же было дозволено вернуться; но они в качестве римских консулов и придворных лиц папы продолжили по-прежнему враждебно относиться к сенату. Теперь Евгений III мог мирно окончить свои дни в Риме и с помощью народа даже усмирить мятежных провинциальных баронов. Лукавой кротостью ему удалось добиться того, что не могло быть достигнуто оружием: «Евгений милостями и подарками на столько привязал к себе народ, что получил возможность управлять городом почти вполне так, как ему самому хотелось, и если бы смерть не похитила его, он с помощью народа лишил бы новых сенаторов сана, который они присвоили себе». Конечно, это утверждение не заслуживает доверия; Евгению вовсе не удалось подчинить республику своей власти, и самый ненавистный для него человек, Арнольд с его сторонниками, все еще находился в Риме и оставался безнаказанным.

Евгений III умер 8 июля 1153 г. в Тиволи и был с большой пышностью погребен в базилике Св. Петра. Этот невидный, но рассудительный ученик св. Бернарда, несмотря на пурпур, в который он был облачен, никогда не расставался с властью клервосского монаха; стоические добродетели монашества не покидали его всю его жизнь, исполненную тяжелых испытаний, и дали ему силу пассивного сопротивления, которое всегда было самым действенным орудием пап.

ГЛАВА V

1. Анастасий IV. — Адриан IV. — Он налагает на Рим интердикт. — Изгнание Арнольда Брешианского. — Прибытие Фридриха I для коронования. — Столкновение из-за подачи стремени. — Речь сенаторов, обращенная к королю, и его ответ. — Вступление в Рим

12 июля 1153 г. на Св. престол вступил под именем Анастасия IV кардинал Конрад, римлянин из Субуры. Его избрание было единогласным и не вызвало никакого протеста со стороны сената; последний хотя и присутствовал при избрании, тем не менее воздержался от вмешательства в церковные дела. Таким образом, с этого времени папы могли убедиться, что они имеют дело с новой властью, которая отказывается признавать их, пока она сама не признана ими. Престарелый Анастасий, по-видимому, не принимал никаких враждебных мер по отношению к римской конституции; он спокойно жил в городе и умер здесь же 3 декабря 1154 г.

Затем был избран в папы человек редкой энергии, Николай Брэкспир, англосакс по происхождению. Движимый жаждой знания, Николай, сын бедного священника в Сент-Альбансе, в Англии, направился во Францию и здесь после различных испытаний, посланных ему судьбой, сделался настоятелем монастыря Св. Руфа близ Арля. Образование, ораторский талант и привлекательная наружность Николая ставили Евгения III обратить на него внимание, когда он явился в Рим по делам своего монастыря. Евгений назначил Николая сначала кардиналом в Альбано и затем отправил его легатом в Норвегию, где он, учреждая церковь, проявил большую осмотрительность. После того Николай, только что вернувшийся из своей командировки, был единогласно избран в папы и вступил на Св. престол 5 декабря 1154 г. под именем Адриана IV. Престол св. Петра был занят англичанином только однажды, и этот единственный папа из англичан бежал юношей на чужбину, стыдясь просить подаяние у себя на родине. Прошли года, и альбанский нищий писал английскому королю, что Ирландия и другие острова по праву принадлежат ему, папе.

Адриан IV немедленно стал в резкую оппозицию к римской общине; и сенат и папа отказали друг другу во взаимном признании; Адриан решил уничтожить конституцию, провозглашенную на Капитолии, и надеялся сделать это с помощью оружия Фридриха, который уже в октябре направился в Италию, утвердив договор, заключенный в Констанце. Адриан потребовал изгнания Арнольда; это требование уже было предъявляемо предшественниками Адриана, но безуспешно. Поддерживаемый сенатом и боготворимый народом, Арнольд, самый опасный из всех еретиков, имел возможность проповедовать свое учение несколько лет подряд на глазах самого папы. Адриан полагал, что одного удаления этого демагога уже будет достаточно для того, чтобы покончить с существованием республики. Не имея оснований возлагать какие-либо надежды на Фридриха, римляне тайно обратились тогда за помощью к Вильгельму I, который в феврале 1154 г. наследовал на троне Сицилии своему знаменитому отцу Рожеру и немедленно вступил в пререкания с папой. Римляне призывали Вильгельма, приглашая его, вероятно, захватить силой церковную область прежде, чем появится в Риме германский король.

Не имея никакой возможности овладеть Латераном, Адриан вынужден был оставаться в базилике Св. Петра, обращенной в укрепление. В описываемую эпоху римляне осуществили то, что Италия предлагает папе в настоящее время: удовольствоваться Леониной и, пребывая в ней в качестве великого настоятеля, пользоваться монастырской независимостью; территория, которую имел в своем распоряжении Адриан, была фактически ограничена пределами именно Леонины. Между тем ненависть

римлян к духовенству, оппозиция которого являлась преградой к их гражданскому благоустройству, росла все более и вскоре привела к катастрофе: когда на *via Sacra* один из кардиналов был ранен кинжалом, Адриан отнесся к этому преступлению как к поруганию церкви и наложил на Рим интердикт. Подвергать Рим этой каре, самой ужасной из всех, которые существовали в то время, папы еще никогда не решались, не исключая даже тех случаев, когда они сами лично подвергались насилиям со стороны римлян. Решительный англичанин не задумался применить эту меру; он отлучил Рим от церкви, имея в виду заставить народ изгнать Арнольда. Чтобы понять все значение интердикта, обречения людей на полный нравственный голод, надо принять во внимание верования того времени. С наложением интердикта прекращалось всякое богослужение; ни одно из таинств не совершалось более, за исключением крещения и причащения Св. Тайн умирающих, но и они в этих случаях выполнялись в такой форме, которая навредила ужас. Тела умерших закапывались в землю без совершения обряда погребения, и вступавшие в брак получали благословение на кладбищах. Человеческая изобретательность никогда не имела в своем распоряжении другой такой насильственной меры, в одно и то же время и бескровной, и убийственной, и во времена суеверия ничто иное не могло так быстро привести к повиновению даже могущественных государей; одного слова, произнесенного священником, было достаточно для того, чтобы поднять восстание в народах, которыми овладевало отчаяние. Интердикт, применявшийся до XII века лишь крайне редко, стал с той поры часто налагаться папами на города и земли; но ужасная мера, каравшая виновных ценой мучения бесчисленного множества невинных, сама отомстила церкви тем, что уменьшила в людях любовь к ней и породила ереси; от частого применения орудие все более приупулялось и с подъемом просвещения перестало быть действенным.

Вначале римляне отнеслись к интердикту с пренебрежением; но затем, когда и четвертый день Св. недели прошел без обедни, люди благочестивые и слабые, женщины и священники отказались от дальнейшего сопротивления. В среду в народе начались волнения, заставившие сенаторов броситься к ногам папы и умолять его о помиловании. Папа согласился снять с Рима отлучение от церкви, но с условием, чтобы Арнольд был немедленно изгнан. Несчастный реформатор разделил участь всех пророков: очарованный им народ теперь изменил ему. После девяти лет служения делу гражданской независимости Арнольд бежал из Рима. Переходя от одного сторонника к другому, из одного замка в другой, изгнанник надеялся добраться до как-нибудь из среднеитальянских республик, где карающая рука папы не могла бы его достать. В среду на Святой неделе, 23 марта, интердикт был отменен Адрианом; Рим освободился от лежавшего на нем нравственного гнета, и папа в торжественной процессии в первый раз проследовал в Латеран.

Между тем Вильгельм I продолжал вести с церковью войну; Беневент был повергнут им осаде; Чепрано и другие замки в Лациуме сожжены. Затем, предав полному опустошению Фрозиноне, Вильгельм отступил к Аквино, когда узнал, что германский король приближается и Рим по-прежнему остается спокойным. В это время Фридрих I уже находился в Тусции, настаивая на том, чтобы Пиза собрала флот для войны с норманнами, которую он решил начать теперь в союзе с папой, апулийскими изгнанниками и императором Эммануилом. Весть о военных подвигах, совершенных Фридрихом в Ломбардии, предшествовала ему и внушала повсюду ужас. Фридрих, шествовавший по тусцийской дороге, казался более страшным, чем Генрих V, и папа не знал, кого найдет он в этом короле — друга или врага. Судьба Пасхалия II произвела на папскую курию неизгладимое впечатление, и натянутость отношений, которая все еще продолжала существовать между той и другой властью, не могла быть смягчена никаким договором. Когда германские короли приближались к Риму, беззащит-

ные папы дрожали перед ними как перед врагами, готовыми предать их смерти, и, в свою очередь, короли должны были так же считаться с возможностью быть отравленными или заколотыми. В складках шелковых плащей римлян висел отточенный меч, за который они всегда были готовы схватиться, чтобы нанести удар национальному врагу. Когда происходило коронование, папы оказывались в положении Даниила во рву львином; тем не менее над свирепыми римскими королями папам удавалось одерживать нравственную победу, и они свободно и радостно вздыхали, когда эти страшные заступники церкви после обычной коронационной битвы, получив корону и оставив церкви какие-либо пергаменты, снова удалялись.

В начале июня Адриан в сопровождении префекта Петра, Оддо Франджипане и других нобилей, состоявших при папском дворе, направился в Витербо. Быстрое приближение Фридриха тревожило Адриана, и поэтому он послал вперед трех кардиналов, которые встретили короля у S.-Quirico, в Тусции. Чтобы выяснить, как склонен действовать Фридрих, Адриан потребовал у него выдачи еретика Арнольда. Незадолго до этого Арнольд был схвачен близ Брикола кардиналом Оддо; но виконты Кампаньяно освободили Арнольда и, охраняя его, препроводили в свой замок, где приветствовали его как «пророка». Твердо решив устранить всякую преграду к коронованию, Фридрих проявил в этом случае полную готовность оказать просимую услугу. Послав в замок Кампаньяно отряд войска, он захватил одного из графов и тем принудил выдать Арнольда. Друг Абеляра был передан папским легатам, чтобы затем, в свое время, быть казненным в Риме.

Относительно коронования переговоры велись, однако, с боязливой осторожностью: движимый недоверием, Адриан удалился в Чивита Кастеллана; но император постарался успокоить его, вторично присягнув в том, что констанцский договор будет соблюден им. Германское войско расположилось лагерем в Campo grasso близ Сутри и здесь, по прибытии папы из Непи, должно было состояться взаимное приветствие обеих сторон. Между тем 9 июля, когда папа направился к королевской палатке, перед лицом войска разыгралась одна из самых странных сцен. Юный, гордый монарх не вышел навстречу папе, желая уклониться от унижительной обязанности поддерживать ему стремя. Папы издавна предъявляли притязание на эту услугу, и некоторые государи оказывали ее. В свидетельство христианского смирения папы называли себя слугами слуг Господних и в то же время требовали, чтобы короли служили им конюхами. Панический страх овладел кардиналами, когда они увидели такое невнимание со стороны короля к придворному этикету, и вслед затем разыгралась довольно комическая сцена: повернув лошадей назад, кардиналы умчались в Чивита Кастеллана и оставили папу одного выпутываться из затруднительного положения. В полном смущении Адриан слез с лошади и опустился на стул; только теперь показался юный король; когда же он распростерся у ног папы, последний, считая себя оскорбленным, отказал ему в приветственном поцелуе. После того стремя стало предметом долгих и важных переговоров между двумя высшими представителями христианского мира, пока наконец имперским князьям, некогда сопровождавшим Лотаря в римский поход, не удалось убедить короля сделать уступку в этом детском споре. На следующий день всемогущий император, превратившись в конюха наместника Христа, шел на расстоянии полета брошенного камня возле иноходца папы, бывшего в детстве сент-альбанским нищим, и крепко держал ему стремя.

Другая власть, которой по закону принадлежало право голоса в деле избрания императора, римский народ — еще не был выслушан Фридрихом. Взаимные отношения между королем и римлянами оставались невыясненными, и было неизвестно, будут ли ему открыты ворота Рима. С той поры, как на Капитолии был учрежден сенат, ни один император еще не был коронован; в свою очередь, сенат точно так

Геркулес палицей своего могущества сокрушал всякое стороннее притязание; он точно так же наносил удар и папе, который утверждал, что он единственный истинный источник имперской власти. Смелость папства в этом отношении ярко сказана в картине, которая находилась в Латеране: она изображала Лотаря, стоящего на коленях и получающего корону из рук папы; не менее смелая надпись была под этой картиной:

«Король присягнул законам города и вступает в ворота; он стал вассалом папы, который вручает ему корону».

Предъявить могущественному государю свои требования в крайне притязательной форме было ошибкой со стороны римлян; но она происходила из гордого убеждения их в величии Вечного города, который они надеялись возродить учреждением сената. Но если бы в императорской палатке нашелся тогда человек, который в понимании вещей опередил свое время, он улыбнулся бы тому, что даже Фридрих разделяет совершенно фантастические представления сенаторов о законной власти римского императора над миром.

Послы, негодуя, вернулись в Рим. Фридриху приходилось считаться с тем, что республика не откроет ему ворот и будет защищать город. Папа советовал королю тайно занять Леонину отборным войском, обещая, что оно будет впущено папскими сторонниками. Он советовал так же послать с этим отрядом сторонника германцев, кардинала Октавиана, желая таким образом удалить от императора своего честолюбивого соперника. Был послан отряд в 1000 рыцарей, и утром на рассвете 18 июня они без сопротивления вступили в Леонину.

2. Коронование Фридриха I. — Восстание римского народа. — Битва в Леонине. — Казнь Арнольда Брешианского. — Его характер и значение. — Отъезд Фридриха в Кампанью. — Возвращение в Германию

В тот же день, не встреченный римлянами и сохраняя боевой порядок, Фридрих направился от Монте-Марио в Леонину, где его ожидал папа, проследовавший вперед. Коронование было совершено немедленно в занятой войсками базилике Св. Петра. Ликующие клики германцев прозвучали в высоком соборе, как гром, когда юному цезарю были вручены меч, скипетр и корона империи. Но Рим не признал Фридриха императором; город оставался запертым, и народ собрался на Капитолии, где незадолго перед тем был выстроен дворец для сената. Ничто не доказывает с большей очевидностью всей призрачности в Средние века имперской власти в самом Риме, как именно эти коронования, происходившие в папском пригороде и неизменно сопровождавшиеся тревожным ожиданием, что римляне с оружием в руках устремятся по мостам через Тибр на императора, получившего свой титул от них же. По своему образованию, потребностям и происхождению императоры были отделены от римлян целой пропастью. Чужестранец Адриан IV был ненавиден римлянам как их местный государь, но они чтили в нем папу; Фридрих же должен был казаться им в то время совершенно невыносимым. Против обыкновения, которому следовали все императоры, он не присягнул законам города; голоса римлян при избрании он не выслушал, счел излишней даже обычную аккламацию и не одарил их подарками; таким образом, римляне с полным основанием считали свои права нарушенными. Требование римлян признать их конституцию было справедливым, и отказывать им в этом было неблагоразумно. Пришло затем время, когда император раскаялся в своей неуступчивости и вынужден был дать присягу тем гражданам, к которым относился раньше так пренебрежительно. Некогда папы пе-

рестали быть избранниками римского народа; теперь последний оказался лишенным участия точно так же и в избрании своего императора. Между тем в ту эпоху, когда в основе гражданских и политических понятий лежали именно древние традиции, римляне не могли примириться с мыслью, что Вечный город не представляет собой ничего более, как только место, где происходит посвящение императора и папы в их сан. Тогда как другие города славились своим богатством и могуществом, единственную гордость Рима составляло то, что он был Римом. Григорий VII поставил папству задачей быть представительством всемирной монархии; римляне со своей стороны мечтали осуществить это признанием суверенитета народа и уставленного этим народом императорского сана.

Притязания, унаследованные римлянами от древнего времени, и их борьба с папами, старавшимися искоренить идею о политическом значении Рима, наложили на историю этого города трагический отпечаток; он сохранялся в течение веков, и ничего подобного этому мы нигде более не встречаем. В этой борьбе, которая продолжается до наших дней и под впечатлением которой мы пишем нашу историю города Рима, — борьбе все с одной и той же судьбой, — единственными союзниками римлян были стены Аврелиана, Тибр, малярия да тени и памятники великих предков. И только теперь, когда желания города Рима сводятся лишь к тому, чтоб стать столицей страны, он обрел себе сторонника и союзника в лице самого итальянского народа.

По окончании коронования император направился в свой лагерь на Пероновом поле, а папа остался в Латеране. Тогда римляне пришли в ярость и вскоре после полудня ринулись через тибрские мосты в Леонину. Перебив здесь попадавшихся им в одиночку врагов и ограбив духовенство, кардиналов и сторонников имперской партии, они направились затем в лагерь Фридриха, откуда, может быть, надеялись освободить своего пророка Арнольда. Королю и войску пришлось покинуть коронационное пиршество; прошел слух, что папа и кардиналы захвачены народом. Генрих Лев, проникнув в Леонину через стены, некогда разрушенные Генрихом IV, быстро ударил римлянам в тыл; но и самому мужественному войску стоило немало труда одолеть римских граждан. Выдающаяся смелость, которую они проявили в этом случае, показала, что учрежденная ими республика не была одной только фантазией. Битва происходила у моста замка Св. Ангела, а с транстеверинцами — у древней писцины и продолжалась с переменным счастьем до самой ночи, когда наконец римские граждане уступили противнику, превосходившему их силой. Наши воины, пишет германский историк, рубили римлян, как бы говоря им при этом: «Получай, Рим, германское железо вместо аравийского золота; вот как покупает Германия имперскую власть!» Около тысячи римлян было частью убито, частью утонуло в реке, многие были ранены и около 200 взято в плен; остальные бежали, спасаясь за стенами города; замок же Св. Ангела оставался нейтральным, так как находился во власти Пьерлеоне.

На следующее утро в лагерь императора явился папа с просьбой освободить пленных, и они были переданы префекту Петру. Одержанная кровавая победа была, однако, настолько неполной, что даже этот великий император, считавший себя законным властителем всего мира, был вынужден покинуть Рим, не вступив даже в его пределы. Римляне оказались тогда на высоте провозглашенной ими независимости; под защитой своих стен они встретили императора мужественным сопротивлением, отказались продавать ему продовольственные припасы и решили продолжать борьбу с ним. Поэтому свой лагерь Фридрих снял уже 19 июня. Папу и всех кардиналов он взял с собой и направился прежде всего к Соракте; везде на походе через римскую территорию он приказывал разрушать замки, которые были воздвигнуты римскими нобилиями в их поместьях.

Возможно, что в это время именно по соседству с Соракте был казнен Арнольд. Обстоятельства смерти знаменитого демагога так же мало выяснены, как и обстоятельства смерти Кресцентия; как бы под впечатлением ужаса современники упоминают о казни Арнольда лишь мимоходом. Будучи выдан императором, Арнольд оказался в распоряжении префекта города. В графстве Витербо префекту и его могущественной фамилии, члены которой были капитанами, принадлежали обширные имения. Между этой фамилией и римской общиной давно шла борьба, сопровождавшаяся большими потерями для фамилии, поэтому префект должен был чувствовать сильное негодование на Арнольда. Как еретик и бунтовщик, Арнольд был осужден префектом на смерть, вероятно, с согласия императора, после того, как Арнольд был осужден церковным судом. Несчастный проповедник сохранил мужество и не отрекся от своего учения; он объявил, что считает это учение справедливым и спасительным и готов принять за него смерть. Он просил только дать ему немного времени, чтобы покаяться перед Христом в своих прегрешениях; преклонив колена и воздев руки к небу, он молил Бога принять его душу. Такое поведение Арнольда растрогало даже его палачей. Все эти сведения приведены в недавно найденной поэме, написанной одним брешинцем, принадлежавшим к числу сторонников императора. Этот автор так же, как и другие писатели того времени, сообщает, что Арнольд был повешен и затем тело его сожжено, чтобы у римлян не осталось никаких реликвий, которые могли бы напоминать им об Арнольде; это обстоятельство доказывает, до какой степени боготворил его народ. По другим источникам, останки сожженного тела Арнольда были брошены в Тибр. Место казни нигде в точности не указано.

Принеся Арнольда в жертву своим ближайшим интересам, юный император, еще раньше обогривший себя кровью, омрачил свое величие. Отмщение за это, однако, уже готовилось в лице граждан ломбардских городов; со временем они заставили Фридриха последовать великому делу освобождения, и в этом сказалось могущественное влияние идей Арнольда. Люди, имеющие в своих руках власть, нередко уничтожают орудия тех великих движений, которыми они сами наспровегаются и, действуя так, не имеют о том ни малейшего подозрения. Перед Фридрихом Арнольд Брешианский стоял не в том образе, в каком он стоит теперь перед нами, и едва ли Фридрих мог слышать многое об Арнольде. Какое было дело королю до жизни какого-то еретика? Даже имея о нем ясное представление, Фридрих, после того как был вовлечен в борьбу с городами верхней Италии и с Римом, уже не мог чувствовать к этому ломбардцу, как к политическому новатору, никакого расположения. Таким образом, король обрек на смерть блестящую силу, которая впоследствии могла бы оказать ему большие услуги. Им было проявлено в Риме мало предусмотрительности; вместо того чтобы оказать римской демократии поддержку в той мере, в какой это было выгодно для него самого (что ему легко удалось бы), освободить эту демократию из-под гнета папства и подчинить ее авторитету имперской власти, Фридрих, ослепленный презрением к демократии, оттолкнул ее от себя, стал во враждебные отношения ко многим другим городам и в заключение убедился, что все его необъятные планы совершенно не удалась.

С Арнольда Брешианского начинается ряд знаменитых мучеников свободы; они погибали на кострах, но их смелый дух, как феникс, возрождался из пламени и продолжал жить в последующие века. Арнольд так ясно понимал задачи своего времени, так далеко пошел навстречу той цели, достигнуть которой Рим и Италия надеются только 700 лет спустя после него, что мы с полным правом можем признать в нем пророка. Вполне развившиеся сознательные начала того времени воплотились в нем, как в гениальном реформаторе, и первый политический еретик Средних веков явился, как логическое последствие борьбы за инвестиру. Борьба двух властей и преобра-

зование городов были теми великими реальными условиями, которые послужили исторической почвой для этого еретика. Внутренняя необходимость не могла не привести его туда, где таился корень всего зла. Если бы Арнольд не направился в Рим и не закончил здесь своей деятельности, он не был бы полным выразителем своего времени. Но Рим, подавляемый в одно и то же время и древним величием, и двумя суверенными всемирными властями, не мог окончательно упрочить свою гражданскую независимость. Тем не менее конституция, в создании которой Арнольд, как законодатель, принимал, вероятно, большое участие, продолжала существовать еще долго после него, а школа арнольдистов или политиков уже никогда не умирала там. Все то, во имя чего с теоретической и практической точки зрения ведется борьба против светской власти духовенства, все это нашло свое историческое выражение в Арнольде, и в особенности еще потому, что к своим целям он не примешивал никаких низких мотивов. Даже самые яростные противники его признавали, что он руководился только вдохновлявшими его убеждениями. Величием своего времени и силой своей мысли Арнольд стоит выше всех выступавших после него борцов за независимость Рима. Арнольда сравнивают с Савонаролой; но с монашеским складом Савонаролы и его склонностью к чудесному человеческий ум плохо мирится; другу же Абеяра не приписывают ни прорицаний, ни чудес. Он представляется нам человеком здоровым, мужественным и вполне определенным, потому ли, что он в действительности был таковым, или же потому, что история, говоря о нем, о многом умалчивает. Его учение содер­жало в себе так много жизненной правды, что даже в 1862 г. оно несколько не утратило значения современности, и в наши дни Арнольд Брешианский был бы все так же самым популярным человеком в Италии. Анафема Средних веков продолжает упорно тяготеть над Римом и Италией, и непримиренная тень еретика XII века должна по-прежнему являться в Риме.

Переправившись через Тибр у Мальяно, Фридрих продвинулся через Фарфу, как некогда Генрих V, к Луканскому мосту. Здесь в палатках был отпразднован с большой пышностью день свв. Петра и Павла, причем папа отпустил германским воинам все их вины за пролитую в Риме кровь. Города Кампаньи спешили исполнить тяжелую повинность доставки провианта, и некоторые из них, желая обеспечить себе защиту со стороны императора, принесли ему верноподданническую присягу. У Тиволи, ставшего под знамя папы из ненависти к Риму, явилась теперь надежда освободиться из-под власти так же и папы. Послы общины этого города (во главе которой тогда стояли, конечно, консулы) явились к императору и вручили ему, как своему верховному властителю, ключи города. Желая отомстить римлянам, Фридрих уже готов был содействовать возвышению города, враждебного сенату, но Адриан предъявил права церкви на Тиволи, и император, освободив тиволийцев от только что принесенной ими вассальной присяги, возвратил город папе. Это была, однако, жалкая замена того, что было обещано императором и не могло быть выполнено им: подчинить Рим власти папы.

Затем Фридрих направился в Тускулу и, расположившись вместе с Адрианом в Альбанских горах, пробыл в них до середины июля. Оставаясь здесь, Фридрих делал вид, что собирается в поход против Рима; но этот предполагаемый поход не мог иметь в действительности никакого значения. Император одинаково был лишен возможности как выступить войной против Вильгельма I в Апулии, чему справедливо противились более значительные германские вассалы Фридриха, так и принять что-нибудь в это время года против римлян. Когда же затем страдавшее от лихорадки войско стало проявлять недовольство, Фридрих вынужден был начать отступление и не без некоторого мучительного чувства стыда предоставил папу его собственной участи. Передав папе пленных, Фридрих простился с ним в Тиволи и

двинулся через Фарфу в обратный путь. На этот раз древний, знаменитый лангобардский город Сполето был варварски превращен в груды пепла. Как в древности Димитрий, так этот великий Гогенштауфен с таким же основанием может быть назван «разрушителем городов».

3. Адриан IV объявляет войну королю Вильгельму. — Последний заставляет Адриана признать за ним права ленного владения. — Орвието переходит под власть папы. — Примирение Адриана с Римом. — Несогласия между папой и императором. — Города Ломбардии. — Адриан вступает в переговоры с ними; разрыв его с Фридрихом. — Сближение римлян с императором. — Смерть Адриана IV. — Его деятельность. — Его жалобы на несчастье быть папой

С отъездом императора папа увидел, что все его надежды обмануты. Рим, как было обещано констанцским договором, не был возвращен под его власть; сам он находился в изгнании и наконец поход в Сицилию вовсе не состоялся. Папа решил тогда собрать вассалов и наемников и осенью поспешно двинулся с ними в Капую и Беневент. Еще раньше Вильгельм I был отлучен от церкви и население Апулии объявлено свободным от соблюдения принесенной ему присяги; теперь папа поддерживал восстание личным своим присутствием, присоединившись к мятежным баронам и изгнанникам, которые присягнули ему в Беневенте. Восстание всех провинций, возникшее в это же время большое волнение среди греков, с которыми Адриан вступил в открытый союз, значительные успехи возмущившихся баронов, энергия папы, явившегося душой восстания и пожинавшего плоды его, — все это заставило слабого сына Рожера обратиться к папе с самыми выгодными для него предложениями и, между прочим, обещать ему полное содействие в покорении Рима. Соглашение это, однако, не могло состояться, так как встретило сопротивление в некоторых кардиналах, принадлежавших к имперской партии; между тем быстрым натиском Вильгельму удалось отнять у греков и баронов Калабрию и Апулию, после чего он направился в Беневент, где находился папа и искали спасения изгнанники. Счастье улыбнулось тогда норманнам в третий раз: Адриан, поставленный в безвыходное положение, принужден был поступиться своими союзниками и просить о мире. В июне 1156 г. близ Беневента победитель продиктовал свои условия: согласно договору, он снова получал ленное владение Сицилией, Апулией и Капуей; вместе с тем им были, однако, признаны за церковью многие права. Таким образом, папа, покинутый императором, заключил независимо от него мир с врагом империи, наделив его землями, которые Фридрих объявил своими. Такой исход не мог не вызвать раздражения в имперской партии, видевшей в этом мире нарушение Констанцского договора, и вскоре новые обстоятельства еще более усилили возникшее недовольство.

Летом Адриан вернулся в церковную область, не решаясь, однако, поселиться в Риме. Договоры, заключенные с крупными вассалами и даже с городами, укрепили папскую власть; так, в октябре Адриан формально вступил в обладание Орвието. Затем он поселился в Витербо, который с той поры нередко служил местопребыванием пап; в ноябре Адриан уже перебрался в Латеран. Примирение с Римом явилось результатом Сицилианского договора; король Вильгельм частью золотом, частью угрозами заставил римлян быть более уступчивыми, и они, движимые ненавистью к Фридриху, пошли на соглашение. Договор с римлянами, заключенный точно так же без ведома и участия императора, должен был привести его в негодование; но коварные римляне могли только радоваться этому. В чем именно заклю-

чался договор, неизвестно; по всей вероятности, соглашение состоялось на тех же основаниях, на которых раньше был заключен договор с Евгением III.

С этого времени столкновение интересов имперской власти папства и сената явилось причиной глубокого раздора между Фридрихом и Адрианом. После Оттона Великого имперский меч еще ни разу не был в руках такого сильного человека, каким был Фридрих I. Убежденный в могуществе Германии, только благодаря которому, по его словам, он владел короной Константина, Фридрих отверг все притязания Адриана, исходявшего из преувеличенных идей Григория VII о папстве. Абсолютной власти церкви был резко противопоставлен принцип абсолютной монархии. Полная противоположность во взглядах двух сильных личностей грозила воскресить прежнюю борьбу; императору, стремившемуся к достижению деспотической власти, приходилось иметь дело с высокомерным представителем церкви, в котором преувеличенное представление о папстве получило характер личного свойства. Положение еще более усложнялось наследием Матильды, вопросом об инвеституре, договором, заключенным папой с Сицилией, и отношениями между Римом и светской властью церкви. До этого времени императоры и папы едва ли когда-нибудь обменивались такими негодующими речами; язык этих речей с поразительной ясностью обнаружил то основоположение, которое было выдвинуто мировой борьбой. Какой-то шведский епископ случайно был ограблен бургундскими рыцарями, и император не считал нужным подвергать их наказанию; это дало повод Адриану IV поставить на вид Фридриху, что он обязан своей короной милости папы. Слово «beneficium», которое было употреблено Адрианом и имело двойственное значение (в юридическом смысле оно означало лен), привело императора и его двор в совершенное негодование. Кардиналы-легаты, доставившие папское послание, едва спаслись живыми из рук германских рыцарей в Безансоне и вернулись в Рим, с позором отосланные назад. Тогда Фридрих обратился к империи с манифестом, в котором объявлял, что он считает ложными притязаниями те толкования, которые духовенство дает отношению имперской власти к папству, что он получил свою власть от Бога по избранию имперских князей и готов скорее умереть, чем унижаться перед папами. Времена Генриха IV уже миновали; на голос императора отозвалась вся германская империя. Движимые патриотизмом, князья и епископы единогласно высказались против папы, и Адриан, которому приходилось вести борьбу с германской партией среди самих кардиналов, принужден был приложить все старания к тому, чтобы смягчить гнев Гогенштауфена: на этот раз уже другими легатами императору было доставлено извинительное послание, в котором папа, подобно какому-нибудь словеснику, старался объяснить, что термин «beneficium» был употреблено им не в смысле лена.

Послы нашли Фридриха уже в Аутсбурге, где он находился, чтобы в июне 1158 г. в сопровождении сильного войска снова идти в Италию и смирить своим имперским мечом непокорные города и всю страну. Милан, оказавший геройское сопротивление, сдался в сентябре, и на ронкальском сейме имперская власть торжественно праздновала свою наиболее решительную, но вместе с тем и последнюю победу. Даже знаменитые юристы Болоньи, преклоняясь перед древнеримским императорским правом, содействовали возвеличению этого торжества, придавая власти Гогенштауфена все свойства юстиниановского абсолютизма и признали ее закономерной всемирной властью. В эту эпоху искания твердых правовых оснований для слававшегося вновь гражданского и политического строя города так же, как император, стремились найти опору в римском законе и тем самым впадали в сильнейшие противоречия. Но между тем как живая современность освобождала города, за исключением одного Рима, от традиций древности, император возвращался то к римскому цезаризму, то к теократическому государству Карла, мечтая в своем ослеплении

о том, что ему удастся наложить на демократическое движение века оковы юстиниановского единодержавия. Не подлежало большому сомнению, что в этом решительном столкновении граждан с имперской властью папство примет сторону первых. Звеном, связующим папство с городами, служил вопрос инвеституры, того феодально-правового начала, которое царило в течение целой эпохи, и старый спор, законченный церковью вормским конкордатом, теперь возгорелся с новой силой, но уже на гражданской почве. Для городов было не менее важно отнять у императора его коронные права на суд и администрацию. Таким образом, борьба Фридриха I с ломбардскими городами была повторением борьбы за инвеституру, но на этот раз уже в сфере гражданских отношений. Как и церковь, республики вышли из этой борьбы победительницами, достигнув своей политической независимости.

Втайне Адриан IV уже успел вступить в переговоры с городами, прилагая в то же время все старания к тому, чтобы установить дружественные отношения с сицилианской феодальной монархией. После всех своих триумфов Фридрих, подражая Карлу Великому, решил управлять Римом и имперскими епископами, как суверен своими вассалами. В Италию были отправлены послы, которым было приказано собрать имперские подати без всякого послабления, между прочим, так же с наследия Матильды и с церковной области. В одном из своих писем папа выразил неудовольствие, что Фридрих требует от епископов выполнения обязанностей вассалов и преграждает кардиналам-легатам доступ в провинции. Император пренебрежительно ответил, что до Константина церковь не обладала никакими государственными правами, что все достояние Св. престола есть не более, как дар короны, что епископы, которым надлежит наследовать только Богу, тем не менее состоят светскими сановниками в государстве и, следовательно, должны по закону выполнять по отношению к императору обязанности его вассалов, что Христос за себя и за Петра так же заплатил подать императору. Поэтому епископам следует или отказаться от светского достояния, или воздать кесарю кесарево. Кардиналы-легаты не допускаются в церкви с целью ограждения общин от их хищничества. Папа забывает о христианском смиреннии, когда перед всем светом начинает пререкаться о земных выгодах, не имеющих ничего общего с религией. Император счел своим долгом сказать все это папе, так как видит, что зверь гордыни прокрался даже на престол св. Петра.

Таким образом, борьба за инвеституру, поскольку дело шло о светской власти папы, была снова начата Фридрихом; теперь он говорил то, на чем настаивали римляне и, казалось, преобразился в Арнольда, которого еще так недавно велел казнить. Наступил период возрождения имперской власти (по крайней мере, для того момента) и ослабления папской власти. Глубоко оскорбленный, Адриан IV отправил к императору легатов в надежде выяснить, что может быть достигнуто путем переговоров. Чрезмерные требования, предъявленные Адрианом, показали, что папство заняло по отношению к имперской власти такое же положение, как и города. Адриан настаивал на полной политической независимости, на отчуждении в его пользу прав короны. Итальянские епископы, так излагал Адриан свои условия, должны приносить императору лишь общую присягу на верность, но не обязаны быть его вассалами; сбор *foderum* может производиться в церковной области имперской властью только по случаю коронации; доходы с земель Матильды и со всей территории от Аквапенденте и до Рима, с Сполето, Сардинии и Корсики, с Феррары и Массы должны быть предоставлены Св. престолу; император не должен отправлять никаких послов в Рим помимо согласия папы, так как все управление и все регалии в Риме составляют достояние Св. престола. На эти требования Адриана, добивавшегося независимости церковной области от имперской власти и признания за ним полного суверенитета, император ответил: волею Господней я римский импе-

ратор и таковым зовусь; если бы я отказался от власти над Римом, мой титул не имел бы никакого смысла.

Эти переговоры происходили в присутствии послов сената, так как римляне стали снова искать сближения с императором, как скоро увидели, что он в своем споре с папой прибегает к аргументам Арнольда. Весной 1159 г. в целях примирения римляне отправили к Фридриху послов; они были милостиво приняты, и тогда сенат отправил в лагерь около г. Кремы второе посольство из знатных люден. На этот раз поведение римлян было более сдержанное: они просили императора не лишать их своей милости, даровать им амнистию и обещали восстановить его власть в Риме. Согласившись вступить в переговоры с римской общиной, Фридрих решил признать сенат, но на основах, которые он сам определит, причем им имелись в виду условия, установленные для покоренного Милана. Щедро одаренные, послы были отпущены, и с ними вместе императором были отправлены в Рим пфальцграф Оттон Виттельсбах, граф Гвидо Бландрате и пробст Герберт Акви. Этим лицам поручено было установить основания деятельности сената и принять меры к возвращению изгнанного римлянами префекта; они же должны были, если окажется возможным, заключить договор с папой. Послы императора были приняты в Риме с почетом; тем не менее соглашение не могло состояться отчасти в виду условий, поставленных сенатом, и его неуступчивости, отчасти по случаю смерти папы.

Адриан IV умер 1 сентября 1159 г. в Ананьи, когда уже окончательно разошелся с императором, заключил союз с Ломбардией и был готов отлучить Фридриха от церкви. Этот папа, поднявшийся из ничтожества, держал себя по отношению к монарху, одному из самых могущественных, с таким высокомерием, как будто считал себя не только равным ему, но и стоящим выше его. Природные способности Адриана развивались все больше по мере того, как он, благодаря собственным достоинствам, возвышался и узнавал жизнь; обладая весьма независимым и энергичным характером, он тем не менее способен был действовать со всею необходимой осмотрительностью. Как все почти англосаксы, Адриан был умен и отличался практичностью и непреклонной волей. Подобно Григорию VII, он так же хотел достигнуть всемирного владычества пап; но, отдаваясь своим смелым мечтам, он в то же время не забывал о ближайших задачах. Он заново укреплял одни города, как, напр., Орту и Радикофани, и приобретал другие; акты, относящиеся к *dominium temporale*, свидетельствуют, как много прилагал этот папа стараний к тому, чтобы сохранить за Св. престолом патримоний или приобрести для него новые имения, ослабить владительных баронов Кампаньи и заставить их служить себе. Провинциальная знать была в то время ослаблена войнами с императором и с общиной города Рима; утратив с возникновением демократического движения свое влияние, бароны испытывали нищету и были обременены долгами. Свои замки многие из этих баронов уступали — отчасти или совсем — Адриану и затем получали их от него обратно уже в качестве церковного лена; таким образом, эти нобили превращались в вассалов церкви (*homines*). Именно в этом направлении деятельность Адриана IV отличалась широким развитием. Только низвергнуть римскую республику оказалось для Адриана не под силу. Сенат по-прежнему заседал на Капитолии, и Фридрих, который раньше готов был оказать папе поддержку, теперь был его могущественным противником. «Было бы лучше, — так жаловался Адриан одному своему соотечественнику, — если б я никогда не покидал своей отчины Англии или монастыря Св. Руфа! Есть ли на свете человек до такой степени несчастный, как папа? Заняв Св. престол, я испытал так много бедствий, что вся моя предшествовавшая горькая жизнь показалась мне завидной. Будь избран в папы человек, хотя бы такой же богатый, как Крез, он все-таки очень скоро превратится в нищего и будет

иметь несчетные долги. Совершенно справедливо папа зовется слугою слуг; его побуждает низкая алчность, живущая в душе римлян, и если он не служит этой алчности, ему придется покинуть свой престол и бежать из Рима». Таково мнение Адриана IV о папстве того времени, — мнение человека, умудренного опытом жизни и умершего в изгнании.

В Риме не существует никаких других памятников этого энергичного чужестранца, кроме его гробницы в виде древней урны, находящейся в подземном Ватикане и сохранившейся благодаря материалу, из которого она сделана. В этом нескладном, грубом саркофаге из красного гранита хранятся остатки папы, характер которого был так же тверд, как гранит.

4. Раскол между Виктором IV и Александром III. — Собор в Павии признает папой Виктора IV. — Мужественное сопротивление Александра III. — Отъезд его морем во Францию. — Разрушение Милана. — Смерть Виктора IV, 1164 г. — Пасхалий III. — Христиан Майнцский. — Возвращение Александра III в Рим. — Смерть Вильгельма I. — Греческий император. — Новый поход Фридриха в Италию. — Союз ломбардских городов. — Райнальд Кельнский подходит к Риму

Как только Адриан умер, немедленно начался раскол. Коллегия кардиналов была уже давно разделена на две партии, иерархическую и имперскую; но в Анagni между ними был заключен договор, согласно которому обе партии должны были выбирать одного и того же кандидата. Тем не менее партии Адриана, предводительствуемой Бозо, племянником папы, удалось захватить в свои руки укрепленный дворец близ базилики Св. Петра, где и были устроены ею совещания. Менее сильная германская партия постаралась тогда найти поддержку у императорских послов, которые все еще оставались в Риме, и подкупом приобрела себе сторонников в сенате.

Для избрания папы было созвано в базилике Св. Петра собрание, в состав которого вошли кардиналы, императорские послы, духовенство, знать, народ и сенаторы; последние взяли на себя охрану собора и держали двери его запертыми. Прошло три дня, но соглашение все еще не было достигнуто. Тогда более сильная партия провозгласила 7 сентября папой канцлера Роланда Бандинелли, родом из Сиены.

Едва, однако, этот кандидат, отказывавшийся от избрания, был облачен в красную мантию, как кардинал Октавиан, глава германской партии, сорвал ее с его плеч. Вслед затем какой-то сенатор, негодуя, в свою очередь отнял мантию у Октавиана; но капеллан последнего сбежал за другой, и Октавиан второпях надел ее наизнанку. Как ни смешен был вид кардинала в подобном наряде, собранию уже было не до того, так как начался большой беспорядок. Стоявшие наготове толпы воинов с оружием в руках проникли в базилику Св. Петра, после чего партия Октавиана объявила его папой и была поддержана низшим духовенством, в особенности капитаном базилики Св. Петра, народом, большинством сенаторов и многими капитанами; был пропет *Te Deum*, и затем новый папа под именем Виктора IV был тотчас же торжественно отведен в Латеран.

Тем временем Роланд и его сторонники бежали в укрепленный Ватикан. Подкупленные сенаторы продержали их здесь взаперти в течение девяти дней и затем перевели в Транстеверин, где они были подвергнуты еще более строгому заключению. Через три дня они были освобождены отсюда Оддо Франджипане, который уже давно был известен как самый ревностный вассал церкви и враг республики. После этого в городе наступила реакция; в торжественной процессии при звоне ко-

локолов, с развешивающимися хоругвями Роланд проследовал по улицам Рима, но затем в сопровождении всех своих сторонников из духовенства, множества вооруженного народа и знати, коллегии судей и школы певчих немедленно покинул город и направился в Кампанию. Такими удивительными сценами удаления римлян из города осложнялось в то время избрание пап!

У подошвы Вольских гор, на окраине Понтийских болот, находится Нинфа; в то время это был небольшой город, теперь — христианская Помпея с почерневшими городскими стенами и баронским замком неприступного вида и с развалившимися церквями, сплошь увитыми плющом. Здесь 20 сентября был посвящен под именем Александра III один из самых могущественных пап, знаменитый противник императора Барбароссы. После посвящения Александр удалился в Террачину, на границу сицилийского государства, король которого не замедлил признать его папой.

Некоторое время Октавиан в своих руках значительную часть города. Этот кардинал, происходивший из рода Кресцентуев и принадлежавший к фамилии графа Монтичелли, имел привлекательную наружность и отличался щедростью; поэтому он мог рассчитывать, что найдет в Риме большую поддержку. Префект города Петр, его родной племянник, Тебальди и Стефани, некоторые члены фамилии Газзани, Пьерлеоне и другие могущественные нобили были его сторонниками. Интересы сената, казалось, так же требовали тогда избрания папы из среды германской партии; что касается римского народа, то он никогда не заботился о том, который из пап законный, а лишь о том, который из них дает больше денег. Как римлянин, Октавиан был желательным для народа кандидатом. Низшее духовенство, находившееся со времени Арнольда во вражде с кардиналами, как сторонниками старых порядков, почти единогласно высказалось так же в пользу Октавиана. Напротив, среди высшего духовенства приверженцами Октавиана были только епископ ферентинский, епископ тускуланский Имар, изменивший Роланду, аббат Субиако и четыре кардинала, из которых двое, Гвидо Кременский и Иоанн, были главными виновниками провозглашения Октавиана папой. Кроме того, деятельное участие в избрании его принимали еще пфальцграф Оттон и Гвидо Бландрате. Охраняемый всеми ими, Октавиан покинул Рим, когда в нем началась неистовая реакция, и 4 октября в Фарфе был посвящен епископом тускуланским в папский сан под именем Виктора IV. После того он удалился в Сеньи в Вольских горах. Таким образом, оба папы разместились в Кампании, один ввиду другого, так как из Сеньи можно было отчетливо видеть Ананьи, где проживал Александр.

Не подлежало сомнению, которого из двух претендентов император признает папой: Роланда, ревностного борца за папский абсолютизм, того заносчивого кардинала-легата, которого некогда хотел убить пфальцграф Оттон, или Октавиана, давнего соперника Адриана IV. И тот, и другой апеллировали к христианскому миру, и Фридрих воспользовался этим случаем, чтобы выступить в роли защитника церкви. В письме, написанном из лагеря у Кремы, он сообщил «кардиналу Роланду», что приказывает ему явиться на собор, который будет создан в Павии. Свое право созвать собор Фридрих основывал на примере прежних и позднейших императоров. Но Александр III, уже отлучивший Октавиана от церкви, считал себя законным папой и отказался последовать приглашению, как несогласному с каноническими правилами. Собор состоялся в феврале 1160 г., вскоре после того, как героически защищавшаяся Крема была взята и разорена Фридрихом. Уверенный в своей победе Октавиан явился на собор. Многие свидетели и во главе их капитул собора Св. Петра, затем огромное большинство римлян как духовного, так и светского звания высказались в пользу Октавиана, и собор, находившийся вполне под влиянием императора, постановил 11 февраля решение, согласно которому Виктор IV

был признан законным папой, после чего император почтил его торжественным принесением присяги. Что касается Роланда, то он как государственный изменник и еретик был отлучен от церкви; деятельные сношения его партии с Сицилией, Миланом, Брешией и Пьяченцой могли быть легко доказаны.

Так же мужественно, как Григорий VII, вступил Александр III в борьбу со страшным врагом. Борьба велась за независимость церкви, которую Фридрих решил подчинить собору своих епископов и своей имперской власти. На карту были поставлены все приобретения, достигнутые Григорием и Каликстом. В этой второй великой борьбе многое из прежнего было снова пережито самим Римом, хотя условия его существования были уже совершенно иные, чем прежде. Но тогда как Григорий VII находил своих союзников на почве религиозного фанатизма, в возмущении патарин, в могуществе женщины, преданной церкви, и в политике узурпатора, папству надлежало теперь во имя независимости искать поддержки у городов, которые мужественно боролись за нее. 2 марта, в четверг на Пасху, в соборе Ананьи Александр отлучил императора от церкви; это отлучение уже ничего другого более не означало, кроме объявления войны. Полагая, что усиление могущества Фридриха должно внушать опасение христианским государям, Александр отправил к ним легатов в надежде, что некоторые из этих государей, исходя из таких опасений, признают его папой: эти расчеты не обманули Александра. Поощряя так же ломбардцев к восстанию, он в своих отношениях к республикам действовал, однако, с большой осмотрительностью. Обстоятельство, крайне благоприятное для Александра, заключалось в том, что император был всецело занят жестокой войной с Миланом. В то время как Виктор IV следовал за Фридрихом вместе с его двором, Александру удалось с помощью сицилийцев подчинить своей власти Лациум. Число приверженцев Александра росло даже в изменчивом Риме, так как антипапа не возвращался сюда. Вновь избранные сенаторы объявили себя сторонниками Александра, и затем Франджипани удалось повести дело так, что в июне 1161 г. Александр даже получил возможность вступить в Рим, где им после того была освящена церковь S.-Maria Nova близ замка этой фамилии, у арки Тита. Но уже спустя 14 дней Александр покинул ненадежный город, считая себя более безопасным в Пренесте и в Ферентино.

Надежды Александра разбивались, однако, о могущество Фридриха. 19 июня Виктором IV был созван в Лоди многолюдный собор, на котором присутствовали так же пять римских сенаторов. Таким образом, для Александра, от которого отпала почти вся церковная область, не оставалось никакого другого выхода, кроме бегства. Около Рождества у мыса Цирцеи он сел на сицилийские галеры, достиг Генуи 21 января 1162 г. и, подобно своим предшественникам, направился во Францию искать в ней гостеприимства.

В то время как Александр принимал вассальную присягу французской знати, Фридрих торжествовал свою ужасную победу в Ломбардии. 26 марта он вступил в покоренный им Милан и приказал сровнять его с землей. Ликуя ввиду возможности отмщения, граждане других итальянских городов по знаку императора устремились на жертву, которая покрывала себя славой и своим падением привела Италию в трепет. Ужас овладел так же и Римом: он поспешил признать папу, угодного императору. Но Фридрих, дойдя в июне до Болоньи, двинулся в августе через Турин в Бургундию, оставляя позади себя опустошенную страну, для которой отныне не было другого более священного долга, как освобождение от ига чужеземного деспота. Согласно условию, заключенному с Людовиком VII, Фридрих предполагал созвать собор в Безансоне, куда должны были явиться и выслушать решение оба папы. Но благодаря искусной политике Александра и другим обстоятельствам собор этот не мог состояться. Не достигнув предположенной цели, император при-

нужден был вернуться в Германию и вскоре, так как Виктор IV не встречал здесь ни в ком сочувствия, отослать его назад в Италию. Вместе с ним он отправил в качестве своего наместника Райнальда, которого г. Кельн избрал своим архиепископом. Этот выдающийся человек, занимавший с 1156 г. пост канцлера империи, держался иных принципов, чем те, которым некогда следовал Вибальд. Более преданный монархическому началу, чем сам император, Райнальд мечтал о создании германской национальной империи, которой он хотел вновь подчинить папство. Проницательный ум и смелая энергия этого закованного в броню архиепископа и государственного министра вполне отвечали желаниям Барбароссы.

Пока Александр, обеспечив себе поддержку Франции и Англии, признавших его папой, оставался большую часть времени в Сане (Sens), Рим спокойно управлялся сенатом. Это учреждение, «установленное на Капитолии достойным и знаменитым римским народом», уже не находило нужным в своей деятельности считаться с папой; судебные акты того времени помечены годами правления Виктора IV. Между тем 20 апреля 1164 г. этот папа умер в Лукке, и Райнальд заставил кардиналов-еретиков тотчас же избрать папой, под именем Пасхалия III, Гвидо, епископа Кремы. Фридрих, находившийся в то время в Павии, не замедлил одобрить это самовластное распоряжение своего канцлера. Пасхалий оказался, однако, точно так же бессильным по отношению к Риму. Как знатный римлянин, блестящий Октавиан имел, вероятно, много сторонников в Риме, но у Гвидо не было никакой партии. По-видимому, обстоятельству даже приняли тогда оборот, благоприятный для Александра; римляне понимали, что они лишены всех тех выгод, которые связаны с пребыванием в Риме папской курии, и затем во взглядах лиц гражданского управления и магистратуры так же произошла перемена. Весной 1165 г. судьба, казалось, улыбнулась Пасхалию, но далее она изменила ему. Он избрал своим местопребыванием Витербо. По плану императора этот город служил базой всех походов против Рима; со времени решений, принятых в Вюрцбурге в Тронду 1165 г., все колебания были отброшены, и император окончательно поставил себе целью подчинить папство своей власти. Христиан Майндский и граф Готелин проникли далеко в глубь Лациума и поставили римлян в положение настолько затруднительное, что они вынуждены были, подкупая, просить перемирия и затем обещать признать Пасхалия III папой, если Александр, уже приглашенный ими, не согласится вернуться в Рим. Христиан опустошил Ананьи, но затем вернулся в Тусцию, и тогда Лациум на некоторое время был занят сицилийскими и римскими войсками.

Тем временем новому викарию Александра в Риме, кардиналу Иоанну, искусно действовавшему в интересах своего папы, удалось подкупить римлян, негодовавших на Фридриха за уничтожение городов и на Христиана за его опустошительные походы. Кроме того, Иоанн сумел оказать при новом избрании сенаторов необходимое влияние, овладеть собором Св. Петра и наконец подчинить папской власти Сабину. Почти весь Рим перешел на сторону Александра и принес ему в лице его викария присягу на верность. Во Францию к Александру были отправлены послы, и в августе 1165 г. у Магвелонне он сел на галеру. Дорогой ему удалось ускользнуть от пиратов и пизанцев и благополучно добраться до дружественной Мессины, откуда он, охраняемый королем Вильгельмом, проследовал через Салерно в Рим. В день св. Цецилии папа достиг устья Тибра и, встреченный сенатом, торжественно вступил в Латеран 23 ноября 1165 г. Таковы те полные контраста сцены то бешеной ненависти, то восторженных приветствий, которые приходилось и приходится до нашего времени переживать папам в Риме.

Но положение папы, обремененного долгами, было все-таки трудное: средств, полученных благодаря сделанному во Франции приношениям и затем займу, чему более других способствовал архиепископ Реймский, едва хватало на то, чтобы

иметь возможность оставаться в Риме, среди народа, который, по его собственным словам, даже в мирное время интересовался лишь тем, есть ли что-нибудь в руках у папы. Со смертью Вильгельма I, последовавшей в мае 1166 г., и вступлением на престол его несовершеннолетнего сына Вильгельма II поддержка со стороны Сицилии становилась сомнительной, за исключением помощи деньгами, которые получались оттуда. Новый союзник, предложивший Александру свои услуги, внушал подозрения: то был император Эммануил, находившийся во вражде с Фридрихом. Подобно многим другим византийским монархам, Эммануил полагал, что, воспользовавшись схизмой, он может восстановить свою власть в Италии, где у него уже была твердая опора в Анконе. Он указал Александру на желательность воссоединения обеих церквей и обещал предоставить ему власть над Римом и Италией; взамен этого ему самому должна была быть предоставлена римская корона. Александр принял со всем почетом посла императора, Себастоса Иордана, сына несчастного Роберта Капуанского. Но, выражая готовность последовать предложениям Комнена и посылая своих легатов в Константинополь, Александр в действительности имел в виду лишь напугать Фридриха и сохранить за собой на всякий случай возможность заключить союз с греками.

Призвавши папу обратно и признав за ним суверенные права, город Рим тем не менее оставался независимой, самостоятельной республикой. Конституция, установившаяся в Риме, оказала благотворное влияние на развитие в нем гражданственности, а городская милиция республики внушала доверие к ней. Сохранился один замечательный документ, который относится именно к тому времени и из которого видно, что римская община была тогда независимым государством и пользовалась уважением. В ноябре 1165 г. римляне заключили с Генуей договор, согласно которому эта республика получила право свободной торговли на всем протяжении от Террачины до Корнето, причем генуэзцы, в свою очередь, предоставляли такие же права римлянам. Римскими уполномоченными были Ченчий, сын Obicio Pierleone, скринарий церкви, и Gerardus Alexii. Оба нобили являлись вместе с тем и представителями интересов класса купцов и корабельщиков, так как были их консулами. Вышесказанный договор имел особенно важное значение именно для этих цехов; поэтому их консулам и было поручено сенатом и народом заключить договор. Эти консулы обязаны были следить за тем, чтобы виконты в гаванях Террачина, Астура, Остия, С. Севера и Чивита-Веккиа соблюдали статьи договора, чтобы генуэзские корабли могли находить в этих гаванях во время войны с Пизой безопасное пристанище и в случаях кораблекрушения — содействие к спасению груза и экипажа. Этот оборонительный договор должен был сохранять свою силу в течение 29 лет, не имея враждебного значения по отношению к папе и императору. После того как договор был заключен в Генуе консулами обеих сторон, он был утвержден в Риме сенатом. Таким образом, оказывается, что береговая полоса римской территории была во власти общинного совета на Капитолии, а не папы, и этому же совету были подчинены так же виконты и бабьи тех местностей.

Между тем города, так безрассудно обращенные Фридрихом в рабство, обращали между собою союз на жизнь и на смерть, и уже в ноябре 1166 г. император вернулся в Италию. Фридрих не имел представления о том, какую грозную силу воздвиг он против себя; прогнать греков из Анконы и папу из Рима, водворить Пасхалия III в соборе Св. Петра, нанести всем противникам решительный удар и заключить Италию в оковы — таков был план императора. Было предположено, что в то время как он сам в начале января 1167 г. выступит из Лоди, чтобы овладеть прежде всего Анконой, и затем пойдет на Рим, Райнальд кельнский очистит путь Пасхалию, подвигаясь из Тускула с менее значительными силами. Райнальд

ду удалось близко подойти к Риму, причем почти все замки отпали от Александра. Желая удержать население на своей стороне, папа обратился к нему с увещаниями и наделял его подарками; но старания оказались тщетными, так как население брало деньги одинаково и у той, и у другой стороны. Большинство римлян сохраняло верность папе; причиной тому была их ребяческая ненависть к небольшим соседним городам, как то: Альбано, Тиволи и Тускулум, которые не пожелали признать суверенитет сената и примкнули к императору, и это обстоятельство привело к катастрофе.

5. Тускулум. — Падение дома графов Тускуланских. — Райнальд Кельнский вступает в Тускулум. — Римляне осаждают Тускулум. — Христиан Майнцский заставляет их снять осаду. — Битва у Monte Porzio. — Жестокое поражение римлян. — Фридрих осаждает Леонину. — Штурм собора Св. Петра. — Переговоры с римлянами. — Бегство Александра III в Беневент. — Мир между императором и римской республикой. — Чума производит опустошения в войске Фридриха. — Отъезд Фридриха из Рима

Тускуланским властителем был в то время Райно, один из сыновей умершего в 1153 г. Птолея II. Дом графов Тускуланских уже склонялся к упадку; наследственные разделы, долги, междоусобные войны и римская община ослабили этот могущественный род. Тускулум уже не находился тогда в одних руках; при Евгении III Оддо Колонна заложил свою долю Оддо Франджипане, а затем она была выкуплена этим папой, и таким образом папы вступили в обладание замком, владельцы которого так долго были тиранами Св. престола. Адриан IV отдал папскую часть в ленное владение старшего сына Птолея II Ионафана и сделал его своим вассалом. Сенат, однако, не мог примириться с тем, что церковь является защитницей этого замка, не желавшего признать над собой власть Рима, и старания Александра III удержать римлян от нападений на Тускулум оказывались тщетными. Теснимый римлянами, Райно обратился за помощью к имперцам, и канцлер Райнальд, только что перед тем, 18 мая, овладевший с помощью пизанцев Чивита-Веккией, вступил в Тускулум, после чего он был осажден римлянами. Таким образом, все усилия противников сосредоточились на Риме.

Городская милиция и все вассалы в Этрурии и Лациуме, оставшиеся верными сенату и папе, были призваны к оружию; граждане и капитаны в первый раз соединились вместе. Тогда Райнальд и Райно послали за помощью в германский лагерь около Анконы, и оттуда на выручку своему сотоварищу прибыл Христиан Майнцский с 1300 германцев и наемных брабансонов. Христиан, граф фон Бух, возведенный императором в 1165 г. в сан архиепископа майнцкого вместо Конрада Виттельсбахского, был одним из лучших генералов Фридриха. Из предосторожности Христиан стал лагерем у Monte Porzio, близ Тускула, и, желая выиграть у противников день отдыха для своего войска, отправил послов к римлянам; но последние отнеслись с презрением к предложению вступить в переговоры и, собрав все свои войска, число которых доходило до 40 000 человек, в Духов день стремительно вступили в бой. В летописях нигде не упоминается имя лица, предводительствовавшего огромным войском, равного которому римляне не выставляли на поле битвы в течение уже многих веков; возможно, что предводителем был Оддо Франджипане, самый знатный из римских нобилей того времени. Хотя число римлян превосходило число германцев в 20 раз, тем не менее германцы не впали в отчаяние; пение воинственного хорала поддерживало бодрый дух их небольшого отряда. Христиан развернул имперское знамя, и неравная битва началась. Брабансы были быстро от-

теснены римлянами; но кельнские рыцари, сомкнувшись тесным строем, сделали вовремя вылазку из Тускула, а один из отрядов Христиана напал на неприятеля с фланга; неудержимым натиском центр боевого строя римлян был опрокинут; тогда римская кавалерия обратилась в бегство, пехота так же рассеялась, и брабансоны напали на лагерь римлян. Бежавшие с поля битвы погубили под мечами преследователей или сдавались в плен; в перепуганный Рим вернулась едва лишь третья часть всего римского войска, и только неприступные стены и наступившая ночь заставили германцев прекратить преследование. Поля и дороги были усеяны телами убитых и оружием, несколько тысяч римлян были отведены пленными в Витербо и в числе их сын Оддо Франджипане, за которого отец напрасно предлагал богатый выкуп. Эта замечательная битва между Monte Rogzio и Тускулом происходила 29 мая 1167 г.

Виновниками победы, одержанной перед лицом папы над превосходными силами противника, оказались, к удивлению, два германских архиепископа, оба знатного происхождения, выдающихся способностей и большой энергии; их небольшой отряд состоял из мужественных борцов, закаленных войной в Ломбардии; римляне, привыкшие биться только из-за стен и в уличных схватках, проиграли свое первое сражение в открытом поле, послужившее испытанием их новых сил. И они должны были краснеть от стыда при воспоминании о своих великих предках, по примеру которых они мечтали создать республику на Капитолии. Предание породило много легенд об этом поражении римлян, и только в самом Риме ни один камень не говорит об этом черном дне, который может быть назван днем Кани Средних веков.

Ужас, вызванный поражением, действительно был так же велик, как некогда после победы, одержанной Ганнибалом. Старики и женщины оглашали улицы воплями и с рыданиями встречали тела убитых, погребение которых было дозволено противником. Убитый горем папа плакал; не без колебания искал он защиты в Коллизее, у Франджипани; он позаботился, однако, чтобы стены охранялись стражей и войска были снова собраны. Вскоре германцы, усиленные подкреплениями, взятыми из городов Кампаньи, расположились перед городом. Казалось, снова наступили дни Манлия Торквата и Кориолана, когда герники и жквы, латины и вольски вели войну с Римом и становились лагерем у Алгида. Теперь перед Римом, вернувшимся к младенческому состоянию, стояло, участвуя в осаде, население все тех же древних городов: Тибура, Альбы, Тускула и других. Эти незначительные города надеялись, что им удастся напасть на испытавший унижение Рим с таким же успехом, с каким напали на Милан Кремона и Павия. Чтобы довершить падение Рима, Христиан призвал императора, и Фридрих, принудив Анкону капитулировать, 24

июля уже водрузил свое имперское знамя на Monte Rogzio. Александр III оказывался теперь в таком же положении, в каком был Григорий VII; не было только надежды на то, что осада может быть снята, так как сицилийское войско, высланное регентшей против Фридриха, было разбито. Римляне так же не были теми же защитниками, какими они были по отношению к Григорию; на них можно было положиться только до тех пор, пока нужда и выгода не заставят их заключить договор с Фридрихом. Германцам удалось взять приступом porta Viridaria, и это открыло императору доступ в Леонину; здесь не было ни одного римлянина, и оставались одни только папские слуги, занимавшие собор Св. Петра. Собор был обнесен окопами; его атриум и башни S.-Maria in Turb над главной лестницей были обращены в укрепления; на крыше собора стояли метательные машины. Замок св. Ангела был отделен от Леонины боковыми стенами и служил для обороны моста; поэтому главной крепостью в то время был уже не этот замок, а собор Св. Петра.

В течение восьми дней христианская Мекка выдерживала приступы германских арнольдистов и милиции Витербо. Стены, башни и портик, восстановленный Инно-

кентием II, были разрушены; весь Борго был обращен в развалины; не сдавался еще один только собор; тогда был подожжен атриум, и башня S.-Maria in Turm погибла в огне. Этим пожаром, как жалуется очевидец, была уничтожена великолепная мозаика, украшавшая церковную стену над атриумом; бронзовые двери были взяты гражданами Витербо как трофеем одержанной ими победы. Таков был обычай того времени, и те же граждане Витербо, овладев вскоре затем Корнето, столь же бесцеремонно сняли и унесли к себе городские ворота. Когда огонь, как казалось, уже стал угрожать собору Св. Петра, защищавшие собор сложили оружие. Во время этого приступа двери собора были взломаны топорами; это было сделано по приказанию Фридриха Ротенбургского, сына императора Конрада, лучшего из рыцарей в войске императора. Оскверненные алтари были запятнаны кровью убитых, и на удивительном мраморном полу храма, как на каком-нибудь поле битвы, лежали тела, одетые в кольчуги. Можем ли мы говорить о мусульманах IX века, что они не знали Бога, когда через три столетия после них ту же базилику взяли приступом христианский император и его закованные в железо епископы? Собор был взят 29 июля, а на другой день, когда храм еще только что был очищен от крови, в его приделах уже раздавалось пение Te Deum, звучавшее скорее насмешкой, чем молитвой, и Фридрих, подобно Генриху IV, так же немедленно водворил в соборе своего ставленника-папу, прибывшего из Витербо. И на этот раз во время торжества император точно так же имел на голове золотой обруч патриция, выражая тем свой протест против римлян и папы. Затем 1 августа Пасхалием III была коронована жена Фридриха Беатриса, а сам он явился с императорской короной на голове.

Римляне, принадлежавшие к имперской партии, составили свиту императора; но изъявления сочувствия не вышли из пределов Леонины. Римский народ, глубоко возмущенный понесенным поражением, мужественно защищал город, и на этот раз имел больше успеха, чем на полях Тускула. Александр III, удрученный заботами, оставался в замке Франджипани, у арки Тита. На случай, если бы папа пожелал бежать, к собору Св. Павла прибыли две сицилийские галеры; но папа раздал привезенные ими деньги Франджипани, Пьерлеоне и страже, охранявшей стены, и затем отослал галеры обратно. Хотя римляне оказывали мужественное сопротивление, тем не менее ни они, ни папа не сочли возможным уклониться от переговоров. В Риме находился тогда пфальцграф виттельсбахский Конрад, родственник Фридриха, архиепископ майнцский; он прибыл в Рим вместе с Александром III в 1165 г. Разгневанный император лишил Конрада сана архиепископа и передал этот сан Христиану фон Бух; тогда папа возвел Конрада в сан кардинала-епископа сабинского. Теперь он был отправлен папой в лагерь Фридриха для переговоров. Желая, подобно Генриху IV, привлечь римлян на свою сторону, Фридрих объявил, что единственным препятствием для заключения мира является папа; поэтому он предлагает, чтобы оба папы отказались от своего сана и был выбран с соблюдением канонических правил третий папа; тогда мир в церкви будет восстановлен и римлянам будут возмещены их потери. Эти условия были, конечно, отвергнуты Александром и его кардиналами, но в измученных римлянах встретили поддержку. Чтобы спасти свое стадо, так рассуждали римляне, папа должен быть готов еще на большие жертвы, чем та, которую он принесет, отказавшись от тиары. Произошло возмущение, и народ стал требовать отречения папы. Тогда Александр исчез из города. Спустя три дня папа был замечен у мыса Цирцеи в костюме пилигрима; сидя у этого источника в обществе своих спутников, беглец подкреплял себя пищей, и с той поры этот источник получил название папского. В Террачине Александр снова облачился в пурпур и затем направился в Беневент, куда прибыл в августе.

Бегство Александра лишило императора надежды примириться с церковью, но облегчило заключение мира с Римом. Это бегство свидетельствовало о решитель-

ной победе Фридриха, так как папа был изгнан из Рима теми самыми римлянами, которые так долго защищали его. Тогда же на восьми галерах вступили в Тибр пираты; расположенные по берегам селения были разорены ими, и одна из галер проникла до Ripa Romea. Мужество покинуло римлян; что касается Фридриха, того и он не мог так же надеяться, что ему удастся овладеть замками нобилей даже в том случае, если город откроет ворота. Поэтому императорскими посланцами, в числе которых был историк Acerbus Morena di Lodi, был заключен с Римом мир на следующих условиях: сенат и народ приносят императору присягу на верность и обязуются охранять его суверенные права в пределах города и вне его; император признает сенат в его установленной форме, но свои полномочия сенат получает от императора; золотой буллой император утверждает действительность всех завещаний, сделанных римлянами, и всех арендных договоров и освобождают их от всяких податей и налогов. Таким образом, уступка, на которую Фридриху надлежало согласиться уже во время коронования, была сделана лишь после кровавых войн: римская республика отныне была подчинена непосредственно только имперской власти. Присяга была принесена римлянами уполномоченным императора, но сам он не вступал в город, так как капитаны-нобилы не принимали участия в договоре и, оставаясь в своих замках, сохраняли угрожающее положение. Затем Фридрих восстановил префектуру как имперское установление, назначил префектом Иоанна де Вико, сына бывшего раньше префекта Петра, предложил избрать новый общинный совет и взял с собой 400 римских заложников.

В это время Фридрих стоял на вершине своего могущества; имперские права по отношению к Риму были восстановлены; имперский папа был водворен в соборе Св. Петра; григорианская иерархия была упразднена, и с порабощением Италии могла быть снова создана всемирная Римская империя. Но среди этих блестящих успехов на сцену неожиданно выступили ангелы смерти в образе римской лихорадки для того, чтобы, как говорили верующие, спасти папу. Ужасное бедствие положило предел торжеству победителя и дало городам возможность сбросить с себя оковы. Рок, казалось, наложил на Фридриха свою руку, как некогда на Ксеркса. Духовенство могло ликовать: Рим стал вторым Иерусалимом, а император Фридрих ненавистным Сеннахеримом. 2 августа мрачные тучи разразились над городом ливнем, и затем наступил палящий зной; малярия, угрожающая здесь в августе смертью, получила характер чумы. Цвет непобедимого войска погиб бесславной смертью; всадники, пехотинцы и оруженосцы заболели и умирали, часто неожиданно, едучи или идя по улице; вскоре стало не хватать более сил для погребения умерших. За семь дней Фридрих потерял своих лучших героев; Райнольд Кельнский, Готфрид Шпейерский, Эбергард Регенбургский, графы нассаусский и Липпе, Фридрих Ротенбургский, многие епископы и князья и бесчисленное множество знатных и простых людей были похищены смертью. Рим точно так же страдал от чумы; люди умирали тысячами, и их трупы бросали в реку. В течение целых столетий город не переживал таких ужасных бедствий, как битва при Monte Rogglo и вслед затем чума. Панический страх овладел германцами: карающая рука Господня, говорили они, поразила их за то, что они напали на священный город, жгли церкви и оскверняли христианские храмы, проливая в них кровь.

Преисполненный отчаяния, император снялся с лагеря уже 6 августа и двинулся в путь с остатками своего войска, в котором люди ходили на тени. В Витербо он оставил Пасхалия III и римских заложников и затем направился в Пизу; но на дороге у него еще умерло более 2000 людей. Остальные, возвращаясь в Германию, несли смерть с собой на родину или умирали так же на пути через Италию, как

например, Асербус Моргена и юный герцог Вельф, последний член фамилии Эсте, наследовавший патримонию графини Матильды — Сполето, Тоскану и Сардинию.

Такой ужасный конец имела война Фридриха с Римом, у стен которого со времени готов целые народы Германии находили свои безвестные могилы. И, проходя вдоль высоких стен Аврелиана, немец не может не чувствовать душевной боли, когда перед ним встают воспоминания о тяжких испытаниях, пережитых великим городом, и о той крови его предков, которой здесь пропитана каждая горсть земли.

ГЛАВА VI

1. Борьба ломбардских городов с Фридрихом. — Пасхалий III в Риме. — Каликст III. — Тускулум сдается церкви. — Римляне отказываются впустить Александра III в город. — Победа ломбардцев при Леньяно. — Переговоры Фридриха с папой. — Конгресс и заключение мира в Венеции. — Александр III заключает мир с римлянами. — Торжественное вступление Александра III в Латеран

Нельзя не удивляться непоколебимой твердости духа, с которой Фридрих I безостановочно продолжал борьбу с городами, несмотря на несчастье, постигшее его на территории Рима; но ослепление, которое в этом случае проявил император, может вызывать только сожаление. В недолгом времени этому герою предстояло глубоко позавидовать счастью Александра Великого, который не знал Италии и направил свои силы на завоевание далекой Азии. Уже весной 1108 г. Фридрих принужден был бежать из Ломбардии. И между тем, как он истощал силы своего государства в борьбе с более могущественным, чем он, духом времени, папа подчинился требованиям этого времени. Исключительный ход событий привел к тому, что независимость республик была поставлена под охрану церкви и, наоборот, независимость церкви под защиту республик. Если бы содействие установлению гражданской независимости было свободным актом со стороны церкви, это составило бы ее великую славу. Но папы, поддерживая гражданскую независимость в Ломбардии, где ее противником был император, в то же время боролись с ней в Риме, где граждане, отстаивая свою независимость от папской власти, искали опоры у императора. Как бы то ни было, победа, одержанная демократией, спасла папство от скизмы и от императорской диктатуры.

Борьба союза ломбардских городов против Фридриха навеки украсила Италию ореолом благородного эллинского духа. Пышный расцвет гражданской независимости, сменивший эпоху глубокого мрака, составляет самое светлое событие в Средние века. Один только город Рим был обречен катить Сизифов камень и мучительно бороться с непреодолимым роком. Наряду с ломбардцами и их геройской борьбой римляне производят тягостное впечатление своими непрерывными войнами, которые они вели с мелкими соседними городами, желая отомстить на них невыносимый позор постигшего их поражения. В апреле 1168 г. они разорили Альбано, и в этом им помогли Христиан Майнцский и имперский префект. Оба эти лица, несмотря на августовскую катастрофу, стояли еще во главе германской партии в Риме, куда, покинув Витербо, вернулся антипапа. Некоторое время Пасхалий III мог жить в Ватикане, в котором он был принят сенаторами, надевавшимися добиться возвращения заложников, но сам город оставался для Пасхалия недоступным. Опасаясь нового сената, избрание которого должно было состояться 1 ноября 1168 г., Пасхалий принужден был искать приюта в трансверинском замке Стефана Тебальди, но между тем уже 20 сентября умер, находясь в

Ватикане, после чего место антипапы было занято струмским аббатом Иоанном, получившим имя Каликста III.

И к тому, и к другому папе римляне относились, не проявляя к ним никакого почтения. Будучи довольны вынужденным удалением Александра III из Рима, они тем не менее мирились с присутствием в городе кардинала, его заместника. Последний прилагал старания к тому, чтобы привлечь римлян на сторону Александра, и в то же время Конрад Виттельсбахский в качестве генерала Александра грозил из Беневента нападением на Лациум. Целью вторжения Конрада должен был быть Тускулум, который уже одним своим именем приводил римлян в совершенную ярость и, по их мнению, должен был быть разрушен так же, как Альбано. Но прогнанный обратно графом Чеккано, Конрад не мог подойти к Тускулу, и тогда Райно, последний тускуланский граф, не обращая внимания на права папы, уступил город, которому грозила опасность, префекту Иоанну. Последний принял город под свою власть, но римляне решили взять замок приступом, что заставило Иоанна бежать. Тогда Райно снова вернулся, но уже не был принят гражданами, так как они решили отдаться под власть папы, надеясь найти у него помощь; вследствие этого Райно все свои права уступил церкви. Таким образом, 8 августа 1170 г. знаменитый Тускул стал папским владением.

В то время Александр III имел местопребывание в Вероли и вел горячую борьбу с королем Англии из-за архиепископа Кентерберийского Фомы. Желая склонить папу на свою сторону, король подкупал с этой целью римлян; усилил его, однако, были тщетны; не менее безуспешно предоставлял он так же в распоряжение папы свои средства и свою помощь для покорения Рима. Александр принял послов Фридриха, пожелавшего заключить мир, и затем, призванных им самим, послов ломбардских городов. В это же время явились и греческие послы с возложенными на них новыми предложениями; в своей предупредительности Эммануил Комнен пошел так далеко, что предложил выдать замуж за знаменитого вассала папы Оддо Франджипане свою собственную племянницу. Бракосочетание было торжественно совершено в Вероли; тем не менее Александр не принял предложений греков. Ничем не кончились так же его переговоры с Фридрихом; в Рим Александр, однако, надеялся теперь проникнуть. 17 октября 1170 г. он вступил в сопровождении войска в Тускул. Здесь, в неприступном замке, имея перед своими глазами Рим, знаменитый папа вынужден был оставаться более двух лет, так как римляне не соглашались выпустить его в город. Здесь же им было получено известие о злодейском убийстве в Кентерберии Фомы Бекета, которое в скором времени должно было стать для папской власти значением могущественным рычагом; но в то время как Александр, принимая послов английского духовенства и короля Генриха, был занят обсуждением самых важных церковных вопросов, его собственное вынужденное нахождение в Латинском замке оказывалось поразительным противоречием с таким значением папства. Христиан Майнцский не переставал теснить папу, и тускуланцам только с помощью большой суммы денег удалось откупиться от Христиана и уговорить его отступить от города; не менее беспокоили папу так же римляне, негодовавшие на него за то, что он взял Тускул под свою защиту. В заключение они предлагали папе коварный договор, по которому они соглашались принять его к себе, если он дозволит разрушить хотя некоторую часть стен Тускула. Этот договор был скреплен клятвой 800 римских граждан, и тем не менее римляне уничтожили все укрепления ненавистного им города. Обманутый папа не пожелал вернуться в Рим и не покинул беззащитного Тускула, но в начале 1173 г. перебрался в Сеньи, потеряв, по-видимому, всякую надежду, что его изгнанию наступит когда-нибудь конец. Такое положение еще продолжалось еще несколько лет, но затем ломбардцы одержали великую победу, которая совершенно изменила обстоятельства. В сен-

тябре 1174 г. Фридрих вернулся, чтобы дать городам решительное сражение: германская защита Анконы и новой Александрии вдохновила мужество смелых граждан, и битва, память о которой никогда не умрет, обеспечила им их независимость. День битвы при Леньяно, 29 мая 1176 г., когда союзная гражданская милиция разбилась наголову могущественного императора, был днем марфонской битвы ломбардских республик; эта победа юных городов была одной из самых благородных в истории: и они, и их родина получили свободу. Последствием этой победы были, конечно, прежде всего тайные переговоры императора с папой; в надежде сделать папу безучастным к интересам городов Фридрих отправил к нему в Ананьи послов для заключения мира. Чтобы достигнуть своей цели, Фридрих отказывался от тех существенных прав короны, в уступке которых он некогда отказал Адриану IV. Таким образом, имперская власть, не действовавшая в Риме уже со времени Лотаря, упразднилась теперь тем самым великим императором, который ставил себе задачей восстановление границ древней Римской империи. Александр не замедлил воспользоваться победой ломбардцев в интересах церкви, и города заподозрили его в измене. Но папе удалось рассеять эти подозрения: он прибыл на сицилийских кораблях из Сипонто в Венецию и затем на соборе в Ферраре торжественно обещал городам не заключать мира помимо совещания с ними. Ломбардские консулы могли бы сказать папе, что если он вел борьбу с грозным врагом речами и буллами, то они боролись с ним своими действиями; на этот раз городам пришлось, однако, удовлетвориться только вполнину теми результатами, которые были достигнуты их героическими усилиями.

Затем в Венеции состоялся конгресс, один из самых замечательных; на этом конгрессе судьба народов еще не была поставлена в зависимость от решения дипломатов, заседающих за зелеными столами, но здесь впервые в качестве полноправных членов конгресса выступили наряду с императором и папой уполномоченные независимых городов. 1 августа 1177 г. между Александром III, Фридрихом I, городами, греческим императором и Вильгельмом Сицилийским был заключен мир. Каликст III был низложен, а Александр III утверждён в сане папы и во владении церковной областью. Отказываясь от назначения префекта, император уже тем самым признавал, что папа отныне является независимым государем Рима и патримония. Последний, составляя церковную область того времени, простирался от Акванденте до Чепрано; теперь он снова переходил к папе. В свою очередь, папа признал Сполето, Анкону и Романью землями, бесспорно принадлежащими империи. Что касается союза ломбардских городов, то с ними был заключен мир на 6 лет, после чего была признана их независимость.

Мир, заключенный в Венеции, составил великую эпоху в истории Италии, ознаменовавшуюся пышным расцветом гражданственности. Этим миром была определена так же прежде всего судьба Рима. Но по отношению к императору и папе Рим стоял в менее благоприятных условиях, чем ломбардские города. Фридрих, не колеблясь, поступил римской республикой, признанной им раньше, а его генерал, Христиан Майнцский, даже предоставил в распоряжение церкви свои силы, чтобы, согласно договору, вернуть под ее власть Рим и патримоний. Заключенный мир был встречен всей Италией с ликованием, и римляне, видя себя одинокими, уже более не чувствовали в себе мужества продолжать борьбу с папой, которого император признал властителем Рима. В середине декабря Александр вернулся в Ананьи; он знал, что его изгнанию наступает конец. Семь знатных римлян доставили папе письма от духовенства, сената и народа, приглашавших его вернуться в Рим. Не доверяя римлянам и хорошо помня нанесенные ему обиды, Александр не спешил последовать приглашению и отправил в Рим кардиналов и посредников,

которые должны были вступить в объяснение с народом. После долгих переговоров было достигнуто следующее соглашение: сенаторы, избравшиеся ежегодно 1 сентября, должны были приносить папе присягу на верность; собор Св. Петра и все церковные доходы возвращались папе; всем посетителям Рима гарантировалась безопасность. Затем римские послы, явившись в Ананьи, поверглись к ногам папы и присягой скрепили договор.

После изгнания, длившегося целых 10 лет и проведенного в скитаниях по Кампании, Александр III, сопровождаемый германским войском под предводительством архиепископа Христиана, возвращался наконец через Тускулум в Рим. 12 марта 1178 г., в день св. Григория, в торжественной процессии папа вступил в город и при звуке труб и пении гимнов был встречен сенатом, магистратом, рыцарями, милицией и всем народом с масличными ветвями в руках. Белый иноходец папы мог лишь медленно подвигаться вперед среди толпы, которая теснилась вокруг него, чтобы облобызать ноги у наместника Христа, и Александр достиг Латеранских ворот только уже к вечеру. Сопровождаемый ликующими возгласами народа, Александр вступил в древнее местопребывание пап и дал свое благословение римлянам. Наступившая затем Пасха завершила одно из самых пышных торжеств, которые когда-либо выпадали на долю пап.

Нигде в мире мы не встречаем подобного сочетания событий, свидетельствующего о глубоком трагизме, на которое обречено человечество своими бесчисленными нуждами и беспомощностью, своим непостоянством и в то же время настоятельностью. Сцена борьбы неистовых партий при звоне оружия и бегства пап неизменно сменялась сценой возвращения пап и встречи их ликующим населением; эти постоянно повторявшиеся удаление и призыв пап придают истории города Рима величественный эпический характер, и мы не знаем никакого другого, более великого эпоса, как эта история. Рим как бы постоянно превращался в Иерусалим, в который, подобно Христу, называясь Его наместником, вступал папа. Но при этом, наряду с духовным смирением, проявлялось так же и все мирское тщеславие, неизбежно находившее на мысль, что наместник Христа возрождает вновь языческий триумф древних императоров. Траян и Север 12 марта 1178 г. были бы изумлены при виде римского сената и народа, шумно приветствовавших триумфатора, который сидел на белом лошаке, был одет в длинное женское шелковое платье, не имел при себе меча и оказывался не более как только священником. А между тем этот священник был вместе как бы и полководцем, вернувшимся после долгой войны; к его ногам склонялись со всем смирением самые могущественные земные властители, как некогда склонялись перед римскими императорами другие государи. Повинуясь велениям этого священника, король далекой стороны отдал себя в руки монахов, чтобы подвергнуться бичеванию на могиле убитого епископа, и сам римский император, герой, подобный Цезарю, пав к ногам Александра и облобызав их, признал, что он, император, побежден священником.

2. Провинциальные бароны продолжают поддерживать схизму. — Префект города Иоанн принимает сторону Каликста III. — Война римлян с Витербо. — Каликст III отказывается от своих притязаний. — Ландо ди Сецце, антипапа. — Собор в Риме. — Смерть Александра III (1181 г.)

Менее всего, однако, папы могли доверять сочувственным ликованиям Римля: устлая при встрече путь папы коврами, римляне легко могли отнестись к нему на другой же день с полным презрением, укрываясь среди древних развалин и готовые

при случае обнажить меч. Народ и сенат признали Александра III, будучи к тому вынуждены; но по вопросу о порядке управления городом борьба между республикой и папой как верховным главой по-прежнему не прекращалась. Папская власть была ненавистна и в то же время не внушала страха; недовольство и готовность к новому восстанию чувствовались не только в самом Риме, но и во всей церковной области. Каждый город римской территории мечтал устроиться по примеру ломбардцев: иметь свой собственный муниципалитет с консулами или иными правителями во главе общинного совета. Уже успев привыкнуть к независимости, многие провинциальные бароны Тусции и Сабини, сторонники схизмы, не находили нужным соблюдать покорность и не признавали над собой власти ни сената, в состав которого по заключении мира нобили вошли еще в большем числе, ни папы. Поэтому бароны эти были заинтересованы в том, чтобы схизма не прекращалась. Отказавшись прежде всего подчиниться решениям, принятым в Венеции, антипапа затем избрал своим местопребыванием Витербо, который в это время, как некогда Сутри и Тиволи, был средоточием церковного раскола. Что касается поддержки, то она была оказана антипапе членами знатного рода Вико, к которому принадлежал префект города Рима Иоанн, владевший в окрестностях Витербо обширными имениями. Так как по договору в Ананьи назначение префекта Рима было предоставлено папе, то Иоанн, будучи во враждебных отношениях к Александру III, прилагал все свои старания к тому, чтобы сохранить за собой этот сан. Но народная партия в Витербо, не чувствуя в себе более сил служить честолюбию знати, высказалась в пользу мира, заключенного в Венеции. Тем не менее, когда Христиан Майнцский как уполномоченный императора стал приводить население Витербо к верноподданнической присяге Александру, нобили, подговоренные префектом Иоанном, отказались присягать, завязали сношения с Конрадом, сыном маркграфа монферратского, имея в виду отдать Витербо под его власть, и вступили в открытую борьбу с народом и с архиепископом майнцским. Терпя затем жестокие поражения, провинциальные бароны обратились, по совету префекта Иоанна, за помощью к римской республике, которая уже много раз вела войну с Витербо, и римляне, совершенно игнорируя мир, заключенный ими с папой, выступили против Витербо, только что присягнувши тому же папе.

Александр отдал тогда приказание архиепископу майнцскому и населению Витербо уклониться совсем от войны; в результате такого приказания было то, что римляне, опустошив поля, вернулись назад. После этого префекту Иоанну уже не оставалось другого выхода как только присягнуть папе и принять из его рук назначение в сан префекта. Это изъявление покорности со стороны Иоанна лишило мужества его единомышленника Каликста III; некоторое время он еще продержался в замке Монте Альбано близ Номентанума, но затем сдался, будучи принужден к тому войсками Христиана. Прибыв в Тускул, куда Александр снова перебрался на более долгое время, антипапа бросился к ногам своего великого противника и получил от него прошение, как было условлено по договору в Венеции. Впоследствии Александр, чтобы вознаградить его, предоставил ему ректорство в Беневенте.

Несмотря на все это, ландграфы уже в сентябре провозгласили нового антипапу в лице ди Сецце, принадлежавшего к одной из немецких фамилий мелких тиранов Кампании. Этот антипапа, назвавшийся Иннокентием III, нашел себе прибежище в Паломбара; но здесь он стал жертвой предательской измены. Владельцы замка, близкие родственники прежнего антипапы Виктора IV, были подкуплены и выдали Ландо, после чего он был заключен в монастырь La Cava.

В марте г 179 г. Александр созвал в Латеране вселенский собор в числе 300 епископов, которому предстояло залечить раны, нанесенные церкви долго длившейся схизмой. На этом соборе было постановлено, что избрание папы отныне решается большинством двух третей кардиналов. Затем снова было объявлено, что по каноническому закону папа избирается исключительно коллегией кардиналов и независимо от всякого вмешательства светской власти. Таким образом, и в этот раз независимость папы явилась в результате войны, которую Александр вел со схизмой и с императором.

Так, после долгой борьбы Александру удалось наконец достигнуть того, что он был признан единодержавным главой церкви. И только в Риме и в церковной области он по-прежнему не имел власти. Капитаны все так же боролись с папой; эти непокорные вассалы, заключив ленные договоры со Святым престолом, вели с ним такую же войну, как и с римской республикой, которая не обладала достаточной силой, чтобы, подчинив этих вассалов муниципальному правопорядку, превратить их в римских граждан. Сенат, как и прежде, лишь номинально получал свои полномочия от папы и в сущности был от него независим, опираясь на силу милиции. Последняя, в свою очередь, не переставала бороться с Христианом Майнцским, который все еще вел войну из-за Витербо с Конрадом Монферратским и некоторое время даже находился у него в плену. Одержав изумительные победы, Александр тем не менее чувствовал себя в Риме, как в стане своих врагов. Уже летом 1179 г. он покинул Рим и с той поры, будучи снова в положении изгнанника, жил то в городах Лациума, то в Тускуле. В июне 1181 г. он отправился из Тускула в Витербо, чтобы свидеться со своим защитником, Христианом Майнцским, и вскоре затем, 30 августа, умер в Чивита Кастелана. Римский народ, осыпавший при жизни триумфатора путь его цветами, теперь по смерти его бросал на его гроб камни, и кардиналам лишь с большим трудом удалось похоронить в Латеране величайшего из пап.

Со времени Адриана I ни один из пап не оставался так долго на Св. престоле, как Александр III; но из 22 лет своего правления 18 лет он провел в борьбе со схизмой и 20 лет в изгнании. Своей продолжительной борьбой с Фридрихом Александр стяжал себе всемирную славу; он упрочил и расширил приобретения Григория VII и Каликста III и ослабил еще больше имперскую власть, которая в лице своего героического представителя вынуждена была просить мира у ног папы. Со времени конгресса в Венеции и покаяния Генриха Английского всемирный авторитет папства достиг небывалой до того высоты, и этот авторитет оказывался еще более значительным потому, что личность самого Александра была полна истинного достоинства. Время правления этого папы освещается так же первыми лучами зари освобождения итальянских городов; но это было только счастьем, которое выпало на его долю, а не заслугой его. Союз с независимыми городами, в котором по условиям времени оказался представитель духовенства, был не естественен; но мы не можем все-таки не чувствовать удовлетворения, видя, что церковь, обычно исходящая из начал деспотизма, на этот раз явилась руководительницей человечества в его движении по пути к свободе и культуре, т. е. была тем, чем она по существу своему всегда должна быть. И лишь постольку, поскольку церковь удовлетворяла этому условию, она проливала истинный свет и обладала могуществом; когда же служители церкви, во имя своих властолюбивых замыслов, вступали в борьбу с благородными стремлениями народов, мир отвечал церкви не любовью, а ненавистью. По своей природе Александр III был человеком более сдержанным и спокойным, чем Григорий VII, и мог бы считаться самым счастливым между папами, если б у него не было раздора с Римской республикой.

3. Люций III. — Война римлян с Тускулом. — Смерть Христиана Майнцского. — Пререкания Люция с императором; смерть Люция в Вероне. — Урбан III. — Сицилийское бракосочетание. — Генрих VI вступает в Кампанию. — Григорий VIII. — Климент III. — Мир с римской республикой (1188 г.)

Из того факта, что три преемника Александра вынуждены были жить в изгнании, мы уже можем заключить, какие отношения существовали между папами и г. Римом. Героический образ великого противника Фридриха высоко возвышается над личностями этих трех пап с их обиденной судьбой, неудачами и скорой смертью. Прилив сменился отливом — таков закон, неизменно повторяющийся в истории папства.

Провозглашенный папой под именем Люция III, Убальдо Аллучинголи, родом из Лукки, бывший до того кардиналом-епископом Остии и Веллетри, был избран коллегией кардиналов не в Риме, а в Веллетри и посвящен в папский сан 6 сентября 1181 г. После некоторых переговоров с римлянами он мог, однако, в ноябре переехать в Рим и пробыть здесь несколько месяцев. Дух Арнольда по-прежнему жил в Риме, и каждому папе приходилось или отвоевывать себе сколько-нибудь сносное положение, или уходить в изгнание. Люций, по-видимому, очень скоро стал во враждебные отношения к римлянам, так как не пожелал признать за ними тех прав, которые были признаны прежними папами. Яблоком раздора все так же оставался Тускул; римляне вели войну с этим укрепленным городом, чувствуя к нему такую же, граничившую с безумием ненависть, какую питали к Фьезоле флорентинцы, пока окончательно не разрушили его в 1125 г. Тщетно искали тускуланцы защиты под знаменем папы; с большим трудом они восстановили стены своего города и оказывали отчаянное сопротивление врагу, постоянно пытавшемуся взять город приступом. Когда же римляне, имея в своем распоряжении большие силы, 28 июня 1183 г. снова осадили Тускул, Люций III, укрепившись в Сеньи, призвал из Тусции на помощь Христиана Майнцского. Последний не замедлил прибыть, и воспоминание о битве при Monte Porzio оказалось достаточным, чтобы два раза прогнать римлян. Военственный архиепископ преследовал римлян до самых стен Рима; но августовская лихорадка, похитившая некогда его знаменитого сподвижника Райнальда, сразила и его самого. Первоначально неумолимый противник Святого престола, а за тем его защитник, Христиан сошел в могилу, получив благословение папы; он умер в Тускуле, на той арене, где подвизался, и здесь же погребен. Один из самых крупных владельных князей своего времени, Христиан был женой насмешкой над стараниями благочестивых людей достичь того, чтобы епископы отказались от своего отталкивающего светского облика. Будучи архиепископом Майнцским (право на этот сан было признано за ним по договору в Венеции), Христиан в то же время оставался до самой смерти своей рыцарем, который искал в жизни наслаждений, содержал целый гарем красивых женщин и развезжал верхом на великолепном коне, одетый в блестящее доспехи и готовый своей палицей раздробить врагу шлем и голову.

Смерть Христиана была чувствительной потерей для папы, так как государи, к которым он взывал о помощи, отвечали ему только одними обещаниями да присылкой небольших денег. Теперь римляне уже с большой смелостью напали на все те города, которые еще сохраняли верность папе. В апреле 1184 г. они разорили всю Тускуланскую область и проникли далеко в глубь Лациума, производя здесь такие же опустошения. Ненависть римлян к духовенству проявлялась в дикой варварской форме; захватив однажды в Кампанию нескольких священников, они ослепили их всех, за исключением одного, посадили их на ослов, надели на несчастных

сделанные из пергамента митры с именами кардиналов и приказали тому, который остался невредим, отвести этот печальный кортеж к папе. Люций III бежал в Верону к императору, который находился здесь после того, как 30 апреля 1183 г. заключил в Констанце мир с городами. При этой встрече между императором и папой возникли несогласия из-за инвеституры и наследия Матильды. Взаимное недовольство поддерживалось еще тем, что Люций отказывался признать за королем Генрихом, сыном Фридриха, право на императорскую корону, так как этим признанием обычай Каролингов был бы снова восстановлен; неспокойные переговоры, которые велись в Вероне, касались именно этого требования императора. Приведенный в негодование Фридрих покинул папу, назначив, однако, раньше на место Христиана начальником войск в Кампаньи Бертольда, графа кюнсбергского, который и должен был защищать Тускул против римлян. С своей стороны Люций на соборе в Вероне решил отлучить римлян от церкви и торжественно провозгласил им анафему, признав, что они, восставая против *dominium temporale*, следуют учению Арнольда и являются такими же еретиками, как вальденцы, катары, гумилиаты, лионские нищие и последователи других сект, все более и более распространявшихся в то время. 25 ноября 1185 г. Люций III умер в Вероне. Печальная, но содержательная по мысли эпитафия, посвященная этому папе, является превосходной характеристикой судьбы как его самого, так и других пап того времени:

«Люций, Лукка даровала тебе жизнь, Остия — епископство, Рим — престол, и в Вероне ты нашел смерть. Нет, в действительности Верона дала тебе жизнь, Рим обрек тебя на изгнание, Остия — на исполненную забот нужду, и Лукка осудила тебя на смерть».

Преемник Люция, не менее печальный образ, чем сам Люций, оставался в изгнании в Вероне; это был миланский архиепископ Гумберт Кривелли. Упорный и энергичный человек, решительный противник Фридриха, он был посвящен в сан папы под именем Урбана III 1 декабря 1185 г. Натянутые отношения с императором теперь сменились открытой враждой; одной из важнейших причин полного разрыва был отказ Фридриха уступить спорное наследие Матильды. Кроме того, римской курии внушал опасения блестящий успех, достигнутый германской политикой в Сицилии. После недолгого расцвета династия Рожера оказалась вымирающей, и Вильгельм II, будучи бездетным, согласился на брак Констанции, своей наследницы и тетки, дочери короля Рожера, с Генрихом, сыном Фридриха. Помимо папы, суверена Сицилии, и несмотря на его протест, это роковое бракосочетание состоялось в Милане 27 января 1186 г., причем Фридрих торжественно провозгласил своего сына цезарем. Но папа отказался предоставить Генриху императорскую корону, а так же и ломбардскую, которая была в его распоряжении, так как он оставался по-прежнему архиепископом миланским. Тогда император поручил совершить эту церемонию патриарху аквилейскому. Таким образом, Сицилия — лен Святого престола, так заботливо оберегаемый папами и так часто служивший им опорой против германских королей, — должна была со смертью Вильгельма отойти к германской империи. Это замечательное событие было тяжким поражением для римской политики и вместе с тем блестящей победой германского двора, так как последнему удалось дипломатическим путем достигнуть того, к чему до сих пор, опираясь на вооруженную силу, безуспешно стремились многие императоры. Утрата Ломбардии, достигшей независимости, возмещалась приобретением Сицилии и здесь так же, как в наследственных землях Матильды, должна была быть основана династия Гогенштауфенов. Но это крупное приобретение в скором времени оказалось проклятием и для Италии, и для Германии, той

тяжкой карой, которой надлежало искупить политику Гогенштауфенов, не считавшихся с национальными интересами Германии.

Следуя приказаниям своего отца, Генрих вторгся в церковную область и начал враждебные действия, причем римляне охотно оказали ему поддержку; города Лациума, которые еще оставались верными Святому престолу, были опустошены; после этого надежда на возвращение папы была уже окончательно утрачена. 20 октября 1187 г. Урбан III умер в Ферраре. 2 октября Саладин овладел Иерусалимом, и весть об этом, как молния, сразила папу, названного по имени того счастливого предшественника его, в правление которого священный город был освобожден. Падение Иерусалима потрясло всю Европу настолько сильно, что наиболее важные дела, волновавшие Запад, отошли на задний план, и деятельность папы, императора, королей и епископов была еще раз снова направлена на Восток.

Уже 25 октября 1187 г. в Ферраре был посвящен в папский сан под именем Григория VIII канцлер церкви Альберто ди Мора, родом из Беневента; этот старец с кроткой душой не желал ничего другого, как только мира с империей и затем похода в Иерусалим. Борьба, происходившая при Александре III, истощила силы папства и усилила имперскую власть; мир, заключенный в Венеции и Констанце, положил конец войне с городами, а союз с Сицилией неожиданно сделал императора еще более могущественным. В то время как папы были вынуждены римлянами томиться в изгнании, у Фридриха во всей Италии не было врагов. При таких условиях даже Урбан III не мог решиться отлучить императора от церкви, а склонный к уступчивости Григорий VIII поспешил вступить в соглашение с королем Генрихом. Обещав королю не противиться его притязаниям на Сицилию, папа согласился вообще признать все права империи по отношению к Италии. Тогда Генрих VI прекратил враждебные действия и отправил к папе для переговоров графа Ансельма вместе с консулом римлян Львом Монументо. Сопровождаемый послами, папа проследовал в Пизу, чтобы примирить пизанцев с Генуей и призвать их к крестовому походу, но по приезде сюда умер 17 декабря 1187 г.

После того кардиналами при содействии консула Льва папой был избран и 20 декабря 1187 г. посвящен в пизанском соборе под именем Климента III палестринский епископ Паолоно Сколари, родом из округа delli Pigna. Этому папе, римлянину по происхождению, удалось заключить мир с сенатом, подготовленный Григорием VIII. После успешных переговоров папа, сопровождаемый консулом Львом, вернулся в Рим уже в феврале 1188 г. и был принят здесь со всеми почестями. За 44 года, которые протекли со времени переворота, совершившегося в Риме и ознаменовавшегося учреждением сената, папы почти без перерыва оказывались жертвами этого переворота. Мы видели, как трагично окончили свое существование Иннокентий II и Целестин II, как Люций II был насмерть ранен брошенным в него камнем, как Евгений, Александр, Люций, Урбан III и Григорий VIII умерли, оставаясь в изгнании. Теперь папство в лице Климента III возвращалось наконец в Рим, но при этом с городом был заключен мир, как с независимой властью. Таковы были результаты ломбардских побед и энергичной борьбы римлян с императором и папой. Провозглашение демократических начал в Риме останется навсегда замечательным событием того времени; правда, это провозглашение не сопровождалось удачей и не имело таких же основ, как в ломбардских или тосканских городах, тем не менее оно свидетельствует об энергии римлян того времени и разумном понимании ими вещей.

В общем положение Рима по отношению к папе установилось такое же, какое было достигнуто ломбардскими городами по отношению к императору; были вос-

становлены так же договоры, заключенные при Евгений III и Александре III. По счастью, до нас дошел тот документ, который 31 мая 1188 г., на 44-м году существования римского сената, был принят им и подтвержден клятвой. Этим мирным договором, составленным в выражениях, полных достоинства, и декретированным властью священного сената, папа признавался верховным властителем, который облекал полномочием капитолийский сенат, в свою очередь присягнувший ему на верность. Право чеканить монету было снова предоставлено папе, но третья часть ее принадлежала отныне сенату. Все прежние папские доходы возвращались папе; сенат удерживал за собой только Луканский мост ввиду вражды Рима с Тиволи. Относительно обратной передачи всего того, что по праву принадлежало папе, должны были быть составлены акты. Далее, папа возмещал римлянам убытки, причиненные войной; он обязывался наделять обычными денежными подарками сенаторов, сенаторских служащих, судей и нотариусов и ежегодно отпускать 100 фунтов на восстановление городских стен. Папа мог пользоваться римской милицией для защиты своих патримониев, но только за свой счет. Ни одной из статей договора не было определено установлено, имеет ли республика право объявлять войну и заключать мир независимо от папы; но это право подразумевалось само собой, так как Рим был признан независимым, и затем положение папы в городе ничем не отличалось от положения епископов в других независимых городах, несмотря на то, что папе были присвоены титулы и почести светского властителя. По отношению к Тускулу и Тибуру, ставших теперь папскими городами, состоялось специальное соглашение, так как римляне, заключая договор с папой, исходили главным образом из своей ненависти к этим городам. Чтобы получить возможность мирно вернуться в Рим, Климент III, не колеблясь, принес в жертву несчастный Тускул, искавший спасения под кровом церкви, и не только разрешил римлянам вести войну с этим городом, но даже обещал помочь им в этой войне своими собственными вассалами и отлучить тускуланцев от церкви, если они к 1 января не сдадутся римлянам. Злополучному городу предстояло быть разрушенным, а земли и население должны были остаться во владении папы.

Особым договором с капитанами были установлены определенные отношения между ними и римской общиной. Статьи этого договора нам в точности неизвестны; но не подлежит сомнению, что представители крупной родовой знати должны были признать власть сената, войти в состав общины в качестве граждан (*cives*) и таким образом завершить организацию общины во всей ее целостности.

Папе надлежало избрать по 10 человек с каждой улицы (*cantrada*) каждого округа, и пять из этих 10 человек должны были дать ему клятву в соблюдении мира; текст самого договора был утвержден присягой всего сената, состоявшего, как видно, из 56 членов, при чем часть их (*consiliatores*) составляла исполнительный орган республики.

Со времени установления независимости римской общины в 1144 г. город в тесном смысле подвергся новому разделению и состоял из 12 округов, которые обозначались не числами по порядку, а следующими местными названиями: *Montium et Biberaticae*; *Trivii et Vie Late*; *Columpne et S.-Marie in Aquiro*; *Campi Martis et S.-Laurentii in Lucina*; *Pontis et Scorteclariorum*; *S.-Eustachii et Vinea Teudemarii*; *Arenule et Caccabariorum*; *Parionis et S.-Laurentii in Damaso*; *Pinee et S.-Marci*; *S.-Angeli in Foro Piscium*; *Ripe et Marmorate*; *Campitelli et S.-Adriani*. Леонина, как территория папская, была исключена из числа этих округов; Транстеверин и остров Тибра, раньше составлявшие два самостоятельных округа, теперь образовали один, тринадцатый округ.

Конституция 1188 г. была большим шагом вперед в существовании римской общины. Установлением этой конституции был положен конец как имперской власти эпохи Каролингов, так и патрицианской власти времен франков. Имперские права теперь уже не заботили никого. С той поры, как избрание пап стало независимым, связь Рима с империей была уничтожена. Сам Фридрих I в вопросе собственного избрания не считался с голосом римлян и затем, заключая договор в Ананьи и отказываясь от права назначать префекта, устранил императорскую власть от вмешательства в дела города. Условия, в которых Рим существовал раньше, миновали; папа не имел ни исполнительной, ни законодательной власти; все, что было присвоено папе как светскому правителю, сводилось к регалиям, обладанию церковными землями и к правам сюзерена по отношению к васалам. Могущество папы зависело от того, что он был самым крупным землевладельцем, раздавал самые крупные лены и мог призвать к оружию много «людей». Но все значение папы как местного государя заключалось только в праве на инвестиру, которым он обладал по отношению к представителям исполнительной власти в республике, свободно избранным общиной, и затем, по отношению к случаям, в которых были замешаны интересы обеих сторон, в совместном применении папской юрисдикции с муниципальной. Устранение папской власти единственно силами самой римской общины является поэтому одним из самых замечательных событий в средневековой истории г. Рима, который только с этого момента получил право на общее внимание в гражданском отношении.

4. Крестовый поход. — Ричард Львиное Сердце отказывается посетить Рим. — Смерть Фридриха I. — Целестин III. — Генрих VI домогается императорской короны. — Коронование его. — Римляне разрушают Тускул. — Падение Тускуланских графов. — Отношение знати к римской республике. — Изменение конституции. — Бенедикт Карусгомо, сенатор. — Джованни Капоччио, сенатор. — Джованни Пьерлеоне, сенатор. — Генрих VI уничтожает норманнскую династию в Сицилии. — Быстрая кончина Генриха VI. — Смерть Целестина III

В 1189 г. Климент III получил от Генриха, наместника императора, все те земли, которые составляли церковную область и были отняты Генрихом у папы Люция, и после того сосредоточил все свое внимание на великом крестовом походе, который был предпринят сначала императором Фридрихом и затем Филиппом Августом французским и Ричардом Английским. На этот раз римские нобили так же приняли участие в походе, и в их числе были, между прочими, один из членов фамилии Пьерлеоне и даже префект Теобальд; вместе с Конрадом Монферратским они оба были участниками битвы с Саладином при Акке. Отряды крестоносцев шли в этот поход, держась вдалеке от Рима, и только Ричард Львиное Сердце, севший с войском на корабли в Марселе, в начале августа 1190 г. высадился в Остии. Но он с пренебрежением отнесся к кардиналу, который предупредительно явился в Остию, чтобы пригласить его от имени папы почтить своим посещением христианскую столицу. Было время, когда ни один король не отказался бы последовать такому приглашению и счел бы долгом благочестия поклониться гробу апостола, вступив в ворота священного города в одежде паломника. Теперь наступило совсем иное время: Ричард, наследник благочестивых англосакских королей, некогда с благоговением надевших на себя в Риме монашескую рясу, с презрением объявил присланному папой кардиналу, что ему, Ричарду, нечего искать у корыстного и подкупного папского двора. Минуя Рим, Ричард направился сухим путем вдоль бе-

рега, покрытого лесами и болотами, в Террачину, сел здесь снова на корабли, приехал в Мессину и вступил тут в переговоры с сицилианцами. После смерти Вильгельма II, мужа сестры Ричарда Иоанны, — эта смерть последовала уже 16 ноября 1189 г., — национальная партия в Сицилии предоставила корону графу Танкреду, незаконному сыну Рожера Апулийского, старшего сына короля Рожера. Как муж Констанцы Генрих VI решил прогнать силой оружия этого «узурпатора», права которого на лен были тем не менее признаны папой. Беспорядки в Германии и затем весть о смерти отца помешали, однако, Генриху привести свое намерение в исполнение. Престарелый Фридрих, некогда сожалевший о том, что судьба привела его в Италию, а не в Азию, как Александра Великого, погиб 10 июня 1190 г. в одной из рек Сирии.

Бессмертный Барбаросса, истинный колосс между императорами Средневековья, является доньше в истории Германии гордостью нации и в народных сказаниях символом возрождающегося величия германской империи. Но в Италии своими опустошительными походами и разорением знаменитых городов Фридрих заслужил глубокую ненависть, которую возможно смягчить только отчасти, сопоставив ее с общим жестоким характером того времени. Упорная борьба представителя имперского начала с городами, борьба из за политической инвеституры была не менее важна и благодетельна, чем борьба за церковную инвеституру, которую вели оба Генриха. Помимо деспотических замыслов и войн Фридриха города никогда не достигли бы всей своей политической независимости, и точно так же их право на эту независимость не было бы признано так скоро. Эта заслуга, совершенно не входившая в намерения Барбароссы, была им все-таки оказана Италии, которая вела с ним такую доблестную борьбу. Отнестись отрицательно к «империи», которая долгое время и роковым образом являлась связующим звеном между Германией и Италией, может только тот, кто измеряет события мировой истории каким-нибудь мелким масштабом, кто судит о них с точки зрения исключительно отечественных интересов; за пределами подобного ограниченного кругозора такое отрицательное отношение не имеет силы и лишено смысла. Но мы должны сказать, что Италия и Германия после мира, заключенного в Венеции, уже были вполне готовы отделиться друг от друга. По несчастью, Фридрих сицилианским браком удержал связь, в своей основе уже переставшую существовать, и таким образом единство и могущество Германии были принесены в жертву личной политике императорских династий, потребовавшей новых и долгих войн по ту сторону Альп.

Юный Генрих VI страстно желал императорской короны; поэтому он поспешил отправить послов к папе и даже к сенату, так как в вопросе об избрании императора теперь уже снова приходилось считаться с голосом сената, и Генрих сам обещал признать права его законными. Встревоженный угрозами Генриха, приведенного в негодование передачей Сицилии в ленное владение Танкреда, Климент III назначил коронование на ближайшую Пасху, но в конце марта 1191 г. умер.

Немедленно после того кардиналы провозгласили папой, под именем Целестина III, престарелого кардинала Пацинта, сына Петра Бобо, римлянина из дома Орсини. Сопровождаемый сильным войском, Генрих уже приближался к Риму и, немножго времени оставалось так же до Пасхи; но новый папа медлил со своим собственным посвящением, чтобы отдалить коронование, о котором все еще шли переговоры. Враждебное настроение сената могло так же помешать коронованию; а между тем Генрих VI добивался совершения его во что бы то ни стало, намередываясь вслед затем немедленно идти в Сицилию. Этим случайным стечением обстоятельств римляне воспользовались, чтобы окончательно овладеть Тускулом. Измученный город в продолжение трех лет вел отчаянную борьбу с соединенными силами папы и сена-

ным стремлением к независимости; но под влиянием папства истинная и мужественная гражданская доблесть была утрачена этим городом. Рим, управляемый священниками, не дал ни одного гражданина в том великом значении этого слова, какое оно имело в древности. Несчастный народ, обреченный на праздность, считывавший в году больше церковных праздников, чем рабочих дней, был чужд всякой гражданской деятельности и не обладал никакой собственностью; действуя совместно, оба эти обстоятельства лишали народ энергии и не давали возможности пробудиться в нем сознанию собственного достоинства. Причины такого положения римлян ясны, и ни один народ в мире не мог бы в конце концов устоять против воздействия этих причин. Слабый и бедный класс римских горожан, объединенный цехами лишь отчасти и притом в незначительной мере, не мог успешно бороться с патрициями и капитанами, которые благодаря этому обстоятельству в союзе с папой и одни то ослабляли республику, то упраздняли ее. Если бы римская знать обремененная теми же качествами, которые были бы присущи знати в Генуе и Венеции, с течением времени в Риме могло бы установиться патрицианское правительство, которое составило бы оппозицию папам. Норимские нобили, не занимавшиеся ни торговыми делами, ни земледелием на обширных полях Кампани, были в большинстве случаев лишь знатными попрошайками или вассалами папы, епископов и разных римских церковных учреждений. Мало-помалу церковь превратила всех этих нобилей в своих вассалов, препятствуя им в то же время, насколько это было в ее власти, накапливать фамильные поместья и закреплять их за собой. Поэтому земельные владения римской знати не составляли прочной собственности и постоянно переходили из рук в руки. Читая договоры того времени, нельзя не удивляться частому обмену ленов и замков. И только немногим фамилиям, как, например, Колонна и Орсини, удалось действительно установить наследственное владение в Кампани.

После заключения мира в Венеции, Констанце и Риме нобили могли убедиться, что положение республики становится прочным, и тогда они решили прекратить обструкцию, которой они до сих пор держались по отношению к республике. С целью придать общине аристократический характер они стали вступать в нее, и сенат наполнился членами, принадлежавшими к знати, которой нетрудно было направить выборы в эту сторону. С 1143 г. в сенате сначала преобладали представители простого народа; но затем мало-помалу в сенат стали проникать знатные люди; со времени же Климента III и Целестина III большинство сената состояло уже из патрициев древнего рода, а не граждан и рыцарей. Наплыв знати в сенат был настолько велик, что нормальное число 56 членов сената вскоре оказалось превзойденным.

В зависимости от этих возникших с течением времени осложнений уже в 1191 г. произошел переворот; народ восстал против аристократии, уничтожил конституцию и, как было уже однажды, поставил во главе правительства одно лицо. Такой исход восстания могло получить по примеру других городов, в которых к концу этого века консулы были заменены отдельными лицами, получившими в свои руки правительственную власть. Римляне назвали своего верховного главу уже не патрицием и не подестой, как в итальянских городах, а сенатором, или *Summus Senator*. В этот именно сан они возвели Бенедикта Caruano, который несомненно принадлежал к классу горожан и во время восстания захватил власть в свои руки. Правительственная власть, разделенная между несколькими лицами, оказалась слишком слабой; правление, сосредоточенное в одном лице, явилось с самого же начала решительным: сенатор Бенедикт лишил папу всех его доходов, как тех, которые поступали в самом городе, так и тех, которые получались за пределами городской черты, и затем назначил так же своих судей в провинциальных поселениях. На первых порах папа

не хотел было признать власти Бенедикта, но затем уступил и изъявил свое согласие на изменение конституции.

Возможно, что Рим обязан своим первым муниципальным статутом сенатору Бенедикту; этот статут, предложенный Бенедиктом, был утвержден народом; но о деятельности Бенедикта до нас дошли только некоторые несвязанные между собой заметки. Этот энергичный человек, как надо полагать, заслуживал того, что память о нем сохраняется в Риме до сих пор в виде посвященной ему эпитафии. Бенедикт занимал сказанное положение в течение двух лет; затем он был низвергнут восстанием и заключен в Капитолий, где содержался долгое время. После того сенатором был провозглашен Джованни Капоччио. Этот римлянин происходил от одной из второстепенных знатных фамилий, владевшей замком близ церкви S.-Martino e Silvestro; некоторые башни этого замка сохранились до сих пор. Его правление так же отличалось энергией. Затем место Джованни Капоччио занял Джованни ди Пьерлеоне, после чего в 1197 г. произошел опять переворот: прежняя конституция с 56 сенаторами и исполнительным комитетом консилиаторов была снова восстановлена. Так как сенат в то время состоял главным образом из представителей капитанских фамилий, то инициатива этого переворота могла принадлежать только местной знати.

Единственной надеждой папы в то время были взаимная борьба партий да страсть к новизне, свойственная всякой демократии; поэтому он благоразумно решил не вмешиваться в дела римлян. Именно тогда папству грозила большая опасность, так как со смертью короля Танкреда в 1194 г. Генрих VI подчинил Сицилию своей власти. Коварство, с которым этот лишенный всякой совести государь истребил последних потомков норманнской династии и лиц, составлявших норманнскую знать, возмутило национальное чувство итальянцев. Деспотизм нового императора угрожал независимости ломбардцев, так дорого добытой. По примеру отца Генрих возложил официальную власть в Италии на германцев; своего брата Филиппа он назначил герцогом тусцанским и дал ему в ленное владение земли Матильды. Сполето, Романья и Марки были еще раньше отданы в виде ленов: первое — Конраду Урлингенскому и вторые два — военачальнику Марквальду. Владения Генриха окружили, таким образом, церковную область как железным кольцом. Патримоний церкви был занят Генрихом почти до самых ворот Рима. С более чем юношеской неустрашимостью, с безумным увлечением сын Барбароссы мечтал об империи, лелея надежду, что ему удастся восстановить всемирную императорскую власть, поработить Италию и отнять у папства его григорианские основаначала. Он решил вернуть себе те права по отношению к Риму, от которых его отец отказался, и нет сомнения, что при той энергии, которой он обладал, он достиг бы своей цели, если бы прожил дольше. Префект города не переставал быть в оппозиции к папе, отказываясь признать себя состоящим на его службе: занимая раньше должность по назначению императора, префект имел положение независимого лица, к которому чувствуют почтение и страх, и теперь не мог примириться с утратой этих преимуществ. И мы действительно видим, что именно в это время префекты явно стараются примкнуть к императору и очень часто оказываются состоящими в его свите. Точно так же Генриху VI удалось привлечь на свою сторону и Франджипани. Эти вассалы церкви, в то время самые могущественные, по-прежнему вели борьбу с папами, которые были принуждены передать в их владение приморский город Террачину, где Франджипани правили как тираны, время от времени успокаивая договором местную общину, восставшую против них.

Совершая свой последний поход в Сицилию в ноябре 1196 г., император, сопровождаемый префектом Петром, Марквальдом и Конрадом Сполетским, по-

следовал через римскую область в Тиволи, Палестрину и Ферентино. В этот раз он не подходил к Риму, но из Тиволи вел переговоры с папой о короновании своего малолетнего сына Фридриха. В то время в Риме был голод, и папа просил Генриха снабдить город хлебом. Возмущенное тиранией императора население Сицилии восстало против него, причем к восставшим присоединилась и жена самого Генриха. Последний подавил восстание с нечеловеческой жестокостью, которую можно встретить только в истории азиатских султанов; но затем, когда Сицилия была обращена в пустыню, смерть похитила его самого. Генрих VI, характеру которого, наряду с некоторыми выдающимися способностями властного правителя, были свойственны так же бесчестность, корыстность и грубость, умер 28 сентября 1197 г., имея всего лишь 32 года от роду. Вскоре после этого, 8 января 1198 г., умер и Целестин III. Наследником императора, своим могуществом внушавшего людям страх, был беспомощный ребенок, опекаемый фанатичкой-сицилианкой; наследником же бессильного папы оказался один из самых великих представителей папства.

Благополучию церкви не было границ.

ГЛАВА VII

1. Низкая культура Рима в XII веке. — Законы Юстиниана. — Каноническое право. — Сборник Альбина. — Liber censum Ченчия. — Продолжение книги пап. — Малое число римских историков. — Описание собора Св. Петра Маллия; описание Латерана Иоанна диакона

В продолжение всего XII века духовная жизнь Рима имела тот же полуварварский характер, как и раньше; факт этот объясняется, с одной стороны, непрерывной борьбой, которую церковь вела с императорами и с римским народом, с другой — изгнанием пап из Рима, почти всегда сопровождавшим наиболее сильные восстания в городе.

В XII веке Святой престол занимали выдающиеся люди; однако из всех 16 пап этого века только четыре были римлянами по происхождению, но и они не принадлежали к числу самых замечательных. Свое образование многие папы получили за границей и преимущественно во Франции, где Париж во времена Абеляра приобрел значение высшей школы диалектики и теологии. Мы уже отметили близкую связь, установившуюся между Римом и Францией со времени француза Урбана II. Свяжающим звеном первоначально явился клюнийский орден; в XII веке великая реформа монашества, совершенная Бернардом Клервоским, сделала эту связь еще более крепкой и прочной. Политические и церковные отношения установили тесный союз папства со страной, которая неизменно служила его представителям гостеприимным убежищем. В духовной связи с Францией находилась вообще вся Италия, питавшая к Германии враждебные чувства, и весьма характерным для этой эпохи является тот факт, что один из самых выдающихся по своему уму итальянцев того времени, схоластический теолог Петр Ломбардский, не только учил в Париже, но и умер там, будучи епископом (1106 г.).

Мы видели, как сказалось в Риме влияние двух враждебных друг другу знаменитых французов того времени: ученик св. Бернарда занял Св. престол; ученик Абеляра приобщил Рим к новым политическим идеям, которыми он был вдохновлен. Если в прежние времена один из кардиналов жаловался, что нищета лишает римлян возможности посещать иноземные школы, то в первой половине XII века

условия были уже иные, и для занятия науками очень многие из знати отправляли своих сыновей в Париж. Но в самом Риме науки по-прежнему не процветали, и в этом отношении ни пребывание в Риме ученого Бернарда, ни основанный им монастырь ad Aquas Salvas, ни образование, полученное некоторыми папами во Франк-эти, не имели никакого значения. Ни в соборных актах, ни в каких-либо других отчетах мы не находим указаний, которые свидетельствовали бы, что успехи литературы составляли предмет особых забот. В 1179 г. Александр III, правда, издал заслуживающий одобрения указ, которым предписывалось учредить при каждой кафедральной церкви бесплатную школу для духовенства и бедных учеников; но эта мера, как общая, совсем не имела специального значения.

Каликст II нашел Рим в полном одичании, и оно не могло не привести его в совершенное отчаяние. Некоторые папы, несмотря на полученное ими образование, были лишены возможности сосредоточить свои заботы на образовательных учреждениях, так как одни из них занимали Св. престол лишь короткое время, другие — были поглощены борьбой с общиной. Со времени реформы папы стали приближать к себе лучшие церковные силы, и среди кардиналов всегда можно было найти людей, выдававшихся своим знанием теологии; но эти люди редко оказывались римлянами. В XII веке Рим не дал ни одного таланта, который имел бы значение в культурном отношении, и не было в городе ни одной школы, которая бы пользовалась известностью.

Замечательную особенность того времени составляет вновь пробудившийся тогда интерес к римской юриспруденции. Конечно, нельзя не признать басней рассказ о том, будто единственный список пандект, уцелевший в Италии, был похищен пизанцами в Амальфи в 1135 г. и что с этого момента началось возрождение юриспруденции. Законы Юстиниана никогда не переставали быть известными в Италии. Но с XI века и в особенности в XII веке право стало предметом особенно усердного изучения. Мы видели, что император и республики ссылались на законы Юстиниана, чтобы обосновать свои притязания. Историческое возникновение итальянского муниципального строя отрицалось, и происхождение его объяснялось на основании римского права. Можно было думать, что этот отдел знаний разовьется с особым успехом именно в Риме, так как здесь, несмотря на вторжение германских начал, законы Юстиниана никогда не теряли своей силы. Со времени конституции Лотаря 824 г. и затем Оттонов право чужеземных национальностей в Риме все более и более умалялось, пока наконец при императоре Конраде единственно действующим не оказалось римское право. Название *Judex Romanus* было неразрывно связано с представлением о римском праве, и изучение последнего никогда не прекращалось в школах. Это изучение производилось с давних времен по компендиям. Если в других городах Италии прилагали так много стараний к изучению законов Юстиниана, то не было ли еще больше оснований позаботиться о том же сенату, восстановленному на Капитолии? Во времена Арнольда не должна ли была получить особенное развитие именно эта отрасль знаний? Сенаторы, писавшие Конраду, заявили себя людьми, усвоившими древние правовые нормы. Точно так же показали себя знающими законы Юстиниана монахи аббатства Гроттаферата, когда они в 1140 г. принесли папе жалобу на графов Тускуланских. Поэтому невозможно допустить, чтобы в Риме не было комментаторов пандект. Тем не менее выдающейся школы права в Риме не существовало. Такую славу приобрел университет в Болонье, состоявший уже в XII веке под покровительством Фридриха I; знаменитые юристы, преподававшие здесь право, как то: Ирнерий, Бульгар, Мартин, Якобус и Гуг, привлекали к себе учеников из всех стран и положили начало новой науке.

Ничтожное значение римской юридической школы могло бы быть объяснено тем, что Рим резко делился на два юридических института, гражданский и канони-

ческий, причем значительное преобладание было на стороне церковного начала; но изучение и канонического права точно так же происходило по преимуществу в Болонье. Здесь в 1140 г. тосканец Грациан составил сборник церковных законов, который до сих пор оказывается самым полным. Это знаменитое средневековое собрание законов, изобилующее, как давно доказано критикой, вымыслами, является в настоящее время колоссальным юридическим памятником варварства и мрака, на которые столько веков было обречено человечество. Правовые нормы, церковные и политические, подверглись в сборнике Грациана извращению, и это было сделано с единственной целью обеспечить папству его господство над миром.

Другие сборники важны для ознакомления с условиями церковного хозяйства того времени. Именно тогда ясно почувствовалась необходимость точного установления, в чем должны заключаться регалии Святого престола, вызывавшие так много споров. По приказанию пап были собраны все документы, изданные по вопросу о *dominium temporale* пап со времени его установления. Древние и позднейшие сборники, хранившиеся в Латеранских архивах, представляли в этом отношении значительные пробелы, так как документы частью были утрачены, частью извращены. Из самых древних регистров по управлению церковными доменами, относившихся к временам до Пипина, не сохранилось ни одного. Выше нами был отмечен первый подобный сборник кардинала Деодата. Когда же возник спор из-за наследства Матильды и город Рим предъявил притязания на регалии св. Петра, папство увидело, что собственности, которой оно обладало, грозит опасность, и тогда были собраны в довольно большом числе документальные доказательства прав Святого престола. В первый раз это было исполнено при Люции III клериком Альбином.

В 1192 г. эта обширная работа была продолжена Ченчием, римлянином из фамилии Савелли, камерарием при Клименте III и Целестине III. Сан камерария, присвоенный Ченчию, который впоследствии стал папой под именем Гонория III, свидетельствует, что управление папскими финансами уже было сосредоточено в руках лица, стоявшего во главе апостольской камеры и носившего такое наименование. Ченчий составил книгу церковных доходов, в которой перечисляется все то, что шло из провинций и поступало в Латеранскую камеру. Поэтому и более ранняя *Liber Censuum* Альбина начинается с отдела *Provincile* или географического обзора провинций и городов бывшей Римской империи. *Orbis Romanus*, имеющийся в *Notizia*, был таким образом превращен в *Orbis Ecclesiasticus*, а географический перечень императорского Рима был продолжен папским Латераном.

Из книги церковных доходов видно, что налог был поразительно мал, но общая сумма его была велика, так как обложение распространялось на очень многих. Большую часть своих доходов папы получали от тех церквей и монастырей всех стран, которые состояли под защитой и юрисдикцией папства и за это платили папам ежегодную «пенсию». Затем, доходы получались от епископов, князей, владельцев лиц и замков, причем дань эта носила различные наименования. Огромный реестр всех таких прямых налогов представляет поэтому большой интерес.

Далее, в *Liber Censuum* имеются арендные договоры с VIII века; приношения и привилегий со времени Каролингов; ленные присяги норманнов; договоры с князьями, владельческими лицами и городами; договоры пап с императорами и с городом Римом; формулы присяги епископов, судей, сенаторов и кастелянов; *Ordo Romanus*, или книга ритуалов, — описание всех церемоний и порядка, относящихся к церковным празднествам, к избранию и посвящению пап и епископов, к коронации императоров и королей; извлечения из папских *regesta*; папская летопись. Наконец у Бенедикта, Альбина и Ченчия мы находим еще и *Mirabilia* или описание достопримечательностей города Рима.

Таким образом, названные труды представляют богатый материал; местами он лишь плохо скопирован и в общем не приведен в систему. По отношению к истории гор Рима эти сборники в высшей степени ценны. Regesta пап тех веков не сохранились; и, помимо того, они так же, как и письма Григория VII, касались лишь церковных дел; поэтому без вышеназванных сборников отношение папства к церковной области в большей части случаев осталось бы невыясненным. Только эти сборники и дают нам возможность составить себе понятие о хозяйственном строе папства, системе управления и о вассальных отношениях, и затем ответить так же на многие другие вопросы, имеющие практическое значение и исторический интерес. Являясь самым важным обоснованием дипломатического кодекса по вопросу о *dominium temporale* пап, сборники Альбина и Ченция сохраняют всегда свою ценность.

Что касается изложения собственно истории, то о ней в Риме в этом столетии точно так же не было помину. Все дело ограничивалось официальным продолжением известных каталогов пап. Эти описания жизни пап XII века очень односторонни; тем не менее в силу их официального происхождения они не лишены значения, а некоторые из них составлены людьми, принимавшими участие в делах папской курии. Крупные события порой вдохновляли этих историографов, и они, отступая от традиционной формы каталогов, придавали своему труду большую содержательность. Биографии пап от Виктора III до Гонория II составлены их современниками, Петром и Пандульфом Пизанскими. Оба эти автора стоят значительно выше всех своих предшественников, принимавших участие в составлении *Liber Pontificalis*. В особенности отличаются обилием фактических сообщений, простотой и краткостью изложения, которое местами полно глубокого драматизма, и затем живым интересом биографии Пасхалия II и Геласия II, так как авторы описывают события, которые они сами переживали.

С возникновением схизмы Анаклет II оба автора присоединились к партии антипапы и работа их прекратилась. Поэтому, начиная с Иннокентия II, к н и г а п а п получила снова свой прежний вид каталогов; только биография Адриана IV и затем знаменательное правление Александра III, но и то лишь до заключения мира в Венеции, изложены более подробно сведущим современником.

Названные нами отрывочные описания, относящиеся к эпохе, ознаменованной такими крупными событиями, составляют все то, что дала римская историография в продолжение всего XII века. За исключением Fossa Nova и Субиако, в монастырях в то время не велось никакой летописи, ни в самом Риме, ни где-либо на его территории. Готфрид витербский, воспевший в поэме деяния Фридриха и составивший всемирную хронику под именем Пантеона, был родом из Витербо, но неизвестно, к какой фамилии он принадлежал. Крайне прискорбно, что не нашлось совсем летописца для переворота, совершившегося в Риме; а между тем остальная Италия дала за это время замечательные исторические труды, и некоторые из них написаны образованными государственными людьми городов, вступивших в эпоху своего расцвета. Судья Фалько написал в 1140 г. хронику Беневента; консул Каффаро, исполняя поручение, возложенное на него генуэзской республикой, составил Анальы Генуи; Бернардо Марангоне написал древнейшую хронику Пизы; двое судей в Лоди, Отто и Аццаро Морена, и миланец Сир Рауль описали деяния Фридриха; Гуго Фалькандо дал ценное описание одного периода из истории Сицилии при норманнах (1154-1169). И только в Риме, к сожалению, не оказалось никого ни среди духовенства, ни между светскими людьми, кто мог бы вступить в соревнование с названными деятелями.

Но в духовенстве нашлись люди, которые составили описание некоторых церковей, причем внимание авторов было направлено главным образом на документальную сторону дела. С течением времени на подобие государственных историографов

выработались особые историографы древних базилик, и в этом отношении, конечно, наиболее интереса представляли базилика Св. Петра и Латеран. Петр Маллий, каноник собора Св. Петра, составил описание этой базилики и посвятил свой труд Александру III. Точное описание базилики Св. Петра в XII веке могло бы иметь очень большое значение; но работа Маллия сводится к сухому нагромождению отрывочных заметок. Он начинает с постройки базилики при Константине и уделяет много места Карлу и пожалованной им в дар церковной области. Документальное обоснование прав собора Св. Петра является для Маллия главной задачей; эти данные, а так же перечисление построек и приношений он заимствовал из *Liber Pontificalis* и *Regesta* пап. Исторический и статистический материал, ритуалы, описания и перечень папских гробниц с надписями на них — таково содержание этого небольшого сочинения, которое, несмотря на его неполноту, можно все-таки признать первой замечательной и поучительной монографией о базилике Св. Петра.

Труду Маллия аналогично древнейшее описание латеранской базилики, составленное Иоанном, каноником этой церкви, по приказанию так же Александра III. Это описание имеет немалое значение по отношению к истории Латерана, в особенности со времени перестройки этой церкви Сергием III.

Основанием обеим этим монографиям послужили два различных по своему характеру литературных произведения того времени: *Ordines Romani*, или Книга церковных ритуалов, и *Mirabilia*. Маллий делал позаимствования из той и из другой книги. Так, основываясь на обоих этих источниках, он описывает ватиканский Борго и памятник Адриана. «В Навмахии, рядом с церковью S.-Maria in Transpontina, стоит памятник Ромула, называемый *Meta*; он был покрыт плитами из прекрасного камня, который теперь употреблен на устройство лестницы в базилике Св. Петра; вокруг памятника была мостовая из травертина на протяжении 20 футов; здесь же был устроен водосток и разбит цветник. Неподалеку стоял *Terebinthus* Нерона, такой же высокий, как замок императора Адриана, и отделанный прекрасным камнем. Подобно замку, это здание было круглое и имело два этажа, которые с краев были покрыты каменными плитами, заменявшими желоба. Возле этого здания был распят апостол Петр».

«Там же находится замок, считавшийся памятником императора Адриана, как видно из проповеди, произнесенной св. папой Львом в день св. Петра; в этой проповеди сказано: *Memoria* императора Адриана. Это здание представляет храм изумительной величины, который построен весь из камня и украшен изображениями различных исторических событий; снаружи на нем поставлены окружающие его бронзовые перила, огромные павлины и бронзовый телец; два из числа этих павлинов находятся теперь у фонтана *Paradiso*. По углам храма стояли четыре вызолоченных бронзовых коня; в каждом фасаде храма были бронзовые двери; в самом центре здания помещалась гробница из порфира; теперь она перенесена в Латеран, и в ней погребен папа Иннокентий II. Крышка этой гробницы находится в *Paradiso* базилики Св. Петра, на гробнице префекта» (*Цинтия, друга Григория VII*).

Это фантастическое описание Маллий заимствовал с очень незначительными отступлениями из *Mirabilia*.

2. *Mirabilia urbis Romae*

Двенадцатый век оказался благоприятным для возникновения римской археологии. Мечтая о восстановлении республики на Капитолии, сенаторы должны были так же вспомнить о величественных сооружениях древнего Рима и постара-

ться воспроизвести в своем воображении изумительный город своих предков. Несмотря на безжалостное разорение, которому Рим подвергался в продолжение целого ряда столетий, этот город сохранял все-таки свое значение самого старинного из всех поселений на Западе; древний дух римлян, сломленный, но все еще в них живший, снова пробудился и заставил их вступить в борьбу с церковью. Свою окончательную форму, в которой *Graphia* и *Mirabilia* дошли до нас, они получили именно тогда, когда был восстановлен сенат; с той поры они постоянно списывались и распространялись; но в то же время невежественными переписчиками они искажались до нелепости. В сущности, и то и другое сочинение представляют одинаковое содержание, различаясь друг от друга только порядком изложения. Нельзя сказать, что церковный Рим игнорируется в них намеренно; но в них обоих видно явное предпочтение языческому Риму. И это предпочтение казалось настолько естественным, что даже папские архивариусы, как Бенедикт, Альбин и Ченций, не задумались включить *Mirabilia* в свои официальные сборники. Ввиду упоминания в *Mirabilia* о гробницах Иннокентия II и Анастасия IV, о замках Франджипани и Пьерлеоне и затем о дворце сенаторов на Капитолии, надо полагать, что это описание города было закончено в последней половине XII века. В *Graphia* встречаются, правда, отделы более раннего происхождения, как, напр., Книга об императорских ритуалах времен Оттонов; тем не менее и это дополнение сделано так же впоследствии; вообще мы не имеем списка *Mirabilia*, который можно было бы отнести ко времени до XII века.

Таким образом, *Mirabilia* оказываются отделенными от *Curiosum Urbis*, и во всяком случае от Анонима Эйнзидельнского, промежутком времени в несколько столетий; никаких связующих звеньев из этого промежуточного периода до нас не дошло. Нет сомнения, что описание города, разрастаясь из *Curiosum Urbis*, слагалось в своих главных основаниях мало-помалу. Некоторые отделы его были известны сорактскому летописцу; в XII веке оно могло сложиться в одно целое. Нельзя, по крайней мере, отрицать, что *Mirabilia* возникли по частям; первоначальный же список нам не известен. Римские и итальянские авторы, отчасти заимствовавшие из *Mirabilia*, отчасти перерабатывавшие их, стали пользоваться ими только уже со второй половины XII века; эти авторы были: каноник Бенедикт, Альбин и Ченций, Готфрид Витербский, Петр Маллий, Ромуальд Салернский, позднее *Martinus Rolopus* и Синьорили.

В этом замечательном произведении неизвестного схоласта, описывающего «Достопримечательности города Рима» в примитивной, наивной форме и на соответственном обветшалом латинском языке, мы уже находим явные зачатки римской археологии, достигшей в наше время таких поразительных размеров. Наряду со здравым пониманием и положительными сведениями в книге встречаются бессмыслицы и вполне извинительные промахи; тем не менее это не будет поставлено автору книги в вину ни позднейшими, ни современными археологами, обратившими Рим в общем результате своих исследований и своей притязательной учености в какой-то лабиринт, пугающий историка. В высшей степени интересно воспроизвести ту картину, которую представлял Рим XII века, когда его величественные развалины еще не стояли, как остовы, расчищенные с научною целью, огороженные и окопанные, а представляли собой или грозные, неприступные замки буйных консулов, или мирные живописные жилища, или наконец оставались совершенно покинутыми, и только время налагало на них свою печать. Многие из тех развалин, которых в настоящее время уже не существует или из которых был взят украшавший их мрамор, стояли в XII веке совершенно нетронутыми и были известны в народе — одни под легендарными названиями, другие под действительными. Читая

Mirabilia, нельзя не удивляться тому, что даже после пожара, бывшего при вторжении в Рим норманнов, развалины древних зданий сохранялись все еще в большом числе; поэтому в описании города, наряду с упоминанием о таких зданиях и памятниках, которые в XII веке оказались уже изменившимися или погибшими, мы очень часто находим указания так же и на то, что действительно еще существовало.

Во многих случаях мы имеем возможность проверить эти указания, сличая их с церковными книгами того времени, содержащими описание ритуалов, случая их с здесь памятники перечисляются под теми же самыми народными названиями. Так, в этих книгах приведено описание пути, по которому следовала папская процессия, причем точно обозначены здания и улицы, находившиеся на этом пути. В некоторые торжественные дни папы вместо того, чтобы ехать в вызолоченных повозках, совершали свое шествие пешком и с босыми ногами. В таких случаях папы, как люди престарелые, останавливались для отдыха в определенных местах и здесь, у всех на виду, в их распоряжение предоставлялось заранее приготовленное ложе (lectulus). В других случаях папы, окруженные всей помпой своего двора и увенчанные Regnum, ехали верхом на белом лошаке (albus palafredus) с серебряной уздечкой и с пурпуровым покрывалом.

В Ordo, написанном в 1143 г., каноник Бенедикт, включивший в свой список так же Mirabilia, дает следующее описание пути, по которому направлялась процессия: «Папа выходит через (Латеранское) поле у церкви Св. Григория in Martio, проходит под аркой водопровода (Martia, по имени которой называется церковь Св. Григория), подымается на большую дорогу, минует находящуюся справа церковь Св. Климента и поворачивает налево к Колизею. Затем он проходит через Arcus Aureae (арка, ведущая к форуму Нервы) перед форумом Траяна (т. е. Нервы), идет до церкви Св. Василия (ныне delle Annunziatine), подымается в гору близ Militiae Тиберия (Torre delle Milizie), спускается мимо S.-Abbasurgus, минует церковь s. Apostoli, направляется влево к via Lata, сворачивает вдоль via Quirinalis к S.-Maria in Aquiro, достигает арки della Pietà, затем идет к Марсову полю мимо церкви Св. Трифона близ Posterulae и доходит до моста Адриана. Пройдя мост, он выходит через Porta Collina, возле храма и замка Адриана, минует обелиск Нерона, проходит через портик возле гробницы Ромула и затем подымается в Ватикан, в базилику апостола Петра».

«По окончании обедни перед базиликой совершается коронация папы, после чего он садится на лошадь и уже коронованный направляется в процессии обратно следующим «священным путем»: через портик и вышеназванный мост папа проходит под триумфальными арками императоров Феодосия, Валентиниана и Грациана, приближается ко двору S.romatus, где евреи приветствуют процессию гимнами, затем следует через Parione между цирком Александра (ныне Navona) и театром Помпея, вниз, через портик Агриппины (близ Пантеона) и вверх через Piria (округ или площадь della Pigna), возле Palatina (в древности местность ad Pallacernas близ S.-Marco); затем, миновав церковь Св. Марка, проходит под аркой Manus Carneae, по Clivus Argentarius, между островом того же имени (Basilica Argentaria) и Капитолием; спускается к Мамертинской тюрьме (privata Mamertini), проходит под триумфальной аркой (Севера), между Tempulum Fatale (арка Януса) и храмом Concordia, затем между форумом Траяна (Нервы) и форумом Цезаря; далее, под аркой Нервы, между храмом этой богини и храмом Януса; далее вверх к Азылут по вымощенной дороге, где пал Симон волхв (древняя via Sacra), близ храма Ромула (базилика Константина); затем идет под триумфальной аркой Тита и Веспасиана, называемой по имени VII Lucernarum, спускается к Meta Sudans и к триумфальной

арке Константина, сворачивает налево перед амфитеатром и, следуя по священному пути (*sancta via*), возле Колизея, возвращается в Латеран».

Таким образом, для торжественных христианских процессий создавалась новая *via sacra*, последний отдел которой — от Колизея до Латерана — получил название *sancta via*. Папские процессии намеренно проходили под триумфальными арками языческих времен. На пути этих процессий встречались и христианские, и языческие памятники, чередуясь друг с другом, и тем не менее в то время даже в книгах ритуалов явное предпочтение отдавалось языческим памятникам. В *Mirabilia* они все перечислены; не забыт в них так же и дворец префекта Кромация в округе *Palatium*, у которого размещались евреи, встречая процессии. Эта римская постройка, находившаяся близ церкви Св. Стефана *in Piscina* и в то время еще существовавшая в виде развалин, описана в *Mirabilia* под именем *Templum Olovitreum*, т. е. особенно искусного сооружения, которое было разукрашено мозаикой, сделано сплошь из стекла, хрустала и золота и снабжено принадлежностями астрономии со всеми небесными знаками. Здесь же сообщается, что этот изумительный дворец был разрушен Себастианом и Тибуртием, сыном префекта Кромация.

Таким образом, в *Ordo Romanus* мы находим подтверждение топографических сведений, сообщаемых в *Mirabilia*; помимо того, это описание города, несмотря на всю свою примитивность, часто оказывается согласным так же и с теми выводами, к которым приводит современная археология. Кроме местных преданий, автор *Mirabilia* черпал свои данные из разных источников. Самыми древними источниками были *Curiosum* и *Notitia*; деления города на округа автор, однако, не заимствовал из них, так как оно в его время уже не имело значения. Он удовольствовался обзором стен, ворот, холмов и мостов, лишь несколько изменив порядок этого обзора. Автор останавливается предпочтительно только на главных отделах: дворцах, термах, триумфальных арках и театрах; но числовые указания не приведены им и описание очень сбивчиво. Затем, на пользу и к удовольствию паломников, он перечисляет кладбища и места, прославленные в истории мучеников; эти сведения почерпнуты им из церковных книг *Stazioni Pontificale* и мартирологов. Последнее обстоятельство ввело, между прочим, в заблуждение одного из переписчиков *Mirabilia*: поглощенный всецело святцами, этот наивный переписчик принял за мартиролог *Fasti* Овидия, из которых автор часто делает позаимствования. Далее следует несколько отделов, размещенных в разных списках в различной последовательности: о стоявшем в Риме украшении в виде кедровой шишки; о Капитолии; о храме Марса в Риме; о мраморных конях; об императорских судьях в Риме; о колонне Антонина. Затем, со многими повторениями, описывается Ватикан, замок св. Ангела, гробница Августа, Капитолий, форумы, Палатин и другие холмы; приводится история бронзовых коней перед Латераном и в заключение говорится о постройке Пантеона и о видении Агриппы.

Чтобы дать понятие об общем характере описаний в *Mirabilia*, мы приводим из них несколько выдержек. «Здесь (близ форума) находится храм Весты, в котором, по преданию, спал Дракон; об этом можно прочесть в житии св. Сильвестра; а там — храм Паллады, и форум Цезаря, и храм Януса, который, как утверждает Овидий в своих *Fasti*, предвидел все совершающееся в году от его начала и до конца; ныне этот храм называется башней Ченция Франджипане». О развалинах на Палатине, который назывался так же *Palantius mons*, упоминается лишь вкратце: «Внутри *Palatium* находится храм Юлия; напротив *Palatium* — храм Солнца; на том же самом *Palatium* помещается храм Юпитера, называемый *Casa major*». О *Circus Maximus*: «Цирк Приска Тарквиния, изумительно красивый, с сиденьями, расположенными на столько большими уступами, что зрители совсем не загоражи-

вали друг другу зрелища; наверху находились аркады, украшенные сплошь стеклом и желтым золотом; на верху помещались дома Palatium, и здесь 14 мая женщины садились кругом и смотрели на происходившие игры; в середине стояли два обелиска (aquiliae), один поменьше, имел 87 футов высоты; другой, более высокий, 122 фута. Наверху триумфальной арки, стоявшей у входа, поставлен был вызолоченный, бронзовый конь, который, казалось, готов был умчаться, унося на своей спине воина; на арке, находившейся на противоположном конце, стоял другой конь, так же бронзовый и вызолоченный. На высоте Palatium, откуда можно было видеть игры, находились места, назначенные для императора и королевы». «Против храма Траяна, где еще донныне сохранились двери этого храма, стоял храм Зевса». «Возле Schola Graeca находился храм Лентула; на другой стороне, где теперь стоит башня Centius de Origo, был храм Вакха. В Elephantus были храм Сивиллы, храм Цицерона in Tulliano, храм Зевса, с золотой беседкой внутри его, и храм Severianum». «На Марсовом поле храм Марса; здесь 1 июля избирались консулы, которые сохраняли свои полномочия до 1 января; если избранный консулом оказывался невиновным ни в каких преступлениях, то он утверждался в этом сане. В этом храме римские победители выставляли rostra кораблей, служившие предметом зрелища для всех народов». «Вверху над фасадом Пантеона были поставлены два бронзовых, вызолоченных тельца. Против дворца Александра находились два храма Флоры и Фебы. Позади дворца, где теперь помещается раковина-чаша, стоял храм Беллоны, на котором была надпись:

Я был древним Римом; но теперь; я буду называться новым Римом;
Восстановленный из праха, я возношусь к небесам».

Древние памятники часто обозначаются в *Mirabilia* по имени церквей, которые были построены на развалинах этих памятников; но, как мы видели, речь идет почти исключительно только о древних памятниках: поэтому *Mirabilia* представляют настоящее археологическое описание Рима того времени, когда Италия приняла смелое решение освободиться от варварства Средних веков и свергнуть с себя иго церковной власти и чужеземной тирании. Как археологическое воспроизведение древнего города, книга *Mirabilia* является таким образом логически связанной с эпохой провозглашения независимой городской общины. Можно с вероятностью предполагать, что в то время *Mirabilia* были излюбленной книгой сенаторов. Ее автором мог быть только римлянин. С полным сознанием того, что его работа преследует в сущности археологические задачи, он говорит об этом в таких словах: «По мере наших сил мы приложили старание дать на память потомству возможно ясное описание этих и многих других храмов и дворцов, существовавших в золотом городе в языческие времена и принадлежавших императорам, консулам, сенаторам и префектам, и все эти здания, блиставшие своими украшениями из золота, серебра и бронзы, из слоновой кости и драгоценных камней, мы описали так, как читали о них в древних хрониках, видели собственными глазами и слышали в преданиях».

Схоласту-автору *Mirabilia* археолог будет признателен и в наше время. Критически относясь к книге, он различит в ней то, что заслуживает доверия, от того, что ошибочно, и извлечет из нее немало полезного. Во всяком случае до Флавия Блонда автор *Mirabilia* сделал первую попытку воспроизвести картину Рима, обращенного в развалины, — изобразить город в его исторических памятниках. Но, конечно, в книге *Mirabilia* (так же, как и во всех других археологических исследованиях) древний город встает перед нами лишь как бы в тусклом свете луны. На создания истории, как бы ни были они величественны, время налагает печать разрушения.

Последующие поколения прилагают все свое рвение к тому, чтобы найти в уцелевших остатках свидетельство прошлого, но не узнают и половины того, что в свое время, на месте, было известно каждому ребенку.

3. Легенды о статуях в Риме. — Virgilius в Средние века. — Virgilius в образе пророка и некроманта. — Волшебник Virgilius в Риме и в Неаполе. — Сведения об этом в конце XII века. — Рим XII века в описании равнина Веньямина Тудельского

Только что изложенное археологическое описание средневекового Рима дает нам случай высказать еще некоторые другие соображения. Нельзя не признать странным того обстоятельства, что *Mirabilia*, будучи произведением века романтической поэзии, имеют тем не менее характер строго археологического исследования, так как все-таки легендарному в них уделено очень мало внимания. Церковь сохраняла сказания о мучениках, но языческие легенды она игнорировала. Сказочный элемент вообще не свойствен чувству итальянских народов; в этом направлении работа воображения не может идти успешно в стране, которая так богата историческими образами и в которой небо всегда ясно. В *Mirabilia* мы находим поразительно мало легенд, и, что составляет чисто римскую особенность, почти все они относятся к статуям.

В то время, когда ваяние было в полном упадке, благородные произведения этого искусства, уцелевшие в Риме, должны были вызывать общее изумление. Такое впечатление не могли не испытывать в особенности те иноземные пилигримы, которые, подобно Гильдеберту Турскому, обладали образованием. При виде статуй, казавшихся какими-то волшебными созданиями, эти пилигримы должны были приходить в такой же восторг, как некогда язычники. Народ, который позабыл произведения древней поэзии и уже не мог понять их, чувствовал в статуях воплощение идеалов классического мира непосредственнее и живее, чем во всех других памятниках древности. Нигде больше искусство не могло создать подобных мраморных изваяний; как пришельцы из иного мира, они продолжали стоять на своих местах, окруженные развалинами терм и храмов. Казалось, боги Греции взирали глазами этих одиноких изваяний на человечество, когда, низведенное до варварского состояния, оно сначала, под влиянием Востока, было охвачено движением крестовых походов и затем, с возрождением римского права и римской республики, стремилось воскресить в своей памяти красоты язычества. Замечательная легенда о мраморной Венере в Риме прекрасно характеризует настроение, в котором находились в то время люди. Какой-то юноша, шутя, надел мраморной Венере на палец кольцо, и она, как бы в знак состоявшегося обручения, удержала это кольцо в своей руке. Эта грациозная легенда внезапно обнаружила присутствие в людях смутного сознания того, что их существование неразрывно связано с древней культурой, и вместе с тем предсказала, что с течением времени они вернуться к знанию и к прекрасным формам язычества. Но легенды, слагающиеся о римских статуях, свидетельствуют только, что в то время эти забытые создания греческого гения оставались в действительности непонятными для людей, впавших в варварское состояние. Видеть статуи можно было только в Риме, так как раньше чем было приступлено к раскопкам, нигде более не существовало столько мраморных и бронзовых статуй. Авторами легенд о статуях в Риме могли быть одинаково и римляне, и иноземцы, и некоторые из этих легенд, без сомнения, были созданы возбужденной фантазией северных пилигримов. Удивительная история о бронзовой статуе на Марсовом поле, — которая указывала пальцем на землю, имела на голове надпись: стучись здесь (*hic percutere*) и

была разгадана знаменитым папой Гербертом, — обязана своим происхождением, конечно, какому-нибудь пилигриму, бредившему о волшебных сокровищах Рима, будто бы зарытых в землю. И действительно эта легенда полна смысла: она свидетельствует о тайнах древнего мира, погребенного в недрах города. В настоящее время тот, кто бродит среди развалин Рима, по разоренному Форуму, по Марсову полю или в опустелых термах, порой так же останавливается и восклицает: *hic regem!* Бесчисленные прекрасные создания еще доныне покоятся здесь, в глубине земли, в ожидании магического слова или случая, которые заставили бы раскрыться могилы, скрывающие эти создания.

По словам *Mirabilia*, Ромул поставил в своем дворце собственное золотое изображение с таким изречением: «Не упадет, пока дева не родит», и эта статуя низверглась, как только родился Спаситель. Далее, в *Mirabilia* упоминается легенда о другой статуе, которая обратилась с речью к императору Юлиану, отступившему от своей веры, и убедила его вернуться к язычеству. Даже наиболее замечательные легенды светского характера, сообщаемые в *Mirabilia*, относятся так же к статуям; нашим читателям уже известны сказания о конной статуе Марка Аврелия, о двух мраморных колоссах и о статуях на Капитолии, звонивших в известных случаях.

Впоследствии древняя легенда о статуях на Капитолии получила связь с циклом сказаний о «волшебнике Вергилии»; поэтому нам кажется странным, что автор *Mirabilia* не счел нужным привести в своем труде эти сказания. Произведения величайшего римского поэта, публичное декламирование которых еще долго продолжалось после падения Римской империи, теперь на развалинах форума Траяна уже более не читались; понимать эти произведения было трудно, так как в употребление вошел итальянский язык. Между тем как в других местах латинская муза давала цветы, полные аромата, как, напр., Песни странствующих схоластов, в Риме в XII веке она не проявляла почти никаких признаков жизни, даже в эпиграммах, и мы затруднились бы указать школу какого-нибудь грамматика, который излагал бы своим ученикам Энеиду или Эклоги. Но мы не сомневаемся, что знакомство с Вергилием все еще сохранялось в Риме и что даже Овидий был, вероятно, известен автору *Mirabilia*, тогда как Гораций, произведения которого носят более изысканный и светский характер, был менее доступен грубому поколению того времени. Археологические открытия объяснялись при помощи Вергилия; доказательство этого мы находим у Вильяма Мальмсберийского в его рассказе о том, что в 1045 г. была открыта могила Палланта, сына Эвандра. Тело великана, по словам рассказчика, оказалось вполне сохранившимся; в груди была рана длиной в 4 фута, нанесенная великану королем Турном. В склепе найдена была так же горящая свеча, которую удалось погасить только тогда, когда внизу под пламенем была сделана щель. Английский летописец не мог бы облечь это открытие в форму подобного сообщения, если бы такое объяснение найденной могилы не было дано самими римскими археологами.

Легенда о Вергилии, будто бы все еще жившем в Средние века, составляет в наши дни излюбленный предмет исследований и толкований. Известно, что со времени Константина некоторые места в произведениях Вергилия, а именно в четвертой эклоге, считались пророчествами, относящимися к христианству. Поэту, стоявшему на пороге между двумя мировыми эпохами, муза подсказала несколько вдохновенных стихов, которые как бы возвещали рождение Христа, и еще никогда тонкая лесь поэта не вознаграждалась так блестяще, никогда его идеалистическая надежда на золотой век в будущем не получала такого полного оправдания, как это случилось с Вергилием. Язычник, совершенно не подозревавший возможности чего-либо подобного, был возведен на степень пророка, возвестившего пришествие Мессии, и стал любимым поэтом церкви и легковерных людей Средних веков. В

течение целых столетий книгам Вергилия придавали значение пророческих изречений сивилл, ища в этих книгах ответов с таким же слепым доверием, с каким в наше время еще пользуются, как оракулом, Библией. Как звено, связующее между собой различные эпохи и различные мировоззрения, эти легендарные черты музы Вергилия составляют одно из самых интересных явлений в истории человеческого духа. Такой именно легендой, самой прекрасной из всех тех, которые свяжут древний мир с христианским, является легенда о видении патрона Вергилия, императора Октавиана, которому сивилла, покидая людей, показала Пресвятую Деву с Христом-Младенцем на руках.

Если церковь отнеслась к Вергилию с почтением, видя в поэте языческого Исайю, то народ поразительно скоро признал в нем философа, математика и великого мага. В то время, когда появились *Mirabilia*, Вергилий в этом образе должен был быть известен римлянам. Тем не менее легенда о Вергилии создалась не на римской почве, а была занесена сюда со стороны. Нельзя не удивляться тому, что *Mirabilia*, сообщая о видении Октавиана, ни словом не упоминают о Вергилии; точно так же не устанавливают они никакой связи с именем Вергилия и легенды о статуях, звонивших своими колокольчиками. Легенда *Salvatio Romae* на Капитолии, где о каждом возмущении в провинциях статуи возвещали звоном колокольчиков, осталась совершенно неизвестной Риму в той форме, какую эта легенда получила впоследствии. Так, мы находим именно во французском повествовании о Вергилии легенду о том, что он, будучи волшебником, воздвиг ради спасения Рима башню, в которой находились статуи, обладавшие вышесказанным особенным свойством. По другому сказанию, эта башня днем сверкала золотом, а ночью освещалась яркой лампой, и была видна плывущим кораблям, и в ней же находилось зеркало, которое, отражая в себе все, что происходило в мире, обнаруживало всякий враждебный замысел против Рима. Это сказание о волшебном зеркале, встречающееся в рыцарском эпосе, как, напр., в Парсифале, сложилось не в Риме; но оно все-таки могло быть здесь известно во времена *Mirabilia*. Как удостоверяют археологи, остатки башни Франджипани близ арки Тита после того, как эта башня, по приказанию Григория IX, была в XIII веке разрушена, получили в народе название «башни Вергилия».

К числу чудесных талисманов Вергилия, сохранявшихся в Риме, принадлежала, между прочим, и так называемая *Vocca della verita*, находившаяся, как утверждает легенда, в церкви *S.-Maria in Cosmedin*. Связь этой легенды с именем Вергилия, установившаяся так же вне пределов Рима, могла, однако, быть в XII веке неизвестной римлянам. В атриуме названной базилики доньше сохранилось большое kloачное отверстие, имеющее вид маски; в Средние века в народе существовало поверье, что древние римляне, давая клятву, должны были класть руку в открытую пасть этой маски, и она откусывала руку тому, кто давал ложную клятву, пока наконец эта чудодейственная сила маски не была разрушена одной хитрой женщиной, виновной в нарушении супружеской верности.

Обо всех этих чудесах Вергилия умалчивают и упоминают о нем только по следующему поводу: «На Виминале стоит церковь Св. Агаты; сюда был заточен римлянами Вергилий, который, однако, приняв невидимый образ, исчез и удалился в Неаполь; поэтому и говорят: *vado ad Napulum*». По-видимому, речь идет здесь о легенде, в которой рассказывается, как Вергилий умчался на воздушном корабле в Апулию из тюрьмы, в которую он был заключен императором, когда позволил себе в странной форме отплатить одной римлянке за ее чопорность. Так как об этой легенде упоминается только в *Mirabilia*, то надо полагать, что римляне XII и XIII веков знали не только одну эту легенду о Вергилии, но и другие.

Настоящей родиной волшебника Вергилия был, однако, Неаполь, его любимый город, где находилась так же и легендарная гробница Вергилия. Трудно понять ту наивную веру, с которой в конце XII века относились к неаполитанским вымыслам о Вергилии даже люди вполне серьезные. Англичанин Гервезий Тильберийский, маршал королевства Арльского, сообщая в своем сочинении *Otia Imperialia*, посвященном императору Оттону IV, о разных всемирных «*Mirabilia*», с особенным интересом говорит о чудесах, совершенных поэтом в Неаполе. Творец национального римского эпоса еще мог быть до некоторой степени польщен, когда в его лице почитали волшебника, который прославился тем, что соорудил *Salvatio Romae* — удивительное государственно-полицейское учреждение. Но в Неаполе поэт уже был низведен на степень простого шарлатана, который с помощью бронзовой мухи изгнал настоящих мух, заключил всех змей в Капуанские ворота, с помощью бронзового коня избавил лошадей от прогибания спины, куском волшебного мяса сохраняя мясо на рынке всегда свежим, засадил гору Дев лечебными травами, из числа которых горная арника (баранья трава) возвращала слепым овцам зрение; посредством бронзовой статуи, изображавшей трубача или стрелка из лука, улавливал южный ветер и заставлял Везувий оставаться спокойным. Другие деяния Вергилия, менее унижительные для поэта, были: сооружение *Castel dell'Uovo* с фундаментом в виде положенных друг на друга яиц, прорытие подземного хода Позиллипо и устройство лечебных ванн в ПUTEОЛИ; пользование этими ваннами оказалось, однако, невозможным, так как завистливые салернские врачи уничтожили все пояснительные надписи.

Не помог так же стенам Неаполя чудесный палладиум, вложенный Вергилием в стеклянный сосуд: в 1196 г., несмотря на этот палладиум, Генрих VI разрушил стены Неаполя. Конрад, канцлер Генриха, епископ гильдесгеймский, сопровождавший императора в качестве легата королевства Сицилии, пишет об этом талисмানে с полной верой и совершенно серьезно. Сообщив, что талисман не помешал храбрым германцам разрушить стены Неаполя, Конрад, преисполненный почтения к великому магу, объясняет вслед затем, что талисман оказался недействительным потому, что в сосуде уже была трещина. Далее Конрад признается, что германцы не решились все-таки сломать так называемые железные ворота, так как опасались выпустить на свободу змей, которых Вергилий укротил своими чарами. Высокоставленный автор говорит с полным убеждением, — которое, конечно, разделялось и императором Генрихом, — что он сам удостоверился в чудесах Вергилия и своими глазами видел, как от костей поэта, выставленных на воздух, небо мгновенно застиглось мраком и на море подымалась буря. Письмо Конрада к Герборду Гильдесгеймскому, содержащее самые неправдоподобные описания и помещенное, как редкая жемчужина, в славянскую хронику Арнольда, кладет начало бесконечному ряду путевых писем из Италии, написанных немцами вплоть до наших дней. В высокой степени интересно следить, как в Южной Италии, в зависимости от впечатлений, испытанных в незнакомой и прекрасной стране, разыгрывалась фантазия канцлера, уже подготовленная к тому знакомством с классическим миром. Ничуть не смущаясь, Конрад находит здесь Парнасс и Олимп, радуется, что Гиппокрена, источник вдохновения, течет теперь в пределах германской империи, далее — объезжать стрехом — он минует Сциллу и Харибду, приходит в восторг, увидев где-то Скирос, на котором Фетида скрывала своего сына, героя Ахилла, принимает театр в Тавромении за ужасный лабиринт Минотавра и знакомится в Сицилии с сарацинами, обладавшими завидной, унаследованной от апостола Павла, силой, благодаря которой они могли убивать ядовитых змей просто своей слюной.

Мы оставим теперь эти интересные легенды, придающие такой яркий колорит тому веку, когда люди верили в чудеса и у нас, немцев, наступал расцвет рыцарской поэзии, и закончим наше изложение *Mirabilia* сообщениями другого путешественника, посетившего Рим до 1173 г. и оставившего краткое описание города. Такое дополнение к римским *Mirabilia* было сделано испанским евреем Веньямином Тудеским, который, являясь как бы предтечей Иоанна Мандевилля, составил описание своего путешествия в Индию, изложенное отчасти фантастически, в духе того времени, и написанное на еврейском языке.

Ученый раввин описывает Рим исключительно с точки зрения еврея, конечно сосредоточивая все свое внимание на отношении всемирного города к Израилю и на падении Иерусалима в правление Веспасиана и Тита. Мы приводим здесь это описание, так как за весь тот период Средних веков это — единственный, дошедший до нас рассказ путешественника, посетившего Рим.

«Рим, — пишет Веньямин, — состоит из двух частей; их разделяет река Тибр таким образом, что, стоя в какой-либо одной части, можно видеть другую. В первой части находится самый большой храм; по-римски он называется *S.-Petri*; здесь же стоит дворец великого Юлия Цезаря со множеством зданий и сооружений, совершенно непохожих на все другие здания, существующие на свете. Город, местами представляющий одни развалины, местами обитаемый, имеет в окружности 24 мили. В нем 80 дворцов, 80 царей; начиная с Тарквиния и до Пипина, отца Карла, отнявшего у измальтян Испанию и покорившего ее под свою власть, все эти цари назывались императорами. На окраине Рима стоит дворец Тита, которого 300 сенаторов отказались встретить, так как он не исполнил их веления: овладел Иерусалимом не в 2-летний срок, а лишь после третьего года. Далее можно видеть еще дворец Веспасиана, могущественное и прочное сооружение, напоминающее храм. Затем дворец царя Галбина, имеющий, соответственно числу дней в году, 360 зал и занимающий по окружности 3 мили. В этом дворце в одну из междоусобных войн было убито свыше 10 000 иудеев; их кости висят там донныне. Желая, чтобы последующие поколения навсегда сохранили память о древней войне, государь этот приказал изобразить ее во всех подробностях с помощью скульптуры; высеченные из мрамора, изображения эти воспроизводят ряд битв и их участников на конях, с оружием в руках. Далее, там находится подземная пещера, в которой восседают на тронах царь и царица, и имеется около сотни статуй, изображающих всех римских царей включительно до наших дней. В церкви Св. Стефана, у его изображения в святилище, стоят две бронзовые колонны, сооруженные царем Соломоном, почивающим в мире. На каждой колонне есть надпись: Соломон, сын Давида. Живущие здесь евреи сообщили мне, что каждый год 9 июля из этих колонн как бы сочится вода. Здесь же находится пещера, в которую были положены Титом, сыном Веспасиана, священные сосуды, взятые из храма в Иерусалиме. Существует еще другая пещера в горе близ реки Тибра; в ней покоятся десять праведников (да будет благословенна их память!), убитых в правление тиранова. Далее перед латеранским храмом стоит статуя, изображающая Самсона с каменным глобусом в руке; затем статуя Авессалома, сына Давида, и царя Константина, который построил город Константину и назвал его Константинополем. Статуя этого царя, изображенного сидящим на лошади, сделана из бронзы, но раньше вся она была позолоченной». Таким образом, Веньямин удостоверяет, что конная статуя Марка Аврелия, которая в народе была известна под именем *Caballus Constantini*, стояла в Латеране.

Дух *Mirabilia* ясно сказался так же и в описании Веньямина. Образ раввина, странствующего по незнакомому для него городу в сопровождении своих единовер-

цев из Транстеврина и внимающего их рассказам о чудесах этого города, полон живого интереса. Римское гетто имело так же свою археологию; основанием для нее послужили те факты их истории Рима, частью вымышленные, частью действительные, которые имели отношение к народу Давида; такого рода сказания существовали с давних пор. Уже в VI веке армянский епископ Захария утверждал, что в Риме Веспасианом поставлены 25 бронзовых статуй еврейских царей, а Graphia сообщает, что в Латеране хранятся кивот завета Господня, семиручный светильник и останки Моисея и Аарона. Но Веньямин умалчивает об этом, и еврейские археологи показывали ему только какую-то легендарную пещеру, в которой будто бы находились священные сосуды из иерусалимского храма. Впрочем, отношения к Иерусалиму самих римлян, в особенности со времени крестовых походов, были настолько уже близки, что даже в *Mirabilia* мы находим рассказ о том, как близ церкви Св. Василия (в стене форума Августа) был сооружен большой бронзовый стол, на котором по-гречески и по-латыни был написан золотыми буквами мирный договор, некогда заключенный римлянами с Иудой Маккавеем. Местные предания так же не приводятся Веньямином; вообще нельзя не пожалеть о том, что его пребывание в Риме было очень кратковременным и что в своем описании он ограничился лишь одними беглыми заметками. Если бы Веньямин сообщил о Риме того времени с такими же подробностями, с какими его современник Ибн-Диобеир описал Палермо это сообщение, вероятно, было бы весьма ценным. Но громадные размеры Рима и его развалин действовали подавляющим образом на воображение даже тех христиан, которые обладали классическим образованием, и свой краткий очерк раввин тудельский заканчивает вполне подходящими словами: «В Риме есть еще другие здания и сооружения, но все их перечислить никто не в силах».

4. Памятники и их владельцы в XII веке. — Римский сенат принимает меры к охранению памятников. — Колонна Траяна. — Колонна Марка Аврелия. — Архитектура частных зданий в XII веке. — Башня Николая. — Башни в Риме

Излагая историю развалин Рима, мы дополнили ее описанием бедственных событий, имевших место в XI веке. В XII веке в Риме все так же господствовала война; нетрудно представить себе поэтому, как много погибло тогда древних зданий, в особенности во времена Генриха IV и Роберта Гюискара. Когда спокойствие было восстановлено в Риме, остатки древних зданий послужили материалом для возобновления города. Об охранении памятников древности не заботилась никакая власть, и для получения известия теперь, так же, как и прежде, пускали в дело и благородный мрамор, и даже статуи. Для чужеземцев Рим так же продолжал быть местом, откуда можно было черпать ценный материал. Как некогда Дезидерий перенес из Рима колонны в Монте-Касино, так теперь то же самое проделывали иноземные князья и епископы. Посещая Рим, они с жадностью взирали на великолепные создания древности и, видя их совершенно заброшенными, невольно помышляли о том, как бы воспользоваться ими. Аббат монастыря Сен-Дени Сугерий, современник св. Бернарда, признается, что он наметил в термах Диоклетиана, а так же и в других термах несколько изумительных по своей красоте колонн для того, чтобы отправить их на корабле во Францию и употребить на постройку своего аббатства, к которой он приступил в то время. Если в этом случае трудности, сопряженные с перевозкой, и другие обстоятельства помешали Сугерию привести свое намерение в исполнение, то в других случаях подобных преград могло вовсе не быть.

Между тем публичные сооружения принадлежали по праву государству, и существуют документы того времени, из которых видно, что папы жаловали памятники частным лицам и церквям. Большая часть древних развалин находилась именно в таком частном владении; это обстоятельство и спасло их от окончательной гибели, на которую обрекается имущество, оставляемое без хозяина; что же касается пользования памятниками, то последствием его было только искажение их, но не разрушение. Примером той участи, которая постигала в таких случаях памятники, может служить триумфальная арка Септимия Севера. В 1199 г. Иннокентий III утвердил за церковью Свв. Сергия и Вакха обладание частью этой арки. «Мы утверждаем, — так гласит булла, — половину всей триумфальной арки, состоящей из трех отдельных арок, именно одну из двух арок меньшей величины (над которой воздвигнута одна из башен), стоящую ближе к вашей церкви, и половину всей средней арки с камерами, примыкающими к меньшей арке» Далее сказано, что другой половиной арки владеют наследники некоего Цимина. Следовательно, эта триумфальная арка принадлежала двум различным владельцам, была совершенно перестроена, обращена в укрепление и имела наверху башню.

Таким образом, папы по-прежнему продолжали считать древние сооружения достоянием государства; читатель помнит, что церковь признавала своею собственностью замок св. Ангела и Пантеон. Когда римляне достигли независимости, собственником всех тех общественных сооружений, которые еще не были обращены римскими фамилиями в укрепленные дворцы, объявил себя город. Сенат признал своим обязанностью заботиться об охранении целостности городских стен, и ради удовлетворения этой потребности папа должен был ежегодно платить в пользу города определенную денежную сумму. Поэтому на величественных стенах Аврелиана мы находим, наряду с именами древних императоров и консулов, так же имена средневековых сенаторов времен Барбароссы. В 1157 году сенат восстановил часть стены близ porta Metrobia, и в настоящее время в этом месте, на башне della Magana, еще можно видеть доску с надписью, в которой все это изложено и затем приведены имена сенаторов, бывших тогда правителями; но о папе эта надпись не упоминает. Magana — название ручья, протекающего под башней в город.

Ни в одной, однако, надписи нет указаний, что тот или другой водопровод был восстановлен сенаторами или папами; об этих колоссальных сооружениях Древнего Рима совершенно умалчивается. Но на одном из мостов на острове Тибра мы еще и теперь видим надпись с именем сенатора. Эта надпись, находящаяся на мосту Cestius, гласит: «Бенедикт, светлейший сенатор великого города, восстановил этот, почти совсем разрушенный, мост». Нет сомнения в том, что этот сенатор был Vopeditus Carus homo. Из письма сената к Конраду мы знаем, что городом был восстановлен так же Мальвийский мост, разрушенный римлянами при Генрихе V.

Но мы имеем еще другое, более замечательное свидетельство забот сената об охранении городских сооружений. Случилось так, что 27 марта 1162 г., через день после вступления Барбароссы в несчастный Милан и, вероятно, в тот самый день, когда этот город был предан варварскому разорению, римский сенат постановил принять меры к охранению колонны Траяна, «дабы она никогда не могла быть разрушена или повреждена и, оставаясь неприкосновенной в ее настоящем виде, служила бы всегда к славе римского народа, пока существует мир. Тот, кто дерзнет нанести ей ущерб, будет предан смерти, а имущество его будет конфисковано». Художественный памятник великих воинских подвигов Траяна принадлежал в то время женскому монастырю Св. Кириака, и римский сенат, не находя в этом обстоятельстве ничего предосудительного, признал за монастырем право владения и колонной, и стоявшей возле нее небольшой церковью Св. Николая. Колонна Марка Аврелия

так же принадлежала мужскому монастырю Св. Сильвестра in Capite. Надпись, находящаяся в атриуме этого монастыря, гласит: «Так как колонна Антонина принадлежала монастырю Св. Сильвестра и стоящая возле нее церковь Св. Андрея подарственными приношениями пилигримов в верхнем и нижнем алтарях уже с давних пор арендными договорами передавалась в сторонние руки, то мы, желая, чтобы это отчуждение никогда более не повторялось, властью св. апостола Петра и святых Стефана, Дионисия и Сильвестра проклинаем и предаем анафеме аббата и монахов, если они осмелятся сдать в аренду колонну и церковь или уступить их в виде бенефиции. И если кто-нибудь вздумает отнять у нашего монастыря эту колонну силой, тот да будет проклят, как грабитель церкви, и навеки предан анафеме. Да будет так! Это постановлено властью епископов и кардиналов в присутствии многих священнослужителей и мирян. Составил и скрепил Петр, милостью Бога смиренный аббат этого монастыря, совместно с братией, в лето от Рождества Христово 1119, в XII индиктион».

По мере достижения независимости римляне стали относиться к древности с любовью и к ее памятникам прониклись уважением, поняв, как много обязан Рим своей славой сооружениям древних. У нобилей так же явилось желание прославиться возведением построек и тем содействовать украшению города. С этой именно целью была воздвигнута на мосту сенаторов (ponte Rotto) башня, которая в позднейшие годы Средних веков получила название Monzone, в народных же преданиях известна до настоящего времени под именем дома Пилата и дома Кола ди Риенцо. Эта удивительная башня (в Риме на всех мостах стояли башни), в которой взибалось *pedagium*, должна была представлять собою пышный дворец. Сохранившиеся развалины этой башни, построенной из прочного кирпича, являющиеся в настоящее время одним из самых замечательных памятников странной архитектуры частных зданий в Риме в Средние века. Карнизами и небольшими ложами башня разделялась на несколько этажей; вход в нее с улицы был сделан со сводом; внутри были комнаты с искусно выведенными крестовыми сводами; в верхние этажи вела каменная лестница. Снаружи башня была украшена древними изваяниями; грубые полуколонны из кирпича поддерживают фриз, представляющий самую разнородную смесь розеток из мрамора, арабесок и небольших мифологических рельефных фигур. В нише, устроенной в наружной стене у входа, первоначально находился бюст строителя (в Риме, следовательно, снова стали делать бюсты); впоследствии этот бюст пропал, и сохранилось одно лишь посвящение, изложенное высокопарным слогом. В другой пространной надписи, написанной леонинскими стихами, поименованы строитель и его семейство. Своим напыщенным тоном она напоминает речи, с которыми римляне обращались к Конраду и Фридриху; но минорная нота эпитафии, которая звучит в рассуждении о ничтожестве всякого земного величия, придает этой надписи некоторую поэтическую прелесть. «Николай, которому принадлежит этот дом, понимал, конечно, что слава в здешнем мире лишь одна суета. Воздвигнуть этот дом его побуждало не столько тщеславие, сколько желание восстановить блеск древнего Рима. Находясь в прекрасном доме, помни о могиле и о том, что тебе придется недолго в нем жить! Смерть мчит на крыльях. Человеку не дано жить вечно. Наша жизнь коротка и течение ее так же неверно, как полет пушинки. Как бы ты ни старался укрыться от ветра, пусть двери твоего дома будут заперты ста замками, пусть тысяча сторожей охраняет эти двери, у твоего изголовья будет все-таки сидеть смерть. Запрещься ли ты в замке, теряющемся в небесах, смерть тем скорее оттуда исхитит тебя, свою добычу. Величественный дом подымается к звездам; он воздвигнут первым из первых, великим Николаем, пожелавшим

восстановить славу своих предков. Его отца звали Кресцентием, мать Теодорой. Этот знаменитый дом построен отцом для своего дорогого ребенка Давида».

Без всякого основания создается предположение, будто этим строителем был один из Кресцентиев и даже именно тот знаменитый Кресцентий, который жил во времена Оттона III. Сколько нам известно, в этой фамилии не было никого с именем Николая. Римское искусство, создавшее башню такой странной формы, было так же далеко от искусства Джотто, построившего башню во Флоренции, как далека хроника Бенедикта Сорактского от хроники Виллани. Время возведения башни неизвестно; но, помимо исторических указаний, судя лишь по характеру надписи, надо полагать, что башня была построена в XI или XII веке. Варварский стиль этого баронского дворца выступает тем резче, что в непосредственном соседстве с ним стоят хорошо сохранившиеся два небольших римских храма, замечательных по своей изящной простоте. Сравнив свое сооружение с этими храмами, строитель должен был бы, конечно, почувствовать стыд; тем не менее римлянам того времени эта башня, вероятно, казалась сооружением небывалым, грандиозным и живописным. От этого здания, которому римский консул счел нужным посвятить надпись, приличествующую разве одному из сооружений Рамзеса, уцелели одни ничтожные развалины, которые теперь превращены в конюшню и сеновал. Так жестоко посмеялась судьба над тщеславным строителем, первым из первых людей, воздвигшим величественную башню.

Надо полагать, что дворцы Пьерлеони и Франджипани, не сохранившиеся до нашего времени, были такими же причудливыми постройками. Башни из кирпича, частью как отдельные здания, частью пристроенные к древним памятникам, возводились в ту эпоху повсюду в Риме. Не оставалось уже ни одной триумфальной арки, над которой не было бы возведено башни. Помимо других фамилий, одни Франджипани успели обратить в укрепления арки Тита и Константина и несколько арок Януса. Неподалеку от арки Тита у подошвы Палатина, вправо от *via Sacra*, находилась большая главная башня палатинского дворца Франджипани, *Turns Cartularia*, которая, по свидетельству *Mirabilia*, была возведена над храмом Эскулапа. В XI веке в этой башне сохранялась часть папского архива, известная под именем *Cartularium juxta Palladium*; отсюда и башня стала называться *Cartularia*. Множество башен было построено Франджипани так же в *Circus Maximus*; по имени находившейся здесь арки одна ветвь рода Франджипани получила название *de Arco*.

Страсть возводить башни господствовала тогда во всех итальянских городах. В Пизе этих башен было так много, что Веньямину Тудельскому показалось даже, будто число их доходило до 10 000. Некоторые из этих памятников муниципальной независимости и гражданских войн того времени сохранились до сих пор; таковы: в Венеции — башня св. Марка; в Болонье — высочайшая башня *degli Asinelli* и наклонная башня *Garisenda*; в Пизе — великолепная наклонная башня собора. Башни, возводившиеся в Риме лишь в редких случаях, стоили таких больших денег и затевались с такими претензиями, как башня Николая; в большинстве случаев это были непрочные постройки, которые можно было легко разрушить и так же скоро восстановить. Часть этих средневековых башен уцелела до настоящего времени; все они построены из обожженного кирпича, имеют четырехугольную форму, не суживаются от основания к вершине и не разделены на ярусы; большая часть их представляет укрепления, возведенные на дворцах. По сведениям, имеющимся в *Mirabilia*, на городских стенах возвышалось более 360 башен; если к ним добавить еще бесчисленное множество церковных колоколен, затем башен на фамильных замках и наконец такое же множество развалин древних зданий, то можно представить себе, насколько средневековый Рим отличался от современного с его зданиями,

увенчанными величественными куполами. Этот лес мрачных и грозных башен должен был придавать Риму в Средние века вид неприступного воинственного города и производит внушительное впечатление даже на могущественных государей.

Сам город, однако, представлял в XII веке картину невообразимого хаотического разорения и одичания. После пожара, бывшего при вторжении норманнов, холмы все более пустели и покрывались пышной южной растительностью; бывшие городские кварталы превращались в поля, а низменности — в болота, в которых свирепствовала лихорадка. Население перемещалось к Тибру и Марсову полю у подошвы Капитолия, достигшего своей прежней независимости. Здесь, размещаясь в лабиринте улиц, среди груд развалин мраморных храмов и памятников ютился невежественный римский народ, немногочисленный, но достаточно сильный, чтоб изгнать из города пап и заставить императоров отступить от древних стен Аврелиана.

5. Церковная архитектура. — Возрождение ее в XII веке. —

**S. Maria in Cosmedin. — S. Maria in Trastevere. — Живопись в Риме. —
Зарождение скульптуры. — Первые Космати. — Евгений III и Целестин III
приступают к постройке ватиканского дворца**

С прекращением борьбы за инвеституру для Рима явилась возможность мало-помалу выйти из своего бедственного положения. Но римские граждане не обладали никакими денежными средствами, а папам приходилось заботиться о восстановлении церкви, необходимых для совершения религиозного культа. В то время, как в большей части итальянских республик возводились великолепные соборы нового стиля, римское строительное искусство довольствовалось реставрацией и отделкой лишь того, что сохранилось в таком изобилии от прошлых времен.

Насколько чувство прекрасного уже было сильнее вначале XII века, мы можем судить по церкви S.-Maria in Cosmedin, находившейся в районе Scola Greca. Эта небольшая по своим размерам сокровищница средневекового искусства была реставрирована при Каликсе II и отделана его комерарием Альфаном. В ней доныне сохранилось немало памятников, принадлежащих тому времени, — созданий наивной скульптуры, превосходно воспроизводящих эпоху, когда среди господства сурового варварства впервые в шаловливых и робких чертах стал выступать пленительный, детский облик музы. При виде пестрой мозаики каменного пола, отделанных мрамором изящных амвонов, дверных косяков, украшенного мозаикой епископского кресла в абсиде и многого другого, что появилось в дни Альфана, зрителем чувствуется дыхание того времени.

Мы уже говорили выше о работах, произведенных Каликстом II в базилике Св. Петра и в Латеране, где, по приказанию этого папы, победы, одержанные церковью, были изображены в картинах. С некоторыми перерывами преемники Каликста продолжали следовать его примеру; в этом отношении особенно выделялся Иннокентий II. Церковь S.-Maria in Trastevere является настоящим памятником его понтификата. Эта древняя базилика, до сих пор одна из самых интересных в Риме, была по смерти Анаклетта перестроена Иннокентием II заново. Сам Иннокентий был трансверинец по происхождению, и его фамильный дворец с башнями находился в районе прихода этой церкви. Закончить вполне перестройку ее Иннокентий II не удалось, и это было сделано уже Иннокентием III. Тем не менее церковь S.-Maria in Trastevere, несмотря так же на многие переделки, которые были сделаны в ней впоследствии, остается в сущности сооружением Иннокентия II. С ее 24 колоннами из темного гранита, увенчанными классической капителью языческих

времен, с античными потолочными балками над этими колоннами, с полом древней настилки, с дарохранилищем на порфировых колоннах и затем мозаикой, эта базилика преисполнена до настоящего времени того древнехристианского духа, который был присущ средневековому Риму. Мозаика абсиды и арки, хотя и реставрирована, принадлежит большей частью тому же времени. Признать ее вполне варварской нельзя ни в каком случае; напротив, наряду с соблюдением традиций в изображенных фигурах уже замечается больше выразительности. В особенности обращают на себя внимание изображения Спасителя и Девы Марии, сделанные в торжественном и достаточно воздушном стиле. Другие изображения относятся к позднему времени, за исключением большой мозаики, находящейся в наружной нише базилики и изображающей Богоматерь и десять дев; эта мозаика принадлежит середине XII века и свидетельствует, что искусство снова стало делать успехи. Возможно, что это была работа мастеров из Монте-Касино.

Когда Дезидерий строил свою прекрасную монастырскую церковь, он брал из Рима только материал, но не призывал римских мастеров. В летописи Монте-Касино ясно сказано, что мозаисты были приглашены из Византии и что Дезидерий учредил тогда в своем монастыре школу мозаики, дабы это искусство не было окончательно забыто в Италии, где будто бы им не занимались уже в течение 500 лет. Но мозаичные работы в действительности не прекращались в Италии, и это утверждение летописца есть не больше, как преувеличение. Можно предполагать только с некоторой вероятностью, что школа мозаики в Монте-Касино имела большое значение для Рима и что в периоды сближения пап с королями Сицилии, строившими великолепные соборы, художники из Палермо так же работали в Риме. Стенная живопись и мозаика не переставали находить приложение в Риме. В церкви S.-Quattro Coronati, возобновленной Пасхалием II, находятся замечательные фрески в капелле Св. Сильвестра in Porticu, принадлежавшей братству скульпторов и каменотесов. В базилике Св. Климента, реставрированной Пасхалием II, который первоначально был кардиналом этой церкви, найдены были в 1862 г., при раскопках нижней церкви, фрески, принадлежащие, по-видимому, так же XI или XII веку.

Живописцы, служившие церкви своим искусством, в то время, по-видимому, уже пользовались и благосостоянием, и почетом; так, в 1148 г. какой-то живописец Бенгивенга был даже сенатором. В середине XII века получают известность фамилии некоторых римских художников, прославившихся своими скульптурными работами как в самом Риме, так и за его пределами. В 1148 г. четыре сына одного художника Павла — Иоанн, Петр, Анджело и Сассо — соорудили дарохранилище в церкви S.-Lorenzo за стенами и ими же были произведены другие подобные работы. В это же время пользовалась известностью в Риме семья художников, главой которой был римлянин Rapucius; ими были исполнены мозаичные работы в церкви S.-Maria di Castello in Corneto. Затем, около 1180 г., появляются на сцену Космати, семья знаменитых художников, прославившихся в XII веке. Таковы были первые шаги новейшей скульптуры, началом для которой послужило так называемое Opus Alexandrinum, т. е. та мозаичная отделка церквей, при которой употреблялись в дело кусочки цветного мрамора. Эти скульптурные работы сводились к архитектурным украшениям и изготовлялись каменотесами. Подобными изделиями в то время украшались гробницы, трибуны или аммоны, мраморные канделябры для пасхальных свечей и дарохранилища. Образцы изделий такого стиля существуют в Риме доныне в церквях Св. Климента, S.-Maria in Cosmedin, S.-Marco, S.-Croce in Gerusalemme и S.-Lorenzo за стенами. На Латеранской площади, что подтверждает так же в своем описании Венъямин Тудельский, стояла древняя конная статуя

Марка Аврелия. По приказанию Климента III перед ней был устроен фонтан, и это послужило поводом к ошибочному утверждению, будто Климент приказал отлить из бронзы конную статую и поставить ее в Латеране. Каким образом при том низком уровне, на котором стояло в Риме тогда искусство, могла бы быть выполнена подобная работа из бронзы?

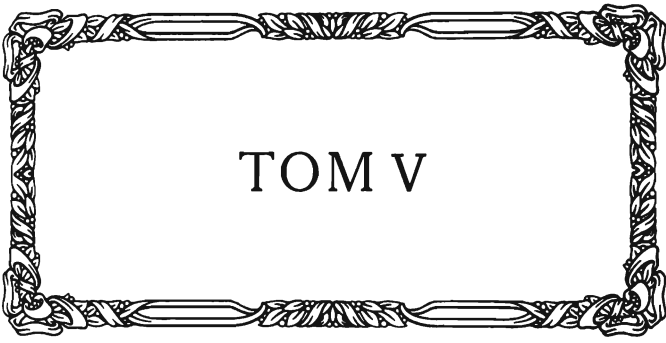
Таковы были на заре возрождавшегося искусства первые его представители, гордо называвшие себя мастерами мраморных изделий (*marborarii*) и учеными римскими мастерами (*doctissimi magistri Romani*). Помещаясь в своих уединенных мастерских, они, среди шума и бедствий междоусобных войн, выполняли с чувством благочестия те заказы, которые им давала церковь. Их искусство переходило от отца к сыну и внуку и постепенно развивалось, создавая школы. С половины XII века эти римские мастера стали получать все более и более заказов, так как почти все папы без исключения уже заботились о реставрации и украшении церквей.

Люций II выстроил заново церковь S.-Spice. Евгений II возобновил церковь S.-Maria Maggiore и украсил ее портиком. Затем папы так же, как и кардиналы, стали строить дворцы. Так, Анастасий IV воздвиг дворец близ Пантеона, а Евгений III — дворец в Сеньи, где имел свою резиденцию. Евгений III увеличил так же число построек в Ватикане, где им, вероятно, было возведено новое здание, постройку которого продолжал Целестин III. Существует предположение, что именно оба эти папы положили основание Ватиканскому дворцу.

Латеран был так же расширен Климентом III и Целестином III. Последний в 1196 г. приказал поставить здесь бронзовые двери. Монастырский дворик в церкви S.-Lorenzo был построен, вероятно, так же Климентом III; в настоящее время этот дворик является самой древней постройкой такого рода в Риме; по своему стилю он приближается уже к следующему веку, когда устройство таких красивых двориков с небольшими портиками, украшенными мозаикой, было вполне усвоено.

Таким образом, в конце XII века в Риме так же наблюдается пробуждение интереса к искусству, тесно связанное с возникновением этого интереса во всей Италии. Однако именно в Риме искусство никогда не получило значения национального искусства. Девственная почва тех городов, где не существовало тиранического гнета церковных традиций, оказалась более благоприятной для искусства и в 1200 г. родился Никола Пизано, гениальный выразитель начавшейся в XIII веке эпохи новой культуры.

TOM V

КНИГА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА I

**1. XIII столетие. — Империя, церковь, городское население; город Рим. —
Избрание Иннокентия III. — Дом Конти. — Раздача денег римлянам вновь
избранным папой. — Его посвящение и коронование. —
Изображение папского коронационного шествия и вступления в Латеран**

После рыцарского и религиозного одушевления XII века следующий век представляет картину более зрелого человечества, ведущего горячую борьбу за свое гражданское устройство и уже пользующегося благами жизни, облагороженной посредством труда, знания и искусств. XIII век — высший пункт Средних веков, когда церковь является в наибольшем блеске своей власти, между тем как старинная германская история сходит вместе с Гогенштауфенами с исторической сцены, оставляя свободное место самостоятельным национальным государствам. Империя при Фридрихе II сделала еще последнее гигантское усилие в борьбе за свое правовое существование с двумя течениями того времени, перед соединенными силами которых она должна была пасть. Она вела борьбу с миродержавной властью папства, и последнее, как и во второй половине XII столетия, вступило в союз с итальянскими демократиями, разрушившими через посредство латинского городского населения германскую феодальную систему как чуждое учреждение. XIII век есть время великой борьбы за свободу против устарелой легитимности: буржуазной революции против феодального дворянства, демократии против императорской монархии, церкви против империи, еретичества против папства. Республиканская свобода Италии придает ему больший блеск, чем какое-либо другое явление. Эта метрополия европейской образованности возвысилась с первого еще несовершенно сознания своей национальности в стенах укрепленных, одинаково управляемых городов, в которых было собрано удивительное количество духовных сил, богатства и труда. Такова была средневековая эпоха городов. Человек снова сделался по преимуществу гражданином города, как было в древности. Город с его родовыми делениями и родственными группами, с его установленными цехами во второй раз осуществил в истории понятие государства. Возвращение Италии, настоящей страны городов, к политическому культу общины тотчас по выделении ее из хрупких рамок империи могло бы казаться регрессом, если не обратить внимания на то, что выражал собою этот необыкновенный муниципальный дух. Это была победа над феодализмом, завоевание жизненных благ посредством знания и труда, создание собственной национальной культуры. Все это было совершено населением городов. Такими и были вольные города, лучшее произведение Средневековья, в которых происходила непрерывная выработка новой культуры. Италия еще раз самостоятельно расцвела в своих демократиях и снова впала в самое бедственное состояние, как только окончилось процветание этих вольных городов.

Однако же ограничение государства пределами города и нации пределами коммунального гражданства — несовершенная форма общества, в которой не могут быть выражены высшие общественные требования. Как и в древности, образова-

лись союзы городов, но соединение их в один скрепленный общим договором италийский союз оказалось невозможным. Этому препятствовали империя, занимавшая еще выдающееся положение, и папство, связанное с одним из государств.

Церковь, признавшая неосуществимость гвельфской идеи о папской теократии над всей Италией, скоро расстроила всякое объединение основанием французской монархии на юге. Будучи совершенно неспособны создать политически единую нацию, города впали в состояние замкнутой обособленности. Энергичное стремление к партийности, поддерживаемое их государственной жизнью и бывшее выражением потребности найти символ общего политического культа, воспользовалось противоположностью церкви и империи для создания всемирно-исторических партий гвельфов и гибеллинов. Задержанное национальное объединение заставило жизненные соки, не отводимые колонизацией, как было в Древней Италии и Элладе, стекаться в узкие каналы, и после окончания мировой борьбы между церковью и империей города принуждены были направить скопившиеся в них силы на опустошительные межклассовые междоусобные войны, которые неизбежно привели к владычеству сначала толпы, потом городских тиранов и, наконец, мелких владетельных князей.

В городе Риме муниципальное направление проявилось в том же духе. Всякая практическая связь с империей была им последовательно устранена в то же время, когда города в союзе со ставшим национальным папством принудили феодальную империю удалиться из Италии. Делом пап было устранить эту связь, уничтожить античное представление о *Respublica Romana* как об источнике государственной власти, отнять у Рима всякую зависимость от империи и поставить его исключительно под защиту церкви. Со своей стороны город постоянно боролся против пап, предъявлявших притязания на императорские права; и он не только получил свою гражданскую автономию, но в некоторые блестящие моменты достигал даже полной республиканской независимости. Не будучи способным возвыситься до признания себя за *Urbs orbis* или сделаться главой союза всех италийских городов, он ограничил свое честолюбие владычеством в пределах римского герцогства вокруг Капитолия. В XIII веке он ограничивается исключительно практической муниципальной жизнью и только в следующем веке снова возвышается до фантастического идеала. Поразительно видеть, как римский народ ревностно занимается домашними делами своей республики, не заботясь о мировых делах. В то время как империя истошилась до того, что от нее осталась только тень, а церковь достигла своей великой цели сделаться всемирным правительством, римляне держали свой взор неизменно направленным на серые стены Капитолия, закрывали свои ворота папам так же, как и императору, и думали только о лучшем устройстве своей общины. Муниципальная история Рима в XIII веке заключает в себе несколько славных страниц, заставляющих уважать римский народ, который временами отстаивал свою независимость в самых трудных условиях, так что папство, бывшее в XIII веке на вершине своего мирового могущества, было в то же время совершенно бессильно в Риме.

В начале и в конце этого великого века, историю которого мы излагаем в настоящем томе, стоят Иннокентий III и Бонифаций VIII, как пограничные столпы самого важного периода средневековой истории культуры, которые вместе с тем обозначают высший подъем и падение папства вообще.

8 января 1198 г. в портике Септизонииум был единогласно избран папой кардинал Лотарь, принявший имя Иннокентия III. Он был сыном графа Трасмунда Сеньи из старинного дворянского рода в Лациуме, владевшего там именьями в Ананьи и Ферентино. Его дом принадлежал к фамилии, занимавшей в Кампаньи в X веке должности графов, подобно фамилии Кресцентиев в Сабине. Но только после Иннокен-

тия III графский титул сделался постоянным фамильным именем de Comitibus или dei Comitibus. Предки Лотаря были германского происхождения и переселились в Ладзум. Это доказывается постоянно повторяющимися в роду Конти именами: Лотарь, Рихард, Трасмунд и Аденульф. В истории Рима они ничем не заявили себя; но Кларидия, мать Иннокентия III, была римлянка из рода Romanus de Scotta.

Молодой, богатый Лотарь получил образование в Париже и Болонье, где приобрел обширные схоластические познания и большие юридические сведения; затем при преемниках Александра III он с отличием служил в качестве клирика, после чего Климент III возвел его в сан кардинала-диакона при церкви Сергия и Вакха в Капитолии. Тридцати семи лет он достиг Святого престола. Он имел красивую наружность, хотя был небольшого роста, обладал большим красноречием и все преобладающей силой воли.

Только что Иннокентий был выбран, как римский народ приступил к нему с громкими криками, требуя денег. Его присяга на верность всегда покупалась, и, кроме того, городская община требовала от каждого вновь избранного папы уплаты дани в 5000 фунтов. Трон Иннокентия III подвергался опасности быть опрокинутым раньше, чем он действительно взошел на него. Уступая буйному требованию римлян, он решил извлечь из злоупотребления прочную выгоду. Он не поскупился, как, к своему несчастью, сделал Люций III, но раздавал деньги щедро и приобрел благосклонность народных масс, хотя раздача папских денег в таком большом количестве была постыдна и могла быть названа торговлей властью.

22 февраля 1198 г. Лотарь был посвящен в соборе Св. Петра, откуда он совершил торжественное шествие в Латеран в сопровождении городского префекта и сенатора, дворянства, земельных баронов, консулов и ректоров городов, явившихся на торжество принесения присяги.

Его коронационное шествие дает нам возможность в нескольких чертах обрисовать эти замечательные средневековые зрелища. С не меньшей пышностью, чем коронационное шествие императора, только без чуждой им военной помпы и без боя в Леонине, эти римские торжественные зрелища выставляли на вид блеск папства. Уже в XI веке вошло в обычай, чтобы папа, получивший посвящение у св. Петра, в торжественном шествии возвращался в свою резиденцию Латеран, а со времени Николая I принято было, чтобы эта процессия в виде триумфального коронационного поезда двигалась через центр Рима по дороге, которая стала обычно называться Via Sacra или Via Papeae. Она направлялась к базилике Св. Константина, которую папа с необыкновенными церемониями принимал в свое владение; вместе с тем он отмечал свое вступление в управление также и в качестве светского властителя Рима и Церковной области.

Тотчас после посвящения его епископами Остии, Альбано и Порто он садился в кресло на платформе лестницы церкви Св. Петра. Архидиакон снимал с его головы епископскую митру и при приветственных кликах народа надевал ему царственную Regnum. Это была круглая, заостренная тиара, та самая легендарная корона, которую будто бы Константин принес в дар папе Сильвестру. Сначала она была сделана из белых павлиньих перьев, потом ее украсили драгоценными камнями и золотым обручем, а позднее она была окружена тремя диадемами, на вершине же украшена карбункулом. Коронуя папу, архидиакон произносил: «Прими эту тиару и знай, что отныне ты отец князей и королей, правитель мира, наместник на земле Спасителя нашего Иисуса Христа, Ему же честь и слава во веки веков». Христос и Его босыми ногами странствовавшие апостолы были бы чрезвычайно удивлены при виде их преемника, облаченного в великолепные, блестящие золотом и драгоценными камнями одежды, который, вставши с трона с короной на голове, как папа-ко-

роль, садился на коня, покрытого алым чепраком. Если при этом присутствовали император или короли, то они держали ему стремя и несколько времени шли, держась за повод; если же их не было, то эту обязанность исполняли римские сенаторы и аристократы. Все участники процессии садились на своих лошадях, потому что шествие было конное. Оно двигалось в следующем порядке: прежде всего богато убранная лошадь папы без всадника; затем крестоносец (*crucifer*) на коне; двенадцать конных знаменосцев с красными знаменами в руках; два других всадника, несущие на копьях золотых херувимов; двое морских префектов; скриниарии, адвокаты, судьи в длинных черных рясах, присвоенных их должности; певческая капелла; диаконы и поддиаконы; знатнейшие аббаты; епископы, архиепископы, аббаты двадцати римских аббатств; патриархи и кардиналы-епископы; кардиналы-пресвитеры; кардиналы-диаконы, все на конях, на которых иные старики едва могли держаться. За ними следовал папа верхом на белом иноходце, которого справа и слева вели за узду сенаторы и аристократы. Возле него ехали поддиаконы и городской префект в сопровождении судейских коллегий. За ними следовали городские корпорации, милиции, рыцари и римская знать, в блестящих латах, с их фамильными гербами и цветами. Продолжавшееся несколько часов шествие этих духовных и светских владык, торжественное пение, звон всех колоколов, клики народа, цехи, чины и власти, разнообразие одежд, смещение церковного со светским — все это представляло удивительное зрелище, выражавшее в одной картине всю сущность папства.

Город был украшен венками; по пути папского шествия возвышались воздвигнутые мирянами триумфальные ворота; за это при проходе под ними раздавались деньги. Пройдя через триумфальную арку императоров Грациана, Феодосия и Валентиниана, процессия направлялась в квартал ПарIONE, где папа подъезжал к башне Стефана Петра для выслушивания приветствия еврейской общины. Здесь стояла депутация детей Израиля, непоколебимых исповедников чистого, неподдельного монотеизма, полная страха и робкой надежды, с равнином синягоги во главе, державшим на плече завернутый в покрывало свиток Пятикнижия. Римские евреи должны были приветствовать каждого нового папу в качестве главы государства, который милостиво давал им убежище в Риме, подобно тому как их предки ранее выражали свое верноподданство при вступлении на престол древних императоров. В суровом или благосклонном взгляде нового папы они читали свою будущую судьбу, в то время как раввин в знак верности подносил наместнику Христа книгу закона Моисея. Папа бросал на него лишь беглый взгляд, возвращал свиток назад раввину и говорил со снисходительной строгостью: «Мы признаем закон, но мы осуждаем мнения иудеев, ибо закон уже исполнен Христом, тогда как слепой народ иудин все еще ждет Мессии». Евреи удалялись, сопровождаемые насмешливыми криками римской черни, а процессия продолжала двигаться через Марсово поле, причем в разных местах клир приветствовал папу каждением и пением гимнов, а народ, предаваясь карнавальному веселью, оглашал воздух радостными песнями. Чтобы умерить натиск толпы, а может быть, и в воспоминание древних консульских обычаев, камерарии в пяти определенных местах разбрасывали деньги.

Пройдя по форуму через триумфальные арки Септимия Севера и Тита, мимо Колизея и церкви Св. Климента, процессия достигала Латеранской площади. Здесь встречал папу латеранский клир с торжественным пением. Его провожали к портику, где он садился на древнее мраморное кресло, *sella stercoraria*. Символическая церемония глубочайшего унижения верховного главы христианства, сидевшего на стуле с таким названием, есть, может быть, самый странный из средневе-

ковых обычаев, о котором теперь нельзя слышать без улыбки. Однако подходившие кардиналы поднимали святого отца с униженного седалища, произнося утешительные слова Писания: «Он воздвигает бессильного из праха и бедного из грязи». Продолжая стоять, папа брал у одного из камерариев три пригоршни золота, серебра и меди и бросал в народ, говоря при этом: «Золото и серебро не для меня; но что имею, то даю тебе». Затем он молился в Латеране, принимал, сидя на троне за алтарем, выражение преданности от капитула базилики, проходил через дворец, который он принимал в свое владение, присаживался и переходил с места на место, затем опускался в лежачем положении на древнее порфиговое ложе против капеллы Св. Сильвестра, где настоятель Латерана вручал ему пастырский жезл и ключи от церкви и от дворца: последние как символ его правительственной власти, а первые как символ власти, связывающей и разрывающей. Потом папа садился на другое порфиговое кресло и возвращал настоятелю эти знаки власти; его опоясывали красным шелковым поясом, на котором привешен был кошелек, заключающий в себе мускус и двенадцать печатей из драгоценных камней, бывших символами апостольской власти и христианской добродетели. В это время все дворцовые служащие допускались к целованию ноги папы. Он три раза бросал в народ серебряные денары, говоря: «Он рассыпал и давал бедным; правосудие Его пребывает вовеки». Далее он молился в папской домовый капелле Sancta Sanctorum перед мощами святых, снова отдыхал на троне в церкви Св. Сильвестра, держа в руках открытую митру, в которую он складывал обычные денежные приношения, или Presbyterium, в то время как целый ряд кардиналов и прелатов преклонял перед ним колена.

Затем следовало принесение присяги римским сенатом в Латеране и, наконец, банкет в столовой зале. Папа сидел один за столом, уставленным драгоценной посудой, тогда как прелаты и знать, сенаторы и префект с судьями занимали места за другими столами. Самые благородные сановники служили ему. Присутствовавшие на пиру короли подносили первые блюда и затем скромно занимали свои места за столом кардиналов.

Таковы основные черты больших папских коронационных процессий. Они продолжались, сохраняя свой средневековый вид, до Льва X; затем старинные символические обычаи вышли из употребления, и церемония превратилась в сообразную с требованиями времени форму ввода во владение или торжественного занятия Латерана.

2. Иннокентий III делает из городского префекта папского чиновника. — Положение городской префектуры. — Префекты из дома Вико. — Положение, занимаемое сенатом. — Скоттус Папароне, сенатор. — Иннокентий III получает право избрания сената. — Формула присяги сенатора. — Городская община Рима сохраняет свою самостоятельность. — Первые римские подесты в иностранных городах

С высоты своего трона Иннокентий III бросил взгляд на то, чем он обладал, и увидел одни развалины; на то, что ему следовало предпринять, и увидел, что мир находится в таком состоянии, что он готов подчиниться владычеству смелого ума. Светская власть св. Петра была совершенно разрушена при слабых предшественниках Иннокентия: более отдаленные провинции древней Церковной области находились во владении немецких графов, генералов Генриха VI, которым они были даны в награду; местности около Рима были во власти дворянства или сената. Поэтому первой задачей для Иннокентия было восстановление папского господства в

ближайших местностях. Если эта задача и другие, более важные, удалось ему неожиданно скоро, то этим он был обязан тому смущению, в которое повергла его императорскую партию смерть Генриха VI и внезапное сиротство империи. Папство на национальной притеснителя вдруг возвысилось из глубокой слабости до положения

Так как республика потеряла свою связь с Капитолием, то Иннокентию первым же смелым усилием удалось снова восстановить в городе папское управление. На этом пути препятствием к господству Святого престола были еще два должностных лица: префект как представитель прав Римской империи и сенатор как представитель прав римского народа. Городская префектура была Генрихом VI снова превращена в императорское наместничество, а городской префект Петрус был его ставленником. Теперь он увидел себя беспомощным и, добиваясь признания в своей должности папою, подчинился ему. 22 февраля 1198 г. Петрус принес вассальную присягу Иннокентию III и получил от него, как знак ленного пожалования, пурпурную мантию префекта. В дошедшей до нас клятвенной формуле лишь неясно упоминается о правах его должности. Префект приносит присягу церкви как папский вассал, которому поручено временное управление страной; поэтому он клянется поддерживать неуклонно права церкви, охранять безопасность дорог, отправлять правосудие, заботливо сохранять для папы укрепленные места и не строить произвольно новых; не присваивать лично себе никаких вассалов в церковных владениях; тотчас сложить с себя свою должность, если этого потребует папа; но не указано, какая именно страна передана в управление префекта. В Древнем Риме его юрисдикция простиралась на расстояние ста милевых столбов, из чего римляне еще в Средние века насаждали свое право, чтобы весь городской округ управлялся общинными судьями. Еще в XV столетии городской секретарь представил Мартину V записку, в которой он высказывал следующие положения: «Когда верховная власть перешла к монарху, то город Рим был превращен в префектуру и у него всегда были свои префекты, а так как их власть простиралась до сотого милевого столба, то и городская область занимает такое же пространство; все, что заключено в этих пределах, подчинено юрисдикции Рима; в них город обладает правами республики: *tegum* и *mixtum imperium*; таковы права на регалии, реки, дороги, гавани, пошрины, монеты и т. п.». Римская община предъявляла претензию на управление всем городским округом, от Радикофани до Чепрано, от Сабинских гор до моря; однако о подсудности этих мест префекту ничего не говорилось. Власть этого, когда-то страшного, уголовного судьи была уничтожена демократией в Капитолии; сенатор, т. е. глава городской общины, вытеснил префекта, т. е. императорского наместника, из занимаемого им положения. Какого рода было это положение в начале XIII века, когда уже не существовало никаких императорских фискальных прав, совершенно неясно. Ему принадлежал еще полицейский суд как в городе, так и вне его. Но его влияние основано было уже не на его должности, а на его земельных владениях. Именно городской префект был владельцем больших имений в Тусции, где он присвоил себе многие из капитанств Матильды. Уже в конце XII столетия местом его честолюбивых стремлений является земельный округ около Витербо, и сама префектура в XIII веке становится наследственной вроде баронов из Вико; так называлось исчезнувшее ныне население в этой провинции, имя которого носит до сих пор маленькое озеро. Они, вероятно, уже давно получали доходы с тусцийских имений в качестве формального лена префектуры; но это ленное владение, соединенное с должностью, превратилось потом, вместе с префектурой, в земельную собственность владельцев Вико, которую они много раз увеличивали посредством покупки или насильственного захвата. Иннокентий III тщетно старался устранить эту

наследственность, предоставивши префекту Петрусу, принадлежавшему к этому же роду, только временное владение.

В 1198 г. уничтожены были последние еще видимые остатки императорской власти в Риме, которая была предоставлена при Каролингах в лице посла (missus), а потом префекта. Эта власть вообще уменьшилась до такой степени, что папа в сущности сам не знал, что ему делать с пережившей свое время фигурой префекта. В качестве папского missus Иннокентий III дал ему уже в 1199 г. власть мирового судьи в городах Тусции, Умбрии, а также в Сполето; это и была та местность, в которой владельцы Вико приобрели впоследствии большую силу. Главной причиной этого было то, что городской префект занял потом очень выдающееся положение наследственного владельца в качестве правителя Тусцийского капитанства. Впрочем, его судейские права распространялись и на Рим и городской округ. На него следует смотреть как на градоначальника. Он постоянно назначал судей и нотариусов; ему принадлежала полицейская власть; он заботился о безопасности улиц и имел надзор за рыночными ценами на зерновой хлеб. Папа, уважавший в нем древнейшего представителя римской магистратуры, очевидно, желал отодвинуть через него в тень сенатора. Он дал префекту представительство, полное блеска и пышности: при всех коронационных процессиях praefectus urbis находился в непосредственной близости к папе. В четвертое воскресенье четырёхдесятницы ему аккуратно дарилась золотая роза, которую он должен был везти по городу в торжественном шествии, сидя верхом на лошади.

Так же счастливо в то же время удалось Иннокентию III достичь верховного господства над римской городской общиной. Республике в Капитолии, снова сделавшейся аристократической, были все еще чужды основы порядка, опирающегося на силу народа. Ее исполнительная власть колебалась между формой олигархии и монархии, между многими правителями и одним подестой. Так, в 1197 г. были выбраны 56 сенаторов, но во время посвящения Иннокентия III был всего один сенатор. Муниципальный глава Рима неустанно оспаривал притязания св. Петра. Бенедикт Карусомо и его преемники сделали независимыми от Святого престола; они назначали ректоров в римские провинциальные города и даже посылали коммунальных судей в округи Sabina и Maritima, так как эти провинции, по мнению римлян, были по праву доминиальными владениями города. Городская община требовала для себя юрисдикции над всем городским округом, под которым она разумела пространство прежнего римского герцогства. Как другие итальянские города присоединили к себе древние комитаты, так и Рим хотел быть владельцем своего герцогства. При вступлении на престол Иннокентия III сенатором был Скоттус Папароне, благородный римлянин из древнего дома, даже, кажется, родственного папе по его матери. Иннокентий постарался заставить его отказаться от должности. Подкупленный денежными подарками, народ отрекся даже от важного права на свободное избрание сенаторов, которое Иннокентий признавал папской привилегией. Тогда он назначил выборщика (Medianus), а последний уже назначил нового сенатора, причем назначавшиеся до тех пор от Капитолия судебные власти были всюду в городском округе заменены папскими судьями. Таким образом, в 1198 г. сенат перешел под власть папы.

До нас дошла формула присяги, приносившейся тогда сенатором: «Я, сенатор города, отныне и всегда буду верен тебе, господину моему, папе Иннокентию. Ни делом, ни помышлением я не буду способствовать тому, чтобы ты потерял жизнь или здоровье или коварным образом был захвачен в плен. Все, что ты мне лично доверишь, я никому не открою к твоему вреду. Я буду предотвращать твой ущерб, если о нем узнаю, если же не буду иметь к тому возможности, то уведомя тебя лично, или письмом, или через верных посланных. По мере сил и разума я буду

тебе помогать в охранении римского папства и прав св. Петра, которыми ты обладаешь, и в возврате тех, которых ты не имеешь, и возвращенное буду защищать против всего света: св. Петра, город Рим, Леонину, Транстевере, Остров, замок Кресценция, св. Марию Ротонда, сенат, монеты, почет и достоинства города, гавань Остии, Тускулумские имения и вообще все права и преимущества как в городе, так и вне его. Кардиналам и состоящим при твоём и при их дворе, когда они будут приходить в церковь, оставаться там и возвращаться назад, я ручаюсь за полную их безопасность. Клянусь добросовестно и верно исполнять все сказанное; так да поможет мне Бог и Его святые Евангелия». Из этой формулы вытекает то, что уже в то время город Рим (*Urbs Romana*), состоявший из двенадцати частей, был отделен не только от папской Леонины, но и от Транстевере и от Острова. Транстеверины считались вообще как бы иностранцами, так что никто из Транстевере не мог быть избран в сенаторы.

Было бы ошибочно думать, что после этого папа получил непосредственную королевскую власть над Римом. Монархический образ правления в нашем смысле был настолько чужд Средним векам, что Иннокентию III никогда и в голову не приходило усомниться в самостоятельности римской общины. Все папы той эпохи признавали город Рим не только за гражданскую, но и за политическую, автономную власть. Они старались влиять на нее; они в принципе обеспечивали свое верховенство, назначали или утверждали сенаторов, но не распоряжались ни против воли, ни через силу народа. Их владычество было лишь титулом, выражавшим их авторитет и ничего более. Римляне продолжали, как свободный парламент, заседать в Капитолии; они имели свои собственные финансы и собственное войско и постановляли решения о мире и войне, не спрашиваясь у папы. Они даже воевали с городами Церковной области или заключали с ними договоры на праве независимого государства, потому что и эти города были большей частью свободными общинами, тогда как другие местности римского округа платили по договору ленную подать в капитолийскую камеру и получали своих подест от сенатора. То обстоятельство, что в первой половине XIII века очень многие римляне были подестами чужих городов, доказывает, какой силой обладало тогдашнее римское дворянство и каким уважением оно пользовалось. Эти города, находившиеся большей частью в оборонительном союзе с Римом, нередко посылали торжественные посольства к римскому народу, чтобы выпросить себе у него в правители благородного римлянина. Ряд таких подест, которые во всех актах называют себя *Consules romanorum*, открывает собой уже в 1191 г. Стефан Кардулло, за ним следует в 1199 г. Иоанн Капоччи — оба в Перуджини — и Петр Паренциус в 1199 г. в качестве подесты в Орвието, где он был убит еретиками гибеллинской партии, и в честь его в красивом тамошнем соборе существует доныне особый алтарь.

3. Распадение ленных владений Генриха VI после его смерти. — Филипп Швабский, герцог Тосканский. — Марквальд, герцог Равеннский. — Конрад, герцог Сполетский. — Тусцийский союз городов. — Восстановление наследия церкви. — Возвышение в Риме народной партии. — Иоанн Капоччи и Иоанн Пьерлеоне Райнерий. — Борьба Рима с Витербо из-за Виторклано. — Пандульф Сабурский, сенатор. — Витербо подчиняется Капитолию

Рим, ленные владельцы в Кампаньи, Маритиме, Сабине и Тусции признали в феврале Иннокентия III своим верховным властителем, поэтому папа снова сделался верховным повелителем в пределах римского герцогства. Но он желал также

приобрести и все другие провинции, которые когда-то, при Каролингах, были включены в Церковную область. Италия вследствие сицилийского наследства Генриха VI была вовлечена в ретроградное движение. Венецианский и Константицкий договоры оставались занозой в сердце государей Штауфенского дома, не хотевших признавать ни добытой городами свободы, ни предоставленной папам светской власти. Генрих VI снова выставил принцип империи и сделал Сицилию основой своих монархических стремлений. Он раздробил итальянскую национальность, возросшую в городских обществах под защитой Александра III, тем, что он снова восставшую германский феодализм и от моря до моря основал немецкие государства, образовав их отчасти из имений Матильды, отчасти из церковного наследия, которое он желал уничтожить как наиболее упорное препятствие верховенству империи. Его младший брат Филипп был избран им герцогом Тусции; его умный сенешаль Марквальд получил экзархат в качестве маркграфа Анконского и герцога Равеннского; а Конрад фон Веслинген еще раньше был герцогом в Сполето. Таким образом, Италия была разделена на части имперскими ленами, держалась в узде, и ей угрожало уничтожение ее городских демократий. Но планомерное здание Генриха VI разрушилось с его смертью, и едва ли найдется другое более очевидное доказательство непрочности всякого чуждого господства, как быстрое падение учреждений этого императора. Они были опрокинуты не столько силой оружия, сколько силой национального стремления, возникшего в первую ломбардскую войну за независимость. Междоусарствие и немецкая борьба за трон сломали штауфенскую партию в Италии и сделали нетрудным для городов достичь независимости от империи. Умный Иннокентий тотчас же выступил как освободитель Италии от господства немцев. Уже в 1198 г. он говорил, что эта страна, местопребывание двух властей, Божиим промыслом предназначена быть главой земли, и эти его слова нашли себе отзвук даже и там, где их склонны были понимать не в смысле всемирного владычества пап, основанием которого должна была служить Италия.

Смерть Генриха VI стала той брешью, через которую Иннокентий, более счастливый, чем Григорий VII, проник в империю, в которой он занял положение третейского судьи, направляя в то же время гвельфскую часть итальянского народа на штурм воздвигнутых Генрихом укрепленных замков. Следствием иноземного феодального господства при императоре был жестокий гнет и жгучая ненависть во многих недовольных городах и местностях. Прежде всего это испытал Филипп, герцог Швабский, еще по приказу Генриха VI прибывший в Италию, чтобы отвести из Фолино в Германию для коронования его сына Фридриха, наследника Сицилии, уже избранного римским королем. У Монте Фиасконе в октябре 1197 г. его уведомили о смерти императора. Пораженный, он повернул назад и едва ушел от яростного восстания итальянцев. В Тусции, в Романьи, в Марках Иннокентий развернул знамя независимости, и кто, кроме папы, мог бы тогда быть представителем итальянской нации? Но его одушевлял не патриотизм, а сознание того, что временное в тот момент ослабление силы империи давало папству самый удобный случай прочно основать церковное государство. Иннокентий начал свое правление вызванной им революцией, целью которой была отмена исторических прав империи в Италии. Сама церковь своими нападениями вызывала удаление имперской власти.

Многие города бросились в объятия папства из ненависти к чужестранцам, другие принуждены были следовать за общим потоком, так как немецкие феодальные владетели всюду должны были быть изгнаны. Из этих верных слуг Генриха самым могущественным был Марквальд; это был мужественный и закаленный воин. Когда Иннокентий потребовал от него подчинения церкви, он сначала с хитрым искусством вел переговоры, затем храбро оборонялся против восставших городов и пап-

ских войск, пока наконец принужден был отказаться от своего прекрасного лена — Равенны. В этой начинавшейся тогда решительной борьбе церкви со Штауфенской империей гвельфский дух одной части Италии был заранее союзником папы.

Впрочем, Равенну и другие местности экзархата Иннокентий III не мог присвоить себе. Архиепископ этого города противился его притязаниям; напротив, он без труда захватил марку Сполето. Конрад фон Верслинген, бывший там герцогом и графом в Ассизи, напрасно предлагал дань, участие в папских войсках и сдачу всех крепостей. Папа хотел выказать себя итальянским патриотом и не принял этих условий. Герцог должен был безусловно подчиниться в Нарни, освободить своих вассалов от присяги на верность и даже удалиться из Италии. Таким образом, швабом Конрадом окончился длинный ряд германских герцогов в Сполето, начавшийся в 569 г. лангобардом Фароальдом. С чувством высокого удовлетворения Иннокентий проехал в 1198 г. по освобожденным от иностранного господства местностям и принял присягу от населения Сполето, Ассизи, Рieti, Фолиньо, Нордии, Губбио, Тоди, Чита ди Каstellо и других мест, в которых он назначил управителем кардинала церкви S. Maria in Aquiro. Даже Перуджия, бывшая уже могущественной главой Умбрии, в первый раз присягнула папе; он предоставил этой общине право городского суда и свободного выбора консулов, уже ранее дарованное ей Генрихом VI. Он особенно старался привлечь на свою сторону города, подогревая в них стремления к общинной свободе, которые он благоразумно допускал, не давая, однако, им слишком большого простора.

Таким образом, Иннокентий, превознесенный неслыханным счастьем, явился вождем итальянской независимости, которая покрывала собою и независимость Церковной области. И если бы гвельфская идея о конфедерации Италии под верховным руководством папы могла быть когда-нибудь проведена в жизнь, то никто не стоял ближе к ее осуществлению, чем Иннокентий. Блестящие триумфы его первых лет указывают на то, какую непреодолимую силу приобретала церковь всякий раз, как она находила возможным вступать в союз со стремлениями народа.

Тоскана, лен Филиппа Швабского, тоже пыталась отторгнуться от империи, на чем папа и основал надежду подчинить эту благородную страну церкви. Флоренция, Сиенна, Лукка, Вольтерра, Арещо, Прато и некоторые другие города уже 11 ноября 1197 г. заключили скрепленное присягой тусцийское товарищество по образцу ломбардского союза. В этом договоре они приняли на себя обязательство защищать церковь и ее владения и никогда не признавать в своих областях без согласия папы ни императора, ни герцога или наместника. Этот-то союз, к которому отказалась присоединиться благодарная Гогенштауфенам Пиза, и пытался подчинить себе Иннокентий. После долгих переговоров он возобновил в октябре 1198 г. тусцийский договор на основах 1197 г., однако ему не удалось получить в свое владение те матильдинские имуществы, которыми завладели эти города. Общины не признали за церковью никаких политических прав в старинном герцогстве Тусции. Их сопротивление желаниям Иннокентия III охранило Флорентинскую, Луккскую и Сиенскую республики от потери их самостоятельности. Напротив, приняли подданство церкви все те местности из числа бывших матильдинских владений, которые принадлежали церкви в тусцийской области, но были отняты у нее Генрихом VI или Филиппом. Иннокентий реформировал эту церковную область наравне с другими церковными провинциями: он поставил в ней ректоров, назначил новых управителей в городах и усилил укрепления. От Мархий до Ладиума, чтобы держать в повиновении эти местности, был восстановлен или построен вновь ряд грозных крепостей, которые признавались патримониальным владением церкви.

Таким образом, первые шаги нового папы указывали в нем человека, рожденного быть монархом. После двухлетнего пребывания на папском престоле он уже явился восстановителем церковного государства в объеме пипиновского дарения; в то же время он был третейским судьей империи, в которой Филипп Швабский и Вельф Отгон спорили за трон, ленным властителем Апулии и Сицилии и вместе с тем покровителем могущественным городских союзов — истинным протектором Италии. Однако и этот папа не достиг спокойного пользования своей светской властью. Его блестящее правление указывает скорее на трудную и лишь с виду победоносную борьбу сильной воли против стихийных стремлений духа времени, которые он не мог подчинить себе, и против враждебного противодействия мирских элементов, которых он не успел примирить с собой. Напротив, он даже еще усилил резкость этих противоположностей, которые вскоре после того проявились в страшных войнах.

Город Рим немедленно показал, что народное возбуждение представляет такую силу, которую папы еще не могли преодолеть, хотя они иногда и господствовали над ней. Он даже принудил Иннокентия в виде беглеца удалиться в изгнание. Демократы, люди конституции 1188 г., товарищи Бенедикта Карусомо, не могли перенести того, что папа завладел сенатом и отнял у Капитолия его юрисдикцию в пределах города. Вожаками этой партии были два демагога из первых римских фамилий: Иоанн Капоччи и Иоанн Пиерлеоне Райнерий, оба незадолго до Иннокентия ставшие в сенате преемниками энергичного Бенедикта. Капоччи, живший в Субуре, где находился его башенный дворец, был смелый и красноречивый человек, пользовавшийся большой популярностью в тогдашнем Риме. Перуджия двукратно почтила его избранием в подесты; он находился в родстве со знатнейшими городскими семьями и сам был главой семьи, которая в течение всего XIII века пользовалась большим уважением как церкви, так и республики. Оба бывших сенатора будоражили общину, представляя ей, что папа похищает всю ее власть над городом и «ощипывает ее, как ястреб курицу». Неудовольствие римлян искало лишь случая для своего проявления; такой случай давал им Витербо, равно как Тиволи и Тускулум; но папа сумел благополучно избежать опасности, взявши в свои руки дело римлян.

Витербо, богатый торговый город, бывший свободной общиной под верховным главенством папы, уже давно находился в войне с Римом, судебную власть которого он не хотел признавать. В 1199 г. он осадил Виторкланум, вследствие чего этот укрепленный замок отдался под покровительство римлян. Получив требование удалиться, жители Витербо не послушались и дождались наконец от римского парламента объявления войны. Граждане Витербо, предусмотрительно согласившиеся на принятие их в тусцийский союз, обратились к его ректорам за помощью против Рима, и она была им немедленно обещана. Таким образом, когда два папских города объявили войну друг другу, тусцийский союз, не обращая внимания на свой клятвенный договор с церковью, принял участие в этой войне и даже угрожал Риму, резиденции папы. Такие факты уясняют характер папской власти в Средние века и доказывают, что папа и город Рим были две совершенно отдельные друг от друга власти. Вмешательство союза городов принудило римских народных вождей искать помощи у того же папы, которого они надеялись запутать в затруднительных противоречиях. Он тотчас согласился на их просьбу. После напрасного, обращенного к Витербо, требования подчиниться его решению папа наложил на этот город отлучение, тем более что он незадолго перед тем оказал помощь бунтовавшему Нарни. Увещания папы побудили и тусцийскую конфедерацию отозвать свои войска, после чего римляне освободили от осады Виторкиано.

Война возобновилась в конце того же 1199 г., когда сенатором был сильный человек Пандульф из Субура. Если бы Иннокентий отказал городской общине в дальнейшей поддержке, то последовало бы народное восстание, а этого он должен был старательно избегать. Денежных средств у него не было; войска пополнялись плохо. Сенатор медлил, выжидая и расположившись в палатках на Нероновом поле. Тогда брат папы Рихард дал денег для вербовки войска. Римляне выступили в поход в большом числе, и пока они находились на поле битвы, умный Иннокентий публично молился в церкви Св. Петра о победе своих римских братьев: так мало считалась война между двумя соседними папскими городами междоусобной войной и так далеки были общины одной и той же области от понятия об общем государственном союзе. Покинутые тусцийским союзом витербцы заключили договор с графом Ильдебрандино ди Санта Фиора, избрав его своим подестой, а также нашли себе и других союзников. Тем не менее 6 января 1200 г. они потерпели сокрушительное поражение. Римское войско возвратилось с триумфом и военной добычей, и благодарный парламент передал папе ведение мирных переговоров. Иннокентий освободил некоторых благородных пленников из тюрем Каннапарии, чтобы держать их в качестве заложников в Ватикане. Когда же после этого Витербо угрожал прервать переговоры, то он спас от народной ярости наиболее важного из них, Наполеона, вице-графа Кампилии, поместив его в укрепленный замок Ларианум. Но неблагодарный Наполеон убежал, а римляне стали кричать, что папа изменил им для Витербо.

Мир был заключен в конце 1200 г. или в следующем году при посредстве папы. Согласно статьям договора, которые он предоставил в Латеране на утверждение римлян, Витербо подчинялся римскому сенату и народу, признавал свои вассальные обязанности, обещал платить дань, отказывался от Виторкланума, обязывался срыть часть своих городских стен и должен был без сомнения получать от Рима утверждение своего подесты. Победенный город должен был возвратить двери Св. Петра и другие предметы, вывезенные им из Рима в 1167 г. в качестве военной добычи, тогда как римляне повесили общинный колокол Витербо в Капитолии, а цепь и ключи от ворот в качестве трофеев — на арке Галлиена у С.-Вито. То обстоятельство, что папа диктовал условия мира, на основании которых значительный город Церковной области признавал над собой власть не его, а римской общины, также доказывает, что он признавал римский народ за отдельную от него верховную власть, и в силу этого принципа война между Римом и Витербо особенно заслуживает нашего внимания.

4. Орсини. — Их наследственная распря с родственниками Иннокентия III. — Рихард Конти и дом Поли. — Именья Поли переходят к Рихарду. — Война в городе. — Бегство Иннокентия III в Ананьи в 1203 г. — Борьба партий из-за сената. — Иннокентий возвращается в 1204 г. — Григорий Пьерлеоне Райнерий, сенатор. — Ожесточенная правительственная борьба. — Характер таких гражданских войн. — Иннокентий еще раз добивается признания прав папы на сенатские выборы в 1205 г.

Иннокентий надеялся, что Рим будет теперь спокоен, но недовольство папским господством, борьба за власть и распри в среде дворянства держали город в постоянном возбуждении. В XIII веке некоторые дома из родовых знати выдвинулись вперед и стали новой силой, тогда как господствовавшие до тех пор фамилии Пьерлеоне и Франджипани отошли на второй план. Сами папы были основателями род-

ственных им домов, которые стремились к городской тирании. К таковым не принадлежал древний род Колонна, а также дом Анибалди, но Конти, Савелли и Орсини были обязаны папам своим значением.

Целестин III наделил своих племянников из рода Бобо церковным имуществом и был настоящим основателем благополучия этой ветви, принадлежавшей к роду Орсини. Прославившийся род Орсо знаменит в средневековой римской истории многими папами и целым рядом кардиналов, государственных деятелей и военачальников. Из всех римских фамилий только Орсини стояли на одной высоте с гибелинскими Колонна и считались им равными. Происхождение их темно. Лишенные критики семейные истории, находящиеся в римских архивах, выводят их из Сполето, но рассказывают лишь басни. Иные ищут их колыбель даже на Рейне; однако имя Ursus или Ursinus есть древнеримское, и во всяком случае нет никаких доказательств того, чтобы пришедшие при Оттонах саксы основали этот могущественный римский дом. Какой-то счастливый человек, вероятно, воин, обладавший грубой силой, называвшийся Ursus, т. е. медведь, был родоначальником рода, превосходящего царские династии своей численностью и долговечностью. Время и личность этого родоначальника покрыты мраком; достоверно лишь то, что имя Ursus упоминается уже в эпоху Оттонов.

В начале XIII века «сыны Урсуса» были уже многочисленны и могущественны и жили в римских дворцах, башни которых были построены на античных монументах в квартале Парионе. Они находились в наследственной вражде с поколением Романа де Скотта и Иоанна Окдолины, родственников Конти. Они выгнали эти роды из их жилищ в то время, когда Иннокентий осенью 1202 г. был в Велетри. Возвратившийся папа приказал им помириться, и сенатор Пандульф изгнал враждующие партии одну к Св. Петру, другую к Св. Павлу. Но скоро город был взволнован убийством из родовой мести. Теобальд, один из Орсини, был убит на дороге к Св. Павлу, вследствие чего весь род Ursus'ов ворвался в город, с криками мести носил по улицам труп убитого и разрушил дома врагов. Жестокая ненависть к родственникам папы была перенесена и на него самого. Его небезосновательно обвиняли в nepотизме, потому что Иннокентий старался учредить для своего честолюбивого брата Рихарда герцогское земельное владение в Лациуме, что ему и удалось вполне.

Рихард, живший постоянно в Риме, где он выстроил на средства папы гигантскую башню Конти, освободил задолжавшего графа Одо из дома Поли от его кредиторов, но по договору с ним получил его имущество, бывшее в старину церковными ленами. Одо обещал женить своего сына на дочери Рихарда, но потом отказался и потребовал обратно свои имения. А так как на это он не имел никаких основательных прав, то он стал восстанавливать народ против Конти. Члены семейства Поли, дворяне, чей род пришел в упадок вследствие неразумного хозяйствования в течение долгих лет, бродили по городу, прося защиты, полураздетые и с крестами на плечах. В праздник Пасхи они с криком ворвались даже в храм Св. Петра. Они нарушили папскую процессию и наконец преподнесли в Капитолии римскому народу их заложенные у Рихарда имения. Прекрасные владения дома Поли заключали в себе девять замков на границе Сабинны и Лациума. Римляне тотчас же решили прибрать их к рукам; но папа поспешил изложить перед сенатом свои права на эти церковные лены; он отдал спорное имущество своему брату в качестве залога, а скоро затем лен Поли и совсем перешел к Конти.

Преданный папе сенатор Пандульф противодействовал домогательствам Поли вследствие их незаконности, поэтому народная ненависть обратилась и на него. Капитолий подвергся штурму; башня Пандульфа на Квиринале была подожжена.

Лишь с трудом спасся живший в ней сенатор, а также и брат папы, замок которого был народом взят приступом и объявлен городской собственностью. Сам Иннокентий в начале мая 1203 г. убежал в Палестрину. В те самые дни, когда латинские крестоносцы завоевали Византию, великий папа оказался угнетенным мелкими прямыми римскими баронами; ему угрожало неистовство народа, и он принужден был бежать. Противоречие между сознанием его папского могущества и его действительным стесненным положением в Риме глубоко печалило его. Осенью, когда поразительное известие о падении Константинополя уже дошло до него, он заболел в Ананьи так тяжело, что ожидали его смерти. Между тем приближался ноябрь, когда должны были произойти новые сенатские выборы. Недовольный народ хотел, чтобы выбраны были 56 сенаторов, и папа, с которым сносились через послов, приказал заменявшим его кардиналам назначить 12 избирателей, на что он имел право. Народ запер их, как во время конклава, в башню, принадлежавшую одному из его вождей, Иоанну де Стацио, который построил себе дом на развалинах цирка Фламиния. С них взяли клятву, что они выберут по крайней мере двоих, принадлежащих к партии противников папы. Между тем уходящий сенатор Пандульф передал Капитолий приверженцам папы, а вновь избранный сенат распался по поводу дела Рихарда на две враждебные половины. Народная партия признавала имения Поли городской собственностью, другая отрицала это. Дикая война раздирала Рим, пока вконец измученный аристократами народ стал усиленно просить папу возвратиться. Он сначала отказывался, но затем в марте 1204 г. приехал в Рим, мужественно решившись твердо противостоять беспорядкам и устроить по своей воле сенат, новое избрание которого предстояло по истечении шести месяцев. Иннокентий, принятый в Риме со всеми почестями, тотчас успокоил это восстание благоразумными мерами. Он назначил выборщиком человека, уважаемого всеми партиями, Иоанна Пьерлеоне, прежнего своего противника, в это время, может быть, уже бывшего его другом. Пьерлеоне выбрал в сенаторы Григория Петри Леонис Райнерия, своего близкого родственника, человека благородного происхождения, отличавшегося не силой, а справедливостью. Но противоборствующая демократическая партия не хотела и слышать о мире и вообще о предоставлении папе права выбора, она собралась в цирке Фламиния, объявила договор 1198 г. отмененным и выбрала свой сенат, назвав его «добрые люди общины».

Таким образом, Рим распался на две враждебные партии, папскую и демократическую. Пандульф де Субура, Рихард Конти, Петрус Аниальди из рода Алессисус и Джиаидо Карбонис предводительствовали первой; Иоанн Капоччи, Барончелло, Иаков Фраяпане, Григорий и скоро опять перешедший на сторону народа Иоанн Райнерий были вождями второй. Эта ожесточенная городская война была политической борьбой, имевшей в основании своем очень серьезный принцип. Сторонники старинного общинного устройства противились передаче папе сенатских выборов, опасаясь, что за этим правом последуют мало-помалу и другие. Сверх того в спор введен был и процесс Поли, так как возрастающая сила родственного папе дома Конти давала справедливый повод к неудовольствию. Во главе народа стал опять самый сильный враг папы Иоанн Капоччи, тогда как экс-сенатор Пандульф командовал папскими сторонниками, а Рихард давал денежные средства. Сражались на всем пространстве от Колизея до Латерана и до Квиринала, в окрестностях которых находились башни, принадлежащие трем военачальникам: Рихарду, Пандульфу и Капоччи.

Средства и способ этой уличной войны в высшей степени характерны для того энергичного и грубого времени. Когда возникали враждебные политические партии, то они с бешеным рвением строили друг против друга башни из кирпича или

деревя, чтобы оттуда с дикой яростью оставшихся в живых лапитов бросать друг в друга камнями. Эти укрепления вырастали в одну ночь; они клались или рубились с криком, сегодня опрокидывались, а завтра опять восстанавливались. Их строили на развалинах храмов, бань и водопроводов и снабжали метательными орудиями, а в то же время заграждали цепями узкие улицы и устраивали окопы вокруг церквей. Пандульф, атакованный Капоччи в термах Эмилия Павла, где теперь проходит улица Магнаполи, а тогда стоял его дворец, выстроил над древним памятником деревянную башню, из которой с такой же яростью нападали на бывший вблизи замок своего врага. Алессии построили колоссальную башню на Квиринале; Джиаидо Карбонис выстроил даже три башни, а Петрус Анибальди возвел одну вблизи Колизея. Этот амфитеатр принадлежал Франджипани, которые хотя все еще оставались обладателями звания латеранских пфальцграфов, но уже не имели в городе такой большой силы, как тогда, когда они владели многими ленами в Кампаньи. Правда, Иннокентий III в начале 1204 г. оказал услугу пятерым сыновьям Оддо Франджипане — Якову, Оддо, Мануэлю, Ценциусу и Адеодатусу, — принудив общину Террачину уступить им замок Траверса, но зато самую Террачину он взял под свою защиту от притязаний на нее этих баронов, которые за это на него озлобились. Как только они увидели, что Анибальди, родственник папы, хочет проникнуть в круг их укреплений, так они напали на него и градом метательных снарядов, бросаемых с вершины Колизея, старались помешать постройке его башни. Враждебные партии приводили с собой своих сородичей, вассалов, и наемные толпы народа и день и ночь яростно сражались метательными снарядами, мечом и огнем. В Риме раздавался звон оружия и грохот бросаемых камней, а папа оставался заключенным в Латеране, в квартале которого жили дружественные ему Анибальди, и мог слышать во внутренних своих покоях шум битв, происходивших между партиями. Храбрый Каноччи 10 августа взял штурмом укрепление Пандульфа и проник уже до Латерана, где он разрушил укрепленные остатки нероновского водопровода. Но деньги папы действовали еще сильнее против этих демократов, и утомленный народ требовал мира. Иннокентий согласился на следующее условие: четверо третейских судей должны в течение шести месяцев решить спор между антисенатом, избранным противоборствующей партией, и Рихардом Конти, а также сделать постановление и относительно сенатских выборов. Их решению папа согласился подчиниться на один год. Такая формула мира нравилась народной партии, которая предвидела свое поражение. Капитолийский колокол созывал парламент, и когда он собрался, то Иоанн Капоччи встал и сказал: «Город Рим не привык уступать в борьбе с церковью; он привык побеждать своей силой, а не юридическими решениями. Но теперь я вижу, что он хочет покориться. Он отдает церкви государственные имущества вопреки решению народа и вопреки присяге сенаторов и отдает сенат во власть папы. Если мы, несмотря на наше многолюдство и силу, преклоняемся перед ним, то кто же потом осмелится ему противостоять? Никогда я еще не слышал о мире, столь позорном для города, и я всеми способами откажусь дать свое согласие на него». Противоречие этого демагога побудило и Иоанна Пьерлеоне Райнерия объявить также свое veto. Парламент разошелся в беспорядке, и противники снова взялись за оружие. Однако скоро все принуждены были принять предложенную формулу мира. Папа победил: четверо третейских судей присудили ему право избрания сената, и вместе с этим решением римская община потеряла значительную часть своего политического могущества. Иннокентий с большим благоразумием проводил свои цели и столь же благоразумно, с умеренностью воспользовался своей победой. Не найдя ни одного человека, который в качестве се-

натора был бы приятен обеим партиям, он согласился на избрание 56 сенаторов, хотя заранее предсказывал неудачный результат таких выборов. Это множественное правление уже через шесть месяцев было отменено навсегда, после чего новый сенатор, вероятно, тот же энергичный Пандульф субурский, возвратил спокойствие городу. Благодаря твердости и настойчивости папа добился большого успеха. После пятилетних горячих усилий он подчинил себе Капитолий. Таким образом, римский народ отказывался поочередно от своих великих прав: выбора папы, выбора императора и выбора сената.

Окончательно мир между городом Римом и Иннокентием был заключен в 1205 г. Папа изменил форму городского управления в том смысле, что с этого времени исполнительная власть была сосредоточена в руках одного-единственного сенатора или подесты, которого посредством прямого или непрямого выбора назначал сам папа. С этой конституцией начинается в Риме для пап эпоха более спокойная, хотя часто прерываемая внутренней борьбой.

ГЛАВА II

1. Положение дел в Сицилии. — Иннокентий III делается опекуном Фридриха. — Марквальд. — Вальтер Бриеннский. — Германские владетельные бароны в Лациуме. — Общины в Лациуме. — Рихард Конти становится графом Сорским. — Возвращение папы из Лациума в Рим

Ведя борьбу с римской общиной, Иннокентий в то же время был глубоко погружен в ход событий политического мира, которые сделали его третейским судьей Европы. Эти события изображаются во всеобщей истории; история же города Рима только соприкасается с немецкой борьбой за корону и с ходом дел в королевстве Сицилия, которое с этих пор приобретает очень большое значение для империи, для папства и для Италии.

Вдова Генриха VI оказалась беззащитной против бурных волнений, разразившихся над Сицилией после смерти императора. 17 мая 1197 г. она короновала в Палермо своего трехлетнего сына, но наследник ненавистного завоевателя имел мало шансов на то, чтобы когда-нибудь действительно владеть королевством. Сицилийцы в справедливой национальной ненависти восстали против немцев, которые должны были им казаться лишь угнетателями их отечества, достигшего при действии норманнских законов цветущего состояния в богатстве, промышленности и искусствах. Умеренных южан возмущала невоздержанность ландскнехтов и необузданная алчность грубых баронов и рыцарей, которые смотрели на богатый остров как на рай для счастливых авантюристов. Классически образованный норманн, глубоко серьезный историк с поэтическим вдохновением выразил в страстных излияниях национальное чувство Сицилии при падении норманнской династии. Патриоты подняли крик: вон от нас чужеземцев! Грозил сицилийская вечерня; Констанца уступила народному требованию и изгнала всех немцев. Беспомощная среди партий, споривших за власть, и удрученная заботой о своем сыне благочестивая вдова Генриха VI обратилась к защите папы, имя которого гремело по всей Италии. Муж ее никогда бы не признал ленных прав святого престола; но она по необходимости должна была сделать это: Иннокентий обещал ей утверждение сицилийской короны за ее сыном, но с неслышанным условием отказа от старинной церковной свободы норманнских королей. После долгого сопротивления Констанца согласилась, и тогда в Сицилию отправился кардинал с ленной грамотой. Но императрица умерла

до прибытия его в Палермо 28 ноября 1198 г., назначив папу опекуном Фридриха. Констанца заключила собой ряд норманнских королей Сицилии и была родоначальницей сицилийских Гогенштауфенов. Она явилась зловещим образом Пандоры в германской империи.

Дело Генриха VI разрушилось в Сицилии, так как Иннокентий не только восстановил там ленное право церкви, но и сделался правящим опекуном наследника престола. Покровительство папы сохранило юному Фридриху корону Рожера; но никакому государю подобное покровительство не доставалось столь дорого.

Иннокентий взял на себя управление королевством с искренним желанием укрепить трон за сыном Генриха, освободить его от немецких и сицилийских притеснителей и навсегда сделать из него благодарного вассала церкви. Ему стоило долгих усилий добиться признания ее верховенства и подчинить себе немецких ленных графов Генриха, так как выгнать этих феодальных властителей из их владений в Апулии было не так легко, как в Средней Италии. Некоторые из них имели владения в пограничной местности на Лирисе, где Дипольд фон Фобург, граф Ачерро, был капитаном замка Арче, а Конрад фон Марлей владел Сорой с замком Сорелла на крутой скалистой вершине. Они притесняли, как раньше пришлые норманнские бароны, сопротивлявшееся им население, наводили страх на Кампанию и Апулию и делали опустошительные набеги на папский Лациум. Они тотчас соединились с Марквальдом, когда этот изгнанный из Анконы сенешаль прибыл в свое графство Молизе и после смерти Констанцы объявил себя протектором Фридриха, основываясь на доверии к нему императора Генриха, который, умирая, передал ему свое завещание и поручил его исполнение. Во власть его попал С.-Джермано; он продолжал переговоры с кардиналами и обманул их летом 1199 г. в Вероли. Его союзники Дипольд и Конрад остались в Апулии, а сам Марквальд перебрался в Сицилию, чтобы там поддержать свое опекунство. Иннокентий набрал войска из церковной области и из Тусцийского союза; только римляне, которые как раз в это время воевали с Витербо, не дали ему помощи в деле, далеко от их целей. Вообще папа не мог пользоваться милициями Рима, кроме того случая, когда город сам этого желал, и он платил им, как наемным войскам. Новое папское войско повел в Сицилию двоюродный брат Иннокентия храбрый маршал Якоб, имея цель разбить Марквальда. В это же время поступил на службу к папе опытный в военном деле авантюрист из Франции Вальтер, граф де Бриенн, недавно женившийся на дочери последнего норманнского короля Танкреда. На этом основании он заявил притязания на Тарент и Лечче, которые Генрих IV признал в 1194 г. ленными владениями несчастного сына Танкреда Вильгельма, но не передал ему. В сущности, Вальтер являлся новым претендентом на Сицилию и предполагаемым мстителем за норманнский королевский дом. Повторялись времена Роберта Гюискара, так как мир кишел странствующими военными героями. Бродячие рыцари из Германии и Франции сражались за господство в Сицилии, а храбрые крестоносцы, могущественные родственники Вальтера, с беспрецедентной смелостью завоевали великий Константинополь, чтобы основать там Латинскую империю со множеством княжеств. В 1200 г. Вальтер прибыл в Рим со своей женой Альберией, ее матерью, вдовой Танкреда, и знатной свитой. Он потребовал себе от папы, как верховного владетеля Сицилии в ленное владение Лечче и Тарент. Это смутило Иннокентия; после долгих рассуждений он признал основательность претензии Альберии и действительно присудил отдать ее мужу эти лены; но клятва Вальтера ни в чем не вредить Фридриху как королю Сицилии, а напротив, быть его верным вассалом не оградила папу от протестов со стороны советников юного короля, и сам Фридрих впоследствии делал упреки церкви за то, что она уже в то время, когда он был под опекой, выста-

вила против него претендента. Между тем Иннокентий был рад приобрести свою службу, а также, как он думал, и на службу Фридриха, одного из лучших полководцев того времени. Таким образом, он был первым папой, показавшим полудузуам дорогу в королевство Сицилию.

Когда Вальтер с воинственной толпой французских рыцарей явился в 1201 г. в Апулию, то все там повернулось против немцев. Мы не будем останавливаться на событиях войны в обеих Сицилиях, в которой выдающуюся роль играли Вальтер, Дипольд и Марквальд, авантюристы того времени, полные мужества, хитрости и силы, которым только недоставало счастья норманнов или Симона де Монфора. Марквальд неожиданно умер в 1202 г. в Сицилии, которую он в качестве регента мужественно защищал против врагов. Его смерть избавила Фридриха от тиранического протектора, а папу — от самого опасного врага, приверженца Генриха VI. Вальтер, сначала одержавший победу над Дипольдом при Каннах, в июне 1205 г. был смертельно ранен, попал в руки своего противника и умер в замке Сарно смертью рыцаря, после чего Дипольд, ставший могущественным, примирился на некоторое время с церковью.

В измученной голодом и войной Южной Италии постепенно восстанавливалось спокойствие. Ленные графы Генриха VI были покорены; последний из этих насильников, имевший владения на Лирисе, Конрад фон Марлей, был побежден в начале 1208 г. Сора сдалась 5 января аббату Роффриду из Монте-Касино и Рихарду Конти; замки Сорелла и Арче капитулировали в то же время, и таким образом, эта пограничная местность была освобождена после семнадцатилетнего владычества чужеземцев.

Достигнув такого счастливого результата, Иннокентий выехал 15 мая 1208 г. из Рима в С.-Джермано и Сорю, чтобы на собрании баронов установить порядок дел неаполитанского материка, так как, несмотря на наступившее уже совершеннолетие Фридриха, папа продолжал считать себя правителем этого королевства. Незадолго перед этим, осенью 1207 г., он созвал в Витербо епископов, графов и консулов церковных владений Тусции, Сполето и марки Анконы и издал устав, которым определялись и подтверждались права церкви, предписывался земский мир и устанавливался в качестве высшей апелляционной инстанции суд папских ректоров. Этот парламент установил основания папской правительственной власти в вышеуказанных вновь приобретенных провинциях Церковной области. В Лациуме бароны то же встречали папу на его пути, как послушные вассалы, и с торжеством провожали его от места до места. Колонна, Франджипани, Конти, Анибальди, Орсини, Савелли, графы Чеккано и другие менее важные владельцы делили между собою владение Кампаньей и Маритимоном. Бароны этой местности, описанной еще Виргилием, сидели в мрачных замках еще в качестве наследников завоевателей, пришедших во время германского переселения, которые когда-то отняли эту страну у латинян и передали по наследству своим потомкам. Происхождение многих из них относилось еще к тому времени, когда лангобарды наполнили Лациум феодальными родами; другие были саксы и франки, пришедшие с императорами и получившие лены от них и от пап. В Вольских горах выдавался род графов Чеккано, как древнейшая землевладельческая династия, пользовавшаяся и у церкви большим почетом за свое богатство и знатность. Эти владельцы были могущественны еще в то время, когда Колонна не выступали на сцену, так как еще при Генрихе IV один из их предков, Григорий, был там отмечен как граф. Их германское происхождение доказывается постоянно повторяющимися в их роду именами Гвидо, Ландульф, Готфрид, Беральд и Рейнальд. Они жили во многих местах нынешней делегации Фрозиноне, владея ими как леном, полученным от церкви. Тот самый Иоанн Чеккано, который

встречал Иннокентия со свитой из 50 рыцарей, его вассалов, в Ананьи, был им в 1201 г. утвержден в правах ленного владельца.

В то время как эти графы владычествовали в Лациуме, другие вассалы церкви образовали рыцарские дома, существовавшие более или менее долгое время; таковы бароны Скульгола в Вольских горах, происходившие от немецкого рода Гальвана и Конрада. Таковы бароны Супино, Гвидо ди Норма, бароны Колледимеццо с именами Ландо и Беральд и другие владельцы ленов лангобардского происхождения. Кроме того, палестринские Колонна проникали все далее внутрь Кампании, где они уже владели Дженаццано и Олевано и частями Палиано и Серроне, тогда как асбургские Франджипани заняли лучшие места в Маритиме до Террачины.

Земледельческий Лациум, не имевший, как и в настоящее время, ни торговли, ни промышленности, был по преимуществу местопребыванием крупных и мелких земельных баронов, так как значительных городов там не было. Большую часть тамошних населенных мест представляли клочки земли, обнесенные стеной (Castra) с укреплением на скале (Росса или Агх), преимущественно еще сатурнинской постройки, образованной из древнейших кругов циклопических камней, в котором жил барон, или его наместник, или папский кастеллан, тогда как прикрепленное к земле рабочее население жило у подошвы скалы, скученное на чужой земле. Еще и в настоящее время в латинских горных местностях существуют такие старинные селения, называемые Росса, как живые памятники еще не исчезнувшего Средневековья. Распоряжавшийся там господин был маленьким династом в своем округе, владельцем земли и владыкой над жизнью и смертью людей, поселенных на этой земле. От него исходила всякая судебная власть, ибо ему принадлежали *regum ex mixtum imperium*, — высшая уголовная и гражданская юстиция. Папы были слишком слабы для того, чтобы отнять у земельного дворянства столь большие привилегии, как это сделал впоследствии в своем королевстве Фридрих II, когда он ради укрепления монархии и блага народа сломил сопротивление феодалов. В папских областях бароны постоянно обладали высшей судебной властью, и часто сами папы передавали им эту власть, как то доказывают многие грамоты XIII века. Сверх того, баронская юрисдикция принадлежала также церквям и монастырям, которые посредством получения в дар и покупки присвоили себе несравненно большую часть земельных имений в Кампании. Хотя *castra* были еще общиной свободных людей (*communitas* или *populus*) под управлением консулов, но уже и их муниципальные права были сильно ограничены вторжением судебной власти духовных или светских владык. Господством грубого, привыкшего к насилию земельного дворянства, не обуздываемого ни верховной монархической властью, ни духом гражданственности, и которое в своих диких, уединенных жилищах не было затронуто прогрессом времени, объясняется тот факт, что Лациум до настоящего времени остался позади всех остальных церковных провинций. Общины, сбросившие с себя в остальной Италии феодальное варварство и начавшие новую национальную культуру, не развились в этой редко населенной и мало обработанной стране овечьих пастухов и земледельцев, где на обширных пустых пространствах продолжали господствовать бароны и монахи.

Только некоторые более значительные поселения, бывшие издревле епископствами, признавались здесь за *civitates*, или городские общины, находившиеся под покровительством их епископов и папы; они имели во главе своего управления консулов или подест и разделялись на враждебные друг другу классы свободных граждан (*populus*) и рыцарства (*milites*). Ананьи, Вероли, Валлетри, Алатри, Фрозиноне и Черентино никогда не были под исключительной властью династов; они, напротив, имели свое общинное устройство, сами избирали своих ректоров и имели право за-

ключать всякого рода договоры. Но так как, несмотря на это, повсюду были присосавшиеся, как пиявки, бароны с разнообразными привилегиями, то на папском престоле лежала нелегкая задача примирять запутанные противоречия различных реальных споры между общинами, баронами и рыцарскими людьми. Вся Кампания и Маритима между Вольскими горами и морем, где единственным значительным городом с настоящим общинным управлением была Террачина, по временам управлялась папским легатом, носившим титул Rector Campaniae et Martimae. Эту должность прежних графов Кампании (Comitatus Campaniae) занимали или знатные римляне из светского сословия с одной светской властью, или прелаты и кардиналы с обоими видами власти: светской и духовной.

Путешествие Иннокентия III по Лациуму имело целью утвердить тамошних вассалов и города в верности церкви и дать на собрании в С.-Джермано прочную организацию подвластным королю Фридриху провинциям Южной Италии. Но вместе с тем папа имел еще и другие намерения: он создал для своего брата Рихарда княжество на Лирисе. Юный Фридрих, уступивший его Рихарду, уплатил таким образом свой долг папе. В то время как последний находился в монастыре Фосса-Нова у Чеккано, сицилийский протоноторий при звуках труб провозглашал Рихарда Конти графом Сорским. Кроме этого старинного города, лен его заключал в себе значительную область, бывшую родиной Цицерона и Мария: Арпино, Арче, Изола и другие населенные места. Фридрих еще раз утвердил за ним это владение в 1215 г., причем даже выделил эти города из связи со своим королевством и формально признал их церковными ленами. Таким образом, Иннокентий возвел как бы в виде оборонительной линии по ту сторону Лириса родственное себе владение и увеличил Церковную область за счет Фридриха. Теперь о Рихарде можно было сказать, что он обладал властью государя. Он уже владел ленами дома Поли, в том же 1208 г. он получил от папы Вальмонтоне и таким образом стал родоначальником графского рода Конти, который делился на две ветви — Вальмонтоне (а впоследствии также и Сеньи) и Поли, так как из его трех сыновей Павел был основателем первой, а Иоанн — второй линии. 6 октября 1208 г. Рихард принес папе вассальную присягу за все полученные им земли. Можно ли было упрекать римлян, когда они обвиняли Иннокентия в nepотизме? Он щедро наделял своих родных, раздавая им имения и высшие почетные звания; но он должен был вознаграждать их за многие оказанные ими услуги, и, по-видимому, все они отличались выдающимися качествами.

12 ноября 1208 г. папа из своего путешествия возвратился в Латеран, где римляне встретили его с большими почестями. В это время город был совершенно спокоен. Хотя община и пыталась по временам назначить свободно выбранного сенатора, однако порядок управления, установленный в 1205 г., сохранялся в течение всей жизни Иннокентия III.

2. Отношение Иннокентия III к спору за немецкую корону. — Отгон из Вельфского дома и Филипп Швабский. — Нейсская капитуляция. — Признанное империей церковное государство и его пределы. — Протесты партии Филиппа против вмешательства папы в избрание короля. — Коронация Петра Арагонского в Риме

С большими затруднениями, чем в Церковной области и в Сицилии, встретился Иннокентий в Германской империи. Двухпартийные выборы короля после смерти Генриха VI и обращение обеих партий к папе сделали последнего протектором империи. Большинство немецких князей-избирателей было против Вельфской партии.

враждебной наследственной Штауфенской монархии и союзницы Англии, в которой королем был Ричард, униженный Генрихом VI. Молодой Оттон, сын Генриха Льва и английской принцессы Матильды, бывший под покровительством своего дяди Ричарда, состоявший его вассалом и возведенный им в звание герцога Аквитанского и графа Пуату, поднял на английские средства и через подкупленных нижнерейнских епископов свой дом из того упадка, в который он был повергнут Гогенштауфенами. 12 июля 1198 г. Адольф Кельнский короновал его в Аахене на королевство; но большинство князей и самые важные из них выбрали еще в марте молодого Филиппа Швабского, который 8 сентября и был коронован в Майнце; он был братом Генриха VI и мужем Ирины, дочери византийского императора, вдовы сицилийского короля Рожера III.

Когда Филипп ради сохранения короны за Штауфенским домом превратился из опекуна Фридриха в похитителя его прав и князя отложили в сторону присягу, которую они только что, в 1196 г., принесли маленькому сыну Генриха, они могли оправдываться обстоятельствами. И если Иннокентий III не охранял прав опекаемого им Фридриха, то он с полным основанием мог сказать, что принял на себя обязанность защищать его только в его сицилийском наследстве, тогда как в Германии Филипп был опекуном, назначенным Генрихом VI. Подобно Григорию VII, Иннокентий тоже воспользовался борьбой за имперскую корону, чтобы возвысить папство за счет империи; первое было сильно своим единством, вторая — ослаблена расколом. Акты великого имперского процесса показывают, с каким искусством государственного человека Иннокентий сумел получить из него наибольшую выгоду. В деле земной власти было бы совершенно нелепо требовать от папы, чтобы он выгоды своей церкви принес в жертву идеальной справедливости. Иннокентий, конечно, должен был склониться на сторону сына Генриха Льва, дом которого считался защитником церкви. Можно ли его порицать за желание навсегда свергнуть с престола Гогенштауфенов и на их место посадить Вельфов? «Я не могу, — говорил он с полной откровенностью, — стать на сторону Филиппа, который только что захватил владения церкви, назвался герцогом Тусции и Кампании и утверждал, что его власть простирается до ворот Рима или даже до Трастевере». Должен ли он был содействовать возвышению Фридриха? Сын Генриха VI опять соединил бы Сицилию с империей. Папы противодействовали замыслам Штауфенов восстановить могущество империи посредством подчинения Италии и уничтожения церковного государства и положить основание наследственной монархии, что было излюбленным планом Генриха VI. Они не могли допустить возникновения наследственной монархии не в силу того идеального соображения, что империя не должна зависеть от наследственных прав династии, а императорами, как и папами, должны быть лишь «благочестивейшие и мудрейшие», но из боязни того, что сильная Германия будет притеснять все другие страны, а также и церковь. Папы были естественными врагами монархистского единства как в Германии, так и в Италии. Легко поэтому понять, какой взгляд проводил Иннокентий III, доказывая князьям-избирателям, что власть в Германской империи не должна передаваться по наследству.

В знаменитом письме, посланном им в Германию в качестве разъяснения его взглядов на спорный вопрос об империи, он развил с мастерским искусством все основания за и против обоих претендентов. Впрочем, его речь была такова же, как Григория VII и Александра III, смелые воззрения которых на значение папской власти он еще усилил. Тогда как папы каролингского времени, только что снявшие скромную одежду епископов, смотрели на империю как на теократическое мироустройство, в котором образ видимой церкви определялся гражданскими законами. Они, начиная с Григория VII, низвели империю на степень чисто материальной силы и не желали

видеть в императоре никого иного, как первого вассала церкви, назначением которого было защищать ее своим грубым земным мечом, а в качестве светского судьи поразить еретиков. В то время как церковь Божия, т. е. папство, была солнцем, освещающим вселенную, империя, по взгляду священства, кружилась лишь как тусклый месяц в туманной сфере земной ночи, и эта ловкая игра монашеской фантазии вошла, как астрономическая истина, в представление о мире. Церковь возвышалась как высокая духовная сила, как всемирный идеал, а империя падала и в представлении, и в действительности. Тонкая философия пап, войдя в рассмотрение происхождения власти государей, пришла к взглядам, которые мы теперь назвали бы демократическими. Но всякий император, исполненный чувства собственного достоинства, должен был восставать против воззрений, повторявших основные положения Гильдебранда, что королевская власть стояла гораздо ниже священнической; что папа в качестве наместника Христова, «через которого властвовали короли и управляли князья», был господином всего земного круга; что только священническое звание происходило от Бога, светские же правители вели свое начало от тирании Нимврода, возложенной на евреев как наказание; что папа был судьей и распорядителем империи, потому что последняя была перенесена церковью из Византии в страну франков, а император получал свою корону только от папы; что по своему принципу и своей цели имперская власть принадлежала Святому престолу; короче, папа владел обоими мечами — и светским, и духовным, — положение, против которого впоследствии Данте так энергично высказал свое требование о разделении двух властей.

В то время как избиратели Оттона, не заботясь о последствиях, подчиняли империю папскому трибуналу, князья, бывшие на стороне Филиппа, с негодованием восставали против вмешательства папы в избрание императора. Они вводили его в границы и даже угрожали с военной силой привести своего короля на коронацию. Папа отвечал на их протесты, что он не оспаривает выборного права князей, но что они сами признали, что право утверждения избранного и возведения его в сан императора принадлежит папе, который его помазывает, освящает и коронует. Таким образом, исторические отношения между папой и императором с течением времени получили характер, совершенно противоположный прежнему.

Три года Иннокентий не объявлял своего решения, а в это время в Германии свирепствовала междоусобная война; наконец, 1 марта 1201 г. он высказался за сына Генриха Льва. Римляне вспомнили о своих старинных притязаниях на выбор императора, но лишь для того, чтобы подтвердить решение папы: Вельф был провозглашен в Капитолии римским королем.

Ценой признания Оттона был отказ с его стороны от старинной власти императора в большей части Италии и подтверждение самостоятельности нового церковного государства. Он подчинился 8 июня в Нейссе предъявленному ему требованию подписать заявление. В нем в первый раз были установлены границы Церковной области почти такие же, какими они оставались до последнего переворота. Они обнимали собой страну от Радикафани до Чепрано, Экзархат, Пентаполис, марку Анкону, герцогство Сполето, Матильдинские имения и графство Бриттеноро «вместе с другими окружающими землями, указанными во многих привилегиях императоров, начиная с Людвига». Оттон дал клятву сохранить Сицилию за церковью, не упоминая при этом о правах Фридриха, относительно же двух союзов итальянских городов и относительно Рима руководиться волей папы. Последнее обязательство важно потому, что папа желал устранить всякое императорское влияние на ломбардский союз. Покорный Вельф обошел молчанием права империи. Немедкие ленные княжества в Романьи и Марках; не подвергавшиеся до сих пор сомнению права империи на Сполето и Анкону; все учреждения Генриха VI, клонившиеся к установлению имперской власти

в Италии и Риме, — все это было устранено этим актом. Он дал закономерное подтверждение всему перевороту, совершенному Иннокентием. Поэтому знаменитая Нейсская капитуляция стала первым подлинным основанием для практического осуществления папского владычества в Церковной области. Все последующие императоры признавали ее, и таким образом, прежние бездоказательные дарения, совершенные со времен Пипина, превратились в документ неоспоримо достоверный. Можно было в виду столь важного документа сомневаться еще в том, что из всех причин, заставивших Иннокентия высказаться за Оттона, наиболее сильной было убеждение, что Филипп никогда не согласится сделать ему такие уступки, какие готов был сделать более слабый Оттон? Решение папы раздражило патриотов Германии. Приверженцы Филиппа протестовали против легата Гвидо де Пренесте, оскорбившего их в их выборном праве. «Где вы слышали, папы и кардиналы, — кричали они, — чтобы ваши предшественники или их послы вмешивались в избрание римских королей?» Они припоминали о бывшем ранее праве императоров на избрание папы, потому что прежде были императоры, которые назначали пап, а теперь папы назначают императоров. Римская империя стала тенью. Патриотическая гордость и любовь к отечеству были оскорблены унижением империи, подвергшейся произволу папских нунциев, которые вносили смуту в Германию, производили раскол в епископствах и государствах, объявляли Филиппа подвергнутым отлучению и призывали всех к отпадению от него. Междоусобная война продолжала свирепствовать. Победа была теперь единственным средством для Филиппа убедить также и папу в своей правоте. Он не отчаивался в возможности этого; однако большие обещания, данные им Иннокентию в 1203 г., были выслушаны с очень малым вниманием. Он вошел в соглашение с прежней партией Генриха VI в Италии: в 1204 г. он послал в Марки Лупольда, майнцского епископа, получившего от него инвенституру, но отвергнутого папой, для вооружения сторонников Марквальда. Епископу удалось привлечь на его сторону многие города и продержаться до 1205 г. против папских войск. Кроме того, Филипп вошел в соглашение с врагами папы в Нижней Италии. Даже в Риме он нашел возможность вредить Иннокентию через посредство народной партии.

В то время как в империи высказывались протесты против присвоения себе папой звания третейского судьи, последний показал миру, что действительно есть такие короли, которые по своей воле признают наместника Христова подателем королевской власти. Молодой Петр Арагонский, рыцарь религиозного фанатизма в войне с маврами и беспощадный истребитель еретиков, прибыл в ноябре 1204 г. в Рим, чтобы быть коронованным папой. Папа сам пригласил его, потому что он хотел заодно совершить бракосочетание Фридриха с Констанцией, сестрой Петра. До сих пор арагонские короли не требовали для себя церемонии коронации; их потомок пожелал ее из тщеславия и за этот мишурный блеск заплатил бесконечно дорогой ценой. Когда 8 ноября он пристал к острову близ Остии, папа послал ему навстречу почетный конвой, в составе которого был также и городской сенатор. Гостю отведено было помещение во дворце Св. Петра, но коронация его (11 ноября 1204 г.) происходила не в соборе, а в базилике Св. Панкратия у ворот. Помазывал кардинал-епископ Порто, а короновал папа. Петр дал клятву быть послушным римской церкви и искоренять ереси. Возвратясь в собор Св. Петра, он сложил свою корону на гроб апостола, принес в дар по всей форме свое королевство верховному апостолу, имя которого он носил, и обязался платить Святому престолу ежегодную подать. Фанатизм этого государя, без всякой нужды сделавшегося вассалом папы, характерен для Испании того времени. Арагонские государственные чины упрекали его по возвращении за измену свободе отечества, и его фантастический поступок дал папе право восемьдесят лет спустя отнять Арагонию у потомков

Петра и передать ее, как лен, французскому принцу. Но что значила вассальная присяга арагонского короля по сравнению с безмерным блеском, которым озаряла себя тот же папа немного лет спустя, когда наследник того Вильгельма Завоевателя, который когда-то с такой иронией отверг требование Григория VII о признании верховенства Святого престола, в качестве также английского короля принял свою корону от папского легата как данник и вассал!

3. переворот в Германии в пользу Филиппа. — Его переговоры с папой. — Убийство короля Филиппа. — Признание Оттона королем в Германии. — Путешествие Оттона в Рим и его императорская коронация. — Битва в Леонине

Военное счастье и общественное мнение изменились между тем в Германии в пользу Филиппа. Право, благоразумие и выгода одержали победу над узкой антинациональной политикой. Многие имперские князья, бывшие до тех пор самыми упорными противниками Гогенштауфенов, покорились или отпали от Вельфо-английской партии.

6 января 1205 г. Филипп, вновь избранный и признанный также и нижнерейнскими князьями, был коронован в Аахене архиепископом Адольфом Кельнским, на том же месте, где этот прелат ранее короновал Оттона. Несогласие папы было теперь единственным препятствием для всеобщего признания прав Гогенштауфена на трон. Иннокентий не отказывался более вступить в переговоры с Филиппом ради мира в империи, и король отвечал ему обстоятельным письмом. Это замечательное письмо, содержащее в себе оправдание всей деятельности Филиппа, носит на себе отпечаток искреннего миролюбия и неподдельной правдивости. Заявление Филиппа, что все то, в чем его обвиняла церковь, он согласен предоставить решению кардиналов и князей, то же, что империя ставила в вину папе, он из религиозного почтения согласен оставить без последствий, произвело самое благоприятное впечатление. За католическое направление Гогенштауфенов ручались в самом Риме патриарх Аквилей и другие посланники, доставившие папе новые предложения. Иннокентий видел, что то, чего он добивался в споре за империю, — превратить свое судейское вмешательство в признаваемое всеми партиями право папы, — было уже достигнуто, так как и Филипп по необходимости преклонился перед ним так же, как это делал Оттон. переворот, совершившийся в Германии, заставил Иннокентия изменить направление политики и в качестве государственного человека действовать сообразно с обстоятельствами. Его отношения к Филиппу тотчас навлекли на него упрек в двусмысленности его поведения, как это ранее было и с Григорием VII при подобных же обстоятельствах. Еще в начале 1206 г. он порицал Иоанна Английского и британских лордов за недостаточную поддержку, оказываемую ими Оттону. Последнего он увещевал быть терпеливым и настойчивым, а немецких князей убеждал оказывать ему содействие. Но с середины 1206 г. и с падения Кельна в августе переговоры с Филиппом стали живее. Победоносный Гогенштауфен заявил, что он готов согласиться на перемирие со своим противником, чего Иннокентий больше всего и желал. Летом 1207 г. кардиналы-легаты Уголио и Лео прибыли в Германию для посредничества между двумя претендентами, которое, впрочем, не удалось. Но когда Филипп, отличавшийся больше добротой, чем сильным характером настоящего властителя, подчинился условиям, поставленным ему в церковных делах, то с него, к большому смущению Оттона, теми же легатами было снято отлучение. Для итальянских дел было важно то, что тамошние владыки даже раньше прощения Филиппа получили от него ленные грамоты. Уже весной

1208 г. он выступил в качестве римского короля, потребовал от тосканских городов, к которым он послал легатом Вольфгера Аквилейского, выполнения имперских повинностей, которые они в течение междуцарствия присвоили себе, и был там повсеместно признан. Его победа над Оттоном была решительна и у папы; оставалось еще разобраться в правах императора и утвердить за церковью ее приобретения в Италии, что составляло труднейшую задачу для послов обеих сторон. Филипп, владевший в качестве герцога именьями Матильды и Тосканой, должен был противиться такой постыдной уступке имперских прав, какая была сделана Оттоном. Неизвестно с достоверностью, действительно ли он повторил в это время предложение выдать замуж свою королевскую дочь за племянника паны, сына временщика Рихарда, и дать за ней в приданое старые земли: Тоскану, Сполето и Анкону. В 1205 г. такое обещание было дано, но честолюбивого первого папы, учредившего герцогство для своей родни, было легче ставить такие требования, чем королю идти им навстречу. Действительное содержание его предложений остается сомнительным. Едва ли они были невелики, так как требования папы не могли быть меньше нейсской капитуляции. Растерзанная Германия снесла то, что ее собственные внутренние дела передавались на суд Рима, но все же голос оскорбленного национального чувства доходит до нас из тех времен в стихах поэта-патриота. Можно было уже предвидеть, что сам Иннокентий согласится на правомерное смещение Оттона, если последний не пойдет на добровольную сделку, когда грубый удар меча разрушил результат великих усилий и надежды Германии. Король Филипп пал от руки убийцы Оттона фон Вительсбах в Бамберге 21 июня 1208 г. Смерть молодого государя после столь многотрудного жизненного пути, накануне успеха, есть одно из наиболее трагических событий в немецкой истории. Род Штауфенов прекратился с его смертью в Германии. Из славного дома Барбароссы оставался лишь один наследник, и тот находился под опекой Иннокентия III. Это был Фридрих, с детства ставший чуждым немецкой нации и остававшийся среди бурь и несчастий в далекой Сицилии. Один миг изменил мировые отношения, снова связал одной цепью судьбы Италии и Германии и ввергнул оба народа, а также империю и папство в неисходную борьбу, для замирения которой было недостаточно целого столетия.

Иннокентий был глубоко встревожен и возмущен событием, которое неожиданно изменяло все его планы. Но в то время он еще не сознавал всего громадного значения этого рокового момента. Как политику ему это событие представлялось такой случайностью, которая делала его снова господином положения и освобождала от противоречия; как священник он видел в нем проявление в споре об империи суда Божия.

Не оставалось никакого выбора: Вельфа Оттона, от которого было отреклись, следовало скорее признать. Иннокентий тотчас написал ему, уверял его снова в своей любви, указывал ему на его предстоящее восшествие на императорский трон, но в то же время указывал и на будущего его врага, племянника убитого Филиппа. В совершеннолетнем уже короле Сицилии, наследнике прав Гогенштауфенов, Оттон имел опасного соперника, которого церковь могла вооружить против него, как только она признает это для себя полезным. Сильное впечатление производит юношеский образ Фридриха, грозно стоящий вдали, откуда он был скоро вызван самим папой, и одинаково гибельный и для церкви, и для империи.

Иннокентий искренне желал разрешения долгого спора об имперском престоле и связанного с ним правомерного признания его церковного государства. Он не сомневался в том, что получит это признание от Оттона, так как он считал его еще связанным Нейсским договором. Жаждавшая мира Германия подчинилась власти Вельфа. Горе, любовь к отечеству и нужда привели к торжественному примирению,

которым, по-видимому, разрешилась давнишняя борьба двух домов; Оттон был всеми имперскими сословиями провозглашен королем во Франкфурте 11 ноября 1208 г. и скоро после этого был помолвлен с осиротевшей дочерью своего наследственного врага Филиппа.

Было объявлено, что Оттон отправится в Рим. Но раньше того, 22 марта 1209 г., он возобновил в Шпейере Нейсскую капитуляцию. Церковное государство было признано в полном его объеме; были сделаны большие уступки, касающиеся свободы церкви от государственной власти, вследствие которых конкордат Каликста II потерял свою силу. Из имперских прав в уступленных церкви землях Оттон не сохранил ничего, кроме жалкой поставки провианта во время путешествия в Рим, что, как бы в насмешку, было включено в этот договор. В первый раз со времени существования империи римский король называл себя «Милостию Божиею и папы». Оттон должен был признать, что только последнему он был обязан своим возвышением. Король давал клятву в том, чего не мог выполнить император.

В январе явились в Аугсбург для принесения присяги итальянские посланники с ключами от их городов, в том числе от Милана; и этот большой город с радостью приветствовал восшествие на престол Вельфа. Оттон назначил патриарха Вальфгера своим легатом в Италии для охраны имперских прав в Ломбардии, Тоскане, Сполете, в Романьи и в Марках, так как и после Констанцского мира и договоров с папой за императором все же оставалась тень верховной власти в итальянских городах и даже некоторые фискальные права в Романье и в Марках. Папы не отрицали этого. Сам Иннокентий увещевал города Ломбардии и Тосканы повиноваться королевскому уполномоченному, напоминая, однако, им, что по договору он мог облагать имения Матильды только в пользу церкви.

Когда в августе 1209 г. Оттон с большим войском спустился из Аугсбурга через Тироль в долину По, никто не препятствовал его походу в Рим. Несчастьем для Италии было то, что ее города не могли образовать постоянного долговременного союза. Если бы это случилось, то после смерти Генриха VI ни один немецкий король не мог бы переступить за границу многолюдной Ломбардии. Славная борьба ломбардцев за независимость не уничтожила ни традиций Римской империи, одушевлявших итальянцев таким фанатизмом и в позднейшее время, и не принесла нации в общем никакой прочей выгоды. И после победы при Леньяно итальянские республики так же мало сумели образовать из себя государственную нацию, как греческие города во время Марафона и Платей. В то время как общины были объаты пожаром политической борьбы и междоусобных войн, на сцене появились фигуры тех городских тиранов, которые дали истории Италии замечательный характерный отпечаток. Эццелино ди Онара и Аццо, маркграф Эсте, смертельные враги, обвинявшие один другого перед Оттоном, были в это время главами двух партий, которые в течение двух веков раздирали страну. Рядом с ними появился гибеллин Саллингверра Феррарский, обладавший не меньшим властолюбием и храбростью.

От первого императора из дома Вельфов, проходившего по Ломбардии, все враги дома Гогенштауфенов могли ожидать выдающихся милостей. Однако они ошиблись, потому что друзья императорской власти не были уже врагами Оттона, который сам был императором. Аццо увидел, что его противники пользуются большим почетом в лагере Оттона; гвельфской Флоренции угрожал штраф в тысячу марок, а гибеллинская Пиза скоро была одарена льготными грамотами и могла заключить договор.

Иннокентий встретил Оттона в сентябре в Витербо. При этой первой встрече римский король должен был сказать сам себе, что если бы не случилось убийство.

то этот же папа, несомненно, возложил бы римскую корону на его врага. Нельзя чувствовать расположения к человеку, благодеяния которого проистекают из эгоистического расчета и покупаются слишком дорогой ценой. Политика папы должна была возбудить в душе Оттона горькое мстительное чувство, и, может быть, его признаки выступали уже в Витербо из-под маски благодарного почтения, под которой король скрывал свой гнев. После тяжелых переговоров Иннокентий принужден был отказаться от требования, чтобы Оттон перед коронаванием еще раз обиделся присягой возратить церкви все то, что было ранее 1197 г. предметом спора между ней и империей. Папа поспешил раньше его в Рим. Так как вооруженная толпа под начальством канцлера Конрада Шпейерского и имперского стольника Гунцелина занимала Леонину, то Оттон расположился лагерем 2 октября на Монте-Марио, где как курии, так и римскому народу, согласно со старинным обычаем, была клятвенно обеспечена безопасность.

Коронавание произошло 4 октября 1209 г. в храме Св. Петра, причем большая часть войска оставалась в палатках, а другая (миланцы) занимала мост на Тибре, чтобы не допустить нападения враждебных римлян. Читатель этой истории, вероятно, не удержится от иронической улыбки, заметив, как правильно неприязненное настроение римлян повторялось при императорских коронациях. Когда немцы приблизились к их городу, жители загородили его ворота; император и его свита только из Ватикана бросали любопытные взоры на великий Рим, чудо мира, который был для них закрыт. Замечателен тот факт, что лишь очень немногие императоры вступали в город; Оттон тоже не видал его. Римляне, провозгласившие его королем в 1201 г., и теперь охотно бы его признали, если бы он согласился заплатить за их голос. Когда восемнадцать лет тому назад Генрих VI прибыл в Рим для коронавания, он должен был приобрести посредством договора избирательный голос города, в то время свободного и могущественного; но Оттон IV не счел этого нужным. Это ожесточило народ. Сенат и даже некоторые кардиналы высказались против коронавания; граждане с оружием в руках заседали в Капитолии.

По совершении коронации процессия лишь с трудом прошла до моста Св. Ангела сквозь плотные ряды войск; здесь папа простился с императором и возвратился в Латеран. Он потребовал, чтобы Оттон на следующий день покинул пределы Рима, что было явным унижением для императорского величия. Ненависть римлян между тем разгорелась по поводу ничтожного столкновения. Обычный старинный коронационный бой произошел в Леонине, и после тяжелых потерь с обеих сторон Оттон расположил свой лагерь на Монте-Марио. Здесь, окопавшись, он оставался еще несколько дней, в течение которых требовал от папы и от римлян возмещения убытков или вознаграждения.

4. Разрыв Оттона IV с папой. — Разочарование Иннокентия III. — Полное превращение вельфского императора в гибеллина. — Вторжение Оттона в Апулию. — Папское проклятие. — Немцы призывают на трон Фридриха Сицилийского. — Оттон возвращается в Германию

Едва достигнув обладания императорской короной, Оттон IV очутился в резком противоречии с теми обязанностями относительно империи, которые он клятвенно обещался выполнять; и прежде всего серьезным предметом раздора между ним и церковью были владения Матильды. Он выступил из своего лагеря возле Рима в Изола Фарнезе и оттуда написал папе письмо, в котором просил о свидании хотя бы в Риме, куда он хотел прибыть даже с опасностью для жизни. Но

предусмотрительный Иннокентий отклонил это предложение и желал вести сношения через посланцев. Он отправил к нему своего камерария Стефана. Тогда Оттон пошел дальше в Тосканскую область. Он шел через Лукку и Пизу во Флоренцию.

В своем лагере он был окружен жадными до ленов епископами и знатью вроде Салингверры, Аццо, Эццелина и тусцийского пфальцграфа Ильдебрандино; часто превратился в гибеллина. Он возобновил деятельность своего предшественника, прекратившуюся вследствие его смерти. Он хотел снова передать империи все владения, которые Иннокентий присоединил к владениям церкви. Он возобновил привилегии Генриха, привлекал к себе его сторонников, раздавал на штауфенский манер итальянские земли и пытался снова восстановить уничтоженные папой немецкие ленные княжества. В 1210 г. он назначил Аццо д'Эсте в Марку Анкону со всеми правами, которыми обладал там Марквальд. В то же время он пожаловал Диппольду д'Ачерра герцогство Сполето, которым когда-то владел Конрад, и это тем более было поводом к неудовольствию папы, что Диппольд был решительным врагом молодого Фридриха Сицилийского. Салингверра Оттон дал из Матильдины владения Медичину и Аргелати; Лионарда де Трикарينو он назначил графом Романьи. В апреле резиденцией его был Милан.

Для противодействия явным нападениям Оттона на Среднюю Италию Иннокентий снова искал защиты у тусцийских и умбрийских городов; Перуджия обещала 28 февраля 1210 г. защищать отчину св. Петра.

Папа постыдно и жестоко обманулся. Долгие старания его посадить на императорский престол Вельфа были осмеяны его же креатурой. Он жаловался, что ему наносит обиду тот человек, которого он возвысил против почти всеобщего желания, и что он терпит теперь нареkania от тех, кто находит, что он достоин своей участи, так как он ранил себя им же самим выкованным мечом. Нельзя отрицать, что отчаянное положение папы было заслуженным наказанием, так как в споре за империю он занял положение главы партии.

История Оттона IV доказывает неопровержимую истину, которая в то же время есть и самое блестящее оправдание Гогенштауфенов и всех тех императоров, которые с такой жгучей ненавистью были заклеимены как враги церкви. Если первый и единственный император, которого папы могли возвести на трон из рода Вельфов, превратился мгновенно из их послушной креатуры во врага, то, конечно, такое превращение произошло в силу непреодолимых условий. Оттон IV, как впоследствии Фридрих II, вел борьбу указами и мечом с еретиками и никогда не вмешивался в догматическую область церкви; но как только он сделался императором, так восстал против основателя нового церковного государства, папы, который требовал Италию для самого себя и прямо заявлял о своей верховной власти также и в Империи. Если бы защитникам папских притязаний удалось доказать, что император был обязан подчиниться папе, как Арагон и Англия, и признать, что римскому епископу подвластны все монархи и даже все земные творения, тогда они заставили бы умолкнуть всякое противоречие. Но всякий благоразумный судья скажет, что несообразные с разумом границы между церковью и империей были со времени Григория VII нарушены папством в силу его преувеличенного идеала и что постоянно возвращающаяся их распря была только необходимой борьбой за восстановление равновесия между двумя властями. Папы вначале стремились к господству над Европой из морального принципа; но так как мораль глубоко проникла во все практические общественные отношения, то гражданское право вообще оказалось в опасности быть поглощенным церковным правом, и священный трибунал грозил

сделаться и политическим судом. Императоры восставали против римской иерархии во имя независимости государства и его законов. Они постоянно все снова проникались идеей секуляризации церкви, так как этого, по-видимому, требовала прочность государства; и они постоянно продолжали нападать на верховенство церкви в наиболее уязвимом ее месте, в ее светском владычестве. Они были консерваторами, потому что боролись за сохранение государственной власти, и папы казались им новаторами и революционерами. Можно жалеть об их слепоте, что они не могли отказаться от Италии и от Папской области, но эта роковая ошибка вытекала из идеи империи, которая была настолько прочна, что она пережила самую империю и притом постоянно поддерживалась вмешательством папства в имперскую власть и в права короны.

Клятвopепреступление Оттона IV должно быть осуждено со всякой точки зрения; но каждый судья объяснит его вину трагическим конфликтом, в котором он оказался вследствие священного обета, данного им империи, и его конкордата с церковью. «Я дал клятву, — говорил впоследствии этот несчастный государь, — охранять величие империи и возратить ей все права, которые были ею утеряны; я не заслужил отлучения; я не касаюсь духовной власти, скорее я хочу ее защитить; но как император я желаю быть судьей во всех мирских делах в целой империи». Правда, что это говорил император, который не был уже ни Генрихом III, ни Барбароссой, ни Генрихом VI, но который признал папский третейский суд в вопросе об империи, чтобы приобрести голос Латерана, и документально уступил папе те права, которые последний противозаконно присвоил себе. В этом заключалась его слабость, его осуждение и причина его неминуемого падения. Иннокентий, который с римским искусством окружил вельфского императора сетью договоров, оказывается правым по крайней мере по отношению к Оттону IV. Может быть, последний не прогрессировал бы так быстро на своем новом пути, если бы его не ослабили яркие выражения преданности ломбардских городов и не подстрекали крики знати. Во время междоусобия князя и города захватили кто старинные имперские права, кто церковные имения, кто владения Матильды. Получилась безграничная путаница, разобраться в которой часто было совершенно невозможно. Гибеллины ободряли Оттона быть смелым: они желали раздробления нового церковного государства и уничтожения папского господства в Сицилии. Дипольд и Петр Челино увещевали вельфского императора восстановить там права империи и предлагали ему свое оружие против сына Генриха VI. Если Оттон хотел упрочить будущность собственного дома, то он должен был сделать безвредным законного наследника Штауфенского дома. Прежде всего он направился в августе в Тусцию и занял там все земли, принадлежавшие к Матильдиному наследству. Некоторые города, как Радикофани и Аквапенденте, а также Монте-Фиасконе были взяты приступом, область Витербо была разорена, равно как и области Перуджии и Орвието. Здесь принес ему присягу тот самый префект Вико, который сделался ленником папы. Наконец, Оттон решился вторгнуться в Апулию, королевство молодого Фридриха; он выступил в ноябре из Риети, прошел в Марсийскую область через Сорю, графство Рихарда и далее в Кампанию. В Капуе он остановился на зимние квартиры.

Так как Оттон, очевидно, смотрел на Сицилию, важнейший лен церкви, как на имперскую область и решил снова присоединить ее к империи, то папа отлучил его от церкви 18 ноября 1210 г., всего через год после его коронации. Пылая гневом, он разбил свое собственное творение, как неудачно изваянного идола. Корону, одетую им на Вельфа, он хотел во что бы то ни стало снова сорвать с его головы. Эти события были так богаты политическими и личными противоречиями,

хитросплетениями и уловками, что они вообще принадлежат к самым замечательным в истории.

Ни сомнения, ни продолжавшиеся переговоры с папой не могли удержать Оттона от завоевания Италии. В следующем году ему сдались почти все города, даже Неаполь. Он дошел до Тарента. Сарацины в Сицилии ожидали его, и пизанские корабли стояли наготове, чтобы перевозить его войска на остров. Оттон поддерживал сношения с Римом, который он так тесно окружил, что туда не могли попасть ни послы, ни богомольцы. Городской префект Петрус передался ему; недовольная партия снова охотно примкнула к императору. Иннокентия обвиняли в том, что он был зачинщиком всего раскола в Империи; его называли вероломным и упрекали в противоречии, так как он сначала был на стороне Оттона, а теперь его преследовал. Когда однажды он обратился к римлянам с назидательной проповедью, то старый народный вождь Иоанн Капоччи встал и воскликнул: «Уста твои, как уста Божьи, но дела твои, как дела дьявола».

Между тем по ту сторону Альп владычество Оттона уже колебалось. Фанатические монахи ходили по Германии, как эмиссары папской мести, а легаты папы подкапывали императорский трон. Как только отлучение его стало там известно, так против императора составила сильная партия. Тем же немецким князьям, перед которыми Иннокентий так настоятельно действовал в пользу возведения на трон Оттона, а также злорадствовавшему французскому королю он писал жалобные письма, в которых признавал свою ошибку и отрекался от своего творения. Это было тяжким и заслуженным унижением для властолюбивого священника. Теперь он сам призвал на трон молодого Фридриха, которого до той поры он с такой холодно рассчитанной политикой совершенно устранял. Удовлетворением его мщения могло служить по крайней мере то, что у него был готовый претендент для свержения Оттона. В Нюрнберге часть немецких князей объявила императора низложенным и призвала на престол Фридриха сицилийского. Это заставило Оттона в ноябре 1211 г. покинуть Апулию и направиться в Северную Италию, где уже многие города более не признавали его, и маркграф д'Эстэ стал во главе направленной против него лиги. Весной 1212 г. он возвратился в Германию.

ГЛАВА III

1. Фридрих решается отправиться в Германию. — Приезд его в Рим. — Он коронуется в Аахене в 1115 г. — Он дает обет идти в крестовый поход. — Латеранский собор. — Смерть Иннокентия III. — Его характер. —

Миродержавное величие папства

Молодой наследственный враг дома Оттона, которого он считал уже уничтоженным, вдруг восстал против него, вызванный папой, как Давид против Саула. Странная судьба заставила Фридриха, первого и имевшего наиболее прав из всех трех избранников, выступить последним в великой борьбе за имперскую корону, восстановить Штауфеновский дом и дать ему новое величие. В руках Иннокентия III все эти избранники были как бы фигурами шахматной игры, которые он двигал одну против другой и одну после другой. Все они чувствовали унижение быть слугами чужой воли. Сын Генриха VI питал глубокую ненависть к эгоистической политике священников, и она стала господствующим мотивом его жизни. Он не был ни того, что он должен был купить защиту церкви, став к ней в ленные отноше-

ния с потерей драгоценных прав короны, ни того, что он был устранен от имперского трона, когда папа призвал на него Оттона IV.

Фридрих вырос в среде придворных интриг, подобно Генриху IV, и, подобно последнему, он в совершенстве приобрел искусство побеждать людей хитростью. Лукавству, с которым он впоследствии действовал против церкви, он научился, находясь в трудных обстоятельствах, в которые он был поставлен в детстве своими отношениями к римской курии и ее предприятиям в империи и в Сицилии. Ее политическое искусство было для него настоящей школой.

Противники Оттона вызвали Фридриха в Германию. Один из этих послов, Ансельм фон Юстинген, прибыл в Рим, где он нашел, что папа и римляне готовы признать притязания Фридриха на римскую корону, ибо Иннокентий тоже вдруг открыл, что он вообще имеет на нее права. Политика, враждебная всякому идеальному величию так же, как и религиозной и философской добродетели, заставила даже такого человека, как Иннокентий, снизить до обыденных непрямых способов действия и отрицать свои собственные воззрения, потому что согласно с ними последний Гогенштауфен должен был навсегда быть удален в Сицилию в качестве вассала церкви и оставаться вдали от дел империи. Считал ли папа возможным предотвратить пугавшее его соединение Сицилии с Германией? Кажется, он предавался этой иллюзии. Тот момент, когда он предложил сицилийскому королю захватить римскую корону, был одним из самых роковых в истории папства. Следствием его была борьба, разрушительная и для церкви, и для империи, затем господство Анжуйского дома, Сицилийская вечерня и Авиньонский плен. Иннокентий выковал второй, более острый меч, который должен был поранить церковь.

Повторное самообольщение этого папы, к ногам которого короли слагали свои короны, как вассалы, может служить смиряющим гордость доказательством слепого непонимания даже самыми выдающимися умами законов, управляющих ходом мировой истории.

Когда швабские послы прибыли осенью 1211 г. в Палермо с предложением Фридриху немецкой короны, то королева и парламент восстали против этого опасного предприятия. Сицилийцы слишком много страдали от Генриха VI, чтобы не относиться с ненавистью ко всякой связи с Германией. Сам Фридрих тоже колебался, но затем решил смело броситься в волны безграничной будущности. Ему в это время было еще всего восемнадцать лет, и он уже с августа 1209 г. был женат на Констанце, дочери короля Альфонса Арагонского, бездетной вдове Эмериха Венгерского. Он короновал незадолго перед тем родившегося у него сына Генриха королем Сицилии, сел на корабль в Мессине и прибыл в Рим, где в апреле 1212 г. папа приветствовал его как избранного римского короля. Иннокентий в первый раз увидел беспомощного юношу, бывшего под его опекой, и потом уже не видал его больше. Внук героя Барбароссы явился перед ним, как избранный по праву император. Он был его креатурой в более благородном смысле, чем Оттон IV; он был «исполнением» его долга, его приемным сыном, который в течение многих лет находился под его заботливой охраной. Если полученные им сведения изображали этого юношу как глупца, кутившего с толпой придворных трубадуров, то его пронизательный взор скоро увидел в сыне Генриха VI прирожденную силу гения и рано искусившийся ум. Были определены условия, выполнение которых церковь связывала с возвышением Фридриха, и прежде всего установлено было отделение Сицилии от империи. Новый кандидат на императорский престол занял это положение при условиях, к несчастью для империи, сходных с теми, в которых находился Оттон IV; так как те же оковы, которые последним были разорваны лишь через клятвенное отречение, связывали и Фридриха. Однако невозможно сомневаться в том, что в

то время он был чистосердечен, будучи одушевлен надеждами на великую будущность.

Папа простился с Фридрихом вполне довольный им и даже снабдил его деньгами. Молодой сицилиец, «дитя Апулии», достиг Германии, и счастье не покидало его. Слава его предков открыла для него родину, несмотря на то что он был совершенно чужд ей и вовсе или почти вовсе не понимал по-немецки. Щедрость, с которой он раздавал наследственные имущества своего дома и имперские лены, пристрастием для юноши, которого иноземные грации наградили на классическом острове своими прекраснейшими дарами.

5 декабря 1212 г. Фридрих был во Франкфурте избран королем, а 12 июля 1215 г., признанный уже почти всей Германией, он принес присягу в Эгере, причем должен был возобновить с согласия имперских князей уступки, сделанные папе Оттоном IV. Свобода церкви в духовных делах была признана; иннокентиевское церковное государство утверждено; за империей сохранено во всех странах только *foedus* при коронационной процессии; папское владычество над Апулией и Сицилией еще раз было торжественно подтверждено.

После победоносных действий против несчастного противника, слава которого сверх того померкла 27 июля 1214 г. на поле битвы при Бувине, Фридрих II был коронован 25 июля 1215 г. в Аахене папским легатом Зигфридом, архиепископом Майнцким. «Поповский король», как называл своего соперника Оттон IV, из преданности церкви, а может быть, и из подъема рыцарского чувства дал после коронования обет совершить крестовый поход в Святую Землю. Этот обет, ставший для него впоследствии источником больших несчастий, был дан вполне искренне, но возможно, что он уже не служил обеспечением того, что Сицилия будет в качестве церковного лена отделена от его собственной короны и передана по совершении коронования его императорской короной сыну его Генриху.

Спор за германский престол был окончательно решен на Великом соборе, созванном Иннокентием в ноябре 1215 г. в Латеране. Адвокаты Оттона и представители Фридриха выслушали решение, которым первый был отвергнут, а последний признан. Более 1500 прелатов из всех христианских стран вместе с князьями и посланниками королей и республик преклонили колена перед могущественнейшим из пап, который сидел на Всемирном престоле как повелитель всей Европы. Этот блестящий собор, последний торжественный акт Иннокентия III, был выражением новой силы, которую он придал церкви, и того единства, которого она при нем достигла. Конец жизни этого необыкновенного человека имел также свое величие. Отправившись в Тоскану, чтобы примирить Пизу и Геную и получить содействие этих морских держав для крестового похода, бывшего главным предметом вышесказанного собора, он умер в Перуджии 16 июня 1216 г., не пережив своей славы.

Иннокентий III, бывший настоящим Августом папства, не имел творческого гения Григория I или Григория VII, но он тем не менее был одним из самых значительных людей Средневековья. Это был ум серьезный, основательный, вдумчивый, настоящий властитель, государственный человек с пронизательным пониманием, первосвященник, полный истинной горячей веры и в то же время безграничного честолюбия и устрашающей силы воли; смелый идеалист на папском престоле и вместе с тем вполне практический правитель и холодный юрист. Роль человека, который в спокойном величии действительно хотя бы в течение одного момента правит миром по своей воле, возвышенна и чудесна. Умно пользуясь историческими условиями, искусно применяя канонические законы и вымыслы и руководя религиозным чувством масс, он дал папству такую великую силу, что в

своём властном течении оно неудержимо увлекало с собой государства, церкви и гражданское общество. Его завоевания, имевшие своей побудительной причиной исключительно силу церковной идеи, были, как и завоевания Гальдебранда, достойны удивления, принимая в соображение кратковременность его правления: Рим, Церковная область, Сицилия; Италия была у него в подданстве или признавала его своим протектором; Империя была отодвинута за Альпы и подчинилась решениям папского суда. Германия, Франция и Англия, Норвегия, Арагон, Леон, Венгрия, далекая Армения, королевства Востока и Запада признавали юрисдикцию папского трибунала. Процесс отвергнутой датчанки Ингеборги дал Иннокентию повод подчинить церковному закону могущественного короля Филиппа-Августа, а спор об инвеституре сделал его ленным властителем Англии. Его мастерские действия против английского короля, насильственно лишенного королевских прав, его притязание передать свободную Англию чужеземному государю Филиппу-Августу, безнаказанная игра, которую он позволял себе даже по отношению к этому монарху, его удачи и победы — такие дела поистине граничат с чудесным. Несчастный Иоанн в рабском страхе публично сложил с себя корону и получил ее, как податной вассал Святого престола, из рук Пандульфа, простого легата, но обладавшего истинно античной римской гордостью и римским мужеством. Знаменитая сцена в Дувре совершенно напоминает времена Древнего Рима, когда цари отдаленных стран по приказу проконсула слагали или снова брали свою диадему. Она блещет в истории папства, подобно сцене в Каноссе, как ее повторение. Она глубоко унизила Англию; но ни один народ не поднимался из унижения так быстро и так славно, как эта мужественная нация, вынудившая своего трусливого тирана подписать великую хартию, послужившую основой для всей политической и гражданской свободы в Европе.

Счастье Иннокентия III было безгранично. Все мировые условия данного момента складывались в пользу этого папы и становились причиной его могущества. Он видел осуществление самых смелых мечтаний Гильдебранда о подчинении греческой церкви законам Рима, когда после завоевания Константинополя латинскими крестоносцами в греческой церкви были введены римские обряды. Ни один из пап не имел столь высокого и вместе с тем столь реального сознания своего могущества, как Иннокентий III, создававший и уничтожавший императоров и королей. Ни один папа не подошел настолько близко к смелой цели Григория VII сделать Европу римским леном, а церковь — мировым правительством. Длинный ряд его вассалов открывается королями, за которыми следовали князья, графы, епископы, города и владетели, которые только от этого папы получили ленные грамоты. Он терроризировал церковь: страх, который распространяли во всем человечестве повеления абсолютной власти Рима во времена Нерона или Траяна, был не больше рабского благоговения мира перед кроткими увещаниями или грозными перунами римлянина Иннокентия III, величественного священника, который мог говорить дрожащим королям языком Ветхого Завета: «Как в божественном ковчеге Завета лежал бич рядом со скрижалями закона, так и в груди папы покоится страшная сила разрушения и сладостная милость благоволения». Он сделал Святой престол тронем догматической и церковно-правовой власти, политическим трибуналом народов Европы. В его эпоху Запад и Восток признавали, что центр тяжести всего нравственного и политического порядка находится в церкви, составляющей моральный мир, и в управляющем ею папе. В это время церковь занимала самое благоприятное положение, чем когда-либо в истории. Папство в лице Иннокентия III достигло головокружительной высоты, на которой оно не могло удержаться.

**2. Движение еретиков. — Учение о христианской бедности. —
Учреждение нищенствующих орденов. — Св. Франциск и св. Доминик. —
Первые монастыри их орденов в Риме. — Сущность и влияние
нищенствующего монашества. — Секта спиритуалов**

XIII век был постоянной великой революцией: гражданский дух отвоевывал свою свободу у феодализма, империи и церкви, и рядом с ним росла евангельская мысль — добиться свободы веры. Эта последняя революция не была так победоносна, как первая: ее высоко поднявшееся пламя было погашено церковью, но искра ее не могла быть потушена окончательно. Глубокое, полное энтузиазма движение еретических учений выступило против догматической формы власти, в которую Иннокентий III намеревался заковать человечество. Взору этого папы время представлялось идущим как бы в виде триумфального шествия в честь его; но он замечал также дух непокорности, наводивший на него страх. Первое нападение еретических основных положений на церковно-политическую догму произошло как раз во время второго основания церковного государства и папской всемирной монархии. В то время когда иерархическая церковь достигла высшей степени прочности, единству ее учения угрожала опасность больше чем когда-нибудь раньше. С римской решительностью Иннокентий предпринял борьбу с ересью, которую он приказал истреблять огнем и мечом. Его суровость дала церковной нетерпимости пример и направление на многие столетия. Истребление альбигойцев, бывшее первой настоящей войной против еретиков и сопровождавшееся возмутительными злодействами, было совершено по властному приказанию Иннокентия III. Оно оставило глубокий след в памяти человечества. Скорбь об уничтожении прекрасной страны, полной воспоминаний античной культуры, рыцарски-романтические симпатии, несколько преувеличенное восхищение провансальской песенной поэзией и усиленное чувство человечности и свободы покрыли гибель альбигойцев неуязвимой славой, а Иннокентия наказали вечным осуждением. Если в жизни народов приходится приносить жертвы исторической необходимости, то жребий исполнителей при этом незавиден. Нетрудно, конечно, ответить на вопрос, какой характер приняла бы наша культура, если бы в XIII веке дана была полная свобода ересям и всем их манихейским разновидностям. Принцип свободы совести, драгоценнейшее сокровище человеческого общества, не был предназначен для тех незрелых веков; однако же он победоносно вышел из костров людей, умерщвленных инквизицией, этой ужасной хранительницы единства церкви, страшной властью, возникшей во время высшего развития папства при Иннокентии III.

Мечтательный принцип, непримиримо враждебный всякой практической общественной деятельности и всякой культуре, от которого люди с ужасом отрекались, выдвинут был, однако, во второй раз в качестве мирового религиозного идеала и внес одушевление в самые благочестивые сердца. Учение о совершенной бедности как об истинном последовании Христу составляло догматическое ядро еретических сект того времени, из которых лионские бедные или вальдены были особенно опасны для церкви, потому что их аскетическое учение производило впечатление апостольской истины и давало врагам папской монархии острое оружие. Ввиду ее пышности, богатства и неапостольского могущества возникало горячее стремление к идеалам христианства, чистую первобытную картину которого еретики противопоставляли уродливой действительности. Папство поняло, что оно окажется в величайшей опасности в борьбе с охватившим его сознанием необходимости церковных реформ, если оно не найдет вновь в самом себе требования христианского самоотречения и не выставит его в качестве настоящей католической идеи. В надлежащий момент из среды церкви появились два замечательных человека, апостолы той же

бедности, внесшие новую силу в церковь. Рядом с Иннокентием III стали Франциск и Доминик, знаменитые характеры того времени. Отношение их к церкви изображено в легенде о сневидении папы, который видел, что падающий Латеран был поддержан двумя незаметными людьми, в которых он, проснувшись, узнал вышеназванных двух святых. Внезапное появление обоих этих людей, их легендарное существование, их деятельность среди практической борьбы в мире, их совершенно изумительное влияние суть настоящие феномены в истории религии.

Наиболее сердечный из этих двух святых, Франциск, был сын богатого купца в Ассизии, где он родился в 1182 г. Мечтательное умиление охватило его посреди роскошной жизни в юношеском возрасте, он отказался от красивых одежд, золота, имения и, презрев мир, оделся в лохмотья. Над ним смеялись, его называли безумным. Однако через некоторое время уже значительные толпы прислушивались к его чудесному красноречию и юноши, опьяненные его речами, следовали его примеру; в то же время сам он основал общественный дом в капелле Портункула, возле Ассизии. Призыв Христа, исходящий из уст нищенствующего апостола: «Отрекись от всего, что имеешь, и следуй за мной», снова раздавался на улицах между энтузиастами бедности, спешившими буквально выполнить эту заповедь.

Загадочное стремление к мистическому братскому союзу, основным положением которого было отсутствие собственности, средством для жизни — милостыня и украшением — нищенская одежда, есть одно из самых необыкновенных явлений Средних веков, которое могло направить серьезную мысль того времени на размышление о важнейших общественных вопросах. Умбрийских идеалистов воспламенял не протест против неравного распределения имущества на земле; они были циниками и коммунистами, исходившими не из философского умозрения, а из религиозного стремления, болезненно волновавшего тогдашнее человечество. Если бы серафический визионер занял, как обыкновенный ум, резкую границу между тьмой и светом, то он бы устранился от мира в качестве отшельника; но Франциск, подобно Будде, был проникнут любовью, вдохновенной натурой; поэтому он обладал способностью привлекать к себе людей. У этого пророка был гениальный взгляд на божество, который в другую эпоху сделал бы из него основателя новой религии. В свое время он мог быть лишь одним из святых церкви, бывшим уже при жизни в легендах образцом подражания Христу, язвы которого, как казалось его ученикам, были и на нем. Его последователи не бросались в бездну поэтического чувства, земные экстазы которого были им непонятны; они придали грубый внешний вид царству мечтательных наслаждений по ту сторону мира; они потребовали возведения энтузиастического состояния свободной души в организованное монашеское государство, в котором бедность, как мистическая королева, царила бы на золотом троне под гимны поющих нищенствующих братьев.

Но эти ученики не могли, однако, реформировать человеческое общество, потому что, хотя нужда изобретательна и революционна, но бедность без нужды не есть реформаторский принцип. Они побуждали своих святых быть законодателями, тогда как все они были не теоретиками, а наивными Божьими детьми. Церковь запретила учреждение новых монастырских уставов, потому что монашеских орденов было уже слишком много и все они обмирщились и притупились; поэтому Франциску или его ученикам было нелегко пробиться. Однако он нашел в Риме сильных друзей, благородного Якоба де Септемсолис из рода Франджипани, богатого кардинала Иоанна Колонна, кардинала Уголино, его ревностнейшего защитника, бывшего потом папой Григорием IX, затем высокоуважаемого Маттеуса Рубеуса Орсини. Иннокентий, обладавший большим практическим смыслом, не понял, однако, значения возникавшего нищенствующего ордена. Может быть, он предчувствовал опасность провозглашения принципа, решительно враждебного светской власти

церкви? Нет двух больших контрастов, как образы сидящего на троне в миродержавном величии Иннокентия III и смиренного нищего Франциска, который, как средневековый Диоген перед Александром, стоял перед папой, будучи выше его в своем ничтожестве, как пророк и проповедник, представлявший собой зеркало, в котором Бог как бы показывал этому папе ничтожность всякого земного величия. В самом деле, Иннокентий и святой Франциск суть два чудесных образа на оборотных сторонах отпечатка их времени. Однако великий папа не ставил святому никаких затруднений на его дороге; но только его преемник, Гонорий III, признал в 1223 г. орден Fratres minores (минориты, или меньшие братья) и дал ему на основании бенедиктинского устава право проповеди и исповеди.

Прежде всего францисканцы водворились в Риме в 1229 г. в госпитале С.-Блазие (в настоящее время это С.-Франческо в Трастевере); потом Иннокентий IV передал им в 1250 г. монастырь Св. Марии в Арачели, из которого были удалены бенедиктинцы. На древний Капитолий взошли торжествующие нищие братья в коричневых рясах, с белым веревочным поясом, и с вершины тарпейского замка, из легендарного дворца Октавиана, стал распоряжаться босоногий генерал нищенствующих монахов, приказаний которого слушались в подвластных «провинциях», которые, как в римские времена, простирались от крайних пределов Британии до азиатских морей.

Странствуя по Умбрии со своими вдохновенными нищими, как Христос в Генисаретской долине с бедными рыбаками и ремесленниками, ассизский святой не почувствовал, что на берегах Гаронны другой апостол достиг подобного же влияния. Кастилианец Доминик де Калагорра, образованный ученик епископа Диого де Ацведо, вознамерился в 1205 г. во время путешествия по Южной Франции посвятить свою жизнь обращению тех смелых еретиков, которые восставали против церкви во имя евангельских идеалов. Франциск и Доминик были два Диоскура, но в самой глубине их характеров они были различны. Любвеобильный умбрийский энтузиаст проповедовал между нищими, вел разговоры с деревьями и птицами и посылал гимны солнцу, тогда как Доминик, пылая страстным чувством, подобно Франциску, но оставаясь вполне в пределах действительности и полный энергии, совещался о практических способах истребления ереси с мрачными героями Альбигойской войны, епископом Фулько Тулузским, аббатом Арнольдом из Сито, легатом Пьером де Кастельно и страшным Симоном Монфором. Он был свидетелем гибели благородного народа; он видел дымящиеся развалины Безье, где по знаку фанатика Арнольда убито было 20 000 человек. Он в восторженном настроении молился в церкви в Море, в то время как Симон со своими крестоносными всадниками рассеял войско Петра Арагонского и графов Тулузских. Находясь в центре этих ужасов, от которых содрогнулся бы Франциск, фанатический испанец не чувствовал ничего, кроме горячей любви к церкви и молитвенного смирения. У него не было другого чувства, кроме стремления охранить людей от мнений, которые он считал нечестивыми. Начатки его ордена находились в женском монастыре Notre Dame de Pruglia, у подножия Пиренеев и в общинах Монпелье и Тулузы.

Он прибыл в Рим в 1215 г. и находился в нем во время великого собора, на котором тулузские графы принуждены были уступить свои земли завладевшему ими Симону. Иннокентий яснее понял практические взгляды пламенного проповедника против ереси, чем таинственный смысл мистических мечтаний Франциска. После некоторого размышления он склонился к признанию нового ордена с августинским уставом, и только смерть помешала ему в этом. Скоро после этого, 22 декабря 1216 г., Гонорий III утвердил орден в то время, когда Доминик был снова в Риме. Он дал братьям проповедникам (Fratres praedicatorum) право духовного пастырства и проповеди во всех странах. Главной заповедью этого ордена была бедность, а

проповедь и учение были его задачей, и очень скоро он сделался грозным тем, что захватил в свои руки инквизицию, сначала вместе с францисканцами, а потом один. Первыми местами жительства доминиканцев в Риме были начиная с 1217 г. монастырь Св. Сикста на Via Appia, а с 1222 г. старинная красивая церковь на Авентинне, где и теперь еще монахи показывают место, где будто бы жил их учредитель. Доминик умер 6 августа 1221 г. в Болонье. Он был погребен здесь в церкви имени его святого, в великолепной урне, которую возрождающаяся итальянская скульптура украсила первыми шедеврами своего гения.

Оба патриарха нищенствующего монашества, два светоча, блистающих на горе, как их называет церковь, были около Иннокентия III такими же апостолами церковного миродержавства, каким был монах Бенедикт возле папы Григория. Прежние учредители орденов основывали пустыни или аббатства, где монахи вели созерцательную жизнь, а собиравшие богатства аббаты в качестве имперских или ленных князей управляли вассалами; но Франциск и Доминик отвергли систему, через которую римский институт изучал светский характер. Их реформа состояла в возвращении к идеалу самоотречения и бедности, но также и в отказе от исключительно отшельнического образа жизни. Новое монашество поместилось в городской среде, в народной сутолоке; оно принимало в себя даже мирян в форме так называемых терциариев. Это деятельное, практическое отношение нищенствующих орденов ко всем жизненным направлениям давало им неизмеримую силу. Старинные ордена сделались аристократическими и феодальными; Франциск и Доминик демократизировали монашество, и в этом заключалась сила их популярности. Учения еретиков, демократический дух в городах, выступления низших слоев и всякие вульгарные элементы даже в языке подготовили почву для появления обоих святых. Их учения принимались как популярные откровения, на них смотрели как на церковные реформы, которые могли заставить замолчать справедливые вопли еретиков. Задавленный нуждой народ видел, как презираемая бедность возведена была на алтарь и поставлена в сиянии небесной славы. Поэтому приток к новым орденам был очень велик. Уже в 1219 г. Франциск мог насчитать на общем собрании в Ассизи 5000 братьев, следовавших за его орденским знаменем. Основание монастырей нищенствующих орденов скоро сделалось в городах таким важным обстоятельством, каким в наше время могло бы быть разве применение какого-нибудь открытия, изменяющего условия жизни. Богатые и бедные вступали в эти ордена, и умиравшие всех сословий желали быть одетыми в рясу святого Франциска, чтобы вернее попасть в рай.

Нищенствующие монахи имели влияние во всех слоях общества. Они оттеснили белое духовенство от исповеди и проповеди; они заняли кафедры в университетах. Величайшие учителя схоластики: Фома Аквинский, Бонавентура, Альберт Великий, Бэкон были нищенствующими монахами. Они заседали в коллегии кардиналов и, делаясь папами, достигали святого престола. Их голос проникал в самые тихие семейные жилища, в собрания горожан и к блестящему двору, где доходил до ушей короля, которого они были исповедниками и советниками; он раздавался в залах Латерана и в бурных парламентах республик. Они все видели и все слышали. Они странствовали по стране, как первые ученики Христа, «без посоха, без сумы, без хлеба, без денег» и босиком; но эти толпы нищих были в то же время организованы в сотни монастырей, распределенных по провинциям, и управлялись одной властью — генералом, по приказанию которого каждый из братьев готов был сделать миссионером и мучеником, проповедником крестового или карательного похода, мировым судьей, вербовщиком войск для папы, судьей еретиков и инквизитором, тайным посланником и шпионом и самым строгим сборщиком и взыскателем разрешительных поборов и десятин для латеранской кассы.

Римская церковь умно воспользовалась демократическим направлением этих орденов, содействовавших сближению ее с народом и в силу своих привилегий совершенно освободившихся от надзора светского духовенства и епископов. Папы постоянно образовывали из них готовые к бою войска, содержание которых им ничего не стоило. Убеждение в божественной власти пап тысячами путей вносилось этими нищенствующими монахами в сознание человечества, которое под влиянием угрызений совести, мечтательности, благожелательности, преданности и самопожертвования склонялось в терпеливом послушании перед велениями непогрешимого папы. Однако демократическая природа францисканцев трудно поддавалась управлению; их мистицизм грозил выродиться в ересь, и апостольский принцип бедности не раз ставил церковь перед опасностью. Орден раскололся уже вскоре после смерти его основателя, так как одна партия, более умеренная, руководителем которой был фра Элиа, наиболее уважаемый из учеников святого, требовала допущения, при известных условиях, дохода от имущества. Заповедь нищенской бедности превзошла законы человеческой природы, которая практически может выражать свою жизненную и волевою силу только в имущественных отношениях. Правда, Джотто рукой художника изобразил брак святого с просветленной бедностью в восхитительной картине на его могиле в Ассизи, но великий основатель нищенствующего ордена уже покоился в соборе, блещущем золотом и мрамором. Его нищие дети скоро устроили себе приятную жизнь в снабженных имуществом монастырях по всему свету, а бедность оставалась за воротами этих монастырей.

Однако же из пепла благочестивого святого возникла более строгая партия, отличавшаяся восторженной горячностью. Она утверждала принцип абсолютного отсутствия имущества не только своих, более склонных к удобствам жизни братьев, но и самой миродержавной церкви. Евангелием этой секты Святого Духа, или спиритуалов, были пророчества калабрийского аббата Иоакима де Флоре, который считал существовавшую до того времени церковь только преддверием к царству Святого Духа. Эти мужественные монахи имели смелость думать, что Франциск должен занять место апостолов, а их монашеское царство — место папское, чтобы начать предвозвещенный век Святого Духа, с которым не будет связано никакой формы, никакого управления, ничего твоего и моего.

Истории церкви и истории культуры известно о влиянии францисканцев и доминиканцев на человеческое общество. Мы не можем здесь рассказать ни о славной первоначальной их деятельности, ни о глубоком последующем упадке их идеала и о тех цепях тупоумного рабства, которые они наложили потом на свободу мысли и науки; мы не будем говорить о тех последствиях, какие имел для имущественных отношений и рабочей силы в гражданском обществе торжественно признанный принцип нищенства.

3. Гонорий III, папа. — Дом Савелли. — Коронавание в Риме Петра де Куртене византийским императором, 1217 г. — Фридрих откладывает крестовый поход. — Смерть Оттона IV, 1218 г. — Избрание Генриха Сицилийского преемником Фридриха в Германии. — Беспорядки в Риме при сенаторе Паренции. — Путешествие в Рим и коронавание Фридриха II, 1220 г. — Императорские конституции

Старый кардинал церкви Свв. Иоанна и Павла Ченчиус Савелли сделался преемником Иннокентия III. Отцовский род его, в котором снова появляется первобытное латинское племенное имя, до сих пор не встречался в истории города, и его проис-

хождение вообще неизвестно. Так как уже в VIII веке известно было населенное место Sabellum возле Альбано, в котором находились старинная церковь Св. Феодора и Domusculta Salpitana, то возможно, что Савелли от него получили свое имя, подобно тому как Колонна — от замка Колонна. Родственный папам дом Савелли, бывший отчасти германским (так как в ряду их есть имена Гаймерих и Пандольф), был основан только папой Гонорием и только со времен его правления приобрел силу.

Ченчиус, бывший очень образованным человеком, при Иннокентии III был сделан вице-канцлером и камерарием. В качестве такового он составил известный свод церковных доходов. Он вступил на папский престол в Перуджии 24 июля 1216 г., но только 4 сентября занял Латеран.

Римляне были довольны выбором в папы их согражданина. Он уже давно был любим за свой добрый характер и безупречную жизнь. Кроме того, он унаследовал от своего предшественника спокойное правление в городе, вольностей которого он не коснулся. Со времени конституции 1205 г. римской республикой управлял в течение шести месяцев один сенатор, без сопротивления приносивший присягу папе.

Кроткий Гонорий не возвысился до смелых идей его предшественника, гений которого заслонил собой небольшие таланты Гонория. Единственное страстное желание наполняло его душу — это осуществление объявленного Иннокентием III крестового похода, во главе которого он надеялся видеть Фридриха.

Но прежде чем он пригласил последнего в Рим для коронования, 9 апреля 1217 г. он короновал Петра де Куртенэ в византийские императоры, что придало новый блеск церкви, которая с этого времени надеялась иметь в своем ленном владении обе короны Востока и Запада. Французский граф призывался латинскими баронами на константинопольский трон в качестве супруга Иоланты, сестры второго франкского императора Византии, Генриха, в лице которого 11 июня 1216 г. угасла мужская линия фландрских графов. Направляясь на восток, Петр прибыл в Рим со своей женой, четырьмя дочерьми и большой свитой. Он убедительно просил папу торжественно короновать его в сан императора. Гонорий сначала колебался, так как это действие могло быть истолковано в том смысле, что греческий император имеет права на Рим и, кроме того, это коронование должно было совершаться константинопольским патриархом. Однако потом он согласился, и в первый и последний раз византийский император получил в Риме корону из рук папы. Но бесспорный узурпатор трона Константина не был коронован в его римской базилике, а был низведен на стенью арагонского короля, так как папа венчал его в церкви С.-Лоренцо за стенами. Гонорий отпустил его 18 апреля в сопровождении кардинала С.-Прасседе Иоанна Колонна. Императорское путешествие Петра от Бриндизи в великий город Востока окончилось уже в тюрьмах деспота Феодора Ангела в Албании, на которого Петр обязался перед венецианцами сделать нападение прежде всего; там он скоро и умер. Между тем Фридрих медлил с исполнением своего обета, возлагавшего на него обязанность предпринять крестовый поход. В настойчивых письмах Гонорий уже грозил ему отлучением, если он к точно определенному сроку не выступит на помощь к ушедшим вперед крестоносцам, осаждавшим в это время Дамиемту. Сын Генриха VI не чувствовал религиозного рвения Готфрида Бульонского; прежние рыцарские чувства вообще уже потеряли в Европе практическое значение. Мир, видевший, как крестовый поход франкских князей набросился на христианскую Византию, вскоре после того со смехом смотрел на удивительный крестовый поход нескольких тысяч детей, указывавший не столько на неизменность стремления на Восток, сколько на его болезненное вырождение. Религиозные стремления превратились у правителей в политические задачи, так как их предприятия были уже направлены не на обладание Святым Гробом, а на Еги-

пет, ключ Востока, и на его торговые пути в Индию. Можно ли было серьезно упрекать Фридриха за то, что он откладывал исполнение своего обета, которое лишило бы его возможности исполнять свои обязанности правителя и увлекло бы в Сирию, где его дед нашел себе бесполезную смерть и где столетние усилия к достижению призрачной цели находили верную гибель? Его ближайшей целью было устройство своих сицилийских владений, достижение императорской короны и укрепление престолонаследия в Империи.

Дорогу к этому открыла для него смерть Оттона IV Несчастный вельфский император умер в замке Гарцбург 19 мая 1218 г. в унылом одиночестве, как кающийся грешник. Теперь уже Фридрих повсюду был признан римским королем. Старания его о том, чтобы его сын Генрих, уже коронованный в качестве короля Сицилии, был выбран имперскими князьями и в его наследники в Германии, а также некоторые случаи, казавшиеся нарушением прав церковного государства, уже весной 1219 г. возбудили неудовольствие папы. Король успокаивал его декретами, предписывавшими подчинение Святому престолу таких мятежных городов, как Сполето и Нарни. Он возобновил Эгерскую капитуляцию; обещал все, чего желал папа, чтобы только получить императорскую корону. За надежду на то, что Фридрих сядет на корабли и поедет на Восток, старый папа терпеливо перенес даже обман, подготовленный ему относительно Сицилии. Данное Иннокентию III обещание не присоединять эту страну к землям немецкой короны Фридрих повторил также в 1220 г. и Гонорию III, который этого потребовал. Молодой Генрих должен был управлять Сицилией на правах папского ленника, как только он достигнет совершеннолетия. Но Фридрих широкой раздачей льготных грамот привлек германских духовных князей к содействию его плану, состоявшему в том, чтобы этого же Генриха выбрать в римские короли, что должно было укрепить спокойствие в империи, но нарушить его в церкви. Выбор состоялся в апреле 1220 г. во Франкфурте, не обращая внимания на папу, и таким образом, оказался в противоречии с высказанным обязательством. Неудовольствие Гонория, перед которым Фридрих оказался недобросовестным, последний старался успокоить дипломатической перепиской. Обещая никогда не соединять Сицилию с Германией, он требовал утверждения за собой пожизненного владения ею, и папа поневоле согласился на это на случай смерти Генриха без наследников. С этого времени личная уния Сицилии с домом Гогенштауфенов уже не прерывалась.

Гонорий, слишком слабый, чтобы вести продолжительный спор, должен был предвидеть будущее соединение обеих корон и возрастающую от этого опасность для церковного государства; так как Фридрих скоро стал смотреть на Сицилию как на практический опыт выполнения выработанного его отцом плана итальянской монархии и как на основу новой империи, которой он надеялся управлять из той страны, в которой только он и был действительным монархом.

Гонорий еще в июне 1219 г. удалился из становившегося беспокойным Римом в Риети и Витербо; оттуда он скоро воротился, чтобы еще раз искать убежища в Витербо. Демократическая партия снова зашевелилась. Не чувствуя на себе сильной руки Иннокентия III, городская община стала домогаться возвращения утерянных прав. В этих затруднениях Фридрих нашел возможным оказать услугу папе. Он послал к римлянам фульдского аббата с письмами, которые были прочтены в Капитолии; он уведомлял их о скором своем прибытии в Рим и убеждал их повиноваться папе. Сенатор Паренций в своем ответном письме приносил королю благодарность римского народа, приглашал его на коронацию и удостоверял, что город готов жить в мире с церковью. Гонорий помирился с римлянами и в октябре возвратился в Рим.

Сам Фридрих прибыл в сентябре 1220 г. в Ломбардию, где он нашел, что спорившие между собой города не относились к нему ни дружественно, ни явно враждебно. После долгих переговоров с папским легатом о коронационном конкордате и о будущем положении Сицилии он направился к Риму. Он прибыл сюда вместе со своей женой, многими имперскими князьями и небольшим войском. Из своего лагеря на Монте-Марио он выпустил еще заявление о том, что империя не имеет никаких прав на Сицилию и что этот папский лен должен навсегда оставаться отделенным от империи. Гонорий короновал его и Констанцу 22 ноября 1220 г. в храме Св. Петра при полном, никогда еще неслыханном до сих пор спокойствии в городе и при «безграничном» ликовании народа. Римляне, которые в первый раз после долгого времени принимали торжественное участие в императорском короновании, гостеприимно открыли свои двери не для того, чтобы немцы и латины охлаждали свою национальную вражду потоками крови. Присутствие многих князей и посланников от городов придавало торжеству блеск и важность: сицилийские бароны также явились для принесения присяги на верность, чему папа не препятствовал. Этот торжественный день должен был заключить собою длинный ряд императорских коронаций старой системы, так как немецкая империя, ее величие и всемирно-историческое значение окончились со смертью внука Барбароссы, и Рим с этого времени в течение почти ста лет не видел более императорского коронования, до Генриха VII, который, однако, получил корону не у св. Петра и притом во время сражения и штурма.

Гонорий согласился на коронование сына Генриха VI ценой дорогих уступок. Конституции, данные в пользу церкви, были, согласно договору, провозглашены в соборе как законы, которые должны были действовать во всей империи. Церкви давалась ими полная свобода, все изданные князьями или городами статуты против духовенства и его имущества объявлены были еретическими; отлученные церковью за нарушение ее прав должны были через год находиться и под имперской опалой; свобода духовенства от податей была признана; еретики были поставлены вне закона; доносить на них и истреблять их вменялось в обязанность всем властям. Паломникам обещана безопасность, потерпевшим кораблекрушение — охрана их имущества, крестьянину — мирный труд. Но такие человеколюбивые законы были только присоединены в виде незаметных статей к тем конституциям, тьму которых они освещали легким сиянием лучшей будущности. В эпоху Каролингов императоры издавали гражданские распоряжения, регулировавшие правовые отношения римлян или закон о папских выборах и охранявшие авторитет императора. Во времена же Иннокентия III они провозглашали только свободу духовенства от государственной власти и издавали указы о преследовании еретиков посредством инквизиции. Императорская власть в городе была и бессильна, и бесправна. Мечтательный мальчик Оттон III был в Риме более сильным человеком, чем Барбаросса или Фридрих II.

Последний представитель дома Гогенштауфенов, которого церковь лишь против своего желания посадила на императорский трон, подтвердил все те уступки, которые когда-либо мог сделать Вельф Оттон. Победа церкви была полная. Долгий спор об инвеституре разрешился признанием ее независимости от государства.

Когда Фридрих II в день коронования еще раз взял крест из рук кардинала Гуголино и дал обещание в следующем августе сесть на корабли для отправления в Сирию, то Гонорий III был действительно удовлетворен. Важное обстоятельство, касающееся Сицилии, он оставил в прежнем положении; он продолжал давать императору титул «короля Сицилии», после того как последний успокоил его ручательством, что личная уния этой страны с империей никогда не сделается реальной.

4. Возвращение Фридриха II в Сицилию. — Мирное владение Гонорием III Церковной областью. — Романья управляется императорским графом. — Столкновения в Сполето. — Рим и Витербо. — Демократические движения в Перуджии. — Бегство папы из Рима. — Паренций, сенатор. — Переговоры о много раз откладываемом крестовом походе. — Анджело де Бенинказа, сенатор. — Враждебное настроение ломбардцев относительно императора. — Натянутые отношения между императором и папой. — Разрыв между Фридрихом и Жаном де Бриенн. — Смерть Гонория III, 1227 г.

Император оставался еще три дня в своем лагере на Монте-Марियो. Затем он отправился через Сутри и Нарни в Тиволи, где уже был 5 декабря. Папа указал места в римской Тусции, которые должны были доставлять провиант для императорского войска, но он не признавал права взимать его с Маритимы и Кампаны, так как коронационный поход не касался их. Если прежние императоры, замечал он, неправильно требовали продовольствие из этих местностей, то это происходило лишь тогда, когда они спешили вторгнуться в королевство Сицилию. Он предписал, однако, управителю Кампаны доставлять продовольствие — это последний пережиток императорских прав.

Фридрих шел дальше через Лациум в свое наследственное сицилийское королевство, и этот его поход омрачал радость курии, желавшей, чтобы он был занят на Востоке. В Капуе он созвал баронов Апулии и тотчас приступил к задаче устройства королевства на основании новых законов. Он еще раз утвердил за папой владение церковной областью и матильдинскими имениями. Он не повторил приема Оттона IV, но сознательно принял на себя взятые обязательства. И Гонорий в начале февраля 1221 г. мог убедиться, что он при содействии императора спокойно владеет Сполето, значительной частью матильдинских имений, а также и всей Церковной областью от моста на Лирисе до Радикофани. В то же время непокорная марка Анкона была отдана в ленное владение Аццо д'Эсте, который действительно подчинил ее себе от имени церкви.

Далекий от честолюбия своих предшественников Гонорий III заботился только о сохранении мира между церковью и империей и об исполнении своего благочестивого желания освободить Иерусалим. Спокойное обладание Церковной областью должно было радовать его более, чем других пап. Однако никакой династии владычество над большими монархиями не стоило такой тяжелой борьбы, сколько причиняла ее римским епископам маленькая область, в которой они хотели быть королями. Гений ста пап, сила и могущество церкви, бесчисленные войны и отлучения, клятвы и конкордаты — все было употреблено для создания и сохранения церковного государства; и почти каждый папа должен был начинать работу сызнова и снова собирать вместе обломки, в которые меч князей снова разбивал земное тело церкви. В течение всех Средних веков папы катили камень Сизифа.

Когда Фридрих торжественными договорами подтвердил существование иннокентиевского церковного государства, то сначала он действительно предполагал оставить его неприкосновенным. На это указывают акты, изданные в Капуе. Но глубокое недоверие курии сопровождало каждое действие сына Генриха VI, а оно со своей стороны, в намерениях курии видел только эгоизм и коварные планы. Это недоверие было более вредно, чем открытые враждебные действия. Идея всемирного владычества Римской империи находилась в постоянном противоречии с идеей всемирного владычества церкви, и Италия являлась естественным объектом вечного конфликта. Желание снова покорить эту страну, заключавшую в себе корни им-

перии, владело Фридрихом II, как и Оттоном IV Распри враждебных партий, разделявшие города, в которых пылала междоусобная война, заставили императора также вмешаться в партийные отношения, чтобы извлечь из этого свою выгоду. Постоянная, присущая церковному государству наклонность к распадению побудила его снова протянуть руку к имперским правам, от которых он уже отказался, тогда как церковь снова доказывала законность старинных прав, которые время, а также и переход из рук в руки таких имуществ, как матильдинские имения, сделали почти не признаваемыми.

Гонорий очень недолго оставался довольным. Уже в июне 1221 г. император назначил Готфрида фон Бландрат графом Романьи, которая со времен Оттонов считалась имперской провинцией. В этой местности юрисдикция императорских вице-графов продолжалась беспрепятственно до 1250 г. и даже позже. В Сполето, которое, подобно Перуджии и Ассизи, только теперь окончательно перешло к церкви и управлялось кардиналом Райнером Капоччи, Бертольд, сын бывшего герцога Конрада, стал добиваться возвращения ему уничтоженного герцогства его отца. Он соединился с сенешалем Гунцелином, и оба они, и здесь и в Марке, выступили враждебно против кардинала, призывали к отделению города, выгоняли папских чиновников и сажали на их место своих собственных. Таким образом, и здесь имперское право стало в противоречие с новым папским правом. И хотя Фридрих остановил действия этих лиц, но в Риме были им недовольны и считали, что он поступил недобросовестно.

Между тем у римлян снова началась война с Витербо, потому что споры о владении укрепленными замками давали постоянные поводы к проявлению неугасимой ненависти. Город Витербо даже приобрел покупкой в сентябре 1220 г. Чивита-Веккию. В то время Витербо был большой город, имевший богатую торговлю. Во всей Маритиме с ним мог соперничать лишь один Корнето. Он мог выставить 18 000 вооруженных воинов. Как и во всех других общинах, дворянство и горожане спорили и здесь о власти, и возвышались фамилии, которые ее себе присваивали. Враждовавшие дома Гатти и Тиньози втянули в свою распрю римлян, которые снова потеряли права, приобретенные по мирному договору 1201 г. Так началась в 1221 г. война, продолжавшаяся долгое время. Даже Гонорий был в нее вовлечен, и его посредствующее положение или участие его к жителям Витербо, которых он хотел защитить от ярости римлян, имело своим последствием восстание.

Кроме того, происшествия в Перуджии возбуждали в римлянах недоверие. Этот цветущий город сначала принес присягу на верность Иннокентию III и получил от него признание своего муниципального устава. Папа безуспешно старался в качестве протектора Перуджии утишить разгоревшуюся борьбу между дворянством и народом (*Rasanti*). Народная партия даже пыталась снова освободиться из-под власти церкви, и только с трудом удалось папскому ректору удержать за собой Перуджию в 1220 г. Когда в Риме еще ничто не показывало, что цехи, или *Artetes*, были уже могущественными корпорациями, в Перуджии они уже образовали вооруженные союзы под начальством ректоров и консулов, домогавшиеся введения демократического управления. Народная партия издала постановление против свободы духовенства, которое она обложила налогами, и воевала с дворянством и рыцарством, будучи раздражена несправедливым распределением повинностей. Иоанн Колонна, кардинал С.-Праседе, посланный папой в Перуджию с чрезвычайными полномочиями, вмешался в борьбу между партиями и наконец собственной властью закрыл цеховые союзы в их политической форме, что Гонорий и утвердил в 1223 г. Из этого случая не следует, однако, делать вывода, что папы вообще притесняли общества и союзы. Они были слишком слабы для этого; напротив, они

вступали скорее в союз с демократическими элементами, чтобы найти в них защиту против Фридриха. Они могли бы сказать, что сравнительно с ним папское иго легкого и снисходительно, так как этот император, имевший строго монархические его легденция и желавший подчинить своему закону всякую политическую индивидуальность, был решительным врагом всякой настоящей демократии; в своем королевстве Сицилии он под страхом смертной казни запретил в городах выбор подест и консулов.

Несомненно, что вместе с войной с Витербо все эти события имели дурное влияние на настроение в Риме, так как Перуджия формально признала власть Римского сената. В течение почти всего XIII века должность подест занимали здесь благородные римляне. Древнейшая римская колония Перуджия благоговейно почитала папский Рим как свою славную метрополию и повелительницу, потому что вековые изменения не могли заглушить священной традиции. В государственно-правовых актах, а также и в древнейших уставах общины Перуджии с 1279 г. встречается формула почтительного признания, рядом с верховными правами папы также верховны и права римского народа и после воззвания «во славу» святых и папы воззвание во славу *Almae matris Romae*.

Власть города Рима признавались далеко за пределами его округа, в Умбрии и в герцогстве Сполето, где в тамошних городских поселениях, в особенности в Орвието, место подесты очень часто было занято римлянами. Когда еще позже, в 1286 г., Перуджия, Тоди, Нарни и Сполето заключили союз на 40 лет, то в договоре они прямо употребили формулу: «во славу нашей матери, великого города». Формула «во славу великого города Рима» находится также в союзном договоре 1313 г. между Орвието и Перуджией.

В возникших скоро после этого римских беспорядках заметную роль играет тот же Рихард Конти, который и раньше принимал большое участие в городских распрях. Этому могущественному графу Фридрих снова отдал Сорю. Он явился в Рим, не нашел никакой поддержки у папы и начал со своими приверженцами борьбу со сторонниками Савелли и другими друзьями Гонория. Папа в мае 1225 г. ушел в Тиволи и далее в Риети. Тогда Паренций снова сделался сенатором. Этот римлянин хотя и считал в числе своих родственников одного мученика, был, однако, решительным врагом духовенства. Уже будучи подестой в Лукке, он облагал податью или изгонял духовных, за что и был подвергнут отлучению, которое, однако, было с него снято. Гонорий хотел, чтобы сенат отказал ему в утверждении, и его насильственное назначение народом было одной из главнейших причин восстания.

Папа в это время уже находился в очень натянутых отношениях с императором, который не соглашался прервать свои реформы в Сицилии для того, чтобы идти в крестовый поход, которым его неотступно мучили, в то время как он хитростью старался избежать исполнения своих обязательств. Падение Дамиеты (8 сентября 1221 г.) навело страх на весь Запад. Император и папа в апреле 1222 г. пробыли четырнадцать дней вместе в Вероли, где между ними состоялось соглашение о созыве конгресса в Вероне, который, однако, не состоялся. На новом собрании в Феррентино (весной 1223 г.), на котором присутствовали также Жан де Бриенн, король Иерусалимский, патриарх и три гроссмейстера, это предприятие было опять отложено до лета 1225 г. Чтобы еще более обязать Фридриха, папа склонил его вступить в брак с Иолантой, единственной дочерью вышеупомянутого де Бриенна, носившего титул Иерусалимского короля, ибо первая супруга Фридриха Констанца умерла 23 июня 1222 г. 1225 год настал, но не принес исполнения страстного желания папы, так как западноевропейские короли отказали в своем содействии. По-

сланники Фридриха, требовавшие вторичной отсрочки, в числе их и сам Бриенн, нашли уехавшего из Рима папу в Рieti. Он поневоле согласился на их предложение, и император на этом основании 25 июля в С.-Джермано дал клятву перед папским легатом, что в августе 1227 г. он выступит в крестовый поход под страхом отлучения от церкви в случае неисполнения обещания.

Гонорий провел зиму в Рieti; о его возвращении велись переговоры; и в этом случае император, достигший своих желаний, выступил посредником. Осенью между церковью и городом Римом заключен был мир: Паренций вышел из сената, и его место занял Анджело де Бенинказа. Поэтому папа мог в феврале 1226 г. возвратиться в Рим. Он прожил здесь еще год в таком мучительном волнении, что его дурные отношения к императору были близки к разрыву. В течение этих лет Фридрих устранил все, что мешало ему в Апулии и Сицилии, подчинил мятежных баронов, покорил живших на острове сарацин и переселил их в Лусцеру, на материк, основал в Неаполе университет и лучшим управлением увеличил силы прекрасной страны. Но многие обстоятельства соединились для того, чтобы заставить его выйти из положения мира с церковью и Италией и вступить в жесточайшую борьбу, которая тянулась в течение всей его жизни.

Ломбардские города отказались признавать права, которые, по Констанцскому миру, оставались за империей; этот остаток старинного верховенства империи, границы которого были неопределимы, давал им возможность выполнять меньше, чем они были обязаны, а императору требовать больше, чем ему следовало. Вскоре выяснилось его намерение установить на По императорскую власть и снова потребовать себе всю Италию как «свое наследие». Ставшие могущественными города, преисполненные национальным чувством, восстали, как во времена Барбароссы, на защиту свободы и независимости. Их геройское сопротивление заслуживало бы лучшей награды, но их разрозненность была причиной того, что они не могли добиться прочного успеха.

Как только ломбарды услышали о близком возвращении Фридриха из Апулии, они возобновили старый союз на 25 лет, заключив договор в Мозии, в Мантуанских пределах, 2 марта 1226 г. Папа с радостью одобрил это. Их угрожающее положение, которое воспрепятствовало королю Генриху пройти через альпийские проходы к созванному в Кремоне рейхстагу, имело последствием императорскую опалу. Компромисс, устроенный при посредстве папы, к которому обратились обе стороны, меньше всего мог удовлетворить Фридриха, так как Гонорий партийно высказался в пользу ломбардов, что было с его стороны вполне естественно.

Натянутые отношения между папой и императором еще усилились вследствие споров о епископских инвеститурах в Сицилии, которые церковь присваивала себе, а Фридрих это оспаривал. Он не считал себя господином в своей наследственной земле, пока не достиг ее полной независимости от папы. Курия с возрастающей подозрительностью смотрела на мудрые реформы императора, превращавшие это королевство в самостоятельную монархию, ибо в нем Фридрих создавал основание своего могущества и отсюда он, по-видимому, намерен был стремиться к достижению своей цели: путем уничтожения итальянских союзов, городской свободы и церковного государства создать монархическую Италию. Этому уже тогда опасались при папском дворе.

Сюда явился с жалобой также Иоанн де Бриенн. Так как, едва вступив в брак с Иолантой, наследницей Иерусалима по матери своей Марии, император принял титул короля Иерусалимского, то обманувший во всех своих надеждах тесть его принес на это жалобу папскому престолу. Гонорий воспользовался талантами ры-

царственного экс-короля, брата того Вальтера, помощью которого когда-то пользовался Иннокентий III; он передал ему светскую власть наместника в большей части церковной области. Жалкий результат страстных стараний папы устроить крестовый поход выразился таким образом, лишь в том, что наследник Готфрида Бульонвильера поступил на службу церкви, чтобы проводить свою жизнь в должности управителя наследия св. Петра.

Гонорий III умер 18 марта 1227 г. в Латеране.

ГЛАВА IV

1. Гуголин Конти делается папой под именем Григория IX. — Он требует от императора крестового похода. — Отправление, обратная высадка и отлучение императора. — Манифесты императора и папы. — Императорская партия изгоняет Григория IX из Рима. — Крестовый поход императора. — Вторжение папы в Апулию в 1229 г. — Возвращение императора и бегство сторонников папы

Одному из миролюбивейших пап наследовал человек сильного характера и железной воли. Гуголин, кардинал-епископ остийский, избранный уже 19 марта 1227 г. в церкви Св. Григория у Септизониума и провозглашенный папой под именем Григория IX, принадлежал к роду Конти из Ананьи и был родственником Иннокентия III. Он пережил правление многих пап и в молодости был участником великих событий, происходивших при Александре III. Быть может, его младший родственник, Иннокентий, назначил его епископом Остии, портового города, приходившего в упадок, который он укрепил, обнеся его новыми стенами. В течение долгих лет он заведовал церковными делами в Италии и в Германии, где в качестве делегата вел трудные переговоры во время спора за имперскую корону. Мы видели, что он был первым покровителем ордена миноритов. В его душе горело пламя того же огня, как у Франциска и Доминика; оно закаляло природную твердость его характера и делало его непреклонным и вызывающим, вплоть до проявления самого крайнего упорства, когда ему противоречили. Это был красноречивый человек, известный чистотой своей жизни, хороший знаток церковного и гражданского права, исполненный глубокой и горячей веры и по внешнему виду представлявший собой образ древнего патриарха. Твердость его неослабевшей памяти делала не столь заметной его старость.

Когда Гуголин, с неудовольствием смотревший на уступчивую слабость Гонория, занял Святой престол, то все были уверены, что он не будет подражать терпению своего предшественника, и именно за это кардиналы его и выбрали. 21 марта он был посвящен в соборе Св. Петра. Римский народ с приветственными возгласами провожал его в Латеран, и в торжественной процессии замечено было участие сенатора и городского префекта. На третий день после своего посвящения Григорий IX уведомил о нем Фридриха, с которым он давно уже состоял в дружественном знакомстве, и вместе с тем потребовал от него выступления в крестовый поход, крайний срок которого в августе был уже недалек. Григорий был именно то лицо, от которого император получил крест во время своего коронавания. В ответ на это Фридрих уведомил, что он уже готов к выступлению, и многие крестоносцы, преимущественно немцы, уже собрались в Бриндизи, где ожидали в это беспокойное время года распоряжения садиться на корабли. В этих толпах народа появилась эпидемия вроде чумы, которая унесла тысячи людей. Наконец император прибыл

из Мессины, и, конечно, ни один крестоносец не всходил так неохотно на борт ко-
рабля, как внук того Барбароссы, который умер в Святой Земле.

Когда он 8 сентября действительно отплыл из Бриндизи, во всех церквях раз-
давался *Te Deum*, и молитвы папы сопровождали его на море. Однако через несколь-
ко дней прошел странный слух, что император возвратился, снова высадился на
сушу и отложил крестовый поход. Это оказалось правдой. Фридрих, в самом деле
или притворно заболевший на море, приказал своей галере вернуться и снова выса-
дился в Отранто, где вскоре после того умер от лихорадки ландграф Тюрингенский,
муж святой Елисаветы. Когда папа получил письма, подтверждавшие и извиняв-
шие неожиданное происшествие, то его обуял неистовый гнев. Он не хотел слышать
никаких объяснений и обещаний. 29 сентября он вошел в полном облачении на ка-
федру собора в Ананьи и объявил на основании С.-Джерманского договора об от-
лучении императора, а выстроенные в ряды по сторонам главного алтаря священни-
ки бросали на землю бывшие в их руках зажженные свечи. После бессильных угроз
Гонория грянул действительно удар грома.

В стремительной смелости Григория IX иные видят величие, другие только не-
обдуманый порыв страсти, извиняемый потерей терпения, но неблагоприятный.
Этот старик, один из тех характеров, которые не терпят ничего половинчатого, он
вызвал на бой человека, в котором видел лишь коварного и лукавого врага церкви,
пользовавшегося слабостью Гонория. Он разорвал неясные и потому невыносимые
отношения и предпочел явную войну непрочному миру. Маски спали. Оба главы
христианства поведали миру в своих манифестах, что согласие между старинными
непримиримыми врагами невозможно. Было ли действительным преступлением
Фридриха в глазах церкви повторное откладывание крестового похода? Конечно
нет; оно заключалось в его могуществе, которое становилось слишком страшным, в
соединении Сицилии с империей, в его господстве над гибеллинскими городами Се-
верной и Средней Италии, угрожавшем ломбардскому союзу. Ни один император
не положил столь многочисленных и твердых оснований для практического влады-
чества в Италии, как Фридрих II, неограниченный король Сицилии. Искоренить
могущество Гогенштауфенов стало с этого времени политикой папского государст-
венного искусства, проводимой с удивительным постоянством.

В своем послании ко всем епископам Григорий изобразил самыми черными кра-
сками неблагоприятность Фридриха и беспощадно заклеил его перед светом; такое
стремительное нападение глубоко возмутило императора и побудило его к столь же
беспощадному ответу. Прежде всего он представил очень хорошие оправдания
своего возврата из крестового похода, затем он издал манифест к королям. В этом
знаменитом акте впервые был изложен протест светской власти против иннокенти-
евского папства. Император возвысился в нем до ясного сознания того, что он, как
представитель светской власти, должен защищать эту самую власть против угрожа-
ющего абсолютизма Рима. Он показывал правителям и народам на примере несча-
стного графа Тулузского и английского короля, что их ожидает, и рисовал беспо-
щадную картину обмирщения курии и властолюбия пап. Представитель высшей го-
сударственной власти выставлял пороки церкви на осуждение всего света, и
христианский император как будто подтверждал мнения еретиков о противоапосто-
льском образе действий церкви.

Рофред Беневентский, прославленный юрист, доставил императорский мани-
фест в Рим, где он при сочувственных криках был публично прочитан в Капитолии.
Тотчас образовалась императорская партия, так как для римлян борьба между цер-
ковью и империей являлась очень желательной с точки зрения их собственного по-
ложения. Григорий IX начал в городе со строгостей: он велел сломать возле Лате-

рана некоторые башни, принадлежавшие римской знати. Городская община была раздражена также войной с Витербо, который он взял под свою защиту. К политическим партиям присоединились еретики, которые, несмотря на костры, повсюду, даже в самом Риме, все смелее поднимали головы. Один пример может показать, в каком анархическом состоянии продолжалось управление этим городом. Когда летом папа был задержан в Лациуме, дворяне, горожане и даже монахи и духовенство осмелились посадить в Ватикане в качестве папского заместителя обманщика, который должен был за деньги освободить проходивших через Рим в Бриндизи крестоносцев от их обетов. Эта дерзкая игра продолжалась в течение шести недель в портике собора Св. Петра, пока ей не был положен конец сенатором.

Благородные римляне брали золото от Фридриха; даже сына Рихарда Конти Иоанна де Поли выдали в его лагере. Император, пригласивший этих магнатов к себе в Кампанью, уговорил Франджипани продать ему их имущество, в том числе укрепления в городе, которые они получили в качестве ленов от папы, и потом вновь получить их от него, признав себя таким образом, императорскими вассалами. Для Фридриха было важно создать себе партию в самом Риме, возбудить в нем врагов против папы и иметь Колизей в своей власти. Результатом его мероприятий было восстание. В великий четверг 1228 г. Григорий еще раз провозгласил отлучение императора. Когда он после этого, в понедельник на Пасху, служил обедню в соборе Св. Петра и обратился к народу с жестокой декламацией против Фридриха, то гibelлины прервали его яростными криками; они осыпали папу оскорблениями в алтаре и выгнали из святого места. Город восстал с оружием в руках в то время, как убежавший папа в сопровождении толпы верных ему гвельфов спешил достигнуть дружественного Витербо. Римляне преследовали его с войском, заставили уйти дальше в Рieti и Перуджию, выместили свою злобу на Витербо варварским опустошением полей и захватили спорный замок Рицпампано. Григорий IX провозгласил из своего изгнания отлучение своих преследователей и затем с томительным чувством стал ожидать времени своего возвращения.

Тем временем император собрался действительно предпринять крестовый поход. Сделав это, он не только ослаблял утверждение папы о том, что он никогда об этом серьезно не думал, но и ставил его самого в затруднительное положение. Крестовый поход Фридриха при тогдашних обстоятельствах был тем более мастерским дипломатическим ходом, что папа, к смущению многих верующих душ, ставил ему теперь величайшие препятствия. Западный император выступил в поход для самого святого дела церкви, оставаясь под отлучением. Когда 28 июня 1228 г. он из Бриндизи вышел в море, церковь сопровождала его гневными словами, что он отправляется в Иерусалим как пират, а не как крестоносец. Вместо благословения за ним следовало ее проклятие, которое встретило его даже у Гроба Спасителя. Тот же папа называл Фридриха преступником за то, что он не начинал крестового похода, и за то, что он его начал. Если бы Григорий IX освободил от отлучения своего врага, когда он действительно отправился в Иерусалим, то он одержал бы победу и над собой и над ним и явился бы миру в блестящем величии. Такое резкое противоречие ослабляло веру в искренность рвения пап к освобождению Иерусалима и уничтожало мечту двух столетий. По крайней мере Германию с этого времени нельзя уже было подвинуть на крестовый поход.

Рейнальд, сын бывшего герцога Конрада, оставшийся в отсутствии императора его наместником, тотчас же раздражил папу нападением на Сполето, а Григорий IX с не меньшей горячностью воспользовался удалением Фридриха, чтобы подчинить Апулию власти церкви. Еще раньше отъезда императора он набрал войско; теперь он обратился с воззванием к Ломбардии, Испании, Франции, Англии, ко всей Ев-

ропе, требуя присылки церковной десятины или вспомогательных войск. Народы усьлашали проповедь крестового похода против императора, который сам под знаменем креста отправился воевать с неверными; они увидели войска, занимавшие от имени папы земли отсутствующего Фридриха, имущество которого, как крестоносца, и по международному, и по церковному праву должно было почитаться неприкосновенным. Папским крестоносным войском, на знаменах которого были изображены ключи св. Петра, начальствовали Иоанн де Бриенн, тесть императора, кардинал Иоанн Колонна и папский капеллан Пандульф из Ананьи. В то время как одна часть этих войск направилась в Марки, на которые напал Рейнальд с апулийцами и сарацинами, Пандульф, перейдя 18 января 1229 г. Лирис, вторгся в Кампанию. Здесь Иоанн де Поли удачно оборонял Фунди, но многие города сдались папским войскам. Римляне не пострадали от этой войны: папа, имевший в виду только Апулию, ни разу не сделал попытки посредством своих крестоносцев принудить Рим к повиновению. Он спешил завоевать королевство, города которого, обремененные налогами, он соблазнял к отпадению, давая им льготные грамоты. Сдалась ему и Гаэта, и Григорий IX надеялся теперь прочно удержать за собой этот город, на который церковь уже давно предъявляла претензию.

Вызванный этими событиями император внезапно возвратился с Востока. 18 марта 1229 г. он собственноручно надел в Иерусалиме на себя корону; посредством договора он возвратил христианам святой город и, несмотря на все препятствия, воздвигнутые ему фанатизмом, совершил славное дело. Римская курия гневно осуждала его как отступника от христианской веры; она не обращала внимания ни на действительные заслуги, оказанные им на Востоке, ни на практические мотивы, в силу которых, ввиду обширных торговых сношений Сицилии с Левантом, для него были обязательны дружественные отношения с восточными султанами. Это было естественно, так как император впервые превратил крестовые походы в дело светской политики, вытеснил папу с Востока и ввел последний мирным путем в экономические отношения империи.

Неожиданно прибыв 10 июня в Бриндизи, он выразил желание примириться с папой и отправил к нему послов с мирными предложениями. Но так как они не имели успеха, то он почти без борьбы выгнал папские войска из своих владений. Знамя креста шло в этом случае против знамени ключей; к общему удивлению, сарацины Фридриха под Христовым знаменем сражались против папских войск, которые в отчаянном бегстве снова ушли за Лирис. Григорий опять направил свои перуны отлучения на императора и его сторонников, в том числе и находившихся в Риме. Он уже израсходовал большие суммы на безрассудную войну и теперь снова обращался ко всему миру с требованием о доставлении ему новых средств. В Аквино императора приветствовали посланные от римского сената. В октябре он подошел к границе церковной области, и только после того, как он уничтожил Сорю огнем и мечом, папа отнесся со вниманием к его мирным предложениям.

2. Наводнение Тибра в 1230 г. — Римляне зовут к себе Григория IX. — Мир в С.-Джермано, 1230 г. — Первый массовый суд над еретиками в Риме. — Сенатор Анибал издает эдикт против еретиков. — Преследование еретиков и инквизиция вообще

Григорий IX пробыл еще зиму в Перуджии, не выказывая желания вернуться в Рим, и, лишь уступая необходимости, ввиду примирения с императором, решился отправиться туда.

Но еще раньше, чем состоялось примирение, стихийные силы неожиданно повели его снова в Латеран. Хляби небесные разверзлись и излились на «безбожный» город: 1 февраля 1230 г. Тибр вышел из берегов. Леонина и Марсово поле были покрыты водой. Сенаторский мост (Ponte Rotto) был снесен, и наводнение вызвало голод и повальные болезни. Летописцы изображают его как одно из самых страшных наводнений, пережитых Римом. Римляне, которые во время долгого изгнания папы забыли о нем, теперь под влиянием суеверного страха вспомнили, что святой отец есть властитель их области. В Перуджию спешно отправились посланные: Петр Франджипане, городской канцлер, и старый доблестный экс-сенатор Пандульф Субурский. Они упали к ногам папы и просили его простить введенный в заблуждение народ и возвратиться в осиротелый город. После этого 24 февраля Григорий, встреченный радостными кликами римлян, был введен в Латеран и мог с презрением взглянуть на народ, в течение более ста лет привыкший изгонять своих пап и снова со славословиями возвращать их. Возвращаясь из своего изгнания в «город крови», эти папы только ценой золота покупали временное спокойствие. Биограф Григория IX добросовестно перечисляет многие тысячи фунтов, которые именно этот папа раздал римлянам, как только они согласились на его возвращение.

Григорий нашел Рим в состоянии глубокой нищеты, совершенного одичания и наполненным еретическими «плеведами», к которым склонялась даже часть духовенства. Поэтому он решил учредить строгий уголовный суд, как только заключит мир с императором. Мир был заключен в С.-Джермано 23 июля 1230 г. после долгих переговоров с Германом, великим гермейстером Тевтонского ордена, и на условиях, столь выгодных для папы, что ясно было, насколько Фридрих ценил мощную силу своего противника. Церковное государство было восстановлено, и даже некоторые города Кампании, в том числе и Гаэта, остались еще на год в виде залога у папы; свобода выборов и изъятие духовенства от налогов на будущее время не должны были нарушаться в Сицилийском королевстве.

После состоявшегося 28 августа в капелле Св. Юста, возле Чепрано, снятия отлучения с императора кардиналы проводили его к папе в Ананьи. Оба врага приветствовали там один другого (1 сентября) со всевозможной учтивостью, скрыв свою ненависть; они сидели за общей трапезой, разговаривали в течение первых трех дней сентября в фамильном дворце Конти и расстались, несмотря на их дружественные заявления, с убеждением, что два человека такого характера не могут жить рядом в Италии.

Возвратясь в ноябре в Рим, Григорий IX старался привлечь к себе римлян благодеяниями. Он велел восстановить сенаторский мост, очистить клоаки, подвозить хлеб, раздавать народу деньги, построить богадельню в Латеране. Это привлекло к нему массы и облегчило ему главный его удар, направленный на еретиков, от которых он хотел радикально очистить город. Истребительные войны Иннокентия III против еретиков и изданные им повеления об искоренении их во всех городах, казалось, лишь увеличили их число. Тысячи людей опоясывались поясом св. Франциска, но и из них многие отпадали от веры. В Церковной области, в Витербо, в Перуджии, в Орвието еретики были многочисленны. Ломбардия была переполнена ими; в гвельфском Милане была их главная церковь. Бесплезно горели костры: в самом Риме еретики собирались во время изгнания папы. Политические воззрения соединялись в этом случае с религиозными, и в числе римских еретиков гвельфская секта арнольдистов была несомненно многочисленнее, чем секта лионских бедняков. Вообще догматическая ересь не отделялась от политической, так как церковь прямо считала ересью всякие действия, противные свободе духовенства и его иму-

щества, как, например, указы городских магистратов, направленные к обложению духовенства налогами или к привлечению его к светскому суду.

В первый раз еще в Риме был массовый суд над еретиками и публично запылали костры. Инквизиторы поместили свой трибунал перед дверями церкви Св. Марии Маджоре. Кардиналы, сенатор и судьи занимали места на трибунах, а зевающий народ окружал этот страшный театр, произносивший приговоры несчастным всякого состояния и пола. Многие уличенные в ереси духовные были лишены их священнических одежд и присуждены к ссылке на покаяние в дальние монастыри, если они исповедовали свое раскаяние. Других еретиков сжигали на дровяных кострах, иногда на площади возле самой церкви. Так как эти мрачные трагедии, бывшие отражением Альбигойских войн, следовали за разливом Тибра и эпидемией, то они вызывали в Риме большую тревогу. Если справедлив рассказ одной хроники XIV века, то римляне видели даже небывалую страшную картину казни сенатора за ересь, но это басня. По возвращении своем Григорий нашел нового сенатора; это был Анибальдо Анибальди, римлянин из сенаторской фамилии, которая, впрочем, только в это время пришла в цветущее состояние и образовала могущественный род, владевший большими имениями в Лациуме. Знаменитое имя Аннибала снова появилось в средневековой дворянской фамилии, из которой в течение нескольких столетий выходили сенаторы, военачальники и кардиналы, но не было ни одного папы. Анибальди были в родственных отношениях с Конти и с домом Чеккано и, подобно им, были германского происхождения; они владели имениями в Кампани и в Латинских горах, где и теперь Аннибалово поле над *Rossa di Para* напоминает об этом роде, имевшем когда-то столь большое влияние. Несомненно, что указ против еретиков, изданный сенатором Анибалом в 1231 г. и дошедший до нас, был в числе условий, поставленных папой для своего возвращения. Им было установлено, что всякий сенатор при вступлении в должность принимал на себя обязанность объявлять в опале находящихся в городе еретиков и их приверженцев, арестовывать всех еретиков, на которых укажет инквизиция, и после надлежащего разбирательства в течение восьми дней казнить их. Имущество еретиков должно было делиться между доносителем и сенатором и идти на покрытие расходов по улучшению городских стен. Пристанища еретиков должны были быть разрушены. За укрывательство еретиков была назначена денежная пеня или телесное наказание и потеря всех гражданских прав. Каждый сенатор должен был подтвердить клятвой этот указ, и пока он этого не сделал, он не считался вступившим в должность. Если же он стал бы поступать против данной им клятвы, то присуждался к уплате 200 марок и признавался не имеющим права занимать общественные должности. Этот штраф налагался на него судебной коллегией, назначаемой церковью Св. Мартина в Капитолии.

Этот указ увеличивал усердие доносчиков расчетом на получение имущества; и можно было судить, насколько деятельно жадность и личная ненависть способствовали выслеживанию еретиков. Папа привлекал городскую общину к интересам инквизиции и обязывал сенатора предоставить ей свою светскую власть. Сенатор становился законным исполнителем судебных приговоров над еретиками, каким, впрочем, был и всякий подеста в других городах. Если это перенесение на сенатора права смертной казни, принадлежавшего раньше префекту, увеличивало его светскую власть, то, с другой стороны, оно унижало его, делая слугой духовного трибунала. Торжественное клятвенное обещание наказывать еретиков связывало его самым он мог быть признан виновным в нарушении своей обязанности и, следовательно, в ереси. Таким образом, самым важным атрибутом сенаторской власти было то, что ею приводилась в исполнение казнь еретиков, и — что харак-

терно для того времени — обязанность их преследования ставилась первым основным пунктом вообще в уставах как Рима, так и других городов Церковной области. Впрочем, сенаторский указ только применял императорское коронационное распоряжение также и к Риму, где до сих пор противились его введению, так как инквизиция являлась новым средством в руках папы для подчинения народа. Впоследствии были в Риме инквизиторы, которые вначале назначались из францисканского ордена. Когда инквизитор осуждал еретика, то он всходил на ступени Капитолия и прочитывал приговор в присутствии сенатора, его судей и многих депутатов или свидетелей из городского духовенства. Затем выполнение наказания он передавал сенатору с угрозой отлучения в случае отказа или нерадивого исполнения.

Это было ужасное время, выражением которого были эдикты Григория IX, в силу которых выслеживание еретиков становилось высшей обязанностью гражданина; время, когда каждый публичный или частный разговор о каком-нибудь догмате наказывался отлучением, как за преступление. В это суровое время новых мучительств и нового фанатизма, когда благочестивые чувства нашли себе в преследовании еретиков вознаграждение за потерю Иерусалима и за угасавшую ревность к крестовым походам и когда со времени Иннокентия III религиозная нетерпимость христианства низвела его на степень фанатичного иудейского закона, вслед за духовенством стали проявлять свое усердие также и князья, и правители республик. Обремененные долгами короли почти уже не дарили имений церкви; они находили более удобным для спасения своей души сжигать еретиков и конфисковывать их имущество. Некоторым королям пламя костров служило для прославления их благочестия, другие из страха или из расчета старались доказать свое правоверие самыми жестокими преследованиями еретиков. Даже Фридрих II, который по своему образованию и свободомыслию настолько возвышался над своим веком, что позднее его называли предшественником Лютера, издал в 1220 и 1232 гг. самые жестокие законы, ничем не отличавшиеся от папских эдиктов. «Еретики, — говорит он в них, — хотят разорвать неделимую одежду Господа нашего; мы повелеваем, чтобы они были в виду народа предаваемы живыми огненной смерти». Он издавал такие законы тогда, когда заключал мир с папой или нуждался в нем, и эти политические мотивы преследования еретиков были для него еще постыднее, чем если бы эти гонения происходили под влиянием слепого, но искреннего религиозного фанатизма. Его законы против еретиков находятся в самом резком противоречии с мудрым, опередившим свой век законодательством, данным им в августе того же 1231 г. королевству Сицилии.

3. Новые беспорядки в Риме. — Иоанн Поли, сенатор. 1232 г. — Римляне хотят отнять у папы владение Кампаньей. — Император посредничает при заключении мира Рима с папой. — Vitorchiano Fedele. — Новое восстание римлян. — Их политическая программа. — В 1234 г. они делают серьезную попытку сделаться свободными

Впрочем, великий суд над еретиками так мало воздействовал на римлян, что уже 1 июня 1231 г. они принудили Григория IX снова удалиться в Риети, где он и оставался до лета 1232 г. В городе вспыхнули беспорядки, вызванные войной с Витербо. Витербо в Средние века был для римлян тем же, что Вен в древности. Они ненавидели его с яростью, доходившей до безумия, и хотели окончательно завоевать его и сделать римским государственным имуществом. С согласия папы жители

Витербо отдались под покровительство императора, который прислал им в помощь Рейнальда де Аквавива. Римский народ тотчас отомстил за это, обложив налогом церквя, и с прежней яростью продолжал свои военные действия против Витербо в 1232 г., когда сенатором был Иоанн Поли. Этот сын Рихарда Конти, хотя и был родственником Григория IX, однако стоял на стороне Фридриха, и его избрание произошло едва ли с согласия папы. Он назывался тогда графом Альбанским, так как получил от Фридриха во владение эту марсийскую провинцию.

Больше внимания заслуживает попытка римлян подчинить Капитолию Лациум. Римский народ проникся новым духом; как в древности, во времена Камилла и Корнелиана, он выступил на завоевание Тусции и Лациума. Снова появились на поле брани римские знамена с древними инициалами S. P. Q. R. на красном с золотом поле, и римское национальное войско, составленное из римских граждан и союзников от вассальных городов, под начальством сенаторов. Летом 1232 г. римляне дошли до Мантефортино в земле вольсков; они угрожали самому папе под стенами его родного города Ананьи, где он находился с августа месяца. Он послал в их лагерь трех кардиналов с большими суммами денег, но они не перестали своими враждебными действиями мешать его предприятиям в Кампанье, так как Григорий IX столь же деятельно, как Иннокентий III, увеличивал владения церкви. Он брал общины в свое подданство и требовал от их подест присягу на верность. Он уплачивал долги свободных общин, но делал их за это вассалами церкви и получал право пристраивать укрепления к окружающим их стенам. Он освобождал от уплаты долгов баронов и таким образом вступал во владение их именьями, которые они охотно получали обратно от церкви в качестве ленов, чтобы избежать власти города Рима. То же происходило и в Лациуме, где он выкупил два укрепления, Серроне и Палиано, принадлежавшие отчасти Колонна, чтобы потом сделать из них папские укрепленные замки. Римская городская община, предъявлявшая претензию на юрисдикцию в Кампанье, запретила это папе и угрожала даже разрушить Ананьи, однако Григорий даже в середине зимы продолжал постройку этих крепостей и причислил Серроне, Палиано и Фумоне к укрепленным местам, принадлежащим церкви.

Наконец римляне возвратились в свой город, а Григорий оставался в Ананьи. Он искал посредничества императора, чтобы заключить мир с Витербо и самому примириться с римлянами. Фридрих не мог оказать ему деятельной помощи, потому что восстание Мессины призывало его в Сицилию. Однако римляне уступили его требованиям, и в марте 1233 г. сенатор Иоанн Поли прибыл в Ананьи просить папу возвратиться. Трусливые кардиналы не советовали ему подвергать себя опасности «в городе ревущих зверей», но Григорий отправился и 21 марта был принят с почетом.

Народ помирился с ним за деньги. Он заключил без ведома императора, имевшего интерес в делах Витербо и Рима, мир с городом Римом, на что император впоследствии жаловался как на вероломство. С Витербо также в апреле был заключен договор, по которому город Рим получал признание своей верховной власти и сохранял за собой владение замком Виторкиано. Этот замок с того времени стал государственным имуществом Рима, получил почетный титул «верного» и право замещать должность капитолийских надзирателей, которые впредь стали называться «Fedeli».

Один демон, так говорит биограф Григория XI, был благополучно изгнан из Рима, но зато семь других вошли в него. Римляне уже в 1234 г. начали отчаянную борьбу против светской власти папы. Они, может быть, были бы счастливее, но едва ли более достойны уважения, если бы отказались от своих несомненных прав. Но в ту эпоху, когда каждый город был государством, отношения Рима к папе не были так ясно определены, как в позднейшие века. Римляне все еще боролись за свою свободу от епископской власти, чего другие города давно уже достигли. Они видели, как про-

цветали эти города, соединенные в два больших союза, и как они властвовали над прежними графствами. Если Витербо гордился множеством замков, плативших его ратуше налоги и получавших от нее законы, то понятно, что Рим не мог переносить своего гражданского бесправия. Вечная война с этим самым Витербо была только символом стремления римлян подчинить себе Тусцию. Их отношение к империи в это время совершенно изменилось. Когда императорские права в Риме переданы были папам и пожалование римской короны перешло к ним же, то потерял значение и спорный вопрос о том, принадлежит ли еще римской республике право избрания императоров. Эта привилегия, которую римляне еще во времена Барбароссы требовали для себя с оружием в руках, была погребена в потоке новой папской власти. Римляне боролись уже только с папством как с высшей правительственной властью; главная цель их заключалась в создании в границах бывшего герцогства могущественного вольного государства, подобного тем, какими были Милан, Флоренция или Пиза, пример которых и ободрял, и пристыждал их. В императорских капитуляциях, которыми утверждалось существование церковного государства Иннокентия, это герцогство, во-первых, является как единица, определяемая формулой: «*Вся страна от Радикофани до Чепрано*», с которой начинается, как со старинного основания нового церковного государства, поименное перечисление папских провинций. Владение этой страной, в которой церковь издревле имела свои вотчины, она могла основывать не на франкских дипломах, а только на событиях, начало которого терялось во мраке истории. Церковное управление обнимало здесь три провинции: наследие св. Петра (по-римски Тусцию), Сабину и Кампанию с Маритимой, хотя церковь и не была действительной владельницей всех находившихся там городов. Только некоторые из них признавали над собой непосредственную доминиальную власть папы и получали от него своих должностных лиц — те, которые передали ему «*полное Dominium*»; остальные признавали только его протекторальную власть.

Город Рим объявил теперь, что все эти папские провинции составляют его городскую область. Он постоянно заявлял свои претензии, когда во главе городского управления стояли сильные люди при слабых папах. Тогда он посылал в провинциальные города своих судей, налагал на них земельную подать, устанавливал соляную монополию и принуждал их к поставке вспомогательных войск и к участию через своих депутатов в общественных играх. Но требования Капитолия направлены были не только против папы, но и против вольных городов, таких как Витербо и Корнето в Тусции, Тиволи, Веллетри, Террачина и Ананьи в Кампанье, а также и против наследственных дворян-землевладельцев, которые не хуже папы умели покупать *dominium* над городами. Бароны приобретали его или от самих городских общин, или становясь воинами папы или церковных корпораций, иногда за очень небольшую годовую плату. Поэтому в данный период вся страна от Радикофани до Чепрано была раздроблена на многие мелкие и часто враждебные друг другу единицы, так что, путешествуя по ней, можно было в самое короткое время проехать по местностям, находившимся под властью то папской курии, то города Рима, вольной республики, барона или римского монастыря, а во многих местах все эти владельцы вместе обладали верховной властью.

Город Рим в неудачно выбранное время сделал в 1234 г. попытку сбросить себя папское господство и образовать в пределах вышеназванной области свободное государство. Если бы это ему удалось, то он достиг бы приблизительно таких размеров, какие имел Рим незадолго до пунических войн. Замечательно, что во время этого восстания, имевшего очень серьезный характер, римляне припомнили древние обычаи, поставив пограничные камни (*termini*) и снабдив их надписями S. P. Q. R., которые должны были обозначать юрисдикцию города Рима.

Они требовали от папы свободного избрания сената, права чеканки монеты, передачи им получения разных податей и обычной дани в 5000 фунтов. Они отменили судебную власть и освобождение от повинностей духовенства, что сделали тогда и многие другие, даже мелкие республики. Они выдвинули также требование, чтобы папа никогда не налагал отлучения на римских граждан, так как великий город, по их словам, пользовался привилегией быть свободным от церковных наказаний. Эти римляне не видели никакого соблазна в отлучении их императора, но их гражданская гордость признавала папскую цензуру по отношению к ним самим столь же неприменимой, как в древности неприменимо было бичевание к римскому гражданину.

4. Лука Савелли, сенатор, 1234 г. — Римляне объявляют отчину св. Петра городской собственностью. — Папа взывает против них ко всему христианству. — Император оказывает им помощь. — Поражение римлян при Витербо. — Анджело Малабранко, сенатор, 1235 г. — Рим по договору подчиняется папскому управлению

Лука Савелли, очень могущественный человек, родственник Гонория III и родоначальник знаменитого рода, сделался сенатором только в 1234 г., когда он объявил в указе, что Тусция и Кампанья составляют собственность римского народа. Он послал в обе эти области сенаторских судей, чтобы они, добровольно или насильственно, приняли от городов присягу на подданство. Римские милиции заняли Монтальто в Маритиме, где, как символ господства Рима, было выстроено большое укрепление. Даже Корнето должен был присягнуть сенату. В конце мая папа снова убежал в Рieti вместе со всеми кардиналами. Какая судьба постигла бы папство, если бы городу Риму удалось сделаться политической силой, как Милан или Пиза? Противодействовать этому стало задачей церкви, и обуздание Капитолия было не меньшей заботой пап. Бегство Григория, отлучение, направленное им на сенатора и на общинный совет, привели римлян в такую ярость, что они разграбили Латеранский дворец и дома кардиналов. Они собрали войска и, пылая жадной мести, выступили в поход против Витербо. Однако и папа не остался без союзников. Многие бароны и города Лациума, как, например, Ананьи, Сеньи и в особенности Беллетри, присоединились к нему и оказали сопротивление римлянам в видах защиты собственной свободы. В Тусции он укрепил Радикофани и Монтефиасконе, а решительное настроение Витербо было там его самой крепкой опорой.

Папы постоянно призывали чужую помощь для усмирения их непокорной страны, и христианский мир никогда не отказывал им в денежной или военной поддержке. Григорий IX заклинал католический мир доставить ему оружие против строптивого Рима: он написал к вассальным королям португальскому и арагонскому, графу руссильонскому, герцогу австрийскому, епископам Германии, Испании и Франции. Даже император готов был оказать помощь папе. Восстание его сына Генриха в Германии и его изменнический союз с ломбардами могли бы быть для него гибельны, если бы Григорий стал на их сторону. Поэтому он поспешил, даже без просьбы, послать папе в Рieti со своим вторым сыном Конрадом войска против римского народа. Слабейший был принесен в жертву ради более сильного; Григорий и Фридрих нуждались один в другом; это сделало их союзниками, несмотря на взаимную ненависть, и заставило римлян одновременно вести войну и с папой, и с императором.

Папскими войсками командовал в качестве кардинала-легата Райнер Капоччи из Витербо, отличавшийся неумолимой деятельностью и военным талантом, и папа

назначил его ректором Тусцийской области. Он открывает собой довольно длинный ряд кардиналов, прославившихся в качестве полководцев церкви. Соединившись с войсками Фридриха, он пошел к Витербо, чтобы укрепить этот город и выгнать римлян из замка Риспампано. Замок этот храбро защищался римлянами, а нетерпеливые священники обвиняли императора, говоря, что он вместо того, чтобы направить своих военных орлов на серьезную войну с римлянами, охотился со своими соколами в этой Тусцийской глуши; они стали кричать об измене, когда он уже в сентябре вернулся в свое королевство. Но он оставил кардиналу войска, бывшие у Витербо под командой Конрада фон Гогенлоэ, графа Романиолы. Многие немецкие рыцари остались на службе папы; крестоносцы предоставили церкви свой меч и свои таланты против Рима; даже англичане и французы, верующие и авантюристы, становились под знамена кардинала. Раймунд Тулузский надеялся, что он сможет заменить исполнение данного им обета идти в крестовый поход войной против восставших римлян, а богатый епископ Петр Винтонский, удаленный от английского двора, тоже предложил свои услуги, которые были хорошо приняты.

После отъезда императора римляне мужественно пошли на штурм Витербо. Редко были они одушевлены таким воинственным духом и были вооружены в таком большом числе. Но вылазка, сделанная немцами и гражданами Витербо, перешла в кровопролитное сражение, проигранное римлянами. Много людей благородного происхождения и немало немцев леги на месте. Со времени несчастного дня Монте-Порцио римляне не испытывали таких больших потерь в открытом сражении; они спаслись, как и тогда, бегством за свои стены. Победители преследовали их, и результатом сражения было то, что Сабина и Тусция снова перешли во власть папы. Неблагодарные священники должны были теперь признать, что такая решительная победа могла быть одержана лишь благодаря помощи Фридриха.

Хотя римляне еще продолжали войну, наложили опалу на кардинала Райнера, объявили папу навсегда изгнанным из Рима, если он не вознаградит их за понесенный ущерб, и даже достигли некоторых успехов на поле битвы, но их силы были истощены, и их финансы, несмотря на принудительно полученные с церкви налоги, истрачены. Когда весной 1235 г. Лука Савелли вышел в отставку и сенатором сделался Ангелус Малабранка, то трем кардиналам-легатам удалось подвинуть Рим к заключению мира. Город не достиг цели своей мужественной борьбы и в середине мая 1235 г. еще раз признал над собой верховную власть папы.

Мирный договор, который очень интересно трактует форму и характер свободной римской республики, в сущности своей гласит следующее:

«Мы, Ангелус Малабранка, милостию Божию правящий сенатор высокого города, обещаем, по уполномочию высокого сената и по поручению и с общего согласия славного римского народа, созванного звоном колоколов и звуками труб на собрание в Капитолии, а также и по предложению достопочтенных кардиналов Романа, епископа Порто и С.-Руфины, Иоанна Колонна из С.-Прасседи и Стефана от С.-Марии в Транстевере, по поводу спора между святой римской церковью, святым отцом и сенатом и народом римским, от имени сената и народа: мы согласны удовлетворить требования папы относительно башни и заложников в Монтальто, относительно выгребованной при сенаторе Луке Савелли присяги на верность и поставленных в церковных землях пограничных знаков; также о судьях, требовавших этой присяги в Сабине и Тусции и занимавших церковные владения, и об объявлении в опале кардинала Райнера из С.-Марии в Космедины и нотариуса Бартоломея, о разграблении Латеранского дворца и домов некоторых кардиналов, о вознаграждении за убытки, возложенном на епископства Остию, Тускулум, Пренсете и другие церковные имущества, о постановлении, что папа не должен возвращаться в

Рим до тех пор, пока он не выплатит римлянам договоренный в Рокка ди Папа заем в 5000 фунтов и все убытки. Эти объявления об опале и другие распоряжения мы по уполномочению сената и народа отменяем как ничтожные.

Для уничтожения всякой причины несогласия между нами, церковь и папой, почитаемым нами, как благочестивыми сынами из благоговения перед Христом, которого он наместник на земле, и перед верховным апостолом, которого он преемник, а также и потому, что все это содействует исполнению желания этого выскокого и славного города, мы приказываем следующее: все духовные лица, находящиеся в Риме и вне Рима, и члены семей папы и кардиналов не должны привлекаться к светскому суду, или быть принуждаемы к этому через разрытие жилищ или каким-нибудь другим способом, или быть тревожимы по какому-либо случаю. Но то, что здесь сказано о семьях папы и кардиналов, не должно применяться к римским гражданам светского состояния, имеющим дома или людей в городе, хотя бы они были или назывались Familiaren. Никто из духовенства, братьев монашеских орденов или мирян, если он идет к апостольскому престолу и к св. Петру, или там остается, или оттуда возвращается, не должен привлекаться к суду светского судьи, но, напротив, он должен находиться под защитой сенатора и сената. Никакой налог не должен взиматься ни в городе, ни вне его с церковью, духовенства и орденов монашествующих. Мы устанавливаем вечный мир с императором и его людьми; с народом Ананьи, Сеньи, Валетри, Витербо, с народом Кампаньи, Маритимы и Савины, с графом Вильгельмом (Тусцийским), со всеми прочими жителями отчины св. Петра и со всеми друзьями церкви. Мы приказываем и подтверждаем настоящим декретом, чтобы вперед никакой сенатор, будет ли он один, или их много, не поступал против этой нашей льготной грамоты. Буде же кто-либо поступит против нее, тот должен подвергнуться сильнейшему гневу и ненависти сената и сверх того обязан уплатить пеню в сто фунтов золота на восстановление городских стен; но и после уплаты этой пени настоящая привилегия тем не менее сохраняет свою силу».

Таким образом, этим мирным договором окончена была одна из самых жестоких войн, когда-либо веденных римской республикой против папской власти. Республика не потеряла вследствие этого своей автономии, но она была снова введена в границы, установленные для нее Иннокентием III. Подчинение клира гражданскому закону и подчинение римского городского округа юрисдикции Капитолия не было достигнуто. Светская власть церкви была восстановлена с помощью императора, и несчастный Рим остался, как и раньше, жертвой величия папства.

ГЛАВА V

1. Фридрих II в Германии и Италии. — Он решает начать войну с Ломбардским союзом. — Городские общины и папа. — Умбро-тосканский союз городов. — Мнение папы о своем праве на Италию и на владычество над миром. — Титул проконсула римлян. — Петр Франджипане, Иоанн Поли и Иоанн Цинтин, сенаторы. — Возвращение папы, 1237 г. — Битва при Кортенуова. — Миланская карроchio в Риме. — Иоанн де Юдиче, сенатор

Уже целый год Григорий IX пребывал в изгнании в Тусции и потом еще два года, несмотря на мир, оставался вне Рима, так как в нем он ни на минуту не мог бы найти спокойствия. Причин для ненависти и раздора было достаточно, а Фридрих

еще увеличивал их число, чтобы обессилить папу в его отношениях к ломбардскому союзу. Восстание короля Генриха вызвало императора в 1235 г. в Германию, где его увлеченный в измену сын сдался ему в плен; сам он 15 июля в Вормсе вступил в третий брак с Елисаветой Английской и через это вошел в союз с той державой, которая поддерживала гвельфов. После того как, пробив в Германии больше года, он счастливо устроил тамошние дела, Фридрих в июне 1236 г. собрал свое войско на наказания ломбардов. Он был на вершине своего могущества. «Италия, — писал он в это время папе, — есть моя наследственная земля, и это хорошо известно всему свету». Это гордое императорское слово было программой, свидетельствовавшей о разрыве с принципами, высказанными в Констанце и Эгере. Фридрих хотел весь полуостров превратить в свою монархию.

Терпение его истощилось. Продолжительные переговоры, во время которых папа всегда пристрастно принимал сторону ломбардцев, только увеличивали упорство городов. Храбрые горожане затрудняли сообщения Германии с Италией, ставили препятствия для сношений имперского сейма с верхнеитальянскими городами и не пропускали больше никаких немецких войск через альпийские проходы. Этого было слишком много для гордости великого императора. Сев в сентябре на коня, чтобы идти на Мантую и тем начать войну с союзниками, он схватил императорское знамя и воскликнул: «Странники свободно ходят по всему свету, неужели же я не могу свободно двигаться в границах собственного государства?» С уверенностью в своем праве начал Фридрих II войну против того ломбардского союза, которым был побежден его дед. Легитимный принцип, трагическое заблуждение погубили его славный род. Не сняет ли ярче мудрая умеренность Барбароссы при сопоставлении с заблуждением его гениального внука, который устремился против течения века и нашел в нем свою гибель? В общинах была уже заложена будущность мира; в них уже, а не в империи заключался принцип культуры; их победа соответствовала требованиям времени, а через них и победа папства, так как церковь и теперь, как в XII веке, выступила защитницей городского класса и его свободы и из этого современного источника могущества почерпала для себя молодящиеся силы. В великой борьбе принципов, которая теперь снова должна была начаться, ближайшим и практическим объектом были отношения инвеституры между городами и империей, а высшим и последним — независимость итальянской нации, которая уже не признавала притязаний германского императора на Италию как на свое наследственное владение. Рядом с городскими общинами стояло сделавшееся народным папство, боровшееся за земную основу своего могущества — итальянское церковное государство, на которое оно именно смотрело как на символ своего миродержавства. Оно боролось за свободу от государственной власти и стремилось через унижение империи перед трибуналом Святого престола достичь осуществления своих притязаний на это миродержавство. Городские республики служили для пап предлогом и средством для защиты своего собственного дела, которое в принципе не имело ничего общего со стремлениями итальянских городов, но через идею национальности тесно переплеталось с ними.

Вся Италия была вовлечена в новую борьбу государства с церковью; обе власти стремились к господству над Италией, одна в силу гибеллинского принципа монархического единства, другая в силу иерархического идеала, опирающегося на гвельфские стремления к национальной независимости. Снова центр тяжести истории наводился в Италию — родине тех противоречий, которые постоянно волновали человечество. Войны, потрясавшие прекрасную страну, составляли величие ее

средневековой жизни; ее славнейшие времена, ее прекраснейшие проявления любви к отечеству относятся к эпохе швабского дома.

Сильный гражданский дух итальянских городских союзов — этот быстро и ярко прошедший культурный феномен — не пережил времен Гогенштауфенов. Великие идеи гвельфов и гибеллинов вскоре после того потонули в мелочных, местных, партийных раздорах между дворянством и горожанами, и славные республики сделались наконец добычей наследственных тиранов, не думавших ни о нации, ни об отечестве.

Если бы Фридрих II подчинил себе ломбардцев, то он соединил бы Италию под своим скипетром. Поэтому папы были естественными сторонниками союза, в котором со времени потери норманнской поддержки в Сицилии они видели единственную ограду для церкви. Они нашли себе также защиту в тусцийском и умбрийском городском союзе, где гвельфская Флоренция, постоянная противница итальянского объединения, а также Витербо, Орвието, Ассизи и Перуджия, служившие постоянным убежищем для пап, оказывали им неоценимые услуги. С большой осторожностью и без явного нарушения права папа приступил к делу; с такой же осторожностью действовал и император. Каждый из них еще боялся могущества другого. Но ничто не могло помешать возникновению новой открытой войны между противниками, из которых один намеревался восстановить старинное могущество империи, а другой продолжал утверждать, что всемирная власть и по церковному и по государственному праву принадлежит Святому престолу.

«Головы королей и князей, — писал Григорий Фридриху, — склоняются к ногам священников, и христианские императоры должны подчинять свои действия не только одному римскому папе, но и другим представителям духовенства. Господь предоставил лишь себе суд над Святым престолом, суду которого во всем тайном и явном он подчинил весь мир. Всему миру известно, что миродержавный монарх Константин с согласия сената и народа города Рима и всего римского государства признал как право, что наместник верховного апостола есть повелитель во всем свете над духовенством и над всеми душами, а также имеет господство над всеми земными вещами и телами. И так как он признавал, что тот, кому Бог передал небесную власть над землей, должен быть правящим судьей и в мирских делах, то он передал римскому папе знаки императорского достоинства и императорский скипетр, город Рим со всем его округом, который ты хочешь отратить от нас, соблазнив своим золотом, и империю на вечные времена. И считая нечестием, чтобы земной император пользовался властью там, где глава всей христианской религии поставлен правителем от небесного царя, он предоставил Италию в управление папе, а сам нашел себе местопребывание в Греции. Отсюда Святой престол передал империю немцам в лице Карла (который со смирением взял на себя это слишком тяжелое для римской церкви бремя), но, передав через коронование и помазание твоим предшественникам и тебе судебную и военную власть в империи, папа этим не отказался от своих верховных прав; ты же нарушаешь эти права папы и не меньше того нарушаешь и свою честь, и верность, не признавая твоего собственного творца».

Можно ли в виду столь безумных положений, не оскорбляя справедливости, приписать всю вину этого великого раздора только императорам? Когда Григорий IX объявил, что папе принадлежит верховная власть над всем миром и что владение церковным государством есть только символический знак этой власти, то можно ли еще удивляться тому, что Фридрих решил уничтожить этот символ?

Посланники всех городов были вызваны императором летом 1236 г. в Пиаченцу; римляне, еще сердившиеся на Фридриха и имевшие на то законное основание,

не явились, за что Фридрих обозвал их выродками и колот им глаза тем, что Ми-лан, упрямый враг империи, стал теперь выше Рима.

Всякий раз, как императоры нуждались в Риме, они льстили ему, вспоминая о его древнем высоком положении, как будто величие империи и теперь еще было сосредоточено в нем. Фридрих ссылался даже на *Lex Regia*, выводя из него всеобщую судебную власть, которая была ему передана римским народом, тогда как папа выводил свое владетельное право на Рим, Италию и Западную Европу из баснословного великодушия Константина, а свою верховную власть судьи над императором и королями основывал на полноте власти Христа. Как раз в это время императору знать прибавила к своим титулам еще один — античный. Благородные римляне, не смеясь над собой, стали называться «проконсулами римлян», когда они занимали высокую должность в городе или в провинции и заседали в качестве подеста в городском совете какой-нибудь республики или в качестве ректоров управлений каким-нибудь округом папских владений. Слишком малое для честолюбия аристократии поле действия увеличилось, особенно со времени Иннокентия III, тем, что папы посылали иногда благородных римлян в провинции в качестве легатов со светской властью, а еще более тем, что их выбирали подестами в среднеитальянские города. Хотя старинный титул *Consul Romanorum*, который аристократы носили тогда, когда они составляли политическую корпорацию, противопологающуюся общине, оставался еще в это время в употреблении, но он потерял свое важное значение с тех пор, как исчезли городские правящие консулы и консулами стали называться старшины цехов; значение это перешло теперь исключительно к присвоенному высшей аристократии титулу проконсула. Возможно, что, кроме того, наиболее выдающиеся представители аристократии начали употреблять этот титул для обозначения действительного отличия их в сенате, где они образовали нечто вроде палаты пэров. Это новое титулование было официально признано в первой трети XIII века как папами, так и императором.

Императорская партия нашла тогда себе главу в лице Петра Франджипане, сына Мануила и внука Одо. Фридриха упрекали в том, что он подкупил этого проконсула и других аристократов, чтобы возбудить беспорядки, которые снова приняли характер городской войны. Но папская партия имела сильную опору в сенаторе; замок Петра у арки Тита, *Turris Cartularia*, был взят приступом и разрушен, так что Петр искал спасения в бегстве. Едва восстановилось в марте 1237 г. спокойствие, как происшедшее в мае переизбрание Иоанна Поли в сенаторы послужило поводом к новым возмущениям, потому что народная партия противопоставила ему Иоанна Цинтия, сторонника императора. Партии сражались в городе до тех пор, пока Поли, осажденный в башне Конти, согласился на то, чтобы его соперник остался сенатором. Иоанн Цинтий силой оружия сдерживал противную партию, поставил стражу к городским воротам и старался помешать возвращению папы, чего настойчиво требовала часть утомившихся римлян. Нападение на Капитолий заставило его пойти на уступки, после чего Иаков Капоччи, сын знаменитого Иоанна и брат кардинала Петра, был послан в Витербо, чтобы пригласить Григория IX возвратиться в Рим. Папа прибыл в октябре 1237 г. Народ встретил его с шумной радостью, и сам сенатор торжественно вышел ему навстречу.

Корабли привезли голодному городу хлеб и вино, распределение которых по кварталам производилось через священников. Более 10 000 фунтов золота наличными деньгами стоило папе его возвращение и примирение с Римом. Нищета в городе росла; уже Иннокентий III должен был снова ввести в Марках раздачу денег и хлеба, как это делалось в старину, и его биограф насчитывал во время одного голодного года 8000 известных нищих. В Риме существовала многочисленная задолжав-

шая и обедневшая чернь дворянского происхождения, составлявшая главный элемент городских революций; и вообще народ был так беден, что не мог долго переносить отсутствия папской курии с ее богатствами. Может быть, снова осласливленные Григорием IX римляне и в самом деле издали эдикт, согласно которому впредь никакой папа не мог оставлять города.

Тем временем Фридрих II вел победоносную войну с ломбардцами. 1 ноября 1236 г. он взял приступом Виченцу и посадил там синьором самого смелого главу гибеллинов Эццелина, сына Эццелина Монаха. Австрийские дела заставили его в ту же зиму вернуться в Германию, где его второй сын Конрад был избран в Вене римским королем на место свергнутого Генриха. В августе 1237 г. император собрал близ Аугсбурга свое войско для похода в Италию. Он известил сенат, консулов и римский народ о своем возвращении. Сам он прибыл в сентябре, после того как Эццелин уже в феврале занял сильную Падую. Мантуя сдалась 1 октября, и великая победа была при Картенуово 27 ноября отомстила за несчастную битву при Леньяно. Императорские войска разбили там храбрые войска Милана и его союзников при боевом крике: «Miles Roma! Miles imperator!» Империя восторжествовала еще раз.

Казалось, что на кровавом поле Картенуово все было потеряно для итальянского гражданства, — Констанцкий мир и все достигнутое в течение столетия. Император вступил в Кремону вместе с захваченной миланской знаменосной колесницей, которую зез белый слон, а взятый в плен миланский подеста Пиетро Тьеполо, сын венецианского дожа, был выставлен напоказ, прикованный цепями к мачте этой колесницы. Римские послы были свидетелями триумфа императора; они известили его о возвращении папы, а он поручил им действовать в его, императора, интересах.

Полный сознания значения своей победы, он послал римскому народу остатки миланской колесницы и много захваченных знамен для хранения их в Капитолии. Колесница (Sagositum) признавалась в особенности палладиумом городов. Богато украшенная колесница, которую везли волю и на которой возвышалось знамя с золотым крестом и колоколом, вывозилась на поле битвы как священный символ республики и охранялась избранным отрядом воинов, решившихся на смерть. На ее потерю смстрели как на величайшее несчастье или величайший позор для чести города. Фридрих послал этот необыкновенный подарок в сопровождении письма к римлянам, где он говорил тоном древнего триумфатора напыщенными стихами, сочиненными каким-нибудь придворным поэтом в его лагере.

Папа с неудовольствием смотрел на ввоз этих трофеев, но он не мог помешать их торжественной встрече императорской партией. Добыча, взятая у Милана, была выставлена в Капитолии на поспешно воздвигнутых античных колоннах. На них была сделана надпись, которую еще и теперь можно видеть на лестнице консерваторского дворца, где она вделана в стену. Так еще украшали римляне свой покрытый мхом Капитолий знаками победы; но эти трофеи, городской колокол, цепь или замок от городских ворот Тускулума, Тиволи и Витербо и, наконец, колеса знаменитой колесницы вызвали бы громкий смех древних завоевателей вселенной.

Императорской партии одно время удалось взять верх, когда папа в июле 1238 г. опять отправился в Ананьи. С этих пор в Риме иногда бывало по два сенатора, из чего следует заключить, что одного из них назначала гибеллинская партия; впоследствии это сделалось правилом. Между тем гвельфы так хорошо оборонялись, что Григорий IX мог вернуться в октябре 1238 г. и принудить своих противников к покорности. Бывшие до сих пор сенаторами Иоанн Поли и Оддо Петри Григорий ушли, и Иоанн де Юдиче был назначен папской партией единственным сенатором.

Он энергично выступил против гибеллинов и сломал их башни, а с ними вместе и многие прекрасные памятники древности, причем уничтожил, по-видимому, и часть дворца цезарей.

- 2. Неумеренность императора относительно ломбардцев. — Папа отлучает его от церкви, 1239 г. — Фридрих пишет к римлянам. — Его манифест к королям. — Контрманифест папы. — Трудное положение Фридриха II по отношению к тому времени. — Противоречия в нем самом. — Впечатление, произведенное на мир его письмами. — Ненависть к курии за ее денежные поборы. — Группировка партий. — Фридрих переносит войну в церковную область**

Победа при Картенуово не имела ожидаемых последствий. Хотя упавшие духом миланцы и другие горожане обещали полное признание власти империи — вассальное подданство, отказ от Констанцского договора и расторжение союза, но совершенно ослепленный император требовал безусловного подчинения; тогда благородные граждане приняли геройское решение до последнего человека защищать свою свободу. Стойкое сопротивление городов еще раз спасло папство, и скоро император, казавшийся итальянцам лишь безграничным деспотом, увидел, что счастье от него отворачивается. Даже присоединение к нему короля Конрада в июне 1238 г. не принудило Брешию к сдаче; горожане не только выдержали убийственную осаду, но и заставили императора отступить от города, что уменьшило его престиж. Стараниями папы был заключен также союз двух великих морских городов, Генуи и Венеции, тогда как в Риме гвельфская партия снова приобрела господство.

Все это побудило Григория вторично начать борьбу со своим могущественным противником и открыто стать на сторону ломбардцев, хотя он и не имел никакого права вмешиваться в борьбу императора с мятежниками против империи. В казавшийся благоприятным момент он сам вызвал самую ожесточенную из войн, бывших между государством и церковью, и заставил Фридриха, как зачинщика, защищаться. Он еще раз 20 марта отлучил его от церкви без фактических оснований, и на этот раз римляне не мешали ему. Манифестом он объявил всему христианскому миру об отлучении императора и освободил от присяги его подданных. В старательном составленном перечне грехов Фридриха он прежде всего выставляет то, что император подстрекал город Рим к восстанию против церкви, тогда как в действительности он в 1234 г. спас господство Святого престола.

Когда император в Падуе получил известие об этом объявлении войны, он созвал сейм и через своего канцлера Петра изложил в блестящей речи доказательства своей правоты и неправоты Григория; затем он выпустил в свет свой манифест. Римляне он упрекал в том, что они не помешали прометчивому поступку папы: «Нам больно, — писал он им, — что римский священник позволил себе в самом Риме нагло клеветать на римского императора, строителя города, благодетеля народа, и граждане при этом не оказали ему никакого противодействия; нам больно, что во всем роде Ромула, между всеми благородными и квиритами, в числе стольких тысяч, не нашлось ни одного человека, который бы возвысил недовольный голос против сделанной нам несправедливости, а мы еще только что присоединили к бывшей в городе военной добыче от древних триумфов новые трофеи наших побед». Он призывал римский народ единодушно восстать в отмщение общей обиды и защитить императора под страхом в противном случае его немилости.

В тот же день послал он ко всем христианским правителям письма, написанные Петром де Винеис, в которых он оправдывался против обвинений, возводимых на него папой, рассказывал о несправедливостях, которым он подвергался от церкви со времени смерти своего отца, изображал Григория IX как честолюбивого и алчного священника, ложного пророка, недостойного папского сана. Он взывал к правителям, чтобы они соединенными силами противостояли его чрезмерным притязаниям, и апеллировал к созываемому для разбора его жалоб собору.

«Из моря вышел зверь, исполненный имен богохульных, который опустошает все своими лапами, как у медведя, и своею пастью, как пасть льва; телом же он подобен барсу. Зев его отвергается, чтобы извергать хулу на Бога, и не устает произносить такую же хулу на его скинию и на живущих на небе». Такими апокалиптическими аллегориями начинал Григорий свой контрманифест от 21 июня. Эта знаменитая энциклика, в которой гнущая ненависть облечена в торжественность ветхозаветных форм речи, есть один из самых замечательных памятников великой борьбы между империей и папством, римского высокомерия и опьяненной ненавистью страсти священства, его, подобной грому труб, прорицающей речи и его могучей энергии. Григорий старался опровергнуть все обвинения Фридриха, но только здесь в первый раз он обвинял его также в посягательстве на духовную власть и публично клеймил его как богоотступника.

Новое положение, достигнутое папством через иннокентьевское церковное государство, с одной стороны, и новое положение, приобретенное в Италии Штауфенским домом через сицилийское наследство, — с другой, сделались вместе с Ломбардией практическими причинами страшного раздора: церковное государство явилось выражением не только гвельфско-национального направления папства, но и его светской власти вообще; Сицилия была реальной основой для гибеллинской, имперской, идеи. Папы требовали себе верховного ленного права на это королевство, а император сделал его независимым от ленной связи с церковью; папы шли наперекор его намерениям; соединившись с гвельфской национальной партией, они старались помешать осуществлению Гогенштауфенского плана объединения Италии. Исходя из этих причин, борьба новой, созданной Иннокентием III папской монархии с новой императорской монархией разгорелась сильнее прежнего, и исконный разлад тиары и короны возрос в еще более страшном виде как противоречие вообще между политическими стремлениями и духом церкви. Этот доведенный до крайности контраст мог разрешиться только борьбой. Для Фридриха II дело шло о том, чтобы на будущее время отделить светскую власть от духовной, лишить папу всякого политического влияния и отнять у церкви светское владение. Разделение двух властей, этот великий гибеллинский принцип, на котором держится всякая гражданская и политическая свобода, равно как и свобода совести отдельных лиц, вообще все дальнейшее развитие человеческой культуры, было провозглашено с большой решительностью; это и была та реформа, к которой он призывал Европу. Он не мог достичь победы, потому что граждане и дух народа вообще были на стороне папства, а монархический дух в Европе тогда еще не созрел.

Если бы великий представитель светских прав, призывавший к себе на помощь королей, нашел себе поддержку в городских сословиях, то папская власть уже тогда была бы разрушена; если бы идеи евангельских еретиков проникли в сознание со-временников, то разрозненные элементы ереси уже в то время соединились бы в великое течение Реформации. Но Фридрих был врагом демократии и в то же время жег еретиков на кострах. В нем не было никакого реформационного духа в позднейших столетиях; человечество не могло быть охвачено таким духом в то время, когда господствовали верование в папство, инквизиция и энтузиазм Франциска и Доми-

ника; когда тщеславный монах-проповедник вроде Петра Амиенского или Фулько из Нельи мог торжествовать триумфы красноречия; когда его слово в один час при-водило к примирению многие тысячи враждующих граждан, трогало даже такого человека, как Эццелин, и признавалось могущественными городами за равное закону изречение оракула; в то время, когда сам Фридрих, даже в разгар сильнейшей борьбы его с папой, без всякой критики, спокойно признавал за истину притчу о двух небесных светилах, большем и меньшем, т. е. священстве и императорской власти. Естественными свойствами его эпохи больше, чем его собственными, объясняются странные противоречия в характере великого императора, который, будучи отлучен от церкви, предпринимал крестовый поход, сажал за один стол сарацин и епископов, сжигал миноритов и доминиканцев как друзей папы и еретиков как его врагов, был торжественно принят в общество цистерцианцев в Казамари и собственноручно возложил венец на мощи святой Елизаветы в Марбурге; который, подобно Арнольду Брешианскому, считал богатства церкви противными христианскому учению, а между тем его регесты наполнены жалованными дипломами церквям и монастырям и льготными грамотами о епископской юрисдикции.

Один английский хроникер описал впечатление, произведенное манифестами Фридриха в Германии, Англии и Франции. Британская нация была глубоко оскорблена своей неестественной ленной зависимостью от Святого престола, обвинительным приговором папы против великой хартии, наконец, бессовестным высасыванием ее имущества через назначение пенсий римскому духовенству, церковной десятины и налогов в пользу крестовых походов. Фридрих, говорили англичане, своей победой над Оттоном IV оказал большую услугу папе, чем сколько сам был ему обязан. Он не выказал себя еретиком, он писал папе вполне в тоне католического смирения; он восставал против его личности, а не против его сана; английская церковь ежедневно высасывается римлянами; но император никогда не присылал к нам ростовщиков и грабителей наших доходов. Однако тот же писатель признавал, что влияние папской энциклики было очень велико, а влияние императорского манифеста настолько ослабело, что весь христианский мир поднялся бы на Фридриха как на врага церкви, если бы алчность курии не уменьшила благоговения к ней народов. Мнение мира разделилось; но короли с удовольствием смотрели на ослабление империи, и, несмотря на сопротивление терявших свои доходы епископов, деньги из всех христианских источников продолжали по-прежнему притекать в кассу Латерана. Фридрих безуспешно жаловался на своего шурина Генриха III за то, что он разрешал в Англии добровольные сборы, с помощью которых папа покрывал расходы на войну с ним.

Хотя булла об отлучении Фридриха была беспрепятственно обнародована во Франции и даже в Англии, однако Григорий не нашел ни одного владетельного князя, который бы согласился служить ему в качестве антикороля против великого монарха, слава которого распространяла свой блеск на весь мир. Но и Фридриху не приходило на ум выставить антипапу. В церкви, объединенной и укрепленной Иннокентием III, раскол был невозможен. Исход борьбы зависел теперь главным образом от ломбардского союза. Милан и Болонья были еще твердыми опорами папства в Северной Италии. За него были союзные Генуя и Венеция, Аццо д'Эсте, граф С.-Бонифацио, Павел Траверсари в Равенне и Альберих ди Романо, отпавший от императора брат Эццелина; все это были вожди гвельфов. Из умбрийских и тусцийских городов большая часть была на стороне папы. За Фридриха выступили Эццелин с Падуей, Виченцей и Вероной; другие города, как Феррара, Мантуя, Модена, Реджио и Парма; старый герой Салингерра, который скоро сошел со сцены; маркграфы Палавичини и Ланчия; а также Энцо, молодой побочный сын Фридриха, король Торре и Галлуры в Сардинии, которого Фридрих 25 июля

1239 г. назначил имперским правителем Италии и который начал в это время свой короткий и блестящий жизненный путь.

Когда посредничество немецких епископов не удалось, в особенности вследствие того, что гермейстер Тевтонского ордена Конрад в июле 1240 г. умер в Риме, тогда оба противника начали войну. Фридрих решил смотреть на церковь только как на враждебную ему политическую силу и задумал совершенно разрушить ее организацию внутри государства. Беспощадное преследование было карой за сопротивление епископов и низшего духовенства в сицилийском королевстве, а происки признанных вне закона нищенствующих монахов наказывались смертью, заточением или изгнанием; церковные же имущества всюду конфисковывались или облагались налогами. Эта участь постигла, между прочим, богатое аббатство Монте-Касино, которое было вполне секуляризовано. Предоставив своему сыну Энцио покорение Марки Анконы, император решил сам перенести войну в Церковную область и подобно Генриху IV или V уничтожить своего врага в Риме. Город Рим через это приобретал исключительную важность. Император, говорили при дворе Григория IX, поклялся сделать папу нищим, бросить святыню псам и обратиться в конюшню честнейший храм Св. Петра — пророческие угрозы, которые Фридрих не осуществил, если он даже когда-нибудь и высказывал их, но которые в гораздо позднее время при императоре Карле V были буквально выполнены на деле.

3. Города Церковной области переходят на сторону Фридриха. —
Он основывает свою резиденцию в Витербо. — Отчаянное положение
папы. — Почему Рим остался гвельфским. — Великая процессия
Григория IX. — Отступление Фридриха II. — Перемирие. — Нарушение
его папой. — Отпадение кардинала Иоанна Колонна. — Григорий созывает
собор. — Взятие в плен прелатов у Монте-Кристо, 1241 г. — Татары. —
Безуспешные переговоры. — Анибальди и Одо Колонна — сенаторы. —
Матеус Рубеус Орсини — единственный сенатор. —
Фридрих блокирует Рим. — Смерть Григория IX, 1241 г.

В феврале 1240 г. император вступил в Церковную область, заявив открыто о своем намерении включить ее снова в состав империи. Многие города Умбрии, Сабинны и Тусции отворили ему свои ворота, и даже Витербо, до сих пор бывший вернейшим союзником папы, восстановившего его стены, отпал от церкви, не столько из расположения к императору, сколько из ненависти к Риму, остававшемуся на стороне папы. В нем Фридрих и установил свое местопребывание. Корнето также подчинился ему, а в Кампаньи с ним в союзе была гибеллинская партия в Тиволи. Он написал всем своим верным сторонникам, что настроенная в пользу империи палата Витербо с радостью приняла его, что все города в области Рима и Маритимы приняли подданство, а сын его Энцио в то же время овладел Маркой Анконой. «После этого мне ничего не остается, — говорил он, — как с триумфом вступить в город, где весь римский народ ожидает меня, восстановить снова древнюю власть империи и увенчать лаврами моих победоносных орлов». В напыщенных выражениях писал он к римлянам, как писали и до него многие другие императоры, обещал им возобновление их древней славы и приглашал их немедленно прислать к его двору своих проконсулов Наполеона, Иоанна Поли, Оттона Франджипане и Анджеоло Малабранка, чтобы он мог дать им отличия: имперские звания или наместничества. Император был близок к своей цели: только два дневных перехода отделяли его от Рима, где судьба Григория IX, как некогда Григория VII, всецело зависела от об-

раза действий римлян. Франджипани (которым император еще в 1239 г. позволил восстановить их башню у арки Тита, а Оттона и Мануила одарил именьями в Неаполитанской области) предводительствовали там гибеллинами; но папская партия имела перевес, потому что Конти, Орсини и Колонна все еще стояли единодушно на стороне Григория. Благодаря этому папа в ноябре 1239 г. мог спокойно возвратиться в город и снова изрек проклятие на Фридриха.

Мужество старика, которому нечего было ждать от жизни, который не оставлял после себя наследников и сам был воплощенным принципом своей церкви, не представляет ничего удивительного, но поведение римлян могло бы удивлять, если не принять во внимание, что у них были серьезные причины, заставлявшие их держать сторону скорее папы, чем императора. Если бы Фридрих II овладел Римом, то он тотчас же уничтожил бы устав Капитолия и превратил сенатора в своего управителя. Господство папы в Риме было мягко и слабо, господство же императора, отъявленного врага всякой городской автономии, который при Витербо сражался с самой римской республикой и во всякий момент мог передать ее снова папе, не было таким. Этим объясняется, почему римляне не воспользовались случаем восстать против владычества Святого престола, которое они, против воли, принуждены были признать в 1235 г. Патриоты стали на сторону Григория IX, и таким образом, в силу этих обстоятельств папа еще раз сделался настоящим представителем и защитником национальной самостоятельности Рима.

Правда, гибеллины поднялись смелее, как только императорские войска подошли к воротам города. Множество голосов кричали: «Император! Император! Мы сдадим ему город», и Григорий IX мог ожидать окончательного отпадения непостоянного народа, который уже много раз изгонял его. В такой крайности он устроил 22 февраля торжественную процессию, при которой реликвии Святого Креста и головы апостолов были перенесены из Латерана в храм Св. Петра. Положив их на главный алтарь, папа снял с головы тиару, положил ее на них и воскликнул: «Вы, святые, защитите Рим, который римляне хотят предать». Это произвело ожидаемое действие на толпу, которая легко трогается мистериями и театральными сценами. Многие римляне из собственных рук папы взяли крест, чтобы идти с ним против императора как язычника и сарацина. Фридрих, бывший вблизи, в Витербо, смеялся над числом и положением этих крестоносцев, которые должны были испытать его самый тяжелый гнев, попадая в его власть, но Григорий был убежден, что внешне-запное обращение римского народа было действием небесного чуда. Император, войско которого было слишком слабо, чтобы успешно атаковать Рим, увидел, что его надежды не сбылись. 16 марта он из Витербо ушел в Апулию и только в письмах выражал свое недовольство римлянами. Летом он двинулся в Марки, не трогая римской Кампаньи. Он согласился даже на перемирие с папой, но отказался включить в него ломбардцев. Склонные к миру кардиналы, среди которых умеренные составляли сильную оппозицию, требовали созвания общего собора, который решил бы спор. Тем временем полученные папой большие денежные средства неожиданно дали ему возможность еще в течение года покрывать военные издержки, вследствие чего он объявил о прекращении перемирия, которого он ранее сам добивался. Кардинал церкви Санта-Прасседе Иоанн Колонна, бывший посредником при заключении перемирия, счел свою честь оскорбленной и с этого времени открыто перешел на сторону императора. С него начался решительный поворот его знаменитого дома в сторону гибеллинов. Иоанн был второй кардинал из рода Колонна; он был любимцем Гонория III, а при Григории IX несколько раз был легатом и еще в 1239 г. был послан в Марку Анкону, чтобы вести борьбу с Энцио. В коллегии кардиналов этот гордый и богатый магнат был самым влиятельным лицом. Его от-

падение не могло быть приписано алчности или злобе, но было протестом против властолюбия Григория, страстность которого увлекала церковь на гибельный путь. «Такие признаки, — восклицал английский летописец, — ясно показывают, что римская церковь навлекла на себя гнев Божий; ибо ее правители заботятся не о душевном спасении народа, но о наполнении собственных кошельков; они стараются приобрести не души для Бога, а ренты для себя; они притесняют священников и посредством наложения церковных штрафов, ростовщичества, симонии и множества других ухищрений нагло захватывают себе чужое добро».

За возмущением кардинала последовал еще более жестокий удар для папы. 9 августа 1240 г. из аббатства Гротта Феррата он созвал в Рим собор на ближайшую Пасху. Мысль о соборе исходила от императора, но теперь уже Фридрих не мог допустить судебного решения трибунала, заранее неприязненно к нему настроенного, тогда как его победоносное оружие сделало его господином большей части Северной и Средней Италии и когда его враг находился в самом стесненном положении, а сам он был полон надежды продиктовать условия мира в Риме. Поэтому он послал духовенству письменные извещения, в которых запрещал ему ехать на собор, настойчиво отговаривал его от этого и отказывал ему в охране безопасности. Замечательное письмо одного независимого клирика рисует нелестную для Рима картину опасностей, ожидавших епископов в самом городе. «Как можете вы, — говорит он, — быть в безопасности в Риме, где все, граждане и духовенство, ежедневно сражаются за и против обоих противников. Жара там невыносимая, вода гнилая, пища грубая и сырая; воздух там можно ощупать руками, и он кишит москитами; всюду множество скорпионов; народ грязен и отвратителен, полон злобы и бешенства. Под всем Римом выкопаны пещеры, и из катакомб, наполненных змеями, подымается ядовитый и смертоносный туман».

Многие прелаты Испании, Франции и Верхней Италии, несмотря ни на какие опасности, не отказались от путешествия в Рим. Легат Григорий из Романьи, кардиналы Иаков Пекорарио из Пренесте и Оттон (церковь Св. Николая) собрались в Генуе. Путешествие со слепой самоуверенностью было предпринято на генуэзских кораблях и продолжалось до тех пор, пока на высоте мыса Мелорна они увидели паруса Пизанской республики и сицилийского флота, которые с боевыми намерениями шли к ним навстречу. Знаменитое морское сражение 2 мая 1241 г. возле островов Монте-Кристо и Джиглио было одним из самых удивительных зрелищ, когда-либо виданных на море. Более ста прелатов, кардиналов, епископов и аббатов были трепещущими зрителями смертоносного боя и вместе с тем являлись его целью и наградой победы. После того как генуэзские галеры были рассеяны и вместе с войсками и прелатами отчасти были потоплены, отчасти взяты в плен, императорский адмирал со своей добычей, торжествуя, направился в Неаполитанский залив. Несчастные священники в течение трех страшных недель плыли по морю, в оковах, страдая от жары, голода, жажды и насмешек грубых матросов, пока не достигли темниц Неаполя или Сицилии. Здесь они повесили, как жаловался вместе с ними папа, арфы свои на плакучих ивах Евфрата и стали ждать приговора фараона.

Захват духовных лиц обратил на себя общее внимание и наделал много шума; церковь никогда не простила императору этого «безбожного посягательства». Он получил в Имоле известие об этом смелом нападении, освободившем его от собора. Счастье покровительствовало его знаменам: Генуя была унижена, Милан побежден верными павийцами, Беневент завоеван, геройская Фаэнца после долгой осады пала 14 апреля. Поэтому Фридрих решил, вместо того чтобы осаждать Болонью, снова идти на Рим; Фано и Сполето покорились ему в июне, и, двигаясь через Рие-

ти и Терни, он подошел к Риму, к чему его побуждал кардинал Колонна. Так война между папой и императором разгорелась новым пламенем, и насколько она была бедственна для Европы, видно было из того, что как раз в это время, к стыду ее, пришло известие о нападении с Востока диких варваров. Татарские орды Октая паде тот страх, который некогда предшествовал гуннам. Христианский мир умолял императора и папу о спасении, но, к своему глубокому стыду, слышал от папы проповедь крестового похода против императора, а от императора — что он лишь тогда может пойти против татар, когда принудит к миру папу. В июне 1241 г. он написал римскому сенату, что им получено уведомление о наступлении татар на границы империи; он идет форсированным маршем, чтобы заключить мир с папой; город должен восстать и помочь ему, чтобы он после окончания итальянских смут мог отвратить от империи безрассильное бедствие.

Он отправил посланцев к папе; даже его родственник Ричард Корнваллийский, возвратившийся в июле с Востока, был в Риме в качестве посланника, но не нашел доступа к Григорию. Этот непреклонный старик хотел, подобно Григорию VII, скорее умереть, чем уступить. Несмотря на отпадение кардинала Колонна и его дома, у него еще были друзья в Риме. Правда, в начале 1241 г. Анибале дельи Анибальди и Оддо Колонна, племянник кардинала, занимали должности сенаторов; следовательно, императорская партия с этого времени стояла рядом с папской, но так как эти сенаторы в марте снова утвердили мирный договор 1235 г., то из этого следует, что Григорий все-таки оставался господином в городе. Ему даже удалось в мае 1241 г. перенести новый выбор сената на Орсини, противников Анибальди и Колонна и вождей гвельфов: Матеус Рубеус сделался единственным сенатором. Этот знаменитый человек, бывший когда-то покровителем св. Франциска, был сын Иоанна Гаэтани Орсини и Стефании Рубеа, внук Урсуса, родоначальника их дома. Он сам был родоначальником могущественного рода, который разделился на много ветвей. Его сыновья и внуки наполняли римские летописи своими именами и делами на папском троне в звании кардиналов и в сенаторском кресле в Капитолии.

Если Рим остался верен папе, то он был обязан этим исключительно неумолимому рвению главы гвельфов. Опасность была велика, так как гибелины восстали при известии о победах Фридриха. Кардинал Колонна, призывавший их к восстанию, и бывший сенатор Оддо укрепили свои дворцы в термах Константина и гробницу Августа, которая под простонародным названием *Лягушта* снова в это время появляется после долгого забвения. Она еще в старину была ядром принадлежавших Колонна укреплений на Марсовом поле, к числу которых принадлежало также близлежащее *Monte Citorio* (*Mons Acceptorii*). Матеус Рубеус повел свои дружины на штурм этого мавзолея, где, может быть, находился сам Оддо, тогда как кардинал был в Палестрине, откуда он занял для императора Монтичелли, Тиволи и Луканский мост на Анио. Фридрих удивлялся, найдя в кардинале такой воинственный дух и такую сильную себе поддержку; следуя его призыву, он пошел в Тиволи, который добровольно отворил ему ворота. Войска его опустошили всю страну от Монте Альбано и Фарфы до Латинских гор. Он велел разрушить Монтефортино, укрепленный племянниками Григория IX, Конти, и из ненависти к папе приказал заковать пленных. Только одна разрушенная башня осталась здесь как памятник его мести. Отсюда в сопровождении кардинала он отправился в замок Колонна и в конце августа был в Гротта Феррата. С этой возвышенности, на которой раньше стояли лагерь Генрих IV, Генрих V и Барбаросса, он хотел взять город силой или голодом. Рим лежал вблизи перед ним, окутанный лихорадочно-влажными летними туманами, а его враг томился в палатке неподвижной атмосфере августа месяца.

В это время в его лагерь прибыли гонцы с вестью: папа умер! Если верно, что Григорий IX достиг почти ста лет, то он был готов к смерти в любой час каждого времени года; но заключение в Риме в августе месяце может справедливо считаться непосредственной причиной его смерти. Церковь назвала его жертвой императора. Уходя из мира, этот непреклонный старец был похож на генерала, умирающего в своих окопах на виду у врага. На своем смертном одре он видел этого врага, победоносно стоящего вместе с вероломным кардиналом у ворот Рима, и его прощальный взгляд падал вблизи на развалины церковного государства, а вдали — на разрушение христианских стран, обращенных татарами в дымящиеся пустыни. Григорий IX умер 21 августа 1241 г. в Латеране.

4. Фридрих возвращается в свое королевство. — Избрание и скорая смерть Целестина IV. — Кардиналы рассеиваются. — Церковь остается без главы. — Союз Рима, Перуджии и Нарни, 1242 г. — Римляне идут на Тиволи. — Фридрих опять идет против Рима. — Основание Флагелл. — Фридрих снова в Латинских горах. — Альбано. — Ариция. — Via Appia. — Неми. — Чивита Лавиния. — Генцано. — Дом Пандульфи. — Местности на Тускуланской стороне гор. — Гротта Феррата. — Тамошние бронзовые статуи

Чтобы показать миру, что он вел войну только с Григорием IX, а не с церковью, император тотчас прекратил военные действия против Рима. В сентябре он вернулся в Апулию. Между тем десять кардиналов находились в городе в беспомощном и небезопасном положении; сенатор, как глава республики, запер их всех в Септиционии, чтобы принудить их к скорому выбору. После долгих раздоров между григорианцами и членами умеренной оппозиции, которые советовали покориться императору, после мучений заточения, сходного с тюремным и даже стоившего жизни одному кардиналу, избранным 1 ноября 1241 г. оказался миланец Готфрид, епископ Сабины, под именем Целестина IV. Но этот болезненный старик уже через семнадцать дней умер; вероятно, кардиналы выбрали его в качестве переходного папы.

Престол св. Петра оставался пустым, как после смерти Григория VII; римляне шумели; сенатор грозил новым заточением. Был ли это упадок духа, или рассчитанный план обратить народное мнение против Фридриха как виновника такой безграничной смуты, только несогласные кардиналы покинули церковь в самом бедственном состоянии. Они заперлись кто в Ананьи, кто в своих замках. Следствием этого было то, что папский престол оставался незанятым в течение неслыханно долгого времени, так что церковь почти два года была без главы. Сенатор Матеус Рубеус остался на бреши, покинутой трусливыми кардиналами. Под его знамена собрались все друзья папства. Они повели удачную войну против гибеллинов, главное укрепление которых, мавзолей на Марсовом поле, уже в августе было взято и разрушено. Народ разрушил дворцы Колонна, схватил и заключил в тюрьму кардинала, так как этот самый могущественный сторонник императора прибыл в Рим на выборы папы и остался там после избрания Целестина IV.

Матеус Рубеус приобрел союзников также и вне Рима; он заключил с Перуджией, Нарни и другими гвельфскими городами союзный договор, согласно которому эти общины обязались стоять заодно против императора и не заключать с ним мира до тех пор, пока будет продолжаться война между ним и церковью. Этот союзный договор был заключен 12 марта 1242 г. у церкви Св. Марии в Капитолии. Между тем Фридрих II не делал никакой серьезной попытки овладеть Римом. Еще

полстолетием раньше каждый император, находясь в его положении, взял бы город силой, возвел бы в папы кого-нибудь из полновластной патрицианской аристократии и продиктовал бы ему мирные условия; но Фридрих не мог этого сделать. С его стороны было, по-видимому, ошибкой не освободить всех захваченных во время морского сражения прелатов, в числе которых находились еще два кардинала Иаков и Оттон. Такой великодушный поступок принес бы ему больше пользы, чем могла дать отсрочка избрания папы, которого он наконец должен был сам желать, чтобы заключить с новым папой мир, в котором Фридрих крайне нуждался.

В феврале 1242 г. он отправил послов к кардиналам, собравшимся в Ананьи, чтобы уговорить их приступить к избранию папы; тогда же он велел перевезти обоих пленников из их тюрьмы в Капуе в Тиволи. Сам он не вступил бы так скоро в римские пределы, если бы к этому не побудили его сами римляне, так как они в июне 1242 г. выступили с войском против Тиволи, в котором император оставил гарнизон под начальством Фомы де Монтенигро. Ввиду этого Фридрих пошел в Марсийскую область и расположился лагерем возле озера Челано на тех полях, где всего через 26 лет его славный род в лице его внука нашел свою гибель. Он так же мало это предчувствовал, как и сопровождавший его в Авеццано молодой граф Рудольф Габсбургский мог предвидеть, что он сам наденет императорскую корону после падения Гогенштауфенов.

В июле Фридрих снова двинулся на Рим, опять раскинул свой лагерь в Альбанских горах и наказал римлян опустошением Кампаньи, как за их неприязненные действия против Тиволи, так и за насилия, учиненные ими над кардиналом Колонна и другими духовными лицами, сторонниками империи. Однако и теперь его предприятия не имели серьезного характера, так как уже в августе он возвратился за Лирис, на берегу которого, против Чепрано, он год тому назад заложил новый город Флагеллэ.

Христианский мир видел церковь без папы; великая духовная монархия, казалось, превратилась в олигархию, так как курия из немногих пребывавших в Ананьи кардиналов осуществляла церковную власть. Слышны были многие голоса, обвинявшие их в измене из корыстолюбия и властолюбия, тогда как сами они сваливали всю вину на императора. К нему и к курии отправлялись умоляющие и угрожающие посольства, и сам Фридрих настоятельно требовал от кардиналов, чтобы они наконец избрали главу церкви. Он еще раз пришел с большим войском в мае 1243 г., вступил около Чепрано в Латинские горы и опустошил имения кардиналов; его сарадины даже разрушили до основания город Альбано.

Печальная гибель этого епископского города дает нам повод бросить взгляд на тогдашнее состояние этой горной страны, где когда-то на берегу вулканического озера находилась Альба-Лонга, баснословная метрополия Рима. В то время, когда на этих высотах стоял лагерь Фридриха II, уже существовали почти все замки, которые там находятся в настоящее время. Альбано возник еще во времена упадка Римской империи из развалин известной виллы Помпея, перешедшей потом к Цезарю (Albanum Caesaris). Мы видели раньше, что этот город был резиденцией Латеранского епископа, потом мы неоднократно встречались с ним во время готских войн. Ни римским баронам, ни городу Риму не удалось взять его в свое владение, хотя в XII веке римляне несколько раз нападали на Альбано, а один раз даже сожгли его. Во времена Пасхалия II это поселение составляло собственность папы, и Гонорий III в 1217 г. подарил его тамошнему кардиналу-епископу. В это время род Савелли, покровителем которого был Гонорий III, владел там, кроме замка Сабеллум, также многими другими именьями, а в конце XIII века получил баронство в Альбано.

Маленькая Ариция была еще в первобытные времена известна как один из древнейших городов латинского союза. Она была родиной Августа или его матери Аттии и славилась своим святилищем Дианы Арицины. Варвары разрушили старинное поселение, но оно вновь возникло в 990 г. в виде замка, в котором Гвидо из Тускуланского дома был герцогом. Пасхалий II в начале XII века отдал Арицию во владение этому графскому роду, от которого она перешла к Малабранкам. Гонорий III снова возвратил ее церкви, чтобы дать ее в удел родственникам своего дома. Положение обоих этих поселений на Via Appia не давало еще им большого значения; так как эта знаменитая дорога сделалась непроходимой для войска, то сообщение между Неаполем и Римом давно уже производилось по Via Latina от Капуи на С.-Джермано и Чепрано или через Марсийскую область по Валерии от Альбы на Карсоли и Тиволи. Аппиева дорога, разрушенная и заболоченная, никогда не обратилась из военной дороги, какой она была еще в готские времена, в дорогу для крестоносцев. Когда пилигримы с Востока высаживались в Бриндизи, то они от Капуи шли по другим дорогам. Многочисленные почтовые станции, тщательно отмеченные между Капуей и Римом в путеводителе Антонина и в иерусалимском расписании для путешественников, давно уже были заброшены и разорены.

Фридрих мог еще видеть на берегах Альбанского озера более многочисленные остатки гробниц, храмов и вилл, чем сколько их там находится теперь. Знаменитый союзный храм Юпитера Latiaris еще стоял на вершине Альбанской горы в виде больших развалин, но древний Mous Albanus получил уже название Monte Savo. Тогда еще показывали остатки храма Арицинской Дианы или знаменитого Немуса — рощи, посвященной этой богине, в кратере, где находится красивое озеро, окаймленное фиалками, на берегу которого расположен теперь городок Неми. Это святилище Дианы после падения Римской империи стало церковным владением (Massa Nemus), а позже Тускуланские графы построили там укрепленный замок.

Вблизи Альбано еще существовал Ланувиум, родина Антонина Пия, или в виде развалин, или же на развалинах древнего города возник новый Чивита Лавиния. Генцано возник, кажется, из древнего Fundus Gentiani, где впоследствии род Гандульфи построил башню. Эти владетели с герланским именем Гандольф были, кроме графов Тускуланских, единственными баронами, основавшими свое владение в этой местности Латинских гор. Они водворились рядом с Альбано на развалинах императорской виллы и построили там замок, который еще и теперь носит их имя. В начале XIII века это был многочисленный владетельный род, который, однако, исчез уже к концу этого века, и тогда Кагель-Гандольфо перешел во владение Савелли. Старинная Turris Gandolphorum только со времени Урбана VIII превратилась в известную папскую виллу, единственную загородную дачу, принадлежащую теперь папе в Латинских горах.

Таким образом, Савелли приобрели со времен Гонория III много имений вокруг озер Альбанского и Неми. Против них, на другой стороне тех же гор, Колонна, наследники Тускуланских графов, уже издавна владели именьями и замками. Кроме их родового замка Колонна, им принадлежал также Монте-Порцио. Некоторые известные и старинные замки в долине, прорезывающей Латинские горы, когда-то принадлежавшие Тускуланским графам, еще существовали, как, например, Альгид, на знаменитой, посвященной Диане, горе того же имени, представляющий в настоящее время груды развалин, или Молара, древняя Роборария, которая в XIII веке перешла к Анибальди и название которой сохранилось теперь только в форме Массарии. Тускулум во время Фридриха II уже 50 лет лежал в развалинах, и его бывшие жители населили другие более старинные города, как, например, Рок-

ка ди Папа, упоминавшийся уже во времена Люция III, Рокко Приора (Агх Ренжуае), Монте Компатри или Фраскати и Марино.

В то время как Колонна, Анибальди и Орсини владели Тускуланской стороной гор, там продолжал процветать греческий монастырь Св. Нила, Гротта-Ферраты, — одно из наиболее значительных аббатств римской области. Владение базилианских монахов простиралось на большую часть гор и на Понтийские болота до Неттуно. Они охотились за дичью для своего стола, ловили щук, стерлядей и миног в озере Фолиано, в озере Турнус возле Арден, в Остийском бассейне и в Тибре до Мармораты. На цветущих склонах этих гор Фридрих II неоднократно разбивал свой лагерь. Его пылкий взгляд заметил у монастырской церкви две бронзовые статуи, изображавшие человека и корову и служившие для украшения монастырского колодца. Он велел отправить обе древности, остатки античной виллы, в качестве военной добычи, чтобы украсить ими свою сарадинскую колонию Лучерию.

ГЛАВА VI

1. Избрание Синибальдо Фиески папой под именем Иннокентия IV, 1243 г. — Мирные переговоры. — Папа прибыл в Рим. — Отпадение Витербо от императора, приступы которого к этому городу отбиты. — Анибальди и Наполеон Орсини, сенаторы. — Прелиминарный мир в Риме. — Император отступает от Рима. — Бегство папы в Геную, 1244 г.

В течение нескольких недель император держал Рим в осаде, пока кардиналы стали его просить приостановить опустошения, так как они скоро собираются приступить к выбору папы. Еще в августе предыдущего года он освободил кардинала Оттона, теперь же, в мае, отпустил также и Иакова Пренестского и многих других захваченных им прелатов и в половине июня возвратился в свое королевство и выжидал там результата выборов. Впрочем, относительно последнего, надо думать, между ним и кардиналами состоялось соглашение. Наконец, 25 июня 1243 г. они провозгласили в Ананьи папой церкви кардинала С.-Лоренцо в Люцине. Синибальдо Фиески принадлежал к генуэзскому дому графов Лаванья, которые, получив от императора ленные права, считались имперскими магнатами. Он считался одним из лучших ученых юристов своего времени, но в политических делах церкви ничем особенным не выделялся. Воспоминание о несчастной морской битве 3 мая было первоначальной причиной избрания Фиески папой Иннокентием IV. Генуя была вознаграждена этим избранием, а новый папа приобрел сильную поддержку в морском могуществе своего родного города. Будучи кардиналом, он находился в дружественных отношениях с Фридрихом, который уважал его как прелата, склонного к примирению, почему и не имел прямой причины относиться с недоверием к его выбору. Во всяком случае это был мастерский ход, делавший честь благоразумию кардиналов. Если верно, что император, получив известие о выборе Синибальдо, сказал: «Я потерял доброго друга между кардиналами, потому что никакой папа не может быть гибелином», то, значит, он правильно предусматривал будущее; если же эти слова и не были сказаны, то они превосходно выражали историческое положение вещей.

Изнемогая под тяжестью столь долгих военных походов, Фридрих желал примириться с церковью, тем более что твердость образа действий относительно Рима не привела его к желанной цели. Он поспешил поздравить нового папу и высказал надежду, что через посредство Иннокентия IV, бывшего его добрым другом, а те-

перь ставшего папой, прекратится долгая распря. Он послал адмирала Ансальдо да Маре и своих верховных судей Петра и Таддеуса в Ананьи и в то же время встретил в Мельфи мирных посланников папы.

После своего посвящения 28 июня Иннокентий IV оставался еще в Ананьи, потому что тут он был близко от императора, с которым велись оживленные переговоры. Только в конце жаркого времени года, 16 октября 1243 г., он отправился в Рим, где Матеус Рубеус все еще был сенатором. Римляне смотрели на нового папу с любопытством и корыстолюбивым ожиданием, а он не доверял им, потому что долгий промежуток времени, в течение которого Матеус управлял республикой как владетельный князь, должен был приучить их к независимости. Как только папа прибыл в Латеран, так спокойствие его было нарушено навязчивостью кредиторов, требовавших обратно ссуду в 40 000 марок, данную одному из его предшественников. Толпы римских купцов целыми днями наполняли своим криком залы папского жилища. Это было удивительное зрелище: папа, уже водворившийся в Риме, не может спастись от кредиторов и должен скрываться в своих покоях, пока не удовлетворит крикунов.

В Рим Иннокентий IV был вызван преимущественно происшествием, которое грозило внести расстройство в мирные переговоры. С 1240 г. император был владельцем Витербо; граждане этого города, отдавшиеся ему из ненависти к римлянам, служили добровольцами в его войне во время двукратной осады Рима, как из той же ненависти они служили когда-то и под знаменами Барбароссы. В июле 1242 г. они подошли совсем близко к городу и там разрушили замок Лангешу; в июне 1243 г. они еще раз удовлетворили свою жажду мести на Кампани. Выбор папы объединил теперь обессиленных гвельфов вокруг нового главы и возвратил им мужество также и в Витербо. Фридрих построил здесь укрепленный императорский дворец, и это угрожало гражданам постоянным порабощением. Его военачальник Симон, граф Киети, жестоко подавил энергичное сопротивление противной партии и наполнил замок арестованными. Поэтому жители Витербо требовали его отозвания, а в то же время предводитель гвельфов Райнер, из дома Гатти, втайне собирал вокруг себя заговорщиков. Он вел переговоры с кардиналом Райнером Капоччи, который был легатом в Тусции, где Фридрих присоединил все папские владения к империи и назначил их правителем графа Рихарда Казертского. Витербо, утомившись владычеством императора, поднял в августе 1243 г. гвельфский клич: «Церковь! Церковь!» Заговорщики призвали из Сутри кардинала Райнера и тусцийского пфальцграфа Вильгельма и 9 сентября отворили им городские ворота, после чего граф Симон был заперт и осажден в замке С.-Лоренцо. Райнер, тот самый энергичный кардинал, который за много лет перед тем в союзе с императором защищал Витербо против римлян, принял присягу на верность церкви и заключил союз с римской республикой.

Заключенные в замке настойчиво звали на помощь Рихарда Казертского и самого Фридриха; император немедленно явился и с 8 октября начал осаду этого важного города, в котором граф Симон находился в самом стесненном положении. Иннокентий IV после некоторого колебания одобрил переворот, происшедший в Витербо; он послал своему предприимчивому кардиналу денег, увещевал римлян идти на помощь жителям Витербо, ободрял последних держаться твердо и собирал войска. Таким образом, папа уже во время мирных переговоров находился в войне с императором. Правда, теперь дело шло о том, чтобы вновь овладеть городом, находившимся в пределах признанного по договору церковного государства и имевшим неоспоримое право снова присоединиться к церкви. Римляне, когда-то бывшие злейшими врагами, а теперь ставшие союзниками Витербо, охотно выступили, чтобы овладеть добычей, в то время как император, подкрепленный 6000 человек, ко-

торых ему привел из Тосканы Пандольф де Фазанелла, энергично повел осаду оставшегося города. Осада Витербо является достопамятным эпизодом в истории римского Средневековья. Маленькая тусцийская община, защищаемая одетым в броню кардиналом, покрыла себя военной славой, подобно Брешии. Все приступы были отбиты, а искусная вылазка, сделанная в ноябре, во время которой были сожжены осадные машины, подвергла опасности самого Фридриха и заставила его отойти от Витербо. Великий император в пылу негодования затворился в своей палатке. Он согласился на предложения, сделанные ему от имени папы прибывшим в лагерь кардиналом Оттоном, который раньше был его пленником и в плену был лично оценен им. Он снял осаду. Согласно условиям договора, граф Симон получил 13 ноября свободный пропуск, однако уходящие были вероломно изрублены; обещанная вышившим в Витербо гибеллинам амнистия не была соблюдена; а также и римляне, занимавшие двусмысленное положение около Сутри, напали после отступления императора на Ронсильоне, взяли замок Вико, захватили графа Пандольфа и как пленника отправили за что в Рим. Император жаловался на нарушение договора, не будучи в состоянии за это наказать. Счастье отвернулось от него под стенами Витербо. Его бесславный уход в конце года в Пизанскую область ослабил его значение и возбудил в других городах желание поднять гвельфское знамя.

Случай с Витербо и унижение Фридриха, которое, по его собственному признанию, «болезненно затронуло его сердечный нерв», не помешало, однако, продолжению переговоров; напротив, император и ушел от Витербо именно в расчете на мир. Папа относился к нему теперь как к человеку, потерпевшему поражение. Условия, которые он ставил Фридриху, были унижительны, так как налагали на него унижающее его достоинство покаяние, и тяжелы, так как он должен был, как побежденный, сложить оружие по отношению к ломбардцам раньше, чем сам он получит признание своих прав и снятие отлучения. Фридрих смотрел на занятую им Церковную область, отданную в управление наместнику, как на страну, доставшуюся ему по праву завоевания вследствие войны, вызванной Григорием IX. Империя снова отобрала себе земли, когда-то подаренные ею церкви, так как папы отплатили за этот добровольный подарок только неблагодарностью. Несмотря на это, император хотел возвратить их церкви с тем, чтобы получить их от нее в лен за уплату подати. Когда же Иннокентий IV не согласился на предложение передать императору в ленное владение Церковную область, то Фридрих отказался от него и хотел удерживать за собой лишь некоторые коронные права. В марте 1244 г., когда он находился в Аквапенденте, переговоры пришли к концу в Риме, где о заключении мира очень старался бывший там в это время византийский император Балдуин, приехавший просить о защите. Императорские уполномоченные подчинились крайне невыгодным статьям мирного договора: они обещали сполна возвратить Церковную область, признать духовную власть папы над всеми государями, помиловать всех приверженцев папы и все это раньше, чем будет установлен срок снятия отлучения. Именно этого-то Фридрих и желал больше всего, а упрямый папа связывал снятие отлучения с выполнением вышесказанных условий. 31 марта 1244 г. полномочные послы Раймунд, граф Тулузский, Петр де Винейс и Таддеус Суесский клятвенно подтвердили в Латеране от имени их государя предварительные условия мира в присутствии императора Балдуина, сенаторов Анибала дельи Анибальди и Наполеона Орсини и римского народа. Этого так мало ожидали, что папа велел тотчас переписать договор и публично продавать в Латеране в виде летучих листков по шести денаров, что очень рассердило императора.

Мнение церкви и даже голос англичанина Матиаса Париса, летописца, не сочувствовавшего направлению тогдашнего папства, было таково, что император тот-

час же нарушил этот договор. Но эти обвинения неосновательны. Со стороны Фридриха было большой ошибкой подчиниться условиям, которых он не мог выполнить, не отказавшись от императорского достоинства. Когда он увидел, что папа лукаво старается уклониться от полного определения неясных статей, которые должны были служить только основанием для формулы, вполне устанавливающей все частности, тогда он приостановил исполнение договора, удерживая Церковную область в виде залога. Папа не интересовался серьезно заключением мира. У него была только одна мысль — преодолеть своего соперника с помощью собора, но собор нельзя было созвать в Италии. Главным препятствием для примирения продолжало быть отношение империи к Ломбардии, о которой в договоре неопределенно говорилось, что она подлежит амнистии. Фридрих не соглашался подчиниться условиям прелиминарного мира как окончательным, так как это значило бы безусловно сдать на волю папы и ломбардцев. Он не хотел освободить ломбардских пленных прежде, чем города не присягнут ему в верности и не откажутся от Констанцского договора. Он требовал снятия с него отлучения, а папа не соглашался на это до тех пор, пока ему не будет возвращена до последней крепости вся Церковная область и пока ломбардский городской союз не будет включен в мирный договор.

Сам Рим давал ему повод к подозрению. Хотя император и заявил, что он предоставляет папе самому решить спор с римлянами, однако было известно, что он имел сношения с римскими гибеллинами, и ему ставили в вину тайное подстрекательство их. Он хотел стать твердой ногой в Риме и завладеть там франджипанским укреплением в Колизее. В апреле 1244 г., будучи в Аквапенденте, он убедил латеранского пфальцграфа Генриха Франджипани и его сына Иакова уступить ему посредством обмена половину амфитеатра с построенным в нем дворцом. Но папа сейчас же признал этот договор ничтожным, потому что Франджипани получили их права на Колизей, заложенные ими римлянину Анибальдо, в ленное владение от церкви. В то же время он заставил префекта признать папскую инвеституру, так как император склонил и этого чиновника к получению назначения от него и таким образом, пытался снова обратить городскую префектуру в имперский лен, нарушая приобретенное для церкви Иннокентием III право назначения префектов. Папа требовал от Фридриха во всем полного отречения от имперских прав и возвращения к основам, установленным в Нейссе и Эгере. Как Иннокентий IV не доверял своему противнику, так и император относился к нему с такой же подозрительностью. Однако он сделал ему новые предложения и пригласил его на свидание в Нарни. Папа, по-видимому, соглашался; давно уже занятый своим хитрым планом, он назначил 28 мая 10 новых кардиналов, чтобы усилить священную коллегию, и 7 июня уехал в укрепленную Чивита-Кастеллана. Отсюда он продолжал вести переговоры, назначив 9 июня своим уполномоченным портоского кардинала Оттона. Но тайно он посылал гонцов с настоятельными письмами к Филиппо Вичедомини, генуэзскому подесте. Девятнадцать дней пробыл он в Чивита-Кастеллана. Пока он обменивался здесь посланцами с императором, приплыл генуэзский флот в сопровождении трех Фиески, родственников папы, и 27 июня бросил якорь у Чивита-Веккии.

В Сутри, куда Иннокентий уехал в тот же день, он одновременно услышал и о прибытии кораблей, и о приближении 300 всадников, посланных для того, чтобы его захватить. Последний слух был неоснователен и распространялся намеренно. Ночью 28 июня решено было бежать. Иннокентий IV опять превратился в графа Синибальдо, вооружился, сел на коня и в сопровождении нескольких верных людей, среди которых находился его биограф Николо де Курбио, и многих племянников, в том числе кардинала Вильгельма Фиески, поскакал, как рыцарь, по бездорожным полям и к утру достиг Чивита-Веккии и генуэзского флота. На другой

день в порт прибыли еще пять кардиналов, которые не успели достаточно быстро поспеть за своим бойким повелителем. Другие семеро бежали переодетые по берегу в Геную. Трех других Иннокентий отпустил назад. Из них кардинала Стефана из С.-Мария в Трастевере он назначил своим викарием в Риме, Райнера — легатом в Тусции, Сполето и Марках, а Рихарда из С.-Анджело — ректором Кампаньи и Маритимы.

В день праздника верховного апостола, 29 июня, они вышли из Чивита-Веккии в море. В тот же день уполномоченные Фридриха, император Балдуин, граф Тулузский и верховные судьи Петр и Таддеус приняли в Чивита Кастеллана предложения курии и там же узнали о бегстве папы. Путешествие беглеца нарушалось бурями и страхом встречи с императорским адмиралом Ансальдо да Маре, который крейсировал в этих частях моря; сцена 3 мая могла бы повториться еще внушительнее, если бы случай привел его на встречу генуэзского флота. Пришлось искать защиты у острова Капрайи, возле Корсики; 4 июля по необходимости высадились в Порто-Венере, чтобы дать отдохнуть измученному папе, после чего украшенные флагами и пурпурными коврами корабли республики прибыли благополучно 7 июля в Генуэзскую гавань. Генуэзский народ под звон колоколов и пение торжественных хоров встретил своего соотечественника Фиески — папу, избежавшего сетей великого врага, а опьяненные радостью кардиналы, вступив на землю, возглашали стих псалмопевца: «Душа наша спаслась, как птица из сети птицелова; силок разорван, и мы свободны!»

2. Иннокентий созывает собор в Лионе, 1245 г. — Низложение императора. — Последствия этого приговора. — Воззвание Фридриха к государям Европы. — Контрманифест папы. — Настроение в Европе. — Чего хотел император. — Иннокентий IV решается на войну на жизнь или смерть против дома Гогенштауфенов

Бегство папы было мастерским ходом, благодаря которому действие великой драмы повернулось в его пользу. Оно выставило Фридриха гонителем, а Иннокентия мучеником, причем последний благодаря своему увенчанному счастьем мужеству явился и энергичным человеком. Оно произвело во всем мире глубокое впечатление и больше повредило престижу Фридриха, чем это могло бы сделать большое проигранное сражение. Смущенный император послал графа Тулузского в Геную просить беглеца о возвращении и примирении. В длинном манифесте он изложил всему миру ход событий и описал переговоры, которые он вел с папой до момента его бегства: он видел себя вовлеченным в новую войну с церковью и в худшем положении, чем он был раньше. На месте Григория IX стал Иннокентий IV, т. е. на место горячего и страстного, но открытого и честного врага — недобросовестный и хитрый противник.

Папа пробыл три месяца в монастыре Св. Андрея близ Генуи, затем отправился во Францию, чтобы, подобно своим предшественникам, найти там себе приют. После многих затруднений он только 2 декабря достиг Лиона. Этот цветущий город, хотя и считавшийся подвластным империи, в действительности был независимой общиной и мог предоставить ему достаточную безопасность. Счастье дать у себя пристанище римской курии было, впрочем, сомнительно и дорого стоило. Иннокентий желал бы быть принятым в государстве какого-нибудь могущественного короля; но Англия и Арагон и даже Франция вежливо просили его избавить их от этой чести; поэтому он остался в Лионе. 3 января 1245 г. он созвал собор, на суд которого он не вызвал в законной форме императора.

Только 140 прелатов, большей частью из Франции и из померкнувшей уже Испании, которая даже выставила обвинителей против Фридриха, почти никого из Германии, — таков был состав собора, созванного в июне в Лионе. Трудно было бы назвать этот романский собор вселенским. Он открылся 26 июня. Известный юрист Таддеус Суесский с достоинством и красноречиво защищал своего государя. Он просил отсрочки суда; она была дана, но срок был определен очень коротким. Император, бывший в Вероне, отправил новых послов, прибытия которых не дождался. 17 июля над ним снова было произнесено отлучение и великий император был объявлен низложенным. Приговор этот был торопливо прочитан папой пораженному неожиданностью собранию, и вообще процессу недоставало закономерной формы вызова к суду, основательных свидетельских показаний и надлежащей защиты. Адвокат императора, который уже апеллировал к будущему папе и к Вселенскому собору королей, князей и прелатов, в отчаянии ударил себя в грудь, услышав этот гибельный приговор; он заявил свой протест и уехал.

Решение Лионского собора было одним из самых роковых событий во всемирной истории; его убийственное действие низвергло древнюю германскую империю; но и церковь была очень глубоко поражена собственной молнией. Низложение императора имело теперь своим последствием противопоставление ему другого, тогда как Фридрих II не мог и думать о том, чтобы, подобно Генриху IV и его преемникам, бороться с папством оружием раскола. Теперь речь шла уже не о том, чтобы вытеснить церковного папу посредством императорского папы, а скорее о том, чтобы смирить духовную власть вообще, в лице папы поднявшуюся над уровнем властителей, и освободить светскую власть от ее деспотизма.

Фридрих обратился за помощью ко всем государям Европы. Его достопамятный манифест говорил им следующее: «Счастливыми называли в древности тех, кому чужое несчастье служило предостережением. Предшественник подготавливает судьбу преемника, и, как печать на воске, так пример отпечатывается на нравственной жизни. Если бы другие обиженные государи дали бы мне такой предостерегающий пример, какой я даю вам, христианские короли! Называющие себя сегодня пастырями притесняют сыновей тех отцов, милостыней которых они питались; они сами, сыновья наших подданных, забывают, кто их отцы, и, достигнув апостольского звания, не почитают ни императора, ни королей. Об этом свидетельствует дерзость Иннокентия. Созвав Вселенский, как он его называет, собор, он осмелился без вызова на суд и без доказательства вины присудить меня к низложению и тем нанес всем королям безмерное оскорбление. Чего только каждый из вас, королей, не может ожидать от дерзновения этого духовного властителя, когда он, не имея в светских делах никакой никакой судебной власти, осмеливается низложить меня, того, который посредством торжественного избрания владельческими князьями и с согласия всей, тогда еще справедливой, церкви, волей Божией коронован был императорской диадемой. Но я не первый и не буду последний из тех, кого, злоупотребляя духовной властью, пытаются свергнуть с престола. Часть этой вины лежит на вас, потому что вы повинуетесь лицемерным святошам, властолюбие которых не утолило бы все воды Иордана. Если бы ваше легковверное простодушие не было введено в соблазн лицемерием этих книжников и фарисеев, то вы бы узнали отвратительные, невыразимые для стыдливости пороки этой курии и стали бы гнушаться ее. Они вымогают, как вам хорошо известно, большие доходы из многих королевств; это есть источник их безумного высокомерия. У вас, христиан, они просят милостыни, чтобы на эти средства у них пировали еретики; вы разоряете дома своих друзей, чтоб строить города врагам. Но не думайте, чтобы приговор папы мог сломить мою гордость. Моя совесть чиста — со мною Бог. Его призываю я во свидетели; моим всегдашним намерением было воз-

вратить всех духовных лиц всякого ранга, особенно самых высокопоставленных, к апостольской жизни, к смирению Спасителя и к устройству чистой первобытной церкви. Тогда бы духовенство старалось обращать взоры свои вверх, на ангелов, блистать чудесами, исцелять больных, воскрешать мертвых и покорять князей и королей святостью жизни, а не силой оружия. Но эти служащие миру, опьяненные сластолюбием священники презирают Бога, потому что их религия потонула в потоке богатства. У таких отнять эти вредные имения, эту тяжесть их проклятия будет воистину делом любви; и к этому мы и все государи вместе с нами должны ревностно приложить свою руку, чтобы духовенство было лишено всего излишнего и, довольствуясь умеренным достатком, снова посвятило бы себя служению Богу».

На веские обвинения императора папа ответил чрезвычайным избытком теоретических доказательств его права судить императора и королей; основным пунктом папского плана было: возвести в непоколебимый навеки закон то доказанное уже на практике предыдущими событиями положение церкви, что папа получил от Христа судебную власть над королями. Поэтому Иннокентий IV утверждал, что папа есть наместник Христа, который передал ему полную судебную власть на земле; что Константин передал церкви незаконную тиранию империи и только потом получил ее, как законную власть, в ленное владение от церкви; что оба меча принадлежат церкви, которая передает при короновании светский меч императору для своей защиты. Он говорил, что император по старинному обычаю должен приносить присягу на подданство папе, своему верховному феодальному господину, от которого он получает титул и корону. «Император упрекает церковь, пишет папа, за то, что она не так часто блещет чудесной силой, как то было в первобытные ее времена, что, согласно с пророчеством Давида, семя его сделалось могущественно на земле, и духовные пастыри блещут почестями и богатствами. Мы сами предпочитаем нищету духом, которая лишь с трудом может быть сохранена при избытке богатства; но мы утверждаем, что грешно не пользование богатством, а злоупотребление им». Это письмо есть важнейший документ относительно средневекового воззрения духовенства на значение папского сана. Иннокентий IV открыто опроверг им равновесие духовной и светской власти и прямо требовал для Святого престола соединения обеих властей. Европейским монархам не пришлось бы в течение веков бороться с этими безмерными, убийственными для всякой свободы принципами, если бы они тогда признали дело Фридриха своим делом.

Духовная жизнь Западной Европы делилась тогда между монашеством и рыцарством, между феодальным произволом и холопством, верующим фанатизмом и свободомыслящим еретичеством, между домашним, житейским трудом и тихой работой мысли, на бесчисленные направления, права, привилегии, государства в государстве, обособленные или кастообразно разграниченные; объединяющая, создающая национальное государство королевская власть еще только зарождалась. В запутанной ткани противоположных партийных целей, национальных стремлений, интересов городских индивидуальностей и феодального владения одна лишь церковь являлась в виде твердой и хотя многочисленной, но бесконечно простой системы, с ее иерархией, равномерно объемлющей все народы, с ее догмой и каноническим правом, с ее центром в Риме и бесспорным главой — папой. Церковь — духовная империя — становилась на место светской империи. Короли и страны сделались данниками папы; его судебные и податные учреждения были во всех провинциях, и все епископы признавали его верховенство. Тех же государей, к которым Фридрих II апеллировал против посягательства духовенства на светскую власть, папа призвал встать под знамя церкви, которая защищает свободу королей и народов от тиранических замыслов Гогенштауфенов, и мир примирялся с злоупотреблениями пап-

ской власти при мысли, что в ней он все-таки имел трибунал, привлекавший к ответственности и судивший и императора, и королей. Он признавал за папой эту судебную власть и только присоединялся к жалобам Фридриха на алчность клира, которая истощала его благосостояние. Эти жалобы были не новы. Свидетельства современников: епископов, государей, поэтов — полны ими. Римская курия нуждалась в деньгах для своих возросших потребностей, а папа — для покрытия расходов на войну; поэтому христианские страны были обложены контрибуцией в виде церковной десятины. Англичане готовы были восстать против папы, если бы нашли поддержку в своем слабом короле. Еще более сильный отголосок нашел призыв Фридриха во Франции, где многие бароны заключили союз для защиты от посягательства клира на светские права. Первейшие магнаты, в числе которых были герцог Бургундский и граф Бретанский, заявили в статях союзного договора, что королевство Франция было приобретено не на основании писаного права и не через овладение им духовенства, а посредством военной силы; что они, аристократия страны, должны снова взять в свои руки отнятую у них судебную власть, а разбогатевшее вследствие своей алчности духовенство должно быть возвращено к бедности первобытной церкви.

Таким образом, голос Фридриха нашел себе отзвук в Европе; дух независимости в светском обществе возмущился против чрезмерной власти отклонившегося от Евангелия духовенства, но такие возмущения имели единственный характер. Отрешение папы от звания верховного судьи над властью государей и возвращение церкви к первоначальному, неполитическому положению через секуляризацию ее владений — такова была реформа, которую великий император хотел провести, но мог только высказать в виде предположения. Он не шел дальше тех положений, которые уже в эпоху Арнольда Брешианского или во время спора об инвеституре были глубже рассмотрены и убедительнее доказаны, чем в его время. Фридрих до своей смерти боролся с папством, обновленным его покровителем Иннокентием III, но все его нападки основывались на захвате папством политической власти, и ни одна из них не касалась его духовного авторитета.

Ни один каролингский, саксонский или франкский император не предоставил бы папе таких широких прав, как это принужден был сделать Фридрих II, после того как принципы Григория VII были одобрены миром и после того как сам Фридрих отказался от конкордата Каликста об инвеституре, признал низложение папой Оттона IV и воспользовался им как ступенью для достижения трона им самим. Факты говорили против него и отнимали силу у его утверждения, что папы не имеют судебной власти над королями. В его борьбе с папством он оставался одиноким и слабым, потому что он вел эту борьбу во имя отвлеченного и потому не имевшего практического значения понятия — империи или светской власти вообще, а не действительного государства и пострадавшей в своем праве нации. Королей никакая выгода не связывала с империей; они преследовали свои особые интересы и, кроме того, как и епископы, боялись отлучения и низложения. Напрасно проницательный император взывал к ним, говоря, что его дело есть также и их дело. То обстоятельство, что французский престол был занят в то время благочестивым, хотя и твердым по отношению к церкви человеком, а английский — слабодушным государем, дало папе неисчислимые преимущества. Генрих III, вероломно нарушивший великую хартию, нуждался в помощи папы против своих баронов; он не мог поддерживать своего родственника против той самой римской иерархии, которая обратила в церковный лен его собственное королевство; Людовик Французский, которого Фридрих просил быть третейским судьей, ограничился ничтожными переговорами, боясь впутать свою расцветающую и превращавшуюся в монархию Францию в дела им-

перию. Германия, утомленная итальянскими войнами, в которых она уже перестала видеть войны за империю, вначале оказала римским пройскам мужественное сопротивление, но затем она распалась на партии, выставила контркоролей и стала почитать великого императора, пока он путался в итальянском лабиринте и растрачивал свои духовные силы в стране, которая была слишком мала для его гения. За него высказался только не имевший в то время значения голос евангельских еретиков.

Когда Церковь после Лионского приговора перешла из положения страждущей в решительное наступление, то всякое примирение сделалось невозможным. Папа определенно высказал, что он никогда не заключит мира с Фридрихом и не потерпит, чтобы он или его сыновья, «порождения ехидны», были на троне. Того, чего желал еще Иннокентий III, Иннокентий IV решил достигнуть во что бы то ни стало, именно низложения Гогенштауфенов на вечные времена и возведения на императорский трон такого человека, который в качестве папской креатуры отказался бы от Церковной области и Италии.

Он вел войну всеми самыми недостойными средствами, к которым мог прибегать эгоизм светских властителей, каковы были: фанатическое преследование сторонников Фридриха во всех странах, докуда простиралась власть церкви, подстрекательство к отпадению, подкуп в целях всеобщей измены, коварные происки легатов и агентов, которые в поисках за новым императором возбуждали князей и епископов к восстанию и пытались даже соблазнить Конрада, сына императора. Толпы нищенствующих монахов наполняли сердца фанатизмом, и народы спокойно смотрели на то, как их имущество утекало в римские кассы и отпущение грехов за святой крестовый поход раздавалось тем, кто поднимал оружие против своего повелителя. Обет идти в крестовый поход превратился в обязанность воевать против императора. Уже Григорий IX публично заклеил Фридриха как еретика; обвинение его в том, что он был врагом христианской веры, было могущественным оружием в руках духовенства. Его сардинская свита, его свободомыслящий светлый ум давали ненависти поводы к ядовитым обвинениям. Против императора, как язычника, во всех странах проповедовался крестовый поход, и немецкий владетельный князь, тюрингенский ландграф Генрих Распе, который весной 1246 г. принял на себя звание контримператора, не стыдился призывать миланцев на войну против Фридриха, «врага распятого». Император очень хорошо понимал, что при продолжении войны против папства его судьба будет такая же, как и императоров, его предшественников; он желал примириться с церковью, хотя бы даже на унижительных условиях; он доставил в руки некоторых епископов свое католическое исповедание веры. Они передали его в подлиннике папе, который его отверг. Иннокентий IV хотел гибели Фридриха и его рода; он сам принудил императора продолжать войну.

3. Заговор сицилийских баронов против императора и его подавление. —

Военные успехи Фридриха. — Витербо и Флоренция подчиняются его власти. — Положение дел в Риме. — Письмо сенатора к папе с напоминанием о возвращении. — Папа жалует роду Франджиани в ленное владение

Тарент. — Император хочет идти на Лион. — Отпадение Пармы: неудача императора. — Энцо взят в плен болонцами. — Падение Петра де Визенс. —

Смерть Фридриха II, 1250 г. — Его личность в истории

Италия продолжала оставаться главной ареной этой истребительной войны; только с итальянскими силами император мог продолжать в ней ведение войны. Во главе гибельников стояли: страшный, выродившийся в неистового тирана Эдше-

лин, Манфред, маркграф Ланчия, Оберт Палавичини, тогда как король Энцио, заместитель императора, и другой его побочный сын, Фридрих Антиохийский, были наместниками в Тусции и Маритиме. Призывающие к восстанию, обращенные к народам Италии письма папы действовали также и в Сицилии, и даже при дворе императора. Иннокентий надеялся посредством устройства заговора продажных баронов отнять у императора основу его могущества в Италии и завладеть наследственной землей Гогенштауфенов, куда он послал в качестве легатов кардиналов церкви Св. Марии в Транстевере и в Космедине. В Сицилии было достаточно недовольных. Подчиненное законам государства, жестоко преследуемое духовенство, лишенное привилегий верховного суда феодальное дворянство, истощенное фиском городское сословие давали материал для восстания, к которому ревностно возбуждали странствующие агенты папы, нищенствующие монахи. Но основанная Фридрихом в его королевстве монархическая власть оказалась достаточно прочной; народ и города, вознагражденные за потерю своих свобод многими мудрыми законами, особенно направленными против баронов, не поднялись на своего государя. Заговор ограничился кругом аристократии, давшей себя подкупить именьями и почестями, так как был решен настоящий имущественный переворот; имущества сторонников императора отбирались у них и отдавались приверженцам папы. Теобальд Франческо, бывший до сих пор подестой в Парме, Пандольф Фазанелла, императорский военачальник в Тусции, владельцы Сансверино, Морры и Чикалы составили с папским легатом план заговора, в который входило покушение на жизнь императора. Фридрих открыл их умысел, когда он в марте 1246 г. стоял лагерем у Гроссето. Пандольф и другие бежавшие заговорщики нашли себе временное убежище в Риме, по поводу чего разгневанный Фридрих написал письмо сенаторам и римскому народу. Сам папа, который, соблазняя сицилийцев возвращением потерянных привилегий, возбуждал их языком демагога восстать против «второго Нерона», разбить цепи рабства и снова приобрести счастье свободы и мира, ревностно помогал заговору. Мы и теперь еще читаем его бессовестные письма к изменникам, которых он называет «славными сынами церкви, над которыми сияет лик Божий».

Император проследовал по пятам бежавших в Апулию мятежников; он истребил их в июле 1246 г. в их замках Скала и Капоччио; затем он снова вернулся на север, чтобы, согласно своему намерению, идти искать врага в самом Лионе. Счастье было на его стороне. Его полководцы одерживали победы в Тусции и в Умбрии; Маринус Эболи победил кардинала Райнера Капоччи и гвельфскую лигу граждан Перуджии и Ассизи, Камерино возвратился под власть императора, а Пиза и Сиена сражались за Фридриха против гвельфских городов. В римской области не только Корнето был в 1245 г. приведен к покорности пленом и казнью многих граждан, но и Витербо голодом был принужден отпасть от папы и сдаться Фридриху Антиохийскому (в 1247 г.). Этот же сын императора вступил также и во Флоренцию, откуда гвельфы были изгнаны, и синьория передала ему город. Это делало Фридриха II господином над всей Тосканой.

Город Рим был предоставлен самому себе. Хроникеры молчат о состоянии его во время отсутствия папы, и сами имена правивших тогда сенаторов неизвестны. Что гвельфская партия все еще была здесь господствующей, доказывается письмом одного сенатора, который так же настойчиво уговаривал папу вернуться из Лиона, как это делали римляне столетием позже, когда их папы жили в Авиньоне. Уже в этом письме Рим, глава вселенной, называется безглавым, не имеющим своего пастыря и изображается в виде скорбной вдовы, а папе напоминает легенда о бегущем апостоле Петре, который, встречая Спасителя, спрашивает его: «Domine, quo

vadis?» — и слышит в ответ: «Я иду в Рим, чтобы вторично быть распятым», после чего пристыженный апостол тоже возвращается назад. Долгое отсутствие Иннокентия IV стало тревожить римлян, подозревавших, что их папа может, оставаясь во Франции, утвердить там свой престол и что Рим, «зеница вселенной, трибунал правосудия, местопребывание святости, престол славы», будет лишен своей чести или единственного источника своего благосостояния. Письмо неизвестного сенатора было предчувствием Авиньона, но Иннокентий IV не мог последовать призыву римлян, так как его возвращение расстроило бы план и результаты его бегства. Вместо этого он старался усилить свою партию в Риме, переманивая на свою сторону приверженцев императора. Франджипани, стоявших до сих пор во главе гибеллинов, он привлек признанием их прав на Тарентское княжество, которое императрица Констанца обещала Оттону Франджипани, а Фридрих II отдал его своему сыну Манфреду. Иннокентий пожаловал его пфальцграфу Генриху Франджипани и в то же время предоставил ему доходы с судебного округа Арбореа в Сардинии. Так отпал от Гогенштауфенов этот римский род, сделавшийся враждебным наследникам Фридриха II. Впрочем, император не притеснял больше Рим, так как предмет его ненависти уже не находился там; он старался показать римлянам, что ведет войну с папой, а не с ними.

Достигнув снова господства над Италией, он хотел идти через Савойю на Лион, чтобы, став лицом к лицу со своим врагом, убедить весь мир в своем праве. Если бы он в самом деле во главе победоносных войск проник туда и снова собрал бы под свои знамена Германию, где побежденный Конрадом король Генрих Распе умер от ран 12 февраля 1247 г., то его борьба приняла бы новую, более широкую форму. Это смелое предприятие, которое могло бы иметь мировое значение, не было исполнено, потому что император, к своему несчастью, принужден был возвратиться от подножия савойских Альп вследствие отпадения одного, до сих пор бывшего верным, города и оставаться вдали от Германии, бывшей естественной почвой для укрепления его власти. Сопротивление городов было неодолимо; каждый из них был крепостью, обнесенной стенами, и каждый был самостоятельным государством с мужественными гражданами. Опасный характер войны с городами сокрушил силу императора. Лишь только одни города были побеждены, как восставали другие, и даже верность дружественно настроенных общин была ненадежна, ибо каждую ночь враждебная партия могла подняться, как бурный ветер, и водрузить свои знамена у городских ворот. Поэтому война императора с этими непостоянными, упорными и героическими общинами была мучительной работой Сизифа — страшной в своем однообразии бесконечных походов, осад, опустошений полей и всякого рода ужасных дел. Мы, нынешние люди, едва можем понять, как могли выносить такое постоянное положение вещей и терпение гениального повелителя, и имущественные средства трудолюбивых народов. 16 июня 1247 г. Парма в итоге неожиданного захвата попала во власть изгнанных оттуда папских родственников Рюсси. Император тотчас повернул из Турина на Парму, осаду которой он начал 2 июля. Война сосредоточилась возле этого города, куда устремился со множеством граждан гвельфских городов и князей Григорий Монтелонго, родственник Иннокентия III, папский легат, одинаково искусный как в военном деле, так и в дипломатии. Ясный ум императора затмился, когда он решился на осаду одного города, через что терялся и время, и сила, и возможность широкого действия. Хотя, конечно, завоевание Пармы, где собрались главные силы его врагов под предводительством самых выдающихся начальников, было бы большой победой в Италии.

В продолжение всей осени и зимы Фридрих вел осаду Пармы из построенного им в полной надежде на победу лагерного города Виттории. Крайняя нужда довела

наконец осажденных до отчаяния, так что они во время отсутствия императора, уехавшего на охоту, сделали вылазку. 18 февраля 1248 г. Виттория сделалась жертвой пламени; тысячи легли на поле сражения; был убит также и Таddeус Суесский, храбрый воин и великий государственный человек, бывший ранее красноречивейшим защитником своего государя в Лионе и которого эта славная смерть воина ставляет признать более счастливым, чем Петра Винео. Тысячи попали в плен к гражданам Пармы; добыча, взятая в лагере, была велика; даже императорская корона попала в руки врагов: человек из толпы, похожий на домового, снес ее в город при радостных криках народа. Такова судьба всякого величия на земле, что под конец и дурак облачается в его пурпур. День Пармской битвы был для гвельфских городов вторым Леньяно. Его прославляли в песнях. Счастливая звезда Фридриха закатилась.

Как беглец явился он в Кремону, собрал свое войско и, пылая жаждой мести, снова пошел в пармские пределы, но гвельфские города оказали ему сопротивление. Одно несчастье следовало за другим. Энцо, краса рыцарства, любимый сын Фридриха, 26 мая 1249 г. взят был в плен при Фоссальта гражданами Болоньи; ликующие победители отвели неоценимую добычу в свой город и на просьбы и угрозы императора отвечали с упорством горожан, гордый нрав которых служит самым живым доказательством высокого духа тогдашних республиканцев. Энцо похоронил свою царственную молодость в долгом двадцатидвухлетнем плену, в котором он нашел и свою смерть.

Лучший из сыновей императора был в плену, вернейший из его советников убит, а своего гениального министра и друга он потерял или вследствие его действительной вины, или вследствие собственной подозрительности, ставший печальной спутницей исчезающего счастья и колеблющегося могущества. Гибель Петра де Винеис, знаменитого капуанского гражданина, который благодаря своему гению поднялся из низов до положения первого государственного человека своего времени, легла тенью на жизнь великого императора, подобно тому как смерть Боэция омрачила собой жизнь Теодориха Великого. Оба германских короля сходны друг с другом в окончании их жизненного пути, а также и в быстром и трагическом конце их рода. История не разъяснила ни вины, ни рода смерти, ни точного времени падения Петра де Винеис, которому Данте полстолетием позже принес бессмертную искупительную жертву.

В мае 1249 г. император из Тосканы возвратился в Апулию и уже больше не покидал Южной Италии. Обстоятельства, которые он не мог преодолеть, удерживали его, к его несчастью, в стране, где окончательное решение его великой борьбы было уже невозможно. Хотя следует признать, что Фридрих II не был низложен, хотя он до конца сохранил твердо свою власть не только в своем королевстве, но и в большей части Италии, однако надо сознаться, что он потерял влияние на ход мировых событий и остался снова уединенным в Италии. Правда, папа в Лионе боялся переворота в пользу Фридриха, так как последний через обратное покорение Равенны приобрел снова господство в Марках, в то время как стесненные Эццелином и Палавичини ломбардские города дошли до совершенного истощения. Но император мог окончательно победить римскую церковь лишь при условии введения в борьбу немецкой нации и если бы мог заключить союз со всеми враждебными папству течениями в Англии и Франции. Еще не достигнув цели своей деятельной жизни, не будучи побежденным, Фридрих II умер после непродолжительной болезни 19 декабря 1250 г. в своем замке Фиорентино возле Лючерии.

Если правда то, что рассказывают старинные хроникеры, то великий враг пап умер с философским взглядом на ничтожество всякой земной власти, с христиан-

ской надеждой на вечную жизнь, завернутый в мантию цистерцианского монаха и освобожденный от отлучения своим верным другом палермским архиепископом Берардом. Мы склонны верить этому, потому что это свойственно людям. Вокруг смертного ора Оттона IV стояли монахи, которые по его неотступной просьбе священик, который причастил его. Герой своего века, гений которого поразили мир, умер после долгой борьбы за освобождение от единовластия церкви, умер, подобно большинству великих людей, непонятый современниками, покинутый, в трагическом одиночестве. Наследник его короны находился далеко в Германии, где он воевал с узурпатором Вильгельмом Голландским; у смертного ора императора находились его побочный сын Манфред, на руках которого он и скончался, и верный архиепископ Берард. Замок его охраняли сарацины, составлявшие его гвардию. Мертвого императора перенесли на носилках в Тарент, а оттуда по морю сначала в Мессину, потом в Палермо. Там, в соборе, покоится он в своей порфировой гробнице.

Страсти, возбужденные великой борьбой Фридриха II с папством, еще в наши дни чувствуются в суждениях света. До сих пор еще существуют гвельфский и гибеллинский взгляды, так как обе партии продолжают жить в новых формах и будут жить до тех пор, пока будут существовать принципиальные основания их противоположности. Самое низкое мнение о личности Фридриха II принадлежит современной ему церковной партии. Понятно, что Иннокентий IV видел в своем великом противнике только антихриста, фараона и Нерона, потому что евангельское представление о церкви было давно уже подменено, и когда священники говорили о ней, то под ней надо было разуметь только иерархию или папство. Но очень странно то, что приговор прошедших дней, бывший выражением ненависти духовенства, нашел себе отголосок и в современной историографии. Суждение мыслителя смягчается спокойным взглядом на мировой порядок, противоположности которого — какие бы партийные названия они в то время ни носили — складывались в сфере идей, в служебные силы высшего, проникающего в мир разума. Длинный ряд, отчасти великих, пап, которые, будучи верой людей облечены религиозной властью, мужественно отстаивали свободу церкви от политического закона, является зрелищем столь же достойным удивления, как и ряд славных, оказавших человечеству великие услуги императоров, которые, будучи той же верой облечены в величие светской власти, защищали всемирную свободу духа против выродившейся церкви. Иннокентий IV соединил в себе ряд первых и результаты их стремлений, а Фридрих II — ряд вторых и их результаты. Средневековый мир по своим идеалам был космической системой, стройность и единство которой и даже гений ее философской мысли заставляют удивляться наших современников, потому что человечество не могло еще заменить эту отжившую систему другой, столь же гармоничной. Как законченная в себе сфера, этот средневековый мир имел два полюса — императора и папу. Воплощение руководящих принципов тогдашнего человечества в этих двух мировых фигурах навсегда останется достойным удивления, неповторяющимся историческим явлением. Оба они, как два демиурга, два духа света и силы, были поставлены в мире, чтобы управлять каждый в своей сфере. Они были творениями сохранившейся, хотя в пределах земной необходимости и померкнувшей, культурной мысли всемирной Римской империи и всемирной христианской религии. Одна представляла гражданский, другая — духовный порядок, одна имела в виду землю, другая — небо; таким образом, возникла эта способствовавшая развитию человечества средневековая борьба титанов, наполнявшая и объединявшая целые века и бывшая величественным

зрелищем всех времен. Фридрих II был последним героем. Со всеми своими ошибками и добродетелями он был самым совершенным и гениальным человеком своего века и представителем его культуры.

Однако Фридриха II слишком далеко отодвинули от его времени, когда приписывали ему план уничтожить существующее устройство церкви и соединить в себе королевскую и духовную власть папы-императора. Церковь без папы была совершенно чужда государственному пониманию того времени. Представление о двух мировых светилах оставалось признанным символом, и ни императору не могла прийти мысль уничтожить папство, ни папе — уничтожить империю. Они признавали один в другом высшую духовную и светскую власть, но они боролись за расширение своего могущества. Религиозное сознание Фридриха, самого страшного врага папства, было так же правоверно, как убеждение гибеллина Данте. Он не оспаривал апостольской власти у папы, но он зывал к князьям: «Мужественно помогите нам против злодеев-священников, чтобы мы сломили их высокомерие и дали нашей матери-церкви более достойных представителей, ибо это входит в обязанность нашего императорского звания, и это наше искреннее желание реформировать их во славу Божию». Здесь в устах Фридриха II является слово «реформация», но он под ним понимал только освобождение права короны от церковного права, отделение духовной власти от светской, ограничение священства апостольской деятельностью, секуляризацию церкви на основании признаваемых гибеллинами идей Арнольда Брешианского и восстановление королевского права инвеституры, как это было выполнено в Сицилии. Далекий путь отделял еще человечество от аутсбургского и вормского исповеданий; долгий духовный процесс через схоластическую и классическую науку должен был пройти еще, прежде чем Германия этого достигла. Отделение Германии от римской церкви совершилось через Реформацию, но последняя не явилась неожиданно; напротив, ее развитие в виде цепи причин восходит к Евангелию, а длинный ряд императоров, которые вели борьбу за инвеституру и за империю против единовластия Рима, ведет, как историческое преддверие, прямо к немецкой Реформации. Поэтому в борьбе Фридриха II против вышедшего из границ папства были посеяны многие новые зародыши европейской Реформации.

Фридрих II, самый консервативный представитель древнего принципа империи и в то же время новатор, выступает здесь впереди своего времени и отрицает его. Можно ли удивляться тому, что он еще верил в идеал Римской империи, когда через сто лет после него этот идеал представлялся благороднейшим умам Италии как продолжение законной Римской империи, как непрерывный мировой порядок и как понятие, соединяющее в себе всю человеческую культуру. Однако таково было гениальное заблуждение Данте и Петрарки. Возвышенная традиция, передававшаяся через века, теократическое воззрение на устройство мира и на единство человеческого рода; причем у германцев, растворивших в себе Римскую империю, это воззрение получило отпечаток стремления рядом с единством религии создать закономерную форму человеческой жизни; высокий культурный идеал и космополитическое понятие, никогда вполне не осуществившееся на деле, — все эти идеи в течение всех Средних веков господствовали с твердостью догмата. И они продолжали существовать еще и тогда, когда романские и германские нации, которые разделяли между собой два мировых образа, папу и императора, долгим процессом развития приобрели свои собственные государственные формы, национальность и национальный язык. Латинская раса в эпоху Фридриха II впитала в себя свои германские составные части и явилась по ту сторону Альп в виде новой, своеобразной итальянской нации. Она освободилась от старого излишка германского

феодализма, найдя себя снова в общинном устройстве и в римском праве. Поэтому демократический национальный дух, с которым вступила в союз церковь, выступила с протестом как против восстановления в Италии германского феодального принципа Генрихом VI, так и против монархического принципа Фридриха II, и программа дать Италии ценой ее национальной независимости и городской свободы сомнительное счастье монархического единства через посредство чуждого ей императора, имела не более основания, как и дикое стремление свободы гвельфов, которые только по нужде и из-за выгоды искали поддержки у пап — естественных противников монархического принципа в Италии.

Фридрих II заключил собой эпоху той старогерманской империи, которая уже отжила и по ту и по эту сторону Альп, и оставил церковь и гвельфскую партию обладателями победы и будущности; однако он заключил ее в новом виде, как первый настоящий монарх, основатель государственного принципа единодержавного правления, первый государь, который дал своему народу систематизированный свод законов, начал борьбу королевской власти с феодализмом и призвал в парламент третье сословие. В своем наследственном государстве Сицилии он мог на практике провести до конца свои принципы, согласно которым в монархии должны были быть устранены все неравенства, как феодальные, так и демократические. Со временем на почве этих монархических тенденций медленно развилось новейшее государство. На этом новом пути, по которому пошла старая борьба с папской иерархией, произошло то, что через пятьдесят лет после Фридриха II французская монархия, пользуясь силой государственного права, принципом национальной независимости и волей соединенных сословий страны, могла в самом деле преодолеть и иннокентьевское папство, и вообще средневековую папскую власть.

- 4. Сыновья Фридриха II. — Конрад IV. — Возвращение папы в Италию. — Тамошные дела. — Положение Манфреда как наместника Конрада. — Конрад IV является в Италию и вступает во владение Сицилийским королевством. — Иннокентий IV предлагает инвеституру его сначала Карлу Анжуйскому, потом английскому принцу. — Сенатор Бранкалеоне принуждает его снова избрать Рим своим местопребыванием, 1253 г. — Принц Эдмунд получает от папы в ленное владение Сицилию. — Роковая смерть Конрада IV, 1254 г.**

Когда великий император, в течение сорока лет державший в напряжении Европу, лежал в гробу, то казалось, что борьба империи с церковью решена в пользу последней и перед папами открылась новая эра неограниченного господства над миром.

Радость Иннокентия IV была поэтому понятна, но она была так неприлична для духовного лица и так безгранична, что он выразил ее в форме грубого ликования. Счастье, по-видимому, давало ему владычество папского престола над Италией, и если эта старинная проблема вообще была разрешима в том смысле, как полагали папы, то теперь это должно было выказаться больше, чем когда-либо. Из сыновей Фридриха, рожденных от Констанцы Арагонской, Иоланты Иерусалимской и Елисаветы Английской, в живых оставались 22-летний король Конрад, сын Иоланты, и 12-летний Генрих, сын Елисаветы. Из его трех побочных сыновей Энцо томился в плену в Болонье, изгнанный из Флоренции Фридрих Антиохийский находился в Средней Италии, а Манфред — в Апулии. На основании заве-

шания Конрад IV, еще в 1238 г. выбранный королем в Германии, должен был наследовать все отцовские короны, а Манфред, князь Тарентский, — управлять в качестве его наместника итальянскими землями и Сицилией.

Иннокентий IV поспешил отнять у наследников Фридриха II Апулию и Сицилию, на которые он смотрел как на выморочные церковные лены. Он обратился к сицилийцам с увещанием возвратиться под власть церкви, которая предоставляла им вольности и льготы; к немцам — чтобы они стояли за короля Вильгельма, которому он обещал императорскую корону, тогда как против ни в чем не повинного Конрада он велел всюду проповедовать крестовый поход. Гвельфские города призывали папу в Италию; 19 апреля 1251 г. он выехал из Лиона, где соперник Конрада король Вильгельм праздновал вместе с ним Пасху. Богатый торговый город расстался с папской курией после ее шестилетнего в нем пребывания, не предвидя, что через 50 лет папа снова появится здесь же для своего коронования и чтобы приготовить папам на 70 лет пребывание на тех же ронских берегах.

Иннокентий ехал через Марсель и Ривьеру в Геную. Беглец 1244 г. снова появился в своем отечестве, окруженный пышным блеском, как победитель императорской власти. Граждане гвельфских городов стремились к нему навстречу во время его долгого путешествия по Ломбардии, и пятнадцать тысяч монахов и священников торжественно встретили его перед Миланом, тогда как бесчисленные толпы народа, стоявшие шпалерами вдоль пути за 10 миль от города, образовали почетный кортеж торжественному шествию папы. Гвельфские республики принесли Иннокентию IV как папе клятву на верность, но они требовали большого вознаграждения за военные издержки, медлили с возвращением бывших церковных имуществ и показывали, что они не согласны променять императорское иго на владычество церкви. Они воспользовались ее борьбой с империей, чтобы при помощи своего великого союзника сделаться независимыми от императора, и теперь церковь находила, что они сделались независимыми и от папы. Со своей стороны гибеллинские города и владетели только временно были удручены переменой в курсе дел; император умер, но его принцип оставался жив, и могущественные вожди Паллавичини и Эццелин еще победоносно поддерживали его. Дух свободы, возбужденный Штауфенскими императорами во время их борьбы, оставался сам в себе неизменным. Папа, возвратясь, увидел иную Италию, чем была та, которую он покинул, и должен был признать вообще, что великая цель Гильдебранда и Иннокентия III привести весь итальянский полуостров под пастьерский жезл св. Петра была недостижима.

Летом он поехал через Брешию, Мантую и Феррару в Болонью, где несчастный Энцо слышал из своей тюрьмы радостные крики, сопровождавшие въезд ненавистного врага его великого отца. В начале ноября он отправился дальше в Перуджию, но не решился вступить в Рим. Хотя один сенатор когда-то настойчиво призывал его, но он боялся буйного упорства римлян, которые после смерти императора имели мало оснований держаться гвельфского направления. Папе дали понять, что они обратятся к нему с безмерными требованиями, как только он осмелится появиться в Латеране. Он решил основать свое местопребывание в Перуджи.

Между тем молодой тарентский князь чувствовал, что на него возложено бремя, для которого он являлся слишком слабым. Манфред Ланчия, родившийся в 1232 г., был сын Фридриха от Бланки Ланчия, прекрасной и благородной женщины из пьемонтского рода. Современники называют его незаконным сыном, чем он и был, так как имеются лишь слабые основания для поддержания мнения, что Фридрих узаконил свой союз с матерью Манфреда. Он женил его в 1248 г. на Беатрисе, вдовствующей маркграфине Салюццкой, дочери Амадея, графа Савойского, и за-

вещание императора, в котором он не упоминает о своих других побочных сыновьях, Энцо и Фридрихе Антиохийском, доказывает, что он признавал за сыном Бланки право на наследство после своих законных сыновей. Природа одарила Манфреда умом и красотой, а самое заботливое воспитание дало ему знания и хорошие манеры. Все современники описывают его как превосходного человека, великодушного, щедрого, веселого, певца и трубадура и как природного короля. И он скоро прославил свое имя в мире. Если папа надеялся, что после смерти Фридриха города Апулии и Сицилии тотчас же водрузят знамя св. Петра, то он ошибался. Волшебная сила имени и могущества великого императора не умерла в них вместе с ним. Только некоторые бароны и города, в том числе, конечно, Капуя и награжденный от папы обширными льготами Неаполь, объявили себя на стороне церкви. В затруднительном положении, в котором Манфред оказался вначале, он обратился к Иннокентию с мирными предложениями, но наместник Конрада IV должен был отклонить требование безусловной покорности, за которую папа давал ему Таурент в качестве церковного лена. Искусными и быстрыми передвижениями он усмирив мятежников в Апулии, собрал вокруг себя немецкие наемные войска, рыцарскими военными подвигами приобрел уважение своему имени и скоро с угрожающим видом явился перед Неаполем.

После смерти императора Манфред пригласил своего брата Конрада перейти через Альпы, чтобы вступить во владение своей наследственной землей Сицилией. Молодой римский король последовал политическим идеям своих предков и зову Манфреда: он собрал войско, созвал парламент в Аугсбурге, назначил своим наместником баварского герцога Оттона, на дочери которого, Елисавете, он был женат, и в октябре 1252 г. явился в Ломбардию, где Эццелин и другие гибеллины встретили его с почетом в Вероне. Он произвел здесь и в Джойто смотр гибеллинским силам, которые были еще довольно значительны; затем решил идти в Апулию, чтобы сначала укрепить за собой наследственные земли, а затем оттуда вернуться в Северную Италию. Союз романольских, умбрийских и тусцийских городов преградил ему дорогу сухим путем, а Рим, по-видимому, не был расположен признавать или поддерживать сына Фридриха II.

Конрад сел на суда в Поле, где маркграф Бертольд Гогенбургский ожидал его с сицилийскими галерами. Он высадился в Сипонто 8 января 1252 г., и его появление тотчас же подействовало на баронов и города. Ревнивое чувство, овладевшее Конрадом, было обезоружено благоразумным поведением Манфреда, который передал в руки брата управление королевством и даже свои лены, после того как он продолжил ему путь к Неаполю. Поход Конрада IV в Апулии был короток и блестящ. После безуспешного предложения им папе самых выгодных условий мира взамен его признания или передачи ему в ленное владение Сицилии он мужественно доказал свои права оружием. Он прошел через Апулию и Кампанию. Бароны принесли ему присягу на верность. Капуя открыла ему ворота в конце 1252 г., а весной следующего года его признали все города вплоть до Неаполя, который он, однако, настойчиво продолжал держать в осаде.

Успехи сыновей Фридриха заставили Иннокентия взяться снова за план, задуманный еще в Лионе. Убедившись, что церковь не в силах собственными средствами отнять Сицилию у Гогенштауфенов, он решил передать это прекрасное королевство в качестве лена иностранному принцу; этот шаг был унижительным для папства и в высшей степени губителен для Италии. Бросив взгляд на те страны, где он надеялся найти согласного претендента и довольно денег, он предложил сицилийскую корону брату французского короля Карлу Анжуйскому, но вельможи и королевская мать Бланка, управлявшая в то время страной за отсутствием бывшего в Сирии

Людовика, отклонили это предложение. Тогда он обратился к Англии и после отказа безмерно богатого Ричарда Корнваллийского он прельстил его брата, короля Генриха, предложением сицилийской короны для его второго сына Эдмунда Ланкастерского, восьмилетнего ребенка. Генрих III лишь мимолетно потревожила мысль о том, что он таким образом отнимал Сицилию у собственного своего племянника, юного Генриха, сына Фридриха II и Изабеллы, бывшего там королевским наместником.

Иннокентий IV должен был действительно спешить выставить против Конрада могущественного противника, так как 10 октября 1253 г. король вступил в завоеванный Неаполь. Папа узнал о падении этого города уже в Риме, куда он в начале октября переехал из Ассизи. Уже много раз роптавшие римляне призывали его возвратиться. Сначала они предложили городской общине Перуджии, состоявшей с ними в одном оборонительном союзе, не держать дальше у себя папы, а потом пригрозили гражданам Ассизи явиться с войском, чтобы вывести его из их города. Он должен, дерзко кричали они, прийти или теперь, или никогда. «Мы очень удивляемся, — говорили папе их послы, — что ты, как бродяга, переезжаешь с одного места на другое, покидаешь Рим, местопребывание апостолов, бросаешь на съедение волкам твое стадо, за которое ты когда-нибудь должен будешь дать ответ Богу, и не думаешь ни о чем, кроме денежной прибыли. Папе следует быть не в Ананьи или в Лионе, не в Перуджии или в Ассизи, а в Риме». Эти речи внушил римлянам мужественный человек Бранкалеоне дельи Андало, тогдашний римский сенатор. Иннокентий прибыл со страхом и унынием; римляне встретили его холодно, выражая радость по предписанию сената. Бранкалеоне встретил и приветствовал его перед городом и сопровождал в Латеран, но о такой, имевшей вид триумфа встрече, какая была в Милане и других городах, не было и помин. Таким образом, курия возвратилась в Рим после более чем девятилетнего отсутствия и после десяти лет общего пребывания Иннокентия IV в сане папы, во время которого римляне видели папу в своем городе менее года. Как только они увидели его в своих стенах, то стали его так неотступно и нагло преследовать требованиями денег и всякого рода вознаграждений, что он вынужден был обратиться к защите могущественного сенатора. Бранкалеоне усмирил бурю, чтобы не портить своих отношений с папой, перед которым он, вероятно, ходатайствовал в пользу Конрада, так как он находился в дружественных сношениях с королем; он посылал к нему послов от сената и римского народа и публично принимал в Капитолии королевских посланников. Конрад тотчас же воспользовался пребыванием папы в Риме для вторичной попытки заключить мир. Но его уполномоченные, граф Монфор и граф Савойский, ничего не добились; Иннокентий поклялся погубить род Фридриха II и преследовал свою цель с таким неумолимым упорством, которое может быть свойственно только личной ненависти оскорбленного священника. Известия из Англии, уведомлявшие его о том, что Генрих III склонен принять сицилийскую корону для своего сына, придали ему бодрость. В великий четверг 1254 г. он произнес отлучение против Конрада и Эщеллина и вскоре после того покинул ненадежный Рим и уехал в Умбрию.

В Ассизи он утвердил ленную грамоту на Сицилию, которую его легат Альберт передал молодому Эдмунду. Сомнения английского короля были устранены, так как его племянник, юный Генрих, бывший до сих пор вице-королем Сицилии, внезапно умер в конце 1253 г. в Мельфи, куда он был вызван Конрадом, а два маленьких сына старшего сына Фридриха, несчастного Генриха, умерли еще раньше. Злобная клевета приписала Конраду убийство, и коварное благоразумие воспользовалось этим, чтобы склонить Англию к принятию предложения о сицилийском лене. Слабоумный Генрих III с детской радостью пошел в ловушку; он послал папе

столько денег, сколько мог где-нибудь достать, а также дал ему неограниченную доверенность на учет векселей в итальянских банках. Это было все, чего желал Иннокентий; Англия должна была принести в жертву свое богатство за воображаемое королевство, а завоеванию Сицилии по повелению папы придан был характер крестового похода. Папа надеялся, что Конрад скоро будет побежден соединенными силами церкви и Англии; но молодой король неожиданно скончался от лихорадки, и это заставило Иннокентия скоро раскаяться в заключенном им с Англией договоре и забыть о нем.

Конрад IV вступил во владение Сицилией и Неаполем как своим наследием, вновь приобретенным мужественной войной, и уже готовился продолжать борьбу своего отца с папством. «Я, — уведомлял он гибеллинов, — скоро приду на север с двадцатитысячным войском, чтобы наказать мятежников и восстановить власть империи». Так писал он в апреле 1254 г., а 21 мая 1254 г. уже умер. Чрезмерное напряжение сил в жарком климате Южной Италии погубило сына Фридриха II; он умер в Лавелло в расцвете юношеских сил на 26-м году жизни в горьких жалобах на свою судьбу и на несчастье империи, разрушение которой он предвидел. Подобно его отцу и деду и всему сицилийскому роду Гогенштауфенов, он был погребен в роковой земле Италии.

Внезапное падение Гогенштауфенов принадлежит к числу тех трагических тайн, для раскрытия которых суеверное ханжество имеет всегда ключ под рукой; фактическая же история не дает его. Однако необходимость его может быть раскрыта разумом, проникающим в ее законы. Как некогда после смерти Генриха VI из дома Барбароссы остался лишь единственный наследник, ребенок, сам Фридрих II, так и теперь из многочисленного потомства этого императора оставался в живых лишь единственный законный отпрыск, сын Конрада, Конрадин, двухлетний ребенок, находившийся в Баварии. Из недоверия к Манфреду умирающий Конрад назначил опекуном этого ребенка самого папу, а наместником или управителем в королевстве маркграфа Бертольда фон Гогенбурга.

У гроба Конрада стоял Манфред, как незадолго перед тем он стоял у гроба Фридриха II. Результаты четырехлетних усилий лежали разрушенными перед ним. Будущее было снова темно и неизвестно. Кто мог не сознавать, что Италия хоронила с Конрадом IV великий период своей истории!

ГЛАВА VII

1. Бранкалеоне, римский сенатор, 1252 г. — Сведения относительно должности сенатора и устройства римской республики того времени. — Сопrotивление римских баронов и энергичное выступление нового сенатора

Во время возвращения в Рим Иннокентия IV один гражданин Болоньи своим великим умом и энергией вдруг возвел звание римского сенатора на высокую степень чести и дал самому городу временный блеск. Его управление и вообще положение римской республики в его время заслуживают внимательного рассмотрения.

Начиная с XIII века итальянские вольные города имели обыкновение избирать своих подест из аристократии других дружественных общин. Приглашенный на шесть месяцев для управления чужестранец представлял больше ручательства за его беспартийное управление и меньше вероятности укрепиться в качестве тирана, чем местный магнат. Такой обмен талантов и сил между демократиями, которые

доставляли друг другу в качестве правителей своих известнейших граждан, являлся прекрасным свидетельством республиканского братства и общей национальной связи. Итальянды приобрели этим очень большую славу. Так как на должность подесты приглашали обыкновенно только выдающихся людей, то этот призыв сам по себе служил лучшим доказательством высокой талантливости. Кто хочет познаться с настоящим цветом аристократии в великом республиканском веке Италии и узнать ее благороднейших рыцарей, полководцев, законодателей и судей, тот должен прочитать списки подест в отдельных демократиях; они в то же время дадут и перечень наиболее уважаемых фамилий, стоявших в XIII и XIV веках во главе исторической жизни общин. В то время как остальная Европа не выставила никаких достойных упоминания великих граждан, общины поражают таким обилием государственных людей и военачальников, какое было в Элладе и в Риме в их лучшие республиканские времена. В эту эпоху города поставили своей целью полное освобождение их политического духа из-под власти церкви и разрушили блестящую картину национального гражданства, существовавшую до тех пор, пока она не была после короткого процветания разрушена демонами партийности и необузданным управлением низших классов.

Римляне привыкли к тому, что торжественные посольства из многих городов, даже из Пизы и Флоренции, являлись в Капитолий, чтобы звать к себе в подесты кого-нибудь из римских аристократов; но сами они никогда не получали своего сенатора из чужого города. Если они поступили так в 1252 г., в то время, когда Иннокентий IV жил в Перуджии, то к этому их должно было принудить расстройство в делах их общины. И, наверно, не завистливое дворянство, а угнетаемый им народ путем революции провел решение передать до сих пор разделенную власть сената одному справедливому и мудрому человеку, который бы соединил в себе должность сенатора и военачальника, и искать его вне Рима.

Римляне обратились в Болонью. Этот город блистал тогда своим училищем правоведения, пользовавшимся европейской славой; богатства Болоньи были велики, сила ее оружия после Фоссальты внушала страх; в ее стенах находился в плену король. Болонский совет рекомендовал римлянам Бранкалеоне дельи Андало, графа Казалеккио, человека древнего рода, богатого и пользовавшегося уважением, строго республиканского образа мыслей и основательного знатока права. По природе своей он принадлежал к таким сильным характерам эпохи Готенштауфенов, как Салингверра, Палавичини, Бозо да Доара, Джакопо да Каррара, Аццо д'Эсте, Эццелин. Он обладал силой этих людей, но без присущего им коварства и без их страшного эгоизма. Он знал этих вождей, так как участвовал в ломбардской войне, будучи на стороне Фридриха даже и после его отлучения.

Если болонцы предложили римлянам в сенаторы гибеллина, то из этого видно, что или партийная окраска для обоих городов сделалась безразличной, или римский народ снова склонился на сторону гибеллинов. Что это произошло после смерти Фридриха II, было понятно, так как римлянам надо было бояться уже не императора, а папы. Избрание Бранкалеоне, друга Палавичини и Эццелина, было действительным протестом против возвратившейся из Лиона светской власти папы. Едва ли Иннокентий IV утвердил тогда этот выбор; скорее он только поневоле признал его и должен был на время отказаться от достигнутого его преемниками права избрания сенаторов.

Бранкалеоне заявил свое согласие управлять Римом; но так как ему были достаточно известны страсти республиканцев, а также и неукротимая дикость римской знати, то он постарался оградить себя от этих опасностей. Он потребовал себе управления на целых три года с неограниченной властью; а для обеспечения своей

личной безопасности — сыновей знатных римлян в качестве заложников. Римский народ должен был быть доведен тиранией аристократических партий до глубоко бедственного состояния, чтобы согласиться на такие неслыханные требования и передать трехлетнюю диктатуру в руки чужестранца. До сих пор общинный закон ограничивал продолжительность исполнения должности сенатора шестью месяцами; до сих пор сенатор выбирался из среды городской аристократии, и примененный в Риме в первый раз к Бранкалеоне принцип назначения сенатором чужестранца (*forensis*) был установлен лишь столетием позже.

Точный до мелочности закон определял все обязанности и права, которые пришлый сенатор должен был исполнять или которые он мог требовать. Содержание его равнялось в среднем 1500 золотым флоринам или дукатам за шесть месяцев, уплачиваемым из городской кассы. Третью часть из них он получал при своем вступлении в управление; вторую треть в начале третьего месяца; последняя треть вносилась в городскую кассу и выдавалась ему на руки только после сдачи им безупречного отчета о своем управлении. То время отличалось еще грубой простотой и было очень далеко от роскоши позднейших веков. Честь еще считалась за нечто такое, чего искали ради нее самое. Ежемесячной суммы в 750 талеров было вполне достаточно для покрытия потребностей римского сенатора, особенно если принять в расчет, что тогдашняя ценность денег была по крайней мере в семь раз выше теперешней. Из этой суммы сенатор должен был оплачивать и содержание своего придворного штата. Каждый подеста вольного города приводил с собой свою курию; коммуны гордились тем, что их подеста являлся к ним в блестящей обстановке, но они с недоверчивой расчетливостью предписывали ему, сколько он должен иметь при себе свиты, служителей, стражи и чиновников. В состав служащих при римском сенаторе входили пять нотариусов и шесть судей, из которых по крайней мере один должен был быть ученым юристом, чтобы заседать рядом с сенатором в качестве его *collateralis*, или ассистента. Они составляли его кабинет, а во всех важных случаях он должен был созывать пленарный совет капитолийских судей, или *Assestamentum*. Он содержал стражу из 20 человек пеших и 20 конных, несколько рыцарей в качестве придворной свиты и двух «маршалов» в качестве полицейских исполнителей. От этих служащих, которые назывались «фамилией» сенатора, должны быть совершенно отделены городские официалы или назначаемые народом должностные лица. Их число было очень велико, и их служба была обставлена церемониальной торжественностью, так как город ревниво заботился о том, чтобы рядом с папским двором и он был представлен множеством должностных коллегий. Городской канцлер, нотариусы, скриниарии и управляющие финансовой палатой, секретарь (*Scriba Senatus*), сенешаль, юстициарии и даже вестарии, или хранители драгоценностей и одежд, — все они, образуя многочисленные корпорации и занимая различные степени, составляли значительную массу городских чиновников.

Когда чужестранный сенатор прибыл в призвавший его город, то он был встречен с почестями, подобающими владетельному князю. Через украшенные венками пилиты, сопровождаемый приветственными криками народа, он был приведен в Капитолий, где на лестнице здания сената его встретили воинские начальники городских частей со своими знаменами и другие должностные лица. Его шествие для принятия во владение общинного дворца оживило Рим, как третье величественное официальное представление наряду с коронационными шествиями императора и папы. Перед вступлением в должность он принес клятву перед выборными от парламента исполнять уставы города, поддерживать указы против еретиков, мирно и по закону управлять городом Римом, его гражданами и принадлежащим ему округом, давать защиту богоугодным заведениям и местам благочестивого паломничества.

ва, вдовам и сиротам, охранять все права и обычаи римлян. В его руки была передана исполнительная власть во всех областях городского самоуправления. Он был политическим главой общины в мире и войне, верховный судья и военачальник. Он постановлял решения о жизни и смерти. Он принимал присягу от городских вассалов; назначал походы в местности, признававшие над собой юрисдикцию Капитолия; он посылал посланников (*ambasciatores*) к чужим государствам; заключал договоры с монархами и республиками. Он обнародовал новые законы, касающиеся финансов и юстиции, через провозглашение их герольдами, или *græcones*. Наконец, он чеканил на римских золотых и серебряных монетах свое имя, свой герб и свое изображение, на котором он был представлен коленопреклоненным перед св. Петром, передающим ему знамя инвеституры. Таким образом, папы потеряли в XIII веке право чеканить монету, предоставив его римскому народу.

В обштой мехом ярко-красной одежде, с шапочкой на голове, похожей на ту, которую носили венецианские дожи, сенатор, окруженный своим двором, во всем блеске торжественных выходов являлся представителем величия римского народа во время народных игр, при вступлении на престол пап или при каких-нибудь политических актах. Его сходная с диктатурой власть умерялась, однако, и контролировалась советами и выборными от народа и наконец ограничивалась конституционным правом народного собрания избирать подесту и давать свое согласие на избрание. Страх перед тиранами является в республиках недремлющим стражем, наблюдающим за носителем власти, и высший закон в них есть ответственность правителей перед народом. Краткосрочная должность сенатора находилась под угрозой многих опасностей вследствие партийной борьбы и народных восстаний и часто являлась не более как блестящей пыткой. Каждый его шаг подвергался наблюдению и учитывался. Он был прикреплен к Капитолию и не мог оставлять город свыше чем на известное узаконенное время и расстояние. Всякое доверчивое сношение с гражданами было ему запрещено; так, например, он никогда не мог обедать во дворце какого-нибудь магната. Пока он управлял городом, он был осужден на вдовство, так как его жена не имела права его сопровождать; не мог быть при нем и никакой близкий родственник. Пока он находился на должности (и это равно относилось ко всякому другому подесте), установлен был синдикат, особое присутственное место, которое должно было контролировать отправление должностных обязанностей им и его официальными. За два дня до окончания срока его управления бандитор публично объявлял со ступеней Капитолия о том, что светлейший римский сенатор будет подвергнут суду, и в течение десяти дней синдик выслушивал всех обвинителей. Если сенатор был уличен в дурном управлении, то он по меньшей мере присуждался к потере третьей части его содержания, а если эта сумма оказывалась недостаточной, то его держали под арестом до тех пор, пока он не давал полного удовлетворения. Если же он заслужил честь и одобрение, то город отпускал его в ту республику, откуда он пришел, и сверх того мог его наградить правом гражданства и позволить ему внести в свой герб римский герб S. P. Q. R.

Кроме всех этих ограничений, действия сенатора подлежали еще утверждению народного собрания. Во всех важных обстоятельствах его герольды созывали народ в парламент при звоне капитолийского колокола. Когда парламент был в полном составе (*plenum et publicum*), то он заседал перед зданием сената, причем граждане размещались на капитолийской площади и на прилегающем к ней склоне до теперешней piazza di Araceli. Сенатор представлял этому народному собранию проекты, касающиеся внутренних и внешних дел, и «высокий римский народ» решал затем подачей голосов, или поднятием рук, или аккламацией, следует ли вести войну с Витербо или заключить союз с другими республиками, признать ли императора или

требовать возвращения изгнанного папы. Здесь выслушивались письма монархов и городов, а иногда и голос посланников, являвшихся для того, чтобы изложить парламенту свои желания. Когда созывались только народные выборные от каждой из 13 городских частей, большой и малый совет (*consilium generale et speciale*), то они находили себе достаточное помещение в базилике Арачели. Эта уважаемая церковь была построена на месте храма Конкордии, где много раз собирались народные собрания древних римлян. *Patres conscripti* средневековой республики, Колонна, Капоччи, Франджипани, Савелли и Орсини, аристократы или демагоги, гвельфы или гибеллины, проявляли в окруженном колоннами притворе этой францисканской церкви свое дикое, безыскусное красноречие и высказывали свои нападки на императора или папу. До XVI века она была ареной парламентских дебатов и трибуналом Рима. Они имели место только в большом и малом совете, и только там выступали ораторы, чтобы поддерживать или оспаривать предложения, которые потом передавались на утверждение народного собрания, после чего сенатор обнаруживал их как законы.

Наблюдатель, бросивший взгляд на эти шумные парламенты, на трибуналы и суды Капитолия и на разнообразные проявления жизни демократии с ее присяжными товариществами, коллежиями, магистратами и их удивительной избирательной системой, проникся бы удивлением, а часто и уважением. Но эта средневековая республика исчезла из Капитолия; в городском архиве о ней не напоминает ни один пергамент. Из боковых башен перестроенного здания сената, как и из галерей дворов, исчезли также надписи и гербы всех тех республиканцев, которые в эпоху гвельфов и гибеллинов были правителями *almae Romae*.

После своего избрания в августе 1252 г. Бранкалеоне прибыл, вероятно, в начале ноября, чтобы вступить в отправление своей должности. Его сопровождала блестящая свита судей, нотариусов и рыцарей, поступивших к нему на службу в Болонье, Имоле и других городах. Это был момент, когда в первый раз высшая магистратура города состояла исключительно из чужестранцев, а начальники из Романьи управляли римской республикой. Жена его, Галеана, кажется, тоже сопутствовала сенатору. В Риме Бранкалеоне нашел такое положение вещей, упорядочение которого могло быть достигнуто только сильной волей монарха. Бедствие города состояло не в беспокойном характере демократии, а в отсутствии всякого признания закона со стороны феодальных владетелей. Их сила была слишком велика для того, чтобы она могла быть побеждена народом. Их замки и имения раскидывались по всей римской области; даже город они поделили между собой, так как они сидели в укрепленных монументах, как бы временно занимая их, находясь ежедневно в войне друг с другом из кровной мести или из честолюбия и насмехаясь над Капитолием, почетные звания которого они присваивали себе, а законов не уважали. В других республиках аристократия подчинилась городской общине и должна была перенести свое местопребывание в город; только в Риме она постоянно сохраняла свое преобладание. Мы не имеем никаких свидетельств о том, чтобы римские бароны Кампаньи подчинились городской общине, как это так часто делало дворянство, жившее в окрестностях Модены, Болоньи, Падуи или Флоренции. Римские магнаты владели укрепленными местами в городе, которые в случае нужды они снова покидали и искали безопасного пребывания в своих деревенских замках под защитой своих вооруженных вассалов. Источником их могущества была сама папская власть. Папы происходили из римских родов; они покровительствовали старым и новым родственным фамилиям или выводили их в знать и пользовались ими против городской общины. Римские синьоры заседали в значительном числе в коллегии кардиналов или между прелатами. Поэтому богатства церкви снова направлялись

недра благородных родов, и высшие должности продолжали оставаться принадлежностью ряда первенствующих фамилий. Колонна, Орсини, Савелли, Конти, Анибальди, Франджипани, Капоччи были самыми выдающимися schiatte или благородными родами, которые поочередно господствовали над Римом в XIII веке и раздробляли его на партии, так как они и сами делились на гвельфов и гибеллинов. Бранкалеоне стоило многих трудов бороться с этой гидрой, однако вначале это было успешно достигнуто им. Рим и Кампанья почувствовали его сильную руку; дороги стали безопасны, и многие из сопротивлявшихся аристократов были повешены на зубцах своих башен.

Новый сенатор немедленно заявил также претензию на верховную власть над Лациумом. Он потребовал от Террачины подданства, в числе знаков которого было то, что каждый город должен был посылать депутатов для присутствия на публичных играх. Когда он пригрозил заставить силой повиноваться, то Террачина обратилась к Иннокентию, который находился еще в Ассизи. Папа написал сенатору письмо, увещевая его отказаться от действий против Террачины, заклинал все города и всех вассалов Кампаньи оказать сопротивление римлянам в случае их вооруженного выступления и приказал ректору Кампаньи и Маритимы иподиакону Иордану собирать войска. Сенатор отказался от Террачины. Напротив, Тиволи еще в 1252 г. был занят войсками, а вскоре после того и действительно подчинен верховной власти Капитолия, чему папа не мог помешать в силу серьезных соображений.

2. Иннокентий IV пребывает в Ананьи. — Тиволи подчиняется Капитолию. — Папа готовится к тому, чтобы взять в свое владение королевство Сицилию. — Манфред становится его вассалом. — Въезд Иннокентия IV в Неаполь. — Бегство Манфреда. — Его победа при Фоджии. — Иннокентий умирает в 1254 г. — Александр IV возвращается в Рим

Мы видели, что Бранкалеоне заставил Иннокентия IV возвратиться, а затем последний вскоре поселился в Умбрии. Смерть Конрада, с которым сенатор находился в дружеских отношениях, побудила Иннокентия поспешить приблизиться к Сицилийскому королевству, которое беспримерным счастьем еще раз давалось в его владение. Он только проехал через Рим; говорил у церкви Св. Петра к народу, высказал ему много хороших слов и просил римлян поддержать его план относительно Сицилии. Отсюда он направился в Молару, замок кардинала Анибальди, и быстро уехал потом в Ананьи.

Римская милиция стояла в это время перед Тиволи. Граждане этого укрепленного города отчаянно защищались против приступов Бранкалеоне, пока наконец согласились на посредничество папы, отправили в Капитолий посланников в виде почерной процессии и принесли клятву на верность, как вассалы.

Тиволи был всегда свободной республикой и никогда не находился во владении баронов; иногда он давал у себя убежище преследуемым папам, а во время правления Фридриха II перешел на сторону гибеллинов. Церковь всегда защищала его от притязаний римлян. Припомним, что война Рима против Тибура повлекла за собой изгнание Оттона III, а другая — восстановление сената. В течение трех столетий римляне притесняли военной силой этот маленький городок, посвященный музам и сивиллам, бывший любимым местопребыванием их предков, пока он наконец попал в их власть. Тиволи сделался феодальным владением города Рима. Если Иннокентий IV предоставил римлянам такой важный город, то это доказывает, как незначи-

тельна была его светская власть в Риме и как сильно он нуждался в содействии сенатора. Его биограф утверждает, что он принял посредничество для заключения этого мира по просьбам очень обессилевших римлян, хотя папа и имел основание быть недовольным Бранкалеоне, потому что дружественно настроенный относительно Манфреда сенатор не только не исполнил просьбы папы о помощи, но, напротив, запретил давать ему взаймы, подвозить припасы в Ананьи или поставлять войска; одним словом, он ставил препятствия на пути папского предприятия относительно Сицилии. Подчинение этого королевства Святому престолу не было выгодно для римлян. Но Иннокентий, предоставив им в жертву Тиволи (в конце лета 1254 г.), купил себе этим обещание сенатора не предпринимать ничего враждебного у него в тылу в то время, когда он готовился к захвату в свое владение Апулии.

Ананьи, где он находился, родина враждебного Гогенштауфенам дома Конти, часто бывший в это время местом избрания пап, снова сделался центром всех церковных предприятий. Отсюда должны были налаживаться дела королевства. Регентство в нем за малолетнего своего сына умирающий Конрад IV поручил не Манфреду, а маркграфу Бертольду фон Гогенбургу, родственнику его жены Елисаветы. Бертольд был генералом немецких войск, находившихся в Апулии; он был могуществен и влиятелен, пока жив был Конрад, но ненавидим, как иностранец, и не стоял на высоте своей задачи. Он попытался заключить мир с папой. Его посланники, в числе которых был сам Манфред, прибыли в Ананьи, чтобы ходатайствовать о признании Конрадина, который по завещанию своего отца поставлен был под защиту церкви. Но Иннокентий требовал безусловной сдачи Сицилии. Когда назначенный им срок истек, он 8 сентября отлучил от церкви Манфреда, Фридриха Антиохийского, Бертольда фон Гогенбургу и его брата, а также и других гибеллинов. Своего племянника, кардинала Вильгельма Фиески, он назначил легатом в Сицилию и поручил ему собрать войска у Чепрано. Он дал ему полномочие брать деньги в римских банках и для этого закладывать все церковное имущество как в городе, так и в Кампаньи; брать деньги со всех вакантных и невакантных епископских кафедр, добровольно или силой; достать деньги посредством обложения налогом Сицилии и конфискации имущества всех гибеллинов, которые не покорятся церкви.

Бертольд, потерявший бодрость после отлучения, передал регентство Манфреду, который принял его после некоторого сопротивления по настоятельной просьбе сицилийских магнатов. Однако положение его было довольно опасно; многие владетели и города открыто объявили себя на стороне папы. Не имея средств для ведения войны, молодой правитель не видел в данный момент другого пути к спасению, как покориться церкви. Он заявил в Ананьи о своей покорности Иннокентию IV через своего дядю графа Гальвана Ланчия, и папа с радостью распорядился 27 сентября заключить договор: Манфред поступил на службу Святого престола в качестве наместника большей части неаполитанских владений на материке и получил, кроме Тарента и других имений, данных ему Фридрихом II, также графство Андриа как наследственный церковный лен. Так двусмысленно поступал папа, который был обязан торжественными договорами с Англией и писал королю Генриху III, что он и после смерти Конрада IV считает свой договор с Эдмундом сохранившим силу и желает, чтобы завоевание Сицилии английскими войсками приведено было в исполнение. Об этих английских переговорах не было сказано ни слова, но в своем окружном послании Иннокентий заявлял, что он желает сохранить за Конрадином иерусалимскую корону и герцогство Швабию и что сицилийцы в формулу своей присяги на подданство церкви должны включить слова: «не в ущерб правам сына Конрада».

Манфред понял намерение папы сначала сделать его безвредным, чтобы потом отделаться от него. Нужда заставила его в качестве вассала церкви явиться на границу Лациума, как только Иннокентий IV, окруженный толпой жаждущих мести сицилийских изгнанников, выехал из Ананьи для принятия в свое владение Сицилийского королевства. Сын Фридриха, держа за узду папского коня, провел смертельного врага своего рода через мост на Лирисе в наследственную землю своих предков. Правда, апулийцы встретили папу недоверчиво, но им надоело уже правление немцев и сарацин. Города надеялись получить общинную свободу, которой Конрад IV, как и Фридрих II, не терпел, а прежде всего освобождение от новых налогов, установленных Фридрихом, и от невыносимых единовременных поборов; поэтому они подчинились церкви, под защитой которой многие общины именно в самой Сицилии установили у себя республиканское правление. Бароны со своей стороны рассчитывали на возвращение им права верховного суда и других привилегий; они принесли присягу папе в Капуе. То же сделали и братья Гогенбурги; они предоставили своего товарища Манфреда его участи, чтобы получить за это лены от церкви.

Въезд Иннокентия IV в Неаполь совершился 27 октября. Упорный враг Гогенштауфенов, южноитальянский Милан, встретил папу с искренним почтением и добровольно признал его власть. Видя, как норманнское королевство без борьбы возвращается под церковное управление, Иннокентий надеялся прочно удержать его во власти церкви. Но пылкий дух Манфреда внезапно разорвал неестественное и унижительное положение. Его окружало подозрение и измена и оскорбляло неуважение возвратившихся с Иннокентием изгнанных баронов и новых фаворитов. Надменное выступление кардинала-легата, потребовавшего от него присяги на верность в то время, как о правах Конрадина больше не было и речи, разъяснило ему ожидающую его будущность, а случайное убийство его людьми одного враждебного ему магната заставило его подумать о скорейшем своем спасении. Бегство Манфреда из Ачерры, его ночной переезд верхом через Апулийские горы, внезапное появление в Лучере среди его защитников-мусульман, его мужественное выступление в поход, первые победы, переход на его сторону апулийских городов, полная неспособность папских военачальников — все это представляет привлекательное зрелище смелости, счастья и перемены обстоятельств. 2 декабря Манфред разбил неприятельское войско при Фоджиа. Легат убежал из Трои; войско его рассеялось; сам он поспешил в Неаполь, чтобы уведомить папу об этом несчастье.

Иннокентий, больной, жил там во дворце, принадлежавшем ранее знаменитому Петру де Винеис. Здесь он и умер 7 декабря 1254 г. Его предсмертное настроение, колебавшееся, как рассказывают, между гневом и раскаянием, или приписываемые ему слова прощания с жизнью выражают мнение о нем современников. Плачущие родственники с гримасами окружали его смертное ложе, и он, обратясь к ним, воскликнул: «Чего вы плачете, жалкие люди? Разве я не довольно обогатил вас?» Английский хроникер рассказывает о видении, бывшем после смерти папы: один злой кардинал видел Христа, стоящего между Девой Марией и некоторой благородной женщиной, державшей в руках изображение церкви, между тем как коленапреклоненный Иннокентий молил о прощении своих грехов. Почтенная матрона предъявила ему три главных обвинения: он превратил церковь в рабыню, сделал из храма Божия меняльную лавку и поколебал основы церкви: веру, справедливость и истину. Спаситель сказал грешнику: иди и получи возмездие за твои дела; и так его увели прочь.

Иннокентий IV, последний выдающийся средневековый папа из школы Иннокентия III, прославился своей победой над империей Гогенштауфенов. Бессове-

стный священник, лукаво игравший договорами, решительный партийный глава современного гвельфского направления, ни перед чем не отступавший, что было лично для него выгодно, он наполнил мир мятежами и междоусобными войнами и глубоко погрузил церковь в мирские дела, на которые он налагал печать святости. Всякий беспристрастный человек может лишь с отвращением смотреть на тогдашнее состояние церкви, которую Иннокентий превратил частью в постоянный военный лагерь, частью в дипломатический кабинет или в банкирскую контору; и это суждение лишь с трудом может быть смягчено ссылкой на характер того времени. Этот папа явился наследником страстных стремлений Григория IX и его предшественников к власти и получил от них задачу защищать выродившуюся церковь от сильного и не менее бессовестного противника. Когда он был кардиналом, то пользовался уважением Фридриха II за свой ясный ум и ученость; в качестве папы он, по природе вещей, сделался самым непримиримым его врагом. «Я никогда не встречал в летописях человечества, — говорит величайший историк того времени, — такой непримиримой ненависти, какая была между Иннокентием IV и Фридрихом II. Эта унаследованная партийная страсть горела с не меньшей силой в душе папы, чем в сердце императора или такого воина, как Эццеллин. Если она придает личностям того века, полного увлекающегося честолюбия, страстного стремления к свободе и благородной гражданской гордости, полным и священнического высокомерия, и наслаждения тиранией, а также и действиям тогдашних республик и правителей характер самой воинственной мужественности и самого пожирающего коварства, то она в то же время, конечно, и смягчает их преступления и безнравственность».

Смерть папы, победа Манфреда при Фоджии, распадение войска, остатки которого кардинал Фиески привел в Неаполь, — все это поразило кардиналов. Говорили, что сарацины уже приближаются, чтобы захватить священную коллегию. Только Фиески и прибывший вместе с ним в Неаполь Бертольд помешали постыдному бегству и заставили кардиналов вскоре произвести новые выборы.

В истории пап часто встречаются рядом стоящие противоположности характеров. За Иннокентием III следовал кроткий Гонорий III, за Иннокентием IV Александр IV, не желавший вовсе вести войн, толстый, здоровый человек, добродушный, справедливый и богобоязненный, но жадный до денег и слабохарактерный. Реджинальд, епископ Остии и Веллетри, был избран папой 12 декабря 1254 г. в Неаполе и 27 декабря посвящен под именем Александра IV. В его лице занял папский престол член того дома Конти, который в лице уже двух великих пап боролся с Гогенштауфенами. Он был племянник Григория IX, родом из Дженны, баронского замка в приходе Ананьи, стоящего на берегу бурного потока Анио, берущего там свое начало.

Не одаренный большими талантами, новый папа пытался идти дальше по тому опасному пути, который был ему предугазан Иннокентием IV и обстоятельствами. Он приобрел себе друзей дарениями, подтвердил ленные пожалования своего предшественника братьям Бертольду, Отгону и Людвигу фон Гогенбургам и прибавил к этим ленам, чтобы окончательно отвратить Гогенбургов от дела Манфреда, еще герцогство Амальфи. Он вел переговоры, хотя и безуспешно, и с самим Манфредом, скорое появление которого в Неаполе ожидалось со страхом. Он даже послал в Германию письма, в которых удостоверял свое благоволение к маленькому Конрадину, но вскоре после этого 9 апреля 1255 г. отправил буллу в Англию, в которой он окончательно утвердил ленное право Эдмунда и передал ему инвеституру на Сицилию, наследие Конрадина. Так Александр IV продолжал идти дальше по лабиринту политики своего предшественника. Подобно последнему, он бессовестно

обратил данный Генрихом III обет крестового похода в обязанность завоевать Сицилию и даже требовал от норвежского короля, чтобы он вместо Святого Гроба шел в Неаполь для оказания своим оружием помощи английскому королю. И после этого папы постоянно заявляли, что войны, которые велись из-за их фамильной политики, имели значение благочестивых крестовых походов!

Нужды изнуренной церкви в деньгах были велики, Генрих III обещал все, но не исполнял ничего. Когда папа потерял надежду отнять Сицилийское королевство у Манфреда, который был в нем признан Конрадином или его опекунами регентом, то он оставил Неаполь и в июле отправился в Ананьи, а в конце ноября 1255 г. был в Риме. Здесь между тем произошел очень важный переворот.

3. Правление Бранкалеоне в Риме. — Стремление цехов к усилению. — Их положение в Риме. — Организация купеческого цеха. — Учреждение демократического союза цехов. — Populus. — Бранкалеоне — первый военачальник (капитан) римского народа. — Его падение и заточение в 1255 г., — Болонья подвергнута отлучению. — Эммануэль де Мадно, сенатор. — Освобождение Бранкалеоне и его возвращение в Болонью

Уже три года Бранкалеоне с большой энергией управлял городом Римом. Надменная аристократия и в особенности Анибальди и Колонна, склонились перед его беспощадным правосудием. Силой оружия он восстановил юрисдикцию Капитолия в окрестной области и в замках баронов, перевел многие церковные имущества в городское финансовое управление, обложил сборами духовенство и подчинил его гражданскому суду. Рим, совершенно независимый от папы и от императора, сделался уважаемым вольным городом под управлением великодушного республиканца, придавшего званию сенатора действительное политическое значение. Народ любил Бранкалеоне как своего защитника; на сочувствии народа основывал он и свою силу.

Если бы до нас дошли достоверные известия о его управлении, то мы бы отметили, что римская демократия сделалась через него более могущественной, а цехи достигли более прочного развития. Мы видели, что в Перуджии они образовали вооруженные оборонительные союзы, которые вели борьбу с аристократией с целью установления народного правления, за что они и были распущены папами. Ремесленники образовали там уже в 1223 г. политические общества под главенством консулов, ректоров или приоров. В Милане профессиональные рабочие уже в 1198 г. образовали общину-креденцу св. Амвросия, а цехи во Флоренции в это время были уже прочно организованы. В Болонье ремесленники восстали в 1228 г., учредили союз и заставили дать себе место в общинной ратуше. Четвертое рабочее сословие, до сих пор устраненное от политической жизни в городских общинах, всюду стремилось вперед, стараясь приобрести участие в управлении и влияние на дела рядом с крупной буржуазией и дворянством, наполнявшими общинный совет. Усилившаяся роскошь содействовала увеличению числа ремесленников и их благосостояния. И общее стремление к власти снизу доверху охватило их ряды, погруженные до тех пор в темноту. Замечательная деятельность этих мирно работавших классов, которые начали захватывать в республиках государственную власть и в начале XIV века изменили или разрушили старинное коммунальное устройство, уничтожили или низвели с почетного положения дворянство и создали беспокойное господство низших классов, нигде не рисуется нам так ясно, как во Флоренции, и нигде эта картина не была столь печальна, как в Риме.

С древнейших времен в нем существовали ремесленные гильдии как корпорации, нравственно объединенные, хотя в том периоде, о котором мы говорим, присутствие их не замечается в документах. Древнее обозначающее их название *Schola* (цех), но оно встречается еще и в это время. В эпоху Бранкалеоне у них были старшины, называвшиеся консулами, или *capita artium*, но никакой источник не упоминает об их отношениях к capitoлийской общине. Однако немного позже не упоминает об их отношениях к capitoлийской общине. Однако немного позже, в 1267 г., представители цехов наряду с купеческими консулами принимали участие в политических актах парламента. Сколько признавалось цехов в Риме в эпоху Бранкалеоне — нам неизвестно. В 1317 г. здесь было тринадцать признанных государством профессиональных обществ, из которых товарищества купцов и земледельцев (*ars bobacteriorum*) считались, как и в древности, наиболее почетными.

Купцы в Риме, как и в других богатых итальянских городах, составляли самое могущественное товарищество. Уже в 1165 г. они вместе с корабельщиками (*magiparii*) образовали цех, пользовавшийся влиянием, так как их консулы в качестве уполномоченных от города Рима заключили в то время торговый договор с Генуей. Мы встречаемся с ними как с денежной аристократией, у которой брали взаймы Фридрих II и папы, и это доказывает, что Рим, где уже были флорентинские и сиенские банки, благодаря своим сношениям с Сицилией, Византией и Востоком была немаловажным торговым пунктом. Купеческая гильдия объединилась в новой форме в 1255 г., третьем году правления Бранкалеоне, из чего мы заключаем, что римские цеховые учреждения усилились именно через него. До этого времени гильдия имела четверых ежегодно избираемых консулов, двенадцать консилиариев, нотариусов и других чиновников. Она собиралась в своей цеховой церкви С.-Сальватора *in Pensis* (называвшейся также *in Sogaca*), около Фламиниева цирка, где на выходящей из него улице *ad apothecas*, бывшей в Средние века преимущественно торговой местностью, находились купеческие товарные склады, а гильдейским судьям предоставлено было судить всех принадлежавших к цехам на всем пространстве от «рыночной башни» до Капитолия. Купеческая гильдия, подобно другим цеховым корпорациям, избирала распорядителей, или старшин (*statutarii*), которые должны были обсуждать действующие ее законы и издавать новые. Последние, равно как и вся гильдейская книга, в которую они вносились, представлялись в Капитолий на утверждение каждого сенатора. Дошедшие до нас статуты римской купеческой гильдии были собраны в 1317 г. и записаны на латинском языке; но в этом сборнике есть много и более старинных обычаев. Статуты касаются только внутренней цеховой администрации и не говорят ни о каких политических отношениях или об участии в государственном управлении, за исключением наблюдения за монетой в целях предупреждения чеканки дурной монеты.

Ни купцы, ни другие промышленники не достигли особенного влияния в общественном управлении Рима, потому что их угнетало могущество духовенства, дворянства и владельцев недвижимой собственности. Старинные консульские роды и сенаторские фамилии крупной буржуазии из первой общины удерживали за собой власть в Капитолии, и договор 1242 г. с Перуджей и Нарни доказывал преобладание аристократии в римском сенате. Однако во время внутренних распрей, бывших при Иннокентии III и Григории IX, и после того, во время долгого отсутствия папы, низший класс народа и в Риме старался подняться кверху и пытался изменить общественное устройство. Официальный титул «капитана римского народа», который Бранкалеоне впервые присоединил к титулу сенатора и стал употреблять в актах в 1254 г., указывает по своему смыслу на народную общину, образованную из буржуазного класса (*populus*). События, подобные демократическим революциям в

Болонье, Милане, Флоренции и Перуджин, вероятно, имели место и в Риме. Уже разделение сената, бывшее при Иннокентии III, когда демократическая партия выдвинула доверенных людей (*boni homines*), могло дать первый повод для создания впоследствии *populus'a*, т. е. союза всех цехов. Что это было в духе времени, доказывает важный переворот, совершившийся во Флоренции, Здесь граждане восстали в октября 1250 г. против гибеллинской аристократии, образовали новую народную общину (*popolo*) и назначили Уберто Луккского предводителем народа (*capitano de popolo*). Без сомнения, нечто подобное произошло и в Риме. Должность народного капитана, сходная с должностью народного трибуна, была введена в 1250 г. всюду в итальянских городах, так что подеста оставался политическим представителем городской общины, тогда как капитан был облечен военной и отчасти судебной властью. В Риме, впрочем, народный капитан является лишь временно, уже потому, что здесь, как общее правило, было два сенатора; и только Бранкалеоне, соединивший в 1252 г. в своем лице разделенную сенатскую власть, стал называться «Сенатор высокого города и капитан римского народа».

Падение великого болонца подготавливалось стараниями аристократии и духовенства, в особенности обиженного дома Колонна. Когда трехлетний срок его управления истек в начале ноября и народ хотел избрать его вновь, то противная партия обвинила его перед синдиком; она шумно жаловалась, что хотят увековечить тиранию иноземца, и наконец пошла на штурм Капитолия. Бранкалеоне, принужденный сложить оружие, сдался народу и под охраной его находился сначала в Септизонии, но скоро был выдан аристократам и посажен в башню Пассерано. Благородный человек, смерти которого требовали бароны и кардиналы, несомненно погиб бы, если бы его не спасли римские заложники, которых Болонья до сих пор удерживала у себя. Его мужественная жена Галеана убежала из Рима и вместе с родственниками ее мужа умоляла болонский городской совет не выдавать заложников, а настаивать на освобождении их согражданина. Болонская республика послала почетных граждан в Рим, но папа, который после падения сенатора решил приехать в Рим, отказал в их просьбе и потребовал безусловного освобождения заложников. Болонья решительно отказалась их выдать. Бароны и многие кардиналы настойчиво потребовали тогда от папы, чтобы он наложил запрещение на этот гвельфский город, издавна бывший защитником церкви. Но даже и интердикт не сломил великодушного мужества болонцев; эти вольные граждане показали, что отлучение как устрашающее средство потеряло свою силу: римские заложники охранялись теперь еще строже.

Между тем победившая партия собиралась приступить к выбору нового сенатора. Выбор ее пал на миланца Мартина дела Торре, который, однако, отказался; затем сенатором был выбран Эммануэль де Мадио и вместе с ним другое лицо в капитаны. Эммануэль был гражданином Брешии; раньше он был подестой в Пиаченце и убежал от Эццелина в Рим. Избрание этого чужестранца, даже после падения Бранкалеоне, доказывает, что аристократия еще не решалась не обращать внимания на требования народа. Умоляющие письма римских заложников из Болоньи, твердость болонских граждан, которые сверх того послали папе двух его родственников, захваченных в Романьи, — все это привело наконец к освобождению Бранкалеоне, а может быть, оно вынуждено было и угрожающим поведением народа. Его заставили перед синдиком нового сенатора отказаться от своих прав, что он сделал с объяснением, что к этому он был принужден силой. Когда он в августе или сентябре 1256 г. выехал из Рима, то римские бароны послали вместе с ним во Флоренцию синдика Андрея Мардоне и заявили флорентинскому городскому совету просьбу не выпускать опасного экс-сенатора из города, прежде чем он не повторит

клятвенный отказ, данный им уже в Риме. Бранкалеоне дал его с той же оговоркой о своих правах относительно римской общины и частных лиц, так как от этих прав, как он пояснил, он никогда не откажется; без сомнения, в числе их было и требование части его содержания, удержанной в городском казначействе. Затем он возвратился, покрытый славой, в свой родной город, который после выдачи заложников был освобожден от запрещения.

4. Падение Эммануэля де Маджо, 1257 г. — Демагог Матеус де Беальвере. — Второе сенаторство Бранкалеоне. — Наказание аристократов. — Разрушение их башен в Риме. — Смерть Бранкалеоне, 1258 г. — Почитание его памяти. — Его монеты. — Кастеллано дельи Андало, сенатор. — Его падение и заточение. — Наполеон Орсини и Рихард Анибальди, сенаторы. — Падение дома Романо. — Флагелланты

Правление Эммануэля де Маджо было бурно и несчастливо. Креатура гвельфской аристократии, он служил только партийным целям и ожесточил своей слабостью или своим дурным обращением народ, привыкший к заботливому отношению к нему Бранкалеоне. Анибальди, Колонна, Поли, Малабранка и другие магнаты захватили власть в свои руки; старая смута началась опять, и ненавистная дворянская реакция вызвала гражданскую войну. Народ, желавший возвратиться к твердому правлению Бранкалеоне, начал восстание; сражались вокруг Капитолия и на улицах города. Весной 1257 г. восстание сделалось всеобщим. Цехи соединились и избрали своим главой булочного мастера, родом англичанина, Матвея де Бельвере. Эммануэль был убит во время гражданской войны, часть аристократов изгнана, сам папа принужден был уехать в Витербо, где он и находился в конце мая.

Римский народ тотчас снова призвал Бранкалеоне; он явился не без опасения, так как церковь подстерегала его. Римляне с ликованием встретили благородного человека, который в течение трех лет твердо управлял городом и защищал его граждан от заносчивости аристократии. Без сомнения, сенаторская должность была ему вручена еще на три года.

Бранкалеоне начал свое второе правление строгостью, которая, может быть, была усилена чувством мести, но была необходима ввиду состояния города. Все угнетатели народа были им изгнаны, или закованы в цепи, или казнены. Он велел повесить двоих Анибальди, родственников кардинала Рихарда. С Манфредом, который был теперь полным господином Сицилийского королевства как на материке, так и на острове и уже думал возложить на себя корону, он заключил союз в целях уничтожения гвельфской партии. То противоречие, что Бранкалеоне, республиканец по характеру и по убеждениям, вступил в союз с национальными врагами итальянской городской свободы, вытекало из положения города Рима по отношению к папе. В то время как в других местах папа являлся естественным главой гвельфов и покровителем муниципальной независимости, в Риме он действовал как гибеллин, именно как защитник феодальных баронов, при содействии которых он только и мог обуздывать демократию. Александр IV отлучил Бранкалеоне и его советников. На его бессильную месть ответили насмешкой. Сенатор заявил, что папа не имел права отлучать от церкви римских должностных лиц. Затем в публичном воззвании он оповестил о карательном походе против Ананьи; эта родина папы, как она была названа, должна была поклониться сенату или быть стертой с лица земли. Родственники Александра, посланные в Витербо смущенными гражданами Ананьи, бросились с мольбой к ногам папы, так что он принужден был снизойти до просьбы о по-

щаде перед грозным сенатором. Вероятно, он снял с него отлучение. Гражданская власть папы в Риме совершенно уже не признавалась.

Теперь Бранкалеоне хотел решительным ударом сломить упорное сопротивление магнатов. Он приказал разрушить дворянские замки, бывшие средством притеснения народа, темницами должников, вертепами постыдного насилия. По этому проскрипционному списку в 1257 г. должны были быть уничтожены более ста сорока укрепленных башен, на которые народ набросился с бешенством. Количество разрушенных замков может дать понятие об их общем числе. Если даже этот справедливый закон распространялся на большую часть башен, то едва ли Бранкалеоне велел все их разрушить, и, конечно, многие из башен, принадлежавших гибеллинам или дружественным магнатам, были пощажены. Если мы по поверхностному расчету выразим число дворянских башен в городе цифрой 300, если примем такое же число башен на городских стенах и столько же на церквях, то окажется, что тогдашний Рим представлял воинственную картину города, воздымающего к небу 900 башен. Так как многие из этих башен, составлявшие значительную часть баронских дворцов, были воздвигнуты на древних постройках, то это систематическое истребление их послужило причиной гибели многих памятников древности. Поэтому Бранкалеоне считается одним из худших врагов римских монументов, и с него начинается новая эпоха разрушения античного города. В XIV веке сложилась даже легенда о том, что он разрушил храм Квирина. Предназначенные к уничтожению дворцы были в то же время отданы на разграбление, и при этом погибли также многие фамильные архивы вместе с хранившимися в них документами.

Вид, который имел город после этого акта правосудия, должен был быть ужасен, но Рим, как и другие города, был привычен к таким разрушениям. Граждане того времени никогда не наслаждались ощущением безопасного и благоустроенного отечества. Они постоянно ходили среди развалин и почти каждый день видели, что к ним прибавляются новые развалины. Варварское разрушение домов было столь же обыкновенным делом, как любое полицейское распоряжение в наши дни. Средневековые города находились в состоянии постоянной революции, и улицы, стены и жилища отражали в своем быстром изменении характер партийной свирепости и беспокойство вечно изменчивого управления. Как только народ где-нибудь поднимал восстание, так он разрушал дома врагов; когда один род воевал с другим, то разрушались дворцы побежденной стороны; когда государственная власть изгоняла виновных, то их жилища подвергались разорению; когда инквизиция находила в каком-нибудь доме еретика, то этот дом по распоряжению государственной власти сравнивался с землей; если войско овладевало неприятельским городом, то разрушало стены, если только не обращало в развалины и сам город. После знаменитой битвы при Монтаперто озлобленные гибеллины только благодаря великодушному негодованию великого гражданина были удержаны от разрушения Флоренции; и еще в конце XIII века гнев папы сровнял с землей целый город. Бонифаций VIII велел посыпать солью развалины Палестрины, как когда-то Барбаросса сделал то же с Миланом.

Одновременно с гибелью своих башен погибли и владившие ими дворянские роды, так как многие магнаты искупили свою вину изгнанием, конфискацией имений и смертью от руки палача. Зато спокойствие и безопасность царили теперь в городе и в Кампани, где разбойничий сброд был истреблен.

Бранкалеоне управлял, внушая страх и любовь, но недолго. Он заболел лихорадкой во время осады Корнето, города, имевшего важное значение как хлебный рынок и отказавшего ему в присяге на подданство; он велел перевезти себя в Рим и умер в Капитолии в расцвете жизненных сил в 1258 г. Единогласное суждение современников прославило Бранкалеоне д'Андало как непреклонного мстителя

всякой несправедливости, строгого друга закона и защитника народа — лучшая похвала правителю того времени. В этом великом гражданине Болоньи, практическом питомце тамошней школы правоведения, снова возродился античный дух и блестяще проявилась республиканская сила этой эпохи. Для его славы в потомстве достаточно уже того, что он был в состоянии в течение многих лет водворять порядок в расстроенном городе и дать ему свободу, основанную на законе. Если бы он правил дольше, то он внес бы большие изменения в отношения города к папе, и даже продолжительная тирания подобного человека могла бы быть только благодетельна для римлян.

Народ необыкновенным образом почтил память своего лучшего сенатора: его голова в виде реликвии была положена в драгоценную вазу и для увековечения его памяти выставлена на мраморной колонне. Это был странный апофеоз, но все же такой трофеей более украсил Капитолий, чем миланский Каррочиум. Теперь воспоминание о Бранкалеоне исчезло в Риме, где о нем не говорит никакой памятник, никакая надпись. Сохранились только его монеты. На одной стороне их находится изображение идущего льва и имя Бранкалеоне, на другой — Рома на троне с шаром и пальмовой ветвью в руках и надпись «Рим — глава мира». Таким образом, имя сенатора было в первый раз поставлено на римских монетах, и они были отмечены только светскими символами, без употреблявшегося до сих пор изображения св. Петра или его имени.

Избавившись в своем владении от самого могущественного своего врага, папа надеялся снова восстановить в Риме господство Святого престола. Он отправил в город послов и запретил выбирать нового сенатора без своего согласия. Но римляне только смеялись над его приказанием. Умирая, Бранкалеоне советовал им выбрать ему в преемники его собственного дядю; таким образом, сенатором был назначен Каstellано дельи Андало, бывший до сих пор претором в Фермо. Напрасно папа требовал осуществления своего избирательного права; напрасно он говорил, что даже как простой римский гражданин он имеет голос при выборе сенатора. Александр IV находился в это время в Ананьи; он не возвращался уже больше в Рим. По примеру своего племянника Каstellано тоже обезопасил себя заложниками, но его положение было труднее, и падение его было неизбежно. Изгнанная аристократия так же, как и папа, подкапывались под его власть, так что он только при постоянной борьбе мог продержаться до весны 1259 г. Подкупленная чернь восстала против дяди Бранкалеоне; изгнанный из Капитолия Каstellано бросился в одно из римских укреплений и мужественно сопротивлялся здесь нападающим. Теперь под влиянием папы опять были выбраны два местных сенатора: Наполеон, сын знаменитого Матеуса Рубеуса из дома Орсини, и Рихард, сын Петра Анибальди. Хотя с этой реставрации старинной системы гвельфская партия снова вошла в силу, однако и эти сенаторы продолжали охранять независимость Капитолия. Они возобновили заключенный еще Бранкалеоне и Эмануэлем де Мадии мир с Тиволи в таком окончательном виде, что этот город навсегда отдавался в вассальную зависимость римскому народу. После этого он не только платил ежегодную дань в тысячу фунтов, но и получал назначенного римским общинным советом подесту с титулом графа. Он сохранил, однако, право жить по своим статутам и назначать себе седиалиса, или городского судью, *Capitaneus Militiae*, или народного трибуна, и других городских должностных лиц.

Каstellано, сложивший оружие, томился в тюрьме и так же, как раньше его племянник, был огражден от смерти только римскими заложниками, которых он держал под охраной своих друзей в Болонье. Так как римляне опасались за судьбу этих мальчиков, то они обратились к папе с просьбой защитить их. Поэтому Алек-

сандр потребовал от болонской общины, чтобы она взяла этих заложников под свою собственную охрану, но она отказалась, вследствие чего папа наложил через витербского епископа интердикт на Болонью. Кастеллано спасло наконец замечательное движение в итальянских городах, последовавшее за падением Эццелина и его дома. Этот вошедший в пословицу средневековый городской тиран мало-помалу приобретал господство над самыми значительными общинами Ломбардии. Никакие обольщения со стороны пап не могли заставить зятя Фридриха изменить своим принципам и перейти на службу церкви, которая за эту цену простила бы ему всякое преступление. После геройского сопротивления 27 сентября 1259 г. он попал во власть соединившихся его врагов. Историки описывают последнюю борьбу этого необыкновенного человека, в котором условия того времени превратили стремления к высокой добродетели в дьявольские преступления, так что он сделался бессмертным, как Нерон своего времени. Они изображают ликование людей, стекавшихся, чтобы насладиться видом пленного тирана, и сравнивают этого страшного человека с сидящим в молчании филином, вокруг которого шумит рой обыкновенных птиц. Эццелин умер, отягощенный тройным проклятием, полный молчаливого презрения к миру, к папству и к собственной судьбе, предсказанной ему астрологами; он умер 7 октября 1259 г. в замке Сончино, где и был похоронен с честью. Ужасна была судьба его вновь отпавшего от церкви брата Альбериха, который после отчаянного сопротивления в башне Св. Зенона сдался со своими семью сыновьями, двумя дочерьми и женой. Вся его семья была задушена у него на глазах, а сам он привязан был к лошадям, которые волочили его до смерти.

Страшная гибель дома Романо присоединилась к другим ужасам, заставив уже переполненные чувства людей выступить через край. Бесперывные войны и бедствия посещали города. «Душа моя ужасается, — пишет один хроникер того времени, — рассказывать о страданиях моего времени и его гибели, так как вот уже двадцать лет прошло, как из-за раздора между церковью и империей итальянская кровь льется рекой». Электрический удар вдруг прошел по человечеству и направил его к покаянию; бесчисленные толпы с жалобными криками появились в городах; сотни, тысячи, даже десятки тысяч шли процессиями, бичуя себя до крови, и следовали дальше. Один город за другим захватывались этим потоком отчаяния, и скоро горы и долины огласились горестным воплем: «Мир! Мир! Господи, помилуй нас!» Многие историки того времени с удивлением говорят об этом поразительном явлении; все согласны в том, что эта моральная буря прежде всего началась в Перуджини и потом перешла в Рим. Она захватывала людей всех возрастов и все общественные классы. Даже пятилетние дети бичевали себя. Монахи и священники брали крест и проповедовали покаяние; древние отшельники выходили из своих гробниц в пустыне, впервые появлялись на улицах и проповедовали покаяние. Люди сбрасывали с себя платье до пояса, покрывали голову монашеским куколом и брались за бичи. Они шли сомкнутыми рядами один за другим или попарно, ночью со свечами, босые в зимний мороз; с наводящими ужас песнями они обходили кругом церквей; с плачем падали ниц перед алтарями; бичевали себя под пение гимнов о стражах Господних с неистовством, похожим на безумие. Иногда они бросались на землю, иногда поднимали свои голые руки к небу. Тот, кто их видел, должен был быть каменным, чтобы не делать того же, что и они. Раздоры прекращались; ростовщики и разбойники предавали себя в руки правосудия; грешники признавались в грехах; тюрьмы отворялись; убийцы шли к своим жертвам, давали им в руки обнаженный меч и умоляли убить их, но эти с отвращением отбрасывали от себя оружие и со слезами падали к ногам своих обидчиков. Когда эти страшные бродячие толпы направлялись в другой город, то они обрушивались на него, как грозная буря, и таким об-

разом, болезнь бичующихся братьев передавалась, как зараза, все дальше из одного города в другой. В Рим они пришли поздней осенью 1260 г. из Перуджи, и даже суровые римляне впали в экстаз. Их тюрьмы отворились, и таким образом, Каstellано д'Андало ушел из Рима в свой родной город Болонью.

Появление бичующихся есть один из самых потрясающих феноменов Средневековья. В благочестивом неистовстве крестовых походов высказалось вызванное подобным же продолжительным беспорядком, вследствие борьбы империи с церковью, страстное стремление человечества к своему спасению; в бурном явлении бичующихся 1260 г. повторилось то же стремление. Страдающее человечество соединило в глубине своей души впечатления поражавших его событий: ереси, инквизиция и костры, фанатизм нищенствующих монахов, татары, свирепая борьба двух мировых властей, неистовства партий, опустошительная междоусобная война во всех городах, такая тирания, как тирания Эццелина, голод, чума, проказа — таковы были бедствия, бичевавшие тогдашний мир. Демоническое шествие флагеллантов было народным выражением общего бедствия, отчаянным протестом и наложением на себя покаяния, по собственному почину, тогдашним обществом, которое так же сильно было охвачено эпидемическим массовым чувством, как и поколение крестовых походов. В столь мрачном покаянном виде человечество прощалось с эпохой мировой борьбы между церковью и империей. В конце этой эпохи явился гений, бывший ее плодом. Это был Данте, воздвигший средневековому миру единственный в своем роде памятник. Его бессмертное творение подобно чудному собору с готическими башнями, на зубцах которого видны выдающиеся образы того времени, императоры и папы, еретики и святые, тираны, старые и новые, ученые и творцы, рабы и свободные, стоящие в рядах вокруг кающегося человечества, дух которого ищет свободы.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

ИСТОРИЯ РИМА С 1260 ПО 1305 Г.

ГЛАВА I

1. Германская империя. — Манфред, король Сицилии. — Его отношение к папе и к Италии. — Великая победа гибеллинов при Монтаперто. — Флоренция и другие города присягают на верность Манфреду. — Гвельфы обращаются в Германию к Конрадину. — Смерть Александра IV, 1261 г. — Урбан IV избран папой

Изнуренная итальянскими войнами Германия впала в состояние внутреннего разложения и бессилия, из которого старая империя уже не поднялась никогда. Немецкая корона после гибели Вильгельма Голландского в войне с фризами (28 января 1256 г.), пренебрегаемая разьединенными князьями, продавалась тому, кто дороже давал. Ослабшее национальное чувство перенесло возведение на престол великих императоров двух чужеземных государей — Ричарда Корнваллийского и Альфонса Кастильского, но общее истощение было так велико, что двойное избрание, делавшее пап снова третейскими судьями в Германии, не вызвало уже никакой борьбы. Эти иноземные короли без сопротивления признали судебную власть пап над империей и являлись на ее развалинах лишь образами, отражающими ее глубокий упадок.

Счастливее был Манфред в Сицилии, на земле которой уже не было ни одного папского наемника. Он стремился к короне и получил ее. На основании распространенного, по всей вероятности с намерением, и искусно использованного слуха о смерти Конрадина он короновался как король 10 августа 1258 г. в Палермо. Хотя это действие было явным присвоением прав настоящего наследника, однако оно отвечало требованиям страны, и обстоятельства вынуждали и оправдывали его: оно находило себе оправдание и в примере Филиппа Швабского, который таким же образом из опекуна своего племянника сделался похителем его короны. Протестовавшим посланникам Конрадина Манфред вполне основательно заявил, что владычество над Сицилией живущего в отдаленной Германии ребенка было невозможно, что Сицилия может повиноваться только туземному государю, что сам он по рождению и воспитанию итальянец и желает владеть, как законный монарх, королевством, которое он отвоевал своим мечом у двух пап, что после его смерти Конрадин может быть его наследником. Коронование Манфреда было таким актом, который сделал его врагом легитимных притязаний Гогенштауфенов на Сицилию и заставил его не допускать последних к итальянским границам и охранять национальный принцип Италии. Политическая связь ее с Германией таким образом, уничтожалась, и создавался тот порядок вещей, к которому стремились гвельфы.

Когда Манфред из наместника Конрадина сделался его врагом и из представителя Германии — национальным итальянским государем, то благоразумие, может быть, требовало от Александра IV при благоприятных условиях королем — ленником церкви, как раньше один из пап сделал это по отношению к нор-

манну Рожеру, когда он стал королем Сицилии. Но Манфред хотел быть не ленным правителем, а самостоятельным монархом, и последствием его коронования было признание папой недействительным этот акт, новое отлучение и наложение интердикта на всех епископов и города, которые его признают. Ненависть папской курии к роду Фридриха оставалась непримиримой; она основательно подозревала, что Манфред навсегда останется врагом папских притязаний и до тех пор не успокоится, пока не достигнет королевской власти над Италией и не возложит на себя императорскую корону.

Несколько раз возобновлявшиеся попытки примирения разбились также о требование папы удалить из Италии сарацин. Постоянное пребывание этой магометанской колонии в Апулии напоминает историю того времени, когда арабы из своих разбойнических замков на Гарильяно наводили страх на Италию. Фридрих II поселил в Лучерии их сицилийских соплеменников в качестве постоянно готового к бою лагеря отличных стрелков из лука. Монахи-проповедники, которых к ним несколько раз посылал Григорий IX, не обратили их. Имя Аллаха после этого, как и раньше, продолжали произносить с высоты башен, и ученые книжники продолжали в мечетях изъяснять Коран. Фридрих составил свою гвардию из сарацин и безо всякого преубеждения возвел многих мусульман на высокие должности. Эти магометане жили благодаря терпимости Гогенштауфенов и оставались им верными. Если показание английского хроникера, что их было 60 000 человек, способных к бою, и преувеличено, то все же они были достаточно многочисленны, чтобы их присутствие могло беспокоить папу. В войнах Гогенштауфенов против церкви они были единственным постоянным войском, самыми энергичными бойцами и самыми беспощадными истребителями их врагов. Будучи недоступны действию церковного отлучения, они убивали священников и нищенствующих монахов, сжигали без угрозы совести церкви и монастыри и уничтожали взятые ими города, как, например, Альбано и Сорю при Фридрихе II, как Арриано при Манфреде. Их колония в Южной Италии была для пап занозой в сердце. Александр IV требовал их удаления, но Манфред был обязан своим спасением исключительно их верности и своими первыми успехами — их лукам и стрелам. Он взял их под свою защиту и, подобно своему отцу, постоянно вызывал новые отряды арабов, приходившие с берегов Африки, чтобы наниматься на службу в его войска. Папы называли его султаном и союзником язычников, и их проповедь крестовых походов была всегда направлена одновременно против Манфреда и против сарацинов Лучерии.

После своего коронования он вступил в новую эпоху своей жизни. Он скоро приобрел влияние в Средней и Северной Италии; его могущество принимало широкие размеры. Его занимала мысль соединить Италию под своим скипетром, как национального короля, хотя выполнение ее встречало бесконечные затруднения. Разрыв с Конрадином и Германией сблизил его с гвельфами: он вступил в союз, возникший в результате падения Эццелина, и заключил договоры с Генуей и Венецией. Однако скоро оказалось, что гвельфская партия уже не была настоящей национальной партией, потому что она находилась в союзе с тем самым папством, которое продавало Италию иноземным правителям. Измена пап стране подняла национальное чувство всех патриотически настроенных итальянцев, и в течение некоторого времени Манфред был самым желанным человеком в Италии. Он мог стремиться даже к императорской короне, бывшей для него высшей целью. Так как он предвидел, что примирение с папой будет невозможно, то он вернулся к традициям своего дома и повел вместе с гибеллинами борьбу против церковного государства. Он назначил Уберто Паллавичини, главу гибеллинов в Северной Италии, своим

капитаном в Ломбардии, генуэзца Парсиваля Дориа своим наместником в Сполето и в Марках и Иордана д'Англано, графа С.-Северино, своего кровного родственника, наместником в Тоскане. Эта страна, в которой центральным гибеллинским пунктом была Сиена, присягнула Манфреду как верховному владельцу и протектору со дня знаменитой битвы при Монтаперто. Граждане Сиены, соединившись с изгнанными флорентинскими гибеллинами, бывшими под начальством их главы великого Фарината дельи Уберти, и поддержанные немцами под начальством Иордана д'Англано, уничтожили здесь на берегах Арбии 4 сентября 1250 г. союзных гвельфов. Могущественная Флоренция отворила ворота гибеллинам и присягнула представителю Манфреда, графу Иордану: событие, имевшее тяжелые последствия. Оно уменьшило власть пап; оно рассеяло гвельфскую партию и сделало ее непримиримым врагом Манфреда; оно привязало его вполне к гибеллинам, в объятия которых он теперь бросился. Оно уничтожило для него возможность примирения с церковью, которая в своем бедствии призвала на помощь иноземного деспота, но оно тотчас же создало для Манфреда новое прочное положение в Средней Италии, откуда он мог угрожать папе и держать в тревоге все церковное государство вплоть до ворот Рима.

Гвельфы Флоренции и других городов в своей беспомощности бросились в Лукку, их последнее убежище. Они обратились даже (так странно изменились партии) к Германии и призывали Конрадина прийти, отнять корону у похитителя и снова восстановить право империи. Последний, внук Фридриха II, восьмилетний ребенок, отвечал им через своего дядю Людвига Баварского; он принял Флоренцию и гвельфский союз под свою бессильную защиту, объявил Манфреда и гибеллинов своими врагами и обещал скоро лично прибыть в Италию или прислать туда своего легата, если это допустят немецкие князья. Между тем Александр IV, глубоко пораженный падением Флоренции, наложил отлучение на Сиену и гибеллинов, вызвал их к себе на суд и заклинал Пизу отказаться от союза с Манфредом. Но Флоренция, ставшая теперь гибеллинской, Пиза, Сиена и многие другие города заключили 28 марта 1261 г. наступательный и оборонительный союз под главенством Манфреда против всех гвельфов и их сторонников. Таким образом, старинный тусцийский союз очутился во власти Манфреда. Только умбрийский союз, во главе которого находилась гвельфская Перуджия, сдерживал еще его успехи и оставался верен церкви.

Вскоре после этого, 25 мая 1261 г., удрученный горем, слабый Александр IV умер в Витербо, куда он незадолго перед тем переселился после долговременного пребывания в Ананьи и непродолжительного в беспокойном Риме.

Восемь кардиналов (лишь столько было их в то время в священной коллегии) прибыли в Витербо для новых выборов. Несколько месяцев колебались они подать свои голоса, пока наконец 29 августа был избран папой случайно присутствовавший иерусалимский патриарх. Иаков Панталеон, сын сапожника из Труа, был прелат, возвысившийся в церкви своими талантами и счастьем. Тот факт, что француз достиг Святого Престола, указывал на новые политические условия, которые заставили папство, к его несчастью, покинуть национальный путь и отдаться в руки французской монархии. Цель пап, заключавшаяся в низвержении последних Гогенштауфенов в Италии, послужила основанием для их тесного сближения с Францией; и эта цель была достигнута неизмеримо дорогой ценой.

Панталеон, коронованный в Витербо 4 сентября 1261 г., воспринял унаследованную им от его предшественников ненависть к «змеиному отродью» Фридриха II со всей страстью личного врага. Он не поехал в Рим и никогда не вступал в Латеран.

2. Борьба в Риме из-за выбора сенатора. — Иоанн Савелли и Анибальдо Анибальди — сенаторы, 1261 г. — Гвельфы выставляют на должность сенатора Ричарда Корнваллийского, гибеллины — Манфреда. — Король Анжуйский — кандидат на должность сенатора. — Урбан IV предлагает ему Сицилию. — Переговоры относительно принятия им сенаторского звания. — Госелен и Кантельми — первые просенаторы, заместители Карла. — Война гвельфов и гибеллинов в римской Тусции. — Петр де Вико. — Умыслы Манфреда против Рима расстраиваются. — Нападение Петра де Вико на Рим отбито. — Смерть Урбана IV в 1264 г.

Теперь начался спор о выборе сенатора. За Наполеоном Орсини и Ричардом Анибальди следовали в должности сенаторов Иоанн Савелли и Анибальдо Анибальди, племянник Александра IV; когда же они ушли в Пасху 1261 г., то по поводу выборов дело дошло до горячей распри, заставившей папу уехать в Витербо. Тогда город так решительно разделился между гвельфами и гибеллинами, что эти партийные отношения установились в нем надолго. Вскоре после смерти Александра гвельфы выбрали в пожизненные сенаторы Ричарда Корнваллийского, коронованного римского короля, после того как их голоса были куплены английским кардиналом Иоанном ди С.-Лоренцо. Другая партия провозгласила, напротив, сенатором Манфреда. Это было в первый раз, когда римляне передавали чуждому королю так ревниво охраняемую ими сенаторскую власть, и это доказывает падение у них демократического духа. Дух свободы исчез из Рима вместе с Бранкаеоне, и этот благородный человек был последним истинным республиканцем в Капитолии. Чувство независимости и величие всех вытекающих из него гражданских добродетелей понизились в это время и в других городских общинах; героическая сила, вложенная в них борьбой за свободу против Гогенштауфенов, исчезла вместе с внешней опасностью. Истощенные общины колебались между правлением черни и тиранией и явно приближались к монархическому принципу.

Будучи слишком слабыми, чтобы держаться против папы, римляне избирали своими сенаторами государей в том расчете, что король-сенатор будет защищать их собственную свободу против притязаний Святого престола с большей силой, чем это мог бы сделать какой-нибудь другой подеста. Манфред подавал им надежду на это, так как он оспаривал судебную власть папы над империей, тогда как оба других претендента на корону уступали эту власть папе.

Талантливый король находился наверху своего счастья, непостоянно благосклонностью которого он наслаждался среди своего блестящего и веселого, украшенного музами двора в Сицилии и Апулии. Его влияние простиралось даже на Пьемонт. Могущественные короли дружили с ним. После смерти своей жены Беатрисы он в 1259 г. вступил в брак с Еленой, дочерью эпирского деспота, а свою дочь Констанцу в 1262 г. выдал замуж за Петра Арагонского, сына короля Иакова, несмотря на возражение папы, который как будто предчувствовал Немезиду, которая должна была восстать со временем из этого брака для отмщения за гибель Гогенштауфенов. Выбор в сенаторы должен был иметь для Манфреда очень большое значение. Что могло для него быть желательнее того, чтобы вместе с городами Тосканы и Рим тоже находился в его власти? Там гвельфы и гибеллины спорили лишь о выборе Ричарда или Манфреда, тогда как папа старался устранить обоих претендентов, и действительно, Урбану IV удалось прекратить партийную борьбу. Спокойствие, по-видимому, восстановилось в городе, так как народ передал правление в руки доверенных людей, дав им полномочия окончательно решить вопрос о выборе сенатора. Этот выборный комитет консерваторов

республики стоял больше года во главе городского управления. Когда же народ захотел положить конец такому временному порядку и передать сенаторскую власть которому-нибудь из двоих, Ричарду или Манфреду, то партии снова начали междоусобную войну. Умеренная партия сделала предложение избрать Петра Драгонского, зятя Манфреда, а гвельфы покинули далекого Ричарда и соединили свои голоса на близком Карле Анжуйском.

Избрание этого французского принца получило важное историческое значение, так как Урбан IV тотчас же вошел с ним в переговоры о передаче ему сицилийской короны. Это королевство или, скорее, сицилийский народ, которому папы так много говорили о свободе и независимости, уже много лет предлагался ими, как безвольное стадо, тому, кто меньше требовал от них. Генрих III Английский принял это предложение для своего сына, так что норманны после падения их династии далеким круговым путем через Англию снова возвратились бы сюда. Но непрерывные войны с английскими баронами, конституцию которых он пытался уничтожить, сопротивление английской церкви против дальнейшего обложения ее налогами, отдаленность и неверность предприятия не позволили Генриху выполнить свое обещание. Молодой Эдмунд оставался в Британии бумажным королем, нисколько не нарушившим спокойствия Манфреда. Поэтому Урбан IV решил выставить другого претендента, прославившегося на войне принца из строго католической Франции. Это был Карл, меньший брат Людовика IX, граф Анжуйский и Мэнский, владетель Прованса и Форкалькье. Эти владения он получил после смерти последнего графа Прованского Раймунда Беренгара IV как приданое за его дочь Батрисой. Уже Иннокентий IV предлагал ему Сицилию, но эта сделка не состоялась вследствие несогласия Франции. Француз Урбан IV возобновил это предложение, когда вследствие битвы при Арбии могущество Манфреда очень возросло. В 1262 г. он отправил во Францию поверенного для переговоров, и Карл охотно схватился за предлагаемую ему корону. К этому побудило его и собственное желание, и честолюбие его жены. Батриса не могла переносить того, что она по своему рангу стояла ниже трех своих сестер, которые все были королевами: Маргарита была женой Людовика IX, Элеонора — Генриха III, Санция — Ричарда Корнваллийского. К чести святого Людовика следует заметить, что он не хотел дать своего согласия на завоевание Сицилии его братом, так как им были бы нарушены чужие права; однако его сомнения были устранены папой, указавшим на то, что обладание Сицилией проложит дорогу на Восток.

Урбан IV объявил 28 июля 1263 г. о прекращении договора с Эдмундом, хотя Генрих III не соглашался отказаться от своих претензий на Сицилию, ради которых Англия бесполезно жертвовала своим имуществом; но король, а также и Ричард Корнваллийский были в это время в плену у графа Лейчестерского Симона Монфора. Наконец король согласился отказаться от договора. Урбан вел с Карлом переговоры об условиях ленного договора, а граф в это время без ведома папы хлопотал о выборе его в сенаторы в Риме. Избрание это произошло в начале августа 1263 г. Итальянцы обвиняли Урбана IV в том, что он призвал в Италию иностранную династию, но эта вина может быть еще с большим основанием возложена на всю гвельфскую партию их страны, которая отклонилась от национального принципа. Гвельфы и папы, в узком сознании которых не осталось ничего от великого духа Александра III и Иннокентия III, снова открыли Италию для иноземного владычества. Он явился, полный алчности, и с его победой исчезла национальная мысль, а также пало и величие прежнего папства.

Римляне, впрочем, так мало уважали права своих постоянно живших в изгнании пап, что они или вовсе не уведомили Урбана об избрании ими нового сенатора, или уведомили только тогда, когда он уже давно, по слухам, знал об этом. Он жил в Орвието, будучи в разладе с Римом. Тамошние банки имели еще большие суммы за бывшей у них в долгу церковью, которые не могли быть уплачены; если бы Урбан появился в Латеране, то его сразу стали бы преследовать и толпы кредиторов, и разъяренные гибеллины. Фактически он уже не обладал в Риме никакой гражданской властью, и со времени Бранкалеоне Святой престол потерял и право на инвеституру сенаторов. Неожиданное избрание Карла в сенаторы поразило Урбана, так как оно пришлось как раз во время переговоров об отдаче Сицилии в ленное владение. Соединение сенаторской власти с короной Сицилии в лице честолюбивого принца грозило независимости папы серьезной опасностью. Он боялся попасть из Сицилы в Харибду — из-под ига швабов в тиранию провансальцев; короче говоря, на карту ставилась верховная власть над Римом.

В числе первых условий, поставленных графу Анжуйскому по поводу Сицилии, была статья о том, что он не должен принимать звания сенатора или подесты ни в Риме, ни где бы то ни было в Церковной области; однако Урбан был принужден отменить этот пункт и даже настоятельно советовал Карлу принять звание сенатора. Если бы он уклонился от этого, то выбор, по всей вероятности, пал бы на зятя Манфреда, и это задержало бы завоевание королевства, тогда как приобретение власти в Риме было для Карла первым верным шагом к нему. Поэтому после долгих совещаний с кардиналами Урбан поручил своему легату представить это соображение графу, но не соглашаться на принятие им пожизненного сенаторского звания. Он велел ему употребить в дело такие дипломатические хитрости, которые указывают на него как на человека, игравшего клятвами. Если Карл дал римлянам клятву быть сенатором на всю жизнь, то легат должен был освободить его от этой клятвы, а вместо этого втайне возложить на него другую, по которой он должен был занимать сенаторскую должность лишь временно, по усмотрению папы. Ограничение времени сенаторства казалось ему столь важным, что само ленное владение Сицилией он ставил в зависимость от этого условия. Он послал во Францию одного из самых опытных кардиналов, Симона ди Цецилия, дал ему две различные редакции договора и велел стараться внушить Карлу наименее опасную. По первой редакции граф должен был принять сенаторскую должность на пять лет; если же в течение этого времени он овладеет Сицилией, то он должен тотчас же отказаться от сенаторства под страхом отлучения и потери своих прав на королевство. По другой формуле, он должен был обещать дать римлянам свое согласие на принятие сенаторской должности лишь на такой срок, который он сам пожелает, и дать папе клятву, что останется сенатором не более как на пять лет или насколько будет установлено договором. Если же римляне настаивали бы на пожизненном сенаторстве, то он должен обещать после завоевания Сицилии или когда оно признано будет невозможным передать сенаторство в руки папы, как только последний этого пожелает; во всяком случае он должен заботиться о том, чтобы господство над Римом снова перешло к Святому престолу. Папским предписанием приказывалось легату в случае отказа Карла от торжественного признания и охраны прав церкви как обязанности сенатора прервать переговоры и уехать.

Урбан находился в большом затруднении. Сицилия, имевшая равно гибельное влияние на пап, и на императоров, была для церкви уже со времен Льва IX причиной частого унижения и мучительных забот. Верховное владение этой страной, в котором папы видели основание своей светской независимости, сделалось источником жестоких войн с империей, и они сами принуждены были сознаться, что стре-

милась к политическому господству, не имея силы удержать его за собой даже в течение года. Из глубины души было восклицание Урбана: «Иеремия говорит, что всякое зло приходит с севера, но я признаю, что для нас оно приходит из Сицилии». Между тем он ловко соединил вопрос о сенаторстве с ленной передачей этого королевства; это заставило Карла отказаться от пожизненного сенаторства и по совету французского короля подчиниться условиям, поставленным папой.

Из писем папы видно, что римляне и Карл оставляли его в неведении насчет их действительных переговоров. Римские гвельфы в самом деле назначили графа пожизненным правителем и сеньором города. Отдача своей свободы неизвестному и ничем не заслужившему перед ними властителю возбудила презрение даже сторонников гвельфского направления, так как она свидетельствовала о том, что Рим был уже недостоен оставаться свободным.

Когда граф Анжуйский принял предложения кардинала Симона и обещал к Михайлову дню 1264 г. быть в Риме, то он послал туда в качестве своего заместителя в сенаторской должности Иакова Госелена с провансальскими рыцарями. Госелен в начале мая 1264 г. принял в свое владение от имени Карла капитолийский замок; но он вскоре умер, и за ним следовал в должности просенатора Жак Кантельми. Таким образом, французский принц сначала выступил претендентом против Манфреда в Капитолии, чтобы потом свергнуть его с сицилийского трона.

Манфред много раз пытался вступить в переговоры с Урбаном и теперь с беспокойством видел, как чуждый, вызванный папой противник приобретал прочное положение в Риме. Гибеллины были оттуда изгнаны еще раньше, чем появился заместитель Карла. Они собрались в Тусции вокруг проконсула Петра де Вико, сильного владетеля в префектуре, ревностного приверженца Манфреда и его заместителя в должности сенатора. Гвельфы со своей стороны стали под знамя Пандульфа, графа Ангилярра, на Браччианском озере. Обе партии ежедневно сражались возле тусцийских замков. Петру де Вико, которому Иордан д'Англано прислал войска, удалось даже овладеть городом Сутри, откуда, однако, наместник Карла Кантельми снова его выгнал. В конце мая этот просенатор осадил его в замке Вико; но раздоры в его лагере и боязнь, что к Петру Вико на выручку придет Манфред, остановили его; римская милиция уже в начале июня 1264 г. возвратилась домой, и таким образом, Петр был освобожден. Когда Манфред убедился, что Карл Анжуйский скоро появится на сцене, то он решил идти на Рим и в то же время, соединившись с гибеллинами, попытаться нанести удар папе в Орвието. Предполагалось предпринять большой поход на Церковную область из Марок, из Тосканы и из Кампании, где он сам стоял лагерем на Лирисе. Но с некоторого времени злая судьба ослабила силу Манфреда. Прежде всего его деятельность парализовала надежда еще сговориться с папой; и несмотря на благоприятные условия в Тоскане, где Лукка тоже отворила свои ворота гибеллинам, во всех его действиях проявлялся недостаток единства и силы. Вместо того чтобы смело пробить себе дорогу в Рим, он остановил свой поход, когда римская Кампания отказала ему в пропуске. Лациум в это время держался гвельфского направления. Папа дал приказание всем тамошним баронам и епископам заградить дорогу в их страну; не позволялось отдавать замки туземным жителям, и даже не дозволялись браки между жителями Кампании и подданными короля. Летом Манфред возвратился в Апулию; он, впрочем, послал на выручку Вико и против Рима своего полководца Парсиваля Дорна с войсками, которые проложили себе дорогу через Аbruццы в римскую область, но этот генерал не мог ни овладеть Тиволи, который в это время находился в подчинении у Рима, ни выполнить предполагавшуюся попытку нападения на Рим. По несчастной

случайности он утонул в Нере, возле Риети, чем папа был избавлен от угрожающей ему опасности.

Тем временем положение Урбана становилось ежедневно все затруднительнее. Городской союз Нарни, Перуджии, Тоди, Ассизи и Сполето отказал ему в помощи; его кассы были пусты; он требовал от христианских церквей десятину и с трудом собирал войска; 200 наемных солдат он послал в Капитолийский замок, выставил маленькое войско под командой маршала Бонифация ди Каносса в окрестности Сполето и распорядился проповедовать во всех странах крестовый поход против Манфреда и его сарацин. Он заклинал Карла поторопиться своим прибытием и предостерегал его против будто бы подосланных Манфредом убийц.

Обстоятельство, что Рим находился в это время во власти гвельфов, имело решающее значение для всего будущего. Величайшим несчастьем для Манфреда было то, что он не мог предупредить здесь своего противника. Город был теперь местом собрания всех его врагов, особенно изгнанных из Апулии, которые надеялись на возвращение и месть. Следовало сделать попытку отнять Рим у гвельфов раньше прибытия Карла, и для этого был выработан план. Правда, Тиволи не хотел принять к себе гибеллинов, но зато Остия, где можно было задержать высадку Карла, попала во власть Рихарда из дома Анибальди. Этот могущественный род принадлежал к гибеллинам, за исключением одноименного кардинала, который ревностнее всех старался об избрании Карла в сенаторы. Победа Петра Вико, который, соединившись с полководцем Манфреда Франциском Тревизо, взял в плен при Ветрале графа Ангилярра, оживила мужество изгнанников, так что они возымели надежду ворваться в Рим посредством ночного нападения. Петр выступил из Черветри, древнего Цере, принадлежавшего ему замка, не дождавшись других гибеллинов, как было уговорено. В одну ночь он дошел до Рима; его друзья открыли ему ворота св. Панкратия, но он не мог твердо удержаться в них. Когда он хотел овладеть островом Тибра, стража подняла тревогу: Кантельми поспешил из Капитолия со своими провансальцами, римские гвельфы явились из города под начальством Иоанна Савелли, и Петр после упорного сопротивления был вытеснен в транстеверинский квартал Писцинулу, а потом выгнан совсем из города. Его сын утонул в Тибре, а сам он только с тремя союзниками убежал в Черветри. Таким образом, Рим остался во власти гвельфов, и гибеллины не решились на новую попытку.

Тем временем 2 октября 1264 г. умер Урбан IV в Перуджии, куда он ушел из возмущившегося Орвието после почти двухлетнего пребывания в нем. Во все время своего понтификата он ни разу не был в Риме; его правление лишено было величия, и политика его не имела действительного успеха; своей главной цели — гибели Манфреда и вступления Карла Анжуйского на сицилийский трон — он не достиг.

- 3. Климент IV делается папой в 1265 г. — Он заботится об ускорении похода Карла для завоевания Сицилии. — Противоположные приготовления Манфреда. — Трудное положение гвельфов в Риме. — Отплытие и благополучная высадка Карла. — Его вступление в Рим. — Он удален из Латеранского дворца. — Карл принимает сенаторскую должность. — Папские легаты передают в его владение Сицилию**

После смерти Урбана кардиналы с трудом пришли к соглашению. Патриотически настроенная партия между ними желала еще примириться с Манфредом и предотвратить провансальское нашествие на Италию — драгоценный момент, так

как их решение заключало в себе не подававшиеся расчёту будущие судьбы как Италии, так и папства. Гений мог бы вывести церковь из этого лабиринта, но гения не нашлось. Гвельфско-французская партия взяла верх: выбор пал на провансальца, подданного Карла Анжуйского. Таким образом, направление, которому следовал Урбан IV, было подтверждено и продолжалось. Гвидо Ле-Гро Фулькоди де С-т Жиль в Лангедоке был сначала светским человеком, отцом многих детей от законного брака; по профессии он был адвокат и занимал место тайного советника в кабинете Людовика Французского; затем, после смерти жены, он отрекся от мира, сделался картезианским монахом, благочестивым епископом в Пуи, затем архиепископом в Нарбонне; в 1261 г. он был возведен Урбаном VI в кардиналы и теперь, в начале 1265 г., избран папой. В это время на него была возложена миссия в Англию; но он еще находился во Франции, когда получил известие о своем избрании, которое из страха перед гвельфинами пока держалось в тайне. Не имея честолюбия, которое было в нем заглушено житейским опытом и выведенной из него философией, строгий старик не сразу решился принять тиару; однако он отправился в Перуджию, где неотступные просьбы кардиналов заставили его согласиться, и 22 февраля 1265 г. он был посвящен в соборе этого города под именем Климента IV.

Новому папе не оставалось другого выбора, как продолжать дело своего предшественника и поскорее довести его до конца. Он подтвердил призыв Карла, приказал легату Симону ускорить заключение договора, побуждал короля Людовика оказать поддержку предприятию своего брата и изменил обет идти в крестовый поход на обязанность сражаться против Манфреда. Главным двигателем предприятия были деньги, а их-то труднее всего было достать. Хотя христианские епископства были уже истощены Римом, однако французская церковь должна была доставить средства для похода в обычной форме десятины на крестовые походы, которую уже Урбан IV требовал за три года; и даже от ропшущих епископов Англии и Шотландии настойчиво требовалась уплата такой же подати. Климент IV, подобно своим предшественникам, обложил сборами всю Европу, чтобы доставить Святому престолу верховную ленную власть над Сицилией, но к нему по крайней мере не может быть обращен упрек в самолюбии и nepотизме, к которым он остался непричастен.

Жена Карла заложила свои драгоценности, выпросила денег у французских баронов и занимала под залоги. Искатели приключений возлагали на себя крест, а жадные до земель французские рыцари готовы были участвовать в походе, который им сулил приобретение городов и графств в прекраснейшей в мире стране. Когда таким образом поход подготавливался во Франции, Манфред в Италии готовился к его встрече. Войску, вторгшемуся сухим путем, он надеялся если не загородить альпийские проходы, то приготовить верную гибель в Ломбардии, где Паллавичини, Бозо де Доара, маркграфы Ланчия, Иордан д'Англано и дружественные ему города собирали свои дружины. Морской путь должен был загородить флот из сицилийских и пизанских галер, курсировавший между Марселью и римским берегом. Госкана находилась еще во власти Манфреда; его тамошний наместник пфальцграф Гвидо Новелло управлял за него союзом могущественных гвельфинских городов, в который летом 1264 г. вступила также Лукка, а старания папы устроить через посредничество ревностного епископа Вильгельма Арещцкого союз изгнанных гвельфов не подавали надежды на успех. Римскую Этрурию защищали Петр Вико и Анибальди; на тамошних берегах были выставлены сторожевые посты, а само устье Тибра сделано было Манфредом непроходимым. Он обратился ко всем жителям своего королевства, нанял сарацин из Африки, вербовал солдат и в Германии, укрепил замки и крепости Кампаньи и подвинулся к границам Лациума, чтобы угрожать оттуда Риму, вблизи которого его войска и римские гвельфины под начальст-

вом Иакова Наполеона Орсини заняли укрепление Виковаро — ключ Валерийской дороги, тогда как другие гибеллины из своих замков ожидали случая, чтобы вторгнуться в Рим и отомстить своим врагам.

Гвельфы в городе выражали нетерпение. Их сенатор Карл клятвенно обязался быть в Риме к празднику Пасхи, но в его появлении сомневались. Его наместник Кантельми был настолько лишен всяких средств, что к нему стали относиться с презрением. «Римский народ, — писал Климент к Карлу, — обладающий славным именем и гордым сознанием, призвал тебя к управлению городом и жаждет видеть твое лицо; он хочет, чтобы с ним обращались очень осторожно; потому что римляне (так иронизирует он) некогда требовали от своих правителей, чтобы они выступали с величественным видом, говорили высокопарные фразы и делали страшные дела, так как они полагали, что им принадлежит владычество над миром. Я бы хотел похвалить в этом случае твоего наместника Кантельми и его товарищей; но малолетство и бедность его свиты уменьшают уважение и к нему, и к тебе». Однажды Кантельми взломал латеранскую сокровищницу и взял то, что в ней нашел; Климент, находившийся в Перуджии в очень стесненных обстоятельствах, предъявил протест, объясняя, что он не обязан содержать Рим за свой счет для графа Карла, однако заключил заем в банках тосканских и умбрийских городов, так как провансальцы и римляне ежедневно приставали к нему с требованием денег. Ладить с городом становилось все труднее: изгнанные гибеллины тайно возвращались и возбуждали беспорядки; безопасность исчезла; происходили грабежи и убийства; на улицах строились укрепления. Гвельфские бароны писали папе убедительные письма, прося его ускорить прибытие Карла, потому что, если оно замедлится, то, не имея средств и будучи истощены дневной и ночной стражей, они не в состоянии будут дальше удерживать за собой Рим. Измученный папа увещевал их быть терпеливыми; уверял, что у него нет ни денег, ни оружия; что он рассчитывает на субсидию французской церкви и уверен в скором прибытии графа. Он заклинал последнего спешить, так как Рим находился в опасности перейти к врагам, и Карл наконец уведомил о своем скором прибытии. Раньше его прибыл в Рим его рыцарь Феррериус с отрядом провансальцев. Этот гасконский военачальник тотчас же с безумной храбростью напал на гибеллинов при Виковаро, но был взят в плен и отправлен в лагерь Манфреда. Таким образом, первое военное действие французов было неудачно, и этот хороший знак поднял дух сицилийского войска. В нем смеялись над бедным графом Карлотто, идущим прямо в свою открытую могилу, если даже когда-нибудь он и дойдет до Рима.

Поход Карла Анжуйского в Сицилию принадлежит к ряду отважных, увенчанных счастьем предприятий крестоносных рыцарей той эпохи, которые выходили преимущественно из Франции. Из Нормандии вышли первые завоеватели Сицилии, отсюда же герцог Вильгельм, прототип Карла, произвел нападение на Англию; из Франции вышли первые и последние крестовые походы; французские рыцари завоевали Византию. Карл, уже отличившийся на Востоке в рядах крестоносцев, где он вместе с братом был взят в плен при Мансуре, искал короны ради своего честолюбия и ради бедности и долгов. Никакое соображение не удерживало этого принца от войны с королем, который ничем его не обидел. В глазах его самого и его воинственных провансальцев этот поход имел самый рыцарский характер и был продолжением крестовых походов. Сам папа сравнивал Карла с другим Карлом, сыном Пипина, который когда-то пришел из той же Франции для освобождения церкви. Отдаленное сходство отношений напоминало о тех временах, когда папы призывали в Италию короля франков, чтобы он освободил их от ига лангобардов, но во времена Карла Великого завоевательный поход под названием священного крес-

тогового похода против христианского короля показался бы безбожным. **Мрачный** Карл Анжуйский выступил на арену древних битв между романскими и германскими народами, подобно Нарзесу, а Манфред принял на себя трагический образ Тотибы. История в своем движении описала круг, ибо хотя отношения сил и были другие, однако положение в сущности было то же самое: папа призвал в Италию иноземных завоевателей, чтобы освободить ее от господства германцев. Швабская династия пала также, как когда-то пала готская. Поразительная гибель обоих владений и их героев украсила историю двойной трагедией на одной и той же классической арене, причем последняя трагедия казалась лишь точным воспроизведением первой.

Граф Анжуйский оставил в Провансе большую часть своего войска, которое должно было пробить себе дорогу через Северную Италию, а сам сел в Марселе на суда в апреле 1265 г. Слепое счастье сопровождало его безумно смелую поездку. Та же буря, которая бросила его только с тремя судами на берег у Порто-Пизано, отнесла прочь от этого места флот Манфреда; а когда Гвидо Новелло, распорядившийся за Манфреда в Пизе, явился с немецкой конницей, чтобы захватить Карла (что неизбежно и произошло бы, если бы Гвидо прибыл вовремя), то последний уже снова был в море. Будто чудом прошел он вблизи от неприятельского флота и благополучно проплыл мимо мыса Аргентаро и Корнето.

Наконец при блеске молнии и ударах грома показала римский берег около Остии. Море было бурно, высадка была затруднительна; берег был неисследован; не знали, что делать. Но Карл смело вскочил в челнок, счастливо перебрался через прибой и вышел на сушу. Стража в Остии не препятствовала ему: никакой неприятель не показывался. Услышав, что граф Анжуйский высадился, представители знатнейших родов гвельфского Рима тотчас отправились в Остию ему навстречу. С радостными кликами они провели его к собору Св. Павла. Это было в четверг перед Троицей, 21 мая 1265 г. Он остановился в тамошнем монастыре, чтобы потом совершить свое вступление в Рим. Его галеры скоро тоже достигли устья Тибра: заграждения русла были устранены, и весь провансальский флот поднялся вверх по реке до Св. Павла перед Римом.

Римляне толпами направлялись туда, чтобы увидеть будущего сицилийского короля, ими избранного сенатора. Это был человек сорока шести лет, сильного сложения и с королевскими манерами. Его оливкового цвета лицо было сурово и строго; взгляд — мрачен и возбуждал страх. Неутомимый дух жил в этой грубой природе; он жаловался, что сон сокращает время человеческой деятельности. Он почти никогда не смеялся. Всеми свойствами, кроме гения, которые делали честолюбивого воина способным быть завоевателем и тираном, Карл обладал в столь высокой степени, что для папских целей он являлся самым подходящим орудием.

В субботу перед Троицыным днем, 23 мая, он вступил в Рим через ворота Св. Павла. Его сопровождали только 1000 рыцарей без лошадей; процессии духовенства и граждан, дворянства и рыцарей на конях торжественно встретили его. Римские гвельфы выказали необыкновенную пышность при чествовании своего сенатора; был устроен турнир копейщиков и танцы с оружием; пелись хвалебные песни, прославлявшие новое величие Карла. На памяти людской, утверждали современники, римляне не проявляли такого блеска ни для кого из своих властителей. Новый сенатор, окруженный своими провансальцами, проехал по торжественно разукрашенному городу, но бедный народ не мог подобрать на его пути ни одного денара, потому что никакой камерарий не разбрасывал денег. Граф Анжуйский прибыл в Рим с пустыми руками, и вместо того, чтобы он делал подарки народу, гвельфы должны были делать подарки ему самому.

После того как, по обычаю царственных особ, Карл сначала остановился в дворце Св. Петра, недолго думая он занял помещение в Латеране. Климент был удивлен дерзкой невежливостью своего гостя, который без всякого спроса распорядился папским дворцом. Он написал ему замечательное письмо: «Ты самовольно позволил себе то, чего никогда не позволял себе ни один христианский король. Вопреки всякой благопристойности, твоя свита по твоему приказанию заняла Латеранский дворец. Ты должен знать, что мне совсем неприятно, когда городской сенатор, как бы высока и почтенна ни была его личность, поселяется в папском дворце. Я желаю предупредить возможные в будущем злоупотребления. Первоверховность церкви не должна нарушаться никем, а всего меньше тобой, кого мы призвали для ее возвышения. Ты не должен этого толковать в дурную сторону. Прииди себе помещение где-нибудь в другом месте города; в нем есть довольно обширных дворцов. Впрочем, не говори, что мы тебя неприличным образом выгнали из своих дворцов, напротив, мы заботились о твоем собственном приличии». Граф ушел из Латерана и признал, что он лишь креатура папской милости. Он занял помещение не в сенаторском доме в Капитолии, где продолжал жить его наместник, а во дворце четырех королей на Целии.

21 июня в монастыре Арачели на Карла были возложены знаки сенаторского достоинства. Принятие им муниципальной власти он увековечил в монетах, которые велел чеканить со своим именем. Согласно римскому уставу он привез с собой своих судей; он сохранил и своего наместника в сенате, так как ему предстояли более важные дела, чем заботы о городском управлении или о процессах римских граждан. Конечно, обладание сенаторским званием было для него неоценимой выгодой, и вскоре он даже сделал вид, что, подобно Бранкалеоне, он понимает свою должность как суверенное главенство над римской республикой. Но папа тотчас заметил, что граф, по-видимому, хочет перейти за границы своих полномочий; на его замечание, что он предъявляет притязания только на права бывших до него сенаторов, папа возразил, что он не для того его призвал, чтобы он подражал неправде своих предшественников и присваивал себе права, принадлежащие церкви.

28 июня произошло пожалование Карлу в ленное владение Сицилии. Четыре уполномоченных кардинала — Анибальдо от двенадцати апостолов, Рихард от С.-Андреа, Иоанн от С.-Николо и Иаков от Св. Марии в Космедине — совершили этот акт в Латеранской базилике. Граф в их лице принес свою вассальную присягу и получил знамя св. Петра как символ инвеституры. Климент сначала пытался навязать ему королевство на таких стеснительных условиях, что граф должен был играть роль временного управителя на срок договора. Однако после тяжелых переговоров Карл получил возможность провести в договоре более благоприятные для себя статьи: он получил при условии полного изъятия духовенства от уплаты податей, кроме Беневента, все нераздельное Сицилийское королевство в качестве церковного лена, наследственного в его роде, за что должен был платить ежегодную дань в 8000 унций золота и возратить данные ему займы деньги. При этом он еще раз дал клятву передать свою власть в Риме в руки папы тотчас после того, как им будет завоевана Апулия.

С этого времени Карл стал смотреть на себя как на короля Сицилии, хотя медлительный папа только 4 ноября утвердил инвеституру. Уже с июля Карл стал издавать королевские приказы, а 14 октября 1265 г. для увековечения памяти своего сенаторства в Риме, к которому он был призван Божиим промыслом, и для блага великого города он повелел основать университет. Однако ему предстояло сделать важный шаг: завоевать в действительности королевство, приобретенное на пергаменте, а это казалось невозможным вследствие тысячи препятствий.

ГЛАВА II

1. Письмо Манфреда к римлянам. — Его походы в римскую область. — Первое враждебное столкновение. — Бедственное положение Карла в Риме. — Провансальская армия, пройдя через Италию, вступает в Рим. — Карл коронуется у Св. Петра королем Сицилии

Когда Карл вступил в Рим, Манфред находился в Фоджии. Оттуда он послал 24 мая длинный манифест к римлянам. В нем он говорил, что как потомок славных императоров, владевших миром, он имел бы право домогаться даже императорской короны, но себялюбивая церковь начала с ним войну в его собственной земле; когда же она там была им побеждена, то призвала на императорский трон графа Ричарда и короля Кастилии. Защищая свои права, он снова подчинил себе Тоскану и Марки; по могуществу и богатству он превосходит всех других государей, так как он владычествует почти над всей Италией, над морем до Туниса и Сардинии и над наибольшей частью Романьи. Несмотря на это папа призвал против него графа Прованского. Чтобы наказать такое высокомерие, он послал свои войска в Церковную область, где начальство над ними принял Петр Вико. Алчная церковь старается помешать ему восстановить империю, хотя она и отрицает это, подобно вдове, которая явно оплакивает смерть своего мужа, а втайне радуется тому, что получила его наследство. Далее Манфред говорил римлянам, что церковь стремится к тому, чтобы ей самой завладеть империей, и преследует потомство Фридриха, чтобы окончательно получить господство над всеми королями и землями, право на которое она выводит из несуществующего дарения Константина. Он упрекал римлян в том, что они сами своим малодушием делают возможными такие притязания, так как им принадлежит избрание и коронование императора. Сам он хотел бы получить от них императорство, хотя бы мог сделать это даже и против воли сената, подобно Юлию Цезарю или своему прадеду Фридриху. В заключение он приглашал римлян удалить от себя наместника графа Анжуйского; он сам придет с военной силой, чтобы принять от Сената и римского народа императорскую диадему.

Этот замечательный манифест обозначает собою высший пункт сознания Манфредом своего могущества. Он представляет собой подведенный им итог своей жизни. Положение, достигнутое им в Италии, равно как сила и процветание его государства, узаконили его быть настоящим наследником Фридриха и в то же время давали ему основание начать борьбу с папством. Он открыто высказал, что его цель — восстановление империи и что он хочет получить корону в Риме от римского народа.

Когда вскоре после этого Манфред узнал, что Карл находится в Риме, то он должен был попытаться раздавить его прежде, чем придет шедшее по сухому пути его войско. Такое предприятие было трудно, а с апулийцами и сарацинами почти невыполнимо. Отпадение многих гибеллинов скоро показало ему, что он не может положиться и на эту партию, так как Остия и Чивита-Веккия были сданы Карлу, и даже Петр Вико, бывший до сих пор самым деятельным главой гибеллинов в римской Тусции, перешел в лагерь неприятеля. Манфред решил идти в римскую область. Рассчитывая выманить Карла из Рима и затем уничтожить его, он намеревался двинуться из Абрुцких гор на Тиволи. В июле он дошел до Целле, теперешнего Карсоли, заранее приказав своему генеральному наместнику в Тусции графу Гвидо Новелло идти со всем войском тоже на Рим. Войска обоих противни-

ков впервые вступили в бой в горах возле Тиволи, но попытка проникнуть в город окончилась неудачей, и все дело ограничилось незначительными стычками.

Манфред, как некогда Фридрих II, расположился лагерем на полях Тальякоццо, где лишь два года спустя последний из его рода, у которого он отнял корону Сицилии, должен был погибнуть от того же Карла Анжуйского. Не взяв Тиволи, он хотел пойти на восток в Сполетскую область, но известия из Апулии заставили его вернуться в королевство. Он поспешил сделать это, предварительно усилив гарнизон Виковаро.

Нетерпение Карла помериться со своим противником задерживалось разными обстоятельствами. Известие о том, что он уже в сентябре лично вышел из Рима, дошел до Лириса и затем воротился назад, недостоверно.

Измена начала свое темное дело в Сицилийском королевстве; многие бароны тайно вступили в переговоры с Карлом. Шли слухи, что 60 000 провансальцев проложили себе дорогу через Ломбардию и что крестовый поход против Манфреда с успехом проповедовался во всех странах. Народы, привыкшие слышать проповедь против одного и того же немецкого рода, против отцов, сыновей и внуков, без размышления внимали и призыву Климента IV, внушавшего им, что церковь в лице графа Прованского выставила борца против «напитанного ядом исчадия дракона из ядовитого рода» и призывает верующих, как крестоносцев, стать под знамя Карла, а главное — давать деньги, за что им будет прощено всякое прегрешение. Как во времена Фридриха II, по Италии и Апулии рассеялись толпы нищенствующих монахов, проповедовавших ненависть против существующего правительства, побуждавших к измене и наполнявших душу народа суеверным страхом.

Манфред, который очень хорошо знал, какую нужду в деньгах терпели Карл в Риме, а Климент в Перуджии, не сомневался, что это обстоятельство приведет к крушению их плана. Редко большое предприятие велось с такими жалкими средствами. Расходы на завоевание Сицилии были в буквальном смысле слова выпрошены, как милостыня, или заняты у ростовщиков. Обеднение обремененного долгами Карла было так велико, что он не мог покрывать своих ежедневных издержек (1200 туронских фунтов). Он осаждал папу, а папа — французского короля и епископов жалобными просьбами о деньгах; мы и теперь еще можем прочитать многие письма папы, печальные памятники предприятия, которое никогда не могло послужить к чести церкви. «Моя казна совершенно пуста: почему — это покажет тебе взгляд на мировую смуту. Англия противится, Германия не хочет слушаться, Франция вздыхает и ворчит, Испании много своего дела, Италия не платит, а сама поглощает деньги. Как может папа, не прибегая к безбожным средствам, достать для себя или для других деньги или войско? Ни при каком предприятии я не находился в таком беспомощном положении». Так писал Климент к Карлу. Церковная десятина первого года была израсходована на снаряжение войск; Франция не хотела давать больше денег, и папа считал предприятие погибшим. Карл пытался сделать заем у римских купцов, но они потребовали в залог римские церковные имущества, и Климент скрепя сердце согласился на выдачу такого залогового обязательства, так как он сознавал, что если заем не состоится, то графу останется умереть с голоду или бежать. С трудом под этот залог достали 30 000 фунтов; говорили, что Манфред удерживал своим золотом римские банки от больших уплат. Ростовщики Южной Франции, Италии и Рима воспользовались «Сицилийским гешефтом», чтобы обобрать и папу и графа. «Спроси, — писал папа кардиналу Симону, — у самого графа, как плачевна его жизнь; в поте лица выпрашивает он для себя и для своих людей одежду и пропитание и постоянно смотрит на руки своих заимодавцев, которые высасывают из него кровь. То,

что не стоит двух пфенигов, они оценивают в солид, да и это он может получить лишь с трудом, посредством лести и унижительных просьб». Климент никогда не переживал более страшных дней, чем тогда, когда политические предприятия церкви принуждали его нисходить до мелких забот, которые должны бы были остаться навсегда чуждыми христианскому пастырю.

С возрастающим нетерпением ждал папа прибытия войска. «Если твои войска не придут, — писал он Карлу, — то я не знаю, как ты будешь в состоянии ожидать их и поддерживать свою жизнь; как ты сможешь удержать за собой город или ускорить прибытие войск; если же они в самом деле придут, как мы надеемся, то я еще меньше знаю, чем мы прокормим такое множество народа».

И действительно, все зависело от того, удастся или нет провансальскому войску достигнуть Рима. Если бы североитальянские гибеллины не пропустили его, то Карл погиб бы, а Манфред восторжествовал. Кардинал-легат, бывший во Франции, кое-как снарядил собранные в Провансе войска и в июне отправил их. В этом войске были бароны с блестящими именами, храбрые рыцари, в которых еще тлела искра фанатизма альбигойских войн. Все они жаждали славы, золота и имений; таковы были: Бокар, граф Вандомский, и его брат Иоанн, Жан де Неель, граф Суассонский, коннетабль Жиль де Брэн, Пьер де Немур, великий канцлер Франции, маршал Мирпуа, Гильом л'Этендар, граф Куртенэ, воинственные епископы: Бертран Нарбоннский и Гюи де Больё Оксерский; Робер де Бетюнь, молодой сын Гюи Дампьерра, графа Фландрского, весь дом Бомонов, многие благородные роды из Прованса, наконец, Филипп и Гвидо из высоко знаменитого дома Монфоров. Это войско хищных авантюристов, которое сам папа благословил крестом Спасителя на завоевание среди потоков крови чужой христианской страны, в количестве около 30 000 человек, перешло в июне савойские Альпы. Договоры Карла с графами этой страны и некоторыми городами открыли ему путь через Пьемонт; маркграф Монферратский присоединился к ним в Асти, а маркграф Эсти вместе с другими гвельфами во всеоружии в Мантуе.

Напрасно Паллавичини, Иордан д'Англано и Буозо де Доара надеялись удержать за собой реку Олио: их усилия оказались тщетными. Паллавичини наконец ушел в Кремону, и французы, производя страшные опустошения, продолжили свой поход к Болонье. Четыреста гвельфов, изгнанных из Флоренции, присоединились к ним уже в Мантуе и обещали еще большие подкрепления. Таким образом, итальянцы того времени, как гвельфы, так и гибеллины, из-за взаимной партийной ненависти впустили в свою страну чужеземного завоевателя и тем проложили путь французам в последующие столетия. Дух свободы и любви к отечеству уже ослабел в истощенных городах; никакая связь не скрепляла старинные союзы; никакая великая национальная идея не возвышалась над мелкими партийными целями и домашними раздорами. Неистовство партий раздирало Милан, Брешию, Верону, Кремону, Павию и Болонью или подчиняло их тиранам, в то время как морские державы Генуя, Венеция и даже Пиза преследовали только свои торговые выгоды.

Тосканские гибеллины не преградили пути врагам, когда они, минуя эту страну, через Марки и герцогство Сполето продолжали идти вперед к Риму. Реканати, Фолиньо, Римини и другие города подняли гвельфское знамя. Манфред увидел себя глубоко обманутым в своих ожиданиях: его власть над столькими городами вплоть до реки По оказалась только блестящим призраком, а вскоре выяснилось, что и владычество его над Апулией стоило не более того. В октябре он предпринял безрезультатную экспедицию в Марки и наконец вызвал Иордано д'Англано из Ломбардии, решившись ограничиться одной обороной.

Карл, требовавший своего коронования королем Сицилии, чтобы через это приобрести себе формальное право, просил папу, чтобы он сам короновал его в Риме. Гордость римлян, говорил он, будет оскорблена, если коронование совершится в Перуджии или вообще где-нибудь вне Рима. Папа с раздражением отвечал, что римлянам нечего заботиться об этом акте. Многие неприятные отношения, вытекавшие из положения папы, властное выступление Карла в качестве сенатора, его денежные затруднения, ужасы, совершавшиеся на пути провансальской армией, — все это создало между ними очень натянутые отношения. Не сразу, но лишь 4 ноября, решился Климент IV утвердить инвеституру; с такой же медлительностью назначил он буллой от 29 декабря день коронования, но совершение его он поручил пяти кардиналам, замещавшим его.

6 января 1266 г. Карл Анжуйский и его супруга Беатриса были коронованы как король и королева Сицилийские в храме Св. Петра. В первый раз отступили от правила, по которому в святом апостольском соборе, на том месте, где Карл Великий принял корону империи, короновались только императоры и папы. Военные игры и народные празднества служили к прославлению этого гибельного акта.

Был момент, когда Манфред мог еще надеяться привлечь папу на свою сторону; теперь эта надежда исчезла навсегда. Узнав о короновании Карла, он послал к папе послов. Он предъявил протест и от имени короля требовал от Климента, чтобы он удержал вооруженного им разбойника от нападения на его королевство. Нельзя без уважения читать грозный пророческий ответ папы. «Манфред должен знать, — говорил Климент, — что время пощады миновало. На все есть свое время, но не все возможно во всякое время. Сильный в оружии уже выходит из дверей; секира лежит уже у корня дерева».

Вскоре после коронования Карла провансальцы вступили в Рим. После тяжелого семимесячного перехода через Центральную Италию они пришли в ожидаемый ими город истомленные, оборванные и без денег. Они надеялись найти здесь изобилие всего и увидели своего короля и господина, обремененного долгами, в состоянии полной беспомощности. Он ничего не мог им дать, кроме надежды на скорый поход, в котором надо было преодолевать бурные потоки и непроходимые дороги, брать штурмом сильные укрепления и пробиваться сквозь привычные к войне войска.

2. Выступление Карла из Рима. — Он победоносно переходит через защитную линию Априса. — Битва при Беневенте. — Славная смерть Манфреда. — Причины его быстрого падения. — Судьба его жены Елены и его детей. — Карл Анжуйский вступает в Неаполь

Невыносимая нужда заставила Карла со всевозможной скоростью вести против неприятеля свое оставшееся без жалованья войско, чтобы дать ему возможность насытиться в богатой вражеской стране. Выступление из Рима произошло уже 20 января 1266 г. Многие итальянские гвельфы, апулийские изгнанники и римляне, среди которых особенно выделялся своим рвением изменник Петр Вико, присоединились к походу; кардиналы раздавали войскам индульгенции и сопровождали Карла до водопроводов у Порта Маджоре; кардинал Рихард Анибальди провожал его до замка Молария, на склонах Латинских гор, а кардинал Октавиан в качестве папского легата сопутствовал до самой границы.

Из трех дорог, ведущих из Рима в королевство, — Валериевой, Латинской и Аппиевой — Карл, подобно почти всем средневековым полководцам, выбрал вто-

руго. Она идет между Апеннинскими и Вольскими горами, мимо Ананьи, Ферентино и Фрозиноне и достигает границы на мосту через Лирис у Чепрано. Затем она проходит возле Рокка Секка, Аквино и С.-Джермано, пересекает горный хребт Червара и оканчивается в Капуе. Главная квартира Манфреда находилась в этом городе, который был его отцом заново укреплен и снабжен башнями на мосту через Вольтурно. Отсюда он бросался то к Чепрано, то к С.-Джермано и Беневенту, чтобы привести там все в порядок, так как выступление Карла, очевидно, застало его врасплох. Как ни казалось цветущим его королевство, но это было лишь призраком; его войска, кроме немцев и сарацин, очень скоро расстроились под влиянием страха и измены. Завоевательное шествие Карла Анжуйского представляет поэтому лишь сцены отпадения, несчастья и быстрой гибели. Буйство и свирепость французов, набросившихся на Кампанью и бравших приступом речные переправы и башни на скалах, отличает этот поход от проявления неукротимой при первом натиске энергии, которая и до сих пор осталась принадлежностью этой рыцарской нации, и только геройская смерть Манфреда дает этой знаменитой трагедии примиряющее заключение.

Преждевременная весна высушила дороги и облегчила Карлу путь через долину Сакко; его войска прорвались по ту сторону Лириса через проход Чепрано, который попал в руки неприятеля, даже не вследствие небрежности, а вследствие измены; сам мост не был разрушен и не был защищен. Французы напали прежде всего на стоящий на крутизне циклопический замок Арче, считавшийся неприступной крепостью. Оробевший начальник его сдался. Это устршило всю Кампанью: Аквино и другие города сдались. Неудержимого удара не вынесли даже валы С.-Джермано; этот город, защищенный высокими горами и болотами реки Рапидо, был уже 10 февраля взят приступом. Вся окрестная страна вздрогнула при таком неожиданном событии: 32 укрепленных места сдались Карлу; Линия Лириса была в его власти. Теперь надо было овладеть сильнейшими позициями на Вольтурно, за которым стоял Манфред в Капуе с главными своими силами. Неутомимый враг перешел эту реку севернее, у Тиливерно, и поднялся на горы у Алифе, Пиедимонте и Тилезии, чтобы обойти позицию противника посредством флангового марша. Жажда крови и добычи влекла воинов вперед; они сгорали от нетерпения, оставаясь безвредно в середине Кампаньи, и хотя утомление и лишения истощали и их самих, и их лошадей, но надежда на победу превозмогала всякие препятствия. Изменники со своими знаменами присоединялись на походе к Карлу; посланцы приносили ключи от переходящих к нему городов, и воодушевленное войско через реки и крутые горы шло вперед.

В четверг, 25 февраля, они сделали привал в лесу в 15 милях перед Беневентом, в пятницу — на высотах Капрарии. Здесь Карл показал своим воинам большой город, который со своими изломанными стенами заключен был между двумя реками. Это был Беневент, главный город Самниума, когда-то приобретший известность во время войн римлян с Аннибалом, после того бывший цветущим местом пребывания лангобардских владетелей Апулии, затем принадлежавший папам и, наконец, включенный Фридрихом II в состав королевства. С высот видна была красивая равнина, по которой протекали реки Калоре и Саббатто, а на равнине длинными рядами расположены были в боевом порядке пехота, тяжелая панцирная немецкая кавалерия и лучерийские сарацины. Когда неприятель хотел обойти позицию Манфреда при Капуе, последний быстро передвинулся к Беневенту, чтобы загородить Карлу дорогу в Неаполь и дать ему сражение, желать которого оба полководца имели сильные поводы. Невыносимый недостаток средств существования подстрекал войска Карла; находясь посреди неприятельской страны, они могли выбирать

только между победой и смертью. Манфред видел перед собой врага, ослабленного походом, изголодавшегося, с плохой кавалерией; а вокруг себя лица изменников и позади уже готовую к отпадению Апулию. Многие графы тайно покинули его ряды, другие отказывались от исполнения обязанностей вассалов, говоря, что они должны защищать свои замки; иные ожидали момента сражения, чтобы покинуть своего короля. Он должен был или быстро победить, или погибнуть.

В ночь на четверг к Манфреду присоединились 800 немецких всадников; это укрепило его мужество. Он собрал генералов на военный совет. При нем находились графы из рода Ланчия, занимавшего при его дворе высшие почетные места, братья или родственники его матери Бланки, Гальван и Иордан, Фридрих и Бартоломей, Манфред Малекта; затем гибеллинские предводители из Флоренции и великодушный римлянин Теобальд Анибальди. Некоторые советовали отсрочить сражение до тех пор, пока не подойдет подкрепления, так как Конрад Антиохийский, племянник Манфреда, находился еще в Аbruццких горах, а другие войска должны были прийти с юга. Если бы этот совет мог быть исполнен, то войско Карла погибло бы от недостатка продовольствия; но время, а может быть, и рыцарская честь заставляли сражаться, да кроме того, и изменникам нельзя было доверять ни одного дня. Поэтому Манфред решил дать сражение — и такое решение было действием отчаяния со стороны как его, так и Карла. Его астролог признал час благоприятным, но в действительности звезда Манфреда уже склонялась к закату.

Он разделил свое войско на три боевых отряда: первым, состоявшим из 1200 человек немецкой конницы, предводительствовал граф Иордан д'Англо; вторым, состоявшим из тосканцев, ломбардцев и немцев, силой в 1000 человек конницы, командовали графы Гальван и Бартоломей; третий, состоявший из апулийских вассалов и сарацин, силой около 1400 конных и большого числа лучников и пехоты, находился под начальством самого Манфреда. В этом порядке его войско перешло через реку Калоре и выстроилось к северо-востоку от города, у церкви Св. Марка на поле Гранделла, или на «Поле роз», ожидая наступающего сверху врага.

В лагере Карла многие голоса тоже высказывались за отсрочку битвы, так как войска были истощены, но всех их заставил замолчать коннетабль Жиль де Брен. Здесь также были образованы три боевых отряда. Провансальцы, французы, пикардийцы, брабанты, итальянские и римские войска, апулийские изгнанники стали в боевой порядок под предводительством Филиппа де Монфора, Гвидо Мирепуа, короля Карла, графа Роберта Фландрского, графа Вандома, коннетабля и других испытанных военачальников. Флорентинские гвельфы, страстно желавшие отомстить за Монтпертье, образовали четвертый боевой отряд под начальством графа Гвидо Гверра. Когда они в числе 400 всадников выступили в великолепном вооружении, на превосходных лошадях и с блестящими знаменами, Манфред спросил у своей свиты, откуда взялось это прекрасное войско, те ему отвечали, что это флорентинские гвельфы; тогда он, вздохнув, воскликнул: «Где же мои гибеллины, которым я оказал такие большие услуги и на которых возлагал такие большие надежды?» Епископ Оксеррский и доминиканские монахи ходили по рядам воинов Карла, которые, становясь на колени, получали отпущение грехов, а сам Карл ударами меча раздавал то тому, то другому рыцарское звание.

Битва началась бешеной атакой сарацин: с громким военным криком бросились они на немногочисленную французскую пехоту, так называемую Ribaldi, и перебили ее, стреляя из луков. Тотчас выступила французская конница и переколола толпы сарацин. Могучий удар немецкого рыцарства под предводительством графа Иордана, прискакавшего с воинским криком: «Швабы, рыцари!» — разнес французские эскадроны; но против него выступил сильнейший легион Карла с боевым

криком «Монжуа!». Этой битвой двух отрядов рыцарской конницы и была решена участь дня. В знаменитом сражении при Беневенте участвовало не более 25 000 человек с каждой стороны. Долгая и страшная война между церковью и империей, между романскими и германскими народами решилась на тесном поле битвы в несколько часов при участии небольшого войска, может быть, вследствие случайности. Французы сражались короткими мечами, немцы, по их исконному обычаю, длинными копьями. Романский режущий и колющий удар одержал победу над германской боевой техникой, как то было и раньше в XI веке при Чивита. Пешие солдаты были посажены позади кавалеристов Карла; когда немецкие рыцари падали с заколотых лошадей, то эти пехотинцы соскакивали и убивали их ударами палицы. Легион храброго Иордана пал. Гальван и Бартоломей возобновили было битву на некоторое время, но все было напрасно. Храбрые немцы сражались и погибли с геройским духом, подобно древним готам, как обреченные на смерть представители германской империи, которая скончалась вместе с Фридрихом II.

Когда король Манфред увидел, как его боевые отряды колебались и падали, он повел в бой третью часть своего войска, ленных вассалов Апулии и Сицилии. Непонятно, почему он вместо них не сохранил к концу сражения немецкого резерва, потому что итальянцы тотчас обратились в бегство. Даже его родственник Фома ди Ачерра поспешил изменнически убежать с поля битвы, после чего и другие бароны последовали этому примеру: одни кинулись в Беневент, а другие бежали в Аbruцци. Когда король увидал, что судьба его решена, то он решился умереть как герой. Те, кто еще оставались с ним, советовали ему спастись внутри страны или бежать в Эпир, чтобы там при дворе своего тестя дожидаться лучших времен. Он презрел этот совет и крикнул своему оруженосцу подать ему шлем. Когда он надевал его на голову, с него упал серебряный орел. «Ессе, signum Domini!» — сказал он и без королевского отличия кинулся на врагов, ища себе смерти, сопровождаемый своим благородным союзником Теобальдом Анибальди, который решился умереть вместе с ним.

Когда ночь сошла на Беневентское поле, мрачный победитель сидел в своем шатре и диктовал следующее письмо папе: «После горячей схватки с обеих сторон мы с помощью Божией опрокинули два первых боевых ряда неприятеля, после чего все остальные искали спасения в бегстве. Резня на поле битвы была так велика, что трупы убитых покрыли собой землю. Не все бежавшие ушли; многих настиг меч преследовавших; много пленных отправлено в наши тюрьмы; между ними Иордан и Бартоломей, которые до сих пор ложно называли себя графами; взят также в плен Пиер Азино (дельи Уберти), нечестивый глава флорентинских гибеллинов. Кто из неприятелей был раньше убит, мы не можем сказать с достоверностью, отчасти вследствие спешности этого сообщения; но многие говорят, что бывшие графы Гальван и Герричеккус убиты. О Манфреде до сих пор ничего не слышно; пал ли он в сражении, или взят в плен, или ушел. Но бывший под ним боевой конь, который теперь находится у нас, доказывает как будто его смерть. Извещаю Ваше Святейшество об этой великой победе, чтобы Вы возблагодарили Всемогущего, даровавшего нам ее и укрепившего моей рукой дело церкви. Если я истреблю в Сицилии корень зла, то будьте уверены, что я возвращу это королевство к его древним обычным вассальным обязанностям относительно церкви, в честь и славу Божию, ради прославления его имени, мира церкви и благоденствия этого королевства. Дано в Беневенте, 26 февраля 9 Индик., в первый год нашего королевства».

Через три дня он пишет: «Вновь уведомляю Ваше Святейшество о триумфе, который Бог даровал мне над общественным врагом при Беневенте. Чтобы убедиться в достоверности рассказа, становившегося все более определенным, о том,

что Манфред убит в сражении, я велел произвести поиски на поле между убитыми, тем более что не было никакого слуха о том, чтобы он куда-нибудь спасся бегством. В воскресенье 28 февраля нашли его обнаженный труп между убитыми. Чтобы избежать в таком важном деле всякой ошибки, я велел показать мертвеца моему верному графу Рихарду Казертскому, бывшим графам Иордану и Бартоломею и их братьям, а также и другим лицам, которые близко стояли к Манфреду при его жизни: они узнали его и признали, что это несомненно был труп Манфреда. Движимый естественным чувством, я после этого велел похоронить его с честью, хотя и без церковных обрядов. Дано в лагере у Беневента 1 марта в первом году нашего королевства».

Когда пленные графы, приведенные в цепях на поле битвы, нашли голый труп короля, то на вопрос, это ли Манфред, все они боязливо ответили: «Да!» Только благородный Иордан д'Англано в глубокой горести воскликнул: «О мой король!» — закрыл лицо руками и горько заплакал. Рядом с Манфредом лежал убитый Теобальд Анибальди, его брат по оружию, один из воинов, достойных имени римлянина, украсивший прекрасной славой свой собственный гибеллинский род. По приказанию победителя Манфред был зарыт в землю возле моста через Калоре около Беневента; французские воины, отдавая честь его героическому мужеству, принесли на его могилу каждый по камню и таким образом сложили курган. Но вскоре после того низкий Пиньятелли, епископ Казенцкий, заклятый враг Манфреда, велел по распоряжению папы вырыть мертвеца из его могилы и, как проклятого черковью, выбросить на берег реки Верде, т. е. Лириса, на границе Лациума.

Манфреду было 34 года, когда он умер. В жизни и в смерти он был также прекрасен, как Тотила. Подобно этому готскому герою, который, победоносно еще в юности, восстановил империю Теодориха, Манфред также поднял из развалин империю Фридриха в Италии и в течение нескольких лет поддерживал ее в блестящем состоянии; затем и он погиб, побежденный счастьем вторгшегося из чужой страны, вооруженного папой завоевателя. Гвельфы из партийной ненависти клеймили его именами отцеубийцы и братоубийцы и звали на него самые ужасные преступления; папы проклинали его, как ядовитого змея и безбожного язычника; но его тень явилась благороднейшему уму Средневековья, жившему уже, когда умер Манфред, не между осужденными в аду, как бы следовало по мнению духовенства, а в приветливом образе в чистилище, где он с улыбкой сказал ему, что проклятие священников не имеет никакой власти над примиряющей любовью. Лучшие его современники, даже некоторые из гвельфской партии, ценят в нем цвет прекрасного мужества; они прославляют его щедрое великодушие, кроткое благородство его нрава, его светскую образованность и душевную доброту, которая лишь редко нарушалась хитрыми или гневными поступками.

Карл Анжуйский над трупом своего благородного противника представляет собой одно из тех бывших в мире противоречий, когда зло, по-видимому, торжествует над добром. Однако гибель Манфреда имела такой высокотрагический смысл, что в ней нельзя не видеть силы исторического рока, который вместе с пережившим мировым строем уничтожает и его наследников. Практические причины его падения указывает нам, кроме того, история Южной Италии, страны без национального сознания, без верности и постоянства, в которой ни одна династия не могла удержаться надолго и где даже до нашего времени удавалось всякое вторжение и завоевание. Мудрые законы Фридриха II могли в ней создать монархическое правление, но не могли из нее сделать национального государства; трон Манфреда держался ненадежно на вассальных обязательствах аристократии, которая, по выражению гвельфа Саба Маласпина, сначала поделила с ним сицилийскую добычу, а затем веро-

домно изменила ему. Немецкие наемники и сарацины были единственными верными опорами его владчества. Когда эти опоры были сломлены при С.-Джермано и Беневенте, оно уже не могло удержаться долее. Духовенство, величайшая сила в этой суверенной стране, было враждебно Манфреду, а истощенные податями города тоже не были его друзьями. Они следовали общему стремлению к муниципальному самоуправлению, с которым Гогенштауфены не хотели считаться. При вступлении Карла в королевство, говорит гвельфский историк, настроение народа стало колебаться; оно направилось против Манфреда и было очень радостно, так как все думали, что желаемое спокойствие будет снова восстановлено и что с прибытием короля Карла всюду снова возвратится свобода.

Как эти ожидания осуществились, какое счастье получили Неаполь и Сицилия в разбойничьих руках графов Анжуйских, об этом известно из истории этих стран. Мы бросим только беглый взгляд на страшное кровопролитие в Беневенте, собственном городе папы, который Карл принужден был отдать в качестве награды в добычу своим войскам. Эти «ратники Божии» кинулись с поля битвы на дружественный им город, не обращая внимания на умиловительные просьбы вышедшего им навстречу процессией духовенства, и в течение восьми дней убивали без различия невинных жителей с такой же фанатической яростью, как их предки во время альбигойских войн. Они совершили такие ужасы, что у Климента IV вырвался крик отчаяния и он возмутился, увидев, какой образ стал теперь принимать Карл, богатырь и Маккавей церкви.

Победитель не имел в себе человеческого чувства; это был холодный, молчаливый тиран. Елена, молодая, прекрасная жена Манфреда, тотчас после первого известия о его гибели, полученного ею в Лучерии, полумертвая сама, убежала, захватив с собой детей. Покинутая в несчастье баронами, она в сопровождении нескольких великодушных людей прибежала в тот самый Трани, где она в 1259 г. была встречена, как королевская невеста, блестящими торжествами. Она хотела здесь сесть на корабль, чтобы ехать в Эпир, но бурное море помешало ее бегству. Нищенствующие монахи, бродившие по стране в качестве шпионов, узнали о ее пребывании в замке Трани, напугали кастеллана изображениями вечных мук и заставили его выдать эту жертву рейтарам Карла (6 марта). Елена умерла через пять лет в заключении в Ночере в феврале или марте 1271 г., не достигнув 29 лет; ее дочь Беатриса в течение восемнадцати лет томилась в крепости Кастель-дель-Ово в Неаполе; малолетние сыновья Гейнрих, Фридрих и Эндрю росли и погибли в тридцатитрехлетней муке тюремного заключения, более жестокого, чем заключение их дяди в Болонье. Ни Анжуйская, ни Арагонская династии, когда они владели островом Сицилией, не сочли себя обязанными освободить из тюрьмы законных наследников Манфреда. Гибель его невинного рода трогает у всех благородное чувство; но за сценой в Трани есть другая (почти единственное явление в истории), которой она была роковым отражением; это — сцена в замке Кальтабелотта в Сицилии. Сюда убежала от завоевателя королева, такая же вдова и такая же несчастная, как Елена, и также с четырьмя детьми: Сибилла, жена последнего норманнского короля Танкреда. Она и ее дети были жестоко закованы в цепи; вероломный враг, истребивший норманнский дом Сицилии при таких ужасах, с которыми сравнялись только деяния Карла Анжуйского, был император Генрих VI, дед Манфреда, и время, когда была схвачена Сибилла и когда благороднейшие люди Палермо были варварски передушены, были как раз те Святки, когда императрица Констанца родила отца Манфреда.

Карл Анжуйский совершил свой въезд в Неаполь в великолепном вооружении, верхом на коне, бывшем с ним при Беневенте, в сопровождении блестящих фран-

дузских рыцарей и победоносных воинов своей армии, при ликующих криках подкупленного народа, осыпавшего его цветами, и смиренно приветствуемый подкупленными баронами Апулии и торжествующим духовенством. Гордая королева Беатриса, достигшая вершины своих честолюбивых желаний, ехала в открытой карете, обитой голубым бархатом. Таким образом, французская тирания вступила в Неаполь, и неспособный к свободе народ подпал под власть чуждого, приготовленного ему папой деспота.

Цель, к которой столько лет стремились папы, была достигнута; на троне Сицилии сидел новый правитель, их орудие и вассал; господство немцев в Италии и их вековое влияние на эту страну и на папство было уничтожено; романская народность победила германцев. Немецкая империя не существовала более: ее геройский род Гогенштауфенов был истреблен; Генрих VI, Фридрих II, Конрад IV, Манфред и другие члены этого рода лежали в могилах в этой же стране: в Палермо, в Мессине, в Козенце, под каменным курганом Беневента; Энриус был в цепях в Болонье; дети Манфреда тоже в цепях; только Конрадин, последний из Гогенштауфенов, был еще жив и свободен, но он был беден, находился в пренебрежении и вдали от Италии. Климент IV с восторгом получил известие о победе Карла; все колокола Перуджии звонили и благодарственные молебствия возносились к небу, потому что не стало более всадников и колесниц фараоновых. Но если бы взор папы получил дар пророчества, то он смутился бы, увидев страшные явления, вызванные его действиями: 37 лет спустя он увидел бы папу, своего преемника, оскорбляемого в своем, взятом приступом дворце министром французского короля; Святой престол, перенесенный в провинциальный город Прованса и в течение семидесяти лет занятый французами, креатурами и слугами их короля, в то время как покинутый Рим превращался в развалины!

3. Карл слагает с себя сенаторскую власть. — Конрад Бертрами Мональдески и Лука Савелли, сенаторы 1266 г. — Демократическое правление в Риме при Анджело Капоччи. — Дон Арриго Кастильский, сенатор, 1267 г. — Гибеллины собираются в Тоскане. — Посланники отправляются в Германию звать Конрадина в Рим. — Он решается на это предприятие

Падение Манфреда было также и поражением гибеллинов во всей Италии, большинство городов которой признали теперь Карла своим протектором. Церковное государство тотчас восстало из своего долгого угнетения; папа, желавший снова быть единственным господином в Риме, потребовал теперь, чтобы Карл согласно договору сложил бы с себя власть сенатора. Король медлил, хотел еще на некоторое время сохранить свою должность и наконец с плохо скрываемым неудовольствием объявил римлянам, что он слагает свой сан, чтобы не обидеть церковь, которая признает себя имеющей право на сенаторство. Это было им сделано в конце мая 1266 г., и папа вскоре должен был в этом раскаяться.

Климент IV надеялся теперь без затруднения восстановить все свои верховные права в Риме, так как Карл обязался по договорам оказывать ему в этом содействие. Между тем город вовсе не показывал вида, что он хочет передать папе сенаторскую власть или даже вообще пригласить его вернуться. Еще в апреле папа переехал из Перуджии в Орвието, а оттуда, в полной надежде поселиться в Латеране, отправился в Витербо, где и остался жить. Рим в это время находился не в более близких отношениях к нему, чем республики Флоренция или Лукка; римляне считали права папы прекратившимися, а Карл не заботился их защищать. Когда надо

было вновь заместить сенаторскую должность, то римский народ выбрал снова по старой системе двух сенаторов: Конрада Бертрами Мональдески из Орвието и Луку Савелли из Рима. Они тотчас же потребовали уплаты сумм, данных римским купечеством под залог церковных имуществ, и папа назвал их ворами и разбойниками внутри и вне Рима.

Амнистия возвратила в Рим многих гибеллинов, которые вместе с гвельфами заседали снова в парламенте. Многие приверженцы Манфреда, как, например, Иаков Наполеон из рода Орсини, покорились папе, но только для виду. Как только побежденная партия оправилась от смущения, так она со свойственной итальянцам ловкостью организовалась повсюду — в Риме и в Тоскане, в Неаполе и в Ломбардии — в тайные союзы. Невыносимое высокомерие гвельфской аристократии так ожесточило римский народ, что уже в первой половине 1267 г. римляне восстали, установили демократическое правление из 26 доверенных лиц и назначили народным военачальником Анджело Капоччи из партии гибеллинов. Климент принужден был признать этот переворот; народный военачальник даже апеллировал к нему, когда аристократы, подстрекаемые, как говорили в Риме, из Витербо, начали борьбу с новым правительством, и тогда папа, чтобы особенно отметить свою невиновность, послал двух епископов для установления мира.

Между тем Капоччи, которому римский народ поручил назначение сенатора, обратил свое внимание на испанского инфанта дона Энрико, сына Фердинанда III кастильского и младшего брата Альфонса Мудрого, носившего титул римского короля, талантливого авантюриста с великокняжеским честолюбием. Изгнанный из отечества как мятежник, он пребывал в английских владениях в Южной Франции и уже в 1257 г. хотел, состоя на службе у Генриха III, принять участие в походе против Манфреда, но поход этот не состоялся. В 1259 г. он на английском корабле отправился в Африку в сопровождении своего брата Федерико и других испанских изгнанников и с тех пор служил правителю Туниса на войне против мавров. Переворот в Италии побудил его искать новой арены для своего честолюбия. Весной 1267 г. он с двумя сотнями кастильцев прибыл ко двору своего родственника Карла, который принял его с почетом, но неохотно, так как был ему должен большую сумму, которую медлил возвратить, и потому старался учтивым образом отделаться от докучливого кредитора. Инфант выступил рядом с Иаковом Арагонским в качестве претендента на корону острова Сардинии, которую церковь считала своей собственностью и оспаривала у Пизанской республики. Он отправился к папскому двору в Витербо, где своим тунисским золотом привлек на свою сторону кардиналов, но Климент IV был более расположен удовлетворить его посредством арагонского брака, чем уступить ему Сардинию, на которую заявлял претензию также и Карл. Он обманывал и своего родственника, тайно ставя препятствия исполнению его желаний.

Инфант явился счастливым кандидатом в Риме, где его дублоны открыли ему доступ в Капитолий. Народный военачальник Капоччи остановил на нем свой выбор, и римляне охотно взяли себе в сенаторы кастильского принца, отличавшегося военной славой и богатством, от которого они ожидали могущественной защиты против заносчивости аристократии и притязаний папы. Дворяне, большая часть кардиналов и даже сам папа противились этому выбору, но безуспешно. Настроенные в Риме снова повернулись в сторону гибеллинов, как только Карл Анжуйский вступил на сицилийский престол. Инфант прибыл из Витербо в июне 1267 г., чтобы вступить в управление городом; таким образом, по странной случайности двое бра-

тьев-испанцев в одно и то же время были один избранным королем, другой сенатором римлян.

Городское управление Дона Арриго скоро приобрело не меньшее значение, чем управление его предшественника Карла Анжуйского. Как только инфант принял его на себя, так начались его несогласия с папой; он хотел подчинить Капитолию всю Кампанию, отнять судебную власть у духовенства, сломить гордость аристократии. Папа протестовал, но сенатор не обратил на это внимания. Народ уважал принца, который сначала был одинаково справедлив к гвельфам и к гибеллинам; но его пылкая ненависть к Карлу и неожиданные события скоро побудили его открыто объявить себя врагом церковной партии.

Сторонники Манфреда и Швабского дома собрались в Тоскане. В этой стране возшло новое драконово семя тех двух старинных партий, неумолимая вражда которых придала итальянской истории героический характер дикой и великой страсти и под формами и девизами которых итальянцы продолжали вести борьбу даже и тогда, когда уже окончилась великая распря между церковью и империей. Фантазия того времени представляла себе эту неистовую партийную войну как темное дело двух демонов Гвельфа и Гибеллина, и в самом деле они были фуриями Средних веков. Они появились в первый раз не в эпоху Манфреда; их происхождение относится к более раннему времени, но их дикое развитие начало преимущественно со времени падения господства Гогенштауфенов принимать тот страшный характер партийной борьбы, который разорвал провинции и города Италии на две враждующие половины. Только Пиза и Сиена, Поджибонци и Сан-Миниато аль Тедеско остались после гибели Манфреда единственными сторонниками Штауфенов, или гибеллинами. Граф Гвидо Новелло, оставивший Флоренцию в момент упадка духа, собрал немецких наемников и своих друзей вокруг швабского знамени в Прато и других замках. Из военачальников Манфреда некоторые спаслись с Беневентского поля битвы или из апулийских темниц, таковы братья Гальван и Фридрих Ланчия, Конрад Антиохийский, внук императора Фридриха и зять Гальвана, Конрад и Маринус Капече, благородные неаполитанцы, и Конрад Тринчия из Фолиньо. Королевство Сицилийское стонало под игом своего нового владетеля; попираемое ногами французских сборщиков податей, судей и управителей, лишенное деспотическим правлением Карла всяких прав и свобод, оно находилось в таком состоянии, сравнительно с которым правление Манфреда являлось золотым веком. Народ, изменивший ему, вспоминал теперь о его кротости и напрасно призывал его назад. Даже современные гвельфы с ужасом описывали правление первого Анжуйского короля, и Климент IV в знаменитом письме под видом отеческого увещевания и благожелательных советов мастерски изображает его в образе ненавистного тирана.

Апулийские изгнанники бежали в Тоскану и рассказывали там, что Сицилийское королевство готово к восстанию. Приверженцы Манфреда видели, что его дети томятся в цепях и не способны защитить свои наследственные права; поэтому они обратили свои надежды на Конрадина, последнего законного наследника Сицилии, которого когда-то гвельфы звали в Италию против узурпатора Манфреда.

Сын Конрада IV, родившийся 25 марта 1252 г. в замке Вольфштейн, близ Ландсгута, имел от роду 14 лет, когда пал его дядя и чуждый завоеватель занял престол, бывший по праву наследства его неоспоримой собственностью. Он находился под покровительством своего сурового дяди Людвиг Баварского и своей матери Елисаветы, сестры этого герцога, которая в 1259 г. вышла во второй раз замуж за графа Мейнгарда фон Герц. Одно мгновение императорская корона носилась над головой Конрадина, но папа, который не решил спора о короне между Альфонсом и Ричардом, чтобы ослабить Германию партийной борьбой и оставить

Италию без императора, запретил избрание последнего отпрыска из рода Гогенштауфенов. У Конрадина остался только бессодержательный титул короля Иерусалимского и его очень уменьшившееся Швабское герцогство. Он рос в Баварии, где дух его питался песнями туземных певцов и возбуждающими картинами геройского величия и падения его дома.

В политической истории немного таких трогательных случаев, как судьба этого юноши, которого сила унаследованных обстоятельств привела из отечества в Италию, чтобы, как последнего в его геройском роде, принести в жертву на могилах его предков. Послы гибеллинов из Пизы, Вероны, Павии и Сиены, Лучерии и Палермо уже в 1266 г. являлись в Констанц, Аугсбург или Ландсгут; в следующем году прибыли братья Ланчия и Капечи, чтобы возбудить к полету «едва оперившегося орла». По красивому сравнению гвельфа Маласпины, они были похожи на тех волхвов, которые принесли грядущему Царю золоту, ладан и смиру. Они обещали ему поддержку Италии, если он снова развернет на Альпах знамя империи и придет освободить страну своих славных отцов от ненавистной тирании.

Когда внук великого Фридриха увидел у своих ног итальянских послов, выразивших ему свою преданность, когда он услышал их чудесные речи и принял их богатые дары, как залог их обещаний, то его охватил мечтательный восторг. Голоса сирен призывали его в прекрасную и роковую страну, исторический рай германских стремлений, куда и его славные предки как будто звали его из своих неотомщенных могил. Его мать противилась, но дяди и друзья соглашались. Слух пошел за Альпы, что юный сын Конрада IV снаряжает войско, чтобы идти в Италию, свергнуть с престола тирана Карла и снова восстановить швабское владычество.

ГЛАВА III

1. Гибеллины подготавливают поход Конрадина. — Карл в качестве главы гвельфской лиги отправляется во Флоренцию. — Восстание в Сицилии и Апулии. — Дон Арриго становится на сторону гибеллинов. — Гвидо де Монтефельтре, просенатор. — Конрадин идет в Италию. — Гальван Ланчия в Риме. — Сенатор арестовывает вождей гвельфов. — Союз между Римом, Пизой, Сиеной и гибеллинами в Тусции

Конрадин послал в Италию, а также и в Рим письма и манифесты, в которых он объявлял, что придет для восстановления прав своих предков, и называл себя королем Сицилии. Поэтому папа в Витербо начал против него процесс: он обнаружил эти документы и вместе с тем буллу, в которой запрещал курфюрстам Германии когда-либо избирать Конрадина в римские короли и угрожал отлучением всем его приверженцам.

«Я не придаю большого значения, — писал Климент IV в октябре 1266 г., — послам, которых гибеллины отправляют к своему идолу, мальчику Конрадину; я очень хорошо знаю его положение; оно настолько бедственно, что он не может помочь ни самому себе, ни своим сторонникам». Однако весной 1267 г. слухи сделались более определенными, и гибеллины в Тоскане стали держать себя более угрожающим образом. 10 апреля папа писал к флорентинцам: «От корня дракона восстал ядовитый василиск, уже наполняющий Тоскану своим зачумленным дыханием; он посылает змеиное отродье, людей погубели, изменников нам, вакантной империи и славному королю Карлу, сообщников своих планов к городам и

дворянам; хитрый и искусный во лжи, он кичится своим мишурным блеском и старается совратить с пути истины кого просьбами, кого золотом. Этот безрассудный юноша — Конрадин, внук Фридриха, покойного римского императора, отвергнутого справедливым приговором Бога и его наместника. Орудия его суть нечестивцы Гвидо Новелло, Конрад Тринчия и Конрад Капече, вместе со многими другими, которые хотят воздвигнуть в Тусции этого позорного идола и тайно и явно вербуют немецких наемников, чтобы заключать союзы и устраивать заговоры». 14 апреля папа послал Конрадину второй вызов с требованием явиться к нему на суд.

Гибеллины действительно развили большую активность. Возвратившийся из Швабии Капече тотчас занял в Пизе положение наместника Конрадина, от имени которого он издавал грамоты. Пиза и Сиена были готовы помогать смелому предприятию; участники заговора в Апулии и Сицилии стояли наготове, и римляне, по-видимому, были настроены благожелательно. Когда опасность приняла серьезный характер, папа и Карл вступили в соглашение для противодействия ей. Апулийские войска немедленно пошли в Тоскану под предводительством Гвидо Монфора и заняли Флоренцию, куда их звали гвельфы. Сам Карл в конце апреля прибыл в Витербо, где он имел с папой продолжительные совещания и затем последовал за своими войсками во Флоренцию. Флоренция, Пистоя, Прато и Лукка немедленно передали ему власть синьора на шесть лет. Такое значительное возрастание власти Карла было очень неприятно папе, но он принужден был делать вид, что доволен. Чтобы скрасить каким-нибудь титулом беззаконный поход в Тоскану, бывшую императорским владением, он даже назначил туда короля в качестве папциариуса — восстановителя мира, — как бы имея на это право во время междоусобия в империи.

Возраставшее восстание в Сицилии и Апулии подняло дух гибеллинов, державшихся в Поджибонци и других замках против военных сил Карла. Капече спешно отправился на пизанском корабле в Тунис и уговорил остававшегося там брата сенатора дон Энрико Федерико Кастильского, старинного приверженца Манфреда, попытаться вторгнуться в Сицилию. Эти смелые люди с несколькими сотнями товарищей в начале сентября 1267 г. высадились возле Счиакка. При их появлении большая часть острова восстала и провозгласила королем Конрадина. Восстание передалось и в Апулию; сарацины Лучерии, которые еще 2 февраля 1267 г. подняли швабское знамя, с нетерпением ожидали внука Фридриха. Таким образом, первоначально проведенный план гибеллинов помешал Карлу двинуться в Ломбардию, чтобы там задержать движение Конрадина.

Карл с беспокойством видел, что Рим, в котором он так недавно был сенатором, находился теперь во власти враждебного ему родственника дон Энрико, который уже открыто заявил о своем присоединении к партии гибеллинов. Капитолий мог также хорошо послужить приближавшемуся Конрадину опорой для предприятия против Сицилии, как он послужил ему самому против Манфреда. Он советовал папе свергнуть кастильского инфанта, искусственно возбудивши беспорядки; но Климент не встретил в Риме сочувствия этому плану, а напротив, убедился, что могущественный сенатор был страшен всем партиям, «как молния». Дон Энрико властвовал там с силой и ловкостью, поддерживаемый своим наместником, которого он по примеру Карла назначил в Капитолии; это был Гвидо де Мантефельтре, владетель Урбино, ревностный гибеллин, как и его предки, человек, скоро прославившийся во всей Италии и признанный величайшим полководцем своего времени. Конрадин в августе в Аугсбурге обещал ему богатые лены в Сицилийском королевстве. Многие замки в окрестностях Рима были заняты городской милицией; в авгу-

сте дон Энрико овладел важной крепостью на границе королевства. Он старался приобрести влияние в Корнето и в сентябре взял Сутри в Тусции, откуда он мог подать руку тосканским гибеллинам. Папа напрасно старался устроить примирение между сенатором и Карлом, и столь же безуспешны были его увещевания, направленные к баронам Церковной области, оставаться верными церкви.

В начале октября до Рима дошел слух, что Конрадин вступил в Италию. Так было и в действительности. Юный государь превратил свои родовые имения в деныги, с трудом организовал войско и выступил в поход через Тироль. Его смелое предприятие было совершенной противоположностью тому, которое предпринял его дед в начале своего славного поприща. Тогда молодой Фридрих шел из Сицилии отвоевывать корону своих предков у гвельфского императора; теперь его внук шел из Германии в Сицилию отнимать у узурпатора итальянскую корону Фридриха. Фридрих вырвался из объятий отговаривавшей его жены, а Конрадин из объятий матери, предсказывавшей ему несчастье; одного поддерживала церковь, другому папские буллы запрещали вход в Италию и предъявление своих прав на наследство его деда. Конрадин выступил из Баварии в сентябре 1267 г.; его сопровождали: его дядя герцог Людвиг, его отчим Мейнгард Тирольский, Рудольф Габсбургский, кравчий Конрад фон Лимпург, Конрад Фрундсберг, Альберт фон Нейффен, Крофф фон Флюглинген, многие другие благородные люди из Германии и Тироля и, наконец, Фридрих, сын Германа Баденского, последний бабенбургский претендент на австрийское герцогство, которого одинаковое сиротство в юности, одинаковое несчастье и восторженная дружба сделали братом Конрадина по оружию. 21 октября внук Фридриха II с 3000 рыцарей и другим войском вступил в гибеллинскую Верону, где за 14 лет перед тем его отца, Конрада IV, встречали еще Эццелин и Уберт Палавичини.

Двумя днями раньше дядя Манфреда Гальван Ланчия вступил в Рим со знаменами Швабского дома. Он явился в качестве уполномоченного Конрадина, чтобы заключить союз с городом. Гибеллины встретили этого представителя Гогенштауфенской империи с большим ликованием; сенатор приветствовал его, воздавая ему публичный почет, отвел ему помещение в Латеране и в торжественном заседании в Капитолии принял от него послание Конрадина. Когда папа услышал об этих событиях, он пришел в сильный гнев: «Я узнал, — писал он к римскому духовенству 21 октября, — то, что наполнило меня удивлением и ужасом, а именно, что Гальван Ланчия, сын погибели и один из самых жестоких гонителей церкви, в праздник св. Луки вступил в Рим, что он осмелился в посмеяние папы развернуть знамена Конрадина из ядовитого рода Фридриха и с дерзкой торжественностью вошел в Латеран, куда входить едва достойны даже и праведные мужи». Поэтому он велел послать Гальвану вызов к суду церкви. Между тем уполномоченного Конрадина чествовали всякими способами; его торжественно пригласили на публичные игры, происходившие на Монте-Тестааччо, которым была придана необычайная пышность.

Чтобы заставить умолкнуть всякое противоречие, сенатор решил одним ударом избавиться от всех гвельфских вождей. Такими считались Наполеон, Матеус и Райнальд Орсини, братья Пандольф и Иоанн Савелли, Рихард Петри, Анибальди, Анджело Малабранка, Петр Стефани, бывшие или братьями, или родственниками кардиналов. Он пригласил этих магнатов в половине ноября на совещание в Капитолий; едва только они явились, как тотчас были арестованы. Наполеон и Матеус были заключены в построенном на скале замке Сарачинеско; Иоанн Савелли, раньше бывший сенатором, справедливый и благородный человек, дал в заложники своего сына Луку и был освобожден; только Райнальд Орсини не явился в Капито-

лий, а убежал. Ужас охватил гвельфов: многие убежали в свои замки; но Рим оставался спокойным и послушным сенатору. Папа протестовал, поставил заключенных, их родственников-кардиналов и их имения под защиту церкви и потребовал, впрочем осторожно и умеренно, удовлетворения от сенатора.

Дон Энрико изгнал также и семьи этих магнатов, отчасти велел разрушить их дома и укрепил Ватикан, в котором он поместил немецкое войско. В Капитолии был публично провозглашен союз города с Конрадином. Сам сенатор пригласил его в Рим. Храбрый воин и вместе с тем трубадур, дон Энрико обратился к Конрадину со стихами, полными силы, и, может быть, именно в эти дни, под шум оружия гибеллинов, он написал канцону, которая сохранилась до сих пор. В ней он говорил о своей ненависти к Карлу, похитителю его владений, и о своей надежде увидеть гибель французской лилии; он ободрял Конрадина и побуждал его овладеть прекрасным садом Сицилии и смелым, достойным римлянина деянием взять корону империи.

Послы из Пизы и Сиены и от гибеллинского союза Тосканы прибыли в Рим для заключения формального союза с городом. 18 ноября собрались большой и малый советы, купеческие консулы и старшины цехов в церкви Арачели под председательством просенатора Гвидо де Монтефельтре. Иоакова, городского канцлера, выбрали синдиком римлян и дали ему полномочие заключить договор с тосканскими поверенными. В тот же день папа объявил отлучение от церкви Конрадина, Пизы, Сиены и гибеллинов Тосканы и послал этот приговор для сведения римскому духовенству. Но он не осмелился ни наложить интердикт на Рим, ни подвергнуть отлучению сенатора. «Я избегаю, — писал он 23 ноября, — как только могу, войны с римлянами, но я боюсь, что и мне, и сицилийскому королю ничего больше не останется делать».

1 декабря во дворце четырех венценосцев, в котором в это время жил сенатор, был заключен союзный договор, наступательный и оборонительный, между Римом, Пизой, Сиеной и гибеллинской партией Тосканы. Этот договор, в котором оговорены были права Конрадина, имел своей главной целью уничтожение Карла и его власти в Тоскане. Так как он тамошними гвельфскими городами назначен был сеньором на шесть лет, а папой возведен в сан князя-миротворца, то гибеллины противопоставили ему дону Энрико, назначив его генерал-капитаном своей конфедерации. Они обязались платить жалованье его свите, состоявшей из двухсот конных испанцев, а сенатор обещал поставить на службу союза 2000 человек.

Между тем вожди римских гвельфов находились или в тюрьмах, или в изгнании: только Райнальд Орсини убежал в Марино, в Латинские горы. Сенатор окружил его там войском, а когда эта осада оказалась безуспешной, то выместил свое неудовольствие на всех казавшихся ему подозрительными светских и духовных лицах. Он нуждался в деньгах для снаряжения Конрадина и взял вклады из римских монастырей, в которые по очень древнему обычаю не только римляне, но и иногородние отдавали на сохранение свои драгоценности. Он взломал сокровищницы многих церквей и похитил их ризы и сосуды. Таким образом награблено было много ценностей. Когда прошел слух, что дон Энрико хочет с вооруженной силой напасть на Апулию, папа потребовал немедленного возвращения Карла, а сам думал из Витербо перебраться в Умбрию. Теперь он по собственному побуждению высказал желание, чтобы Карл мог снова сделаться римским сенатором, и на этот случай хотел освободить его от данной им ранее присяги. Он написал дону Энрико, жаловался на прием Гальвана, союз с тосканскими гибеллинами и насилие против римских магнатов и грозил самыми строгими церковными карами.

2. Бедственное положение Конрадина в Северной Италии. — Он доходит до Павии. — Карл отправляется к папе в Витербо. — Булла об отлучении. — Прием Конрадина в Пизе. — Неудачная попытка Карла против Рима. — Первая победа Конрадина. — Его поход к Риму. — Великолепный прием его. — Вожди гибеллинов. — Выступление из Рима. — Битва при Тальяккоццо. — Победа и поражение Конрадина

Тем временем Конрадин в Вероне изыскивал средства для прокормления своего войска, старался заключить союзы с городами и сделать возможным поход в Тоскану. Недостаток средств у него был не меньше, чем когда-то у Карла. Часть его войска, не получавшего жалованья, покинула его; его дядя Людвиг и отчим Мейнгард, которым он был должен большие суммы денег и принужден был отдать в залог свои наследственные имения, возвратились в январе 1268 г. в Германию, куда их, кроме того, призывали и тамошние дела Штауфенской партии. Твердость, с которой Конрадин преодолел столь большие затруднения, показывает, что он был достоин своих предков. Против всякого ожидания ему удалось совершить свой поход через вражескую страну точно также, как раньше сухопутному войску Карла удалось пройти через всю Италию. Все предприятие вообще казалось повторением предприятия Карла, который принужден был теперь стать в положение Манфреда. Конрадин достиг Павии 20 января 1268 г. и оставался здесь, столь же беспомощный, как и раньше, до 22 марта.

Карл горел нетерпением идти против него; после долгой осады он принудил к сдаче Поджибонди, сильнейший замок гибеллинов, и даже заставил Пизу заключить с ним мир. Если бы он успел заставить и Конрадина сразиться с ним раньше, чем последний дойдет до Рима, то он мог бы, пожалуй, окончить войну уже на берегах По. Но папа, которого мучило опасение потерять Сицилию, где явное восстание охватило Калабрию, Апулию и Аbruццы, усиленно просил его возвратиться в свое королевство, потому что, если он его потеряет, то уже не должен надеяться на то, что церковь еще раз предпримет для него сизифову работу; скорее она предоставит ему, как изгнанному, оставаться со стыдом в Провансе. Карл видел позади себя свое королевство в пламени и пошел назад, оставив маршала Иоанна де Брайсельве с частью войска в Тоскане. 4 апреля прибыл он к папе в Витербо.

Здесь папа повторил отлучение Конрадина и Людовика Баварского, графа Тирольского и всех вождей гибеллинов; он распространил его даже на все страны и города, которые приняли к себе врага или должны были принять. Пиза, Сиена, Верона и Павия подверглись интердикту; дон Энрико, Гвидо де Монтефельтре, должностные лица в Капитолии, все римляне, принимавшие послов Конрадина, подверглись отлучению. Риму грозил интердикт, а римляне были освобождены от присяги, данной ими своему сенатору, и Карл получил полномочие, в случае если сенатор не покорится в месячный срок, снова взять на себя управление городом на 10 лет.

В то время как эти отлучения объявлялись в Витербо, Пиза оглашалась ликующими криками многих тысяч голосов: молодой внук Фридриха II благополучно прибыл в городскую гавань на кораблях республики с пятьюстами рыцарями. Конрадин прошел из Павии через владения маркграфа Каретто, женатого на побочной дочери Фридриха, дошел до приморского Вадо, близ Савоны, и там 29 марта сел на суда. Свое войско он поручил Фридриху Баденскому, который благополучно провел его через горы Понтремоли и через Луниджиану в Пизу, куда прибыл в начале мая. В этой республике молодой претендент нашел себе в первый раз торжест-

венное признание и прекрасно снаряженный флот, на котором он мог отправиться или в Рим, или к берегам Южной Италии. Карл, находясь в неведении о ближайшем плане Конрадина, решил теперь возвратиться в королевство, чтобы привести к покорности тамошних мятежников, в особенности сарацинов в Лучерии, и ожидать нападения врага в своей собственной земле, как это сделал некогда Манфред. Он попытался еще из Витербо неожиданно напасть на Рим; часть его войск с изгнанными гвельфами, в числе которых были граф Ангвильера и Матеус Рубеус Орсини, даже ворвалась в город, но сенатор выгнал их оттуда, и это заставило Карла отступить от Рима. 30 октября он покинул Витербо, получив от папы назначение быть имперским наместником в Тусции. Это звание и возобновление сенаторства были приобретениями, которые впоследствии принесли ему большую пользу.

Конрадин нашел теперь в Пизе и Сиене сильную поддержку. Послы из Капитолия призывали его в Рим, где его ждал Гальван и где источники помощи, имевшиеся у сенатора, обещали ему верное увеличение его сил. В Церковной области происходило брожение. Фермо и Марки находились в состоянии восстания; еще один решительный успех, и большая часть Италии объявила бы себя за Конрадина. На глазах молодого принца в Пизе был снаряжен флот, который с Фридрихом Ланчия, Рихардом Филанжиери, Марино Капече и другими храбрыми людьми должен был идти против Неаполя и Калабрии; это было исполнено и на деле, так как эти гибеллины в августе напали на остров Искию. Сам Конрадин 15 июня отправился из Пизы в Сиену, где он пробыл до половины июля, с почетом принятый гражданами богатого города, которые охотно снабжали его средствами для ведения войны. Победа его войск у Понте-а-Валле, где 25 июня был взят в плен маршал Карла Иоанн де Брайсельве, воодушевил его надежды. Дорога в Рим была свободна. Климент IV призвал в Витербо для своей защиты войска из Перуджии и Ассизи и ожидал здесь прихода последнего Гогенштауфена. Напрасно он увещевал римлян не покидать церкви; его письма в первый раз обнаруживали, что он был серьезно озабочен, однако страх не поколебал его. Он проїдет как дым, говорил он о Конрадине и сравнивал его с агнцем, которого гибеллины ведут на заклание. Со стен Витербо он мог видеть ряды войск, которые, не угрожая ему самому, прошли 22 июля через равнину у Тосканеллы.

Конрадин шел к Риму по Виа Кассиа, через Ветралу, Сутри, Монтерози, древние Веи; с ним шли 5000 хорошо вооруженных всадников; его сопровождали Фридрих Баденский, граф Гергард Даноратико из Пизы, Конрад Антиохийский и много итальянских вождей гибеллинов. Упоенный восторгом взор юноши обзирал с высот Монте-Марио обширную римскую Кампанию, которая спокойно и торжественно расстилалась, обрамленная красивыми горными цепями и прорезанная сверкающим Тибром, текущим от покрытых развалинами холмов до Мильвийского моста, тогда как над многобашенным Римом как будто торжественно покоится голубой свод неба. С предгорий Сабины глазам открываются белые ряды домов Тибура; Конрадину рассказывали, что эта местность была ареной походов Фридриха и Манфреда. Вдали ему показывали древний Пренесте. Всего пять недель назад он сидел там в циклопическом замке в цепях! Там, где между Албанскими горами и Апенниннами виднеется широкая долина, ему показывали поля Лациума и говорили, что здесь была дорога, по которой Карл Анжуйский спустился к Лирису.

Длинный ряд императоров представлялся взволнованной душе Конрадина в то время, как величественная картина города и великолепное зрелище римского народа, который, приветствуя его, покрывал собой весь склон Монте-Марио от Понте Молле до Триумфального пути, приводили его в восторг, как некогда Оттона II или Оттона III. Сенатор приготовил ему встречу, достойную императора, а Рим, по сви-

детельству гвельфа Маласпина, был по природе своей императорским городом. Хотя римляне часто и упорно боролись с германскими императорами, однако идея империи продолжала оказывать на них свое волшебное действие. Они приняли внука великого Фридриха как законного представителя имперской власти с подобающим почетом. Все римляне, способные носить оружие, ожидали его на Нерономом поле с венками на шлемах, толпами исполняли военные игры, в то время как народ размахивал цветами и масличными цветами и оглашал воздух радостными песнями. Когда 24 июля Конрадин совершил свой въезд через замковые ворота и мост Св. Ангела, то он нашел Рим превращенным в арену торжественного триумфа. Вдоль наполненных народом улиц от дома к дому были протянуты канаты, с которых свешивались ковры, редкие одежды и драгоценные украшения, а хоры римлян под звуки цитр и литавр танцевали свои национальные танцы. Гвельф Маласпина признает, что встреча Карла была далеко не столь торжественна, как празднества, которыми приветствовали Конрадина. Гибеллинский Рим чествовал его по собственной свободной инициативе. Мечтательный мальчик был одну минуту на вершине земного величия.

Его привели в Капитолий и приветствовали как будущего императора. Он поселился или там, или в Латеранском дворце. Вожди гибеллинов, апулийские изгнанники, стремились туда, чтобы выпрашивать себе будущие лены. Римские магнаты, амнистированные раньше Карлом или папой, перешли на его сторону. Бесхарактерный Петр Вико, переходивший то к Манфреду, то к Карлу, явился в Капитолий заявить свою преданность; Иаков Наполеон Орсини предложил свои искренние услуги. Молодой Рихард и другие Анибальди, граф Алкеручий де Сант-Евстахио, Стефан Норманн, Иоанн Арлотти, Сурди, бывшие верными гибеллинами во времена Манфреда, доставляли оружие и деньги, тогда как сенатор взял на себя последние приготовления к выступлению. Другие Орсини и Анибальди и весь дом Савелли оставались на стороне Карла, а Франджипани, Колонна и Конти выжидали в своих замках событий.

Странный оборот дел сделал из Рима лишь через два года после предприятия Карла снова центральный пункт завоевательного похода против Апулии и поставил прежнего узурпатора в положение Манфреда. Однако оборонительная линия от Чепрано до Капуи была на этот раз лучше охранена; поэтому военный совет в Риме решил, что надо идти в Аbruццы через Валерию; предполагалось дойти до Сульмоны, соединиться в Лучерии с сарацинами и всеми силами атаковать неприятеля, предполагая, что он еще там находится. Этот план был безуспешен.

18 августа 1268 г. Конрадин выступил из Рима, где в качестве заместителя сенатора остался Гвидо де Монтефельтре. Его сопровождали дон Энрико с несколькими сотнями испанцев, Фридрих Баденский, Гальван, Конрад Антиохийский и другие магнаты. Хорошо снаряженное войско численностью около 10 000 человек было одушевлено мужеством и бодростью. Римский народ провожал уезжающего далеко за ворота С.-Лоренцо, а вся городская милиция хотела идти с ним в поход; однако Конрадин отпустил большую часть ее после двух дней пути. С ним остались только вожди гибеллинов с лучшими своими воинами: Алкеручио де Сант-Евстахио, Стефан Альберти, старик Иоанн Кафарелли, молодой Наполеон, сын Иакова Орсини, Рихарделлус Анибальд и Петр Арлотти и Петр Вико. Из Тиволи пошли вверх по Анио в Виковаро, где Конрадина приняли Орсини, принадлежавшие к гибеллинской партии. Затем прошли мимо Сарачинеско, где дочь Гальвана и жена Конрада Антиохийского приветствовали своего царственного родственника. Этот построенный на скале замок, бывший в X веке сарацинским разбойничьим гнездом, принадлежал Конраду, потому что его отец, Фридрих Антиохийский, получил его в приданое за

благородной римлянкой Маргаритой. В нем сидели еще оба пленных Орсини — обстоятельство, которому Конрадин вскоре оказался обязанным своим спасением.

Между тем Карл, осведомившись о вступлении Конрадина в Рим и угрожающем походе в королевство, снял осаду Лучерии. Он пошел в Фоджию, а оттуда к Фучинскому озеру; уже 4 августа он достиг Альбы и Скурколы. Затем он в течение многих дней двигался между названным озером и Аквиллой туда и сюда, не зная, какую дорогу в Апулию изберет неприятель и какой проход он должен будет ему загородить. Предположив, что Конрадин попытается пройти через Аквилу в Сульмону, он опять повернул назад к Овинуло и Аквиле. Однако войско Конрадина перешло суровую пограничную страну у Риофреддо и через проход Карсоли спустилось в долину Сальто. Здесь находится Марсийская область с высокой горой Велино и другими вершинами, возвышающимися над Фучинским озером. Вокруг него расположены города: Тальякоццо, Скуркола, Авещдано, Челано и Альба, бывшая в древности тюрьмой македонского царя Пирра, а теперь главным городом Марсийского графства, титул которого, полученный еще от отца, носил Конрад Антиохийский. Много дорог прорезывали эту озерную область и вели через горные проходы на запад в Рим, на юг в Сору, на север в Аквилу и Сполето, на восток в Сульмону.

Конрадин прошел мимо Тальякоццо к Скурколе и 22 августа расположился здесь лагерем у Вилла Понтиум. Получив известие, что неприятель спускается по дороге к озеру, Карл пошел ускоренным маршем через проход Овинуло, чтобы дать ему сражение. Он встретил его, когда сам с 3000 утомленных всадников и пешим войском 22 августа стал лагерем на холмах у Мальяно, в двух милях от Альбы; таким образом, битва должна была произойти уже здесь и быть решающей для судьбы как Карла, так и Конрадина. В течение следующей ночи река Сальто разделяла оба враждебных лагеря: один был на Палентинском поле около Альбы, другой — у разрушенного теперь Капель-Понте, возле Скурколы. На следующее утро войско Конрадина построилось в две боевые линии: первая под начальством сенатора графа Гальвана и Герардо Доноратико Пизанского, главы тосканских гибеллинов; вторая, состоявшая преимущественно из немецкого рыцарства и находившаяся под командой обоих юношей — Конрадина и Фридриха. Боевой диспозицией неприятеля руководили лучшие полководцы: Иаков Кангельми, маршал Генрих де Кузанс, Жан де Клари, Гильом л'Этендар, Вильгельм де Вильгардуен, князь Ахайи, который в качестве вассала Карла привел ему отсюда 400 великолепных вооруженных рыцарей, Гвидо де Монфор и сам король. По одному поэтическому рассказу, знаменитый воин Эрар де Валери, недавно возвратившийся с Востока, посоветовал Карлу скрыть в засаде еще третий резервный отряд, но такой опытный полководец не нуждался в советах, чтобы прийти к этому решению. Кроме ломбардских и тосканских гвельфов, в войске Карла служили также и римляне: Бартоломей Рубеус из дома Орсини, маркграф Анибальди, оба Савелли, Иоанн и Пандульф и другие аристократы, так что члены одного рода сражались друг против друга, как братья-враги.

Утром 23 августа прежде других переправился через реку дон Энрико, обошел провансальцев на мосту и начал сражение. Когда войско Конрадина набросилось на ненавистного врага, они казались духами-мстителями за Беневент. Никакая измена не запятнала воинскую честь сражавшихся. Их удар опрокинул неприятельские ряды; первая линия провансальцев и вторая — французского рыцарства — были прорваны. Когда маршал Генрих де Кузанс, на котором было надето вооружение Карла, упал с коня вместе со знаменем и был убит, громовый победный крик возвестил о смерти узурпатора. Французское войско обратилось в дикое бегство, а за

ним погнался Энрико Кастильский, герой дня. Немцы и тосканцы бросились грабить неприятельский лагерь, и все ряды рассредоточились по полю битвы, трофеи которой были уже в руках упоенного победой юноши. Счастье подняло его утром на императорском щите, а вечером повергло в совершенно беспомощное состояние.

Карл видел бегство своих войск; потеря сражения была для него, несомненно, и потерей трона. Гвельфский хроникер изображает короля возносящим в слезах молитвы к Мадонне, тогда как Валери кричал ему, что пора выступать из засады. Восемьсот рыцарей вдруг бросились на поле, на котором уже не видно было ни одного французского знамени. Когда появилось это свежее войско, то этой плотно сомкнутой фаланги было достаточно, чтобы рассеять и уничтожить расстроенное войско Конрадина, тогда как рассеянные французы снова собрались вокруг этого ядра. Блестяще выигранная битва была потеряна для Конрадина вследствие неимения резерва и, может быть, также вследствие несдержанности испанцев и дона Энрико, которые ушли слишком далеко, преследуя неприятеля. Возвратясь оттуда на поле битвы, где он оставил Конрадина победителем, инфант увидел ряды войск, выстроившихся перед его лагерем, и поспешил присоединиться к ним с радостным приветствием. Но встретивший его боевой крик «Монжуа!» и вид знамен с лилиями повергли его в оцепенение. С геройской решимостью бросился он на врага и два раза пытался прорвать его ряды, но напрасно он боролся с решением судьбы.

Когда ночь спустилась на поле битвы, мрачный Карл опять сидел в своей палатке и диктовал папе известие о победе, которое настолько было повторением письма, написанного с Беневентского поля, что в нем, казалось, были изменены лишь некоторые имена: «Посылаю вам, Святой Отец, как фамиам, радостное известие, которого так долго ожидали верующие всего мира: Отец, примите и ядите от охотничьей добычи Вашего сына. Мы убили столько врагов, что поражение при Беневенте кажется сравнительно незначительным. Убиты ли или убежали Конрадин и сенатор Генрих, мы еще не можем сказать достоверно, так как это письмо написано тотчас после сражения. Лошадь, на которой сидел сенатор, поймана бежавшей без всадника. Церковь, наша мать, да вознесет свои радостные хвалы Всемогущему, даровавшему своему бойцу такую великую победу; теперь, кажется, Господь послал конец всем ее бедствиям, и она спасена из пасти своего гонителя. Дано на Палентинском поле, 23 августа, Индикта XI, в четвертом году».

Таков был язык страшного охотника Варфоломеевской ночи, с изуверным лицемерием подносившего папе свою жертву, как дорогое блюдо затравленной дичи. Быстро следовавшие одна за другой победы одного и того же деспота, одна над Манфредом, другая над Конрадином, возмущают нравственное чувство, потому что в этом случае действительно во второй раз зло одержало победу над добром и неправда над правом. Если бы право и мщение, если бы сила оружия и воинская верность, геройское мужество и восторженная юность ручались за победу, то она должна бы в этом случае принадлежать Конрадину, но неумолимый рок отдал ее в руки Карла. Ненависть победителя могла бы насытиться при виде тысяч убитых, но ему хотелось еще мщения. Многим пленным римлянам он велел отрубить ноги, а когда ему заметили, что вид изувеченных может возбудить большую ненависть, то он велел собрать их всех в одном здании и сжечь. Из знатных римлян были убиты Стефан д'Альберти, храбрый Алькеручио ди Сант-Евстахио и старый Кафарелли. Был убит также Крофф фон Флюглинген, маршал Конрадина. Петр Вико, смертельно раненный, добрался до Рима, а оттуда в свой замок, где и умер в декабре. Этот беспринципный человек был одним из родоначальников дикого гибеллинского рода Вико, в котором наследственно сохранялось до 1435 г. звание городского префекта.

3. **Конрадин бежит с поля битвы в Рим. — Его пребывание там. — Его бегство, плен и выдача в Астуре. — Пленные заключены в Палестринском замке. — Казнь Гальвана Ланчия. — Карл вторично делается сенатором. — Судьба Конрада Антиохийского и дона Энрико. — Смерть Конрадина. — Смерть Климента IV, 1268 г.**

Удар, подобный молнии с ясного неба, уничтожил смелые мечты несчастного юноши и раскрыл перед ним гибельную бездну. Он бежал с поля сражения с пятьюстами всадников; с ним бежали его товарищ Фридрих Баденский, граф Гергард Пизанский, Гальван Ланчия и его сын и другие дворяне. Прежде всего он направился в Кагель-Веккио, около Тальякоццо, где он, по-видимому, надеялся собрать рассеявшееся войско, и одну минуту отдохнул там; затем продолжал бегство по Виа-Валерия в Виковаро. Как беглец, он снова прошел ту дорогу, по которой лишь несколько дней назад он шел с уверенностью в победе во главе своего войска. Он поспешил в Рим. Там не знали о судьбе сенатора, но Гвидо де Монтефельтре управлял городом в качестве его наместника, и Конрадин надеялся найти здесь защиту и в союзе с Пизой получить новые средства для продолжения войны.

Он прибыл в Рим 28 августа. Как непохожа была прежняя его встреча на теперешнюю и как различно было его возвращение! Он явился тайно, в полубезумном состоянии. Известие о его поражении скоро дошло до Рима; гибеллины были в страхе, гвельфы в радостном возбуждении. С поля сражения прибыли, торжествуя победу, римские изгнанники, которые сражались там под знаменами Карла: Иоанн и Пандульф Савелли, Бертольд Рубеус и другие магнаты. Волнение было безгранично. Гвидо хранил Капитолий для дона Энрико, но отказался принять туда бегльца. Конрадин искал защиты у других гибеллинов, которые скрылись в городе по своим башням; они владели здесь Колизеем, недавно укрепленным Петром Вико островом на Тибре, укрепленным Ватиканом, дворцами Стефана Альберти и замком, называемым Арпаката, который незадолго до этого был построен Иаковом Наполеоном на Кампо-ди-Фиоре, в развалинах Помпеева театра. Когда в город прибывали все больше гвельфов, то друзья Конрадина признали, что ему не следует в нем дольше оставаться. Они решились бежать. Только граф Гергард Доноратико тайно остался и скоро попал в руки врагов. Несчастные беглецы отправились в пятницу 31 августа в замок Сарачинеско, принадлежавший дочери Гальвана. Они были беспомощны и не знали, что делать; сначала они хотели направиться в Апулию, но потом решили постараться достичь ближайшего морского берега.

Уменьшившийся в своем составе отряд направился в болотистую местность ниже Веллетри и достиг моря у Астуры. Астура, где у Цицерона была когда-то вилла, находится как бы на острове, на развалинах римских приморских дворцов; до самых песчаных дюн берега доходит здесь глухой лес. Серые башни стоят в разных местах на берегу, а из моря выдается близлежащий мыс Цирдеи с находящимся на нем замком. Песчаный берег образует рыболовную гавань, в которую впадает река Стура. Уже в древнем периоде Средних веков замок этот принадлежал монастырю Св. Алексея на Авентине, от которого его получили в ленное владение сначала графы Тускуланские, а потом Франджипани. Еще в 1166 г. место возле Террачины называлось гаванью. В настоящее время от Астуры остался только приморский замок с башней; но во времена Конрадина это было укрепление со многими церквями, обнесенное крепкими стенами. Беглецы бросились в лодку, надеясь достичь дружественной Пизы. Но Иоанн Франджипани, владелец Астурской крепости, получив уведомление, что неизвестные рыцари, вероятно, убежавшие с поля сражения при Скуркола, отправились в море, поехал за ними в погоню на быстро-

ходном гребном судне отчасти по собственному желанию, отчасти потому, что ему сделали известны письма папы и Карла, требовавшие задержания беглецов. Он арестовал их на море и снова воротил в Астурский замок. В его власти находились теперь Конрадин, Фридрих Баденский, оба графа Гальвана, молодой Наполеон Орсини, Рикарделлус Анибальди и многие другие немецкие и итальянские рыцари.

Когда Конрадин объявил Франджипане свое имя, то он был обманут в своей надежде темным воспоминанием о том, что этот род когда-то принадлежал к сторонникам империи и был щедро одарен его дедом; он не знал, что те же Франджипане, став врагами Манфреда из-за Тарента, давно уже перешли на сторону папы. Страх и алчность убедили владельца Астуры, что надо крепко держать драгоценную добычу, в которой он узнал претендента на трон Сицилии. К этому присоединилось еще случайное обстоятельство, что адмирал Карла Роберт де Лавена, незадолго перед этим разбитый пизанцами у Мессины, находился с провансальскими галерами в этих водах. Когда он услышал о том, что произошло в Астуре, то от имени короля Сицилии потребовал выдачи Конрадина. Франджипане отказал, чтобы возвысить цену своей добычи, и перевел пленников в соседний, более сильно укрепленный замок, может быть, в С.-Петро ин Формис, возле Неттуно. Вскоре сюда прибыл Иордан, кардинал Террачины, ректор Кампаньи и Маритимы, с военной силой и со своей стороны от имени папы потребовал выдачи пленников, как отлученных от церкви и взятых в ее владениях. Ни просьбы, ни обещания, ни молодость, невинность и красота Конрадина не тронули сердца Франджипане. Ссылаясь на принуждение его галерами Карла, он отдал пленников в руки служителей короля; их повели в цепях через Маремму и сдали в Дженаццано Карлу; затем они были заключены в замок С.-Пьетро, над Палестриной. Этот стоящий на скале замок принадлежал Иоанну Колонна, но был занят неаполитанским войском, потому что Карл с поля сражения пошел через горы и, перейдя их у Субиако, спустился на Пренестинскую дорогу. С 12 сентября его главная квартира была в Дженаццано, которым владели на ленном праве Колонна, принадлежавшие в то время из страха и личной выгоды к партии гвельфов.

От Дженаццано не более двух двух часов пути до Палестрины, где были собраны все пленные; сюда были также приведены сенатор Дон Энрико, взятый в плен во время бегства с поля битвы рыцарем Синибальдо Аквилоне, Конрад Антиохийский и многие благородные римляне и итальянские гибеллины. Замок С.-Пьетро, одно из древнейших укрепленных мест Лациума, теперь разрушен, и от него остались только выдающиеся, покрытые мхом циклопические камни; плещ оббивает его развалины, с которых, глядя вниз, взгляд обнимает невыразимо прекрасную панораму суши и моря. Здесь Конрадин в течение многих дней сидел в цепях вместе со своими товарищами. Из всех пленников Карл больше всего ненавидел графа Гальвана, который и как генерал Манфреда, и как самый ревностный зачинщик предприятия Конрадина являлся его противником на обоих полях битвы. Карл велел публично казнить его вместе с другими баронами Апулии уже в Палестрине или в своей главной квартире Дженаццано, после того как сын Гальвана был задушен в объятиях отца. Так окончил жизнь в первой половине сентября 1268 г. дядя Манфреда, брат красавицы Бланки, храбрый и благородный рыцарь, которого изменчивая жизнь была тесно связана с возвышением и падением Гогенштауфенов. Остальных пленников Карл оставил в Палестрине, а сам 15 сентября отправился из Дженаццано в Рим.

Здесь он тотчас после своей победы был избран пожизненным сенатором. Он с радостью принял власть над городом и снова послал в Рим в качестве своего наместника Иакова Кантельми, которому Гвидо Монтефельтре немедленно передал

Капитолий за 4000 золотых гульденов. Папа, который уже раньше освободил его от отказа от сенаторского звания, утвердил его в этом звании на десять лет. Поэтому Карл 16 сентября еще раз вступил в должность и с этого времени стал называться «сенатором высокого города». Римлянам, стоявшим за него или сражавшимся в его рядах на Палатинском поле, он роздал имена; Иоанн Франджипане был также щедро награжден.

Установив своих управителей в Капитолии и объявив гвельфам о своей победе, Карл в начале октября возвратился в Дженаццано, чтобы оттуда отправить пленных в Неаполь и там их казнить. Из них только Конрад Антиохийский получил свободу. Жизнь его была спасена благодаря тому счастливому случаю, что жена его до сих пор держала заложниками в Сарачинеско обоих Орсини — Наполеона и Матеуса, братьев могущественного кардинала Иоанна Каета, будущего папы Николая III. Конрада разменяли на этих прелатов. Он был родоначальником латинского рода графов Антиохийских, который еще в XIV и XV столетиях пребывал в замках Антиколи и Пилио на Серроне, а также и в самом Риме, всегда оставаясь гибеллинским и враждебным папам; впоследствии он пришел в упадок.

Жизнь инфанта Энрико была пощажена в силу соображений о кровном родстве его с Карлом и во внимание к королевскому дому Кастилии. Бывший сенатор был заключен сначала в замке Каноссе, потом в Кафель-дель-Монте в Апулии, где он мог слышать горестные жалобы трех сыновей Манфреда. Напрасны были просьбы о его освобождении королей Англии, Кастилии и Арагона; напрасны негодующие воззвания разгневанных поэтов; жалобы о судьбе Дон Арриго и похвалы его рыцарским достоинствам живут еще и теперь в песнях трубадуров, в канцонах Жиро де Калазона и Поля Марсельского. Только в 1291 г. он был освобожден, после чего возвратился в свое отечество Кастилию, где и умер в 1304 г.

Голова последнего Гогенштауфена упала в Неаполе 29 октября 1268 г. Изъяв его из пределов власти церкви, Карл поспешил убить несчастного претендента, который смущал бы его сон, даже находясь в самой глухой тюрьме. Казнь Конрадина и его благородных друзей была единогласно заклеимлена приговором современников и потомства как нечестивое действие тиранической боязни и скоро была отомщена историей. Никакая софистика не могла смыть с убийцы этой крови. Были голоса, обвинявшие Климента IV в соучастии: и действительно, на нем лежит более чем тяжелый упрек за то, что он не потребовал от Карла Конрадина как состоявшего под отлучением и взятого в пределах Церковной области и не захотел удержать топор палача. Он предвидел кровавую развязку, так как хорошо знал характер Карла. Папа желал смерти последнего внука Фридриха II и одобрял ее, потому что она положила бы навсегда конец всем притязаниям Гогенштауфенского дома. Если бы Климент IV громко высказал свое неудовольствие или хотя бы человеческое сострадание к жестокой судьбе Конрадина, права которого перед Богом и людьми были ясны, как солнце, то это бы скрасило память папы, на долю которого выпало счастье закончить гибель великой Швабской династии. Но он промолчал, и в этом его приговор. 29 октября упала голова Конрадина, а 29 ноября Климент IV умер в Витербо. Поражающий образ невинного внука Фридриха II, когда он на эшафоте в Неаполе поднимал руки к небу и потом молился на коленях, чтобы воспринять смертный удар, — этот образ стоял у смертного одра папы и омрачал его последние часы. Его страшила также мысль о чрезмерном могуществе победителя. Если как священник он находил в своем сознании удовлетворение, что папству удалось истребить род своих смертельных врагов, то вместе с тем его должно было мучить сознание того, что действительная выгода от этой победы была им передана в руки

тирана, который был теперь королем Сицилии, сенатором Рима, наместником Тусции, протектором всех гвельфских городов и, как можно было предвидеть, скоро мог сделаться повелителем Италии и притеснителем церкви.

После быстро пройденного и блестящего жизненного пути, принадлежащего скорее к области романтической поэзии, чем исторической действительности, Конрадин заключил собой героический ряд представителей рода Гогенштауфенов, а также и их долгую борьбу с папством и за владение Италией. Но если жребий этого благородного юноши был ужасен и несправедлив, то и суд истории был вполне основателен: Германия не должна больше властвовать над Италией, старинная империя франков и Оттонов не должна быть восстановлена. Если бы внук Фридриха II победил Карла Анжуйского, то он бы явился возобновителем того положения вещей и той борьбы, которые уже не находили себе в стремлениях народов ни жизненной силы, ни права на существование. Вся Германия прониклась самой глубокой горестью при известии о его гибели; но никакой государь, никакой народ не восстали, чтобы за него отомстить. Швабская династия умерла, и Конрадин был последней жертвой, принесенной принципу ее легитимности. Великие династии представляют собой системы своего времени, и они падают вместе с последними; никогда никакая политическая или священническая власть не могла обновить исторически пережившей себя легитимности. Не было более великого рода, представлявшего столь великую систему, чем Гогенштауфены, во время более чем столетнего господства которых средневековая борьба за принципы нашла свое высшее развитие и свои сильнейшие характеры. Война обеих систем, церкви и империи, взаимно уничтоживших одна другую, чтобы дать свободу движению духа, была высшим пунктом Средних веков, и на нем стоит Конрадин, прославленный своей трагической смертью. Хотя великая династия Гогенштауфенов сама и была побеждена, но борьба, которую она вела, продолжалась победоносно в других процессах, служивших к освобождению человечества от чрезмерной власти духовенства, которые были бы невозможны без дел, совершенных этим родом героев.

ГЛАВА IV

1. Долгое и строгое правление Карла в Риме через своих просенаторов. — Его монеты. — В честь его воздвигается статуя. — Он снова возвращается в Рим, 1271 г. — Нерешительность кардиналов в Витербо относительно выбора папы. — Гвидо Монфор убивает английского принца Генриха. — Избрание Григория X. — Избрание Рудольфа Габсбургского. — Конец междуцарствия

Карл, по-видимому, дошел до мысли подчинить своему скипетру весь полуостров и даже завоевать греческую империю, для чего он уже давно составил себе план. Однако на троне Фридриха II он был лишь ненавидимым завоевателем. Он не имел дара мудрого и искусного управления и широкого взгляда законодателя; он принес завоеванным им странам только проклятие долгой феодальной деспотии. Его честолюбивые планы, как и планы Гогенштауфенов, потерпели крушение вследствие политики пап, партийного духа в Италии и латинского национального чувства, которое наконец восстало против гордого галльского господства.

Он десять лет управлял как сенатор городом Римом через своих наместников, занимавших высокое положение при его дворе и которых он посылал на неопределенное время в Капитолий, в сопровождении судей и других должностных лиц со-

гласно статутам города. Жесткая рука властителя была благодетельна, так как ею было восстановлено уважение к закону: в течение года было повешено двести разбойников. С этого времени на римских монетах ставилось имя Карла. Эти монеты и статуя суть единственные памятники его сенаторского управления, которое было продолжительнее, чем управление вообще какого-нибудь другого сенатора. В зале сенаторского дворца еще и теперь можно видеть мраморное изображение средневекового короля, с короной на голове сидящего на кресле, украшенном львиными головами, со скипетром в руке, одетого в римские одежды. Голова его велика и сильна; выражение лица строгое и серьезное; нос очень большой; черты лица не некрасивы, но суровы. Это — статуя, поставленная в честь Карла Анжуйского; римляне, вероятно, воздвигли ее вскоре после победы Карла над Конрадином.

Карл снова прибыл в Рим в марте 1271 г. Его сопровождал его племянник Филипп, ставший в это время королем Франции, так как его знаменитый отец Людовик умер во время крестового похода в Тунисе. Карл вошел в Капитолий, где храбрый рыцарь Берtrand дель Бальцо управлял за него сенатом. Гибеллины, которые в течение некоторого времени еще продолжали вести партизанскую войну под начальством Андрея Каноччи и враждебно относились к просенаторам короля, теперь были подавлены. Их крепости в городе еще Иаков Кантельми отдал на истребление гвельфам, и таким образом, Арпаката на Кампо ди Фиоре и башни Петра Вико в Трастевере были сломаны. Карл счел благородным амнистировать некоторых предводителей из числа приверженцев Конрадина и в то же время издал распоряжение о вознаграждении гвельфов за вред, нанесенный им во время сенаторства дона Энрико.

Важные дела вызвали его в Витербо не столько потому, что остатки тосканских гибеллинов были еще опасны, сколько из желания повлиять на выбор папы. После смерти Климента IV собравшиеся там кардиналы не могли прийти к единодушному решению. Влияние тех, которые находились в зависимости от Карла, находило себе противовес в патриотически настроенных кардиналах, и все чувствовали большую важность своей обязанности выбрать папу для новой эпохи. Всех их было 18. Одиннадцать из них желали иметь папой итальянца и через него восстановить все еще бывшую вакантной империю; остальные хотели выбрать француза. Их собрания происходили при постоянном шуме, производимом гражданами Витербо, которые даже раскрыли крышу архиепископского дворца, чтобы заставить прелатов-избирателей прийти к какому-нибудь решению. Почти трехлетнее вакантное состояние Святого престола в то самое время, как оставалось не занятым и место императора, свидетельствовало о глубоком истощении папства в момент исторического кризиса. Карл вместе с королем Филиппом III, который вез с собой из Туниса тело Людовика IX, прибыл в Витербо в качестве адвоката церкви, чтобы ускорить избрание папы или, скорее, чтобы направить его согласно своему желанию; однако он не произвел никакого впечатления на кардиналов. Напротив, дерзкое злодейство, совершившееся перед их глазами, казалось, было наказанием церкви за то, что она оставалась без главы. С Карлом находился в Витербо молодой Генрих, сын Ричарда Корнваллийского, возвращавшийся из Туниса; Гвидо де Монфор, наместник Карла в Тоскане, тоже явился в этот город. Вид английского принца привел в неистовство дикого воина и навел его на мысль отомстить английскому королевскому дому, которым когда-то его великий отец Симон Лейчестер-Монфор был убит в сражении и после смерти подвергнут поруганию. Он убил ни в чем не виноватого Генриха у алтаря в церкви, протащил труп за волосы и бросил на церковную лестницу. Гнусное убийство, совершенное на глазах кардиналов, короля сицилий-

ского и короля французского, никем не было наказано; убийца ушел в Соану, замок своего тестя графа Гвидо Альдобрандини, прозванного Конте Россо. Процесс, начатый впоследствии, велся очень снисходительно, потому что Карл ценил Гвидо Монфора как одного из своих лучших военачальников, бывшего самым превосходным орудием гибели Гогенштауфенского трона. Он наградил его заслуги прекрасными ленами в королевстве, где он предоставил ему в наследственное владение графство Нолу, Чикалу, Форино, Атрипальда и Монфорте. Гвидо, кроме того, был известен как человек большого ума и даже очень честный и правдивый; эти качества могли существовать одновременно с неукротимой дикостью страстей, свойственною средневековым характерам. Злодейство, подобное совершенному им, казалось в то время вовсе не столь ужасным, как оно казалось бы теперь; убийство из кровной мести вовсе не считалось бесчестным, и люди того времени, умевшие ненавидеть до смерти, могли и прощать тоже до смерти. Через двенадцать лет после убийства, которое теперь несомненно исключило бы убийцу, будь он даже королем, из человеческого общества, папа называл этого самого Гвидо своим возлюбленным сыном и произвел его в генералы на службе церкви.

Может быть, это злодейство вывело кардиналов их из летаргического состояния, так как 1 сентября 1271 г. возбужденные красноречием францисканца Бонавентуры они дали полномочие шестерым избирателям назначить папу. Из этого компромисса, к крайнему неудовольствию Карла, произошло избрание итальянца. Папой избран был Тедалд из дома Висконти в Пиаченце, сын Уберто, племянник архиепископа миланского Оттона Висконти, человек спокойного характера, опытный в светских делах церкви, но без специального образования. Избрание клирика, не имевшего за собой публичных заслуг, бывшего только люттихским архидиаконом и который находился еще на Востоке, указывало на то, что или кардиналы знали независимый характер Тедалда, или, не находя другого выхода, подали свои голоса за безразличного папу. Посланцы поспешили отправиться с декретом об избрании через море в Акку, где избранный находился при английском крестоносце Эдуарде, и люттихский архидиакон с величайшим удивлением узнал о блестящем жребии, выпавшем на его долю на Западе.

1 января 1272 г. он высадился в Бриндизи. В Беневенте встретил его Карл с величайшими почестями и дал ему конвой для дальнейшего следования. Посольство от римлян приветствовало его в Чепрано; но он отклонил их приглашение прибыть в Рим и направился сначала в Витербо и Орвието и уже оттуда приехал в Рим. 13 марта совершил он свой въезд в сопровождении короля Карла: зрелище, ставшее новым для римлян, потому что два папы, предшественники Тедалда, вступили на Святой престол и сошли с него в могилу, ни разу не посетивши Рима. Теперь итальянец возвратил папство в его местопребывание. 27 марта Тедалд Висконти принял посвящение в храме Св. Петра и назвался Григорием X.

Новый папа, более счастливый, чем его предшественники, получил в свое ведение новый мир в законченном состоянии. После пап, которые вели убийственные войны и поражали проклятиями народы и королей, снова вззошел на ступени верховного алтаря священник, который мог поднять свою незапятнанную руку на благословение миру. Григорий X сознавал важность своей задачи, и действия этого благородного человека были в самом деле, поскольку это было для него возможно, действиями примирителя и миротворца. Борьба с империей была покончена; борцы умерли; последний, еще остававшийся в живых сын Фридриха II, король Энциус, умер как раз в это время в своем заключении в Болонье 14 марта 1272 г., на другой день после въезда папы в Рим; мир позабыл о нем, и он пережил в тюрьме трагический конец своего дома. В короткое время умерли несколько монархов, в недавнем

прошлом занимавших выдающееся положение: Людовик IX, Ричард Корнваллийский, Генрих III Английский сошли с исторической сцены. Новые короли заняли их троны; новый порядок устанавливался в отрезвившемся мире. Вступив на папский престол, Григорий X нашел, что цель его предшественников была вполне достигнута: церковное государство было установлено; Сицилия снова стала папским леном под управлением новой династии; гогенштауфенский принцеп был побежден; основная идея папства — всемирная духовная и судебная власть — являлась зрелым плодом великой победы.

Но головокружительная высота, на которую вознесли папство принципы Иннокентия III и его преемников, не соответствовала природе человеческих дел; она держалась искусственно и не могла быть сохранена. Григорий X видел себя совершенно одиноким; возле него не было ни одного друга из сильных мира; он видел перед собой только холодное лицо Карла Анжуйского, который прилепился к Святому престолу не как услужливый вассал, а как тягостный протектор. Из двух властей, на которых покоился христианский мир — видимое Царство Божие, — одна была уничтожена; эта глубокая пустота должна была быть заполнена, империя снова восстановлена, так как без этого церковь чувствовала себя лишенной опоры. Только император мог, по понятиям того времени, дать новому устройству Италии и новому церковному государству государственно-правовую гарантию. Обиженная папами Германия, гибеллинский дух, вообще весь политический мир должны быть приведены папами же к примирению через восстановление ими Священной Римской империи.

Попытка передать корону Швабов иностранному государю наткнулась на права и проснувшееся сознание Германии. Правда, Альфонс Кастильский надеялся, что после смерти Ричарда (2 апреля 1272 г.) он получит императорскую корону, но Григорий X отклонил его претензию как неосновательную. После долгих колебаний немецкие князья по инициативе архиепископа Вернера Майнцского выбрали во Франкфурте 29 сентября 1273 г. римским королем графа Рудольфа Габсбургского. Их выбор был единогласным, за исключением протестующего голоса короля Богемского Оттокара; он был безукоризнен, потому что Рудольф в самых смелых своих мечтах не рассчитывал на корону. Таким образом, после двадцати двух лет междоусобицы империя снова получила своего верховного главу.

Рудольф Габсбургский блещет в истории как восстановитель порядка в расстроенной Германии, как сторонник мира и права и как основатель знаменитой династии. В своей рыцарской молодости (он родился 1 мая 1218 г., и Фридрих II был его воспитанником от купели) он служил под знаменами Гогенштауфенов и получил известность в войнах великого императора и Конрада IV, хотя, к счастью своему, не был в них выдающимся лицом. До сих пор он исповедовал штауфенские принципы, но, вступив на престол, тотчас отказался от них. Будучи новым человеком, без наследственных прав, креатурой княжеского выбора и епископской благосклонности, он был похож в своем совершенно новом положении на нового папу. Но он обладал действительно хорошими качествами, которые создали из него, серьезного и рассудительного, но не гениального человека, и хорошего и счастливого государя.

О своем избрании он известил Григория X в письме, в котором ясно отразилось изменившееся положение вещей. Разве мог бы избранный король из Швабского дома написать папе то, что писал Рудольф Габсбургский? «Я крепко утверждаю свою надежду на Вас и припадаю к ногам Вашего Святейшества, смиренно умоляя, чтобы Вы с милостивой благосклонностью помогли мне во взятой мной на себя обязанности и милостиво передали мне императорскую диадему». Таким образом,

притязания, принципы, а также и права прежних германских императоров всецело переходили теперь к папе. 24 октября Рудольф был коронован в Аахене. Так как для фантазии того времени долгое отсутствие императора представлялось страшной моральной тьмой, то она теперь исчезла из мира, когда Рудольф вступил на императорский престол, а перед этим и папский престол был тоже занят. Оба мировых светила — солнце и луна — снова стали, сияя, двигаться в своих сферах. Такой притчей начинает кельнский архиепископ свое письмо к папе, в котором он извещает его о короновании Габсбурга, восхваляет его католическое направление и просит о признании и короновании его императором. Рудольф мог им доверять, потому что Григорий X искренне заботился об утверждении в империи нового властителя, который не внушал бы подозрения церкви и казался ей способным восстановить мир; притом же его возвышение полагало желательный предел честолюбию Карла Неаполитанского. Григорий X был первый папа, который сократил чрезмерное могущество этого вассального короля; и он сделал это с обдуманном спокойствием, не употребляя насильственных средств.

2. Григорий X едет в Лион. — Гвельфы и гибеллины во Флоренции. — Собор в Лионе. — Григорий X издает закон о конклаве. — Жалованная грамота Рудольфа в пользу церкви. — Взгляд Григория X на отношения церкви к империи. — Грамота, данная Лозанне. — Григорий X во Флоренции. — Его смерть. — Иннокентий V. — Адриан V. — Иоанн XXI

Лионский собор решил падение империи; Лионский же собор должен был снова дать миру мир, империи главу и соединить все христианство в великий крестовый поход. Григорий X созвал общее собрание церкви. Находясь еще под влиянием средневековой мечты о том, что задачу Европы составляет освобождение Иерусалима, он посвятил оживленную деятельность Востоку, из которого он сам прибыл на Святой престол. План крестового похода наполнял его душу также, как когда-то душу Гонория III. Он и был главной целью собора.

Из Орвието, куда он еще летом 1272 г. перенес свою резиденцию, Григорий в сопровождении короля Карла отправился весной 1273 г. в Лион. 18 июня он прибыл во Флоренцию. Он явился как установитель мира, так как его неусыпной заботой было примирить во всей Италии гвельфов с гибеллинами; однако это ему не удалось. Партийная ярость оставалась той демонической болезнью, в которой выражались мужественная сила и творческий дух двух столетий. Дикие страсти партий были унаследованы и сделались политической религией; они и раздирали и одушевляли все города Лигурии, Ломбардии, Тосканы и Марок. Только что Григорий X совершил во Флоренции публичный акт примирения, как пламя вспыхнуло с новою яростью, и он оставил город гвельфам и гибеллинам, полный гнева и с буллою отлучения в руках.

Великий собор был открыт 7 мая 1274 г. и продолжался до 17 июля. Григорий был удовлетворен тем, что удалось уговорить греческую церковь присоединиться к Риму. Этим он был обязан стараниям святого Бонавентуры, кардинала альбанского, который между тем еще до окончания собора умер. Византийские императоры повторяли потом эту комедию всякий раз, как им требовалась поддержка Запада. Но для умного Михаила Палеолога целью и результатом предложенного в Лионе воссоединения было признание его Западом. Таким образом, предусмотрительный папа остановил намерения Карла Анжуйского завоевать Грецию.

Знаменитый изданный в Лионе декрет установил впервые строгую форму конклава при избрании папы. После смерти папы кардиналы должны были до десяти дней ожидать своих отсутствующих братьев в том городе, где он умер, затем собраться во дворце умершего, имея при себе каждый лишь одного слугу, и жить вместе в одной комнате, входы и выходы которой должны быть замурованы, кроме одного окна для передачи пищи. Если после трех дней папа не будет выбран, то в следующие пять дней кардиналам подается лишь по одному блюду на обед и на ужин, а затем наконец им дается только вино, хлеб и вода. Всякое сношение с внешним миром запрещается под страхом отлучения. Высшее наблюдение за конклавом поручается светским властям того города, в котором происходит избрание папы, но торжественная клятва обязывала этих должностных лиц к безобманному выполнению возложенного на них важного поручения под угрозой, что в случае нарушения клятвы подвергаются интердикту и они сами, и их город. Если избрание папы совершается, как утверждает церковь, по вдохновению свыше, то голод и жажда казались бы странными средствами для достижения сошествия Святого Духа на спорящих и истомленных кардиналов. Неверующие должны были удивляться тому, что высший представитель религии избирается немногими ссорящимися стариками, которых замуровали, как арестантов, в помещении без света и воздуха, в то время как городские чиновники охраняют выходы, а взволнованный народ окружает дворец, ожидая того момента, когда упадет заложённая стена, чтобы упасть на колени перед неизвестным человеком, который выходит из конклава со слезами на глазах или с веселым взором и с рукой, поднятой для благословения. Колыбелью папы являлась тюрьма, из которой он, сделав один шаг, восходил на мировой трон. Форма избрания главы религии, столь различная от всех других способов избрания правителей, удивительна, как и все в средневековой церкви; при этом надо еще заметить, какой странный образ вообще приняло папское избрание, изменяясь с течением времени.

Знаменитое учреждение Григория X было последствием трехлетней распри, предшествовавшей его избранию. Но строгость конклава казалась, а часто и в самом деле была невыносима; кардиналы лишь неохотно подчинились закону, который оставлял их беззащитными перед насилием городских тиранов. Один из ближайших преемников Григория отменил его декрет, но он скоро был возобновлен и в существе своем сохранился и доныне. В основе своей конклав имеет в виду обеспечить независимость выбора, содействуя этому даже посредством физического принуждения. Но история папских выборов может ответить на вопрос, достаточно ли плотны были самые толстые стены конклава, чтобы сделать невозможным влияние внешнего мира и чтобы противостоять духу хитрости, подкупа, страха, ненависти, партийной благосклонности, самолюбия и других страстей, которые проникали через толстые стены также беспрепятственно, как мифическое золото в башню Данаи.

На соборе появились посланные короля Кастилии, но были устранены; посланные же от Рудольфа Габсбургского были приняты с честью. Его канцлер подтвердил от его имени дипломы, данные церкви прежними императорами, особенно Оттоном IV и Фридрихом II; эти спорные документы новая имперская власть обещала признавать. Канцлер утвердил церковное государство, отказался от старинных императорских прав, от всякого звания или власти в землях св. Петра и в Риме; отказался от всяких притязаний на Сицилию, от всякой мести Карлу, которого он соглашался признать папским ленным королем в этой стране, навсегда отделенной от империи. Он амнистировал всех друзей церкви, врагов Фридриха II и его наследников; заявил, что готов подтвердить свои обещания клятвой, где

и когда потребует Григорий, и обяжет к тому же и германских князей. Вся империя должна признать вышесказанные грамоты Оттона и Фридриха за неоспоримые и таким образом навсегда охранить церковное государство от уничтожения его по произволу отдельных императоров. Рудольф, нуждавшийся в папе, который мог вооружить против него сильных врагов, Богемию и Сицилию, без всяких других расчетов относительно империи согласился на требования папы; он был очень далек от заблуждений своих предшественников, которые, сами отказавшись по договорам от императорских прав, снова возвели их в имперский догмат и через это нашли свою погибель.

Вслед за этим Григорий признал Габсбурга римским королем. Он выказал живое нетерпение короновать его императором, как только тот придет в Рим. Довольный своим положением, папа снова вспомнил о добрых взаимных отношениях обеих властей: церкви и империи, этих двух враждующих сестер, которых связывала друг с другом одна тайная черта. Он уже не говорил в мистических притчах о солнце и луне, но, как практический человек, говорил, что церковь в духовных делах, а империя в светских были высшей властью. «Их деятельность различного рода, — говорил он, — но одна конечная цель связывает их неразрывно. Необходимость их единения доказывается теми бедствиями, которые возникают, когда одна остается без другой. Когда не занят Святой престол, то империи недостает руководителя к спасению, когда пустует императорский трон, то церковь остается беззащитной, отданной на жертву ее врагам. Императоры и короли должны прилагать старания к защите свобод и прав церкви и не отнимать у нее временных благ. Обязанность правителей церкви сохранять за королями их власть в полной неприкосновенности». После многоречивых декламаций Григория IX и Иннокентия IV, которые видели только в папах единственных обладающих правами, повелителей вселенной, а в королях лишь ставленников их инвеституры, утешительно слышать в устах Григория X голос спокойного разума. Правда, папство достигло того, чего оно желало. Не только бессильный император, но и все немецкие курфюрсты признали теперь принципы Иннокентия III, заявивши без дальнейших размышлений, что император получает инвеституру своей власти от папы, по указанию которого он должен употреблять свой светский меч. Григорий X потому заключил мир с империей, что эта империя была уже не та; но выставленный им священнический идеал мирных взаимных отношений обеих властей, несмотря на победу папской идеи, оставался лишь догматической мечтой, которая постоянно разрушалась все более освобождавшимся сознанием народов и государств.

Возвращаясь из Лиона, папа в июне 1275 г. виделся в Бокере с королем Кастильским; после долгого сопротивления Альфонс отказался от своих претензий. С Рудольфом Григорий встретился в Лозанне, и здесь римский король возобновил 20 и 21 октября свои лионские обещания, причем обсужден был также вопрос о замужестве его дочери Клеменции с Карлом Мартеллом, племянником Карла Анжуйского. Заключение мира с империей решено было утвердить торжественным актом перед императорским коронованием в Риме, а последнее было назначено на 2 февраля 1276 г. Дипломы Рудольфа только повторяли или подтверждали выданные Оттоном IV и Фридрихом II акты. Если бы их признание было единственным плодом истребительных войн, продолжавшихся полстолетия, то ничто не могло бы служить более сильным обвинением против бессилия или безумия человеческого рода. Но с результатами борьбы Гогенштауфенов было то же, что и с результатами борьбы за инвеституру: они были другие и имели более духовный характер, чем те, которые были написаны на пергаменте.

Григорий X возвратился примиренным в Италию, где он надеялся скоро короновать нового главу империи. 18 декабря он прибыл во Флоренцию. Так как этот город был под интердиктом, то папа не должен был его посещать; но следвавшая непроездной Арно принудила его к этому, и он оказался в необходимости разрешить Флоренцию от интердикта на то время, пока он останется в ней. Он благословил собравшийся народ, как солнечный луч, промелькнул через город, но как только оставил позади себя его ворота, так снова поднял руку для проклятия и оттолкнул флорентинцев во тьму — странная сцена в настоящем средневековом духе! Достигнув Ареццо, папа заболел и, к несчастью для Святого престола, умер уже 10 января 1276 г. Первосвященничество Григория X было коротко, счастливо и богато содержанием; он блещет, как Тит своего времени. Хотя он и не мог вполне закончить заключение конкордата с империей, но практическое вступление в него было уже готово. Благородный успех был наградой городской деятельности.

Все оплакивали потерю одного из самых лучших пап, за исключением не расположенного к нему короля Карла. Последний старался провести выбор такого папы, который был бы его орудием, и отчасти достиг своей цели, хотя три следовавшие за Григорием X незначительные папы все один за другим скоро умерли. 21 января 1276 г. в Ареццо был выбран Петр из Тарантезы в Савоие, архиепископ лионский, а с 1275 г. бывший кардиналом-епископом Остии, — первый доминиканец, сделавшийся папой. Он поспешил в Рим, где 23 февраля получил посвящение, приняв имя Иннокентия V. Как усердный слуга Карла, он тотчас утвердил его в звании римского сенатора и даже в звании имперского наместника в Тоскане, чем нанесена была обида Рудольфу Габсбургскому. Так удачно начатому Григорием X делу примирения грозила опасность. Опасались похода Рудольфа на Рим и войны его с Карлом, так как римский король дал понять свое глубокое неудовольствие, и уже его уполномоченные послы явились в Романью требовать присяги на верность империи. Новый папа настойчиво потребовал от него не приближаться к границам Италии до тех пор, пока он не исполнит своих обязательств и в особенности не передаст церкви Романью. В этой провинции, обещанной, но еще не переданной Святому престолу и которая со времен Оттонов всегда принадлежала империи, Рудольф хотел пока сохранить имперские права, не столько в расчете удержать их за собой, сколько для того, чтобы иметь в руках средство угрожать папе, так как последний продолжал предоставлять Карлу управление имперскими делами в Тоскане. Между тем Иннокентий V умер 22 июня в Риме.

Так как Карл находился в это время в городе, то сенаторская власть давала ему право охраны конклава, а также и средство влиять на него. Он с беспощадной строгостью держал кардиналов в заключении в Латеране, где он велел так плотно заложить окна их помещения, что даже птица не могла бы проникнуть туда. Восемь дней французские кардиналы спорили с итальянскими, и упорствующим давали только хлеб, воду и вино, тогда как сторонники Карла получали хорошее продовольствие и даже находились в противозаконном сношении с королем. Такая жестокость и несправедливость раздражила итальянских прелатов, в особенности их главу Иоанна Гаэтани Орсини, который впоследствии не забыл конклава. После долгой борьбы наконец был избран итальянец. Оттобонус де Фиеско, старый кардинал-диакон С. Адриано, провозглашен был папой 24 июля под именем Адриана V.

Этот племянник Иннокентия IV возобновлял прошлое, к которому уже не следовало бы возвращаться; но он умер уже через 39 дней, 17 августа 1276 г., в Витербо, даже не получив посвящения. Тотчас после своего избрания он отменил за-

кон Григория X о конклаве, вследствие ли страданий, перенесенных им во время заточения, или вследствие признания им, что строгое выполнение этой формы невозможно.

Карл вторично ошибся в своих надеждах, потому что и на этот раз новый выбор пал не на француза. Партии, на которые разделялись кардиналы, боролись долго и жестоко, при постоянном шуме, производимом гражданами Витербо, которые не хотели повиноваться декрету умершего папы, а напротив, заключили кардиналов-избирателей в самый тесный конклав. В нем под влиянием могущественного Гаэтани Орсини 17 сентября выбран был папой кардинал-епископ тускуланский, назвавшийся Иоанном XXI.

Петр Гиспанус Юлиани, архиепископ Браги, родом португалец и единственный из этой нации избранный папой, был сыном врача и сам был сведущ в медицине и в философских науках; он был автором нескольких медицинских и схоластических сочинений. Григорий X научился его уважать на Лионском соборе, назначил епископом тускуланским и взял с собой в Италию. Невежественные хроникеры говорят об Иоанне XXI как о магике; они называют его заодно и глубоко ученым и безрассудным, мудрым глупцом на папском престоле, человеком без приличия и достоинства, любившим науку и ненавидевшим монахов. Народная толпа и в XIII столетии удивлялась папе, сведущему в астрологии и естественных науках, с таким же суеверным страхом, с каким ранее смотрели на Сильвестра II. Озлобленные и необразованные монахи нарисовали враждебный Иоанну XXI портрет его: его ученость не в тех науках, которые тогда считались каноническими, а в таких, которые были чужды монастырям, возбуждала недоверие; его либеральная манера свободного обращения с людьми даже самого низкого звания, особенно с учеными, возбуждала зависть и насмешки. Чем был бы Иоанн как папа — этого он не успел показать миру, так как умер уже 16 мая 1277 г. в Витербо, где он основал свою резиденцию и расширил папский дворец. Даже необыкновенный род его смерти способствовал укреплению детского суждения о нем как о волшебнике: его убил обрушившийся потолок комнаты, которую он устроил для себя во дворце в Витербо.

3. **Вакантность Святого престола. — Николай III, Орсини, папа. — Государственно-правовое признание империей церковного государства. — Романья передана папе. — Бертольд Орсини, первый папский граф Романья. — Карл слагает с себя звание наместника в Тусции и сенаторскую власть. — Основной закон Николая III о замещении должности сенатора. — Матеус Рубеус Орсини делается сенатором. — Иоанн Колонна и Пандульф Савелли, сенаторы. — Непотизм. — Смерть Николая III в 1280 г.**

В течение шести месяцев Святой престол опять оставался незанятым и церковными делами управляли из Витербо кардиналы. Карл, желая провести в папы человека своей партии, задерживал выборы, но этим не достиг своей цели, так как латинские кардиналы в конклаве все с большим успехом противодействовали французам. Когда же нетерпеливые граждане Витербо заперли избирателей в своей городской ратуше, то 25 ноября самый влиятельный из кардиналов, Иоанн Гаэтани Орсини, был провозглашен папой под именем Николая III.

В этом высокоталантливом сыне когда-то еще при Фридрихе II знаменитого сенатора Матеуса Робеуса жило не благочестивое настроение, но вся сила его отца. При Иннокентии IV он был сделан кардиналом у Сан-Николао in carcere, протектором ордена миноритов и генерал-инквизитором. Он служил при восьми папах и

участвовал в семи папских выборах; он возвел на папский престол Иоанна XXI, который и находился под его влиянием. Научно образованный, опытный во всех светских делах, он был настоящим главой коллегии кардиналов. Его знатный римский род занимал начиная с конца прошлого столетия высшие места в церкви и в республике. Это обстоятельство давало кардиналу повод считать себя на положении владетельного князя, но оно же привело его, когда он сделался папой, к непопиту, перешедшему всякие границы. В сущности, он был римский магнат, полный силы и королевского величия, копивший богатства, не задумываясь о способах, совершенно по-светски настроенный, полный любви к своему родному городу, не без патриотического чувства к своему отечеству и ненавидевший распорядившихся в нем чужестранцев. Если бы он был на престоле св. Петра вместо Климента IV, то Анжуйский дом, конечно, не появился бы в Италии.

Иоанн Гаэтани Орсини был со времен Гонория III первым римлянином, взошедшим на папский престол, который он занял 26 декабря 1277 г., когда получил посвящение в Риме под именем Николая III. Его короткое правление получило большое значение вследствие удачного заключения конкордата с Рудольфом Габсбургским и приобретения вновь прав на назначение римского сенатора. Скоротечные правления его предшественников не привели ни к какому окончательному договору с новым главой империи. Рудольф несколько раз выражал намерение отправиться в Италию, и папы всякий раз отговаривали его от этого. Представление о том, что первый Габсбург по собственному свободному решению отказался от путешествия в Рим и от императорской короны, неверно. Он, напротив, неоднократно и настойчиво желал этого уже потому, что получение императорского достоинства казалось ему необходимым для упрочения своей династии. В сущности, уступки, сделанные им Николаю III, были условиями его коронования императорской короной. Только внутренние дела Германии и быстрая смена пап помешали ему, как когда-то Конраду III, предпринять путешествие в Рим, к чему его настоятельно призывали даже итальянские города, видевшие в отчаянии от своих партийных раздоров в нем спасителя. Великий гибеллин Данте не простил ни ему, ни его сыну Альберту того, что они сами покинули и сад империи, и овдовевший Рим, но Германия именно за это была благодарна возникавшему дому Габсбургов.

Николай III хотел устроить церковное государство на правовых началах: это было его высшей целью. Он потребовал от Рудольфа возобновления Лозаннских договоров и непременно желал, чтобы состав городов, входящих в церковное государство, был определен документально, согласно тому, как они были перечислены в более ранних грамотах. Состав этот должен был быть установлен навсегда в обширнейших границах древних дарений. 19 января 1278 г. Рудольф уполномочил минорита Конрада возобновить лозаннские привилегии, и 4 мая посланный совершил этот акт в Риме. Из папских архивов были взяты пергаменты, чтобы изложить по ним письменно права церкви на Романью и Пентаполис. Правда, нельзя было предъявить самый древний и самый знаменитый акт дарения; ряд их начинался так называемой привилегией Людовика Благочестивого и продолжался дипломами Оттона I и Генриха II. Папа послал копию важнейших мест документов в Германию, и Рудольф тотчас признал подлинность каждой императорской грамоты, не произведя никакого критического исследования. Самым ранним земельным даром папам был дар Пипина, состоявший из Экзархата и Пятиградия; но папы не осуществили своих претензий на эти провинции, потому что уже со времен Оттонов они были прочно присоединены к империи, и ни один папа не заявил против этого никакого серьезного протеста. Рудольф тоже неохотно отказывался от земель, которые он

сам называл «плодовым садом империи»; но он уступил решительной воле Николая III, который только под этим условием передал имперские права в Тоскане, которыми Карл распорядился в качестве наместника. Папы очень ловко пользовались и Рудольфом, и Карлом для того, чтобы ограничить одного посредством другого. 29 мая Рудольф уполномочил своего посла Готфрида отменить распоряжение своего канцлера, который от имени империи требовал в Романье присяги на верность, после чего германский посланник 30 июня 1278 г. передал в Витербо в собственные руки папы документ об уступке этих земель.

Теперь Николай III поспешил взять в свое владение Романью и по-княжески наделить в ней своих родственников. Его посланные требовали от городов и владельцев присяги церкви: большая часть исполнила это требование, но некоторые отказались. Родовые династии, люди, сильные духом и энергичные, из которых многие на более широкой арене могли бы совершить славные дела, явились сюда во времена Гогенштауфенов то как гвельфы, то как гибеллины, захватили в свои руки управление в расстроенных республиках и основали более или менее прочные владения, которые в течение трех столетий сильнее боролись против папской власти, чем это могли делать демократии. Эти синьоры назывались, в противоположность республиканским должностным лицам, тиранами (*tyranni*), и они действительно были ими в смысле городских тиранов древности, единоличными правителями, ограниченными общиной, или властителями, подобными их ролям. Теперь они, как бы пораженные неожиданностью, присягнули на верность папе. Покорились Малатеста дель Верукио в Римини, Поленты в Равенне и Гвидо ди Монтефельтре, бывший когда-то просенатором Генриха Кастильского в Риме, а потом скоро посредством хитрости и смелости сделавшийся тираном почти всей Романьи и отлученный от церкви. Даже могущественная Болонья, раздираемая партиями Ламбертацци и Джереми, в первый раз признала верховную власть церкви над собой и своей областью. С этого времени папы считали лучшим перлом своей мирской короны этот знаменитый город, бывший «плодородной матерью мужей блестящей учености, высокой государственной мудрости, достоинства и добродетели, вечно кипящий источник научных знаний».

Как во времена Каролингов, папа опять посылал в эти области своих ректоров. Он сделал легатом своего родственника Латино Малабранка, кардинала-епископа Остии, а сына своего брата Бертольда Орсини — первым графом Романьи по назначению от Святого престола. Другого племянника, Урсуса, он назначил ректором отчины св. Петра в Тусции. Чтобы поддержать значение своих родственников, он взял на службу к себе неаполитанские войска под командой Гильома л'Этендара, дать которые Карл был обязан в качестве вассала церкви. Так Романья по праву перешла к папам. Они ревниво берегли это сокровище, но укротить упорство романьолов было невозможно: города мужественно защищали свою свободу и оставались в отношениях к церкви только на положении покровительствуемых. Их история под папским скипетром представляет картину вечных восстаний и вечных переходов от тирании к демократии и обратно. Следствием договора с Рудольфом было ослабление могущества Карла. Говорят, что этот король лично ненавидел Николая III и не менее был ненавидим папой, потому что папа был обижен резким отказом выдать замуж племянницу короля за одного из его родственников. Как бы то ни было, такой самостоятельный человек, как Николай III, не мог не положить предела возросшему сверх меры влиянию короля. Он лишил его имперского наместничества в Тоскане, так как этого требовал Рудольф в вознаграждение за Романью. Он принудил Карла отказаться и от сенаторского звания, так как Климент IV дал ему сенаторскую власть на десять лет и этот срок истек 16 сентября 1278 г. По

поводу этих важных дел Карл прибыл в Рим, где и вел с начала мая до 15 июня переговоры с Николаем и римлянами. Он должен был покориться воле папы и заявил, что готов сложить с себя сенаторское звание. Сам Николай в июне уехал в Витербо, откуда он послал в Рим кардиналов Латинуса и Иакова Колонна с полномочием устроить отношения Святого престола к сенату, тогда как чиновники Карла должны были оставаться еще до сентября в своих должностях.

Папа определенно высказал своим уполномоченным, что сам он не претендует на выбор его сенатором и не желает присваивать себе права на это звание, так как подобное вмешательство было бы опасно и для него, и для церкви. Он признал за римлянами право избрания, но это право потеряло свое значение, потому что звание сенатора было снова поставлено в зависимость от папской инвеституры, как это было установлено Иннокентием III. Могущественному Орсини было нетрудно достичь этого. Он чувствовал к Риму, его родному городу, патристическую любовь; чтобы сломить французское влияние, он в марте 1278 г. назначил кардиналами трех римлян из высшей аристократии: Латино Франджипани Малабранка, Иакова Колонна и своего родного брата Иордана Орсини. Его национальное направление привлекло к нему даже гибеллинскую партию, а Карл никогда не был любим гвельфами, могущество которых сами папы стремились теперь сократить. Отобрав у короля сенаторскую власть, Николай хотел оградить ее законом, чтобы она никогда не могла снова попасть в руки иностранного властителя. 18 июля 1278 г. он издал составивший эпоху основной закон. В нем он выводил право пап на Рим от Константина, который передал им верховную власть над городом, чтобы папство было независимо. Папа, говорил он, должен свободно советоваться с кардиналами; решение его никогда не должно подвергаться колебаниям; суждение кардиналов не может быть отклонено от истины страхом перед светским терроризмом; избрание папы и назначение кардиналов должно совершаться вполне свободно. Он указывал на все вредные последствия, какие имела сенаторская власть иноземных правителей: разрушение стен, наполнение города безобразными развалинами, разграбление частного и церковного имущества, постыдная переменчивость, доказательством которой был прием Конрадина. Поэтому в видах установления полной свободы церкви, мира и благополучия города Рима он, в согласии со священной коллегией, издает закон, чтобы впредь никакой император, король, князь, маркграф, герцог или барон или какой-нибудь знатный и сильный человек из их родни не мог быть городским сенатором, народным военачальником, патрицием или ректором или занимать какую-нибудь городскую должность ни навсегда, ни на время, чтобы и вообще никто не был назначаем на должность больше, чем на год, без дозволения папы, под страхом отлучения от церкви как избранного, так и избиравших. Напротив, граждане города, если они даже будут родственниками вышесказанных, подлежащих исключению лиц, и если они и сами будут вне города носить звание графов или баронов, не пользуясь большой властью, не лишаются права исправлять должность сенатора в течение года или более короткого срока.

Это правило, благоприятствующее римлянам, должно было вознаградить их за важные права, переданные теперь городским парламентом папе. Оно казалось многим патристичным, но стало источником постоянной опасности, потому что эдикт Николая III возбудил честолюбие родовой знати, которая стала стремиться к новому возвышению. Орсини, Колонна, Анибальди и Савелли направили с этого времени свои усилия на получение сенаторской власти и пытались, подобно другим фамилиям в других городах, сделаться тиранами в Риме. Только постоянная зависимость города от пап и разделение аристократии на партии, удерживавшие друг друга в

равновесии, помешали тому, чтобы тот или другой род захватил наследственное господство над Римом, как во времена тускуланских графов. Римская знать, господствовавшая в народном парламенте, охотно согласилась на требования Николая III и передала ему пожизненную власть в городе не как папе, а как римлянину Орсини, так как он и не требовал, чтобы сенаторское звание навсегда было соединено в его лице с папской властью. Он и сам не назвался сенатором, но Рим передал ему власть распоряжаться городским управлением и назначать сенаторов. Многие папы были потом назначаемы римским народом сенаторами лично, а не в качестве пап. Так как они обыкновенно принимали это избрание с сохранением папских прав и в то же время становились первыми должностными лицами города, то из этого возникало странное соединение в личности папы суверенной власти с должностью по назначению от республики.

Карл с неудовольствием сложил сенаторскую власть, передав ее в руки римлян. В письме от 30 августа к своему наместнику Иоанну де Фоссам и камерарию в Риме Гуго де Бизунцио он приказывал передать в назначенный срок замок Рискампано, все укрепления и башни в городе и вне его и всех заключенных в Капитолии уполномоченным римского народа и ни в коем случае уполномоченным папы. Формальная отставка Карла последовала в начале сентября, после чего Николай III тотчас же с согласия римлян назначил сенатором на год своего родного брата Матуса Рубеуса Орсини. За ним следовали в октябре 1279 г. в должности сенаторов Иоанн Колонна и Пандульф Савелли.

За ущерб его власти Карл должен был быть вознагражден миром, заключенным папой в 1280 г. между ним и Рудольфом Габсбургским. Римский король признал короля Сицилийского; Карл со своей стороны снова заявил, что не имеет намерения нарушать права империи, и получил Прованс и Форкалькье в качестве имперских ленов. Таким образом, благоразумию Николая III удалось совершить важные дела: мир с империей, признание империей суверенных прав церковного государства, ограничение Карла и подчинение Капитолия. В длинном ряду пап он был первым, которому удалось достичь мирного обладания папским престолом светской власти. Монархический дух жил в папе Орсини, бывшем примером для многих его преемников, которые представляли из себя преимущественно светских государей в папском облачении, владевших прекраснейшей частью Италии. Идеальное величие папства выказалось уже в Николае III в уменьшенном политико-национальном виде.

Со времен Иннокентия III он был первым папой, который стал раздавать своим родственникам княжеские владения и даже за счет церковного государства; позднейшая язва церкви — nepотизм — ведет свое начало уже от него. Этот факт и его жадность к золоту навлекли на него жестокое осуждение, что и заставило Данте поместить его в своем аду. Действительно, Николай построил Сион на своей родине. Если бы он успел выполнить свой план — превратить Италию, кроме Церковной области, в три королевства: Сицилию, Ломбардию и Тоскану, то в двух последних он сделал бы королями своих родственников. Папы могли составлять такие непомерно широкие планы, после того как была уничтожена императорская власть. Николай, как римский магнат, любил пышность и роскошь и не затруднялся уплачивать за нее из имущества церкви и всего христианства. С большими расходами он перестроил Латеранскую и Ватиканскую резиденции, а также устроил себе прекрасное дачное помещение в Суриано, возле Витербо, где жили в то время папы. Этот замок он вопреки всякому праву отнял у римских дворян и передал своему племяннику Урсусу. Там он и умер от удара 22 августа 1280 г. после замечательно го правления, продолжавшегося неполных три года.

4. Петр Конти и Джентилис Орсини, сенаторы. — Бурное избрание папы в Витербо. — Анибальди и Орсини. — Мартин IV. — Он передает королю Карлу сенаторство. — Мартин находится под влиянием Карла. — Восстание в Сицилии. — Сицилийские вечерни. — Восстание в Риме. — Изгнание французского просенатора. — Джованни Цинтии Малабранка — народный военачальник. — Папа уступает. — Анибальдо Анибальди и Пандульф Савелли, сенаторы. — Смерть Карла I и Мартина IV

Смерть Николая III дала сигнал к беспорядкам в Риме: Анибальди восстали против зазнавшихся Орсини, причем и народ стал на их сторону. Бывших до сих пор сенаторов прогнали, и на их место были назначены двое других: Петр Конти из партии Анибальди и Джентилис Орсини, сын Бертольда, с согласия противников. Разделением управления предполагалось примирить претензии обеих партий. Между тем выборы папы были более бурны, чем когда-либо. Партия Карла боролась с латинской партией покойного папы в конклаве в Витербо, куда прибыл и сам Карл, чтобы провести такого папу, который бы вознаградил его за понесенные им потери. Тотчас Рихард Анибальди, сговорившись с королем, вытеснил Урсуса Орсини из должности подесты и захватил себе охрану конклава. Под его предводительством граждане Витербо напали на епископский дворец, где происходили выборы, схватили двух кардиналов из дома Орсини, Матеуса Рубеуса и Иордана, и, нанеся им побои, заперли их в отдельную комнату. После этого остальные избиратели 22 февраля 1281 г. провозгласили нового папу. Это был француз Симон, который при Урбане IV был кардиналом у С.-Цецилии и в качестве легата во Франции много лет вел переговоры с Карлом относительно передачи ему Сицилии, человек спокойного характера, деятельный и некорыстолобивый, но который в звании папы не выказал гениальности. Под именем Мартина IV он занял папский престол и тотчас же сделался преданным слугой своего друга короля Карла. Таким образом, вследствие его слабости снова были уничтожены ограничения, в которые ввел этого вассала энергичный предшественник Мартина.

Чтобы утишить продолжавшиеся в Риме беспорядки, Мартин IV тотчас послал двух кардиналов в качестве посредников между ним и римским народом. Он сам хотел следовать за ними, чтобы короноваться у Св. Петра, но это не состоялось, потому что упрямые римляне отказались его принять. Новый папа отправился в Орвието, наложив отлучение на Витербо за совершенные во время выборов насилия. Впрочем, легаты скоро достигли того, чего желал папа, а последний желал того, чего требовал от него король Карл: именно восстановления его сенаторской власти. Этому препятствовала только что торжественно обнародованная конституция Николая III, но Мартин IV имел власть вязать и разрешать и просто отменил эдикт своего предшественника, а разрозненные римляне, уже привыкшие служить могущественным государям, не имели силы этому помешать. Устроен был такой обход: бывшие до сих пор сенаторами Петр Конти и Джентилис Орсини назначены были народным парламентом выборщиками; затем они передали 10 марта 1281 г. Мартину IV, не как папе, а лично, на пожизненный срок, полную сенаторскую власть с правом назначить себе заместителя. Посланники римского народа, стоя на коленях, поднесли папе пергамент, назначающий его сенатором. Он, по-видимому, не придавал ему никакой цены и имел вид человека, раздумывающего, принять ему или нет неудобный подарок; затем он снисходительно принял его. Для проформы он сначала послал в Капитолий викария Петра де Лавена, но затем пришел к заключению, что настоящим устройте-лем мира в Риме может

быть только король Карл, которому он 30 апреля 1281 г. и передал сенаторство на время собственной его, папы, жизни.

Король был доволен и снова принял прежнее звание, которое только что было отнято у него навсегда Николаем III; после короткого перерыва в Капитолии снова управляли французы, его просенаторы. Наместники Карла (он назначал их из своих самых выдающихся рыцарей и советников) являлись туда со всей пышностью сенаторской власти, в красных одеждах с меховой опушкой, подобных тем, какие носили государи; они получали ежедневно на свое содержание унцию золота; они имели при себе одного рыцаря в качестве камерлинга или заместителя, другого в качестве маршала с сорока кавалеристами, восемь капитолийских судей, двенадцать нотариусов, герольдов, привратников, трубачей, врача, капеллана, от тридцати до пятидесяти караульных на башнях, одного сторожа при льве, которого в виде эмблемы держали в клетке в Капитолии, и других служащих. Они посылали кастелланов в места, бывшие доминиальными владениями Рима, как, например, в Барбарано, Виторклано, Монтичелло, Риспампано, Чивита-Веккия, а также графа в Тиволи.

Могущество Карла, а с ним и гвельфской партии вообще тотчас усилилось во всей Италии. Он был еще раз признанным патрицием церкви. Будучи обязан в качестве ленного вассала поставлять войска папе, он охотно служил ему своим оружием в Церковной области, чтобы через это получить возможность предьявлять свои права как протектора; и Мартин IV настолько вполне находился под его властью, что назначал губернаторами отчины св. Петра большей частью только королевских советников. Важнейшие должности попадали в руки французов; всюду, начиная от Сицилии до По, распоряжались французы. Таким образом, свобода городов, которую щадил благоразумные папы, подвергалась опасности погибнуть. Военачальник Карла, Иоанн д'Аппиа, был даже назначен на место Бертольда Орсини графом Романьи, где ожесточенные гибеллины под предводительством Гвидо де Монтефельтре вместе с изгнанным из Болоньи Ламбертаци снова смело подняли голову. В этой провинции был духовным легатом знаменитейший в то время учитель права провансалец Вильгельм Дуранте. В Марке, в Сполето, даже в Тусции и Кампанье стояли сицилийские войска, начальствовали королевские придворные, состоявшие на службе папы, которого сам Карл, как Аргус, охранял в Орвието.

Однако великое событие внезапно разрушило новое владычество этого короля и дело, над которым старательно трудились французские папы. Римская курия после короткого сновидения, когда она видела себя в безопасности, купленной многими бедствиями, снова пробудилась в состоянии беспоконья, источником которого опять была Сицилия. Этот подвергавшийся насилиям остров восстал 31 марта 1282 г. против Карла Анжуйского. Знаменитая Сицилийская вечерня была свойственным всем временам приговором народов против чужого господства и тирании; она была и первым победоносным противопоставлением народных прав династическим притязаниям и кабинетным договорам. Сицилийцы перебили всех французов, бывших на их острове, свергли иго Карла и обратились к защите церкви. Испуганный Мартин оттолкнул их от себя, и тогда эта героическая нация дала также первый победоносный пример отказа целой страны от ленной связи с церковью. Уже в конце августа Петр, король Арагонский, высадился в Трапани. При радостных кликах толпы он вступил в Палермо, где и принял от народа корону Сицилии. Зять Манфреда, муж Констанцы, явился наследником и представителем прав Гогенштауфенов; таким образом, швабский род появляется в третий раз в истории, превратившись в испанский королевский дом. Карл поспешил возвратиться из Орвието в свое королевство, но лишь для того, чтобы потерпеть позорное поражение. Победо-

носная революция очень скоро нашла себе отголосок в итальянских республиках, и воодушевившиеся гибеллины взялись за оружие. Даже неоднократно оскорбляемые в их правах города Церковной области тоже восстали; Перуджия отпала от папы. Кровапролитие, бывшее в Палермо, повторилось уже 1 мая 1282 г. в Форли, где две тысячи французов, бывшие под начальством Иоанна д'Аппия, заманенные хитростью Монтефельтре, были все перебиты.

В Риме Орсини, злейшие враги Карла, старались снова приобрести потерянную власть. Хотя они и были изгнаны Рихардом Анибальди и французским просенатором Филиппом де Лавена, но они бросились в Палестрину и там организовали сопротивление. Стремление к свободе пробудилось и в римлянах, когда они увидели, что владычество Карла колеблется и гвельфская партия потрясена во всей Италии. Они не хотели больше повиноваться ни королю, ни сенатору, ни папе, который поселился в укрепленном Монтефиасконе, тогда как сами они предприняли поход против Корнето. Напрасны были просьбы Мартина; даже голод, бывший осенью 1283 г., который он пытался облегчить, только усилил возбуждение. Арагонские агенты рассыпали золото, соблазняя раздраженных гибеллинов выходить из их скрытых убежищ.

Конрад Антиохийский, единственный из участников страшных дней Тальякоццо, уцелевший от топора палача и от тюрьмы, появился снова, набрал войско в Сарачинеско и пытался, пройдя слишком хорошо известной Валериевой дорогой через Целле, вторгнуться в ту местность Абруццов, где совершилось падение его дома. Он хотел снова приобрести свое графство Альбу. Попытка эта не удалась, так как папский ректор Кампаньи и Стефан Колонна из Дженаццано рассеяли его войско. Но старый гибеллин в следующем году снова ворвался в Абруццы, где он владел многими укрепленными местами, так что папа должен был посылать против него Иоанна д'Аппиа, между тем как возмущения происходили в то же время и в Лациуме.

Тем временем Орсини взял верх в Риме. 22 января 1284 г. Капитолий был взят приступом, занимавшие его французы были перебиты, просенатор Готфрид де Драгона заключен в тюрьму, сенаторская власть Карла объявлена уничтоженной и установлено народное правление. Таково было воздействие Сицилийской вечерни на Рим. Теперь выбран был знатный человек из родни Орсини городским военачальником и защитником, или трибуном, республики: это был Джiovанни Цинтии Малабранка, брат знаменитого кардинала Латинуса. Когда Мартин IV узнал в Орвието об этом перевороте, он заявил жалобу на нарушение его прав, защищал их, но потом уступил. Он утвердил Иоанна Цинтии в звании капитана города Рима, но лишь в качестве попечителя, заведующего продовольствием, на шесть месяцев; признал совет старшин, избранных ремесленными гильдиями, и согласился на то, чтобы римляне назначили просенатора, который должен был вместе с капитаном управлять в Капитолии. Заведование городскими доходами было передано особому чиновнику, называвшемуся *Comptarius Urbis*. Благоразумная уступчивость успокоила мятеж; Рихард Анибальди, виновный в совершенном им на конклаве в Витербо насилии над Орсини, теперь смирился и по приказанию папы ходил босой, с веревкой на шее, из своего дома ко дворцу кардинала Матеуса просить у него прощения. Состоялось публичное примирение партий; устранение наместничества Карла было признано, и народ охотно принял двух папских наместников с сенаторской властью — Анибальда, сына Петра Анибальда, и могущественного Пандульфа Савелли. Таким образом, снова возвратились к национальной системе, созданной Николаем III.

Уже в следующем, 1285 г. умерли и Карл, и Мартин IV. Король умер 7 января в Фоджии, подавленный и жестоко наказанный потерей Сицилии. Он оставил

государство, завоеванное им в потоках крови, снова в таком же бурном состоянии войны и восстания, в каком оно находилось, когда он в первый раз вступил в него. Его честолюбивые планы были уничтожены: наследник Гогенштауфенов и мститель за них победоносно вторгся в его землю и захватил корону Манфреда. Даже в отношении собственного трона в Неаполе он мог предвидеть, что после его смерти он останется пустым, так как его сын и наследник Карл II находился как военнопленный во власти Петра Арагонского. Скоро после короля умер 28 марта 1285 г. и Мартин IV в Перуджии, которая снова подчинилась церкви. Хотя с помощью убийцы королевского принца Гвидо де Монфора, которого он помиловал, чтобы противопоставить его гибеллину Гвидо де Монтефельтре, а также с поддержкой со стороны Филиппа, короля французского, ему удалось привести в повиновение Романью и некоторые другие города, однако он снова оставил Италию в пламени. Гибеллины, бесконечное число раз отлученные от церкви, не были подавлены, и Петр Арагонский презирал его отлучительные буллы, запрещавшие ему носить корону Сицилии. После того как страны и народы долгое время отчуждались, дарились и отдавались по договорам папами и государями, воля народа сделалась силой, призывающей на царство королей. Это восстание против принципов династической власти должен был испытать на себе по чудесной воле судьбы тот самый папа, который когда-то в качестве папского легата подготовил узурпацию Карла. Потерявшие силу от частого употребления грома отлучения не могли уже ничего сделать против справедливого приговора, исполненного над обоими соучастниками совершенной несправедливости — над Карлом Анжуйским и Мартином IV

ГЛАВА V

1. Гонорий IV. — Пандульф Савелли, сенатор. — Отношение к Сицилии и к империи. — Папский престол целый год остается вакантным. — Николай IV. — Карл II коронован в Риети. — Колонна. — Кардинал Иаков Колонна. — Иоани Колонна и его сыновья. — Кардинал Петр и граф Стефан. — Возмущение Романьи. — Орсини против Колонна. — Бертольд Орсини, сенатор. — Иоани Колонна, сенатор, 1289 г. — Витербо подчиняется Капитолию. — Пандульф Савелли, сенатор, 1291 г. — Стефан Колонна и Матеус Райнальди Орсини, сенаторы, 1292 г. — Смерть Николая IV в 1292 г.

Освобождение церкви от долгого протектората Карла имело последствием скорое возведение на папский престол римлянина, так как уже 2 апреля 1285 г. высокоуважаемый старик Иаков Савелли, кардинал церкви Св. Марии в Космедине, был выбран в Перуджии папой. Он тотчас отправился в Рим, где 15 мая был посвящен под именем Гонория IV. Он назвался так в честь Гонория III, первого папы из его уже могущественного дома. Сам он был сыном сенатора Луки Савелли и Иоанны Альдобрандеска из рода графов Санта-Фиора. Из его братьев, когда-то сражавшихся под знаменами Карла при Тальякоццо, Иоани уже умер, а Пандульф был еще вместе с Анибальдом римским сенатором. Как только Гонорий IV был избран папой, так римляне передали ему в пожизненный срок и сенаторскую власть, после чего он утвердил Пандульфу в сенаторском звании.

Странно было видеть, как эти два брата, оба разбитые параличом и неспособные двигаться, управляли Римом — один как папа в своем дворце у Св. Сабины на Авентине, а другой в качестве сенатора в Капитолии. У Гонория руки и ноги были

так парализованы, что он не мог ни стоять без опоры, ни ходить. Когда он священнодействовал в алтаре, то лишь посредством механического приспособления мог подымать Святые дары. А подагрика Пандульфа должны были носить на стуле. Однако эти достойные люди обладали здоровым духом, полным благоразумия и энергии. Пандульф, ковьяля на костылях в Капитолии, правил так строго, что Рим наслаждался полным спокойствием: улицы были безопасны, потому что разбойники были перевешаны, а буйная знать не осмеливалась производить беспорядки. Сенатор Савелли управлял Римом в качестве заместителя своего брата в течение всего понтификата последнего.

Короткое правление Гонория IV было наполнено заботами о мире в церковном государстве и сицилийскими делами. Он снял с Витербо интердикт, которым Мартин IV покарал насилию, совершенные во время выборов, но город должен был скрыть свои стены. Он потерял свои судебные права, и его ректорство перешло к папе; он принужден был сдать Орсини целый ряд укреплений. С этого времени могущество этого ранее цветущего города пришло в упадок. Гонорию удалось восстановить спокойствие и в Романьи, после того как великий воин де Монтефельтре положил оружие и удалился в изгнание. В 1286 г. папа назначил туда графом своего двоюродного брата проконсула Петра Стефанески. Больше забот причинил ему Неаполь: это королевство во время плена Карла II управлялось Робером д'Артуа и папским легатом Гергардом. Сицилия, казалось, была потеряна; после смерти короля Петра 11 ноября 1285 г. верховная власть над ней перешла к его второму сыну Дон-Джиакомо, который в присутствии своей матери был коронован в Палермо, не обращая внимания на папские буллы об отлучении. Великий адмирал Рожер де Лория был всюду победителем на море; сицилийский флот под начальством Бернардо да Сарриано произвел даже 4 сентября 1286 г. высадку на римский берег, где сицилийцы в отмщение за Конрадина сожгли Астуру и убили сына изменника Франджипане.

С Рудольфом Габсбургским Гонорий состоял в дружественных отношениях. Венчание императорской короной, которого римский король неоднократно домогался, было назначено на 2 февраля 1287 г. Но корона Карла Великого никогда не была возложена на голову первого Габсбурга. Уже 3 апреля 1287 г. Гонорий IV умер в своем дворце на Авентине; на этом холме он построил свою резиденцию и только летнее время проводил в Тиволи, вероятно, для пользования сернистыми купаньями *Acuae Albae*. Он оставил свой род богатым и уважаемым. Из его завещания, которое он сделал, будучи кардиналом, и подтвердил, став папой, видно, что Савелли уже тогда были могущественными господами в Латинских горах и даже в области Чивита-Кастеллан. В Риме они владели дворцом и замком на Авентине, дворцом и башнями в квартале Парионе, где еще теперь о них напоминает *Vicolo de Savelli*, а позднее они построили на развалинах Марцеллова театра тот большой дворец, который называется теперь именем Орсини.

Кардиналы собрались на конклав в доме умершего папы, но не могли прийти к определенному решению о выборе нового, и Святой престол почти год оставался незанятым. Наступило жаркое время года: шесть кардиналов умерли от лихорадки, остальные искали спасения в бегстве. Только кардинал-епископ Пренесте с презрением к смерти перенес одиночество и лихорадочный воздух в пустынных покоях Санта-Сабины, за что и был награжден тиарой. Когда кардиналы возвратились зимой на Авентин, они выбрали его папой, впрочем, лишь 22 февраля 1288 г. Иероним из Асколи, незнатного происхождения, монах ордена миноритов, затем их генерал, отличился еще при Григории X в звании легата на Востоке и был возведен Николаем III в византийские патриархи, а потом в епископы Пренесте. Он взошел на папский престол под именем Николая IV. Это был первый францисканец, сде-

лавшийся папой, благочестивый монах, без корыстолюбия, заботившийся о мире всего мира, о крестовом походе и об истреблении ересей.

Римляне предоставили ему пожизненную сенаторскую власть. Назначение пап правителями вошло в обычай и в других городах. Они старались получить звание подесты городского управления и потом назначали своих заместителей. Их отношение к общинам Церковной области ничем не отличалось от отношения верховного сюзерена к вассалам, заключившим с ним договор. Города признавали папское верховенство, поставляли воинский контингент, платили земельные налоги, в известных случаях подчинялись судебной власти провинциального легата, но они сохраняли свои статуты, свое управление и государственную автономию. Каждый из них оставался республикой с особыми обычными правами и привилегиями. Этот сильный муниципальный дух мешал папам, но они должны были его беречь, чтобы ограничивать родовую аристократию и не давать ей сделаться настоящими властителями страны, и папы с большим благоразумием пользовались разнообразностью и соперничеством общин, чтобы ослаблять их раздорами. Они отнимали у одних общин право избрания подест и давали его другим за ежегодную подать. Они запрещали политические союзы городов, но часто пользовались силой одних для подавления других. Они действовали то в монархическом, то в демократическом направлении; их управление было слабым и мягким, часто патриархальным и постоянно колеблющимся, а неспособность вести общее право и неблагоприятная враждебность легатов к общинным порядкам, при отсутствии материальной силы, наконец, быстрая смена на папском троне лиц, не оставлявших наследников, — все это создало то странное положение, в котором постоянно находилась Церковная область, так как связь частей ее была чисто механической и неоднократно распадалась.

В Риме было спокойно в первый год правления Николая IV, пока партийные раздоры не заставили его весной 1289 г. уехать в Риети, где он уже раньше проводил лето. Здесь он короновал Карла II в короли Сицилии. Слабый сын Карла Анжуйского стараниями Эдуарда Английского и папы был в ноябре 1288 г. освобожден из испанского плена и прибыл в Риети, где 29 мая было совершено его коронавание. В выданном им документе он признал себя, как и его отец, вассалом церкви по ее милости, клялся соблюдать статьи установленного договора и обязался не принимать на себя ни в Риме, ни в Церковной области звания сенатора или подесты. Арагонская партия могла смотреть с неудовольствием на коронавание Карла II, но волнения в Риме имели свою причину скорее во взаимном соперничестве знатных родов. Гвельфский дом Савелли и родственные ему Орсини были за последние 50 лет самыми влиятельными членами римской аристократии и вытеснили когда-то господствовавших Анибальди. Новый папа сначала дружественно относился к Орсини, так как Николай III сделал его кардиналом, в благодарность за что он и принял его имя; но он скоро перешел на сторону гибеллинов и в особенности на сторону фамилии Колонна.

Этот знаменитый дом искупил свою приверженность к гибеллинам во времена Фридриха II, когда кардинал Иоанн и его племянник Оддо шли против церкви, тем пренебрежением, в котором он находился во время реставрации папского владычества, и только в конце XIII века он выступил вперед, как самый могущественный римский род, чтобы затем в течение столетий занимать первое место в городе. Николай III снова стал покровительствовать Колонна, чтобы ослабить род Анибальди; он возвел Иакова, сына Оддо, в кардинальское звание. Николай IV придал новый блеск их дому. Как епископ Палестрины, он вошел с ними в близкие сношения; может быть, он был обязан их влиянию и папской тиарой, и, сделавшись папой, он из признательности осыпал их почестями. Брата кардинала Иакова, Иоанна Колонна, он сделал ректором Марки Анконы; сына Иоанна Петра он возвел в кардиналы

С.-Евстахио, а Стефана сделал графом Романьи. Этот римский проконсул с этого времени сделался одним из величайших людей своего рода; впоследствии он был покровителем и другом Петрарки и прославился трагической судьбой своего дома при трибуне Кола ди Риенцо. Стефан в это время только что вступил в возраст мужества и отличался пылким и буйным нравом. В качестве графа Романьи он притеснял дворянство и города этой провинции своим враждебным вмешательством в статуты общин. Следствием этого было то, что сыновья Гвидо ди Полента в ноябре 1290 г. напали на него в Равенне и захватили в плен вместе со всем его двором. Римини, Равенна и другие города взбунтовались, так что папа должен был послать в Романью в качестве ректора епископа Арещо Ильдебранда де Ромена, чтобы утишить восстание и освободить Стефана из тюрьмы.

В возмущении принимал участие также один из Орсини, Урселло ди Кампо де Фиоре, сын Матеуса, бывший в то время подестой в Римини. Орсини с завистью смотрели на возвышение рода Колонна, которые выгнали их в то же время и из сенаторства. Именно после того как Пандульф Савелли сложил свое сенаторское звание, что, вероятно, произошло вскоре после вступления в управление нового папы, Николай IV, еще сохранявший благосклонность к Орсини, назначил сенаторами сначала Урсуса, а потом Бертольда Орсини, бывшего первым графом Романьи. Но уже в 1290 г. Колонна удалось свергнуть своих соперников. Иоанн, отец кардинала Петра, графа Стефана и четырех других влиятельных сыновей, сделался сенатором после удаления Николая Конти и Луки Савелли. Могущественный член рода Колонна, настоящий владетельный князь Кампаньи, очень дружный с Карлом II Неаполитанским, появился в Риме с необыкновенным блеском. Народ даже повез его с триумфом на колеснице в Капитолий и провозгласил Кесарем, чтобы под его предводительством идти в поход против Витербо и других городов. Неслыханная встреча, в которой сказывались воспоминания древности, указывала на то, какие мечтательные чувства или стремления снова возродились тогда у римлян.

Николай IV, живший большей частью в Сабине, в Умбрии или в Витербо, не имел в действительности никакой власти над Римом; он должен был спокойно допустить, чтобы римляне вели в июне и августе ожесточенную войну с Витербо, отказавшимся от вассальной службы городу Риму. Папа явился посредником при заключении мира. Иоанн Колонна, все еще бывший единственным сенатором и властелином в Риме, заключил его от имени римского народа 3 мая 1291 г. в Капитолии, где уполномоченные от граждан Витербо в присутствии синдиков от Перуджии, Нарни, Риети, Ананьи, Орвието и Сполето возобновили вассальную присягу городу Риму и обязались уплатить большое вознаграждение за убытки, потому что во время этой войны они взяли в плен или убили многих знатных римлян. Этот торжественный государственный акт, за которым 5 мая последовало принятие сенатором в союз Витербо, указывает на то, что республика в Капитолии под управлением могущественного Иоанна Колонна была такой же вполне суверенной властью, какой она была во время Бранкалеоне. Однако господство рода Колонна вызывало в среде аристократии сильное противодействие. Папу упрекали за то, что он совершенно отдался во власть одного рода; его осмеивали в сатирах: изображали сидящим в колонне, бывшей гербом этого рода, из которой выставлялась только его голова в митре, тогда как две другие колонны — оба кардинала Колонна — стояли по бокам. Орсини добились наконец того, что место сенатора было занято человеком их партии; сначала, в 1291 г., сенатором был снова Пандульф Савелли, но затем сенаторская власть была разделена между Стефаном Колонна, бывшим графом Романьи, и Матеусом Райнальди Орсини.

Николай IV умер 4 апреля 1292 г. во дворце, выстроенном им для себя у С.-Мария Маджиоре. Незадолго до него, 15 июля 1291 г., сошел в могилу Рудольф Габсбургский, и в то же время, 18 мая, потеря Акки, последнего христианского владения в Сирии, заключила собой великую мировую драму крестовых походов. Эти двухсотлетние военные передвижения Европы, подобно восточным войнам Древнего Рима, действовали как сильный рычаг в механизме папства для достижения мирового владычества. Окончание великой борьбы церкви с империей и прекращение крестовых походов сузили с этого времени горизонт папства. Из его колоссального здания вываливался один камень за другим; мир уходил от него, и скипетр Иннокентия III начал выпадать из ослабевших рук пап.

2. Спор из-за выбора папы между партиями Орсини и Колонна. — Анархия в Риме. — Агапит Колонна и один из Орсини, сенаторы, 1293 г. — Петр Стефанески и Оттон де С.-Евстахио, сенаторы. — Петр из Мурроне избран папой. — Жизнь и личность этого отшельника. — Его необыкновенный въезд в Аквилу, где он в 1294 г. был посвящен под именем Целестина V. — Король Карл II овладевает им. — Целестин V в Неаполе. — Он отрекается от папского престола

Кардиналы-избиратели, которых было всего двенадцать, из них два француза, четыре итальянца и шесть римлян, разделились на партии сторонников Орсини и Колонна, предводительствуемые одна кардиналом Матеусом Рубеусом, другая кардиналом Иаковом. Декан Латинус Остийский напрасно собирал их одну за другой в С.-Мария Маджиоре, на Авентине и в С.-Мария-сопра-Минерва. Избрание папы не могло состояться. Когда началась летняя жара, неримские кардиналы удалились в Риети, римские остались; больной кардинал Бенедикт Гаэтани отправился в Ананьи, свой родной город. В сентябре они опять собрались в Риме, но выборный спор продолжался и в 1293 г., пока наконец, после вторичного разъезда из страха перед возможностью раскола, решили собраться 18 октября в Перуджии.

Партийной борьбе кардиналов соответствовала дикая анархия в Риме, где шла борьба за избрание сенатора, причем разрушались дворцы, убивали паломников и грабили церкви. Непотизм некоторых пап вызвал здесь к жизни партии Колонна и Орсини, в которые начали превращаться гвельфская и гибеллинская партии. Их борьба из-за власти в городе сделалась с этих пор характерной чертой истории Рима. На Пасху 1293 г. были выбраны сенаторами Агапит Колонна и Урсус Орсини, скорая смерть которого послужила причиной новых раздоров. Капитолий оставался шесть месяцев без сенатора, а Латеран без папы; смута стала невыносимой, пока лучшим гражданам удалось в октябре установить порядок. Сенаторами назначили двух нейтральных — старика Петра из трастевринского рода Стефанески, который был ректором Романии, а раньше был и сенатором, и молодого римлянина Оддо из рода С.-Евстахио.

В это же время кардиналы собрались в Перуджии, однако зима прошла, и даже посещение Карла II, которого встретил там его молодой сын Карл Мартелл, претендент на венгерскую корону, носивший титул короля, не произвело никакого действия. Жестокие партийные раздоры не позволяли кардиналам соединить свои голоса на человеке из своей среды, следствием чего было то, что они наконец сделали выбор, несчастнее которого ничего не могло быть. Случайное упоминание о видениях одного благочестивого отшельника навело на мысль кардинала Латинуса, личное знавшего и почитавшего этого святого, предложить его в папы. Это предложение

могло бы показаться шуткой, однако с ним серьезно согласились и беспомощные кардиналы, хватавшиеся за соломинку, и 5 июля единогласно избрали папой этого пустынноика. Декрет об избрании был изготовлен, и три епископа повезли его к святому в его пустыню.

Необыкновенное появление анахорета Петра с горы Мурроне в тиаре Иннокентия III переносит нас в темноту более ранних веков, во времена св. Нила и Ромуальда. Его понтификат в летописях папства действительно напоминает какую-нибудь легенду о святых, посредством которой легендарное Средневековье прощалось с историей. Петр, одиннадцатый и младший сын крестьянина из Молизе в Абротцах, в молодости был бенедиктинцем. Под влиянием мистического настроения он удалился в пустыню, уединился на горе Мурроне возле Сульмоны и учредил там посвященный Святому Духу монастырь и орден, который позже получил в честь него название целестинцев и принял то мечтательное, опасное для миродержавной церкви направление, которое возникло в среде строгих францисканцев или спиритуалов из принципа евангелической бедности. Молва о его святости распространилась по всей Италии. В Лионе он представился Григорию X и получил от него утверждение своего ордена. Должно быть, анахорет в самом деле был необыкновенный человек, если он мог, как удостоверяет его биограф, на глазах у папы повесить в воздухе свою монашескую рясу на солнечном луче. Он жил на горе Мурроне, погруженный в подвиги благочестия, когда на него пал выбор в папы, и это необычайное событие не было, кажется, предсказано ему духами пустыни.

Едва переводившие дыхание посланники взобрались по пастушеской тропинке на известковую гору, чтобы найти чудотворца, которого они должны были перевести из темной пещеры на блестящий мировой трон. Явился и кардинал Петр Колонна, а слух о таком необычайном происшествии привлек бесчисленные толпы народа. Иаков Стефанески, сын тогдашнего сенатора, в качестве очевидца этой удивительной сцены живо изобразил ее в чудесных стихах. Когда посланники пришли на место, они увидели перед собой грубую хижину пустынноика с решетчатым окном; человек с всклокоченной бородой, бледным изнуренным лицом, закутанный в лохматую рясу, испуганно смотрел на пришедших. Последние благоговейно обнажили головы и пали ниц перед ним. Анахорет со смирением ответил таким же образом на их привет. Когда он узнал, что привело их, то мог подумать, что перед ним одно из его фантастических видений: незнакомые господа из дальней Перуджии со снабженным печатью пергаментом в руках, прибывшие уведомить его, что он папа. Говорят, что бедный пустынноик пытался убежать, и только горячие просьбы, в особенности монахов его ордена, заставили его принять декрет об избрании. Это очень вероятно, хотя в стихах его биографа имеется только короткая, посвященная молитве пауза между сообщением странного известия и смелым согласием святого. Решение отшельника, посевшего в пустынных горах, взять на себя вместе с папской короной такую мировую тяжесть, которая едва была под силу большому практическому таланту, поистине достойно удивления. Хотя, конечно, и тщеславие могло проникнуть даже через броню подвижника и через грубую рясу святого, но к этому злополучному согласию могли побудить также сознание обязанности, смирение перед воображаемым указанием свыше и детская простота отшельника. Кроме того, его склоняли на это товарищи по ордену, ибо эти ученики Святого Духа с восторгом представляли себе, что с избранием их главы должно осуществиться в жизни то пророческое царство, которое предсказывал великий аббат Иоахим де Флоре.

Бесчисленные толпы народа, духовенство, бароны, короли Карл и его сын спешили приветствовать нового избранника, и на дикой горе Мурроне происходила самая странная сцена, какую когда-либо видела история. Шествие направилось в го-

род Аквилу; папа-отшельник ехал в своей бедной рясе на осле, которого два короля с заботливым почтением вели под узды, тогда как ряды блестящих рыцарей и хоры духовенства, поющие гимны, шли впереди, а пестрые толпы народа следовали позади или с благоговением стояли на коленях вдоль дороги. При взгляде на бросающееся в глаза смирение этого шестивя папы, едущего на осле, но между двумя служащими ему королями, многие рассуждали так, что такое подражание входу Христа в Иерусалим или было выражением тщеславия, или не соответствовало уже практическому значению папства. Король Карл тотчас завладел новым избранником; он уже не выпустил из своих рук эту куклу, папу его страны. Кардиналы звали Петра в Перуджию, а он звал их к Аквилу, потому что так приказал Карл. Они явились неохотно; Бенедикт Гаэтани прибыл после всех и, раздраженный тем, что он увидел, старался обеспечить себе влияние на курию. Счастьем для кардинала Латинуса было то, что он умер в это время в Перуджии, не увидев вблизи создания своего выбора, но смерть его была несчастьем для самого Петра. Кардиналы, светские, образованные и тонкие люди, с удивлением смотрели на нового папу, который выступил перед ними как робкий лесовик, слабый, не имеющий ни дара слова, ни достоинства, ни умения держать себя. Мог ли этот простодушный пустынный быть преемником пап, умевших с величием властвовать над государями и народами?

В церкви, находившейся перед стенами Аквилы, Петр 24 августа 1294 г. получил посвящение, приняв имя Целестина V. При этом, как утверждает очевидец, присутствовало до 200 тысяч народу. После этого он совершил свой въезд в город уже не на осле, но на богато украшенном белом иноходце, в короне, со всею пышностью. Как слуга Карла, он тотчас же назначил новых кардиналов, указанных королем; он возобновил также основной закон Григория X о конклаве. Хитрые придворные получали от него печать и подпись для всего, чего им хотелось. Святой не мог никому отказать в просьбе и раздавал обеими руками. Действия этого сына природы казались безумными и заслуживающими порицания. Вероятно, Карл рассчитывал получить от папы звание римского сенатора, и хотя этого не случилось, но в Рим был послан в качестве сенатора неаполитанский магнат Фома С.-Северино, граф Марсики. Вместо того чтобы самому ехать в Рим, как того добивались кардиналы, папа послушался короля и отправился в Неаполь. Курия с ропотом последовала за ним. Он сам был глубоко несчастлив и находился в неопишемом смущении. Поручив все дела трем кардиналам, он затворился на время Рождественского поста в новом королевском замке в Неаполе, где ему приготовили келью, войдя в которую, он мог вспомнить о своей пещере и мечтать об уединении на горе Мурроне. Несчастный был здесь похож, как говорит его биограф, на дикого фазана, который, спрятав свою голову, думает, что его никто не видит, и позволяет преследующим его охотникам взять его голыми руками.

Нет ничего невыносимее для всякого рода людей, как занимать положение, противоречащее их природе, для которого у них недостаточно сил. Целестин V представляет собой разительный пример этого. Голод, жажда и всякого рода тяжелое умерщвление плоти были радостным ежедневным делом для святого, привыкшего к общению со сверкающими звездами, шумящими деревьями, бурями и с духами ночи или его фантазии. Теперь он вдруг очутился на высшем из земных престолов, окруженный князьями и знатными людьми, теснимый сотней хитрых людей и призванный к тому, чтобы управлять миром и двигаться в лабиринте интриг, не имея ловкости настолько, чтобы исполнять самую ничтожную работу какого-нибудь нотариуса. Фигура, которую представлял из себя Целестин V, была достойна жалости, но ошибка его избирателей, искусивших святого, была непростительна. В те времена, когда простой монах мог занимать место верховного первосвященни-

ка, Целестин V мог бы быть хорошим пастырем душ, но на троне Иннокентия III присутствие его было нестерпимым уродством. Его желание отречься перешло в Неаполе в окончательное решение. Говорят, что кардинал Гаэтани через говорную трубу, подражая голосу с неба, приказал ему отречься от папства и что эта хитрость подвинула удрученного папу на такой шаг, который до тех пор не имел себе примера в летописях церкви. Может быть, этот рассказ (он был распространен уже в то время) и недостоверен, однако современные свидетельства очевидцев утверждают, что многие кардиналы требовали отречения. Без сомнения, король Карл дал на него согласие и одобрил возвышение кардинала Гаэтани, так как, по-видимому, он сошелся с этим гордым прелатом еще во время путешествия из Аквилы в Неаполь.

Когда решение папы сделалось известным, в Неаполе была устроена массовая процессия; народ, фанатизированный монахами целестинского ордена, с криками устремился ко дворцу и требовал, чтобы Целестин оставался папой. Он дал уклончивый ответ. 13 декабря 1294 г. после прочтения буллы, которая оправдывала отречение папы вескими причинами, он заявил в публичном собрании духовенства, что слагает с себя свое звание. Этот акт был ему продиктован. Признание им своей неспособности делало ему честь: оно обнаруживало не его слабость, а недостаток благоразумия его избирателей. Сняв с себя с великой радостью пурпур, Целестин V предстал перед растроганным собранием в прежней одежде пустынника, как сын природы, подвижник и достойный почтения святой. Чудесная судьба извлекла Петра из его уединения на горе Мурроне, на одно мгновение вознесла его на мировую вершину и снова свела его оттуда. Пятимесячное сновидение, полное блеска и муки, должно было казаться ему самым страшным из видений, обычных для отшельников и посылаемых дьяволом для их искушения, а его отречение — венцом всех испытаний, которые может положить на себя кающийся человек. История государей указывает на некоторых великих властителей, которые, утомившись жизнью, слагали с себя корону, как Диоклетиан и Карл V. Их самоотречение всякий раз вызывало удивление; но история пап знает лишь одно добровольное отречение Целестина V, и оно вызывало уже в то время спорный вопрос: может ли папа или нет слагать с себя свой сан. Строгий приговор Данте покарал поступок Целестина во всемирно известных стихах как трусливую измену церкви; Петрарка, написавший книгу в похвалу уединению, наградил его суждением, что этот поступок был актом неподражаемого смирения; мы же не можем признать геройским отречения от того, что было для него хотя и блестящим, но невыносимым бременем.

3. Бенедикт Гаэтани — папа. — Он едет в Рим. — Бегство бывшего папы. —

Пышное коронование Бонифация VIII. — Конец Целестина V. — Сицилия. — Иаков Арагонский подчиняется церкви. — Констанца в Риме. —

Свадебные торжества. — Сицилийцы под предводительством короля Фридриха продолжают войну. — Бонифаций VIII отдает Сардинию и Корсику

Иакову. — Уголино де Рубеис, сенатор. — Пандульф Савелли, сенатор, 1297 г. — Дом Гаэтани. — Лоффред, граф Казертский. — Кардинал Франческо. — Петр Гаэтани, латеранский пфальцграф

Честолюбивый Гаэтани энергично добивался отречения Целестина; человек такого характера не мог выносить дальнейшее существование подобного первосвященника. Если бы употребленные им средства были законны, то его следовало бы только хвалить за то, что он устранил неспособного ради избавления папства от безграничной смуты. Сам он уже 24 декабря с согласия Карла получил тиару, буду-

чи выбран большинством голосов. Не могло быть большей противоположности, чем та, которая была между ним и его предшественником. Попытка братьев Святого Духа удержать на папском престоле апостола нищеты, человека вроде св. Франциска, и начать с него новую эру Царствия Божия на земле при столкновении с практическим миром оказалась невозможностью, и после романтической интермедии или состояния бессилия, в которое вверг церковь чудотворец, на папский престол вступил теперь в лице Бонифация VIII кардинал, знавший свет, ученый юрист, обладавший царственным духом, чтобы со своей стороны представить доказательство того, что для церкви не менее опасно иметь политического главу без единого качества святого, чем иметь папу-святого без способностей правителя.

Бенедикт, сын Лоффреда, с материнской стороны был племянником Александра IV и происходил из старинного дома Кампаньи, из водворившегося в Ананьи рыцарского рода Гаэтани. Его фамилия до него не пользовалась известностью в истории Рима, если не причислять к ней Геласия II. Но имя Гаэтани было давно уже известно, и несколько кардиналов принадлежали к этому роду, как члены дома Орсини. Происхождение Гаэтани от древних герцогов Гаэты ничем не может быть доказано. Однако этот дом был, вероятно, лангобардского происхождения, на что указывает обычное в нем имя Луитфреда, Лоффреда или Роффреда. Он пользовался уважением еще раньше, чем Бонифаций VIII сделался папой, и некоторые из его членов прославились как рыцари на войне или как подесты в управлении городами. Бенедикт начал свою карьеру в должности апостольского нотариуса при Николае III, получил кардинальскую шапку при Мартине IV и много раз с честью исполнял обязанности легата. Он отличался красноречием, глубоким знанием обоих прав, дипломатическим талантом, полным достоинства образом жизни, соединенным с прекрасной наружностью; но превосходство его ума внушило ему вместо смирения высокомерие и вместо терпимости презрение к людям.

Сделавшись папой, он решился освободить Святой престол от всяких влияний, которые до тех пор ограничивали его свободу. Надежда Карла удержать папскую резиденцию в Неаполе не сбылась. Он не состоял в дружеских отношениях с Бонифацием VIII, но оба они нуждались один в другом: король нуждался в папе по поводу Сицилии, а папа в короле, чтобы обороняться от своих завистников. Слабый Целестин V не достиг подготовленного уже отречения Иакова Арагонского от Сицилии; Бонифаций обещал Карлу вновь приобрести ее для Анжуйского дома. Они сговорились друг с другом, и ближайшее будущее показало, что взаимные обещания были добросовестно исполнены. Прежде всего Карл пожертвовал для спокойствия нового папы Целестином, согласившись на его задержание. Бонифаций боялся оставить на свободе святого человека, бывшего тоже папой, отречение которого смутило суждение людей и который в руках врагов мог сделаться опасным орудием. Поэтому он с согласия короля послал бывшего папу под конвоем в Рим. Святой убежал; Карл послал за ним погоню, чтобы его арестовать, и затем все отправились в Рим.

Новый папа оставил Неаполь в сопровождении Карла в первых числах января 1295 г. Только что они прибыли в Капуя, как в Неаполе распространился слух, что Бонифаций VIII внезапно умер. Это возбудило неудержимую радость. Неаполитанцы устроили в своем городе торжественное празднество, и под таким зловещим предзнаменованием преемник Целестина продолжал свой путь в Рим. Сначала он направился в свой родной город Ананьи, который с гордостью встретил его, так как считал в числе своих сограждан трех знаменитых пап в течение одного столетия. Римские послы приветствовали там Бонифация и передали ему сенаторскую власть, вследствие чего он по прибытии в Рим назначил сенатором очень уважаемого человека Уголино де Рубеис из Пармы.

Въезд и торжество коронации, происходившее 23 января 1295 г. в храме Св. Петра, были отпразднованы с неслыханной пышностью. Папство, которое только что перед этим облеклось в одежду апостольской нищеты, почти согласно учению вальденской ереси, теперь намеренно украсило себя величием торжествующего миродержавства. Римские аристократы — Орсини, Колонна, Савелли, Конти и Анибалди — явились в рыцарском великолепии; бароны и подесты Церковной области и свита неаполитанского короля увеличивали блеск торжества. В обширной праздничной процессии, двигавшейся по разукрашенным улицам для принятия во владение Латерана, шли должностные лица городского управления и городской префект, бывший теперь бессильной тенью власти. Бонифаций восседал на белоснежном иноходце, покрытом попой из кипрских перьев, с короной св. Сильвестра на голове, облеченный в торжественные папские одежды. По обеим сторонам его ехали одетые в красное два вассальных короля, Карл и Карл Мартелл, держа под уздцы лошадь папы. Только за полгода перед этим те же самые короли сопровождали папу, ехавшего на осле в одежде отшельника; теперь они могли бы сказать себе, насколько мало их тогдашнее служение унижало их. Тень бедного спиритуала стояла, как постоянное напоминание, перед Бонифацием VIII и этими королями, когда они имели честь подносить папе на праздничном пиру в Латеране первые блюда, и потом заняли скромные места между кардиналами за столом, на котором между дорогими яствами сверкали и «бокалы Бахуса».

В это время Целестин блуждал в лесах Апулии, убегая от своих преследователей. После своего бегства он возвратился в пустынную местность возле Сульмо, где надеялся продолжать свой прежний образ жизни; но отрекшийся папа не имел уже права быть свободным. Своим документом об отречении Целестин подписал себе и смертный приговор. Когда искавшие его прибыли на Мурроне, то бывший папа ушел оттуда; он продолжал свое странствие с одним спутником, пока, после нескольких утомительных недель, достиг берега моря. Он сел на барку, чтобы добраться до Далмации, где он надеялся скрыться. Но море выросло святого снова на берег: граждане Висте узнали его и приветствовали с большим почтением, как чудотворца. Его приверженцы требовали от него, чтобы он снова объявил себя папой, но он без сопротивления позволил местному подесте выдать себя искавшим его. Вильгельм л'Эстандар, коннетабль короля, доставил его в мае на границу Церковной области. Обрадованный тем, что опасный предшественник находился в его власти, Бонифаций велел сначала содержать его под стражей в своем дворце в Анагни. Добродушному отшельнику внушили, что долг благочестия повелевает ему отречься от свободы также, как он отрекся от тиары. Его осыпали уверением в любви к нему и наконец отправили в заточение в замок Фумоне. Мрачное укрепление, построенное на крутой горе возле Алатри, с древних времен служило государственной тюрьмой, в башнях которой кончили свою жизнь многие мятежники и даже один папа. Говорят, что Целестин V содержался там в заключении, но прилично; однако другие полагают, что его тюрьма была теснее самой тесной его кельи на горе Мурроне. Эдзьба он вскоре умер. Его судьба дала повод смотреть на него как на мученика, а на Бонифация как на убийцу. Целестинские монахи распространяли самые мрачные слухи; показывали даже, как реликвию, гвоздь, который будто бы по приказанию папы был вколочен в невинную голову его пленника.

Смерть Целестина укрепила Бонифация на троне. Если он не мог принудить к молчанию молву, обвинявшую его в том, что он достиг престола незаконными средствами, то все же он отнял у своих противников живого представителя их мнения. Теперь его ближайшей заботой стало приобретение Сицилии для Анжуйского дома и с тем вместе для церкви; невыносимый для чести Святого престола позор должен был быть смыт.

Уже его предшественники старались об этом. Когда после смерти молодого Альфонса (18 июня 1291 г.) на Арагонский трон взошел его второй брат Иаков, то Николай VI принял меры для заключения мира между ним и Карлом II. Иаков, теснимый Францией, так как Мартин VI осмелился подарить Арагонию в качестве папского лена Карлу Валуа, соглашался отказаться от Сицилии. Но сицилийцы не желали, чтобы папы и короли торговали ими; они наложили свое вето и нашли во Фридрихе, брате Иакова и внуке Манфреда, своего национального главу. Иаков из государственных соображений оторвался от собственного славного прошлого, заключил мир с церковью и с Карлом и в июне 1295 г. отказался от владения островом. Бонифаций пытался на совещании в Велетри склонить Фридриха к соглашению. Молодой принц, прельщенный надеждой на получение сначала римского сенаторства, потом руки принцессы Екатерины де Куртены, первое время колебался и только по возвращении в Сицилию отказался от ничего не стоящих обещаний. 25 марта 1296 г. он короновался сицилийской короной в Палермо согласно воле народа. Таким образом, надежда папы рушилась; Сицилия сохраняла свою независимость даже после отпадения Иоанна Прочиды и знаменитого адмирала Рожера де Лориа и защищала ее также против оружия Иакова, который в силу договоров был принужден воевать против брата.

Иаков прибыл в Рим в конце марта 1297 г. Его благочестивая мать, Констанца, страстно желавшая примирения с церковью, последовала за ним туда же из Сицилии, покинув своего другого сына, Фридриха. Необыкновенные обстоятельства принудили дочь Манфреда отправиться в Рим, где она была радостно встречена и освобождена от отлучения, лежавшего на ее доме. Она взяла с собой свою дочь Виоланту, чтобы выдать ее замуж, согласно договору, за сына Карла II, Роберта Калабрийского. Наследники ненависти Гогенштауфенов и Анжу, гвельфов и гибеллинов, Манфреда и Карла I и люди, участвовавшие в Сицилийской вечерне, сошлись вместе в Риме, но лишь на однодневный праздник мира. Когда папа Бонифаций (это было лучшим моментом его жизни) вложил руку Виоланты в руку Роберта, то мысли всех присутствовавших с удивлением должны были обратиться к прошедшим страшным дням Беневента и Тальякоццо, грозные тени которых как будто хотели примирить цветущая пара — внучка Манфреда и внук Карла Анжуйского. Только дон Фредерико не принимал участия в этом примирении.

Констанца вместе с Иоанном Прочиды оставалась еще в течение некоторого времени в Риме, откуда она с горем смотрела на братоубийственную войну ее сыновей, которую папа на позор христианской религии поддерживал и горячо направлял. Кроме того, ее сердце страдало при мысли о сыновьях Манфреда, ее родных братьях. Исключенные из человеческого общества, эти несчастные все еще томилась в тюрьме Капель дель Монте, около Андрии. Если Констанца когда-нибудь и требовала их освобождения, то просьба ее не была услышана: истинные наследники Манфреда, законные властелины Сицилии, оставались принесенными в жертву государственным целям как Анжуйского, так и Арагонского домов. В остальном счастье вознаградило Констанцу за то, чего оно лишило ее отца: она была женой великого короля, освободителя Сицилии; все три сына ее получили королевские короны, и дожила до мира между Иаковом и Фридрихом. Наконец, благородная дочь Манфреда умерла в 1302 г. в Барселоне, примиренная с церковью и погруженная в благочестие, как когда-то Агнеса, мать Генриха IV.

После праздников короли уехали из Рима, чтобы готовиться к войне против Фридриха, на которую Бонифаций дал средства из церковной десятины. Но сицилийцы не обращали внимания на его отлучения. Это духовное оружие, которое иногда действовало более разрушительно, чем порох, притупилось от слишком частого употребления. В XIII столетии почти не было выдающегося человека, города или

нации, которые бы не были осыпаны градом экскоммуникаций по политическим причинам, и эти проклятия столь же легко налагались, как и снимались, когда этого требовала выгода. Бонифаций VIII очень скоро узнал на опыте, что такие средства уже больше не действуют. За поражение в Сицилии едва ли было утешением для него признание нового папского ленного государства: именно он назначил Иакова Арагонского главным военачальником церкви и вооружил его против брата. В награду он дал ему вперед Сардинию и Корсику — острова, на которых папе не принадлежало ни одной пригоршни земли. Пиза, которая раньше владела ими, после несчастной битвы при Мелории ослабела и клонилась к упадку; эта некогда могущественная республика, знаменитая своей дружбой с императором, даже избрала Бонифация VIII своим ректором, чтобы заручиться его содействием.

Отмеченную нами политику пап — заставлять передавать себе власть над городским управлением в различных городах — Бонифаций умел успешно проводить: постепенно многие общины назначали его своим подестой. Обстоятельства момента принуждали их становиться под защиту церкви, а потому они и передавали лично папе свое управление. Правда, они сохраняли свои статуты, которые папский наместник обязывался уважать, давая в том клятву тотчас по прибытии, не сходя с коня; но передаваемая папе, хотя и временная, власть ограничивала самостоятельность республик. Даже Рим спокойно принял сенаторов, назначенных Бонифацием; так, в марте 1297 г. он назначил вновь на год сенатором знаменитого Пандульфа Савелли. Членов собственной фамилии он поставил на первые места в церкви и государстве. Вскоре после посвящения Бонифация его брат Лоффред сделан был королем Карлом графом Казертским. Из сыновей Лоффреда папа назначил: Франческо — кардиналом С.-Марии в Космедине, Петра — латеранским пфальцграфом и ректором отчины св. Петра в Тусции. Этот счастливый родственник сделался потом наследником своего отца, графа Казертского, учредителем княжеского владения на обоих склонах Вольских гор и основателем двух главных линий своего рода, который продолжался в лице его сыновей — Бенедетто, бывшего пфальцграфом в Тоскане, и Лоффреда, первого графа Фунди и Траетто. Новая кампанская династия возвысилась средствами церкви, подобно роду Конти при Иннокентии III, и римская аристократия увеличилась еще одним честолюбивым и богатым родом, грозившим затмить старинные оптиматские дома. Из этих аристократических родов не было ни одного более древнего и могущественного, чем род Колонна. Бонифаций скоро оказался в соре с ними, которая имела очень важное значение в его жизни и, в соединении с другими еще более важными обстоятельствами, много способствовала его падению.

4. Фамильный раздор в доме Колонна. — Кардиналы Иаков и Петр враждуют с Бонифацием VIII. — Оппозиция против папы. — Оба кардинала лишены их звания. — Фра Джакопоне из Тоди. — Манифест против папы. — Колонна отлучены. — Пандульфо Савелли пытается быть посредником. — Крестовый поход против Колонна. — Осада Палестрины. — Колонна покоряются в Риети. — Папа разрушает Палестрину. — Бегство и изгнание Колонна. — Шиара и Стефан в изгнании

Фамильный раздор разделил и многолюдный дом Колонна. Сыновья Оддо по договору 28 апреля 1292 г. передали управление их фамильными имуществами, центральным пунктом которых была Палестрина, их старшему брату кардиналу

Иакову. Младшая линия из Дженаццано, дети сенатора Иоанна, брата Иакова, в числе которых были кардинал Петр и граф Стефан, имели свою часть в этих владениях. Братья Иакова, Оддо, Матеус и Ландульф, упрекали его в том, что он передал все фамильное имущество одним только племянникам. В спор вмешался и папа: он неоднократно требовал от Иакова, чтобы он удовлетворил законные претензии братьев, однако оба кардинала, дядя и племянник, отказались это исполнить и с этого времени не появлялись больше в Лагеране. Это были первые люди в курии, римские князья из самой древней аристократии, гордые и надменные. Они с неудовольствием смотрели на повелительный образ действий папы, и у них было много поводов к раздражению, особенно когда Бонифаций, по-видимому, решился сломить кичливость римской аристократии. Гибеллинское направление возродилось в Колонна; несмотря на их давнишний союз с Карлом II Неаполитанским, они приняли послов Фридриха сицилийского, который старался воскресить в Риме штауфенскую партию.

Политическая партийность усиливала церковную оппозицию; оба кардинала, очевидно, не одобряли того направления, которое приняло папство по отношению к церкви и к государствам и которое и раньше и позже в опаснейшей борьбе с монархиями неминуемо приводило его к падению. Уже во времена Григория IX один кардинал Колонна явился решительным врагом этого направления. Кроме того, смерть Целестина V не устранила мнения, что Бонифаций незаконно занимал место папы. Наиболее страстными проводниками этого мнения были братья целестинского ордена, которые не могли перенести гибели своего идола; они негодовали еще сильнее, когда Бонифаций отменил благоприятные для них акты, изданные его предшественником. Поэтому эти меньшие братья, или спиритуалы, видели в нем симониста и узурпатора, воплощавшего в себе ту мирскую церковь, которую они осуждали и хотели реформировать своими великодушными мечтами о царствии Святого Духа.

Оппозиция сгруппировалась вокруг кардиналов Колонна и их родственников Стефана и Шиара. Последние особенно были озлоблены против папы по следующему поводу: у них находился транспорт золота и серебра, который был отправлен в Рим жадным племянником папы Петром для покупки земельных имений; он был отбит и похищен в пути. Связь Колонна с Сицилией сделалась известной; пример отпадения кардинала Иоанна и его племянника Оддо, отца кардинала Иакова, во времена Фридриха II послужил предостережением Бонифацию. Он потребовал постановки папских гарнизонов в Палестрине и других укрепленных местах, принадлежавших Колонна, на что последние по понятным причинам не согласились. Когда же разгласились схизматические речи о незаконности папства Бонифация и на Петра Колонна указывали как на главного виновника их появления, то Бонифаций 4 мая 1297 г. потребовал от этого кардинала категорического ответа: признает ли он его папой или нет? Петр уклонился от ответа и отправился вместе со своим дядей в Палестрину. Разгневанный Бонифаций созвал 10 мая 1297 г. церковный совет в храме Св. Петра; без долгих рассуждений он отнял у обоих кардиналов их звания. Основаниями такого приговора были их прежний мятежнический союз с Иаковом Арагонским и теперешний с Фридрихом; отказ принять к себе папское войско; тираническая несправедливость по отношению к братьям Иакова. Решительный образ действий папы доказывал энергию его воли, которой неведом был страх перед людьми, но в то же время и чрезмерную пылкость его темперамента. Разве все это были такие страшные преступления, которые заслуживали такого тяжелого наказания? Давно неслыханное разжалование кардиналов могло в глазах многих не быть

оправдано высказанными мотивами, так как эти князья церкви вовсе не находились в открытом восстании против их главы.

Колонна начали борьбу с гордостью аристократов, сознающих свою силу. В тот же день, 10 мая, они держали фамильный совет в Лонггетце, замке, принадлежавшем аббату Св. Павла, на берегу Анио, где раньше находилась Коллация. С ними были ученые-юристы, некоторые французские прелаты и трое монахов-миноритов, Фра Бенедетто из Перуджини, фра Диодати из Пренесте и фра Джакопоне из Тоди, ревностные приверженцы Целестина V, с согласия которого они основали на горе над Палестриной конгрегацию целестинцев-пустынников, но это разрешение было у них отнято Бонифацием. Фра Джакопоне был глубокомысленный мистик, страстный апостол последования Христу, поэт, обладавший достаточным талантом, чтобы сочинять едкие сатиры на папу, на lingua volgare, а по-латыни — знаменитый пасхальный гимн *Stabat Mater*. В составленном в Лонггетце манифесте, схоластический колорит которого изобличает, по-видимому, стиль Джакопоне, оба кардинала заявляли, что Бонифация VIII не следует признавать папой, так как Целестин V не мог отречься, и притом его отречение было результатом лживых интриг. Они апеллировали к собору; подобная апелляция, в первый раз заявленная Фридрихом II, была довольно опасна, так как она теперь исходила от самих кардиналов. Колонна распорядились публично объявить этот манифест в Риме и даже положить его на алтарь у Св. Петра. После этого они скрылись в Палестрину, куда папа 15 мая послал им вызов на суд и приговор, отнимавший у них их кардинальское звание. Они ответили вторым манифестом.

Когда Бонифаций принудил Целестина V окончить жизнь в заключении, то он правильно предвидел возможность раскола. Если бы его предшественник был еще жив, то теперь он стал бы страшным орудием в руках оппозиции. Но теперь Целестин уже не было в живых, и Бонифаций без труда мог указать на слабое место своих врагов. Эти же кардиналы его избрали, присутствовали в Риме при его короновании и в Цагароло торжественно признали его папой. Каким же образом они теперь высказывали взгляд, ставивший их в противоречие с самими собой? Гнев Бонифация разгорелся: 23 мая выпустил он вторую буллу, чтобы разгромить мятежников, теперь уже явных. Он отлучил от церкви, как схизматиков, обоих кардиналов, всех сыновей сенатора Иоанна и их наследников, объявил их лишенными чести, их имущества конфискованными и угрожал проклятием всем городам, которые могли бы дать им убежище. Положение его, однако, было небезопасно. Разжалование кардиналов оскорбляло всю священную коллегия кардиналов, налагавшего тяжелые наказания за оскорбление их и устанавливавшего, что они с этих пор наравне с королями могут одеваться в пурпур. Он отправился в Орвието, между тем как его враги вооружали свои замки для защиты. Решившись подавить раскол в зародыше, Бонифаций собрал войска под предводительством кондотьера флорентинца Ингирамо ди Бизанцо и родного брата Иакова Колонна Ландульфа, мстительное чувство которого побуждало сражаться со своими родственниками.

Сенатор Пандульф старался предупредить междоусобную войну и выступил посредником от имени римской общины. Он отправил послов сначала в Палестрину, а потом к папе. Колонна заявляли, что они готовы покориться на условии сохранения их чести и восстановления могущества их дома; напротив, папа требовал безусловной покорности и сдачи крепостей. Когда переговоры не привели ни к чему, а в Палестрине были приняты послы из Сицилии, то Бонифаций повторил отлучение и даже обратился (14 декабря) с воззванием ко «всему христианству» идти в крес-

товый поход на его врагов, за что обещал отпущение грехов. В сущности, могущество папы не должно было казаться великим, если он принужден был снизойти до такой карикатуры крестовых походов и применить средство, когда-то направленное против великого императора, для борьбы с римскими оптиматами, владевшими рядом замков в Кампанье. Его война с двумя кардиналами, междоусобная война внутри церкви, показала миру упадок папства, наступление худших времен и понизила благоговение перед верховным главой религии. Нет такого знамени, вокруг которого не собрались бы люди, чтобы сделать из него эмблему своих желаний или мнений. И для этого крестового похода нашлись крестоносцы, так как он обещал добычу и казался направленным прямо против еретиков, каковыми были объявлены Колонна. Даже города Тосканы и Умбрии прислали ратников, и священная война против замков дома Колонна могла быть поведена энергично.

Скоро Колонна были побеждены, так как остались одинокими. Король Фридрих не прислал никакой помощи; гибеллины в Церковной области не восстали, а в Лациуме единичное восстание Иоанна Чеккано из дома Анибалди не имело значения. Римляне, возившие когда-то брата кардинала Иакова на триумфальной колеснице, остались нейтральными; горожане радовались ослаблению аристократического рода, а Савелли и Орсини воспользовались случаем повредить своим противникам, именами которых они были потом награждены от папы. Войско крестоносцев начало осаду замков Колонна по обеим сторонам Тибра. Прежде других, уже летом 1297 г., сдался Непи. Этот город, бывший раньше свободным, принадлежал в это время Колонна; война партий, притеснения баронов и обеднение привели его к отчаянному решению продаться сильному покровителю. Таким образом, богатый кардинал Петр купил его 3 октября 1293 г. Шиарра и Иоанн Колонна из С.-Вито держались здесь храбро против осаждавших, но помощь, которую они могли по договору требовать от Вико и от Ангвильяры, обманула их; Непи был взят и отдан папой в ленное владение Орсини. В то же время крестоносцы напали на родовые владения Колонна в Лациуме: Цагароло, Колонна и другие замки были сожжены. Дворцы, принадлежавшие этому дому в Риме, были превращены в груды мусора. Только Палестрина оказывала сопротивление. В этом коренном местопребывании их рода Агапит и Шиарра вместе с обоими кардиналами успешно сопротивлялись. Рассказывают, что Бонифаций вызвал из монастыря знаменитого Гвидо де Монтефельтре, который за два года перед тем из-за пресыщения жизнью надел францисканскую рясу, — чтобы с помощью его гения найти дорогу к этому недолимому циклопическому замку, и что старый гибеллин, убедившись в его неприступности, посоветовал папе взять его хитрыми обещаниями.

Палестрина сдалась на уговоры. В траурных одеждах, с веревкой на шее явились оба кардинала вместе с Агапитом и Шиаррой в Риети (в сентябре 1298 г.) и упали к ногам папы. Бонифаций VIII, окруженный своей курией, в короне, сидел на троне и величественно смотрел сверху вниз на покорившихся и признавших теперь его папой. Он помиловал их и назначил срок для полного окончания спора, до которого они должны были оставаться под надзором в Тиволи. Палестрина и все укрепленные места, принадлежавшие Колонна, были тотчас сданы. Ненависть папы к мятежникам, восставшим на его духовную власть, была теперь безгранична; он хотел сделать безвредным этот род, стремившийся к тирании в Риме, как Висконти в Милане. Наказание, к которому он немедленно присудил Палестрину, обнаружило его намерение. Странная судьба через долгий промежуток времени двукратно излила на этот знаменитый храм Фортуны одинаковую чашу гнева. Сулла, которому сдался Пренесте, сровнял город с землей; через 1400 лет тот же Пренесте сдался

папе, и папа с древнеримской яростью тоже снес его с лица земли. Бонифаций дал своему викарию в Риме приказ разрушить Палестрину до основания. Когда Барбаросса, сто лет тому назад разрушивший чуждый ему Милан, или Аттила, в древние времена разгромивший Аквилею, справедливо кажутся варварами, каким именем должен быть назван папа, который в 1298 году хладнокровно разорил город, находившийся перед воротами Рима и бывший одним из семи древних епископств римской церкви?

Палестрина находилась тогда, как и теперь, на середине горы, покрытой зеленеющими оливковыми и лавровыми деревьями. Вершину горы венчала Рокка С.-Пиетро, цитадель с башнями, обнесенная первобытно-древними циклопическими стенами, где сидел в цепях Конрадин. Там же были дворцы и много домов. Ниже этой крепости террасообразно спускался обнесенный крепкой стеною город, построенный из развалин храма Фортуны Суллы. В нем находились многие древние дворцы и еще сохранились значительные остатки этого храма. Главный дворец был отчасти античной постройки, которая приписывалась Юлию Цезарю, основываясь на форме буквы С, которую он имел уже и тогда, подобно тому как и нынешний дворец построен в виде такой же кривой линии. С ним соединен был составлявший лучшее украшение города круглый храм, посвященный святой деве, похожий на римский Пантеон, основанием которого служила мраморная лестница во сто ступеней такой ширины, что по ней можно было спокойно въехать верхом. Другие античные памятники, много статуй и бронзовых вещей из неисчерпаемого богатства цветущего периода Пренесте сохранились под охраной любивших искусство Колонна, собравших в своем дворце роскошь того времени, сокровища древности и документы их дома. Все это погибло в несколько дней; пощажен был только собор С.-Агпита. На развалинах проведен был плут и посыпана соль, подобно тому, говорил со страшным спокойствием папа, как это сделано было на месте древнего африканского Карфагена. Бонифацию VIII, по-видимому, нравилось подражать образу действий древнего римлянина и принимать на себя ветхозаветный вид разгневанного Иеговы. Его перуны были не только театральными: он в самом деле разрушил один из древнейших городов Италии, который, подобно Тускулуму, погиб еще в своем античном виде, хотя он потом и был кое-как снова выстроен.

Подобно тому как Сулла поселил на равнине разрушенного города военную колонию, Бонифаций приказал несчастным его жителям, все частное имущество которых он отобрал в казну, строиться рядом. Они построили хижины на низменном месте, где теперь находится Мадонна дель Аквила; папа дал этому месту название Civitas Paralis и перенес в него местопребывание палестринского кардинала-епископа. В июне 1299 г. он назначил Теодориха Райнерия из Орвието, своего римского викария, епископом нового города, жителям которого он возвратил их имущества в виде лена; но уже весной 1300 г. он, как разгневанный тиран, снова разрушил только что построенное поселение, после чего его жители переселились в другие места и рассеялись. Несмотря на это, Бонифаций вовсе не был врагом городских общин; в числе его актов есть многие, доказывающие, что он добросовестно уважал права городов и великодушно защищал многие общины от притеснений провинциальных легатов.

На варварское разрушение и потерю их имущества Колонна ответили криком отчаяния и злобы. Они громко обвиняли папу в вероломстве; они утверждали, что их подчинение состоялось в силу договора, заключенного римлянами и кардиналом Боккамацци, по которому папское знамя должно было быть водружено на их укреплениях, но последние должны были оставаться в целости. Верность их показаний оспаривал еще в 1311 г. в Авиньоне кардинал Франческо Гастани, утверждая, что

их покорность состоялась не в силу капитуляции, а безусловно и после сдачи укреплений. И тогда уже суждение об образе действий папы было различно; голос народа признавал измену, и это мнение навсегда было закреплено Дантом. Верно то, что Колонна были обмануты обещаниями, сделанными им от имени папы. Теперь они уже боялись даже за свою жизнь. Говорили, что Стефан, также покорившийся, будет убит подкупленными иоаннитами; и он, и другие члены его дома избежали папского суда бегством, после чего Бонифаций еще раз подверг их отлучению. Он наложил на них опалу, запретил всем городам и странам принимать их к себе, конфисковал их имущества и передал большую часть их римским аристократам, в особенности Орсини. В погибель был увлечен также Иоанн Анибальди ди Чеккано, а несчастный фра Джакопоне до самой смерти Бонифация VIII томился в темной тюрьме в Палестрине, откуда он напрасно в трогательных стихах умолял неумолимого папу о прощении.

Колонна бежали кто в одну, кто в другую сторону; свирепый Шиарра скитался, как в древности Марий, по лесам и болотам; рассказывают, что пираты поймали его на марсельском берегу и приковали его к судовой скамье, пока он не был выкуплен французским королем. Оба кардинала скрывались в Этрурии или Умбрии у дружественных им гибеллинов. Стефан искал себе убежища в Сицилии. Но так как он и там не был в безопасности, то переселился к английскому и французскому дворам. Этот благородный человек, бежавший от безграничного гнева нелюбимого миром папы, был принимаем с честью везде, где он появлялся; он представлял собой образцу римского изгнанника, так что льстивший ему Петрарка сравнивал его со Сципионом Африканским. Мы еще встретимся с этим знаменитым римлянином в истории города Рима, уже во время трибуна Кола ди Риенцо, когда он уже в глубокой старости стоял на могиле своего несчастного врага Бонифация, а также и на могилах своих детей.

ГЛАВА VI

1. Столетнее юбилейное торжество в Риме. — Рихард Анибальди из Колизея и Джентилис Орсини, сенаторы, 1300 г. — Тосканелла подчиняется Капитолию. — Данте и Иоанн Виллани в качестве паломников в Риме

Бонифаций VIII пережил еще один великий триумф, раньше чем подвергся тяжелым испытаниям в борьбе. Он открыл наступление XIV века ставшим знаменитым паломническим торжеством. Столетний юбилей в Древнем Риме сопровождался блестящими играми, но воспоминание об этом исчезло, и нет никакого известия о том, чтобы конец или начало столетия в христианском Риме когда-либо торжествовалось церковным праздником. Массовые паломничества к св. Петру приостановились во время крестовых походов; после их прекращения прежде стремление народов снова возникло и направило их к гробницам апостолов. Правда, в этом благочестивом стремлении значительная доля принадлежала умному образу действий римского духовенства. В Риме начали около Рождества 1299 г. (а праздником Рождества по летосчислению римской курии заканчивался год) ходить толпами к св. Петру как из города, так и из провинции. Слух об отпущении грехов и о паломничестве в Риме распространился по свету и возбудил в нем движение. Бонифаций дал форму и санкцию этому все усиливавшемуся движению, обнародовав 22 февраля 1300 г. юбилейную буллу, которая обещала полное прощение грехов всем тем,

кто в течение года посетит базилики Св. Петра и Павла. Паломничество должно было продолжаться для местных жителей тридцать дней, а для чужестранцев пятнадцать. Только враги церкви были исключены: такими врагами папа считал Фридриха Сицилийского, Колонна и их сторонников и, странным образом, всех христиан, имевших торговые сношения с сарацинами. Таким образом, Бонифаций воспользовался юбилеем, чтобы публично заклеймить своих противников и устранить их от сокровищницы христианской благодати.

Прилив паломников был беспремерный. Рим день и ночь представлял зрелище армии входящих и выходящих богомольцев. Наблюдатель этой знаменательной сцены, поместившись на каком-нибудь высоком месте в городе, мог видеть, как с юга и севера, с востока и запада по старинным римским дорогам шли, как во время переселения народов, толпы людей, а смешавшись с ними, он был бы в затруднении определить их отечество. Шли итальянцы, провансальцы, французы, венгерцы, славяне, немцы, испанцы, даже англичане. Италия предоставила странникам свободу движения по дорогам и установила Божий мир. Они приходили в плащах пилигримов или в национальных одеждах их стран, пешком, верхом или на телегах, на которых везли усталых и больных или на которых были нагружены их пожитки; встречались столетние старики, сопровождаемые их внуками, и юноши, которые, как Эней, несли в Рим на плечах отца или мать. Они говорили на разных языках, но пели молитвенные песнопения на одном языке церкви, и их страстные стремления имели одну и ту же цель. Когда в освещенной солнцем дали показывался им темный лес башен священного города, они поднимали радостный крик «Roma, Roma!», как мореплаватели, после долгого путешествия открывавшие выступающую из моря землю. Они бросались на землю, чтобы молиться, и вставали со страстным криком: «Святые Петр и Павел, помиуйте нас!» У городских ворот их встречали земляки и городские попечители, заведовавшие продовольствием, чтобы указать им помещение, но раньше того они отправлялись к храму Св. Петра, всходили на коленах по лестнице преддверия и затем в экстазе падали на землю у апостольской гробницы.

Целый год Рим представлял из себя паломнический лагерь, кишаший народом и оглашаемый вавилонским смешением языков. Говорят, что ежедневно в него входили и из него выходили 30 000 богомольцев и что каждый день в городе находилось 200 000 чужестранцев. Площадь, занимаемая Римом, в первый раз после долгого времени была снова вся заселена, хотя и не совсем заполнена.

Образцовое управление заботилось о порядке и о дешевизне жизни. Год был плодородный; Кампания и ближайшие провинции присылали провизию в изобилии. Бывший в числе паломников хроникер рассказывает: «Хлеб, вино, мясо, рыба и овес были на рынке в изобилии и были дешевы; сено, напротив, очень дорого. Квартиры были так дороги, что я за свою постель и за стойла для моих лошадей должен был ежедневно уплачивать торнский грош, кроме стоимости овса и сена. Когда я в сочельник уезжал из Рима, то видел огромные толпы уходящих паломников, которых никто не мог бы сосчитать. Римляне определяли общее их число в два миллиона мужчин и женщин. Не раз я видал, что мужчины и женщины были затоптаны под ногами, и сам я несколько раз с трудом избегал этой опасности».

Дорога, которая вела из города через мост Ангела к Св. Петру, была слишком тесна, поэтому в стене недалеко от древнего надгробного памятника *Meta Romuli* проделали новую дорогу к реке. Для предупреждения несчастных случаев было установлено, чтобы идущие вперед шли по одной стороне моста, а возвращающиеся — по другой; мост в то время был застроен лавками и разделялся вдоль на две половины. Процесии безостановочно шли к Св. Павлу за воротами и к Св. Пет-

ру, где показывали уже тогда высокопрославленную реликвию — смоченный потом платок Вероники. Каждый богомолец клал жертвенный дар на алтарь апостолов, и тот же хроникер из Асти утверждает, как очевидец, что у алтаря Св. Павла днем и ночью стояли два клирика с граблями в руках, которыми они сгребали неслучайное количество денег. Сказочный вид духовных лиц, которые с улыбкой гребли деньги, как сено, давал повод злобным гибелинам утверждать, что папа только для денежной прибыли и учредил юбилейный год. И в самом деле Бонифацию нужно было много денег, чтобы покрывать издержки своей войны с Сицилией, которая поглощала неисчислимые суммы. Если бы монахи у Св. Павла вместо медной монеты находили золотые флорины, то, конечно, они собрали бы баснословные богатства; но горы денег у Св. Павла и у Св. Петра состояли большей частью из мелкой монеты, пожертвованной бедными богомольцами. Кардинал Иаков Стефанески особенно отметил это и жаловался на изменившиеся времена: теперь жертвовали только бедняки, а короли, не похожие на трех волхвов, не приносили больше даров Спасителю. Юбилейный доход был однако довольно значителен, так что папа мог из него уделить обеим базиликам капитал для покупки имений. Так как в обыкновенные годы дары, приносимые паломниками к Св. Петру, достигали 30 400 золотых гульденов, то можно себе представить, насколько значительно должны были быть барыши великого юбилейного года. «Дары паломников, — писал флорентинский летописец, — дали сокровища церкви, и все римляне разбогатели от продажи товаров».

Действительно, юбилейный год был для них золотым годом. Поэтому они любезно относились к паломникам, и нигде не было слышно о каком-нибудь насилии. Когда гибель дома Колонна восстановила в Риме врагов против папы, то он обезоружил их чрезвычайными выгодами, приобретенными римлянами, которые постоянно жили только на деньги чужестранцев. Римскими сенаторами были в это время Рихард Анибальди из Колизея (из которого Анибальди уже вытеснили Франджипани) и Джентилис Орсини, имя которого можно еще и теперь прочесть на одной надписи в Капитолии. Благодарственное одушевление паломничества не помешало этим правителям вести войны по соседству; они предоставили пилигримам молиться у алтарей, а сами под знаменами Рима пошли против Тосканеллы и покорили этот город под власть Капитолия.

Можно себе представить, какая масса реликвий, амулетов и изображений святых была продана за это время в Риме, а также как много остатков древности, монет, гемм, колец, скульптурных вещей, мраморных обломков и рукописей унесено было пилигримами в их отечество. Когда эти странники достаточно удовлетворяли свои религиозные потребности, они обращали свои удивленные взоры на памятники древности. Античный Рим, который они обходили с книгой *Mirabilia* в руках, оказывал на них свое чарующее действие. В 1300 г. эту классическую мировую сцену оживляли, кроме воспоминаний древности, и иные воспоминания о деяниях пап и императоров, начиная с Карла Великого. И человек, восприимчивый к голосу истории, мог быть сильно охвачен им именно тогда, когда толпы пилигримов изо всех стран являлись в этом величественном мире развалин живыми свидетелями вечного значения Рима для человечества. Едва ли можно сомневаться в том, что и Данте в эти дни был в Риме и что луч от них пал на его бессмертное творение, которое начинается в Пасхальную неделю 1300 г. Образ мирового города воспламенил душу и другого флорентинца. «Я тоже участвовал, — пишет Дживанни Виллани, — в этом благословенном паломничестве в священный город Рим, и когда я увидел в нем великие и древние предметы и прочитал историю великих дел римлян, описанных Виргилием, Саллюстием, Луканом, Титом Ливи-

ем, Валерием, Павлом Орозием и другими мастерами-историками, то я воспринял от них слог и форму, хотя как ученик, и недостойн был совершить такое великое дело. Таким образом, в 1300 г., возвратившись из Рима, я начал писать эту книгу во славу Божию, святого Иоанна и в честь нашего города Флоренции». Плодом творческого возбуждения Виллани была его история Флоренции, самая большая и самая наивная хроника, которую создала Италия на своем прекрасном языке. И многие другие талантливые люди могли в это время получить в Риме плодотворные впечатления.

Для Бонифация юбилей был настоящей победой. Прилив народа из всех стран в Рим показал ему, что вера человечества еще видела в этом городе священный храм, связующий весь мир. Величественный праздник примирения казался потоком благодати, проливающимся на его собственное прошлое и потопившим в забвении ненавистные воспоминания о Целестине V, о войне с Колонна и все обвинения, возведенные на него врагами. В эти дни он мог в излишестве чувствовать такую полноту почти божеской власти, как едва ли какой-нибудь из бывших до него пап. Он занимал высший престол Западной Европы, украшенный добычей, взятой у империи; он был «наместником Бога» на земле, догматическим верховным главой мира, державшим в своих руках ключи благословения и погибели; он видел тысячи людей, приходящих издалека к его трону и повергающихся перед ним в прах, как перед высшим существом. Он не видал только королей. Кроме Карла Мартелла, ни один монарх не явился в Рим, чтобы в качестве верующего получить прощение грехов. Это показывало, что вера, давшая когда-то победу в битвах Александру III и Иннокентию III, иссякла при королевских дворах.

Бонифаций VIII окончил достопамятный праздник в Рождественский сочельник 1300 г. Этот год составляет эпоху в истории папства и Рима, потому что за этим восторженным, торжественным годом последовал, как ужасная его противоположность, трагический конец папы, падение папства с его высоты и погружение города Рима в ужасное одиночество.

2. Победы Фридриха в Сицилии. — Бонифаций призывает Карла Валуа в Италию. — Империя. — Адольф и Альбрехт. — Тоскана. — Белые и черные. — Данте в Ватикане. — Неудача Карла Валуа. — Мир в Кальтабеллоте. — Борьба Бонифация с Филиппом Красивым. — Булла Clericis Laicos. — Сожжение буллы в Париже. — Франция против папы. — Ноябрьский собор в Риме. — Французский парламент апеллирует ко Вселенскому собору. — Папа признает Альбрехта Австрийского. — Унижение империи

С начала XIV века счастье отвернулось от Бонифация. Король Фридрих, в лице которого воскрес новый Манфред, защищал Сицилию своей собственной силой и готовностью народа к жертвам против массы противников. Папа хотел еще сделать одно большое усилие, чтобы восстановить на острове верховную власть церкви. Покинутый Иаковом Арагонским и недовольный слабостью Карла II, которому он посылал предписания, как будто бы он сам был владельцем Неаполя, он призвал на помощь второго Анжу, брата Филиппа, короля французского. Второй папа еще раз призывал французского принца к вмешательству в дела Италии; поэтому гневный приговор Данте над Бонифацием имел свое справедливое основание в появлении этого чужестранца в его отечестве. Карла Валуа, графа Анжуйского, привлекали большие обещания: в награду за его будущие подвиги, покорение Сицилии и итальянских гибеллинов он должен был получить римское сенаторство и вме-

сте с рукой Екатерины де Куртенэ, которая раньше отвергла молодого Фридриха, наследовать претензии ее дома на Византию. Граф прибыл с наемными солдатами и авантюристами и поспешил к папе в Ананьи, куда явился также и Карл II со своими сыновьями. Они сговорились насчет похода, и Бонифаций назначил Валуа (3 сентября 1301 г.) генерал-капитаном церковного государства, а также князем-миропопцем в Тоскане, так что на деле повторялись времена первого Анжу.

Наместничество в Тоскане, которую папа хотел теперь взять во владение церкви, он передал ему вследствие вакантности престола империи, находившейся в совершенном бессилии. В коротких словах, положение дел в ней было следующее: после смерти Рудольфа корона Германии была отдана безвластному, но храброму графу Адольфу Нассаускому. Его соперник Альбрехт Австрийский, сын Рудольфа, употребил несколько лет на то, чтобы склонить немцев к отпадению от своего противника, который после его низложения имперскими чинами 2 июля 1298 г. потерял корону и жизнь в битве при Гелльнгейме. Альбрехт вступил на престол 24 августа того же года, однако Бонифаций, согласие которого не было испрошено, отказал Альбрехту в признании, тем более что последний заключил союз с Филиппом Французским. Он смотрел на него как на государственного преступника и убийцу короля; он даже потребовал его к своему суду и запретил всем имперским князьям признавать его римским королем. Рассказывают, что Бонифаций принял германских послов в театральной позе, сидя на троне, с короной на голове и с мечом в руке, и что он гневно крикнул им: «Я, я император». В письме к герцогу Саксонскому он предлагал, чтобы тот поддержал его переговоры с Альбрехтом Австрийским, от которого он требовал уступки Святому престолу имперских прав на Тоскану. В этом письме он говорил, что всякая честь, достоинство и всякое владение Римской империи имеет своим источником милость папы. Вероятно, он подал Карлу Валуа надежду и на получение римской короны, если он будет служить его намерениям.

Валуа не имел ни одного из тех качеств, которые доставили первому Анжу обладание королевством. Он играл в Италии несчастную роль. Сначала папа послал его в Тоскану, где в это время произошел переворот, имевший тяжелые последствия. Гвельфская Флоренция, находившаяся тогда в самом цветущем состоянии, разделилась на партии Донати и Черки, на белых и черных, из которых первая из умеренных гвельфов превратилась в гибеллинов. Бонифаций послал туда кардинала Матеуса де Акваспарта; но этот легат, встреченный насмешками господствовавших тогда белых, покинул город, наложивши на него интердикт. Данте дал этой флорентинской борьбе бессмертное выражение, и из бурь, происходивших в маленькой республике, которые раньше затерялись бы как беглые мгновения в мировой истории, создалось величайшее поэтическое творение христианского периода. Очень интересно представить себе Данте перед Бонифацием VIII — самый глубокомысленный ум Средневековья перед последним величественным средневековым папой. Данте прибыл в Рим в качестве депутата от флорентинских белых, чтобы действовать против черных при папском дворе; с этого времени (1301 г.) он уже не видал более своего родного города и до самой смерти блуждал в изгнании. Выступления Данте в Ватикане, его речи, его заблуждения, суждения о Бонифации остались незамеченными; но скоро после того поэт, как судья мертвых, ввергнул гордого папу в свой поэтический ад, и это фантастическое, страшное место вечного наказания сделалось силой его гения действительным местом казни в истории.

Старания белых снова установить единство в их родном городе и устранить вмешательство в их дела чужестранца не удалось. Черные представили папе, что их противники работают на руку его врагам, и Валуа, призванный из Нери, вступил

1 ноября 1301 г. во Флоренцию. Гибель счастья прекрасного города и предательское изгнание белых было следствием этого вмешательства. Госкана разделилась на две партии, и поддержка, которую папство имело до сей поры от тамошних гвельфов, была теперь потеряна. Эгоистическое покровительство, оказываемое Бонифацием одной партии, скоро получило свое отмщение. Оказавшийся неспособным во Флоренции, которую он оставил в состоянии смуты, Валуа прибыл весной 1302 г. в Рим, где он не получил должности сенатора. Затем он отправился в Неаполь, чтобы стать во главе большого предприятия против Сицилии, которое папа снарядил на средства церковной казны. Здесь он тоже не был счастливее, так как Фридрих истребил неприятельское войско в мелкой войне и достиг неожиданного мира. По договору в Кальтабеллоте (31 августа 1302 г.) он был признан пожизненным королем Сицилии и женился на Элеоноре, дочери Карла II, наследником которого он обещал передать после своей смерти владение островом. Это обещание, не подтвержденное сицилийским парламентом, никогда не было выполнено. Бонифаций отказывался дать свое согласие на мир, в котором не было обращено внимания ни на церковь, ни на него самого. Потом, однако, он подтвердил его с условием, что Фридрих признает себя ленником церкви; но Фридрих никогда не платил ей дани. Сознание могущества папы уже ослабело в это время. Другая, более важная борьба, к которой он был принужден в силу принципа римской церкви, разразилась теперь, и в этой короткой, но важной в мировой истории борьбе Бонифаций VIII был побежден.

Борьбу против чрезмерности власти церкви, в которой погибли Гогенштауфены после того, как они потрясли основные твердыни папства, предпринял теперь французский монарх. Это событие сделалось одним из важнейших переворотов в церковном и государственном мире. В течение всего Средневековья Франция была убежищем и вернейшей защитницей папства; она содействовала падению Гогенштауфенов, заменив немецкое влияние в Италии и в Риме своим собственным. Но когда папы сделали членов французского королевского дома на итальянском престоле протекторами церкви, то слабость их была наказана в силу того постоянно проявляющегося закона, что покровители превращаются в завоевателей. С появлением Карла Анжуйского папство было на деле постепенно захвачено Францией, пока наконец Святой престол был перенесен в устье Роны и в течение 70 лет был занят французами. Столкновение церковных притязаний с национальной гордостью Франции было неизбежно, когда Бонифаций VIII, в условиях века, уже ушедшего вперед, сделал попытку обратить основы папского миродержавства против покровительствующей силы. Германская империя была побеждена папами потому, что она не имела под собой практического основания; но спор с папой французского короля был борьбой государственного права против церковного права на почве национальной монархии, защищаемой земскими чинами. Продолжительная реакция государственной идеи против европейского церковного права, проникшего во все гражданские и экономические отношения, есть вообще важнейший мотив в средневековой истории; он является в каждом ее периоде под различными формами и названиями, в особенности в споре за инвеституру и в борьбе Гогенштауфенов, затем продолжается в Реформации, во французской революции и остается заметным даже в новейших конкордатах и в колебаниях нашего времени.

В то время во Франции царствовал Филипп Красивый, внук того Людовика IX, которого сам Бонифаций VIII в 1297 г. причислил к лику святых. Это был талантливый и честолюбивый государь, бессовестный деспот, но один из основателей французской монархии. Такой человек был как раз способен противостать вызывающей гордости такого папы, как Бонифаций VIII. Вмешательст-

во папы в войну Франции с Англией, в которой он надеялся занять положение судьи, инвеституры и взыскание церковной десятины поссорили Филиппа с римской курией. В защиту церковного иммунитета вообще Бонифаций издал 25 февраля 1296 г. буллу *Clericis Laicos* — торжественное запрещение всем духовным лицам и общинам давать подарки или платить подати мирянам без папского дозволения. Эта булла всего тяжелее отразилась на короле Филиппе, который нуждался для своих фландрских и английских войн в денежной помощи духовенства и в своем безденежье принужден был прибегать к постыдной фальсификации монеты. Он ответил запрещением вывоза денег из Франции, которое было не менее тяжело для Рима.

Когда эта буря благодаря уступчивости папы утихла, началась в 1301 г. другая, еще сильнее. Причиной ее были противоречия между духовными и светскими имущественными правами и по вопросу об управлении вакантными бенефициями, на которые французская корона предъявляла претензию, как на регалии. Папский легат был арестован и привлечен к суду; парламент присоединился к насильственному поступку короля, после чего Бонифаций 5 декабря обратился к королю с буллой, которая возмутила всю Францию. Он упрекал Филиппа за его насилие над правами церкви; высказывал ему, что папе от Бога предоставлена абсолютная полнота власти над королями и королевствами; остерегал его против заблуждения, что над ним нет никого высшего; предлагал ему удалить своих дурных советников и пригласил французское духовенство прибыть 1 ноября 1302 г. в Рим на собор для решения вопроса, прав или неправ был король. Буря раздражения поднялась при французском дворе; ученые юристы, в том числе Пьерр Флотте и Гильом де Ногаре, усиливали гнев короля своими речами, а может быть, также и вымышленными писаниями папы; кричали, что Бонифаций намеревается сделать свободную Францию вассальной страной. Папская булла 11 февраля 1302 г. была публично сожжена в Париже в соборе *Notre Dame*, и уничтожение ее было возведено герольдом при трубных звуках. Это пламя, впервые истребившее папскую буллу, было историческим событием. Легат был изгнан с позором; королевским указом, как во времена Фридриха II, было запрещено клиру ехать на собор. Собравшийся 10 апреля в церкви *Notre Dame* парламент представителей трех сословий подтвердил эти решения; дворянское и городское сословие сами предложили свою поддержку, а епископы, которые уже находились в отношении подданства к королю, волей-неволей подчинились его приказанию. В первый раз еще духовенство какой-нибудь страны покинуло папу и стало на сторону светского государя. Когда Бонифаций получил письма, в которых галликанская церковь выступала против его утверждения, что папа и в светских делах стоял выше королей, и просила освободить ее представителей от путешествия в Рим, то он мог понять, что перед ним открылась пропасть. Однако он уже не мог отступить назад без того, чтобы не уничтожить морально в глазах света папскую власть; он должен был попытаться разбить объединяющуюся французскую монархию, как его предшественники разбили делавшуюся абсолютной империю Гогенштауфенов.

На ноябрьском соборе в Латеране, на который явились лишь немногие из французского духовенства, Бонифаций обнародовал буллу *Unam Sanctam*. В ней он соединил все положения своих предшественников о божественной власти пап и все их захваты власти, бывшие в течение многих столетий до него, в одном безумно дерзком изречении: «Мы заявляем, что в силу необходимости спасения римскому папе подчинена всякая тварь человеческая». Этот догмат он сделал венцом воздвигшегося до неба здания римской иерархии. Однако же провозглашение папской судебной власти на земле осталось в устах Бонифация VIII лишь бессильным словом, хотя

этот взгляд повторялся еще в Авиньонском периоде и вызвал в сферах теологии и юриспруденции целую бурю рассуждений, которые еще и в наше время не вполне закончены. Когда попытка примирения не удалась и папа грозил отлучением, то Филипп для борьбы со своим врагом воспользовался государственными условиями: первый действительный государственный парламент Франции низвергнул кичливое папство. Он заседал в Лувре 13 июня 1303 г. Наиболее почетные магнаты явились в качестве обвинителей папы. Обвинения, возводимые ими на более чем восьмидесятилетнего старика, были по большей части столь нелепы, что в них нельзя видеть чего-либо другого, кроме выражения прорвавшейся ненависти. Однако тот факт, что национальный парламент привлекал к обвинению папу и апеллировал против него ко Вселенскому собору, имел серьезное значение и грозил тяжелыми последствиями. Несколькими годами раньше два кардинала требовали того же папу к ответу перед собором, теперь то же делали представители великой, строго католической нации. Таким образом, против принципа папского единовластия была вызвана власть, к которой когда-то в первый раз обратился Фридрих II. Вся Франция во всех своих духовных и светских корпоративных учреждениях повторила эту апелляцию.

Бонифаций видел приближение страшной катастрофы; он не потерял мужества, но в своем ослеплении он обманывался относительно границ папского могущества. Только его собственный пример и поражение папства, которое должны были признать за факт его непосредственные преемники, уяснили миру действительное положение вещей. Папство было побеждено потому, что оно было неспособно привлечь к себе Италию после падения империи и осуществить гвельфский принцип. Папы отказались от великой национальной политики Александра III и Иннокентия III. Чтобы низвергнуть Гогенштауфенов, они призвали в Италию иностранных монархов, но не могли разрешить противоречий между гвельфами и гибеллинами. Политический идеал курии не укоренился на почве Италии; гвельфская идея казалась большому числу итальянцев революционным новшеством; они тем менее уважали папство, что видели его вблизи.

Бонифаций готов был уже искать в немецкой империи защиты против Франции, и Альбрехт с большими обещаниями предложил ему свои услуги, вследствие чего папа нашел государственного изменника и убийцу короля достойным римской короны. Он признал его 30 апреля 1303 г., но обращался с ним свысока, как с умоляющим грешником, которого он миловал по праву, а римскую корону давал только по своей милости. Разрешив его от всех союзов с иностранными королями, он особенно обеспечил себе его помощь против Филиппа Красивого. Нюрнбергские грамоты 17 июля 1303 г. представляют самые жалкие свидетельства рабского подчинения имперской власти папству. Римский король, не краснея, признавал, что один папа может даровать императорскую корону, что курфюрсты пользуются лишь переданным от папы правом избрания императора, что все, чем обладает император империя, происходит лишь из папской милости. Он обещал не посылать в итальянские имперские земли никакого наместника без согласия Святого престола и даже унижался до обещания не допускать без позволения папы избрания в римские короли которого-либо из своих сыновей от сводной сестры Конрадина. До такого глубокого унижения пала империя в лице одноглазого, умственно ничтожного сына Рудольфа! Глава империи, наследник Гогенштауфенов, признавал себя ленником папы в то самое время, когда французский король призывал папу к ответу перед Вселенским собором за его заявление о том, что королевская власть подчинена Святому престолу. Это послужило еще одним основанием для заблуждения Бонифация VIII относительно своей действительной силы.

3. Французский план низвержения папы. — Шиарра и Ногаре являются в Италию. — Заговор латинских баронов. — Сведения о том, как было основано в Лациуме могущество дома Гаэтани. — Катастрофа в Ананьи. — Возвращение папы в Рим. — Его отчаянное положение в Ватикане. — Его смерть, 1303 г.

Когда императоры хотели свергнуть пап, бывших их врагами, то они являлись в своем качестве римских императоров с войском и начинали открытую войну; французский король не имел никакого подобного титула для того, чтобы идти в поход против папы, и прибегнул к недобросовестному нечаянному нападению, чтобы заставить умолкнуть своего противника. Это нападение на Бонифация VIII в его собственном родном городе Ананьи, произведенное наемными слугами иностранного деспота и вступившими с ним в заговор латинскими баронами, было фактом неслыханным в истории пап. Изгнанных членов дома Колонна Филипп принял при своем дворе; они обостряли его гнев, а он пользовался их жаждой мести для своих целей. В феврале 1303 г. был выработан план захватить папу, увезти его и представить на суд в Лионе. Гильом де Ногаре из Тулузы, доктор права, раньше бывший профессором в Монпелье, а теперь вице-канцлер Филиппа, принял на себя выполнение покушения. 12 марта в присутствии короля состоялось в Лувре собрание, в котором приняли участие некоторые прелаты; Ногаре обвинял перед ними папу. Вскоре после этого министр уехал в Италию с полномочиями от короля, в которых в общих выражениях одобрялось его предприятие. В замке Стаджия, около Поджибонци, принадлежавшем флорентинскому банкиру Мусчиато, тоже участвовавшему в заговоре, был по соглашению с Шиарра намечен план действий. Заговорщики были снабжены векселями на банкирский дом Перуцци и не жалели золота для подкупа друзей и врагов ничего не подозревавшего папы, так как Ногаре придавал себе такой вид, будто он прислан для переговоров с ним.

Французский министр старался, но тщетно, вовлечь в заговор даже неаполитанского короля; столь же бесплодными были усилия его агентов у римлян. Но его золото нашло себе доступ в замки Кампаньи. Прежде всего Ногаре удалось приобрести для себя содействие ферентинского военачальника Ринальдо де Супино, у которого папский родственник отнял замок Треви и другие имения. Почти весь Лациум принял участие в заговоре. Непотизм папы получил свое отмщение именно в Лациуме, где Гаэтани основали свое господство большей частью на притеснении прежних владельцев. Для понимания падения Бонифация VIII важно, а вместе с тем и поучительно для уяснения отношений баронов того времени указать на примере Гаэтани на гигантское возрастание одного родственного папе дома.

Несчастьем дома Колонна папа воспользовался для поддержания своего семейства силы, что произошло главным образом между 1297 и 1303 гг., и на средства церковной казны. Хотя Мартин IV и Николай IV запретили продажу имений в Кампанье римским баронам с целью задержать возрастание земельной аристократии, но Бонифаций отменил это запрещение в пользу своего племянника Петра. Центром владений Гаэтани в Лациуме (он и теперь еще остается принадлежностью этого дома) были Сермонета, на склоне Вольских гор, затем Норма и Нинфа, самые древние владения, подаренные церкви византийским императором. Сермонета, в древности Сульмона, от которой Гаэтани получили теперь свой герцогский титул, принадлежала Анибальди, которые 16 июня 1297 г. продали Петру Гаэтани за 34 000 золотых гульденов этот замок, возле Бассано и С.-Донато, около Террачины. Норму Бонифаций, еще будучи кардиналом, купил 2 января 1292 г. у Иоанна Иордани за 26 000 золотых гульденов. Нинфу, на краю Понтинского болота, граф

Петр приобрел 8 сентября 1298 г. за удивительную для того времени сумму в 200 000 золотых гульденов; таким образом, настоящее родовое владение Гаэтани было округлено приобретением Сермонеты, Нормы и Нинфы. Нинфа была, да и теперь еще есть самая большая латифундия во всем Лациуме; она простиралась от Вольских гор через болота, с башнями, дворцами, озерами и лесами до морского берега и еще на сто миль далее в море. Римская церковь, Колонна, Франджипани, Анибальди, многие другие собственники и городские общины имели свои доли в правах на Нинфу; но уже в 1279 г. Лоффред и его сын Петр Гаэтани выкупили доли частных собственников. Община тоже передала свои владетельные права Петру 11 февраля 1298 г. Если один барон был достаточно богат, чтобы заплатить наличной золотой монетой 200 000 з. гульденов или 630 000 талеров (что по тогдашней стоимости денег равняется по меньшей мере теперешним 4 миллионам талеров), то можно судить, какие богатства уже тогда накапливались в руках папских nepотов. Бонифаций укрепил Нинфу за своим племянником также и от имени церкви, как вечный фамильный лен, но с запрещением на каком бы то ни было основании уступить ее опальным членам дома Колонна. Петр построил там великолепный замок с громадной башней, которая еще и теперь, наполовину разрушенная и обвитая плющом, отражается в болотах Нинфы. Неутомимый nepот купил в 1301 г. у Рихарда Анибальди башню милиций в Риме и замок С.-Феличе на мысе Цирце; он действовал в этом случае, как и в Астуре, в видах расширения своих владений в Террачине, чтобы таким образом сделатья владетельным князем латинской Маритимы. Древний замок Цирце, называвшийся в Средние века Рокка Чирчеджия и Каструм Sancti Фелицис, как и в настоящее время, был спорным или делился между церковью, городом Террачиной, Франджипани и другими владельцами. Иннокентий III присоединил его к владениям церкви; позже он достался тамплиерам, имевшим свой орденский монастырь Св. Марии на Авентине, которые променяли его бывшему потом кардиналом Иордану Конти; затем замок Цирце владели Анибальди. После них купил его граф Петр 23 ноября 1301 г. за 200 000 золотых гульденов. Половину Астуры он около этого же времени приобрел за 30 000 золотых гульденов от Франджипани, но уже в 1304 г. он должен был снова отказаться от этого владения. Будучи владельцем такой обширной области в Маритиме, могущественный граф желал теперь приобрести укрепленные места также и по ту сторону Вольских гор, где находилась родина его фамилии — Ананьи, и в Сабине. 15 августа 1299 г. он приобрел Карпинето латеранского капитула за ежегодный оброк всего в один золотой гульден; замок Треви в том же году — у наследников Райнальда и Беральда за 20 000 золотых гульденов, 15 декабря 1299 г. за неизвестную сумму замок Скулькола Адинольфа де Супино, наследника старинного дома Гальвана и Конрада.

Таким образом, счастливый nepот на денежные средства, которые в настоящее время равнялись бы 7 миллионам талеров, в четыре только года составил свое латинское владение. Папа содействовал его приобретению во время борьбы с Колонна и после их падения, к которому была припутана также одна ветвь Анибальди, чтобы силой своего собственного дома воспрепятствовать мстительным планам Колонна. Буллой от 10 февраля 1303 г. он утвердил прекрасную баронскую область за «своим возлюбленным сыном Петром Гаэтани, своим племянником, графом Козертским и господином городских милиций». В этой булле он отменял вышесказанные запреты Мартина IV и Николая IV, с удовольствием перечислял местности, которые его nepот приобрел покупкой, дарением или меной; укреплял их навсегда за его наследниками и давал ему право приобретать еще другие имения. Столь внезапно образовавшееся баронство занимало весь нижний Лациум и простиралось от мыса

Цирце до Нинфы, от Чепрано, через горы, до Дженне и Субиако. Кроме того, по ту сторону Лириса и позади Террачины находились неаполитанские лены того же дома: там Петр, как наследник своего отца, был графом Казерты и других замков, а его сын Лоффред — ленным владельцем старинного графства Фунди. Молодого Лоффреда папа женил на Маргарете, дочери графа Альдобрандина Рубеуса, вдове сначала известного Гвидо де Монфора, а потом Урсуса Орсини. Таким образом, он должен был стать владельцем комитата Альдобрандески в тусцийской Маритиме. Затем Бонифаций в 1297 г. с обдуманном намерением отменил брак Лоффреда с этой надменной и беспокойной женщиной и в 1299 г. женил этого своего внука на Иоанне, дочери Рихарда Аквильского, наследнице графства Фунди, которое вследствие этого перешло к Гаэтани. Но пфальцграфом в области Альдобрандески сделался не Лоффред, а его брат Бенедикт, владевший, впрочем, лишь титулом, так как тамошними укрепленными местами завладел город Орвието.

Таково было положение дома Гаэтани, и можно себе представить, как велико было в Лациуме негодование против этого слишком сильного рода nepотов. Бароны, которые оставались еще в своих замках, и те, которые под давлением папской власти уступили их Петру, гибеллинские владельцы из Скульколы, Супино, Мороло, Коллемеццо, Треви, Чеккано, дворяне и народ в Ферентино, Алатри, Сеньи и Вероли — все охотно присоединились к плану Ногаре. Даже граждане города Ананьи, который мог опасаться попасть под баронскую власть Гаэтани, изменили Бонифацию, от которого они получили много благодеяний. Сыновья рыцаря Матигаса Конти, Николай и Аденульф, из которых один был в то время подестой, а другой воинским начальником Ананьи, были здесь злейшими его врагами и стояли во главе заговора наряду с Джиффридом Бусса, маршалом папского двора. Измена проникла в среду самых близких из окружающих папу людей; даже в коллегии кардиналов сторонники Колонна желали его падения. Рихард Сиенский и Наполеон Орсини были посвящены в заговор. Последний дал пристанище своему родственнику Шиаре в Марино, где он должен был переговорить с ним насчет выполнения их плана.

Райнальд Супино, воинский начальник Ферентино, другие бароны, Ногаре и Шиарра собрали войско в Скулькола. Ничего не подозревавший папа находился со многими кардиналами в Ананьи; 15 августа он произнес в публичном заседании духовного собрания очистительную присягу, а 8 сентября хотел объявить отлучение и низложение Филиппа в том же соборе, в котором Александр III отлучил первого Фридриха, а Григорий IX — второго. Поэтому заговорщики поспешили лишить его голоса раньше, чем он обнародовал бы свою буллу. Они вышли из Скулькола в ночь на 6 сентября и ранним утром вступили в Ананьи через открытые для них ворота с распущенными французскими знаменами и с криками: «Смерть папе Бонифацию! Да здравствует король Филипп!» Тотчас к ним присоединился Аденульф с городской милицией, и Ногаре объявил народу, что он прибыл для того, чтобы потребовать папу на суд собора.

Шум оружия разбудил старика в его дворце, входы в который были заграждены его племянником, графом Петром. Враги могли проникнуть в собор, с которым было соединено помещение папы, не раньше, как взяв сначала штурмом дом Петра и трех кардиналов: пенитенциария Джентилиса, Франческо Гаэтани и испанца Петра. Родственники папы мужественно защищались во дворце, и Бонифаций попытался выиграть время переговорами. Шиарра согласился дать ему девятичасовой срок для принятия унижительных условий, в числе которых было его отречение и немедленное восстановление дома Колонна. Когда эти пункты были отклонены, штурм снова возобновился. Чтобы проникнуть во дворец, осаждающие зажгли две-

ри собора. Папа, напрасно призывавший народ Ананьи для своего освобождения, скоро увидел себя одиноким; его служители разбежались или перешли на сторону неприятелей; кардиналы удалились, за исключением Николая Боккасини Остийского и испанца Петра. Родственники папы положили оружие, и их, как пленников, увели в дом Аденульфа. Только кардиналу Франческо и графу Фунди удалось убежать переодетыми.

Когда Ногаре и Шиарра, один как представитель ненависти своего короля, другой как мститель за обиду своего дома, через трупы убитых, в числе которых был и один епископ, ворвались во дворец, частью бывший в пламени, то они увидели перед собой старика в папском облачении, с тиарой на голове, сидящего на троне и наклонившегося над золотым крестом, который он держал в руках. Он хотел умереть, как папа. Его внушавшая почтение старость и величавое молчание на мгновение обезоружили этих людей; затем они с криками стали требовать его свержения, объявили ему, что они в цепях повезут его в Лион для низложения, и унизились до ругательств, которые он величественно переносил. Свирепый Шиарра схватил его за руку, стащил с трона и хотел ударить его кинжалом в грудь, но Ногаре силой удержал его. Бешенство, раздражение, ужас и отчаяние были безграничны; однако благоразумие взяло наконец верх над страстью. Бонифаций был заперт во дворце и содержался в тесном заключении под стражей Райнальда де Супино, в то время как солдаты и горожане грабили его сокровища, считавшиеся безмерными, а также собор и дома папской родни.

Почти загадочная удача нападения показала, насколько папа сделался беспомощен в собственной стране; его родной город предоставил его во власть враждебной шайки, которая, за исключением Ногаре и двух французских рыцарей, вся состояла из итальянцев. «О несчастный Ананьи, — восклицал годом позже бессильный преемник Бонифация, — несчастный потому, что допустил у себя совершиться подобному делу! Да не падет на тебя ни роса, ни дождь; да падет он на другие горы и пройдет мимо тебя, потому что у тебя на глазах и когда ты мог защитить его, пал герой, обладавший чрезвычайной силой».

Бонифаций терпел в течение трех дней, отказываясь от пищи из страха или подозрения, под мечами своих врагов, которые, по-видимому, сами не знали, что им делать, так как их пленник, презирая смерть, отказывался уступить их требованиям. Скоро, впрочем, совершился поворот в его пользу. При известии о происшествии в Ананьи друзья Гаэтани в Кампаньи взялись за оружие, в то время как подвергшиеся насилию со стороны папы и его непитов бароны Лациума пытались снова завладеть проданными ими именьями. В Риме, который заговорщикам не удалось привлечь на свою сторону, хотя в нем происходило неопишное смятение, благоразумные граждане почувствовали нанесенное папе оскорбление. В понедельник 10 сентября кардинал Лука Фиески явился в Ананьи, проехал по улицам и призывал уже раскаявшийся народ отомстить преступникам. Ему отвечали криками: «Смерть изменникам!» — и та же толпа, которая так постыдно покинула Бонифация, теперь бешено бросилась штурмовать дворец, где он находился в заключении; французское знамя было разорвано, и пленник был освобожден. Ногаре и Шиарра бежали в Ферентино.

Слишком поздно спасенный папа произнес речь к народу со ступеней дворца; в эту минуту, проникнутый великодушным умилением, он простил всем своим обидчикам. В пятницу 14 сентября он покинул свой неблагодарный родной город и в сопровождении вооруженного отряда направился в Рим. Рассказывают, что Колонна пытались произвести еще нападение в пути, но были отбиты. Из Рима прислана была помощь; но так как Бонифация сопровождали только 400 всадников, то это

показывает, насколько было холодно настроение в Риме; кардинал Матеус и Иаков Орсини предводительствовали этим отрядом, не столько чтобы оказывать помощь папе, сколько чтобы держать его в своих руках. Власть в Риме в это время принадлежала Орсини, где они же были и сенаторами. Когда после трехдневного переезда Бонифаций прибыл в Рим, то народ встретил его со знаками глубокого почтения; он ночевал в Латеране и оставался там два дня; затем процессией отправился к Св. Петру, и здесь пришедший в отчаяние старик заперся в покоях Ватикана.

Его возбуждение граничило с безумием. Его мучила мысль о мщении: он хотел созвать великий собор и уничтожить короля Филиппа, как когда-то Иннокентий IV посредством собора низвергнул Фридриха II. Но со времени его уничтожения он был лишь тенью, которой уже никто не боялся. К окружающим его он относился с возрастающим недоверием, и если он вынужден был простить кардинала Наполеона, которого называли в числе заговорщиков, то это значит, что он уже потерял свою свободу. Орсини сторожили его глазами Аргуса и начали предписывать ему законы; они наполнили вооруженными людьми замок Ангела и Борго. Они боялись, что папа в отчаянии решится на какую-нибудь крайность, или были настолько неблагодарны, что хотели из его несчастья извлечь свою выгоду. Город Рим находился в состоянии глубокого возмущения и был разделен на две партии — за и против папы, за и против Орсини и Колонна. Сенаторы, не будучи в состоянии поддержать порядок, возвратили свою должность в руки народа. Бонифаций призывал на помощь Карла из Неаполя, но Орсини утаили его письма. Он хотел переехать в Латеран, так как в той части города господствовали Анибальди, ненавидевшие Орсини и не любившие Колонна, но Орсини воспротивились его выезду из Ватикана, и он увидел тогда, что он их пленник.

Дни, которые несчастный старик прожил в Ватикане, были выше всякой меры ужасны. Скорбь о совершенном над ним насилии, чувство бессилия, недоверие, страх, мщение, одиночество и отсутствие друзей волновали его страдающую душу. В эти мрачные часы перед его возбужденным духом являлась тень заключенного в башне Фумоне. Было естественно, что такой высокомерный человек, испытывая потрясающую реакцию против состояния, в котором он находился, мог выйти из себя и впасть в безумие. Рассказывали, что он заперся в своей комнате, отказывался от пищи, впал в неистовство, бился головой об стену и наконец был найден мертвым на своей постели. Враги Бонифация VIII находили удовольствие расписывать его конец самыми яркими красками, а умеренные противники видели в его случае Божье наказание за гордость сильного. Папский историк, бывший в Риме во время смерти Бонифация, говорит: «На 35-й день после его плена он умер; ум его был потрясен; он думал, что всякий входящий к нему пришел его арестовать». Эти простые слова заключают в себе более правильную оценку действительности, чем драматические картины других рассказчиков. Бонифаций VIII умер 86 лет от роду 11 октября 1303 г. и был похоронен в ватиканском склепе — капелле, которую он сам для себя выстроил.

Немногие папы имели так много врагов и так мало друзей; редко о ком-нибудь другом современники и потомство говорили с таким ожесточением. Если суждения о нем и были окрашены партийной страстностью, то все же в общих чертах мнение о нем твердо установилось: Бонифаций VIII был очень даровитый человек с деспотическим характером. Он не имел ни одной действительно духовной добродетели; это была личность вспыльчивая, склонная к насилию, вероломная, бессовестная, неутомимая, жадная до пышности и мирских сокровищ, полная честолюбия и земного властолюбия. Уже его современники называли его великодушным грешником, и лучше нельзя было его охарактеризовать. Дух времени был причиной его падения,

как и падения Фридриха II. Он стремился к цели, которая стала уже фантастической; он был последним папой, столь же смело высказавшим идею миродержавной иерархии, как Григорий VII и Иннокентий III. Но Бонифаций VIII был лишь несчастным воспоминанием этих пап: он никогда не совершил ничего великого, и высокий полет его стремлений вместо удивления возбуждает лишь ироничную улыбку. Он не мог удержать папство на его высоте. Сцена в Ананьи, столь маловеличественная по сравнению с предыдущими сценами борьбы церкви против империи, была таким же полем битвы в истории пап, какими были Беневент или Тальякоццо в истории империи, где с незначительными средствами и в ограниченных условиях получен был результат долгих исторических процессов. Могила Бонифация VIII — надгробный памятник средневекового папства, вместе с ним похороненного силами времени. Ее и теперь еще можно видеть в гротах Ватикана, где каменное изображение этого папы лежит на саркофаге, с двухкороной тиарой на голове, с лицом строгим и красивым и с его царственным выражением.

4. Бенедикт XI, папа. — Его отчаянное положение. — Он отменяет распоряжения своего предшественника. — Джентилис Орсини и Лука Савелли, сенаторы. — Колонна восстановлены в правах. — Бенедикт XI возбуждает процесс против преступления в Ананьи и умирает в 1304 г. — Долгий выборный спор. — Мстительная война Гаэтани в Кампаньи. — Климент V, папа. — Папский престол надолго остается во Франции

Кардиналы, стоявшие у гроба Бонифация VIII, хотя и ненавидели его при жизни, были потрясены и погружены в размышление о падении папского могущества, представителем которого был для них умерший. Город был вооружен. Друзья дома Колонна снова вызывающе смотрели на Орсини, и отношения партий сразу изменились. Через Порта Маджиоре входили неаполитанцы, так как Карл II, вызванный последними событиями, прибыл вместе со своими сыновьями, Робертом и Филиппом, и с войском как раз в день смерти Бонифация. Даже Фридрих Сицилийский послал корабли в Остию, как только услышал о бедственном положении папы. Король неаполитанский хотел управлять будущими выборами; между тем кардиналы собрались в соборе Св. Петра и без всякой борьбы уже 22 октября избрали папой умеренного человека, кардинала-епископа Остии. 1 ноября он вступил на папский престол.

Короткое правление Бенедикта XI возбуждает к себе глубокое сочувствие, так как оно служило переходом к Авиньонскому периоду. Он сам, как человек примирительного направления, мог бы занять рядом с Бонифацием VIII такое же прекрасное положение, какое имел Григорий X, поставленный рядом с Климентом IV, если бы его кротость была выражением спокойной силы, а не трусливой слабости. Николай Боккасини, сын нотариуса в Тревизо, был в молодости учителем в доме одного венецианского патриция, потом сделался доминиканцем и своими знаниями и добродетелями возвысился в церкви. Сам Бонифаций VIII сделал его кардиналом, и мы видели, что в Ананьи он, верный своему долгу, оставался до конца со своим благодетелем, когда другие кардиналы его покинули. Что должен был делать новый папа в тогдашнем отчаянном положении? Следовало ли ему взять оружие из холодной руки его предшественника, чтобы направить его снова против победившего врага? Народы, как доказывали Сицилия и Франция, уже презирали духовный меч; громы Латерана уже потеряли силу. Нападение в Ананьи и слабое движение, вызванное им в Италии, сделало очевидным одну вызы-

вавшую тревогу истину, что прежние гвельфские основания папской власти устарели и не имели уже поддержки в итальянском народе. Папство, которое смогло разрушить силу империи, стало чуждым для Италии и очутилось как бы в воздухе. Беспомощное одиночество Бенедикта XI в эти дни разочарования действительно должно было быть ужасным.

Относительно французского короля он видел себя без союзников и безоружным. Немецкая империя не имела ни силы, ни еще менее желания силой оружия восстанавливать ослабевшее папство. В первый раз целая нация в лице всех своих сословий восстала против требований папы, и это ее сопротивление было непобедимо. Бенедикт XI не мог сделать ничего другого, как только быстро отступить; он, а не Бонифаций VIII признал, что папство побеждено светской властью. Оно капитулировало, как осажденная крепость. Это изменение условий времени поразительно, как зрелище всякого истинного величия, погибающего само в себе. Конечно, Бенедикт должен был что-нибудь сделать для наказания нанесенного церкви оскорбления, но он выполнил это без энергии и медленно. 6 ноября он начал процесс против похитителей церковного имущества в Ананьи и потребовал возвращения похищенного. Неизвестно, имело ли это требование какой-нибудь успех. Представители дома Колонна, из которых многие уже с торжеством возвратились в Рим, требовали вознаграждения за несправедливость, причиненную им Бонифацием; 23 декабря папа объявил о снятии отлучения с них всех, кроме Шарры, восстановил их во владении фамильными именами и отдал им назад Палестрину, запретив, впрочем, вновь выстраивать город без его позволения. Кардиналы Иаков и Петр, возвратившиеся из своих убежищ возле Перуджии и в Падуе, где они скрывались, добивались возвращения им их звания, и когда папа отказал им в этом, то обратились снова к защите французского короля.

Сам Филипп без труда достиг отмены распоряжений Бонифация VIII, так как Бенедикт был даже принужден пойти в этом ему навстречу. Король, отрицавший свое участие в преступлении, бывшем в Ананьи, предьявлял требования победителя к побежденным. Вместо продолжения папой процесса против него Филипп грозил продолжать его против мертвого Бонифация. Голос Франции требовал собора и осуждения всех действий бывшего папы, и Бенедикт предупредил явное поражение тем, что, не дожидаясь послания Филиппа, отменил все постановления Бонифация, направленные против Франции и королевского дома. Буллы от 13 мая 1304 г., которыми он отменил акты своего предшественника, чтобы снова примирить Францию с церковью, были смертными приговорами для всей политики папства. Они обозначают собой возвращение его назад от миродержавного положения и представляют поворотный пункт в его истории. Странная судьба как будто мстила Бонифацию VIII за Целестина V; также как и последний, он умер пленником, и его преемник уничтожил его декреты, также как были уничтожены акты Целестина. Бенедикт XI даже отменил законы, изданные его предшественником в защиту городских свобод, и в этом выказал себя настолько же мелочным, насколько Бонифаций был великодушен.

Бенедикт XI, преследуемый партиями Гаэтани и Колонна и находившийся в зависимости от Орсини, не имел в Риме ни минуты покоя. Едва Колонна были восстановлены в своих гражданских правах, как они явились в Капитолий с требованием вознаграждения за убытки. Сенаторами тогда были Джентилис Орсини и Лука Савелли. Бенедикт, которого никто не боялся и который сам всех боялся, хотел иметь где-нибудь безопасное местопребывание; он покинул Рим после праздника Пасхи и отправился в Монтефиасконе, Орвието и Перуджию. Только здесь, в столице гвельфской Умбрии, он осмелился выступить с обвинением про-

тив всех участников нападения в Ананьи. Он объявил отлучение против Ногаре, Райнальда де Супино, Шиарра Колонна и целого ряда других лиц и вызвал их к своему суду. Это возбудило бурю между виновными, считавшими, что их преступление погребено вместе с Бонифацием. Филипп Красивый, на которого голос всего света и ненависть Бенедикта тайно или громко указывали как на главного виновника гибели бывшего папы, был молчаливо затронут. 7 июня Бенедикт обнародовал этот декрет, а в начале июля умер. Говорили, что он был отравлен фидами, но это, конечно, выдумка. Бенедикт XI, поставленный между обязанностями спасти церковь уступчивостью и в то же время сохранить ее честь, подавленный чувством своего бессилия, умер в Перуджии; он был последний итальянский папа, за которым следовал ряд французов. За его кончиной последует Авиньон. Кардиналы, не обращая внимания на декрет Григория X, собрались уже 10 июля в архиепископском дворце в Перуджии, чтобы приступить к самому труднейшему выбору. Почти целый год он оставался спорным. Две партии разделяли между собой коллегию: итальянская, с Матеусом Орсини и Франческо Гаэтани во главе, и французская, вождями которой были Наполеон Орсини и Николай де Прато. Наполеон был один из самых могущественных сановников церкви и безгранично богат; он был сын Ринальдо, внук знаменитого сенатора Матеуса Рубеуса и кардинал с 1288 г. Он давно уже выказывал свое гибеллинское направление, и о нем осмеливались даже говорить, что он вместе с французским кардиналом Лемуаном подмешал яд несчастному Бенедикту. За этим конклавом в отдалении стоял король Филипп, стремившийся провести такого папу, который бы подчинился его воле. Пока кардиналы спорили в Перуджии, Рим и Лациум были поглощены дикой партийной войной. Непоты Бонифация VIII с каталонскими наемными солдатами ходили по всей Кампании и вели мстительную войну против баронов, бывших виновниками гибели их дяди. В то же время Колонна вели войну с Орсини, которые овладели многими их поместьями; они снова явились с жалобой в сенат, и последний декретировал, что Колонна должны быть восстановлены в своих правах, так как преследование их было делом ненависти и злобы Бонифация VIII. Сенат уничтожил все совершенные этим папой передачи имений Колонна и присудил Петра Гаэтани и его сыновей к уплате 100 000 золотых гульденов вознаграждения за убытки. Но Гаэтани защищались, как храбрые люди. Этот род непотов оставался еще могущественным и после гибели их дяди; он владел в Риме башней милиции, у Аппийских ворот укрепленным мавзолеем Метеллы; его вооруженные воины занимали 19 укреплений в Лациуме и многие замки около Витербо и в Патримониуме. Он имел большие лены в Тоскане, а в Неаполитанском королевстве владел графствами Казерта и Фунди с 32 укрепленными местами. Поэтому война между Гаэтани и Колонна свирепствовала многие годы, пока Роберт, король неаполитанский, наконец не примирил их.

Между тем в Перуджии был заключен такой компромисс: кардиналы итальянской фракции должны были выставить трех кандидатов заальпийских стран, а французская фракция в течение сорока дней должна была выбрать из них папу. Три французца, сторонники Бонифация VIII и противники Филиппа, были внесены в избирательный список, после чего французская партия тайно уведомила короля, что она хочет выбрать Бертрана де Гота, архиепископа бордоского. Король поспешил ознакомиться с ним, и честолюбивый прелат вступил с ним в соглашение. 5 июня кардиналы провозгласили его папой. Неизвестно, была ли выборщиками возложена на французского кандидата обязанность прибыть в Италию. Может быть, тогда еще никто не думал, что избрание француза будет равносильно переселению папства во Францию.

Бертран де Гот был сыном дворянина из Вилландро в Гаскони. Он учился в Орлеане и в Болонье и в 1299 г. Бонифацием VIII был назначен архиепископом бордоским. Так как в 1303 г. этот город перешел в подданство английского короля, то и его епископ не находился в непосредственной зависимости от французского монарха. Это обстоятельство и проявленная до той поры Бертраном самостоятельность по отношению к Филиппу (так, несмотря на запрещение последнего всем французским прелатам, он поехал в 1302 г. на октябрьский собор в Риме) — все это, вероятно, не осталось без влияния на его избирателей. Но они ошиблись, так как Бертран вступил в дружественные отношения с французским королем и из желания сделаться папой вполне подчинился воле Филиппа, который один лишь мог обеспечить ему обладание тиарой.

Вместо того чтобы ехать в Рим, избранный папа потребовал, чтобы его избиратели прибыли во Францию. С удивлением узнали они об этом. Перехитренный Матеус Орсини, полный предчувствия, заранее высказал, что Святой престол надолго останется во Франции; 4 сентября 1305 г. Матеус умер в Перуджии. 14 ноября 1305 г. Бертран был коронован как папа под именем Климента V в церкви Св. Юста в Лионе в присутствии короля, Карла Валуа, герцога Иоанна Бретанского и многих из французской знати. Во время коронационной процессии случилось страшное несчастье: на папу обрушилась стена; он упал с лошади, его корона свалилась на землю, и лучшее ее украшение, драгоценный карбункул, потерялся; двенадцать баронов из его свиты были раздавлены; Карл Валуа был сильно поранен, а герцог бретанский даже умер потом от ран. Народ предсказывал несчастья и тяжелые времена.

Самые смелые мечты французского монарха были теперь осуществлены: послушный папа, француз, которому он сам дал тиару, находился теперь во Франции всего лишь через два года после насилия над Бонифацием VIII в качестве его преемника. Филипп крепко держал его здесь. Так совершилась месть над Римом и Италией за оскорбление, нанесенное Бонифацию его собственными соотечественниками. Положение папства было теперь поколеблено, и оно не имело никакой опоры; никакой немецкий император не защищал его; вместо него выступила власть французского короля, в руки которого должен был отдаться папа. Климент V избирал своим местопребыванием поочередно Лион и Бордо, а затем переехал в Авиньон, где папы потом долго жили в то время, как мировой город Рим, без императора и без папы, под развалинами своего двойного величия пришел в глубокой упадок.

ГЛАВА VII

1. Ученые папы и кардиналы. — Некультурность Рима. — Отсутствие в Риме университета. — Папская дворцовая школа. — Иннокентий IV приказал учредить училище правоведения. — Собрание декреталий. — Господство изучения права в XIII веке. — Статуты общин. — Карл Анжуйский декретирует учреждение в Риме университета. — Урбан IV. — Фома Аквинский. — Бонавентура. — Римляне профессора в Париже. — Бонифаций VIII — настоящий основатель римского университета

В XIII веке знание взяло верх над варварством и явилось уже во внушительном виде. Вообще человечество редко когда вело такую горячую борьбу за высшие блага и совершало столь важную умственную работу. Италия вознеслась на новую вы-

соту. Под шум оружия партий, при почти ежедневных государственных переворотах законоведы, философы, поэты и художники собирали здесь вокруг себя многочисленных учеников. Сумма умственной работы этого столетия выразилась уже частью в нем, частью в начале следующего века в прочных культурных успехах. В ряду их отмечены: свод законов Фридриха II; статуты городов; папские собрания декреталий; работы великих юристов: Аккурсиуса, Одофреда и Вильгельма Дуранте; «Сумма», схоластика Фома Аквинского; хроника Джованни Виллани; произведение Чимабуэ и Джотто; наконец, великая мировая поэма Данте — истинный памятник всего духовного процесса XIII века.

Отражение всего этого падает также и на Рим, хотя этот город — глава мира — по известным причинам сам оставался почти совершенно непроизводительным. Из 18 пап, бывших с 1198 по 1303 г., большинство были ученые люди; такими же были и кардиналы. Прогрессивный век требовал, чтобы папский престол занимали не святые, а люди науки, в особенности науки права, знание которого считалось первой необходимостью для всякого правителя, будь он на престоле святого Петра или в общинной ратуше. Иннокентий III, Гонорий III, Григорий IX, Иннокентий IV, Урбан IV, Иоанн XXI, Николай IV и Бонифаций VIII были бы на всяком месте людьми выдающимися по своим знаниям, поэтому естественно, что они оказали некоторое влияние на духовную культуру своего времени. Иннокентий III начал свое жизненное поприще литературной деятельностью; мы и теперь имеем его замечательное небольшое произведение «О презрении к миру», мрачную книгу не философского, а религиозного духа, который отдал в ней дань монашескому направлению своего времени, чтобы затем уже не иметь в нем препятствия для своего честолюбивого стремления к господству.

Рим, конечно, не был тем источником, из которого папы и кардиналы черпали свое образование; напротив, главный город христианского мира оставался, как раньше, так и позже, по своей культуре позади других менее значительных городов, и его население, жившее среди развалин древности, осуждено было на постыдное невежество. Еще в XIII веке здесь не было высшего учебного заведения. Благородные римляне посылали своих сыновей в Париж, где они изучали схоластику и получали академическую степень магистра. В обычае было также отправляться в Болонью, потому что тамошний университет был первым в Европе училищем правоведения. Туда изо всех стран собирались студенты (часто в числе до 10 000), чтобы слушать лекции таких юристов, как Аццо, Аккурсиус Одофред и Дино. Папы даже посылали в эту высшую школу свои собрания декреталий, а Фридрих II свои законы в видах всемирного распространения их и придания им научного авторитета. С 1222 г. стала также блистать своей высшей школой Падуя, а с 1224 г. — Неаполь. И в других городах учреждались тоже высшие учебные заведения постоянные или временные, если политические перевороты, раздоры или соперничество побуждали знаменитых учителей к переселению. Только в Риме не было университета. Папы противились его учреждению, потому что им казалось опасным как вообще возрастание образованности, так и возбуждение умов вследствие скопления в столице многочисленной молодежи. По крайней мере такое незаботливое отношение к Риму не может быть удовлетворительно объяснено ни местными причинами, ни отсутствием стремления к учению, так как многие римляне учились в чужих краях, ни лихорадками, господствовавшими в городе благодаря множеству пустых мест, так как, несмотря на малярию, в Риме, бывшем всемирным отечеством, круглый год проживало очень много чужестранцев.

В первой половине XIII века в Риме ничего не слышно было о библиотеках, не упоминается ни разу и о старинной библиотеке в Латеране, ни один библиотечарь

которой даже неизвестен хотя бы по имени. Иннокентий III дал привилегии Парижу и Болонье, но не основал никакого училища в собственном родном городе. Он издал только на соборе 1215 года общий закон об учреждении школ при соборных церквях, а Гонорий III приказал капитулам посылать молодых людей в университеты. Этот образованный папа сменил епископа за то, что он не читал Доната, но обновление им папской дворцовой школы для схоластической теологии еще недостаточно для того, чтобы признавать его покровителем науки в Риме.

Учение в чужих краях было для римлян дорого и затруднительно, особенно тогда, когда дело шло о приобретении обыкновенной степени знания. Потребность в собственной школе, в которой изучались бы оба права, становилась тем ощутимее, чем больше ученых-законоведов требовалось для курии и для городских трибуналов. Это побудило наконец Иннокентия IV (вероятно, он сам был профессором в Болонье) издать указ об учреждении общественного училища правоведения, но лишь состоящего в связи с папским дворцовым училищем. Он дал ему привилегии университета, и таким образом, в Риме снова возник бледный призрак великой школы права Ульпиана и Папиниана. Забота пап обращена была только на право. Римская курия со времен Иннокентия III соединила в себе всю судебную власть церкви; все сколько-нибудь значительные решения перенесены были в Рим, и курия сделалась общим юридическим трибуналом для христианского мира. Папская юстиция решала бесчисленные процессы, извлекая из этого громадные доходы. Высшая судебная палата, *P u o t a*, уже в XII веке имела значение для всей Европы. Явилась настоятельная необходимость собрать и привести в порядок законы, изданные папами; таким образом, возник кодекс церковного права, знаменитое, но не пользующееся хорошей репутацией произведение римской средневековой юриспруденции.

Кроме *Decretum* Грациана, первого большого сборника по каноническому праву XII века, во время Иннокентия III были еще три так называемых сборника декреталий; он присоединил к ним четвертый, а Гонорий III — пятый. Эти пять книг были по приказанию Григория IX соединены в один полный свод законов испанским доминиканцем Раймундом да Пеннафортом, которого папа вызвал в Рим. Сборник этот был обнародован в 1234 г., а Бонифаций VIII в 1298 г. присоединил к нему еще шестую книгу, в чем ему помогал Дино да Муджелло из Болоньи. Следовательно, издание основного свода церковных законов совпало с тем временем, когда сама церковь достигла наибольшей высоты своего могущества. Этим она дала своей монархической власти незыблемое основание авторитета, подобно тому как исполненное здание древнего императорского Рима завершилось изданием правового кодекса. В этих декреталиях мудрые законы перемешаны с выдумками и подделками, которые были разоблачены лишь новейшей критикой. Каноническим правом мир интересовался в это время в той же мере, как и кодексом Юстиниана. Оно нашло многочисленных комментаторов. К знанию его особенно ревностно стремился клир, так как оно служило вернейшим путем к достижению кардинальского и даже папского звания. Легаты и ректоры Церковной области должны были быть выдающимися учеными-юристами. Провансалец Вильгельм Дуранте, получивший свое образование в Италии, бывший профессором законовведения в Болонье и Модене и приобретший всемирную известность как автор «*Spesulum*», был обязан только своим научным знаниям тому, что Бонифаций VIII назначил его графом Романьи.

Законоведение вполне соответствовало реалистическому духу итальянцев. Оно было их наследственным владением со времен римлян и ежедневной потребностью во всех государственных, церковных и личных делах. Из римского императорского

права немецкие короли выводили свою законную императорскую власть; толпы юристов наполняли их двор. Из церковного права папы выводили свою всемирную власть, и их курия была тоже переполнена юристами. Борьба между церковью и империей была борьбой одного права против другого права. Лучшими сподвижниками Фридриха II, освободившего Сицилию от папского владычества изданием свода законов, были его ученые придворные советники, и для папы считалось равносильным победой то, что юрист Роффред Беневентский покинул императорскую службу. Национальная монархия боролась с папством оружием законоведов; ученые-юристы Филиппа Красивого были его орудиями для низвержения Бонифация VIII, и теократическая власть римской церкви была наконец доведена до падения посредством государственного права.

В то время как папы и короли собирали законы, республики проявляли столь же энергичную деятельность. Их общинные писцы записывали эдикты городских правителей; их протоколисты отмечали содержание каждого заседания городского совета в тетрадах из бумаги, сделанной из хлопка; их реформаторы собирали общинные приговоры и складывали их в городской архив в виде руководства для управления. Каждая республика имела свой архив и часто содержала его с большей заботливостью, чем это делали в то время короли со своими архивами. Еще и теперь остатки итальянских архивов возбуждают в исследователях уважение к практическому и государственному духу городов того времени, когда в остальной Европе нельзя было найти ничего подобного. Древнейшие общинные статуты относятся еще к XII веку, как, например, статуты Пистойи, Генуи и Пизы, но развитие городских конституций падает на первую половину XIII века, продолжаясь до XV века включительно. Не было почти ни одного замка, который бы не имел своих статутов, аккуратно написанных на пергаменте. Милан, Феррара, Модена, Верона и другие города Ломбардии составили их в первой трети XIII века; Венеция реформировала свои при доже Джакопо Типоло в 1248 г.; Болонья обнародовала их в 1250 г. Современная наука старательно собирает, издает и комментирует эти памятники свободной и блестящей городской жизни, но, к сожалению, она не может присоединить к ним древнейших статутов Рима. Со времен восстановления сенаторства правители капитолийской общины составляли и издавали по мере надобности отдельные законы, но мы не имеем никаких сведений о том, чтобы они были уже в XIII веке собраны в один кодекс, подобно тому, как это произошло в городах Северной Италии. Только с 1877 г. началось исследование этой важной составной части римской общинной жизни в Средние века. Но собрания самых старинных статутов Рима не было найдено. Кодексы, до сих пор известные, редактированы позже; время их написания не восходит раньше начала XV века. Еще в 1265 г. город Рим не имел ни общественного училища правоведения, ни университета. Декрет Иннокентия IV относился только к дворцовой школе, следовавшей за папами всюду, где они основывали свое местопребывание. Если бы это было не так, то Карл Анжуйский сослался бы на указ этого папы. Тиран Сицилии является в неожиданно человеческом образе как основатель университета в Риме (*Studium generale*). В благодарность за свое избрание в сенаторы он объявил указом от 14 октября 1265 г. о своем намерении украсить Рим, царицу мира, «всеобщим училищем», где бы преподавались оба права и свободные науки, и предоставить ему все привилегии университета. Таким образом, учреждение Карла Анжуйского вовсе не опиралось на решение Иннокентия IV, так как оно должно было быть *Studium Urbis*, но оно нашло себе некоторую поддержку в благосклонных заботах Урбана IV, человека, покровительствовавшего науке и бывшему первым папой, который понимал языческую философию. Он сделал своим капелланом знаменитого в то время математика

Кампануса Новарского, поощрял его научные занятия и принял посвящение его астрономических сочинений. Он охотно окружал себя учеными и слушал их рассуждения. Он пригласил в Рим Фома Аквинского и предложил ему составить объяснения на сочинения Аристотеля, которые уже начиная с XII века переводились с греческого и арабского языков и изучением которых занимался также Фридрих II. Фома, происходивший из рода старинных лангобардских графов Аквино, был доминиканец; он получил образование в Париже и был учеником Альберта Великого в Кельне; покинув свою парижскую кафедру, он в 1261 г. прибыл в Рим. Великий схоластик преподавал в дворцовой школе философию и мораль до 1269 г. частью в Риме, частью в тех городах, где папы держали свой двор. Затем в течение двух лет он снова находился в Париже, откуда в 1271 г. возвратился в Рим, но лишь на короткое время, так как Карл I вызвал его в Неаполь. Уже в 1274 г. этот гениальный человек умер в монастыре Фосанова, и вскоре после этого умер в Лионе также и великий мистик Бонавентура де Баньореа, гордость миноритов, генералом которых он был, и известный как комментатор *Magistri Sententiam*. Он долго преподавал в Париже, а временно, может быть, читал лекции и в Риме.

Фома скоро убедился, что схоластика не имела здесь под собой почвы. Рим никогда не был отечеством философии; отвлеченное мышление оставалось чуждым людям правовых пониманий и практической деятельности. Вообще схоластика лишь временно занимала умы в Италии. Великие гении отвлеченного мышления, родившиеся в этой стране, уходили в Париж, как то сделали в XII веке Петр Ломбард, а в XIII века Фома и Бонавентура. Даже талантливые римляне не находили в Риме места для своей деятельности и предпочитали преподавать в иностранных университетах. Среди профессоров встречалось много римлян, особенно в парижской высшей школе, как, например, Анибальдо дельи Анибальдо (1257—1260), Романо Орсини в 1271 г., позже Эгидий Колонна и Иаков Стефанески во время Бонифация VIII. Ни один папа не мог удержать этих людей; ни один сенатор не приглашал их на кафедру в их родном городе. Напротив, при папском дворе находились ученые-иностранцы, которые занимались философией, астрономией, математикой и медициной и переводили на латинский язык греческие и арабские сочинения. Вильгельм де Моербек (Guglielmus de Morbeka), доминиканец из Фландрии, научился в Греции по-гречески, а потом и по-арабски; он сделался капелланом и исповедником Климента IV, при котором он находился в 1268 г. в Витербо; он сопровождал Григория X на Лионский собор и в 1278 г. отправился в качестве архиепископа в Коринф, где и умер в 1300 г. Этот знающий языки человек перевел дословно на латинский язык риторику и политику Аристотеля и, вероятно, другие его сочинения. По его приглашению один поляк, может быть немецкого происхождения, Витуло-Турино Полонус, с которым Моербек сдружился в Риме, перевел на латинский язык сочинение одного араба по оптике.

Возникшая по приказанию Карла I школа, если она была действительно открыта, не проявила никаких признаков жизни, и ни одному папе со времен Урбана IV не пришла мысль надеть высшей школой столицу мира. Только Бонифаций VIII основал римский университет, который теперь носит название Сапиенца. Он предписал учредить общее учебное заведение для всех факультетов, и его булла указывает на то, что это учреждение было им создано совершенно заново. Он разрешил учащим и учащимся иметь собственную подсудность и избранных собственных ректоров, освободил их от налогов и дал им все привилегии высшего учебного заведения. Основание этого университета, который содержался городской общиной на доходы от Тиволи и Риспампано, украсило память этого папы прочной славой. Он издал учредительную буллу в Ананьи 6 июня 1303 г. за несколько месяцев до свое-

го падения. Она была его лучшим прощальным обращением к Риму. Что этот же папа заботился и о заброшенной папской библиотеке, доказывается составленным в 1295 г. списком рукописей, находившихся в папском хранилище.

- 2. Историография. — Рим без историографа и без городских летописей. — Капитолийский архив без документов, относящихся к Средним векам. — Папские и церковные историографы. — Саба Маласпина. — Иоанн Колонна. — Эгидий Колонна. — Его трактат «О правлении государей». — *Oculus pastoralis*. — Поэты. — Поэзия францисканцев. — Фра Джакопоне. — Римский простонародный язык. — Кардинал Иаков Стефанески, поэт и меценат**

Наряду с правоведением историография тоже получила сильное развитие в Италии. Она процветала в Сицилийском королевстве при Гогенштауфенах, тогда как в Северной и Средней Италии хроникеры по собственному почину или по обязанности их должности записывали летописи своих вольных городов. Скоро Флоренция выставила первого историографа на тосканском наречии — Джiovанни Виллани.

При таком изобилии историков представляется удивительным тот факт, что Рим и в течение XII века не дал почти ни одного историка. Мы с изумлением замечаем, что лучшие сведения о римской городской истории можно почерпнуть лишь из английских хроник. О положении дел у римлян Рожер Говеден, Матеус Парис и раньше их Вильгельм Мальмсбери, также как и Вильгельм де Нанжи во Франции, были лучше осведомлены, чем сами итальянские хроникеры. Англичане, находившиеся в то время в оживленных сношениях с Римом, обладали уже тогда способностью спокойного наблюдения, обращенного на весь мир, тогда как итальянская историография носила на себе характер национальной раздробленности и оставалась поэтому лишь хроникой отдельных городов. Римским сенаторам не пришла мысль поручить какому-нибудь писцу ведение летописи, как это сделала Генуя; и ни один римлянин не вздумал написать историю своего родного города, как Джiovанни Виллани во Флоренции или другие патриотически настроенные граждане даже в мелких итальянских общинах.

Отсутствие римских летописей имеет, впрочем, свое объяснение в некоторых обстоятельствах. Подобная задача была труднее, чем составление хроники другого города, потому что всемирно-исторические отношения Рима обуславливали существование у него обширных связей. Капитолийская республика не обладала ни сильной индивидуальностью, ни свободой других городов. Гражданский историограф Рима не мог бы писать независимо, не приходя в столкновение со светской властью пап. Для нас поэтому понятно, что начало римских городских летописей относится ко времени, когда папы жили в Авиньоне. Не существует никакой городской хроники XIII века, и ее отсутствие не может быть восполнено документами городского архива, потому что и их нет. В то время как даже средние города Умбрии и Патримониа, как Витербо и Тоди, Перуджия и Орвиета, даже Нарни и Терни, сохранили еще многие остатки актов республиканской эпохи и в их архивах находятся аккуратно записанные на пергаменте регесты и протоколы заседаний советов (*libri de liberationum*), капитолийский архив не содержит документов этого рода, которыми он когда-то был богаче всех этих городов.

Лишь в небольшой части история Рима может быть дополнена из «жизнеописаний пап». Папские биографы не могли обойти ее, но они излагают ее поверхностно и с решительной враждебностью. Старинная официальная книга пап, которую в

XII веке продолжали Петр Пизанский, Пандульф и кардинал Бозо, неоднократно прерывалась и в последнее время оставалась незаполненной. С Иннокентия III начинается другой, хотя тоже с перерывами, ряд продолжений папских летописей или биографий, составленных по сведениям служебных канцелярией. Эти акты под названием «папских регест» почти вполне сохранились с 1198 г. до нашего времени. Ряд их начинается «Дейниями Иннокентия III». Анонимный автор, излагая очень подробно мировые отношения, особенно касающиеся Востока и Сицилии, оставляет без внимания Германию и неясно и бессвязно рассказывает о римской городской истории. Он вдруг прерывает свой рассказ еще до смерти папы.

Современником также составлено официальное жизнеописание Григория IX, проникнутое фанатической ненавистью к Фридриху II и написанное в библейски окрашенном стиле римской курии. Гораздо большее значение имеет биография Иннокентия IV, составленная его капелланом Николаем де Курбио, бывшим впоследствии епископом Ассизским и занявшимся составлением биографии Григория IX. Его книга заслуживает похвалы, хотя она вовсе не отличается точностью и вся представляет сплошной панегирик, но удобное расположение материала, хороший латинский язык и легкий слог делают ее одним из самых привлекательных сочинений этого рода.

Ни один из следующих пап XIII века не имел подобных биографов. Их краткие жизнеописания находятся в сборниках XIV века доминиканца Бернгарда Гвидонис и августинского приора Амальрика Аугерия. История пап перешла в руки монахов нищенствующих орденов; особенно прилежными историографами были доминиканцы. Чех Мартин Тропауский, или Мартин Полонус, написал свою хронику императоров и пап — книгу, наполненную бессмысленными баснями. Эта биография, приобретя мировую известность, повлияла на папскую историографию и исказила ее. Он нашел себе лучших последователей: доминиканца Птоломея из Лукки, составившего годную к пользованию историю церкви от Рождества Христова до 1312 г., и Бернгарда Гвидонис, написавшего историю пап и императоров. Эти сочинения принадлежат следующему веку и вообще не касаются культурной истории города Рима.

Однако украшением Рима был и один туземный историк, Саба Маласпина, мальтийский декан и секретарь Мартина IV. Его носящее гвельфскую окраску, но совершенно независимое сочинение о падении Гогенштауфенов и Анжуйском перевороте пролило много света на эти события. Язык его темен и тяжел, но ум его полон силы и чувства правды. Маласпина обращал внимание также и на городские дела, проявляя иногда патриотические чувства. Несмотря на его служебное положение, у него было достаточно величия души, чтобы высказать свое удивление перед Манфредом и свою скорбь о судьбе Конрадина. Этот историк стоит одиноко, как редкое явление в литературной пустыне Рима, и заставляет глубоко сожалеть о том, что другие римляне не оставили нам также истории своего времени. Его современником был Иоанн Колонна, бывший Мессинским архиепископом в 1255 г. и умерший в последней четверти этого столетия. Этому Колонна неправильно приписывается всемирная хроника под странным названием *Mare Historiarum*; она написана другим Иоанном Колонна, жившим в середине XIV века. Третий Колонна, Эгидий (род. в 1247 г.), славился как несомненно выдающийся папист; он был учеником Фомы Аквинского, учителем Филиппа Красивого, генералом ордена августинцев, буржским архиепископом. Этот учитель схоластики исповедовал и ревностно защищал в Париже против французского короля положения Фомы Аквинского о всемогуществе папы Бонифация VIII. Эгидий был первым литературным украшением дома Колонна, который в XVI веке прославила поэтесса Виттория. Он был авто-

ром многих философских и теологических сочинений и написал для Филиппа Французского, еще до его вступления на престол, книгу «О правлении государей», одно из старейших произведений того же рода, как «Зеркало государей», в котором, однако, не видно государственного ума. Его можно поставить рядом с *Oculus Pastoralis*, зеркалом республиканского правителя, которое в наивной форме учит подвиг итальянских городов наилучшему способу управления ими.

Таким образом, литературные произведения римлян XIII века не составили эпохи. Их ленивая натура не была захвачена и огнем поэзии, начинавшей в то время проникать в итальянскую нацию и представляющей собою одно из прекраснейших явлений в истории культуры. В Северной Италии поэты писали еще на провансальском языке. Альберт Маласпина, Парсиваль Дориа и знаменитый Сорделло наполняли романский мир своими именами. В Сицилии *lingua volgare* были придворным поэтическим языком Гогенштауфенов. В Болонье и Тоскане выступали поэты, которые в светскую любовную песню вкладывали метафизический дух рефлексии. Здесь выдавался Гвидо Гвичинелли, и молодой Данте написал свою поэтическую канцону *Amor che nella mente mi ragiona*. В Умбрии, стране, исполненной чувства грации, явился Франциск, народный образ святого, полного поэтической силы сердца, утопающего в сверхземной любви. Хотя он сам и не был поэтом (ему приписывается, но не вполне достоверно, гимн «*Altissimo, omnipotente, bon Signore*», в котором все творение славит творца вселенной), но он возбуждал поэтическое вдохновение в своих учениках. Так возникла францисканская поэзия гимнов, возвышенная и неводержанная в выражении чувств, наивная и неловкая в своей форме, еще и теперь вдохновляюще действующая на мечтательные души. Следует поставить в заслугу этим монашествующим трубадурам, что они возвели в почет народный язык и положили начало народному тону, который, впрочем, не удержался в итальянской поэзии, но скоро перешел в латинизм и в искусственность — недостатки, которые остались присущими этой поэзии и до нашего времени. Францисканцы сочиняли также и латинские стихи. Фома Челанский написал страшный и возвышенный гимн *Dies Irae*, а Джакопоне из Тоди знаменитый *Stabat Mater* — эти величественные образы Страшного суда и Страстей Христовых, которые потом знаменитые живописцы передавали в красках. Фра Джакопоне, поэт и демагог духовного братства бедности, восстал против Бонифация VIII и заклеил его своими стихами, как вскоре после него то же сделал Данте. Он был величайшим поэтом францисканской школы и был проникнут истинным поэтическим гением и огнем творческой страсти.

В Риме мы не находим в это время ни одного лирического стихотворца. Старинная рукопись в Ватикане, заключающая в себе поэтические произведения первых веков народного творчества, не называет ни одного римского имени, кроме дона Энрико, римского сенатора и инфанта Кастилии. Народный язык, который так счастливо развился в Италии как *volgare illustre*, не нашел для себя культуры в Риме. Латынь оставалась здесь языком церкви, права и гражданских сношений. Ни одной надписи на народном языке не встречается за это время в числе многих надгробных надписей, которые большей частью сохраняют еще древнюю Леонинскую форму. Римляне относились с пренебрежением к народному языку, а Данте, напротив, с обидным презрением называл их городское наречие «жалким языком римлян», грубым и неприятным, как и их нравы; он сравнивал его с языком Марки и Сполето. Это, без сомнения, было преувеличено, так как мог ли в самом деле римский народный язык сделаться грубее столь прославленного Данте болоньского наречия?

Однако мы все же имеем латинские стихи римлянина времен Бонифация VIII, кардинала Иакова из старинного транстеверинского рода Стефанески. Он с чувством удовлетворения рассказывает, что в Париже он изучал свободные науки, в Болонье — право, а сам для себя — Лукана и Вергилия, чтобы воспользоваться ими как образцами. Это признание может служить доказательством того, что в то время изучение классиков отсутствовало в лучших школах; по крайней мере мы ничего не знаем о нем в Риме, тогда как в Тоскане и в Болонье Буонкомпаньи и Брунетто Латини приобрели этим себе славу. Иаков Стефанески воспел в трех стихотворениях бесславную жизнь Целестина V и вступление на престол Бонифация VIII, которому он был обязан кардинальским званием и память которого он мужественно защищал. Кроме того, он написал сочинение о юбилее 1300 г. и трактат о римском церковном церемониале. Его произведения составляют драгоценный вклад в историю того времени, но его замученная муза есть только раба ученого педантизма. Его язык, даже в прозе, имеет такой иероглифический характер и так варварски запутан, что прямо возбуждает удивление и должен быть отнесен к числу неестественных странностей. Кардинал писал уже в Авиньоне, где он умер в 1343 г. Он был другом наук, а также и покровителем художников, между которыми он отличил гений Джотто и покровительствовал ему. Этот богатый заслугами римлянин, живший в конце XIII и в начале XIV века, отличается столь разностороннею образованностью, что он переходит уже в гуманистический век Петрарки.

3. Церковные постройки. — Храм Св. Петра и Ватикан. — Храм Св. Павла. — Латеран. — Капелла Sancta Sanctorum. — С.-Лоренцо. — С.-Сабина. — Госпитали. — С.-Спирито. — С.-Фома. — In Formis. — Госпиталь в Латеране. — Аббатство Св. Антония. — Принцип готического искусства. — С.-Мария сопра-Минерва. — Казамери, Фоссанова. — Готические дарохранительницы. — Фамилия художников Козматов. — Вассалетус. — Надгробные памятники. — Характер шрифта надписей на римских памятниках

Среди пап этого времени находились также покровители искусств. Никто из них не превзошел в щедрости Иннокентия III. В длинном списке его даров не забыта почти ни одна римская церковь, и вообще он предпринял восстановление всех базилик. В храме Св. Петра он украсил трибуны мозаикой, которая раньше погибла вместе с древней базиликой; он восстановил также притвор, разоренный Барбароссой. Эту реставрацию довершили Гонорий III и Григорий IX. Последний украсил фасад собора мозаичной картиной, изображавшей Христа между Богоматерью и св. Петром, четырех евангелистов и его самого у ног Спасителя. Эти мозаики сохранились до времен Павла V В Ватиканском дворце Иннокентий III продолжил то, что было начато его предшественниками, воздвиг более обширное здание и обнес его стенами с башенными воротами. Так как беспорядки в Риме, где Латеран был ареной свирепой междоусобной войны, сделали необходимым для пап иметь укрепленное место жительства около св. Петра, то они и устроили там начиная с XIII века свою резиденцию. Сначала Иннокентий IV, после своего возвращения из Лиона, продолжал постройку Ватиканского дворца, а потом, с 1278 г., она продолжалась любившим роскошь Николаем III, который для этой цели пригласил из Флоренции на свою службу архитекторов фра Систо и фра Ристори. Он освободил от построек подступы к Ватикану и положил начало тамашним садам, которые обнес стенами с башнями. Их называли *viridarium novum*, отче-

го и ворота около храма Св. Петра получили название *Porta viridaria*. Таким образом, вновь пробудилось чувство природы; в первый раз после многих столетий Рим видел устройство парка. Николай III был первым основателем Ватиканской резиденции в ее историческом виде.

Базилика Св. Павла также была снова реставрирована и украшена. В первой половине XIII века здесь возникло великолепное монастырское подворье, красивейшее здание этого рода в Риме. Сходно с ним, но еще красивее здание подворья в Латеране, относящееся к тому же времени.

Первоначальная Латеранская церковь вскоре после перенесения папства в Авиньон сгорела; поэтому в настоящее время она заключает в себе лишь немногие памятники XIII века. Николай III реставрировал ее также, как и тамошний дворец *Sancta Sanctorum*. Читатель этой истории знает, что это была домовая капелла пап, в которой совершались самые торжественные службы, особенно в праздник Пасхи. В ней хранились наиболее почитаемые реликвии: «нерукотворный» образ Спасителя и головы верховных апостолов. Грациозная новая постройка Николая III, обложенная внутри мрамором, украшенная витыми колоннами под готическим фронтоном, мозаикой и живописью, представляет единственный сохранившийся до сих пор остаток старинного Латеранского дворца. Сам дворец уже при Григории IX был вновь выстроен и укреплен. Но после него Николай III продолжал постройку. Однако папы не довольствовались резиденциями в Ватикане и Латеране; Гонорий IV построил себе резиденцию у С.-Сабины, Николай IV другую у С.-Мария Маджоре. Даже вне римской области, в Монтефиасконе, Терни, Витербо, Сориано, папы строили дворцы и виллы, и эта все усилившаяся любовь к роскоши навлекла на них нарекания со многих сторон, так как в ней видели или слишком большую светскость, или слишком большой nepотизм.

Достоин внимания постройка Гонория III в С.-Лоренцо за стенами, где он соединил две древние базилики, выстроил дом для помещения соборного капитула и пристроил притвор. Далее обращает на себя внимание возникновение монастырей нищенствующих орденов. Но и эти постройки были только расширением уже существовавших, за исключением, может быть, монастыря С.-Сабины, основанного Домиником, в котором тоже находится подворье в римском стиле.

Наиболее достойная похвалы деятельность пап была направлена на благотворительные учреждения. Иннокентий III основал больницу и воспитательный дом С.-Спирито, к чему его побудил виденный им сон или насмешки римлян, осуждавших его за построение в честолюбивых целях своего дома — гигантской башни Конти. Он построил госпиталь возле церкви *S. Maria in Sassia*, где когда-то король Ина основал странноприимный дом (*Schola Saxonum*) и передал его в 1204 г. в заведование провансальца Гвидо, учредителя ордена госпитальеров в Монпелье, под названием ордена Св. Духа. Таким образом, старинный англосаксонский дом превратился в госпиталь С.-Спирито, и это название перешло и на церковь. Это заведение было расширено последующими папами и сделалось величайшим в свете учреждением этого рода.

Несколькими годами раньше возник госпиталь Св. Фомы на Целии, около арки Долабеллы, получивший название *in Formis* от тамошнего водопровода; Иннокентий III передал его уроженцу Ниццы Иоанну де Мата, который основал орден тринитариев с целью выкупа христианских невольников. Маленькая церковь в измененном виде существует и до сих пор, тогда как от госпиталя сохранилась лишь остаток древнего портала при входе в виллу Маттеи. Третью больницу основал в 1216 г. кардинал Иоанн Колонна в Латеране, где она еще существует; четвертую, С.-Антонио Аббате при С.-Мария Маджоре, учредил кардинал

Петр Капоччи. Заболевшие огнем святого Антония находили там за собой уход у братьев ордена, возникшего в Южной Франции. Эта больница не сохранилась, и только старинный мраморный портал в виде круглой арки указывает на то, что это было значительное здание.

Вообще в церковной архитектуре Рима в течение XIII века не заметно величественности. Не было потребности в новых постройках. Довольно было дела и с реставрацией старых базилик. Рим не создал более ни одной большой церкви в то самое время, когда во Флоренции, в Сиене и в Орвието возникли великолепные соборы. Правда, с половины XIII века и здесь тоже появляется готический стиль, который мы впервые встречаем в капелле Sancta Sanctorum. Этот мистический стиль Северной Франции был усвоен нищенствующими монахами, применен уже к церкви, построенной над гробом их святого в Ассизи, и приспособлен к итальянскому пониманию искусства, но готическая архитектура не получила развития в классическом Риме, за исключением церкви С.-Марии sopra Минерва, постройка которой была начата по распоряжению Николая III в 1280 г. архитекторами фра Систо и фра Ристори, строившими церковь С.-Мария Новелла во Флоренции. Эта наполовину готическая церковь была в течение долгих столетий единственной сколько-нибудь значительной новой постройкой в столице христианского мира. Напротив, в Лациуме уже в начале XIII века были воздвигнуты в прекрасном готическом стиле монастырские церкви в Казамари и Фоссанова.

Только в дарохранительницах над алтарями и в надгробных памятниках преобладала и в Риме в конце этого столетия готическая форма, соединенная с римскими мозаическими украшениями. В римских церквях и до сих пор сохранились многие из этих грациозных произведений искусства, принадлежащие к наиболее интересным памятникам Средневековья. Это частью работы тосканских мастеров, как, например, красивая дарохранительница в церкви Св. Павла, сделанная, вероятно, Арнольфом де Камбио, учеником Никола Пизано, в 1285 г., частью произведения римских художников; такова дарохранительница у С.-Марии в Космедине, сработанная Деодатусом по заказу кардинала Франческо Гаэтани. Уже начиная с XI века римские мраморщики работали даже в Средней и Южной Италии. Они назывались *Marmorigii*, или *arte marmoris periti* — понятие, характерное для Рима, потому что этот город был усыпан драгоценными мраморными обломками и представлял из себя настоящую Каррару даже для других городов. Поэтому здесь возникло специальное искусство мозаики из кусков мрамора, чему постоянным примером служила также мозаика в древних домах и храмах. Отламывали мраморные плиты от античных зданий, распиливали великолепные колонны, чтобы получить материал для декоративных украшений, особенно для полов в церквях, которые искусно выкладывались кусками порфира, серпентина, джиалло (желтый античный мрамор), белого и черного мрамора. Мозаикой украшались дарохранительницы, амвоны, алтари, надгробные памятники, епископские престолы, пасхальные канделябры, колонны, арки и фризы в монастырских дворах. Все эти, иногда изящные, работы, особенно поны в церквях, свидетельствуют о постоянном разграблении древнего великолетия Рима; избытком мрамора пользовались ежедневно и не могли его истощить. Мраморщики грабили также для своих надобностей и катакомбы, вследствие чего погибло много надписей.

Из среды таких римских каменщиков (*opus romanum*) выделился в конце XII века замечательный род Козматов, имевший большое значение для местного искусства. Эта семья, деятельность которой наполняет целое столетие, происходила от некоего мастера Лаврентия, который вместе со своим сыном Иаковом впервые появляется около 1180 г. Затем она процветала в их детях и внуках в течение мно-

гих поколений, носивших имена Козьмы, Иоанна, Луки, Деодата. Но хотя имя Козьмы, кажется, лишь один раз встречается в этой художнической семье, однако, к удивлению, она вся была названа по этому имени. И хотя работы Козматов не приобрели такой славы, какую имели Николо и Джiovанни, Арнольфо, Чимабуэ и Джотто, однако они возвысили Рим, дав ему оригинальную художественную школу, и наполнили Латинум, Тусцию, даже Умбрию произведениями, которые по своей природе соединяли в себе архитектуру, скульптуру и мозаичскую живопись. Таковы были дарохранительницы, амвоны, надгробные памятники, портки и монастырские дворы. Род и школа Козматов угасли в Риме в то самое время, когда папство, которое начало покровительствовать искусству, удалилось из Рима во Францию; их самих и их деятельность поглотила тьма римского запустения, последовавшего за Авиньонским пленением. Другая школа, процветавшая в Риме одновременно с Козматами, имела ту же участь. Главой ее был Бассалект или Вассалет, которому приписывается постройка красивого латеранского подворья.

Особенно обращают на себя внимание в Риме надгробные памятники, большая часть которых, впрочем, принадлежит лицам из высшего духовенства. Обычай пользоваться античными саркофагами еще сохранялся, но вследствие быстрого развития Пизанской школы стали воздвигаться и оригинальные мавзолеи. Когда умер Иннокентий V, то Карл велел своему камерарию справиться в Риме, найдется ли порфиновый саркофаг, пригодный для погребения этого папы, если же нет, то заказать для него красивый надгробный памятник. В Риме не сохранилось ни одного памятника знаменитых людей первой половины XIII века: особенно достойно сожаления уничтожение столь многих памятников в храмах Св. Иоанна и Св. Петра. Ряд еще существующих начинается находящимся в С.-Лоренцо памятником кардинала Вильгельма Фиески (1256), того самого легата Апулии, которого Манфред так неудачно посылал с тайным поручением. Он лежит в античном мраморном саркофаге, рельефы которого изображают римскую свадьбу — странный символ для кардинала! Средневековому искусству принадлежит только простая прямолинейная дарохранительница, живопись на которой изображает сидящего на престоле Христа и рядом Иннокентия IV со св. Лаврентием и кардинала со св. Стефаном. Длинные и напыщенные надписи восхваляют умершего.

За ним следует памятник кардинала Рихарда Анибальди, знаменитого вождя гвельфов и сторонника Карла Анжуйского: простой монумент, прислоненный к стене в левом крыле Латерана, новейшего происхождения также, как и надпись, но мраморная фигура та же, какая была первоначально. Этот памятник вызывает в памяти великое время Гогенштауфенов и междуцарствия, так как Рихард, будущи кардиналом, пережил всю эпоху от Григория IX до Григория X. Он умер в Лионе в 1274 г.

Другой, младший кардинал этого времени, Анкерус из Труа (1286), лежит в С.-Прасседе в хорошо сохранившейся гробнице, которая указывает уже на значительный прогресс римской скульптуры и, вероятно, есть произведение Козматов. Умерший покоится на ложе с изящной резной мраморной крышкой, лежащей на маленьких колонках. Пространство между ними покрыто мозаикой.

В Арачели мы находим фамильный склеп Савелли. Этот благородный род построил здесь для себя капеллу, которая была украшена картинами. Она включает в себе еще два памятника: гробницу матери Гонория IV, где положен и сам этот папа, и сенаторский мавзолей. Первый памятник представляет саркофаг оригинальной работы, украшенный мозаикой по золотому грунту, под прямолинейной дарохранительницей. На нем покоится мраморное изображение Гонория IV с красивым, безбородым лицом; оно было перенесено Павлом III из Ватикана и положено на сарко-

фаг, в котором уже находилось тело матери Гонория, Ваны Альдобрандески. Второй монумент странным образом соединяет в себе античную древность со средневековыми формами; мраморная урна с вакхическими рельефами из времен римского художественного упадка служит основанием, на котором возвышается украшенный мозаикой саркофаг с готической надстройкой. На передней стороне в трех местах изображен герб Савелли; надписи относятся к разному времени и размещены неправильно, так как здесь погребены многие Савелли: во-первых, сенатор Лука, отец Гонория IV, Иоанна и Пандульфа, которому этот надгробный памятник и был воздвигнут именно этими сыновьями; во-вторых, знаменитый сенатор Пандульф и его дочь Андреа; далее Мабилля Савелли, жена Агапита Колонна, и другие члены фамилии позднейшего времени.

В Минерве похоронен кардинал Латинус Малабранка, по совету которого был избран папой Целестин V; с ним же похоронен и кардинал Матеус Орсини. Саркофаг имеет форму ложа, на котором покоится изображение умершего. Вообще ко времени Бонифация VIII относятся лучшие произведения школы Козматов. Как раз в это время Иоанн, сын второго Козмы, сработал под наблюдением Джотто многие надгробные памятники, отличающиеся превосходным художественным замыслом: саркофаги с готическими дарохранительницами, мозаика которых изображает Пресвятую Деву со святыми, стоящих над умершим, сан которого охраняется двумя мраморными ангелами, — представление, исполненное такой грации, какая впоследствии уже никогда больше не проявлялась. Самое знаменитое творение мастера Иоанна есть монумент Вильгельма Дуранте в Минерве — тонко выполненная работа. Сходен с ним надгробный памятник кардинала Гонзальва д'Альбано (1299) в С.-Марии Маджиоре. Художник написал свое имя на третьем произведении искусства, прекрасном памятнике капеллана Бонифация VIII, Стефана, из гибеллинской фамилии Сурди, в церкви Св. Бальбины. Неизвестно, принадлежит ли Иоанну и памятник Бонифацию VIII в Ватиканском гроте. Там находится саркофаг этого папы с его мраморным изображением — произведение, отличающееся простотой и силой, но не имеющее грации предыдущих памятников.

Искусство Козматов в последний раз выразилось в надгробном памятнике умершего в 1302 г. генерала францисканцев Матеуса д'Акваспарта, находящемся в Арачели, который уже не имеет на себе имени Иоанна и вообще не имеет никакой надписи, но принадлежит к школе этого же художника. В том же году умер кардинал Гергард Пармский; его памятник, находящийся в левом боковом отделе Латерана, в настоящее время вделан высоко в стену; это простой саркофаг с длинной и варварской надписью, составленной в леонинских стихах. Крышка, на которой лишь выгравирована фигура умершего, была впоследствии приподнята к стене, чтобы сделать видимой эту фигуру.

Мы бросим еще взгляд на столь часто встречающиеся в римских церквях надгробные плиты, замечательные каменные календари смерти, которые когда-то, как мозаика, покрывали полы базилик, а теперь мало-помалу исчезают. Начиная с VIII века стали хоронить мертвых в церквях. Долгое время место погребения обозначалось только плитой в полу с именем, датой смерти и с присоединением слов: «Да покоится в мире душа его». Позднее рядом с надписью стали вырезать на камне изображение свечи; затем, особенно начиная с XIII века, стали изображать самого умершего или рельефно, или в виде очертания, покоящегося на подушке, со сложенными крестообразно на груди руками, с фамильными гербами по бокам головы; на краю плиты латинская надпись. Самые древние из этих памятников большей частью уничтожены; однако многие из них, относящиеся к XIII веку, еще находятся и теперь в церквях: Арачели, С.-Цецилии, Марии sopra Минерва, Прасседе,

Сабины, Лоренцо в Панисперне и других. Иногда плиты выложены мозаикой. Красивейшая мозаичная вещь этого рода есть надгробная плита генерала доминиканцев Мунио ди Замора, (1300), находящаяся в церкви С.-Сабины, — работа мастера Иакова де Туррита.

Такие памятники, встречающиеся все чаще в XIV веке, замечательны и потому, что они дают изображения одежд того времени. Кроме того, они отмечают постепенное изменение буквенного шрифта. По этому поводу мы заметим лишь следующее: в первой половине XIII века в Риме сохранялся еще древний эпиграфический характер шрифта; около конца этого века буквы становятся изменчивыми: в их начертании, особенно букв E, M, N и V, замечается полный произвол. Римская линия принимает дугообразную форму, и E и C начинают писаться с росчерком на конце. Характерна для новой формы буква T, у которой крючки поперечной перекладки глубоко и изогнуто спускаются вниз. Эта живописная манера делает шрифт пестрым и придает ему странный вид. Такую форму букв, которая господствовала в течение всего XIV века и исчезла только в эпоху Возрождения, называли готической. Хотя она с готами имеет столь же мало общего, как и названный их именем стиль искусства, но она находится в связи с последним, получившим свое выражение в Италии также в конце XIII века. Готические буквы в надписях также хорошо гармонируют с готическим стилем, как арабский шрифт с мавританской архитектурой. Они выражают собою перемену, происшедшую в эстетическом сознании человечества, и находятся также в связи с делающейся все сложнее одеждой этого времени. Они относятся также к аристократической форме древнеримского письма, как готическая церковь к базилике и как простонародный национальный язык к латинскому.

4. Изобразительные искусства. — Скульптура. — Статуя Карла Анжуйского в Капитолии. — Статуя в честь Бонифация VIII. — Живопись. — Стенная живопись. — Джотто работает в Риме. — Развитие мозаичной живописи. — Трибуны работы Иакова де Туррита. — Навичелла Джотто в Ватикане

Изобразительные искусства покоились в лоне церкви, как лепестки в цветочной чашечке; они развивались только в ней, они состояли только на ее службе. Живопись, как искусство святых вдохновений, должно было развиваться шире, чем скульптура, жившая языческими воспоминаниями. Однако и последняя прогрессировала в Риме в течение XIII века, хотя и оставалась в подчиненном положении относительно церковной архитектуры. В надгробных памятниках, дарохранительницах, в дверях и портиках можно заметить высшее чувство формы и даже изучение античных образцов. Произведения древности, саркофаги, колонны и статуи нигде не были многочисленнее, чем в Риме; поэтому здесь пробудилась склонность к ним. Уже Климент III в конце XII века велел поставить перед Латераном в качестве украшения публичного места античную конную статую Марка Аврелия, и художники XIII века, наверное, обращали пылкий взгляд на красоту античных произведений скульптуры. Гений пизанца Николо напитан был духом древности; в Риме бывали художники его школы; но ни один из Козматов не возвысился здесь до степени настоящего скульптора, и величайшие произведения древности: Лаокоон, Аполлон Бельведерский, Умиравший Гладиатор — лежали еще глубоко скрытыми в своих могилах, чтобы восстать из них только в такое время, которое созреет для их созерцания. Композиция статуэток, которая так широко развилась в готическом стиле, появляется в произведениях Козматов лишь как

бы в зародыше; как противоречащая стилю базилик, она была в Риме скоро совершенно оставлена. Здесь не возникло ничего похожего на рельефные изображения на церковных кафедрах в Пизе, Сиене и Пистойе, ничего, что могло бы соперничать со скульптурой Орвиетского собора. Только одно единичное явление показывает, что искусство ваяния снова создало, как в древности, свою связь с политической жизнью, — это сооружение в Капитолии по постановлению сената статуи, изображающей Карла Анжуйского в натуральную величину, которое явилось событием в истории искусства. В этом случае скульптура в Риме в первый раз снова вышла из служебного положения относительно церкви. В древнем Капитолии, где римляне когда-то воздвигли в честь своих героев и тиранов столько статуй, разбитые члены которых еще валялись кругом в пыли, позднейшие потомки поставили грубо и неискусно сделанное мраморное изображение галльского завоевателя, их сенатора. Античный обычай был, впрочем, уже возобновлен вне Рима Фридрихом II, так как в Капуе были статуи его и его канцлера. Около этого же времени в Милане поставлено было изображение подесты Ольдрадуса в виде маленькой конной фигуры, которую еще и теперь можно видеть там на Бролетто. Мантуя посвятила бюст Виргилию, а в 1268 г. жители Модены воздвигли публично статую знатной благотворительнице Буониссеме.

Образцом для статуи Карла Анжуйского могла быть сходная с ней статуя великого Фридриха, или художник воспользовался, как моделью, фигурой сидящего Петра в Ватикане; может быть также, что он изучал какое-нибудь мраморное изображение древнего императора, одиноко остававшееся еще между развалинами Форума. Однако и сам король Карл служил моделью для своей статуи, так что она есть настоящий портрет с натуры; она является неоценимым памятником средневекового Рима, отделенным веками варварства от мраморных статуй Позидиппа и Менандра или от богоподобного, сидящего на троне Нервы, находящегося в Ватиканском музее; но она полна энергии, как и век гвельфов и гибеллинов, и выразительна в своей грубой реальности. Резец более совершенного художника едва ли мог бы так хорошо представить в лице убийцы Конрадина изображение тирана, как это удалось неискусной руке скульптора XIII века, который, несмотря на соединение античного идеального одеяния с историческим портретом, передал натуру Карла, не идеализировав ее.

Идея воздвигать в честь выдающихся людей их статуи снова является во времена Бонифация VIII. Многие города, особенно те, в которых он был подестой, поставили ему статуи; таковы Орвието, Флоренция, Ананьи, Рим в Ватикане и Латеране. Даже Болонья в 1301 г. поставила его статую перед городской ратушей. Враги его ставили ему это в упрек: в обвинительной записке Ногаре определенно сказано, что Бонифаций велел поставить в церквях свои серебряные изображения, чтобы свратить народ в идолопоклонство, — разительное доказательство варварского представления, существовавшего об этом художественном направлении в тогдашней Франции. Впрочем, то, что оставалось от статуй этого знаменитого папы, не указывает на свободное развитие портретной скульптуры. Сидячая фигура на внешней стене собора в Ананьи даже поражает своей грубостью и неуклюжестью, напоминая фигуры идолов.

Большее значение, чем скульптура, получила в Риме живопись, которая имела свои зачатки в древних базиликах. Самые старинные картины XIII века находятся в церкви С.-Лоренцо и относятся ко времени Гонория III, который возобновил эту красивую базилику. По его приказанию как передний притвор, так и внутренность церкви были расписаны фресками; они отчасти полиняли, отчасти лишь недавно так заново были реставрированы, что потеряли свой первоначальный вид. В них виден

грубый, но живой характер неразвитого искусства, подобно настенной живописи, находящейся в капелле четырех венценосцев, в церкви Св. Сильвестра, относящейся к тому же времени. Впрочем, они свидетельствуют о применении фресковой живописи на больших поверхностях стен в начале XIII века; с такой полнотой и в таких размерах она проявляется еще только в пещерной церкви в Субиако.

С наступлением времени Чимабуэ и Джотто, творца циклической Стенной живописи, искусство великолепно расцвело в Италии, как это доказывают нам Ассизи, Падуа и Флоренция. Знаменитый флорентинец Чимабуэ прибыл в Рим около 1270 г., потом работал в Ассизи, после чего еще раз возвратился в Рим. Как на памятник его пребывания в Риме, следует смотреть на изображение римских монументов или на план города, находящийся в церкви Св. Франциска в Ассизи. Джотто писал в Риме между 1298 и 1300 гг. Его фрески в храме Св. Петра и в латеранской юбилейной ложе Бонифация VIII, к несчастью, погибли также, как потеряны и картины его ученика Пьетро Каваллини. Только обломок фрески работы Джотто, изображающий Бонифация VIII с портретно верными чертами, объявляющего из ложи о наступлении юбилейного года, можно видеть и теперь под стеклом на столбе в Латеране. Прославленный Дантом рисовальщик миниатюр Одеризио де Губио получил также от Бонифация VIII работу в Риме, где он и умер в 1299 г. Папа поручил ему и Франку Болонскому украсить миниатюрами книги для Латеранской библиотеки.

Хорошие произведения были созданы в XIII веке мозаичной живописью; они еще и теперь украшают некоторые церкви. Это национально-римское искусство еще в VI веке произвело много прекрасного, потом пришло в упадок и в XII веке вновь пробудилось. В XIII веке тосканское влияние способствовало его мощному развитию, не изменив этим существенно его римско-христианского идеала. Здесь работы начинаются с Гонория III; они грубы и неискусны, как на фризе притвора в С.-Лоренцо и в нишах С.-Констанцы у св. Агнесы, которая относится ко времени Александра IV; затем получают более свободный вид. Уже Гонорий III начал мозаичную картину за трибуной, которая была потом окончена Николаем III, бывшим тогда еще аббатом этого монастыря. Поэтому это произведение носит на себе двойственный характер; но им уже начинается вторая эпоха римской живописи, которая сначала была насильственно приостановлена в своем развитии последствиями Авиньонского пленения.

В конце XIII века в Риме процветала школа мозаистов, во главе которой навеки прославился Джакомо дела Туррита со своим сотоварищем Иаковом де Камерино. Полагают, что оба они были монахами ордена миноритов. Францисканское одушевление, создавшее в Ассизи союзный храм итальянских искусств, действовало вообще оживляющим образом на творческую деятельность Италии. Туррита исполнил скульптурную работу латеранской трибуны при Николае IV в виде ряда изображений святых и символов с таким богатством живописи, какого Рим не видал уже в течение столетий. Центральным пунктом всей композиции является сверкающий драгоценными камнями крест под более древним поясным изображением Спасителя; он разделяет группы фигур. Оба новых святых, Франциск и Антоний, помещены здесь точно под апостолами, но в качестве вновь принятых — в самом скромном виде.

Лучшее произведение Туррита было исполнено им в церкви С.-Мария Маджоре, где Николай IV и кардинал Иаков Колонна поручили ему покрыть мозаикой трибуну. Главное место здесь занимает группа коронования девы Марии Спасителем — большая картина на лазурно-голубом фоне. Сонм ангелов парит кругом. С обеих сторон к коронуемой, со смирением воздымающей руки, приближаются по

сверкающему золотом небу Петр и Павел, оба Ионна, с одной стороны Франциск, с другой — Антоний Падуанский. По золотому фону вьются виноградные лозы с пестрыми птицами и образуют великолепную, но загромождающую самую картину декорацию. Заказчики Николай IV и кардинал изображены коленопреклоненными в уменьшенном масштабе; такой способ представления употреблялся раньше очень часто. Напротив, оба новых героя церкви, Франциск и Антоний, изображены во весь рост, в таком же виде, как и апостолы. Можно думать, что художник имел перед собой античные мозаики вроде палестринских полов и что он взял оттуда для обеих своих мозаик барки с амурами, лебедей, пьющих животных, цветы, речных богов. Мозаика освещает базилику сверхъестественным золотым сиянием, полным торжественности. Когда лучи солнца падают на нее сквозь пурпурные занавесы окон, то она кажется подобной тому пламенному небу, в котором погружены у Данте святые Бернард, Франциск, Доминик и Бонавентура. Это излучение света производит такое же действие, как музыкальный хорал. Туррита закончил украшение этого древнего храма Марии, присоединив к знаменитым, еще проникнутым античным искусством мозаикам времен Сикста III, украшающим главный шатер церкви, как общее заключение, свою картину трибуны — лучшее из произведений римской мозаичной живописи.

Перед этой же церковью в большой внешней ложе видна мозаика, исполненная в конце этого столетия Филиппом Риссути по заказу кардиналов Иакова и Петра Колонна: Христос на троне между святыми; сцены, относящиеся к легенде о построении базилики; Колонна любил С.-Мария Маджиоре, где были погребены некоторые члены их фамилии. В то время как их славный дом подвергнулся разрушительным ударам Бонифация VIII, народ видел на мозаичной картине этой церкви коленопреклоненный образ подвергнутого проклятию кардинала Иакова в небесной славе вместе со святыми. Его страшный враг Бонифаций тоже любил пышность и искусство, и только его политические заботы помешали ему навеки прославиться монументами высшего порядка. Он выстроил свою юбилейную ложу в Латеране и свою погребальную капеллу в Ватикане, которая, однако, погибла. В Ватикане работал также Джотто; кардинал Иаков Стефанески, который давал работу этому художнику в своей титулярной церкви С.-Джорджио в Велатро, поручил ему исполнение знаменитой мозаики, известной под названием «Навичелла», которая раньше украшала преддверие храма Св. Петра, а теперь вделана в стену над входом в притвор. Эта картина вследствие позднейшей реставрации потеряла свою первоначальную прелесть; только рисунок Джотто сохранился. Она изображает церковь в виде плывущего в бурю по морю корабля Св. Петра, в то время как верховный апостол идет ко Христу по волнам Галилейского моря. И этот древний символ был столь же применим, как и полон предчувствий, для Бонифация VIII и для конца XIII века.

5. Общая картина Рима в XIII века. — Римские башни и замки аристократов. — Башня графов и башня милиций. — Замок Капо ди Бове на виа Аппиа. — Городской дворец в Капитолии. — План города во времена Иннокентия III

Эпоха партийной борьбы, изгнания пап и граждан и разорения города не была способна к созданию или сохранению памятников гражданской архитектуры. Магнаты строили только башни, папы — госпитали и резиденции, сенаторы исправляли городские стены. В XIII веке мы не находим почти ни одного известия об общественных постройках в городе. Полное молчание относительно водопроводов, и то-

лько один раз говорится о том, что Григорий IX велел вычистить сточные трубы и возобновить мост С.-Марии. Рим был погружен в развалины. Никакое общественное учреждение не наблюдало за сохранностью памятников. Землетрясения, наводнения, городские войны, постройка дворянских башен, реставрация церквей, нужда в мраморе для мраморщиков, спрос на него со стороны чужестранных покупателей — все это вело к разрушению памятников, и мусор все глубже и глубже покрывал древний город. В подземной глубине потонули как бы действием волшебного волшебства многие произведения искусства. Они были изъяты от современников, которые на их могилах продолжали свою дикую борьбу, и вновь появились на свет лишь в позднейшее время как свидетели классического прошлого. Еще и теперь многие статуи лежат в подземном Риме; так, летом 1864 г. неожиданно появилась на свет почти не поврежденная колоссальная бронзовая статуя Геркулеса из развалин театра Помпея, где она лежала погребенной в течение стольких веков.

Рельеф города в XIII веке представил бы нам самую удивительную картину. Рим того времени был похож на обширное, обнесенное покрытыми мхом стенами поле, с холмами и долинами, с пустыми и застроенными земельными участками, из которых выдавались темные башни или замки, серые, разрушающиеся базилики и монастыри, окруженные растительностью монументы колоссальной величины, разрушенные водопроводы, ряд колонн от храмов и отдельные колонны, триумфальные арки с надстроенными на них башнями. Между развалинами тянулись в виде запутанной сети узкие улицы, прерываемые горами мусора, и желтый Тибр меланхолически протекал по наполненной развалинами пустыне, под кое-где обвалившимися каменными мостами. Кругом древних стен Аврелиана, с внутренней стороны, находились пространства или под пустырями, или под земледельческой обработкой, равные по величине целым поместьям, с выдающимися развалинами; виноградники и огороды были разбросаны, как оазисы, по всему городу, даже в центральной части нынешнего Рима, около Пантеона, Минервы и до Порто дель Пополо. Спуск от Капитолия к Форуму, на мусоре которого стояли башни, был покрыт виноградниками точно также, как и Палагин. Термы, цирк заросли травой, а кое-где были совсем заболочены. Всюду, куда только проникал взгляд, видны были мрачные укрепленные башни с зубцами, выстроенные из древних памятников, зубчатые укрепления самой оригинальной формы, построенные из наскоро сложенных из мрамора, кирпича и кусков пеперина замки и дворцы гвельфской или гибеллинской аристократии, которая сидела на классических холмах, среди развалин, опьяненная взаимной враждой, как будто Рим был не городом, а земельным участком, оспариваемым посредством ежедневной войны. В то время в Риме не было человека благородного происхождения, который не владел бы башней. В актах того времени встречаются иногда владения римлян в самом городе, называемые: «Башни, дворцы, дома и развалины». Отдельные роды жили в мрачных, огражденных тяжелыми цепями жилищах, среди развалин, со своей родней и служителями и от времени до времени выходили оттуда с диким громом оружия, чтобы воевать со своими наследственными врагами.

Мы перечислим наиболее значительные из этих дворянских замков, составляющих важнейшую характерную особенность Рима в XIII и XIV веках, когда аристократия поделила между собой владение городом.

В Трастевере стояли башни родов Папа и Романи, Норманни и Стефанески, к которым позднее присоединилась крепость рода Ангвильяра. На острове Тибра возвышались башни Франджипани, которые в середине XIII века принадлежали префекту Вико. Теперь из мостовых башен осталась только одна.

Ватиканским кварталом, где вокруг базилики Св. Петра стояли маленькие дома, а также и замок Св. Ангела, владели с середины XIII века Орсини, и уже поэтому Николай III составил план постройки своей Ватиканской резиденции, которая, таким образом, находилась в округе его собственного рода. Владея крепостью Св. Ангела, Орсини господствовали над подступами и к Ватикану, и к городу, где они занимали также по эту сторону реки местности Понте и ПарIONE. Их дворцы находились на Монте-Джиордано и в развалинах театра Помпея на Кампо ди Фиоре. Монте-Джиордано, находившийся вблизи моста Св. Ангела и состоявший из обломков античных зданий, назывался еще в 1286 г., когда на нем уже жили Орсини, Monte Iohannis de Roncionibus и вскоре после того получил свое название от имени Иордана Орсини. В 1334 г. он уже является в виде квартала, обнесенного стенами. Другой замок Орсини на Кампо ди Фиоре, называвшийся Аркапата, был выстроен из гигантских обломков Помпеева театра. Теперь он уничтожен, но должен был находиться на том месте, где теперь стоит дворец Пио. Таким образом, этот аристократический род владел, кроме неизвестного числа домов по обеим сторонам реки, тремя главными укреплениями: замком Ангела, Монте и Аркапата.

Вдоль городского берега реки, в кварталах Понте, ПарIONI, Регола и С.-Анжелло до Капитолия возвышались башни многих родов. Массими жили уже там, где находится теперешний их красивый дворец. Маргани и Стации выстроились в цирке Фламиния; Бонфилии, Аматески, Калидуки, Боккападули и Буккамаца жили в соседних кварталах. В театре Марцелла держались еще Пьерлеони, но сила этого рода, родственного Анаклету II, в XIII веке уже настолько стала ничтожной, что имя их почти не появляется в городской истории, однако их главный замок, находившийся в Марцелловом театре, дворец Пьерлеони, перешел к Савелли только в следующем веке.

Большое Марсово поле хотя и представляло много развалин, годных для постройки, но благодаря своему местоположению не отличалось достаточной безопасностью. Этот квартал был подвержен наводнениям от разливов Тибра; он был еще мало заселен и большей частью находился под огородами, почему и лишь редко становился театром городских войн, касавшихся рода Колонна. Род этот господствовал над всей пустынной равниной от Порты дель Пополо до Квиринала, т. е. частью города, отличавшейся своим великолепием при Траяне, Адриане и Антонинах. Главные замки, принадлежавшие Колонна, были на Марсовом поле — Мавзолей Августа и Mons Acceptorii (в настоящее время Монте-Читорио). В руинах стадия Домициана Миллини и Сангвиньи построили еще и теперь стоящие башни, а в квартале Пантеона Синибальди и Кресченци — их укрепленные дворцы.

Но самые большие дворянские замки находились в настоящем Древнем Риме, на холмах, спускавшихся к форуму и к Circus Maximus. Эта местность представляла собою арену средневековой истории города Рима с тех пор, как городская община установила свое местопребывание в Капитолии. Запустевшие холмы получили вследствие этого новую жизнь и отчасти снова заселились, несмотря на недостаток в воде. На Целии и на Палатине властвовали Франджипани, но Анибальди из Латеранского квартала, где было главное их местопребывание, уже оспаривали у них владение Колизеем, т. е. амфитеатром, значительная часть которого обрушилась во время землетрясения, бывшего 1 июня 1231 г. Септиционий на Палатине, башня Картулария, триумфальные арки Тита и Константина, вероятно, также Arcus Fabianus в местности возле С.-Лоренцо in Miranda, Янус Quadrifrons и башни на большом цирке составляли большое городское владение Франджипани, бывшее часто убежищем пап и местом их избрания. Эта крепость, окопана которой служили знаменитейшие памятники Древнего Рима, с черными стенами, зубцами и башнями,

могла, конечно, быть названа оригинальнейшей на свете и представляла самый необычайный вид.

Палатин и его императорские дворцы находились в совершенном упадке или были заселены только монахами, духовенством и служащими Франджипани. Этот мир развалин должен был представлять в то время величественное зрелище, и сведущий антикварий мог бы еще, вероятно, различить в нем дворцы Августа, Тиберия, Калигулы, Нерона и Домициана. Отрытое лишь в наше время палатинское ристалище (Stadium) тогда еще должно было быть отчасти видимо. Целий был более населен, чем теперь, потому что еще в 1289 г. там находилась древняя улица, называвшаяся *Carut Africae*, чем доказывается, что этот холм не был, как думали, безлюдным уже со времени опустошения его Робертом Гюискарсом. Квартал вокруг Колизея и по направлению к Латерану был тоже местами населен. В служебнике Ченчиуса по поводу распределения денежных подарков за триумфальные ворота на пути от башни Каргуларии до Св. Николая у Колизея обозначены 23 дома, в том числе принадлежащие фамилиям Манчини, Райнучи Булгарелли и Красси. Напротив, от Колизея к Латерану население снова уменьшалось, и от Св. Климента вверх по направлению туда не поименовано ни одного дома.

Авентин, еще населенный во время Оттона III, потом опустевший, был занят родом Савелли. Они уже давно владели дворцом около С.-Сабины, так как Гонорий III подарил часть его доминиканцам для устройства монастыря. Гонорий IV отдал его под свою резиденцию и обнес ее стенами и башнями. Значительные остатки этого замка Савелли, выстроенного в стиле, носящем название *saracinesco*, сохранились еще и до сих пор. Он оставался главным местопребыванием рода, который впоследствии владел также Мarmorатой и театром Марцелла. Мarmorата постоянно носила это название, полученное ею от залежей мрамора, бывших на древней торговой площади, которая, впрочем, была почти совсем засыпана мусором. Здесь, под Авентинским холмом, около реки, находились многие церкви с добавочным названием де Мarmorата. Гонорий IV хотел вновь заселить Авентин. Он приглашал многих римлян строиться там, но недостаток воды не дал развиваться этой савеллиевской колонии.

Многолюднее были склоны Эсквилина, потому что тут находились многопосещаемые церкви вроде С.-Мария Маджоре, возле которой Николай IV основал папскую резиденцию; затем склоны Квиринала и еще сильно населенная Субура, тогда как Виминал был покрыт пустырями и виноградниками. Развалины отдаленных терм Диоклетиана не привлекли к себе никакой благородной фамилии для постройки там своего замка также, как и заболоченные гигантские бани Каракаллы или преторианский лагерь.

Напротив, могущественные роды владели склонами Квиринала и построили свои укрепления вблизи форума времен империи. В XIII веке именно эта местность была ареной борьбы партий, так как здесь были Пандульфи из Субуры, Капоччи, поселившиеся в термах Траяна, и Конти, тогда как вблизи, в термах Константина, находился четвертый замок Колонна, древнее местопребывание графов Тускуланских. Еще и теперь на этих склонах стоят гигантские остатки двух башен этой величественной эпохи. В то время как другие дворянские замки погибли, «башня графов» и «башня милиции» сохранились в виде значительных остатков, столь же твердых и несокрушимых, как и постройки античного Рима, с которыми они когда-то соперничали.

«Графская башня» (*Torre dei Conti*) относится к эпохе могущества рода Иннокентия III; честолюбивый Рихард Конти построил ее на средства своего брата папы на древнем форуме Нервы, и отсюда велась борьба против республиканской свобо-

ды Рима. Гигантские развалины форумов Августа, Нервы и Цезаря легко были превращены в крепость, и Конти воздвигли ее в виде господствующей над городом цитадели, которая могла держать в страхе и Капитолий, и Франджианские башни. Постройка этой громадной башни относится к началу правления Иннокентия III. Ничто не доказывает, что она стояла уже многие столетия и была только увеличена Конти. Туфовые четырехугольные плиты служили ее основанием, сделанным из античных остатков, а стены были сложены из обожженного кирпича. Она была четырехугольная и сверх громадного основания состояла из трех суживающихся ярусов, с тройной зубчатой надстройкой, которая, казалось, уходила за облака. Она считалась самой великолепной из всех городских башен, даже чудом строительного искусства, но отличалась лишь своей колоссальной величиной, а вовсе не архитектурной красотой. Петрарка, видевший ее раньше, чем землетрясение превратило ее в развалины, оплакивал ее падение, восклицая, что другой подобной ей не было в мире. Поэтому с ней не могла равняться знаменитая Трульяс Авиноньского двorca, которую построил там Иоанн XXII, которого Петрарка в насмешку называет страшным Нимвродом-башнестроителем. Она пережила многие бури; даже землетрясение 1348 г. разрушило только ее верхний этаж, так как Беноццо Гоццолли еще в XV веке написал картину над ее входною дверью. Только уже Урбан VIII велел ее сломать до размеров теперешних ее остатков.

Ее двойником была еще более величественная по своему высокому положению башня Милиций (Torre delle Milizie). Путешественник в Риме может еще и теперь любоваться ею с Монте Пинчио или из монастыря Арачели, откуда она всего лучше видна и откуда она представляется как самая величественная средневековая развалина, господствующая над городом и как самое выразительное воспоминание о временах гвельфов и гибеллинов в Риме. Народное предание или фантазия паломников видели в ней дворец Октавиана, и уже гораздо позже сочинено было, что с ее зубчатой вершины Нерон, играя на цитре, смотрел на пожар Рима. В Риме припоминали, что сады Мецената и дом поэта и чародея Вергилия находились в этой местности. Башня эта стоит на склоне Квиринала, над форумом Траяна, где находится известное помещение Balnea Neapolis (Magna paroli). Этот квартал в Средние века назывался Бибератика; он простирался от Квиринала через Магнанаполи до Траянова форума и церкви Санти-Апостоли. Сама башня дала название улице Contrata Miliciarum. Время ее постройки неизвестно; ее архитектурный стиль и способ постройки ее стен, сходный с графской башней, указывают на время Иннокентия III или Григория IX, и, вероятно, на ее месте раньше стояла гораздо более древняя башня. Она возвышалась на своем широком и высоком основании в виде четырехугольного с зубцами колосса. На нижнем этаже стояла вторая, менее широкая надстройка, тоже четырехугольная и расчлененная мощными пилястрами. Наконец, на ее зубчатой платформе возвышалась еще меньшего размера, сверху плоская четырехугольная башня. Вся башня была соединена с зубчатым укреплением и таким образом вместе с ним составляла целый замок. Так как на Квиринале, где эта башня теперь стоит, в границах владения женского монастыря Св. Екатерины Сиенской, уже в XII веке была местность, называвшаяся Miliciae Tiberianae, то из этого следует, что она была воздвигнута на месте античного здания, может быть, имевшего значение военного поста во времена империи. В последней половине XIII века она принадлежала Анибальди, от которых перешла к Газтани. Обладание ею считалось столь важным, что ее владельцы получали от нее свой титул, как от баронии: Петр, непок Бонифация VIII, назывался с 1301 г., когда он приобрел ее от Рихарда Анибальди, Dominus Miliciarum Urbis — господин городских мили-

ций — и, вероятно, вместе с тем получил право содержать войско в этой большой городской крепости.

Обе эти башни суть монументы римского Средневековья, подобно тому как колонны императоров Траяна и Антонина суть монументы Римской империи, замечательные образцы, находящиеся в городе, которые явственнее, чем история, выражают собой неукротимую силу того века. Когда они стояли в законченном виде в недалеком расстоянии одна от другой, то должны были производить сильное впечатление. Они возвышались над всем Римом и были видны уже за несколько миль от него, как теперь купол Св. Петра. Эти башни-колоссы дают самое ясное понятие о сущности римского характера, который остался и в Средние века таким же, каким он был в древности. Здесь не видно ни понимания формы, ни чувства, оживляющего массы, как у тосканцев, но одна лишь мрачная и величественная сила. Римляне брали свои образцы из развалин творений предков; они хотели создать колоссы, которые могли бы соперничать с древними, и две башни с крутыми и голыми стенами поднялись над Римом, как циклопические постройки.

Ряд названных фамильных замков включает в себе имена всех высших римских родов того времени; в нем нет только младшего из родов XIII века: Гаэтани имели дворцы на острове Тибра и в квартале С.-Марии Маджиоре, но у них не было родового замка в Риме; когда же они сделались владельцами «Милиций», то основали против ворот Себастьяна на Аппиевой дороге замечательный замок Капо ди Бове. Эта крепость получила свое название от памятника Цецилии Метеллы, составлявшего его ядро и центральный пункт; так как этот великолепный мавзолей дочери Метелла Критского и жены Красса уже в самом древнем Средневековье назывался по бычьим головам на его карнизе — Капо ди Бове. Подобно надгробным памятникам Августа и Адриана и памятнику Плавтиев на Луканском мосту через Анио, он был, вероятно, уже давно переделан в баронскую башню. Запустение Аппиевой дороги заставило забыть о нем до тех пор, пока война с Колонна не послужила поводом к передаче его Бонифадием VIII своему племяннику. Граф Петр основал там крепость, чтобы отсюда наблюдать за движением Колонна, если бы они вышли из своих кампаньских замков на Латинскую или на Аппиеву дорогу. Остатки этой крепости, вскоре после того расширенной Савелли, которой придавала силу близость ее к развалинам цирка Максенция, сохранились и до сих пор, также как и остатки старинного баронского дворца и возникшего там в XIV веке, обнесенного стенами посада рядом с церковью готического стиля. На них видны гербы дома Гаэтани. Материал этих построек — альбанский туф. Его черный цвет и мелочный характер архитектуры стоят в резком противоречии с величием античного памятника из желтых травертиновых плит, над карнизом которого вделаны туфовые камни, чтобы превратить мавзолей в башню с зубцами. Впрочем, внутренность памятника не была повреждена, так как саркофаг Цецилии Метеллы сохранился в нем в целости, хотя над ним прошла сотня осад и штурмов, и только Павел III велел перенести отсюда ее урну во дворец Фарнезе, где она находится и теперь. Можно легко себе представить, какие опустошения были произведены строителями этого гаэтанского замка в цирке Максенция и в монументах на Via Appia, чтобы воспользоваться их материалами. Древняя, уже в течение многих столетий подвергавшаяся ограблению дорога, шедшая между надгробными памятниками, претерпела в это время одно из самых жестоких опустошений. В античных гробницах Кампаны жили пастухи и поселяне, и на всем пространстве *ager romanus*, составлявшем городской округ, возвышались бесчисленные башни, отчасти переделанные из древних надгробных монументов, храмов и остатков виал, отчасти вновь выстроенные для защиты скудного сельского хозяйства. Еще и теперь в римском округе существ-

вуют многие аренды или имения, получившие свое название от средневековых ба-шен.

Под угрозой от ближайших дворянских замков стояло на Капитолии здание сената, бывшее местом пребывания правительства республики. Здесь жили сенаторы, хотя в середине XIII века в качестве их места жительства упоминается иногда монастырский дворец четырех венценосцев. Но если в нем имели свою резиденцию Карл Анжуйский и инфант Кастильский, то заменявшие их просенаторы все же жили в Капитолии, и то же было и при других сенаторах не княжеского рода. Тот факт, что торжественные государственные акты совершались при Карле Анжуйском в монастыре Арачели, доказывает, что тогдашнее здание сената не было для этого достаточно вместительным, тогда как этот укрепленный монастырь имел обширные размеры и служил также для собраний коллегии городских судей. Это был легендарный дворец Октавиана и с 1250 г. служил также местом пребывания генерала францисканцев; еще и теперь это здание над крутыми туфовыми стенами Капитолия является одним из значительнейших памятников римского Средневековья.

Первоначальный вид сенатского дворца в XII и XIII веках представляется нам неясным. На городском плане времен Иннокентия III он имеет вид четырехугольника с зубцами и боковой башней; фасад представляет лишь два полукруглых окна и входную дверь без лестницы; но этот рисунок очень груб и неточен. Около 1299 г., вероятно по случаю юбилея, дворец этот был вновь выстроен при сенаторах Пиетро ди Стефано и Андреа де Норманни. Эти правители выстроили в нем поддерживаемую колоннами открытую залу, предназначенную для заседаний суда; ей дали вошедшее в употребление с лангобардских времен название *Л о в и у м*, которое обозначало *porticus* (откуда *Laube*). Подпись этих сенаторов сохранилась в списках. С постройкой этой залы, придавшей всему дворцу новый вид, соединены были и другие постройки. Надпись 1300 г. говорит об *opus matmoreum*, которое присоединили к нему сенаторы Риккардо Анибальди и Джентиле Урсини. Без сомнения, была пристроена наружная лестница, которая вела во дворец. Эта лестница изображена в золотой булле Людвига Баварского от 1328 г., где сенаторский дворец — и это характерно для его значения и для понятий того времени — занимает середину панорамы города в виде здания с двумя боковыми башнями, двухэтажного и уже без зубцов, а покрытого крышей. Нижний этаж имеет только два полукруглых окна, верхний — четыре таких же, так близко расположенных одно возле другого, что они представляют вид скорее идущего вдоль фасада портика. С 1299—1300 гг. сенатский дворец мог считаться за новую постройку, и в сенатском акте 1303 г. он так и обозначен — *palatium novum*. Эта перестройка, наверное, дала повод к варварскому грабежу развалин Капитолия.

Римляне явно соперничали с республиками Умбрии и Тосканы, где Перуджия и Сиена, Флоренция и Орвието воздвигли и соборы, и величественные городские дворцы. Постройка самых знаменитых городских ратуш в Италии происходила в конце XIII и в начале XIV века; так, Палаццо Веккио во Флоренции был выстроен в 1298 г., и к концу же XIII века относится также постройка соборов в Орвието, Флоренции, Болонье и Перуджии. Сохранившиеся еще итальянские городские дворцы, в архитектуре которых романская готика получила свое прекраснейшее выражение, принадлежат к роскошнейшим памятникам Средних веков и указывают на могущество и благосостояние свободных городов. Рим не мог с ними сравниться. Даже многие дворянские замки в городе были величественнее, чем общинный дворец с его странными трофеями, состоявшими из цепей, ворот и колоколов мелких завоеванных городков или остатков миланской знаменосной колесницы. Римский сенатский дворец был удивительным зданием, наполовину античным, наполовину

варварским, и лучшим его украшением было то, что он стоял на памятниках древних римлян и был окружен развалинами величия Капитолия, когда-то господствовавшего над миром. Эмблемой римской республики считался в то время лев, и в Капитолии держали в клетке живого льва. Над одной из дверей дворца изображен был лев, кротко смотрящий на своего львенка. Каждый сенатор при своем вступлении в должность подводился к этой картине, чтобы проникнуться смыслом написанного там двустипшия, призывавшего к великодушию.

Большое значение для уяснения топографии Рима в XIII веке имеет, наконец, тот факт, что этой эпохе принадлежит первый дошедший до нас план города. Изображение грубое, но очень ценное, так как оно пытается воспроизвести город, каким он был при Иннокентии III. Главнейшие черты Рима, как античного, так и христианского, изображены на нем, и в основании как рисунка, так и названий приняты, очевидно, Мирабилии. В заметке на полях плана находится следующая жалоба: «Рим был обращен в пепел при герцоге Бренне, затем он оплакивал свой пожар при Аларихе и младшем сыне короля Галаона Британского. Он печалился о ежедневном уничтожении своих развалин. Как обессиленный старец, он едва может держаться прямо, опираясь на чужой посох. Старость его ни за что не заслуживает почтения, кроме мусорных куч античных камней и покрытых развалинами следов прошлого. Святой Бенедикт, епископ Канузии, сказал, когда Рим был разрушен Тотилой: «Рим не будет уничтожен народами, но будет потрясен бурями, молниями, ураганами и землетрясениями и истлеет сам собой».

TOM VI

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЛАВА I

1. XIV век. — Упадок папства. — Гвельфы и гибеллины. — Новоклассическая культура. — Флоренция и Рим. — Положение дел в Риме с 1305 г. — Народный совет Тринадцати. — Климент V получает городскую власть. — Авиньон. — Пожар латеранской базилики. — Анархия и изолированность Рима. — Папа предоставляет народу избрание его правителей. — Умерщвление Альбрехта. — Генрих Люксембургский, король римский. — Италия требует римской экспедиции. — Роберт Неаполитанский. — Данте и империя. — Трактат «De Monarchia». — Гибеллинский идеал императора

История XIV века являет собою упадок Средних веков в их феодальных и иерархических институтах. Обе мировые реформы, церковь и империя, порождения латинской идеи о человеческом обществе как универсальной монархии, являются в совершенно изменившихся уже отношениях слившимися и угрожаемыми гибелью. Старая германско-римская империя вместе с Гогенштауфенами пришла уже в XIII веке в упадок, подпала под вассальную зависимость к церкви и вытеснена была из Италии. Едва это совершилось, как потерпела подобную же участь и старая иерархическая церковь, ибо папство и императорство суть близнецы. Папы также покинули Италию в начале XVI века. В качестве французов очутились они вассалами Франции и лишились своей универсальности, своего могущества и тайны прежней чарующей своей силы — религии. За авиньонским изгнанием последовали схизма, авторитетность народных сборищ, реформация.

Когда исполнинская средневековая борьба между папской и светской властями исчерпана была до конца, то для пап не осталось более никакой сколько-либо всесторонне значительной политической задачи в европейском мире. Абсолютную власть, достигнутую ими в XIII веке, саморазрушающе направили они против себя и церкви. Они изуродовали и погубили ее бесчисленными тираническими злоупотреблениями. По-прежнему все снова порывались они назад, к борьбе с империей, истинной задаче всемирно-властительного папства; ибо лишь чрез антагонизм к империи достигли они своего великого мирового положения. И под сенью французской политики, среди самого бессилия своего в Авиньоне вызывали они снова старую борьбу с империей. Этой вызывательности их вторил реформаторский дух Запада. Дерзкие мыслители поборолы теперь не только, подобно Гогенштауфенам, светскую, но также и духовную юрисдикцию папы. Ересь появилась уже в евангельских образах Виклефа и Гусса. Вера оторвана была от знания. Народы, созревшие в безустанной работе мысли, грозили выпасть из истлевших рамок католической церкви, подобно тому как они же разорвали узы католической империи. Доктрина гибеллинов воскресила философским своим мировоззрением идею империи и императорской монархии. Германия изрекла независимость своей империи от римского папства, а германский дух возвестил наступающий разрыв свой в государстве и в церкви с Римом.

Гибеллинская идея, феодально-империалистская, очистившись от своего происхождения и обратившись в философскую, в XIV веке одержала победу над гвельфской, насколько сей гражданско-латинский принцип являлся и римско-церковным. Гвельфы боролись за народ и за гражданскую свободу, в частности же за католическую супрематию, и воспрепятствовали соединению духовной и светской власти в лице императора. Гибеллины же ратовали против соединения обеих властей в одном лице папы. Государственная их философия возвысилась со времен Данте на степень могущества критицизма науки. Подобно всезахватывающему потоку, могуче разливается гибеллинский дух и изливается в немецкой реформации, между тем как гвельфский, все более и более ограничиваемый местными функциями, отступает и концентрируется все сильнее в католичестве вообще.

Борьба двух этих партий наполняет еще в течение некоторого времени историю Италии, но в столь извращенной локальной форме, что с трудом лишь становится еще возможным различать духовное ее содержание.

Страна эта, подобно Элладе и Византии, подвергается в XIV веке видимой опасности выродиться. На почве ее, центре западной цивилизации, выросли великие институты Средних веков. Какая же еще задача оставалась для Италии теперь, оба старая церковь и старая империя рассыпались в осколки, а папа и император оба ее оставили? Ничего, как казалось, кроме локальной разрушительной борьбы двух этих фракций, остатков от церкви и империи. Растерзанная эта страна с таким же сокрушением, как перед эпохой падения первой империи, зрела без национального строя хаотический боевой вулкан городов и тиранов, дворянства и народа и падение средневекового организма и предчувствовала в виде неминуемого последствия, как и тогда, чужеземное владычество. Италия, эта в конце истерзанная и истощенная войной между церковью и империей страна, зывала в заброшенности своей к возврату императора и папы, долженствовавших возвратить ей мир и исцелить нанесенные ей яростью партий раны. Ни папа, ни император не нашли целебного средства; но здравый смысл итальянцев открыл примирение партии в некоем высшем духовном медуме. В снова призванной к жизни классической образованности слились в одно партии гвельфов и гибеллинов, церкви и империи, как отныне для нации безразличные.

Возобновление античной культуры было величайшим национальным подвигом итальянцев; оно спасло их от участи Греции, даровало им третье, духовное владычество над Европой. Но, к несчастью, не сумели они, наряду с литературной и художественной этой регенерацией, создать и политические национальные формы, а через это не могла Италия и во второй раз избежать судьбы чужеземного ига.

Новоклассическая образованность избрала местопребыванием своим Флоренцию, первое новейшего времени государство и истинную представительницу итальянского национального духа с XIV века. Флоренция сменила Милан — город высшего национального ранга в XII веке — и Болонью, пастыря итальянской науки в XIII веке. Она же затмила и Рим. Рим в XIV веке есть не что иное, как почетное имя и титул, погребенная в пыли грамота, на которой написаны права на всемирное владычество. Трагическая изолированность города в авиньонскую эпоху обратила его снова в предмет благоговения рода человеческого, а страдания его были столь велики, что обратились в предании потомства почти в миф. Столица христианского мира, из которой изошли космополитические идеи церкви и империи и вся цивилизация Запада, очутилась в опасности погибнуть в заброшенности, подобно храму, в котором упразднено богослужение и священство. Заброшенный Рим предъявил свои права на вечность и на универсальное значение в авиньонскую эпоху, можно сказать, с отчаяния и возвысился до дерзновеннейших притязаний своего

бытия в Средние века. С высоты Капитолия задался Рим намерением возобновить античный имперский идеал, еще раз собрать вокруг себя народы в одну всеобщую монархию и даровать вместе с тем политический национальный строй растерзанной Италии. Идея эта не была ни гибеллинская, ни гвельфская; она была муниципально-римская. Мы увидим, как классическая эта мечта выросла на руинах города и затем навсегда в них затерялась.

За время отсутствия пап римлянам удалось, однако, одно: они самостоятельно устроили общинный свой быт и укрепили демократическое свое государство. И в Риме, подобно тому как во Флоренции и в большей части вольных городов Италии, сломлено было старое родовое дворянство и исключено из республики, так что единовластием сделалось гражданство с его цехами. При всем том падение аристократии нанесло городам ощутительную потерю в военных, государственных и поземельно-хозяйственных силах. Гражданская свобода разбита была скоро вдребезги демагогией; тираны обратились в наследственных государей, а всеобщий упадок феодального организма способствовал тому, что Италия стала столь беззащитной, что подверглась вторичному нашествию варваров в образе бездомно скитавшегося солдата, подобно происходившему при распадении древнеримской империи.

Флоренция, сильная гражданской энергией и духовной жизнью, сумела еще долго удерживать свою свободу, прежде чем нашелся царственный ее наследник. Для Рима же наследник этот уготован был уже целые века. По возвращении из Авиньона папа застал демократическое государство народных трибунов, тринадцати выборных и знаменосцев, уже истощенным и умирающим. И потому-то, когда римлянин Мартин V вернулся из схизмы в Рим и там прочно обосновал Святой престол, то город, бывший только что перед тем добычей смелых предводителей наемных шаек, оказался созревшим для папского владычества. Классические мечты о всемирно-властительном величии римского народа и сената уступили место практической потребности порядка и повседневного благополучия, и сама муниципальная независимость Капитолия после нескольких судорожных протестов и воспоминаний сдалась под ведение властительного папы.

По смерти Бенедикта XI долгая вакантность, бессилие и, наконец, удаление папства повергли Рим в глубокую анархию. Четыре главных рода боролись за власть, между тем как Кампания терзаема была войной, предпринятой в отмщение Гаэтани. В видах защиты против тиранов из знати граждане поставили в 1305 г. народное правительство тринадцати делегатов, а болонца Иоанна де Иджиано назначили капитаном. Вместе с тем в сенаторы призван был Паганино из владетельного гвельфского дома Торри в Милане. Целый год правил он Римом вместе с народным советом анцианов и с капитаном. Тем не менее городскому дворянству удалось вскоре овладеть сенатом снова. Ибо, лишь только Климент V сделался папой, как по приказанию короля Филиппа восстановил 2 февраля 1306 г. гибеллинских Колоннов во всех их правах. Обним их кардиналам возвратил он пурпур и дозволил Стефану отстроить заново разрушенную Палестрину. Тогда же Колонны сделались могущественнее прежнего. Временно помирились они с Орсини, и оба дома магнатов стали сообща занимать сенатство. Климент V без труда добился теперь от дворянства и народа прав своих предшественников: пожизненной сенаторской власти с правом замещать себя в оной. Так вернулась капитолийская республика к прежней системе.

Для Рима представлялось выгодным вручить папам в этой форме городскую власть, ибо этим путем ставились некоторые преграды дворянству, уменьшалась опасность тирании и создавался один, по крайней мере, постоянный какой-нибудь принцип для государственного строя. Политический строй Рима в Средние века, при котором община образовала самостоятельную республику и исключала от за-

нения государственных должностей духовенство, предоставляя в то же время всякому папе лично и пожизненно суверенитет, представлялся разумнейшим и наиболее достойнейшим римского народа разрешением упорного соперничества между гражданским и каноническим правом. Отношения эти установлены были со времени сенатского статута 1278 г. Николаем III Орсини; они держались долгое время, пока не погасли вместе с самостоятельной республикой города. Римляне все еще надеялись добиться зреть своего папу и епископа в законной их резиденции, в Латеране. Еще никто серьезно не думал о значительной продолжительности папского изгнания. Тем не менее гасконец Климент V, раб Франции, ни разу не появился в Риме. Он предоставил город апостолов по делам духовным и светским своим викариям, а легатам своим — успокоение Италии, где Феррара захвачена была венецианцами, а Анкона и прочие города мархий возмутились и провозгласили капитаном своим Пончелла Орсини. К несказанной скорби римлян, Климент порешил даже формальное перенесение курии в Авиньон в 1308 г. Город этот принадлежал королю неаполитанскому в качестве графа прованского и вместе с тем и империи. Избирая его своим местожительством, папа тем самым отдавался под патронат князя, состоявшего вассалом церкви. Ему сверх того принадлежало поблизости Авиньона уже графство Венессен, которое в 1228 г. Раймонд Тулузский принужден был уступить римской церкви. Избрание временной резиденции на берегах Роны являлось поэтому наилучшим, какое только вне Италии мог сделать папа, ввиду также и того, что близость Марселя устанавливала возможность скорых сношений с этой страной.

Выселение курии, неизвестное будущее, а в настоящем — страшное неистовство партий произвели мрачайшее действие на город. В ночь на 6 мая 1308 г. вследствие несчастного случая истреблена была огнем латеранская церковь. Рухнувшие балки раздробили прекрасные ее античные колоннады, а многочисленные монументы, делавшие храм этот музеем римской истории, были истреблены. Гибель этой святой матери церквей христианских, казалось, служила предвозвестием, как раньше уже, при Стефане VI, Страшного суда возмездия. С жалобными воплями духовные процессии следовали по скорбному городу, оружие было побросано, и враги примирялись; все поднялись в благочестивом рвении приложить руки к делу для убранья мусора, для изыскания денежных средств и для доставления материалов. Папа учредил конгрегацию кардиналов для отстройки вновь церкви, веденной ревностно, но законченной лишь при его преемнике.

Но страх пред громами небесными, после сильного возбуждения, скоро улегся, не оставив никаких моральных следов. Римляне забыли скоро благочестивые свои обеты; смертельно враждебные роды Колонна и Орсини яростно продолжали свою фамильную вражду внутри и вне Рима. Отсутствие папы сделало дворянство более необузданным, чем когда-либо, ибо наследственные эти роды возмнили теперь себя господами в безвладичном Риме. Наемники их бродили по всем дорогам, грабили путешественников и пилигримов; места поклонения пребывали пустыми. Всякие сношения в городе почти прекратились. Не стало более видно в Риме появления никаких знатных прелатов, сеньоров и послов чужеземных держав. Изредка лишь на минуту появлялся какой-нибудь кардинал, с радостью невозможного скорее покидающий неприветный город. Викарии заступали место отсутствующих из титулярных своих церквей кардиналов, причем самого даже папу замещал, в виде скорбного призрака, один из соседних епископов, Непи, Витербо или Орвието.

Побуждаемый заместником своим по духовным делам, Климент V в видах обуздания разрастающейся в Риме анархии командировал в 1310 г. одного минори-

та в виде нунция и миротворца. Монах этот нашел Рим в глубоком запущении, сенаторов Фортебраччио Орсини и Иоанна Анибальди — непригодными для их должности, а народный совет тринадцати — в ссоре с ними и с дворянством. Анцианы, эти выборные по кварталам, излюбленные люди, держали, наряду с аристократией, бразды демократического общественного быта (Populus), который и зиждился главнейше на единомыслии их с их консулами. Представители гражданства обратились с жалобами к папе; через послов они молили его принять заботы к дарованию мира городу путем сильного и единого правительства. Климент V, как француз, был вовсе не знаком с римскими делами и вследствие этого поставлен в затруднение. Он предоставил самим гражданам избрание правительства на целый год. Сенаторов он сместил с их должности; о правительствующем дворянстве и о прерогативах его не обмолвился он ни единым словом. Таким образом, автономное право римского народа признано было уже первым авиньонским папой. Вообще французские папы покровительствовали демократии в Риме. Они были чужды и далеки для города; он постепенно утрачивал для них важность; они не были ничем связаны с римскими феодальными родами и, наоборот, старались, насколько возможно, удалить из курии бывшее в ней дотоле столь влиятельным римское дворянство; они наполнили кардинальскую коллегию французами. Мы увидим вскоре, какое употребление сделали римляне из дарованного им Климентом V избирательного права.

Тем временем перемена на троне в Германии повлекла события, долженствовавшие сильно потрясти Рим и Италию. Альбрехт Габсбургский, король римский, убит был 1 мая 1308 г. родным своим племянником Иоанном на берегах Рейса, и корона империи сделалась вакантной. В Германии она не составила предмета избирательной борьбы честолюбивых партий, но соблазнила Филиппа Красивого доставить императорство своему собственному могуче разрастающемуся дому и если не воссесть самому, то посадить на трон империи брата своего Карла Валуа. Король вел переговоры с папой в Пуатье. Возложение имперской власти на французскую династию, во владениях которой принуждено уже было основать папскую резиденцию, сделало бы Филиппа повелителем Европы, а этого не мог допустить Климент V. Он старался противодействовать планам короля и был чистосердечно рад, когда германские курфюрсты разбили неожиданным своим единодушием планы Франции.

Последние не встретили, вообще, никакого отклика в Германии. Курфюрсты без труда соединили свои голоса на Генрихе Люксембургском, благородном бессильном властителе, которому связи его дома, воспитание и даже рыцарские вассальные отношения к королю Филиппу придавали полуфранцузский отпечаток. В ноябре 1308 г. избран был граф во Франкфурте, 6 января 1309 г. коронован в Ахене и вступил под именем Генриха VII на германский трон, которым он главнейше обязан был стараниям родного своего брата Балдуина, архиепископа трирского. Генрих без труда добился признания со стороны папы. По примеру Габсбургов немедленно же уступил он ему право утверждения; он отправил послов своих в Авиньон, которые должны были преподнести Клименту V избирательный декрет, принести от имени короля обет благоговения и преданности церкви и просить об императорском короновании. Королевские послы клятвой подкрепили 26 июля обеты своего государя, а папа в тот же день утвердил избрание Генриха Люксембургского в короли римские. Он изъявил согласие на императорскую коронацию, но объявил, что таковая, ввиду предположенного им созыва собора, не может быть в настоящий момент им самим совершена, и назначил для оной двухлетний срок, считая со 2 февраля 1309 г. Призвания Иннокентия III, Григория IX и Иннокентия IV были, таким образом, без дальнейших противоречий признаны со стороны империи. Ни один немецкий кур-

фюрст и король, казалось, не подвергал большому сомнению полновластие папы испытывать и утверждать персону избранного императора и, короче, располагать императорской короной в виде лена церкви. Конфирмативное письмо папы получил Генрих незадолго до гофтага, который он держал в августе в Шпейере, и здесь уже было решено, что к поездке в Рим приступлено будет осенью 1310 г. из Лозанны. Поспешность эта представлялась контрастом в сравнении с равнодушием Рудольфа и Альбрехта Габсбургских к императорской короне, не украшавшей ни одной головы властителя уже со времен Фридриха II. Но Генрих Люксембургский не обладал никаким могуществом собственного дома, а вследствие этого и ни престижем, ни влиянием в Германии, где, напротив, предугадывал распри с габсбургской Австрией, с Богемией и Баварией. Он вообразил, что одна лишь сама по себе императорская корона доставит ему блеск и могущество, и надеялся соединить снова Италию с Германией и со славой восстановить старую империю Гогенштауфенов. Минувший идеал римской всемирной монархии ожил еще раз в духе немецкого короля, которого история не научила тому, что попытка восстановить путем имперского величия прежнюю империю, даже хотя бы одну политически-феодальную связь Германии и Италии, не может отныне иметь никаких практических результатов. Однако сама Италия доставляла содержание и направление мечтам Генриха. Гибеллины этой страны настойчиво призывали его, а отборнейшие умы ее выражали к императорской монархии энтузиазм, способный ввести в обман самого мудрого государственного деятеля.

В начале XIV века состояние Италии вследствие своей бесконечной и неизменной продолжительности сделалось для итальянцев невыносимым. Партии гвельфов и гибеллинов раздирали все города, начиная с Альп вплоть до границ Неаполя; анархия, междоусобия, изгнание повсюду; вольные республики — в беспрерывных переворотах, в вечной борьбе партий или в войне с городами и династиями; прежние конфедерации разорваны; одни лишь единичные и минутные союзы; феодальные синьоры предшествующего века, властвующие в образе тиранов над городами, покупая себе титул викариев то от империи, то от папы; короче, водоворот рассыпающихся национальных сил, который не в силах выразить историография. Висконти и Торри, Скала и Эсте, Полентаны, Скотти, Монтефельтре, Торрелли, Манфреды, Маласпина, Гвидони, Каррара, Орделаффи, Кавалькабо, владельцы Савои, Салтиццо и Монферрата, Орсини и Колонна, сотни других синьоров стояли во всеоружии, каждый в области своего честолюбия и своей исполненной козней власти. Над этим же политическим хаосом по-прежнему продолжали парить старые демоны гвельфской и гибеллинской партий. Выгода или наследственная традиция, или минутные отношения определяли выбор партийных девизов, и само название партии зачастую с трудом могло похвастать содержимостью политического принципа. Но программа гибеллинских государственных деятелей представлялась в эту эпоху наипростейшей и наиболее определенно вылившейся; их партия, коренившаяся в феодальности империи, искала строя Италии под авторитетом легитимных императоров германской национальности. Гибеллинская идея являлась идеей исторического права, а системой ее — цивилизация в образе централизующей монархии. Наоборот, у гвельфов идея национальной независимости не была проведена ни в какой государственной системе, католическая идея всеобщей итальянской конфедерации под главенством папы не выдержана, и тенденции ее, помимо противодействия немецкому влиянию, не имели никакой общей политической цели. Вместе с тем естественный ее глава — папа пребывал далеко от Италии. Переселение его во Францию, к которой со времени гибели Гогенштауфенов примкнули гвельфы, делало настолько прочнее эти французские связи, но и в то же самое время они наши себе могущественного про-

тектора и в самой Италии в лице короля неаполитанского, в городе которого, Авиньоне, жил папа.

5 мая 1309 г. умер Карл II Анжуйский, и корону получил второй его сын, Роберт Калабрийский, устранивший притязания Карла-Роберта Тангерского, сына Карла Мартелла, первенца Карла II. Он был образованный и талантливый государь. Папа, лично настроенный им в свою пользу в Авиньоне, в августе 1309 г. дал ему инвеституру. Климент V привлек его тем на свою сторону; он обрел в этом короле надежнейший оплот церкви в Италии и вверил ему в ней защиту светских своих прерогатив. Роберт действительно в течение целого человеческого века пребыл благодарнейшим союзником и вернейшим предстателем Святого престола. По прибытии его в начале 1310 г. из Авиньона в Италию гвельфы немедленно признали его национальным своим главой. Это послужило для гибеллинов без пастьеры лишним поводом желать ускорения римской экспедиции Генриха VII. В наиболее выдающихся личностях их партии жила пламенная политическая надежда мессии, и се-то Данте воплотил в мистическом образе «Veltro».

Величайший представитель скорбей и надежд своей отчизны, скитавшийся в изгнании, поэт явился вдохновенным пророком гибеллинских тенденций. Прокламации его, некоторые даже знаменитые места из его поэмы имеют полный вес политических документов для духа той замечательной эпохи. В виде контраста к истории римских походов, предаваемых итальянцами в течение целых веков проклятиям, как нашествия, беспристрастный Данте видел в ставших законными королях римских немецкой национальности Богом призванных спасителей Италии, для которых составляло священный долг восстановить по сю сторону Альпов растерзанную империю. Ничто яснее не доказывает глубокого отчаяния совершенно истерзанной страны, как то, что благороднейший итальянский патриот возделел возврата в отечество свое германских императоров с оружием в руках. Едва ли простили ему это итальянцы; они порицали это, как эксцесс гибеллинских партийных страстей, но высокий дух Данте поднялся в философском своем мировоззрении до мирового идеала, до которого не могли коснуться никакие партийные взгляды и для которого делалась безразлично даже национальность. Не покидавшие Германии Габсбурги разочаровали его; он раздражался гневными lamentациями против тени забывшего долг Рудольфа, а умерщвление Альбрехта почитал за карающую десницу неба, напоминавшего преемникам его о попранном долге. Стихи Данте во всемирно знаменитом месте чистилища, где он рисует встречу тени Сорделло с Виргилием, эти дифирамбы патриотической скорби пророческой возвышенности Исаяи удержали свою силу на все последующие века и были как бы огненными буквами, начертанными над Италией. Он призывал Генриха в осиротелый Рим:

Приди, узри твой Рим в неосушаемых слезах,
Вдовицу, одиноку, и ночь и день вопящу:
«Почто, о цезарь мой, покинул ты меня?»»

Идеал Римской империи был присущим западному духу догматом, объясняемым единством церковной организации. Империя и церковь являлись в представлении людей двумя лишь раздельными, но принадлежащими к одному и тому же составу формами, среди коих цивилизация представлялась вообще понятием космоса. Римская имперская идея пережила благодаря этому падение Гогенштауфенов, бесчислие междоусобиц и долгую эпоху, в продолжение которой вовсе не было римского императора на свете. Ни ожесточенная борьба между цезаризмом и папизмом, ни все сильнее разгорающиеся национальные тенденции стремящихся к само-

стоятельности народов не могли искоренить у латинцев и германцев этот римский мировой идеал, который может быть назван антихристианским. Глубокий мыслитель Данте рассчитывал, не столько по убеждению политика, сколько философа, возвратит растерзанной своей отчизне единство, мир и славу минувших времен путем авторитета императора, несмотря на то что этот всемирный монарх, когда он был создан и коронован, уступал в действительном могуществе всякому королю и едва ли мог внушать страх какому-либо верхнентальянскому тирану. Знаменитая его книга «De Monarchia», первый важный со времен Платона, Аристотеля и Цицерона политический трактат, едва ли появлением на свет обязан одной лишь римской экспедиции Люксембурга; впрочем, независимо от того, когда бы он ни был написан, он служит выражением той гибеллинской доктрины, которая с энтузиазмом приветствовала Генриха VII в Италии.

Произведение Данте не может быть названо программой партии, ибо доступно оно могло быть лишь высокообразованным умам. Оно есть труд не государственного человека, каковым никогда не был Данте, но философа-мыслителя, углубляющегося в ученые абстракции и строящего свою систему мировой республики не на политических или социальных людских отношениях, но воздвигающего ее на догматических тезисах, и Данте трактует не о государстве, но об идее мировой республики как форме всеобщей цивилизации. По схоластическому методу развивает он три основных тезиса: именно, что универсальная монархия, т. е. империя, необходима для блага человеческого общества, что монархическая власть, единая и нераздельная Римская империя, законно принадлежит римскому народу, а через посредство его — императору и, наконец, что авторитет императора исходит непосредственно от Бога, а не от папы, наместника Христова или Божия, согласно мнениям духовенства. Глубокое это произведение является истинным символом средневековых убеждений, которые только благодаря ему и являются для нас понятными. Оно зиждется именно на догмате непрерывного бытия империи. Относительно лишь можно сказать, что Данте требует восстановления таковой, ибо исхождение самой империи являлось, по его теории, настолько же мало мыслимым, как и человеческого общества вообще. Безразличным являлось, назывались ли императоры Августом, Траяном и Константином или же Карлом, Фридрихом и Генрихом, были ли они латинцами или германцами, — все это не изменяло ни существа, ни непрерывности Римской монархии в качестве старейшей, воспринявшей в себя церковь. Единство универзума составляло таковое же и политического мира гибеллинов. Для них представлялось единственно мыслимым и наилучшим мировым строем правление единого императора, и эту доктрину подкрепляли они не одним лишь историческим фактом Римской империи, но и посредством христианской идеи. Коль скоро церковь, государство Божие, была единая, то не должна ли была таковой же быть и гражданская ее форма — империя? Коль скоро должны были существовать лишь один папство и одно стадо, не должен ли был быть император всеобщим папством народов в делах светских, подобно тому как был папа в делах духовных? Сам Христос Бог, отстранявший от себя всякую мирскую юрисдикцию, подчинялся гражданскому закону и изрек: «Воздадите кесарево кесареви»; согласно сему Он признавал императора вселенским главой мира и законодателем на земле.

Монархия, или императорская власть, была, таким образом, возвеличиваема и идеализуема гибеллинами в той же самой мере, в какой папство вторглось в гражданско-правную сферу и через секуляризацию потерпело ущерб в духовном своем характере. В борьбе своей с императорами папы старались насколько возможно глубоко унизить идею императорского величия; в конце концов, они доказывали

происхождение цезаризма из одной лишь человеческой слабости или грубой власти, обрисовывая его сферу в воплощении одной лишь материальной брэнности, а высшую его цель — в одном служебном лишь охранении вольностей, прав и владений и ересепреследующей ортодоксальности церкви. Гибеллины пламенно оспаривали это воззрение; они утверждали, что империя есть божественное установление, и определяли содержанием его высшее временное счастье, свободу, правосудие и мир, т. е. человеческую культуру. Опасность привлечения к себе императорами также и духовного могущества имела быть отвращена энергиею и мудростью пап, но общество пугала другая универсальная деспотия, ибо церковь угрожала империи, а папа — захватом светской власти. От этого и предостерегли бдительные гибеллины Европу, и «Монархия» Данте являлась набатным колоколом в эпоху высочайшей опасности.

Абсолютной папской власти противопоставлялась одинаково же безграничная в светских вопросах императорская власть и с одинаковым же увлечением. На самом деле Данте был несколько не меньший абсолютист цезаризма, чем Юстиниановы законоведы Гогенштауфенов. С серьезностью философа утверждал он, что все государи, народы и страны, что земля и море по праву состоят под властью одного единого цезаря, мало того, что даже всякий живой человек есть подданный римского императора. Настолько далеко раскинулась гибеллинская доктрина через противодействие вызывающим принципам Бонифация VIII, претендовавшего на такую же безграничную полновластность для папы, как на божественное его право. Тем не менее Дантова идея империи отнюдь не была программой деспотизма. Вселенский император не должен был быть тираном света, убивающим законную свободу и беспощадно истребляющим многообразность сословий, общин и народов с их учреждениями, но, напротив того, должен был быть, как обладатель всего, властвующим над всякими деспотическими стремлениями и, как стоящий превыше всех партийных страстей миротворец, верховным первоначальником или президентом всеобщей человеческой республики, короче, воплощенной идеей добра. Можно сказать, что высокий этот идеал всесовершенного, всеильного монарха являлся, собственно говоря, лишь отражением идеала папы в сфере земных дел. Слишком возвышенный как для того, так и для нашего времени, обуславливает он через поэта золотой век всемирной республики, в которой народы составляют таковое же число семей и наслаждаются вечным миром под любвеобильным руководством свободно избранного отца, резидирующего, по мысли Данте, в Вечном Риме. Гибеллинская философия далеко отстояла от позднейшего понятия абсолютной монархии, развившегося из сурового протестантизма. При всем том в совершенном идеале мироуправляющего и миротворящего императора все же могли быть сокрыты зародыши для новых Неронов, Домицианов и Каракалл и в практических отношениях реального света — дать всходы деспотизма. Философы и государственные люди древности не поняли бы возвышенных утопий Данте, а Константин или Юстиниан с изумлением стали бы взирать на просветленный религиозным сиянием образ, в который в христианской фантазии средневековых мыслителей обратилась идея империи. Знаменитый апофеоз, в котором Данте представил Священную империю в образе парящего в раю звездного орла, в действительности выдвигает культ политического идеала столь религиозной страстности, каковую могли лишь испытывать к идеалу церкви отцы церкви, как блаж. Августин, св. Иероним и Киприан. Прогресс мышления лежал, таким образом, невзирая на все абстракции, в начале XIV века на стороне гибеллинов, а вскоре они же распространили философско-правовые принципы, послужившие к происхождению реформации церкви и государства.

2. Генрих VII объявляет свой римский поход. — Собрание в Лозанне. — Климент V, Роберт и Генрих. — Папа объявляет о римском походе короля. — Выступление. — Первое появление Генриха в Ломбардии. — Посольство от римлян. — Людовик Савойский, сенатор. — Коронация в Милане. — Падение Торри. — Отпадение ломбардских городов. — Брешия. — Генрих в Генуе. — Положение дел в Риме. — Орсни и Колонна. — Иоанн Ахайский. — Лига гвельфов. — Плохое положение Людовика Савойского в Риме

Можно ли удивляться согласию Генриха принять на себя в качестве героя великой идеи славную задачу и спуститься во образе гения мира и законодателя в классическую страну, не попиравшуюся со времен великих Гогенштауфенов ни одним королем германским? Перед ним предстали многие итальянцы, многие ломбардцы, даже изгнанные гибеллины ободряли его, когда он 30 августа 1310 г. держал гофтаг в Шпейере. Сами имперские князья склонялись в пользу римской экспедиции, которую обещали энергично поддерживать; сам папа желал похода Генриха в Италию, равно требовали его и римляне. Герольды короля полетели через Альпы и возвестили городам и синьорам, что он идет «даровать снова вселенной мир». Ожидания многих итальянцев, вызванные вооружениями Генриха, были запечатлены Данте около этого же времени в письме к государям и народам Италии. Римский король пожаловал юному сыну своему Иоанну корону Богемии, затем покинул отечество свое, принося, подобно многим из своих предшественников, в жертву имперскому идеалу ближайшие свои обязанности властителя Германии. Осенью 1310 г. прибыл он в Лозанну, ибо отсюда, согласно уговору, должен был начаться поход римский. Депутации почти ото всех итальянских городов явились там к нему на поклон с богатыми дарами, не явились одни лишь флорентинцы; могущественная их республика с таким же постоянством оставалась верна знамени гвельфов, как Пиза — знамени гибеллинов. В Лозанне Генрих перед легатом папы принес клятву быть патроном-покровителем церкви, признал все привилегии императоров и клялся в поддержке церковной области, в которой дал обет не отправлять никакой юрисдикции; Климент V находился теперь в противоречивом положении между склонностью и отвращением, между надеждой и страхом. В видах освобождения от клеветы Филиппа, неустанно терзавшего его процессом против Бонифация VIII и требовавшего осуждения этого умершего папы, поспешил он признать на императорском троне Генриха; должен ли был он теперь допустить римского короля достигнуть могущества в Италии, оставаясь в то же время вдали и бессильным во Франции? Должен ли был он кинуться в объятия германского императора, объявить себя в пользу гибеллинов и пожертвовать всей партией гвельфов, в том числе и королем Робертом? Монарха этого посадил он на трон Неаполя, чтобы иметь наготове противника императору германскому. Вокруг Роберта стягивались гвельфы, и сулимый римской экспедицией гибеллинам перевес становился, вследствие угрожающего могущества Неаполя, сомнительным. И вот, когда Генрих снарядился в поход, папа поспешил сделать того же Роберта ректором церкви в Романьи под влиянием сильных опасений, что император присвоит себе власть в этих беспокойных провинциях, недавно еще бывших имперскими областями. Прежде, однако, чем Генрих успел поклясться на Лозанской грамоте, обнародовал Климент энциклику к синьорам и городам Италии, которой увещевал их добродетельно принять короля римского. Чрезмерные выражения радости, в которых он возвещал народам прибытие возжеленного восстановителя мира,

могли бы возбудить в гибеллинах сомнение в их искренности, если бы они всецело не предались глубокому экстазу и были способны к здравому размышлению. Язык Данте не был проникнут бóльшим энтузиазмом, чем язык папы, который писал: «Да ликуют подвластные Римской империи народы, ибо, о зрите ваш мироносный король, избранник Божией милостью, к лицемерию которого стремится вся земля, с кротостью притекает к вам, дабы, восседая на престоле величия своего, единым мановением своим рассеивать всякое зло и созидать для подданных своих идеи мира». Никогда раньше ни один германский король не был принимаем при римской своей экспедиции со столь воодушевленными приветствиями со стороны церкви; манифест папы провозвещал в нем, подобно манифестам гибеллинов, мессию мира; церковь и Италия окружали его идеалистическим престижем возвышенных теорий, а приведенный в экстаз Запад, даже сами греки на Востоке, с напряженным вниманием взирали на шествие Генриха, от которого ожидали великих событий. Когда король измерил вооруженные свои силы в Лозанне, то они не могли вселить в него большую уверенность. Войско его составляли всего 5000 человек, из которых большая часть были наемники и всякий сброд. В рядах оно не блистало, как при прежних римских походах, могучие имперские князья. Братья его, Балдуин, архиепископ трирский, и Вальрам, граф люцельбургский, дофины Гуго и Гвидо Виннские, епископ Теобальд Люттихский, Гергард, епископ базельский, Лупольт, герцог австрийский, герцог брабантский составляли самую знатную часть его свиты, самых же сильных друзей нашел он в свояках своих, графах Савойских. Вообще он не ранее рассчитывал на усиление воинских сил, как по прибытии в Италию. 23 октября 1310 г. переправился король после тяжелого перехода через Мон-Сенис и на другой день прибыл в Сузу, первый итальянский город у подножия этой горы. 30 октября вступил он в Турин. Шестидесять долгих лет, полных усобиц и бурь, интересных по своим обширным переворотам в империи, в папстве и в самой Италии, прошли с тех пор, как Ломбардия видела последний римский поход. Одни лишь старики смутно помнили это время. И вот, когда теперь снова на По появился римский король для возобновления исконных связей Италии с Германией, вся страна поверглась в глубокую тревогу. Не с сильным войском, как предместники его, но почти безоружным явился этот немецкий король для освобождения народов и городов от их тиранов. Повсюду служившие изгнанники надеялись теперь на возвращение гибеллинов, на восстановление своего могущества, и одни лишь гвельфы, колеблющиеся и несогласные, полны были страха. Но настолько глубока была потребность Ломбардии в покое, настолько силен престиж появления императора и столь велика надежда на его беспристрастие, что и гвельфы не посмели задержать его шествие, но явились с покорностью к нему, как ко всеобщему решающему судье. Гвидо дела Торре, могущественнейший из всех гвельфов, тиран миланский, которого гибеллинский соперник Матфей Висконти жил в изгнании, с полной подозрительностью держался еще позади, но прочие главы гвельфов — Филиппоне де Лангуско, владетель Павии, Антоний де Фиксирага, тиран Лода, Симон де Адвокатис де Верчели, маркграфы Салуццо и Монферрата, многие синьоры и епископы ломбардских городов спешили к Генриху в Турин и поставили воинскую свою рать под его знамена. В несколько дней собрал он 12 000 рейтаров.

1 ноября явилось с поклоном к нему посольство от римлян. Колонна, Орсини, Анибальди, предводители римских партий явились депутатами из своего города с 300 рейтаров и блестящей свитой. Они были командированы Капитолием, насколько

ко к Генриху приглашать его на императорскую коронацию, настолько же и к папе, убеждать его вернуться в Рим, где, как надеялись, он лично будет короновать нового императора. Равно и Генрих отправил к папе послами брата своего Балдуина и епископа Николая; послы эти должны были в случае, если бы Климент не мог сам приехать в Рим, вести переговоры об уполномочии заступающих его место кардиналов. Римские послы изъявили на это свое согласие. Во время пребывания их в Турине было решено, что Людовик Савойский отправится в Рим сенатором, ибо этот граф был к этому предначинан еще ранее, чем Генрих приступил к римской экспедиции. Для короля являлось делом особой важности посадить сенатором в Капитолии одного из своих вернейших и даже состоящих в родстве с ним приверженцев. В конце 1310 г. поехал Людовик Савойский в Рим, где народ принял его на год сенатором, и папа его утвердил.

Все города Ломбардии покорились королю римскому, выслушивавшему кротко и доброжелательно всякую жалобу, не доброхотствовавшему ни гвельфам, ни гибеллинам, но повелевавшему мир. По велению его примирялись партии. Он приказал повсюду принять снова изгнанников, что и было исполнено. Как будто следуя голосу Данте, города вложили свое вольное правительство в руки Генриха и получили императорских наместников. Генрих VII обладал личными качествами, производившими благоприятное впечатление на великих и малых: человек во цвете сил, 49 лет, приятной наружности, искусный оратор, великодушный и храбрый, справедливый, умеренный, благочестивый и величайшей правосудности. С одинаковым уважением принимали его гвельфы и гибеллины; но это уважение скоро умалилось благодаря промахам или ошибкам, а наиболее же всего благодаря недостойной императора бедности. В Асти явился глава гибеллинов, изгнанный Торри Матфей Висконти, — человек, по словам Дино, более умный и хитрый, чем справедливый; в бедной одежде, с одним лишь спутником, — и бросился к ногам короля. 23 декабря повел Генрих его и других изгнанников обратно в Милан. Въезд его в большой этот город, при виде которого содрогнулся он сам, был первым истинным триумфом воскресавшей императорской власти; ибо со времен гвельфа Оттона IV Милан не принимал в стенах своих никакого императора. Между тем как толпы знати, без оружия, как он повелел, вышли навстречу к королю и лобызали стопы монарха-миротворца, Гвидо дела Торре, полный недоверия, выехал навстречу к нему лишь до форштадта; однако германцы тотчас же сломили его гордыню. В последний раз зрел мир зрелище благоговения повелевающего императорского величества в средневековых формах.

Враждебные дома Торри и Висконти Генрих заставил примириться. Он потребовал синьории, и могучий Милан дал ему ее. Кремона, Комо, Бергамо, Парма, Брешия, Павия, подобно тому как уже это сделано было Вероной, Мантуей и Моденой, выслали к нему на поклон своих синдиков. Генрих тогда стоял превыше всех партий. Он не хотел даже слышать названия гвельфов и гибеллинов, так что первые говорили: он видит одних гибеллинов, а вторые: он принимает одних гвельфов. Время его в Милане, по в пышности, но в беспрепятственной заботе о благе Италии. Успехи его в Милане, подчинение всей Ломбардии навели страх и ужас на гвельфов; флорентинцы спешили укрепить свой город, соединить в лигу Болонью, Лукку, Сиену и Перуджию и потребовать помощи от короля Роберта.

6 января 1311 г. Генрих принял железную корону ломбардскую у Св. Амвросия из рук Гастона дела Торре, возвращенного им архиепископа миланского. Присутствовали при этом депутации почти от всех городов Ломбардии и Италии, равно и Рима, за исключением Венеции, Генуи и Флоренции. Так было возобновлено Генрихом Люксембургским старое королевство Италии, подобно тому, как он же, ка-

залось, восстанавливал все традиции империи. Но блистающий горизонт его надежд был уже заволакиваем грозными тучами. В своей бедности потребовал он крупные суммы с Милана как в виде субсидий для своей императорской коронации, так равно и на содержание имперского наместника. Возник ропот на правление бесполезных императорских наместников. Из подозрительности или в залог мира Генрих потребовал 50 сыновей знатных домов обеих партий в виде заложников под предлогом, что они должны были сопутствовать ему в Рим. Торри, загнанные Висконти в западню, подняли 12 января восстание. Немцы и ломбардцы, распаленные яростью, сражались на улицах Милана, и кровь впервые омрачила безоблачное величие благородного Генриха. Разбитые Торри бежали из города; дворцы их были сожжены; многие миланцы отведены в изгнание в Пизу, Геную или в Савойю. Чересчур высокий для практических житейских отношений идеал монарха-миротворца тотчас же рушился, и Генрих VII увидел себя в скором времени в таком же неразпутываемом лабиринте, в каком были и предшествующие ему императоры. Быстрое падение могущественного гвельфского дома взволновало страну и уничтожило очарование первого дебюта Генриха. Лоди, Кремона, Крема и Брешия отпали от него. Это заставило короля, по примеру своих предшественников, подчинять себе города силой, через что пропадали время и силы и изменился весь его план. Кремона, правда, покорилась опять, так же как Лоди и Крема. Граждане этого города явились перед Генрихом с мольбой о пощаде, босоногие и с веревками вокруг шеи, но разгневанный король впервые не выказал жалости; суровым тюремным заключением наказал он даже невинных и приказал срыть стены разграбленной Кремоны. Неожиданная строгость эта, поколебавшая веру в его мягкосердие и правосудность, привела Брешию к сопротивлению до последней крайности. Если бы Генрих после покорения Кремоны без промедлений проследовал бы на Рим, то ему сдались бы Болонья, Флоренция, Сиена, Рим и сам Неаполь; так думали современники. Флорентинские изгнанники, и именно Данте, лично уже посетивший короля, с нетерпением убеждали его быстро двинуться на Флоренцию, но он решил сперва во что бы то ни стало овладеть Брешией, ибо город этот мог легко сделаться оплотом гвельфской лиги и вошел уже в сношения с противниками его в Тоскане. Тяжелая осада стоила Генриху целых четырех месяцев несоответственной затраты денежных средств, потери брата его Вальрама и более половины войска. Она представляет страшную картину всех ужасов войны из-за обладания городом, страшнее коих едва ли пережиты были даже во времена Барбароссы. Брешия, отбившая некогда с геройским мужеством штурмы Фридриха II, была одним из блистательнейших городов Ломбардии; вольные ее граждане «подобны королям, и военные ее силы подобны королевским». Один изгнанный гвельф, Теобальд де Бруксатис, изменивший Генриху, осыпавшему некогда его благодеяниями, сделавшему его рыцарем и вернувшему в родной город, с дикой энергией вел оборону, пока, смертельно раненный, не попал в руки немцев, на коровьей коже влачим был вокруг стен Брешии и четвертован в лагере. Ожесточение брешианцев было теперь бесконечно, но отчаянное их сопротивление сломлено было голодом и чумой, так что они поддались, наконец, представлениям командированных папой на коронацию кардиналов и сдались на капитуляцию.

18 сентября сдался город; подобно теньям, явились злополучные граждане, босоногие, с веревками вокруг шеи, повергнуться к стопам повелителя, подобно тому как столетия назад ползали на коленях пред императорами побежденные ломбардцы. Он подарил им жизнь; он пощадил и город; по сравненному с землей могилам и по мусору снесенных стен совершил он 24 сентября мрачный свой въезд. Ворота Брешии повелел он в виде победных трофеев отвезти в Рим. Так кроткий Генрих

по силе гнетущих его самого обстоятельств стал в глазах гвельфов таким же завоевателем-деспотом, как Барбаросса и Фридрих II. Теперь у него не было другого, более живейшего желания, как спешить в Рим для императорского коронования, назначенного папой, по собственному желанию короля, на 15 августа, но не могшего состояться в этот срок вследствие задержки перед Брешией. От личного совершения коронации Климент V удержан был запутанными отношениями своими к Франции, предстоящим собором во Виенне, хроническим своим недугом и еще более раздумьем; но своими заместителями на оной назначил он нескольких кардиналов, в присутствии которых проследовал теперь Генрих с остатками своих войск через Кремону, Пиаченцу, Павию в Геную, куда совершил въезд 21 октября 1311 г. и где примирил враждовавшие партии Дориа и Спинола и вскоре затем принял на себя синьорию республики. Генуя назначена была сборным пунктом для римского похода, но депутации, принятые им там из Средней Италии и из самого Рима, осведомили его о нагромодившихся препятствиях к достижению его цели в течение осады Брешии. В Риме сенатор Людовик употреблял старания утишить раздоры партий и справедливым управлением расположить на сторону Генриха город. К несчастью, был он отозван королем в Брешию. Субституторам своим в Риме Ричарду Орсини и Иоанну Анибалди отдал он башню Милиции для их резиденции и Капитолий с обязательством оберегать обе крепости для Генриха и по прибытии его выдать их ему. Но едва Людовик удалился из Рима, как поднялась распря между Орсини и Колонна, первыми как врагами Генриха, которого императорской коронации они рассчитывали воспрепятствовать при помощи Роберта Неаполитанского, и последними как гибеллинами. Главой Колонн был знаменитый Счиарра, смертельный враг Бонифация VIII, а Стефан сопровождал короля Генриха в походах его в Ломбардии. Орсини тогда же призывали Роберта прибыть в Рим или, по крайней мере, прислать туда военную силу. Король неаполитанский страшился римского похода Генриха, казавшегося ему продолжением реставрационных попыток Манфреда и Конрадина. Он предвидел, что император возобновит притязания на Неаполь и произведет попытки к низвержению Анжу с узурпированного трона. Это являлось неизбежным, хотя Генрих не возымел еще этого плана, а напротив, желал договора с Робертом. Король этот провел его маской дружбы. Ведя с ним переговоры о фамильном сватовстве, он в то же время устраивал лигу между Болоньей и городами Тосканы. Уже весной 1311 г. послал он каталанских наемников под предводительством Диего делья Ратта во Флоренцию и в Романью, которой он был папским вице-королем. Здесь из многих местечек изгнал он гибеллинов. Воинская его рать соединилась с флорентинцами и с луккцами с целью замкнуть для Генриха проходы Луниджианы. Действуя золотом при дворе папы, чтобы держать в отдалении Генриха, и подкупом соблазняя к отпадению ломбардские города, флорентинцы неотступно приставали к Роберту, чтобы он занял Рим, как обещал. И вот, когда они теперь осведомились о переговорах его о сватовстве с Генрихом, то написали ему в сильном возбуждении, напоминая о его обещании никогда не соглашаться на семейные союзы с германским королем и угрожая даже в таковом случае отозвать войска свои из Рима; ибо туда было ими выслано уже свыше двух тысяч человек. Еще в Генуе дал Генрих обмануть себя вероломным посольством Роберта. Он изумился, когда представший перед ним Счиарра Колонна оповестил его о происходящем в Риме, настоятельно просил войск и настаивал на ускорении римской экспедиции, ибо Роберт последовал приглашениям флорентинцев и отправил брата своего Иоанна, принца ахайского, с 400 рейтарями в Рим, где он принят был Орсини, занял Ватикан, замок Ангела и Трастевере и пытался подкупом или силой завладеть и прочими крепостями. Город разделался вследствие этого на враждебные воинские ста-

ны гвельфов и гибеллинов, имперцев и неаполитанцев, окопавшихся по квартирам и ожесточенно друг с другом сражавшихся. Вести эти побудили Генриха вернуть сенатора Людовика в сопровождении Колонн обратно в Рим; но он дал ему с собой всего 50 немецких рыцарей. Не имея верных сведений об истинном значении событий в Риме, вообразил он, будто там все могло быть улажено путем энергичного воздействия чиновников и, по-видимому, придал даже веру уверениям Роберта, будто принц Иоанн затем лишь предпринял маршрут на Рим, чтобы торжественно присутствовать при императорской коронации. И вот, когда теперь Людовик Савойский, которого флорентинцы не пропустили через свою территорию, вступил под защитой графов Санта Фиора и Колонн в ноябре 1311 г. в Рим, то нашел Орсини и принца в обладании большей частью крепостей, собственных же наместников неповинуящимися. Они отказывались сложить свое звание и хотели сдать башню Милиции и Капитолий не иначе как за деньги. Сенатор поселился на жительство в Латеране; безуспешно пытался он ослабить Орсини и склонить Иоанна вернуться в Неаполь. Судя по этому, мирный въезд государя его на коронацию не казался более вероятным.

3. Генрих в Пизе. — Он шлет послов к принцу Иоанну и к королю Роберту. — Поход на Рим. — Гибеллинские его союзники. — Въезд в Рим. — Состояние города. — Шанцы гвельфов и гибеллинов. — Генрих захватывает много аристократов. — Сдача их замков. — Падение Капитолия. — Уличная война. — Желание Генриха короноваться в Латеране. — Народные постановления. — Кардиналы-легаты коронуют императора в Латеране

16 февраля 1312 г. отплыл Генрих с малыми воинскими силами в сопровождении коронационных кардиналов из Генуи в море. Бури заставили его целых тринадцать дней простоять на якоре при Порто Венере, и не ранее 6 марта высадился он в гибеллинской Пизе. Эта непоколебимо верная союзница германских императоров, постоянная пристань, сборный пункт и опора римских экспедиций встретила его с такими же ликованиями, как и Конрадина. Она поднесла ему синьорию и доставила изобильные денежные средства; гибеллины Тосканы и Романьи стекались под его знамена. Будучи чересчур слаб, чтобы воевать с лигой тосканских гвельфов, Генрих удовольствовался подведением под имперскую опалу главных центров их в то самое время, как позади его отпавшие города в Ломбардии прогоняли уже его вице-королей и вызывающе стояли во всеоружии. Гонимцы доносили из Рима, что императорские сторонники теснимы, единственный свободный вход Понте-Молле находится в опасности и что прибывают свежие боевые силы гвельфской лиги. Поэтому Генрих отпустил Стефана Колонну в Рим и отправил послов к Роберту для устройства брака дочери своей Беатрисы с сыном этого короля. Вместе с тем повелел он епископу Николаю и нотариусу Пандульфу Савелли спешить в Рим и пригласить принца Иоанна не противиться мирному въезду его в Рим ввиду уверенней короля Роберта, что брат его затем лишь прибыл в Рим, чтобы присутствовать при торжестве коронации. Послы достигли Рима 30 апреля. Принц дал им ответ, что новые письма царственного его брата повелевали ему всеми силами противиться как въезду, так и коронации Генриха, что он будет продолжать воевать с гибеллинами, объявляет королю войну, но по стратегическим соображениям отведет войска свои от Понте-Молле. Пораженные послы под охранительным эскортом Гентиле Орсини покинули город и поспешили навстречу приближавшемуся королю. 23 апреля двинулся из Пизы Генрих с

2000 рейтаров, помимо пехоты, жалкой воинской силой в сравнении с полчищами, во главе которых вступали прежние императоры. В свите его находились три полномочных кардинала-легата, Арнольд Пелагрю Сабинский, племянник папы, Николай Остийский, тосканец из Прата, по тенденциям гибеллин, бывший легат Бенедикт XI во Флоренции, куда он намеревался вернуть Белых, и Лука Фиэски де Санта-Мария в Via Lata, тот самый кардинал, который освободил некогда Бонифация VIII в Ананьи. В качестве советников или генералов окружали короля брат его Балдуин Трирский, двоюродный брат Теобальд Люттихский, Рудольф, герцог баварский, Амадей Савойский, Гвидо, дофин виеннский, маршал Генрих Фландрский и сын его Роберт, Готфрид, граф лейнингенский, ландфогт в Эльзасе, Дитер, граф Катценэлленбоген, Генрих, аббат фульдский. Беспечно проследовало войско вдоль берега моря через Маремму, переправилось затем, не наткнувшись на гвельфов, под Гроссето через Омброне и достигло 1 мая Витербо. Над областью между этим городом, озером Браччиано и Сутри властвовали префектский дом Вико и графы Орсини-Ангвиллара; они с почестями приняли короля, ибо Манфред де Вико, тогдашний префект города, сын знаменитого во времена короля Манфреда Петра, был завзятым гибеллином, а граф Ангвиллара был в свойстве со Стефаном Колонна. Все эти магнаты, равно как и Санта-Фиора, под Радикофани, и Гогенштауфен Конрад Антиохийский, стали со своими вассалами под знамена Генриха, а также выслали воинскую рать Тоди, Амелия, Нарни и Сполето. Через Сутри по Via Claudia, через Бакканелло проследовали далее без опасений, как по дружественной стране, и почти без оружия, пока поблизости Капель-Изола на развалинах Вейи прискакавшие из Рима гонцы не сообщили о намерении принца Иоанна помешать коронации. Изумленный король приказал тогда сделать привал войску, расположиться в поле лагерем и быть готовым к битве. Наутро, 6 мая, в боевом порядке двинулись на Рим. Враг не показывался нигде. Совершив этот переход, имперцы очутились в виду Понте-Молле. Мост этот за год уже перед тем занят был Колоннами; переход был свободен, ибо Иоанн отвел свои войска и оборонял стрелками из лука лишь соседнюю башню Трипицон. Приближающееся к реке императорское войско могло видеть неаполитанское рыцарство надвигающимся от Ватикана, но до схватки дело не дошло. Бесстрашно переехал король через мост, и лишь в нескольких лошадях арьергарда попали стрелы. На ночь расположился он станом между Понте-Молле и городом на арене забытых геронских полей битв Велизария. На следующее утро состоялась его въезд через ворота del Popolo, причем его встретили гибеллинское дворянство, многолюдная толпа народа и духовенство. Гвельфские кварталы были избегаемы; проследовали через колонесское Марсово поле и через S.-Maria Maggiore в Латеран. На этом пути среди пустынного Рима, по которому не ступал еще ни один из королей римских, зрел повсюду Генрих торчащие баррикады, шанцами окопанные башни, в руинах лежащие — следствие раздоров партий, — дома и угрожающий вооруженный народ. Зрелище еще полуразоренной базилики Св. Иоанна и вокруг постройки пустынной площади должно было производить самое грустное впечатление. Обломки окружали короля, среди обломков же произнес он, облаченный в одежды соборного каноника, первые свои молитвы. Из латеранского дворца, где он поселился, с изумлением обозревал Генрих ужас наводящий лабиринт города. Не являлись ли горькой насмешкой надо всеми высокими его грезами его же собственные слова, сказанные им себе здесь, что ему предстояло пробыть себе путь к Св. Петру от руины до руины, от баррикады к баррикаде, от башни к башне, чтобы возложить императорскую корону на голову? Церковь, оспаривавшая корону эту у большинства его предшественников, охотно ее ему

предоставляла; кардиналы-легаты папы сопутствовали ему, но ему запрещали короноваться несколько римских магнатов и безызвестный, завладевший Ватиканом, принц. Был ли это тот осиротелый от отсутствия императоров Рим, который со столь пламенным вождением к нему взывал: «Почто, о цезарь мой, ты не со мною?» Весь город распался на две враждебные, шанцами окопанные территории; средоточием гибеллинов был Латеран, средоточием гвельфов — Ватикан. Квартал этот с замком Ангела, Трастевере со всеми мостами, Монте-Джордано, Сатро ди Фиоре, Минерва, другие многие монументы и башни, короче, свыше половины наилучше населенных частей Рима находились во власти принца ахайского и Орсини, под начальством вождей их Гентиле и Понцелло. Гибеллины под предводительством Счиарры и Стефана Колонна владели кварталами Монти, Латеран, S.-Maria Maggitiere, Пантеонем, Мавзолеем Августа, Porta del Popolo и Ponte-Molle. Капитолий наравне с башней Милиции находился еще в обладании бывших наместников Людовика, Ричарда Орсини и Иоанна Анибальди, занимавших, подобно прочим магнатам, нерешительное положение между партиями. Конти держали за собой башню Гигантов, Анибальди — Колоссеум, Авентини — башню С.-Марко, Франджипани — Палатин, Савелли — театр Марцелла. Баррикады, деревянные и каменные, частью крепко нагроможденные по стенам, примкнутые к башням, и шанцированные дома образовывали в обоих лагерях столько же крепостей, занятых гарнизоном от 30 до 100 человек и состоявших по кварталам под наблюдением капитанов. Первый взгляд на Рим заставил Генриха сомневаться в скором достижении Св. Петра. Поэтому он уже 10 мая просил кардиналов устроить ему свободный пропуск в собор или, в случае невозможности сего, короновать его в Латеране. Когда он оказался вынужденным завоевывать оружием то, что не поддавалось мирным переговорам, то решился шаг за шагом покорять себе Рим. Кровавая уличная война за императорскую корону Люксембурга в точности изображена была современниками, но представляет скорее местный, нежели исторический интерес. Мы постараемся поэтому быстро провести читателя через этот лабиринт. Уже 13 мая пала башня Трипицон и отдалась во власть Балдуина Трирского и Роберта Фландрского, и первая эта победа оживила приходившийся на следующий день праздник Троицы, проведенный Генрихом с кардиналами и рыцарями в Латеране. Несколько дней спустя вернувшиеся из Неаполя гонцы привезли ответ короля Роберта, заключавший столь заносчивые требования, что Генрих принужден был их отвергнуть. Теперь вопрос шел о взятии Капитолия. Городской этот форт был вскоре по прибытии короля продан за деньги наместниками Людовика принцу Иоанну, и он занял гарнизоном монастырь Арацели и большую башню Канцлера города у подошвы Капитолия. Для завладения теперь Капитолием должны были находиться в обладании Генриха башня С.-Марко — с одной и башня Милиции — с другой стороны. Король, для самого себя неведомо как сделавшийся главой гибеллинов, подобно как некогда Дон Арриго Кастильский, принужден был прибегнуть к хитрости и посредством ее завладел важнейшими дворянскими замками. Приглашенные на банкет в Латеран явились явные друзья и скрытые враги, Колонна, Савелли, Конти, Анибальди и Тибальдески. По окончании пира поднялся король и сказал: «Мое дело и мое право заставляют меня в настоящем кризисе обратиться к вам с речью, но почти что целенеет язык мой от изумления, когда я взираю на то, что привело меня из пресветлого моего королевского города в эту Италию. Было ли это что другое, как не мечта восстановить погасшую уже империю, как не то, чтобы под сенью императорского величества возвратить вновь всемирное владычество едва лишь уже ведомым варварам римлянам? О чем молили меня столь многие письма,

столь многие спешные гонцы? О том, чтобы я посетил дорогой мой сенат и народ римский, чтобы среди их кликов ликования проследовать в Капитолий. Разве я явился в виде насильственно вторгающегося проходимца, что меня отталкивают от порога апостола Петра? Нет, здесь три кардинала-легата милостивейшего папы, мои спутники, послы, исполнители канонического и императорского регламентов, могут свидетельствовать противное; поэтому еще раз обращаюсь к вам, о римляне, и вопрошаю: для того ли вы меня призывали, чтобы я предстал бесплодно и как бы на посмешище свету? Пользуясь благопоспешествованием сего пира, хочу я узнать, каковы открытые ваши решения, каковы тайные ваши помыслы, короче — кто из вас желает быть моим пособником; и что кто себе изберет, то пусть тут же свободно и объявит». Ответ магнатов, по приказанию Генриха занесенный в протокол, по отношению к их поддержке был утвердительный, но местами связан с двусмысленными условиями. Стефан Колонна прямодушно предоставил себя и свои замки в распоряжение короля, дал заложников и дружелюбно был отпущен. Николай Конти объявил, что почтение запрещает ему сражаться против Роберта, от которого он получил рыцарский пояс. Анибальдо Анибальди, Иоанн Савелли и Тибальдо Кампо ди Фиоре дали обет повиновения, но с некоторыми оговорками. Разгневанный король потребовал поручительства, удержал этих синьоров в заключении и под страхом смерти заставил их выдать ему городские их замки. Анибальдо, брат наместника Иоанна (последний и сам находился еще в Капитолии), угрожаемый топором палача, выдал башню Милиции, которую король распорядился немедленно пристроить под собственное свое жилье. Так досталась в руки его сильнейшая городская крепость, равно как и башня С.-Марко, Графская башня, Авентин и Колоссеум. Капитолий был теперь охвачен теснее. Для воспрепятствования тому, чтобы его мог выручить Орсини, король заставил Иоанна Савелли отгородить собственные дома и улицы. С этого времени капитанами в отдельных городских кварталах, на баррикадах, башнях, мостах или воротах со стороны Генриха стали служить, помимо Счиарры, Стефана и Иоанна Колонны, также Петр и Иоанн Савелли, Тибальдо де С.-Евстафио, Ричард и Петр Анибальди и Стефан Норманн де Альбертески.

Внушительные подкрепления подавали принцу Иоанну надежду спасти тесный Капитолий, ибо 21 мая направились на Ватикан тосканские гвельфы из Флоренции, Лукки, Сиены и Перуджи под начальством союзного капитана Иоанна де Бизерна, у которого было несколько тысяч человек, так что они составляли превосходно вооруженную рать. Это заставило спешить Генриха. 21 и 22 мая произошли схватки у Капитолия около башни канцлера Малабранка и около жилища Ричарда Анибальди. Гвельфы вторглись в квартал Колонн вплоть до Минервы, чтобы отсюда выручить Капитолий. Имперцы их отбили. Баварцы взяли в плен племянника канцлера, Петра Малабранку, а равно попал в плен и граф де Бизерно. Завоеванные башни и дома были сожжены дотла; квартал Минервы частью сделался жертвой пламени. Вслед за тем пал 25 мая Капитолий. Имперцы, покровительствуемые францисканскими монахами, завладели прежде всего монастырем Арачели, после чего гарнизон Капитолия сдался Людовику Савойскому. Генрих утвердил его сенатором, а Людовик сделал наместником своим Николая Бонсиньоре Сиенского.

На другой день приступлено было к штурмованию шанцев на Марсовом поле и в кварталах Понте и Парионе для расчищения пути к Св. Петру. Как в самые глубокие Средние века, сражались из-за уличных шанцев с мечом в деснице закованные в панцири епископы и духовные. Великая баррикада Лаврентия Стации де Кампо ди Фиоре взята была штурмом. Имперцы гнали пред собой Орсини. Разграбленные дворцы их пылали пламенем. В диком неистовстве по обломкам и телам про-

никили они уже до самого моста Ангела, где по ту сторону реки, в гробнице Адриана, находился принц Иоанн с предводителями гвельфов. Сильная вылазка из этого замка оттеснила имперцев назад; с большим уроном отступили они в квартал Колонна, и теперь уже гвельфы победоносно стали наступать. Колокола на Капитолии били в набат; наместник призывал народ к оружию; к вечеру водворилась тишина, и как гвельфы, так и гибеллины заняли вновь свои позиции. Таким образом, умысел имперцев пробиться к Св. Петру не удался.

Уличная битва 26 мая стоила жизни нескольким храбрым синьорам. Эгидий фон Варисберг, аббат вейсенбургский, граф Петр Савойский, брат сенатора, граф Роберт Фландрийский и многие менее знатные рыцари были убиты. Теобальд фон Бар, епископ лютихский и двоюродный брат короля, которого даже не удержал от принятия участия в этой кровавой схватке, взят был в плен одним гвельфским рыцарем, посажен на коня и с триумфом отвезен к принцу Иоанну; один свирепый каталанец ударом кинжала сшиб епископа с лошади; вскоре после того он скончался в замке Ангела. Поныне еще существуют в Риме могилы некоторых павших в этот день в виде монументов эпохи Генриха VII. В тихих базиликах Арачели и С. Сабины на Авентине поныне, полтысячи лет спустя, можно видеть мохом поросшие надгробные плиты, созерцать гербовые щиты убитых приверженцев Генриха VII и читать на хорошо сохранившихся надписях как имена их, так и день кончины. Неудачный исход этого сражения действовал разлагающе на императорскую партию. Городской префект Манфред, графы де Ангиллара и Санта-Фиоре, Конрад Антиохийский, солдаты Сполето, Тоди и Нарни покинули Рим. Также и флот, снаряженный пизанцами, с осадными снарядами захвачен был в плен неприятельским адмиралом и увезен в Неаполь. Измученный король приставал теперь к кардиналам, чтобы они путем переговоров открыли ему дорогу к императорской коронации; но ходатайства легатов остались без успеха. Принц Иоанн и гвельфы вызывающе стояли между ним и короной, которую, по их взглядам, не должен был отныне носить ни один германский король; они презирали саму угрозу гневом папы, ибо хорошо знали, что Климент V подозрительно относился и охладел к коронации Генриха.

Не приходилось ли серьезно опасаться папе, что император утвердит свой трон в «осиротелом Риме»? Поистине за все Средние века ни разу не предоставлял себя город с меньшими затруднениями для императорской резиденции, как в авиньонскую эпоху. Оттого-то гвельфы, с оружием в руках и с тайного согласия папы в качестве его стражей и препятствовали императору занять оставленное пустым место папы. Настроение в гибеллинской партии омрачилось, ибо его не оживлял никакой решительный успех. Ежедневная уличная война, опустошение города, недостаток во всем, непрерывное возведение баррикад истощали терпение римлян. Генрих оказался теперь вынужденным прибегнуть к милости народа. Он созвал парламент, и на площади пред Капитолием появились свыше 10 000 граждан. Николай Бонсиньоре держал к ним речь от имени короля; он объявил вне закона всех римлян, которые впредь до назначенного срока не изъявят покорности, и, наоборот, покорным обещал амнистию. Народное собрание утвердило эдикт и потребовало немедленно возобновления борьбы. Но Генрих отложил ее. Предварительно он озаботился предоставлением себе через сенат права отправлять в Риме юрисдикцию, от чего он отказался в договоре своем с папой, ибо настолько сильно упало императорское величие, что это право отправлять правосудие в гражданских и уголовных делах римлян, которым самостоятельно пользовались прежние императоры, досталось Генриху лишь путем формальной концессии сената. Герольды его впервые потребовали пред императорский трибунал трастевринцев. Немногие повиновались; но против

ожидания явились некоторые выдающиеся дворяне из противной партии, как то: юный Орсо, Петр де Монте Нигро и Анибальд, не хотевший со времени сдачи башни Милиции возвращаться к брату. Это оживило надежды гибеллинов и изумило самоуверенных гвельфов.

Произведена была попытка штурмования замка Ангела, и она не удалась. Последняя надежда прорваться к С. Петру была разрушена. Усталый и нетерпеливый Генрих требовал теперь у кардиналов коронавания в Латеране подобно тому, как в прежние времена оно совершено уже было раз над одним императором при таких же обстоятельствах. Легаты противились; они якобы уполномочены были папой короновать Генриха у С. Петра, и коронационный их формуляр относился лишь до этого святого собора. В партии короля разыгралась распря, пока не одержало верх мнение, что он может быть коронован в Латеране. Чтобы сломить оппозицию кардиналов, сослались на волю народа; ибо римляне утверждали, что подача голоса на счет коронации составляла исконное их право, и стесненное положение, в котором находился Генрих, заставляло его призывать на помощь демократический принцип. Сенат и народ постановили поэтому парламентское решение, что коронация должна воспоследовать в Латеране и что кардиналы должны это совершить по воле народа. Десять уполномоченных потребовали выполнения плебисцита; но легаты объявили, что должны сперва сделать о том донесение папе и дожидаться его ответа. Так, среди ежедневных вылазок и стычек протекли две недели. Упорное противодействие кардиналов, одолеваемых беспрестанными депутациями, и подстрекательство со стороны приверженцев Генриха привели, наконец, нетерпеливый народ к восстанию. Толпа нахлынула 22 июня к башне Милиции и угрожала легатам смертью. Генрих утишил смятение, и кардиналы изъявили теперь готовность свою приступить к коронации в случае, если в течение восьми дней не будут получены никакие известия от папы. Ожидания оказались тщетными. Коронация долженствовала, таким образом, состояться в день св. Петра и Павла в Латеране. Коронационный налог, потребованный с римлян Генрихом, был отвергнут; одно лишь римское иудейство заплатило его. Накануне вечером переехал король во дворец С. Сабины, ибо оттуда должно было двинуться коронационное шествие подобно тому, как это происходило 4 июня 1133 г., когда Лотарь, вытесненный партией Анакдета II из Св. Петра, вынужден был принять корону в Латеране. На белом коне, в белых одеждах, с длинными ниспадающими белокурными волосами двинулся утром 29 июня Генрих VII от Авентина к Circus Maximus. Здесь, согласно обычаю, Генрих клялся поддерживать римскую республику и ее законы. На пути встречали его духовные процессии, иудеи приветствовали его через делегатов от своей синагоги и поднесли ему Пятикнижие. Согласно обычаю, два камергера бросали в народ золотые и серебряные монеты — символы, скорее, бедности, чем богатства этого бессильного императора. В Латеране кардиналы совершили коронационную церемонию с протестом, что не были уполномочены к этому уставопротивному акту папой, а принуждены были народом.

Все торжество носило беглый и случайный характер. Оно не могло ободрить печальную душу императора. Оно состоялось не в святочитимом Св. Петре, но среди обломков, в отстраивающемся еще Латеране. Впервые за все время существования империи отсутствовал папа при акте, которому он один, по понятиям людским, мог сообщать надлежащую санкцию. Никто ни из великих имперских князей, ни из великих вассалов Италии, ни из послов от городов не окружал императора. Когда по окончании церемонии он сидел за столом на Авентине, то даже на самую вершину этого холма падали стрелы насмехающихся врагов и нарушали невеликую и без того радость праздничного пиршества.

ГЛАВА II

1. Генрих и Фридрих Сицилийский. — Римляне задерживают своего императора в городе. — Взятие штурмом гробницы Цецилии Метеллы. — Иоанн Савиньи, капитан римского народа. — Император в Тиволи. — Поступление писем папы. — Требования его к императору. — Генрих соблюдает императорские права. — Перемирие в Риме. — Отъезд императора

Несмотря на свою слабость, Генрих VII возвысился до полного сознания императорского величия, ибо последнее после долгого перерыва воскрешено было лишь благодаря ему. Гибеллинские его взгляды насчет божественного происхождения имперской власти доказали гвельфам, что реставрация цезаризма породит точно такие же борьбы, какие считались устраненными с гибелью Гогенштауфенов. Не подлежит сомнению, что с более сильными союзниками Генрих VII возобновил бы обветшавший строй и вернул бы Италию к минувшей уже эпохе. Ибо таков был принцип представляемой им империи. Оппозиция гвельфов в Риме, в Тоскане, в Романьи и в отпавшей Ломбардии, доскональное просветление насчет замыслов Роберта, короче — сила событий превратила благожелательного этого императора в настоящую главу гибеллинов. Подобно великим своим предшественникам из швабского дома, он был вынужден вести борьбу со своими противниками посредством партийных средств и, подобно им, суждено было ему в конце концов вдали и без поддержки Германии погибнуть в борьбе с итальянскими партиями. Судьба повторилась с непреборимой правильностью исторического закона. Уже 6 июля заключил Генрих союз с королем Сицилии, тем самым Фридрихом из рода Манфреда, который столь счастливо сохранил свою корону на острове, вопреки папам и королям Франции и Неаполя. Уже в то время, когда по желанию папы велись переговоры о фамильном союзе Генрихом прямодушно, а Робертом — предательски, Фридрих через посла своего Гальвано Ланчия просил у Генриха, хотя тщетно, для сына своего Петра руку принцессы Беатрисы. Теперь дочь императора по прокурации помолвлена была в Риме с сыном Фридриха, и этот гибеллинский союз возвестил неминуемую войну старых союзников, императора Сицилии и Пизы, с Робертом Неаполитанским, а через это и с папой. Тем временем в положении дел в городе не произошло никаких изменений. Перемирие продолжалось; но гвельфы удерживали свои неприступные позиции. Император рвался домой; еще сильнее того рвались его магнаты, почитавшие с коронацией цель римского похода достигнутой. Еще раз пытался Генрих через кардиналов побудить принца Иоанна к соглашению; но неаполитанец даже не допустил к себе уполномоченных. Тогда Бонсиньоре собрал перед Капитолием народный парламент; он объявил римлянам, что итальянские безурядицы, именно непокорность Тосканы, а также невыносимая для немцев жара понуждают императора покинуть Рим. Народ воспротивился этому с криком: Рим не должен быть отдаваем на жертву во власть врага; сперва столица империи должна быть успокоена, император же может проводить лето с вельможами в близком Тибуре, которого воздух здоров и целебен. С неистовством требовали римляне продолжения императорской резиденции в своем пустом городе, который они снова хотели сделать резиденцией и столицей империи ввиду того, что папа пребывал вдали, и Генрих, опасавшийся восстания народа, изъявил готовность свою остаться, против чего протестовали его магнаты. Он снова поселился на житье в башне Милиции.

Честь иметь в Риме императора была дорого оплачена, ибо кругом обнищавший Генрих обложил народ обременительным налогом; он был применен преимущественно стараниями настаивавшего на продолжении борьбы Стефана Колонны. Но в то время, когда боевые силы императора ежедневно уменьшались, силы врага разрастались подкреплениями из Тосканы. Римские гвельфы производили смелые вылазки вплоть до самого Латерана. Иоанн Савелли, Анибальди и Теобальди де Кампо ди-Фиоре удалились после коронации в свои замки внутри страны, где последний держался спокойно, прочие же собрали своих вассалов и начали мелкую войну. Иоанн Савелли владел укрепленной гробницей Цецилии Метеллы и крепостью, воздвигнутой там Гаэтани, осадил соседнюю Porta Arria. Тогда император повелел Стефану Колонна, Ричарду Анибальди и маршалу Фландрии взять приступом эту важную гробницу, причем сожжена была дотла часть замка Саро dirove. Возвращавшиеся войска разрушили также и дворцы Савелли на Авентине.

Летний зной, возрастающая скудость и небезопасность, ибо народ роптал по поводу принудительного налога, приставания немцев и французов принудили между тем императора на самом деле покинуть Рим и отправиться в Тиволи. Он еще раз пригласил всех мятежных магнатов и объявил их вне закона; он привел в порядок городское управление; ввиду того, что срок сенаторства Людовика истек, а замещение этой должности не могло состояться помимо папы, римский народ избрал капитана ad interim. Это был Иоанн Савиньи, бургундский рыцарь из свиты Генриха Фландрского. Император поверил ему охрану Капитолия, а для защиты города оставил своего маршала с 400 рыцарей. Тиволи, бывшее уже свыше 50 лет феодом римского сената и народа и проникнутое ультрагвельфизмом, 21 июля приняло в стенах своих Генриха VII. Никогда до сих пор не появлялся там ни один император со столь малой свитой и столь беззащитный. Защищаемый почти одним лишь могучим сопровождавшим его Стефаном Колонной, день ото дня Генрих чувствовал себя все более покинутым. Людовика Савойского, дофина Виеннского, кардинала Остийского, герцога Рудольфа Баварского нельзя было более удержать никакими просьбами; они распрощались через четыре дня и поспешили в Витербо и Тоди с охранными письмами принца Иоанна. За ними последовали тайно некоторые другие синьоры и даже ничтожный люд. Всего лишь 900 рыцарей с графами Амадеем, Иоанном де Фор и Робертом Фландрским оставалось под знаменами императора. Пребывание его в очаровательном, но необитаемом Тибуре, где резиденцией ему служил бедный епископский дворец, походило на гнетущее и позорное положение изгнанника, ибо перед воротами Тиволи появились уже Анибальди и Иоанн Савелли; они вызывали императора римского на бой, и он не в состоянии был наказать их дерзкое глумление. Именно только в меланхолическом уединении Тиволи познал Генрих VII, что прибыл в Италию катить сизифов камень.

Прибыли из Авиньона гонцы к кардиналам с запоздалыми письмами папы, в которых заключались условия относительно коронации, имевшие быть поставленными Генриху. Кардинал-легат Арнольд и Лука Фиэски тотчас поспешили в Тиволи и сообщили императору содержание этих писем. Климент V требовал, чтобы Генрих обязался никогда не посягать на Неаполь, чтобы заключил на год перемирие с Робертом, чтобы покинул в день коронации Рим и непрерывными переходами оставил церковную область, чтобы никогда в нее не возвращаться без дозволения папы. Последний познал теперь грозящую опасность: постоянное присутствие его в Авиньоне легко могло иметь последствием, что Святой престол в Риме оказался бы вытеснен императорским тронem. Он требовал далее, чтобы Генрих при отъезде своем не притеснял принца Иоанна и его партию, отпустил бы на волю всех узников и возвратил бы все римские замки их владельцам. Он требовал торжественной де-

кларации, что Генрих въездом своим, пребыванием в Риме, заключением под стражу римских граждан, занятием крепостей и другими прочими актами ни для себя, ни для своих преемников не приобрел каких-либо новых прав в Риме, не совершил каких-либо посягательств на права папы.

С глубоким изумлением узрел император, как с лица Климента V ниспала маска и вырос перед ним новый враг. Он вправе был возбудить тяжкие и справедливые жалобы против папы, замышлявшего сделать его посмешищем света. Какое право имел Роберт Неаполитанский занимать Рим и препятствовать коронации у Св. Петра — он этим наносил оскорбление кардиналам-легатам и даже самой церкви? Почему не обнародовал Климент V ни отлучения, ни даже угрозы с целью удаления этим из Ватикана этого заносчивого вассала церкви? Ничего не сделал для освобождения императора из недостойного положения, он возлагал теперь на него, будто на такого подданного, унижительное перемирие. Притязательное это послание Генрих тотчас сделал предметом государственно-правного расследования; он созвал своих советников и римских юристов, выслушал их суждения и протестовал против взгляда, будто папа властен предписывать римскому императору заключать перемирие, тем более с вассалом, виновным в преступлении против величества, с королем, с которым он не состоял даже в войне. Он протестовал, наконец, против положения, будто император обязан перед коронованием приносить присягу в верности папе, отвергал подобную, потребованную кардиналами от имени папы присягу и настойчиво отстаивал независимость имперской власти. Так снова возгорелся между папством и императорством конфликт, снова церковь и империя стояли угрожающе одна против другой, и Генрих VII начал скоро, подобно своим предшественникам, оспаривать папские притязания на светскую юрисдикцию как противоречащие основным началам учения Христова. Непомерные требования папы, рабски повиновавшегося велениям короля французского, но зато тем повелительнее выступавшего против императора и хотевшего, под влиянием Роберта, унижить имперскую власть до низжайшей степени, заставили великодушного Генриха воздвигнуть против Климента V максимы Гогенштауфенов. Он отвергал притязания папы на вмешательство в мирскую сферу, утверждал, что одно лишь избрание имперскими князьями водворяет императора во всем обладании его властью; оспаривал полноту правность папы предписывать ему отъезд из Рима, составляющего столицу империи и императорский город, и ссылался на Карла Великого, подданными которого были римляне. Но слабость Генриха была в то время столь велика, что он изъявлял готовность не вести в настоящий момент с королем Робертом войну. Назначено было однодневное, для него самого в высшей степени желательное перемирие. Вследствие этого 9 августа Генрих покинул Тиволи, чтобы через Рим, где не остался бы и без требования папы, отправиться в Тоскану. Он не позволил магнатам удерживать себя запугиванием насильственным задержанием римлянами от посещения города, который не хотел покинуть тайно и позорно. В Риме нашел он свое дело в неизменившемся, скверном положении; правда, что перед тем Иоанн Анибальди, граф Чекано, дядя Стефана Колонны, рассеял в Кампаньи шедший на подмогу к принцу Иоанну неаполитанский отряд, но через это перевес гвельфов не уменьшился. Император не мог без опасности ни вступить, ни покинуть Рим, если бы это перемирие не обеспечивало ему безопасность. Резиденцией своей он избрал Латеран, куда явились послы Фридриха Сицилийского. Флорентинские послы посетили его уже в Тиволи и обманчиво обнадежили насчет договора с их республикой. Это заставило Генриха предаться радостным ожиданиям, и он хотел даже всецело подчинить снова империи принадлежавшую ей раньше Тоскану.

Император собрал вождей римского народа, объявил им, что должен отправиться в Тоскану, что городу предстоит успокоение через скорое превращение перемирия в мир, что на всякий случай оставляет для защиты его достаточное число войска, и таким образом простился с Римом. 20 августа покинул он город, не удерживаемый ни народом, ни Колоннами, и направился по самому тому тракту, по которому прибыл. При нем находились еще Балдуин Трирский, Амадей Савойский, Иоанн де Фор, Роберт Фландрский, Николай де Ботронт, маршал Генрих, Иоффрид фон Лейнинген, Гергард, епископ Констанцский. Проследуя с маленькой своей дружиной через Ponte Molle, он увидел своих врагов, развернувшихся на соседнем Монте-Марио. Они без труда могли бы отбросить императора в Рим, но ограничились тем, что послали ему вслед лишь насмешливое «прости». Так исчез с отъездом Генриха первый со времени папского изгнания благоприятный момент, в который императорство могло бы занять резиденцию свою в самом Риме, согласно взгляду и надеждам Данте.

2. Колонна занимают гарнизоном Ватикан. — Отозвание императорского гарнизона. — Примирение Колонна и Орсини. — Бегство Иоанна Савиньи. — Народ низвергает правление аристократии и делает капитаном Иакова Арлотти. — Энергичное правление его. — Призыв народом Генриха VII резидировать в Риме. — Климент V признает демократию в Риме. — Веллетри изъявляет покорность Капитолию. — Газтани в Кампаньи. — Падение Арлотти. — Император в борьбе с Флоренцией. — Вооружения его в Пизе против Неаполя. — Угрожающая булла папы. — Выезд Генриха, смерть его и ее последствия

Отъезд императора вызвал немедленно в Риме большие перевороты. Тосканские гвельфы, отозванные Флоренцией обратно, 20 августа покинули город с целью возвращения на находящуюся в опасности родину, а также и принц Иоанн удалился в Неаполь, согласно требованию послов папы. Война партий через это не прекратилась, ибо Колонна и Орсини боролись в ежедневных схватках, и гибеллины большей частью одерживали верх. Граф Гуго фон Бутек, оставленный императором с 300 человек в Риме, и Стефан Колонна успели даже прорваться в Ватикан, прогнать оттуда Орсини и занять гарнизоном неважного теперь уже более Св. Петра, к которому так долго и тщетно стремился император. Между тем папа отнюдь не желал, чтобы гибеллины властвовали в Риме, ни чтобы вообще в городе оставалась императорская власть. Он, напротив, требовал от Генриха удаления его войск, по отозвании и Робертом своих. Неохотно уступил Генрих; он отозвал в Тоскану Бутека, и таким образом Колонны оказались покинуты императором, причем роптали и Орсини, что их бросил Роберт.

Разорение города и явная бесцельность борьбы партий побудили наконец Орсини и Колонн заключить договор. Магнаты эти предчувствовали уже свою судьбу: они страшились лишиться своего могущества и своих привилегий от руки разъяренного народа, давшего во время присутствия Генриха столь много уже доказательств самостоятельной воли. Аристократические партии вели переговоры через послов и пришли к соглашению отказаться от всяких общественных и личных усобиц, породниться путем взаимных браков и наконец вернуться к старой системе, по которой ставились от обеих фракций два сенатора. В то время еще Иоанн де Савиньи был капитаном на Капитолии, но уже без всякой опоры; Колонны не препятствовали Орсини изгнать этого вице-короля Генриха с помощью восстания, и Савиньи бежал и принес императору, стоявшему в лаге-

ре С.-Сальви при Физзоле, весть об утрате для него Рима через отпадение бывших его сторонников. Теперь из Орсини сенатором сделан был Франциск, сын Матфея де Монте-Джордано, из Колонн — храбрый Счиарра, и покинутые императором граждане снова с трепетом очутились во власти необузданных аристократов, пекшихся об одних лишь собственных выгодах. Они громко роптали, с жалобами собирались на улицах, водворили между собою мир, отказались от всяких партий и в общем сознании своего бедствия мужественно взялись за оружие. Обнаружилось, что воля граждан оказывалась непреодолимой каждый раз, когда они единодушно преследовали одинаковую цель. Депутация предъявила ультиматум народу знати. Он требовал участия в правлении капитана и апцианов, народом выбранных. Когда это было отклонено, граждане произвели столь яростное нападение на Капитолий, что сенаторы бежали, не оказав сопротивления. Перед этим же народным штурмом сдались важнейшие городские крепости, именно: замок С.-Анджело, Милиции и остров Тибра. Среди радостных кликов свободы провозглашен был теперь капитаном народа Иаков, сын Иоанна Арлотти, из дома Стефанески из Трастевере, и с триумфом отведен в Капитолий, где в помощь ему учредили общинный совет из 26 излюбленных людей. Арлотти взошел в свой трибунал; он потребовал к себе аристократов, которые и явились с безмолвным послушанием. Своевольные главы Орсини, державшие безнаказанно глумиться над императором римским, и, не менее того раболепно, знаменитые главы Колонн, низвергшие некогда Бонифация VIII и приведшие в Рим Генриха VII, с трепетом стояли перед лицом капитана народа. Гентилис, Пончелло, Пончеллет, экс-сенатор Франциск, светлейший Стефан, грозный экс-сенатор Счиарра, Иордан Колонна, Савелли Иоанн и Петр, Анибальд Анибальди и другие дворяне, как злоумышленники перед народом, заключены были в оковы и ввержены в темницы Капитолия. Лишь после долгих просьб и благодаря сильному поручительству дал уговорить себя Арлотти отпустить на волю этих врагов общественного благоденствия, вместо того чтобы, как того более желал, повергнуть главы их к ногам своим; он сослал их из города в поместья под страхом смерти в случае нарушения ими приговора.

Народ римский ликовал по поводу первой победы после столь долгого и тяжкого времени. Воскрес новый Бранкаоне, и новый капитан народа легко мог взять себе в образцы этого знаменитого сенатора. Один просвещенный историкограф этих событий, исполненный духа древности поэт, с негодованием сетовал на возобновление Арлотти декрета о разрушении монументов и дворцов Рима, изданного некогда энергичным графом д'Андало, когда он порешил с корнем вырвать власть тиранов в городе. Народ приступом брал дворцы своих угнетателей; он сокрушил башню Монцоне у Ponte Rotto, и одна лишь крепость старых изразцов защитила от такой же участи орсиниевский замок Ангела, гробницу Адриана. В это время нашли свою гибель не один монумент древних, не одна краса города.

Неожиданный переворот в Риме во всем походил на повторявшиеся во Флоренции революции каждый раз, как народ изгонял знать. Граждане и ремесленники властвовали теперь на Капитолии как блюстители законов; но юная демократия проникнута была сознанием своей слабости и поэтому поспешила стать под защиту того же самого императора, которого не признавала знать. Плебесдитом объявлен был Рим императорским городом и Генрих VII приглашаем с триумфом возвратиться на Капитолий и там навсегда основать свою резиденцию; римский император должен был лишь признать, что приял свою власть полномочием народа. Замечательное это постановление, долженствовавшее заслужить одобрение Данте, истекло

столько же из отчаяния измученного народа, надеявшегося получить возмещение за утрату папского двора в императорском, а наипаче всего ожидавшего восстановления мира от императора, сколько из гибеллинских доктрин о правах величества города Рима. Оно предвещало события в ближайшем будущем, когда этот муниципальный правовой принцип вызвал одну из самых странных революций. Итак, римский народ призывал императора вернуться и основать резиденцию в Риме; ибо почему было ему не основать трон свой здесь, коль скоро папа, вопреки праву и долгу, пребывал вдали от города? Искусная легенда рассказывала про императора Константина, что он почтительно удалился в уголок империи на Босфоре, чтобы предоставить Рим одному папе, а теперь, как, естественно, могли рассуждать римляне, преемник Константина мог вполне удобно вернуться в законную свою резиденцию, после того как папа удалился на край Запада. Ответ Генриха VII римлянам не известен; но собственный опыт научил его, что в анархическом Риме императора могла ожидать лишь судьба пап или еще худшая. Долго затягивания авиньонского пленения не предугадывал ни он, ни любой современник; знали хорошо, что рано или поздно папа должен вернуться в Рим, ибо лишь в качестве епископа римского мог быть он и верховным главой христианства. Генрих VII никогда серьезно не помышлял сделать Рим снова политической главой империи. Если бы ему удалось овладеть Тосканой, то, наоборот, он там, в Пизе или во Флоренции, основал бы свою императорскую резиденцию. Таково, по-видимому, в самом деле было его намерение. Но предложения римского народа имели важность для него и теперь, ибо восстановление авторитета его в Риме должно было иметь для него великое значение на случай кампании его против Неаполя. Климент V поспешил, впрочем, признать переворот в Риме, чтобы не восстанавливать против себя народ. Правда, он потребовал 27 января, чтобы капитан народа под страхом церковных кар сдал снова церкви, занятые ими в Патримонии замки, но тем не менее утвердил его, согласно просьбе послов римского народа, на целый год сенатором и капитаном 10 февраля. Он официально даже выразил свою радость по поводу того, что стараниями народа установлено было наконец мирное положение дел в Риме. Климент был умен и осторожен; он не вмешивался чересчур глубоко во внутренние дела Рима; он признавал здесь совершившиеся факты, коль скоро лишь соблюдаем был принцип супрематии церкви. Таковой всегда вообще была политика авиньонских пап, которым всем любя была слабость олигархических родов. Арлотти правил с поразительной энергией. В видах удержания подольше в отдалении неаполитанцев, призываемых Орсини, он завязал сношения с гибеллинами Кампаньи. Граф Чеккано, бывший там главой императорской партии, завоевал Чеперано на Лирисе, где в ту пору стояла рать Роберта, и сперва с успехом сражался против гвельфов. Веллетри принят был под патронат Рима и обращен даже в камерное имение Капитолия. Важный этот город, постоянно дружественный церкви, до сих пор независимый как от баронов, так и от Капитолия, находящийся под покровом пап и их епископов, теперь лишь впервые вступил в те же точно зависимые отношения к Риму, в каких состоял со времен Бранкалеоне Тиволи. Веллетринцы стали с этого времени получать от Капитолия подесту на шесть месяцев и другого римлянина, самими ими избранного, в судьи; с этих пор они стали посылать депутатов на общественные игры Рима и приносить две восковые свечи в виде дани римскому народу ежегодно, в день Успения Пресвятой Богородицы, один из главнейших городских праздников (назывался *mezz' Agosto*); они изъявили, наконец, подобно тиволецам, всякого барона навсегда от правоспособности приобретать оседлость в районе их города. Так возрастало политическое могущество Капитолия через удаленность папы. Изгнанные магнаты помышляли между тем о низвержении ненавистной демократии, и

одна победа гвельфов даровала им неожиданную силу, ибо Ричард де Чеккано наголову был разбит пфальцграфами из дома Бонифация VIII. С низвержения этого папы Гаэтани лишились влияния своего в Риме и удалились в великие свои лены в Кампанию, где все еще продолжали войну возмездия против Колонн и прочих гибеллинов. В качестве вассалов неаполитанской короны, как графы Фунди и Казерта, служили они в войске Роберта и начали с этого времени пользоваться большим влиянием в Неаполе. Главами их рода были в то время Лоффред, первый граф Фунди, и брат его, пфальцграф Бенедикт. И вот после победы их над гибеллинами под предводительством графа Чеккано покорился еще раз весь Лациум власти Роберта, войска которого снова перешли Лирис. Поражение это подорвало императорскую партию в Кампании и невыгодно повлияло на Рим. С такой же быстротой, с какой совершился демократический переворот, реакция ниспровергла снова народное правление. Аристократы с успехом выполнили предусмотренную рукописанием схватку; в сумерки проникли они в город и к Капитолию; тшкетно звонил колокол в набат — врасплох захваченные граждане явились слишком поздно и трусливо рассеялись по домам, когда скорбная весть разнеслась по Риму о том, что мужественный их сенатор и капитан находится в цепях. Правление Арлотти исчезло, как призрак; прогнанные в октябре сенаторы Франциск Орсини и Счиарра Колонна снова заняли Капитолий, и народ римский после короткого промежутка свободы снова понес иго мстительной знати.

Так и в Риме рушились надежды императора, и Генрих VII имел, в самом деле, больше многих своих предшественников оснований считаться с постоянно бывшей враждебной к нему фортуной. Не мочь разрешить задачу жизни есть уже само по себе величайшее несчастье, а этому императору не удавалось ни одно из его предприятий. Покинув Рим, поехал он через Витербо, Тоди и Кортону в гибеллинское Арещо. Там 12 сентября 1312 г. потребовал он, чтобы король Роберт явился в течение трех месяцев перед его трибуналом по обвинению в государственной измене. После непрерывных боев с гибеллинскими замками Тосканы появился он 19 сентября, подкрепившись сукурсами гибеллинских городов, перед Флоренцией для покорения, подобно Брешии, этого города, о сопротивлении которого разбивались все его планы. Богатая и прекрасная республика на Арно, более упорная в ненависти против германского цезаризма, чем Милан, стояла во главе великого гвельфского союза, простиравшегося от Ломбардии через Мархию и Романью, через Тоскану и Умбрию до самого Рима и протягивавшего руку королю Роберту. Итальянцы почитают оборону Флоренции против Генриха VII одним из славнейших деяний патриотизма и прощают флорентинцам ради этого изгнание величайшего их гения. Страстная привязанность к свободе, самостоятельность, гордое и твердое поведение Флоренции, гвельфской республики менял, купцов и суконщиков, заслуживают самого высокого удивления. В эти дни Флоренция заслужила честь быть носительницей независимости и национальности Италии. Дивный город был прекрасно снабжен продовольствием, полон собственной и союзнической рати и силами дважды превосходил врага. Он издевался над усилиями императора, не сумевшего воспользоваться первыми победами и подпавшего вскоре под влияние упадка дисциплины и лихорадок в войске.

Весьма тяжело следовать за бесплодными передвижениями Генриха VII, за осадами и ужасными опустошениями замков и нив. Они умножают лишь старые, постоянно возобновляющиеся всякого рода ужасы, не блистая героическими подвигами оружия. Генрих, всегда остававшийся несогбенным в несчастье, прибыл в Италию с возвышенными мечтаниями о мире, но в короткий годовой срок вынужден был измениться до неузнаваемости; окунувшись в сферу страстей партий и вы-

нужденный истощаться в мелкой войне на тесном театре Тосканы, он превратился из мессии мира в беспощадного губителя, со справедливой ненавистью проклинаемого, подобно некогда Барбароссе или Фридриху II, злосчастливым земледельцем. Чарующие берега Арно беспощадно орошаемы были кровью, и сад Тосканы превращаем свирепым воинством в пустыню. Сняв осаду Физзоле и Флоренции, Генрих провел все зимние месяцы в соседнем Сан-Кашиано. В начале 1313 г. последовал он в Поджибонци, старый гибеллинский замок, разрушенный гвельфами и теперь по его повелению заново отстроенный под именем Mons Imperialis. Никаких немецких ратных князей не находилось более в его лагере; верно держались при нем лишь епископы Балдуин и Николай, храбрый его маршал Генрих, граф Гуго фон Бугек (и некоторые другие немецкие дворяне. Из итальянцев ревностнейшими соотарищами его были Амадей Савойский, Фридрих де Монтефельтре, сын знаменитого Гвидо, и Угуччо граф Фаджоло, храбрый гибеллинский капитан, начинавший тогда новую и блистательную карьеру. Хотя и подкрепленный 500 рейтарами, 3000 пехотинцами Пизы и 1000 генуэзскими стрелками, император, однако, ничего не мог сделать; войско его таяло, скудость в опустошенной стране становилась гнетущей. В начале марта отправился он в верный город Пизу, где истощенный налогами народ далеко не так уже радостно принял его, как прежде. Он пробыл здесь несколько месяцев, ревностно готовясь к войне, базисом которой являлась именно пизанская республика как средоточие всего гибеллинского союза. Объявление вне закона гвельфских городов и длинный проскрипционный лист их горожан произвели так же мало впечатления, как и возбужденный против Роберта Неаполитанского процесс. Императорским приговором он низложил этого короля как врага империи, мятежника и изменника, лишил его всех корон и званий и приговорил его к смерти от руки палача. Роберт протестовал против эдиктов императора публичным манифестом, которым в качестве наследника «непобедимого Льва» Карла Анжуйского объявлял войну преемнику Гогенштауфенов Фридриху, Манфреду и Конрадину. Одна-единственная мысль наполняла и мучила душу Генриха: наказать этого короля и сокрушить анжуйский дом. Тут можно было вписать в анналы империи лист с блестящим актом правосудия; при этом благородный Люксембург мог в качестве мстителя за старое кровавое преступление достоительно воссесть на обломках запятанного убийством трона Карла Анжуйского. Являлся ли подвиг этот невозможным? Несомненно нет; ибо Пиза, Генуя, Фридрих Сицилийский, гибеллинские лиги Италии снаряжали свои флоты и войска, чтобы по одному общему плану напасть войной на Неаполь; дружественные города снабдили деньгами, и сама германская империя, куда командирован был Балдуин Трирский, изъявила с патристическим, хотя и практическим самоотречением, готовность к поддержке своего императора. Сын его Иоанн Богемский с вспомогательным войском готовился спуститься с Альп. Климент V, трепеща перед мыслью о возможности низвержения серьезной экспедицией династии Анжу, опоры церкви в Италии, поспешил отвратить от короля Роберта эту гибель. 12 июня издал он буллу, которой предавал отлучению всех, кто пойдет войной на короля неаполитанского и будет нападать на эту вассальную церкви область. По вручении буллы этой императору он стал жаловаться, что она составляет дело рук его врагов, именно короля французского; он созвал парламент и объявил, что вооружения его относились не к достоянию церкви, которое он, наоборот, намеревался оборонять, но до прав империи. Он оспаривал вместе с тем притязания церкви на Неаполь и Сицилию; император есть по праву властитель мира, в силу чего и эта страна принадлежит к империи. Так, идеалистическое понятие гибеллинов об охватывающей землю императорской власти в последний раз нашло историческое свое выражение в великодушном, хотя и бессильном, Люк-

сембурге, и император этот стал бы целым рядом длинных войн отстаивать императорские прерогативы против папства и Италии, если бы судьба дала ему на то время. Однако для умилоствления папы он отправил епископов триэнтского и бутронтского в Авиньон. Непреклонное его решение со всеми силами обрушиться на Неаполь привело его по отношению к папе в трудное положение, подобное тому, в каком находился Оттон IV, когда предпринял смещение с трона лида, покровительствуемого Иннокентием III, что вызвало закрытие всех путей к примирению и то, что булла отлучения неукоснительно повисла над его головой. Когда Роберт увидел обширные приготовления императора и коалицию столь многих врагов, то понял, что предприятие это серьезнее экспедиции Конрадина; его объял такой страх, что он стал уже помышлять об избежании бури поспешным бегством в Авиньон. Наученный собственными промахами, Генрих не хотел более тратить силы на безуспешные осады городов, но намерен был быстро надвигаться вперед и проникнуть в самое сердце Неаполя. Завоевание этого королевства сделало бы его безусловным повелителем всей Италии. В Пизе у него были уже собраны 2500 большей частью немецких и 1500 итальянских рейтаров, помимо больших отрядов пехоты. Это побудило его не дожидаться более возведенной имперской армии. Семьдесят галер под командой Ламба Дориа генуэзцы командировали в Пизанскую гавань и с ними же поплыли в море к острову Понца 20 пизанских судов, причем в назначенный день Фридрих Сицилийский с 50 галерами отплыл из Мессины и отнял в Калабрии Реджио. Император послал письма к гибеллинским городам Умбрии и Тосканы, возвестил им, что шествует с войском морем и сухопутно к Риму, где рассчитывает быть к 15 августа, и приглашал их выслать ему войска. Выступил он 8 августа 1313 г. План его был — проследовать через Тусцию, достигнуть Рима, куда командирован был им Генрих фон Бланкенбург для собрания вокруг себя гибеллинов и для приготовления ему жилища в Ватикане и затем соединиться с сицилийцами и генуэзцами в Террачине. План был безукоризнен, успех вероятен, ибо при общих усилиях сильных морских республик Пизы и Генуи с Сицилией и сухопутной армией императора представлялось столько блестящих средств, каких еще не соединялось для нападения на Неаполь. Самые радостные ожидания воодушевляли поэтому гибеллинов. Одного лишь нельзя было предвидеть: это смертельной болезни императора уже тогда, когда он садился на коня. Напряжения похода, стоянки в открытом поле, воздух маремм, возбуждение и разочарования, столь много тяжелых огорчений подкосили силы благородного Генриха. Они внезапно ему изменили по прибытии его в окрестности города Сиены, который он обложил блокадой.

В двух немецких милях от Сиены, в маленьком местечке Бунконvento, лег на смертный одр Генрих VII. Из рук доминиканца-монаха принял он Св. причастие, трогательно простился со своими воинами и в благочестивой покорности воле Божией 24 августа 1313 г., 51 г. от роду, скончался. Смерть его была глубоко трагическая. Во главе большого войска, при начале новой и сулившей быть славной карьеры, воодушевляемого надеждами, впервые основательными, похитил рок Генриха, и все пролетело, как сон. Велика была скорбь в лагере. Вокруг покойного в глубочайшей скорби стояли друзья, сподвижники его битв, знать Германии и гибеллины Италии. Великие их планы разрушены были безвозвратно. Восстановление империи, месть за Гогенштауфенов, завоевание Неаполя, победа и могущество гибеллинской партии — все обратилось теперь в сновидение. Дикое отчаяние объяло войско. Пронеслась молва, что император отравлен был просфорой. Разъяренные немцы кинулись в монастырь и закололи монахов. Войско начало распадаться. Гибеллины из Ареццо, из Мархий и из Романьи, конные и пешие, в страхе покинули лагерь, остались одни пизанцы и немцы. В глубочайшем трауре вы-

ступили дружины их под предводительством маршала Генриха и привезли на катафалке тело почившего императора через мареммы в Пизу. Едва ли когда имел какой-либо император более почетный эскорт. Скорбь в Пизе была неопишная. Пизанцы, затратившие столь крупные денежные суммы в предприятие Генриха и соединившие с ним столь великие надежды на приобретение могущества, с горестным отчаянием встретили усопшего. Весь город стонал от горестных воплей. Никогда никакого германского императора не оплакивал так сильно никакой итальянский город. Прах в мраморной урне поставлен был в соборе, и Пиза навек сохранила в виде дорогой святыни мавзолей Генриха. Этот благородный гибеллинский город получил в этом завещание германской империи и памятник своей достопочтенной верности. Саркофаг Генриха VII стоит ныне в Campo Santo, всесветным знаменитом кладбище, обращенном творениями гениальных мастеров и гробницами старого и нового времени в один из прекраснейших храмов исторических воспоминаний. Там покоится прах Генриха Люксембургского как последняя императорская жертва, принесенная Италии Германией, связанной с ней веками кровавой, но великой истории. С его саркофагом связываются воспоминания истории империи и образы многих и великих императоров, переносившихся через Альпы одним и тем же потоком идей. Путиами их из Германии в Рим служили вечно одни и те же вековые тропы; могилы их — теми же верстовыми столбами с эпической медленностью движущейся истории. Появление Генриха VII, последнего представителя германского, мир захватывающего императорского идеала, озаряет историю Италии мягким, неугасающим сиянием. Восторг, вызванный им в величайшем гении этой страны, есть справедливая дань, которую должна была отдать Германии сама Италия. Чествование со стороны Данте является вместе с тем сильнейшим доказательством глубоко исторической необходимости имперской идеи в Средние века, закончившиеся самим этим поэтом и этим императором. Данте, которого политические надежды умерли с Генрихом VII, посвятил ему посмертную элегию в «Парадизе», где видел корону, лежащую на троне, предназначенном на небе для души «великого Генриха». Но если великому поэту смерть императора представлялась лишь грубой случайностью и рановременной, то истории приходится тем не менее изречь иной приговор; она признает законность этой гибели. То, чего хотел Генрих, было практически невозможно, ибо осуждено временем, и было лишь мечтой сновидения. Сам Карл Великий не в силах бы был воспроизвести это. Все современники восхваляли Люксембурга как государя самого великодушного образа мыслей, и, быть может, никогда ни один император не спускался со столь высокими и чистыми помыслами с Альп. Но корни бедствий Италии залегли чересчур глубоко, для того чтобы их мог излечить Генрих. Суд современников и потомства изрек в пользу его лишь тот приговор, что если вообще беды эти были из числа излечимых, то не было другого человека, более способного стать спасителем Италии. Генрих VII умер в надлежащую пору, избавляя мир от ошибки, а самого себя, быть может, от его ненависти и от того, чтобы, не оставив следов деяния, не стать злополучным мессией Италии.

В людских отношениях ознаменование падения выдающейся личности редко ощущаемо было столь глубоко, как в то время, когда весть о смерти заставила одних с поднятым мечом внезапно окаменеть, других из оцепенения страха повергла в беснования радости. Папа и король Роберт вздохнули свободно. Все гвельфские станы и города гремели радостными кликами. Начались радостные торжества. В честь апостола Варфоломея назначен был ежегодный праздник по случаю того, что Генрих VII похищен был смертью в тот самый день августа, когда и Конрадин лишился короны своей при Таммакоцце. Насколько радость была велика здесь, на-

столько велико горе в лагере гибеллинов. Фридрих Сицилийский, смертельный враг Роберта, упоенный надеждами победы, прибыл с флотом своим в Гаэту, где должен был дожидаться императора. Услышав здесь ужасную весть, он поспешил в гавань Пизы; граф Савойский, прочие немецкие магнаты и стоящие во главе республики сопровождали его в город. Потрясенный, стоял внук Манфреда у гроба императора, долженствовавшего быть постоянным его союзником и тестем и с помощью которого рассчитывал занять трон Неаполя. Он призывал теперь немцев пребыть верными плану войны, продолжать с ним великое предприятие; но они, полные малодушия и подозрительности, отказались от этого и поспешили обратно в отечество, где имперская армия под предводительством Иоанна Богемского, сопровождаемого матерью императора Беатирисой, двинулась уже походом, но теперь сделала привал в Швабии и распалась. Пизанцы, исполненные страха перед местью Роберта и гвельфов, увидели себя покинутыми немецкими рыцарями; всего 1000 человек из войска Генриха остались у них на службе; они образовали, о чем пришлось глубоко печалиться Тоскане, первую из банд иноземных солдат, ставших вскоре бичом Италии. В отчаянии молили пизанцы Фридриха Сицилийского принять синьорию их республики. Внук Манфреда предъявил большие требования именно по отношению к Сардинии, на которые не согласились пизанцы, и, убедившись в погибели дела гибеллинов, возвратился в Сицилию. Тогда Пиза предложила верховное начальствование графу Савойскому, затем маршалу Фландрскому; они тоже вернулись домой. Но когда все уже отчаивалось, один храбрый и мужественный человек принял предлагаемую власть; это был граф Уго дельла Фаджиола. Пизанцы вызвали его из Генуи, где он был вице-королем, назначенным императором. Уго сделался синьором Пизы, вождем немецкой наемной дружины, а вскоре — знаменитым главой гибеллинов Тосканы, видевших в этом многоопытном капитане единственное свое спасение.

Экспедиция против Неаполя, таким образом, распалась; гибеллины в изгнании, в бегстве или со страхом запершиеся в своих городах, впали в прежнюю беспомощность, а король Роберт, могущественный верховный вождь всех гвельфов, неожиданно вознесен был фортуной, но не личными талантами, на степень большого влияния в Италии, чем каким даже пользовался после гибели Конрадина дед его Карл.

3. Гибеллинский лагерь по смерти Генриха. — Могущество короля Роберта. — Климент V объявляет себя повелителем вакантной империи. — Кончина его. — Раболепность его перед Францией. — Принесение в жертву храмовых рыцарей. — Окончание процесса Бонифация VIII. — Кардиналы, национальные их контрасты, распавшийся их конклав в Карпентрасе. — Иоанн XXII, папа. — Людовик Баварский и Фридрих Красивый. — Король Роберт правит Римом. — Последствия для города отсутствия папы

Несчастный римский поход Генриха VII подлил лишь новую жизнь в партийную борьбу гвельфов и гибеллинов и сделал ее неисцелимой. Невзирая на то что гибеллины очутились в тот момент в весьма скверном положении, тем не менее они держали императорское знамя развернутым в четырех пунктах Италии: на острове Сицилии, где Фридрих оказывался довольно силен для отражения Роберта; в Пизе, где энергично держался смелый Уго дельла-Фаджиола и вскоре покорил даже Лукку; и в Ломбардии, где в Милане на развалинах дома дельла Торре возвышен был Генрихом VII мудрый Матфей Висконти, причем в Вероне милостью того

же императора возвысилась фамилия Скалигеров и получила теперь знаменитого главу в лице юного Кана делла Скала, покровителя Данте. Эти гибеллинские станы противопоставляли еще преграду королю неаполитанскому и препятствовали ему привести под свой скипетр всю Италию; ибо почти все гвельфские города признавали его суверенитет; сама могущественная Флоренция уже в июне 1313 г. из страха пред императором дала ему синьорию, так что эта республика была управляема королевскими наместниками.

Вдали от Италии и в зависимости от Филиппа Французского Климент V всецело предан королю Роберту, которого честолюбивые замыслы поддерживал безусловно. Он осыпал его почестями и привилегиями. Он наградил его Феррарой, а осенью 1313 г. сделал римским сенатором. Здесь властвовали те же самые Орсини, которые при вести о втором походе Генриха приготовились даже к бегству. Гибеллинские их соперники частью оставили город, и Рим в безусловной власти гвельфов теперь преклонялся перед Робертом и встречал в Капитолии Понцелло Орсини в качестве его вице-короля, как во времена Карла Анжуйского. С этого времени Рим был в течение нескольких лет, как во времена Карла Анжуйского, управляем наместниками короля Неаполитанского. Папа не довольствовался этими знаками благоволения к вассалу, в городе которого Авиньоне имел свою резиденцию. Как будто суверен империи, он объявил опалу над Робертом, утвержденную буллой Генриха VII от 14 марта 1314 г. уничтоженной. В отношении же отказа императора признавать обеты свои церкви за присягу в верности Климент V издал декларацию, что клятва римских королей папе является настоящей вассальной или верноподданнической присягой, из чего вытекало основное положение, что папа в качестве истинного суверена империи обладал полномочиями присваивать себе управление ею во время императорской вакантности. Согласно с этим, Климент V и назначил короля Роберта имперским вице-королем Италии, с условием через два месяца по утверждении нового короля римского отказаться от этого викариатства. Климентинские декреты возвели на степень канонического права то, что предшествующие папы, начиная с Иннокентия III, высказывали лишь в виде доктрин. Они явились естественно логическим следствием всех предшествующих посягательств на имперскую власть, и таким образом папство достигло цели, которую ему предстояло лишь переступить путем прямого назначения и самого императора. Горячие усобицы возгорелись между всеми сторонниками империи в Германии, равно и в Италии, и тогда же породили новые распри в сферах государственного права и политического мира.

Тем временем 20 апреля 1314 г. в Гокморе, в Лангедоке, скончался Климент V, не оплакиваемый никем, кроме nepотов и фаворитов, обвиняемый современниками и потомством в том, что только через симонию попал на Святой престол, что отдался французскому королю в слуги, пересадил папство из Рима, священной его резиденции, во французское пленение и наполнил кардинальскую коллегия французами, через что посеяны были первые начала позднейшей схизмы. На нем тяготеет еще более тяжкий упрек, что он как чрезмерным nepотизмом, так и корыстным стяжанием нечестными способами богатств ввел в церковь те злоупотребления, которые столь сильно обесславили авиньонскую эпоху. Из всех деяний этого лукавого и нечестного политика-гасконца ничто не запечатлено столь глубоко в памяти человечества, как декретированное им на Виеннском соборе упразднение ордена тамплиеров. Какие бы тяжкие и справедливые обвинения ни ввозились на многих из сочленов этого знаменитого рыцарства по части развращенности нравов, восточного разврата и языческих беззаконий, во всяком случае, трудно предположить, чтобы потребованный против них королем Филиппом процесс возник из морального негодования к их виновности. Климент, напротив, оказался вынужден принести бога-

тых тамплиеров в жертву корысти этого короля, дабы спасти церковь от публично-го бесчестия, которое навлек бы на нее приговор о том, что Бонифаций VIII был еретик. Ибо Филипп требовал этого, и Климент V, поспешивший отменить по отношению к Франции позорящую буллу *Unam Sanctam*, принужден был согласиться на продолжение скандального процесса против этого папы. На Виенском соборе было признано, что Бонифаций VIII умер католиком, однако все его направленные против Франции акты были уничтожены, и король одержал полную победу. Уничтожение ордена тамплиеров, одной из славнейших иерархических корпораций, переродившейся с знатнейшей аристократией Европы, имело, впрочем, само по себе и независимо от самих мотивов его весьма глубокое значение для духа времени; оно явилось разрывом с иерархическими средневековыми институтами, через что явилось предвозвестие новой эпохи. Напрашивается невольно на ум аналогичное в гораздо позднейшие времена декретом папы состоявшееся упразднение ордена иезуитов. Двадцать три кардинала находились в Карпентрасе, где было пребывание двора Климента, и сообразно с этим должен был там происходить конклав; из числа оных 17 были французы, прочие — итальянцы, именно: Гульельмо Лонги де Бергамо, Николай де Прато, Франческо Гаэтани де Ананьи и, наконец, Петр и Иаков Колонна и Наполеон Орсини. Последние три сделались всемирно известны с эпохи Бонифация VIII. Наследственная вражда их домов, равно как и борьба, из-за процесса этого папы сообщилась и этим кардиналам, из коих Колонны из благодарности к королю Филиппу, как равно и из ненависти к Гаэтани, являлись первоначально франкофилами. Но весьма тяжелое положение, в которое вообще поверг итальянцев конклав во Франции, сделало их единодушными в национальных взглядах. Гасконцы требовали гасконского, французы — французского папу, которого Филипп Красивый хотел во что бы то ни стало удерживать в своей зависимости, а итальянские кардиналы стремились искупить свою вину возведения Климента V избранием лица, которое освободило бы папство от цепей Франции и основало свою резиденцию в Риме. Все элементы для национальной схизмы имелись уже налицо. Благородный Данте, как патриот, возвысил теперь свой голос; он убеждал кардиналов единодушно противостоять гасконцам и возвратить осиротелому Риму папу, подобно тому как увещевал некогда итальянцев возвратить городу императора. Он почитал Рим за предназначенную Божественным Промыслом резиденцию обеих властей и считал возможным совместное мирное пребывание императора и папы — взгляд, доселе или прямо отвергаемый, или же не допускаемый историей до осуществления.

Конклав имел столь великую важность, что она повсюду была глубоко сознаваема. Он решал целую будущность. Он таил в себе схизму. В случае выбора в папы итальянца тот избрал бы резиденцией своей Рим; в случае избрания француза папское изгнание необходимо должно было бы затянуться. Наполеон Орсини, декан священной коллегии, написал вскоре по кончине Климента любопытное письмо к королю Филиппу. В нем он открыто высказывал отчаянную решимость итальянцев и ненависть их к памяти только что скончавшегося папы, которым они некогда были столь нагло обмануты. Он изобразил Климента V одним из худших пап, продававшим за деньги должности и церковные имущества или раздававшим своим nepотам и по вине которого впали в разорение Рим, Церковная область и Италия. Этот кардинал возглашал уже те самые сетования на национальное обезличивание Италии французским папой и на незаконное управление алчных французских ректоров в Церковной области, которыми 50 лет спустя гремела поруганная и возмущившаяся страна.

Король Филипп не обратил на эти жалобы ни малейшего внимания; они вообще раздули лишь национальную вражду гасконцев и французов. Первый формальный, происходивший во Франции процесс умножил любопытную историю папских выборов сценами самого дикого насилия и снял с римлян упрек, будто лишь среди них и по их вине происходили подобные неистовства. 24 июля 1314 г. nepоты Климента V Бертрам де Го и Раймунд напали с толпой гасконцев на карпентрасский конклав; они подожгли дворец и город; лишь с помощью поспешного бегства спаслись итальянские кардиналы от угрожавшей им смерти. Следствием этого злодейства явилось рассеяние избирателей и долгая затяжка новых выборов, до которых сам Филипп Красивый уже не дожил, скончавшись 29 ноября 1314 г. Так же тщетно пытался довести до конца выборы его сын и преемник, Людовик X; сам он скончался 5 июля 1316 г., между тем как раздорящие между собой кардиналы уже с 28 июня 1316 г. насильственно задерживались в конклаве, в Лионе, братом его Филиппом Пуатьерским. Однако 7 августа явился новый гасконский папа. То был седой Жак Дюэз из Кагора, из мещанского рода, маленький, невзрачный и отвратительный, но весьма лукавый, искусный во всех делах и педантичный схоластик. Он был явным фаворитом, даже конфидентом Роберта Неаполитанского, где уже при отце его составил свою фортуна клириком, придворным и канцлером. Стараниями Роберта сделался он епископом фрежюским, затем авиньонским; он подал руку помощи Филиппу Красивому для уничтожения тамплиеров, но на Виеннском соборе мудро воспротивился посрамлению памяти Бонифация VIII. Деятельностью его была затем вознаграждена Климентом V пурпуром и пожалованием в кардинала портского. Роберт рекомендовал этого прелата в папы, предусматривая в нем энергичного борца против Фридриха Сицилийского, Висконти в Милане, пизанцев и гибеллинов, ибо последние только что перед тем установили могущество свое блестящей победой Уго дела Фаджиола при Монтекатини (29 августа, 1315 г.) над соединенными гвельфами и неаполитанцами под предводительством двух королевских принцев. Имперская партия, орлы которой воспарили победоносно под сенью немецкой наемной дружины, снова грозила сделаться сильной, как после дня под Монтаперто во времена Манфреда. Золото подкупило нерешительных кардиналов, Наполеон Орсини был также подкуплен, французская партия обманута, и Роберт счастливо добился своей цели! Иаков Кагорский вступил на папский трон под именем Иоанна XXII, избрал после хиротонии своей 5 сентября резиденцией Авиньон и вскоре после серьезной ссоры с новым верховным властелином империи привлек к себе внимание вселенной.

Глубокие распри раздирали в то время германскую империю. По смерти Генриха люксембургская партия рассчитывала возвести на трон юного его сына Иоанна Богемского; когда это оказалось невозможным, она побуждала герцога Людовика Баварского завладеть короной, чтобы лишить оной сына Альбрехта Фридриха Красивого Австрийского. 20 октября 1314 г. Людовик был в одном из форштадтов Франкфурта избран в короли римские пятью имперскими князьями, архиепископом Петром Майнцским, архиепископом Балдуином Трирским, королем Иоанном Богемским, герцогом Иоанном Саксонским и маркграфом Вольдемаром Бранденбургским; но другие два избирательных владетеля, Генрих Кельнский и Рудольф, пфальцграф рейнский и герцог баварский на другом франкфуртском берегу днем ранее избрали Фридриха Австрийского. С того времени оба претендента провели целые годы в борьбе за корону, причем Роберт Неаполитанский воспользовался влиянием своим на нового папу для затягивания германской коронной распри, чтобы сделаться владыкой в равно растерзанной Италии. Как король, так и гвельфы требовали от папы, чтобы он или не признавал более никого императором, или же

утвердил лишь такого, который был бы безвреден для Италии. В одной из своих инструкций Роберт высказался даже прямо посла, что как вообще римско-германская империя возникла силой и притеснением, так и погибнет от тех же самых материальных причин. Таким своим взглядом он оспаривал гибеллинскую доктрину Данте, утверждавшего, что римская империя установлена была как всемирная монархия на все времена не земной властью, а воздействием Божественного Промысла. Он указывал, что король Германии, избранный в короли римские, естественно должен сделаться врагом Франции и Неаполя и явиться в Италию лишь затем, чтобы воодушевить гибеллинов; он вообще протестовал против обычая избирать королей римских из немцев, национальностью и национальной враждой непримиримо разделяемых от французов и итальянцев.

Иоанн XXII не спешил высказаться в пользу того или другого из немецких претендентов, но, напротив, объявил империю вакантной и подтвердил буллу своего предшественника, которой Роберт назначен был вице-королем Италии. Он покровительствовал исключительно гвельфам. Гибеллины сами распались; германская коронная распря влияла расслабляюще на их силу, ибо одни признавали Людовика, другие — Фридриха, и оба соперника были истребованы прибыть в Италию. История страны в эту эпоху глубоко запутанна и безотраднa. Борьба между обеими партиями, экспедиции Роберта в Сицилию и Ломбардию, знаменитая война за Геную, подвиги Маттео Висконти и Кана Гранде или Каструччио Кастракане, следовавшего после падения Уго дела Фаджиола тираном Лукки и доведшего до крайнего стеснения флорентинцев, едва ли имели какое-либо влияние на римские дела. Здесь римляне жаждали свергнуть владычество Роберта; но даже в 1315 г. и после великой гибеллинской победы под Монтекатини королевский наместник сидел спокойно на Капитолии. Восшествие Иоанна XXII обеспечило королю продолжение сенатства, ибо новый папа предоставил ему власть в Риме и сделал его генерал-капитаном церковной области. Как до этого, так и после, Роберт назначал своих наместников в Капитолий обыкновенно на шесть месяцев. Они были частью неаполитанцы или же советники и рыцари его двора, частью же и в значительном большинстве римские магнаты, носившие иногда в этих случаях титул «сенаторов светлейшего города», не являясь, однако, ничем иным, как королевскими вице-королями. Бобони, Орсини, Анибальди, Савелли, Конти, Стефанески и Колонна встречаются в числе их, и это указывает, что Роберт стеснялся оскорблять городскую аристократию и национальное чувство римлян.

Город постоянно сохранял свободные учреждения своей республики, так что стоял в тех же самых отношениях к Роберту, в каких была к нему Флоренция после вручения ему ректорской власти. Жизнь за эти годы покинутого папой Рима представляется для истории не имеющей ценности. Римская знать повержена была в непрерывные фамильные усобицы в городе и внутри страны; папа и король Роберт безуспешно пытались примирить свирепствовавшие партии. Осенью 1326 г. вице-король Иаков Савелли, сын знаменитого Пандульфа, был удален; синдики, Стефан Колонна, Пончелло и Наполеон Орсини ворвались с конницей в Капитолий, заставили вице-короля подать в отставку, посадили его на коня и увезли с собой. Народ за этот энергичный поступок наградил Стефана и Наполеона рыцарским саном. Оба знатных синьора взяли в Арачели ванну из розовой воды и были облечены новым своим достоинством 28 депутатами республики. Гордый аристократ Стефан извинялся перед папою в принятии этого бюргерско-рыцарского сана (сан этот, впрочем, в ту эпоху обыкновенно жаловался почти всеми городами Италии), на что последний вежливо ему отвечал, что новое его рыцарство способно лишь приумножить почет древнего дома его. Таким образом, в 1329 г. Колонна,

Орсини и папа оказывались во взаимно дружественных отношениях, между тем как король Роберт продолжал править городом. Но долгое отсутствие папства давало чувствовать себя все более и более. Источники благосостояния иссякали. Все доставлявшее доход духовенству и всем классам населения исчезло с выселением курии. Улицы, церкви, дворцы запустели. Хищные до грабежа бароны завладели пустопорожними жилищами кардиналов, что, по всей вероятности, папа запрещал, хотя и бесплодно. Запустение было безгранично; убийства из-за угла из-за кровавой мести и насильственные разбои стали ежедневным явлением; вооруженные банды нападали на дома и грабили их. С грубым дворянством соперничали юные клирики, по большей части сыновья знатных родов. Эти духовные синьоры рыскали с мечом в руках по улицам, унижая тем самым свои одежды; они принимали участие во всяких сделках и совершали безнаказанно всякого рода преступления в силу привилегии, изымавшей их от юрисдикции светского суда; народ все настоятельнее требовал возвращения папы. Если присутствие его бывало нередко в тягость римлянам, то удаление его обращалось теперь в пытку. С самодовольством внимали папы в далеком Авиньоне жалобным призывам осиротевшего Рима к духовному его супругу, искавшему его за воротами, как Суламит жениха; ибо отказ вернуться в Рим не был ли мезью за страдания, за бегство, за изгнание и смерть столь многих их предшественников?

ГЛАВА III

1. Германская тронная распря. — Папа объявляет себя регентом империи. — Политика гибеллинов в Италии. — Мюльдорфская битва и ее последствия. — Людовик освобождает Милан. — Папа вчиняет против него процесс. — Контробъяснения Людовика. — Подвержение его отлучению. — Союзники Людовика. — Схизма миноритов. — Доктрина о бедности и отношении ее к всемирно господствующей церкви

Тронная распря в Германии, где Людовик Баварский коронован был 25 ноября 1314 г. в Аахене, а Фридрих Австрийский в тот же день — в Бонне, породила те же отношения, какие были в дни Иннокентия III. Иоанн XXII пожаловал обоим претендентам титул «избранного в короли римские» и не признал ни одного. Этого требовал Роберт, протектор церкви в Италии. Чтобы окончательно обезнадежить гибеллинов, Иоанн объявил буллой 31 марта 1317 г., что папа, которому Бог в лице апостола Петра вручил власть одновременно и на земле и на небе, есть законный правитель империи во время ее вакантности. Ввиду этого под страхом отлучения он повелел всем вице-королям, поставленным Генрихом VII в провинциях и городах Италии, немедленно сложить с себя этот титул. Если бы эта папская узурпация превратилась в право, то необходимым ее последствием явилось бы, что все имперские князья и ленники короны приносили бы присягу в верности и платили бы дань папе как светскому своему повелителю, что право пожалования должностями и ленами в империи перешло бы к папе и все вообще гражданские дела подлежали бы его трибуналу. Верное убежище во Франции и поддержка этого королевства, слугами которого они были, сделали отношения авиньонских пап к императорам более вызывающими, чем они были при их предшественниках; Иоанн XXII, подстрекаемый Францией и Неаполем, стал вскоре более дерзким по отношению к Людовику Баварскому, чем каким был Бонифаций VIII по отношению к Филиппу Красивому. Булла его встретила живую оппозицию, но величайший глава гибеллинов в Ломбардии, Матфей Висконти, сложил титул вице-короля и вместо него благоразумно

принял от народа звание генерал-синьора в Милане, тогда как Кан дела Скала продолжал в Вероне и Виченце именоваться вице-королем империи от имени Фридриха Австрийского, которому бил челом.

Притязание авиньонского папы на управление империей являлось тем более важным, что он хотел распространить его и на гражданские дела. Столь бесправное высокомерие должно было неминуемо повлечь за собой ожесточенную войну с верховным главой империи. Но в то время Людовик не мог еще выступить против папы, ибо германской коронной распре еще предстояло быть решенной оружием. Более слабый Фридрих заискивал благоволения у Франции и Иоанна; он допустил даже Роберта уговорить себя появиться с воинскими силами в Ломбардии, за что ему было обещано признание королем римским. Там вожди гибеллинов оказали изумительное по уму и энергии сопротивление противникам. Этими вождями были Маттео Висконти, синьор миланский, Павия, Пиаченца, Кремона, Бергамо, Александрия, Лоди, Комо и Тортона, владетель, пользовавшийся королевским могуществом; Кан дела Скала, повелитель Вероны и Виченцы; Пассерино де Бонакользи, жестокий тиран моденский, и маркграфы д'Эсте, обратно призванные по изгнании папского гарнизона Вероной. Тщетно в 1320 г. папа и Роберт посылали в Ломбардию с кардиналом-легатом Бертрамом де Поджетто и с войском Филиппа де Валуа, сына известного от времен Бонифация VIII принца Карла; напрасно наступал годом позднее на Милан Раймонд де Кардона; не имели также никакого успеха и отлучительные буллы против Висконти, Кана дела Скала, Пассерино. Эти обветшалые громы не потрясали более сердца итальянцев; над ними издевались, и гибеллины всюду победоносно одолевали папскую армию. В мае 1322 г. Фридрих Красивый командировал брата своего Генриха Штирийского с войсками в Брешию, но принц этот повернул назад, когда миланские послы дали ему ясно понять, что поражение гибеллинов может быть лишь поражением империи вообще и вознесением Роберта на степеню деспота Италии. Маститый Маттео Висконти умер в полном обладании своей мощью (27 июня 1322 г.) и оставил свою власть энергичному сыну своему Галеаццо. Гибеллины повсюду одерживали верх, и в том же еще году, 28 сентября, Мюльдорфский день решил раскол в империи в пользу Людовика Баварского.

Если бы Иоанн XXII признал совершившиеся в Германии факты и утвердил Людовика, то избавил бы себя от страшных бурь в Италии; но папа этот был мелочного ума, споролюбивый теолог, без политических взглядов и раб воли Роберта Неаполитанского. Распря между ним и королем римским разразилась немедленно, как только Людовик стал давать чувствовать давление свое в имперской области Ломбардии. Призываемый на помощь сильно угрожаемыми гибеллинами, он потребовал в апреле 1323 г. от кардинала-легата снятия осады Милана и прекращения войны против прочих городов империи. Когда же этого не последовало, то он командировал на защиту Галеаццо 800 рейтаров, и эта мера имела большой успех. Осада Милана была снята; освобожденный город поклонился 23 июня римскому королю. В качестве такового стал теперь Людовик выступать в Италии. Он принял членивание Эсте Ферраррой; он назначил генерал-викарием графа Бертольда фон Нейффен; он заключил союзный договор 28 июня 1323 г. с Каном Гранде, сделанным им наместником в Вероне и Пиаченце, с Эсте и с Мантуей и Моденой.

Все это повергло Иоанна XXII в безрассудный гнев. Он соединил врагов Людовика и поднял на ноги все для низвержения его с трона. 8 октября 1323 г. объявил он, что Людовик, избрание которого не было им утверждено, присвоил себе титул и права короля римского и потребовал, чтобы он в трехмесячный срок отрекся от управления империей, отменил свои акты и выслал преданных за ересь

отлучению Висконти. Он повелел, наконец, всей империи не признавать Людовика королем римским. На это папское объявление войны король созвал на совет знаменитейших теологов и докторов, именно болонских и парижских, и призвал, таким образом, на поддержку свою независимый дух науки. 18 декабря отразил он папскую сентенцию контрдеклараций, которой утверждал о своих правах в империи и отвергал присвоение оных себе папой ввиду того, что он уже сделан был королем римским путем законного избрания имперскими князьями и признанием со стороны Германии. Неодуманный вызов со стороны Иоанна XXII поистине заставляет дивиться. С подобной торопливостью никогда, даже во времена величайшего всемогущества церкви, не поступал ни один из его предшественников. Папа явно нуждался в ссоре с империей для придания значения себе самому и для выведения церкви из малого и тесного района дел, на который она была осуждена в Авиньоне. Иоанн XXII копировал Иннокентия IV и вызывал бездарного Людовика сыграть в отношении к нему роль Фридриха II. 23 марта 1324 г. объявил он короля подвергшимся *in contumaciam*; 13 июня подверг его отлучению, лишил всех званий и освободил его подданных от верноподданнической присяги. Подобный гнев папы разожгла великая победа под Ваврио, одержанная в феврале над папским войском Марко и Галеаццо Висконти. Людовик вышел теперь из себя; он собирал парламенты во Франкфурте и Регенсбурге, протестовал манифестом и апеллировал к Вселенскому собору на этого папу, узурпатора империи, возятого еретика, поносителя народного права. Имперские князья сделали дело своего короля своим собственным; провозглашение отлучительной буллы воспрещено было под страхом объявления вне закона, и таковое действительно постигло архиепископа зальцбургского.

Людовику Баварскому пришлось, таким образом, в столь далеко зашедшую вперед эпоху в качестве последнего германского императора рыться в старых архивах для защиты мечом независимости светской области, тогда как его недосыгаемый, задорный противник спокойно мог лицезреть развитие этого «процесса» в Авиньоне. Изменение времен и характеров, моральная ничтожность как Иоанна XXII, так и Людовика умаляют сочувствие к их борьбе, и после долгой истории ее между церковью и империей она стала бы невыносима как утомительное повторение или как карикатура великого прошлого, если бы не была все же связана со столь в высшей степени важными элементами, свидетельствующими о неудержимом прогрессе мышления в человечестве и имевшими самое целебное воздействие для реформации.

Представитель мирских прав нашел себе союзников прежде всего в самой церкви. Здесь доктрина об евангельской нищете создавала беспрестанный материал сильного брожения в общине францисканцев. Пытливый ум монахов наполнял отвлеченную их деятельность размышлениями о допустимости стяжания, таившими в себе, как ни комичны могли казаться они по форме, глубокие и серьезные вопросы. Знаменитые словопрения о естестве или о воле Христа, происшедшие Святого Духа, о непорочном зачатии и прочие догматы, произведшие некогда столь великие эмоции в христианском обществе, являлись для человечества ответченными, безыскусный же вопрос, имели ли Сын Божий и ученики его собственную верхнюю одежду, получал среди исторических условий вооруженной светской юрисдикцией церкви весьма важное и прямо практическое значение. Раздоры среди миноритов, из числа коих строгие спиритуалы отделились от орденской общины, разгорелись при Иоанне XXII сильнее прежнего. Секты, построенные на тезисе абсолютной нищеты, со страстностью поднялись в Южной Франции, в Бельгии и в Германии. Доктрина их нашла сочувственный отго-

лосок и в Италии, ибо здесь целестинцы с фанатическим благоговением хранили память святого Петра Мурронского, а смелые вожди сект, предводители апостольского ордена нищеты Гергард Сегарелли Пармский и героический фанатик Дольчино де Новара своей жизнью и смертью оставили глубокие следы в сердцах народа. Нищенствующие братья, фратичелли, лолигарды, бегарды, глубокие мистики, евангелические враги мирской роскоши, все глубже погрязавшей в пороках времени церкви, с экстазом проповедовали по площадям и улицам, что папа и церковь его еретические и что те лишь блудут Евангелие Христа, которые подражают скромной жизни Спасителя. Иоанн XXII осудил эти учения. Марсельская инквизиция сжигала этих людей, радостно всходивших на костер, чтобы смертью запечатлеть приверженность свою к нищете. Друзья почитали их за мучеников. Повсюду подымался голос, отвергавшие наравне со светской и духовную власть папы как противиапостолическую. Партийная борьба гвельфов и гибеллинов была, казалось, занесена в саму церковь, где партии эти нашли отражение свое на схоластической почве в доминиканцах и францисканцах, в скотистах или реалистах и в номиналах. В 1322 г. возгорелась жгучая распря между доминиканцами и миноритами по вопросу: обладал ли Христос или нет мирским достоянием? Под председательством генерала ордена Михаила де Це-зена собрались провинциалы миноритов в Перуджии и издали там формальную декларацию, что утверждение, будто Христос и апостолы не владели никаким ни личным, ни общим имением, не есть отнюдь еретическое, не есть строго католический катехитический тезис. Манифест этот породил бурю схоластических трактатов, а затем, по осуждению его Иоанном XXII буллой *Cum Inter*, схизму, привлекущую несколько лет спустя упорных миноритов под начальством генерала их Михаила в стан императора, чтобы совместно с ним сражаться против почитаемого еретиком папы. Вопрос об обладании Христа правом собственности или же одним лишь фактическим пользованием (*usus facti*) мирскими вещами, как остроумная изобретательность ничтожества, поверг бы в изумление самих апостолов; ибо ни один из благочестивых учеников Спасителя не мог предчувствовать, что настанет некогда время, когда абсолютная их нищета или скудное их имение, самое малейшее даже признак достатка при покупке самого малейшего куска хлеба или обстоятельство, что они носили собственное платье, создаст материал к бесконечным и страстным расследованиям, и что тогда странный вопрос этот будет поставлен сам по себе в качестве важнейшего символа в связь с основными началами римской церкви. С водворением доктрины о необладании никаким мирским достоянием апостолами отнимались у католической церкви все устои, на которых в течение долгих веков зиждилось светское ее могущество; принцип ее всесветновладычной юрисдикции, равно как и самого существования ее *Dominium Temporale*, упраздняясь, и сама она представлялась в таком случае попавшей в противоевангельскую ошибку и уклонившейся от чисто духовного строя апостолической эпохи к светским, неподобающим формам.

Для императора, которому приходилось бороться против притязаний папы на управление империей, воистину ничто не могло быть желательнее этого схоластического спора. Людовик Баварец вызвал поэтому тотчас же в союзники себе против папы Христа, апостолов, святого Франциска и учеников его. Уже в протесте своем 1324 г. выдвинул он догмат о бедности, чтобы выставить Иоанна XXII еретиком, отрицающим не только императора, но и Спасителя. Именно эта связь гибеллинского государственного права с догмой францисканцев и придала культурно-историческую важность борьбе Людовика с папой, повлекши великие последствия для всех отношений церкви к государству.

2. Зачатки Реформации. — Канонические доказательства универсальной папской власти. — Учение Фомы Аквинского об отношении государства к церкви. — Реакция против канонистов со времен Филиппа Красивого. — Книга Данте «De Monarchia». — Школа монархистов производит нападки на папство. — «Defensor Pacis» Марсилиа Падуанского. — Восемь вопросов тезисов (questions) Вильгельма де Окама и подобные же трактаты первых реформаторов

С XIV века дух Европы вступил на почву реформации, историческими поводами к которой были, видимо, борьба Бонифация VIII с Филиппом Красивым и Иоанна XXII с Людовиком Баварцем о границах власти папы и государства. Эмансипировавшаяся философская критика и государственное право стряхнули с себя теократические воззрения, на которых в Средние века покоилось всемогущество церкви. Великое иерархическое ее здание в основах своих с неслыханной дотоле дерзостью подверглось нападкам науки.

Пробежим вкратце ставшие каноническими максимы, выставляемые римской церковью, начиная с Григория VII, затем в эпоху Иннокентиев III и IV для выведения из оных универсальности папской власти. Они перемешаны были практическими историческими и догматическими источниками. Юрисдикция папы над королями и народами скомпонована была из «дарственной Константина» из «перенесения империи от греков на франков», приписываемого Льву III, и, наконец, из коронования и миропомазания Карла Великого этим же папой. Еще важнее были догматически-церковные аргументы: Петра поставил Христос главой вселенской церкви и Своим наместником. Он преподал ему власть разрешать и связывать, а также предоставил и духовную светскую юрисдикцию на земле. На основании этого папы утверждали, что власть эта перешла на них самих, как на преемников Петра, следовательно, наместников Христовых на земле; следовательно, Им же они уполномочены властью на небе и на земле, в знак каковой и носили ключи. Они приписывали себе plenitudo potestatis, по которой другая всякая земная власть являлась лишь отражением этой или леном; согласно их теории, они ставили и смещали правомочно королей, были строителями империи, жаловали императорскую корону, носили тот и другой меч и — короче — с безусловным правом как верховные сюзерены повелевали и в духовных, и в светских делах.

Лионский собор, ставший столь пагубным для великого императора Фридриха, явился историческим событием, вознесшим смелое папское мировоззрение до степени совершившегося факта, под тяжестью которого пал гибеллинский взгляд. В это-то время Фома Аквинский и установил каноническую доктрину, что император подчинен папе; что королевская власть, как всецело материальная сила, получает разумное бытие лишь через духовную, подобно тому как земная плоть получает импульсы свои лишь через посредство разума; что к папе, наместнику Христову и видимому главе всего христианского мирового организма, приводится всякая королевская юрисдикция. После гибели Гогенштауфенов разбитая в прах империя признала в принципе супрематию папы; Габсбурги подтвердили, что он есть святее солнце, а император лишь тусклый месяц, заимствующий от папы свет. Как ранее посылали папы декреты о своем избрании на одобрение к императорам, так теперь последние, а равно имперские князья, стали посылать свои избирательные акты к папам, просили об утверждении их и о пожаловании короны Карла Великого и терпеливо сносили пожалование из милости таковой папой по одобрении им их личности. Победа церкви являлась; таким образом, окончательной. Императорская власть лежала у ног пап, совершивших после замечательного 200-летнего процесса одно из отважнейших, известных в истории завоеваний. Но

против этого неудержимого снесения границ между церковью и империей выступила, по естественному порядку вещей, та же самая реакция, которая последовала некогда после перевеса империи при Оттонах и Генрихе III. Падение через французскую монархию в начале XIV века Бонифація VIII отметило этот поворотный пункт, а в борьбе Генриха VII Климентом V о свойстве приносимой императором папе присяги проснулось в имперской власти снова сознание ее величия. Законоведы Филиппа Французского и профессора Сорбонны, как Иоанн Парижский и Вильгельм Окам, прежде всех восстали против доктрины церковного права; они подвергли юридическому исследованию размеры папской и королевской властей; доказывали в трактатах самостоятельность монархии; отрицали светскую юрисдикцию папы и требовали разделения папского и королевского авторитета. Идея монархии сделалась внезапно государственной программой XIV века и реформаторским символом новой генерации, выросшей на канонической стезе Средних веков. Монархисты восстали на папистов. Они были консерваторы, борясь за старые королевские права и за старую, священную имперскую власть, но явились вместе и революционерами, посягая на вековую систему папской власти и феодальной иерархии. Если борцы за права Франции стояли за независимость королевской короны от церкви, то гибеллины Италии и Германии противопоставляли этой церкви принцип империи или «всемирной монархии» и стремились восстановить снова в прежних ее правах старую Римскую империю. Знаменитая книга Данте открыла собою новую эпоху. Поклонник Фомы Аквинского с независимостью духа ратовал в своем трактате «De Monarchia» за государственные принципы своего святого учителя в схоластике и теологии и за трактат его Монархии Христовой. Мы видели уже, что разумел этот великий ум под монархией и как он тезисами своими о божественном призвании римлян ко всемирному владычеству и о незыблемой неприкосновенности империи ратовал против гвельфского мирозерцания церкви. Непреходящая империя должнаствовала в божественном своем достоинстве космоса закона гражданского благополучия, свободы, мира и культуры быть освобождена от своих уз, и император римский в качестве мирного и стоящего выше партий верховного властелина Вселенной вступить снова на свой трон. Данте доказывал, что император — неограниченный правитель всех мирских дел, получает власть непосредственно от Бога и указывал, что невозможно быть папе творцом империи, которая летами старше самой церкви, но что он возле цезаря является лишь отеческим правителем великого на земле духовного института блаженства, имеющего целью своею небо. Гениальное творение Данте имело глубокое влияние как на его, так и на последующее время, хотя и вылилось по отношению к практическому миростроению в одних лишь утопических теориях, настолько же мало применимых, как политические грезы Платона и Плотина. Влияние его осязается повсюду в науке государственного права, тогда же начавшей складываться в Европе благодаря борьбе между императором и папой. Да и независимо от Данте многие ревностно стали заниматься в Германии, во Франции и в Италии исследованиями существа монархии или происхождения империи, ибо это сделалось важным вопросом эпохи. Посягательства Иоанна XXII на империю и возгоревшаяся отсюда жестокая рознь оживили и частью породили эти изыскания и сообщили быстрый рост юной науке государственного иностранного права. Теологи, схоластики, ученые-монахи и легисты погружались в существо государства и церкви, королевства и папства; они расследовали происхождение их из истории, и которой впервые прилагали научную критику; восходили до Константина, Юстиниана и Карла Великого; изучали все юридические отношения духовной и светской властей; расследовали корни иерархии до глубочайшего их основания; отде-

ляли вымысел от действительности, право от узурпации; изучали Евангелие и Отцов Церкви и черпали выводы свои из них против смешения обеих властей в одном лице папы. В талантливых трактатах опровергался важный тезис канонистов о передаче папой империи Карлу Великому и проводилась идея независимости имперской власти от церкви.

Но монархисты далеко опередили основные положения Данте; они не ограничивались более провозглашением независимости империи, но перевернули отношения; они уничтожили приматство папы и над местными церквями и снова сделали его подданным цезаря, как во времена византийцев и Каролингов. Объявленные еретическими доктрины миноритов о бедности произвели в церковной сфере столь ожесточенную войну против авторитета папы, какая едва ли была переживаема в гогенштауфенскую эпоху. Через эту францисканскую схизму размеры спорных вопросов раздулись шире. Они перешли теперь на догматическую область. Позднейшие реформаторские учения Виклефа, Гуса и Лютера были уже в двадцатых годах XIV века с незапамятной отвагой заявляемы миноритами и союзниками их среди схоластиков. Знаменитое сочинение Марсилия Падуанского «*Defensor Paris*» не только доказывало, что всякая светская юрисдикция, равно как и все мирские имущества, составляют достояние императора, но посягало и на духовный авторитет папы. Марсилиус его отрицал вообще. По его мнению, Петру не было присвоено большей власти, чем прочим апостолам, и Христос никогда не ставил его своим наместником в виде верховного главы церкви. Смелый этот аристотелик утверждал, что Петр даже не был основателем Римской епископии в силу невозможности доказать, что он вообще был когда-либо в Риме. Он расследовал юрисдикцию папы и нашел, что он не имел таковой даже над епископами и священниками, ибо они все были между собой равны. Он на основании Евангелия и Отцов Церкви пришел к заключению, что никакое духовное лицо не может иметь никакой вообще юрисдикции. Он отрицал власть ключей; никакой иерей не может решить и вязать, ибо сие может лишь один Бог; иерей есть лишь ключарь Божий, то есть он выражает собой лишь состояние греховности и отпущения в духовной экономии общества; самое же отпущение грехов (*absolutio*) получает кающийся грешник от одного Бога. Папа и церковь не имеют никакой наказующей власти (*potestas coactiva*); получают они ее лишь от императора, вселенского судьи. Верховный глава империи может наказывать, ставить и смещать даже папу, а при вакантности престола (*sedis*) занимает в качестве главы церкви его место. Папа не имеет никакого права утверждать короля римского, ибо последний является таковым сам по себе в силу избрания имперских князей, помимо вмешательства духовенства. Марсилиус объявлял наконец, что церковь есть не иерархия пресвитеров, но, наоборот, община всех верных, и выдвигал полный будущности тезис верховного авторитета Вселенского собора. За это основное положение ратовали вместе с ним схизматические минориты. Ученый-англичанин Вильгельм де Окам, ученик Дун Окота, воскреситель номиналистов, выставил рядом с «*Defensor Paris*» свое, не менее важное творение, исполненное схоластической эрудиции, свои восемь вопросов о власти папы. По существу, они сходствуют со взглядами Марсилиуса. Он, подобно Данте, опровергал вполне дарственную Константина, поелику император этот не мог никогда отречься от неотчуждаемых прав империи. Судьями над папой ставил он императора и Вселенский собор; коронование, по его мнению, не есть Божественное таинство, но лишь человеческая форма, которую в состоянии исполнить всякий епископ.

Так эти смелые сочинения атаковали всю иерархию во всех основных ее положениях; с неизвестной дотоле резкостью критики расследовали природу иерейства;

они сузили понятие ереси, которому церковь придала столь широкую растяжимость; они апеллировали, наконец, к Священному писанию как к единственно вескому авторитету в деле веры. В качестве пламенных монархистов эти теологи подчиняли церковь государству. Еретические их тенденции возвестили новый процесс в человечестве, в котором погибло единство католической церкви.

Не следует упускать из виду, что борцы за дело Людовика Баварского принадлежали не к одной единичной нации, но представляли собой всех культурных народов Запада; ибо Марсилиус был итальянец, Иоанн Иандунский — француз, Вильгельм Окам — бритт, Генрих фон Галем и Люпольд — немцы.

3. Примирение Людовика с Фридрихом Австрийским. — Лига гвельфов. — Каструччио Кастракане. — Гибеллины призывают Людовика. — Триентский парламент. — Людовик принимает железную корону. — Он углубляется до Пизы. — Переворот в Гиме. — Счиарра Колонна, капитан народа. — Неудачные попытки кардинала-легата, неаполитанцев и изгнанных проникнуть в Рим. — Победа Счиарры в Борго Ватикана. — Падение Пизы. — Людовик и Каструччио идут на Рим. — Въезд короля

Умиротворение Германии дало вскоре Людовику возможность самолично отправиться в Италию, куда его все более неотступно призывали гибеллины и куда его влекла потребность наперекор папе в Риме принять корону империи. В марте 1325 г. по Траусницкому договору примирился он с пленным своим соперником. Тщетно старался папа разрушить этот германский мирный акт. Нужда и осторожность привели бывших претендентов на корону ко второму и вечному мюнхенскому договору 5 сентября, а папе, осаждавшему призываниями к войне против Баварца Францию, Венгрию, Польшу и Богемию, не удалось произвести в Германии раскола и столкнуть Людовика с законного его престола, возле которого австриец принужден был с безропотной покорностью занять место в качестве сорегента и титулярного короля.

Зато лига папы, Роберта, флорентинцев и прочих гвельфов Тосканы, казалось, пользовалась лучшим успехом в Италии. Лига эта повлекла прежде всего низвержение страшного Каструччио Кастракане. Знаменитый тиран из луккского дома Интерминелли обладал еще более блестящими качествами и большим счастьем, чем Уго делла Фаджиола. Из темницы, в которую он был ввергнут последним, достиг он в 1312 г. владычества над Луккой, где его сперва произвел в наместники империи Фридрих Красивый, а затем с 1324 г. признал Людовик. Он сделался предводителем гибеллинов, подчинил себе Пистойю и в союзе с Висконти безудержной войной и блестящими подвигами оружия привел Флоренцию на край гибели. Устрашенные флорентинцы предложили синьорию своего города на 10 лет Карлу Калабрийскому, сыну Роберта. Принц этот послал сперва своим наместником Вальтера Бриэннского, герцога афинского, и затем сам с великолепным рыцарством и военными силами въехал во Флоренцию 30 июля 1326 г. Он принял синьорию и Сиены, между тем как Иоанн Гаэтано Орсини, единственный итальянец, сделанный Иоанном XXII при первой его промоции кардиналом, действовал во Флоренции в качестве легата церкви и мироустроителя Тусции: 5 февраля 1327 г. Болонья сдалась кардиналу Бельтрамо дель Поджетто, племяннику Иоанна XXII. То же сделала вскоре затем Модена. Эти успехи гвельфов, в особенности же появление герцога калабрийского с большими силами к Тоскане, устрешили гибеллинов. По-

слы их заклинали Людовика приступить к римскому походу, и он, наконец, как Генрих VII, явился.

В Триенте в феврале 1327 г. собрал он поистине блистательный парламент. Здесь предстали пред ним братья Висконти, Галеаццо, Марк и Лукин, Кан Гранде дела Скала, Пассерино де Бонакользис, Райнальд и Обицо д'Эсте, епископ Гвидо Тарлети Арещский, послы Каструччио, послы Фридриха Сицилийского, уполномоченные гибеллинских городов Италии. Они обещали уплатить королю 150 000 гульденов золотом, как только он прибудет в Милан, и убеждали его безотложно проследовать в этот город для принятия железной короны. Людовик уступил их просьбам и поклялся прямо вразрез с первоначальным своим планом двинуться на Италию. Его громко заявленный план был — вырвать из рук чужеземных узурпаторов права империи и владычество над миром, потоками благородной крови добытые немцами. Триентский парламент носил вместе и характер собора, ибо на нем присутствовали оптавшие епископы, минориты и теологи. Против папы веден был форменный процесс, обвинение его ортодоксии произведено по 16 пунктам, и он объявлен еретиком. Так реформаторский дух времени сопутствовал Людовику Барварду, как союзнику, уже при первом появлении его в Италии.

Король, спустившись 15 марта 1327 г. со всеми итальянскими синьорами из Триента в Ломбардию, явился не как желанный мессия мира, но призванный, подобно Генриху VII, как завоеватель и явный глава гибеллинов, как явный враг папы, которого отлучение тяготело над ним. Это освободило его от всяких робких оглядок и дало возможность быстро стремиться к определенной цели. Он измерил своих союзников и нашел их достаточно многочисленными. Одни лишь Генуя и Пиза, бывшие опорой Генриху Люксембургскому, были теперь гвельфскими, а Рим еще сомнителен; но город роптал на постоянно отсутствовавшего папу, и гибеллины не без основания могли заверять Людовика, что он будет держать его сторону. С гневом смотрел Иоанн XXII на римскую экспедицию короля, которой не мог воспрепятствовать, так что только метал новые буллы отлучения и штатации на его пути и грозил экскоммуникацией всем его приверженцам. Ломбардские города поклонились королю римскому, хотя он явился без средств и всего с 600 рейтаров. Через Бергамо и Комо проследовал он в Милан, где 16 мая торжественно принят был Галеаццо, а в Троицын день коронован был с супругой своей Маргаритой экскоммуницированным папой епископом Гвидо Тарлати. При этом присутствовали многочисленные депутаты от гибеллинских городов, также послы римлян, которые приглашали Людовика к императорскому коронованию. Фортуна, благоприятствовавшая очень немногочисленному числу германских императоров в Италии, явно повернулась в его сторону. Подкрепления из Германии усилили его войско. В противоположность Люксембургу, выказавшему себя до слабости вне партий, он немедля силой устранил тиранов. Висконти, растворивших перед ним Ломбардию, поверг он, подстрекаемый их соперниками, в темницы Монцы и дал Милану республиканское правительство. Это навлекло на него упреки в неблагодарности, несмотря на то, что Галеаццо глубоко был уже ненавидим миланским народом за свою тиранию. Людовик избежал ошибки Генриха VII, именно — не задерживался осадой городов, не обращал внимания на кардинала-легата Бельтрама в Парме и на его экспедиции против Пармы, а еще в августе быстро проследовал через Ломбардию, перешел через Апеннины и вторгся в область близ Лукки, где усилил императорское войско своими привычными к победам дружинами Каструччио Кастракане. Немедля, 6 сентября, предпринята была осада Пизы, неизменно гибеллинского города, приведенного к измене своему принципу лишь изгнавшей Уго дела Фаджиола революцией. Тем временем важные события совершились в Риме. В конце 1326 г. рим-

ляне настоятельно приглашали папу вернуться в Рим, но не получали никакого от него решения. Немедленно по вступлении Людовика в Ломбардию отправлено было новое посольство в Авиньон объявить папе, что отсутствие его должно неминуемо повлечь наисквернейшие последствия. Гонимые за гонцами отправляемы были ко двору Иоанна XXII. Город стал беспokoен. Еще всюду были заметны руины улиц, церквей и дворцов и не забыты претерпенные при Генрихе VII бедствия, а новый римский поход грозил подобной же пагубой. Многие поэтому требовали впуска Людовика для предотвращения гибели. Матфей Орсини, провинциал доминиканского ордена, повез в качестве посла римлян папе новое и более бурное приглашение вернуться. Иоанн XXII выслушал его с беспокойным малодушием; мог ли он покинуть безопасный Авиньон, отправиться в пустынный Рим, чтобы подвергнуться у Св. Петра осаде со стороны алчущего мести германского императора? Послы с неудовлетворительным ответом вернулись в Рим, но нетерпение римлян не допустило дожидаться их ответа. Народ, обманываемый уже двумя авиньонскими папами, поднялся, подстрекаемый агентами Людовика и купленный золотом Каструччио, в апреле или мае 1327 г.; он изгнал приверженцев Роберта, овладел замком Ангела, издал декрет о закрытии города для короля неаполитанского и установил демократическое правление. 8 июня написал папа к цеховым консулам и к 26 своим приверженцам; он жаловался на новизну и заклинал римлян оказать врагу сопротивление и дожидаться лучших для его возвращения времен.

Оба вождя партий, Наполеон Орсини и Стефан Колонна, рыцари римского народа, разожгли его подозрительность, ибо, получив рыцарский пост от короля Роберта, слыли за его сторонников, а потому были изгнаны. Наоборот, Счиарра, Иаков Савелли и Тибальд де С.-Евстафио пользовались высокой милостью у народа: Счиарра назначен был капитаном народа и предводителем милиции; на Капитолии поставлен был общинный совет из 52 пополанов. Переворот этот очищал Людовику дорогу в Рим, где его провозгласили уже императором. При всем том парламент в монастыре Арачели решил еще 6 июня отправить в Авиньон к папе новое посольство. Оно должно было возложить на него самого ответственность за все враждебные для него события и коротко объявить, что в случае если он не прибудет в Рим, то народ римский вынужден будет принять Людовика. Послам было приказано не ожидать ответа папы долее трех дней. Отправка их была лишь простой формальностью. Они уехали из Авиньона без решения, но 27 июля Иоанн XXII написал к римскому народу; он сожалел, что краткость времени, небезопасность дорог и Рима задерживают его, горько жаловался на переворот, на изгнание знатных, на готовность принять Людовика и убеждал римлян пребыть верными королю Роберту. Он отправил в город двух нунциев, повелел тамошнему духовному своему наместнику епископу Витербскому Анджеоло де Тинеозис открыто повести процесс против Баварца, а кардиналу-легату в Тоскане, Иоанну Орсини, отправиться в Рим или же, по крайней мере, в окрестности его, чтобы действовать в его пользу. Он рекомендовал его как народному правительству, так равно и изгнанным магнатам, Наполеону и Стефану, Пандульфу де Ангвиллара и Анибальду, удалившимся в свои замки внутри страны. Он писал и к принцу Иоанну Ахайскому; ибо последнему предназначалось еще раз сыграть в Риме роль, с успехом исполненную им при Генрихе VII. Он стоял уже с войсками в Аквиле; Норчия, Ризети, римская Кампания, проходы, ведущие в королевство Неаполь, были заняты.

Иоанн, назначенный королем Робертом своим наместником, требовал впуска в Рим и получил отказ. Он направился на Витербо. Этот вольный город впервые подпал под власть туземных тиранов и был управляем гибеллинскими Гатти. Он дал отпор принцу, вследствие чего тот опустошил его территорию. В то же самое

время генуэзские суда стали на якорь в устье Тибра и овладели 5 августа Остией. Произведшие тогда же вылазку римляне были с чувствительным уроном отбиты, вслед за чем генуэзцы сожгли Остию и отступили. Это ожесточило народ римский против Роберта, от которого он еще не вполне отрекся. Он стал вооружаться для обороны. Счиарра, Иаков Савелли, канцлер Франческо Малабранка, Тебальдо де С.-Евстафιο ранжировали хоругви милиции между 25 капитанами, расставили часовых и затворили ворота, ибо в Нарни, где находились при принце легат, Орсини и Стефан Колонна, снова замыслена была вылазка против Рима. После того как 30 августа кардинал тщетно именем папы домогался впуска, враги проявились в ночь на 27 сентября снова перед Римом, проникли через проломанную стену в Ватикан и возвели баррикады. Набатный колокол загудел на Капитолии, и милиция поспешила на сборные свои пункты. Люди шести кварталов прикрывали ворота Св. Севастиана, Св. Иоанна и Маджоре, между тем как Счиарра повел в Борго Ватикана прочих. Только что настало утро. Римляне мужественно стали штурмовать баррикаду и выбили вторгшихся; кардинал, принц и изгнанники бежали из города через Porta Viridaria, предав пламени Борго. Многие рыцари лежали мертвыми; знаменитый Бертольд Орсини, капитан церкви и гвельфской партии, попал в плен и спасен был от ярости народа лишь благодаря великодушию наследственного врага его, Счиарры. Рыцарственный Колонна имел торжественный, триумфальный въезд на Капитолий и пожегивал в церковь «Ангела Рыботорговцев» в портике Октавии, на память о дне победы, золотую чашу и палиум. Триумф римлян завершило неудачное нападение на ворота Св. Севастиана 29 сентября, причем Орсини и неаполитанцы с уроном отбиты были милициями. Отныне еще об этом напоминает скудный памятник той эпохи, счастливее всяких исторических монументов переживший века.

Счиарра Колонна призывал теперь короля Людовика в Рим, и тот мог последовать призыву, так как ничто более не задерживало его на пути. Пиза сдалась 8 октября, заплатила большую контрибуцию и приняла Каструччио, возведенного Людовиком 11 ноября в сан герцога луккского и пистойского и назначенного ректором и имперским наместником. Сильная Флоренция, обороняемая Карлом Камбрийским, вероятно, отбила бы осаду; вследствие этого смелый и скорый в решениях своих Людовик решил двигаться далее. 15 декабря двинулся он на Рим. В Кастильон дела Пескайя отпраздновал он праздник Рождества, беспрепятственно, подобно Генриху VII, переправился через Омброне под Гроссетто и через Санта-Фиоре, Корнето и Тосканеллу проследовал в Витербо, где доброжелательно был принят 2 января тираном города Сильвестро де Гатти. Здесь примкнуло к нему и Каструччио, хотя и против воли, так как обуян был страхом лишиться за время своего отсутствия своих тосканских городов. Людовик сделал привал в Витербо, чтобы выждать римских решений.

Там приближение его вызвало беспокойства и раздоры; некоторые из членов совета 52 были тайные гвельфы, иные требовали абсолютной синьории для Людовика, другие — заключения договора на условиях, прежде чем дать согласие ему на въезд. Сошлись на том, чтобы отправить к королю посольство. Но Счиарра, Тибальд и Иаков Савелли, издавна состоявшие в соглашении с ним и с Каструччио, приказали сказать королю, чтобы он не обращал на посольство из Капитолия внимания, но без дальних разговоров шел бы на Рим. И вот, когда предстали послы синьории и предъявили ему условия римского народа, он поручил дать ответ Каструччио; герцог луккский дал его, приказав трубам трубить поход, и сам поспешил авангардом в Рим, между тем как послы были вежливо задержаны в лагере, а пути оцеплены часовыми. Во вторник 5 января 1328 г. двинулся и Людовик. 7 января с

5000 рейтаров и с многочисленной пехотой расположился он лагерем на Нероновых лугах, нигде не встретив сопротивления, а, напротив, торжественно встреченный гражданами и многими аристократами; Колонна, Конти, Аниальди, Валле, Папарески, Савелли, предводительствуемые Счиаррой, проводили его к Св. Петру, где он поселился на житье в папском дворце. Король римский вступил в Ватикан, которого не мог достичь Генрих VII, с толпой еретиков и реформаторов, отлученных папой и ныне запевших с ликованием *Te Deum* в соборе апостола. Духовенство римское не приветствовало Людовика; кардинал-легат наложил интердикт на город. Большая часть духовенства, все доминиканцы, большая часть францисканцев из Арачели бежали из Рима. Многие церкви и монастыри стояли пустыми. Некоторые святыни, как то: кровавый платок Вероники, отнесенный в Пантеон, были сокрыты. Тем не менее Людовик имел при себе достаточно священников, даже нескольких епископов, презиравших отлучение и отправлявших богослужение; даже в самом Риме оказывались минориты и другие клирики, готовые преступить веления папы. Так повторились в 1328 г. мрачные времена императоров Генриха IV и Генриха V. Все сторонники папы отшатывались от въезда Людовика, как от нашествия еретиков, римляне же с радостными кликами встречали императора в своем городе, жить в котором упорно отказывался папа.

4. Народ вручает Людовику синьорию и назначает императорское коронование. — Он принимает корону от народа у Св. Петра. — Коронационные эдикты. — Каструччио, сенатор. — Выезд Каструччио в Лукку. — Недовольство в Риме. — Марсилий и Иоанн Яндунский воздействуют на народ. — Эдикты императора от 14 апреля. — Низложение папы. — Смелый протест Иакова Колонна. — Декрет о резиденции пап в Риме. — Монах Корбара выставляется под именем папы Николая V

Король занял вскоре свою резиденцию во дворце S.-Maria Maggiore, ибо беспрепятственно мог проследовать по всему Риму, чего с давних пор лишен был всякий римский король. 11 января созвал он парламент на Капитолии. Из противоположения замыслам церкви и по нужде явился он перед народом кандидатом императорской короны. Никакие обеты не связывали его с папой, как предшественников его во время их римских походов; это дало ему полную свободу в действиях. Время радикально изменилось; старый высокий цезаризм демократизировался. Людовик и супруга его на тройных креслах заняли места перед собранием; речь стал держать схизматический епископ Алерий в Корсике благодарил за почетный прием короля и требовал от имени его корону от народа. Ему отвечали бурными криками одобрения, возгласили многолетие цезаря и вручили Людовику в качестве сенатора и капитана народа на целый год синьорию Рима. Тот же парламент путем плебисцита присудил ему императорскую корону и назначил на следующее воскресенье коронацию, для каковой должны были быть назначены в качестве представителей народа четыре синдика. Ибо и Карл Великий, как объявили римляне, тогда лишь получил корону, когда весь римский народ присудил ему ее. Старинные права республики на избрание императоров никогда не были забываемы в Риме, хотя папы и устранили их путем конфирмования, коронации и миропомазания избранника германских чинов. Со времени восстановления сената в 1143 г. народ снова придал им вес путем аккламации короля римского приглашением его короноваться, в иных же случаях — непризнанием его. Церковный взгляд о перенесении империи всегда их оспаривал и утверждал, что империю получал император лишь уполномо-

чием сената и народа. Сознание этих прав усилилось с тех пор, как папы пребывали в Авиньоне и не совершали более коронавания лично. Отсутствие их придало более свободы республике и новые отношения к империи. Сама она являлась самостоятельнее, чем задолго до того. Она владычествовала в Кампаньи и Маритиме. Тиволи, Веллетри, Кори, Чивита-Веккия, Витербо, Корнето, другие многие города в Тусции и Сабине платили дань Капитолию. Могушественные республики и принцы, сам король Германии заискивали благоволения римского народа, причем звание сенатора, возлагавшееся на себя самим папой или расширявшее титулы короля неаполитанского, во всей Италии чествовалось более самых высших республиканских званий. Книга Данте о монархии несказанно способствовала к возвышению престижа величества и неотъемлемых прав римского народа. Да и Генрих VII в споре своем с кардиналами не апеллировал ли относительно места коронации к воле народа? Преемника его, Людовика, не сопровождали никакие уполномоченные папы, но под отлучением последнего прибыл он в Рим. Согласно с этим, императорскую корону при нежелании римлян он мог воспринять сам или же получить из рук народа. Без колебаний решился он наперекор папе источником империи признать этот народ; и этот чуждый понятиям Гогенштауфенов факт составил в истории города событие, сильно повлиявшее на ближайшее будущее. Гибеллинская знать вынудила Людовика сделать этот шаг не менее ученых его публицистов Марсилия и Иоанна Юндунского. Ибо они же в трактатах своих доказывали ясно, что для законного избрания императора коронавание папой отнюдь не имело столь высокого смысла по сравнению с бенедикцией, обыкновенно преподаваемой архиепископом римским королю французскому, и что лишь путем злоупотребления церемониями присвоили себе папы вовсе не подобавшее им право. На основании этого они требовали коронации от народа, как фактического доказательства, опрокидывавшего притязания папы, и Людовик с отважной решимостью предоставил решение вопроса императорству народу римскому. Эта демократическая его коронация составила великодушное, неслыханное в Риме зрелище. Утром 17 января 1328 г. выехал он с супругой своей в белых атласных одеяниях, на белом коне, в необъятной процессии из S.-Maria Maggiore к Св. Петру. Процессию открывали 56 знаменосцев и верхом толпы иноземного рыцарства. Пред королем один из судей нес книгу имперских законов, а префект Манфред де Вико — обнаженный меч. Коня его вели коронационные синдики: Счиарра Колонна, Иаков Савелли, Петр де Моитенигро де Анибальди и канцлер города, все одетые в золотые, блестящие одежды. За ними следовали Двадцать-два, корпорации Рима, схизматическое духовенство, бароны и послы от городов. Историк Виллани, изобразивший этот коронационный кортеж, вскользь лишь упоминает о некоторых установленных обрядностях у Св. Петра, но несомненно, что ритуал был с точностью соблюден и Людовик посвящен в каноники соборные. Обычные молитвенные формулы исполнены были духовенством. Согласно ритуалу, пфальцграф Латерана должен был поддерживать императора во время миропомазания и принимать в руки корону, когда тот ее снимал. За отсутствием его Людовик посвятил герцога Каструччо в рыцари и возвел его в пфальцграфа Латерана и в хоругвеносца Римской империи. Помазание совершил епископ Иаков Альберти Венецианский, явившийся к Людовику в Пизе вместе с епископом Гергардом де Алериа, вслед за чем один римский магнат от имени народа возложил королю на голову корону. То был знаменитый Счиарра Колонна, в то время первый человек в Риме, приобретший такое значение в истории этого города при замечательных превратностях судьбы, — великий вес в качестве вождя партии, сенатора, капитана народа, подесты и военачальника во многих городах. Кто не знал, со дней Бонифация VIII этого теперь стареющего римлянина? 25 лет тому назад

стоял он в горящем дворце Ананьи с мечом, приставленным к груди папы, теперь же держал у Св. Петра корону империи для возложения ее на голову германского короля, впервые в истории получавшего святую эту диадему из рук депутата от народа. Во время этого акта многие строгие рыцари в свите Людовика и сам император могли быть тревожимы некоторыми сомнениями. Но вскоре он с решимостью признал, что законно принял в Риме императорскую корону и скипетр от римского народа. «Таким путем, — как выразился современник Виллани, — венчан был на царство Людовик Баварец народом римским, к великому позору и поношению папы и святой церкви. Какова заносчивость проклятого баварца! Нигде не встречается в истории, чтобы какой-либо император, а тем более столь враждебный папе, коронован был кем иным, кроме как самим папой или его легатами. И как этот Баварец явился единственным исключением, так факт этот возбудил великое удивление». Для выказания своего благочестия Людовик повелел тотчас после коронации прочесть три эдикта: о католической вере, о почитании духовенства и о защите вдов и сирот. После мессы имел он коронационный въезд не в Латеран, а в Капитолий, как и подобало «милостью народа» императору. Римляне напутствовали первого ими избранного и венчанного императора криками радости; на улицах кричали: «Хвала Богу и императору! Мы избавлены от чумы, голода и войны, мы свободны от тирании папы!» Не ранее вечера достигла процессия Капитолия, где во дворце и на площади приготовлен был для знати и народа банкет. Ночь императорская чета провела во дворце сенаторов. На следующее утро Людовик назначил герцога Каструччио сенатором и затем с большой толпой переехал в избранный им резиденцию Латеран.

Если бы император немедленно двинулся на Неаполь, то, по мнению Виллани, без труда мог бы с тогдашним многочисленным своим войском завоевать эту страну. Страстные меры против папы, к которым увлекала его свита, заставили его тратить драгоценнейшее время, а несчастный случай лишил его деятельнейшего его генерала. Ибо Пистоя подпала 28 января под власть фельдмаршала, командовавшего во Флоренции именем Карла Калабрийского, Филиппа де Санджинето; это призвало поспешно Каструччио из Рима в Лукку. При дворе императора был он наивлиятельнейшей особой, осыпан почестями, был его главнокомандующим и советником, душой его предприятий и более страшным всему неаполитанскому королевству, чем все войско Людовика. Каструччио покинул 17 февраля с 500 рейтарами и 1000 стрелками Рим, ропща на императора за то, что тот удалил его из Тосканы. Отсутствие его ослабило силу и парализовало решимость Людовика. Сенаторами назначил он теперь Счиарру Колонну и Иакова Савелли.

По отъезде герцога император отправил против гвельфского Орвието отряд рейтаров. У тирана Витербо, добровольно его впустившего, пыткой вымучил он 30 000 гульденов золотом, после чего вверг его в замок Ангела. Нужда в деньгах, неминуемая спутница и бич всякого римского похода, повлекла Людовика к насилиям. Римляне жаловались, что он за деньги впускал в город изгнанных за смертоубийство; что солдаты его забирали, не платя, жизненные продукты с рынков, ибо дороговизна была сильная. 4 марта дело дошло даже до открытого восстания; ожесточенно бились у островного моста; построены были баррикады. Сгорая подозрительностью, Людовик усилил гарнизон замка Ангела, отозвал войска из Орвието и расположил их станом в Бордо. Казни усилили ропот. Не было недостатка и в измечниках. Канцлер Анджело Малабранка провел даже неаполитанскую рать в Астуру, в ответ на что имперцы разрушили его дворцы в городе и взяли штурмом Астуру. Худшее же было то, что Людовик, подобно Генриху VII, оказался вынужден

наложить принудительный налог: 10 000 флоринов золотом должны были внести иудеи, столько же — духовенство, еще другие 10 000 — лаики. Это ожесточило весь народ. Иоанн XXII вел тем временем невероятное количество процессов против императора, со столь неслыханной дерзостью достигшего столь беспримерных успехов. Он объявил недействительным как коронование, так и возведение его в сенаторы народом, изрек на него анафему и проповедовал против него крестовый поход. Он вчинил процесс и против римлян и призывал их в течение известного определенного срока покориться церкви и изгнать Баварца из города. Ненависть в обоих лагерях разрослась до высоты, какой она достигала разве во дни Григория IX. Уже со времени въезда Людовика началось формальное религиозное гонение в Риме. Марсилий Падуанский был, согласно основным тезисам монархистов, назначен императором духовным викарием в городе на место епископа Витербского; он поставил над римским клиром синдиков, сколько ради того, чтобы вырвать у непокорных священников богослужение в церквях, столько и для приготовления избрания лжепапы. Отказывавшиеся служить мессу священники были истязуемы: одного августинского приора ввергли даже в капитолийский ров со львами. Марсилий и Иоанн Яндунский прибывали к дверям церквей обличительные памфлеты против папы. Минориты проповедовали, что Иоанн XXII еретик, и было нетрудно заставить народ поверить этому. В Риме передавали друг другу, что он из страсти враждования поверг Италию в войну, лжеучением — церковь в раскол; что, вопреки долгу и праву, пребывая в Авиньоне и замышляя передать империю Франции. Предстояло поставить папу, который бы возвратил церкви мир, а Риму — Святой престол. Сам Людовик отдал этот вопрос на волю сената и народа; и как признал права его относительно императорского коронования, то тем самым предоставил ему и свободное суждение насчет папы.

Для нанесения решительного удара созвал он 14 апреля парламент на площади Св. Петра. Здесь приказал он прочесть три эдикта: всякий оказавшийся виновным в еретичестве и в оскорблении величества подпадает без дальнейших формальностей под суд; никакой нотариальный акт не имеет силы без обозначения эпохи императора Людовика; все оказывающие помощь бунтовщикам против императора подлежат строжайшей каре. Тем временем на сходках духовных и лаиков исследовали правоверность Иоанна XXII и нашли, что этот папа еретик. Об этом составлены были постановления, поднесенные императору синдиками обоих сословий, с настоятельной просьбой, в силу верховной судейской его власти, выступить против этого еретика. 18 апреля собрал Людовик второй парламент. Ораторские трибуны стояли на высоких подмостках над лестницей Св. Петра; окруженный магнатами духовными, и схоластиками, и магистратами Капитолия император воссел на трон с короной на голове, с державой, со скипетром в руках. Никогда Рим не видел ничего подобного этому императорско-демократическому зрелищу. Герольды водворили в волнуемом народе тишину; один францисканский монах влез на ораторскую кафедру и громким голосом, как на турнире, возгласил трижды: «Имеется ли здесь человек, желающий принять на себя защиту священника Иакова Кагорского, именующего себя папой Иоанном XXII?» Все безмолвствовало. Тогда же взошел на кафедру один немецкий аббат, держал к народу латинскую речь и прочел императорскую сентенцию, объявлявшую Иакова Кагорского еретиком и мистическим антихристом, лишенным всех его санов. Акт этот, реплика императора на его собственное низложение папой, были делом Марсилия Падуанского и Убертинуса Казальского. Людовик, необразованный воин, ничего не понимавший в церковных распрях, воспользовался только контрверсиями монахов, чтобы иметь повод к ереси и, следовательно, к низложению Иоанна XXII, ибо прочие все обвинения (а их

было достаточно, и основательных): присвоение обеих властей, неправомерное отрицание законности избрания Людовика, оскорбление императорского величества, накопление несметных сокровищ путем ограбления церквей и симонистической продажи мест, достойнейшей жесточайшей кары непотизм, опустошение Италии войной, интердикт против Рима, резиденция в Авиньоне — не могли же мотивировать низложения. Людовик изрек оное, объявив, что это делает под давлением со стороны синдиков, клира и народа в силу их решений, выступает против Иакова Кагорского как еретика и по примеру Оттона и прочих императоров дарует Риму законного папу. Он, таким образом, выставил себя лишь исполнителем этих приговоров и изрек над Иоанном XXII низложение как над виновным в ереси и в оскорблении величества, в силу императорских эдиктов, без всякой цитации. Акт Людовика явился фактическим применением теорий монархистов и реформаторов, выставивших основной принцип о судимости и наказуемости папы, о том, что судья его являются собор и император, как патрон — страж церкви и как совместитель судейской власти вообще, и что отступивший от правоверия папа, как лишившийся через то власти ключей, может быть низлагаем не одними духовными, но и мирянами. И предшествующие императоры ставили и низлагали пап, но со всеми формами права и в силу форменных соборных постановлений. Сам Людовик за несколько лет пред тем апеллировал против Иоанна XXII ко Вселенскому собору; но мог ли капитольский парламент и горсть схизматических попов составить трибунал для суда над папой? Римское духовенство, каноники капитулов Св. Петра, Латерана, С.-Марии Маджиоре и многие другие клирики не присутствовали при этом, так как давным-давно покинули Рим. Поэтому-то приговор о низложении тотчас возбудил сомнения или огорчение у всех людей разумных, а ликование — лишь в личностях сумасбродных и в новаторах. Чернь же влачила по улицам Рима соломенную куклу и сожгла на костре под этим изображением еретика Иоанна XXII. А между тем не за догмат о бедности Христа, а за нечто иное явился папа еретиком в глазах римлян: он оставался в Авиньоне и презрел Рим, святой город, заключавший в себе, согласно гибеллинской доктрине, избранный Богом народ, среди которого долженствовала вечно находиться резиденция священства и императорства. Отважный поступок одного из Колонн показал императору, что он мог наткнуться на сопротивление в самом Риме. Иаков, один из каноников Латерана, появился в сопровождении четырех замаскированных лиц 22 апреля у С.-Марчелло, вынул отлучительную буллу Иоанна XXII, прочел этот акт, которого никто пред тем не отважился обнародовать публично, перед более чем 1000 собравшимися людьми, протестовал против сентенции Людовика и постановлений синдиков, объявил их недействительность, вызвался поддерживать это своим мечом против каждого, прикрепил затем буллу к дверям церкви, вскочил на лошадь и беспрепятственно проехал через город обратно в Палестрину. Молодой Колонна был один из сыновей Стефана и во время его изгнания родился во Франции, награжден штатным местом в Латеране, подобно многим дворянским детям, и состоял в то время папским капелланом. Отец его, некогда ревностный слуга Генриха, не предстал пред очи Людовика. В то время как Счиарра был первым лицом при дворе последнего, Стефан оставался в своем вновь построенном замке в Палестрине.

Мудрая его сдержанность обеспечила блестящую будущность ему и его дому; с королем Робертом и с Иоанном XXII состоял он в наидружественных отношениях, причем большая часть его сыновей избрала духовную карьеру. Когда император узнал об этой выходке, то послал за смелым Колонной конную погоню, но она не достигла цели. На следующий день, 23 апреля, созвал он в Ватикан магистратов, военачальников и представителей народа. Собрание это издало постановление, чтобы

отныне каждый папа жил в Риме и не дерзал покидать город на более долгий срок, чем три летних месяца, не отъезжая далее двухсуточного переезда, и всегда с дозволения народа; коль скоро он станет поступать вопреки запрету и не возвратится по троекратному приглашению от римского клира и народа, то должен лишиться своего места — бессмысленный декрет, низводивший верховного главу церкви на степень какого-нибудь подесты. Столь велико было ожесточение императора, что он изрек даже 28 апреля над Иоанном XXII смертный приговор, как над еретиком и оскорбителем величества.

Логическим последствием всех этих действий явилось возведение нового папы. Схизматики-минориты требовали для этого взятие личности из их среды, последователя нищеты, каким был Целестин V, и через подобный идеал вторично должно было найти себе осуществление пророческое царство Св. Франциска. Тиара предложена была одному брату ордена, но последний устранился ее и бежал. Другой монах дал себя соблазнить стать жертвой схизмы. То был Петр Райналуччи из Корбары, местечка под Аквиллой, где некогда происходила арена истории мурронского святого. Петр жил, как минорит, в монастыре Арачели; его называли беспорочным человеком, но жизненная его карьера показала неспособность его к роли антипапы. На избирательном собрании духовных и laikов простодушный монах избран был в папы.

12 мая собрались римляне на площади Св. Петра, где над лестницей собора слышались еще отголоски предыдущих сцен. Император приказал избранному занять место под своим балдахином, а Фра Николай де Фабриано произнес речь на текст: «Петр, возвратившись домой, рек: Ангел Божий явился и избавил нас от рук Ирода и всех партий иудейских». Вслед за этим епископ Венеции трижды спросил с амвона, желает ли народ иметь Фра Пиетро ди Корбара папой. Отвечали да, хотя и рассчитывали, что будет избран римлянин. Епископ прочел императорский конфирмационный декрет об избрании; император встал, провозгласил папой Николая V, надел ему перстень рыболова на палец, облачил в мантию и посадил возле себя по правую сторону. Так сидели перед изумленными римлянами — самими ими венчаный император и самими ими избранный папа. Затем проследовали в собор, где совершены были церемонии возведения на трон и словословия. Епископ Иаков Венецианский помазал антипапу, а император собственноручно возложил ему на голову папскую корону. Банкет завершил это торжество. Фридрих II, согласно признанию церкви, страшнейший ее враг, должен был казаться теперь в глазах ее крайне умеренною личностью по сравнению с Людовиком Баварцем; ибо последний отважился на то, на что не дерзнул тот: он поверг церковь в раскол, подобного которому она не испытывала в течение 150 лет. С невероятной дерзостью придал он распре между императорством и папством революционный и демократический оборот. Он отринул все признававшиеся Габсбургами канонические постановления о супрематии папы. Как некогда папы заключали союз с демократией для побороания императоров, так Людовик апеллировал теперь (и это есть для Рима важнейший факт его истории) к демократическому триумфу величества римского народа. Он приял из рук его корону; он же возвратил ему право избрания папы. Объявив всех кардиналов еретиками, устроил он избрание папы духовными и мирянами, по старому обычаю, и затем утвердил и короновал его по императорскому всемогуществу. По смерти Климента V Данте ясно выразил в увещательном письме своем к кардиналам в Авиньон, что им одним принадлежало право папского избрания, и ни один голос не поднялся тогда в лишенном присутствия папы Риме напомнить, что право выборов в доиерархическое время принадлежало римскому народу. Память об этом пробуждена была, да

и то насильственно, лишь революцией при Людовике. Радикальный переворот строя явился, таким образом, последствием изгнания пап в Авиньон, борьбы, столь безрассудно завязанной Иоанном XXII с империей, и воздействием реформаторских доктрин монархии в связи со схизмой францисканцев. Насильственные деяния Иоанна и Людовика, тяжелые их процессы, пространные расследования об императорской и папской власти, вызванные их борьбой, составили заключительный процесс великой средневековой борьбы, перенесенной на более отвлеченную почву. Начинаясь вконец Реформации; вдали занималось церковное отпадение Германии от Италии и стало неизбежно, как только состоялось таковое же политическое. Обе власти, великие всемирно-мировые средневековые институты, церковь и империя, в последний еще раз мерявшиеся силами, являлись уже лишь тенью своего прошлого. После падения Бонифация VIII из-за поражения французской монархии, после бегства пап в какой-то угол Прованса папство навсегда распростилось со своим всеветно повелевающим величеством. После падения Гогенштауфенов, после пожертвований империей Габсбургами, после неудачной экспедиции Генриха VII испарился и цезаризм, и Людовик Баварский, унивший его до инвеституры от Капитолия, лишил корону Карла Великого в глазах всех, веривших еще в старую иерархию империи, последнего отблеска ее величия. В высшей степени замечательно, что вскоре после эпохи, когда Данте создал культ высшего идеала римского императорства, само оно при Людовике и преемниках его фактически упало на низшую ступень своей профанизации.

ГЛАВА IV

1. Война Роберта с императором. — Малый успех лжепапы. — Людовик в Кампаньи. — Возвращение его из Тиволи. — Недовольство в Риме. — Отъезд императора. — Реставрация папского правительства в Риме. — Дальнейшие предпрятия Людовика. — Смерть Каструччио. — Император в Пизе, в Ломбардии. — Возврат его в Германию. — Победа папы и гвельфов. — Лжепапа изъясляет покорность

Завоевание Неаполя являлось истинной задачей и практическим смыслом римской экспедиции Людовика, ибо неотменно сделало бы его повелителем всей Италии, а миноритского монаха, вероятно, папой в покинутом Св. Петре. План этот его живо занимал; но удаление Каструччио, недостаток вспомогательных средств и неповоротливость его союзников помешали его выполнению. Тотчас вслед за возведением лжепапы король Роберт сделал императору вызов, вторгнувшись со своими войсками, по воле Иоанна XXII в Кампанью. Галеры его проникли в Тибр до Св. Павла; один из отрядов Людовика отбит был от Остии; это произвело самое скверное впечатление в городе. 17 мая император отправился в Тиволи всего на четыре дня, только лишь ради пустой пышности, желая дать римлянам пышный коронационный спектакль. Уже в Троицын день он вернулся, переночевал у Св. Лоренцо, приказал устроить себе торжественную встречу и через разукрашенный Рим проследовал к Св. Петру. Здесь возложил он на нового папу тиару; папа же ему — корону на голову, что имело вид взаимного конfirmования; тогда же Людовик возобновил опалу Генриха VII против Роберта, Николай V также подтвердил все процессы против Иоанна XXII, над которым, как над еретиком, изрек осуждение, причем смелел всех не признающих его самого папой привлекать к инквизиции и карать смертью. Он окружил себя кардинальской коллегией и назначил ректоров и легабов для церковных провинций и для Ломбардии. Тем не менее лжепапство

встречало оппозицию не только среди римлян, но даже в самом лагере Людовика; Фридрих Сицилийский не признавал Николая V, даже некоторые гибеллинские города не хотели ничего знать про него, а если в иных его и признавали из политических причин, то, во всяком случае, он назначением нунциев и епископов породил смуты в Германии и Италии, и схизма была более бессильной, чем предшествующие церковные расколы, вызывавшиеся императорами.

Людовик IV намеревался теперь серьезно выступить против Неаполя, тем более что ему обещана была поддержка сицилийского флота. Ближайшей задачей представлялось очищение Лациума, где Роберт при помощи гвельфов, в особенности Гаэтано, занял важные позиции. В конце мая император отправился в Веллетри, причем сенатором на Капитолии оставался Райнер, один из сыновей знаменитого Уго дела Фаджиола. Другой воинский отряд командирован был в Нарни и Тори, чтобы воспрепятствовать наступлению отряда гвельфов. Из Веллетри производимы были набеги на соседние замки; Молара, владение Анибальди, 11 июня римлянами взята была штурмом; Чистерна, принадлежавшая в то время одной из ветвей Франджипани, сожжена дотла.

Недостаток жизненных припасов заставил, однако, римлян вернуться назад, а самого императора — отступить к Веллетри. Граждане этого маленького города мужественно заперли ему ворота, и император римский вынужден был расположиться лагерем в открытом поле. Настроение в войске, не получавшем жалования, было возбужденное; рейнцы и швабы перессорились из-за добычи Чистерны, так что Людовик отпустил швабов в Рим, а с прочими войсками 20 июня отступил к Тиволи. Не будучи в состоянии пробраться по Латинскому тракту на Лирис, он надеялся, подобно некогда Конрадину, проникнуть по Via Valeria, но герцог калабрийский запер границы в крепко защищенных проходах, между тем как в тылу Людовика находилась крепкая Палестрина, управляемая Стефаном Колонной. Положение императора в Тиволи было так же беспомощно, как некогда Генриха VII. Утрата Ананьи, куда неаполитанская рать впущена была Гаэтани, отняла у Тиволи возможность долее держаться, и Людовик вернулся 20 июля в Рим.

Одни лишь мрачные лица, один громкий ропот встретили императора в городе. Орсины производили набеги уже до самих ворот, отрезали подвоз продуктов и делали нужду невыносимой. Разграбленных антипапой церковных сокровищниц оказывалось недостаточно для покрытия потребностей Людовика; он требовал денег, а их неоткуда было достать. Обещанные гибеллинами посылки не показывались, войска, которые генуэзские изгнанники хотели отправить из Савои, не появлялись, и ожидаемый сицилийский флот не был виден. Настроение в Риме стало враждебнее; грозили прогнать императора и издевались над лжепапой; схизма, которой Людовик хотел придать национальный характер противопоставлением Рима Авиньону, не находила себе еще никакой почвы в Риме. Будучи еще бессильнее Генриха VII, Людовик оказался вынужден бессильно отступить. Послав в Витербо своего маршала с 800 рейтарами, покинул и сам он 4 августа Рим с антипапой и лжекардиналами. Отъезд его был позорен и похож на бегство. Те же самые римляне, которые рукоплескали императору и его идолу, призывали на них теперь смерть, как на еретиков; они преследовали удаляющихся метанием камней; некоторые из оставшихся были убиты.

Едва удалился Людовик, как в несколько часов погас весь столь радикальный произведенный им в Риме переворот. Нигде и никакие деяния властителей не производили так мало впечатления на народ, как громкие подвиги средневековых императоров в Риме. Мимолетное пребывание их в городе, куда они вступали с полно-

властием цезарей, оставляло обыкновенно позади себя одни лишь следы осады и войны, сами же они бывали осмеиваны и забываемы, лишь только исчезали из глаз римлян на Via Cassia или Flaminia. Еще в ту же ночь по отступлении Людовика вторгся в Рим Бертольд Орсини, племянник кардинала-легата, с гвельфским отрядом, а на следующий день явился и Стефан Колонни. Народ немедленно сделал этих обих аристократов сенаторами, между тем как Счиарра и Иаков Савелли, главы императорской демократии, бежали, не помышляя о сопротивлении. Конечно, немедленно началось гонение против гибеллинов; дворцы их были разрушаемы, имения их конфискуемы. 8 августа кардинал Иоанн с Наполеоном Орсини совершил въезд свой в город, в обладание которым снова вступил от имени церкви. Он утвердил новых сенаторов, а они созвали народный парламент, отменивший все акты Людовика и публично сжегший рукою палача его эдикты. Грубая чернь вырывала теперь тела немецких воинов из их могил, с воплями волочила их по улицам и низвергала с мостов в Тибр. 18 августа вступили в Рим и неаполитанцы, 800 рейтаров и многочисленная пехота под начальством графа Вильгельма д'Эболи, и таким образом владычество церкви и правительство Роберта были восстановлены без малейшего сопротивления.

Насколько успехи Людовика в Италии, начиная с перехода его через Альпы и кончая коронацией в Риме, привели в изумление весь свет своей отвагой и счастьем, настолько печальнее был конец императорского его похода. По извилистым путям предшественников своих двигался он назад и вперед по Тоскане для испробования, подобно Генриху VII, фортуны своей против Флоренции. Бесплодно теснил он из Витербо Орвието, причем прелестный край у Бользенского озера превращен был в пустыню. 17 августа двинулся он из Витербо и вторгся в гибеллинское Тоди, облагая контрибуциями и награбя деньги, причем антипапа ограбил сокровища С.-Фортуна-та. Умбрийское Тоди сделалось центральным пунктом его экспедиций, ибо оттуда командировал он графа фон Эттинген в Сполето, Романью, а сам решил направить нападении против Флоренции. Тем временем пришла к нему весть о появлении пред Корнето давно ожидаемого сицилийского флота. Сын Фридриха, король Петр, с 87 судами вышел в море и поплыл к берегам Неаполя; он сжег злополучную Астуру, где тень Конрадина все требовала от каждого сицилийца мести, и затем проник в устье Тибра, полагая, что император еще в Риме. Он отправил к нему послов в Тоди, требуя свидания в Корнето. Людовик покинул 31 августа этот город; антипапа же и императрица остались в Витербо. Он поспешил свидеться с сыном Фридриха. Советские их в Корнето было весьма бурное; император обвинял сицилийца в медленности и требовал от него денежных средств; юный король, наоборот, требовал поворота Людовика на Рим, выполнения условленной военной экспедиции против Неаполя. Ввиду того, что это сделалось невозможным, они согласились на том, чтобы всем сухопутным и водяным боевым силам собраться в Пизе. Согласно этому, Людовик двинулся 10 сентября из Корнето и через Монтальто проследовал в Гроссето, который и был сожжен. Важная весть о внезапной кончине герцога Каструччио настигла там императора и побудила прямым путем спешить в Пизу, чтобы вырвать этот город у сыновей умершего тирана. Каструччио Кастракане по удалении из Рима с изумительной гениальностью восстановил свои утраты; он овладел против воли императора синьорией Пизы, откуда изгнал его наместника, графа фон Эттингена, и затем 3 августа вступил во вновь завоеванную Пистою. Собственные выгоды удалили его от императора, так как между ними не было взаимного доверия. Возвращение Людовика в Тоскану неминуемо превратило бы прежних друзей его во врагов; но тут в Лукке, куда только что вступил он с триумфом по покорении Пистой, 3 сентября 1328 г. истощенный напряжением и скошенный горячкой, великий тиран скончался. Умер он

всего 47 лет от роду, на вершине своего могущества, повелителем половины Тосканы, в отлучении от церкви и со славой могущественнейшего авантюриста-диктатора со времен Эццелина и величайшего полководца Италии своего времени. Смерть его, избавление для флорентинцев, не была неприятна императору; и хотя сыновья тирана успешно проследовали с воинской силой к Лукке, Пизе и Пистое для захвата владычества над этими прекрасными городами, но уже 21 сентября Людовик появился перед Пизой, добровольно его принявшей и сделавшей его синьором. Здесь, подобно предшественнику своему, основал он главную свою квартиру, остался продолжительное время, предпринял вооружения против Флоренции, повел новые процессы против Иоанна XXII, против которого бессильными буллами боролся и монах Корбара. В императорском войске обнаружилась крамола: нижнегерманцы со времени чигерн-ской распри не могли успокоиться; яростно требовали они своего жалованья и, не получив его, покинули в числе 800 рейтаров, считая с графами и рыцарями, 28 октября свой лагерь с намерением завладеть Луккой. Когда это не удалось, они заняли позицию на горе Черулио под Монтекиаро, где учредили военную республику под начальством конетаблей и капралов, как в глубокой древности банды Одоакра или в позднейшую эпоху Роберт Гвискара. Они вели переговоры с Флоренцией о вступлении на жалованье в службу этого государства, а также и с императором Людовиком. Посла его Марко Висконти принудили они остаться у них предводителем; они жгли кругом страну, грабежом которой жили, и вскоре в действительности завладели городом Луккой, который предлагали тому, кто за него дает дорожку. Укоренение этой немецкой воинской шайки открывает собой историю чужеземных банд или компаний, бывших в течение более века страшным бичом Италии, силы которой они, подобно паразитным растениям благородного дерева, высасывали и поедали.

В Пизе Людовик пробыл до апреля 1329 г., ничего не выполнив из своих планов относительно Флоренции. Покинув Тоскану, он не имел более никакого определенного плана действий; ибо все соображения некоторым образом были устранены тем, что собственная его партия отчасти сделалась к нему враждебна. Вместо, как он то обещал в Триенте, уничтожения гвельфов и поднятия гибеллинов он первым ничего не сделал, а последних лишь ограбил и вытеснил из прежней их позиции. Милан, где могущество Висконти, разумно направленное к выгодам империи, в самом начале римской кампании могло бы послужить императору сильным устоем его владычества, Людовик сделал ни для чего не годным; дом Каструччио вытеснил он из Пизы и повсюду разрушил средоточия гибеллинской партии. Сумятица в Италии сделалась поэтому сильнее прежней; каждый синьор и тиран преследовали теперь собственные цели и стремились как ни попало, обещаться новыми союзами, даже с противной партией. Маркграфы д'Эсте изъявили покорность и подчинение папе и получили за это в лен Феррару. Они призывали к Висконти поступить так же точно. Аддо не забыл своих мучений в тюрьме в Монце и страшился претерпеть участь сыновей Каструччио. Хотя он и купил себе у императора наместничество в Милане, однако отпал от него, сделался самостоятелен и вступил в переговоры с папой. Людовик двинулся вследствие этого в Ломбардию для осады Милана; он ничего не добился, но оказался вынужден утвердить в сентябре Аддо Висконти наместником этого города и графства. Дальнейшие предприятия императора, взад и вперед блуждавшего по стране По, задававшегося химерическими планами вроде завладения Болоньей и видевшего с каждым днем таяние своего войска и престижа, не имеют никакой ценности для истории. Вскоре один город за другим стали засылать послов к папскому легату Бельтраму, а Людовик оказался вскоре совсем покинутым, за исключением Вероны и Мантуи, еще державшихся двусмысленного поведения. Дело его в Италии

было потеряно. 9 декабря 1329 г. отправился он из Пармы в Триэнт. Там намеревался он держать парламент из немецких имперских сословий, дабы подготовиться к возвращению в Италию с новыми средствами; но весть о плане его противников в покинутой и позабытой Германии выставить другого короля побудила его к поспешному возвращению в отечество; а тамошнее положение дел сделало навсегда невозможным возвращение его в Италию. Так кончилась римская экспедиция Людовика Баварца, бесплодная, как и Генриха VII, но несравненно более жалкая. Истинным ее плодом было уничтожение последнего престижа империи и разрушение дотла мечты Данте и гибеллинов, ожидавших от римского императора спасения Италии.

Гвельфы, глава их — король Роберт, папа в Авиньоне и Флоренция остались победителями на арене, в течение двух лет занимаемой Людовиком, не оставившим никакого другого следа, кроме крушения старой гибеллинской партии и беспредельного хаоса. Случайность привела вместе с этим к тому, что самые выдающиеся главы гибеллинов поумирали почти одновременно, а именно: Пассерино Мантуанский, Галеаццо Висконти, Каструччио, Кан Гранде, Счиарра Колонна. Умер также и Сильвестро Гатти, тиран Витербо, убитый в сентябре 1329 г. Фацциолом де Вико, побочным сыном префекта Манфреда, вслед за чем обширнейший этот город в римской Тускии сдался кардиналу-легалу Орсини. В столь многочисленных случаях смерти Иоанн XXII не замедлил узреть перст небесный, но самому ему пришлось вскоре оплакивать смерть Карла Калабрийского, единственного сына Роберта; ибо этот принц, скончавшийся 10 ноября 1328 г., не оставил никаких наследников мужского пола, и таким образом смерть его повлекла для королевства Неаполя самые тяжкие последствия. Восстановление папского престижа в Италии являлось теперь делом самого короткого времени. Большая часть городов спешили заключить мир с церковью. Лукка и Пистойя отреклись от присяги императору; пизанцы прогнали его наместника Тарлатино де Пиетрамала уже в июне 1329 г., затем восстановили снова республику и искали примирения с Иоанном, выдав ему взамен абсолюции лжепапу, оставленного Людовиком в Пизе. Корбарский монах, как беглец, укрывался в замке Булгари под Пиомбино под покровительством графа Бонифация де Доноратико. Несчастный, за год лишь до того извергавший яростнейшие буллы отлучения против еретика-иерея Иакова Кагорского, ныне писал исполненные раболепного смирения письма ко всесвятейшему папе Иоанну XXII. Он заслужил свою участь — именно всеобщее презрение после выпрошенной милости. Когда граф получил обеспечение жизни своего протеже, бывшего Николая V и когда тот сам торжественно в Пизе отрекся от своего лжепапства, то выдан был в августе 1330 г. в Авиньон. Здесь с обвитой вокруг шеи веревкой бросился он к ногам Иоанна XXII, жалобно исповедался в своих прегрешениях, получил великодушно отпущение и стал содержаться в Авиньоне в виде простого узника. Там же через три года этот самый жалкий из всех лжепап скончался.

2. Рим покоряется папе. — Торжественное отречение римлян. — Отречение от вождей римских гибеллинов. — Тщетная подача императором руки к примирению. — Загадочное появление короля Иоанна Богемского в Италии

Иоанну XXII, добившемуся подобного же греховного покаяния как от императора, так и от города Рима, не оставалось ничего более желать. Город, как мы видели, захвачен был в ту же ночь. Признанный снова сенатором, король Роберт утвер-

дил там избранных по вступлении его войск народом сенаторов Бертольда Орсини и Стефана Колонну и затем сделал своими заместителями Вильгельма д'Эболи и графа де Монте-Скабиозо, по прозванию графа Новелло. Но свирепствовавший в то время в Италии голод и бесчинства войск Эболи породили, однако, сильное волнение, так что даже 4 февраля 1329 г. римляне взяли штурмом Капитолий, вышвырнули заместителя Роберта и установили новое правление. Синдиками и ректорами сделали они Наполеона Орсини и Стефана Колонну, успокоивших народ благоразумными мероприятиями. Несмотря на это, вскоре затем, в июне 1329 г., король Роберт назначил своими штатгальтерами на шесть месяцев Бертольда Романи, графа де Нола, и Бертольда, сына Понцелла, обоих из дома Орсини, которые и пробыли просенаторами весь последующий год.

Подчинение города папе достигнуто было очень скоро. Римляне под давлением неаполитанского оружия обратились к милосердию церкви и просили прощения за те тяжчайшие проступки, в которых они в особенности провинились в ее глазах, а именно за завладение исконными народными правами избрания папы и императора. Парламент на Капитолии от имени народа, а магнаты города — за самих себя клялись перед лицом кардинала-легата в послушании законному папе, изъявили готовность к примирению и избрали синдиков для отвозения признаний их в Авиньон.

Три уполномоченных духовных лица объявили там, в публичной консистории, именем народа, что город Рим признает единодержавное пожизненное владычество Иоанна XXII. Они отреклись от императора Людовика и лжепапы и объявили себя следующими основными тезисами: император не имеет права смещать и ставить папу; проведенный в трактатах Марсилия взгляд есть еретический; избрание пап присваивается не римскому народу и клиру, но одной лишь кардинальской коллегии; римский народ не имеет права короновать императора. После этого торжественного отречения 15 января 1330 г. папа, в свою очередь, отказался от всех своих, мимолетно им себе присвоенных, прав величества. Иоанн XXII не удовлетворялся этим отречением римлян, потребовал от них такую же декларацию, обращенную ко всему христианству и к некоторым королям, ибо папе казалось очень важным доведение до сведения целого света признания прав римского престола со стороны римского народа. Тем временем беглые вожди гибеллинов трепетали в кампанских своих замках пред местью победителя. Знаменитого их вождя, Счиарра Колонна, к его счастью, быть может, уже не было в живых, а прочие выдающиеся наряду с ним демагоги, Иаков Савелли и Тебальдо, искали милости папы. Прокуратор их привез отречение в Авиньон, вслед за чем Иоанн XXII абсолювировал и этих римлян; единственным наказанием для них было изгнание на один год из Рима. Прослеживая историю процессов об оскорблении величества после неудавшихся переворотов, можно видеть в большинстве случаев лишь страшные взрывы мести, выражавшиеся в заключении в темницу, в конфискации имущества и даже в смерти и в весьма редких случаях примеры столь великой кротости, какую в то время и при столь свирепом Иоанне XXII высказала церковь. Радикальнейшая из всех революций против папства потушена была абсолюциями и помилованиями — милосердием, простиравшим более из политической мудрости, чем из христианских принципов, и доставившим церкви все те выгоды, которые отнюдь для нее не могли быть достижимы путем вооруженного насилия.

В Авиньоне происходили зрелища, наполнявшие папу самоудовлетворением: в течение всего 1330 г. появлялись с поклоном и с покаянием послы от князей и городов Италии. Являлись и немецкие послы, ибо зарождающаяся в Германии оппозиция заставляла императора весьма сильно искать примирения. Ибо папа подготовил всех князей империи к избранию нового короля в надежде на избрание Оттона,

герцога австрийского; но Людовик счастливо удержался императором путем заключения с австрийскими герцогами договора и предложения итальянского наместничества королю Иоанну. В силу этих договоров намеревался он уже летом 1330 г. вернуться в Италию. В то же время предлагал он компромисс и папе: он хотел сместить лжепапу, отменить воззвание свое к собору, отменить свои акты против церкви, признать, что заслужил отлучение, и отдаться на милость папы. За это требовал он абсолюции и своего утверждения как законного императора. Иоанн XXII основательно мог возразить, что Людовик не имеет никакого права провозглашать низложение антипапы, не имея равно никакого права на его поставление, тем более что сам Петр Корбарский отрекся уже в Пизе от папства. Но прочие основания, в силу которых он отверг абсолюцию и признание Людовика, заслужили ему упрек в своенравном неблагодарности. Если бы Иоанн XXII принял предложенный договор, то избавил бы Германию и Италию от длинного ряда смут, высокоавстительного поднятия бы свой престиж в империи и воспрепятствовал бы декларации через постановления в Рензе независимости империи. Роберт Неаполитанский в особенности способствовал отклонению папы от мира с императором, а Франция желала выгодных для нее смут в империи.

Невзирая на восстановление папского престижа, Италия пребывала тем не менее в глубокой анархии. Гвельфы и гибеллины, города и тираны с неутешимой яростью воевали между собой. Ректор церкви, властолюбивые легаты свирепствовали в провинциях, как сатрапы. Глубокое, отчаянное утомление объёма итальянцев и обратило страну их в добычу первого ловкого военачальника, как то было после падения первой Римской империи. Загадочное появление короля Иоанна Богемского является наилучшей характеристикой тогдашнего положения дел. Этот рыцарственный сын Генриха VII в конце 1330 г. прибыл в Триент; теснимая изгнанными гибеллинами и Мастино делла Скала, Брешия призывала его на помощь и предложила ему синьорию. Едва успел он там появиться, как доведенные до отчаяния города стали отдаваться ему, как бы по мановению волшебства: Бергамо, Крема, Кремона, Павия, Верчелли, Новара, Лукка, Парма, Реджио и Модена, все раздираемые партиями и гнетомые тиранами, одна за другой в кратчайший промежуток вручали ему *dominium*. Сын Генриха VII, король варварской Богемии, без средств, почти без войска, быстрее своего благородного отца с триумфом последовал через страну, приветствуемый как избавитель, принимал челобития республик, которым был совершенно чужд, назначал, подобно отцу, хотя помимо всякого права на то, наместников в городах, возвращал изгнанников и мечтал невдалеке сделаться повелителем большей части Италии. Иоанн был странствующий рыцарь из породы романтических рыцарей Артура; его храбрость, его качества, его талантливая личность производили сильное впечатление на итальянцев, но не объясняют его успехов. Гвельфы были поражены изумлением. Никому не было ведомо значение этого явления Иоанна. Послан ли он Людовиком или папой или пошел на собственное счастье? Император, права которого он так дерзко узурпировал, отвергал всякие к нему отношения; флорентинцы, пораженные воинским отрядом короля богемского, принужденные отступить от Лукки, зрели сына своего врага близ своих ворот и, глубоко изумленные, вопрошали папу, он ли его послал; Иоанн XXII, так же как и Висконти, отвечал отрицательно. Но таинственная встреча, которую 18 апреля 1331 г. король богемский имел с кардиналом-легатом Бельтрамом в Кастьельфранко, и тесный их союз убедили гвельфов, что папа отнюдь не был чужд явлению этого короля. Едва лишь пронырливый Иоанн XXII завидел успехи богемца, как решил сделать из него свое орудие. Он допустил его войти в силу в Ломбардии, чтобы путем его устра-

нить Висконти, Эсте и прочих тиранов и обеспечить nepoтy своему Бельтраму владичество в Болонье. Вместе с тем он хотел отделить Иоанна от Людовика Баварского и этим помешать задуманному последним походу в Италию. Немедленно по выполнении этих услуг богемцем папа сам бы устранил его как авантюриста. Тем временем быстро возраставшее могущество короля породило такие смуты, что примирились даже бывшие дотолѣ жесточайшие враги: Эсте, Аццо, Висконти, Мастино дела Скала, Гонцага Мантуанский заключили лигу против Иоанна Богемского и папы, в которую вступили вскоре затем флорентинцы и король Роберт. Мир дивился этим контрастам и гасконской, полной интриг, политике Авиньона. Богемец возымел химерический план сделаться королем Ломбардии и Тосканы и отнять корону империи у императора; но лига разрушила его мечты. Летом 1331 г. отправился он в Германию, в январе 1332 г. — во Францию, в ноябре — в Авиньон, между тем как юный его сын Карл оставался наместником его в Италии и в начале не без удачи действовал против союзников. Иоанн заключил союз с королем французским и в начале 1333 г. явился снова из Лангедока с французскими войсками и с сильными полчищами. Нашествие это навело ужас на всю Италию. Иоанн, однако, не с особенной удачей сражался с Висконти в Ломбардии, где от него отпала большая часть городов; в конце концов он, «как дым», вместе с сыном своим Карлом осенью 1333 г. исчез из Италии, не достигнув никаких практических успехов и опозорив свое имя продажей за деньги тиранам доверчиво отдавших ему городов. Вообще же экспедиция его много способствовала ослаблению республиканского духа в городах и укреплению могущества узурпаторов. Хотя им история города Рима и не была затронута, но мы все же упомянули про нее, чтобы не утратить из виду взаимную связь событий и осветить общее состояние Италии.

3. Упадок Рима. — Война Колонн и Орсини. — Бунт Романьи. — Освобождение Болоньи. — Бегство кардинала Бельтрама. — Флагелланты. — Фра Вентурино в Риме. — Кончина Иоанна XXII. — Характер этого папы. — Бенедикт XII. — Римляне зовут его в Рим. — Война дворянских партий. — Петрарка в Капранике и Риме. — Римляне дают синьорию папе. — Мир между Колоннами и Орсини. — Устройство римским народом республики по образцу Флоренции. — Папа восстанавливает свою власть

Отсутствие папы, как самая тяжкая напасть, все более и более давало себя чувствовать предоставленному самому себе и несчастью своему городу. На мрачном горизонте страданий голодного и истерзанного народа, никем из хронистов вполне не изображенных, можем мы отметить только помпезные въезды сенаторов и магистратов или бои буйволов, которыми занималась аристократия в старом Колоссеуме; помимо же этого, не откроем в столице христианства никаких отголосков новой жизни и цивилизации. Она все более и более погружалась в бедность и мрак, заржавела и развалилась, подобно горе мусора всемирной истории, между тем как забывший про нее папа копил золото и сокровища в дальнем Авиньоне.

Глубокая унылость, составляющая основную черту Рима в Средние века, в эту эпоху разрослась еще более, ибо, наряду со зрелищем руин древности, покинутые и разваливающиеся церкви возвещали о гибели христианского мирового величия. Для людских страстей не существовало другого театра столь всесокрушительного трагизма и столь сердцеизводящей пустоты, как тогдашний Рим, и при всем том день и ночь неистовствовали дикая, кровавая вражда родов и честолюбие баронов, боров-

шихся за пурпур сенаторской мантии или за его тень и имя на обломках и мусоре. Враждующие дома Колонна и Орсини раздирали Рим, подобно тому, как гвельфы и гибеллины — прочие города. Они насчитывали равно сильных приверженцев, владели во всех римских провинциях крепостями и замками и имели союзников или соратников в дальних краях, даже Умбрии и Тосканы. Одна партия не могла вследствие этого одолеть другую.

В 1332 г. уособицы настолько разгорелись, что папа командировал в Рим двух нунциев, Филиппа де Камбарльяка, ректора своего в Витербо, и Иоанна Орсини, по-прежнему все еще состоявшего кардиналам-легатом Тусции и патримониума. Около этого времени Иоанн XXII сделал даже вид, будто намеревался прибыть в Италию. Для подчинения nepoty своему болонцев, манил он их тем, будто мечтает о водворении Святого престола в Болонье. Бельтрам как раз стал строить в этом городе род цитадели, и граждане, исполненные надежд на резиденцию папы, которому немедленно вручили *dominium*, не препятствовали постройке. Вместе с тем Иоанн убаюкивал и римлян перспективою скорого своего возвращения; своему нунцию повелел он привести в порядок дворец и сады Ватикана. Призрак покинутого и скорбящего Рима тревожил покой каждого папы в авиньонском дворце, ибо убеждение, что Рим есть священная и законная столица христианского мира, укоренилась в роде человеческом несокрушимо твердо.

Римляне писали отчаянные письма к папе и еще раз вручили ему всю городскую власть. Ввиду назначения им снова субститутором своим Роберта Неаполитанского, сенат короля истечь должен был в 1333 г. Наместником своим сделал Роберт Неаполитанский Симона де Сангро. Но Иоанн XXII не появился в Риме. Филипп Французский без труда удержал его в Авиньоне, да и едва ли план возвращения его существовал серьезно. От времени до времени авиньонские папы стращали французских королей замыслом вернуться в Рим, и угроза бегства их из Франции составляла единственное их оружие против монархов, у которых они состояли служилыми узниками.

Новая яростная война Орсини и Колонна показала, впрочем, папе Иоанну, насколько для него малоободряюще было состояние Рима. 6 мая 1333 г. двинулись главы Орсини, Бертольд и один из графов Ангвиллара с сильной свитой через Кампанию для встречи с врагами; юный Стефан Колонна напал на них при С.-Чезарио, и оба Орсини остались мертвыми лежать на поле. Тогда же все Орсини, как мстители за кровь, взялись за оружие, однако Колонны, несмотря на свою малочисленность, одержали победу. Первые ничего не добились в городе: они задушили лишь невинное дитя Агапита Колонны, которого служители случайно вели в церковь.

В эту войну кровавой мести вовлечен был и кардинал-легат Иоанн Орсини, дядя убитых. Любовь к семье и жажда мести заглушили в этом прелате голос религии; он созвал вассалов церкви к оружию, соединился с Орсини, разрушил замок Колонн Джове в Патримониуме и, жаждя мести, вторгся в город, где напал на Стефана Колонну в его квартале. Это заставило папу высказаться против своего легата; он повелел кардиналу сложить оружие и ограничиться духовными своими обязанностями в Тусции.

Иоанну XXII еще более, чем неукротимые смуты Рима, угрожало то, что вся почти церковная область была в открытом возмущении. Города Романии, возмущенные насилиями своих ректоров и кастелланов, свергли правительство церкви. В авиньонскую эпоху папы почти непрерывно посылали регентами в церковные провинции одних лишь гасконцев и французов, в большинстве своих родственников. Незнакомые с итальянским характером и без любви к стране и к народу, обычно-

венно вполне неспособные к важному своему посту, эти ректоры пользовались, подобно проконсулам в Древнем Риме, сроком своей должности лишь для вымогания богатств, для удовлетворения потребности в роскоши и для удовлетворения своего властолюбия. Непот Иоанна XXII, Бельтрам де Поджетто, в течение долгого времени своего управления Болоньей сделался почти независим. Италиянцы ненавидели этого высокомерного чужеземца, считаемого за побочного сына папы; Петрарка, презиравший Иоанна XXII за непрестанные войны его в Италии, говорил про него, что он наслал на Италию Бельтрама не как духовного, а как разбойника с легионами в виде второго Аннибала. Возмущенная его вымогательствами и зверским обращением его придворных и служащих, Болонья наконец 17 марта 1334 г. восстала с кличем: «Народ! Народ! Смерть легату и лангедокцам!» Губили все, что говорило по-французски; дворцы курии взяты были приступом, и сам легат осажден в своей нововозведенной крепости. Личным своим спасением Бельтрам обязан был лишь мудрому такту флорентинцев, проконвоировавших беглого кардинала через возмущившуюся страну. Болонская цитадель разнесена была до основания; вся Романья водрузила знамя свободы, и некогда столь властный легат предстал беглецом перед тронem папы. Анархическое состояние Италии породило в то время явления, подобные бывшим по падении Эццелина. Как по сю, так и по ту сторону Альп поднялись флагелланты. Около Рождества 1333 г. доминиканец Фра Вентурино Бергамский проповедал покаяние в Ломбардии. К нему пристали тысячи. Кающихся этих называли «голубями» по знаку белого голубя с масляной ветвью на груди. Вентурино дал им одежду, похожую на доминиканскую; в правой руке носили они пилигримский посох, в левой — веночек из роз. Фанатики и авантюристы, невинные и преступники охотно шли под знамя монаха, тем более что дисциплина бичевания не отличалась чересчур большой строгостью. Монах повел банды свои во Флоренцию, где их принимали трое суток; многие флорентинцы нашли себе голубку мира; паломники двинулись далее через Перуджию на Рим, чтобы помолиться у покинутых папой мощей апостолов и устроить мир. На этот город обрушился в пост 1334 г. Фра Вентурино со странствующим воинством в количестве более чем 10 000 человек, дававших себе кроткое имя «голубей», но проносившихся по областям скорее в виде саранчи. В этом числе находились бергамцы, брешрианцы, миланцы, мантуанцы, флорентинцы, витербцы, в ранжире по 25 человек в хорутви, вступавшие с пением литаний и с криком: «Мир и милосердие!» Старики помнили еще, как видели в Риме предместников этих кающихся, когда кастеллан де Андало был освобожден ими из темницы. Один хронист простодушно описал этот феномен бичевания и поведение тогдашних римлян. Братья-голубки были люди, не несшие денег в Рим, но требовавшие прокормления; их, однако, охотно принимали, а Фра Вентурино поселился на жительство в доминиканском монастыре Св. Сикста На Via Арриа. Дисциплина его полчищ была хороша; он проповедал им днем, вечером распевали они псалмы. Прежде всего водрузили они у Минервы хорутвь с изображением Богородицы между двумя играющими на скрипке ангелами; затем монах назначил народное собрание на Капитолии, где намеревался проповедовать покаяние. В глубокой тишине римляне внимали речи бергамца, но, несмотря на это, обратили внимание на его ошибки в латыни. Он превозносил Рим как город святых, по праху которых должно ступать лишь босыми ногами; он сказал, что покойники его святы, но живые — безбожники; римляне смеялись. Они заявили ему одобрение, когда он объявил, что резиденция папы должна находиться в Риме; но когда он стал их приглашать отдать ему на благотворительные цели деньги, предназначенные ими на безбожные карнавальные представления на Навоне, то они закричали, что он дурак. Пророк остался на Капитолии один. Над ним глумились; он отряхнул

прах от ног своих и воскликнул, что никогда не видал более испорченного народа на земле. Он отправился в Авиньон к папе, перед которым обвинен был в ереси. Церковь ранее уже воспрещала возбуждающие процессии флагеллантов и воспретила их и теперь. Мистики эти уклонялись от законных спасительных учреждений иерархической церкви и искали избавления от зла во вдохновении внутреннего чувства; учение их окрашено было ересью, а распутное их поведение приняло формы вольной секты, враждебно относившейся к состоящей церкви. Фра Вентурино, подвергшийся жестокому порицанию в Авиньоне за то, что проповедовал, что в Риме лишь должен находиться истинный верховный глава церкви, хотя и был оправдан в ереси, но приговорен к вечной ссылке в отдаленные места. Такой исход имела попытка проповедника привести на путь истины потрясенный Рим.

Тем временем 4 декабря 1334 г. скончался в Авиньоне 90 лет от роду Иоанн XXII. Долгое свое правление провел он, любя исключительно золото, в нехристианских ссорах и враждованиях и властолюбия ради наполнил мир войной — отвратительный и отталкивающий старческий образ на троне первосвященников. Его сварливый нрав, его неукротимый и вместе с тем ограниченный ум вовлекли германскую империю в опасную борьбу с папством и произвели в церкви схизму. Невзирая на свои сделки со светской властью, наполнял он свои дни и ночи схоластическими мудрствованиями о тривиальных предметах. Еще в последние дни воздвиг он бурю в церкви измышлением нового учения о видении отшедших душ, относительно которых за благо счел утверждать, что до Страшного суда они не могли вполне лицезреть Бога. Эта праздная догма о положении вещей на небе вызвала такие диссонансы на земле, что Иоанн XXII подвергся опасности быть названным еретиком, а во Франции грозили потребовать его на Вселенский собор. Синод в Венсенне объявил взгляд папы еретическим. Незадолго до своей смерти он принужден был его отменить. Наконец, глубокое возбуждение, порожденное спором его с францисканцами, сильно способствовало поднятию и распространению по всей Европе давно уже бродивших в христианском обществе элементов реформации. В этом отношении правление его имело большую важность для всемирной истории, чем даже иных высокопрославленных пап. Бонифаций VIII и Иоанн XXII своей распущенностью сильнее потрясли католическую иерархию, чем какая бы то ни было ересь прежних эпох. Впрочем, он и на практике фактически применил свой принцип о владении Христом и апостолами собственностью, ибо сам он, этот авиньонский Мидас, этот невзрачный старец, был вообще одним из богатейших пап. В казне его нашли невероятные суммы: 18 миллионов гульденов чеканного золота и 7 миллионов драгоценностями — сокровища, исторгнутые у народов скаредностью и корыстью, путем позорных новоустановленных аннатов и резерваций всех духовных мест христианского мира.

По смерти Иоанна XXII на папский престол вступил в Авиньоне после своего избрания 20 декабря 1334 г. и своей хиротонии 8 января 1335 г. кардинал де Санта-Приска. Это был Жак Фурнье, сын мельника из Савердуна в Лангедоке, цистертинский монах, доктор богословия, епископ Памьера, затем Миренуа, возведенный Иоанном XXII в кардиналы, ученый, строго монашеского духа, жесткий и суровый, но справедливый, во многих вещах прямой контраст своего предшественника, злоупотребления которого по управлению церковью с достохвальной ревностью старался искоренить. Он также ненавидел миноритов и клялся в смерти еретикам; но он чужд был корыстолюбия и nepотизма, мирского властолюбия, страсти к раздорам и войне. Он презирал мирской блеск, но и строго отстаивал светские права папства.

Едва лишь Бенедикт XII сделался папой, как поспешил успокоить Италию, покинутую предшественником его в полном пламени возмущения, и умиротворить Рим, где усобицы партий порождали страшные бедствия. Новый папа, новое посольство от римлян; новый вопль отчаяния старой и ставшей отвратительною вдовицы Рима, не оставшей призывать неверного супруга к возвращению в ее объятия. Немедленно вслед за восшествием нового папы римляне торжественно стали звать его в город, и он со здравомыслием признал справедливым их желания. Он был искренне склонен исполнить их мольбу; но едва намерение его стало гласно, как французский король ему воспротивился, и Бенедикту XII ничего не оставалось более, как покориться, но это не мешало ему испускать вопли о том, что Святой прелост осужден пребывать в пленении у Франции.

Привести к примирению распаленные яростью партии в Риме невысказимо было никакими средствами; роды сражались с родами, народ — с магнатами, плебеи — между собой. Попеременно они то заключали перемирие, то снова брались за оружие. Тщетны были все увещания и усилия Бенедикта XII. Партии окопались шанцами в Риме и одна другой позакрывали свободные доступы. Стефан Колонна занял четыре моста, Иаков Савелли со своими приверженцами — остальные; 3 сентября 1335 г. Орсини разрушил Ponte Mollo. Война разлилась вплоть до Тиволи, где провозгласил себя синьором Стефан Колонна. 13 января 1336 г. заключено было перемирие при посредничестве архиепископа Бертрана д'Эмбрен, специально с этой целью возведенного римским народом в синдики и дефензоры республики. Наполеон, сын-вья его Иордан и пфальцграф Бертольд и его братья, Иоанн д'Ангвильяра, Анджело Малабранка, канцлер города, Иаков Савелли и прочие родственники дома Орсини, с одной стороны, а Стефан Колонна с сыновьями Стефануччио и Генрихом и с прочими свойственниками дома — с другой съехались в монастыре Арачели. Эти свирепые враги, мстители за пролитую уже кровь, со скрытым ропотом, с глазами, сверкавшими ненавистью и смертоносными замыслами, протянули друг другу руки и поклялись в двухгодичном мире. Что касается до Петрарки, то он тот 1336 г. провел в имениях своего приятеля, графа Орсо д'Ангвильяра в Капранике, под Сутри; с ужасом взирал он на беспомощное состояние прекраснейшей страны, кишевшей враждебными шайками и разбойниками, в которой пастух в полном вооружении пас стадо, землепашец с мечом и копьем следовал за плугом, и все дышало лишь враждой и междоусобицей. Когда Петрарка возымел намерение предпринять поездку из Капраники в Рим, то мог ее совершить не иначе, как под конвоем командированных с ним 100 рейтаров; иначе нельзя было поручиться за безопасный его проезд через враждебные отряды Орсини. Можно ли было удивляться после всего этого, что Бенедикт XII не внял жалобным молениям римлян о возвращении?

С восшествием его на престол прекратилась городская власть короля Роберта; установлено было народное представительство из 13 капитанов кварталов с ректорами от обеих враждующих партий. Насколько велика была безурядица, показывает то, что король Роберт, даже еще в начале 1337 г., мог назначать викариев. Весь режим являлся временным и непостоянным; беспрестанно колебался между правлением народа и аристократии, Dominium не было еще передаваемо папе; с отдачей этого драгоценного дара еще медлили, пока наконец в июне 1337 г. истерзанный народ не добился решения о предоставлении синьории Бенедикту XII. Римляне назначили его пожизненным сенатором и капитаном, синдиком и дефензором республики. Они надеялись побудить его этим к возвращению, ибо столь высоко было их мнение о неизмеримой ценности их свободы и о владычестве над грудой развалин Рима, что они серьезно воображали, что могут прельстить этим папу. Все-таки остается очевидным то, что римская республика оставалась вполне свободна и суве-

ренна в отношении пап и что последние в своем качестве синьоров города не могли претендовать ни на какое к нему отношение, кроме как патрона и пожизненного высшего магистрата, подобно тому как иные вольные города имели обыкновение давать краткосрочно синьорию князьям или тиранам. Бенедикт XII с признательностью принял предложенную ему власть; он не передал ее королю Роберту, но назначил администраторами сената ректоров Патримониума и Кампании, а затем 15 октября 1337 г. поставил на год сенаторами двух рыцарей из Губбио, Иакова Канти де Габриэлис и Бозо Новелло Рафаэлли, старого гибеллина, приверженца Генриха VII и друга Данте. Это доказывало желание с его стороны занять самостоятельное положение по отношению к королю Роберту.

Между тем фамильная война возгорелась с новой яростью; Иаков Савелли штурмовал машинами церковь С.-Анджело, которой Иоанн Колонна был кардиналом, и разрушил его дворец. Затем папа повелел в августе 1337 г. возобновить мир на три года. Благочестивые люди устроили также примирение между народом и знатью, и это дело мира явилось среди неуголимой ненависти партий действием чуда небесных знамений. Бенедикт XII был в высшей степени обрадован замирением Рима, но не доверял его прочности; он повелел окружным городам не посылать никаких войск в Рим и не вмешиваться в распри партий. 2 октября 1338 г. назначил он на год сенаторами Матфея Орсини и Петра, сына Агапита Колонны. Они обнародовали амнистию, но не успокоили город, ибо в июне 1330 г. народ взял штурмом Капитолий, прогнал одного сенатора, вверг в темницу другого и сделал ректорами города Иордана Орсини и Стефана Колонну.

По просьбам римлян, уповавших теперь на установление порядка в своей республике благодаря демократическим постановлениям, цветущая Флоренция охотно командировала двух испытанных государственных деятелей для поучения своего старого родительского города искусству народного управления. При этом случае многие могли подивиться переменчивости времен и обстоятельств. Подати устроены были по флорентинскому образцу, затем назначены были 13 приоров из цехов, один хоругвеносец юстиции и капитан. Но папа протестовал против этих нововведений, повелел ректорам сложить свою власть, назначил временных вице-королей, а 1 марта 1340 г. сенаторами на шесть месяцев Тибальдо де С.-Евстафио и Мартина Стефанески. Для задобрения голодающего народа послал он для раздачи 5000 гульденов золотом, и действительно город оказался вскоре склонным к признанию его владычества, ибо Бенедикт XII был человек строгий и справедливый, исполненный миролюбия; он серьезно намеревался положить препоны тирании родовой знати; он оберегал также и притесняемые провинции церкви против разбойнического произвола их ректоров. Новые сенаторы энергично выступили теперь против некоторых магнатов, как то: Франциска де Альбертесцис де Цере и Анибальда де Монте Компатри; но Бертольд Орсини и Иаков Савелли вырвали виновных у юстиции, ворвались в Рим и овладели церковью Арачели. Сенаторы удалились с Капитолия, вслед за чем Бертольд и Павел Контти провозгласили себя капитанами народа. Когда, однако, папа командировал в Рим нунция действовать путем духовных цензур, то капитаны эти были народом изгнаны и снова восстановлен порядок. Затем сенаторство приняли на себя Орсо д'Ангильяра и Иордан Орсини. Таково было анархическое состояние Рима во время долгого отсутствия папы. Несчастный народ видел сокрушение всех попыток к достижению мира и к обузданию баронов и искал избавителя от нестерпимых бедствий. В эту-то страшную эпоху происходило замечательное празднество, коронование поэта на Капитолии, и способствовало пробуждению старых воспоминаний и зарождению из них непредвиденных событий.

ГЛАВА V

1. Франческо Петрарка. — Связи его с домом Колонна. — Влечение его к Риму и первое прибытие в город. — Впечатление Рима на него. — Венчание его в поэты-лауреаты на Капитолии. — Диплом сената

В течение авиньонского периода жизнь Петрарки, подобно Данте, тесно связана с историей Италии. Многие события находят освещение в его сочинениях и письмах, как документах того времени. Через посредство его, как гениального тогдашнего своего представителя, протестовала Италия против французских пап, и с него же началось национальное возрождение классической науки. Петрарка, как и Данте, был флорентинец, но родился в Ареццо (20 июля 1304 г.), куда отец его, как изгнанник, должен был переселиться. В 1313 г. переселилась вся семья в Авиньон, где в то время многие итальянцы искали счастья. Молодой Петрарка проходил курс учения в Карпентрасе, в Монпелье, и затем в Болоньи, откуда по смерти отца в 1326 г. возвратился в Авиньон. Здесь вошел он в прочную дружбу с самыми влиятельными членами дома Колонна. Из числа их находились там Иоанн де С.-Вито — брат, Иаков и Иоанн — сыновья знаменитого Стефана. Иаков Колонна, юный клирик, составивший себе имя своей смелой выходкой против Людовика Баварца в Риме, ныне епископ ломбский, был товарищем Петрарки по учению: он рекомендовал своего друга своему брату, кардиналу Иоанну, высоко почитаемому человеку за свое образование, богатство и за блеск дома, в гостеприимном дворце которого в Авиньоне собирались многие выдающиеся умы. Петрарка сделался его конфиденентом и им рекомендован был маститому Стефану, когда тот приехал в 1331 г. к авиньонскому двору для совещаний с папой о средствах умиротворения Рима. Страстное влечение тянуло Петрарку увидеть Рим, герои, поэты и монументы которого с детства наполняли его душу столь необычным восторгом, что собственная его современность представлялась ему лишь в образах римского мира. Он писал к Иакову Ломбскому: «Трудно почти поверить, насколько сильно я жажду узреть этот город, хотя он заброшен и составляет лишь тень Древнего Рима. Мне рисуется ликование Сенеки, когда он пишет из виллы Сципиона Африканского Луцилию и считает за счастье, что видел место, где знаменитый этот человек жил в ссылке и где остался его разлученный с родиной прах. Если это мог чувствовать и говорить испанец, то можешь по этому судить, что чувствую я, итальянец. Не о вилле в Линтернуме идет дело, но о городе Рима, где Сципион родился и воспитывался, о том городе, которому никакой другой не был и не будет никогда равен». Он прибыл, наконец, в Рим из Капраники, замка графа Орсо д'Ангильяра, женатого на Агнесе Колонне, дочери Стефана.

Под escortом своих друзей вступил он впервые в город 14 января 1337 г. Кардинал Иоанн отсоветовал ему посещать оный в виду того, что картина руин его настоящего разрушит высокий образ о нем, начертанный в фантазии поэта; но Петрарка был так поражен впечатлением Рима, что написал кардиналу, что все представилось ему здесь еще величественнее, чем он себе воображал. Он странствовал по Риму, водимый Иоанном де С.-Вито, принадлежавшим к семейству Колонн, которые соединяли в себе с гордостью звания римлян любовь к монументам города, в истории которого они, всеконечно, могли быть более сведущи, чем их необразованные сограждане. Петрарка краснея перед глубоким невежеством римлян; он нашел, что Рим нигде не был менее известен, как в самом Риме, и за-

метил своим друзьям, что город ранее не подыметя из своей бедственности, чем пробудится снова его самосознание.

Интересно было видеть Петрарку и следовать за ним в блужданиях его по развалинам, в сопровождении знаменитейших римлян, имена которых настолько же неизгладимы в средневековой истории Рима, как Сципионов — в древности и которые нередко, присаживаясь на обломки колонн, оплакивали гибель пресветлого города. В этих-то уединенных прогулках не раз взор Петрарки приковывал к себе молодой и бедно одетый римлянин с фанатическим выражением и прекрасной наружностью, с патриотическим энтузиазмом рывшийся в руинах, разбирая их надписи. В то время юноша еще не дерзал даже приближаться к прославленному уже поэту, но спустя десять лет Петрарке суждено было посвящать пламенные оды, а маститому Стефану оплакивать свой сильный дом, погибший через этого же самого плебей.

Появление Петрарки вносит в историю города Рима достойную замечания черту личной его жизни и вполне уже новейшей гуманности, которой впервые являются перед нами отмеченными действующие лица той эпохи во всей жизненной силе. Короткое его пребывание вдохновило его к поэтическому посланию к Бенедикту XII, которого он призывал к возвращению в запустелый город, виденный им теперь самолично во всем его беспредельном бедствии. Покидая еще ранее лета 1337 г. Рим, увозил он с собой окрепшую мечту — достигнуть высшей цели своих штудий и своего честолюбия, лаврового венка поэта; равно возымел он смелую идею поэмой о Сципионе Африканском сравниться славой с Вергилием. Это ныне не читаемое и давным-давно забытое стихотворение начал он в своем Воклюзском уединении в 1339 г. Оно еще не было известно, когда он уже был удостоен высшей для поэта почести. Лирические его стихотворения, поэтические эпистолы, его таланты и познания, наконец обширные связи с влиятельнейшими людьми того времени, прославили Петрарку во Франции и Италии как первоклассного гения. Мнение о его «божественном» таланте было в эпоху пламенного поклонения искусству поэзии столь высоко, что никому не приходил вопрос о том, действительно ли он трудами гения заслужил лавры Вергилия. Если для строгого суда потомства это и представлялось бы сомнительным, то тем не менее должно оно признать, что в необыкновенном этом человеке по всем правам и заслугам увенчан был дух науки нового времени.

30 августа 1340 г. получил Петрарка в Воклюзе одновременно от канцлера Парижского университета и от римского сената приглашение получить публично лавровый венец. Упоенный счастьем поэт колебался между знаменитой школой наук и цепенеющим в невежестве Капитолием, но решил принять лавры в Риме «над прахом старых певцов», и в этом патриотическом решении утвердил его кардинал Иоанн. Прекрасный обычай венчать чествуемых поэтов лаврами или дубовыми листьями перешел к римлянам от греков. Известно, что поэты были венчаемы на пятилетних Капитолийских играх, учрежденных Нероном и возобновленных Домицианом. Игры эти, само искусство поэзии и священный лавровый его венец исчезли в гибели Римской империи. Почетная статуя Клавдиана явилась в Риме последним монументом гения. Но старый обычай в итальянских городах возобновился с конца XIII века. Уже раньше Петрарки встречаем поэтов, которые были публично венчаны; в Падуе это были историк и поэт Альбертинус Муссатус и Бонатинус, в Прато — учитель Петрарки Конвенноле, да и сам великий Данте со страстным вожделением надеялся в изгнании своем узреть день, когда воспримет эту высшую награду в капелле Св. Иоанна во Флоренции.

Петрарка, жажда славы, желал придать поэтическому своему коронованию невозможную торжественность и ради этого подвергнуться предварительно публич-

ному испытанию своего таланта и знания, каковое и решил сдать пред королем Робертом Неаполитанским, знаменитейшим того времени государем Италии, любившим науки, обладавшим даже схоластическою образованностью и писавшим трактаты или проповеди как о религиозных, так и о мирских вопросах. Петрарка, вступивший уже в общение с ним, с лстивостью куртизана величал его королем философов и поэтов. В феврале 1341 г. сел он на судно, чтобы плыть в Неаполь, где принят был с высокими почестями. Странный экзамен, сдаваемый поэтом перед королем, не отличался излишним педантизмом и для обоих был одинаково почетен; он должен был обратить на себя внимание всего ученого мира. После многодневного испытания ученый враг Генриха VII вручил кандидату на бессмертие адресованный на имя римского сената диплом, которым благовыдержавший признаваем был вполне достойным лавров. Тщетно убеждал мудрый монарх поэта принять этот венец славы из королевских его рук в самом Неаполе, где под лавровым деревом в легендарной могиле покоился Вергилий. Король Неаполя вооруженной силой воспротивился коронации императора в Риме, теперь же с горячей ревностью способствовал коронованию поэта. Он подарил Петрарке собственную одежду, чтобы надеть ее на Капитолии и отпустил его в сопровождении двух рыцарей, своих заместителей при торжестве.

6 апреля 1341 г. прибыл Петрарка в Рим. Сенаторами были в то время Иордан Орсини и Орсо д'Ангвильяра, друг поэта, прекраснейший человек, державшийся культа кротких мюз даже среди неистовств кровосмесительных распрей. На Пасху, 8 апреля, назначено было в большой зале сената мирнейшее из всех коронований, виденных Римом. Суровый Капитолий, бывший дотоле лишь театром бурных парламентов или кровавых схваток, а за семь лет до того — ареной для Фра Вентурино и его братьев-«голубков», украсился сценой, впервые после свыше тысячи лет посвященной культу гения. К традиционным коронациям императоров и пап присоединилось совершенно новое венчание поэта. Воспоминание о прекраснейшей славе древности возбуждало поэту во всех живое любопытство, а во многих даже фанатическое воодушевление. Желая принять лавры поэта лишь на Капитолии, Петрарка тем выражал, что этот как бы историей забвенный Рим есть священный алтарь, от которого Запад возжег свет своей цивилизации. Церемонии, празднества, действующие при этом или зрительствующие лица, сенаторы, магистраты, цеха, рыцари и народ, прекрасные женщины, герой дня, поэт в одеждах короля и старинный, коврами и цветами украшенный зал в Капитолии составили бы блистательную и изумительную картину, если бы мы были еще в силах в точности ее воспроизвести. Венчание совершено было с формами магистерской промоции в университетах. Шествие в залу ассектаента при трубных звуках открыло акт. Двенадцать в пурпур одетых пажей, сыновья патрицийских родов, выступали вперед и декламировали стихи Петрарки в честь римского народа. Затем явились шесть граждан, одетых в зеленое, несших венки различных цветов, затем сенатор Орсо с лавровым венком на голове, окруженный многими синьорами. Когда он опустился на кресло, герольд возгласил имя Петрарки; поэт держал короткую речь к римскому народу на тему одного изречения из Вергилия. В ней он сказал с искусным притворством, что не из суетного славолюбия искал чести лавров, но вообще для возбуждения умов примером своим к ревностному занятию науками и что, хотя и был приглашаем другими городами, но из благоговения избрал пресветлый Рим, дабы от него одного принять венец поэта. Речь свою заключил он возгласом: «Да здравствует римский народ и сенатор! Да хранит Бог их свободу!» Затем он опустился перед графом Орсо на колени; доблестный сенатор обратился к нему с несколькими словами о его славе, снял со своей главы лавровый венок и увенчал поэта. «Прими венец, — так сказал

он, — он есть награда добродетели». Петрарка благодарил сонетом в честь древних римлян, а Стефан Колонна отвечал на это хвалебной речью в честь поэта. Народ приветствовал кликом: «Да здравствует Капитолий и поэт!» Среди зрителей торжественного этого акта можно было зреть упоенного воспоминаниями энтузиаста Кола ди Риэнди, во второй раз увидевшего при этом Петрарку. Прошли еще немногие лишь годы, и неизвестный ранее Кола восседал в этой же самой капитулийской зале на кресле сенатора, фантастически увенчанный, причем аристократы из древнейших родов Рима стояли перед ним смиренно, с баретами в руках, а народ возглашал ему бесконечную славу как своему освободителю и спасителю; протекли немногие годы, и герой Стефан ходил взад и вперед по этому дворцу в глухую ночь, ожидая казни, хватаясь за двери и умоляя привратников этого юноши отпереть их ему для бегства.

Поднесенный венчанному поэту сенаторский диплом, драгоценный памятник той эпохи, составлен в официальном слоге римской республики, с риторической напыщенностью, всецело проникнут древнеримским духом и любопытен также и несколькими меткими охарактеризованиями существа искусства поэзии. Сенаторы объявляли в нем, что Бог от вечности насадил в наиславнейшем городе начала геройских доблестей и гения, в силу чего Рим частью сам произвел, частью воскормил и воспитал бесчисленное число людей как войны, так и искусства. В римской республике цвели историки и в особенности поэты, достигшие бессмертия себе и обогатившим их. Без них имена основателей города, империи и прочих всех знаменитых людей подверглись бы вечному забвению. Республика удостоивала одинаковой чести лавров как цезарей, так и поэтов — первых награждала за тягости войны, последних — за тягости учения одна и та же, вечно зеленая ветвь лавра, которого древо щадится молнией, наподобие того, как всеподавляющая слава цезарей и поэтов есть единственно находящая пощаду себе во времени. В настоящий век слава поэтов упала так низко, что многие полагали, что все их дело заключается в одних лишь лживых измышлениях. Но звание поэта есть важное и высокое, состоя именно в завлекательном воспроизведении правды, в чарующих красках и под сенью поэзии в благозвучных песнопениях. Некогда прославленные поэты венчаемы были на Капитолии, но обычай этот в течение 1300 уже лет никогда более не исполнялся в Риме. Но вот когда теперь гениальный и с детства рачительный к подобному изучению человек, Франциск Петрарка, поэт и историограф Флоренции, по достоюжному рассуждению решил прийти на помощь к науке, то пожелал к поощрению других принять в священном городе лавры в памятование древних поэтов и в почтительной любви к нему. На основании всего этого и в силу засвидетельствования пресветлого короля Сицилии и Иерусалима провозгласили они, сенаторы, Петрарку великим поэтом и историком, пожаловали ему степень магистра, возложили на главу его лавры и властью того короля и римского народа даровали ему полномочие как по поэтическому, так и по историческому искусствам в Риме, столице мира, и повсюду поучать, диспутировать, давать толкования новых и старых, чужеземных и собственных сочинений и по благоусмотрению публично появляться увенчанным лавром или миртой, или плющом и в одежде поэта. Сверх того они присвоили ему все привилегии профессоров его искусства, а в видах еще большего чествования его гения присудили ему римское гражданство. На все на это последовало единогласное одобрение со стороны спрошенного о том римского народа.

В процессии проследовал поэт из Капитолия к Св. Петру, где смиренно сложил лавровый свой венок на алтарь князя апостолов. Стефан Колонна дал в честь его блестящий банкет в своем дворце у Santi Apostoli. И тем закончилось торжество, которое, хотя само по себе и не имело значения, но оставило благодаря городу, в ко-

тором совершилось, и тем идеям, которые в нем покоились и нашли себе теперь выражение, прочные по себе следы. Коронование Петрарки в Капитолии открыло поистине новый век культуры. Среди бесчинств борьбы партий, в мрачной запустелости Рима блистал кротким светом гуманности день чествования поэта. С вершины классического Капитолия призвал он поверженный в ненависть и суеверие мир к сознанию, что вечной его потребностью, высшим призванием и прекраснейшим триумфом является искупающая деятельность духа.

С этого дня Петрарка посвятил пламенную свою любовь городу, которого сделался гражданином. Он, однако, вскоре уже удалился от чествований или от сатирических насмешек, которыми искони римляне сопровождали все возвышенное. После идеальных дней своей жизни уже за воротами Рима наткнулся он на пошлую действительность: едва лаврами увенчанный поэт оставил за собой городские стены, как попал в руки вооруженных разбойников, принудивших его в бегстве возвратиться в Рим. На другой день дали ему более сильный эскорт, так что он мог безопасно следовать по дороге в Пизу.

2. Бенедикт XII отрекается от Рима и строит дворец в Авиньоне. — Злосчастное положение Италии. — Папа и империя. — Тщетные попытки примирения со стороны Людовика Баварского. — Провозглашение независимости империи постановлениями в Рензе и Франкфурте. — Кончина Бенедикта XII. — Климент VI, папа. — Римляне вручают ему синьорию и приглашают вернуться. — Смерть Роберта Неаполитанского. — Переворот в Риме. — Первое выступление Колы ди Риэнци

Рим все сильнее проникался сознанием, что является колыбелью западной культуры и вместе источником обеих формирующих мир властей, императорства и папства и что должен напрягать усилия к освобождению себя из приниженного своего положения и к занятию снова мирового своего значения. Но смелый полет идей, в котором снова начал парить город, не повлиял на дух Бенедикта XII. Вместо возврата в Рим построил он, к огорчению Петрарки и всех патриотов, папскую резиденцию в Авиньоне в столь колоссальных размерах, как будто она и пребывание в ней папства предназначались на вечность. Авиньонский Ватикан на *Rocher des Domes*, один из грандиознейших монументов Средних веков, поныне стоит с башнями и зубцами, мрачный и величественный, но вымерший и пустой, подобно гробнице фараонов. Беспредельная безурядица Италии и Рима не могла манить папу расстаться с надежным приютом на берегах Роны. Правда, что Болонья снова изъявила в 1240 г. покорность, и многие города Ломбардии снова примирились с церковью; правда и то, что даже сыновья Матфея Висконти, Иоанн и Луциус, объявили, что в продолжение вакантности империи управление Миланом принадлежит папе; тем не менее тираны и вольные республики вели нескончаемые войны и готовы были на всякую новизну. Бенедикт XII поступал поэтому сообразно обстоятельствам, увеличивая авторитет свой, по крайней мере назначением викариями от имени церкви Висконти, Скала, Гонзага, Эсте и Пеполи. Это стало со времен переселения папства в Авиньон, единственным, хотя и опасным средством, путем которого папы удерживали еще некоторое влияние на дела Италии.

Не по воле также Бенедикта не удалось ему покончить спор с империей после неоднократных домогательств со стороны императора к примирению. Людовик Баварец, сломленный и колеблющийся на троне, монарх быстролетного мужества, мигнущего увлечения, но не выдержанности, отличающей лишь великий и стойкий ха-

рактер, отправил прокураторов в Авиньон и обещал отменить все свои процессы против Иоанна XXII; коронование свое народом объявил он незаконным, молил о короновании папой и давал клятву в тот самый день, в который ее удостоится, покинуть Рим, равно и никогда более без разрешения папы не возвращаться в церковную область. Но его союз с Эдуардом Английским против короля французского, вопреки явной воле папы, прервал переговоры; тем не менее Людовик отправил новые и в высшей степени жалобные обещания в Авиньон. Он сделал полнейшее отречение, со смирением покаялся в возведении лжепапы, извиняемом им своим невежеством солдата, присоединился к тезисам церкви по вопросу о бедности Христа и отвергал, как ересь, все, некогда торжественно провозглашенные им в Риме постановления монархистов о пределах папской власти. Он изъявлял даже готовность сложить императорский титул и в виде покаяния за свои прегрешения строить церкви и монастыри, наконец предпринять даже крестовый поход. За все это просил он о «прощении и милосердии», о признании королем римским и о пожаловании папой императорского достоинства в законных формах. Унижение императора, позади которого стояли уже Гогенштауфены, Филипп Красивый, Данте, школа монархистов и прогресс критицизма науки, явилось позорнее покаяния Генриха IV во мраке его эпохи; оно давало даже авиньонскому папе право презирать такого врага и такую империю. Папа поистине не мог требовать более благоприятных условий. Справедливый приговор Бенедикта XII признал, что Людовик доведен был Иоанном XXII до крайности, да и сам он чистосердечно желал мира. Но тяжкие обстоятельства, в которых он находился в Авиньоне, заставляли его горевать о собственной неволе. Король французский угрожал обойтись с ним хуже, чем Филипп обошелся с Бонифацием VIII; он даже конфисковал имения кардиналов, чтобы вынудить их оказывать оппозицию мирным тенденциям папы, между тем как самого Людовика невозможно было убедить отступить от союза с королем английским. Так рушилось желаемое папой мирное дело. В Германии же проснулось теперь сознание своих прав и национальной самостоятельности. Измученные имперские князья привлекли наконец дело Людовика и папы к своему собственному трибуналу, и, как следствие чрезмерных притязаний авиньонских пап, явилась декларация о независимости империи от папства. Знаменитые статуты об избирательном законе римских королей и императоров от 15 июля в Рензе, при Майнце, и от 8 августа 1338 г. во Франкфурте, придали государственно-правную санкцию гибеллинскому принципу о зависимости империи от одного Бога, а не от папы; они провозгласили, что законно избранный имперскими князьями император или король должен быть почитаем в силу этого избрания, и законным королем и императором, и что его власть, признанная империей, не нуждается в конфирмации папы. Так добилась доктрина монархистов своей государственно-правной санкции. Тезисы эти, столь же древние, как и каролинское имперское право, отвергаемы были папами, начиная с Григория VII, но уже Генрих VII в эпоху своего разрыва с Климентом V категорически их водворил. Курфюрсты единогласно, за исключением божемского короля, оповестили папу о решении своем письмом, в котором горько жаловались на продолжительность распри между церковью и империей и объявляли, что нечестивая эта ссора может окончиться лишь тогда, когда обе власти придержатся границ своих прав и от каждой будет отобрано то, что принадлежит другой; согласно с этим, они и извещали папу, что путем этого имперского постановления провели твердые границы.

В долгой борьбе церкви с империей твердо устояла лишь первая, но не вторая; в минуты слабости жертвовала она своими верховными правами; сами имперские князья признали при возведении династии Габсбургов зависимость империи от одного папы; то же признал через прокураторов своих в Авиньоне и Людовик Баварский.

реф. Папы, надменные победами, зашли в своих претензиях так далеко, что, как то сделали Климент V и Иоанн XXII, фактически соединили в себе обе власти и провозгласили себя верховными главами империи. Последовала неизбежная реакция: резолюции 1338 г. объявили, наконец, независимость империи от папства; они, таким образом, принципиально уже отделили Германию от Рима и Италии и тем создали новое основание для реформации, предназначенной осуществить независимость германского духа от церкви. Нельзя не приветствовать эти рензенские статуы, как бы они бесплодны ни были вначале, как достохвального акта Германии; обнимая же взором продолжительность и жертвы миропотрясающей борьбы между обеими властями с Генриха IV до Людовика IV, приходится изумляться, что это провозглашение независимости наступило так поздно и в такую эпоху, когда империя и церковь давным-давно лишились прежней своей власти. Обе были близнецы, обе одна другую восполюняли, возвеличились через одно и то же теократическое мировоззрение и с ним же лишились одновременно своей силы. Можно поэтому утверждать, что поражение одной должно было повлечь за собой ослабление и другой. Политическое всемогущество церкви пало одновременно с разрушением, ходом времени, всемирно-исторического значения империи. Тщетно церковь протестовала против эмансипации империи. Испанский минорит Альвар Пелагиус, профессор в Болоньи, противопоставил сочинениям Вильгельма де Окам и Марсилиа свой «Плач церкви», в котором еще раз сконцентрированы были все божественные права папства в устарелом тезисе, что папа является, как наместник Божий и Христов, единым владыкой земли.

Бенедикт XII, примиренный с империей, 25 апреля 1342 г. скончался в Авиньоне. Враги его, фавориты Иоанна XXII, минориты и итальянские патриоты, осыпали его грязью, но не в их власти было извратить беспристрастный суд истории, не отказывающей в одобрении этому простому, суровому, но справедливому человеку.

В преемники его избран был 7 мая кардинал Петр от С.-Нерея и Ахиллея, и 19 мая 1342 г. коронован под именем Климента VI. Он был лимозинед из Мальмонта, родился в 1291 году, был сыном богатого дворянина Рожера де Бофор, синьора де Розьер. Мальчиком уже поступил он к бенедиктинцам Шез-Дье в Оверни; позднее он был профессором теологии в Париже, затем епископом аррасским, канцлером и хранителем печати короля Филиппа Валуа, затем последовательно архиепископом санским и руанским, а в 1338 г. возведен Бенедиктом XII в кардиналы — ученый-богослов, но вместе с тем и любящий роскошь властитель, сторонник либеральных и величавых тенденций, которому было более чем чудно строго монашеское направление его предшественника. Смена на папском престоле отразилась и в управлении городом Римом, ибо папы лично лишь и пожизненно были его титулярными синьорами. Народ римский, полный обманчивых надежд, постановил немедленно вручить сенаторскую власть Клименту VI и привлечь его в Рим. Надежда эта возобновлялась и исчезала с каждым новым папой, вступавшим в ненавистном Авиньоне на трон; каждому таковому спешили римляне говорить, чтобы он прибыл вступить в мирное обладание своим городом, где ничего не было, кроме жалобных стенаний об отсутствии отца и пастыря и пламенных ожиданий его конечного возвращения домой. Торжественное посольство из 18 римлян от трех сословий народа, высшего дворянства, крупного горожанства и мелкого люда, предводимое Стефаном Колонна, Франческо де Вико и синдиком города Лелусом де Козекис, отправилось в Авиньон. Оно повезло благородному синьору Пьеру Руже в виде подарка пожизненную власть над городом и молило его, как папу, о возвращении в Рим; оно ходатайствовало перед ним, наконец в виде милости обедневшему городу, свести эпоху юбилея на пятидесятый год. На последнее согласился он тотчас; городскую

власть принял, как Пьер Роже, подобно своим предшественникам; но ни важные причины Рима, ни стихи римского гражданина Петрарки не убедили Климента VI в необходимости для него или для церкви поездки в Рим. Заместителями своими по сенату назначил он Стефана Колонну-младшего и Бертольда Орсини. На следующий год смерть короля Роберта повлекла за собой большие перемены. Блистательный этот, хотя не сильный монарх, столь долгое время бывший главой гвельфов, правителем Рима и адвокатом церкви, умер 19 января 1343 г., не оставив наследников мужского пола; он оставил трон внучке своей Иоанне, состоявшей в замужестве за юным Андреем Венгерским. Роберт оказался бессилён в объединении раздираемого феодальным дворянством королевства неаполитанского; смерть его сделалась вследствие этого вскоре причиной страшной анархии. Она дала себя почувствовать и в Риме, где Орсини, Колонна и Гаэтани были, как ленники, вассалами неаполитанской короны и где благодаря пограничному соседству, отношению к церкви и многим другим причинам образовывались с этим королевством непрерывные связи. Уже незадолго до смерти Роберта в Риме вспыхнули сильные беспорядки, поведшие к революции. Сенат был ниспровергнут, правление Тринаддати водворено снова под папским авторитетом. Правители народные поспешили оправдаться в новизне перед папой, вновь подтвердить за ним синьорию города и вновь изложить перед ним дошедшие уже до него ходатайства. В январе 1343 г. отправился в Авиньон юный нотариус Кола ди Риэнци депутатом от народа с письмами и полномочиями Тринаддати. Почётное поручение держать речь перед папой свидетельствует, что Кола, сделавшийся за эти годы известным всему городу антикварскими своими познаниями и необычайным ораторским талантом, играл уже известную роль в только что происшедшей революции. Юный римлянин давным-давно уже был ярким врагом аристократов, убивших одного из его братьев; давно уже замышлял он освободить от их тирании город; он рассчитывал действовать в пользу этого предствлениями своими у папы и вместе приобрести славу и самому. Поручение авиньонского посольства было первым политическим событием в его жизни и открывало карьеру этого удивительного человека.

Юный оратор искусно исполнил свою миссию в публичной консистории перед папой и кардиналами. Смелость, с которой он изобразил страдания Рима вследствие насилий знати, и ораторский его талант снискали ему одобрение папы, слывшего также превосходным оратором. Без мелочных придирок насчет происхождения ее принял Климент VI вновь предложенную ему народом власть; он обещал по улажению войны между Францией и Англией посетить город, а 27 января 1343 г. уже издал буллу, которой юбилей переводился на пятидесятый год. Напыщенным письмом известил Кола римлян о благополучном успехе своего посольства, уещевал их положением оружия сделаться достойными высокой милости, им даруемой, превозносил папу, как освободителя города Рима, выше Сципиона, Цезаря и Метелла и приглашал римлян воздвигнуть статую Клименту VI в амфитеатре или на Капитолии. Письмо было умно рассчитано, ибо, наверно, ходило в списках по рукам в Авиньоне. Кола ди Риэнци и титуловал себя в нем уже римским консулом и, сверх того единым народным представителем сирот, вдов и бедных при римском папе. Титулы эти и экзальтированный слог обрисовывают уже нам человека этого именно таким, каким он позднее вступил на историческую сцену Рима. Он пробыл еще некоторое время при папском дворе, где пользовался по временам случаем видаться с Петраркой и обмениваться своими идеями о восставлении Рима с такими же фанатическими идеями поэта. Сам Климент VI находил такую приятность в речах Колы, что зачастую с ним беседовал. Делегат народа заявлял справедливые жалобы против беззаконий римской знати, самыми яр-

кими красками рисовал глубокую бедственность пресветлого города и заклинал папу сделаться его спасителем. Откровенность его навлекла на него гнев кардинала Иоанна Колонны; могущественный прелат принял защиту своих родственников и настроил против него папу, так что Кола не стали более принимать при дворе, и он жил в Авиньоне в сильной нужде. По всей вероятности, Петрарка выхлопотал ему прощение кардинала и возвращение благоволения папы, принявшего его даже в интимный круг своих придворных: высшее отличие для плебея, явившее свидетельство благоприятного впечатления, произведенного его гением и познаниями на просвещенного Климента. Смелое поведение Колы в Авиньоне стало известно в Риме и навлекло на него ненависть тамошних магнатов, так что новые сенаторы Матфей Орсини и Павел Конти тотчас выступили против него с процессами; но их отменил доброхотствовавший ему папа. Климент VI выказывал более благосклонности к римской демократии, чем к родовой знати; нам известны мотивы, вообще инспирировавшие подобную политику авиньонских пап, и все они потому уже озабочены были улажением римского народа, что рассчитывали ослабить тем упрек в отсутствии своем в резиденции апостолов. В Коле Климент видел человека, который мог быть полезен ему в Риме; бедный плебей просил у него должность нотариуса городской казны, дававшей ежемесячное содержание в пять флоринов золотом, и папа ему даровал ее, сопровождая пожалование самым лестным признанием его доблестей и познаний. Это было 13 апреля 1344 г. С этого должностного положения началась публичная карьера Колы в Риме, куда он вернулся в том же году после Пасхи.

3. Происхождение и жизненная карьера Колы. — Кола, нотариус городской камеры и глава заговора. — Он возбуждает аллегорическими картинками народ. — Вдохновенное истолкование им *Lex Regia*. — Важные события в Неаполе и Флоренции воздействуют на Рим. — Повсеместный переход в городах власти к цехам, за исключением дворянства. — Положение народа в Риме. — Революция 20 мая 1347 г. — Кола ди Риэнци, диктатор и трибун

Сын Лаврентия или Риэнци не изобрел еще в ту пору сказки о том, будто он сын светлейшего императора Генриха VII, но его знали как законного ребенка виноторговца в квартале Регола, где мать его Маддалена помогала зарабатывать скудный хлеб ношением воды и стиркою. Бедность родителей не давала ему никаких средств к обрабатыванию блестящих его задатков; по смерти матери рос он до 20 лет у одного родственника в Ананьи, «как мужик среди мужиков», как жаловался сам. Около 1333 или 1334 г. вернулся он по смерти отца в город и здесь имел более случаев заняться своим образованием. Юный римлянин воспитался и образовался более самоучкой, от природы, от сочинений древних и от монументов римских, чем от магистров родного города, которого пришедший в упадок университет, однако, имел возможность посещать. Письма его свидетельствуют о хорошем знакомстве его с Библией и с Отцами Церкви, и даже с самым каноническим правом. Он близко был знаком с Ливием, Сенекой, Цицероном, Валерием Максимусом и с древними поэтами; они выработали латинский его стиль, сделали его красноречивым, напитали грандиозными картинками ум его и исполнили влечения к идеалу великой древности. Часто слышны были его слова: «Где те доблестные древние римляне? Где высокая их правосудность? О, если бы я мог перенестись в ту эпоху, когда цвели эти люди!» Невежественное население его квартала дивилось молодому человеку привлекательной наружности и на устах которого обыкновенно играла за-

гадочная улыбка, когда он объяснял античные статуи и барельефы или читал надписи мраморных таблиц, которыми был усеян Рим. Упоительные эти надписи, сокрытые под руинами из исчезнувшего великого мира, гениальные изречения соблазняли поэтическую его фантазию желанием самому перенестись на место этих героев и консулов и украситься подобными же предикатами или титулами, как то давным-давно проделано уже было им в тиши его грез. Далее, истории древних, которыми он зачитывался, уничтожали для него, как и для Петрарки, границы между настоящим и былым и довели его до такого фанатического энтузиазма, что он «решил предпринять действием то, что познал из чтения».

Избрание Колой единственного, помимо духовного состояния, житейского поприща, сулившего почетное положение в Риме бедным плебеям, явствует из того, что он состоял уже публичным нотариусом, когда облечен был миссией в Авиньон. Потому, когда он после Пасхи 1344 г. появился снова в Риме любимцем папы, украшенным славою своего посольства и отмененным ненавистью магнатов, защитой от которых ему являлись папа и его звание, то был уже влиятельным и любимым человеком у народа. Официальное его положение доставляло ему случай изучать плутни судей и беззакония баронов и приобретать влияние на горожан. Для письма употреблял он серебряное перо из уважения к высокой своей должности, как говорил, и эта мелкая черта характеризует также его натуру. Упоенный идеей о величии Древнего Рима и о призвании своем быть освободителем города, начал он вешаться с единомышленниками, собирать вокруг себя друзей, подготавливать революцию. Она явилась делом долгих планов и тайного заговора. Безурядицы в республике в то время столь усилились, что сенаторский пост представлялся игром. Матфей Орсини и Павел Конти в 1344 г. и преемники их, Иордан Орсини и Иоанн Колонна, просили папу о своем увольнении от должности. С 1 июля 1345 г. сенаторами состояли Райнальд Орсини и Николай Анибалди, синьор замка S.-Pietro in Formis под Неттуно; благодаря кардиналу-легату Гаимерику де С.-Мартину, которому магнаты отказали во впуске в город, они также попали в такое стеснение, что отказывались от вступления в должность. Папа увещевал их повиноваться долгу и писал также к влиятельнейшим аристократам римским. Город и Кампанья находились в разбойнической власти знати. Невзирая на запрет принимать в городе баронов и подест, магнаты захватили правление во многих общинах. Префект Иоанн де Вико, Савелли и Норманни завладели Тосканеллой, Баниореей и Бетраллой; Гаэтани заняли Террачину; Орсини и Колонна не отставали от других. С радостью приветствовал бы папа всякого, кто бы оказался в силах обуздать разбойническое дворянство. Уголовные речи Колы перед капиталийскими судьями и магистратами принесли ему лишь поругания и насмешки, но зато его гениальные аллегории воодушевили гражданство. Ныне, желая действовать на толпу, демагоги распространяют манифесты через прессу; в XIV веке разжигали они фантазию эмблемами в картинах. Однажды римляне увидели на стене сенатского дворца многоговорящую картину: остов корабля в бушующем море, вдову, коленопреклоненную, в слезах, в молитве; вокруг остова четыре затонувших в воде корабля, с четырьмя потонувшими женщинами, Вавилоном, Карфагеном, Троей, Иерусалимом, нашедшими, как объясняла подпись, гибель благодаря своей несправедности. По левую сторону два острова: на одном Италия в виде матроны, пораженная во сраме, с изречением: «У всякой страны отнимала ты власть, меня одну почитала ты сестрой»; на другом четыре основных добродетели в виде горящих жен с изречением: «Ты была одарена всеми добродетелями, теперь же в море обретаешь гибель». Направо, на третьем острове, белая женская фигура на коленях, Вера, с воздетыми к небу руками: «О великий отче, герцог и мой господин, что со мною станется, коль

погибнет Рим?» Крылатые животные вверху, над главной картиной, дующие ветры, как из мехов: львы, волки, медведи-бароны, как объясняла подпись; другие животные — дурные советники и лживые судьи; прочие — порочные плебеи. Над целым, наконец, посреди Св. Петра и Св. Павла, страшный Всемирный судья с двумя мечами в руках. Узрев апокалиптическое это уподобление, народ впал в глубокое изумление. В XIV веке институт полиции был или совершенно не известен, или же обретался в первобытном состоянии. Манифесты такого рода пользовались полной свободой; проповедники покаяния и демагоги могли безвозбранно обращаться со своими воззваниями к народу, подобно тому, как проповедники или ораторы в современной Англии.

От взора юного антиквария не ускользнула одна из знаменитейших надписей Древнего Рима, *Lex Regia*, фрагмент предоставившего императору Веспасиану *imperium senatus*-консульта. Бронзовую эту скрижаль Кола нашел в Латеране, где она во времена Бонифация VIII употреблена была при построении алтаря и с надписью вложена была внутрь. Обрушение церкви вследствие пожара или перестройка снова вывели ее на свет. Применение, сделанное из этого монумента императорского деспотизма Колой, было странное, но гениальное. Он приказал вделать скрижаль позади клироса Латерана в стену, а вокруг живописью изобразить сенат в том виде, как он преподносил императорскую власть Веспасиану. Затем пригласил он знать и народ на публичную беседу в базилику. Сгорая любопытством, явились даже великие бароны, как, например, младший Стефан Колонна и сын его Иоанн, и много судей и юристов. Кола взошел на прекрасно убранный кафедру; на нем была белая тогоподобная одежда и белая шляпа со странными символами из золотых корон и мечей. «Высокий Рим, — так сказал странный оратор, — повержен во прах; он лишен возможности даже видеть свое падение, ибо у него вырваны оба его ока — император и папа. Римляне, смотрите, как велико было некогда величие сената, наделившего властью цезаризм!» — и писец прочел перед изумленными и невежественными слушателями содержание *Lex Regia*. Далее Кола стал говорить про минувшее величие римского народа и про настоящую его бедственность; ввиду близости юбилея, когда город не должен терпеть недостатка в жизненных припасах, увещевал он к миру и в заключение оградил себя в отношении извращающих его речи и поступки завистников. Замечательная сцена в Латеране составила, со странным ее смешением погрешностей и правды, один из восхитительнейших моментов в жизни Колы. Среди его слушателей, среди даже грубых баронов, не нашлось ни одного, который бы ему не аплодировал, и никого, кто бы не верил в законное бытие верховных прав римского народа, ибо то было народное суеверие. С восторгом обнял бы Петрарка вдохновенного оратора.

Кола ди Риэнци был на устах у всего Рима. Но бароны видели в странном нота-риусе лишь неопасного энтузиаста. Иоанн Колонна удовольствовался тем, что пригласил его для произнесения речей к себе на банкет. Знатные синьоры разразились смехом, когда он однажды сказал: «Когда я сделаюсь властелином или императором, то этого барона велю повесить, а тому отрубить голову», — и пальцем указал на гостей. В Риме он слыл за дурака, можно бы сказать — как Брут, если бы он был из людей того же склада. Никто не предчувствовал, что дурак этот вскоре будет обладать страшной властью сносить головы римских аристократов с их плеч.

На стене С.-Анджело в Пескерии в портике Октавии появилась вторая аллегория: плебеи, короли и горящая в огне матрона; выходящий из церкви с обнаженным мечом для освобождения матроны ангел; на церковной башне Св. Петр и Павел с кликом «Ангел, ангел, спаси кормилицу, нашу мать!» Голубка с неба, подающая воробью гирлянду из мирт в то время, как обратившиеся в бегство перед ней соколы

вергаются в пламя; маленькая птица возлагает миртовую корону на голову матроне; подпись: «Предвижу время великого правосудия, и Ты жди того времени». Иные зрители отворачивались от аллегории этой, пожимая плечами, и говорили, что жалобными картинами не помочь состоянию Рима; другие же полагали, что это великие дела и символы. Однажды найдена была у дверей Св. Георгия в Велабро записка, на которой было написано: «По кратком времени римляне обретут снова прежнее доброе государство».

Пока Рим занят был этими глубокомысленными и заманчивыми предзнаменованиями, Кола составлял заговор, в котором принимали деятельное участие как среднего разряда граждане, так и состоятельные купцы. Тайные сборища происходили на Авентине, ныне уже пустынном и мертвенном холме, доставившем некогда демагогу Каю Гракху последний приют во время его бегства. Жизнеописатель Колы живо изобразил впечатление, произведенное одной из его речей на тронутых до слез заговорщиков, проникнутых как фанатическим патриотизмом, так и благородной скорбью о разрушении Рима. Они начертали практический план о низвержении баронов, клятвой скрепили решение и составили об этом грамоту. Для замыслов Колы пришлось весьма кстати возможность опираться на благосклонность папы и правдиво утверждать о гневе Климента II на бесчинство аристократии. Переворот 1343 г. и скорое его признание позволяли заговорщикам надеяться на подобный же счастливый исход.

Важные события в остальной Италии глубоко повлияли на настроение в Риме и подготовили почву для наступивших событий. 18 сентября 1345 г. юный Андрей, супруг королевы Иоанны, умерщвлен был в Аверзе, и брат его Людовик Венгерский стал готовиться к походу на Неаполь для отмщения за смерть брата. Низвержение анжуйской монархии представлялось тяжелым по последствиям. Это королевство составляло до сего времени базис для светского положения папства в Италии и опору для всей гвельфской партии: на его могущество покоился народный принцип, как то выяснилось во времена Генриха VII и Людовика Баварского. Со впадением его теперь в анархию папство и гвельфство в Италии лишились своей опоры, угасла сила, простиравшая сдерживающую свою деятельность до самого Рима и Романьи, и раскрылись двери для нашествий чужеземцев. Наступали снова венгры, нецивилизованные отпрыски народов, опустошавших в IX и X веках Италию. В то время как страна эта трепетала при мысли о вторжении диких воинов Людовика, сформировалась уже великая кампания немца Вернера, с грабежами и поджогами рыскавшая по Тоскане и Ломбардии. Приближались времена страшных бедствий, и злополучная нация воздыхала по спасителе, как во дни Данте и Генриха VII. Один лишь блистательный подвиг любви к независимости поднял сердца патриотов: то была революция флорентинского народа, прогнавшего в 1343 г. герцога афинского, учредившего вскоре демократический режим, исключившего из всех государственных должностей знать и вверившего власть цехам. В эту эпоху вообще пал в городах старый патрицийский общинный строй; дворянство исключено было из общины, и в незначительных даже республиках добился цеха со своими приорамии исключительной власти. Любопытный образец этого представляет Тоди. Этот умбрийский город реформировал статуты свои 6 декабря 1337 г. и высказал при этом следующие основные тезисы: «Ввиду того что в минувшие времена в силу воздействия врага рода человеческого, сеявшего между граждан раздор, община Тоди непрестанно терзаема была междоусобной бранью и многими бедствиями, и как мы признаем, что всякий город, всякая страна, всякое место, управляемые народом и людьми из народа и ремесленников, сохраняют мир и спокойствие, то сим постановляем мы, призывая имя Иисуса Христа и достославной Присно-Девы

Марии и Святого Фортуната, справедливым вековечным законом, что город Тоди и область его имеют быть, вообще и в частности, управляемы народом через посредство пополанов и ремесленников, и что народу сему, и пополанам и ремесленникам всего города имеют присвоены быть все правление, всякая юрисдикция, ба-
лия, власть и полная свободная и смешанная власть и военная власть».

Распадение феодализма сделало умы в Италии беспокойнее, жаднее к новизне, а фантазию — безудержной. Происходили поиски государственных форм, созидание их и моментальная же их смена. Республиканское государство, лихорадочно оживленное, представляло собой непрерывный эксперимент искусственного равновесия. В Риме также ремесленники стремились, хотя менее счастливо, к власти. Они составляли здесь с XIV века 13 признаваемых государством цехов под предводительством консулов, привлекаемых при всяком важном постановлении республики на совет. Многие письма пап из Авиньона специально адресованы на имя консулов, купцов, землепашцев и прочих цехов (*artes*). Весьма возможно, что в то время уже они располагали особыми помещениями для собраний на Капитолии. При каждом перевороте эти цеха представляли собой элементы для народного правления, но для Рима еще не наступило время правления пополанов. Еще наследственная знать удерживала за собой исключительное право сенатской избирательности, и вследствие того в Риме оказывалось неограниченное совместное состояние двух политических организаций, народного правления с «добрыми людьми» на почве цехов и знати с двумя сенаторами во главе сената. Если бы эта знать была городской силой, именно денежной, то, как в Венеции, совершенно вытеснила бы из республики плебеев; но интересы ее землевладения, в дальних отчасти краях, ее фамильные войны и, наконец, авторитет папы, в котором находил защиту народ, дробили и ее силы. Городское сословие противопоставляло аристократии все более и более крепнувшие расчленения. Помимо корпораций, прочную устойчивость давала ему старая организация 13 кварталов с их капитанами в то самое время, как внутри его класс *Cavalotti*, т. е. богатых граждан из старых пополанских домов, служивших в конной городской милиции, клал зачатки нового дворянства. В Риме, как и во Флоренции и прочих городах, приближалось время окончательной победы народной партии над правящими фамилиями.

Когда Кола ди Риэнци приступал к осуществлению своего плана низвержения знати, страдания народа стали невыносимыми. «Город Рим повержен был в глубочайшее бедствие. Правителей не существовало. Ежедневно происходили схватки, повсюду производились разбои. Обещиваемы были не только монахи, но даже дети; жен исторгали с ложа мужей. При выходе работников на работу грабили их тотчас за воротами Рима. Пилигримов грабили и душили, духовные были злоумышленниками; всякое беззаконие, всякая неправда без удержу. Не было более средств ко спасению; всем грозила гибель. Правом пользовался один лишь меч; не представлялось никакой другой помощи, кроме самообороны со свойственными и друзьями. Ежедневно можно было видеть вооруженные сходки». Был май месяц 1347 г. Сенатом правили тогда Роберт Орсини и Петр, сын Агапита Колонны, бывший ранее марсельским префектом, а затем вернувшийся в мирское состояние. Милиции римские находились под начальством Стефана Колонны, под Корнето, хлебной житницей Рима, для собрания пшеницы, и Кола спешил воспользоваться отсутствием могущественнейшего из баронов. В план свой посвятил он духовного vicaria папы, Раймунда, епископа орвиетского, ибо основания для переворота были столь справедливы, что прелат этот почтил его своим участием.

Таким образом, революция с самого начала поставлена была под авторитет.

19 мая герольды разъезжали по городу и приглашали народ явиться на парламент на Капитолий невооруженными, лишь только сигнал к тому будет подан колоколом. Одни лишь посвященные знали, что это значит. Около полуночи отстоял Кола трицдкую обедню в S.-Angelo in Pescheria, где собрались заговорщики; он поставил себя и свое дело под защиту Святого Духа, мистической силой которого мнил быть вдохновленным. Утром в Троицын день вышел он из этой церкви в сопровождении соумышленников, весь в латах, лишь с обнаженной головой. Перед ним несли три большие хоругви, красное и золотое знамя свободы с изображением Рима, белое знамя правосудия с меченосцем Св. Павлом, знамя мира со Св. Петром; четвертая хоругвь Св. Георгия по старости и ветхости несомы была в ящике на копье.

Открылась революция в виде процессии к Капитолию; несколько лишь вооруженных приверженцев его прикрывали кортеж. Неверной поступью шествовал папский викарий рядом с Колой, и оба епископа и демагог поднялись в капитольский дворец. Кола взошел на ораторскую кафедру, увлекательно говорил о рабстве и об освобождении Рима; свидетельствовал о готовности своей пожертвовать жизнью из любви к папе и ради спасения народа. Ему вторили тысячи голосов. Один из заговорщиков, из рода Манчини, прочел затем ряд декретов: о том, что каждый убийца имеет быть наказываем смертью, каждый ложный истец — карой ответчика; срок для окончания процессов положен был 15-дневный; о том, чтобы подвергшиеся опале дома не были срываемы, а обрацаемы в городскую камеру; о повинности каждого городского квартала выставять 100 человек пеших, 25 конных, из коих каждый имел получать от государства щит и жалованье; об уплате пенсии оставшимся после павших за отечество; о поддержке со стороны государства вдов и сирот, монастырей и благотворительных учреждений; об охране купцов сторожевым судном на римском побережье; об употреблении публичных пошлин на благо народа; об оберегании всех замков, мостов и ворот ректором народа; о невладении ни одним аристократом крепостей; о снабжении всех пунктов в городской территории ректорами из Рима; об обязанности баронов держать безопасными улицы, не укрывать бандитов и доставлять в Рим пшеницу; о заведении в каждом квартале хлебного магазина. Прекрасные эти законы с бурным одобрением приняты были парламентом. Он признал за Колой полную синьорию над городом, неограниченную власть в качестве реформатора и консерватора республики заключать войну и мир, карать, назначать на должности и издавать законы. Тогда же с благоразумием потребовал новый диктатор назначения себе в товарищи по должности викария папы, чем и обеспечена была народному правительству санкция папы. Точно неопишное волшебство объяло Рим; пораженные сенаторы бежали, многие магнаты покинули город; не была пролита ни единая капля крови. Народ заседал в непрерывных сходках. На другом парламенте Кола, человек из народа, принял титул трибуна, желая тем восстановить славу старого трибуна. Случайно пролетела над собравшимся народом белая голубица, и Кола хвастался, что появление ее дало понять, что на возведении его в трибуны последовало соизволение свыше. Идея трибуната освящена была древностью и понятна всем. Кола мог поэтому придать себе этот титул, не порождая вспышек, но, не ограничиваясь им, увеличил его пышными предикатами, раскрывшими фанатический его дух. Он назвал себя Николай, властью всемилостивейшего Господа Нашего Иисуса Христа Строгий и Милостивый, трибун свободы, мира и правосудия и светлейший освободитель священной римской республики. Быстро разнеслась по Италии и по ту сторону Альп весть об избавлении чудесным героем республики римской от тиранов и о воскрешении старой ее свободы.

ГЛАВА VI

- 1. Рим поклоняется трибуну. — Трибун созывает итальянцев на народный парламент. — Установления в Риме, строгая юстиция, финансовое управление и прочие отрасли общественного строя. — Ответы на его окружные послания. — Волшебная сила идеи Рима. — Петрарка и Кола ди Риэнци**

Аристократы Троицкой революцией застигнуты были врасплох; Стефан Колонна поспешил из Корнето в город, но не мог уже сделать здесь ничего, кроме излития своего гнева на словах. Трибун послал ему приказание покинуть Рим; маститый герой разорвал бумагу и воскликнул: «Если этот дурак разозлит меня еще сильнее, то я прикажу выбросить его из окон Капитолия». Колокол бил набат; яростный народ нахлынул с оружием, и Стефан бежал из своего дворца в Палестрину в сопровождении одного лишь слуги. Трибун заточил теперь всех магнатов в их имениях, занял все замки и мосты города и строжайшим правосудием навел ужас. Удостоверившись в полном обладании властью, он потребовал знать на поклон в Капитолий; как некогда по приказу Иакова Арлотти, робко явились магнаты, в числе которых был даже сам младший Стефан Колонна с сыновьями, сами Райнальд и Иордан Орсини, Савели Анибальди и Конти. Они присягнули законам республики и вступили на службу к ней. Явились на поклон к трибуну и коллегии судей, нотариусы, цеха, и, таким образом, последовало признание его правительства всеми сословиями. Во всех прочих переворотах никогда не приходила главам города мысль оповещать письмами вне городской сферы о вступлении своем в правление; Кола же немедленно привел Рим в соотношение с Италией и с миром. Гонимые его повезли письма ко всем общинам, владельцам и тиранам Италии, к самому даже императору Людовику и к королю французскому. В окружных этих посланиях возвещал трибун городам римской провинции, что Рим им освобожден и что обрел себе, наконец, мир и правосудие; он призывал их вознести благодарные мольбы к Богу, взяться за оружие для искоренения всех тиранов и к назначенному времени прислать двух синдиков и одного судью в Рим, где всеобщий парламент будет обсуждать благо всей римской провинции. Письма эти составлены были разумно и с достоинством. Гораздо более возвышенно писал Кола к городам Италии; он призывал их совместно с ним свергнуть иго тиранов и заключить национальное братство, ибо освобождение Рима есть вместе с тем «освобождение всей святой Италии». Он приглашал их прислать в Рим к 1 августа депутатов и судей на национальный парламент. Великий план образовать из Италии конфедерацию с Римом во главе впервые был высказан, и новизна его и смелость привели в удивление весь мир. Так, при самом начале своего правления Кола ди Риэнци выступил перед целым отечеством с высокими национальными идеями. Весьма вероятно, что викарий Раймунд отправил папе депешу немедленно вслед за революцией: сам Кола известил папу о возведении своем во власть, по-видимому не ранее начала июня. Простодушный епископ орвиетский играл возле трибуна лишь немую роль, подобно Лепиду возле Октавиана; все письма исходили от одного Колы, и ни в одном политическом акте ни единым словом не упоминается про его коллегу, папского викария.

Между тем как послы с посеребренными жезлами в руках летали по всей Италии, трибун учреждал свое правительство в Капитолии. Статуты, за исключением упразднения сенаторов, не были изменены; великий и малый совет Тринадцати, судебные коллегии продолжали существовать. Кола требовал даже, из благоразумия и для вида, для самого себя лишь трехмесячного срока состояния в должности, но

едва только слышали римляне его речь об отставке, как разорвали в знак ужаса свои одежды и покаялись скорее погибнуть, чем расстаться с его правлением. Однако ради несения своей должности он учредил синдикат. Тогда же стал он чеканить монету, для чего выписал из Флоренции медальеров. Он сформировал преданную вооруженную силу — первую заботу как тиранов, так и витязей свободы, ему подобных. 390 *Cavalerotti*, роскошно снаряженных конных граждан, и пешая милиция из 13 хоругвей, по сто человек в каждой, казались ему достаточными для защиты его правления. Сверх того его особу, как некогда Пизистрата, охраняла стража телохранителей, сформированная из 100 юношей его квартала Регола, и всюду предшествовала с копьями, когда сын тибрского берегового трактирщика в шелковой белой, золотом опушенной одежде, на белом коне, с развевающейся над головой его королевской хоругвью проезжал по Риму.

Вооруженная милиция придавала вес правосудию, и это было лучшей заслугой Кола. Карал он без лицепрятия. Один беззаконный цистерциинский монах был обезглавлен; один экс-сенатор принял позорную кару повешения на том самом Капитолии, на котором некогда в пышности и блеске правил республикой. Это был Мартин Стефанески, синьор портский, племянник двух кардиналов, Анибалдо де Чеккано и знаменитого Иакова Стефанески. Преступление его заключалось в ограблении потерпевшего крушение корабля, намеревавшегося плыть с доходами Прованса в Неаполь. Палачи трибуна исторгли большого экс-сенатора из объятий юной его супруги, и вдова с отчаянием могла вскоре видеть из своего дворца, как супруг ее болтался в воздухе. Казнь эта навела смертельный ужас на знать. Дворцы в Риме были в то время приютами для всевозможных преступников; но трибун приказал силой взять одного разбойника из дворца Колонны и казнить. За малейшую небезопасность в их имениях бароны платились тяжелыми денежными пенями. Многие из них сидели в тюрьме Капитолия; сам изгнанный сенатор Петр Колонна пешком отведен был служителями правосудия в темницу. Неправедные судьи с высокими отпаками, на которых прописаны были их беззакония, выставляемые были у позорного столба. Приходилось очищать целую конюшню авгиеву злоупотреблений, подкупов, клятвоступности, подлогов, лжи и обманов, а никто лучше бывшего нотариуса городской камеры не был знаком с безнадежным состоянием римской администрации. Благотельное учреждение мирового суда пресекло неприязненные действия в городе; ибо судьи из народа собирались во дворце, на крыше которого развевалась хоругвь Св. Павла, и примиряли партии или усовещиванием, или варварским *jus talionis*. Кола мог похвастать примирением 1800 распаленных смертельной враждой граждан. Изгнанные были возвращаемы, бедствующие получали щедрое вспомоществование. Строгая полиция преследовала браконарушителей и игроков. Подобострастное употребление титула *don* или *dominus*, даваемого знати, было воспрещено; ибо отныне «господином» именоваться должен был один папа. Запрещено было иметь баронские гербы на домах, оставлены были одни лишь папы и сенат. Загороди, которыми знать окапывала свои дома, были снесены; из этого дерева должен был быть реставрирован сенатский дворец, и каждый экс-сенатор должен был внести на эту новую постройку сто гильденов золотом.

Правильная администрация приумножила доходы городской камеры посредством дымового налога (*focaticum*), ленного оброка, служилых мест, ежегодного оклада, платимого деньгами и хлебом отдельными городами, как Тиволи, Тосканеллой, Веллетри, Корнето, из пошлин мостовых, дорожных, речных и, наконец, из монополии Остийских солеварен. По старому положению, дымовой налог составлял с каждого камина 26 денариев, или 1 карлин и 4 динара. Кола исчислил цифру этого налога для всей городской территории от Чеперано до реки Пальии во

100 000 гульденов золотом; наконец, поступления с таможен и городских замков. Верность этих цифр представляется, конечно, сомнительной, невзирая на обширность городской территории. Трибун снял дорожные пошлины и отменил повсюду в прочих местах введенный налог с потребления (*gabella*), приносивший большую сумму, в особенности во Флоренции. Зато дымовой налог был строго взыскиваем. Все вассалы города отбывали его добровольно, за исключением одного лишь префекта Иоанна де Вико. В то же время некоторые места Кола покорил себе великодушием; Тосканелле разрешено было обратить ежегодный оброк в 1000 фунтов деньгами во 100 фунтов воска в пользу церкви Арачели, а Веллетри возвращена была его автономия. Мудрые законы урегулировали рыночные цены и наполнили хлебные магазины; пшеница подвезена была даже из Сицилии, и трибун начал застраивать даже самую запустелую Кампанью.

Безопасные пути оживились торговлей и обращением; земледелец без оружия стал снова пахать свое поле, и пилигрим без опасения притекать снова к святыням Рима. Религиозный дух объял спасенный народ, как британский во времена Кромвеля; погрязшая в преступлениях гражданская доблесть воспряла вновь под этим лучом света, свободы и мира. Слава человека, соделавшего в короткое время столь великое, разнеслась по миру. То была забавная басня, рассказываемая мореходами о страхе, испытанном якобы перед трибуном самим отдаленным султаном Вавилона, но, быть может, то не было преувеличение, когда один из вернувшихся домой гонцов рассказывал: «Посольский этот жезл носил я публично по лесам и дорогам; бесчисленные толпы падали перед ним на колена и целовали его со слезами радости по поводу освобождения отныне дорог от разбойников». В первые месяцы своего правления Кола заслуживал того, что был кумиром Рима и вел с себя новую эру республики. Народ видел в нем Богом избранного человека. Никто еще не осуждал суетной помпы, проявляемой народным трибуном при каждом проезде его по Риму. Во время поездки своей в день Св. Петра и Павла в собор восседал он на высоком боевом коне в зелено-желтой бархатной одежде, со скипетром из ослепительной стали в руках, окруженный 50 копыеносцами; римлянин держал над головой его хоругвь с его гербом; другой предносил ему меч правосудия; рыцарь сыпал в народ деньги, причем торжественное шествие кавалеротти и чиновников Капитолия, попопанов и знатных предшествовало или замыкало шествие, трубачи трубили в серебряные трубы и музыканты играли на серебряных ручных бубнах. На ступенях Св. Петра каноники капитула приветствовали диктатора Рима даже гимном *Veni Creator Spiritus*. Тем временем стали поступать ответы на энциклики Кола. Папа, напуганный сперва, однако, скоро успокоился или же притворился в этом. Он жаловался, правда, на то, что уложение изменено было помимо него, но, в общем сочувствовал перевороту и утвердил Николая и Раймунда ректорами Рима. Возвратившийся из Авиньона посол привез даже в подарок Коле выложенный серебром ларец, на крышке которого изображены были гербы Рима, трибуна и папы. Благоклонные письма папы произвели радостное настроение в городе. Ежедневно прибывало теперь на национальный парламент командируемые от городов депутаты. Парадирование их исполнило Рим самолюбия и гордости и укрепило Кола в вере в свою миссию и в римское свое всемогущество. Капитолий поистине, казалось, превращался в политический центр Италии. Многие из ломбардских тиранов приняли, правда, энциклики Кола с презрением, но вскоре изъявили готовность иметь представителей на национальном парламенте. Лукино, тиран миланский, ободрял Кола крепко держаться нового уложения, но в действиях относительно баронов соблюдать осторожность; даже Андрей Дандоло и генуэзцы почтительным письмом отдавали себя к услугам Рима; Лукка и Флоренция, Сиена, Арещо, Тоди, Терни,

Пистойя и Фолихио, Ассизи, Сполето, Риэти и Амелия величали трибуна пресветлым государем и отцом и высказывали надежду, что реформа в Риме послужит ко благу Италии. Все города Кампаньи и Маритимы, Сабинны и римской Тусции воздали торжественными посольствами честь Капитолию, причем враждующие партии являлись с самых отдаленных окраин перед судейское кресло трибуна, ища его суда и своего права. Ничто не дает более ясного свидетельства о могуществе, все еще производимом досточтимым именем и идеей Рима, как признание, встреченное Колой ди Риэнци у всех почти синьоров и городов Италии, которых общинами правила не фанатики, но серьезные государственные люди. Всюду и везде верили в возможность воспрянутия римской республики в прежнем ее блеске. Человечество находилось еще и отчасти находится еще поныне под магическим престижем высоты этой матери цивилизации. Около этого времени поваяло живительным дыханием прошлого. Не было ни одного истинного христианина, который бы ни почитал резиденцию пап в Авиньоне беззаконием по отношению к святому городу. Освобождение его из-под власти тиранов и обезопасение пелеринажей к нему явилось событием всеобщей важности. Столь счастливо совершившаяся революция являлась по началу своему великим событием, могшим иметь последствием возвращение папства и возобновление империи. С ней связаны были все затрагивающие глубочайшие фибры народов моральные и политические идеи, и сама справедливость требует признать, что Кола ди Риэнци с гениальностью воспринял и применил эти идеи своего времени. Данте, несомненно, в нем приветствовал нового спасителя Италии под мистическим образом «Veltro». Представления трибуна о Lex Regia, о ненарушимом величестве римского народа, на котором покоится империя, согласовались с основными положениями «Монархии», в которой великий поэт провозгласил, что римский народ, как благороднейший на земле, чудесами и историческими деяниями предызбран Богом к управлению Вселенной. Кола несомненно знаком был с трактатом Данте, хотя и никогда на него не ссылался. Но неприменимость самой гибеллинской идеи выказалась в Генрихе VII и Людовике Баварце, ибо никакой иноземный император не оказался в силах исцелить растерзанную Италию. Теперь в самом заброшенном Риме поднялся гениальный римлянин, восстановил республику и даровал итальянцам не как гвельф или гибеллин, но в качестве трибуна Рима, благо, тщетно и безуспешно искомое гибеллинами у германского императора, гвельфами — у папы. Отныне выдвинулась третья идея — конфедерации Италии под предводительством священной матери городов, Рима; впервые решительно выговорена была идея единства нации, и Италию охватила надежда спастись и обновиться благодаря самой себе.

Петрарка, занимавший в то время как представитель итальянского национального духа место Данте, служит наилучшим свидетельством чарующего воздействия Колы на его время и охватывавшего его потока античных идей. Когда поднялся этот темнейшего происхождения римлянин (так позднее писал Петрарка), когда он дерзнул предложить слабые свои рамена республике и поддержать колеблющуюся империю, то, как бы по мановению волшебного жезла, воспрянула Италия, и грозность и слава римского имени пронеслись до концов Вселенной. Венчанный гражданин римский, воскреситель классических наук, дух которого бредил лишь Сципионом и Брутом, способен был из зависти умалять гениальность Данте, но разделял с ним максимы его монархии; в самом выродившемся римском народе видел он единственный источник всемирного владычества, а в пепелище римском — законную резиденцию императора и папы. Воззрения эти благодаря национально-итальянскому антагонизму против пребывания пап в Авиньоне разрослись до гомерических размеров. И вот теперь, когда чудный трибун воцарился на Капитолии, то

приветствуем был Петраркой, как давно искомый и наконец обретенный человек, как политическое создание собственной его идеи, как проявившийся из собственной его головы вооруженным герой. Происходившее в Риме восхищало его, как собственных его рук чародейство, да и на самом деле духовный брат его Кола был его собственным адептом. Из Авиньона напутствовал он восторженными благопожеланиями трибуна и народ римский. Любовью своей к дому Колонна пожертвовал он свободе и отечеству. Все эти римские магнаты, из рядов которых веками выходили папы, кардиналы, сенаторы и военачальники, представлялись ему лишь чужеземцами, отродьями прежних военнопленных римских, разрушившими владычество города вандалами, захватившими монументы и права республики узурпаторами, короче — наносной кастой разбойников, рыскавшими по Риму, как по завоеванному городу, и истязавшими, как своих рабов, настоящих римских граждан. Мудрость и мужество, так восклицал Петрарка, да будут при вас, ибо недостатка энергии в вас не будет не только для сохранения свободы, но и для восстановления империи. Обязанность каждого человека — желать счастливых успехов Риму. Столь праведное дело, несомненно, заслужит одобрение Божие и мира. Он провозглашал славу Колы, называл его новым Камиллом Брутом и Ромулом, самих римлян — лишь отныне истинными гражданами и увещевал их считать своего освободителя послом Божиим.

Восторженное сочувствие чествуемого во всем свете гения воспалило фантазию Колы и утвердило его во всех его мечтаниях. Он приказал прочесть письмо Петрарки в парламенте, где оно произвело глубокое впечатление. Сам он приглашал его покинуть Авиньон и присутствием своим украсить город, подобно тому, как бриллиант украшает перстень. Вместо Петрарки прибыла обещанная им торжественная ода. Прекраснейшее свое стихотворение посвятил он свободе Рима и новому его герою. Революция римская нашла в нем своего поэта. То была счастливейшая пора Колы, когда он блистательно царил перед лицом света на Капитолии. Далее мы увидим, какие реальные формы сумел он придать своим идеям.

2. Подчинение городского префекта. — Декрет о переходе всех прав величества к городу Риму. — Национальная программа Колы и несоответствие личности его столь высокой задаче. — Празднества 1 и 2 августа. — Возведение Колы в рыцари. — Эдикт от 1 августа. — Кола жалуется права римского гражданства всем итальянцам. — Вызов имперских князей. — Теории о неприкосновенном величии Рима. — Празднование итальянского единения 2 августа. — Император Людовик и папа. — Избрание Карла IV. — Унижение его перед папой

Трибун подчинил себе всех непокорных магнатов; некоторые из дома Орсини вступили даже на службу к республике; не покорился один лишь префект города и Гаэтани. Иоанн де Вико, преемник своего отца по префектуре, бывшей в этом германском роде наследственной, сделался с 1338 г. через братоубийство тираном Виттербо и владыкою в Тусции. Кола объявил его вне закона, лишил его префектуры, каковой титул, в силу парламентского постановления, присвоил самому себе и стал готовиться к войне. Иоанн де Вико полагался на свое могущество, на тайную поддержку ректора в Патримониуме и на ломбардские наемные войска. Трибун обратился за помощью к Флоренции; посол его Франческо Барончелли встретил там благожелательный прием. Кола жаловался папе на ректоров Патримониума и Кампани, оказывавших поддержку как префекту, так и Гаэтани, но вскоре уже полу-

чил возможность извещать о своих победах. Союзная помощь от Флоренции и Сиены прибыла слишком поздно, но Перуджия, Тоди, Нарни и корнетанцы под начальством синьора своего Манфреда де Вико усилили римскую милицию до 1000 рейтаров и до 6000 пехотинцев. Войском этим командовал в качестве генерал-капитана Николай Орсини от замка С.-Анджело. Это войско с конца июня осаждало замок Ветраллу и опустошало край Витербо. Префект пал духом, и трибун был искренне рад согласиться на его требования. По заключении 16 июля договора прибыл Иоанн де Вико в Рим, смиренно повергся перед Колой, присягнул законам республики и получил от нее префектуру как вассал; так эта знаменитая должность стала леном народа, была сперва жалуема императором, а затем папой. Зрелище могущественного тирана Тусции в публичном парламенте у ног его внушило Коле первое чувство королевского владительства; он как император воздал хвалу триумфально вступившему на Капитолий войску. Достиженные успехи были велики, ибо распространили власть республики на всю римскую Тусцию. Влияние это дало себя чувствовать в эдикте, которым по обдуманному плану открыл трибун ряд смелых декретов, решив возвратить городу Риму прежние права величества.

Перед собранием народа приказал он 26 июля прочесть и утвердить закон, по которому отныне все юрисдикции и должности, все привилегии и власти, когда-либо розданные римским народом, отпадали к нему назад. Перед тем совету из римских юристов и судей, высланных в Рим по приглашению Коля итальянскими городами, предложен был на обсуждение вопрос, властна ли римская республика отобрать снова в свою пользу эти права, и совет этот единогласно отвечал утвердительно.

Трибун придал, таким образом, странному эдикту характер судоговорения итальянской нации через уполномоченных его правоверов. Ничто не могло быть радикальнее подобного постановления: ибо, по последствиям своим, направлено было оно не только против знати, но и против церкви и империи. Все истинные и поддельные привилегии Святого престола, начиная с дарения Константина и вплоть до Генриха VII, равно как и все титулы и права императорской власти, объявлены были тем самым уничтоженными и недействительными, и один народ римский выставлен непрерывным первоисточником. Если бы эти римляне с высоты Капитолия посмотрели на свой, под мусором погребенный город, на нищенское, обитавшее в нем, население или на самих себя, то должны были — так должно полагать — разразиться при возведении столь надменно-пышного декрета громким хохотом; но между ними не оказалось ни одного, кто бы с важной и торжественной миной не присутствовал при аprobации в парламенте.

Не столько вследствие этого декрета, сколько под впечатлением покорности префекта некоторые римские замки тотчас сдались трибуну; но когда далекие Гаэта и Сора слали умиловительные дары и добивались покровительства трибуна, то это являлось лишь действием престижа древнего и священного имени, наполняющего мир. Сновидение превратилось в действительную силу. Все местечки римского дукатства признали теперь себя вассалами римского народа; все общины Сабини обязались 1 сентября бить челом республике.

Приближалось 1 августа; прибыли уже из 25 городов блестящие посольства. Когда Кола приглашал итальянцев присылать таковые в Рим, то имел намерение собрать на Капитолии учредительный для всей Италии парламент. Идея была величественная, достойная первоклассного государственного деятеля и отнюдь не непрактична, ибо тогдашние обстоятельства являлись достаточно благоприятными для самостоятельной формации Италии: папа далеко, император далеко, империя почти уничтожена, Неаполь в анархии, римская знать раздавлена, гражданство во

власти в большинстве республик; воодушевление свободой, ненависть к тиранам, самосознание итальянской нации и престиж Рима распространены на далекие районы. Со дней трибуна в течение полтысячи лет ни разу не нарождалось более для народов Италии столь благоприятной для национальной идеи исторической констелляции. К сожалению, она была лишь моментальна и несравненно более призрачна, чем реальна. Человек глубокой энергии и гения Кромвеля провел великий переворот, но гениальный актер сделать это оказался не в силах. Кола ди Риэнци был человек без истинной страсти, без глубокомыслия серьезной природы и сверх того ни государственный деятель, ни полководец. Он витал в общих теориях, он умел привести их с логической последовательностью в величественную идейную систему, но немедленно становился непрактичен, растерян и слаб, как только приходил в столкновение с реальным миром. На вершине славы и блеска у него закружилась голова; тщеславие завладело слабым его рассудком, и не имеющая себе равных фантазия, какой позавидовали бы величайшие поэты, облакала перед его взором реальность предметов в волшебный ореол. Все мистические ожидания Италией своего мессии и видения монахов-фанатиков о царстве Святого Духа сосредоточил Кола на самом себе; он почитал себя, ординарного, столь внезапно ко власти призванного человека, вторым политическим Франциском, предназначенным восставить падающую империю, подобно тому как тот святой восставил падавшую церковь. Но сын народа из Ассирии, как и каждый античный народный трибун, отклонил бы сотовариществом тщеславного, погруженного в фантастическую роскошь демагога. Страх перед противоречиями, перед самими даже реальными действиями парализовывал его силу воли. Национальная его программа — воздвигнуть одну единую Италию с Римом во главе — была столь смела, что он испугался ее сам. Занимались тем же в Германии, в Италии в Авиньоне, но не обнимая всего значения этого вопроса. Представлялось ли выгодным для мира, для папы и императора, для итальянских республик и тиранов объединение всемирного города Рима с Италией? При папском дворе глубину этой проблемы едва ли лучше уясняли себе, чем в самой Италии, тем не менее тотчас же стали противоборствовать плану Колы. В городах поднялась муниципальная оппозиция. Незначительное число 25 республик, отправивших послов в Рим, указывает, насколько таковая была сильна. Флорентинцы затруднились посылкой в Рим уполномоченных из подозрения возможности умаления их автономии, и Коле пришлось успокаивать их заверениями, что это не входило в его замыслы.

Вместо исключительно национальной цели созвания итальянского парламента в Риме объявил он уже из страха и тщеславия, что первой целью оно было его собственное возведение в рыцарское достоинство и коронование его, как трибуна.

Первое августа было в древности днем празднования *Feriae Augusti*, а в Средние века, да и поныне народным праздником, в который показывались вериги Св. Петра. Оттого-то и избрал его трибун для своих собственных торжеств. Послы от городов, иностранные рыцари, супруга Колы возле своей матери с блистательной свитой знатных дам, с двумя юношами позади, несшими позолоченную уздечку, быть может, в виде эмблемы умеренности, великолепные рейтары Перуджио и Корнето, дважды бросавшие шелковые одежды свои в народ, сам трибун в золотом вышитой белой шелковой одежде, с папским викарием рядом с ним, с меченосцем впереди, с знаменосцем и богатой свитой позади, под звуки музыки дефилировали постепенно один за другим на фантастической этой арене в вечер кануна праздника в Латеране. Странное празднество рыцарства Колы при содействии клира римского и депутатов от городов Италии вносит в политическую историю города черту из рыцарских романов об Амадисе и Парсивале. Но проистекает все это из самой

сущности Средних веков, когда не только при дворах, но и в республиках, среди самых диковинных церемоний, происходило возведение в рыцари, при обрядах стола, купели, боевого поля, щита и чести. Вечером вступил трибун со своей свитой в крещальную капеллу Латерана и смело погрузился там в античную ванну, где, согласно преданию, император Константин смыл с себя и свое язычество, и свою проказу. Здесь в благовонной воде омылся он от всех греховных пятен, во время чего викарий папы с размышляющим лицом взирал на оскверненную купель христианства. Ванна эта весьма вскоре вменена была Коле в одно из величайших его беззаконий; но этот остроумный рыцарь поставил вопрос, не приличествует ли та же самая ванна, разрешенная прокаженному язычнику Константину, тем наипаче христианину, очистившему от проказы тирании Рим; что святее ли каменная ванна храма, попираемого ногами христианина или же самого вкушаемого им Тела Господня? Рыцарь возлег после омовения на приготовленное в порфировой ротонде древнейшей этой крещальной капеллы ложе, одетый в белые одежды, и предался сну, хотя и был напуган зловещим подломлением своего одра. Наутро облекся он в парчу и занял юбилейную ложу в Латеране; здесь синдик народа и прочие магнаты опоясали его мечом, поясом и надели на него золотые шпоры, причем из церкви неслись торжественные звуки мессы. Отныне Кола стал именоваться кандидатом Святого Духа, рыцарем Николаем, строгим и милостивым освободителем города, ревнителем Италии, добротом земного шара, трибуном Августом.

Празднество, касавшееся до личной его персоны, соединил он с подготовленными им политическими актами. После краткого обращения к народу приказал он нотариусу Капитолия Эгидио Ангелерии прочесть с этой ложи декрет. Станный этот эдикт долженствовал, по понятиям его, с того самого места, с которого преподано было Бонифацием VIII юбилейное благословение миру, иметь воздействие римского благословения земному шару — изумительная фантазия гениального безумия, превращавшего тем папскую бенедикцию *Urbi ei Urbi* в карикатуру. Декрет гласил, что Кола, приняв омовение в ванне достославного императора Константина во славу Бога Отца, Сына и Святого Духа, князя-апостола и Св. Иоанна, в честь церкви и папы, на благо Рима, святой Италии и мира, движимый желанием излить дар Святого Духа на город и на Италию и подражать великодушию прежних императоров, объявляет следующее: народ римский оказывается, согласно объявленному уже судейскому постановлению, в полном еще обладании юрисдикции над земным шаром, как и в древности; все, произведенные в ущерб этого авторитета привилегии уже отменены; в силу дарованной ему диктатуры провозглашает он, чтобы не утаивать дар милости Духа Святого, город Рим столицей мира, основанием христианства; вместе с тем дарует свободу всем городам Италии и права римского гражданства; далее объявляет, что имперская монархия и избрание императора принадлежат городу римскому и итальянскому народу; согласно сему, вызывает всех прелатов, избранных императоров, курфюрстов, королей, герцогов, принцев, графов, маркграфов, народов и города, изъявлявших какие-либо притязания на вышереченное избрание, впредь до наступающего Троицына дня, явиться в святом Латеране перед ним и перед уполномоченным папы и римского народа с доказательством их прав; в противном случае он поступит против них по пути права и найтия Святого Духа; наипаче же всех вызывает он Людовика, герцога Баварского, и Карла, короля Богемского, как избранных герцогов австрийского и саксонского, маркграфа Бранденбургского, архиепископов майнцкого, трирского и кельнского. Римляне, привыкшие ко всяким зрелищам из всемирной истории, преподносившимся им императорами, папами и магистратами, притупившие для различия высокого от смешного, кичащиеся необъятной гордостью своих предков, проникнутые догматом вечного всесвет-

ного владычества Рима, не находили ничего смешного ни в этом эдикте, ни в фигуре большого трибуна, махавшего, как император, на три стороны в воздухе и возглашавшего: «Это принадлежит мне!» Напротив, они неистовым ревом выражали ему свое одобрение. Бессмысленная эта прокламация явилась последним следствием притязаний города на императорскую власть, выставленных им некогда первому Гогенштауфену Конраду. Воспоминания были злым фатумом римлян. Мысль о прежней всемирной монархии, поддерживаемая сочинениями и монументами прошедшего, и исполинский призрак античной империи, парившей над Римом, внуками почитаемы были за объекты действительности, и можно сказать, что история города в Средние века зачастую была ничем иным, как одной нескончаемой надгробной речью о величии античного Рима. Ошибки и теории Данте и Петрарки объясняют или умаляют безумные мечтания римского трибуна, ибо они воспевали римлян, как Богом предызбранный народ политической монархии, подобно тому, как евреи были предызбранным народом религиозного монотеизма; и римляне, как и евреи, признавали исторический этот процесс не закончившимся, но вечно и непрерывно продолжающимся. Требовался еще долгий процесс исторической работы для осления догм прошлого родом людским, и вплоть до самого позднейшего времени время от времени неоднократно снова погружался он в мистическую купальную ванну Константина.

Викарий папы был поражен. Прослушав эдикт, стоял озадаченный епископ, по выражению наивного биографа Колю, как деревянный столб. Он приказал, однако, от имени папы выставить протест, но грохот литавр заглушил голос протестовавшего нотариуса.

Дневные торжества закончились роскошным банкетом в Латеране, где епископ Раймунд, пируя возле того самого трибуна, против безрассудства которого только что протестовал, осквернил тем мраморный стол папы. Чужеземные посланники, магнаты и граждане, матроны римские пировали за другими столами, а народ ликовал перед Латераном, где из ноздрей бронзового коня Марка Аврелия изливались вино и вода. Народные зрелища и турниры украсили этот и следующий день, и Рим с давних времен не переживал подобного празднества. Послы привезли драгоценные дары трибуна, даже бароны и граждане римские поднесли ему подарки, не показываясь лишь одни Колонны; против Гаэтани объявлена была опала, а Петруччио Франджипане из Чивиты-Лавинии отвезен был в темницу.

2 августа праздновал Кола день единения Италии или побратание городов на Капитолии. Послам их роздал он большие и малые знамена с эмблемами и надел им, в знак обручения с Римом, золотые кольца на палец. Флорентинцы, которых он хотел отличить хоругвью Италии с изображением Рима посреди Италии и Fides, отказались от принятия ее из опасения, чтобы таковую не сочли за ленное знамя. Равно депутаты прочих городов приняли символы лишь под условием сохранения прав своих республик. Пиза вовсе не прислала никаких послов. И вот пустились гонцы в свет, к папе и к королям извещать их о великих событиях, вручать вызов германским князьям, увещевать к примирению властителей Франции и Англии, которых ожесточенная вражда глубоко занимала в то время христианство, и, вообще, возвещать всем странам о решимости пресветлого трибуна римского заново и мирно устроить мир. Такой странный оборот приняло неудавшееся созвание первого итальянского национального парламента в Риме. Практического не было достигнуто и создано ничего; политическая идея о высшей национальной компетенции уничтожена была фантастическим сопоставлением с понятием всемирной монархии и выразилась в одних лишь символических и театральных сценах. Но Кола ди Риэнци наде-

дал уже более чем достаточно для вызова папства и должен был опасаться теперь последствий этого. Он бросил вызов и имперской власти, но противоборство последней не представлялось для него страшным. Дерзкий вызов, брошенный императору, явился лишь последствием унижения короны Карла Великого, которую сперва приняв от суверенного римского народа, Людовик Баварский из боязни папы не осмелился потом носить. На самом деле, появление демократического этого императора в Риме составило как бы прелюдию к бессмысленным эдиктам народного трибуна. Напуганный повторением Климентом VI процессов Иоанна XXII, предлагал Людовик, невзирая на рензейские резолюции, смиренную покорность и этому папе. Примирение не состоялось, и папе удалось выставить лжекороля в Германии, где различные правонарушения и насилия отвратили сердца имперских князей от Баварца. Это был Карл Моравский, сын богемского короля Иоанна и внук Генриха VII. Уже ранее своего избрания, 22 апреля 1346 г., выказал он себя в Авиньоне вполне покорной креатурой папы, не извлеки выгод из декларации о независимости империи, не поддержанной в предчаянии императорской короны голосом Богемии. 11 июля 1346 г. в Рензе был он избран своей партией, с двоюродным дедом его Балдуином Трирским во главе, на радость его отца, того неутомимого короля богемского, который и при слепоте остался героем и нашел смерть 20 января 1347 г. в битве при Креси. Того же 25 ноября 1346 г. коронован был Карл в Бонне и вскоре за тем признан папой, перед которым 27 апреля 1347 г. возобновил авиньонские обеты. Глубочайшее обесславление имперского авторитета до степени пустого титула путем обязательств ее главы прежде вступления его в Италию снискивать апробацию персоны его папой, в Риме появляться для коронования всего на один день, затем, как бы изгнаннику, покидать город и никогда не ступать более ни на какую территорию церкви возбудило презрение всех благородно мыслящих еще людей; им-то и объясняются отчасти безумно смелые выходы Колы, имеющие вид сатиры на столь низко павшую империю. Поистине кандидат Св. Духа выказал мужество большее, нежели кандидат на императорскую корону, ибо не побоялся, при столь жалостном падении империи провозгласить о возвращении суверенитетных ее прав обратно к их первоисточнику — к римскому и итальянскому народу.

3. Король Венгерский и Иоанна Неаполитанская апеллируют к суду Колы. — Коронование трибуна 15 августа. — Коронационные эдикты. — Изъявление покорности Гаэтани. — Кола ввергает в темницу глав Колонн и Орсини, осуждает и милует их. — Папа принимает против него меры. — План Колы национально-итальянского цезаризма. — Папа начинает процесс. — Бертран де Дё, кардинал-легат. — Трибун шлет оправдание свое к папе

Еще на несколько мгновений продолжалась вера Италии в миссию народного трибуна; его самого утвердили в его собственных мечтаниях чествование Арещо и торжественные посольства от великих монархов, бывшие вскоре после августовских празднеств. Королева Иоанна, сообщница в убийстве своего супруга, с бесстыдной поспешностью вышедшая замуж за любовника своего Людовика Тарентского, трепетала перед местью короля венгерского, войско которого стояло уже в Аквиле: она поручала себя милости трибуна и унизилась даже до заискивания благоволения жены трибуна, которой делала подарки. Столь высоко стоял престол Колы в свете, что обе партии домогались третейского его суда; ибо и Людовик Венгерский призывал его помочь отомстить за умерщвление короля Андрея и предлагал ему союз.

Посольство от князя тарентского, предводимое архиепископом, просило его дружить; в письмах называл его герцог де Дураццо вернейшим своим другом. Кола мог себя поздравить по поводу всего этого, ибо без разразившейся над Неаполем анархии никогда не достиг бы занимаемого им теперь положения в Риме. Трибун величественно принимал всех этих посланцев, но от открытого высказывания в пользу короля венгерского удерживало его еще стеснение перед папой, протезирувавшим Иоанне. По уверениям его биографа, многократно засылал к нему гонцов и Людовик Баварский, заискивая посредничества его у папы, и ничто не препятствует нам давать этому веру. Столь великие почести, расточаемые римскому плебею, не заслужившему восхищения света ни военными подвигами, ни гениальными деяниями, доказывают непреодолимый престиж имени Рима, силу некоторых идей того времени и бесконечную расслабленность, в которой зацепели в XVI веке народы и государства. Не рассудительность, а страх один удерживал Кола от провозглашения самого себя императором римским; в тиши он составил этот план, но момент для этого, казалось ему, еще не наступил. В изобретательности своей фантазии напал он на идею короноваться шестью коронами, ибо, по его мнению, и предшественники его, древние народные трибуны, короновались так в Риме. В воображении его проносились образы всевозможных аллегорических венцов, и он, наверно, читал в Мирабилиях римских отдел, трактующий о многообразных коронах древних цезарей. Нет ничего более странного, как это смешение античного с формами средневекового христианства, вообще замечаемое повсюду в Риме и нашедшее поистине характерную фигуру в этом трибуне Августе и кандидате Святого Духа. И хотя этот Кола ди Риэнци, стоящий среди святой церкви и при торжественных звуках мессы, увенчиваемый почетнейшим духовенством то этим, то тем венком из цветов, — кажется нам безумным, тем не менее страшный этот обряд серьезно, как некий религиозный акт, совершаем был первыми иерархами Рима и в присутствии при этом серьезных зрителей, послов республик и римлян. Все эти люди и тысячи других выдающихся личностей того времени явно были очарованы магической властью идеи и личности. Коронация Кола явилась фантастической сатирой, в которой пресеклась империя Карла Великого. Мир, в котором в подобных образах проявлялось политическое бытие, назрел для гибели или же мог быть спасен лишь путем великой духовной реформации. Некоторые из венков, предназначенных Колой для своего коронования, преднамеренно приказал он сплести из кустов, росших на маститой триумфальной арке Константина. Приор Латерана подал ему первую корону из дубовых листьев и сказал: «Возьми дубовый сей венок, поелику ты освободил от смерти граждан». Приор Св. Петра дал ему корону из плюща и сказал: «Возьми плющ, понеже ты любишь религию». Миртовую корону подал декан Св. Павла со словами: «Прими мирту, понеже ты уважал службу и науку и презирал скупость». С подобным же изречением возложил на него достопочтенный аббат Св. Лоренцо корону из лавра. Пятую корону, из оливковых ветвей, подал приор S.-Maria Maggiorie и сказал: «Сын смирения, прими оливковый венец, понеже ты кротостью преодолел гордыню». Никогда более неверные слова не были сказаны никакому сильному мира или глупцу. Шестая корона была серебряная; ее и скипетр поднес приор Св. Духа со словами: «Светлейший трибун, получи дары Святого Духа вместе с короной и скипетром и прими также и духовную корону». Наконец, Гоффредо Скотти, синдик народа, подал ему в руку державу и сказал: «Пресветлейший трибун, прими и блюди правосудие, даруй мир и свободу», вслед за чем его облобызал. Викарий кардинала остийского с торжествующим лицом стоял при этой церемонии (от которой благообразно уклонился епископ Раймунд) как ее устроитель, причем нищим одетый монах, гений иронии, снова снял с трибуна короны и не осмелился коснуться

лишь до серебряной, ибо архиепископ неаполитанский держал ее над головой венчанного. Кола припомнил о существовавшем в древности обычае — насмешками и шутками напоминать триумфаторам о суетности всякого земного величия. Мы улыбаемся над безумием Кола, но романтический характер его времени, сделавшийся нам чуждым, объясняет, а поэтическая гениальность фантазии смягчает его. Из числа всех эквилибристов истории этот трибун был самым даровитым и симпатичнейшим; да и среди иных церемоний не найдутся ли столь же малосодержательные, как невинные цветочные венки римского трибуна? Тщеславие лишило Кола рассудка; он казался себе теперь великим, как античный герой; он не стеснялся уподоблять себя Христу в силу того, что, подобно Тому, на 33-м г. совершил свои подвиги и освободил Рим от тиранов. Один праведный монах, услышав святотатственное хвастовство человека, которого до того сам чтил, как посланника неба, скорбно посмотрел на него из-за угла церкви и горько заплакал.

Трибун, подобно издаваемым императорами коронационным эдиктам, возвестил о новых законах коронационному своему парламенту; он утвердил права римского гражданства за всей Италией; он воспретил императорам и князьям вооруженный доступ в страну без дозволения папы и римского народа и отменил употребление ненавистных названий партий гвельфов и гибеллинов. Эдикты эти могли быть безупречны, но каким способом в состоянии был Кола сделать их действительными? Если бы он вместо искусства оратора и актера обладал талантами простого полководца, то превратил бы минутный престиж своего правления в действительное могущество. Теперь же приходилось ему назначать военачальниками испытанных в военной профессии аристократов, не смея, однако, им доверяться. Газтани, Иоанн и брат его Николай, граф де Фунди, обвиненный и объявленный трибуном вне закона, как тройной убийца отца, брата и супруги, упорствовали еще и должны были быть сломлены. Войну с ними Кола удачно поручил Иоанну Колонне. Газтани покорились и принесли в начале сентября вассальную присягу с тем, чтобы опять вскоре ее нарушить.

Трибун знал, что аристократия составила против него заговор и работала над низвержением его и при дворе папы. Он пришел вследствие этого к мысли одним ударом овладеть знатнейшими, и они нечаянно попали в те же силки, какие были уже поставлены им самим или предкам их Дон Арриго Кастильским и Генрихом VII. Приглашенные 14 сентября на банкет в Капитолии, явились знатнейшие синьоры. Встав из-за стола, за которым Стефан Колонна делал саркастические замечания насчет великолепной одежды трибуна, эти гости, пять Орсини и двое Колонн, заключены были в оковы и отведены в темницу. Маститый герой Стефан, пораженный и гневный, ходил ночью взад и вперед по запертой зале, стучался у дверей и предлагал большие суммы страже, но тщетно. Наутро вошли арачельские монахи готовить узников к смерти. Все они трепетали и принесли покаяние, один лишь Стефан отказывался верить в смерть свою от руки плебея. Колокол бедных грешников гудел; служители правосудия повели аристократов в обитую красным и белым сукном залу. Волнующийся народ ожидал казни знатнейших аристократов города. Но благоразумные граждане удержали Кола от крайностей. Сам он пощадил имя, положение и друзей благородных своих противников; он страшился столько же, может статься, собственных своих жертв, сколько они его. Мечтатель, от мановения руки которого зависели жизнь и смерть Колонн и Орсини, с загадочной усмешкой взошел на кафедру, произнес речь на текст: «Отпусти нам прегрешения наши» и объявил собравшемуся народу, что милует раскiswaющихся баронов. Они присягнули законом республики. Владая из одной крайности в другую, трибун болязливо осыпал их теперь отличиями, назначал консулами и патрициями, подарил

каждому хоругвь с вытканными колосьями и великолепную одежду, пригласил их на трапезу примирения и устроил с ними публичный объезд верхом. 17 сентября причащался он с теми же магнатами у алтаря Арачели. Они разъехались по своим палаткам или замкам, убитые смертельным страхом и срамом и дрожа от желания отомстить плебею, проделавшему с ними столь ужасную игру. Благоразумные в Риме были недовольны. Говорили, что трибун зажег пожар, который не в силах более потушить.

Вероломное деяние произвело повсюду сенсацию. Давно разгневанный папа был жестоко поражен; могущество Кола казалось ему в далеком Авиньоне страшнее, чем было на деле; он просил его даже об освобождении или помиловании аристократов. Иные осуждали слабость трибуна. В самом деле Кола ди Риэнци доказал ею, что по самой природе не был предназначен играть роль тирана среди тиранов. Эджелино де Романо, Галеаццо, Висконти, Кастручио Каструкане, мельчайший, быть может, из городских тиранов, с презрением отвернувшись бы от человека, заманившего в силки своих врагов не для того, чтобы их убить, но чтобы лишь опозорить. Сам Петрарка, упоенный идеями свободы, как якобинец французской революции, почтил бы отрубленные головы Колонн элегией, тираноубийцу же Кола — восторженным гимном; еще в 1352 г. не постигал он ошибки последнего — отпускать заключенных аристократов вооруженными вместо того, чтобы избиваться от них. Трибун не запятнал себя бесполезным пролитием крови, но, как актер, сыграл Мария и в глазах одних заслужил себе ненависть, в глазах других — презрение. Над ним сдвигались все более грозные тучи. Еще ранее, чем весть об этом эпизоде достигла Авиньона, папа решил выступить против Кола. Титул трибуна, рыцарское крещение, приглашение городов на торжество коронавания, взимаемая с папских местечек дань, далее — все пущенные в действие идеи единства и братства Италии и величества римского народа вывели из себя Климента VI. Он предписал кардиналу Бертрану, легату для Сицилии, уже 21 августа отправиться, буде то возможно, в Рим. Враждебное настроение в Авиньоне явно обнаружилось также и в надругании над одним из гонцов Кола; на него напали на берегах Дюрансы, разломали его жезл, разорвали его грамоты, поранили его самого и запретили ему въезд в этот город. Совершилось это в конце августа, по поводу чего Петрарка в письме к трибуну изливал свой гнев на такое посрамление народного права. Когда папа узнал о событиях 15 августа и получил письмо Кола, в котором тот ему сообщал, что почти все города Сабинны и Патримониума, ожесточенные несправедливым угнетением со стороны ректоров церкви, вручили ему 1 сентября синьорию, то повелел 19-го вице-ректору Патримониума оказать противодействие притязаниям Кола, охранить города от оккупации и потребовать помощи от ректоров Кампаны и Сполето. Действия Кола были такого рода, что в глазах папы он должен был оказаться опаснейшим из всех революционеров. Что он не выступил против него ранее имело свои основания во всеобщем встреченном трибуном восторге, в страхе перед охватившим народ римский энтузиазмом и отчасти в отдаленности Авиньона от Рима. Осуществление замыслов трибуна не только разрушило бы *Dominiū Temporalē*, но вообще опрокинуло бы все легальные отношения церкви и империи. Он не опирался ни на какую партию; он не был ни гвельф, ни гибеллин; наоборот, он апеллировал к итальянской нации. Он действовал по политике германского императора; он требовал, чтобы папа резиденцию своей имел Рим, и вместе с тем прокламировал Рим столицей единой Италии, которой должны были принести в жертву муниципальный свой дух прочие все республики, «исконные чада» города. Он выставил основной тезис, что Рим и церковь составляют единое целое, подобно тому как, по его понятию, составляли одно империя и Рим. Этим он проводил мысль, что

город этот есть источник и центр универсальной монархии и обеих ее властей, и открыто протестовал против Авиньона и тезиса, будто церковь находится там, где пребывает папа. Несомненно, что в случае достижения им действительного могущества он, по прецеденту Людовика Баварского, вернул бы римскому народу и избрание папы. Впервые голос Рима испугал папу в крепких стенах дворца его в Авиньоне; теперь постиг он, что на Тибре шло дело о чем-то другом, чем о низвержении аристократов и о демократизации городского управления; он мог уразуметь, что контрверсия заброшенного Рима с Авиньоном обращалась в вопрос национально-го антагонизма, что изгнание пап являлось вызовом национальному духу итальянцев и порождало движение, грозившее церкви схизмой, а папству — утратой исторического его положения в Италии.

В фантастических грезах Колы лежала твердая последовательность, а в безумствованиях его — логический метод. Как и натурально для его времени, искал он правовых основ для национальной метаморфозы Италии в догме о несокрушимом суверенитете римских сената и народа. Провозгласив его декретом своим от 1 августа и осуществив единство Италии путем объявления всех итальянцев свободными римскими гражданами, решил он призвать всю страну к восстановлению ее в форме национально-римской империи. По плану его все итальянцы должны были пользоваться правом избрания своего императора путем плебисцита и применять оное через 24 назначенных ими избирателей в Риме. Иметьший быть избран, после Троицы 1348 г. новый император должен был быть итальянским патриотом; таким путем, через посредство латинского цезаря, долженствовало быть восстановлено прежнее единство нации, Италия — исцелиться от своей раздробленности и навсегда освободиться от позорного владычества «недостойных чужеземцев». Взгляд этот, правда, немногим отличался и от гвельфского, ибо и они утверждали, что избрание императора принадлежит народу римскому, а через него — всем итальянским общинам, сопричастным к правам римского гражданства и к римской свободе, и что к германским курфюрстам перешло оно, именем римского народа, лишь через посредство церкви. 19 сентября назначил Кола двух докторов прав, римского рыцаря Павла Ваяни и кременца Бернарда де Поссолис, послами и отправил с полномочиями к городам и синьорам Италии склонять в пользу этого замечательного плана. Гениальный трибун рассчитывал достигнуть высокой цели, впервые смело и ясно начертанной им перед глазами своей нации, не предугадывая того, что путь к ней ведет через пятисотлетний лабиринт грехов и страданий. Он хотел начертать новые союзные статьи свободной и единой Италии на медных таблицах и, согласно старым обычаям, выставить на Капитолии, именуемом им метко «священным латинским дворцом». Нет сомнения, что под доброхотом итальянского отечества, на которого должен был пасть выбор в императоры, разумел он самого себя и мечтал уже о перемене титула трибуна Августа на императора Августа.

Гонцы его развезжали по Италии; великий вопрос обсуждался по городам, великая идея преднесена была незрелой еще нации. Неоспоримо остается неувядаемой славой Колы, что он сумел провести эту национальную идею в злополучное свое время; но что решить трудно, это то, более ли тяжкий укор ложится на итальянцев за то, что они даже в ту пору, когда папство находилось в изгнании, империя в приниженности, оказались неспособными создать политическую нацию, или же то, что национальная эта идея преподнесена им была человеком, через нее же лишившимся ума.

Тем временем папа решил принять меры против дерзкого плебея. Французские кардиналы боялись возвращения Святого престола в Рим, когда этот город станет свободным и более могущественным; каждый прелат содрогался перед

идеями единства Италии или восстановления итальянского цезаризма, угрожавшей опасностью независимости папства. Все кардиналы, особенно родственники Орсини и Колонн, при авиньонском дворе требовали процесса против Кола ди Ринци, совершенно уже вытеснившего своего коллегу, папского викария Раймунда. Уже 7 октября дал папа легату Бертрану де Дё, находившемуся в то время в Неаполе, полномочие сменить Кола и назначить новых сенаторов. 12 октября послал он подробную инструкцию кардиналу, в которой исчислял все проступки Кола и повелевал оставить его при должности, если он ограничится управлением города и даст обет в повиновении церкви; в противном случае его сместить и, буде возможно, вчинить против него процесс в ереси. Римлянам должен был он дать срок для отречения от Кола под страхом интердикта; он должен был раздавать между ними деньги и пшеницу, не давая им их слишком много. Юбилейную буллу он должен был задержать, в случае же покорности римлян она могла быть немедленно отправлена. Сабинянам должен был он объявить повеление не повиноваться Коле и прервать всякое сношение с Римом. Ввиду мнения некоторых о состоянии уже Кола под отлучением, должен был кардинал составить с адресованного на имя Кола письма дубликаты так, чтобы в одном обращении было сделано к Коле, как к отлученному, в другом еще как к сочлену церкви; смотря по обстоятельствам, кардинал мог передать то или другое письмо. Послание это изобличало глубокую тревогу папы, боязнь его перед могуществом трибуна или римлян, его мягкость и осторожность. Свыше 70 аристократов римских получили письма, приглашавшие их во всем повиноваться уполномоченному легату. Услышав о враждебном настроении в Авиньоне, Кола написал Клименту VI, исчислял все свои заслуги, оправдывал свои действия и жаловался по поводу намерений папы награждать добрые его заслуги уголовными процессами, тогда как достаточно было бы одного гонца, чтобы побудить его к сложению своей должности, буде сие потребовалось бы. Враги его собирались между тем со всех сторон, и трибуну предстояло теперь мужественно встретить их нападения.

4. Аристократы начинают войну. — Кола осаждает Марино. — Свидание его с кардиналом-легатом в Риме. — Аристократия решает повести экспедицию на Рим из Палестрины. — Кровавое поражение баронов 20 ноября. — Трагическая гибель дома Колонна. — Триумфы трибуна. — Изменение характера Кола. — Слабость и бесхарактерность его. — Он изъявляет покорность кардиналу. — Восстание в Риме и удаление Кола с Капитолия

Первыми взялись за оружие жаждавшие мести бароны. Попирая присягу, оказались оба Орсини шанцами в Марино и обратили этот крепкий замок в сборный пункт реакции. Трибун объявил их вне закона; он повелевал намалевать Ринальдо и Иордана, как изменников, на Капитолии, головами вниз. Они отвечали набегам до самых ворот Рима, переправились через Тибр, заняли Непи, жгли городскую территорию. Тогда в октябре трибун с 20 000 пехоты и 800 конницы выступил на Марино. Весь округ этого местечка подвергся жестокому опустошению; половина Рима перенеслась туда и грабила; готовились к штурму. В это самое время случилось, что уполномоченный легат Бертран де Дё прибыл в Рим и именем папы потребовал явки к нему Кола. Трибун утопил двух рыцарей — собак, как окрестил Ринальдо и Иордана, в ручье Марино, снял осаду и отправился в Рим. Немедля приказал он снести палатцу Орсини у С.-Цельзо и поехал со своим рейтарством в Ватикан. Ничего не может быть забавнее посещения трибуном кардинала. С голо-

вы до ног закованный в латы, но вместе с тем облеченный в шитый жемчугом и золотом далматик, обыкновенно носимый при коронации императорами и надетый им теперь в сакристии поверх лат, всходил он, кидая свирепые взоры, по лестнице дворца с серебряной короной трибуна на голове, со стальным скипетром в руке; вокруг него раздавался оглушительный звон труб. «Ты за мною посылай, — сказал он кардиналу, — чем могу служить?» Изумившийся легат отвечал: «Имею некоторые препоручения от государя нашего папы». — «В чем заключаются эти препоручения?» — воскликнул, повысив голос трибун. Легат взглянул на него и замолчал. Трибун поворотил к нему презрительно спину, вышел в императорском своем далматике с загадочной усмешкой из дворца, вскочил на коня и снова двинулся в Марино. Кардинал остался в Риме, не зная, каким путем выполнить повеления папы. Ввиду оглашения секретного его соглашения с Орсини и Колонна, бежал он вскоре затем в Монтефиасконе, где находилась резиденция ректора Патримониума.

Для войны против Марино Кола поставил на ноги всех союзников и потребовал помощи из Флоренции. К своему несчастью, он не мог взять замок, и это дало Колоннам мужество осуществить давно условленный маневр на Рим, тем более что народ истощен был нуждой, военными тягостями и потерями, и многие кавалеротти, не получая жалованья и недовольные Колой, вели уже тайные переговоры с аристократами. Маститый Стефан, рыцарственные его сыновья и внуки, родственники его и друзья собрались все в замке Палестрины и собрали здесь 4000 пехоты и 600 рейтаров, в чем ревностно содействовал им кардинал-легат из Монтефиасконе. Против этих страшных противников стал в лихорадочном возбуждении снаряжаться Кола. Согласно с союзным договором, Людовик Венгерский прислал ему 300 рейтаров; префект прислал хлеба и прибыл сам с сыном Франческо, с 15 мелкими синьорами Тосканы и 100 рейтарами в город.

Подозрительный трибун повторил вероломную свою игру: он приказал отвести префекта и его свиту с пиршества в темницу. Лошадей и оружие роздал он римлянам, вероломство свое извинил перед парламентом изменническими замыслами пленных. Его волновали боязнь и нетерпение, он более не ел и лишился сна. Он имел или измышлял гениальные видения. Св. Мартин сын одного трибуна, являлся ему во сне, обещая помощь; дух Бонифация VIII сказал ему, что хочет отомстить смертельным врагам своим, Колоннам. Большой трибун приказал бить в набат; весь в латах, явился в Народное собрание и поведал публично о своих видениях. Враги, так говорил он, стоят станом уже в четырех милях от города, у места, называемого Монумент. Это есть небесное знамение; в Монументе этом мы их погребем.

Было утро 20 ноября; собрались боевые дружины; Кола ранжировал 1000 рейтаров и многочисленную пехоту тремя колоннами под предводительством начальников из аристократии, ибо Кола Орсини де С.-Анджело, Иордан де Монте-Джордано, Анджело Малабранка, Маттео, сын графа Бертольда, и многие другие бароны по фамильным раздорам или по другим причинам состояли еще на службе республики. Паролем был клич: «Santo Spirito Cavalieri». На рассвете ударили на ворота С.-Лоренца, на которые направлено было нападение врагов.

В ночь с 19 на 20 ноября двинулись бароны с Монумента и произвели наступление до монастыря Св. Лаврентия. Дождь лил потоками, и воздух был холодный. Стефан-младший, генерал-капитан войска, держал там военный совет; при нем находились сын его Иоани, Петр, сын Агапита, синьор Генациано, Иордан Орсини де Марино, Счиаретта, сын знаменитого Счиарры, Кола ди Буччио, Петруччио Франджипане, двое Гаэтани, графы Фунди. Ясно слышен был набатный звон колоколов в городе; не были совершенно согласны относительно того, что было делать. Экс-сенатор Петр Колонна, бывший духовный, не изведанный в ратном деле, почувствовал

страх; ночное сновидение, в котором жена его предстала перед ним во вдовьих одеждах, омрачило его. Он советовал поворотить на Палестрину, прочие Колонны не соглашались. Ввиду того что некоторые кавалеротти обещали отпереть ворота в Риме, Стефан в сопровождении всего одного оруженосца поехал туда. Он стал убеждать стражу впустить его. «Я, — так говорил он, — гражданин римский и друг республике; я хочу вернуться в мой дом». Ночью происходила смена стражи; в доказательство того, что не отпрут изнутри лишь отпиравшиеся ворота, сторожевой капитан выбросил ключи на улицу. Когда бароны убедились, что были обмануты, то решили ничего не предпринимать, но с трубными звуками произвести наступление до ворот, а затем предпринять почетное отступление в Палестрину. Так сделали два отряда. Но вот в то самое время, когда третья дружина, в которой находились знаменитейшие рыцари, намеревалась проделать то же самое, увидели восемь авангардных баронов, что ворота открылись. Римляне только что подошли и выбили их изнутри для произведения вылазки. Иоанн Колонна, внук Стефана, 20-летний цветущий юноша, подумал, что ворота отперли заговорщики, и с безумно-смелой юношеской отвагой вломился вовнутрь в сопровождении всего лишь одного немецкого рыцаря. Римское рейтарство при виде юного сего героя постыдно бежало, но когда увидели, что никто за ним не следовал, то обратились против него. Несчастный спешил теперь добраться до ворот, но обрушился с лошадью в какое-то углубление.

Между тем Стефан искал своего сына снаружи; не найдя его и предугадывая, где он остался, он въехал в полуотпертые ворота. Солнце взошло; благородный юноша лежал обнаженный, обезображенный, в кровавой луже, окруженный разъяренной убившей его чернью. Безмолвно повернул отец назад; волнуемый горестью и любовью, возвратился он снова; в него попал брошенный камень; раненый конь сбросил его, моментально убили и его. Так лежали отец и сын, гордость всего их дома и прекраснейшая слава всего римского рыцарства, оба мертвые, разделяемые друг с другом одной лишь городской стеной. Гибель их повергла баронов в ярость; они ринулись к воротам, из которых произвели также вылазку одинаково распаленные римляне. Хоругвь трибуна пала; сам он воскликнул вне себя от страха: «Боже, неужели Ты меня покинул?!» Но римляне победили, аристократы бежали. Петр Колонна, очень тучный синьор, свалился с лошади и укрылся в винограднике у ворот; тщетно молил он о даровании ему жизни; экс-сенатора убили, как и двоюродного брата его Петра, барона де Бельведере. Аристократы побросали оружие и рассеялись в паническом страхе. Смертельно раненный Иордан Орсини добрался вместе с одним из графов Фунди до замка Марино, другие спаслись в Палестрине. Обнаженные тела более 80 великих и знаменитых синьоров, некогда грозных мучителей народа, оставались до полудня жертвой лютых глумлений черни. Это был черный день Фабиев в истории средневековой городской аристократии; она никогда более не оправилась; власть великих родов, столь долго управлявших республикой, сломлена была 20 ноября 1347 г. навсегда. Трибун в смертельном страхе трепетал при виде первого сверкания оружия, теперь же увенчал голову листовой оливой, приказал трубить трубам и с триумфом повел дружины на Капитолий, где пленные ввергнуты были в темницу. Он вышел здесь к собравшемуся народу, отер неокровавленный свой меч об одежды, вложил его в ножны и сказал: «Ты усек ухо от главы, чего не в силах были сделать ни император, ни папа». Он написал фантастические известия о победе, и гонцы с оливковыми ветвями в руках понесли их по городам Италии. Весь Рим стонал от воплей, горя и дикой радости. Вечером отнесли трех убитых Колонн: Стефана, Иоанна и Петра, в фамильную капеллу в Арачели. Благородные вдовы этих павших с криками прорвались в церковь в спутствии плакальщиц в разорванных одеждах и с растрепанными волосами, желая прильнуть к

возлюбленным покойникам. Безумный трибун приказал их прогнать. «Коль эти проклятых три трупа, — так воскликнул он, — будут мне еще далее досаждать, то я прикажу кинуть их в яму повешенных, где их место, как изменников». Ночью снесли их в Св. Сильвестро in Carite; ибо там дом Колонна основал для своих дочерей женский монастырь, и монахини погребли мертвых без жалобных воплей.

Судьба маститого Стефана была глубоко трагической, а стойкость его — достойной римлянина. Когда вестник несчастья прибыл в замок Палестрину и сообщил ему о смерти его первенца, его дивного внука и всех племянников, то он, немой и безмолвный, вперил взор в землю, затем спокойно сказал, как гордый аристократ: «Да свершается воля Господня; поистине умереть лучше, чем терпеть иго мужика». Воспеваемые Петраркой дифирамбы этому римлянину — фениксу из пепла древних героев — не были вполне преувеличены. За четыре года перед тем посетил он его в Риме и начертил портрет его: «Великий Боже! Какое величие в этом старце! Какие голос, чело и лик, какой характер, сила ума и крепость тела в таком возрасте. Казалось мне, что зрю перед собой Юлия Цезаря или Сципиона Африканского, с той лишь разницей, что он гораздо старше; и несмотря на то, в течение семи лет что я видел его в Риме во второй раз, или двенадцати с тех пор, как увидел его в Авиньоне в первый раз, едва ли он сколько-либо изменился». Благородный старец предсказал Петрарке судьбу свою; он пережил своих детей, ибо и кардинал Иоанн умер через год после дня несчастья. Случайно покинул Петрарка Авиньон для возвращения в Италию в то самое 20 ноября, в которое обрели свою гибель его друзья и благодетели. Весть о том выслушал он с сокрушением и пролил слезы, но доказал, как и ранее высказывал, что Рим и Италия были для него дорожее любимой им более всего на свете фамилии Колонн. Трибуна упрекать мог он теперь в том же, в чем Магарбал упрекал Аннибала. Вместо того чтобы вслед за победой быстро появиться перед Марино и Палестриной, Кола устраивал великолепные зрелища и триумфальные кортежи. Сына своего Лоренцо повел он на следующий после схватки день к воротам его имени и к месту, на котором пал рыцарственный Колонна; здесь, в кровавой луже, окрестил его в рыцаря Лаврентия от победы, вслед за тем капитаны рейтарства должны были совершить над ним рыцарский удар. Зверский этот поступок вселил к нему презрение. Рыцари отказались отныне ему служить; знатные покинули его дотоле блистательный двор; он окружил себя отверженными людьми. Этот выходец из народа, неспособный сносить счастье, превратился в распутного тирана. Молва о перемене характера освободителя Рима разнеслась еще ранее 20 ноября. Петрарка писал ему соболезнующие письма из Генуи и оплакивал гибель его гения. Вера его в прочность свободы еще даже в сентябре не была поколеблена. Услышав тогда об осаде венграми Сульмоны, писал он вне себя от волнения к Барбату, оплакивал нашествие этих варваров на родной город Овидия, полагал, однако, свою надежду на римский народ и на великодушного трибуна, которого покровительству хотел поручить друга. В ноябре пришлось ему проливать лишь слезы разочарования о жребии изувеченной Италии и снова падающего Рима, теперь же он уже начинал стыдиться собственного лирического эмфаза.

Кола вымогал деньги и расточал их. Он повысил соляной налог для уплаты жалованья войску; народ роптал; он не дерзал более его созывать. Победа над Колоннами была апогеем его фортуны, но не могущества. Тогда же после опьянения впал он в беспредельную слабость. Орсини снова дефилировали перед Римом и производили недостаток в городе. Во главе аристократов стали теперь Лука Савелли и Счиаретта Колонна в союзе с кардиналом, призывавшим из Монтефиасконе на помощь города Умбрии и Тосканы.

Когда легат стал грозить опалой, отлучением и процессом за ересь, трибун потерял мужество. Он снова принял папского викария в со товарищи по должности и объявил о покорности папе. Ввиду того что одним из наиболее тяжких обвинений против него было примкнутие к нему Сабины, написал он 2 декабря к тамошним общинам о том, что слагает с себя вверенную ему власть подесты, отзывает своего заместителя и представляет урегулирование отношений их к церкви кардиналу; впрочем, они не должны были бояться; в нужде он не бросит их на произвол, а лишь хочет помириться с церковью. Уже в этом письме Кола именовал себя просто лишь *Tribunus Augustus*; он хотел просто даже называться ректором папским; он отменил все свои декреты о правах римского величества, так же как и вызов имперских князей. Для устранения подозрений в намерении при помощи Людовика Венгерского сделаться тираном озоботился он при содействии папского викария, 7 декабря избранием совещательного совета из 39 пополанов. Но упорство этого народного совета дать согласие на соляной налог и на избрание одного военачальника явилось уже дурным знаком. Спор между ним и некоторыми из депутатов имел, правда, последствием прогнание всего совета народом, и это показало Коле, что он еще не потерял всех симпатий. Римляне не хотели более подчиняться папскому управлению. Когда Кола сказал им о намерении своем править городом, согласно условиям кардинала-легата, то они неистово стали требовать прочтения этих артикулов, в чем он отказал. Викарий увидел себя в опасности; 11 декабря удалился он, осыпая проклятиями лицемера Колу и строптивых римлян, и направился в Монтефиасконе. Так Кола стал опять единодержавным регентом. Он надеялся теперь задобрить народ и даже примирить с собой аристократов, ради чего выпустил из темницы и префекта. Но престиж его был уже так глубоко потрясен, что малейший толчок должен был низвергнуть все его могущество.

3 декабря папа издал гневную буллу на имя римского народа — клеймил Кола как беззаконника, язычника и еретика и убеждал римлян низвергнуть его из среды своей, как паршивую овцу. В числе прегрешений трибуна поставлено было теперь и то, что он хотел низвергнуть церковь и империю, ибо представлял городам итальянским голоса для нового избрания императора и в безумии своем стремился к самой императорской короне, не заботясь об опасностях, в которые ввергал римлян, обрушивая на них гнев всех германцев и церкви; он ввергал в темницы духовных, присваивал себе права церкви, эдиктом предписал всем римским прелатам вернуться в город и даже осмелился объявлять, что Рим и церковь едино есть. Пал Кола еще прежде, чем булла эта достигла Рима. Алчным римлянам предстоял скорый юбилей; папа мог лишить их его, и им приходилось делать выбор между требовавшей одних лишь жертв свободой и сулившей изобилие покорностью. Возрастающая опасность с каждым днем все более обескураживала Кола; его пугали мрачные сны об обрушении Капитолия; печальные крики совы, засевшей в руинах, которую не могли прогнать, возбудили в нем страх и ужас. Он сильно страдал головокружениями и подвержен был частым обморокам. Случай низверг его с Капитолия.

Согласно договору, Людовику Венгерскому дозволено было вербовать в Риме рейтаров. Один неаполитанский барон, прославивший своими преступлениями, именно Иоанн Пипин, граф де Минорбино, находился с братьями своими в качестве вербовщика в городе. Из ненависти к Коле, вызывавшему его уже раз за разбойничество к суду, а теперь принужденному терпеть его из уважения к королю венгерскому, принял граф с Лукою Савелли участие в заговоре, которого не чужд был и кардинал-легат. Служители трибуна хотели приклеить на дверях церкви Св. Анджело вызов Савелли к суду; неаполитанцы помешали им это исполнить. Когда затем Кола потребовал графа де Минорбино на суд, то тот окопался со своими наем-

никами у С.-Сальватора в Пенсилесе, в Цирке Фламиния. Он приказал звонить в колокола С.-Анджело и кричать клич: «Народ! Народ! Смерть трибуну!» На набатный колокол с Капитолия явились к Коле всего пять хорутвей; народ и Орсини, его партии не явились. Против баррикады бунтовщиков отправил он одного немецкого капитана; капитан пал; тогда трибун счел все потерянным. Освободитель Италии и Рима отшатнулся перед парой непокорных венгерских копий. Большое его воображение видело в восстании весь город, хотя это настолько мало было в действительности, что при быстрой решительности он легко мог бы обуздать этих мятежников. Сердце его замирало; мужества у него сохранилось, сколько у младенца; он едва мог говорить. Он сложил знаки своего трибуната; серебряный венок и стальной скипетр возложил он, как вклад, на алтарь Арачельской Богоматери; простился с друзьями. Он жаловался, что после хорошего семимесячного правления принужден был сходить с Капитолия, прогоняемый завистью злых. Он плакал; стоявшие вокруг него, видевший его нисхождение народ, лучшие граждане плакали. Никто его не удерживал. При трубных звуках, с распущенными знаменами, с вооруженным конвоем спустился народный трибун с Капитолия и перешел в замок Ангела, где заперся. Весь Рим был глубоко поражен. Дивный сон разбился в ничто после всего семимесячного, с давних уже пор не испытываемого городом эмфаза. Неожиданный и бесшумный этот конец правления Кола состоялся 15 декабря 1347 г. Среди глубокой их заброшенности народный трибун устроил римлянам народный классический карнавалый спектакль и в блестящем триумфальном cortege нари-совал перед их очами величие античного мира. Затем наступило отрезвление, а с ним вместе — и реальность в прозаической форме реставрации аристократии, возвращающейся с жадной мести.

ГЛАВА VII

1. Реставрация папского правления и аристократии. — Кола объявлен в замке Ангела вне закона и обратился в бегство. — Кампания герцога Вернера. — Разрушение Ананьи. — Анархия в Риме. — Черная смерть. — Юбилейный 1350 год. — Кардинал Анибальдо. — Процессия пилигримов. — Дикое состояние города. — Людовик Венгерский. — Петрарка в Риме

Отъезд трибуна с Капитолия явился настолько неожиданным для аристократов, что они в нем усомнились и лишь три дня спустя отважились вступить в оставшийся без руководителя город. Делает честь геройскому духу маститого Колонны, что он не искал вовсе отомстить своим врагам; гражданские институты Кола не были ниспровергнуты, родственники его не были преследуемы, замок Ангела, где он находился под покровительством Орсини, не подвергся нападению. Тогда совершился въезд Бертрана де Дё в Рим, которым он вступил в обладание от имени папы. Он отменил все декреты трибуна, восстановил прежний образ правления и сделал сенаторами Бертольда Орсини и Луку Савелии. Лука представлял партию Колонн, ибо Стефан не принял более на себя бремя сенаторства. Согбенный старец стоял у могилы сына и внуков; из славного его рода не оставалось вскоре никого, кроме одного Стефанелло, юного сына убитого Стефана. Сам он исчез из истории города, в которой в течение более полувека занимал столь выдающееся положение; умер он, как полагают, в 1348 г.

Организовав городское управление, легат вернулся обратно в Монтефиасконе, вызвал туда Кола, как еретика и мятежника, перед свой трибунал и объявил его вне

закона. По тому же процессу привлечены были ревностнейшие приверженцы трибуна, как, например, Чекко Манчини, его канцлер. Но неожиданная реставрация папской власти оказалась бессильной для умиротворения возбужденного города, где демократические страсти катились высокими валами; друзья Колы были еще многочисленны, знать же, сложенная в своей мощи, всплывала в одних лишь обломках. Сам трибун отправился вскоре по своему падению в Чивита-Веккию, которой крепостью командовал все еще племянник его граф Манчини; по переходе последней к легату снова удалился он в замок Ангела. Едва было известно, где он находится. Новые сенаторы приказали намалевать его изображение на Капитолии вверх ногами; он отвечал им из своей засады обычной своей манерой; ибо однажды увидели у церкви Santa Maddalena, у замка Ангела, изображение Ангела, попиравшего ногами змей, драконов и львов. Но аллегория эта более не действовала. Кола понял, что время его миновало в Риме; он страшился коварства Орсини, помывшавших о выдаче его на хороших условиях Авиньону, подобно тому как граф Фацио Пизанский продал лжепапу Иоанну XXII. Услышав о победоносном вступлении короля венгерского 24 января в Неаполь, скрылся он в начале марта из Рима и среди многих опасностей добрался до этого королевства, где рассчитывал обрести защиту у своего союзника. Папа тотчас же потребовал у короля Людовика выдачи беглеца. Одни лишь слухи носились о судьбе и пребывании Колы. Молва гласила, что он замышлял вернуться в Рим с венгерскими войсками и вступил в связь с великой Кампаньей. Этой страшной наемной бандой командовал Вернер фон Юрелинген, внук герцога Столетских, давний уже бич итальянских областей. Поступив на службу к Людовику Венгерскому и быв отпущен им в Неаполе, сформировал он из немецких ратников и других авантюристов компанию из 3000 человек и с ней предпринял разбойническую экспедицию на Лациум. Граждане Ананьи умертвили его гонцов, требовавших с дерзкой наглостью откупных сумм, и Вернер немедленно появился перед злополучным родным городом Иннокентия III и Бонифация VIII, штурмом взял его стены, искрошил жителей, разграбил и сжег его. С этого беззакония наступила и в церковной области страшная эпоха странствующих компаний солдат без отечества и без религии, ибо отечеством был для них минутный лагерь, кумиром — фортуна, а правом — копьё и меч. Вконец истерзанное королевство неаполитанское, с незапамятных времен кишавшее бригадами, явилось рассадником разбойничьих этих кондотьер; там прошли школу все значковые немецкие предводители банд: Вернер Конрад Вольф, граф фон Ландау, граф Шпрех и Бонгарден. Кровавая баня в Ананьи могла теперь открыть итальянцам глаза на то, что идеи бежавшего трибуна были высокие и патриотичные, ибо требуемый им национальный федерализм устранил бы нашествие иноплеменных наемников. Не по вине одного Колы так плачевно кончились спасительные его планы. Герцог Вернер заставлял теперь трепетать Рим. Если бы этот страшный бандовый глава завладел городом, то нет сомнения, что оправдал бы кощунственный, выставленный в гербе его девиз: «Я герцог Вернер, предводитель великой компании, враг Бога, страдания и милосердия». На сей раз он избавлен был от позора попасть в руки банды наемников, ибо Вернер удалился из Лациума. Римские милиции загордели ему проход в Тоскану, и при этом города заключили между собой первую лигу против этой компании, поступившей вскоре затем на службу церкви.

Надежды Колы на короля венгерского рушились, ибо для Людовика Рим не представлял цены, и сам он уже через четыре месяца по вступлении в Неаполь возвратился в свою страну из страха перед свирепствовавшей в Южной Италии чумой. И вот, пока экс-трибун скитался по Аbruццам, его преследовали отлучительные буллы церкви. Папа приказал своему легату заключить союз с Перуджийей, Флоренцией и Сиеной для подорвания планов Колы на возвращение; по отзывании им в конце

1348 г. Бертрана новый кардинал-легат Анибальдо из дома графов Чеккано подтвердил все изданные против Колы сентенции и объявил его как еретика вне законов. Но несчастный беглец имел одно самоудовлетворение: это была жесточайшая анархия, в которую снова впал город после того мира и порядка, которыми наслаждался под его управлением. Раздоры господствовали и в аристократии, и в народе; война роковая внутри и извне; разбой и бесчинства по всем улицам. Ввиду выказавшейся неспособности новых сенаторов папа повелел сделать сенатором не-римлянина. Состоялось ли это, неизвестно, ибо безурядица была так велика по бегстве Колы, что события в Риме за более чем годовой промежуток времени оставались во мраке.

1348 г. был, несомненно, страшный год вследствие черной смерти, или чумы, с неслыханной яростью опустошавшей Италию и Запад. Ужасы ее описывали все хронисты того времени, а Бокаччио увековечил воспоминание о ней во введении к своим новеллам. Обычным путем занесена была чума в Италию осенью 1347 г. на генуэзских кораблях. Ее никакими преградами не сдерживаемые опустошения были беспредельны. В Сиене и ее области умерли свыше 80 000 человек; в Пизе ежедневно умирали по 500; во Флоренции из пяти человек — трое; в Болоньи похоронили две трети населения. Последствиями явились полное перемещение имущественных отношений во всех местах, обезлюженные чумой, возрастание всех цен и заработной платы, ощутительная скудость, бесконечные ссоры из-за собственности, безнравственность и разврат и внезапное нарушение жизненных форм, расшатание обычных доселе общественных уз губительно подействовало на гражданский дух в республиках, и чума 1348 г. ослабила их, быть может, сильнее тирании и вольного хищничества, которых являлась союзницей.

Молчание хронистов свидетельствует, что Рим пострадал менее прочих городов, однако не были вполне пощажены и римляне, ибо поныне еще существует памятник этой чумы, а именно построенная в октябре 1348 г. мраморная лестница Арачели. Назначением ее было возводить верующих в эту церковь, где пребывает икона Богоматери, заступничеству которой приписывали римляне и в сей раз, как и во веки веков, избавление свое от заразы. Неоднократные землетрясения умножили во многих городах Италии несказанное бедствие. 9 и 10 сентября было такое сильное землетрясение в Риме, что обыватели покинули свои дома и целые недели жили в палатках; базилика Двенадцати апостолов обрушилась; фронтон Латерана свалился; Св. Павел (храм) обращен был в груды обломков; знаменитая башня Миллиции осыпалась до половины; башня Конти подверглась сильному повреждению, да не могли остаться неповрежденными и Колизей, и античные здания.

Все эти муки взволновали народы и распалили вождения их по отпущению грехов юбилейного года, ибо он представлялся помраченному воображению очищением света от демонских наваждений. За грехи, которыми отяготил себя Рим за время самого короткого владычества Колы, произведено могло быть отпущение без труда в базиликах. В возмещение помпезного зрелища всемирного владычества их города, перед тем только что предложенного трибуном римлянам, преподнес им теперь папа великое зрелище западного пилигримства; это привело им снова на глаза всесветное владычество церкви и вместе с тем весьма осязательными барышами утешило их в потере их свободы и мечтаний. По низвержении Колы, действительно, не представлялось для папы лучшего средства обеспечить за собой Рим, как юбилей.

Ввиду того что наплыв пилигримов обязательно требовал сильного правительства, безопасности дорог и изобилия базаров, папа назначил чрезвычайным сенатором на весь год Жеральда де Вантодур из Лиможа, синьора де Данзена. Быть юбилейными кардиналами уполномочил он Анибальда де Чеккано и Гвидо де Бульонь сюр Мер. Начиная с Рождества 1349 г. итальянские дороги стали покрывать-

ся процессиями пилигримов. Масса гостиниц оказывалась недостаточной. Зачастую располагались на постой при жгучей ночной стуже целые толпы вокруг зажженных костров. Если исчисление Маттео Виллани, будто во время поста число пилигримов в Риме составляло 1 200 000, должно казаться невероятным, зато приближаться к действительности может средняя цифра 5000 человек, ежедневно вступавших и покидавших город. Сам Рим представлял одну сплошную гостиницу, а каждый домовладелец — хозяина гостиницы. Как всегда, был недостаток в сене, соломе, дровах, рыбе и овощах, но зато изобилие в мясе. Жаловались на корыстность римлян, воспрещавших, в видах поднятия цен, ввоз вина и хлеба. Благодаря деньгам Запада обедневший город опять на несколько лет разбогател.

В числе пилигримов были еще некоторые, видевшие Рим в юбилейный 1300 год; и вот они могли произвести наблюдения над произведенными здесь полустолетием переменами. Тогда пилигримы видели последнего великого папу всесветновластной церкви и приняли благословение его с ложи Латерана; теперь не было более папы в Риме, ибо в течение без малого уже 50 лет Святой престол пребывал в каком-то уголке Франции; христианский первосвященник, главная персона при великом этом празднестве покаяния, отсутствовал и делал его неполным. Пилигримы, предпринимая свой 11-мильный пелегринаж к трем главным церквям и даже вступая в оные, должны были приходиться в ужас, находя их в руинах. Св. Петр был запущен и оброс мхом; Св. Павел только что разрушен землетрясением; в пустынных улицах бесчисленные следы гражданской войны; разрушенные дворцы, развалившиеся башни; разваливающиеся, с выхваченными мраморными камнями, монументы; на мертвенно-безмолвных холмах падающие от ветхости церкви, без крыш, без священников; вымершие монастыри, на дворах которых росла трава и паслись козы. «Дома рассыпались, стены падают, храмы разваливаются, святые гибнут, законы попираются ногами, Латеран лежит на земле, а мать всех церквей стоит без крыши на произвол ветра и дождя. Святые обители Петра и Павла колеблются, и то, что было еще недавно храмом Апостолов, представляется ныне бесформенной грудой обломков, приводящей в умление даже каменные сердца». Так восклицал Петрарка, когда увидел осенью 1350 г. город. Снова ткал паук свою сеть над обвеянным бурями Римом, как в дни св. Августина и Иеронима.

Утешением могло служить пилигримам, по крайней мере то, что они обретали в Риме все преданием освященные места и все на Западе чтимые реликвии. Из последних ни одна так тогда не славилась в Риме, как убрus Вероники. Хронисты умалчивают о всесветно-знаменитом некогда образе Спасителя в Латеране, но замечают, что плат сей (in santo Sudario) в каждый воскресный и праздничный день показываем был у Св. Петра пилигримам при столь громадном стечении, что люди давили друг друга.

Несмотря на то что ни один из хронистов не говорит более о сребравших деньги лопатами у Св. Павла или у Св. Петра священниках, тем не менее притекали обильные приношения, из коих одна часть доставалась на долю церкви Рима, другая — папе, могшему на них вербовать солдат для своей войны в Романьи. В качестве юбилейного кардинала и викария восседал в Ватикане Анибальдо с толпой прелатов и писцов, устроивших там свои канцелярии. Трудно себе вообразить скопление людей, напльв ищущих отпущения и деятельность по изготовлению масс индульгенций. Ватикан осаждаем был во все часы просителями всех видов и наций и тысячами таких, которые искали снятия отлучения. Кардинал был важнейшей персонею в Риме; он назначал и смещал чиновников, продавал, обещал и отказывал индульгенции и высокомерным обращением оскорбил упоенных еще свободой и свое-

вольных от избытка римлян. Они глумились над происхождением косоного прелата от какого-то кампанского рода да и поныне даже относятся крайне покровительственно в Риме к самому знатнейшему провинциальному дворянству. Приверженцы экс-трибуна произвели смуты. Содержимый кардиналом на дворе Ватикана верблюд дал ребяческий повод к штурму чернью дворца. Оскорбленный легат воскликнул, что папа не может никогда быть в Риме повелителем, да и архипастырем — с трудом. Он сбавил на неделю срок паломничества, и это раздуло ожесточение. В мае покинул второй легат город, глубоко напуганный неукротимой дикостью римлян. «Для создания в Риме мира, — так говорил кардинал Гвидо, — нужно бы было снести весь город и затем выстроить его вновь». Легат Анибальдо с трепетом и страхом остался. Картина юбилейного кардинала, бледного, как осиновый лист, возвращающегося с богомолья с красной шляпой, пронзенной стрелой тайного убийцы, рисует состояние Рима лучше, чем могло бы сделать длиннейшее изложение историков. Раз, во время шествования Анибальдо в процессии ко Св. Павлу, стреляли по нему из окна у S.-Lorenzo in Piscibus. Свита его кинулась в дом, но нашли один лишь прибор, из которого стреляли, но не злоумышленников. С этого времени кардинал не иначе осмеливался показываться на улицах, как с железным шлемом под шляпой и с латами под камзолом; он приказал сажать в тюрьму и пытаться подозрительных лиц; он вывесил новое объявление Кола и его приверженцев вене закона; им приписывал аттентат и наложил на восемь дней интердикт на Рим. В июле покинул он город, чтобы в качестве легата отправиться в Неаполь; дорогой он скончался, отравленный, как говорили, вином.

Рим остался теперь под духовным правлением викария Понцио Перотти де Орвието и под светским управлением сенаторов Петра Колонна де Генаццано и Иоанна Орсини. Осенью умножились процессии пилигримов. Прибыли многие знатные синьоры и дамы; получил отпущение и вернувшийся в Апулию король Людовик Венгерский, чтобы затем навеки покинуть Италию, где заключил с противниками своими перемирие. Появился в Риме в пятый раз Петрарка. Здесь не встретил его уже никто из его друзей светлейшего дома Колонна. С ужасом взирал он на вымерший дворец Santi Apostoli и со стыдом на Капитолий, вспомнил достопамятную сцену своего венчания и покинутую арену, на которой столь великолепно блистал и столь позорно сошел идеальный его герой. Где находился теперь Кола ди Риэнци, великий трибун? Когда осведомлялись любопытные пилигримы об этом человеке, о котором недавно еще носились столь чудные слухи, то отвечивали им, что он скорбит пустынною в Абрюзцах или же что отправился за море, ко гробу Спасителя. Другие таинственно рассказывали, будто его видели в Риме, прохаживающегося переодетым среди толпы пилигримов, подобно изгнанному некогда Бонифацием VIII Агапиту Колонне, несчастный сын которого Петр пал у ворот San Lorenzo в страшной аристократической бойне.

2. Смуты в Риме. — Советания в Авиньоне относительно наилучшего устройства города. — Взгляд Петрарки. — Восстание римлян. — Иоанн Черрони, диктатор. — Война против префекта. — Орвието подпадает под его власть. — Бегство Черрони из Рима. — Кончина Климента VI. — Приобретение Авиньона. — Церковная область в мятеже. — Иннокентий VI, папа. — Эгидий Альборноц, легат в Италии

Немедленно вслед за истечением юбилейного года над Римом разразилась страшнейшая из когда-либо бывших анархия. Правление новых сенаторов Петра Счиарра и Иордана, сына Пончелла, было бессильное; аристократия не уважала

никаких законов, нанимала на жалованье разбойников и брави и наполняла злодеяниями город и страну. Иордан покинул Капитолий после произведенного на один из его замков нападения, и властью овладел Лука Савелли, прогнавший папского викария Понцио Перотти. Не существовало никакого более правительства; республика казалась распавшейся. Папа находился в безвыходном положении. 2 ноября 1351 г. назначил он, правда, сенаторами фальдграфу Бертольда Орсини и Петра, сына Иордана Колонна, однако вскоре затем дал разрешение Тринаддати, сделаным народом в бедствии его регентами, устроить управление городом по их благоусмотрению. Римляне утомлены были двувластием сенаторов, которые, постоянно будучи выбираемы из обеих партий, преследовали выгоды лишь своей партии. Неоднократно требовали они в сенаторы себе иностранцев, по примеру таковых же со времен Бранкалеоне, зачастую правосудно правивших Римом. Климент VI охотно внял их жалобам; вопрос, каким способом дать прочное устройство городу, ниспровергнуть ли старую систему, делать ли сенаторами, вместо римских магнатов, иноземцев, должна ли Капитолийская республика быть аристократической или демократической, подвергнут был серьезному обследованию в Авиньоне. Папа учредил конгрегацию из четырех кардиналов для решения этого вопроса об устройстве Рима. Один из них обратился за советом к Петрарке, и римский почетный гражданин и друг Колю подал его в двух дошедших до нас письмах. Основные его положения остались те же, какие были до падения трибуна; напротив, злополучие Рима усматривал он в непрерывной власти правительствующих родов, и единственное спасение — в исключении аристократии из всех общественных должностей, как то состоялось во Флоренции. Он вспоминал о борьбе плебеев с патрициями в Древнем Риме; подобно тому как народ добился консулата в то время, так требовал он и для современных ему римлян такого же права замещать пополанами сенат. Он советовал кардиналам дать демократическую организацию Риму. Вырвите, так говорил он им, у знати все эту зачумляющую тиранию; даруйте Plebs Romana не одну лишь часть общественных должностей, но отымите этот постоянно наихудшим образом отправляемый сенат от недостойных обладателей, ибо если бы даже они были добрыми людьми и римскими гражданами, чем никогда не были, то и тогда пользовались бы лишь половинным на то правом; теперь же деяния их такого рода, что не только вполне недостойны высшей магистратуры, но и города, который они разрушают, и корпорации граждан, которую угнетают. Взгляд Петрарки заслуживает серьезного внимания. Почитая римских аристократов за пришлых иноземцев, он выражал тем лишь историческое происхождение и контраст феодализма к латинскому характеру. Это на самом деле было германским институтом, пересаженным на латинскую почву путем нашествия. Борьба итальянского горожанства в республиках против ленной аристократии, являвшейся почти повсеместно с германским происхождением, происходила, таким образом, из туземного и национального антагонизма, и демократы по-прежнему все еще выводили свою свободу из древнеримского гражданского права. В эпоху Петрарки повсюду почти одержана была победа латинским началом над германским феодализмом, да и поныне Италия есть всецело демократическая страна, в которой рознь между аристократией и гражданством весьма невелика.

Тем временем народ римский, ободренный благосклонным настроением папы, возобновил борьбу с аристократией и распорядился сам. Благомыслящие граждане собрались 26 декабря 1351 г. в Санта Мария Маджоре и порешили там вручить власть пожилomu и уважаемому плебею. Толпой проследовали они перед домом Иоанна Черрони и повели его на Капитолий. Лука Савелли бежал из сенаторского дворца: колокол созывал на парламент; граждане явились без оружия, бароны —

вооруженные. С криками требовал народ Черрони в ректоры города, и тогда же состоялось водворение плебея на Капитолий и инвеститура его викарием от имени папы. Так и этот переворот совершился бескровно, делом одной минуты. Климент VI, вполне самоудовлетворенный, пожелал римлянам благополучия и послал им в подарок 14 000 гульденов золотом. Он утвердил Иоанна Черрони сенатором и капитаном, даже продолжил срок его правления до Рождества 1353 г. Никогда не состояли римляне в более дружественных отношениях к папам, как во время удаления последних в Авиньон.

Вернулось спокойствие; правление Черрони напоминало, казалось, первое время трибуна без его гениальных идей и фантастических деяний. И теперь снова префект отказал в покорности и породил тусцийскую войну, ибо, по падении Колы, Иоанн де Вико снова сделался тираном Тусции. Вспомогательные войска флорентинцев, дружина Патримониума под начальством папского капитана Николы делья Серра и римские фаланги под предводительством Иордана Орсини расположились станом перед Витербо. Однако они ничего не достигли, а лишь с позором вскоре разошлись. Уже 19 августа 1352 г. совершился въезд тирана де Вико в Орвието, где народ вручил ему пожизненную синьорию.

Неудачность тусцийской войны поколебала престиж Иоанна Черрони; его окружали заговоры; тот же деятельнейший враг трибуна, Лука Савелли, подкопался под его правление, и конец Колы ожидал и его преемника. Обессиленный и усталый, объявил он в начале сентября парламенту, что бремя должности стало для него невыносимо; это породило смуты и смятение, так что Черрони тотчас бежал из Рима. Маститый попопан слыл за одного из честнейших людей, но не постеснялся увезти городскую казну. Подобно Коле, отправился он в Абрुццы, приют преступников, бандитов и отшельников; там приобрел замок, в котором и заперся. Так пало народное правление в Риме во второй раз. С оговоркой о папском утверждении провозгласили себя теперь сенаторами пфальцграф Бертольд Орсини и Стефанелло Колонна; но папа их не признал, а викарий его подверг их, как хищников церковного имущества, отлучению. Помимо сего, наступила вакантность Святого престола. 6 декабря 1352 г. скончался в Авиньоне Климент VI после десятилетнего, с царственным блеском проведенного понтификата со славой щедрого, расточительного, любящего искусства и науки государя, но не праведника. Пышность двора его в Авиньоне, где он громадными пристройками расширил папский дворец, была царственная, как вся его манера, но курия исполнена сладострастных пороков, между тем как великие размеры папства все более стужеывались под давлением Франции. Климент VI приобрел папам Авиньон, к чему они стремились, чтобы повелевать там как независимым монархам. Прекрасное это приобретение явилось желанным плодом неурядиц в неаполитанской монархии. Кардиналы, назначенные судить признаваемую светом виновной королеву Иоанну, побеждены были красноречивыми слезами и прелестями прекрасной грешницы и оправдали ее. Они попрали долг правосудия и исполнили долг благодарности к памяти пресветлого деда королевы, бывшего самым горячим другом церкви. 12 июня 1348 г. продала Иоанна Авиньон папе ранее еще окончательного своего оправдания за поразительно малую цену 80 000 гульденов золотом; продажа могла, таким образом, иметь вид подарка или даже подкупа. Бесхарактерная королева, упрочившись на неаполитанском своем троне, неоднократно протестовала против себя самой; она называла себя обманутой по несовершеннолетию, по слабости пола и по многообразным интригам; преемники ее подымали подобные же протесты, но папы остались при законном владении Авиньоном. Климент VI отныне мог, как государь, жить в своем собственном, ему принадлежащем городе, да и на самом деле не владел никакой

другой собственностью, где бы мог обрести верное убежище. Перед смертью видел он возмущение всей церковной области. Пеполы в Болонье, Манфреди в Фазанце, Франческо Орделаффи в Форли, Иоанн Габриэлли в Губбио стояли во всеоружии, и в это самое время префект города властвовал от Орвието до самого Рима. Саму Болонью Пеполы, вероломно взятый в плен папским графом Асторгием да Дурафорте, из мести и нужды продал архиепископу миланскому, тому самому Иоанну Висконти, который некогда принял кардинальский пурпур от лжепапы при Иоанне XXII. Честолюбивый тиран, которому повиновались Ломбардия и большая часть Пьемонта, мог теперь бросать из Болоньи жадные взоры на Тоскану, причем Климент VI оказался вынужден преобразить свою буллу отлучения в инвеституру и продать Висконти за ежегодный оброк викариат Болоньи.

Таково было положение вещей в Италии и в утраченной церковной области, когда кардинал остийский, Стефан д'Альбре, лимузинец из Мальмонта, по избрании своем в Авиньоне 18, 30 декабря 1352 г. вступил на Святой престол. Иннокентий VI опять-таки был контрастом своего предшественника; это был человек справедливый, строгий, вполне монашеского духа. Он немедленно очистил порочную курию от всякой сладострастной роскоши, отменил многие раздачи своего предшественника, отослал бесшабашных прелатов по их резиденциям и подверг реформам всю администрацию церкви. Для успокоения Италии и для восстановления папских прав в церковной области проницательным оком наметил он необычайную личность, ибо 30 июня 1353 г. назначил кардинала Эгидия Альборноца с самыми широкими полномочиями своим легатом и генерал-викарием в Италии и в церковной области.

Эгидий, испанский гранд, сперва был храбрым воином под знаменами Альфонса Кастильского и в войне с маврами при Тарифе и Алгезирасе покрыл себя славой; впоследствии же был духовным архиепископом толедским, достойнейшим и образованнейшим прелатом во всей Испании. Соотечественник Доминика соединял в своей натуре рыцарственную энергию и пламенную ревность к вере. По вступлении на трон по смерти Альфонса сына его, Педро Жестокого, Эгидий бежал в Авиньон, где с почетом принят был Климентом VI, возведен им 18 декабря 1350 г. в звание кардинала С.-Клименте, а вскоре затем в епископы сабинские. Влияние его при папском дворе сделалось очень сильным, а мнения его — решающими для Иннокентия VI, которого на конклаве он был соизбирателем, а затем сделался самым доверенным советником. Таков был человек, предназначенный успокоить Италию и восстановить церковную область. Прежде чем туда ему сопутствовать, должны мы вернуться в сам Рим, где вскоре по восшествии на престол нового папы вспыхнула революция, снова поднявшая прерванное дело Колы и открывшая возможность новой карьеры для притаившегося трибуна.

3. Народное восстание в Риме. — Убиение Бертольда Орсини. — Франческо Баронелли, второй народный трибун. — Судьба Колы со времени его бегства. — Пребывание его в Абрुццах. — Мистические мечты его и планы. — Кола в Праге. — Сообщения его Карлу IV. — Петрарка и Карл IV. — Кола в Раднице, в Авиньоне. — Процесс его. — Амнистия ему Иннокентия VI. — Кола сопровождает кардинала Альборноца в Италию

Бертольд Орсини и Стефанелло Колонна, не утвержденные папой, среди нескончаемых тревожений правила Римом. Дороговизна была страшная. Ропщущий народ обвинял сенаторов, будто они из корысти пожертвовали хлебным вывозом из

Корнето. На рынке под Капитолием, где собрался 15 февраля 1353 г. народ, найдено было лишь немного и дорогого зерна. Подняли клич восстания «Народ! Народ!» и тотчас же приступили к штурму сенатского дома. Юный Стефан, переодетый, спустился через окно дворца и бежал; гордый же пфальцграф Бертольд вышел открыто из портала, чтобы сесть на коня. Он встречен был градом камней; он отодвинулся еще до Мадонны у подножия лестницы Капитолия, и в несколько мгновений мертвый сенатор был засыпан камнями, так что образовалась как бы каменная гробница вышиной около двух локтей. Когда это совершилось, как говорит с самым наивным спокойствием Маттео Виллани, то народ с несравненно большим терпением стал переносить голод.

Римляне, впрочем, столь глубоко напуганы были своим деянием, что не приняли ничего нового; без оппозиции снова разделили между собой партии сенат, ибо Иоанн Орсини и Петр Счиарра заняли как сенаторы Капитолий. У историка не хватает почти терпения изображать столь дикое положение вещей; повсюду одна лишь борьба и битва; на всех улицах клич: «Poro! Poro!» и партийный возглас: «Орсини, Колонна!». Лука Савелли собрал Колоннезов и часть Орсини с тем, чтобы изгнать из Рима другую часть этого рода; замки осаждаемы были изнутри и извне; в отчаянии помышляли даже о призывании в город префекта. С пламенным эмпазом народ вспоминал теперь о блестящих временах при Коле, и стал раздаваться клич: «Трибуна!». В августе весь город оказался окопан шанцами; Орсини и Колонна билась из-за баррикад. Тогда еще раз соединились благонамеренные граждане для низвержения знати, как в мае 1347 г. Римлянин из старого пополанского рода, Франческо Баронелли, бывший посланник Колы во Флоренции, а теперь пиисец сената, предначинан был в спасителя республики. 14 сентября 1353 г. поднялся народ, прогнал баронов с Капитолия, а Баронелли под титулом второго трибуна захватил диктаторскую власть.

Управление его было слабым подражением Коле. Он также возвестил о восшествии своем флорентинцев и просил у них сведущего в законах человека в советники себе. Государство устроил он по флорентинскому образцу и распорядился даже избранием по жребию членов совета. Он проявлял строгое правосудие, привел в порядок финансы, даровал амнистию и в течение нескольких месяцев правил счастливо и успешно. Тем не менее папа его не признал, и судьбе было угодно, чтобы второй трибуна был прогнан из Капитолия первым.

Со времени бегства своего из Рима Кола ди Риэнци вел странную жизнь. Он забрался в чащу Монте-Майелла, величественной горы в Абротцах, под Рокка-Мориче и Сульмоной. Там жили пустычники из секты Фратичеллов, фанатичные духовные дети Целестина V, истые сыны св. Франциска, как называли они себя, погруженные в мистический экстаз, усиленный еще более событиями времени: чумой, землетрясением, итальянскими безурядицами, отдаленностью пап, юбилеем. Церковью преданное проклятию учение о нищете Христа было их догматом; пророчества Мерлина, Кирилла, Гильберта Великого и аббата Иоакима де Флоренции служили оракулами этим праведникам, с отвращением взиравшим на Авиньон и ожидавшим возвращения Франциска или Мессии, чтобы реформировать вырождающуюся церковь, воздвигнуть новый Иерусалим и осуществить царство Святого Духа. Влечение внутреннего духовного сродства привело кандидата Св. Духа к этим мистикам. Кола ди Риэнци на горе Маинелле падшим своим величием уподоблялся Целестину V, вернувшемуся после пятимесячного блеска в глушь Мурронне. Два года жил он там как пустычник, прикрытый одеждой кающегося, отныне истый сын Средних веков, среди отшельников, погруженный в раскаяние о блестящих своих прегрешениях. Образ средневекового трибуна в этой пустыне вызывает

в виде контраста таковые же картины из древности, как то: Мария при Минтурне и на развалинах Карфагена. Некий пустынный Фра Анджело явился однажды к нему, назвал его по имени и сделал ему таинственные откровения, согласно коим возобновление мира должно было воспоследовать через избранного для того праведника. Оружием сего назвал он его самого и убеждал привлечь римского короля Карла для императорского коронования в Рим, ибо как императорство, так и папство должны были среди чудес и знамения возвращены быть в Рим ввиду истечения уже 40 лет изгнания.

Гениальный утопист и мистик-пророк сидели в горной чаще в глубоких рассуждениях о новой мировой эпохе, и летами обветренный анахорет развернул пергаментные свитки, на которых начертаны были пророчества Мерлина. Они ясно знаменовали Кола и его, как минувшую, так и грядущую жизненную стезю; он познал это с восторгом, убедился, что изгнание его есть predeterminedная пауза для испытания и что он по-прежнему посол Св. Духа и призван к освобождению мира. В душе его перемешивались глубокомысленнейшие фантазии с политическими замыслами. Мечта снова восседать повелителем Рима на Капитолии с обутиыми в пурпур ногами, опирающимися на спины баронов, подергивалась как бы легким облаком религиозных представлений, но возвращение в Рим оставалось тем не менее твердым зерном. Он задался планом 15 сентября 1350 г. снова как бы воскреснуть в Риме, и в церкви иерусалимской Santa Croce возвести себя в иерусалимские рыцари; но свет не узрел нового сего зрелища. Смелые планы Кола не вполне лишены были рассудка. Отвергнутый папой, мог он сблизиться теперь с императором и испробовать, возможно ли повлиять на него идеями монархии. Посредниками между ним и императором становились теперь, казалось, эти же самые спиритуалы, незадолго лишь перед тем совокупившие догмат свой о нищете на пользу Людовика Баварского с гибеллинским принципом и доставившие практическое осуществление противным папе теориям о Римской империи. Ковы и боязнь выдачи, глубокие беззурядицы в Неаполе, небезопасность пребывания и, наконец, существенные планы побудили Кола переодетым отправиться через Альпы прямо ко двору римского короля, несмотря на то что ему приходилось опасаться гнева как короля, так и имперских князей.

Если бы Людовик Баварский находился в то время еще в живых, то римскому беглецу обеспечен был бы благосклонный прием, но этот народом венчанный император умер уже 11 декабря 1347 г. вследствие падения на охоте. Людовик был последний император, сошедший в могилу с церковным отлучением, и последний германский король, в котором жили еще старые традиции империи. Его можно назвать и последней их жертвой, но, к сожалению, не заключил он старую имперскую борьбу с величием и со стойкостью достойно своих предшественников. Никем не оспариваемый, правил теперь в Германии Карл IV, человек строго католического духа, трезвого ума и ученых склонностей, без честолюбия и без идей — характер, который можно бы назвать современным; на деда своего не походил он вовсе. Когда в июле 1350 г. Кола отважился с несколькими спутниками появиться в Праге, сперва переодетый, затем не скрывая своей личности, то Карл IV заинтересовался увидеть римлянина, заставившего говорить о себе весь мир и вызывавшего к своему суду его самого. Экс-трибун сохранил спокойную манеру, и доверчивость его снискала гарантии безнаказанности и безопасности.

С изумлением выслушал его король и потребовал изложения его идей и выказывал письменно. Беглец призывал его к римскому походу, но сулил ему одни лишь пророческие мечтания вместо практических средств, которыми обыкновенно завлекаемы были германские короли из Альпы. Экс-трибун был поистине один из самых

редкостных делегатов, когда-либо появлявшихся из Италии перед королем римским. Некогда очаровал он итальянцев идеей национальной независимости и, в противоположность Данте, с презрением высказывался насчет узурпации Римской империи варварами; теперь он извинял августовские свои эдикты, утверждал, что никогда не помышлял об отнятии «приобретшей легитимность империи» немцев, выступал с гибеллинскими тезисами, отвергал светские притязания пап, объявлял о намерении своем вырвать кровавый меч из рук прелатов и обещал влиянием своим раскрыть перед германским королем Италию, для чего, по уверениям его, всякий другой итальянец был бессилён. Теперь он представлял себя предвестником императора, как Иоанн был Предтечей Христа, и добивался лишь в качестве викария императора иметь управление над Римом. Как Данте говорил перед дедом Генрихом VII, так Кола теперь — перед внуком Карлом IV В Праге же сплел он побасенку, будто был побочным сыном Генриха.

К Карлу IV неслись уже иные кличи из Италии. Самостоятельность гвельфских республик: Флоренции, Сиены и Перуджии, единственных городов, с мужеством противостоявших, была ежедневно все сильнее угрожаема всепреодолевающим могуществом Иоанна Висконти. Они отчаялись в спасении своем папой, при дворе которого миланское золото было непреодолимо. Флоренция секретно обратилась к Карлу IV; заклятая неприятельница Генриха VII призывала его внука, а Италия по-прежнему вращалась в одном и том же роковом круге. Ничто так ясно не выказывает иронии вечных судеб, как адресованное 24 февраля 1350 г. Петраркой письмо из Падуи к Карлу IV. Друг Колы призывал короля, «как Богом ниспосланного спасителя и освободителя», в Италию, резиденцию монархии. Он говорил ему, как говорил и деду Карла Данте, что никогда столь страстно не было ожидаемо Италией прибытие монарха. Точь-в-точь, как гибеллины, не считавшие германско-римского императора за чужеземца, говорил богемцу Карлу и Петрарка: «Пусть немцы называют тебя своим, мы считаем тебя итальянцем; потому спеши; тебя одного требуем мы, дабы, как звезда, лучами своими озарил нас твой взор». Он изобразил перед королем стареющий Рим в вечном образе скорбной вдовы с растерзанными одеждами, с растрепанными седыми волосами; припоминал ему века славы Рима и глубокое падение города; указывал ему, что никому при столь благоприятных условиях не было присуще сделаться спасителем Рима и Италии; увещевал его, наконец, примером его деда, которого смертью лишь прерванное, достославное дело предстояло теперь закончить внуку.

Как глубоко несчастлива была Италия! Как глубоко унизительно вечно тяготевшее над этой страной проклятие! Петрарка и Кола сошлись во взглядах на Капитолий, как и перед троном в Праге. Ореол идеальных грез «величавого» Генриха парил еще над Италией, но не прельстил более внука. В уме Колы фантазия сплела редкостную, диковинную ткань обманчивых измышлений и истинного убеждения. Согласно откровениям его или фра Анджеоло, должны были умереть папа и много кардиналов, восстать новый папа, второй Франциск, имевший вкуче с избранным императором преобразовать земной шар и церковь, отобрать у клира богатства и из них построить Св. Духу великолепный храм, в который для поклонения притекать долженствовали даже язычники из Египта. Новый папа должен был короновать Карла IV золотой короной в императоры, трибуна — серебряной в герцога римского; папа, император и трибун должныствовали изображать триединство на земле. Вскоре возомнил себя Кола снова властелином над Востоком, Карла IV — над Западом. Он обращался с длинными посланиями к королю и к архиепископу пражскому Эристу фон Пардубиц. В них содержатся неопровержимые истины относительно дел Италии и Рима, относительно времени правления самого Колы, плохого

управления легатов и ректоров, смирения, сребролюбия, симонии и враждолюбия клира, притязаний на власть меча папы и узурпации им имперских прав, но и столько же невменяемых и авантюристских миражей больного мозга. Данте, Марсили и Вильгельм де Окам не воздвигали более сильных нападок против пагубного смешения обеих властей в папе, чем то сделал пленный Кола. Он обвинял его и курию перед императором не за то только, что они покинули Рим, но и за то, что их апатичности, властолюбию и коварству должны были быть приписаны раздробленность Италии, падение ее под власть тиранов и распадение империи. Высказанное тогда Колой королю повторил впоследствии Макиавелли. В цепях в Праге трибун для папства стал опаснее, чем был во времена своего могущества на Капитолии. Подобно монархистам, высказал он теперь потребности человечества в реформации, в этом и заключается серьезная заслуга дивного этого римлянина, упрочивающий за ним место в истории. Но не такой человек был Карл IV, чтобы перед его судейским креслом могли находить разрешение столь великие вопросы.

Король и архиепископ низложили отвечать Коле на его письма — столь велико еще было благоговение перед именем Рима и столь силен еще отголосок славы трибуна, которого таланты и познания привели особ этих в изумление. Карл IV написал к нему в строго католическом духе, осуждал его лжеучения, равно как и выходки против папы и духовенства, отклонял как его предложения, так и честь родства с ним и увещевал его раскаяться в тщеславности и к отречению от «фантастических» грез.

Еретические взгляды трибуна испугали отцов Гуса, Иеронима и Циски; король опасался раздражить папу отпущением на свободу такого человека, потому повелел подвергнуть его заключению и известил об этом папу. Затем признательный Климент VI поручил архиепископу пражскому содержать в тесном заключении Колу. Тщетно обращался несчастный с просьбами о своем освобождении к королю и с талантливыми апологиями к архиепископу; он старался оправдать себя от ереси и задобрить Карла IV обещаниями сделать его обладателем Рима. На короля подействовали многие неопровержимые истины в оправданиях Колы; он хотел пощадить жизнь замечательного этого человека и спасти от неминуемо ожидавшего его в Авиньоне костра. Невзирая на неоднократные требования папы о его выдаче, поддерживал он его в заключении целый год в замке Рауднице, на Эльбе. Освободитель Рима жил там, страдая от непривычного климата, в строгом, но не бесчеловечном заключении. Узничество в Богемии, где глубокомысленные его утопии не встретили никакого отклика, отрезвило его; иных дурачеств устыдился он сам; он извинял их трудностью своего положения в Риме, заставлявшей его носить множество масок, разыгрывать то простака, то энтузиаста, дурака, мудреца, шута, робкого и арлекина. По двуличности своей природы вбил это он себе в голову, а по чудному таланту изыскивать соотношения сравнил себя с пляшущим Давидом, с Брутом, с притворяющейся Юдифью и с хитроумным Иаковом.

Коле приходилось заглаживать покаянием многое, тем не менее вины его не отягощали совесть его ни одним из злодеяний, нависших над каждым из прославленных властителей и тиранов его времени. Фантаст свободы спокойно ожидал смертного своего приговора. В силу высланных из Авиньона актов процесса архиепископ возвестил в соборе пражском, что Кола признан виновным в еретичестве, и затем, в июле 1352 г., Карл IV сдал его папским уполномоченным. Узник сам требовал отвода своего в Авиньон, где хотел защищать католическую своей веры перед папой и надеялся еще встретить друзей. Поведение его в оковах мужественнее, чем на Капитолии; апологические его писания из Праги являются наилучшими воздвиг-

нутыми им себе монументами, ибо выказывают человека, бывшего прямодушным и стойким борцом мышления и проникнутого убеждением своей миссии.

Во время путешествия его к папскому двору отовсюду стекался народ взглянуть на знаменитого римлянина. Рыцари предлагали ему свои услуги к его спасению, как то было впоследствии с Лютером. Когда он появился в «Авиньоне»-Авиньоне в жалкой процессии, в сопутствии служителей суда, то возбудил в целом городе сострадание. Он осведомился о Петрарке. Поэт находился в Волькюзе. Не имея настолько могущества, чтобы вырвать своего друга у инквизиторов, он, однако, был достаточно благороден, чтобы открыто оплакивать его участь. Коль скоро гневался он по поводу слабости своего героя и не мог ему простить, что он не пал с античным величием, под обломками свободы на Капитолии, то еще более негодовал на курию, хотевшую карать то, что в глазах всех благородно мыслящих должно было являться не преступлением, но славной доблестью. Он оплакивал недостойный конец правления Коль, но не переставал восхвалять дивное его начало. Он смотрел на трибуна как на мученика свободы, которого единственной виной, по понятиям церкви, являлся великодушный его план освободить отечество и восстановить блеск римской республики. Учрежден был суд из трех кардиналов. Коле отказано было в поддержке со стороны права, но окончательный приговор произнесен не был. Тем временем Петрарка побуждал римлян требовать у папы своего гражданина. В замечательном своем письме, красноречивой апологии планов трибуна, утверждал он, что империя Римская составляет принадлежность города Рима, что имперская власть, независимо от того, доставалась ли она путем превратностей фортуны фактически в руки испанцев, африканцев, греков, галлов и немцев, тем не менее остается правомерно связанной с Римом, хотя бы даже не оставалось от пресветлого города ничего более, кроме голой скалы Капитолия. Он убеждал римлян через торжественное посольство потребовать назад Коль, «ибо хотя бы дерзали даже отнимать от вас титул империи, тем не менее безумное притязание не разрослось же еще настолько высоко, чтобы осмеливаться отрицать ваше право над собственными вашими гражданами; коль скоро ваш трибун заслуживает в глазах всех честных людей не кары, но награды, то нигде не может он уместнее ее получить, как там, где приобрел ее себе энергичной своей деятельностью».

Римляне послали, как кажется, письма в Авиньон и неотступно добивались возвращения Коль в город. Таким образом, сохранением своей жизни обязан был он все громче и громче высказывавшемуся за него общественному мнению, страху курии раздражить чересчур глубоко последнее или римлян, а также, конечно, и заступничеству Карла IV, обошедшего, по-видимому, все отягчающие высказывания молчанием. Дивный освободитель Рима перед трибуналом кардиналов возбуждал в людях большее сострадание, чем королева Иоанна, стоявшая перед теми же судейскими седалищами. Коль скоро оправдана была сия прекрасная грешница, то тем сильнейший протест возбудил бы вид на костре высокодушного римлянина. Смерть его произвела бы несравненно большую сенсацию в свете, нежели некогда смерть Арнольда Брешианского и, несомненно, вновь разожгла бы опасные нападки монархистов против папства.

Величавые идеи Коль явились лучшими его союзниками во мнении времени, и то обстоятельство, что престиж их оказался достаточен для отпора трех темниц в Праге, Рауднице и Авиньоне, доказывает сильнее всего остального силу гениальности этого человека. Говорят, что жизнь его спасена была молвой, будто он великий поэт и что будто в Авиньоне, где все занималось стихотворством, не могли перенести мысли, что божественный талант уничтожен будет рукой палача. Неизве-

стно, чтобы Кола когда-либо писал стихи, но вся его жизнь есть поэма, и сам он — лишь заблудившийся в политике поэт.

Несомненно, что нервы инквизиционных судей никогда не были потрясемы доводами эстетического свойства, и в еще весьма недалекие от нас времена не раз доставляли божественные таланты горячий материал для пламени костра. Кола, смерти которого не желал и папа, — когда-то бывший искренним его доброжелателем и человеком либерального склада, — жил в приличном заключении, но с висевшим над головой его смертным приговором. В мрачном своем одиночестве находил он себе отраду в книгах Тита Ливия и Священного писания и так провлячил бы остаток жизни в башне Авиньона или Вильнёва, если бы капризная фортуна внезапно снова не выдвинула его на свет.

Климент VI скончался, и на Святой престол вступил Иннокентий VI. Решившись поднять церковную область на прежнюю высоту, возложил новый папа, как мы видели, трудную эту задачу на кардинала Альборноца. Взор его упал и на Колу. Перемену на троне приветствовал узник, как оборот в собственной судьбе, и признавал, быть может, в этом исполнение пророчествований Фра Анджело. Его подвижный, неутомимый в изощрениях и планах ум немедленно задался новыми идеями; отныне стал он гвельфом; он обратился с прошениями к новому папе и предлагал себя последнему оружием для избавления Италии от всех тиранов и для возвращения ей природного единства под властью Святого престола. Иннокентий VI полагал, что Кола может пригодиться для церкви; с великой дальновидностью снял он с него все цензуры, даровал ему амнистию, вывел его из темницы и передал легату Альборноцу для пользования его знанием итальянских дел и влиянием на римлян. Так двинулись великий государственный муж и гениальный мечтатель в качестве усмирителей тиранов из Авиньона в Италию.

4. Приезд в Италию Альборноца. — Поездка его в Монтефиасконе. — Падение Баронелли. — Гвидо Иордани, сенатор. — Изъявление покорности городским префектом. — Успехи и престиж Альборноца. — Кола в Перуджии. — Фра Монреале и его братья. — Кола, сенатор. — Въезд его в Рим. — Вторичное его правление. — Отношение его к знати. — Война с Палестриной. — Фра Монреале в Риме. — Казнь его. — Кола, тиран. — Джианин де Гуччио. — Гибель Колы ди Риэнци на Капитолии

Иоанн Висконти встретил кардинала в Милане со всеми почестями, но с горделивой сдержанностью. Болонья заперла ему ворота, но Флоренция встретила его 2 октября 1353 г. в торжественной процессии, с колокольным звоном и снабдила войском и деньгами. Легат отправился в Монтефиасконе, чуть ли не единственное место в церковной области, признававшее еще авторитет папы. Отсюда-то воевал уже с префектом Иордан Орсини, папский капитан в Патримониуме, и нанял против него на жалованье Фра Монреале де Альбарно, странствующего иоаннитского приора, служившего под знаменами короля венгерского в Неаполе.

Не будучи достаточно оплачиваем, Монреале передался тогда в лагерь того же префекта и производил вместе с ним нападение на Тоди. В Монтефиасконе попал кардинал как раз в момент снятия с этого города осады, и это ослабило Иоанна де Вико, от которого отделился Монреале, с тем, чтобы организовать Компанью на собственный страх. Задача Альборноца заключалась теперь в собрании боевых сил

для разбития быстрыми ударами префекта. Это могло содейться лишь при поддержке Рима, в чем и заключалась важность влияния экс-трибуна.

16 сентября Иннокентий VI писал к римлянам: ведомо ему страстное ожидание ими возврата Колю; согражданина их амнистировал он и шлет в Рим, где тот, как приходится надеяться, уврачает раны города и обуздает их тиранов; да окажут они ему ласковый прием. Однако Кола не дерзал еще ехать в Рим как потому, что не считал еще это удобным кардинал, в свите которого он состоял, так и равно по причине того, что Франческо Барончелли продолжал еще быть владыкой города. Краткое правление и низвержение второго этого трибуна темны ввиду того, что историки того времени едва удостоили его своим вниманием.

В открытой вражде с императором искал Барончелли поддержку у гибеллинских партий и через соглашение с префектом. По нужде впал он в промахи или затруднения своего предшественника, и появление последнего рядом с легатом в Монтефиасконе, куда удалились многие недовольные римляне, ускорило его падение. Восстанием, которому едва ли чужд был Кола, прогнан был Барончелли с Капитолия и, по-видимому, даже убит в конце 1353 г. Теперь римляне предложили через кардинала синьорию папе, назначенному ими пожизненным сенатором, с полномочиями ставить своих субституторов. Они обманулись в своих ожиданиях, ибо Альборноц не принял в уважение Колу, но сделал сенатором Гвидо Иордании де Патрициис, да и папа ни единым словом о нем более не вспоминал.

По приведении в покорность Рима кардинал получил возможность с большим натиском вести войну против префекта; римляне выставили ему 10 000 человек под начальством Иоанна Конти де Вальмонтоне; лига Флоренции, Сиены и Перуджии присоединилась к папскому войску, и Иоанн де Вико очутился в жестоком стеснении. После чувствительных уронов и неоднократных переговоров изъявил он покорность; 5 июня 1354 г. отказался в Монтефиасконе от своих завоеваний, и 9 июня Альборноц мог совершить въезд свой с изгнанными Мональдески в Орвието. При этом наваял на Колу целый рой (как бы сонных грез) воспоминаний префекта — этот могущественный тиран, павший ниц перед кардиналом, принесший клятву в послушании и получивший абсолюцию от анафематств, изрыгнутых на голову его одним за другим тремя папами; так же точно когда-то видел у ног своих этого же самого Иоанна де Вико и он.

Альборноц оставил тирану наследственные его имения и сделал даже его викарием церкви в Корнето, чего, впрочем, не утвердил папа. Гибеллины Орвието, этого маленького, но сильного и свободно мыслящего города, которого собор тогда уже в виде залитого золотом щита озарял с высокой горы светом, с отвращением лишь покорились папе. Община поклонилась ему и кардиналу 24 июня, но вручила им *dominium* лишь под условием возвращения по смерти Иннокентия VI и Альборноца городу всей прежней его свободы.

Успех легата изменил положение дел в Италии в пользу церкви. Умбрия, Сабина, Тусция, Рим повиновались теперь папе; повсюду возвращались изгнанные гвельфы, причем мудрый кардинал дозволил общинам иметь народное управление в лице консулов и подест. Витербо приняло снова папский гарнизон; Альборноц выстроил там сильную крепость. Тираны Романьи боялись его, и Италия гремела славой кардинала, освобождавшего города от тиранов и совмещавшего те качества полководца и государственного деятеля, которые при обладании ими сделали бы героем века трибуна Колу. Служившие в войске под Витербо и Орвието римляне сыскали Колу, с радостью приветствовали, приглашали в Рим и просили у кардинала в сенаторы. С воли последнего посетил он Перуджию. Здесь искал случая уговорить граждан снабдить его денежными средствами для Рима. Богатые купцы на это

не согласились, но ходатайствовали о возврате Кола в Рим перед папой, и Иннокентий VI поручил, наконец, Альборноццу сделать его сенатором, если последний сочтет то за полезное. Кардинал предоставил Коле добыть себе денег и войска, и экс-трибун сумел выйти из затруднительного положения. Он знал, что в банках Перуджии лежали громадные суммы, притеснениями добытые страшным Монреале у городов Италии, и на них-то рассчитывал. Разойдясь с префектом, иоаннский приор организовал собственную шайку; на призывной его барабан откликнулись бескормные наемники, итальянцы, венгерцы, бургундцы и немцы, даже швейцарцы, и из этого сброда соорудил он, по образцу Вернера, «великую Компанию», странствующее разбойничье государство из нескольких тысяч превосходно вооруженных пеших и конных солдат. Деньгами и обещаниями добился Альборноцц, чтобы Фра Монреале не вступал более с префектом в союз, и был рад, когда этот рыцарь-разбойник повел толпы свои на Тоскану и в Мархию. Фермо, Перуджия, сама Флоренция, Сиена, Арещцо и Пиза позорно откупились от осады и грабежа. В июле 1354 г. уступил Монреале компанию свою за 150 000 гульденов венецианцам для обращения ее под предводительством лейтенанта его графа фон Ландау против Висконти; сам он удалился, размышляя о планах к достижению прочного владычества в Италии. В Перуджии жили два его брата, рыцарь Бреттоне де Нарба и Аримбальд, доктор прав. Экс-трибун разгорячил головы юных этих провансолов красноречивым изображением будущих своих деяний в Риме, блеском восстановленной республики и почестей, ожидавших там их самих в случае спешествования ими его предприятию. Они ссудили его многими тысячами гульденов золотом и известили о том брата своего Фра Монреале; неохотно лишь дал он свое согласие, но обещал в случае неудачности плана Кола поддержку. Осчастливленный экс-трибун наwerbвал теперь несколько сот наемных ратников, итальянцев, бургундцев и немцев. Снова облекся он в пурпуровую одежду и отправился в Монтефиасконе к легату, возведшему его теперь именем папы в сенаторы Рима и пожалевшему ему счастливого пути. Марш Кола по Тусции на Рим во главе 500 ландскнехтов, принадлежавших к различным нациям, и окруженного авантюристами, видевшими себя в мечтах великими римскими консулами на Капитолии, составляет полнейшую пародию римских походов императоров. Когда он достиг Орты на Тибре, распространилась молва о его приближении, и Рим соорудил триумфальные ворота. Моментально ожили воспоминания и мечты. Кавалеротти выехали к приближающемуся навстречу до Монте-Марио с масляничными ветками в руках; со всех ворот стекала народ приветствовать старого своего освободителя и узреть снова дивного мужа, покинувшего 7 лет назад Капитолий, претерпевшего с тех пор столь странные судьбы в виде беглеца и опального, пустынного, узника в далекой Праге и в Авиньоне, у императора и у папы, и при всем том с почетом возвращающегося теперь снова сенатором от имени церкви. С подобными ликованиями не был встречаем у Монте-Марио даже Конрадин. 1 августа 1354 г., в годовщину своего рыцарства, вступил Кола через ворота замка на мосту Ангела в разукрашенный коврами и цветами город, по переполненным толпами улицам, которых дома до самых кровель усеяны были восторженным народом. На ступенях Капитолия почтительно встретили его магистраты, и прежний сенатор Гвидо передал ему жезл регента. Кола обратился с талантливим словом к народу, в котором уподоблял себя в течение 7 лет отверженному и безумному Навуходоносору; римляне одобряли его кликами, но нашли своего героя сильно изменившимся, ибо вместо избранника народа и юного трибуна свободы стоял перед ними стареющий, раздобревший чиновник французского папы; единственно лишь оказывалось, что испытания не укрепили его волю, не просветили разума.

Он учредил свое правительство; братьев Бреттоне и Аримбальда сделал военачальниками и дал им хоругвь Рима; Чекко Перуджийский сделан был рыцарем и его советником. Уже на другой день его въезда появились снова с поклоном послы из городской области. Он оповестил о возврате своем и восшествии все города, близкие и дальние; но письма и ум его не имели более жизни, ничем не проявляли более высокого полета мыслей и тех идей, которыми некогда очаровал он итальянцев. Представления папского сенатора оставались ограничены тесным кругом римского городского управления. Если народ возвращение домой Кола приветствовал с чистосердечной радостью, то аристократы с раздражением держались вдали. Главными их были еще Орсини из Марино и Стефанелло в Палестрине, последний отпрыск этой ветви Колонн. 5 августа пригласил Кола на Капитолий на поклон знать; но кроме Орсини де С.-Анджело, старых его друзей, едва явились несколько. Стефанелло отвечал на вызов надруганием над гонцами, Буччио Джубилео и Джигани Каффарелли, и разбойничьими набегами до самых городских ворот. Так вернулось прежнее состояние опять, и по семилетнем отсутствии принял Кола правление на том же самом пункте, на котором его прервал, как будто не произошло ничего.

С ратными силами двинулся он против Палестрины доделывать пропущенное и в конце сломить этот замок аристократов. В Тиволи войска его с неистовством потребовали не уплаченного им жалованья. «Я нахожу в старых историях, — так обратился к капитанам своим никогда не затруднявшийся речами сенатор, — что в подобной денежной нужде консул созывал баронов римских и говорил: мы, занимающие почетные посты, должны жертвовать ему деньгами первые, для уплаты жалованья милициям». Юные братья Фра Монреале с прискорбием дали по 500 гульденов золотом каждый, и войскам сделана скудная уплата. Кампанская дружина и 1000 римлян двинулись теперь под предводительством Кола, от Castiglione di Santa Prassede, где некогда лежала Габия, против Палестрины. Служба в войске неслась с отвращением; происходили ежедневно ссоры, не было недостатка в изменниках. Край и нижний город были, правда, опустошены, но замок Циклопов насмеялся над осадой и в глазах худшего из полководцев получил подвоз богатого провианта.

В августе уже Кола снял осаду, ибо неожиданный приезд Фра Монреале призывал его в Рим. Кола мог бы с успехом воспользоваться талантами знаменитого этого капитана, но не таковы были его намерения, как равно не было и целью приора иоаннитов предлагать к услугам его свой меч. Напротив того, из Перуджии, принявшей великого разбойника с почестями, с 40 своими капитанами прибыл он в Рим ради своих братьев, ссудивших сенатора крупными суммами и ничего за то не получивших; он чуял скорую гибель фантаста и хотел посмотреть, чем можно было поживиться для себя в Риме. Вероятно, Монреале возымел уже, как позднейший один предводитель шайки из той же Перуджии, смелую мысль провозгласить себя синьором в безвладном Риме по возвращении его «великой Компании». В Риме отзывался он неосторожно и презрительно о Коле; носились слухи, что для низвержения его призван был он Колоннами. Дружественно приказал сенатор пригласить его на Капитолий, роковую западню невинных, и едва лишь Монреале успел появиться, как со всеми своими капитанами заключен был в окопы и вместе с братьями ввергнут в капитолийское подземелье. Кола повел процесс против него, как против публичного разбойника, наполнившего несказанными бедствиями Италию, но, в сущности, рассчитывал на богатства иоаннита, необходимые для собственного самосохранения. Процесс, обращение в темнице и в последние минуты, наконец, смерть Фра Монреале составляют одну из любопыт-

нейших глав биографии Колы, изложенную столь живыми красками, что читающий проникается волнением очевидца. Страшный предводитель шаек не выказал ни малейших признаков раскаяния в своих беззакониях, почитавшихся им, в духе того времени, достославными деяниями воина, властного мечом своим искать себе в живом и презренном свете фортуны; он лишь стыдился мысли, что столь глупо попался в сети дурака, и рыцарская его гордость содрогнулась перед унижением пытки или подлой смерти. О ничтожности жизни отзывался он, как Катон или Сенека; с презрением взирал он на римлян, погребальным колоколом собранных на площади Капитолия, и с гордостью вспоминал, что перед ним трепетали народы и города. «Римляне, — так говорил этот покрытый кровью разбойник, — я умираю несправедливо; ваша нищета и мое богатство виной моей смерти; я хотел из разрушения поднять ваш город». Его подвели к лестнице Капитолия; там стояла львиная клетка и образ Мадонны, у которого бедные грешники выслушивали сентенцию перед концом своим. Он был богато одет в коричневый и золотом опущенный бархат; он вздохнул свободно, когда ему объявили, что казнь его совершится мечом. Он преклонил колена, несколько раз вставал с блока и менял положение на более удобное; хирург его указал палачу место, в которое должен был быть нанесен удар, и голова Монреале отсечена была одним ударом. Минориты похоронили его (это было 29 августа) в Арачели; там поныне лежат еще под неизвестным каким-нибудь камнем останки страшного этого воина, которого слава столь была велика, что современники уподобляли его Цезарю.

Справедливая участь постигла преступника; его злодеяния, опустошения стран, пожары и разбои городов, убийства бесчисленного множества людей заслуживали этого позорного конца путем позорного предательства. Некогда Кола отшатнулся перед лишением жизни захваченных хитростью в плен аристократов; теперь нашел он в себе мужество отрубить голову этому Монреале, и деяние его, по отзывам современников, заслужило бы ему даже похвалу, если бы продиктовано было чувством правосудности. Но низкие мотивы выказали его подлое вероломство и низкую неблагодарность в отношении братьев Монреале, его благодетелей. Он завладел богатствами, привезенными ими ранее, сложенными в Риме Иоаннитом; они составляли 100 000 гульденов золотом, из чего он мог заплатить жалованье милициям. С этих пор Кола сделался ненавистным тираном Рима. Знатные перед ним трепетали или избегали, как предателя друзей; но Альборноцц и папа обрадованы были избавлением Италии от страшнейшего бича. 9 сентября Иннокентий писал к кардиналу, что для блага города и Италии и для поддержания энергии Колы почитает за благо продлить сенаторскую его власть; 11 сентября с благожелательством увещевал он самого Колу к благодарности к Богу столь высоко из низкого состояния его поднявшему, из столь многих опасностей столь милостиво его спасавшему, и призывал его отправлять должность свою со смиренным самосознанием, с кротостью в отношении слабых, со строгостью против злых.

Кола набрал новые войска, сделал генерал-капитаном храброго Ричарда Импренденте из дома Анибальди, синьора де Монте Компатри и предпринял новую осаду Палестрины. Все шло успешно; Колонны повержены были в крайнюю бедственность, и гибель их казалась несомненной. Если бы Кола в то время себя сдержал, то, по всем вероятностям, проправил бы сенатором целые годы; но демон властолюбия помрачил слабый его мозг, а нужда в деньгах вовлекла в опасные мероприятия. Он приказал (и это было позорнейшее его дело) из мелкой подозрительности обезглавить одного благородного и любимого гражданина, Пандольфуччио, сына Гвидо, бывшего некогда его послом во Флоренции. Он арестовывал то того, то другого и за выкуп продавал свободу. Никто не осмеливался более раскрывать рта

в совете. Сам Кола был неестественно возбужден, в одну и ту же минуту плакал и смеялся. Настроение народа показывало ему, что снова готовились заговоры на его жизнь. Он составил лейб-стражу, по 60 человек от каждого квартала, долженствовавшую при первом ударе колокола находиться у него под рукой. Войско перед Палестриной требовало жалованья и роптало, что он не мог его дать; в подозрительности своей сместил он Ричарда и назначил новых капитанов; это отдалило от него и этого аристократа, и его сторонников.

В это-то время, по-видимому, и явился к Коле сделавшийся впоследствии известным в Европе человек, Джинни ди Гуччио, сомнительный французский принц и претендент на корону Франции, которого судьбы составляют один из чуднейших романов Средних веков и переплетены с последними днями Колы. Когда Джинни, которого дело, по-видимому, принято было сенатором под покровительство, 4 октября простился с Колой, чтобы отправиться с рекомендательными его письмами в Монтефиасконе к легату, то у ворот del Popolo получил предостережение от сиенского какого-то солдата, посоветовавшего ему поспешить удалиться, так как жизнь сенатора находится в опасности. Тогда принц немедленно повернул назад, чтобы известить о том Кола, и этот отпустил его с письмами, которыми просил Альборноца прислать подмогу ввиду угрожающей разразиться против него в Риме бури. Кардинал приказал тотчас рейтарам седлать лошадей; но было уже слишком поздно: так гласит романтический рассказ, не подкрепляемый никакими документами той эпохи.

8 октября разбудил Кола клич: «Народ! Народ!» Кварталы С.-Анджело, Рипа, Колонна и Треви, где жили Савелли и Колонна, двинулись на Капитолий, которого колокол не звонил. Кола не прозрел сперва важности восстания; но когда услышал крик: «Смерть изменнику, введему налоги!», то постиг опасность. Он звал к себе своих людей: они бежали; судьи, нотариусы, стража, друзья, все искали спасения в бегстве; два лишь человека и родственник его Лючиоло, меховщик, остались при нем. Весь вооруженный, с хоругвью Рима в руке вышел Кола на балкон дворца, чтобы говорить к народу. Он подал знак к молчанию; его старались перекричать из страха очарования его голоса; в него бросали камни и стрелы; одна стрела пронзила ему руку. Он развернул знамя Рима и указал на золотые буквы Senatus Populusque Romanus, долженствовавшие говорить за него — истинно великая черта, несомненно прекраснейшая во всей жизни трибуна. Ему отвечали криками: «Смерть изменнику!» Он удалился. Между тем как народ подкладывал огонь к деревянной ограде, окружавшей, наподобие палисадов, дворец и старался проникнуть внутрь, Кола спустился из залы на двор под темницей, у решеток которой виднелось мезью дышавшее лицо Бреттоне. Из залы подавал Лючиоло предательские знаки народу. Не все было еще потеряно; зала горела, лестница обрушилась; штурмующие не могли вследствие этого легко проникнуть внутрь; дружина Реголы имела бы время подойти, и настроение народа могло перемениться. Тем временем Кола в нерешительности, что делать, стоял на том дворе; то снимал шлем, то опять надевал, как будто выжимая тем попеременно свое решение: то умереть, как герою, то бежать, как трусу. Первая входная дверь горела; кровля Loggia обрушилась. Если бы он теперь с высоким духом вмешался в эту неистовавшую толпу, чтобы принять смерть на Капитолии от рук своих римлян, то покончил бы жизнь достопамятно и достойно античных героев. Жалостный вид, в котором влачился он из Капитолия, заставил устыдиться его современников. Трибун сбросил оружие и должностную одежду; с отрезанной бородой, с зачерненным лицом, завернутый в нищенскую пастишескую хламиду, со спальной подушкой на голове надеялся он пробраться через толпу. Попадавшимся навстречу вторил он измененным голосом: «Вперед! На из-

менника!» Когда он достиг последних ворот, схватил его один из народа с возгласом «Это трибун!» Выдали его золотые браслеты. Его схватили и повели по ступеням Капитолия вниз к львиной клетке и к тому образу Мадонны, где некогда побит был камнями сенатор Бертольд, где приняли смертный приговор Фра Монреале, Пандольфуччио и другие. Там стоял, окруженный народом, трибун; все безмолствовало, никто не отважился наложить руку на человека, освободившего некогда Рим и приведшего в восторг мир. Со скрещенными на груди руками вращал он взоры туда-сюда и молчал. Чекко дель Веккио всадил ему в живот меч. Истерзанное и обезглавленное тело влачили с Капитолия до квартала Колонн. Его повесили у одного дома неподалеку от Св. Марчелло. Двое суток провисело там брошенное на жертву ярости народа это страшилище, бывшее некогда при жизни идолом Рима, а отныне составлявшее цель метания камней уличными мальчишками.

По повелению Югурты и Счиаретты Колонна на третий день на костре из сухих кустов чертополоха сожгли иудей в мавзолее Августа останки освободителя Рима, трибуна Августа. То была последняя, из иронии над помпезными и античными идеями Колы, сыгранная сцена диковинной трагедии. Пепел был рассеян, как и Арнольда Брешианского.

Колой ди Риэнци, последним народным трибуном римским, заключается длинный ряд личностей, которые, увлеченные престижем Рима и доминируемые догмой римской монархии, боролись за воскрешение исчезнувшего идеала. История города восстановила взаимное соотношение этих личностей, а идеи времени выяснили необходимость появления последнего трибуна. На рубеже двух эр, на животворной заре, предшествовавшей воскресению духа путем классической древности и освобождению его через Гуса, Лютера, реформацию, Колумба и книгопечатника Фауста, стоит трибун Кола ди Риэнци в виде исторического продукта, сведшего его с ума, контраста Рима с самим собой и со временем. Соучастниками его являются при этом Рим, Данте, Петрарка, Генрих VII, императоры, папы в Авиньоне и весь тот век. Химический его замысел, за отсутствием папства, собрать снова вокруг древнего Капитолия народы пробудил на мгновение еще раз фанатическую веру во всемирно-гражданскую идею Рима и сделался вместе с тем и расставанием человечества с античной этой традицией. На место этой утопии заступила, однако, животворная действительность: эмансипация со Средних веков путем римско-греческой науки и искусства, духа. В этом заключается серьезное значение дружбы между Петраркой и Колой ди Риэнци, ибо первый произвел пробуждение классической древности в царстве интеллигенции, после того как воскрешение ее в политической сфере пролетело, как сон, в лице второго. В истории, как и в природе, бывают миражи воздуха из далеких зон минувшего; одним из таковых и наивнейшим было появление народного трибуна. Смесь глубокомыслия и глупости, правды и лжи, знания и невежества эпохи, грандиозной фантазии и жалкой действительности делает Колу ди Риэнци, великого актера в дырявом пурпуре древности, истинным характером и прототипом Рима в средневековом его упадке. История его навела на пустынный Рим неуязвимый поэтический-фантастический ореол, а успехи его казались столь загадочны, что их приписывали помощи дьявола. Еще Райнальд, анналист церкви, веровал в чернокнижничество трибуна, всякий же разумный человек, верящий в могущество идеи среди людей, сумеет объяснить таковым силу влияния Колы. Гениальность его личности успела на мгновение увлечь за собой передовых людей своего времени, сам папа и император, короли, народ и города, и Рим находился под магическим действием его жезла. Производимый людьми на свет престиж есть вместе с тем и разрешаемая ими разгадка времени. Одна неясная мечта не способна очаровывать, если не сорвется из-под оболочки ее реальная, мгновенно

вспыхивающая идея и не попадет в водоворот времени, возгорающийся тем же энтузиазмом и долженствующий слиться затем с первоначальной утопией.

Эпоха, когда явился Кола ди Риэнци, млела в страстном ожидании рождения нового духа. Не было поэтому чуда в обмане света, узревшего, как развернул свое знамя на Капитолии народный трибун, как некий герой века.

Диковинная карьера Кола была лишь волшебной фантазмагорией; но она содер­жит столь далекие перспективы прошедшего и будущего и столь характерные черты трагической фатальности, что представляет обширное поле для наблюдательности философа. Идеи его о независимости и единстве Италии, о реформе церкви и человечества колоссальностью своей затмили его безалаберность и навсегда исторгли память о нем из мглы забвения. Не забудется ни через какие века, что безумный этот, цветами увенчанный плебей на обломках Рима первым уронил луч свободы на мглу своего времени и пророческим взором указал отечеству своему цель, достигну­тую им лишь пять веков спустя.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

ИСТОРИЯ ГОРОДА РИМА С 1355 ПО 1420 ГОД

ГЛАВА I

- 1. Флоренция и Милан. — Возрастание могущества Иоанна Висконти. — Все партии призывают Карла Богемского в Италию. — Экспедиция его в Рим. — Императорская коронация в день Пасхи 1355 г. — Постыдный отъезд его из Рима и из Италии. — Глубочайшая униженность имперской власти. — Золотая булла 1356 г.**

Произведенный Альборноцом против убийц Колы процесс был впоследствии кассирован папой, и всем участникам дарована амнистия. Обе городские партии снова заняли сенаторство, и Рим казался вернувшимся в прежнее свое положение. Тем временем состояние дел в Италии призвало богемского короля Карла к императорской коронации в Рим.

Политическая жизнь итальянцев вращалась в эту эпоху распада всех прежних элементов сил вокруг двух городов: гвельфской республики Флоренции, последней представительницы национальной, равно как и муниципальной, свободы и гибеллинского Милана, тиран которого, архиепископ Иоанн Висконти, представлял переход от городской тирании к княжеству. Сама Генуя после тяжкого поражения ее 29 августа 1353 г. венецианцами предоставила великому этому тирану синьорию. Это напугало гвельфов. Давным-давно уже жаждала Флоренция соединить в один союз под протекторатом папы Тоскану, Романью, Рим и Неаполь в видах поставления препон Висконти и удержания вдали императора. В Арrezzo созван был парламент, и сначала Климент VI с жаром поддерживал этот план. Но он подорван был обоюдным недоверием, так что в конце концов Флоренция оказалась вынужденной домогаться прибытия короля римского, чтобы избавиться от угрожающего могущества Висконти. Еще одну минуту надеялись флорентинцы узреть во главе гвельфского союза преемника Климента VI и удерживать от римского похода Карла; увидев себя обманутыми, пришлось им против воли вести с этим королем переговоры. Ближайше всего призывал его венецианско-ломбардский союз дожа, маркграфа Альдобрандини Феррарского, Гонзаго Мантуанских и Каррар Падуанских. Лига эта составила против Иоанна Висконти в 1354 г. и приняла компанию Фра Монреале к себе на службу. Звал его и сам Висконти, предлагал ему железную корону и надеялся привлечь на свою сторону. Случилось так, что внука Генриха VII призывали, как спасителя, все партии. Карл обещал свое покровительство лиге и в октябре 1354 г. прибыл в Италию, где только что последовавшая смерть Иоанна Висконти, казалось, облегчала для него путь. Сам папа рассчитывал, что римский поход облегчит кардиналу Альборноцу полное покорение церковной области, ибо Карл дал торжественный обет содействовать и к этому.

Внук доблестного Генриха не обладал ни честолюбием, ни великодушием своего предка, ни каким-либо определенным политическим планом относительно Италии. Римская его экспедиция была одним лишь коронационным пелерина-

жем; цезаризм оканчивался бессодержательной формулой. Король богемский, благоразумный, благочестивый и ученый государь, нового вполне уже склада монарх, в глазах которого прошлое принадлежало лишь книгам, не хотел более ввязываться в борьбу с итальянскими партиями. С 300 лишь всего рыцарями прибыл он 14 октября в Удине, отправился в сопровождении побочного своего брата Николая, патриарха аквилейского, 3 ноября в Падую и далее на Мантую, где перезимовал. Здесь намеревался он помирить ломбардские партии и повести переговоры о дальнейшем маршруте своем с тосканцами. Синьорию предложили ему одни лишь пизанцы; прочие города Тосканы отнеслись с пренебрежением к монарху, представшему с обиходом столь скромным, что казался для будущего императора невероятным. Венецианско-ломбардская лига видела себя обманутой, ибо Карл был вовсе без войска и достаточно разумен, чтобы не приставать ни к какой партии. Он не домогался ничего, кроме блеска железной короны. Он вступил в переговоры с наследниками Иоанна Висконти, убедил их заключить перемирие до мая, и был счастлив, получив позволение приять корону под охраной их в Монце. Он выпросил у них 50 000 гульденов золотом в виде путевых издержек для своего римского похода и приличный эскорт. Он обязался не вступать в Милан. С непредвиденным пренебрежением встретили царственного путника Маттео, Галеаццо и Варнава, племянники Иоанна, одарили богемскую его скудость, оказали ему роскошное гостеприимство в аббатстве Киаравалле и вынудили у скромно уклонявшегося посещение их в самом Милане. Могущественные тираны напугали и успокоили внука Генриха воинственной помпой и блестящими празднествами и позволили ему принять 6 января 1355 г. у С.-Амвросия железную корону из рук Роберта Висконти, выборного архиепископа миланского. Карл был рад покинуть роскошную темницу этого города. Он выехал не как император, но, как говорит Маттео Виллани, как едущий на ярмарку купец. Вассалы Висконти водили его из города в город, и каждый затворял позади его ворота. Свободно перевел он снова дух в Пизе, где 18 января с почетом принят был Гамбакортами. Сюда прибыли супруга его Анна, многие богемские и германские бароны, всего около 4000 рыцарей. Это сообщило ему неожиданно престиж и напугало Флоренцию. От папы прибыл полномочный коронационный кардинал Петр Бертранди Остийский, которому, согласно ритуалу, должны были сопутствовать и епископы портский и альбанский. Но это не состоялось ввиду нежелания церкви нести путевые их издержки, да и сам епископ остийский поехал лишь против воли, памятуя о надруганиях над кардиналом Анибальдо, и путевые расходы пришлось ему платить из собственных средств. По повелению папы должен был ассистировать ему при коронации Альборноц, коли позволят ему дела. Таковы были установления в середине XIV века при коронации императора. Большая часть городов Тосканы поклонилась Карлу в Пизе. Флоренция, покинутая гвельфским союзом, угрожаемая Миланом и в страхе перед разрастающимся императорским войском, потеряла мужество и 21 марта поклонилась внуку смертельного своего врага. Республика обязалась уплатить ему 100 000 гульденов золотом; с нее была снята имперская опала, которой она была подвергнута Генрихом, она получила подтверждение своих вольностей и после долгого времени признала снова сюзеренитет императора. Отпадение столь стойкого дотоле гвельфского города от его принципов оскорбило гордость всех патриотов и показало, насколько велико было политическое разложение в Италии.

Миролюбию Карла IV, его скромной и нецарственной манере удалось, таким образом, дело, которого не могли осуществить могущественнейшие из его предшественников. Гвельфы и гибеллины, измученные и обессиленные, Ломбардия, сама Тоскана, признали Римскую империю германской национальности; как гве-

льфы, так и гибеллины двинулись под императорской хоругвью на Рим. Карлу пришлось поклясться не вступать во Флоренцию; 22 марта покинул он Пизу и прибыл 23-го в Сиену, где тотчас в управлении городом последовала революция. 28-го выступил он оттуда и по путям своего деда двинулся на Рим. Графы де Санта Фиора д'Ангильяра и префект Иоанн де Вико усилили его войско до 15 000 рейтаров, в числе которых находились 5000 германских, а большая часть — богемских рыцарей.

С единодушным чествованием Рим принял богемского короля. 1 апреля, в Страстную среду, расположился он станом на поле Нерона. Согласно с позорным своим обетом, он вступил в город лишь в день коронации. Благочестивый монарх, имевший обыкновение поститься и молиться, как монах, поехал, однако, и то с папского разрешения, в сопровождении богемских дворян, переодетый пилигримом, в город, где в течение многих дней посещал церкви. В день Пасхи Карл IV с супругой своей принял обесславленную корону из рук кардинала при ассистенции городского префекта. По окончании церемонии состоялся коронационный кортеж императорской четы в Латеран, причем император со скипетром и державой ехал под пурпуровым балдахином, коня же его вели сенаторы.

Таким образом, император в XIV веке осмеливался появляться в столице своей империи лишь в самый момент коронования, пребывать в ней в качестве терпимого гостя несколько лишь часов, ибо так повелевал из далекого Авиньона папа. Римляне требовали от Карла, чтобы он оставался в Риме и вступил в пользование правами империи или же возвратил бы городу прежнюю его свободу. Он увещевал их быть послушными папе и едва успел встать с латеранского торжественного банкета, как возвестил им, что покидает Рим, чтобы ехать на охоту. Он снял пурпур, сел на коня, выехал из ворот, выпросил у монахов Св. Лоренцо ночлег и на другой день, как любитель природы, поехал в Тиволи осматривать красивый водопад, между тем как большинство немецких и итальянских войск двинулись уже в обратный путь. Едва ли с пристыжением и укорами трезвому уму богемского цезаря являлись великие тени предшественников его Древнего и нового Рима. Он был человек прогрессивный и практичный, сознававший изменение мирового строя. Следует хвалить его за воздержание от повержения императорского меча среди партий Италии; но как он вместо того, чтобы как человеку новой формации принять коронование в императоры в германском Франкфурте или Аахене, с глубочайшими унижениями и в качестве вассала папы искал его в Риме, то тем самым навлек на себя презрение современников и потомства.

Получив императорскую корону, поспешил Карл IV как бы на почтовых назад в Сиену, куда прибыл 19 апреля 1355 г. и пробыл некоторое время там. Альборноц убедил его здесь одолжить ему немецкие войска; гибеллины с префектом города во главе зывали к нему вспомнить о своем деде и при столь благоприятных условиях покарать Флоренцию; но Карл им возразил, что гибель Генриха VII должно приписывать скорее дурным советам гибеллинов, чем флорентинцам, и пожаловал республике привилегию, в силу которой гонфалониеры и приоры ее объявлены были императорскими викариями, за что должны были вносить ежегодный оклад в 4000 гульденов золотом. Поставив викарием в Сиену брата своего Николая, покинул он этот город 5 мая и поехал в Пизу. Слух о намерении его сделать пизанскую в то время Лукку за деньги свободной вызвал 20 мая восстание. Народ с яростью напал на немцев; общинный дворец, в котором жил император, предан был пламени: полураздетые бежали Карл и его супруга. Волнение было подавлено, но Гамбакорты, доселе правители Пизы и друзья Карла, пали жертвой предательства противной им партии и слабости Карла, приказавшего их обезглавить. Вместе с тем восстала и Сиена и прогнала императорского викария,

так что бунт обоих этих городов подтвердил отзыв Виллани о неблагоразумности, со стороны тосканцев, подчиняться снова нестерпимому чужеземному владычеству немцев. Карл, в постоянной опасности и презираемый, покинул Пизу, в соборе которой покоем прах его деда, и отправился 27 мая в Пиетразанту, где трусливо заперся в замке. Вместо требования от пизанцев удовлетворения своей чести потребовал он, как торгош, возмещения убытков и получил с презрением выданные им 13 000 гульденов золотом. Побуждаемый напуганной супругой и баронами, покинул он 11 июня с 1200 рейтарами Пиетразанту. В Ломбардии нашел он ворота всех городов запертыми и на каждой городской стене стоящих аркебузиеров, отражавших, казалось, не его оружие, но его корыстность. Целых два часа вымаливал он себе перед Кремоной впуск, пока, наконец, не получил его, и то, как странник, с несколькими спутниками, без оружия. Когда он сказал ректорам города о намерении своем водворении между ломбардцами мир, то ему заметила коротко, чтобы не трудился об этом. Внук прославленного Данте Генриха, как беглец, прокрался через миланскую область и позорно появился в Германии «с короной, добытой без единого удара меча, с полным денег кошельком, привезенным им в Италию порожним, с малой славой мужественных подвигов и с великим позором за унижение императорского величества». Со стыдом взирал Петрарка на образ этого цезаря, столь много в виде итальянского Мессии, им призываемого. Он глумился над ним по поводу того, что через Италию, завоеванную с геройским мужеством Генрихом VII и столь многими императорами, прошел он без удара меча и при всем том трусливо покинул, чтобы от всей Римской империи остаться при обладании одной лишь варварской Богемией и эфемерным титулом императора. Гневно восклицал он ему вослед: «Что бы сказали тебе отец твой и дед, когда бы встретились с тобою на Альпах?» Карл мог бы спокойно отвечать идеалисту, что они поздравили бы его с его мудростью ввиду того, что Италия большинству императоров принесла гибель и сокрушила национальную мощь Германии. Позорная императорская экспедиция Карла доказала всему миру, что империя Римская умерла, что всемирно-исторический союз Германии и Италии на почве политической догмы миновал и что мессиады Данте и Петрарки не имели никакого более исторического оправдания; наконец что поврежденный рассудком народный трибун со своим планом создания латинского национального цезаризма понимал обстоятельства времени лучше того поэта и гибелинов. Петрарка жаловался, что отныне Германия не преследует в Италии никаких иных задач, кроме вооружения, на гибель республик, наемных банд, но был настолько справедлив, чтобы сознаться, что продажное его отечество заслужило такую участь. От всех прежних имперско-германских связей поистине в Италии в середине XIV века едва ли оставалось что-нибудь другое, кроме германских феодальных родов, теперь викариев императора или папы, тиранов городов и провинций и страшных наемных компаний, мародеров разрушенной империи.

Поругания, претерпенные Карлом IV, остались неотомщенными. Викарий его в Италии Марквард, епископ аугсбургский, возбудил процесс против Висконти, вызывал их перед свой трибунал, вторгся в 1356 г. с бандой Ландау и отрядами Эсте и Гонзага в миланскую область и попал при этом в плен. Сам император с похвальной ревностью посвятил себя благосостоянию страны своей Богемии и прекрасного города Праги, в которой, поддерживаемый советами Петрарки, учредил университет и издал в 1356 г. золотую буллу, или имперский регламент, которым регламентировано было избрание императора курфюрстами; знаменитый закон, основной устоя формализма, в котором окаменела священно-римская, германской национальности, империя.

2. Альборноц подчиняет церковную область. — Мудрая его политика по отношении тиранов и городов. — Ректоры церковных провинций и двор их. — Римские дела. — Отмена двойного дворянского сенаторства, 1358 г. — Иоанн Конти, последний сенатор из старой родовой знати. — Раймунд де Толоменс, первый чужеземный сенатор. — Исключение аристократии из управления республикой. — Демократическое правление Семи Реформаторов республики, 1358 г. — Возвращение кардинала Альборноца из Авиньона. — Изъявление покорности Ордилаффи. — Болонья достается церкви. — Варнава (Бернабо) Висконти изъявляет притязания на этот город. — Гуго Кипрский, сенатор, 1361 г. — Учреждение благополучного товарищества стрелков-самострелов и щитоносцев. — Бандерезии. — Война с Велетри. — Плебейский переворот под предводительством Лелло Покадота. — Отвращение римлян к Альборноцу. — Кончина Иннокентия VI, 1362 г.

Римский поход Карла IV, предоставивший тиранов в церковной области их судьбе, оказался весьма полезным для предприятия кардинала Альборноца. Он сломил противников своих силой оружия или дипломатическим искусством. Малатеста, сильно теснимые Рудольфом де Варано, передавшимися кардиналу и сделанным им гонфалоньером церкви в Мархии Анконе, изъявили покорность в июне 1355 г. и получили на десять лет за оброк викариат Римни, Фано, Пезаро и Фоссомброне. В июле поклонились графы Монтефельтро де Урбино; в сентябре 1355 г. — Фермо, а годом позже — Манфреди Фаэнцские. Один только отважнейший из тиранов того времени, Франческо Орделаффи, синьор Форли, Форлиμποполи, Чезены, Имолы и Бреттиноро, заклятый враг клира, кумир своих подданных, поддерживаемый геройской женой своей Марцией, отражал еще оружие легата, издеваясь над крестовым походом, к которому тот созывал против него всю Италию.

Так, за исключением этих городов, в 1357 г. Альборноц был властелином всей церковной области. Покоряемых им тиранов обращал он не в мстительных врагов, но в слуг церкви в качестве ее викариев. Правда то, что титул викария или кустоса церкви служил лишь прикрытием расхищения церковных имений. Династы захватывали их себе и затем возводились в звание наместников папы. Так совершилось раздробление церковной области на сотни викариатов; однако не было никакого иного средства к поддержанию авторитета Святого престола. Городам, для которых Альборноц являлся избавителем от тирании, он ясно доказывал, что самое мягкое из всех правлений было владычество церкви. Он охранял гражданский их строй, но закладывал в стенах их цитадели. Изъявление мятежным городом покорности происходило путем договора. Синдик его являлся к кардиналу, объявлял, что город искони принадлежал церкви, что переданная им тирану власть была узурпацией, что отныне никогда не примет в подесты никакого императора или синьора без воли папы, что готов принять легата церкви и просить о восстановлении в прежних правах и вольностях (*ad statum pristinum*). Временно вручал синдик папе и его легату полное *dominium* над городом. После того как он на коленях и «с растерзанным сердцем» исповедовался в виновности общины, молил о милосердии и на Евангелии приносил верноподданническую присягу — получал абсолюцию и вручал кардиналу ключи от города и грамоты на *dominium*. Подробно, по пунктам, определяемы были обязательства, равно и денежная сумма, имеющая быть уплачиваема общиной церкви; условия же, смотря по обстоятельствам, были различны. Когда 14 июня 1356 г. Асколи передало Альборноцу *dominium*, то кардинал даровал следующие лицензии: никакой изгнанник не может возвращаться; сохраняться в силе все права города; об-

щина избирает 6 кандидатов, из которых одного утверждает легат подестой; никакие налоги не должны быть налагаемы ректором церкви; легат не возводит никакой цитадели в городе. Крепости городской территории охраняются общиной. Богатый, зачастую беспокойный город Анкона и Романья умели удержать большие размеры свободы, чем герцогство Сполето и римские провинции. Ибо здесь орудовал Альборноц, по изъятии префектом покорности, с большой строгостью. Он реформировал строй городов и сузил их автономию; он призвал назад изгнанников. В Витербо воспретил он, как некогда Кола ди Риэнци, употребление названий партий гвельфов и гибеллинов. Ректор Патримоний Св. Петра резидировал не в вечно непокорном Витербо, а в сильном Монтефиасконе. Вокруг него находилась целая курия судей, писцов и администраторов. Военачальник капитан командовал армией, составленной из контингента городов и из наемных отрядов, по большей части немецких ландскнехтов. Та же самая организация действовала для всех провинций церкви вообще; каждая из них управляема была ректором, курию которого составляли тезаурарий, маршал провинции, генеральный судья для гражданских дел, генеральный судья для уголовных дел, два сборщика податей и другие чиновники. Господа эти, в большинстве французы и на неопределенное время определенные к должности, составляли одинаковое же число кровопийц для провинций, которыми заведовали.

Также и город Рим повиновался в то время, хотя и против воли, энергичному кардиналу. Во второй половине 1357 г. произошла, однако, в устройстве городов реформа, находившаяся в соотношении с внезапным отзыванием легата. В то же самое время, как по Италии рыскали банды наемников, сам папа оказался в самом Авиньоне, тесним компанией суффрагана Верниасского Арнольда де Серволь из дома Талейранов; он вызвал Альборноца. Характеристикой той эпохи служит то, что летом 1357 г. кардинал этот откупился сперва 50 000 гульденов золотом от графа Конрада де Ландау, главы великой, вторгшейся в Романью, компании сроком на три года с тем, чтобы затем спешить в Авиньон, где в замке на Роне трепетал перед страшным этим суффраганом папа. Возвращение Альборноца во Францию побудило теперь римлян еще раз передать *dominium* папе, и Иннокентий VI повелел затем новому легату, аббату Андриину де Ключни, поставить в Рим сенаторов. Тем временем состоялось важное нововведение: двойной аристократический сенат, управлявший свыше столетия Римом, навсегда был упразднен, и начиная уже с 1358 г., поставлен лишь один сенатор. Иоанн, сын Павла Конти де Вальмонтоне из дома Иннокентия III, закончил длинный ряд сенаторов из римской родовой аристократии Колонн, Орсини, Савелли, Анибальди, Капоччи, Конти, Бонавентура, Малабранка, Франджипани, Пандольфи, Тибальди, Стефани. Это есть поворотный пункт в истории города, переход от Средних веков к новейшим формам.

Читателю истории этой известно, что и папство, и цезаризм утилизировали в свою пользу могущество римских родов. Папами основаны были могущественные дома непотические. Магнаты римские наполняли до самой авиньонской эпохи прелатуру и кардинальскую коллегию. Долгая борьба германских императоров с папами и антагонизм между гвельфами и гибеллинами придали значение городской аристократии. Все эти условия исчезли с удалением пап и с упадком цезаризма. В последний раз выдающуюся роль играла городская аристократия в римских походах Генриха VII и Людовика Баварца. Сломил ее переворот при Коле. Во время авиньонского периода французские папы осуществили на Риме древнюю фавулу о драконовых семенах Кадма и о взаимно друг друга пожирающих драконовых людях; они устроили дело так, что римская аристократия настолько же разрушала себя сама,

насколько разрушаема была и демократией. Не меньшее влияние на это распадение наследственных родов имело и энергичное правление Альборноца. Когда осенью 1357 г. поехал гениальный укротитель тиранов в Авиньон, то мнением своим склонил Иннокентия VI к назначению отныне одного, и притом иноземного, сенатора в Рим. Согласно этому, преемником Иоанна Конти осенью 1358 г. сделался сиенский рыцарь Раймунд де Толомеис. С него начинается длинный ряд чужеземных сенаторов Рима. Отныне папа стал брать их из итальянских городов и притом на 6 месяцев, по образцу подест XIII века, с содержанием вначале в 2500, затем лишь в 1800 и 1500 флоринов за все время их должности. С собой привозили они курию, 6 судей, 5 нотариусов, 2 маршалов, своих рыцарей-фамилиаров, 20 гербовых рейтаров и столько же Berverii, или военных ратников; прежде вступления в должность присягали они статутам города и подлежали при уходе синдикату, согласно республиканским формам эпохи Бранкалеоне.

Новизны этой давным-давно и зачастую добивался от папы народ римский и был ей рад. Но она ставила, наряду с папским сенатором, демократический городской совет с такими полномочиями, что он должен был сделаться вскоре единовластительным. Ранее уже, наряду с сенаторами, облакаемы были политической и административной властью Тринадцать; на место их введена была в 1358 г. высшая инструкция Септемвиров, радикально изменившая политическое состояние Рима, доставившая господство народу и в конце вытеснившая родовую аристократию из государства. Семь народом избранных «Реформаторов республики» сделались стражами и советниками сенатора, верховными блюстителями администрации, истинными главами городской общины. Образцами для них послужили флорентинские приоры. Как и те, сменялись они на должности каждые три месяца; имена тех староаристократических родов, которые примкнули к народу, попадают в числе реформаторов, ибо вместо древних и знаменитых фамилий наполнили теперь списки магистратуры имена пополанов или более мелкого дворянства, какковы Бозио, Квартария, Сангвиньи, Вуцци, Боккабелли, Барончелли, Веккиа, Леонарди, Рубии, Готтифредди, Томарощи, Боккападули, Тости, Теоли, Балле, Санта-Кроче и даже мелкие фамилии благодаря магистратуре своих сочленов со временем делались влиятельными и образовали новое дворянство. Важное это нововведение сделано было во время отсутствия великого кардинала. По возвращении же своем в декабре 1358 г. в Романью нашел он все, им добытое, подорванным неспособностью преемника его Ардоина, война же с Орделаффи настолько всецело его поглотила, что он не мог заботиться о Риме. Великий тиран Форли сдался, наконец, без условий 4 июля 1359 г. великодушному кардиналу в Фаэнце и был назначен на десять лет викарием Форлипополи и Кастрокаро. Так же и Болонья, где с 1355 г. хитростью сделался тираном Иоанн де Оледжио, тамошний наместник родственника своего Варнавы, уже в марте 1360 г. досталась во власть Альборноца и церкви. Но как Варнава Висконти настаивал на своих притязаниях на викариатство этого города, то Альборноц тотчас вовлечен был в жесточайшую с ним войну. Гибеллинский род Висконти, фортуна которого во времена Генриха VII была заложена Маттео, ныне быстро пошел в гору. История его полна страшных преступлений, но также и деяний высокой доблести, мудрости и качеств державных. Гербом этого дома была змея, символ, вполне к нему подходящий. Сыновья Маттео, Галеаццо, Лукино, архиепископ Иоанн и Стефан сильно приумножили могущество дома. По смерти архиепископа в 1354 г. власть перешла к внукам Маттео, которых главой был теперь Бернабо (Варнава), сын Стефана. Тираны миланские богатством превосходили всех государей в Европе; сам король французский не призадумался выдать за одного из племянников Бер-

набо, Галеаццо, дочь свою Изабеллу. С этим-то Бернабо, одним из жесточайших средневековых тиранов, пришлось Альборноцу вести опаснейшую из всех его войн, и это постоянно удерживало его вдали от Рима. Там поставил он сенаторами в первой половине 1359 г. рыцаря Людовика де Рокка из Пизы, во второй половине Унгара де Сассоферрато, в 1360 г. славного Фому из Сполето. Он и папа с подозрительностью взирала на демократических септемиров, за институт которых энергично стоял римский народ. Кардинал утвердил их договором. Когда же сенат попал во власть папы, то автономия народа искала убежища в этой инстанции семи реформаторов, ибо римляне принуждены были отказаться от старого права избрания сената, и все, чего добились у папы, — это обозначения отныне ими шести кандидатов для избрания им одного из числа их в сенаторы. Так совершилось низведение Рима на степень прочих городов, в которые под той же формой обыкновенно ставились папой поддесты.

Один выдающийся принц занимал сенаторство в Риме с марта до октября 1361 г., это был Гуго де Лузиниан, внук короля Кипра. В Авиньон прибыл он для поддержки своих прав как претендент на корону против дяди своего Петра и для поднятия войны против турок. Прежде отбытия его на последнюю послал его папа сенатором в Рим, вероятно с замыслом усмирить престижем его город, где дерзко правили Семь, которые затеяли войну с Корнето и Чивита-Веккией и, как носилась слухи, состояли в соумышлении с Бернабо Висконти, между тем как угнетаемый тяжкими военными налогами народ грозил взбунтоваться в Патримониуме. На деле же не нашел принц де Лузиниан в Риме никакой почвы для воинских своих талантов, но бессильно предоставил управление городом реформаторам.

Где находились в это время некогда столь честолюбивые и властные Колонна, Орсини, Савелли и Анибальди? Они казались исчезнувшими, имена их никогда более не слышались. Великие роды действительно были теперь изъяты из должностей республики, как советовал то Петрарка. Народ низвел их снова на степень провинциальных баронов и отнял у них даже командование войском. Ибо как раз в это время сформировалась, по образцу Флоренции, новая, вполне демократическая милиция в Риме. Это были стрелки из лука (аркебузиеры). Железом окованный самострел считался страшнейшим оружием еще и в половине XIV века, когда порох начал уже изменять ратное дело. Балестры оставались главным родом оружия для наемных банд, немцев, швейцарцев и венгров, ибо ружья, которых практическое употребление в наикратчайшее время очистило бы от этих толп Италию, не были еще введены. В 1356 г. флорентинцы организовали милицию из 800 аркебузиеров и еще несколько тысяч на вербовали в городской области. Это искусство стрельбы покровительствуемо было из государственных соображений; во Флоренции, как и в провинциальных общинах, каждый праздник происходили упражнения в стрельбе и назначаемы были за нее премии. Если бы воинственный пыл граждан не находился уже в упадке, то учреждение это могло бы оказаться весьма целебным, ибо избавление Италии от банд могло быть достигнуто лишь путем всеобщего народного вооружения и реформы народной полиции. Подражания флорентинской гильдии стрелков появились во многих городах. После 1356 г. учредили и римляне «Благополучную корпорацию аркебузиеров и щитоносцев» (*felix societas balestrariorum et pavesatorum*), как бы вспомнив *felix exereitus* VIII века. Это оружейное товарищество организовано было по кварталам и образовало корпорацию с политическими правами. Четыре старшины (*antepositi*) составляли верховный ее совет, по образцу «великой Компании». Предводителями ее были двое знаменосцев (*banderenses*), по мановению которых должны были быть готовы стрелки во всех кварталах. Бандерези достигли вскоре почти тиранической власти. Учреждены они главнейше были

в видах усиления военной властью правления реформаторов и для окончательного уничтожения дворянства. Ибо в то время, как Семеро составляли высшую правительственную инстанцию, бандерези сделались исполнителями правосудия. Они явились подражанием *Gonfalonieri delle Compagnie* во Флоренции. Должность их в течение некоторого времени оказала громадное содействие к укреплению демократии, а неумолимо строгая юстиция доставила городу и стране безопасность. Зачастую отправлялись они в Кампанию судить и карать. Белло Гаэтани, дядя графа де Фунди, повешен был ими как разбойник. По званию своему предводителей стрелков, а равно исполнителей юстиции, эти страшные для всех тираны вооруженного правосудия заседали с четырьмя своими стрелковыми советниками наряду с реформаторами в верховном правительственном совете, *consilium speciale*, подобно тому, как во Флоренции хоругвеносцы Компаний занимали места как коллеги возле синьоров республики. Название их, произведенное от носимых ими знамен или хоругвей, перешло, впрочем, на все начальство гильдии стрелков, а в эпоху величайшего ее могущества распространено даже на всю синьорию Капитолия. После того как Гуго Кипрский покинул Рим, сенаторами были: осенью 1361 г. граф Павел де Ардженто Сполетский, а в 1362 г. Лазарь (*Lazzarus*) де Канцелярис из Пистойи.

В правление последнего римляне вели войну с Веллетри. Они в мае 1362 г. покорили мятежный город, снесли часть стен и перевезли городские ворота в виде трофеев в Рим. Война возгорелась снова и длилась целые годы. Ввиду того что провинциальная аристократия из жажды мести восстала против римлян, последовали внутренние перевороты. Исключение аристократии из республики сделало демократию безудержной. Летом 1362 г. народ изгнал живших еще в Риме аристократов, даже кавалеротти, и некий отважный сапожник Лелло Покадота провозгласил себя демагогом. Аристократия привлекла тогда к себе на службу итальянскую Компанию Шляпы, реформаторы же наняли немецких и венгерских наемников, 600 городских рейтаров и сделали в Риме смотр, причем оказалась немаловажная цифра — 22 000 человек пехоты. При всем том неурядица была столь велика, что народ покорился снова церкви. Он предложил папе Доминиуму, но с условием, чтобы Альборноц не смел отправлять никакой юрисдикции в городе. Кардинала боялись в Риме более папы. Он допустил сокрушение родовой аристократии, но со строгостью вооружился против неистовств демократии. Он настолько же не терпел, чтобы бароны делались в городах властелинами, сколько и поставления в оные поддест Семью. Он хотел ввести однообразные статуты, которым Рим подчинялся бы так же, как и Витербо, Анкона или Орвието. Но новый договор появился на свет лишь при преемнике Иннокентия VI. Папа этот скончался 12 сентября 1362 г. Он был лучшим из авиньонских пап, серьезный и здравый ум, направленный на благо церкви и ее народов, хотя и не был совершенно свободен от nepотизма. В правление свое посчастливилось ему благодаря гению Альборноца среди труднейших обстоятельств покорить снова церковную область. Долгие эти войны поглотили, конечно, несметные суммы денег, и со столь великими усилиями приобретенное могло столь же незаметно ускользнуть снова из рук. Тем не менее на смертном одре зрел Иннокентий VI все провинции покорными церкви. Один лишь еще страшный враг, Варнава Висконти, претендовавший с оружием в руках на Болонью, оставался в Италии не побежден, в то время как прочие все тираны преклонились перед церковью. Малатесты, Эсте, Орделаффи, Манфреды по большей части состояли в качестве вассалов на службе ее, да и сам Рим, счастливо избавившийся от аристократов-тиранов, признал синьорию папы. За год еще до смерти возымел Иннокентий VI серьезное намерение посетить Рим, в каковых видах император вызвался лично ему сопутствовать; но старость и болезненность помешали выполнению этого плана.

3. Урбан V, папа. — Война против Бернабо. — Рим чувствует папу. — Росо де Риччи, сенатор, 1362 г. — Римляне приглашают папу вернуться. — Мир с Веллетри. — Мир с Бернабо. — Государственная деятельность Альборноца. — Ревизия римских статут. — Продолжение демократического режима реформаторов и бандерези. — Наемные банды. — Возникновение их, сущность и организация. — Граф фон Ландау. — Ганс фон Бонгард. — Альберт Стерц. — Иоанн фон Габсбург. — Иоанн Гоквуд. — Флоренция пытается устроить против этих банд лигу. — Договор с Белой компанией. — Старания императора и папы к искоренению банд. — Булла против них, 1366 г. — Флорентинская лига, сентябрь 1366 г.

Вильгельм, сын Гримуальда, барон де Гризак из Лангедока, первоначально монах-бенедиктинец, затем профессор в Монпелье, аббат Св. Виктора в Марселе, никогда не бывший кардиналом, сделался преемником Иннокентия VI. Когда на него пал выбор, он находился нунцием при дворе королевы Иоанны Неаполитанской, которой супруг Людовик уже умер. Это произошло 28 октября 1362 г. 6 ноября вступил он в Авиньони на Святой престол под именем Урбана V

Важнейшим делом для нового папы являлось продолжение войны против Бернабо. Со времен Эццелина никакой яростный враг так не теснил церковь. Он не признавал более папу; он конфисковал все духовные имения: изысканными пытками мучил монахов и клириков; однажды заставил одного пармского священника с высокой башни изречь анафему над Иннокентием VI и кардиналами. Военными своими силами стеснил он Альборноца до последней крайности, Иннокентий воздвиг против Бернабо небо и землю и осаждал европейских государей просьбами об оказании помощи к удержанию теснимой Болоньи. Теперь с одинаковой ревностью и с еще большей ловкостью стал готовить Урбан V крестовый поход против тирана, подвергнутого им отлучению за еретичество.

Римляне поспешили передать новому папе *Dominium* своего города, и он признал их демократический строй, оставшийся без изменения. С ноября 1362 г. сделался сенатором Росо де Риччи из Флоренции, превосходнейшая личность, строго державший бразды правосудия, вешавший непокорных баронов на Капитолии и усмиривший бунт аристократии. По отбытии срока его должности римляне отправили его обратно во Флоренцию с почетным аттестатом. Письмо это от 30 мая 1363 г. подписали, наравне с семью реформаторами, также и бандерези и четыре старшины аркебузиеров и щитоносцев, откуда следует, что, несомненно, уже около этого времени причислены были знаменосцы к верховному совету.

Рим оставался спокоен, но внутри области бунтовала аристократия, именно дом Орсини. Бароны эти призвали теперь шайку Анникино, производившую набеги с Тосканы до самых городских ворот. Тем настоятельнее римляне жаждали возврата папы. Торжественное посольство пригласило весной 1363 г. Урбана V в Рим; он обнадежил римлян по примеру своих предшественников. В 1363 г. сенаторами были один за другим Гвельфо де Пульгиэнзибус де Прато и Бонифаций де Риккарди из Пистойи. Осенью на следующий год Альборноц заключил мир с Веллетри, чего настойчиво требовал сам папа, ибо по всей Италии, так писал он к римлянам, покоилось оружие, за единственным исключением этой войны. В самом деле, вся страна вкушала временный покой, ибо война между лигой церкви и Варнавой при посредничестве императора и королей французского и венгерского закончилась 13 марта 1364 г. миром, согласно которому Висконти отказался от Болоньи и получил 500 000 гульденов золотом в виде возмещения за убытки. Альборноц, которому после горячих усилий посчастливилось сохранить этот город, клейнод в короне Св.

Петра, поехал в Авиньон просить о своем отзывании, ибо завистники его внушили к нему подозрение. Его должно было оскорблять, что его место легата занято было кардиналом Ардуином, командированным папой для заключения мира с Болоньей и самим же им считаемым неспособным. Задача его была окончена; он мог покоиться на лаврах; тем не менее папа утишил его недовольство и уговорил его еще оставаться в Италии в качестве легата для Неаполя.

Великий государственный муж непрерывно посвящал рвение свое законодательству в церковной области, которое стремился привести в единообразный вид. К этому времени относится и реформа римских статутот, произведенная благодаря его влиянию. Альборноц утвердил тогда же уложение, согласно которому аристократия исключалась из государственных должностей. Народоправное верховенство реформаторов и бандерезиев продолжалось и на последующее время или наряду с иностранным сенатором, или при правлении их, как в 1365 г., одних без него.

В конце 1364 г. был сенатором Франциск Уголини де Архипресбитерия, перуджийский рыцарь, но в течение следующего года правили сенатом одни лишь семь реформаторов. Нет сомнения, что это состоялось с соизволения легата, и под этим лишь условием мог устроиться мир народа римского и Веллетри. Цехи вообще хотели вовсе удалить сенатора, которого содержание ложилось бременем на город, тем не менее замысла этого не провели. На первое полугодие 1366 г. призван был Иоанн де Родю Аквильский; за ним следовали реформаторы; затем сделался осенью 1366 г. сенатором Биндус де Бардис из Флоренции. Но на основании подобной смены не следует заключать о переворотах. Наоборот, реформаторы и главы стрелковой гильдии составляли прочную власть, одну, представлявшую правительство каждый раз, что сенатор выходил в отставку или не бывал еще назначен. В эту эпоху совершенно устранены были анархическое правление аристократии и борьба партий, так что Рим редко раньше наслаждался подобным порядком, как теперь. Учреждение стрелковой милиции было спасительно; оно сделало город способным противостоять наемным бандам, но не охранило римских провинций от наложения контрибуции этими, все страшнее становившимися вольными хищниками.

С середины XIV века началось все усиливающееся преобладание странствующего солдачества. Приведенная к распадену английской войной Франция и раздробленная Италия представляли для этого естественные арены. Историки того времени не в состоянии были постигнуть ни того, какая была причина, что столь многие синьоры из старой знати, столь много храбрых воинов, приставали к гнусным разбойничьим шайкам, ни того, откуда эти компании как бы в одну ночь вырастали все вновь и осмеливались безнаказанно пронестись по прекраснейшим странам. Этот симптом органического недуга в самом обществе они объясняли влиянием констелляций планет или карающей десницей неба. Тогдашний мир, в котором пришли в упадок великие средневековые устои, империя, церковь, ленная монархия, рыцарство, патрицийский городской строй, находился в разложении и искал новых социальных форм. Банды наемников составляли пролетариат распавшегося по всем порам европейского общества. Рыцарство, некогда европейская федерация, в котором находили себе законные формы мужская сила и мораль, одолено было возроставшей образованностью и благосостоятельностью гражданства; дух его покинул, и оно обратилось в рыцарскую погоню странствующих авантюристов за фортуной. То же самое гражданство вытеснило родовое дворянство из республик; отсюда явилось последствием, что праздные и честолюбивые дворяне, как Колонна, Орсини и Савелли, искали себе занятий в солдатском ремесле и стали фигурировать в виде кондотьеров. Падение аристократии, консервативного сословия, живдвшего-

ся на наследственном землевладении, явилось вместе с тем и существенной причиной распада старого общинного строя, ибо лишило общины духа рыцарской чести и воинственной силы, утрата которых не могла быть возмещена трудящимся, построенным на подвижных силах капитала, состоянием горожан. С того времени, как Рим и Флоренция низвергли дворян, оборонительные силы обеих республик стали все более и более умалываться. Индустрия и благообеспеченность сделали граждан неискусными к самозащите; они стали нанимать наемников, подобно общинам в античную эпоху упадка Эллады. При помощи тех же наемников тираны обращались во владык. Так повсюду создалось бесправное бытие удачи, права кулака и самоуправства. И вот, когда государства бессильно лежали во прахе, само общество стало складываться в союзы как для нападения, так и для отражения нападений. Водворилось господство ассоциации как в хорошем, так и в дурном значении слова. Одно и то же средство доставляло и гибель, и спасение. Это эпоха лиг политических и социальных, братств по оружию, рыцарских союзов, союзов городов, братств во всяком направлении и в каждой стране Европы.

Такой режим начался в истощенной Гогенштауфенами Германии с Генриха VII, в Италии — со времени изгнания папства и падения неаполитанской монархии, во Франции — с войны за наследство с Англией, едва не уничтожившей монархии Филиппа Красивого. В силу связей своих со всем миром сборным пунктом для наемных бродяг всех наций сделалась именно Италия. Вояки из Наварры и Франции, войной привлеченные туда же англичане, немцы, вследствие имперских отношений имевшие постоянно дело с Италией, поляки и богемцы, приведенные Карлом IV, венгры, пришедшие в Италию с анжуйским домом, стекались массами и даже в те времена, когда какой-либо мирный договор делал лишними их услуги. Ибо постоянного войска не существовало нигде. Войны церкви с Висконти, распри между Монферратом и Миланом, Синной и Перуджией, Пизой и Флоренцией доставляли наемным бандам непрерывно новую пищу, ибо всякий синьор и всякий город нуждались в них. Сами они составляли странствующие военные государства, замечательно хорошо организованные. Предводителя этих кругом зашитых в железо барбутов (как они назывались по своим шлемам) окружал совет из четырех капитанов из рейтаров (*cavalieri*) и из стольких же пехотинцев (*masnadieri*). Важные случаи возносились сверх того по республиканскому обычаю, на общее собрание всех капралов. Констаблы, маршалы, капралы составляли именно различные градации (*grades*) в военном таком союзе, смотря по тем бандирам или эскадронам, на которые делилась компания. Были судьи, нотариусы, казначеи, выдававшие добычу и жалованье и заведовавшие финансами. Цельный гарем женщин, увезенных монахинь и добровольных потаскушек сопровождал эти банды, которым предшествовало паническое бегство и последовали голод и чума. Пестрый их лагерь был рынком, на котором добыча монастырей и городов продаваема была мириадам торгашей, причем крупные банки Италии состояли в деловых связях с капитанами, помещавшими к ним на проценты награбленную добычу. С государствами и республиками компании вели переговоры в дипломатических формах, как равные с равными. Посланцев их принимали они в малом военном совете или на великом парламенте; к государствам отправляли прокураторов и ораторов; принимали и выдавали договорные грамоты, снабжаемые каждым капитаном своей печатью, свинцовой или красного воска. Ядром всех переговоров являлось, всеконечно, одно лишь простое вымогательство денег. Когда кардинал Альборноц потребовал через посланных от графа фон Ландау очищения церковной области, то этот предводитель банды с чистосердечным бесстыдством отвечал: «Государя мои, наш образ жизни в Италии всеобщее известие. Разбойничать, грабить, убивать сопутствующимся — таков наш обычай. Доходы наши помещены ипотекой в проследуемых нами провинциях. Те,

кому дорога жизнь, ценой сильных контрибуций покупают у нас мир и спокойствие. Если, стало быть, угодно господину легату пребывать с нами в добром согласии и обеспечить всем этим городам спокойствие, то пусть сделает он то, что делает весь свет, то есть платит, платит! Спешите отнести ответ этот вашему господину, ибо не могу поручиться, чтобы достопочтенным персонам вашим не повстречалось что-либо негоже, в случае если бы еще через час оказались вы случайно еще присутствующими здесь». Краснея, проделывал великий кардинал многократно то же, что делал весь мир, — откупался от разбойника.

В цветущую пору компании Ландау сделалась не менее страшной компания другого немецкого авантюриста Ганса фон Бонгарда, прозванного итальянцами Анникино. В то же время появились в Италии англичане, ибо в 1361 г. Иоанн де Монферрато выписал из Прованса «белую компанию» против Галеаццо Висконти. Этой компании дал деньги сам папа, чтобы от нее избавиться и сбыть ее в Италию. Со многими тысячами других ужасов занесла она туда с собой и чуму. Белая банда состояла из англичан, гасконцев и немцев под начальством Альберта Штерца, к которому вскоре присоединился и сам герцог Оттон Брауншвейгский. Равно один из Габсбургов, граф Иоанн, выступил в 1364 г. предводителем банды в Италии, командуя наравне с Амброзио Висконти, побочным сыном Барнабо, компанией Св. Георгия. Ближних и издалека чужеземных наемников призывали в злополучную эту страну папа, легаты, князья и города Италии. Сам Альборноц поспешил в Венгрию, чтобы достать наемных латников у короля Людовика, и неотступно осаждает был о том же Карл IV. В 1364 г. провозгласил себя предводителем английской компании прибывший в Италию со Штерцем англичанин Иоанн Гоквуд, «сокол на кусте». Прежде всех наняли его пизанцы, а впоследствии сделался он знаменитейшим из всех капитанов банд и долголетним другом Флоренции. Республика эта отказала в могиле Данте, но воздвигла почетный монумент в соборе своем разбойнику.

Не владея городами и землями, компании вольных грабителей благодаря организации своей были сильнее мелких итальянских городов, и судьбы страны находились в руках их. Один лишь антинациональный состав и недостаточность политических начал помешали им захватить действительное владычество над Италией, как то было с бандами времен Одоакра. Флоренция пыталась уже в 1340 г. воздвигнуть конфедерацию против этих вольных грабителей. Неотступно заботился об этом Альборноц, но лишь после мира с Барнабо удалось ему и папе принять более энергичные мероприятия. 15 сентября 1364 г. пригласил Урбан V Флоренцию, Пизу и все итальянские общины составить союз для изгнания банд. Всеобщая опасность отечеству снова доставила итальянцам случай объединиться в одной национальной федерации; но этому помешали подозрительность, страсти партий и общая слабость. Дело свелось к одним единичным лишь попыткам к избавлению. Для того чтобы сделать Белую компанию англичан безвредной и именно чтобы воспрепятствовать сношениям ее с бандой Звезды, Альборноц в январе 1365 г. от имени церкви, а королева Иоанна от лица Неаполя заключила договор с этой компанией, находившейся численностью из 5000 рейтаров и 1000 пехотинцев под командой рыцаря Гуго Мортимера. За 170 000 гульденов золотом обязалась она служить в течение шести месяцев церкви и Неаполю против всех врагов, именно Анникино, но и затем в течение пяти лет щадить церковную область и Неаполь. Договор имел лишь полусuccess. Анникино стоял с 10 000 человек в Тусции, где взял в марте 1365 г. Ветралу. Рим трепетал перед ним. Белая компания, вести которую должен был Гомец Гарсия, nepот кардинала, в качестве генерал-капитана церкви и Неаполя проявляла непокорность. Гомец тайно покинул ее стан и отправился в Орвието. Ан-

гличане его преследовали. Если бы они соединились с Анникино, то церковной власти настал бы конец. Но Гомец заключил уже с ним сделку, и Анникино нагнал англичан под Перуджию, где наголову их разбил. Эпизоды эти показывают, как беспомощно было тогдашнее состояние Италии.

В мае того же года приехал император в Авиньон и составил вместе с папой план искоренения банд. Чтобы удалить их из Франции и Италии, решили направить их против турок. Папа поручил Альборноццу их к этому уговорить, но капитаны наемников не чувствовали никакой охоты преобразиться в крестовых рыцарей; они подняли императора и папу на смех. В течение зимы компания Анникино утвердилась в Сутри и опустошала огнем и мечом Сабину и Тусцию. На следующий год Кампанья подверглась той же участи от банды Гоквуда, вторгшейся через Лирис из Неаполя. Римские послы поспешили в Авиньон и заклинали папу вернуться и спасти столицу христианства от гибели.

Урбан V видел себя попавшим теперь в такое точно положение, в каком некогда находился Иоанн X, ибо, подобно тому, как этот старался путем лиги избавить Италию от сарацинов, так старался и он освободить эту страну от несравненно страшнейших сарацинов. 13 апреля 1366 г. издал он отлучительную буллу против компаний, отбросов всех наций, замысливших вытеснить из владений церковь, королей и князей и основать в оных постоянное свое пребывание. Он предлагал капитанам наемников в течение определенного срока распустить их банды и выдать захваченные города; воспрещал всем князьям и республикам нанимать их и всем сеньорам и простолюдинам служить под их знаменами. Всех членов компании, вплоть до четвертого колена, объявил он отверженными. В отчаянии призывал он императора, князей и епископов, города и народы мира соединиться для искоренения страшных орд и обещал за это полную абсолюцию.

Булла прочитана была со всех кафедр Италии, и предводители банд с презрительным смехом отвечали на нее новыми злодеяниями. Эти рыцари фортуны знали, что могущество их было чересчур велико для того, чтобы быть опрокинуто одними громами отлучения, и что без услуг их не могли более обходиться ни тираны, ни республики, ни сама даже церковь. Сомнительно даже, чтобы они страшались и собираемой папой лиги, ибо слишком хорошо ведали зачатки распада, носимые в себе всяким такого рода союзом. 19 сентября 1366 г. заключена была итальянская лига на конгрессе городов во Флоренции под председательством папских легатов. Она обнимала церковную область, Неаполь и Тоскану; вступить в нее должен был и не приславший еще послов римский народ. Но конфедерация эта распалась уже в декабре 1367 г., ибо ревнивая Флоренция протестовала против допущения императора.

4. Урбан V решает вернуться в Рим. — Оппозиция французов и кардиналов. — Сатиры Петрарки против Авиньона. — Увещательное письмо его к Урбану, 1366 г. — Патриотическая апология его Италии и Рима. — Основания, побудившие Урбана V покинуть Авиньон. — Римская его экспедиция, 1367 г. — Флот в Корнетской гавани. — Торжественная высадка и прием Урбана. — Кардинал Альборноцц. — Поездка Урбана в Витербо. — Смерть кардинала Альборноцца. — Смуты в Витербо. — Отъезд папы. — Торжественный въезд Урбана в Рим, 16 октября 1367 г.

Уже ранее заключения итальянской лиги принял Урбан V решение вернуться в Рим. В мае 1365 г. укрепил его в этом Карл IV и обещал провожать его самолично. Бурные мольбы римлян и всех итальянских патриотов встретили, наконец,

благосклонное воззрение в шестом авиньонском папе. Но едва лишь успел Урбан огласить великое свое решение, как поднялась против него буря. Карл Французский, все придворные и кардиналы противились, только трое итальянцев в святой коллегии поддерживали этот план. Исполненные любви к родине и национально-го высокомерия, опасаясь утратить власть свою в курии, содрогались прелаты эти при мысли о промене роскошного Авиньона на дикий Рим. В царственной неге обитали они на берегах Роны; в палатках своих утопали в роскоши Востока и Запада, причем, благодаря злоупотреблениям церковной администрации, всыпали несметные богатства в сундуки свои. Франция и Италия оспаривали друг у друга обладание папой, и национальная их ревность отзывалась уже начатками зарождавшейся схизмы. С одной стороны, стоял эгоизм французов, хотевших исключительное состояние возвести в закон; с другой — историческое право итальянцев, утверждавших, что Рим есть Богом предызбранная резиденция обеих «вершин мира», императора и папы. Слабые доводы французов с трудом опирались на указываемые упадок Рима и разложение Италии, ибо и тогдашняя Франция подобна была пустыне. Сатиры Петрарки на Авиньон дышат патриотической ненавистью, долженствующей быть почитаемой за истинное выражение итальянского национального чувства. Он называл Авиньон то Вавилоном, то адом, в котором пожирает все Цербер; это не город, но вместилище сатиров и демонов, клоака всевозможных наименований пороков. Папу уподоблял он воздвигающему башни Нимроду. Письма его различных эпох полны завлекательнейших изображений жизни при папском дворе и испорченных нравов этого Дамаска, где все продажно до золота и где поток сладострастия бесповоротно погребает всякую невинность. До фанатизма доведенная любовь к заброшенному Риму вовлекла Петрарку в несправедливость. Авиньон, которому он обязан был предметом поэтических своих вдохновений и, быть может, своей славой, явился в глазах его козлом отпущения за пороки, омрачавшие тогдашнюю курию, а не безвинную почву Прованса, и французы могли, быть может, не без основания утверждать, что пороки эти занесены были впервые итальянцами, причем с не меньшим правом заявляли, что Авиньон явился для папства не ссылкой, но мирным приютом.

28 июня 1366 г. Петрарка длинным письмом убеждал Урбана V к возвращению в Рим. Замечательное это послание носит следы утомления и лет, но смелый его язык отражает республиканский век и ныне не мог бы более быть услышан. Как он юношей писал к Бенедикту XII, мужем — к Клименту VI, так теперь старцем — к Урбану V С бесстрашным величием разил он пороки курии и эгоистичное тщеславие кардиналов и напоминал папе о долге его как преемника апостола Петра и как епископа римского.

С XVI века решением света провозглашена была Италия раем Европы, но еще в XIV веке пришлось Петрарке отстаивать преимущества своей отчизны против французов. Нарочно как бы для них раскрыл он красоты итальянской природы. Провансальцы имели отвратительнейшие представления о климате, продуктах и народе сада Гесперид Виргилия. По мнению их, Италия лежала за пределами мира, и как переход через Альпы, так и плавание по Средиземному морю казались им одинаково страшными. Петрарке пришлось их убедить, что путешествие в недалекую Италию восхитительно как горой, так и водой. Он первый начертал изображение дивности и плодородности Италии, называя ее прекраснейшей землей под небом. Он защищал и Рим; край вокруг города плодородный, да и сам город открыт для подвоза по Тибру; изнеженные кардиналы могли без труда выписывать себе туда их бургундское из Бона.

Смешно подумать, чтобы 20 или 30 духовных отцов не могли жить в Риме, где жили в изобилии 300 patres conscripti, столь много императоров и князей, бесчисленное число граждан и иностранцев. Он напоминал Урбану об опасности от турок; церковь грозима с востока, а он, папа, прячется в каком-то углу Запада, вместо того чтобы идти навстречу врагу в Рим и даже в Константинополь. Он напоминал ему о суде Божием, перед которым некогда придется ему отдавать отчет, когда спросит его Христос, вследствие чего избрал он резиденцию себе вместо Богом предуказанного ему Капитолия Авиньонский утес. «Что ответствовать станешь ты Петру, когда он речет тебе: — Я бежал из Рима от ярости Нерона; учитель Мой осудил мое бегство; я вернулся в Рим на смерть; но ты реки, какой Нерон и Домициан изгнали тебя из Рима? Желает ли ты на Страшном суде восстать в числе позорных грешников Авиньона, чем посреди Петра и Павла?»

Но к великому шагу побудил Урбана V не этот призыв самим им высокопочитаемого гения. Пребывание его в Авиньоне стало ненадежно. Ему, как и его предшественнику, пришлось там позорно откупаться от наемных банд. Французские дела привела вразброд война с Англией. Франция походила на пустыню, обуреваемую разбоями, голодом и чумой. Черная смерть поразила в 1361 г. в Авиньоне девять кардиналов, 70 прелатов и 17 000 человек народа. Локальная узкость давила папство. Для оживления своего оно нуждалось во всемирно-историческом воздухе Рима. Исход пап в Авиньон был аномалией. В силу исторической необходимости требовал Рим изгнанника своего назад. Он был тот теократический город, то освященное преданием, историей и верой местопребывание церкви, вне которого папство являлось лишенным всех тех мистических завес, которые скрывали его от пытливых взоров мира. Долгое резидирование в Авиньоне разорвало эту завесу, профанизировало даже ее и обнажило в непосредственном соприкосновении критическим расследованиям Запада. Как ни верен был принципиально тезис авиньонистов о том, что папа всюду представляет в мире церковь, но настолько же была неопровержима истина, что, при каких бы то ни было обстоятельствах вне Рима всегда должен он казаться лишь бездомным изгнанником. Да и к тому же теперь благодаря гениальности Альборноца церковная область была снова приведена к покорности Святого престола. Флорентинская лига была уже заключена; другая заключалась с верхнеитальянскими династиями для обеспечения церковной области против угрожающего могущества Бернабо. Морские города обещали суда для перевозки папы. Император сам предлагал лично эскортировать его. И что могло быть натуральнее того, что император римский отвозил в Вечный город папу! Могло ли быть преподнесено Италии более великое зрелище, как торжественный въезд обоих глав христианства в столь давно заброшенный Рим? Императорская поездка для сопутствия папы порешена была даже на рейхстаге во Франкфурте. Урбан V выразил Карлу IV по поводу этого постановления свою радость; он желал его прибытия для успокоения Италии, но стеснялся раздражить могущественного Бернабо, стремившегося держать императора вдали от Италии.

С мужественной решимостью в последний день апреля 1367 г. Урбан покинул Авиньон. Пять кардиналов остались там. Петрарка нарисовал злобно-утрированную картину того состояния, в котором очутились по-женски вопившие прелаты, когда флот вышел 20 мая из Марселя в море и родная страна исчезла из их взоров. Они жаловались, будто их везут не как князей церкви в столицу христианства, а как турецких рабов в Багдад. Великолепно вооруженный флот, состоящий из 60 галер, присланных Неаполем, Венецией, Генуей и Пизой, подобно плавучему городу, покрывал море. 23 мая пристал он в Генуе, где Урбан

встречен был с необъятным ликованием, как некогда Иннокентий IV. Он пробыл там пять дней. 1 июня находился он в гавани Пизы; 4-го вошел флот в гавань Корнето. Это был в то время богатый и хлебный пункт, красивые башни которого превозносились современниками и поныне придают городу средневековый вид. Несметные толпы встретили святого отца на берегу. Синьоры из Романьи, из Сполето и из Мархии, послы от Орвието, Пизы, Флоренции, Сиены, Перуджии, Витербо, графы, бароны, епископы и аббаты, ближние и дальние, набожно преклонили колена на этом берегу церковной области, на который после 60 с лишком лет интервала впервые снова ступал папа. Усланный коврами трап воздвигнут был в море, а богато убранные палатки стояли на берегу. Путника встретил Эгидий Альборноц, человек, без которого никогда не отважился бы на эту поездку Урбан V и благодаря которому главным образом папство снова перенеслось из Авиньона в Италию. Когда великий этот укротитель тиранов, приведший к покорности Святому престолу после столь долгих войн Рим, Тусцию, Сполето, Умбрию, Мархию, Романью и только что перед тем возвративший Ассизи, ныне дряхлый старец, опустился на колена перед Урбаном, — то представил своей особой бьющую ему челом церковную область. Папа отслужил на берегу мессу, затем совершил въезд в ликующий торжеством Корнето. Там провел он пять суток в монастыре миноритов и отпраздновал Троицын день. Вскоре предстало перед ним посольство с Капитолия; оно вручило ему полное *dominium* Рима и ключи от замка Ангела.

Через Тосканеллу поехал Урбан далее на Витербо. Въезд свой в беспокойную эту столицу Патримониума имел он 9 июня, поселился на житье в построенном Альборноцом замке и намеревался пробыть здесь некоторое время для устройства всех итальянских дел и для принятия князей, синьоров и послов, долженствовавших сопутствовать ему затем в Рим. Жаркое лето приближалось; если бы папа повез в лихорадочную пору года в Рим кардиналов, из которых многие, совершив путешествие горой, присоединились к нему лишь в Витербо, то они могли бы умереть от страха.

В Авиньоне Карл IV обещал ему съехаться с ним в Витербо, но его поездка не состоялась. Италия желала возвращения своего папы, но не императора.

В Витербо съехались многие великие вассалы церкви; ежедневно прибывали с блестящей свитой посольства из итальянских городов. 5 августа заключена была для охранения их владений лига между папой, маркграфами д'Эсте, синьорами Мантуи и Падуи. Направлена она была против Висконти; император также обещал поддержку. На оживленность витербской жизни, вселившей снова в папу сознание, что церковь по-прежнему составляла в Италии силу, набросила первую тень кончина Альборноца. Великий кардинал скончался в замке Бонрипозо под Витербо 24 августа, не дождавшись возвращения папы в Рим. Четырнадцать лет пробыл он в Италии легатом; среди труднейших обстоятельств разрешил свою задачу. Тиранов привел он к стопам своим, восставил города, составил для Мархии, Романьи и прочих провинций книгу законов, которая, будучи позднее ревидирована и утверждена Сикстом IV, сохранила под именем Эгидианы действующую силу до новейшего времени. Он был гениальнейший государственный муж, когда-либо заседавший в коллегии кардиналов. Скорбь по нему охватила боявшуюся или любившую его Италию. Побежденные им враги дивились его мощи и преклонялись перед его великодушием; друзья оплакивали в нем надежнейшую опору. Болонья, вырванная им из-под власти тиранов и одаренная благодетельными учреждениями, поныне сохраняет благоговейную память о нем. Согласно духовной воле кардинала, прах его предан был земле в Св. Франдиско, в Ассизи, а затем пере-

везен в Испанию. Папа даровал юбилейную индульгенцию всем, кто пронесет некоторое расстояние на плечах своих гроб. Аристократы и принцы, в числе которых сам Генрих Кастильский, предложили свои услуги, и так усопший переносим был от города до города до самого Толедо и помещен был в Св. Ильдефонсо в мраморный памятник, единственным украшением которого было имя «Эгидий Альборноц». В Риме ничто не напоминает о нем; неизвестно даже, был ли он вообще и когда именно в этом городе.

Неудачная картина радости и примирения, явленная для первой встречи Урбана V Италией, помрачилась с кончиной человека, которого папа называл надежнейшим оплотом церкви. Вскоре после того напугали его смуты в Витербо, бывшие 5 сентября. Население этого города, воспитанное в простых и демократических обычаях, раздражено было надменным обращением французских куртизанов; оно бросилось брать штурмом дома некоторых кардиналов с кличем: «Да здравствует народ! Смерть церкви!» Трепещущие прелаты укрылись в замке под защиту папы. Витербцы обложили самую резиденцию Святого Отца. Разнесли городские ворота и построили баррикады. Трое суток продолжались волнения, пока благодаря всюду разнесшейся молве стеклись вооруженные люди из соседних городов для освобождения папы. Хронист Орвието делает замечание, что смуты эти устроены были самими кардиналами, чтобы вселить в папе отвращение к Италии. Тем не менее буря улеглась, и граждане витербские с раскаянием изъявили покорность. Невзирая на это, интердикт, который Урбан вынужден был наложить на столицу Пагримониума, когда едва успели замереть радостные клики при его встрече, и отвратительные зрелища воздвигнутых виселиц должны были глубоко его огорчить и отнять чувство безопасности.

14 октября тронулся он, наконец, из Витербо под эскортом маркграфа Николая д'Эсте, которого поджидал. После трехдневного перехода папский поезд достиг Рима. Это было утром 16 октября, в субботу. Когда Петрарка убеждал Урбана V к возвращению домой, то сказал, что сами ангелы встретят его у ворот Рима. Но если бы небесные духи и прилетели для присутствия при торжественном въезде Урбана, то тотчас бы и удалились благодаря воинственному грохоту литавр и труб и зрелищу длинных рядов закованных в латы рейтаров. Наместник Христов въезжал в город как собравшийся на бой и войну военачальник или как король-завоеватель — во главе целой армии. Не беремся изображать чувства, преисполнившие душу Урбана, когда вырел перед ним маститый веками собор Св. Петра, когда узрел он стены, башни, руины Вечного города. Навстречу ему устремились народ римский, магистраты, клир, дабы пальмами, цветами и знаменами, пением священных гимнов приветствовать вернувшегося наконец супруга искручинившегося Рима. Граф Амадей Савойский, Николай д'Эсте, Рудольф де Камерино, Малатесты, бесчисленное число баронов и рыцарей, хоругви многих городов сопровождали, открывали и замыкали с двумя тысячами рейтарами и с большим числом пехоты духовный кортеж. Папа ехал на белом иноходце, которого поводья держали итальянские князья, над головой же его держал синьор Камерино развернутое знамя церкви. При нем находились одиннадцать кардиналов, в большинстве мрачно и подозрительно озиравшихся вокруг. Более 2000 епископов, аббатов, приоров, клириков всех степеней предшествовали или следовали за ним. Казалось, что после долгого пленения папа вел обратно к Св. Петру христианский клир. Вступили в святой собор. С молитвой повергся Урбан у мощей апостола и занял затем место на кафедре, на которой в течение 63 лет не восседал ни один папа. Он въехал в Ватикан. Дворец этот скудно был реставрирован для приема его; он, как Св. Петр, как весь Рим, представлял картину безотрадного упадка.

ГЛАВА II

1. Петрарка приветствует Урбана V. — Франция и Италия. — Состояние Рима в эту эпоху. — Урбан упраздняет правление бандерези и ставит консерваторов. — Приезд в Италию Карла IV. — Въезд его и папы в Рим. — Постыдный выезд императора из Италии. — Перуджия непокорна папе. — Император византийский в Риме. — Урбан возвещает свое решение возвратиться в Авиньон. — Пораженность римлян. — Святая Бригитта в Риме. — Аттестация папы о добром поведении римлян. — Посадка на суда в Корнето. — Кончина Урбана в Авиньоне, 1370 г.

Возвращение папы в Рим явилось в глазах тогдашнего мира великим событием и религиозным делом. «Когда вышел Израиль из Египта, дом Иакова — из чужого народа», — так начинал 114-м псалмом поздравления свои Петрарка к Урбану, только теперь ставшему наместником Христовым и преемником св. Петра и в один день загладившему грехи пяти предшественников и 60 лет. Пламенный итальянец еще раз принял защиту своего отечества. Он говорил, что хотеть вообще сравнивать Францию и Италию — ребячество, ибо все дивное, чем обладает мир, искусство и науки, — изобретение итальянцев; величайшие поэты, ораторы, философы и отцы церкви — происхождения латинского, и как цезаризм, так и папство происходят от латинского корня. В то время французы уже называли Италию страной мертвых; но при всем том, если Петрарке с болью и приходилось сожалеть, что войнами и долгим отсутствием императоров и пап Рим обращен был в руину, то с гордостью мог он указывать на морское владычество современной ему Италии и на цветущую силу Флоренции, Болоньи, Венеции и Генуи. Теперь он убеждал папу, прекраснейшее, что, по выражению Виргилия, когда-либо освещается было солнцем, — восставить из упадка, населить, сделаться восстановителем города и водворить в нем также и прежние достопочтенные нравы.

Поэты той эпохи изображали Рим в образе горестно стонящей во прахе и пепле вдовицы, Урбану же V одичавший дух города представлялся, быть может, в еще несравненно мрачнейшем виде. Когда он из пустынного Ватикана бросал взор на Рим, даже когда в процессии проследовал через этот город, то с ужасом должен был от него отшатываться и подтверждать ненавидящие отзывы своих придворных. Рим времен Урбана V мог быть уподоблен тому, каким был город во времена Григория Великого или же являл даже еще более неприветный облик. Ибо к руинам древности присоединились и христианские, к разрушенным храмам — разрушенные церкви. Св. Петр находился в запустении, Св. Павел целые годы уже лежал на земле; Латеран снова истреблен был в 1360 г. пожаром. Почти все базилики и монастыри сгнили и обитаемы были немногими лишь духовными. Болота и мусор безобразили площади и улицы, в которых растрескавшиеся башни, сожженные дома и всякого рода опустошения являли ужасающую хронику всех войн, перенесенных в XIV веке городом. Несомненно, что в том же веке иные знаменитые города имели такой же вид. Изображение Петрарки состояния Болоньи после мира с Бернабо или Парижа, по возвращении из английского плена короля Иоанна, являет столь мрачную картину запустения, какую только когда-либо мог представлять Рим. Но Рим был столицей мира, величие же древности представляло непрерывно масштабы, по которым приходилось измерять бедственность настоящего. Когда с роскошными своими придворными двигался папа по узким и сырým закоулкам, то мертвая тишина города наводила на него страх, а еще более того — вид народа, наружность и манеры которого свидетельствовали о моральном одичании и о нищенской бедно-

сти. Некогда столь многочисленное духовенство исчезло, некогда столь блистательная аристократия — также. Бароны обитали теперь, по большей части, в Кампанских своих замках; Колонны жили в Палестрине, Генаццано, Палеано и Олевано; Анибальди — в Каве и Моляре, Конти — в Вальмонтоне, Орсини — в Марино, Гаэтани в Сермонете и Фунди, Савелли — в Альбано и Аричии. Долгое отсутствие курии явилось неопровержимо сильнейшей из всех причин, поведших к столь глубокому упадку Рима. Следует, однако, опровергнуть преувеличения, сделанные относительно состояния города позднейшими историками. Ни население Рима не падало до 17 000 человек, ни народ римский, как ни подавлен должен был быть усобицами, кровавой местью и бедностью, не опускался до такой степени, чтобы уподобляться бесправной орде. Город по-прежнему все еще составлял республику, оказывавшуюся в силах вооружать собственное войско и воевать с городами и властью которой признаваема была до самых границ прежнего римского дукатства. Строй ее при реформаторах и хоругвеносцах оказался даже вполне целесообразен, одолел аристократию и положил препоны фамильным войнам. Малая сила римлян и ничтожество политических их тенденций возбуждали, правда, иронию флорентинских историографов, но народоправное правление, которое себе дал и долгие годы удержал город, явилось доказательством, что он сохранил еще способность к самостоятельной политической жизни.

Возвратившемуся папе римляне преподнесли синьорию, а он им дал в сенаторы рыцаря Блазиуса Фернанди де Бельвизио. Перенеся резиденцию свою снова в Рим, папа изменил и устройство города. Наградой папе за возвращение явилось пожертвование вольностями народа. Он упразднил Семерых и бандерези и поставил, наряду с чужеземным сенатором, 3 консерваторов городской камеры, то есть городской совет с судебными и административными функциями, которого должность существует поныне. Ввиду того что власть аристократии была сломлена, надлежало теперь устранить и одинаково опасное народное управление и создать беспристрастную магистратуру. Измученный народ покорился, политические его тенденции начинали замирать. Высшая магистратура Рима состояла отныне из сенатора и консерваторов; но при всех важных вопросах признаваемы были 13 капитанов кварталов и консулы цехов. Грамоты того времени свидетельствуют, что Урбан V тотчас по своем прибытии стал истинным повелителем города, замещал всех высших чиновников в городе и издавал законы по заведованию юстицией, озабочиваясь в то же время водворением мира в Кампанию. Зимой провел он в Риме, где предпринял возобновление церквей. В марте 1368 г. принял посещения королевы Иоанны Неаполитанской. Приехал и король кипрский. В мае переехал Урбан ради более здорового воздуха в Монтефиасконе. Он ожидал там императора, намеревавшегося, согласно своему обещанию, приступить теперь к поездке в Рим. Ранее выезда из Германии подтвердил Карл IV 11 апреля 1368 г. в Вене, по требованию папы, все права церкви буквально согласно тексту диплома Генриха VII; дабы не учинились какие-либо для церкви ущербы от происшедших в Италии нововведений во время продолжительного отсутствия пап следствием возмущения городов и тиранов; и таким образом, папа считал за нужное в эпоху даже глубочайшего бессилия империи придать новосформировавшейся церковной области санкцию от высшей светской власти. Прибытие императора являлось теперь желательным для Урбана V, ибо тот должен был стать во главе великой лиги, имевшей целью побороть вновь отлученного Бернабо. Войска этой лиги примкнули к Карловым по прибытии его в начале мая 1368 г. в Италию, но ожидаемые военные действия не состоялись и на сей раз. Император охотно склонился на подкуп со стороны Висконти золотом; после потерянного в бездействии времени переправился он через Модену и Болонью в Лукку,

Пизу и Сиену и повсюду наполнял казну свою золотом. Папу настиг он 17 октября в Витербо. Здесь пробыл он много дней и затем авангардом поехал в Рим. Последовавшего за ним с 2000 рейтарами Урбана встретил он 21 октября у церкви S.-Maria Maddalena на Монте Марио и проводил его к Св. Петру, идя с графом Савойским смиренно пешком и держа под уздцы иноходца.

Полтора года уже лет невиданное более зрелище императора и папы, совершавших в мирном согласии въезд в Рим, не возбуждало более людского энтузиазма, ибо что был в эту эпоху император. Карл IV служил за диакона при мессе у Св. Петра 1 ноября во время коронации папой Елизаветы, дочери Богислава Померанского и четвертой супруги императора. Он совершил посвящение в рыцари у алтаря Св. Петра, равно и императрицы на мосту Ангела, во время шествования ее под короной через Рим. В своем богемском королевстве могущественный монарх и превосходный правитель Карл IV в Италии сделался почти презираемым. По отбытии из Рима в январе 1369 г. подвергся он в Сиене во дворце осаждению народом и постыдно был изгнан. Он продал свой позор за 15 000 гульденов золотом и поехал в Лукку. Как некий предводитель банды, но не пользуясь уважением, равным Гоквуду, дал он Пизе и Флоренции откупить себя за пару тысяч гульденов, которые, смеясь простодушию итальянцев, спокойно положил в карман. Папу обманул он с таким же спокойствием; в качестве главы лиги благородно не предпринял он против Висконти ничего; династы эти добились, наоборот, 13 февраля выгодного мира. Итак, в июне Карл IV вернулся в Германию с наполненным кошельком, презираемый всей Италией, вернулся самым неимператорским образом, как не возвращался ни один из отправлявшихся в Рим императоров, но зато показал себя разумным человеком. Как ни глубоко пал престиж императорского величества, но и престиж папства не более возрос, невзирая на то, что политический упадок итальянских сил принес ему минутную выгоду. Города в церковной области принимали без сопротивления ставимых папой магистратов. Упорствовала еще одна лишь Перуджия. Город этот, раздраженный за Ассизи и другие места, отнятые у него Альборноццо, с изумительным мужеством поднял оружие против возвратившегося папы. Урбан повелел объявить 8 августа 1369 г. против перуджинцев процессы и в тот же день переехал из Монтефиасконе в Витербо; банда Гоквуда, нанятая Перуджией, производила набеги до самых ворот этого города.

В Риме ожидал папу триумф по возвращении его 13 октября в Ватикан. Иоанн Палеолог, восточный император, явился просителем, моля о помощи против все сильнее напирających турок. По нужде отрекся он во дворце Santo Spirito от своей веры, и затем 21 октября принял его Урбан на ступенях у Св. Петра. В тот же самый день, в который за год перед тем провожал его в собор апостола император Запада, вступил с ним теперь в святую эту базилику император Востока; в присутствии его служил папа обедню. Так в течение годового промежутка видел Урбан обоих императоров у ног своих; но монархи эти, когда-то владыки мира, к половине XIV века были лишь бессильными призраками: один — преемник Карла Великого — был лишь терпимым гостем в Риме, другой — преемник Юстиниана — лишь докучливым нищим Запада.

Извлеченные отсюда Урбаном в Италии успехи не могли обмануть никакой дальновзоркий ум. Церковь не была более политическим центром тяжести, вокруг которого вращалась Италия. Внезапная буря могла изменить все и уничтожить тяжелый труд Альборноццо. Но не одни лишь эти соображения побуждали Урбана вернуться во Францию. Большую роль при этом играли и личные симпатии и антипатии. Пребывание в Риме являлось для него невыносимым, равно как и разъезды

по Патримониуму, где лето проводилось им в скучном замке Монтефиасконе или же в унылом Витербо. Ему не приходилось, правда, упрекать ни в чем народ римский, ибо в отсутствие его не слышно было ни про какие эксцессы; но минутным этим спокойствием обязан он был лишь политике римлян, желавших удержать папу, или же лишь сильной, приведенной им с собой воинской рати из французов, бургундцев, англичан и немцев. Решение покинуть Рим принял он твердое, но таил его пока. Прощанием его с городом было торжественное переложение апостольских св. глав 15 апреля 1370 г. в Латеране; ибо для этих частиц св. мощей изготовлены были по приказанию его серебряные бюсты, в которые и были они заключены. 17 апреля выехал он из Рима и въехал 19-го с сильной ратью в Витербо ввиду осады Ветраллы префектом города. Франциск, сын Иоанна де Вико, в глазах у Св. Отца поднял оружие и заключил союз с Перуджией; появление папы, которого римляне снабдили 200 рейтарами, заставило его, однако, быть осторожным, и он в мае изъявил покорность в Монтефиасконе. Это расположило к переговорам и перуджинцев. Урбан был этому рад, ибо таким образом пали последние помехи к возвращению его в желанную Францию.

Представление об обязанности основать Святой престол снова в Риме не было настолько сильно в душе Урбана, чтобы сделать его мучеником в стране, которой он оставался вечно чужд. Придворные его непрестанно буквально штурмовали насчет возврата, и он решился на него тем скорее, что надеялся присутствием своим уладить вновь вспыхнувшую войну между Англией и Францией, но только в Монтефиасконе сделал гласным свое решение. Ответом ему были глубокая скорбь итальянцев и радостные ликования французов; имя Авиньона наэлектризовало кардиналов, протомившихся за три итальянских этих года как бы в бесконечном времени жесточайшей ссылки. В это время одна праведница предстала перед папой и предсказала ему неминуемую смерть в случае вступления его вновь в Авиньон. Среди развала Рима бродила в то время и с давних уже лет провидица с севера, погруженная в глубочайший мистический энтузиазм, не нарушаемый боевыми кликами одичалого народа, ежедневно орошавшего улицы своею кровью. Это была Бригитта, супруга и вдова знатного синьора Ульфо, которому родила восьмерых детей, шведка из княжеского рода. Благочестивое стремление к пелеринажам привело ее ко всем знаменитым пунктам богомолия Испании, Франции, Германии и Италии. В одном из монастырей своей отчизны имела она видение: явился ей Христос, и глас Его изрек: «Ступай в Рим, где улицы покрыты золотом и кровью мучеников; там пробудешь ты до тех пор, пока узришь папу и императора, которым должна возвестить ты Мои слова». В первый раз пришла она в Рим в 1346 г., за год до революции Колы ди Риэнци, во второй раз — во время юбилея 1350 г. и осталась там до смерти. Друзья провожали ее, а двое из детей ее, именно благочестивая дочь Екатерина, последовали за ней. Она изучила латинский язык. Жила она в доме на нынешней площади Фарнезе, где в построенной в честь ее церкви показывают еще комнаты, в которых она жила. Блеск прошлого обменяла она на одежду смирения, будучи искренне набожной, как те англо-саксонские короли, которые в VIII веке являлись в Рим. Она странствовала из церкви в церковь, из госпиталя в госпиталь. Благородную эту женщину можно было видеть в одежде пилигримки у монастыря Св. Лоренцо в Панеперне, просящей милостыню для бедных; и она с благодарностью целовала подавание, которое ей клали в руку. Петраркой на пепелище города могла бы она быть сочтена за скорбящего гения овдовелого Рима, если бы не была бледным призраком севера и праведницей. Она была исполнена духа видений. Ей слышались голоса Спасителя и Пречистой Девы или их икон, и дивящиеся друзья ее благоговейно записывали видения ее в книгу как пророчества Сивиллы. Один го-

лос открыл ей, что Урбан должен умереть, если вернется в Авиньон; она поведала об этом кардиналу Рожеру Бофор; ввиду отказа его довести о сем предсказании до сведения папы, отправилась она в Монтефиасконе сама и запретила папе под страхом неминуемой смерти покидать Италию. Но Урбан V пребыл нем к угрозам северной профетессы. Поражение римлян было велико. От трехлетнего присутствия своего епископа пользовались они многими выгодами, большим спокойствием и благоустройством, приливом благосостоятельности, восстановлением значения города. Это едва начатое дело хотел теперь бросить папа, а кто мог знать, на сколько времени оснует он снова резиденцию свою в Авиньоне? 22 мая явились римские послы в Монтефиасконе. Они бросились к ногам папы. «Привет вам, сыны мои, — так отвечал им Урбан. — Дух Святый привел меня в Рим и уводит меня снова во славу церкви».

26 июня 1370 г. написал он на прощание к римлянам письмо с утешениями; он полагал, что отъезд его глубоко их опечалит, что они будут бояться, что преемники его никогда не вернутся более в Рим. Он глубоко опечален был сам; но в утешение им и ознакомления ради своих преемников оставляет он им свидетельство, что целых три года в великом спокойствии провел в Риме и испытывал от них одну лишь почтительную любовь; что вина ухода его лежит не в Риме, а во внешних обстоятельствах. По духу постоянно пребудет он с ними до тех пор, пока продолжится собственная их преданность к Святому престолу; и издалека будет он отчески пешись о них; как сильные и благоразумные мужи должны они переносить его отъезд и в мирном единомыслии ожидать, дабы никакое неблагополучное состояние города не могло удержать со временем от возвращения его или его преемников. Аттестация папы о добром поведении чад его, римлян, почтительно обращавшихся с ним в течение трех лет, является одним из диковиннейших памятников из истории папства; она освещает мглу долгих веков мук и скорбей, пережитых в Риме папами. Что сказали римляне, когда сенатор их, Берtrand де Мональдензибус, прочел им во всеулышание на парламенте это прощание расстающегося с ними папы? Личность самого Урбана приобрела ему искренних друзей в Италии. Он ненавидел мирскую помпу и злоупотребления в церкви и курии; не терпел ни nepотизма, ни симонии; не копил сокровищ; подавал охотно; был доброй нравственности, серьезный и кроткий человек. Его охотно удержали бы в Италии.

По духовным делам оставил Урбан викарием своим епископа Иакова Арещко-го, светское же управление поручил до вступления в должность нового сенатора консерваторам. Перед тем уже под страхом тяжчайших церковных кар повелел он не менять нового строя, никогда не возвращаться более к упраздненному правлению бандерези. Корабли пизанцев, Неаполя, королей французского и арагонского собрались в Корнето. Епископы и синьоры церковной области, послы от республик, вооруженные дружины воинов провожали папу в ту же самую гавань, с которой три года назад высадился он на землю. Сцена была оборотной к первой, и момент не менее потрясающий, когда 5 сентября 1370 г. Урбан V, грустный, страждущий, глубоко взволнованный, с борта галеры преподал благословение свое всему несметному, покрывавшему берега Корнето народу. Скрылись паруса на горизонте, скрылось снова и папство из глаз прекрасной, но несчастной страны, которой принадлежало оно по праву собственности и которую с радостью, как некую Вавилонскую пустыню, покидали кардинады. Так оказалось возвращение Урбана в Рим одной лишь поездкой в гости.

Мы не последуем за ним за море. Возврим лишь на этого папу несколько месяцев спустя по возвращении его в Авиньон, где тотчас постигла его смертельная болезнь. Лежит он во дворце своего оставленного легатом в Болонье брата, кар-

динала Анджелика Гримоард, на жестком одре, завернутый в мантию св. Бенедикта, с распятием в руках; через растворенные по приказанию его двери притекают люди, знатные и простые, придворные и бедные; он хочет, чтобы свет видел ничтожество высочайшего своего величия. Он умирает. Пророчица Бригитта предсказала верно.

По кончине 19 декабря 1370 г. благородного Урбана усмотрел свет в смерти его карающую десницу неба. Смел ли папа спокойно снова молиться в маленькой церкви на Rocher des Domes в Авиньоне, после того как только что перед тем молился у алтаря Св. Петра в Риме? Не должен ли был постоянно представляться возбужденному его духу лик апостола? «Навеки занял бы папа Урбан место среди distinguishedнейших людей, если бы, умирая, приказал перенести одр свой к алтарю Св. Петра и если бы там же со спокойной совестью и отошел, призывая в свидетели Бога и мир, что если когда папа и покинул это место, то была это вина не его, но зачинщиков столь постыдного бегства». Так писал Петрарка, узнав в Падуе о кончине Урбана.

2. Григорий XI, папа, 1371 г. — Римляне с неохотой предлагают ему власть. — Правление городом снова получает энергию. — Французский памфлет против Италии и Рима. — Последняя апология Италии Петрарки. — Смерть святой Бригитты, 1373 г. — Святая Катарина Сиенская. — Национальное восстание Италии под предводительством Флоренции против папства и французских ректоров. — Всеобщий бунт церковной области. — Флоренция призывает римский народ стать во главе национальной борьбы за свободу и независимость Италии. — Поведение римлян

Пьер Роже, сын графа Вильгельма де Бофор, лимузинец из Мальмонта, 30 декабря 1370 г. избран был в Авиньоне и 5 января 1371 г. вступил на Святой престол под именем Григория XI. 17-летним уже был он возведен дядей своим, Климентом VI, в кардиналы-диаконы S.-Maria Nuova; ему едва минуло 40 лет, когда он получил тиару; он был благородной личностью, весьма ученым, полным ревности к церкви, но нерешительным и болезненным.

Недовольные римляне медлили вручением седьмому французскому папе *dominium* своего города, долженствовавшего быть лишь наградой его возвращения. Отъезд Урбана возвратил им свободу! Они снова управляли своим городом через народного магистрата, хотя, согласно договору, титул бандерези и был избегаем. Однако папский гарнизон еще стоял в замке Ангела, отнятом при низвержении аристократии народом у Орсини и впоследствии переданном им же Урбану V. Не ранее конца 1371 г. передал римский парламент Григорию XI в качестве благородного синьора Рожера де Бофор пожизненную сенаторскую власть. Он, подобно предшественнику своему, оберегал права церкви и повелел викарию своему, Филиппу де Кабассолю, кардиналу-епископу сабинскому, другу Петрарки, на предложенных условиях принять именем его синьорию. Возвещенного ему посольства не принял он; он избавил от дорогостоящего путешествия римлян; условились обо всем письменно. Затем Григорий XI назначил сенатором Иоанна де Малавольтис из Сиены. Один единственный сенатор чередовался, смотря по обстоятельствам, в городском управлении с консерваторами, в сущности же оставалось римское устройство таким, как было со времени Альборноца при реформаторах. Ибо хотя Урбан V это учреждение и упразднил, тем не менее заняли место оногo столь же зачастую буйные консерваторы, место же бандерезиев — экзекуторы

юстиции, причем наряду с ними заседали, как прежде, так и после, четыре старшины стрелковой гильдии.

К Григорию XI обращаемы были настоятельные увещания о возврате в Рим. Если молчал маститый Петрарка, то все же возвысил голос в защиту отечества против нападков, порожденных его собственным поздравлением к Урбану V. Какой-то французский монах написал по смерти этого папы трактат в защиту Франции против Петрарки. Текст для этого избрал он неслестный для Рима: «Человек некий поехал из Иерусалима в Иерихон и попал к разбойникам». Рим есть Иерихон, изменчив, как луна, и столь глубоко упавший, что никогда бы я этому не поверил, говорил монах, если бы не увидел собственными глазами. Во времена Григория VII наваяло зрелище опустошенного норманнами всемирного города на французского одного епископа трогательную элегию с поэтическими красотоми; триста лет спустя обрушилось французское национальное тщеславие лишь глубоким презрением на Рим. Pamфлетист осмеивал итальянцев, как и римлян; их корысть, поражающую их бедность, их захудание; он укорял их даже в трусости за то, что подпали под власть тиранов. Он припоминал отзыв, сделанный некогда величайшим отцом церкви Франции о характере римлян. Утверждение его относительно того, что Авиньон был покойным приютом для пап, трудно было опровергнуть, и сверх того аргумент авиньонистов «где папа, там и Рим», имел космополитическую почву; но, очевидно, принцип этот мог иметь действующую силу лишь в самом Авиньоне. Петрарка дал своему народу еще новое, последнее доказательство пламенной любви к отечеству, доходящей до фанатизма. На пасквиль этот отвечал он яркой апологией. В ней он осыпал Авиньон, варварскую всемирную клоаку, самыми невоздержанными эпитетами. В рвении своем перенесся он, по обыкновению, через времена и видел во Франции одну лишь только что освобожденную мятежную рабыню Рима, которая немедленно вернулась бы под старое свое иго, если бы итальянцы были единодушны. Ибо, что Рим продолжает быть силой, доказали престиж, который произвел за несколько лишь лет перед тем простой один римлянин на свет, и страх, наведенный им на Францию! Он защищал Рим от упреков св. Бернарда, но аргументы его были почерпнуты единственно из древности. Он пытался даже оправдать римлян от упрека в корыстности, ибо ни в одном большом городе не было так мало купцов и ростовщиков, как в Риме. Для выставления высшей цивилизации Италии и блестящего превосходства ее гениальности над Францией и в его век стоило бы Петрарке поименовать лишь имена Данте, Джотто, Николы Пизано, Фомы Аквинского, свое даже собственное и спокойной предоставить будущему доказать редким богатством первоклассных гениев, что дух итальянский художественнее и творчественнее французского. Умер Петрарка 18 июля 1374 г., всего за два года до окончательного возвращения папства в Рим. Этот просвещенный, всеобъемлющий и всеокрушающий ум озарял с уединенной высоты весь авиньонский период, к которому принадлежал и в течение которого как патристический пророк во время всего вавилонского пленения послужил своему народу. Предстательства римлян перед Григорием XI поддерживала и жившая еще с ними Бригитта. Правдница эта открыла ему еще в бытность его кардиналом видения, возвещавшие ей кончину Урбана; и вот теперь из Рима убеждала она Григория XI вернуться, ибо Пречистая Дева Мария сказала ей, что если будет противиться, то умрет и он. Тем временем умерла 23 июля 1373 г. она сама. Ее торжественно похоронили в монастыре Св. Лоренцо в Панаперне. Но благочестивая дочь ее Катарина и сын Бирг переvezли вскоре умершую мать на родину ее, в монастырь Ватзена. Читаем охранное письмо, выданное детям Бригитты 13 ноября 1373 г. сенатором Фортунатом Райнальди, консерваторами, экзекуторами юстиции и четырьмя советниками

стрелковой гильдии. Этим письмом приглашались все города и власти давать им свободный пропуск с лошадьми и с багажом, в числе которого находились алтарь и священные сосуды. Природа не терпит ничего единичного ни в каком направлении. Как появились в одну и ту же эпоху Франциск и Доминик, так жили в одно время Бригитта и Катарина Сиенская. Переливы духа и силы в иннокентийской церкви создали еще двух великих, глубоко воздействующих основателей орденов; слабый же или порочный век авиньонский произвел, наоборот, лишь двух женщин-энтузиасток, блиставших идеалами христианских добродетелей, но выразивших собой вместе с тем и потребность реформ в расшатанной церкви. Религиозные героини древности Мириам, Дебора, Юдифь, Кассандра являются совершенно чуждыми существами по сравнению с этими, изведшими свою плоть протетессами XIV века, из коих одна собирает подаяние, как странница, другая отдала сердце свое Христу. Но самоотречение есть геройский подвиг, превосходящий другое всякое моральное величие. Катарина была дочь красильщика Бенинказа из Сиены, родилась в год революции Колы ди Риэнци в Риме. Это была пророческая душа, глубокомысленная и поэтическая, как св. Франциск. С детства жила она монахиней в приюте доминиканского ордена. Она сделалась истинно народной святой. Когда замолк голос Петрарки, который в качестве величайшего философа того времени, друга пап, королей и республик, зачастую избираемого ими посланником в делах государственных, по праву мог назваться представителем Италии, — приняла его миссию на себя эта дотоле неизвестная сиенская девушка. Она протестовала против Авиньона. В виде ангела мира посредничала она между Италией и папой. Она увещевала Григория XI реформировать церковь и возвратиться в Рим. Но ни предсказания шведской пророчицы, ни чарующие письма и речи тосканской монахини не тронули бы этого папу; более сильные, политического характера мотивы двинули его из Авиньона. Для Урбана V главным побуждением поездки в Рим явилось умиротворение Италии и покорение церковной области, для Григория XI — отплатение той же церковной области. Вся почти Италия приветствовала, как Мессию, приход Урбана; вся почти Италия поднялась по уходе его против французского папства. В стране этой оказывались в эту эпоху три главные политические группы: династическая, республиканская, церковно-государственная. Из старой гибеллинской партии сложились сильные владетели страны — Висконти в Милане; национальный, гвельфский дух жил еще в вольных городах, которых центр составляла Флоренция; церковь, наконец, завоевала снова светскую свою власть, и Неаполь оставался ее вассалом. Она боролась с династами, из числа коих Висконти открыто стремились сделаться королями; вести борьбу приходилось ей и против вырождающейся демократии, бывавшей зачастую в предшествовавшие эпохи ее спасением. Разрешить великую задачу оказалось церкви не под силу, ибо Италия не была ни избавлена от наемных банд, ни исцелена от политических безурядиц. Усилия авиньонских пап к устройению всей страны направлены были к двум лишь целям: к сломению могущества дома Висконти и к удержанию за собой церковной области. Близоруку и ослепленно совершили они над итальянским национальным духом насилие. Легатами их были почти одни французы. Едва ли оставался еще хотя один говорящий по-итальянски кардинал. Церковная область, столь великая составная часть Италии, управляема была почти одними провансальцами. Наплыв французских элементов в Италию замечается с основания династии Анжу; апогея своего достиг он при авиньонских папах. Чужеземные ректоры возмущали все более крепнувший в самосознании национальный дух итальянцев не менее чужеземных банд. Творение Альборнода по смерти его распалось, ибо не носило в себе никаких национальных принципов. Покровительствуемые мудрым кардиналом вольности общин повсюду

неразумно были стесняемы. Альборноц возвел в важнейших городах крепости; они превратились вскоре в оплоты ига, в которых чужеземные правители властвовали, опираясь на чужеземное же войско, и довели до отчаяния провинции, измученные беспрестанными военными налогами, контрибуциями, продажностью правосудия и всякого рода несправедливостями. Весь класс этих чужих легатов и ректоров охарактеризован был в то время одним термином «пастыри церкви». Критика вав их управления сделалась критикой и принципа светского владычества церкви вообще. «Прошло вот уже более тысячи лет, — так говорил пиаченский хронист, — со времени отдачи этих стран и городов духовенству, и с того времени вело оно из-за них жесточайшие войны, не владея да и не имея возможности когда-либо владеть ими мирно. Поистине перед лицом Бога и мира было бы лучше, если бы пастыри эти всецело сложили с себя *Dominium Temporalis*, ибо со времен Сильвестра последствиями светского стяжания были бесчисленные войны и гибель народа и городов. Войны эти пожрали народа больше, чем ныне живет в целой Италии; и не могут прекратиться до тех пор, пока светские права останутся за духовенством. Возможное ли дело, что никакой добрый папа не прекратил этого зла ввиду столь многих войн, веденных ради преходящих этих благ? И помимо мирских этих владений, пользуется ведь духовенство бесчисленными громадными бенефициями, на которые может жить по-царски, тогда как его *Dominium Temporalis* обратилось в источник горя и в бремя для души и тела как его самого, так и всех христиан, а в особенности итальянцев. Несомненно, невозможно одновременно служить Богу и маммону; нельзя в одно и то же время стоять одной ногою на небе, а другой — на земле».

Вековой вопрос, который некогда и добрый папа, Пасхалис II, хотел уладить отечением клира от коронных ленов, разгорелся теперь, в конце авиньонской эпохи, с новой силой. Борьба против *Dominium Temporalis*, в долгом процессе которой образовали неразрывную одну цепь Альберих, Кресценций, германские Генрихи, Арнольд Брешианский, Гогенштауфены, Оттон IV, Колонны, Данте, Людовик Баварец, Марсилий Падуанский, минориты, Кола ди Риэнци, завязана была после 1370 г. итальянцами снова, не на основании государственной какой теории, но из чувства национальности и в силу нестерпимых беззаконий регентов церковной области.

Настроение этих провинций встретило живейший отголосок в благородной республике, ставшей щитом свободы и национальной Италии. Флоренция, глава гвельфов, была с давних времен заклятым врагом императоров, горячим другом пап. Неожиданное отпадение ее от своих традиций является поэтому тягчайшим приговором над авиньонскими папами и их политикой. Удовлетворительное объяснение такой метаморфозы находим в высоком национальном значении Флорентинской республики вообще, и в практических основаниях в частности.

С Бернабо и Галеаццо, начавшими тотчас после смерти Урбана V войну с воздвигнутой против них лигой, вел Григорий XI борьбу, как со злейшими врагами церкви, отлучительными буллами и армиями. Ломбардская война, поглотившая несметные суммы, обратилась в задачу жизни французских пап; благодаря ей привели они к безурядице всю Италию и все же лично не могли привести ее к концу. Заключенным 6 июня 1374 г. на год перемирием воспользовались папские легаты для одоления Тосканы и истребления там очага республиканских вольностей. В Перуджин сидел Герард де Пюи, аббат де Монмажер, бессовестный деспот. Могучий город с ноября 1370 г. снова покорился церкви, стонал под игом этого легата, который строил крепости, изгонял граждан, вымогал деньги, проливал кровь и творил самые гнусные беззакония. Он возымел коварные планы завладеть Ареццо и Сиеной. В Болонье в это время легатом был кардинал Вильгельм Ноэлле. Он начал строить козни, стремящиеся к отнятию у флорентинцев Прато. Он обрушил на Тоскану но-

вую наемную банду Гоквуда, которой пользовался в войне против Висконти, и дал ей название «священной компании». Флоренция догадалась об этих ковах, жаловалась папе, отвергла дальнейшие всякие реабилитации и восстала на защиту угрожаемой свободы.

За 130 000 гульденов золотом откупились от этой наемной банды республика и затем обратилась к городам и синьорам Италии с воззванием свергнуть иго попов, освободить от власти чужеземцев нацию и заключить союз свободы. Разносимо было красное знамя с надписью серебряными буквами на оном *Libertas*, и вскоре застонала вся Тоскана и церковная область от опьяняющих кликов «Свобода! Свобода!» Летом 1375 г. Бернабо заключил союз с Флоренцией. Восемьдесят городов, в том числе Пиза, Лукка, Сиена, Арещцо, почти все общины Тосканы, сама королева Иоанна примкнули к национальной лиге против светской власти папы или неправедных пастырей церкви. Это был национальный подъем, замечательнейший из виденных Италией со времени первого Ломбардского союза. Насколько сильна сделалась ненависть народа к клиру, показал характер, принятый революцией во Флоренции. Здание инквизиции было разнесено, у духовенства отнят его трибунал, церковное имущество конфисковано, духовенство подвергается тюрьмам и петлям. Комиссии из восьми человек препоручена была продажа конфискованных имений клира; народ в насмешку прозвал их «Восемью Праведниками». Требовался лишь призыв от Флоренции, чтобы повергнуть церковную область в пламя. Один город подымался в ней за другим, прогонял папских ректоров и разбивал замки гнета. В ноябре 1375 г. вспыхнул мятеж прежде всего в Читта ди Каstellо, Монтефиасконе и Нарни. Префект Франческо де Вико, побуждаемый флорентинцами к освобождению патримоний Св. Петра, двинулся на Витербо, принят был ликующим населением и при помощи флорентинцев штурмом взял воздвигнутый Альборницом замок. В Перуджии раздался 7 декабря клик: «Народ! Народ! Смерть аббата и пастырям!» Закошелый в преступлениях аббат заперся в крепости; она пала при помощи подоспевших флорентинцев, аббат сдался на капитуляцию и уехал. Энтузиазм свободы, подобно беглому огню, охватил Сполето, Ассизи, Асколи, Форли, Равенну, Мархии, Романью, Патримонию и Кампанью. Над всеми почти крепостями церковной области развевалось кровавое красное знамя восстания Флоренции. Болонья находилась в брожении. Спокоен был один Рим.

6 января 1376 г. писали флорентинские Восьмеро к римлянам: «Светлейшие синьоры, дражайшие братья! Праведный Бог умилосердился над униженной Италией, стонущей под игом проклятого рабства; он пробудил дух народов и воздвиг притесненных против позорной тирании варваров. Повсюду подымается Авзония и призывает свободу, и добывает себе оную мечом. Вы, отцы и зиждители общественной свободы, с радостью услышали о событии, так думаем мы, столь близко касающемся величия римского народа и собственных его основных положений. Ибо эта любовь к свободе подвинула некогда народ римский к свержению тирании королей и децемвиров. Она одна способствовала тому, что народ римский достиг владычества над миром. Коль скоро, дорогие братья, все пылают ревностью к свободе по природе, то вы в особенности унаследовали право и обязанность соревновать по ней. Можете ли вы далее зреть, как коснеет в жестоком столь рабстве благородная Италия, по праву повелевающая прочими всеми нациями? Как презренные эти варвары, алчные до добычи и крови латинцев, свирепо опустошают несчастный Лациум? Вперед же воспряньте и Вы, римляне, пресветлая столица не только Италии, но и целого мира! Примите под защиту народы, изгоните бич тирании от границ Италии, охраняйте возлюбленную свободу и ободрайте всех придавленных бесхарактерностью или чересчур суровым игом. Таково истинное дело римлян. Не снесите, чтобы разбойники эти, фран-

цузы, насильственно овладели Вашей Италией. Не давайте беспечно опутывать себя ущещениями попов; они хотят Вас уговорить остаться при владычестве церкви; они сулят вам возврат папы и курии в Италию и рисуют Вам, что из этого последует блаженное состояние для вашего города. Но это все имеет ту лишь единственную цель, чтобы с помощью Вашей Италия попала в рабство и французы стали бы ее господами. Существует ли для Вас какая-либо прибыль, которую можно было бы предпочесть свободе Италии? Заслуживает ли легкомыслие варваров какой-либо веры? Не возбуждал ли Урбан V столь великие надежды относительно продолжительного пребывания курии? И не внезапно ли изменил он, было ли то по собственному непостоянству или же от прискучения Италии, или же из влечения по своей Франции, твердое сие намерение? Примите во внимание сверх того что влекло папу в Италию. Одна лишь Перуджия, где он намеревался основать свою резиденцию, так что для Вас пользы от того не было бы никогда никакой. Теперь с отчаяния сулят Вам они то, чего никогда не выполнят. Взвешивайте, дорогие братья, поступки их, но не речи. Не благо Ваше привело их в Италию, но жажда властвования. Не давайте обманывать себя нектаром их речей, не терпите, чтобы Ваша Италия, сделанная кровью ваших предков владычицей мира, покорялась варварам и чужеземцам. Воздвигните общественное постановление на речении знаменитого Катона: мы хотим быть свободны, живя со свободными».

1 февраля 1376 г. писали Восьмеро опять: «Когда как не теперь настала пора пробудить старую мощь итальянской крови по столь справедливой и настоящей причине? Какой итальянец, не говоря уже о римлянах, может терпеть, чтобы столь многие благородные города служили варварам, присланным в Италию папством, насыщаться нашим достоянием и кровью? Поверьте тому лишь, достойные люди, что оные окажутся бесчеловечнее Зенонов. Тиранов этих, наводняющих под прикрытием имени церкви Италию, не соединяет с итальянцами ни верность, ни вера, ни любовь. Богатства, которыми они нам завидуют, грабят они силой. Все, что имеет Италия блестящего, домогаются, владеют и злоупотребляют они. Итак, что намерены делать Вы, пресветлые люди, которым ради величия в минувшем и славы прежнего имени свобода Италии должна лежать близко к сердцу? Намерены ли Вы терпеть укрепление этой власти тиранов? Чтобы варварские народы владели Вашим Лациумом? Где, где та староримская мощь, которая достойна была всесветного владычества? Подумайте, что определением неба и соизволением людей слава освобождения Италии предуготовлена для Вас. Какой иной достославнейший почетный титул может оказаться в наше время для римского народа? Для этого не требуется ни больших усилий, ни опасностей. Мы сделали начало — устройением союза против иностранцев с народами и синьорами итальянской крови на избавление всех вожделеющих по горячо любимой свободе. Если Вы соблагоизволите вступить в эту лигу, иначе, говоря приличнее, если Вам угодно будет принять в этот союз нас и других, то исчезнет тирания эта без труда и пролития крови, Италия же в прежней свободе вернется к своей матери». С приятно польщенной гордостью римляне прочитывали письма флорентинцев. В них признавались их собственные теории относительно вечного величия римского народа. Нельзя не усмотреть в любопытных этих писаниях основные начала монархии Данте, идеи Кола ди Риэнци, дух Петрарки, ораторский даже стиль возрождающейся римской литературы, для которой эта самая Флоренция и являлась новой национальной школой. Сила событий произвела замечательный переворот. При Коле Рим призывал Флоренцию и прочие города к свободе и единству Италии; теперь исходит призыв этот от флорентинцев. Едва ли когда угрожала большая буря церкви, ибо папство подверглось опасности утратить историческое

свое положение в Италии, мало того — быть даже самими итальянцами на продолжительное время изгнаны в Авиньон. Последствием этого было бы объединение этой страны, главнейшей препоной чего обвинял Макиавелли папство. На счастье последнего, разбилась великая задача национального возрождения, предпринятая Флоренцией, о те же самые препоны, о которые разбилась она во времена народного трибуна в Риме. Как тогда отнеслась уклончиво Флоренция, так точно повел себя теперь Рим. Возвращение папства, долженствовавшее сделать единство и свободу Италии невозможным, составляло жизненное условие для римлян, и Григорий XI поспешил торжественно заверить их в своем возвращении. Это воспрепятствовало отпадению Рима. Если бы таковое совершилось, то папа не мог бы вернуться.

Завоевание Витербо префектом сделало римлян недоверчивыми к Флоренции; они стали в оппозицию против предприятий Франческо де Вико и союза городов и объявляли, что не желают ничего учинять против церкви. Флорентинцы отвечали им, что почитают последнюю, но ведут борьбу против беззаконных ее ректоров, и упрекали римлян в поощрении в общем отечестве тирании французов. Тем временем события в Риме произвели глубокое волнение. Национально-фильская партия потребовала присоединения к Флорентинской лиге. 9 февраля 1376 г. парламент назначил канцлера Иоанна Ченчи генерал-капитаном народа и поручил ему верховное командование в Патримониуме и в Сабине. В дошедшем до нас акте появляется, наряду с обычными магистратами — тремя консерваторами, двумя экзекуторами юстиции и четырьмя советниками гильдии стрелков, — еще учреждение из трех правителей мира и свободы римской республики. Ченчи отправился в Патримониум положить конец самоволиям префекта и расположился станом в марте под Монтальдо и Тосканеллой, полный недоверия к флорентинцам, неоднократно ему заявлявшим, что они не станут производить захватов римской территории, что считают Рим столицей Италии, но что решились защищать против всяких нападений Витербо, префекта и прочих всех союзников.

3. Бунт Болоньи. — Неслыханная отлучительная булла против республики Флоренции. — Гоквуд грабит Фаэнцу. — Флорентинская лига против папы. — Григорий XI решает возвращение в Италию, куда кардинал Женевский ведет бретонские банды. — Святая Катарина — посланница флорентинцев в Авиньоне. — Отъезд Григория XI из Авиньона, 1376 г. — Флорентинцы взымают к Риму не принимать папу. — Высадка Григория XI в Корнето. — Он заключает договор с Римом. — Он садится на суда и высаживается в Остии. — Въезд Григория XI в Рим, 17 января 1377 г.

Происшествия в Италии повергли в глубокое сокрушение Григория. В начале 1376 г. отправил он мирных парламентаров во Флоренцию и взирал теперь со страхом на Болонью, которую хотел удержать во что бы то ни стало. Но мужественный город восстал 19 марта с кличем «Смерть церкви». Флорентинцы прервали переговоры и послали союзные войска в освобожденный город, прогнавший своего кардинала-легата. Тогда папа в необузданном гневе изрек 31 марта страшнейшую из исходивших когда-либо из уст анафему над Флоренцией, как зачинщицей всей революции. Имущество и личность всякого флорентинского гражданина объявил он лишенными покровительства законов: он разрешал всему христианству грабить и убивать даже в рабство флорентинцев, где бы они ни жили и ни находились. Флоренция была уже в то время прелестнейшим цветком итальянского гения. Изящный этот народ, из среды которого вышли уже Данте, Джотто и Петрарка и носивший в себе

зататки целого мира гениев, вечной красоты человечества, низведен был папой в степень орды рабов-негров и отдан хищному миру на растерзание. Будь творец «Божественной комедии» в то время еще в живых, он подвергся бы опасности сделаться рабом первого встречного вольного хищника, которому попал бы в руки. Когда Донато Барбатори, посол республики, услышал о безбожной этой сентенции в консистории в Авиньоне, то пал на колена перед Распятием и апеллировал к суду Всемирного Судии Иисуса Христа. Мрачные анафемы Григория XI озаряют ореолом флорентинцев, этих даровитых и мужественных граждан, удостоившихся в награду за непосластливившую попытку даровать национальную независимость Италии, провести возрождение это на других путях цивилизации и через 500 лет лицеизреть свой город временной столицей объединенной Италии. Факты и идеи перерабатываются временем, и подлежащая история Рима, приближающаяся ныне, после долгого ряда веков, к своему окончанию, более чем какая иная являет собой непреложные законы причинности в мире моральном. Проклятие папы нашло достаточное число охотных исполнителей, ибо узаконяло жажду грабежа. В Англии и во Франции поднялись руки на флорентинцев, и достояние их подверглось разграблению. Из Авиньона изгнано было все флорентинское; из многих стран стеклись такие массы беглецов, что могли бы основать вторую Флоренцию. Пиза и Генуя отказались изгнать отлученных и наказаны были за свое человеколюбие интердиктом.

В церковной области оставались еще некоторые города, верные папе, и некоторые ректоры вели там против флорентинской лиги войну. Кардинал остийский, граф романский, поставили банду Гоквуда в волновавшуюся Фаэнду. Неоплаченные наемники вознаградили себя тем, что разграбили этот город, а жителей его умертвили или разогнали. Там произведены были неслыханные бесчинства. В ответ на отвратительную кровавую баню поднялась в апреле Имола и сделала синьором Бельтрама дельи Алидозы, между тем как Рудольф де Варано, когда-то правая рука Альборноца, отпал от церкви и завладел Камерино и Мачератой. Флорентинцы назначили этого знаменитого военачальника генерал-капитаном лиги против папы. Григорий XI убедился теперь, что церковная область и Италия в случае дальнейшего пребывания пап в Авиньоне должны навсегда утратиться, и решил вернуться в Рим, ибо в случае мешкания им и этот город легко мог отпасть от церкви. Авангардом послал он воинственного кардинала Роберта Женевского с 6000 рейтарами и 4000 пехотинцами. Народ этот принадлежал к армии, сражавшейся под начальством Генриха де Трастамаре в Кастилии, затем вернувшейся во Францию и оставшейся вследствие мира в 1375 г. с Англией без дела. Избрана была свирепейшая банда из бретонцев и гасконцев под предводительством Иоанна де Малестрио и Сильвестра Буда, чтобы с лютейшим же кардиналом обратиться на Италию и там покорить прежде всего Болонью и Флоренцию. Когда в начале июля воинская эта орда под начальством прелата, уподобленного святым епископом флорентинским Ироду и Нерону, с ужасными опустошениями ворвалась в болонскую область, то явила доказательство неопровержимой истинности всех жалоб, возбужденных от имени злополучного отечества Флоренцией против пап, их ректоров и наемников последних.

И вот, пока Рудольф де Варано доблестно вел оборону Болоньи против кардинала, флорентинцы изъявили готовность примириться с церковью. В апреле приняли они посредничество римлян; они выслушали также увещания императора и королей французского и кастильского; отвечали они им с мужеством убежденности в своем праве. Они сослались на кровавую фаэндскую баню, дело рук кардинала; сослались на историю, свидетельствующую об исконной гвельфской верности флорентинцев церкви; перед глазами Европы обнажили они раны Италии, и поистине

никогда никакая страна не могла иметь большего права на оправдание за сицилийские вечерни против ее притеснителей. Затронуто было коммерческое могущество флорентинцев; сношения их раскинуты были на все страны мира, по которым изобретательные сыны этой республики разносили свои товары, промышленность, искусство и науки и гуманные обычаи общежития. В июне 1376 г. отправили они в Авиньон послов и святого Катарину вперед. Скромная девушка из народа, могущественной республикой облеченная званием посланницы, представляет весьма странное явление. Почитаемая праведница из Сиены нередко призывала Григория XI к возвращению в Рим и к реформе церкви и открыто ему заявляла, что отпадение Италии является виной единственно погрязших в мирских похотях духовных и нечестивых пастырей. Теперь, при папском дворе, с пламенной ревностью ратовала она за мир, но условия флорентинцев и папы остались несогласимыми.

Увещания вдохновенной инокини могли способствовать к укреплению решимости Григория к отъезду. В 1375 г. издал он буллу, повелевавшую всем епископам иметь пребывание в их резиденциях. Рассказывают, что однажды на вопрос его одному прелату «Синьор епископ, отчего не едете Вы в Вашу резиденцию», отвечал ему тот: «А Вы, святой отец, отчего не едете в свою?» Это произвело на него глубочайшее впечатление. Родственники Григория, отец его граф де Бофор, французские кардиналы (21 числом, тогда как итальянских было всего 6), французский король и брат его герцог Анжуйский тщетно осаждали Григория просьбами остаться. Авиньон сознавал, что с удалением папства померкнет навсегда и блеск города. Скорбь в нем была велика. Когда 13 сентября 1370 г. Григорий сел на коня, то последний упирался его везти; это сочли за предзнаменование. Шесть кардиналов остались на месте в виде как бы гарнизона опустелого теперь папского замка, неминуемо ожидавшего антипапу. 22 сентября прибыл Григорий в Марсель. 2 октября сел он там с курией на суда, на галеры Неаполя, Испании, Прованса, Генуи, Пизы и Анконы.

Плавание до Генуи и оттуда далее 18 октября по морю было неблагоприятно; море бушевало, корабли разбивались, епископ лионийский утонул; все это не предсказывало ничего хорошего.

Услышав о путешествии Григория из Авиньона, флорентинцы написали письмо к римлянам. Они предостерегали их от обольщений; говорили, что и теперь еще не верят возвращению папы в Рим; но что если он и приедет, то не в виде ангела мира, но как военачальник, несущий в римскую страну войну. Они призывали Рим и теперь еще соединиться с ними для освобождения Италии, дабы папа в случае приезда принужден был даровать отечеству мир, или же чтобы на случай неприезда обидный голос призвал его вернуться в свободную и умиротворенную Италию.

Римляне оставили причитания эти без всякого внимания; торжественное посольство от Капитолия в Авиньоне пригласило Григория XI вернуться и поднесло ему синьорию ожидавшего его с нетерпением города. При непрерывных бурях плыл папа вдоль итальянских берегов. Заходили в гавани и проводили ночи в береговых городах. 6 ноября флот бросил якорь под Пизой; 7-го — в Ливорно, где из-за бури пробыл 9 дней. Он обогнул Эльбу и Пиомбино, Орбетелло у Капа Аргентаро и 5 декабря стал перед Корнето. На берегу при высадке папу встретили несметные и ликующие толпы народа, точь-в-точь как это происходило 9 лет назад при встрече Урбана V; но никакой Альборноц не явился с ключами от ста покоренных городов, не показывались ни посольства бьющих челом республик, ни династы с воинскими ратями. С боянью в сердце папа ступил на почву церковной области. На жительство поселился он в Корнето, рассчитывая пробыть в нем долгое время и прежде всего обеспечить прием свой и въезд в Рим.

Это совершилось путем договора с республикой. Уполномоченные кардиналы остийский, портский и сабинский 21 декабря заключили с городом на народном парламенте следующее соглашение: Рим преподносит папе с момента его высадки в Остии полное *dominium* на предложенных Урбану V условиях; город передает легатам все мосты, ворота, башни и крепости, все Трастевере и Леонину; папа обещает оставить неприкосновенными экзекуторов юстиции и четырех советников гильдии стрелков; но магистраты ему приносят присягу верности, и папа имеет право реформировать эту корпорацию; тотчас вслед за его высадкой в Остии выходит она к нему навстречу, провожает его ко Святому Петру и расходится затем по частным своим кварталам, где и имеет пребывать. Тщетно старались флорентинцы отговорить Рим от всякого договора с церковью. Еще 26 декабря обратились они с пламенным письмом к бандерези; в нем говорили они, что столь страстно ожидаемый ими папа не принесет им ничего, кроме низвержения свободы и распадаения их корпорации. Даже и тогда, так писали смелые эти республиканцы, если бы восстановил он город в античном его великолепии, одел стены его золотом и возвратил Риму величие старой империи, не должны бы пускать его благомыслящие граждане, коль скоро покупка эта делаема была ценой утраты свободы. Еще раз призывали они римский народ постоять за свободу, пока притеснитель не находился еще в стенах города, и предлагали оказать поддержку всей своей воинской силой.

Грустно провел Григорий XI рождественский праздник в Корнето. Здесь отослал он назад все галеры, за исключением трех или четырех провансальских, удержанных им при себе для своей охраны, так как со стороны Чивита-Веккии небезопасно было море вследствие набегов префекта. 1 января послал он рейтаров против Витербо; префект города разбил их наголову, взял 200 из них в плен и отправил весть о победе во Флоренцию. Наконец, 13 января, после 5 грустных недель, тронулся Григорий из Корнето. Он проплыл мимо Чивита-Веккии, признававшей синьорию префекта, и 14 января вышел на землю в Остии. Вид этого побережья, столь пустынного и унылого, что Данте избрал его у устьев Тибра местом для спуска в христианский подземный мир, должен был произвести самое удручающее впечатление на папу и его двор. На этом берегу совершилась некогда роковая высадка земляков их, провансальцев, под предводительством Карла Анжуйского. Длинная цепь причин и следствий связывала высадки первого Анжу и последнего авиньонского папы.

Вечером явились на поклон многочисленные толпы римлян; согласно договору, вручили они Григорию *dominium* города. Народ ликовал; при свете факелов, под звуки инструментов происходили танцы. На другой день папа сел снова на судно, чтобы вверх по Тибру доехать до Св. Павла. Наступила ночь; много народа стеклось и шло со свечами и с факелами; папа остался на судне. Лишь наутро 16 января сошел он на берег. К Св. Павлу стекся весь Рим. При звуках труб развезжали красиво убранные рейтары со знаменами. В субботу 17 января 1377 г. состоялся торжественный въезд, ибо в праздник седалища Св. Петра долженствовало иметь место возвращение Святого престола в собор Апостола. Процессия проследовала через достопочтенные врата Св. Павла, через которые никогда еще не вступал ни один папа; когда-то, в самом начале Средних веков, ворвался через них в город готский герой Тотила да за 110 лет совершил торжественный свой въезд Карл Анжуйский.

Явился Григорий XI с отрядом наемников в 2000 человек под командой Раймунда де Тюренн; но и такой конвой был чересчур воинствен для того, чтобы удальствовать святую Катарину, требовавшую, подобно Петрарке, вступления папы в Рим с одним лишь распятием и при пении псалмов. Толпа одетых в белое прыгунов плясала, ударяя в ладоши, вокруг папы во время проезда его от Св. Павла в

Рим. Неуместное это зрелище могло бы внушить сатирику едкие замечания насчет возвращающегося в Рим Авиньона. Но в XIV веке вид папы, предшествуемого — в торжественную минуту его жизни, в момент даже всемирно-исторической бес- смертности — пляшущими фиглярами, произвел сенсацию, едва ли даже равносильную произведенной в свое время иудейским царем, с гримасами плясавшим перед кивотом завета. Городские магистраты верхом, милиции и аркебузиеры эскортировали и окружали триумфальный кортеж Григория. На красиво разубранном иноходце ехал он под балдахинном, несомым сенатором и прочими знатными, с преднесением хоругви церкви. В процессии участвовали де Фунди из дома Газтани, многие из Орсини, Райнальд, Иордан, Лука, Николай и граф де Нола. В воротах Св. Павла встречен был папа сонмом духовенства, и ему вручены были ключи от города. Процессия следовала по замечательным кварталам Рима, между Тибром, горой Черепков и Авентином через Марморату, или Ripa Romea, ведшим к Капитолию и к Св. Марку, откуда далее по *via Papalis* через Марсово поле Григорий XI проследовал к Св. Петру. Кварталы эти были тогда столь же глубоко запущены, как и ныне. Вокруг Монте Тестаччио находилась предназначенная для народных игр площадь. Мармората была, за исключением нескольких мельниц и домов, столь же дика, как и ныне, и выдавалась лишь большим числом античных руин, а именно аркой Лентула. На запустелом Авентине высился еще величественный замок Савелли, ныне исчезнувший, за исключением остатков опоясывавших его стен. Вид внушительных башен на Капитолии и у Св. Марка придавал еще воинственный колорит той части Рима, которая великолепно ныне застроена. Римляне увешали пестрыми коврами улицы своего разрушающегося и нищенского города, и даже крыши усеяны были ревевшим от радости народом, дождем цветов посыпавшим путь святого отца, прибывшего, наконец, чтобы навсегда вернуть городу папство.

Лишь после полудня достигло шествие до сверкавшего 18 000 лампад Св. Петра; измученный папа, наконец, мог повергнуться с молитвой у мощей Апостола. Так заключилось великое дело, семидесятилетнему изгнанию настал конец. Стоя ныне в церкви Св. Франческа Романа на форуме перед гробницей Григория XI, путник, созерцая украшающие ее барельефы, может углубиться в торжественный этот момент: Григорий едет под балдахинном, кардиналы на избранных конях и дворяне следуют во всеоружии из ворот Св. Павла с разрушающейся стеной, стекается народ и выступает в образе Минервы сам Рим; справа от папы святая сиенская девственница как будто ведет его в город; в облаках парит над Вечным городом папский престол, и летит по воздуху ангел с инсигниями папства, с тиарой и ключами Св. Петра.

ГЛАВА III

1. Цезенская кровавая баня. — Рим противится папскому владычеству. — Заговор аристократии. — Гомец Альборноц, сенатор. — Григорий XI в Ананьи. — Возвращение Болоньи к церкви. — Переговоры с Флоренцией. — Мир между Римом и префектом. — Конгресс в Сардане. — Безвыходное положение Григория XI. — Он ложится на смертный одр. — Предварительные совещания насчет конклава. — Французские и итальянские кардиналы. — Понятия римлян. — Кончина Григория XI, 1378 г.

Григорий XI вступил в Ватикан с твердым намерением сделаться восстановителем Рима. Но мог ли он им быть среди столь неблагоприятных политических условий? Мысль о Флоренции лишала его сна. Республика эта неотступно под-

жигала Италию, спасти свободу которой, по ее мнению, угрожал папа. Она оклеивалась пророчцей, ибо некогда суждено было и ее самостоятельности погнубить от папы, ее же собственного согражданина. Злодеяния, творимые наемными бандами, состоящими на службе у церкви, являлись слишком печальным подтверждением жалоб флорентинцев. Верная доселе церкви Цезена, в которой резидировал кардинал женевский, предприняла 1 февраля 1377 г. отчаянное восстание против британцев, из которых состоял ее гарнизон; 300 из них были убиты, вслед за тем разъяренный легат призвал фаэнцских англичан и повелел им наказать город. Исполнено было это беспощадно. Около 8000 чезенцев бежали в соседние города; около 4000 убитых граждан усеивали улицы. Вопль негодования пронесся по всей Италии против церкви, ознаменовавшей свое возвращение кровавыми банями Фаэнцы и Цезены. Флорентинцы зывали ко всем христианским государям — умопросить над Италией. Происшествия эти повлияли и на Рим. Здесь пришлось Григорию разочароваться в своих ожиданиях, ибо город отнюдь не давал ему прямой власти, но, наоборот, домогался удержать свободу под управлением бандерези, к чему непрестанно ободряем был флорентинцами. Римлянам было крайне желательно, чтобы влияние папы парализован было мятежом церковной области, Флоренцией и префектом города. Присутствием курии воспользовалась аристократия для утверждения вновь в Риме своего могущества. Лука Савелли и граф де Фунди составили с 400 товарищами заговор против народного правительства; но план их, которому не могла быть чужда Курия, не удался. Сенатором назначил теперь папа Гомеца Альборноца, племянника великого Эгидия, испытанного военачальника, на энергию которого возлагал свои надежды. Сам отправился он в мае в Ананье, признававшей синьорию Гонората Гаттани, графа де Фунди. На этой родине Бонифация VIII мог Григорий XI предаваться размышлениям о полной скорбей истории пап, протекшей в период между злодейским аттентатом Ногарета и его собственным возвращением из Авиньона. Он оставался там до 5 ноября 1377 г., ревностно занятый войной со своими врагами и переговорами о мире.

Счастье благоприятствовало ему. От лиги флорентинцев отставал один член за другим. Рудольф де Варано, их генерал-капитан, переманен был вследствие одного спора из-за обладания Фабриано на сторону папы, а Болонья уже в июне 1377 г. ценой признания вновь папского авторитета купила сохранение своей автономии. Флорентинцы не упали духом, но все же отправили послов к папе. Условия их были, однако, неудобопримлемы. Они отказывались выдать церковные имущества и отменить эдикты против инквизиции и папского форума. Они требовали оставления всех мятежников церкви, союзников своих, под шестилетним status quo, при полной свободе заключать союзы против кого бы то ни было; в виде же вознаграждения предлагали папе от имени лиги лишь ежегодную сумму в 50 000 гульденов золотом в течение тех же шести лет. По отвержении этих пунктов Григорием XI Флоренция обвинила его, будто он в нехристианском жестокосердии отказывает Италии в мире. Стойкая республика обратилась 21 сентября 1377 г. еще раз с призывом к римлянам о присоединении к ее лиге, обещая им за это 3000 копий и помощь Бернабо. Но те в правление Гомеца Альборноца помирились с папой и возложили на него заключение мира с префектом города. Франциск де Вико отделился от Флорентинской лиги и заключил мир с Капитолием. Акт этот заключен был 30 октября 1377 г. в Ананье, а 10 ноября, через три дня по возвращении в город папы, подтвержден генеральным собором римлян. Грамота эта знакомит с тогдашним строем республики, а именно, генеральный совет созывается был Гвидо де Прохинис, тогдашним сенатором, с согласия 3 консерваторов, 2 экекуторов юстиции, 4 совет-

ников гильдии стрелков и 3 военных депутатов. Консулы купцов и землепашцев, 13 капитанов кварталов, далее 26 излюбленных людей и 104 городских советника, по 8 от каждого квартала, составляли вместе выборный генеральный совет, и эта народная делегация привела в действие мирный акт. Дорогостоящая война оказалась, в конце концов, для папы чувствительнее, чем для богатой Флоренции. Оба противника желали мира. Случилось так, что при посредничестве короля французского и самого Бернабо, которого сумел склонить на сторону своих интересов Григорий, устроен был конгресс в Сарцане. Но переговоры там были вскоре прерваны смертью папы.

Одна лишь смерть воспрепятствовала Григорию XI последовать примеру своего предшественника и бежать снова в Авиньон. Переселение в Рим постоянно почитал он тягостной жертвой. Он покинул, как сам писал к флорентинцам, прекрасное свое отечество, благородный и благочестивый народ и многое иное дорогое, отвратил слух от моленной королей, князей и кардиналов и среди опасностей, трудов и расхождений прибыл в Италию с твердым намерением исправить все упущения ректоров церкви и оказался горько обманутым во всех своих ожиданиях.

Трудность его предприятия — умиротворить Италию и устроить церковную область — отравляла ему каждый час. На смертном одре раскаивался, по-видимому, он, что послушался пророчеств благочестивых жен и прибыл в Рим, чтобы повергнуть церковь в бедствия схизмы. Схизму эту предвидел он, ибо новые папские выборы должны были составить тяжелое по последствиям событие; первый конклав, долженствовавший, со времен Бенедикта XI, заседать в самом Риме, неизбежно должен был происходить среди ожесточенной борьбы французской и итальянской партий и решить величайший вопрос времени относительно того, должно ли было папство снова стать римским и итальянским или же оставаться французским и иностранным. Можно представить себе скорбь больного Григория, предвидевшего зияющую пропасть, завалить которую было вне его власти. В предсмертной уже болезни издал Григорий 10 марта буллу, которою повелел: признать папой избранника большинства кардиналов, невзирая на протесты меньшинства и на то, состоится ли избрание это по смерти его в конклаве или без оного в Риме или вне оного.

Во время безнадежной болезни Григория глубокое волнение овладело как кардиналами, так и народом. Первые совещались уже о новых выборах, а последний — о средствах помешать французскому избранию и провести римское, которое удержало бы папство в Риме. Через эмиграцию последнего в Авиньон утратили римляне и последний остаток влияния на папские выборы, вообще отнимаемого у них каноническими законами церкви, но которое тем не менее постоянно искали они применить при всяком представлявшемся к тому случае. Таковой представлялся теперь. Священная коллегия насчитывала в то время 23 кардинала; из них 6 остались в Авиньоне, один отсутствовал на конгрессе в Сарцане, и 16 находились в Риме. Из оного числа было 7 лимузинцев, 4 француза, 1 испанец, 4 итальянца: именно Франциск Тибальдески де С.-Сабина, прозванный кардиналом Св. Петра, римлянин, как и Иаков Орсини де С.-Грегор, далее миланец Симон де Броссано де Св. Джовани и Паоло и флорентинец Петр Корсини де С.-Лоренцо in Damaso. Ультрамонтаны имели, таким образом, перевес, но сами делились на партии вследствие зависти, сеявшей раздор между французами и лимузинцами. Кандидаты были уже намечены. Вскоре выяснилось, что ни за кем из ультрамонтанов не было обеспечено большинство голосов.

Обо всем этом велись речи на сходках, а Григорий XI лежал в это время в агонии. Прежде чем он отошел в вечность, отправились сенатор Гвидо де Прохинис, по происхождению провансалец, магистраты Капитолия, капитаны кварталов, многие духовные и почетные граждане к кардиналам в Санто-Спирито и изложили им настоятельные желания римского народа. Они объявили им, что для блага Италии безусловно необходимо на сей раз сделать папой римлянина или же итальянца, который бы сохранил резиденцию в Риме, снова поднял город и привел церковную область в благоустройство. Кардиналы обнадежили их добрыми заверениями и убеждали их пеших о спокойствии города для предотвращения народных смут. Вне себя от страха переносили уже ультрамонтаны свои драгоценности, золото, брильянты, облачение, книги и утварь в замок Ангела, которым командовал французский кастеллан. Возбуждение становилось лихорадочным. Едва ли когда с равной напряженностью ожидаема была кончина папы. Все сознавали, что момент кончины Григория XI послужит сигналом всемирно-исторического кризиса.

27 марта (1378 г.) по причащении Св. Таин с растерзанным сердцем скончался он. Понтификат последнего и несчастнейшего из авиньонских пап был короткий и безрадостный; ничего, кроме борьбы с бурями; его моральные и физические страдания были одинаково велики. Скорби и недуги сделали Григория XI уже в 47 лет старцем. Усопший перенесен был ко Св. Петру, где отслужены были первые панихиды, а через день в церковь S.-Maria Nuova на форуме, которой он был кардинал и где желал покоиться. Рим сохранил к нему долгую признательность за возвращение Святого престола в город. Через 200 лет воздвигли ему правнуки в этой церкви великолепный надгробный монумент, увековечивающий его единственное славное деяние.

2. Возбужденность римлян. — Приготовления к конклаву. — Энергичное требование римлян, чтобы новый папа обязательно был римлянином или итальянцем. — Конклав. — Поведение римского народа во время оногo. — Избрание архиепископа Бари. — Мнимый папа. — Смятение и бегство кардиналов. — Рим успокаивается. — Провозглашение Урбана VI папой, признание его и хиротония. — Неуместная провокация кардиналов Урбаном VI. — Начало раздвоения. — Иоанна Неаполитанская и Оттон Брауншвейгский. — Ультрамонтаны идут на Ананьи. — Гонорат граф Фунди. — Урбан VI в Тиволи. — Бретонская банда и схватка у Ponte Salago. — Прокламация французских кардиналов против Урбана. — Посредничество трех итальянских кардиналов. — Энциклика ультрамонтанов. — Они избирают Климента VII в Фунди. — Урбан VI покинут в Риме. — Св. Катарина. — Избрание новых кардиналов в Риме. — Булла отлучения

После кончины Григория кардиналы послали за вождами республики; те поклялись в добросовестной охране и уважении свободы конклава. В народе происходил брожение. Носились разжигающие слухи. Молва гласила, будто архиепископ арльский, камерарий церкви, занявший гарнизоном замок Ангела, призвал сообща с кардиналом де С. Евстафио британскую наемную банду. Магистрат стянул вследствие этого в город войска из Тиволи и Веллетри. Заняли все мосты и ворота, чтобы помешать бегству кардиналов и контр-минировать влияние провинциальных баронов. Наивлиятельнейшие аристократы подверглись даже изгнанию из Рима. И вот во время совершения кардиналами девятидневных заупокойных служб в S.-Maria Nuova беспрестанные депутации от города делали им представ-

ления об опасном положении Рима и настоятельно просили принять в уважение желания народа. Римляне начертали весьма сильную картину страданий Рима и Италии в авиньонскую эпоху, упадка города, полнейшего разорения учреждений и вотчин церкви, страшной анархии и истощенности городов и областей благодаря самоуправству французских ректоров и тиранов бесконечных войн, несметных безвозвратно поглощенных ими сумм, злоупотреблений по всему внутреннему и внешнему церковному управлению вследствие nepотизма и бессовестной корыстности иностранных пап. Они требовали в папы римлянина или итальянца, ибо такой лишь мог спасти Италию, Рим и церковь. Промемория эта, наряду с петициями флорентинцев, представляет неоспоримо ценный исторический документ для характеристики той эпохи.

Конклав должен был происходить в Ватикане. Ввиду возложения охраны его на городские власти, назначены были несколько капитанов кварталов и граждан охранителями его и к ним придан в виде *custos'a* епископ марсельский вместе с епископами Тиволи и Тоди. Учреждение это приняло присягу при вступлении в отправленные своих обязанностей. Борго был оцеплен; милиции окружили Ватикан, между тем как кардиналы распорядились теперь перенесением в замок Ангела и церковных сокровищ. Блок и секира предостерегали у Св. Петра от нарушения спокойствия — и эти страшные военно-осадные мероприятия служили обстановкой выборов верховного христианского первопастыря.

Вечером 7 апреля кардиналы при звуках тромпетов вступили в зал конклава, где, согласно обычаю, устроена была из занавесей келия для каждого из них. Поднялась гроза; незадолго перед тем ударила молния в залу и в келии. Предсказывали беду. Народ приветствовал процессию с почтением, но восклицал: «Romano o Italiano lo volete!» Кардиналы могли себе сказать, что избирать приходилось им при бряцании оружием и осажденными возбужденным народом. Конклав был бурным, но страх и ревность его сократили и осуществили комбинацию, немислимую при данных условиях ни в каком ином месте, кроме Рима. Французы, которых предводителем был Роберт Женевский, протестовали против всякого выбора лимузинца. Церковь, так говорили они, имела достаточно таковых в лице Урбана V и Григория XI. Отвергнут был также и выбор римлянина, ибо слабый Тибальдески был слишком стар, честолюбивый Орсини слишком юн и сверх того породил бы римский выбор подозрение в том, что произведен был из страха. Из остальных двух итальянцев один был из неприятельской Флоренции, другой — из города тирана Бернабо. Во время совещания кардиналов вошли в конклав капитаны кварталов и еще раз угрожающе потребовали в папы римлянина или итальянца. Кардинал флорентинский отвечал им с твердостью.

Среди этого теснения лимузинцы предложили неаполитанца Варфоломея де Приниано, архиепископа Бари и вице-канцлера церкви, слывшего человеком беспорочным, ученым и осторожным и, как представитель дома Анжу, удовлетворявшим, казалось, обеим национальностям.

Первая подача голосов оказалась для него благоприятной. Время было после полуночи. Слышен был шум народа: кардиналы бодрствовали. Снизу долетали звуки стучавших об пол залы конклава копий. Горючие вещества собирались в кучи. Наутро 8 апреля народ пришел в нетерпение; колокола били набат. Вне себя от страха поспешили кардиналы к окончательным выборам, и снова всеми голосами, кроме Орсиниева, был избран папой архиепископ Бари. Домогавшийся же тиары юный кардинал Орсини вообще искал способ помешать выборам и подавал уже опасный совет выставить призрачного папу для выигрыша времени и покоя и для перенесения конклава в какое-либо иное место.

Оповещение выборов отложено было до после полудня; под предлогом дел церкви послали за избранныком. Измученными сели за обеденную трапезу. Между тем пронесся ложный слух о том, что папа — кардинал Тибальдески. Немедленно разграбил народ его жилище, и раздалась у Ватикана клики восторга: «Имеем римлянина!» Двери конклава были разломаны, воины нахлынули в залу воздать поклонение римлянину. Трепещущие кардиналы укрылись в смежную капеллу, но и она была разнесена; тогда в смертельном страхе представили они ревушей толпе римлянина — мнимого папу, лишь бы спастись самим. Мاستитый Тибальдески второпях облачен был в митру и мантию и очутился восседающим на папском престоле, между тем как ликующие римляне повергались к ногам его, лобызали ему руки и ноги и грозили задушить его поклонениями. Кардиналы тем временем благоразумно скрылись. Трепещущий мнимый папа сидел на троне, настоящий избраннык дрожал, спрятавшийся в одной из камер дворца. Подагрик-старик избавился, наконец, из мучительного своего положения; отчаяние и срам исторгли у него громкое признание, что папа не он, а архиепископ Бари. Когда известен сделался грубый обман, то народ воскликнул: «У нас нет римлянина! Смерть изменникам!» Забили в набат, и все взялись за оружие. Некоторые из кардиналов возвращены были на конклав силой; они с твердостью объявили об избрании папы Приниано. Безграничное смятение сделало возможным для них бегство; шестеро заперлись в замке Ангела, четверо бежали из города, прочие беспрепятственно разошлись по своим жилищам; один лишь Тибальдески остался со спрятавшимся архиепископом в Ватикане.

Между тем разочарование не имело страшных последствий; магистраты исполнили свой долг. На другой день, 9 апреля, возвестил кардинал флорентинский городской власти каноническое избрание архиепископа Бари, и римляне тотчас же успокоились при мысли, что он итальянец. Главы республики поспешили в Ватикан к нему на поклон, который он, однако, отверг с замечанием, что не вполне еще уверен в каноническом избрании своем. Тем временем кардиналы, находившиеся в Риме, подтвердили оное лично, находившиеся в замке Ангела — письменно; последние возвратились даже к Св. Петру, где теперь без принуждения и единодушно подтвердили избирательный декрет и возвели архиепископа на трон. Он отпраздновал тотчас со всеми кардиналами в соборе Апостола праздник Пасхи по возвращении и бежавших в Кампанию. В Светлое Христово Воскресенье совершилась коронация его по всем формам, вслед за тем он занял Латеран.

18 апреля 1378 г. вступил на Святой престол Варфоломей Приниано как признанный папа Урбан VI, и все кардиналы, его избиратели, путем окружающих посланий оповестили мир о каноническом его избрании и поставлении. Избрание этого человека было большим несчастьем. В столь трудную эпоху кроткий дух Гонория IV или Григория X мог бы утишить войны, смуты и умиротворить мятующийся мир. Вспыльчивого же неаполитанца наделила природа как раз всеми теми качествами, которые должны были сделать из него дух раздора. Неожиданное возведение в папы исполнило грубого этого человека умопомрачающим высокомерием и, как кажется, на самом деле лишило его рассудка. Ультрамонтанские кардиналы избрали его лишь из страха и с отвращением и тотчас завели с ним ссору. Вместо того чтобы с благоразумной мягкостью постепенно расположить их, он раздражал их крутыми мерами. Никогда, ни в одном из пап не было такого полнейшего отсутствия житейского такта. На первой консистории с сильной алокуцией обратился он к епископам и кардиналам; с них должна была начаться, по словам его, реформа церкви; отныне никогда более не должны были они покидать свои епархии, не принимать никаких пенсионов или подарков от государей и городов; должны были возвратиться к христианской простоте. Упреки были справедливы, но форма их оскор-

бительна. Эти князья церкви утопали в мирских пороках и в безумной роскоши. Почти каждый из них держал по сто лошадей; почти каждый собирал доходы с десяти до двенадцати епископий, аббатств и больших монастырей. Во всех почти угас дух святости; нося пурпур, мнили себя они равными королям и в качестве перов требовали почитания от самого папы. Хромой кардинал Женевский подошел после консистории к Урбану и сказал ему: «Сегодня не обращались Вы с кардиналами с тем уважением, которое воздаваемо им было предшественниками Вашими. Поистине говорю Вам, как Вы умаляете нашу честь, так точно умалим Вашу мы». Надменные князья церкви ожидали, что никогда не бывший кардиналом Урбан пребудет покорной их креатурой; теперь же увидели они в нем повелевающего папу.

Партии лиможская и Роберта Женевского с одинаковой национальной ненавистью соединились тотчас против этого итальянца. Обнаружились и другие причины разлада. Урбан объявил, что Святой престол оставаться должен в Риме; он отклонил принятие стороны Франции против Англии, выказал намерение освободить папство от французского влияния и неосторожно проронил похвальный замысел возвести много новых кардиналов из всех наций. В течение многих недель происходило брожение в курии. Провансальский кастелян отказывался выдать замок Ангела Урбану ранее получения согласия находившихся в Авиньоне кардиналов и остался обладателем крепости. Замышлявшие отпадение ультрамонтаны завязывали мятежнические сношения и начерчивали план битвы. Они могли рассчитывать на Карла V Французского, ибо французские государственные интересы задеты были возвращением Святого престола в Рим за живое. Вскоре нашли они благосклонное внимание и у Иоанны Неаполитанской. Королева эта вышла замуж в третий раз, за Иакова Арагонского, затем в 1376 г. вступила с герцогом Оттоном Брауншвейгским в четвертый брак. Она желала обеспечить корону за сим последним. Обрадовавшись избранию в папы неаполитанца, отправила она Оттона с блестящей свитой в Рим — приветствовать Урбана и расположить его в пользу ее желаний. Но Оттон был пренебрежен; папа не желал, чтобы по смерти Иоанны Неаполь достался снова немцам; он благопритязывал притязаниям Карла Дураццо, последнего из рода первого Анжу.

В конце мая отправились ультрамонтаны под предлогом нездоровости воздуха в Ананье, где еще Григорием XI сделаны были приготовления для летней резиденции. Урбан им это разрешил и обещал даже последовать за ними. Но еще со времен Григория XI ректором Кампаньи и Маритимы был синьор Гонорат де Фунди, могущественнейший династ в Лациуме и вместе вассал Неаполя. Он имел на церкви денежное взыскание в 12 000 гульденов, и последнее отклонил Урбан, повелев ему сверх того сложить должность ректора. Ибо на оную преднаметил он Фому де Сансеверино, личного врага графа. Гонорат передался вследствие этого на сторону оппозиции; равно находился он уже в связях и с брауншвейгским домом, помолвив единственную дочь свою Иакобеллу за брата Оттонова герцога Балдассара.

В Ананье же бежал архиепископ арльский, камерарий Григория XI, и даже с бриллиантами и папской короной. Урбан повелел кардиналам подвергнуть его заключению, что исполнено было действительно или нарочно. Заподозривая их, Урбан сам поехал с тремя итальянцами в Тиволи, так как четвертый, Тибальдески, остался больным в Риме. Ультрамонтаны искали заманить папу в Ананью. Призванные в Тиволи, отказались они за ним последовать. Так прошло еще несколько недель, пока они сбросили маски. На защиту же призвали к себе британцев и гасконцев. Банда эта, состоявшая доселе на службе церкви, грабя, дошла до окрестностей самого Рима. Здесь держал народ из национального чувства сторону папы, сделавшего Фому де Сансеверино сенатором. Для отражения нашествия

наемников на Лациум 16 июля римляне выступили против них, но понесли чувствительное поражение при Ponte Salario. Пятьсот человек, в том числе много знатных синьоров, легли на поле. Тогда народ из мести искрошил всех попавших в руки его ультрамонтанов в городе. Бретонская банда с триумфом проследовала в Ананью. Папа счел себя угрожаемым в Тиволи, просил помощи у королевы неаполитанской, не объявлявшей еще себя открыто против него, и та послала ему пару сотен копий.

20 июля объявились ультрамонтаны. Они обратились с письмом к четырем итальянским кардиналам, говоря о недействительности избрания Приниано, как исторгнутого страхом, и приглашали тех в пятидневный срок прибыть для совместного совещания в Ананьи. Так очутился теперь Урбан VI в положении Бонифация VIII. Кардиналы, его избравшие и целые месяцы признававшие, объявляли избрание его недействительным. Как некогда позади мятежных Колоннов стояла и теперь позади отпавших ультрамонтанов та же Франция. Но последние составляли всю почти священную коллегию и являлись церковными представителями монархии, которой покорной рабыней в течение 70 уже лет было папство. Нарождался теперь не мятеж, а раскол, зиждившаяся на прошедшем национальная рознь неминуемо должна была разорвать церковь на две политические половины. При виде этой разверзшейся перед ним бездны Урбан VI немедленно оценил все значение события. Он изъявил готовность подвергнуть действительности своего избрания суждению собора; отправил трех итальянцев с примирительными предложениями в Ананью. Под Палестриной имели они совещание с делегатами от ультрамонтанов; но вместо получения решительного ответа приглашены были в Ананью. Они поколебались и остались в Генаццано. Как и можно было предвидеть, ультрамонтанцы отвергли собор; это было весьма фатально, ибо Синод в 1378 г. в Риме избавил бы, быть может, от 40-летней схизмы и от Констанцского собора. Они опирались на защиту Франции и были также уверены в одобрении со стороны кардиналов, преобладающих в Авиньоне.

9 августа (1378 г.) кардиналы в числе 13 (подъехал Жан де Лагранж, кардинал амиенский) издали в Ананье энциклику. В ней говорили они, что, будучи угрожаемы римским народом смертью, если не выберут в папы римлянина или итальянца, избрали они архиепископа Бари под условием лишь несогласия его на это избрание; он же из честолюбия оное принял; он должен быть почитаем за узурпатора; они, великое большинство священной коллегии, объявляли его таковым, отрекались от него, призывали его сложить тиару, а христианство — не признавать его папой. Так объявлена была схизма.

Прокламация тотчас породила целую бурю расследований законности избрания Урбана VI. Важнейший вопрос был таков: действительно ли избрали Приниано кардиналы под принуждением или нет. Из актов оказывается несомненно, что римляне произвели на конклав насильственное давление и что избрание совершено было кардиналами под влиянием страха смерти. Но выбор итальянца явился, помимо того, и результатом разлада избирателей. При всем же том непринужденно утвердили они избранника, короновали и признали; оповестили весь мир о том, что избрание его было каноническое, беспрекословно отправляли торжественнейшие акты с ним и испрашивали и получали от него милости. Еще в августе на смертном одре сделал кардинал Тибальдески декларацию относительно свободно состоявшегося избрания Урбана.

Первые профессора юриспруденции своего времени, Иоанн де Линиано и Балдус Перуджийский, тогда же написали апологии в пользу Урбана, а также высказались за него некоторые университеты. Доводы кардиналов были слыш-

ком слабы, чтобы оправдать их отпадение, но недостаточно слабы, чтобы не породить сильных сомнений. Исторические условия, наконец, необходимо должны были породить раскол. Римские избирательные смуты и невыносимый нрав Урбана послужили лишь случайным к этому поводом. Авиньонское папство пустило во Франции чересчур глубоко корни для того, чтобы могло миновать бесследно, и деморализация церкви сама влекла ее к распадению. Мятязь кардиналов, являющийся (если рассматривать его вне обстоятельств эпохи) лишь противозаконным проявлением национального самомнения, вполне уясняется 70-летней ферментацией.

Вскоре после своей прокламации схизматики отправились в Фунди по приглашению графа Гонората. Они пригласили с собой трех итальянцев и каждому в отдельности подали наибольшие надежды сделаться папой. Эти трое колебались уже; они ненавидели ненавидимого Урбана; сомневались в правомерности его; по крайней мере Орсини никогда не имел желания его выбирать. Они приехали, чтобы разочароваться, ибо 21 сентября схизматики в Фунди избрали папой Роберта Женевского. 31 октября был он хиротонисан под именем Климента VII. Итальянцы не приняли участия в избрании, не протестовали против оногo; они не возвратились и к Урбану, но избрали нейтральное положение, требуя собор. Они отправились в замок Иакова Орсини в Талиакоццо, где кардинал этот от раскаяния и досады в августе 1379 г. скончался. Тем временем Урбан вернулся в Рим. Так как замок Ангела не находился в его власти, то он поселился сперва в S.-Maria Nuova на форуме, затем в S.-Maria in Trastevere. Положение его было ужасное. Численность и единодушие кардиналов придавали большой вес новому их выбору. Противопоставленный Урбану папа был креатурой не враждебного императора, а могущественной части самой церкви. Отпадение и итальянских кардиналов служит сильнейшим доказательством отталкивающей природы Урбана, неспособного ни привлечь друзей, ни примирить врагов. Он очутился вскоре один. Куриалы его исчезли один за другим и спешили в Фунди. Добродетель верности и любви, даже сама покидавшая его церковь, воплощаемы были, казалось, лишь в лице некоей праведницы. Ангелом-хранителем папы являлась чудная Сиенская девственница; отталкивающая фигура неистового неаполитанца тем резче озаряла ее эфирный облик. С восхитительным красноречием увещевала она его к терпению, кротости и умеренности; задушевнейшим ее желанием была реформа церкви и крестовый поход для освобождения Иерусалима. Распря в церкви повергла ее в глубочайшую скорбь; суровый характер итальянского папы, которого признавать должна была она как патриотка, а также по чувству права, причинял ей мучительные контрверсии. Праведница убеждала его проникнуться всепрощающей любовью, без чего немислимо справиться ему со своей задачей.

Теодорих Нимский, историк схизмы, немец, был свидетелем слез отчаяния Урбана и слышал его слишком запоздалое раскаяние. Тщетно льстил он теперь куриалам, желая их удержать. Ему пришлось пережить то, что испытал едва ли кто из пап; при нем не осталось ни одного кардинала. Он вынужден был создавать новую курию, как будто сам являлся только что вновь созданным лжепапой. В продолжение одного дня назначил он более 20 кардиналов, по большей части неаполитанцев, и нескольких римлян, двух Орсини, и Стефана и Агапита из дома Колонна, переставшего уже в течение целого ряда лет иметь членов в священной коллегии. Он возбудил процессы против схизматиков; предал отлучению их, многих епископов, антипапу, графа Фунди, префекта де Вико, предводителей бретонской компании, объявил всех их проклятыми и вне закона и равными же церковными карами грозил всем, которые будут признавать Роберта Женевского.

3. Церковный раскол. — Два папы. — Приверженные к ним страны. — Смерть Карла IV, 1378 г. — Венцеслав, римский король. — Империя признает Урбана VI. — Замок Ангела держит сторону Климента VII. — Победа Альберико де Барбиано над бретонцами при Марино. — Падение и разрушение замка Ангела римлянами. — Урбан VI в Ватикане. — Бегство Климента VII в Авиньон. — Процесс Урбана против Иоанны. — Он выставляет Карла Дураццо претендентом Неаполя. — Людовик Анжуйский — контрпретендент. — Урбан VI — владыка в Риме. — Кончина святой Катарини, 1380 г. — Характер чудной этой девы. — Почитание ее в Риме. — Объявление ее Прием IX в 1866 г. патронессой — покровительницей города

Раскол свершился. Два папы стояли один против другого, изрыгали друг на друга громы анафем и разжигали христианство буллами. Церковь разделилась между двумя папами, ибо скорое признание Францией отняло у понтификата Климента VII характер антипапства. За него высказались пресветлые корпорации, как Парижский университет, сотни епископов, великие государства и народы. Вскоре никто не умел сказать, который из пап истинный. Если Урбан VI имел возле себя святую профетессу, то и Климент VII мог вести с собой соратником в бой не менее дивного праведника: этим профетом его был испанский доминиканец Винченцо Феррери. Сравнивая обоих пап, приходилось верующим затрудниться суждением, который из них менее хорош или менее худ. Хромой и косою кардинал женевский обладал, по крайней мере, большим красноречием, лучшей нравственностью и большими талантами, чем грубый неаполитанец Приниано. Избрание его было хорошо рассчитано политически. Он не был француз, но имел связи с Францией, был могуществен и богат, сын графа Амадея Женевского, в родстве со многими владетельными домами. Он говорил по-французски, по-немецки, по-итальянски и по-латыни. Природой созданный быть полководцем, постоянно проявлял он военные наклонности. Кровь Цезены присохла к его рукам. Могущество его было сперва незначительно, затем возросло. Бретонские наемники составляли его войско; граф де Фунди принял его под свою охрану, а богатая Франция, Неаполь и Савойя, позднее и Испания и Шотландия признали его законным папой. Наоборот, Урбана VI держалась империя и весь остальной Запад. Император высказался за него тотчас и оказал бы ему осязательную поддержку, если бы не помешала ему в этом смерть; 29 ноября 1378 г. он скончался. Римское королевство Карл IV оставил в наследство сыну своему Венцеславу, для которого в 1376 г. откупил преемство у курфюрстов и выхлопотал от Григория XI утверждение. Равно поспешил признанием нового римского короля и Урбан VI. Вместе с тем заключил он мир с Бернабо, с Флоренцией и Перуджийей и тем удалил от себя величайшую опасность, причем обладание Римом, в котором противники его владели лишь замком Ангела, давало ему несомненные преимущества над Климентом VII. Замок этот должен был быть завоеван прежде всего. С самой коронации Урбана осаждали его римляне и стеснили шанцами, прорезав предварительно мост Ангела. Он был превосходно снабжен провиантом и орудиями. Провансальский его капитан беспощадно производил канонаду по городу. Впервые в истории с этой гробницы Адриана гремели пушки. Борго обращен был в пепел и умышленно разрушен. Иоанн и Райнальд Орсини, братья кардинала Иакова, Иордан Орсини дель Монте, Гонорат де Фунди, тогда же сделанный Климентом VII ректором Кампаньи и Маритимы, и префект со многих сторон осаждали город, отрезали подвоз и причинили голод. Ему грозили все ужасы войны, как во времена Григория VII или Александра III, но схизма оказывалась благоприятной для его вольностей. В конце 1378 г. и в начале сле-

дующего правила народные власти без сенатора. Отделение могущественного Иордана де Монте, заключившего с римским народом мир, от прочих Орсини и от племянника его Гонората имело влияние на Кампанскую войну обоих пап, ибо они яростно взялись теперь за меч. Урбан нанял знаменитого капитана Альберико де Барбиано, графа де Кунио в Романьи, основателя компании Св. Георгия, из которой вышли именитейшие кондоттиери Италии. Банда эта образована была в веронской области, имела 800 копий и состояла почти из одних итальянцев. Урбан вызвал ее в Рим для борьбы с бретонцами ультрамонтанского своего противника. При помощи наемных банд вел войну один папа против другого. И здесь схизма приняла национальный характер. Первая итальянская компания стояла на стороне итальянского папы, чужая наемная банда — на стороне чужеземного папы. Климент VII отправил свирепых бретонцев под командой графа Монжуа, родного своего непота, и капитана Бернарда де Сала против Рима на выручку замка Ангела; их встретили итальянцы под начальством Альберико и Галеаццо Пеполо 29 апреля при Марино, где перерубили или забрали в плен бретонцев и их предводителей. Эта схватка двух пап на виду Рима составила эпоху в истории Италии; одержана была туземным оружием первая победа над иноземными компаниями вольных грабителей; Италия воспрянула из своей латаргии, и с этого дня можно было повести эру новой итальянской милиции и военного искусства. Альберико с триумфом вступил в Рим. Признательный Урбан возвел его в рыцари и подарил знамя, на котором начертано было золотыми буквами: «Освобожденная от варваров Италия». Таким образом, среди ужасов схизмы просиял для итальянцев хотя один слабый луч света в образе благородной национальной идеи. В тот же день битвы замок Ангела сдался на капитуляцию благодаря посредничеству канцлера Иоанна Ченчи.

С гробницы этой в течение почти года производимо было жесточайшее стеснение Рима, а между тем бретонский гарнизон состоял всего-навсего из 76 человек. Едва овладели им римляне, как ослепленные жаждой мести, устремились на этот оплот ига, чтобы разнести его до земли. Со времени первой осады при Велизарии пронеслись над достопочтенным этим мавзолеем тысячи военных штурмов, не разрушив его. Он высился еще, правда, без украс, но в мощных очертаниях, с почернелыми мраморными квадратами, с высокой круглой оградой, над которой Орсини воздвигли венец из зубцов, и с пристроенными башнями и боковыми стенами. Пал он лишь теперь, в апреле 1379 г. Петрарка испустил бы вопль ужаса при виде этих римлян, с варварской сокрушительной яростью уничтожавших один из замечательнейших монументов своего города, не заботясь о гневных тенях Адриана, Велизария, Кресценция и Григория VII.

Гробница была разнесена, за исключением лишь внутренней сердцевины ее, заключающей античную усыпальницу. Единственно благодаря лишь твердости черной этой пепериновой массы, слившейся от времени с алмазом по сходству, поныне высится, хотя и в изменившихся очертаниях, над Римом дивный этот памятник — сперва бывший античной императорской могилой, затем темницей и башней, затем гробницей римской свободы в Средние века, цитаделью светской власти пап — во все же времена пребудет он сокровищницей исторических воспоминаний. Обломки замка Ангела целые годы валялись на земле. Мраморные камни были выбираемы для замощения площадей и возведения построек; по пепелищу цеплялись козы.

Падение замка доставило Урбану VI обладание Ватиканом. Он вступил в него в торжественной процессии, с босыми ногами, что было столь необычным зрелищем, что Катерина воздала папе хвалу за смирение. Другой папа был теперь вне

себя от страха, ибо Альбериго мог со дня на день появиться перед Ананьей и осадить там его самого. Он бежал и пробыл некоторое время в Сперлонге, под Гаэтой, и затем искал убежища в Неаполе. Королева устраивала в честь него беспрестанно празднества в Castell dell'Uovo, но народ неаполитанский с раздражением взирал на то, что чужеземец признаваем был за папу, а земляк — отвергнут как таковой, и поднял однажды клик: «Да здравствует Урбан VI!» Дома ультрамонтанов преданы были разграблению. Королева находилась в страхе; протеже ее принужден был вернуться в Фунди. Не встречая с тех пор опоры себе в Италии, отплыл он в конце мая из Гаэты. С шумными почестями приняла его Франция; пять кардиналов, оставшихся там еще от времен французского папства, выехали для поклонения к нему навстречу, и Роберт Женеvский въехал с тиарой на голове в мрачный авиньонский замок, внезапно снова оживший благодаря папскому двору. Во второй раз предстояло разрешенным быть вопросу о том, мыслимо ли папство вне Рима. История изрекла приговор в пользу Рима, ибо Авиньон стоит в христианской церкви лишь в положении Самарии с ее храмом по распадении иудейства, тогда как Рим остался теократическим Иерусалимом, в котором хранился кивот завета католической религии.

Успехи Урбана были настолько убедительны, что сама Иоанна из страха хотела его признать и отправила к нему послов. Но примирение не состоялось; безрассудная королева устранилась разрыва с Францией и осталась сторонницей Климента VII. Ненависть Урбана к этой женщине была безгранична; он дрожал от нетерпения столкнуть ее с кровавого ее трона, на который посажена она была благодаря лишь авиньонским папам. Свершилось позднее, но ужасное возмездие, и покровительствуемый Иоанной раскол сделался бездной, ее же самое поглотившей. 21 апреля 1380 г. объявил Урбан королеву смещенной с трона. Он призывал исполнителя своего приговора. Людовик Венгерский согласился на отправление своего племянника для завоевания предложенной ему короны, желая удаления честолюбивого этого принца, дабы обеспечить свою корону за родной дочерью своей Марией. Карл, сын Людовика де Дураццо, по прозванию della Раса, воспитанный королем венгерским, отправлен был в качестве полководца последнего в 1379 г. с 10 000 копий в Тревизу сражаться с венецианцами, ведшими в то время с Генуей войну, бессмертную геройскими подвигами Виктора Пизано и Карла Цено. С жадностью вял он кличу папы и обещал поспешить с войском в Рим тотчас вслед за окончанием венецианской войны. Урбан убедился, что возведение самим им созданного короля на трон Неаполя является средством к вытеснению Климента VII из Италии и к ограничению схизмы одной Францией. Он поэтому пламенно отдался организации экспедиции. Он оказался в положении пап, снаряжавших против короля Манфреда первого Анжу. Подобно им, испытывал он затруднения относительно места добытия денег для снаряжения Карла в поход. Ресурсы его противника были обильны вследствие поддержки его Францией. Также вооружил и Климент VII контр-претендента, брата Карла V Французского, Людовика, герцога Анжуйского, которого Иоанна в стеснении своем 29 июня 1380 г. усыновила как своего наследника и призвала в Неаполь. Так соткали оба папы и Иоанна смертностную паутину, в которую вовлечены были целые генерации, и несчастному Неаполю пришлось долгими и ужасными потрясениями искупать эгоизм немногих лиц. Усыновление это утверждено было Климентом VII. Он сгорал столь слепой ненавистью к Урбану, что возвел даже церковную область в королевство Адрию и отдал его в лен Людовику Анжуйскому. В это время Урбан VI сделался господином Рима. Победа при Марино дала ему силы подавить мятеж, вызванный, может статься, его кру-

тым характером или же разожженный агентами лжепапы. Однажды ринулись римляне на штурм Ватикана; Урбан приказал широко распахнуть двери дворца и показался перед народом на троне, подставляя грудь мечам ворвавшихся. Мужественная его энергия обезоружила мятежников, павших ниц, а св. Катарина утишила ярость и народа и папы.

Это был последний подвиг праведницы. 29 апреля 1380 г., 33 лет от роду, она скончалась. Подобно херувиму, парил образ ее над мраком той эпохи, озаряемым его кротким ореолом добродетели и разума. Жизнь ее представляется для истории объектом несравненно более достойным и гуманным, чем жизнь современных ей пап. Она принадлежит не к одному лишь скудному каталогу, в котором отмечаются проявления истинной добродетели, но была вместе с тем исторической и моральной силой своей эпохи, подобно тому, как задолго до нее Матильда Каносская, а 40 лет спустя Орлеанская Дева. Но если царственное положение давало могущество и влияние великой покровительнице Гильдебранда, то тем изумительнее престиж, который имела на современный ей мир бедная дочь красильщика. Живится он на одной лишь властной силе гениальной и пророческой женской души, в которой в чистейших своих формах распустилась любовь. Род человеческий постоянно наиболее всего преклоняется перед подобными существами, поборающими собственное свое я, и почитают подобные, непостижимые их деяния разрешением высшей задачи в природе. Бесспорно поразительно видеть эту праведницу возле королевы Иоанны, к которой она писала письма, или возле авиньонских пап, Урбана VI и Климента VII. Она странствовала между Францией и Италией, между Авиньоном и Римом, как Ириса своего времени. Она являлась посланницей пап, государей и республик, доверявших важнейшие мирные миссии чистым рукам девушки без воспитания, без образования, без опытности, говорившей лишь на грациозном сиенском наречии. С поэтической фантазией св. Франциска совмещала она большую практическую энергию, чем он. Она состояла в обширных политических отношениях со своим отечеством. Любопытные ее письма, мелодичные, как язык детей, раскрывают перед нами совершенно своеобразный мир ощущений и мышления, в котором вращалось это эфирное и едва уловимое существо, состоявшее тем не менее, подобно некогда Пиру Дамиани, в практических сношениях со всеми выдающимися личностями эпохи. С очаровательной свободностью писала она к кардиналам, князьям и тиранам, к предводителям банд, к главам республик, к королям и папам. С пламенной ревностью убеждала она и Григория XI, и Урбана VI заняться исправлением церкви, и на каждой почти странице ее писем красуется слово «реформация». Из двух поглощавших душу ее задач одна — возвращение Святого престола в Рим — осуществилась; другая же — реформа извращенного клира — осталась безнадежной мечтой. Она умерла в глубокой скорби по страшном разладе, раздиравшем церковь и собственную ее душу. Народ римский похоронил праведницу при содействии сенатора Иоанна Ченчи и властей республики в прекрасном храме S.-Maria sopra Minerva, где она поживает и поныне. Так отблагодарил ее Рим за содействие к возвращению папства, и благодарная память о ней жила в Риме до позднейших времен, ибо предложением сената и буллой Пия IX Катерина Сиенская была объявлена в 1866 г. патронессой — заступницей города, дабы небесным своим предстательством удержала в Риме Святой престол, возвращенный ею из Авиньона к Св. Петру. Италия смело может почитать ее как национальную святую, и настолько страна эта в авиньонскую эпоху была не обильна великими гражданами, что просвещеннейшими патриотами ее были: эротический поэт в одежде аббата, безумный трибун и мечтательница — дева из народа.

4. Энергичное правление Урбана VI в Риме. — Карл Дураццо, сенатор и король Неаполя. — Победоносный въезд его в королевство. — Людовик Анжуйский выступает контркоролем. — Трагический конец Иоанны I. — Урбан VI отправляется в Неаполь. — Недружелюбность его к Карлу. — Урбан в Ноцере. — Заговор, заключение и жестокое обращение с некоторыми кардиналами. — Урбан осажден в Ноцере. — Бегство его к Адриатическому морю. — Урбан VI в Генуе. — Он приказывает умертвить кардиналов. — Он едет в Лукку. — Конец Карла Дураццо в Венгрии. — Урбан едет неохотно в Рим. — Городские дела. — Падение Франциска де Вико. — Восстание бандерезиев. — Кончина Урбана VI, владыки Рима, 1389 г.

Капитолийская республика управляема была в эту эпоху при неизменных формах строя и была всецело преданна Урбану VI, представителю национально-римского папства. Он ставил сенаторов и даже прочих магистратов назначал на произвольный, по усмотрению своему срок. Епископ кордубский высказал мнение, что никогда ни одному папе не был столь послушен Рим. Исключая нескольких магнатов и королевы Иоанны, Урбан VI не имел более никаких врагов в Италии.

И этих противников должен был теперь низвергнуть Карл Дураццо. В ноябре 1380 г. прибыл он с войском в Рим. Это был человек 35 лет, маленький блондин, подвижный, любитель науки и поэзии, мягкий, снисходительный анжуйским честолюбием. Урбан сделал его знаменосцем церкви и сенатором, вслед за тем принц поставил приора иоаннитов для Венгрии, Фра Раймунда де Монтебелло, викарием своим в Капитолии. Для снаряжения его папа ограбил церкви и церковные имуществы Рима; великолепная утварь, массивные бюсты очутились в плавильных печах; таким образом набрали много денег. До лета 1381 г. Карл оставался в Риме. 1 июня принял он инвестицию на Неаполь, на следующий день корону. Из благодарности обещал он утвердить за племянником папы, Франческо Приниано, по прозванию Бутилло, владения Капуи, Амальфи, Салерно, Фунди, Казерты и Сорренто, ибо папа в силу своей власти наградил этого грубого и неспособного человека этими княжествами, наилучшей частью монархии. Оставив викарием своим в Риме флорентинца Лапо де Кастилиоихио, ученого друга Петрарки, Карл, подобно основателю своего дома, двинулся на Неаполь по Латинскому тракту.

Под знаменами его последовал за ним один из лучших его сподвижников, Иаков Гаэтани, брат и смертельный враг Гонората. Злополучное королевство сделалось вновь ареной завоевательной войны, возженной капризом женщины и жаждой мести папы. Венгры, бретанцы, немцы, французы, итальянцы сражались там долгие годы за и против Дураццо и Анжу, за и против Урбана VI и Климента VII. Приемный сын королевы задержан был во Франции смертью Карла V, и единственной опорой Иоанны был ее храбрый супруг Отгон Брауншвейгский. Тщетно пытался он, как некогда Манфред, задержать нашествие на Лирисе. 28 июня Карл разбил его под С.-Жермано и вскоре с триумфом вступил в Неаполь. Королеву осадил он в Капель dell'Uovo; спешивший на выручку к ней супруг ее после геройской битвы взят был в плен, а 25 августа сдалась победителю и она. Весной следующего года появился на театр войны Людовик Анжуйский, коронованный в короли антипапой, во главе сильного французского войска в сопровождении графа женева Амадея Савойского и многих знатных синьоров. Никогда сильнейшая армия не наступала на Неаполь. Это решило участь пленной королевы. В мае 1382 г. она, внучка Роберта, была по повелению Карла Дураццо задушена в замке Муру шелковым шнурком. Тело ее было

выставлено в течение семи дней публично в церкви S.-Chiara в Неаполе. И тем испустила нечестивая женщина в старости беззакония своей юности. Неаполитанские историки восхваляли Иоанну как мудрейшую правительницу, но на деле она была одной из безрассуднейших и нечестивейших женщин, когда-либо носивших корону.

Пылая мстью, обрушился теперь Людовик Анжуйский через Мархию по Аквилийским Абруццам на королевство. Урбан, страшась за Рим, принял в службу Гоквуда, и римляне также стали готовиться к обороне. Они, нет сомнения, отпали бы от папы, если бы Анжу появился перед их стенами. Но он не пошел на римскую область; лишь некоторые города церковной области — Корнето, Тоди, Амелия, Анкона — из страха объявили себя за него. Но вскоре сила натиска его войска была раздавлена искусной тактикой Карла, и великопепельшая из армий сокрушена лишениями, болезнями и голодом. Война обоих претендентов была вялая и нерешительная. Это побудило нетерпеливого Урбана отправиться самолично к Карлу. История этого папы всецело переплетается с этого времени с войной о неаполитанском наследовании. Урбан VI во главе наемных банд, обуреваемый одними мыслями ненависти и земного владычества, представляется одним из наиболее отталкивающих образов между папами; едва ли мнил он о каких-либо высших притязаниях полководца или претендента на корону. Поездке противились шесть кардиналов; тем не менее он решил ее для того уже, чтобы напомнить Карлу об обещанных непоту его княжествах. Почти тайно, как бы бегством, покинул он 19 апреля 1383 г. Рим, где свирепствовала чума. Если бы римляне догадались о его умысле, то не пустили бы его. Месяц пробыл он в Тиволи, два — в Вальмонтоне. Он поехал на Ферентино, С.-Жермано, Суэссу, Капую. С принуждением приветствовал его король Карл в Аверзе, где продержал пять дней взаперти в прекрасном замке, чтобы вымогательствами добиться от него желаемого. Неаполь принял его в начале ноября с помпой, но и отсюда тотчас увез его король в крепкий замок Кастель Нуово. Не ранее того, как состоялся при посредничестве кардиналов договор о ленах небота, и по обещанию Урбана не вмешиваться в государственные дела дозволил он ему поселиться для резиденции рядом с кафедральным собором. Самовластный папа очутился вскоре в сильном разладе с королем своей неблагоприятною креатурой. Где бы ни появлялся Урбан VI, всюду выступали фурии раздора, неизменные его спутники. Карл хотел удалить его из страны, папа же начал разыгрывать там роль сюзерена. Никто его не уважал. Никогда еще не падало так глубоко почтение к наместнику Христову. 26 мая 1384 г. покинул он Неаполь и с ропотом переехал в Ноцеру — город, принадлежавший его непоту. Там основал он свою резиденцию. Папство казалось перенесенным теперь в королевство неаполитанское после того, как едва успело вернуться в Рим, и христианский мир со страхом взирал на действия обоих пап, ведших — один в Авиньоне, другой в Ноцере, каждый с сенатом кардиналов — ненавистью омраченное существование, причем вся церковь повержена была в беспредельную анархию. История той эпохи, а именно пребывания Урбана VI в Неаполе и Ноцере, являет собой такое одичание нравов и поступков, что род человеческий кажется оттесненным в варварский век. Разлад между Урбаном и Карлом рос с каждым днем. Первый не покидал Ноцеры, даже и по смерти герцога Анжуйского, последовавшей в сентябре 1384 г. в Бари. Герцог передал права свои на наследство Иоанны маленькому своему сыну Людовику. Храброму принцу пришлось быть свидетелем крушения своей, снаряженной с неисчислимыми издержками, экспедиции смерти вокруг себя первых своих вельмож и гибели войска. Смерть его дала

новую энергию Карлу, и он стал бесцеремоннее третировать теперь папу, отвергавшего с запальчивостью всякое посредничество. Король заподозрил его в бессмысленном замысле посажения на трон племянника своего Бутилло; он требовал возвращения папы в Неаполь, а последний отвечал с высокомерием. Среди кардиналов находились и такие, которые почитали загадочные поступки его и недостойными, были и подкупленные Карлом. Все они с отвращением лишь поехали в Ноцера. При ужасном состоянии страны, кишевшей бандитами, бандитами и тайными убийцами и когда сам путь в Неаполь не был свободен, боялись они за собственные свои особы. Пребывание в этом замке, сборном пункте самого отталкивающего общества, было нестерпимо. Всякому образованному человеку приходилось отшатнуться при виде свирепых физиономий входивших и выходивших личностей; там гнездились предводители банд и морские пираты, шпионы Карла, нищенствующие клирики, плутоватые юристы, грубое духовенство того края.

Что удерживало там папу? Почему не возвращался наконец он в Рим? Упрямость Урбана VI отзывает каким-то демоническим безумием. Карл во что бы то ни стало хотел от него избавиться. Кардиналы ненавидели его. Вопрос о низложении его секретно был взвешиваем и сделался предметом юридического обсуждения.

По доносе кардинала Орсини де Манупелло Урбану о составившемся заговоре и замышлении подвергнуть его заточению он приказал схватить и ввергнуть в глубокую цистерну шесть кардиналов, противившихся с самого начала экспедиции его в Неаполь. Совершилось это 11 января 1385 г. Все они были, по свидетельству Теодориха Нимского, почтенные и ученые личности. Историк схизмы был очевидцем и изобразил многодневные их муки. Они томилась в сыром подземелье в цепях, терзаемые голодом, холодом и отвратительными червями. Жалобные их стенания сопровождалась диким смехом бесчеловечного непода, святой же отец прохаживался взад и вперед по террасе замка и громко читал по бревиарию молитвы для возбуждения заявлением своего присутствия рвения палачей. Пытка, по-видимому, исторгла у несчастных признания, обращенные в доказательство их виновности. Вся курия повергнута была в ужас и негодование. Несколько кардиналов, оставшихся в Неаполе, в том числе Пелей Тускулумский, отреклись от Урбана: они разослали к римскому клиру письма, в которых высказывались за необходимость Вселенского собора. Распаленный яростью, изрыгал Урбан анафемы и низложение короля и супруги его Маргариты с трона. Он подверг Неаполь интердикту; он мечтал о возложении короны королевства на безмозглую главу своего племянника. Карл выслал теперь войско против папы. Тот же самый Альбериги, который одержал победу при Марино, осадил его в качестве великого коннетабля Неаполя в Ноцере. Дух и акты этих дней превосходят почти всякое вероятие. При звуках труб возгласно было со стен города, что доставивший папу мертвым или живым имеет получить 10 000 гульденов золотом награды. Верховный глава христианства приравнялся ценой к атаману разбойников. Сам папа оборонялся с дикой энергией вождя бандитов. Вот вид его: по три или по четыре раза на дню подходил он к окну с колокольчиком в одной, с факелом в другой руке и с ненавистью пылающим лицом изрыгал анафемы на войско короля.

Город Ноцера пал, замок в крайнем стеснении еще держался. Картина этой осады, нарисованная немецкими историками Теодорихом и Гобелином Падерборнским, принадлежит к числу наиболее захватывающих той эпохи. 5 июля явился на выручку голодающего папы Раймонделло Орсини, сын графа Нолы, сперва быв-

ший приверженцем Дуррацо, а затем сделавшийся главой остававшихся еще вооруженных анжуйцев. Сквозь осаждающих пробился граф в замок к папе. Но долгая оборона была невозможна. Урбаном отправлены были уже гонцы к Антонию Адорно, генуэзскому дожу, и десять генуэзских галер приплыли для принятия его в Неаполитанскую гавань. 7 июля тронулся он из Ноцеры, конвоируемый Раимонделло и хищными наемными бандами, итальянскими, французскими, бретонскими и немецкими, готовыми во всякую минуту продать папу в случае неудовлетворения им их требований. В стремительном бегстве захвачены были и прелаты-узники. Истерзанные пытками и в цепях, едва могли они держаться на лошадях; один из них, епископ аквилейский, возбудил подозрительность Урбана; папа приказал его убить и, как собаку, бросить на дорогу.

Понеслись далее в унынии и смертельном страхе, подобно дикому табору, по направлению к салернскому берегу. Здесь взбунтовалась часть наемных банд. Папа откупился. С 300 немецкими и итальянскими копьями двинулся он к Беневенту; оттуда далее, как бандит, по горам, полям и рекам и достиг, наконец, в августовский палящий зной берега Адриатики, города которой держали сторону Анжу. С возделением воинов Ксенофонта томились одичавшие куриалы по морю, пока открыли однажды под Трани на горизонте белеющие паруса Генуи. В изнеможении кинулась беглая толпа на берег, приветствуемая оглушительными звуками труб на судах и криками «ура» матросов, встречавших Урбана VI, так же как предки их встречали когда-то Иннокентия IV. Урбан поплыл из Бари в Мессину, затем через Корнето в Геную, где высадился 23 сентября. Грубость его возмутила власти и народ этой республики, с которой у него возникла ссора. Дождь, первые граждане и клир неотступно убеждали его тотчас освободить страдальцев-кардиналов, что он и обещал. Неудавшаяся попытка к бегству привела его в ярость. Он приказал умертвить кардиналов немедленно. Способ казни остался неизвестен; были ли они брошены в мешках в воду, или задушены, или живые зарыты в землю. Один лишь английский кардинал Адам Астон был по настоячивому заступничеству своего короля выпущен на свободу. Двое не заключенных кардиналов, Пелей, архиепископ равеннский, и Галеотт де Пиетрамала, ранее уже передались в Авиньон. Злодеяние это совершилось 15 декабря 1386 г. ночью. Наутро сел неистовый папа на корабль и отплыл в Лукку. Оттуда намеревался он вернуться с войском в Неаполь.

В королевстве этом вследствие катастрофы воцарилась полная анархия. 11 сентября 1382 г. умер, не оставив наследников мужского пола, Людовик Венгерский; недовольные призвали Карла Дураццо, и он отплыл в сентябре 1385 г. в Далмацию для сорвания венгерской короны с головы Марии, юной дочери Людовика и невесты Сигизмунда, брата Венцеслава. Бароны страны короновали его в Штутьвейсенбурге; но один зверский венгерец заколол его в присутствии вдовствующей королевы Елизаветы 7 февраля 1386 г. Так отомстили царственные жены Карлу за убийство им королевы, тетки их. Перст Промысла поразил узурпатора. Адское господство Немезиды в этом доме Анжу, воадвигнутом на крови Гогенштауфенов, ужасающе; на расстоянии нескольких десятков лет стоят, одна возле другой, кровавые тени Андрея, Иоанны и Карла Дураццо. С тяжелораненым королем покончил 24 февраля яд. От него остались под опекой Маргариты двое юных детей, Владислав и Иоанна, приобретшие впоследствии всемирную известность судьбами своими. Смерть Карла повергла страну его в анархию. Партия Анжу подняла тотчас голову; она хотела возвести на трон пребывавшего во Франции наследника герцога Людовика, и, таким образом, претендентами на корону явились в каждой партии несовершеннолетние дети, там Владислав и здесь Людовик Анжуйский. За по-

следнего объявил себя Оттон Брауншвейгский, ранее уже выпущенный на свободу супруг Иоанны; он уехал в Авиньон, теперь же вернулся с войском и 20 июля 1387 г. победоносно вступил в Неаполь; обратившаяся же в бегство вдовствующая королева Маргарита заперлась с детьми в неприступной Газте.

Урбан VI находился в то время в Лукке. Оттуда в сентябре отправился он в Перуджию, весь поглощенный мыслью о завоевании для неопота своего Неаполя, из обоих претендентов которого не признавал ни одного. Не ранее августа 1388 г. двинулся он из Перуджины с 4000, по большей части английскими, копьями и проследовал через Умбрию. Падение с мула явилось ему предостережением. Седой отшельник приблизился к нему и сказал: «С охотой или против воли ты отправишься в Рим, в Риме ты умрешь». Возбужденному его воображению представлялся парящий облик Св. Петра, как будто указывающий ему путь на Рим. Насильно удержали бы римляне папу от этой экспедиции на Неаполь, если бы их воинские силы не были меньше папских. В носилках принесли Урбана в Тиволи. В Ферентино, откуда намеревался он произвести вторжение на Неаполь, сделал он привал. Неоплаченные наемники в большей части его покинули, и это заставило его последовать приглашению римлян и в сентябре возвратиться в Рим.

Тем временем город сильно пострадал от бедствий войны. Враги его и папы, префект граф Гонорат, Орсини, шатающиеся банды беспощадно опустошили Кампанию в то самое время, как каталанские пираты обратили в пустыню Маритиму. Голод и мор стали неизменными гостями в городе. Он цепенел в ужасном гниении, грязи и нищенской бедности. Не могла даже возместить его за столь великое разорение та полная независимость, которой во время долгого отсутствия Урбана пользовался Капитолий. По прекращении, согласно договору, одновременно с завоеванием Неаполя сенаторства Карла Дураццо (и в этом нашествие его явилось повторением первого Анжу), еще несколько сенаторов правили Римом, пока с 1383 г. утвердилось единовластительство консерваторов и бандерезиев. Непрерывно воевали они с Франциском де Вико; но наконец этот могущественный тиран, один из необузданнейших своего прогремевшего свирепостю рода, 8 мая 1387 г. сражен был восстанием в Витербо, причем народ разорвал его на куски. 10 мая мог кардинал де Манупелло именем церкви вступить снова в обладание Витербо. Успех этот явился одним лишним основанием к возврату Урбана в Рим, где ему оказан был почетный прием.

И здесь немедленно стал свирепствовать Урбан без раздора. Папа хотел подчинить себе Капитолий и собственной властью поставить сенатора. С оружием понесся народ к Ватикану. Но через несколько дней можно было видеть экс-коммуницированных бандерезиев, шествующих с Капитолия к Св. Петру, босоногих, с веревкой вокруг шеи, в рубашке, кающихся, с горящими свечами в руках. Они опустились на колена перед пенитенциаром, дотронувшимся с высокой епископской кафедры до головы их вербой. Так непрестанно являл энергию свою Урбан VI. Рим ненавидел его, но повиновался более, чем прочим папам.

В видах умиротворения и покорения римлян прибег Урбан к самому действенному средству: сокращению юбилея до 33 лет. Он собирался назначить его на 1390 г., но ему помешала смерть. Скончался он 15 октября 1389 г. у Св. Петра, где и погребен.

Добродетели, которыми обладал этот неаполитанец — энергия, правосудность и простота в обращении, — являются противовесом до известной степени бешеного его нрава. Так как дикая энергия и грубая сила не суть качества, причисляющиеся к лицу духовному, то нельзя и ставить их ему в хвалу. Папа конца XIV века не может рассчитывать встретить смягчающий приговор у потомства, как предшествен-

ники его варварских веков; мы не дерзаем поэтому оправдывать демоническую натуру этого человека яростью партий народившейся схизмы. Приговор современников гласит, что Урбан VI был жестокий и немилосердный тиран.

ГЛАВА IV

1. Бонифаций IX, папа, 1389 г. — Владислав, король неаполитанский. — Юбилей 1390 г. — Злоупотребления индульгенциями. — Корыстность Бонифация IX. — Церковная область распадается на викариатства. — Договор папы с Римом. — Смуты. — Поездка Бонифация в Перуджию и Ассизи. — Он заключает договора с Римом, куда и возвращается, 1393 г. — Оппозиция бандерези папскому правительству. — Кончина Климента VII. — Бенедикт XIII, папа в Авиньоне, 1394 г. — Заговоры в Риме. — Низвержение бандерези и вольностей Рима Бонифацием IX, 1398 г. — Он укрепляет замок Ангела и Капитолий

Пиетро Томачелли, кардинал Св. Анастасии, неаполитанец, 2 ноября 1389 г. избран был в Риме, а 11-го — хиротонисан под именем Бонифация IX. Он был молодой еще человек — всего 30 лет, с твердой волей, зрелым умом, безукоризненной жизни. Сознавая ошибки политики своего предшественника, поспешил он признать дом Дураццо и снять с него отлучение. Легат короновал в мае 1390 г. юного Владислава в короли Неаполя, и римская церковь стала снова опираться на это королевство, вассальную свою область.

Папа, имевший возможность вступить на трон с юбилейной буллой в руках, располагал сильными преимуществами. Объявленное Урбаном VI торжество состоялось в 1390 г., и, несмотря на неучастие в нем схизматических народов, стеклись в Рим богомольцы из Германии, Венгрии, Богемии, Польши и Англии. Однако священное торжество юбилея превратилось в финансовую спекуляцию папы, рассылавшего во все страны уполномоченных и приказывавшего продавать индульгенции за сумму, равную стоимости путешествия в Рим. Бессоветные эти агенты собирали с иной провинции более 100 000 гульденов золотом. Деньги стали более чем когда великим стимулом церкви, ибо без них не могла она вести войн, связанных с самим ее бытием. Водворились самые вопиющие злоупотребления. Симония и ростовщичество действовали с нескрываемой наглостью. Современники рисуют Бонифация IX, человека в высшей степени с недостаточным образованием, но с острым разумом, беспредельно корыстным и бессовестным. В течение своего понтификата раздавал он все церковные должности за деньги и по таксе; за всякое прошение взимал плату. Он не гнушался даже несколькими гульденами золотом, ибо придерживался пословицы, что синица в руках лучше журавля в небе. Родственники его, алчная мать и двое братьев, неослабно набирали золото.

Подобно предшественнику своему, вынужден был и Бонифаций отчуждать имущества римской церкви и закладывать церковные драгоценности. Из горчайшей нужды в деньгах и ради умаления числа своих противников раздавал он магистратам и тиранам викариаты в церковной области массами. С января 1390 г. роздал он таковые Альберту д'Эсте в Ферраре, Антонию Монтефельтре в Урбино и Кальви, Малатестам — в Римини, Фано и Фоссомброне, Людовику и Липпу Алидози — в Имоне, Асторгию Манфреди — в Фаэнце, Орделаффо — в Форли. Городам Фермо и Асколи и самой даже могущественной Болоньи даровал он (на 25 лет) викариат в городе и области. Становясь в подобные отношения к папе за еже-

годную дань, эти синьоры и республики признавали его главенство и обязывались почитать его врагов своими врагами, его друзей — своими друзьями. Таким путем ускорилось распадение церковной области на наследственные мелкие потентаты. Этим способом снабдил Бонифаций IX денежными средствами и, мало того, узрел вскоре признание верховной своей власти, как государя страны, в Патримониях церкви, чем с некоторого времени не мог более похвастать ни один папа. В несколько лет приобрел он снова предусмотрительностью и энергией важнейшие города, как то: Перуджию, Сполето, Тоди, Витербо, Анкону, Болонью, которым всем обеспечил более или менее их автономию.

Вскоре после юбилея настроение в Риме стало снова враждебно папе, ибо там с полной недоверчивостью блюди еще консерваторы и бандерезии вольности республики. Не видно за эти годы ни одного сенатора. Препирательства курии с консерваторами, хотевшими подчинить двор папы своему форуму, подали повод к несогласиям. Вследствие этого 11 сентября 1391 г. заключил Бонифаций с римской республикой договор, по которому она обязалась признавать неприкосновенность клира, не обременять налогами курию и кардиналов, возобновлять городские стены и мосты, содействовать к воссоединению тусцийских церковных имений и приглашать всех римских баронов к оборонительному и наступательному союзу с папой и церковью. 5 марта следующего года заключил он с Римом новый союз по поводу войны против врагов в Патримониуме. Обе стороны обязались выставить известное число рейтаров для ведения войны с городским префектом Иоанном Счиаррой, Галассом и бастардом Иоанном де Вико. Папа заявил прямо, что все отнятые у этих тиранов места должны принадлежать римскому народу, за исключением Витербо, Орхио и Чивита-Веккии. Доверчивые римляне охотно предоставили ему свою милицию для ведения войны с Иоанном Счиаррой, завладевшим в 1391 г. Витербо, и с гальскими бандами, содержимыми там антипапой; они увеличили силу папы, сумевшего извлечь из них свои выгоды.

В 1392 г. они, востав с оружием в руках, ворвались в Ватикан и исторгли из дворца на глазах Бонифация каноников Св. Петра, отказывавшихся по их требованию сделать отчуждение имуществ этой базилики для военных издержек. Не почитая себя в городе безопасным, Бонифаций воспользовался представляемым ему Перуджийей случаем покинуть Рим и затем заставить на выгодных условиях призвать себя обратно.

Перуджия, раздираемая партиями Беккарини и Распанти, приглашала папу уладить смуты эти своим присутствием. Город преподнес ему полную синьорию, и он поехал туда 17 октября 1392 г. Целый год пробыл он там в благоуспешных заботах о покорении вновь Мархии, ибо Анкона, Камерино, Иези, Фабриано, Мателлика изъявили покорность; сам префект города, жестоко теснимый римскими милициями, искал мира, и раскаивающиеся уже римляне вручили *Dominium* над Витербо легату папы. Летом 1393 г. поехал Бонифаций из Перуджии, где вспыхнула революция и Биордо де Микелотти провозгласил себя тираном, в Ассизи. Там римские послы стали настоятельно звать его вернуться, ибо народ римский был в страхе, чтобы он не утвердился на резиденцию в Умбрии, и страх этот предвиден был папой. Он изъявил готовность возвратиться, но на отправленных им в Рим условиях. Содержание их было следующее: отныне папа должен избирать сенатора, или, буде этого не пожелает, то должны облеченные сенаторской властью консерваторы приносить ему присягу в верности. Сенатор не должен быть стесняем в своей должности ни бандерезиями, ни иными магистратами. Римский народ обязуется сделать свободными тракты на Нарни и Риэти и для охраны судоходства содержать галеру для сбора пошлины с Рипи и Рипетты. Клер и папский двор подлежат юрисдикции

лишь своего законного форума, а именно придворные духовного звания — Auditor Camera, светского звания — маршала папского, римское духовенство — своему викарию. Все они, папа и кардиналы, освобождаются от пошлин и податей. Магистраты не должны ни под каким видом иметь притязания на имущества церквей, госпиталей и благотворительных учреждений Рима. Два «добрых человека» имеют быть ежегодно назначаемы смотрителями за продовольствием, один — папой, другой — народом. На возвращение Бонифация имеют быть представлены 1000 исправно снаряженных рейтаров для конвоя и 10 000 гульденов золотом в виде путевых издержек. Постановления эти были отправлены папой из Ассизи в Рим, где их обсуждало общее собрание сходки из 100 граждан с каждого квартала и генеральный совет с магистратами. Парламент заключил договор на Капитолии 8 августа 1393 г. в присутствии папских уполномоченных, кардинала Тоди и аббата Св. Павла, единогласно приняв и клятвой скрепив условия.

Замечательная эта грамота осталась в существенных чертах и на последующие времена основным базисом политических отношений между папой и городом Римом.

Бонифаций IX возвратился теперь, в конце 1393 г., в Рим, где принят был с почестями. Сперва он не стал раздражать народ поставлением нового сенатора; по крайней мере не упоминается в актах того времени о таковом. Между тем только что состоявшийся договор казался демагогам чересчур благоприятным для папы, чересчур неблагоприятным для прав народа. Уже в мае следующего года недовольство разразилось в виде нового восстания, произведенного главнейше бандерезиями, власть которых Бонифаций хотел сломить. Ему грозили даже смертью, и одно лишь вмешательство юного короля Владислава утишило бурю. Осенью 1394 г. прибыл он с многочисленным войском в Рим, где и освободил папу от опасного положения.

Около этого же времени, именно 16 сентября 1394 г., скончался Роберт Жевневский, или Климент VII, в Авиньоне. Смерть его избавляла Бонифация от противника, неотступно тревожившего Рим и область его, и представляла вместе с тем и давно страстно ожидаемую минуту для уничтожения схизмы. Коль скоро момент этот прошел бы бесследно, то самая вредоноснейшая церковная рознь неминуемо должна была все глубже пускать корни в свет. Теперь дело шло о воспрепятствовании выбора преемника Клименту VII. Парижский университет поспешил удержать от оного авиньонских кардиналов; то же самое сделал король французский; но Французская курия пребыла в национальной своей притупелости несокрушима и 26 сентября избрала из среды своей испанца Петра де Луна в папы. 3 октября воссел он на схизматический трон в Авиньоне под именем Бенедикта XIII. Все попытки синодов, рефератов университетов, усилия самих королей уладить схизму разбились о несогласимые притязания обеих борющихся сторон. Мир свыкся уже с двумя церквями и с двумя папами, с их так называемыми «обедиэнциями».

Тотчас же стал Бенедикт XIII стремиться стеснить римского своего соперника созданием ему врагов в церковной области и в городе. В Умбрии стояли во всеоружии два тирана, перуджинец Биордо де Микеллотис, захвативший Ассизи, и Малатеста де Малатестис де Римини, завладевший Тоди. В Кампанье опаснейшим врагом неизменно был Гопорат Фунди. Он засылал письма к римлянам, поджигая их к отпадению от Бонифация и к признанию Бенедикта. Некоторые знатные, Иоанн и Николай Колонна и Павел Савелла, которых могущественнейшие некогда роды в течение почти уже полувека погружены были в непроглядную мглу, теперь из оной вынырнули на свет и стремились завладеть владычеством над городом. Население Трастевере подняло восстание, которое было, однако,

подавлено; трастевринцы в наказание были лишены своих гражданских прав. Неурядица была велика; положение Бонифация опасно; одной лишь поддержке короля Владислава обязан был он подавлением беспрестанных заговоров. Великие успехи, которые этот энергичный монарх начал одерживать над противной партией в королевстве неаполитанском, облегчили папе подчинение Рима и Кампаньи. Весной 1397 г. заключил с ним мир сам Гонорат де Фунди; вскоре за тем стали добиваться абсолюции и Колонны.

С непреклонной силой воли проводимый план низвержения республиканского режима Рима и сложения власти цехов, после того как давным-давно сокрушена была власть аристократии, удался наконец папе благодаря содействию потушенной революции. В 1398 г. народ римский дал ему полное *dominium*; он соглашался на упразднение бандерезиев и на поставление сенатора; виды на близкие выгоды 1400 г., когда предстояло празднование юбилея города, играли немалую роль в такой податливости римлян.

После четырехлетней вакантности сената папа назначил своим вице-сенатором Анджело де Алалеонибус де Монте С.-Мария in Geoioio. Но недовольная партия в народе находилась в сильном ожесточении. Составлен был, по соглашению с графом де Фунди, план к низвержению новой папской синьории и к восстановлению правления бандерезиев. Предводителями заговора были Петр Савва Юлиани, Петр Ченчи и Натоло Бучи Натолы, все трое бывшие консерваторы. Революция должна была вспыхнуть в августе, граф же Гонорат — произвести во время восстания в городе нападение на ворота Св. Иоанна. Но бдительность вице-сенатора и энергия папы разбили этот план; главы заговорщиков пали под секирой палача на ступенях Капитолия. Ужас, навеянный этой казнью, сделал Бонифация IX действительным властелином Рима. Правление бандерезиев было отменено бесповоротно и навсегда; господство цехов исчезло; гильдия стрелков и щитоносцев утратила политическое могущество, которым пользовалась в продолжение почти 50 лет, и восстановлена была прежняя система управления Римом посредством полугодичного чужеземного сенатора и трех администрирующих консерваторов городской камеры при усиленном авторитете папы. Хитростью и силой произведенный Бонифацием IX в июле или августе 1398 г. переворот составляет эпоху в гражданской истории города. Его должно считать началом гибели республиканской самостоятельности римлян. По сокрушении при Коле ди Риэнци военно-аристократического элемента в городе распалась из-за внутренней дряблости и власти гражданства. Впервые же в 1398 г. признал Рим всецелое и полное *dominium* папы. 11 июля 1398 г. назначил Бонифаций IV на 6 месяцев сенатором Малатесту де Малатесте де Римини, энергичного воина, бывшего перед тем бунтовщиком церкви. Римляне сначала не соглашались принять его сенатором, но после августовских происшествий не оказали более ему никакого сопротивления. Бонифаций сделал его одновременно своим светским викарием в Риме и генерал-капитаном церкви, чтобы подавлять через него все дальнейшие попытки к восстанию. С этих пор, вплоть до смерти этого папы, правил пригнетенной республикой не прерывающийся более ряд чужеземных сенаторов.

Для полнейшего укрепления деспотии своей в Риме приказал Бонифаций IX возобновить разгромленный замок Ангела и оборонять сильной башней. Равно обращен был в крепость ватиканский дворец по образцу авиньонского замка пап; сенатский дворец на Капитолии отстроен был заново и укреплен, несмотря на ропот римлян, жаловавшихся на обращение общественного их дома в папскую цитадель. Бонифаций заботился и о возобновлении заброшенной Остии с целью защищения

устья Тибра и для преграждения разбойничьих высадок провансальских и итальянских пиратов. В этих видах изъял он город Остию из-под юрисдикции кардинала-епископа и поставил ее под власть папы. Устье Тибра снова сделалось местом стоянки для нескольких галер. Впервые после долгого времени появился папский флот. Адмиралом его сделал папа Каспара Коссу де Иския. Таким образом, деятельность его была велика и царственна.

2. Юбилей города, 1400 г. — Компании бичующихся. — Война с префектом города. — Непоты. — Завоевание Неаполя Владиславом. — Конец Гонората Фунди. — Бонифаций IX, господин церковной области. — Неудавшиеся попытки Колонн против Рима и покорность их. — Витербо изъявляет покорность. — Бесплодные попытки уладить схизму. — Бездеятельность короля Венцеслава. — Джан Галеаццо, первый герцог Миланский. — Низложение Венцеслава. — Рупрехт, король римский, 1401 г. — Бесславное появление Рупрехта в Италии. — Смерть Джигана Галеаццо. — Болонья и Перуджия переходят снова под власть церкви. — Кончина Бонифация IX, 1404 г.

Переход XIV века в XV не мог ознаменоваться достойным рода человеческого торжеством ни в Риме, ни в терзаемом схизмой мире, ибо девятый Бонифаций, поднимаясь в юбилейную ложу восьмого папы того же имени, для призыва благословения неба на верующих вызвал проклятия другого папы. Несмотря на уменьшение пилигримских групп вследствие отпразднования всеобщей индульгенции, всего за несколько лет перед тем, стеклись тем не менее многочисленные толпы в Рим, даже из Франции. Появились снова и компании бичующихся — призывать к покаянию погрязшее во вражде и ссорах человечество. Прежде всего поднялись они в Провансе. В числе пяти тысяч человек прибыли они в Геную. Мужчины, женщины, молодые и старые, одетые в белое капудины, с красным крестом на голове, двигались попарно, при пении предводителями хоров священных гимнов, именно *Stabat mater*. Их называли Белыми (*Bianchi*); 25 000 бичующихся переправились из Модены в Болонью. Население этого города облеклось 6 сентября 1399 г. в белые одежды, переправилось в Имолу и расположилось на поле, где епископ болонский отслужил мессу. Вскоре феномен этот охватил всю Италию. 30 000 Белых привели в фанатическое движение сам Рим. Ложные пророки возвещали близкую гибель мира; обманывали вымышленными чудесами массу; производимы были всякого рода бесчинства, а когда вал этот перекатился, осела на дне его чума. Папа запретил составлять компании Белых. Они вскоре прекратились. Но об этих частых средневековых явлениях поныне напоминают и в Риме, и в прочих городах Италии замаскированные братства в виде процессий, совершающих свои обходы.

Одоление Рима фанатизмом, мором, революциями и войнами при общей парализации всех дел представляет безотрадную арену для историка. Вид Бонифация IX в шанцированном Ватикане, где он, как светский государь, среди копий, напастей и всякого рода лишений вел тяжкую, но мужественно выдерживаемую жизнь, переносит в давно минувшие времена. Мужественно поборол он своих врагов; но враги эти были лишь мелкие бунтовщики, и победы его недостойны папства. Великий его культурно-исторический идеал лежал разбитый в осколки.

Теперь предстояло искоренить могущественного графа Фунди, имевшего еще во власти своей Кампанью и Маритиму. Война поведена была против него с величайшей ревностью; 2 мая 1399 г. отлучил его папа и проповедал против него по-

ход. Правой его рукой был брат его Андрей Томачелли, занявший теперь место Франческо Приниано при Урбане. Возле пап опять появились с некоторых пор nepoты, осыпaeмые ими имениями и почестями и облакаемые в большей или меньшей степени светской властью в церковной области. Непотизм Бонифация в беспредельности своей равнялся nepoтизму его предшественника. Андрея, человека энергичного и даровитого, сделал он герцогом сполетским и маркграфом анконским, а другому своему брату, Иоанну, отдал прекрасный лен Владислава Сору, чем король этот и заплатил за собственное признание на троне. Андрей соединил теперь многочисленное наемное войско с войсками ректора Кампаньи, кардинала Людовика Фиэскини. Ананьи на благоприятных условиях изъявило покорность уже в мае. Вскоре за тем победоносный въезд Владислава в столицу Неаполь (9 июля 1399 г.) сделал юного этого монарха властелином королевства и вытеснил соперника его Анжу обратно в Прованс. Это укрепило и Бонифация IX в Риме и ослабило его врагов. Граф де Фунди, теснимый теперь войной и Владиславом, в отчаянии искал мира и умер, лишившись всех почти своих владений, в апреле 1400 г. Гонорат был в доме Газтани личностью выдающейся силы характера; схизма, которой он был первым протектором и упорнейшим подвижником, дала ему политический вес и сомнительную славу.

Падение его сделало папу повелителем Кампаньи и Маритимы, а вскоре за тем, 30 октября 1399 г., принужден был пойти на перемирие и другой сильный враг, Иоанн де Вико. Весьма лобопытно проследить положение, занятое в XIV веке снова префектом города. Эта наследственная в доме Вико должность обратилась в пустой титул, ибо префект, занимавший ее по городу, в нем более не жил, наоборот даже, как враг Рима, был из него исключен и сам был могущественным территориальным владетелем в Патримониуме Св. Петра, с которым вели войну или заключали договоры римская республика и папа.

Долее всех не слагали оружия Колонны, Иоанн и Николай, сыновья Стефанелла, продолжившего знаменитую палестринскую линию, и Санции Газтани. Как родственники графа Фунди и как старые гибеллины, мечтавшие о восстановлении своих прав в республике, упорно держались они антипапы. К ним примкнули недовольные в городе. Составлен был план к низвержению господства папы и к реставрации старого аристократического строя. 15 января 1400 г. ворвался Николай Колонна с войском ночью через Porta del Popolo и с кличем «Народ! Народ! Смерть тирану Бонифацию!» устремился к Капитолию, где стал приступом брать замок сената и монастырь. Курия от страха потеряла присутствие духа, папа бежал в крепкий замок Ангела. Но сенатор Захария Тревизано из Венеции оказал храброе сопротивление в Капитолии; народ же не восстал на призыв баронов, старых своих притеснителей, и обманувшийся Колонна принужден был бежать с большим уроном в Палестрину. Вчинен был процесс об оскорблении величества. 31 пленным папа приказал отрубить головы. Колонн объявил 14 мая вне закона.

В длинной булле воспоминал Бонифаций IX, что за век перед тем хотел Бонифаций VIII искоренить этот самый род из-за его беззаконий. Сам он оказывался теперь в одинаковом же положении и был не последний папа, которому приходилось вести со знаменитым этим домом войну не на жизнь, а на смерть. Пренесте, Цагароло, Каструм Новум, Галлезе, Пенна, Поццаглия, С.-Григорио, Галликано и прочие все имения Колонн обложены были интердиктом; как во времена Бонифация VIII, объявлен был на этот род крестовый поход. Милиции римские, 2000 папских рейтаров, вспомогательные войска короля Владислава, соединились под начальством Тебальда Анибальда, испытанного военачальника, которого столь знаменитый некогда дом в кампаньской войне снова выступил из мрака. Несколько

замков были взяты, несколько имений опустошены, но сильная Палестрина продержалась до зимы. Тогда Колонны благоразумно изъявили покорность; более счастливые, чем их предки, заключили они на поразительно выгодных условиях мир с папой. Они сохранили свои города и приобрели еще сверх того викариат над прочими. Мирный акт от 17 января 1401 г. доказывает, что Бонифаций IX был непочтым государем в церковной области, но предусмотрительным человеком. Быть может, в назидание ему послужил пример Бонифация VIII. В том же году покорилось и Витербо, где вследствие внутренней борьбы партий гвельфов и гибеллинов произошли перевороты, давшие возможность Иоанну Томачелли, ректору Патримония, водворить признание супрематии церкви. Правление Витербо получило новую регламентацию; власть получил генеральный совет из сорока аристократов, но олигархия эта была ограничена и синдицирована привлечением ректоров цехов.

Договором приобрести дружбу Орсини и примирившись с Гаэтани, стал Бонифаций владычествовать над Римом не только как папа, но и «как железный император». Одну схизму лишь не мог он одолеть. Христианский мир требовал все громче и громче собора; короли, епископы и местные соборы старались привести для блага церкви к добровольному отречению обоих пап; те отделялись от увещиваний их устными речами, на чем дело останавливалось. Бенедикт VIII, от которого отказался раздраженный французский король после свидания в апреле 1398 г. с Венцеславом в Реймсе, искал случая избавиться от осады в Авиньоне, в которой его непрерывно держали войска этого короля, обещал отречься, если и соперник его сделает то же. Отказаться от тиары не имел чистосердечного намерения ни один из пап. Родственники и собственный эгоизм мешали исполнить христианский свой долг Бонифацию IX. Если бы он был истинным пастырем, то сбросил бы с себя папскую корону, не соображаясь ни малейше с поступками своего соперника; тогда бы он узрел благодарный мир у ног своих, а лжепапу — в позорном одиночестве. Но Бонифаций был мелкий и своекорыстный ум, неспособный на высокие решения. Общественное мнение Европы находилось в то время еще в младенчестве. В иные эпохи римский император улаживал неурядицы в церкви, как светский глава христианства. Но развратный Венцеслав Богемский, носивший титул римского короля, не был человеком, способным утишить схизму. Уже Урбан VI осаждал его и имперских князей неотступными просьбами предпринять римскую экспедицию; то же сделал Бонифаций IX. Венцеслав обещал в 1390 г. прибыть для коронования и посылал для этой цели послов к папе. Но ничего не состоялось. Тщетны были мольбы Бонифация к нему и к имперским князьям, когда в ноябре 1396 г. Генуя отдалась Карлу VI Французскому, через что французы стали твердой ногой в Италии. Венцеслав имел, правда, свидание с Карлом VI в Реймсе, причем оба короля порешили силой принудить к отречению пап их обедиэнций, но это послужило странным образом поводом к отречению самого Венцеслава. При этом совместно воздействовали много причин; между прочим и возведение Джан Галеаццо в герцога миланского. Принц этот, супруг Изабеллы Французской, уже в 1378 г. наследовал отцу своему Галеаццо в господстве над Павией и половиной Милана; в 1386 г. изменнически умертвил он дядю своего Бернабо и стал через это властителем Милана. Единственную свою дочь Валентину выдал он за Людовика Валуа. Великий и преступный этот человек стремился к обладанию Романьей и Тосканой, и планы его рушили одни лишь флорентинцы, противопоставившие его полководцу Иакову дель Верне гениального кондотьера Гоквуда и неустрашимо собиравшие против него лиги. Приобретя 11 мая 1395 г. у короля Венцеслава за 100 000 гульденов золотом титул герцога, Джан Галеаццо почитал это ближайшим приступом к королевству Италии.

Венцеслав же 20 августа 1400 г. был низложен рейнскими курфюрстами при деятельном содействии папы за неспособность и варварство вообще, за бездействие по улажению схизмы и, наконец, за умаление империи пожертвованием Милана. При сильной борьбе партий 21 августа избран был и 6 января 1401 г. коронован в Кельне в короли римские рыцарственный и мягкий фальцграф Рупрехт. Так рознь в церкви отразилась и на империи. Нового короля настоятельно призывали в Италию флорентинцы для поставления преград Висконти. Ибо Джиган Галеаццо успел уже сделаться господином Пизы и Сиены, в январе 1400 г. добился синьории Перуджии, завладел Ассизи, Сполето и другими городами и грозил покорить и Лукку и всю Тоскану. К Флоренции присоединился Бонифаций IX, желая побудить Рупрехта предпринять экспедицию. В октябре 1401 г. прибыл он в Триент; он возвестил свой поезд для коронования в Милане, но всемогущий Висконти насмеялся над ним. Предприятие его было несчастливо. Разбитый 21 октября при озере Гарда, повернул он обратно на Триент, вступил затем в Падую снова, отправился в декабре в Венецию и вскоре бесславно вернулся в Германию. Едва избежался Джиган Галеаццо от Рупрехта, как налег всей мощью на Болонью. Иоанн Бентиволио, бывший в то время синьором этого города, проиграл битву против Алберго де Барбиано, полководца Висконти, а вскоре после того в революции — и жизнь, после чего Джиган Галеаццо провозглашен был 10 июля 1402 г. синьором Болоньи. Это составило апогей могущества первого герцога миланского. Во время осады полководцем его Флоренции подвела смерть итоги его честолюбию; 3 сентября 1402 г. умер он всего 55 лет в замке Мариниано. Погребен он был в Милане с царским великолепием. Вечным его памятником там стоит прекраснейший начатый им собор. С Джиганом Галеаццо навсегда рушились fortuna и величие знаменитого этого рода.

Флоренция и папа вздохнули свободно. 19 октября заключили они в Риме союз. Альберго покинул сыновей умершего герцога, Джиган Марию и Филиппа Марию, и вступил на службу к папе, пославшему легатом в Романью кардинала С. Евстафия Балтазара Коссу. Союзное войско под начальством Николая д'Эсте предстало перед Болоньей, и мирный договор 25 августа 1403 г. с Миланом явился результатом энергии папы. 2 сентября состоялась именем церкви въезд Коссы в Болонью. Вскоре сдалась и Перуджия. Так, во всех его светских предприятиях счастье благоприятствовало Бонифацию IX. В октябре 1404 г. покойно скончался он государем всей церковной области в Ватикане. Он был человек прекрасной наружности, велик ростом и силен, но без образования, рожденный быть властелином. До самой смерти мучила его жажда золота. И настолько всецело погас в этом веке священнический идеал, что воздаваемая ему хвала за великодушие относительно была единственно к его славе как восстановителя светской власти пап в Риме. Но сама церковь повержена была им в несказанную неурядицу. Корыстолюбие его и его родственников, придуманные им аннаты, бесстыдная продажа индульгенций и сотни других злоупотреблений все выше нагромождали материал для реформации и все сильнее умаляли авторитет папы.

3. Смуты в Риме. — Борьба Колонн с Орсини. — Иннокентий VII, папа, 1404 г. — Римляне требуют от него отречения от светской власти. —

Приезд Владислава в Рим. — Октябрьский статут Рима, 1404 г. — Владислав и обхождение его в Риме. — Возвращение его в Неаполь. — Римляне теснят папу. — Он назначает пятерых римлян кардиналами. —

Умерщвление народных делегатов Людовиком Миллиорати. — Восстание народа. — Прогнание и бегство папской курии в Витербо. —

Анархия в Риме. — Вторжение неаполитанцев в Ватикан. — Борьба народа с ними. — Павел Орсини изгоняет их. — Переговоры с папой. — Иннокентий VII возвращается светским повелителем в Рим, 1406 г. — Он заключает мир с Владиславом. — Кончина его, 1406 г.

Едва охладела жизненная рука Бонифация, как поднялся город для возвращения снова своей свободой. Появились на свет старые партии, гвельфы и гибеллины, Колонна и Орсини; остатки родовой аристократии домогались снова падения демократии. Город покрылся баррикадами. Сенатор Бенте де Бентиволиис и брат умершего папы держались на Капитолии, выдачи которого требовал народ, предводимый Иорданом, Иоанном и Николаем Колонна и Батистом Савелли. Орсини предводительствовали противной партией. Сражались на улицах. На выручку Капитолия явился Франческо Орсини. Колонны разбили его у палатцо Русси и призывали Владислава для поддержки дела народа. Среди этой борьбы партий проследовали кардиналы на конклав. Их было в Риме девять, вне его — три. Прежде всего подписали все они документ, по которому каждый обязался в случае, если избрание падет на него, уладить схизму и самому отречься, как скоро окажется сие нужно. Страх перед приближением Владислава повел к избранию 17 октября, на пятый день, Козимо деи Мильиорати в папы. Начиная с Григория XI он был третий неаполитанец, вступавший на Святой престол, ибо во время схизмы единственную опору находили папы себе в этом королевстве, и этим объясняется вынужденность брать их оттуда. Козимо происходил от одной сульмонской фамилии среднего класса; он был доктором обоих прав, архиепископом равеннским, епископом бодонским и с 1389 г. кардиналом де С.-Кроче; это был человек 65 лет, зрело-опытный во всех делах и миролюбивейшего нрава. Он принял имя Иннокентия VII.

При трудных обстоятельствах вступил в управление новый папа. Город был для него замкнут. Он не владел ничем, кроме Ватикана и замка Ангела, командуемого Антониелло Томачелли, между тем как сенатор держался еще от имени церкви в осажденном Капитолии. Народ отказывал Иннокентию VII в поклонении, если он не откажется от *Dominium Tempore*, а Владислав шел с воинской ратью на Рим и 19 октября вступил в него через ворота Св. Иоанна. С ликованиями встретил его народ. Под пурпурным балдахином отвели его в Латеран, откуда 21 октября в величественной процессии проследовал он по *Ponte Molle* и через ворота замка в Ватикан для приветствования и предложения услуг своих папе.

Тотчас же искусно воспользовался Владислав всеми выгодами своего положения. Счастье и способности сделали его реставратором его династии и возвратили ему влияние, которым пользовались первые Анжу. Он стремился к великим делам; перед ним была раскрыта блестящая будущность; обстоятельства делали его одновременно протектором Рима и церкви. Мудро выступил он между обеими партиями не для создания прочного строя, а для того, чтобы остаться необходимым для обеих. В городе подготавливал он элементы для своего господства. Тайно подстрекал римлян, открыто же делал перед папой вид, что мирит их с ним. После некоторых переговоров между Иннокентием и народом продиктовал он договор, долженствующий составить основной базис взаимных их отношений. Согласно с ним было постановлено: сенатор будет избираться папой; взамен ставиться будут народом каждые два месяца семь губернаторов городской камеры, приносящих присягу верности папе; наряду с ними избираются им или Владиславом три других официала на ту же должность; этим десятерым поручается, без всякой другой юрисдикции, финансовая администрация Рима. Все магистраты состоят в ведении двух синдиков, избираемых один папой, другой — этими официальными; папская курия и обыватели

Леонины изымаются от юрисдикции городского форума; папа и кардиналы не подлежат обложению налогами; от принадлежащей городу соли получает первый 1000 шеффелей; ни один барон не может быть привлекаем к службе народной более чем с пятью копиями; охрана всех мостов и ворот принадлежит римлянам, за исключением Понте Молле и Леонины; издается амнистия; никто не должен принимать посланцев от лжепапы; народ римский не должен иметь притязаний на Супри и Чивиту Каstellану; третейский суд по этому вопросу предоставляется королю Владиславу; город имеет попечение о безопасности всех дорог в его области; народу не дозволяется самовластно издавать никаких новых законов; папа удерживает за собой назначение судьи для апелляционных дел с титулом капитана римского народа; Капитолию должна быть возвращена форма общинного дворца и публичного здания суда; король постановит решение относительно того, надлежит ли ему служить местом заседания Десятерых или нет; за соблюдение договора отвечают порукой всем своим достоянием и имуществом по двадцати граждан от каждого из кварталов города, и все Трастевере оберегает оный, оказывая поддержку той из обеих сторон, в отношении которой последовало нарушение со стороны первой. Соглашение это заключено было 27 октября 1404 г. в Ватикане и позднее утверждено народным парламентом. В тот же самый день дан был Капитолий камерарием папы графу де Тройа, одному из военачальников короля, и последним тотчас же возвращен римскому народу. Таким образом, статут этот возвратил римлянам утраченные ими при Бонифации IX вольности. Десятеро вступили в отправление своей должности, губернаторы заседали снова на Капитолии, как некогда семь реформаторов в эпоху Колы. Папа не назначил, впрочем, нового сенатора, а в должности остался Венте де Бентиволиис.

Уже ранее сего Владислав заставил притесненного папу хорошо заплатить себе за услуги, ибо папа назначил его на пять лет ректором Кампаньи и Маритимы; великая привилегия, ибо тем вложен был в руки королю ключ от Рима. Много дней пробыл он гостем в Ватикане. 4 ноября ради выказания царственной пышности совершил он торжественный въезд через Porta del Popolo вдоль Via Lata через квартал Колонн и по улице Башня Конти проследовал в Латеран. Народ славословил его, как Цезаря; у дома Галеотто Норманни возвел он этого аристократа в рыцари, и тот стал с тех пор весьма знаменательно именоваться «кавалером свободы».

Тогда же 5 ноября выступил Владислав с войсками своими в Неаполь. То, чего он хотел, — прочное влияние в Риме, было им достигнуто; сверх того Иннокентий VII принужден был обязаться не завершать унии церкви ранее всеобщего признания Владислава королем неаполитанским — условие, явно обнаружившее слабость папы и долженствовавшее весьма затруднить великое дело мира. Не ранее как по отъезде короля состоялась 11 ноября коронация Иннокентия VII у Св. Петра, после которой последовал поезд его для занятия Латерана.

Добытая вновь свобода разожгла еще раз страсти римлян, и они не стали более придерживаться октябрьского статута. Десятеро преобразились, за исключением избранных папой, в септемвиры, присвоили себе титул губернаторов свободы римской республики и стали править самовластно, как некогда реформаторы и бандерезии. Слабость папы делала их все наглее и требования их вызывающими. Сам он был втиснут в один лишь печальный квартал Леополя, и здесь охраняло его лишь оружие кондотвера Мустарды, под начальством которого служил брат папы Людовик Мильториати. Неаполитанские войска стояли в Кампанье, откуда поддерживали сношения с Римом. Сами римляне выступили 15 марта 1405 г. под начальством Иоанна и Николая Колонн против Молары, замка Анибальди в ла-

тинских горах. Папа отправил вслед им посредником приора иоаннитов Св. Марии на Авентине, и с Анибальди заключен был мир. Но 25 марта по возвращении войска септемвиры приказали схватить этого приора и без процесса обезглавить в Капитолии. Это насилие возмутило Иннокентия. Он стал угрожать покинуть Рим и избрать резиденцию Витербо, и это произвело действие, ибо 10 мая явились септемвиры, предводимые главой своим Лаврентием де Макаранис в одежде кающихся, с горящими свечами в руках к папе, который их и простил. Последовало, казалось, примирение; 15 мая утвердили губернаторы октябрьский договор, но подписали его в качестве семи правителей свободы римской республики, откуда явствует, что Иннокентий вынужден был согласиться на это отступление от его статута. Этим временем пронесся слух, будто папа призвал на защиту свою Павла Орсини, прославившегося уже кондотьера, состоявшего на службе в Болонье. Народ потребовал, чтобы капитан этот не смел являться в сезон жатвы в Рим, и Иннокентий дал согласие и на это. Со времени вступления на престол он был мучим всевозможными просьбами со стороны римлян; каждый требовал для своих родственников пурпур или иных почестей и приходов. Для умиротворения крикунов произвел Иннокентий 12 июня в кардиналы пятерых римлян: Иордани Орсини, Антонио Кальви, Антонио де Аркионибус, Пиетро Стефанески Анибальди и Оддо Колонну. Несмотря на это, неурядицы продолжались; положение папы было невыносимо.

Два выдающихся человека, оба историки той эпохи, состояли в то время секретарями на папской службе; это были Теодорих Нимский и Леонардо Бруно Аретинский; они изобразили живыми красками тогдашнее состояние Рима. Оба произнесли приговор, что римляне злоупотребили воссозданной своей свободой и далеко перешли пределы заключенного при посредничестве Владислава договора. Из аристократии, так говорит Аретин, были в то время всемогущи Колонна и Савелли, старые гибеллины; наоборот, Орсини придавлены и подозреваемы, как приверженцы папы; курия была полна комплектом и богата; кардиналов было много и с сильным весом; папа в Ватикане, податливый и мягкий, жаждал мира, но Рим находился в непрерывном волнении, методически растрavляемом кознями Владислава. Король, льстясь на синьорию Рима, подкупил многих граждан из числа Кавалеротти; вследствие этого народ презирал их и прозвал «пенсионерами». Несчастный папа был неотступно осаждаем требованиями. «Разве недовольно я надавал вам, — так однажды сказал Иннокентий делегатам римлян. — Не хотите ли вы сорвать с меня и эту мантию?»

Поводом к ссоре было занятие Понте Молле, принадлежавшее по договору папе. В нем стоял папский гарнизон для преграждения римлянам доступа к Ватикану с этой стороны, между тем как замок Ангела прикрывал его со стороны города. Римляне требовали выдачи моста под предлогом опасений наступления со стороны Владислава. 2 августа произвели они там ночное нападение и были отброшены. Шумно двинулись они на Капитолий; гудел набатный колокол; ринулись против замка Ангела, но папские войска выдержали натиск, и возведены были шанцы.

В следующие дни повелись переговоры. Папа согласился на разломание мильвийского моста посередине и на сделание его через это негодным к употреблению. Затем, 6 августа, отправились 14 влиятельных депутатов народа к нему в Ватикан. Граждане эти держали речь надменно и запальчиво; они порицали папу за бездействие относительно улажения схизмы. Переговоры оказались бесплодны. Депутаты сели на коней для возвращения в город; но у С.-Спирито напал на них племянник папы. Пылкий этот человек ожесточен был нескончаемыми терзаниями своего дяди

и пришел в бешенство от долго сдерживаемой жадности мщения. Он захватил одиннадцать из этих посланцев, велел стащить их в госпиталь С.-Спирито, осыпал их глумлениями, убил их одного за другим и приказал вышвырнуть убитых из окна на улицу. В числе оных находились два губернатора римской республики, многие капитаны кварталов, все высокочтимые в народе, некоторые дозنانно-умеренного образа мыслей. Беззаконие nepота обливаеt ужасным светом варварское одичание в тогдашнем Риме; в продолжение долгого времени annалы города не являли ничего подобного.

Когда разнеслась весть об умерщвлении послов народа племянником папы, когда увидели окровавленные тела их лежащими на уличной мостовой, то с несказанными воплями ярости поднялся весь Рим. Сколько ни находилось куриалов в городе, все подверглись поруганиям и заключению в темницы; palаццо кардиналов преданы были пламени; били набат; возбуждение народа было неопиcуемое. Папа, невиновный в злодеянии племянника, чувствовал, однако, тяготение оногo над своей головой и обезумел от ужаса. Один лишь замок Ангела и гарнизон в Борго могли защитить его от моментальной гибели. Он не мог придумать, что делать; придворные его трепетали. Правда, замок устоял против народа, но комендант его, Антонио Томачелли, был ненадежен. Борго, правда, мог в течение некоторого времени продержаться, но леонинские стены кое-где по местам развалились, жизненные припасы были скудны, и ежеминутно могли явиться перед Римом неаполитанцы и Колонны. Советовали бежать. Под ночь 6 августа она двинулся в путь со своим виновным племянником, со своим двором и кардиналами. Замечалось сходство с отступлением после проигранной битвы; впереди рейтарство, затем обоз, потом папа с духовными, рейтарство же замыкало поезд. Бегство было весьма поспешное. Привал сделан был в Чезано, за 20 миль от Рима, на via Cassia, затем двинулись на Сутри, имея позади себя разъяренных, по пятам преследующих римлян. Страх, жара и напряжение убили 30 душ из свиты папы, брошенных на дороге. Пред глазами его заколот был один придворный и убит аббат монастыря Св. Петра Перуджийского. После беспредельных мук достигли спасшиeся надежного Витербо. Едва успел уехать папа, как обрушился народ на Борго и Ватикан. Пощаженное им разграбил на другой день Иоанн Колонна. Папский архив был опустошен; многие исторические грамоты нашли свою гибель. В самом городе истреблены были гербы папы. Толковали о низвержении его и смеялись называли Иоанна Колонну, бывшего теперь повелителем в Ватикане, Иоанном XXIII. Колонны встретили, однако, оппозицию в демократах и поспешили призвать короля неаполитанского, которому и без того одна партия намеревалась дать синьорию города. 20 августа вступил в Борго во главе 3000 рейтаров граф де Тройа с Ричардом де Сангвинеис, Джентиле де Монтерано и двумя губернаторами. Изменнический план магнатов разрушен был патриотическим гражданством, хотевшим свободы, но не деспотии Владислава. Граф отброшен был с моста Ангела в Борго и встретил мужественный отпор. Баррикады преграждали неаполитанцам доступ в город, и хотя замок и объявил себя за Владислава и обстреливал город, тем не менее граждане держались с достохвальной храбростью. Они осадили неаполитанофильствующих губернаторов на Капитолии, сдавшемся 23 августа. Народ разнес тамошнюю крепость и поставил регентами трех «добрых мужей». Отпущены были на волю многие заключенные прелаты. Это показало, что существовало убеждение в невиновности папы. Настроение повернулось в его пользу; делегаты от народа поехали в Витербо и требовали помощи против Владислава и баронов. 26 августа прибыли с папским войском Павел Орсини и Мустарда. Между тем как граф де Тройа отвлечен был в Кампанию, тщетно ста-

рался Иоанн Колонна удержать Борго. На лугах Нерона был он разбит и обращен в бегство, и Павел Орсини вступил именем папы в Ватикан. Итак, замыслы честолюбивого Владислава неожиданно вернули Иннокентию VII владычество в Риме. Двое кардиналов, по рождению римляне, Оддо Колонна и Петр Стефански, воздали ему теперь за свое собственное возведение наивероятнейшими услугами; они явились посредниками мира. Римляне изъявили готовность снова принять Иннокентия. 30 октября назначил он сенатором Иоанна Франциска де Гандиатицис Пистойского, и тот 11 ноября спокойно воссел на Капитолии. В январе 1406 г. пришел парламент к единогласному решению предоставить полное *dominium* папе. Среди бурных радостных кликов приведен был викарий его на Капитолий. Девятнадцать граждан поднесли в Витербо печать и ключи от города Иннокентию, и с радостным изумлением папа признал беспримерность в истории пап столь великой угодливости со стороны римлян. «Никогда не стремился я к этим мирским делам, — так сказал он, — но готов принять бремя господства, папское право, ныне же добровольный и почетный дар римлян». Поворот обстоятельств поистине был изумителен; злодеяние и его возмездие, постыдное изгнание всей курии имели последствием владычество в наиполнейшем объеме папы над Римом. Капитолий, все крепости, ворота и мосты в городе и области сданы были папскому викарию. 13 марта совершился въезд Иннокентия в Ватикан через *Porta Portese* по Трастевере, ибо другой вход в Борго вследствие враждебного замка Ангела был невозможен. Куриалы его содрогались при мысли о поездке к оскорбившим их столь сильно римлянам. Но nepot, кровавое преступление которого произвело революцию, спокойно вернулся с дадей. Никакой судья его не наказывал, папа лишь подверг его духовному покаянию, а затем возвел в маркграфы анконские и в синьора де Фермо. Людовик Мильорати не опускал даже взоров перед римлянами, но надменно и уверенно въехал на коне в Ватикан. Как будто ничего не произошло, был он как до, так и после предметом уважения и страха. Напрасно станем мы искать в историях всех времен пример, который равно омерзительно и отталкивающе изображал бы низкую степень морали, до которой способно опуститься человеческое общество. С этого времени повел осаду замка Ангела, наряду с Павлом Орсини, nepot, вместе с тем повелась война против неаполитанской партии внутри области; взяты были штурмом Кастель Джубилео и Кастель Арчионе под Тиволи. Колонны, Савелли, Анибальди, Поли, Иаков Орсини, Конрадин Антиохийский, которого гогенштауфский род еще существовал, и все почти бароны страны держали сторону Владислава, от которого ждали реставрации в Риме и ленов. Храбро держались они в своих замках, не заботясь об объявлении вне закона со стороны папы, низложившего самого могущественного Владислава. Король, отнюдь не бесчувственный к громам отлучения, могшим подвергнуть опасность его не вполне еще окрепшую корону, поспешил примириться с папой. Заключено было перемирие. Павел Орсини и Людовик Мильорати поехали в Неаполь и 6 августа привезли мирный договор обратно в Рим. Владислав, водворенный вновь во всех своих правах, принял на себя защиту церкви, как ее *defensor, conservator* и знаменосец. С отвращением лишь можно читать льстивые титулы, которыми осыпал папа государя, которого перед тем сам проклинал, как сына тьмы. Могли ли иметь религиозную силу анафемы и власть папы вязать и решать, коль скоро торжественное церковное проклятие в одно мгновение ока превращалось в столь же торжественное благословение? Руководила ли карающим приговором папы строгая христианская мораль? Или не была ли то одна политика, возвращавшая решения эти туда и сюда по ветру, как флюгер?

9 августа, согласно договору, сдан был замок Ангела папе, и так Иннокентий VII мог мирно именовать себя государем римским. Сенатором сделал он Пьера Франческо де Бранкалеоне де Кастель Дуранте. Покорность римлян наградила он возобновлением упавшего их университета. Вскоре за тем, 6 ноября 1406 г., он скончался. Человек без разума и без энергии, прославляемый современниками за миролюбие и бескорыстность, вполне беспечный относительно схизмы и духовного своего долга. Немногие папы умирали столь спокойной смертью.

ГЛАВА V

1. Григорий XII, папа, 1406 г. — Переговоры об унии. — Испорченность церкви. — Решение о конгрессе в Савоне. — Николай де Клеманж. — Препятствия к унии. — Колонны вторгаются в Рим. — Павел Орсини выгоняет их. — Он становится могуществен в городе. — Отъезд Григория XII в Сиену. — Владислав идет на Рим. — Тамошнее состояние дел. — Вступление Владислава в Рим, 1408 г. — Он покоряет провинции церкви и правит как государь в Риме

Смерть папы во время схизмы являлась наиболее благоприятным поводом к ее улажению, ибо весь вопрос заключался в том, чтобы воздержаться от новых выборов и тем засвидетельствовать о серьезном желании мира, по крайней мере в одном лагере.

14 римских кардиналов действительно находились в сомнении, давать или нет преемника Иннокентию VII. Но эгоизм и боязнь революции привели их 18 ноября на конклав, дабы не оставлять римскую церковь без видимого главы. При этом подписали они торжественную декларацию о готовности каждого из них в бытность его папой вести переговоры об унии и в видах достижения оной сложить с себя тиару; они объявили вообще, что избирают нового папу в тех лишь видах, дабы он являлся прокуратором унии. Равно должен был избранник обязаться не назначать никаких новых кардиналов.

Выбор пал 30 ноября на кардинала Св. Марко, венецианца Анджело Коррера, 6 декабря 1406 г. вступившего на Святой престол. Григорий XII немедленно утвердил этот декрет, объявил на первой же консистории о намерении добросовестно придерживаться своей присяги и выказал готовность к унии. «Я полечу навстречу унии, — так свидетельствовал он, — коли морем, то в рыбацьем челне даже, коли на суше, то даже со странническим посохом». Так говорил 80-летний старец, избранный по всем вероятностям кардиналами в тех лишь видах, что, по человеческим соображениям, честолюбие способно в виду могилы преобразиться в самоотречение. Они заблуждались; одна минута дрожащей власти имеет в глазах пурпуриносных старцев столько еще драгоценностей, что усталое их самообожание обретает юношескую силу. Григорий XII отправил к противнику своему Леонарда Аретинуса с письмом, которым приглашал его к совместному отречению, и испанец Петр де Луна отвечал в том же духе. Гонимые летали взад и вперед для устройства свидания. Христианство требовало все с большей настойчивостью собора. С авиньонской эпохи с каждым годом впадала церковь в большее и большее развращение. Аннаты, десятины, резервации, индульгенции и диспенсации истощили систематическим грабежом весь Запад. Духовные должности составляли повсюду предмет торговли; прелаты массами набирали приходы, не заглядывая в духовные свои резиденции. Властелином церкви был Симон Волхв, а апостолическая камера подобна Харибде. При схизме зло это разрослось до чудовищности. Во всех странах ратовали благо-

родные люди против мерзостного этого состояния и требовали реформы. Нигде не наши эти жалобы лучшего выражения, как в сочинении Николая де Клеманж, ректора Парижской академии и долголетнего секретаря при авиньонском дворе. Около 1393 г. написал он свой трактат «О разорении церкви или о поврежденном ее состоянии». В нем пересчитывал он все разьедавшие ее язвы и возводил их к их первоисточнику — мирской алчности пап и клира. Настаивая на реформе, изрек он знаменательные слова: «Сперва предстоит церкви быть униженной, затем воспрянуть». Само папство поколеблено было во всех коренных его устоях; оно поплатилось иерархическим своим могуществом, престижем всесветной своей юрисдикции, повелевающим народами положением. Оно расплавилось, как империя, и распалось даже на две половины, из которых каждая обязана была разделным существованием своим лишь покровительству сильных монархов. Великое папство Гильдебранда и Иннокентия сделалось теперь по всему свету предметом критических изысканий. Короли, парламенты, синоды, университеты, народное мнение воздвиглись теперь в равное число трибуналов, подвергающих расследованию в лице враждующих пап сам сан папы, а в лице враждующих кардиналов — права самой священной коллегии. Декреталии, основные законы пап, подверглись уничтожению, и из критического этого процесса выдвинулось снова то мощное гибеллинское или монархическое право, которое присвоило высшей светской власти — императору — компетенцию судить собором и низлагать папу.

Под давлением воли Франции заключили оба папы, Бенедикт XIII и Григорий VII, марсельский договор, по которому обязались устроить в сентябре 1408 г. в Савоне, под Генуей, конгресс; но оба мистифицировали намерениями, которых все не имели. Григорий, старый и слабый, доминирует своими nepотами, с которыми в детском обжорстве проводил дни и расточал вымогаемые им под покровом унии десятины. Помимо сего, ставил препоны и Владислав; все выгоды короля неаполитанского зиждидлись на продолжении схизмы; тогда как уния и, что было весьма возможно, французский папа могли лишить его не только протектората Рима, но и короны, ибо Людовик Анжуйский сохранял еще на нее свои притязания под покровительством могущественного своего родственника, короля французского. И вот когда стало походить на то, что состоится конгресс об унии, Владислав начертил план его расстроить путем завладения одним ударом Римом. Здесь народ признал суверенитет нового папы и получил в сенаторы от него Иоанна де Цимис из Чинголи. Он не был поэтому расположен в пользу короля, но многие бароны желали его.

По наущению Владислава оба Колонны с прочими аристократами и неаполитанскими войсками ворвались ночью 17 июня 1407 г. в город через пролом стены в воротах С.-Лоренцо. Григорий XII тотчас бежал в замок Ангела. Однако замысел заговорщиков не удался, ибо Павел Орсини, кондотьер папы, подоспел на следующее утро от Кастель-Вальха, вступил в Ватикан, соединился с Коррерами, nepотами папы, и поспешил встретить врагов у Porto S. Lorenzo. Иоанн и Николай Колонны, Антонио Савелли, Иаков Орсини, Конрадин Антиохийский попали в руки победителя. Рим осветился в знак радости огнями. Колонны откупились от Орсини, но менее привилегированные бароны на Капитолии подверглись смертной казни. В числе казненных были Галеотт Норманни, «кавалер свободы», Ричард Сангвиньи и Конрадин Антиохийский, отрасль Гогенштауфенов и носитель имени, оказавшегося роковым и для него самого.

Теодорих Ним утверждал, будто Григорий VII посвящен был в план Владислава и преднамеренно бежал в замок Ангела, чтобы для вида явиться там осажденным и тем воздержаться от путешествия на конгресс унии. Буде Григорий действи-

тельно имел лицемерный этот замысел, то таковой был разрушен поведением римлян и самостоятельной волей Павла Орсини. Возникшая между папой и храбрым этим воином, его избавителем, разладица могла бы подтверждать справедливость мнения Теодориха, но объясняется другими причинами. Со времени своей победы Павел Орсини был могущественнейшим лицом в Риме. Григорий нанял его в качестве военного капитана церковной области и предоставил ему доходы с Романьи и прочих провинций. В награду отдал он ему викариатство Нарни, но деньгами не дал ничего. Он сам был вынужден заложить у флорентинских менял драгоценную папскую свою корону, постыдный акт, могущий вообще служить символом унижения тогдашнего папства. Павел Орсини страшил Григория своими требованиями, а еще более возрастающим своим влиянием. Богатый военачальник из знатнейшего гвельфского дома в городе был теперь вторым Рицимером в Риме. Это побудило Григория покинуть город. Папа уступил предводителю банды. Генеральным викарием своим назначил он уважаемого кардинала Петра Стефанески де С.-Анжело и отправился 9 августа 1407 г. со своими в Витербо, с тем чтобы проследовать оттуда далее (как он, по крайней мере, делал вид) на конгресс в Савону.

Отъезд Григория состоялся прямо наперекор воле римлян, боявшихся тирании могущественного Орсини или же предвидевших неминуемые смуты, в которые должно было их вовлечь честолюбие короля Владислава. Павел оставлен был, впрочем, с несколькими тысячами рейтаров в качестве верховного главнокомандующего церкви и защитника города, между тем как магистраты Капитолия повиновались кардиналу Петру; в руки последнего сложил сенатор Иоанн де Цимис свой должностной жезл, а три консерватора правили сенатом.

Из Витербо в сентябре переехал Григорий XII с восемью кардиналами в Сиену, где его встретили послы Франции и другого папы. Савона казалась ему теперь ненадежной, он требовал для конгресса другого места; бесполезно, ибо с обеих сторон происходили лицемерные переговоры, и алчные nepоты Григория достигли своего умысла — затянуть раскол. Пользуясь теперь дальностью папы, поспешным властолюбивый Владислав извлек из этого выгоды. Церковная область имела вид выморочного имущества; и не представлялось ли вообще для короля неаполитанского неотразимым искушением объявить вообще *Dominium Temporale* упраздненным и вместо папы сделаться в ней властелином? Владислав задался, таким образом, идеей завоевать Рим. В нем повержено было все в ужас и в распадение. 1 января обложил кардинал-легат налогом в 30 000 гульденов клир города; последний собрался в монастыре дела Роза и порешил не производить никаких платежей, не звонить более в колокола, не служить более обеден. Магистраты ввергли тогда в тюрьму многих духовных, а прочие покорились силе. Массивные статуи святых и сосуды отданы были в плавку; так повелел папа. Открылся голод, устраивать стали процессии, показывали народу платье св. Вероники; но хлеба не было. Римляне стали волноваться. Возвышение податей ожесточило их, грабежи производились на всех улицах, партия из ста пилигримов убита была наемниками Павла Орсини, некоторые римляне желали теперь Владислава, надеясь иметь через него порядок и изобилие. Король с сильным войском двинулся в путь. При таких обстоятельствах кардинал-легат счел целесообразным возвратить снова народу прежнюю его власть. 11 апреля восстановил он снова правление бандерези, снял с них в Ватикане присягу верности и роздал знамена. Народный магистрат тотчас же при звуке труб совершил въезд на Капитолий, на ступенях которого почтительно был приветствуем всеми капитанами кварталов. Так восстановлено было в последний раз демократическое правление в Риме; при всем том оно было одной лишь бессильной руиной, ибо сам народ, расшатанный во всех своих элементах, убедился скоро в неспособно-

сти своей сохранять обладание свободой. Через несколько дней после того появился перед стенами Рима король с 12 000 рейтаров и многочисленной пехотой, причем галеры его стали в устье Тибра. 16 апреля стал он перед Остией. Крепостью командовал от имени церкви римский капитан Павел Баттиста ди Джовио; плохо снабженная продовольствием капитулировала она 18-го, 20-го расположился король станом поблизости Св. Павла. С ним находились выдающиеся капитаны: граф де Тройя, граф де Каррара, Джентиле де Монтерано, оба Колонны, Баттиста Савелли и Людовик Миллиорати, который, будучи изгнан Григорием XII из мархии Анконы, завладел Асколи и Фермо и отдал их Владиславу, на службу к которому тогда же и вступил. Король приказал, как некогда Тотила, навести понтонный мост на Тибре. Павел Орсини засел в Риме с 1400 лошадей и пехоты; городская стена укреплена была рвами и засеками, над чем вскоре по отъезде папы должны были работать толпы поселян; удачная оборона была не невозможна, ибо атаку победоносно преодолеваемы были римлянами и несравненно большие заступы. Но падение Остии затормозило подвоз; скудость, раздоры и измена подтачивали всякую энергию, и быстрое завоевание Рима Владиславом явилось ясным как день доказательством, что римская республика отжила свой век. В начале XV века не действовал более в Риме ни один из тех трех принципов, взаимной борьбой которых держалась столь долго великая партийная жизнь. Все распалось, аристократия и гражданство; муниципальный дух, цезаризм и папизм. Из-за раскола опустился сам Рим на низкую степень провинциального города и мог вследствие этого сделаться добычей первого всякого завоевателя, не вызвав даже своим падением заметного изменения в свете. Одно уже это отсутствие самоуважения вполне объясняет полную его несостоятельность к обороне. Сверх того она была вверена ненадежным рукам военачальника банды, готового продаться дающему наивысшую цену. Павел Орсини завел переговоры с Владиславом, предложившим ему за сдачу Рима золото и почести. Узнав про это, римляне его заклеймили названием изменника отечества, но сами поспешили удалить от себя гибель. Послы от народа явились в лагерь короля, и 21 апреля заключен был следующий договор: все крепости и Капитолий имеют быть сданы Владиславу, народное правительство слагает власть в его руки. Бандерези немедленно отреклись, назначенный королем сенатор Ианнотус Торти занял Капитолий, а неаполитанское войско с музыкой вступило в город.

Короли Неаполя из норманнского дома, из швабского рода, Анжу устремляли все помыслы своего честолюбия на замок Капитолия; опасность для пап была поэтому велика, и в их светской истории наиболее поражающим представляется, быть может, следующее: что единственных монархов в Италии сумели они с самого начала низвести на степень вассалов церкви. В иных случаях путем договора с папой и с народом жалуемы бывали короли неаполитанские почетным званием сенатора римского, но ни одному из них не удавалось приять скипетр Цезаря. Поэтому, когда Владислав покорил Рим, то был могущественнее всех своих предшественников, и перед ним раскрывалась, казалось, великая будущность. Для великолепного въезда выбрался юный монарх у Св. Павла, подобно пращуру своему, Карлу Анжуйскому. В Рим въехал он 25 апреля. Ввиду того что замок Ангела держал еще сторону папы, направил он свой путь по мосту сенаторов через Трастевере, восседая на коне, под несомом восемью баронами балдахинном, причем римляне сопутствовали ему с пальмовыми ветками и с факелами в руках. Городские колокола и вечерние веселые огни возвестили о печальнейшем из всех торжеств, о падении Рима под власть короля. На жительство поселился он у С. Хрисогона, где и остался. В день же его въезда отступил Павел Орсини, отныне слуга Владислава, в Кастель Валька; городские ворота и мосты были сданы, и первые, по повелению короля, задела-

ны. Он произвел тотчас новые выборы консерваторов, капитанов кварталов и прочих магистратов. Также и местечки в городской области, Веллетри, Тиволи, Кори и иные поклонились ему и послушно приняли его кастелланов. Прибыли послы от Флоренции, Сиены и Лукки для принесения ему поздравлений по поводу триумфа над Римом и для заключений с ним союза. Тем временем войска его двинулись на Патримониум и на Умбрию, где Перуджия, Тоди, Амелия, Орте, Риэти, Ассизи без дальнейших разговоров признали его своим синьором. Таким образом присоединил он провинции церковной области к неаполитанскому своему королевству.

Монархия, Италия, даже императорская корона представляла перед отважным умом Владислава. На одежде своей приказал он выткать изречение: aut Caesar, aut nihil. Говорят, что он домогался титула короля римского, но что в оном отказали ему римляне, заявив, что имеют уже цезаря. Королем их был Рупрехт Пфальцский, и государя этого должно было устыдить завоевание Рима. Теодорих фон Ним, покинувший Рим до въезда Владислава, обратился к Рупрехту с патриотическим увещательным письмом, в котором входил в роль Данте и Петрарки, и призывал ленивого короля римского припомнить славу германских императоров, опоясать чресла мечом и восстановить империю.

Сенатор от Владислава правил городом с железной строгостью; всякая попытка к возмущению наказывалась секирой палача. Помимо же этого, не сотворимо было никаких насилий. Блестящая личность юного и великодушного короля, на которого начала взирать вся Италия как на человека будущности, приобрела ему симпатии народа, а избобилие жизненных припасов, о чем он заботился, равно как и строгая юстиция, вернувшая спокойствие городу, были лучшей опорой его власти. Занятый предначертаниями к завоеванию Средней Италии, пробыл король в Риме до 24 июня 1408 г. Перед отъездом повелел он влиятельнейшим баронам, в том числе самим даже Колоннам и Савелли, до возвращения его пребывать вдали от Рима. Стражами города определил он сенатора, маршала своего Христофора Гаэтани, графа Фунди, консерваторов и капитанов кварталов, еще на некоторое время оставил графа де Тройя с войском и затем вернулся в Неаполь.

- 2. Бенедикт XIII и неудавшийся его план завладения Римом. — Григорий XII и отношение его к Владиславу. — Интриги обоих пап в видах подорвать унию. — Бенедикт XIII покинут Францией. — Григорий XII покинут своими кардиналами. — Кардиналы обеих обедиэнций в Пизе. — Они созывают собор. — Бальтазар Косса в Болоньи. — Григорий XII едет в Римини. — Владислав идет через Рим на Тоскану, чтобы помешать собору. — Спротивление ему флорентинцев. — Пизанский собор, 1409 г. — Низложение пап. — Избрание в папы Александра V. — Трое пап. — Война и экспедиция Людовика Анжуйского и Коссы против Владислава. — Неаполитанцы обороняют Рим. — Революция в Риме. — Город сдается и чествует Александра V**

При других обстоятельствах завоевание Рима Владиславом составило бы весьма важное событие. Даже Бенедикт XIII возымел смелый план завладеть Римом и воссесть там римским папой на очищенный соперником его престол; в этих видах отправил он к устьям Тибра одиннадцать генуэзских галер; но флот этот вышел из Генуи лишь в тот самый день, в который совершил въезд свой в Рим Владислав. Наоборот, Григорий XII не был испуган узурпацией короля. Коль скоро он знал о замыслах своего соперника, то должен был желать завладения королем Рима скорее, чем чтобы содеяно это было Петром де Луна. Когда, бежав при падении горо-

да, предстал перед ним в Лукке легат, то принят был им без упреков, наоборот, с такими знаками благоволения, что приходилось думать, что кардинал действовал согласно повелению папы. Говорили, что Павел Орсини с его воли передал Рим, равно так же занял город и даже церковную область король, и в самом деле, престолю мало гневался Григорий XII на Владислава, что не возбудил никакого протеста, но продолжал по-прежнему держать при нем своих нунциев. Завоевание Рима и Патримонии давало ему и племянникам его повод ставить препятствия делу унии. Ухищрения, пускаемые в ход обоими папами для заклеявления одним другого как единственного виновника продолжения раскола — тогда как оба они единодушно не желали унии, — представляют отвратительнейший спектакль злокозненного своекорыстия. Обманувшийся мир утомился ими и порвал наконец искусную паутину, сотканную вокруг церкви этими козунниками. После несостоявшегося савонского конгресса оба они друг с другом сблизились. Бенедикт XIII приехал в Porto Venere, Григорий же XII отправился из Сиены в Лукку, где отдался под покровительство синьора этого города, Павла Гвиниджи. Оба обменивались посольствами, предложениями и жалобами. Сотканное одним разделявал другой; предлагаемое одним отвергал другой. Никогда не было ведено более гнусной игры с глубочайшими потребностями мира. Григорий XII совершенно без средств, без наемных войск, кроме набранных Коррерами, поднял вопль против галер, состоявших еще в распоряжении его противника, ибо умный Бенедикт XIII опирался на могущество Буссико, наместника французского короля в Генуе, и Григорий, не без оснований, объявил, что не может отправиться в предложенные для конгресса приморские города ввиду небезопасности для него последних. Поэтому когда Бенедикт предпринял с генуэзскими галерами неудавшуюся экспедицию на Рим, то это явилось для противника его желанным предлогом к прерыванию переговоров. Ежедневно осаждали его неотступно кардиналы, посланцы Франции, Венеции и флорентинцев. Один монах-проповедник выступил в Лукке и публично обозвал его безбожным клятвеннонарушителем; он приказал заключить смелого оратора в тюрьму; не хотел ничего более слышать про унию. Тем временем Бенедикт XIII выведен был из прежней своей сдержанности. В январе 1408 г. король французский повелел эдиктом не повиноваться ни одному из двух пап, если ко дню Вознесения не улажен будет раскол; против этого выступил Бенедикт с грозившей экскоммуникацией буллой, последствием чего явилось, что французский парламент и парижский университет объявили его низложенным. На одну минуту остался соперник его триумфатором; забыл о своей присяге, которой обязался не назначать кардиналов более, назначил четырех новых. Это привело в ярость кардинальскую коллегию, которую и без того уже по подозрительности своей окружал он вооруженными людьми и держал, как в плену. Прежде всех секретно покинул 11 мая Лукку кардинал лютихский и, безуспешно преследуемый Павлом Коррером с рейтарством, отправился в Castell Libra Fracta в пизанской области. За ним последовали, среди сильного смятения и памятуя о судьбе кардиналов Урбана VI, шесть других князей церкви. Они все собрались в Пизе, где избрали единственный практический путь, могущий спасти церковь, — апелляции к собору. Клич «Собор!» моментально потряс мир, ибо обстоятельства для оного уже назрели, и моментально же очутились оба противника обезоруженными. Бенедикт XIII, беззащитный в Генуе, как и в Авиньоне, сел 17 июня в Porto Venere на корабль и бежал в отечество свое, в Перпиниан, куда созвал на 1 ноября собор. Непреклонный этот испанец боролся с этого времени с судьбой с мужеством, доставившим бы ему в благородном другом деле название великого. Поистине Петр де Луна являлся как по твердости воли, так и по разуму несчастливим последователем Гильдебранта и Александра III, попавшим во всемирную историю на не-

надлежащее место и в ненадлежащее время, через что редкая его энергия пропала без пользы.

Французские кардиналы покинули Бенедикта XIII; ободряемые королем французским и отзывом парижского университета, отправились они в Ливорно; в первый раз увиделись и перемешались здесь обе враждебные коллегии и образовали отныне элемент, из которого вышел собор. Последнего требовали они сообща; и звали его на 26 марта 1409 г. в Пизу. Когда Григорий XII очутился перед лицом выросшей грозной этой Немезиды, то созвал немедленно собор и сам, долженствовавший прославлять Троицу следующего за тем году в имевшем еще назначену быть месте, в провинции Аквилее или Равенне, и внезапно изменил свое решение. Григорий намеревался теперь покинуть Лукку и возвратиться в Рим. Он просил короля Владислава прислать ему для конвоирования его войска, но подозрительные флорентинцы возбудили против этого вооруженный протест. Тогда решил он ехать в Мархии, где мог отдаться под охрану сторонника своего Карла Малатесты; но Балтазар Косса принял меры к заграждению ему проезда. Еще со времен Бонифация IX сидел Косса легатом в Болоньи, которой сделался повелителем. Изменнически и насильственно завладел он частью Романьи, и в то время как церковная область распалась, сам он остался там независимым тираном. Иннокентий VII не отважился отнять у этого интригана-неаполитанца болонскую легадию, но угрожал ему этим, и потому говорили, что кардинал отравил его через посредство епископа фермоского. И вот теперь, когда Григорий XII колебался, Косса сделал все для довершения его гибели. Честолюбию его открывалась перспектива папской короны; он вскоре стал душой всех касавшихся собора переговоров. Он открыто порвал связь с Григорием и заключил с флорентинцами союз против Владислава, могшего быть еще опорой этого папы и единственным государем, способным препятствовать унии. Тем временем Григорий XII поехал 14 июля 1408 г. из Лукки в Сиену, вступившую в союз с Владиславом. Здесь предал он отлучению Коссу и других отставших от него князей церкви и создал для себя новых кардиналов. В начале ноября поехал он к Карлу Малатеста в Римини и вел переговоры с Владиславом.

Король неаполитанский, угрожаемый подготовлявшимися в Пизе событиями, решился поддерживать Григория. Папа этот в нужде своей уступил ему (что не слышано в летописях папства!) Рим, даже всю церковную область за ничтожную сумму 25 000 гульденов золотом. В силу этого соглашения двинулся король в марте 1409 г., с тем чтобы, буде окажется возможным, через Рим перебраться в Тоскану и разогнать собор. В город прибыл он 12 марта. Шестнадцать дней провел в Ватикане. 28 марта отбыл с Павлом Орсини в Тусцию, но по странной случайности возвратился из-за непогоды назад и 2 апреля снова двинулся на Витербо. Он взял Кортону и двинулся до Аретцо и окрестностей Сиены, но организованная Коссой лига флорентинцев и сиенцев положила преграду его успехам и избавила собор от всякой опасности. Избрание нового папы изменило наконец положение дел. Собор в Пизе открылся 25 марта 1409 г. Пресветлый гибеллинский город только что перед этим закончил свою блестящую некогда карьеру в образе вольной республики. После геройского отпора, обессмертившего ее гибель, 9 октября 1406 г. была она покорена мечом флорентинцев, а за презренный металл предана в руки этих наследственных своих врагов дожем своим Джованоло Гамбакорта. Ввиду того что Милан повержен был в бессилие, флорентинцы заняли теперь наряду с Венецией первое место в Италии. Под их эгидой собрались прелаты и делегаты от королей, князей и народов, даже уполномоченные от университетов и свыше ста магистров обоих прав, что явилось многозначительным симптомом нового всемирного могущества приобретшей самостоятельность европейской науки. Явились и послы Руп-

рехта в качестве поборников признаваемых еще в германской империи прав Григория XII. Пизанский собор, созданный кардиналами без папы, составил эпоху в истории церкви. Со стороны канонической точки зрения являлся он актом открытого мятежа против папы и с самого начала повлек сильнейшие коллизии. Устроившие его 23 кардинала отказались от послушания своему папе, одни — Григорию XII, другие — Бенедикту XIII, а за всем тем требовали, чтобы те признавали их своими обвинителями и судьями; наконец они образовали такую коллегию судей, из коих одна часть считала другую схизматической. Но христианский мир, представляемый наряду с кардиналами делегатами, признал революционное решение и впервые поднялся в лице всех своих состояний для образования трибунала, перед которым привлек папство. Основное положение знаменитого Герсона, что церковь составляет церковь и без папы и что последний стоит ниже собора, получило на пизанском собрании санкцию. Это был первый фактический шаг к освобождению света от средневековой папской иерархии, то была уже реформация.

Синод в Пизе учредился как христианский конгресс и законный, представляющий видимую церковь Вселенский собор. В достопамятный день 5 июня 1409 г. изрек он приговор, что Бенедикт XIII и Григорий XII, как схизматики и еретики, подпали под отлучение и извергаются изо всех духовных степеней. Тотчас же приступил собор к избранию вселенского папы. Заставленные голосом собрания, обязались наперед того клятвенной присягой кардиналы, что тот из них, кто выйдет из конклава папой, не дерзнет распускать собор прежде, чем проведена будет реформа церкви. Балтазар Косса, не почитавший еще время свое наставшим, счел за лучшее повелевать до времени переходным папой; он предложил 70-летнего старца с чистой нравственностью и слабой волей, и 17 июня провозглашен был папою Александр V

Соборный папа не был ни француз, ни итальянец, но с благоразумною предусмотрительностью взят из посторонней национальности. Отечеством Пиетро Филарго был остров Кандия, принадлежавший венецианцам; сам он был темного происхождения, не имел никаких nepoтoв. Говорят, что он не знал ни отца, ни матери. Нищим мальчиком был он, на острове том же призрен и воспитан итальянскими миноритами, впоследствии вступил в их орден, путешествовал по Италии, Англии и Франции, где приобрел громадную эрудицию, подобно английскому нищему мальчику, прославившемуся под именем Адриана IV

Как протеже Галеаццо, вызвавшего его в Ломбардию и о герцогском титуле для которого вел он переговоры с Венцеславом, сделан был Филарго епископом наваррским, брешинским и пиаченцским, патриархом Градо, архиепископом миланским и возведен Иннокентием VII в кардиналы Двенадцати Апостолов. Корону папскую принял он 7 июля 1409 г., и так спустя более семисот лет вступил снова на Святой престол грек, ибо последним папой этой национальности был в 705 г. Иоанн VII.

Была ли через соборного папу действительно устранена схизма? В Перпиниане собрал синод Бенедикт XIII, в Чивидале — Григорий XII; оба протестовали против пизанского собрания и схизматика Петра из Кандии; как тот, так и другой буллами приглашали христианство к повиновению как правомерному папе лишь каждому из них; и оба были еще признаваемы, первый в Арагоне и Шотландии, второй — в Неаполе, Фриуле, Венгрии, Баварии и у короля римского. Христианство имело отныне трех пап, из коих каждый требовал признания, осыпая при этом другого громами анафем. Из противников Александра слабейший был Бенедикт XIII; он сидел в одном из замков далекой Испании недоступный, но и неопасный; наоборот, Григорий XII находился вблизи и под покровительством могущественнейше-

го монарха Италии, во владения которого скоро и переправился. Ближайшей задачей соборного папы, следовательно, должно было быть уничтожение Григория, а это могло совершиться лишь путем крестового похода против самого Владислава.

Александр V предал отлучению и Григория, и короля неаполитанского. Изрекши низведение с трона последнего, выставил он против него жадного претендента. Ибо юный Людовик Анжуйский поспешил уже в Пизу для предъявления прав своих на Неаполь. Косса ревностно снаряжал теперь экспедицию, ибо флорентинцы, Сиена, Анжу и кардинал-легат заключили уже против Владислава лигу в Пизе. Войска, насланные из Мархий Коссой, заставили короля вернуться из Тосканы, где он оставил Павла Орсини с воинской ратью. Не теряя времени, в сентябре же двинулось в поход союзное войско, предводимое флорентинским военачальником Малатеста де Малатестис, под командой которого служили Сфорца де Аттендоло и Браччио ди Монтоне, капитаны, долженствовавшие вскоре наполнить именами своими Италию. С ними шли сам Косса и Анжу. Переход на службу их Орсини раскрыл перед ними дороги в церковную область, Орвието, Витербо, Монтефиасконе, Сутри, Корнето, Нарни и Тоди сдались кардиналу, и вся страна до самых ворот Рима преклонилась перед Александром V.

Союзное войско показало перед городом 1 октября. Здесь залегли с ратями своими в сильных позициях граф де Тройя и Колонны, причем Ианнотус Торти держался в Капитолии, замок же Ангела под начальством Витуччио Вителлески оставался нейтральным. Неаполитанцы изгнали многих граждан, а некоторых отправили даже узниками в Неаполь. Под гнетом их оружия римляне порешили энергично обороняться. Тем не менее уже 1 октября удалось лигистам проникнуть в портик Св. Петра, вслед за тем, 2-го уже, открыл замок против неаполитанцев огонь, а 5 октября поднял знамя Александра V. Но в город проникнуть им не удалось; наоборот, 10-го отступили они от Борго, переправились при Монте Ротондо через Тибр и пытались штурмовать город с северо-восточной стороны. Штурм этот не удался, как и прочие неоднократные нападения. Дорогостоящая экспедиция грозила рушиться об это неожиданное сопротивление Рима. С досадой и срамом возвратились Людовик Анжуйский и Косса в Пизу, поручив ведение осады Малатесте и Павлу Орсини. Ввиду столь благоприятных обстоятельств было крупной ошибкой со стороны Владислава, что он не двинулся на освобождение Рима сам. 23 декабря раскинул Малатеста свой лагерь у Св. Агнесы за воротами, Павел же Орсини, раздельно от него, в ту же ночь произвел снова наступление на Борго. Теперь рассчитывал граф де Тройя здесь его раздавить, но 29 декабря потерпел сам полное поражение при Porta Septimiana, замыкающей Трастевере. Это решило судьбу города. Ибо в нем партия Александра ожидала первого удобного случая, чтобы восстать. Малатеста завязал сношения с одним влиятельным римлянином Колой ди Лелло Чербелло и обещал ему большие суммы за устройство восстания народа. Это состоялось. В канун нового года вечером в кварталах Парионе и Регола подняли подученные дети клич: «Да здравствует церковь и народ!» Колокола Св. Лоренцо in Damaso били набат, а заговорщики этих кварталов двинулись на Campi di Fiore. Теперь весь Рим гудел одним и тем же кличем: «Церковь! Церковь!» Согласно уговору, тотчас же вторгся Павел Орсини с Лоренцо Анибальди в Трастевере; затем переправился с другими своего дома в день нового 1410 г. через мост Иудеев в город и на площадь di Fiore, где нашел сборище народа, объявил неаполитанское правление отмененным и назначил новых официалов. В тот же день вступили в Рим и Малатеста и Франческо Орсини. Сенатор положил оружие на Капитолии 5 января; то же сделали, но не прежде, как после храброго сопротивления, неаполитанские стражи городских ворот. Ворота эти, расположенные посреди двух круглых

башен и обнесенные зубчатыми стенами, составляли сами по себе требовавшие взятия крепости. Porta S.-Paul была в особенности сильна, равняясь почти замку, как можно распознать и поныне, и усилена еще гробницей Кая Цестия, впервые за все время существования Рима обращенной в бастион с брустверами. Тогдашний летописец римский с изумлением созерцал бомбарду на Монте Тестаччио, обстреливавшую ворота С. Павла. Эти ворота, а также Аппийские пали 8 января, 15 февраля взяты были штурмом Porta S.-Lorenzo и Maggiore, и по сдаче 2 мая Ponte Molle преклонился перед папой Александром V весь Рим.

3. Александр V в Болоньи. — Римляне подносят ему власть. — Он утверждает их автономию. — Кончина его, 1410 г. — Иоанн XXIII, папа. — Его прошлое. — Смерть короля Рупрехта. — Сигизмунд, король римский, 1411 г. — Въезд в Рим Иоанна XXIII и Людовика Анжуйского. — Экспедиция против Владислава Неаполитанского. — Первые ее успехи, плачевный исход. — Бунт Болоньи. — Сфорца д'Аттендоло. — Папа заключает мир с Владиславом. — Бегство Григория XII в Римини

Ничто не препятствовало теперь Александру последовать призыву римлян и основать резиденцию свою у Св. Петра. Тем временем он назначил через три года новый реформенный собор, покинул Пизу и переехал в Пистою в тех видах, чтобы отправиться оттуда в Рим. Но хитрый Косса убедил его избрать резиденцией Болонью, и бесхарактерный папа последовал приказанию кардинала, которому обязан был тиарой. Посольство от римлян поднесло ему 12 февраля в Болоньи ключи и городскую хоругвь с неотступной просьбой вступить в город повелителем оногo; флорентинцы присоединили к просьбам римлян и свои. Из рук этих послов принял Александр V владычество над Римом и 1 марта дипломом подтвердил им вольности города. Из оногo выказывается форма тогдашнего городского управления и важнейших магистратов, которые были следующие: иностранный шестимесячный сенатор; иностранный капитан и апелляционный судья с двумя нотариусами; три консерватора; камерарий; 13 капитанов кварталов; консилиум или городской совет из 32 человек; 60 констаблей; один протонотариус; четыре маршала; два канцлера; два синдика римского народа; два сенатских писца; два сборщика податей (gabellarii); таможенный соляной пристав (dohanerius salis); два синдика над всеми официалами; два смотрителя зданий (Magistri edificiorum). Папа имел действительное намерение ехать вскоре в Рим, но смерть застигла его 3 мая 1410 г. в Болоньи. Если верить упорно ходившей молве, то отправил папу этого в вечность тот же Балтазар Косса. По отзывам современников, Александр V был щедрый и ученый человек, но добродушный бонвиван без самостоятельности разума. На Святом престоле терпел он столь великую нужду, что она напомнила ему его собственные первые годы; он говорил сам про себя: епископом был я богат, кардиналом — беден, папой — нищий.

Могущественнейшему из кардиналов оставалось теперь лишь домогаться тиары, цели своего честолюбия, чтобы и ее назвать своей. Лицемер Косса наружно противился своему избранию; но если бы не заручился голосами конклава, то добыл бы их копыями своих наемников. Сверх того только что снарядившийся в поход против Владислава Людовик Анжуйский сильно поддерживал возведение на трон Коссы, при помощи энергии которого мнил вступить в обладание Неаполем. Собранные в Болоньи 18 кардиналов 17 мая избрали и 25-го короновали в соборе Св. Петрония страшного человека под именем Иоанна XXIII.

■ Балтазар Косса происходил из знатного неаполитанского дома.

■ В юности занимался он с братьями прибыльным делом морского пиратства. Он поехал в Болонью, в университет, где предался распутной жизни. Бонифаций IX возвел его там в архидиакона, а затем перевел камерарием своим в Рим. В курии, где фортуна бывает чудовищно благосклонна, воспользовался он этой должностью для обогащения посредством индугенций и иных ростовщических путей. Он сделан был кардиналом Св. Евстафия и, наконец, вернулся в Болонью легатом, где не останавливался ни перед какой гнусностью, ни перед какими злодеяниями, не исключая и убийства, для достижения владычества над Романьей. Современники единогласно называли его столь же великим человеком в делах светских, сколько невежественным и негодным в духовных. Не было недостатка в голосах, негодовавших по поводу избрания в папы подобного человека, которого заслуги совсем были неизвестны, зато известны были многочисленные злодеяния, греховное прошлое, и, наконец, подозрение в убийстве двух пап оскверняло священный пожалованный ему сан.

Незадолго до восшествия Коссы умер 18 мая Рупрехт, бесславный, но непорочный король римский. Иоанн XXIII поспешил вследствие этого отправить в Германию своих нунциев для воздействия в пользу избрания Сигизмунда, короля венгерского и брата развенчанного Венцеслава. 20 сентября во Франкфурте избран был Сигизмунд в короли римские. Другая партия выставила, правда, 1 октября маститого Иова, маркграфа моравского, из того же люксембургского дома, но он скончался уже 8 января 1411 г., после чего Сигизмунд еще раз единогласно 21 июля избран был во Франкфурте.

Новый римский король немедленно признал Иоанна XXIII законным папой. Рим покорился ему беспрекословно и принял назначенного им в сенаторы Рожера ди Антильола из Перуджии. Тем временем Павел Орсини в качестве капитана церкви деятельно продолжал войну с партией Владислава. Многие города ему сдались, даже Колонны просили мира; изъявил покорность и Баттиста Савелли. Таким путем оказались город и область его в покойном обладании Иоанна XXIII, между тем как соперник его Григорий XII нашел себе убежище под покровом Владислава в Фунди или в Гаэте. Для ведения военной кампании против Неаполя прибыл 20 сентября Людовик Анжуйский в Рим. Отсюда 31 декабря возвратился он с Павлом Орсини назад в Болонью, где настойчиво убеждал Иоанна XXIII поехать с ним в Рим и вблизи оказывать энергичную поддержку его экспедиции. Римляне также приглашали папу вернуться.

Ценой величайших издержек, налогов, высосанных с провинций, и незаконно накопленных церковных сокровищ снаряжена была теперь завоевательная армия. Знаменитые военачальники эпохи, Павел Орсини, Сфорца, Гентиле де Монтерано, Браччио де Монтоне состояли на службе Анжу и служили ему залогом победы. 1 апреля 1411 г. тронулись из Болоньи. Иоанн XXIII и все кардиналы конвоируемые были Людовиком и многочисленными французскими и итальянскими синьорами, главные же силы следовали за ними. 11 апреля достигли у С.-Панкрадио Рима; на следующий день совершил папа среди ликования смирившихся теперь римлян торжественный въезд свой в город и к Св. Петру, где с зажженными в руках свечами предстали на поклонение к нему магистраты. 23 апреля освятил он знамена, переданные им Анжу и Орсини, а несколькими днями позднее отбыл претендент, сопутствуемый кардиналом-легатом Петром Стефанески, во главе 12 000 рейтаров и многочисленной пехоты на завоевание Неаполя той же самой дорогой, которой следовали ранее его Карл I Анжуйский, Карл Дураццо и прочие иные завоеватели.

Беспрепятственно вторглось войско это через Лирис, под Чеперано, в королевство, где противник расположился станом на сильной позиции у Понте Корво. Блистательная победа 19 мая 1411 г. Анжу под Рокка Секка могла бы обойтись Владиславу ценой короны, если бы победитель ею воспользовался. С трудом избежал король плена. Он собрал войска свои в С.-Жермано, изумляясь, что ему давали на это время. «В первый день после моего поражения, — так говорил рыцарственный Владислав, — имели враги в руках меня самого, на второй — мое царство, на третий — ни моей особы, ни моего царства». С поля битвы отправил Людовик захваченные у короля и Григория XII знамена в виде трофеев в Рим, и Иоанн XXIII принял их с неописанной радостью. Устроенное им торжество рисует дух тогдашнего папства, в котором духовный элемент совершенно угас. Иоанн приказал водрузить знамена эти на башне Св. Петра, дабы весь Рим мог их видеть; затем они были сброшены вниз, и во время следования папы в блестящей процессии по городу влачimy позади него в пыли. В таком-то образе величался 14 веков после Христа глава святой церкви. Но вскоре после победного этого ликования настали часы ужаса; битва Рокка Секка не была нисколько похожа на день Беневента или Талиакоццо, ибо разбитый король снова стоял уже с новым войском в поле и на столь сильных позициях, что враги его не отваживались штурмовать их. В лагере их царил скудость, раздирали их раздоры; Анжу обозвал Павла Орсини изменником за то, что тот умышленно не преследовал короля. Уже 12 июня возвратился злополучный претендент в Рим с табаконным, но расшатанным войском; блестящая экспедиция обратилась в ничто. Сам он со срамом сел 3 августа в Рипа Гранде на корабль, с тем чтобы еще раз вернуться без короны в Прованс; ни один из разочаровавшихся римских баронов не дал почетного эскорта отъезжающему.

Неудача великой экспедиции оказалась для Иоанна XXIII роковой, ибо могущество короля Владислава осталось несокрушимым. Флорентинцев привлек он продажей Кортонь, так что они отстали от лиги с папой, ослабленной сверх того отпадением Болоньи. Город этот, в котором столь долго тираном господствовал Косса, едва убедился в удалении его, теперь уже папы, из своих стен, как 12 мая поднял старый клич: «Народ! Народ!», прогнал кардинал-викария и восстановил снова свою свободу. Все эти события вдохнули новое мужество в Григория XII, жившего в сильной Газте. Что было пользы для Иоанна XXIII в том, что он вторично отлучил Владислава и проповедал против него крестовый поход? Король мог без большого сопротивления явиться перед Римом, где бароны его ожидали, народ же ожесточен был неимоверными налогами. Полагаться на наемные войска было нельзя; капитаны Сфорца и Орсини враждовали между собой и могли каждую минуту изменить. Вследствие этого Иоанн XXIII с подозрительностью окопался в Ватикане и соединил дворец этот крытым ходом с замком Ангела. Виселица и секира палача наказывали беспокойных на Капитолии, где с 27 августа 1411 г. держал строго бразды правления сенатор Риккардус де Алидозинс. Рим оставался послушен; но неверность наемных капитанов скоро повергла Иоанна XXIII в немалые затруднения.

Сфорца д'Аттаноло, теперь в службе церкви, был юный соперник Павла Орсини и находился с ним в распре. Знаменитый сей предводитель банды, заимствовавший имя свое от качества геркулесовой силы, был родом из Коттиниолы в Романьи, где родился около 1369 г. Из темных зачатков достиг он быстрого преуспевания. Рассказывают, что в молодости зарабатывал он себе хлеб киркой и, прискучив низкой судьбой, забросил однажды орудие своих мук на высокий дуб; если бы кирка свалилась, он решил остаться крестьянином, если же осталась бы торчать на де-

реве, то намеревался поступить солдатом на службу к одному из тех капитанов, слава которых распалая тогда фантазию юношества. Кирка повисла на вершущке дерева, сын мужика Аттаноло сел на коня и сделался со временем великим коннетаблем Неаполя и отцом герцога миланского. Войны пап в Неаполе наиболее всего доставили Сфорце случай развернуть военной и политический свой гений. Но вот, проникаясь все более и более страхом перед Владиславом, призвал Иоанн XXIII обоих своих капитанов на военный совет в Рим. Здесь они поссорились; Сфорца, передавшийся уже Владиславу, покинул с бандой своей город и окопался на Алгиде в июне 1312 г. Папа командировал к нему с 36 000 гульденами золота кардинала, чтобы побудить вернуться; но необузданный капитан вскоре открыто перешел в службу короля неаполитанского, предпринял маршрут на Остию и занял там враждебную позицию. По тогдашнему обычаю папа приказал выставить изменника на всех городских воротах и мостах, изображенного с правой ногой, висящей на виселице, с крестьянским заступом в правой руке, со свитком в левой, гласившими: «Я Сфорца, крестьянин из Котоньолы, изменник, двенадцать раз бесчестно нарушивший верность церкви».

Отпадение Сфорцы, бунт префекта де Вико, господствовавшего с помощью неаполитанцев в Чивита-Веккии, мятеж других баронов и возбужденное настроение римлян заставили наконец Иоанна изменить политику и с дипломатическим искусством заманить короля в сеть договоров. В июне папские послы устроили мир. Тот же самый Косса, который был ревностнейшим поборником неаполитанской экспедиции, изъявлял теперь готовность предать Анжу, если Владислав предаст Григория XII. Он вызывался признать его законным королем Неаполя, сделать знаменосцем церкви, заплатить ему большую сумму за освобождение Косс, его родственников, и отдать ему в виде залога Асколи, Витербо, Перуджию и Беневент. За это Владислав должен был признать Иоанна XXIII папой, поставить на службу церкви 1000 копий и заставить Григория XII отречься или же изгнать из королевства. Владислав, видимо, боялся повторения анжуйской экспедиции, король французский убеждал его отшатнуться от Григория; король римский Сигизмунд, ставший врагом его, как претендент на Венгрию и как энергичная личность, помышлявший об осуществлении прав империи на Италию, грозил ему; и поэтому он решился пойти с Иоанном XXIII на компромисс. Неожиданный мирный договор в июне же 1412 г. заключен был в Неаполе и 19 октября провозглашен в Риме. Он был позорен для обеих сторон. Ради соблюдения внешности созвал король синод из епископов и магистров в Неаполе; собрание это нашло, что Григорий XII именуется папой незаконно и есть явный еретик. Владислав не постеснялся бы теперь продать своего протеже, и лишь бегство преданного папы избавило его от последнего этого позора. Получив однажды, к глубокому своему изумлению, повеление в кратчайший срок покинуть королевство, маститый Григорий XII оказался в полной беспомощности; случайное пребывание двух венецианских купеческих кораблей в гавани Гаэты вывело его из беды. 31 октября вступил он на один из них с немногими своими друзьями или родственниками, в числе коих находился племянник его, кардинал Контульмер, впоследствии Евгений IV, и в смертельном страхе перед пиратами и неприятелем переплыл через оба итальянских моря, пока достиг берега Славонии. Оттуда на барке перевезли его в Цезену, куда явился Карл Малатеста и дал ему почетный конвой и приют в Римини. Потомок знаменитых синьоров этого города был единственный, хотя и бессильный династ, борющийся еще за дело Григория. Непокколебимая его верность, как бы ни судить о ее причинах, внушает уважение и получает еще больший ореол при сравнении с позорным предательством Владислава.

Договор с Иоанном был, впрочем, весьма важным шагом к дальнейшему улавлению схизмы, ибо через это Григорий XII лишился последней своей политической точки опоры, и вскоре последовали события, обезоружившие и Иоанна XXIII и принудившие его предстать перед трибуналом, предназначенным судить всех трех пап.

ГЛАВА VI

1. Иоанн XXIII и собор в Риме. — Сигизмунд в Италии. — Иоанн XXIII объявляет собор. — Появление Владислава перед Римом. — Оборонительные устройства Иоанна и римлян. — Неаполитанцы проникают в город. — Бегство и преследование Иоанна. — Владислав, властитель Рима, 1413 г. — Разграбление Рима. — Владислав занимает Церковную область. — Иоанн XXIII во Флоренции. — Избрание Констанца местом собора. — Свидание папы и короля римского в Лоди. — Созыв собора в Констанце. — Возвращение Иоанна XXIII в Болонью

Еще в Пизе решено было продление собора на три года; бесконечное губительство церкви, единству которой угрожала все сильнее и сильнее ересь Виклефа, требовало коренной реформы, которая могла быть делом лишь Вселенского церковного собора. Первые годы понтификата прошли у Иоанна XXIII в одних лишь светских делах. В апреле 1412 г., правда, созван был им в Риме собор, но, к его собственному самоудовлетворению, оказался столь скудно посещаем, что не мог почтяться за церковное собрание. Ничто не рисует лучше взгляда времени на беззакония этого человека, как рассказ о случившемся во время этого синода комическом эпизоде. Во время служения Иоанном в ватиканской капелле вечерни и пения гимна «*Veni creator spiritus*» показалась вместо Св. Духа косматая сова, с горящими глазами вперившаяся в папу. На следующее заседание прилетела она опять; озадаченные или смеющиеся кардиналы убили ее палками. Случай этот отмечен у многих историков.

Иоанн был неотступно осаждаем насчет созыва собора. Послы от парижского университета приглашали его к этому в самом Риме. Из числа королей, напоминавших ему о долге его, никто не был ревностнее Сигизмунда, энергичной личности, решившего восстановить давно нарушенные отношения империи к Италии и выступившего в ней в конце 1411 г. Сигизмунд вел из-за Зары войну с венецианцами и сперва терпел неудачи, впоследствии же победоносно занял доминирующее положение в Ломбардии. Теснимый со всех сторон Иоанн возвестил наконец 3 марта 1413 г. христианскому миру об умиротворении им Рима, об удалении Григория XII из Неаполя и о заключении с королевством этим мира и вместе с тем огласил о Вселенском соборе на декабрь предстоящего года в имевшемся еще быть определенном месте. Решимость его была лицемерная, но странное сцепление событий, исходивших непосредственно ближе всего из Неаполя, заставило его выполнить то, чего он хотел избежать.

Король Владислав отрекся от Григория и заключил мир с Иоанном ради одного лишь обмана его. Он сторгал нетерпением отплатить за анжуйскую экспедицию, которой папа привел его на край гибели. Помыслы его были непрестанно обращены на королевство Италии, которое создать рассчитывал он в ближайшем будущем путем соединения церковной области с Неаполем. Но итальянское единство не могло быть осуществлено, как казалось одно время, с юга Неаполем; наоборот, Владислав, предприимчивейший монарх анжуйской династии,

явился лишь важным орудием времени в другом направлении, так как нападение его на Рим и скорая смерть содействовали ускорению великого собора, которым окончилась схизма.

Когда Иоанн огласил намерение свое созвать церковный собор вне Рима, то король счел это за повод к нарушению договоров. Он объявил об обязанности своей на время удаления папы оберегать от волнений Рим и Кампанию. Изгнанные римляне подстрекали его снова завладеть городом. И хотя старый его союзник Иоанн Колонна умер 6 марта 1413 г. в Фраскати, но сторонников имелось у него еще довольно. Сами римляне ненавидели папу и нетерпеливо требовали изменения своего состояния. С позорнейшим вероломством нарушил Владислав свои только что данные клятвенные обязательства. В мае наслал он войско на Мархии, где Сфорца осадой Рокка Контрада препятствовал сопернику своему Павлу Орсини, капитану церкви, спешить на Рим. В конце уже того же месяца поплыл неаполитанский флот к устью Тибра, и сам Владислав двинулся на Рим. Спротивление графа Орсини де Талиакоцца, женатого на одной из племянниц Иоанна XXIII, было быстро преодолено, и король беспрепятственно проследовал через Кампанию к городу. Здесь ликовали одни и сокрушались другие. Клятвенное нарушение короля казалось клиру настолько загадочным, что подозревали секретное соглашение с папою. И на столь глубоко упали в общественном мнении папы, что их считали предателями собственного их города, столь часто и упорно оборонявшегося предшественниками их против королей и императоров. Если беззаконный человек, как Косса, действительно прибегал к такому средству для порождения путем падения Рима и церковной области требующихся ему неурядиц, то акт этот после прецедента с Григорием XII не должен был казаться более поражающим; но все же в подобном случае Иоанн XIII выказал бы себя неразумнейшим человеком. Факты не опровергают безусловно существования в зачатке соглашения с Владиславом, но они же свидетельствуют о наигрубейшем обмане, жертвой которого сделался со стороны вероломного короля Иоанн.

При приближении Владислава к воротам Рима папа принялся за оборонительные меры. В видах успокоения народа отменил он тягостный винный налог и возвратил даже римлянам их вольности. 5 июня вручил он управление городом консерваторам и капитанам кварталов и в напыщенных речах убеждал их не страшиться короля, так как был сам готов идти с ними на смерть.

Под председательством сенатора Фельчино де Германнис, графа де Монте Джулиано, собрался на следующий день народ на Капитолии. С равной же утрировкой поклялся этот парламент скорее умереть, чем покориться Неаполю. Сперва, так кричали эти римляне, «растерзаем мы собственных своих детей, прежде чем отдадимся дракону Владиславу». Всякому разумному человеку понятен был смысл этой комедии. Римский народ, в котором угасла последняя гражданская доблесть, дожидаясь покупной цены короля. Подозрение, что Владислав явился с воли папы, и измена замыкали уста и тем, в ком могло еще таиться патристическое чувство чести. 7 июня перебрался папа со всей своей курией из Ватикана во дворец графа Орсини де Манупелло, по его сторону Тибра, где и переночевал для показания народу питаемого им к нему доверия. Неаполитанцы стояли уже у ворот. Но утром 8 июня раздался уже клич, что враг находится в Риме. Ночью Владислав приказал сделать пролом в стене у Св. Кроче, и через это отверстие проник военачальник его Тарталья. Не быв никем атакован и ввиду боязливого отступления немногих выступивших навстречу ему милиций, подвинулся Тарталья при трубных звуках в глубь города, не медля ему сдавшегося. Никогда никакое завоевание не совершалось быст-

рее. Иоанн XXIII не стал раздумывать, предпочесть ли бегство или осаду в замке Ангела, немедленно сел с двором своим на коней и бежал из Рима; Владислав же въехал в ворота Св. Иоанна и поселился на жительство в Латеране. Рейтары его преследовали на расстоянии девяти миль бежавшую толпу на Via Cassia; некоторые прелаты умерли от истощения сил в дороге; собственные наемники папы ограбили курялов дочиста. С трудом ускользнул Иоанн в Сутри; а оттуда в ту же ночь к Витербо, как некогда Иннокентий VII. Тем временем с варварской необузданностью завоевателя распоряжался Владислав в Риме. Бесшабашные его наемники предавались безнаказанно бесчинствам, грабили и поджигали дома; архивы подвергались истреблению, церкви — разграблению; святыня была оскверняема кощунством; пьяные солдаты пили с непотребными девками из золотых церковных чаш; кардинал Бари ввергнут был в темницу, ризница Св. Петра опорожнена; в святом соборе поместили стойла для лошадей. Вопреки данному слову, король конфисковал все имущества флорентинских купцов и отослал многих римлян в плен в королевство. Он назначил новое правительство под начальством Николая де Диано, сделанного им сенатором. Он приказал отчеканить римскую монету со своим именем и прибавил к титулам своим странный следующий: «Светлейший Свильник города». Голодных римлян щедро продовольствовал он раздаваемой по приказанию его сицилийской пшеницей. Город впал в столь глубокую бедность, что, казалось, обитаем был населением нищих; и поистине тогдашний Рим способен был возбуждать обломками средневековой своей истории такое же точно сострадание, как во времена Тотилы.

Все места в городской области покорились вновь королю, и 24 июня уже капитулировала Остия. В короткое время заняли неаполитанцы и Патримонию Петра. Владислав препоручил войско своим капитанам, сделал Юлия Цезаря Капуанского главнокомандующим в Ватикане, графа де Тройа — командующим в Трастевере, епископа фундийского, Доменика из римского рода Асталли, — викарием и вернулся затем 1 июля через Остию обратно в Неаполь. Замок Ангела, один державший еще сторону папы, сдался не ранее 23 октября. Справляли торжества; с факелами в руках ходили по улицам римляне и восклицали: «Да здравствует король Владислав!». Изгнанный Иоанн спешил тем временем из Витербо в Монтефиасконе, оттуда в Сиену, причем неаполитанцы всюду следовали за ним по пятам. 21 июня покинул он Сиену, чтобы отправиться во Флоренцию. Некогда столь страшный Косса скитался теперь, подобно Григорию XII, бессильным беглецом. Завоевание Рима было ударом промысла, вырвавшим его с корня и, подобно сухому листу носившим по ветру. Он не отваживался ехать во Флоренцию, где мнения были разделены и страшались мести короля; как изгнаннику, пришлось ему искать крова у С.-Антонио в одном из предместьев, пока флорентинцы с неохотой впустили его. Он пробыл там до начала зимы, причем войска Владислава покорили всю страну вплоть до самой Сиены. Он писал письма ко всему христианству, сообщал ему о своем изгнании, изображал творимые в городе беззакония и звал королей на помощь. К находившемуся в Ломбардии Сигизмунду отправил он кардинала Шалана и просил о поддержке его против Владислава. Послы короля римского приехали во Флоренцию и требовали у папы собора. Условились насчет свидания в Лоди.

Так поверг король неаполитанский Иоанна XXIII прямо в объятия короля римского, и после долгого перерыва очутились лицом друг перед другом имперская власть и папство. В эпоху, когда сама империя утратила все свои права, увидел себя Сигизмунд призванным в силу этих самых старых цесарских прав явиться восставшим новителем церкви. После 150-летнего промежутка, протекшего со времени досто-

памятного Лионского собора, вошла история папства снова в старую свою колею, и само оно очутилось вскоре в немецком городе перед собором, долженствовавшим явиться антиподом Лионского. После перенесения папством центра тяжести своего во Францию и утраты им в расколе своей моральной и политической силы пришлось ему теперь быть перенесенным назад к тем первоначальным временам, когда германские императоры собирали синоды для суда над недостойными и сварливыми папами. Для лукавого Коссы являлось весьма важным избрание для собора такого места, которое не отдавало бы его во власть императора. Он не имел никаких иных помыслов, как об удержании тиары какой бы ни было ценой, но козни его были разбиты. История Иоанна XXIII являет один из любопытнейших примеров трагической силы обстоятельств, когда воля отдельного индивида настолько отягчается его многогрешностью, что он безвозвратно запутывается в самом им раскинутых сетях. Сперва преподавал он легатам своим при Сигизмунде кардиналам Антонио Шадан от Св. Цецилии и Франциску Цабарелли от Св. Космы и Дамиана, сопутствуемым знаменитым греком Мануилом Хризолорасом, инструкции относительно выбора одного из итальянских городов, но потом оные отменил и предоставил им неограниченные полномочия по части договорения с королем римским. Он рассчитывал на то, что они станут действовать в его духе; но когда уполномоченные эти предстали в Лоди перед Сигизмундом, то король римский с решительностью потребовал немецкого Констанца как самое неподходящее для собора место, и они после некоторого колебания уступили. Они сообщили об этом папе. Он жаловался на измену, но покорился воле Сигизмунда. 12 ноября отправился он в Болонью. Город этот покорился, в силу предговоренной революции аристократии под предводительством Пеполи, Бентивольи и Изолани 22 сентября 1413 г., снова церкви и нехотя принял теперь бывшего своего тирана. Иоанн рассчитывал одно время стать там твердой ногой и избавиться от сетей угрожавшего собора, но это была тщетная надежда, Сигизмунд звал его к себе; кардиналы требовали его отъезда; 25 ноября назначил он кардинала Петра Стефанески Анибальди своим генерал-викарием в Риме, покинул в тот же день Болонью и неверными стопами поехал навстречу королю римскому. Король и папа съехались в Лоди. Прием почетный, но сдержанный предсказал Иоанну его будущее. Безуспешно старался он склонить короля в пользу итальянского города. Сигизмунд пребыл тверд, и папа оказался вынужденным оповестить христианство 10 декабря из Лоди, что, согласно соглашению с королем римским, 1 ноября откроется собор в Констанце. Собор этот 30 октября уже заявлен был императорским посланием, и под порукой благонадежности созывал Сигизмунд в Констанц всех прелатов, князей, синьоров, докторов и всех кому подлежало заседать на оном. С приглашением прибыть на оный обратился Сигизмунд и к Бенедикту XIII и Григорию XII; он писал и к королям арагонскому и французскому, и по долгом времени впервые раздался голос короля римского как главы христианства и законного покровителя церкви.

После рождественских праздников отправились Сигизмунд и Иоанн в Кремону, где Габрино Фондадо, тиран этого города впоследствии, говорят, сожалел, что не сбросил своих гостей с вершины Кремонской башни, на которую их повел, ибо этим истребил бы в одно и то же мгновение обоих глав христианства, — дьявольское наваждение, достаточно типично рисующее, если это только была правда, помрачение тогдашних умов, близкое к чудовищности. По разлуке Сигизмунда и Иоанна в Кремоне последний из них поехал через Мантую и Феррару обратно в Болонью, куда прибыл в феврале 1414 г., принял с обычным искусством бразды правления этого города и изыскивал средства к избежанию ожидавшей его в Констанце гибели.

2. Владислав наступает через Рим на Тусцию. — Флорентинцы оказывают отпор его продвижению. — Он поворачивает назад. — Умиравшего, его приносят к Св. Павлу. — Смерть Владислава в Неаполе. — Иоанна II, королева. — Рим изгоняет неаполитанцев. — Сфорца вторгается в Рим и снова отступает. — Пиетро ди Матуццо, глава римского народа. — Рим покоряется кардиналу Изолани. — Поездка Иоанна XXIII в Констанц. — Констанцкий собор и его деятельность. — Низложение и судьбы трех пап. — Избрание Мартина V. — Фамилия Колонна. — Коронация Мартина V, 1417 г.

Лодийские конференции и результаты их вывели Владислава из его спокойствия. Король этот выступил еще раз походом против Сигизмунда и папы, прежде чем они составили против него лигу. Он хотел захватить Иоанна XXIII в самой Болоньи. 14 марта 1414 г. вступил он с войском в Рим. Народ встретил его в Латеране; двери базилика были растворены; с гордым самодовольством остался король сидеть верхом и въехал в эту мать христианских церквей, где духовенство должно было показать ему честные главы св. апостолов. Сенатором был в то время Антонио де Грасси де Кастронуово, по прозвищу Бачеллерус, преемник Ианотта Торти, вступившего 1 января 1414 г. в должность сенатора вторично, но 24 февраля умершего. Жил Владислав в Риме, где пробыл до 25 апреля, во дворце кардинала С.-Анджело, Петра Стефанески Анибальди, в Трастевере. Затем в сопровождении Сфорцы отправился он через Изолу в Витербо, дав повеление сенатору и графу де Белькастро вести войну с племянником Николая Колонны Иаковом Палестрина, верно соблюдавшим мир с церковью и державшимся партии Иоанна XXIII. Через Тоди проследовал король далее на Перуджию. Но флорентинцы поставили наступлению его препоны; послы их склонили его 22 июня к соглашению, по которому он заключил союз с республикой и обещал не производить вторжений на болонскую территорию. Так ревнивость Флоренции охраняла там Иоанна, а нежданная смерть скосяк вскоре и последнее препятствие к собору.

Житейскую стезю Владислава постиг неожиданно конец. Препятствуемый Флоренцией к наступлению через Апеннины, решил король вернуться в Рим. В Перуджии заманил он к себе и как изменников подверг заключению Павла Орсини и Орсо де Монте Ротондо вместе с другими римскими магнатами; теперь вел он их с собой в цепях, с тем чтобы предать казни в Риме или Неаполе. Сам он сильно заболел. Истощенный распутством (молва гласила об отравлении его прелестной дочерью аптекаря в Перуджии), уже в Нарни свалился он. Его перенесли в Пассерано в римской области, а оттуда на доставленных из Рима носилках 30 июля к Св. Павлу за городом. Могущественный монарх, дважды триумфатор над Римом и завоеватель церковной области, вступал теперь к Св. Павлу, разрушенный отвратительной болезнью, страдальчески распростертый на носилках, несомых среди безмолвия ночи дюжими компаньонами Цагароло и Галикано. На болезненном одре проносились перед королем мрачные духи прошлого. Достигнув монастыря Св. Павла, мог он припомнить то время, когда на вершине своего счастья снаряжался здесь для вьезда своего в Рим, а равно вспомнить, что в этом же монастыре был первый привал прародителя его, основателя неаполитанской династии, совершившего отсюда же въезд свой в Рим. Сам он был последним в этом погибающем в преступлении доме. История одного замыкала теперь круг; его исходная и конечная точки, триумфальный въезд пращура и жалкий отъезд последнего правнука сошлись теперь у Св. Павла в Риме.

Галера приняла там умирающего; он достиг еще берега Неаполя и Кастель-Нуово, где среди ужасных мучений испустил дух 6 августа 1414 г. Таков был жалкий

конец короля, высоко выдававшегося в своем доме энергией, величием, замислом, отважным стремлением к славе и бывшего влиятельнейшей личностью среди итальянцев своей эпохи. Корону Неаполя наследовала по нем единственная его сестра Иоанна, бездетная вдова Вильгельма, одного из сыновей герцога Леопольда II Австрийского, красивая и сладострастная женщина, прославившаяся в истории Неаполя бурными своими грехами, страстями и несчастьем, уподобившими ее предшественнице ее того же имени.

В Риме воцарилась при вести о гибели короля великая радость. Национальная партия ухватилась еще раз за идею о политической самостоятельности; голодающие и оборванные римляне возгласили еще раз клич: «Народ! Народ! и свобода!» Моментально свергли они неаполитанское правительство. Сенатор в видах предотвращения грозы 10 августа передал жезл свой в руки консерваторов и покинул Капитолий. В тот же день переданы были народу все городские ворота. Рим стал снова свободен, за исключением замка Ангела и Понте Молле, державших еще сторону королевы. Поставили новых магистратов. Партии сражались за Неаполь, церковь или республику.

Тем временем ради сохранения обладания Римом для сестры Владислава и воспользования благоприятным случаем для собственного могущества послешно двинулся из Тоди Сфорца. Колонна и Савелли были за него, Орсини же теперь его противниками по случаю увода знаменитейшего из членов их дома в Неаполь Владиславом. 9 сентября появился храбрый полководец перед Римом, рассчитывая завладеть городом. Изменники впустили его. Наутро продвинулся он через ворота del Popolo до форума. Но в городе воздвигнуты были баррикады: нападения Сфорцы, врезавшегося до S.-Angelo in Pescaria и до площади Иудеев для вступления в связь с замком Ангела, были отражены. Попытка его ворваться с Монте Марио не удалась, так что 11 сентября пришлось ему с товарищами своими Баттистой Савелли и Иаковом и Конрадином Колоннами отступить по via Flaminia. За день перед тем сделал народ диктатором города любимого одного гражданина, одного из консерваторов, Пиетро ди Матуццо; его выгнали из дома, среди смятения повели на Капитолий и насильно навязали синьорию. Доблестный гражданин напомнил собой еще раз о навсегда минувших временах Иакова Арлотти и Колы ди Риэнци. Многие аристократы, изгнанные перед тем неаполитанским правительством, в том числе Франческо Орсини, вернулись 12 сентября и явились к новому главе народа с поклоном на Капитолий.

Доблестное правление его длилось, однако, недолго. Ибо близился уже к Риму командированный папой кардинал-легат Изолани для вступления именем церкви в обладание городом. Иоанн XXIII почел смерть короля счастливым событием, при помощи которого мог снова рассчитывать занять сильную позицию в Риме и церковной области и тем избегнуть собора. Но он обманулся в своих планах, хотя кардиналу этому удалось без труда низвергнуть народное правительство и водворить владычество церкви. В Риме подготовлено было восстание, и 16 октября подняли в Трастевере клич: «Церковь! Церковь! и народ!» Переворот совершился без борьбы; в Арачели собрался парламент и поставил 13 новых ректоров, после чего Петро Матуцци удалился с Капитолия спокойно домой. Послы от народа тотчас пригласили из Тосканеллы легата, и 19 октября 1414 г. вступил Изолани в Рим, где и принял поклонение от лица церкви и восстановил правление консерваторов. Тем временем Иоанн XXIII с отвращением ехал в Констанц. Он хотел отправиться в Рим, но был заставлен единодушной оппозицией своих кардиналов двинуться из Болоньи на собор. Поехал он туда, нагруженный большими денежными средствами и злокозненными планами.

В Тироли купил он себе союз с герцогом Фридрихом Австрийским, чтобы заручиться на всякий случай помощью могущественного этого государя. 28 октября с

грустными предчувствиями совершил он въезд свой в этот город на очаровательных берегах Боденского озера, встретивший его с торжественными почестями как папу. Епископы, прелаты, синьоры и послы из Германии, Италии, Франции, Англии и других стран наполняли уже маленькое местечко, неспособное вмещать такие массы. Это был невиданный дотоле в истории парламент наций и собрание блистательнейших талантов того времени, являвшихся в качестве депутатов от университетов представителями, как самостоятельной державы и науки. Собор в швабском Констанце, в котором дал некогда итальянским городам свободу Барбаросса, явился европейским конгрессом по составившей эпоху важности своей. Все народы, тогда исповедовавшие еще единую римско-католическую веру, с глубокой сосредоточенностью взирали на пресветлое это собрание, являвшееся представительством важнейших их интересов и духа века. Долгий процесс человечества, прошедший через все сферы государства, церкви, общества, науки, должен был быть теперь закончен и произвеста на свет новую формацию в виде сделанной необходимой долгой тиранией папства реформы всего церковного организма. Здание, возведенное могущественными папами начиная с Гильдебранда, должно было быть сломано, иерархия Иннокентия III приведена к соответственным времени отношениям к государству и народу, абсолютная монархия церкви превращена в ограниченную, и долженствовали быть удалены из канонического права все те основные тезисы, в силу которых епископы римские подчиняли себе дотоле королей и местные церкви. Пизанский собор произвел в средневековой этой цитадели первую брешь. Констандский же должен был взять ее приступом. Она была плохо обороняема вследствие распада натрое. Мы заметили уже неожиданное благодаря упадку церкви усиление вновь империи не как политической силы, а как принципа интернациональной авторитетности. Несокрушимое существование имперской идеи вплоть до столь поздних времен составляет один из замечательнейших исторических фактов. Права, институции и провинции империи упали, но понятие об императоре, как покровителе и главе европейской семьи народов, продолжало жить и неожиданно встретило снова всеобщее признание. Собор народов стал под этот авторитет Сигизмунда. Король римский и не явился к открытию оногo, состоявшегося под председательством недостойного Иоанна XXIII, но прибыл в Констанц не ранее Рождества, справив предварительно, 8 ноября, коронацию свою в Аахене.

Если Германия одолжила в 1415 г. этому собору имперскую свою власть, то и Франция выставила на нем даровитейших представителей реформирующей науки. Имена Жана Герсона и Петра д'Альби неразрывно связаны с великим церковным собранием, на котором они подвизались с таким свобододоушием и беспристрастием. Первый являлся, как канцлер парижского университета, представителем европейской науки, второй, как кардинал, представителем и французской, ратующей за самостоятельность своей церкви. Герсон, как ратоборец независимости имперской власти от пап и права императора созывать соборы, как поборник, наконец, основного тезиса, что собор представляет собой вселенскую церковь и стоит поэтому выше папы, являлся для Сигизмунда более могущественным союзником, чем некогда были Марсилий или Окам для Людовика Баварца. Но не являлись ли теперь санкционированными всем светом эти осужденные Иоанном XXIII как еретические основные тезисы монархистов? Существует поистине внутреннее сродство между монархией Данте и основными положениями Герсона, д'Альби, Теодориха фон Ним, Теодориха Фри, Германа фон Лангенштейна и всеми прочими французскими и немецкими реформаторами эпохи Констандского собора. Акты великого церковного собрания относятся к истории Европы, и лишь воссоединение раздробленной папской власти в руках одного папы, который прибыл в Рим за тем, чтобы

среди всецело новых обстоятельств занять резиденцию в Ватикане, имело глубокое влияние на город и дальнейшее его судьбы.

Опираясь на итальянцев, Иоанн XXIII рассчитывал представить Констанцский собор прямым продолжением Пизанского, из которого произошел сам, и спасти тем свою тиару. Он надеялся, наконец, сделать важнейшим вопросом собора процесс против Виклефитов и учения Гуса и тем отвратить внимание от самого себя. Косса — судья над благородным Гусом — представляет отвратительное и срамное зрелище. Но замысел этот удался ему не вполне. Перевес итальянских прелатов устранен был постановлением от 7 февраля о счете голосов не по числу лиц, а по числу наций, и мудрое это изменение лишило Иоанна важнейших его ресурсов. Собор потребовал отречения всех трех пап. Григорий XII вместе с Бенедиктом XIII, вызванный Сигизмундом, признал собор созванным королем римским и отправил на него своих послов; он выказал готовность сложить тиару, если соперники его сделают то же. Жестоко стесненный Иоанн, против которого выступили с тяжкими обвинениями преимущественно французы, обещал это, наконец, к великой радости всех собравшихся; но затем бежал 20 марта 1415 г. в крестьянской одежде в Шафгаузен, принадлежавший Фридриху Австрийскому, город, где отрекся от своего обещания. Бегство это было его приговором и его гибелью. Ближайшим последствием его было изречение церковным собранием в достопамятной IV и V сессии определения: Вселенскому собору, как представителю воинствующей католической церкви, принадлежит власть непосредственно от Христа, и он стоит вследствие этого выше папы. Оружие Сигизмунда заставило Фридриха выдать беглеца. После скитаний в Лауфенбурге, Фрейбурге и Брейзахе Иоанн был возвращен этим герцогом в Радольфцелл под Констанцем, тогда же, 29 мая, объявлен собором низложенным и присужден в виде покаяния за преступления к темнице. Временно поместили его в замке Готлебен, где томился уже в ожидании своей участи Гус. Прошедшее и будущее церкви сошлись в оковах; один из узников был себялюбивый и преступный кормчий средневековой рушащейся церкви, другой — Колумб реформации.

Тогда же отрекся Григорий XII, единственный из этих пап, в котором не вполне погасла совесть духовного лица. Верный защитник его Карл Малатеста 4 июля совершил от имени этого старца торжественное отречение перед собором, и Григорий подтвердил оное затем в Римини. В благодарность за ним был сохранен кардинальский пурпур и была вверена легация Мархий. Анджелино Коррер снискал себе почитание света, лишь перестав быть папой. В глубокой старости 19 октября 1417 г., проведя жизнь, переполненную превратностями, ненавистью и терзаниями, скончался он спокойной смертью в Реканати, где и погребен.

Затем оставалось докончить лишь процесс против Бенедикта XIII. Если злонамеренное бегство Иоанна было позорно, прямодушное отречение Григория почетно, то твердость Петра де Луна исторгает все уважение, подобающее несокрушительному характеру. Столь великое мужество, несомненно, заслуживало более благородного дела. Неодолимый испанец хотел умереть папой. Окруженный несколькими кардиналами, сидел он в Перпиньяне, куда явился по приглашению Сигизмунда. Ибо, исполненный ревности, император поехал в Нарбонн для проведения общего с Францией и Арагоном отречения Бенедикта. Ни конгресс этих государей и многочисленных прелатов, ни личное посещение Сигизмунда, ни мольбы и угрозы, ни отпадение испанцев, ни соборное объявление в опале не сломили Петра, 90-летнего с лишним старца. Он бежал в сильный морской замок Пенисколу, где окопался и заперся. Этим замком на скалах ограничивалось его папское царство, и здесь, тайно покровительствуемый Альфонсом Аргонским, просидел он еще несколько лет с тиарой на голове, пока в 1423 г. не сорвала ее с него смерть. Перво-

бытнй этот человек был единственный из пап, посрамивший известное пророчество «*pop videbis aunos Petri*»; ибо папой пребыл до тридцати лет; и натура его казалась настолько вылитой из бронзы, что утверждали, что причинить смерть ему могли лишь путем поднесенного яда.

К несчастью, романско-иерархическая партия добилась на соборе приступления к папским выборам прежде окончания настоятельно требовавшей ее немецкой нацией реформы церкви. Для избрания единого папы пришли к соглашению, что пять наций, на которые теперь, по присоединении испанцев, распался конклав, назначают каждая по 6 созбирателей и придадут их к 23 кардиналам. Замечательная эта курия состояла в вопиющем контрасте к иерархической избирательной системе, ибо никогда еще за все время существования церкви не был избираем папа таким консорциумом наций, несмотря на полнейшее соответствие этой формы выборов понятию о верховном главе христианства. В понедельник, 8 ноября, собрался конклав из 53 избирателей в констанцском доме купечества, неуклюжем, поныне уцелевшем здании. Все приготовились к долгим и бурным выборам, ибо как было и не ожидать таковых при избирательном собрании столь необычного рода и при таких обстоятельствах? В торжественной процессии обошли отцы собора сильно охраняемый дом, призывая умиленным пением *veni Creator spiritus* вдохновение свыше на заключившихся в оном избирателей. Однако констанцкий конклав пристыдил блистательно предшествующие кардинальские конклавы; ибо уже на третий день, 11 ноября 1417 г., в день св. Мартина, единогласно появился из среды его новый папа: Оддо Колонна, или Мартин V

Скорое избрание породило несказанную радость. Король Сигизмунд поспешил в конклав и со слезами повергся к стопам новоизбранного, поклоняясь в лице его вселенскому папе, благовествующей утренней звезде, озарившей, наконец, после долгого мрака свет. Длившийся 40 лет раскол — одна из ужаснейших виденных Западом эпох — теперь кончился, и гонцы радости полетели с великой вестью во все христианские страны.

В самом деле, изо всех распадений в истории церкви не видим ни одного столь страшного и губительного, как это. Всякое светское государство погибло бы от него. Но столь изумительна была организация духовного царства и столь несокрушима идея самого папства, что это глубочайшее из распадений послужило лишь доказательством его неразрывности. Враждующие папы и враждующие обедиэнции — все твердо держались принципа единства церкви и папства, ибо в каждом лагере верили в одного истинного папу, претендовали на единое, нераздельное папство, и последнее, таким путем, восстанавливаемо было снова по поражении самих борющихся между собой лиц.

Теперь впервые лишь вековой гибеллинский дом Колонн, деяниями которого наполнены были в течение трех веков анналы города, выставил папу в лице Мартина V, и папа этот, единственный из этого рода вообще, вышел из констанцкого конклава в такую эпоху, когда свет находился в сильном антагонизме против папского авторитета, и требовал превращения абсолютной монархии его в конституционную. Фамилия Колонна по праву слыла за одну из знатнейших в Италии; могущественные государи считали за честь для себя путем легендарного происхождения состоять с ней в родстве. Красой ее был в то время Оддо, сын Аганита де Генаццано и Катерины Конти, внук Петра Колонна ди Джордана, многократно бывшего между 1350 и 1357 гг. сенатором. Вероятно, что Оддо даже родился в Генаццано. Получив образование в Перуджийском университете, сделан он был при Урбане VI протонатарисом, Бонифацием IX употребляем был во многих ле-

гациях и, наконец, в 1405 г. сделан был Иннокентием VII кардиналом-деканом Св. Георгия в Велабро.

Григория XII покинул он лишь для отбывания на Пизанском соборе своих обязанностей. В то время как ветвь Колоннезов Палестринских была привержена королю Владиславу, отличалась линия Генаццанская демократическими тенденциями; братья Оддо, Иордан и Ренций немедленно после смерти Бонифация IX выказали себя борцами за свободу Рима. Обе ветви достигли большого могущества со времени мира 1410 г., по которому ленными дарственными Иоанна XXIII умножились имени Колонни. Ибо этот папа искал заручиться дружбой этого все еще по-прежнему влиятельного рода. Колонны были весьма многим обязаны этому самому папе, преемником которого приходилось быть Мартину V, и он же сделал кардинала Оддо ректором патримониума Сполето и Умбри. Оддо и оставался верным его сторонником и был также одним из первых среди итальянских кардиналов, последовавших за ним после бегства его из Констанца. Одаренный мудрым разумом, красивой внешностью, кротким характером и благородными манерами, снискал он себе примиряющим своим образом действий на соборе любовь как Сигизмунда, так и прелатов. Каждая отдельная нация претендовала на выбор своего папы. Одна лишь оппозиция немцев и англичан, соединившихся с итальянцами, заставила уступить и других, и благодаря этому Оддо был выбран единогласно. Боязнь избрания французского папы доставила неожиданную победу Риму, и, может стать, поныне приходится человечеству расплачиваться за неизбрание на Констанцском соборе германского и реформофильского папы, как во времена Генриха III. Личность Оддо была обаятельна. Изрекли приговор, что один лишь этот благородный римлянин совмещает все качества, при которых вселенский папа способен снова с достоинством являться представителем вселенской церкви. Царственный Колонна был действительно на это способен, но как римлянин немедленно же восстановил и римское папство. Было уже само по себе счастье и неисчислимое преимущество для него, что после ужасного этого раскола он мог явиться ангелом мира, на которого отныне должны были быть устремлены надежды рода человеческого. Коронация Мартина V состоялась 21 ноября 1417 г. в Констанцском соборе в присутствии короля Сигизмунда и тысяч представителей Европы. Это было торжество, величественнее которого не переживал никогда ни один папа. Оно вознесло папство из глубокого его упадка на новую высоту и показало миру, что оно настолько сохраняло еще ореол в мистической вере народов, чтобы, хотя и с более слабым сиянием, но восстановить потухший свой нимб.

3. Состояние дел в Риме. — Изоляни и неаполитанцы. —

Браччио де Монтоне. — Он становится синьором Перуджини и других городов церковной области. — Падение Павла Орсини. — Браччио идет на Рим. —

Римляне принимают его и дают ему синьорию. — Браччио, 70-дневный властитель Рима, 1417 г. — Сфорца прогоняет его и вступает в Рим. —

Мартин и Иоанна II. — Финал Констанцкого собора. — Иоанн Гус. —

Поездка Мартина V в Италию. — Въезд его в Милан и Флоренцию. —

Конец Бальтазара Коссы. — Договор Мартина с Иоанной II. —

Договор с Браччио. — Болонья изъявляет покорность церкви. —

Мартин V вступает 29 сентября 1420 г. в Рим

В то время как столь важные события происходили в далеком Констанце, Рим пребывал в заброшенности, предметом лишь властолюбия всех тех, кто мог там приобрести вес силой меча. Коллегия кардиналов самым неудовлетворительным образом правила городом и церковной областью с собора, между тем как духов-

ным и светским викарием в Риме был Иаков Изолани. Он 6 октября 1415 г. следовал Ричарда Алидоти из Имолы сенатором. Еще держался замок Ангела именем королевы Иоанны, и завоевавшие 3 августа Ponte Molle римляне не в силах были завладеть этим замком. В городе существовала неаполитанская партия, из чего порождаемы были значительные смуты и политические процессы. 7 октября казнен был один из почетнейших граждан, Лелло Капоччи. В это время вступила Иоанна в брак с Иаковом Бурбоном, графом маркским, из королевского дома Франции. Принц этот тотчас захватил государственную власть, устранил супругу от правления, вверг прежнего защитника ее Сфорцу в темницу, освободил из нее Павла Орсини и командировал его в ноябре в Рим восстанавливать там неаполитанское влияние.

Изолани был слишком слаб для сопротивления. Было заключено соглашение, по которому осада замка Ангела была снята. Замок продолжал быть точкой опоры неаполитанского могущества в Риме, в котором, таким образом, установились две власти, одна рядом с другой. Так оставались дела в неопределенном положении, пока не появился перед стенами новый претендент. Это был смелый предводитель банды, Браччио, бывший на службе у Иоанна XXIII, и тогда уже, наряду с Сфорцой, первый воин своего времени. Он носил вполне заслуженное прозвище Фортебраччио, то есть «Сильная Рука», как некогда норманн Вильгельм прозван был «Железной Рукой». Он был графом Монтоне, отцовского замка под Перуджией, служил прежде всего под начальством Барбиано, отличился в экспедиции Анжу против Рима и Неаполя, затем много раз теснил войной родной город свой Перуджию, откуда был изгнан, и военными подвигами заявил себя в Цезене и перед Болоньей. 5 января 1416 г. в силу низложения Иоанна XXIII Болонья снова воспряла и объявила себя свободной республикой. Браччио, в качестве папского наемного капитана, стоявшего поблизости, заключил с этим городом договор, по которому согласился удалиться, чтобы искать с войсками своими счастья в другом месте. Он стремился теперь овладеть Перуджией. Город этот призвал на помощь Карла Малатесту из Римини и Павла Орсини. Но первый разбит был наголову и даже взят в плен, после чего победитель совершил 19 июля въезд свой в Перуджию и принял на себя ее синьорию. Тут подошел Павел. Его убили субальтери — вожди Браччио, Тарталия и Лодовико Колонна 5 января при Колле Фиорито, и так пал от шпаги Колонны знаменитый этот Орсини, в течение многих лет игравший столь вескую роль в истории Рима.

После таких побед открылась перед отважным Браччио блестящая карьера. Орвието, Тоди, Нарни, Терни, Спелло, Ризти приняли его в синьоры, и сам план завоевания Рима не мог уже более казаться для него чересчур величавым. Беспредельная анархия Италии ободряла предводителей банд к извлечению из нее пользы. После опытов, произведенных к основанию государств иноземными вождями вольных хищнических банд, итальянские кондотьеры с лучшим успехом продолжали это дело. Наиславнейшими из них были Браччио де Монтоне и Сфорца д'Аттендоло. Оба — основатели новейшего итальянского военного искусства, оба равно великие в ратном деле, но не в фортуне. Невозможно отказать в удивлении мужественным характером и неустрашимой деятельностью этих людей.

Успехи Браччио, капитан которого граф Тарталия приближался к Риму, вызвали в оном глубокую удрученность. 26 августа 1416 г. назначил парламент трех губернаторов обороны города под председательством сенатора Иоанна Алидозо. Все в городе было шатко и возбуждено; была партия за Браччио; заговоры составлялись, раскрывались и карались; 11 декабря пала голова маститого Иоанна Ченчи, занимавшего почетное положение в Риме со времени недолгой бытности своей се-

натором и капитаном народа. Он был заманен в Капитолий и там без процесса, без ведома консерваторов и капитанов кварталов обезглавлен. Едва это совершилось, как выехал кардинал Изолани из резиденции своей, S.-Lorenzo in Damaso, на Капитолий при кликах «Да здравствует церковь!» Ежедневно почти происходили казни; они лишь минутно утрашали Рим, ибо в эту эпоху мятежных и ежеминутно сменяющихся народных правлений во всех городах ничто не было обычнее подобных экзекуций на дворах общинных ратуш.

3 июня 1417 г. Браччио после покорения Умбрии и части Сабинны и Тусции появился перед Римом. Сперва расположился он станом у Кастель Джубилео, затем 9 июня вступил в Св. Агнеше за воротами. Кардиналу-легату Изолани, мужественно выехавшему к нему навстречу и вопрошавшему о причинах его прибытия, дал предводитель банды следующий ответ: основание у него с папами общее — страсть властвовать, сверх того он хочет оберегать Рим, пока продолжается вакантность Святого престола и отсутствие папы. Оборонительные средства римлян были скудны, стены плохо содержаны, единственно способным к сопротивлению был замок Ангела; отрезанный от сообщения город терпел во всем недостаток. Кардинал ободрял граждан к стойкости, и они клялись не принимать дерзкого перуджинца. Но весьма скоро принудил их Браччио принять его и даже с торжественной помпой. Сторонники его в городе, в числе коих находился сам кардинал Петр Стефанески, некогда генерал-викарий Иоанна XVIII, провели в парламенте резолюцию о подчинении крайности и впуске врага на известных условиях. 16 июня поехал кардинал со всеми магистратами в Рога Арриа для торжественного приветствования Браччио и для поднесения ему синьории Рима. Вместо мечей римляне несли в руках пальмы и шли с позорным кликом «Да здравствует Браччио!» Затем отважный предводитель банд с войсками своими совершил триумфальный въезд в столицу мира, признавшую его своим властелином. Резиденцию свою избрал он во дворце у Св. Марии на Авентине по бегстве кардинала-легата Изолани и сенатора к неаполитанскому гарнизону в замок Ангела. С глубоким удивлением созерцаем мы при этом печальную превратность вещей и времен. Могуущественнейшие короли света осаждали и штурмовали Рим и постоянно бывали отражаемы от стен Аврелиана; из многих императоров, являвшихся с великими армиями для своего коронования, самые лишь немногие дерзали попирать почву самого Рима, все же почти должны были довольствоваться отправлением церемонии этой в Ватикане, причем мужественные граждане с мечами в руках оберегали от них затворенные городские ворота. Неудававшегося усилиям Барбароссы и Фридриха II достиг теперь без единого удара меча в несколько дней предводитель банды. Рим, бывший неодолимым целые века, в течение десяти лет трижды был покоряем без труда. Падение его под мечом Фортебраччио закрепило гибель республиканского духа, обеспечивавшего почетную независимость римлянам в Средние века. В равном упадке находился этот дух и в прочих городах. Милан был теперь герцогством; Пиза — подданной Флоренции; Генуя колебалась между Миланом и Францией; меньшие республики были добычей тиранов и предводителей банд; одна лишь Венеция стояла непоколебимо, как утес в море, а во Флоренции уже догорала заря гражданских вольностей. События, управляемые законами природы, неудержимо влекли порядок вещей к логическому и неизбежному его исходу: упрочению монархизма и установлению единой центральной абсолютной власти в государстве, являющейся последним, высшим звеном и венцом в логическом, естественном развитии общественных и государственных форм человеческого общежития.

Браччио присвоил себе титул Defensor Urbis или удовольствовался этим скромным наименованием диктаторской своей власти. То, что было дозволяемо лишь им-

ператорам, папам или королям неаполитанским, присвоено было теперь какому-то капитану банд; он назначил сенатором Руджиеро, графа де Антимоло, своего земляка; кардинал же Петр Стефанески присвоил себе звание викария церкви. 8 июля перенес Браччио резиденцию свою в Ватикан, чтобы оттуда вести осаду замка Ангела. Замок этот сообщался с Метой Ромула, пирамидообразной гробницей у Св. Марии Траспонтини; она обращена была в крепость и снабжена гарнизоном, получавшим провиант из замка Ангела по канату. Мета 21 июля сдалась Браччио по сооружении им каната. Но на этом и подломилось его счастье.

Весть о великом успехе перуджинца взволновала Неаполь. Из теснимого замка Ангела слал кардинал Изолани гонца за гонцом с мольбами о выручке. Была тому крайняя пора, ибо 23 июля подвоз Тарталии усилил войска предводителя банд. Иоанна в это время путем революции снова захватила государственную власть в свои руки, отняла скипетр у супруга, освободила из цепей и сделала Сфорца великим констаблем; экспедицию на Рим поручила она этому личному врагу Браччио, рассчитывая изгнанием тирана привлечь на свою сторону будущего папу. Сфорца поспешил через Марино, где примкнули к нему Орсини, на Рим и 10 августа прибыл к этому городу, ставшему, как в старые времена, предметом борьбы и ревности двух великих военных капитанов. Более славной арены для смеряния сил не могли эти вожди и домогаться.

Станом стал Сфорца у водопроводов за вратами Св. Иоанна, там где стояли некогда готфы Витигеса. С рыцарственным духом послал он противнику своему окровавленную перчатку, как эмблему вызова; но Браччио держал войска свои на латеранской площади, вследствие чего 11 августа Сфорца двинулся через альбанские горы в Остию, переправился по понтонам через реку и затем дальним окольным путем направился на Монте Марио, намереваясь оттуда освободить замок Ангела. Диверсия эта заставила Браччио отступить, тем более что войска его пострадали от чумы и голода. И вот, украсившись славой, завоевав Рим и провладевав в оном 70 дней, 26 августа удалился этот перуджийский изгнанник из Рима.

Другой предводитель банд совершил въезд свой в Рим. Под оглушающие звуки труб въехал котониольский крестьянин 27 августа 1417 г. в Ватикан. Рим бил челом Сфорце от имени церкви и королевы неаполитанской. Сенатором назначил он Иоанна Спинелли из Сиены; кардинала Петра Стефанески, устроившего передачу города Браччио, вверг он в замок Ангела, где тот 31 октября и скончался. Петр был одной из выдающихся личностей в священной коллегии, многократно был легатом в городе, который однажды уже и предал королю Владиславу. Теперь правление именем церкви принял снова Изолани, ибо Сфорца отправился преследовать врага. Прежде всего двинулся он против Палестрины, где по бегстве Браччио засел помощник его, Никола Пиччинино, с 400 рейтарами в Загароло и предпринимал набеги до самого Рима. Пиччинино, впоследствии далеко прославившийся воин, был взят в плен, но Палестрина оказала победоносную оборону и теперь. Тарталиа был также разбит под Тосканеллой Сфорцей. Таково было состояние Рима, когда 11 ноября в Констанце Оддо Колонна возведен был в папы.

Мартину V приходилось признать совершившиеся факты; он заключил союз с королевой Иоанной, которой препоручил на время своего собственного отсутствия охрану Рима; он утвердил Изолани викарием, а Иоанна Спинелли сенатором. Сам Сфорца на зимние квартиры остался в Риме. Отозванный весной 1418 г. в Неаполь, передал он верховное командование войсками племяннику своему Фоскино.

Между тем Мартин страстно желал вернуться в Италию, рассчитывая привести в порядок все тамошние неурядицы. Он желал также избегнуть реформы церкви и положить конец собору. Последнее заседание свое имело великое это церковное

собрание 22 апреля 1418 г. с тем, чтобы через пять лет сойтись снова в Павии и затем возобновляться каждые десять лет. Ибо собор стал чересчур большой силой для того, чтобы окончиться Констанцем; наоборот, в виде основного элемента вошел в новый церковный строй. Констанцский собор низложил трех пап, возвел одного папу и надел двух знаменитых еретиков, но не удовлетворил глубочайшей потребности народов в церковной реформе. Вместо великого здания созданы были лишь временные конкордаты с отдельными нациями, не устранившие злоупотреблений церковного управления.

Свокорыстный Мартин, ревностно поддерживаемый кардиналами и иерархической партией, пошел по следам своих предшественников; он обманул свет, на несчастье самой церкви, по вопросу о реформе ее, не желая допускать умаления папского авторитета собором.

Важнейшим результатом последнего был лишь принцип, что церковный собор стоит выше папы; сверх того им впервые создана была новая сила европейского мнения и обеспечено решающее положение науке, как самостоятельному органу в высших жизненных вопросах рода человеческого. Собор положил конец расколу. Но за этим долгим распадением последовало новое и более важное по последствиям если не порожденное, то сильно навеянное первым. Евангелическая ересь, порожденная век спустя путем отпадения от католической церкви — отказом в реформе.

Великое движение, вызванное учением Виклефа и Лоллардов в Англии, явилось продолжением старых и новых гибеллинских идей Арнольда Брешианского, Марсилиа и Окама: ибо доктрина их отвергала светскую юрисдикцию папы и возбуждала вместе с тем протест против духовного его абсолютизма; она отвергала иерархический строй церкви и опиралась в делах веры на Священное писание, как на единственный источник познания христианского учения. Вольнодумная Англия уберегла от смерти в пламени Виклефа, но геройского последователя его Иоанна Гуса и Иеронима пожрал Констанцский костер. Главным преступлением знаменитого пражского магистра явилось отвергнутое им всякой светской юрисдикции клира, основное его положение относительно равенств духовных и вытекающее отсюда положение, что папа не есть верховный глава церкви и что она может вообще существовать без него. Но глубокое возбуждение умов не было утищено принесенной Сигизмундом римской иерархии жертвой; искры от констанцкого костра занесли пожар в Богемии и Германию, и пламя, истребившее век спустя в Виттенберге булу, зажжено было тем же костром, на котором обрел смерть Гус.

С блестящей свитой, сопровождаемый Сигизмундом, покинул Мартин 16 мая 1418 г. Констанц. Он поехал через Женеву в Милан, куда прибыл 12 октября. В знаменитом городе господствовал тогда второй сын Иоанна Галеаццо жестокий Филиппо Мария, единодержавный и последний наследник дома со времени смерти под кинжалами заговорщиков отвратительного брата его Иоанна Марии 16 мая 1412 г. Въезд Мартина в Милан был великолепен, но не сопровождался тем религиозным энтузиазмом, с каким некогда был там встречен возвратившийся из Лиона Иннокентий IV. Он являлся, сверх того, в Италию государем без государства. Из всей церковной области едва ли мог он назвать своим хотя бы один-единственный город. Ему понадобились еще два года, прежде чем он успел заставить признавать светскую свою власть, а также въехать и в Ватикан.

В Риме господствовала глубокая безурядица, которую успокоить не в силах был кардинал Изолани. Баттист Савелли и Карл Орсини предводительствовали тамшними враждующими партиями, причем королева Иоанна оставалась еще обладательницей Остины, Чивита-Веккии и замка Ангела, являлась даже благодаря воинским силам повелительницей Рима. Болонья держалась еще вольной республикой,

а Браччио был тираном Сполето и части Умбрии и Тосканы. Из Брешии и Мантуии, где пребывал в конце 1418 г., и во Флоренции, избранной им резиденцией с февраля 1419 года, старался Мартин V устранить препятствия эти договорами. Флорентинцы пригласили его к себе и приняли с большой пышностью; но отпускали на его счет сарказмы и сострадательно взирали на Балтазара Коссу, представшего в бедном одеянии, чтобы повергнуться на милосердие нового папы. Мартин считал именно нужным иметь во власти своей прежнего папу и вследствие этого приказал привезти его из заточения у пфальцграфа Людовика в Гейдельберге в Италию. Из опасения участи Целестина V Косса бежал, но затем по свободному побуждению отправился во Флоренцию, где повергся к стопам своего преемника. Папа оставил ему кардинальский пурпур, но последнее унижение свело Коссу в могилу. Умер он 22 декабря во Флоренции. В Баптистерии Св. Иоанна можно видеть его гробницу, воздвигнутую ему Космой Медичи.

Из Флоренции послал Мартин брата своего Иордана и племянника Антонио в Неаполь, ибо хорошо понимал, что восстановить церковную область мог лишь с помощью Иоанны, королева же сознавала возможность лишь с помощью папы удержаться на колеблющемся своем троне, на который начинал в этот самый момент предъявлять Людовик Анжуйский новые претензии, пускаемые в ход или мудро употребляемые в пользу самим Мартином. Таким образом, должныствовали возобновиться старые вассальные отношения Неаполя. Королева обещала выдать папским уполномоченным Рим, Кампанию, Остию и Чивита-Веккию, одолжить папе для покорения его государства войска и наделить ленами дом Колонн. За это Мартин признал ее королевой, вслед за тем 28 октября 1419 г. последовало в Неаполе коронование Иоанны кардиналом-легатом Морозини. Для извержения же из церковной области Браччио, могущественнейшего противника, без согласия которого не мог он отправиться в Рим, принял Мартин на службу к себе Сфорцу. Последний покинул Неаполь и из Витербо боролся со своим соперником, пока тот согласился заключить с церковью мир, состоявшийся 8 февраля 1420 г. С королевским блеском явился тиран Перуджии в союзную Флоренцию. Встреченный им там восторг и сатиры флорентинцев оскорбили Мартина столь жестоко, что он тогда же решил покинуть этот город. Могущественный Браччио возвратил папе часть им награбленного, но получил под титулом викария Перуджию и другие города. Насколько договор с ненавистным кондоттиери должен был быть унижителен для Мартина, настолько же был для него вместе с тем практичен и выгоден, ибо он теперь же принял страшного вождя в свою службу с тем, чтобы перепоручить ему войну против Болоньи. Городу этому еще 13 мая 1419 г. обещал он самоуправление и викариатство, но лишь с умыслом при удобном случае погубить его. По вступлении вождя банд с привычным к победам войском в ее область покорилась Болонья 15 июля, после чего кардинал Габриэль Кондульмер совершил именем церкви свое в нее вступление.

Теперь мог Мартин V отправиться в Рим. Римляне, передавшие город брату его и делегату Иордану, звали его настоятельно, и 9 сентября 1420 г. покинул он Флоренцию. Эскортируемый многими синьорами с воинской ратью, прибыл он через Витербо по *via Cassia*. Приближение его взволновало город. Его неистовое требование в папы римлянина произвело, собственно говоря, раскол, теперь же последний окончился благодаря тому, что действительно сделался папой римлянин из первейшего рода. Длинная вереница несказанных страданий казалась миновавшей, и новая эпоха блеска, хотя без свободы, наступила. 28 сентября достиг Мартин Рима, в который отныне возвращался Святой престол действительно и навсегда. Переночевал он в *S.-Maria del Popolo*, и в воскресение

ные 29 сентября с триумфом повели его римляне в Ватикан. От Porta del Popolo проследовал он через пустынное Марсово поле к Св. Марку, а затем к Св. Петру. Римские аристократы держали над ним пурпурный балдахин, а жонглеры танцевали перед ним. Вечером прошли по городу консерваторы и капитаны кварталов верхом с многочисленным народом, с факелами в руках, с кличем «Да здравствует папа Мартин!»

Мартин V нашел Рим в мире, но поверженный чумой, войной и голодом в столь глубокую нищету, что едва сохранял облик города. Дома и церкви были в упадке, улицы поросли мохом и мусором. Люди представились пораженному папе не благородными гражданами Рима, но полным негодного сброда. Равно кипел город ворами и разбойниками. Когда возвращались Урбан V и Григорий XI, то также пришли в ужас от страшного вида Рима, но город держался тогда еще как республика под правлением своих цехов; теперь же с возвращения тех пап из Авиньона протекло почти полвека, в течение которого Рим достиг высшей точки своего упадка. Ибо теперь распалась не одна аристократия, но и гражданство, и Рим представлялся одной пустынной горой обломков. Скучным торжеством въезда Мартина V закончилась долгая и достопамятная эпоха средневекового города и открылся новый век, в который Рим встал из обломков в новом виде, дарованном ему папами, ставшими теперь лишь истинными суверенами. Ватикан, замок пап, возвысился, а соперник его, республиканский Капитолий, ниспал на степен монумента вольностей народа и второго прошедшего.

ГЛАВА VII

1. Цивилизация в XIV веке. — Классическое язычество включается в процесс образования. — Данте и Виргилий. — Петрарка и Цицерон. — Флоренция и Рим

XIV век сокрушил Средние века и расшатал институты их в односторонней их догматической форме, старую церковь, старую империю, феодальную монархию, коммунальную полицию, схоластический научный метод. Человек выделился как индивид из уз касты, партии и схоластической системы мышления. К силам, которым дотоле подчинялся со слепым благоговением, стал он теперь относиться скептически и критически. Он подвергал расследованию их основания и историю; из мифических сфер стал он низводить их в сферу людских отношений, и оценку делал им по историческому масштабу. XIV век профанизировал средневековые авторитеты как императора, так и папы; удаляясь от неземного, смело погрузился человек в минувшее для восполнения классическим идеалом христианства, воспитывавшего его лишь для неба. Он проникся фанатическим поклонением героям, поэтам и философам языческой древности. Он раскопал заросшую тернием культуру Эллады и Рима, восстановил порванные связи с античным миром и, отрешась от предрассудков, впал в другую крайность — ввел языческий дух в образование. «Возрождение» классических наук и искусств началось в XIV веке. Подобно тому, как XIII век проникся энтузиазмом к римскому праву и исчерпал познание его, так XIV с равным же одушевлением отдался прекрасной и философской литературе древних. Он извлек на свет сокровища ее; XV же век с изумительной быстротой распространил их и создал из них новые творения. Эта реставрация классической древности в ее правах интеллектуальной силы является сильнейшим доказательством как неразрушимости истинной цивилизации, так и рамок человеческого духа вообще; ибо масса орудуемых им идей настолько же чудно проста по числу и содержанию,

как и масса сил в природе. Новое создается лишь путем совместного воздействия этих сил вообще.

Воссоединение двух принципов религии враждебно разрозненных культур могло естественным образом явиться лишь делом рук итальянцев. Возникшая у них в XIV веке идея о единстве человеческой цивилизации соответствовала установившемуся в церкви и империи понятию о единстве рода человеческого, а это были латинские творения. Мировая борьба церкви и империи, гвельфства и гибеллинизма разрешилась благодаря итальянскому духу нейтральной культурной реформой. Замечательный этот процесс начат был Данте. Глубокомысленно следовал христианский поэт с языческим Виргилием по миру теней. Образы их парят всегда как типические характеры обеих мировых культур. Но классический Виргилий не может ростом своим дотянуться до краев духовного кругозора Данте; он остается позади; христианский человек идет над античным превосходство более широких сфер.

Настало скоро время, когда глубокомысленное мировоззрение Данте стало уже непонятным, ибо вслед за созданием «Божественной комедии», оригинал-монумента средневекового мира, воздвигнутого на его границах, появилось одностороннее страстное увлечение античным язычеством. За Данте явился Петрарка, по высоте, на которой стоял, столь же в своем веке одинокий, как и первый, и потому повсюду видимый. Петрарка, явившийся воскресителем классической науки, которую взором пророка лишь предчувствовал Данте, удачно был назван в сфере своей деятельности Колумбом. Древний мир Рима и Эллады был для человечества XIV века поистине новым миром. Петрарка, гений и представитель культурного процесса своего века, дал направление всей гуманистической эпохе. Он пробил в Средних веках более сильную брешь, чем может быть передано словами. Его классическим спутником был Цицерон, как Виргилий у Данте, и эти отношения рисуют уже широту энциклопедической и прозаической науки, захваченной кругообращением человеческого духа.

Со времени Петрарки энтузиазм к классическим знаниям разлился с непонятной ныне для нас силой. При этом нельзя упускать из вида и национальное влечение. В этом возрождении древности нашли себе выражение единство и национальная независимость Италии, и через это итальянская нация добилась снова духовной гегемонии Запада. Новейшей своей цивилизацией обязана Европа Италии, ибо из этого родника культуры в течение двух веков изливался на Запад живительный и творческий свет.

Наряду с Петраркой блистали с меньшим, отчасти заимствованным у него, светом в XIV веке Бокаччио, Колуччио, Салютато, Леонардо Бруни, Поджио Браччиолини. Высокие заслуги этих и других изобретателей, собирателей, переводчиков и учителей классической литературы известны каждому, кто только бросал взгляд на историю новейших наук. Здесь приходится говорить нам лишь об отношении к этому процессу духовного обновления в XIV веке Рима.

Особенностью города во все времена было пассивное и созерцательное бытие. Великим продуктом Рима были две центральные мировые реформы, империя и церковь; но город не способен был приобщиться к активному процессу жизненной цивилизации. Новейшая образованность нашла средоточие свое во Флоренции, начавшей с XIV века занимать на Западе место Афин. По значению своему для человечества в те времена является она первой колыбелью новейшего духа вообще. Эту предназначенность к подобной гегемонии обуславливала целая совокупность благоприятных условий: гвельфо-республиканский вольный дух, не столь скоро подавляемый, как в Милане; отсутствие гнета со стороны основных мировых сил — папства и императорства; трудолюбивый и любопытательный дух граждан, уравни-

вавший состояния и в совершенстве урегулировавший изменчивые формы политического быта города; свежая, не насыщенная монументами древности почва; отсутствие подобной Генуе, Пизе и Венеции позиции, изводившей их на меркантильные цели; наконец, пытливый, даровитый, разносторонний нрав, выражающийся на чистом и мелодическом органе речи. С XIV века Флоренция стала образцовым итальянским государством. Мы видим, что политическими установлениями заимствовался отсюда сам Рим. Между тем как тосканский этот город был вместителем всей предстоящей и новой жизни, Рим высился как достопочтенный монумент классической культуры и непрестанно являл итальянцам руины ее — как документы цивилизации древности, благодаря чему соблюдено было и сознание единства латинского мира. В XIV веке сделался Рим предметом философских и исторических трактаций совершенно нового рода. И тут первый взгляд был брошен и основано подобное воззрение Данте, ибо для него Рим и в руинах был мировой светоч, вечный центропункт всемирной монархии, а история священного этого города — божественным процессом с самого его основания. Потому-то и говорил он, что для него каждый камень в стенах Аврелиана и почва, на которой стоит Рим, достопочтенны превыше всякого человеческого слова.

Таким воззрением на Рим проникнут был и Петрарка. Если он называл почву римскую святой вследствие того, что она напитана кровью мучеников, то налегал на это лишь тогда, когда дело шло об убеждении папы вернуться; в сущности же взирал и он на город с философской точки зрения дантовской цивилизации. Великая римская всесветная империя и всесветная слава Капитолия побудили его принять здесь лавр поэта, и затем уже возложил он его на алтарь апостола. Капитолий и Св. Петр, цезарь и папа вечно являются двусторонними изображениями одного и того же облика: всемирной монархии и всемирной цивилизации. Но если в варварские Средние века город являлся по преимуществу целью набожных паломнических странствований христиан, то теперь со всевозрастающей силой стало притягивать людей в Рим историческое и научное влечение. О притягательной силе Рима имеем свидетельства и православных греков конца того же века. Один византиец посетил Рим и с энтузиазмом писал к своему императору, что «Рим не кусок земли, но кусок неба».

Мануил Кризолорас, первый преподаватель греческой литературы в Италии, подтвердил верность этого впечатления в письме к императору Иоанну, содержащем любопытное сравнение Рима с Византией. Римский город руин восхвалял он как воспитательнейший на свете. Он находил в нем компендиум всей римской и греческой древности; он рассматривал обломки, как философ и исторический изыскатель; он читал в них могущество, величие, искусство, величественность Древнего мира и приходил к заключению, что на основании содержимых еще Римом изображений наглядно можно изучать религию, нравы и обычаи в военное и мирное время, начиная от времен мифических и до истории императоров. Подобно Петрарке, устремил и Кризолорас свое первое и полнейшее внимание на античный Рим; и затем лишь обратился к христианскому городу с его бесчисленными и частью из древних храмов происшедшими церквями, в который по-прежнему стекалось из всей тогдашней Римской империи человечество.

Повсюду, таким образом, замечаем мы, как в воззрениях людских античный Рим берет перевес над христианским. Церковное воззрение должно было во время эпох изгнания и раскола пап прийти в упадок и в равносоответствующей степени выдвигнуться антично-светское. Изю всех этих идей видели мы исхождение Колы ди Ризенци, этого чародея политической древности, в падении своем увлекшего один из догматов средневекового Рима. Ибо грезы его разлетелись в действитель-

ности так: что вечны лишь те идеи, которые сопричастны поступательному духовному образовательному процессу человечества; историческая же, раз обратившаяся в руины форма представляется погибшей навсегда. Истлевшие пергаменты древних, в которых скудными знаками запечатали душу свою Гомер, Платон и Цицерон, оживотворились под влиянием морального процесса вновь, но из колоссальных монументов, на которых вырублены имена и деяния их римляне, не вышли более ни Брут, ни Фабий, ни Цезарь и Траян. Задача возрождения древности разрешена была теперь в той же самой Флоренции, которая с трезвым здравомыслием отвернулась от Кола ди Риэнци и предсказала гибель фантастическим его порывам. Из положения римских дел было, наконец, выяснено, вследствие чего и к духовной даже реформе относился пассивно город. Но возлеянная во Флоренции новая цивилизация вступила наконец в XV веке и в Рим, нападоби афинской образованности в древности. Св. престол стали занимать гуманистические папы; они создали второй век Августа, снова превратили Рим в сокровищницу науки и искусства, сосредоточили в нем под покровительством своего всесветного авторитета новую культуру и придали ей великие римские формы.

2. Невежественность Рима в XIV веке. — Состояние Римского университета. — Восстановление его Иннокентием VII. — Хризолорас. — Поджио. — Леонардо Аретино. — Колонны. — Кола ди Риэнци. — Зачатки римской археологии. — Никола Синьорили. — Кириак. — Поджио. — Римская историография. — Зачатки городских аналов. — История пап. — Теодорих фон Ним

XIV век, столь блистательный по части первых бессмертных творений национального итальянского гения, с трудом на пару листов доставляет материал для историка культуры Рима. Духовное запустение города было далеко не одинаково велико; оно привело в ужас Данте и Петрарку. Все образовательные учреждения пришли в упадок, и университет Бонифация VIII после темного бытия погас. С Иоанна XXII не пекся о нем ни один из авиньонских пап, и даже Кола не издал в пользу его никакого эдикта. Римский гражданин Петрарка содействовал к учреждению Пражского университета, но ни единым словом не обмолвился о римском; драгоценную свою библиотеку завещал он Венеции. Великий Альборноц основал образовательное заведение в Болонье, а кардинал Николай Капоччи Санте Софию в Перуджии; о Риме же не заботился никто. В Перуджии основан был в 1307 г. университет Климентом V: он скоро достиг процветания; в половине XIV века он блистал даже двумя великими итальянскими профессорами права, Бартодо и Бальдо, из которых последний был по рождению перуджинец. Во второй половине века капитолийский магистрат жаловался на упадок Римского университета благодаря недостатку в докторях; он решил его возобновить и пригласить иностранных профессоров для обоих прав, для медицины, грамматики и логики. Местонахождение высшей школы перенес он в более покойное Трастевере. Мы не знаем, однако, решился ли какой чужеземный ученый, вместо того чтобы блистать в Болоньи или Падуе, занять кафедру в Трастевери. Схизма, наконец, должна была пресекать все попытки такого рода, и восстановил университет 1 сентября 1406 г. лишь Иннокентий VII. Язык его буллы отражал уже в себе гуманистические тенденции времени. «Не существует на земле, — так объявлял папа, — более пресветлого города, как Рим, и в котором долее процветали бы науки, которые мы теперь желаем сюда возвратить; ибо в Риме изобретена была латинская литература, составлено и сообщено народам гражданское право; здесь же

находится местонахождение и канонического права. В Риме же создана была всякая мудрость и доктрина или заимствована у греков. Если поэтому в других городах преподаются чужие науки, то в Риме преподается лишь свое родное». Булла эта была, без сомнения, составлена Поджио Браччолини; ибо знаменитый этот гуманист был с последнего года Бонифация IX папским секретарем. Он же уговорил папу учредить кафедру греческого языка и предложил ему профессором своего собственного учителя Хризолораса. Поддерживаемый некогда в Риме базилианскими монахами и школой греков язык Эллады теперь совершенно утратился; Петрарка не встретил в Риме ни одного знакомого с оным. И не невероятно, что Хризолорас, возжегший в Венеции и Падуе, и особенно во Флоренции, страсть к греческому, действительно занимал профессию в Риме, сохранив сношения с папским двором и после Иннокентия VII. Но в апреле 1415 г. умер он в Констанце, куда сопровождал кардинала Цабареллу. Весьма статочно, что кратковременно преподавали в университете Римском и сам Поджио и Леонард Аретинус, сделавшийся благодаря влиянию первого апостолическим секретарем. Но смуты при Григории XII не дали окрепнуть университету, римская Сапиэнца распалась, и прочно реставрировал снова ее лишь в 1431 г. Евгений IV

На моральный упадок Рима в XIV веке указывает малое число не только литературных талантов, но и значительных личностей вообще. В XIV веке не было из числа пап ни одного римлянина, из числа кардиналов лишь весьма немногих. Это влияло вредно на культуру города. Да и те немногие кардиналы, которые были из римлян, как то: Иоанн Колонна, Наполеон, Орсини, Иаков Стефанески и Николай Капоччи, жили далеко в Авиньоне. Первая половина века богаче именитыми римлянами, чем вторая, когда имена Колонн и Орсини блистают лишь среди капитанов банд. Сочинениям Петрарки обязаны почти исключительно прославлением своим Колонны его времени, и мы не в состоянии более судить, насколько имели основание расточаемые им хвалы за образованность. Помимо них и дома Орсини де Ангильяра причислял Петрарка к числу особенных своих римских друзей Лелло ди Пьетро де Стефанески, к которому под именем Лелия обращены многие из его писем.

Гениальным римским талантом, мало того, истинным духовным продуктом города в XIV веке был Кола ди Риэнци, об образованности которого мы в состоянии судить. Письма его и апологические сочинения служат вместе и литературными памятниками тогдашнего Рима. Его полунотариальная, полуцерковная латынь не могла, правда, выдержать критики цидеронианца Петрарки, и поток натурального его красноречия не руководился классическими правилами, но являлся выражением оригинального ума и загадочного мышления. Особый род готической прозы, в котором поистине чарующе Данте, вскоре навек поглотился элегантно цидеронианским стилем. На одной почве локальной римской науки трибун был гениален. Его называть можно первым римским археологом. Он первым приподнял мифическую завесу Мирабилией с монументов города и сделал их предметами исторического исследования и конъюнктуры. Быть может, собирал он уже и надписи (которые едва умел разбирать Петрарка), занявшись, как кажется, собиранием коллекции монет императоров. Со времен Анонима фон Эйнзидельн (около 800 г.) оставались целые века надписи Рима нечитанными и непонятными. Пытливый взор брошен на них лишь с пробуждением классических знаний. Первым в Риме, составившим в последней трети XIV века собрание римских надписей, был Николо Синьориали, бывший впоследствии, при Мартине V, городским секретарем. За ним последовали затем в XV веке Кириак Анконский и Поджиус. Но ни Петрарка, ни Хризолорас, ни даже Поджиус, все три первые новым взглядом смотревшие на Рим, не подума-

ли о научной верификации Мирабилий города, в то самое время вновь списываемых и распространяемых, и лишь Флавием Блондом де Форли основана была римская топография и археология.

Мы причисляем сюда же и немногие историографические сочинения, появившиеся в XIV веке в Риме. Ими и ограничивается вообще римская литература в эту эпоху. Когда город остался предоставленным сам себе и гражданство стало единовластно, то возникли и зачатки римской городской истории в форме дневников. Попытки эти остались, к сожалению, единичными. В глубокой изолированности Рима мог бы патриотический какой-либо дух при поощрении со стороны капитулярской республики соорудить памятник Средним векам, как это сделали трое Виллани для Флоренции, но вместо того имеются лишь скудные приступы к римским анналам, начиная с римского похода Людовика Баварца. Самым значительным произведением в ряду оных является «Фрагменты римской истории», с 1327 по 1355 г., главнейшую часть которых составляет жизнь Колы. Незвестный составитель их, сторонник, хотя и не слепой поклонник трибуна, был римлянин из гражданского состояния без политического образования, но с методическим знанием древних авторов. Язык его (по счастью, перевел он свой первоначально по-латыни написанный труд на итальянский язык) есть, по-видимому, римский той эпохи диалект, грубый, оригинальный жаргон, не заключающий в себе ни капли мелодических красот языка флорентинцев. Наивный и народный склад составляет наибольшую прелесть книги, любопытная же эпоха придает ей высокую ценность. Сравнивая римского историка XIV века с политически образованным Виллани или Дино, можно на основании этого прийти к заключению относительно сдавленности городского быта Рима.

Толчок к римским анналам дали флорентинцы; видны попытки к ним, но не нашлось никого, кто бы дорос до такой задачи. Историография заглохла снова даже в самом Риме по возвращении из Авиньона пап. Во всю половину XIV века не встречается ни одной римской хроники, и не ранее начала XV продолжается история города в форме дневников. Первый из этих диариев охватывает время от 1404 до 1417 г. Написан он по-латыни Антониом Петри, одним из бенефициатов у Св. Петра. Этот необразованный, но живо интересовавшийся человек отмечал ежедневно все казавшиеся ему достойными примечания происшествия римские. Точные его записи имеют поэтому ценность местной газеты.

Римляне не принимали участия в истории папства. Церковно-исторические работы Птолемея де Лукка, труд которого доведен до 1312 г., Бернарда Гвидонис, умершего в 1331 г. епископом Лодевским и труд которого заканчивается Иоанном XXII, далее, французского августинца Амальрика Аугериуса, капеллана Урбана V, которого папская хроника равным образом доходит лишь до 1321 года, не принадлежат Риму. Жизнь авиньонских пап писана была французами, и лишь после возвращения Святого престола стали официально и весьма кратко продолжать старую книгу пап. Наоборот, раскол нашел себе превосходного историографа в лице Теодориха фон Ним, или Нигейм, под Падерборном. Вестфалец этот приехал в 1372 г. в Авиньон, сделан был аббревиатором Григория XI, сопутствовал папе в Рим и состоял с тех пор при римской курии в должности скриптора. К занятию влиятельной этой должности аббревиаторов апостолических писем были тогда уже привлекаемы лучшие ученые. В XV веке всецело перешла она в руки гуманистов. Уже Урбан V старался заманить на нее Петрарку. Знаменитый Колющий Салютат был секретарем этого папы и Григория XI, прежде чем сделался в 1375 г. канцлером флорентинским, а позднее сделался коллегой Поджио и Лионардо Бруни Теодорих фон Ним. Он остался верен Урбану VI. Папа этот

был высокого мнения о немецкой добросовестности и принял на службу и земляка Нима, Гобелина Персона, автора Космодромиума, являющегося одним из главнейших источников для истории этой эпохи. Оба вестфальских ученых последовали за Урбаном в Неаполь. Глубоко посвященный в дела курии, Ним был более всех компетентен в истории раскола. События и лица двигались на глазах у него с Григория XI до Иоанна XXIII, с которым он совершил въезд в Констанц, которого сопровождал даже в бегстве с собора и покинул лишь в Брейзахе с тем, чтобы в мае 1415 г. вернуться в Констанц. Там и умер он, кажется в следующем году. Труды свои написал он в последние годы жизни. Он не блещет ни изяществом Поджио или Аретина, ни талантливостью Дино или Фроассара, но обладает достаточной свежестью, здравым умом и живой наблюдательностью. Враги его упрекали в преувеличениях и в неуважении к папам; но могло ли тогдашнее папство встретить у правдолюбивых людей другую оценку? Труды Нима составляют один из драгоценнейших памятников той эпохи. Его манера трактования истории времени не имеет ничего уже общего со старой методой хроник; это уже личное переживание достопримечательностей, проявляемое во всей силе в его сочинении «О схизме».

3. Упадок искусства в Риме. — Лестница Арачели. — Госпиталь в Латеране. — Реставрация базилик. — Запущенность латеранского дворца. — Урбан V начинает перестройку Латеранской базилики. — Ее готическая дарохранительница. — Честная глава Св. Апостолов. — Перестройка замка Ангела Бонифацием IX. — Крытый ход. — Укрепление тем же папой сенатского дворца. — Гербовые щиты на оном. — Упадок живописи. — Пиетро Каваллини. — Скульптура монументов. — Надгробные плиты. — Павел Романус. — Монументы кардиналов: Филиппа д'Алансона, Петра Стефанески Анибальди, Марино Вулькани

Еще хилее литературной была художественная культура Рима в XIV веке. Запечатленное ее развитие в последней половине XIII резко было оборвано в авиньонскую эпоху. Школа Косматов распалась; влияние Джотто было утрачено; никакие веские задачи не занимали голодавших художников. Построение высокой лестницы Арачели было единственным официальным подвигом римской архитектуры за всю авиньонскую эпоху. Лестница эта со 124 мраморными ступенями начата была 25 октября 1348 г. в виде вклада Мадонне этой церкви, иконе которой приписывали избавление от чумы. В позднейшее время появились утверждения, будто мраморные ступени взяты были из храма Квирина, но храм этот покрыт в Средние века глубочайшим безмолвием. Ступени неровны и, несомненно, похищены от более чем одного монумента; некоторые первоначально были христианскими могильными плитами, на что указывают стершиеся надписи; воспользовались ли ими при построении или при позднейших реставрациях, остается неизвестным. Возможно, что Кола всходил по великолепной этой мраморной лестнице во время вторичного управления своего на Капитолии, но ранее, по всей вероятности, вел к прекрасной сенатской церкви плохой всход.

Одновременно с этим сооружением возник госпиталь братства Salvator Sancta Sanctiorgum при Латеране; об этом гласит сохранившаяся там на мраморном портале надпись.

Все, что в иные времена обращалось папами и кардиналами на Рим, текло в авиньонскую эпоху в ронский этот город, где величественный папский замок поглощал несметные миллионы. Вопли отчаяния римлян об упадке их базилик исторгали

лишь от времени до времени у французских пап указы об реставрировании оных. Бенедикт XII истратил на это сумму в 50 000 гульденов золотом. В 1341 г. повелел этот папа обновить кровлю Св. Петра всю заново. Во время этой перестройки наши строило времен, будто бы Константина, и знатные римляне стали вырезать себе из оного столовые доски.

Все подобные реставрации были единичные. Ватикан и Латеран так же, как и дворцы и базилики, стояли в руинах ко времени прибытия Урбана V в Рим. Начиная с Климента V папы стремились, правда, возобновить лютеранский дворец, но старая их резиденция не оправилась более, ибо по возвращении в Рим поселились они на постоянное жительство в Ватикан; досточтимый константиновский дворец оставался в руинах, пока Сикст V не повелел возвести новое здание. Зато Урбан V занялся сооружением вновь Латеранской базилики, истребленной вторично пожаром в 1360 году. Труд этот поручил он архитектору Иоанну Стефани Сиенскому. Перестройка была столь радикальная и тянулась столь долгое время, что совершенно поглотила средневековый характер базилики Сергия III. Памятником Урбана V является сохранившаяся еще высокая, из белого мрамора, в готическом стиле дарохранильница главного алтаря, поддерживаемая четырьмя гранитными столбами, украшенная изваяниями и картинами. Григорий XI дополнил ее орнаменты, и последующие папы роскошно ее отделывали. Урбан перенес в нее Честныя Главы первоверховных апостолов, положенных, по преданию, на хранение Св. Сильвестра в капеллу Sancta Sanctorum. Он поместил их в серебряные бюсты, произведения золотых дел мастера Иоанна Бартоли Сиенского, варварской еще формы, судя по снимкам. Карл V Французский украсил их драгоценными камнями. При возвращении своем в Авиньон с недоверием оставлял Урбан столь драгоценные сокровища в Риме, где народ и сенат могли чересчур страстно пожирать взорами бриллиантовые лилии и массивное золото и серебро. Он поставил их под охрану буллы. Угроза экскоммуникации способна была утратить Балтазара Коссу и неаполитанцев, но не клириков самого Латерана, украсивших в 1434 г. бриллианты. Французские республиканцы разрушили в конце XVIII века эту память о благочестивом французском папе; теперешние серебряные поясные бюсты от 1804 г. суть лишь подражания старым.

Раскол прервал реставрацию Рима. Лишь при Бонифации IX предприняты были две постройки у замка Ангела и у сенатского дворца. Невзирая на некоторые разрушения и надстройки, гробница Адриана хорошо сохранилась до 1379 г. На золотой булле Людовика Баварца представляется она трехэтажным зданием; ибо на нижнем кубе возвышается ротонда, а над оной еще башенный столб. По разрушении ее в этом году Бонифаций IX приказал в 1389 г. Николо Арещккому возвести ее в форме башни вновь. Позднейшие пристройки произведены были Николаем V и Александром VI; но пороховой взрыв уничтожил в 1497 г. фигуру, приданную замку Ангела Бонифацем. Иоанн XXIII соединил замок этот с Ватиканом крытым ходом; но таковой должен был существовать и прежде, так как, согласно замечанию Нима, в соединительной стене заключаемы были ранее прелюбодейки и другие кающиеся женщины; далее он говорит, что галерея эта была в употреблении и ранее, так как иногда этим путем доставлялись из дворца узники в замок Ангела. Есть основание полагать, что первые зачатки хода принадлежат Николаю III. Иоанн XXIII отстроил его вновь.

Дом сената был также превращен Бонифацем IX в крепость. Дворец этот, уже в XIII веке бывший резиденцией сенаторов, фигурирует на Золотой булле Людовика Баварца в виде замкоподобного здания о двух ярусах, со сводчатыми окнами, со сводчатой входной дверью, к которой ведет лестница, и с двумя

фланговыми башнями: сильнейшей и слабейшей. Постройка Бонифация IX в 1389 г. могла поэтому заключаться лишь в общей реставровке и сверх того в окопах в том виде, как заложил их уже Кола. В 1404 г. Иннокентий VII обратил Капитолий снова в ратушу, что очень легко могло быть произведено, так как шанцировки эти были сломаны. Существовал обычай изображения гербов подест и глав республик, частью каменных, частью красками на ратушах. Поныне встречаются подобные гербы всюду, где сохранились дворцы ратуш, и даже от XII и XIII веков. Покрыт был ими и римский сенатский дворец. К сожалению, памятники эти, и это несомненно со времени реставрации Сикста IV, исчезли с Капитолия, и уцелели лишь с левой стороны несколько позднейших гербов сенаторов и пап. Уже в XIV веке в античных сводах сенатского дворца складываема была городская соль. Первое упоминание о том относится к 1404 г. и указывает на установившийся давно уже обычай. Поныне своды табуларума являют собой разедающие соляные осадки. Причины, давившие в Риме строительное искусство, сковывали и живопись и скульптуру. Век Джотто, тянувшийся до 1336 г., дал даровитых художников, каковы Таддео Гадди и Орканья, Симон Мемми и Амброджио ди Лоренцетто, и подарил даже Рим далеко распространившейся славой первого туземного его живописца. Одинокое имя Пиетро Каваллини наполняет здесь собой историю живописи в XIV веке. Его считают учеником и сотрудником Джотто по мозаичной картине *Navicell'ы* (судно); но жизнь его темна, и произведения его совершенно почти уничтожены временем. В начале XIV века, несомненно, писал он еще во многих церквях Трастевере, именно в *S. Maria*, где сохранились еще его мозаики, образующие нижний ярус кафедры. Этим крупным произведением простилаась мозаичная живопись с Римом; оно явилось последним более крупным вкладом достопочтенного этого искусства вплоть до времен новейших мозаик у Св. Петра. Быть может, невознаградимее всего является гибель картины в *Рачели Каваллини*, в которой он изобразил легенду *Октавиана и Сибиллы*. Скульптура представляет более произведений этой эпохи, чем живопись; ибо набожный обычай чтить память умерших памятниками непрерывно продолжал существовать. Вообще же христианская скульптура (единственное искусство, никогда не достигшее совершенства антиков) возникла главнейше из саркофага, и крупнейшие вклады ее в эпоху Микельанджело представляются в виде нескольких надгробных монументов. В изготовлении могильных плит заключалась обширнейшая деятельность римских скульпторов. Стиль их замечен был под XIII веком. Он оставался традиционен, хотя каждый век налагал собственную свою физиономию на изображение и характер шрифта. В большом числе встречаются в Риме, всегда изобиловавшем мрамором, в начале XIV века могильные плиты с выгравированными или выпуклыми фигурами. Они принадлежат работе лиц всех состояний. В числе оных фигурируют духовные, рыцари, нотариусы, знатные дамы, купцы, магистраты, даже сенаторы. К концу века окружаются плоские барельефы таких плит большими украшениями. Готическая дарохранильница нередко охватывает голову покойника. Надпись остается исключительно латинской, характер письма так называемый готический, с кое-какими отступлениями. Шрифт ренессанс, т. е. возврат к римскому лапидарному письму, показывается в начале XV века, но наряду с ним продолжает идти и готический.

Отдаленность папского двора отнимала у художников всякую великость монументальных задач. Ни одна не напоминает в Риме об авиньонских папах, кроме Дарохранильницы в Латеране и мраморного поясного бюста Бенедикта XII, воздвигнутого в базилике этому возобновителю крыши у Св. Петра; это

варварское, но очевидное схожее с портретом произведение поныне можно видеть в гротах Ватикана. Лишь с возвращением Святого престола получили художники надежды на новую жизнь. Схизматическим папам воздвигнуты были монументы у Св. Петра. При отстройках его заново они погибли. Об оживлении монументальной скульптуры в Риме уже в конце XIV века свидетельствует целый ряд прекрасно сохранившихся памятников, и как в начале этого века одиноко стоит имя римского живописца, так же точно в конце его — имя скульптора Павла Романус.

Старейший из этих монументов по времени — это гробница кардинала Филиппа д'Алансон из дома Валуа, умершего в 1397 г. и похороненного в S.-Maria in Trastevere. Она помещается возле готической алтарной дарохранильницы, воздвигнутой этим кардиналом. На саркофаге богатый фигурами горельеф изображает Успение Пресвятой Богородицы; чуждая для Рима концепция, между которой и манерой Косматов не достает средних звеньев. Там же стоит гробница кардинала Петра Стефанески Анибальди, свергнутого Сфорцей в августе 1417 г. в замок Ангела. Покойник лежит в могильной нише на саркофаге в виде весьма массивной фигуры; внизу между гербами, шестью красными полумесяцами надпись. На фризе саркофага признаки мозаичирования. Гробница — произведение мастера Павла еще вполне римского пошиба, с отголосками манеры Косматов, хотя готическая изысканность и перешла уже в широкий и грубый реализм. Монумент этот является историческим памятником последнего времени раскола. Кардинал принадлежал к величайшему из родов Трастевере, доставившему блеск этой тогда наиболее предпочитаемой части города. Стефанески, заказавшим мозаический образ Мадонны в трибуне S.-Maria, наверно, обязана была эта главная церковь Трастевере и мозаиками Каваллини.

В S.-Francesca Romana на Форуме стоит гробница кардинала Марино Вулкани из Неаполя, умершего в 1403 г. Расположение монумента схоже с предыдущим, но в верхних полях саркофага помещены варварского стиля горельефы, изображающие Веру, Любовь и Надежду в образе венчанных жен, из коих одна держит церковь, другая подает пилигриму хлеб, третья ловит парящую сверху корону. Фигуры свидетельствуют о регрессе скульптуры, но и об успехе по части принципа рельефных изображений на фронтонах саркофагов. Этой гробницей закончим мы ряд подобных монументов этой эпохи. Они ведут уже в век Возрождения, когда церкви Рима наполнились все более и более великолепными произведениями, в которых отсутствовало, однако, религиозное чувство.

4. Нравы и обычаи в XIV веке. — Прихождение их от простоты к роскоши. — Флоренция и Рим. — Фасон одежды. — Женские моды. — Запрещение роскоши. — Празднества и публичные процессии. — Бой быков в Колоссеуме, 1332 г. — Игры на Тестааччио и на площади Навона. — Командировки от вассальных городов на общественные игры Рима. — Драматические представления. — Ludi Paschales в Колоссеуме

Скудную картину духовной жизни римлян дополним мы некоторыми сведениями об их нравах и обычаях в XIV веке. Если верить некоторым хронистам, то еще в XII веке итальянцы жили в грубой патриархальной простоте. Восхваление Каччаиговидом устами Данте простоты флорентинцев и Рикобальдом всех итальянцев эпохи Фридриха II могут быть преувеличенные, но несомненно то, что более успешное развитие итальянского общества началось лишь с поры установления

сильной государственной жизни в республиках и царственного блеска при дворах тиранов. Проникновение французских нравов в Италию замечается уже со времен Карла I Анжуйского. Виллани приписывал непомерную роскошь в одежде около 1342 г. во Флоренции влиянию прибывших в этот город с герцогом афинским французом. Изменение нравов и мод не может быть объясняемо одними внешними историческими причинами. Каждая нация имеет весьма консервативный контингент обычаев, тем более если они связаны с церковным культом, тогда как прочие формы подвержены моментальному колебанию. Точное определение такой социальной метаморфозы могло бы воспоследовать лишь под условием самого тщательного прослеживания смещения подлежащих элементов. Ввиду невозможности этого принимается обыкновенно критерием времени лишь столетний век. Изменение нравов во Флоренции могло совпасть по времени с таковым же в Риме. Римский один хронист говорит, что люди стали менять одежду, ставшую на каталанский фасон более узкой; что начали носить поверх шапочек шляпы, на пояском ремне карманы по образцу пилигримов и что вошла в моду полная борода, составлявшая ранее того обличительную особенность лишь пустынников и испанцев. Длинное одеяние, считавшееся пристойным и называемое Виллани модой тоги, уступило в XIV веке место тесно облегающей и составленной из пестрых цветов одежды на манер видимой на старых флорентинских картинах. Она называлась кипрской модой. Носили ее даже женщины. Платья их, весьма широкие снизу, делались от пояса вверх узкими и со столь большим вырезом, что грудь была почти совсем обнажена. Снимки гражданской одежды римлян имеем мы лишь на могильных плитах. Однако из числа таковых XIV и XV веков нет ни одной, на которой изображено было бы бородатое лицо, и это указывает, что считавшийся непримичным обычай ношения бороды или редко был, или же вовсе не дозволен на изображениях умерших. Равным образом ни одна надгробная фигура не является в узком одеянии; каждая, напротив, в широком одеянии, в большинстве случаев застегнутом сверху донизу и являющемся вовсе не саваном, но настоящим житейским костюмом, так как на каждой мужской фигуре имеется барет. Женщины носили в изобилии украшения из золота, драгоценных камней и жемчуга, которыми убирались даже платья. Материи были сукно, полотно, шелк и бархат; цвета яркие и определенные. Тщетно магистраты издавали запреты роскоши. Обычай есть сила, с которой весьма трудно бороться закону. Уже в XIII веке кардинал Латин, как легат Романья, воспретил под страхом лишения абсолюции длинные шлейфы. «Это было для женщин горше смерти». Он повелел им благопристойно закутываться. Они подняли вопль, затем появились в тончайших, золотом вышитых вуалях, обольстительнее прежнего. Флорентинская синьория запретила женщинам навешивать на лицо фальшивые из белого и желтого шелка косы, и они осаждали (в 1326 г.) герцогиню калабрийскую до тех пор, пока по ходатайствам их запрещение это было отменено. Ввиду поддержания республиканской умеренности и противодействия обеднению, флорентинцы и другие республики издавали законы против роскоши вообще. Римляне, по всей вероятности, следовали оным, одинаково заимствуя и моды, и запреты роскоши. Одежда знатных римских женщин была, впрочем, так великолепна, что привела в восторг венгерскую королеву, мать Людовика, в 1343 г. посетившую Рим. Римская роскошь не могла, впрочем, соперничать с прочими городами по причине малосостоятельности. Неслыханные празднества, задаваемые Колой народу, несомненно были необычными вещами. Римляне превосходили лишь прочих всех итальянцев духом помпезности и великолепия. Рим был и в Средние века единственным городом, где происходили боль-

шие торжественные зрелища, живо поддерживаемые коронациями императоров и пап и культом церквей.

Сам магистрат римский блистал одеждами, затмевавшими импозантностью своей, благодаря уже нимбу Рима, подобные им в других республиках. Римский костюм времен Коля произвел бы великолепный спектакль в наш век нивелирующей униформенности. Мы имеем подробное описание помпы римских магистратов авиньонской эпохи.

Частые процессии властей верхом в роскошных пурпуровых, бархатных и золотых одеждах давали еще гражданину города возвышающее понятие об общем строе его республики. Происходили они при приемах легатов папских, императора или иных монархов и сенаторов или когда давались общественные зрелища.

Зрелища средневековых римлян не дают, правда, никакого высокого понятия ни об их культуре, ни об их могуществе. Турниры были в то время прекраснейшими праздниками рыцарского духа. В Риме они не привились бы даже и помимо многократных запретов со стороны церкви; они вообще не привились в граждански-цивилизированной Италии. Но аристократия римская доставляла себе варварское, предков ее достойное удовольствие — бороться с быками. Она устроила 3 сентября 1332 г. бой быков в Колоссеуме. Судя по этому, там должны еще были сохраниться много зрительных рядов или вполне или настолько, что могли быть поправлены плотничьими работами. Мусор и осколки, наверно, покрывали арену; но бой происходил пеший. Мы имеем описание этого боя быков; оно дает нам мимолетные очертания молодых людей и прекрасных дам, блиставших в тогдашнем римском обществе, и целое, подобно метеору, пронесится перед любопытными нашими очами. Как и в античные времена, так и теперь распределялись сидения по рангу. Знатные дамы сидели на крытых красным балконах, предводимые по кварталам тремя дамами, прекрасной Жаконой де Вико, Савеллой Орсини и одной дамой из дома Колонн. Народу предоставлено было занимать места как попола. Рыцари-борцы (приглашены были и иностранцы) носили на забралах цвета своих дам и девизы вроде следующих: «Я один, как Гораций; я Эней для Лавинии; я раб римской Лукреции». Орсини, Колонна, Савелли, Анибальди, Асталли, Капоччи Каффарелли, Конти, Патрески, Альтиери, Корси, Манчини взошли на арену без лат, со шпагами и копьями. Каждый напал на своего быка. Бой был серьезный, на манер любого античного боя гладиаторов. Прекрасные дамы могли восторгаться безумным геройством своих поклонников и оплакивать 18 благородных юношей, лежащих пронзенными рогами быков на арене. Их предали торжественному погребению в С.-Мария Маджиоре и в Латеране. Столь смертоносная игра соответствовала дикости тогдашнего поколения. В ту же самую эпоху даваемы были в Неаполе перед глазами двора кровавые бои гладиаторов, с отвращением виденные и описанные Петраркой. Неизмеримо привлекательнее был в начале XIII века пурпурный замок Тревизо, в котором прелестные женщины весело обороняли себя и свои уборы и отдавали юношам, завоевывавшим эти сокровища при помощи букетов, конфет, стекляночек с бальзамами и веселого обхождения. Привлекательнее были и праздничные бригады флорентинцев с игрой на лютне, танцами и пирами, о чем так часто рассказывают нам Виллани и новеллисты.

В Риме происходили ежегодные народные игры, более дубоватые, чем красивые. Во время карнавала, иногда же и при иных случаях, устраиваемы были они на Монте Тестаччио и на площади Навоне. В Средние века римский карнавал далеко отошел от характера, столь сильно прославившего этот праздник масок. И старые римляне с удивлением взирали бы на те празднества, до степени которых

упали цирковые их игры, и на сенат, с помпой отправлявшийся на «гору обломков» для того, чтобы торжественно водрузить на поляне хоругвь Рима и подать сигнал к открытию грубых игр. К открытым тележкам привязывали свиней; их скатывали с Тестаччио, причем искусные игроки боролись за эту добычу. Каждый квартал приводил на бой осыпанного цветами быка. Его сменяли игры в копья и состязания борцов, в заключение же шел обычный во всей Италии бег впуска с награждением победителя (*bravium*) куском сукна (*pallium*). Монте Тестаччио со своим *Caprus* принадлежал с незапамятных времен приорату С.-Марии на Авентине, которому за пользование народ римский ежегодно платил по флорину золотом. Равнина кругом была пастбищем для скота; место праздника простиралось вплоть до старой башни на Авентине. Известна была легенда, что загадочный холм образовался из осколков ваз, в которых народы приносили дань свою в Рим. Она изображаема была 29 июня 1473 г. и, вероятно, не впервые, кортежем, в котором фигурировали сто богато украшенных и нагруженных данью мулов.

Также игры и на Навоне, древнем *Circus Agonalis*, состояли из колотия копьями, и в особенности из процессии масок, производившихся позднее, в XV и XVI веках, с большим великолепием, ибо кварталы города привозили триумфальные колесницы, на которых разыгрываемы были мифологические и исторические сцены древности.

Для обоих празднеств поставляли кварталы испытанных борцов. Их законная цифра, по статутам 1580 г., равнялась 72. К ним присоединялись игроки из других городов, ибо празднества эти имели для Рима, как и в древности, политическое значение. Депутаты из вассальных городов Капитолия с их знаменами и паллиями являлись для римлян некий еще призрак старолатинского господства и данничества подданных и союзников. Покоренные места должны были обязываться договорами командировкой на римские игры. Так, с 1300 г. ежегодно Тосканелла высылала восемь игроков, и такую же точно дань требовал Капитолий от Веллетри, Тиволи, Корнето, Террачины и других общин римской области. Они противились этому дорогостоящему символу подданства, и папы многократно воспрещали сенаторам добиваться нарядов на игры Рима вооруженной силой.

Расходы празднеств были значительны; помимо подвластных мест, развешивались они по кварталам, и ежегодно платили евреи в Риме в виде праздничной дани 1130 гульденов золотом; 30 прямо, в виде карательного напоминания о цене Иуды. Иногда даваемы были при этих играх и драматические представления духовного характера, так называемые репрезентации (*representationes*). Римский один хронист повествует, что 18 февраля 1414 г. представлены были на Тестаччио игроками (*locatores*) квартала Монти распятие св. Петра и обезглавление св. Павла. При этом едва ли может идти дело о настоящих актерах; это были простые граждане, практиковавшиеся на таких сценах. Римские *Ludi Paschales* произошли от братств, именно от братства *del Gonfalone*. Полагают, что подобные представления Страстей даваемы были на Колоссеуме уже после 1250 г. По крайней мере, происходить стали они со времени перехода амфитеатра этого к братству. Оно владело там воздвигнутой в античном подиуме и посвященной *Magia della Pietà* капеллой. Ее крыша, составленная из бывших рядов сидений, служила сценой, на которой долгое время в каждый четверг на Пасхе представляемы были Страсти Христовы. Стечение было столь велико, что Колоссеум переполнялся массами народа, как в античные времена. В дни, когда давали там блестящие праздники изнеженному народу римскому Коммод или Адриан, конечно, никому не могло прийти в голову, что настанет некогда время, когда тысячи напол-

нят разваливающееся великолепное здание, чтобы с набожным благоговением присутствовать при изображении крестной смерти Христа Спасителя, причем театром служила нара сидений.

5. Петрарка и монументы древности. — Уничтожение их выжиганием извести. — Сетования Хризолораса об участи статуй в Риме. — Вкус к пластике водворяется лишь после возрождения античной науки. — Публичные бюсты в Риме. — Отыскание группы Нила. — Архитектура. — Перечисление античных сооружений Петраркой. — Фаццио дельи Уберти. — Взгляд и отчет о Риме Поджио. — Храмы. — Порттики. — Театры. — Цирки. — Форумы. — Термы. — Водопроводы. — Триумфальные арки. — Колонны. — Мавзолеи. — Мосты. — Стены. — Ворота. — Холмы. — Общая картина Рима. — 13 кварталов, их имена и гербы. — Новые и старые улицы. — Постройка домов. — Римский колоннадный дом в Средние века. — Готика в XIV веке. — Число населения Рима. — Запущение Кампаньи

В начале Средних веков местами раздавались элегические сетования на упадок города. В XIV веке Петрарка первый во имя итальянского национального чувства и уважения древности возбудил протест против разрушения его. Мы видели, как он обрушивал виновность в разорении Рима на разбойническую знать, продолжавшую разрушительное дело готфов и вандалов, своих предшественников. Но наравне с аристократами вели войну и все прочие римляне, грабившие бездомовные древности и истреблявшие или продававшие любителям колонны, архитравы, мраморные всякого рода изваяния. Известковые печи поглощали ежедневно бесчисленный мрамор. «Статуи, — так писал Хризолорас, — лежат разбитые во прахе или обжигаются на известь или же обращаются на кирпич; счастливее еще такие изваяния, которые употребляются в виде подножки при взлезании на лошадь, в виде цоколя для стен и сенных ясель». Образованный грек утешал себя, впрочем, мыслью, что многие статуи лежат еще в кустарнике или в мусоре. Там ждали они своего востания. Но гуманисты открыли классические статуи позднее классических кодексов. Потребность строительного искусства назрела лишь по удовлетворении научного стремления. Петрарка в Риме не углублялся в созерцание красот какого-либо произведения классического искусства. Лишь по усвоении Аристотеля и Платона последовало понимание Фидия и Праксителя, и, помимо того, легче было извлекать рукописи из монастырской пыли, нежели статуи из-под мусора терм. Во времена Поджио найден был у Минервы знаменитый лежащий Нил во время случайных производимых для садки деревьев раскопок. Прискучив многочисленными посетителями, владелец участка снова спокойно прикрыл землей это чудо искусства. Пятьдесят лет спустя это ему не было бы уже более дозволено.

Невзирая на вековое уничтожение, стояли еще в XIV веке статуи в Риме, в пользу чего, по-видимому, свидетельствует и Кола ди Риэнци. Неужели же все эти творения искусства в самом деле погибли в начале XV века, за исключением пяти? Ибо столько и не более насчитывал Поджио в числе единственно уцелевших. Эти последние бессмертные пять были: оба укротителя коней, две лежащие фигуры в термах Константина и, наконец, Марфорнио на Капитолии. Из бронзовых статуй оставалась лишь одна — Марк Аврелий на коне у Латерана, и его-то счел Поджио за Септимия Севера.

Еще в худшем положении, чем статуи, которые все же находились под благодетельным покровом земли, оказывались монументы архитектуры, ибо из оных ни один наподобие статуй не достался потомству неповрежденным. Послушаем, что

говорит Петрарка: «Где Термы Диоклетиана и Антониновы, Кимвр Мария, Септиционий и бани Севера? Далее, что наиболее трудно выговорить, где Форум Августина и храм Марса Ультора, где храмы Jupiter Tonans на Капитолии и Аполлона на Палатине? Где его портик и греческая и латинская библиотеки? Где другой портик и базилика Кая и Люция, и третий портик Ливии и театр Марцелла? Где храм Геркулеса и Муз Марция Филиппа, Дианы Люция Корнефия, вольных искусств Азиния Поллио, Сатурна Мунация Планка, театр Бальба, амфитеатр Сатилия Тавра? Где бесчисленные произведения Агриппы? Где многочисленные роскошные дворцы монархов? В книгах находишь ты имена их. Но стань разыскивать по городу, и не разыщешь ничего или ничтожные лишь остатки от них. Когда бы великий Август не оставил после себя ничего, кроме зданий, то слава его погибла бы давно. И не одни только храмы обрушились на своих созидателей, но и другие святыща поклонения в наше время упали или столь поколеблены, что едва поддерживаются своей тяжестью, за исключением одного Пантеона Агриппы». Отсюда следует ясно: в великом и в целом сократился старый Рим уже в XIV веке до тех остатков, которые уцелели и поныне.

Весьма сильно приходится сожалеть, что Петрарка не описал город собственно своего времени. В одном письме к Иоанну Колонне де С.-Вито, казалось, намеревался он это сделать, но тотчас же воскликнул: «Куда я увлекаюсь? Мог ли бы я на малом сем листе описать Рим?» В письме своем поименовывает он много монументов и при каждом указывает вкратце связуемые с оным воспоминания; так поступает он и относительно мест христианских преданий. Это все еще созерцательная манера Мирабиллий, обнаруживающаяся и у Фацио дельи Уберти, современника Петрарки, в его космографическом стихотворении *Dittamondo*. Солин сопутствует ему, и сибиллическая матрона *Roma* показывает ему некоторые из городских монументов, но сам он черпает сведения свои из Мирабиллий. Не менее общ обзор Рима Хризолорасом в письме его к императору Иоанну.

Благодаря лишь сочинению Подджио имеем мы возможность определить ряд уцелевших в начале XV века главнейших монументов Рима. Сентиментальное воззрение и сцена, в которой изображает себя зритель Подджио, имеют вечную жизненность для мира развалин Рима. И здесь в конце этой истории может вспомнить читатель о Клавдиане. Тысячелетний промежуток лежит между последним языческим поэтом, бросавшим с Палатина дивящиеся, но слегка уже подернутые меланхолией взоры на тронутое чуть-чуть великолепии Рима, и флорентинским пробудителем классической древности взиравшим среди разбитых колонн храмов с Капитолия на «истлевшую и неузнаваемую исполинскую утробу» старого Рима. Подджио и друг его Антоний Лускус оплакивали гибель властелина Вселенной, лишенного ныне величества империи и впадшего в самое низкое рабство. Это старые жалобы; но если в душе Гильдеберта Турского смягчаемы были они утешительным взором на владычество князя-апостола, заступившего на место Цезаря, то зато у гуманиста Подджио не встретила уже христианская идея ни малейшего отзвука. Изображаемый им город руин есть, видимо, Рим XIV века, и отзыв его о сохранившемся в ту пору согласуется с Петрарковым. Важно воспоставить монументы, виденные и перечисленные Подджио.

Храмы: *Templum Pacis* на Форуме (базилика Максентия); в то время уже руина о трех арках, с колонной, помещенной Павлом V перед *S.-Maria Maggiore*. Храм Ромула или остатки его в С. С. Космы и Дамиана. Остатки колонн храма Антонина и Фаустины, служащие с незапамятных времен притвором *S.-Lorenzo in Miranda*. Остатки храма Венеры и Рима у *S. Francesca Romana* (тогда еще *Maria Nuova*), ошибочно считаемого Подджио храмом Кастора и Поллукса. Храм Весты у

Тибра: Поджио забывает храм *Fortuna Virilis*. Храм Юпитера Статора (в то время Св. Николая в Статоре и ныне более невидимый). Храм Аполлона в Ватикане, в то время С.-Петрониллы. Всецело перестроенный Пантеон. Большие остатки портика храма Минервы у доминиканского монастыря, разрушенные на глазах у Поджио ддя выжигания извести римлянами. Одинаковая судьба постигла храм с восемью колоннами на Капитолии. Храм Конкордии также лежал на земле, ибо Поджио умалчивает о нем, а от храма Сатурна видел еще три колонны, считаемые им, вместе с другой группой из трех колонн на форуме, остатками моста Калигулы. Неизвестно, погибли ли все эти храмы *Clivus Capitolinus* уже ранее или же при первой перестройке Капитолия Бонифацием IX. Что касается Табулариума, подземелья сенатского дома и тогдашнего соляного магазина, то едва ли Поджио видел из них более видимого нами теперь.

От портиков на Рыбной площади и поблизости ее видел он еще больше остатков и дал им имена Меркурия и Зевса. В то время расположены были там сады. Равно возвышались еще у Квиринала остатки портика, ныне более невидимые.

Театры и амфитеатры. Театр Марцелла, в то время уже осколок; обломки театра Помпея, застроенные домами; театры Бальба и Тавра, погибшие; *Amphitheatrum Castrense*, заключенный уже в городскую стену; Колоссеум, «в большей части разрушенный римлянами, по простоте, на выжигание извести». В XIV и XV веках был Колоссеум окружен домами и церквями, построенными все из его материала. По направлению к улице С.-Кlemente стояла *S.-Giacopo del Coliseo* (ныне сенной магазин). Затем были церкви *Salvator de Rota Colisei*, *Salvator de Insula et Coliseo* и *Sant. Quadraginta Colisei*. По направлению к арке Тита стоял дворец Франджипани с зданиями, смежными с амфитеатром. По воследовании в авиньонскую эпоху низвержения аристократии Колоссеум сделался собственностью римского народа. В 1381 г. по дарственной сената перешла третья часть его к капелле *Sancta Sancio-pum*. Поньше еще на одной из внутренних арок виднеется мраморный герб братства, и на основании этого можно заключать, что оба восточных наружных ряда ограды уже были повалены на землю, и это, быть может, со времени землетрясения 1349 г. Камни растасканы были как строительный материал; с соизволения сената могли быть продаваемы и сами травертинские квадраты стоящих еще частей. Влиятельные магнаты без труда получали разрешение на пользование античными монументами. Павел Орсини получил таковое в 1413 г. от Иоанна XXIII на одно древнее строение на Кананарии, у Палатина. Жалоба Поджио на умышленное разрушение Колоссеума является несомненно основательной.

Из цирков называет он *Maximus* поросший болотами и от которого оставались едва кое-какие обломки. Мусор совершенно застилал оба обелиска; арка Тита развалилась. В цирке Максентия (он называет его гипподромом на *Via Appia*) видел Поджио обелиск, лежавший в четырех кусках.

Форумы распознаваемы были с трудом. Римский порос мусором и побегами растений. Ряд домов стоял между арками Тита и Севера; из оных 200 снесены были лишь при Павле III, когда он пролагал для въезда Карла V ведущую и поньше через форум дорогу. Там бродили кругом быки и свиньи. От Комициума видел еще Поджио, согласно утверждению его, стену со статуями.

От терм уцелели остатки, больше нынешних, но совершенно без украшений, как сетует Поджио. От Константиновых стоял еще остов; от терм Александра Севера на Пантеоне видел еще Поджио внушительные обломки. Термы Домициана у С. Сильвестра и Мартина едва ли более были видны.

Из водопроводов тек в то время в город один лишь *Aqus Virgo*.

Триумфальные арки. Септимиеву, Титову и Константинову называет Поджио почти неповрежденными. Он упоминает об арке у S.-Lorenzo in Lucina (Домициана или Марк Аврелия, в просторечии Триполи) и о так называемой Клавдия (на Piazza Seiağa); сверх того об арке Галлиэна и об остатке от арки Нервы Траяна, далее об арке Лентула на Авентине.

Колонны Траяна и Антонина стояли неповрежденные. Пирамида в Борго (Meta Romuli) стояла еще, лишенная своих украшений. Поджио удивлялся, что ученый Петрарка мог счесть пирамиду Кая Цестия, невзирая на надписи ее, за гробницу Рема. Мавзолей Августа усажен был репой. Мавзолей же Цецилии Метеллы был на глазах у Поджио разрушен в большей части с целью выжигания извести.

Мосты. Сообщение ограничивалось в то время мостом Ангела, двумя островными и сенаторским. Яникульский (Ponte Sisto) лежал разломан: исчезли триумфальный, ватиканский и сублицийский.

В стенах Рима, «ветхой заплатамной хламиде из кусков мрамора, камней, осколков и кирпичей», не нашел более Поджио и следов древности. Он обошел их и нашел, что в окружности составляли они около 10 миль, не считая Леонину. Он насчитал 379 башен, и его исчисление было первое, сделанное со времен Мирабиллий. В употреблении было, как и ныне, тринадцать ворот.

Все холмы Рима были пустынные и заброшены и насыщены лихорадочными испарениями. На них возвышались, подобно сельским церквям в Кампанье, одинокие монастыри и церкви. Капитолий представлял, несмотря на дом сената, груду обломков, полную виноградников и сора; Палатин был так опустошен, что «не имел более лица». Но стояли еще там могучие остатки Септициониума Севера.

Такова картина Рима в начале XV века, даваемая Поджио. Она не точна, так как в ней недостает некоторых уцелевших еще монументов. Но если уже в то время античный Рим был почти равен нынешнему его состоянию, по крайней мере по численности и величине содержимого, то зато живой город сам носил совсем другой характер. Для восстановления такого пришлось бы нам стереть все, построенное со времен Мартина V и Евгения IV. Картина Рима в XIV веке соответствовала бы в общем таковой же XIII, но явила бы еще большее разорение дворянских замков и церквей ввиду усилившегося зарастания и одичания иных местностей. Фантазия бессильна нарисовать величественную пустыню, на которую взирали Петрарка с Терм Деоклетiana, а Поджио — с Капитолия. Необъятный этот мир с его холмами, увенчанными уединенными церквями, с его пустынными полями, с массами развалин старого и нового Рима и с разбросанными комками улиц походил на далекий ландшафт из равнин и высот, которому придавали единство одни лишь древние стены Аврелиана. Рим представлял тогда смешение в развалинах двух мировых эпох: языческой древности и христианских Средних веков. Едва ли для фантазии может быть что-нибудь завлекательнее этого лицемерия Рима в трех его периодах: во время высшего его блеска при Адриане, в среднюю эпоху Карла Великого и в глубочайшем его упадке в конце XIV века.

Город обнимал в то время 13 кварталов. Официально появляются названия их впервые в конце XIV века, и притом в нынешнем уже порядке последовательности: I. Eegio Montiuiii. II. Tritii (неизвестно, произошло ли оно от Tivio). III. Cohinae (от колонны Антонина). IV. Campi martis. V. Pontis (от моста Ангела). VI. Pario-nis (от руин театра Помпея). VII. Areaulae (Регола, от песчаного берега реки). VIII. S. Eustachii. IX. Pinea (от пинии или яблока пинии). X. Campitelli (от Капитолия). XI. S.-Angeli (от церкви этого имени). XII. Ripae (от берега Тибра). XIII. Transtiberis. Античное кварталное разделение вместе со своими названиями посте-

пенно и давно исчезло вследствие изменившихся улиц и местностей. Средневековый Рим имел в более отдаленные времена 10 кварталов. Когда город снова сделался населеннее, возросли они до 12 по его сторону Тибра, к которым затем примкнул 13-й Трастевере. Едва ли подвержено сомнению производство нового этого подразделения после 1143 г. Наконец, установились, в продолжение XIII века, поныне сохранившиеся названия кварталов.

Каждый квартал имел капитана (*Capoione*), пользовавшегося в нем юрисдикцией. Все капориони избирали председателем своим приора. Каждый квартал имел свое знамя, и эти эмблемы возникли, несомненно, уже ранее XIII века. I квартал поныне имеет три зеленые горы на белом поле; II — три меча на красном; III — колонну на красном; IV — полумесяц на голубом; V — мост с башнями на красном; VI — красного грифа на белом; VII — белого оленя на голубом; VIII — изображение Христа посреди оленьих рогов на красном, согласно легенде о св. Евстафии; IX — пиниевое яблоко на красном; X — черную драконовую голову на белом; XI — ангела на белом (древнейший герб был белая рыба на голубом); XII — колено на красном поле (символ *via Arria*); XIII — львиную голову на красном поле.

Из этих кварталов наиболее населенные в XIV веке были: Понте, Парione, Пинеа и Трастевере.

Каждый квартал обнимал множество улиц (*contrata, via, vicu's*) и площадей (*platea, piazza*, иногда *campus*, когда они бывали очень велики и похожи на поле). О поддержании их имели попечение уже в XIII веке *magistri viarum Almae urbis*, учреждение, напоминавшее древних эдилов. В Риме не существовало почти никакой другой мостовой, кроме античной; несколько улиц шли еще по старому направлению, как то: *Suburra, Caput Africae, Merulana, via Lata, Sia in Silice, Ascensa, Clivus Scauri Maguanapoli*. Имена их были заимствованы от монументов, родов, башен, церквей, цехов и других локальных особенностей. Нельзя представить себе всю беспорядочность этих улиц. Они прерываемы были мусором, болотами и пашней.

Римские дома этого времени состояли обыкновенно из кирпичей, будучи выстроены из осколков Рима. Однако они имели много деревянных запоров, как то поныне видно в Трастевере. Их балконы, ложи и портики суживали еще более извилистые закоулки. В таком виде король Ферранте видел в 1475 г. Рим; он посоветовал Сиксту IV расширить улицы. Подвалы знатных домов состояли из римских арок, покоившихся на колоннах. Их брали от античных монументов; обрезали роскошнейшие мраморные или гранитные колонны для пригнания к размерам дома. Рим был вообще наиболее богатый колоннами город. В XIII и XIV веках, и еще гораздо ранее, походили улицы Рима с их колоннадами на теперешнюю Болонью. И поныне можно еще кое-где составить себе ясное понятие об этом стиле, наилучше же всего в Реголе, одном из древнейших кварталов города вообще. Находимые там во многих домах вделанными в стены колонны происходят из театра Бальба, снабжавшего материалом эту местность. Так снабжали театр Марцелла, *Circus Flaminius*, театр Помпея, зала Октавии и другие великие монументы своего округа камня и колоннами, как то поныне можно распознать на многих домах. Готика внесла в римский дом с колоннами, в круглом арочном стиле некоторые разнородные орнаменты, и таковые ограничивались отделанными, в большинстве случаев черным перепином окнами. Такие полуготические окна были во всеобщем употреблении в XIV веке. Их сохранилось много и до сего времени.

Как велико было в ту эпоху число жителей города, неизвестно. Мнение, будто при Григории XI оно равнялось лишь 17 000 душ, должно быть отклонено, как ничем не подтверждаемое. Но и замечание Петрарки, что по причине великого объе-

ма Рим кажется пустым, хотя и вмещает «несметное» население, преувеличено. Коль скоро статистически доказано, что насчитывалось в городе в начале XVI века 85 000 и в 1663 г. 105 433 жителя, то как же можно верить, чтобы в эпоху глубочайшего упадка мог он быть более населен?

Такая же точно тьма царит относительно дел Кампаньи. *Ager Romanus* был в то время столь же глубоко пустынен, как и в настоящее время. Пастухи перебирались уже со своими стадами овец с Аbruцц на равнины Рима на зимовку, как и ныне. Это доказывает, что земледелие на них не существовало более.

ОБ АВТОРЕ

Фердинанд Адольф Грегоровиус родился 19 января 1821 года в Нейденбурге (Восточная Пруссия) в семье адвоката. С детства он интересовался историей и литературой. Закончив гимназию в 1841 году, поступил на факультет теологии и философии в Кенигсбергском университете, а в 1843 году защитил диссертацию на тему исследования философских взглядов Плотина.

Его деятельность становится крайне разнообразной — он работает редактором в кенигсбергской газете, преподает историю в частной гимназии, не оставляя при этом и научной работы в Кенигсбергском университете. Но все же главным предметом его научных интересов на протяжении всей его жизни всегда оставалась культура и история средневекового Рима.

В 1852 году Грегоровиус предпринимает путешествие в Италию и по дороге останавливается на Корсике. В 1854 году выходит в свет его исторический труд под названием «Корсика», который сразу привлек внимание научной общественности к его исследованиям. Свои итальянские впечатления он изложил в книге «Годы странствий по Италии».

Свой основополагающий труд «История города Рима в Средние века» он создает на протяжении тринадцати лет, с 1859 по 1872 год. Эта книга стала классическим образцом исторического исследования, посвященного истории Средних веков и Раннего Возрождения. Общинный совет города Рима взял на себя труд издать за свой счет перевод этого произведения и избрал Фердинанда Грегоровиуса почетным гражданином города Рима, несмотря на то, что по своим религиозным взглядам он всегда принадлежал к числу тех протестантов, для которых «папы всегда были злейшими врагами». Таким образом, он стал первым протестантом, удостоенным подобного звания.

Фердинанд Грегоровиус пишет биографии Лукреции Борджиа и папы Александра VI, императора Адриана, а его труд по истории Византии получил мировую известность.

В 1889 году выходит его новая книга «История города Афин в Средние века», замечательное по своей полноте произведение, в котором последовательно, столетие за столетием, излагаются основные документы, описывающие историю Афин и

Греции. Эта книга стала завершающим трудом этого замечательного немецкого историка и культуролога, внесшего столь значительный вклад в сокровищницу мировой исторической мысли.

Скончался Фердинанд Грегоровиус 1 мая 1891 года в Мюнхене.

Работа над переводами «Истории города Рима в Средние века» Фердинанда Грегоровиуса на русский язык предпринималась дважды. С 1886 по 1888 год вышли в свет шесть томов, состоящие из 12 книг в переводе В. И. Савина. В 1902 году была предпринята еще одна попытка ознакомить российских читателей с трудами знаменитого немецкого историка, но уже с дополнениями немецкого перевода купюрами из нового издания, выпущенного на итальянском языке. Работа продолжалась с 1902 по 1912 год, но в свет вышли только пять томов, содержащие 10 книг, в переводах М. П. Литвинова и В. Н. Линде. Первая мировая война помешала закончить работу над обновленным и дополненным переводом.

Настоящее издание максимально полно передает все тонкости монографии Фердинанда Грегоровиуса «История города Рима в Средние века» и включает первые пять томов, сделанных по немецкому изданию, с дополнениями по новому (1900 г.) итальянскому переводу, и шестой том — по изданию 1886 года.

От редакции

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

В ряду исторических монографий одно из почетных мест принадлежит труду Ф. Грегоровиуса, знаменитого ученого, посвятившего свою научную деятельность изучению и исследованию римских древностей.

Имя города Рима всегда представляло захватывающий интерес, и судьба его во всех веках являлась фокусом и средоточием политической и церковной истории, а также культуры и искусства не только для самой Италии, но и для всего цивилизованного мира. Важное культурно-историческое значение имени этого замечательного историка вселяет в меня смелую надежду, что просвещенная публика сочувственно встретит появление на русском языке этого труда Ф. Грегоровиуса и, ради высоких достоинств оною, с снисхождением отнесется к промахам и неискусству перевода.

В пятилетних моих трудах мною руководило глубокое и искреннее желание принести посильную пользу внесением в сокровищницу исторической русской литературы этого перла германской.

Отбрасывая некоторую политическую и религиозную односторонность и тенденциозность воззрений автора, нисколько не обязательных, «Историю города Рима в Средние века» Ф. Грегоровиуса нельзя не признать несомненно монументальным вкладом в область исторической науки, и это-то и навело меня на мысль ознакомления русской публики с трудом немецкого историка.

СП-б., 6 марта, 1886
Переводчик В. И. Савин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том I КНИГА ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

1. План сочинения. — Понятие о городе Рима в древности и в Средние века. . 7
2. Общий вид Рима в последнее время императоров. 14
3. Четырнадцать округов города. 17

ГЛАВА II

1. Состояние памятников в V веке. — Чрезмерная ревность отцов церкви в сокрушении статуй. — Рим в описании Клавдиана. — Охранительные эдикты императоров. — Попытки Юлиана восстановить древний культ и последствия их. 26
2. Отношение императора Грациана к язычеству. — Борьба из-за алтаря Победы. — Усердие императора Феодосия в преследовании языческого культа. — Город еще сохраняет языческий характер. — Падение древней религии во времена Гонория. — Храмы и статуи. — Сведения о числе их. . 29
3. Изменение Рима под влиянием христианства. — Семь церковных округов. — Древнейшие церкви Константина. — Архитектура церквей. 34
4. Константиновские церкви. — Латеранская базилика. — Древнейшая церковь Св. Петра. 37
5. Древняя базилика Св. Павла. — Почитание святых в ту эпоху. — Св. Лаврентий *extra muros* и *in Lucina*. — Св. Агнеса. — 8. Сгух в Иерусалиме. — Св. Петр и Св. Мария Maggiore. — Св. Мария в Транстеверине. — Св. Климент. — Вид Рима в V веке. — Контрасты в городе. 41

ГЛАВА III

1. Въезд императора Гонория в Рим в конце 403 г. — Резиденция императора. — Дворец цезарей. — Последние игры гладиаторов в Амфитеатре. — Отъезд Гонория в Равенну. — Нападение варваров Радагеса и поражение их. — Падение Стилихона. 45

2. Аларих идет на Рим в 408 г. — Демон Алариха. — Предчувствия падения Рима. — Первая осада. — Посольство римлян. — Тусцийское язычество в Риме. — Выкуп за снятие осады. — Гонорий отвергает мир. — Аларих во второй раз перед Римом в 409 г. — Контр-император Аттал. — Поход Алариха в Равенну. — Он в третий раз становится лагерем перед Римом. 48
3. Высший класс и народ в Риме того времени, по сведениям Аммиана Марцеллина и Иеронима. — Языческое и христианское общества. — Число населения в городе. 54

ГЛАВА IV

1. Аларих овладевает Римом 24 августа 410 г. — Город подвергается разграблению. — Торжественная сцена из истории христианской религии. — Снисходительность и пощада со стороны готов. — Аларих покидает Рим через три дня. 58
2. Памятники города не были разрушены готами. — Взгляды историков по этому вопросу. . 61
3. Жалобы о падении Рима. — Иероним. — Августин. — Последствия завоевания Рима. . 63

ГЛАВА V

1. Смерть Алариха в 410 г. — Атаульф становится королем вестготов. — Он уходит из Италии. — Затея графа Гераклиана. — Гонорий вступает в Рим в 417 г. — Восстановление города. — Отъезд Рутилия из Рима. 65
2. Рост римской церкви. — Распри при выборе епископа. — Бонифаций, папа. — Смерть императора Гонория в 423 г. — Валентиниан III, император, под опекой Плацидии. — Вандалы завоевывают Африку. — Сикст III, папа, 432 г. — Построение им новой базилики S. Maria Maggiore. — Ее мозаики. — Богатые приношения. — Роскошь церковной утвари. 67
3. Лев I, папа, 440 г. — Африканские беглецы в Риме. — Ереси. — Смерть Плацидии, 450 г. — Ее жизнь. — Дочь Плацидии, Гонория. — Она призывает Атиллу. — Католаунская битва. — Атиллы вторгается в Верхнюю Италию. — Валентиниан в Риме. — Посольство римлян к королю гуннов. — Епископ Лев перед Атиллой. — Знаменитая легенда. — Удаление и смерть Атиллы. — Статуи капитолийского Зевса и ватиканского Петра. 71

ГЛАВА VI

1. Падение Аэция. — Женский роман. — Убийство Валентиниана III в 455 г. — Максим, император. — Евдоксия призывает Гензериха, короля вандалов. 76

2. Вандалы вступают в Порто. — Убийство Максима. — Лев перед Гензерихом. — Вступление вандалов в Рим в июне 455 г. — Разграбление Рима в течение 14 дней. — Разграбление дворца и храма Юпитера. — Древние сполни Иерусалимского храма. — Их судьба. — Сказания Средних веков. 78
3. Удаление вандалов. — Судьба императрицы Евдоксии и ее дочерей. — Базилика Св. Петра. — Легенда о цепях св. Петра. — Вандалы не разрушили памятников города. — Последствия разрушения города вандалами. 80

ГЛАВА VII

1. Авит, император, 455 г. — Панегирик Апполинария Сидония и статуя в честь его. — Авит свергнут Рицимером. — Майориан, император, 457 г. — Его эдикт о памятниках Рима. — Начало проявления вандализма в римлянах. — Падение Майориана в 461 г. 81
2. Смерть Льва I в 461 г. — Его учреждения в Риме. — Первый монастырь Св. Петра. — Базилика Св. Стефана на *via Latina*. — Открытие ее в 1857 г. — Папа Гиларий, император Север, император Анфимий. — Вступление его в Рим. — Приношения Гилария. 84
3. Процесс Арванда. — Бесплодные походы в Африку. — Высокомерие Рицимера и разрыв его с Анфимием. — Рицимер осаждает Рим. — Третье разграбление Рима в 472 г. — Император Олибрий. — Смерть Рицимера. — Памятник его в Риме. — Св. Агата в Субурре. — Гликерий и Юлий Непот, императоры. — Возмущение германских наемников. — Орест возводит в императоры своего сына Ромула-Августа. — Одоакр овладевает Италией в 476 г. — Конец Западной Империи. 87

КНИГА ВТОРАЯ

*(От начала владычества короля Одоакра до учреждения
эксархата в Равенне в 568 г.)*

ГЛАВА I

1. Правление Одоакра. — Папа Симплиций (468—483). — Постройка новых церквей в Риме. — *S. Stephano rotondo*. — *S. Bibina*. — Одоакр приказывает избрать Феликса III. — Теодорих идет с остготами на Италию. — Падение владычества Одоакра. — Теодорих становится королем Италии, 491 г. 93
2. Спор в Риме о языческом празднестве луперкалий и прекращение этого празднества. — Раскол из-за избрания Симмаха и Лаврентия. — Собор Симмаха в 499 г. 96

3. Базилики — титулы города Рима в 499 г. 97
4. Частное значение римских святых в базиликах-титулах. — Их местное распределение. — Титулы при Григории Великом в 594 г. — Понятие о титулах. — Кардиналы. — Семь церквей Рима.. 100

ГЛАВА II

1. Отношение Теодориха к римлянам. — Прибытие его в Рим в 500 г. — Его речь к народу. — Аббат Фульгентий. — Рескрипты, составленные Кассиодором. — Состояние памятников. — Заботы Теодориха о сохранении их. — Клоаки. — Водопроводы. — Театр Помпея. — Дворец Пинчиев. — Дворец цезарей. — Форум Траяна. — Капитолий. 102
2. Амфитеатр Тита. — Зрелища и страсть к ним римлян. — Охота на зверей. — Цирк, игры в нем и цирковые партии.. 107
3. Заботы Теодориха о продовольствии Рима. — *Roma felix*. — Терпимость к католической церкви. — Иудеи в Риме. — Их самая древняя синагога. — Восстание народа против иудеев. 111
4. Новый раскол в Церкви. — *Synodus palmaris*. — Борьба партий в Риме. — Симмах украшает церковь Св. Петра. — Он же строит круглую капеллу Св. Андрея, базилику Св. Мартина, церковь Св. Панкратия. — Папа Гормиздас, 514 г. — Папа Иоанн I. — Разрыв Теодориха с католической церковью.. 113
5. Процесс и казнь сенаторов Боэтия и Симмаха. — Папа Иоанн принимает на себя посольство в Византию и умирает в Равенне. — Теодорих приказывает избрать папой Феликса IV. — Смерть короля в 526 г. — Легенды о ней. 115

ГЛАВА III

1. Регентство Амалазунты. — Ее гений, ее заботы о науках в Риме. — Ее миролюбивое царствование. — Возрастающее значение римского епископа. — Феликс IV строит церковь Св. Косьмы и Дамиана. — Мозаики этой церкви. — Мотивы почитания этих святых. 119
2. Бонифаций II, папа, 530 г. — Раскол между ним и Диоскором. — Иоанн II. — Осуждение сенатом симонии. — Воспитание и смерть Аталариха. — Теодат делается соправителем. — Судьба королевы Амалазунты. — Планы и замыслы Юстиниана. — Прекращение западного консульства в 535 г.. 123
3. Переговоры Теодата с Византией. — Письмо сената к Юстиниану. — Волнения в Риме. — Римляне отказываются впустить готские войска. — Папа Агапит принимает на себя посольство в Византию. — Смерть Агапита. — Мирные переговоры прекращаются. 126

4. Велизарий вступает в Италию. — Падение Неаполя. — Готы избирают королем Витигеса. — Смерть Теодата. — Готы уходят в Равенну. — Велизарий вступает в Рим 9 декабря 536 г. . 129

ГЛАВА IV

1. Велизарий готовится к обороне Рима. — Витигес с готскими войсками подходит к городу. — Первый приступ. — Приготовления к осаде города. — Готы устраивают шанцы. — Оборона города Велизарием. — Витигес разрушает водопроводы. — Плавучие мельницы на Тибре. — Отчаяние римлян. — Готы требуют сдачи города. — Приготовления к штурму города . 131
2. Общий штурм. — Нападение на porta Praenestina. — Murus ruptus. — Штурм мавзолея Адриана. — Греки разрушают в нем статуи. — Повсеместная неудача штурма. 134
3. Продолжение осады. — Предсказания об исходе войны. — Языческие воспоминания. — Храм Януса. — Tria Fata. — Две латинские песни этой эпохи. — Заботы Велизария об учреждении караулов в Риме. 136
4. Изгнание папы Сильверия. — Голод в Риме. — Человечность готов. — Витигес занимает римскую гавань. — Portus и Ostia. — Прибытие подкреплений в Рим. — Готы отбивают вылазку. — Нужда в Риме возрастает. — Окопы готов и гуннов.. 139
5. Бедствия готов. — Посольство их к Велизарию. — Вступление войск и прибытие провианта в Рим. — Перемирие. — Нарушение его. — Отчаяние готов. — Отступление их от Рима в марте 538 г. . 142

ГЛАВА V

1. Велизарий в Равенне. — Нечестный поступок его с готами. — Тотила провозглашается королем в 541 г. — Его быстрые успехи. — Поход его на юг. — Он овладевает Неаполем. — Письмо к римлянам. — Он идет на Рим. — Он овладевает Тибуром. — Вторая осада Рима готами летом 545 г. — Велизарий возвращается в Италию. — Гавань Порто. — Лагерь готов. 145
2. Папа Вигилий отзывается в Византию. — Готы захватывают сицилийский флот с хлебом. — Нужда в Риме. — Дьякон Пелагий идет послом в лагерь готов. — Римляне в нужде и отчаянии обращаются к Вессасу. — Ужасное состояние города. — Велизарий вступает в Порто. — Неудачная попытка освободить Рим. — Тотила вступает в Рим 17 декабря 546 г. — Вид опустевшего города. — Разграбление. — Рустициана. — Милосердие Тотилы. 149
3. Речь Тотилы к готам. — Он собирает сенат. — Он грозит разрушить Рим. — Письмо Велизария к Тотиле. — Нелепость рассказов, что Тотила

разрушил Рим. — Проризание Бенедикта. — Тотила уходит из Рима. —
Город покинут всеми.. 154

ГЛАВА VI

1. Велизарий вступает в Рим. — Он восстанавливает городские стены. — Вторая защита Рима, 547 г. — Тотила идет к Тибуру. — Иоанн захватывает римских сенаторов в Капуе. — Быстрый поход Тотилы в Южную Италию. — Велизарий покидает Рим. — Его памятники в городе. 156
2. Велизарий блуждает в Южной Италии и наконец возвращается в Константинополь. — Тотила в третий раз подходит к Риму в 549 г. — Состояние города. — Вступление готов. — Греки в мавзолее Адриана. — Рим снова заселяется. — Последние игры в цирке. — Тотила покидает город. — Готы на море. — Нарзес-главнокомандующий. — Предзнаменование в Риме. — Указания того времени на некоторые памятники. — Площадь мира. — Корава Мирона. — Статуя Домициана. — Корабль Энея. — Нарзес у подошвы Апеннин. — Гибель Тотилы при Тагине в 552 г. . 159
3. Тейас — последний король готов. — Нарзес берет Рим приступом. — Мавзолей Адриана капитулирует. — Гибель римского сената. — Укрепления готов в стране взяты. — Нарзес идет в Кампанию. — Геройская смерть Тейаса весной 553 г. — Капитуляция готов на поле битвы у Везувия. — Удаление тысячи готов под начальством Индульфа. — Взгляд на владычество готов в Италии. — Незнакомство римлян с готами и с историей развалин Рима. 163

ГЛАВА VII

1. Вторжение полчищ Буцелина и Левтара в Италию, истребление их. — Триумф Нарзеса в Риме. — Капитуляция готов в Компсе. — Состояние Рима и Италии после войны. — Прагматическая санкция Юстиниана. — Большое значение римского епископа. — Сенат. — Общественные учреждения. — Смерть папы Вигилия. — Папа Пелагий, 555 г. — Его очистительная клятва. 168
2. Пелагий и Иоанн III строят церковь апостолов в округе Via Lata. — Упадок Рима. — Две надписи, как памятники Нарзеса. 173
3. Нарзес попадает в немилость. — Он удаляется в Неаполь, но по просьбе папы Иоанна возвращается обратно в Рим. — Смерть Нарзеса, 567 г. — Объяснения похода лангобардов в Италию. — Альбоин основывает государство лонгобардов в 568 г. — Возникновение экзархата. — Греческие провинции Италии. — Управление Рима. 175

Том II КНИГА ТРЕТЬЯ

(От начала правления экзархов до начала VIII века)

ГЛАВА I

1. Упадок Рима. — На развалинах империи создается римская церковь. — Св. Бенедикт. — Субиако и Монте-Касино. — Кассиодор делается монахом. — Начало и распространение монашества в Риме. 181
2. Успехи лангобардов в Италии. — Они доходят до самого Рима. — Бенедикт I, папа, 574 г. — Пелагий II, папа, 578 г. — Лангобарды осаждают Рим. — Разрушение Монте-Касино, 580 г. — Учреждение первого бенедиктинского монастыря в Риме. — Пелагий II просит помощи у Византии. — Григорий, нунций при дворе императора. — Наводнение и чума, 590 г. — Смерть Пелагия II. — Постройка им церкви Св. Лаврентия (S.-Lorenzo).. 186
3. Избрание папой Григория I. — Его прошлое. — Чумная процессия. — Легенда о появлении архангела Михаила над памятником Адриана. 191

ГЛАВА II

1. Посвящение Григория в папы. — Его первая проповедь. — Враждебные действия лангобардов против Рима и его бедственное положение. — Надгробное слово Григория Риму. — Григорий платит лангобардам выкуп, и они отступают от Рима. 192
2. Светское управление в Риме. — Императорские чиновники. — Полное молчание о римском сенате. 196
3. Положение Григория в Риме. — Заботы Григория о народе. — Управление церковными имениями. . 199
4. Григорий заключает мир с Агилульфом. — Фока вступает на трон в Византии. — Григорий шлет ему свое приветствие. — Колонна Фоки на римском форуме.. 201

ГЛАВА III

1. Отличительные особенности VI века. — Магомет и Григорий. — Религиозное настроение. — Почитание мощей. — Вера в чудеса. — Григорий освящает готскую церковь Св. Агаты на Субуре. 204
2. Диалоги Григория. — Легенда об императоре Траяне. — Forum Траянит. — Состояние наук. — Обвинения против Григория. — Город все более разрушается. — Усилия Григория восстановить водопроводы. 207

3. Церковная деятельность Григория. — Он стремится установить союз с Римом германского Запада. — Он присоединяет к христианству Англию. — Смерть Григория, 604 г. — Памятники Григорию в Риме. 212

ГЛАВА IV

1. Правление и смерть Сабиниана и Бонифация III. — Бонифаций IV. — Пантеон посвящается Деве Марии. 215
2. Деодат, папа, 615 г. — Восстания в Равенне и в Неаполе. — Землетрясение и проказа в Риме. — Возмущение Элевферия в Равенне. — Бонифаций V, папа. — Гонорий I, 625 г. — Право экзарха Равенны утверждать избрание папы. — Постройки Гонория. — Св. Петр. — Разграбление крыши храма Венеры и Ромы. — Капелла S.-Apollinaris. — S.-Adriano на форуме.. . . . 218
3. Церковь Св. Феодора на Палатине. — Воспоминания древних времен. — Церкви Ss. Quatuor coronatorum на Целии, S.-Lucia in Selce, св. Агнесы за porta Nomentana, S. Vincenzo и Anastasio ad Aquas Salvias и Св. Панкратия. 222

ГЛАВА V

1. Смерть Гонория I, 638 г. — Хартуларий Маврикий и экзарх Исаак расхищают церковное достояние. — Северин, папа. — Иоанн IV, папа. — Латеранский баптистерий. — Феодор, папа, 642 г. — Возмущение Маврикия в Риме. — Смерть экзарха Исаака. — Дворцовая революция в Византии. — Константин II, император. — Патриарх Пирр в Риме. — Церкви Св. Валентина и Св. Евпла. 225
2. Мартин I, папа, 649 г. — Римские соборы против монофелитов. — Покушение экзарха Олимпия на жизнь Мартина. — Феодор Каллиопа силой увозит папу, 653 г. — Смерть Мартина в изгнании. — Евгений, папа, 654 г. 229
3. Виталиан, папа, 657 г. — Император Константин II посещает Италию. — Прием его и пребывание в Риме, 663 г. — Плач о Риме. — Состояние города и его памятников. — Колизей. — Константин грабит Рим. — Смерть Константа в Сиракузах. 231

ГЛАВА VI

1. Деодат, папа, 672 г. — Возобновление монастыря Св. Эразма. — Домн, папа, 676 г. — Агафон, папа, 678 г. — Архиепископ Равенны подчиняется признанию за Римом первенства. — Шестой вселенский собор. — Чума 680 г. — Св. Себастиан. — Св. Георгий. — Базилика in Velo aureo. 235

2. Лев II, папа, 682 г. — Бенедикт II. — Условия, в которых происходило избрание папы. — Иоанн V, папа. — Раздоры при выборах папы после смерти Иоанна. — Конон. — Духовенство, войско, народ. — Сергей I, папа. — Приезд экзарха Платины в Рим, 687 г. 238
3. Сергей отвергает постановления Трулланского собора. — Спатар Захарий посылается в Рим, чтобы захватить папу. — Равеннаты появляются в Риме. — Отношение Равенны к Риму и к Византии. — Иоанникий из Равенны. 241

ГЛАВА VII

1. Св. Петр. — Паломничество в Рим. — Король Кадвалла принимает крещение в 689 г. — Короли Конрад и Оффа принимают монашество. — Приношения, сделанные Сергием, ради украшения церквей. — Гробница Льва I в базилике Св. Петра. 242
2. Иоанн VI, папа, 701 г. — Приезд в Рим экзарха Феофилакта. — Итальянские милиции идут к Риму. — Восстановление монастыря Фарфы. — Гизульф II из Беневента вторгается в Кампанию. — Иоанн VII, папа, 705 г. — Юстиниан II снова вступает на Византийский престол. — Часовня Иоанна VII в базилике Св. Петра. — Пелена Вероники. — Восстановление Субиако. 244
3. Сисиний, папа, 707 г. — Константин, папа, 708 г. — Равенна подвергается наказанию. — Папа едет на Восток. — Казни в Риме. — Возмущение в Равенне под предводительством Георга. — Первый союз итальянских городов. — Филиппик Вардан, император, 711 г. — Римляне не признают его. — Герцогство и герцог Рима. — Гражданская война в Риме. — Дворец цезарей. — Анастасий II, император, 713 г. — Смерть Константина, 715 г. 247

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

*(От посвящения в папы Григория II в 715 г.
до коронования Карла в императоры в 800 г.)*

ГЛАВА I

1. Вступление на папский престол Григория II, 715 г. — Его деятельность. — Бонифаций обращает германцев в христианство. — Лев Исаврянин. — Почитание икон. — Бронзовое изображение св. Петра в Ватикане. . 252
2. Эдикт Льва против иконопочитания. — Сопrotивление Рима и Италии. — Заговор на жизнь Григория. — Римляне и лангобарды берутся

- за оружие. — Восстание против Византии. — Письма Григория к императору.. 252
3. Политика Лиутпранда. — Он завоевывает Равенну. — Он приносит папе в дар Сутри. — Коалиция папы, венецианцев и греков против Лиутпранда. — Поход его на Рим и отступление. — Узурпатор в Тусции. — Смерть Григория II, 731 г. — Григорий III, папа, 731 г. — Римский собор против иконоборцев. — Искусство на Западе. — Постройки Григория III. — Восстановление городских стен. 259
4. Лев Исаврянин посылает армию против Италии. — Он конфискует римские церковные имения. — Папа приобретает Галлезе. — Он заключает союз с Сполето и Беневентом. — Лиутпранд вступает в герцогство. — Григорий ищет помощи у Карла Мартелла. — Смерть Григория III, Карла Мартелла и Льва Исаврянина в 741 г. 263

ГЛАВА II

1. Захария, папа, 741 г. — Его переговоры с Лиутпрандом и поездка к нему. — Новое пожертвование короля лангобардов в пользу церкви. — Второе путешествие папы к Лиутпранду. — Смерть короля. — Ратхис наследует ему на троне в Павии.. 266
2. Верховная власть императора признается по-прежнему. — Мирные отношения к Византии. — Карломан и Ратхис принимают монашество. — Айстульф, король лангобардов, 749 г. — Папа дает санкцию узурпаторству Пипина. — Смерть Захарии, 752 г. — Его постройки в Латеранском дворце. — *Domus Cultae*.. 268
3. Стефан II. — Айстульф овладевает Равенной, 751 г. — Стефан просит помощи у императора и затем у Пипина. — Он отправляется в землю франков. — Помазание Пипина и его сто сыновей на царство, 754 г. — Оборонительный договор с Пипином в Кьерси. — Возведение Пипина в сан патриция римлян. 271
4. Безуспешные переговоры с Айстульфом. — Возвращение Стефана. — Пипин направляется в Италию. — Айстульф соглашается на мир. — Первый дарственный акт Пипина, 754 г. — Король лангобардов снова вступает в римское герцогство. — Осада Рима, 756 г. — Опустошение Кампани. — Разграбление римских катакомб. — Послания Стефана к франкам. — Св. Петр пишет франкским королям.. 275
5. Пипин вступает в Италию. — Айстульф снимает осаду Рима. — Прибытие византийских послов и их разочарование. — Айстульф покоряется. — Дарственная грамота Пипина. — Учреждение церковного государства. —

Смерть Айстульфа, 756 г. — Признание Дезидерия королем лангобардов. — Смерть Стефана, 757 г.. 278

ГЛАВА III

1. Павел I, папа, 757 г. — Послания римлян к Пипину. — Дружественные отношения папы к этому королю. — Дезидерий умиряет возмущившихся герцогов Сполето и Беневента. — Дезидерий вступает в Рим. — Политика Павла I. — Отношения папы и Рима к Византии. — Мир с Дезидерием. 282
2. Постройки Стефана II и Павла I. — Ватикан и базилика Св. Петра. — Первая колокольня в Риме. — Капелла Св. Петрониллы. — Перенесение мощей святых из катакомб в город. — Основание монастыря S.-Silvestro in Capite. 285
3. Смерть Павла I, 767 г. — Узурпация герцога Тото. — Лжепапа Константин. — Контрреволюция в Риме. — Христофор и Сергей с помощью лангобардов овладевают Римом. — Лангобарды подвергают Филиппа заточению в Латеране. — Стефан III, папа. — Террор в Риме. — Суд над узурпаторами. — Смерть Пипина, 768 г. — Латеранский собор, 769 г.. 287

ГЛАВА IV

1. Христофор и Сергей захватывают в свои руки власть в Риме. — Стефан III вступает в договор с Дезидерием. — Король лангобардов подстужает к городу. — Падение Христофора и Сергия; вина папы в их трагической смерти. — Проект двойного брачного союза между лангобардской и франкской династиями. — Направленные против такого союза интриги папы. — Враждебное отношение Равенны к Риму. — Политика франкского двора получает направление, благоприятное для папы. — Смерть Стефана III, 772 г.. 290
2. Адриан I, папа 772 г. — Падение лангобардской партии в Риме. — Враждебные действия Дезидерия. — Падение Павла Афиарты. — Префект города. — Дезидерий опустошает Римское герцогство. — Адриан готовится к обороне. — Удаление лангобардов. 294
3. Поход Карла в Италию. — Осада Павии. — Карл празднует Пасху в Риме. — Подтверждение дара Пипина. — Падение Павии и Лангобардского королевства в 774 г. 296
4. Дар Константина. — Географические границы дара Каролингов. — Сполето; Тусция; Сабина; Равенна. — Притязания Карла на право утверждения архиепископа Равенны в его сане. — Патрициат св. Петра. — Доказа-

- тельство признания папой верховной власти Карла. — Торговля рабами у венецианцев и греков. 299
5. Беневент. — Арихис провозглашает свою независимость. — Война папы из-за Террачины. — Второе пребывание Карла в Риме. — Карл в третий раз посещает Рим. — Поход против Беневента и заключение мира. — Новый дар Карла. — Арихис вступает в переговоры с Византией. — Положение дел в Византии. — Прекращение иконоборства. — Гримоальд, герцог Беневента. 304

ГЛАВА V

1. Положение в Риме. — Разлив Тибра в 791 г. — Адриан исправляет городские стены. — Он восстанавливает Aqua Trajana, Claudia, Jobia и Aqua Virgo. — Заботы Адриана о колонизации Кампаньи. — Положение колоннов. — Domuscultae Адриана. — Caracorum. 307
2. Церковные постройки Адриана. — Ватиканский портик. — Св. Петр. — Латеран. — Св. Павел. — Искусство в Риме. — S.-Giovanni ante portam latinam. — S.-Maria in Cosmedin. — Schola graeca. — Monte Testaccio. 310
3. Науки при Адриане. — Невежество римлян. — Культура лангобардов. — Адальберга. — Павел Диакон. — Школы в Риме. — Духовная музыка. — Исчезновение поэзии. — Стихотворные эпиграммы. — Утрата латинского языка. — Первые зачатки новоримского языка. 314

ГЛАВА VI

1. Внутренние условия жизни Рима и быта римлян. — Три класса народа. — Военская организация. — Exercitus Romanus. — Организация цехов (scholae). — Всеобщность цехового устройства. — Корпорации (scholae) чужестранцев: иудеев, греков, саксов, франков, лангобардов и фризов. 317
2. Гражданское управление города Рима. — Сената уже не существует. — Консулы. — Должностные лица города. — Знать. — Судебное устройство. — Префект города. — Папский двор. — Семь министров двора и другие придворные лица. 321
3. Внутренний строй других городов. — Ducēs. — Tribuni. — Comites. — Герцогство Римское (Ducatus Romanus) и его границы. — Римская Тусция. — Кампанья. — Сабина. — Умбрия. 326

ГЛАВА VII

1. Смерть Адриана, 795 г. — Лев III, папа. — Его посольство к Карлу и договор Карла с Церковью. — Символическое значение ключей от гроба Петра и римского знамени. — Верховная судебная власть Карла в Риме,

- как патриция. — Картина, изображающая согласие между духовной и светской властями. — Мозаики церкви Св. Сусанны. — Мозаика в трапезной (Triclinium) Льва III. 330
2. Заговор против Льва III родственников Адриана и других знатных лиц. — Покушение на жизнь Льва III. — Его бегство в Сполето. — Отъезд Льва в Германию и свидание его с Карлом. — Рим во власти оптиматов. — Совет Алкуина Карлу, как поступить с Римом. — Возвращение Льва в Рим, 799 г. — Суд уполномоченных Карла над обвиняемыми. . 335
3. Приезд в Рим Карла Великого. — Собрание в базилике Св. Петра. — Суд Карла над римлянами и папой. — Очистительная клятва Льва. — Римляне провозглашают Карла императором. — Восстановление Западной империи. — Папа коронует Карла Великого императором в 800 г. — Юридические основы и значение новой имперской власти. 339

Том III КНИГА ПЯТАЯ

(От провозглашения Карла Великого императором до конца 900 г.)

ГЛАВА I

1. Рим занимает новое положение в мире. — Отношения императора и папы к Риму. — Лев снова едет к Карлу. — Ардульф Нортумберландский в Риме. . 349
2. Смерть Пипина в 810 г. — Бернгард, король Италии. — Людовик I возводится в Ахене в сан императора римлян. — Смерть Карла Великого. — Его всемирно-историческое значение. — Отсутствие местных римских сказаний о Карле. 354
3. Возмущения в Риме. — Для расследования их посылается Бернгард. — Смерть Льва III в январе 816 г. — Постройки Льва в Риме. — Характер архитектуры и искусства того времени. — Церкви-титулы и знаменитые монастыри Рима. 357
4. Стефан IV, папа. — Его путешествие к Людовику. — Неожиданная смерть папы. — Избрание и посвящение Пасхалия I. — Грамота Людовика. 360

ГЛАВА II

1. Лотарь становится императором. — Возмущение и падение короля Бернгарда. — Лотарь, король Италии. — Коронавание его в Риме. — Он учреждает здесь императорский трибунал. — Процесс с Фарфой. — Казнѣ

- знатных римлян без суда. — Пасхалий отказывается подчиниться императорской юрисдикции. — Смерть Пасхалия. 362
2. Пасхалий строит церкви Св. Цецилии в Транстеверине, Св. Пракседы на Эсквiline, Св. Марии in Dominica на Целии. 365
3. Евгений II, папа. — Лотарь приезжает в Рим. — Конституция Лотаря, 824 г. — Смерть Евгения в августе 827 г. 368
4. Валентин I, папа. — Григорий IV, папа. — Сарацины проникают в Средиземное море. — Они основывают свое государство в Сицилии. — Григорий IV строит Новую Остию. — Распадение монархии Карла. — Смерть Людовика Благочестивого. — Лотарь — единый император. — Верденский раздел в 843 г. 371
5. Страстное влечение к обладанию реликвиями. — Святые мощи. — Перенесение их. — Особенности пилигримства того времени. — Григорий IV строит заново базилику Св. Марка. — Он восстанавливает Aqua Sabbatina. — Он строит папскую виллу Дгасо. — Смерть Григория IV в 844 г. 373

ГЛАВА III

1. Сергей II, папа. — Король Людовик приезжает в Рим. — Его коронавание; его раздоры с папой и с римлянами. — Сиконольф в Риме. — Вторжение сарацин; они грабят базилики Св. Петра и Св. Павла. — Смерть Сергея II в 847 г. 377
2. Лев IV, папа. — Пожар в Борго. — Лига Рима, Неаполя, Амальфи и Гаэты против сарацин. — Морская победа при Остии в 849 г. — Лев IV строит Civitas Leonina. — Ее стены и ворота. — Стихи на главных воротах. 380
3. Лев IV обносит стенами Порто и передает гавань корсиканской колонии. — Он строит Леополь близ Центумцелл. — Чивита-Веккия. — Восстановление Горты и Америи. — Церковные постройки Льва в Риме. — Приношения Льва. — Богатство церковных сокровищниц. — Фраскати. 383
4. Коронавание императора Людовика II. — Низложение кардинала Анастасия. — Этельвольф и Альфред в Риме. — Процесс против magister militum Даниила перед судом Людовика II в Риме. — Смерть Льва IV в 855 г. — Легенда о папессе Иоанне. 385

ГЛАВА IV

1. Бенедикт III избирается папой. — Смуты в Риме, вызванные избранием папы. — Вторжение кардинала Анастасия. — Стойкость римлян по отношению к императорским легатам. — Посвящение Бенедикта III 29 сентября 855 г. — Людовик II — единый император. — Дружественные отношения Рима к Византии. 388

2. Николай I избирается в папы. — Он подчиняет своей власти равеннского архиепископа. — Греческая схизма и Фотий. — Отношение Рима к болгарам. — Послы короля Бориса в Риме. — Формоз отправляется миссионером в Болгарию. — Попытка Рима обратить эту страну в римскую церковную провинцию. — Болгарская конституция Николая I. 389
3. Раздоры из-за Вальдрады. — Николай осуждает Мецский собор и лишает сана Гюнтера, епископа Кельнского, и Теутгауда, епископа Трирского. — Людовик II приезжает в Рим. — Его войска творят бесчинства в городе. — Противодействие немецких архиепископов; твердость и победа папы. 393
4. Заботы Николая I о городе Риме. — Он восстанавливает водопроводы Тосиа и Тгајана. — Он снова укрепляет Остию. — Незначительное число сооружений и приношений Николая. — Состояние наук. — Школьный эдикт Лотаря, 825 г. — Декреты Евгения II и Льва IV о приходских школах. — Греческие монахи в Риме. — Библиотеки. — Рукописи. — Монеты. 395
5. Невежество Рима. — Liber Pontificalis Анастасия. — Происхождение и характер этой книги. — Переводы Анастасия с греческого. — Житие Григория Великого, написанное Иоанном диаконом. 398

ГЛАВА V

1. Папство начинает получать значение верховной власти. — Церковное государство. — Лжеисидоровские декреталии. — Смерть Николая I в 867 г. — Адриан II. — Ламберт Сполетский нападает на Рим. — Враги Адриана в Риме. — Бесчинства Елевтерия и Анастасия; они подвергаются наказанию. 400
2. Возобновление борьбы из-за Вальдрады. — Клятвопреступление Лотаря. — Унизительный прием его в Риме и скорая его смерть. — Император Людовик в Южной Италии. — Понятие об империи в ту эпоху. — Письмо императора к византийскому императору. — Посрамление Людовика падением на Беневент. — Людовик приезжает в Рим. — Вторичное коронавание его. — Римляне объявляют Адальгиса Беневентского врагом республики. 404
3. Иоанн VIII, папа, 872 г. — Смерть императора Людовика II. — Сыновья Людовика Немецкого и Карл Лысый ведут борьбу из-за обладания Италией. — Карл Лысый, император, 875 г. — Упадок императорской власти в Риме. — Карл Лысый, король Италии. — Германская партия в Риме. — Распушенность знати. — Формоз, епископ Порто. 407
4. Сарацины опустошают Кампанью. — Жалобы в письмах Иоанна VIII. — Лига сарацин с южноитальянскими приморскими городами. — Блестящая

деятельность Иоанна VIII: он сооружает флот, ведет переговоры с южно-итальянскими государями, побеждает сарацинов при мысе Цирцеи. — Состояние Южной Италии. — Иоанн VIII строит Иоаннополис возле базилики Св. Павла. 410

ГЛАВА VI

1. Трудное положение Иоанна VIII по отношению к Ламберту и к императору. — Папа еще раз утверждает Карла Лысого в сане императора. — Соборы 877 г. в Риме и в Равенне. — Декреты Иоанна о патримониях. — Папское камеральное имущество. — Бесплодные попытки поставить предел феодальному устройству. — Смерть Карла Лысого. — Торжество германской партии. — Угрозы Ламберта и изгнанников. — Ламберт нападает на Рим и берет в плен папу. — Бегство Иоанна VIII во Францию. 413
2. Иоанн на соборе в Труа. — Герцог Бозон становится фаворитом папы и сопровождает его в Ломбардию. — Папа терпит неудачу в своих планах. — Карл Толстый провозглашается королем Италии и в 881 г. в Риме возводится также в императорский сан. — Смерть Иоанна VIII. — Его смелые замыслы. — Его характер. 416

ГЛАВА VII

1. Формоз, папа, 891 г. — Партия Арнульфа и партия Гвидо. — Кандидат другой партии — Сергей. — Формоз призывает Арнульфа в Рим. — Арнульф в Италии. — Смерть Гвидо. — Ламберт, император. — Арнульф идет на Рим и берет его штурмом. — Коронование Арнульфа в апреле 896 г. — Римляне присягают ему. — На обратном пути Арнульфа постигает несчастье. — Смерть Формоза в мае 896 г. 423
2. Беспорядки в Риме. — Бонифаций VI, папа. — Стефан VI, папа. — Собор с участием покойника; посмертный суд над Формозом. — Базилика Латерана обрушивается. — Обстоятельства, вызвавшие возмутительные надругательства над телом Формоза. — Памфлет Ауксилія. — Инвектива на Рим. — Ужасная кончина папы Стефана VI. 425
3. Роман, папа. — Феодор I, папа. — По смерти его Сергей пытается стать папой, но его изгоняют. — Иоанн XI, папа, 898. — Его декрет о посвящении пап. — Старания его усилить императорскую власть Ламберта. — Смерть Ламберта. — Беренгар, король Италии. — Венгры в Италии. — Людовик Прованский, претендент. — Смерть Иоанна IX в июле 900 г. 427

КНИГА ШЕСТАЯ

(История Рима в десятом веке)

ГЛАВА I

1. Бенедикт IV возлагает на Людовика Прованского императорскую корону в 901 г. — Знатнейшие римские оптиматы того времени. — Лев V и Хрис-тофор. — Сергей III становится папой. — Его буллы. — Он возобновляет Латеранскую базилику. — Афанасий III и Ландо. 431
2. Иоанн X. — Его прошлое. — Достижением тиары он обязан римлянке Феодоре. — Муж Феодоры, Феофилакт. — Римский консул и сенатор. — Авантюрист Альберик. — Его отношения к Марозии. — Феодора и Марозия. 433
3. Сарацины производят страшные опустошения. — Разрушение Фарфы. — Субиако. — Сарацинские разбойничьи земли в Кампаньи. — Иоанн X предлагает Беренгару императорскую корону. — Беренгар вступает в Рим и коронуется в начале декабря 915 г.. 436
4. Поход против сарацин. — Борьба в Сабине и Кампаньи. — Договор Иоанна X с южноитальянскими государями. — Уничтожение сарацин при Гарильяно в августе 916 г. — Возвращение папы и Альберика в Рим. — Положение Альберика. — Падение Беренгара. — Последствия этого в Риме. — Неизвестная кончина Альберика. 439
5. Изгнание Рудольфа Бургундского. — Интриги женщин в пользу возвыше-ния Гуго. — Иоанн X заключает с ним договор. — Марозия выходит за-муж за Гвидо Тусцийского. — Трудное положение Иоанна X. — Изгна-ние его брата Петра. — Революция в Риме. — Убийство Петра. — Падение и смерть Иоанна X. 441

ГЛАВА II

1. Лев VI и Стефан VII. — Сын Марозии под именем Иоанна XI вступает на папский престол. — Король Гуго. — Марозия предлагает ему свою руку и власть над Римом. — Бракосочетание Марозии с Гуго. — Замок Св. Ангела. — Революция в Риме. — Юный Альберик становится властителем Рима. 443
2. Характер переворота в Риме. — Альберик. — *Princeps* и *Senator omnium romanorum*. — Значение этого титула. — Сенат. — *Senatrices*. — Основа-ния власти Альберика. — Аристократия. — Римские горожане. — Город-ская милиция. — Юстиция при Альберике. 447
3. Умеренность Альберика. — Гуго ведет осаду Рима. — Брак Альберика с дочерью Гуго, Альдой. — Отношения Альберика к Византии. — Лев VII,

- папа, 936 г. — Бенедиктинское монашество и его значение в прошлом. — Упадок этого ордена. — Ключонийская реформа. — Деятельность Альберика в этом направлении. — Одон Ключонийский в Риме. — Продолжение истории Фарфы. — Провинция Сабина. 450
4. Стефан VIII, папа, 939 г. — Альберик подавляет восстание. — Марин II, папа, 942 г. — Новая осада Рима Гуго. — Низвержение Гуго Беренгаром Иврийским. — Лотарь, король Италии. — Мир между Гуго и Альбериком. — Агапит II, папа, 946 г. — Смерть Лотаря. — Беренгар, король Италии, 950 г. — Итальянцы призывают Оттона Великого. — Альберик отказывает Оттону в посещении Рима. — Беренгар становится вассалом Оттона. — Смерть Альберика в 954 г. 455

ГЛАВА III

1. Октавиан наследует Альберiku и в 955 г. становится папой под именем Иоанна XII. — Его излишества. — Он изменяет политике своего отца. — Ломбарды и Иоанн XII призывают Оттона I. — Договор Оттона с папой и клятва. — Коронование в Риме Оттона в императоры 2 февраля 962 г. — Особенности новой Римской империи немецкой национальности. 459
2. Грамота Оттона. — Иоанн и римляне присягают ему. — Иоанн устраивает заговор против императора и призывает в Рим Адальберта. — Оттон снова вступает в Рим, и папа бежит из города. — Император лишает римлян права свободного избрания папы. — Ноябрьский собор. — Низложение Иоанна XII. — Лев VIII. — Неудачное восстание римлян. — Оттон покидает Рим. 462
3. Возвращение Иоанна XII. — Бегство Льва VIII. — Низложение его на соборе. — Мечь Иоанна своим противникам. — Смерть Иоанна в мае 964 г. — Римляне избирают Бенедикта V — Отгон возвращает Льва в Рим. — Низложение и изгнание Бенедикта V — Подчинение папской власти германскому императору. — Грамота Льва VIII. 467
4. Отъезд Оттона. — Смерть Льва VIII весной 965 г. — Иоанн XIII, папа. — Его род. — Изгнание Иоанна. — Оттон идет в Рим. — Возвращение папы. — Варварское наказание возмущившихся. — «Caballus Constantini». — Плач об упадке Рима при саксах. 469

ГЛАВА IV

1. Коронование Оттона II. — Посольство Лиутпранда в Византию. — Пренесте или Палестрина. — Передача этого города в ленное владение Стефании *senatix* в 970 г. 472

2. Бракосочетание Феофано с Оттоном II в Риме. — Бенедикт VI, папа, 973 г. — Смерть Оттона Великого. — Волнения в Риме. — Род Кресцентиев. — Sabali martorei. — Римские прозвания того времени. — Crescencius de Theodora. — Падение Бенедикта VI. — Возведение в папы Ферруция под именем Бонифация VII. — Его внезапное бегство. — Неизвестная кончина Кресцентия 475
3. Бенедикт VII, папа, 974 г. Он содействует Ключийской реформе. — Он восстанавливает церкви и монастыри. — Монастырь Свв. Бонифация и Алексея на Авентине. — Легенда о св. Алексее. — Итальянский поход Оттона II. — Его пребывание в Риме в Пасху 981 г. — Его неудачный поход в Калабрию. — Иоанн XIV, папа. — Смерть Оттона II в Риме 7 декабря 983 г. — Его гробница в церкви Св. Петра. 478
4. Ферруций возвращается в Рим. — Ужасная смерть Иоанна XIV — Террористическое правление Бонифация VII. — Его падение. — Иоанн XV, папа, 985 г. — Кресцентий присваивает себе власть патриция. — Феофано вступает в Рим как регентша империи. — Она водворяет мир среди римлян. — Св. Адальберт в Риме. 481

ГЛАВА V

1. Глубокий упадок папства. — Инвектива галльских епископов против Рима. — Враждебное отношение поместных соборов. — Кресцентий присваивает себе светскую власть. — Бегство Иоанна XV — Римляне вторично признают его. — Смерть его в 996 г. — Григорий V, первый папа германского происхождения. — Подчинение папства германской императорской власти. — Оттон III, император, 21 мая 996 г. 484
2. Осуждение римских мятежников. — Кресцентий получает помилование. — Адальберт принужден покинуть Рим. — Мученическая смерть Адальберта. — Отъезд Оттона III из Рима. — Восстание римлян. — Борьба города с папской и императорской властью. — Кресцентий изгоняет Григория V. — Революция в Риме. — Кресцентий возводит на папский престол Иоанна XVI. 487
3. Владычество Кресцентия в Риме. — Оттон идет на Рим. — Ужасная судьба антипапы. — Кресцентий. — Оборона Кресцентия в замке Св. Ангела. — Различные версии в сведениях о смерти Кресцентия. — Mons Malus или Monte Mario. — Надгробная надпись Кресцентия. 491

ГЛАВА VI

1. Последствия падения Кресцентия. — Его родственники в Сабине. — Аббат Гуго Фарфский. — Положение этого имперского монастыря. — Замечательный процесс Гуго с пресвитерами церкви Св. Евстахия в Риме. 494
2. Судопроизводство в Риме. — *Judices palatini* или *ordinari*. — *Judices dativi*. — Формула назначения римского судьи. — Формула пожалования права римского гражданства. — Уголовные судьи. — Консулы и графы провинциальных городов, облеченные судебной властью. 498
3. Императорский дворец в Риме. — Императорская гвардия. — Пфальцграф. — Императорский фиск. — Папский дворец и папская казна. — Уменьшение доходов Латерана. — Растрата церковного имущества. — Иммунитет епископов. — Признание в 1000 г. римской церковью ленных договоров. 500
4. Паломничество Оттона III в Кампанию. — Смерть Григория V в феврале 999 г. — Св. Ромуальд в Равенне. — Герберт — папа Сильвестр II. — Фантастические идеи Оттона III о восстановлении Римской империи. — Установление византийского церемониала. — Церемониальная книга двора Оттона III. — Патриций. 503
5. Начало понтификата Сильвестра II. — Дар Оттона III. — Предвестники крестовых походов. — Венгрия становится римской церковной провинцией. — Оттон III на Авентине. — Мистицизм Оттона III. — Отъезд его в Германию. — Возвращение в Италию, 1000 г. — Трудное положение Сильвестра II. — Базилика Св. Адалберта на острове Тибра. 508
6. Тибур или Тиволи. — Возмущение в этом городе. — Оттон III осаждает город и овладевает им. — Посредничество папы спасает город. — Восстание в Риме. — Безнадежное положение Оттона. — Его речь к римлянам. — Его бегство из Рима. — Последний год жизни Оттона. — Его смерть 23 января 1002 г. 511

ГЛАВА VII

1. Варварство X века. — Невежество римского духовенства. — Инвектива галльских епископов. — Замечательное возражение. — Упадок монастырей и школ в Риме. — Грамматика. — Театральные представления. — Народный язык. — Полное отсутствие в Риме литературных талантов. 515
2. Медленное возрождение интереса к наукам. — Григорий V. — Гений Сильвестра II, чужеземца в Риме. — Бозтий. — Итальянская историография

- в X веке. — Венедикт Сорахтский. — Памфлет на императорскую власть в Риме. — Каталоги пап. — Житие св. Адалберта. . 520
3. Описание города. — Аноним Эйнзидельнский. — Римские легенды. — Звучащие статуи на Капитолии. — Сказание о постройке Пантеона. — *Graphia* золотого города Рима. — *Memoria* Юлия Цезаря. . 522
4. Городские округа в X веке. — Улицы. — Строительное искусство того времени. — Описание одного дворца. — Изобилие больших развалин. — Разграбление Рима римлянами. . 526
5. Рим времен Оттона III. — Палатин. — Септизониум. — Форум. — Свв. Сергей и Вахх. — *Infernus*. — Марфорлио. — Капитолий. — *S.-Maria in Capitolio*. — *Campus Caloleonis*. — Колонна Траяна. — Колонна Марка Аврелия. — *Campo Marzo*. — *Mons Augustus*. — Навона. — Церкви Фарфы. — Св. Евстахий in *Plantina*. — Легенда о св. Евстахии. — *S.-Maria in Minervum*. — *Camigliano*. — *Arcus manus carnaeae*. — *Parione*. — Мосты на Тибре. — Храмы *Fortunae virilis* и Весты. — Заключительный обзор. 529

Том IV КНИГА СЕДЬМАЯ

(История Рима в одиннадцатом веке)

ГЛАВА I

1. Всемирно-историческое положение города Рима в XI веке. — Влияние на папство муниципальных условий в Риме. — Ломбардцы провозглашают Ардуина королем; римляне возводят Иоанна Кресцентия в сан патриция. — Смерть Сильвестра II, 1003 г. — Иоанн XVII и Иоанн XVIII. — Тускул и Тускуланские графы. — Сергей IV. — Смерть Иоанна Кресцентия, 1012 г. 539
2. Григорий, избранный папой, изгоняется Феофилактом, или Бенедиктом VIII. — Генрих принимает сторону папы, избранного тускуланской партией. — Приезд в Рим Генриха II и коронование его (1014 г.). — Положение Рима и его территории с возникновением на ней наследственных графств. — Римская знать образует сенат. — Роман, сенатор всех римлян. — Императорский трибунал. — Подавление восстания римлян. — Возвращение Генриха II. — Смерть национального короля Ардуина. . 543
3. Твердое правление Бенедикта VIII. — Его поход против сарацин. — Первый расцвет Пизы и Генуи. — Южная Италия. — Восстание Мела против Византии. — Первое появление норманнских ватаг (1017 г.). — Несчаст-

- ная участь Мела. — Бенедикт VIII убеждает императора начать войну. — Поход Генриха II в Апулию (1022 г.). 546
4. Бенедикт VIII положил начало реформе. — Смерть Бенедикта VIII, 1024 г. — Его брат Роман. — Папа Иоанн XIX. — Смерть Генриха II, 1024 г. — Состояние Италии. — Иоанн XIX призывает в Рим из Германии Конрада II. — Условия походов в Рим в те времена. — Коронование императора, 1027 г. — Бурное восстание римлян. — Король Канут в Риме. . 548
5. Рескрипт Конрада II о подчинении папской области действию римского папы. — Блестящий поход Конрада в Южную Италию и возвращение из похода. — Бенедикт IX, юноша из тускуланского дома, возводится в сан папы. — Полная распущенность этого человека. — Ужасные условия того времени. — Treuga Dei. — Бегство Бенедикта IX к императору. — Социальная революция в Ломбардии. — Гериберт Миланский. — Конрад восстанавливает Бенедикта IX на папском престоле. — Поход Конрада в Южную Италию; смерть его, 1039 г. 551

ГЛАВА II

1. Римляне изгоняют Бенедикта IX и объявляют папой Сильвестра III. — Бенедикт прогоняет его и продает Святой престол Григорию VI. — Три папы в Риме. — Римский собор постановляет призвать для освобождения Рима Генриха III. 554
2. Генрих III идет в Италию. — Собор в Сутри (1046 г.). — Отказ Григория VI от папского сана. — Генрих III назначает папой Климента II, который коронует его императором. — Сцена императорского коронавания. — Передача патрициата Генриху и его преемникам. 557
3. Начало церковной реформы. — Генрих III идет в Южную Италию и затем через Рим возвращается в Германию. — Смерть Климента II (1047 г.). — Бенедикт IX овладевает Святым престолом. — Бонифаций Тосканский. — Генрих назначает папой Дамаса II. — Смерть Бенедикта IX. — Смерть Дамаса. — Назначение папой Бруно Тульского. 561
4. Лев IX, папа (1049 г.). — Его реформаторская деятельность. — Упадок церкви. — Симония. — Гильдебранд. — Отсутствие денежных средств у папы. — Макбет в Риме. — Завоевание Беневента Львом IX. — Его войны с норманнами. — Поражение Льва при Чивита и его смерть (1054 г.). . 563

ГЛАВА III

1. Программа Гильдебранда. — Император назначает папой Гебгарда Эйхштеттского. — Бракосочетание Готфрида Лотарингского с Беатрисой Тосканской. — Прибытие Генриха III в Италию. — Виктор II, папа. — Смерть им-

- ператора (1056 г.). — Регентство императрицы Агнесы. — Виктор II как наместник императора в Италии. — Могущество Готфрида. — Кардинал Фридрих. — Смерть Виктора II. — Стефан IX, папа. 569
2. Отшельники и Петр Дамиани. — «Дисциплина» бичевания. — Стефан IX собирает вокруг себя выдающихся кардиналов. 573
3. Планы Стефана IX и его смерть. — Бенедикт X. — Николай II. — Гильдебранд получает помощь от норманнов. — Новый избирательный декрет. — Успехи норманнов. — Они присягают папе как вассалы. — Падение Бенедикта X. 577
4. Негодование, вызванное в римлянах избирательным декретом. — Смерть Николая II, 1061 г. — Римляне и ломбардцы просят короля Генриха избрать папу. — Милан. — Патария. — Котта и Ариальд. — Приверженцы Гильдебранда избирают папой Ансельма Луккского. — Германский двор назначает папой Кадала Пармского. . 581

ГЛАВА IV

1. Александр II. — Кадал вступает в Италию. — Бенцо приезжает в Рим послом регентши. — Сопешания в цирке и на Капитолии. — Кадал овладевает Леониной. — Он отступает к Тускулу. — Готфрид Тосканский объявляет перемирие. — Переворот в Германии. — Александр II провозглашается законным папой (1062 г.). — Вступление его в Рим. 583
2. Сверхжение Ганно в Германии. — Кадал возвращается в Рим. — Вторая гражданская война из-за папства. — Падение Кадала. — Окончательное признание папой Александра II. 587
3. Влияние Гильдебранда возрастает. — Попытки провести реформу. — Норманны. — Отпадение Ричарда и поход его на Рим. — Готфрид и папа ведут против него войско. — Новый договор. — Императрица Агнеса постригается в Риме в монахини. — Борьба в Милане. — Эрлембальд Котта, miles св. Петра. — Смерть Ариальда. 589
4. Бессилие папы в Риме. — Распад церковного государства. — Римская префектура. — Ченчий, глава недовольных. — Цинтий, префект города. — Смерть Готфрида Тосканского. — Смерть Петра Дамиани. — Монте-Касино. — Торжество освящения базилики, вновь построенной Дезидерием (1071 г.). 592

ГЛАВА V

1. Смерть Александра II. — Гильдебранд вступает на папский престол. — Деятельность Гильдебранда; цель, которую он преследовал. — Посвящение Гильдебранда в сан папы, 29 июня 1073 г. 596

2. Государи Беневента и Капуи присягают Григорию VII как вассалы. — Роберт Гюискар отказывается присягать. — Намерение Григория превратить государей Южной Италии в вассалов римской церкви. — Его воззвание к общему крестовому походу. — Матильда и Григорий VII. — Его первый собор в Риме; декрет о реформе. 598
3. Состояние Рима. — Противники Григория. — Виберт Равеннский. — Генрих IV. — Борьба Германии против декретов Григория. — Лишение светской власти права инвеституры. — Заговор римлянина Ченция против Григория. 602
4. Разрыв между Григорием и Генрихом. — Король созывает собор в Вормсе, на котором папа объявляется низложенным. — Письмо Генриха к Григорию. — Григорий объявляет Генриха отлученным от церкви и лишенным престола. — Общая тревога, вызванная этим решением папы. — Отношения обоих противников друг к другу. — 27 тезисов Григория. . 606
5. Отпадение от Генриха IV имперских сословий. — Он слагает с себя королевскую власть. — Он добивается снятия с него церковного отлучения. — Каносса (1077 г.). — Нравственное величие Григория VII. — Охлаждение ломбардцев к королю. — Он снова сближается с ними. — Смерть Ченция. — Смерть Цинтия. — Смерть императрицы Агнесы в Риме. . 610
6. В Генрихе возрождается мужество. — Рудольф Швабский, король. — Генрих возвращается в Германию, Григорий — в Рим. — Падение последних лангобардских династий в Южной Италии. — Значение лангобардского народа. — Роберт присягает Григорию как вассал. — Вильгельм Завоеватель и Григорий. — Папа признает королем Рудольфа и снова отлучает от церкви Генриха. — Виберт Равеннский, антипапа. — Счастье Григория изменяет ему. . 613

ГЛАВА VI

1. Генрих IV идет в поход на Рим (1081 г.). — Первая осада Рима. — Вторая осада весной 1082 г. — Отступление к Фарфе. — Поход в Тиволи. — Климент III делает его своей резиденцией. — Опустошение земель маркграфини. 617
2. Генрих IV в третий раз осаждает Рим (1082—1083). — Взятие Леонины. — Григорий VII в замке Св. Ангела. — Генрих ведет переговоры с римлянами. — Непреклонность папы. — Иордан Капуанский присягает королю. — Дезидерий является посредником при заключении мира. — Договор Генриха с римлянами. — Отъезд его в Тоскану. — Неудавшийся ноябрьский собор Григория. — Римляне нарушают присягу, данную королю. 619

3. Генрих уходит в Кампанию. — Римляне изменяют Григорию и сдают город (1084 г.). — Григорий запирается в замке Св. Ангела. — Собрание римлян объявляет Григория низложенным и провозглашает папой Климента III. — Антипапа коронует Генриха IV — Император берет штурмом Septizonium и Капитолий. — Римляне осаждают замок Св. Ангела. — Бедственное положение Григория. — Норманнский герцог идет на помощь ему. — Отступление Генриха. — Роберт Гюнскар овладевает Римом. — Страшное разорение города. . 622
4. Плач Гильдеберта о падении Рима. — Разорение Рима во время Григория VII. . 626
5. Удаление Григория VII в изгнание. — Падение Григория. — Смерть его в Салерно. — Всемирно-историческое значение личности Григория. 628

ГЛАВА VII

1. Дезидерий против его желания возводится в Риме под именем Виктора III в сан папы. — Бегство Дезидерия в Монте-Касино. — Он снова принимает сан папы (1087 г.). — Посвящение Дезидерия в Риме. — Состояние города. — Вторичное бегство в Монте-Касино и смерть Виктора III (1087 г.). — Избрание и посвящение в папы Оттона Остийского под именем Урбана II, 1087 г. 631
2. Урбан II. — Рим во власти Климента III. — Урбан II обращается за помощью к норманнам, и они водворяют его в Риме. — Безнадежное положение Урбана в Риме. — Бракосочетание Матильды с Вельфом V — Генрих IV возвращается в Италию (1090 г.). — Римляне снова призывают Климента III. — Восстание юного Конрада. — Урбан II овладевает Римом. 634
3. Возникновение крестовых походов. — Усиление папства в зависимости от этого всемирного движения. — Урбан II проповедует в Пьяченце и в Клермоне (1095 г.) крестовый поход. — Отношение города Рима к крестовым походам и к рыцарству. — Участие итальянских норманнов в крестовом походе. — Французские крестоносцы в Риме. — Изгнание из Рима Климента III. — Возвращение Урбана II в Рим. 638
4. Отношение Генриха IV к Первому Крестовому походу. — Папа становится во главе общемирового движения. — Вельф V разводится с Матильдой. — Вельфы переходят в лагерь Генриха. — Генрих IV возвращается в Германию (1097 г.). — Конец его трагической борьбы. — Смерть Урбана II (1099 г.). — Смерть короля Конрада (1101 г.). — Смерть Генриха IV (1106 г.). 644
5. Культура Рима в XI веке. — Гвидо Аретинский изобретает ноты. — Состояние библиотек. — Помпоза. — Монте-Касино. — Фарфа. — Григо-

рий Катинский. — Субиако. — Первое собрание римских регестов. — Деодат. — Очень неполное продолжение «Истории пап». — Регесты Григория VII. — Петр Дамиани. — Боницо. — Ансельм Луккский. — Полемические произведения по вопросу об инвеституре. 646

КНИГА ВОСЬМАЯ

(История Рима в двенадцатом веке)

ГЛАВА I

1. Пасхалий II. — Смерть Виберта. — Новые антипапы. — Возмущения нобилей. — Возникновение рода Колонна. — Восстание представителей фамилии Корсо. — Магинольф, антипапа. — Вернер, граф анконский, идет на Рим. — Переговоры Пасхалия II с Генрихом V — Собор в Гвасталле. — Папа уезжает во Францию. — Новое восстание церковной области. . 652
2. Приезд Генриха V в Рим. — Беспомощное положение Пасхалия II. — Затруднения в разрешении спора об инвеституре. — Папа решает принудить епископов возвратить короне полученные от нее владения. — Переговоры и соглашения. — Вступление Генриха V в Леонину; смелый государственный переворот, произведенный им.. 655
3. Римляне восстают, чтобы освободить Пасхалия из плена. — Битва в Леонине. — Генрих V оставляет Рим. — Он уводит с собой пленных и становится лагерем под Тиволи. — Он заставляет папу признать за ним право на инвеститтуру. — Коронование Генриха V. — Он покидает Рим. — Пасхалий снова в Латеране; бедственное положение папы. . 662
4. Возмущение епископов против Пасхалия II. — Собор в Латеране отменяет привилегию, данную Генриху V. — Легаты отлучают императора от церкви. — Алексей Комнен и римляне. — пожалование ленных владений Вильгельму, герцогу Норманнскому. — Смерть графини Матильды. — Дар Матильды. 665

ГЛАВА II

1. Пасхалий отменяет привилегию. — Возмущение римлян по случаю избрания префекта города. — Пьер Леоне. — Его замок у театра Марцелла. — Дякония Св. Николая in Casere. — Отпадение Кампаны. — Появление Генриха V в Риме. — Бегство Пасхалия. — Бурдин Брагский. — Птоломей Тускуланский. — Возвращение и смерть Пасхалия II. — Здания, воздвигнутые им в Риме. 669

2. Избрание Геласия II. — Нападение Франджипани на конклав. — Папа в плену; его освобождение. — Генрих V вступает в Рим. — Бегство Геласия. — Император возводит в сан папы Бурдина под именем Григория VIII. — Возвращение Генриха на север. — Геласий II появляется в Риме и молит о защите. — Франджипани снова нападают на него. — Бегство Геласия во Францию. — Смерть этого несчастного старика в Клуни. . 673
3. Каликст II. — Переговоры с Генрихом V. — Собор в Реймсе. — Каликст появляется в Италии. — Вступление его в Рим. — Падение антипапы в Сутри. — Вормский конкордат. — Благотворное влияние борьбы за инвеституру в смысле его всемирного значения. — Мирное правление Каликста II в Риме. — Сооружения в Латеране, увековечившие память об окончании великой борьбы. — Смерть Каликста II. 677
4. Избирательная борьба. — Фамилия Франджипани. — Гонорий II, папа. — Смерть Генриха V. — Папа признает Лотаря германским королем. — Восстание Гогенштауфенов. — Рожер Сицилийский овладевает Апулией. — Он принуждает Гонория признать за ним права ленного владения. — Смерть Гонория II. . 681

ГЛАВА III

1. Пьерлеоне. — Их еврейское происхождение. — Еврейская община в Риме в XII веке. — Петр Лев и его сын, кардинал Петр. — Схизма между Иннокентием II и Анаклетом II. — Бегство Иннокентия во Францию. — Письмо римлян к Лотарю. — Анаклет II возводит Рожера I в сан сицилийского короля. 684
2. Св. Бернард содействует признанию во Франции права Иннокентия II на папский престол. — Лотарь обещает Иннокентию проводить его в Рим. — Приезд в Рим папы и Лотаря. — Смелое поведение Анаклета II. — Коронование Лотаря. — Отъезд его. — Вторичное изгнание папы Иннокентия. — Собор в Пизе. — Рожер I овладевает Апулией. — Второй поход Лотаря в Италию. — Пререкания между папой и императором. — Отъезд и смерть Лотаря. 689
3. Возвращение Иннокентия II в Рим. — Смерть Анаклета II. — Виктор IV, антипапа. — Рим признает Иннокентия II папой. — Цистерцианский монастырь ad aquas Salvias. — Латеранский собор 1139 г. — Война Иннокентия II с Рожером I. — Иннокентий, взятый в плен, признает сицилийское королевство. — Мирная деятельность папы в Риме. — Война римлян с Тиволи. — Иннокентий берет Тиволи под свою защиту. — Восстание римлян; учреждение сената на Капитолии; смерть Иннокентия II. 693

ГЛАВА IV

1. Внутреннее состояние Рима. — Класс горожан. — Корпорация милиционеров. — Городская знать. — Патрицианская знать. — Провинциальная знать. — Ослабление могущества римских ландграфов. — Олигархия *consules Romanorum*. — Усиление класса горожан. — Учреждение городской общины. — Высшая феодальная знать остается верной папе. 696
2. Капитолий в смутное время Средних веков. — Его постепенное политическое возрождение. — Его развалины. — Где находился храм Юпитера? — *S.-Maria in Aracoeli*. — Легенда о видении Октавиана. — *Palatium Octavianum*. — Первый дворец сената на Капитолии в Средние века. 700
3. Арнольд Брешианский. — Его первое появление; его отношение к Абеяру. — Учение Арнольда о секуляризации церковных имуществ. — Осуждение Арнольда папой. — Бегство и исчезновение Арнольда. — Целестин II. — Луций II. — Борьба папы и консулов против сената. — Патриций Иордан Пьерлеоне. — Эра сенаторов. — Луций II и Конрад III. — Несчастливая кончина Луция II. . 704
4. Евгений III. — Его первое бегство из Рима. — Упразднение префектуры. — Арнольд Брешианский в Риме. — Учреждение сословия всадников. — Влияние собраний в Риме на провинциальные города. — Евгений III признает республику. — Особенности римского муниципального устройства. — Второе бегство Евгения. — Борьба народа со знатью. — Восстание низшего духовенства против высших духовных лиц. — Послание св. Бернарда к римлянам. — Отношение Конрада III к Риму. — Евгений III в Тускуле. . 709
5. Послание сената к Конраду III. — Политические взгляды римлян. — Возвращение Евгения III. — Он снова удаляется из Рима. — Римляне вторично обращаются к Конраду. — Приготовления Конрада к походу в Рим. — Смерть Конрада. — Вступление на германский престол Фридриха I. — Письмо к нему одного римлянина. — Рим, римское право и империя. — Констанцский договор. — Возмущение демократической партии в Риме. — Возвращение Евгения в Рим. — Смерть Евгения. . 714

ГЛАВА V

1. Анастасий IV. — Адриан IV. — Он налагает на Рим интердикт. — Изгнание Арнольда Брешианского. — Прибытие Фридриха I для коронации. — Столкновение из-за подачи стремени. — Речь сенаторов, обращенная к королю, и его ответ. — Вступление в Рим. 719

2. Коронование Фридриха I. — Восстание римского народа. — Битва в Леонине. — Казнь Арнольда Брешианского. — Его характер и значение. — Отъезд Фридриха в Кампанию. — Возвращение в Германию. 724
3. Адриан IV объявляет войну королю Вильгельму. — Последний заставляет Адриана признать за ним права ленного владения. — Орвието переходит под власть папы. — Примирение Адриана с Римом. — Несогласия между папой и императором. — Города Ломбардии. — Адриан вступает в переговоры с ними; разрыв его с Фридрихом. — Сближение римлян с императором. — Смерть Адриана IV. — Его деятельность. — Его жалобы на несчастье быть папой. 728
4. Раскол между Виктором IV и Александром III. — Собор в Павии признает папой Виктора IV. — Мужественное сопротивление Александра III. — Отъезд его морем во Францию. — Разрушение Милана. — Смерть Виктора IV, 1164 г. — Пасхалий III. — Христиан Майнцский. — Возвращение Александра III в Рим. — Смерть Вильгельма I. — Греческий император. — Новый поход Фридриха в Италию. — Союз ломбардских городов. — Райнальд Кельнский подходит к Риму. 732
5. Тускулум. — Падение дома графов Тускуланских. — Райнальд Кельнский вступает в Тускулум. — Римляне осаждают Тускулум. — Христиан Майнцский заставляет их снять осаду. — Битва у Monte Porzio. — Жестокое поражение римлян. — Фридрих осаждает Леонину. — Штурм собора Св. Петра. — Переговоры с римлянами. — Бегство Александра III в Беневент. — Мир между императором и римской республикой. — Чума производит опустошения в войске Фридриха. — Отъезд Фридриха из Рима. 737

ГЛАВА VI

1. Борьба ломбардских городов с Фридрихом. — Пасхалий III в Риме. — Каликст III. — Тускулум сдается церкви. — Римляне отказываются впустить Александра III в город. — Победа ломбардцев при Леньяно. — Переговоры Фридриха с папой. — Конгресс и заключение мира в Венеции. — Александр III заключает мир с римлянами. — Торжественное вступление Александра III в Латеран. 741
2. Провинциальные бароны продолжают поддерживать схизму. — Префект города Иоанн принимает сторону Каликста III. — Война римлян с Витербо. — Каликст III отказывается от своих притязаний. — Ландо ди Сеще, антипапа. — Собор в Риме. — Смерть Александра III (1181 г.). 744
3. Люций III. — Война римлян с Тускулумом. — Смерть Христиана Майнцского. — Пререкания Люция с императором; смерть Люция в Вероне. — Урбан III. — Сицилийское бракосочетание. — Генрих VI вступает в Кам-

- панью. — Григорий VIII. — Климент III. — Мир с римской республикой (1188 г.). 747
4. Крестовый поход. — Ричард Львиное Сердце отказывается посетить Рим. — Смерть Фридриха I. — Целестин III. — Генрих VI домогается императорской короны. — Коронование его. — Римляне разрушают Тускул. — Падение Тускуланских графов. — Отношение знати к римской республике. — Изменение конституции. — Бенедикт Карусгомо, сенатор. — Джованни Капоччио, сенатор. — Джованни Пьерлеоне, сенатор. — Генрих VI уничтожает норманнскую династию в Сицилии. — Быстрая кончина Генриха VI. — Смерть Целестина III. 751

ГЛАВА VII

1. Низкая культура Рима в XII веке. — Законы Юстиниана. — Каноническое право. — Сборник Альбина. — Liber censum Ченция. — Продолжение книги пап. — Малое число римских историков. — Описание собора Св. Петра Маллия; описание Латерана Иоанна диакона. . 756
2. Mirabilia urbis Romae. . 760
3. Легенды о статуях в Риме. — Virgilius в Средние века. — Virgilius в образе пророка и некроманта. — Волшебник Virgilius в Риме и в Неаполе. — Сведения об этом в конце XII века. — Рим XII века в описании раввина Венъямина Тудельского. . 765
4. Памятники и их владельцы в XII веке. — Римский сенат принимает меры к охранению памятников. — Колонна Траяна. — Колонна Марка Аврелия. — Архитектура частных зданий в XII веке. — Башня Николая. — Башни в Риме. . 770
5. Церковная архитектура. — Возрождение ее в XII веке. — S. Maria in Cosmedin. — S. Maria in Trastevere. — Живопись в Риме. — Зарождение скульптуры. — Первые Космати. — Евгений III и Целестин III приступают к постройке ватиканского дворца. 774

Том V КНИГА ДЕВЯТАЯ

ГЛАВА I

1. XIII столетие. — Империя, церковь, городское население; город Рим. — Избрание Иннокентия III. — Дом Конти. — Раздача денег римлянам вновь избранным папой. — Его посвящение и коронование. — Изображение папского коронационного шествия и вступления в Латеран. 779

2. Иннокентий III делает из городского префекта папского чиновника. — Положение городской префектуры. — Префекты из дома Вико. — Положение, занимаемое сенатом. — Скоттус Папароне, сенатор. — Иннокентий III получает право избрания сената. — Формула присяги сенатора. — Городская община Рима сохраняет свою самостоятельность. — Первые римские подесты в иностранных городах. 783
3. Распадение ленных владений Генриха VI после его смерти. — Филипп Швабский, герцог Тосканский. — Марквальд, герцог Равеннский. — Конрад, герцог Сполетский. — Тусцийский союз городов. — Восстановление наследия церкви. — Возвышение в Риме народной партии. — Иоанн Капоччи и Иоанн Пьерлеоне Райнерий. — Борьба Рима с Витербо из-за Виторклано. — Пандульф Сабурский, сенатор. — Витербо подчиняется Капитолию. 786
4. Орсини. — Их наследственная распря с родственниками Иннокентия III. — Рихард Конти и дом Поли. — Имена Поли переходят к Рихарду. — Война в городе. — Бегство Иннокентия III в Ананьи в 1203 г. — Борьба партий из-за сената. — Иннокентий возвращается в 1204 г. — Григорий Пьерлеоне Райнерий, сенатор. — Ожесточенная правительственная борьба. — Характер таких гражданских войн. — Иннокентий еще раз добивается признания прав папы на сенатские выборы в 1205 г.. 790

ГЛАВА II

1. Положение дел в Сицилии. — Иннокентий III делается опекуном Фридриха. — Марквальд. — Вальтер Бриеннский. — Германские владетельные бароны в Лациуме. — Общины в Лациуме. — Рихард Конти становится графом Сорским. — Возвращение папы из Лациума в Рим. . 794
2. Отношение Иннокентия III к спору за немецкую корону. — Оттон из Вельфского дома и Филипп Швабский. — Нейсская капитуляция. — Признанное империей церковное государство и его пределы. — Протесты партии Филиппа против вмешательства папы в избрание короля. — Коронация Петра Арагонского в Риме. 798
3. Переворот в Германии в пользу Филиппа. — Его переговоры с папой. — Убийство короля Филиппа. — Признание Оттона королем в Германии. — Путешествие Оттона в Рим и его императорская коронация. — Битва в Лезонине. 802
4. Разрыв Оттона IV с папой. — Разочарование Иннокентия III. — Полное превращение вельфского императора в гибеллина. — Вторжение Оттона в Апулию. — Папское проклятие. — Немцы призывают на трон Фридриха Сицилийского. — Оттон возвращается в Германию. 805

ГЛАВА III

1. Фридрих решается отправиться в Германию. — Приезд его в Рим. — Он коронуется в Аахене в 1115 г. — Он дает обет идти в крестовый поход. — Латеранский собор. — Смерть Иннокентия III. — Его характер. — Мировладельческое величие папства. 808
2. Движение еретиков. — Учение о христианской бедности. — Учреждение нищенствующих орденов. — Св. Франциск и св. Доминик. — Первые монастыри их орденов в Риме. — Сущность и влияние нищенствующего монашества. — Секта спиритуалов. 812
3. Гонорий III, папа. — Дом Савелли. — Коронование в Риме Петра де Куртене византийским императором, 1217 г. — Фридрих откладывает крестовый поход. — Смерть Оттона IV, 1218 г. — Избрание Генриха Сицилийского преемником Фридриха в Германии. — Беспорядки в Риме при сенаторе Паренции. — Путешествие в Рим и коронование Фридриха II, 1220 г. Императорские конституции. 816
4. Возвращение Фридриха II в Сицилию. — Мирное владение Гонорием III Церковной областью. — Романья управляется императорским графом. — Столкновения в Сполето. — Рим и Витербо. — Демократические движения в Перуджии. — Бегство папы из Рима. — Паренций, сенатор. — Переговоры о много раз откладываемом крестовом походе. — Анджело де Бенниказа, сенатор. — Враждебное настроение ломбардцев относительно императора. — Натянутые отношения между императором и папой. — Разрыв между Фридрихом и Жаном де Бриенн. — Смерть Гонория III, 1227 г. 820

ГЛАВА IV

1. Гуголин Конти делается папой под именем Григория IX. — Он требует от императора крестового похода. — Отправление, обратная высадка и отлучение императора. — Манифесты императора и папы. — Императорская партия изгоняет Григория IX из Рима. — Крестовый поход императора. — Вторжение папы в Апулию в 1229 г. — Возвращение императора и бегство сторонников папы. 824
2. Наводнение Тибра в 1230 г. — Римляне зовут к себе Григория IX. — Мир в С.-Джермано, 1230 г. — Первый массовый суд над еретиками в Риме. — Сенатор Анибал издает эдикт против еретиков. — Преследование еретиков и инквизиция вообще. 827
3. Новые беспорядки в Риме. — Иоанн Поли, сенатор. 1232 г. — Римляне хотят отнять у папы владение Кампаньей. — Император посредничествует

при заключении мира Рима с папой. — Vitorchiano Fedele. — Новое восстание римлян. — Их политическая программа. — В 1234 г. они делают серьезную попытку сделаться свободными. 830

4. Лука Савелли, сенатор, 1234 г. — Римляне объявляют отчину св. Петра городской собственностью. — Папа вызывает против них ко всему христианству. — Император оказывает им помощь. — Поражение римлян при Витербо. — Анджело Малабранко, сенатор, 1235 г. — Рим по договору подчиняется папскому управлению. 833

ГЛАВА V

1. Фридрих II в Германии и Италии. — Он решает начать войну с Ломбардским союзом. — Городские общины и папа. — Умбро-тосканский союз родов. — Мнение папы о своем праве на Италию и на владычество над миром. — Титул проконсула римлян. — Петр Франджипане, Иоанн Поли и Иоанн Цинтии, сенаторы. — Возвращение папы, 1237 г. — Битва при Кортенуова. — Миланская карроччио в Риме. — Иоанн де Юдиче, сенатор. 835
2. Неумеренность императора относительно ломбардцев. — Папа отлучает его от церкви, 1239 г. — Фридрих пишет к римлянам. — Его манифест к королям. — Контрманифест папы. — Трудное положение Фридриха II по отношению к тому времени. — Противоречия в нем самом. — Впечатление, произведенное на мир его письмами. — Ненависть к курии за ее денежные поборы. — Группировка партий. — Фридрих переносит войну в церковную область. 840
3. Города Церковной области переходят на сторону Фридриха. — Он основывает свою резиденцию в Витербо. — Отчаянное положение папы. — Почему Рим остался гвельфским. — Великая процессия Григория IX. — Отступление Фридриха II. — Перемирие. — Нарушение его папой. — Отпадение кардинала Иоанна Колонна. — Григорий созывает собор. — Взятие в плен прелатов у Монте-Кристо, 1241 г. — Татары. — Безуспешные переговоры. — Анибальди и Одо Колонна — сенаторы. — Матеус Рубеус Орсини — единственный сенатор. — Фридрих блокирует Рим. — Смерть Григория IX, 1241 г.. 843
4. Фридрих возвращается в свое королевство. — Избрание и скорая смерть Целестина IV. — Кардиналы рассеиваются. — Церковь остается без главы. — Союз Рима, Перуджии и Нарни, 1242 г. — Римляне идут на Тиволи. — Фридрих опять идет против Рима. — Основание Флагелл. — Фридрих снова в Латинских горах. — Альбано. — Ариция. — Via Arpia. — Неми. — Чивита Лавиния. — Генцано. — Дом Пандульфи. —

Местности на Тускуланской стороне гор. — Гротта Феррата. — Тамошние бронзовые статуи. . 847

ГЛАВА VI

1. Избрание Синибальдо Фиески папой под именем Иннокентия IV, 1243 г. — Мирные переговоры. — Папа прибыл в Рим. — Отпадение Витербо от императора, приступы которого к этому городу отбиты. — Анибальди и Наполеон Орсини, сенаторы. — Прелиминарный мир в Риме. — Император отступает от Рима. — Бегство папы в Геную, 1244 г. 850
2. Иннокентий созывает собор в Лионе, 1245 г. — Низложение императора. — Последствия этого приговора. — Воззвание Фридриха к государям Европы. — Контрманифест папы. — Настроение в Европе. — Чего хотел император. — Иннокентий IV решается на войну на жизнь или смерть против дома Гогенштауфенов. 854
3. Заговор сицилийских баронов против императора и его подавление. — Военные успехи Фридриха. — Витербо и Флоренция подчиняются его власти. — Положение дел в Риме. — Письмо сенатора к папе с напоминанием о возвращении. — Папа жалует роду Франджипани в ленное владение Тарент. — Император хочет идти на Лион. — Отпадение Пармы: неудача императора. — Энцо взят в плен болонцами. — Падение Петра де Винеис. — Смерть Фридриха II, 1250 г. — Его личность в истории. 858
4. Сыновья Фридриха II. — Конрад IV — Возвращение папы в Италию. — Тамошные дела. — Положение Манфреда как наместника Конрада. — Конрад IV является в Италию и вступает во владение Сицилийским королевством. — Иннокентий IV предлагает инвеституру его сначала Карлу Анжуйскому, потом английскому принцу. — Сенатор Бранкалеоне принуждает его снова избрать Рим своим местопребыванием, 1253 г. — Принц Эдмунд получает от папы в ленное владение Сицилию. — Роковая смерть Конрада IV, 1254 г. 864

ГЛАВА VII

1. Бранкалеоне, римский сенатор, 1252 г. — Сведения относительно должности сенатора и устройства римской республики того времени. — Сопrotивление римских баронов и энергичное выступление нового сенатора. 868
2. Иннокентий IV пребывает в Ананьи. — Тиволи подчиняется Капитолию. — Папа готовится к тому, чтобы взять в свое владение королевство Сицилию. — Манфред становится его вассалом. — Въезд Иннокентия IV

- в Неаполь. — Бегство Манфреда. — Его победа при Фоджи. — Иннокентий умирает в 1254 г. — Александр IV возвращается в Рим. 873
3. Правление Бранкалеоне в Риме. — Стремление цехов к усилению. — Их положение в Риме. — Организация купеческого цеха. — Учреждение демократического союза цехов. — *Rorulus*. — Бранкалеоне — первый военачальник (капитан) римского народа. — Его падение и заточение в 1255 г., — Болонья подвергнута отлучению. — Эммануэль де Мадио, сенатор. — Освобождение Бранкалеоне и его возвращение в Болонью. 877
4. Падение Эммануэля де Мадио, 1257 г. — Демагог Матеус де Беальверре. — Второе сенаторство Бранкалеоне. — Наказание аристократов. — Разрушение их башен в Риме. — Смерть Бранкалеоне, 1258 г. — Почитание его памяти. — Его монеты. — Каstellано дельи Андало, сенатор. — Его падение и заточение. — Наполеон Орсини и Рихард Анибальди, сенаторы. — Падение дома Романо. — Флагелланты. 880

КНИГА ДЕСЯТАЯ

(История Рима с 1260 по 1305 год)

ГЛАВА I

1. Германская империя. — Манфред, король Сицилии. — Его отношение к папе и к Италии. — Великая победа гибеллинов при Монтаперто. — Флоренция и другие города присягают на верность Манфреду. — Гвельфы обращаются в Германию к Конрадину. — Смерть Александра IV, 1261 г. — Урбан IV избран папой. 885
2. Борьба в Риме из-за выбора сенатора. — Иоанн Савелли и Анибальдо Анибальди — сенаторы, 1261 г. — Гвельфы выставляют на должность сенатора Ричарда Корнваллийского, гибеллины — Манфреда. — Король Анжуйский — кандидат на должность сенатора. — Урбан IV предлагает ему Сицилию. — Переговоры относительно принятия им сенаторского звания. — Госселен и Кантельми — первые просенаторы, заместители Карла. — Война гвельфов и гибеллинов в римской Тусции. — Петр де Вико. — Умыслы Манфреда против Рима расстраиваются. — Нападение Петра де Вико на Рим отбито. — Смерть Урбана IV в 1264 г. 888
3. Климент IV делается папой в 1265 г. — Он заботится об ускорении похода Карла для завоевания Сицилии. — Противоположные приготовления Манфреда. — Трудное положение гвельфов в Риме. — Отплытие и благополучная высадка Карла. — Его вступление в Рим. — Он удален из Лате-

ранского дворца. — Карл принимает сенаторскую должность. — Папские легаты передают в его владение Сицилию. . 892

ГЛАВА II

1. Письмо Манфреда к римлянам. — Его походы в римскую область. — Первое враждебное столкновение. — Бедственное положение Карла в Риме. — Провансальская армия, пройдя через Италию, вступает в Рим. — Карл коронуется у Св. Петра королем Сицилии. 897
2. Выступление Карла из Рима. — Он победоносно переходит через защитную линию Лириса. — Битва при Беневенте. — Славная смерть Манфреда. — Причины его быстрого падения. — Судьба его жены Елены и его детей. — Карл Анжуйский вступает в Неаполь. 900
3. Карл слагает с себя сенаторскую власть. — Конрад Бертрами Мональдески и Лука Савелли, сенаторы 1266 г. — Демократическое правление в Риме при Анджело Капоччи. — Дон Арриго Кастильский, сенатор, 1267 г. — Гибеллины собираются в Тоскане. — Посланники отправляются в Германию звать Конрадина в Рим. — Он решается на это предприятие. 906

ГЛАВА III

1. Гибеллины подготавливают поход Конрадина. — Карл в качестве главы гвельфской лиги отправляется во Флоренцию. — Восстание в Сицилии и Апулии. — Дон Арриго становится на сторону гибеллинов. — Гвидо де Монтефельтре, просенатор. — Конрадин идет в Италию. — Гальван Ланчия в Риме. — Сенатор арестовывает вождей гвельфов. — Союз между Римом, Пизой, Сиеной и гибеллинами в Тусции. 909
2. Бедственное положение Конрадина в Северной Италии. — Он доходит до Павии. — Карл отправляется к папе в Витербо. — Булла об отлучении. — Прием Конрадина в Пизе. — Неудачная попытка Карла против Рима. — Первая победа Конрадина. — Его поход к Риму. — Великолепный прием его. — Вожди гибеллинов. — Выступление из Рима. — Битва при Тальякочцо. — Победа и поражение Конрадина. 913
3. Конрадин бежит с поля битвы в Рим. — Его пребывание там. — Его бегство, плен и выдача в Астуре. — Пленные заключены в Палестринском замке. — Казнь Гальвана Ланчия. — Карл вторично делается сенатором. — Судьба Конрада Антиохийского и дона Энрико. — Смерть Конрадина. — Смерть Климента IV, 1268 г. 918

ГЛАВА IV

1. Долгое и строгое правление Карла в Риме через своих просенаторов. — Его монеты. — В честь его воздвигается статуя. — Он снова возвращается в Рим, 1271 г. — Нерешительность кардиналов в Витербо относительно вы-

- бора папы. — Гвидо Монфор убивает английского принца Генриха. — Избрание Григория X. — Избрание Рудольфа Габсбургского. — Конец междоусобия. 921
2. Григорий X едет в Лион. — Гвельфы и гибеллины во Флоренции. — Собор в Лионе. — Григорий X издает закон о конклаве. — Жалованная грамота Рудольфа в пользу церкви. — Взгляд Григория X на отношения церкви к империи. — Грамота, данная Лозанне. — Григорий X во Флоренции. — Его смерть. — Иннокентий V. — Адриан V. — Иоанн XXI. . 925
3. Вакантность Святого престола. — Николай III, Орсини, папа. — Государственно-правовое признание империей церковного государства. — Романья передана папе. — Бертольд Орсини, первый папский граф Романьи. — Карл слагает с себя звание наместника в Тусции и сенаторскую власть. — Основной закон Николая III о замещении должности сенатора. — Матеус Рубеус Орсини делается сенатором. — Иоанн Колонна и Пандульф Савелли, сенаторы. — Непотизм. — Смерть Николая III в 1280 г. 929
4. Петр Конти и Джентилис Орсини, сенаторы. — Бурное избрание папы в Витербо. — Анибальди и Орсини. — Мартин IV — Он передает королю Карлу сенаторство. — Мартин находится под влиянием Карла. — Восстание в Сицилии. — Сицилийские вечерни. — Восстание в Риме. — Изгнание французского просенатора. — Джiovanni Цинтии Малабранка — народный военачальник. — Папа уступает. — Анибальдо Анибальди и Пандульф Савелли, сенаторы. — Смерть Карла I и Мартина IV. 934

ГЛАВА V

1. Гонорий IV. — Пандульф Савелли, сенатор. — Отношение к Сицилии и к империи. — Папский престол целый год остается вакантным. — Николай IV. — Карл II коронован в Риети. — Колонна. — Кардинал Иаков Колонна. — Иоанн Колонна и его сыновья. — Кардинал Петр и граф Стефан. — Возмущение Романьи. — Орсини против Колонна. — Бертольд Орсини, сенатор. — Иоанн Колонна, сенатор, 1289 г. — Витербо подчиняется Капитолию. — Пандульф Савелли, сенатор, 1291 г. — Стефан Колонна и Матеус Райнальди Орсини, сенаторы, 1292 г. — Смерть Николая IV в 1292 г. 937
2. Спор из-за выбора папы между партиями Орсини и Колонна. — Анархия в Риме. — Агапит Колонна и один из Орсини, сенаторы, 1293 г. — Петр Стефанески и Оттон де С.-Евстахио, сенаторы. — Петр из Мурроне избран папой. — Жизнь и личность этого отшельника. — Его необыкновенный въезд в Аквилу, где он в 1294 г. был посвящен под именем Целестина V. — Король Карл II овладевает им. — Целестин V в Неаполе. — Он отрекается от папского престола. 941

3. Бенедикт Гаэтани — папа. — Он едет в Рим. — Бегство бывшего папы. —
Пышное коронование Бонифация VIII. — Конец Целестина V. — Сици-
лия. — Иаков Арагонский подчиняется церкви. — Констанца в Риме. —
Свадебные торжества. — Сицилийцы под предводительством короля Фрид-
риха продолжают войну. — Бонифаций VIII отдает Сардинию и Корсику
Иакову. — Уголино де Рубеис, сенатор. — Пандульф Савелли, сенатор,
1297 г. — Дом Гаэтани. — Лоффред, граф Казертский. — Кардинал
Франческо. — Петр Гаэтани, латеранский пфальцграф. 944
4. Фамильный раздор в доме Колонна. — Кардиналы Иаков и Петр вражду-
ют с Бонифацием VIII. — Оппозиция против папы. — Оба кардинала ли-
шены их звания. — Фра Джакопоне из Тоди. — Манифест против
папы. — Колонна отлучены. — Пандульфо Савелли пытается быть по-
средником. — Крестовый поход против Колонна. — Осада Палестри-
ны. — Колонна покоряются в Риети. — Папа разрушает Палестрину. —
Бегство и изгнание Колонна. — Шиара и Стефан в изгнании. 948

ГЛАВА VI

1. Столетнее юбилейное торжество в Риме. — Рихард Анибальди из Колизея
и Джентилис Орсини, сенаторы, 1300 г. — Тосканелла подчиняется Капи-
толию. — Данте и Иоанн Виллани в качестве паломников в Риме. . 953
2. Победы Фридриха в Сицилии. — Бонифаций призывает Карла Валуа в
Италию. — Империя. — Адольф и Альбрехт. — Тоскана. — Белые и
черные. — Данте в Ватикане. — Неудача Карла Валуа. — Мир в Кальта-
беллоте. — Борьба Бонифация с Филиппом Красивым. — Булла Clericis
Laicos. — Сожжение буллы в Париже. — Франция против папы. — Но-
ябрьский собор в Риме. — Французский парламент апеллирует ко Вселен-
скому собору. — Папа признает Альбрехта Австрийского. — Унижение
империи. . 956
3. Французский план низвержения папы. — Шиарра и Ногаре являются в
Италию. — Заговор латинских баронов. — Сведения о том, как было осно-
вано в Лациуме могущество дома Гаэтани. — Катастрофа в Ананьи. —
Возвращение папы в Рим. — Его отчаянное положение в Ватикане. — Его
смерть, 1303 г. 961
4. Бенедикт XI, папа. — Его отчаянное положение. — Он отменяет распоря-
жения своего предшественника. — Джентилис Орсини и Лука Савелли, се-
наторы. — Колонна восстановлены в правах. — Бенедикт XI возбуждает
процесс против преступления в Ананьи и умирает в 1304 г. — Долгий вы-
борный спор. — Мстительная война Гаэтани в Кампаньи. — Климент V,
папа. — Папский престол надолго остается во Франции. 966

ГЛАВА VII

1. Ученые папы и кардиналы. — Некультурность Рима. — Отсутствие в Риме университета. — Папская дворцовая школа. — Иннокентий IV приказал учредить училище правоучения. — Собрание декреталий. — Господство изучения права в XIII веке. — Статуты общин. — Карл Анжуйский декретирует учреждение в Риме университета. — Урбан IV. — Фома Аквинский. — Бонавентура. — Римляне профессора в Париже. — Бонифаций VIII — настоящий основатель римского университета. . 969
2. Историография. — Рим без историографа и без городских летописей. — Капитолийский архив без документов, относящихся к Средним векам. — Папские и церковные историографы. — Саба Маласпина. — Иоанн Колонна. — Эгидий Колонна. — Его трактат «О правлении государей». — *Oculus pastoralis*. — Поэты. — Поэзия францисканцев. — Фра Джакопоне. — Римский простонародный язык. — Кардинал Иаков Стефанески, поэт и меценат. 974
3. Церковные постройки. — Храм Св. Петра и Ватикан. — Храм Св. Павла. — Латеран. — Капелла *Sancta Sanctorum*. — С.-Лоренцо. — С.-Сабина. — Госпитали. — С.-Спирито. — С.-Фома. — *In Formis*. — Госпиталь в Латеране. — Аббатство Св. Антония. — Принцип готического искусства. — С.-Мария sopra-Минерва. — Казамари, Фоссанова. — Готические дарохранилища. — Фамилия художников Козматов. — Вассалетус. — Надгробные памятники. — Характер шрифта надписей на римских памятниках. . 977
4. Изобразительные искусства. — Скульптура. — Статуя Карла Анжуйского в Капитолии. — Статуя в честь Бонифация VIII. — Живопись. — Стенная живопись. — Джотто работает в Риме. — Развитие мозаичной живописи. — Трибуны работы Иакова де Туррита. — Навичелла Джотто в Ватикане. . 982
5. Общая картина Рима в XIII века. — Римские башни и замки аристократов. — Башня графов и башня милиций. — Замок Капо ди Бове на виа Аппиа. — Городской дворец в Капитолии. — План города во времена Иннокентия III. . 985

ТОМ VI КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ

ГЛАВА I

1. XIV век. — Упадок папства. — Гвельфы и гибеллины. — Новоклассическая культура. — Флоренция и Рим. — Положение дел в Риме с

- 1305 г. — Народный совет Тринадцати. — Климент V получает городскую власть. — Авиньон. — Пожар латеранской базилики. — Анархия и изолированность Рима. — Папа предоставляет народу избрание его правителей. — Умерщвление Альбрехта. — Генрих Люксембургский, король римский. — Италия требует римской экспедиции. — Роберт Неаполитанский. — Данте и империя. — Трактат «De Monarchia». — Гибеллинский идеал императора.. 995
2. Генрих VII объявляет свой римский поход. — Собрание в Лозанне. — Климент V, Роберт и Генрих. — Папа объявляет о римском походе короля. — Выступление. — Первое появление Генриха в Ломбардии. — Посольство от римлян. — Людовик Савойский, сенатор. — Коронация в Милане. — Падение Торри. — Отпадение ломбардских городов. — Брешия. — Генрих в Генуе. — Положение дел в Риме. — Орсини и Колонна. — Иоанн Ахайский. — Лига гвельфов. — Плохое положение Людовика Савойского в Риме.. 1004
3. Генрих в Пизе. — Он шлет послов к принцу Иоанну и к королю Роберту. — Поход на Рим. — Гибеллинские его союзники. — Въезд в Рим. — Состояние города. — Шанцы гвельфов и гибеллинов. — Генрих захватывает много аристократов. — Сдача их замков. — Падение Капитолия. — Уличная война. — Желание Генриха короноваться в Латеране. — Народные постановления. — Кардиналы-легаты коронуют императора в Латеране. 1009

ГЛАВА II

1. Генрих и Фридрих Сицилийский. — Римляне задерживают своего императора в городе. — Взятие штурмом гробницы Цецилии Метеллы. — Иоанн Савиньи, капитан римского народа. — Император в Тиволи. — Поступление писем папы. — Требования его к императору. — Генрих соблюдает императорские права. — Перемирие в Риме. — Отъезд императора.. 1015
2. Колонна занимают гарнизоном Ватикан. — Отозвание императорского гарнизона. — Примирение Колонна и Орсини. — Бегство Иоанна Савиньи. — Народ низвергает правление аристократии и делает капитаном Иакова Арлотти. — Энергичное правление его. — Призыв народом Генриха VII резидировать в Риме. — Климент V признает демократию в Риме. — Веллетри изъявляет покорность Капитолию. — Гаэтани в Кампани. — Падение Арлотти. — Император в борьбе с Флоренцией. — Воо-

- ружения его в Пизе против Неаполя. — Угрожающая булла папы. — Выезд Генриха, смерть его и ее последствия. . 1018
3. Гибеллинский лагерь по смерти Генриха. — Могущество короля Роберта. — Климент V объявляет себя повелителем вакантной империи. — Кончина его. — Раболепность его перед Францией. — Принесение в жертву храмовых рыцарей. — Окончание процесса Бонифация VIII. — Кардиналы, национальные их контрасты, распавшийся их конклав в Карпентрасе. — Иоанн XXII, папа. — Людовик Баварский и Фридрих Красивый. — Король Роберт правит Римом. — Последствия для города отсутствия папы. 1025

ГЛАВА III

1. Германская тронная распря. — Папа объявляет себя регентом империи. — Политика гибеллинов в Италии. — Мюльдорфская битва и ее последствия. — Людовик освобождает Милан. — Папа вчиняет против него процесс. — Контробъяснения Людовика. — Подвержение его отлучению. — Союзники Людовика. — Схизма миноритов. — Доктрина о бедности и отношении ее к всемирно господствующей церкви. 1030
2. Зачатки Реформации. — Канонические доказательства универсальной папской власти. — Учение Фомы Аквинского об отношении государства к церкви. — Реакция против канонистов со времен Филиппа Красивого. — Книга Данте «De Monarchia». — Школа монархистов производит нападки на папство. — «Defensor Pacis» Марсилия Падуанского. — Восемь вопросов тезисов (questions) Вильгельма де Окама и подобные же трактаты первых реформаторов. 1034
3. Примирение Людовика с Фридрихом Австрийским. — Лига гвельфов. — Каструччио Кастракане. — Гибеллины призывают Людовика. — Триэнтский парламент. — Людовик принимает железную корону. — Он углубляется до Пизы. — переворот в Гиме. — Счиарра Колонна, капитан народа. — Неудачные попытки кардинала-легата, неаполитанцев и изгнанников проникнуть в Рим. — Победа Счиарры в Борго Ватикана. — Падение Пизы. — Людовик и Каструччио идут на Рим. — Въезд короля. 1037
4. Народ вручает Людовику синьорию и назначает императорское коронование. — Он принимает корону от народа у Св. Петра. — Коронационные эдикты. — Каструччио, сенатор. — Внезапный отъезд Каструччио в Лукку. — Недовольство в Риме. — Марсилиус и Иоанн Яндунский

воздействуют на народ. — Эдикты императора от 14 апреля. — Низложение папы. — Смелый протест Иакова Колонна. — Декрет о резиденции пап в Риме. — Монах Корбара выставляется под именем папы Николая V 1041

ГЛАВА IV

1. Война Роберта с императором. — Малый успех лжепапы. — Людовик в Кампаньи. — Возвращение его из Тиволи. — Недовольство в Риме. — Отъезд императора. — Реставрация папского правительства в Риме. — Дальнейшие предприятия Людовика. — Смерть Каструччио. — Император в Пизе, в Ломбардии. — Возврат его в Германию. — Победа папы и гвельфов. — Лжепапа изъявляет покорность.. 1047
2. Рим покоряется папе. — Торжественное отречение римлян. — Отречение от вождей римских гибеллинов. — Тщетная подача императором руки к примирению. — Загадочное появление короля Иоанна Богемского в Италии.. 1051
3. Упадок Рима. — Война Колонн и Орсини. — Бунт Романьи. — Освобождение Болоньи. — Бегство кардинала Бельтрама. — Флагелланты. — Фра Вентурино в Риме. — Кончина Иоанна XXII. — Характер этого папы. — Бенедикт XII. — Римляне зовут его в Рим. — Война дворянских партий. — Петрарка в Капранике и Риме. — Римляне дают синьорию папе. — Мир между Колоннами и Орсини. — Устройство римским народом республики по образцу Флоренции. — Папа восстанавливает свою власть. 1054

ГЛАВА V

1. Франческо Петрарка. — Связи его с домом Колонна. — Влечение его к Риму и первое прибытие в город. — Впечатление Рима на него. — Венчание его в поэты-лауреаты на Капитолии. — Диплом сената. 1060
2. Бенедикт XII отрывается от Рима и строит дворец в Авиньоне. — Злосчастное положение Италии. — Папа и империя. — Тщетные попытки примирения со стороны Людовика Баварского. — Провозглашение независимости империи постановлениями в Рензе и Франкфурте. — Кончина Бенедикта XII. — Климент VI, папа. — Римляне вручают ему синьорию и приглашают вернуться. — Смерть Роберта Неаполитанского. — Переворот в Риме. — Первое выступление Кола ди Ринэнци. 1064
3. Происхождение и жизненная карьера Кола. — Кола, нотариус городской камеры и глава заговора. — Он возбуждает аллегорическими картинами

народ. — Вдохновенное истолкование им *Lex Regia*. — Важные события в Неаполе и Флоренции воздействуют на Рим. — Повсеместный переход в городах власти к цехам, за исключением дворянства. — Положение народа в Риме. — Революция 20 мая 1347 г. — Кола ди Риэнци, диктатор и трибун.. 1068

ГЛАВА VI

1. Рим поклоняется трибуну. — Трибун созывает итальянцев на народный парламент. — Установления в Риме, строгая юстиция, финансовое управление и прочие отрасли общественного строя. — Ответы на его окружные послания. — Волшебная сила идеи Рима. — Петрарка и Кола ди Риэнци. 1074
2. Подчинение городского префекта. — Декрет о переходе всех прав величества к городу Риму. — Национальная программа Колы и несоответствие личности его столь высокой задаче. — Празднества 1 и 2 августа. — Возведение Колы в рыцари. — Эдикт от 1 августа. — Кола жалует права римского гражданства всем итальянцам. — Вызов имперских князей. — Теории о неприкосновенном величии Рима. — Празднование итальянского единения 2 августа. — Император Людовик и папа. — Избрание Карла IV. — Унижение его перед папой. 1078
3. Король Венгерский и Иоанна Неаполитанская апеллируют к суду Колы. — Коронавание трибуна 15 августа. — Коронационные эдикты. — Изъявление покорности Гаэтани. — Кола ввергает в темницу глав Колонн и Орсини, осуждает и милует их. — Папа принимает против него меры. — План Колы национально-итальянского цезаризма. — Папа начинает процесс. — Бертран де Дё, кардинал-легат. — Трибун шлет оправдание свое к папе. 1083
4. Аристократы начинают войну. — Кола осаждает Марино. — Свидание его с кардиналом-легатом в Риме. — Аристократия решает повести экспедицию на Рим из Палестины. — Кровавое поражение баронов 20 ноября. — Трагическая гибель дома Колонна. — Триумфы трибуна. — Изменение характера Колы. — Слабость и бесхарактерность его. — Он изъявляет покорность кардиналу. — Восстание в Риме и удаление Колы с Капитолия. . 1088

ГЛАВА VII

1. Реставрация папского правления и аристократии. — Кола объявлен в замке Ангела вне закона и обратился в бегство. — Кампания герцога Вернера. — Разрушение Ананьи. — Анархия в Риме. — Черная

- смерть. — Юбилейный 1350 год. — Кардинал Анибальдо. — Процессия пилигримов. — Дикое состояние города. — Людовик Венгерский. — Петрарка в Риме. 1093
2. Смуты в Риме. — Совещания в Авиньоне относительно наилучшего устройства города. — Взгляд Петрарки. — Восстание римлян. — Иоанн Черрони, диктатор. — Война против префекта. — Орвието подпадает под его власть. — Бегство Черрони из Рима. — Кончина Климента VI. — Приобретение Авиньона. — Церковная область в мятеже. — Иннокентий VI, папа. — Эгидий Альборноц, легат в Италии. 1097
3. Народное восстание в Риме. — Убиение Бертольда Орсини. — Франческо Баронелли, второй народный трибун. — Судьба Колы со времени его бегства. — Пребывание его в Абруццах. — Мистические мечты его и планы. — Кола в Праге. — Сообщения его Карлу IV — Петрарка и Карл IV. — Кола в Рауднице, в Авиньоне. — Процесс его. — Амнистия ему Иннокентия VI. — Кола сопровождает кардинала Альборноца в Италию. . 1100
4. Приезд в Италию Альборноца. — Поездка его в Монтефиасконе. — Падение Баронелли. — Гвидо Иордани, сенатор. — Изъявление покорности городским префектом. — Успехи и престиж Альборноца. — Кола в Перуджии. — Фра Монреале и его братья. — Кола, сенатор. — Въезд его в Рим. — Вторичное его правление. — Отношение его к знати. — Война с Палестриной. — Фра Монреале в Риме. — Казнь его. — Кола, тиран. — Джанин де Гуччио. — Гибель Колы ди Риэнци на Капитолии. 1106

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

(История города Рима с 1355 по 1420 год)

ГЛАВА I

1. Флоренция и Милан. — Возрастание могущества Иоанна Висконти. — Все партии призывают Карла Богемского в Италию. — Экспедиция его в Рим. — Императорская коронация в день Пасхи 1355 г. — Постыдный отъезд его из Рима и из Италии. — Глубочайшая униженность имперской власти. — Золотая булла 1356 г. 1114
2. Альборноц подчиняет церковную область. — Мудрая его политика по отношению тиранов и городов. — Ректоры церковных провинций и двор их. — Римские дела. — Отмена двойного дворянского сенаторства,

- 1358 г. — Иоанн Конти, последний сенатор из старой родовой знати. — Раймунд де Толомеис, первый чужеземный сенатор. — Исключение аристократии из управления республикой. — Демократическое правление Семи Реформаторов республики, 1358 г. — Возвращение кардинала Альборноца из Авиньона. — Изъявление покорности Ордилаффи. — Болонья достается церкви. — Варнава (Бернабо) Висконти изъявляет притязания на этот город. — Гуто Кипрский, сенатор, 1361 г. — Учреждение благополучного товарищества стрелков-самострелов и щитоносцев. — Бандерезии. — Война с Веллетри. — Плебейский переворот под предводительством Лелло Покадота. — Отвращение римлян к Альборноцу. — Кончина Иннокентия VI, 1362 г.. 1118
3. Урбан V, папа. — Война против Бернабо. — Рим чествует папу. — Россо де Риччи, сенатор, 1362 г. — Римляне приглашают папу вернуться. — Мир с Веллетри. — Мир с Бернабо. — Государственная деятельность Альборноца. — Ревизия римских статутов. — Продолжение демократического режима реформаторов и бандерезии. — Наемные банды. — Возникновение их, сущность и организация. — Граф фон Ландау. — Ганс фон Бонгард. — Альберт Стерц. — Иоанн фон Габсбург. — Иоанн Гоквуд. — Флоренция пытается устроить против этих банд лигу. — Договор с Белой компанией. — Старания императора и папы к искоренению банд. — Булла против них, 1366 г. — Флорентинская лига, сентябрь 1366 г.. 1123
4. Урбан V решает вернуться в Рим. — Оппозиция французов и кардиналов. — Сатиры Петрарки против Авиньона. — Увещательное письмо его к Урбану, 1366 г. — Патриотическая апология его Италии и Рима. — Основания, побудившие Урбана V покинуть Авиньон. — Римская его экспедиция, 1367 г. — Флот в Корнетской гавани. — Торжественная высадка и прием Урбана. — Кардинал Альборноц. — Поездка Урбана в Витербо. — Смерть кардинала Альборноца. — Смуты в Витербо. — Отъезд папы. — Торжественный въезд Урбана в Рим, 16 октября 1367 г.. 1127

ГЛАВА II

1. Петрарка приветствует Урбана V. — Франция и Италия. — Состояние Рима в эту эпоху. — Урбан упраздняет правление бандерезии и ставит консерваторов. — Приезд в Италию Карла IV. — Въезд его и папы в Рим. — Постыдный выезд императора из Италии. — Перуджия непокорна папе. — Император византийский в Риме. — Урбан возвещает свое решение возвратиться в Авиньон. — Пораженность римлян. — Святая Бригит-

- та в Риме. — Аттестация папы о добром поведении римлян. — Посадка на суда в Корнето. — Кончина Урбана в Авиньоне, 1370 г. . 1132
2. Григорий XI, папа, 1371 г. — Римляне с неохотой предлагают ему власть. — Правление городом снова получает энергию. — Французский памфлет против Италии и Рима. — Последняя апология Италии Петрарки. — Смерть святой Бригитты, 1373 г. — Святая Катарина Сиенская. — Национальное восстание Италии под предводительством Флоренции против папства и французских ректоров. — Всеобщий бунт церковной области. — Флоренция призывает римский народ стать во главе национальной борьбы за свободу и независимость Италии. — Поведение римлян. 1137
3. Бунт Болоньи. — Неслыханная отлучительная булла против республики Флоренции. — Гоквуд грабит Фаэнцу. — Флорентинская лига против папы. — Григорий XI решает возвращение в Италию, куда кардинал Женевский ведет бретонские банды. — Святая Катарина — посланница флорентинцев в Авиньоне. — Отъезд Григория XI из Авиньона, 1376 г. — Флорентинцы взывают к Риму не принимать папу. — Высадка Григория XI в Корнето. — Он заключает договор с Римом. — Он садится на суда и высаживается в Остии. — Въезд Григория XI в Рим, 17 января 1377 г. 1143

ГЛАВА III

1. Цезенская кровавая баня. — Рим противится папскому владычеству. — Заговор аристократии. — Гомец Альборноц, сенатор. — Григорий XI в Ананьи. — Возвращение Болоньи к церкви. — Переговоры с Флоренцией. — Мир между Римом и префектом. — Конгресс в Сарцане. — Безвыходное положение Григория XI. — Он ложится на смертный одр. — Предварительные совещания насчет конклава. — Французские и итальянские кардиналы. — Понятия римлян. — Кончина Григория XI, 1378 г.. 1147
2. Возбужденность римлян. — Приготовления к конклаву. — Энергичное требование римлян, чтобы новый папа обязательно был римлянином или итальянцем. — Конклав. — Поведение римского народа во время оно-го. — Избрание архиепископа Бари. — Мнимый папа. — Смятение и бегство кардиналов. — Рим успокаивается. — Провозглашение Урбана VI папой, признание его и хиротония. — Неуместная провокация кардиналов Урбаном VI. — Начало раздвоения. — Иоанна Неаполитанская и Оттон Брауншвейгский. — Ультрамонтаны идут на Ананьи. — Гонорат

граф Фунди. — Урбан VI в Тиволи. — Бретонская банда и схватка у Ponte Salago. — Прокламация французских кардиналов против Урбана. — Посредничество трех итальянских кардиналов. — Энциклика ультрамонтанов. — Они избирают Климента VII в Фунди. — Урбан VI покинут в Риме. — Св. Катарина. — Избрание новых кардиналов в Риме. — Булла отлучения. 1150

3. Церковный раскол. — Два папы. — Приверженные к ним страны. — Смерть Карла IV, 1378 г. — Венцеслав, римский король. — Империя признает Урбана VI. — Замок Ангела держит сторону Климента VII. — Победа Альбериго де Барбиано над бретонцами при Марино. — Падение и разрушение замка Ангела римлянами. — Урбан VI в Ватикане. — Бегство Климента VII в Авиньон. — Процесс Урбана против Иоанны. — Он представляет Карла Дураццо претендентом Неаполя. — Людовик Анжуйский — контрпретендент. — Урбан VI — владыка в Риме. — Кончина святой Катарины, 1380 г. — Характер чудной этой девы. — Почитание ее в Риме. — Объявление ее Прием IX в 1866 г. патронессой — покровительницей города. 1156

4. Энергичное правление Урбана VI в Риме. — Карл Дураццо, сенатор и король Неаполя. — Победоносный въезд его в королевство. — Людовик Анжуйский выступает контркоролем. — Трагический конец Иоанны I. — Урбан VI отправляется в Неаполь. — Недружелюбность его к Карлу. — Урбан в Ноцере. — Заговор, заключение и жестокое обращение с некоторыми кардиналами. — Урбан осажден в Ноцере. — Бегство его к Адриатическому морю. — Урбан VI в Генуе. — Он приказывает умертвить кардиналов. — Он едет в Лукку. — Конец Карла Дураццо в Венгрии. — Урбан едет неохотно в Рим. — Городские дела. — Падение Франциска де Вико. — Восстание бандерезиев. — Кончина Урбана VI, владыки Рима, 1389 г. . 1160

ГЛАВА IV

1. Бонифаций IX, папа, 1389 г. — Владислав, король неаполитанский. — Юбилей 1390 г. — Злоупотребления индульгенциями. — Корыстность Бонифация IX. — Церковная область распадается на викариатства. — Договор папы с Римом. — Смуты. — Поездка Бонифация в Перуджию и Ассизи. — Он заключает договора с Римом, куда и возвращается, 1393 г. — Оппозиция бандерези папскому правительству. — Кончина Климента VII. — Бенедикт XIII, папа в Авиньоне, 1394 г. — Заговоры в Риме. —

- Низвержение бандерези и вольностей Рима Бонифацием IX, 1398 г. — Он укрепляет замок Ангела и Капитолий. 1165
2. Юбилей города, 1400 г. — Компании бичующихся. — Война с префектом города. — Непоты. — Завоевание Неаполя Владиславом. — Конец Гонората Фунди. — Бонифаций IX, господин церковной области. — Неудавшиеся попытки Колонн против Рима и покорность их. — Витербо изъявляет покорность. — Бесплодные попытки уладить схизму. — Бездеятельность короля Венцеслава. — Джан Галеаццо, первый герцог Миланский. — Низложение Венцеслава. — Рупрехт, король римский, 1401 г. — Бесславное появление Рупрехта в Италии. — Смерть Джана Галеаццо. — Болонья и Перуджия переходят снова под власть церкви. — Кончина Бонифация IX, 1404 г.. 1169
3. Смуты в Риме. — Борьба Колонн с Орсини. — Иннокентий VII, папа, 1404 г. — Римляне требуют от него отречения от светской власти. — Приезд Владислава в Рим. — Октябрьский статут Рима, 1404 г. — Владислав и обхождение его в Риме. — Возвращение его в Неаполь. — Римляне теснят папу. — Он назначает пятерых римлян кардиналами. — Умерщвление народных делегатов Людовиком Милиорати. — Восстание народа. — Прогнание и бегство папской курии в Витербо. — Анархия в Риме. — Вторжение неаполитанцев в Ватикан. — Борьба народа с ними. — Павел Орсини изгоняет их. — Переговоры с папой. — Иннокентий VII возвращается светским повелителем в Рим, 1406 г. — Он заключает мир с Владиславом. — Кончина его, 1406 г. 1173

ГЛАВА V

1. Григорий XII, папа, 1406 г. — Переговоры об унии. — Испорченность церкви. — Решение о конгрессе в Савоне. — Николай де Клеманж. — Препятствия к унии. — Колонны вторгаются в Рим. — Павел Орсини выгоняет их. — Он становится могуществен в городе. — Отъезд Григория XII в Сиену. — Владислав идет на Рим. — Тамошнее состояние дел. — Вступление Владислава в Рим, 1408 г. — Он покоряет провинции церкви и правит как государь в Риме. 1178
2. Бенедикт XIII и неудавшийся его план завладения Римом. — Григорий XII и отношение его к Владиславу. — Интриги обоих пап в видах подорвать унию. — Бенедикт XIII покинут Францией. — Григорий XII покинут своими кардиналами. — Кардиналы обеих обиденций в Пизе. — Они созывают собор. — Бальтазар Косса в Болоньи. — Григорий XII едет в Риме.

ни. — Владислав идет через Рим на Тоскану, чтобы помешать собору. — Сопrotивление ему флорентинцев. — Пизанский собор, 1409 г. — Низложение пап. — Избрание в папы Александра V. — Трое пап. — Война и экспедиция Людовика Анжуйского и Коссы против Владислава. — Неаполитанцы обороняют Рим. — Революция в Риме. — Город сдается и чувствует Александра V. 1182

3. Александр V в Болоньи. — Римляне подносят ему власть. — Он утверждает их автономию. — Кончина его, 1410 г. — Иоанн XXIII, папа. — Его прошлое. — Смерть короля Рупрехта. — Сигизмунд, король римский, 1411 г. — Въезд в Рим Иоанна XXIII и Людовика Анжуйского. — Экспедиция против Владислава Неаполитанского. — Первые ее успехи, плачевный исход. — Бунт Болоньи. — Сфорца д'Аттендоло. — Папа заключает мир с Владиславом. — Бегство Григория XII в Римини. . 1187

ГЛАВА VI

1. Иоанн XXIII и собор в Риме. — Сигизмунд в Италии. — Иоанн XXIII объявляет собор. — Появление Владислава перед Римом. — Оборонительные устройства Иоанна и римлян. — Неаполитанцы проникают в город. — Бегство и преследование Иоанна. — Владислав, властитель Рима, 1413 г. — Разграбление Рима. — Владислав занимает Церковную область. — Иоанн XXIII во Флоренции. — Избрание Констанца местом собора. — Свидание папы и короля римского в Лоди. — Созыв собора в Констанце. — Возвращение Иоанна XXIII в Болонью. 1191
2. Владислав наступает через Рим на Тусцию. — Флорентинцы оказывают отпор его продвижению. — Он поворачивает назад. — Умиравшего, его приносят к Св. Павлу. — Смерть Владислава в Неаполе. — Иоанна II, королева. — Рим изгоняет неаполитанцев. — Сфорца вторгается в Рим и снова отступает. — Пиетро ди Матуццо, глава римского народа. — Рим покоряется кардиналу Изолани. — Поездка Иоанна XXIII в Констанц. — Констанцский собор и его деятельность. — Низложение и судьбы трех пап. — Избрание Мартина V. — Фамилия Колонна. — Коронация Мартина V, 1417 г. 1195
3. Состояние дел в Риме. — Изолани и неаполитанцы. — Браччио де Монто-не. — Он становится синьором Перуджии и других городов церковной области. — Падение Павла Орсини. — Браччио идет на Рим. — Римляне принимают его и дают ему синьорию. — Браччио, 70-дневный властитель Рима, 1417 г. — Сфорца прогоняет его и вступает в Рим. — Мартин и

Иоанна II. — Финал Констанцского собора. — Иоанн Гус. — Поездка Мартина V в Италию. — Въезд его в Милан и Флоренцию. — Конец Бальтазара Коссы. — Договор Мартина с Иоанной II. — Договор с Браччио. — Болонья изъясняет покорность церкви. — Мартин V вступает 29 сентября 1420 г. в Рим. 1200

ГЛАВА VII

1. Цивилизация в XIV веке. — Классическое язычество включается в процесс образования. — Данте и Вергилий. — Петрарка и Цицерон. — Флоренция и Рим.. 1206
2. Невежественность Рима в XIV веке. — Состояние Римского университета. — Восстановление его Иннокентием VII. — Хризолорас. — Поджио. — Леонардо Аретино. — Колонны. — Кола ди Риэнци. — Зачатки римской археологии. — Никола Синьорили. — Кириак. — Поджио. — Римская историография. — Зачатки городских анналов. — История пап. — Теодорих фон Ним. 1209
3. Упадок искусства в Риме. — Лестница Арачели. — Госпиталь в Латеране. — Реставрация базилик. — Запущенность латеранского дворца. — Урбан V начинает перестройку Латеранской базилики. — Ее готическая дарохранильница. — Честные главы Св. Апостолов. — Перестройка замка Ангела Бонифацием IX. — Крытый ход. — Укрепление тем же папой сенатского дворца. — Гербовые щиты на оном. — Упадок живописи. — Пиетро Каваллини. — Скульптура монументов. — Надгробные плиты. — Павел Романус. — Монументы кардиналов: Филиппа д'Алансона, Петра Стефанески Анибальди, Марино Вулькани.. 1212
4. Нравы и обычаи в XIV веке. — Прихождение их от простоты к роскоши. — Флоренция и Рим. — Фасон одежды. — Женские моды. — Запрещение роскоши. — Празднества и публичные процессии. — Бой быков в Колоссеуме, 1332 г. — Игры на Тестаччио и на площади Навона. — Командировки от вассальных городов на общественные игры Рима. — Драматические представления. — Ludi Paschales в Колоссеуме. 1215
5. Петрарка и монументы древности. — Уничтожение их выжиганием извести. — Сегования Хризолораса об участии статуй в Риме. — Вкус к пластике водворяется лишь после возрождения античной науки. — Публичные бюсты в Риме. — Отыскание группы Нила. — Архитектура. — Перечисление античных сооружений Петраркой. — Фацио дельи Уберти. —

Взгляд и отчет о Риме Поджио. — Храмы. — Портики. — Театры. — Цирки. — Форумы. — Термы. — Водопроводы. — Триумфальные арки. — Колонны. — Мавзолеи. — Мосты. — Стены. — Ворота. — Холмы. — Общая картина Рима. — 13 кварталов, их имена и гербы. — Новые и старые улицы. — Постройка домов. — Римский колоннадный дом в Средние века. — Готика в XIV веке. — Число населения Рима. — Запустение Кампаний.	1219
<i>Об авторе</i>	1225
<i>От переводчика</i>	1227

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!
*Издательство просит отзывы об этой книге
и Ваши предложения по серии
«Полное издание в одном томе»
присылать по адресу:
125565, Москва, а/я 4,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»
или по e-mail: mvn@armada.ru
Информацию об издательстве и книгах
можно получить на нашем сайте в Интернете:
<http://www.armada.ru>*

Литературно-художественное издание

Полное издание в одном томе

Фердинанд Грегоровиус
«ИСТОРИЯ ГОРОДА РИМА В СРЕДНИЕ ВЕКА
(ОТ V ДО XVI СТОЛЕТИЯ)».
ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Заведующий редакцией
В.Н. Маршавин

Ответственный редактор
Е.Г. Басова

Художественный редактор
Н.Г. Безбородов

Технический редактор
А.А. Ершова

Корректор
Н.А. Карелина

Компьютерная верстка
П.Э. Кутенева

Подписано в печать 25.06.08. Формат 60×90/16.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 80,0. Тираж 6000 экз.
Изд. № 4832. Заказ № 0813240.

ООО «Издательство АЛЬФА-КНИГА»
125565, Москва, а/я 4; ул. Расковой, д. 20
Изд. лицензия ЛР № 066460 от 30.03.99
СЭЗ № 77.99.02.953.П.001254.08.03

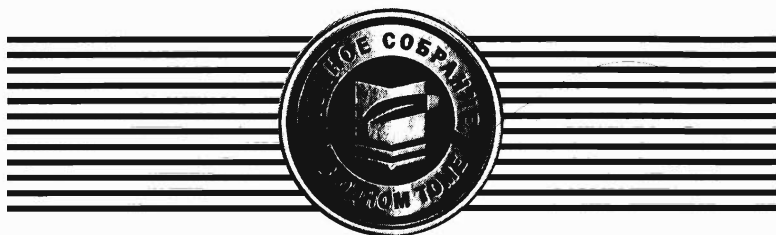
Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

Своей новой серией

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ»

«Издательство АЛЬФА-КНИГА» предоставляет читателям уникальную возможность — в буквальном смысле — собрать на одной книжной полке все жемчужины отечественной и зарубежной литературы: прозу, поэзию, сказки, исторические труды.

Вы не только возобновите славные традиции «библиотеки для семейного чтения», но и сэкономите место в книжном шкафу и время при поиске произведений любимого писателя...

Вышли из печати:

А. Конан Дойл

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ШЕРЛОКЕ ХОЛМСЕ
В ОДНОМ ТОМЕ»

Г. Х. Андерсен

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СКАЗОК И ИСТОРИЙ В ОДНОМ ТОМЕ»

Г. К. Честертон

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ОБ ОТЦЕ БРАУНЕ
В ОДНОМ ТОМЕ»

М. Цветаева

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ ПОЭЗИИ, ПРОЗЫ, ДРАМАТУРГИИ
В ОДНОМ ТОМЕ»

У. Шекспир

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ»

А. Пушкин

«ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ОДНОМ ТОМЕ»

**Фердинанд
ГРЕГОРОВИУС**

**ИСТОРИЯ ГОРОДА РИМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА
(от V до XVI столетия)**

**ПОЛНОЕ
ИЗДАНИЕ
В ОДНОМ
ТОМЕ**

Издательство
АЛЬФА-КНИГА